

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМІРОВИЧА
КРЕСТОВСКАГО

ТОМЪ V

СОДЕРЖАНІЕ:

- 1) Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи.—2) Разсказъ о томъ какъ мы съ Соломономъ Соломоновичемъ ѣхали изъ Чаушки—Махалы въ Горный Студень.—3) Бакшишъ. — 4) Средній солдатъ. (Разсказъ).—5) Наша будущая война. (Военно-политическія письма).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Ю. Л. ЕЛЬЦА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Оглавление пятого тома.

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи въ 1877—78 годахъ.

	стр.		стр.
1. Санитарное состояніе арміи.....	1	42. Взятіе Никополя.....	193
2. Нравственное состояніе арміи.....	4	43. Первое сраженіе подъ Плевной 7 и 8 іюля.....	205
3. Полевая проѣзда.....	6	44. Второе сраженіе подъ Плевной 18-го іюля.....	218
4. Санитарная и хирургическая части въ арміи.....	8	45. Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова.....	242
5. Гуленые полки.....	11	46. Систово-зимницкая паника.....	244
6. Военная жизнь въ Кишиневѣ.....	16	47. Дѣйствія забалканскаго отряда генерала Гурко.....	246
7. Наканунѣ войны.....	18	48. Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ.....	260
8. Телеграммы въ газету „Правительственный Вѣстникъ“.....	22	49. Приѣздъ государя императора въ Горный Студень.....	261
9. Объявленіе войны.....	24	50. Битвы на Шинкѣ.....	264
10. Пребываніе государя императора въ Кишиневѣ.....	29	51. Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шинкѣ.....	269
11. Красный Крестъ.....	30	52. Третья Плевна.....	278
12. Телеграммы.....	31	53. Третья Плевна.....	283
13. Послѣднія распоряженія предъ войной.....	32	54. Третья Плевна.....	287
14. Болгарское ополченіе.....	33	55. Третья Плевна.....	289
15. Занятіе Барбошскаго моста.....	41	56. Третья Плевна.....	293
16. Дѣйствія въ Браиловѣ съ 14-го по 30-е апрѣля.....	45	57. Третья Плевна.....	300
17. Первый отъѣздъ главнокомандующаго за границу.....	52	58. Третья Плевна.....	304
18. Первые дни за границей.....	54	59. Подъ Плевной до приѣзда генерала Тотлебена.....	311
19. Отъ Унгеней до Плоештовъ.....	59	60. Дѣйствія кавалеріи за Видомъ.....	313
20. О корреспондентахъ и художникахъ.....	71	61. Дѣйствія сельви-ловчинскихъ партизановъ.....	328
21. Болгарское знамя.....	73	62. Высылка англійскаго корреспондента.....	331
22. Болгарскій обѣдъ.....	75	63. Преступленія въ арміи.....	334
23. Минныя загражденія.....	76	64. День на „Великокопняжеской батарее“.....	338
24. Кавалерія на Дунайскомъ побережьи.....	79	65. Бой подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ.....	341
25. Ярмарка въ Бухарестѣ.....	82	66. Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ.....	352
26. Взрывъ второго турецкаго броненосца.....	86	67. Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа.....	363
27. Военная жизнь въ Плоештахъ.....	90	68. Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизнь въ траншеяхъ.....	368
28. Приѣздъ государя императора въ армію.....	99	69. Взятіе Врацы.....	373
29. Посѣщеніе государемъ императоромъ Бухареста.....	102	70. Нижне-дунайскій, Рущукскій, Елененскій и Шипкинскій отряды.....	374
30. Пребываніе государя императора въ Плоештахъ.....	103	71. Подъ Плевной.....	380
31. Продолженіе дѣйствій на Дунаѣ до переправы у Галаца.....	105	72. Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда.....	386
32. Переправа у Галаца и занятіе Мачина.....	114	73. Паденіе Плевны.....	397
33. Окончательныя загражденія Дуная.....	125	74. Паденіе Плевны.....	402
34. Приготовленія къ главной переправѣ.....	130	75. Паденіе Плевны.....	406
35. Переправа у Зимницы.....	135	76. Государь императоръ въ Плевнѣ.....	412
36. Дѣятельность врачей на переправѣ.....	149	77. Османъ и плѣнные паша въ Боготѣ.....	415
37. Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.....	152	78. Отъѣздъ государя императора изъ арміи.....	419
38. Зимница и Систово.....	157	79. Жизнь въ Боготѣ.....	422
39. Занятіе Тырнова.....	170	80. Переходъ черезъ Траяну.....	427
40. Занятіе Сельвы, Ловчи и Плевны.....	178	81. Переходъ черезъ Траяну.....	437
41. Занятіе Шипкинскаго перевала.....	183		

	СТР.		СТР.
82. Переходъ черезъ Трапизъ.....	440	88. Адрианополь.....	478
83. Переходъ черезъ Трапизъ.....	444	89. Отъ Адрианополя до моря Эгейскаго.....	492
84. Въ "Долинѣ Розъ".....	450	90. Набѣгъ генерала Струкова.....	502
85. Отъ Карлова до Чирвана.....	458	91. Набѣгъ на Гюмюрджину.....	521
86. Переправа черезъ Марицу у Иени-Ма- гале.....	465	92. Миръ.....	530
87. Отъ Иени-Магале до Адрианополя.....	469	93. Свиданіе великаго князя съ султаномъ..	533
		94. Прощальный смотръ великаго князя.....	539

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ КАКЪ МЫ СЪ СОЛОМОНОМЪ СОЛОМОНОВИЧЕМЪ БѢЖАЛИ ИЗЪ ЧАУШКИ-МАХАЛЫ ВЪ ГОРНЫЙ СТУДЕНЬ	542
--	------------

СРЕДНІЙ СОЛДАТЪ. Разсказъ.	556
---	------------

БАКШИШЪ. Разсказъ	563
------------------------------------	------------

НАША БУДУЩАЯ ВОЙНА. (Военно-политическія письма).	574
--	------------

Всеволодъ Владиміровичъ КРЕСТОВСКІЙ

изъ рабочихъ публнста въ О.-Петербургѣ въ 1880 г.

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи.

(1877 — 1878).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ АВТОРА.

Его императорское величество по всеподданнѣйшему докладу г. военного министра, состоявшемуся въ ноябрѣ 1876 года, согласно ходатайства Г. бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева, высочайше соизволило на командированіе меня въ штабъ дѣйствующей арміи, въ качествѣ официального корреспондента газеты «Правительственный Вѣстникъ». Результатомъ моего двадцатимѣсячнаго пребыванія въ дѣйствующей арміи является настоящій сборникъ писемъ, исправленныхъ и весьма значительно дополненныхъ такими подробностями, печатать которыхъ во время самыхъ военныхъ дѣйствій было не всегда возможно, но которыхъ, сами по себѣ, могутъ отчасти дорисовать или уяснить нѣкоторые событія и обстоятельства минувшей войны.

При составленіи моихъ писемъ я пользовался:

1) официальными свѣдѣніями, донесеніями, реляціями, приказаніями и т. п.,

2) разсказами прямыхъ участниковъ и ближайшихъ свидѣтелей того или другого дѣла,

3) письменными источниками и документами, сообщенными мнѣ отъ разныхъ свѣдущихъ лицъ и подлежащихъ учрежденій, которымъ и приношу за это мою глубокую благодарность, и наконецъ—

4) личными моими наблюденіями и замѣтками.

Къ числу писемъ, написанныхъ исключительно по моимъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, относятся нѣсколько очерковъ, какъ напримѣръ: «Отъ Унгеней до Плоештовъ», «Ярмарка въ Букарестѣ», «Военная жизнь въ Плоештахъ» (отчасти), «Зимница и Систовъ» и нѣкоторые другіе, которые хотя и не имѣютъ специально военного интереса, но обрисовываютъ нѣкоторые этнографическія и бытовые стороны Румыніи, Болгаріи и Турціи, а также и отношенія къ намъ мѣстныхъ жителей. Я включилъ въ сборникъ и эти очерки, считая ихъ, такъ сказать, иллюстраціей той обстановки, среди которой приходилось жить и дѣйствовать нашей арміи.

Всеволодъ Крестовскій.

I.

Санитарное состояніе арміи.

Тревожныя вѣсти и слухи.—Количество военныхъ госпиталей въ дѣйствующей арміи.—Сколько изъ нихъ открыто и на какое число кроватей.—Количество больныхъ.—Цифры по категоріямъ болѣзней.—Общій процентъ заболѣваемости.—Причины, вліяющія на нынѣшнее санитарное состояніе арміи.—Администрація и снабженіе военныхъ госпиталей.—Состояніе медицинскаго и служебно-госпитальнаго персонала.—Распоряженія полевого инспектора госпиталей.—Кишиневскіе госпитали.

Кишиневъ, 12-го января 1877 г.

Съ нѣкотораго времени въ заграничной печати съ замѣтнымъ упорствомъ появляются

свѣдѣнія о будто бы ужасномъ санитарномъ состояніи нашей дѣйствующей арміи. Въ этихъ свѣдѣніяхъ нерѣдко сквозитъ нѣкоторая тенденціозность, разсчитанная на извѣстнаго рода сенсацию, какъ въ европейскомъ, такъ и въ русскомъ обществахъ. И дѣйствительно, общество наше слишкомъ близко заинтересовано состояніемъ русской арміи, чтобы не тревожиться и не смущаться при полученіи изъ заграничныхъ газетъ извѣстій о томъ, что въ Кишиневѣ свирѣпствуетъ тифозная эпидемія, что вся армія страдаетъ отъ скорбута и диссентеріи, что ляхорадки бессарабскія вырываютъ изъ строя чуть не двѣ трети наличнаго состава людей, что наконецъ даже самъ

великій князь главнокомандующій, при всѣхъ относительныхъ удобствахъ его обстановки, не избѣжалъ дѣйствія вредныхъ вліяній мѣстнаго климата. Все это естественно волнуетъ и смущаетъ наше общество, которое, получая съ разныхъ сторонъ изъ-за границы глухія и отрывочныя вѣсти мрачнаго характера и не встрѣчая съ русской стороны отпора и разоблаченія настоящей сути дѣла, волей-неволей приходитъ къ убѣжденію, что санитарное состояніе нашей арміи крайне печально. Многие уже получаютъ здѣсь, въ Кишиневѣ, изъ разныхъ концовъ Россіи, а въ особенности изъ Петербурга, письма съ тревожными вопросами: что и какъ, и правда ли? и т. п. Очевидно, что подъ вліяніемъ заграничныхъ сенсационныхъ извѣстій, на которыя сначала здѣсь не обращали ни малѣйшаго вниманія, дѣло приняло именно тотъ оборотъ, достичь котораго, какъ можно предполагать, вѣроятно и желалось извѣстнымъ органамъ заграничной печати, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ арміи доселѣ не было на этотъ счетъ подробныхъ извѣстій.

Въ настоящемъ сообщеніи излагаются самыя точныя свѣдѣнія и цифры о санитарномъ состояніи дѣйствующей арміи.

Въ распоряженіи главнокомандующаго дѣйствующей арміей имѣется пока слѣдующее количество госпиталей:

Постоянныхъ два:

1. Тираспольскій на 415 мѣстъ.
2. Бендерскій на 207 мѣстъ.

Военно-временныхъ тридцать, каждый на 630 мѣстъ.

Сверхъ того:

Кишиневскій мѣстный лазаретъ на 200 и глазная санитарная станція тоже на 200 мѣстъ.

Итого стало быть, имѣется 34 госпиталя на 19,922 мѣста.

Изъ нихъ открыто въ настоящее время:

а) Два постоянныхъ госпиталя на 630 мѣстъ.

б) Кишиневскій мѣстный лазаретъ.—и

с) Санитарная глазная станція — на 400 мѣстъ.

Изъ военно-временныхъ госпиталей открыты:

№ 43-й въ городѣ Винницѣ и сел. Стрижевкѣ на 370 мѣстъ.

№ 44-й въ городѣ Балтѣ—еще не устроенъ окончательно, но на-дняхъ будетъ уже совершенно готовъ—на 200 мѣстъ.

№ 48-й въ городѣ Бѣльцахъ и въ Гербовицкомъ монастырѣ на 420 мѣстъ.

№ 49-й въ сел. Клястицахъ на 100 м.

№ 50-й въ городѣ Оргѣвѣ на 170 м.

№ 58-й въ городѣ Кременчугѣ на 630 м.

№ 59-й въ городѣ Тирасполѣ на 350 м.

№ 60-й въ городѣ Кишиневѣ на 420 м.

№ 61-й въ городѣ Елизаветградѣ на 420 м.

А всего открыто 13 госпиталей на 3,900 мѣстъ.

Въ нихъ къ 7-му января текущаго года состояло больныхъ 1,889 чел., а именно:

Изъ постоянныхъ госпиталей:

1. Въ тираспольскомъ . . . 297 чел.
2. Въ бендерскомъ . . . 189 »
3. Въ кишиневскомъ лазаретѣ. 166 »
4. Въ санит. глазной станціи. 163 »

Изъ военно-временныхъ госпиталей:

въ № 43.	42 »
» № 48.	29 »
» № 50.	12 »
» № 58.	409 »
» № 59.	207 »
» № 60.	318 »
» № 61.	57 »

Итого 1,889 человекъ, что составляетъ на слишкомъ 180,000 армію только 1% заболѣваемости.

Эпидемическихъ болѣзней во всемъ районѣ расположенія дѣйствующей арміи никакихъ пока еще нѣтъ и не было; тифозныхъ случаевъ приходится не болѣе пяти-шести на госпиталь; преобладающія формы заболѣванія — сифилисъ и мѣстная глазная болѣзнь. Смертныхъ же случаевъ во всѣхъ госпиталяхъ со времени ихъ открытія было только семь, и изъ нихъ три скорострѣжныхъ, отъ апоплексіи.

Вообще же, по категоріямъ болѣзней, цифры распределяются слѣдующимъ образомъ:

На тысячу человекъ больныхъ приходится:

Лихорадочныхъ . . . 90 чел. или 9%	
Тифозныхъ . . . 49 » » 4,9%	
Поносомъ . . . 6 » » $\frac{3}{100}$	
Глазныхъ . . . 165 » » $16\frac{1}{2}\%$	
Сифилитическихъ . 235 » » $23\frac{1}{2}\%$	
Съ воспаленіями . 172 » » $17\frac{1}{4}\%$	
Съ катаррами . . 142 » » $14\frac{1}{4}\%$	

На основаніи этихъ цифръ, можно наглядно видѣть, что люди главнѣйшимъ образомъ страдаютъ отъ сифилиса. Это зло болѣе или менѣе неизбежное при скопленіи значительныхъ массъ войска, въ настоящее время по возможности парализуется при помощи соответственныхъ мѣръ, принятыхъ совместно военно-медицинскою и военно-полицейскою частями.

Къ 1-му января сего года во всѣхъ открытыхъ донынѣ госпиталяхъ было только 1,624 человекъ больныхъ. Къ 7-му числу цифра увеличилась, но на это увеличеніе повліяло никакъ не измѣненіе санитарныхъ условій, а два чисто случайныхъ обстоятельства, именно: поступленіе въ госпитали новобранцевъ, отданныхъ туда на испытаніе, вслѣдствіе сдѣланныхъ ими заявленій, что они страдаютъ тою или другою внутреннею болѣзью, и во-вто-

рыхъ, прибытіе людей изъ одесскаго корпуса, которые поступаютъ на излеченіе въ госпитали Кременчугскій и Елизаветградскій, гдѣ, какъ можно видѣть выше, и находится ихъ въ совокупности съ прежними больными всего 466 человекъ на 1,050 мѣсть.

Кромѣ всѣхъ этихъ госпиталей, при каждомъ полку и вообще при каждой отдѣльной воинской части находятся еще такъ называемые «околотки», куда поступаютъ на короткое время люди съ самыми легкими видами заболѣваній внутреннихъ и внешнихъ, и откуда, въ случаѣ надобности, они препровождаются уже въ госпитали. И такъ, со всѣми госпитальными и околоточными случаями, число заболѣваній въ 180-ти тысячной дѣйствующей арміи менѣе *полтора процента*. При этомъ слѣдуетъ напомнить, что и въ мирное время, при соединеніи всѣхъ наилучшихъ гигиеническихъ условій, если число заболѣваемости не превышаетъ *двухъ процентовъ*, то таковой результатъ почитается уже блестятельнымъ. Стало быть, жаловаться на нынѣшние полтора процента больныхъ—нельзя, и только остается желать, чтобы и на будущее время процентъ этотъ не слишкомъ возвышался.

Какія же причины вліяютъ на столь счастливое состояніе здоровья арміи?

Это, во-первыхъ, образцово-устроенное продовольствіе: люди, кромѣ обыкновенной казенной дачи, получаютъ каждый до семи копеекъ въ сутки на приварокъ, винныя и чайныя порціи, смотря по надобности.

Во-вторыхъ, нынѣшнее санитарное состояніе арміи находится въ прямой зависимости отъ способа размѣщенія людей въ казармахъ и по квартирамъ, при чемъ всегда принимается въ расчетъ количество кубическихъ футовъ чистаго воздуха, потребное для человека. Кромѣ того, во всѣхъ частяхъ ближайшее начальство наблюдаетъ за поддержаніемъ правильнаго образа жизни людей: своевременно даваемая здоровая пища, достаточный сонъ, военныя прогулки, дающія организму достаточный мѣръ и постепенно втягивающія людей въ трудности походнаго движенія, отсутствіе продолжительныхъ и потому утомительныхъ строевыхъ учений—все это, при полномъ вниманіи начальства къ нуждамъ нижнихъ чиновъ, плодотворно дѣйствуетъ на бодрость ихъ духа и тѣла. Наконецъ, тщательный уходъ за больными въ госпиталяхъ, вниманіе и полное рвеніе къ дѣлу, въ особенности со стороны молодыхъ врачей, безкорыстно, съ юношескимъ увлеченіемъ отдающихъ этому дѣлу свои молодя силы, служатъ прямой причиной столь ничтожнаго числа смертныхъ случаевъ (до 1-го января только пять).

До сихъ поръ полевая инспекція госпиталей не усмотрѣла нигдѣ ни малѣйшаго случая какихъ бы то ни было умышленныхъ злоупо-

требленій или дѣйствій, клонящихся къ ущербу больныхъ.

На должности смотрителей во всѣхъ госпиталяхъ назначены теперь строевые офицеры; избранные изъ особаго резерва, составъ коего еще и прежде, благодаря прикомандированіямъ на годовой срокъ къ большимъ военнымъ госпиталямъ, приобрѣлъ уже достаточную практику въ своемъ дѣлѣ. Учрежденіе этого резерва офицеровъ и ихъ прикомандированіе къ госпиталямъ было сдѣлано именно въ видахъ предназначенія ихъ къ занятію смотрительскихъ должностей въ военное время. При ихъ вступленіи въ свои должности, они не были съ первыхъ же дней снабжены нужными инструкціями и свѣдѣніями о своихъ правахъ и обязанностяхъ по военному положенію; у нихъ не было ни XVI книги Свода военныхъ Постановленій, ни табелей объ отчетности, ни вообще всѣхъ необходимыхъ руководствъ. Но теперь, благодаря заботливости генераль-маіора В. Д. Косинскаго, полевого инспектора госпиталей, всѣ эти недостатки уже устранены. Продовольствіе больныхъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій, благодаря своевременной заботливости о томъ военнаго министерства. Хирургическіе и вообще медицинскіе инструменты, а также аптечныя матеріалы имѣются во всѣхъ госпиталяхъ въ совершенно достаточномъ количествѣ.

Все довольствіе госпиталей, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, производится съ подряда, заключеннаго по распоряженію окружныхъ интендантствъ, кievскаго и одесскаго. На заведеніе въ госпиталяхъ вещей и предметовъ, натурою неотпускаемыхъ (какъ-то: всѣ вообще деревянныя вещи, церковныя принадлежности, чугунныя котлы и нѣкоторыя хозяйственныя приспособленія, и т. п.) всѣ госпитали уже сполна снабжены необходимыми суммами. Суммы же эти, по мѣрѣ надобности, требуются по ассигновкамъ изъ мѣстныхъ или ближайшихъ казначействъ. Каждый госпиталь управляется хозяйственнымъ комитетомъ, который образуется изъ старшаго врача, смотрителя, ординатора и одного комиссара, а кромѣ того, въ госпиталь назначается еще особый «начальникъ госпиталя», коего должность занимается преимущественно старшимъ начальникомъ частей мѣстныхъ войскъ. Такимъ образомъ всѣ распоряженія госпитальнаго комитета по хозяйственной части утверждаются начальникомъ госпиталя, а въ случаяхъ сомнительныхъ или превышающихъ его власть восходятъ къ полемому инспектору. При такомъ порядкѣ едва ли возможны какія-либо существенныя упущенія или недостатки по госпитально-хозяйственной части.

Медицинскій персоналъ, назначенный въ госпитали дѣйствующей арміи, не весь еще прибылъ на мѣста; но такъ какъ и госпитали

далеко не всё еще открыты, а изъ числа открывшихся дѣйствуютъ только незначительныя части, то временный недостатокъ врачей не имѣетъ вреднаго вліянія на успѣхъ леченія и уходъ за больными. Фармацевты же и фельдшера находятся уже всё на мѣстахъ и при томъ въ полномъ количествѣ; только священники и церковники, назначенные въ госпитали, еще не прибыли къ мѣсту своего служенія.

По отзыву инспектора госпиталей, генерал-майора Косинскаго, формировавіе военно-временныхъ госпиталей совершилось съ поразительными быстротою и порядкомъ. Такъ, 2-го ноября былъ объявленъ приказъ о мобилизаціи, а 18-го ноября генералъ Косинскій, прибывъ въ Кременчугъ, имѣлъ уже возможность тотчасъ же отправить три госпиталя къ назначеннымъ пунктамъ, въ полномъ комплектѣ и съ вещами вполне доброкачественными.

На случай движенія впередъ—всѣ соображенія, расчеты, планы и распоряженія сдѣланы уже заблаговременно и приняты мѣры къ своевременному открытію госпиталей по мѣрѣ надобности и безъ малѣйшей задержки. Для эвакуаціи больныхъ на случай какой-либо эпидеміи, точно также составлены уже всѣ планы и сдѣланы надлежащіе распоряженія. Въ настоящее время эвакуація идетъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ; именно: переправляются изъ военно-временныхъ въ постоянные госпитали только хроническіе больные, требующіе продолжительнаго леченія. При малѣйшей возможности, отправляютъ ихъ по желѣзной дорогѣ въ особые санитарные вагоны, приспособленныхъ къ перевозкѣ раненыхъ, и это даетъ случай санитарной прислугѣ заблаговременно присноровиться къ дѣлу на практикѣ.

По распоряженію полевого инспектора, достигну въ госпитали вполне открыты для всѣхъ интересующихся дѣломъ. Такъ, между прочимъ, состоящій при главной квартирѣ, въ качествѣ французскаго военнаго агента, полковникъ Гальяръ посѣтилъ госпитали въ Кишиневѣ и въ Тирасполѣ, при чемъ ему были сообщены всѣ данныя и матеріалы къ полному ознакомленію съ устройствомъ госпитальнаго дѣла въ нашей дѣйствующей арміи. Главноуполномоченный отъ Общества Краснаго Креста, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абазъ, со своимъ помощникомъ княземъ Волконскимъ, точно также осматривалъ на-дняхъ въ Кишиневѣ госпитальныя помѣщенія, и телеграмма, отправленная г. Абазою къ вице-президенту Общества, генералъ-адъютанту Баумгартену, свидѣтельствуетъ о томъ, что устройство госпиталей и поринокъ въ нихъ произвели на делегатовъ Общества самое отрадное впечатлѣніе.

Здѣшніе госпитали разбиты на отдѣленія и помѣщены въ домахъ частныхъ владѣльцевъ,

по найму. Одинъ уже наружный видъ этихъ домовъ производитъ самое лучшее впечатлѣніе: это не дома, а изящныя палатцы со всею роскошью современной архитектуры. Залы, гдѣ лежатъ больные, достаточно свѣтлы и высоки, воздухъ вездѣ самый чистый, обѣ опрятности нечего и говорить—самая образцовая; врачи, фельдшера и госпитальная прислуга—все это на-лицо и все при дѣлѣ. Госпитальныя прислуга, изъ призывныхъ людей, отличается бодростью, здоровымъ видомъ и по усердію къ службѣ, какъ свидѣлствуютъ врачи, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Пища для больныхъ очень вкусная, хлѣбъ ржаной и пшеничный отлично выпеченный, вино виноградное и хлѣбное тоже въ достаточномъ количествѣ и отпускается больнымъ по предписанію медиковъ. Тифозные, глазные и сифилитики, а также и чесоточные совершенно изолированы отъ прочихъ больныхъ и занимаютъ, по роду своихъ болѣзней, особыя палаты; а глазные помѣщены даже въ особомъ зданіи, вполне приспособленномъ къ этой болѣзни. Вниманіе и заботливость начальства простираются не только на изоляцію самихъ больныхъ, но и на ихъ посуду, платье, вещи и бѣлье. Всѣ эти предметы проклеены особыми знаками: для сифилитиковъ буква В, окаймленная квадратомъ, для чесоточныхъ—С, и т. д. Такимъ образомъ, ни бѣлье, стираемое особо отъ прочаго, и ни одна изъ другихъ вещей даже случайно не могутъ попасться больному какой бы то ни было другой категоріи. Замѣчательно также отсутствіе унылости въ наружномъ видѣ больныхъ, а это есть вѣрный признакъ, что они довольны своимъ положеніемъ въ госпиталѣ.

II.

Нравственное состояніе арміи.

Вліяніе бездѣйствія и неизвѣстности на духъ войскъ.—Кишиневское сидѣніе.—Отношенія крестянъ къ солдатамъ-квартирантамъ.—Военный судъ надъ бомбардиромъ Павломъ Гребенщиковымъ.—Толки по поводу смертнаго приговора въ гражданской и военной средѣ.—Замѣтка по поводу извѣстій о санитарномъ состояніи войскъ.—Жалобы на интендантскую часть.—Недостатки въ конструкціи военнаго обоза.—Донъ-Карлосъ въ Кишиневѣ.

Кишиневъ, 2-го февраля.

Бездѣйствіе арміи, собранной въ Бессарабіи, начинаетъ замѣтно томить ее, въ виду неопредѣленности дипломатическихъ рѣшеній. Ожиданія скораго движенія впередъ, столь пыл-

кля и увѣренныя въ началѣ мобилизаций, все еще не оправдываются и потому въ средѣ офицерства все чаще и чаще раздается ропотъ на свое положеніе. Жить здѣсь дорого, особенно по армейскимъ средствамъ. Женатые офицеры, оставившіе семейства въ мѣстахъ прежняго своего квартированія, по неволѣ вынуждены жить на два дома и сильно тяготеютъ этому необходимостію. Въ первое время по мобилизации, все офицерство было полно самаго пламеннаго воодушевленія и готово на всѣ жертвы, а потому равнодушно относилось къ лишеніямъ своимъ и своихъ семействъ; но продолжительное бездѣйствіе, осложненное типичными ожиданіями движенія впередъ, на много уже успѣло охладить общее увлеченіе. Настаетъ періодъ сомнѣній въ силѣ арміи и государства, въ силѣ его внѣшнихъ союзовъ. Истинные разговоры въ кружкахъ на этотъ счетъ становятся все громче и чаще. Зачастую слышишь отзывы, исполненные горечи и ироніи, что мы-де никуда не двинемся и лишь дай Богъ назадъ-то уйти безъ особаго срама. Кишиневскую стоянку, по примѣру «Азовскаго сидѣнія», уже окрестили именемъ «Кишиневскаго сидѣнія» и говорятъ, что арміи будутъ розданы медали съ надписью «туда и обратно».

Здѣсь всѣ лица полевого штаба и отдѣльных управленій дѣйствующей арміи (за исключеніемъ лицъ главной квартиры) обыкновенно сходятся ежедневно для завтрака и обѣда въ дворянскомъ клубѣ, и тутъ-то, за скромной бутылкой мѣстнаго вина или пива, нерѣдко идутъ всѣ эти разсужденія. Здѣсь же по вечерамъ появляются и мѣстные землевладѣльцы-помѣщики; у многихъ изъ нихъ по деревнямъ расположены части войскъ, и эти помѣщики сообщаютъ, что крестьяне, встрѣтившіе сначала военный постой довольно радушно, начинаютъ уже замѣтно тяготиться его продолжительностію. Крупныхъ исторій и столкновеній между военными и обывателями пока еще нѣтъ, да и солдаты вообще ведутъ себя удовлетворительно; но, по отзыву помѣщиковъ и наѣзжающихъ сюда порою непосредственныхъ командировъ частей, непріятныя столкновенія и исторіи далеко не невозможны, собственно по причинѣ слишкомъ продолжительныхъ и усиленныхъ военныхъ постоевъ, среди томительныхъ ожиданій, неизвѣстности и бездѣйствія.

Въ средѣ самой арміи доселѣ случилась только одна крупная, прискорбная исторія, результатомъ которой было разстрѣланіе въ г. Тирасполѣ бомбардира (изъ призывныхъ) 6-й батареи и 9-й артиллерійской бригады, Павла Гребенщикова.

Дѣло въ томъ, что 6-го декабря въ этой батарее справлялся батарейный праздникъ. Вечеромъ Гребенщиковъ, напившись до самозабвенія, затѣялъ у себя въ хатѣ драку съ

двумя своими товарищами. Крестьянинъ, у котораго они стояли на постой, послалъ свою дочку заявить офицерамъ, что у него въ хатѣ солдаты бунтуютъ. Старшій изъ наличныхъ офицеровъ отправилъ разобрать это дѣло подпоручика Б—ва, который чуть не наканунѣ лишь поступилъ въ 6-ю батарею, по возвращеніи изъ Сербіи, и потому былъ одѣтъ въ сербскій костюмъ. Прибывавъ въ избу, Б—въ увидѣлъ стоявшаго спиною ко входу Гребенщикова, котораго удерживалъ за руки другой солдатъ, и сразу нанесъ Гребенщикову ударъ въ шею, при чемъ съ Б—ва упало пальто, надѣтое въ накидку. Гребенщиковъ, вырвавшись изъ рукъ солдата, закричалъ: «кто смѣетъ бить меня? Кто меня ударилъ?» Б—въ же, подымая свое пальто и указавъ на погонь (серебрянный, по свидѣтельству одного изъ солдатъ), сказалъ: «вотъ кто бьетъ тебя». Въ хатѣ былъ полумракъ, а пьяный солдатъ, не узнавшій въ лицо офицера, поступившаго въ батарею только за два дня предъ тѣмъ и одѣтаго не въ установленное форменное платье, развернулся и отдалъ ему ударъ. Всѣ эти обстоятельства выяснились на судебномъ слѣдствіи. Въ залѣ суда, кромѣ публики, были собраны команды отъ 6-й батареи 9-й артиллерійской бригады и отъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Кишиневѣ. Это дѣло произвело на присутствующихъ сильное и тяжелое впечатлѣніе, въ особенности же послѣднее слово подсудимаго, который въ глубокомъ волненіи вымолилъ: «ей Богу, не зналъ... не видѣлъ... не помню... не дайте умереть постыдною смертію... жена, четверо ребятъ». По отзыву прежняго начальства Гребенщикова, это былъ солдатъ исправный и толковый. Выходя изъ залы, многіе замѣтили, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, особенно 6-й батареи, плакали. Смертный приговоръ, конфирмованный, за болѣзнь главнокомандующаго, генераль-адъютантомъ Непокойчицкимъ¹⁾, и казнь Гребенщикова, исполненная въ Тирасполѣ, нѣсколько дней сряду служили здѣсь почти исключительною темою разговоровъ въ военномъ и гражданскомъ обществахъ. Граждане, основываясь на данныхъ, выяснившихся на судебномъ слѣдствіи, были почти всѣ противъ приговора; военные же, отстаивая его прискорбную необходимость въ виду исключительныхъ обстоятельствъ текущаго времени, находили, что преступленіе Павла Гребенщикова вызвано опрометчивостію подпоручика Б—ва, который, во-первыхъ, позволилъ себѣ явиться къ исполненію служебныхъ обязанностей не въ установленной формѣ одежды, а въ какомъ-то импровизированномъ сербскомъ костюмѣ и, во-вторыхъ, начавъ непосредственно съ булочной расправы, нарушилъ тѣмъ

¹⁾ Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 31-го декабря 1876 г. за № 11.

самымъ извѣстную статью дисциплинарнаго устава, которая безусловно воспрещаетъ каждому начальственному лицу вступать въ какія бы то ни было объясненія, разбирательства и расправу съ пьянымъ подчиненнымъ. Все, на что имѣлъ законное право подпоручикъ Б—въ, это — приказать солдатамъ отвести Гребенщикова подъ арестъ, впредь до вытрезвленія, послѣ котораго наложить на него должное дисциплинарное взысканіе.

Санитарное состояніе арміи, вопреки мрачному характеру извѣстій о немъ, идущихъ изъ заграничной печати, все еще продолжаетъ быть блестящимъ. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», между прочимъ, довелось мнѣ случайно прочесть небольшую замѣтку объ этомъ же предметѣ, гдѣ сказано, что въ военныхъ госпиталяхъ у насъ нѣтъ ни одного случая отморозенія членовъ. Это не совсѣмъ точно. Посѣтивъ кишиневскіе госпитали, я видѣлъ лично четырехъ больныхъ, страдающихъ вслѣдствіе отморозенія ногъ. Въ особенности жалъ было смотрѣть на одного молодого терскаго казака, съ жестоко отмороженными пальцами и частію ступней, который въ ночь подъ Рождество, будучи въ очередь поставленъ на часы около полуночи, простоялъ безсмысленно до утра и съ поста былъ прямо отправленъ въ госпиталь. Смѣнить позабыли.

На интендантскую часть уже слышатся съ разныхъ сторонъ жалобы, а именно: говорятъ, что прессованное сѣно (приготовленіемъ котораго въ громадныхъ размѣрахъ заняты подрядчикъ Коганъ и К^о), сложенное въ складахъ въ большія высокія скирды, при употребленіи оказывается въ значительномъ количествѣ туюковъ прѣлымъ и перегорѣлымъ; кромѣ того многіе тюки значительно менѣе установленнаго для нихъ вѣса. На сухой фуражъ жалобъ не слышно, но до полевого коменданта генералъ-маіора Воейкова доходятъ жалобы, будто сухари, заготавливаемые въ кишиневской пекарнѣ, недостаточно просушены, отчего внутренность сухаря свертывается въ твердые комки и покрывается плѣсенью.

Слышатся также жалобы на неудобство обоза, построеннаго Петербургскимъ военнымъ коммисіонерствомъ. Тѣлѣги этого обоза чересчуръ плоскодонны и малы, въ родѣ небольшихъ платформъ, вслѣдствіе чего кладъ, при полной нагрузкѣ, не имѣетъ въ низкихъ бокахъ тѣлѣги достаточной опоры и становится неустойчивою, а при дурныхъ дорогахъ легко опрокидывается вмѣстѣ съ тѣлѣгою, чему, какъ говорятъ, уже и было довольно примѣровъ.

22-го января пріѣхалъ въ Кишиневъ, по желѣзной дорогѣ изъ Бухареста, принцъ Донъ-Карлосъ, путешествовавшій нынѣ по Европѣ, послѣ неудачнаго исхода своихъ предпріятій въ Испаніи. Для встрѣчи этого принца, великій князь главнокомандующій приказалъ: къ шести

часамъ пополудни, къ помѣщенію, приготовленному для Донъ-Карлоса, на Гостинной улицѣ въ домѣ Маркова, выставить почетный караулъ отъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка и ординарцевъ; въ приемной залѣ принца собраться къ тому же времени лицамъ въ генеральскихъ чинахъ, состоящимъ при великомъ князѣ главнокомандующемъ, и адъютантамъ его высочества, начальникамъ отдѣловъ полевого управленія арміи съ ихъ помощниками, предсѣдателя полевого военного суда и начальникамъ управленій и частей, подчиненныхъ начальнику полевого штаба. Почетному караулу и всѣмъ вышепомянутымъ частямъ приказано быть въ походной формѣ, при орденахъ, генераламъ въ лентахъ.

Донъ-Карлосъ весьма красивый брѣветъ, высокаго, стройнаго роста и по наружности ему нельзя дать болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Рассказываютъ (не ручаюсь, впрочемъ, за достовѣрность), будто испанскій принцъ пріѣхалъ съ цѣлю предложить свою шпагу и свои военные таланты къ услугамъ нашей арміи, но что это предложеніе было отклонено со всевозможною деликатностію, послѣ чего Донъ-Карлосъ и уѣхалъ изъ Кишинева.

III.

Полевая проѣздка.

Цѣль кавалерійской проѣздки генераль-адъютанта Непокойчицкаго. — Составъ отряда. — Выступление изъ Кишинева. — Ужасная погода. — Опасенія въ Кишиневѣ за исходъ проѣздки. — Походъ до Одессы. — Представленіе отряда на смотръ великому князю. — Состояніе людей и лошадей послѣ проѣздки.

Кишиневъ, 8-го февраля.

Сегодня возвратился въ Кишиневъ начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генераль-адъютантъ Непокойчицкій, послѣ кавалерійской проѣздки, совершенной имъ изъ Кишинева въ Одессу. Разстояніе между этими двумя пунктами считается около 170 верстъ, и по первоначальному предположенію, кавалерійскій отрядъ, назначенный въ эту проѣздку, долженъ былъ пробѣжать даннаго разстояніе въ два дня, полагая на каждый день около восьмидесяти верстъ движенія. Цѣль проѣздки, кромѣ желанія провѣрить степень выносливости коней и всадниковъ, заключала въ себѣ еще и желаніе доставить неожиданное удовольствіе великому князю главнокомандующему, который, въ качествѣ генералъ-инспектора кавалеріи, своими настойчивыми трудами довелъ русскую конницу

до того, что для нея почтовые переходы и пробы стали самым обыкновенным делом. В состав отряда назначены были: состоящие при главнокомандующем два эскадрона Собственного Его Величества конвоя из кубанских и терских казаков и 2-я бригада 11-й кавалерийской дивизии, т.-е. полки: 11-й гусарский Изюмский и 11-й казачий, полковника Попова, с донскою казачьею батареею. Впрочем, эти два последние полка, расположенные в Григоріополь, должны были встретить отряд, шедший из Кишинева, почти на половине пути, и уже оттуда, присоединясь к конвою, следовать далее в Одессу. Къ свитѣ начальника штаба, кромѣ лицъ, официально къ тому назначенныхъ, могли присоединяться и другіе офицеры, по собственной охотѣ.

30-го января, въ 7 часовъ утра, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, въ сопровожденіи свиты изъ охотниковъ-кавалеристовъ, выступилъ съ дивизиономъ терцевъ и кубанцевъ изъ Кишинева. Утро было пасмурное, моросилъ дождь и, судя по этому началу, можно было ожидать продолжения и на этотъ день вчерашней оттепели, при туманной, но тихой погодѣ. Однако ожиданія эти не оправдались. Не успѣлъ отрядъ отойти отъ города и десяти верстѣ, какъ поднялась жестокая буря. Студеный сѣверо-западный вѣтеръ вылъ, не переставая ни на минуту, и безпрестанно налеталъ столь порывистыми шквалами, что порою валилъ съ ногъ не только пѣшеходовъ, но даже, какъ передаютъ очевидцы, опрокидывалъ и запряженныхъ телеги. Въ самомъ Кишиневѣ, который лежитъ въ котловинѣ и стало-быть уже поэтому болѣе или менѣе защищенъ отъ дѣйствія вѣтра, шквалы были столь сильны, что срывали съ мѣста цѣлыя лужи уличной жидкой грязи и дождемъ мутныхъ брызгъ несли ее вдоль по улицамъ. Уже по одному этому можно судить, сколько скръдъ сѣна и соломъ поразметано въ поляхъ, сколько крышъ было исковеркано, а сколько и совсѣмъ снесено, въ особенности соломенныхъ и камышевыхъ, на подгородной слободѣ и въ селеніяхъ. Въ воздухѣ вдругъ страшно похолодѣло и, въ довершеніе всего, пошелъ тотъ замороженный дождь, который въ просторѣчій называется «крупой». Эта крупа неслася подъ вѣтромъ горизонтально, вмѣстѣ съ брызгами лужъ, и била въ лицо, нестерпимо обжигая и кола кожу, какъ иголками. Кишиневскія улицы опустѣли, извозчики исчезли и рѣдко-рѣдко кто изъ пѣшеходовъ видѣлся на улицѣ, выйдя изъ дому развѣ по самой крайней нуждѣ. Страшно было и подумать, чтобы выѣхать куда-либо за городъ, и даже парные извозчики, такъ называемые здѣсь «фаэтонщики», поряженные въ некоторые лица за 30 рублей каждый до Гуры-Галбны, мѣстечка, лежащаго въ сорока верстахъ отъ Кишинева, возвращали навимателямъ задатки, настрѣвъ отказываясь выѣхать въ такую непогоду. Очевидцы связы-

ваютъ, что въ этомъ же краю помнятъ подобную бурю только двадцать-два года назадъ, когда два баталіона, посланные изъ Кишинева въ Измаилъ и Килію, совершенно погибли, зачехлившись въ степи отъ нестерпимаго холода. Понятно, что въ виду такого состоянія погоды, всѣ военные люди, оставшіеся въ Кишиневѣ, крайне тревожились и даже серьезно опасались за исходъ кавалерійской проѣздки. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстія изъ отряда, со встрѣчнымъ ли путникомъ, или по телеграфу. Извѣстіе не приходило. Одинъ изъ офицеровъ, которому довелось въ эту непогоду возвращаться изъ командировки по той самой дорогѣ, гдѣ долженъ былъ следовать отрядъ, сказывалъ, что на своемъ пути онъ не только не встрѣтилъ отряда, но и ничего не слыхалъ о немъ по деревнямъ. Все это только усиливало общее безпокойство. Наконецъ, уже вечеромъ стала извѣстна телеграмма, что отрядъ благополучно прослѣдовалъ въ 4½ часа по-полудни черезъ Бендеры—городъ, отстоящій отъ Кишинева на 58½ верстѣ. Но о томъ, остался ли отрядъ въ Бендерахъ или гдѣ-нибудь по близости—телеграмма ничего не говорила, а страшная буря между тѣмъ не стихала, и это послѣднее обстоятельство, конечно, ни на кого не могло дѣйствовать успокоительно за судьбу путниковъ-кавалеристовъ.

На слѣдующій день погода была тоже рѣзкая, вѣтряная и хмурая; порою перепадала вчерашняя «крупа», но въ общемъ состояніи атмосферы и температуры все же значительно полегчало. Можно было ходить по улицамъ и даже, по нуждѣ, выѣхать въ поле. Но извѣстій объ отрядѣ никакихъ не доходило до Кишинева. Только на третью сутки узнали здѣсь изъ частныхъ телеграммъ, что 1-го февраля, въ часъ пополудни, отрядъ благополучно и въ полномъ своемъ составѣ прибылъ въ Одессу, прошелъ вдоль по городу до Ринельевского бульвара, гдѣ имѣетъ помѣщеніе во дворцѣ великій князь, и былъ проведенъ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ церемоніальнымъ маршемъ мимо главнокомандующаго, который смотрѣлъ изъ окна и остался совершенно доволенъ бодрымъ видомъ людей и свѣжестью лошадей, прошедшихъ 170-ти-верстный путь въ три перехода, при такихъ ужасныхъ условіяхъ погоды. Весь отрядъ пришелъ въ полномъ порядкѣ; заболѣвшихъ всадниковъ и лошадей не было; оказалось только нѣсколько расковавшихся коней. Въ первый день отрядъ подъ непрестанною бурей сдѣлалъ 76½ верстѣ и остановился въ селеніи Карагашъ, а 11-я бригада, прошедшая около 90 верстѣ, расположилась бивуакомъ въ колоніи Страсбургъ. Остальной путь, въ виду ужаснаго состоянія погоды, былъ раздѣленъ на два перехода, одинъ въ 56 и другой въ 44 версты.

IV.

Санитарная и хирургическая части въ арміи.

Число больныхъ къ 17-му февраля.—Цифры по категориямъ болѣзней.—Общій процентъ заболеваемости.—Дѣятельность военно-медицинскаго персонала.—Гигиеническія мѣры.—Состояніе и распредѣленіе военно-врачебныхъ заведеній.—Медицинская и хозяйственная инспекція госпиталей.—Киргизскія кибитки.—Сборъ медико-топографическихъ свѣдѣній по Бессарабіи.—Хирургическая часть въ дѣйствующей арміи.—Характеръ травматическихъ поврежденій въ мирное время и вызывающія его причины.—Новыя перевязочныя средства и снабженіе ими военно-врачебныхъ учреждений.—Способъ леченія и его результаты.—Примѣръ.—Хирургическія отдѣленія въ Кишиневѣ.—Подготовительныя практическія занятія полевыхъ хирурговъ.

Кишиневъ, 28-го февраля.

Санитарное состояніе войскъ дѣйствующей арміи составляетъ предметъ, интересующій наше общество самымъ живымъ и даже кровнымъ образомъ, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связано спокойствіе множества лицъ, имѣющихъ въ рядахъ арміи близкихъ своихъ родныхъ. Посему сообщеніе время отъ времени точныхъ свѣдѣній по этому предмету представляется вполне необходимымъ.

Къ 17-му числу февраля состояло въ постоянныхъ и открытыхъ военно-временныхъ госпиталяхъ, расположенныхъ въ районѣ дѣйствующей арміи, слѣдующее количество больныхъ:

а) Въ постоянныхъ госпиталяхъ:	
Бендерскомъ	198 чел.
Тираспольскомъ	264 »
Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстной команды	175 »
б) Въ военно-временныхъ госпиталяхъ:	
№ 43	231 чел.
№ 44	150 »
№ 48	252 »
№ 49	74 »
№ 50	160 »
№ 58	470 »
№ 59	302 »
№ 60	325 »
№ 61	364 »
Всего	2,965 чел.

Но въ этомъ общемъ числѣ показано 449 человекъ, присланныхъ въ означенные госпитали изъ постороннихъ командъ, не входящихъ въ составъ дѣйствующей арміи. Изъ войскъ же собственно дѣйствующей арміи въ госпиталяхъ состоитъ 2,516 чел., что составляетъ, относительно списочнаго состава арміи,—1,25%.

По роду болѣзней (упомянувъ, конечно, только главнѣйшія), эти цифры даютъ слѣдующія отношенія:

Лихорадки составляютъ 7,15% всей суммы госпитальныхъ больныхъ;

Тифы	7,01%
Катарры	12,31 »
Поносы	0,40 »
Воспаленіе различн. органовъ	23,03 »
Глазныя болѣзни	12,27 »
Венерическія	24,95 »

Кромѣ того, въ войсковыхъ открытыхъ *лазаретахъ* находятся больныхъ:

Въ 8-мъ корпусѣ	135 чел.
» 9-мъ »	119 »
» 11-мъ »	177 »
» 12-мъ »	170 »
» 4-й стрѣлк. бригадѣ	30 »
Итого	631 чел.

Относительно средняго списочнаго состоянія сихъ войскъ, эта цифра составляетъ 0,24%.

Вообще же процентъ заболеваемости въ дѣйствующей арміи, считая вмѣстѣ госпитальныхъ и лазаретныхъ больныхъ, равняется 1,49%.

Столь благоприятное санитарное состояніе войскъ зависитъ отъ многихъ причинъ, о которыхъ уже было подробно сообщено въ первомъ отчетѣ. Но значительная доля заслуги въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ энергической и согласной дѣятельности медицинскаго персонала, который на всѣхъ ступеняхъ своей іерархической лѣстницы проникнутъ убѣжденіемъ, что главнѣйшая задача военнаго врача заключается въ томъ, чтобы *предупредить* болѣзни. Съ этою цѣлью постоянно принимается рядъ соответственныхъ мѣръ. Чуть только цифры заболеваемости начинаютъ показывать опасность съ которой-либо стороны, тотчасъ же направляются туда всѣ усилія военной гигиены. Въ виду близости весенняго времени, съ которымъ въ здѣшнемъ краю неразлучно идетъ увеличеніе лихорадочныхъ, а отчасти и тифозныхъ случаевъ, всѣ заботы военно-медицинскаго полевого вѣдомства направлены въ настоящее время на улучшеніе гигиеническихъ условій тѣхъ мѣстностей, гдѣ расположены войска. Въ Кишиневѣ, по личному усмотрѣнію и приказанію великаго князя главнокомандующаго, городъ обязанъ очиститься въ теченіе мѣсяца отъ скопленія разныхъ нечистотъ, гниль и грязи, особенно же тамъ, гдѣ скучено населеніе еврейское, наиболѣе вредящее условіямъ общественной гигиены, по отсутствію чистоты и опрятности въ своемъ обиходѣ.

Что касается до другихъ мѣстъ, то въ отношеніи ихъ къ примѣненію этой же въ высшей степени важной мѣры приняты уже побудительныя представленія къ городовымъ и мѣстечковымъ управленіямъ со стороны военныхъ властей, на основаніи требованій и донесеній медицинскихъ чиновъ, которые уже теперь озабочены возможностью появленія мѣстныхъ весеннихъ болѣзней.

Говоря о санитарномъ состояніи арміи, нельзя

не интересоваться и вопросом о состоянии и распределении военно-временных госпиталей и войсковых лазаретов. Эти столь необходимые заведения раскинуты по всей Бессарабии, и даже в Новороссию и Украину, по самым глухим уголкам края. Узбанные города, местечки, села и монастыри стали пристанью заблуждающихся воинов. По мере надобности продолжают открываться новые госпитальные отделения, которые всегда стараются принаровить к нуждам войск и средствам края. В этих отдаленных и, вследствие плохого состояния проселочных дорог, почти изолированных местах не легко жить молодым врачам, попавшим прямо с учебной скамьи в военно-временные госпитали или в небольшие части войск. Но по отзывам, доходящим отовсюду, эти молодые люди с честью выдерживают испытание, выпавшее на их долю, и работают как нельзя лучше. Сбыть военно-врачебных заведений, раскинутая повсеместно, не остается однако же без присмотра. По распоряжению полевого военно-медицинского инспектора, кроме им лично произведенного осмотра главнейших врачебных центров, все военно-временные госпитали и их отделения, а равно и главнейшие войсковые заведения уже осмотрены самым тщательным образом заслуженными и опытными военными врачами, внимательно обревизовавшими не только ближайшие, но и самые отдаленные от центра полевого администрации госпитали и их отделения. То же сделано и по хозяйственной части со стороны военного инспектора госпиталей. Таким образом центральная администрация армии бдительно следила за всем, что касается до сохранения здоровья и способов лечения наших войск.

По части призрения больных воинов есть теперь одна крупная новость, которая в недалеком будущем, вкратце, обратит на себя большое и серьезное внимание всех интересующихся военно-санитарным делом, и при том не только у нас, в России, но и в других государствах. Это—введение в военно-временных госпиталях, по представлению военно-медицинского инспектора, доктора Приселкова, войлочных киргизских кибиток.

Имѣя въ виду, что во время войны въ Средней Азии, а именно въ хивинскомъ походѣ и въ самаркандской экспедиціи, вмѣсто палатокъ и госпитальныхъ шатровъ, съ величайшею пользою употреблялись киргизскія или калмыцкія кибитки и что онѣ какъ во время холода, такъ и при палашемъ зноѣ представляли собою прекрасное убѣжище; что въ Туркестанѣ, при 20° Р., казачьи отряды въ 800 и 900 человекъ всю зиму прожили въ подобныхъ кибиткахъ, почти не имѣя больныхъ; что переносные шатры этого рода могутъ въ любой мѣстности служить удобнымъ помѣщеніемъ въ качествѣ отдѣльных павильоновъ для заразныхъ и иныхъ боль-

ныхъ, требующихъ изолированія и, наконецъ, что кибитки, будучи во многихъ отношеніяхъ несравненно удобнѣе холщевыхъ палатокъ, во всякомъ случаѣ обходятся значительно дешевле послѣднихъ, — докторъ Приселковъ пришелъ къ счастливой мысли воспользоваться азіатскими кибитками для военно-врачебной пѣли.

Великій князь главнокомандующій разрѣшилъ заготовленіе для тридцати военно-временныхъ госпиталей потребнаго количества войлочныхъ кибитокъ, полагая на каждый госпиталь по пяти штукъ.

Расчетъ этотъ сдѣланъ на основаніи того, что въ каждой кибиткѣ можетъ свободно помѣститься двадцать человекъ слабосильныхъ, или же десять больныхъ.

Послѣ надлежащей обработки всего проекта въ полевомъ интендантскомъ управленіи, собственно съ финансовой стороны, это дѣло оказалось теперь въ слѣдующемъ положеніи:

Всѣ 150 кибитокъ будутъ заготовлены въ Оренбургѣ по распоряженію мѣстнаго интенданта.

Стоимость каждой кибитки въ Оренбургѣ обойдется въ 140 рублей; доставка ея въ Кишиневъ по желѣзной дорогѣ станетъ въ 45 рублей; слѣдовательно, 150 кибитокъ обойдутся съ доставкою въ 27,750 рублей.

Вмѣстѣ съ кибитками будетъ командировано изъ Оренбурга въ Кишиневъ потребное количество нижнихъ чиновъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ постановки этого рода переносныхъ жилищъ.

Каждая кибитка должна имѣть въ окружности восемь погонныхъ сажень и вѣсить 18 пудовъ. На обозную повозку свободно укладываются двѣ кибитки.

Въ подобныхъ жилищахъ можно съ полной безопасностью раскладывать костеръ, отъ котораго дымъ уходитъ въ такъ называемый *тундукъ*, т. е. въ отверстіе, имѣющееся въ вершинѣ кибитки. Во время пребыванія войскъ на эмбенскомъ посту, въ кибиткахъ ставились желѣзныя печи. Въ жаркую погоду открываютъ все тотъ же тундукъ и приподнимаютъ войлокъ, закрывающій низъ кибитки.

20-го февраля въ засѣданіи Общества военныхъ врачей въ Кишиневѣ была окончательно одобрена членами-врачами программа, выработанная особой комиссіей, для собранія матеріаловъ къ предполагающемуся медико-топографическому описанію Бессарабіи и всей той мѣстности, на которой въ настоящее время расположена дѣйствующая армія.

Мысль о собраніи медико-топографическихъ свѣдѣній по Бессарабіи предложена была военномедицинскимъ инспекторомъ въ одно изъ засѣданій, и съ полнымъ сочувствіемъ принята врачами какъ военного, такъ и гражданскаго вѣдомствъ. Докторъ Приселковъ, предлагая этотъ проектъ, руководствовался тѣмъ, что, во 1-хъ. никогда еще въ Бессарабіи не было сгруппиро-

вано столько медицинских силъ, разбросанныхъ, согласно съ дислокаціей войскъ, по всему ея пространству и съ полной готовностью являющихся на помощь медикамъ гражданскаго вѣдомства въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ для медико-топографическаго описанія страны; во 2-хъ, свѣдѣнія эти имѣютъ вообще высокую важность въ томъ смыслѣ, что на будущее время они будутъ служить какъ точныя и опытыя указанія гигиенѣ войскъ въ краѣ, гдѣ, вѣроятно, не разъ еще придется русской арміи сосредоточиваться въ большихъ силахъ, и наконецъ, въ 3-хъ, предлагая свой просктъ врачамъ военнымъ, докторъ Приселковъ высказался о полной невозможности разработать данный предметъ одними лишь медицинскими силами гражданскаго вѣдомства, какъ по недостатку врачей, такъ и вслѣдствіе чрезвычайно обширныхъ и сложныхъ ихъ обязанностей по требованіямъ земства и вообще губернской администраціи.

Эти медико-топографическія работы начинаются теперь же, для чего каждому изъ врачей бессарабской арміи разсылаются печатные бланки, на которыхъ поставлены самые ясные и краткіе вопросы, по смыслу требованій выше-сказанной программы.

Хирургическая статистика военно-врачебныхъ учреждений дѣйствующей арміи съ ноября 1876 года можетъ представить весьма важные результаты и дать поучительныя доказательства того, что своевременныя и цѣлесообразныя распоряженія военно-медицинской администраціи, по отношенію гигиенической обстановкѣ заболѣвшихъ, могутъ въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей не только довести губительныя осложненія травматическихъ поврежденій и болѣзни ранъ до ничтожной цифры, но даже совершенно предупредить самую возможность ихъ появленія.

Въ мирное время въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей замѣтную цифру составляютъ разной степени и значенія ушибы, раны, переломы, вывихи и растяженія суставовъ, неразлучныя съ разными непредвидимыми случайностями при отправленіи военныхъ упражненій, а еще чаще въ послѣднихъ, по неосторожности. При благоприятной обстановкѣ больного и рациональной дѣятельности хирурга, эти заболѣванія обыкновенно и почти всегда оканчиваются выздоровленіемъ.

Со времени мобилизаціи арміи, больные съ названными травматическими поврежденіями, начиная отъ самыхъ незначительныхъ, встрѣчаются въ хирургическихъ отдѣленіяхъ военновременныхъ госпиталей, и причины этихъ заболѣваній являются тѣ же самыя, о которыхъ упомянуто выше, а преимущественно собственная непредусмотрительность и неосторожность. Полковые врачи усердно ратуютъ именно противъ этихъ неосторожностей. Стоитъ прослѣ-

дить за суточной жизнью солдата, за его привычками по отношенію къ обстановкѣ въ казармахъ, къ пищѣ, одеждѣ, обуви, движеніямъ при военныхъ упражненіяхъ и внѣ ихъ, чтобы убѣдиться на сколько, благодаря своевременнымъ распоряженіямъ и замѣчаніямъ военныхъ врачей, предупреждаются всякія простуды, помороженія, расстройства пищеваренія и разныя травматическія поврежденія. Эта дѣятельность, на первый взглядъ, мелочная, кропотливая и незамѣтная, даетъ однако очень замѣтныя послѣдствія, которыя становятся все виднѣе.

Со времени мобилизаціи войскъ, полевая военномедицинская администрація строго слѣдуетъ за случайными, даже незначительными травматическими поврежденіями и, по изслѣдованіи причинъ подобныхъ случайностей, принимаетъ мѣры противъ возможности повторенія такихъ явленій. Говоря объ общихъ предупредительныхъ мѣрахъ къ улучшенію обстановки хирургическихъ отдѣленій, слѣдуетъ отмѣтить весьма важное распоряженіе главнаго военно-медицинскаго управленія—о снабженіи арміи безусловно чистыми и свѣжими предметами для перевязокъ новаго образца: ватой, марли и проч. Отсутствіе въ госпиталяхъ компрессовъ, коріи и бинтовъ изъ залежавшагося поношеннаго бѣлья и принятіе для перевязокъ новаго матеріала уже замѣтно сказалось во врачебныхъ учрежденіяхъ дѣйствующей арміи на чистотѣ и хорошемъ видѣ заживающихъ поврежденій.

Трудолюбивая и толково подготовленная дѣятельность врачей хирургическихъ отдѣленій, въ связи съ хорошою гигиенической обстановкой и рациональнымъ снабженіемъ госпиталей всѣмъ необходимымъ, выразилась въ означенныхъ отдѣленіяхъ не только совершеннымъ отсутствіемъ осложненія поврежденій тяжелыми формами воспаленій, рожею, гангреной и септическимъ зараженіемъ, но и всеобщимъ скорымъ выздоровленіемъ, почти при совершенномъ отсутствіи случаевъ смерти. Такъ наиримѣръ, въ ноябрѣ 1876 года изъ 362 больныхъ, находившихся въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей, умеръ только одинъ (отъ внутренняго страданія), что по отношенію къ арміи составляетъ $\frac{1}{362}\%$. Въ послѣдующіе мѣсяцы, по отзыву главнаго полевого хирурга доктора Кадацкаго, есть основаніе предполагать, что эта цифра едва ли еще не уменьшилась. Для примѣра хорошей обстановки больного во врачебномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ, приводимъ одинъ случай тяжкаго осложненнаго перелома голени, происшедшаго отъ собственной неосторожности потерпѣвшаго. Больной находился въ Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстнаго батальона (ординаторъ докторъ Духновскій), куда поступить 24-го ноября прошлаго года съ переломомъ обѣихъ костей голени, съ раздробленіемъ ихъ на мѣстѣ перелома, омертвеніемъ кожи и зна-

чительнымъ ушибомъ мышцъ. Сколь тяжело должно было быть поврежденіе, можно судить изъ того, что черезъ ногу, лежавшую на ровной мерзлой землѣ, перѣхала телѣга, нагруженная шестидесятипудовой тяжестью. Несмотря на то, что ушибленная кожа отслоилась и открыла полость, въ которой видѣлись многіе отломки кости, несмотря и на силу травматической реакціи, сращеніе все-таки послѣдовало при совершенно правильномъ, неукороченномъ состояніи конечности. Въ концѣ февраля мѣсяца больной уже могъ вполне владѣть ногой.

Самые серьезные хирургическіе случаи встрѣчались большей частью въ Кишиневѣ, гдѣ главный хирургъ арміи лично слѣдитъ за ходомъ болѣзней этого рода. Но при хорошей обстановкѣ больныхъ и всеобщемъ ихъ выздоровленіи, хирургическая практика пока еще рѣдко доходила здѣсь до тяжелыхъ операцій; самъ главный хирургъ имѣлъ изъ таковыхъ пока только немногіе серьезные случаи операцій, а именно: вырѣзываніе камня изъ мочевого пузыря у одного доводского казака въ Кишиневскомъ мѣстномъ лазаретѣ; другой случай—вырѣзываніе саркоматозной опухоли, занимавшей лѣвую глазницу верхней челюсти и сидѣвшей даже на костяхъ основанія черепа, и третій случай—операция на шеѣ, при опухоли, душившей больного (въ военно-временномъ госпиталѣ № 60).

Случай переломовъ костей конечностей встрѣчаются въ госпиталѣ № 60, у доктора Выводцева, и въ Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстнаго батальона, у д. Духновскаго, но, по отзыву главнаго хирурга, съ прекрасными, правильными сращеніями и совершеннымъ владѣніемъ конечностями. Это относится, конечно, къ умѣлому наложенію хирургами гипсовыхъ повязокъ.

Въ заключеніе можно прибавить, что въ Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстнаго батальона еще съ начала зимы полевые хирурги въ свободное время, и помимо занятій въ госпиталѣхъ, проводили при главномъ хирургѣ арміи разные методы и усовершенствованія въ наложеніи гипсовыхъ повязокъ и практиковались въ подробностяхъ техники военно-полевой хирургіи.

V.

Гулевые полки.

Гура-Галбина.—Назначеніе гулевыхъ полковъ.—Составъ сводной казачьей дивизіи.—Ея форма и вооруженіе.—Сотенные значки.—Терско-Горскій полкъ.—Кавказскіе добровольцы.—Особенности Терско-Горскаго полка.—Духъ его всадниковъ.—Горская медицина и медикаменты.—Продовольствіе.—Цѣны и танцы.—Стоянка.—Кухачество между гулевыми полками.

Кишиневъ, 1-го марта.

Въ сорока съ небольшимъ верстахъ къ юго-западу отъ Кишинева, въ пологой и неглубокой

котловинѣ залегаетъ небольшое мѣстечко Гура-Галбина, что по-молдавански значитъ *желтая пасты*. Мѣстечко это бѣдное и ровно ничѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему бессарабскихъ селеній. Возвышенности его окружающія совершенно голы, пустыны и словно траншеями изборозжены глубокими водомоинами. На одной изъ прилегающихъ горъ, уже въ селеніи, торчитъ мельница-вѣтрянка, безъ крыльевъ, на другой, противоположной—одиноко бѣлѣетъ церковь съ провалившейся крышей, построенная нѣкогда изъ глино-соломенныхъ необжигаемыхъ кирпичей, въ молдаванскомъ стилѣ, который не отличается ни особымъ изяществомъ, ни особенной характерностью, приближаясь скорѣе всего къ романскому типу самой простѣйшей формы.

Въ настоящее время въ Гура-Галбинѣ помѣщается штабъ сводной казачьей дивизіи, или «гулевыхъ полковъ», по чрезвычайно мѣткому выраженію генералъ-лейтенанта Д. И. Скобелева, ихъ дивизионнаго начальника. Кромѣ штаба, тутъ же расквартированы еще и Терско-Горскій конно-иррегулярный полкъ, составленный исключительно изъ кавказскихъ уроженцевъ, ингушей и осетинъ. Этотъ полкъ самъ по себѣ представляетъ весьма оригинальное, ярко-характерное и совсѣмъ новое явленіе въ рядахъ *европейской* русской арміи, гдѣ кавказскіе полки появляются еще впервые со времени своего существованія. Въ случаѣ войны, это будетъ не безынтересный фактъ въ русской военной исторіи. Во всякомъ случаѣ, Горскій полкъ заслуживаетъ, чтобы поговорить о немъ подробнѣе. Но предварительно необходимо сообщить нѣсколько данныхъ вообще о назначеніи «гулевыхъ» полковъ и о составѣ сводной казачьей дивизіи.

Уже самое слово «гулево́й» указываетъ на назначеніе, предстоящее этимъ частямъ войскъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Онѣ первыя, быть можетъ, вступятъ на территорію противника; имъ же, весьма вѣроятно, предстоитъ и первая съ нимъ встрѣча. Онѣ будутъ нести сторожевую и партизанскую службу, впереди и по сторонамъ своей арміи, а также по флангамъ и въ тылу арміи непріятельской, такъ сказать, *гулять* по непріятельскому краю. Онѣ не входятъ въ составъ какой-либо крупной тактической единицы, не связаны административно и тактически съ какимъ-либо корпусомъ, какъ дивизія регулярной кавалеріи, а составляютъ совершенно самостоятельную часть, состоящую при дѣйствующей арміи; поэтому и военные ихъ дѣйствія будутъ носить преимущественно самостоятельный характеръ. Кромѣ разныхъ специально-военныхъ назначеній, которыми могутъ встрѣтиться имъ на томъ или другомъ изъ пунктовъ театра войны, гулевые сотни, будучи партизанскими по преимуществу, должны будутъ служить для своей арміи зоркими, недре-

млющимъ глазомъ и чуткимъ ухомъ. Онѣ должны на всякій день и часъ быть непрестанною грозой противника, наводить на него смятеніе внезапнымъ появленіемъ тамъ, гдѣ ихъ и не чають, я, лихо исполнивъ свое дѣло, исчезать столь же быстро и, для противника, невѣдомо куда, какъ было быстро и невѣдомо самое ихъ появленіе предъ его глазами. Вся сила гулевыхъ частей должна заключаться преимущественно въ нравственномъ влияніи на противника, въ томъ, чтобы онъ боялся одного уже имени «гулевыхъ», какъ нѣкогда боялись французы донскихъ казаковъ, не дававшихъ имъ ни минуты покоя. «Гулевые» между прочимъ должны являться грозными мстителями за каждое новое звѣрство надъ христіанами и быть надежною опорою этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи назначеніе ихъ будетъ исполнено блистательнымъ образомъ, если они достигнутъ того, что противникъ — и при томъ не тотъ лишь, что входитъ въ составъ регулярной арміи, а и тотъ, который составляетъ мѣстное мусульманское населеніе — проникнется полнымъ убѣжденіемъ, что ни одно его звѣрство, ни одинъ возмутительный поступокъ надъ безоружною райей не пройдетъ ему впредь безнаказанно.

Таково-то въ общихъ чертахъ назначеніе нашей сводной казачьей дивизіи, въ составъ которой входятъ слѣдующія части: 1) полкъ Кубанскій (именно 2-й кубанскій) шестисотеннаго состава, собранный изъ кубанскихъ линейныхъ казаковъ; командиръ — подполковникъ Кухаренко; 2) полкъ донской казачій № 30-го, въ шестисотенномъ составѣ; командиръ — полковникъ Орловъ; 3) полкъ Владикавказскій терскаго казачьяго войска; составъ четырехсотенный, командиръ — полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ; 4) полкъ Терско-Горскій, конно-иррегулярный, четырехсотеннаго состава; командиръ — полковникъ Панкратовъ; 5) конно-горная донская № 1-го батарея; шесть орудій трехфунтоваго, калибра; командиръ — войсковой старшина Костинъ.

Вся дивизія, за исключеніемъ донскихъ частей, одѣта въ однообразныя форменныя черкески чернаго цвѣта. Полкъ отъ полка отличается цвѣтомъ бешметовъ, погонъ, суковныхъ верхушекъ на бараньихъ папахъ и «газырей», т. е. гарусныхъ патронныхъ затчекъ къ наперснымъ патронникамъ. Такимъ образомъ въ Кубанскомъ полку всѣ эти принадлежности краснаго цвѣта, во Владикавказскомъ — синяго и въ Терско-Горскомъ — бѣлаго, но при свѣтлосинихъ погонахъ. Всѣ эти полки носятъ бурки и башлыки, которые у терско-горцевъ тоже бѣлые, что чрезвычайно красиво, да и вообще весьма красива, ловка и удобна вся своеобразная форма этихъ трехъ полковъ, богатая серебромъ, съ кавказскою чернью и золотыми насѣчками, которое блеститъ и сверкаетъ на оружіи, на полсахъ, на металлическомъ оружейномъ на-

борѣ и на галунахъ позументахъ. Сотенный составъ казачьихъ полковъ достаточно извѣстенъ; въ Терско-Горскомъ же полку сотня состоитъ, кромѣ сотеннаго командира и офицеровъ, изъ 120-ти всадниковъ, двухъ юнкеровъ, четырехъ урядниковъ и одного трубача; въ этотъ же расчетъ входятъ и одинъ юнкеръ — знаменосецъ. Каждая сотня въ полкахъ сводной казачьей дивизіи имѣетъ свой особый значекъ, служащій для нея какъ бы сотеннымъ знаменемъ и возимый во фронтъ. Такимъ образомъ, каждый всадникъ, посланный изъ отдѣльнымъ порученіемъ куда-либо въ сторону, или послѣ атаки, во время которой иррегулярныя части обыкновенно широко размѣтываются по полю, можетъ по цвѣту и формѣ сотеннаго значка еще издали отличить легко и удобно свою сотню. Подобные же значки предполагаются присвоить также и регулярнымъ частямъ на время похода и боевого дѣла и возить ихъ за старшими начальниками частей. Условный цвѣтъ и форма значка опредѣляютъ строевую должность начальника. Такие значки, какъ предполагаютъ, должны представлять въ бою значительное удобство какъ для сбора самихъ частей, для указанія направленія какому-либо движенію, такъ и въ особенности для ординарцевъ и адъютантовъ.

Полковые штабы сводной казачьей дивизіи расположены въ окрестностяхъ Гура-Галины, такъ что въ два часа времени всѣ полки могутъ уже быть на сборномъ пунктѣ.

Терско-Горскій четырехсотенный полкъ дѣлится на два дивизиона; въ первомъ дивизионѣ служатъ исключительно осетины, а во второмъ — ингуши. Между первыми есть 170 человекъ христіанъ, вторые же исключительно магометанскаго вѣроисповѣданія; всѣ они жители Терской области, владикавказскаго и осетинскаго округовъ (бывшій «центръ» нашей военно-кавказской «линіи»). Весь этотъ полкъ составленъ исключительно изъ добровольцевъ, и когда его формировали, то къ заведывавшему формированіемъ полковнику Панкратову являлись охотники цѣлыми аулами, цѣлыми волостями, прося принять ихъ на службу. Эти добродушные люди очень огорчались тѣмъ, что зачѣмъ-де формируютъ только одинъ полкъ, зачѣмъ ихъ берутъ такъ мало, когда джигитовъ хватить у нихъ на десять такихъ полковъ. И дѣйствительно, случись только въ нихъ надобность, они всѣ явятся на призывъ съ величайшею готовностію. Когда осенью прошлаго года въ одной изъ газетъ появились статьи, обвиняющія ингушей въ какихъ-то измѣнническихъ намѣреніяхъ, то туземцы владикавказскаго округа, возмущенные этимъ обвиненіемъ до глубины души, прислали къ окружному начальнику депутацію изъ пятидесяти старѣйшинъ, которые горячо протестовали передъ нимъ противъ несправедливаго газетнаго извѣта и усердно просили, чтобы имъ поз-

вошли на свой счет сформировать из себя полкъ, дабы не на словахъ, а на дѣлѣ убѣдительно доказать ихъ вѣрность и преданность «Справедливому Царю» в Россіи. Когда формирование Терско-Горскаго полка было окончено, то особая депутация отъ осетинъ и ингушей обратилась къ командующему войсками Терской области, генералъ-адъютанту Свистунову, съ просьбой исходатайствовать о назначеніи къ нимъ въ полкъ командиромъ ихъ окружнаго начальника полковника Паякротова. Ходатайство это было уважено. Весь полкъ собранъ былъ въ десять дней. 9-го ноября генералъ-адъютантъ Свистуновъ, возвратясь изъ Тифлиса, передалъ приказъ о призывѣ на службу осетинъ и ингушей, а 21-го числа того же мѣсяца было уже донесено, что полкъ сформированъ и вполне готовъ къ выступленію. Каждый всадникъ явился по призыву на собственной лошади, обмундированный и одѣтый на свой счетъ. Теперь они получаютъ отъ казны содержаніе: каждый рядовой — по десяти рублей въ мѣсяцъ жалованья, фуражъ и пищу натурою, при чемъ вмѣсто нецривычнаго для нихъ ржаного хлѣба отпускается пшеничный; кромѣ того, всѣмъ имъ розданы казенныя берданки казачьяго образца, взаменъ ихъ собственныхъ кремневыхъ ружей. Между осетинами находятся въ первомъ дивизионѣ 60 *алдаровъ*; то есть мѣстныхъ дворянъ, изъ которыхъ есть люди весьма вѣжательные и даже богатые, какъ напр. Ходардонъ, имѣющій шесть тысячъ въ годъ дохода, и большая часть этихъ алдаровъ добровольно служатъ рядовыми всадниками. Вообще, между горскими добровольцами стоятъ въ рядахъ и отцы съ сыновьями, и дяди съ племянниками, и по нѣсколько родныхъ братьевъ. Между офицерами найдется, пожалуй, нѣсколько неграмотныхъ, но зато всѣ они съ практическаго навыка прекрасно знаютъ свое дѣло, всѣ они украшены тремя-четырьмя серебряными и золотыми знаками военнаго ордена и почтенными боевыми шрамами на лицѣ и на тѣлѣ; есть между ними люди съ отрубленными въ бою пальцами, а все-таки служатъ по доброй охотѣ и снова рвутся въ бой. Всѣ офицеры — превосходные стрѣлки и умоляютъ дать имъ тоже берданки. На 25 человекъ офицеровъ въ Терско-Горскомъ полку, за исключеніемъ полковаго командира, только двое русскихъ, *адъютантъ* и *казначей*, на которыхъ и лежатъ всѣ административно-письменные обязанности. Впрочемъ, въ дивизионной канцеляріи, которая вся состоитъ только изъ четырехъ писарей (по одному отъ cadaго полка), находится для переписки одинъ молодой осетинъ, окончившій курсъ въ своей аульной школѣ и замѣчательно красиво и правильно пишущій по-русски. По его словамъ, между туземцами, и особенно въ средѣ молодежи, въ послѣдніе годы, благодаря школамъ, русская грамота дѣлается большіе успѣхи.

Первоначально было назначено въ полкъ только 14 офицеровъ, преимущественно изъ тѣхъ, что помоложе, повыносливѣе и поразвитѣе. Но этимъ серьезно огорчились и даже обидѣлись офицеры-старики, рубаки былаго кавказскаго времени, входившіе въ составъ той депутации, которая предлагала сформировать изъ себя полкъ въ доказательство своей вѣрности Русскому престолу. Хотя между этими стариками есть и шестидесятилѣтніе люди, но они не хотѣли отстать отъ своей молодежи и усерднѣе просили разрѣшить и имъ тоже стать въ ряды, какъ старымъ, опытнымъ бойцамъ, дабы служить для молодежи добрымъ примѣромъ боевой лихости и походной выносливости. По особому ходатайству генералъ-адъютанта Свистунова, было разрѣшено принять ихъ на службу, и такимъ образомъ въ Терско-Горскомъ полку очутилось 25 человекъ офицеровъ, совершенно счастливыхъ своимъ «почетнымъ» назначеніемъ.

Командныя слова въ Терско-Горскомъ полку произносятся по-русски; но всадники на привѣтствіе начальника: «здорово ребята» отвѣчаютъ: «берекѣтъ берсеиъ!» Это, въ сущности, исковерканный въ произношеніи турецкія слова, которыя выражаютъ собою благодарность старшему лицу за его привѣтъ. Сигналы у терско-горцевъ обще-кавалерійскіе. Полкъ охотно учится въ строю, и теперь уже сѣзженъ на столько, что различныя ломки фронта, построения и эволюціи сомкнутыми частями производится весьма порядочно.

Каждый дивизионъ имѣетъ свое особое знамя, вывозимое въ строй со всѣми почестями, присвоенными знаменамъ и штандартамъ по уставу. У осетинъ знамя небесно-голубого цвѣта, а у ингушей — алое; оба на чрезвычайно высокихъ древкахъ, аршинъ до пяти, и очень тяжелыя. Хотя, по уставу, конному полку присвоивается нынѣ только одинъ штандартъ, но дѣло въ томъ, что и осетины и ингуша еще раѣе имѣли свои собственные знамена, пожалованные имъ за вѣрную службу покойнымъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Оба племена настолько гордятся каждое своимъ знаменемъ, что ни то, ни другое ни за что не хотѣли уступить въ этомъ отношеніи первенства другъ другу. Составили депутацию и послали ее просить, чтобы обоимъ племенамъ было позволено служить каждому подъ своимъ знаменемъ. Прошеніе это разрѣшено въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, и такимъ образомъ каждый дивизионъ Терско-Горскаго полка выѣзжаетъ въ строй съ особымъ знаменемъ. По поводу этихъ знаменъ въ Гура-Галбинѣ рассказываютъ одинъ случай, который какъ нельзя лучше характеризуетъ духъ и воинскія убѣжденія горцевъ. На одномъ изъ первыхъ строевыхъ учений, въ присутствіи генералъ-лейтенанта Скобелева, оба дивизиона были пущены

карьеромъ въ примѣрную атаку. По уставу, во время атаки штабдарты съ ассистентами не мчатся наряду съ фронтомъ, а остаются позади его и слѣдуютъ за нимъ отдѣльно, умѣренными аллюромъ, которымъ, по оканчиваніи атаки, и входятъ въ свое мѣсто. Это уставное постановленіе было, конечно, примѣнено и въ данномъ случаѣ. Горцы, для которыхъ оно оказалось совершенной новостью, крайне были озадачены и удивлены, не видя во время атаки своихъ знаменъ предъ собою. Но еще болѣе смутились этимъ сами знаменовосцы и ихъ ассистенты. По окончаніи ученія они рѣшились подойти къ своему командиру за разъясненіемъ, всегда ли это такъ будетъ, что они станутъ оставаться позади прочихъ? На отвѣтъ полковника — что непременно всегда, потому что такъ положено по уставу — эти добрики съ глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ возразили, что «нѣтъ, бачка-полковникъ, такъ нельзя. Мы такіе же джигиты, какъ и другіе, мы тоже хотимъ быть впереди, чтобы всѣ остальные насъ видѣли; на то мы и знаменщики! И повѣрь ты намъ, мы не отдадимъ нашихъ знаменъ, пока хоть одинъ изъ насъ останется въ живыхъ. Ну, а перебудутъ всѣхъ до одного, тогда Божья воля; пусть у мертвыхъ и знамена берутъ».

Совершенно подлѣ этому случаю, есть и еще одинъ эпизодъ, не менѣе характерный. На смотръ начальника дивизіи одинъ взводъ Терско-Горскаго полка оставленъ былъ позади фронта, въ прикрытіе полкового обоза, который, къ слову сказать, весь состоитъ у нихъ изъ кавказскихъ двухколесныхъ арбъ. Вдругъ этотъ взводъ цѣликомъ прискакалъ къ полковнику Панкратову.

— Вы зачѣмъ? Кто васъ требовалъ? — пнулъ полковникъ.

— Виноваты, бачка! Мы затѣмъ, что намъ очень уже обидно, и мы хотимъ знать, всегда ли насъ будутъ въ обозъ ссылать? Потому что если всегда, и только насъ однихъ, то это намъ такая обида, что хуже всякаго позора!.. Развѣ мы хуже другихъ джигитовъ?.. И за что же всѣ прочіе надъ нами смѣяться будутъ?!

Успокоились только тогда, когда получили увѣреніе, что караулъ къ обозу каждый разъ будетъ назначаться по новой очереди.

Сколько можно судить въ настоящее врмя, воинскій духъ у этихъ людей прекрасный. По свидѣтельству офицеровъ, они «рвутся къ бою». Какъ сказано было выше, оба племени цѣлыми волостями являлись къ полковнику Панкратову, прося ихъ всѣхъ принять на службу. Когда же имъ было разъяснено, что такая жертва пока еще не вызывается необходимостью, то выборные отъ обоихъ племенъ отправились къ представителю высшей власти и заявили ему приблизительно слѣдующее: «богачи наши всѣ на коняхъ и всѣ почти по-

шли теперь на призывъ доброй охотой. Мы — люди бѣдные и простые, не можемъ жертвовать деньгами, и, если нельзя насъ всѣхъ поголовно принять на службу, то мы все-таки не желаемъ отставать отъ другихъ, хотимъ жертвовать чѣмъ можемъ, и потому предлагаемъ для нуждъ армии столько подводъ, сколько силъ и средствъ нашихъ хватитъ».

На походѣ, во время слѣдованія къ Кишиневу, было получено предписаніе сдать въ бендерскій арсеналъ старыя кремневые ружья, взавѣять которыхъ горцамъ имѣютъ быть розданы берданки. Горцы обыкновенно не любятъ разставаться со *своимъ* оружіемъ, но тутъ это было исполнено охотно, потому что еще у себя дома они слышали о «дивныхъ свойствахъ» скорострѣлокъ. Однако присылка оружія въ Гур-Галбину послѣдовала не такъ скоро, какъ того хотѣлось бы нетерпѣливымъ горцамъ и они приуныли; но наконецъ предъ великимъ постомъ прибылъ столь жадно ожидаемый транспортъ. И надо было видѣть эту живую, дѣтски-наивную радость горцевъ, когда приступили къ раздачѣ имъ берданокъ. Они по этому поводу устроили у себя цѣлый праздникъ, танцевали свой особенный танецъ «кипенъ», гдѣ плясуны смыкаются, обнявшись, въ плотный кругъ, другіе становятся къ нимъ на плечи, а къ этимъ, въ свою очередь, взбираются третьи и строятъ такимъ образомъ плавно кружащуюся въ тактъ пирамиду. Старики чуть не съ благоговѣніемъ принимали берданки изъ рукъ командировъ, какъ бы нѣчто священное и завѣтное: они любовались на свое новое оружіе и даже цѣловали его. Одни пѣшкомъ, другіе на коняхъ намѣчали себѣ извѣстное разстояніе и пробовали, сколько разъ на бѣгу или на карьерѣ успѣютъ примѣрно зарядить, прицѣлиться и спустить курокъ, пока достигнутъ до намѣченного пункта. Это былъ общій праздникъ, общая радость.

У магометанъ въ Терско-Горскомъ полку есть свой мулла, который однако выѣзжаетъ въ строй и вообще несетъ всю службу наряду со всѣми всадниками. Онъ же служитъ имъ и за медика, вмѣстѣ съ другимъ всадникомъ, его помощникомъ. Горцы, отправляясь въ походъ, нарочно захватили съ собой этихъ двухъ своихъ собственныхъ медиковъ, искусство которыхъ уже неоднократно было испытано ими на дѣлѣ. Хотя въ Терско-Горскомъ полку и имѣется ординарный медицинскій персоналъ, полагаемый по штатамъ, но горцамъ не препятствуютъ лечиться и у своихъ собственныхъ докторовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ болѣзни не требуетъ спеціальнаго участія дѣйствительнаго врача, и тѣмъ болѣе, что эти азіатскіе медики оказываются весьма искусными въ леченіи нѣкоторыхъ болѣзней. Такъ напримѣръ, они замѣчательно хорошо

вылечивают переломы, ушибы, холодные и огнестрѣльные раны, никогда не прибѣгая при этомъ къ ампутаціи, потому что умѣютъ отлично предупреждать гангрену. Лечать они своими специальными способами и средствами, при чемъ весь секретъ счастливаго исхода болѣзни заключается главнѣйшимъ образомъ въ чистомъ, опрятномъ уходѣ за раной и въ умѣньи сдѣлать перевязку. Въ составъ ихъ медицинскихъ средствъ входятъ преимущественно бараній жиръ и припарки изъ бараньихъ внутренностей; но и кромѣ того существуютъ у нихъ всякіе разноцвѣтные пластыри, мази, травы и вообще свои специальные секреты. Весь способъ леченія ранъ ограничивается наружными средствами, при чемъ въ смыслѣ необходимѣйшаго условія является то, чтобы больному отнюдь не давать спать. Для этого къ раненому собираются поочередно его друзья, пріятель и знакомцы и принимаютъ развлекать его безъ перерыва пѣснями и плясками; а чуть станетъ доходить его сонъ, они начинаютъ усердно барабанить во что попадетъ и изо всей силы колотить въ мѣдные котелки и тазы. Азіатскіе медики запрещаютъ раненому спать, во избѣжаніе приливовъ крови къ голоу, и только впоследствии, когда счастливый исходъ болѣзни уже не подлежитъ сомнѣнію, разрѣшаютъ они пациенту пользоваться сномъ, сначала на короткое время, а потомъ постепенно все болѣе и болѣе, строго соблюдаясь однако съ ходомъ выздоровленія. Каждый зажиточный горецъ, узнавъ, что такой-то «кунакъ» его раненъ, спѣшитъ послать ему въ даръ цѣлаго барана на вырѣзку припарокъ и на угощеніе пѣвцовъ и плясунцовъ. Таковы ужъ обычаи.

Выше было сказано, что горцы получаютъ пшеничный хлѣбъ вмѣсто ржаного. Въ Одессѣ, въ особой пекарнѣ, на случай похода приготавливаются для нихъ изъ пшеничной муки очень пріятныя на видъ и на вкусъ галетты, которыя, въ сушеномъ состояніи, по отзыву самихъ потребителей, несравненно вкуснѣе ихъ кавказскаго чурека. Наиболѣе любимую и лакомую пищу горцевъ составляютъ три блюда: *чихиртма*, похлебка изъ курицы, подбиваемая яичными желтками съ приправою изъ лимона; *шашлыкъ*, на который употребляется молодой барашекъ цѣлкомъ и жарится на вертелѣ, и наконецъ рисовый *пловъ* изъ жирной курицы, приправленный кишмишемъ и курагой (сушеный абрикосъ) или черносливомъ. Вообще, ѣдятъ они отлично и — надо отдать справедливость — очень вкусно. Нѣкоторые изъ болѣе достаточныхъ христіанъ захватили съ собой на чужбину и запасъ кахетинскаго въ бурдючкахъ, очень удобныхъ для похода.

Какъ ягушцы, такъ и осетины — народъ чрезвычайно добродушный, даже во многомъ

дѣтски наивный, честный и веселый. Тѣ и другіе очень любятъ пѣніе и пляску, которыя у нихъ весьма своеобразны. Поютъ обыкновенно хоромъ, но такъ, что хоръ служитъ чѣмъ-то въ родѣ аккомпанемента. Теноры, баритоны и басы обыкновенно тянутъ въ унисонъ нѣсколько тактовъ какую-нибудь ноту, затѣмъ мѣняютъ ее на другую, на третью и къ окончанію строфы возвращаются къ нотѣ первоначальной. Звукъ издаваемый ими при этомъ, есть просто А, произносимое протяжно. И вотъ, на этомъ-то хоральномъ фонѣ одинъ наиболѣе искусный пѣвецъ выводитъ голосомъ, часто переходящимъ въ высокій фальцетъ, разные азіатскіе завитки, узоры и арабески, сопровождая все это, конечно, словами стиховъ и очень выразительными мимикой и жестикуляціей. Въ общемъ такое пѣніе, при всей своей оригинальности, быть можетъ и страшной для европейскаго уха, выходитъ очень не дурно.

Пляски у нихъ довольно разнообразны, но все происходятъ хороводнымъ порядкомъ, т. е. въ кругу, въ которомъ танцуетъ одинъ или пара, либо же сообща весь кругъ принимается за пляску. Къ первымъ относятся *лезгинка* и *кавка*, а ко вторымъ *гульки*, *кипена* и *симитъ-симѣ*. Въ лезгинкѣ и кавкѣ весь хороводъ, за исключеніемъ пляшущей пары, все время остается неподвижно въ кругѣ и мѣрно бьетъ въ ладоши, то учащая, то замедляя темпъ, сообразно ходу пляски. Въ серединѣ круга иногда помѣщаются барабанъ, сдѣланный изъ простого лубочка, на которомъ выколачиваютъ тактъ одинъ изъ музыкантовъ, въ то время какъ другой, внѣ круга, наигрываетъ однообразную и весьма небогатую мелодію на осетинской берестяной дудкѣ.

Гура-галбинскіе обыватели очень довольны пока своими постояльцами. Они относятся о горцахъ съ похвалою, свидѣтельствуя, что это народъ смирный, весьма трезвый и честный: ни воровства, ни буйства, ни обидъ или притѣсненій хозяевамъ за ними не водится. По горцы жалуются на конокрадovъ — вѣроятно все го цыганъ, — которые успѣли уже увести у нихъ нѣсколько лошадей, что впрочемъ и не мудрено въ здѣшнія темныя ночи, нѣрѣдко сопровождаемыя бурными метелями, и тѣмъ болѣе, что эти превосходныя по своимъ боевымъ качествамъ горскія лошади всю зиму проводятъ безъ конюшенъ, которыхъ здѣсь вообще не имѣется, и даже безъ навѣсовъ, а просто-себѣ стоятъ приткнувшись къ стогу соломы или камыша, на дворахъ, часто ровно ничѣмъ не огороженныхъ. Вообще гура-галбинскую стоянку далеко нельзя назвать завидною.

Между всѣми полками сводной дивизіи какъ-то съ перваго же разу установился братскій духъ военнаго товарищества, или, какъ они

называютъ, *куначества*. Тутъ вѣтъ и въ поминѣ ни зависти, ни бахвальства одной части передъ другой; полкъ на полкъ смотритъ какъ на своего вѣрнаго кудака, вадежную поддержку и братскую помощь въ боевомъ дѣлѣ. Донской № 30-го полкъ нѣсколько позже другихъ назначенъ былъ въ составъ «гулевой» дивизіи и пришелъ къ мѣсту своего новаго назначения предъ самой масляницей. На послѣднемъ своемъ переходѣ донцы сдѣлали привалъ въ селеніи Чинишия, гдѣ стоятъ кубанцы. Эти послѣдніе тотчасъ же сами, безъ всякихъ внушеній съ чѣй-бы то ни было стороны, «покуначились» съ донцами, разобрали ихъ по своимъ квартирамъ и, въ силу кавказскаго обычая, отдали имъ весь свой обѣдъ и винную порцію, — однимъ словомъ, угостили на славу, за что донцы, проголодавшіеся въ сухоматку, остались имъ очень благодарны и на второй недѣлѣ поста, пригласивъ къ себѣ въ гости кубанцевъ послѣ бригаднаго ученья, отблагодарили ихъ подобнымъ же угощеніемъ. Духъ такого добраго согласія и военнаго братства, безъ сомнѣнія, служить залогомъ доблестной боевой дѣятельности нашихъ «гулевыхъ» полковъ и сотенъ.

VI.

Военная жизнь въ Кишиневѣ.

Возвращеніе великаго князя изъ поѣздки по войскамъ.—Тревога.—Быстрота и порядокъ сбора.—Смотръ главнокомандующаго.—Возбужденное состояніе общества въ Кишиневѣ.—Опасенія послѣдствій разоруженія.—Мнѣнія, господствующія въ обществѣ.—Колебанія политическаго барометра.—Причины недовольства.—Признаки близости войны.—Ожиданіе пріѣзда государя императора.—Общественная и частная жизнь офицеровъ въ Кишиневѣ.—Разочарованіе шулеровъ.—Городской клубъ и обѣды въ его столовой.—Отношенія офицерства къ мѣстному обществу.

Кишиневъ, 1-го апрѣля.

19-го марта, въ 5¼ час. пополудни возвратился въ Кишиневъ его высочество главнокомандующій, въ сопровожденіи герцога Евгѣнія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, съ начальникомъ штаба и свитой, послѣ двѣнадцатидневнаго путешествія, совершеннаго для осмотра войскъ дѣйствующей арміи. На станціи великій князь былъ встрѣченъ всеми начальствующими лицами, наличными офицерами и чинами штаба; находящіеся въ Кишиневѣ войска стояли шпалерами по Каушанской улицѣ; у дворца былъ поставленъ почетный караулъ. Погода стояла отвратительная, но несмотря на это, Каушанская улица на всемъ ея протяженіи и бульваръ предъ домомъ его высочества все болѣе и болѣе наполнялись публикой. Встрѣча со стороны войскъ и народа была радостная, потому что въ этотъ день и войска, и кишиневская публика впер-

вые увидѣли великаго князя послѣ выдворенія отъ тяжелой и продолжительной болѣзни. Почувствовавъ облегченіе, его высочество еще 25-го января переѣхалъ съ небольшою, ближайшей своей свитой въ Одессу, для пользованія теплыми морскими ваннами, и уже изъ сего послѣдняго города, не заѣзжая въ Кишиневъ, отправился въ путешествіе для осмотра войскъ, расположенныхъ вдоль желѣзно-дорожныхъ линій.

22-го марта великій князь главнокомандующій, въ началѣ второго часа пополудни, выѣхалъ на обыкновенную свою прогулку, въ открытой коляскѣ. Подѣхавъ къ городской гауптвахтѣ, его высочество приказалъ барабанщику ударить тревогу, которая и была отъ него принята всеми частями войскъ, расположенныхъ въ самомъ Кишиневѣ. На сколько тревога эта была неожиданна для войскъ, можно судить уже изъ того, что даже самыя ближайшія къ главнокомандующему лица не были предупреждены о ней заранее. Тѣмъ не менѣе, едва ли прошло пять минутъ послѣ того, какъ раздалась первая дробь барабана, а терскіе и кубанскіе казаки уже мчались отдѣльными группами къ сборному пункту и живо выстраивались на Каушанской улицѣ, противъ дома, занимаемаго великимъ княземъ. Отсюда, впрочемъ, конвойный дивизионъ, по распоряженію главнокомандующаго, былъ переведенъ на Московскую улицу, къ городскому саду, гдѣ и назначенъ былъ общій сборный пунктъ для всего кишиневскаго гарнизона. Пока городъ во всѣхъ концахъ своихъ оглашался звуками тревоги, его высочество отъ городской гауптвахты проѣхалъ къ бывшимъ гусарскимъ казармамъ, гдѣ нынѣ квартируетъ часть летучаго отряда, составленнаго изъ командъ гвардейскаго экипажа, гвардейскихъ саперъ, гальванеровъ и командъ черноморскаго флота. Всѣ эти части уже были въ сборѣ и сѣдѣли къ назначенному пункту. Отъ гусарскихъ казармъ главнокомандующій направился къ Инзовой горѣ, гдѣ расположенъ понтонный № 3-го полубатальонъ, уже запрягавшій лошадей въ свои громоздкіе экипажи, а отсюда его высочество прослѣдовало на базарную площадь, гдѣ, въ ожиданіи его прибытія, собрались уже верхами лица главной квартиры и штаба дѣйствующей арміи. Главнокомандующій, пригласивъ къ себѣ въ коляску начальника штаба, генералъ-адъютанта Непокойничкаго, поѣхалъ въ сопровожденіи свиты мимо войскъ, собравшихся на Московской улицѣ менѣе чѣмъ въ полчаса отъ начала тревоги. Здороваясь съ каждою частію, великій князь миновалъ голову общей колонны и, остановившись противъ воротъ городского собора, вышелъ изъ коляски и приказалъ трубачу подать кавалеріи сигналъ движенія рысью. Мимо его высочества прослѣдовали по-взводно кубанскій и терскій эска-

дроны, за ними донская казачья сотня, а да-
лѣ пошла пѣхота, съ музыкой и барабаннымъ
боемъ. Маршъ пѣхоты открывали гвардейскіе
саперы, а за ними остальные команды летуча-
го отряда и пѣхотный конвой главнокоман-
дующаго, составленный, въ количествѣ двухъ
ротъ, изъ людей отъ разныхъ пѣхотныхъ
войскъ арміи. Далѣ слѣдовали 53-й пѣхотный
Волынский и 54-й пѣхотный Минскій полки,
чѣстный батальонъ, полубатальонъ Бендер-
скаго крѣпостного полка, 14-я артиллерійская
бригада, понтонные полубатальоны № 3-го и
№ 4-го и наконецъ полные обозы всѣхъ частей
войскъ, участвовавшихъ въ тревогѣ. Смотръ
окончился къ четыремъ часамъ и его высо-
чество остался вполне доволенъ быстротою и
отличнымъ порядкомъ, въ какомъ вышли войска,
а также ихъ бодрымъ молодецкимъ видомъ, и
благодарилъ отдѣльно каждую проходившую
мимо его часть.

И граждане, и военные — всѣ у насъ те-
перь въ весьма возбужденномъ состояніи. Нѣ-
сколько дней тому назадъ все было погружено
въ озлобленное уныніе: ожидали, что Лондон-
скій протоколъ будетъ подписанъ Англіею не
иначе, какъ цѣною предварительнаго указа о
разоруженіи нашей арміи. Нѣкоторые экзаль-
тированные головы уже съ горечью высказы-
вали, что послѣ этого ничего больше не остается,
какъ снять военный мундиръ; составилось мно-
жество паръ — будетъ или не будетъ походъ.
Многіе и притомъ весьма солидные люди дер-
жатся такого мнѣнія, что если во имя идеи
мира во что бы то ни стало наша дѣйствую-
щая армія будетъ демобилизована, то это
породитъ въ ея средѣ массу недовольныхъ,
причемъ недовольство будетъ возбуждено не
въслѣдствіе одного только патріотическаго чув-
ства, загнаннаго во внутрь души и тамъ по-
давленнаго силою внѣшнихъ политическихъ
обстоятельствъ, но лицу ему дадутъ и чисто-
матеріальныя условія. Каждый казакъ, кото-
рый, для того чтобы явиться по призыву на
службу, былъ можетъ, свелъ на базаръ послѣд-
нюю пару воловъ, а жена его послѣ того по-
шла въ батрачки; каждый призывной солдатъ,
оставившій безъ обезпеченія семью или поте-
рѣвшій выгодное мѣсто гдѣ-нибудь въ городѣ,
либо на фабрикѣ — всѣ эти люди, для того
чтобы явиться въ ряды, понесли болѣе или
менѣ чувствительныя для нихъ потери и ли-
шенія въ чисто-матеріальномъ, насущномъ
смыслѣ. И теперь распустить ихъ по домамъ,
послѣ почти полугодового томительнаго и на-
пряженнаго ожиданія, распустить ихъ съ чѣмъ—
это одно уже (по господствующему здѣсь, почти
общему мнѣнію) способно поселить въ этихъ
людяхъ глубокое чувство недовольства. Я уже
не говорю про офицеровъ, которые тоже тер-
пятъ не мало лишеній, особенно же изъ числа
семейныхъ людей, вынужденныхъ столько вре-

мени жить, по большей части весьма скудно,
на два дома. Прибавьте къ этому и *крас-*
стивное чувство нашей военной интеллиген-
ціи и молодежи, которые, при весьма высо-
комъ подъемѣ патріотическаго чувства, смо-
тять на демобилизацію (если таковая про-
изойдетъ), какъ на фактъ постыднаго отсту-
пленія Россіи отъ ея историческаго призванія,
какъ на признакъ ея государственной немощи.

Таковы-то господствующія здѣсь мнѣнія. Не-
довольство современнымъ положеніемъ дѣйстви-
тельно существуетъ, и даже весьма не малое.
Болѣе всего кажутся невыносимыми эти без-
престанныя колебанія политическаго барометра.
Повѣрите ли, иногда по два, по три раза на
одинъ день приходится людямъ мѣнять свое
внутреннее настроеніе: то вдругъ пронесутся
слухи о какихъ-нибудь распоряженіяхъ воин-
ственнаго свойства — и все мгновенно ожива-
етъ, наполняется надеждою испить водицы
дунайской, лица проясняются, группы офице-
ровъ покрываютъ городской бульваръ, ведутъ
оживленные разговоры, чуть не поздравляютъ
другъ друга съ походомъ; то вдругъ какая-
нибудь газета или частное извѣстіе изъ Пе-
тербурга принесетъ слухъ миротворительнаго
свойства, на подкладѣ тѣхъ или другихъ
дипломатическихъ уступокъ съ нашей сто-
роны, — и вотъ, лица мгновенно вытягиваются,
опять наступаетъ уныніе и глухой, озлоблен-
ный ропотъ. Но не думайте, чтобы наша ар-
мія была заражена духомъ задорнаго шови-
низма, подобно французамъ предъ войною
1870 года, — нѣтъ, этого мы у насъ не встрѣ-
тите! Тутъ, въ офицерской фронтовой средѣ,
нѣтъ ни самохвальства, ни самонадѣянности,
ни кичливо-презрительнаго отношенія къ бу-
дущимъ противникамъ. Каждый офицеръ, развѣ
за весьма немногими исключеніями, и каждый
солдатъ смотритъ вполне серьезно и скромно
на предстоящее ему трудное дѣло и съ убѣ-
жденіемъ почитаетъ его за дѣло *святое*; недо-
вольство же наше, которое за послѣднее время
проявляется — увѣ! — слишкомъ часто, имѣетъ
своимъ источникомъ единственно лишь глубо-
кое патріотическое чувство, которое томится и
дрожитъ отъ сомнѣнія, что неужели Россія от-
ступитъ отъ своего *святаго* дѣла съ ущербомъ
для ея достоинства и въ угоду явно враждеб-
ной намъ Англіи.

Въ настоящую минуту на нашемъ военномъ
горизонтѣ *ясно*. Не знаю, что и какъ будетъ
завтра, а можетъ быть даже и сегодня къ ве-
черу, но дѣло въ томъ, что, судя по нѣкото-
рымъ признакамъ, *кажется*, скоро запахнетъ
боевымъ порокомъ. Такъ, напримѣръ, летучій
отрядъ изъ моряковъ и гвардейскихъ саперовъ
выступилъ сегодня ночью въ Бендеры для
практическихъ занятій на Днѣстрѣ по погру-
женію и вылавливанію торпедъ; понтонные
парки ушли вчера еще изъ Кишинева на гра-

ницу; изъ Тирасполя и Бендеръ велѣно передвинуть къ Унгенамъ (пограничный пунктъ) осадные и инженерные парки; въ войскахъ, особенно въ кавалеріи, тоже готовятся къ приближенію къ пограничной линіи; нѣны части, какъ говорятъ, уже выступили на новыя квартиры близъ границы; въ главной квартирѣ часто появляются то сербскіе, то румынскіе военные агенты, появлялся и г. Варшавскій, показываються порою г-да Грегеръ, Горвицъ, Коганъ и нѣкоторыя другія личности съ предложеніями на интендантскія поставки en grand; съ ними, какъ слышно, у начальника полевого штаба и у главнаго интенданта арміи идутъ серьезные переговоры. Въ главное полевое казначейство уже отправлено изъ Петербурга 50 миллионъ золотомъ на нужды войскъ и для раздачи жалованья при переходѣ за границу. Говорятъ даже, будто 7-го апрѣля двинемся въ походъ, но... здѣсь уже не разъ назначали дни выступленія (разумѣется, по слухамъ) и доселѣ все это оказывалось пухомъ. Позволительно сомнѣваться, какъ бы и на сей разъ *седьмое* не оказалось бы *первымъ* апрѣля. Но какъ бы то ни было, а военныя приготвленія весьма и весьма уже замѣтны. Чѣмъ-то все это разрѣшится...

Вообще, со времени возвращенія въ Кишиневъ великаго князя главнокомандующаго военная жизнь здѣсь замѣтно оживилась; лица, долго хранившія печатъ раздумья подъ давленіемъ томительной неизвѣстности, прояснились. Всѣ съ горячимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда государя и надѣются, что этотъ пріѣздъ принесетъ съ собою слово, возвышающее великія событія. Всѣ—или почти всѣ—проникнуты серьезнымъ сознаніемъ своей задачи и не скрываютъ отъ себя трудностей предстоящаго дѣла, но потому-то еще болѣе проникаются глубокимъ убѣжденіемъ, что дѣло это необходимо потребуетъ отъ нихъ большихъ усилій и самопожертвованія и что оно во что бы то ни стало должно быть доведено до конца соотвѣтственно чести и достоинству Россіи, соотвѣтственно упованіямъ христіанъ Балканскаго полуострова. Здѣсь, въ офицерской фронтовой средѣ, люди скромно и серьезно заняты каждый своимъ служебнымъ дѣломъ, и каждый проникнутъ чувствомъ военнаго братства, взаимной поддержки и, такъ-сказать, военной круговой поруки. Общественная и частная жизнь офицеровъ точно также не выходитъ изъ самыхъ скромныхъ рамокъ. Здѣсь вовсе не слышно о кутежахъ или буйныхъ приключеніяхъ, не льется шампанское, какъ бывало во время оно, и окончательно не существуетъ азартной игры. Шулеръ, поваѣхавшій сюда съ разныхъ концовъ Россіи и даже изъ-за границы, въ надеждѣ на богатую жатву, жестоко обманулся въ своихъ расчетахъ, и уже многіе уѣхали изъ Кишинева во-свояси, унося въ душѣ чувство

самаго горькаго разочарованія въ нашихъ офицерахъ. Военное общество, довольно многочисленное въ Кишиневѣ, ежедневно сходится преимущественно въ городскомъ клубѣ, который любезно предоставляетъ ему бесплатный входъ и пользование столомъ. Обѣдъ изъ трехъ блюдъ стоитъ здѣсь 50 копеекъ. Бутылка пива или скромная полубутылка мѣстнаго вина—вотъ и вся роскошь, какую позволяетъ себѣ приправить свой столъ большинство нашего офицерства. Отношенія къ мѣстному обществу съ первыхъ же дней установились самыя дружелюбныя, каковыя продолжаютъ оставаться и по сию пору, и можно быть увѣреннымъ, что кишиневцы не помянутъ лихомъ своихъ временныхъ гостей. До сихъ поръ не выходило никакихъ непріятностей и недоразумѣній ни въ служебныхъ, ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ отношеніяхъ между военнымъ и мѣстнымъ гражданскимъ элементами, да можно надѣяться, что такъ пойдетъ и до конца. Вообще эта серьезность отношеній къ дѣлу и скромная сдержанность, составляя наиболѣе выдающіеся нравственныя черты чиновъ дѣйствующей арміи, служатъ, по мнѣнію многихъ почтенныхъ боевыхъ ветерановъ былыхъ временъ, добрымъ залогомъ того, что армія честно и стойко исполнитъ до конца предстоящій ей вскорѣ долгъ.

Всѣ разговоры, всѣ помыслы и заботы военнослужащихъ лицъ направлены теперь на несомнѣнную близость похода за границу. Всѣ готовы къ этому событію, но... все-таки, съ невольнотоскливымъ чувствомъ сомнѣваются порою—суждено ли ему осуществиться...

VII.

Наканунѣ войны.

Результаты осмотра войскъ главнокомандующимъ и осмотра военно-врачебныхъ учреждений полевымъ инспекторомъ госпиталей и военно-медицинскимъ инспекторомъ.—Формы санитарной отчетности.—Мясное довольствіе на походъ и порціонный скотъ.—Водоносныя фляги.—Пожертвованіе изъ Вятской губерніи.—Смотръ военновременнаго № 65 госпиталя и контрольный осмотръ такового же госпиталя № 60.

Кишиневъ, 5-го апрѣля.

По возвращеніи изъ двѣнадцати-дневнаго путешествія, предпринятаго для осмотра нѣкоторыхъ воинскихъ частей, великій князь главнокомандующій отдалъ приказъ по дѣйствующей арміи, отъ 26-го марта, за № 20, гдѣ, между прочимъ, говорится:

«Всѣ осматрѣнныя мною части я нашелъ въ блестящемъ состояніи: въ пѣхотѣ—люди имѣли здоровый, бодрый, молодецкій видъ и исполнѣ строевую выправку; всѣ движенія отличались стройностію и смѣлостію шага; строевыя ученія были исполнены отлично, съ твердымъ знаніемъ всеми чинами своего дѣла и съ замѣчательнымъ вниманіемъ; матеріальная часть

въ полномъ порядкѣ: лошади въ обозахъ и по сорту, и по содержанію прекрасны. Въ кавалеріи, какъ регулярной, такъ и казачьей, люди имѣли тоже здоровый, бодрый и молодецкій видъ, правильно сѣдѣли верхомъ, хорошо управляли лошадьми и лихо скакали; лошади очень хороши въ тѣлахъ и хорошо выѣзжены; всѣ движенія и полковыя ученія исполнялись съ замѣчательною стройностію и съ полнымъ знаніемъ всѣми своего дѣла. Въ артиллерію — матеріальная часть въ полномъ порядкѣ, лошади хороши и сыты. Исключеніе представляютъ донскіе казаки № 2-го и № 4-го батареи, которые были найдены мною не въ должномъ порядкѣ. Всѣ дивизіонныя лазареты, артиллерійскіе парки, оба отдѣленія интендантскаго транспорта и обозъ полевого штаба — въ отличномъ порядкѣ.

«Подобное прекрасное состояніе всѣхъ осматриваемыхъ мною частей свидѣлствуетъ мнѣ, что всѣ начальствующія лица отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ своему дѣлу и приложили все стараніе, чтобы довести ввѣренныя имъ части до возможно-лучшаго состоянія. Я увѣренъ, что и впредь заботливость ихъ не ослабѣетъ, и что, когда, по волѣ монарха, яведу войска на поле брани, то они оправдаютъ высокое довѣріе государя императора и съ честію поддержать славу русскаго оружія».

Затѣмъ его высочество выражаетъ свою сердечную признательность всѣмъ начальствующимъ лицамъ, а нижнимъ чинамъ «спасибо».

Второй приказъ главнокомандующаго, отъ того же 26-го марта, за № 21, относится до состоянія санитарной части дѣйствующей арміи, которое, какъ и прежде, представляется, можно смѣло сказать, въ блистательномъ видѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого приказа:

«Начальникъ штаба арміи доложилъ мнѣ, что инспекторомъ госпиталей, генералъ-майоромъ Косинскимъ, и военно-медицинскимъ инспекторомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Приселковымъ, въ теченіе послѣднихъ шести недѣль, какъ лично, такъ и чрезъ посредство чиновниковъ особыхъ порученій произведенъ подробный осмотръ постоянныхъ и военно-временныхъ госпиталей, открытыхъ въ районѣ дѣйствующей арміи. Кроме того, провѣрены практическія знанія ротъ носильщиковъ и осматриваны обозы подвижныхъ лазаретовъ: 5, 9, 14, 31, 32 и 33-й пѣхотныхъ дивизій. Подвижные лазареты 11 и 12-й пѣхотныхъ дивизій осматриваны корпусными врачами тѣхъ корпусовъ, въ которыхъ они состоятъ (затѣмъ слѣдуетъ перечень одиннадцати осматриваемыхъ госпиталей съ ихъ отдѣленіями).

«Во всѣхъ упомянутыхъ госпиталяхъ, благодаря распорядительности инспектора госпиталей и госпитальныхъ комитетовъ, сдѣланы

необходимыя хозяйственныя приспособленія, устроены вентиляціонныя комнаты, временныя аптечныя лабораторіи, цейхгаузы и другія принадлежности госпитальнаго хозяйства.

«При осмотрѣ заведеній военно-медицинскимъ инспекторомъ и медицинскими чиновниками вездѣ найденъ должный порядокъ. Возникшія въ первое время недоразумѣнія осматривавшіе старались по возможности устранить на мѣстѣ.

«Обративъ особенное вниманіе на врачебную сторону дѣла и содержаніе больныхъ, инспекторъ и командированный имъ для осмотра госпиталей лица нашли вездѣ безукоризненный, заботливый уходъ, отличную пищу и правильное, согласное съ современнымъ состояніемъ науки леченіе болѣзней.

«Инспекторъ свидѣлствуетъ въ особенности о трудахъ молодыхъ врачей, изъ которыхъ многіе, подъ руководствомъ опытныхъ главныхъ врачей, съ перваго вступленія на службу показали себя полезными дѣятелями.

«Осмотръ постоянныхъ бендерскаго и тираспольскаго госпиталей произведенъ былъ неоднократно, и они находимы были всегда въ отличномъ состояніи.

«Осмотръ подвижныхъ лазаретовъ показалъ, что состоящія при нихъ роты носильщиковъ болѣе или менѣе приготовлены къ предстоящей имъ дѣятельности. Люди подъ руководствомъ нарочно для этого назначенныхъ врачей изучаютъ подачу перваго пособія раненымъ на полѣ сраженія, переноску ихъ на носилкахъ въ санитарныя линейки, выгрузку раненыхъ изъ экипажей, и тому подобныя приемы. Нѣкоторыя команды доведены до большого совершенства. Въ этомъ отношеніи отличаются въ особенности носильщики 5, 9 и 14-й пѣхотныхъ дивизій.

«При этомъ остается однако же желать, чтобы въ дивизіонныхъ лазаретахъ обращено было большее вниманіе на выѣздку лошадей, которые должны быть приучены даже къ пушечнымъ выстрѣламъ. Въ противномъ случаѣ санитарныя линейки не будутъ соответствовать своей цѣли на полѣ сраженія.

«Независимо отъ упомянутыхъ осмотровъ военно-врачебныхъ заведеній арміи, я лично посѣтилъ военно-временный № 61 госпиталь въ Елисаветградѣ, осмотрѣлъ обозъ его и посѣтилъ постоянный госпиталь въ Бендерахъ, а также осмотрѣлъ подвижной лазаретъ 9-й пѣхотной дивизіи, и поручилъ состоящему при мнѣ лейбъ-хирургу, дѣйствительному статскому совѣтнику Обермиллеру, осмотрѣть постоянный и военно-временный № 59 госпитали въ Тирасполѣ. Эти осмотры убѣдили меня еще болѣе въ дѣйствительно-отличномъ состояніи означенныхъ врачебныхъ заведеній.

«Между вновь открытыми военно-временными врачебными заведеніями и военными д

гражданскими властями до сих пор не замѣчено, какъ мнѣ доложено, никакихъ сколько-нибудь важныхъ недоразумѣній или разногласій. Напротивъ, на первыхъ же порахъ многие начальники войскъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами помогали госпиталямъ въ перевозкѣ вещей и больныхъ, а также и въ другихъ надобностяхъ. Повидимому, съ самаго начала между госпиталями и войсками завязались тѣ полезныя для дѣла отношенія, которыя не могутъ не вліять самымъ благотворнымъ образомъ на ходъ военно-санитарнаго дѣла.

«Мнѣ тоже извѣстно, что врачи дѣйствующей арміи, желая по возможности употреблять свободное отъ служебныхъ занятій время въ тѣхъ городахъ, гдѣ они сгруппированы, составили періодическія медицинскія совѣщанія, на которыхъ обсуждаются вопросы по преимуществу изъ сферы дѣятельности военного врача, какъ хирурга и гигиениста; въ послѣднее же время общими силами приступлено къ собиранію матеріаловъ для предполагаемаго медико-топографическаго описанія края, занимаемаго нынѣ дѣйствующею арміею.

«Все это показываетъ, что съ самаго начала мобилизаціи арміи врачи самымъ добросовѣстнымъ образомъ отнеслись къ своимъ текущимъ и въ случаѣ войны предстоящимъ обязанностямъ, а это обстоятельство въ свою очередь должно имѣть самыя благоприятныя послѣдствія на санитарный бытъ войскъ.

«Точно такое же усердіе къ исполненію своихъ обязанностей оказываютъ и госпитальные чины хозяйственнаго разряда.

«Усматривая изъ представляемой мнѣ отчетности, что, несмотря на исключительное положеніе арміи, въ ней до сих поръ число заболѣваній умѣренно, я не могу не цѣнить тѣхъ трудовъ и той своевременной заботливости, которыя, по вопросу сохраненія здоровья нижнихъ чиновъ, видны во всемъ какъ со стороны начальниковъ частей, такъ и со стороны чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства. Хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи въ сравненіи съ другими нѣсколько большее число заболѣвающихъ, но это, по моему мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ причинамъ чисто мѣстнымъ.

«Поэтому считаю для себя пріятною обязанностью за постоянныя и очевидно успѣшныя заботы по охраненію здоровья нижнихъ чиновъ выразить мою искреннюю благодарность всѣмъ начальникамъ частей и всѣмъ военно-медицинскимъ чинамъ дѣйствующей арміи, а также всѣмъ чинамъ по хозяйственной части госпиталей за заботы ихъ по призрѣнію больныхъ».

Какъ на вполне цѣлесообразное нововведеніе на случай войны, слѣдуетъ указать на новыя формы санитарной отчетности, утвержденныя военнымъ совѣтомъ 15-го декабря минувшаго года. Эти формы составляютъ слѣдующія че-

тыре подраздѣленія: а) *санитарная книжка*, б) *офицерская книга перевязочнаго пункта*, в) *журналъ перевязочнаго пункта* и д) *полковой журналъ*.

Каждый заболѣвающій или раненый, при поступленіи для леченія въ военно-врачебное учрежденіе (будетъ ли это перевязочный пунктъ, подвижной дивизионный лазаретъ, военно-временной или постоянный госпиталь), будетъ снабженъ особой *санитарной книжкой*, которая остается при немъ до полного выздоровленія или исключенія въ неспособные, или до его смерти. Въ случаѣ перевода изъ одного учрежденія въ другое, вмѣстѣ съ больнымъ или раненымъ должна препровождаться и его санитарная книжка. Всѣ подобныя книжки выздоравливающихъ, увольняемыхъ въ отпускъ, исключаемыхъ въ неспособные, а также и умирающихъ, въ продолженіе кампаніи должны быть препровождаемы, по мѣрѣ выбыванія больныхъ и раненыхъ изъ врачебныхъ учрежденій, въ полевое военно-медицинское управленіе, какъ матеріалъ для текущей отчетности по санитарной части дѣйствующей арміи. Въ то же самое управленіе равно должны быть доставлены, по окончаніи кампаніи, санитарныя книжки и всѣхъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые еще будутъ находиться во врачебныхъ заведеніяхъ, съ надлежащею о томъ отмѣткою въ книжкахъ. Снабженіе санитарной книжкой будетъ производиться врачами, при отправленіи нижняго чина въ врачебное заведеніе. Если же отправленіе это почему-либо послѣдуетъ безъ врача, то обязанность снабженія санитарною книжкою будетъ лежать на начальствѣ полка или команды, и въ этихъ случаяхъ книжка замѣняетъ собой полковой билетъ. Порядокъ же производства письменныхъ отмѣтокъ указанъ въ правилахъ, напечатанныхъ въ самой санитарной книжкѣ.

На каждомъ перевязочномъ пунктѣ будетъ находиться такъ называемая «*офицерская книга перевязочнаго пункта*», съ печатными графами для записыванія, по особо изданной формѣ, раненій офицеровъ и съ точнымъ обозначеніемъ свѣдѣній о лицѣ, потерпѣвшемъ раненіе и о полученной имъ ранѣ или ушибѣ. Каждый листъ этой книги надрѣзанъ по срединѣ поперекъ; свѣдѣнія же по вопросамъ въ соответствующихъ графахъ вписываются вдвойнѣ, въ обѣихъ половинахъ листа. По вписаніи свѣдѣній въ графахъ, нижній полулистъ занумеровывается тѣмъ же номеромъ, какой выставленъ на верхнемъ полулистѣ, скрѣпляется подписью врача, отрѣзывается изъ книги и выдается на руки раненому офицеру. Этотъ послѣдній полулистъ носитъ названіе «Свидѣтельства перевязочнаго пункта» и долженъ въ послѣдствіи служить документомъ для внесенія раненія въ послужной списокъ офи-

пера на приобретение чрез то узаконенных преимуществ, смотря по последствиям раны или ушиба. «Офицерскія книги перевязочных пунктов» по окончаніи кампаніи должны быть представляемы въ полевой штабъ арміи.

Независимо отъ «офицерской книги», на каждомъ перевязочномъ пунктѣ ведется еще особый «*Журналъ перевязочнаго пункта*», куда, соответственно графамъ, будутъ вписываться нумеръ по порядку, мѣсяцъ, число, имя, фамилія, названіе полка или команды, свойство раны или ушиба, оказанная помощь и мѣсто, куда раненый отправленъ. Журналъ этотъ предназначенъ для записыванія раненій и ушибовъ всѣхъ вообще, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, поступающихъ на перевязочный пунктъ.

Наконецъ, въ «*полковой журналъ*», соответственно его графамъ, будутъ вписываться: нумеръ по порядку, мѣсяцъ, число, какой губерніи, лѣта отъ роду, званіе или сословіе и занятіе до службы, время поступления на службу, условія службы, званіе по службѣ, когда, гдѣ и чѣмъ заболѣлъ и куда отправленъ. Въ этотъ журналъ записываются точно также всѣ вообще заболѣвающіе офицеры и нижніе воинскіе чины. Хотя веденіе журнала, какъ «перевязочнаго пункта», такъ и «полкового» лежитъ на обязанности врачей, но ближайшіе военные начальники должны наблюдать за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ врачами этого дѣла.

Если же въ какой-либо командѣ не будетъ врача, то «полковой журналъ» можетъ быть вестъ фельдшеромъ, подъ наблюденіемъ командира части. «Журналъ перевязочнаго пункта» за подписью врачей, дѣйствовавшихъ на этомъ пунктѣ, передается по командѣ, для отправления его въ полевое военно-медицинское управленіе; журналъ же полковой хранится при полкахъ и командахъ до востребованія.

Всѣ эти четыре формы санитарной отчетности, по расчету полевого военно-медицинскаго инспектора, будутъ переданы госпиталямъ, дивизионнымъ лазаретамъ и войскамъ, для чего великій князь главнокомандующій уже предложилъ корпуснымъ командирамъ, походному атаману иррегулярныхъ войскъ, начальнику артиллеріи, начальникамъ 4-й стрѣлковой и 3-й саперной бригадъ, инспектору госпиталей и полевому интенданту, по полученіи увѣдомленія отъ полевого военно-медицинскаго управленія, немедленно прислать въ оное приміечанья за принятіемъ надлежащаго количества экземпляровъ формъ новой санитарной отчетности.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ по продовольственной части, должно указать на приказъ главнокомандующаго, отъ 30-го марта, за № 22. Если воспослѣдуетъ высочайшее повелѣніе о движеніи дѣйствующей арміи за гра-

ницу, то заготовленіе необходимаго порціоннаго скота будетъ возложено на собственное попеченіе войскъ. Эта мѣра признана наиболѣе полезною и цѣлесообразною въ томъ смыслѣ, чтобы люди, по возможности, никогда не оставались безъ мясной пищи, а въ то же время она значительно усилить, по переходѣ за границу, перевозочныя средства каждой части войскъ и значительно облегчить для нихъ приобретение мяса на порціи. Согласно повелѣнію великаго князя, войска, при вступленіи на румынскую территорію, должны имѣть при себѣ слѣдующее количество воловъ: въ каждомъ пѣхотномъ полку по восьми паръ, въ передовомъ артиллерійскомъ запасѣ четыре пары, въ каждомъ кавалерійскомъ полку, саперномъ и стрѣлковомъ баталіонахъ по двѣ пары, въ артиллерійскихъ батареяхъ и другихъ, не поименованныхъ выше частяхъ—по одной парѣ. На первоначальное приобретение этихъ воловъ будутъ теперь же отпущены въ каждую часть войска деньги, въ примѣрномъ количествѣ, по 60 рублей на каждую пару воловъ, но самая покупка должна быть произведена войсками не прежде какъ по полученіи приказа о выступленіи арміи за границу; тѣмъ же войскамъ, которыя будутъ слѣдовать по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ—только по прибытіи на оконечные пункты этихъ дорогъ. Цѣны на покупку воловъ утверждаются не менѣе какъ на мѣсяцъ для каждого корпуса или отряда въ районѣ данной мѣстности; но корпуснымъ и отряднымъ командирамъ предоставляется, вслѣдствіе особо уважительныхъ причинъ, провѣрять утвержденныя цѣны, и затѣмъ, сообразно съ полученными свѣдѣніями, уменьшать или увеличивать таковыя. Цѣны будутъ утверждаемы на мѣстныхъ быковъ *первого сорта*, причѣмъ командирами же корпусовъ и отрядовъ долженъ быть утверждаемъ и вѣсъ *чистаго мяса*, безъ снятія жира, безъ голеней, башонокъ, сердець, потроховъ, зарѣзовъ и хвостовъ. Утвержденный вѣсъ, который долженъ быть *не менѣе 10 пудовъ*, принимается войсками въ основаніе при расходѣ скота на порціи и при требованіи денегъ на покупку воловъ, по числу порцій, получаемыхъ изъ каждого вола. По мѣрѣ израсходованія заведеннаго скота на порціи, войска, на отпускаемыя ежемѣсячно деньги, обязаны приобретать новыхъ воловъ съ такимъ расчетомъ, чтобы отнюдь не могло встрѣчаться ни малѣйшей остановки въ довольствіи нижнихъ чиновъ мясомъ; сѣно же на прокормленіе воловъ (по 30 фунтовъ въ сутки на каждого) должны требовать лишь на вышеопредѣленное число ихъ. Но въ случаѣ, если бы встрѣтились какія-либо затрудненія въ покупкѣ воловъ и вообще для доставленія солдатамъ разнообразной пищи, разрѣшается на тѣ же деньги и по расчету выше утвержденаго вѣса приобрѣ-

тать и обращать на порція, взаѣмъ воловъ—барановъ. Шкуры, рога и прочее съ убитыхъ воловъ предоставляются въ пользу войскъ, а въ случаѣ убыли скота отъ падежа или захвата неприятелемъ, разрѣшено, взаѣмъ ихъ, покупать новыхъ, до положенной нормы.

Кромѣ того, главнокомандующій приказалъ завести теперь же во всей дѣйствующей арміи, на экономическія средства войскъ, небольшія стеклянныя водоносныя флаги, по числу людей, состоящихъ въ частяхъ, для того чтобы каждый солдатъ въ походѣ могъ имѣть при себѣ постоянно такую флагу, наполненную водой. Для этихъ сосудовъ не установлено никакого форменнаго образца, но поставлено лишь въ непрѣмное условіе, чтобы они были обшиты сукномъ и приспособлены къ носкѣ ихъ во время похода. Почти одновременно съ этимъ распоряженіемъ послѣдовало и другое о томъ, чтобы войска, въ виду похода въ знойные дни, озаботились завести у себя гимнастическія рубахи.

Въ заключеніе представляется не лишнимъ сообщить одинъ, хотя и незначительный, но очень трогательный фактъ, весьма характерно рисующій отношеніе простого русскаго народа къ дѣлу предстоящей намъ борьбы: 2-го апрѣля въ полевомъ штабѣ дѣйствующей арміи была получена посылка, при особомъ письмѣ, отъ прихожанъ Спасо-Куменскаго прихода, Вятской губерніи. Прежде всего обратила на себя вниманіе слѣдующая надпись на конвертѣ: «Бессарабской области, въ городѣ Кишиневѣ, въ контору главнокомандующаго дѣйствующей арміей». По вскрытіи конверта, въ немъ оказалось письмо, въ которомъ было сказано:

«Въ утѣшеніе страдающимъ братіямъ нашимъ христіанскимъ солдатикамъ отъ искренняго усердія всеподданнѣйше подносится:

а) Свѣтлорадостный Ликъ Всѣхъ Царицы Владычицы.

б) Дожина нагрудниковъ.

в) Шесть пучковъ корпіи и бинтовъ, и

г) Шесть рублей».

Посылка эта, вмѣстѣ съ письмомъ, доставлена была генераль-адъютантомъ Непокійичи-кимъ 4-го апрѣля во дворецъ главнокомандующаго, и его высочество принялъ это скромное приношеніе съ особымъ вниманіемъ, какъ трогательный знакъ сердечно-теплаго отношенія безвѣстныхъ русскіхъ людей къ русскому солдату. Образъ Богоматери великій князь приказалъ поставить въ своей походной церкви, а прочія приношенія переданы въ управленіе госпиталей, о чемъ къ жертвователямъ послано особое уведомленіе.

6-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, великій князь сдѣлалъ смотръ военно-временному № 65-го госпиталя, съ его обозомъ. При госпиталѣ состоитъ: врачей и фармацевтовъ 15 че-

ловѣкъ, 4 оберъ-офицера, смотритель и 3 комисара, а изъ гражданскихъ чиновниковъ—бухгалтеръ и писмоводитель, полный комплектъ военныхъ фельдшеровъ и 303 чело-вѣкъ госпитальной прислуги. Весь персоналъ служащихъ имѣетъ на лѣвомъ рукавѣ повязку «Краснаго Креста». Обозъ состоитъ изъ 24 фургоновъ и трехъ аптечныхъ платформъ, раздѣленныхъ на три отдѣленія, по восьми фургоновъ и одной аптечной платформѣ въ каждомъ. Госпиталь этотъ, отправляющійся на границу, вполне снабженъ всемъ необходимымъ; упряжныя лошади въ отличномъ тѣлѣ, прекрасно содержаны, люди имѣютъ бодрый, молодецка-тый и веселый видъ. Его высочеству были представлены военнымъ инспекторомъ госпиталей: госпитальный священникъ и весь персоналъ служащихъ—врачей, офицеровъ и чиновъ. Для каждого изъ нихъ у великаго князя нашлось по милостивому и доброму слову, каждого удостоилъ онъ своимъ вниманіемъ и благодарилъ вообще весь персоналъ служащихъ, пожелавъ имъ счастливаго пути и успешной дѣятельности въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій.

На дняхъ генераль-контролеръ со всемъ его персоналомъ производилъ самый подробный осмотръ, фактическій и документальный, расположеннаго въ Кишиневѣ военно-временнаго № 60-го госпиталя, причемъ не найдено никакихъ упущеній: все въ образцовомъ порядкѣ, во всѣхъ частяхъ встрѣчено полное усердіе и честное отношеніе къ дѣлу, о чемъ генераль-контролеръ и доложилъ его высочеству главнокомандующему.

VIII.

ТЕЛЕГРАММЫ

въ газету „Правительственный Вѣстникъ“

Кишиневъ, 8-го апрѣля.

Сегодня въ одиннадцать часовъ утра главнокомандующій принималъ черногорскихъ уполномоченныхъ, Божицара Петровича и Станко Радоница, возвращающихся изъ Константинополя, чрезъ Одессу и Вѣну, въ Цетинье. Они приглашены къ обѣденному столу его высочества и вечеромъ ѣдутъ далѣе, потому что должны торопиться отбыть, такъ какъ Петровичъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ черногорскихъ силъ и дальнѣйшее пребываніе его здѣсь замедлило бы на восемь дней открытіе военныхъ дѣйствій Черногоріи.

Тирасполь, 11-го апрѣля.

Государь императоръ изволилъ производить вчера два смотра частямъ девятаго корпуса. Въ 9 часовъ утра, въ Жмеринкѣ представлялась 5-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріей и обозомъ; по окончаніи смотра, его императорское величество изволилъ собрать къ себѣ

офицеровъ всѣхъ частей и произнести имъ напутственное предъ походомъ слово, а 17-му пѣхотному Архангелогородскому полку, по случаю дня рожденія его августѣйшаго шефа, великаго князя Владимира Александровича, выразить увѣренность, что полкъ поддержитъ свою прежнюю боевую славу. Въ 5½ часовъ на станціи Вирзула представлялись 31-я пѣхотная и 9-я кавалерійская дивизія, съ ихъ артиллеріею и обозами; послѣ смотра государь изволилъ сказать собравшимъ офицерамъ осмотренныхъ частей слѣдующія слова: «Предъ отправленіемъ вашимъ въ походъ я хочу васъ напутствовать; если придется вамъ сразиться съ врагомъ — покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу своихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще не бывавшія въ огнѣ, но я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравниться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славой. Прощайте, господа!» Затѣмъ, обращаясь къ войскамъ, государь произнесъ: «Прощайте, ребята!» Отвѣтомъ было громовое, долго не прерывавшееся «ура». Офицерамъ 9-й кавалерійской дивизіи его императорское величество выразилъ надежду, что полки дивизіи и въ военное время покажутъ себя столь же блистательно, какъ всегда представлялись ему въ мирные дни. Повсюду величайшій восторгъ со стороны войскъ и восторженныя встрѣчи народа. Съ наступленіемъ вечера вся дорога иллюминирована пылающими кострами. Ночлегъ государь назначенъ въ Тирасполь, гдѣ утромъ будетъ смотръ, послѣ котораго его величество прослѣдуетъ въ Унгены для смотра же, а къ полудню прибудетъ обратно въ Кишиневъ. Сопровождаютъ государя императора его высочество наслѣдникъ цесаревичъ, великій князь Николай Николаевичъ Младшій, князь Сергій Максимилановичъ Лейхтенбергскій, министры: двора, военный, путей сообщенія, шефъ жандармовъ и посолъ константинопольскій Игнатъевъ. Августѣйшій главнокомандующій арміею, съ генераломъ Непокойчицкимъ, встрѣтили его императорское величество въ Тирасполѣ.

Кишиневъ, 11-го апрѣля.

Въ 9 часовъ утра, въ Тирасполѣ, его величество изволилъ смотрѣть части 8-го корпуса, а именно 9-ю пѣхотную дивизію и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріею; по окончаніи смотра государь императоръ въ своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: «мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому я медлил доколѣ было возможно; мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для меня кровь; но разъ что честь Россіи затронута, я убѣжденъ,

мы всѣ до послѣдняго человѣка сумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія».

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Его величество государь императоръ, вчера въ 5 часовъ пополудни, изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею яескихъ гражданъ, съ яескимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ слѣдующее прѣдственное слово:

«Ваше императорское величество!

«Счастливое прибытіе ваше на границу Румыніи — страны православной, церковь которой съ древнихъ временъ пользовалась благосклоннымъ покровительствомъ православныхъ монарховъ, предковъ вашихъ, императоровъ могущественной Россійской Имперіи — доставляетъ намъ нынѣ счастливый случай выразить вашему императорскому величеству наше благоговѣніе и принести наше смиренное поздравленіе съ благополучнымъ прїѣздомъ, какъ отъ имени духовенства румынской церкви, такъ равно и отъ имени представителей свѣтскихъ властей, которыя, совокупно съ нами, предстали съ этой цѣлью предъ лицо вашего императорскаго величества. Мы глубоко убѣждены, что благосклонное расположеніе къ румынской церкви вашихъ царственныхъ предковъ воодушевляетъ и будетъ воодушевлять также и васъ, для славы Церкви Христовой и вашего императорскаго величества».

Его величество отвѣчалъ, что, поручая себя и русское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства.

Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзнодорожнаго батальоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизій, съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6-го часа на пограничномъ полѣ близъ рѣки Прута. Несмотря на самую неблагопріятную погоду, войска представились въ блистательномъ порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ государя императора былъ таковъ же, какъ и на предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ безпрѣдѣленъ, неудержимъ; народъ русский и румынскій, пришедшій изъ-за Прута, прѣдствовалъ его величеству съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотра коляску государя императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ кликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, государь, въ послѣдній разъ обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Храни васъ Богъ! Поддержите честь русскаго оружія».

Въ началѣ двѣнадцатаго часа его величество прибылъ въ Кишиневъ и былъ встрѣ-

ченъ на станці городской депутаціей съ хлѣбомъ-солью. Пребываніе государя императора въ губернаторскомъ домѣ. Городъ иллюминированъ. Общій восторгъ народа.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Его величество, прибывъ сегодня въ началѣ десятаго часа на поле близъ Кишинева, объѣхалъ войска и затѣмъ остановился въ виду всего фронта на мѣстѣ, гдѣ былъ приготовленъ аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, громогласно прочелъ врученный ему манифестъ, объявляющій войну Оттоманской Портѣ, послѣ чего былъ соборнѣй отслуженъ молебень съ колѣнопреклоненіемъ. Преосвященный сказалъ глубоко прочувствованное напутственное слово и благословилъ его высочество главнокомандующаго иконою Спаса, а войска—икonoю Богоматери, въ лицѣ ихъ представителѣ, свиты генералъ-маіора Драгомирова, какъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи, представившейся на смотръ и квартировавшей постоянно въ Кишиневѣ. Минута была въ высшей степени торжественная. Затѣмъ войска были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, по окончаніи котораго его величество, подѣхавъ къ собраннымъ офицерамъ кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи и собственнаго конвоя, изволилъ обратиться къ нимъ съ напутственными словами и пожеланіями доблестно совершить предстоящее святое дѣло. На смотрѣ впервые участвовали два болгарскіе батальона, сформированные въ Кишиневѣ изъ добровольцевъ, прибывшихъ сюда изъ-за Дуная. Восторгъ войскъ и народа выше описанія. Кавалерія прямо съ плаца двинулась въ походъ за границу.

IX.

Объявленіе войны.

Государь въ Кишиневѣ. — Привѣтственное слово преосвященнаго Павла. — На Скаковомъ полѣ. — Составъ войскъ на смотрѣ и объѣздъ ихъ государемъ. — Чтеніе высочайшаго манифеста. — Неожиданность этого событія. Молебствіе предъ войсками. — Слово преосвященнаго Павла къ главнокомандующему и войскамъ. — Церемоніальный маршъ. — Дружины болгарскихъ добровольцевъ. — Историческая минута. — Приказъ главнокомандующаго отъ 12-го апрѣля по войскамъ дѣйствующей арміи и прокламація къ жителямъ Румыніи.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Пріѣздъ государя императора въ Кишиневъ встрѣченъ былъ торжественнымъ звономъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ города. Весь путь отъ станці до губернаторскаго дома, гдѣ его величество изволилъ основать свое пребываніе, былъ иллюминированъ огнями, транспарантами, гирляндами и флагами. На утро, отправляясь къ смотрѣ войскъ, собравшихъ на Ска-

ковомъ полѣ, государь императоръ, вмѣстѣ съ государемъ цесаревичемъ, его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ изволилъ заѣхать въ городской соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ въ облаченіи, со крестомъ и святою водою, причемъ преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, привѣтствовалъ его императорское величество слѣдующимъ словомъ:

«Благочестивѣйшій Государь!

«Одинъ ты, съ вѣрнымъ твоимъ народомъ, возлюбилъ попираемые пятою ислама христіанскіе народы не *словами* только, или *языкомъ*, но *дѣломъ и истиною* (Іоан. 1, 3, 18). Твой царственный голосъ во всѣ дни твоего царствованія неумолкаемо возвышался на защиту, угнетенныхъ. И еще недавно твое державное слово стало великимъ дѣломъ любви къ нимъ: оно остановило кровопролитіе и спасло отъ конечной гибели полустерзанную Сербію. Нынѣ ты съ августѣйшимъ сыномъ—наслѣдникомъ твоимъ грядешь къ намъ на рубежъ Царства Русскаго и къ предѣламъ поработителя нашихъ братій по вѣрѣ и крови, грядешь на мѣсто сосредоточенія твоего христіанскаго воинства, для новаго, еще болѣе великаго дѣла любви къ поработленнымъ... Ты грядешь къ намъ для того, чтобы повелѣть твоимъ войскамъ если не всецѣло сокрушить, то сокрушительно потрясти въ самыхъ основаніяхъ *врата адавы* (Матѣ. XVI, 18), горделиво именующія себя Высокою и Блестательною Портою, и дорогою русскою кровію искупить, огнемъ и жѣлѣзомъ спасти поработенныхъ отъ жестокаго поработителя, избавить ихъ отъ жизни, исполненной адскихъ мученій, уврачевать ихъ язвы, вдохнуть въ нихъ новую жизнь и даровать имъ челоуѣческія права.

«Благословенъ грядый во имя Господне, русскій царь православный царь праведный и кроткій, Богомъ хранимый! Царь Царей вѣнчалъ твою любовь къ Россіи неуваждаемымъ вѣнцомъ мирной славы, возжелѣннымъ успѣхомъ твоихъ великихъ преобразованій и дѣлъ во благо народа. Царь-Царей, явно для всѣхъ хранившій тебя *яко зиницу ока* (Пс. XVI, 8), и сохранившій тебя, какъ возлюбленнѣйшаго изъ помазанниковъ своихъ, неприкосновеннымъ (Пс. CIV, 15), и въ опаснѣйшія минуты твоей жизни, очевидно, для дѣла великихъ,—да увѣнчаетъ главу твою новымъ вѣнцомъ славы, подобнымъ вѣнцу твоего августѣйшаго дяди, освободителя Европы, Благословеннаго Александра, да увѣнчаетъ тебя вѣнцомъ Освободителя угнетенныхъ христіанскихъ народовъ! Да поможетъ Онъ тебѣ совершить во благо ихъ все, что только желаетъ совершить для нихъ твоя благосердая,

любящая душа, и да подасть тебѣ радость—многія лѣта, до старости болѣе маститой, чѣмъ маститая старость августѣйшаго твоего дяди и друга—императора Вильгельма, утѣшаться счастьемъ облагодѣтельствованныхъ тобою народовъ и твоею славою.

«Благочестивѣйшій государь! Жребій войны брошенъ. Какъ отецъ отечества, призови благословеніе Божіе и изреки твое отчее благословеніе на славныя войска твои, всегда готовые, по твоему слову, защищать святое, правое дѣло. Подъ осѣненіемъ небесныхъ и земныхъ благословеній, они, предводимыя своими доблестнымъ, безпредѣльно, восторженно любимымъ, тезоименнымъ побѣдъ вождемъ, августѣйшимъ братомъ твоимъ — да поражаютъ тебя своими бранными подвигами и славными побѣдами, какъ доселѣ, конечно, радовали тебя превосходнымъ воинскимъ духомъ, порядкомъ и благочиніемъ, и въ своемъ побѣдномъ шествіи да перейдутъ и тотъ предѣлъ, до котораго въ началѣ своего царствованія дошелъ славный вашъ родитель, императоръ Николай, предписавшій Портъ-миръ въ Адрианополѣ. Отъ блеска подвиговъ и побѣдъ твоихъ войскъ да померкнетъ луна, и да возсіяетъ, какъ солнце, Христовъ Крестъ!»

На Скаковомъ полѣ собраны были слѣдующія части войскъ: дивизионъ собственнаго его величества конвоя, составленный изъ эскадрона Кубанскаго и эскадрона Терскаго казачьихъ войскъ и командированный со льготой, по волѣ государя императора, въ конвой главнокомандующаго, жандармская команда 8-го корпуса, 7-й саперный батальонъ, 14-я пѣхотная дивизія, два батальона болгарскихъ добровольцевъ, 11-я кавалерійская дивизія, полусотня донскаго казачьяго № 35-го полка, 14-я артиллерійская бригада, 18-я конная и донская № 4-го батареи. Все свободное пространство поля было покрыто громадными толпами народа и множествомъ экипажей. Погода хмурая и прохладная съ ранняго утра, къ началу смотра совершенно прояснилась, такъ что пріѣздъ государя императора, въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, въ сопровожденіи дежурной части конвоя, былъ озаряемъ уже полнымъ блескомъ теплыхъ лучей солнца. Обѣхавъ фронтъ войскъ, выстроенныхъ въ двѣ линіи (кавалерія съ артиллеріей во второй), его величество, съ многочисленной свитой изволилъ отѣхавъ на средину поля, въ виду всего фронта войскъ и сошелъ съ лошади. При этомъ сѣлились и всѣ остальные лица свиты. Тогда выступилъ впередъ преосвященный Павелъ въ полномъ епископскомъ облаченіи и вскрылъ врученный ему пакетъ. Войска ударили бой: «на молитву» и по командѣ обнажили головы. Толпы народа сдѣлали то же.

Обратясь лицомъ къ войскамъ, преосвященный во всеуслышаніе, отчетливо и яснымъ голосомъ началъ чтеніе высочайшаго манифеста по писанному тексту. Торжественныя слова этого государственнаго акта были выслушаны въ благоговѣйномъ молчаніи, которое не прервалось и по окончаніи чтенія. Здѣсь, въ Кишиневѣ, до послѣдней минуты всѣ почему-то были убѣждены, что объявленіе манифеста послѣдуетъ не раньше, какъ спустя еще нѣсколько дней, и не иначе какъ въ Москвѣ, и потому-то неожиданность событія, при столь торжественной исключительной обстановкѣ, произвела на всѣхъ глубокое, сильное впечатлѣніе. Подъ подавляющимъ влияніемъ высоко-торжественной, всемірно-исторической минуты, благоговѣйно приступлено было къ слушанію молебна. Раздался ликующій хоръ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», послѣ чего троекратно пропѣто было: «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Когда въ теченіе службы произнесены были слова: «преклоните колѣна Господу помолимся», его императорское величество громко произнести изволилъ: «Батальоны, на колѣни!» И по слову монарха войска его тихо склонились къ землѣ. Одни лишь знамена высоко видѣлись надъ ними. По возгласеніи многолѣтня государю императору, государынѣ императрицѣ, наследнику цесаревичу и государынѣ цесаревнѣ съ ихъ августѣйшимъ сыномъ, великому князю Николаю Николаевичу и всему царствующему дому, было возгласено таковое же русскому воинству и затѣмъ, при пѣніи: «Спаси, Господи, люди Твоя», преосвященный, вышедши впередъ съ напутственнымъ благословеніемъ, на три стороны окропиль войска св. водою. Его величество, обратясь къ августѣйшему брату своему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ его. Главнокомандующій благоговѣйно и въ трогательномъ волненіи принялъ устами къ рукѣ монарха.

Предъ торжественнымъ служеніемъ молебна было произнесено слѣдующее слово, обращенное къ главнокомандующему, начальникамъ и войскамъ:

«Вожди и воины христолюбивые!

«Благочестивѣйшій государь нашъ императоръ призываетъ насъ на великій, святой подвигъ! Вамъ предлежатъ по истинѣ великій и святой подвигъ—положить конецъ тѣмъ невыразимымъ жестокостямъ и неистовствамъ, которыя варваръ-турокъ уже нѣсколько вѣковъ совершаетъ надъ элосчастными братьями нашими христіанами; спасти ихъ жизнь, вѣру, семью, собственность, гражданственность отъ произвола и насилія жестокаго поработителя и дать имъ возможность пользоваться правами человѣческими. Вамъ выпадаетъ великій жре-

бий—и за Дунаемъ и за Балканами водрузить Христовъ Крестъ надъ полумѣсяцемъ, какъ предки наши водрузили Крестъ надъ полумѣсяцемъ въ землѣ Русской, и надъ серпомъ полумѣсяца, пожинаящимъ только, какъ колосья, жизни человѣческія, и надъ тлетворной, губительной гражданственностью мусульманской воздвигнуть древо жизни, знаменіе побѣды надъ смертію—Крестъ, и съ нимъ жгучую, животворную гражданственность христіанскую. На какое великое святое дѣло призываетъ васъ Благочестивѣйшій Государь!

«Мужественно, дерзновенно идите на подлежащій вамъ подвигъ!

«Предлежащій вамъ путь хорошо извѣстенъ русскому воинству: онъ утопанъ русской ногой, усѣянъ костями и напоенъ кровью защитниковъ славянъ и враговъ русскаго народа и Христова имени. Повсюду на своемъ пути вы встрѣтите села, города, крѣпости, рѣки, горы и доли, напоминающіе великія русскія имена, доблестные подвиги, славныя побѣды русскихъ воиновъ. Кагулъ, Ларга, Рымникъ, Измайлъ, искони родной русскому народу Дунай съ вражескими на немъ твердынями, Балканы, Адрианополь, Константинополь и неисчислимое множество другихъ мѣстностей: все это свидѣтели славныхъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ дружинъ, русскихъ войскъ. Предъ вами будутъ возставать, какъ живые, то величавые лики древнихъ князей-визигей русскихъ: Олега, Игоря, Святослава; то величавые образы великихъ царей и царицъ—Великаго Петра, Великой Екатерины, Благословеннаго Александра, доблестнаго Николая; то величавые лики великихъ вождей—Румянцева, Суворова, Кутузова и другихъ, съ ихъ чудо-богатырями. Эти и многіе другіе славные мужи Россіи неоднократно заставляли трепетать Царьградъ-Стамбулъ предъ силой ихъ оружія; прославили своими подвигами, возвеличили Россію, расширили ея предѣлы присоединеніемъ къ ней отъ Турціи обширныхъ и богатыхъ областей. Какія славныя воспоминанія будутъ вдохновлять васъ къ подвигамъ и побѣдамъ!

«На васъ будутъ взирать съ любовью и надеждой дѣла славныхъ царь-отецъ съ царицей и августѣйшимъ домомъ своимъ и Россія-Мать; на васъ обращены будутъ взоры братій нашихъ — страждущихъ народовъ христіанскихъ, съ чаянѣмъ избавленія отъ жестокаго поработителя: на васъ будетъ взирать и съ вами дѣлать труды, подвиги и опасности вашъ любимый, исполненный воинскаго обаянія августѣйшій вождь. Какая великая честь и слава совершать свой подвигъ предъ такими свидѣтелями его, когда на васъ устремлено столько и такихъ взоровъ!

«Св. Церковь будетъ молиться за васъ, благословлять васъ, и просить Господа Бога, да поможетъ вамъ оградить Христову вѣру и хри-

стіанскую гражданственность среди народовъ, отъ которыхъ мы сами унаслѣдовали и вѣру Христову, и гражданственность христіанскую. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положившій душу Свою за други Свои, съ любовью будетъ призирать на вашу готовность положить души ваши за други ваши, и благословить васъ... Какіе подвиги не будутъ для васъ возможны подъ освѣщеніемъ такихъ благословеній!

«Явите же себя достойными своего высокаго призванія и славнаго имени русскаго воина. Молитесь, любите Господа Бога, Царя, Отечество, ближнихъ, честно подвизайтесь,—и вы будете увѣнчаны славой!»

Засимъ, взявъ отъ протоіерея икону и обращаясь къ его высочеству главнокомандующему, преосвященный произнесъ:

«Благовѣрный государь архистратигъ воинства русскаго! Въ твоемъ лицѣ благословляю предводимое тобой христолюбивое воинство святымъ образомъ Господа Вседержителя. Христосъ да пребудетъ неразлучно съ вами, защитниками дѣла Христова, и да вѣнчаетъ ваши подвиги славными побѣдами».

Благословивъ иконой великаго князя и взявъ другую, преосвященный обратился къ начальнику 14-ой пѣхотной дивизіи, свиты его величества генералъ-маіору М. И. Драгомирову, со слѣдующими словами:

«Христолюбивый вождь пребывавшаго въ предѣлахъ нашей области воинства! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ святой Гербовецкой иконой Возбранной Воеводы—Царицы Небесной, Покровительницы града и страны нашей; поручаю всѣхъ васъ могущественному покровительству Ея, и молю и буду молить Ее, да ведетъ Она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ.

«Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами!»

Тихо сѣли всѣ на коней, тихо отбѣхали вслѣдъ за монархомъ въ сторону, очистивъ мѣсто войскамъ для предстоявшаго церемональнаго марша.

Торжественное впечатлѣніе великой минуты все еще не прерывалось, все еще было слышно сильно, для того чтобы нашлось у кого либо подобающее слово къ выраженію этого чувства въ эти незабвенныя мгновенія.

Раздался трубный звукъ кавалерійскаго «похода»; это собственный его величества конвой, съ наклоненными впередъ винтовками, по-эскадронно, въ развернутомъ фронтѣ, тихо и стройно приближался по линіи церемональнаго марша къ мѣсту, гдѣ впереди громадной свиты стоялъ на конѣ императоръ. Далѣе за конвоемъ, рокотали барабаны, безъ всякихъ звуковъ музыки: это стройно приближался вольнымъ шагомъ, сверкая щетиной безчисленныхъ птыковъ, боевые, комплектные батальоны

пѣхоты, во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ. 14-я пѣхотная дивизія давно уже принадлежать къ числу самыхъ доблестныхъ боевыхъ нашихъ войскъ, неоднократно покрывавшихъ себя военной славой на поляхъ сраженій. Достаточно напомнить, что съ именемъ перваго ея полка (53-го пѣхотнаго Волынскаго) связано безсмертное имя Севастополя. Эти храбрые, историческіе полки имѣютъ и георгіевскіе знамена, и серебряныя трубы, которыя украшаютъ также и 14-ю артиллерійскую бригаду. Полки 11-й кавалерійской дивизіи: Рижскій драгунскій, Чугуевскій имени государыни цесаревны уланскій и Изюмскій гусарскій точно также принадлежать къ числу старѣйшихъ русскихъ войскъ и полны славными преданіями боевого прошлаго. Сознаніе торжественнаго величія переживаемой минуты ясно выразилось на лицахъ этихъ воиновъ, когда они стройными и грозными рядами величаво проходили мимо своего императора. Всѣ части войскъ показали себя на смотрѣ въ самомъ блистательномъ видѣ и порядкѣ, и каждая изъ нихъ удостоилась царской похвалы и «спасибо!»

За четвертымъ полкомъ 14-й дивизіи слѣдовали два батальона болгарскихъ добровольцевъ, появленіе коихъ въ строю оказалось подѣйней и пріятной неожиданностью для присутствовавшихъ. Государь императоръ остался весьма доволенъ молодецкимъ, бодрымъ веселымъ и воинственнымъ видомъ этихъ батальоновъ, пропарадировавшихъ мимо его величества съ такой стройностью и порядкомъ, какія сдѣлали бы честь и любому регулярному батальону. Люди, вступившіе въ ряды болгарскихъ дружинъ, пришли къ намъ изъ-за Дуная. Иные изъ нихъ дрались въ Сербіи и украшены медалями, другіе, потерявъ семью и родной кровъ въ Болгаріи, бѣжали подъ сѣнь Россіи отъ неволевого турокъ, унося въ душѣ непримиримую ненависть и мщеніе врагу ихъ вѣры и племени. Между ними немало есть людей интеллигентныхъ: студентовъ, гимназистовъ, учениковъ разныхъ школъ, и надо было видѣть, какой восторгъ надежды, вѣры и благодарности написанъ былъ на лицахъ этой молодежи и на солидныхъ усатыхъ фizioноміяхъ старшихъ болгаръ, когда они лихо, молодецки проходили мѣрными шагами и стройными рядами мимо монарха пріютившей ихъ страны. Болгарскіе батальоны вооружены ружьями Шаспо со штыками-саблями и однообразно обмундированы: на нихъ красуются сдвинутыя набекрень мѣховыя шапки съ зеленымъ верхомъ, черныя суконныя пиджаки, въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ алыми погонами, ранцы съ принадлежностью, желтой кожи патровныя сумки, черныя суконныя шаровары и сапоги съ высокими голенищами. Все это снаряженіе и вооруженіе сдѣлано на счетъ суммъ нашихъ благотворительныхъ славянскихъ комитетовъ.

Кадромъ для этихъ первыхъ двухъ батальоновъ послужили офицеры и люди пѣшаго конвоя его высочества главнокомандующаго, составленнаго изъ лучшихъ, образцовыхъ людей разныхъ полковъ и частей русской пѣхоты. Организация добровольческихъ частей, порученная состоящему при главнокомандующемъ генералъ-майору Столѣтову, совершилась въ самый короткий срокъ, когда здѣсь стало уже ясно, что война неизбежна, и надо удивляться тѣмъ замѣчательно успѣшнымъ результатамъ, которые достигнуты при этомъ въ столь малое время. Это только и могло быть сдѣлано при содѣйствіи того рвенія, тѣхъ чувствъ и доброй воли, какія одушевляють теперь какъ нашихъ болгарскихъ охотниковъ, такъ и ихъ русскихъ кадровыхъ учителей и организаторовъ-офицеровъ. Между тѣми и другими сразу же установились самыя теплыя, братскія отношенія, и можно надѣяться, что эти первыя добровольческія части, въ случаѣ надобности, послужатъ прекраснымъ кадромъ для дальнѣйшаго формированія добровольческихъ дружинъ славянскихъ. Государь императоръ съ особеннымъ удовольствіемъ пріивѣтствовалъ оба батальона царственнымъ словомъ своего одобренія и выразилъ благодарность генералъ-майору Столѣтову.

По окончаніи церемоніальнаго марша, его императорское величество изволилъ подъѣзжать къ частямъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и высказывать собраннымъ вокругъ себя офицерамъ тѣ пожеланія и напутствія, общій смыслъ коихъ уже возвѣщенъ своевременно особыми телеграммами «Правительственнаго Вѣстника».

Только въ ту минуту, когда государь произнесъ войскамъ: «Прощайте! До свиданья!.. Возвращайтесь поскорѣе со славой... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній!»—только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками. Но что это были за крики! Что за мощная сила вырывала ихъ изъ груди каждого! Какой восторгъ, какая любовь сіяли на лицахъ! Какъ вся эта масса, въ невольномъ порывѣ, восторженно ринулась къ монарху и обступила его съ полными вверхъ шапками, саблями, штыками!.. Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми рядами въ воздухъ... Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; надъ ними тоже мелькало въ воздухѣ множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ, мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. «Ура! За братію! За святое дѣло! За вѣру Христову! За свободу славянъ!» раздавались повсюду мощные крики. Казалось, самый воз-

духъ гремитъ надъ этими слившимися во едино и сплотившимися вокругъ своего царя массами войска и народа. Но описать этого невозможно. Такія минуты народныхъ порывовъ, во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ, не поддаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются и никогда потомъ не забываются; онѣ всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Сегодня, по возвращеніи войскъ съ высочайшаго смотра, во всѣхъ частяхъ оныхъ, при собраніи всѣхъ чиновъ, былъ прочитанъ слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

«Сотни лѣтъ тяготѣть иго турецкое надъ христіанами—братьями нашими.

«Горька ихъ неволя. Все, что дорого человеку—святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро—все поругано, осквернено невѣрными.

«Не выдержали несчастные, возстали противу угнетателей, и вотъ уже два года летитъ кровь христіанская; города и села выжжены; имущество разграблено: жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно истреблено.

«Всѣ представленія монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными.

«Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась.

«Послѣднее слово царское сказано: война Турціи объявлена.

«Войска вѣрной мнѣ арміи!

«Намъ выпала доля—исполнить волю царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

«Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой.

«И такъ: Впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ!

«Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядового, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для насъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ позволять себѣ произвола.

«Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждого самаго строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ—наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

«Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ,

что тамъ мы встрѣтимъ то же гостепріимство, какъ и предки, и отцы наши.

«Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полною дружбою, охраною ихъ порядковъ и безотвѣтною помощію противу турокъ, а когда потребуются, то и защищали ихъ дома, такъ же, какъ свои собственные.

«Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ».

Подписать: Главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ-инспекторъ кавалеріи и по инженерной части.

„Н И К О Л А Й“.

Нѣкоторыя части войскъ, расположенныя на самой границѣ, перешли ее сегодня же, около полудня, и внесли съ собою въ сосѣднюю страну слѣдующую прокламацію къ румынскому народу:

«Жители Княжества Румыніи!

«По повелѣнію его величества императора всероссійскаго, армія его, состоящая подъ моимъ начальствомъ и предназначенная для военныхъ дѣйствій противъ Турціи, вступаетъ нынѣ въ предѣлы вашей страны, уже не разъ радушно встрѣчавшей русскія войска.

«Объявляя вамъ объ этомъ, предвѣщаю васъ, что мы вступаемъ къ вамъ какъ давніе друзья и доброжелатели ваши, надѣясь встрѣтить у васъ то же гостепріимство и то же радушіе, которыя предки ваши оказывали нашимъ войскамъ во время нашихъ прежнихъ военныхъ кампаній противъ Турціи. Съ своей стороны, я, исполняя повелѣніе его императорскаго величества, августѣйшаго брата моего, считаю долгомъ объявить вамъ, румыны, что проходитъ чрезъ вашу страну нашихъ войскъ и временное въ ней пребываніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не должны тревожить васъ, и что мы смотримъ на правительство ваше, какъ на дружественное намъ.

«Приглашая васъ поному къ продолженію мирныхъ занятій вашихъ и къ оказанію содѣйствія нашей арміи въ удовлетвореніи ея нуждъ и потребностей, я вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, чтобы за всѣ сдѣланныя для нея вами поставки уплачивались безъ замедленія деньги сполна изъ казначейства арміи.

«Вамъ извѣстно, что армія его величества отличается строгою дисциплиною. Я увѣренъ, что она поддержитъ честь свою среди васъ. Войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и соблюдутъ должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ.

«Румыны!

«Предки наши проливали свою кровь за освобожденіе вашихъ предковъ. Мы считаемъ себя въ правѣ разсчитывать нынѣ на ваше содѣйствіе войску, проходящему чрезъ вашу страну, чтобы подать руку помощи угнетеннымъ хри-

отанамъ Балканскаго полуострова, бѣдствія которыхъ вызвали сочувствіе не только Россіи, но и всей Европы».

Н И К О Л А Й.

«Кишиневъ.
12-го апрѣля 1877 года».

Х.

Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ.

Осмотръ его величествомъ кишиневскихъ военно-врачебныхъ заведеній. — Обѣдъ у государя — Тостъ, провозглашенный его величествомъ. — Вниманіе, оказанное государемъ императоромъ каждому изъ высшихъ представителей управленій и отдѣловъ штаба дѣйствующей арміи. — День полкового праздника лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. — Милліонное пожертвованіе московской городской думы.

Кишиневъ, 13-го апрѣля.

Сегодня, отъ двухъ до четырехъ часовъ дня, государь императоръ изволилъ посѣщать военно-врачебныя заведенія, расположенныя въ Кишиневѣ, а именно: отдѣленія военно-временнаго № 60-го госпиталя, помѣщенныя въ особо нанятыхъ и приспособленныхъ домахъ частныхъ владѣльцевъ, г-дъ: Лазо, Иванова, Крамаренко и Когана, и лазаретъ мѣстнаго батальона. Его величество остался вполне доволенъ какъ самымъ устройствомъ всѣхъ этихъ врачебныхъ заведеній, такъ и найденнымъ въ нихъ образцовымъ порядкомъ, при чемъ изволилъ осчастливить изъясненіемъ своей благодарности инспектора госпиталей генераль-маіора Косинскаго и медицинскаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Приселкова, за ихъ дружныя усилія къ доведенію военно-медицинскихъ учрежденій до ихъ настоящаго состоянія и за тѣ дружескія отношенія, какія, установившіяся между ними, привели къ столь счастливому единенію медицинскаго и госпитально-административнаго персонала. Во всѣхъ поименованныхъ помѣщеніяхъ государь императоръ останавливался надъ наиболее интересными случаями болѣзни и ободрялъ болящихъ своимъ привѣтливымъ словомъ, при чемъ врачи изъясняли его величеству происхождение каждой болѣзни и принятые ими способы ея леченія, и проч. Въ мѣстномъ же воинскомъ лазаретѣ вольнопрактикующій городской врачъ, докторъ Духновскій, поступающій нынѣ на службу въ военно-медицинское вѣдомство полковымъ хирургомъ, имѣлъ счастье объяснять его императорскому величеству во всей подробности новѣйшіе способы наложенія повязокъ и операций, произведенныхъ имъ надъ хирургическими больными его палаты. Государь императоръ благоволилъ удостоить ординатора Духновскаго особымъ своимъ вниманіемъ и разспросами о его дѣятельности, мѣстѣ образованія, и проч., и выразилъ ему полное свое удовольствіе за его искусство и примѣрную любовь къ своему дѣлу.

Въ 6 часовъ пополудни въ собственныхъ апартаментахъ его императорскаго величества былъ обѣденный столъ, къ которому удостоились приглашенія всѣ начальники отдѣловъ полевого управленія дѣйствующей арміи. Во время обѣда его величество, поднявшись съ мѣста, благоволилъ произнести слѣдующій тостъ: «Пью за здоровье главнокомандующаго, чиновъ его штаба и всего войска! Твердо увѣренъ, что всѣ вы, господа, оправдаете мое къ вамъ довѣріе и ожиданія Россіи!»

Послѣ обѣда его императорское величество, обходя присутствовавшихъ, удостоилъ каждого изъ представителей отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи своимъ высокимъ вниманіемъ и милостивымъ словомъ; увидавъ же инспектора госпиталей, генераль-маіора Косинскаго вмѣстѣ съ докторомъ Приселковымъ, изволилъ обратиться къ военному министру и вновь выразить свое удовольствіе за найденный порядокъ и благоустройство госпиталей. Указавъ на этихъ двухъ лицъ, государь императоръ повторилъ его императорскому высочеству главнокомандующему и генераль-адъютанту Д. А. Милотину выраженіе своего особеннаго удовольствія за установившіяся дружески-согласныя отношенія между этими двумя представителями двухъ важѣйшихъ въ военное время учрежденій арміи.

Затѣмъ, обратясь къ генераль-контролеру, дѣйствительному статскому совѣтнику Черкасову, государь императоръ изволилъ замѣтить, что ему извѣстно о ревизіи, произведенной чинами полевого контроля въ госпиталь № 60-го, и пожелалъ услышать отъ самого генераль-контролера—въ какомъ видѣ нашелъ онъ въ этомъ военно-медицинскомъ учрежденіи администрацію и хозяйство? Услыхавъ же самыя лестныя отзывы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черкасова о самой подробной документальной и имущественной ревизіи помѣнутаго госпиталя, его величество изволилъ выразиться, что его «истинно радуетъ то честное направленіе, какое дано дѣлу, и честное отношеніе къ нему всѣхъ прикосновенныхъ лицъ».

13-го апрѣля лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ торжествуетъ свой полковой праздникъ. Государю императору благоугодно было почтить этотъ полкъ своимъ особымъ вниманіемъ, которое выразилось въ томъ, что за обѣдомъ его величество изволилъ присутствовать въ лейбъ-гренадерскомъ мундирѣ и, по провозглашеніи выпивприведеннаго тоста, пожелалъ узнать: нѣтъ ли въ числѣ лицъ полевого штаба офицеровъ, служившихъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку? И когда въ отвѣтъ на это, его высочество главнокомандующій указалъ на предсѣдателя военно-полевого суда, генераль-маіора Величкова, его величество благоволилъ подзвать къ себѣ этого генерала и, въ лицѣ его, вынулъ «за благо-

денствіе полка», причемъ приказалъ музыкантамъ сыграть лейбъ-гренадерскій, маршъ, что и было исполнено хоромъ 7-го сапернаго баталіона.

Подойдя къ начальнику гражданскаго управленія дѣйствующей арміи, князю В. А. Черкасскому, его императорское величество изволилъ сообщить о полученіи имъ изъ Москвы телеграммы, извѣщающей, что московская городская дума жертвуетъ одинъ миллионъ на санитарные расходы и нужды дѣйствующей арміи и, кромѣ того, постоянное содержаніе на тысячу кроватей.

XI.

Красный Крестъ.

Помощь бессарабскаго дворянства и земства.—Засѣданіе у главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста.—Братья милосердія.—Районъ дѣйствія Н. С. Абазы.—Ледники.

Кишиневъ, 15-го апрѣля.

Ненастная погода, наступившая здѣсь съ первыхъ чиселъ апрѣля, продолжается почти непрерывно, сопровождается холодными, порывистыми вѣтрами; если и проглядывало порою солнце, то лишь на нѣсколько часовъ, не успѣвая достаточно обсушить землю. 13-го апрѣля сильный дождь, почти ливень, при бурномъ и студеномъ вѣтрѣ, продолжался цѣлыя сутки и привелъ адшіяны улицы и дороги въ самое ужасное состояніе. Густая, липкая и глубокая грязь крайне затрудняетъ передвиженіе тяжестей. Въ виду такого неудобства мѣстныхъ путей, бессарабскій губернскій предводитель дворянства, П. Е. Леонардъ, совместно съ предсѣдателемъ губернской земской управы, А. М. Катруццо, 14-го апрѣля въ два часа пополудни явились къ мѣстному губернатору, свиты его величества генералъ-маиору Шебеко, и отъ лица дворянства и земства предложили на помощь военнымъ обозамъ и интендантскимъ транспортамъ всѣ имѣющіяся у нихъ въ наличности перевозочныя средства: подводы, воловъ и лошадей не только въ самомъ Кишиневѣ, но вообще на главныхъ путяхъ передвиженія войскъ и транспортовъ по Бессарабской губернии до рѣки Прута. Дворянство предложило свои средства безвозмездно, земство же за самую умеренную плату, которая имѣетъ быть установлена по обоюдному соглашенію его съ военнымъ вѣдомствомъ. Генералъ-маиоръ Шебеко немедленно доложилъ объ этомъ предложеніи великому князю главнокомандующему, который тотчасъ же направилъ его съ этимъ докладомъ къ государю императору. Его императорское величество, по докладѣ, соизволилъ поручить губернатору — благодарить отъ имени монарха бессарабское дворянство и земство за

ихъ готовность содѣйствовать передвиженію войскъ и военныхъ тяжестей.

14-го же апрѣля, въ восемь часовъ вечера, у главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста, князя В. А. Черкаскаго, по его предложенію, состоялось особое засѣданіе, въ составъ коего вошли: инспекторъ госпиталей генералъ-маиоръ Косинскій, военно-медицинскій инспекторъ докторъ Приселковъ, членъ мѣстнаго управленія Общества Краснаго Креста И. Н. Силинъ, мировой посредникъ г. Эмануэль и дивизионный пасторъ г. Фальтинъ. Засѣданіе это собрано было для обсужденія вопроса о доставленіи военно-медицинскому полному отдѣлу помощи, посредствомъ образованія необходимаго количества братьевъ милосердія изъ добровольцевъ. По всестороннемъ обсужденіи вопроса, члены засѣданія пришли къ заключенію, что наиболѣе пригоднымъ къ этому дѣлу элементомъ являются мѣстные колонисты изъ вѣмцевъ и болгаръ, какъ люди поголовно грамотные, болѣе развитые и вообще способные. Съ этою цѣлью рѣшено направить въ Аккерманскій уѣздъ, преимущественно населенный этими колонистами, гг. Эмануэля и Фальтина. Первый изъ нихъ ѣдетъ немедленно же для предварительнаго ознакомленія колонистовъ съ условіями дѣятельности братьевъ милосердія, а второй отправится вслѣдъ за нимъ, для христіанской проповѣди о богоугодной и человѣколюбивой сторонѣ этого дѣла. Срокъ подготовки братій для практическаго ознакомленія ихъ съ приемами предстоящихъ имъ занятій предполагается, по возможности, кратчайшій, не болѣе какъ мѣсячный. Условія вознагражденія братій за ихъ дѣятельность предположены въ размѣрѣ до 15 рублей въ мѣсяцъ жалованья, при готовой квартирѣ, и отъ 12 до 15 копеекъ суточнаго продовольственнаго содержанія на каждого человѣка. Первоначально предполагается набрать братій не менѣе 80-ти человѣкъ, въ томъ соображеніи, что на линіи отъ Прута до Дуная требуется до десяти санитарныхъ пунктовъ и до восьми санитарныхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ (туда и обратно). На каждомъ санитарномъ пунктѣ предположено имѣть одного ученаго фельдшера, одну сестру и двухъ братьевъ милосердія; въ каждомъ же санитарномъ поѣздѣ сихъ послѣднихъ должно слѣдовать не менѣе 14-ти человѣкъ. Опытъ франко-германской войны показалъ, что специально-санитарные поѣзды, снабженные прислугою военно-санитарныхъ частей, не всегда бываютъ достаточны по своимъ размѣрамъ и количеству для удовлетворенія всѣмъ нуждамъ перевозки, вслѣдствіе чего нерѣдко приходилось прибѣгать къ пособію обратныхъ воинскихъ поѣздовъ, не снабженныхъ ни достаточными приспособленіями къ санитарной перевозкѣ, ни санитарною прислугою, — и вотъ тутъ-то именно

помощь добровольныхъ братьевъ милосердія является наиболѣе необходимою. На санитарныхъ пунктахъ имѣется въ виду оставлять до слѣдующаго поѣзда такихъ больныхъ и раненыхъ, которымъ почему-либо не можетъ быть подана необходимая помощь на ходу поѣзда, а для надлежащаго удовлетворенія всѣмъ нуждамъ этого рода, и преимущественно въ мѣстностяхъ уже за Прутомъ, предполагается довести послѣдовательно число добровольныхъ братьевъ милосердія до 250 человекъ.

На-дняхъ здѣсь ожидается прибытіе изъ Рязани второго главноуполномоченнаго Краснаго Креста, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. С. Абазы, районъ дѣйствій коего будетъ направляться отъ Прута во внутрь Имперіи. Направление это, примыкая къ линіи желѣзной дорога, распределено по количеству госпиталей на слѣдующіе участки: 1-й—отъ Прута до Днѣстра: здѣсь предполагается устроить два или три госпиталя барачной системы, на 230 кроватей каждый, на станціи Корнешты и въ постоянныхъ помѣщеніяхъ Кипріановскаго монастыря, находящагося въ 9-ти верстахъ отъ станціи Страшены. Если же надобность укажетъ, то будутъ еще учреждены санитарные пункты при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ: Унгены, Сипотены, Кишиневъ и Вендеры. Заботливостію мѣстнаго управленія Общества Краснаго Креста, въ районѣ расположенія этихъ предполагаемыхъ госпитальныхъ учрежденій, уже заготовлены ледники, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе.

Въ первомъ отдѣлѣ госпиталей Краснаго Креста, простирающемся, какъ сказано, отъ Прута до Днѣстра, предполагается только кратковременная остановка тѣхъ раненыхъ, которые по своему положенію требуютъ немедленнаго серьезнаго пособія, или отдохновенія, или же вообще почему-либо не могутъ продолжать путь.

Второй районъ—отъ Днѣстра до Днѣпра также будетъ обезпеченъ госпитальными учрежденіями для такихъ раненыхъ, которыхъ болѣзненное состояніе, по заключенію врачей, вызываетъ необходимость болѣе или менѣе продолжительной остановки.

Третій районъ—отъ Кременчуга на Днѣпръ во внутрь Имперіи. Въ этомъ послѣднемъ районѣ попеченіями мѣстныхъ управленій Общества будетъ производиться дальнѣйшая перевозка больныхъ, для рациональнаго леченія въ госпитальныхъ внутреннихъ губерній.

Таковъ въ общихъ чертахъ главный планъ дѣятелей Общества Краснаго Креста, имѣющій задачей наибыстрѣйшее распределеніе раненыхъ во внутреннихъ областяхъ Имперіи, съ возможно меньшею остановкою въ первыхъ двухъ районахъ, конхъ вышеизложенный характеръ строго опредѣленъ. Больные, по воз-

можности будутъ водворяемы для излеченія на мѣстахъ ихъ родины.

Выше сказано о заведеніи ледниковъ въ первомъ районѣ. Ледники эти устроены въ четырехъ пунктахъ, а именно: въ Унгенахъ, гдѣ погребъ устроенъ и набитъ льдомъ, до 20,000 пудовъ, распорядительностію мѣстнаго землевладѣльца г. Куцалло; второй ледникъ выстроенъ и набитъ по распоряженію и подъ личнымъ наблюденіемъ г. Синицына, въ Корнештахъ, гдѣ помѣщено льду до 25,000 пудовъ; въ Кипріанахъ, тоже по указанію г. Синицына, выстроенъ и набитъ погребъ, вмѣстимостію до 25,000 пудовъ; въ Кишиневѣ, подъ наблюденіемъ того же лица, нанятъ и набитъ ледникъ, заключающій въ себѣ до 25,000 пудовъ; наконецъ 14-го апрѣля заключено условіе съ однимъ изъ рыбопромышленниковъ на отдачу въ наймы, въ распоряженіе общества, ледника, вмѣщающаго до 20,000 пудовъ. Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, районъ отъ Прута до Днѣстра, благодаря заботливости мѣстныхъ членовъ Общества Краснаго Креста, вполне обезпеченъ льдомъ, что составляетъ, особенно же въ лѣтнюю пору, важнѣйшее условіе охлажденія вѣншей поверхности ранъ. Устройство и набивка всѣхъ этихъ ледниковъ обошлись не болѣе 1,500 рублей.

XII.

Телеграммы.

Кишиневъ, 16-го апрѣля.

Государь императоръ изволилъ посѣтить сегодня классическую мужскую и женскую гимназіи и духовную семинарію.

Кишиневъ, 17-го апрѣля.

Государь императоръ сегодня слушалъ въ городскомъ соборѣ литургію и молебенъ; въ 2 часа произвелъ смотръ проходившей чрезъ Кишиневъ первой бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріею, а въ 6 часовъ прибылъ въ зданіе дворянскаго собранія, гдѣ изволилъ давать обѣдъ всѣмъ лицамъ главной квартиры, штаба, начальникамъ отдѣльных частей и управленій, представителямъ городскихъ управленій, дворянства и земства. За обѣдомъ, обращаясь къ августѣйшему главнокомандующему, его величество произнесъ слѣдующую рѣчь: «Я душевно радъ, что собственными моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое ты сумѣлъ дать какъ твоему штабу, такъ и всѣмъ двоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ. Увѣренъ, что ты исполнишь свой долгъ. Пью за здоровье главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи! Да поможетъ намъ Богъ!» Его высоче-

ство отвѣтилъ: «Ваше величество! Отъ лица моей арміи передаю вамъ, что мы исполнимъ свой долгъ до послѣдней капли крови. За здоровье государя императора! Ура!» Сегодня высочайше назначены шефами пѣхотныхъ полковъ: великій князь Николай Николаевичъ Старшій—53-го Волынскаго; генералъ-адъютантъ Непокойчицкій—54-го Минскаго; генералъ-адъютантъ Милютинъ—121-го Пензенскаго, какъ перваго полка, сформированнаго въ его бытность военнымъ министромъ. Главнокомандующій послалъ сегодня въ Гурга-Галбину командиру находящагося на походѣ Волынскаго полка, полковнику Родіонову, слѣдующую телеграмму:

«Государю императору благоугодно было въ 17-й день сего апрѣля осчастливить меня назначеніемъ шефомъ доблестнаго Волынскаго полка. Волынцы! Назначеніе это мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что я неоднократно самъ видѣлъ, какъ молодецки въ славную Севастопольскую оборону вы отражали всѣ нападенія непріятеля: волынцы ни разу во все время обороны не отдали ни пяди земли непріятелю, а всегда его били. Увѣренъ, что и нынѣшніе волынцы, хотя еще молодые, преисполнены тѣмъ же непобѣдимымъ духомъ, какъ ихъ предки—севастопольскіе богатыри, что память о нихъ въ полку не изсякла и что вы въ первомъ же дѣлѣ поддержите славу нашего полка. Впередъ, съ нами Богъ!»

НИКОЛАЙ.

XIII.

Послѣднія распоряженія предъ войною.

Мѣры военнымъ предосторожностей на походѣ и ночлегахъ.—Военная тайна.—Винныя порціи.—Слабосильныя команды.—Мѣры по продовольствію войскъ за границей.—Товарищество Грегеръ, Горвицъ и Коганъ.—Общій конскій лазаретъ для артиллеріи.—Прикомандированіе къ корпусамъ казачьихъ полковъ, не входящихъ въ составъ дивизій.—Корпусныя артиллеріи.—Распределение и подразделение парковъ.—Этапные и станціонные коменданты.—Распоряженія по военно-судной части.—О формѣ одежды въ дѣйствующей арміи.—Жалованье и столовыя деньги.—Полевые почтовые учрежденія.—Раздѣленіе на бригады кавказской казачьей дивизіи.—Ординарцы главнокомандующаго и лица, командированныя въ распоряженіе его высочества.

Кишиневъ, 21-го апрѣля.

Въ дни, предшествовавшіе объявленію войны, а равно и въ настоящее время самая кипучая дѣятельность оживляетъ всѣ отдѣлы штаба и управленія дѣйствующей арміи.

Въ виду того, что при движеніи чрезъ Княжество Румынское войскамъ нашимъ могла угрожать возможность нападенія со стороны турецкихъ войскъ, если бы они вздумали переправиться чрезъ Дунай, начальникъ штаба дѣйствующей арміи заблаговременно предписалъ принимать всѣ мѣры, чтобы никакая случай-

ность не застала которую-либо часть врасплохъ. По маршрутамъ—войскамъ назначено было идти по-бригадно, при чемъ всѣ части, составляющія одинъ эшелонъ, подчиняются старшему лицу въ эшелонѣ. Во время движенія и расположенія на ночлегѣ—предписано соблюдать самую строгую дисциплину и порядокъ: не дозволить себѣ что-либо брать въ краѣ безденежно или самовольно, дабы ни малѣйшимъ дѣйствіемъ не навлечь на себя упрека, относящагося до чести русской арміи. Отъ каждой дивизіи, въ одномъ переходѣ впередъ ея перваго эшелона, всегда слѣдуетъ съ командою квартирнеровъ офицеръ генеральнаго штаба, составляющій для каждаго ночлега «ночлежную дислокацію», которую уже руководствуются и всѣ послѣдующіе эшелоны дивизіи. Офицеръ этотъ обязанъ лично осмотрѣть всѣ деревни, назначаемыя для расположенія войскъ, и лично же выбрать мѣста для парковъ, батарей и патронныхъ ящиковъ.

При совершеніи перехода, войска, составляющія эшелонъ, могутъ, по усмотрѣнію начальника эшелона, идти и не всюю бригадою вмѣстѣ, а отдѣльно по полкамъ, но съ тѣмъ однако, чтобы артиллерія всегда слѣдовала при частяхъ пѣхоты или кавалеріи. Обозъ каждаго полка и состоящихъ при полку батарей двигается вмѣстѣ съ ними, въ нѣкоторомъ разстояніи за своею колонною. Отъ отрядовъ, составляющихъ эшелонъ, всегда высылаются авангардъ и аррьергардъ, при чемъ послѣдній, слѣдуя при обозѣ, служить для него дѣйствительнымъ прикрытіемъ. Назначеніе времени выступленія съ ночлега, распределение частей отряда, управленіе его движеніемъ на походѣ и установленіе порядка службы во время расположенія на bivуакѣ или на квартирахъ—все это предоставлено личному усмотрѣнію начальника эшелона, но строго предписано, чтобы, при расположеніи на квартирахъ, артиллерію отнюдь не ставили въ отдѣльной деревнѣ, а непременно вмѣстѣ съ частями пѣхоты или кавалеріи, при чемъ нѣкоторая часть отряда должна быть назначена *дежурною* и размѣщена болѣе сосредоточенно, для того, чтобы въ случаѣ тревоги могла скорѣе собраться и изготovitъ. Указано, по возможности, около дежурной части назначать и общій сборный пунктъ, о которомъ всегда должно быть объявлено всему отряду предъ расхожденіемъ его по квартирамъ. Подобныя же мѣры осторожности принимаются и въ каждой отдѣльной части войскъ, если она расположена въ особой деревнѣ. При охраненіи квартирнаго расположенія предлагается обращать особое вниманіе на прикрытіе артиллеріи, оружія и боевыхъ припасовъ. Въ кругу квартирнаго расположенія, особенно же ночью, предписано непременно высылать патрули, которые наблюдаютъ, чтобы воинскіе чины были при своихъ мѣстахъ, а кромѣ того начальнику эшелона, въ

виду того, что до него могут доходить свѣдѣнія, тревожныя для спокойствія отряда, предоставляется право учреждать особые караулы, гдѣ онъ признаётъ необходимымъ, и вообще принимать такія мѣры предосторожности, какія окажутся нужными для обезпеченія отряда отъ случайностей.

Въ то же время великій князь главнокомандующій, принимая въ расчетъ важность сохраненія въ военное время въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о военныхъ распоряженіяхъ, движеніяхъ, работахъ и дѣйствіяхъ, о расположеніи и состояніи войскъ, повелѣлъ начальнику штаба напомянуть объ этомъ всѣмъ чинамъ войскъ, военныхъ управленій и заведеній дѣйствующей арміи, съ подтвержденіемъ имъ, что всякое нарушеніе этой тайны повлечетъ за собою взыскаіііе по воинскому уставу о наказаніяхъ¹⁾.

Въ видахъ поддержанія здоровья нижнихъ чиновъ въ заграничномъ походѣ, его высочество приказалъ производить имъ, во время этого похода, винныя порціи, по одной чаркѣ на человека, въ мѣстахъ дневокъ; при мѣстномъ же довольствіи за границею велѣно отпускать имъ до 1-го мая по четыре, а съ 1-го мая по 1-е сентября по двѣ чарки въ мѣсяцъ на человека. Слабосильные люди, которые, по заключенію врачей, не могли отправиться въ походъ со своими частями, собраны теперь въ особые «сла-

босильныя команды», учрежденныя при мѣстныхъ войскахъ Бессарабской, Херсонской и Подольской губерніи. Главнокомандующій, въ заботливости своей о поддержаніи силъ этихъ людей, приказалъ производить имъ для улучшенія пищи сверхъ обыкновенныхъ окладовъ приварочнаго довольствія, еще и ту прибавку (по двѣ копейки въ день на человека), которая разрѣшена его высочествомъ для войскъ дѣйствующей арміи.

Что касается заботъ о продовольствіи войскъ за границую, то въ этомъ отношеніи полевымъ интендантомъ, съ одобренія главнокомандующаго, были приняты слѣдующія мѣры:

При выступленіи въ походъ, части, имѣющія обозъ, должны были имѣть при себѣ трехдневный сухарный запасъ на людяхъ¹⁾, а въ провіантскихъ телегахъ восьмидневную пропорцію крупы и запасъ сухарей на пять дней; кромѣ того велѣно имъ, на время слѣдованія въ предѣлахъ Имперіи, запастись печенымъ хлѣбомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы его хватило до перваго складочнаго мѣста за границею, гдѣ этотъ запасъ будетъ пополненъ. Части же, обоза не имѣющія, должны были запастись сухарями и крупою на три дня, а равно и печенымъ хлѣбомъ въ упомянутомъ размѣрѣ. Регулярная кавалерія и казаки обязывались запастись двухдневною пропорціею зернового фуража, а пѣхота, артиллерія и парки — четырехдневною; сѣно же для всѣхъ частей имѣлось въ двухдневномъ запасѣ.

Всѣми этими запасами войска должны были продовольствоваться въ пути, при слѣдованіи въ предѣлахъ Имперіи, расходуя сначала печеный хлѣбъ, и пополняться новыми запасами изъ попутныхъ магазиновъ и складовъ. Но при этомъ были предусмотрены всяческія случайности. Такъ, напримѣръ, если бы которыя-либо войска на пути ихъ слѣдованія не встрѣтили ни попутныхъ магазиновъ, ни складовъ съ провіантомъ, зерновымъ фуражемъ и сѣномъ, или разстоянія между складами были бы на столько значительны, что отъ одного изъ нихъ до другаго истощились бы на маршѣ запасы продовольствія, взятые войсками, то для пополненія ихъ войска обязаны были бы производить заготовленіе предметовъ путевого довольствія уже собственнымъ своимъ попеченіемъ, изъ авансовыхъ суммъ, нарочно на этотъ предметъ ассигнованныхъ. Съ переходомъ же границы, предметы путевого довольствія, какъ-то: печеный хлѣбъ, крупа, зерновой фуражъ, сѣно и вино получаютъ войсками отъ «Товарищества Грегерь, Горвицъ и Коганъ», или отъ ихъ поверенныхъ и контрагентовъ, въ мѣстахъ дне-

¹⁾ Тайна эта между всѣми безъ исключенія воинскими чинами соблюдалась столь строго, что нерѣдко даже начальники отдѣльных управленій арміи, какъ-то: артиллерійскаго, инженернаго и проч., не знали временно гдѣ находится та или другая изъ подлежащихъ имъ вѣдѣнію частей, во время слѣдованія ихъ къ Дунаю. Маршруты и дислокація составляли одну изъ глубочайшихъ тайнъ строевого отдѣленія штаба дѣйствующей арміи. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ тайна дислокацій и маршрутовъ вовсе не была тайною для многочисленныхъ евреевъ-агентовъ компаніи Грегерь, Горвицъ и Коганъ, которые, въ случаѣ надобности, всегда, безъ записки и съ большою точностію могли указать мѣсто нахожденія любой воинской части. Это впрочемъ совершенно повѣстно, такъ какъ, поставляя въ войска продовольственные продукты, агенты, въ силу заключеннаго съ ними контракта (пунктъ 3-й), должны были знать заблаговременно куда и какое количество требуется поставить, а поставляя таковыя, они приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ частями войскъ. Въ пунктъ 3-мъ контракта значится, «намъ должны быть заблаговременно, не позже какъ за недѣлю до начала движенія, сообщаемы предметы и пункты поставки, названіе частей войскъ, сроки поставки и приблизительное количество потребностей для каждаго пункта». Отсюда и истекало ихъ знаніе какъ рода такъ и количества и наименованія воинскихъ частей, а равно и вѣдѣніе численности каждаго отряда. Отъ нихъ же, вѣроятно же всего, эти свѣдѣнія переходили нерѣдко и въ заграничную печать, и особенно въ вѣнскія газеты, изъ которыхъ „*Politische Correspondenz*“ и „*Neue Freie Presse*“ (последняя по преимуществу) печатали весьма точныя и подробныя свѣдѣнія о силѣ, направленіи и расположеніи частей нашей арміи во время ея пребыванія въ Румыніи.

¹⁾ Съ этою цѣлью нижніе чины всѣхъ пѣхотныхъ частей, по приказанію главнокомандующаго, снабжены сухарными мѣшками такого размѣра, чтобы въ каждомъ мѣшкѣ постоянно можно было имѣть трехдневный запасъ сухарей.

вокъ и въ особенности на промежуточныхъ пунктахъ, заранее указанныхъ. На окончательныхъ пунктахъ расположенія войскъ на лѣвомъ берегу Дуная, войска будутъ получать тѣ же предметы довольствія отъ «Товарищества» же, но съ тою разницею, что вмѣсто печенаго хлѣба имъ будетъ поставляться мука. Сообразно съ мѣстными условиями, «Товариществу» предоставлено право, въ случаѣ надобности или крайности, замѣнять ржаные хлѣбъ и муку швейцарскими (полностью или отчасти), крупу гречневую, ячную и пшеничную — пшеничною же или кукурузною, но въ размѣрѣ не болѣе одной третьей части всего количества, овесъ — ячменемъ, а хлѣбное вино — фруктовымъ или кукурузнымъ¹⁾. На офицерскихъ верховыхъ, упряжныхъ и артельныхъ лошадяхъ отпускаются вмѣсто фуража деньги, по утвержденнымъ цѣнамъ, но это не лишаетъ офицеровъ права, въ случаѣ желанія или затрудненій въ приобрѣтеніи фуража, получать его въ натурѣ отъ «Товарищества»²⁾. Когда же впоследствии учредятся за границею запасные продовольственные магазины и склады, то войска будутъ получать свои запасы уже изъ этихъ только учреждений, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда поставка провіанта и фуража будетъ назначена прямо въ войска, о чемъ всегда должно быть объявлено особо. Но если бы ко времени прибытія войскъ въ пункты дневовъ или въ другія мѣста, гдѣ «Товарищество» должно заготовить продовольствіе, такового тамъ не оказалось, то войска будутъ пополнять путевые запасы изъ продуктовъ, слѣдующихъ при эшелонѣ въ особомъ интендантскомъ транспортѣ, а въ крайно-

сти, т. е. по израсходованіи этихъ запасовъ, покупать хлѣбъ, крупу и фуражъ уже собственнымъ попеченіемъ, на ассигнованные для сего авансы, но не иначе какъ по приговору наличныхъ офицеровъ части, каковой приговоръ будетъ служить оправданіемъ необходимости покупки. Дѣйствительная же стоимость искупленныхъ предметовъ должна быть удостовѣрена свидѣтельствомъ мѣстныхъ властей о рыночныхъ цѣнахъ и росписками продавцовъ. Топливо и солону на походѣ за границу войска обязаны приобрѣтать собственнымъ попеченіемъ на отпущенные авансы, по мѣстнымъ цѣнамъ, съ оправданіемъ оныхъ вышепомянутыми документами, кромѣ приговора офицеровъ. Приварочное довольствіе за границею производится на двоякихъ началахъ: 1) части, коимъ не разрѣшено содержать порціонныхъ воловъ, получаютъ на время слѣдованія и въ первыя двѣ недѣли на окончательныхъ пунктахъ по окладамъ: обыкновенному 5 копеекъ, усиленному 7½ копеекъ въ день на человѣка, съ присоединеніемъ къ этимъ окладамъ еще добавки въ двѣ копейки (собственно на усиленіе довольствія, и на чай по полукопейкѣ въ день на человѣка); 2) войска же, содержащія порціонныхъ воловъ, получаютъ четырьмя копейками на человѣка меньше. Во время слѣдованія къ Дунаю довольствіе чаемъ производится покупкою оного на вышепомянутую добавку; съ переходомъ же за Дунай, чай и сахаръ будутъ получаться натурою, сперва отъ интендантства, изъ транспорта, а потомъ отъ «Товарищества» или же изъ заграничныхъ магазиновъ и складовъ интендантскаго вѣдомства. По переходѣ за Дунай, предполагается расходъ чая производить въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ сентября по май — по 2/3 фунта чая и по одному фунту сахара въ день на сто человѣкъ; а съ 1-го мая по 1-е сентября по фунту чая и по 3 фунта сахара въ день на то же количество людей. При всемъ этомъ предписано, чтобы авансы, ассигнованные войскамъ на приобрѣтеніе предметовъ путевого довольствія, не допускать до совершеннаго истощенія, а при уменьшеніи ихъ до половины отпущенной суммы, требовать подкрѣпленія отъ корпусныхъ или отрядныхъ интендантовъ.

При слѣдованіи по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ части войскъ, какъ и въ предѣлахъ Имперіи, не будутъ лишены горячей пищи, которая будетъ постоянно заготовляема для нихъ на извѣстныхъ пунктахъ, показанныхъ въ маршрутахъ, по распоряженію комендантовъ и этапныхъ начальниковъ. Въ этихъ случаяхъ мясо принимается людьми уже въ готовыхъ, разрезанныхъ порціяхъ, причѣмъ изъ фунта мяса должна выходить порція въсомъ около 38-ми золотниковъ, или изъ пуда сырой говядины около 16-ти фунтовъ варенаго мяса безъ костей. Но войска должны

¹⁾ Въ «Инструкціи войскамъ о продовольствіи ихъ за границею», оставленной полковымъ интендантомъ, между прочимъ сказано, что продовольственные припасы, поставляемые для войскъ «Товариществомъ», должны быть такихъ качествъ, какія указаны въ статьѣ 138 кн. XII св. Воен. Пост. 1869 года; но съ тѣми исключеніями, которыя будутъ вызываться мѣстными условиями урожая и способовъ (т. е. способами) приготвленія тѣхъ припасовъ за границею. Къ сожалѣнію, оговорка о допускаемыхъ «исключеніяхъ», какъ оказалось потомъ на дѣлѣ, слишкомъ часто была примѣняема агентами къ выгодѣ «Товарищества» и къ невыгодѣ войскъ.

²⁾ Съ первыхъ же дней по переходѣ русской границы, «Товарищество» начало дѣлать въ этомъ отношеніи такія затрудненія офицерамъ, соглашавшая отпускать имъ фуражъ не иначе, какъ огромными (въ вѣскольکو десятковъ пудовъ и четверняковъ) партиями, что офицеры вынуждены были не обращаться болѣе съ подобными, воплѣтъ законными требованіями къ «Товариществу». На убѣжденія офицеровъ, что они въ силу приказа главнокомандующаго (отъ 7-го апрѣля, за № 24), имѣютъ право приобрѣтать отъ «Товарищества» фуражъ натурою по утвержденнымъ справочнымъ цѣнамъ, агенты г-на Грегера и К^о отвѣчали, что пускаться такъ, но «Товариществу» «невыгодно» продавать свои продукты по мелочи. Такъ, между прочимъ, было отвѣчено и мнѣ лично въ Плоештахъ.

заблаговременно (по возможности, за сутки) извѣщать комендантовъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ подлежащей части назначена въ маршрутѣ горячая пища, о приготовленіи оной и на какое количество людей. Въ одной изъ предшествовавшихъ корреспонденцій было упомянуто о порціонномъ скотѣ, который войска должны имѣть при себѣ въ опредѣленномъ для каждой части количествѣ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, до потребления въ пищу, долженъ служить для своей части къ усиленію ея перевозочныхъ средствъ. Нынѣ же мѣра эта распространена и на подвижные дивизионные лазареты. При движеніи своемъ за границу, они должны запастись и содержать при каждомъ по двѣ пары порціонныхъ воловъ, руководствуясь въ содержаніи и расходованіи ихъ данной инструкціей.

По представленію начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, предписано образовать въ Кишиневѣ, при передовомъ артиллерійскомъ запасѣ, общій конскій лазаретъ для артиллерійскихъ частей арміи. Съ этой цѣлью командиры бригадъ, отдѣльныхъ батарей и парковъ обязаны всѣхъ лошадей, которыя, по заключенію ветеринаровъ, окажутся не въ состояніи слѣдовать въ походъ, — препровождать въ кишиневскій лазаретъ, при аттестатахъ о дозволѣніи и описяхъ, съ указаніемъ рода болѣзни. Больныя лошади, по мѣрѣ ихъ окончательнаго выздоровленія, направляются къ своимъ частямъ въ дѣйствующую армію, а для ухода за ними назначаются особые люди, преимущественно изъ разряда слабосильныхъ, дабы не лишать дѣйствующихъ части нижнихъ чиновъ, вполне пригодныхъ для боя и трудностей бивуачной жизни.

Великій князь главнокомандующій, признавая необходимымъ, при предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, имѣть возможность во всякое время и безпрепятственно направлять сильные отряды кавалеріи для самостоятельныхъ предпріятій, не разстраивая при этомъ организацію корпусовъ, — нашелъ полезнымъ нынѣ же прикомандировать къ корпусамъ донскіе казачьи полки, не входящіе въ составъ дивизій.

Такимъ образомъ, къ 8, 9 и 12-му армейскимъ корпусамъ прикомандировано по одному, а къ 11-му корпусу три казачьихъ полка (изъ коихъ два только временно) съ двумя донскими батареями (тоже временно). Затѣмъ остающіеся нераспределенными по корпусамъ еще два казачьи полка съ казачьей же батареей составили «отдѣльную Донскую казачью бригаду». Кроме сего, двѣ сотни 7-го Кубанскаго пластунскаго батальона поступили въ составъ 4-й стрѣлковой, а сотни уральскихъ казаковъ — въ составъ 3-й саперной бригады.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая нужнымъ, что-

бы организація артиллеріи въ корпусахъ давала корпуснымъ командирамъ возможность, безъ всякихъ каждый разъ особыхъ предварительныхъ распоряженій, сосредоточивать свои орудія сообразно условіямъ боя и положенію частей корпуса, его высочество главнокомандующій предписалъ образовать *корпусную артиллерію* такимъ образомъ, чтобы при каждой пѣхотной дивизіи оставалось по четыре батареи: двѣ 9-ти и двѣ 4-хъ фунтовыхъ, а по одной 9-ти и одной 4-хъ фунтовой батареи выдѣлять изъ каждой артиллерійской бригады и составить изъ нихъ корпусную артиллерію. Артиллерійскія бригады поступаютъ въ полное подчиненіе начальникамъ тѣхъ пѣхотныхъ дивизій, при коихъ онѣ состоятъ; корпусная же артиллерія остается въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника артиллеріи корпуса.

При развившемся въ настоящее время значеніи огнестрѣльнаго боя, расходъ боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ можетъ быть очень великъ; поэтому быстрое и правильное пополненіе израсходованныхъ огнестрѣльныхъ припасовъ, а въ особенности во время самаго боя, является дѣломъ весьма важнымъ. Успѣхъ же этого дѣла во многомъ зависитъ отъ правильной организаціи и установленія точныхъ отношеній къ войскамъ различнаго рода артиллерійскихъ парковъ и отъ установленія порядка въ пополненіи израсходованныхъ патроновъ и снарядовъ изъ повозокъ съ этими припасами, имѣющихся при войскахъ, а затѣмъ отъ порядка пополненія самыхъ повозокъ изъ артиллерійскихъ парковъ. Съ этой цѣлью издана теперь особая инструкція, указывающая: а) распределеніе парковъ и подчиненность ихъ, б) порядокъ пополненія патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ и в) отчетность по расходованію огнестрѣльныхъ припасовъ.

Парки, состоящіе при арміи, распределены такимъ образомъ, что на каждую дивизію пѣхоты съ ея артиллеріей приходится по одному легучему и одному подвижному парку, на каждую кавалерійскую дивизію — по одной половинѣ конно-артиллерійскаго парка, на стрѣлковую бригаду — особое парковое отдѣленіе, на Кавказскую казачью дивизію (гулевые полки) и для отдѣльной Донской казачьей бригады — по одному конно-артиллерійскому парковому отдѣленію. Общее вѣдѣніе легучими, подвижными и мѣстными парками лежитъ на начальникѣ парковъ въ арміи.

Всѣ патронные ящики, состоящіе въ полкахъ и отдѣльныхъ батальонахъ, распределяются на два разряда. Въ 1-й разрядъ входятъ по одному ящику на каждый батальонъ и на каждый драгунскій полкъ; остальные же всѣ ящики относятся къ составу 2-го разряда. 1-й разрядъ постоянно слѣдуетъ съ войсками,

какъ и лазаретныя линейки, не разлучаясь съ ними не только на походѣ, но и въ бою; при построении отряда къ бою, ящики эти располагаются за своими частями. При вступлении въ сферу артиллерійскаго огня, когда батальоны разошлись по-ротно, каждый полкъ выдѣляетъ по одному патронному ящику на батальонъ, а въ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ батальонахъ—по два ящика. Эти ящики располагаются, по возможности, вѣѣ выстрѣловъ, на открытой мѣстности, не далѣе тысячи шаговъ, за сомкнутыми частями передовой линіи, но, смотря по обстоятельствамъ боя, они могутъ быть собраны и всѣ вмѣстѣ. Для пополненія патроновъ, върасходованныхъ въ цѣли, назначаются заблаговременно по два рядовыхъ отъ каждой роты, которые, въ случаѣ надобности, получаютъ отъ состоящаго при каждомъ ящикѣ особаго возжатаго унтеръ-офицера съ потребнымъ числомъ патронныхъ пачекъ и немедленно возвращаются къ своимъ ротамъ. Въ критическія же минуты патроны подвозятся и непосредственно къ сражающимся частямъ, въ ящикахъ. Патронные ящики опорожняются поочередно, и каждый изъ нихъ, по израсходованіи въ немъ всѣхъ патроновъ, быстро отправляется къ мѣсту расположенія обозной колонны, гдѣ слѣдуютъ остальные ящики 1-го разряда, немедленно высылаемые впередъ на мѣсто опорожненныхъ. Изъ повозокъ, выдвинутыхъ въ боевую линію, дозволяется, въ случаѣ надобности, дѣлаться патронами и съ другими, близъ-стоящими частями войскъ, а для болѣе легкаго отысканія патронныхъ повозокъ, съ открытіемъ боя, близъ нихъ вывѣшивается: днемъ бѣлый флагъ, а ночью—зеленый фонарь. Патронные ящики 2-го разряда входятъ въ составъ второразряднаго обоза, къ которому относятся всѣ повозки, присоединяющіяся къ своимъ частямъ на каждомъ ночлегѣ. На походѣ и во время боя второразрядные ящики держатся отъ войскъ въ разстояніи около полуперехода, но въ предвидѣніи серьезнаго дѣла могутъ быть и совсѣмъ отдѣлимы отъ обоза и слѣдовать непосредственно за войсками. Въ составъ второразряднаго обоза входятъ также и *летучіе* артиллерійскіе парки, которые, предъ вступленіемъ войскъ въ бой, располагаются въ тылу своихъ корпусовъ, на указанныхъ пунктахъ, и безъ особаго приказанія начальника артиллеріи корпуса или отряда не должны измѣнять мѣсто своего расположенія, а для того, чтобы ихъ легче отыскивать, выставляютъ днемъ черныя флаги, ночью же—фонари съ синими стеклами. Во время боя, батареи, доставивъ къ парку пустые зарядные ящики, тотчасъ перепрягаютъ своихъ лошадей въ ящики парковые, не перекладывая зарядовъ, и съ ними приемщикъ быстро отправляется обратно на позицію. *Подвижныя* парки вхо-

дятъ въ составъ обозовъ 3-го разряда, который долженъ присоединяться къ войскамъ только черезъ нѣсколько дней и держаться отъ войскъ въ разстояніи одного или двухъ переходовъ. *Летучіе* парки пополняются изъ подвижныхъ, а эти въ свою очередь изъ *мѣстныхъ*, находящихся въ нѣсколькихъ переходахъ позади мѣстъ расположенія подвижныхъ парковъ. Для отчетности о расходѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, парки снабжены шнуровыми тетрадами, гдѣ приемщикъ войскъ обязанъ росписываться въ количествѣ полученныхъ ими боевыхъ припасовъ.

Въ самый день обнародованія высочайшаго манифеста о войнѣ, въ виду немедленнаго движенія за границу, одновременно съ войсками, различныхъ грузовъ и заготовленій интендантскаго, артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, направляющихся по румынскимъ желѣзнымъ путямъ, начальникъ военныхъ сообщений назначилъ восемь штабъ и оберъ-офицеровъ на должности этанныхъ и станціонныхъ комендантовъ въ слѣдующіе пункты: Унгены, Яссы, Пашканы, Романы, Бакеу, Аджудъ, Текучъ и Барбошъ. Разностороннія обязанности этихъ лицъ опредѣлены особой инструкціей и «наставленіями», объявленными въ приказѣ по военному вѣдомству еще въ 1873 году. Лица эти подчиняются исключительно полевому управленію военными сообщениями и полевому штабу, и только отъ нихъ могутъ получать приказанія. Во всемъ, что касается желѣзно-дорожной службы и наблюденія за порядкомъ на станціяхъ и въ поѣздахъ, лица эти находятся въ томъ же положеніи, какъ и военные чины при исполненіи караульной службы, которые подчинены исключительно комендантамъ и которымъ никто, кромѣ послѣднихъ, даже ихъ прямые начальники не имѣютъ права отдавать какія бы то ни было приказанія. Въ виду этого великій князь главнокомандующій предписалъ, чтобы никто изъ начальствующихъ лицъ, какъ бы высоко они ни были поставлены, отнюдь не позволяли себѣ вмѣшиваться въ распоряженія желѣзно-дорожной администраціи и военныхъ чиновъ, командированныхъ на желѣзныя дороги, отдавать имъ какія бы то ни было приказанія или уклоняться отъ исполненія ихъ законныхъ требованій. Въ случаѣ же какихъ либо безпорядковъ или неисправности со стороны этихъ лицъ, замѣтившіе оныя должны доводить о томъ до свѣдѣнія начальника военныхъ сообщений или полевого штаба, ни въ какомъ случаѣ не дозволяя себѣ личныхъ разбирательствъ или распоряженій. Съ своей стороны, коменданты и прочіе чины, командированные на желѣзныя дороги, обязаны оказывать полное содѣйствіе войскамъ, отстранять всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами возможность разныхъ за-

трудней и задержек, и давать всё необходимые разъяснения и указания; обо всѣхъ же уклоненіяхъ отъ установленнаго порядка со стороны войскъ они обязаны доносить телеграммами по командѣ, для доклада главнокомандующему, который подвергаетъ виновныхъ самой строгой ответственности.

Въ тотъ же день, 12-го апрѣля, великій князь приказалъ: всѣхъ военныхъ чиновъ, состоящихъ нынѣ подъ судомъ, при выступленіи частей въ походъ, оставить въ распоряженіи мѣстныхъ уѣздовыхъ военныхъ начальниковъ; состоящихъ же подъ слѣдствіемъ раздѣлить на двѣ категоріи: а) не содержащихся подъ стражей и б) состоящихъ подъ арестомъ; первые отправляются въ походъ со своими частями, а вторые оставляются въ томъ же вѣдѣніи, какъ и подсудимые. Сообразно съ этимъ, велѣно и военнымъ слѣдователямъ, состоящимъ при полевомъ военномъ судѣ, оставить у себя въ производствѣ только тѣ изъ неоконченныхъ слѣдственныхъ дѣлъ, по которымъ обвиняемые находятся подъ надзоромъ начальства при своихъ частяхъ; тѣ же неоконченныя дѣла, по коимъ обвиняемые содержатся подъ стражей, передать подлежащимъ судебнымъ слѣдователямъ, а также военнымъ слѣдователямъ кievскаго и одесскаго военныхъ округовъ, и обо всѣхъ сихъ дѣлахъ и лицахъ сообщить прокурору полевого военного суда; самими же военнымъ слѣдователямъ, при движеніи войскъ, находиться при корпусныхъ штабахъ тѣхъ корпусовъ, къ коимъ они прикомандированы.

Государь императоръ въ бытность свою въ Кишиневѣ высочайше повелѣть соизволилъ: а) генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, состоящимъ въ отдѣлахъ полевого управления дѣйствующей арміи, въ корпусныхъ, дивизионныхъ и бригадныхъ штабахъ — носить сюртуки при обыкновенной походной формѣ, вмѣсто вицъ-мундира или мундира, и б) строевымъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а также состоящимъ въ штабахъ полковыхъ и отдѣльных батальоновъ — носить, попрежнему, исключительно мундиры.

Въ виду условій мѣстнаго климата, знойнаго весной и лѣтомъ, великій князь главнокомандующій приказалъ завести теперь же бѣлые холщевые чехлы съ назатыльниками на шапки образца 1862 года (кепи) и фуражки, какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ регулярныхъ и казачьихъ войскъ, вошедшихъ въ составъ дѣйствующей арміи.

Предъ выступленіемъ въ походъ, разрѣшено было еще 9-го апрѣля жалованье и столовыя деньги офицерскимъ чинамъ арміи за апрѣль мѣсяцъ и жалованье нижнимъ чинамъ за январскую треть — отпустить ранѣе установленнаго срока, начавъ выдачу съ 10-го числа апрѣля. Разрѣшеніе это не распространено однако на

чиновъ отдѣловъ полевого управления, которыми, какъ остающимся до времени на мѣстѣ, жалованье и столовыя деньги выданы по прежнему 20-го числа. Въ счетъ жалованья и порционныхъ денегъ (послѣднія за май мѣсяцъ), офицерскіе чины дѣйствующей арміи получали известную часть золотомъ, въ слѣдующихъ размѣрахъ: генералы — по пятидесяти, штабъ-офицеры — по двадцати и оберъ-офицеры — по десяти полумперіаловъ, что для нихъ весьма важно, въ виду необычайно поднявшихся цѣнъ на всѣ предметы первѣйшей необходимости въ Румыніи, гдѣ — какъ извѣщаютъ узнавшие на собственномъ опытѣ офицеры — торговцы, и преимущественно евреи, въ первые дни по вступленіи нашихъ войскъ въ румынскіе предѣлы, брали съ нихъ за трехфунтовый пшеничный хлѣбъ *по три франка*.

Съ 22-го апрѣля открылись дѣйствія полевыхъ почтовыхъ учреждений за-границею, а именно: въ Яссахъ, Былатѣ, Фокшавахъ, Галацѣ, Измаилѣ и Леовѣ. На учрежденія эти, на первое время, возлагаются приемъ и выдача только простой (казенной и частной) корреспонденціи, за полученіемъ которой войска обязаны присылать приемщиковъ, снабженныхъ удостовѣреніемъ на право приема корреспонденціи *).

*) Впослѣдствіи, когда по причинѣ постоянного передвиженія войскъ, возникли значительныя затрудненія въ направленіи къ нимъ почтовой корреспонденціи, начальникъ полевого штаба постановилъ правиломъ (Приказаніе по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 14-го мая 1877 г. за № 106), чтобы вся корреспонденція изъ Имперіи чинамъ, состоящимъ въ дѣйствующей арміи, адресовалась въ Унгенскую пограничную почтовую контору, для доставленія въ дѣйствующую армію, съ точнымъ при томъ обозначеніемъ части войскъ или военного управленія, къ составу коихъ принадлежитъ лицо, которому корреспонденція адресована. Эта мѣра, конечно, помогла дѣлу въ значительной степени, но все же она не могла окончательно устранить неурядицы и промедленія въ доставкѣ писемъ. Главная причина этого ала заключалась въ недостаточности наличнаго состава служащихъ по полевому почтовому управленію, о чемъ неоднократно заявлялъ главный полевой почтмейстеръ г. Романусъ. Служащіе не успѣвали управиться съ одною только сортировкою писемъ, не говоря уже объ отправленіи прочихъ обязанностей, и потому (какъ ходили въ арміи настоятельные слухи) въ іюль мѣсяцъ 1877 года въ Унгенской почтовой конторѣ пришлось счесть около двадцати тысячъ простыхъ писемъ, адресованныхъ изъ арміи въ Россію и изъ Россіи въ армію, за окончательною невозможностію, рассортировать ихъ своевременно. Такимъ образомъ нѣтъ ничего мудренаго, если письма и газеты доставлялись намъ, что называется, черезъ пятое въ десятое и нерѣдко на 18 й и даже на 21-й день по отправленіи, и если масса посылокъ, отправленныхъ изъ Россіи лѣтомъ и осенью 1877 года, лежали на площадкѣ предъ полевой почтою въ Сая-Стефано до самаго очищенія этого мѣстечка отъ штаба арміи. Кромѣ того, въ теченіе всей войны многія части не только корпусовъ, дивизій и артиллерійскихъ бригадъ, но даже полковъ были разбросаны по

Вмѣстѣ съ открытіемъ сихъ учреждений, полевое почтовое управленіе снабдило находящіяся при арміи госпитали и лазареты необходимымъ количествомъ бланковъ открытыхъ писемъ безъ штемпеля, для бесплатной раздачи ихъ больнымъ, въ случаѣ желанія ихъ отправить письмомъ. На первый разъ, въ дивизіонныя лазареты, уже отправленные и еще имѣющіе отправиться за-границу, отпущено по пятисотъ бланковъ открытыхъ писемъ, съ тѣмъ что по мѣрѣ ихъ израсходованія они будутъ замѣняться новыми, по требованію начальниковъ дивизій.

Кавказская казачья дивизія (гулевые полки), находящаяся уже за-границею, въ слѣдованіи къ Дунаю раздѣлена теперь на двѣ бригады, для командованія коими великій князь главнокомандующій назначилъ: 1-ю—состоящаго при его высочествѣ для особыхъ порученій лейбъ-гвардіи Уланскаго полка полковника Тутолмина, и 2-ю—состоящаго въ распоряженіи главнокомандующаго, числящагося по гвардейской кавалеріи полковника Вульфберга ¹⁾. На дняхъ прибыли въ главную квартиру десять оберъ-офицеровъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, назначенные ординарцами къ его высочеству главнокомандующему, въ распоряженіе коего командированы такъ-же состоящіе по полевой конной артиллеріи генералъ-лейтенантъ Столыпінъ и бывший военный губернаторъ Ферганской области и командовавшій въ оной войсками, генеральнаго штаба свиты его величества генералъ-майоръ Скобелевъ. Бывшій главнокомандующій сербской арміи генералъ Черняевъ 17-го апрѣля зачисленъ въ

разнымъ отрядамъ, на разныхъ фронтахъ; восточномъ, южномъ и западномъ. Эта разбросанность значительно препятствовала множеству необходимыхъ сношеній даже непосредственныхъ начальниковъ съ своими частями, которыя нѣрѣдко не знали гдѣ находится ихъ непосредственное начальство, равно какъ послѣднее не знало гдѣ находятся его части. Что же мудренаго, если при такихъ порядкахъ полевая почта, еще менѣе знавшая о мѣстѣ нахождения военныхъ частей, не могла доставлять имъ корреспонденцію, которая громадными ворохами залеживалась въ полевой почтовой конторѣ, а потомъ, при постоянныхъ передвиженіяхъ штаба и при отсутствіи почтовыхъ средствъ перевозки, по необходимости уничтожалась.

¹⁾ Вспослѣдствіи, а именно 23-го мая 1877 г., состоялся приказъ главнокомандующаго въ Плоештахъ, за № 77, въ силу котораго въ составъ 1-й бригады Кавказской казачьей дивизіи вошли: Донской казачій № 30-го, Кубанскій и Владикавказскій полки и двѣ сотни Осетинъ Терско-Горскаго конно иррегулярнаго полка, подъ начальствомъ полковника Тутолмина; въ составъ же второй бригады поступили донскіе казачьи полки № 21 и № 26-го, подъ начальствомъ полковника войска донскаго Черноубова, а полковнику Вульфберту приказано состоять попрежнему въ распоряженіи главнокомандующаго. Двѣ же сотни Терско-Горскаго полка (Ингуши) отправлены въ одесскій военный округъ, на усиленіе войскъ береговой защиты.

дѣйствительную службу прежнимъ чиномъ генералъ-майора, съ назначеніемъ въ Кавказскую дѣйствующую армію.

Изъ особъ свиты, прибывшихъ въ Кишиневъ съ государемъ императоромъ, его величество высочайше повелѣть соизволилъ—оставить въ распоряженіи его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича, по званію главнокомандующаго дѣйствующею арміею, слѣдующихъ лицъ: свиты его величества генералъ-майоры: Голынского, Толстого, графа Стенбокъ-Фермора, князя Имеретинскаго и Тучкова 1-го, и флигель-адъютантовъ, полковниковъ: графа Орлова-Денисова 1-го, графа Штакельберга, князя Голицына, Кладішева и князя Вяземскаго, ротмистра его императорское высочество князя Сергія Максиміановича Лейхтенбергскаго, капитана Милюткина, штабсъ-ротмистра барона Корфа и поручиковъ: барона Розена и Непокочицкаго.

XIV.

Болгарское ополченіе.

Отъѣздъ болгарскихъ дружинъ за-границу.—Напутственное слово преосвященнаго Павла, обращенное къ добровольцамъ.—Причины сформированія болгарскихъ дружинъ и назначеніе послѣднихъ.—Успѣхи формированія добровольческихъ баталіоновъ и взаимное сближеніе между русскими кадрами и ратниками-болгарами.—Постоянный приливъ болгарскихъ бѣглецовъ въ ополченіе.—Приказъ главнокомандующаго о формированіи, тактическомъ раздѣленіи и административномъ устройствѣ болгарскаго ополченія.—Личный составъ бригадныхъ и дружинныхъ командировъ.—Проводы ополченцевъ членами кишиневской болгарской колоніи.—Рвеніе охотниковъ къ службѣ въ ополченіи.

Кишиневъ, 26-го апрѣля.

25-го апрѣля, утромъ, двинулись за-границу двѣ болгарскія дружины, недавно сформированныя въ Кишиневѣ. Для нихъ назначено было два поѣзда, изъ которыхъ первый тронулся со станціи въ 8½ часовъ, увозя съ собою и организатора болгарскихъ ополченій, генералъ-майора Столѣтова, съ его штабомъ, а второй въ 11½ часовъ, подъ начальствомъ полковника Корсакова. Дружины эти направлены теперь въ Плоешты, гдѣ будетъ продолжаться дальнѣйшее формированіе болгарскихъ добровольческихъ баталіоновъ и конныхъ сотенъ.

Наканунѣ отъѣзда за-границу, въ казармахъ 53-го пѣхотнаго Волинскаго полка, гдѣ временно помѣщены были добровольцы,—болгарскій священникъ, въ присутствіи генерала Столѣтова, его штаба, дружинныхъ офицеровъ, мѣстной болгарской колоніи и всѣхъ добровольцевъ, выведенныхъ въ строй, отслужилъ напутственный молебенъ, послѣ котораго преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, присутствовавшій тутъ же, благосло-

вилъ генерала Столѣтова иконою Христа Спасителя, и произнесъ слѣдующее слово:

«Благословляю васъ и сподвижниковъ вашихъ св. иконою Христа Спасителя. Любящій, кроткій ликъ Богочеловѣка, положившаго душу Свою за спасеніе людей, да напоминаетъ вамъ о вашей рѣшимости и вашемъ долгѣ — до послѣдней капли крови биться съ врагомъ Христова Имени, поработителемъ и жестокимъ мучителемъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови. Вѣчная слава, вѣчающая спасительные труды, спасительныя страданія и смерть Богочеловѣка, да служатъ для васъ ручательствомъ того, что и васъ, подвижниковъ за святое дѣло избавленія угнетенныхъ народовъ отъ рабства, ждетъ великая слава и здѣсь, и еще болышая слава въ вѣчности, когда наступитъ время праведнаго мздовоздаянія.

«Плѣнныхъ свободитель и явнихъ защититель, немоществующихъ врачъ и царей поборникъ, чудотворецъ, великомученикъ и побѣдопосецъ Георгій, особенно чтимый славянскими народами, да сопутствуетъ вамъ, да вдохновляетъ васъ воспоминаніемъ о его подвигахъ и побѣдахъ славныхъ! Вы — подражатели его доблестей. Вы идете свободить плѣнные христіанскіе народы отъ ужаснѣйшаго плѣна мусульманскаго. Вы идете защищать нищихъ — народы, которые умѣютъ неустаннымъ трудомъ приобрѣтать себѣ богатство, но у которыхъ хищники — турокъ отнимаетъ нажитое тяжкимъ трудомъ достояніе. Вы идете уврачевать и тѣлесныя и душевныя язвы и недуги истерзанныхъ, поруганныхъ братьевъ нашихъ. Да сопутствуетъ же вамъ св. Георгій! И да украситъ вашу грудь лучшее украшеніе война и награда воинской доблести — георгіевскій крестъ!

«Добровольцы-болгары! Мы знаемъ о страданіяхъ вашихъ братьевъ, о неистовствахъ и жестокостяхъ турокъ только по слухамъ и описаніямъ. Но и при слушаніи и чтеніи рассказовъ о звѣрствахъ турецкихъ въ жилахъ нашихъ цѣпенѣла кровь, пробѣгала дрожь по тѣлу, а у многихъ простирались впередъ руки, какъ бы съ цѣлью схватить и задушить какого звѣря-мучителя... А вы были свидѣтелями, зрителями неистовствъ турецкихъ; многіе изъ васъ потеряли близкихъ, дорогихъ вамъ лицъ — родителей, женъ, сестеръ, братьевъ, дѣтей истерзанныхъ... Что же перечувствовали, переиспытали вы при видѣ этихъ неистовствъ!.. Богъ-мститель призываетъ васъ отмстить за неповинную кровь христіанскую, вопіющую на Небо... Васъ не нужно призывать къ самоотверженію, къ борьбѣ со врагомъ до послѣдней капли крови: вы горите нетерпѣніемъ быть бичомъ Божиимъ, смертельно поражающимъ свирѣлаго врага и притѣснителя вашихъ братьевъ. Да поможетъ вамъ Господь

врага поразить, а братьевъ вашихъ спасти отъ порабощенія, мукъ и гибели!

«На защитникахъ угнетенныхъ праведно почитать благословенію Божию. Призываю на васъ благословеніе Божіе! Крѣпкій во братьяхъ Господь, да дастъ крѣпость царю нашему, его доблестному воинству и вамъ, соратникамъ нашего воинства, на поправленіе и сокрушеніе общаго нашего врага».

Затѣмъ преосвященный окропилъ всѣхъ добровольцевъ святою водою.

Одна изъ предшествовавшихъ корреспонденцій сообщила уже о томъ элементѣ, который послужилъ для нашего правительства матеріаломъ къ организаціи первыхъ двухъ болгарскихъ батальоновъ. Въ составъ этихъ дружинъ вошли люди, потерявшіе у себя на родинѣ все — и домъ, и семью, и только успѣвшіе сами кое-какъ спастись отъ турецкихъ тюремъ и черкесскихъ княжатовъ. Россія пріютила на время у себя этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, содержала ихъ на государственномъ издѣіи, а нынѣ сварила и вооружила на средства частныхъ жертвователей. Руководящею мыслію въ данномъ случаѣ служила необходимость дать этимъ людямъ какое-либо соотвѣтственное занятіе, и такъ какъ громадное большинство ихъ, т.-е., вѣрнѣе сказать, все, что только чувствуетъ себя достаточно въ силахъ, само просило дозволить имъ, болгарамъ, добровольно стать въ ряды нашего войска, то и было разрѣшено, въ видѣ опыта, сформировать изъ желающихъ, на первый случай, двѣ дружины. Можно надѣяться, что эти люди, хорошо знающіе край предстоящихъ намъ военныхъ дѣйствій, отлично знакомые съ условіями мѣстной жизни и мѣстныхъ отношеній, принесутъ для нашей дѣйствующей арміи свою долю существенной пользы, а въ то же время видъ этихъ, стройно и правильно организованныхъ воиновъ, родныхъ по духу и крови мѣстному болгарскому населенію, произведетъ и на это послѣднее ободряющее впечатлѣніе, послужитъ къ наибольшему подъему его угнетеннаго духа. На первое время они будутъ нести службу въ тылу нашей арміи, т.-е. служить конвоемъ для транспортовъ, охранною стражею нѣкоторыхъ пунктовъ, гарнизономъ нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ, — все это, конечно въ непосредственномъ соединеніи съ нѣкоторыми частями, нашихъ собственныхъ войскъ, которымъ они будутъ служить какъ бы помощниками. Современемъ же, когда дружины эти достаточно окрѣпнутъ въ военномъ смыслѣ, чего, во всякомъ случаѣ, надо ожидать въ непродолжительномъ срокѣ, при нравственномъ воздѣйствіи вліяго въ нихъ русскаго кадра офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, изъ лучшихъ, выборныхъ людей арміи, — болгарскимъ батальонамъ и сотнямъ можетъ быть

даю, смотря по обстоятельствамъ, и болѣе существенное, настоящее боевое назначеніе ¹⁾).

Успѣхъ въ формированіи первыхъ двухъ батальоновъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: покаяливость, дисциплина, рвеніе и любовь къ дѣлу, добровольно на себя принятому, отличаютъ всѣхъ этихъ болгаръ до послѣдняго чловѣка, а присутствіе въ ихъ рядахъ, въ весьма существенномъ количествѣ, мѣстнаго интеллигентнаго элемента уже заранее можетъ служить залогомъ ожидаемой отъ нихъ пользы. Они довольно скоро выучились понимать русскій языкъ, равно какъ и русскій кадръ, въ то же время, попривыкъ къ языку болгарскому, такъ что теперь и тѣ и другіе уже достаточно хорошо понимаютъ другъ друга, и могутъ объясняться между собою.

Такъ какъ высшее управленіе дѣйствующей арміи рѣшило въ основаніи не допускать въ кругъ своихъ дѣйствій никакихъ частныхъ партизанскихъ частей и отрядовъ, не связанныхъ непосредственнымъ и регулярнымъ образомъ съ русскою арміею ²⁾, и такъ какъ приливъ болгарскихъ бѣглецовъ изъ Румыніи, Сербіи и Болгаріи, желающихъ служить у насъ добровольцами, растетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, особенно же послѣ того, когда они во-очію увидѣли два первые стройные батальона своихъ братій, то всѣ эти обстоятельства и соображенія, по необходимости, побудили правительство наше дать этому дѣлу болѣе широкое развитіе.

Вслѣдствіе сего, какъ возвѣстилъ приказъ его высочества главнокомандующаго, отъ 17-го апрѣля, за № 40, высочайше повелѣно было: сформировать *болгарское ополченіе* въ составѣ, на первое время, шести пѣшихъ дружинъ, имѣющихъ организацію отдѣльныхъ батальоновъ пятиротнаго состава, и при нихъ шести конныхъ сотенъ, коимъ присвоивается организація казачьихъ неотдѣльныхъ сотенъ. Дружины называются по номерамъ: дружина № 1-й, 2-й, 3-й, и т. д. Конныя сотни, соответственно номерамъ дружинъ, при коихъ онѣ состоятъ, также носятъ названіе № 1-й, 2-й, и т. д.

Ополченіе раздѣляется на три бригады, по двѣ дружины и по двѣ сотни въ каждой. Бригады именуются по номерамъ: 1-я, 2-я и 3-я

¹⁾ Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, эти предположенія, какъ извѣстно, измѣнились, и болгарскія дружины были включены въ составъ передового отряда генерала Гурко, участвовали въ первой забалканской экспедиціи и геройски дрались подъ Эски-Загрой, а потомъ на Шипкѣ.

²⁾ Вслѣдствіи, по мысли чиновника дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, М. А. Хитрово, было допущено участіе вольныхъ болгарскихъ четъ, какъ напр. Цеко Петкова на Траянѣ и др., которые принесли нашимъ войскамъ свою долю пользы во время зимняго перехода черезъ Балканы.

Первая бригада будетъ состоять изъ дружинъ № 1-го и 2-го и конныхъ сотенъ тѣхъ же номеровъ, вторая изъ дружинъ и сотенъ № 3-го и 4-го, а третья—5-го и 6-го. На сформированіе дружинъ и сотенъ назначаются офицеры, унтеръ-офицеры, барабанщики, дружианные горнисты, ротные сигналисты и нестроевые старшихъ званій изъ русскихъ и болгаръ, служащихъ въ русскихъ войскахъ, остальные же чины набираются изъ охотниковъ-болгаръ. Служба всѣхъ этихъ чиновъ въ болгарскомъ ополченіи считается за дѣйствительную службу въ русскихъ войскахъ, со всѣми ея правами, преимуществами и послѣдствіями. Все закономъ опредѣленное содержаніе, не указанное въ высочайше утвержденныхъ для болгарскаго ополченія штатахъ, какъ-то: единовременное пособіе, добавочные оклады, и проч., производится офицерамъ ополченія наравнѣ съ офицерами соответственныхъ чиновъ и должностей въ русскихъ войскахъ. Начальствованіе надъ болгарскимъ ополченіемъ ввѣряется особому «начальнику ополченія», который по управленію ввѣренными ему частями исполняетъ обязанности начальника дивизіи и пользуется всѣми правами, присвоенными сему послѣднему, а подчиняется непосредственно начальнику штаба дѣйствующей арміи, коему, по завѣдыванію ополченіемъ, предоставлены права командира неотдѣльнаго корпуса. Какъ при начальникѣ ополченія, такъ и при каждомъ изъ командировъ бригадъ имѣются особые управленія, составъ которыхъ, равно какъ и денежные отпуска на содержаніе чиновъ оныхъ, опредѣляются особыми штатами. Командиры бригадъ, дружинъ, ротъ и сотенъ приравниваются къ начальникамъ соответственныхъ частей въ русскихъ войскахъ. Подробности формированія, обмундированія, снаряженія и довольствія болгарскаго ополченія и его управленій опредѣляются особыми инструкціями и положеніями.

Начальникомъ ополченія назначенъ состоящій въ распоряженіи его высочества, по званію главнокомандующаго, генералъ-майоръ Столѣтовъ, а исправляющимъ должность начальника штаба—генеральнаго штаба подполковникъ Рынкевичъ.

Затѣмъ, по представленію начальника болгарскаго ополченія, для командованія частями онаго, назначены приказомъ главнокомандующаго, отъ 20 го апрѣля (за № 45), слѣдующія лица:

1-ю бригадою—флигель-адъютантъ, полковникъ князь Вяземскій.

2-ю бригадою—начальникъ отдѣленія канцеляріи завѣдывающаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміи, состоящій при гвардейской пѣхотѣ, полковникъ Корсаковъ.

Командирами дружинъ назначены:

№ 1-го—состоящій по гвардейской пѣхотѣ подполковникъ Кесяковъ.

№ 2-го — 68-го лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго ея величества полка майоръ Куртъяновъ.

№ 3-го — 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона подполковникъ Калитинъ.

№ 4-го—того же батальона майоръ Рѣдкинъ.

№ 5-го — 4-го гренадерскаго Несвижскаго генераль-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полка подполковникъ Нищенко и наконецъ

№ 6-го — 6-го гренадерскаго Таврическаго ея императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полка майоръ Бѣляевъ.

Назначеніе же оберъ-офицеровъ предписано генераль-майору Столѣтову произвести на основаніяхъ предоставленной ему закономъ власти.

Въ день отправленія добровольцевъ за границу, кишиневская болгарская колонія предложила ихъ офицерамъ завтракъ, приготовленный на станціи желѣзной дороги. Людямъ же было роздано по доброй чаркѣ водки, по половинѣ большого пшеничнаго хлѣба и по соотвѣстному куску жареной баранины. Были предложены и тосты: за государя императора, великаго князя главнокомандующаго и за успѣхъ дѣла, принятые съ сильными и понятными восторгомъ, какъ офицерами, такъ и охотниками-болгарами. На платформѣ присутствовало много семействъ здѣшняго болгарскаго общества, и тутъ же болгарскій священникъ, старикъ почтенной, сановитой наружности, отправившійся въ походъ вмѣстѣ со своею духовною паствою, безвозмездно раздавалъ желающимъ добровольцамъ молитвенники, евангелія и псалтырь очень изящнаго и очень дешеваго изданія. Угощеніемъ распоряжался мѣстный землевладѣлецъ, болгаринъ происхождения, г. Уваліевъ, и замѣчательно, до какой степени доходитъ рвеніе болгаръ къ охотѣ службѣ подъ русскими знаменами: во время слѣдованія батальоновъ по улицамъ къ станціи желѣзной дороги, и потомъ уже на самой станціи,—г. Уваліева и прочихъ представителей мѣстной болгарской колоніи останавливали много изъ ихъ соотечичей, случайно узнавшіе объ отправленіи батальоновъ, и горячо умоляли указать, у кого и гдѣ имъ возможно записаться въ дружинники? Желанія почти всѣхъ этихъ охотниковъ удовлетворялись тутъ же, на мѣстѣ, безъ всякихъ особенныхъ записей, кромѣ простой помѣтки въ памятной книжкѣ того или другого офицера. Охотнику давалось въ руки шасспо (изъ частнаго запаса) и затѣмъ самъ онъ, какъ былъ въ париккулярномъ платьѣ, передавался въ ту или другую роту, на попеченіе какого-либо изъ унтеръ-офицеровъ. Обмундированіе и окончательное снаряженіе для охотниковъ этой категоріи послѣдуетъ уже по

прибытіи ихъ въ Плоешты. Многие изъ нихъ, очутившись внезапно въ вагонѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, среди своихъ родичей и русскихъ солдатъ, какъ бы не вѣрили собственнымъ глазамъ, что все это сдѣлалось съ ними такъ просто и быстро, и долго крестились и даже плакали отъ радости. Въ каждомъ почти вагонѣ раздавались русскія и болгарскія пѣсни, а когда поѣздъ тронулся — богатырское «ура» вдругъ огласило воздухъ и не прерывалось долго, пока наконецъ поѣздъ не скрылся со всѣмъ изъ виду.

XV.

Занятіе Барбошскаго моста.

Стратегическая важность Барбошскаго моста.—Кубейскій отрядъ.—Выступленіе въ походъ.—Переходъ пограничной линіи.—Встрѣча со стороны жителей Рени.—Переправа черезъ Прутъ.—Галацскій префектъ.—Занятіе барбошской позиціи.—Первая ночь въ виду непріятеля.—Состояніе передоваго казачьяго отряда послѣ свѣтше ста-верснаго перехода. Суворовскій переходъ пѣхоты.—Причины бездѣйствія турокъ.

Плоешты, 2-го мая.

Переправа черезъ Прутъ у Рени и Барбошскій мостъ на Серетѣ, близъ его устья, являются для нашей арміи пунктами первостепенной важности, а въ особенности послѣдній: по немъ проложены рельсы желѣзной дороги, составляющей нашу единственную коммуникаціонную (какъ желѣзный путь) линію отъ границъ Россіи къ берегамъ Дуная. Уничтоженіе непріятелемъ Барбошскаго моста разсѣкло бы эту артерію русской арміи въ самомъ жизненномъ ея мѣстѣ—между Галапомъ и Браиловымъ, отрѣзывая отъ насъ все пространство Румыніи за Серетомъ. Постройка новаго моста отняла бы слишкомъ много времени, столь драгоцѣннаго въ военномъ дѣлѣ, и особенно для той стороны, которая беретъ на себя почитъ, т. е. наступательный образъ дѣйствій, и, кромѣ того, чрезвычайный разливъ въ нынѣшнемъ году всѣхъ рѣкъ системы Дуная еще болѣе затруднилъ и осложнилъ бы работы по постройкѣ моста. Всѣ эти соображенія побуждали употребить наибольшія усилія къ тому, чтобы Барбошскій мостъ былъ занятъ какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что не могли же турки не понимать всей важности для насъ этого пункта; по здравому сужденію, мы имѣли всѣ основанія предполагать, что противникъ нашъ, при первой вѣсти о разрывѣ между Россіей и Турціей, тотчасъ же постарается взорвать мостъ у Барбоша. Итакъ, первѣйшая и ближайшая цѣль наша, съ объявленіемъ войны, заключалась въ наискорѣйшемъ и прочномъ занятіи какъ этого пункта, такъ и переправы черезъ Прутъ у Рени.

11-го апрѣля часть войскъ 11-го корпуса была сосредоточена въ Кубетѣ,—самомъ край-

немъ пограничномъ углу юго-западныхъ предѣловъ Россіи въ Бессарабской губерніи. Кубей—это болгарская колонія, лежащая въ десяти верстахъ отъ границы и имѣющая до 2,000 жителей; здѣсь пролегаетъ главный трактъ изъ Кишинева въ Измайлъ и Галацъ. Войскамъ, собраннымъ въ самомъ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ, вѣдѣно было находиться въ полной готовности къ походу и двинуться немедленно по полученіи о томъ приказанія. Корпусный командиръ князь Шаховской со штабомъ также находился въ Кубей. Часть войскъ расположилась бивуакомъ на площади около каменной церкви, гдѣ играла полковая музыка и все время пылали костры; ротные пѣсельники заливались въ разныхъ концахъ селенія; всѣ были въ нѣсколько напряженномъ, нравственно возбужденномъ состояніи; всѣ съ минуты на минуту ждали чего-то рѣшительнаго, чувствуя, что находятся наканунѣ грозныхъ и рѣшительныхъ событій.

Наступилъ вечеръ, костры запылали еще ярче, и всѣ уже стали думать, что на вышедшій день не будетъ ничего особеннаго, какъ вдругъ въ началѣ десятаго часа долетѣли со степи звуки почтового колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ среди площади остановилась перекладная телега, изъ которой соскочили полковникъ Золотаревъ ¹⁾. Вся площадь поднялась на ноги и заколыхалась въ ожиданіи чтѣ-то ояъ скажетъ, какую вѣсть принесетъ съ собой? Корпусный штабъ и офицеры, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ, тѣсной толпой окружали нетерпѣливо жданнаго вѣстника.

— «Походъ, господа! Походъ!»—и менѣе чѣмъ въ минуту завитное это слово уснѣло уже облетѣть все мѣстечко.

— «Сѣдай!»—«Одѣваться, ребята!»—«Запргай!»—раздавались то здѣсь, то тамъ громкіе возгласы и приказанія. Все зашевелилось; бойко поскакали верховые во всѣ сосѣднія деревни—передать расположеннымъ въ нихъ частямъ о немедленномъ выступленіи. Корпусный командиръ въ небольшой хатѣ отдавалъ послѣднія распоряженія и отсчитывалъ начальникамъ частей золото на походъ. Въ одиннадцатомъ часу двѣ сотни донцовъ 29-го полка показались въ одной изъ улицъ, въ концѣ мѣстечка; изъ другой улицы въ совершенномъ молчаніи, мѣрно отбивая бодрый шагъ, выдвигалась масса пѣхоты, впереди которой видѣлись рядомъ темныя силуэты трехъ знаменъ, покрытыхъ чехлами; это были наши славный, знаменитый по защитѣ Севастополя Селенгинскій пѣхотный полкъ; гдѣ-то по дорогѣ, за селеніемъ, уже громыкала колесами артиллерія. Войскамъ приказано было собраться на границѣ, у казармы пограничныхъ стражи-

ковъ. Сорокъ минутъ спустя, казаки были уже въ указанномъ пунктѣ, куда вскорѣ подошли и селенгинцы; поджидали только артиллерию ¹⁾.

Великій князь главнокомандующій еще одновременно отправилъ въ отрядъ, предна-

¹⁾ Русская армія двинулась черезъ границу Имперіи 12-го апрѣля въ слѣдующемъ порядкѣ:

Правая колонна (8-я и 12-я кавалерійскія дивизіи и довскіе полки №№ 21-го, 26-го и 37-го) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена, черезъ Унгены, Яссы, Романы, Бакеу, Фокшаны, Римникъ, Вузеу и Плоешты къ Копаченямъ, въ окрестностяхъ Букаresta.

Средняя колонна (12-й армейскій корпусъ, 5-я пѣхотная дивизія и довской № 34-го полкъ) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ванновскаго, двумя путями:

а) 12-й корпусъ—черезъ Унгены, Яссы, Васлуй, Вырладъ, Текучъ, Фокшаны и оттуда по пути правой колонны, вслѣдъ за нею, до Бонеаза, въ окрестностяхъ Букаresta.

б) 5-я пѣхотная дивизія—черезъ Бештамакъ, Леоу, Фальчи, Япурени, Вырладъ и оттуда вслѣдъ за 12-мъ корпусомъ.

Лѣвая колонна, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго, тремя отрядами:

1) Кавказская казачья дивизія, 4-я стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, довской № 23-го полкъ и вся горная артиллерія, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го—чрезъ Бештамакъ, Фальчи, Галацъ, Браилоу и Букаrestъ къ Журжеву и Дайце.

2) 11-я кавалерійская дивизія—вслѣдъ за кавказскою до Обилешти-Ноу и Слободзіи, противъ Силистріи.

3) 8-й армейскій корпусъ—по пути генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го до Пломбунты, въ окрестностяхъ Букаresta ²⁾.

Нижне-дунайскій отрядъ (11-й армейскій корпусъ, безъ кавалерійской дивизіи и одной бригады 32-й пѣхотной дивизіи ³⁾), но взамѣнъ того усиленный отрядомъ изъ войскъ 7-го корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго—отъ Кубей въ Галацъ, Браилоу, Барбошъ, Рени, Киліу и Измайлъ.

9-й армейскій корпусъ (кромѣ 5-й пѣхотной дивизіи) былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ до Слатины нѣсколькими днями позже.

4-й, 13-й и 14-й армейскіе корпуса были назначены въ составъ дѣйствующей арміи дополнительно и выступили за границу послѣдѣ выше-названныхъ частей.

²⁾ Лѣвая колонна на нѣсколько дней была задержана у Леова разливомъ Прута, которымъ поносило мосты. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, у Фальчи, существовала совершенно удобная переправа, которую въ это самое время съ успѣхомъ пользовались мѣстные жители, но о которой мы не знали. 27-го апрѣля и эту послѣднюю переправу залило водой; тогда было приступлено на слѣдующій день къ постройкѣ моста у Фальчи, а переправа у Леова оставлена совершенно. Причиной этой дорожной стоянкой въ финансовомъ отношеніи задержки было то, что не слѣдвали хорошей предварительной рекогносцировки.

³⁾ Бригада эта была направлена къ Ольтепуду; впоследствии къ ней присоединилась и другая бригада 32-й дивизіи, такъ что на Нижне-Дунаѣ остались только 11-я пѣхотная дивизія и отрядъ изъ войскъ 7-го корпуса.

¹⁾ Состоящій для особыхъ порученій при начальникѣ штаба дѣйствующей арміи.

значенный къ занятію Рени, Галаца и Барбоша, своего адъютанта, полковника Струкова, для нѣкоторыхъ порученій и спеціальнаго увѣдомленія его высочества о ходѣ даннаго предпріятія; ему же, между прочимъ, надлежало вести и нашу передовую конницу къ назначенному ей конечному пункту за Барбошемъ. Была уже темная, глубокая ночь, когда полковникъ Струковъ объѣхалъ собравшійся на границѣ 29-й казачій полкъ и отъ имени главнокомандующаго поздравилъ его съ походомъ.

— Благодаримъ покорно его высочество и тостаремся!— радостно грянули въ отвѣтъ казаки.

Начальникъ румынской таможни, извѣщенный о предстоящемъ переходѣ черезъ границу русскихъ войскъ, встрѣтилъ ихъ съ полнымъ почетомъ. Жители маленькой пограничной деревушки Болгарія радостно повибѣгали изъ своихъ хатъ и зажгли костры, въ знакъ радужнаго привѣтствія русскому войску.

29-й казачій полкъ сталъ переходить границу по ту сторону мостика, переброшеннаго черезъ пограничную канаву у Траянова вала; румынскій доробанецъ, стоявшій на часахъ у бутки, отдалъ полку воинскую почесть, взявъ ружье «на-караулъ». Каждый казакъ снималъ шапку и набожно крестился, переступая рубежъ земли Русской. Уже начинало свѣтать, когда весь полкъ стнулся за пограничнымъ шлагбаумомъ; всѣ лица смотрѣли спокойно и серьезно. Кони бодро пофыркивали, что, по старой примѣтѣ, принято было казаками за добрый знакъ. Шесть сотенъ 29-го полка растянулись въщерею змѣйкой по обширной зеленѣющей равнинѣ и вскорѣ на рысяхъ достигли деревни Хаджи-Абдула, гдѣ сдѣлавъ былъ получасовой привалъ, а затѣмъ, на рысяхъ же, тронулись далѣе. Черезъ нѣсколько времени открылись на горизонтѣ угловатая вершина горы турецкаго берега, потомъ заблѣлся городокъ Рени надъ Дунаемъ; сверкнула широкая полоса рѣки, тихо катившей свои мутныя волны и далеко разлившейся по низменности. Жители Рени съ видимыми проявленіями радости выходили изъ домовъ, кланялись казакамъ и выносили пшеничныя хлѣбы, которые разламывали пополамъ, по здѣшнему обычаю, въ знакъ дружбы и союза, оставляя одну половину себѣ, а другую съ поклономъ отдавая нашимъ всадникамъ; офицеровъ же угощали винограднымъ виномъ, хлѣбомъ и сыромъ, говоря: «слава Богу, опять къ намъ вернулась Россія!» и разсказывали, въ какомъ страхѣ находились они до желаннаго прихода русскихъ войскъ, потому что башибузуки каждый день переплываютъ на румынскую сторону и шныряютъ по берегу и по степи отдѣльными группами, человѣка по два, по три.

Отъ Рени дорога повернула вправо и пошла вдоль по дунайскому берегу узкимъ шоссе, которое съ обѣихъ сторонъ было залито водою разлива. Здѣсь, по словамъ жителей, каждый день ходили взадъ и впередъ турецкіе пароходы и броненосцы.

Но вотъ и переправа на Прутѣ. Полкъ подошелъ къ ней крупною рысью и слѣпшился. Весело и бодро захватили казаки канаты у парома и тотчасъ же принялись за посадку лошадей. Полковникъ Струковъ, для выигрыва времени, попытался было поискать, нельзя ли гдѣ-нибудь перейти вплавь, но старики-казаки отговаривали, потому что весной теченіе въ Прутѣ бываетъ очень сильное. Переправа, довольно затруднительная вслѣдствіе быстроты рѣки, отняла три часа времени, и не будь движеніе наше до Прута совершенно столь быстро, да если бы турки на своихъ броненосцахъ были немножко бдительнѣе,—какъ много могли бы они, при данныхъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ, помѣшать этой переправѣ! Но турки оставались совершенно покойны, вѣроятно, не предполагая, чтобы русскія войска могли сдѣлать переходъ отъ своей границы до Дуная въ столь ничтожный промежутокъ времени.

Переправясь за Прутъ, казаки рысью пошли вдоль по дамбѣ, проложенной по луговой затопленной низменности между Дунаемъ и озеромъ Братышъ, и въ три часа пополудни подошли къ галацкой заставѣ. Столь неожиданное появленіе казаковъ нѣсколько озадачило и всполошило галацкихъ жителей; кто могъ или хотѣлъ, тотъ бѣжалъ имъ на встрѣчу—одни изъ любопытства, другіе изъ сочувствія. Наконецъ, выѣхалъ къ заставѣ и префектъ города, описанный, по-французски, трехцвѣтнымъ шарфомъ съ кистями, затканымъ изъ національныхъ румынскихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго и синяго. Полковникъ Струковъ и Пономаревъ (командиръ 29-го полка), любезно отрекомендовавшись префекту, просили разрѣшенія пройти черезъ городъ.

— Господа, я не имѣю права ни позволить, ни запретить вамъ. *Soyez les bienvenus!*—отвѣчалъ имъ префектъ; но наши, платя взаимною деликатностью человѣку, очевидно, не получившему еще на такой экстренный случай никакихъ инструкцій отъ своего правительства и потому не знающему какъ ему быть, рѣшили не ставить его въ затруднительное положеніе и обошли Галацъ городскими выгонами, по окраинѣ. Пройдя еще десять верстъ, достигли въ четыре часа пополудни желѣзнодорожной станціи Барбонъ, при которой находится и мѣстечко того же имени. Какъ мѣстечко это, такъ и самый мостъ еще съ утра были оставлены румынскимъ карауломъ, который отошелъ по направленію къ Бузеу.

Черезъ нѣсколько минутъ слѣпшанный каза-

чий взводъ былъ уже по ту сторону моста и фактически началъ его охрану, выставивъ часовыхъ по ту и другую сторону рѣки около мостового полотна. Устья Серета точно также сейчасъ были заняты нашими постами, а возвышенности особыми пикетами, и разъѣзды заходили вдоль всего берега, до Рени и далѣе, въ ожиданіи десанта съ турецкихъ пароходовъ, которые, показавшись, наконецъ, на фарватерѣ, не могли не замѣтить у Барбоша русской конницы. Однако же никакого десанта съ противной стороны не послѣдовало. Полкъ, въ виду моста, расположился бивуакомъ на горѣ, надъ станціей, и съ этого пункта могъ видѣть вокругъ себя все на далекое разстояніе.

Къ вечеру пошелъ сильный дождь, не помѣшавшій, однако, ни сну утомленныхъ людей, ни бдительности часто смѣняемыхъ разъѣздовъ и ведетовъ. Первая ночь въ виду неприятеля, бывшаго на своихъ броненосцахъ, прошла совершенно спокойно, а къ разсвѣту ихъ уже не замѣчалось. 29-й полкъ одинъ въ течение сутокъ охранялъ Барбошскій мостъ, пройдя предварительно, съ четырехъ часовъ утра 12-го апрѣля по четыре часа пополудни того же числа, около ста верстъ, да еще 15 верстъ со своей стоянки до русской границы, и при этомъ въ цѣломъ полку не было ни одного отставшаго, ни одного заболѣвшаго коня и человека, равно какъ не оказалось и ни одной убитой подъ сѣдломъ сини у лошадей, а между тѣмъ, кромѣ тяжести всадника въ полномъ вооруженіи съ боевымъ количествомъ патроновъ, лошади несли на себѣ еще полный походный вьюкъ и трехдневный запасъ провіанта, фуража и сѣна.

Главные части нашихъ войскъ, еще въ самый день объявленія войны, 12-го апрѣля, уже успѣли перейти русскую границу въ двухъ пунктахъ: въ Унгенахъ и противъ Болграда изъ Кубей¹⁾. Въ отрядѣ полковника Струкова должны были слѣдовать къ Барбошу три донскихъ полка: 29-й, 31-й и 40-й; но 31-й казачій полкъ, попытавшійся взять другое направление пути, на Вадалуй-Исаки, былъ остановленъ разливомъ и потому принужденъ возвратиться въ Кубей, а 40-й полкъ, опоздавъ ко времени выступленія 29-го полка, долженъ былъ слѣдовать въ хвостѣ колонны полковника Бискупскаго (начальника штаба 11-го армейскаго корпуса), который съ батальономъ 41-го пѣхотнаго Селенгинскаго полка и двумя донскими батареями шелъ за полковникомъ Струковымъ²⁾. Остальные батальоны того же полка

и 42-й Якутскій, съ ихъ артиллеріею, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира, генералъ-маіора Салова, перешли нашу границу черезъ Траяновъ валь нѣсколькими часами позднѣе. Пѣхота эта въ тотъ же день, сдѣлавъ быстрый, истинно Суворовскій переходъ въ 70 верстъ, заняла Рени.

Все молодецкое движеніе 28-го казачьяго полка исполнено было въ 12 часовъ времени, изъ коихъ по меньшей мѣрѣ три часа должно вычестъ на паромную переправу черезъ Прутъ. Итого, значить 110-ти верстное разстояніе пройдено въ теченіе *десяти* часовъ, съ привалами!

Занятіе Барбошскаго моста, принимая во вниманіе громадную стратегическую важность сего пункта, составляетъ первый по времени, хотя и безъ пролитія крови совершенный, подвигъ нашихъ войскъ въ настоящую кампанію, въ первый же день ея открытія. Нельзя сказать, чтобы турки не сознавали всего значенія этого пункта какъ для насъ, такъ и для себя. Спустя нѣсколько дней, въ главной квартирѣ было узнано изъ достовѣрнаго источника (черезъ тайнаго агента), что на военномъ совѣтѣ, происходившемъ наканунѣ объявленія войны у главнокомандующаго дунайской турецкой арміи, Гобартъ-паша и нѣкоторые другіе лица настоятельно рекомендовали немедленно же взорвать Барбошскій мостъ, и мнѣніе ихъ было принято къ свѣдѣнію, какъ совершенно основательное, за исключеніемъ только его неотложности: турки думали, что они еще успѣютъ произвести взрывъ, когда получатъ вѣрное свѣдѣніе, что русскія войска приближаются; но они, какъ теперь оказывается, не допускали даже и мысли, чтобы движеніе нашихъ войскъ могло совершиться такъ быстро и ознаменоваться въ первый же день столь рѣшительнымъ результатомъ, какъ занятіе барбошской весьма сильной позиціи и моста, подступы къ которому со стороны Дуная на другой же день по прибытіи пѣхоты и другихъ специальныхъ частей, начали ограждаться минными заложениями и береговыми батареями.

тылся только одинъ полкъ — 29-й казачій. Это произошло оттого, что предварительно приѣзда полковника Золотарева, изъ полевого штаба была прислана депеша, предписывавшая войскамъ кубейскаго отряда „быть въ готовности въ мѣстахъ своего расположенія, но не выступать изъ оныхъ къ сборному пункту, безъ особаго на то приказанія“. Поэтому войска, остававшіяся въ своемъ довольно широко разбросанномъ квартирномъ расположеніи, и не могли поспѣть во-время къ мѣсту сбора, когда было привезено экстренное приказаніе — выступить немедленно.

¹⁾ Въ третьемъ пунктѣ, Левовѣ, какъ извѣстно, произошла неожиданная задержка цѣлой колонны, вслѣдствіе сноса мостовъ разливомъ.

²⁾ Въмѣсто назначенныхъ въ авангардъ трехъ казачьихъ полковъ и двухъ донскихъ №№ 8 и 10-го батарей, въ нужную минуту на мѣстѣ очу-

XVI.

Дѣйствія въ Браиловѣ съ 14-го по 30-е
апрѣля.

Амбарго.—Первый выстрѣлъ.—Огонь по повѣду великаго князя главнокомандующаго. — Наши береговыя батареи въ Браиловѣ.—Первая и вторая погрузка минъ у Браилова.—Взрывъ „Лютфи-Джелилы“.—Шпионы.

Плюешты, 3 го мая.

14-го апрѣля, утромъ, подъ начальствомъ адъютанта главнокомандующаго, полковника Струкова, прибылъ изъ Барбоша въ Браиловъ первый русский отрядъ, состоявшій изъ двухъ ротъ Селенгинскаго полка и двухъ сотенъ доксинскихъ казаковъ. Назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы занять станцію желѣзной дороги, обезпечить исправное состояніе полотна между Барбошемъ и Браиловымъ, наблюдать за берегомъ Дуная и собирать какъ можно болѣе вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и его намѣреніяхъ. Несмотря на быстрый походъ, сдѣланный съ 12-го по 14-е апрѣля съ русской границы до Браилова, отрядъ пришелъ въ послѣдній пунктъ въ образцовомъ порядкѣ. Полковникъ Струковъ тотчасъ же наложилъ амбарго на турецкія коммерческія суда, находившіяся въ портѣ, а шкиперамъ иностранныхъ судовъ заявилъ, что русло Дуная у Галаца уже заграждается минами, такъ что выходъ въ море для нихъ невозможенъ. Команды турецкихъ судовъ были вооружены, а потому ихъ пришлось обезоружить и снять на берегъ. На одной кочермѣ нашлась даже пушка. Всего взято 9 большихъ кочермъ и до 120 иностранныхъ, не записанныхъ въ портовыхъ книгахъ судовъ, а также до 80 ружей и ятагановъ. Иностраннымъ шкиперамъ предложено продать ихъ товаръ (зерновой хлѣбъ) русской арміи, на что тѣ охотно согласились.

Въ первые же часы по прибытіи на мѣсто, по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что на противномъ берегу Дуная находится въ Мачинѣ до 1.700 человекъ и въ Гечетѣ, прибрежной деревнѣ, лежащей противъ Браилова — 200 человекъ турецкаго войска. Апрѣля 20-го прибыла въ Браиловъ 1-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи съ 5-ю батареями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Салова, который тотчасъ же и принялъ главное начальствованіе надъ всѣмъ браиловскимъ отрядомъ. Сюда же пріѣхали по желѣзной дорогѣ команды гальванеровъ и моряковъ «дунайской флотиліи», для работъ по части минныхъ загражденій Дуная и Мачинскаго рукава, а также и 7-й саперный баталіонъ, который тотчасъ же энергически принялся, при помощи рабочихъ изъ пѣхотныхъ подковъ, возводить береговыя батареи въ Браиловѣ, Галацѣ и другихъ смежныхъ пунктахъ. Весь берегъ Дуная отъ Килии до Браилова находился уже подъ непосредствен-

нымъ наблюденіемъ нашихъ нисетовъ и разѣздовъ. Съ этого же дня (14-го апрѣля) Браилу суждено было сдѣлаться самымъ бойкимъ и самымъ интереснымъ пунктомъ въ районѣ прибрежной мѣстности, занятой нашими войсками.

21-го числа генералу Салову было доложено, что два турецкіе монитора, ближе чѣмъ до сего раза, вышли на фарватеръ и разводять пары, а потому весьма можетъ случиться, что они попытаются прорваться въ Галацъ, гдѣ въ то время производились еще на берегу весьма для насъ важныя инженерныя работы. Одинъ изъ мониторовъ стоялъ носомъ по теченію, а другой ближе къ противному берегу, у лежащей противъ Браилова деревни Гечетъ. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Саловъ тотчасъ же распорядился, чтобы на берегъ прибыли два орудія 5-й батареи 11-й артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ 3-й стрѣлковой роты Селенгинскаго полка, что и было исполнено въ самомъ скоромъ времени. Пушки эти были поставлены на возвышенномъ берегу противъ Гечета. Мониторы, конечно, не могли опасаться 4-хъ фунтовыхъ полевыхъ орудій и потому продолжали стоять на своемъ мѣстѣ и разводять пары, не обращая на наши двѣ пушки ни малѣйшаго вниманія.

Было уже 10¹/₂ часовъ утра, когда прибыли на берегъ генералъ Саловъ и полковникъ Струковъ. Осмотрѣвъ предварительно мѣстность и извѣсивъ разстояніе отъ нашего берега до борта противника, генералъ приказалъ зарядить орудія и дать выстрѣлъ по первому изъ мониторовъ, въ томъ предположеніи, что при данномъ разстояніи, авось-либѣ огонь легкихъ орудій заставитъ непріятеля отойти въ Мачинскій рукавъ, на прежнее мѣсто. Всякая рѣшимость въ военномъ дѣлѣ, какъ извѣстно по тысячелѣтнимъ историческимъ опытамъ, есть великая вещь и первый залогъ успѣха. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ присутствовавшіе на берегу сняли шапки и перекрестились; вслѣдъ за этимъ изъ устъ молодого офицера раздалась извѣстная артиллерійская команда: «первое!» Тотчасъ же звучно грянулъ выстрѣлъ — первый боевой выстрѣлъ въ эту кампанію, и положилъ собою начало нашихъ военныхъ дѣйствій, къ которымъ за минуту до всего мы приготовились всеобщимъ крестнымъ знаменіемъ, призывавшимъ на русскій починъ святой войны благословеніе Божіе. Этотъ починъ былъ знаменателенъ тѣмъ, что всѣ наши, отъ высшаго начальника до послѣдняго солдата, хорошо и глубоко знали въ своемъ сердцѣ, за что и за кого они начинаютъ драться.

Выпущенный снарядъ далъ нѣкоторый перелетъ и упалъ въ воду за первымъ мониторомъ; второй мониторъ, какъ уже сказано, стоялъ позади первого въ небольшомъ разстояніи.

Не прошло и минуты, какъ заблѣлъ на рѣкѣ

клубъ дыма, и тотчасъ же съ изгономъ пролетѣлъ снарядъ надъ головами артиллеристовъ и легъ за батареею, но не разорвался. Вслѣдъ за первымъ, такъ называемымъ «привѣтственнымъ» обмѣномъ выстрѣловъ, началась канонада. Наши артиллеристы по третьему заряду окончили уже пристрѣлку, наши достодолжный уголъ возвышенія, и снаряды стали мѣтко попадать въ бортъ броненосца и падать на его палубу. Разумѣется, легкій полевой снарядъ отскакивалъ отъ толстой стальной брони, но, разрываясь, все-таки причинялъ непріятелю вредъ своими осколками. Турецкіе же снаряды ложились вправо и влѣво отъ батареи, падали въ склоны берега или же рвались не долетая до нашихъ орудій и, къ счастью, не наносили никакого вреда ни пушкамъ, ни прислугѣ. Это только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что два полевыхъ орудія отчасти заслоняемыя отъ глазъ противника карнизомъ возвышенности, на которой они были поставлены, представляли собою для мониторовъ, съ ихъ разстоянія, цѣль слишкомъ малыхъ размѣровъ. Спустя нѣсколько времени къ нашимъ орудіямъ было прибавлено еще два, той же батареи, и такимъ образомъ противъ полевого дивизиона мониторы вели канонаду въ теченіе болѣе полутора часа, съ четверти одиннадцатаго до полудня. Въ продолженіе этого времени снаряды дивизиона 5-й батареи были на столько мѣткі, что на первомъ мониторѣ успѣли совершенно сбить трубу и испортить руль, а на второмъ отъ нашего огня загорѣлась палуба. Вслѣдствіе этихъ поражений, второй мониторъ скорѣй скрылся за островомъ, уйдя въ Мачинскій рукавъ Дуная, а первый, не имѣя возможности управляться безъ руля, поспѣшилъ причалать къ берегу и сталъ поспѣшно выпускать пары. Тогда второй, какъ менѣе пострадавшій, приблизился къ товарищу, перебросилъ къ нему канатъ и съ помощью этого приспособленія отбуксировалъ его назадъ, за лѣсистый островъ, на порядочное разстояніе. Сдѣлавъ на пути еще нѣсколько выстрѣловъ по нашимъ орудіямъ, оба броненосца совсѣмъ уже отретировались къ Мачину, откуда они — какъ говорятъ болгары и русскіе, пробирающіеся къ намъ иногда съ того берега въ своихъ утлыхъ рыбацкихъ душегубкахъ — будто бы отправлены въ Русію для необходимыхъ починковъ и исправленій въ существенныхъ частяхъ своей конструкціи. Отъ нихъ же мы узнали, что въ тотъ же день къ вечеру съ перваго броненосца были свезены на берегъ для погребенія трое убитыхъ: капитанъ судна и два рулевыхъ матроса.

Во время этой канонады, по дунайскимъ отмелямъ были разсыпаны стрѣлы Селенгинскаго и Охотскаго полковъ, которые стрѣляли по людямъ на мониторахъ и отвѣчали на огонь изъ Гечета, а также и турецкимъ стрѣлкамъ, находившимся въ рукавѣ, на шлюпкахъ, при

чемъ на нашей сторонѣ раненъ одинъ болгаринъ, стоявшій вблизи стрѣлковъ, прострѣлена шинель у одного казака, а у другого пуля ударилась въ шашку и, наконецъ, убитъ на берегу одинъ изъ жителей Брайлова. Нѣкоторые изъ турецкихъ снарядовъ долетали и до города, гдѣ пробивали стѣны въ нѣсколькихъ зданіяхъ, ни никого не убили и не ранили¹⁾.

Снаряды турецкіе, снабженные англійскою плomboю, на сей разъ весьма плохо разрывались, такъ что оттоманскіе друзья — англичане, въ этомъ отношеніи оказали услугу скорѣе намъ, чѣмъ туркамъ. Четыре орудія 5-й батареи, какъ видно по результатамъ, стрѣляли очень хорошо. Они находились подъ командою поручиковъ Маслова и Карпинскаго, при командирѣ дивизиона штабсъ-капитанѣ Мазуревичѣ и подъ общимъ руководствомъ батарейнаго командира подполковника Тимирязева.

Дѣло это, ничтожное само по себѣ, не лишено однако же для насъ нѣкотораго нравственнаго значенія: оно наглядно показало духъ и степень боевой подготовки нашей полевой артиллеріи. И въ самомъ дѣлѣ, для этого стоитъ только взвѣсить то обстоятельство, что съ одной стороны выступаютъ два монитора, защищенные сильною броней и вооруженные дальнобойными крупновесными пушками, а съ другой — противъ нихъ выдвигаются сначала два, а потомъ четыре легкія, полевыхъ орудія, которые ни одной минуты не задумываются взять на себя починъ огня и менѣе чѣмъ въ два часа времени заставляютъ ретироваться несравненно сильнѣйшаго противника. Въ существенномъ же результатѣ этого дѣла было то, что мониторы въ теченіе двухъ сутокъ не выходили ни противъ Гечета, ни на главный фарватеръ рѣки, что для насъ было весьма кстати, такъ какъ въ это самое время у насъ стѣшно строились береговыя батареи для орудій большаго калибра: команды, наряжаемыя отъ пѣхотныхъ частей, при помощи 7-го сапернаго баталіона, въ два дня возвели прекрасныя земляныя постройки, удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ полевой фортификаціи.

24-го апрѣля, въ третьемъ часу дня, болшой трехмачтовый броненосный корветъ, пришедшій въ воды Мачинскаго рукава только наканунѣ (23-го числа), показался на главномъ фарватерѣ и, подойдя на должное разстояніе, далъ первый выстрѣлъ по нашей батарее. Это было въ 2 часа 35 минутъ, какъ разъ въ то время, когда подходилъ изъ Галапа желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ слѣдо-

¹⁾ Генераль Саловъ еще при самомъ началѣ канонады приказалъ командиру 3-й стрѣлковой селенгинской роты, капитану Перумову, спуститься къ Дунаю съ однимъ полувзводомъ стрѣлковъ и, вмѣстѣ съ казаками, бывшими на посту при сотникѣ Поповѣ, — разсыпаться по берегу и открыть огонь по непріятельской пѣхотѣ, показавшейся между строеніями Гечета.

валъ великій князь главнокомандующій, для осмотра бранловской позиціи ⁴⁾). Всѣ начальники частей находились на дебаркадерѣ, для встрѣчи его высочества, когда раздался этотъ первый выстрѣлъ; за нимъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, послѣдовалъ второй, очевидно направленный въ поѣздъ, во давшій перелетъ надъ вагонами, а по третьему выстрѣлу снарядъ большаго калибра упалъ въ двадцати саженяхъ отъ станціи. Генералъ Саловъ, какъ начальникъ всего отряда, долженствовавшій оставаться на станціи для приема его высочества, поручилъ подковнику Струкову отправиться къ батареямъ и временно принять начальство надъ берегомъ и войсками.

На батареѣ противъ Гечета у насъ еще шли работы и до 800 человекъ были заняты ими; полевая артиллерія, въ числѣ одной четырехфунтовой батареи, стояла на берегу для ихъ прикрытія, межъ тѣмъ бомбардировка съ корвета не прекращалась; снаряды падали то на насыпаемую батарею, то вокругъ нея — и такъ продолжалось около полутора часа. Струковъ, отведя воинскія части въ укрытое мѣсто, предохранялъ ихъ отъ дѣйствій турецкихъ снарядовъ, которые пускались на удачу, не имѣя предъ собою определенной цѣли, за исключеніемъ, конечно, строящейся батареи. Главнокомандующій этимъ временемъ обѣзжалъ возводимыя нами инженерныя сооруженія и въ 3¼ часа пополудни забѣжалъ на батарею № 3-й, гдѣ приказалъ не отвѣчать на выстрѣлы корвета, такъ какъ дѣйствіе нашихъ легкихъ орудій, во всякомъ случаѣ, не могло достигъ никакой существенной цѣли при данномъ разстояніи, а между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе бомбардировки весьма легко могло бы нанести чувствительный вредъ городу, куда и безъ того уже попали три бомбы, къ счастью, безъ печальныхъ для жителей послѣдствій.

При этой послѣдней бомбардировкѣ нами замѣчено, что турецкіе снаряды уже были не такого свойства, какъ въ первый разъ: большая часть гранат давала разрывъ, да и стрѣльба производилась съ болѣею расчитанностію и потому была болѣе мѣткою, чѣмъ 21-го апрѣля. Турки выпустили пятнадцать снарядовъ; выстрѣлы давались рѣдко, и бомбардированіе, начавшееся въ 2¼ часа, окончилось въ половинѣ пятаго пополудни. Войска, ободряемыя офицерами, все время спокойно продолжали насыпать батарею.

26-го апрѣля были уже пооружены двѣ наши батареи: *мортирная*, предназначенная для продолжнаго обстрѣливанія Мачинскаго рукава, и *батарея № 4-й*, передъ городомъ, для дѣйствій изъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій противъ

Гечета и его окрестностей ⁴⁾). Въ тотъ же день утромъ приказано было открыть съ этихъ батарей пробную пальбу, для пристрѣлки, а также и съ цѣлью отодвинуть подальше мониторы, чтобы прикрыть подошедшій къ Бранлову нангъ пароходъ съ четырьмя винтовыми шлюпками, которыя въ этотъ день должны были погрузить предъ Бранловымъ минныя загражденія. Нѣсколько мортирныхъ выстрѣловъ, упавшихъ въ воду около самыхъ мониторовъ, заставили противника удалиться, изъ предосторожности, по направленію къ городу Мачину, гдѣ оба судна и скрылись изъ виду. Въслѣдствіе удаленія ихъ, генералъ Саловъ нашелъ, что предполагаемыя нами работы по минному загражденію Дуная вполне возможны и приказалъ стрѣлкамъ, на всякій случай, разсыпаться по берегу. Въсѣтъ съ этимъ, такъ какъ Гечетъ представляетъ собою для непріятеля весьма удобный пунктъ закрытія, — вызваны были охотники, съ тѣмъ, чтобы въ рыбачьихъ лодкахъ перелетѣли на ту сторону и, если противникъ тамъ въ незначительныхъ силахъ, то выбить его изъ гечетскихъ окоповъ, насыпавшихъ турками 22-го апрѣля, и забрать сложенный въ этомъ селеніи каменный уголь. Охотники тотчасъ же явились — даже въ числѣ, превышавшемъ потребность — и отправлены по назначенію ⁵⁾). Выплывъ на середину рѣки, они были встрѣчены учащеннымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за гечетскихъ окоповъ и изъ оконъ домовъ этого селенія, при чемъ у насъ раненъ въ ногу одинъ рядовой. Дабы не подвергать людей напраснымъ потерямъ, изъ-за такой ничтожной цѣли, какъ добыча нѣсколькихъ пудовъ угля, и такъ какъ силы непріятеля въ Гечетѣ оказались болѣе того, сколько ихъ предполагалось, охотникамъ велѣно было возвратиться. По строеніямъ же Гечета, за которыми укрывались непріятельскіе стрѣлки, наша артиллерія сдѣлала послѣ этого нѣсколько выстрѣловъ, едва ли впрочемъ нанесшихъ существенный вредъ, потому что иначе турки врядъ ли продолжали бы до половины девятаго часа вечера ружейную перестрѣлку съ нашими стрѣлками, разсыпанными съ утра за береговыми строеніями. Пули противника хорошо долетали до берега и многія изъ нихъ даже перелетали батарею. На другой день (27-го апрѣля), по предварительному соглашенію съ начальникомъ инженерной части дѣйствующей арміи, генералъ-майоромъ Депомъ, рѣшено было приступить на разсвѣтѣ, подъ прикрытіемъ нашихъ батарей, къ заложенію минныхъ загражденій на Дунаѣ. Для

⁴⁾ Вооруженіе первой состояло изъ двухъ 6-ти дюймовыхъ наръзныхъ мортиръ, а второй изъ двухъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ.

⁵⁾ Команда Якутскаго полка подъ начальствомъ поручика Дворжипкаго и команда Селенгинскаго полка при подпоручикѣ Игнатенко.

⁴⁾ Подробности объ этой поѣздкѣ см. въ слѣдующей за этимъ корреспонденціи.

отраждения этихъ важныхъ работъ отъ неприятельскихъ пуль съ того берега, генералъ Саловъ поручилъ полковнику Струкову перевезти въ 12-ти лодкахъ на правый берегъ команду, назначенную отъ Селегинскаго и Якутскаго полковъ ¹⁾. Флотилія эта спустилась внизъ по Дунаю и сожгла между Браиловымъ и Галацомъ три кордонные домика и сарай, гдѣ скрывались неприятельскіе стрѣлки, которые легко могли бы мѣшать нашимъ шлюпкамъ производить минныя работы.

Съ разсвѣтомъ показался на Дунаѣ нашъ пароходъ, предназначенный идти на минныя работы, для поддержки шлюпокъ и снабженія ихъ потребнымъ матеріаломъ. Но, увидя приближавшійся по Мачинскому рукаву турецкій броненосецъ, пароходъ этотъ долженъ былъ вернуться, а генералъ Саловъ приказалъ открыть по броненосцу артиллерійскій огонь, съ помощью котораго и принудилъ его повернуть и уйти въ обратную сторону. Пѣхотная и казацкія команды, бывшія на рыбацкихъ лодкахъ, исполняя тѣмъ часомъ возложенное на нихъ порученіе, уже возвращались назадъ и въ это время подверглись частому ружейному огню изъ Гечета, на который вынуждены были отвѣчать изъ своихъ лодокъ. При этомъ съ нашей стороны никакого урона не было; пострадала только отъ пули одна пола шинели у рядового 3-й роты Селегинскаго полка.

Въ это время капитанъ 1-го ранга Рогоуля доложилъ генералу Салову, что около полудня уже начнется загражденіе. Въ половинѣ двѣнадцатаго нашъ пароходъ, съ четырьмя паровыми и четырьмя минными шлюпками, подошелъ къ браиловской пристани, гдѣ отпустилъ отъ себя шлюпки. Эти послѣднія въ три-четверти перваго часа потянули минныя лодки къ мѣсту предполагаемаго загражденія, которое и было благополучно окончено въ три часа пополудни, безъ всякихъ несчастныхъ для насъ случаевъ. Пароходъ послѣ этого возвратился къ устью рѣки Прута, а паровыя шлюпки стали у Браилова.

На 29-е апрѣля предполагено было сдѣлать съ утра второе загражденіе, ниже Гечета, почему, для прикрытія работъ отъ неприятельскихъ выстрѣловъ изъ сего послѣдняго пункта, по требованію капитана 1-го ранга Рогоуля, въ 11 часовъ утра вышелъ отъ устья Прута нашъ пароходъ, подъ командой капитана Беклешова. Пароходъ этотъ, въ виду двухъ неприятельскихъ броненосцевъ, сдѣлавъ два выстрѣла изъ

носового орудія по Гечету, привалилъ къ браиловской пристани. Въ первомъ часу дня показался другой нашъ пароходъ, шедшій съ нами изъ Галаца, но — въ виду двухъ броненосцевъ противника, стоявшихъ въ Мачинскомъ рукавѣ, — долженъ былъ вернуться назадъ.

Въ это время, во второмъ часу дня, въ виду Браилова опять появился трехмачтовый броненосный корветъ, тотъ самый что бомбардировалъ наши инженерныя работы и городъ 24-го числа, въ день пріѣзда великаго князя. Около этого большого судна расхаживали взадъ и впередъ два другіе броненосца меньшихъ размѣровъ. Въ исходѣ второго часа вблизи ихъ появилось новое судно, дотогѣ еще не замѣчавшееся нами въ водахъ Мачинскаго рукава; длинное, бѣлое, оно походило болѣе на пассажирскій пароходъ, чѣмъ на военное судно. Пароходъ этотъ вскорѣ спустил шлюпку, которая подошла къ большому корвету и на этомъ послѣднемъ въ ту же минуту былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впоследствии, оказывается, что шлюпка съ парохода доставила на корветъ вице-адмирала Буюкъ-пашу, который, впрочемъ, какъ кажется, не остался на корветѣ, а переправился съ него на другое судно, минутъ за десять до извѣстной катастрофы. Тѣмъ не менѣе, вице-адмиральскій флагъ оставался на мачтѣ. Между тѣмъ корветъ, совместно съ остальными турецкими судами, занялъ въ Мачинскомъ рукавѣ боевую позицію, съ видимымъ намѣреніемъ начать бомбардировку, но огня еще не открывалъ. Выйдя на позицію, онъ бросилъ якорь, завезъ кабельтовъ на берегъ и повернулся къ намъ правымъ бортомъ; остальные мониторы стали около него такимъ же образомъ. Расстояніе отъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій до корвета равнялось 1,700 саженамъ (около 3½ вер.) или нѣсколько болѣе. Въ бинокль ясно видѣлись на немъ обращенныя къ намъ орудія, но экипажа на палубѣ не было. Въ 2 часа и 10 минутъ пополудни нашимъ батареямъ, мортирной и № 4-му, приказано было открыть огонь. Мортирная дала нѣсколько выстрѣловъ, не долетѣвшихъ до цѣли; батарея № 4-й взяла хорошее направление: ея снаряды совсѣмъ близко ложились около корвета, но пока еще не задрывали его; а онъ межъ тѣмъ продолжалъ сохранять свое вызывающее положеніе молча. Всѣ досадовали... Пальба продолжалась; но слѣдя въ подзорную трубу съ высоты второго этажа ближней казармы за полетомъ снарядовъ, наблюдавшіе офицеры видѣли только, какъ черезъ десять секундъ послѣ каждаго выстрѣла около корвета вставалъ и разсыпался серебряными брызгами столбъ водяной пыли. Экипажъ, укрываясь отъ нашего огня, лишь изрѣдка, и то въ небольшомъ количествѣ, появлялся на палубѣ и тотчасъ же скрывался

¹⁾ Команды эти находились подъ ближайшимъ начальствомъ штабсъ-капитана Якутскаго полка Петрова, поручика Селегинскаго полка Климова и подпоручика Игнатенко, ограничиваясь составомъ только изъ 50-ти человѣкъ и 9-ти казаковъ съ сотникомъ Цоповымъ. Общее управленіе рыбацкими лодками принималъ лейтенантъ Загоряинскій-Кисель съ 14-ю матросами.

подъ люками, чуть лишь на брайловском берегу поднимется клубъ дыма.

Выпущено было до тридцати снарядовъ и уже хотѣли было прекратить пальбу, тѣмъ болѣе, что турки не отвѣчали, какъ вдругъ, въ три часа и 10 минутъ пополудни, въ одно и то же мгновеніе съ двухъ различныхъ батарей разомъ грянули два выстрѣла. Эта одно-мгновенность есть дѣло полной, но замѣчательной случайности. Офицеры внимательно продолжали слѣдить за полетомъ снарядовъ; прошло десять секундъ—на водѣ нѣтъ брызгъ... Вдругъ весь корветъ закрылся дымомъ, сквозь который, какъ молнія, пробился темно-багровый огонь. Нѣкоторые подумали, что это неприятель разомъ далъ залпъ изъ всѣхъ своихъ орудій; но чрезъ двѣ-три секунды раздался ужасный, громоподобный трескъ, отдавшийся на нашемъ берегу сильнымъ сотрясеніемъ воздуха, и громадный столбъ изъ нѣсколькихъ переплетшихся языковъ огня и чернаго густого дыма, съ глухимъ гуломъ, взвился къ небу, сажень на сорокъ въ высоту, и сталъ надъ корветомъ... Въ бинокли видно было, какъ летѣли вверхъ двѣ мачты, доски, бревна и разные осколки; замѣтны были даже и люди, падавшіе сверху внизъ, которые, по словамъ очевидцевъ, казались имъ издали словно бы червячки или рой черныхъ мухъ.

Мертвое молчаніе воцарилось въ этотъ моментъ на нашихъ батареяхъ, и въ народѣ, и въ войскахъ, стоявшихъ по берегу. Поражающій смыслъ трагическаго факта былъ ясенъ, но неожиданность его невольно ошеломила каждого въ первую минуту. Зато какое же «ура» понеслось съ нашего берега вдоль и шири по Дунаю, когда прошла эта первая минута! Турки на своихъ мониторахъ даже и за четыре версты хорошо должны были слышать этотъ радостный, долгій кликъ русскаго солдата, въ то время какъ вѣтеръ тихо разносилъ тучу дыма надъ мѣстомъ только-что свершившейся катастрофы. Когда этотъ дымъ наконецъ разсѣялся на столько, что можно было кое-что видѣть, отъ грознаго броненосца остался лишь единственный слѣдъ на гладкой поверхности Дуная: надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пошелъ онъ ко дну, торчала изъ воды одна только третья мачта съ висящимъ на ней вице-адмиральскимъ флагомъ.

Толпы зрителей, стоявшіе на берегу рядомъ съ войсками, брайловскіе жители, болгары, румыны, греки, армяне, русскіе выходцы—все это, ликуя, бросилось другъ къ другу съ поздравленіями, объятіями, поцѣлуями... Живѣйшая радость и восторгъ торжества сіяли на всѣхъ лицахъ.

Первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды, была забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна. Испросивъ раз-

рѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, гвардейскаго экипажа лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько морскихъ офицеровъ бросились на три паровыя шлюпки и на всѣхъ паряхъ пустились къ мѣсту катастрофы. Первою шла шлюпка «Олафъ», съ лейтенантомъ Дубасовымъ и Дукмасовымъ; въ 150 саженьяхъ отъ него шелъ лейтенантъ черноморскаго флота Шестаковъ, а въ третьей шлюпкѣ, на такомъ же разстояніи, плыли гг. Струковъ, Рогуля, Персень и др. Всѣ они, держа направленіе къ Гечету, обогнули затопленный островъ и, войдя въ Мачинскій рукавъ, прослѣдовали мимо гечетскихъ окоповъ, за которыми видна была турецкая пѣхота, не давшая однако по шлюпкамъ ни одного выстрѣла; какъ видно, паника турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія взрыва: пѣхотинцы эти молча и неподвижно смотрѣли на плывущія мимо ихъ лодки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ за спѣшностью отхода шлюпокъ его не успѣли захватить съ собой.

Наконецъ, наши пришли на мѣсто гибели корвета. Но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ воды, не было уже ни малѣйшаго слѣда только-что совершившихся ужасовъ. Тихо и плавно текла спокойная рѣка и кротко сіяло надъ нею весеннее солнце, какъ будто ровно ничего не случилось, какъ будто здѣсь и не погибло сейчасъ, въ одно мгновеніе болѣе двухсотъ человѣческихъ жизней... Нигдѣ вокругъ—ни одного трупа, ни одного обломка, все исчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе мониторы были совсѣмъ на виду; отъ нашихъ шлюпокъ оставалось до нихъ не болѣе трехъ кабельтовыхъ, но мониторы, также точно какъ турецкая пѣхота, и не подумали дать по своимъ врагамъ ни одного выстрѣла, равно какъ ранѣ нашего прибытія не подумали и о томъ, чтобы спустить шлюпки на помощь утопавшимъ товарищамъ.

Лейтенантъ Дубасовъ поднялся къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, доставшійся намъ единственнымъ, но достойнымъ трофеемъ этой побѣды¹⁾. Всѣ поиски нашихъ шлюпокъ остались тщетными. Онѣ уже возвращались назадъ, когда съ гечетскаго берега донесся слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ же причалили къ берегу и высадились изъ одной шлюпки. Здѣсь на берегу нашли матеріалы для телеграфа, который турки намѣревались было проводить въ этомъ мѣстѣ; часть проволоки и

¹⁾ Нѣсколько дней спустя, этотъ флагъ былъ отправленъ въ Петербургъ, къ государю императору, съ адъютантомъ главнокомандующаго, ротмистромъ Андреевымъ, и тогда же, по волю его императорскаго величества, переданъ на храненіе, какъ трофей, въ Морское училище.

фарфоровыя болванки забрали съ собою, часть потопили; затѣмъ, продолжая поиски, услышали снова тотъ же стонъ и вскорѣ наткнулись въ невысокихъ камышахъ на лежавшаго турка. Руки и ноги его были страшно обожжены и опалено все платье. Его подняли и перенесли въ лодку. Сначала онъ былъ ужасно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха, но его тотчасъ же постарались успокоить ласковымъ обращеніемъ, и несчастный мало-помалу пришелъ въ себя и пріободрился на столько, что, по доставкѣ его въ брайловскій военно-временный госпиталь, могъ уже отвѣчать на вопросы. Оказалось, что весь его страхъ происходилъ отъ того, что начальство турецкое распространило между матросами и солдатами убѣжденіе, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ же сажаютъ по-турецки на колы, и онъ думалъ, что та же участь неизбѣжно предстоитъ и ему; но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою и такое человѣчное обращеніе, то теперь, начиная уже поправляться, съ искреннимъ чувствомъ сознается, на сколько всѣ его собраты заблуждаются въ «московъ» и говоритъ, что впередъ уже не только самъ не пойдетъ, но и дѣтямъ, и роднымъ, и всему дальнѣйшему потомству завѣщаетъ не воевать противъ «москова». Отъ этого плѣнника узнали, что взорванный корветъ назывался «Лютфи-Джелиль», что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «подъ милостію Божіею»; что судно находилось подъ командою капитана Негибъ-бея, имѣвъ экипажа 219 человекъ, изъ которыхъ, какъ видно, только онъ одинъ какимъ-то чудомъ остался въ живыхъ; что на корветѣ было пять пушекъ, изъ коихъ два орудія 9-ти-дюймовыя, два 90-фунтовыя и одно орудіе 40-фунтовое; что длина судна равнялась 222 футамъ, ширина 44,5 фут., подводная часть 9,5 фут., машина въ 200 силъ и ходъ 12 узловъ.

Когда шлюпки наши поднялись къ Брайлову, на берегу ихъ встрѣтила громкая овація жителей, вполне убѣжденныхъ, что отнынѣ турки не осмѣлятся уже бомбардировать ихъ городъ, а при видѣ поднятаго вице-адмиральскаго флага, къ оваціямъ народа присоединились и клики русскаго войска. Всѣ русскіе были еще болѣе довольны тѣмъ, что наказанъ именно тотъ самый броненосецъ, который пускалъ снаряды по поѣзду великаго князя. Тутъ же, на берегу, между нѣсколькими гражданами было собрано одиннадцать червонцевъ, которые представлены генералу Салову, съ просьбою передать ихъ молодымъ наводчикамъ; явилась депутація отъ города благодарить русскія войска, въ лицѣ ихъ генерала и всѣхъ офицеровъ, и просить послѣднихъ къ обѣду, приготовленному въ честь ихъ въ городскомъ клубѣ. Съ этого дня русское имя произносится здѣсь съ величайшимъ уваженіемъ; при встрѣчѣ съ рус-

скимъ здѣшніе жители, знакомые и незнакомые, спѣшатъ ему поклониться съ явнымъ выраженіемъ симпатіи и почтенія. Особенно же пріободрились болгары, которые горятъ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе своихъ освободителей за Дунаемъ, а молодежь ихъ такъ и рвется стать въ ряды формируемыхъ нами дружинъ болгарскихъ.

Славнымъ результатомъ этого дня мы должны быть обязаны четыремъ русскимъ воинамъ: командиру батареи № 4-го, осадной артиллеріи поручику Самойло, уроженцу Смоленской губерніи, только въ 1875 году выпущенному изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища; подпоручику 7-го сапернаго батальона Романову, состоящему при мортирной батарее для инженерныхъ работъ и помогавшему командиру оной, за неимѣніемъ другого артиллерійскаго офицера, и двумъ наводчикамъ—строевого отряда осадной артиллеріи рядовымъ: Роману Давыдоку и Ивану Помпарю. Первый изъ нихъ, подъ наблюденіемъ поручика Самойло, наводилъ 24-хъ-фунтовое орудіе, а второй—мортиру, подъ руководствомъ подпоручика Романова¹⁾.

Когда въ Кишиневѣ, часовъ около 7½, вечера, получена была главнокомандующимъ первая вѣсть о взрывѣ броненосца, отправленная по телеграфу тотчасъ же послѣ происшествія, его высочество быстрыми шагами вышелъ изъ кабинета въ приемную залу, гдѣ оставалось еще послѣ обѣда нѣсколько лицъ главной квартиры и, воскликнувъ: «Слушай, ребята!» прочелъ эту телеграмму. Громкое и единодушное «ура» тотчасъ же огласило весь домъ великаго князя и черезъ минуту было подхвачено на бульварѣ, гдѣ противъ квартиры его высочества всегда, бывало, стоитъ толпа народа. Черезъ четверть часа уже весь городъ зналъ и радостно толковалъ объ этомъ счастливомъ для русскаго оружія началѣ. Его высочество тотчасъ же отправилъ къ командиру 11-го корпуса, князю Шаховскому, слѣдующую отвѣтную телеграмму:

«Отъ всей души поздравляю тебя и войска со славнымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. Прикажи объявить тому наводчику, который вѣрнымъ выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что я его жалуя знакомъ военнаго ордена. Пришла мнѣ его имя и фамилія, и фамилія офицера, который командовалъ орудіями. Объявить артиллеристамъ мое большое спасибо!»

Въ тотъ день еще не были извѣстны всѣ подробности дѣла и потому въ Кишиневѣ, основываясь на краткомъ извѣщеніи князя

¹⁾ Романъ Давыдокъ, православнаго вѣроисповѣданія, родомъ изъ мѣщанъ города Житомира, женатъ, на службѣ съ 1870 года; Иванъ Помпаръ, православный же, родомъ изъ мѣщанъ города Кіева, на службѣ съ 1874 года.

Шаховскаго, не знали еще, что по монитору сдѣланы были одновременно два выстрѣла. Когда же выяснились всѣ подробности, то оставалось рѣшить: которому изъ двухъ выстрѣловъ принадлежитъ честь взрыва? Прицѣлъ 24-хъ-фунтоваго орудія представлялъ уголъ возвышенія $15^{\circ}31\frac{1}{2}'$, а мортиры—возвышенія 45° и отклоненія $25'$. Такъ какъ мортирные снаряды въ этотъ день, на данномъ разстояніи, долетали 10-ю секундами позже снарядовъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій и такъ какъ наблюдавшіе офицеры, отъ момента обихъ выстрѣловъ до момента взрыва, положительно не видѣли водяного столба, то есть полное основаніе думать, что выстрѣлъ 24-хъ-фунтоваго орудія попалъ въ свою цѣль и, вѣроятно, нанесъ судну весьма существенное потрясеніе въ его скелетѣ и обшивкѣ; что называется, развинтилъ, расхлябалъ его; а такъ какъ пробить на столько палубу, чтобы прозвѣсти взрывъ крытыхъ-камеры, могъ только снарядъ, пущенный навѣсно, то ясно, что мортирный выстрѣлъ довершилъ дѣло 24-хъ-фунтоваго орудія. На этомъ основаніи пожалованы знаками военнаго ордена оба наводчика и оба офицера представлены къ высочайшимъ наградамъ: поручикъ Самойло—къ ордену св. Владиміра 4-й ст. съ мечами, подпоручикъ Романовъ—св. Анны 3-й ст. съ мечами же.

4-го мая его высочество главнокомандующій получилъ въ Плоештахъ отъ одесскаго градскаго головы телеграмму, извѣщающую, что городъ Одесса испрашиваетъ благосклоннаго распоряженія его высочества о принятіи отъ него для канонира, взорвавшаго турецкій броненосецъ, ежегодной пожизненной пенсіи въ 120 руб. Вмѣстѣ съ нимъ одесскій голова извѣщалъ, что дума назначила денежное пособіе одесскимъ семействамъ солдатъ дѣйствующей арміи. Великій князь главнокомандующій поручилъ начальнику своего штаба передать одесскому головѣ, что его высочество очень тронутъ вниманіемъ жителей города Одессы къ солдатамъ вѣренной ему арміи и выражаетъ свою душевную благодарность одесской городской думѣ, но вмѣстѣ съ сѣмъ, извѣщая, что взрывъ произведенъ благодаря удачной наводкѣ двухъ рядовыхъ, предлагаетъ: не найдеть ли одесская дума умѣстнымъ раздѣлить пожертвованную городомъ пенсію на двѣ равныя половины—для Давыдуба и Помпаря. Отвѣтъ одесситовъ не заставилъ ожидать себя долго и былъ въ пользу обихъ молодцовъ-наводчиковъ, первыхъ георгиевскихъ кавалеровъ выпѣшней войны.

Работы въ Браиловѣ теперь много всѣмъ, и днемъ, и ночью: мониторы, бомбардировки, наблюденія за Гечетомъ, за берегами, за судами, постройка батарей, минныя загражденія, производимыя почти подъ выстрѣлами, и проч.—все это дѣлаетъ данный пунктъ крайне

интереснымъ. Здѣсь почти всѣ ложатся спать въ два-три часа ночи, а въ шесть утра уже опять на работѣ, и трудятся всѣ, безъ исключенія, очень усердно, съ увлеченіемъ, съ полнымъ сознаніемъ своего долга. До 1,800 человекъ ежедневно работали съ заступами и кирками на батареяхъ, а при этомъ еще постоянныя караулы на берегу, въ порту, на судахъ, разѣзды по берегу, наблюдательныя экспедиціи къ Гечету и въ другіе пункты, и все это исполняется отчетливо, хорошо. Загражденія уже вполне окончены, и бывшіе на этихъ работахъ утверждаютъ, что съ Мачинскаго Дуная нашихъ береговыхъ батарей и незамѣтно. Было приказано вырубить лѣсъ на затопленномъ островѣ, но потомъ приказаніе это отмѣнено, потому что деревья мѣшаютъ броненосцамъ хорошо насъ видѣть. Турки съ 29-го числа не предпринимаютъ противъ насъ ничего новаго. Въ тотъ же день было сдѣлано въ Браиловѣ распоряженіе о высылкѣ изъ города на противный берегъ всѣхъ турокъ, безъ всякаго дѣла оставшихся еще въ порту отъ рѣчныхъ судовъ и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, такъ какъ были основанія предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ безгрѣшны въ передачѣ нашимъ противникамъ кое-какихъ свѣдѣній, между прочимъ и о часѣ ожидавшагося прибытіи въ Браиловъ великаго князя, чѣмъ только и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что корветъ, ни до ни послѣ того дня не стрѣлявшій по желѣзно-дорожнымъ поѣздамъ, открылъ вдругъ огонь именно въ одинъ только этотъ разъ по поѣзду его высочества. Всѣхъ турокъ набралось въ Браиловѣ 35 человекъ. 30-го апрѣля они были переправлены въ нѣсколькихъ лодкахъ на турецкій берегъ. Въ эту экспедицію вызвались охотниками двѣнадцать болгаръ и одинъ русскій офицеръ. Отправляемые турки заранее были предупреждены, что если ихъ соотечественники въ Гечетѣ вздумаютъ, по ихъ знаку, оказать противъ перевозчиковъ-болгаръ какое-либо враждебное дѣйствіе, то вооруженные болгары, не причаливая къ берегу, привезутъ ихъ обратно въ Браиловъ, и тогда съ ними немедленно же будетъ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ; а если бы, послѣ высадки, свои не захотѣли ихъ принять, то отправляемымъ предложено было подать съ того берега извѣстный условный знакъ, и тогда за ними были бы посланы военныя шлюпки, чтобы взять ихъ обратно, но съ тѣмъ, что въ Браиловѣ они уже не останутся ни въ какомъ случаѣ. Турки благодарили брайловцевъ за то, что, несмотря на военное время, имъ не причинили никакого вреда, никакой обиды, а по доставкѣ ихъ на тотъ берегъ, бросились цѣловать руки, въ знакъ благодарности, отвозившему ихъ офицеру, такъ какъ они были убѣ-

ждены, что русские и болгары, под предлогом высылки, хотягь перетопить их на срединѣ Дуная.

Но что касается до шпионства, то, быть можетъ, въ немъ повинны были въ Браиловѣ и не одни только высланные турки. Тамъ есть не мало подозрительныхъ личностей изъ евреевъ, поляковъ, венгерцевъ и проч., которые, не имѣя никакого опредѣленнаго занятія, проживаютъ по совершенно, повидимому, законнымъ паспортамъ, подъ видомъ всевозможныхъ промышленныхъ агентовъ, путешественниковъ, антрепренеровъ различныхъ предприятий сомнительнаго существованія, а также и подъ видомъ иностранныхъ корреспондентовъ. Спустя не болѣе часа послѣ взрыва корвета, артиллерійскій полковникъ Моллеръ, захвативъ на телеграфную станцію, нашелъ тамъ много этихъ иностранныхъ агентовъ, спѣшно писавшихъ и подававшихъ и простыя, и шифрованные депеши. Моральный эффектъ, произведенный на нихъ взрывомъ, былъ слишкомъ замѣтенъ; на лицахъ многихъ изъ нихъ явно выступали смущеніе, тревога и какое-то застенчиво-злобное или же ироническое выраженіе. Не отсюда ли выпли появились въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ «достоверныя» извѣстія, будто турецкій броненосецъ взорванъ вовсе не русскими выстрѣлами, а взлетѣлъ на воздухъ—по однимъ комментаріямъ—отъ лопнувшего парового котла, а по другимъ—даже отъ упавшей въ кюитъ-камеру сигары?

XVII.

Первый отъѣздъ главнокомандующаго за границу.

Переѣздъ границы.—Осмотръ военно-временныхъ госпиталей въ Яссахъ.—Оваціи со стороны попутнаго населенія.—Пріѣздъ въ Галацъ.—Побѣда въ Рени.—Огонь по побѣду великаго князя.—Встрѣча на браиловской станціи.—Турецкая гравата.—Бомбардировка съ мониторовъ.—Великій князь на батареяхъ.—Видъ съ этой батареи на Дунай и Добруджу.—Работы на батареяхъ.—Осмотръ войскъ нижнедунайскаго отряда.—Назначеніе свиты его величества генералъ-маіора Скобелева 2-го.—Возвращеніе великаго князя въ Кишиневъ

Кишиневъ, 26-го апрѣля.

23-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, его высочество главнокомандующій въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ своей свиты, выѣхалъ изъ Кишинева по желѣзной дорогѣ, въ направленіи къ Унгенамъ. Въ одиннадцать часовъ утра побѣда миновала русскую границу. Пролѣзая порубежную черту на желѣзномъ мосту черезъ рѣку Прутъ, великій князь и всѣ присутствовавшіе перекрестились.—«Въ часъ добрый!» сказалъ при этомъ его высочество. Въ полдень подѣхали къ Яссамъ, гдѣ на станціи встрѣтили великаго князя депутація

отъ гражданъ города и многочисленныя толпы народа, привѣтствовавшія высокаго гостя громкими криками. Въ Яссахъ его высочество осматривалъ два военно-временные госпиталя; первый изъ нихъ устроенъ въ части зданія городской больницы св. Спиридонія, которая подъ его помѣщеніе уступила большое отдѣленіе изъ своихъ палатъ; второй же госпиталь пока еще нѣмѣ не занятъ, но совершенно уже готовъ къ принятію больныхъ. Въ обоихъ помѣщеніяхъ комнаты достаточно высоки и просторны, много воздуха и свѣта, стѣны вновь оштукатурены и выбѣлены, и вообще вышняя чистота, порядокъ и разумное устройство этихъ госпиталей вызвала полное одобреніе великаго князя.

На пути до Галаца побѣду повсюду встрѣчали привѣтственные крики румынскихъ жителей, толпами выходившихъ на встрѣчу; на нѣкоторыхъ станціяхъ гремѣли хоры музыки и представлялись депутаціи мѣстныхъ властей, духовенства и земства.

Въ Галацъ пріѣхали предъ разсвѣтомъ; звѣзды еще были видны и свѣтилъ мѣсяцъ, а на востокѣ едва загоралась блѣдная заря. Великій князь и сопровождавшія его лица помѣстились въ открытыя коляскахъ и, подъ конвоемъ казаковъ, поѣхали со станціи въ городъ. Хотя улицы были еще пусты, но лавки и кофейни уже открывались.

Городъ Галацъ лежитъ на высокой косѣ, между Дунаемъ и озеромъ Братышъ. На главной его улицѣ есть довольно много домовъ изящной архитектуры, и здѣсь же помѣщаются почти всѣ европейскія консульства, надъ зданіями коихъ постоянно подняты государственные флаги, развивавшіеся, несмотря на раннюю пору, и въ минуту пріѣзда его высочества. Между населеніемъ встрѣчается много вольныхъ матросовъ того типа, который вообще свойственъ портовымъ городамъ, однимъ изъ коихъ является и Галацъ, ведущій значительную торговлю хлѣбомъ. Домъ, приготовленный для великаго князя, былъ весь ярко освѣщенъ и представлялъ зданіе весьма изящной отдѣлки снаружи и богатаго убранства внутри.

Отдохнувъ и нанюхавшись чаю, въ девять часовъ утра главнокомандующій сѣлъ въ открытый экипажъ и, въ сопровожденіи свиты и казачьяго конвоя, отправился въ городокъ Рени, гдѣ уже возведены русскія батареи и погружены мины, заграждающія Дунай и устье Прута. Отъ Галаца до Рени считается пятнадцать верстъ; шоссеиная дорога идетъ по гати, между Дунаемъ и озеромъ Братышъ. У моста на Прутѣ стояла наша флотилія черноморскаго отряда. Батареи, построенныя нами въ этомъ пунктѣ, обстрѣливаютъ подступы со стороны Дуная къ миннымъ загражденіямъ; въ самомъ городѣ насыпана на берегу еще

одна батарея. Изъ-за бруствера этой последней наши девяти-фунтовые орудия, накануне приѣзда великаго князя, встрѣтили огнемъ подошедшаго къ этому мѣсту турецкаго броненосца, который, получивъ нѣкоторые поврежденія, отошелъ назадъ, на безопасное для себя разстояніе, и сталъ оттуда бомбардировать городъ, но не причинилъ ему никакого вреда. Его высочество осмотрѣлъ въ Рени всѣ наши военныя сооруженія и возвратился около полудня въ Галацъ, откуда, послѣ завтрака, отправился на желѣзно-дорожную станцію и на особомъ поѣздѣ прослѣдовалъ черезъ Барбошь въ Браиловъ. Въ ту минуту, какъ поѣздъ подходилъ уже къ этому последнему городу, турки открыли по нему огонь со своихъ мониторовъ. Когда великій князь, встрѣченный на станціи Курскимъ пѣхотнымъ полкомъ, сѣлся въ коляску среди громаго «ура» солдатъ и приветственныхъ криковъ народа—вдругъ раздался на Дунаѣ глухой и короткий ревъ орудійнаго выстрѣла съ монитора, и черезъ нѣсколько секундъ, вмѣстѣ съ приближавшимся въ воздухѣ шипѣніемъ снаряда, послышался вблизи ударъ о груды каменнаго угля. То былъ снарядъ, около аршина длинны, упавшій въ тридцати саженахъ отъ станціи. Это падалъ уже третій снарядъ, пущенный въ тотъ день на станцію, но къ счастью—его не разорвало. Вообще, здѣсь можно замѣтить, что турецкіе снаряды большею частью не разрываются. Отъ какой причины это происходитъ—еще не дознано; но надо сказать, что лишь благодаря этому случайному обстоятельству городъ не потерялъ пока того вреда, какой могъ бы быть нанесенъ ему нѣсколькими удачно попавшими выстрѣлами.

Со станціи великій князь отправился въ городъ. Впереди коляски его высочества скакалъ конвой румынскихъ кавалеристовъ, а позади—наши казаки. Дунай хорошо былъ виденъ, и въ одномъ его мѣстѣ, какъ бы отъ самаго уровня рѣки, порою поднимались густые бѣлые клубы порохового дыма. Пока поѣздъ главнокомандующаго слѣдовалъ улицами города и его выгонами, надъ экипажами пролетѣло еще два снаряда. Въ городѣ замѣтно кидалось въ глаза какое-то необычайное, судорожное движеніе; беспокойство ярко выдавало себя на каждомъ лицѣ, и въ особенности у женщинъ. Дѣти съ живымъ любопытствомъ глядѣли на поѣздъ русскаго великаго князя, но и на ихъ миловидныхъ личикахъ отражалось впечатлѣніе тревоги взрослыхъ. Наконецъ экипажи подкатили къ кустамъ, за которыми въ нѣсколькихъ шагахъ была видна наша земляная батарея, которая строится на возвышенномъ берегу, непосредственно омываемомъ внизу волнами.

Выйдя на батарею, главнокомандующій

разсматривалъ въ бинокль позицію непріятельскихъ броненосцевъ и противоположный берегъ. Съ этого пункта совершенно отчетливо были видны пять броненосныхъ судовъ, стоявшихъ въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная, противъ города. То были: одинъ трехмачтовый корветъ, одинъ пароходъ и три монитора. За широкими «плавнями» возвышалась вдаль узурчатыми очертаніями гористаго часть Добруджи съ ея передовой возвышенностью, извѣстной подъ именемъ «Буджакъ». По продолженію Мачинскаго рукава виднѣлась крѣпость и городъ Мачинъ: за нимъ, на зеленѣющихъ скатахъ холмовъ, можно было различить бѣловатые полосы двухъ турецкихъ лагерей, а еще далѣе—другія, болѣе высокія и отдаленныя возвышенности добруджинскихъ горъ обрамляли темно-синими очертаніями всю эту широкую картину Дуная и береговъ турецкихъ. Состоящій при главной квартирѣ и приѣхавшій сюда вмѣстѣ съ его высочествомъ художникъ Макаровъ набрасывалъ эскизы ея съ бруствера батареи въ своемъ дорожномъ альбомѣ. На ютѣ и марсѣ корвета, съ помощью бинокля, можно было разглядѣть даже отдѣльныхъ людей въ красныхъ фескахъ и бѣлыхъ матроскахъ. Порой, съ промежутками въ нѣсколько минутъ, съ борта этого судна выкатывались въ вышину полные большіе клубы дыма, которые каждый разъ невольно заставляли чутко прислушиваться къ долетавшему черезъ двѣ-три секунды громовому раскату выстрѣла и шипящему свисту снаряда. Двѣ большія гранаты ударились въ брустверъ сосѣдней батареи, которая насыпается впереди одной площадки города, выдающейся къ берегу и отдѣляемой оврагомъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ великій князь главнокомандующій со своей свитой.

Корветъ продолжалъ еще время отъ времени стрѣлять, а остальные броненосцы сдѣлали заворотъ и одинъ изъ нихъ, повернувшись бортомъ, пустил два выстрѣла. Одинъ изъ этихъ снарядовъ упалъ немного лѣвѣе бруствера, а другой—во дворъ дома близъ сосѣдней батареи, какъ разъ въ ту самую минуту, когда изъ воротъ его только что успѣла выбѣжать какая-то молодая женщина и подхватить на руки своего ребенка, съ которымъ она благополучно перебѣжала на противоположную сторону улицы.

Вскорѣ и броненосцы втянулись глубже въ рукавъ и скрыли свои борты за зеленою кустарниковъ.

Великій князь переѣхалъ за оврагъ на сосѣднюю батарею, куда направлялось большинство турецкихъ выстрѣловъ. Тутъ шла усиленная ретивая работа саперъ и пѣхотинцевъ, съ тѣмъ, чтобы успѣть къ вечеру установить за брустверомъ 24-хъ фунтовыхъ орудій; мортиры же могутъ быть установлены на этой батарее не ранѣе какъ черезъ два дня, а до тѣхъ

поръ приходится не отвѣчать на выстрѣлы турокъ. Впрочемъ артиллеристы наши надѣются нанерастать съ диквой свое невольное молчаніе.

Видѣнный видъ и настроеніе нашихъ войскъ, видѣнныхъ его высочествомъ во время этой поѣздки, можно назвать безусловно превосходными. У Рени великій князь былъ встрѣченъ двумя пѣхотными полками: Камчатскимъ и Путивльскимъ. Этотъ послѣдній организовалъ нѣсколько дѣтъ назадъ изъ частей перваго и теперь оба случайно сошлись за границей, въ одномъ и томъ же пунктѣ. Въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе, его высочество обратился къ Камчатскому и къ его сыну—Путивльскому полкамъ и, напомнивъ камчатцамъ геройскіе дни этого полка въ Севастополѣ, выразилъ надежду, что «отцы и дѣти поддержать славу своихъ дѣдовъ».

Отвѣтомъ со стороны обоихъ полковъ было такое задушевное, восторженное «ура», которое не оставляетъ сомнѣній, что они дѣйствительно употребятъ всѣ усилія для поддержки дѣдовской славы.

Въ Бранловѣ главнокомандующій благодарилъ 1-й и 3-й батальоны Селенгинскаго пѣхотнаго полка, а также Якутскій полкъ и доискіе казачьи №№ 29, 31 и 40 полки, за ихъ отлично совершенный усиленный переходъ менѣе чѣмъ въ однѣ сутки отъ Кубея до Рени и Барбошскаго моста, когда пѣхота сдѣлала 70, а казаки, съ полковникомъ Струковымъ во главѣ—болѣе ста верстъ.

Бывшій военный губернаторъ Ферганской области и командовавшій въ оной войсками, свиты его величества генералъ-маіоръ М. Д. Скобелевъ, на возвратномъ пути изъ этой поѣздки, отправленъ его высочествомъ главнокомандующимъ къ своему отцу, генералъ-лейтенанту Д. И. Скобелеву, который, какъ извѣстно, командуетъ кавказской дивизіей «гулевыхъ» казачьихъ полковъ. Генералъ-маіоръ Скобелевъ останется въ распоряженіи начальника этой дивизіи.

25-го апрѣля, около полуночи, главнокомандующій благополучно возвратился изъ своей поѣздки въ Кишиневъ.

XVIII.

Первые дни за границей.

Отъѣздъ великаго князя главнокомандующаго изъ Кишинева.—Напутственное слово.—Составъ свиты.—Путешествіе до Плоешты.—Мѣры къ охраненію желѣзной дороги.—Пріѣздъ въ Плоешты и помѣщеніе великаго князя.—Визитъ князя Карла главнокомандующему.—Мальчикъ-сербъ и герцеговинско-боснійскіе добровольцы.—Отдача великимъ княземъ визита въ Букарестъ.—Адресъ румынскихъ болгаръ.

Плоешты (Румынія), 4-го мая.

По возвращеніи великаго князя главнокомандующаго изъ поѣздки въ Галацъ и Бра-

ловъ, въ Кишиневѣ стало извѣстно, что его высочество намѣренъ 1-го мая двинуться налегкѣ въ Румынію и основать свою главную квартиру въ городѣ Плоешты, въ виду того, что уже почти всѣ части дѣйствующей арміи двигаются къ Дунаю по румынской территоріи.

29-го апрѣля, въ пятницу, съ утреннимъ шестичасовымъ поѣздомъ выѣхали за границу нѣсколько штабныхъ офицеровъ и чиновниковъ, для предварительныхъ распоряженій и приготовленій къ приему его высочества въ Плоештахъ; вмѣстѣ съ этими лицами отправилась часть конвоя главнокомандующаго (72 казака при трехъ офицерахъ), 120 лошадей и экипажи великаго князя и генералъ-адъютанта Непокойчицкаго.

30-го апрѣля, въ четыре часа пополудни, съ высокой колокольни Кишиневскаго собора загудѣлъ по городу призывный благовѣстъ большого колокола. Массы народа уже заранѣе наполняли бульваръ и толпились вокругъ собора, тѣсно сѣвша проникнуть внутрь храма, который былъ совершенно полонъ. Все городское духовенство, въ блестящемъ облаченіи, стояло двумя рядами отъ алтаря до главнаго входа; на амвонѣ епископъ Павелъ, съ крестомъ въ рукахъ, ожидалъ прибытія великаго князя. Все кишиневское общество—мужчины и дамы, старики и дѣти, православные и неправославные безразлично стремились занять мѣста, съ которыхъ можно было бы хоть что-нибудь видѣть и слышать. Всѣ наличные представители военнаго сословія, администрація, гражданскихъ и земскихъ учрежденій, начальство и ученики всѣхъ учебныхъ заведеній въ особыхъ группахъ присутствовали какъ во храмѣ, такъ и на прилегающей къ нему площадкѣ. Экипажи за экипажами безпрестанно подѣзжали къ собору, и новыя толпы народа со всѣхъ сторонъ стремились туда же—на призывный благовѣстъ колокола.

Наконецъ, въ четвергъ пятаго, къ главному входу собора подкатила хорошо извѣстная кишиневцамъ четверка великолѣпныхъ вороныхъ коней великаго князя и изъ открытой коляски вышелъ главнокомандующій со своимъ августѣйшимъ сыномъ и, среди толпы народа, прославовалъ внутри храма. Пресвященный началъ напутственный молебень, по окончаніи котораго, съ большимъ чувствомъ произнесъ напутственное слово, сдѣлавшее на массу присутствовавшихъ сильное и торжественное впечатлѣніе. Вотъ это слово:

Благовѣрный Государь!

«Великія чудеса во благо израильскаго народа совершилъ Господь Богъ чрезъ великихъ вождей израильскихъ—Моисея и Иисуса Навина. Своей побѣдительною десницею Онъ освободилъ Израйля отъ тяжкаго египетскаго раб-

ства; проведъ его по дну Чермнаго моря и Иордана какъ по сушѣ, потопивъ египтянъ въ пучинѣ морской; побѣдилъ Амаликову силу въ пустынь; сокрушилъ твердыни Іерихона и другихъ городовъ ханаанскихъ; истребилъ нечестивые народы ханаанскіе, повелѣвъ даже солнцу стати до окончательнаго пораженія Иисусомъ Навиномъ аморрейскихъ полчищъ, и даровать землю обитованную въ достояніе Израилеу. Славно прославился Богъ Израилевъ чрезъ великихъ избранниковъ своихъ—Моисея и Іисуса Навина!

«Славно да прославится Господь Богъ нашъ и чрезъ благочестивѣйшаго государя нашего императора, чрезъ тебя, благовѣрный государь, стяжавшій себѣ, во время пребыванія твоего среди насъ, безграничную по силѣ, искренности и теплотѣ любовь всѣхъ, и чрезъ крѣдодомое тобою христолюбивое воинство. Съ твердой вѣрой, упованіемъ и смиреніемъ, св. Церковь молитъ и не перестанетъ молить споборавшаго Моисею и Іисусу Навину Господа, да удивитъ Онъ и на тебѣ и сподвижниками твоими милости Своей и да явитъ на васъ и чрезъ васъ силу и славу Свою. Да поможетъ Онъ тебѣ съ твоимъ воинствомъ побѣдоносно, безъ тяжкихъ потерь и жертвъ, перейти родной Дунай, а всѣ преграды къ переходу препобѣдитъ и уничтожитъ, корабли вражескія попалятъ огнемъ, потопитъ въ глубинѣ водной и разметать по лицу земли и воды, какъ уже и разметать одинъ изъ нихъ. Да сокрушитъ Онъ силой оружія твоего твердыни вражескія, заграждающія защитникамъ путь ко угнетеннымъ. Да содѣлаетъ Онъ для васъ стропотыне, неудобнопроходимые пути горъ балканскихъ путями гладкими и легкими. Да воскреснетъ Богъ на помощь вамъ, и да расточатся враги ямени Христова; да бѣжатъ отъ лица Божія и вашего, при каждой встрѣчѣ съ вами, ненавидящія Господа и Христа Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ и враги ваши, и всѣ оплоты и твердыни ихъ. А страдалческия народы христіанскіе да возвеселятся—да содѣлаются свободными и счастливыми обладателями родныхъ земель своихъ и да воспоютъ, во срътеніе вамъ, побѣдную пѣснь: «Помни Господевъ: славно бы прославися (Исх. XV, 1) въ избавленіи насъ отъ ига турецкаго, болѣе тяжкаго и невыносимаго, чѣмъ само иго египетское».

«Сила Креста Христова, преведшая израильтянъ чрезъ море Чермное и поразившая Амалика въ пустынь, да спобораеъ тебѣ всегда и вездѣ. *Симъ Христовымъ Крестомъ — побѣждай*».

Впечатлѣніе на слушателей этой рѣчи, и въ особенности второй ея части, отъ словъ: «да воскреснетъ Богъ на помощь вамъ», произнесенныхъ архиепископомъ съ глубокимъ и торжественнымъ внутреннимъ чувствомъ, было

необычайно сильное, возвышающее духъ, вызывающее твердую рѣшимость на трудъ и подвиги.

1-го мая, къ шести часамъ утра, всѣ представители военной и гражданской власти, духовенства, суда, ученаго сословія, города и земства вмѣстѣ съ толпами народа собрались на кишиневскій вокзалъ—проводить главнокомандующаго, котораго сопровождали слѣдующія лица: великій князь Николай Николаевичъ Младшій; семь личныхъ адъютантовъ главнокомандующаго, лейбъ-хирургъ докторъ Обермилеръ; состоящіе въ распоряженіи его высочества полковникъ Газенкампфъ и при особѣ его высочества французскій военный агентъ, полковникъ Гальяръ; начальникъ штаба дѣйствующей арміи, его помощникъ свиты его величества генераль-маіоръ Левицкій 1-й и адъютантъ начальника штаба; начальники отдѣленій штаба: строевого—полковникъ Левицкій 2-й, инспекторскаго—полковникъ Колбе, канцеляріи—дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефень, военно-топографическаго отдѣла—полковникъ Обломовскій; штабъ-офицеръ надъ вожатыми—полковникъ Артамоновъ, его помощникъ подполковникъ Фрезе и два переводчика; начальникъ артиллеріи—генераль-адъютантъ князь Масальскій, съ двумя состоящими при немъ офицерами; начальникъ полевого инженернаго управленія—генераль-маіоръ Денпъ, съ двумя офицерами; полевой интендантъ арміи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ, съ двумя офицерами; дѣйствительный статскій совѣтникъ Нелидовъ съ частью дипломатической канцеляріи; офиціальныя корреспонденты «Правительственнаго Вѣстника» и состоящій при его высочествѣ художникъ Макаровъ¹⁾.

Ровно въ шесть часовъ утра тронулся поѣздъ, провожаемый молитвами и благословеніями большою толпою кишиневскихъ жителей, въ радужной средѣ которыхъ его высочество провелъ около пяти мѣсяцевъ. Утро было теплое, блистательно свѣтлое, что особенно радовало отъѣзжающихъ, послѣ столькихъ дней продолжительнаго, свыше пятиднѣльнаго ненастья.

Въ Унгены, гдѣ уже заравѣе былъ приготовленъ завтракъ, прибыли въ полдень, а въ половинѣ второго часа дня перѣехали русскую границу. Чрезъ полчаса пріѣхали въ Яссы, гдѣ на платформѣ толпилося множество русскихъ и румынскихъ офицеровъ и солдатъ и масса публики. Префектъ дистрикта и префектъ города представлялись съ депутаціями великому князю, который, любезно поблагода-

¹⁾ Въ этомъ же поѣздѣ частнымъ образомъ слѣдовали г. Макъ-Гаханъ, известный корреспондентъ газеты „Daily News“ и г. Иванъ-де-Вестинъ, корреспондентъ „Figaro“, удостоившіеся чести быть представленными его высочеству главнокомандующему.

ривъ ихъ за вниманіе, поздоровался съ караульнымъ взводомъ казаковъ и нѣкоторыми другими частями нашихъ войскъ, выстроенныхъ шеренгами, безъ оружія. При отъѣздѣ—тѣ же крики, то же одушевленіе. Молдавскій священникъ въ эпитрахили и въ поярковомъ клобуцѣ греческой формы прошелъ вдоль всего поѣзда и окропилъ его святой водой, причемъ вмѣсто кропила служилъ ему букетъ полевыхъ цвѣтовъ и сирени.

На каждой значительной станціи великаго князя встрѣчали представители какъ русской военной, такъ и румынской администраціи и депутаціи отъ мѣстныхъ жителей съ хлѣбомъ и солью. Въ Пашканахъ его высочество обѣдалъ, а въ Романѣ пилъ чай. На этой послѣдней станціи, кромѣ взвода донскихъ казаковъ, находилась еще и мѣстная команда пожарныхъ (*pompiers*), выстроенныхъ шпалерами въ проходѣ отъ вагона до дверей вокзала и составлявшихъ почетную стражу. Форма помпьеровъ весьма щеголевата и напоминаетъ отчасти французскихъ кирасиръ, но грѣшнѣе, на нашъ взглядъ, нѣкоторой театральностью: такъ и кажется, будто это статисты одной изъ Оффенбаховскихъ оперетокъ. Тутъ же стоялъ хоръ военной румынской музыки, игравшій во время чая различныя легкія пьесы мѣстнаго и общаго характера, преимущественно изъ Оффенбаховскаго репертуара и проводившій поѣздъ звуками русскаго народнаго гимна. Въ числѣ присутствовавшихъ, тѣсной толпой наполнившихъ платформу и залы, было много дамъ и представителей всѣхъ родовъ румынскаго оружія. Разнообразіе и нѣсколько изысканная изысканность ихъ костюмовъ, составляя довольно утрированное подражаніе французскимъ образцамъ, въ соединеніи съ особеннымъ «шикомъ» манеръ господъ офицеровъ—манеръ, весьма напоминающихъ извѣстные типы парижскихъ *boulevardiers*, — тоже носятъ на себѣ весьма выдающійся характеръ Оффенбаховской театральности. Таково, по крайней мѣрѣ, было общее впечатлѣніе, оставленное во всѣхъ насъ этими господами съ первой же встрѣчи. На всѣхъ почти попутныхъ пунктахъ народъ и публика румынская встрѣчали нашего главнокомандующаго самымъ радужнымъ образомъ.

Въ Барбошѣ встрѣтили его высочество командиръ 11-го корпуса князь Шаховской, два адъютанта главнокомандующаго: полковникъ Струковъ и капитанъ Поповъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля и многія другія начальствующие лица. Здѣсь великій князь впервые, изъ устныхъ разсказовъ очевидцевъ, узналъ интересныя подробности взрыва турецкаго броненоснаго корвета «Дютфи-Джелаль».

Въ Брашовѣ поѣздъ прибылъ на разсвѣтъ. Великому князю была показана та самая бомба, которая упала на станцію въ бытность

здѣсь его высочества 24-го апрѣля. Снарядъ этотъ—около аршина длиной,—какъ извѣстно уже, не разорвало. Онъ былъ вынутъ нашими артиллеристами изъ груды каменнаго угля и разряженъ. Его высочество пожелалъ оставить эту бомбу себѣ на память, и она тутъ же была положена въ вагонъ великаго князя. Два солдата не безъ усилій могли перенести ее на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Начиная отъ Браилова, шоссе во многихъ мѣстахъ идетъ параллельно дорогѣ, въ разстояніи отъ нея около 200—300 сажень, такъ что изъ вагона довольно отчетливо было видно походное движеніе русскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и ихъ обозовъ. Движеніе это совершалось со всѣми предохранительными мѣрами военнаго времени и, на сколько можно судить издали, въ образцовомъ порядкѣ. Обозы не отставая слѣдовали въ хвостѣ колоннъ, за своими частями. На нѣкоторыхъ станціяхъ встрѣчались воинскіе поѣзды. Его высочество вездѣ здоровался съ людьми и получалъ въ отвѣтъ отъ нихъ громкія выраженія живѣйшаго восторга: изъ cadaго вагона гремѣло «ура». Должно сказать, что и многіе румынскіе сельчане, бывшіе съ ранняго утра на полевыхъ работахъ, встрѣчали поѣздъ великаго князя изъявленіями своихъ добрыхъ чувствъ: мужчины снимали шляпы и привѣтственно махали ими, а женщины крестнымъ знаменіемъ посылали во слѣдъ поѣзду свои благословенія.

Желѣзная дорога на всемъ протяженіи ея отъ Унгень до Букареста охраняется частями нашей арміи. Мѣстная желѣзно-дорожная администрація оставлена вся на своихъ мѣстахъ, но подъ непосредственнымъ наблюденіемъ чиновъ нашего 3-го желѣзно-дорожнаго баталіона, части котораго находятся на каждой станціи, равно какъ и казаки, замѣняющіе здѣсь желѣзно-дорожныхъ жандармовъ. По всему протяженію дороги отъ станціи до станціи слѣдуютъ казачьи разъѣзды, наблюдающіе состояніе полотна, рельсовъ и телеграфа: въ каждой подорожной будкѣ поставленъ особый постъ изъ людей желѣзно-дорожнаго баталіона, а также и отъ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ частей; вмѣстѣ съ дорожнымъ сторожемъ, обязаннымъ встрѣтить и проводить поѣздъ предъ своей будкой, съ флагомъ или фонаремъ въ рукѣ, для удостовѣренія, что путь свободенъ и безопасенъ—выходить и нашъ часовой съ ружьемъ; кромѣ того, на болѣе важныхъ станціяхъ расположены бивуакомъ нѣкоторыя части пѣхоты, численностью отъ полувзвода до одной роты; на всѣхъ мостовыхъ сооруженіяхъ точно также учреждены воинскіе караулы. Всѣ эти мѣры своевременно предприняты и быстро приведенны въ исполненіе, обезпечиваютъ намъ правильное и спокойное движеніе по румынской желѣзной дорогѣ. И эти мѣры тѣмъ болѣе были

необходимы, что личный состав румынской желѣзно-дорожной администраціи, въ весьма значительномъ большинствѣ, состоитъ изъ венгерцевъ и поляковъ, какъ галиційскихъ, такъ и нашихъ, бѣжавшихъ за границу въ повстанскія времена 1863 года. Еще зимою, во время нашей кипишевской стоянки, въ комендантскомъ управленіи главной квартиры были получены достовѣрныя свѣдѣнія и свидѣтельства о замыслахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, желавшихъ вредить разными способами нашимъ военнымъ поѣздамъ и транспортамъ при движеніи ихъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Своевременное принятіе мѣръ и назначеніе достаточнаго числа лицъ военно-полицейскаго надзора уничтожили эти замыслы, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ.

Поѣздъ великаго князя пришелъ въ Плоешты 2-го мая, ровно въ девять часовъ утра. Во дворѣ станціи его высочество былъ встрѣченъ прибывшею наканунѣ частью своего конвоя со штандартомъ. Подъ eskortомъ казачьихъ гвардейскаго Терскаго эскадрона, великій князь въ открытомъ экипажѣ прослѣдовалъ въ городъ на свою квартиру, для которой избранъ небольшой, но достаточно удобный домъ, одинъ изъ лучшихъ въ маленькомъ городкѣ, и при томъ довольно изящной архитектуры въ стилѣ Людовика XV съ примѣсью греческаго; фасады, выходящіе на улицу, украшены изваяніями львиной работы, а надъ бельведеромъ-ротондой развѣвается нынѣ штандартъ великаго князя. Караулы у входа и внутренній во дворѣ его высочества содержатъ болгары первой и второй дружины ополченія. Начальникъ штаба помѣстился на той же улицѣ, напротивъ квартиры главнокомандующаго, а для лицъ, прибывшихъ съ его высочествомъ, мѣстный префектъ отвелъ приличные помѣщенія у разныхъ обывателей-домовладѣльцевъ и въ нѣсколькихъ лучшихъ гостиницахъ. Всѣ эти лица большею частью были приняты своими хозяевами довольно любезнымъ образомъ.

Въ тотъ же день, въ исходѣ перваго часа, великій князь со всею свитою пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ къ этому времени былъ уже выстроенъ почетный караулъ отъ первой роты первой болгарской дружины, а во дворѣ ожидали въ строю конвойные каппи.

Ровно въ два часа пополудни подошелъ къ станціи небольшой поѣздъ, изъ трехъ вагоновъ, доставившій въ Плоешты князя Карла Румынскаго, въ сопровожденіи его дежурнаго адъютанта и двухъ ординарцевъ. Болгарская рота взяла «на караулъ», барабаны ударили встрѣчу, и князь Карлъ, быстро выйдя изъ вагона, пріѣтствовалъ великаго князя нѣсколькими поцѣлуями, послѣ чего главнокомандующій представилъ ему своего августѣйшаго сына. За сѣмъ послѣдовало представленіе выстроившихся на

правомъ флангѣ почетнаго караула: начальника штаба, его помощника, начальниковъ артиллеріи и инженеровъ, походнаго атамана и начальника болгарскаго ополченія. Князь Карлъ имѣлъ на себѣ русскіе ордена, а его высочество главнокомандующій орденскую цѣпь Гогенцоллернскаго дома. Пройдя по фронту караула и принявъ отъ него ординарцевъ: офицера, унтеръ-офицера и рядового, князь Карлъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ и свитою отошли въ сторону, чтобы очистить мѣсто для церемональнаго марша. Рота прошла по отдѣленіямъ очень стройно и молодецкато, такъ что вмѣстѣ съ одобреніемъ вызвала и удивленіе со стороны князя Румынскаго, когда онъ узналъ, что эти люди собраны и обучены въ самый короткій срокъ, послѣ 12-го апрѣля.

Ихъ высочества главнокомандующій и князь Румынскій отправились со станціи въ городъ, въ открытой коляскѣ, въ сопровожденіи казачьяго конвоя. Сдѣлавъ визитъ главнокомандующему, князь Карлъ послѣ обѣда отправился обратно въ Букарестъ.

На слѣдующій день, 3-го мая, въ 10¹/₂ часовъ утра, его высочество главнокомандующій, въ сопровожденіи великаго князя Николая Николаевича Младшаго, начальника штаба съ его помощникомъ и небольшой свиты, весь составъ коей, вмѣстѣ съ поименованными лицами, не превышалъ двѣнадцати человѣкъ, отправился въ Букарестъ — отдать визитъ князю Карлу. Его высочество пріѣхалъ на изюстинскую станцію минутъ за десять до отхода поѣзда и вышелъ на перонъ. Здѣсь великому князю попался на глаза мальчуганъ-сербъ, лѣтъ 14-ти, въ коричневой мундирной курткѣ сербскаго пѣхотинца, съ сербскою медалью «за храбрость» на груди. Его высочество невольно обратилъ вниманіе на мальчика-воина и сталъ его разспрашивать кто и что онъ, и откуда, и зачѣмъ находится въ Плоештахъ? Мальчуганъ, довольно хорошо понимавшій по-русски (среди нашихъ добровольцевъ научился), отвѣчалъ не безъ бойкости, что онъ родомъ изъ Темешвара, австрійскій сербъ, что полтора года назадъ у него умерли отецъ и мать; оставшіеся спротоу, онъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ отправился въ Герцеговину сражаться противъ турокъ; братъ былъ убитъ въ одной изъ стычекъ, а онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими «уштами», пробрался въ Сербію и, когда тамъ началась война, поступилъ въ солдаты, былъ горнистомъ, и подъ Алексинацемъ, при отраженіи одной изъ турецкихъ атакъ, собственноручно закололъ двухъ турокъ, оставаясь въ числѣ послѣднихъ немногихъ защитниковъ окна; за это ему и пожалована медаль; а теперь идетъ въ Брайловъ «къ командѣ», гдѣ, — какъ было у нихъ слышно, — будто бы формируется сербскій легіонъ. Позади мальчика стояло нѣсколько герцеговин-

цевъ, босняковъ и сербовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пробирались въ Браиловъ съ тою же цѣлью. Великій князь объявилъ имъ, что у насъ никакого сербскаго легіона не формируется, а если желаютъ служить, то пусть опредѣляются въ болгарскія дружины, мальчугана же поручилъ приютить и устроить одному изъ лицъ своей свиты.

По дорогѣ въ Бухарестъ не рѣдко попадаются прекрасныя дубовыя и смѣшанныя лѣса, содержимыя въ самой тщательной чистотѣ, точно рошчи въ паркѣ; вырубка на дрова идетъ участками, съ толкомъ и расчетомъ; вообще, видна любовь и знаніе дѣла. Но рядомъ же попадаются обширныя пустыри, сплошь заросшіе шиповникомъ, который хотя и очень красивъ въ полномъ цвѣту, но совершенно непроизводительно глушить хорошую плодородную почву. Приѣхали мы въ Бухарестъ въ 11¼ часовъ утра. На дебаркадерѣ, по всему его протяженію, стояли шпалерами пѣшіе жандармы, съ ружьями «на-краулъ», и тутъ же выставленъ былъ почетный караулъ отъ 2-го гусарскаго (краснаго) полка ¹⁾, со штандартомъ и своимъ, хоромъ музыки, встрѣтившій прибытіе его высочества сначала полковымъ маршемъ, а потомъ звуками нашего народнаго гимна. При выходѣ изъ вагона, главнокомандующій былъ встрѣченъ княземъ Карломъ и его супругою, княгиней Елисаветою, которыхъ окружала свита министровъ, адъютантовъ и депутація города. Подавъ руку княгинѣ, великій князь пронесъ вмѣстѣ съ ея высочествомъ вдоль фронта къ дверямъ парадныхъ комнатъ, гдѣ ожидало румынское духовенство въ полномъ облаченіи, съ хоромъ пѣрчихъ. Бухарестскій епископъ произнесъ на румынскомъ языкѣ краткое привѣтственное слово. Его высочество, принявъ благословеніе епископа, обратился къ нему съ нѣсколькими отвлеченными словами, послѣ чего нѣкоторое время изводилъ съ нимъ еще бесѣдовать. Пѣтіе заплѣли тропарь, при звукахъ котораго ихъ высочества со всѣми присутствующими вышли на крыльцо обширнаго станціоннаго двора, гдѣ встрѣтилъ ихъ выстроенный эскадронъ конныхъ жандармовъ, въ красивыхъ металлическихъ шишакахъ съ бѣлыми султанами. Черезъ дворъ по пути слѣдованія экипажей стояли шпалерами пѣшіе жандармы, а въ двора, начиная отъ воротъ, по всѣмъ улицамъ, гдѣ долженъ былъ прослѣдовать поѣздъ великаго князя, до самаго дворца разставлены были жандармы конные, шпалерами же. Его высочество главнокомандующій вмѣстѣ съ княгиней, а Николай Николаевичъ Младшій вмѣстѣ

съ княземъ Карломъ сѣли въ два открытыя ландо, запряженныя четверками великолѣпныхъ лошадей пугомъ и въ шорахъ, и поѣхали во дворецъ князя. На улицахъ, залитыхъ горячимъ солнечнымъ свѣтомъ, стояли массы народа. Экипажи, вслѣдъ за ландо, вереницею тянулись двойнымъ рядомъ, такъ что двигаться приходилось не иначе, какъ шагомъ, поминутно останавливаясь. Всѣ окна и балконы полны были дамами въ праздничныхъ нарядахъ. Дома и улицы, по которымъ мы проѣзжали, отчасти напоминаютъ Варшаву, но не нынѣшнюю, а ту, какою она была въ срединѣ 60-хъ годовъ, послѣ повстанія, когда на главныхъ ея улицахъ изыщество и великолѣпіе нѣкоторыхъ, въ то время еще немногочисленныхъ зданій, на каждомъ шагу мѣшалось со старыми, неуклюжими и грязноватыми домами, да и улицы были далеко не чисто-плотны. Противъ дворца, у главной гауптвахты, стоялъ со знаменемъ и музыкою почетный караулъ отъ 5-го пѣхотнаго полка. Княжескій дворецъ снаружи не отличается никакимъ особеннымъ архитектурнымъ стилемъ; это старая, тяжеловатая постройка; но внутри убранство его очень изящно, хотя и ни въ чемъ не поражаетъ грандіозными размѣрами и эффектами; это скорѣе очень комфортабельное жилище частнаго богатаго человека, надѣленнаго отъ природы въ достаточной мѣрѣ изысканнымъ вкусомъ. Очень хороша лѣстница, вся какъ бы пропитанная лунцовымъ полусвѣтомъ, и полутемныя сѣни съ изваяніями львовъ и фигурами рыцарей, закованныхъ въ стальные средневѣковые доспѣхи; приемная гостиная верхняго этажа роскошно отдѣлана въ стилѣ Людовика XV; здѣсь его высочество главнокомандующій представилъ князю и княгинѣ всѣхъ лицъ сопровождавшей его свиты. Князь Карлъ былъ очень любезенъ, и для cadaго нашелъ по нѣскольку привѣтливыхъ словъ и вопросовъ. Послѣ представленія, гофмаршалъ княжескаго двора г. Ваккареско пригласилъ всю русскую свиту къ завтраку, въ парадную столовую нижняго этажа, а его высочество вмѣстѣ съ княжескою четой и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ перешли въ смежную съ приемной комнату, гдѣ былъ сервированъ особый завтракъ. Въ княжеской столовой завтракъ продолжался болѣе часа. На почетномъ мѣстѣ сѣдѣлъ генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, вмѣстѣ по правую руку отъ себя румынскаго военнаго министра генерала Чернатъ, а по лѣвую — министра иностранныхъ дѣлъ Когальничано, рядомъ съ которымъ завтракалъ г. Нелидовъ, начальникъ дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ; противъ генерала Непокойчицкаго помѣщался его помощникъ генералъ Левницкій, въ сосѣдствѣ съ начальникомъ штаба румынской ар-

¹⁾ Румынская гусарская бригада извѣстна здѣсь болѣе подъ именемъ рошіоровъ (roșiorii), т. е. богачей, такъ какъ въ этихъ полкахъ служатъ офицерами преимущественно лица самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій Румыніи.

мѣ, полковникомъ Славичано и гофмаршаломъ княжескаго двора Васкареско. Остальные лица русской свиты и мѣстнаго русскаго консульства были перемишаны съ адъютантами и придворными чинами князя Карла. Въ числѣ присутствовавшихъ находился и генералъ Зефаръ, назначенный къ его высочеству главнокомандующему въ качествѣ румынскаго военнаго агента. На князѣ Карлѣ и представителяхъ румынскаго двора и правительства были надеты русскіе ордена. Во время завтрака первый тостъ предложенъ былъ г. Когальничано за здоровье государя императора; генералъ-адъютантъ Ненюкойчицкій отвѣтилъ тостомъ за его высочество князя Карла Румынскаго; военный министръ генералъ Чернатъ поднялъ бокалъ за его императорское высочество главнокомандующаго, на что генералъ Левицкій отвѣтилъ тостомъ въ честь румынской арміи; полковникъ Славичано предложилъ таковой же за русскую армію; были и другіе тосты, относившіеся съ обѣихъ сторонъ къ присутствовавшимъ лицамъ.

Послѣ завтрака великій князь совѣщался особо съ княземъ Карломъ, а свита перешла черезъ парадныя сѣни въ противоположную столовую комнату, отличающуюся дѣловымъ характеромъ и служащую гофмаршалскою приемною. Здѣсь были предложены турецкій кофе, коньякъ и сигары. Придворныя особы и министры князя Карла были очень предупредительны и любезны. Изъ дворца великій князь со свитою отправился въ домъ русскаго консульства, гдѣ его высочеству представились двѣ мѣстныя депутаціи: одна отъ русскихъ выходцевъ скопческой секты, а другая отъ мѣстныхъ болгаръ, имѣя во главѣ погонимійскаго митрополита Паварета Рашева, который благословилъ его высочество большими образомъ Святителя Николая и подаль слѣдующій адресъ, приводимый здѣсь въ рускомъ переводѣ, приложенномъ къ нему:

Ваше Императорское Высочество!

«Народъ болгарскій, подъ сильнымъ гнетомъ турецкаго господства, всю свою надежду на избавленіе отъ тяжкаго рабства отъ вѣка возлагаетъ на заступничество православнаго царя Русскаго. Эта надежда, завѣщанная намъ отъ праотцовъ, теперь, съ помощью Всемогущаго, будетъ осуществлена. Болгары тѣмъ больше вѣрятъ этому, что его императорское величество избралъ своего брата исполнителемъ высокой его воли о нашемъ избавленіи.

«Пребывающіе въ Румыніи болгары, считаемъ счастьемъ привѣтствовать ваше императорское высочество на пути къ тому, и, какъ члены болгарскаго народа, вмѣстѣ съ нимъ отъ души возносимъ молитвы ко Всевышнему Богу—да благословитъ васъ и предводимое вашимъ императорскимъ высоче-

ствомъ побѣдоносное христолюбивое воинство для совершенія этого великаго подвига въ честь и славу православнаго царя, великодушнаго защитника страждущихъ и для величія всего народа русскаго».

Изъ русскаго консульства великій князь въ одномъ экипажѣ съ княземъ и княгиней Румынскими и съ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ отправился кататься по городу, гдѣ встрѣтилъ отдѣльную казацкую бригаду и батарею на пути ихъ слѣдованія, при чемъ князь Карлъ очень любезно разговаривалъ съ нѣсколькими офицерами. Въ 4 часа и 25 минутъ пополудни ихъ высочества прибыли на станцію желѣзной дороги, гдѣ простились съ княземъ Карломъ и его супругою и ровно въ половинѣ пятаго часа оставили Букарестъ, направляясь обратно въ Плоешты.

XIX.

Отъ Унгеней до Плоештовъ.

(личныя впечатлѣнія и замѣчанія.)

Граница и раздумье. — Вспрыски границы. — Часовой-добробанецъ. — Первые впечатлѣнія на румынской почвѣ. — Жижійскія болота. — Степные повтоны и колодцы. — Видъ на Яссы. — Ясская станція. — Типы румынскихъ военныхъ и молдавскихъ женщинъ. — Ясскіе извозчики изъ русскихъ скопцовъ. — Союзники не вѣдаютъ. — Агенты Грегера и К° и ихъ гешефты. — Долина Серета. — Благословенная страна. — Барбошскій мостъ. — Дунайскій разливъ и тяжкія работы нашихъ солдатъ надъ укрѣпленіемъ полотна желѣзной дороги. — Браиловъ. — Придунайская степь и карпатскіе края. — Культурный видъ страны. — Бузео. — Наши войска на походѣ. — Подорожныя корчмы. — Воинственная сторожка. — Рѣка Теляжна и характеръ вообще румынскихъ рѣкъ. — Плоешты. — Оригинальный способъ водворенія военнаго постояльца. — Франкъ на водку цивилизованному хозяину. — 50 лѣтъ назадъ и нынѣ. — Осколокъ стараго времени. — Продажки румынскаго извозчика. — Въ гостиницѣ „Молдавія“. — Завтракъ по-румынски и его стоимость. — Прелести новой квартиры.

Поѣздъ тронулся изъ Унгеней. — Сейчасъ будетъ граница.

Граница... Простое слово, а какъ звучитъ оно для нашего уха чѣмъ-то особеннымъ теперь, именно въ эту минуту!

Никогда тамъ, въ глубинѣ покидаемаго отечества, не могли мы и предполагать въ глубокомъ мирные дни, что съ этимъ простымъ словомъ вдругъ свлечется для насъ столько новаго, невѣданнаго доселѣ чувства, которое въ эту минуту ярко отпечатлѣвается въ улыбкѣ, взорѣ, выраженіи лица каждаго изъ насъ. И казалось бы, что тутъ такого особеннаго! — Люди готовятся сейчасъ переѣхать границу; все обстоитъ благополучно, всѣ живы, веселы, здоровы, смѣются, болтаютъ между собою, какъ смѣялись и болтали всего лишь четверть часа назадъ; а между тѣмъ нѣтъ, не то — совсѣмъ

не то чувство проглядываетъ въ каждомъ сквозь обыденную витѣшную оболочку!.. Что же это такое? Глубокѣ ли въ сердцѣ шемное предчувствіе, раздумье: вернешься ли назадъ, или тамъ на вѣки кости твои останутся?... Или это гордое сознаніе, что валомъ-валитъ великая и грозная сила земли Русской, издревле славная сила Святогоръ-богатыря и Микуды Селяниновича, и что ты — одинъ изъ атомовъ этой тысячелѣтней, нынѣ сознательно проснувшейся и дѣйствующей силы, которая обязываетъ тебя, какъ русскаго человѣка, какъ сына своего отечества, — «не посрамить земли Русской» и лечь костями за нее и за братій, какъ тысячу лѣтъ назадъ умѣли ложиться русскіе предки на томъ же широкомъ и сильномъ Дунаѣ, на тѣхъ же крутыхъ и лѣсистыхъ Балканахъ? — Богъ-вѣсть, что это за чувство и что за мысли шевельнулись у cadaго, но только при словахъ: «сейчасъ будетъ граница» ясно почувствовалось всѣмъ нѣчто особенное, нѣчто не лишнее даже торжественности. Всѣ серьезно переглянулись, всѣ невольно смолкли, — каждый на мгновенье ушелъ въ глубь самого себя... Тихо... только поѣздъ мѣрно гремѣть, приближаясь къ крутобережному, не широкому и мутно катищему желтыя волны Пруту.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ поручилъ своему сосѣду глядѣть въ окно и не прозывать границы: «чуть только будемъ по срединѣ моста, на самой, значить, чертѣ, ты сейчасъ же кричи намъ «граница»!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ разлилъ всѣмъ намъ по дорожнымъ стаканамъ и чаркамъ двѣ-три бутылки дешеваго бѣлаго винограднаго вина — своего, русскаго вина, — которое мы купили на станціи въ Унгенахъ, нарочно затѣмъ, чтобы «вспрыснуть границу» — и всѣ мы, съ обнаженными головами вставъ со своихъ мѣстъ, ждали условнаго сигнала.

— Граница! — громко раздалось изъ окошка.

Господи благослови и помоги честному дѣлу въ часъ добрый! — благоговѣнно крестясь, произнесъ лихой казакъ кавказецъ, съ тремя солдатами Георгіями на могучей груди.

Вслѣдъ за нимъ всѣ молча тоже перекрестились.

— Ура, ребята! За Царя, за Россію! Ура!!

— Уррра-а! — подхватилъ весь вагонъ съ поднятыми стаканами, — «уррра-а-а» раздавалось и изъ всѣхъ другихъ вагоновъ, шедшихъ въ одномъ и томъ же поѣздѣ. Съ этимъ кликомъ мы переходили пограничную черту Русскаго государства.

— Прощай, дорогая!.. Прощай! До свиданья! — невольно вырывались сердечныя восклицанія у многихъ, которые изъ окошекъ глядѣли на покинутую Россію.

По ту сторону моста часовая-доробанецъ взялъ ружье «на-краулъ» и отдалъ русскимъ

гостямъ воинскую почесть. Это былъ первый не русскій воинъ, увидѣнный нами на чужой территоріи. Онъ стоялъ у форменной будки, такой же, какъ и наши, только съ другой окраской: шилъ по ней косы синія, желтыя и красныя полосы государственныхъ цвѣтовъ румынскаго княжества. Милиціонеръ-доробанецъ одѣтъ былъ въ сѣрое суконное пальто, покроемъ схожее съ нашимъ, съ голубыми погонами и клапанами на воротникѣ; ноги обуты въ народныя румынскіе «опанки», совершенно такіе же, какъ наши малороссійскіе «постолы», а на головѣ у него была надѣта особой формы барашковая шапка, верхъ которой кроенъ шире, чѣмъ тулья и сбитъ на правую сторону; спереди на шапкѣ двѣ перекрещенныя между собою буквы С, подъ короною — шифръ князя, Карда, съ девизомъ «Nihil sine Deo», а съ лѣваго бока воткнуты въ нее два сѣро-пятнистыя пера какой-то птицы, чуть ли не простой индюшки, но зато ружье у доробанца было скорострѣльное и самъ онъ выглядѣлъ довольно бодро и воинственно.

Послѣ двухъ-минутной остановки за мостомъ въ Румынскихъ Унгенахъ (пограничная станція, при селеніи того же имени) поѣздъ тронулся далѣе, провожаемый любопытными взорами пограничныхъ румынскихъ офицеровъ и чиновниковъ, въ изысканно щеголеватыхъ форменныхъ костюмахъ.

И такъ, мы уже не дома, мы на чужой землѣ, въ чужомъ государствѣ.

Но что же это?.. Какъ будто ничто вокругъ насъ и не измѣнилось ни на волосъ: та же самая природа, къ какой мы привыкли уже и въ нашей Бессарабіи, тѣ же крестьяне, тѣ же бабы, ничѣмъ — рѣшительно ничѣмъ, кромѣ языка, не отличающіяся по внѣшности отъ бабъ общаго, всероссійскаго пошиба, тѣ же юркіе жиды въ длинныхъ засаленныхъ хламахъ и въ шапкахъ, сбитыхъ на затылокъ. — все то же, все свое, давнымъ-давно знакомое.

Вотъ и первая станція — «Кристеншти». На платформѣ двое русскихъ солдатиковъ — часовые — держатъ ружья «на-краулъ», трое дежурныхъ казаковъ стоятъ въ шеренгу, взявъ руку подъ козырекъ, — здѣсь они замѣняютъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ жандармовъ; русскій офицеръ распоряжается въ качествѣ коменданта станціи; тамъ и сямъ вокругъ слышнѣтъ русскій говоръ. И здѣсь пока все еще какъ будто свое, какъ будто все та же Бессарабія: и деревня, и бѣлый домъ помѣщичій на горѣ, съ кудрявымъ паркомъ вокругъ и внизъ по скату; даже станціонное зданіе отчасти напоминаетъ постройку въ русскомъ стилѣ съ гребешками и узорочемъ по карнизу.

Ѣдемъ далѣе. Солнце палитъ, на небѣ ни облачка, — жара ужасная.

Вотъ неподалеку отъ дороги небольшой ставокъ, наполненный лягушками, которые за-

даютъ громкій концертъ своимъ урчащимъ, долгимъ кваканьемъ. Тутъ же и наши солдаты: одинъ, раздѣвшись донага, примѣряется какъ бы ему искупаться въ этой лужицѣ, другіе, совсѣмъ по домашнему, портыня моютъ себѣ, а нѣсколько въ сторонѣ трое пѣхотинцевъ, заломивъ кепушки на затылокъ, сосредоточенно стоятъ и удятъ — надо думать, карасей, если не лягушекъ. И здѣсь ничто не дѣлаетъ новаго впечатлѣнія.

Рѣка Жикія, ближайшая молдавская сосѣдка Прута, широко разлилась по низменной луговой равнинѣ, превративъ ее въ зеленѣющее болото, къ истинному удовольствію многочисленныхъ аистовъ или *кукуштырковъ*, какъ называютъ ихъ въ молдавскомъ простонародіи. Здѣсь такая масса лягушекъ, что кваканье ихъ, наполняя непрерывнымъ звукомъ всю окрестность, заглушаетъ для насъ, сидящихъ въ вагонахъ, даже грохотъ поѣзда на полномъ его ходу. Впрямъ, на этой же залитой низинѣ видѣются нѣсколько избушекъ на курьихъ ножкахъ, т. е. плетеныхъ сарайчиковъ, построенныхъ на жердяныхъ козлахъ, вѣроятно для склада сѣна, для предупрежденія подмочки его во время разливовъ.

По дорогѣ неоднократно встрѣчаются особаго рода цистерны: къ дорожной земляной выемкѣ, или къ какому-нибудь обрыву торчмя прислонены тесаный каменъ-плитнякъ съ просверленною посрединѣ его дыроу, въ которую вдѣланъ желобокъ, и по немъ стекаетъ струйками вода въ небольшой водоемъ, выложенный плитою, или же просто въ придорожную канавку. Колодцы тоже часто встрѣчаются, и всѣ почти съ «журавлями» (очень), какъ и у насъ по всей южной Россіи. Тутъ, какъ и тамъ, колодцы эти выкапываются на степи съ богоугодною цѣлью, по какому-нибудь обѣту или за упокой чьей-либо души, на общую потребу путниковъ, обязанныхъ, по обычаю, за утоленіе жажды помянуть добраго человека добрымъ словомъ или молитвою за его душу.

Вотъ впереди, съ правой стороны показалась группа четырехъ высокихъ колоколенъ съ куполами, сблизженно стоящихъ вмѣстѣ другъ противъ друга: это малыя главы недостроеннаго большаго яссакаго собора. Зданіе, говорятъ, даю трещину, и съ тѣхъ поръ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ, окончательная постройка его брошена. По ту и другую сторону отъ этой группы малыхъ главъ видѣется еще нѣсколько другихъ куполовъ и церковныхъ башенъ.

Холмы, ограничивающіе область разлива Жикія, остались влѣво и вдутъ нѣкоторое время параллельно дорогѣ, покрытые на вершинахъ и по скатамъ свѣжей кудрявой зеленью садовъ и роцъ, среди которыхъ кое-гдѣ бѣлѣются чистенькіе хуторки. Въ виду Яссы картина

расширилась еще болѣе: далеко въ правой сторонѣ низменную луговину тоже обрамляютъ незначительныя возвышенности, но тамъ не видать такой растительности и хуторовъ, какъ на лѣвыхъ холмахъ. По низинѣ, въ виду желѣзнаго пути, пролегаетъ шоссе, довольно узкое, но содержимое въ отличнѣйшемъ порядкѣ.

Яссы высятся все болѣе и болѣе. Городъ довольно красиво раскинулся амфитеатромъ по холму. Бѣлый цвѣтъ стѣнъ нестрѣмными пятнами мѣшается съ зеленью садовъ, черепичными кровлями и жестяными, какъ серебро сверкающими на солнцѣ куполами многочисленныхъ церквей. Все это въ совокупности является очень чистенькимъ, наряднымъ и издали производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Но уже раньше побывавшіе въ Яссахъ наши офицеры сказываютъ, что это впечатлѣніе не измѣняется и внутри города, по крайней мѣрѣ на главныхъ его улицахъ, гдѣ продолжены асфальтовые мостовыя, хорошіе тротуары, бульвары, ведущій въ загородный паркъ, и возвышаются каменные дома очень изящной архитектуры. Какъ говорятъ, Яссы по наружности далеко лучше Бухареста.

Неподалеку отъ желѣзно-дорожной станціи, на обширномъ плацу раскинулся базаръ, наполненный множествомъ «каруцъ», воловъ, лошадей и пестрымъ народомъ, среди котораго мелькаютъ знакомыя фигуры нашихъ солдатиковъ, отлучившихся съ ближайшаго бивуака, расположеннаго близъ дебаркадера со своей ротной кухней. Разводные пути заставлены нѣсколькими военными поѣздами, ожидающими очереди къ отправкѣ; на одномъ изъ нихъ казачи съ лошадьми, на другомъ артиллерія, на третьемъ саперная команда вмѣстѣ съ моряками, морскія дѣла, якоря, канаты и сѣти для вылавливанія торпедъ. На нѣсколькихъ платформахъ стоятъ лодки-миноносцы, покрытыя брезентами. Изъ вагоновъ несутся звуки солдатскихъ хоровыхъ пѣсень. Галлерей дебаркадера кишитъ народомъ, среди котораго преобладаетъ военный элементъ, нашъ и румынскій; но послѣдній мало отличается военною выправкой, — такъ и кажется, будто это все мирные мѣщане, будочники, писцы, сапожники и парикмахеры, перераженные въ очень красивые военные костюмы и старающіеся придать своимъ фізіономіямъ и манерамъ французскій характеръ. Въ толпѣ снуется много еврейскихъ агентовъ компаніи Грегера, Горвица и Когана, и много горожанокъ, изъ которыхъ однѣ одѣты по послѣдней парижской картинкѣ моды, а другія шеголюють яркими, рѣзко кидаящимися въ глаза нарядами, гдѣ преобладаютъ желтый и пунцовый цвѣта, но общій типъ здѣшнихъ женщинъ довольно красивъ. Впрочемъ, красота эта чисто животнаго характера, безъ малѣйшаго отбѣтка интеллек-

туальности; при взглядѣ на этихъ дамъ, такъ и напрашивается сравненіе съ откормленными пулярками, чему болѣе всего помогаютъ ихъ необычайно, почти до уродливости развитыя бьюты. У станціи столпилось много извозчицкихъ фазановъ, очень удобныхъ и даже цеголеватыхъ, гдѣ на козлахъ возсѣдаютъ возницы въ нашихъ русскихъ кафтанахъ, приглашающіе на чистомъ русскомъ языкѣ прокатиться по городу. Здѣшніе извозчики почти исключительно русскіе переселенцы скопческой секты. Они живутъ отдѣльной общиной, занимаются преимущественно извознымъ промысломъ; стойко поддерживаютъ другъ друга съ экономической стороны и вообще весьма зажиточны. Въ Букарестѣ, какъ говорятъ, то же самое. За буфетомъ пришлось разбить русскую кредитку. Дали за рубль два франка пятьдесятъ сантимовъ. Но и дерутъ же здѣсь! Стаканъ сельтерской воды изъ сифона—франкъ, бутылка пива, и вдобавокъ тепло, проки-слаго—два франка! Сразу почувля, значить, друзья и союзники безнаказанную возможность быстрой и наглою наживы на счетъ русскаго кармана. Жаль въ особенности солдатъ, которые сильно жалуются, что румыны и жиды всячески ихъ надуютъ при каждой покупкѣ, при каждомъ разбѣнѣ денегъ—и обмѣриваютъ, и обмѣриваютъ, и обмѣриваютъ самымъ безбожнымъ образомъ. Это, впрочемъ, какъ говорятъ, еще первые всходы, первые пупочки нашихъ союзническихъ отношеній съ румынами,—«а вотъ погодите, что будетъ далѣе!» предупреждаютъ насъ люди, уже успѣвшіе познакомиться съ дальнѣйшими прелестями этихъ отношеній. Союзники, какъ видно, не зѣваютъ и охулки на руку не кладутъ.

Тронулись далѣе. По дорогѣ, кромѣ казаковъ, держащихъ разбѣды вдоль желѣзнаго пути, попалось не мало и крестьянъ въ широкополыхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ съ широкими рукавами, подпоясанныхъ широкими красными шальями. Всѣ они были заняты, большею частью, полевыми работами; встрѣчались также и конные еврейчики въ бѣлыхъ фуражкахъ военной формы; это все агенты пресловутаго «товарищества», которые рыщутъ теперь по краю, обдѣлывая на счетъ нашихъ войскъ свои выгодные гешефты. Уже слышались съ разныхъ сторонъ жалобы, что они торопятся задешево скупать продукты и, чуть лишь успѣютъ въ какой-либо мѣстности благополучно сдѣлать эту операцию, какъ тотчасъ же, съ помощью взятыхъ мѣстнымъ румынскимъ властямъ, искусственно поднимаютъ на эти продукты тройныя, пятерныя, а при удобномъ случаѣ даже и болѣшія цѣны, по которымъ конечно и предъявляютъ предметы продовольствія нашимъ войскамъ, заручившись предварительно «оправдательными» документами, за надлежащею подписью и печатями

мѣстныхъ румынскихъ властей. Однимъ словомъ, дѣло дѣлается «чисто», такъ что съ юридической стороны, какъ увѣряютъ сами «агенты» и другіе свѣдущіе люди, никакой «контроль» не придется и иголки подъ нихъ не подточить.

По деревнямъ повсюду видѣются сады, рощи, роскошныя деревья—не то что въ нашемъ русскомъ Буджагѣ¹⁾, гдѣ на пространствахъ нѣсколькихъ десятковъ верстъ и одного-то деревца не встрѣтишь. Вообще, начиная отъ Пашканъ, и далѣе спускаясь внизъ на югъ къ Роману, Бакеу и до Текуча мѣстность по сторонамъ дороги, въ долинѣ рѣки Серета, повсюду свидѣтельствуетъ о значительной степени развитія культуры. Этими мѣстами проѣзжаешь словно бы по одному громадному сплошному парку, гдѣ каждый клочекъ земли тщательно воздѣланъ, расчищенъ, огороженъ; бѣлые домики хуторовъ и деревушекъ поддерживаются въ чистотѣ и порядкѣ; повсюду виденъ трудъ и благосостояніе. По истинѣ, это благословенная страна Европы, и правъ былъ румынскій поэтъ, который въ своей пѣснѣ «Цара Романеска», сдѣлавшейся одною изъ самыхъ популярнѣйшихъ во всей Румыніи, восклицаетъ: «о, мой драгъ родимый, кто видѣлъ тебя однажды, тотъ никогда, никогда тебя не забудетъ!» Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но примѣняясь къ долинѣ Серета, слова поэта вполне справедливы: этого роскошнаго сада, дѣйствительно, никогда не забудешь.

За нѣсколько верстъ не доѣзжая Текуча, долина Серета начинаетъ все болѣе и болѣе расширяться къ югу и юго-востоку, переходя въ открытую равнинную степь. Невысокіе горные кряжи тянутся все время пути только влѣво отъ дороги, доходя почти до самаго устья Серета у Барбоша. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ надъ самою станціею высится обрывистая, отвѣсная скала, на вершинѣ которой, въ день занятія Барбошскаго моста, расположенъ былъ бивуакъ полковника Струкова. Съ ея высоты открывается одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ на Дунай и представляется широкое громадное пространство для военныхъ наблюденій за противными берегами. Желѣзныя скрѣпленныя моста построены не въ клѣтку, а продолжными дугами, идущими по сторонамъ пути и постепенно понижающимися отъ середины моста къ его оконечностямъ. Внизу, у подошвы высокой мостовой насыпи, прилежалъ бѣлый сельскій домикъ, гдѣ расположенъ нашъ пѣхотный караулъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ разбросано нѣсколько бивуаковъ войскъ изъ состава 11-го корпуса.

Отъ Барбоша до Браилова желѣзныя пути идутъ по болотистой низменности, которая

¹⁾ Такъ называются южная и юго-западная часть Аккерманскаго уѣзда.

сплошь, по обѣ стороны полотна, залита теперь разливомъ. Напоромъ воды постоянно размываетъ дорогу, и нашимъ солдатамъ пришлось положить въ этихъ мѣстахъ не мало каторжнаго труда, устилая полотно мѣшками, наподненными пескомъ, и огораживая края пути плетнями. Вся эта работа производилась по поясъ въ водѣ, при весеннемъ холодномъ ненастьѣ.

Къ Браилову мы подъѣзжали на разсвѣтѣ. Влѣво отъ дороги на левомъ фонѣ неба вырисовался темный силуэтъ изящной церкви, за которою скорѣй показалось болѣе двухъ десятковъ мельницъ-вѣтрянокъ. Тутъ уже началось предмѣстье. Браиловъ, если глядѣть на него съ дороги, кажется очень чистенькимъ городкомъ, надъ которымъ возвышаются нѣсколько церквей и колоколенъ очень порядочной архитектуры. Издали онъ показався намъ довольно похожимъ на наши русскіе города, къ довершенію сходства съ которыми по серединѣ города торчатъ совершенно русская пожарная каланча. Пригородныя постройки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окружены брустверомъ, — это остатки прежнихъ турецкихъ укрѣпленій. Неподалеку отъ бруствера сгруппировалась небольшая густая рощица, среди которой возвышается мавзолей—каменная игла, увѣнчанная крестомъ, въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ Браилова въ турецкую войну 1828 года. Вокругъ рощи бѣгутъ бивуаки браиловскаго отряда.

Далѣе за Браиловымъ мѣстность пошла уже совершенно ровная; только влѣво, по ту сторону Дуная, виднѣются вдали причудливые изломы линіи добруджанскихъ горъ, и самъ Дунай съ его разливами и плесами выступаетъ порою на видъ широкими бѣлесоватыми полосами. По степи кочуютъ обормованные цыгане, которые попадались намъ на встрѣчу въ количествѣ нѣсколькихъ небольшихъ табаровъ—и все это, какъ въ общей обстановкѣ, такъ и въ деталяхъ, совершенно то же и такъ же, какъ и у насъ на югѣ Россіи. Здѣсь общій характеръ мѣстности напоминаетъ нѣсколько нашу буджакскую степь: растительности очень мало, деревни довольно рѣдки, глазъ не останавливается ни на какомъ возвышеніи, даже древнихъ кургановъ нигдѣ не замѣтно, повсюду — полное безлюдье, а вдали пустынная степь, подернутая легкою синевою, почти незамѣтно сливается съ горизонтомъ. Но чѣмъ ближе къ Бузеу, тѣмъ все оживленіе и веселѣе становится эта равнина. Деревни, окруженныя садами, начинаютъ попадаться все чаще и чаще; въ каждой деревенькѣ непрѣмѣнно маленькая церковка. Вправо показываются отроги Карпатскихъ горъ, вершины которыхъ видѣются грядями, одиѣ за другими, на очень далекое разстояніе. Нѣкоторыя изъ грядъ мѣстами покрыты хорошимъ лѣсомъ. Наконецъ, уже на последнемъ

иланѣ голубоватой дали самыя высокія горы исчезаютъ въ легкомъ туманѣ, такъ что о присутствіи ихъ можно догадаться только по бѣловатымъ пятнамъ смѣжныхъ залежей, разбросанныхъ тамъ и сямъ по вершинамъ. Склоны и подошва ближайшаго кряжа горъ устѣяны селеніями, утопающими въ роскошной растительности садовъ, надъ которыми поднимаются бѣлыя башни сельскихъ церквей, а повыше селеній и садовъ склоны покрыты папьями и виноградниками. Пространства вправо отъ дороги болѣе населены чѣмъ слѣва. По правую сторону равнины—деревни и сады тянутся почти непрерывнымъ рядомъ. Культура — судя, конечно, по бѣглому взгляду изъ вагоннаго окошка—кажется значительно выше бессарабской, гдѣ селенія представляются взору чѣмъ-то въ родѣ громадныхъ навозныхъ кучъ, тогда какъ здѣсь деревеньки все чистенькія, хаты выбѣлены и расписаны окрой, либо синькой, крыши крыты гонтомъ или черепицею, дворы и хозяйства огорожены хворостяною или кустарниковою изгородью, отдѣльно насаженныя рощицы очень миловидны и содержатся въ образцовомъ порядкѣ; здѣсь преимущественно растутъ липы, дубки и чернокленъ; всѣ эти насажденія раскинуты по равнинѣ отдѣльными группами, какъ бы островками. Огороды, нерѣдко разбитые въ полѣ, вдали отъ селеній, тоже огорожены, какъ и усадьбы, и при каждомъ непрѣмѣнно находится на жерди убитая ворона, служащая пугаломъ для живыхъ пернатыхъ. Поля повсюду воздѣланы очень тщательно и на нихъ съ самаго ранняго утра идутъ работы, виднѣется много трудящагося народа — мужчинъ и женщинъ. Плуги запряжены волами въ шесть паръ; впрочемъ, иногда попадаются и смѣшанныя запряжки—волы съ лошадьми. Видно, что работники пріѣзжаютъ на свои поля издалека, за нѣсколько верстъ, потому что на межахъ нерѣдко попадаются распряженные каруцы, близъ которыхъ пасутся кони. Мужчины, при видѣ нашего поѣзда, отрываются на минутку отъ работы и машутъ намъ широкополыми шляпами, женщины посылаютъ благословеніи и сами крестятся. Славный, добрый народъ, и какъ жаль, что у него такая чуждая ему, офранцузенная интеллигенція, которая, засѣдая на скамьяхъ парламента, къ удивленію, совершенно разучилась понимать чувства и стремленія своего народа..

Съ лѣвой стороны желѣзной дороги тянется безконечная равнина степного характера; изрѣдка попадаются на ней курганы, разсѣянные тамъ и сямъ, вблизи и вдали, на самомъ горизонтѣ; изрѣдка зазеленѣетъ вдругъ роща, еще рѣже покажутся кровли какого-нибудь хуторка или деревюшки — и опять пошла все степь да степь, по которой мѣстами излучины рѣки сверкаютъ. По равнинѣ выкопано много колодезѣй и встрѣчается не мало обмурованныхъ ключей,

последние преимущественно вдоль шоссе, которое от Бузео и почти вплоть до Пасештов тянется рядом с железною дорогою, на очень близком от нея расстоянии. Эта степь полна самых разнообразных птичьих светов, ястребного клекота и урчания лягушек, мриадами наполняющих каждую лужицу. Молодые ястребки и коршуны кружат и плавают в воздушных высях, пестрые сороки и голубогрудые сивораки безпрестанно мелькают перед глазами. Вся степь уже покрыта свежою, сочною изумрудною зеленью; растительность так и прет из земли, а изобильное присутствие диких блдно-розовых мальв и золотистаго дрока доказывает, насколько жирна эта черноземная почва. Порою на степи попадаются значительныя пространства, которые пестрят словно цветныя скатерти: вот идет полоса совершенно желтая, да еще бллая, рядом с нею свѣтлосиняя или пунцовая — и эти колеры кажутся на столько сплошными, что среди них почти не видать зелени—до такой степени изобильно и густо растут здѣсь степныя цвѣты: цикорій, курслѣнъ, дрокъ, ромашка, гвоздика, мальва, пунцовый макъ, васильки и тюльпанчики. Нерѣдко на поляхъ можно замѣтить небольшіе, вкопанные въ землю, каменные кресты, всегда почти по два рядомъ, которые служатъ границами владѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное чувство народа соединяетъ съ ними символъ охраны полей отъ засухи, саранчи и пожаровъ. На степи пасутся отары овецъ и стадъ крупнаго рогатаго скота. Пастухи, вооруженные герлыгами и длинными бичами на короткихъ кнутовищахъ, иногда съ ружьемъ за плечами стерегутъ свои стада не иначе, какъ верхомъ на стелныхъ лошадакахъ; а умныя сторожевыя собаки-овчарки и волкодвы неизмѣнно присутствуютъ на своихъ постахъ, зорко оберегая отары со всѣхъ четырехъ сторонъ отъ волковъ, которыхъ, какъ говорятъ, здѣсь водятся не мало.

Бузео, также какъ и Браиловъ, издали кажется очень чистенькимъ городкомъ и производитъ милое, веселое впечатлѣніе мягкими контурами своихъ садовъ и построекъ. Колокольни и крыши нѣкоторыхъ домовъ покрыты здѣсь бллою жестью—и все это какъ серебро сверкаетъ на солнцѣ; видно нѣсколько каменныхъ домовъ очень изящной архитектуры. Присутствіе нашихъ войскъ замѣтно повсюду; и здѣсь, какъ подъ Браиловымъ, раскинулся обширный бивуакъ пѣхоты и казаковъ близъ большой дубовой рощи. По шоссе тоже тянутся эшелоны войскъ—полки 31-й дивизіи, артиллерія, парки и длинныя обозы, среди которыхъ порціонныя волы, пока до убоа, поили въ дѣло: тоже и ихъ запрягли въ какія-то новозкл. Въ авангардахъ идутъ казачья сотни: допцы въ бллыхъ фуражкахъ и уральцы въ высокихъ

мѣховыхъ папахъ. Ротныя собаки, высунувъ языки, понуро плетутся за своими кормильцами. Удушливая жара уже съ семи часовъ утра нестерпимо доминаетъ и людей и животныхъ. Не слышать ни говора, ни пѣсенъ; батальоны двигаются молча, медленно, но безостановочно, словно бы ползутъ, какъ гигантская змѣя, свиваясь и развиваясь длинною лентой. Изъ вагона, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе, видно очень ясно, какъ съ усталыхъ, запыленныхъ лицъ катятся потъ; бллыя рубахи не только мокры, но даже посѣрѣли отъ поту и липнутъ къ плечамъ, къ рукамъ, къ груди; молодые солдаты изогнулись, что называется, въ три погибели, подъ навьюченною на нихъ тяжестью ранцевъ, патронныхъ подсумковъ и скатанныхъ черезъ плечо шинелей. Впрочемъ, остальныхъ что-то не видать. Хотя и тяжело, очень тяжело, людямъ, но замѣтно, что они за эти двѣ съ половиною недѣли успѣли уже постепенно втянуться въ трудное дѣло похода. Хорошо еще, что тутъ ровное прекрасное шоссе, и хотя жарко, да сухо; а каково было идти по Бессарабіи, въ первые дни послѣ 12-го апрѣля, по убійственнымъ косогорнымъ проселкамъ, въ дождливую сыкость, превратившую наши первобытныя пути въ невылазное мѣсиво густой и липкой грязи.—Вотъ гдѣ было мѣка истинно адская, особенно когда приходилось поминутно вытаскивать изъ болѣтища застрявшія по ступицу новозки и артиллерію, которыхъ даже и волы, по десяти паръ въ одной запряжкѣ, не всегда могли сдвинуть съ мѣста. За Бузео общій видъ страны сдѣлался еще культурнѣе. Горы справа все тянутся параллельно дорогѣ, но уже значительно отступили въ глубь долины; у подошвы ихъ все такъ же тянется почти непрерывная цѣль селеній съ бллыми колокольнями, а по склонамъ видны нѣжно-зеленые виноградники и правильно расчерченные четвероугольники то чернящихъ, то уже зеленѣющихъ нашенъ. Горы эти охватываютъ страну какъ бы полукружіемъ съ сѣвера и съ запада. Теперь, когда утренній туманъ разсѣялся, очертанія отдаленныхъ Карпатскихъ высей выступили гораздо яснѣе своими лиловато-бурыми массами. Вершины ихъ оголены совершенно; не замѣтно тамъ ни малѣйшихъ признаковъ какой-либо растительности и жизни, а свѣжыя залежи блблжотъ по нимъ, точно бы мѣлѣ въ гигантскихъ глыбахъ.

Первая станція за Бузео называется Мизиль. Это—небольшое, но, кажись, довольно промышленное мѣстечко съ двумя церквями, являющимися въ своей архитектурѣ болѣе католическій, чѣмъ православный характеръ, благодаря двумъ башенкамъ по бокамъ передняго фаса. Купола и здѣсь, какъ почти повсюду въ Румыніи, обиты бллою жестью. На шоссе попадаетъ не мало шинковъ и заѣзжихъ дворовъ, по наружному виду которыхъ можно заключить,

что содержатели ихъ, преимущественно бѣлые русскіе и австрійскіе евреи, несмотря на стѣснительные для нихъ законы страны, положительно воспрещающіе евреямъ—не румынскимъ подданнымъ заниматься кабатничествомъ, умѣютъ такъ, какъ и у насъ, обходить законъ вокругъ и около, и ловко обдѣлывать свои дѣлишки на счетъ крестьянскихъ заработковъ. Эти придорожные корчмы, по большей части, каменные, крытыя гонтомъ или черепицею, видимо бьютъ на внѣшнее шегольство, наглядно показывающее степень зажиточности кабатчиковъ.

Въ районѣ мѣстности у станціи Валеа Галюкареска горные отроги начинаютъ замѣтно понижаться, все болѣе и болѣе удаляясь вправо, въ глубину страны, пока наконецъ ихъ пологіе скаты не исчезаютъ гдѣ-то вдали, сливаясь съ обширною придунайскою равниною. Вотъ молодой лѣсокъ подбѣжалъ къ самой дорогѣ, такъ что кудравыя вѣтви чуть не хлещутъ по вагонамъ — и сразу пахнуло на насъ живою, теплою прохладой и тѣнью, но—увы! не болѣе какъ на одну или двѣ минуты, а тамъ—опять жара и духота, гнетущая и тѣло, и умъ, и волю... Вотъ придорожная будка. Вмѣсто сторожа выходитъ его дородная супруга; вытянувшись какъ солдатъ во фронтѣ, она въ одной рукѣ величественно держитъ флагъ, а другою отдаетъ намъ честь по-военному и оретъ — оретъ «ура» во все горло. Эта фигура, исполненная такого добродушнаго комизма и наивнаго восторга, невольно разсмѣшила насъ, несмотря на всю нашу вялую лѣнь, апатію и какую-то развѣренность всего организма въ этой подавляющей духотѣ вагона, температура котораго, подъ жгучими лучами солнца, превратилась въ нѣчто напоминающее полѣкъ русской купеческой бани.

Опрестное населеніе и здѣсь все такъ же гу сто, какъ передъ Бузео, но тутъ оно перекинулось уже и на степь, по лѣвую сторону дороги и, несмотря на жару, усердно продолжаетъ работу въ поляхъ, куда высыпало еще больше народу, чѣмъ давеча раннимъ утромъ.

Переѣзжаемъ по желѣзному мосту чрезъ рѣку Теляжну, которая, по спадѣ своихъ водъ, въ какія-нибудь двое сутокъ успѣла уже совершенно обмелѣть и изъ мутнаго, бурливаго потока, угрожавшаго даже устоямъ моста, превратилась въ смиреннѣйшій ручей, который, пробираясь мелкими и узкими струйками, разползается и вьется нѣсколькими рукавами по обнаженнымъ галькамъ неглубокаго плоскаго русла.

Таковы почти и всѣ румынскія рѣки: вчера камни ворочала, людей топила, мосты носила, а сегодня ее и курица въ бродъ перейдетъ ногъ не обмочивши. Но это послѣднее состояніе продолжается пока не начнутъ таять снѣга Карпатскихъ высей или пока не выпадутъ въ Карпатахъ сильные дожди; тогда обмелѣвшее

русло снова переполнится водою, забурлитъ, зашумитъ, и опять начнетъ подмывать берега, сносить мосты и разрушать дороги. Затѣмъ рѣки вновь обмелѣютъ до осени, когда наступаетъ періодъ карпатскихъ дождей, причемъ съ наступленіемъ зимы, смотря по средней температурѣ, иногда онѣ спадаютъ и замерзаютъ, а иногда, въ дождливыя теплыя зимы, все продолжаютъ порой бурлить, то повышаясь, то понижаясь въ своемъ уровнѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ переѣзда черезъ Теляжну, поѣздъ медленно подошелъ къ платформѣ плоештинской станціи.

Плоешты по-румынски значить «дождливые», и справедливость этого названія, какъ нарочно, подтвердилась для насъ съ первой же минуты: не успѣли мы подѣхать къ дебаркадеру, какъ приснулъ крупный косой дождикъ, который хотя и скоро прошелъ, но въ теченіе дня все-таки раза три принимался, довольно усерднымъ образомъ, барабанить по стекламъ и крышамъ, освѣжая на нѣсколько минутъ раскаленную почву.

Мнѣ отвели квартиру въ домѣ нѣкоего Калуда Димитріу на «страда (улица) Уэлло». Адресъ былъ сообщенъ мнѣ нашимъ квартирному еще на станціи и румынскимъ чиновникомъ растолкованъ извозчику, который и подвезъ меня къ деревянному двухъ-этажному домику, примолвая «аичъ!» (здѣсь). Я поступался у запертой калитки. Въ одномъ изъ окошекъ верхняго этажа показалась какая-то пожилая женщина и скрылась въ то же мгновеніе, захлопнувъ форточку. Жду, что вотъ сейчасъ меня впустятъ,—не тутъ то было! Стучу второй разъ, стучу третій, — не отворяютъ; притаились такъ, что ни голоса, ни шороха, словно бы весь домъ вымеръ. Извозчикъ спрыгиваетъ съ козелъ и начинаетъ усердно колотить въ калитку бичемъ, и въ то же время кричить что-то на верхъ. Напрасно: все то же мертвое молчаніе. Видя, что это не помогаетъ, онъ плюнулъ, выругался и жестомъ предложилъ мнѣ садиться въ свой фэетонъ. Изъ его словъ я кое-какъ понялъ, что надо ѣхать въ полицію. Приѣзжаемъ. Общее впечатлѣніе, производимое этой полиціей, если и говорить въ пользу ея патріархальности, то уже никакъ не чистоплотности: первое, что попалось подъ ноги—это хрюкающіе поросята въ прихожей; нравамъ этихъ милыхъ обитателей вполне соответствовали и наслѣженный полъ съ комками уличной грязи, и закоптѣлыя стѣны, и какой-то особенный запахъ арестантской кутузки. Вхожу въ «присутственную» комнату, гдѣ виситъ портретъ князя Карла, подъ которымъ полицейскій чиновникъ не безъ помощи кулаковъ чинитъ патріархальное разбирательство нѣсколькимъ оборванцамъ, съ синяками и ссадинами на физиономіяхъ. Увидѣвъ во мнѣ русскаго офицера, онъ вѣжливо при-

гласилъ меня съѣсть и кликнуть секретаря, который, какъ оказалось, говорить по-русски и при томъ столь хорошо, правильно и чисто, что родной его едва ли могла быть Румынія. Выслушавъ мою жалобу, онъ тотчасъ же распорядился отрядить со мной двухъ конныхъ каларашей, приказавъ имъ водворить меня на назначенной квартирѣ. Въ сопровожденіи этого конвоя, возвращаясь я въ «страда Уэлло», по у калитки Калуда Димитріу—увы! начинается та же исторія, съ той лишь разницей, что на этотъ разъ въ форточку уже никто не высывался. Калараша немилосердно колотятъ въ калитку ножами своихъ сабель, такъ что всѣ сосѣднія собаки подняли неистовый лай и изъ оконъ ближайшихъ домовъ уже стали выглядывать любопытныя фязіоміи, а у Калуда Димитріу все-таки ни малѣйшихъ признаковъ жизни.—«Ну, думаю, не сладко мнѣ тутъ будетъ жить, коли и полиція ничего не можетъ подѣлать». Наконецъ, гляжу, одинъ каларашъ, привязавъ лошадей къ желѣзному кольцу въ воротахъ, вскакиваетъ другому на спину, становится ему на плечи, цѣпляется за верхнюю перекладину воротъ и благополучно спрыгиваетъ во дворъ. Въ ту же минуту калитка предо мною растворяется. Подымаемся по деревянной лѣстницѣ, гдѣ на верхней открытой галлерейкѣ стоятъ три женщины—пожилая и двѣ среднихъ лѣтъ — и всѣ три, что называется, въ полномъ *deshabillé*,—въ сорочкахъ, юбкахъ и въ туфляхъ на босу ногу, но повидимому такая легкость костюмовъ ни мало ихъ не смущаетъ въ присутствіи постороннихъ мужчинъ; онѣ съ яростью накидываются на двухъ каларашей и извозчика, несущаго мой чемоданчикъ: громкіе, раздраженные ихъ голоса совершенно заглушаютъ доводы одного изъ каларашей, доказывающаго имъ, что водвореніе мое въ ихъ домъ есть вещь совершенно законная, сдѣланная по распоряженію румынскихъ властей, о чемъ домохозяева и были предупреждены заблаговременно, какъ объяснилъ мнѣ предъ этимъ секретарь полиціи. Пока идетъ вся эта переправка, я остаюсь совершенно безучастнымъ, постороннимъ зрителемъ и терпѣливо жду чѣмъ окончится дѣло. Вѣроятно убѣдившись, что съ бабами не сговоришь, каларашъ махнулъ рукою и растворилъ стеклянную дверь, приглашая меня войти въ комнату. Такимъ образомъ, водвореніе мое было совершено. Я далъ обоимъ каларашамъ сколько-то мелочи на водку—и они тотчасъ же удалились. Но тутъ мои хозяйки вдругъ врываются въ мою комнату и живо, впопыхахъ, словно бы на пожаръ, начинаютъ вытаскивать изъ нея всѣ вещи: подушки, тюфяки, посуду, утварь, столъ и стулья, такъ что въ какія-нибудь пять минутъ я очутился въ совершенно пустой горницѣ, на стѣнахъ которой осталось лишь нѣсколько литографированныхъ картинокъ.

Хорошо еще, что въ это время подѣхалъ на другомъ извозчикѣ мой ценщикъ съ вещами: теперь, по крайней мѣрѣ, я могъ присѣсть на своемъ чемоданѣ.

Минуту спустя, на галлерейкѣ появился какой-то одѣтый довольно прилично мужчина, которому мои хозяйки, повидимому, стали жаловаться, крича, жестикулируя и перебивая одна другую.

Тотъ, не дослушавъ, цыкнулъ на нихъ внушительнымъ образомъ, да еще ногою притопнулъ такъ, что онѣ сразу примолкли и даже исчезли куда-то, послѣ чего этотъ мужчина вошелъ ко мнѣ въ комнату, любезно протянулъ руку, отрекомендовался «господаремъ», т. е. хозяиномъ дома, и промолвилъ: «пуфтиме!» (прошу покорно). «Слава Богу, думаю, конецъ моимъ испытаніямъ!» Надо было расплатиться съ извозчиками, а мелочи у меня не оказалось. Вынимаю полуимперіалъ и съ помощію «Военнаго Переводчика» *) стараюсь объяснить, что мнѣ нужно размѣнять деньги; но какъ на зло въ «Военномъ Переводчикѣ» нѣтъ ровно ничего касательно этого предмета: ни фразы «размѣняйте мнѣ деньги», ни глагола «мѣнять», «размѣнивать», ни существительныхъ «мѣна», «размѣня». — «Вотъ тебѣ и польза отъ «Военнаго Переводчика», думаю себѣ. «Въ первый разъ пришлось къ нему прибѣгнуть, и сразу же такая ошѣчка!» Но, къ счастью, нахожу въ немъ наконецъ слово «мѣняла» — «*зарада*». Произошло это слово и сопровождающаго его соответственными движеніями рукъ, мнѣ удалось наконецъ кое-какъ достичь, что хозяинъ понималъ чего мнѣ надо. Онъ разстегнулъ крахмаленную грудь своей рубашки и досталъ изъ-за пазухи замшевый кошелекъ, висѣвшій на шейномъ шнурочкѣ, вмѣстѣ съ крестикомъ и образками. Въ этомъ довольно полномъ кошелѣ у Калуда Димитріу хранились разныя золотыя и серебряныя монеты, крупныя и мелкія, такъ что онъ безъ затрудненія сейчасъ же размѣнялъ мнѣ мой червонецъ. Отдаю извозчикамъ плату и прибавляю еще каждому на водку, какъ вдругъ — гляжу и собственнымъ глазамъ не вѣрю,—мой хозяинъ тоже протягиваетъ мнѣ ладонь. Въ полномъ недоумѣніи я окинулъ его вопросительнымъ взглядомъ. Тогда онъ словами, совершенно мнѣ непонятными, но зато очень понятною интонаціею и еще болѣе краснорѣчивыми знаками начинаетъ мнѣ объяснять, что съ моей стороны будетъ очень любезно, если я и ему дамъ тоже на водку...

*) Предъ началомъ похода въ штабы и части войскъ были розданы особымъ карманнымъ книжкамъ, подъ названіемъ «Военный Переводчикъ», съ русскаго языка на турецкій, болгарскій и румынскій. Книжки эти, впрочемъ, принесли мало пользы, такъ какъ «Переводчикъ» весьма не полонъ и блещетъ отсутствіемъ многихъ, самыхъ необходимыхъ словъ и выраженій. Видно, что онъ былъ составленъ очень торопливо.

— Вамъ?—переспрашиваю я и спѣшу заглянуть въ «Переводчикъ», гдѣ—слава Богу—нахожу въ отдѣлѣ румынской грамматики требуемое слово.—Вамъ? Думитале?—повторяю я, боясь какъ бы не оскорбить его самой возможностью такого несообразнаго предположенія, ибо мнѣ все еще думалось—не ошибаюсь ли я? точно ли онъ *этою* хочетъ, или имѣетъ въ виду объяснить мнѣ нѣчто совсѣмъ иное, да только я понялъ его знаки превратнымъ образомъ?

— Аша! мие, мие! *)—утвердительно киваетъ онъ головой и тычетъ указательнымъ пальцемъ на свою грудь и на мои деньги.

— За что? Почему? Центру чѣ?—спрашиваю.

Мой Калуда Димитріу начинаетъ объяснять мнѣ что-то, и я, судя опять-таки по интонаціи и знакамъ, прихожу къ заключенію, что смыслъ его рѣчи таковъ: если, дескать, вы извозчикамъ дадите на водку, то дайте и мнѣ, потому что они для васъ только извозчики, а я вашъ хозяинъ, и притомъ же я оказалъ вамъ услугу—размѣнялъ ваши деньги.

Признаюсь, я очень смутился и не столько за свое недоумѣніе, оказавшееся совсѣмъ невпадомъ, сколько за самый смыслъ просьбы моего прилично одѣтаго хозяина-домовладѣльца.

Чувствуя, что невольно краснѣю, протянулъ я ему ладонь, на которой лежало нѣсколько серебряныхъ монетъ и знакомъ приглашадъ указать, сколько именно желаетъ онъ получить. Это становилось даже любопытно, и мнѣ теперь уже было интересно увидѣть насколько можетъ простираться наивное нахальство румына и сколько именно монетъ онъ себѣ отсчитываетъ. Но—къ вящему удивленію—Калуда Димитріу оказался весьма скромнымъ въ желательной ему суммѣ: онъ взялъ у меня съ ладони только одинъ *леу* (франкъ; по франку же я далъ и извозчикамъ), опустилъ его въ свой кошелекъ и съ большимъ достоинствомъ, очень любезно протянулъ мнѣ въ знакъ благодарности свою руку.

— Ваше благородіе! Никакъ это онъ съ васъ на водку взялъ?—въ полномъ недоумѣніи обратился ко мнѣ мой денщикъ, по уходѣ хлопнувши.

— Да, на водку,—подтвердилъ я;—а что?

— Да какъ же это?.. Вѣдь, по одежѣ глядя, онъ *зосидишъ* выходить, и опять же хозяинъ дому, стало быть, не бѣдный... и вдругъ—на водку!.. Это, ваше благородіе, совсѣмъ даже весообразно выходить.

И съ этой минуты мой денщикъ восчувствовалъ къ Калуда Димитріу величайшее презрѣніе: «воля ваша, а только я, ваше благородіе, послѣ этого, значить, уважать ему не согласенъ!»

Первымъ дѣломъ—захотѣлось помыться съ дороги. Денщикъ пошелъ отыскивать у хо-

зянь какой-нибудь кувшинъ да плошку и запропалъ что-то. Въ ожиданіи его, я, отъ нѣчего дѣлать, занялся разсматриваніемъ настоящихъ картинокъ. На одной написана въ гирляндовой, каемкѣ какая-то греческая молитва, рядомъ съ ней вышитый гарусомъ попугай на вѣткѣ, далѣе цѣлая коллекція фотографическихъ медальоновъ на одномъ листѣ, гдѣ изображены съ одной стороны румынскіе вожди парламентской оппозиціи, а съ другой—консерваторы; тѣ и другіе, судя по портретамъ, почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга во внѣшности: тѣ же низкіе, плоскіе, маленькіе лбы, та же густая растительность на головѣ и на лицѣ, тѣ же распомаженные, расчесанные усы и эспаньолки, и волосы à la Капуль, тотъ же плоскій отпечатокъ бульварно-парижскаго, парикмахерскаго шика въ выраженіи физіономіи и—въ довершеніе тождества почти всѣ окончаны фамилій на *эско*. Но вотъ двѣ любопытныя картинки, и обѣ русскаго происхожденія. На одной подписано: «Взятіе графомъ Дибичемъ Забалканскимъ Адрианополя,—съ дозволенія цензора Снегирева, 1829 года», а на другой: «Переходъ графа Дибича Забалканскаго 10-го іюля 1829 г. за Балканскія горы, почитавшіяся до сихъ поръ непреодолимымъ оплотомъ Европейской Турціи» (тоже съ дозволенія цензора Снегирева) Тутъ же подписаны и слѣдующіе стихи:

На брань призвалъ насъ Царь Державный,
И грудью мы впередъ пошли;
Весельемъ былъ намъ путь сей славный,
Орла Россіи мы несли,
Мы съ нимъ Дунай перелетѣли,
Дунай волнами зашумѣлъ;
Повсюду клики загремѣли,
Орелъ къ востоку полетѣлъ!
И вотъ, въ пути, какъ великаны,
Возстали цѣпи дикихъ горъ,—
То грозный щитъ Луны—Балканы;
Къ нимъ врагъ возвелъ надежный взоръ.
Взярай, Османъ, на ихъ вершины,
Не до небесъ твой крѣпкій щитъ!
Синъ высоки исполнивъ,—
Орелъ превыше ихъ паритъ;
Гремятъ за ними громы брани,
Полки съ кремнистыхъ горъ идутъ,
А тамъ, еще отъ Эривани
Знамена русскія несутъ.
Хвала тебѣ, нашъ Царь Державный,
Сіай въ вѣдѣ побѣды намъ!
Ты самъ повелъ насъ въ путь сей славный!
Ура тебѣ!—ура вождямъ!

Какъ времена-то перемѣнячивы! Вотъ, вѣдь и громкіе стихи, но нѣтъ въ нихъ и намека на славянскую идею войны, на ту освободительную идею, которая и тогда лежала въ основѣ нашего движенія на Балканскій полуостровъ, какъ лежитъ нынѣ; а вѣдь и тогда были тамъ тѣ же условія, чтѣ и теперь, тѣ же болгары и сербы, тотъ же турецкій гнетъ и безправіе, и та же самая задача предлежала русской арміи; но видное сознаніе ея въ то время еще не проникало въ массу русскаго

*) Да! мнѣ, мнѣ!

народа и войска, тогда какъ теперь каждый солдатъ знаетъ за что и за кого предстоитъ ему драться.

— Ваше благородіе! Тутъ, просто, жить нельзя! — вскричалъ видимо раздосадованный денщикъ, входя въ комнату съ кувшиномъ воды и глиняною лоханью. — Шутъ ихъ знаетъ, что они такое! Самъ хозяинъ въ трактиръ ушелъ, а бабы заперлися внизу на замокъ и голосу не подають. Что ни стучался къ нимъ — не отзываются! Долженъ былъ на базаръ бѣжать, и ужъ еле-еле тамъ купилъ всю эту посудину, а воды набралъ съ городского фонтала, — такъ и несъ ее по улицѣ! Воля ваша, а только надо намъ куда ни-на-есть переѣхать.

Послѣдняя мысль, дѣйствительно, явилась лучшимъ изъ всего, что оставалось въ моемъ положеніи. Насильно милъ не будешь, а судя по началу, у этихъ квартирныхъ хозяевъ мнѣ, вѣроятно, предстоитъ ежеминутныя мелочныя непріятности. Пока что, я рѣшился взять нумеръ въ какой-нибудь гостиницѣ, но прежде всего занялся своимъ туалетомъ. Въ это время въ смежной горницѣ слышалось шарканье старческихъ шаговъ и крикѣнье. Черезъ минуту пріотворилась дверь и ко мнѣ вошла сторбенная старушка, вся въ черномъ: на головѣ большой чернѣй кашемировый платокъ, на плечахъ атласная, уже поружѣлая отъ ветхости, ватная кацавейка, изъ-подъ которой болталась черная ситцевая юбка. Въ Румыніи пожилыя женщины и старухи низшаго и среднего сословія носятъ исключительно черное ¹⁾, очень походя своимъ костюмомъ на нищихъ богомолковъ, какихъ не въ рѣдкость случается встрѣчать по купеческимъ домамъ въ Москвѣ и въ провинціи! На желтомъ лицѣ этой старушки блуждала пріятливая улыбка, а въ глазахъ сказывалось большое любопытство. Подходя ко мнѣ, она нѣсколько разъ кивнула головой, какъ бы здороваясь и, наконецъ, ласково огладила меня по плечу морщинистой трясущеюся рукой.

— Майка а домнулѣй, — прошептала она, указывая на себя, и изъ этой рекомендаціи я, при всемъ моемъ плохомъ знакомствѣ съ румынскимъ языкомъ, понялъ однако, что это значитъ мать хозяина.

— Русъ офицеръ?... Канетанъ?... Бунъ, бунъ!.. харошъ! — приговаривала она, продолжая меня оглаживать. Съ первыхъ словъ оказалось, что старуха немножко маракуеть по-русски.

— Молода была, Россія жила... Одесса жила... Бунъ, бунъ канетанъ...

— Вотъ ты, Божья старушка, добрая, — и видать, что добрая, — выѣшался мой денщикъ, — а тѣ бобы, словно вѣдьмы элюція! Не токма что изъ комнаты всю небиль повывтаскала, а и воды ковша добромъ не допросишься.

Старуха только рукой махнула: «ужъ и не говори, моля», и со вздохомъ безсильнаго сожалѣнія покачала головой. Видно было, что не она тутъ верховодитъ въ домѣ.

— Та-то, элюція подстарокъ, какъ твоему сыну доводится? Теща, что ли? — продолжалъ денщикъ!

— Сокры, сокры... Ашъ, — подтвердила, понавшая вопросъ, старушка.

— Такъ ты что-жъ? Развѣ не голова въ дому? Ты-бъ ее въ струнѣ содержала, чтобъ она экимъ манеромъ дерзить-то не смѣла бы.

Но этотъ послѣдній діалогъ, видимо, не былъ понятъ, потому что старуха, вопросительно поглядывая то на меня, то на него, только головой поддакивала, да улыбалась добросердечно. Послѣ этого она вышла изъ комнаты, но черезъ двѣ-три минуты возвратилась снова, принеся какія-то свернутыя въ трубку бумаги. Оказалось, что это было нѣсколько плохихъ литографій, между которыми одна изображала покойнаго государя Николая Павловича, а другая Наполеона III.

— Императорулъ Никѣлай, — пояснила она, показывая мнѣ портретъ и произнеся эти слова тономъ особеннаго почтенія. — Господарь а Россія... Знакомъ?... О, марѣ марѣ господарь! великій!.. Живъ Никѣлай?

Признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ столь неожиданнымъ вопросомъ.

— Умеръ, — говорю ей, — давно уже умеръ.

— Умеръ? — какъ бы машинально повторила за мной удивленная этимъ извѣстіемъ старуха и перекрестилась, съ соболѣзнованіемъ покачавъ головой и пробормотавъ что-то по-румынски — вѣроятно, молитву за душу покойнаго государя.

— А кто императорулъ нытру Россія? — спросила она, послѣ короткаго раздумья.

— Теперь-то? Теперь у насъ императоръ Александръ, сынъ Николая.

— Александръ... Александръ, — нѣсколько разъ прошептала она, какъ бы про себя, видимо стараясь запомнить имя. — Александръ марѣ... Сы дѣ луй Думнезѣу! Сы дѣ луй! ¹⁾

И послѣ этого вытащила портретъ Наполеона и ткнула въ него пальцемъ:

— Живъ?

— Нѣтъ, говорю — умеръ, тоже умеръ.

Очевидно, и это было для старухи совершенною новостью, но послѣднее извѣстіе, казись, уже не произвело на нее такого впечатлѣнія, какъ первое.

— Сы дѣ луй Думнезѣу! Сы дѣ луй! — пробормотали ея безцвѣтныя губы, и ужъ что хотѣла она выразить этимъ послѣднимъ «сы дѣ луй» — Богъ ее знаетъ!

Какъ непохожа показалась мнѣ эта добрая старуха на трехъ остальныхъ моихъ хозяекъ!

¹⁾ Въ Болгаріи повсюду то же самое.

¹⁾ Дай Богъ ему, дай!

Въ этомъ дряхломъ существѣ, въ этомъ удѣлѣвшемъ осколкѣ былыхъ временъ, несмотря на всю ограниченность его умственного и духовнаго кругозора, видимо сохранились совѣстные чувства, помыслы, воспоминанія и сочувствія, чѣмъ тѣ, которыми жило позднѣйшее румынское поколѣніе и на которыхъ всецѣло воспиталось и живетъ нынѣшнее. У нынѣшнихъ Наполеона-то, пожалуй, найдешь, и даже весьма и весьма не рѣдко, но императора Николая, которому столь многимъ добромъ обязана Молдо-Валахія, навѣрное ни у кого не встрѣтишь.

Переодѣвшись, я тотчасъ же отправился на поиски гостиницы, куда можно бы было перебраться со своимъ незатѣйливымъ и немногосложнымъ походнымъ скарбомъ. Подрядилъ «биржу», какъ называютъ здѣсь паровозныхъ колясочныхъ извозчиковъ и, съ помощью «Военнаго Переводчика» говорю ему: «традъ ла-челъ май буяъ готѣль», т. е. вези въ лучшую гостиницу. Повезъ. Трусить дѣлнвою рысцою и самъ сидитъ на козлахъ, какъ разваренный, еле вожжи изъ рукъ не валятся, по сторонамъ глазѣть; въ одномъ мѣстѣ чуть не наѣхалъ на двухъ женщинъ и еще ихъ же обругалъ въ придачу; попадется навстрѣчу свинья, мальчишка или какой-нибудь подхалюзый жидокъ — возница мой непременно наровитъ хлестнуть ихъ бичемъ, глупая утица черезъ дорогу шлепается переваливаясь съ боку на бокъ, — онъ и ту подхлестнулъ слегка. Только замѣчаю я, что извозчикъ мой колеситъ безъ толку изъ переулка въ переулокъ, а гостиницы нѣтъ, какъ нѣтъ.

Я ему повторяю еще разъ чего собственно мнѣ надо.

— Штіу, штіу! (знаю, знаю!)—отвѣчаетъ мотнувъ головой и все-таки продолжаетъ кружить по какимъ-то пустырямъ да задворкамъ, межъ садовъ и заборовъ. Покружили мы съ нимъ такимъ образомъ болѣе получасу, пока, наконецъ, случайно не вывезъ онъ меня къ дому, гдѣ занялъ помѣщеніе великій князь главнокомандующій. Здѣсь на тротуарахъ толпа горожанъ любопытно глазѣла на конвойныхъ казаковъ, на великокняжескую прислугу и офицеровъ главной квартиры, то входившихъ въ ворота, то выходившихъ изъ нихъ на улицу. Встрѣтился я съ знакомыми и рассказываю имъ свое критическое положеніе, а къ моимъ словамъ видимо прислушивается какой-то моходой жидокъ, безъ шапки.

— Завините, вамъ до готѣлю? — вмѣшался онъ въ разговоръ.—Я факторъ, пазжволте!

И съ этими словами прыгъ на козлы, какъ былъ безъ шапки, и черезъ подторы-двѣ минуты возница мой остановился въ узенькомъ переулкѣ у воротъ гостиницы «Молдавія». Оказалось, что отъ этой «Молдавіи» до моей квартиры у Калуда Димитріу и полуверсты не

будетъ, а извозчикъ колесилъ по закоулкамъ и окраинамъ города нарочно для того, чтобы имѣть предлогъ содрать съ меня побольше. И дѣйствительно, едва я, сосупя съ подножки, даю ему по таксѣ одинъ леу (франкъ), какъ онъ вломился въ претензію и нагло потребовалъ два цѣловыхъ, доказывая, что онъ меня возилъ столько времени.

— Ситю изъ нимъ гаварить! Дайте ему уфъ шея!—настоячиво рекомендовалъ мнѣ жидокъ-факторъ, но я, строго памятуя о внушенной намъ необходимости вѣжливаго обхожденія съ нашими союзниками-румынами, не послѣдовалъ его благоразумному совѣту и поднялся наверхъ. Извозчикъ неоступно слѣдуетъ за мною и тономъ несправедливо-обиженного человѣка громко вопіетъ на всю гостиницу, требуя немедленной уплаты двухъ цѣловыхъ. На этотъ шумъ вышелъ хозяинъ гостиницы, который, къ счастью, оказался говорящимъ немного по-французски. Выслушалъ онъ извозчика, излагавшаго свою обиду съ приторнымъ завывающимъ плачемъ и съ жалостливой grimasой на куксившемся лицѣ, выслушалъ затѣмъ и мое объясненіе, и чуть лишь узналъ, что мнѣ нужна комната, не по отводу, а за плату, какъ тотчасъ же предупредительно заявилъ мнѣ насчетъ извозчика.

— Не беспокойтесь и не трудитесь платить ему; я это устрою, я его сейчасъ урезую.

И затѣмъ проболтавъ ему что-то по румынски, направилъ его внизъ къ буфету. Извозчикъ удалился безпрекословно.

Комната, указанная мнѣ подъ именемъ «лучшей», блистала только отрицательными качествами: не длинна, не широка (шесть шаговъ вдоль и пять поперекъ), не свѣтла, не чиста, не удобна и вдобавокъ съ какимъ-то специфическимъ затѣмъ и кислымъ запахомъ. Все убранство ея состояло изъ деревянной кровати со слежавшимся тюфякомъ весьма подозрительной опрятности, безъ бѣлья и подушекъ, затѣмъ изъ ломбернаго стола и двухъ плетеныхъ стульевъ. Но все же это лучше, чѣмъ у Калуда Димитріу. Спрашиваю, какая цѣна этому номеру?

— Десять франковъ въ сутки,—объявляетъ мнѣ хозяинъ, съ самой любезной, предупредительной улыбкой.

Я такъ и ахнулъ. Вѣдь это 300 франковъ въ мѣсяцъ, а на наши кредитки около 120-ти рублей, за такую мерзость!

— Какъ угодно, но лучше и дешевле вы нигдѣ не найдете,—можете убѣдиться на опытъ,—вѣжливо-сухимъ тономъ заявилъ мнѣ хозяинъ.

Я попытался-было объяснить ему, что такая цѣна еще куда бы ни шла, если бы мнѣ понадобилась комната только на одни сутки, но такъ какъ я располагаю остаться здѣсь все время, пока главная квартира будетъ нахо-

даться въ Плоештахъ, то не безразсечно было бы ему уступить ее и подешевле. Но хозяинъ уперся на своемъ.

— *Raz un sou!* (Ня одной копейки!)—объявилъ онъ самымъ рѣшительнымъ, не допускающимъ возраженія тономъ, и затѣмъ, напустивъ на себя видъ благороднаго достоинства, прибавилъ: — не думайте, *monsieur*, чтобы я набавилъ вамъ хотя одинъ сантимъ; я румынъ и считалъ бы это безчестнымъ по отношенію къ нашимъ гостямъ и сожителямъ, къ доблестной и либеральной арміи освободителей.

При послѣднихъ словахъ я невольно-расхотался. Но, въ концѣ концовъ, пришлось согласиться и на 10 франковъ, пока до прискаканія болѣе удобнаго и дешеваго помѣщенія, потому что комнаты по гостиницамъ разбѣгались въ этотъ день на расхватъ и офицерами, и чиновниками, и корреспондентами, и агентами; пока я переговаривался съ хозяиномъ, на стеклянной галлерей (она же и корридоръ) дожидалось уже трое алчущихъ и жаждущихъ пріюта. Надо было торопиться захватить, что есть, буде не желаешь очутиться къ ночи съ чемоданами на улицѣ.

Пославъ еврейчика-фактора къ Калуда Димитріу за денщикомъ и вещами, я спустился внизъ во дворъ, половина котораго была занята огороженнымъ садикомъ, гдѣ помѣщалась въ особомъ свѣтломъ павильонѣ общая столовая. Здѣсь я встрѣтился съ однимъ знакомымъ. Бѣсъ намъ обоимъ хотѣлось ужасно, потому что со вчерашняго вечера, отъ самаго Бакеу, у насъ во рту не было ни крошки хлѣба, ни глотка чаю.

Мудреное дѣло разбирать порціонныя карточки, писанныя по-румынски и вдобавокъ безграмотно. Хотя убей, ничего не понимаемъ! Является на выручку кельнеръ, толстенный приземистый нѣмецъ, съ брюшкомъ, изъ пивабскихъ уроженцевъ.

— Порцію телячьихъ котлетъ и порцію ростбифу, а пока—поскорѣе по рюмкѣ водки и закусить что-нибудь.

Кельнеръ, съ грязной салфеткой въ рукѣ, вилы толстыми бедрами, бѣжитъ на кухню, но черезъ пять минутъ возвращается съ извѣняющимся видомъ и не безъ прискорбіи объявляетъ, что нѣтъ ни котлетъ, ни ростбифовой говядины, потому что сегодня никакъ не ожидали столь достопочтенныхъ гостей, а заурядъ держать такіе продукты здѣсь не въ обычаѣ, потому что спроса на нихъ у мѣстной публики почти вовсе не существуетъ, на базаръ же посылать теперь — пройдетъ слишкомъ много времени.

— Что же у васъ есть, наконецъ?

— Все что прикажете; сообразовайте брать по карточкѣ.

Порѣшили на томъ, чтобы онъ далъ чего

самъ знаетъ, что есть изъ готового, только поскорѣе. Это даже было интересно попробовать національной румынской кухни.

Но вотъ, несетъ мальчикъ закуску. Что же это, однако? — Розовое варенье на блюдечкѣ, два стакана воды и двѣ рюмки вишней сладкой мастины. Съ этимъ послѣднимъ наниткомъ мы уже ознакомились вчера на дорогѣ и изъ сего горькаго опыта узнали, что проглотить мастику безъ отвращенія невозможно — по крайней мѣрѣ, съ непривычки. Опять приходится вѣяться за кельнера и объяснять ему, чего намъ надобно. Ничего; повидимому, понялъ — и вотъ, нѣсколько времени спустя, опять бѣжитъ мальчуганъ изъ буфета. Но послѣднее горнило перваго! Подносить онъ вдругъ по рюмкѣ ванильнаго ликеру и двѣ шоколадники на закуску. При нашемъ голодѣ это было слишкомъ досадно и потому понятно, что его послали къ чорту. Пришлось съѣсть за завтракъ безъ водки, ибо здѣсь о ней, повидимому, и понятія не имѣютъ.

— Нѣтъ ли хоть коньяку и куска сыру, по крайней мѣрѣ?

— *Ja wohl, gnaedige Herren!* есть и то и другое.

Слава Богу, наконецъ-то хоть что-нибудь путное нашлось! Но что это за сыръ принесли намъ! Кельнеръ объяснилъ, что это самый лучший здѣшній сыръ изъ овечьяго молока, называется *качкавалъ* и производится въ мѣстечкѣ Пентилло, гдѣ находится «знаменитое» сыворотко-лечебное заведеніе. Съ виду онъ однако не особенно привлекателенъ: на кусокъ сыраго мыла похожъ. Впрочемъ, рѣшились попробовать, но — увы! это оказалось Богъ знаетъ что такое: вкусу никакого, — замазку напоминаетъ, ѣсть невозможно, а кромѣ качкавала, тутъ ни голландскаго, ни швейцарскаго сыра, ни пармезана, ни даже пресловутой «брынзы» модавской не оказалось. Наконецъ, принесли намъ въ маленькихъ лоханочкахъ какую-то тепловатую жидкую, заправленную молокомъ или сметаной бурду, въ родѣ супа. Попробовали, — кислятина такая, что весь ротъ свело. Оказалось, что это румынская «чорба», приготовляемая... на укусу. Полулитръ укуса на два литра кипяченой воды или бульона, какъ пояснилъ намъ кельнеръ. Приказали унести прочь и давать слѣдующее блюдо, которое — опять же по объясненію кельнера — называется «сармали» и составляетъ одно изъ любимѣйшихъ кушаній румыновъ. Это то же, что малороссійскіе «голубцы», т. е. фаршированная говядина съ рисомъ, плотно обернутая, вмѣсто капустныхъ, виноградными листьями, и хотя «сармали» тоже оказались со значительною примѣсью укуса, но ѣсть ихъ, по крайней мѣрѣ, возможно, особенно съ голодухи. Впрочемъ, порціи были, что называется, весьма микро-

скопичны. Послѣ «сармалы» подали намъ «дуртъ»—одно изъ наиболѣ любимыхъ лакомствъ румынскихъ гурмановъ. Это кусокъ сгущенныхъ сливокъ, доведенныхъ до значительно болѣе плотности, чѣмъ обыкновенное коровье масло. Оно, пожалуй, и вкусно, но уже черезчуръ жирно и прѣсно—приторно, такъ что его можно только попробовать ложечку, другую, но отнюдь не найдаться, какъ дѣлаютъ это румыны. На томъ нашъ завтракъ и кончился. Спросили счетъ,—и вдругъ оказывается, что за все это удовольствіе, съ присовокупленіемъ бутылки пива, приходится платить 14 франковъ и 10 банъ (сантимовъ), причемъ наша рублевая бумажка принимается только за 2 фр. 50 сантимовъ. Дали ужъ всё 15, вмѣстѣ съ «на-водкой», чтобыла на насъ не оставалось. И такъ, считая на бумажки,—шесть рублей, за скуднѣйшій и мерзвѣйшій завтракъ,—это у Бореля и Дюссо, даже прихотничая, пожалуй, дешевле обойдется. Судя по такому началу, «доблестной арміи либеральныхъ освободителей» придется сильно пооблегчить, если даже не совсѣмъ «освободить» свои карманы у ея «друзей и союзниковъ».

— Виноватъ, *gnädiger Herr!* — какъ бы спохватясь и извиняясь, обратился вдругъ ко мнѣ толстенькій кельеръ,—съ васъ слѣдуетъ дополучить еще восемь франковъ.

— За что это?—удивился я.

— За извозчика, чѣмъ привезъ васъ сюда; хозяинъ съ нимъ рассчитался и приказалъ мнѣ получить съ вашей милости.

— Нѣтъ сомнѣній,—домекнулся мой застольный товарищъ, —что этотъ «благородный другъ и союзникъ» далъ извозчику не болѣе одного, а много-много если два франка, и тотъ, конечно, остался этимъ вполне доволенъ; остальное же «другъ и союзникъ» заблагоразсудитъ взыскать съ васъ въ собственную пользу.

Такое предположеніе, судя по всему, не заключало въ себѣ ничего невѣроятнаго. Я безпрекосно заплатилъ восемь франковъ, но, наученный опытомъ, рѣшилъ себѣ избѣгать на будущее время предупредительныхъ услугъ и одолженій со стороны «друзей и союзниковъ».

Въ первую же ночь я позналъ, что новое жилище мое не просто гостиничная квартира, но «квартира съ удовольствіемъ и развлеченіями». Едва улегся я спать, какъ на меня напала дѣлая армія насѣкомыхъ, между которыми подвизались и летучая кавалерія, и тяжелая инфантерія, задавшія мнѣ такое генеральное сраженіе, что я, при всей невзыскательности походнаго человѣка, рѣшилъ употребить на слѣдующую ночь противъ этой арміи взаимныхъ «друзей и союзниковъ» самыя радикальныя и безпощадныя мѣры, въ видѣ дѣлаго фунта персидской ромашки. На томъ и кончилось «удовольствіе» моей кварти-

ры, но зато «развлеченія» ея неотступно преслѣдовали меня до такой степени, что послѣ нѣсколькихъ дней пытки пришлось просто бѣжать, и хорошо еще, что на мое счастье напелся свободный уголокъ въ квартирѣ у моихъ сослуживцевъ, на «страда францеа», гдѣ меня и пріютили. Представьте себѣ, что, начиная съ пяти часовъ пополудни и до четырехъ-ночи, въ саду «Молдавіи» и въ сосѣднемъ съ нею садикѣ «Болгарской гостиницы», безъ устали и почти безъ перерыва раздаются взвизгиванія, свисты, нытье и завыванье то цыганской музыки, то нѣмецкихъ «арфистокъ», поощряемыя шумными «браво», «bis» и неистовыми аплодисментами многочисленной и не совсѣмъ-то трезвой публики. Ни спать, ни работать! И это изо-дня-въ-день, изъ-ночи-въ-ночь—непрерывно, назойливо и неизбежно, какъ нѣчто роковое. Господа! какъ возблагодарилъ я Провидѣніе, когда наконецъ избавился отъ этого музыкальнаго Содома!

XX.

О корреспондентахъ и художникахъ.

Корреспондентскій знакъ.—Условія допущенія корреспондентовъ и художниковъ въ армію.—Рекомендація осторожности съ ними.—Ихъ на-личный составъ.

Плюешты, 5-го мая.

Его высочество главнокомандующій призналъ возможнымъ допустить корреспондентовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, сопровождать армію во время войны, но при этомъ, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній, велѣно принять къ руководству относительно корреспондентовъ слѣдующія основанія.

Если начальники отрядовъ, по ихъ военнымъ соображеніямъ и по положенію того или другого отряда, признаютъ возможнымъ допустить у себя присутствіе корреспондентовъ, то изъ нихъ могутъ быть допускаемы только тѣ, которые будутъ имѣть на лѣвомъ рукавѣ особый наружный знакъ, а именно: круглую бляху изъ листовой мѣди, съ выбитымъ на ней орломъ, номеромъ, надписью «корреспондентъ» и съ печатью полевого комендантскаго управленія арміи⁴⁾; во-вторыхъ, они обязаны

⁴⁾ Приказомъ главнокомандующаго отъ 7-го іюня 1877 г. за № 131, этотъ знакъ замѣненъ шелковой трехцвѣтной (государственныхъ цвѣтовъ: чернаго, желтаго и бѣлаго) наруканной повязкой, на красномъ суконномъ подбоѣ. На повязкѣ вышиты: серебромъ—двуглавый орелъ и вокругъ него полукружіемъ надпись «корреспондентъ»; подъ ней золотомъ—тотъ номеръ, подъ которымъ корреспондентъ занесенъ въ общій списокъ. Каждая повязка необходимо снабжалась, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, мастичной печатью полевого штаба или полевого комендантскаго управленія, безъ чего повязка не имѣла значенія.

имѣть при себѣ свой фотографическій портретъ, снабженный на оборотной сторонѣ письменнымъ удостовѣреніемъ личности корреспондента, за печатью полевого комендантскаго управления арміи.

Присутствіе при войскахъ лицъ, не имѣющихъ при себѣ оныхъ этихъ знаковъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ терпимо, равно какъ не вѣлно придавать никакого удостовѣряющаго значенія одной бляхѣ, безъ предъявленія засвидѣтельствованнаго фотографическаго портрета.

Всѣмъ вообще начальствующимъ лицамъ предписано слѣдить за корреспондентами и, въ случаѣ какихъ-либо подозрительныхъ дѣйствій и сношеній, а тѣмъ болѣе въ случаѣ попытокъ перебраться на непріятельскую сторону, препровождать ихъ въ штабъ арміи, съ объясненіемъ причинъ задержанія.

Свобода корреспондентовъ въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто не будетъ стѣсняема; но въ этихъ случаяхъ отъ нихъ необходимо потребуются, чтобы они увѣдомляли о каждой перемѣнѣ своего мѣстопробыванія и доносили записками въ штабъ арміи о томъ, кто, куда и когда отправился.

Всѣмъ вообще чинамъ арміи, а въ особенности тѣмъ лицамъ, у которыхъ въ рукахъ сосредоточиваются какія-либо свѣдѣнія, внутренне рекомендовано, въ случаѣ бесѣды съ корреспондентами, соблюдать вообще осторожность и *относительно не сообщать имъ никакихъ свѣдѣній* о составѣ, численности, направленіи и цѣли движенія колоннъ и о расположеніи частей войскъ ¹⁾.

До сихъ поръ изъ числа корреспондентовъ русскихъ газетъ прибыли только: Н. Максимовъ, отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (находится пока въ Кишиневѣ) и г. Каразинъ, отъ «Новаго Времени» (проживаетъ въ Галацѣ);

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, корреспонденты несочувствующихъ намъ газетъ, какъ напр. „Standard“, „Neue Freie Presse“, „Kölnische Zeitung“ и проч. вѣрдо сообщали своимъ редакціямъ свѣдѣнія подобнаго характера, что послужило даже причиной высылки одного изъ нихъ (г. Войля) изъ дѣйствующей арміи. И замѣчательно, что эти свѣдѣнія сообщались не столько корреспондентами, слѣдовавшими при отрядахъ, сколько тѣмъ, которые проживали въ тылу арміи, гдѣ нибудь въ Зимницѣ, Букарестѣ или въ Яссахъ. Для добыванія подобныхъ свѣдѣній вовсе не нужно было обращаться къ чинамъ арміи, которые къ тому же и рѣдко знали что-либо выходящее изъ непосредственнаго тѣснаго круга ихъ занятій; достаточно было обратиться почти къ любому агенту г-дъ Грегера, Горвица и Когана, чтобы получить, въ особенности при посредствѣ всемогущаго полуперіала, данныя обо всемъ, что хотѣлось знать. Конечно эти свѣдѣнія не всегда отличались безусловной точностью и достоверностью, но зато они всегда соответствовали тенденціямъ означенныхъ выше органовъ печати, основываясь болѣе или менѣе на дѣйствительныхъ фактахъ.

изъ иностранныхъ же слѣдовали въ пассажирскомъ поѣздѣ изъ Кишинева за границу, одновременно съ его высочествомъ главнокомандующимъ, г. Макъ-Гаханъ, отъ газеты «Daily News», и г. Иванъ де-Вестинъ (Iwan de-Westinne), отъ «Figaro» ¹⁾.

¹⁾ Въ теченіе мая мѣсяца появлялось въ Плоешты множество корреспондентовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, но всѣ они, за исключеніемъ очень и очень немногихъ, постепенно исчезали изъ района военныхъ дѣйствій, предпочитая удобства городской жизни лишніямъ и невгодамъ бивуачнаго боевого существованія. Сколько мнѣ извѣстно, до конца кампании выдержали только гг. Немировичъ-Данченко, А. Ивановъ, кн. Шаховской и Макъ-Гаханъ. Г-нъ Н. Максимовъ не могъ продолжать своей дѣятельности, потому что былъ раненъ 30-го августа подъ Плевной. При этомъ, нельзя не выразить искренняго пожеланія, чтобы въ слѣдующей войнѣ (буде таковая намъ предстоитъ) нашимъ русскимъ корреспондентамъ оказывалась со стороны полевого штаба если ужъ не большая, то хотя бы равная степень вниманія съ корреспондентами газетъ иностранныхъ. Опытъ нынѣшней войны, къ сожалѣнію, убѣждаетъ, что иностранные корреспонденты (какъ напр. г-да Форбсъ, Макъ-Гаханъ, Дикъ-де-Лоне, корреспондентъ „Times“ (имени не помню), и даже пресловутый Иванъ де-Вестинъ, предпочтительно предъ своими, русскими, имѣли довольно легкій доступъ къ высокостоящимъ лицамъ, и эти послѣдніе съ очень любезной предупредительностью сообщали имъ вѣрдо весьма важныя свѣдѣнія, о которыхъ русское общество, до коюго эти свѣдѣнія касались наиболее близкимъ, кровнымъ образомъ, узнавало, помимо своихъ русскихъ корреспондентовъ, лишь изъ иностранныхъ и преимущественно англійскихъ газетъ. Такимъ предпочтительнымъ вниманіемъ пользовались покойный Макъ-Гаханъ и корреспондентъ „Times“ (не полковникъ Гавелокъ, а вышеупомянутый, имени котораго не помню). Слова эти, для высшихъ соображеній, быть можетъ, и очень важно, чтобы иностранная публика и дипломаты имѣли возможность своевременно и въ должномъ свѣтѣ узнавать то, что намъ хочется чтобы онѣ знали; но такая предупредительность относительно иностранцевъ не исключаетъ нѣкотораго вниманія и къ своему русскому обществу, для котораго официальныя телеграммы не всегда могли служить совершенно удовлетворяющимъ и окончательнымъ источникомъ. Говоря это, я имѣю въ виду въ особенности адрианопольскіе и санъ-стефанскіе переговоры о перемиріи и мирѣ, свѣдѣнія о которыхъ русское общество почерпало изъ „Times“ и „Daily News“, тогда какъ и въ Адрианополѣ, и въ Санъ-Стефанѣ въ то время находилось нѣсколько русскихъ корреспондентовъ, окончательно и всецѣло не посвящаемыхъ въ ходъ переговоровъ. Если намъ возражать, что иностранные корреспонденты могли узнавать нужныя имъ свѣдѣнія отъ турецкихъ уполномоченныхъ—что однако же будетъ не совсемъ такъ,—то отчего же русскіе корреспонденты были лишены возможности имѣть такіа же свѣдѣнія отъ уполномоченныхъ русскихъ. Могутъ возразить еще, что предпочтительная любезность штаба и дипломатовъ клонилась въ пользу иностранныхъ корреспондентовъ потому, что англійскія газеты усилывали облетѣть Россію ранѣе, чѣмъ русская корреспонденція могла достигнуть до мѣста назначенія, но... въ этомъ послѣднемъ случаѣ,

Изъ числа русскихъ художниковъ при дѣйствующей арміи находятся пока двое: Е. К. Макаровъ, состоящій непосредственно при особѣ его высочества, и В. В. Верещагинъ, составившій себѣ почетную извѣстность два года назадъ большой выставкой своихъ картинъ изъ средне-азиатской русской и туземной жизни ¹⁾.

XXI.

Болгарское знамя.

Болгарская депутация въ Плоештахъ. — Приготовленія къ торжеству въ болгарскомъ лагерѣ. — Болгарское духовенство. — Цело Петковъ, болгарскій воевода. — Представители города Самары. — Описание знамени, его прибавка и освященіе. — Добрая примѣта. — Слова великаго князя къ болгарскимъ дружинамъ. — Впечатлѣніе этого торжества на присутствовавшихъ болгаръ.

Плоешты, 6-го мая.

2-го мая, въ день пріѣзда великаго князя главнокомандующаго въ Плоешты, его высочеству представлялась депутация отъ мѣстныхъ почетныхъ жителей болгаръ: Тодора Демянова, Панаѣста Жекова, Тони Атанасова и проч. Поднеся его высочеству, по славянскому обычаю, хлѣбъ-соль, старшій представитель депутаціи произнесъ слѣдующія слова: «Ваше высочество! Прими хлѣбъ и соль отъ здѣшняго болгарскаго общества, которое имѣетъ честь привѣтствовать твой пріѣздъ. Всѣ болгары съ нетерпѣніемъ и любовью ждутъ ваше высочество въ Болгаріи, какъ избавителя отъ позорнаго турецкаго рабства».

Великій князь главнокомандующій удостоилъ

званія уже никакъ не лежитъ на русскихъ корреспондентахъ, которые для отсылки своихъ писемъ могли пользоваться (по крайней мѣрѣ, до прибытія штаба въ Санъ Стефано) исключительно лишь услугами полевой почты.

¹⁾ Впослѣдствіи, а именно въ іюль мѣсяцѣ 1877 г., пріѣхали еще двое художниковъ: г-да П. Соколовъ и Бугкевичъ, изъ коихъ послѣдній набросалъ нѣсколько эскизовъ, ландшафтовъ, сценъ и портретовъ подъ Плевной и на Шипкѣ, а изъ баталистовъ нашихъ находился, въ отрядѣ великаго князя Владимира Александровича, г. Ковалевскій. Но вообще говоря, художниковъ у насъ было очень немного, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что война 1877—1878 годовъ могла бы представить для нихъ дѣятельности массу прекраснѣйшаго матеріала, какъ въ пейзажѣ, такъ и въ бытовомъ и военномъ жанрѣ. В. В. Верещагинъ, вылечившись отъ своей раны, полученной при атакѣ турецкаго броненосца на Дунай, возвратился къ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ ея предпріятіяхъ до самаго конца кампаніи, отличаясь въ передовомъ кавалерійскомъ отрядѣ генерала Струкова не только какъ художникъ, но и какъ волонтеръ, не рѣдко исполнявшій обязанности офицера генеральнаго штаба. Братъ его С. В. Верещагинъ, тоже художникъ, убитъ подъ Плевной 30-го августа, гдѣ онъ добровольно принялъ на себя обязанности ординарца при генералѣ Скобелевѣ 2-мъ.

депутацію слѣдующимъ отвѣтомъ: «Надѣюсь, съ помощью Божьей, скоро сдѣлать все необходимое для счастья Болгаринъ».

Затѣмъ всѣ болгары въ одинъ голосъ воскликнули: «Да живій царь Александръ и ваше высочество на многая и многая лѣта».

Сегодня, 6-го мая, происходило торжество прибавки знамени, присланнаго болгарскимъ дружинамъ отъ города Самары.

Болгарское ополченіе расположено лагеремъ въ полутора верстахъ отъ Плоештовъ. 25-го апрѣля изъ Кишинева отправились сюда двѣ дружины, а на сегодняшнемъ торжествѣ участвовало ихъ уже шесть.

Въ началѣ второго часа, въ виду лагеря показался въ открытомъ экипажѣ главнокомандующій, съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, окруженный конвоемъ терскихъ казаковъ. Далѣе слѣдовала свита, частію въ экипажахъ, частію верхами. Генералъ Столѣтовъ, командующій, на правахъ начальника отдѣльной дивизіи, шесть болгарскими дружинами, встрѣтилъ главнокомандующаго верхомъ, на границѣ лагернаго поля, и подавъ строевой рапортъ.

Прибывъ къ лагерному мѣсту, великій князь обошелъ всѣ дружины, выстроенныя во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ, и здоровался съ каждой отдѣльно, при привѣтственныхъ крикахъ «ура».

Посреди лагерной промежуточной площадки стоялъ большой столъ, покрытый церковными пеленами. На одной части его помѣщались: св. евангеліе, крестъ, походные дружинные образа и чаша со святой водой, а на другой распростерто было полотнище знамени и лежали лянты съ древкомъ. Тутъ же, въ облаченіи, присутствовало болгарское духовенство: архимандритъ Амфилогій, сопровождавшій дружины въ походъ изъ Кишинева и назначенный нынѣ къ нимъ въ качествѣ дивизионнаго благочиннаго, и священникъ, отецъ Петко Драгановъ ¹⁾, изъ окрестностей Тырнова, принимавшій участіе въ защитѣ Дряновской обители противъ турецкихъ войскъ въ 1876 году, а нынѣ состоящій дружиннымъ священникомъ 1-й болгарской бригады.

Покончивъ обходъ батальоновъ, его высочество приказалъ барабанщику ударить бой «на молитву» и приблизился къ столу, на которомъ лежало знамя; батальоны, по командѣ, взяли ружья на молитву и сняли шапки. Изъ строя былъ вызванъ впередъ, къ столу, унтеръ-офицеръ, назначенный знаменщикомъ. Началось священнодѣйствіе, установленное церковнымъ чиномъ для освященія знаменъ и штандартовъ. Съ одной стороны стояли батальоны, а съ другой — длинный рядъ вы-

¹⁾ Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ восьми болгаръ, защищавшихъ Дряновскій монастырь.

строенныхъ въ нѣсколько шеренгъ болгарь-охотниковъ, пришедшихъ сюда записаться въ дружины. Мѣсто священнодѣйствія было окружаемо, кромѣ сваты главкомадующаго и всѣхъ дружинныхъ офицеровъ, еще и болгарской депутаціей и многочисленнымъ собраніемъ мужчинъ и женщинъ мѣстнаго болгарскаго общества. Въ числѣ присутствовавшихъ находился извѣстный воевода Цeko Петковъ, начиная съ дѣтства и до сего времени участникъ всѣхъ болгарскихъ возстаній. Уже 32 года ведетъ онъ самостоятельно непрестанную войну съ турками въ балканскихъ трупобахъ, являясь со своей «чѣтой» мстителемъ за всякое насиліе его соотчичамъ. У него на тѣлѣ 28 ранъ; однажды онъ попался въ руки туркамъ и былъ брошенъ въ подземную тюрьму, гдѣ провѣлъ два года въ цѣпяхъ и въ желѣзномъ ошейникѣ, прикованный къ стѣнѣ. Другая вѣсели за него мѣстному вали значительный выкупъ, что и дало Петкову возможность якобы тайно бѣжать изъ тюрьмы. Вообще, жизнь этого человека полна романтическихъ приключеній и борьбы за народное дѣло. Въ войну 1876 года онъ, съ набранными имъ четами, сражался въ Сербіи. На видъ—это старикъ весьма воинственной наружности, очень еще бодрый, крѣпкій, съ чрезвычайно мужественнымъ и энергическимъ лицомъ, изборозженнымъ шрамами отъ ранъ, которыхъ на одномъ затылкѣ у него нѣсколько отъ желѣзнаго ошейника. Почувявъ, что въ средѣ русской арміи формируются дружины его соотчичей, «балканскій орелъ», какъ называютъ его болгары, не выдержалъ и спѣшно прилетѣлъ къ нимъ изъ-за Дуная.

Тутъ же присутствовали и уполномоченные отъ города Самары: городской голова Кожевниковъ и гласный думы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алабянъ, доставившіе знамя въ Пасеншты.

Знамя это представляетъ собой широкое, квадратной кройки полотнище, раздѣленное по горизонтальному направленію на три цвѣтныя полосы: бѣлую, пунцовую и синюю, съ таковыми же къ оному лентами. Посреди полотнища—черный крестъ, разукрашенный золотыми арабесками; посреди креста: съ одной стороны знамени образъ Иверской Богоматери, а съ другой—изображеніе болгарскихъ святителей Кирилла и Мееодія. На пунцовой лентѣ—шитая золотомъ надпись: «Болгарскому народу». Древко черное, съ позолоченной скобкой, украшенное серебрянымъ, вызолоченнымъ съ чернію коніемъ въ древне-русскомъ стилѣ; на скобѣ надпись: «Болгарскому народу городъ Самара 1876 года». Знамя это приготовлено было для возставшихъ болгаръ еще въ прошломъ году, но съ подавленіемъ возстанія извѣстной рѣзней не было послано по назначенію до сего времени, когда явилась возмож-

ность передать его въ правильно организованное болгарское ополченіе.

Когда среди священнодѣйствія наступило время прибитія полотнища къ древку, самарскій голова Кожевниковъ подалъ на блюдѣ его высочеству молотокъ и гвозди. Трижды осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, великій князь главкомадующій изволилъ прибить первые три гвоздя: сверху, по среднѣ и въ нижнемъ концѣ полотнища, и затѣмъ передалъ молотокъ своему августѣйшему сыну. Послѣ его высочества Николая Николаевича Младшаго прибывали послѣдовательно, каждый по одному гвоздю: главный начальникъ всѣхъ болгарскихъ ополченій¹⁾, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, за нимъ начальникъ сформированнаго, и нынѣ формируемаго ополченія, генералъ-майоръ Столѣтовъ, потомъ бригадные и дружинные командиры и начальникъ болгарскаго штаба, вслѣдъ за которымъ великій князь подозвалъ воеводу Цeko Петкова и вручилъ ему молотокъ. Воевода перекрестился и, вколавшая, произнесъ: «Дай Боже, въ часть добрый! Да поможетъ Русскій Богъ счастливо намъ кончить вѣкова-то дѣло!» За Петковымъ вбили по гвоздю уполномоченные города Самары, священники—отцы Амфилогій и Петко, председатель кишиневскаго болгарскаго общества И. С. Ивановъ, старшина мѣстной болгарской депутаціи Іонъ Котленскій, которому его высочество при этомъ сказалъ: «Дай Богъ поскорѣе кончить въ вашу пользу!» За симъ вбивали гвозди болгары-охотники, по одному человеку отъ каждой дружины, и наконецъ послѣдній гвоздь вколотила знаменщикъ—3-й дружины унтеръ-офицеръ Антонъ Марченко.

Послѣ этого его высочество главкомадующій, бантомъ навязавъ ленты на знамя, поднялъ его со стола и передалъ генералу Столѣтову, опустившемуся, для принятія знамени, на колѣни, что слѣдуетъ по нашему уставу, и остававшемуся колѣнопреклоненнымъ все время, пока архимандритъ Амфилогій читалъ надъ полуопущеннымъ знаменемъ побѣдоносную молитву и окропилъ его святой водой. По окончаніи этого обряда, его высочество, принявъ отъ генерала Столѣтова знамя, самолично вручилъ его знаменщику.

На востокѣ собирались на небѣ грозовыя тучи, и въ тотъ самый моментъ какъ поднятое великимъ княземъ только-что освященное знамя распахнулось и зашумѣло въ воздухѣ своимъ полотнищемъ, на темно-синевомъ горизонтѣ залучисто блеснула вдругъ молнія и грянулъ раскатъ перваго грома, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же прыснулъ легкій дождикъ.—«Доброе начало! Добрая примѣта: это къ болгарскому счастью кропить теперь Божій

¹⁾ На правахъ командира нестѣльнаго корпуса.

дождь наше знамя!» замѣчали многіе болгары и, крестясь, поздравляли другъ друга.

Вѣрно было ударить «отбой». Батальоны накрывали головы, вѣдя ружья «на плечо», потомъ «на краулъ» — и знамя, при общихъ крикахъ «ура» и грохотѣ барабановъ, бившихъ ему «походъ», предшествуемое батальоннымъ адъютантомъ, торжественно было отнесено къ дружинамъ, во фронтъ 3-го батальона.

— Поздравляю васъ, ребята, со знаменемъ! — обратился къ дружинамъ главнокомандующій. — Надѣюсь, что вы молодцами подъ нимъ послужите и выручите своихъ братьевъ изъ подъ турецкой неволи!

Слова эти встрѣчены были всеобщимъ восторженнымъ кликомъ войска и присутствовавшего болгарскаго народа.

Послѣ этого дружины, во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ, были пропущены мимо главнокомандующаго церемональнымъ маршемъ, и торжество окончилось. Оно имѣло въ особенности большое нравственное значеніе для присутствовавшихъ болгаръ; одинъ изъ нихъ, сѣдоусый старикъ, со слезами умиленія на глазахъ, взволнованнымъ голосомъ говорилъ собравшейся вокругъ него толпѣ соотечичей: «Это знамя — залогъ нашей свободы! Четыреста лѣтъ вотще ожидалъ его народъ болгарскій, и теперь намъ его вручаетъ великодушная мать — Россія!»

XXII.

Болгарскій обѣдъ.

Райчо Николовъ и его прошлое. — Воззваніе его къ братьямъ-болгарамъ. — Объединенные тосты. — Рѣчь г. Алабина. — Адресъ болгаръ Самарскимъ уполномоченнымъ.

Плоешты, 7-го мая.

Сегодня, въ четыре часа пополудни, представители мѣстнаго болгарскаго общества давали въ русско-болгарскомъ отелѣ обѣдъ депутатамъ города Самары и офицерамъ болгарскихъ дружинъ, съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ. Въ числѣ приглашенныхъ находился и капитанъ 56-го пѣхотнаго Житомирскаго полка (14-й дивизіи) Райчо Николовъ, тотъ самый, который, будучи еще 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, 22-го юніа 1854 года переплылъ Дунай и доставилъ нашимъ войскамъ важныя свѣдѣнія о противникѣ. За этотъ подвигъ, какъ извѣстно, покойный императоръ Николай Павловичъ принялъ болгарскаго мальчика-героя на свое попеченіе и помѣстилъ его во 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ Райчо окончилъ свое образованіе и былъ выпущенъ офицеромъ въ Кекгольмскій гренадерскій императора Австрійскаго полкъ. Находясь потомъ нѣкоторое время въ отставкѣ, Райчо, въ прошломъ году, при началѣ сербско-турецкой войны уѣхалъ въ Сербію добровольцемъ, гдѣ, по на-

значенію генерала Черняева, опѣнившего его способности, организовалъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, болгарскіе батальоны и былъ назначенъ командиромъ одного изъ нихъ (батальонъ № 2-го), который подъ его командою, 16-го сентября, шелъ на штурмъ Гредетинскихъ высотъ и взялъ приступомъ турецкіе шанцы. По возвращеніи изъ Сербіи, Райчо Николовъ опять поступилъ въ русскую военную службу и былъ зачисленъ съ чиномъ капитана въ Житомирскій полкъ, расположенный въ то время въ Бессарабіи, а изъ сего полка, «чтобы не отставать (по его словамъ) отъ родного болгарскаго дѣла», просился о командированіи въ болгарское ополченіе, гдѣ и состоятъ нынѣ въ 4-ой дружинѣ командиромъ 1-й роты. Съ переходомъ нашихъ войскъ за границу, Райчо Николовъ обнародовалъ 24-го апрѣля слѣдующее воззваніе къ своимъ соотечичамъ:

«Воззваніе къ моимъ братьямъ.

«Плоешты, 24-го апрѣля 1877 года.

«Братія болгары!

«Время освобожденія нашего, давно поработеннаго, милаго отечества уже настало. Русская армія стала лагеремъ на Дунаѣ; изъ пушекъ стрѣляютъ за наше освобожденіе!

«И вотъ я опять къ вамъ! Прибылъ я въ Плоешты и привезъ съ собой присланныя Россіей пушки, ружья, военныя одежды и другія принадлежности для нашего «болгарскаго ополченія».

«Братія болгары! Вы юнаки перешли р. Тимокъ 6-го августа и р. Мораву 20-го августа; геройски сражались 16-го сентября на Гредетинскихъ горахъ, и ваши груди украшены были воинскими знаками «за храбрость»! Но теперь вы имѣете получить самую дорогую награду: «свободу *Bolgarin*».

«Я васъ знаю и вѣрю, что теперь вы не опоздаете ни одной минуты собраться опять и еще болѣе юнаки броситься, Божіей волею, на звѣрскихъ турокъ, которые безчестятъ нашихъ сестеръ и матерей, убиваютъ нашихъ отцовъ и братьевъ, сожигаютъ наши села, мѣстечки и опустошаютъ прекрасное и милое наше отечество.

«Время, братія болгары! Минута нашего освобожденія наступила! Стекайтесь голые и босые въ Плоешты, берите ружье, одѣвайтесь въ военное одѣяніе и съ *Богомъ впередъ* (напредъ)! Кто юнакъ надъ юнакомъ, пускай теперь докажетъ свое юначество на бранномъ полѣ.

«Я, вашъ братъ и товарищъ, буду съ вами въ сраженіи впереди и надѣюсь, что и вы не останетесь сзади.

«Впередъ! Впередъ!

«Вашъ другъ, капитанъ Райчо Николовъ».

«За обѣдомъ первый тостъ былъ провозглашенъ генераломъ Столѣтовымъ за здравіе государя императора Александра Николаевича и повторенъ председателемъ кшиневскаго болгарскаго общества И. С. Ивановымъ «отъ имени болгарскаго народа». Затѣмъ слѣдовали тосты за великаго князя главнокомандующаго и генераль-адъютанта Непокойчицкаго, послѣ коихъ поднялся самарскій предводитель дворянства г. Алабинъ и предложилъ бокалъ: «За болгарское ополченіе. Да созрѣетъ изъ этого цвѣтка роскошный плодъ на счастье и славу Болгаріи и Россіи». Въ отвѣтъ на это генералъ Столѣтовъ предложилъ тостъ за самарцевъ и ихъ представителей, «бывшихъ виновниками вчерашняго торжества». На это господинъ Алабинъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Не намъ, господа, принадлежить эта честь. Мы только ничтожная часть, одинъ маленький уголокъ нашей Россіи, и не мы одни сочувствуемъ вамъ, нашимъ братьямъ: она вся вмѣстѣ съ нами! Намъ же выпала только счастливая доля явиться предъ вами первыми выразителями ея всенароднаго чувства. Поэтому позвольте предложить тостъ за славу, честь и процвѣтаніе всей Россіи, которая поможетъ болгарскому народу съ бою взять его свободу, на что онъ приобрѣлъ себѣ святое право за всѣ свои многолѣтнія страданія и недавно еще пролитые ужасающіе потоки мученической крови».

Послѣ этой рѣчи самарскаго уполномоченнаго былъ поднесенъ слѣдующій адресъ отъ мѣстнаго болгарскаго общества:

«Милостивые государи.

«Болгары, присутствовавшіе 6-го мая сего года при передачѣ въ третью дружину болгарскаго ополченія посвященнаго самарскимъ обществомъ болгарскому народу знамени, считаютъ своимъ долгомъ выразить вамъ, милостивые государи, свою искреннюю признательность самарскому обществу за столь высокую честь и вниманіе его къ страждущему болгарскому народу. Принесенное вами святое знамя служить новымъ доказательствомъ того живого участія, которое русскій народъ всегда принималъ въ судьбѣ несчастной Болгаріи, ожидающей отъ русскаго народа своего освобожденія, уже начатаго волей августѣйшаго всероссійскаго монарха Александра II, естественнаго покровителя и защитника угнетенныхъ христіанъ на Востокѣ. Событіе 6-го мая въ болгарскомъ лагерѣ въ Плоештахъ, гдѣ его императорское высочество главнокомандующій дѣйствующей арміи первый соизволилъ поднять и передать знаменосу третьей дружины это знамя, останется незабвеннымъ въ памяти и исторіи болгаръ».

«Высоко цѣнимъ вниманіе самарскаго общества и покорнѣйше просимъ передать, что бол-

гарскій народъ благоговѣетъ передъ этимъ дорогимъ подаркомъ».

«Примите увѣреніе въ искреннемъ нашемъ къ вамъ почтеніи и душевной преданности». (Слѣдуютъ многочисленныя подписи).

Затѣмъ были еще предложены болгарскими членами тосты за кн. Черкаскаго, И. С. Аксакова, генерала М. Г. Черняева и всѣхъ русскихъ дѣятелей по славянскому дѣлу за вѣчное единеніе русскихъ и болгаръ и «за здоровье всего русскаго народа, приносящаго столь великія и кровавыя жертвы за свободу славянъ».

6-го мая прибыли въ нашу главную квартиру офицеры австрійской службы: полковникъ Лонейзенъ и капитанъ генеральнаго штаба Коломанъ Бола де-Чафордъ Йобава; послѣдній весьма сносно объясняется по-русски, изучивъ нашъ языкъ въ довольно непродолжительный срокъ только теоретически.

XXIII.

Минныя загражденія.

Случай съ пароходомъ „Альфредъ“, чуть было не сдѣлавшійся роковымъ.—Минныя работы 3-го и 4-го мая.—Варывы.—Наши орудія.—Спасенный турокъ.—Любопытство противника.—Теченіе Дуная.—Санитарное состояніе войскъ въ Браиловъ.—Второе болгарское знамя и проекты будущихъ знаменъ.—Молебство по случаю взятія Ардагана.—Состояніе погоды.

Плоешты, 9-го мая.

Главнначальствующій надъ брайловскимъ отрядомъ, генераль-майоръ Саловъ, въ ночь на 1-е мая, поручилъ адъютанту его высочества главнокомандующаго, полковнику Струкову, принять начальство надъ сборной ротой, составленной въ количествѣ 140 человекъ изъ 10-й линейной и 1-й стрѣлковой ротъ Якутскаго полка, и отправиться съ ней на турецкій берегъ, къ селенію Гечетъ, для прикрытія работъ по заложенію минныхъ загражденій.

Въ четыре часа утра, посадивъ означенныхъ людей на пароходъ „Альфредъ“, полковникъ Струковъ высадился съ ними въ назначенномъ пунктѣ и, чтобы не терять даромъ времени, приказалъ нѣкоторой части своей команды заняться нагрузкой каменнаго угля изъ турецкаго склада, находящагося въ количествѣ до восьми тысячъ пудовъ въ Гечетѣ.

Начавъ эту работу въ половинѣ пятаго часа, въ виду трехъ турецкихъ паровыхъ судовъ, изъ коихъ два были мониторы, команда, въ продолженіе двухъ часовъ времени, успѣла нагрузить до тысячи пудовъ угля на баржу, бывшую на буксирѣ у „Альфреда“. Убѣдившись послѣ тщательнаго осмотра мѣстности и изъ наблюденій за судами противника, что работы по заложенію минъ свободно могутъ быть начаты, пароходъ „Альфредъ“ приступилъ къ нимъ со своими шлюпками и, успѣшно окон-

чивъ заложение первого ряда, а также выждавъ пока баржа нагрузилась углемъ, забралъ на бортъ къ себѣ сборную роту и въ половинѣ седьмого часа утра отплылъ съ баржей обратно къ Браилову. Онъ успѣлъ уже выйти на середину Дуная, когда машина его вдругъ перестала дѣйствовать, и сильное теченіе понесло его внизъ по рѣкѣ—прямо на минныя загражденія.

Лейтенантъ Дубасовъ поспѣшилъ отдать якорь, но напрасно—якорь не удержалъ парохода. Видя, что «Альфредъ» находится весьма недалеко отъ загражденій и что такимъ образомъ ему грозитъ неминуемая опасность быть взорваннымъ на воздухъ, подковникъ Струковъ съ лейтенантомъ Дубасовымъ рѣшились, не теряя минуты, пересадить людей на баржу, съ тѣмъ, что три винтовые шлюпки, которыя сигналомъ потребовалъ Дубасовъ, отбуксируютъ ее къ нашему берегу. Между тѣмъ генералъ Саловъ, все время наблюдавшій съ батареи за турецкими мониторами, распорядился выслать на помощь «Альфреду» всѣ, какія только были шлюпки, которыя и успѣли подплыть къ его борту. Люди начали пересаживаться на шлюпки, какъ вдругъ, къ счастью, машина стала дѣйствовать. Причина порчи заключалась въ томъ, что шпонка тяги золотника была не на мѣстѣ. Въ восемь часовъ «Альфредъ» благополучно прибылъ къ браиловской пристани, гдѣ и снабдилъ наши пароходы углемъ, въ которомъ у нихъ, какъ говорятъ, ощущается нѣкоторый недостатокъ. Вслѣдъ за этимъ, въ Гечетъ опять были отправлены десять человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ для прикрытія работъ надъ вторымъ рядомъ минныхъ загражденій, такъ какъ опасались, чтобы не помѣшали дѣлу башибузуки, пріѣзжавшіе наканунѣ въ Гечетъ изъ Мачина. Загражденіе однако же въ тотъ день не могло быть окончено, такъ какъ избранное для сего мѣсто оказалось слишкомъ глубокимъ; но работа благополучно исполнена была впоследствии.

3-го мая, подковникъ Струковъ съ флотиліей и ротой селенгинцевъ ¹⁾ снова направленъ былъ въ Гечетъ, для прикрытія паровыхъ шлюпокъ, работавшихъ надъ торпедами въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная. Приплывъ на мѣсто назначенія, флотилія наша встрѣтила два турецкіе баркаса съ десантомъ, которые отступили. 84 человѣка селенгинскихъ стрѣлковъ, подъ командой капитана Перумова, были переправлены къ Гечету и разсыпали цѣпо по

направленію къ Мачину для прикрытія минныхъ работъ. Эта послѣдняя мѣра понадобилась потому, что наканунѣ башибузуки опять пробыли цѣлый день на мѣстности подъ Гечетомъ, но на сей разъ уже въ количествѣ до двухсотъ человѣкъ. Турецкіе мониторы, какъ видно, не ожидавшія нашего предпріятія, не приготовились къ отпору и стали поспѣшно разводить пары. Въ это время часть селенгинцевъ въ Гечетѣ, съ помощью лодокъ, разрушила стѣну съ устроенными въ ней бойницами, изъ которыхъ турки постоянно стрѣляли по нашей батарее въ все предшествовавшее время, до оставленія ими Гечета.

Начавъ погрузку минъ въ 7¹/₂ часовъ утра, въ виду двухъ мониторовъ, стоявшихъ въ разстояніи версты, моряки съ минерами къ половинѣ одиннадцатаго часа того же утра уже кончали свою работу; оставалось только провести электрическій проводникъ черезъ островъ, дабы доставить конецъ его на румынскій берегъ. Съ нашей стороны одновременно были приняты всѣ предосторожности: лодки стояли по указаннымъ мѣстамъ и люди рассчитаны по нимъ для посадки, на случай нечаяннаго нападенія. Почти при самомъ окончаніи нашей работы, одинъ изъ мониторовъ вдругъ двинулся на полныхъ парахъ противъ нашихъ рабочихъ шлюпокъ. Замѣтивъ это, генералъ Саловъ, слѣдившій за ходомъ работъ съ нашей батареи № 3, тотчасъ же поднялъ на ней бѣлый флагъ, служившій условнымъ сигналомъ, по которому люди быстро были собраны и посажены на шлюпки, отплывшія въ ту же минуту. Минная проволока была брошена, мѣсто ея погруженія намѣчено небольшимъ буйкомъ, а винтовые шлюпки, отступивъ предъ мониторомъ, благополучно вернулись въ браиловскій портъ. Однако же, спустя нѣсколько времени, онѣ отправились снова доканчивать свои работы и были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ съ мониторовъ, которые выпустили по нимъ четырнадцать, впрочемъ совершенно безвредныхъ, снарядовъ. Въ восемь часовъ вечера лейтенантъ Дубасовъ отправился поднять электрическій проводникъ, съ цѣлью провести его на берегъ, но былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами изъ-за кустовъ острова, отвѣтивъ на которые, долженъ былъ возвратиться въ портъ.

4-го мая, предъ разсвѣтомъ, пользуясь густымъ туманомъ, Дубасовъ отправился въ Мачинскій рукавъ положить второй рядъ загражденій къ чему и было приступлено въ три часа ночи, а къ восьми утра работы окончены подъ выстрѣлами съ турецкихъ мониторовъ, снаряды которыхъ весьма близко ложились около нашихъ шлюпокъ; но лейтенантъ Дубасовъ распорядился, чтобы лодки не стояли на мѣстѣ, а маневрировали въ разныхъ направленіяхъ, и благодаря этому, ни одна изъ

¹⁾ 3-я стрѣлковая рота была посажена на рыбацкія лодки подъ охраной трехъ винтовыхъ и пяти гребныхъ шлюпокъ, находившихся подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Рогули; винтовыми шлюпками командовали лейтенанты Дубасовъ, Шестаковъ и мичманъ Персиянъ. Всѣ восемь шлюпокъ предназначались для работъ по минному загражденію рѣки.

нихъ не подверглась ни малѣйшему пораженію. Для прикрытія минныхъ работъ въ Мачинскомъ рукавѣ былъ открытъ огонь съ батареи № 3-й, которая удачнымъ направленіемъ своихъ выстрѣловъ заставила отступить турецкій броненосецъ. Такимъ образомъ, въ два дня было исполнено весьма важное для насъ загражденіе Мачинскаго рукава, при замѣчательномъ спокойствіи и хладнокровной увѣренности какъ лицъ, распорядившихся работами, такъ и нижнихъ чиновъ-работниковъ, отлично исполнившихъ свое трудное и отчаянно-рискованное дѣло подъ огнемъ непріятеля.

Въ ночь на 5-е мая произошли взрывы трехъ минъ, но неизвѣстно по какой причинѣ; полагаютъ, впрочемъ, что на нихъ наткнулись плившія бревна, при чемъ гальваническая батарея у насъ оставалась заряженной. Караульная пилотка, всю ночь стоявшая въ затопленномъ островѣ, ничего не замѣтила. Когда же нашъ паровой катеръ подошелъ къ мѣсту происшествія, съ цѣлью разузнать о причинѣ взрывовъ, изъ Гечета, вновь занятаго турками, стали по немъ стрѣлять. На мѣсто попавшихъ минъ уже погружены новыя.

Изъ турецкихъ источниковъ увѣряютъ, будто дорога въ Мачинъ минирована.

Батареи наши всѣ уже готовы и вооружены. Мониторы стрѣляютъ только по работамъ, но сами стоятъ вѣхъ нашихъ выстрѣловъ.

Въ настоящее время въ Мачинскомъ рукавѣ находятся два монитора и одинъ колесный пароходъ. На нашихъ батареяхъ № 1-й и № 2-й, выше города, установлены отличныя орудія для обстрѣла фарватера рѣки вверхъ по теченію; такъ какъ калибръ этихъ орудій равняется 8,5, то по причинѣ ихъ дальности рѣшено было прибавить такихъ же орудій и къ вооруженію батарей, имѣющихъ назначеніе бить по направленію къ Мачинѣ, дабы угрожать мониторамъ съ тылу.

Плѣнный турокъ съ погибшаго корвета все болѣе и болѣе поправляется въ своемъ здоровьи; онъ лежитъ въ брайловскомъ военномъ-временномъ госпиталѣ, рядомъ съ рядовымъ, раненымъ въ ногу 26-го апрѣля, который тоже поправляется и охотно ухаживаетъ за своимъ сосѣдомъ. Турокъ этотъ, между прочимъ, показываетъ, что вверхъ по Дунаю, въ гирлахъ, есть еще пять турецкихъ мониторовъ, и что на взорванномъ корветѣ, кромѣ 219 нижнихъ чиновъ, было еще 17 человекъ офицеровъ.

Въ Брайлѣ, какъ въ самомъ бойкомъ пунктѣ по Дунаю, ни одного дня не прошло безъ ружейной перестрѣлки и обмѣна орудійными выстрѣлами, при ежесуточной усиленной работѣ днемъ и ночью, и если не было у насъ существенныхъ потерь, то этимъ мы должны быть обязаны съ одной стороны туркамъ, не направлявшимъ какъ слѣдуетъ свои орудія, а съ другой — энергическому и строго-

разсудительному дѣйствію брайловскаго военнаго начальства, которое постоянно заботилось о томъ, чтобы при быстромъ и успѣшномъ ходѣ предначертанныхъ операцій отнюдь не подвергать людей излишнимъ потерямъ.

Въ то время, когда 2-го числа пароходу «Альфредъ» угрожала страшная опасность наткнуться на наши собственные мины, турки вышли смотрѣть на предстоящую гибель парохода, и по мѣсту ея они могли бы, при свѣтѣ дня, опредѣлять линію нашихъ загражденій; но это, по счастью, намъ не удалось ни въ этотъ разъ, ни ночью при молніеобразномъ блескѣ взрыва трехъ нашихъ минъ, такъ какъ освѣщеніе отъ этихъ взрывовъ послѣдовало на одно лишь мгновеніе, а ночь была темна, какъ только она можетъ быть на югѣ, при небѣ, сплошь покрытомъ густыми облаками. Но можно съ достаточною достовѣрностью предположить, что бревна были нарочно пущены въязъ по рукаву изъ Мачина, съ цѣлью опредѣленія линіи нашихъ загражденій. Попытка эта ни къ чему не повела, благодаря тому, что на мѣсто взорванныхъ были успѣшно погружены новыя мины. Надо отдать справедливость начальству крѣпостной артиллеріи, которое для доставки на мѣсто всѣхъ матеріаловъ въ надлежащемъ видѣ сдѣлало съ своей стороны все возможное и сдѣлало хорошо и быстро. Салеры точно также приложили всѣ усилія, чтобы возвести прочныя батареи въ теченіе двухъ сутокъ, работая безъ перерыва днемъ и ночью. Всѣ требованія начальства на всѣхъ пунктахъ исполнялись безотлагательно, и такимъ образомъ Дунай въ продолженіе десяти дней былъ совершенно вооруженъ и загражденъ на пространствѣ отъ Рени до Браилова. Полю Селенгинскій и Якутскій все это время работали прекрасно, и части ихъ неоднократно подѣлуками ходили въ утлыхъ душегубкахъ на турецкій берегъ. Моряки и команда гальванеровъ, при кладкѣ минныхъ загражденій подъ выстрѣлами, вполне показали себя истинными молодцами.

Теченіе Дуная теперь весьма быстрое, благодаря особенно изобильному въ нынѣшнюю весну стоку водъ, такъ что у Рени все шоссе на дняхъ было залито водою.

Санитарное состояніе войскъ въ Брайлѣ, равно какъ и самое устройство госпитальной части, вполне удовлетворительны. Больныхъ во всемъ отрядѣ 5-го мая было только 37 человекъ и преимущественно лихорадкой.

Мѣстные румынскіе гражданскіе чины, которые вообще оказывали по разнымъ частямъ содѣйствіе брайловскому отряду, рекомендованы военнымъ начальствомъ вниманію русскаго генеральнаго консула въ Бугарестѣ.

8-го мая, въ полдень, предсѣдатель кишиневскаго болгарскаго общества, И. С. Ивановъ, имѣлъ честь представить великому князю

главнокомандующему брайловскаго болгарина Ивана Параскевова, который при этомъ поднесъ его высочеству болгарское знамя, изготовленное его дочерью, дѣвицею Стеліаню. На трехцвѣтномъ полѣ этого знамени изображенъ, вышитый золотомъ, коронованный левъ—нѣкогда гербъ царства Болгарскаго,—съ надписью надъ короною «*Блгарія*».

Подъ лвомъ слѣдующія слова: «*Съ Божіи воли и съ сила-то Славнаго Русскаго Царя Александра II, напредъ!*»

Его высочество милостиво принялъ приношеніе дѣвицы Стеліаны Параскевовой, благодарилъ ея отца и поручилъ ему передать свою благодарность и его дочери, а знамя назначилъ въ 4-ю болгарскую дружину.

При этомъ случаѣ, И. С. Ивановъ доложилъ его высочеству о желаніи болгарскихъ обществъ въ Россіи и въ Румыніи изготовить два знамени, изъ коихъ на одномъ, посвященномъ имени государя императора, будетъ изображеніе св. князя Александра Невскаго, «дабы память о священномъ имени Русскаго царя переходила изъ рода въ родъ въ потомствѣ болгаръ»,—а на другомъ знамени, которое болгары желаютъ посвятить имени его высочества главнокомандующаго, имѣетъ быть изображенъ ликъ св. Николая Чудотворца,—святаго, наиболѣе чтимаго въ Болгаріи. Его высочество изволилъ выразить, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ это посвященіе и полагаетъ, что и его императорское величество не откажетъ въ милостивомъ принятіи такового же своему августѣйшему имени.

Сегодня, 9-го мая, въ 5 часовъ пополудни, въ Плоештахъ, на полѣ за станціею желѣзной дороги, гдѣ расположена лагеремъ 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи, имѣющая здѣсь днѣвку, совершенно было, въ присутствіи его высочества главнокомандующаго, торжественное молебствіе, по случаю побѣды при Ардаганѣ.

Мѣстомъ для священнослуженія былъ избранъ находящійся впереди лагеря древній курганъ, или «могила», по мѣстному румынскому названію. Батальоны, выведенные въ церковный парадъ съ хорами музыки, окружали курганъ съ трехъ сторонъ, покоемъ. Его высочество изволилъ лично прочесть батальонамъ полученную въ главной квартирѣ телеграмму о взятіи штурмомъ войсками Кавказской арміи крѣпости Ардагана, а по окончаніи молебствія обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Ребята! Когда пушу васъ въ дѣло,—надѣюсь, и вы порадуете государя и Россію!»

Батальоны съ музыкою и долгими криками «ура» разошлись по палаткамъ.

Погода, начиная съ вечера 3-го мая, стоитъ здѣсь сырая, ненастная; каждый день безпрестанно перепадаютъ дожди; дороги не пересыхаютъ.

XXIV.

Кавалерія на Дунайскомъ побережьѣ.

Прибытіе 11-й кавалерійской дивизіи въ Брайловъ.—Встрѣча, сдѣланная ей брайловскимъ отрядомъ.—Братство между разнородными частями войскъ.—Такъ ли это было прежде?—Прибрежныя реконгоспаровки и кордоны кавалеріи.—Улавъ противъ монитора.—Граничары.—Волчій способъ угонки скота.—Бараганская степь.—Отношеніе къ намъ румынскаго крестьянства и арендаторовъ.—Мѣстечко Слободзея.—Реконгоспаровка полковника Струкова и генеральнаго штаба штабсъ-капитана Андреева на Каларашъ.—Ночныя сцены на болгарскомъ кладбищѣ.—Каларашъ.—Свѣдѣнія о туркахъ и о санитарномъ состояніи силестрійскаго гарнизона.—70 верстъ пути въ шесть часовъ времени.

Плоешты, 10-го мая.

Въ Брайловъ прибыла 3-го мая 11-я кавалерійская дивизія (начальникъ—генераль-лейтенантъ Татищевъ) и расположилась на бивуакъ за городомъ, около садика, окружающаго обелискъ въ память русскихъ воиновъ, павшихъ въ 1828 году подъ Браиловымъ. Тутъ же, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, находится лагерь Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ полковъ. Пѣхотинцы, завидѣвъ пришедшую къ нимъ кавалерію, приближали къ ней изъ лагеря и встрѣтили ее совершенно по-братски, предложили всадникамъ поддержать за нихъ лошадей, пока разбиваются коновязи, помогали въ разбивкѣ этихъ послѣднихъ, разсѣдывали коней, таскали дрова и сѣно и наконецъ добровольно отдали новоприбывшимъ товарищамъ свой ужинъ и свою чарку вина. Въ восемь часовъ вечера пріѣхалъ на бивуакъ генераль Саловъ вмѣстѣ съ полковникомъ Струковымъ. Здѣсь, въ садикѣ, что у памятника, встрѣтили ихъ начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи и командиры обоихъ пѣхотныхъ полковъ; сюда же собрались и офицеры всего отряда: кавалеристы, пѣхотинцы, артиллеристы, инженеры и моряки дунайской флотиліи и прекрасный, тихій вечеръ огласился звуками музыки и русскихъ пѣсень, раздававшихся во всѣхъ концахъ военного стана. Изъ города пріѣхали въ лагерь множество жителей и въ особенности болгаръ, городской префектъ и прочія румынскія власти, и всѣ они дивились бодрости и неутомимости русскихъ людей, готовыхъ пѣть и лихо плясать послѣ столь длинныхъ и утомительныхъ переходовъ. Во время ужина, по всему стану раздалось вдругъ общее «ура». Это были тосты за государя императора и великаго князя главнокомандующаго, выпитые солдатскими чарками, которые были радушно предложены пѣхотинцами—кавалеристамъ. На брайловскомъ бивуакѣ въ этотъ день повторялось еще разъ то же явленіе взаимнаго братства, общенія и поддержки между разнородными частями войскъ, свидѣтелями коего все болѣе и болѣе приходится

быть въ нынѣшнюю войну всѣмъ членамъ русской дѣйствующей арміи. Въ прежнія времена такія явленія бывали большою рѣдкостью, такъ какъ между кавалеріею и пѣхотою, а равно между имъ обѣими и артиллеріею существовалъ нѣкоторый антагонизмъ — антагонизмъ тѣмъ болѣе странный, что онъ не основывался ни на чемъ, кромѣ какихъ-то пустыхъ фанатерій. Начало такого прискорбнаго явленія шло, конечно, изъ офицерскихъ кружковъ, а отъ нихъ уже невольнымъ образомъ сообщалось и солдатамъ. Артиллеристы и инженеръ считали себя образованнѣе, а потому выше кавалериста и пѣхотинца; щеголь-кавалеристъ, въ свою очередь, бывши нѣкогда богаче и татоватѣе, чѣмъ въ нынѣшнія времена, тоже не сходилса со скромнымъ пѣхотнымъ офицеромъ; теперь же, подъ вліяніемъ духа времени и примѣровъ послѣднихъ войнъ, въ нашей арміи прочно установилось сознаніе, что всѣ роды войска могутъ быть нравственно сильны только при высоко-развитомъ духѣ военнаго братства, съ коимъ неразлученъ принципъ взаимной помощи и поддержки. Что касается кавалеріи, то развитіемъ въ ней такихъ убѣжденій она должна быть обязана исключительно тому направленію, которое въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ мирнаго времени неуклонно давалъ ей августѣйшій генераль-инспекторъ.

Утромъ, на другой день, кавалерійская дивизія покинула брайловскій бивуакъ и сдѣлала слишкомъ 30-ти верстный переходъ до Визиреде-Сустъ, а ея 1-я бригада проникла еще 20 верстъ далѣе — до Бертепты. При этомъ движеніи, задача 11-й дивизіи заключалась въ томъ, чтобы пройти берегомъ Дуная, захватить у румынскаго берега суда (если таковыя найдутся) и не давать непріятелю возможности сдѣлать десантъ, а для того ежедневно производить рекогносцировки въ разныхъ мѣстахъ берега и держать вдоль его постоянные развѣды. За движеніемъ частей 11-й дивизіи все время слѣдили съ рѣки турецкіе мониторы и при первой возможности открывали по нимъ огонь. Такъ, около Гура-Яломицы они бросили нѣсколько снарядовъ по 1-му эскадрону Чугуевского уланскаго имени цесаревны полка, при чемъ въ эскадронѣ была убита одна лошадь, но паденіе съ нея всадника обошлось благополучно. Когда эскадронъ уходилъ шагомъ изъ-подъ выстрѣловъ, стараясь въ то же время рекогносцировать характеръ и свойства прибрежной мѣстности, одинъ молодой уланъ сталъ просить, чтобы ему позволили выстрѣлить изъ берданки «въ турку». — «Ничего, что мониторъ, говорилъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ, — Богъ поможетъ, и на мониторъ пуля свое возьметъ, а намъ хоть бы разъ стрѣльнуть ему въ отвѣтъ — все же легче на сердцѣ будетъ!»

Рѣка Яломица течетъ въ отлогихъ берегахъ, покрытыхъ сочною, хорошею травою. Съ обѣихъ

ея сторонъ разбросано много богатыхъ молдавскихъ селъ и земель, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ, по большей части не живущимъ на мѣстѣ, а сдающимъ свои имѣнія въ аренду. До прихода нашихъ войскъ, между сельскимъ прибрежнымъ населеніемъ господствовала повсемѣстная паника, потому что турки ежедневно высаживались на румынскія берега и безнаказанно угоняли крестьянскій и помѣщійскій скотъ, а при малѣйшемъ сопротивленіи начинали стрѣлять, рѣзать и поджигать деревни. Для береговой охраны въ Румыніи существуютъ такъ называемые «граничары». Это не болѣе какъ сельская стража изъ тѣхъ же побережныхъ крестьянъ, которые въ извѣстные сроки обязаны очередною службою на непродолжительное время и вооружены старыми пистолетными ружьями. Надо отдать этимъ граничарамъ справедливость — они защищались стойко, а если уступали, то лишь потому, что были подавлены несоразмѣрнымъ превосходствомъ наличныхъ силъ противника. Тѣ группы граничаръ, на которыхъ случалось наткнуться нашимъ развѣднымъ отрядамъ, были находимы всегда на своихъ сторожевыхъ постахъ, съ явными вокругъ себя слѣдами борьбы и сопротивленія. Одинъ изъ нашихъ отрядцевъ, между прочимъ, подобралъ двухъ тяжело раненыхъ граничаръ, которые тотчасъ были отправлены въ нашъ ближайшій лазаретъ. Для угона румынскаго скота турки употребляютъ пріемъ, очень характерно и мѣтко названный мѣстными жителями «волчьимъ способомъ». Начинается обыкновенно съ того, что противъ какого-либо села останавливается мониторъ и пускаетъ по немъ два-три снаряда. Жители, уstraшенные бомбардировкой, бѣгутъ, конечно, куда попало вонъ изъ селенія, не думая уже о спасеніи имущества. Заминая, что крестьяне разбѣжались, турки уже совершенно спокойно, подъ прикрытіемъ того же монитора, высылаютъ въ нѣсколькихъ лодкахъ десантъ, который и принимается шарить по всей деревнѣ. Награбленное имущество и припасы нагружаются въ лодки, а скотъ загоняютъ мародеры цѣлымъ стадомъ въ рѣку и оцѣпляютъ его съ боковъ и сзади своими лодками. Крики, маханье оружіемъ и иныя понуканья заставляютъ животныхъ скупиваться и плыть вмѣстѣ, за передовымъ быкомъ или бараномъ, на ту сторону Дуная. При этомъ, конечно, тонетъ болѣе двухъ третей стада и въ особенности гибнутъ молодые ягнята и телята, но въ концѣ концовъ все-таки кое-что остается и на долю турокъ. У одного помѣщика угнали такимъ образомъ болѣе трехсотъ головъ крупнаго скота, а баранамъ, составляющимъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ богатства здѣшнихъ крестьянъ, еще не сведено счета. Извѣстно только, что уже угнано все, что лишь можно было захватить.

Отъ Чиндара 1-я бригада 11-й кавалерій-

своей дивизии пошла къ Слободзеѣ, а 2-я бригада, подъ начальствомъ генералъ-майора Петровскаго, получила направленіе вверхъ по берегу Дуная, который и былъ очень быстро и успѣшно занятъ ея частями, не прерывавшими все время связи со штабомъ дивизіи посредствомъ особыхъ разъѣздовъ. Последнее обстоятельство упоминается потому, что между Дунаемъ и Яломицею, верстъ на 50 въ ширину, залегаетъ почти безлюдная, безводная и бесплодная степь, известная подъ именемъ «Бараганя». Она представляетъ неогладную плоскость, по которой мѣстами виднѣются только древнія «могилы». Все продовольствіе бригады, хлѣбъ и фуражъ, приходилось доставлять ей изъ штаба дивизіи черезъ Бараганскую степь, что само по себѣ было уже чрезвычайно затруднительно. Генералъ Петровский, занявъ берегъ Дуная болѣе, чѣмъ на сто верстъ, прикрылъ его частями пехоты и разъѣздами, такъ что съ ихъ появленіемъ прибрежные жители могли уже спокойно возвратиться къ своимъ обыкновеннымъ работамъ и занятіямъ. Вообще, румынскіе крестьяне съ живѣйшею радостью встрѣчали наши эскадроны, предлагая имъ и хлѣбъ, и кровь. Но нельзя сказать того же о большинствѣ арендаторовъ (преимущественно изъ евреевъ или грековъ), которые не упускали ни малѣйшаго случая къ своекорыстной наживѣ на счетъ русскаго солдата и офицера. Однѣ изъ нихъ, напримѣръ, за то, что ятендантскій транспортъ (правда, въ 150 повозокъ) пасъ около часу времени своихъ коней на придорожной луговой полосѣ арендуемой имъ земли, подавъ счетъ въ 30,000 франковъ. Арендаторъ этотъ—грекъ.

Въ это же время Слободзея, которая въ сущности есть только довольно большое село, принимала съ почетомъ начальника 11-й кавалерійской дивизіи съ его штабомъ, предлагая ему и хлѣбъ, и удобный пріютъ. Мѣстный субъ-префектъ, румынской службы лейтенантъ Стойко, неутомимо хлопоталъ, отводя квартиры и размѣщая части войскъ по селенію и его ближайшимъ окрестностямъ. На жителей Слободзеи видимо пріятное впечатлѣніе произвела прослѣдовавшая вдоль по селенію конная батарея полковника Гросмана, отличавшаяся, несмотря на походное движеніе, замѣчательно бодрыми, молодецкими и внушительными видомъ.

7-го мая, вечеромъ, начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Татищевъ далъ полковнику Струкову порученіе сдѣлать рекогносцировку по направленію къ городу Каларашу, при чемъ въ помощь ему отряженъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Андреевъ. Принимая въ расчетъ утомленіе кавалеріи и не желая на ночь тревожить ни одной ея части, оба эти офицера отправились одни, безъ всякаго конвоя, по дорогѣ, пролегающей черезъ Бараганскую степь. Надо было пройти ночью до 50-ти верстъ, а на пути вѣтъ ни одного жилья, повсюду одна

лишь степь, необозримая и мертвая. Тѣмъ не менѣе оба всадника къ разсвѣту были уже на мѣстѣ. Городъ еще спалъ, но и среди ночи все-таки было замѣтно въ немъ нѣчто напряженное: милиція всю ночь простояла въ ружьяхъ на берегу, въ завалахъ, а на другомъ концѣ города болгарскія женщины, со свѣчами въ рукахъ, молились на кладбищѣ. Въ эту ночь онѣ справляли однѣ древній народный обрядъ, который заслуживаетъ, чтобы рассказать о немъ подробнѣе. На болгарскихъ могилахъ, кромѣ обыкновеннаго креста, на которомъ написано или вырѣзано имя покойнаго, родственники устраиваютъ небольшие, около аршина вышиною, шкафчики изъ камня, изъ жести или изъ выкрашенныхъ досокъ. Въ этихъ шкафчикахъ помѣщаются: лампадка, каганецъ, или просто горшокъ съ угольями, и восковая свѣча. Бѣдные люди вмѣсто шкафчика ставятъ на родную могилу однѣ лишь большой горшокъ съ выбитымъ бокомъ, а подъ нимъ складываютъ нѣсколько камней и промѣжъ нихъ втыкаютъ свѣчу. Существуетъ у болгаръ повѣрье, что каждую субботу, и преимущественно отъ Воскресенія Христова до Троицына дня, души умершихъ прилетаютъ на землю—однѣ для испрошенія прощенія за свои грѣхи, а другія—праведныя, для наставленія своихъ близкихъ на путь правды и спасенія. Въ силу этого древняго повѣрья, каждую субботу на болгарскихъ кладбищахъ родственники покойныхъ зажигаютъ въ шкафчикахъ и въ горшкахъ свѣчи, а самыя могилы поливаютъ винограднымъ виномъ и окуриваютъ ладаномъ. Вечеромъ же, наканунѣ Вознесенія и вообще въ одну изъ промежуточныхъ ночей отъ этого праздника до Троицына дня болгарскія женщины совершаютъ на могилахъ своихъ родственниковъ особый обрядъ, нѣчто въ родѣ древне-славянской тризны. Тутъ онѣ зажигаютъ уже всѣ безъ исключенія лампады и свѣчи; на жаровняхъ воспламеняютъ уголья и, бросая въ нихъ ладанъ, окуриваютъ имъ могилы; здѣсь же, въ память покойнаго, идетъ угощеніе знакомыхъ и бѣдныхъ принесенными съ собой кушаньями, виномъ и ракіею (виноградная водка) и раздача милостыни нищимъ. Женщины всю ночь остаются на кладбищѣ и въ промежуткахъ между угощеніемъ и милостынею молятся со свѣчами въ рукахъ на родныхъ могилахъ.

Каларашъ—маленькій, полу-румынскій, полу-болгарскій городокъ, известный русскимъ по ихъ военной исторіи; онъ лежитъ противъ Силистріи, отдѣляемый отъ нея, верстъ на десять, однимъ изъ дунайскихъ протоковъ и болотистою низменностью. По развѣдкѣ, изъ достоверныхъ источниковъ оказалось, что въ настоящее время въ Силистрію находится не болѣе десяти тысячъ войска на довольно сильной позиціи, куда недавно привезены новыя дальнобойныя пушки; но всѣ мѣропріятія яс-

Ярмарка въ Букарестѣ.

полняются тамъ крайне вяло и не по собственной инициативѣ; къ тому же войско, лишенное госпиталей, чрезмерно обременено болезнями, въ средѣ которыхъ замѣчается въ послѣднее время большая смертность, происходящая отъ соединенія многихъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшія: отсутствіе въ городѣ и крѣпости всякихъ раціонально-санитарныхъ условий, тяжелыя работы, недостатокъ здоровой пищи, недостатокъ въ обуви и одеждѣ, и наконецъ мѣстныхъ климатическихъ условій, въ зависимости отъ безпрестанныхъ дождей, болотъ и чрезмернаго весенняго разлива, порождающаго весьма сильную сырость воздуха, быстро охлаждаемаго ночью. Разливъ Дуная подъ Силистріею простирается до десяти верстъ въ ширину, и судя по изобильно перепавшимъ дождямъ и имѣющему вскорѣ начаться таянію горныхъ снѣговъ, вода спадетъ еще не скоро. Дунай въ настоящее время даже не производитъ впечатлѣнія обыкновенной рѣки: это необычайно широкій, молочнаго цвѣта потокъ, который стремительно, но плавно несетъ громадную массу воды въ Черное море.

Такъ какъ Каларашъ, по своему положенію противъ одной изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей на Дунаѣ, является для насъ довольно важнымъ наблюдательнымъ пунктомъ, то тутъ оставлено нами соответственное количество кавалеріи съ артиллерією, которая расположена частію на берегу, въ тѣхъ же казармахъ, что были построены нами еще въ 1854 году. Казармы эти, будучи время отъ времени ремонтированы румынами, представляютъ и по сію пору группу довольно еще прочныхъ зданій.

Обѣхавъ мѣста расположенія всѣхъ частей 11-й кавалерійской дивизіи до оконечнаго нѣхъ пункта, деревни Обилешти, полковникъ Струковъ, для донесенія его высочеству главнокомандующему о результатѣ своего осмотра, отправился въ Букарестъ верхомъ, такъ какъ въ данной мѣстности Румыніи не существуетъ правильной почтовой гоньбы. Выѣхавъ въ половинѣ третьяго часа пополудни, при сильномъ противномъ вѣтрѣ, онъ въ семь часовъ вечера прибылъ въ Букарестъ, отстоящій отъ Обилешти на 70 верстъ пути, который былъ пройденъ безостановочно.

Празднованіе одиннадцатой годовщины вступленія на престолъ князя Карла.—Провозглашеніе независимости Румыніи.—Учрежденіе ордена «Румынской Звѣзды».—Никольская ярмарка въ Букарестѣ и ея особенності.—Народные обычаи по поводу ярмарки.—Шпора.—Посѣщеніе ярмарки великимъ княземъ главнокомандующимъ и румынскимъ дворомъ.—Видъ улицъ и характеръ уличной толпы.—Княжеская ставка.—Народные танцы крестьянъ и придворныхъ дамъ и кавалеровъ на ярмаркѣ.—Почему веселятся румыны?

Букарестъ, 13-го мая.

Его высочество главнокомандующій, въ сопровожденіи небольшой свиты, 10-го мая опять посѣтилъ князя Карла въ Букарестѣ. Въ этотъ день праздновалась одиннадцатая годовщина вступленія князя на престолъ Румыніи. Во дворцѣ былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ, въ городскомъ театрѣ, парадный спектакль. Великій князь главнокомандующій присутствовалъ на томъ и другомъ, а ночь провелъ въ домѣ русскаго генеральнаго консульства. Послѣ обѣда его высочество гнѣшкомъ отправился изъ дворца въ наше консульство и во время пути встрѣчалъ самое сочувственное отношеніе къ своей особѣ со стороны мѣстнаго населенія. Вечеромъ передъ дворцомъ прослѣдовала съ музыкой факельная процессія, въ которой участвовали преимущественно студенты бухарестскаго университета. Въ театрѣ тоже происходили шумныя манифестаціи въ честь князя и его высочества. Вообще день 10-го мая въ Букарестѣ былъ днемъ самыхъ восторженныхъ овацій. Общее настроеніе населенія выражалось столь радостнымъ образомъ по той причинѣ, что въ этотъ день палата румынскихъ представителей одобрила актъ о провозглашеніи независимости княжества Румынскаго и объ учрежденіи особаго ордена знака, который называется «Звѣзда Румыніи». Этотъ *новый орденъ*, великимъ магистромъ котораго состоитъ царствующій князь, насчитывается до тысячи членовъ, изъ коихъ 500 рыцарей, 300 офицеровъ и 120 командоровъ, 40 высшихъ офицеровъ и 20 кавалеровъ большаго креста. Съ пожалованіемъ этого ордена военнымъ полагается еще пенсія: унтеръ-офицерамъ—по 240 франковъ въ годъ, капаламъ—по 180 и рядовымъ—по 144. Лента этого ордена алая съ голубой каймой; самые знаки ордена имѣютъ видъ греческаго креста подъ синей эмалью, съ золотымъ бордюромъ, и украшены лучами и княжеской золотой короной. Для военныхъ, подъ короной находится два скрещенныхъ между собой обнаженныхъ мечей. Въ срединѣ креста сдѣланъ лавровый вѣнокъ изъ зеленой эмали, перевитый золотыми лентами, а внутри вѣнка на красной эмали изображены вязью двѣ буквы С, подъ которыми

поставлена цифра I (Карль I) подъ маленькой короной. На оборотѣ, внутри ободка изъ синей эмали, изображенъ золотой орелъ и девизъ «In fide virtus».

Весь Букарестъ теперь ликуетъ: ярмарка, самая веселая изъ всѣхъ существующихъ въ Румыніи, посѣщеніе русскихъ гостей—все это одно къ одному скончилось вмѣстѣ, съ 10-го по 12-е мая и придало Букаресту самый оживленный праздничный характеръ.

Ярмарка эта имѣетъ нѣсколько такихъ особенностей, что о ней стоитъ рассказать подробно. Начинается она обыкновенно съ 9-го мая, въ день, посвященный св. Николаю Чудотворцу, и продолжается дѣлу недѣлю. Весь Букарестъ—и плебейскій и фешенебельный—стремится ежедневно на ярмарочную площадь, на гулянье. Береницы каретъ, колясокъ, ландо, нетычанокъ и бричекъ тянутся гусемъ между густыми толпами народа. Музыка гремитъ въдесяти, въ двадцати мѣстахъ разомъ и все разное; бухаютъ турецкіе барабаны, звякаютъ металлическія тарелки, визжатъ цыганскія скрипки и дудки, тромбоны рѣжутъ ухо своимъ усерднымъ, но не всегда стройнымъ аккомпанементомъ,—все это, вмѣстѣ съ шумомъ игрушечныхъ трещотокъ и кри-кри, свистомъ глиняныхъ уточекъ, злѣномъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, пѣснями и возгласами народной массы, представляетъ хаосъ невозможныхъ музыкальных диссонансовъ; но все это дышетъ такимъ весельемъ, такой жаждой жизни, которая сказывается и въ этихъ диссонансахъ и въ яркой пестротѣ нарядовъ, и въ этомъ неутомимомъ движеніи съ ранняго утра до поздней ночи, и все это вмѣстѣ съ тѣмъ такъ красиво и оригинально, что невольно подкупаетъ въ свою пользу посторонняго зрителя, заставляя и его немножко увлечься столь кипучей жизнью. Если вы хотите имѣть приблизительное понятіе объ этомъ ярмарочномъ гомонѣ и движеніи, то вспомните гулянье на Масленицѣ и на Святой подѣ-Новинскимъ, но гулянье не нынѣшняго, а добраго стараго времени, съ той только разницей, что когда Москва веселится подѣ-Новинскимъ, надъ ней виситъ еще хмурое мартовское или морозное зимнее небо, заставляющее кутаться въ енотовыя шубы, а здѣсь весенняя прозрачность лазуревыхъ небесъ, чудная вѣжающая теплота майскаго воздуха, яркое солнце, или яркая луна, быстро вступающая въ свои полныя права вслѣдъ за короткими сумерками, едва лишь румяное солнце канетъ за черту горизонта, и при всемъ этомъ масса роскошной зелени,—вездѣ фіалки, розы и жасмины, бѣлая акація цвѣтетъ на каждомъ шагѣ и разливаетъ въ воздухъ свое одуряющее благоуханіе; постоянно сыуетъ предъ глазами множество красивыхъ женщинъ въ національных костюмахъ или въ весенне-легкихъ прозрач-

ныхъ туалетахъ, множество мужчинъ въ народномъ румынскомъ, въ ловкомъ венгерскомъ, въ красивомъ арнаутскомъ или славянскомъ нарядахъ; множество горячихъ, страстныхъ черныхъ глазъ,—вотъ что такое эта букарестская ярмарка. Но самая главная ея особенность вовсе не въ этомъ: съ ней соединяется одно народное празднество, начало котораго теряется еще во мракѣ временъ языческихъ. Нынѣшніе румыны, любящіе производить себя непосредственно отъ древнихъ римлянъ, утверждаютъ, будто празднество это есть народное воспоминаніе въ честь похищенія сабиянокъ. Не берусь опровергать румынъ, особенно если это имъ такъ нравится, но съ своей стороны все-таки думаю, что этотъ праздникъ имѣетъ скорѣе восточное, чѣмъ западное происхождение: въ немъ даже замѣтенъ какъ бы индійско-факирскій характеръ. Не положили ли начало ему здѣсь тѣ племена, для которыхъ, въ эпоху великаго переселенія народовъ изъ глубины азиатскихъ степей и Гималайскихъ горъ на западъ, наши южныя степи и почва Румыніи служили постояннымъ поприщемъ походовъ, войнъ и первой оскверности?

Праздникъ этотъ заключается въ особенныхъ народныхъ пляскахъ. Но не каждый желающій имѣетъ право принять въ нихъ участіе, если бы ему вдругъ теперь же вздумалось потанцовать въ одномъ кругу съ избранными плясунами и плясуньями. Чтобы добыть себѣ это право, надо подготовиться къ нему предварительнымъ и весьма не легкимъ искусомъ. Крестьяне и крестьянки, являющіеся на ярмарочную площадь въ качествѣ, такъ сказать, привилегированныхъ танцоровъ (преимущественно изъ ближайшихъ подгородныхъ селеній), принимаютъ на себя предъ тѣмъ строгій обѣтъ сорокадневнаго поста и безусловнаго молчанія, — и горе нарушившему эту добровольно принятую тягу! Древнее повѣрье, глубоко вкоренившееся въ убѣжденіе народа, говоритъ, что оскоромившійся или неволью обронившій какое нибудь слово непременно умретъ въ теченіе того же года. И до какой степени силенъ этотъ предрасудокъ—лучше всего пояснить слѣдующій недавно случившійся фактъ: одинъ молодой крестьянинъ, наложившій на себя помянутый обѣтъ, долженъ былъ во время своего искуса идти на очередь въ военную службу. Въ казармѣ не уважили его обѣта: заставили и ѣсть что ѣдятъ другіе, и отвѣчать по служебнымъ обязанностямъ на вопросы начальства. Только вдругъ стали всѣ замѣчать, что съ молодымъ солдатикомъ творится нѣчто странное: сохнетъ, желѣетъ, задумывается, тоскуетъ и, наконецъ, обнаруживаются въ немъ припадки пляски св. Витта. Ротный командиръ, неволью обратившій на это вниманіе, спрашиваетъ у фельдфебеля о причинахъ.

— Да ничего собственно... Шпору онъ все видитъ,—отвѣчаетъ фельдфебель.

— Какъ шпору? Какую шпору?

— Такъ; шпору и только. Это ему отъ Бога за то, что нарушилъ постъ и молчаніе.

— Да почему же непременно шпору, и только ее одну, а не что другое?

— А потому что плясуны, дающіе обѣтъ, отправляясь на танцы, надѣваютъ на ноги особыя шпоры съ бубенцами и погремушками, въ знакъ того, что обѣтъ дѣйствительно ими исполненъ.

Черезъ нѣсколько дней молодой солдатикъ умеръ въ ужаснѣйшемъ припадкѣ пляски св. Витта, и до послѣдняго издыханія все мерила ему роковая шпора¹⁾. Само собой разумѣется, что подобныя случаи еще болѣе вкореняютъ въ народѣ убѣжденіе въ неизбежной смерти нарушителей обѣта, да и самая смерть, конечно, происходитъ именно отъ силы убѣжденія, такъ какъ оно влечетъ слишкомъ угнетающимъ образомъ да душу и воображеніе человека.

На 12-е мая приходится какъ разъ середина ярмарочной недѣли, когда здѣсь идетъ то, что называется у насъ «самый развалъ» ярмарки. 9-е, 12-е и 15-е числа суть по преимуществу дни плясуновъ, и уже въ эти дни они пляшутъ до упаду, съ утра и до поздней ночи. 12-го же мая обыкновенно посѣщаютъ ярмарку князь Карлъ съ княгиней Елизаветой, весь ихъ дворъ и вообще все высшее общество Букареста, въ богатыхъ національных костюмахъ. Здѣсь еще недавно существовалъ обычай, который отчасти не вывелся и теперь, что вся мѣстная аристократія, прѣзжая на ярмарку, покупала особые деревянные жбаны, названіе которыхъ по-румынски выходитъ синонимомъ *подарки*, и дарила ихъ желающимъ изъ простаго народа.

Князь Карлъ пригласилъ его высочество главнокомандующаго посѣтить ярмарку въ день ея наибольшаго разгара и оживленія.

12-го мая, послѣ обѣда во дворцѣ, великій князь, вмѣстѣ съ четой своихъ высокихъ хозяевъ, отправился, подъ вечеръ, въ открытомъ парадномъ ландо, на ярмарку. Впереди скакали жюкеи, а по бокамъ и сзади экипажъ ихъ высочества окружали адъютанты и ординарцы князя Карла верхами, въ парадной формѣ. За ними въ нѣсколькихъ коляскахъ слѣдовала небольшая русская свита. Путь лежалъ чуть ли не черезъ весь городъ, и улицы, на всемъ протяженіи дороги, по которой слѣдовалъ поѣздъ, были переполнены народомъ. Открытыя окна домовъ, балконы и террасы въ зелени составляли какъ бы исключительную собственность дамъ, которыя унижали

ихъ нѣсколькими рядами, въ своихъ весеннихъ праздничныхъ нарядахъ, съ живыми цвѣтами въ волосахъ, по большей части не покрытыхъ шляпами, съ букетами и вѣрами въ рукахъ. Мужчины преимущественно толпились внизу на тротуарахъ и очень привѣтливо раскланивались съ русскими гостями. Конные жандармы въ металлическихъ шпикахъ и съ карабинами, взятыми на «изготовку», стояли пиналерами на протяженіи второй половины пути, который, чѣмъ ближе къ ярмаркѣ, тѣмъ становился все люднѣе. Вагоны конно-желѣзной дороги, переполненные внутри и на верху пассажирами, окончательно не могли продвинутся за толпой; съ высоты вагонныхъ имперіаловъ раздавались звуки дѣтскихъ трещотокъ, погремушекъ и свисты глиняныхъ уточекъ, которыми забавлялись взрослые, кричавшіе «ура» и махавшіе шляпами и дѣтскими воздушными шарами. Экипажи наши, въѣхавъ въ общую цѣпь, съ трудомъ могли слѣдовать только шагомъ, чему мы были весьма рады, такъ какъ медленное движеніе давало болѣе простора и времени для наблюденій, исполненныхъ самыми разнообразными и живыми впечатлѣніями. Въ одномъ мѣстѣ толпа ребятишекъ въ бѣлыхъ рубашкахъ съ голубыми воротниками и обшлагами и въ барашковыхъ шапкахъ, какіи носятъ здѣсь милиціонеры-доробанцы, стояла, выстроившись во фронтъ и, съ крикомъ «ура», отдавала ихъ высочествамъ военную почесть своими игрушечными ружьями и саблями; при этой дѣтской когортѣ были и барабанщики, и знамя національныхъ цвѣтовъ, на которомъ было даже что-то написано, но что?—мы разобратъ не успѣли. Вообще здѣсь многихъ дѣтей одѣваютъ въ національный костюмъ и преимущественно костюмъ доробанцевъ. Головы и бюсты женщинъ въ народныхъ нарядахъ были украшены ожерельями изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ; у дѣвушекъ живые цвѣты на головѣ и въ густыхъ косахъ, а у замужнихъ голова покрыта тонкимъ, широко ниспадающимъ вуалемъ; юбки по щиколотку, не рѣдко затканныя или расшитыя серебряными и золотыми узорами; тонкая бѣлая сорочка съ кружевами на воротникѣ, по широкимъ рукавамъ и на подолѣ тоже затканная, иногда на восточный ладъ, золотыми или серебряными нитями и позументами, украшаетъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, при чемъ послѣдніе носятъ ее на выдускѣ, какъ наши великороссы, и подпоясываются широкимъ (вершка въ четыре или пять) кожанымъ поясомъ, который пестрѣетъ затѣйливыми узорами, искусно выведенными изъ цвѣтныхъ сафьяновъ, шелковъ, крупнаго бисера, стеклураса и разныхъ металлическихъ бляшекъ. На головѣ у мужчинъ либо барашковая, либо войлочная круглополая шляпа, ноги же обуты въ

¹⁾ Случай этотъ разсказанъ мнѣ румынской службы генераль-майоромъ Зефкаромъ.

постолы, а у женщинъ въ полусапожки. И надъ всей этой вереницей экипажей, всадниковъ и пѣшеходовъ, надъ этими пиджаками, цилиндрами, шляпами, старосвѣтскими широкими «интерёу» (кафтаны), «тульпанами» (женскій головной уборъ), свѣщенническими камилавками греческой формы, надъ всѣмъ этимъ пестрымъ и веселящимся людемъ летаютъ въ воздухѣ бумажные змѣи, красные, желтые и синіе (сочетаніе румынскихъ государственныхъ цвѣтовъ) воздушные шары, и вмѣстѣ съ гомономъ голосовъ стоитъ гулъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ возгласовъ продавецъ «дульчацъ» (сладостей), воды, прохладительныхъ напитковъ, табаку, игрушекъ, и отъ множества не менѣе разнообразныхъ выстрѣловъ, шелканья, звяканья, трескотни и т. п. Длиннымъ рядомъ вытянулись палатки и балаганы съ товарами, лотереями, народными ресторациями и разными представленіями заѣзжихъ фокусниковъ, жонглеровъ, буфоновъ, маговъ и чревовѣщателей; карусели кружатся, тамъ и сямъ скрипятъ качели; множество крестьянскихъ возовъ съ сельскими товарами протавулись длинными рядами; множество пестрыхъ флаговъ на высокихъ шестахъ развѣвается въ воздухѣ. Словомъ, все это ярко, шумно, пестро и производитъ веселое, самое пріятное впечатлѣніе.

По срединѣ площади былъ раскинутъ большой красивый шатеръ, украшенный цвѣтами, зеленью тропическихъ растений и національными румынскими флагами. Тутъ, по близости, остановилось ландо ихъ высочества; они вышли изъ экипажа и по длинному ковру направились къ палаткѣ, между двумя живыми стѣнами народа.

Княгиня Елизавета представила великому князю присутствовавшихъ придворныхъ дамъ п-фрейлинь, которыя всѣ были въ національныхъ нарядахъ, а князь Карлъ откомендовалъ его высочеству нѣкоторыхъ кавалеровъ. Подано было, по мѣстному обычаю, пріѣзженное угощеніе: стаканы холодной воды и «дульчацы», т. е. разное варенье на хрустальныхъ блюдахъ, мороженое и разные прохладительные напитки, а затѣмъ начались танцы, открывшіеся ватагой Калужаровъ (названіе крестьянъ по мѣстности, изъ которой они пришли). Изъ парней, одѣтыхъ въ варадныя бѣлыя сорочки по колѣно, съ пунцовыми шарфами черезъ плечо и со шпорами-погремушками на постоллахъ, составилъ кругъ человекъ въ тридцать или сорокъ. Каждый изъ танцоровъ держалъ обѣими руками надъ головой довольно толстую палку. Тѣлодвиженія танца, производимыя почти на мѣстѣ руками, ногами и всѣмъ корпусомъ, подъ оживленный быстрый темпъ, сопровождаются при каждомъ тактѣ возгласомъ «гайда!» который выкрикивается всѣми танцорами разомъ. Двѣ цыганскія скри-

пицы аккомпанировали танцу, но ихъ почти не было слышно за шумомъ этихъ энергическихъ «гайда!» и шпоре-погремушекъ. Потомъ кругъ разомкнулся въ полукругъ, и танцоры, полуприсѣвъ на корточки, съ сильно отведеннымъ назадъ корпусомъ и опираясь на свои пальцы, продолжали на мѣстѣ ногами и тѣломъ тѣ же энергически-быстрые, порывистые движенія, а четверо изъ нихъ выступили впередъ, стали по два въ рядъ лицомъ другъ къ другу и положили свои палки на плечи одинъ другому, въ видѣ перекладины. На эту перекладину вскочилъ пятый танцоръ и ловко акробатировалъ на ней, выплывая тотъ же танецъ, который называется «*Романа*» и имѣетъ большое сходство съ нѣкоторыми танцами нашихъ кавказскихъ горцевъ—ингушей и осетинцевъ, съ той лишь разницей, что движенія горцевъ гораздо плавнѣе и тише. Самый характеръ танца носить на себѣ никакъ не западный, а чисто восточный отбѣнокъ: въ немъ сказывается даже нѣчто изступленное, факирское и дервишское, и это сходство еще болѣе усиливается, когда вспомнишь, что обычай этой пляски есть собственно древній обрядъ и что плясуны подготовляются къ нему строжайшимъ сорокадневнымъ иску-

сомъ. По окончаніи перваго танца, составились рядомъ два новые круга: въ одномъ плясали крестьяне съ крестьянками, а въ другомъ придворныя дамы съ адъютантами князя и иными военными лицами. Танецъ этотъ, называемый «*Хора*» и танцуемый подъ звуки цѣлаго національнаго оркестра, отличается плавными граціозными движеніями танцоровъ и въ особенности танцорокъ, и очень напоминаетъ наши русскіе хороводы. Третій танецъ «*Киндія*»,—подъ темпъ не то нашего трепака, не то итальянской тарантеллы, ловко плясала адъютантъ князя, капитанъ 1-го гусарскаго полка, Владояно, съ тремя дамами, которыя становятся подрядъ съ лѣвой стороны кавалера и всѣ вмѣстѣ переплетаются руками, не смыкаясь однако же въ кругъ, а пляшутъ, такъ сказать, извивающеюся лентой. Всѣ эти танцы очень красивы, въ особенности при живописныхъ военныхъ и женскихъ нарядахъ и при замѣчательной красотѣ дамъ. Толпы зрителей всѣхъ классовъ и состояній безразлично и совершенно свободно обступили мѣста, гдѣ происходили танцы.

Въ началѣ девятаго часа вечера высокіе гости, поблагодаривъ танцоровъ, оставили ярмарочную площадь и отправились на станцію желѣзной дороги, при шумныхъ оваціяхъ народа, по мѣстности, освѣщаемой бенгальскими огнями.

Въ 9 часовъ князь Карлъ и княгиня Елизавета простились на дебаркадерѣ съ великимъ княземъ, который отправился обратно

въ Плоешты, куда прибылъ въ исходѣ одиннадцатаго часа и былъ встрѣченъ на станціи привѣтствіями выстроеннаго вдоль станціонной платформы Тамбовскаго пѣхотнаго полка, только что прибывшаго сегодня въ Плоешты съ похода. Его высочество прослѣдовалъ вдоль фронта всего полка, разспрашивалъ о его состояніи, о количествѣ больныхъ, которыхъ впрочемъ не оказалось, и, поблагодаривъ начальниковъ за бодрое состояніе людей, въ двѣнадцатомъ часу вечера прибылъ въ свое помѣщеніе. Великій князь Николай Николаевичъ Младшій не участвовалъ въ этой поездкѣ, такъ какъ находится нынѣ на рѣкогносцировкѣ нѣкоторой части дунайскаго побережья, по званію офицера генеральнаго штаба.

И все это веселье, празднества и торжества происходятъ въ то самое время, когда турки около Калафата, Ольтеницы и въ другихъ мѣстахъ угрожаютъ безопасности румынскихъ береговъ; все это спокойное и увѣренное настроеніе духа разомъ смѣнилось ту общую панику, которая господствовала во всей Румыніи еще не болѣе двухъ-трехъ недѣль назадъ, когда румыны ждали переправы турецкой арміи на дѣвѣй берегъ Дуная, когда въ Букарестѣ прѣзжали турецкіе уполномоченные съ требованіемъ сдачи Калафата, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ разрушенъ, и когда все бухарестское населеніе, сильно встревоженное этими вѣстями, принимало мѣры къ удаленію женщинъ и дѣтей въ безопасныя мѣста, въ Австрію, а теперь... теперь здѣсь о туркахъ словно позабыли и думать! Отчего все это такъ случилось? Отчего столь рѣзко обозначилась въ общественномъ настроеніи Румыніи такая счастливая перемена?—отвѣчаетъ смѣло: оттого, что примѣрное поведение русской арміи, слѣдующей по румынской территоріи, и ея первыя дѣйствія, выразившіяся въ самый короткій промежутокъ времени тѣмъ, что она чуть не экспромптомъ успѣла занять и укрѣпить дунайскій берегъ, заградить рѣку минами и взорвать одинъ изъ самыхъ сильныхъ турецкихъ бронекосцевъ, сразу поселили въ румынскомъ населеніи увѣренность, что за спиной такой арміи можно пока быть совершенно спокойнымъ. Но есть и еще причина, самая вѣская послѣ только что названной; это—золотой дождь полуимператоровъ, который въ изобиліи льется и льется теперь на Румынію изъ русскихъ офицерскихъ кармановъ и казенныхъ денежныхъ ящичковъ...

XXVI.

Взрывъ второго турецкаго броненосца.

Стремленіе моряковъ къ дѣятельной роли.—Замыселъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова.—Разрѣшеніе получено.—Благопріятная погода.—Майоръ Муржеско.—Общій планъ дѣйствій и составъ флотиліи.—Извѣстительный предраасудокъ.—Отвалъ на предпріятіе.—Положеніе неприятельскихъ судовъ.—Лягушки.—Окликъ турецкаго часового.—Ударъ первой миной.—Неприятный случай съ катеромъ „Цесаревичъ“.—Кисловъ и Муржеско.—Вторая мина.—Лейтенантъ Петровъ.—Критическое положеніе „Ксении“ и „Джигита“.—Поджогъ турецкой караулки.—Возвращеніе въ Браиловъ.—Поведеніе всѣхъ чиновъ флотиліи въ дѣлѣ.—Флагъ съ потопленнаго монитора.—Награды.—Общіе выводы изъ военныхъ дѣйствій за первый мѣсяцъ кампаніи.

Плоешты, 15-го мая.

Съ окончаніемъ работъ надъ минными загражденіями, дѣятельность нашей дунайской флотиліи на нѣкоторое время затихла. Но не могли моряки помириться даже и на короткій срокъ съ пассивной ролью, которая, какъ казалось, выпадаетъ имъ на долю на неопредѣленное время, до общихъ рѣшительныхъ дѣйствій на Дунаѣ. А между тѣмъ турецкіе мониторы совсѣмъ на виду стоятъ и словно дразнятъ своимъ присутствіемъ. Предположенія о дѣйствіяхъ, при случаѣ, торпедами еще до начала кампаніи входили въ наши планы; для моряковъ же и тѣмъ болѣе казалось важнымъ испытать собственной практикой то, что было дотолѣ извѣстно имъ лишь теоретически, а именно: на сколько шестовыя мины могутъ быть дѣйствительно опасны для хорошаго броненоснаго судна.

Капитанъ Рогуля, какъ начальникъ дунайской флотиліи, вопіи въ раздѣлялъ стремленіе своихъ офицеровъ и заранѣе далъ имъ согласіе на это испытаніе. Оставалось только испросить разрѣшенія у командующаго браиловскимъ отрядомъ, генералъ-майора Салова; но и за этимъ дѣломъ не стало—разрѣшеніе охотно было дано, и моряки стали приготовляться.

Весь день и весь вечеръ хлесталъ проливной дождь безъ перерыва. За прасломъ этого ливня противоположный берегъ Дуная и устье Мачинскаго рукава совсѣмъ исчезали въ дождевомъ туманѣ, а съ наступленіемъ вечера низко надвинувшіяся тучи, ровной и безпроектной пеленой обложившія все небо, еще усилили мглу до такой степени, что въ десяти шагахъ уже невозможно было разглядѣть что бы то ни было. Холодно, сыро, темно,—какъ разъ самое счастливое соединеніе всѣхъ условий для рискованнаго предпріятія.

Четыре легкія паровыя шлюпки уже развѣдывали пары у браиловской пристани. Лейтенантъ Дубасовъ совѣщался со своими ближайшими помощниками о планѣ предстоявшаго нападенія, когда къ нему подошелъ началь-

никъ румынской флотилии, морской службы майоръ Муржеско, и осведомился куда это собираются наши катера въ такую непогоду? Лейтенантъ Дубасовъ объяснилъ, что хотятъ-де попытать на практикѣ дѣйствіе шестовыхъ минъ и предложилъ майору Муржеско—не желаетъ ли онъ принять участіе въ ихъ поѣздкѣ. Тотъ согласился съ величайшею готовностію, и Дубасовъ пригласилъ его на свой катеръ «Цесаревичъ», прибрѣтанный нами у румынскаго правительства. Всѣхъ катеровъ было четыре, и общій планъ предстоящихъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобъ идти къ затопленному дѣловому острову, держась все время пути въ разстояніи двадцати саженъ одинъ отъ другого, дабы имѣть возможность оказывать другъ другу ближайшее содѣйствіе и помощь, въ случаѣ несчастія съ которымъ либо изъ катеровъ; затѣмъ, обогнувъ островъ и прослѣдовавъ по протоку, войти въ Мачинскій рукавъ выше турецкихъ броненосцевъ, замѣнить какъ можно лучше ихъ позицію и, спускаясь на всѣхъ парахъ внизъ по рукаву, нанести ударъ миною тому судну, которое будетъ избрано для этой цѣли.

Первымъ долженъ былъ идти Гвардейскаго экипажа лейтенантъ Дубасовъ, съ майоромъ Муржеско и четырнадцатью матросами. Въ носовой и кормовой частяхъ его катера были уже заранѣе приготовлены длинныя шести въ 22 фута, съ укрѣпленными на выдающемся концѣ ихъ минами, заряженными каждая двумя пудами пороха. Подобныя же приспособленія имѣлись и на всѣхъ остальныхъ шлюпкахъ. За Дубасовымъ долженъ былъ слѣдовать лейтенантъ Шестаковъ¹⁾ на шлюпкѣ «Ксенія»²⁾, съ охотникомъ лейтенантомъ Петровымъ и девятью матросами, за Шестаковымъ—мичманъ Персень и восемь матросовъ на «Джигитѣ», а за нимъ—шлюпка «Царевна»³⁾, съ мичманомъ Бальмъ и девятью матросами⁴⁾.

Если бы первый ударъ миной у лейтенанта Дубасова былъ неудаченъ, то второй, по условному сигналу, долженъ былъ наносить лейтенантъ Шестаковъ: въ случаѣ же неуспѣха и этого удара, третій даетъ мичманъ Персень, а потомъ мичманъ Баль; передовыя же шлюпки въ это время уже успѣли бы описать на водѣ кругъ и такимъ образомъ явиться готовыми для новыхъ ударовъ если бы то потребовалось. Въ случаѣ несчастія съ которымъ либо изъ катеровъ, остальные должны были тотчасъ же оказать ему возможную помощь и быть въ полной готовности принять на свой бортъ людей съ утопающей лодки; съ этою

цѣлью къ «Цесаревичу» былъ назначенъ катеръ «Царевна», а къ шлюпкѣ «Ксенія»—«Джигитъ», и обратно. Оставалось только отвалиться и плыть съ Божіей помощью. Но... останавливала одинъ маленький, вполнѣ впрочемъ извинительный, предразсудокъ, отъ котораго, какъ извѣстно, не свободны бываютъ въ иную минуту самые развитые и отважные люди.

Было *тринадцатое* число, и притомъ *пятница*: день тяжелый, да и число-то нехорошее. Матросамъ нашимъ не хотѣлось «на такое дѣло» выходить «подъ нелегкую руку», и поэтому, въ видѣ уступки людямъ, рѣшено было переждать полночь.

Въ 4 минуты перваго часа 14-го мая, шлюпки наши благословясь отвалили отъ пристани и пошли по заранѣе назначенному направленію.

Дождь начиналъ стихать и вскорѣ затѣмъ прекратился, но небо попрежнему оставалось покрыто сплошной тучей, сквозь которую мутно-блѣскаватымъ пятномъ, безъ ясныхъ очертаній, просвѣчивалъ мѣсяцъ, и при его неопредѣленномъ полусвѣтѣ, сквозь сырую мглу можно было кое-какъ разглядѣть темный призракъ соседней лодки.

Было уже около половины третьяго часа ночи, когда шлюпки наши вошли въ Мачинскій рукавъ и различили неподалеку отъ себя три турецкія судна. По серединѣ рукава стоялъ одинъ, самый большой, мониторъ; вправо отъ него и нѣсколько впереди, надъ берегомъ видѣлась во мглѣ темная масса другого броненосца, а влѣво—военный пароходъ, на которомъ можно было разглядѣть смутныя очертанія двухъ трубъ. Сторожевыхъ огней ни на одномъ изъ этихъ судовъ не было замѣтно. Тѣмъ не менѣе, невозможно же было предположить, чтобы на палубахъ не стояли часовые, которые въ-потьмахъ еслибъ и не разглядѣли нашихъ шлюпокъ, но все-таки по знакомому морякамъ звуку работающихъ механизмовъ могли бы разслышать ихъ приближеніе. Но и въ этомъ случаѣ, къ счастью, нашимъ морякамъ помогло одно совершенно постороннее обстоятельство, приключившееся какъ нельзя болѣе кстати: по берегамъ Мачинскаго рукава мириады лягушекъ подымали на всю окрестность такой громкій, неистовый концертъ, о какомъ сѣверные жители и понятія себѣ не могутъ составить. Это непрерывное кваканье, сливавшееся въ одинъ урчащій гулъ, было столь сильно, что до извѣстной степени заглушало даже шумъ четырехъ паровыхъ машинъ.

Не теряя времени, такъ какъ вскорѣ должно было уже свѣтать, лейтенантъ Дубасовъ рѣшился тотчасъ же атаковать средній мониторъ и далъ знать Шестакову, чтобы тотъ, выждавъ результатъ перваго удара, былъ въ

¹⁾ 1-го флотскаго Его Высочества Генераль-Адмирала экипажа.

²⁾ Съ пароходо-фрегата «Олафъ».

³⁾ Съ фрегата «Адмиралъ Чичаговъ».

⁴⁾ Петровъ и Персень Гвардейскаго экипажа, а Баль—Черноморской команды.

полной готовности ко второму. Затѣмъ, направивъ свою шлюпку къ лѣвой кормовой раковинѣ монитора, Дубасовъ велѣлъ дать ей полный ходъ.

— *Кимъ дыръ ѓ?* ¹⁾ послышался окликъ съ непріятельской палубы.

Что отвѣчать ему?.. А отвѣчать что нибудь надо же. Дубасовъ вспоминалъ знакомое ему турецкое слово и хватилъ на удачу: «*сызыма-адамъ*», дескать: «свой человѣкъ», но во-первыхъ, произнесъ его не совсѣмъ правильно, а именно: «*сени-адамъ*», да потомъ и самое слово-то въ данномъ случаѣ оказалось вовсе неподходящимъ. По объясненію Н. Д. Мокшова, драгомана при главнокомандующемъ, турки, на окликъ часового, отвѣчаютъ всегда: «*япанджи-деилъ*», что совершенно, пожалуй, равнозначуще «своему человѣку», но въ буквальномъ переводѣ значить: «я не иностранецъ», или «я не чужеземецъ». Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что наше на удачу пущенное «сызымъ-адамъ», да еще перековерканное въ «сени-адамъ», показалось подозрительнымъ турецкому часовому. Онъ окликнулъ вторично.

— Сени-адамъ,—повторилъ лейтенантъ Дубасовъ.

Часовой настойчиво окликается въ третій разъ.

— Да говорятъ же тебѣ «сени-адамъ!»—раздастся въ отвѣтъ ему съ нашей шлюпки.

Турокъ далъ по ней предупредительный выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ и съ другихъ судовъ часовые пустили по заряду. Пули просвистали надъ головами. «Цесаревичъ» между тѣмъ быстро приближался къ монитору. Правая носовая мина была уже у него наготовѣ, и ея шесть высунуть на 22 фута за бортъ. На палубѣ броненосца поднялась суматоха, матросы загалдѣли, забѣгали во всѣ стороны, раздалась трескотня нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ... стали-было пытаться выпалить изъ орудія, но оно дало три осѣчки. Въ это время «Цесаревичъ» уже поравнялся съ мониторомъ и ловко ткнулъ его подъ лѣвый бортъ, нѣсколько выше кормовой раковины. Раздался оглушительный трескъ, и за чернымъ дымомъ турецкое судно совершенно скрылось изъ глазъ. Въ это же самое мгновеніе поднявшійся столбъ воды опрокинулся на шлюпку Дубасова и залилъ ее до борта. Полагая, что она получила пробойну и уже тонетъ, лейтенантъ Дубасовъ крикнулъ машинисту и кочегару, чтобъ они вылезали изъ-подъ блндажа наверхъ.

— Не сумлевайтесь, ваше благородіе —хладнокровно отозвался ему со своего мѣста рулевой Кисловъ, черноморскій матросъ 1-й статьи изъ старо-опытныхъ моряковъ,—катеръ еще ништо себѣ: держится.

Тогда машинисту приказано было дать полный задній ходъ, а всей командѣ откачивать воду. Не было извѣстно, откуда набралось въ катеръ столько воды—сверху ли она попала отъ перваго всплеска, поднимавшагося при взрывѣ, или же кромѣ того есть еще и пробойна; но майоръ Муржеско пролѣвъ въ машинное отдѣленіе и, энергично помогая во всемъ машинисту, быстро успѣлъ пустить въ ходъ паровой аксекторъ. Приблизившаяся «Царевна» была уже въ полной готовности принять къ себѣ людей съ «Цесаревича», если бы этотъ послѣдній сталъ тонуть окончательно. Однако же, благодаря находчивости и энергіи майора Муржеско, на катеръ все обошлось благополучно.

Всполошившіеся турки открыли между тѣмъ со всѣхъ судовъ бѣглый и сильный, но безпорядочный огонь изъ ружей и пушекъ по нашимъ лодкамъ.

Видя, что раненый мониторъ хотя и сильно осѣлъ кормомъ, но все еще держался, тогда какъ съ момента взрыва прошло уже около десяти минутъ, лейтенантъ Дубасовъ крикнулъ слѣдующей шлюпкѣ:

— Шестаковъ, начинай! Плохо тонетъ!..

«Ксенія» полнымъ ходомъ двинулась впередъ, несмотря на отовсюду направляемый въ нее сильный, горячій огонь. Лейтенантъ Петровъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и выдержкой далъ направленіе мнѣ,—и черезъ минуту новый трескъ удачнаго взрыва съ сильнымъ сотрясеніемъ отдался въ воздухѣ.

Надо отдать справедливость упорной стойкости турокъ, которые не прекратили огня, и даже во время погруженія монитора продолжали стрѣлять изъ орудій. Второй ударъ былъ намѣченъ тоже со стороны лѣваго борта, подъ самую середину, и вся масса монитора тотчасъ же вслѣдъ за нимъ тихо и уже окончательно погрузилась въ воду.

«Ура» нашихъ моряковъ дружно и единодушно грянуло со всѣхъ шлюпокъ, при видѣ смерти грознаго броненосца. Но тутъ вышелъ случай, который для «Ксенин» и ея экипажа могъ бы имѣть самыя печальныя послѣдствія. Вслѣдъ за вторымъ взрывомъ, съ монитора посыпалось въ воду и на шлюпку множество всякихъ осколковъ даже цѣлая тяжелая дверь упала въ нее около кормы, чуть было не убивъ ближайшихъ матросовъ, и «Ксенія» запуталась своимъ винтомъ въ массу этихъ обломковъ. Механизмъ пересталъ дѣйствовать, такъ что шлюпка не могла двинуться ни взадъ, ни впередъ. Лейтенантъ Шестаковъ, видя приближавшуюся непріятельскую шлюпку, приказалъ чetyремъ своимъ стрѣлкамъ отвѣчать на огонь противника, и самъ пустилъ въ дѣло свой револьверъ, распоряжаясь въ то же время, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Петровымъ, работой надъ освобожденіемъ винта изъ хаоса опу-

¹⁾ Кто идетъ? или, еще вѣрнѣе, кто это есть?

тавших его осколков. Встрѣченная выстрѣлами, непріятельская шлюпка отошла. Остальные шлюпки все это время оставались под сильным огнемъ. Въ «Джигита» (катеръ мичмана Персина) хватило турецкое ядро и сдѣлало въ его кормѣ пробиву, а вмѣстѣ съ этимъ другой снарядъ упалъ въ воду около самага носа того же катера и, поднявъ сильный и высокій всплескъ, залилъ его водой. Мичманъ Персинъ тотчасъ же далъ полный ходъ, подчаливъ къ берегу и на-скоро принялся заткнуть пробиву просаленной ленькой, но тутъ, на бѣду, и его винтъ запутался въ вѣтвяхъ затопленных кустарниковъ. Не малыхъ и долгихъ усилій стоило «Джигиту» высвободиться подъ огнемъ изъ этого подводнаго капкана, а тѣмъ временемъ часть его команды, чтобы не сидѣть безъ дѣла, сожгла стоявшую вблизи турецкую караулку. «Цесаревичъ», все еще наполненный водой, не могъ пока маневрировать и потому былъ лишентъ возможности подать ему помощь. Но наконецъ, благодаря майору Муржеско, успѣли откачать воду, а тѣмъ часомъ освободили свои винты «Джигитъ» и шлюпка лейтенанта Шестакова.

Къ этому времени востокъ уже быстро сталъ заниматься зарею, такъ что всѣ предметы вблизи и даже вдаль могли быть ясно различаемы, а вмѣстѣ со свѣтомъ еще болѣе усилился и огонь противника. Какъ только обшлюпки управились со своими винтами, лейтенантъ Дубасовъ приказалъ флотиліи начинать отступление, послѣ чего она вскорѣ благополучно вышла изъ-подъ выстрѣловъ и возвратилась въ Браиловъ. Къ удивленію всѣхъ, это лихое, горькое дѣло не стоило намъ ни единой потери; по повѣркѣ, даже и раненыхъ не оказалось⁴⁾. Вотъ что значатъ быстрота, внезапность атаки и беззапятная рѣшимость довести ее до конца во что бы то ни стало! Вся исторія продолжалась не болѣе двадцати минутъ, и во все время боя участники его съ нашей стороны успѣли выказать замѣчательное спокойствіе и самообладаніе; все исполнялось отчетливо и вѣрно, словно это былъ не бой, а простое ученіе; никто не позволялъ себѣ даже громкаго возгласа, за исключеніемъ, конечно, «ура», когда мониторъ окончательно пошелъ ко дну. Честь и слава нашимъ морякамъ-героямъ! Пускай у насъ нѣтъ пока флота,—онъ будетъ, онъ создастся, лишь бы были подобные моряки, а они есть, они не перевелись... Духъ Петра I, духъ Орлова-Чесменскаго, Лазарева, Нахимова, духъ славныхъ дѣ-

довъ и отцовъ всецѣло продолжаетъ жить и въ дѣтахъ

Наши молодцы успѣли снять и флагъ съ потопленнаго ими монитора. 15-го числа вечеромъ великій князь главнокомандующій послалъ въ Петербургъ нарочнаго курьера, дабы повергнуть этотъ нашъ второй дунайскій трофей нынѣшней войны къ стопамъ монарха. Въ тотъ же день (15-го) къ обѣду его высочества прибыли вызванные по телеграммѣ герои совершившагося событія, лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ. Въ это время была уже получена телеграмма государя императора, выражающая удовольствіе и признательность его величества молодцамъ-морякамъ за ихъ подвигъ, въ воздаяніе коего оба они пожалованы орденомъ св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени. Главнокомандующій собственноручно навѣсилъ на грудь обоимъ офицерамъ по кресту, изъ числа своихъ собственныхъ орденовъ, и предложилъ за обѣдомъ тостъ въ честь этихъ первыхъ нашихъ въ настоящую войну георгиевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга и за здоровье всего русскаго флота. Прочіе участники молодецкаго дѣла представлены къ соотвѣственнымъ наградамъ.

На этой лихой и оригинальной атакѣ заканчивается лѣтопись перваго мѣсяца нашихъ военныхъ дѣйствій. Попытаемся же теперь сдѣлать общій выводъ изъ фактовъ этого періода времени:

1) Черезъ 12 часовъ по объявленіи войны, кавалерія наша уже захватываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, сдѣлавъ для этого болѣе ста верстъ и не имѣя при томъ ни отсталыхъ, ни заболѣвшихъ людей и лошадей; всѣ лошади пришли съ дѣлыми спинами, и третья часть всадниковъ тотчасъ же, безъ отдыха, отправилась на трудную сторожевую и развѣдную службу. Таковой результатъ нашего казачьяго «набѣга», можно сказать не хвалясь,—стоитъ любого американскаго «рейда», которые получили въ военномъ мѣрѣ такую почетную извѣстность въ войну за освобожденіе негровъ.

2) Пѣхота наша въ тотъ же день проходить 70 верстъ и занимаетъ Рени и Галацъ—два пункта первостепенной важности, а особенно послѣдній. Этотъ истинно Суворовскій переходъ даетъ намъ возможность убѣдиться, что наши молодые войска воспитательною подготовкою мирнаго времени отлично приучены къ перенесенію тяжкихъ трудовъ военнаго похода.

3) О нравственномъ значеніи рѣшимости двухъ легкихъ полевыхъ орудій не задумываясь дѣйствовать противъ двухъ броненосцевъ, мы уже высказались раньше. Но здѣсь слѣдуетъ теперь обратить полное вниманіе на степень подготовки и знаніе дѣла нашихъ, опять таки молодыхъ, артиллеристовъ. Легкія

⁴⁾ «Только волею Всемогушаго Провидѣнія—говоритъ лейтенантъ Дубасовъ въ своемъ донесеніи—могу я себѣ объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ того неистоваго огня, который турки въ послѣдности ли, въ испугъ ли открыли по намъ и поддерживали, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ».

Военная жизнь въ Плоештахъ.

орудія въ нѣсколько выстрѣловъ сбиваютъ у одного монитора трубу и руль, не говоря уже о потерѣ людьми, у другого же пробиваютъ и зажигаютъ палубу; а въ дѣлѣ 29-го апрѣля два мѣткіе выстрѣла сразу пускаютъ ко дну броненосецъ, потеря котораго выражается не однимъ милліономъ рублей не только для турокъ, но и для англичанъ, у которыхъ всѣ турецкія броненосныя суда, какъ извѣстно, находятся въ залогѣ. Значительно было нравственное воздѣйствіе на жителей Браилова уже и того факта, что наши легкія орудія, нанеся уронъ броненосцамъ, заставили ихъ ретироваться; но что сказать о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ не только на браиловцевъ, но и на всю Румынію, взрывъ «Лютфи-Джеліи!» Двѣ недѣли назадъ, когда войска наши только-что вступали въ это Княжество, здѣсь не было увѣренности: боялись и Европы (т. е. австрійцевъ), боялись и перехода турокъ черезъ Дунай; но эти удачныя дѣйствія внушили нашимъ сосѣдямъ, а нынѣ хозяевамъ, нравственное довѣріе къ нашей силѣ и умѣнью.

4) Минныя загражденія главнаго русла Нижняго Дуная и Мачинскаго рукава, а также и всѣ инженерныя работы по возведенію прибрежныхъ укрѣпленій вполнѣ окончены нами въ десятидневный срокъ, на пространствѣ отъ Рени до Браилова, и такимъ образомъ переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай, если бы обстоятельства указали необходимость ея именно на этомъ пространствѣ, совершенно уже была обезпечена для насъ сверху и снизу теченія рѣки отъ всякихъ покушеній противника, коль скоро онъ не пожелаетъ безполезно влетѣть на воздухъ, наткнувшись на первую же подводную мину. При этихъ специальныхъ работахъ, какъ саперы, такъ и моряки съ гальванерами, показали себя вполнѣ достойными своего почтеннаго назначенія.

5) Четыре шлюпки рѣчной флотиліи рѣшаются напасть на большой мониторъ, стоящій въ ближайшемъ сосѣдствѣ другихъ военныхъ судовъ, и двѣ изъ нихъ въ нѣсколько минутъ пускаютъ его ко дну. Обстоятельство это, не говоря уже о почти невѣроятной, геройской рѣшимости исполнителей — моряковъ, само по себѣ на столько важно, что заставляетъ призадуматься о степени полезности дорога стоящихъ броненосцевъ. Въ европейской печати уже высказываются сомнѣнія, стоитъ ли убивать на сооруженіе ихъ цѣлыя милліоны, если достаточно одной смѣлой шлюпки, чтобы все это богатство въ минуту пустить ко дну!

И такъ, вотъ каковы результаты перваго мѣсяца нашей дунайской кампаніи.

Ожиданія прибытія государя императора къ арміи.—Распределеніе квартиръ и помѣщеній.—Объединенный столъ у главнокомандующаго.—Походная церковь.—Иностранные военные агенты.—Русскій гарнизонъ въ Плоештахъ.—Смотры проходящихъ войскъ и состояніе послѣднихъ послѣ похода.—Офицеры будущихъ болгарскихъ конныхъ сотенъ.—Повседневная жизнь русскихъ въ Плоештахъ.—Произвольные денежные курсы.—Обсчитываніе офицеровъ и солдатъ.—Еврейская эксплоатація.—Опять шпионы.—Желѣзно-дорожныя несчастія и „случаи“. — Общественная и уличная жизнь въ Плоештахъ.—Садыкъ „Молдавія“. — Цыганская музыка. — Румынское общество.—Тымыдурскій „старецъ“ Геласій.—Типъ „цивилизованнаго“ румына.

Плоешты, 25-го мая.

Самое крупное событіе, которымъ занята теперь армія, отъ высшихъ до низшихъ чиновъ, это—предстоящій пріѣздъ государя императора въ Плоешты. Уже около десятыхъ чиселъ мая стали у насъ поговаривать, что государь пріѣдетъ въ непродолжительномъ времени и что съ его величествомъ придутъ къ намъ наслѣдникъ цесаревичъ и великіе князья Владиміръ и Сергій Александровичи. И дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени слухи и разговоры стали постепенно переходить въ область совершающагося факта. По городу закипѣла спѣшная работа: онъ мостился, чистился, охоранивался въ своей пестрой, полуевропейской, полуазиатской, но вообще довольно миловидной и оригинальной наружности; румынскіе комиссары цѣлыми днями рыскали по городу и разбѣжали въ „биржахъ“, т. е. въ фактонахъ, вмѣстѣ съ чинами комендантскаго управленія, отводя квартиры для ожидаемыхъ гостей. Великій князь главнокомандующій лично выбралъ и осмотрѣлъ въ подробностяхъ помѣщенія для его величества, для наслѣдника цесаревича и прочихъ лицъ царствующаго дома. Для квартиры его величества избранъ домъ г. Николеско, состоящій изъ семи комнатъ, изъ которыхъ только пять предназначаются для личнаго помѣщенія государя. Наслѣдникъ цесаревичъ будетъ квартировать въ сосѣднемъ домѣ. Министры двора и военный съ государственнымъ канцлеромъ размѣстятся въ ближайшихъ домахъ. Помѣщенія наняты срокомъ на шесть мѣсяцевъ, и за квартиру для государя императора уплачено 12,000 австрійскихъ гульденовъ. Комнаты этой квартиры отдѣляются заново, просто, но изящно, подъ руководствомъ румынскаго правительственнаго комиссара. Для верховыхъ, экипажныхъ и конвойныхъ лошадей строятся три громадные барака на 250 стойлъ, а для экипажей приготовлено отдѣльно пять просторныхъ сараевъ. Мѣстные домовладѣльцы уже заранѣе запасаются декоративными украшеніями, а въ правительственныхъ зданіяхъ

приступают къ уборкѣ наружныхъ фасадовъ флагами и гирляндами. Два дня спустя послѣ выбора помѣщеній для высочайшихъ особъ, стали понемногу подъѣзжать въ Плоешты и лица императорской квартиры,—такъ, приѣхали: генералъ-адъютантъ князь Витгенштейнъ, нѣсколько генераловъ свиты и флигель-адъютантовъ, а 21-го мая прибыли великій князь Владиміръ Александровичъ и герцоги Лейхтенбергскіе—Николай и Сергій Максимилановичи. Къ 21-му же числу перебрался, наконецъ, изъ Кишинева и штабъ дѣйствующей арміи въ полномъ своемъ составѣ; предпоследними прибыли военная инспекція госпиталей и полевое медицинское управление, а послѣднимъ — главное полевое казначейство. Появился и новый комендантъ главной квартиры, генералъ-майоръ Штейнъ, бывшій начальникъ учебнаго эскадрона, назначенный нынѣ вмѣсто генерала Воейкова, который получилъ назначеніе въ Москву,—и съ прибытіемъ новаго коменданта, дѣятельность по приготовленіямъ къ приѣму его величества и по отводу квартиръ закипѣла еще энергичнѣе. Впрочемъ, большинство жителей довольно охотно уступали свои помѣщенія, такъ что нашлось мѣсто и удобство всѣмъ—и лицамъ императорской квартиры, и многочисленнымъ служащимъ въ штабѣ, его отдѣлахъ и управленіяхъ дѣйствующей арміи. Походная канцелярія его величества помѣстилась въ обширномъ зданіи городской префектуры, гдѣ въ одной изъ залъ открытъ теперь гофмаршалскій столъ для императорской свиты, а лица главной квартиры главнокомандующаго и полевого штаба имѣютъ столъ у его высочества. Такъ какъ домъ, занимаемый великимъ княземъ главнокомандующимъ, весьма не великъ, а между тѣмъ къ завтраку и обѣду ежедневно сходятся до ста человѣкъ, то походнымъ гофмаршаламъ его высочества, генералъ-майоромъ Галомъ, было прислано соответственное помѣщеніе въ обширномъ зданіи мужской гимназіи, находящейся не болѣе какъ въ полутораста шагахъ отъ квартиры великаго князя. Здѣсь, къ 11-ти часамъ дня, сходятся во дворъ весь штабъ, иностранные военные агенты и особо приглашенные лица, поджидающіе главнокомандующаго, который приходитъ всегда въ сопровожденіи начальнаго штаба; затѣмъ всѣ тотчасъ же, за его высочествомъ, направляются наверхъ, въ обширную актовую залу, къ закускѣ и завтраку, а къ часу всѣ уже расходятся къ своимъ занятіямъ, и вновь собираются на томъ же дворѣ къ шести часамъ по полудни, къ обѣду. Гимназическое начальство изукрасило эту залу гирляндами и вѣнками изъ словыхъ вѣтвей, вензелемъ его высочества и флагами съ надписями на румынскомъ языкѣ. Въ длину всей комнаты стоитъ довольно узкій, длинный столъ, составленный изъ складныхъ походныхъ столовъ и сервиро-

ванный въ высшей степени чисто, но совершенно просто. Здѣсь, вмѣсто фарфора и хрустала, употребляются металлическая посуда и толстое, небьющееся стекло, а вмѣсто стульевъ, вдоль стола протянуты простые тесовыя скамейки; завтракъ состоитъ изъ двухъ, а обѣдъ изъ четырехъ простыхъ, но сытныхъ и вкусныхъ блюдъ, для питья же служатъ красное вино и пиво. Вообще, здѣсь все по походному; такъ называемыхъ «разносоловъ» и кулинарныхъ или гастрономическихъ тонкостей нѣтъ никакихъ—было бы сытно да вкусно! Прислуживаютъ за столомъ личные камердинеры его высочества и нѣсколько военныхъ денщиковъ. Иностранные военные агенты съ большою похвалою отзываются объ этомъ отсутствіи всякой роскоши, объ этой чисто-военной, походной обстановкѣ, и называютъ ее спартанскою. Единственная роскошь, допущенная сюда, заключается въ музыкѣ, которая играетъ во время обѣда. Теперь играетъ хоръ 5-го сапернаго батальона, а до его прибытія приглашаема была мѣстная цыганская музыка—небольшой оркестрикъ, составленный изъ очень оригинальныхъ инструментовъ, между которыми преобладаютъ однако струнные: скрипки, контръ-басъ, цимбалы, торбанъ и гитара, а изъ духовыхъ — «най», особаго устройства флейта о 24-хъ дудкахъ, очень напоминающая классическій инструментъ бога Пана. Цыгане эти играли и пѣли пѣснь преимущественно мѣстнаго, весьма своеобразнаго характера, и за исполненіе ихъ нерѣдко удостаивались дружныхъ рукоплесканій, по почину великаго князя.

Во время завтраковъ и въ особенности обѣдовъ, вокругъ рѣшетки собирается толпа горожанъ, охочихъ поглазѣть на русскихъ и послушать музыку: эта толпа стала замѣтно увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ началъ играть прекрасный хоръ 5-го сапернаго батальона. Сюда же, обыкновенно къ завтраку и обѣду, доставляются съ почты частныя письма и газеты, адресованныя лицамъ главной квартиры; здѣсь главный пунктъ общихъ свиданій, источникъ военныхъ, политическихъ и вообще всякихъ новостей ¹⁾.

¹⁾ Къ числу особенностей этихъ завтраковъ и обѣдовъ надо отнести одинъ обычай, издавна впрочемъ установленный у себя его высочествомъ. Великій князь хотя самъ и не куритъ, но, снисходя къ этой столь распространенной человѣческой слабости, разрѣшаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ курить въ своемъ присутствіи. Съ этой цѣлью, обыкновенно, въ концѣ каждого завтрака и обѣда, раздается вдругъ звучная команда его высочества: «вынимай патронъ», по происхожденію это такимъ образомъ, что великій князь произноситъ только предварительную команду, т. е. «вынимай па-а...», а всѣ остальные, громко и дружно, какъ одинъ человѣкъ, подхватываютъ исполнительное окончаніе слова—*ттрррррр!* На новичковъ и иностранцевъ эта неожиданность всегда производитъ эффектъ очень забавный.

На этихъ дняхъ, въ оградѣ, окружающей дворъ гимназическаго зданія, раскинулся шатеръ походной церкви его высочества, гдѣ по субботамъ и воскресеньямъ, а также и въ праздники, совершается священнослужителями главной квартиры божественная служба. Шатеръ этотъ не великъ, и потому молящіяся присутствуютъ предъ нимъ на открытомъ воздухѣ.

Изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ при главной квартирѣ находятся въ настоящее время: одинъ французскій, трое германскихъ, двое австрійскихъ, одинъ шведскій и одинъ датскій. Итальянскій военный агентъ умеръ еще зимой, въ Кишиневѣ, и съ тѣхъ поръ нѣмъ пока не замѣняетъ; англійскіе же агенты блещутъ своимъ отсутствіемъ; зато ихъ много, какъ говорятъ, въ лагеряхъ нашихъ противниковъ. Оно и лучше, пожалуй...

Собственно въ Плоештахъ войскъ весьма немного, а недавно было и еще меньше. Теперь у насъ находится: дивизіонъ Собственного Его Величества конвоя, т. е. кубанскій и терскій эскадроны, шесть болгарскихъ пѣшихъ дружинъ, стоящихъ за городомъ, въ особомъ лагерѣ, да одна пѣхотная рота, охраняющая станцію желѣзной дороги. Недавно, впрочемъ, собранъ изъ лучшихъ людей всѣхъ нѣхотныхъ частей дѣйствующей арміи особый батальонъ пяти-ротнаго состава, названный «пѣхимъ конвоемъ главнокомандующаго»¹⁾. Съ 24-го числа стоятъ у насъ бивуакомъ, и тоже за городомъ, сводный лейбъ-гвардіи Казачій полкъ²⁾, а къ 26-му ожидается конвой императорской квартиры, составленный въ размѣрѣ одной роты, одного сапернаго взвода и одного полускадрона отъ всѣхъ безъ исключенія войскъ гвардіи, подъ общимъ начальствомъ Пресображенскаго полка полковника флигель-адъютанта Озерова. Но зато, почти нѣтъ того дня, чтобы черезъ городъ не проходили эшелоны войскъ, слѣдующихъ къ своимъ окончательнымъ пунктамъ на Дунай. Войска эти проходятъ всегда въ походномъ порядкѣ, съ музыкой и пѣснями, мимо дома главнокомандующаго, при чемъ его

высочество обыкновенно смотритъ ихъ съ балкона, и каждую роту, каждую батарею и сотню встрѣчаетъ особымъ привѣтствіемъ, на которое люди отвѣчаютъ бойко и весело и затѣмъ сразу же подхватываютъ дружное «ура». Обыкновенно, въ нашихъ войскахъ водятся такъ, что когда часть идетъ съ пѣснями, то пѣсенники вызываются впередъ; теперь же въ нѣкоторыхъ полкахъ обычай этотъ измѣненъ и, пожалуй, что къ лучшему: пѣсенники остаются каждый на своемъ мѣстѣ, гдѣ ему положено быть въ строю, и такимъ образомъ на походѣ, подлаживаясь къ нимъ, поетъ почти вся рота, что для нея значительно облегчаетъ шагъ, доставляетъ болѣе развлеченія и незамѣтно сокращаетъ трудные часы перехода. А трудовъ за это время, дѣйствительно, не мало—такъ пришлось перенести нашимъ, никогда впрочемъ не унывающимъ, солдатамъ!.. Безконечные дожди, лишь нѣсколько дней смѣнившіеся едва выносимой жарой, до такой степени перепортили дороги, что не только лошади, но и волю отказывались везти наши походныя тяжести, а солдатики между тѣмъ шли себѣ да шли, въ грязи по колено, не просыхая по нѣсколько сутокъ отъ неслосныхъ дождей, ночуя на мокрыхъ бивуакахъ, починяя мосты, разрушенные и снесенные чрезвычайными въ нынѣшнемъ году весенними разливами, а то и просто путешествуя въ бродъ черезъ рѣчки, по поясъ въ водѣ, и вытаскивая въ гору изъ невылазной грязи орудія и обозныя повозки на собственныхъ своихъ плечахъ... И при всемъ этомъ, говоря относительно, видъ у людей еще достаточно бодрый, — и какъ мало больныхъ, принимая въ соображеніе всѣ жданья и неожиданныя невзгоды одного изъ труднѣйшихъ походовъ!.. И несмотря на всѣ невзгоды, почти всѣ части передовыхъ войскъ къ назначенному сроку были уже на окончательныхъ пунктахъ. Проходящія войска обыкновенно имѣютъ въ Плоештахъ дневку и стоятъ бивуакомъ на однажды избранномъ для нихъ полѣ, за желѣзно-дорожной станціей.

Недѣли двѣ назадъ, прибыли сюда гвардейскіе кавалерійскіе офицеры, штабсъ-ротмистрскіе и ротмистрскіе чиновъ, для составленія кадра болгарскихъ конныхъ сотенъ, формированіе которыхъ поручено флигель-адъютанту полковнику графу Штакельбергу, бывшему офицеру лейбъ-гвардіи Уланскаго полка³⁾.

Что касается нашего повседневнаго обихода въ Плоештахъ и вообще въ Румыніи, то прежде всего было бы очень желательно, чтобы здѣсь поменьше обирали въ лавкахъ нашего брата-офицера, а на базарѣ—солдата, и чтобы установился на русскія деньги хоть какой-ни-

¹⁾ Сформированъ по приказу главнокомандующаго отъ 8-го мая 1877 г. за № 66, и врученъ въ командованіе числящемуся по армейской пѣхотѣ полковнику Ключареву.

²⁾ Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, лейбъ-гвардіи сводный Казачій полкъ назначенъ въ конвой главнокомандующаго, взаимѣи дотолѣ находившихся при его высочествѣ л.-гв. кубанскаго и терскаго эскадроновъ Собственного Его Величества конвоя, которые съ прибытіемъ государя императора въ Плоешты, поступили въ вѣдѣніе командующаго императорской главной квартирой (приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 28-го мая 1877 г. за № 82). Вслѣдствіи эскадроны Атаманскаго полка выдѣлены были въ составъ рущукскаго отряда и состояли при главной квартирѣ государя наслѣдника цесаревича, перѣдко неся въ то же время и чисто боевыя обязанности.

³⁾ Формированіе этихъ сотенъ въ то время было отложено, и вызванные для нихъ офицеры зачислены въ штабъ болгарскаго ополченія.

будь сносный курсъ, вмѣсто нынѣшняго, совершенно произвольнаго и фантастическаго. Наши полумперіалы, которые мы покупали у евреевъ-мѣняль въ Кишиневѣ по 7 рублей 70 копеекъ, здѣсь вдругъ ходятъ даже ниже своей номинальной стоимости (5 руб. 15 копеекъ). Тутъ, при расплатахъ за кушанье и покупки, считаютъ нашъ золотой, вмѣсто 20-ти франковъ 60-ти сантимовъ (какъ слѣдовало бы), иногда за 20 фр. 40 сан., иногда 20 фр. 10, 15, сант., а иногда и просто 20 франковъ. Начинаясь протестовать, стараешься и такъ и сякъ объяснить—увы! все тщетныя усилія!.. Въ отвѣтъ только вѣжливо плечами пожимаютъ, вѣчно приговаривая свое «нушти» (не знаю, не понимаю). И платишь по неволѣ, но въ особенности жутко приходится иной разъ бѣдному солдату, у котораго нашу кредитку принимаютъ по произвольному курсу, считая рубль за два франка 40 или 35 сантимовъ, а отъ размѣннаго мелкаго серебра и вовсе отказываются: подавай имъ банковое, 84-й пробы! Во всемъ этомъ отличаются на столько же румыны, на сколько и евреи, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается значительная часть румынской торговли и промышленности. Евреямъ же должны мы быть обязаны и тѣмъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты первой необходимости, какое проявилось здѣсь вскорѣ по переходѣ нашихъ войскъ чрезъ румынскую границу. Впрочемъ, послѣднее, какъ утверждаютъ люди свѣдущіе, произошло по предварительному (конечно, не гласному) соглашенію мѣстныхъ крупныхъ евреевъ и административныхъ чиновниковъ съ еврейскими агентами и уполномоченными пресловутой компаніи Грегеръ, Горвицъ и Коганъ. По замѣчанію одного не лишеннаго остроумія чело-вѣка, мы теперь присутствуемъ здѣсь при весьма замѣчательномъ явленіи: въ прежнія времена, говорятъ оны, когда какая-нибудь Наполеоновская *grande armée* вступала въ дружественную страну и начинала ее грабить—это никого не удивляло, это почиталось вполнѣ естественнымъ и чуть ли даже не легальнымъ дѣломъ; теперь же, благодаря всемогущимъ «нашимъ и вашимъ» евреямъ, не армія грабитъ страну, а страна грабитъ армію. Это, конечно, хорошо, что наша армія гнушается прежними «цивилизованными» способами «реквизицій» разныхъ *grandes armées*; это дѣлаетъ ей величайшую честь и показываетъ высокій уровень ея дисциплины и нравственнаго развитія; но слѣдуетъ ли изъ этого, что благодаря именно таковымъ качествамъ нашей арміи, ее можно обирать по совершенному произволу того или другого эксплуататора-еврея. Эти мелкие агенты пресловутаго «товарищества по продовольствію» не довольствуются крупнымъ дождемъ серебряныхъ рублей и полумперіаловъ, ежедневно перепла-

щихъ въ ихъ укладистые карманы, но съ истинно жидовскою алчностью выгадываютъ въ свою пользу каждый мѣдный грошъ, если имъ можно попользоваться на счетъ лишняго труда безотвѣтнаго казака и солдата. Такъ, напримѣръ, казаки, разбитые на мелкія команды для дозорной службы по линіи желѣзной дорога, принуждены почти ежедневно ѣздить за двадцать—за тридцать верстъ за фуражемъ въ склады «товарищества», потому что агенты не находятъ для себя выгоднымъ снабжать сѣномъ подорожные пункты, если на послѣднихъ не стоятъ по крайней мѣрѣ полусотня; такимъ образомъ, казакъ, послѣ утомительной службы въ разѣздѣ, гдѣ ему приходится сдѣлать въ оба конца по наименьшей мѣрѣ 25 верстъ, долженъ на своей измученной лошадекѣ махать еще отъ 40 до 60 верстъ, въ оба же конца, за сѣномъ. Казаки очень ропщутъ на такіе порядки и явкокоторые изъ нихъ уже прирѣзали своихъ лошадей, единственно по причинѣ недостатка въ кормѣ. Впрочемъ, и съ ближайшихъ къ складамъ постовъ люди принуждены ежедневно ходить за три—за пять верстъ въ эти склады и таскать оттуда на собственныхъ спинахъ тюки сѣна, потому только, что «агентамъ» невыгодно переплачивать подводчикамъ лишніи 10 бани за доставку потребнаго количества фуража, вмѣсто склада непосредственно къ самому посту. Нечего говорить, на сколько такіа прогудки отнимаютъ у людей лишняго времени изъ часовъ ихъ отдыха.

Еврей, какъ извѣстно, мастера на всѣ руки, и всегда готовы служить «и нашимъ и вашимъ», лишь бы въ этой службѣ представлялась возможность выгоднаго «гешефта». Еврей и фуражъ поставлять будетъ, а иногда и шпиономъ послужитъ. А кстати о шпионахъ. Этихъ господъ тутъ теперь не мало, и не только изъ турецкихъ, но и иныхъ, и не только только евреевъ, но и изъ христіанскихъ націй. Есть между ними и мадьяры, и поляки. Въ Плоештахъ уже попало ихъ нѣсколько человѣкъ, а на этихъ дняхъ поймали даже одного гуся, украшающаго себя разными орденами, и прибывшаго сюда въ качествѣ якобы корреспондента. Впрочемъ, о немъ было здѣсь извѣстно уже заранѣе, и фотографическая его карточка находилась въ комендантскомъ управленіи. Отъ между тѣмъ пріѣхалъ въ Плоешты хлопотать о допущеніи его въ армію, какъ корреспондента одной изъ жидовскихъ газетъ, и съ этой цѣлью проникъ въ кабинетъ начальника штаба, гдѣ, какъ говорятъ, и былъ благополучно арестованъ. Всѣхъ этихъ господъ не задерживаютъ надолго въ Плоештахъ, а отправляютъ въ Кишиневъ, для заслуженныхъ послѣдствій ихъ профессіи ¹⁾. Но есть между

¹⁾ Впрочемъ, на сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ захваченныхъ шпионовъ, за все время

ними и очень ловкие. Такъ, напрямръ, намъ передавали два врача, вполне заслуживающіе довѣрія, что во время ихъ пути по желѣзной дорогѣ изъ Кишинева въ Плоешты, на одной изъ стайцій за Яссами невольно обратила на себя вниманіе одна личность, которая занималась тѣмъ, что на каждой стайціи, выглянувъ въ окно и выждавъ пока подойдетъ какой-то человекъ (на каждой стайціи особый), выбрасывала ему изъ окна какую-то бумажку, получая взамѣнъ таковую же отъ неизвѣстнаго. По указанію нашихъ офицеровъ и докторовъ, этого господина попросили наконецъ на стайціи Преваль для объясненія къ коменданту; но неизвѣстный господинъ былъ столь ловокъ, что ухитрился какимъ-то способомъ исчезнуть въ самую критическую для него минуту. Вещи его остались въ вагонѣ. Офицеры и доктора продолжали дальнѣйшій путь, и представьте себѣ ихъ изумленіе, когда по приздѣ въ Галацъ та же самая личность вдругъ опять появилась въ вагонѣ, быстро схватила свой чемоданчикъ и еще быстрее выскользнула въ дверцу. Послали казаковъ разыскивать, но того и слѣдъ простылъ. Вообще, намъ передавали нѣсколько офицеровъ, что на многихъ изъ поѣздовъ замѣчалось ими присутствіе какихъ-то подозрительныхъ личностей: войдетъ себѣ незамѣтно въ вагонъ на какой-нибудь изъ стайцій, проѣдетъ часъ, другой, и вдругъ выскочитъ изъ дверцы въ сторону противоположную багофу и быстро скроется. Впрочемъ, подобнаго сорта шпионы намъ не опасны. И въ самомъ дѣлѣ, что такое могли бы они донести туркамъ? О стратегическихъ задачахъ и предположеніяхъ изъ устъ офицеровъ никакой шпионъ не могъ бы услышать ровно ничего, такъ какъ стратегическіе планы, сосредоточиваясь въ исключительномъ вѣдѣніи начальника штаба и его помощника, генералъ-майора Левицкаго, составляютъ глубокую и непроницаемую тайну даже и для большинства весьма высоко стоящихъ лицъ арміи и штаба, а еслибы и услышали что-либо, то это было бы нѣчто, не имѣющее ровно никакихъ отношеній къ дѣйствительности; затѣмъ остается развѣ сообщать о томъ, что русскіе стягиваютъ къ Дунаю весьма значительныя силы, занимающія на большомъ протяженіи весь лѣвый берегъ, но это турки и безъ того очень хорошо сами видятъ и знаютъ; или о томъ, что какъ дисциплина и порядокъ, такъ и санитарное состояніе, и духъ войскъ, и ихъ пламенное желаніе скорѣе сразиться съ врагомъ, не оставляютъ для Россіи желать ничего лучшаго; но это все свѣдѣнія, не особенно утѣшительныя для нашего противника, и пускай

войны, не былъ у насъ наказанъ смертью: всѣ они препровождались въ тылъ, въ Кишиневъ, а оттуда въ разные города, подъ военный полицейскій надзоръ, до окончанія кампаніи.

себѣ сообщаютъ ихъ ему на здоровье, сколько угодно! Мы отъ этого не будемъ въ потерѣ.

Гораздо прискорбнѣе разныя желѣзно-дорожныя обстоятельства. Такъ, напрямръ, въ военно-транспортномъ движеніи происходили постоянныя задержки; въ теченіе нѣсколькихъ дней провалились три моста, изъ которыхъ одинъ, у Слатины, обрушился подъ пустымъ обратнымъ поѣздомъ, а 6-го мая, днемъ, не доѣзжая Слатины, произошло столкновеніе поѣздовъ, причѣмъ убитъ одинъ и ранено семь гусаровъ Кіевского полка. Великій князь начинается, наконецъ, подозрѣвать во всемъ этомъ злоумышленные дѣйствія и приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе по послѣднему якобы несчастному «случаю». Предполагать злые умыслы весьма возможно, такъ какъ желѣзно-дорожная служба въ Румыніи переполнена венгерцами и бѣглыми поляками. 3-го мая, на желѣзномъ пути между Браиловымъ и Бузео, произошелъ еще одинъ «случай». около четырехъ часовъ утра, фейерверкеръ одной изъ 9-ти-фунтовыхъ батарей 31-й артиллерійской бригады, слѣдовавшей на поѣздѣ, замѣтилъ, что на платформѣ, нагруженной артиллерійскимъ обозомъ, горитъ одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ, наполненный боевыми снарядами; на сосѣдней же платформѣ были сложены чиненные снаряды осадной артиллеріи. Перескочивъ изъ вагона на платформу, фейерверкеръ принялся тушить пожаръ, но убѣдился, что единоличными усиліями ничего не подѣлаешь, онъ на полномъ ходу поѣзда перелѣзъ по наружнымъ вагоннымъ приступкамъ въ купѣ, гдѣ находились слѣдовавшіе съ батареею офицеры. Доложивъ о грозившей бѣдѣ, онъ выскочилъ съ однимъ изъ офицеровъ и еще съ другимъ фейерверкеромъ, и пробрался опять на платформу къ горящему ящику. Здѣсь, втроемъ, они принялись тушить пожаръ, закидывая на огонь принесенныя съ собою пальто и одѣяла. Огонь ослабѣлъ, но не прекратился, такъ какъ сильное движеніе воздуха отъ полного хода локомотива постоянно его поддерживало. Къ счастью, вспомнилъ, что у капитана поставленъ самоваръ, фейерверкеръ отправился за нимъ въ офицерскій вагонъ и, съ ежеминутнымъ рискомъ слетѣть съ приступки отъ малѣйшаго неосторожнаго шага или случайнаго вагоннаго толчка, притащилъ кипящій самоваръ на платформу; тогда стали заливать огонь кипяткомъ изъ крана, тотчасъ же покрывая заливаемые мѣста одѣялами и платьемъ. Самоваръ былъ не великъ, и потому слѣдовало рассчитать такъ, чтобы воды хватало на всю горящую площадь ящика. Къ счастью, это удалось, и поѣздъ былъ спасенъ отъ неминуемаго взрыва. Ящичная стѣнка не догорѣла до гранатъ только на $\frac{1}{2}$ дюйма. Слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на сигналы и крики, машинистъ не остановилъ локомотива, отгово-

рившись потомъ, что ничего не видѣлъ и не слышалъ. Румынскіе желѣзнодорожники сваливаютъ пожаръ на искру; можетъ быть оно и такъ, но странно, что ящикъ загорѣлся не сверху, какъ естественнѣе всего было бы загорѣться отъ случайной искры, если уже допустить такую возможность, а съ исподу, куда искрѣ довольно мудрено залетѣть, но еще мудренѣе — не потушивъ, продержаться на столько, чтобы успѣть зажечь толстыя, окрашенныя доски. Дѣло это предано «волѣ Божіей».

Общественная, или точнѣе сказать — уличная жизнь въ Плоештахъ довольно развита. Городецъ, благодаря множеству садовъ и огороженныхъ пустырей, широко разметался по открытой равнинѣ, которая къ сѣверу, въ 87-ми километрахъ отъ Плоештовъ, упирается въ Карпатскія горы, блистающія въ ясные дни своими снѣжными вершинами, очень хорошо видными изъ Плоештова. Городецъ производитъ какое-то смѣшанное — полу-европейское, полу-азиатское впечатлѣніе; впрочемъ въ центральной его части сосредоточено нѣсколько небольшихъ домовъ очень изящной архитектуры. Лучшіе изъ этихъ домовъ тѣ, которые не носятъ промышленнаго характера, а приспособлены къ удобному житію для одного семейства. При такихъ домикахъ всегда находится небольшая, но гнѣздовый садикъ и нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ, украшенныхъ зеркальными шарами изъ разноцвѣтнаго стекла. Эти шары, посаженные на тычины, повидимому, предпочитаютъ здѣсь всякимъ другимъ украшеніямъ, и румыны во множествѣ натыкаютъ ихъ въ свои клумбы. Но истинную прелесть изящныхъ домиковъ составляютъ ихъ крылечки, уставленные душистыми цвѣтами, обитыя ползучими розами, виноградомъ и иными вьющимися растеніями. Здѣсь, въ теченіе всего лѣта, проводятъ время обитатели и преимущественно обитательницы этихъ домиковъ; здѣсь онѣ принимаютъ визиты, пьютъ кофе, ѣдятъ «дудльацы» (сласти), курятъ верченныя папироски, иногда занимаются рукодѣльемъ, но болѣею частію круглымъ бездѣльемъ. Для многихъ изъ насъ кажется просто удивительною эта способность румынскихъ дамъ не вставая сидѣть по нѣсколько часовъ сряду у раскрытаго окна, на крыльцѣ или на балконѣ, лѣниво глядѣть на улицу, на проходящихъ и ровнехонько-таки ничего не дѣлать — ни шить, ни вязать, ни читать; но не менѣе поразительна — по крайней мѣрѣ, на нашъ непривычный глазъ — и эта чрезвычайная, такъ сказать, откровенность и легкость ихъ костюма, который приличіе всего можно назвать спальнымъ *déshabillé*: бѣлая, пропитан кружевомъ кофта, такая же юбка и туфли, надѣтыя нерѣдко на босую ногу — вотъ и весь костюмъ румынской «кукѣны» (дамы), въ которомъ она

проводитъ свой день на крылечкѣ, въ виду всей публики, ни мало не стѣсняясь такою легкостью. Приварлаживаются «кукѣны» только къ вечеру, когда онѣ выходятъ изъ дому, выѣстъ съ мужьями или знакомыми кавалерами, послушать цыганскую музыку въ публичномъ садикѣ той или другой гостиницы.

На улицахъ, между которыми лучшія «страда де-ля-префектура» и «страда францеа», съ утра до ночи толчется не мажъ празднаго народа изъ низшихъ сословій, преимущественно предъ гостепріимными и широко раскрытыми дверями разныхъ «кырчумы» (кабачковъ), заражающихъ окрестный воздухъ отвратительно-спиртуознымъ запахомъ ракіи и мастики. Но въ этихъ кучкахъ праздныхъ зѣвакъ нѣтъ того оживленія, которое, казалось бы, такъ должно быть свойственно южнымъ народамъ; тупо глаза на что-нибудь, случайно обратившее на себя ихъ вниманіе, они стоятъ на мѣстѣ, словно пришибленные подавляющею апатіей, скукой и лѣнью; иногда только для разнообразія жестоко подерутся между собою и идутъ въ свою излюбленную «кырчуму» запивать мировую, къ чему всегда присоединяется и полицейскій хожалый, являющійся на шумъ, якобы для разбирательства. Юркость уличному движенію сообщаютъ только непосѣдливые, вездѣсущіе жидки, которые свнуютъ туда-сюда, вынюхиваютъ, высматриваютъ и назойливо пристаютъ къ русскимъ офицерамъ съ разными предложеніями, въ качествѣ факторовъ, коммисіонеровъ, штучныхъ продавцовъ, ручныхъ торговцевъ и всевозможныхъ «гешефтсъ-мэхеровъ». Здѣсь нѣтъ, какъ у насъ, правительственнаго запрета ни на пейсы, ни на традиціонный еврейскій костюмъ, и потому сыны Израиля зачастую встрѣчаются на улицахъ и базарахъ, такъ сказать, во всей своей неприкосновенности. Однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ уличнаго сборища является небольшая площадка предъ такъ-называемой «Примаріей», гдѣ помѣщается пожарная команда (*pompiéri*). Эту команду почти ежедневно выводятъ на площадку для ученья, но не пожарнаго или гимнастическаго, а для артиллерійскаго, почему каждый разъ выкатываютъ изъ сарая, называемаго «батерія помпieri», двѣ старинныя пушки. При чемъ тутъ пушки и съ какой стати понадобилось для пожарныхъ артиллерійское ученье — ужъ это Богъ вѣсть; но народъ очень любитъ глядѣть, какъ помпьеры, громко выкрикивая и отсчитывая каждый темпъ, обучаются старинными приѣмамъ при орудіяхъ. Иногда улицы оживляются также очень своеобразнымъ шествіемъ гражданской гвардіи и резервистовъ на учебный плацъ. Представьте себѣ самый нестрый сбродъ всевозможныхъ «цивильныхъ» костюмовъ, отъ крестьянской рубахи до щегольской жакетки и фрака, сплошь обритыя лица и рядомъ фізіо-

номіи, украшенныя всевозможной растительностью, цилиндры, смуниковыя шапочки, долгополыя шляпы, очки, пенсы и монокли, пестрые штаны и жилетки, лакированныя сапоги и рядом голыя ноги, высокія и низенькія, толстыя и тощія фигуры этихъ гражданъ-воиновъ, кое-какъ поставленныхъ въ ряды, безъ разбора и ранжира, вооруженныхъ тесаками и ружьями, и переважно шествующихъ по улицамъ, не иначе какъ подъ звуки рожковъ и барабановъ, съ развернутымъ батальоннымъ знаменемъ и пестрыми ротными значками, въ сопровожденіи досужей толпы и прыгающихъ между рядами мальчишекъ. Картина эта если и не воинственна, зато очень оригинальна. Впрочемъ, съ прибытіемъ русскихъ войскъ, какъ слышно, румынскихъ гражданъ обуялъ очень воинственный духъ, и потому они весьма охотно стали удѣлять отъ своихъ домашнихъ занятій разъ или два въ недѣлю по часу времени для бранныхъ упражненій на учебномъ плацъ-парадѣ. Въ особенности одѣвались воинственныя разныя газетчики, адвокаты, аптекаря и лавочники; что же касается до простыхъ ремесленниковъ, которымъ дорогъ каждый рабочий часъ, и до босоногихъ гражданъ, любящихъ проводить свой день у дверей кабачковъ въ пріятномъ бездѣльи, то воиновъ этихъ двухъ категорій — какъ рассказываютъ здѣсь — приходится загонять на сборный пунктъ, по большей части, съ помощью принудительныхъ мѣръ полицейскаго характера.

Трактирчики и кофейни въ Плоештахъ съ утра и до поздней ночи переполнены мѣстными чиновниками, шеголеватыми офицерами, докторами, адвокатами, депутатами и т. п. — вообще, людомъ средняго сословія, для котораго наивысшій интересъ представляетъ политика и политическое пустословіе. Всѣ они очень любятъ спорить, слушать и передавать всяческія политическія новости и сплетни, соиздать самыя курьезныя политическія комбинаціи и планы. Любимѣйшее чтеніе этихъ господъ или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, что понимаютъ по-нѣмецки, — вѣнская «Neue Freie Presse», почти единственная распространенная здѣсь газета — другой изъ-заграничныхъ не увидишь ни въ одномъ ресторанѣ. Достаточно назвать ее, чтобы не опредѣлять далѣе направленія мыслей, взглядовъ и сочувствій къ намъ ея многочисленныхъ румынскихъ читателей и почитателей. Изъ румынскихъ органовъ печати наиболѣе распространена въ Плоештахъ маленькая газетка «Vestea», форматомъ не болѣе нашего «Гражданина». Печатается она въ Бухарестѣ очень четко, въ три столбца и заключаетъ въ себѣ на четырехъ страничкахъ все, что угодно въ видѣ газетныхъ выжимокъ, отъ передовой статьи въ двадцать строкъ до фельетона какого-то г. Леандру, и стоитъ 20 франковъ въ годъ, —

цена, соответственно ничтожному объему газетки, далеко не маленькая. У мѣстныхъ болгаръ тоже есть свой органъ «Семидневный Новинарь», объемомъ и форматомъ не превышающій «Vestea» и служащій интересамъ партіи, преданной Россіи и ратующей за свободу Болгаріи. Въ тѣхъ же кофейняхъ, вмѣстѣ съ политическимъ празднословіемъ, идетъ публично жестокая игра въ кости и въ карты, до которыхъ румыны, судя по здѣшнимъ образчикамъ, большіе охотники. Шулеровъ при этомъ, конечно, прѣпасть, и все это алчно-пытливыми взглядами окадываетъ русскаго офицера, если тотъ случайно подойдетъ къ игорному столу; но наши пока не поддаются соблазну.

При двухъ-трехъ гостиницахъ здѣсь существуютъ внутреннія садики, съ буфетомъ, эстрадою для цыганъ-музыкантовъ и даже съ маленькою сценою для фарсовъ и шансонетокъ, которыя впрочемъ теперь не исполняются за неимѣніемъ артистовъ. Садики эти очень напоминаютъ варшавскіе «огрудки» съ какой-нибудь «Фреты» или «Длугой улицы», да и буфеты-то въ нихъ держатъ преимущественно поляки, и чуть ли не эмигранты; по крайней мѣрѣ, они хорошо объясняются по-польски, и это обстоятельство для многихъ изъ нашихъ офицеровъ, стоявшихъ въ Польшѣ и не понимающихъ румынскаго языка, служитъ большимъ подспорьемъ; а не будь здѣсь этихъ бѣглыхъ поляковъ, плохо пришлось бы не одному голодному желудку. Они очень услужливы и, судя по наружности, никакой вражды къ намъ не питаютъ. Наибольшую популярностью между трактирными садиками пользуется «Молдавія». Здѣсь, подъ сѣнью бѣлыхъ акацій и цвѣтушихъ олеандровъ, за круглыми столиками, при звукахъ цыганскаго оркестра, собирается по вечерамъ чуть ли не все русское офицерство. Посѣщаютъ порою «Молдавію» и лица высоко стоящія въ нашей военной іерархіи. Тутъ же бываетъ много мужчанъ и дамъ мѣстнаго румынскаго общества, которое впрочемъ держится совершенно отдѣльно отъ русскихъ. Нѣкоторые мужчины иногда еще кое-какъ сходятся съ нами и вступаютъ въ разговоры, но дамъ своихъ ревниво оберегаютъ отъ всякаго общаженія съ русскими, тщательно избѣгая приглашать послѣднихъ въ свои семейства. Наши, съ своей стороны, и не навязываются на знакомство, хотя многія румынскія дамы находятъ возможность къ нему помимо воли и вѣдома своихъ супруговъ. Русское общество проводитъ свободные вечера въ «Молдавіи», разбившись на пріятельскіе кружки, за кружкою пива или бутылкою мѣстнаго вина. Иностранныхъ вьютъ въ Плоештахъ, за исключеніемъ поддѣльнаго австрійскаго шампанскаго, почти совсѣмъ не обрѣтается, а если и есть, то такого подозрительнаго качества, что нужна

не малая рѣшимость ихъ попробовать. Но мѣстные вина вообще не дурны, попадаютъ не рѣдко даже и очень хороши; въ среднихъ же сортахъ наиболѣе расписывается «*relin*» (похвальное),—это виноградное бѣлое вино, нѣсколько горьковатое, вслѣдствіе подмѣси полыни, но довольно пріятное на вкусъ и стоящее недорого: $\frac{1}{2}$ франка полубутылка. Къ сожалѣнію, здѣсь невозможно пить чай: его окончательно не умѣютъ заваривать, а именно: щепотъ чаю кидаютъ въ кастрюльку холодной воды и начинаютъ кипятить на плитѣ, а то и просто ставятъ въ печку, въ результатѣ чего получается мутно-желтоватая бурда неопредѣленнаго вкуса.

Въ «Молдавіи» играетъ небольшой цыганскій оркестръ, подъ управленіемъ вѣского Добрика Маринеско, который игралъ и во время обѣдовъ у великаго князя. Въ первый же вечеръ, какъ появились здѣсь русскіе, этотъ Добрика, примѣняясь къ мѣстнымъ вкусамъ, сталъ было наигрывать изъ «Ангѳ» и всякую другую Оффенбаховскую дребедень, да еще въ добавокъ наигрывать весьма плохо. Нашимъ это не понравилось и они попросили его лучше сыграть что-нибудь мѣстное, народное. Цыгане заиграли свою «Садарѳму», гдѣ въ началѣ чрезвычайно своеобразные то-скливые звуки переходятъ потомъ въ бѣшено-страстный темпъ пляски, съ аккомпанементомъ соловьиныхъ высвистовъ на 24-хъ-ду-дочной свирѣли. Нашимъ это очень понравилось, такъ что они собрали между собой до десяти рублей и высыпали свою складчину изъ шапки музыкантамъ. Но такое щедрое поощреніе далеко не понравилось румынской публикѣ, которая не имѣетъ обыкновенія баловать цыганъ какими бы то ни было поощреніями, кромѣ рукоплесканій, и потому на нашихъ офицеровъ посыпались съ разныхъ концовъ ироническіе взгляды и улыбки. Съ того самого вечера Добрика Маринеско, со своимъ оркестрикомъ, въ угоду русскимъ офицерамъ, сталъ пѣть и играть исключительно румынскія пѣсы, между которыми пѣсни народныя носятъ характеръ раскодій, а въ романсахъ не рѣдко попадаютъ очень милые и граціозные мотивы, какъ напримѣръ «Цара Романеска» и «Копелица». Румыны положительно не понимали, что это можетъ нравиться намъ «въ такой дикой, грубой, мужицкой музыкѣ», и въ началѣ не рѣдко случалось такъ, что чуть лишь офицеры потребуютъ «Пѣсню Гайдюка» или «Дойну», какъ румыны принимаются кричать «*Angô! Angô!.. Barbe bleue!.. Belle Hélène!..*» Но въ послѣдствіи они примирились съ нами на одной пѣсенкѣ «*Postillon*», и то потому лишь, что она вѣнскаго происхожденія. Вскорѣ звуки этого «Постильона» дотакое степени стали популярны, что отъ нихъ, просто, дѣваться было некуда въ Румыніи.

Среди румынской публики въ той же «Молдавіи» засѣдаетъ не рѣдко и румынское духовенство, между которымъ особенно характеренъ показался мнѣ одинъ молодой священникъ-франтъ; онъ ведуренъ собой и, казись, не только сознаетъ это самъ, но и другимъ достаточно даетъ чувствовать,—такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по его изысканному костюму: коротенькой шелковой раскѣ, «*при-перловымъ*» перчаткамъ, свѣтлымъ пронелевымъ ботинкамъ, по завитымъ и распомаженнымъ усикамъ, по золотому пенсону на нахальномъ носу, по запаху очень сильныхъ духовъ «*Chyрге*», пропитавшихъ всю его особу, и, наконецъ, по фатовато-изломаннымъ манерамъ, которымъ онъ старается придать изысканную небрежность свѣтскаго денди. Попиетъ этотъ, что называется, баловень дамъ: всегда окруженъ молодыми женщинами, которыя за нимъ ухаживаютъ, а онъ какъ бы снисходительно позволяетъ имъ окружать себя предупредительнымъ вниманіемъ и любезностями.

Впрочемъ, надо сказать, что этотъ служитель алтаря составляетъ довольно выдающееся явленіе между румынскими священниками, которые, при полномъ религіозномъ индифферентизмѣ свѣтскаго общества, не только не пользуются въ немъ какимъ-либо авторитетомъ, но держатся, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Къ ихъ посредству прибѣгаютъ только за самыми необходимыми гражданско-духовными требамъ, какъ крестины и похороны, да еще въ тѣхъ случаяхъ, когда надо повѣнчать сомнительно-легальный бракъ или учинить разводъ супруговъ, что здѣсь дѣлается очень легко и быстро, а главное дешево; поэтому въ обществѣ, какъ увѣряютъ люди свѣдущіе, не въ рѣдкость можно встрѣтить дважды разведенныхъ дамъ, вышедшихъ замужъ въ третій разъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, болтающихъ въ свѣтскихъ гостиныхъ съ обоями своими бывшими мужьями, которые присутствуютъ тутъ же, на лицо, выстѣ съ третьимъ, настоящимъ супругомъ.

Верстахъ въ трехъ отъ Плоештовъ, среди великолѣпной рощи старорослыхъ дубовъ, пріютился маленький монастырекъ Тымыдунскій—«*извору Тымыдуре*», какъ называютъ его румыны. Здѣсь находится неистощимый ключъ, прекрасная вода котораго напоминаетъ вкусомъ и прозрачностью нашу невскую. Ключъ бьетъ изъ камня, и къ нему ежедневно стекаются изъ Плоештовъ сотни народа—отдохнуть подъ густолиственной сѣнью рощи, на роскошной муравѣ и отвѣдать воды, которая нѣкоторыми почитается даже цѣлебной. Люди зажиточные присылаютъ сюда осликовъ, навьюченныхъ боченками, и запасаются монастырской водой на цѣлые сутки для домашнихъ надобностей. Въ Румыніи, да и вообще

на югѣ, при томительной духотѣ и палящемъ солнцѣ, хорошая холодная вода въ большомъ почетѣ и составляетъ предметъ необходимой потребности въ такой мѣрѣ, что особые продавки разносятъ ее даже по улицамъ и продаютъ на стаканы; такимъ образомъ Тымыдунскій ключъ въ лѣтніе мѣсяцы служитъ источникомъ дохода для нѣсколькихъ десятковъ бѣдняковъ. Сюда же не рѣдко наѣзжаютъ и люди мѣстнаго свѣтскаго общества устраивать себѣ веселые пикники, а по ихъ приѣзду стали ѣздить и наши офицеры, запасаясь обыкновенно какимъ нибудь коммисіонеромъ, который могъ бы служить переводчикомъ. Въ Тымыдунѣ есть викарный архимандритъ или «старецъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, отецъ Геласій, который знаменитъ чуть ли не на всю Румынію изобрѣтенной имъ «апой», сирѣчь водой. «Ана отца Геласія» извѣстна здѣсь въ каждой аптекѣ и, по словамъ ея изобрѣтателя, «помогаетъ отъ всѣхъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, а наипаче отъ разслабленія желудка». Это чрезвычайно крѣпкій, отлично очищенный спиртъ съ легкимъ ароматическимъ букетомъ, въ родѣ fleur d'oranger'a, и отецъ Геласій—веселый, радушный хозяинъ—любитъ имъ немножко поковарствовать надъ своими новыми гостями. «Дульчацы» въ здѣшнемъ гостепріимствѣ—необходимѣйшій элементъ каждаго визита, и потому отецъ Геласій любезно преподноситъ своимъ гостямъ небольшой стаканъ «апы», смѣшанной съ сахарнымъ порошкомъ—однѣмъ на всѣхъ, да больше и не требуется. Гости, бесѣдуя чрезъ переводчика съ хозяиномъ, смакують маленькими деревянными ложечками его «дульчацы», замѣчательный тѣмъ, что крѣпость его при употребленіи вовсе не ощущается, — кажется, будто пробуешь очень пріятный и нѣжный шербетъ, но въ результатѣ незамѣтно опорожненнаго нѣсколькими человѣками стакана — всѣ привезенные съ собой для пикника напитки оказываются совершенно излишними. Гостепріимство свое тымыдунскій «старецъ» обыкновенно заканчиваетъ тѣмъ, что благословляетъ гостей монастырскимъ хлѣбомъ и даритъ каждому на память по деревянной, обѣденной и чайной ложкѣ, собственной своей, весьма искусной работы. Конечно, его отдариваютъ за это обща серебрянымъ рублемъ, а иногда и червонцемъ. Отецъ Геласій — 67-ми-лѣтній, но еще бодрый старикъ—монахъ совсѣмъ стараго покроя, хорошо помнитъ графа Дибича, которому въ молодости своей однажды былъ лично представленъ, съ увлеченіемъ рассказывающъ о войнѣ 1828 года, гдѣ самъ принималъ участіе волонтеромъ, сохранивъ въ памяти имена и многихъ другихъ нашихъ генераловъ и офицеровъ того времени.

— А что, живъ ли капитанъ Антоновъ,

мой большой пріятель?—добродушно освѣдмлялся у насъ старецъ. Если живъ, то я полагаю, долженъ быть теперь большимъ генераломъ, потому что онъ былъ большой храбрости капитанъ, — о! весьма большой храбрости!

Очень интересуясь нынѣшней войной, отецъ Геласій заявляетъ съ видимою искренностью, что молится каждый день о ниспосланіи русскимъ побѣды и прибавляетъ: «пора, пора! давно уже пора вамъ было придти сюда!»

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ: чуть только попадетесь въ здѣшнихъ мѣстахъ уцѣлѣвшій осколокъ стараго времени—будетъ ли то отецъ Геласій, или «майка а домилул Калуда Димитріу»—сейчасъ предъ тобой встаетъ цѣлый человѣкъ какъ будто совсѣмъ другого міра, не имѣющій ничего общаго съ нынѣшнимъ «цивилизованнымъ» румыномъ.

Въ нынѣшнихъ «цивилизованныхъ» субъектахъ этой расы есть нѣчто отталкивающее (не говорю, конечно, о всѣхъ поголовно) и это—именно ихъ безпредѣльное фанфаронство, самомнѣніе, самонадѣянность, хвастовство и замѣчательная легкомысленность. Они считаютъ себя высшей расой въ человѣчествѣ, прямыми потомками древнихъ римлянъ, преемственными носителями идей европейской цивилизации и свободы, много толкуютъ о «миссіи румынъ», о своемъ важномъ международномъ и государственномъ значеніи для равновѣсія Европы — дескать, на чью сторону вѣсовъ будетъ брошенъ румынскій мечъ, тому и достанется побѣда; наши корреспонденты уже передавали знаменитое изреченіе одного изъ этихъ «носителей»—«*N'ayez pas peur—vous savez avec vous!*»—Послушать этого сорта румынъ, такъ ихъ парламентъ самый образцовый въ мірѣ, ихъ ораторы блещутъ Демосеновскимъ и Цицероновскимъ гениемъ, и къ ихъ заявленіямъ должны прислушиваться, а не рѣдко и соображаться съ ними «кабинеты» и политики всей «цивилизованной Европы», ихъ журналистика «высоко держитъ свое знамя» и играетъ почетную роль даже и за предѣлами Румыніи; но паче всего льститъ имъ увѣренность, что они, будучи «самой древней» націей Европы, въ то же время и ея самая молодая, самая передовая и либеральная нація, стоящая оплотомъ противъ наплыва варварства. Въ этомъ—то и состоитъ «великая миссія» румынскаго народа».

Съ 1856 года очи боярской и буржуазной Румыніи отвернулись отъ Востока и всецѣло обратились на Западъ, ища и чая исключительна тамъ своихъ идеаловъ и своего спасенія. При этомъ румынское «интеллигентное» правительство и «либеральный» парламентъ прежде всего постарались изгнать изъ употребленія свою древнюю кириллицу и замѣнить

ее латинскимъ алфавитомъ. Сообразно этому началу, пошла радикальная ломка и почти во всѣхъ остальныхъ формахъ и порядкахъ бытовой жизни. Для современнаго «цивилизованнаго» румына, необходимо воспитавшагося на вѣнской Rings-Strasse или на парижскихъ бульварахъ, наивысшій социальный и нравственный идеалъ, къ которому онъ стремится всей душой и всѣми помыслами, составляетъ Франція—и даже не Франція, а только Парижъ, но не вышній республиканскій, а Наполеоновскій. Парижъ Второй имперіи, со всѣмъ его режимомъ, со всѣмъ мишурнымъ блескомъ, нарядной вышностью и внутренней пустотой и гнилью разврата, семейнаго и общественнаго, съ его широкой продажностью—отъ высшихъ сферъ администраціи до сокровенныхъ сферъ супружескаго альякса включительно,—съ его скаредностью и жадностью, безпашаннымъ стремленіемъ къ быстрой, хотя бы и темной наживѣ, съ легкомысленнымъ, поверхностнымъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, съ полнымъ индифферентизмомъ къ религіи, къ семейству, къ гражданскимъ обязанностямъ, съ его громкимъ, но пустымъ газетнымъ и парламентскимъ фразерствомъ и грошовымъ «либерализмомъ». Оффенбаховщина и бульварность въ жизни, въ нравахъ, въ модахъ, въ идеяхъ и стремленіяхъ—вотъ полное выраженіе современнаго «цивилизованнаго» румына, который называетъ свой грязненькій полу-цыганскій, полу-жидовскій Букарестъ не иначе, какъ «маленькимъ Парижемъ» («Notre petit Paris»). Разница между оригиналомъ и копіей является только въ томъ, что оригиналъ, при всемъ его внутреннемъ безобразіи, все-таки казался грандіознымъ, а копія—грязненькая, пошленькая, мизерная... Въ довершеніе этой характеристики необходимо слѣдуетъ прибавить, что при всѣхъ стремленіяхъ къ парижскому идеалу, во внутренней сущности «цивилизованнаго» румына и въ его домашнихъ непоказныхъ порядкахъ остается еще очень много азиатскаго и цыганскаго начала: жизнь подъ турецкимъ владычествомъ оставила-таки въ немъ не мало своихъ существенныхъ слѣдовъ. Отъ Наполеоновскаго Парижа онъ перенялъ только его вышній шикъ, да и то дурного разбора, и всѣ его гнилыя, нездоровыя стороны, утративъ въ то же время все то хорошее, что лежало въ основахъ старосвѣтской, православной жизни его дѣдовъ и прадѣдовъ, и, въ довершеніе всего, окончательно разошелся съ своимъ простымъ сельскимъ народомъ, разучившись понимать его внутренній складъ, поэзію, стремленія и нужды. Что же касается сельского народа, то его—слава Богу—еще не коснулись эти язвы; онъ представляетъ собой пока только сырой матеріалъ, изъ котораго могло бы выйти нѣчто своеобразное и хорошее,

но не иначе, какъ при условіяхъ здороваго нацравленія и развитія мѣстной цивилизаціи.

XXVIII.

Пріѣздъ государя императора въ армію.

Встрѣча, сдѣланная его величеству въ Яссахъ.—Остановка въ Браиловъ.—Представленіе государю императору отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ.—Пріѣздъ въ Плоешты.—Встрѣча на станціи.—Адресы отъ города Плоешты и отъ болгаръ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Молдо-Валахіи.—Бѣлый голубь.—Пріемъ его величествомъ князя Румынскаго.—Смотръ конвоя Императорской квартиры.

Плоешты, 25-го мая.

Переѣхавъ русскую границу 24-го мая, въ 9 часовъ вечера, его императорское величество въ 25 минутъ десятаго часа прибылъ въ городъ Яссы, и еще не доѣзжая онаго, былъ уже привѣтствованъ криками народа. При выходѣ изъ вагона, государь императоръ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ, съ яскимъ митрополитомъ во главѣ, при чемъ духовенство запѣло: «Благословенъ грядый во имя Господне», а митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, смыслъ коего заключался въ томъ, что единовѣрная Россія—земля Румынская, испытывая на себѣ многовѣковое иго турокъ, нынѣ почитаетъ себя счастливой, встрѣчая Русскаго монарха, идущаго во главѣ своихъ войскъ освободить изъ-подъ этого ига хрстіанскіе народы Востока. Послѣ этого было пропѣто его величеству многолѣтіе, а представители города поднесли царственному гостю хлѣбъ-соль, причемъ ученики яской гимназіи пропѣли стройнымъ хоромъ на русскомъ языкѣ «Боже Царя храни». Яскія дамы усыпали цвѣтами путь его величества отъ вагона до залы. Всѣ зданія станціи были роскошно иллюминированы.

По румынской дорогѣ его величество изволялъ путешествовать въ особомъ, собственномъ поѣздѣ, коего ходовой механизмъ приспособленъ такимъ образомъ, что можетъ совершенно свободно идти по какимъ бы то ни было узко или широко-колейнымъ путямъ. Излишне говорить, что повсюду на пути своего слѣдованія Русскій царь былъ встрѣчаемъ самымъ восторженнымъ образомъ русскими войсками и мѣстнымъ населеніемъ.

25-го мая, въ началѣ второго часа дня, при великолѣпной солнечной погодѣ, императорскій поѣздъ прибылъ въ Браиловъ. Здѣсь, на изукрашенной станціи, встрѣтили государя императора прибывшіе наканунѣ: его императорское высочество главнокомандующій, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ Младшій и герцоги Лейхтенбергскіе Николай и Сергій Максимілиановичи, начальники штаба дѣйствующей арміи, командиры

11-го армейскаго корпуса, князь Шаховской со штабомъ, брайловское начальство русскихъ войскъ, мѣстныя румынскія власти, городскіе представители, духовенство и громадные толпы народа. Якутскій пѣхотный полкъ, въ бѣлыхъ гимнастическихъ сорочкахъ и съ бѣлыми чехлами на шапкахъ, былъ выстроенъ, безъ оружія, вдоль станціи, по обѣимъ сторонамъ пути, а далѣе стояли люди 5-й батареи 11-й артиллерійской бригады; тѣ самые, что огнемъ своихъ четырехъ легкихъ пушекъ 21-го апрѣля положили начало нашимъ военнымъ дѣйствіямъ и заставили два турецкіе монитора отступитъ съ урономъ далеко въ Мачинскій рукавъ. За все царствованіе государя императора Якутскій полкъ до сего раза имѣлъ счастье представляться его императорскому величеству только однажды, въ Крыму, въ 1855 г. Между прочимъ, его величеству благоудбно было замѣтить, что Селевганскому и Якутскому полкамъ—судьба сражаться совмѣстно съ моряками; такимъ образомъ оба они преимущественно дрались въ Сенастополю, такимъ же образомъ начали и нынѣ дунайскую кампанію. На платформѣ, у входа въ станціонную залу, были выстроены матросы Гвардейскаго и Черноморскаго экипажей, числомъ около 45-ти человекъ, участники взрывавторого турецкаго монитора, а также и четверо гальванеровъ, работавшихъ на шлюпкахъ, при минномъ загражденіи Мачинскаго рукава. Каждый изъ нихъ былъ украшенъ знакомъ отличія военнаго ордена, а впереди ихъ выстроились офицеры, получившіе награды за подвиги подъ Браиловымъ. Здѣсь стояли георгіевскіе кавалеры, лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ; кавалеры ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами: румынской службой майоръ Муржеско и лейтенантъ Петровъ; кавалеры ордена св. Анны 3-й степени съ мечами, мичманы: Персиль и Баль, генерал-майоръ Боресковъ, завѣдывающій минными работами въ дѣйствующей арміи, капитанъ 1-го ранга Рогуля и адъютантъ его высочества главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, получившіе золотое оружіе за храбрость, и другіе.

Государь императоръ подошелъ къ нимъ съ радостнымъ лицомъ, видимо тронутый изъясненіями того неударимаго восторга, который проявился въ кликахъ войска и народа. Подъздоровавшись съ нижними чинами, георгіевскими кавалерами, его императорское величество изволилъ подойти къ награжденнымъ офицерамъ, каждому изъ нихъ по очереди подавъ свою руку и каждому сказалъ по нѣскольку ласковыхъ, высоко-милостивыхъ словъ, относившихся къ личнымъ заслугамъ сихъ офицеровъ. Эта минута, когда одинъ изъ могущественнѣйшихъ императоровъ въ мірѣ, въ виду своихъ воиновъ и чужеземныхъ людей, чающихъ отъ его державной воли своего освобо-

жденія, протягивалъ царственную руку отличившимся офицерамъ и благодарилъ ихъ за самоотверженные подвиги—эта прекрасная минута во всей ея простотѣ была исполнена высокой торжественности и глубокаго нравственнаго значенія для настоящаго военнаго времени.

Русскіе люди, живущіе въ Браилѣ, поднесли его императорскому величеству хлѣбъ-соль, а болгарскія, румынскія и греческія женщины и дѣвочки бросали къ ногамъ государя цвѣты и букеты.

Черезъ полчаса императорскій поѣздъ отошелъ отъ Брайловской станціи, при восторженныхъ кликахъ войска и народа.

Въ тотъ же день, 26-го мая, съ шести часовъ вечера, зала и платформа желѣзно-дорожной станціи въ Плоештахъ быстро начали наполняться массою разнородныхъ посѣтелей. Тутъ присутствовали заранѣе прибывшіе въ главную квартиру лица императорской свиты; адъютанты государя наследника цесаревича, главнокомандующаго и великаго князя Владиміра Александровича, полевой штабъ дѣйствующей арміи, генералы и адъютанты, состоящіе при особѣ князя Карла ¹⁾, префектъ города Плоешты, съ депутаціею отъ мѣстныхъ жителей и 75 человекъ болгарскихъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ Молдо-Валахія, гдѣ только проживаютъ болгары, съ настоятелемъ бухарестской болгарской церкви и митрополитомъ всего болгарскаго духовенства въ Румыніи, Панаретомъ Рашевымъ, воспитанники плоештинскаго городского училища съ букетами и, наконецъ, въ залѣ—мѣстное духовенство, въ полномъ облаченіи, со крестомъ и св. водою, имѣя во главѣ своей плоештинскаго соборнаго протоіерея Константина Болянтинено, архимандрита келдурошанскаго монастыря «старца» Тимоея и архимандрита тымидурскаго монастыря «старца» Ювеналія. Тутъ же находились и представители иностранныхъ армій: германской, австрійской, черногорской, сербской, румынской, французской, датской и шведской. Почетный караулъ, выстроенный вдоль платформы, занимала рота 3-й дружины болгарскаго ополченія. Посреди ея строя развѣвалось красивое знамя, присланное городомъ Самарою въ даръ болгарскому войству. На лѣвомъ флангѣ стояли ординарцы отъ почетнаго караула: офицеръ, унтеръ-офицеръ и рядовой—молодецъ-болгаринъ, украшенный сербскою серебряною медалью «за храбрость», а также и хоръ музыки 5-го сапернаго батальона. Обѣ депутація, какъ румынская, такъ и болгарская, приготовили хлѣбъ-соль на серебряныхъ блюдахъ и слѣдующіе адреса:

¹⁾ Румынскіе министры гг. Братіано и Котальничаво встрѣтили государя императора въ Яссахъ и проводили до Плоештовъ.

1) Адресъ города Плоешты.

«Ваше Императорское Величество!

«Нашъ городъ почитаетъ себя теперь счастливымъ всѣхъ городовъ Румыніи, ибо Провидѣнію угодно было осчастливить его вашимъ посѣщеніемъ. Мы невыразимо счастливы, имѣя величайшую честь привѣтствовать ваше императорское величество посреди румынскаго народа, который намъ столь преданъ. И когда мы видимъ, что на побѣдоносныхъ вашихъ знаменахъ красуется надпись: «*За свободу народовъ Востока*», когда мы видимъ ваше безконечное великодушіе и милосердіе, — мы усердно молимъ Бога, да поможетъ Онъ вашему императорскому величеству сломить общаго врага, на славу Россіи и ради свободы народовъ Востока. Да здравствуетъ Русскій императоръ! Да здравствуетъ Россія!»

2) Адресъ болгаръ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Молдо-Валахіи.

«Ваше Императорское Величество,

«Всемилоостивѣйшій Государы!

«Мы, пребывающіе въ Румыніи болгары, имѣвшие злополучіе покинуть милую свою родину, чтобы въ чужой землѣ искать убѣжища отъ насилій и гоненій нашихъ мучителей, — считаемъ себя нынѣ счастливыми своихъ единоплеменниковъ тѣмъ, что намъ выпала жребіи первымъ встрѣтить свѣтлое ваше лицо, великій государь, и съ благоговѣніемъ выразить у ногъ вашего императорскаго величества безпредѣльную благодарность, которую чувствуетъ весь болгарскій народъ при мысли о высокомъ подвигѣ, предпринятомъ по вашей державной волѣ великою Россіею изъ святой лишь любви къ угнетеннымъ и страждущимъ братьямъ, въ осуществленіе надеждъ, которыя болгары отъ вѣка, по преданію, возлагаютъ на православнаго Русскаго царя и на братственный русскій народъ, для своего избавленія отъ тяжкаго рабства».

На болгарскомъ блюдѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Возвеселихомся вси уповающіи на Тя и похвалимся о Тебѣ любящии имя Твое. Великому государю царю Александру В. (II), державному заступнику за болгарскій народъ — пребывающіи-то въ Румыніи болгаре, майя, 1877 г.».

Станція — и внѣ, и внутри — была изукрашена русскими и румынскими флагами, гирляндами изъ зелени, цвѣтами и вѣзелевыми цвѣтами. Городъ также былъ убранъ флагами. На всемъ протяженіи пути отъ желѣзной дороги до дома, въ коемъ изволилъ занять помѣщеніе государь императоръ, стояли шпалерами, безъ оружія, войска: болгарскіе батальоны, пѣшіи конвой главнокомандующаго, лейбъ-гвардіи сводный казачій полкъ и часть Собственнаго Его Величества конвоя. Почетный караулъ

у дворца выставленъ былъ со штандартомъ отъ терскаго конвойнаго эскадрона. Массы народа покрывали тротуары, занимали окна, балконы, веранды и террасы. На одной изъ улицъ была устроена арка изъ зелени и флаговъ.

Въ 7 часовъ 50 минутъ вечера подошелъ къ станціи императорскій поѣздъ, доставленный сюда румынскимъ локомотивомъ, на которомъ былъ укрѣпленъ, среди зелени и флаговъ, щитъ съ русскимъ государственнымъ гербомъ. Тотчасъ же на обширномъ окрестномъ пространствѣ разлилось «ура», вмѣстѣ со звуками русскаго народнаго гимна. Государь императоръ, по выходѣ изъ вагона, изволилъ прослѣдовать по фронту почетнаго караула и принять ординарцевъ, а затѣмъ и депутаціи, причѣмъ владыка Панаретъ Рашевъ прочелъ болгарскій адресъ и благословилъ государя иконою св. царя Константина и матери его Елены, къ которой его величество приложился устами, сотворивъ крестное знаменіе. При поднесеніи хлѣба-соли, болгары дружно грянули самое восторженное «живидо». Духовенство румынское встрѣтило государя задрозно и лютіемъ и многолѣтіемъ, а воспитанницы городского училища поднесли букеты. При слѣдованіи по улицамъ города, дамы съ изукрашенныхъ балконовъ кидали вѣнки и букеты, а у дома, занятаго для его величества, въ коляску государя былъ брошенъ бѣлый голубь — эмблема «благословенія», какъ значилось въ записочкѣ, привязанной вокругъ его шеи. Вечеромъ всѣ окна обывательскихъ домовъ были иллюминированы, и долго еще въ разныхъ концахъ города раздавалась музыка и радостныя румынскія и болгарскія пѣсни.

26-го мая, ранѣе полудня, его императорское величество изволилъ принимать у себя князя Карла и представлять ему свою свиту, причѣмъ государь императоръ и всѣ присутствовавшіи лица императорской фамилии имѣли на себѣ цѣпь ордена Готенцолтернскаго дома. Въ началѣ 1-го часа дня, выѣхавъ верхомъ, въ сопровожденіи государя наслѣдника цесаревича, великихъ князей: Николая Николаевича Старшаго, Владиміра и Сергія Александровичей, Николая Николаевича Младшаго, князя Карла, герцоговъ Лейхтенбергскихъ Николая и Сергія Максимиліановичей, министровъ двора, военнаго и шефа жандармовъ и многочисленной свиты, государь императоръ изволилъ смотрѣть только что прибывшія въ Плоешты части конвоя главной императорской квартиры. Впереди, справа по три, шель лейбъ-гвардіи кубанскій казачій эскадронъ, за нимъ — по отдѣленіямъ — сводная гвардейская рота, потомъ взводъ гвардейскихъ саперъ, команда пѣшей артиллеріи и, наконецъ, сводный полукэскадронъ всѣхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Появленіе нашихъ рослыхъ и красивыхъ молодцовъ-гвардейцевъ видимо сдѣлало

очень пріятное впечатлѣніе на массу горожанъ-зрителей. Затѣмъ, въ часъ дня, его величество изволилъ посѣтить расположенный неподалеку отъ дворца, въ саду одного частнаго владѣльца, бывуакъ сводной гвардейской роты.

XXIX.

Посѣщеніе государемъ императоромъ Букареста.

Изъявленія привѣтствій по пути.—Крестьянскіе букеты.—Встрѣча на дебаркадерѣ.—Красные гусары.—Депутатин и рѣчь президента румынской палаты представителей.—Императорскій кортежъ на улицѣ Могошю.—Украшенія города.—Стрѣлки почетнаго караула.—Завтракъ во дворцѣ и тосты г. Когальничано и князя Горчакова.—Отъѣздъ государя императора изъ Букареста.

Букарестъ, 27-го мая.

27-го мая, въ 10¹/₄ часовъ утра государь императоръ, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, великаго князя главнокомандующаго и прочихъ особъ высочайшей фамиліи изволилъ отправиться въ Букарестъ, куда и прибылъ въ полдень ¹⁾. Изъявленія привѣтствій начались еще съ дороги, гдѣ на одной изъ промежуточныхъ станцій столпилась у императорскаго вагона многочисленная группа мѣстныхъ поселянъ въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ. Здѣсь были мужчины и женщины, старики, дѣвушки и дѣти, и всѣ они съ радостными криками простирали впередъ свои руки съ букетами полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Государь собственноручно принималъ отъ каждаго изъ нихъ букетъ, съ выраженіемъ своей царственной благодарности. Всѣхъ букетовъ было подано болѣе пятидесяти.

Едва императорскій поѣздъ подошелъ къ букарестской станціи, какъ подъ сводами ея широкой галлерей раздались звуки «Боже Царя храни», и золотой румынскій орелъ на красивомъ штандартѣ почетнаго караула отъ 2-го гусарскаго полка склонился предъ вышедшимъ императоромъ. Князь Карлъ, въ русскихъ орденахъ, вмѣстѣ съ княгиней Елизаветой, встрѣтилъ государя при самомъ выходѣ изъ вагона. Ихъ окружали придворныя

дамы, румынскіе генералы, личные адъютанты князи и министры. Его величество, поздоровавшись, подавъ княгинѣ руку и вмѣстѣ съ ея высочествомъ прошелъ вдоль фронта почетнаго караула. Форма этихъ гусаръ очень красива: крапцоваго цвѣта щегольски-расшитый доломанъ, бѣлыя съ черными узорами чакчиры и барашковая маленькая шапочка съ бѣлымъ шлыкомъ, золотымъ этикетомъ и стоячимъ султанчикомъ. Тутъ же присутствовали члены русскаго генеральнаго консульства и нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ, находящихся въ Букарестѣ. Передъ входомъ въ залу выступили впередъ находившіеся во главѣ членовъ румынской палаты народныхъ представителей, президентъ собранія г. Росети и произнесъ по-французски привѣтственное слово.—«Государь! сказалъ онъ въ заключеніе.—Позвольте свободной Румыніи широко раскрыть свои двери предъ ея Освободителемъ». Представители города, вмѣстѣ съ привѣтственными словами, поднесли его величеству хлѣбъ-соль; таковыя же были поднесены отъ представителей румынскаго духовенства и букарестскаго болгарскаго общества, привѣтственный адресъ котораго былъ съ особымъ вниманіемъ выслушанъ государемъ императоромъ. Митрополитъ, въ полномъ облаченіи, далъ его величеству приложиться ко Кресту и Евангелію, а остальное духовенство пропѣло особый тропарь. Послѣ этого государь обратился съ милостивымъ привѣтствіемъ къ нашимъ русскимъ сестрамъ милосердія, недавно прибывшимъ въ Букарестъ и тоже находившимся на станціи. Не обойдены были высочайшимъ вниманіемъ и члены русскаго генеральнаго консульства, съ нѣсколькими русскими офицерами.

Въ роскошно убранномъ покоѣ, князь Карлъ представилъ государю всю свою свиту, министровъ, сенаторовъ и депутатовъ румынской палаты, а въ широкомъ, свѣтломъ корридорѣ члены мѣстнаго общества русскихъ раскольниковъ встрѣтили его величество хлѣбомъ-солью и поднесли образъ св. Николая Чудотворца.

Выйдя на подлѣздъ, государь императоръ посадилъ въ парадное ландо княгиню Елизавету и самъ изволилъ съѣздить рядомъ съ ея высочествомъ, а за переднемъ сидѣньи помѣстились великіе князья Владиміръ и Сергій Александровичи.

Въ слѣдующемъ ландо сѣли государь наслѣдникъ цесаревичъ съ его высочествомъ главнокомандующимъ и княземъ Карломъ; затѣмъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій съ герцогами Лейхтенбергскими и далѣе нашъ государственный канцлеръ, министры двора и военный, шефъ жандармовъ, дежурный генераль-адъютантъ, свиты генераль-майоръ, два флигель-адъютанта и осталь-

¹⁾ Государя императора сопровождали: великіе князья Владиміръ и Сергій Александровичи и Николай Николаевичъ Младшій, князья Ромаковскіе, герцоги Лейхтенбергскіе Николай и Сергій Максимиліановичи, государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, министръ двора графъ А. В. Адлербергъ, военный министръ генераль-адъютантъ Д. А. Милютинъ, шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Н. В. Мезенцовъ, дежурные: генераль-адъютантъ графъ Левашовъ, свиты его величества генераль-майоръ графъ Протасовъ-Бахмевъ и флигель-адъютанты полковники Тучковъ 2-й и князь Долгоруковъ 2-й, а также дежурные адъютанты великихъ князей: государя цесаревича, главнокомандующаго, Владиміра Александровича, и нѣкоторые другія лица.

ныя лица немногочисленной русской свиты. Экипажъ его величества былъ окруженъ конною свитою князя Карла и сопровождался полускадромъ румынскихъ жандармовъ.

Улицы до такой степени были переполнены массами ликующаго народа, что царскій поѣздъ не могъ двигаться иначе, какъ шагомъ. Городъ былъ великолѣпно изукрашенъ: повсюду красивыя арки, гирлянды, русскіе и румынскіе флаги, гербы, вензеля, дорогіе ковры и ткани; окна и балконы сплошь унизаны дамами, и оттуда сыпался къ ногамъ государя цѣлый дождь гирляндъ, цвѣтовъ и букетовъ, такъ что все ладо было, буквально, засыпано ими. Многіе изъ букетовъ, падая съ высоты, рассыпали вокругъ себя множество легкихъ блестящихъ, золотыхъ и серебряныхъ, которыя, словно брильянтовыя слезинки, сверкая плавали въ воздухѣ. Массы народа кричали: «да здравствуетъ императоръ Александръ! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ славная армія освободителей!»

Противъ княжескаго дворца, у главной таунтвахты стоялъ другой почетный караулъ отъ баталіона стрѣлковъ (vedatori), со знаменемъ и хоромъ музыки. Стрѣлковая форма у румынъ тоже весьма красива: люди одѣты въ коричневый двубортный пиджакъ охотничьяго покроя съ зеленымъ воротникомъ, обшлагами и погонами; сѣрые широкіе панталоны залушены въ голенища, наголовъ легкая лакированная шляпа съ круглыми полями, причемъ правое поле щеголевато загнута кверху, гдѣ надъ кокардой торчатъ небольшой помпончикъ, а съ лѣваго поля спускается внизъ пучекъ темнозеленыхъ гѣтушнихъ перьевъ; вооруженіе—скорострѣльные винтовки, съ саблями-штыками французскаго образца. Вообще, въ румынскомъ войскѣ преобладаетъ въ обмундированіи щегольской французскій характеръ, который скъзывается и въ придворной обстановкѣ.

По отданіи чести, стрѣлки были пропущены мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ, по отдѣленіямъ, и прошли стройно, отчетливо, молодцами, послѣ чего выстроили фронтъ въ прежнемъ порядкѣ. Наружный видъ и военная выправка ихъ, какъ и вообще регулярныхъ румынскихъ войскъ, благодаря германскимъ инструкторамъ, вызваннымъ сюда нѣсколько лѣтъ назадъ княземъ Карломъ, вполне хороша.

Тотчасъ же послѣ церемоніальнаго марша, государь императоръ изволилъ войти въ княжескій дворецъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ. Его величество и прибывшіе въ Букарестъ члены императорскаго дома съ княземъ и княгинею имѣли столь особо, въ верхнемъ помѣщеніи двора, а русская в румынская свиты въ нижней столовой, гдѣ присутствовали и придворныя дамы. Завтракъ продолжался около часа.

Во время стола были провозглашены два тоста: первый—министромъ иностранныхъ дѣлъ Когальничано, за здоровье государя императора и процвѣтаніе Россіи, а второй—княземъ А. М. Горчаковымъ, за здоровье князя Карла и княгини Елизаветы и за процвѣтаніе ихъ арміи.

Послѣ завтрака его императорское величество, съ особами своего царствующаго дома и всею свитою, въ сопровожденіи князя и княгини Румынскихъ, изволилъ отправиться на вокзалъ желѣзной дороги, среди столь же сильнаго восторга народной толпы, какъ и при встрѣчѣ, и въ началѣ третьяго часа дня отбылъ изъ Букареста въ Плоешты.

XXX.

Пребываніе государя императора въ Плоештахъ.

Государь у обѣдни въ Плоештахъ.—Счастливый ливень.—Посѣщеніе государя императора княземъ и княгинею Румынскими.—Болгарская депутация у генерала Игнатьева и князей Горчакова и Черкаскаго.—Плоешты начинаютъ пустѣть.—Штатъ князя Черкаскаго.—Англійскій военный агентъ полковникъ Велеслей.—Германскіе и прочіе военные агенты.—Обѣдъ въ Котроченахъ.—Пріѣздъ князя Милана въ Плоешты.—Пріѣздъ великаго князя Алексѣя Александровича.—Смотръ части войскъ 13-го корпуса.—Опять Донъ-Карлосъ.—Пріѣздъ кн. Горчакова въ Букарестъ.

Плоешты, отъ 28-го мая до 14-го іюня.

28-го мая, въ воскресенье, государь императоръ присутствовалъ за литургіей въ плоештинской церкви Успенія Пресвятой Богородицы, гдѣ пѣли наши придворные пѣвчіе. Послѣ обѣдни былъ сдѣланъ церковный парадъ конвойнымъ частямъ и смотръ проходившей черезъ Плоешты пѣхотной бригадѣ съ ея артиллеріей. Едва окончился этотъ смотръ, какъ надъ городомъ хлынулъ ливень, сопровождавшійся грозой, что замѣтно освѣжило воздухъ, послѣ нѣсколькихъ томительно-знойныхъ дней. Сельскіе хозяева необычайно рады этому дождю и говорятъ, что онъ, въ прибавку къ дождю русскаго золота, даритъ ихъ странѣ еще нѣсколько милліоновъ франковъ, такъ какъ послѣ такого ливня есть полная надежда рассчитывать на самый счастливый урожай.

Въ шесть часовъ пополудни, того же дня, его величество встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги прибывшихъ въ Плоешты князя и княгиню Румынскихъ, которые послѣ обѣда у государя императора выѣхали въ Букарестъ.

Нашъ бывшій константинопольскій посолъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ прибылъ въ Плоешты еще 24-го мая. Черезъ два дня послѣ его прибытія (26-го), къ нему явилась депутация отъ болгарскаго народа, которая представлялась также князю Горчакову и

Черкасскому. Депутация эта всеми названными лицами была принята очень благосклонно и получила самые опредѣленные обѣщанія будущаго устройства Болгаріи, если Богъ благословитъ русское оружіе побѣдой.

Плоешты понемногу начинаютъ пустѣть, хотя присутствіе двухъ главныхъ квартиръ—императорской и главнокомандующаго—все еще придаетъ этому городку много блеску и необычнаго оживленія. 1-го іюня выступили изъ Плоештовъ болгарскія дружины, а 2-го числа лейбъ-казаки и князь Черкасскій, который переѣхалъ въ Букарестъ со всеми своимъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ по Красному Кресту и по будущему гражданскому управленію Болгаріей. Штатъ этого послѣдняго отряда очень многочисленъ, такъ какъ въ немъ—судя по здѣшнимъ разговорамъ—уже находятся и русскій, и варненскій, и систовскій, и прочихъ нѣкихъ санджаковъ губернаторы и вице-губернаторы, получающіе весьма значительное содержаніе.

31-го мая получено телеграфическое извѣстіе, что Сербскій князь Миланъ выѣзжаетъ 2-го іюня въ Плоешты, въ сопровожденіи гг. Ристича, Протича, Лешанина и Хорватовича.

1-го іюня въ главной квартирѣ великаго князя, къ немалому удивленію весьма многихъ, появился вдругъ г. Велеслей, англійскій военный агентъ. Онъ былъ принятъ довольно сухо: за исключеніемъ одного-двухъ лицъ, недавно прибывшихъ изъ Петербурга, гдѣ г. Велеслей пользовался ихъ добрымъ знакомствомъ въ прежнее время, къ нему никто не отнесся съ радушіемъ. Все ограничилось только сухою вѣжливостью, при замѣчательной сдержанности, которая дѣлала бесполезными всѣ старанія англійскаго агента вступать въ разговоры съ какими-либо лицами главной квартиры; къ нему никто не подходилъ первымъ; равно какъ никто не протянулъ и руки для пожатія. Рассказываютъ, что г. Велеслей изъявилъ желаніе слѣдовать къ Дунаю—если и не немедленно, то хотя бы въ свѣтъ главнокомандующаго, но вмѣсто этого ему очень любезно предложено оставаться при императорской квартирѣ, пока она находится въ Плоештахъ, а впоследствии пребывать въ мѣстахъ ея расположенія. Германскіе военные агенты, пріѣхавшіе сюда нѣсколько ранѣе г. Велеслея, нашли, какъ въ императорской, такъ и въ главной квартирѣ самый радужный, дружественный пріемъ. Во главѣ германской группы стоитъ молодой драгунскій поручикъ принцъ Баттенбергъ, производящій на всѣхъ очень симпатичное впечатлѣніе своею скромностью, привѣтливостью и замѣчательнымъ умѣніемъ держать себя съ солиднымъ тактомъ и совершенно просто. Въ числѣ остальныхъ лицъ германской группы нахо-

дятся майоры генеральнаго штаба: фонъ-Лигницъ (человѣкъ съ очень обширнымъ военнымъ образованіемъ), фонъ-Вильомъ и графъ Ведель.

2-го іюня прибылъ въ Плоешты военный агентъ Японіи, подполковникъ Сего-Іамазо, вмѣстѣ съ секретаремъ японскаго посольства. Форма одежды японскаго офицера нѣсколько напоминаетъ французскую: черная венгерка, съ такими же шелковыми шнурами и низенькое кепи съ бронзовымъ дискомъ спереди, изображающимъ солнце—государственный гербъ Японіи. Изъ военныхъ агентовъ прочихъ государствъ здѣсь находятся: французскій—полковникъ Гальяръ, шведскій—генеральнаго штаба капитанъ Варбергъ, датскій—флигель-адъютантъ короля гвардіи капитанъ фонъ-Гедеманъ, сѣверо-американскій—поручикъ Гринъ, сербскій—полковникъ Катарджи, черногорскій—воевода Станко Радоничъ и румынскіе—генералъ Зефкаръ и флигель-адъютантъ князя полковникъ Гергель. Объ австрійскихъ агентахъ уже упоминалось въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ.

3-го іюня, въ 4 часа пополудни, государь императоръ изволилъ отправиться съ наследникомъ цесаревичемъ и великими князьями къ обѣду въ Котролены, загородный дворецъ князя Румынскаго въ окрестностяхъ Букареста, откуда въ 10^{1/2} часовъ вечера возвратился въ Плоешты. Во время пребыванія въ Плоештахъ, его величество почти ежедневно изволилъ производить смотръ проходящимъ войскамъ и посѣщать бивуаки, расположенные въ окрестностяхъ.

4-го іюня пріѣхалъ въ Плоешты князь Миланъ, въ сопровожденіи выше названныхъ лицъ своей свиты, и былъ встрѣченъ на станціи ихъ высочествами главнокомандующимъ и Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ. Представительная наружность князя Милана производитъ очень внушительное и вмѣстѣ пріятное впечатлѣніе: у него открытое, симпатичное лицо, умный взглядъ и добродушная улыбка. Послѣ встрѣчи съ великими князьями на станціи, князь сербскій сейчасъ же поѣхалъ представиться государю императору. При этомъ представленіи онъ выразилъ его величеству благодарность за себя и за сербскій народъ, глубоко цѣнящій личное благорасположеніе къ нему императора Всероссийскаго, и за помощь, оказанную Россіей Сербіи во время войны, а въ особенности за вѣщательство императора, которое, послѣ пораженій при Джинѣ, спасло Сербію отъ дальнѣйшаго нашествія турокъ. Послѣ обѣда у его величества, князь Миланъ уѣхалъ въ Букарестъ, гдѣ обмѣнялся посѣщеніями съ княземъ Карломъ. Пріѣзду сербскаго князя въ Плоешты и его аудіенціи у государя императора придадутъ большое значеніе въ нашихъ военныхъ сферахъ. Увѣряютъ, что Ристичъ передалъ князю Горчакову меморандумъ, развивающій идею, что

Сербія должна выйти из своей пассивной роли, так какъ ей необходимо нравственное и матеріальное вознагражденіе за принесенныя ею громадныя жертвы въ войну 1876 года. Подъ вознагражденіемъ подразумѣвается здѣсь присоединеніе Нишскаго и Новобазарскаго санджаковъ, Малаго Зворника и Сакара при уничтоженіи вассальныхъ отношеній къ Портѣ. Кромѣ того, говорятъ, что генералъ Коста Протичъ представилъ великому князю главнокомандующему отчетъ о состояніи боевыхъ силъ и военныхъ запасовъ Сербіи. Вполнѣ благосклонный приемъ, оказанный его величествомъ князю Милану, оставилъ какъ въ самомъ князѣ, такъ и въ лицахъ сопровождавшей его небольшой свиты самое отрадное, исполненное свѣтлыхъ надеждъ впечатлѣніе.

9-го іюня государь императоръ изволилъ встрѣчать на станціи желѣзной дороги великаго князя Алексія Александровича, прибывшаго въ Плоешты. На его высочество, какъ слышно, будетъ возложено главное заведываніе всю дѣятельностью морскихъ командъ на Дунаѣ.

10-го іюня государь императоръ произвелъ смотръ бригадъ войскъ 13-го корпуса и остался вполнѣ доволенъ состояніемъ этой части, понесшей много трудовъ во время тяжелаго похода.

8-го іюня прибылъ въ Букарестъ изъ Вѣны Донъ-Карлосъ. Претендентъ испанской короны странствуетъ инкогнито, въ сопровожденіи небольшой свиты. 13-го числа онъ посѣтилъ Плоешты. — «И чего ему отъ насъ нужно?» спрашиваютъ другъ друга русскіе, въ недоумѣніи пожимая плечами. Слышно, что онъ намѣревается провести въ Букарестѣ довольно долгое время, пока не добьется разрѣшенія состоять при нашей арміи, и что правительство крайне затруднено этимъ домогательствомъ, такъ какъ оно не желаетъ дѣлать неудовольствій дружественному намъ правительству Испаніи. Можно отвѣчать вполнѣ утвердительно, что домогательства Донъ-Карлоса останутся безъ послѣдствій какъ у насъ, такъ и у князя Румынокату.

14-го іюня нашъ государственный канцлеръ князь Горчаковъ, съ лицами своей походной канцеляріи, перѣхалъ въ Букарестъ, гдѣ онъ, какъ слышно, намѣревается провести все время нашей кампаніи.

XXXI.

Продолженіе дѣйствій на Дунаѣ до переправы у Галаца.

Смѣна нашими войсками румынскихъ частей и окончательное занятіе дунайскаго побережья. — Захватъ судовъ съ военною контрабандой. — Береговыя бомбардировки и перестрѣлки. — Князь Карлъ принимаетъ главное командованіе румынскою арміею. — Бомбардировка Виддина. — Рааливы рѣкъ. — Выстрѣлъ сотника Князева. — Продолженіе бомбардировки у Кораби 15-го мая. — Потопленіе нашихъ баржъ и парохода. — Канонада между Калафатомъ и Виддиномъ. — Князь Карлъ на батарее. — Мѣры для сохраненія другого нашего парохода у Фламунды. — «Понцупываніе противника». — Дѣйствія противъ Никополя по 23-е мая. — Бомбардировка Журжева. — Дѣйствія 25-го и 28-го мая на всемъ дунайскомъ побережьи. — Загражденіе фарватера у Гирсова и въ верховьяхъ Мачинскаго рукава. — Прорывъ турецкихъ пароходовъ. — Приключеніе съ казаками 30-го донскаго полка у Малороша. — Безполезныя канонады. — Русскія батареи у Гечета. — Препятствіе къ переправѣ. — Извѣстія о сборѣ одной изъ турецкихъ армій у Виддина. — Мелкія предпріятія русскихъ и турецкихъ охотниковъ. — Соглашеніе о совместномъ дѣйствіи русской и румынской армій. — Приготовленія къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ.

Плоешты, 11-го іюня.

Между 8-мъ и 10-мъ мая русскія войска окончательно смѣнили на Дунаѣ румынскія части ⁴⁾, которыя вслѣдствіе этого отошли за рѣку Алуту (она же Ольта), въ Малую Валахию, гдѣ и занимаютъ все побережье — отъ Кораби (выше устья Алуты) до Турну-Северина, сосредоточивая главные свои силы у Калафата, противъ Виддина. Въ Калафатѣ уже заблаговременно было приступлено къ насыпкѣ и вооруженію прибрежныхъ батарей, а теперь эти работы идутъ тамъ самымъ усиленнымъ образомъ; подобныя же батареи насыпаются и усаиваются, какъ русскими, такъ и румынами, на всѣхъ сколько-нибудь важныхъ пунктахъ лѣваго берега. Наша осадная артиллерія еще

⁴⁾ Составъ и расположеніе нашихъ передовыхъ дунайскихъ войскъ были слѣдующіе:

а) 8-я кавалерійская дивизія къ 7-му мая заняла прибрежную линію отъ рѣки Алуты до рѣки Веде, имѣя дивизионный штабъ въ Турну-Магурели.

б) Отрядъ генераль-лейтенанта Скобелева 1-го къ 8-му мая отъ р. Веде до озера Гречилоръ, имѣя главныя свои силы и штабъ у Журжева.

в) 32-я пѣхотная дивизія съ донскимъ казачьимъ № 31-го полкомъ — къ 8-му (1-я бригада) и къ 13-му мая (2-я бригада) въ Ольтеницу, имѣя главныя силы на линіи Будешти — Фратешти и наблюдая казачьимъ полкомъ за Дунаемъ на протяженіи отъ озера Гречилоръ до р. Арджисъ.

г) 11-я кавалерійская дивизія — къ 8-му мая въ Обилешти-Нюу и Слободзею (штабъ въ Слободзею), имѣя авангардъ въ Каларашъ и наблюдая за дунайскимъ побережьемъ отъ р. Арджисъ до Гурь-Яломицы (противъ Гирсова).

е) Нижне-Дунайскій отрядъ занялъ къ 22-му апрѣля всѣ важнѣйшіе прибрежные пункты отъ Гурь-Яломицы до Килии, имѣя резервъ въ Вилградъ и штабъ въ Галацъ.

7-го мая уже была доставлена на некоторых, но, къ сожалѣнію, не на всѣхъ пунктахъ, къ берегамъ Дуная; впрочемъ, и то хорошо, потому что мы получили кое-гдѣ возможность безотлагательно заняться установкой мортиръ и тяжелыхъ орудій, вмѣсто полевыхъ, дѣйствовавшихъ до того времени. Мѣстечко Ольтеница, находящееся противъ Туртукая, и его окрестныя позиціи были окончательно заняты нашими войсками въ ночь съ 9-го на 10-е мая, безъ малѣйшей помѣхи со стороны турокъ.

8-го мая части отряда, ввѣреннаго князю Манвелову ¹⁾, задержали у Кораби и Турну-Магурели два парохода и десять баржъ, плывшихъ подъ нейтральными флагами съ непріятельскимъ военнымъ грузомъ для Никополя. Турки съ того же числа начали ихъ обстрѣливать, что и продолжалось въ течение пяти дней, но суда при этомъ не потеряли существенныхъ поврежденій: разбиты только обѣ трубы на пароходахъ и одна баржа.

Съ 8-го же мая начались по всей линіи артиллерійскія и ружейныя перестрѣлки между обоими берегами Дуная, преимущественно же въ Турну-Магурели, Журжевѣ и Ольтеницѣ. Всѣ эти перестрѣлки каждый разъ затѣвались самими турками; мы же не всегда отвѣчали имъ, а если и приходилось открывать артиллерійскій огонь, то не иначе, какъ рѣдкій, рассчитанный, да и для ружейной стрѣлбы употреблялись только лучшіе стрѣлки. О результатахъ нашей стрѣлбы, за дальностью разстоянія, судить, конечно, трудно; что же касается турокъ, то всѣ ихъ бомбардировки до сихъ поръ не наносятъ ни намъ, ни румынамъ ни малѣйшаго существеннаго вреда: убитыхъ нѣтъ, а раненыхъ за все время только три человека, и то легко. На нижнемъ Дунаѣ, послѣ взрыва второго монитора, господствуетъ полное затишье, и совсѣмъ не замѣчается присутствія турецкихъ войскъ; но противъ Калараша, Ольтеницы, Журжева и Турну-Магурели замѣтна у противника оживленная дѣятельность по устройству довольно сильныхъ батарей. Судя по извѣстіямъ, доходящимъ порою съ того берега, турки обнаруживаютъ не малое смѣненіе и потому стараются укрѣпиться, какъ можно скорѣе и сильнѣе.

Съ провозглашеніемъ румынами своей независимости, князь Карлъ 11-го мая вступилъ фактически въ отправленіе обязанностей главнокомандующаго румынской арміи, которая въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ ограничивается покуда обороною побережья.

12-го мая батареи Калафата были уже окончательно вооружены и тотчасъ же начали обстрѣливаніе виддинской крѣпости. Слѣдя съ батареи въ подзорную трубу, можно было ви-

дѣть, какъ цѣлыя караваны и толпы жителей Виддина бѣжали частію въ Сербію, частію по шоссе въ Бѣлградчикъ. До 12-го числа противникъ безвакантно обстрѣливалъ изъ виддинскихъ укрѣпленій Калафатъ и береговыя саперныя работы; съ этого же дня и румыны стали наносить туркамъ нѣкоторыя поврежденія. 12-го и 13-го мая румынскія батареи, сооруженныя въ Илазѣ (онъ же Исданъ, нѣсколько выше устья Алуты), обстрѣливали Никополь. Съ этого же времени замѣчено, что турки разставили по всему дунайскому побережью пикеты, приблизительно человѣкъ до 30-ти каждый, на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другого, и устроили между ними сообщеніе посредствомъ телеграфа и фальшфейеровъ. Близжайшіе резервы, какъ слышно, находятся въ разстояніи отъ полторы до двухъ верстъ за этими пикетами.

Всѣ эти дни воды Дуная, Серета и Алуты продолжали сильно подыматься, вслѣдствіе изобильныхъ дождей въ Карпатахъ. Это вызвало серьезныя опасенія прерыва въ сообщеніяхъ почты и военныхъ транспортовъ.

14-го мая, около шести часовъ утра, съ румынской батареи у Кораби и съ окрестныхъ съ нею румынскихъ постовъ былъ замѣченъ турецкій броненосецъ, подымавшійся вверхъ по Дунаю отъ Никополя. Румыны открыли по нему огонь изъ двухъ 9-ти-фунтовыхъ орудій, стоявшихъ у самаго берега, влѣво отъ румынской еще невооруженной батареи, которую прикрывала цѣпь, составленная изъ румынскихъ стрѣлковъ и охотниковъ 8-го донского казачьяго полка, расположенныхъ по обѣ стороны бруствера въ особо вырытыхъ ложементхъ. Около семи часовъ утра раздался первый выстрѣлъ съ броненосца, который послѣдующими своими выстрѣлами произвелъ нѣкоторые разрушенія въ зданіи гостиницы, построенной на берегу. Послѣ этого три гранаты упали у самой батареи, не причинивъ однако вреда ни людямъ, ни орудіямъ, и затѣмъ огонь съ броненосца направился уже исключительно на захваченныя нами 8-го мая суда, стоявшія у обрывистаго берега. Командиръ 8-го казачьяго полка, полковникъ Желтоножковъ еще въ самомъ началѣ этой бомбардировки позволилъ сотнику Князеву отправиться на батарею, чтобы оказать помощь румынскимъ артиллеристамъ. Офицеръ, командовавшій батареею, охотно разрѣшилъ Князеву принять участіе въ руководствѣ огнемъ, — и первый же выстрѣлъ изъ орудія, наведеннаго Князевымъ, былъ такъ удаченъ, что снарядъ разорвался на самой палубѣ. Броненосецъ сейчасъ же прекратилъ пальбу и быстро удался вверхъ по Дунаю верстъ на шесть, гдѣ и остался на ночь, бросивъ якорь.

На слѣдующій день (15-го), около 7¹/₂ часовъ утра, одинъ изъ румынскихъ пикетовъ

¹⁾ Начальникъ 8-й кавалерійской дивизіи.

далъ знать, что внизъ по Дунаю спускаются два неприятельскихъ броненосца. И дѣйствительно, они вскорѣ показались въ виду Кораби и, ставъ уступомъ, открыли огонь. Сотникъ Князевъ и на этотъ разъ принялъ участіе въ дѣлѣ, вмѣстѣ съ 60-ю охочими казаками, которые расположились частію при орудіяхъ, частію въ цѣпи, но огонь изъ-за амбразуръ батареи, на которую успѣли уже поставить обѣ пушки, не имѣлъ такого успѣха, какъ наканунѣ. Въ 11 часовъ утра броненосцы прекратили пальбу и удалялись вверхъ по Дунаю, опять остановившись въ шести верстахъ отъ Кораби. Можно было предполагать, что противникъ отошелъ для того, чтобы дать время пообѣдать своимъ людямъ, потому что спустя полтора часа оба броненосца снова появились у Кораби и, вытанувшись въ одну линію, открыли усиленный огонь какъ по батарее, такъ и въ особенности по судамъ. Румынская батарея отвѣчала имъ безостановочно, но, къ сожалѣнію, она была снабжена только дистанционными граватами, которые не могли нанести бронямъ турецкихъ судовъ никакого существеннаго вреда, да и положеніе полевыхъ орудій за амбразурами батареи было не столь уже выгодно для мѣткой стрѣльбы, какъ наканунѣ, когда они стояли на самомъ гребнѣ высокаго обрывистаго берега. Вскорѣ на палубѣ одного изъ броненосцевъ показалась пѣхота, которая открыла огонь по нашему прикрытію, и это послужило началомъ обоюдной ружейной перепалки. Въ четыре часа пополудни правый броненосецъ рѣшительно направился къ нашему берегу и, обогнувъ островъ, расположился бокомъ между нимъ и нашими судами, въ разстояніи четырехсотъ шаговъ отъ послѣднихъ, и въ таковомъ положеніи уже готовился прямо въ упоръ разстрѣливать тѣсноскупенныя баржи. Огонь съ румынской батареи долженъ былъ прекратиться, потому что броненосецъ, приблизясь къ нашей сторонѣ на столь короткое разстояніе, вышелъ изъ-подъ ливня возможнаго прицѣла, и снаряды, пускаемые въ него съ берега, какъ уже извѣстно, весьма высокаго и почти отвѣсно обрывистаго, постоянно давали значительный перелетъ. Видя, что броненосецъ легко могъ бы захватить наши баржи на буксиръ, такъ какъ онъ съ каждою минутой подходилъ къ нимъ все ближе, сотникъ Князевъ, съ казаками и двумя румынскими наводчиками, на рукахъ выкатили орудія изъ-за амбразуръ и, установивъ ихъ на самомъ краю обрыва, открыли огонь по приближавшемуся броненосцу. Въ то же время, при каждой попыткѣ противника открыть люки для стрѣльбы изъ орудій, въ эти отверстія тотчасъ же направлялся изъ нашей стрѣлковой цѣпи цѣлый рой пуль, — и люки мгновенно закрывались. Такимъ образомъ,

этому броненосцу не удалось сдѣлать по баржамъ ни одного выстрѣла въ упоръ.

Къ пяти часамъ пополудни противникъ, выпустивъ болѣе 60-ти снарядовъ, удалился отъ берега Кораби, причемъ одинъ изъ броненосцевъ направился вверхъ, а другой внизъ по Дунаю, и оба остановились на разстояніи около десяти верстъ другъ отъ друга. Наши суда подверглись весьма чувствительнымъ поврежденіямъ: нѣкоторые снаряды пронизывали насквозь три рядомъ стоявшіе баржи, другіе пробивали бортъ на пароходѣ, не испортивъ впрочемъ машины, а одно рѣчное судно было совершенно изbito гранатами; между людьми же не только убитыхъ или раненыхъ, но даже и слабо контуженыхъ не было.

На слѣдующій день можно было ожидать не только продолженія бомбардировки, но и не безъ основаній опасаться, что неприятелю удастся наконецъ увести на буксирѣ захваченныя нами суда; поэтому полковникъ Желтоножкинъ рѣшился потопить пароходъ и баржи, что и было исполнено въ ночь съ 15-го на 16-е мая ¹⁾).

16-го мая часть нашего фламундскаго отряда ²⁾ переведена на новую позицію, съ которой гораздо удобнѣе можно, въ случаѣ надобности, подавать помощь отряду, охраняющему прибрежныя батареи и сохраненный нами пароходъ. Въ этотъ день, противъ ожиданія, броненосцы не беспокоили отряда, расположеннаго въ Кораби; ночью же мы безпрестанно продолжали работы по расширенію нашихъ батарей и усиленію ихъ заслоновъ къ сторонѣ Никополя.

16-го же мая, въ теченіе часа происходила усиленная канонада между Калафатомъ и Виддиномъ. Въ этотъ день князь Карлъ, выѣхавшій изъ Бухареста еще 14-го числа, для инспекціи своихъ войскъ въ Малой Валахія, впервые принялъ, такъ называемое, огненное крещеніе. По приѣздѣ въ Калафатъ, онъ тотчасъ отправился на батарею Карла I, вооруженную тяжелыми русскими орудіями, и оставался на ней во все продолженіе канонады, причемъ на одну только эту батарею турки бросили до тридцати гранатъ ³⁾. Румынскій огонь былъ очень удаченъ. По свидѣтельству самихъ турокъ ⁴⁾, въ Виддинѣ много убитыхъ,

¹⁾ Другой изъ захваченныхъ пароходовъ намъ удалось сохранить; онъ оказывалъ намъ не мало услугъ при переправахъ и вѣспослѣдствіи.

²⁾ Фламунда лежитъ противъ Никополя, нѣсколько ниже Турну-Магурели.

³⁾ По возвращеніи въ Бухарестъ, представители румынской арміи и палаты поднесли князю Карлу золотую медаль „Virtuti militari“, учрежденную въ Румыніи въ награду воинской доблести.

⁴⁾ Телеграмма изъ Константинополя отъ 17 (29) мая.

разрушена военная паровая хлебопечка, и сильно пострадал военный госпиталь. Если последнее справедливо, то в этом приискорбномъ обстоятельствѣ прежде всего виноваты сами же турки, выставившіе (какъ намъ извѣстно изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ) флаги Краснаго полумѣсяца не столько надъ госпиталями, сколько надъ пороховыми и иными военными складами. Дознанныя злоупотребленія санитарнымъ флагомъ по неволѣ заставляютъ подозрѣвать обманъ даже и тамъ, гдѣ его иногда вовсе не кроется.

17-го мая, около двухъ часовъ дня, большой турецкій броненосецъ, не замѣчавшійся дотошъ въ при-никопольскихъ водахъ Дуная, сталъ приближаться къ нашей фламундской позиціи по главному фарватеру рѣки, а не позади острова, какъ дѣлали до сихъ поръ въ этомъ мѣстѣ другіе броненосцы. Видя это движеніе, наши думали, что противникъ идетъ съ цѣлью забрать на буксиръ уцѣлѣвшія баржи, находившіяся, вмѣстѣ со вторымъ изъ захваченныхъ нами пароходовъ, подъ прикрытіемъ фламундскихъ батарей. Вслѣдствіе этого спѣшенныя части Вознесенскаго уланскаго и Астраханскаго драгунскаго полковъ тотчасъ же приготовились къ бою, но броненосецъ вскорѣ повернулъ по фарватеру и смирно прошелъ мимо нашихъ батарей въ разстояніи не далѣе двухсотъ сажень. По мнѣнію морского офицера, лейтенанта Ломана, присутствовавшего въ это время на одной изъ батарей, броненосецъ хотя и шелъ полнымъ ходомъ, но все-таки двигался противъ теченія крайне медленно. Имѣя въ виду волю главнокомандующаго—не начинать первыми огня безъ особенной надобности,—князь Манвеловъ приказалъ не стрѣлять. Броненосецъ, подвигавшись до Никополя, сталъ на якорь у праваго берега. Опасенія за возможность попытки взять у насъ на буксиръ наши суда внушили князю Манвелову мысль защитить ихъ болѣе солиднымъ образомъ отъ всякихъ покушеній. Съ этою цѣлью въ ту же ночь у Фламунды былъ возведенъ новый ретраншаментъ, а на пароходную машину и котлы наложены мѣшки съ землей, и самый пароходъ прикрытъ особой баржей со стороны, обращенной къ неприятелю.

На иппкемъ Дунаѣ, у Сатунова, въ ночь съ 17-го на 18-е мая, турецкіе охотники, въ числѣ до 15-ти человекъ, перебрались на нашъ берегъ, гдѣ на нихъ наткнулся разъѣздъ Ольвиопольскаго уланскаго полка; вслѣдствіе поднявшейся между ними перестрѣлки, на звукъ выстрѣловъ прибѣжали съ ближайшаго поста два звзда пѣхотинцевъ и тотчасъ же прогнали турокъ, послѣднихъ убраться въ свои лодки и отчалить отъ берега.

Наши охотники тоже предпринимаютъ почти каждую ночь подобныя же поѣздки на про-

тивную сторону и это называется у нихъ «поцупать неприятеля». Такія поѣздки служатъ для нихъ нѣкоторого рода развлеченіемъ среди томительнаго бездѣйствія въ ожиданіи общей переправы за Дунай, которая, судя по состоянію разлива, не можетъ состояться въ скоромъ времени. Уже съ 12-го мая движеніе по желѣзнымъ дорогамъ было крайне затруднено, вслѣдствіе разливовъ, срывающихъ мосты, а къ 18-му мая полотно между Барбошемъ и Браиловымъ такъ размыло и залило водой, что всякое движеніе по желѣзному пути окончательно остановилось, а также невозможно было направить и по грунтовымъ дорогамъ подхлѣбавшія изъ Россіи войска и тяжести, такъ какъ вода въ рѣкѣ Серетъ поднялась на столько, что пришлось развести напѣр плувчій мостъ. Едва лишь съ 19-го мая вода въ Дунаѣ пошла на убыль, но очень медленно. Однако, благодаря начавшемуся спаду, неимоверными усилиями и трудами нашихъ войскъ сообщеніе по желѣзной дорогѣ было возстановлено уже 21-го мая.

18-го числа на линіи Дуная все было спокойно, а на слѣдующій день усмотрѣно особенное движеніе въ Никополь, которое дало поводъ предполагать, что тамъ строятся новыя батареи. Броненосцы цѣлый день передвигались вверхъ и внизъ по Дунаю, не выходя однако изъ границъ береговой черты города; къ нимъ подвозили изъ Никополя на шлюпкахъ какіе-то предметы, и все это заставляло нашихъ предполагать, что турки дѣлаютъ въ рѣкѣ минныя заложенія. Полковникъ Мацылевичъ ¹⁾ выѣхалъ съ разъѣздомъ на самый конецъ турнувской гати, чтобы поближе разсмотрѣть, надъ чѣмъ именно работаютъ броненосцы, и былъ встрѣченъ выстрѣлами орудій изъ крѣпости; до этого же раза турки никогда не безлюковали нашихъ офицеровъ, неоднократно ѣзжавшихъ сюда для наблюденій. Съ наступленіемъ вечерней темноты, около этой гати и у фламундскихъ батарей появилось нѣсколько турецкихъ лодокъ, которыя пытались сдѣлать развѣдку, но это имъ не удалось: каждый разъ, что онѣ пытались причалить, по нимъ открывался огонь нашихъ секретовъ и разъѣздовъ, принуждавшій турокъ быстро удалиться отъ берега.

Въ Турну и на разныхъ другихъ пунктахъ дунайскаго побережья съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаются по ночамъ огневые сигналы, на которые получаютъ такіе же отвѣты съ того берега; это заставило князя Манвелова принять мѣры для поимки таинственныхъ сигнальщиковъ.

8-й казачій полкъ, выступившій еще 17-го мая изъ Корабинъ къ переправамъ на Алутѣ,

¹⁾ Командаръ 8-го драгунскаго Астраханскаго полка.

для соединенія съ турну-магурельскимъ отрядомъ, переправилъ 19-го числа всѣхъ лошадей и большую часть людей вплавь, а остальныхъ вмѣстѣ съ обозомъ на паромѣхъ. Переправа была чрезвычайно затруднительна, но совершена благополучно. Въ половинѣ пятого часа пополудни полкъ, въ составѣ 5½ сотенъ, стоялъ уже на бивуакѣ у Турну, а полусотня осталась въ Корабиі для охраны судовъ, затопленныхъ нами въ этомъ пунктѣ, причемъ весьма важно было сберечь уцѣлѣвшую машину парохода, которая могла еще пригодиться намъ впоследствии. Въ тотъ же день (19-го) лейтенантъ Ломанъ изслѣдовалъ устье Алуты и пришелъ къ заключенію, что теперь, во время разлива, судамъ почти невозможно входить въ эту рѣку изъ Дуная, такъ какъ фарватеръ въ устьѣ оказался мелкимъ, узкимъ и извилистымъ.

20-го мая турки возвели у Никополя новую батарею, расположивъ ее ниже и западнѣе центрального люнета. Лагерь, стоявшій, на виду у насъ, въ крѣпости близъ этого люнета, снялся и часть его спустилась въ городъ къ рѣкѣ, а другая — надо предполагать — размѣстилась внѣ сферы выстрѣловъ нашихъ турну-магурельскихъ батарей, на что указываетъ появленіе бѣлыхъ палатокъ на гребнѣ одного ущелья, къ югу отъ Никополя. По мнѣнію нашихъ моряковъ, посѣщавшихъ Турну, здѣсь представляются условія весьма удобныя для уничтоженія непріятельскихъ броненосцевъ при помощи паровыхъ миноносцевъ; они же утверждаютъ, что доставка сюда миноносцевъ черезъ Слатину *) не представляетъ особенныхъ трудностей. По указанію лейтенанта Ломана, во Фламундѣ приняты нѣкоторые дополнительные мѣры для сохраненія въ цѣлости баржъ и парохода «Аннета». Моряки наши очень хвалятъ этотъ пароходъ и считаютъ его значительно лучше затопленного въ Корабиі; не мнѣе хороши, по ихъ мнѣнію, и баржи, изъ которыхъ одна можетъ поднять заразъ тысячу человѣкъ; остальные меньше, но тоже очень помѣстительны и хорошей конструкціи. «Аннета» можетъ буксировать противъ теченія четыре такихъ баржи.

Вода въ Дунаѣ за послѣдніе дни была на одинъ футъ, а въ теченіе 35-ти часовъ (съ 8-ми вечера 19-го по 8 утра 21-го мая) еще на четыре дюйма. Наблюденія уровня рѣки производятся ежедневно. Турецкіе броненосцы подъ Никополемъ непрерывно дымятся; по всему замѣтно, что турки очень опасаются за ихъ участь, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что въ Турну и Фламундѣ появились русскіе моряки.

22-го мая противникъ открылъ на высокомъ

гребнѣ противъ фламундской позиціи новую батарею и въ 2½ часа пополудни сдѣлалъ съ нея пять пробныхъ выстрѣловъ изъ стальныхъ дальнѣйшихъ орудій 4-хъ-фунтового калибра. Гранаты падали около батареи № 2 и всѣ разрывались. Вслѣдъ за тѣмъ изъ амбразуръ нижняго бастиона крѣпостной ограды были открыты артиллерійскій огонь по усиленному драгунскому разбѣду (Астраханскаго полка), который приближался къ прибрежному лѣсу. Поводомъ къ движенію этого разбѣда послужило слѣдующее обстоятельство:

Послѣ полудня, изъ прибрежнаго лѣса вышла группа людей, одѣтыхъ въ обыкновенное платье румынскихъ крестьянъ. Приблизясь къ стаду рогатаго скота, который пасся здѣсь подъ охраною двухъ мальчиковъ, эти люди внезапно схватили одного изъ нихъ и, отогнавъ восемь буйволовъ, послѣпно удалились въ лѣсъ. Какъ только другой мальчикъ, успѣвшій убѣжать, далъ знать объ этомъ въ Турну, изъ нашего лагеря была выдвинута въ погоню часть дежурнаго эскадрона ¹⁾. Подойдя на рыхляхъ къ чертѣ разлива, разбѣдъ нашъ спѣшился, оставивъ коноводовъ въ укрытомъ мѣстѣ. Люди сняли съ себя все нижнее платье и, подвизавъ къ шеѣ патронташи, двинулись по водѣ къ лѣсу, въ сопровожденіи родственниковъ захваченнаго мальчика. Послѣ продолжительныхъ розысковъ, имъ удалось найти въ чащѣ лѣса трехъ буйволовъ, которые и были возвращены хозяевамъ; остальной же захваченный скотъ и мальчикъ увезены на турецкій берегъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ отчалила непріятельская лодка, найденъ большой кремневый пистолетъ, и эта находка служитъ указаниемъ, что переодѣтые люди были башибузуки. Во время розысковъ въ лѣсу, драгуны подверглись артиллерійскимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, а когда они стали подходить къ берегу, то толпы пѣшихъ турокъ, спустившіяся къ Дунаю, открыли по нимъ бѣглый ружейный огонь; впрочемъ, гранатные осколки не зашли у насъ ни одного человѣка, а ружейныя пули не долетали.

Въ теченіе пятнадцати дней, съ 8-го по 22-ое мая, турки сдѣлали по Фламундѣ и Турну около 250-ти пушечныхъ выстрѣловъ, да около 75-ти по Корабиі, не причинивъ намъ ни малѣйшей потери въ людяхъ и лошадяхъ. 22-го же мая турки начали снова обстрѣливать Калафатъ; румыны отвѣчали имъ весьма энергически и мѣтко, послѣдствіемъ чего были пожары, вспыхнувшіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ турецкаго расположенія въ городѣ.

23-го мая непріятель впервые сталъ бомбардировать Журжево. Огонь, открытый въ

*) До Слатины — по желѣзной дорогѣ, а далѣе водомъ, внизъ по Алутѣ.

*) 2-го эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, майора Рожнятовскаго.

пять часовъ пополудни изъ рушукскаго форта Салкаятъ, продолжался вполнѣ безвредно до семи часовъ вечера, направляясь исключительно на журжевскую гавань.

На слѣдующій день (24-го), въ пять часовъ утра, канонада со стороны Рушукъ возобновилась. Всего было выпущено турками до 50-ти снарядовъ, изъ которыхъ послѣдній пушелъ въ 8¼ часовъ утра, и затѣмъ все утихло. Большинство снарядовъ разрывалось. На этотъ разъ противникъ стрѣлялъ съ двухъ фланговыхъ батарей, правѣ Рушукъ, изъ которыхъ одна устроена на шесть дальнѣйшихъ орудій, а другая, маскированная каменною стѣною, на четыре 6-ти-дюймовыя мортиры. Въ Журжевѣ, на берегу Дуная стоятъ каменные казармы, гдѣ временно расположены кубанскіе казаки гужевою дивизіи. Въ эти казармы хватилъ одинъ снарядъ, который пробилъ стѣну и исковеркалъ вѣшалки и нары. По счастью, въ это время внутри казармы никого уже не было, за три минуты до влета гранаты, спавшіе люди были разбужены по тревогѣ и тотчасъ же бросились въ конюшни сдѣлать коней. Другой снарядъ лопнулъ у самой церкви, стоящей на берегу; три гранаты попали въ два иностранныхъ судна и разщепили имъ борты; кромѣ того, пострадало нѣсколько домовъ, но этимъ и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя намъ бомбардировкой.—потерь между людьми и лошадьми ни въ войскахъ, ни среди жителей не было. Еще со вчерашняго вечера, послѣ первой, такъ сказать, пробной бомбардировки, большинство журжевскихъ жителей въ ночь покинуло городъ, изъ котораго и весь день 24-го мая выбирались всѣ, кто имѣлъ лишь малѣйшую возможность уѣхать. Уже на утро большая часть домовъ была покинута, ворота и двери на заперѣ, ставни наглухо заколочены, лавки и магазины пусты, либо запечатаны, — повсюду тишина, уныніе и страхъ. Не унываютъ только наши солдаты на батареяхъ, да сестры милосердія, только что прибывшія въ журжевскій госпиталь, въ ожиданіи работы. Мы не отвѣчали туркамъ, потому что батареи наши не совсемъ готовы, да и осадныя орудія, предназначенныя для Журжева, пока еще въ дорогѣ. Въ Журжевѣ и его окрестностяхъ расположены: 1-я бригада Кавказской казачьей дивизіи и 4-я стрѣлковая бригада; расположеніе этихъ частей довольно хорошо прикрыто отъ выстрѣловъ противника, за движеніями котораго наши люди слѣдятъ неусыпно. Изъ Журжева весь турецкій лагерь виденъ какъ на ладони; можно замѣтить простымъ глазомъ даже большую зеленую ставку паша, начальствующаго рушукскимъ отрядомъ, силы котораго, по свѣдѣніямъ, полученнымъ полторы недѣли назадъ (т. е. около 14-го мая), равняются 30-ти тысячамъ человекъ. Весь этотъ корпусъ группируется въ

шести особыхъ лагеряхъ, изъ которыхъ самый большой находится въ десяти верстахъ за городомъ. Съ малоросской вышки, гдѣ у насъ расположенъ 30-й казачій полковникъ Орлова полкъ¹⁾, еще 16-го мая было замѣчено появленіе вокругъ рушукскихъ укрѣпленій множества бѣлыхъ и зеленыхъ палатокъ; но страннымъ казалось то, что среди этихъ лагерей не проявлялось ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшей жизни. Это, конечно, заставляло подозрѣвать обманъ со стороны турокъ, у которыхъ въ то время далеко еще не было подъ Рушукомъ въ наличности тридцати тысячъ. Надо думать, что силы ихъ прибывали постепенно, потому что въ послѣдующее время я вокругъ палатокъ съ каждымъ днемъ стало обнаруживаться все болѣе и болѣе жизни. Съ нашего берега ясно видна также масса рѣчныхъ судовъ, сгруппированныхъ турками у Рушукъ. По точнымъ свѣдѣніямъ, тамъ стоятъ 102 судна, изъ коихъ 80 соединены въ одну группу. Изъ военныхъ же судовъ подъ Рушукъ находятся одинъ мониторъ, одинъ паровой и три парусные корвета. Вообще же на Дунай, по свѣдѣніямъ отъ 22-го мая, у турокъ плаваютъ 12 мониторовъ и 9 канонерокъ.

Бомбардировки 23-го и 24-го мая, какъ утверждаютъ свѣдѣнія, полученныя съ того берега, были предприняты турками для того, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ производства работъ на обходной вѣтви желѣзной дороги, такъ какъ прежній путь, проходя открыто по самому берегу, лежитъ подъ нашими выстрѣлами.

Въ этотъ же день (24-го) турки опять открыли сильную бомбардировку изъ Валдина по румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ, но сильная гроза, разразившаяся съ проливнымъ дождемъ надъ этими мѣстами, вынудила вскорѣ обѣ стороны прекратить канонаду. Дунай понизился еще на одинъ футъ.

25-го мая на всѣхъ прибрежныхъ военныхъ пунктахъ происходили небольшія перестрѣлки. Изъ Журжева, гдѣ наконецъ установили на батареяхъ осадныя орудія, была открыта канонада по Рушукъ, на которую турки не отвѣчали, что невольно вызывало сомнѣніе въ успѣшности нашихъ выстрѣловъ. Во время этой канонады было замѣчено въ Рушукѣ движеніе значительныхъ массъ войска, направлявшихся изъ лагеря къ берегу, причемъ поднялась у турецкихъ стрѣлковъ безвредная перестрѣлка съ казаками, по окончаніи которой часть турецкихъ войскъ удалась изъ Рушукъ къ югу.

Въ Ольteniѣ въ этотъ день (25-го) мы начали поправлять дамбу, размытую разливомъ. Турки, замѣтивъ эти работы, открыли изъ Туртукая огонь, причемъ у насъ ранило одного

¹⁾ Изъ состава Кавказской казачьей дивизіи.

рядового. Непріятельскія батареи противъ Ольтеницы расположены очень выгодно, за кустами, такъ что мы открыли ихъ только тогда, какъ противникъ сталъ уже ихъ вооружать. Наши охотіе казаки два раза на разсвѣтѣ вѣдали въ лодкахъ къ той сторонѣ разсматривать расположеніе противника и количество его судовъ. Турки оба раза открывали по нимъ огонь, причемъ одна граната шлепнулась въ воду у самого борта казачьей лодки. Вообще, въ послѣднее время наблюдательность противника стала весьма внимательна. Въ эту же ночь и турки ходили на развѣдку къ Ольтеницѣ, въ устье рѣки Арджиса, но были своевременно замѣчены на казачьемъ пикетѣ, который своимъ огнемъ вынудилъ ихъ уйти, не достигнувъ цѣли развѣдки.

У Никополя въ этотъ день (25-го) непріятель продолжалъ воздвигать все новыя батареи, а у Калафата пытался высадить десантъ, но эти попытки успѣшно были отбиты румынами.

26-го мая открыто нами существованіе тайной телеграфной корреспонденціи между Рущукомъ и Журжевымъ. Такъ какъ большая часть проволоки была погружена въ Дунай, то при высокой водѣ телеграфъ могъ дѣйствовать вполне свободно, безъ опасеній быть открытымъ; но съ началомъ спада водъ, въ разныхъ мѣстахъ рѣки стали обнаруживаться верхушки столбиковъ съ фарфоровыми болванками и проволокой. Капитаны Масловъ и Альбертовъ, съ нѣсколькими охотниками, подплыли ночью на ботѣ къ отмели и уничтожили на ней телеграфъ, перервавъ кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ проволоку, которую бросили въ воду.

26-го же мая противникъ у Туртукая началъ вооружать скрытно устроенную батарею; наши ольтеницкіе артиллеристы семью мѣтками выстрѣлами испортили на ней амбразуры и мерлоны и принудили турокъ удалить орудія.

Затѣмъ непріятель открылъ огонь изъ другого укрѣпленія, съ котораго наши точно также принудили его не только убрать артиллерию, но и почти разрушили самое укрѣпленіе.

По окончаніи палбы съ нашихъ батарей, турки приступили было къ исправленію поврежденій, но наша артиллерія тремя картечными гранатами разогнала рабочихъ. У насъ при этой перестрѣлкѣ потерь не было.

Точно также и въ Рущукѣ мы разрушили въ этотъ день (26-го) два укрѣпленія, заставивъ убрать съ нихъ орудія, и мѣшали возобновленію турецкихъ работъ.

На нижнемъ Дунаѣ въ это время происходило слѣдующее:

22-го мая, великій князь главнокомандующій, призвавъ къ себѣ капитана 1-го ранга

Рогую, отдалъ ему приказаніе заградить Мачинскій рукавъ въ его верховьяхъ, подобно тому, какъ нѣсколько времени назадъ былъ онъ загражденъ въ своемъ устьѣ, а также погрузить мины и въ большой Дунай, около Гирсова. Для исполненія этого приказанія, капитанъ Рогую началъ готовить эскадру, состоящую изъ слѣдующихъ судовъ:

1) Румынская лодка «Фульджеро», подъ командой лейтенанта Дубасова; на ней: мичманъ Θεодоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ подпоручикъ Синебрюховъ и 30 человекъ матросовъ.

2) Катеръ «Царевичъ», подъ командой лейтенанта Шестакова; на немъ: мичманъ Θεодосіевъ и 16 человекъ матросовъ.

3) Катеръ «Ксенія» — мичманъ Персинъ и 16 человекъ матросовъ.

4) Катеръ «Джигитъ» — мичманъ Балъ и 10 человекъ матросовъ.

5) Пароходъ «Загражденіе», подъ командой лейтенанта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ подпоручикъ Огладинъ, румынской морской службы майоръ Муржеско, приглашенный къ участію въ экспедиціи какъ офицеръ, хорошо знакомый съ Дунаемъ, и 12 человекъ матросовъ. Пароходъ этотъ служилъ въ качествѣ депо для минъ и велъ на буксирѣ четыре минныя баркаса съ пятью матросами на каждомъ, подъ командой лейтенанта Петрова.

Въ среду, 25-го мая, всѣ эти суда были изготовлены къ плаванію, а потому на слѣдующій день (26-го), съ разсвѣтомъ, снялись съ ябора изъ-подъ Браилова и отправились по назначенію.

Чтобы не задерживаться малымъ ходомъ катеровъ «Джигитъ» и «Ксенія», при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, оба эти судна взяты были на буксиръ «Царевичемъ» и лодкой «Фульджеро».

Въ 9 часовъ утра, подойдя къ селенію Гропени, лодки наши увидѣли въ каналѣ Вальтцуію два дыма. Чтобы не быть отрѣзанными отъ Браилова судами, которыя, по весьма вѣроятному предположенію, легко могли бы находиться въ каналѣ, эскадра стала на якоръ — и тогда въ устьѣ Вальтцуіи было положено минное загражденіе. Окончивъ эту работу къ полудню, эскадра продолжала плаваніе вверхъ по Дунаю. Не доходя соленія Гура-Гирлица, нашимъ судамъ попались на встрѣчу сотники 29-го казачьяго полка, Лодочниковъ и Сережняковъ, посланные изъ отряда полковника Рика (въ Гура-Яломицѣ), съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ у Гирсова. Изъ этого краткаго извѣщенія и изъ устныхъ разсказовъ обоихъ посланныхъ офицеровъ оказалось, что въ тотъ же день (26-го мая), въ 9 часовъ утра, изъ озера Ротунда вышли по рѣкѣ Барой два турецкіе парохода, и, на-

ходясь вѣ выстрѣловъ, спустились въ главное русло, съ цѣлю пройти подъ Гирсову гору. Сначала оба эти парохода стали было плавать взадъ и впередъ, за лѣсомъ, противъ селенія Гура-Яломицы, причѣмъ наша стрѣлковая цѣль открывала по нимъ огонь, если кто-либо изъ турокъ появлялся на палубахъ. Въ это время изъ-за Гирсовой горы показались три непріятельскіе броненосца; два изъ нихъ, прикрываясь лѣсомъ отъ дѣйствія нашихъ батарей, открыли канонаду по селенію Гура-Яломица, а третій началъ стрѣлять по деревнѣ Піа-Петри. Подъ прикрытіемъ этого огня, два парохода, пришедшіе изъ озера Ротунда, быстро направились къ Гирсовой горѣ; но чуть лишь вышли изъ-за лѣса, какъ были встрѣчены огнемъ нашихъ батарей. Изрѣдка остававшаяся для отвѣта на выстрѣлы, эти пароходы, равно какъ и прикрывавшія ихъ суда, прошли передъ нашими батареями и, прекративъ огонь, удалились подъ Гирсову гору. Во время прохожденія ихъ мимо нашихъ батарей, у одного изъ нихъ подбита шедшая на буксирѣ лодка, которая опрокинулась, вмѣстѣ съ находившимися въ ней людьми. Канонада, совершенно для насъ безвредная, прекратилась въ 10 часовъ утра.

Съ извѣстіемъ объ окончаніи этой канонады и о томъ, что за Гирсовой горой стоятъ три непріятельскіе броненосца и два парохода, посланъ былъ урядникъ Чеботаревъ, который пустился отыскивать нашу флотилію безъ проводника, въ рыбацкой душегубкѣ. Капитанъ Рогуля встрѣтилъ Чеботарева спустя полчаса послѣ полученія извѣстій отъ сотниковъ Лодочникова и Сережнякова, когда эскадра миновала уже Гура-Гирлицу, и взялъ на буксиръ его душегубку. Въ 8¼ часовъ вечера флотилія капитана Рогуля подошла къ Гура-Яломицѣ и расположилась у берега, между нашими батареями № 2 и № 3, подъ прикрытіемъ находящагося здѣсь Селенгинскаго пѣхотнаго полка.

27-го мая, съ разсвѣтомъ, лодка «Фульджеро», катеръ «Царевичъ» и катеръ «Ксенія» вышли изъ-подъ Гура-Яломицы для рекогносцировокъ. Въ это же самое время три турецкіе монитора и два парохода, стоявшіе подъ Гирсовой горой, начали поднимать пары. Когда наши суда подошли къ нижней оконечности острова Гиска-Маре, то одинъ изъ трехъ мониторовъ началъ спускаться на нихъ по теченію, съ намѣреніемъ атаковать; но наши лодки, замѣтивъ это, дали полный ходъ и смѣло пошли къ нему на встрѣчу, а съ «Фульджеро» былъ даже открытъ по нему огонь изъ носового четырехъ-фунтоваго орудія. Мониторъ, видя такую рѣшимость и, вѣроятно, принявъ въ соображеніе печальную судьбу «Хивзи-Рахмана», поспѣшилъ повернуть назадъ и быстро пошелъ къ Гирсову. Наши продолжали его пре-

слѣдовать, въ томъ расчетѣ, что турки, вѣроятно, откроютъ по нимъ пальбу и такимъ образомъ дадутъ возможность опредѣлить сферу своего берегового огня. И дѣйствительно, вскорѣ раздался выстрѣлъ отъ круглой батареи, расположенной на лѣвыхъ возвышенностяхъ Гирсова. Первый снарядъ далъ перелетъ, второй недолетъ, а остальные два легли влѣво, сажень на двадцать. Достигнувъ такимъ способомъ своей цѣли, относительно опредѣленія сферы огня гирсовскихъ батарей, и убѣдясь, что турецкія суда стоятъ выше Гирсова, наши лодки вышли изъ-подъ выстрѣловъ и въ девять часовъ утра возвратились въ Гура-Яломицу.

Въ тотъ же день (27-го) съ девяти утра и до двухъ часовъ пополудни капитанъ Рогуля, съ майоромъ Муржеско на гребной шлюпкѣ ѣздили вверхъ по Дунаю, съ цѣлю слѣдить рекогносцировку устьевъ Яломицы и канала Борча, а въ два часа два всѣ суда нашей эскадры вышли для постановки загражденій въ большомъ Дунаѣ, противъ середины острова Гиска-Мика. «Фульджеро» при этомъ стоялъ впереди, для охраненія работъ отъ мониторовъ, на случай, если бы они вздумали броситься на эскадру, а также и противъ стрѣлковъ, которыхъ можно было ожидать въ плавняхъ за лѣсомъ, лежащихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ наши приступили къ работѣ. Вся гора, на которой возведены батареи и расположена непріятельскій лагерь, была улана турецкими солдатами—свыше трехъ тысячъ человекъ,—вышедшими смотрѣть на наши работы. Зрители эти толпились на брустверахъ и между батареями. Окончивъ загражденіе въ 8 часовъ вечера, наши суда благополучно возвратились къ селенію Гура-Яломица, гдѣ были встрѣчены привѣтственными криками собравшихся на берегу людей отряда полковника Рыка.

Въ этотъ же день (27-го) турецкіе пароходы «Килианъ-Али» и «Фехтъ-уль-Исламъ», стоявшіе въ четырехъ часахъ пути ниже Гирсова, будучи не въ состояніи двинуться съ мѣста, такъ какъ фарватеръ Дуная былъ загражденъ нашими минами, спустили десять лодокъ съ водолазами (какъ слышно, англійскими), чтобы выловить нѣсколько торпедъ и тѣмъ освободить себѣ проходъ. Это имъ удалось, и тогда пароходы, слѣдуя осторожно за лодками, поплыли внизъ и на пути соединились съ тремя другими пароходами: «Аркадія», «Семендрія» и «Аккія», причѣмъ водолазми было найдено еще нѣсколько торпедъ. Во время прохожденія ихъ мимо Гура-Яломицы, наши батареи открыли по нимъ огонь, на который суда отвѣчали; но послѣ непродолжительной задержки имъ удалось однако пройти мимо нашихъ батарей, не испытавъ тяжелыхъ поврежденій. У насъ потеря не было.

28-го мая, съ разсвѣтомъ, «Фульджеро» и «Царевичъ» были посланы для рекогносцировки въ Мачинскій рукавъ. Войдя въ него, они замѣтили въ плавняхъ двѣ непріятельскія шляпки со стрѣлками. «Фульджеро» далъ по нимъ три картечныхъ выстрѣла, что и заставило ихъ удалиться. Тогда остальные наши суда приступили къ загражденію верховьевъ Мачинскаго рукава и успѣли благополучно окончить работу къ девяти часамъ утра, послѣ чего вернулись къ Гур-Яломицѣ. Оставивъ здѣсь двѣ большія шляпки, съ тремя матросами на каждой, для охраны минныхъ загражденій, и поручивъ ихъ попеченію командира казачьяго № 40-го полка, капитанъ Рогуля съ эскадрой, въ полдень того же 28-го числа, направился обратно къ Браилову, куда и прибылъ въ пять часовъ пополудни.

28-го же мая турки изъ Рущука два раза открывали артиллерійскій огонь по нашимъ сапернымъ работамъ у Журжева; утромъ ихъ канонада длилась съ 8½, до 12-ти часовъ, а вечеромъ отъ 6-ти до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не стемнѣло. У насъ во все время этой пальбы саперныя работы не прекращались, и потерь не было. При стрѣлбѣ по малоросскому посту, нѣсколько гранатъ попали въ коновязи 30-го донскаго казачьяго полка, но какъ для людей, такъ и для лошадей это приключеніе обошлось вполне благополучно, если не считать потери нѣсколькихъ пичныхъ древковъ, ищепленныхъ снарядомъ, разорвавшимся среди пирамиды пикъ. Не обошлось и безъ комическаго приключенія: одна изъ гранатъ, при паденіи, запуталась въ штапахъ какого-то казака, разложенныхъ на землѣ для просушки и, обмотавшись ими, на глазахъ у всѣхъ, — къ общему удивленію — не разорвалась. Казакъ тутъ же осторожно высвободилъ концомъ пикъ необходимую принадлежность своего туалета, при общемъ смѣхѣ трунящихся надъ нимъ товарищей. Послѣ этой стрѣлбы, командиръ полка, полковникъ Орловъ отвелъ свою часть на полверсты дальше отъ берега, и съ тѣхъ поръ турки уже не беспокоили его казакъ.

Въ послѣдующіе дни на всемъ Дунаѣ происходили почти ежедневныя, но совершенно безвредныя перестрѣлки, которыя стали уже наводить на наши войска изрядную скуку. — «Одинъ только переводъ деньгамъ турецкимъ, а проку никакого!» — неоднократно выражались въ разговорахъ солдаты и вывели изъ этого одно, далеко не бесполезное для себя заключеніе, что, видно, много, очень много надо извести пороха и чугуна, для того чтобы вывести изъ строя одного человѣка, и что поэтому, стало быть, артиллерійскій огонь вовсе не страшенъ.

1-го іюня, на нижнемъ Дунаѣ, у Гечета противъ Браилова, мы безпрепятственно окон-

чили свои батареи, поставили на нихъ орудія и, такимъ образомъ, съ этого дня фактически утвердились на турецкомъ берегу.

3-го іюня, во время канонады при Ольтеницѣ, у насъ раненъ одинъ нижній чинъ и повреждена турецкой гранатой дульная часть орудія; граната влетѣла прямо въ амбразуру и ударилась какъ разъ въ самое жерло пушки. Вода спадаетъ хотя медленно, но постоянно; впрочемъ, Дунай все еще стоитъ на 16 футовъ выше нормальнаго уровня. Это обстоятельство очень затрудняетъ ходъ работъ по затопленнымъ берегамъ и по неволѣ вынуждаетъ главныя силы нашей арміи на томительное бездѣйствіе, въ ожиданіи болѣе удобныхъ обстоятельствъ для рѣшительной переправы. Турки съ своей стороны — какъ слышно — ожидаютъ этого неизбежнаго событія въ семи мѣстахъ, а именно: противъ Мачина, Рассовы, Туртукая, Систова, Никополь, Рахова и Виддина, и потому во всѣхъ этихъ пунктахъ усиленно спѣшатъ возводить окопы. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти видимыя укрѣпленія, ходятъ нѣкоторые слухи, будто турки, въ силу какого-то особаго стратегическаго плана, выработаннаго въ ихъ главной квартирѣ, вовсе не намѣреваются оказать намъ не только серьезное, но и какое бы то ни было сопротивленіе на Дунаѣ. Эти слухи, какъ увѣряютъ плоештинскіе румыны, исходятъ изъ среды проживающихъ между ними иностранцевъ. На сколько тутъ вѣроятнаго — конечно, трудно судить, но скорѣе есть основанія думать, что противникъ вѣроятнѣе всего ожидаетъ встрѣчи съ нашей арміей гдѣ-нибудь по близости сербской границы, потому что еще 1-го іюня до насъ дошли телеграфнымъ путемъ два извѣстія изъ Турні-Северина и Вѣны, будто турки съ поспѣшностью сосредоточиваютъ большой корпусъ, подъ начальствомъ Османа-пашы, у сербской границы на устьяхъ Тимока, выше Виддина. Впрочемъ, компетентные люди, какъ слышно, не придаютъ этимъ извѣстіямъ особаго значенія, такъ какъ мало склонны вѣрить въ ихъ вѣроятность, зная приблизительно количество боевыхъ силъ противника.

3-го же іюня утромъ аванпосты брайловскаго отряда стали подвигаться на правомъ берегу впередъ и проникли изъ Гечета почти къ самому Мачину. Въ то же время три наши канонерки успѣли сдѣлать до полудня полную рекогносцировку Мачинскаго рукава, вплоть до самаго города, не подвергаясь выстрѣламъ.

Ночью съ 3-го на 4-е іюня охотники Изюмскаго гусарскаго полка, подъ командою подполковника Волькенау, поплыли на восьми лодкахъ къ непріятельскому берегу, выше Силистрии, и успѣли высмотрѣть расположеніе противника, но на разсвѣтѣ были замѣчены и вынуждены уйти назадъ подъ сильнымъ огнемъ, потерявъ одного гусара убитымъ и четырехъ

ранеными. Уровень воды на 15 $\frac{3}{4}$ футовъ выше нормальнаго.

6-го іюня получены извѣстія, требующія впрочемъ подтвержденія, что въ этотъ день десяти-тысячный турецкій отрядъ вступилъ въ Мачинъ, на подкрѣпленіе тамошняго бездѣйствующаго гарнизона, и къ этому же времени русскіе отряды уже заняли всю Малую Валахію, такъ что въ виду сосредоточенія значительныхъ нашихъ силъ у Турну-Магурели, и изъ опасенія, что переходъ черезъ Дунай будетъ совершенъ именно въ этомъ мѣстѣ, турецкія войска съ различныхъ пунктовъ, какъ слышно, слѣшать къ Никополю.

6-го іюня турки, въ числѣ около 800 человекъ, высадились на нашъ берегъ близъ Турну-Магурели и захватили пасійся на лугу румынскій скотъ. Подослѣвшія части Вознесенскихъ уланъ, казаковъ 8-го полка и одна рота Тамбовскаго пѣхотнаго полка отбили большую часть угнаннаго скота и прогнали турокъ, причемъ послѣдніе потеряли восемь человекъ, а наши двухъ: одного казака и одного улана ранеными.

7-го іюня, къ ночи, часть людей съ казачьяго пикета у Калараша предприняла рекогносцировку острововъ, лежащихъ предъ Силистріей, и успѣла въ своемъ предпріятіи, но, къ сожалѣнію, при этомъ въ охочей партіи были ранены четыре казака и проводникъ-крестьянинъ.

Въ Журжево прибыли наши моряки и начальникъ артиллерія дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ князь Масальскій, который въ настоящее время развиваетъ въ этомъ пунктѣ усиленную артиллерійскую дѣятельность. Журжевскій госпиталь почти разрушенъ дѣйствіемъ турецкихъ снарядовъ, которые нерѣдко ложатся и въ районѣ желѣзно-дорожной станціи. Какъ видно, приходится на будущее время не выставять надъ госпитальными пунктами флаговъ Краснаго Креста, дабы не привлекать на нихъ усиленнаго вниманія турокъ, видимо старавшихся нарочно избирать цѣлью своихъ выстрѣловъ госпитальное зданіе въ Журжевъ. Рушукъ, какъ слышно, вовсе покинутъ жителями. Сказываютъ, гарнизона въ немъ до 18,000 человекъ, да кромѣ того нѣтъ стѣнъ крѣпости расположено лагерями 15 тысячъ, и что туда пріѣзжалъ недавно Ахметъ-Эюбъ-паша, который произвелъ нѣкоторые переимѣны въ расположеніи войскъ и въ составѣ начальствующихъ.

8-го іюня получилось и изъ Бѣлграда подтвержденіе прежнихъ вѣстий и турну-северинскихъ извѣстій о томъ, что сильный турецкій корпусъ продолжаетъ собираться на сербской границѣ, повидимому, угрожая долині Тимока. Это обстоятельство побудило румынъ воздвигать въ Калафатѣ новыя сильныя батареи.

9-го іюня, въ Плоештахъ послѣдовало окончательное соглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи русской и румынской армій. Переговоры объ этомъ, при посредствѣ г-дъ Братіано и Когальничано, длились еще съ 30-го мая, причемъ рѣчь, какъ слышно, шла главнѣйшимъ образомъ о русскихъ субсидіяхъ. Въ офицерской (неофициальной) средѣ держатся того мнѣнія, что гораздо лучше было бы предоставить дѣйствія румынъ ихъ собственному благоусмотрѣнію, а деньги, предназначаемыя для субсидій имъ, употребить на мобилизацію соответственнаго количества своихъ собственныхъ русскихъ силъ.

У Браилова все уже окончательно готово для наводки моста и переправы, которая должна совершиться въ самомъ непродолжительномъ времени; но, какъ слышно, эта переправа будетъ имѣть только второстепенное, демонстративное значеніе, служа лишь для того, чтобы отвлечь турецкія силы отъ пункта главной переправы, который до времени составляетъ величайшій секретъ самаго ограниченаго числа высшихъ лицъ полевого штаба. Между Гечетомъ и Мачиномъ происходитъ пока ежедневная артиллерійская перестрѣлка, а тѣмъ временемъ главныя силы нашихъ войскъ форсированными маршами все болѣе и болѣе подвигаются къ Дунаю. Вода начала спадать довольно быстро.

XXXII.

Переправа у Галаца и занятіе Мачина.

Окончательное сосредоточеніе дѣйствующей арміи въ Румыніи.—Приготовленіе къ демонстративной переправѣ на нижнемъ Дунаѣ.—Устройство плавающего моста въ Браиловѣ.—Слѣдствія о турецкихъ силахъ въ Добруджѣ. Ночная переправа съ 9-го на 10-е іюня у Галаца и ея трудности.—Пираторики Сушковъ и поручикъ Эльснеръ.—Первая атака и бой на буджакскихъ высотахъ.—Дѣйствія демонстративной флотилии противъ Мачина.—Возобновленіе боя на Буджакѣ послѣ 7-ми часовъ утра.—Критическое положеніе двухъ ряжскихъ ротъ.—Черкесскія звѣрства.—Атака пѣхоты на кавалерію.—Прибытіе перваго нашего орудія и рѣшительный моментъ боя.—Окончаніе дѣла.—Состояніе температуры.—Наша боевая убыль.—Отличившіеся офицеры.—Пріѣздъ государя императора въ Галацъ и посѣщеніе раненыхъ въ мѣстномъ госпиталѣ.—Пріѣздъ его величества въ Браиловъ.—Молебствіе въ браиловскомъ лагерѣ.—Настроеніе войскъ въ минуту вступленія къ переправѣ у Браилова.—Праздничный видъ города и порта.—Открытіе движенія по мосту.—Отплытіе трехъ миноносцевъ на рекогносцировку къ Мачину.—Напутствіе войскамъ великаго князя главнокомандующаго.—Сочувственные демонстраціи браиловскихъ жителей.—Послѣдовательный ходъ переправы у Браилова.—Сигналы побѣды на Буджакѣ.—Отъѣздъ государя императора изъ Браилова.—Телеграмма къ графу Мольте.—Награды.—Встрѣча генерала Циммермана въ Мачинѣ.—Вступленіе въ Мачинъ лейбъ-Бородинскаго полка.—Новыя звѣрства турокъ и протоколъ о нихъ.—Одиначная рекогно-

спировка казака-ординарца. — Встрѣча казаковъ въ Бабадагѣ. — Поиски полковниковъ Измайлова и Слюсарева. — Окончательное очищеніе Добруджи отъ непріятельскихъ партій. — Административныя мѣры генерала Циммермана. — Воззваніе государя императора къ болгарскому народу.

Зимница, 20-го іюня.

Главныя силы дѣйствующей арміи окончательно сосредоточились въ Румыніи къ 20-му мая ¹⁾ и расположились правымъ флангомъ ²⁾ у Слатины, центръ ³⁾ по дорогѣ изъ Букареста въ Александрію и лѣвый флангъ ⁴⁾ по дорогѣ изъ Букареста въ Журжево. 14-му армейскому корпусу великій князь главнокомандующій предписалъ: прибыть къ 1-му іюня въ Галацъ, дабы смѣнить находившіяся тамъ части 11-го корпуса ⁵⁾ и составить, съ отрядомъ войскъ 7-го корпуса, ниже-дунайскій отрядъ, начальство надъ коимъ ввѣрено командиру 14-го корпуса, генералъ-лейтенанту Циммерману. Общее сосредоточеніе арміи, благодаря разливамъ рѣкъ и желѣзнодорожнымъ неисправностямъ, было задержано среднимъ числомъ на шесть дней, а потому и приготовленія къ переправѣ шли крайне медленно. Необходимо было доставить по желѣзной дорогѣ всю осадную артиллерию, боевые припасы, паровыя шлюпки минной флотиліи ⁶⁾, понтонныя паркы, разныя мостовыя принадлежности и, наконецъ, продовольственные запасы.

Къ заготовкѣ матеріаловъ для ниже-дунайскаго моста было приступлено вскорѣ по переходѣ нашими войсками границы и по занятіи Рени и Барбоша: на Прутѣ и Серетѣ было заготовлено до тысячи плотовъ и понтоновъ, которыхъ съ избыткомъ хватило бы на два моста, у Браилова и у Галаца, гдѣ эти принадлежности и хранились до времени.

Занятіе русскимъ отрядомъ селенія Гечеть

¹⁾ Не считая 4-го, 13-го и 14-го армейскихъ корпусовъ, находившихся еще на походѣ.

²⁾ 9-й армейскій корпусъ, безъ 5-й пѣхотной дивизіи, сосредоточился къ 18-му мая у Слатины.

³⁾ 12-й армейскій корпусъ, съ уральскою казачьею сотнею и донскимъ № 37-го полкомъ — 13-го мая въ окрестностяхъ Букареста, по дорогѣ въ Александрію (штабъ въ Михалештахъ), 12-я кавалерійская дивизія (резервъ отряда генерала Скобелева 1-го) — къ 3-му мая въ Кончацяхъ, къ югу отъ Букареста.

⁴⁾ 8-й армейскій корпусъ, съ донскимъ № 23-го полкомъ — 18-го мая въ окрестностяхъ Букареста, по дорогѣ въ Журжево (штабъ въ Жилиявѣ), выдвинувъ во Фратешти, для поддержанія, въ случаѣ надобности, отряда генерала Скобелева 1-го, одну бригаду 14-й пѣхотной дивизіи.

⁵⁾ 5-я пѣхотная дивизія, съ донскимъ № 34-го полкомъ — 20-го мая въ окрестностяхъ Букареста.

⁶⁾ Которымъ велѣно идти на соединеніе съ 32-ю пѣхотною дивизіею къ Ольтеницѣ.

⁷⁾ Гвардейскаго экипажа, черноморскаго флотскаго отряда и прибывшаго впоследствии, по требованію великаго князя главнокомандующаго, балтійскаго флотскаго отряда.

и устройство тамъ батарей еще съ 1-го іюня уже достаточно обезпечивало намъ возможность безпрепятственнаго устройства моста на главномъ руслѣ Дуная, отъ Браилова до Гечета. Но этого мало: надо было еще исправить дорогу, которая идетъ отъ Гечета къ Мачину вдоль берега стараго дунайскаго русла. Надъ этой работой, начиная съ 5-го іюня, ежедневно трудились по пятисотъ солдатъ, которые каждое утро переправлялись за рѣку и работали надъ насыпью вплоть до вечера.

Такимъ образомъ, въ теченіе пяти дней, до 9-го іюня, дорога была исправлена на протяженіи около пяти верстъ.

Великій князь главнокомандующій, предполагая совершить главную переправу ниже Никополя не позже 12-го іюня, приказалъ генералъ-лейтенанту Циммерману сдѣлать демонстративный десантъ на нижнемъ Дунаѣ 10-го числа, въ томъ расчетѣ, что непріятель, увидя, что переходъ за Дунай — уже совершившійся фактъ, вѣроятно, поспѣшитъ стяннуть противъ Циммермана значительныя силы и такимъ образомъ невольно ослабитъ себя на неведомомъ ему пунктѣ главной переправы. Генералъ Циммерманъ, принимая въ расчетъ чрезвычайную высоту воды, находилъ, что переправа въ назначенный день (10-го іюня) невозможна и потому просилъ у главнокомандующаго отложить предпріятіе до спада воды, но великій князь настойчиво подтвердилъ свое приказаніе, присовокупивъ, что ему совершенно необходимо, чтобы переправа у Браилова состоялась непременно 10-го іюня. Тогда генералу Циммерману не оставалось ничего, какъ только употребить всѣ мѣры и усилія для исполненія рискованной задачи.

Благодаря успѣшно оконченному загражденіямъ всего нижняго Дуная отъ Рени до Гирсова, рѣка на данномъ пространствѣ была въ нашихъ рукахъ и совершенно свободна отъ судовъ турецкаго флота; поэтому наводка моста отъ Браилова до Гечета могла быть исполнена безъ всякихъ препятствій.

Къ устройству браиловскаго моста было приступлено 7-го іюня, въ восточномъ концѣ города, противъ котораго Дунай не особенно широкъ; въ которое затрудненіе представило только въ томъ, что на обоихъ берегахъ въ этомъ мѣстѣ образовались отъ наводненія значительныя топи, по которымъ пришлось устраивать мосты на козлахъ. Къ наводкѣ было приступлено одновременно съ обоихъ береговъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы свести мостъ на серединѣ. Въ этой операціи, кромѣ саперовъ и солдатъ, приняли участіе греческіе матросы съ задержанныхъ нами судовъ, которые съ радостью воспользовались случаемъ заработать себѣ на кусокъ хлѣба. Впрочемъ, нашимъ войскамъ не пришлось воспользоваться этимъ мостомъ, такъ какъ весь берегъ отъ Гечета

почти до самого Мачина все еще был затоплен и самый мост упирался у Гечета в разливъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи лодокъ, плотовъ и пароходовъ. Съ этою цѣлю, уже въ послѣдніе дни, инженеръ-полковникъ Клименко заготовилъ нѣсколько баржъ, которыя были ограждены толстыми деревянными бортами и покрыты навісами, обшитыми листовымъ желѣзомъ, а на носу каждой баржи помѣстили по одной 12-ти-фунтовой пушкѣ: затѣмъ мы изготовили семь блиндированныхъ канонерокъ, поднимающихъ по 200 человекъ каждая, обшили ихъ броней и вооружили каждую двумя орудіями; кромѣ того, для перевозки четырехъ орудій 4-хъ-фунтоваго калибра, съ двумя зарядными ящиками и упряжными лошадьми, устроили двѣнадцать плотовъ и, наконецъ, приготовили всѣ коммерческія суда, которыя были задержаны въ брайловскомъ портѣ.

По свѣдѣніямъ, доставляемымъ изъ-за Дуная черезъ шпіоновъ и бѣглецовъ, силы турокъ на нижнемъ Дунаѣ были не велики; впрочемъ, цифры въ этихъ свѣдѣніяхъ колебались между тремя и десятью тысячами. Гдѣ была правда—предстояло узнать на собственномъ опытѣ. Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія доставлялъ лейтенантъ Никоновъ, подобранный себѣ небольшую команду изъ некрасовцевъ, болгаръ и греческихъ матросовъ, съ которыми постоянно «пошупывалъ» тайно противный берегъ, и по свѣдѣніямъ этого офицера—турокъ противъ Галаца и Браилова было отъ трехъ до четырехъ тысячъ пѣхоты и конницы, при нѣсколькихъ орудіяхъ.

Заручившись этими свѣдѣніями, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ къ вечеру 9-го іюня отдалъ секретное приказаніе командиру 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майору Жукову—сдѣлать въ ночь десантъ изъ Галаца на буджакскія высоты и непременно занять ихъ.

Дунай на протяженіи отъ Мачина до Галаца течетъ съ юга къ сѣверу и у Галаца загибаетъ сначала на востокъ, а потомъ на юго-востокъ, вслѣдствіе чего на правомъ берегу его образуется вдающаяся къ юго-востоку полукруглая низменность, которая въ настоящее время представляетъ собою озеро, покрытое во многихъ мѣстахъ плѣшинами мелей и тростниковою порослью плавней, весьма трудно одолімою при движеніи лодокъ. Эту-то низменную котловину окаймляли съ юга два отрога добруджанскихъ горъ, оканчивающіеся по обѣ стороны полукругія двумя горами: со стороны ближайшей къ Галацу—Буджакомъ, а со стороны ближайшей къ Мачину—Орлячемъ. Буджакъ лежитъ противъ Галаца въ разстояніи около семи верстъ, а Орлячъ тянется отъ Мачина вдоль мачинско-брайловской дороги, на такомъ же протяженіи. Съ восточной сто-

роны вдоль буджакскаго кряжа идетъ дунайскій протокъ Чухонедъ.

Эта-то мѣстность и должна была служить театромъ предстоявшей высадки.

Къ семи часамъ вечера четыре орудія, съ принадлежностями и небольшимъ прикрытіемъ, были поставлены на плоты и отвалили отъ берега. Что касается пѣхоты, то для исполненія задуманнаго предпріятія было назначено только десять ротъ 69-го Рязанскаго и 70-го Рязскаго полковъ, по пяти отъ каждого, причемъ людямъ ведѣно было имѣть на себѣ четырехдневный запасъ сухарей.

Посадка людей на суда происходила въ присутствіи генерала Циммермана, наблюдавшаго за правильностью ея исполненія. Баржи и лодки съ пѣхотой въ полной тишинѣ отплыли изъ Галаца въ десятомъ часу вечера.

Съ десантнымъ отрядомъ отправились генералъ-майоръ Жуковъ, начальник штаба 18-й дивизіи полковникъ Михѣевъ и командиры обоихъ полковъ — Рязанскаго полковникъ Шульгинъ и Рязскаго полковникъ Шелковниковъ. На веслахъ сидѣли 60 донскихъ казаковъ и часть пѣхотинцевъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ опытныхъ матросовъ.

Для наибольшаго обезпеченія успѣха этого предпріятія генералъ Циммерманъ приказалъ капитану 1-го ранга Рогоу въслать лейтенанта Дубасова съ канонеркой «Фульджеро» и двумя паровыми катерами на видъ Мачина, съ той цѣлю, чтобы, угрожая городу атакой, удержать въ немъ часть турецкой артиллеріи и гарнизона, лишивъ ихъ такимъ образомъ возможности подать помощь атакуемымъ, и съ такимъ расчетомъ во времени, чтобы флотилія наша могла показаться въ виду Мачина на разсвѣтѣ, когда, какъ предполагалось, десантныя роты успѣютъ уже высадиться. Для руководства по исполненію флотиліей ея демонстраціи въ связи съ общей задачей предпріятія—былъ посланъ вмѣстѣ съ Дубасовымъ генеральнаго штаба подполковникъ Шуруповъ.

Надо замѣтить, что состояніе атмосферы не особенно благоприятствовало предпріятію: была чудная теплая ночь, на небѣ ни облачка, неподвижный воздухъ ясенъ и прозраченъ, какъ только онъ можетъ быть иными ночами на югѣ и—къ довершенію неудобства—яркая полная луна заливала Дунай и дальнія очертанія его береговъ серебристымъ свѣтомъ, такъ что каждая точка—случайный челнокъ, какое-нибудь бревно или плывущая суковатая корча, вступая въ область луннаго отраженія, на главномъ, т. е. ближайшемъ къ намъ руслѣ,—ясно чернѣлись на зеркально-гладкой поверхности рѣки. Лица, слѣдившія съ галацскаго берега за ходомъ нашихъ лодокъ, отчетливо видѣли, какъ онѣ, переплывъ главное русло, имѣющее въ этомъ мѣстѣ болѣе версты въ ширину, подошли къ затопленной и покинутой

жителями-турками деревушкѣ Заклѣй и вступила въ широкую область разлива и плавней, которыя, словно узкія черныя полосы острововъ, выступали изъ осеребренныхъ водъ рядами камышей и осоки. Видно было, какъ лодки медленно подвигались какъ бы зигзагами впередъ, все дальше и дальше по громадному разливу, то появляясь въ свѣтлыхъ полосахъ воды, то скрываясь въ камышахъ. Все пространство низменности, въ нѣсколько верстъ шириной, до самой подошвы Буджака, было сплошь затоплено. Всѣ мосты были сломаны, а дорога перекопана турками и залита разливомъ.

Перешлы въ на ту сторону, многіе лодки попали на мели, но все-таки успѣли къ десяти часамъ вечера собраться въ одномъ мѣстѣ, у камышей, верстахъ въ четырехъ отъ Галаца и въ трехъ отъ Буджака, гдѣ и простояли до половины второго часа ночи, въ ожиданіи луннаго заката. Съ наступленіемъ же этого момента, роты Рязанскаго полка ⁽¹⁾ направились къ востоку, для того чтобы, обогнувъ въ темнотѣ мысъ Буджака съ восточной стороны, сдѣлать тамъ высадку; роты же Рязанскаго полка пошли прямо къ югу, чтобы, проплывъ какъ можно дальше, или высадиться, или же способствовать высадкѣ рязанцевъ, угрожая тылу неприятеля.

Вскорѣ работа неслави оказалась бесполезной: плывя по лугамъ и болотамъ, пришлось отпихиваться баграми и даже, мѣстами, тащить лодки волокомъ, на лямкахъ, по грудъ въ водѣ, высвобождая ихъ изъ путъ камыша и кустарника. При этомъ нога глубоко уходила въ илистую почву, люди часто спотыкались, падали, попадали въ подпольную трясицу, откуда ихъ съ трудомъ надо было вытаскивать. Но этимъ еще не ограничивались невзгоды десантнаго отряда: турки, благодаря своимъ удивительно ловкимъ шпионамъ, знали заранѣе о готовящейся переправѣ и потому, зорко наблюдая за нашими дѣйствіями, заблаговременно приготовились ко встрѣчѣ и усилили способы обороны: такъ, они во многихъ мѣстахъ перегородили плавни лозовымъ плетнемъ и особаго рода цѣпями, скрученными изъ фаншинника, а ближайшіе подступы къ твердому берегу окружили фаншинными и бревенчатыми бонами и даже рыболовными сѣтями; подъемъ же на возвышенность былъ изрытъ рядами стрѣлковыхъ ложементовъ, доставившихъ противнику оборону въ нѣсколько ярусовъ.

Буджакская возвышенность вдается въ низину довольно узкимъ и медленнымъ мысомъ, и потому огибающее его теченіе разлива въ этомъ мѣстѣ довольно быстро; попавъ же въ

самую быстрину, многія лодки, гдѣ гребцами сидѣли непривычные къ этому дѣлу пѣхотинцы, не могли выгребсти; нѣкоторыя изъ судовъ несло теченіемъ далеко въ сторону отъ мѣста предполагавшейся высадки, а люди, шедшіе въ водѣ, едва могли держаться на ногахъ отъ ея напора. Рязанскія роты успѣли обогнуть буджакскій мысъ около половины третьяго часа ночи. Хотя ихъ лодки старались плыть по окраинамъ камыша, чтобы быть менѣе на виду, да и свѣтать еще не начинало въ это время, тѣмъ не менѣе турки открыли по нимъ съ дальнихъ разстояній самый учашенный огонь; кромѣ того передовая цѣпь ихъ укрыто засѣла кое-гдѣ въ самыхъ плавняхъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ неудобствъ, на нашихъ десантныхъ лодкахъ было вдругъ замѣчено, что окраина камышей приближается къ самому берегу, и тростникъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлался очень густъ, вслѣдствіе чего лодки рязанскихъ ротъ пошли гораздо медленнѣе, а управленіе и командованіе ими стало очень затруднительнымъ. Но къ счастью дунайскій протокъ Чуломецъ, проходящій, какъ уже сказано, параллельно восточному берегу Буджака, далъ возможность направить нѣсколько лодокъ далѣе, какъ для того, чтобы угрожать высадкой, такъ и для того въ особенности, чтобы обойти небольшой мысокъ, съ котораго обстрѣливался съ боку подступъ рязанскихъ ротъ къ берегу. Этотъ послѣдній маневръ заставилъ противника растянуть свое береговое расположение, — и рязанскія лодки по мѣрѣ того, какъ успѣвали прорываться сквозь плавни, быстро подходили къ берегу; люди выскакивали, кто какъ могъ, подъ градомъ пулъ, къ счастью, летѣвшихъ черезъ головы; имъ пришлось терпѣливо преодолевать мучительныя препятствія и капканы: они рвали сѣти, ломали плетни, рубили боны — все это требовало времени, усилій, и поминутно задерживало наступленіе.

Нѣсколько изъ нашихъ молодыхъ солдатъ не выдержали и еще съ лодокъ открыли было отвѣтныи огонь, пустивъ пять-шесть выстрѣловъ, но ихъ тотчасъ же строго удержали отъ бесполезной и вредной траты зарядовъ. Многіе изъ нихъ, еще не подплывъ къ самому берегу, нетерпѣливо соскакивали за бортъ и шли впередъ, по грудъ и даже по горло въ водѣ. Все это дѣлалось съ замѣчательнымъ одушевленіемъ.

Было ровно три часа ночи, когда наконецъ первыя двѣ-три лодки подчалили къ берегу.

Первыми выскочили на твердую почву неприятельскаго берега два молодыхъ офицера Рязанскаго полка: прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ, котораго тутъ же и ранило пулей. Двѣ рязанскія роты достигли берега ранѣе прочихъ и спѣшно высаживались подъ прикрытіемъ фланговаго огня остальныхъ своихъ ротъ, остававшихся еще въ лодкахъ.

⁽¹⁾ Сперва 2-я стрѣлковая капитана Ключенко, потомъ 3-я стрѣлковая поручика Завалиевскаго, 10-я штабсъ-капитана Кириллова, 6-я поручика Эльснера и 5-я поручика Кюрто.

По мѣрѣ выхода на берегъ, люди собирались въ звѣзды и, раскинувшись цѣпью, тотчасъ же бросались впередъ на ложементы. Безпорядочный огонь противника въ это самое время умолкъ было на минуту: турки выжидали и, подпустивъ нашихъ на полтора шаговъ къ своимъ ложементамъ, вдругъ открыли по нимъ огонь залпомъ, который впрочемъ сейчасъ же перешелъ у нихъ въ непрерывную бѣгую трескотню. Съ непривычки, прислушиваясь издали, на водѣ, къ звуку выстрѣловъ, казалось, будто это трещать въ кострѣ пылающій свѣжій ельникъ. Здѣсь турки впервые въ вышедшую войну примѣнили къ дѣлу свою систему *обливания* свинцовымъ дождемъ всего района мѣстности, занимаемой противникомъ. Но и обливаніе не устранило молодцовъ-рязанцевъ: учащая шагъ, они продолжали наступать на ложементы, несмотря на то, что приходилось идти по разрыхленнымъ кукурузнымъ пашнямъ и затѣмъ взбираться на каменистыя крутизны, имѣвшія болѣе тридцати саженъ вышины. При этомъ движеніи былъ убитъ поручикъ Васильевъ, произведенный въ офицеры только въ концѣ ноября 1876 года. Тутъ же легло и нѣсколько нижнихъ чиновъ, убитыми и ранеными; между послѣдними былъ и прапорщикъ Отрашковичъ-Погожевъ. Когда наконецъ наши взобралась на гребень высоты, — турки дрогнули и перебѣжали за лощинку до слѣдующихъ ложементовъ. Между тѣмъ, мало-по-малу причаливали къ берегу и остальные роты, которыя тотчасъ же выстраивались въ боевой порядокъ ротными колоннами. Силы были не равны, особенно же чувствовалось отсутствіе у насъ артиллеріи, въ которой была такая настоящая надобность именно въ эту минуту, но которая не успѣла еще причалить. Несмотря на ожесточенный усиленный огонь, войска наши тотчасъ же двинулись въ поддержку двумъ передовымъ ротамъ, вслѣдъ за отступающимъ непріателемъ. Наша атака велась по обѣимъ сторонамъ холмистаго хряжа, въ направленіи на деревни Гарвино и Вокарени. Турки дрались очень стойко и два раза густыми колоннами устремлялись на нашихъ во встрѣчную штыковую атаку, причемъ наши одинъ разъ даже подались было назадъ, но будучи своевременно поддержаны резервомъ, тотчасъ же поправились и приняли въ штыки наступающаго противника. Атаки турокъ могли бы быть гораздо удачнѣе, если бы онѣ велись не столь скученными массами, представлявшими для нашихъ стрѣлковъ отличную цѣль, а главное — если бы турки болѣе соображали свой шагъ съ разстояніемъ до противника: ихъ колонны еще за нѣсколько сотъ шаговъ уже пускались бѣгомъ и потому утомлялись значительно ранѣе момента столкновенія, такъ что чѣмъ ближе подходили они къ нашимъ, тѣмъ болѣе укорачивался ихъ бѣгъ,

переходя въ неровный, колеблющійся, безпорядочный шагъ, лишенный надлежащей энергіи для удара; турки сходились съ нашими уже сильно запыхавшимся и измаявшимъ продолжительнымъ бѣгомъ. Наши, напротивъ того, двигались на встрѣчу ровнымъ, спокойнымъ шагомъ и потому въ минуту штыкового удара экономія физическихъ силъ давала перевѣсъ нашей сторонѣ, несмотря на то, что людей у насъ было чуть не на половину меньше, чѣмъ у турокъ. Въ общемъ, дѣло представляло рядъ непродолжительныхъ съ нашей стороны перестрѣлокъ и атакъ перекатыми цѣпями; въ результатѣ каждой атаки, противникъ, выбиваемый изъ одной позиціи, перебѣгалъ на слѣдующую, чему очень помогали и самый характеръ мѣстности, представляющей кряжистую цѣпь холмовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго неглубокими сѣдловинами. Пытались было турки нѣсколько разъ пускать на нашу цѣпь черкесскую конницу, но всѣ атаки послѣдней были успѣшно отражаемы залпами кучекъ. Однажды только налетѣли черкесы на два звена и окружили ихъ густой лавой, требуя сдачи; наши отбились огнемъ въ упоръ и штыками, и хотя нѣсколько человекъ пало подъ ударами шашекъ, зато не мало и черкесовъ съ ихъ конями было уложено вокругъ обѣихъ кучекъ.

Когда рязанцы успѣли захватить послѣдовательно, одну за другой, три высоты, десантъ Рязскаго полка началъ подходить къ западному берегу Буджака и, рота за ротой, появляться на мѣстѣ боя. Рязкы очень удачно успѣли — именно, благодаря пункту своей высадки — зайти во флангъ и частью въ тылъ противнику, что и рѣшило его окончательное отступленіе по направленію къ югу. Такимъ образомъ, наша пѣхота прошла съ непрерывнымъ боемъ около двѣнадцати верстъ и остановилась для крайне необходимаго отдыха за деревней Гарвино. Выстрѣлы стихли и дѣло на нѣсколько времени прекратилось.

Въ то самое время, когда завязался первый бой на передовой возвышенности Буджака, наша демонстративная флотилія вошла въ Мачинскій рукавъ и показала въ виду Мачина, лавируя на высотѣ сожженной 14-го мая кавраулки, около того мѣста, гдѣ былъ пущен ко дну броненосецъ «Хивзи-Рахманъ». Турки открыли по ней канонаду изъ двухъ орудій, защищавшихъ городъ, и выпустили около двадцати снарядовъ. «Фульджеро» отвѣтилъ только четырьмя выстрѣлами своего носового 9-ти фунтоваго орудія¹⁾, и то лишь для того собственно, чтобы обнаружить у себя присутствіе артиллеріи, удержать турецкія орудія на машинскихъ батареяхъ и тѣмъ лишить ихъ возможности присоединиться на помощь къ своимъ

¹⁾ Это было орудіе, взятое изъ полевой артиллеріи и поставленное на морской лафетъ.

войскамъ, сражавшимся на буджакскомъ краѣ. Лавируя все время по рукаву отъ одного берега къ другому, лейтенанту Дубасову удалось избѣгнуть послѣдствій турецкаго огня, направляемаго на сей разъ вообще довольноно мѣтко, и когда около шести часовъ утра на нашихъ судахъ услышали, что перестрѣлка на Буджакѣ замолкла. Дубасовъ подавъ сигналъ къ отступленію и благополучно возвратился съ флотиліей въ Браиловъ.

Въ восьмомъ часу утра къ отступившимъ туркамъ подошла подкрѣпленія, съ двумя орудіями, и это дало имъ возможность скорѣе возобновить съ нами дѣло. Противникъ повелъ атаку со стороны села Жижиза на правый флангъ нашего расположенія, гдѣ стояли 11-я линейная и 2-я стрѣлковая роты Рязскаго полка, которыя, встрѣтивъ атакующаго огнемъ, заставили его дать тылъ и тотчасъ же перешли въ наступленіе. Но увлекшись преслѣдованіемъ, роты эти не замѣтили, какъ противникъ, заманивая ихъ своимъ отступленіемъ все дальше и дальше, неожиданно навелъ ихъ подъ близкій огонь двухъ орудій. Наши уже хотѣли было броситься на батарею, какъ вдругъ замѣтили, что они охвачены и совершенно отрѣзаны отъ своихъ черкесскою конницей, въ количествѣ отъ 300 до 400 всадниковъ, внезапно налетѣвшихъ съ тылу изъ засады. Въ то же время отступавшая доселѣ турецкая пѣхота вновь повернула фронтъ и пошла въ атаку на обѣ роты. Остальные части нашего отряда, видя критическое положеніе товарищей, тотчасъ же быстро двинулись впередъ—и горячій бой закипѣлъ по всей линіи. Одушевленіе и упорство съ обѣихъ сторонъ были равны: цѣпи сближались на 30 шаговъ, стрѣляли въ упоръ и бросались въ рукопашную. Рязцы, составлявшіе правое крыло отряда, израсходовали уже всѣ свои резервы. 11-я и 2-я стрѣлковая роты, отбиваясь отъ пѣхоты штыками, вынуждены были половину своего состава обратить противъ конницы, и эти послѣдніе взводы привели въ изумленіе турецкихъ кавалеристовъ: вмѣсто того, чтобы встрѣтить несущихся всадниковъ огнемъ кучекъ, они, давъ по нимъ залпъ, сами кинулись бѣгомъ въ атаку на кавалерію. Отчаянная дерзость этого неожиданнаго маневра такъ изумила черкесовъ, что они, не выждавъ встрѣчнаго удара, рассыпались какъ рой шмелей и удрали... Такимъ образомъ, обѣ роты, освободившія сами себя отъ охватившаго ихъ кольца, примкнули къ остальнымъ своимъ подошедшимъ товарищамъ и продолжали фронтальный бой съ турецкой пѣхотой. Уже безъ малаго два часа длилось возобновившееся дѣло, а артиллерія наша, встрѣтившая въ плавняхъ массу пренятствій, все еще не могла высадиться на твердый берегъ. Недостатокъ орудій живо давалъ себя чувствовать всѣмъ, до послѣдняго человѣка, и когда напоръ турецкой пѣхоты,

поддержанный частою картечью, заставилъ нашихъ податься нѣсколько назадъ—въ рядахъ видѣли, какъ черкесы, въ трехстахъ шагахъ отъ фронта, начали истязать и уродовать нашихъ раненыхъ. Одно званіе, не замѣтившее отступленія товарищей, было въ мигъ окружено турками, но не хотѣло сдаться. Эта горсть храбрецовъ до послѣдняго человѣка была перестрѣлена въ упоръ, изрублена и обезглавлена; тутъ погибли поручики Никольскій и Васильевъ; турки однимъ отсѣкали головы, у другихъ, еще живыхъ, отрѣзывали половыя части и втискивали ихъ въ ротъ; злодѣи, схвативъ отрубленные головы за волосы, швыряли ими, какъ мячиками, въ нашу сторону. Въ виду этихъ, впервые видѣнныхъ злодѣйствъ, наши солдаты пришли въ такое ярое остервененіе,—что нѣсколько ротъ, стоявшихъ ближе прочихъ къ мѣсту этой звѣрской потѣхи, сами, безъ всякой команды ринулись впередъ—и тутъ уже никому не было пощады. Напрасно отдѣльные люди кидали оружіе, и на колыняхъ кричали «аманъ» — все живое ложилось подъ ударами штыковъ и прикладовъ. Остальные роты, увидѣвъ неожиданный и столь стремительный натискъ своихъ товарищей, сейчасъ же примкнули къ нимъ и «на ура» бросились на противника. Между тѣмъ черкесы, прогнанные встрѣчною атакой нашихъ пѣхотинцевъ, успѣли снова собраться въ одной укрытой ложницѣ и съ громомъ вынеслись изъ нея въ обхватъ нашего праваго фланга, гдѣ шла наиболѣе ожесточенная штыковая работа. Моментъ былъ критическій, но, къ счастью, подполковникъ Акифьевъ (Рязскаго полка) успѣлъ во-время замѣтить опасность и повернулъ въ сторону налетавшихъ черкесовъ; часть храбрецовъ, которые, увлекшись личнымъ примѣромъ своего ближайшаго начальника, поручика Ермолова, велѣдъ за встрѣчнымъ залпомъ, еще разъ бросились бѣгомъ въ атаку на кавалерію. Черкесы были вторично отброшены. Въ это самое время прискакало на позицію первое наше орудіе, подъ командой капитана Липинскаго, и первая же его граната очень удачно лопнула между двухъ турецкихъ пушекъ. Услышавъ звукъ своего артиллерійскаго выстрѣла, вся наша линія приветствовала его дружнымъ «ура» и уже безостановочно, несмотря на страшную жару и утомленіе, стала насаждать на отступающихъ турокъ. Одновременно съ орудіемъ появились и двѣ свѣжія рязскія роты, удачно высадившіяся противъ лѣваго фланга противника, что и дало намъ всѣ выгоды флангового обхода. Съ этого момента перевѣсъ боя окончательно склонился на нашу сторону. Артиллерійскій и ружейный огонь противника уже утратилъ прежнюю энергію, затѣмъ началъ мало-по-малу стихать и, наконецъ, въ одиннадцатомъ часу утра совсѣмъ прекратился. Турки спѣшили уходить частью на Исаку,

частью же на Гарсово, и вскорѣ скрылись изъ вида въ густыхъ облакахъ пыли, успѣвъ за-жечь предъ отступленіемъ большія скруды болгарскаго сына, но побросавъ нѣсколько изъ своихъ убитыхъ и раненыхъ и десять зарядныхъ ящиковъ, сплошь наполненныхъ патронами. По показаніямъ плѣнныхъ, противъ насъ дралось 3,000 регулярныхъ пѣхотинцевъ и отъ 300 до 400 конныхъ черкесовъ, при двухъ орудіяхъ.

Во все время боя поселяне ближайшаго къ мѣсту дѣйствія села Гарвина собрались въ свою церковь и молились о дарованіи намъ побѣды; а когда двѣ рязанскія роты (10-я линейная и 3-я стрѣлковая) проходили черезъ это село для занятія гарвинской высоты, гдѣ находился турецкій блокгаузъ, то поселяне вышли къ нимъ на встрѣчу съ крестнымъ ходомъ, и священникъ окропилъ обѣ роты св. водою.

Генералъ Жуковъ остался на послѣдней взятой съ боя позиціи, между деревнями Гарвино и Вокареви, фронтомъ къ Мачину, и здѣсь поздравилъ войска съ первою побѣдой. Бой съ часовымъ перерывомъ длился около восьми часовъ, подъ убійственною жарою. Уже въ 7 часовъ утра термометръ въ Галацѣ показывалъ 25 градусовъ; въ 10 часовъ ртуть въ Реомюрѣ поднялась до 30-ти, а въ 10³/₄ стояла уже на 41-мъ градусѣ.

Не считая легко раненыхъ и контуженныхъ, которые самоотверженно возвращались въ бой тотчасъ же послѣ первой перевязки, наша потеря заключалась въ 134-хъ человѣкахъ, бывшихъ изъ строя, изъ коихъ убито 44, и болѣе или менѣе тяжело ранено 99, а именно:

Рязанскаго полка убиты: подпоручикъ Васильевъ и 10 нижнихъ чиновъ, ранены: поручикъ Эльснеръ и 25 нижнихъ чиновъ.

Рязскаго полка убиты: поручики Васильевъ и Никольскій и нижнихъ чиновъ 31 человѣкъ, ранены: поручикъ Отрашкевичъ-Погожевъ и 63 нижнихъ чина.

Товарищи-солдаты собрали изувѣченныя тѣла убитыхъ, отыскиали ихъ отсѣченныя и обезображенныя головы, съ отрубленными носами и ушами, съ разорванными до скулъ ртами, и похоронили ихъ въ одной братской могилѣ, надъ которою полковой священникъ отслужилъ панихиду. Нѣсколько въ сторонѣ была вырыта другая могила, гдѣ закопали убитыхъ турокъ.

Генералъ-майоръ Жуковъ, донося о дѣлѣ на буджакскихъ высотахъ, выставилъ полковниковъ Шулъгина, Шелковникова и Михѣева, подполковника Акинфіева, капитана Ключенко и поручика Ермолова, какъ лицъ, которые своею распорядительностью наиболѣе способствовали нашему успѣху. Войска, участвовавшія въ бою, цѣлые сутки простояли на позиціи, пока не присоединились къ нимъ остальные роты ихъ полковъ и три орудія, а 12-го

іюня, съ восходомъ солнца, выступили съ бивуака въ Мачинъ, по требованію генерала Циммермана.

Государь императоръ, въ девять часовъ вечера, 10-го іюня, выѣхалъ изъ Плоештовъ и въ три часа ночи прибылъ въ Браиловъ, откуда, послѣ кратковременной остановки, продолжалъ путь до Галаца. Его величество сопровождали государь цесаревичъ и великіе князья Владимиръ, Алексій и Сергій Александровичи. Прибывъ въ Галацъ, государь императоръ прямо со станціи желѣзной дороги поѣхалъ въ мѣстный военно-временный госпиталь, куда уже успѣли перевести всѣхъ раненыхъ. Здѣсь невольно поражали всѣхъ замѣчательная выносливость и терпѣніе русскаго солдата: очевидцы рассказывали, что во время переноски и нѣкоторыхъ ампутацій не было слышно не только жалобъ, но даже и стоновъ почти не раздавалось. Между этими страдальцами не мало нашлось раненыхъ штыками и шашками. Государь милостиво разговаривалъ съ ранеными и, узнавъ, что первымъ вышелъ на непріятельскій берегъ поручикъ Эльснеръ, подаль ему руку и лично вручилъ георгіевскій крестъ 4-й степени. Въ войскахъ нашей пѣхоты это была первая офицерская награда за нынѣшнюю кампанію. Тотъ же орденъ, по волѣ его величества, былъ пожалованъ генералъ-майору Жукову и прапорщику Сушкову. Государь императоръ обошелъ всѣ госпитальныя палаты, радостно привѣтствуемый ранеными солдатами, которымъ его величеству благоугодно было назначить сверхъ георгіевскихъ крестовъ еще и денежныя пособія. Посѣтивъ лагерь 65-го пѣхотнаго Московскаго полка, государь императоръ въ семь часовъ утра (11-го числа) выѣхалъ изъ Галаца въ Браиловъ. Въ ожиданіи высочайшаго пріѣзда, браиловскіе жители вышли на встрѣчу державному гостю, въ праздничныхъ нарядахъ, съ букетами розъ и жасминовъ, съ лавровыми и миртовыми вѣнками. Около девяти часовъ утра императорскій поѣздъ подошелъ къ браиловской станціи, откуда его величество, встрѣченный великимъ княземъ главнокомандующимъ и его свитой, тотчасъ же направился въ открытой коляскѣ къ большому лагерю войскъ 14-го корпуса. Тамъ войска, въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ четырехдневнымъ запасомъ сухарей, но безъ ранцевъ, уже были выстроены для напутственнаго молебствія, которое должно было совершать духовенство 14-го корпуса. Божественное служеніе среди открытаго поля началось тотчасъ же по прибытіи его величества въ лагерь. Знамена, окружавшія аналой, были окроплены святой водою.

По окончаніи молебствія, войска были двинуты къ переправѣ. Объ отступленіи турокъ изъ Мачина ходили только разные слухи, но еще не было положительныхъ свѣдѣній, и по-

тому всё надѣлись, что тотчасъ же по переправѣ вступятъ въ бой. Общее настроеніе войскъ было радостное, восторженное. Двинутые по мановенію монарха, полки приветствовали извѣщеніе его державной воли громкими, продолжительными криками «ура» и проходили мимо императора съ музыкой и веселыми пѣснями. Несмотря на 30-ти градусную жару, ротные плясуны, заломивъ шапки на затылокъ, съ «ложками» и цвѣтами въ рукахъ, отбивали лихого трепака впереди своихъ фронтовъ. Это шествіе въ предполагаемый бой являлось истинно военнымъ торжественнымъ праздникомъ. Звонъ городскихъ колоколовъ, трубы и барабаны, радостные клики, гудѣніе бубновъ, звяканье металлическихъ тарелокъ, искусные соловьиные высвисты и множество скрепявавшихся въ воздухѣ широкихъ мотивовъ русскихъ пѣсень — все это сливалось вмѣстѣ и стояло однимъ свѣтлымъ, ликующимъ, непрерывнымъ гуломъ надъ громаднымъ пространствомъ лагернаго поля, и надъ городомъ, и внизу надъ Дунаемъ. Всѣ суда, наполнившія браиловскій портъ, разцвѣтились пестрыми флагами; на городскихъ улицахъ тоже развѣвались флаги русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и румынскихъ національных цвѣтовъ; окна и балконы красиво пестрѣли коврами, яркими тканями, цвѣточными гирляндами и роскошною комнатною зеленью, а подъ ними, на тротуарахъ и площадяхъ, въ ожиданіи прѣзда государя, колышались и гудѣли говоромъ празднично настроенная толпа городскихъ жителей. Войска, спускавшіяся съ возвышенности, мало-по-малу залили своими стройными массами всю низменную плоскость подгорнаго браиловскаго берега, у пристани и у понтоннаго моста, который какъ длинная, ровно вытянутая лента, стройно перелетѣла черезъ всю ширину рѣки вдаль, къ гечетскому берегу. За рѣкою, равно какъ и на самомъ мосту пока еще господствовала мертвая пустота, тишина, словомъ, — полное отсутствіе жизни и движенія, которая зато кипѣла внизу у пристани, какъ въ пчелиномъ ульѣ. Канонерки: «Фульджеро», «Rondinica» (Ласточка), «Румынія» и пароходъ «Стефанъ Великій», всё подъ русскими флагами, вытянулись у пристани, таща за собой на буксирѣ — каждое судно по двѣ блиндированныя баржи, вооруженныя съ носа и съ кормы двумя орудіями. Кромѣ этихъ судовъ, тутъ же находились сотни гребныхъ лодокъ, на десять человекъ, кромѣ гребцовъ, каждая. Въ половинѣ десятаго началась посадка войскъ на суда. Предъ отправленіемъ ихъ, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ сказалъ людямъ нѣсколько воодушевляющихъ словъ, на которыя со всѣхъ сторонъ раздались отгвѣтные крики: «Постараемся! Не выдадимъ! Ляжемъ до послѣдняго, а не отступимъ!»

Въ десять часовъ на мостъ вступили пер-

вые два батальона; въ то же время три миноноски «Царевичъ», «Ксенія» и «Джигитъ» направились въ Мачинскій рукавъ на развѣдку — не появились ли тамъ отъ Гирсова броненосцы, которые могли бы, спустясь далѣе внизъ, мѣшать нашей переправѣ. Въ случаѣ, если бы броненосцы дѣйствительно тамъ оказались, наши миноноски должны были немедленно атаковать ихъ, во что бы то ни стало.

Великій князь главнокомандующій со своей свитой, спустясь верхомъ съ прибрежныхъ высотъ, остановился у входа на мостъ и, пропуская мимо себя войска, обратился къ нимъ съ краткою, энергически сказанною, малутственной рѣчью, въ отвѣтъ на которую зашумѣло могучее «ура», подхваченное и горожанами, пестро унизавшими карнизъ прибрежной возвышенности, и частями войскъ, — какъ тѣмъ, что уже сѣли на суда, такъ и тѣмъ, что кишѣли еще у пристани, и тамъ наверху, у лагернаго поля, и тѣмъ, что шли уже по мосту; откликнулись и люди съ сорока лодокъ, плывшихъ по Дунаю вслѣдъ за миноносками, — отовсюду неслись эти восторженные клики. Отплывающіе солдаты махали бѣлыми шапками, а въ отвѣтъ имъ на высокомъ берегу женскіе батистовые платки привѣтно мелькали въ воздухѣ, ребятишки размахивали флагами, тысячи рукъ посылали вслѣдъ уходящимъ благословенія; болгарскія дѣвушки съ края обрыва кидали внизъ на головы тѣсно столпившихся солдатъ цвѣты, вѣнки и букеты... Передовые батальоны, пущенные по мосту, уже приближались къ тому берегу, и легкій вѣтерокъ доносилъ оттуда высокія, звеняція нотки ротныхъ подголосковъ и стройные оркестровые звуки красиваго марша. Прорвало наконецъ роковую плотину — и волна русскаго войска, столь долго скованнаго томительнымъ ожиданіемъ и бездѣйствіемъ, хлынула на ту сторону... Вслѣдъ за передовыми батальонами вступила на мостъ авангардная сотня донцовъ, съ подполковникомъ генеральнаго штаба Шуруновымъ, а вскорѣ затѣмъ и вся 1-я донская казачья дивизія, которая, миновавъ Гечеть, переправлялась черезъ рукавъ къ Мачину вплавь, причѣмъ въ дивизіи утонуло двѣнадцать лошадей; люди всё переправлялись благополучно.

Въ исходѣ десятаго часа тронулись въ путь «Рондиника» и «Румынія» со своими баржами. На ихъ палубахъ гремѣла музыка, раздавались пѣсни.

Государь императоръ и великіе князья, осмотрѣвъ береговую батарею № 4 (мортирную), построенную на далекой выдающейся впередъ оконечности остраго мыса, какъ-разъ противъ Мачинскаго рукава, оставили Браиловъ и въ полдень отправились по желѣзной дорогѣ въ Плоешты.

Министръ двора, по порученію его величе-

ства, послалъ графу Мольке, какъ шефу 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка, слѣдующую телеграмму:

«По высочайшему повелѣнію, имѣю честь извѣстить ваше превосходительство, что на долю вашего Рязанскаго пѣхотнаго полка выпала честь 22-го (10-го) іюня перейти Дунай у Галада, какъ передовой части войскъ русской арміи, вступить на непріятельскую территорию и послѣ славнаго боя заслужить первые ордена св. Георгія, какъ офицерскіе, такъ и солдатскіе».

Его императорское величество соизволило пожаловать, кромѣ офицерскихъ наградъ, всѣмъ переправившимся и участвовавшимъ въ бою частямъ по три знака отличія военнаго ордена на роту, а 11-й линейной и 2-й стрѣлковой ротамъ Рязанскаго полка по пяти.

Съ отъѣдомъ государя императора, командиръ 14-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ со своимъ штабомъ перешелъ на палубу «Фульджеро». Вмѣстѣ съ этимъ, въ 11^{3/4} часовъ утра, пароходъ «Стефанъ Великій» отвалилъ отъ пристани, таща на буксирѣ двѣ баржи съ полутора-тысячью человѣкъ.

Два полка остались пока на пристани въ резервѣ: Вскорѣ послѣ полудня «Фульджеро» догналъ «Рондиняку» и «Румынію», и въ часъ пополудни вся эта флотилія показалась уже въ виду Мачина, который казался совершенно опустѣвшимъ, мертвымъ городомъ. Имѣя въ виду, что турки, засѣвшіе въ острогахъ, легко могутъ устроить внезапную ловушку, генералъ Циммерманъ, на всякій случай, приказалъ судамъ остановиться въ рукавѣ у противоположнаго Мачину берега и выстроиться въ боевой порядокъ. Но вотъ показалась издали толпа мачинскихъ жителей, предшествуемая православнымъ духовенствомъ, съ крестнымъ ходомъ. Въ часъ и 20 минутъ флотилія направилась къ мачинскому берегу и началась высадка. Представители болгарскаго населенія поднесли генералу хлѣбъ-соль, а три священника, въ полномъ облаченіи, съ небольшими деревянными крестами въ рукахъ, отслужили на мѣстѣ высадки благодарственную литію и окропили войска святой водой. Приложившись къ кресту, представитель русской арміи, со штабомъ 14-го корпуса, предшествуемый крестнымъ ходомъ, двинулся въ Мачинъ, во главѣ нашего славнаго 68-го лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго его величества полка, за которымъ слѣдовали четыре полевые орудія. Церковный хоръ во все время шествія пѣлъ «Благословенъ грядый во имя Господне» и «Спаси Господи люди Твоя», а музыка Бородинскаго полка играла «Боже Царя храни», и при звукахъ этого гимна полкъ, съ распушенными знаменами, торжественно вступилъ въ первый на турецкой землѣ занятый нами городъ. На площади генералъ Циммерманъ пропустилъ

войска церемоніальнымъ маршемъ, при радостныхъ кликахъ и манифестаціяхъ христіанскаго населенія. Оказалось, что мѣстнымъ туркамъ было заранѣе извѣстно въ точности наше намѣреніе атаковать буджакскія высоты въ ночь съ 9-го на 10-е іюня, и потому большая часть жителей-магометанъ еще 9-го вечеромъ успѣли оставить городъ, а запоздавшіе ушли послѣ окончанія дѣла на буджакскихъ высотахъ, вслѣдъ за своими отступившими войсками. Всю ночь, пока шло дѣло, турецкія семейства выбирались изъ Мачина, а черкесы и башкибузукы въ то же время грабили христіанскія лавки и совершали неистовства. На одномъ изъ дворовъ нашимъ офицерамъ показали три трупа: то была еще молодая мать-болгарка, съ двумя дочерьми-подростками; на всѣхъ трехъ оказались слѣды изнасилованія; насытивъ свои скотскія вожделѣнія, турки вырвали изъ кожи этихъ мученицъ на рукахъ и грудяхъ широкіе ремни и связали ими три трупа вмѣстѣ. Объ этомъ зрѣлствѣ былъ тутъ же составленъ протоколъ, равно какъ и еще другой объ истязаніяхъ, совершеннымъ во время дѣла надъ нашими ранеными. Но... невольно является горькое сомнѣніе: кому нужны въ Европѣ и къ чему послужатъ тамъ всѣ эти протоколы, чему они помогутъ?...

Тотчасъ же по занятіи города, казакъ изъ свиты генерала Циммермана одинъ-одинешенекъ отправился на развѣдку по окрестнымъ полямъ, — есть ли гдѣ еще турки. Въ пять часовъ дня онъ возвратился и донесъ, что вся окрестная страна очищена какъ турецкими войсками, такъ и мусульманскимъ населеніемъ. Генералъ Циммерманъ въ тотъ же день направилъ части войскъ на Гирсово, Исакчу, Тульчу и Бабадагъ, приказавъ генералу Жукову идти на соединеніе съ нимъ къ Мачину. Лейбъ-Бородинскій полкъ остался пока гарнизономъ въ этомъ городѣ. Къ 13-му іюня турки уже очистили безъ боя Исакчу и Тульчу, отступивъ по направленію къ Гирсову, а 16-го былъ безъ боя занятъ Бабадагъ казаками 1-й донской дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Шамшева.

Христіанское населеніе всѣхъ попутныхъ деревень встрѣчало казаковъ съ восторгомъ, но отовсюду принимались имъ горькія жалобы на невыносимыя притѣсненія и лютую жестокость черкесовъ. Бабадагское духовенство вышло къ нимъ на встрѣчу, въ полномъ облаченіи, съ крестнымъ ходомъ и провозгласило многолѣтне «Всероссійскому и Болгарскому Царю Александру». Народъ, не умолкая, кричалъ «ура» и «живію». На городской площади было во всеуслышаніе прочитано на болгарскомъ языкѣ воззваніе государя императора къ болгарскому народу ⁴⁾, принятое съ

⁴⁾ Текстъ этого воззванія см. ниже.

восторгомъ и слезами умиленія. Вмѣстѣ съ христіанами, встрѣтило казаковъ и мѣстное еврейское населеніе, со своимъ равниномъ, который сказалъ генералу Шамшеву нѣсколько пріятельственныхъ словъ. Немедленно же начали стекаться въ городъ представители окрестнаго населенія болгарскихъ и русскихъ сельскихъ обществъ, съ поздравленіями и хлѣбомъ-солью. Черкесскіе и турецкіе дворы, какъ въ городахъ, такъ и во всей Добруджѣ были покинуты ихъ обитателями, которые забрали съ собою и все имущество, не только свое, но и болгарское—что попало подъ руку, нѣкоторые мусульмане удалились въ глубь страны еще ранѣе, вскорѣ вслѣдъ за объявленіемъ манифеста о войнѣ. Татары же, крымскіе переселенцы, почти на половину остались спокойно на мѣстахъ своего поселенія. Въ самый день вступленія въ Бабадагъ, генераль-адъютантъ Шамшевъ получилъ точныя указанія, что черкесы и башкибузукі неистовствуютъ въ деревняхъ: Капапкой, Каравасуфъ, Сарыюртъ и Хаманджи ¹⁾, гдѣ убиваютъ мужчинъ, насилуютъ женщинъ и оскверняютъ православные храмы, и что болгарскія семейства, спасаясь отъ этихъ разбойниковъ, уже нѣсколько дней сидятъ въ плавняхъ безъ пищи.

Въ виду этого, генераль Шамшевъ, утромъ 17-го іюня, выслалъ на поискъ два небольшіе казачьи отряда, вручивъ одинъ изъ нихъ полковнику Измайлову, а другой полковнику Слюсареву. Измайловъ въ тотъ же день достигъ, одну за другой, двѣ черкесскія шайки, около ста человекъ, разбилъ ихъ и отнялъ 70 штукъ оружія, 50 лошадей и 20,000 головъ разнаго скота. Черкесы оставили на мѣстѣ стычки 37 тѣлъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ плавняхъ, въ то время, какъ бѣжали туда отъ слѣдственныхъ казаковъ. Въ плѣнъ взято семь человекъ, въ томъ числѣ извѣстные разбойники и заклятые враги христіанъ Кара-Мустафа (турокъ) и Аадемъ (арабъ). Первый изъ нихъ безнаказанно свирѣпствовалъ въ край цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, наводя ужасъ своими злодѣйствами, а въ послѣднее время состоялъ на службѣ турецкаго правительства, въ качествѣ лазутчика. Послѣ стычки съ казаками черкесы и башкибузукі сразу очистили всю окрестную страну и бѣжали къ югу, за Траяновъ валъ; полковникъ же Измайловъ роздалъ мѣстнымъ жителямъ-христіанамъ отбитое у черкесовъ оружіе, скотъ и возвратился въ Бабадагъ, пробѣжавъ со своимъ отрядомъ въ теченіе сутокъ (съ 17-го на 18-е іюня) всего сто верстъ. Наша потеря въ стычкѣ: два раненыхъ казака, одна убитая и пять раненыхъ лошадей.

Отрядъ же полковника Слюсарева, выслан-

ный на поискъ къ сторонѣ селеній Татаръ-Рыбникъ и Татаръ-Ирымникъ, нигдѣ черкесовъ не нашелъ, но видѣлъ кровавые слѣды ихъ пребыванія и «работы» въ этой мѣстности. На улицахъ опустѣвшей деревни Сарыюртъ лежало пятнадцать труповъ, страшно обезображенныхъ. Жители-христіане всѣ бѣжали въ лѣса ²⁾. Изъ разспросовъ по дорогѣ полковникъ Слюсаревъ получилъ свѣдѣнія, что турки отступили къ городу Меджидіе ³⁾ и далѣе, за Траяновъ валъ, что въ Меджидіе стоитъ до двухъ тысячъ пѣхоты и эскадронъ кавалеріи; въ самомъ же городѣ Кюстенджи войскъ нѣтъ: они перевезены по желѣзной дорогѣ въ Черноводы, а артиллерія вывезена на пароходахъ въ Варну, и что наконецъ, за Траяновымъ валомъ турки укрѣпляются и ожидаютъ египетскаго принца Гассана-пашу, съ прибытіемъ котораго у нихъ образуется корпусъ въ 25,000 человекъ, достаточный для перехода ихъ самихъ въ наступленіе.

19-го іюня въ Бабадагъ разнесся слухъ, будто наши войска намѣрены уйти оттуда. Это произвело ужасное смятеніе: толпы народа, женщины и дѣти окружили генерала Шамшева, возвращавшагося съ рекогносцировки, и молили не оставлять ихъ городъ на жертву лютому мщенію турокъ. Затѣмъ, явилось духовенство съ тою же мольбою—не покидать христіанъ, уже ограбленныхъ почти до нага, на вѣрную мученическую смерть. Генераль-адъютантъ Шамшевъ поспѣшилъ успокоить встревоженное населеніе и увѣралъ его, что русскія войска если и покинутъ Бабадагъ, то только для того, чтобы идти впередъ, къ Траянову валу.

Дальнѣйшія свѣдѣнія и развѣдки убѣдили, что все пространство Добруджи, отъ Дуная до Траянова вала, окончательно освобождено отъ турокъ и черкесовъ. Генераль Циммерманъ немедленно же учредилъ по всей очищенной отъ непріятеля странѣ гражданское управленіе и устроилъ правильное почтовое сообщеніе между ея главными пунктами и румынскимъ берегомъ. Въ Мачинѣ учрежденъ городской совѣтъ изъ среды достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей, по выбору самихъ жителей. Избраны четыре болгарина, три молдавана и нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ другимъ христіанскимъ народностямъ, для временнаго исполненія судейскихъ и полицейскихъ обязанностей. Въ то же время по занятому краю было возвышено и распространено на болгарскомъ языкѣ слѣдующее воззваніе государя императора къ болгарскому народу:

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что черкесы свирѣпствовали въ Сарыюртъ 17-го іюня, въ то самое время, какъ полковникъ Измайловъ имѣлъ стычку съ двумя другими ихъ шайками.

²⁾ На линіи Кюстенджи-Черноводской желѣзной дороги.

³⁾ Всѣ эти деревни въ разстояніи 20—40 верстъ къ югу отъ Бабадага.

«Болгаре!

«Мои войска перешли Дунай и вступают нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ завитомъ единомыслии всего православнаго русскаго народа, мои прародители успѣли въ былые годы своимъ вліяніемъ и оружіемъ послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовію относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ великой христіанской семьи на Востокѣ. На храброе войско мое, предводимое моимъ любезнымъ братомъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніемъ моимъ возложено — оградить на вѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немислимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы приобрѣли не силой вооруженнаго сопротивленія, а дорогой цѣной вѣковыхъ страданій, цѣной крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки.

«Жители страны болгарской! Задача Россіи — создать, а не разрушать. Она призвана Всевышнимъ. Промысломъ согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной вѣры. Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина, ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе безпощадно послѣдуетъ законное наказаніе. Жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, гдѣ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ, будутъ одинаково обезпечены. Но не мѣсть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ.

«Мусульмане Болгаріи! Къ вамъ обращаюсь я со словомъ спасительнаго для васъ самихъ предостереженія. Съ горестію вспоминаю я о недавнихъ жестокостяхъ и преступленіяхъ, совершенныхъ многими изъ васъ надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Миръ не можетъ позабыть этихъ ужасовъ; но русская власть не станетъ вымещать на всѣхъ васъ содѣянные вашими

единовѣрцами преступленія. Справедливому, правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ были извѣстны и вашему правительству, оставившему ихъ безъ должнаго наказанія. А вы — признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смирено покоритесь его священному предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законнымъ требованіямъ тѣхъ властей, которыя будутъ установлены съ появленіемъ моихъ войскъ. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вѣра останется неприкосновенной; ваша жизнь, достоинство, жизнь и честь вашихъ семействъ будутъ охраняемы.

«Христіане Болгаріи! Вы переживаете нынѣ дни, для васъ приснопомытные. Пробылъ часъ освобожденія вашего отъ мусульманскаго безправнаго гнета. Явите же вообщію міра высокій примѣръ взаимной христіанской любви. Забудьте старыя домашнія распри, строго уважая права каждой народности, какъ братья по вѣрѣ соединитесь въ общемъ единомыслии чувствъ дружества и согласія, безъ котораго ничего прочнаго не создается. Сплотитесь твердо подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу — дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края.

«По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ мною установленной для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностію честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія — докажете вселенной, что вы достойны участія, которую Россія столько лѣтъ, съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайте русскую власть, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе.

«Смирено молю Всевышняго — да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства и да ниспошлетъ свыше благословеніе Свое на правое дѣло!»

«Іюня 10-го дня 1877 г.

«На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

XXXIII.

Окончательныя заграждения Дуная.

Необходимость устранения помехъ отъ мониторовъ.—Предписание капитану 1-го ранга Новикову.—Заграждение Дуная у острова Мечки.—«Шутка» въ бою съ пароходо-фрегатомъ.—Лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ В. Верещагинъ.—Новая опасность.—Скобелевъ 2-й и Струковъ выручаютъ наши минерныя команды.—Забитый матросъ.—Наши потери.—Заложение минъ мичманомъ Ниловымъ и результатъ работъ этого дня.—Движеніе флотиліи Новикова вверхъ по Дунаю и остановка у Зимницы.—Прибытіе флотиліи къ Фламууду.—Минныя загражденія у Корабинъ.—Бой монитора съ паровыми катерами мичмана Нилова, подъ Никоподемъ.—Загражденіе Дуная у Фламууды. Результаты всѣхъ этихъ работъ.

Зимница, 21-го іюня.

Переправа главныхъ силъ арміи на среднемъ Дунаѣ, немислимая въ присутствіи мониторовъ, требовала или окончательнаго ихъ уничтоженія или же такихъ мѣропріятій, которыя поставили бы броненосцы въ невозможность вредить намъ на всемъ протяженіи рѣки отъ Рушукъ до мѣстечка Корабинъ, какъ крайняго пункта расположенія русскихъ войскъ вверхъ по Дунаю. Поэтому великій князь главнокомандующій отдалъ приказаніе капитану 1-го ранга Новикову, извѣстному еще по своимъ севастопольскимъ заслугамъ, заградить во что бы то ни стало Дунай на данномъ пространствѣ и постараться уничтожить какъ мониторы, такъ и всѣ вообще непріятельскія военныя суда. Въ помощь капитану Новикову былъ командированъ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, а старшимъ по Новикову офицеромъ на флотиліи находился Гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Тудеръ. Сколь ни трудно казалось исполненіе этого порученія, тѣмъ не менѣе къ нему было приступлено 7-го іюня, въ 11 часовъ вечера, когда изъ деревни Малу-ди-Жосъ выступила наша флотилія, въ числѣ десяти паровыхъ катеровъ и шести весельныхъ шлюпокъ (шестерокъ) съ минами. Флотилія направилась вверхъ по теченію къ мѣстечку Парапанъ (въ 15-ти верстахъ выше Рушукъ) и съ первымъ проблескомъ разсвѣта (8-го числа) приступила къ миннымъ загражденіямъ, занявъ низменный островъ Мечку частью высаженныхъ стрѣлковъ и казаковъ. Башибузуки, занимавшіе возвышенный турецкій берегъ, тотчасъ же открыли по рабочимъ шлюпкамъ ружейный огонь, значительно мѣшавшій нашимъ морякамъ и минерамъ; поэтому, для наибольшаго прикрытія работъ, къ берегу противника были выставлены два баркаса съ тридцатью отличнѣйшими стрѣлками изълучиныхъ уральскихъ казаковъ и пѣхотинцевъ.

Турки, извѣщенные въ Рушукъ о происходящихъ работахъ, выслали на восходѣ солнца блиндированный пароходо-фрегатъ противъ на-

шей флотиліи, работавшей у острова Мечки. Пароходъ открылъ по шлюпкамъ огонь и нанесъ имъ нѣкоторое поврежденіе, впрочемъ скорѣй исправленное. Встрѣченный огнемъ нашей осадной батареи у Парапана, онъ скорѣй удался, но не надолго. Паровой шлюпокъ «Шуткѣ»¹⁾ еще въ началѣ работъ было приказано расположиться за восточнымъ угломъ острова Мечки, какъ для наблюденій за проливомъ между Мечкой и островомъ Диналуи, такъ и для препятствованія турецкимъ мониторамъ и пароходу, въ случаѣ, если бы они попытались приблизиться къ нашимъ работамъ. Около пяти часовъ утра, уже при полномъ дневномъ свѣтѣ, лейтенантъ Скрыдловъ, командовавшій «Шуткою», замѣтилъ приближеніе пароходо-фрегата, вооруженнаго однимъ большимъ и четырьмя меньшими орудіями. Пароходо-фрегатъ шелъ противъ теченія. Капитанъ Новиковъ, желая во что бы ни стало продолжать работы, приказалъ «Шуткѣ» атаковать противника. Лейтенантъ Скрыдловъ тотчасъ же на всѣхъ паряхъ пустился навстрѣчу непріятельскому пароходу. Съ нимъ находился, въ качествѣ охотника, бывший морской офицеръ, нашъ извѣстный художникъ В. В. Верещагинъ. Съ парохода немедленно же открыли по «Шуткѣ» усиленный ружейный и картечный огонь, и только тогда Скрыдловъ, стоявшій на рулѣ (причемъ блиндажъ прикрывалъ его грудь и голову), замѣтилъ, что за пароходомъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдуетъ еще мониторъ, также открывшій огонь по «Шуткѣ». Въ надеждѣ увернуться отъ грознаго, хотя и ничтожнаго по размерамъ противника, пароходъ сталъ уходить, забирая ближе къ турецкому берегу, чтобы завернуть въ небольшую бухту, и рассчитывая, что такимъ образомъ быстроходная шлюпка, вѣроятно, пронесется мимо. Но Скрыдловъ во время перемены свѣта свое направленіе и, подъ градомъ пулъ, полетѣлъ въ догонку за противникомъ. Въ это время Верещагинъ замѣтилъ, что Скрыдловъ вздрогнулъ, словно бы его всего передернуло, и догадался, что онъ раненъ, но молчитъ, чтобы не отвлекать команду отъ ея главнаго дѣла. Матросы всѣ пригнулись ко дну шлюпки, а минеръ, у котораго пуля уже пробила шапку, жаясь кое-какъ за машиной. Черезъ минуту «Шутка» была уже у борта противника. Въ Верещагинъ и въ эту минуту прежде всего сказался

¹⁾ Паровая шлюпка «Шутка» построена по заказу государя наследника цесаревича, за 9,573 р., англійскимъ заводчикомъ Торнейкрафтомъ въ 1874 году, и отличается особенною быстротою хода. Шлюпка построена изъ стали, длина ея—53 фута, ширина 6 футовъ и 6 дюймовъ, углубленіе 2 фута и 6 дюймовъ, машина въ 12 силъ. Во время атаки на ней находились, кромѣ Скрыдлова и Верещагина, механикъ прапорщикъ Болеславскій и 7 нижнихъ чиновъ.

художникъ, наблюдавшій общій эффектъ картины. Онъ рассказывалъ потомъ—какой панический ужасъ искривилъ лица турокъ, какъ ихъ капитанъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, опрометью кинулся съ мостика внизъ, какъ завопила и заметалась по палубѣ вся команда и, словно стадо барановъ, хлынула и прижалась вдругъ къ противоположному борту. Ударъ миною нанесенъ былъ около самаго колеса, но... взрыва, къ общему удивленію, не послѣдовало. Оказалось, что электрическій проводникъ перебитъ пулею. Тогда Скрыдловъ далъ команду «*реш по желанію*»! Для непосвященныхъ въ технику дѣла, это слѣдуетъ пояснить: на каждой миноносцѣ существуютъ мины: носовая, кормовая и одна для двѣ маленькія;—последнія на случай нападенія шлюпокъ противника; къ каждой минѣ ведутъ два проводника, изъ коихъ второй служитъ запаснымъ. Первая мина взрывается по предварительному расчету времени и мѣста удара; если же это почему-либо не удалось, то послѣдующій взрывъ дѣлается уже «по желанію», т. е. куда и какъ придется, соображаясь съ обстоятельствами послѣдняго момента. Но, къ счастью, и запасный проводникъ оказался тоже перебитымъ. На ударъ же кормовой миною нельзя было рассчитывать, потому что ее подбивало теченіемъ подъ самый катеръ, который и могъ отъ этого взлетѣть на воздухъ прежде противника. Тогда нашимъ смѣльчакамъ уже не оставалось ничего болѣе, какъ только уходить поскорѣе—и они направились къ Малу-ди-Жосъ, мимо восточнаго края Мечки. Турки, столь легко отдѣлавшись отъ смертной опасности, открыли вслѣдъ по «Шуткѣ» еще болѣе учащенный огонь, которымъ значительно повредило корпусъ шлюпки, такъ что она стала наполняться водой. Скрыдловъ и Верещагинъ стояли по бокамъ штурвала, двѣ ручки котораго были разбиты пулями—на высотѣ ихъ груди. Въ это время Верещагинъ былъ раненъ пулею насквозь въ правую ягодицу. «Шутка» начинала уже тонуть; поэтому пришлось подъ жестокимъ огнемъ остановиться на нѣсколько времени у берега Мечки, чтобы подвести подъ киль парусъ, который могъ хоть насколько вѣдуть предохранить судно отъ дальнѣйшаго наполнения водой. Скрыдловъ лично участвовалъ въ этой работѣ и предупредилъ всю команду, что если броненосецъ перерѣжетъ имъ дорогу раньше, чѣмъ они успѣютъ справиться съ работой и обогнуть окраину острова, то придется выскочить на отмель и самимъ взорвать «Шутку». Но, къ счастью, мониторъ не приближался, ограничиваясь только пальбою издали—и такимъ образомъ наша шлюпка, безъ дальнѣйшихъ приключеній, возвратилась къ флотилии, работавшей надъ погруженіемъ минъ. У Скрыдлова оказалось три раны—въ обѣ ноги и въ правую руку, — по

счастью, безъ раздробленія костей. По отводѣ «Шутки» на мѣсто ея стоянки у Малу-ди-Жосъ, онъ, вмѣстѣ съ Верещагинымъ и тремя ранеными въ этомъ же дѣлѣ матросами, былъ отправленъ въ журженскій госпиталь. Несмотря на то, что не удалось взорвать парходъ, дѣло это все-таки остается однимъ изъ блистательныхъ, по беззаветной храбрости и рѣшимости исполнителей; поэтому Скрыдловъ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Кромѣ того, для дальнѣйшей практики нашихъ миноносцевъ, это дѣло даетъ слѣдующій выводъ: при дневномъ свѣтѣ нельзя рѣшаться (исключая, конечно, послѣдней крайности, въ безвыходномъ положеніи) на атаку сильнѣйшаго противника одною только шлюпкой; надо имѣть ихъ, по крайней мѣрѣ, двѣ, чтобы рассчитывать на успѣхъ послѣ того, какъ первая будетъ приведена почему-либо въ невозможность исполнить свое назначеніе.

Работа продолжалась, и для ея прикрытія парпаановская наша батарея не разъ открывала огонь, оказавшій флотилии дѣйствительную услугу. Видя, что мониторъ съ парходомъ не въ состояніи существенно воспрепятствовать занятіямъ нашихъ минеровъ, турки рѣшили въ высласть изъ Рущука конную батарею, подъ прикрытіемъ пѣхотнаго батальона. Это было въ два часа дня. Капитанъ Новиковъ, работавшій на горизонтѣ воды, не замѣтилъ подхода этой батареи, которая успѣла хорошо замаскировать свое движеніе, благодаря особенностямъ мѣстности возвышеннаго берега. Тогда свиты его величества генераль-майоръ Скобелевъ 2-й, исполнявшій должность начальника штаба при парпаановскомъ отрядѣ, и полковникъ Струковъ, съ полковникомъ Мольскимъ⁴⁾, генеральнаго штаба штабъ-капитаномъ Сахаровымъ и нѣсколькими хорошими стрѣлками, бросились съ нашего берега въ лодкахъ на выручку флотилии. Дунай, разлившійся почти на двѣ версты, отнял не мало времени, пока Скобелевъ и Струковъ успѣли доплыть до острова Мечки. Въ это время турецкая батарея уже заняла позицію и снималась съ передковъ; наши же лодки не могли подчалить къ берегу, такъ какъ этому мѣшали густые кустарники. Видя, что нашей минерной флотилии, слишкомъ драгоценной въ настоящую минуту, угрожаетъ почти неизбежная гибель, Скобелевъ, Струковъ и штабъ-капитанъ Сахаровъ бросились за бортъ и, частью вплавъ, частью по грудь въ водѣ, успѣли достичь до паровыхъ катеровъ, гдѣ и предупредили Новикова объ опасности. Капитанъ Новиковъ вынужденъ былъ моментально сняться и идти съ пятью паровыми шлюпками вверхъ по теченію, поручивъ Струкову передать Тудеру, чтобы этотъ послѣдній тоже немедленно

⁴⁾ Командиръ 54-го пѣхотнаго Мяскаго полка.

снимался и шедъ съ остальными пятью паровыми катерами внизъ по теченію. Раздумывать было некогда: спасеніе катеровъ и минеровъ съ опытными офицерами было важнѣе всего, а потому всѣ наши паровые катера быстро скрылись изъ глазъ противника. Но у берега на отмели оставались еще наши шестерки и до 140 матросовъ и стрѣлковъ, съ тремя ранеными. Первой заботой Скобелева и Струкова было теперь спасеніе оставшихся на отмели, въ чемъ они и успѣли, при помощи своихъ людей и съ содѣйствіемъ штабсъ-капитана Сахарова и полковника Моляскаго. Отойти по водѣ шестерки не могли иначе, какъ только обогнувъ островъ Мечку, что потребовало бы, сравнительно, значительнаго времени. Поэтому Скобелевъ рѣшилъ перетащить ихъ на рукахъ черезъ западную косу этого острова. Подплывъ къ берегу, дружно схватились всѣ они за шестерки и на рукахъ стали перетаскивать ихъ черезъ отмель, какъ вдругъ снарядъ, унававший въ первую же лодку, разорвалъ ее въ дребезги, равнивъ при этомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Удалось перетащить и спустить на воду только двѣ лодки, а двѣ остальные были оставлены на берегу, такъ какъ турецкій огонь по косѣ положительно былъ нестерпимъ. Невозможность посадить всѣхъ людей на эти суда заставила отступить просто пѣшкомъ, по горло въ водѣ, отстрѣливаясь отъ турецкой батареи. Людямъ велѣно было разсыпаться въ водѣ, дабы по возможности меньше служить цѣлью выстрѣламъ противниковъ. Впрочемъ, суeta турецкихъ артиллеристовъ лишила ихъ прицѣла надлежащей мѣткости, при дальнѣйшемъ нашемъ отступленіи по сию сторону косы. Генералъ Скобелевъ и полковникъ Струковъ, стоя по плечи въ водѣ, размѣщали въ лодкахъ всѣхъ раненыхъ и оставшихся людей. Тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ не хватило мѣста, они бросали пробковые матросские пояса, а неумѣвшимъ держаться на водѣ подавались связанные между собой ружейные ремни, съ помощью которыхъ люди эти буксировались за лодками. Осмотръ всего берега убѣдилъ, наконецъ, что тамъ не оставлено никого изъ нашихъ, и только послѣ этого оба начальника, распоряжавшіеся размѣщеніемъ людей на судахъ, позволяли себѣ вылѣзть изъ воды и послѣдними сѣли въ лодки. Они уже приплыли къ нашему берегу, какъ вдругъ съ турецкой стороны догоса отчаянный крикъ человѣка, умолявшаго о помощи! Сознавая, что оставленному грозитъ неминуемая гибель, Скобелевъ со Струковымъ перепрыгнули въ легкую весельную шлюпку и подѣ неумолкавшимъ турецкимъ огнемъ поплыли на ту сторону. Тамъ, дѣйствительно, оказался одинъ изъ нашихъ, Гвардейскаго экипажа матросъ Шульскій, который, не желая оставлять свое ружье, положенное на землю

во время работы, пошелъ разыскивать его по берегу и не замѣтилъ, когда отплыли лодки. Увидѣвъ, что для его спасенія плыветъ наша шлюпка, онъ самъ бросился въ воду съ отскакавшимъ ружьемъ и поплылъ къ ней навстрѣчу. Въ это время два крупновскія орудія стрѣляли съ берега по Парану.

Потери дня, сверхъ понесенныхъ на «Шуткѣ», заключались въ одномъ убитомъ казакѣ и въ десяти раненыхъ матросахъ и стрѣлкахъ. Кромѣ того, три шлюпки значительно повреждены артиллерійскимъ огнемъ противника.

И такъ, несмотря на нападеніи монитора и парохода, и на непрерывный огонь пѣхоты и батареи, стрѣлявшей съ разстоянія трехсотъ сажень, загражденіе было окончено. Мичманъ Ниловъ успѣлъ положить мины даже подѣ самымъ турецкимъ берегомъ и молодецки исполнилъ это отважное предпріятіе, подѣ градомъ пуль, причемъ на его шлюпкѣ были ранены: механикъ унтеръ-офицеръ Александровъ и матросъ-минеръ Писменный. Мичману Нилову угрожала самая серьезная опасность, но въ это время капитанъ Новиковъ вышелъ впередъ на своемъ катерѣ и сталъ въ оборонительное положеніе противъ монитора, что и помогло ему выручить Нилова, а этому послѣднему исполнить свое дѣло. Хотя наши паровые катера понесли въ этотъ день поврежденія настолько значительныя, что вся ночь была употреблена на ихъ починку, зато два турецкіе монитора, несмотря на всѣ затрудненія, были заперты у Рушукъ.

Но кромѣ этого, надо было лишить турецкія суда возможности свободно плавать по Дунаю на пространствахъ отъ Парана до Турну. Для этого предстояло уничтожить два броненосца, стоявшіе у Никополя, или преградить Дунай выше и ниже Никополя: ниже—если переправа будетъ совершена гдѣ-нибудь между этой крѣпостью и Рушукъ, и выше—если она состоится, согласно первоначальному предположенію, у Никополя. Но, во всякомъ случаѣ, враждебныя дѣйствія броненосцевъ должны были быть парализованы, и потому въ ночь съ 8-го на 9-е іюня капитанъ Новиковъ съ шестью катерами отправился вверхъ по Дунаю и еще до разсвѣта былъ встрѣченъ въ одномъ изъ узкихъ рукавовъ рѣки непріятельскимъ мониторомъ, который открылъ по катерамъ огонь изъ орудій, съ цѣлью воспрепятствовать ихъ дальнѣйшему проходу. Но Новиковъ, преслѣдуя свою задачу, промѣрялъ подѣ огнемъ неизвѣстный ему рукавъ и смѣло двинулся впередъ, встрѣчаемый и провожаемый огнемъ со всѣхъ береговыхъ турецкихъ постовъ. Онъ едва могъ тащить на буксирѣ поврежденные катера, и наконецъ въ шесть часовъ утра 9-го числа пришелъ въ Зимницу, гдѣ и сошелся съ полковникомъ Струковымъ, который съ казаками все

время слѣдилъ по берегу за движеніемъ катеровъ, для поддержки ихъ въ случаѣ надобности.

Исправивъ въ Зимницѣ свои поврежденія, флотилія съ 9-го на 10-е іюня отправилась далѣе вверхъ, все больше и больше удаляясь впередъ отъ своей сухопутной поддержки. Не было турецкаго поста, который не преслѣдовалъ бы ее огнемъ. Она старалась держаться преимущественно нашего берега, но фарватеръ иногда вынуждалъ ее идти вплотъ къ берегу противника.

10-го числа катера капитана Новикова приплыли къ деревнѣ Фламуидѣ, противъ Никополя, и были тамъ нагнаны полковникомъ Струковымъ съ береговымъ отрядомъ, приготовившимся къ поддержкѣ Новикова, на случай возможнаго нападенія съ турецкаго берега, гдѣ постоянно находилось у пристани до 500 человекъ башибузуковъ, которые уже неоднократно пытались дѣлать высадки на румынскую сторону. Подъ выстрѣлами этихъ башибузуковъ, флотилія зашла за островъ Инзулу и стала подъ прикрытіемъ нашего отряда и полевыхъ орудій. Сюда же къ 12-му іюня были перевезены сухимъ путемъ на биндюгахъ и тѣ паровыя шлюпки, что оставались у Малу-ди-Жосъ.

Береговые батареи противника были такъ сильны, а фарватеръ такъ близокъ къ возвышенному турецкому берегу, что дальнѣйшій проходъ къ Никополю оказался невозможнымъ. Поэтому Новиковъ, имѣя въ виду малочисленность нашихъ паровыхъ шлюпокъ и крайнюю въ нихъ необходимость для переправы арміи, рѣшился побережъ ихъ и взялся за трудную работу по устройству загражденій у Корабиі только съ одними гребными лодками. Захвативъ съ собой ограниченное число самыхъ необходимыхъ людей, онъ, вмѣстѣ со Струковымъ, отправился въ Корабію сухимъ путемъ, и тутъ, съ 11-го на 12-е іюня, ночью приступилъ къ работамъ надъ миннымъ загражденіемъ, даже безъ потребнаго числа офицеровъ... Успѣли только кое-какъ набрать тамъ и сямъ нѣсколько рыбацкихъ лодокъ, посадили на нихъ гребцами двадцать казаковъ донскаго № 31-го полка, послѣднимъ собраннымъ съ разныхъ постовъ, и съ малымъ числомъ моряковъ-минеровъ тотчасъ же принялись за дѣло. Казаки оказались лихими мастерами своего дѣла не только на конѣ, но и на водѣ. Безъ паровыхъ катеровъ—какъ уже сказано — и безъ якорей приходилось держаться на самой быстринѣ Дуная, при глубинѣ отъ 6-ти до 10-ти сажень, и погружать опасныя для самихъ себя мины.

Два обстоятельства, совершенно непредвидѣнные, заставили дважды снимать всю линію выставленныхъ лодокъ. Первое заключалось въ томъ, что отъ тяжести людей и минъ у насъ, на самой серединѣ Дуная, затонула одна

лодка и всѣ остальные должны были броситься къ ней на помощь, а вторую тревогу произвелъ показавшійся вдали дымъ, принятый за дымъ наступающаго монитора. Это, дѣйствительно, былъ непріятельскій броненосецъ, шедшій по направленію отъ Рушукъ, вѣроятно, тотъ самый, который въ ночь съ 8-го на 9-е іюня стрѣлялъ по флотиліи Новикова, во время хода послѣдней въ одномъ изъ узкихъ рукавовъ Дуная вверхъ, къ Зимницѣ, по окончаніи загражденій у Мечки. Броненосецъ этотъ не безъ поврежденій прошелъ къ Никополю, подѣ огнемъ всѣхъ нашихъ турну-магурельскихъ орудій. Пропустивъ его, минная флотилія снова принялась за дѣло.

Зная опасность, грозившую тѣмъ людямъ, которые работали у турецкаго берега, гдѣ въ непріятельскомъ лагерѣ было расположено до тысячи человекъ, полковникъ Струковъ высадился на турецкій берегъ и выставилъ тамъ цѣпь изъ 12-ти пластуновъ и 15-ти казачковъ-охотниковъ, которые должны были предупредить минеровъ въ случаѣ нападенія съ берега. Давно уже встало солнце, когда турки замѣтили, наконецъ, наши работы и выслали двѣ роты, открывшія по рабочимъ огонь, но, къ счастью, въ это время погружалась уже наша послѣдняя мина. Быстро снятая съ турецкаго берега, сторожевая цѣпь благополучно отплыла къ нашей сторонѣ, подѣ прикрытіе корабельской береговой батареи, которая двумя удачными выстрѣлами изъ орудій большого калибра остановила подступавшія все ближе къ своему берегу турецкія роты. Второй рядъ загражденій исполнѣнъ успѣшно былъ положенъ къ семи часамъ вечера 12-го іюня, и такимъ образомъ двумъ мониторамъ, стоявшимъ у Никополя, былъ отрезанъ путь отступленія вверхъ къ Виддину.

Пока собирались закладывать мины при Корабиі,—подъ Никополемъ, 11-го числа, происходилъ бой монитора съ паровыми катерами, оставленными у Фламуиды подѣ начальствомъ мичмана Нилова. Мониторъ, выйдя изъ никопольской пристани, пошелъ внизъ, къ нашимъ катерамъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ атаковать ихъ. Генералъ-майоръ Леоновъ, командовавший фламундскимъ сухопутнымъ отрядомъ, тотчасъ же получилъ объ этомъ донесеніе со сторожевого поста. Не теряя ни одной минуты, онъ далъ знать объ этомъ обстоятельствѣ мичману Нилу и выставилъ на позицію четыре орудія 15-й конной батареи, подѣ командой штабсъ-капитана Коломейцова. Шлюпки, перевозимыя сухимъ путемъ изъ Малу-ди-Жосъ, еще не прибывали на мѣсто назначенія, а изъ пяти миноносковъ, оставшихся у Фламуиды, только двѣ могли быть немедленно приспособлены къ дѣлу, такъ какъ остальные еще не успѣли исправить свои поврежденія. Мичманъ Нилъ тотчасъ же снарядился съ

этими двумя шлюпками и, не выжидая начала действительной со стороны противника, самъ пошелъ навстрѣчу монитору. Чуть лишь показался Ниловъ на фарватерѣ, какъ съ монитора открыли по обѣимъ шлюпкамъ сильный ружейный и картечный огонь. Впередѣ летѣла шлюпка «Мина», подъ командой гардемарина Аренса; ей предстояло первой атаковать мониторъ, но минный проводникъ былъ перебитъ гранатой, которая повредила и самую шлюпку, такъ что Аренсъ вынужденъ былъ отступить. Тогда наступила очередь мичмана Нилова, предназначеннаго на шлюпкѣ «Шутка». Онъ правилъ на носовую часть монитора и вдругъ чуть не наткнулся на подставляемую ему носовую мину. Необычайно счастливый случай уберечь «Шутку» отъ гибели, повидимому, неизбежной. Ниловъ, благополучно проскользнувъ мимо носа, сталъ рѣзать корму монитора въ разстояніи одной сажени. Капитанъ этого судна—судя по наружности, типичный рыжебородый англичанинъ—васѣмъ шивъ сваялъ фуражку и отъѣсилъ ему поклонъ. Ниловъ отвѣтилъ тоже поклономъ и пустилъ въ него изъ револьвера три пули, изъ которыхъ послѣдняя ранила капитана, такъ что онъ отскочилъ назадъ уже безъ поклоновъ. Идучи къ кормѣ мимо праваго борта монитора, «Шутка» вдругъ получила пробойну въ свою правую часть отъ осколка чуть ли не одной изъ нашихъ же гранатъ, которая очень мѣтко направилась съ берега четырьмя орудіями конной артиллеріи прямо на палубу монитора. Это обстоятельство замедлило ходъ миноноски и дало возможность непріятельскому броненосцу «положить право на бортъ» и такимъ образомъ отвести свою корму отъ удара нашей мины. Тогда Ниловъ пошелъ по лѣвому борту монитора, но «Шутка», на половину залитая водой, хлынувшей въ пробойну, уже лишилась прежняго хода, и минный шестъ ея только на нѣсколько вершковъ не дохватилъ до непріятельскаго борта. Избавясь отъ опасности, мониторъ далъ задній ходъ, потомъ сдѣлалъ заворотъ и на всѣхъ парахъ ушелъ къ Никополю. Отступленію его не мало способствовалъ чрезвычайно мѣткій огонь дивизіона 15-й конной батареи: не попали въ цѣль только три первыя гранаты, остальные же почти всѣ разрывались на палубѣ, причемъ была погнута и насквозь прострѣлена труба монитора. Подвигъ мичмана Нилова признанъ блистательнымъ. Въ награду за него юноша-офицеръ получалъ георгіевскій крестъ 4-й степени, а гардемарину Аренсу пожалованъ знакъ отличія военнаго ордена.

12-го іюня, вечеромъ, изъ Никополя вышелъ другой мониторъ и пошелъ было вверхъ по рѣкѣ. Наша осадная батарея встрѣтила его огнемъ и скорѣй заставила вернуться къ Никополю. Эта была уже послѣдняя попытка никопольскихъ броненосцевъ, которые послѣ сего

раза остались на мѣстѣ своей стоянки въ полномъ бездѣйствіи.

Съ 13-го на 14-е іюня капитанъ Новиковъ вернулся къ своей флотиліи, а съ 14-го на 15-е приступлено къ загражденію Дуная ниже Никополя, у деревни Фламунды. Къ утру нашимъ рабочимъ снова пришлось выносить огонь крупновесныхъ орудій, вывезенныхъ на возвышенный берегъ, и тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ мины и десантъ перевозились на тяжелоходныхъ понтонахъ, которые безпрестанно сносило теченіемъ, такъ что не разъ приходилось ловить ихъ паровыми катерами; но несмотря на всѣ затрудненія, минное загражденіе успѣшно было положено и подъ Фламундой, чѣмъ и завершилось исполнѣе общее загражденіе Дуная. Мины (гальваническія и герцовскія) положены въ два, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ три ряда, и такимъ образомъ вся сила турецкихъ броненосцевъ на Дунаѣ окончательно парализована. Вслѣдствіе этого загражденія, достигнутаго геройствомъ нашихъ моряковъ, инженерны получили возможность вывести на Дунай сооруженные въ рѣкѣ Ольтѣ понтоны и плоты для постройки большихъ мостовъ между Змиинцею и Систовымъ (Свиштовъ), а главныя силы русской арміи приобрѣли способы совершить переправу на среднемъ Дунаѣ. Капитанъ 1-го ранга Новиковъ за успѣшное загражденіе средняго Дуная, сопряженное со столькими серьезными опасностями и трудами, награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени ¹⁾.

¹⁾ Капитанъ 1-го ранга М. Д. Новиковъ служилъ во флотѣ во время крымской войны и за оборону Севастополя, 28-го декабря 1855 года, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. По окончаніи войны лейтенантъ Новиковъ перешелъ въ сухопутныя войска, откуда въ 1874 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ подполковника. На георгіевскомъ праздникѣ, въ ноябрѣ 1876 года, М. Д. Новиковъ обратилъ на себя вниманіе государя императора и тогда же всеподданнѣе заявилъ желаніе вновь поступить на службу, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. При объявленіи нынѣшней войны, онъ былъ принятъ на службу во флотъ съ чиномъ капитана 2-го ранга и, по прибытіи на Дунай, произведенъ въ слѣдующій чинъ для сравненія со сверстниками.

XXXIV.

Приготовленія къ главной переправѣ.

Тайный выѣздъ великаго князя изъ Плоештовъ.— Рекогносцировка дунайскихъ береговъ, произведенная лично главнокомандующимъ.—Никополь или Систово?—Окончательный выборъ пункта переправы и соответственныя ему распоряженія.—Заготовка матеріаловъ для моста.—Неожиданная задержка походовъ и остановка движенія арміи.—Выгоды этой задержки.—Вниманіе противника утомляется.—Демонстративныя артиллерійскія дѣйствія.—Бомбардированіе Рущука и Туртукая.—Дѣйствія противъ Никополя.—Воруженіе вновь насыпанныхъ батарей въ Турну-Магуреліи и дѣйствія ихъ съ 9-го по 14-е іюня.—Дѣйствія артиллеріи съ 14-го по 17-е.—Пребываніе государя императора на Градзавскомъ курганѣ.—Телеграфная корреспонденція между Градзавскимъ курганомъ и Зимницею, во время переправы 15-го іюня.—Общій результатъ демонстративныхъ дѣйствій противъ Никополя.

Зимница, 22-го іюня.

Въ тотъ же періодъ времени, съ 8-го по 12-е іюня, когда капитанъ Новиковъ трудился надъ загражденіемъ средняго Дуная, великій князь главнокомандующій, такъ сказать, исчезъ изъ Плоештовъ. Отъѣздъ его высочества, въ сопровожденіи только трехъ лицъ—великаго князя Николая Николаевича Младшаго, начальника штаба и его помощника, генерала Левицкаго,—совершился 9-го числа такъ скрытно и неожиданно, что въ первое время никто и не подозрѣвалъ объ отсутствіи главнокомандующаго. Думали, что его высочество не совсѣмъ здоровъ и потому не показывается изъ своей комнаты, а когда отсутствіе это было наконецъ замѣчено, то рѣшительно никто въ главной квартирѣ не зналъ куда, когда и зачѣмъ побѣжалъ великій князь. Между тѣмъ его высочество употребилъ это время на личную рекогносцировку Дуная отъ Зимницы до Турну. Еще до открытія кампаніи, соображая стратегическіе планы движенія за Дунай, главнокомандующій намѣтилъ Зимницу—Систово, какъ самый желательный, т. е. наиболѣе выгодный въ военномъ отношеніи пунктъ переправы. Но предварительныя рекогносцировки зимницкихъ окрестностей, глупо затопленныхъ разливами, заставили отказаться отъ мысли о переправѣ въ этомъ мѣстѣ. Тогда поневолѣ пришлось остановиться на Никополѣ¹⁾, сообразно чему и были своевременно сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія о передвиженіяхъ войскъ и матеріаловъ въ данномъ направленіи²⁾. Но личная рекогно-

сцировка убѣдила великаго князя въ весьма значительныхъ трудностяхъ и опасностяхъ, съ какими неизбѣжно будетъ сопряжена никопольская переправа: достаточно сказать, что въ началѣ мая, когда прибыли на побережье наши передовыя войска, у Никополя существовали только два отдѣльныя укрѣпленія, а къ началу іюня ихъ выросло у насъ на глазахъ и подъ нашимъ огнемъ уже тринадцать! По осмотру зимницкихъ окрестностей, великій князь удостовѣрился, что уровень воды уже понизился, хотя и не до желательной степени, но все же на столько, что переправа могла бы тутъ состояться, и потому остановилъ окончательный свой выборъ на этомъ пунктѣ. Турки, кажется, и не подозрѣвали, что русскій главнокомандующій самъ осматриваетъ берега;—по крайней мѣрѣ, такъ можно думать потому, что они ни разу не открывали огня по небольшой группѣ лицъ, сопровождавшихъ его высочество при этихъ осмотрахъ. Впрочемъ, были приняты мѣры, чтобы противникъ ни какимъ образомъ, ни прямымъ, ни кружнымъ (телеграфнымъ) путемъ не могъ узнать объ этой рекогносцировкѣ и на основаніи ея вывести свои заключенія о пунктѣ готовящейся переправы; съ этой цѣлью всякое сообщеніе между берегами было окончательно прервано и посты наши зорко наблюдали, чтобы нигдѣ не могло появиться какихъ-либо дневныхъ и ночныхъ сигналовъ, а особые посты выставленные по всѣмъ румынскимъ дорогамъ, ведущимъ къ побережью, обязаны были не пропускать никого изъ частныхъ людей ни въ ту, ни въ другую сторону.

Сообразно своему окончательному выбору, великій князь сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія о передвиженіяхъ и сосредоточеніи войскъ, такимъ образомъ, чтобы до самой послѣдней минуты никто и нигдѣ не могъ догадаться о дѣйствительномъ пунктѣ переправы³⁾.

визія на присоединеніе къ своему корпусу къ Сегарчѣ). 12-я кавалерійская дивизія должна была остаться позади своего корпуса у Витанешти.

4-я стрѣлковая бригада, 8-й корпусъ и погонные парки (послѣдніе по прибытіи ихъ къ ст. Баняса по желѣзной дорогѣ)—къ Сякъ и Пятрѣ. Кавказская казачья дивизія—къ Зимницѣ.

11-я пѣхотная дивизія на соединеніе съ остальными частями 11-го корпуса—къ Ольтеницѣ и Журжеву.

13-й корпусъ—къ Александріи, въ видѣ общаго резерва.

¹⁾ Распоряженія эти были слѣдующія:

1) О томъ, что переправа будетъ у Зимницы, его высочество объявилъ только командиру 8-го корпуса (генералу Радецкому), части котораго должны были начать переправу. При этомъ, чтобы замаскировать избранный пунктъ даже отъ своихъ, великій князь приказалъ направить 9-ю пѣхотную дивизію (князя Святополкъ-Мирскаго) отъ Александріи по прежнему маршруту, къ Пятрѣ. Только 14-ю пѣхотную дивизію (гене-

¹⁾ Дунай подъ Никополемъ течетъ въ одномъ руслѣ и не имѣетъ значительныхъ протоковъ и затоновъ.

²⁾ Передвиженія эти должно было произвести по слѣдующимъ маршрутамъ.

Часть 9-го корпуса (31-я пѣхотная и 9-я кавалерійская дивизіи)—изъ Слатины къ Сегарчѣ.

12-й корпусъ, 5-я пѣхотная дивизія (9-го корпуса) и болгарское ополченіе—къ Салчѣ (5-я див-

Но кромѣ этихъ распоряженій, надо было заблаговременно позаботиться о заготовкѣ материаловъ, потребныхъ для устройства моста на среднемъ Дунаѣ. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно уже, были построены въ Галацѣ понтоны, а въ Слатинахъ—плоты и всѣ прочія принадлежности. Понтоны изъ Галаца въ Слатину пришлось перевозить по желѣзной дорогѣ и, по доставкѣ на мѣсто, всѣ мостовыя принадлежности были спущены въ Алуту. Для человека, незнакомаго съ мѣстною гидрографіею, естественно можетъ представиться вопросъ: почему же непременно въ Алуту, а не въ какую-либо другую рѣку, ниже Никополя, что избавило бы насъ отъ необходимости проводить плоты и понтоны мимо никопольскихъ укрѣпленій? — Но въ томъ-то и дѣло, что между Арджисомъ и Алутуою нѣтъ въ Румыніи ни одной сплавной рѣки; заготовка же мостовыхъ принадлежностей на Арджисѣ потребовала бы поднятія ихъ буксиромъ вверхъ до Систоа, мимо Рушукъ, укрѣпленія котораго значительно сильнѣе никопольскихъ; стало быть, въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ болѣе опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, потребовалось бы и несравненно болѣе времени на самую операцію прохода. Но кромѣ всѣхъ помянутыхъ принадлежностей, заготовленныхъ на мѣстѣ, въ распоряженіи глав-

нокомандующаго находились четыре понтонныя парка, вошедшіе въ составъ дѣйствующей арміи, еще при ея первоначальной мобилизаціи. Они были двинуты изъ Россіи по желѣзной дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы по доставкѣ на станцію Баняса (между Букарестомъ и Журжевымъ), отправиться далѣе до деревни Бею (на рѣкѣ Веде) уже обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Но, благодаря обычной неисправности румынской желѣзной дороги, понтонныя паркы запоздали противъ назначенныхъ имъ маршрутовъ на трое сутокъ, такъ что изъ-за этого обстоятельства пришлось остановиться на такое же количество времени и все движеніе главныхъ силъ дѣйствующей арміи, которыя, по экстренному распоряженію главнокомандующаго, и были задержаны на линіи рѣки Веде, около Руше-де-Веде, Александрии и Бею. Но эта невольная задержка заключала въ себѣ и нѣкоторыя небезвыгодныя для насъ обстоятельства: во-первыхъ, вода въ Дунаѣ за трое сутокъ сбыва еще на нѣсколько футовъ, а во-вторыхъ, самое расположеніе главныхъ силъ арміи въ трехъ названныхъ пунктахъ давало главнокомандующему полную возможность двинуть эти войска съ одинаковыми удобствами и скоростію къ Туряу, Зимницѣ или Журжеву, смотря по обстоятельствамъ, и такимъ образомъ турки, несмотря на всѣ свои свѣдѣнія, все-таки оставались въ полной неувѣренности насчетъ избраннаго пункта переправы и по неволѣ должны были растягивать и дробить свои силы на всемъ пространствѣ отъ Туртукая до Никополя. Это напряженное ожидание требовало съ ихъ стороны особенной бдительности, и дѣйствительно, въ теченіе цѣлаго мѣсяца они очень усердно и зорко наблюдали за всѣми движеніями нашихъ прибрежныхъ войскъ, открывая огонь почти по всякому береговому развѣду, по всякой отплывавшей лодкѣ. Но такое чрезмѣрное напряженіе, въ концѣ-концовъ, очень утомило сторожевыя силы противника, такъ что предъ наступленіемъ рѣшительной минуты вниманіе его уже было въ значительной мѣрѣ притуплено. Какъ оказалось потомъ, между турками даже укоренилось убѣжденіе, что мы едва ли отважimsя на рискъ большой переправы. Все это, въ известной степени, облегчило намъ ея подготовку. Надо было только какъ можно долѣе держать противника въ полномъ неувѣдѣніи, сбивать его съ толку, и съ этою цѣлью 12-го іюня, согласно распоряженію великаго князя, была начата усиленная бомбардировка Рушукъ, гдѣ, впрочемъ, и на этотъ разъ турки первые завязали съ нами артиллерійскую перестрѣлку. Трудно, конечно, судить о дѣйствительныхъ результатахъ нашей стрѣльбы, но судя по тому, что въ городѣ вспыхнуло нѣсколько пожаровъ и что на нѣкоторыхъ турецкихъ батареяхъ прекращалась стрѣльба на довольно

рала Драгомирава, съ гвардейской сводной ротой, полубатальономъ плавснотовъ, 4-й стрѣлковой бригадой, 23-мъ донскимъ полкомъ, уральской казачьей сотней, со всей горной пѣшей артиллеріей (двѣ батареи, 16 орудій) и со всѣми понтонными парками главнокомандующій двинулъ отъ Бею прямо къ Зимницѣ, съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на понтонныхъ лодкахъ въ ночь съ 14-го на 15-е іюня.

2) Кавказской казачьей дивизіи не идти на Зимницу, гдѣ присутствіе ея было бы бесполезно, а оставаться у Бею, впредь до приказанія.

3) 12-му корпусу идти не на Салчу, а къ Воеводѣ и Крошкѣ, какъ бы для приближенія къ Фламундѣ, но въ сущности, чтобы приблизить его къ Зимницѣ. Туда же идти и болгарскому ополченію.

4) 9-му корпусу объявлено, что онъ пойдетъ въ головѣ на переправу у Фламунды, и поэтому долженъ, немедленно по прибытіи въ Сегарчу, перейти оттуда къ Сакѣ, оставивъ въ Туряу лишь небольшой пѣхотный отрядъ и смѣнивъ по линіи Дуная 8-ю кавалерійскую дивизію—9-ю кавалерійскою. Придвинутый къ Сакѣ, 9-й корпусъ дѣйствительно находился какъ бы въ полной готовности переправиться у Фламунды, а вѣсть съ тѣмъ достигалась скрытая настоящая цѣль: приблизить его и къ Зимницѣ.

5) 13-му корпусу, вѣдя въ головѣ 35-ю пѣхотную дивизію, двинуться отъ Александрии къ Патрѣ, т. е. къ такому пункту, который одинаково приближалъ этотъ корпусъ какъ къ демонстраціи, такъ и къ истинному пункту переправы.

6) Начиная съ 12-го іюня, осадной артиллеріи у Журжева ежедневно бомбардировать Рушукъ; а съ вечера 23-го начать бомбардированіе Никополя, продолжая его безостановочно, впредь до приказанія.

значительное время, а два из них даже и вовсе умолкли, можно думать, что наш огонь был весьма действителен. С нашей стороны было сделано предупреждение рущукского коменданта об имѣющей начаться усиленной бомбардировкѣ, для того чтобы дать жителямъ время убраться изъ города заблаговременно ¹⁾. Турки, съ своей стороны, за двое сутокъ (12-го и 13-го числа) выпустили массу снарядовъ, какъ изъ Рущука, такъ и изъ Туртукая, и успѣли нанести значительный вредъ строениямъ въ Журжевѣ и Ольтевицѣ, которыя, впрочемъ, давно уже были оставлены жителями; но наши войска въ первый день не понесли ровно никакой потери, а 13-го июня былъ раненъ пулею въ шею находившійся въ Ольтевицѣ генералъ-майоръ Эрнротъ, командующій 11-й пѣхотной дивизіей.

13-го июня главная квартира великаго князя, двинутая за нѣсколько дней до сего частію въ Александрію, частію въ Слатину, перемѣла въ село Драчу (на рѣкѣ Кацмалуи), куда на слѣдующій день была переведена и императорская квартира.

Драча находится почти на одинаковомъ разстояніи какъ отъ Турну, такъ и отъ Зимницы.

13-го же числа вечеромъ начаты усиленные демонстративныя дѣйствія артиллеріи и противъ Никополя, гдѣ общій ходъ нашихъ

операций заключался послѣдовательно въ слѣдующемъ:

Дабы еще болѣе утвердить противника въ его заблужденіи относительно вполнѣ рѣшенной переправы въ семь пунктовъ, великій князь приказалъ возводить противъ Никополя сильныя батареи и вооружать ихъ осадными орудіями. Съ этою цѣлью на прибрежной позиціи у города Турну и селенія Магурели было сооружено восемь осадныхъ батарей, вооруженіе коихъ происходило тотчасъ же по прибытіи транспортовъ осадной артиллеріи изъ города Слатины, такъ что подвозъ на батареи всего имущества производился на тѣхъ же волахъ, которые доставляли транспорты къ Турну.

Батарея № 1-й, на три 6,03 дюйм. пушки, вооружалась ея командиромъ, штабсъ-капитаномъ Потемкинымъ, въ ночь съ 9-го на 10-е июня. Батарея № 2-й, на то же количество пушекъ такого же калибра, вооружена въ ночь съ 10-го на 11-е июня, и въ ту же ночь успѣли вооружать батареи № 3-й и № 4-й, а съ 13-го на 14-е число и всѣ остальные. Вооруженіе всѣхъ восьми батарей производилось непосредственными ихъ командирами, подъ личнымъ наблюденіемъ помощника начальника осадной артиллеріи, полковника Анчутина (№№ 1-й, 3-й и 4-й), полковника Лѣсового (№№ 5-й и 6-й) и капитана Судравскаго (№№ 7-й и 8-й).

¹⁾ Вотъ что по этому поводу сообщалъ берлинской газетѣ „Post“ ея константинопольскій корреспондентъ:

„Вчера прибылъ изъ Варны пароходъ съ бѣжавшими изъ Рущука жителями. Между ними я нашелъ одного изъ моихъ старыхъ знакомыхъ—аптекаря Могоса, родомъ венгерца, который мнѣ разсказалъ слѣдующее: *„Чтобы дать время жителямъ оставить городъ, русскій комендантъ Журжева объявилъ коменданту Рущука, чрезъ парламентаря, за 24 часа, что городъ будетъ бомбардированъ. Самы турки съ благодарностью оцѣнили этотъ справедливый и человѣчный поступокъ. О предстоящемъ бомбардированіи было объявлено населенію; но большая часть жителей осталась въ городѣ, въ той надеждѣ, что русскія бомбы не будутъ долетать до нихъ. Бомбардированіе, продолжавшееся въ теченіе пяти дней со страшной силой, жестоко обрадовало заблуждавшихся“.*

Между тѣмъ вся туркофильская печать подняла гвалтъ и пустилась обвинять насъ въ преднамѣренномъ бомбардированіи самаго города Рущука, называя такой поступокъ жестокимъ и безцѣльнымъ. Но насколько справедливы были подобныя обвиненія—показываетъ слѣдующее заявленіе журжевскаго корреспондента газеты „Times“:

„Я осмотрѣлъ сегодня (12-го іюля) всѣ русскія батареи въ Слободзѣ и нашелъ устройство ихъ превосходнымъ. Внимательный осмотръ позицій въ этомъ пунктѣ и турецкихъ батарей въ городѣ Рущукъ убѣдилъ меня, что поврежденія, причиненныя самому городу и консульствамъ, могли быть обычными случайностями артиллерійскаго огня. Самыя большія турецкія орудія были расположены на батареѣ на крутомъ берегу рѣки, прямо противъ центральной части города; слѣ-

довательно, всякая бомба, перелетавшая черезъ батарею, неизбежно должна была падать въ городъ. По той же причинѣ нельзя обвинять и турокъ, что они разрушили селеніе Слободзю, расположенное непосредственно за русскими батареями. Турки стрѣляли въ Журжево, по всей вѣроятности, изъ жажды мести, не замѣчая, что русскіе не могли помѣшать своимъ бомбамъ падать въ городъ Рущукъ, когда турецкія пушки вызывали перестрѣлку своимъ огнемъ“.

По тому же поводу рущукскій корреспондентъ „Politische Correspondenz“ пишетъ слѣдующее:

„Губернаторъ Рущука, Ахмедъ-Кайссерли-паша, обратился 25-го іюня къ иностраннымъ консуламъ съ вотою, въ которой протестуетъ противъ бомбардированія города и въ особенности находящихся подъ защитой женеваго креста госпиталей, а также консульскихъ зданій. Но слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ Виддинѣ, гдѣ госпиталь находился въ срединѣ цитадели, такъ и въ Рущукѣ турки злоупотребляютъ „Краснымъ Полумѣсяцемъ“. Среди самаго города расположено нѣсколько госпиталей, надъ которыми развѣвается бѣлый флагъ съ краснымъ полумѣсяцемъ, такъ что неприятелю, если бы онъ пожелалъ щадить всѣ эти священные мѣста, не оставалось бы ничего болѣе какъ совершенно отказаться отъ всякой бомбардировки. Особенно непостижительно было помѣщать госпиталь въ конакѣ. Неприятель имѣлъ полное право принять вывѣщенный на конакѣ госпитальный флагъ за хитрую уловку и потому мишенью своихъ выстрѣловъ избралъ именно это зданіе, въ которомъ, впрочемъ, лишь два комнаты заняты были больными. Только вслѣдствіе бомбардированія рѣшились очистить зданіе конака; но и теперь еще развѣвается на немъ госпитальный флагъ“.

Особенно заслуживаетъ вниманія вооруженіе батарей на правомъ флангѣ, производившееся подъ руководствомъ полковника Лисового. Къ шести часамъ утра, 3-я батарея 5-й артиллерійской бригады и 1-я батарея 31-й бригады были готовы и одновременно открыли огонь по назначеннымъ имъ цѣлямъ. Батарея же изъ четырехъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій не была еще готова къ этому времени: пушки ея только что были подвезены къ мѣсту вооруженія. Съ шести и до девяти часовъ утра 1-й дивизионъ 3-й батареи 5-й артиллерійской бригады, подъ личнымъ начальствомъ командира батареи, подполковника Ильинскаго, вмѣстѣ съ вооружающеюся 24-хъ-фунтовой батареею № 7-й, тутъ же расположенною, выдерживали въ теченіе трехъ часовъ жестокой перекрестный огонь монитора и пяти непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на командующихъ высотахъ, и производили стрѣльбу съ твердостью и спокойствіемъ. Мѣткость ихъ выстрѣловъ была замѣчательна, а быстрая установка 24-хъ-фунтовыхъ орудій на легучія платформы, постепенно замѣняемая настільными, и постепенное, въ полномъ порядкѣ, вступленіе въ бой подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, — здѣсь же, на мѣстѣ боя, обратили на храбрыхъ молодцовъ-артиллеристовъ вниманіе ихъ товарищей и стороннихъ свидѣтелей. 11-го іюня, въ три часа дня, мониторъ, стоявшій на якорѣ у Никополя, поднялъ пары и направился къ Фламундѣ.

При движеніи его внизъ, наши батареи молчали, вслѣдствіе особо отданнаго по этому поводу приказанія. Мониторъ, какъ оказалось впоследствии, вышелъ съ намѣреніемъ атаковать наши паровыя шлюпки, оставленныя при Фламундѣ капитаномъ 1-го ранга Новиковымъ; но огонь фламундской батареи № 1-го помѣшалъ его намѣренію и далъ время нашимъ шлюпкамъ атаковать въ упоръ его самого, причемъ онъ выпустилъ по батареѣ три снаряда, въ то время какъ турецкія прибрежныя батареи произвели по ней и по шлюпкамъ до тридцати выстрѣловъ. Рѣшимость мичмана Нилова и три снаряда съ батареи № 1, попавшіе въ мониторъ, а также и огонь дивизиона № 15-й конной батареи, заставили его уйти вверхъ, къ Никополю. Не менѣе удачные выстрѣлы сдѣлааны и съ батареи № 2-го. У селенія Магурели мониторъ былъ встрѣченъ огнемъ съ батарей № 3-го и № 4-го, что и вынудило его подняться значительно выше, къ Корабинъ, ко здѣсь попали въ него еще два снаряда, вслѣдствіе чего ему пришлось снова спуститься внизъ и втянуться скрытно въ устье рѣки Осмы. 12-го іюня другой мониторъ, шедшій отъ Рушукъ, былъ также встрѣченъ огнемъ всѣхъ осадныхъ батарей и, пройдя вверхъ, съ значительными поврежденіями, тоже втянулся въ устье Осмы и сталъ рядомъ съ первымъ.

Здѣсь капитанъ Новиковъ, съ полковникомъ Струковымъ, хотѣли было взять ихъ ночью на абордажъ, но оказалось, что оба монитора ограждены бонами; поэтому означенные офицеры распорядились выставить на нашемъ берегу двѣ мортиры, которыя, должно быть, своими снарядами привели оба уже пострадавшіе монитора въ окончательную негодность и такимъ образомъ довершили близъ Никополя обезсиліе броненосной флотиліи на Дунаѣ, начатое столь счастливо въ Браиловѣ.

13-го іюня съ батареи № 2-го было произведено по турецкимъ прибрежнымъ батареямъ 36 выстрѣловъ, изъ которыхъ 23 были вполнѣ удачны и заставили турокъ увезти свои орудія.

14-го іюня, въ шесть часовъ утра, непріятель открылъ огонь по вооружавшимся батареямъ нашего праваго фланга, расположеннымъ при устьѣ рѣки Ольты (она же Алута). Батарея № 5-го и 9-ти-фунтовая полевая не замедлили отвѣтомъ, да и магурельскія батареи также открыли огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ, а наша № 3-й двѣнадцатью своими выстрѣлами прогнала съ позиціи непріятельскую полевую батарею, которая, окопавшись на возвышенномъ и командующемъ надъ нами берегу, производила сильный огонь по нашимъ укрѣпленіямъ праваго фланга, съ дистанціи въ 2,300 сажень. Къ тремъ часамъ пополудни непріятель однако же замолкъ. Съ фламундскихъ укрѣпленій въ этотъ же разъ было сдѣлано нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ по противолежащимъ турецкимъ батареямъ, что и вынудило ихъ замолкнуть на цѣлый день. Нѣсколько бомбъ, пущенныхъ непріятелемъ въ Турну, произвели въ городѣ небольшой пожаръ, вскорѣ потушенный усиліями мѣстной пожарной команды ⁴⁾.

⁴⁾ 15-го іюня открыта бомбардировка по нижнему городу, что произвело въ немъ нѣсколько пожаровъ, продолжавшихся нѣсколько сутокъ. Сгорѣли непріятельскіе провіантскіе магазины и склады каменнаго угля.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число, когда наши понтоны, выведенные изъ устья Ольты, проходили мимо Фламунды, непріятель открылъ было по нимъ огонь, который однако вскорѣ прекращенъ вслѣдствіе чрезвычайно мѣткого выстрѣла, пущеннаго съ нашей батареи № 2-го.

Утромъ 16-го числа турки съ своей нижней батареи и съ люнета открыли артиллерійскую пальбу по магурельскимъ укрѣпленіямъ и ружейную по болгарамъ, переправлявшимся на нашъ берегъ; но нашъ огонь удачно прикрылъ бѣгство болгаръ, заставивъ замолчать непріятеля. Около девяти часовъ утра на турецкой сторонѣ снова раздались орудійные выстрѣлы, направленные съ верхняго бастіона по магурельскимъ батареямъ; но противникъ успѣлъ выпустить только семь снарядовъ, когда нашъ выстрѣлъ съ батареи № 3-го, на разстояніи 2,100 сажень, подбилъ непріятельское орудіе настолько, что окончательно лишилъ его возможности дѣйствовать, вслѣдствіе чего оно было даже снято съ вооруженія.

Мѣсто пребыванія для государя императора и для себя, на 14-е и 15-е июня, — великій князь избралъ какъ разъ позади Фламунды, на Грапавскомъ курганѣ (Magura de la Gra-ravi), который былъ соединенъ съ Зимницей военнымъ телеграфомъ, дабы его величество безостановочно могъ получать послѣдовательныя извѣстія о ходѣ переправы ¹⁾).

Въ ночь съ 16-го на 17-е июня, при проходѣ нашихъ pontoновъ, слѣдовавшихъ къ Зимницѣ, непріятель въ самую полночь открылъ по нимъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, но выстрѣлами съ нашей стороны вынужденъ былъ прекратить пальбу къ двумъ часамъ пополудни; а вечеромъ того же числа осадная наша батарея № 8-го аэжла баржу съ каменнымъ углемъ. Этой баржей турецкій мониторъ постоянно закрывался отъ нашихъ выстрѣловъ.

17-го июня бомбардировка прекратилась, въ ожиданіи другихъ событій и новой артиллерійской дѣятельности, которая не замедлила проявиться, когда войска нашего 9-го корпуса появились подъ Никополемъ.

Лучшимъ результатомъ дѣйствій нашихъ артиллеристовъ съ 13-го по 17-е июня противъ Никополя было то, что они успѣли привлечь на себя вниманіе противника, продержавъ его нѣсколько дней въ неувѣренности и заблужденіи относительно главнѣйшаго нашего предпріятія. Наши чины осадной артиллеріи, какъ въ пути съ транспортомъ, такъ и во время работы и дѣйствій на батареяхъ вели себя истинными молодцами. Вооруженіе почти всѣхъ батарей пронеслось въ ту же ночь, какъ только транспортъ прибывалъ въ Турну; всѣ, до послѣдняго чело-вѣка, безъ отдыха, были заняты тяжелой работой по доставкѣ и установкѣ орудій на батареяхъ и открыли мѣткій и энергическій огонь, не спавши предъ этимъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ.

¹⁾ Послѣдовательный ходъ извѣстій, впрочемъ съ Грапавской и отвѣтовъ съ Зимницкой станцій былъ слѣдующій:

8 час. 20 мин. утра. „Переправа совершается. Мониторъ приближается, видно его“. Вскорѣ вслѣдъ за этой депешей, встревожившей всѣхъ на Грапавскомъ курганѣ, была прислана новая, извѣстившая, что усомнительное судно было не мониторъ, а нашъ пароходъ „Аннета“.

8 час. 31 мин. утра. „Часть 14-й дивизіи переправилась и переправа продолжается. Наши уже давно схватились съ турками. Сколько видно — непріятель отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Изъ Систова отвѣчаетъ только одно орудіе изрѣдка. Только что пришли три наши паровые катера и пароходъ („Аннета“) съ Тудеромъ. Нашихъ довольно уже много на томъ берегу, а турокъ въ большемъ числѣ не видно“.

9 час. утра. „Въ Систовѣ не видно никакого движенія и никакихъ войскъ. Наши батареи обстрѣливаютъ турецкія“.

9 час. 57 мин. утра. „Наши войска пошли влѣво отъ Систова. Переправа совершается весьма благополучно. Сегодня утромъ, въ началѣ переправы, турецкая бомба попала въ pontoнную лодку и разбила ее; при этомъ утонули: батарейный командиръ, два офицера, нижніе чины и два горныя орудія. Сегодня утромъ турки отвѣчали на выстрѣлы, но давно уже замолчали и по переправѣ больше не стрѣляютъ. Наши войска переправляются безпрепятственно. Говорятъ, что въ Систовѣ сбитъ турецкая батарея“.

Вопросъ съ Грапавской станціи, 10 час. 5 мин.

Такимъ образомъ, благодаря искусному сосредоточенію войскъ, демонстративнымъ дѣйствіямъ фламундскихъ и турну-магурельскихъ батарей и этому пребыванію обитѣ главныхъ квартиръ на Грапавскомъ курганѣ, — никому и въ голову не приходило, чтобы переправа могла быть гдѣ-либо, кромѣ Фламунды. Вся совокупность распоряженій видимо была на-

утра. „Стрѣляетъ ли наша артиллерія на томъ берегу?“

Отвѣтъ. 10 час. 15 мин. утра. „На томъ берегу горныя орудія, кажется, не дѣйствуютъ теперь. Уже съ полчаса, что не слышно выстрѣловъ. Переправа продолжается“.

Вопросъ. 10 час. 30 мин. утра. „Дошелъ ли Драгомировъ до Систова, или нѣтъ?“

Отвѣтъ. 10 час. 32 мин. утра. „Наши высадились ниже Систова. Непріятель отступаетъ. Драгомировъ наступаетъ къ Систову. Командиръ гвардейской роты (Преображенскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Озеровъ) равенъ въ ногу“.

11 час. 16 мин. утра. „Наши преслѣдуютъ непріятеля, до Систова еще не дошли. Пароходы переправляютъ нашихъ успѣшно. Драгомировъ преслѣдуетъ“.

Вопросъ. 11 час. 20 мин. утра. „По комъ стрѣляютъ наши 9-ти-фунтовыя батареи съ нашего берега? Есть ли нашъ артиллерійскій огонь на той сторонѣ?“

Отвѣтъ. 11 час. 25 мин. утра. „Стрѣляютъ по батареямъ въ Систовѣ. На ту сторону переправилась вся 14-я дивизія и началъ переправляться полкъ 9-й дивизіи. Наша артиллерія еще не находится на той сторонѣ“.

Вопросъ. 11 час. 36 мин. утра. „Гдѣ наша горная артиллерія?“

Отвѣтъ. 11 час. 55 мин. утра. „Горной артиллеріи не слышать; она пошла съ отрядомъ по направленію къ Рушуку“.

11 час. 46 мин. утра. „Непріятельская батарея въ Систовѣ совершенно замолчала. Наши батареи съ большимъ успѣхомъ обстрѣливаютъ высоты лѣвѣе Систова, гдѣ находится непріятельская позиція“.

Вопросъ. 12 час. дня. „Сколько перевезено полевой артиллеріи вообще и что дѣлаетъ отрядъ, который пошелъ къ Рушуку? Его императорское величество приказываетъ генералу Радецкому подробно донести о положеніи дѣла телеграммой“.

Отвѣтъ генералъ-лейтенанта Радецкаго. 12 час. 8 мин. дня. „Въ 10 часовъ 40 минутъ утра вся 14-я дивизія съ горными батареями окончила переправу. Была довольно горячая перестрѣлка, его высочество Николай Николаевичъ Младшій сейчасъ отправился на тотъ берегъ къ генералу Драгомирову. Стрѣлки и 9-я дивизія начинаютъ переправляться“.

Отвѣтъ на тотъ же вопросъ, дополнительно. „Перевезена на ту сторону только горная артиллерія изъ 14-ти орудій: два pontoнуло при переправѣ“.

Вопросъ. 12 час. 16 мин. дня. „Великій князь спрашиваетъ, что дѣлается на томъ берегу“.

12 час. 29 мин. дня. „Горитъ Систово?“

Отвѣтъ. 12 час. 36 мин. дня. „Положеніе то же. Наши батареи обстрѣливаютъ по направленію къ Систову окопавшагося непріятеля. На лѣвомъ краю города загорѣлась хата“.

Вопросъ. 12 час. 23 мин. дня. „Что горитъ теперь на непріятельскомъ берегу? Отсюда виденъ дымъ. Идетъ ли ружейная перестрѣлка 14-й ди-

правлена къ этому пункту. Одного только никто не зналъ, а именно—движенія отряда свиты его величества генераль-майора Драгомирова къ Зимницѣ. Это обнаружилось лишь 15-го июня утромъ, когда переправа уже была совершившимся фактомъ.

XXXV.

Переправа у Зимницы.

Наставленіе и приказъ генерала Драгомирова.—Правила переправы, составленные генераломъ Рихтеромъ.—Переходъ десантнаго отряда на Бѣю къ Зимницѣ.—Планъ первоначальнаго боевого порядка.—Характеръ мѣстности и видъ на противоположный берегъ.—Мѣсто высадки.—Предварительныя мѣры и приготвленія къ переправѣ на мѣстѣ.—Состояніе погоды.—Первый рейсъ.—Высадка первой горсти и тревога у турокъ.—Боевыя товарищества.—Турецкій огонь на разсвѣтѣ.—Дѣйствія нашей и турецкой артиллеріи.—Гибель понтоновъ.—Эпизоды изъ переправы горной артиллеріи.—Положеніе дѣла въ устьѣ Тенжрь-дере на разсвѣтѣ.—Драгомировъ переправляется со штабомъ.—Штурмъ мельницы.—Дѣйствія волынцевъ и гвардейцевъ на восточныхъ высотахъ.—Смерть штабсъ-капитана Брянова.—Возстановленіе первоначально предполагаемаго боевого порядка.—Разрывъ въ центрѣ нашей боевой линіи.—Затрудненія въ составленіи общаго резерва.—Дѣйствія западнаго фронта противъ систовскихъ высотъ.—9-я пѣхотная дивизія движется къ переправѣ.—Прибытіе парохода „Аннета“ съ паровыми катерами.—Что дѣлалось въ это время на зимницкой нѣмецкости и на островѣ Алда.—Распоряженіе генерала Драгомирова относительно атаки систовскихъ высотъ.—Занятіе тѣсины тырновской дороги.—Вступленіе генераль-майора Петрушевскаго въ Систово.—Встрѣча войскъ систовскими жителями.—Переправа артиллеріи и полковъ 9-й пѣхотной дивизіи.—Наша боевая убыль.—Особенная манера стрѣльбы у турокъ при отступленіи.—Поведеніе въ бою нашихъ офицеровъ и солдатъ.—Вѣроломство турокъ по отношенію къ савитарамъ.—Отличившіеся офицеры.

Утромъ 14-го іюня, въ мѣстечкѣ Бѣю, генераль Драгомировъ собралъ къ себѣ начальниковъ всѣхъ отдѣльныхъ частей вѣреннаго ему отряда ¹⁾ и офицеровъ Волынскаго пѣхотнаго полка. Предваривъ о строжайшемъ соблюденіи вѣренной имъ военной тайны, онъ объявилъ, что въ эту же ночь будетъ переправа, для прикрытія наводки моста, причемъ сначала отправятся на понтонахъ три стрѣльковыя волынскія роты и первые два батальона Волынскаго же полка.

— Всѣ вы, господа, говорили генераль—должны безусловно подчиняться офицерамъ, заведующимъ переправой ²⁾. На суднѣ соблю-

¹⁾ 14-я пѣхотная дивизія (1-я бригада генераль-майора Юлшина, полки: 53-й Волынский, 54-й Минскій; 2-я бригада генераль-майора Петрушевскаго, полки: 55-й Подольскій, 56-й Житомирскій), 4-я стрѣльковая бригада, генераль-майора Цвѣтинскаго (13-й, 14-й, 15-й и 16-й батальоны), двѣ роты пластуновъ, гвардейская рота конвоя Его Величества, часть саперъ и двѣ пѣшія горныя батареи.

²⁾ Въ ожиданіи переправы, заведывавшій оною, начальникъ 3-й саперной бригады, генераль-майоръ Рихтеръ, объявилъ по войскамъ, чрезъ полевой штабъ арміи, слѣдующія „Правила для посадки пѣхоты въ понтоны, соблюденія порядка во время переправы и высадки на непріятельскомъ берегу“:

1) Прибывшая къ мѣсту переправы пѣхота

вианъ съ непріятелемъ? Много ли раненыхъ переправлено?”

Отвѣтъ. 1 час. 45 мин. дня. „Тѣбѣ далеко на лѣвой окраинѣ города. Ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся до сихъ поръ, умолкла. Непріятель, сколько видно отсюда, удаляется въ горы. Приблизительная убыль около 300 человекъ, въ томъ числѣ до 30 убитыхъ“.

Въ два часа пополудни государь императоръ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ возвратились въ Драчу, а въ пять часовъ пришла слѣдующая депеша начальника штаба дѣйствующей арміи, отправившагося въ Зимницу:

„Предначертанія вашего императорскаго высочества увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Много трудная и сложная задача военнаго дѣла перехода Дуная разрѣшена, Систово и окружающія высоты въ нашихъ рукахъ. Я счастливъ, что могу отъ души поздравить государя императора и ваше высочество съ блестящимъ успѣхомъ нашихъ храбрыхъ и дорогихъ войскъ. Переправлена уже вся пѣхота 14-й дивизіи, стрѣлк. бригада, сотня пластуновъ, гвардейская рота, 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи и до ночи переведется 2-я бригада, горныя батареи, шесть орудій 14-й артиллерійской бригады. До ночи будутъ на той сторонѣ три батареи, сотня казаковъ; потомъ перевезется 35-я пѣхотная дивизія. Благополучно обратилъ вниманіе Аренса на продовольствіе. Съ прибавомъ въ городъ, я захватилъ тотчасъ на перевозочный пунктъ. Раненыхъ до сихъ поръ свезено до 200; въ числѣ офицеровъ раненъ въ ногу флигель-адъютантъ Озеровъ. Великій князь Николай Николаевичъ Младшій перешелъ благополучно. Такъ какъ отъ Штабелъберга и Дерфельдена ^{*)}, встрѣченныхъ мною по дорогѣ, я узналъ, что перевозка войскъ черезъ Дунай совершается, сверхъ ожиданія, чрезвычайно успѣшно, то я послалъ приказаніе генералъ-лейтенанту Ванновскому двинуть сегодня въ Зимницу обѣ пѣхотныя дивизіи 12-го корпуса. Въ Пятрѣ подвизной госпиталь для больныхъ устроимъ. Первый транспортъ раненыхъ отправленъ въ Пятру. Не признаете ли необходимымъ приказъ двинуть тотчасъ отъ Фламулды къ Систову всѣ деревянные понтоны и всѣ мостовыя приспособленія? Отправляюсь на переправу. Непокойничій“.

По прочтеніи этой телеграммы, государь императоръ немедленно пожаловалъ великому князю главнокомандующему орденъ св. Георгія 2-й степени. Крики „ура“ и общее ликованіе всего Драчевскаго бивуака продолжались до ночи.

^{*)} Первый изъ нихъ ординарецъ, а второй адъютантъ великаго князя главнокомандующаго.

дается полная тишина. Во время слѣдованія на понтонахъ янковымъ образомъ не отвѣчать на непріятельскій огонь. Помощи раненымъ не подавать, памятуя о томъ, что каждое лишнее, неловкое движеніе можетъ опрокинуть понтонъ. Крѣпко внушите людямъ, что въ дѣлѣ у насъ сигналовъ нѣтъ, — слушай приказаніе командировъ; береги пулю — не выпускай ее даромъ, стрѣляй кавѣрякомъ, иди впередъ — бои! По-

стронется по-ротно, по возможности въ развернутомъ строѣ, въ 40 шагахъ отъ берега, фронтомъ къ рѣкѣ, каждая рота въ районѣ того понтоннаго батальона, на понтонахъ котораго совершитъ переправу, о чемъ ротный командиръ долженъ быть извѣщенъ своевременно полковымъ командиромъ. Полковымъ командиромъ будутъ своевременно высланы черезъ дивизионный штабъ номера понтонныхъ и понтонныхъ батальоновъ.

2) Прибывшая къ своимъ понтонамъ рота разсчитывается, по указанію командира понтоннаго батальона, на отдѣленія, по числу понтонныхъ, назначенныхъ для перевозки одной роты; къ каждому отдѣленію назначается начальникомъ офицеръ или унтеръ-офицеръ.

3) Понтонные отрядные офицеры указываютъ каждому начальнику отдѣленія понтонъ, въ которомъ онъ будетъ переправляться, чтобы при посадкѣ не произошло безпорядковъ; пріѣхавъ они проверяютъ число чинковъ въ отдѣленіяхъ, чтобы не было лишняго противъ назначеннаго числа.

4) Передъ началомъ посадки дается свистокъ, по которому понтонные офицеры и носовые унтеръ-офицеры становятся на берегу при своихъ понтонныхъ, для наблюденія за посадкою.

5) Когда все готово, каждый отрядный офицеръ докладываетъ своему командиру понтоннаго батальона, а послѣдній подаетъ команду „садись“, по которому каждое отдѣленіе идетъ рядами и, строясь на ходу въ одну шеренгу, садится въ свой понтонъ, соблюдая слѣдующія правила:

а) Люди несутъ ружья на перевѣсь.
б) Если для посадки понтонъ поставленъ носомъ къ берегу, то для всхода кладутся доски, по которымъ люди выступаютъ на понтонъ, гдѣ разставляются рулевымъ задомъ къ бортамъ, такъ, чтобы не мѣшать гребцамъ при греблѣ. Поставленные у бортовъ люди садятся на оны, ставя ружья между колыть; остальные люди располагаются стоя, держа ружья между ногъ. Понтонные офицеры и носовые унтеръ-офицеры входятъ послѣдними.

в) Если понтонъ стоитъ къ берегу бортами, то люди, идя также въ одну шеренгу, входятъ на соединеніе полупонтонныхъ и оттуда сходятъ: передняя шеренга въ правый, а задняя въ лѣвый полупонтонъ, гдѣ размѣщаются согласно пункту 6.

г) Посадка людей въ понтонъ исполняется по строевому, т. е. безъ малѣйшаго шума, а тѣмъ болѣе безъ разговоровъ; то же соблюдается и во все время переѣзда и высадки, т. е. люди стоятъ и садятся смирно, и немедленно исполняютъ команды офицеровъ и носовыхъ унтеръ-офицеровъ, отдаваемыхъ вполголоса.

д) Сходя въ понтонъ, люди не должны прыгать, во избѣжаніе качки, затрудняющей посадку.

6) По разсадкѣ войскъ, командирами понтонныхъ батальоновъ подается команда „отваливай“, повторяемая понтонными офицерами, каждымъ своему отряду.

Примечаніе. Для перваго рейса, который будетъ на разсвѣтѣ или ночью, вмѣсто командъ

бьешь турка — не говори, что побѣдилъ его, пока не кончится война; помни, что «конечъ вѣнчаетъ дѣло». Затѣмъ, по высадкѣ на берегъ, прошу руководствоваться моимъ сегодняшнимъ приказомъ *). Что же касается плана атаки, то его укажутъ вамъ обстоятельства и мѣстность. А теперь, господа, отъ души желаю вамъ полного успѣха! На насъ возложено го-

командировъ понтонныхъ батальоновъ или свистковъ, будутъ установлены особые оптическіе сигналы и все будетъ исполняемо по часамъ командировъ понтонныхъ батальоновъ, предварительно провереннымъ *).

7) Во время переѣзда:

а) Какъ люди, такъ и начальство перевозимыхъ частей обязаны безусловно исполнять всѣ требованія понтонныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, ибо на нихъ лежитъ отвѣтственность за правильное и успѣшное движеніе понтонныхъ.

б) Люди десанта должны стоять и сидѣть смирно, не разговаривать, не бросаться въ стороны и даже, въ случаѣ удара въ понтонъ гранаты, не ошалѣвать, а исполнять все по командамъ.

в) При переправѣ въ виду непріятеля, отнюдь не стрѣлять до высадки на противоположный берегъ, хотя бы непріятель и открылъ огонь.

8) Приставъ къ противоположному берегу, люди выходятъ изъ понтонныхъ въ томъ порядкѣ, какъ селились, и строятся на берегу, въ такомъ разстояніи отъ мѣста высадки, чтобы не мѣшать остальнымъ выходить изъ понтонныхъ. Если по мелководію понтонъ не можетъ подойти къ берегу, то люди переходятъ на оный въ бродъ, но не иначе, какъ по командѣ отрядныхъ понтонныхъ офицеровъ.

9) Послѣ высадки, понтонъ немедленно возвращается обратно.

*) Вотъ этотъ замѣчательный, какъ по слогу, такъ и въ отношеніи глубины пониманія военнаго дѣла и духа, приказъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи:

„Начальникамъ всѣхъ степеней не забывать называть — кто ихъ долженъ замѣнять въ случаѣ убыли.

„Предварить всѣхъ; что въ случаѣ дѣла, поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней пока не будетъ сдѣлано дѣло; потому патроны беречь; хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ на самое горячее дѣло.

„Какъ бы тяжело ни приходилось, — не унывать, а помнить, что только „претерпѣвшій до конца спасется“. Святой долгъ офицеровъ — самими это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали.

„При вечерней и утренней молитвѣ, послѣ „Отче нашъ“ пѣть: „Господа силъ съ нами буди,

*) Отдавая должную дань полезности этихъ правилъ, все таки нельзя не замѣтить, что употребленіе свистковъ, а въ особенности оптическихъ сигналовъ для *перваго рейса*, совершаемаго въ глубокой тишинѣ и подъ покровомъ ночной тьмы, едва ли цѣлесообразно, потому что свѣтъ а тѣмъ болѣе свѣтовой сигналъ невольно привлекутъ на себя вниманіе часовыхъ противника. Для того, чтобы рѣшиться на подобныя сигналы, надо быть безусловно увѣреннымъ въ окончательномъ отсутствіи не только всякой бдительности, но и самыхъ береговыхъ постовъ у непріятеля. А кто же можетъ быть въ этомъ увѣренъ?

Примечаніе автора.

сударемъ великое дѣло, — постараемся же выполнить его съ достоинствомъ!

При послѣднихъ словахъ, у М. И. Драгомира наворачивались на глаза слезы, — онъ зналъ, что нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, съ которыми такъ душевно сжился въ мирные дни своего командованія дивизіей, видитъ въ послѣдній разъ...

Отрядъ пообѣдалъ раньше обыкновеннаго и, взявъ съ собою четырехдневный запасъ сухарей, да по фунту варенаго мяса на человѣка, двинулся изъ Бео къ Зимницѣ. Этотъ переходъ около 30-ти верстъ. Въ началѣ шестого часа пополудни отрядъ былъ уже на мѣстѣ и оставившись на равнинѣ, не доходя нѣсколько Зимницы, такимъ образомъ, чтобы строенія и сады мѣстечка скрывали его отъ наблюдений противника съ того берега.

Въ шесть часовъ пополудни, командиръ Волинскаго полка, полковникъ Родіоновъ, собравъ къ себѣ своихъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, объявилъ, что въ десять часовъ вечера, безъ особаго сигнала, роты сонного бо развѣ Тебѣ помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ, помилуй насъ!

„Выносъ раненыхъ возложить на санитаровъ. Слѣдовательно, никто для этого и ни для чего другого рядовъ оставлять не долженъ. Офицеры и унтеръ-офицеры слѣдятъ, чтобы этого не было. Держись кучи, выручай другъ дружку — будетъ хорошо.“

„Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ.“

„Штабъ-офицерамъ въ огнѣ рекомендую спѣшиваться.“

„Врачамъ обращать бдительное и постоянное вниманіе на то, чтобы люди, сколько нибудь способные работать, въ число больныхъ не попадали.“

„Никогда не забывать объявлять передъ дѣломъ — что собираемся дѣлать. Послѣдній солдатъ долженъ знать куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ будетъ убитъ, смыслъ дѣла не потеряется.“

„Если начальникъ будетъ убитъ, людямъ не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.“

„Помнить, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и неприятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями.“

„Сверхъ того, „отбоя“, „отступленія“ и т. п. ~~вовсе~~ *никогда не подавать*, и предупредить людей, что если такой сигналъ услышать, то это только обманъ со стороны неприятеля.“

„У насъ ни фланга, ни тыла нѣтъ и быть не должно: всегда фронтъ тамъ, откуда неприятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился: стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди впередъ — и Богъ наградитъ тебя побѣдой.“

„Помнить мѣры предохраненія отъ огня: въ огнестрѣльный періодъ боя — строй разомкнутый; близко ложатся снаряды — передвинуть впередъ; ложиться только по приказанію старшаго начальника.“

„Помнить, что пока дѣло совсѣмъ не кончено, — еще ничего не сдѣлано, т. е. нужно бить до тѣхъ поръ, пока ничего свѣжаго и устроеннаго передъ тобой не останется. Иначе, получивъ подкрѣпленія, могутъ снова повернуть на насъ.“

бираются и слѣдуютъ къ мѣсту посадки, а разсаживаться будутъ сначала три стрѣлковые роты, потомъ 2-й батальонъ и наконецъ 1-й батальонъ. Эти части составятъ первый рейсъ. По высадкѣ на противный берегъ, 3-я стрѣлковая рота немедленно разсыпается въ цѣпь, перпендикулярно къ Дунаю и фронтомъ на востокъ, къ Рушуку, 2-я стрѣлковая — параллельно Дунаю, фронтомъ на югъ, къ Тырнову и, наконецъ, 1-я стрѣлковая рота — тоже перпендикулярно къ Дунаю, но фронтомъ на западъ, къ Систову. Затѣмъ, роты 2-го батальона размѣщаются: 1-я за 2-й стрѣлковой, 2-я за 3-й стрѣлковой, 3-я за 1-й стрѣлковой и 4-я за 1-й ротой своего батальона. Ротамъ 1-го батальона расположиться въ томъ же самомъ порядкѣ за ротами 2-го батальона, составляя на первое время ихъ резервы. Это расположеніе покоемъ (П) должно было оградить со всѣхъ сторонъ мѣсто высадки послѣдующихъ шешеновъ отъ покушеній неприятеля.

Въ ожиданіи часа посадки, десантный отрядъ расположился на отдыхъ за мѣстечкомъ, въ своемъ укрытомъ расположеніи.

Прежде чѣмъ начать переправу, необходимо было исполнить не мало предварительныхъ работъ. Десантному отряду предшествовали всѣ четыре понтонные парка, 23-й донской полкъ и уральская казачья сотня, которые и должны были заняться этими работами. Но приступить къ нимъ можно было не раньше, какъ совсѣмъ уже стемнѣетъ, — иначе мы рисковали бы преждевременно раскрыть противнику наше предпріятіе; поэтому къ спуску понтоновъ, вязкѣ плотовъ и паромовъ было приступлено только въ девять часовъ вечера. Мосты черезъ ближайшіе къ Зимницѣ протоки и затоны были наведены еще наканунѣ, въ дождливую, туманную ночь съ 13-го на 14-е іюня, причемъ наименьшій мостъ сооруженъ на козлахъ, а другой, до 30-ти сажень дланю, на парусинныхъ понтонахъ. Такимъ образомъ, еще утромъ 14-го числа уже былъ устроенъ удобопроходимый путь по всему лѣвому низменному берегу. Всѣ эти работы совершались въ полной тишинѣ: ни громкаго говора, ни громыканья громоздкихъ матеріальныхъ приспособленій. Вечеромъ 14-го числа, подошедшая къ берегу артиллерія 14-й и 9-й артиллерійскихъ бригадъ ожидала очереди спуститься на топкую низменность, чтобы у самаго берега Дуная, на отмели, прикрыть предстоявшую переправу. Установка ея на позиціи тоже относилась къ числу предварительныхъ мѣръ.

До наступленія темноты, командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій, вмѣстѣ съ генераломъ Драгомировымъ и самымъ ограниченнымъ числомъ начальствующихъ лицъ и штаба, осмотрѣли съ довольно возвышеннаго берега, на которомъ стоитъ Зимница, всю

вперед лежашую мѣстность. Прямо подъ обрывистымъ спускомъ протекаетъ, въ видѣ неширокой рѣчки, одинъ изъ дунайскихъ протоковъ, начинающійся нѣсколько выше Зимницы и впадающій въ главное русло у Журжева. Черезъ этотъ протокъ существуетъ у Зимницы деревянный мостъ, къ которому ведетъ неудобный спускъ, нѣсколько разработанный теперь нашими саперами. Пыль, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ особенности на этомъ спускѣ, просто ужасающая, невозможная: при движеніи нѣсколькихъ человѣкъ, а тѣмъ болѣе повозокъ, она сейчасъ же поднимается густымъ облакомъ, такъ что въ пяти шагахъ предъ собой уже ничего невозможно разглядѣть. Тотчасъ же за мостомъ начинается широко раскинувшееся пространство топкой низменности, пересѣкаемое нѣсколькими затоками и лужами различной, но болѣе или мѣнѣе значительной величины. Черезъ низменность дорога идетъ къ пристани по земляной дамбѣ, но теперь она была сильно размыта и мѣстами даже разрушена водой, такъ что воспользоваться ею для нашихъ цѣлей не представлялось никакой возможности. Южная окраина низменности отдѣляется новымъ протокомъ (гораздо шире перваго), отъ двухъ отмелей, носящихъ названіе острововъ: Чиягиневъ (ближайшій къ Зимницѣ и лежащій противъ нея) и Адда (находящійся ниже по теченію), за которыми по ту сторону уже идетъ главное русло Дуная. Вся эта низменность совершенно гола и песчана; ни одного дерева, ни одного кустика, даже травы сколько нибудь высокой не видно; только на Чиягиневѣ растетъ высокій кустарникъ, уже могущій назваться молодымъ лѣскомъ, а поверхность Адда кое-гдѣ покрыта мелкимъ кривымъ кустарникомъ. Предварительная рекогносцировка этихъ острововъ показала, что оба они весьма болотисты и потому не представляютъ возможности быть занятыми пѣхотою. Но далѣе, къ востоку, на низменной части лѣваго берега замѣтенъ небольшой лѣсокъ, подбѣгающій къ самому берегу главного русла. Изъ-подъ этого лѣска и будетъ происходить ночью посадка. За островомъ Адда глазъ хватаетъ уже на турецкій берегъ. Онъ представляется въ видѣ не высокихъ, но отвѣсныхъ обрывовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они кажутся какъ будто утесами, но мѣстные жители сказываютъ, что каменныхъ глыбъ на томъ берегу мало, почва же глинистая, глубоко изрытая водомоинами. Обрывы эти стоятъ надъ самой водой, отражающей ихъ темно-желтыя и красноватыя очертанія. Далѣе, въ глубь «травы», берегъ начинаетъ постепенно возвышаться террасами и отдѣльными краями, одинъ выше другого, тянущимися параллельно рѣкѣ. Эти возвышенности, окутанныя прозрачно-лиловой дымкой воздуха, кудрявятся желтоватою зеленью виноградниковъ и

темными очерками садовъ, наполненныхъ пирамидальными тополями, раскидистыми орѣховыми и иными фруктовыми деревьями. Самыя же дальнія изъ возвышенностей, закармливающая своими очертаніями картину противоположнаго берега, совершенно голы. Еще далѣе къ востоку края перемишиваются съ отдѣльными круглыми холмами, но повсюду эти разнотипныя возвышенности, каждая отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, представляютъ рядъ великолѣпныхъ оборонительныхъ позицій, которыя легко можно защищать шагъ за шагомъ. Если ваять глазомъ на ту сторону, чуть-чуть правѣе Зимницы, то замѣтно, что тамъ, среди темной зелени и красноватаго фона горныхъ склоновъ, что-то пестрѣетъ и бѣлѣется какъ бы отдѣльными группами пятнышекъ, надъ которыми тамъ и сямъ торчатъ вертикально бѣлыя же черточки минаретовъ, да куполы двухъ церквей, и на бѣлой жести, покрывающей ихъ верхушки, ослѣпительно сверкаютъ искры солнца. Это городъ Систова (по-болгарски Свиштовъ), террасами расположившійся на сѣверномъ склонѣ крутистыхъ высотъ праваго берега. Отъ Зимницы до Систова, по прямой математической линіи, будетъ версты три сличкомъ; но ясный, прозрачный воздухъ до такой степени оптически обманчиво приближаетъ всю массу противнаго берега, что на глазъ сдается, будто до Систова верста, не болѣе. Надъ самымъ Систовомъ съ южной стороны господствуетъ высокій горный крайъ, и на него-то генералъ Драгомировъ указалъ теперь всѣмъ сопровождавшимъ его отдѣльнымъ начальникамъ, какъ на главную и конечную цѣль предстоящей атаки: овладѣвъ этимъ краемъ, мы овладѣемъ не только Систовомъ, но и всею окрестною страню.

Чтобы хорошо разглядѣть съ румынскаго берега самое мѣсто высадки, надо либо перебраться по толи въ лѣсокъ, либо выйти изъ Зимницы версты на двѣ къ востоку, по журжевской дорогѣ и, не доходя деревушки Зимничале, бросить взглядъ, вооруженный биноклемъ, на противный берегъ, который противъ этого пункта ничѣмъ не заслоняется. Тамъ, сажень на 600 ниже восточной оконечности Адда, между береговыхъ обрывовъ, замѣтна небольшая лошина, образуемая устьемъ ручья Текиръ-дере. Крутые склоны возвышенностей, спадающіе въ нее, покрыты молодымъ лѣскомъ и кудрявымъ кустарникомъ. Тамъ—сказываютъ—естъ турецкая караулка и водяная мельница, только ихъ за растительностію не видать отсюда. Эта-то лошинка и будетъ мѣстомъ высадки.

Подъ вечеръ небо начало хмуриться, и вѣтеръ, налетавшій порывами, сталъ свѣжѣть и крѣпчать все болѣе. Можно было опасаться къ ночи значительнаго волненія на Дунаѣ.

Десантный отрядъ былъ распределенъ на

шесть рейсов: первые два—изъ одиннадцати ротъ регулярной пѣхоты, сотня пластуновъ, 60-ти казаковъ и восьми горныхъ орудій каждый; послѣдующіе—такой же силы, т. е. на 2,250 человекъ пѣхоты, во мѣсто горныхъ по шести полевыхъ орудій въ каждомъ.

Въ девять часовъ вечера приступили къ спуску 208 понтоновъ на воду и подвели ихъ по поперечному протоку къ такъ называемой австрійской таможенѣ. Этотъ пунктъ, находящійся на берегу большой песчаной отмели, у южной оконечности дамбы, обозначенъ высокой мачтой, на которой до войны, во время навигаціи, обыкновенно развѣвался австрійскій флагъ; прежде тутъ стояла баржа, служившая пристанью для австрійскихъ пареходовъ. Въ этомъ мѣстѣ должны были сѣсть на понтоны войска перваго рейса; для остальныхъ же рейсовъ посадка предназначалась нѣсколько ниже, какъ уже сказано, изъ-подъ лѣска. Понтоны батальоны распределены для работы слѣдующимъ образомъ: 3-й, 4-й и 5-й батальоны—на полутерныхъ понтонахъ, поднимающихъ кромѣ гребцовъ отъ 30 до 45 человекъ¹⁾, для перевозки пѣхоты, а 6-й—на понтоновыхъ пармахъ, исключительно для артиллеріи и казаковъ. На случай появленія непріятельскихъ мониторовъ и для прикрытія переправы, одновременно со спускомъ понтоновъ были выставлены пять 9-ти-фунтовыхъ батарей, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пункта посадки, а именно: три батареи (24 орудія) 14-й артиллерійской бригады—у австрійской таможни, примыкая къ ней своимъ правымъ флангомъ, и двѣ батареи (16 орудій) 9-й артиллерійской бригады—на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ восточной оконечности лѣска. Вся эта артиллерія была выдвинута къ самой чертѣ берега, и для ея прикрытія назначенъ 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, съ частію стрѣлковъ: одинъ батальонъ у австрійской таможни и два на островѣ. Въ десятомъ часу вечера въ Систовѣ было замѣтно много огней, а слыша, изъ вардарскаго турецкаго лагеря довольно хорошо доносились по водѣ звуки музыки, нѣсколько напоминавшей маршъ Черномора въ «Русланѣ»; въ одиннадцатомъ часу музыка прекратилась, а вскоре послѣ этого стали гаснуть, исчезая одинъ за другимъ, и огоньки въ Систовѣ.

Въ полночь, на берегу низменности, близъ австрійской таможни сосредоточились войска первыхъ трехъ эшелоновъ десанта. Всѣ при-

готовленія и подходъ войскъ были совершены въ полной тишинѣ. Запрещено было даже курить, чтобы свѣтящимися точками папирость и трубокъ не привлечь вниманія противника¹⁾. Турецкій берегъ, погруженный въ мертвое молчаніе, смутно обозначался темной массой въ легкомъ ночномъ туманѣ. Смутный призракъ луны изрѣдка неясно просвѣчивалъ блѣсыатымъ пятномъ среди клубившихся облаковъ. Всплески волнъ; вздымаемыхъ расхолодившимся вѣтромъ, съ легкимъ шумомъ плавно били въ берега, и этотъ шумъ помогъ скрыть громахъ приближавшейся артиллеріи. На той сторонѣ—ни огонька, ни звука. Турки, казавшись, спали, не подозревая близкой опасности.

Генераль Рихтеръ лично распоряжался посадкой. Правильно, тихо и безъ малѣйшей суеты сѣли на понтоны люди перваго рейса, подъ начальствомъ полковника Родіонова, и перекрестясь отвалили отъ берега. Это было ровно въ часъ ночи. Генераль Драгомировъ въ послѣднюю минуту еще разъ предупредилъ людей, что отступленія нѣтъ, развѣ въ Дунай, а потому—такъ или иначе, но нужно идти впередъ: впередъ—побѣда, позади—во всякомъ случаѣ погибель, если и не отъ пули, то въ водѣ. Онъ тихо послалъ вслѣдъ отплывающимъ свое благословеніе. Въ небольшой группѣ лицъ, окружавшихъ его, находились великій князь Николай Николаевичъ Младшій и молодой Скобелевъ, котораго, безъ всякаго особаго назначенія, прикомандировали къ генералу Драгомирову. При первомъ рейсѣ отправился начальникъ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, генераль-майоръ Іолиный, старый кавказецъ боевыхъ временъ, бывший некогда командиромъ славнаго Мингрельскаго гренадерскаго полка, мундиръ котораго оставленъ ему въ награду за подвиги его части, совершенные во время его командованія. Понтономъ, на которомъ находился генераль Іолиный, съ капитаномъ генеральнаго штаба Мальцевымъ и прусскимъ майоромъ Лигницемъ, плылъ впереди, указывая остальнымъ дорогу. Этимъ передовымъ понтономъ начальствовалъ капитанъ Трентоніусъ. На ближайшихъ за нимъ понтонахъ находились пластуны, потомъ волынскіе стрѣлки и, наконецъ, остальные роты 2-го батальона. Рейсъ замыкался парами съ казаками и артиллеріей 2-й горной батареи.

Вѣтеръ разыгрывался все болѣе и болѣе, волненіе на середняхъ рѣки значительно увеличилось, такъ что усилія гребцовъ становились почти напрасными. Къ тому же луна, окончательно заволокнувшаяся густыми тучами, уже не давала и того скуднаго отвѣта, который во время посадки еще проникалъ порой слѣвозъ

¹⁾ На каждомъ изъ этихъ понтоновъ полагалось восемь человекъ гребцовъ, одинъ рулевой, одинъ понтоновый офицеръ и его помощникъ—унтеръ-офицеръ; четвертая часть понтоновыхъ начальниковъ была изъ моряковъ; на тѣхъ же понтонахъ, гдѣ офицеровъ не доставало, начальство вѣрялось свѣдущимъ и опытнымъ унтеръ-офицерамъ, морскимъ и понтоновымъ.

¹⁾ Стало быть, оптическіе сигналы для посадки были совсѣмъ уже неумѣсты.

гуманъ облаковъ. Турецкій берегъ, закутавшийся мглой, совершенно исчезъ изъ глазъ, и на водѣ стала такая темнота, что судамъ десанта почти невозможно было слѣдить другъ за другомъ. Усилившееся волнение вскорѣ разорвало линію понтоновъ, разбросало ихъ по рѣкѣ и, раньше срока, прибило одни изъ нихъ къ берегамъ выше назначеннаго мѣста высадки, а другіе, числомъ пять, сильнымъ теченіемъ, не позволявшимъ пристать къ берегу, поносило на версту ниже устья Текиръ-дере, котораго за темнотой почти и невозможно было разглядѣть. Тѣмъ не менѣе часть передовыхъ понтоновъ, державшихся кучице другъ къ другу, успѣла пристать къ ложищѣ. Первыми высадились генералъ Юлишинъ съ Мальцевымъ и Лигинымъ, горсть 3-й стрѣлковой роты волынцевъ со своимъ командиромъ, капитаномъ Фокомъ, и часть пластовъ. Послѣдніе тотчасъ же, какъ кошки незамѣтно крадутись, подползли къ дремавшему турецкому пикету и безъ шума покоячили съ нимъ въ ту же минуту. Но часовой, стоявшій на посту у караулки, замѣтилъ наконецъ подозрительное присутствіе на берегу постороннихъ людей и далъ по нимъ выстрѣлъ. Въ ту же минуту послышались встревоженные голоса и возгласы турокъ на мельницѣ... Галдятъ что-то, поднялась бѣготня, суматоха, раздалось еще два-три беспорядочныхъ выстрѣла — и пошла пальба, сначала рѣдкая, потомъ все чаще и чаще... Вѣдь, на выдающемся возвышенномъ береговомъ пунктѣ, версты на три ниже устья ручья, ярко вспыхнула большимъ пламенемъ смоляная сигнальная вѣха... Издалека, съ восточной стороны, отъ села Вардина уже доносятся звуки сигнальныхъ рожковъ въ турецкомъ лагерѣ.

Поднялась общая тревога.

Первые изъ пристававшихъ кое-какъ къ берегу разрозненные понтоны, какъ уже сказано, очутились въ трехъ пунктахъ: выше устья ручья, въ самомъ устьѣ и значительно ниже его. Остальные суда въ это время еще успевали собою тамъ и сямъ поверхность рѣки. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ правильная высадка по нумерамъ понтоновъ и цѣльными ротами, какъ предполагалъ было въ своей инструкціи генералъ Риктеръ, окончательно не могла состояться. Высадившіеся люди въ первый моментъ по неволѣ растянулись болѣе, чѣмъ на двѣ версты на непріятельскомъ берегу и сблизись въ отдѣльные, разобщенныя между собою кучки на трехъ выше-сказанныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ, съ первой же минуты, вмѣсто правильныхъ ротъ, образовалось то, что генералъ Драгомировъ чрезвычайно удачно и мѣтко называетъ потомъ «боевыми товариществами» или «боевою артелью». Кто гдѣ высаживался, благодаря случаю, тотъ тамъ и дрался, примазываясь къ ближайшей кучкѣ своихъ и не спрашивая какой они роты;

старались только поскорѣ добраться, такъ сказать, до ядра своихъ силъ, въ устье ручья, связаться тамъ въ одинъ общій клубокъ, чтобы потомъ уже дѣйствовать, по возможности, согласно плану предначертанной атаки ⁽¹⁾. Это чрезвычайно важное и въ высшей степени пригодное въ такіе минуты боевое качество было привито генераломъ Драгомировымъ къ людямъ своей дивизіи еще въ воспитательное время ихъ мирной подготовки. Главное дѣло, чтобы люди и младшіе начальники — разъ, что имъ заранѣе ясно указана общая, главная цѣль — не терялись и дѣлали что нужно, по собственной инициативѣ, при всякихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ и при какой бы ни было обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ — хорошая выработка этого качества пригодилась какъ нельзя болѣе. Генералъ Юлишинъ, высадивъ горсть людей, бывшихъ съ нимъ на одномъ понтонѣ, приказалъ имъ — на первое время, пока не выяснятся на сколько-нибудь обстоятельства — залечь въ топъ устья и отвѣчать выдержаннымъ, расчетливымъ огнемъ на безпорядочные выстрѣлы турокъ, которыхъ ближайшая позиція находилась шагахъ въ двухстахъ отъ берега. Люди съ понтоновъ, прибитыхъ къ берегу выше и ниже устья, шли на выстрѣлы, пробираясь поодиночкѣ, зачастую въ водѣ по колѣно, вдоль обрывистыхъ кручъ, мѣстами нависшихъ прямо надъ рѣкою, безъ малѣйшей тропинки у своего основанія. Такимъ образомъ, первоначальная горсть стрѣлковъ въ устьѣ ручья мало-по-малу росла, и вновь прибывавшіе люди тотчасъ же усиливали съ обѣихъ концовъ звенья нашей ничтожной въ началѣ цѣпи.

Но все-таки десантъ, благодаря уже указаннымъ неожиданнымъ случайностямъ, былъ замедленъ на первомъ же рейсѣ. Роты не могли сразу собраться въ одно мѣсто, вслѣдствіе чего, по недостаточности силъ, не могло состояться и предварительное движеніе на три стороны вперед, покоемъ, какъ было предположено. Оно хотя и состоялось, но уже значительно позже, съ прибытіемъ послѣдующихъ рейсовъ; первые же разрозненные кучки десанта смогли

⁽¹⁾ Вотъ что говоритъ объ этомъ генералъ Драгомировъ въ своемъ доведеніи команду 8-го корпуса:

«Характеристическою чертою боя было то, что первые вступающіе въ бой части не составляли не только цѣльныхъ баталіоновъ или ротъ, но даже взводовъ; каждая вновь прибывшая часть пристраивалась къ первымъ попавшимся кучкамъ, и такими-то импровизированными «частями-товариществами», наши храбрцы, предводимые и руководимые случайными начальниками, безъ малѣйшей надежды на блязую поддержку, выдержали славный бой; каждое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, и какъ только послѣдніе подавались впередъ или имъ угрожалъ непріятель, немедленно слѣдовала помощь, или производилось передвиженіе въ связи съ движеніемъ сосѣдей».

только удержаться на берегу до разсвѣта,—и то уже слава Богу! Между тѣмъ невольное промедленіе въ высадкѣ дало туркамъ возможность быстро собраться по тревогѣ и услытъ стрѣлками прибрежныя позиціи на кручахъ, по обѣ стороны устья. Тогда по нашей горести, залегшей въ топи этого устья, и по поверхности Дуная былъ открытъ усиленный ружейный огонь. Звуки турецкихъ выстрѣловъ раздавались мелкою непрерывною дробью. Въ это время на облачномъ горизонтѣ смутно засвѣрѣлъ первый просвѣтъ утренней зари. Темная поверхность рѣки стала мало-по-малу свѣтлѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали проявляться и очертанія противоположнаго берега. Это былъ первый моментъ борьбы ночной тьмы съ утреннимъ свѣтомъ, когда въ природѣ только начинаютъ неясно и нѣсколько фантастически вырисовываться общія очертанія наиболѣе крупныхъ предметовъ. Но уже и при этомъ смутномъ освѣщеніи, на блѣскастой поверхности рѣки сдѣлались замѣтны черныя точки и черточки отдѣльныхъ понтоновъ. Чуть только они выяснились, какъ въ небѣ вспыхнула точно молнія и вслѣдъ за тѣмъ гулко прокатился по водѣ красивый звукъ перваго артиллерійскаго выстрѣла. Это была турецкая пушка—и граната, направленная съ батареи, прикрывавшей городъ Систово, шлепнулась въ воду среди понтоновъ, поднявъ цѣлый фонтанъ брызгъ. Вмѣстѣ съ этимъ и ружейный огонь противника, по мѣрѣ того какъ цѣли очерчивались все болѣе и яснѣе, становился сильнѣе и мѣтче. Къ первому орудію вскорѣ присоединились и три другія, съ батареи, находившейся на восточныхъ высотахъ, близъ вардарскаго лагеря¹⁾. Такимъ образомъ огонь сдѣлался перекрестнымъ—и на нашихъ понтонахъ люди стали нести довольно чувствительныя потери. Какъ только второй и третій выстрѣлы систовской батареи позволили опредѣлить мѣсто ея нахождения, мы тотчасъ же направили на нее огонь трехъ 9-ти-фунтовыхъ батарей 14-й артиллерійской бригады, стоявшихъ на позиціи у австрійской таможни. Но, несмотря на то, что сначала 24, а потомъ 36 орудій боролись противъ одного, которымъ была вооружена систовская батарея, имъ удалось заставить его замолчать только по прошествіи слишкомъ девяти часовъ съ начала канонады. Этою батареею, какъ оказалось потомъ, изъ разсказовъ систовскихъ жителей, командовалъ англійскій офицеръ,—и надо отдать ему полную справедливость: изъ одного орудія онъ ухитрился бить и по понтонамъ, и по нашимъ прибрежнымъ орудіямъ, и по войскамъ, скопившимся на берегу, въ ожиданіи пере-

правы. При этомъ замѣчательна та быстрота, съ какою его наводчики успѣвали направлять орудіе отъ понтоновъ къ берегу и обратно. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что углы возвышенія хорошо были опредѣлены съ первыхъ же выстрѣловъ. Но что значитъ земляное закрытіе!—въ то время какъ болѣе половины выстрѣловъ систовской пушки не пропадали даромъ,—огонь нашихъ орудій, выпускавшихъ каждое до 30-ти снарядовъ и стрѣлявшихъ на 1,100 сажень, огонь—надо замѣтить—чрезвычайно мѣтко направлявшійся въ брустверъ систовской батареи, долго не могъ ничего сдѣлать. Пришлось усилить артиллерию праваго фланга еще одною 9-ти-фунтовою батареею 9-й артиллерійской бригады, которая расположилась правѣе, т. е. западнѣе австрійской таможни, и когда такимъ образомъ противъ систовской батареи сосредоточились 36 сильныхъ, дальнобойныхъ орудій,—огонь ихъ заставилъ, наконецъ, но и то лишь послѣ полудня, замолчать турецкую пушку²⁾. И добро бы, стрѣляли наши плохо, не умѣли бы брать вѣрнаго прицѣла,—но нѣтъ, этого сказать нельзя, и даже иностранцы свидѣлствуютъ противное³⁾. Гранаты наши ловко вшивались въ систовскую батарею, поднимая на ней грязно-желтыя облака земляной пыли, а турецкіе снаряды все-таки продолжали удачно рваться между войсками, стоявшими на зимняцкой низменности, и шлепаясь въ воду среди плывущихъ понтоновъ. Вслѣдъ за систовской батареею, какъ сказано уже, открыла огонь и другая батарея, у вардарскаго лагеря, состоявшая изъ трехъ дальнобойныхъ орудій, огонь которыхъ съ разстоянія въ 1,500 сажень направлялся на понтоны и на лѣвый флангъ нашего расположенія; имъ отвѣчали двѣ 9-ти-фунтовыя батареи 9-й артиллерійской бригады, расположенныя на восточной окраинѣ лѣска⁴⁾.

Еще въ первомъ рейсѣ, происшедшемъ, можно сказать, въ наилучшихъ условіяхъ относительно турецкаго огня, оказались уже весьма серьезныя потери; а съ разсвѣтомъ нѣсколько понтоновъ положительно изрѣшило пулями⁵⁾, такъ что два изъ нихъ затонули вмѣстѣ съ бывшими на нихъ людьми, въ глубинѣ Дуная. Не мало доставалось и людямъ. Съ пункта посадки было видно, какъ на какомъ-нибудь пон-

¹⁾ Калибръ этого орудія былъ не великъ; по силѣ боя оно представляло среднее между нашими четырехъ и девяти-фунтовыми, и было по переправлявшимся понтонамъ съ разстоянія до 1,500 сажень.

²⁾ Корреспондентъ „Daily News“ и др.

³⁾ Хотя вардарскія орудія стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега и были хорошо укрыты, тѣмъ не менѣе, наши лѣво-фланговые батареи заставили ихъ къ десяти часамъ утра не только прекратить огонь, но и вовсе убраться съ позиціи.

⁴⁾ Эти издырявленные понтоны, еще нѣсколько дней спустя, можно было видѣть на отмели, куда ихъ вытащили по распоряженію генерала Рихтера.

⁵⁾ Часть турецкихъ войскъ была расположена лагеремъ близъ села Вардаръ (онъ же и Варденъ), лежащаго по рушукской дорогѣ, верстахъ въ десяти отъ Систова.

той, случайно избранномъ преимущественною цѣлью того или другого отдѣленія турецкихъ стрѣлковъ, начинали падать наши солдаты. При разсвѣтѣ, все болѣе и болѣе вступавшемъ въ свои права, это въ особенности было замѣтно по штыкамъ. Частоколъ ихъ бодро и прямо торчитъ надъ головами сидящихъ людей, но вотъ случайно понадеетъ понтонъ подъ сосредоточенный огонь—и штыки начинаютъ все болѣе склоняться книзу, рѣдѣть, падать; вмѣстѣ съ ними склоняются и падаютъ люди—то ничкомъ во внутрь понтонна, на на-взничъ, опрокидываясь въ воду—и вотъ, на понтонѣ пусто... видѣются только сидящія фигуры какихъ нибудь двухъ-трехъ гребцовъ, но и тѣ, одна за другою, ныкнуть и падаютъ внизъ; вмѣстѣ съ ними валятся въ воду весла,—все это происходитъ въ теченіе одной, или много двухъ минутъ—и быстрое теченіе свободно подхватываетъ и несетъ куда-то внизъ по Дунаю понтонъ, издырявленный пулями и наполненный тѣлами убитыхъ и раненыхъ... Плыветъ онъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ воду, которая струями вливается въ него сквозь пробоины, — плыветъ, лавируя по волѣ прихотливаго теченія и, наконецъ, тихо тошетъ, исчезаетъ—и на поверхности рѣки не остается никакихъ слѣдовъ только-что совершившейся катастрофы. Такъ, между прочимъ, погибъ въ первомъ же рейсѣ и 1-й взводъ 2-й горной батареи, съ командиромъ ея, подполковникомъ Стрѣльбицкимъ, штабсъ-капитаномъ Кобиевымъ, подпоручикомъ Тюрбертомъ.¹⁾ и девятнадцатью нижними чинами этой батареи. Переправа горной артиллеріи вообще заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія:

На каждомъ паромѣ, устроенномъ на двухъ соединенныхъ понтоннахъ, было размѣщено по два орудія, по десяти коней и по 26-ти человѣкъ прислуги. Впереди шелъ 1-й взводъ, со Стрѣльбицкимъ, Кобиевымъ и Тюрбертомъ, за нимъ 2-й взводъ съ поручикомъ Гофмейстеромъ, далѣе паромъ съ 3-мъ взводомъ поручика Яковлева и, наконецъ, 4-й взводъ, подъ командою поручика Лихачева, который, послѣ смерти Стрѣльбицкаго и Кобіева, остался старшимъ офицеромъ во 2-й горной батарее. Теченіе стало сносить первые три парома къ отмели острова Ада, такъ что 2-й и 3-й взводы совсѣмъ-было сѣли на мель, а первый плотъ всячески старался отпихнуться съ мелководья и потому нѣсколько замѣшкался. Четвертый паромъ, гдѣ находился Лихачевъ, видя эту опасность, своевременно взялъ должное направление и такимъ образомъ опередилъ остальные. Парому 1-го взвода удалось сдвинуться съ мели ранѣе двухъ другихъ, и онъ уже на-

правился вслѣдъ за Лихачевымъ, какъ вдругъ попалъ подъ сосредоточенный ружейный огонь турокъ. Нѣсколько пуль попали въ лошадей, что произвело сильный переполохъ на паромѣ: кони стали биться, брыкаться, взвиваться на дыбы, а пули между тѣмъ сыпались на паромъ, какъ вода изъ садовой лейки. Оба желѣзные понтонна, поддерживавшіе насланный поперекъ ихъ плотъ, въ минуту были продырявлены пулями и быстро стали наполняться водою. Несмотря на это, надежда добраться до турецкаго берега не была еще потеряна; гребцы напрягали отчаянные усилія, чтобы добраться до него поскорѣе, но тутъ, на бѣду, хватилъ край плота сисовская граната, и трескъ ея разрыва произвелъ окончательный переполохъ между лошадьми: онѣ шарахнулись къ противоположному борту парома и чрезъ это сильно накренили его въ одну сторону, что при понтоннахъ, уже наполненныхъ водою, было вполне естественно; орудія и व्यюки снарядовъ повалились туда же; видно было, что на паромѣ произошла какая-то каша; однѣ лошади падали со всѣхъ четырехъ ногъ, другія, взвившись на дыбы, стали кидаться за бортъ,—плотъ накренился еще болѣе и, осыпанный пулями, въ ту же минуту пошелъ ко дну. Видно было, какъ нѣсколько человѣкъ стараются спастись вплавъ, иные хватились за какіе-то обломки, а поверхность рѣки, то и дѣло, раблалась фонтанчиками и снопами брызгъ отъ шлепавшихъ въ нее пуль... Нѣсколько мгновений спустя, ни 1-го взвода, ни парома уже не существовало.

Между тѣмъ, 4-й взводъ благополучно пройдя мимо сѣвшихъ на мель плотовъ, былъ уже не далѣе, какъ въ сорока саженьяхъ отъ берега; но тутъ съ карниза ближайшаго обрыва на него посыпались пули, одна изъ которыхъ хватилъ въ ногу выюнью ящичную лошадь. Та стала биться и сорвалась задними ногами въ воду; остальные лошади съ перепугу тропотили на мѣстѣ, сбившись въ кучу, и это уже угрожало 4-му взводу той же участію, какая постигла первый паромъ, какъ вдругъ нѣсколько артиллеристовъ успѣли ухватить сорвавшуюся лошадь подъ уздцы и за хвостъ, и такимъ образомъ встали ея на плотъ. Но въ ту же минуту новая пуля хватилъ ее въ ухо и свалила съ ногъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Пришлось самимъ сейчасъ же придушить несчастное животное, такъ какъ только съ помощью этого средства возможно было кое-какъ успокоить суматоху, поднявшуюся между конями. Среди такой-то кутерьмы, не ранѣе какъ полчаса спустя послѣ обрыва лошади въ воду, удалось четвертому понтону подойти близко къ берегу; только высидѣться сразу не удалось, по причинѣ мелководья. Пришлось орудія и ящики перетаскивать на рукахъ; но усилія одной команды 4-го взвода были недостаточны, чтобы встать ихъ съ берега на

¹⁾ Лейбъ-гвардія 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тюрбергъ былъ временно прикомандированъ ко 2-й горной батарее, изъ состава гвардейскаго конвоя Императорской квартиры.

высоту, и потому поручить Лахачевъ самъ вскарабкался на утесъ и кликнулъ сверху нѣсколько волынскихъ солдатъ на помощь. Общими усилиями удалось наконецъ вытянуть обѣ пушки на возвышенность, и появление этихъ орудій пришлось какъ нельзя болѣе кстати: турки густой цѣпью сильно наседали на нашихъ съ гребня смежной, командующей высоты, такъ что принудили даже рѣдкую цѣпь волынцевъ податься нѣсколько назадъ. Первая граната, пущенная нашимъ горнымъ орудіемъ съ разстоянія въ 200 сажень, въ высшей степени удачно разорвалась среди турецкихъ рядовъ и сразу заставила ихъ приостановиться.

Между тѣмъ вотъ что происходило на берегу, у высадившихся кучекъ первого рейса:

Сѣренскій отсвѣтъ зари позволилъ наконецъ различить окружающую обстановку въ устьѣ Текиръ-дере. Тамъ обнаружилось прежде всего присутствіе турокъ въ двухъ пунктахъ: на водяной мельницѣ и у сторожевой караулки, которая торчала около мельницы, но по разстоянію находилась ближе послѣдней къ мѣсту расположенія нашихъ кучекъ. У караулки засѣло около 60-ти человѣкъ турокъ. Командиръ 3-й стрѣлковой роты, капитанъ Фокъ, бросился туда «на ура», вмѣстѣ съ пятнадцатью своими молодцами, и смѣлымъ ударомъ въ штыки сразу вышибъ противника изъ его позиціи. Большая часть турокъ еще до столкновенія поспѣшила перебѣжать на мельницу, а неуспѣвшіе этого сдѣлать легли подъ ударами штыковъ. Такимъ образомъ, часть турецкой позиціи была захвачена нами, и стрѣлки капитана Фока на нѣкоторое время залегли у караулки. Но до прибытія дальнѣйшихъ подкрѣпленій невозможно было рѣшиться на большее: горсть дашскихъ людей въ устьѣ Текиръ-дере, какъ извѣстно, была слишкомъ ничтожна по своимъ силамъ, да и въ этой-то горсти уже не хватало двухъ-трехъ человѣкъ, уложенныхъ турецкими пулями. Атаковать сильно занятую мельницу въ данныхъ условіяхъ значило бы вести людей на бесполезное разстрѣліаніе. Поневолѣ надо было выждать, пока побольше соберется своихъ, и эти минуты томительнаго ожиданія, при возбужденномъ состояніи людей, готовыхъ, не думая о себѣ, беззавѣтно ринуться впередъ, были для нихъ особенно тяжелы и казались часами. Какъ уже сказано, гребцамъ пришлось бороться съ сильнымъ вѣтромъ и быстрымъ теченіемъ; составныя части желѣзныхъ понтоновъ неоднократно развивчались во время самаго движенія, которое чрезъ это замедлялось еще болѣе: необходимо было свинчивать ихъ, закрѣплять гайки и отливать набравшуюся воду, а потому понтоны торопились подчаливать къ берегу гдѣ воцалло, лишь бы приотать поскорѣе. Подхлѣдующія горсти людей, видя, что дѣло перепра-

вы замѣшклось, и слыша на берегу рокотъ учащенной перестрѣлки со всевозможнымъ рвениемъ старались скорѣе взобраться на береговую кручу. При этомъ нѣрѣдко случалось, что люди первой шеренги, стоя на плечахъ своихъ товарищей второй шеренги, работали кирками, лопатами и штыками, чтобы образовать въ стѣнѣ обрыва площадку, въ роли бермы, на которую они руками втаскивали снизу остальныхъ, и оттуда уже всѣ вмѣстѣ карабкались на вершину, пѣпляясь за стебли травы и корни кустарника. И вотъ, такимъ-то образомъ, отдѣльными горстями мало-помалу накапливалась наша сила въ устьѣ Текиръ-дере. Пробѣгая мимо караулки, кучки прилаживались одна къ другой, стараясь выстраиваться въ порядкѣ, чтобы имѣть видъ отдѣльныхъ ротъ.

Генераль Драгомировъ переправился со вторымъ рейсомъ, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ батарей. Съ нимъ въ одномъ понтонѣ находились лица дивизионнаго штаба ¹⁾, генераль-майоръ Скобелевъ, генеральнаго штаба подполковникъ Сукотинъ, адъютантъ главнокомандующаго капитанъ Ласковский и ординарецъ его высочества штабс-ротмистръ Цуриковъ ²⁾. Дальнѣйшее веденіе переправы начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, съ разрѣшенія командира 8-го корпуса, поручилъ генераль-майору Рихтеру, оставивъ при немъ за офицера генеральнаго штаба великаго князя Николая Николаевича Младшаго.

Незадолго до отправленія Драгомирова на непріятельскій берегъ, возвратился оттуда первый понтонъ, вслѣдъ за которымъ постепенно стали прибывать и другіе, принося все одно и то же извѣстіе, что требуютъ подкрѣпленія и какъ можно скорѣе. Поэтому было рѣшено посылать дальнѣйшіе десанты уже не правильными рейсами, а по мѣрѣ прибытія возвращающихся понтоновъ и притомъ только одну пѣхоту, стараясь, по возможности, группировать людей по-ротно. Отправка въ этомъ послѣднемъ порядкѣ началась съ гвардейской конвойной роты.

Въ то время, какъ генераль Драгомировъ высадился на ту сторону, капитанъ Фокъ съ людьми своей 3-й стрѣлковой роты, уже успѣвшими въ значительномъ числѣ собраться въ строй, кинулся на штурмъ мельницы. Лихая атака его, по распоряженію генерала Драгомирова, лично поведшаго людей въ дѣло, была своевременно поддержана нѣсколькими «боевыми артелями» — и тогда вокругъ мельницы загорѣлся жаркій, отчаянный бой. Много уже

¹⁾ 14-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба полковникъ Якубовскій, штабс-капитанъ Котельниковъ и поручикъ Шостаковъ.

²⁾ Лейбъ-гвардія Гродненскаго гусарскаго полка.

лежало около нея трупов—и наших, и турецких—результат преимущественно штыковой работы. Часть турок бѣжала въ гору, гдѣ въ виноградникахъ засѣла на вершинахъ ихъ цѣль; другая же часть заперлась внутри мельницы и не хотѣла сдаваться, отстрѣливаясь изъ маленькихъ окошекъ и изъ-подъ нижнихъ прорѣшинъ черепичной крыши. Наши стали было прикладами вышибать дверь, какъ вдругъ отъ мельницы повалилъ густой черный дымъ и сквозь нѣкоторыя щели пробивались языки пламени.

Какимъ образомъ она загорѣлась—трудно сказать; иные говорятъ, что подожгли наши, другіе утверждаютъ, что сами турки, видя свое безвыходное положеніе, рѣшились на поджогъ, предпочитая сдачу доблестную смерть. Черезъ нѣсколько минутъ кровля рухнула—и они всѣ до послѣдняго погибли подъ ея развалинами. Дней пять спустя, еще можно было видѣть ихъ обугленные руки, торчавшія изъ-подъ обгорѣлыхъ бревенъ и черепицы.

Одновременно съ атакой мельницы, одной кучкѣ нашихъ людей удалось занять съ боя гребень каменнаго мостика, ведущаго черезъ ручей Текирь.

Всѣ эти эпизоды боя окончились въ началѣ третьяго часа утра.

Къ этому времени къ туркамъ успѣли прибѣжать новыя подкрѣпленія изъ вардарскаго лагеря съ одной и изъ Систова съ другой стороны. Они успѣли стрѣлками цѣлями береговныя кручи и ближайшія высоты, образовавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборону ружейнымъ огнемъ въ нѣсколько ярусовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, противникъ уже началъ было напирать на нашу цѣль, рассчитывая сбросить ее въ Дунай, какъ вдругъ появилось наше первое горное орудіе, тотчасъ же дустившее весьма удачную гранату. Турки, какъ уже сказано, замаялись и приостановили свое наступленіе. Въ это время подошло и второе орудіе. Три-четыре не менѣе удачныхъ выстрѣла заставили неприятеля сначала попятиваться, а потомъ и просто бѣжать назадъ, на вершину горы. Этого момента нельзя было упустить, и потому 3-й стрѣлковой ротѣ велѣно тотчасъ же двинуться въ атаку противъ лѣвыхъ высотъ, окаймлявшихъ Текирскую долину съ восточной стороны (отъ Рушука). Вслѣдъ за 3-й стрѣлковой, туда же были двинуты 5-я и 6-я, имѣя за собой въ резервѣ 7-ю и 8-ю роты ¹⁾. 3-я стрѣлковая благопо-

лучно перешла ровъ и ручей, но 6-я рота при спускѣ была встрѣчена сильнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ по другую сторону ручья на восточныхъ высотахъ, командующихъ мѣстностью и сплошь покрытыхъ виноградниками. При этомъ были убиты ротный командиръ подпоручикъ Швили и его субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Лукьяновъ; половина молодцовъ солдатъ тоже выбыла изъ строя. Майоръ Подгурскій, находившійся въ этотъ моментъ при 6-й ротѣ, желая дать ей хоть одного офицера, потребовалъ отъ поручика Кузьмина, командовавшаго 5-ю ротой, его субалтерна, подпоручика Рѣшетникова, но оказалось, что Рѣшетниковъ раненъ.

— Ну, такъ давайте сюда прапорщика Прохницкаго!

— Тоже выбылъ изъ строя: раненъ.

Мѣшкать было нечего, а потому для поддержанія стрѣлокъ капитана Фока, майоръ Подгурскій направилъ вмѣсто разстроенныхъ 6-й и 5-й ротъ—7-ю и 8-ю изъ резерва.

Въ это время успѣла высадиться ниже устья Текирь-дере 12-я волынская рота, а 10-я волынская, вмѣстѣ съ ротой гвардейскаго Императорскаго конвоя, прибыли къ самому устью. Гвардейцы и волынцы 10-й роты были тотчасъ же направлены въ поддержку капитана Фока, для атаки восточныхъ высотъ съ фронта, а 12-я рота съ тяжкими усиліями, стала взбираться на крутой прибрежный свѣтъ, для того чтобы взять турокъ во флангъ, со стороны Дуная. Гвардейцы, едва успѣвъ выстроиться, безъ выстрѣла ринулись съ мѣста на высоты—и не мало легло ихъ въ этомъ славномъ штыковомъ дѣлѣ. Въ это же самое время, командиръ 12-й роты, штабс-капитанъ Бряновъ, успѣлъ наконецъ со своими людьми вскарабкаться на утесъ и первый, съ крикомъ «ура», бѣгомъ бросился во флангъ туркамъ. Аскеры навстрѣчу ему подставили стальную щетину—и девять штыковъ вонзились въ героическаго Брянова. Онъ былъ поднятъ штыками на воздухъ, но и въ этомъ положеніи—какъ сказываютъ очевидцы—успѣлъ хватить саблей по головѣ какого-то турка. Изъ девяти ранъ, доставшихся на долю Брянова, двѣ были въ животѣ. Когда подошли его солдаты,—а это было два-три мгновенія спустя,—турки сбросили его со штыковъ имъ навстрѣчу и, не дожидая рукопашной расправы, кинулись бѣжать. Истекая кровью, Бряновъ однако не потерялъ сознанія и, приподнявшись съ земли на локти, напелъ еще въ себѣ достаточно силъ, чтобы подбодрять и направлять своихъ солдатъ словами. Это была могучая натура... Черезъ день онъ умеръ въ Зимницкомъ госпиталѣ, имѣвъ предъ смертью

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ нумера и названія ротъ надо понимать условно: если говорится 5-я, 6-я и т. д., то это значитъ что въ данной кучкѣ либо преобладало большинство людей такой-то роты, либо ея командиръ находился валицѣ; каждая рота все-таки оставалась въ дѣлѣ случайнымъ, но нравствен-

но и потому тѣсно связаннымъ между собой «боевымъ товариществомъ».

утишение въ георгиевскомъ крестѣ, который собственноручно былъ надѣтъ на него государемъ императоромъ.

Ударъ гвардейцевъ съ фронта и 12-й роты съ фланга заставилъ турокъ очистить первую восточную высоту. Между тѣмъ 5-я и 6-я волынскія роты успѣли къ тому времени оправиться и спустились къ ручью. Майоръ Подгурскій назначилъ одного изъ старшихъ унтеръ-офицеровъ ¹⁾ командовать 6-ю ротой, выразивъ ей людямъ увѣренность, что онъ молодцомъ поведетъ ихъ впередъ въ дѣло и что они счумаютъ отомстить за смерть своего командира. Люди дружно крикнули «рады стараться» и молодецки пошли въ бой, на поддержку своихъ стрѣлковъ и гвардейцевъ.

Въ штурмѣ восточныхъ высотъ приняли дѣятельное участіе двѣ батареи 9-й артиллерійской бригады, стоявшія у восточной окраины лѣска, на зимнической низменности. Мѣткій огонь ихъ направлялся черезъ рѣку въ ряды турокъ и на много облегчилъ штурмовымъ ротамъ ихъ тяжелую задачу.

Вообще, до пяти часовъ утра, всѣ вновь прибывавшія десантныя команды направлялись отдѣльными партиями — частью на югъ, въ глубь по текирской долинѣ, частью же направо и налѣво, причемъ двумя послѣдними направленьямъ по необходимости пришлось отдавать преимущество въ количествѣ силъ, потому что генералу Драгомирову надо было прежде всего отогнать турокъ съ прибрежныхъ высотъ на столько, чтобы они не могли вредить своимъ стрѣлковымъ огнемъ нашимъ командамъ, во время ихъ слѣдованія на понтоняхъ. А такъ какъ наибольшій вредъ наносили дѣши, раскинувшіеся вправо отъ устья ручья, то и пришлось прежде всего штурмовать восточныя высоты, обладаніе конями дало намъ наконецъ возможность привести въ исполненіе, хотя и не вполне точно, первоначальный планъ построения фронта на три стороны, покоемъ. Тогда 1-й батальонъ Волынского полка — пока не подойдетъ на смѣну ему части 2-й бригады 14-й дивизіи — былъ направленъ фронтомъ на западъ, противъ холмовъ и кряжей, среди которыхъ лежатъ горы Систова.

Пока длился только что описанный бой, на одной изъ вершинъ, лежавшихъ ниже ручья по теченію Дуная, появились вдругъ двѣ роты турокъ, выстроились развернутымъ фронтомъ и открыли огонь залпами по парому, на которомъ плылъ 60 человекъ Минскаго полка, изъ которыхъ каждый получилъ по нѣсколько ранъ; всѣ они были перебиты. Но и туркамъ не прошло это безнаказанно: одна рота Минскаго полка бросилась на нихъ въ литки, опрокинула и многихъ положила тутъ же, на мѣстѣ.

¹⁾ Фельдфебель выбылъ изъ строя.

Вообще, пока мы не отгѣснили турокъ отъ берега, всѣмъ понтонамъ, отправлявшимся послѣ перваго рейса, приходилось терпѣть на рѣкѣ огонь, еще болѣе губительный, чѣмъ въ началѣ, потому что къ этому времени стало уже совсѣмъ свѣтло, цѣли высланились вполне, да и къ туркамъ прибыли еще новыя подкрѣпленія изъ лагеря и изъ Систова. Между тѣмъ наши подкрѣпленія, несмотря на всѣ усилія, прибывали медленно, горстями, потому что число подбитыхъ понтонныхъ все увеличивалось, многие изъ нихъ, чтобы быть вновь пущенными въ дѣло, требовали необходимыхъ исправленій, другіе же пришлось отводить назадъ, такъ какъ они, будучи снесены къ отгѣснымъ обрывамъ берега, не могли высаживать свой десантъ. Едва лишь къ шести часамъ утра удалось гвардейцамъ и волынцамъ съ минами на столько отбросить противника отъ прибрежныхъ высотъ, что дальнѣйшіе десанты могли слѣдовать по рѣкѣ, не подвергаясь болѣе ружейному огню. Къ этому же времени, по указанію генерала Иолшана, былъ разработанъ спускъ для десанта, нѣсколько выше устья Текиръ-дере. Все это дало намъ возможность возстановить до нѣкоторой степени правильность рейсовъ и распредѣлить болѣе систематическимъ образомъ десантныя части, для посадки ихъ на понтонны.

Отбросивъ противника къ востоку и отчасти къ западу, слабосильный фронтъ нашъ по необходимости растянулся чрезмѣрнымъ образомъ ¹⁾, такъ что въ центрѣ (т. е. въ части, обращенной къ югу) вышелъ значительный разрывъ, который до времени нечѣмъ было заполнить. Турки, замѣтивъ это обстоятельство, стали напирать преимущественно на центръ и, для усиленія своей атаки, выдвинули на южныхъ высотахъ два дальнобойныя орудія, которыя били не только по центру и вдоль текирской долины, но стали поражать также фланги и тылъ восточнаго и западнаго фронтовъ. Между тѣмъ у насъ на турецкомъ берегу было пока только шесть горныхъ орудій, огонь которыхъ, за дальностью разстоянія, не могъ наносить этой новой батарее никакого вреда, а потому и былъ сосредоточенъ противъ восточной стороны, гдѣ оказалъ громадную поддержку нашему лѣвому флангу ²⁾. Кроме того, у насъ не имѣлось достаточно силъ и для образованія общаго резерва, въ коемъ уже начинала ощущаться настоятельная надобность. Поэтому генералъ Драгомировъ, выславъ часть вновь прибывшаго эшелона на заполненіе

¹⁾ Около пятнадцати ротъ занимали фронтъ до трехъ верстъ.

²⁾ Эта поддержка принесла настолько существенную пользу, что генералъ Драгомировъ предполагаетъ, что въ будущемъ горныя батареи должны составлять незамѣнимую принадлежность десанта, производимаго въ подобныхъ же условіяхъ.

разрыва въ центрѣ, приказалъ, чтобы части, которыя будутъ высаживаться впредь, собирались у мельницы, для образованія резерва. Но это распоряженіе не исполнѣ могло состояться, потому что турки проявляли все болѣшую и болѣшую настойчивость въ своихъ атакахъ, какъ противъ центра, такъ и противъ восточной стороны нашего боевого порядка, вслѣдствіе чего Драгомирову приходилось безпрестанно посылать и туда и сюда все новыя и новыя подкрѣпленія, такъ что объ образованіи общаго резерва онъ имѣлъ возможность подумать только тогда, какъ уже успѣли переправиться послѣдніе эшелоны его дивизіи, т. е. около 9¹/₂ часовъ утра,—слѣдовательно, почти черезъ восемь часовъ по завязкѣ боя. Когда рядъ послѣдовательныхъ штыковыхъ атакъ на восточныхъ высотахъ выплылъ наконецъ турокъ изъ виноградниковъ и рововъ, окружающихъ эти плантаціи,—генералъ Драгомировъ нашелъ, что дѣло переправы уже достаточно обезпечено съ восточной стороны, а потому рѣшилъ перейти къ подготовкѣ главнѣйшей задачи этого дня, т. е. къ занятію южнаго хребта, командующаго Систовымъ. Для этой цѣли онъ воспользовался 2-й бригадой ¹⁾, первые эшелоны которой прибыли еще раньше и тотчасъ же двинулись къ Систову, вмѣстѣ со своимъ бригаднымъ командиромъ, генералъ-майоромъ Петрушевскимъ. Остальнымъ же эшелонамъ этой бригады, по сборѣ батальоновъ, было приказано продвигнуться впередъ сквозь утомленные и потерявшія части 1-й бригады, и взять направленіе на систовскія высоты. При этомъ, впрочемъ, генералу Петрушевскому послано приказаніе—не предпринимать рѣшительнаго наступленія, пока не прибѣдутъ къ нему 4-я стрѣлковая бригада и артиллерія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло на правомъ берегу, въ половинѣ десятаго часа утра.

Князь Святополкъ-Мирскій, сдѣлавъ со своей 9-й пѣхотной дивизіей ²⁾ ночной переходъ изъ Лиссы къ Зимницѣ, пришелъ въ седьмомъ часу утра въ это мѣстечко и остановился на луку, за строевыми, чтобы дать людямъ кратковременный отдыхъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній корпуснаго командира ³⁾. Рядомъ съ частями 9-й дивизіи стояла 4-я стрѣлковая бригада. Въ половинѣ девятаго часа ординарецъ генерала Радецкаго привезъ при-

казаніе всемъ этимъ частямъ двигаться къ переправѣ ⁴⁾. Стрѣлковые батальоны шли впереди, за ними три полка князя Мирскаго. Задача этого отряда заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ удачи нашей переправы, тотчасъ же слѣдовать на турецкій берегъ за 14-й дивизіей, а при неустойкѣ послѣдней—принять на себя бой и форсировать переправу, чего бы то ни стоило, несмотря ни на какія жертвы, такъ какъ великій князь объявилъ, что онъ не приметъ никакого оправданія и что Дунай долженъ былъ перейденъ у Зимницъ, во что бы ни стало. Когда стрѣлки, въ девятомъ часу утра, спускались съ берега на низменность,—вправо на Дунай вдругъ показался пароходный дымъ и вскорѣ затѣмъ обрисовался корпусъ двухтрубнаго парохода, принятый сначала за непріятельскій броненосецъ, спускающійся внизъ, отъ Никополя. Но вскорѣ ошибка разъяснилась: это былъ нашъ фламундскій пароходъ «Аннета» (подъ командой капитанъ-лейтенанта Тудера), который спѣшилъ теперь на помощь десанту, буксируя за собой двѣ большія баржи. Когда онъ плылъ на высотѣ систовской батареи, турки пустили по немъ двѣ-три гранаты—и тѣмъ ограничались; одна изъ нихъ попала въ трюмъ баржи, гдѣ лежалъ цѣлый слой кукурузы—остатокъ добычи, находившейся на ней при взятіи нами этого судна,—другія же пролетѣли мимо. Къ десяти часамъ «Аннета» была уже у цѣли своего плаванія и стала противъ лѣска. Изъ-подъ роскошныхъ вѣтвей ивъ и тамаринда, купавшихся въ самой водѣ, выглядывали покачивавшаяся наши понтонныя лодки—въ ожиданіи посадки слѣдующаго эшелона, въ которомъ должны были слѣдовать части стрѣлковой бригады уже на пароходѣ и баржахъ. По всей низменности, обходя затоны, тянулись длинными косыми зигзагами колонны пѣхоты и 4-хъ-фунтовыя батареи артиллеріи 8-го корпуса. Люди, тяжело нагруженные боевымъ и походнымъ снаряженіемъ, въ суконныхъ мундирахъ, со скатанными шинелями черезъ плечо, тяжело ступали по глубокой топи, на каждомъ шагѣ уходя въ густую грязь по колено и, несмотря на солнечные лучи, успѣвшіе уже накалить воздухъ, энергически преодолевали всѣ эти тяжкія препятствія—лишь бы скорѣй дойти къ переправѣ. Лошади тоже грузны, артиллерійскія колеса увязали по ступицу, но охотіе люди, забывъ про усталость, безпрестанно вытягивали на плечахъ орудія и ящики изъ болота. Голова этихъ колоннъ направлялась въ пространство низменности, прикрытое спереди лѣскомъ. Тамъ уже стояли нѣкоторыя

¹⁾ Полки 55-й Подольскій и 56-й Житомирскій.

²⁾ Полки: 33-й Елецкій, 34-й Сѣвскій, Е. И. В. наследнаго принца Австрійскаго, 35-й Брянскій, генераль-адъютанта князя Горчакова (находился уже ранѣе на переправѣ, въ прикрытіи артиллеріи) и 36-й Орловскій, генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго.

³⁾ Генераль-лейтенанта Радецкаго.

⁴⁾ Одновременно съ этимъ генералъ Радецкій послалъ приказанія 35-й пѣхотной дивизіи въ мѣстечко Фрумозу и Кавказской казачьей дивизіи въ Беоу—немедленно слѣдовать къ переправѣ, не останавливаясь въ Зимницѣ.

части, въ ожиданіи очереди къ посадкѣ. Гранаты, между тѣмъ, и справа и слѣва продолжали разсѣкать воздухъ сверлящими, спиральными шильями своего полета; онѣ бултыхались въ воду, подымая фонтаны, но, по счастью, уже не нанося особеннаго вреда понтонамъ; свистали черезъ ивнякъ и рвались между деревьями, ломая сучья и вѣтви; шлепались въ самый берегъ, среди нашихъ 9-тифунтовыхъ батарей, обдавая пространство вокругъ себя яистой грязью; рвались иногда и между колоннъ, двигавшихся по тонн. Самому лѣску доставалось отъ гравать чуть ли не больше, чѣмъ остальнымъ мѣстамъ низменности: здѣсь на травѣ валялось много ключковъ и обрывковъ бѣлья, платья, амуниціи... Санитары съ послѣдками быстро свозили по всему берегу, подбирая раненыхъ и убитыхъ; послѣднихъ сносили на сѣверную окраину лѣска, въ кустарники, гдѣ и складывали рядкомъ. Тѣла, подѣ дѣйствіемъ палящихъ солнечныхъ лучей воздвигались, чернѣли и начинали разлагаться чрезвычайно быстро. На низменности было устроено два перевязочныхъ пункта, и ближайшій изъ нихъ, за западной оконечностью лѣска, находился въ сферѣ артиллерійскаго огня: все пространство сырой, еще не просохшей земли вокругъ него было изрыблено яминами и бороздами разрывовъ. Но медики и въ этихъ условіяхъ спокойно и твердо исполняли свое дѣло. Впрочемъ, о дѣятельности врачей на переправѣ я скажу послѣ.

Прибытіе парохода съ тремя царовыми катерами и двумя большими баржами быстро двинуло впередъ все дѣло переправы, такъ какъ эти суда въ два рейса могли перевозить цѣлый пѣхотный полкъ. Такимъ образомъ, въ половинѣ одиннадцатаго часа была переправлена 4-я стрѣлковая бригада, что и дало Драгомирову возможность въ одиннадцать часовъ двинуть генерала Петрушевскаго на Систово. Для этого движенія, начальникъ 14-й дивизіи отдалъ слѣдующее приказаніе:

«2-й бригадѣ (генералъ-майора Петрушевскаго) двинуться на систовскія высоты съ фронта, направляясь отъ Дунай; стрѣлковой бригадѣ (генералъ-майора Цвѣдинскаго) поддерживать это наступленіе, направляясь за лѣвымъ флангомъ 2-й бригады; а затѣмъ, обѣимъ бригадамъ, сдѣлавъ захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ, направиться: 2-й бригадѣ—къ Систову, а стрѣлковой бригадѣ—въ обхватъ главнаго и командующаго гребня систовскихъ высотъ; бригадѣ же генералъ-майора Юлшина—оставаться на занятыхъ (восточныхъ) высотахъ».

2-я бригада двинулась впередъ черезъ виноградники и разграничивающіе ихъ глубокіе рвы, причемъ и самыя дороги, ведущія на подъемъ, походили болѣе на рвы или траншеи—столь онѣ были узки и окаймлены вы-

сокими краями. Труднѣе всѣхъ при этомъ пришлось Подольскому полку, на долю котораго досталась задача—овладѣть ближайшими предгоріемъ систовскихъ высотъ. Несмотря на удручающую жару, подольская цѣль бѣгомъ двинулась къ своей цѣли и, къ счастью, ея атака была поддержана нашимъ прибрежнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ замѣтной низменности. Подольцы и дѣйствовавшіе лѣвѣ ихъ житомірцы, напирая на противника, быстро заняли тѣснину тырновской дороги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта послѣдняя отдѣляется въ глубь страны отъ дороги рущукской. Путь въ этомъ мѣстѣ идетъ между двухъ отвѣсныхъ глинистыхъ утесовъ, стѣны которыхъ обработаны лопатами, и могъ бы представить для турокъ хорошую оборонительную позицію, еслибы они не были тѣсными также и со своего праваго фланга стрѣлками 4-й бригады, руководимыми генераломъ Скобелевымъ 2-мъ. Угрожаемые обходомъ праваго фланга, турки вынуждены были очистить эту тѣснину безъ особеннаго сопротивленія и потянуться въ направленіи къ Тырнову.

Въ два часа пополудни 2-я бригада 14-й дивизіи показала на гребнѣ высотъ, господствующихъ надъ Систовымъ, и заняла подступы къ городу, а въ четвертомъ часу дня генералъ-майоръ Петрушевскій вступилъ уже и въ самый городъ. Все, что только принадлежало къ христіанскому населенію Систова, высыпало къ нему навстрѣчу, съ православнымъ духовенствомъ впереди, съ крестнымъ ходомъ и хлѣбомъ-солью. Болгарскія женщины вынесли на улицы воды, вина, разныхъ угощений и подымали повыше маленькихъ своихъ дѣтей, чтобы тѣ могли лучше видѣть и запечатлѣть черты «русскихъ братій». и заставляли ихъ подавать солдатамъ вѣнки и букеты. Когда генералъ Петрушевскій заявилъ, что не онъ главный начальникъ, а Драгомировъ, который остается еще на мѣстѣ боя, то систовскія женщины просили его переслать отъ нихъ большой букетъ генералу Драгомирову. Радостныя лица, восторженныя объятія, поцѣлуи, словно въ Свѣтлый праздникъ, ликованіе, крики «ура» и «живіе», зазывы нашихъ вонзовъ, на перебой другъ передъ другомъ, къ себѣ на постой—все это дополняло картину общей великой радости и восторга систовскаго населенія. Городъ сейчасъ же разцвѣтился коврами, флагами и тканями, развѣвавшимися съ каждаго окна и балкона; христіанскіе дома были отмѣчены большими крестами, начерченными мѣломъ на стѣнахъ и воротахъ; мужчины явились тоже съ бѣлыми и черными крестами, нашитыми на ихъ шапки и рукава сорочекъ. Такимъ образомъ, городъ былъ занятъ почти безъ выстрѣла, и только одному изъ батальоновъ, стоявшихъ на высотахъ, пришлось дать нѣсколько выстрѣловъ по непріятелю, появившемуся влѣво отъ командующаго гребня.

Турки впрочемъ сейчасъ же удалились, чуть лишь замѣтили, что ихъ позиція угрожаетъ справа цѣпь стрѣлковъ генераль-майора Скобелева 2-го.

Между тѣмъ, къ тремъ часамъ пополудни переправились уже 34-й пѣхотный Сѣвскій полкъ, которому генераль-лейтенантъ Радецкій приказалъ поддержать бригаду Юлшина, на восточныхъ высотахъ. Затѣмъ, переѣхавъ самъ, съ корпуснымъ штабомъ, на правый берегъ, командиръ 8-го корпуса велѣлъ продолжать дальнейшую переправу пѣхоты, а именно: 33-го Елецкаго и 36-го Орловскаго пѣхотныхъ полковъ; 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, находившійся частью на островѣ, частью на низменности, въ прикрытіи береговыхъ батарей, велѣно также переправить, и на смѣну его поставить 35-ю пѣхотную дивизію. Одновременно съ этими распоряженіями, генераль Радецкій приказалъ переправлять и артиллерію на паромахъ. Къ девяти часамъ вечера всѣ полки 9-й пѣхотной дивизіи были уже на правой сторонѣ Дуная, причѣмъ ея 1-я бригада стала въ резервъ бригады Юлшина, 2-я же бригада (Брянскій и Орловскій полки) воевала у переправы. Турки окончательно отступили еще въ пятомъ часу пополудни; большая часть изъ нихъ пошла на Рушукъ, а остальные на Тырново.

У насъ, общимъ числомъ, вышло изъ строя 748 человекъ убитыми и ранеными; изъ этого числа 636 человекъ пришлось на долю первыхъ эшелоновъ¹⁾, гдѣ, слѣдовательно, почти седьмой ратникъ выбылъ изъ строя. — «Но смѣло можно сказать, говорить генераль Драгомировъ, что эшелоны честно выполнили свой долгъ: несмотря на весьма упорное сопротивление турокъ, на ихъ убійственный и мѣткій огонь, не взирая на безвыходное положеніе, въ которомъ находились эти эшелоны въ первые часы переправы, когда, встрѣченные вдесятеро превосходящимъ неприятелемъ, они могли ясно видѣть, что рассчитывать на скорую помощь съ берега нельзя, — несмотря на все это, наши храбрецы беззаветно шли въ штыки, сбрасывали турокъ съ кручъ и овладѣвали ими; не было возможности гдѣ-либо укрыться и временно передохнуть немного: изъ каждого куста летѣли пули и вырывали изъ строю храбрецовъ». Турки рѣдко когда держивали штыковый натискъ. Они, по большей части, видя рѣшительное наступленіе нашихъ, оставляли ровъ и перебѣгали черезъ виноградникъ до слѣдующаго рва, отстреливаясь на ходу. Но замѣчательнъ способъ этого послѣдняго отстрѣливанія: положивъ ружье на лѣвое плечо «волью» и только придавъ ему наиболѣе горизонтальное положеніе, аскеръ за-

ряжалъ и стрѣлялъ на ходу, не оборачиваясь, черезъ спину; авось-либо попадетъ! Это вызвало невольный смѣхъ у нашихъ солдатъ, которымъ еще и въ мирные дни завышалось беречь патронъ, какъ можно болѣе.

Всѣ чины, по отзыву генерала Драгомирова, до конца исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ: начальники, начиная съ субалтернъ-офицеровъ и до старшихъ чиновъ дивизіи, а равно и состоявшіе при ней — генералъ²⁾, штабъ и оберъ-офицеры, выполняя возложенныя на нихъ назначенія и порученія, почти все время находились въ передовыхъ цѣпяхъ, и генераль Драгомировъ свидѣтельствуеъ, что это дѣлалось не изъ пустой запыливости, а потому, что только такимъ путемъ можно было сколько-нибудь судить о положеніи дѣлъ въ боевой части: крайне пересѣченная мѣстность, до такой степени закрытая, что достаточно было отойти шаговъ на пятьдесятъ назадъ отъ цѣпи, чтобы не имѣть уже никакого понятія о происходящемъ въ ней; отсутствіе не только конныхъ ординарцевъ, но даже лошадей у начальствующихъ лицъ — не допускали иного способа управлять боемъ; такъ какъ своевременное полученіе приказаній въ боевыхъ участкахъ было почти не мыслимо при разъединеніи ихъ крутыми и глубокими оврагами и длинными скатами высотъ, на которыхъ стояли наши боевыя части³⁾.

Въ дѣлѣ 15-го іюня турки явили нашимъ санитарамъ первые я, къ сожалѣнію, неоднократно примѣры вѣроломства: не только тѣ изъ нихъ, которые были отрѣзаны отъ своихъ въ кустахъ и оврагахъ, но даже раненые стрѣляли и бросались съ ножами на одиночныхъ санитаровъ, нерѣдко послѣ только-что оказанной имъ, наравнѣ съ русскими, первой помощи.

Между особенно отличившимися субалтернъ-офицерами, проявившими выходящее изъ ряда самоотверженіе, хладнокровіе и распорядительность, генераль Драгомировъ называетъ Минскаго полка поручика Моторнаго, Волынскаго полка прапорщика Сергѣева и конно-горной батареи поручика Лихачева, а также особенно свидѣтельствуеъ «о великой помощи», оказанной ему генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, который съ полною готовностью принималъ на себя всѣ назначенія, «не исключая и ординарческихъ», и оказывая самое благотворное вліяніе на молодежь «своимъ блистательнымъ и неизмѣнно яснымъ спокойствіемъ».

¹⁾ Скобелевъ 2-й.

²⁾ Переправленная полусотня казаконъ въ первое время, была отвлечена порученіемъ разрушить телеграфъ, что однако не удалось, вслѣдствіе отпора со стороны турецкой пѣхоты.

³⁾ Т. е. Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ, гвардейской роты, горной батареи и двухъ пластунскихъ сотенъ.

XXXVI.

Дѣятельность врачей на переправѣ.

Подготовительныя мѣры.—Устройство и мѣстоположеніе перевязочныхъ пунктовъ.—Дѣятельность передовыхъ пунктовъ на зимницкой низменности и на болгарскомъ берегу.—Сестры милосердія, фельдшера и санитары.—Сортировка раненыхъ.—Работа хирурговъ на главномъ пунктѣ.—Профессоръ Бергманъ.—Перевозка раненыхъ и ея средства.—Посвященіе госпиталей государемъ императоромъ и великимъ княземъ главнокомандующимъ.—Отзывъ о русскихъ военныхъ врачахъ одного изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ.—Георгиевскіе кресты санитарамъ.—Свойства большей части ранъ и способы ихъ леченія.—Примѣръ замѣчательной выносливости и живучести.

Систово, 22-го іюня.

Дѣятельность военныхъ врачей во время переправы 15-го іюня занимаетъ мѣсто на столько видное, что о ней необходимо рассказать подробно, коснувшись при этомъ многихъ, весьма интересныхъ и даже поучительныхъ частности. Для нагляднаго изложенія этой дѣятельности слѣдуетъ предварительно замѣтить, что въ ожиданіи событія переправы, по распоряженію начальника штаба и инспектора госпиталей, былъ развернутъ въ городѣ Александрии военно-временный госпиталь № 53, на 630 кроватей. 14-го іюня госпиталь этотъ передвинуть въ деревню Пятра, въ 24-хъ верстахъ отъ Зимницы, а въ Александрію, взамѣнъ его, перемѣщены изъ Руше-де-Вьде два отдѣленія госпиталя № 55-го, на 400 кроватей. Вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторомъ госпиталей подготавливались перевозочныя средства, на случай надобности, для транспортированія раненыхъ.

Около полуночи, съ 14-го на 15-е іюня, по распоряженію полевого военно-медическаго инспектора, отправились изъ деревни Пятра статскій совѣтникъ Петровскій (исправляющій должность помощника инспектора) съ главнымъ хирургомъ арміи, докторомъ Кадацкимъ, и шестью полевыми хирургами *) въ мѣстечко Зимницу, для устройства главнаго перевязочнаго пункта и завѣдыванія онымъ. Въ Зимницу прибыли они къ тремъ часамъ утра, когда дивизіонныя лазареты 9-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій приступили уже къ развертыванію. Сюда же, по приказанію инспектора госпиталей, двинутъ былъ находившійся въ его распоряженіи интендантскій транспортъ повозокъ (числомъ 300) и кромѣ того всѣ свободныя повозки военно-временныхъ госпиталей № 53-го и № 56-го (числомъ 50). Большая часть этихъ перевозочныхъ средствъ была приспособлена къ удобному помѣщенію раненыхъ.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ, заботливостью инспектора госпиталей, приготовлены были: чай, сахаръ, спиртъ, вино, бѣлый хлѣбъ, солома, матрацы, 500 цыновокъ и подвижная полевая кухня; самый же пунктъ устроенъ въ лазаретныхъ шатрахъ 9-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій, въ разстояніи около $\frac{3}{4}$ версты отъ берега Дуная, на одной изъ площадей Зимницы. Къ пяти часамъ утра всѣ шатры были уже готовы къ приему раненыхъ.

Въ предшествующемъ письмѣ я уже говорилъ, что у румынскаго берега, отдѣляясь узкимъ рукавомъ, лежитъ широкій, низменный островъ, въ то время еще не вполнѣ освобожденный отъ воды разлива. По этому острову, переходя по двумъ мостамъ и увязая въ вязкомъ лѣгѣ, слѣдовали наши войска къ мѣсту переправы, и чтобы достигнуть ее, вынуждены были дѣлать довольно значительный обходъ зигзагомъ. У мѣста посадки войскъ на понтоны былъ поставленъ передовой перевязочный пунктъ, три раза перемѣнявшій мѣсто, такъ какъ вблизи его постоянно падали турецкія гранаты, направленные въ часть, сдвинувшійся на понтоны.

Разстояніе между передовымъ и главнымъ пунктами было очень значительно (до трехъ верстъ), а потому между ними, на томъ же островѣ, оказалось необходимымъ поставить еще одинъ пунктъ—промежуточный.

Полковые врачи, переправившіеся вмѣстѣ со своими частями, устроили на болгарскомъ берегу еще одинъ (т. е. третій) передовой перевязочный пунктъ, и сдѣлано это на томъ основаніи, что придвигать ближе къ переправѣ главный пунктъ было невозможно при илистомъ, топкомъ грунтѣ, въ виду непрерывнаго движенія войскъ по мѣстности, совершенно открытой и вполнѣ доступной огню неприятеля, которому неоднократно подвергались всѣ передовые перевязочные пункты. Съ полками переправившись, подъ выстрѣлами турецкой артиллеріи и пѣхоты, врачи 14-й пѣхотной дивизіи: Радловицъ, Ивановъ, Понгавскій и Котляръ, подавая на понтонахъ и изъ нутри помощь раненымъ. Вообще же, для своевременнаго поданія медицинской помощи, врачебныя силы были въ соответственномъ числѣ распределены между главнымъ и передовыми перевязочными пунктами слѣдующимъ образомъ: на болгарскомъ берегу—названные выше врачи 14-й дивизіи, на двухъ передовыхъ пунктахъ низменнаго острова—доктора: Петровскій, главный хирургъ арміи Кадацкій, дивизіонный врачъ 14-й дивизіи Норейко, Симвулидъ и нѣкоторые изъ полковыхъ врачей, а на главномъ пунктѣ работали одновременно: лейбъ-хирургъ великаго князя главнокомандующаго Обермиллеръ, со своимъ помощникомъ К. И. Березкинымъ, и военные хирурги: Духновскій, Блюменфельдтъ, Финкельштейнъ, про-

*) Доктора: Духновскій, Блюменфельдтъ, Симвулидъ, Финкельштейнъ, Франкъ и Гольденбергъ.

фессора: Корженевский и Бергманъ, врачи 9-й пѣхотной дивизіи Анучинъ и Пильшинскій и нѣсколько другихъ отъ 14-й дивизіи. Всѣ же вообще пункты находились въ непосредственномъ вѣдѣніи военно-медицинскаго инспектора госпиталей, генералъ-майора Косинскаго. Около двухъ часовъ пополудни главный хирургъ, докторъ Кадацкій, перебрался для ближайшаго наблюденія за работою на передовой пунктъ болгарскаго берега. При рациональномъ распредѣленіи труда на главномъ перевязочномъ пунктѣ, хирургическая помощь, съ наложеніемъ гипсовыхъ повязокъ, была подаваема одновременно многими хирургами; вслѣдствіе этого раненые имѣли время отдохнуть и могли быть транспортированы далѣе уже со второго часа пополудни. Общее же раздѣленіе труда между главнымъ и передовыми пунктами имѣло то благотворное послѣдствіе, что помощь раненымъ подавалась по возможности быстро и скоро, почти съ самаго момента раненія: они не истекали кровью на полѣ сраженія, въ ожиданіи врачебнаго пособия, такъ какъ врачи передовыхъ пунктовъ, съ главнымъ хирургомъ во главѣ, были главнѣйшимъ образомъ озабочены остановкою кровотеченія, наложеніемъ удерживающихъ повязокъ на поврежденные члены и вообще приготовленіемъ раненыхъ къ перевозкѣ съ главнаго перевязочнаго пункта. И результатъ дѣятельности врачей передовыхъ пунктовъ на столько былъ замѣтенъ, что великій князь главнокомандующій, посѣтивъ на другой день лазаретные шатры главнаго пункта, обратилъ вниманіе на бодрый, здоровый видъ раненыхъ, между которыми вовсе не было видно изурнованныхъ, поблѣдѣвшихъ лицъ.

На передовыхъ же перевязочныхъ пунктахъ, съ самаго начала переправы, находились всѣ санитарныя команды 14-й пѣхотной дивизіи, а также и дивизионныя линейки и носилки, служившія для транспортировки раненыхъ къ главному пункту, гдѣ помогали дѣлу крестовоздвиженскія сестры милосердія, смѣнявныя потомъ сестрами георгіевской общины. Уходъ сестеръ за ранеными заслуживаетъ всякой похвалы. Въ теченіе всей ночи онѣ не имѣли ни минуты покоя и проводили все время, большей частью, на колѣняхъ у постелей: надо было ежеминутно поправлять подъ больными соломенные мѣшки, подушки, прикладывать къ ранамъ компрессы съ карболовой водою, давать пить больнымъ, которыхъ томила жажда. На передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ, подъ гранатнымъ огнемъ онѣ выказали замѣчательное спокойствіе и твердость, при самомъ точномъ исполненіи своего дѣла. То же должно сказать о санитаряхъ и фельдшерахъ, которые самоотверженно отыскивали и подбирали раненыхъ, подавая имъ первое пособіе подъ огнемъ. Этотъ трудъ не обошелся санитарамъ

и фельдшерамъ безъ кровавыхъ жертвъ: между ними есть и убитые, и раненые, а о вѣроломствѣ нѣкоторыхъ раненыхъ турокъ уже упоминалось въ предшествовавшихъ письмахъ. Такимъ образомъ, уже начало кампаніи показало, на сколько полезны у насъ санитарныя команды.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ сортировка раненыхъ производилась въ операционныхъ шатрахъ, послѣ чего они размѣщались въ прочихъ помѣщеніяхъ, которыми заведывали отдѣльно всѣ вышепозначенныя врачебныя силы.

Первые раненые стали доставляться на главный пунктъ къ шести часамъ утра—сначала рѣдко, а потомъ все чаще и чаще, и таковая доставка продолжалась вплоть до вечера, такъ что въ первый день въ главномъ перевязочномъ пунктѣ всѣхъ раненыхъ было 382 человѣка. Работа хирурговъ не прерывалась до тѣхъ поръ, пока медицинское пособіе не было подано (постепенно, по мѣрѣ прибытія) всѣмъ безъ изыятія раненымъ, что и продолжалось до одиннадцати часовъ вечера. «Въ одиннадцать часовъ вечера наложилъ я послѣднюю перевязку—разсказываетъ профессоръ Бергманъ—и въ первый разъ можно было мнѣ и моимъ ассистентамъ на четверть часа успокоиться. Къ ночи едва могли мы справиться съ дѣломъ... И у опытнаго хирурга окончательно истощается вся нервная сила, когда приходится пятнадцать часовъ безъ перерыва ампутировать, рѣзать, перевязывать и налагать гипсовые повязки».

Дабы устранить переполненіе дивизионныхъ лазаретовъ, которые могли дать приютъ только 166 раненымъ, еще до начала переправы имѣлась въ виду усиленная транспортировка ихъ въ пѣтринскій (№ 53-го) госпиталь, а для осуществленія этой крайне необходимой мѣры, всѣ дѣйствія полевыхъ хирурговъ были направлены къ тому, чтобы сдѣлать раненыхъ способными къ перевозкѣ и обезопасить ихъ отъ вредныхъ случайностей при слѣдованіи по грунтовому, не всегда удобному пути. Къ транспортировкѣ раненыхъ въ первые два дня служили интендантскія подводы, на которыя для лежащихъ больныхъ устанавливались носилки съ сѣнной подстилкой, а при недостаткѣ носилокъ употреблялись нарочно заготовленные ради этой цѣли матрацы; для сидящихъ же ставились переплеты. Кромѣ интендантскихъ подводъ для той же цѣли, съ 17-го числа, когда прекратилась доставка раненыхъ съ передовыхъ пунктовъ на главный, служили и освободившіяся дивизионныя линейки, а 18-го іюня предложило свои линейки (шведскія и вѣнскія) и общество Краснаго Креста, но въ очень ограниченномъ числѣ, такъ что нѣкоторыхъ, и даже не изъ легко раненыхъ, пришлось транспортировать не

только на подводахъ, но иногда и безъ помощи.

Къ ночи съ 15-го на 16-е и утромъ 16-го числа на главный перевязочный пунктъ вновь стали доставлять раненныхъ изъ дальнихъ пунктовъ, куда заходили наши войска. Въ течение дня ихъ прибыло 46 человекъ, которымъ и была подана своевременная помощь. Всего же транспортировано въ патринскій военновременный № 53-го госпиталь слѣдующее число раненныхъ:

16-го іюня.	205 чел.
17-го »	— »
18-го »	32 »
19-го »	— »
20-го »	191 »
22-го »	6 »
Итого.	434 чел.

Кромѣ того, къ 23-му іюня оставалось: въ санитарномъ отрядѣ студента Рыжова 8 чел., въ лазаретѣ общества Краснаго Креста 4 чел. и въ лазаретѣ 9-й пѣхотной дивизіи 5 чел., которые были частью транспортированы, частью переданы въ прибывшій въ Зиминду госпиталь № 62-го. Несмотря на недостаточность перевозочныхъ средствъ и неудобства грунтового пути, всѣ раненные, за исключеніемъ одного, доставлены въ госпиталь въ совершенно хорошемъ состояніи. Такимъ образомъ, транспортировка раненныхъ съ передовыхъ пунктовъ на главный, а съ послѣдняго въ госпиталь, дала вполне удовлетворительные результаты.

16-го іюня раненные, находившіеся на главномъ перевязочномъ пунктѣ, были посѣщены сперва его высочествомъ главнокомандующимъ, а затѣмъ, спустя часа два, и государемъ императоромъ. Его величество изволилъ осматривать шатры вмѣстѣ съ государемъ наследникомъ цесаревичемъ и великими князьями Алексѣемъ и Сергіемъ Александровичами, въ сопровожденіи военного министра и многочисленной свиты. Августѣйшіе посѣтители не пропустили безъ вниманія ни одного раненаго, причемъ врачи лично докладывали государю о свойствахъ и степени опасности каждой раны. Его величество подходилъ къ каждому изъ раненныхъ и останавливался дольше около тяжелыхъ, получившихъ до восьми и болѣе ранъ, разспрашивая ихъ, какъ съ каждымъ было дѣло. Профессоръ Бергманъ рассказываетъ, что одинъ солдатъ, востонецъ, отвѣчалъ государю, какъ умѣлъ, плохо по-русски: «Ваше величество, сперва я турка кололъ, а потомъ другой подбѣжалъ и меня кололъ». Иные жалобно просили отправить ихъ скорѣе въ полкъ, увѣряя, что рана ничтожная и что они еще не успѣли исполнить свой долгъ, какъ слѣдуетъ.

Въ заключеніе — фактъ замѣчательный не только выносливости, но и живучести.

Вчера, 21-го іюня, подъ вечеръ, въ палатку санитарнаго отряда студента Рыжова былъ доставленъ матросъ Гвардейскаго экипажа Семенъ Лопатинъ, который разсказывалъ о себѣ слѣдующее: въ pontoнѣ, гдѣ находился онъ во время переправы, попала гравата и разнесла его чуть не въ дребезги. Изъ всѣхъ находившихся тамъ, уцѣлѣло только три гребца-матроса, въ числѣ которыхъ былъ и Лопатинъ. Онъ еще до катастрофы уже былъ раненъ въ руку, съ раздробленіемъ кости; остальныхъ же двухъ его товарищей ранило осколками. Приходилось спасаться вплавь, а потому раненный Лопатинъ спѣшно сталъ сбрасывать съ себя мундиръ, чтобы легче было плыть, и въ эту самую минуту получилъ новую огнестрѣльную рану въ другую руку, въ плечѣ. Поймавъ плавающую доску, трое товарищей ухватились за нее и поплыли. Теченіемъ прибыло ихъ къ острову Вардару (онъ же и Варденъ), лежащему въ четырехъ верстахъ ниже мѣста переправы. Здѣсь обезьяненный Лопатинъ рѣшился остаться, а товарищи его, съ помощью той же доски, поплыли далѣе, держа къ румынскому берегу, но вѣроятно погибли, такъ какъ о нихъ даже и слуха нѣтъ никакого⁴⁾. Цѣлые пять съ половиной сутокъ провелъ Лопатинъ на пустынномъ островѣ, изнемогая отъ потери крови и голода. Поддержку жизненныхъ силъ и нѣкоторое облегченіе страданій доставляли ему только частыя купанія въ Дунай, вода котораго служила ему и пищей, если можно такъ выразиться. Отъ страшной жары въ его ранахъ завелись черви, но вода кое-какъ помогала преодолевать и эту напасть. Все-таки же, проведя пять съ половиною сутокъ въ такомъ ужасномъ положеніи, несчастный подъ конецъ потерялъ уже всякую надежду на спасеніе и сталъ готовиться къ смерти, какъ вдругъ видитъ онъ, что невдалекѣ плыветъ лодка и даже голоса на ней слышны—русскіе голоса... Лопатинъ вглядывается и въ одномъ изъ пловцовъ узнаетъ своего товарища по ротѣ. Онъ сталъ кричать, отчаянно взывая къ нимъ о спасеніи. Тѣ услышали, причалили къ берегу и взяли Лопатина въ свою лодку. Такимъ образомъ онъ былъ спасенъ. Раны его очень серьезны, но докторъ Поповъ, на попеченіи котораго находится теперь Лопатинъ, надѣется на благополучный исходъ. Сегодня, 22-го іюня, государь императоръ дважды посѣтилъ Лопатина, а великій князь главнокомандующимъ.

⁴⁾ Нѣсколько времени спустя открылось, что подобнымъ же образомъ спасся не только самъ, но спасъ и двухъ другихъ своихъ товарищей pontoнеръ Крыловъ, сидѣвшій на одномъ изъ погибшихъ pontoновъ гребцомъ. Великій князь пожаловалъ ему знакъ отличія военнаго ордена.

мандующій лично пришилъ знакъ военнаго ордена къ его рубашѣ. Лопатинъ все время находится въ полной памяти, говорятъ, что ужасно хочетъ ѣсть, только ничего не можетъ прибрать себѣ по вкусу и ни на минуту не разстается со своимъ георгиевскимъ крестомъ, держась за него рукой и любясь на драгоценную награду. Всѣ врачи были очастливлены выраженіемъ высочайшей благодарности. Государь императоръ въ каждой палатѣ милостиво обращался къ раненымъ и благодарилъ за службу, а при словахъ: «Показали себя молодцами; сдержали то, что обѣщали мнѣ еще въ Кишиневѣ», раздавался вездѣ такой здоровый и бодрый крикъ: «ради стараться, ваше императорское величество», что трудно было повѣрить — неужели это голоса раненыхъ. Въ виду столь теплаго, сердечнаго участія монарха, у раненыхъ и у весьма многихъ изъ присутствовавшихъ навертывались на глаза слезы. Его величество, при отъѣздѣ, поблагодаривъ еще разъ провожавшихъ медиковъ, изволилъ выразить имъ надежду, что они и въ другой разъ такъ же усердно помогутъ раненымъ, какъ помогли теперь.

Нельзя пройти молчаніемъ отзывъ одного изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ о нашихъ врачахъ. Изумляясь ихъ самоотверженію и хладнокровію, съ которымъ они, на глазахъ его, подавали подлѣ непріятельскимъ огнемъ помощь раненымъ, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Я былъ подлѣ Маджентой, былъ при Гравелотѣ, но нигдѣ не встрѣчалъ ничего подобнаго. На моихъ глазахъ убило осколкомъ санитаря, помогавшаго врачу перевязывать раненаго; но самъ врачъ при этомъ, дѣлая лигатуру, не выпустилъ даже пинцета изъ рукъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, доканчивать свое дѣло».

Героическая дѣятельность санитаровъ на перевязочныхъ пунктахъ также не осталась безъ монаршаго вниманія: его величество изволилъ объявить, что имъ назначены въ награду знаки отличія военнаго ордена.

Должно замѣтить, что по свойству мѣстности и условіямъ боя 15-го іюня, войскамъ нашимъ приходилось преодолевать серьезныя естественныя препятствія, взлѣзать на крутыя высоты, пробираться, словно бы корридорами, по узкимъ тропинкамъ, обросшимъ съ боковъ густою растительностью, гдѣ на каждомъ шагѣ ихъ встрѣчали засады, изъ которыхъ турецкіе стрѣлки могли бить на выборъ любого человѣка съ самого близкаго разстоянія, почти въ упоръ. Поэтому раны у нашихъ были болѣею частью тяжелаго свойства. Однако же, несмотря на множество огнестрѣльныхъ переломовъ верхнихъ и нижнихъ конечностей и значительную цифру огнестрѣльныхъ же сквозныхъ ранъ груди,—на

главномъ перевязочномъ пунктѣ было сдѣлано всего двѣ ампутаціи и двѣ резекціи. Здѣсь принять преимущественно консервативный методъ леченія, при помощи гипсовыхъ повязокъ и иныхъ новѣйшихъ хирургическихъ приспособленій. При этомъ методѣ, множество раненыхъ, доставленныхъ на главный перевязочный пунктъ съ огнестрѣльнымъ переломомъ бедра, по наложеніи гипсовой повязки, были спокойно транспортированы въ Пятро, и судя по ходу леченія, съ надеждой на сохраненіе ихъ членовъ. Раны въ грудь и другія части тѣла, вслѣдствіе своевременной помощи и остановки кровотеченія на передовыхъ пунктахъ, идутъ болѣею частью очень хорошо, и общее состояніе раненыхъ, принимаемая во вниманіе тяжесть ранъ, должно считаться весьма удовлетворительнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ главный полевой хирургъ, посѣтившій на четвертый день послѣ переправы госпиталь въ Пятро, гдѣ нашелъ работающихъ профессора Бергмана.

XXXVII.

Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.

Расположеніе обѣихъ главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.—Переправа государя черезъ Дунай.—Государь благодарить войска на мѣстѣ боя.—Раздача наградъ.—Встрѣча его величества въ Сисовѣ.—Сисовскій соборъ.—Благодарственное молебствіе на лѣвомъ берегу Дуная.—Раздача георгиевскихъ крестовъ нижнимъ чинамъ гвардейской роты.—Слова государя императора, обращенныя къ войскамъ.—Проводъ мостовыхъ матеріаловъ изъ устья Ольты къ Зимницѣ.—Устройство моста.—Приказы государя императора и великаго князя главнокомандующаго по войскамъ дѣйствующей арміи по поводу переправы.—Образованіе Русскаго отряда и служебныя назначенія великихъ князей Владиміра и Алексіи Александровичей.—Важѣйшія распоряженія главнокомандующаго по управленію арміею и болгарскимъ краемъ со времени переправы.

Сисово, 24-го іюня.

16-го іюня обѣ главныя квартиры перешли въ Зимницу. Для государя императора избранъ былъ деревянный двухъ-этажный домъ, съ тѣнистымъ садомъ, въ западномъ концѣ мѣстечка, надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ, съ котораго открывается дивный видъ на Сисово и на всю окрестную ширь Дуная. Императорская свита помѣстилась въ палаткахъ, подлѣ деревьями, расположившись по обѣ стороны проѣзда, ведущаго отъ деревянныхъ воротъ къ крыльцу квартиры его величества. Обѣденный столъ раскинутъ тутъ же, подлѣ густой тѣны высокихъ старорослыхъ деревьевъ. У воротъ теперь стоятъ часовые гвардейской конвойной роты, отличившейся при штурмѣ восточныхъ высотъ праваго берега. Великій князь главнокомандующій со штабомъ помѣстился въ другомъ концѣ, на бивуакѣ.

16-го іюня, послѣ полудня, государь императоръ изволилъ спуститься къ зимницкой пристани. Здѣсь ожидать его величество военный катеръ, съ гребцами Гвардейскаго экипажа, съ ихъ командиромъ и лейтенантомъ Полтавцевымъ на рулѣ. Въ этомъ катерѣ государь перѣхалъ черезъ Дунай при восторженныхъ крикахъ «ура», съ обоихъ береговъ, усѣянныхъ толпами народа, и высадился близъ мѣста переправы, на болгарскомъ берегу. Здѣсь его величество объѣхалъ войска десанта, всю 14-ю и 35-ю дивизіи, на самомъ мѣстѣ боя, и милостиво благодарилъ ихъ за доблестное исполненіе дѣла; благодарилъ также и гвардейскую роту, которой приказалъ возвратиться на лѣвый берегъ, въ конвой императорской квартиры. Тутъ же послѣдовала и раздача наградъ высшимъ чинамъ 14-й дивизіи. Государь императоръ лично надѣлъ на генерала Драгомирова крестъ св. Георгія 3-й степени и вручилъ таковыя же кресты 4-й степени генералъ-майорамъ Іошину, Петрушевскому и командиру Волынскаго полка полковнику Родіонову. Ранѣе этихъ лицъ получили тотъ же крестъ 3-й степени: начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, генералъ-лейтенантъ Радецкий, начальникъ 3-й саперной бригады, генералъ-майоръ Рихтеръ, и 4-й степени — великій князь Николай Николаевичъ Младшій, который, по отбавѣ Драгомирова на болгарскую сторону, оставался все время на берегу при генералѣ Рихтерѣ и, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, исполнялъ порученія по посадкѣ войскъ на повтоны, до отплытія послѣдняго эшелона 14-й дивизіи, вмѣстѣ съ которымъ переправился также и его высочество.

Осмотрѣвъ и поблагодаривъ войска, государь императоръ отправился въ Систово, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ. Приложившись ко кресту, его величество отправился въ городской соборъ, гдѣ прослушалъ лѣтію съ многолѣтіемъ. На мраморномъ помостѣ этого собора, предъ царскими дверями, вѣшана бѣлая плита съ рельефнымъ изображеніемъ двуглаваго орла; другой такой же орелъ изображенъ на фронтонѣ хоръ ¹⁾. Обстановка православнаго храма, характеръ письма иконъ, рѣзба иконостаса и служеніе на томъ же самомъ церковно-славянскомъ языкѣ—все это такъ напоминало Россію, и въ особенности нѣкоторые наши монастырскія

стародавнія церкви, все это казалось такъ близко, нѣяло роднымъ, знакомымъ, точно мы вдругъ очутились бы у себя дома, на родной русской землѣ... И дѣйствительно, можно сказать, что въ нравственномъ смыслѣ мы были дома, среди населенія, встрѣчавшаго насъ съ восторгомъ, какъ брать брата послѣ долгой разлуки. Изъ собора его величество проѣхалъ по главной улицѣ города. Женщины усыпали путь государя цвѣтами, населеніе бросалось къ его ногамъ, цѣловало его руки и одежду; тысячи устъ посылали ему привѣтъ и благословеніе. Вечеромъ его величество, вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, возвратился въ Зимницу.

17-го іюня, въ три часа пополудни, было отслужено торжественное молебствіе по случаю благополучной переправы и побѣды надъ турками. Мѣстомъ служенія былъ избранъ высокий древній курганъ, на берегу Дуная, близъ Зимницы и какъ-разъ напротивъ Систова. Служило все военное духовенство 12-го корпуса и болгарскихъ дружинъ, въ числѣ одиннадцати священниковъ и одного болгарскаго архимандрита, отца Амфілогія. Войска стояли вокругъ въ батальонныхъ ротныхъ колоннахъ. Ровно въ три часа пополудни къ мѣсту служенія прибылъ государь императоръ съ наследникомъ цесаревичемъ, великимъ княземъ главнокомандующимъ и другими, находящимися здѣсь членами царствующаго дома. Объѣхавъ фронтъ восторженно его встрѣтившихъ войскъ, государь взошелъ на курганъ и, ставъ на разостланномъ коврѣ, приказалъ начинать молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Хоръ пѣвчихъ составленъ былъ изъ офицеровъ 12-го корпуса. Во время чтенія апостола, его величество изволилъ подойти къ благочинному 12-й пѣхотной дивизіи, о. Иванову, и приказалъ ему—послѣ многолѣтія царствующему дому, возгласить «вѣчную память» воинамъ, павшимъ въ дѣлѣ при переправѣ. Съ глубокимъ смиреніемъ державный вождь русскаго народа, первый изъ всѣхъ молящихся, опустился на колѣни и со слезами вознесъ горячую молитву объ упокоеніи душъ своихъ доблестно павшихъ воиновъ. Болѣе тридцати тысячъ собравшихся здѣсь войскъ, всей массой, послѣдовали примѣру своего монарха. По окончаніи молебна и по окропленіи св. водой стоявшихъ впереди, предъ курганомъ, гвардейцевъ конвойной роты, предназначенныхъ, въ числѣ девяти человекъ, къ награжденію анаками отличія военнаго ордена, началась и самая раздача крестовъ. Великій князь главнокомандующій лично вызывалъ по списку тѣхъ особъ его величества cadaго изъ удостоенныхъ,—и государь собственноручно вручалъ каждому его награду и, сказавъ по нѣскольку милостивыхъ словъ благодарности за храбрость и молодечество, cadaго удостоилъ поцѣлуемъ.

¹⁾ Впослѣдствіи, подобные же орлы намъ приходилось встрѣчать во множествѣ церквей Болгаріи. Одно изъ двухъ: или турки не заглядывали въ православные храмы иначе, какъ съ цѣлью грабежа, или же не придавали этому символу политическаго значенія, считая его удѣльнымъ преданіемъ времени Византійской имперіи.

Когда кресты были розданы, его величество приказалъ солдатамъ, удостоеннымъ воинской награды, взойти на курганъ и изволять командовать всѣмъ войскамъ: «Новымъ георгиевскимъ кавалерамъ честь отдать: батальоны—на плечо!» При этомъ государь приложилъ руку къ козырьку и вмѣстѣ со всей массой войскъ провозгласилъ «ура» кавалерамъ, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ главнокомандующаго; когда же наконецъ крики утихли, его величество, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Жаль, что не могу видѣть и лично благодарить и награждать храбрецовъ, которые на томъ берегу» и, обратясь къ одному изъ членовъ своей свиты, присовокупилъ: «Потѣшай на ту сторону и скажи тѣмъ храбрецамъ, что мы здѣсь горячо молимся за нихъ павшихъ товарищей». Войскамъ же 12-го корпуса его величество изволилъ выразить свою увѣренность въ томъ, что и они, когда придетъ очередь, исполнять долгъ свой такъ же, какъ и ихъ товарищи. По отбѣдѣ государя императора, части, присутствовавшія при молебствіи, съ музыкой разошлись по своимъ бивуакамъ.

Къ наводкѣ моста между румынскимъ и болгарскимъ берегами было приступлено 16-го іюня. Доставка мостовыхъ матеріаловъ и принадлежностей къ Зимницѣ можетъ быть также отнесена къ числу смѣлыхъ подвиговъ. Всѣ деревянные плоты, понтоны, настилка и проч. еще ранѣе были собраны въ устьѣ Алуты. Спускъ ихъ въ Дунай и проводъ внизъ по рѣкѣ до мѣста назначенія могъ быть совершенъ не иначе, какъ подъ огнемъ никопольскихъ укрѣпленій. Это опасное предпріятіе было исполнено въ три ночи: на 15-е, 16-е и 17-е іюня. Первый транспортъ, состоявшій изъ ста деревянныхъ понтоновъ, провелъ капитанъ 1-го ранга Новосильскій, слѣдующій самъ въ аррьергардѣ, на послѣднемъ понтонѣ; головной же понтонъ, на которомъ находились начальникъ инженеровъ арміи, генералъ-майоръ Делпъ, со знаменемъ 5-го сапернаго батальона въ рукахъ, и командиръ этого батальона, полковникъ Свищевскій, велъ лейтенантъ Ломанъ. Непріятель замѣтилъ это движеніе уже тогда, когда мимо Никополя проходилъ хвостъ отряда, но ружейный и артиллерійскій огонь его не нанесъ ни малѣйшаго вреда ни людямъ, ни понтонамъ, которые въ полномъ составѣ пришли къ Фламундѣ, откуда въ слѣдующую ночь прибыли къ Зимницѣ, подъ личнымъ начальствомъ великаго князя Алексѣя Александровича. Въ ночь съ 15-го на 16-е іюня такъ-же смѣло прошелъ и второй транспортъ, состоявшій изъ 50-ти понтоновъ и 34-хъ плотовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Зубова, который шелъ на головномъ, а его помощникъ, лейтенантъ Макаровъ—на заднемъ понтонѣ; на плотѣхъ же находились мичманъ Ивановскій и прапорщикъ

Мошинскій. Движеніе это было открыто неприятелемъ въ половинѣ третьяго часа ночи и преслѣдовалось огнемъ со всѣхъ никопольскихъ батарей, причемъ одинъ изъ мѣстныхъ лопмановъ-румыновъ, будучи раненъ, выскочилъ на берегъ, и его примѣру послѣдовали, уже безъ всякой причины, кромѣ страха, прочіе лопманы-румыны съ пяти ближайшихъ плотовъ. Оставшіеся на плотѣхъ саперы, по своей малочисленности и незнакомству съ русломъ и силой теченія рѣки, не могли справиться одни съ шестью плотами; но, не теряя присутствія духа и соображенія, они причадили въ берегъ, подъ сильнымъ огнемъ свисали два плота вмѣстѣ и, войдя на нихъ въ линію, спокойно продолжали плыть по назначенію. Остальные четыре плота отнесло теченіемъ къ турецкому берегу, но они на слѣдующій же день были молодецки уведены оттуда, подъ огнемъ, тремя охотниками—казакъ и артиллеристами. Наконецъ, въ ночь съ 16-го на 17-е іюня были опущены мимо Никополя остальные 30 плотовъ. Зимницкій мостъ долженъ былъ быть готовъ 18-го іюня, но страшная буря, поднявшаяся на Дунай въ ночь съ 17-го на 18-е, разорвала его, причемъ потонуло 26 понтоновъ. Какъ только утихла непогода, понтонеры тотчасъ же еще ретивѣе принялись за работу, и къ утру 20-го числа мостъ былъ уже вполне оконченъ. Съ этого дня пошло уже безостановочное сообщеніе между обоими берегами, и потому, по избѣжанію задержекъ и встрѣчныхъ столкновеній на узкой настилкѣ, назначены были часы для правильнаго движенія въ ту и другую сторону; по концамъ моста выставлены сигнальные шесты и часовые, учреждены офицерскія дежурства; все полотно главнаго моста, равно какъ и всѣ остальные мосты на протокахъ и затонахъ осѣщены фонарями; кавалерія и пѣхота проходить по настилкѣ не иначе, какъ разомкнутыми рядами, а артиллерія и обозы на широкихъ дистанціяхъ. Но такъ какъ необходимая регуляція движенія служить въ то же время и его задержкой, то признано необходимымъ приступить къ устройству второстепенно-зимницкаго моста (по теченію выше перваго), съ тѣмъ, чтобы по одному изъ нихъ совершалось только обратное движеніе.

17-го іюня государь императоръ соизволилъ отдать по войскамъ нижеслѣдующій высочайшій приказъ *):

*) Объявленіе сего высочайшаго приказа по войскамъ дѣйствующей арміи сопровождалось слѣдующимъ приказомъ великаго князя главнокомандующаго, отъ 24-го іюня 1877 г. за № 106.

«Слѣду объявить высочайше повѣреннымъ мнѣ войскамъ приказъ, который благоугодно было государю императору отдать сего (17-го) числа въ Зимницѣ по войскамъ дѣйствующей арміи, равно какъ, и выписку изъ высочайшаго при-

«Главная квартира въ Зимницѣ (на Дунаѣ) 17-го іюня 1877 года.

«Слѣдивъ съ живымъ участіемъ, съ самаго объявленія войны, за всѣми распоряженіями главнокомандующаго дѣйствующей арміей, для сосредоточенія войскъ къ назначеннымъ пунктамъ, я лично убѣдился въ примѣрномъ порядкѣ въ движеніяхъ, въ заботахъ о сохраненіи здоровья войскъ, о продовольствіи ихъ, а затѣмъ и въ искусныхъ распоряженіяхъ для исполненія совершившихся нынѣ съ полнымъ успѣхомъ переправъ чрезъ Дунай, первоначально частями 14-го армейскаго корпуса у Галаца и Браилова, а потомъ и главными силами у Зимницы. Бывъ очевидцемъ превосходнаго дѣйствія нашей артиллеріи, работъ неутомимыхъ саперъ и понтонеровъ, отважныхъ подвиговъ состоявшихъ при арміи моряковъ и, наконецъ, геройскихъ дѣйствій частей войскъ, участвовавшихъ въ бояхъ 10-го іюня на Буджакѣ и 15-го іюня при Систовѣ, я поставлю себѣ въ истинное удовольствіе выразить мою сердечную и глубокую признательность его императорскому высочеству главнокомандующему дѣйствующей арміей, его ближайшимъ помощникамъ и храбрымъ войскамъ моимъ, покрывшимъ себя новой славой.

«Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ, какъ дѣйствующей арміи, такъ и вообще во всѣхъ частяхъ гвардіи, арміи и флота».

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

каза по военному вѣдомству отъ того же числа *).

«Повторяю вамъ, доблестныя войска, съ первымъ вашимъ успѣхомъ на боевомъ поприщѣ, давшемъ намъ всѣмъ случай заслужить „спасибо“ нашего отца-государя. Горжусь командовать вами и увѣренъ, что съ такими молодцами мнѣ удастся преодолѣть всѣ предстоящія вамъ трудности и добиться той святой цѣли, для достиженія которой обнажилъ мечъ нашъ обожаемый отецъ и благодѣтель».

*) Въ этомъ послѣднемъ высочайшемъ приказѣ государь императоръ изволилъ выразить „свою сердечную признательность“ великому князю главнокомандующему и начальнику его штаба, „искреннюю благодарность“ прочимъ начальникамъ полевыхъ управленій арміи и командирамъ 14-го и 8-го армейскихъ корпусовъ, на которыхъ лежали главные распоряженія на переправахъ, а также непосредственно командовавшимъ перешедшими въ головѣ корпусовъ частями войскъ генералъ-майорамъ Жукову и свиты его величества Драгомирову, равно какъ и генералу Рихтеру, высочайшее благоволеніе командирамъ бригадъ и полковъ, всѣмъ прочимъ командирамъ частей, начальникамъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, участвовавшимъ въ переправахъ; нижнимъ же чинамъ, молодецки исполнившимъ свой долгъ въ жаркихъ бояхъ 10-го и 15-го іюня, его величество объявляетъ свое милостивое спасибо и жа-

Въ тотъ же день и великій князь главнокомандующій объявилъ по войскамъ приказъ (за № 96) слѣдующаго содержанія:

Главная квартира, 1. Зимница, 17-го іюня 1877 годъ.

«Войска вѣрною мнѣ арміи!

«Самое трудное дѣло предстоящей намъ кампаніи—переходъ черезъ Дунай—совершенно, и совершенно блистательно въ Галацѣ, Браилѣ и въ Систовѣ.

«Тамъ и здѣсь войска, бывшія въ дѣлѣ, вели себя по-истинѣ героически. Ни казавшіяся непреодолимыми препятствія природы, ни громадные средства обороны врага, ни его упорное сопротивленіе не остановили васъ.

«Вы побороли все и явились достойными тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагаетъ на васъ обожаемый нашъ монархъ, а съ нимъ и вся Россія.

«Рядомъ съ непобѣдимымъ мужествомъ войскъ, одолѣвшихъ штыкомъ и пулей врага, не меньшее геройство и самоотверженіе показано было воими чинами и частями войскъ, подготавливавшими средства для переправы.

«Моряки, саперы и казаки, пѣхота, кавалерія и артиллерія непрерывно другъ передъ другомъ работали безъ усталы надъ подготовкой лодокъ, плотовъ, надъ проводомъ ихъ подъ огнемъ непріятельской крѣпости къ мѣсту переправы, надъ ослабленіемъ непріятельской артиллеріи. Моряки, съ самыми скудными средствами, на утлыхъ ладьяхъ, борются съ минами, взрываютъ ихъ или заграждаютъ минами и дѣлаютъ ихъ безвредными.

«Не могу нахвалиться добросовѣстнымъ исполненіемъ всеми чинами своего долга, а равно мужествомъ и безстрашіемъ, съ которыми войска бились съ врагомъ.

«Не имая заслугамъ, а вашему самоотверженію и мужеству приписываю я награду—орденъ Св. Георгія 2-й степени, которымъ государь императоръ удостоилъ меня пожаловать. Не я, а вы заслужили эту награду.

«Сердечное спасибо мое всѣмъ—отъ старшихъ начальниковъ до рядового!

«Продолжайте же работать и напередъ такъ, какъ начали, и мы исполнимъ то святое дѣло, на которое послалъ насъ царь и за успѣхъ котораго молится вся Россія!»

Приказъ этотъ былъ прочитанъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

При движеніи арміи впередъ, великій князь главнокомандующій призналъ необходимымъ соединить въ отдѣльный отрядъ 12-й и 13-й армейскіе корпуса, назначивъ этому отряду особую цѣль дѣйствій въ опрестностяхъ крѣ-

дуетъ по два рубля на каждого изъ строевыхъ чиновъ.—Выписка изъ сего высочайшаго приказа подписана военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ.

пости Рушукъ, почему и самый отрядъ названъ Рушукскимъ, а общее начальство надъ нимъ вѣрено государю наслѣднику цесаревичу. Но кромѣ этихъ двухъ корпусовъ, подъ начальствомъ его императорскаго высочества поступаютъ и всѣ тѣ части, отряды и команды, которыя будутъ находиться въ районѣ дѣйствія двухъ названныхъ корпусовъ, по обоимъ берегамъ Дуная: на лѣвомъ—ниже рѣки Веде до устья Арджиса включительно, а на правомъ—ниже рѣки Янтры. Наслѣдникъ цесаревичъ вступаетъ въ командованіе означенными корпусами и частями войскъ по присоединеніи къ 12-му корпусу 13-го армейскаго корпуса, т. е. съ 25-го іюня, причемъ въ командномъ отношеніи его императорскому высочеству предоставляются права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время ¹⁾, а въ отношеніи военныхъ дѣйствій—право самостоятельныхъ распоряженій, на основаніи тѣхъ общихъ указаній, которыя будутъ отдаваемы великимъ княземъ главнокомандующимъ. На должность начальника штаба Рушукскаго отряда назначенъ командиръ 12-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Ванновскій, командованіе же 12-мъ корпусомъ возложено на великаго князя Владиміра Александровича ²⁾.

Приказомъ главнокомандующаго отъ 20-го іюня (за № 98), свѣты его величества контръ-адмиралъ великій князь Алексѣй Александровичъ назначенъ начальникомъ всѣхъ морскихъ командъ, находящихся на Дунаѣ, съ тѣмъ, чтобы команды эти, для ближайшаго распоряженія ими и по продовольственной части оставались въ вѣдѣніи: на нижнемъ Дунаѣ—командира 14-го корпуса, а на среднемъ—начальника инженерной дѣйствующей арміи.

Въ эти же дни сдѣлано не мало весьма важныхъ распоряженій по разнымъ отраслямъ управленія, какъ армію, такъ и болгарскимъ краемъ, а именно:

1) Приказано—послѣ всякаго сраженія или стычки съ непріятелемъ, старшему изъ начальниковъ войскъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, доставлять въ полевой штабъ арміи свѣдѣнія о числѣ и именахъ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшихъ ³⁾.

2) Объявлена во всеобщее свѣдѣніе жителей и войскъ прокламація главнокомандующаго о характерѣ преступленій, подлежащихъ военному полевому суду, не изъемя изъ онаго не только лицъ мужского пола, но и женщинъ, уличенныхъ въ преступленіяхъ, клонящихся къ какому-либо существенному вреду арміи.

3) Объявленъ высочайше утвержденный

¹⁾ На основаніи ст. 506 Полож. о полевомъ упр. войскъ.

²⁾ Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 23-го іюня 1877 г. за № 104.

³⁾ Приказаніе начальника штаба дѣйств. арміи отъ 23-го іюня за № 135.

5-го іюня 1877 года проектъ главныхъ основаній казеннаго управленія во всѣхъ земляхъ болгарскихъ, занимаемыхъ русскими войсками, въ силу чего всѣ коренные жители края, безъ различія вѣроисповѣданія, подлежатъ отправленію личной воинской повинности и потому освобождаются навсегда отъ уплаты подати, взимаемой турецкимъ правительствомъ за взятіе изъ военной службы. Съ 1878 года отменяется навсегда взиманіе десятины (ашуръ) съ произведеній земли, въ замѣтъ чего будетъ введена поземельная подать на правильныхъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду совершенно исключительныхъ и неслужныхъ потребностей, порождаемыхъ войною, десятина въ текущемъ 1877 году будетъ еще взимаема деньгами (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбныя произведенія не будутъ необходимы для продовольствія войска) и натурою (лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска). Откупщикамъ, уже явившимъ у турецкаго правительства на откупъ десятины на текущій годъ, воспрещается взимать ихъ съ жителей, подѣ страхомъ личной и имущественной отвѣтственности, а въ платежахъ, внесенныхъ или вносимыхъ откупщиками за нынѣшній годъ, они считаются съ турецкимъ правительствомъ. Подѣ страхомъ же личной и имущественной отвѣтственности, воспрещается кому бы то ни было покупать, или инымъ образомъ приобретать у откупщиковъ и вывозить изъ селеній и мѣстечекъ тѣ произведенія земли, которыя поступаютъ или уже поступили отъ мѣстнаго населенія къ откупщику, гдѣ бы эти произведенія ни были сложены, потому что всѣ таковыя склады должны быть сданы мухтарамъ (сельскими старостами) русскимъ властямъ, по мѣрѣ ихъ прибытія. Турецкія ассигнаціи (каймѣ) не принимаются въ уплату слѣдующихъ съ населенія податей, которая уплачиваются населеніемъ какъ металлическими деньгами, такъ и русскими государственными кредитными билетами, по курсу, установленному главнокомандующимъ.

4) Объявленъ высочайше утвержденный 20-го іюня 1877 года проектъ основаній для финансоваго управленія въ болгарскомъ краѣ, причемъ денежные сборы обращаются преимущественно на учрежденіе и содержаніе органовъ внутренняго порядка и управленія страны и на покрытіе расходовъ по народному образованію и по устройству болгарскаго ополченія.

5) Объявлена инструкція для учрежденія въ странѣ первоначальнаго военно-полицейскаго управленія, причемъ существующія нынѣ границы санджаковъ, казъ, нахій (губерній, уѣздовъ, волостей) и проч. остаются на первое время безъ измѣненій.

6) Утверждены главные основанія граждан-

скаго управленія въ санджакахъ и казахъ болгарскаго края: по дѣламъ гражданскимъ и финансовымъ, по части судебной, по мѣстному земско-хозяйственному управленію, по отчетности и по полицейскому управленію въ большихъ городахъ, а также издана инструкція о порядкѣ взиманія въ текущемъ году десятинаго налога съ хлѣбныхъ полей и туговъ.

7) Для фуражнаго офицерскаго довольствія, а равно для покупки, попеченіемъ самихъ войскъ, топлива вообще и фуража въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ войскамъ разрешено, установлены (начиная съ 1-го іюня) цѣны: за четверть зерноваго фуража 6 рублей, за пудъ сѣна 50 копеекъ, за пудъ соломы 35 копеекъ и за сажень топлива 17 рублей.

8) На основаніи договора, заключеннаго между нашими и румынскими правительствами, допущенъ беспошлинный привозъ въ Румынію всякихъ предметовъ, назначенныхъ на удовлетвореніе потребностей арміи, кромѣ одного лишь табаку, продажа котораго въ предѣлахъ Румыніи составляетъ исключительную принадлежность особаго общества, взявшаго эту продажу на откупъ у румынскаго правительства.

25-го іюня главная квартира великаго князя главнокомандующаго переходитъ на правый берегъ Дуная и становится бивуакомъ въ семи верстахъ отъ Систова, въ селеніи Царевницѣ (оно же по-турецки Текирь), недалеко отъ развѣтвленія дорогъ, ведущихъ въ Русчукъ и въ Тырново.

XXXVIII.

Зимница и Систово.

Нынешній характеръ Зимницы — Систовскій продовольственный складъ. — Городъ Систово и его наружность. — Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Систовѣ. — Систовскія церкви, бібліотека, языкованіе, торговля и промышленность. — Несостоявшіяся кровавыя наѣзды на системскихъ турукахъ и бѣгство мусульманъ изъ города. — Аварія и грабежъ, предшествовавшіе нашему вступленію. — Водвореніе порядка и оживленіе Систова. — Румынская „Европа“ и болгарская „Азія“. — Оздѣнія болгарскихъ горожанъ. — Мѣстная болгарская интеллигенція. — „Учительки“. — Общественная и семейная нравственность болгаръ. — Мой хозяинъ Вильхъ Поварджіевъ. — Устройство болгарскихъ домовъ, ихъ внутренняя обстановка и домашній обиходъ. — Какъ и что ѣдятъ болгары. — Положеніе прислуги въ семьѣ и отсутствіе профессиональнаго нищенства; гордость и самолюбіе, какъ черты народнаго характера. — Парадный покой зажиточнаго болгарскаго дома. — Портреты государей. — Проказанія изысканныхъ искусствъ, книги, пѣсни, болгарская „Марсельеза“. — Семейный бытъ и отношенія. — Житейскій тактъ болгарскихъ женщинъ. — Характеръ женской красоты. — Значеніе въ народѣ православной вѣры и католическая пропаганда. — Религіозные обычаи, гостепріимство, свадебные обряды, народные обычаи коляды, пиверуды и проч., болгарскіе похороны. — Турецкія кладбища, какъ источникъ заразы.

Бивуакъ при с. Царевница (Текирь) 26-го іюня.

Зимница теперь ликуетъ. Чуть только прослышали въ тылу о состоявшейся переправѣ,

какъ тотчасъ же полетѣли сюда всевозможные іудеи, эллины, румыны, армяне и иные западные и восточные челоѣки, алчущіе и жаждущіе русскаго золота въ замѣну своихъ товаровъ и продуктовъ, подѣльча болѣе чѣмъ сомнительнаго качества. Маркитантъ Брочтъ, разбиравшій свою палатку на какомъ-то заднемъ дворѣ, между двумя-тремя повозками, торгуетъ великолѣпно и деретъ — деретъ за все, про все немилосердно, такъ что если сказать «въ три дѣрога», то это будетъ очень умѣренно. Кабачки и лавченки растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Въ двухъ скверныхъ трактиришкахъ, биткомъ набитыхъ прохлялымъ офицерствомъ, цыганская музыка съ утра и до утра наигрываетъ «Постильона» и «Копелицу»; агенты Грегера, Горвица и Когана заняли подѣ себя одно изъ лучшихъ помѣщеній и шеголюють по улицамъ въ бѣлыхъ офицерскихъ фуражкахъ съ кокардами, въ длинныхъ ботфортахъ съ огромными настѣжными шпорами и съ нагайками черезъ плечо, а нѣкоторые даже понаѣсили на себя револьверы и пашки. Умора, да и только! Однимъ словомъ, въ Зимницѣ весело. Да и какъ не радоваться? Переправа — эта завѣтная и томительная мечта всей дѣйствующей арміи, наконецъ совершилась и, говоря относительно, обошлась намъ очень дешево. Многие, и даже весьма компетентные люди, рассчитывали положить здѣсь тысячу тридцать народа, а вышло того мы не потеряли и тысячи. Массы войскъ придвинулись теперь къ Зимницѣ и бивуакируютъ вокругъ мѣстечка, въ ожиданіи своей очереди къ переправѣ; другія массы всѣхъ родовъ оружія наполняютъ улицы, ведущія къ спуску, и всю низменность вплоть до понтоннаго моста. Въ лагеряхъ подѣ вечеръ раздаются звуки пѣсенъ и музыки. Такова-то теперь физіономія Зимницы, этого сквернаго румынскаго мѣстечка, стоящаго на ровной плоскости и утопающаго въ глубокой и густой, чисто первобытной пыли, которая слѣпить глаза и въ нѣсколько мгновеній покрываетъ въѣдающимся слоемъ все платье.

При занятіи нашими войсками Систова, въ городѣ, по указанію болгаръ, были открыты большіе склады продовольственныхъ запасовъ, принадлежащіе турецкому правительству. Магазины тотчасъ же были опечатаны, и представленъ къ нему караулъ, а затѣмъ составлена приѣмочная коммиссія, подѣ предѣдательствомъ временнаго военнаго коменданта города, командира Житомирскаго полка, полковника Тяжелыникова, въ составъ которой вошли два интендантскихъ чиновника, военный врачъ, три болгарскихъ депутата, изъ членовъ системскаго городского управленія, и, какъ экспертъ, профессоръ химіи Варшавскаго университета А. Н. Поповъ, состоящій при арміи для завѣдыванія дезинфекціонною частью. Послѣдній долженъ былъ обследовать, не отравлены ли

мука и прочіе запасы склада. Всѣ продовольственные запасы оказались доброкачественными, и общее количество ихъ оценено въ 245,000 русскихъ рублей, т. е. около милліона франковъ нарицательныхъ, а именно: на 148,000 рублей кукурузы, на 48,000 руб. пшеницы, на 30,000 руб. овса, на 14,000 руб. ячменя, на 3,000 руб. соли; а на остальную сумму дегтя, смолы, табаку, кофе и другихъ продуктовъ; кромѣ того найдено нѣсколько тысячъ турецкихъ кило пшеничныхъ, отличнаго качества галетъ, которыя вѣрно было раздавать проходящимъ черезъ Систово войскамъ, вмѣсто сухарей, а пшеничное зерно отдава болгарамъ для перемола и печенія хлѣбовъ, за извѣстную плату. Последнее распоряженіе пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому что свѣжій пшеничный хлѣбъ сейчасъ же понадобился для госпиталей, а добыть его на систовскихъ базарахъ почти невозможно, за отсутствіемъ всегдѣшняго спроса на этотъ продуктъ у мѣстныхъ жителей, которые, для удовлетворенія домашнихъ потребностей, за рѣдкими исключеніями, пекутъ хлѣбъ у себя дома. Кукурузу предполагается подмѣшивать въ хлѣбъ, а также давать въ нѣкоторой пропорціи и лошадямъ. Кромѣ продовольственнаго склада, въ Систовѣ оказалась и иная военная добыча, какъ напримѣръ: сорокъ турецкихъ судовъ и нѣсколько лодокъ у пристани и складъ деревяннаго строительнаго матеріала ¹⁾. Городъ Систово или Систовъ — по-болгарски Свиштовъ, а по-русски, стало-быть, Свищовъ ²⁾ — считается однимъ изъ наиболѣе торговыхъ городовъ Болгаріи и одною изъ лучшихъ пристаней на Дунай. Онъ лежитъ на возвышенномъ берегу, высшая точка котораго въ данной мѣстности равняется слишкомъ 900 футамъ.

Это небольшой городокъ, красиво скученный амфитеатромъ на береговыхъ склонахъ и частью на самомъ берегу, у пристани, населенный на половину турками, на половину болгарамъ, причемъ общее количество населенія не превосходитъ восьми или десяти тысячъ ³⁾. Дома жилищныхъ людей, и преимущественно болгаръ, окружены высокими глухими каменными стѣнами, такъ что каждый дворъ является своего рода замкнутымъ укрѣпленіемъ, во внутрь котораго пробраться довольно-таки трудно, если

хозяинъ не заблагоразсудитъ добровольно растворить предъ входящимъ гостемъ свои прочныя, окованныя желѣзомъ, дубовыя ворота, устройство которыхъ очень напоминаетъ наши русскія ворота, съ перекладинами, увѣнчанныя, въ видѣ гребня, небольшими навісцемъ. Если бы пришлось брать Систово штурмомъ, то каждый изъ подобныхъ домовъ могъ бы послужить обороняющемуся прекраснымъ редютомъ. Улицы узки, извилисты и, за исключеніемъ главной, названной нынѣ «Александровскою», очень однообразны, такъ какъ въ большей части изъ нихъ по бокамъ тянутся только глухіе, высокіе каменные заборы; изрѣдка развѣ виднѣется гдѣ-нибудь балкончикъ, устроенный по восточному, фонарикомъ, съ широкими окошками, закрытыми часто деревянною рѣшеткою. Это — навѣрное мусульманскій покинутый домъ, и балкончикъ его принадлежитъ именно гаремной половинѣ, на что указываетъ необходимая ея принадлежность, т. е. рѣшетка. Впрочемъ, многіе болгарскіе дома строятся по этому же образцу, причемъ верхніе этажи одинъ за другимъ выдвигаются надъ нижними — верандами и фонариками на разстояніе около аршина каждый. Типъ такихъ построекъ, крытыхъ черепицею или гонтомъ, очень красивъ и своеобразенъ. Въ нижней торговой части города, называемой «Агенція», дома и лавки почти сплошь европейскаго, но самаго неуклюжаго и скучнаго характера, въ родѣ того, какими у насъ отличаются казенные хлѣбные магазины. Всѣ они выстроены вновь послѣ пожара 1870 года.

Въ верхнемъ же городѣ, носящемъ названіе «Чука», почти каждый домикъ окруженъ цвѣтникомъ и фруктовымъ садикомъ, съ рѣшечатымъ винограднымъ навѣсомъ и непременно съ цистерною, колодезью или фонтаномъ, что придаетъ внутренней сторонѣ этихъ каменностѣнныхъ дворовъ очень милый, уютный и даже поэтический характеръ. Городскихъ площадей не существуетъ, а есть только небольшія, неправильной формы площадки, обсаженныя бѣлой акаціей или каштанами и непременно снабженныя въ одномъ изъ своихъ угловъ общественной цистерной, которая представляется въ видѣ фронтона, облицованнаго плитнякомъ или мраморомъ, гдѣ въ верхней части изображены вязью, не рѣдко позолоченною, какія-то благочестивыя турецкія или болгарскія надписи и изреченія. Здѣсь обыкновенно собираются кучки женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей съ кувшинами и металлическими ведрами. Это нѣчто въ родѣ ихъ клуба или фойе, гдѣ сообщаются другъ дружкѣ всѣ городскія и нѣныя новости, слухи и ведутся дружескія, оживленныя бесѣды. Мѣстность, на которой расположенъ городъ, въ придунайской своей части изрыта глубокими водомоинами и оврагами, прорѣзывающими ее въ нѣсколькихъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи митенвантское вѣдомство какъ бы вовсе забыло о существованіи систовскаго склада, еще и въ позднюю осень неизмѣнно охранявшагося часовыми, между тѣмъ какъ войска, проходившія въ это самое время черезъ Систово, уже терпѣли нѣкоторыя лишены въ продовольствіи.

²⁾ У насъ почему-то усвоилось румынское и австрійское произношеніе имени этого города.

³⁾ Въ Систовѣ считается 2,000 домовъ болгарскихъ, до 100 валахскихъ, 1,539 турецкихъ и 160 цыганскихъ.

мѣстахъ и въ разныхъ направленіяхъ, на самой высокой надбережной скалѣ высятся каменные развалины древняго укрѣпленія. Въ настоящее время тамъ кто-то изъ болгаръ водрузилъ высокій шестъ съ русскимъ національнымъ флагомъ.

Время основанія Систова въ точности не извѣстно, но относится ко временамъ Римской имперіи, чему и доселѣ служить свидѣтелемъ, въ западномъ концѣ города, самый характеръ постройки древнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ турками во время ихъ нашествія на эти страны. Съ 1790 года Систово получаетъ европейскую извѣстность, какъ мѣсто подписанія австрійско-турецкаго мирнаго трактата, опредѣлявшаго нынѣшнія границы между этими двумя государствами. Съ этого же времени начинается и эпоха враждебнаго раздѣленія интересовъ въ восточной политикѣ между Австріей и Россіей. Въ нашу войну съ Турціей, въ 1809 году, турки ожидали здѣсь переправы русской арміи и потому укрѣпили городъ, но въ слѣдующемъ 1810 году генералъ-майоръ Сентъ-При (Saint-Priest) сжегъ городъ и разрушилъ его укрѣпленія, а въ 1820 году Систово является уже вновь обстроеннымъ и укрѣпленнымъ. Въ войну 1828—29 годовъ жители Систова, тѣснимые турками, бѣжали въ Зимницу и на сѣверъ отъ нея, гдѣ и основали городъ Александрію—недавнее мѣсто пребыванія обѣихъ нашихъ главныхъ квартиръ. Русскія батареи, построенныя на лѣвомъ берегу Дуная генераломъ Хрулевымъ, заставили въ февралѣ 1854 года турецкія канонерки отойти отъ Систова вверхъ по Дунаю и укрыться въ рѣкѣ Осмѣ, за Никоподемъ. Въ нынѣшнюю войну турки, полагая, что мѣстность вокругъ Систова положительно неприступна, оставили его почти безъ всякой защиты: весь гарнизонъ города состоялъ только изъ двухъ таборовъ; тѣ же три-четыре табора, съ которыми мы вѣли дѣло на восточныхъ возвышенностяхъ Текляръ-дере, не входили въ составъ мѣстной береговой защиты. Они были направлены изъ Рушукъ въ Никополь, для усиленія тамошняго гарнизона, въ виду ожидаемой переправы у Флаунды и Турну, такъ что—какъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые турецкіе плѣнные и мѣстные жители—если бы мы вздумали переправляться здѣсь сутками раньше, или сутками позже, то, пожалуй, не встрѣтили бы вовсе никакого отпора.

Въ Систовѣ находятся четыре православныя церкви: св. Димитрія, св. Петра, преображенская и покровская. Двѣ изъ нихъ имѣютъ купола и колокольни, на которыя, впрочемъ, колокола повѣшены только со дня нашего прихода въ городъ, а до тѣхъ поръ долгое время они хранились въ церковныхъ склепахъ, такъ какъ турки не позволяли звонить православнымъ христіанамъ. Эта привилегія

дана была только совратившимся, при агитаціи извѣстнаго Цанкова, въ римское католичество. Мѣстное населеніе свято чтитъ свои храмы, какъ заветный символъ своей народности и единенія съ православной Россіей, а потому удѣляетъ значительную часть своихъ доходовъ на поддержаніе ихъ благолѣпія и на развитіе народнаго образованія. Въ Систовѣ есть публичная бібліотека («читальниште»), шесть начальныхъ училищъ, изъ коихъ три для дѣвочекъ, одно среднее четырехъ-классное учебное заведеніе и высшее болгарское училище, насчитывающее до полутора ста учениковъ и ученицъ; учительскій же персоналъ низшихъ учебныхъ заведеній состоитъ изъ 13-ти учителей и 7-ми «учителейъ» (наставницъ). Между мѣстными болгарами, благодаря непрерывнымъ международнымъ сношеніямъ, есть очень много лицъ, прекрасно владѣющихъ языками русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, турецкимъ, сербскимъ и румынскимъ. Да и кромѣ того болгарскій языкъ, замъ по себѣ, на столько близокъ къ нашему, что мы не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ затрудненій въ сношеніяхъ съ жителями. Такъ какъ Систово—городъ торговый, то въ немъ живетъ очень много зажиточныхъ купцовъ и промышленниковъ; послѣдніе занимаются преимущественно рыбными ловлями въ Дунаѣ и обширномъ Систовскомъ озерѣ, лежащемъ въ низменности, западнѣе города, и сливающимся въ каждый разливъ съ водами Дуная. Привозные товары на мѣстномъ рынкѣ имѣютъ преимущественно австрійскаго происхожденія; до Восточной же войны 1853—56 годовъ, когда Россія обладала дунайскимъ устьемъ, здѣсь сильно и не безвыгодно соперничали съ австрійскими произведеніями товары русскіе, и надо думать, что съ возвращеніемъ къ намъ румынской Бессарабіи, русское торговое вліяніе возстановится на придунайскихъ болгарскихъ рынкахъ.

Турецкое населеніе Систова не ожидало столь быстраго вступленія русскихъ въ Болгарію и еще менѣе думало, что переправа совершится именно у ихъ города. Турки вообще плохо вѣрили въ возможность скорой переправы въ какомъ бы то ни было пунктѣ и были убѣждены, что дѣло долго еще протянется въ артиллерійскихъ перестрѣлкахъ между обоими берегами, а тамъ—Аллахъ дастъ—выѣшется «инглизъ», и все обойдется благополучно. Такова была увѣренность, которую они высказывали повсюду, а болѣе всего въ цирюльняхъ (онѣ же и кофейни), во время сладкаго кейфа и дружеской бесѣды за урчащимъ «наргиле»¹⁾. Но въ то же время по Систову ходили и мрачныя для болгаръ слухи, распускаемые изъ-подъ руки турецкими же чиновника-

¹⁾ Родъ кальяна, но меньшихъ размѣровъ.

ми. Вѣрно ли, нѣтъ ли, но здѣсь были положительныя толки, что турецкіе аскеры и черкесы изъ нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній готовятся къ повальному избиенію сисовскихъ христіанъ, какъ измѣнниковъ «падишаху», осмѣливающихся сочувствовать замысламъ «москѡва». Увѣряютъ, что уже были составлены два проскрипціонныя списка: въ одномъ находились имена лицъ, обреченныхъ на убіеніе, а въ другомъ—имена женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ турки предполагали увести на продажу въ Малую Азію. Замѣчательно, однако, вотъ что: турецкое население стало почти поголовно выбираться изъ Сисова въ глубь страны еще съ 13-го на 14-е іюня болѣе чѣмъ за сутки до нашей переправы. Это невольно наводитъ на сомнѣніе, что день и мѣсто ея едва ли составляли непроницаемую тайну для турокъ, если не предположить въ нихъ инстинкта крысъ и черныхъ таракановъ, которые — какъ увѣряютъ — заблаговременно покидаютъ жилище, въ предчувствіи скорого пожара или наводненія. Все, что было цѣннаго, бѣглецы забрали съ собой; остались только матрацы, лишняя домашняя утварь, да разныя книжки (преимущественно въ мечетяхъ), которыя, къ сожалѣнію, были изодраны въ клочья и истреблены болгарами, равнѣе чѣмъ русскія власти подумали наложить запрещеніе на мечетное имущество. По выѣздѣ изъ города турецкихъ властей и жителей, здѣсь на вѣкоторое время наступило царство полной анархіи, въ рабочемъ и вообще недостаточномъ классѣ христіанскаго населенія разыгрались дурныя инстинкты, которые повлекли этихъ людей на грабежъ оставленнаго имущества и разореніе турецкихъ жилищъ. Когда мы вступили въ городъ, то уже нашли значительную часть турецкихъ кварталовъ чуть не въ полномъ разрушеніи: двери, рамы и стекла оконъ были либо выбиты и исковерканы, либо унесены кѣмъ-то на собственную потребу; утварь—въ черепкахъ, кладовыя—что называется, шанорутъ на выворотъ; подушки, тюфяки, матрацы, обыкновенно набиваемые здѣсь кусочками ваты, овечьей волной и доскутыями—изодраны въ клочья, причемъ все содержимое ихъ, вмѣстѣ съ разной ветошью, равными книжками и рукописями, устилаго большую часть дворовъ и полы всѣхъ горницъ. Болгары все отыскивали—нѣтъ ли въ этихъ тюфякахъ забытыхъ или оставленныхъ впопыхахъ турецкихъ денегъ, но большинство предавалось разоренію только ради самого разоренія, изъ чувства мести, чтобы и слѣда турецкаго здѣсь болѣе не оставалось. Это возмездіе съ обще-гуманной точки зрѣнія, конечно, очень дурно, но оно понятно: болно много уже накопило на душѣ у этихъ людей за вѣковыя насилія надъ ними и за безправію. Впрочемъ, со дня вступленія нашихъ

войскъ, всѣ эти безобразія тотчасъ же прекратились: къ уцѣлѣвшимъ случайно мечетямъ приставлены военныя караулы, разоренныя же—очищены, на сколько возможно исправлены и временно обращены подъ склады и госпитали, такъ что уже 17-го числа надъ нѣсколькими минаретами развѣвались флаги Краснаго Креста, равно какъ и цѣлый рядъ домовъ въ турецкомъ кварталѣ былъ наскоро приведенъ въ кое-какой порядокъ и предназначенъ подъ помѣщеніе одного изъ военно-временныхъ госпиталей. Нашими властями былъ сейчасъ же учрежденъ городской совѣтъ изъ мѣстнаго соборнаго протоіерея и нѣсколькихъ выборныхъ гражданъ, которые, въ свой чередъ, немедленно организовали гражданскую полицейскую стражу, въ помощь нашей военной полиціи,—и полный порядокъ въ городѣ возстановился уже на слѣдующее утро. Улицы, впрочемъ, постоянно были переполнены проходящими войсками, а съ 20-го числа ихъ загрозмоздили интендантскіе транспорты и войсковые обозы, такъ что движеніе становилось подъ-часъ крайне затруднительнымъ. Съ раннаго утра и до поздней ночи въ городѣ кипѣла самая бойкая торговля, преимущественно мѣстными продуктами: винограднымъ виномъ, табакомъ и хлѣбомъ, который, чуть лишь сказалась потребность, болгары тотчасъ же начинали печь на продажу; повсюду пооткрывалось множество мелкихъ лавченокъ, такъ что овѣжались въ каждой двери, въ каждомъ проходѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ и подъ навѣсами на уличныхъ площадкахъ. Въ болгарскихъ «питальницахъ», прямо въ раскрытыхъ широкихъ окнахъ варилась въ мѣдныхъ луженыхъ котлахъ «чорба» съ горлѡдѣрной «паприкой»⁴⁾, безъ которой здѣсь не обходится почти ни одно кушанье, упрѣвалъ жирный пловъ съ бараниной, жарился на угляхъ баранья колбаса и рыба, распространяя въ воздухъ невыносимый смрадный чадъ сала и постнаго масла; тутъ же рядомъ продавались разныя рахатъ-лакумы, халвы и прочія восточныя сласти, вино и ракія, деготь, и сапоги, и галантерейныя вещи — и все это находило себѣ множество покупателей между солдатами. Какіе-то предпріимчивые нѣмцы и французы сейчасъ же пооткрывали «рестораны» для офицеровъ, гдѣ, конечно, за все, про все драли съ послѣднихъ сколько вздумается, и гдѣ скрипки и «нуи» румынско-цыганскаго оркестрика выжали неизмѣннаго «Постильона». Агенты Грегера и К° и здѣсь, конечно, заняли подъ себя нѣсколько лучшихъ помѣщеній, и надъ однимъ изъ нихъ выкинули свой собственный особенный флагъ,—словомъ, Сисово зажилъ вдругъ самой кипучей, лихорадочной жизнью. Но все же въ этомъ отноше-

⁴⁾ Красный стручковый перецъ.

ни здѣсь далеко не было такого безобразія, какъ въ Зимницѣ, гдѣ разная международная саранча сейчасъ же образовала самую безпашную ярмарку, со всѣми ея «прелестями», и гдѣ всѣ гостиницы и вообще свободныя помѣщенія въ обывательскихъ домахъ до такой степени переполнились вдругъ извѣстнаго рода женщинами, что не рѣдко большимъ офицерамъ или сестрамъ милосердія, а также врачамъ, чиновникамъ и офицерамъ, слѣдующимъ къ арміи, приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ.

Чуть лишь переѣдешь въ Систово, какъ уже чувствуешь, что «цивилизованная» Европа осталась позади, за Дунаемъ, и что ты попалъ вдругъ въ коловоротъ чего-то до-нельзя своеобразнаго, невиданнаго, что здѣсь уже начинается Азія или «Туреччина», какъ называютъ солдаты. Это чувствуется во всемъ—въ пестромъ обиходѣ жизни, совершающейся открыто на главной улицѣ, въ характерѣ костюмовъ, построекъ, жилищъ, въ этихъ стройныхъ, бѣлыхъ минаретахъ... Зимница, сколько она ни безобразна сама по себѣ—все же таки «Европа»; въ улицахъ ея задышаешься отъ пыли, но эти улицы достаточно широки и разбиты правильно, на кварталы; здѣсь же пыли нѣтъ, много воды въ цистернахъ, но эти стѣны каменныхъ заборовъ и эти до невозможности узкія улицы, переулки и закоулки представляютъ такой лабиринтъ, что въ немъ съ непривычки, какъ говорится, чортъ ногу сломитъ; людямъ же и подавно можно сломать, потому что мостовыя здѣсь, за исключеніемъ опять-таки главной улицы, представляютъ нерѣдко груды развороченнаго булыжника и плитняка, по которому ходи и гляди подъ ноги въ оба глаза. Однимъ словомъ, тамъ—Европа, здѣсь—Азія, но ея наружность и весь этотъ, такъ сказать, первобытный и наивно-откровенный житейскій уличный обиходъ до такой степени своеобразенъ и новъ для насъ, что невольно привлекаетъ къ себѣ и любопытство, и сочувствіе, именно своей новизной и оригинальностью.

Мало-мальски зажиточныя болгарки всѣ эти дни ходятъ въ своихъ лучшихъ нарядахъ, словно бы въ великій праздникъ; ихъ волосы, заплетенные въ двѣ косы, спущенныя на спину и соединенныя концами какой-нибудь лентой, прячутся подъ легкой головной платочекъ, общій для дѣвушекъ и женщинъ, съ той лишь разницей, что у послѣднихъ онъ преимущественно чернаго цвѣта; дѣвушки же, кромя того, иногда украшаютъ волосы живыми цвѣтами; ихъ талии стянуты широкими узорчато расшитыми поясами, которые застегиваются спереди двумя большими, рельефно орнаментированными, выпуклыми бляхами изъ кованаго серебра; ихъ плечи покрыты щегольски сшитыми, короткими душегрѣйками,

отороченными гагачьимъ пухомъ или какимъ-либо цѣннымъ мѣхомъ, въ родѣ соболя, красной лисицы и т. п. Эти душегрѣйки по большей части шьются изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ; желтаго, пунцоваго, зеленаго и лиловаго; бѣлыя, тонкія сорочки прошиты на воротѣ и рукавахъ разноцвѣтнымъ узорчатымъ и очень напоминаютъ наши русскія и малороссійскія вышивки на подобныхъ же сорочкахъ; на шеѣ у дѣвушекъ—бусы, кораллы или ожерелья изъ серебряныхъ и золотыхъ старыхъ дукатовъ; шерстяныя юбки—по пиколодку, нога обута въ узорчатый чулокъ и узенькую туфлю. Но на сколько милостива болгарка въ своемъ народномъ нарядѣ, на столько же она проигрываетъ, чуть лишь вздумаетъ пощеголять въ европейскомъ модномъ костюмѣ: тутъ уже все на ней выходитъ какъ-то аляповато, нескладно, неграціозно—просто горничная средней руки изъ чиновничьяго семейства. Мужской народный нарядъ состоитъ изъ невысокой баранковой шапки, суконной темно-коричневой или темно-лиловой куртки, широко открытой спереди и прошитой по швамъ, на спинѣ и рукавахъ, черными тесьмами и шурками; очень широкая въ шагу и узкая въ обтяжку за колѣномъ, суконная, одинаковаго цвѣта съ курткой, шаровары, тоже фигурно расшитыя спереди, по гусарски, черными тесьмами; шаровары эти напускаются небольшимъ раструбомъ на подъемъ ступни, обуты въ башмакъ, а грудь и животъ стяннуты широкимъ краснымъ, синимъ или зеленымъ шерстянымъ поясомъ, за которымъ въ настоящее время не рѣдко торчатъ кривой ятаганъ или пара кремневыхъ пистолей. Пожилые зажиточные люди къ этому костюму прибавляютъ суконный широкій и отороченный лисьимъ мѣхомъ кафтанъ,—«джубе» или «шамолажи»,—кончающійся нѣсколько ниже колѣна и покроймъ своимъ отчасти напоминающій расу. Наибольше зажиточные купцы и, такъ называемая, «интеллигенція», по большей части, носятъ европейскій костюмъ, но къ нимъ онъ присталъ точно такъ же, какъ и парижскія моды къ ихъ женщинамъ, и если модницы болгарскія походятъ на горничныхъ, то модники сильно смахиваютъ на закоружлыхъ лакеевъ. Вообще, этотъ народъ уже теперь кажется намъ на столько цѣлостнымъ и своеобразнымъ, что каждое попознание въ немъ на обще-европейскій банальный пошибъ звучитъ какимъ-то рѣзкимъ, фальшивымъ диссонансомъ. «Учительки» здѣшнія въ этомъ отношеніи гораздо чутче «интеллигентныхъ», мужчинъ: онѣ носятъ очень скромный народный костюмъ и всячески стараются въ своихъ маленькихъ школахъ поддерживать и развивать духъ православія и народности. Типъ болгарской учительки—совсѣмъ особенный. Это почти исключительно дѣвушки, сироты,

посвятившия себя учительскому дѣлу, какъ бы по нѣкому священному обѣту, для нихъ учительство — богоугодное дѣло. Воспитаніе свое и нѣкоторые начатки общаго образованія онѣ получили либо въ городскихъ училищахъ, либо же въ женскихъ монастыряхъ (и въ послѣднихъ преимущественно); всѣ онѣ пламенные патриотки, живыя хранительницы народной поэзіи, пѣсень, сказокъ, историческихъ болгарскихъ легендъ, и не рѣдко сами слагаютъ стихи и пѣсни, которыя потомъ изъ устъ въ уста расходятся по всей Болгаріи. Онѣ очень религіозны, и православіе является для нихъ не только вѣрою души, но и святымъ народнымъ знаменемъ. О безупречной чистотѣ ихъ жизни нечего и говорить, тѣмъ болѣе что здѣсь ¹⁾ общественная и семейная нравственность стоитъ на очень высокой степени, что производитъ поразительный контрастъ съ лѣвымъ берегомъ Дуная ²⁾. Поэтому «учительки» повсюду пользуются большимъ и вполне заслуженнымъ уваженіемъ. Дай Богъ, чтобы это такъ сохранилось и на будущее время въ жизни болгарскаго народа.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Систоуѣ, мнѣ довелось прожить въ домѣ зажиточнаго купца Вылка Поварджіева, торгующаго въ нижнемъ городѣ желѣзомъ. Но въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ находится только его лавка, а самъ онъ съ семействомъ живетъ въ собственномъ домѣ, на главной, нынѣ Александровской улицѣ, недалеко отъ городского собора. Въ это же время доводилось мнѣ бывать въ гостяхъ и у другихъ болгаръ—въ одномъ домѣ на именинахъ, въ другомъ на свадьбѣ,—и если я изображу обстановку и бытъ моего хозяина, то это будутъ черты болѣе или ме-

нѣе общія для всѣхъ мѣстныхъ жителей этой категоріи ³⁾.

Домъ Вылка Поварджіева стоитъ во дворѣ, обнесенномъ высокой каменной стѣной, какъ и большая часть болгарскихъ домовъ въ Систоуѣ ⁴⁾. Каменный фундаментъ представляетъ собой первый этажъ, нѣсколько углубленный въ землю, въ это помѣщеніе ведетъ одна только дверь со ступеньками внизъ; оконъ нѣтъ, для того чтобы въ нижнемъ помѣщеніи въ жаркое лѣтнее время поддерживалась постоянная прохлада; свѣтъ проникаетъ сюда только чрезъ раскрытую дубовую, массивную дверь. Это подвальное помѣщеніе служитъ кладовой и изъ него же особый люкъ ведетъ въ подземный погребъ, гдѣ хранятся вина, живность и разные запасы. Въ подвальномъ помѣщеніи, равно какъ и во всемъ остальномъ домѣ всегда поддерживается замѣчательная чистота и опрятность; то же самое и во дворѣ съ очень изящнымъ садикомъ. Тутъ обыкновенно и проводятъ свое время семейство въ знойную пору дня, удаляясь изъ сада, когда солнце начинаетъ пропекать даже и сквозь навѣсъ виноградной бесѣдки. Тутъ женщины занимаются разными домашними работами и рукодѣльями: вяжутъ узорчатые чулки, вышиваютъ шелками и золотой битью платки, полотенца, бархатныя и шелковыя женскія курточки-арнаутки. Въ полдень возвращается изъ лавки хозяинъ, и тогда семья съ молитвой приступаетъ къ обѣду, который подается въ подвальномъ же помѣщеніи. Для обѣда всѣ собираются въ тѣсный кружокъ, присѣвъ на корточки, или поджавъ подъ себя скрещенныя ноги, на разостланной по земляному полу широкой цыновкѣ. Разсаживаются они такимъ образомъ вокругъ очень низенькаго (не болѣе какъ на четверть отъ пола) круглаго стола, называемаго «*маза*» или «*низка собра*» ⁵⁾, который весь заставляется разными кушаньями; между послѣдними болгарскій борщъ—«*чорба*», или лимонный супъ изъ курицы съ рисомъ, пилавъ, жареная баранина, или «паприкаржъ», т. е. баранье рагу съ лукомъ и паприкой, играютъ главнѣйшую, рѣдко измѣняемую роль. Хлебаютъ, по большей части, изъ общей миски, или же накладываютъ себѣ кушанья на особыя тарелки, которыя во время ѣды держатъ въ лѣвой рукѣ, либо на колѣняхъ. Прислуга—кухарка и паренъ—принеся кушанье, садится тутъ же, за одинъ

¹⁾ Какъ и во всей вообще Болгаріи.

²⁾ Въ Систоуѣ, между прочимъ, въ первые же дни по переходѣ войскъ за Дунай, появилось нѣсколько румынскихъ наемнаго рода женщинъ. Городской советъ тотчасъ же выпроводилъ ихъ обратно въ Зимницу, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что въ нашемъ-де городѣ испоконъ вѣку такой мерзости не водилось. Это, если хотите, даже чересчуръ уже пуритически. Супружеская измѣна здѣсь просто неслыханное дѣло, и нарушившій законъ не найдетъ бы себѣ мѣста въ обществѣ; на него всѣ смотрѣли бы какъ на потерявшаго честь и достоинство, опозореннаго человѣка, а въ простомъ народѣ незблемая вѣра въ дѣвическую нравственность доходитъ до такой степени, что во многихъ мѣстностяхъ дѣвушкамъ до выхода замужъ не въ обычаѣ ходить и къ причастію. Однажды, когда я, удивленный этимъ обстоятельствомъ, спросилъ одну почтенную мать семейства, почему это такъ, она мнѣ отвѣтила о своей 16-ти-лѣтней дочери: «ей пока еще не въ чѣмъ каяться, она чиста, она—*ангелъ*». Можно представить себѣ, какимъ ужаснымъ, невыносимымъ оскорбленіемъ, при такомъ-то взглядѣ, являлись для болгаръ эти вѣчныя изнасилованія турками ихъ женщинъ.

³⁾ Тѣ же черты, какъ приглядывался я впоследствии, суть общія и для всей Болгаріи.

⁴⁾ Въ другихъ городахъ, далѣе въ глубь страны, этотъ характеръ построекъ является уже не столь исключительнымъ.

⁵⁾ Первое названіе румынскаго, а второе турецкаго происхожденія. У румынъ (кроме вышеназваннаго сословія) и у турокъ ѣдятъ за обѣдомъ и ужиномъ на точно такихъ же столикахъ,—обычай заимствованный, очевидно, съ востока.

столъ съ хозяевами, и ѣсть вмѣстѣ. Все это очень патриархально, да иначе и нельзя, потому что, при отсутствіи кастъ и сословій, здѣсь всѣ равны между собой; всѣ болгары, «Божьи дѣти» и всѣ—турецкая раба, да и кроме того, въ общественномъ быту, уважительные и почтительные къ старшимъ въ своемъ племени, болгары вообще горды и самолюбивы; поэтому, они считаютъ даже унизительнымъ для себя быть въ услуженіи у другихъ; пойти въ услуженіе къ чужимъ людямъ можетъ заставить болгарина только крайняя нужда; и хозяева, понимая и щадя самолюбіе прислуги, стараются сдѣлать для нея зависимое ея положеніе какъ можно безобиднѣе, принимая прислугу какъ бы въ члены своего собственнаго семейства. По этой же причинѣ и нѣщихъ между ними въ обыкновенное мирное время очень мало ¹⁾; если болгарское дитя остается сиротой, безъ отца и матери, то какой-нибудь зажиточный болгаринъ беретъ его въ свою семью на воспитаніе, для того только, чтобы нищество не позорило ихъ племени; и вотъ изъ этихъ-то сиротъ, по большей части, и выходятъ семейная прислуга; это какъ бы младшіе или побочные члены семьи, на которыхъ возлагается извѣстный родъ домашней работы ²⁾. По окончаніи обѣда, опять-таки не иначе какъ съ молитвой, наступаетъ общій кратковременный отдыхъ, послѣ котораго хозяйка снова уходитъ въ свою лавку, а женщины принимаются либо за рукодѣлье, либо ухаживаютъ въ садикѣ за цвѣтами, виноградомъ и плодовыми деревцами, либо же усаживаются съ ручной работой въ тѣни, на коврѣ, и слушаютъ чтеніе книжки или газеты, читаемой кѣмъ-либо изъ членовъ семьи. Подъ вечеръ, т. е. часа въ четыре или въ пять, къ нимъ являются гости—по большей части женщины, иногда съ дѣтьми, и тогда вся семья переходитъ въ верхнюю половину дома; тамъ же, гдѣ верхняго этажа нѣтъ, приемъ происходитъ въ особой парадной комнатѣ. Во всѣхъ вообще болгарскихъ домахъ—будетъ ли они одно или многоэтажные—съ крыльца вы подымаетесь въ просторную, свѣтлую прихожую, гдѣ, какъ хозяйка, такъ и гости снимаютъ съ себя башмаки и туфли; это обыкновеніе, впрочемъ, не простирается на мужчинъ, носящихъ сапоги, которые, прежде чѣмъ войти, всегда надо тщательно обтереть съ подошвы объ особую стель-

ку, положенную предъ входною дверью, а иначе вы рискуете показаться невѣжливымъ, не знающимъ правилъ приличія и общежитія. Изъ прихожей нѣсколько дверей ведутъ въ особые комнаты, которыя не всегда живутъ внутреннее сообщеніе между собой, такъ что изъ одной комнаты въ другую надо переходить черезъ прихожую. Въ боковыхъ горницахъ помѣщаются отдѣльные члены семейства, но спальное помѣщеніе мужа съ женой всегда общее для обоихъ, и это, такъ сказать, святая святыхъ, куда нѣтъ входа не только для постороннихъ, но и члены семьи не имѣютъ на него права, безъ предваренія голосомъ или стукомъ въ дверь. Одна или двѣ сообщающіяся между собой комнаты служатъ параднымъ мѣстомъ приема гостей. Онѣ всегда достаточно свѣтлы и содержатся въ замѣчательной, можно сказать, голландски-педантической чистотѣ, такъ что лица, носящія башмаки или туфли, входятъ сюда не иначе какъ въ чулкахъ, и такъ остаются во все время своего тамъ пребыванія. Въ одной изъ такихъ комнатъ наружная стѣна не рѣдко представляетъ собой сплошной рядъ стекольчатыхъ рамъ, какъ бы одно большое широкое окно; а иногда, вмѣсто этого, въ такихъ комнатахъ имѣется либо четырехугольный, либо полукруглый свѣтлый балконъ-фонарикъ, обставленный по стѣнѣ широкой отоманкой съ подушками. Вообще, въ приемныхъ комнатахъ, одна или двѣ стѣны заняты сплошнымъ большимъ широкимъ и низкимъ восточнымъ диваномъ, съ подушками вмѣсто спинки ³⁾; на обивку этой мебели идутъ ковры или очень красивыя восточныя ткани, не рѣдко составленные какъ бы мозаически, великолѣпнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ суконовъ, расшитыхъ шелками, въ видѣ фантастическихъ цвѣтовъ и арабесокъ. Предъ диваномъ въ нѣкоторыхъ домахъ помѣщаются низенькіе восточные столики, въ родѣ круглыхъ или многогранныхъ табуретовъ, сплошь инкрустированные перламутромъ, черепахой, слоновою костью, чернымъ, ореховымъ и палисандровымъ деревомъ, необычайно красивой и изысканной работы. Эти вышивныя столовыя скатерти, покрывки дивановъ и столики составляютъ истинное издѣство и роскошь восточнаго убранства комнатъ. И какъ неприятно рѣжетъ глазъ, когда рядомъ съ подобными предметами встрѣчаешь иногда въ той же горницѣ гнутые вѣнскіе стулья, ломберные гостинные столы и тому подобныя вещи обще-европейскаго, такъ сказать, цивилизованно-пошлаго образца. Онѣ выдуются съ оригинальной стороной этой обстановки точно

¹⁾ Теперь, конечно, это иначе: турецкая рѣзня и истребленіе породили массу бѣдняковъ, лишившихся послѣдняго куска хлѣба; но и то рѣдкость, когда болгаринъ рѣшится на уличъ протянуть руку за милостыней; если и просятъ, то больше несчастныя женщины, вдовы зарѣзанныхъ мужей, бѣжавшія сюда изъ-за Балканъ съ малыми ребятами.

²⁾ Въ тѣхъ же домахъ, гдѣ прислуги нѣтъ, ея обязанности исполняются членами семейства, преимущественно младшими.

³⁾ У бѣдняковъ и сельчанъ, въ глиняныхъ мазанкахъ, внутри горницы а также и съ какой-либо стороны наружнаго палашеобразно крытаго входа, эти диваны дѣлаются изъ земли, а поверхность накладывается толстымъ слоемъ битой глины, и здѣсь уже они покрываются цыновкой, кошкой или домотѣльными коврами.

такъ же, какъ и европейскій костюмъ съ болгаринѣмъ и болгаркой. Не рѣдко приходится встрѣчать въ одной изъ парадныхъ комнатъ двухспальную кровать, убранную очень пышно стеганнымъ шелковымъ одѣяломъ и подушками въ кясейныхъ или батистовыхъ, прошитыхъ кружевомъ наволочкахъ; но на такой кровати никто никогда не спитъ и даже хозяйка на нее не садится, а стоитъ она здѣсь только для вида, какъ символъ семейнаго начала въ дому. Начисто выструганный, некрашенный подъ сплошь покрытъ большими, очень изящной работы тростниковыми цыновками, а предъ диванами положены пестроцвѣтные ковры, которые иногда вѣшаются и вдоль стѣнъ, надъ кроватью и отоманками; стѣны же всегда начисто выбѣлены и иногда разрисованы, въ родѣ обоевъ, по трафарету, синей, розовой или зеленой краской; потолки деревянные, изъ дуба, сосны или орѣха, и нерѣдко украшенные великолѣпной, явщной рѣзбой; среди потолка — рѣзная деревянная розетка, съ которой спускается восточный разноцвѣтный фонарикъ, украшенный шелковыми кистями, или же зеркальный стеклянный шаръ; на столахъ — букеты розъ и иныхъ живыхъ цвѣтовъ, въ фарфоровыхъ вазочкахъ вѣнскаго издѣлья, на стѣнѣ — «огледало», т. е. зеркало, а въ правой отъ входа, либо въ передней стѣнѣ устроена небольшая ниша, запырающаяся въ родѣ шкафчика; это — киотъ, гдѣ хранятся фамилные, наследственные образа, и непременно образъ того святого угодника, покровительству котораго хозяинъ поручилъ свою семейную жизнь при вступленіи въ бракъ; и каждый болгаринъ непременно празднуетъ день этого своего святого, служить ему молебствъ у себя въ дому и дѣлаетъ пожертвованія на церковь, на школу, на народное дѣло, на бѣдныхъ и убогихъ, призываемыхъ его приходомъ. Въ этихъ же киотахъ у большей части болгаръ запрятаны и портреты государя императора, или покойнаго государя Николая Павловича — «нашего истиннаго царя, его же чаемъ и ему же служить желаемъ», какъ объясняютъ болгары.

— Ужь, будто ли такъ? — спросилъ я однажды по этому поводу моего хозяина, который довольно порядочно изъясняется по-русски и вообще человѣкъ весьма не глупый.

— Не сомнѣвайтесь; непременно такъ! — подтвердилъ онъ. — И знаете ли почему? Потому что если намъ нельзя быть самими собой, самостоятельными и сильными царствомъ болгарскимъ, какимъ оно было при царѣ Симеонѣ, то лучше же быть подъ рукой русскаго православнаго царя, чѣмъ подъ рукой султана, или — не дай того Боже! — швабо-мадьяра.

— Но отчего же? спросилъ я. — Во многихъ домахъ мнѣ приходилось встрѣчать портретъ Франца-Иосифа? Стало быть, боязнь швабскаго

владычества если и существуетъ, то далеко не во всѣхъ?

Мой хозяинъ только ухмыльнулся на это.

— Портреты-то есть, это правда, сказалъ онъ, — но замѣтили ли вы вотъ что: гдѣ виситъ портретъ императора австрійскаго, тамъ непременно открыто, рядомъ же съ нимъ, повѣшенъ и портретъ императора всероссійскаго, тамъ же нерѣдко вы встрѣтите и Вильгельма, и Викторію, и Георга греческаго, и Наполеона, и кого угодно. Почему это такъ? Въ этомъ-то и задача! Не даромъ насъ, болгаръ, хитрыми называютъ! Это все единственно для того, чтобы имѣть законный предлогъ выставить въ-явь изображение вашего и нашего царя, ибо, повторяю вамъ, мы втайнѣ привыкли почитать его *нашимъ*. Нагрянуть вдругъ запити, а то и самъ гаймакамъ, по какому-либо дѣлу, увидятъ они у меня портретъ русскаго императора — вотъ и и прощай! Сейчас обвиненіе въ политической неблагонадежности, арестъ, вымогательства, бакшиши — и не дай ты, Боже! А увидать его у меня рядомъ съ Францомъ-Иосифомъ, — и ничего сказать невозможно: всѣхъ, молъ, равно обожаю! И вы обратите вниманіе: гдѣ не выставлено изображеніе царя Александра, тамъ вы навѣрное не найдете ни Франца-Иосифа, ни султана, ни кого-либо прочаго; въ этихъ семействахъ, значитъ, царь Никола или царь Александръ запрятанъ подъ образа, въ киотъ, и только изрѣдка показывается матерью дѣтмъ: «смотрите, вотъ нашъ истинный, законный, православный царь болгарскій, вотъ каковъ онъ!.. Смотрите и знайте его, да не проболтайте вы малымъ турчатамъ, и никому не болтайте!»... Да, господине, такъ-то и мнѣ самому никогда моя мать говорила, такъ и я донинѣ говорилъ своему сыну. Царь — это знамя, символъ, это вѣковое, готовое понятіе. Мой мальчишка изъ житейскаго опыта, изъ самой жизни знаетъ, что царь есть, существуетъ, что безъ царя нельзя; только то горе, что надъ болгарами царь теперь злой, иновѣрный, султаномъ называется; а есть тамъ, гдѣ-то на сѣверѣ другой царь — православный, во-истину законный владыка, который придетъ и отвоюетъ болгарскій народъ изъ-подъ ига. И въ это каждый болгаринъ долженъ вѣрить, знать и чаять этого, и для того молиться, учиться, работать, пока его родина не станетъ свободною. Это тотъ же символъ вѣры. Такъ-то, господине!

Та же идея о прошломъ величіи родины, о ея порабощеніи, о чаяніи ея свободы проходить и во многихъ картинкахъ, украшающихъ стѣны домовъ болгарскихъ. Это все, почти исключительно, довольно плохія литографіи, съ подписями, въ родѣ слѣдующей: «Царь Симеонъ взоая въ Царьградъ», или: «Царь Симеонъ изъая изъ Цареграда»; но одна изъ подобныхъ картинокъ, наиболѣе распростра-

ненная, заслуживаетъ подробнаго описанія, какъ чуть ли не самая характерная. Называется она, какъ гласитъ подпись, — «*Българинъ*», и раздѣляется на четыре кѣтки. Въ первой кѣткѣ изображена парца въ коронѣ и порфирѣ, съ крестомъ и пальмовою вѣтвью въ правой и со щитомъ въ лѣвой рукѣ. На щитѣ изображенъ левъ, стоящій на дыбахъ, и во лѣвѣ надпись: «*кръпителъ Българинъ*». Надпись надъ картиною, подъ словомъ «*Българинъ*»: «Видѣ исторію Раячъ, ч. I, стр. 97 и т. д. и исторію г. Раковскаго и Зонаръ, т. 2, стр. 78». Надпись надъ первою кѣткою: «Свѣтъ тьма отлагаетъ» и подъ кѣткою: «България отъ 5 до 14½ вѣкъ, — превозходна же отъ 8 до 13 — всѣмъ българомъ и грѣкомъ державна». Во второй кѣткѣ изображены два обнаженные турка надъ поверженною на собственный шпѣтъ женщиной — Болгаріей; мечъ и копье ея попораны турками, корона во прахѣ; одинъ турокъ замахнулся на нее палицею и хочетъ разможжить ей голову, а другой тянетъ цѣпь, охватывающую горло Болгаріи; за этимъ послѣднимъ туркомъ видны двѣ фигуры: священникъ, въ коемъ написано «*духовна властъ*» и гражданинъ, въ коемъ «*цивиленна властъ*»; общая надпись подъ этою кѣткою: «Ахъ! храбри славянски синове! Гдѣ сте? да видите, бѣдна мати колъ угнетена, немилостивно побѣдена, побѣдена отъ народъ, отъ народъ съ правіе звѣрско (Гласъ 14½ вѣкъ)». Въ третьей кѣткѣ: женщина, драпированная вокругъ пояса порфирой, съ цѣпью, охватывающею шею, грудь и ноги, прикована къ сухому дереву; подлѣ нея на землѣ болгарскій щитъ и корона, надъ которою надпись: «*кроня доложещаща*». Подпись подъ кѣткою: «Ахъ! жалостна мати! тежко мене вързана, слези проливающе, отъ двѣ очи сущи двѣ бистри рѣки, а претежко синовіемъ безъ мати! (16, 17, 18, 19 вѣкъ)». Въ четвертой кѣткѣ: женщина, тоже драпированная порфирой и окованная цѣпями, обращаетъ лицо къ нѣсколькимъ одѣтымъ въ европейскій костюмъ господамъ, съ горбатыми носами, и указываетъ имъ рукою на замокъ съ высокою башнею, на скалѣ стоящій. Надпись надъ кѣткою: «Видѣ гулаванскій-тъ хатихума-юнъ 1856, ¼, февр.» и подпись внизу картинки: «О ты, народъ! погледай тамо на оны стари дворови; тамо ся прадѣди обитавали, старообразована мати свидючи, свидючи подъ все солнце; чи въ есте потомци тѣхъ дворовъ? Ищите си наслѣдство! (Гласъ 19 вѣкъ)».

Вся эта четырехкѣточная картинка отличается нѣсколько наивнымъ простодушіемъ, но потому-то именно она и можетъ, съ ея «прежалостными» подписями, дѣйствовать трогательнымъ образомъ на сердце и западать въ душу простого, непосредственнаго человека-болгарина, наглядно напоминая ему славное прошлое, тяжкое настоящее и вызывая безъ

укора къ свѣтлому будущему. Изъ остальныхъ литографированныхъ картинокъ, какія очень часто доводится встрѣчать и въ Сивовѣ, и въ Румыніи, наиболѣе распространена исторія въ лицахъ Максимиліана, императора мексиканскаго: его пріѣздъ въ Мексику, революція противъ него, арестъ, судъ, послѣдняя ночь Максимиліана и наконецъ, его разстрѣліаніе. Эти послѣднія картинки — вѣскаго происхожденія и, между прочимъ, указываютъ собою откуда направляется въ послѣдніе годы, даже и въ подобныхъ мелочахъ, торгово-промышленное теченіе въ придунайскія земли. По этому поводу я тоже спросилъ однажды у Вилка Поварджіева: почему это въ Румыніи и въ Болгаріи такое сочувствіе къ австрійскому эрцъ-герцогу Максимиліану? — «Особеннаго сочувствія нѣтъ никакого, отвѣчалъ онъ, а навезли сюда какъ-то изъ Австріи множество этихъ картинокъ и продавали дешево; кто хотѣлъ украшать свои стѣны, тотъ и покупалъ, за немѣнѣемъ другого; исторія, конечно, очень трогательная, а потому, быть можетъ, швабы и рассчитывали отчасти привлечь ею наше сочувствіе къ Габсбургскому дому».

Въ каждомъ домѣ здѣсь непремѣнно найдется нѣсколько болгарскихъ брошюрокъ и книгъ учебнаго и политическаго содержанія, изданныхъ въ Одессѣ или Букарестѣ; тутъ можно встрѣтить и сборникъ народной болгарской поэзіи, и историческія сочиненія Раяча, Раковскаго, Соловейкова; не рѣдко попадаются и русскія книжки, но выборомъ послѣднихъ руководить чистая случайность, — такъ, рядомъ съ какою-нибудь рыночною книжонкою вдругъ очутятся одинъ изъ разрозненныхъ томовъ Пушкина или Лермонтова; но все-таки въ этомъ видно стремленіе къ ознакомленію съ нашею литературой. Изящныя искусства здѣсь не процвѣтаютъ: въ городѣ нѣтъ ни артистовъ, ни художниковъ, и на все Сивово существуетъ только одно фортепіано, выписанное изъ Румыніи для дочери какого-то богатаго купца, учившейся въ какомъ-то букарестскомъ пансіонѣ. Болгарка очень искусная руководяница, и этого рода ихъ произведенія не рѣдко отличаются очень изящнымъ и своеобразнымъ вкусомъ, но онѣ не занимаются, подобно барышнямъ обще-цивилизованнаго пошиба, ни рисованіемъ, ни музыкой, хотя очень любятъ пѣніе и поютъ исключительно свои народныя пѣсни. Въ настоящую минуту нѣтъ только здѣсь, но, говорятъ, и по всей Болгаріи расцвѣтается и старыми, и новыми слѣдующимъ пѣсней:

Шумъ и Маріяца окрававена,
Плѣчи вдовица люто ралѣнна.
Напредъ да ходимъ, войници мили,
Дунавъ да бродимъ съ сячки сили!
Маршъ, маршъ съ генерала нашъ!
Разъ, два, три! Маршъ, войници!

Ювана донски ¹⁾ вѣтъ ѣ водитель,
 съ препорѣтъ левски ²⁾ вожда побѣдитель.
 Вижте, десподи, генерала нашъ!
 Чуйте—запойми Николаевъ маршъ!
 Маршъ, маршъ! съ генерала нашъ!
 Разъ, два, три! Маршъ войницъ! и т. д.

Эта пѣсня, по ея современному значенію—
 вѣчто въ родѣ болгарской «Марсельезы», и
 нашъ лейбъ-казачій оркестръ уже сдѣлалъ изъ
 нея маршъ, звуки котораго раздаются на Ца-
 ревицкомъ бивуакѣ, къ особенному удоволь-
 ствію толпы болгарскихъ слушателей.

Вслѣдствіе правительственныхъ стѣсненій,
 общественная жизнь и дѣятельность болгаръ
 не могла имѣть достаточно широкаго круга и
 развитія; поэтому болгаринъ по неволѣ ухо-
 дитъ либо въ коммерческое дѣло (преимуще-
 ственно тамъ, гдѣ существуетъ консульскій
 надзоръ, съ которымъ турки должны считаться
 и перемоняться), стараясь для этого, какими
 ви-на-есть судьбами, записаться въ поддан-
 ство какой-нибудь державы, либо замыкается
 въ свое семейство, всецѣло посвящая ему
 свои неустанныя, скромныя заботы. Быть мо-
 жетъ, поэтому семейный бытъ болгаръ замѣча-
 тельно строгъ и патриархаленъ: обязанности и
 отношенія членовъ семьи соблюдаются у нихъ,
 по степенямъ почтенія, съ неуклонной точ-
 ностью. Отецъ является безусловнымъ во-
 ждемъ и главой семьи; мужъ—точно также
 глава своей жены, которая считаетъ себя
 нравственно обязанной исполнять его волю,
 сообразовать свои желанія и вкусы съ жа-
 ланіями и вкусами мужа и являться во всемъ
 его первой, ближайшей помощницей. Между
 тѣмъ надъ женой никогда не тяготѣетъ рука
 суроваго мужа, и здѣсь даже понятія не имѣютъ
 о томъ, что у насъ извѣстно подъ характер-
 ными словами «самодуръ», «самодурство». На-
 противъ, отношенія мужа къ женѣ преиспол-
 нены тихой мягкости и деликатности, такъ
 что свое подчиненное положеніе жена несетъ
 не изъ страха, не изъ боязни кулака, а на
 основаніи общихъ примѣровъ и глубоко вко-
 ренившагося извѣстнаго обычая, да и самый
 внутренній складъ, самая натура болгарки не
 перечить этому, и потому-то болгарскія же-
 нщины отличаются своимъ дѣломудріемъ и су-
 пружеской вѣрностью. Здѣсь скорѣе можно
 услышать о паденіи дѣвушки, увлекшейся
 романтической любовью (хотя это и величайшая
 рѣдкость), но о паденіи замужней женщины—
 никогда. Балканская и преимущественно бол-
 гарская славянка—чуть ли не единствен-
 ный уголокъ по всей Европѣ, гдѣ семейная
 нравственность сохранилась въ такой неприя-
 косновенной чистотѣ, и это потому, что обще-

европейская цивилизація еще не успѣла вне-
 сти сюда своихъ благъ и своего растлѣнія.

Замѣчательны такъ и умѣніе болгарскихъ
 дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ держать себя
 съ посторонними мужчинами. Встрѣчаясь съ
 чужимъ человѣкомъ гдѣ бы то ни было, въ
 обществѣ или на-единѣ, болгарка ведетъ себя
 совершенно одинаково, просто и довѣрчиво;
 она радушно протянетъ свою руку, будетъ
 разговаривать безъ всякаго смущенія или за-
 стѣнчивости, какъ съ добрымъ другомъ, съ хо-
 рошимъ знакомымъ, но все это такъ, что ни-
 кому и въ голову не придетъ сказать ей не-
 скромное слово, сдѣлать двусмысленный намекъ,
 а тѣмъ болѣе, какъ говорится, поухаживать
 за ней. Здѣсь между обоими полами суще-
 ствуетъ то, что всего вѣрнѣе можно назвать
человѣческими отношеніями, въ хорошемъ,
 серьезномъ значеніи этого понятія. И опять-
 таки, какая поразительная противоположность
 съ лѣвымъ, румынскимъ берегомъ Дуная! Я
 уже писалъ однажды, что красота румынскихъ
 женщинъ, за рѣдкими исключеніями, носитъ
 на себѣ преимущественно животный оттѣнокъ,
 безъ всякаго одухотворенія и разумности въ
 выраженіи глазъ, улыбки и вообще фисіономіи.
 Здѣсь же—совсѣмъ не то. Болгарки стройны,
 нѣсколько сухощавы, и лица ихъ исполнены
 смысла и чувства. Не рѣдко въ складѣ ихъ
 привѣтливой улыбки и въ выраженіи прекрас-
 ныхъ глазъ просвѣчиваетъ нѣчто больное,
 тоскливое, какъ будто глубоко скороненное и сжа-
 тое въ душѣ горе. Она говорятъ съ вами, повиди-
 мому, весело, мило, непринужденно, но нѣтъ-
 нѣтъ—и вдругъ проскользнетъ на мгновеніе
 въ глазахъ это шемашнее страданіе, словно бы
 мимолетное воспоминаніе души о чемъ-то ро-
 ковомъ, ужасномъ. Я увѣренъ, что тотъ, кто
 порой серьезно вглядывался и наблюдалъ эти
 лица, будетъ вполне согласенъ со мной.

Несмотря на многовѣковое давленіе маго-
 метанства, а можетъ быть именно вслѣдствіе
 этого давленія, болгары, городскіе и сельскіе,
 сохранили въ чистотѣ не только православную
 вѣру, но и религіозные обычаи своихъ пред-
 ковъ. Они какъ бы инстинктивно чуютъ, что пра-
 вославная вѣра—это ихъ знамя, камень спасе-
 нія, ковчегъ, въ которомъ до дня воскресенія
 изъ рабства должна сохраниться ихъ народность
 отъ смѣшенія и поглощенія ея мусульманскимъ
 началомъ. На сколько на лѣвомъ берегу ру-
 мынское «общество» пропиталось индиферен-
 тизмомъ къ своей православной вѣрѣ, на
 столько же здѣсь, то, что составляетъ «общество»,
 держится за эту вѣру, какъ за самый прочный
 оплотъ свой.

Старанія г. Цанкова, который изъ патріо-
 тическаго усердія, чтобы болгарамъ было по-
 легче жить подъ туркомъ, задумалъ было об-
 ратить ихъ въ католичество, имѣли самый
 ничтожный успѣхъ: нѣсколько «цивилизован-

¹⁾ Донской вѣтязь.

²⁾ Со знаменемъ львинымъ.

ныхъ» горожанъ, воспытававшихся въ Парижѣ или въ Вѣнѣ, да нѣсколько сельскихъ общинъ, которымъ турки за измѣну вѣрѣ отцовъ дозволили построить костелы съ высокими колокольнями и повѣсить на нихъ колокола — вотъ и весь результатъ усилій г. Панкова. Масса народа осталась совершенно чужда этой затѣѣ и предпочла лучше оставаться подъ невыносимымъ гнетомъ, чѣмъ покупать себѣ льготы подобной цѣной. Между религіозными обычаями болгаръ самый главный — хожденіе ко святымъ мѣстамъ: въ Іерусалимъ и на Аѳонскую гору. Странникъ, побывавшій въ первомъ изъ этихъ мѣстъ и принесшій о томъ свидѣтельство отъ іерусалимскаго патріарха, получаетъ въ обществѣ почетное имя «хаджи», которымъ болгаринъ дорожить едва ли не болѣе всякаго титула. Званіе хаджи переходитъ иногда въ потомство и обращается въ прозвище, въ фамилію. Болгары въ особенности чествуютъ праздники: Вознесенія Господня, Успенія и Рождества Пресвятой Богородицы и дни святыхъ: Архангела Михаила, Николая Чудотворца, Кирилла и Меводія, первоучителей славянскихъ, Аванасія (марта 18-го), Іоанна Крестителя и Іоанна Рыльского, св. Димитрія (26-го октября) и въ особенности чтимаго св. Георгія Побѣдоносца. Въ эти дни у болгаръ совершаются въ домахъ молебны, устраиваются столы, дѣлаются пожертвованія на бѣдныхъ и на церкви, болгары заходятъ къ знакомкамъ и сосѣдкамъ поздравить съ праздникомъ и приносятъ въ даръ другъ другу пшеничные корованъ, медъ, вареные бобы и явныя лакомства, украшенныя, смотря по времени года, либо живыми цвѣтами, либо же пучечками сушеныхъ ароматическихъ травъ. Кроиъ того, каждый изъ ремесленныхъ классовъ имѣетъ своего особаго покровителя изъ числа св. угодниковъ, день которого они празднуютъ общественными угощеніями; такъ, напиримръ, врачи и аптекари — св. Пантелеймона Цѣлителя, изображеніе коего не рѣдко помѣщается и на выѣскахъ аптекъ, учителя — св. Кирилла и Меводія, плотники и бочары — св. Іосафа Обручника и т. п., а въ день св. Теодора Тирона каждый молодой болгаринъ непременно насаживаетъ свою верховую лошадь, считая этого святаго покровителемъ лошадей и думая, что скачка въ этотъ день даетъ лошади крѣпость и здоровье. По окончаніи же полевыхъ работъ, послѣ сбора фруктовъ и винограда, болгары — преимущественно сельчане — устраиваютъ особый праздникъ, называемый «за Божѣ яне». Для этого, священникъ и община назначаютъ день, къ которому каждый изъ хозяевъ жертвуетъ, смотря по состоянію: куръ, барановъ, масло, сыръ и прочее; все это спосылается на церковный дворъ. Мужчины варятъ и жарятъ пожертвованную живность, а женщины въ это же самое время занимаются по

домамъ приготовленіемъ разныхъ другихъ кушаній, между которыми главное — «коливо» — вареная свѣжая пшеница, обливаемая либо медовой сытой, либо топленымъ масломъ, какъ кому по вкусу. Все наготовленное спосылается также на церковный дворъ, гдѣ послѣ обѣдни священникъ съ молитвой окропляетъ св. водой яства и питія, а по исполненіи этого, начинается общественный паръ, раздача бѣднымъ и, главное, священнослужителямъ съ причтомъ, въ пользу которыхъ идутъ также всѣ кожи и перья пожертвованныхъ животныхъ.

Ситовскіе болгары очень гостепріимны; это, впрочемъ, общая славянская черта. Напа хозайка, каждое утро, какъ только мы съ двумя товарищами просыпались, говорила намъ чрезъ затворенную дверь «добрыъ день!» и присылала съ денщикомъ подносъ, на которомъ неизмѣнно красовались три букетика свѣжихъ цвѣтовъ, три стакана чистой холодной воды и столько же хрустальныхъ блюдцевъ съ вареньемъ; каждый разъ варенье было все разное: то молодые грецкіе орѣхи въ меду, то сливы, вишни, розовые лепестки и т. п. Угощеніе турецкимъ кофе, въ миниатюрныхъ чашечкахъ, входило также въ необходимый обиходъ, и причомъ по нѣскольку разъ на день. Вылкъ Поварджіевъ хотѣлъ было, чтобы мы у него каждый день и обѣдали, и ужинали, и для этого намѣнилъ даже свой обычный ѣсть за низенькой масой, приказавъ накрывать столъ въ парадной комнатѣ по европейски. Первые два дня не было никакой возможности отговориться отъ этого, но потомъ мы кое-какъ, разными дипломатическими путями, отдѣлались, не желая стѣснять и вводить въ лишніе расходы своихъ добрыхъ хозяевъ.

Я упомянулъ, что мнѣ довелось быть на болгарской свадьбѣ. Женился одинъ бравый молодой человекъ, который, обрадовавшись приходу русскихъ, торопился сыграть свою свадьбу до наступленія Петровскаго поста, съ тѣмъ, чтобы, поживъ немножко съ женой, опредѣлиться въ болгарское ополченіе. Свадьба передъ боемъ, со всѣми его роковыми случайностями, явленіе не совсѣмъ обычное; но тутъ оправданіемъ ея служила сильная взаимная любовь молодыхъ людей. Не идти въ ополченіе такому молодцу стыдно, а пойдешь — быть можетъ и убудетъ, такъ дай же хоть передъ смертью минуточку взаимнаго счастья! Мои хозяева были въ числѣ почетныхъ гостей, а вмѣстѣ съ ними родители жениха и намъ сдѣлали приглашеніе. Въ свадебныхъ обрядахъ болгаръ есть много своеобразныхъ и въ то же время обще-славянскихъ чертъ. Вылкъ Поварджіевъ съ женой — и даже не столько онъ, сколько его жена, причѣмъ самъ онъ служилъ переводчикомъ, — рассказали мнѣ весь послѣдовательный ходъ этихъ обрядовъ, что я тотчасъ же и записалъ, на свѣжую память.

Молодой или — какъ здѣсь называютъ —

юнакъ-болгаринъ наглядываетъ себѣ невесту всегда самъ, но женится на ней не иначе, какъ съ согласія своихъ родителей, причѣмъ сватовство составляетъ очень тонкую, дипломатическую процедуру и идетъ большею частью чрезъ посредство друзей жениховыхъ отца и матери. Когда родители невесты согласны на бракъ, тогда уже въ ихъ домъ открыто и, такъ сказать, официально засылаются сваты, которые, въ заключеніе стовора, условливаются объ имуществѣ и приданомъ, имѣющемъ поступать въ собственность жениха отъ родителей невесты. При этомъ стоворѣ иногда присутствуетъ и женихъ, но не иначе, какъ безмолвнымъ зрителемъ и слушателемъ, словно бы его тутъ и нѣтъ. Обычай налагаетъ на него не совсѣмъ-то пріятный искъ: со дня стовора и до минуты отправленія подъ вѣнецъ онъ не можетъ видѣть свою невесту, и обязанъ во все это время задаривать ея родню, а также лично заботиться о подвѣнечномъ нарядѣ своей избранной. Если вѣчаніе приходится на воскресный день, то въ четвергъ въ домъ у невесты, равно какъ и у жениха (если онъ живетъ съ родителями) собираются дѣвушки просѣвать муку для свадебнаго короваля. Это просѣваніе совершается сквозь три сита, положенныя одно на другое, причѣмъ у невесты въ верхнее сито кладется обручальное кольцо жениха, а у сего послѣдняго—кольцо невесты, и онъ, по окончаніи работы, обязанъ одарить разными бездѣлушками сѣяльницъ. На слѣдующій день, т. е. въ пятницу, тѣ же дѣвицы вновь собираются у жениха и у невесты, чтобы печь свадебные короваи,—обрядъ, во время котораго у жениха играетъ музыка, состоящая изъ двухъ дудокъ или свирѣлей, узенькой продолговатой скрипки, бубна и особаго инструмента съ двумя дудками, сдѣланнаго, въ родѣ волынки, изъ козьей кожи и называемаго «гайда». Надо, впрочемъ, сознаться, что сочетаніе звуковъ, производимое совокупностью этихъ инструментовъ, далеко не гармонично. Когда жениховы короваи испечены, наибольшій изъ нихъ дѣвицы намазываютъ медомъ и ставятъ его на покрытый салфеткой столъ, въ лучшей горницѣ дома; на короваѣ утверждаютъ стаканъ съ виномъ, куда опускается кольцо невесты. Разъ, что это сдѣлано, дѣвицы сплетаются вокругъ стола хороводомъ и начинаютъ плясать «коло», въ родѣ румынскаго «джека» и извѣстной нашей малорусской свадебной пляски. По окончаніи «кола», дѣвица-дружка снимаетъ съ короваля стаканъ, вынимаетъ изъ него кольцо и вручаетъ послѣднее жениху, а вино выплескиваетъ на четыре стороны. Весь этотъ обрядъ называется «медовикъ» или «меденица»—отъ меда, которымъ намазывается коровай,—и пока все это происходитъ у жениха, въ домъ невесты ея родные тоже зани-

маются хлѣбопеченіемъ и приготавленіемъ медовика, но музыка при этомъ отсутствуетъ и самый обрядъ съ кольцомъ и выплескиваніемъ вина не совершается. Впрочемъ, въ городахъ, гдѣ не такъ строго исполняется искъ разлуки брачующихся до дня вѣчанія, женихъ, справивъ у себя медовикъ, отправляется, въ сопровожденіи двѣнадцати музыкантовъ, въ домъ невесты, гдѣ и совершается описанный выше обрядъ во всѣхъ его подробностяхъ. Наканунѣ свадьбы къ жениху собираются мужчины, приглашенные на свадьбу, и тутъ, въ ихъ присутствіи, совершается бритье бороды у жениха, посаженаго отца, шаферовъ и прочихъ почетныхъ лицъ. Затѣмъ, является посаженная мать невесты съ подругами послѣдней, для торжественнаго пріема и перенесенія подвѣнчнаго наряда и прочихъ вещей, назначенныхъ въ подарокъ невестѣ и ея родственникамъ. Вещи эти кладутся въ корыта или на подносы; при перенесеніи же ихъ по улицамъ—впередѣ идетъ музыка, за нею шафера съ подвѣнчными нарядомъ, а по сторонамъ ихъ остальные юнаки съ прочими подарками и, наконецъ, гости и толпа любопытныхъ. Когда эта процессія подходитъ къ цѣли своего шествія, мать выводитъ за ворота невесту, окруженную частью оставшихся съ нею подругъ, встрѣчаетъ гостей и приглашаетъ ихъ во дворъ, гдѣ уже приготавленъ столъ, съ разложенными на немъ рукодѣльными невесты, предназначенными въ подарокъ жениху. Вокругъ этого стола составляется «коло» изъ юнаковъ и дѣвушекъ, а шафера въ это время чествуютъ гостей виномъ, послѣ чего процессія тѣмъ же порядкомъ возвращается къ жениху, съ подарками невесты.

Въ утро дня, назначеннаго для свадьбы, шафера и юнаки съ музыкой отправляются сначала за посаженнымъ отцомъ, потомъ за посаженой матерью и приводятъ ихъ въ домъ невесты, куда вслѣдъ за этимъ является и женихъ. Посаженные родители уже приготовили, по обычаю, цвѣтную шелковую ткань или платки, полагаемые при вѣчаніи подъ ноги молодыхъ, и полотенце, которымъ они обязаны связать руки брачующихся въ церкви. При этомъ же посаженные родители собираютъ съ родственниковъ той и другой стороны «бакшишъ», въ пользу молодыхъ—какой-нибудь пустякъ серебряной, а иногда, смотря по состоянію, и золотой монетой, такъ сказать, молодымъ на разживу. По окончаніи этого сбора, всѣ присутствующіе сопровождаютъ въ церковь жениха съ невестой, которые идутъ впередѣ, взявши другъ друга за руки. Голова невесты покрывается при этомъ особымъ уборомъ, изъ массы очень узенькихъ и тонкихъ полосокъ позолоченной и посеребренной латуни. Этотъ уборъ длинными, блестящими нитями ниспадаетъ на плечи, закры-

вая собой все лицо невѣсты отъ постороннихъ взоровъ. Самый обрядъ вѣчанія совершается, конечно, какъ и у насъ, съ той, впрочемъ, особенностью, что когда кляръ запоетъ «Исаія ликуй!» и молодыхъ поведутъ вокругъ аналоя,—на нихъ вдругъ начинаютъ бросать со всѣхъ сторонъ орѣхи, пряники, конфеты и подсолнухи—«чтобы полно и сладко жилось». Ребятинки при этомъ гурьбой, на перерывъ другъ передъ дружкой, бросаются впередъ—подбирать эти лакомства, и тутъ уже идетъ веселый шумъ и гамъ, пока молодые не станутъ опять на свое мѣсто. По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, болгары любятъ сопровождать ихъ шествіе, кромѣ музыки, еще выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ. Но такъ какъ имѣть оружіе имъ вообще запрещено, то на это каждый разъ испрашивалось, разрешается, за приличный бакшишъ, разрѣшеніе каймакама, и тогда знакомые турки снабжали ихъ на этотъ случай своимъ оружіемъ. Впрочемъ, въ настоящій разъ дѣло обошлось безъ выстрѣловъ, чтобы не произвеста ложной тревоги въ войскахъ. Процессія отправляется въ домъ къ молодому, гдѣ молодые люди изъ числа родственниковъ и близкихъ знакомыхъ новобрачной требуютъ за нее выкупъ съ мужа—самый незначительный, конечно, только для вида. Начинаются общія поздравленія и угощенія: молодыхъ сажаетъ за парадный столъ на первое мѣсто, подъ образами, и при этомъ они должны нѣсколько времени поддерживать у себя на рукахъ двухъ младенцевъ: молодой—мальчика, молодая—дѣвочку. Передъ обѣдомъ родственники новобрачной удаляются домой, чтобы приготовить сдачу ея приданого и потому еще, что обѣдать имъ у молодого въ первый день свадьбы считается не въ обычаѣ. Послѣ обѣда начинаются танцы, для чего всѣ приглашенные молодые люди и дѣвушки выходятъ на дворъ, куда допускаются и посторонніе зрители. Молодая не танцуетъ; она, въ своемъ блестящемъ головномъ уборѣ, откидываемомъ послѣ вѣнца на затылокъ, выходитъ время отъ времени на балконтъ или на открытую галлерею только для того, чтобы поглядѣть благосклоннымъ окомъ на танцы. Затѣмъ шафера и гости отправляются на короткое время къ отцу новобрачной, за ея приданнымъ. Во время выдачи вещей съ рукъ на руки, дѣвушка-сестра или ближайшая родственница молодой (тоже дѣвушка) начинаетъ въ шутку требовать выкупъ и назначаетъ цѣну каждой вещи; шафера торгуются съ разными веселыми прибаутками, и кончаютъ тѣмъ, что предлагаютъ продавщицѣ взять и ее съ собой. Вечеромъ у молодого готовится большой ужинъ, на который приглашаются и родственники новобрачной, кромѣ ея родителей, и во время стола одна изъ ея старшихъ родственницъ раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по-

дарки—платки, утиральники, шарфики и т. п. Каждый, получающій подарокъ, кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ—отдариваетъ. Молодые при этомъ не присутствуютъ. По окончаніи ужина, всѣ приглашенные и родственники новобрачной расходятся по домамъ, а посаженные отецъ и мать вводятъ молодыхъ въ брачную спальню. Этимъ и кончаются свадебные обряды. Но нельзя не замѣтить одного предразсудочнаго повѣрья: суббота почему-то считается у болгаръ *мертвымъ днемъ*, и вслѣдствіе этого молодая чета въ ночь подъ первую субботу своей супружеской жизни не ночуетъ у себя дома, а отправляется на ночлегъ къ кому-нибудь изъ близкихъ родственниковъ, потому что если первая суббота застанетъ ихъ въ собственномъ домѣ, то они скоро умрутъ¹⁾.

Народные обычаи, какъ напримѣръ, святочные гаданія и коляда подъ хозяйскими окнами—точно такіе же, какъ и у насъ. Ужины подъ Рождество, подъ Новый годъ и въ Крещенскій сочельникъ празднуются такъ же, какъ у малороссянъ, съ кутьею и взваромъ²⁾, но съ той лишь особенностью, что, садясь за семейный столъ, глава семьи обкуриваетъ ладаномъ иконы, кушанья и всѣхъ присутствующихъ. Праздникъ Ивана-Купалы извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «Пинерѣда» (красная бабочка). Въ этотъ день молодыя сельскія дѣвушки наряжаются въ листья болотныхъ травъ и выходятъ въ поле искать мотыльковъ, расплывая при этомъ особую обрядовую пѣсню, а къ вечеру дѣлаютъ изъ глины куклу безъ головы и кидаютъ ее въ рѣку, въ воспоминаніе обезглавленія Іоанна Крестителя.

Видѣлъ я здѣсь также и похороны. Однажды свдѣли мы въ саду и вдругъ слышимъ на улицѣ какіе-то странные смѣшанные звуки,—не то вой, не то пѣніе, но очень дикое, нестройное: дѣтскіе голоса крикливо тянутъ одну безконечную ноту, а голоса нѣсколькихъ взрослыхъ людей гнусливо, въ ностъ, выводятъ какія-то рулады. Изъ любопытства мы вышли на улицу, смотримъ—похороны. Впереди процессія несутъ крестъ и рипиды, затѣмъ идутъ пѣвчіе—мальчики и дѣтки, потомъ священники въ бѣлыхъ шерстяныхъ ризахъ, съ нашитыми на нихъ черными крестами и каймами, и наконецъ несутъ покойника, окруженного толпой родныхъ и знакомыхъ. Здѣсь хоронятъ безъ гробовъ. Умершаго кладутъ на носилки въ родѣ кровати, покрываютъ перковой пеленой и несутъ на кладбище, гдѣ трупъ съ помощью тяжелой спускается на

¹⁾ Если умираетъ перворожденный ребенокъ, то родители въ день его погребенія тоже не ночуютъ дома, для того чтобы не умирали и другія будущія ихъ дѣти.

²⁾ Похлебка въ родѣ компота изъ сушеныхъ грушъ, сливъ и ягода.

доскѣ въ яму. На этотъ разъ хоронили молодую дѣвушку. Она была одѣта въ бѣлое платье и обвита поверхъ савана живыми цвѣтами, а на груди ея лежала іерусалимская була, обыкновенно добываемая у хаджей и возвращаемая имъ послѣ похоронъ. Мы пошли вслѣдъ за процессіей на кладбище. Здѣсь, предъ опусканіемъ тѣла въ могилу, священнику подали сосудъ, наполненный смѣсью вина и деревяннаго масла. Этой жидкостью онъ облилъ крестообразно покойницу и яму. Когда могильщики, въ присутствіи родныхъ и провожавшихъ, закопали ее—священникъ окуривъ могилу ладаномъ, а одинъ изъ родственниковъ, окропивъ ее краснымъ виномъ и поставивъ въ головѣхъ жестяной шкафчикъ, похожій съ виду и на часовенку, и на фонарикъ. Въ этотъ шкафчикъ помѣстили небольшую икону, положили угольевъ, среди которыхъ воткнули восковую свѣчу и посыпали все это ладаномъ. Затѣмъ послѣдовала раздача ломтиками пшеничныхъ короваевъ, за упокой души, послѣ чего родные и провожавшіе удалились съ молитвой и общимъ поклономъ могилѣ.

Одно изъ болгарскихъ кладбищъ въ Систовѣ находится на восточной окраинѣ города, рядомъ съ турецкимъ, отъ котораго отдѣляется высокой глинобитной стѣной. Намъ не разъ доводилось слышать и читать о поэтической красотѣ и тихой прелести турецкихъ кладбищъ. Не знаю, какъ будетъ дальше, но то, что мы видѣли здѣсь, производитъ самое прозаическое и притомъ безотрадное впечатлѣніе⁴⁾. Турецкое кладбище занимаетъ собой плоскость въ нѣсколько десятинъ земли, ничѣмъ не огороженной. Надъ могилами вкривъ и вкось, во множествѣ торчатъ самые грубые, неотесанные осколки плитняковъ, замѣняющихъ памятники. Ни цвѣтника, ни дерева, ни кустика, ни малѣйшаго украшенія надъ могилами; даже и надписей не видно. Одна лишь голъ и запустѣніе повсюду. Но положительно дурно вотъ что: зарывая своихъ мертвецовъ, турки оставляютъ въ могилѣ, надъ головой покойника, небольшое отверстіе, для того чтобы въ день общаго воскресенія онъ могъ услышать трубу Азрайла, а то если не сдѣлать отверстія—гласъ трубный не дойдетъ до слуха усопшаго, который рискуетъ такимъ образомъ не попасть въ Ма-

гометовъ рай и не наслаждаться гуріями пророка. Но до того времени, пока Азрайлъ не вострубитъ—турецкія кладбища, благодаря этимъ отдушинамъ, служатъ главнѣйшимъ источникомъ заразы, свирѣвающей въ Турціи несравненно чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

XXXIX.

Занятіе Тырнова.

Мѣстоположеніе и достопримѣчательности Тырнова, его политическое, промышленное и стратегическое значеніе.—Встрѣча, оказавшая тырновскими жителями великому князю главнокомандующему.—Турецкая депутація.—Задача дѣйствіи генераль-лейтенанта Гурко и силы передового отряда.—Биографическія свѣдѣнія о генералѣ Гурко.—Мучительные переходы.—Рекогносцировка Тырнова 25-го іюня.—Перестрѣлка у Каябунарскихъ высотъ и дѣйствія 16-й конной батареи у Тырнова.—Вступленіе генерала Гурко въ городъ.—Радость въ главной квартирѣ, при полученномъ о семъ извѣстіи.—Движеніе главной квартиры къ Тырнову.—Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій генерала Гурко.

Тырново, 6-го іюля.

Главная квартира дѣйствующей арміи въ настоящую минуту находится въ сердцѣ Болгаріи—городѣ Тырновѣ (Трновградѣ)—древней столицѣ царей болгарскихъ. Мѣста, гдѣ въ-когда красовались ихъ дворцы и замки, и до сихъ поръ еще указываются мѣстными жителями-болгарами, сохраняющими о своихъ древнихъ царяхъ и бывлой независимости самую зачатную память. Мѣстоположеніе Тырнова, раскинувагося по скаламъ и склонамъ горъ, среди которыхъ въ отвѣсно-утесистыхъ каменистыхъ берегахъ извилисто течетъ быстрая Янтра, представляется однимъ изъ самыхъ прелестныхъ въ мірѣ. Что ни шагъ, то новая, дивная, даже нѣсколько фантастическая панорама. «Охватить глазомъ весь городъ съ одного какого-нибудь пункта, говорить Канитцъ въ своей книгѣ, —рѣшительно невозможно», и это совершенно справедливо. Лучшимъ мѣстомъ для общаго взгляда на Тырново является вершина одной изъ скалъ, близъ естественнаго моста, называемаго Гази-Ферухъ-бей. Этотъ мостъ въ 30 сажень длины и столько же, если еще не больше, высоты надъ уровнемъ Янтры, представляетъ собою гигантскую арку, образовавшуюся изъ двухъ скалъ, опрокинувшихся одна на другую. Глянешь внизъ—просто голова кружится. Но тамъ внизу прелестная картина: кудравые сады, своеобразные домики, зеленоватые струи рѣки, утесистыя скалы и маленькіе человечки, которые сплужутъ и копошатся словно муравьи. Мостъ ведетъ къ скалистой горѣ, называемой по-турецки «Гисаръ-дагъ» или «Гисаръ-байръ» (замковая гора), а по-болгарски «Царевецъ». Вершина ея похожа на конусообразный курганъ и называется «Кая-тепе», т. е. гора-колоколъ.

⁴⁾ То же самое рѣшительно повсюду, за исключеніемъ знаменитаго Скутарійскаго кладбища, которое дѣйствительно прелестно своими мраморными мавзолеями и памятниками, въ видѣ стоячихъ плитъ и столбиковъ, увѣнчанныхъ названными чалмами, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ; но еще болѣе прелестно это кладбище своимъ лѣсомъ высокихъ темныхъ кипарисовъ. Во всѣхъ же вообще городахъ Турціи не малое число мусульманскихъ кладбищъ находится въ самыхъ людныхъ городскихъ центрахъ, около многочисленныхъ мечетей, что еще болѣе распространяетъ заразу въ воздухѣ и безъ того уже грязныхъ, нечистоплотныхъ городишекъ.

По склонамъ Гисаръ-дага лѣнятся среди фруктовыхъ садовъ мазанки исключительно турецкаго населенія, нынѣ почти сплошь покинутыя, а на вершинѣ Канъ-тепе возвышается большая четырехугольная мечеть, съ полукруглымъ куполомъ и высокимъ минаретомъ, извѣстная подъ именемъ «Гисаръ-Джамези» и построенная на мѣстѣ древняго дворца царей болгарскихъ, остатки котораго и до сихъ поръ еще нѣсколько замѣтны, вмѣстѣ съ развалинами древнихъ тырновскихъ укрѣпленій. Въ этой мечети въ послѣднее время находился пороховой складъ, нынѣ захваченный нами. Со ступеней ея портала открывается лучший видъ на Тырново. Взглянешь на западъ,—тамъ, на дальнемъ планѣ, возвышаются два ряда скалъ, между которыми скрывается тырновское ущелье, гдѣ шумно стремится по камнямъ и плитамъ Янтра, поворачивающая потомъ, сообразно конфигураціи скалъ, на сѣверъ. Въ этомъ ущельи, въ семи верстахъ отъ Тырнова, прислонились къ отвѣснымъ скаламъ, на значительной высотѣ, закутанные въ роскошную зелень, два монастыря — Троицкій и Преображенскій — одинъ по правую, другой, какъ разъ напротивъ, по лѣвую сторону Янтры. Эти монастыри, равно какъ и самое ущелье, по красотѣ общей картины, могутъ привести въ восторгъ человека, способнаго чувствовать и понимать красоты природы. Но возвратимся къ Тырнову. Точно также въ западномъ направленіи, но ближе къ зрителю, возвышается скала «Орелъ», соединенная довольно пологою сѣдловиною съ высокимъ холмомъ, по южному склону котораго раскинулся амфитеатромъ тѣсно скученный христіанскій кварталъ. Узкія и кривыя улицы его сплошь застроены двухъ и трехъ-этажными домами, преимущественно въ восточномъ стилѣ, т. е. съ галерейками, балконами, фонариками, причемъ верхніе этажи нѣсколько выдаются впередъ одинъ надъ другимъ. Надъ этой массой построекъ, наполненныхъ лавками, ремесленными мастерскими, магазинами, питейницами и страннопріимницами (такъ называются здѣсь трактиры и гостиницы), возвышается полусферическій куполъ Кирилло-Меоодіевскаго городского собора, рядомъ съ которыми находится домъ тырновскаго епископа. Отъ подножія холма начинается ровная плоскость, занятая вторымъ кварталомъ города, гдѣ живутъ смѣшанно болгары и турки, и гдѣ, въ центрѣ, стоитъ продолговатое двухъ-этажное зданіе губернаторскаго конака, въ которомъ теперь помѣщается городской совѣтъ и полиція. Отсюда на востокъ, по направленію къ мосту Гази-Ферухъ-бей, поднимаясь нѣсколько въ гору, раскинулся третій кварталъ, гдѣ большинство населенія было турецкое, а задвія, окруженные садами, не такъ скучены, какъ въ сосѣднемъ конакскомъ кварталѣ, и по своей архитектурѣ принадлежатъ къ числу

лучшихъ въ городѣ. Самый мостъ и гисаръ-баирскій кварталъ уже описаны выше. За конакомъ, по другую сторону Янтры, лѣпясь у ея берега, скучился четвертый кварталъ, преимущественно магометанскій. Надъ нимъ господствуетъ гора, скатъ которой роскошно заросъ фруктовыми деревьями, такъ что представляется взору однимъ сплошнымъ, роскошно кудрявымъ садомъ. Хотя эта гора носитъ названіе «Святой» и на ней стоитъ церковь во имя Пресвитой Богородицы, но турки, въ дни магометанскихъ праздниковъ, запрещали христіанамъ появляться на ней, потому что тѣмистый садъ Святой горы служилъ мѣстомъ прогулокъ для гаремныхъ «ханумларынъ» (госпожъ, барынь). Между этою горой и сѣверо-западнымъ концомъ христіанскаго квартала, отдѣляемая Янтрой тянется на западъ узкая долина, по которой проходитъ шоссейная дорога на Сельви и Ловчу (по-болгарски Севлиево и Ловецъ). Въ этой долині, среди садовъ и виноградниковъ, лежитъ тырновское предмѣстье Марино-поле, гдѣ, частью въ домахъ, частью на бивуакѣ, помѣстился штабъ дѣйствующей арміи. Палатка великаго князя главнокомандующаго раскинулась въ одномъ изъ садовъ, подѣ старорослыми орѣховыми деревьями. Общее число жителей въ Тырновѣ считается до 40 тысячъ, въ числѣ которыхъ болѣе двухъ третей болгаръ и грековъ. Въ послѣднее время Тырново служило мѣстопребываніемъ турецкаго вали (генераль-губернатора) Болгаріи. Несмотря на отдаленность отъ Дуная, городъ является однимъ изъ самыхъ торговыхъ и интеллигентныхъ центровъ края и вмѣстѣ съ тѣмъ служить рынкомъ для сбыта произведеній балканскихъ долинъ, развозимыхъ тырновскими купцами по всѣмъ сосѣднимъ городамъ. Здѣсь въ прежнее время процвѣтала ткацкая промышленность, которая въ послѣдніе годы значительно развилась въ Габровѣ, Травнѣ, Еленѣ и Бебровѣ. Турецкое населеніе Тырнова бѣжало почти поголовно, со всѣми пожитками, за два дня до вступленія русскихъ, и въ этотъ промежутокъ времени нѣсколько оставленныхъ домовъ было разорено, изъ чувства мести, толпою христіанской чернорабочей молодежи. Аскеры, стоявшіе лагерями частью на сосѣднихъ вершинахъ, частью въ маринопольской долині, почему-то въ городъ и не заглядывали, и потому никто не попрепятствовалъ разбитію дверей и оконъ. Впрочемъ, весь безпорядокъ только этимъ и ограничился. Пятьдесятъ же турецкихъ семействъ, оставшихся въ Тырновѣ, не были тронуты, и это служить доказательствомъ, что если бы и остальное населеніе послѣдовало ихъ благому примѣру то и никакихъ безпорядковъ не случилось бы. Со вступленіемъ русскихъ, оставленные и въ большинствѣ еще не тронутые турецкіе дома были тотчасъ же ограждены военными карау-

лами. Что касается до стратегическаго значенія Тырнова, то этотъ городъ является важнѣйшимъ ключемъ къ горнымъ проходамъ въ центральныхъ Балканахъ и самъ по себѣ, по своему мѣстоположенію, представляетъ такую несокрушимую твердыню, о которую могли бы разбиться усилія цѣлой арміи. И тѣмъ удивительнѣе, что турки уступили намъ эти важнѣйшія, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ, позиціи почти—можно сказать—безъ боя. Большинство нашихъ штабныхъ офицеровъ объясняютъ этотъ странный фактъ просто паникою, обуявшею всѣхъ турокъ поголовно еще съ момента нашего перехода за Дунай; но нѣкоторые скептики высказываютъ (впрочемъ, не громко) тревожное сомнѣніе—точно ли все это одна только паника? не кроется ли тутъ скорѣе какая-то особая «штука», стратегема, вродѣ ловушки, которую желаютъ устроить намъ турки? не заманиваютъ ли они насъ въ глубь страны и даже за Балканы, по нашей же собственной «скисской» системѣ 1812 года? И въ подтвержденіе такихъ сомнѣній, скептики указываютъ, какъ на доказательство, именно на легкость нашей систовской переправы, гдѣ мы дрались со случайно дневавшими тамъ войсками, не потерявъ даже и тысячи человекъ, тогда какъ разсчитывали потерять отъ 20-ти до 30-ти тысячъ. Впрочемъ, до сихъ поръ ничто пока не подтверждаетъ подобныхъ сомнѣній, за исключеніемъ развѣ дошедшихъ сюда въ послѣдніе дни, чрезъ «Румынскій Гавась», трехъ-четырехъ телеграммъ агентства Вольфа и иныхъ; первая изъ этихъ телеграммъ, сообщенная изъ Варны, еще 20-го іюня (2-го іюля), извѣщала, что главная квартира русской арміи предполагаетъ двигаться прямо на Тырново; вторая извѣщала о распоряженіи, послѣдовавшемъ изъ сераскеріата, чтобы всѣ свободныя части турецкихъ войскъ послѣпили изъ придунайской Болгаріи за Балканы, на линію Софія-Семенли-Трново (узелъ желѣзныхъ дорогъ Ямболи-Адрианопольской и Адрианополь-Филиппопольской); третья, что Сулейману-пашѣ съ 45-ю батальонами велѣно слѣпить отъ границы Черногоріи, чрезъ Антивари въ Салоники, для дѣйствій въ забалканской Болгаріи, и, наконецъ, четвертая, изъ Константинополя, сообщала, что Абдуль-Керимъ-паша телеграммой поздравляетъ султана съ тѣмъ, что дѣла идутъ отлично и что русскіе, какъ по нотахъ, разыгрываютъ задуманный имъ стратегическій планъ. Но надъ смысломъ этого послѣдняго извѣщенія у насъ, за исключеніемъ скептиковъ, смѣялись весьма многіе, равно какъ сожалѣли и самихъ скептиковъ за ихъ «неумѣстные сомнѣнія».

Великій князь главнокомандующій прибылъ въ Тырново 30-го іюня, въ началѣ двѣнадцатаго часа дня, и былъ встрѣченъ жителями съ

такимъ живымъ восторгомъ, который трудно и даже нельзя передать словами. Понятно будетъ, если сказать, что этой минуты — *зари своего освобожденія* — люди болгарскіе ждали болѣе четырехсотъ лѣтъ и наконецъ дождались! Мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти съ радостными слезами кидались въ объятія каждому встрѣчному русскому. Духовенство, при вѣздѣ въ городъ, вышло къ великому князю навстрѣчу съ крестами и хоругвями; все христіанское населеніе города толпилось тутъ же; русскіе и болгарскіе флаги, украшенные миртовыми и оливковыми вѣтвями, развѣвались надъ каждымъ христіанскимъ домомъ; болгары зазывали къ себѣ въ дома безразлично всѣхъ русскихъ и радушно предлагали имъ свой кровъ и угощеніе, какое только могли выставить по своимъ средствамъ. И теперь еще званымъ завтракамъ, обѣдамъ и ужинамъ, угощеніямъ и конца нѣтъ... Все населеніе ликуетъ, служитъ молебны, гуляетъ по нашему лагерю, гдѣ раздаются звуки хоровъ военной музыки и русскихъ пѣсенъ, любитъ на русскихъ солдатъ и безвозмездно привозитъ нашимъ лошадямъ овесъ и сѣно. Всѣ христіане носятъ на шапкахъ или на правомъ рукавѣ нашивные бѣлые кресты; равнымъ образомъ, православные осьмиконечные кресты начертаны мѣломъ и на дверяхъ каждого христіанскаго дома. Короче сказать, здѣсь всѣ, отъ мала до велика, живо почувствовали, что нынѣ пробилъ наконецъ часъ славянской свободы и торжества христіанской вѣры на Балканскомъ полуостровѣ. Поняли это, кажутся, и сами турки, приславшіе 1-го іюля къ великому князю главнокомандующему особую депутацію съ выраженіемъ привѣтствія его высочеству и полной покорности мусульманскаго населенія русскому правительству. Въ числѣ депутатовъ находились: вице-губернаторъ города Дрянова, первый секретарь мехкеме (судъ по шаріату) города Тырнова, двое почетныхъ тырновскихъ гражданъ (Мехмедъ-эфенди и Али-эфенди) и наконецъ Ахмедъ-эфенди, директоръ тырновской таможни. Великій князь милостиво принялъ эту депутацію, дозволилъ возстановить богослуженіе въ мечетяхъ, далъ обѣщаніе охранять мусульманскіе храмы и поручилъ депутатамъ, какъ довѣреннымъ, избраннымъ лицамъ со стороны самого же населенія—озаботиться о возстановленіи спокойствія между мѣстными мусульманами. Депутаты, въ отвѣтъ на это, заявили еще разъ, что жители въ ихъ лицѣ признаютъ полную покорность и безусловное подчиненіе русскому правительству и всѣ поголовно желаютъ возвратиться на мѣста своего жительства для мирныхъ занятій, что они и не подумали бы покидать своихъ домовъ, если бы только получили своевременно прокламацію государя императора, которую успѣлъ здѣсь перехватить мѣстный губернаторъ Сандъ-

паша, тотъ самый, что губернаторствовалъ въ Варшѣ до нашего разрыва съ Турціей. Его высочество указалъ турецкимъ депутатамъ князя Черкасскаго, какъ начальника гражданскаго управленія края, и депутаты, благоговѣнно прикоснувшись губами къ полѣ одежды великаго князя, удалились, видимо ободренные и обрадованные. Результатомъ этого было то, что 3-го іюля въ городѣ уже стало замѣтно на улицахъ появленіе въ значительномъ числѣ возвращающихся жителей, которые и по сей часъ открываютъ свои лавки и ремесленные заведенія, принимая ихъ «въ сдачу» отъ русскихъ карауловъ и не мало удивлялись при этомъ, что имущество ихъ не подверглось ни малѣйшему разграбленію.

Въ то время, какъ пишутся эти строки, наши передовые отряды уже занимаютъ балканскіе горные проходы, а Тырново на этихъ дняхъ будетъ праздновать прибытіе государя императора. Тырновскіе граждане, съ разрѣшенія мѣстныхъ военно-административныхъ властей, уже строятъ и убираютъ дубовыми и цвѣтными гирляндами арки, для встрѣчи его величества.

Всѣми этими обстоятельствами, осуществившимися въ столь короткое время, обязаны мы необычайно быстрымъ дѣйствіямъ летучаго отряда генералъ-лейтенанта Гурко. Къ этимъ дѣйствіямъ теперь и переходимъ.

18-го іюня, на третій день по переправѣ у Сястова, состоялся приказъ по арміи объ окончательномъ сформированіи особаго передового отряда, отданнаго подъ начальство генералъ-лейтенанта Гурко, нарочно вызваннаго незадолго предъ тѣмъ изъ Петербурга. Задача дѣйствій, предстоявшихъ передовому отряду, была изложена въ слѣдующемъ предписаніи:

«Выдвинутся въ направленіи Тырново и Сельви; освѣтить всю окружающую мѣстность; приготовиться къ дальнѣйшему наступленію. Затѣмъ, когда послѣдуетъ приказаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго — двинуться впередъ и стараться овладѣть балканскими проходами. Кавалерію же выслать за Балканы. Подъ прикрытіемъ передового отряда будетъ приступлено къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенія обозовъ и тяжестей».

Боевая сила передового отряда состояла изъ 43 $\frac{1}{2}$ эскадроновъ, 10 $\frac{1}{2}$ батальоновъ и 38 орудій, изъ коихъ 18 конныхъ, остальные же горные ¹⁾. Но Кавказскую казачью бригаду

съ шестью орудіями конно-горной батареи, немедленно по переходѣ отряда на болгарскій берегъ, пришлось отрядить вправо, къ сторонѣ Никополя и Плевны, такъ что въ отрядѣ осталось 31 $\frac{1}{2}$ эскадрона при 32-хъ орудіяхъ. Отрядный штабъ составленъ былъ изъ лицъ штаба бывшей сводной казачьей Кавказской дивизіи, а начальствованіе отрядомъ, до прибытія генерала Гурко, вѣрено генералъ-майору Рауху.

21-го іюня, черезъ сутки по окончаніи наводки моста, разорваннаго 18-го числа бурей, кавалерія передового отряда и болгарскія дружины переправились на правый берегъ, гдѣ къ нимъ присоединилась 4-я стрѣлковая бригада съ горной пѣшей артиллеріей, 21-го же числа отрядъ двинулся впередъ, на Царевцу, Турску-Сливу, Горный-Студень, Батакъ, Павликаны и Мрадего (оно же и Мурадъ-бей-кой), освѣщая всю мѣстность, лежащую между Сельви и Тырновымъ. Генералъ Гурко нагналъ свой отрядъ уже на походѣ, въ Батакъ.

Видная роль, выпавшая на долю этого генерала, обязываетъ сказать о немъ нѣсколько словъ, для ознакомленія какъ съ его личностью, такъ и съ характеромъ его предварительной дѣятельности на военномъ поприщѣ.

Іосифъ Владиміровичъ Гурко, до вызова его въ дѣйствующую армію, командовалъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіей и давно уже былъ лично извѣстенъ великому князю Николаю Николаевичу, какъ образцовый кавалеристъ. Въ 1846 году, окончивъ свое образованіе въ пажемскомъ корпусѣ, 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардію Гусарскій полкъ,

императорскаго высочества, свиты его величества генералъ-майора Николая Максимиліановича герцога Лейхтенбергскаго, изъ полковъ: 9-го гусарскаго Киевскаго, имени его высочества, командира сводной бригады, и 30-го Донскаго казачьяго (полковника Орлова), съ донской казачьей № 10-го батареи (10 эскадроновъ и сотенъ 6 орудій).

3) Донская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Чернушова, изъ 21-го и 26-го полковъ, съ донской № 15-го батареи (12 сотенъ и 6 орудій).

4) Кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Тутолмина: 2-я Кубанскій и Владикавказско-Осетинскій полки, съ донской конно-горной батареи (12 сотенъ и 6 орудій).

5) Сводный гвардейскій полускадронъ, подъ начальствомъ ротмистра Нордта 2-го.

6) Конно-пѣхотный отрядъ, подъ начальствомъ полковника графа Роникера, сформированный изъ кавказскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ, заблаговременно подготовленныхъ къ санитарному дѣлу въ Журжевѣ.

7) Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ сотника Кирилова.

8) 4-я стрѣлковая бригада (4 батальона), болгарское ополченіе (6 дружинъ), двѣ сотни пистунговъ ($\frac{1}{2}$ батальона) и вся горная артиллерія (10 $\frac{1}{2}$ батальоновъ и 14 орудій — за вычетомъ двухъ, потонувшихъ на переправѣ).

¹⁾ Составъ передового отряда былъ слѣдующій:

1) Драгунская бригада, подъ начальствомъ его императорскаго высочества, флигель-адъютанта полковника Евгенія Максимиліановича герцога Лейхтенбергскаго, изъ полковъ: 8-го драгунскаго Астраханскаго и 9-го драгунскаго Казанскаго, съ 16-ю конной батареей (8 эскадроновъ и 6 орудій).

2) Сводная бригада, подъ начальствомъ его

и въ 1856 году, по собственному желанію, перешелъ въ армейскую пѣхоту, собственно для изученія этого рода службы; командовалъ тамъ въ которое время батальономъ и затѣмъ перевелся опять въ лейбъ-гусары, гдѣ и служилъ до 1866 года, когда получилъ въ командованіе сперва 4-й гусарскій Мариупольскій полкъ, а потомъ, съ производствомъ въ генералъ-майоры, назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскаго полка. Всей гвардіи, безъ сомнѣнія, и доселѣ еще памятно то неловкое отъ настоящаго время, когда конно-гренадеры, подъ начальствомъ генерала Гурко, являлись образцомъ и красой столичныхъ и красносельскихъ парадовъ. И дѣйствительно, во фронтовомъ отношеніи полкъ у генерала Гурко былъ сѣзженъ и, такъ сказать, сколоченъ до послѣдней степени совершенства. Его церемоніальный маршъ, его движенія всѣми родами сомкнутыхъ и разомнутыхъ частей и колоннъ просто изумляли на смотрѣхъ и парадахъ своей, можно сказать, геометрической правильностью, точностью, отчетливостью и блескомъ. Въ 1874 году генералъ Гурко былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и вслѣдъ затѣмъ—командующимъ этой же дивизіей. Что касается боевой дѣятельности, то генералъ Гурко, еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, участвовалъ въ 1849 году, по случаю укрощенія Венгріи, въ походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ нашей имперіи, а въ 1854 году, по случаю открытія военныхъ дѣйствій съ Англіей, Франціей и Турціей, находился въ составѣ петербургскаго гарнизона, при оборонительныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ для обезпеченія нашихъ береговъ на Балтійскомъ морѣ. Въ 1856 же году онъ находился въ которое время въ Крыму, на бельбекской позиціи, и былъ неоднократно посылаемъ занимать аванпостныя линіи.

Передовому отряду, еще на пути отъ Царевны къ Тырнову, уже пришлось перенести ужасныя мученія отъ нестерпимаго солнечнаго зноя. Въ особенности мучительно было пѣхотѣ. Уже въ семь часовъ утра, когда людей только что выводили въ походъ съ ночлежнаго бивуака, солнце некло такъ, что солдаты съ первыхъ же двухъ-трехъ верстъ еле волочили ноги, обливаясь извурительнымъ потомъ, чему въ особенности помогали суконныя мундиры и шапки безъ бѣлыхъ чехловъ. Этотъ костюмъ былъ сочтенъ необходимымъ, въ виду возможныхъ встрѣчъ съ неприятелемъ, для котораго бѣлые чехлы и рубахи представляли бы слишкомъ замѣтную цѣль ¹⁾. Обезсиленные

солдаты и офицеры валились безъ чувствъ чуть не на каждомъ шагѣ; около нихъ хлопотали товарищи, еще не потерявшіе бодрости, обливая ихъ водой. Такимъ образомъ, къ началу вечера, когда отрядъ становился на бивуакъ, батальоны рѣдѣли болѣе чѣмъ на полонину. Отсталые, въ ущербъ часамъ отдыха и сна, подтягивались къ своимъ частямъ уже ночью. Притомъ же спѣшность движенія заставляла до послѣдней возможности сокращать время приваловъ, такъ что люди иногда должны были, за недостаткомъ времени для обѣда, выворачивать недожигшіе котлы и на ходу питаться только сухарями съ водой, быстро согрѣвавшейся отъ солнца въ походныхъ флягахъ, несмотря даже на мокрое сукно и тряпицы, которыми фляги были обернуты. Но важность цѣли необходимо вызывала стремительность движенія и по неволѣ заставляла пренебрѣгать всѣми неудобствами и невзгодами этого похода.

Всѣ свѣдѣнія о неприятелѣ, получавшіяся генералъ-лейтенантомъ Гурко отъ передовыхъ развѣздовъ до 24-го іюня, заставляли его предполагать, что городъ Тырново занятъ турками и что къ западу отъ него, въ окрестностяхъ Сельви, вовсе нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ силъ противника. Кромѣ того, у генерала были еще свѣдѣнія о томъ, что турки около Тырнова возводятъ укрѣпленія; но всѣ эти свѣдѣнія не имѣли опредѣленнаго характера, потому что сторожевыя партіи башибузуковъ препятствовали нашимъ развѣдамъ проникать до самаго города. Вслѣдствіе этого, а еще болѣе имѣя въ виду важное стратегическое значеніе Тырнова, какъ влеча къ горнымъ балканскимъ проходамъ, генералъ-лейтенантъ Гурко рѣшился произвести 25-го и 26-го числа усиленную рекогносцировку города Тырнова и его окрестностей ²⁾. На 25-е предполагалась рекогносцировка съ западной, а на 26-е—съ восточной стороны города, на что и предназначена была казачья бригада, входившая въ составъ летучаго отряда генерала Гурко.

Какъ съ чехлами и назатыльниками. Равнымъ образомъ, тѣ начальники, которые еще во время похода по Румыніи прировнялись къ мѣстнымъ условіямъ лѣтнаго климата, подымали свои части съ бивуака часу въ двѣнадцатомъ ночи, съ такимъ расчетомъ, чтобы успѣть по холоду дойти часамъ къ 7—8-ми утра на мѣсто слѣдующаго ночлега, для котораго употреблялся весь день и вечеръ. Этотъ послѣдній порядокъ движенія самымъ благотворнымъ образомъ сберегалъ бодрость, силы и здоровье солдата.

¹⁾ Вслѣдствіи, и притомъ очень скоро, боевая практика убѣдила, что эти опасенія не могли имѣть серьезнаго значенія, и потому наши войска не только совершали походныя движенія, но даже и вступали въ бой въ бѣлыхъ рубахахъ и шап-

²⁾ Вслѣдствіи, и притомъ очень скоро, боевая практика убѣдила, что эти опасенія не могли имѣть серьезнаго значенія, и потому наши войска не только совершали походныя движенія, но даже и вступали въ бой въ бѣлыхъ рубахахъ и шап-

Для исполненія своего намѣренія, генераль Гурко направилъ чрезъ селенія Михальцы, Хларъ, Каабунаръ (они же Йоларъ и Карабунаръ) и Бѣлаковцы къ Тырнову слѣдующія кавалерійскія части: гвардейскій сводный полускадронъ, 8-й драгунскій Астраханскій, 9-й драгунскій Казанскій полки и 16-ю конную батарею, а казачьей бригадѣ полковника Чернозубова приказано было выслать сильный отрядъ къ западу отъ Тырнова, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности, драгунскую бригаду; затѣмъ, 9-й гусарскій Киевскій полкъ съ двумя орудіями высланъ былъ въ Михальцы, дабы служить ближайшимъ резервомъ всему развѣдочному отряду. Всѣ остальные войска генерала Гурко въ теченіе 25-го іюня должны были оставаться на своихъ мѣстахъ¹⁾, въ ожиданіи результатовъ предпринимаемой рекогносцировки.

Желая лично убѣдиться въ томъ, что дѣлается около Тырнова, и управлять дѣйствіями рекогносцировочныхъ частей, генераль Гурко въ шесть часовъ утра 25-го іюня прибылъ въ селеніе Мрадего (оно же Мурадъ-бей-кюй), и въ его присутствіи отрядъ двинулся въ назначенныхъ ему направленіяхъ. Около полудня съ вершины большой и скалистой горы, лежащей къ востоку отъ деревни Каабунаръ, замѣчено было на противоположныхъ возвышенностяхъ, окаймляющихъ долину, скопленіе большой массы турецкой конницы. Пока намъ не было извѣстно, какія силы собраны у непріятеля, движеніе отряда нашего по долиנѣ представлялось весьма затруднительнымъ и далеко не безопаснымъ, тѣмъ болѣе, что спускъ съ горы оказался крайне тяжелъ, крутъ и вообще неудобенъ. Чтобы заставить непріятеля развернуться и раскрыть свои силы, былъ спущенъ въ долину сначала одинъ только взводъ гвардейскаго своднаго полускадрона, шедшаго въ авангардъ бригады. Ваводъ этотъ отправился подъ начальствомъ гвардейской конной артиллеріи штабсъ-капитана Савина; остальные же части колонны остались на дорогѣ, выдвинувъ на вершину горы два орудія 16-й конной батареи, подъ прикрытіемъ спѣшеннаго 2-го эскадрона казанскихъ драгунъ, на тотъ случай, если бы пришлось оказать помощь гвардейскому взводу. Какъ только этотъ послѣдній былъ замѣченъ турками, они пришли въ движеніе и выдвинули на встрѣчу ему болѣе трехсотъ всадниковъ; но нашъ взводъ, выславъ впередъ наѣздниковъ, смѣло пошелъ на противника усиленными аллюрами; однако же, замѣтивъ скорѣй слишкомъ несоразмѣрное въ числѣ превосходство непріятеля, желавшаго охватить со всѣхъ сторонъ горсть нашихъ гвардейцевъ, штабсъ-

капитанъ Савинъ остановился, отошелъ нѣсколько назадъ, гдѣ мѣстность представляла для него, относительно, удобную позицію, спѣшили на ней своихъ кавалеристовъ и завязалъ перестрѣлку, при которой мы потеряли убитыми трехъ коней. Взводъ Савина, очевидно, находился въ крайне критическомъ положеніи, и потому для оказанія ему необходимой поддержки спущены были въ долину, послѣдовательно, другой взводъ гвардейскаго полускадрона и два эскадрона драгунъ. Замѣтивъ быстрое движеніе этихъ послѣднихъ частей къ мѣсту боя, турки начали отступать къ Тырнову, и тогда-то мѣткій огонь, открытый съ вершины горы нашимъ конно-артиллерійскимъ взводомъ, заставилъ это отступленіе перейти въ прямое бѣгство. Всѣ наши кавалерійскія части, находившіяся въ долинѣ, пустились преслѣдовать противника. Въ это время къ драгунской бригадѣ прибыли три донскія сотни № 26-го полка, съ двумя конными орудіями, и такъ какъ въ данную минуту уже можно было убѣдиться, что у противника, кромѣ бѣжавшей кавалеріи, ничего здѣсь не было, то всѣ остальные драгунскіе эскадроны съ 16-й конной батареей и двумя сотнями донскаго № 26-го полка спустились внизъ и двинулись къ Тырнову; на вершинѣ же горы оставалась одна казачья сотня и два орудія для того, чтобы въ случаѣ нужды оказать содѣйствіе обратному движенію бригады.

Въ четвертомъ часу дня наши войска вышли уже на видъ Тырнова. Съ западной стороны ведутъ къ городу два пути: южнѣе—шоссе изъ Сельви, и сѣвернѣе—грунтовая дорога черезъ Хларъ, Каабунаръ и Бѣлаковцы. Сельвинское шоссе проходитъ по дну глубокой долины; грунтовая же дорога идетъ почти сплошь по хребту горъ, которыя подступаютъ къ самому Тырнову и оканчиваются высотой, значительно командующей надъ городомъ, расположеннымъ, какъ уже сказано, по склону высотъ и въ глубокой котловинѣ. Котловина Тырнова какъ съ запада, такъ и съ востока, окружена довольно большими высотами, причѣмъ западный берегъ Янтры выше и скалистѣе восточнаго.

Для подступа къ Тырнову была выбрана сѣверо-западная грунтовая дорога и, подходя къ городу, войска построились въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линіи два эскадрона драгунъ, прикрытые цѣпью наѣздниковъ; за серединой первой линіи одинъ эскадронъ и, наконецъ, въ нѣкоторомъ разстояніи позади—остальные три эскадрона, 16-я конная батарея и двѣ сотни казаковъ, которые нѣсколько отстали отъ передовыхъ трехъ эскадроновъ. Войска наши уже готовы были вступить въ городъ, какъ вдругъ съ противоположнаго берега рѣки грянули по нимъ артиллерійскіе выстрѣлы. Оказалось, что непріятель, при на-

¹⁾ Что и согласовалось отчасти съ предписаніемъ на 25-е іюня изъ главной квартиры.

шемъ приближеніи, очистивъ городъ, занялъ позицію на правомъ берегу Янтры, и кромѣ того на дорогѣ, ведущей къ Османъ-Базару, замѣчена нами колонія, уходившая отъ Тырнова по направленію къ востоку. Все это было принято за признакъ, что непріятель, слишкомъ заблаговременно заботясь о своемъ сохраненіи, едва ли въ состояніи будетъ выдержать натискъ нашихъ войскъ.

Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, генералъ Турко рѣшился обратить свою рекогносцировку въ серьезное наступленіе и немедленно занять городъ. Для исполненія этого намѣренія онъ выдвинулъ конную батарею на позицію и приказалъ спѣшиться четыремъ эскадронамъ драгунъ, которые тотчасъ же двинулись впередъ, прикрывая оба фланга батареи; и въ то же время генералъ приказалъ двумъ орудіямъ и казачьей сотнѣ, оставшимся позади, на вершинѣ горы, что лежитъ восточнѣе Каябунара, также идти впередъ, вождѣ за войсками. Выѣздъ нашей батареи на позицію оказался чрезвычайно затруднительнымъ, потому что вся мѣстность покрыта здѣсь виноградниками, перерѣзана рвами и множествомъ каменныхъ стѣнокъ. Вслѣдствіе этихъ неудобствъ, нашей батарее пришлось выѣзжать по узенькой дорожкѣ и затѣмъ, свернувъ влѣво, идти колонной, подставляя правый флангъ подъ непріятельскіе выстрѣлы. Турецкая батарея тотчасъ же открыла огонь по нашимъ орудіямъ и, надо отдать ей справедливость, пристрѣлялась весьма скоро, продолжая стрѣльбу по нашей батарее во все время движенія этой послѣдней. Но несмотря на эти крайне невыгодныя условія, командиръ батареи подполковникъ Ореусъ лихо вывелъ свои орудія на позицію и открылъ мѣткій огонь, который въ самомъ непродолжительномъ времени заставилъ непріятельскую батарею замолчать, сняться съ позиціи и потянуться по дорогѣ къ Османъ-Базару. Тогда полковникъ Ореусъ направилъ огонь на турецкую пѣхоту, которая еще прежде этого успѣла открыть учащенную стрѣльбу какъ по спѣшеннымъ драгунамъ, такъ и по самой батарее.

Всѣ видимые признаки указывали, что противникъ отступаетъ, и потому всѣмъ нашимъ войскамъ было приказано двинуться впередъ, а казачьей сотнѣ, только-что прибывшей съ Каябунарской горы къ отряду, войти на рысяхъ въ самый городъ, который относительно турокъ находился теперь на правомъ флангѣ ихъ позиціи; поэтому движеніе казачьей сотни, послѣ того какъ она перешла черезъ Янтру, привело ее на флангъ противника и заставило его немедленно же очистить свою позицію и начать весьма поспѣшное отступленіе. Для преслѣдованія его генералъ Турко тотчасъ же выдвинулъ гвардейскій полуэскадронъ,

два эскадрона драгунъ, двѣ казачьи сотни и два конныя орудія, подъ начальствомъ командира Казанскаго драгунскаго полка, полковника Корево. Перейдя на правый берегъ Янтры, орудія наши открыли огонь по отступавшимъ колоннамъ противника, который послѣ этого въ непродолжительномъ времени обратился въ положительное бѣгство, бросая по дорогѣ свои ружья, патроны и амуницію. Отступленіе это было столь быстро, что тырновскій гражданскій губернаторъ Саидъ-паша не имѣлъ даже времени дожидаться, пока ему засѣдаютъ его лошади и пѣшкомъ бѣжать изъ города по направленію къ Кленѣ.

Тырново было занято сотней казаковъ, которую провелъ по улицамъ урядникъ Кубанскаго полка князь Церетелевъ, знакомый еще прежде со внутреннимъ расположеніемъ города. Эта сотня заняла между прочимъ и мусульманскій кварталъ, еще не вполне оставленный жителями. Князь Церетелевъ первымъ вошелъ въ ту часть города, указывая путь казачьей сотнѣ.

Нашимъ призомъ этого дня былъ весь турецкій марінопольскій лагерь, въ которомъ мы захватили большіе боевые и продовольственные запасы, много разнаго оружія и одно знамя.

Со стороны турокъ участвовало въ бою пять батальоновъ пѣхоты, принадлежащихъ, судя по мундирамъ, къ низаму, четыреста человекъ арнаутской кавалеріи и шесть горныхъ орудій. По окончаніи дѣла, изъ разспросовъ плѣнныхъ оказалось, что къ концу сраженія подошли къ селенію Лесковацъ (въ 15-ти верстахъ отъ города) еще три батальона пѣхоты, присланные изъ Шумлы для подкрѣпленія тырновскаго отряда; но батальоны эти, узнавъ объ отступленіи турокъ изъ-подъ Тырнова, тоже повернули назадъ, не принявъ ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ.

Потери наши состоятъ изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ 16-й конной батареи (изъ коихъ одинъ раненъ тяжело) и убитыхъ пяти лошадей въ той же батарее, да трехъ коней въ гвардейскомъ полуэскадронѣ.

Болгарскіе жители Тырнова, чуть ли не всѣ до единого, даже старцы и немощные, вышли навстрѣчу русскому отряду и съ криками «ура» и «да жие нашъ господарь императоръ Александеръ!» провожали наши войска до городского собора, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебень. Турки однако не могли уйти изъ Тырнова, не надѣлавъ, по обыкновенію, безчинствъ и звѣрствъ надъ безоружными болгарами, на сколько позволяло имъ время. Одинъ случай изъ числа этихъ неистовствъ особенно выдается своей дьявольской жестокостью. Дѣло въ томъ, что уже во время отступленія турецкаго отряда изъ города — какъ мнѣ передавали — нѣсколько чело-

вѣкъ какихъ-то всадниковъ встрѣтили у фонтана беременную болгарку. Всадники остановились попоить коней и двое изъ нихъ заспорили между собой, кѣмъ беременна болгарка — мальчикомъ или дѣвочкой. Состоялось пари, и чтобы рѣшить споръ положительнымъ образомъ, несчастной женщинѣ былъ тутъ же распоротъ ятаганомъ животъ. Вынутый ребенокъ оказался малькомъ, и проигравшій пари заплатилъ своему противнику нѣсколько пиастровъ, примолвивъ, что платитъ съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ однимъ болгаринѣмъ будетъ меньше на свѣтѣ. Вся эта возмутительная сцена произошла на глазахъ нѣсколькихъ человѣкъ, застигнутыхъ и окруженныхъ у фонтана всадниками, которые впрочемъ остальнымъ не сдѣлали никакого зла, а только напугали.

Дабы упрочить занятіе Тырнова, генераль Гурко немедленно же сдѣлалъ распоряженіе о занятіи войсками всѣхъ дорогъ и подступовъ къ городу и о переходѣ въ самый городъ главныхъ силъ отряда, Киевскаго гусарскаго полка съ четырьмя орудіями и 26-го донскаго казачьяго полка съ конной батареей.

Въ главной квартирѣ, повидимому, никто, за исключеніемъ, конечно, самаго ограниченаго числа лицъ, посвященныхъ въ стратегическія тайны и планы кампаніи, не могъ и подозрѣвать о возможности такой стремительной быстроты въ ходѣ военныхъ операцій. Корпуса, предназначенныя къ дѣйствіямъ противъ Никополя и Русскаго¹⁾, еще не успѣли окончить своей переправы черезъ Дунай, авангардъ главныхъ силъ русской арміи (8-й корпусъ) еще бивуакировалъ около Систова, а передовой летучій отрядъ уже готовился перелетѣть за Балканы. Главная квартира находилась подъ Систовымъ, на бивуакѣ въ Царевицѣ, когда 26-го іюня, около шести часовъ вечера, ординарецъ генерала Гурко, штабсъ-капитанъ Карандѣевъ²⁾ привезъ извѣстіе о счастливомъ занятіи Тырнова. Общее «ура» тотчасъ же огласило садъ, гдѣ была разбита походная палатка главнокомандующаго; лейбъ-казачья музыка грянула народный гимнъ. Его высочество распорядился отслужить благодарственный молебенъ, наградилъ штабсъ-капитана Карандѣева орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, и на слѣдующій день (27-го), раннимъ утромъ, выступилъ во главѣ своего штаба изъ Царевицы къ Тырнову, куда и прибылъ, какъ сказано выше, 30-го іюня.

Въ этотъ же самый день (30-го) генераль

¹⁾ 1-го іюля части Русскаго отряда, на пути слѣдованія къ мѣсту своего назначенія, находились еще въ с. Павло, т. е. въ 25-ти верстахъ отъ Систова, а 14-я дивизія (авангардъ главныхъ силъ) между селеніями Куцана и Борущъ, не доходя рѣки Россиды, въ двухъ переходахъ отъ Систова.

²⁾ Лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскаго полка.

Гурко выступилъ изъ Тырнова за Балканы, начертавъ предварительно для своего отряда слѣдующій планъ дѣйствій:

1) Для движенія за Балканы избрать путь, ведущій изъ Тырнова черезъ Присово, Пляково, Войнешти, Райковецъ и Паровцы на Хайнкюй, въ долину Тунджи (путь этотъ ни на какихъ картахъ не обозначенъ)¹⁾.

2) Двинуть по этому пути весь отрядъ, кромѣ 30-го донскаго полка и двухъ орудій. Сему послѣднему полку выдвинуть двѣ сотни съ обоими орудіями въ Габрово, для наблюденія за Шипкинскимъ проходомъ, а четыре сотни оставить въ Тырновѣ.

3) Отряду оставить въ Тырновѣ, подъ прикрытіемъ оборонной²⁾ команды отъ всѣхъ частей отряда, весь свой колесный обозъ, взявъ съ собой лишь вновь организованный выучный, въ которомъ имѣть неприкосновенный запасъ: на пять дней сухарей и на три фуража. Запасъ этотъ расходовать лишь въ случаѣ совершенной крайности, продовольствуясь, по возможности, средствами страны.

4) Порядокъ движенія: а) въ авангардѣ — конно-пѣхотный отрядъ, которому выступить двумя днями раньше главныхъ силъ; б) главные силы — 4-я стрѣлковая бригада съ горною артиллеріею, двѣ бригады болгарскаго ополченія, двѣ сотни пластуновъ, гвардейскій полувскадронъ, уральская сотня, драгунская бригада; в) арьергардъ — бригада болгарскаго ополченія и Киевскій гусарскій полкъ. Арьергарду оставаться въ Тырновѣ до прибытія войскъ 8-го корпуса.

5) По занятіи выхода изъ дефиле въ долину Тунджи у дер. Хайнкюй, двинуться на Казанлыкъ, съ тѣмъ чтобы атаковать Шипкинскій перевалъ съ тыла (т. е. съ южной стороны), причемъ сотня казаковъ 30-го полка, оставленная у Габрова съ двумя орудіями, должна вести въ тотъ же день демонстративную атаку на тотъ же перевалъ съ фронта,

¹⁾ Этотъ путь былъ отысканъ и избранъ по слѣдующимъ причинамъ:

Вопросъ перехода за Балканы заключался для генерала Гурко, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, чтобы отыскать такой горный проходъ, по которому можно было бы обойти противника, занимавшаго изъ всѣхъ балканскихъ переваловъ пока только два: Елено-Твердицкій (колесный путь) и Шипкинскій (шоссей изъ Тырнова на Габрово, Шипку и Казанлыкъ). Заботы объ отысканіи прохода были возложены на волонтера — урядника Кубанскаго казачьяго полка, князя Церетелева, который хорошо зналъ мѣстность и языки Балканскаго полуострова, успѣвъ изучить ту и другіе еще въ бытность свою секретаремъ нашего константинопольскаго посольства. Благодаря личнымъ поискамъ князя Церетелева и разпросамъ его у болгарскихъ ополченцевъ и мѣстныхъ жителей, проходъ былъ найденъ. Путь къ нему ведетъ по тѣмъ населеннымъ пунктамъ, которые исчислены въ первомъ параграфѣ плана дѣйствій генерала Гурко.

²⁾ Преимущественно изъ слабосильныхъ людей

т. е. съ его сѣверной стороны. По расчету, одновременная атака Шипкинскаго перевала съ фронта и тыла должна состояться 5-го іюля.

Предварительныя свѣдѣнія о неприятелѣ, собравшіяся генераломъ Гурко въ Тырновъ, заключались въ слѣдующемъ:

Турецкія власти и мусульманское населеніе Тырнова бѣжали къ Шумлѣ. Изъ всѣхъ горныхъ проходовъ, къ которымъ ведутъ пути изъ Тырнова, заняты войсками только главный перевалъ Шипка ¹⁾; остальные даже не наблюдаются. До 27-го іюня и на Шипкѣ было только около двухсотъ человѣкъ мустафиза; 27-го же прибыли туда арабскія войска, около пяти таборовъ, съ горными орудіями и нѣсколько скопищъ башибузуковъ. Турки предполагаютъ поставить въ шипкинскихъ укрѣпленіяхъ крупновскія орудія, но неизвѣстно—исполнено ли это. Было лишь свѣдѣніе, что для провоза орудій исправленъ подъемъ на Шипку со стороны Казанлыка.

Съ этими свѣдѣніями генералъ Гурко и двинулся за Балканы 30-го іюня. Главнокомандующій же, съ своей стороны, тотчасъ по прибытіи главной квартиры въ Тырново, принявъ, для облегченія генералу Гурко атаки Шипкинскаго перевала, слѣдующія мѣры:

Командиру 30-го донскаго полка дано приказаніе перейти съ четырьмя сотнями изъ Тырнова въ Габрово, остальную же сотню выслать вправо отъ Тырнова по ловчинскому шоссе, для очищенія города Сельви (лежащаго на полупути между Тырновымъ и Ловчей) отъ собравшихся тамъ башибузуковъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ двинутъ въ Габрово 36-й пѣхотный Орловскій полкъ съ одною батареею, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Дерожанскаго, которому было предписано начать фронтальную атаку Шипкинскаго перевала 5-го іюля.

XL.

Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны.

Отсутствіе мѣръ обезпеченія коммуникаціонной систово-тырновской линіи справа. — Тревожныя вѣсти о скопищахъ турецкихъ силъ у Сельви. — Занятіе Сельви эсауломъ Автоновымъ. — Критическое положеніе Антонова въ Сельви, со 2-го по 4-е іюля. — Первая помощь и отогнаніе противника отъ Сельви. — Вторая помощь. — Задача отряда полковника Жеребкова. — Дѣла 5-го іюля: при Акенджиларѣ, на сельви-ловчинскомъ шоссе и подъ Ловчей. — Занятіе Ловчи и встрѣча, оказанная казакамъ болгарами. — Дальнѣйшая судьба Ловчи. — Занятіе эсауломъ Афанасьевымъ города Плевны, 27-го іюня, и сдача въ плѣнъ двухъ командъ плевенскихъ запѣвѣвъ.

Тырново, 9-го іюля.

Генералъ Гурко ушелъ за Балканы, не успѣвъ предварительно принять мѣръ для обезпеченія

Тырнова отъ неприяТЕЛЬСКИХЪ покушеній съ запада, т. е. со стороны Сельви и Ловчи. Впрочемъ, объясненіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить, во-первыхъ, относительная слабосильность передового отряда и, во-вторыхъ, самый фактъ движенія въ Тырново главной квартиры, въ виду чего генералъ Гурко, вѣроятно, имѣлъ всѣ основанія предполагать, что въ строевомъ отдѣлѣ штаба напередъ уже предприняты всѣ надлежащія мѣры къ самому надежному обезпеченію фланговъ нашей коммуникаціонной систово-тырновской линіи. Еще при началѣ движенія къ Балканамъ, естественно было думать, что будутъ направлены особыя части для занятія Плевны и Ловчи, что необходимо требовалось въ видахъ обезпеченія съ правой стороны коммуникаціонной линіи съ Систовымъ, какъ съ нашимъ пока единственнымъ базисомъ на правомъ берегу Дуная. Выдѣленіе Кавказской казачьей бригады вправо, повидимому, указывало именно на эту цѣль, но во-первыхъ, силы одной бригады были слишкомъ недостаточны, чтобы вполне прикрыть собою такое пространство, а во-вторыхъ, Кавказская бригада 29-го іюня была вытребована подъ Никополь, гдѣ содѣйствіе кавалеріи мотивировалось необходимостью обезпеченія тыла штурмующихъ войскъ отъ покушеній противника со стороны Плевны и Рахова. Въ строевомъ отдѣлѣ штаба, повидимому, не придавали Ловчѣ особеннаго значенія, какъ стратегическому пункту. Это видно отчасти изъ того обстоятельства, что когда 30-го іюня, предъ самымъ вступленіемъ главной квартиры въ Тырново, — къ селу Самоводамъ ¹⁾, а потомъ и въ самый городъ прибѣжали сельвинскіе болгары съ прискорбнымъ извѣстіемъ, что сильныя партіи черкесовъ и башибузуковъ, въ количествѣ до 3,000 человѣкъ, скопляются подъ Сельви, въ 32-хъ верстахъ отъ Тырнова, и уже начинаютъ неистовствовать надъ окрестнымъ христіанскимъ населеніемъ, то штабъ обратилъ на это вниманіе болѣе со стороны гуманной, чѣмъ стратегической. Сначала, на основаніи психическаго вывода, что «у страха глаза велики», казалось, будто болгары преувеличиваютъ силы черкесовъ и башибузуковъ, а потому, болѣе для успокоенія этихъ бѣднѣйковъ, чѣмъ изъ соображенія дѣйствительной опасности, въ Сельви была направлена изъ Тырнова 3-я сотня 30-го донскаго полка, подъ начальствомъ эсаула Антонова. Но такъ какъ изъ состава этой сотни оказалось возможнымъ снарядить только три взвода, то для пополненія ея до комплекта ей былъ приданъ развѣздъ Владикавказско-Осетинскаго полка, подъ начальствомъ сотника Верещагина ²⁾. Эта сводная сотня выступала

¹⁾ Шоссированный еще Митхадомъ-пашей, въ бытность его генералъ-губернаторомъ придунайской Болгаріи; но шоссе теперь въ запущенномъ видѣ.

²⁾ Село Самоводы лежитъ у входа въ тырновское ущелье, въ десяти верстахъ не доѣзжая города.

³⁾ Брата художника В. В. Верещагина. Этого

изъ Тырнова рано утромъ 2-го іюля и подошла къ Сельви такъ быстро, что непріятель не успѣлъ помѣшать ей занять городъ, въ которомъ эсаулъ Антоновъ захватилъ тринадцать боченковъ пороу и обезоружилъ турецкое население. Вооруживъ отобраннымъ оружіемъ наиболѣе надежныхъ и способныхъ къ защитѣ болгаръ-охотниковъ, учредивъ изъ нихъ городскіе караулы и сторожевые посты по дорогамъ и вручивъ управленіе городомъ совѣту выборныхъ изъ христіанскаго населенія, эсаулъ Антоновъ немедленно же двинулся со своимъ отрядцемъ на рекгноспирровку по сельви-ловчинскому шоссе. Подходя къ деревнѣ Кіарджески, онъ наткнулся на скопище нерегулярныхъ силъ противника, въ числѣ болѣе 1,500 человекъ, между которыми было пять сотенъ конныхъ. Непріятель, видя малочисленность нашего отряда, сталъ наступать и вывудилъ эсаула Антонова къ отступленію въ Сельви. Антоновъ, потерявъ въ перестрѣлкѣ одного урядника тяжело раненныхъ и трехъ лошадей убитыми, возвратился въ Сельви и тотчасъ же послалъ въ Габрово, къ генераль-майору Дерожинскому записку, гдѣ просилъ прислать ему какъ можно скорѣе какое нибудь подкрѣпленіе, до прибытія коего рѣшился: во что бы ни стало держаться въ Сельви. Разсчитывать на подачу помощи изъ Тырнова Антоновъ не могъ, потому что главная квартира и сама-то находилась пока подъ охраною только конвойнаго батальона, да дивизіона лейбъ-казаковъ.

Съ полудня 2-го и до утра 4-го іюля держался Антоновъ въ Сельви, въ виду непріятеля, имѣвшаго надъ нимъ громадный численный перевѣсъ, въ пропорціи, по крайней мѣрѣ, пятнадцати человекъ противъ одного. Натиски противника въ особенности были сильны 2-го числа, когда нашими казаками, съ сотнею вооруженныхъ жителей, пришлось цѣлый день отражать безпрестанныя атаки турокъ. Незвѣстно, сколько у непріятеля было раненныхъ, но шестнадцать убитыхъ было имъ оставлено на мѣстѣ; у казаковъ же, не считая болгаръ, благодаря природнымъ и мѣстнымъ закрытіямъ, раненъ только одинъ.

Въ восемь часовъ утра 4-го іюля пришла наконецъ подмога изъ Габрова: генераль Дерожинскій прислалъ Антонову 6-ю сотню 30-го полка, подъ командою эсаула Афанасьева, и едва успѣла эта сотня немного передохнуть послѣ тяжелаго усиленнаго перехода, какъ къ десяти часамъ утра непріятель въ томъ же количествѣ (1,500 чел.) повелъ новую атаку

на Сельви. Но теперь казаки уже сами пошли къ нему на встрѣчу. Турецкая цѣпь встрѣтила ихъ огнемъ. Тогда казаки спѣшились и завязали перестрѣлку, продолжавшуюся до четырехъ часовъ по-полудни. Въ это время имъ показалось, что непріятель начинаетъ ослабѣвать. Не теряя минуты, они тотчасъ же съѣли на коней и двинулись въ атаку на правый флангъ непріятельской пѣхоты, обративъ ее въ бѣгство. Во время этой атаки, конные черкесы начали было обходить лѣвый флангъ казаковъ, чтобы ударить имъ въ тылъ, но поручикъ Красовскій¹⁾ успѣлъ замѣтить во-время это движеніе и, при помощи подоспѣвшихъ владикавказцевъ, отбросилъ черкесовъ съ большими урономъ. Непріятель удалился къ деревнѣ Акинджиларъ, оставивъ на мѣстѣ до 70-ти тѣлъ, но захвативъ съ собой своихъ раненыхъ. У насъ убитъ одинъ казакъ и раненъ ятаганомъ въ лицо эсаулъ Афанасьевъ; кромѣ того убито пять лошадей.

Наконецъ, 5-го іюля утромъ, подошло къ Сельви еще новое подкрѣпленіе, присланное изъ Тырнова. Получивъ свѣдѣніе, что эсаулу Антонову угрожаетъ серьезная опасность, великій князь главнокомандующій приказалъ снарядить небольшой отрядъ, составленный изъ 2-го эскадрона лейбъ-казаковъ²⁾, одной сотни 23-го донскаго полка³⁾ и взвода 6-й донской батареи⁴⁾, подъ общимъ начальствомъ командующаго лейбъ-гвардіи Казачьимъ Его Величества полкомъ, флигель-адъютанта полковника Жеребкова, которому приказано: отогнать непріятеля отъ Сельви, разбить его, уничтожить, очистить всю мѣстность до самой Ловчи и стараться войти въ связь съ полковникомъ Тутолминымъ⁵⁾, находящимся по близости Плевны. Къ отряду были приданы генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ (въ качествѣ начальника штаба) и личные адъютанты главнокомандующаго — полковникъ Орловъ и штабсъ-ротмистръ Мухановъ. Съ разсказа полковника Орлова и нѣкоторыхъ другихъ участниковъ, я имѣю возможность передать нижеслѣдующее:

4-го іюля, въ пять часовъ вечера, отрядъ выступилъ изъ Тырнова по сельвинскому шоссе и, не доходя десяти верстъ до Сельви, около полуночи, остановился на ночлегъ. Хотя и слѣдовало бы сразу придти на выручку изнемогавшаго эсаула Антонова, но остановка въ столь незначительномъ разстояніи была, какъ говорятъ, вынуждена крайнимъ утомленіемъ

¹⁾ Елисаветградскаго гусарскаго полка, прикомандированный къ 30-му донскому полку.

²⁾ Командиръ штабсъ-ротмистръ Муратовъ.

³⁾ Сотенный командиръ сотникъ Лавровъ.

⁴⁾ Входившей въ составъ 13-й кавалерійской дивизіи. Взводъ (два орудія) находился подъ командою эсаула Луизова.

⁵⁾ Командующимъ Кавказскою казачьею бригадою.

развѣздъ, въ составѣ полусотни, былъ высланъ полковникомъ Тутолминымъ, для связи съ передовымъ отрядомъ генерала Гурко, и прибылъ 30-го іюня въ Тырново, гдѣ уже не засталъ ни отряда, ни его штаба, а нашелъ главную квартиру дѣйствующей арміи, изъ коей и послѣдовало распоряженіе — развѣзду сотника Верещагина остаться пока въ Тырновѣ, для отдыха.

лошадей, нуждавшихся въ отдыхѣ, и непроясной темнотой ночи. Поэтому начальник отряда послалъ извѣстить Антонова о своемъ приближеніи, а на слѣдующій день (5-го) въ восемь часовъ утра двинулся въ Сельви, гдѣ присоединилъ къ своему отряду 6-ю сотню (Афанасьева) 30-го полка и, пройдя городъ, построился въ боевой порядокъ ¹⁾, въ какомъ и слѣдовалъ до встрѣчи съ непріателемъ, охраняясь передовыми и боковыми разѣздами.

Обогнувъ Акенджиларскую возвышенность и пройдя деревню Акенджиларъ, лежащую въ семи верстахъ отъ Сельви, отрядъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ на шоссе и по склонамъ горы, въ кустахъ и виноградникахъ. Тогда были выдвинуты впередъ два нашихъ орудія, взявшія прицѣлъ на 500 сажень, и первая же граната разорвалась въ самомъ центрѣ расположенія противника. Послѣ нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, полковникъ Жеребковъ приказалъ казакамъ выбить на коняхъ турокъ изъ ихъ позиціи. Но для того, чтобы достигъ до противника, надо было сперва проскакать, колонною справа по шести, шаговъ триста по шоссе, потомъ повернуть влѣво, на узкую дорогу, которая вела въ гору, занятую непріателемъ; здѣсь по необходимости пришлось еще болѣе удлиннить колонну, перестраивая ее на ходу въ строй справа по три, и только достигнувъ середины горы представилась казакамъ возможность раскинуться лавой. При этой атакѣ, болѣе пятидесяти разрубленныхъ и проколотыхъ турецкихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ, въ кустарникахъ. Пока шла эта схватка на нашемъ лѣвомъ флангѣ, центральная сотня, вмѣстѣ съ артиллеріею, шла на рысяхъ по шоссе, торопясь обогнуть гору, съ тѣмъ, чтобы принять на себя непріателя, когда онъ станетъ уходить отъ нашей лѣвофланговой атаки. Узкое шоссе было очень извилисто, что въ значительной степени замедляло движеніе центра, такъ что когда полковникъ Орловъ, обогнувъ гору, поднялся на слѣдующую возвышенность, то увидѣлъ быстро удалявшіеся непріатели уже въ пяти верстахъ разстоянія. Къ этому мѣсту стянулся весь отрядъ. У лейбъ-казаковъ оказался одинъ тяжело раненый рядовой, да у полковника Паренцова ранило выстрѣломъ въ упоръ лошадь. На воз-

вышенности, съ которой открывался широкій видъ на всю окрестность, отрядъ расположился на часовой отдыхъ, въ тѣни небольшой дубовой рощи. Это дѣло было еще первымъ боевымъ крещеніемъ лейбъ-казаковъ, не испытанныхъ доселѣ непріательскаго огня, и удача перваго опыта поселила въ нихъ нравственную въ себѣ увѣренность. При атакѣ въ особенности отличился корнетъ князь Дедашкеліани, лично изрубившій четырехъ черкесовъ ¹⁾. Отдыхъ былъ необходимъ, въ особенности лейбъ-казакамъ, потому что ихъ лошадямъ, при охватѣ непріателя, пришлось проскакать въ гору очень значительное разстояніе, подъ гнетущимъ солнечнымъ зноемъ. Въ половинѣ втораго часа пополудни отрядъ поднялся съ привала и пошелъ далѣе, по дорогѣ въ Ловчу.

Нѣсколько верстъ безпрепятственнаго пути уже поселили было убѣжденіе, что непріатель не дастъ намъ отпора до самой Ловчи, гдѣ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ болгарами, находились нѣкоторыя части низама. Полковники Мандрыкинъ и Орловъ спокойно ѣхали съ разѣздомъ впереди авангардной сотни, когда вдругъ на одномъ изъ изгибовъ шоссеиной дороги, надъ ними пролетѣлъ рой пуль турецкаго залпа. Они тотчасъ же дали знать полковнику Жеребкову, который, нѣсколько минутъ спустя, прискакалъ на мѣсто съ двумя орудіями. Дорога впереди шла между двумя лѣсистыми возвышенностями, сильно занятыми непріателемъ. Лавія довольно сплоченнаго турецкаго огня тянулась на полверсты. Огонь нашей артиллеріи, хорошо пристрѣлявшейся съ первыхъ же выстрѣловъ, продолжался около двадцати минутъ, и въ это время у нея было ранено нѣсколько лошадей и одинъ казакъ-артиллеристъ, оставшійся въ строю до конца боя; у лейбъ-казаковъ тоже ранено и убито нѣсколько коней и одинъ рядовой получилъ весьма серьезную рану.

Найдя, что огонь артиллеріи уже достаточно подготовилъ успѣхъ атаки, полковникъ Жеребковъ приказалъ лейбъ-казакамъ опѣшиться и, раскинувшись цѣпью, наступать на возвышенность, лежавшую противъ нашего лѣваго фланга. Спѣшенная сотня 23-го полка составила правый флангъ, а центръ, оставшій въ прикрытіи у артиллеріи полусотню 30-го полка, одновременно двинулся на ту же возвышенность съ фронта. Непріательскій огонь замѣтно усилился, но благодаря Бога—за исключеніемъ нѣсколькихъ лошадей—у насъ никто не былъ раненъ. Изнемогая подъ невыносимой жарой, люди успѣли взобраться на пологину склона возвышенности. Видя ихъ крайнее утомленіе, полковникъ Жеребковъ послалъ

¹⁾ Въ авангардѣ сотня 30-го полка, за нею 2-й эскадронъ лейбъ-казаковъ съ двумя орудіями и въ арьергардѣ сотня 23-го полка, на случай же встрѣчи съ противникомъ, полковникъ Жеребковъ распредѣлилъ командованіе частями слѣдующимъ образомъ: лѣвый флангъ (сотня 30-го полка) полковникъ Паренцовъ, центръ (сотня 23-го полка) полковникъ Орловъ, правый флангъ (лейбъ-казаки) лейбъ-казачьяго полка полковникъ Мандрыкинъ; общее же командованіе отрядомъ полковникъ Жеребковъ оставилъ за собою. Потомъ, послѣ спѣшки за Акенджиларомъ, произошла перемѣна въ расположеніи частей отряда.

¹⁾ Награжденъ за это орденомъ св. Анны 3-й степеніи, съ мечами и бантомъ.

штабс-ротмистра Муханова съ приказаніемъ садиться на коней и атаковать въ пики. Турки не выдержали наскока лейбъ-казаковъ и вестройными толпами, въ безпорядкѣ, стали покидать возвышенность. Казаки увлеклись было преслѣдованіемъ отдѣльныхъ кучъ, но имъ было послано приказаніе не зарываться и стягиваться къ мѣсту расположенія центра отряда.

Когда отрядъ снова былъ собранъ, полковникъ Жеребковъ, что называется, на плечахъ отступающаго непріятеля двинулся къ Ловчѣ. Не доходя этого города по прямой дорогѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, всего только двухъ верстъ, отрядъ опять встрѣтилъ большую гору, покрытую, какъ и всѣ пройденныя возвышенности, лѣскомъ и виноградниками. Дорога шла въ гору, огибая ее съ правой стороны, и здѣсь отрядъ снова былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ ложементовъ. Наши орудія немедленно открыли огонь, но люди, а въ особенности лошади, были уже истомлены до послѣдней возможности. Сознавая необходимость рѣшительно покончить съ непріятелемъ сегодня же, полковникъ Жеребковъ обратился къ своему маленькому отряду съ задушевной просьбой: — «Братцы! — говорилъ онъ. — Напрягите ваши усилія! Еще немного — какія нибудь двѣ-три версты — и городъ вашъ! Спасибо главнокомандующаго ожидаетъ васъ. Исполнимъ же до конца его приказанія, прогонимъ турокъ и завладѣемъ городомъ! Ура!...»

Казаки дружно откликнулись на этотъ призывъ, но задача имъ предстояла не изъ легкихъ. Самый сильный ложементъ былъ занятъ ротой регулярной пѣхоты, на что указывали звуки сигнальных рожковъ, слышавшіеся оттуда, такъ что брать этотъ ложементъ непосредственно съ фронта представлялось почти невозможнымъ. Надо было дѣйствовать обходомъ; поэтому полковникъ Жеребковъ раздѣлилъ лейбъ-казаковъ на два полуэскадрона и приказалъ одному изъ нихъ спѣшиться въ цѣпь противъ праваго фланга непріятельской позиціи, а другому идти на коняхъ въ обходъ того же фланга; сотня 23-го полка должна была взять непріятеля съ его лѣваго фланга, а центръ — послѣ того какъ лейбъ-казаки сдѣлаютъ обходное движеніе — атаковать возвышенность съ фронта. Въ особенности трудная задача досталась на долю лейбъ-казаковъ. Подъемъ въ гору былъ очень затрудняемъ рыхлой почвой и перепутанными кустами виноградника. Взяравъ на кручу, спѣшныя казаки ползли впередъ, каждый зацѣпивъ себя за ногу чумбуръ лошади и въ то же время стрѣляя изъ берданки. Не доходя шаговъ трехсотъ до ложемента, они замѣтили приближеніе своего коннаго полуэскадрона, прошедшаго на утомленныхъ коняхъ пяти-верстное разстояніе обхода. Тутъ спѣшенный полуэскад-

ронъ, вскочивъ въ сѣдло и присоединясь къ товарищамъ, съ крикомъ «ура» бросился на ложементы. Центръ успѣлъ въ-время поддержать ихъ и турки, выбитые изъ окоповъ, быстро отступили съ возвышенности. Орудія наши вынеслись на гребень высоты и открыли хороній огонь по противнику, удалявшемуся мимо города. Разъѣзды преслѣдовали турокъ до сумерекъ. Съ этой послѣдней высоты открылся великолѣпный видъ на Ловчу, залегшую по берегамъ Осмы въ глубокомъ ущельи, между красивыми каменистыми скалами. Шоссе спускалось по горѣ къ самому городу; справа отъ дороги былъ крутой обрывъ, подъ которымъ кучились черепичныя и аспидныя кровля, кудрявились сады, торчали иглы минаретовъ, а еще ниже струилась изумрудно-зеленая Осма. Орудія наши съ прикрытіемъ были оставлены на гребнѣ горы и продолжали поражать турокъ, отступавшихъ къ сѣверо-западу, да и кромѣ того, пушки на этой позиціи были необходимы на случай, если бы турки-горожане вздумали оказать намъ сопротивление. Сдѣлавъ это распоряженіе, полковникъ Жеребковъ съ остальной частью своего отряда сталъ спускаться въ городъ. Въ полугорьѣ, на шоссеиномъ спускѣ, его встрѣтили ловчинскіе болгары и объявили, что мѣстные турки, забравъ свои пожитки, уже бѣжали изъ Ловчи ¹⁾.

Окруженный народомъ, Жеребковъ подъ вечеръ вступилъ на городскую площадь, гдѣ болгарское духовенство отслужило благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору. Народъ въ восторгѣ кидался къ казакамъ, цѣловалъ ихъ ноги и руки; отовсюду несли болгары вино и угощенія, бросали изъ оконъ цвѣты, а женщины и дѣвушки подносили нашимъ войнамъ батистовыя платки, вышитыя по краямъ букетами изъ цвѣтныхъ шелковъ ²⁾, прося принять эти подарки на память объ освобожденіи Ловчи и какъ знакъ сочувствія и уваженія болгарокъ къ казачьей удали.

Наша потеря за весь этотъ день, не считая лошадей, ограничилась только тремя ранеными казаками. Полковникъ Жеребковъ тотчасъ же вступилъ къ учрежденію въ городѣ временнаго правленія и вооруженной стражи изъ мѣстныхъ болгарскихъ жителей и, оставивъ для защиты Ловчи двѣ армейскія сотни съ двумя орудіями изъ состава своего отряда, возвратился съ лейбъ-казачьимъ эскадрономъ въ Тырново ³⁾.

¹⁾ Турки составляютъ $\frac{1}{10}$ населенія Ловчи, простирающагося до 10,000 жителей.

²⁾ Этотъ родъ рукодѣлія въ особенности процвѣтаетъ между ловчинскими горожанками.

³⁾ Не долго, впрочемъ, наслаждались ловчинскіе хрістіане спокойствіемъ и свободой отъ турецкаго насильства. 11-го іюля, турки, вышедшіе

За одно уже, здесь будет кстати рассказать и о занятии нами Плевны.

25-го июня, направляясь на рекогносцировку Тырнова, генерал Гурко направлял из

Батаха 6-ю сотню 30-го довского полка на запад, для того, чтобы войти в связь с Кавказскою казачьею бригадою. Эскадр Афанасьев, идя проселочными дорогами и ве

из Плевны, повели первую атаку на Ловчу; 12-го июля казаки ловчинского отряда имѣли аванпостныя стычки съ кавалеріей, пытавшейся прорваться къ Ловчѣ для развѣдки нашихъ силъ; 13-го июля ловчинскій отрядъ выдержалъ дѣло съ турецкой кавалеріей на высотѣ Новосела и Сетова *), а 15-го июля рано утромъ у самой Ловчи появился нѣтъ-подъ Плевны сильный отрядъ турокъ, всѣхъ родовъ оружія, который, наконецъ, и вытѣснилъ изъ города слабый казачій гарнизонъ, не превышавшій четырехъ некомплектныхъ сотенъ, съ двумя легкими орудіями. Вотъ какимъ образомъ описываютъ очевидцы тѣ ужасы, которые постигли Ловчу, послѣ оставленія ея русскими:

Рѣзня, произведенная турками въ Ловчѣ, можетъ смѣло поспорить съ Варооломеевскою почью. Весь день и всю ночь рѣзали они христіанское населеніе Ловчи, а также жителей селъ Сетова и Новосела, искавшихъ спасенія въ стѣнахъ этого города. Число убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей опредѣлить покуда невозможно, такъ какъ ни одинъ христіанинъ не осмѣливается теперь войти въ Ловчу, гдѣ насчитывалось болѣе 500 болгарскихъ домовъ, а въ двухъ названныхъ селахъ около 200, такъ что въ этихъ трехъ мѣстахъ жило по крайней мѣрѣ 4,000 христіанъ. Въгледовъ же прибыло въ Сельви и Тырново только 300 человѣкъ. Можетъ быть, нѣкоторые въгледы укрывались еще въ дѣсахъ, гдѣ имъ придется погибнуть отъ турокъ или голода, такъ какъ они равно ничего не успѣли захватить съ собою. Съ ужасною жестокостью старались турки воспрепятствовать бѣгству христіанскаго населенія. По рассказамъ въгледовъ, въ пятницу 15-го (27-го) июля, на ранней зарѣ, раздавался въ городѣ крикъ: „турки идутъ!“ Въ страшномъ смущеніи выбѣжали жители изъ своихъ домовъ и усмотрѣли, что вдали дѣйствительно показались турецкая кавалерія (черкесы). Въ Ловчѣ находились только четыре неполныя сотни казаковъ съ двумя орудіями **); казаки неустрашимо встрѣтили врага, чтобы дать жителямъ возможность спастись бѣгствомъ. Жители не замедлили воспользоваться этимъ и бросились изъ города въ страшномъ безпорядкѣ. Отцы и матери взяли своихъ маленькихъ дѣтей на руки и побѣжали изъ Ловчи, не обращая вниманія на то, слѣдуютъ ли за ними остальные родственники. Такимъ образомъ, дѣти во время бѣгства оставались отъ родителей, сестры отъ братьевъ, жены отъ мужей. Нѣкоторые изъ мужчинъ ваялись за оружіе, но у большинства не хватило духа послѣдовать этому примѣру. Можетъ статься, что рѣзня удалось бы избѣжать, если бы было организовано правильное сопротивленіе; но такъ какъ у жителей не было на это достаточно смѣлости, то сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ могло не задержать, а только ожесточить непріятеля. Въ то время, какъ казаки дрались съ черкесами и прикрывали бѣгство жителей, въ городѣ ворвались съ другой стороны башибузуки и населеніе было почти окружено еще прежде, чѣмъ успѣло выйти изъ

Ловчи. Ярость башибузуковъ положительно не знала предѣловъ. Они убивали мужчинъ, женщинъ, и дѣтей пистолетными выстрѣлами, рѣзали ихъ атаганями, рубили головы, распарывали животы и удовлетворяли не только своей кровожадности, но и своей страсти къ грабежу. Башибузуки разрывали поясы съ цѣлью ваять оттуда деньги, и если денегъ не оказывалось, то они рубили жителей съ удвоенной яростью. Одинъ школьный учитель бѣжалъ со своимъ ребенкомъ за городъ. Башибузуки застрѣлили ребенка, оставивъ отца бѣжать. Несчастный пріѣхалъ теперь въ Тырново, но находится съ горь въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству. Другой болгаринъ видѣлъ, какъ одинъ черкесъ рѣзалъ его сестру. У него хватило мужества застрѣлить черкеса, но дѣвушка уже была мертвая. Въ то время, какъ это происходило въ одной улицѣ, внезапно раздался въ городѣ церковный звонъ. Многіе, успѣвшіе уже выбраться изъ Ловчи и достигшіе открытаго поля, воображали, что этотъ звонъ означаетъ пораженіе турокъ, изгнавшихъ ихъ изъ города—и потому поспѣшили вернуться. Эти легковѣрные жестоко поплатились за свое заблужденіе. Башибузуки зажали церковъ и звонили въ коло, съ цѣлью завлечь жителей въ западню. Теперь они, вмѣстѣ съ подошедшими черкесами и пѣхотниками, начали стрѣлять по бѣгуущимъ и изувѣчивать раненыхъ и мертвыхъ. Казаки отступали шагъ за шагомъ, и бѣглецы, прибывшіе въ Тырново, рассказываютъ, что спастись можно было только по дорожкѣ, прикрываемой казаками; всѣмъ же, кто избралъ другой путь—попадавъ въ руки безчеловѣчнаго врага. Нѣсколько болгаръ, правда, стрѣляли по преслѣдовавшимъ ихъ туркамъ, но это нисколько не измѣнило положенія несчастныхъ жителей Ловчи. Не малое число послѣднихъ пало подъ ударами турокъ, и бѣжавшіе слышали звуки своихъ несчастныхъ соотечекъ, попавшихъ живыми въ руки турецкихъ войскъ. Всѣмъ, кто разговаривалъ лично съ бѣглецами, я на мавуту не усумнялся въ истинѣ ихъ рассказовъ. Ни одинъ изъ болгаръ не могъ рассказывать связно; женщины, вспоминая о постигшемъ ихъ несчастіи, падали въ обморокъ, а дѣти плакали. Вообще, это были такіе сцены, которыя никогда не изгладятся изъ памяти видѣвшаго ихъ.

Чрезвычайно слабое занятіе Ловчи ждетъ еще своего разъясненія отъ будущей исторіи этой войны. Стратегическая важность Ловчи, какъ крайняго предбалканскаго пункта на правомъ флангѣ занятаго нами района средней Болгаріи, выступила съ полной очевидностью еще съ приходомъ генерала Гурко за Балканы, когда главная квартира очутилась въ Тырновѣ, до прихода 14-й дивизіи, почти безъ всякаго прикрытія не только по сторонамъ, но даже на самомъ мѣстѣ своего пребыванія. Но стратегическое значеніе Ловчи усилилось еще болѣе съ той мавуты, какъ обнаружилось 7-го и 8-го июня присутствіе въ Плевнѣ арміи Османа-паши. Почему съ 6-го по 15-е июля охрана Ловчи была оставлена на руки только четырехъ казачьихъ сотенъ? Проникнуло ли это отъ недостаточности вообще нашихъ боевыхъ силъ за Дунаемъ въ данный періодъ времени? Или же состоявшія при строевомъ отдѣлѣ главной квартиры лица генеральнаго штаба, въ

*) Эти селенія лежатъ близъ плевно-ловчинскаго шоссе, недалеко отъ Ловчи.

**) Двѣ сотни 23-го, двѣ сотни 30-го довскихъ полковъ и заводъ довской № 6-го батареи, подъ общей командой полковника Бакланова.

встрѣчая на своемъ пути Кавказской бригады (стоявшей у села Булгарени), прошелъ цѣлкомъ и безъ малѣйшей помѣхи въ самую Плевну, гдѣ узналъ, что городъ занятъ только командою запѣвъ (жандармовъ). Продолжая двигаться къ центру города, онъ, неподалеку отъ конака, встрѣтилъ взводъ запѣвъ, подскочилъ къ нимъ съ казаками и сталъ требовать, чтобы запѣги положили оружіе, поясняя имъ это требованіе соотвѣстными движеніями руки сверху внизъ,—и турки безпрекословно покорились. Слѣдуя далѣе по улицамъ, Афанасьевъ встрѣтилъ другой взводъ запѣвъ, точно также добровольно положившихъ оружіе, и узналъ отъ нихъ, при посредствѣ переводчика-болгарина, что неподалеку скрываются нѣсколько сотъ черкесовъ, тоже желающихъ сдаться, но не знающихъ какъ и гдѣ это сдѣлать. Впрочемъ, въ то самое время, какъ Афанасьевъ вступалъ въ Плевну съ ловчинскаго шоссе, нѣсколько десятковъ черкесовъ, находившихся въ городѣ, чуть лишь прослышали о казакахъ, какъ поспѣшили ударить по видской дорогѣ, не преминувъ въ самую послѣднюю минуту сдѣлать нѣсколько грабежей и насилій надъ дѣтьми и женщинами. Не найдя въ ближайшихъ окрестностяхъ Кавказской казачьей бригады, Афанасьевъ направилъ на розыскъ ея въ разныя стороны нѣсколько разъѣздовъ, а самъ остался пока въ Плевнѣ. Одинъ изъ этихъ разъѣздовъ встрѣтился на дорогѣ съ разъѣздомъ кавказцевъ, отъ которыхъ и узналъ, что штабъ Кавказской бригады находится въ Булгареняхъ. По полученіи этого свѣдѣнія, асаулъ Афанасьевъ, исполняя данное ему порученіе, направился въ Булгарени, провелъ тамъ на бивуакъ ночь и утромъ 26-го ушелъ по направленію къ Сельви, для соединенія со своимъ полкомъ, а на слѣдующій день (27-го) отрядъ турецкихъ войскъ,

свѣдѣнія которыхъ сосредоточивались въ стратегическіе планы и соображенія этой кампаніи, не придавали Ловчѣ никакого особенно важнаго значенія? Или же они, будучи озабочены первой плевненской катастрофой 8-го іюля, позабыли про Ловчу?—Все это вопросы, разъясненіе которыхъ принадлежитъ будущему. Известно только, что полковникъ Паренсовъ заблаговременно извѣщалъ генерала Левинскаго письмами объ опасности, грозящей Ловчѣ, и, донося каждый разъ особо о нападеніяхъ на нее турокъ, умолялъ о присылкѣ туда хоть двухъ ротъ Брявскаго полка изъ Сельви. Отказъ, при письмѣ генерала Левинскаго къ полковнику Паренсову, послѣдовалъ 15-го іюля, въ самый день занятія Ловчи турками. Какъ бы то ни было, но чрезвычайная важность Ловчи, какъ для обладанія Тырновымъ и успѣшной обороны Шипки, такъ и для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій противъ Плевны, оказалась точно такъ же послѣ занятія ея турками, и намъ, чтобы вырвать ее у нихъ вторично, пришлось пожертвовать уже не тремя казаками, а свыше полутора—тысячью человекъ, выбывшихъ изъ строя...

въ числѣ 6,000 человекъ всѣхъ родовъ оружія, уже вступилъ въ Плевну.

XLI.

Занятіе Шипкинскаго перевала.

Планъ двухсторонней атаки Шипкинскаго перевала.—Прибытіе князя Святополкъ-Мирскаго къ габровскому отряду.—Предварительныя распоряженія генераль-майора Дерожинскаго.—Распределеніе частей габровскаго отряда для атаки Шипки.—Дѣйствія четырехъ колоннъ габровскаго отряда 5-го іюля.—Капитанъ Калентовъ.—Причины отступленія этихъ колоннъ къ Габрову 6-го іюля.—Наши потери въ дѣлахъ 5-го іюля.—Переходъ генерала Гурко чрезъ Хаинкойскій перевалъ и дѣла его: 2-го іюля при с. Хаинкой, 3-го іюля при с. Орезари, 4-го іюля при с. Уфляни и 5-го іюля подъ Казанлыкомъ.—Занятіе Казанлыка.—Атака Шипкинскаго перевала съ южной стороны, 6-го іюля.—Коварство и злоупотребленіе турокъ бѣлымъ флагомъ.—Продлженіе съ переговорами о сдѣлѣ и обманный уходъ съ перевала, 7-го іюля.—Генералъ Гурко осматриваетъ вершину перевала.—Движеніе кн. Святополкъ-Мирскаго на перевалъ съ сѣверной стороны, 7-го іюля.—Въ какомъ видѣ нашли мы вершину перевала.—Новыя заѣрства турокъ и писмо о нихъ германскаго военнаго агента.—Сомнѣніе: свои или турки видны въ казанлыкской долианѣ.—Первое «ура» на Шипкѣ.—Приходъ санитаровъ.—Братская могила.—Дальнѣйшія мѣропріятія на перевалѣ.

Деревня Чаушка-Махала, 24-го іюля.

Переходъ генерала Гурко за Балканы и занятіе Шипкинскаго перевала, безспорно, составляютъ одно изъ интереснѣйшихъ событій настоящей войны. Атака Шипкинскаго перевала, по первоначальному предположенію, должна была состояться одновременно съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ сѣвера—отъ города Габрова, и съ юга—отъ города Казанлыка. Въ первомъ пунктѣ долженъ былъ атаковать князь Святополкъ-Мирскій, во второмъ—генералъ Гурко. Поэтому и дѣйствія обоихъ отрядовъ, отъ 4-го по 7-е іюля, направленные къ достиженію одной и той же цѣли, должны были разсматриваться совмѣстно.

Начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, въ ночь на 5-е іюля прибылъ къ отряду генераль-майора Дерожинскаго, расположенному въ Габровѣ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 36-го пѣхотнаго Орловскаго полка, 5-й батареи 9-й артиллерійской бригады, Донскаго казачьяго № 30-го полка и двухъ орудій казачьей конной артиллеріи—всего: три батальона, шесть сотенъ и десять орудій. Князь Святополкъ-Мирскій въ означенное время засталъ слѣдующія распоряженія генерала Дерожинскаго, отчасти приведенныя, отчасти приводимыя уже въ исполненіе: весь Орловскій пѣхотный полкъ, за исключеніемъ двухъ ротъ (1-й и 2-й линейныхъ), стоялъ бивуакомъ по сѣверную сторону Габрова. Двѣ же роты съ одной сотней казачьяго № 30-го полка еще наканунѣ, 4-го

июля, около полудня, выступили въ Балканы, на перевалъ Бердекъ, подъ начальствомъ майора Орловскаго полка Бойно-Родзевича. Великій князь Николай Николаевичъ Младшій, исполнившій при отрядѣ должность офицера генеральнаго штаба, по распоряженію генерала Держинскаго, составилъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ офицерами № 30-го Донскаго полка, подробное описаніе дорогъ, ведущихъ въ данной мѣстности на балканскіе перевалы, причемъ озаботился также собрать достаточное число вполне надежныхъ проводниковъ изъ мѣстныхъ болгаръ. Въ то же время адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, успѣлъ организовать въ Габровѣ и его окрестностяхъ гражданское управленіе, собралъ потребное количество вьючныхъ животныхъ для доставки въ горы воды, хлѣба, патроновъ и снарядовъ, озаботился о ежедневномъ заготовленіи хлѣба и продуктовъ, посредствомъ жителей, и учредилъ въ Габровѣ на мѣстныхъ средствахъ госпиталь для больныхъ и раненыхъ на 200 мѣстъ. Одновременно съ этимъ, другой адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Ласковский, собралъ шанцевый инструментъ и рабочихъ для исправленія и расширенія горныхъ дорогъ. Таковы были предварительныя распоряженія генерала Держинскаго.

5-го іюля, въ семь часовъ утра, князь Святополкъ-Мирскій направилъ на балканскіе перевалы три колонны войскъ въ слѣдующемъ составѣ: *правая*, изъ четырехъ ротъ, 3-го батальона Орловскаго полка и четырехъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Хоменко, чрезъ деревню Зелено-Древо на перевалъ Иметли, съ тѣмъ, чтобы одна изъ этихъ ротъ съ четырьмя орудіями была оставлена на позиціи у Зелена-Древа, для обстрѣливанія турецкаго лагеря, расположеннаго на высотахъ Шипки; *средняя* колонна, въ составѣ трехъ ротъ 2-го батальона Орловскаго полка, имѣя въ резервѣ у себя одну роту (12-ю) 3-го батальона, подъ личнымъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго, слѣдовала по весьма дурной горной дорогѣ прямо на высоты Шипки, съ тѣмъ, чтобы главнѣйшимъ образомъ привлечь на себя вниманіе противника и тѣмъ самымъ облегчить наступленіе генералу Гурко, который долженъ былъ въ то же время атаковать Шипкинскій перевалъ съ южной стороны; *лѣвой* колоннѣ, въ составѣ двухъ ротъ (5-й и 8-й линейныхъ), подъ начальствомъ капитана Клиентова, предстояло подняться восточнѣе средней колонны, по такъ называемой «лѣсной дорогѣ», и выйти на перевалъ близъ Шипки. Кроме того, князь Мирскій, находя отрядъ майора Бойно-Родзевича, отправленный еще наканунѣ на Бердекъ, слишкомъ удаленнымъ отъ общихъ силъ всѣхъ трехъ колоннъ, послалъ въ подкрѣпленіе къ нему (въ семь

часовъ утра 5-го іюля) 1-ю стрѣлковую роту, два орудія и двѣ сотни казаковъ, подъ командою командира донскаго казачьяго № 30-го полка, полковника Орлова. Въ общемъ же резервѣ, при обозѣ въ Габровѣ, оставлено было двѣ роты (3-я и 4-я линейныя).

За часъ до общаго выступленія получено было изъ колонны майора Бойно-Родзевича, при которой состоялъ генеральнаго штаба капитанъ Андріановъ, донесеніе отъ сего послѣдняго, что колонна въ семь часовъ вечера 4-го іюля дошла до непріятельскаго редута, но за утомленіемъ людей отложила атаку онаго до трехъ часовъ утра слѣдующаго дня.

Ровно въ семь часовъ утра 5-го іюля всѣ означенныя части, подъ общимъ начальствованіемъ князя Святополкъ-Мирскаго, выступили изъ Габрова по назначеннымъ для нихъ дорогамъ.

Правая колонна достигла къ полудню деревни Зелено-Древо и, оставивъ здѣсь на позиціи всѣ четыре орудія съ ротою прикрытія, продолжала свой маршъ на перевалъ Иметли, куда и пришла безпрепятственно въ семь часовъ вечера, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. *Средняя* колонна, въ девять часовъ утра, остановилась на привалѣ, гдѣ черезъ часъ было получено донесеніе майора Бойно-Родзевича, что «послѣ часовой ружейной и штыковой работы редутъ непріятельскій взятъ, но необходимо прислать подкрѣпленіе». Вслѣдствіе этого князь Мирскій направилъ къ нему изъ габровскаго резерва 4-ю линейную роту. Къ полудню, оставивъ на мѣстѣ привала 12-ю линейную роту, въ качествѣ резерва, средняя колонна двинулась впередъ, имѣя 2-ю стрѣлковую роту въ первой линіи, а 6-ю и 7-ю линейныя во второй. Подъемъ на крутизнахъ былъ чрезвычайно утомителенъ; 2-я стрѣлковая рота, при которой слѣдовалъ начальникъ штаба 9-й пѣхотной дивизіи, полковникъ Эллерсъ, взобралась на высоту, гдѣ находится первая турецкая караулка, въ два часа дня. Высота эта оказалась не занятою противникомъ. Едва рота успѣла устроиться и отдохнуть минутъ двадцать, какъ полковникъ Струковъ, шедшій все время въ гору впереди съ казачьими разъѣздомъ, привезъ полковнику Эллерсу свѣдѣніе, что непріятель спускается съ высоты по шоссейной дорогѣ. Тогда Эллерсъ повелъ 2-ю стрѣлковую роту занять соответствующую позицію, а 6-я и 7-я роты были придвинуты и оставлены за покатостью высоты, занятой нашими стрѣлками. Распоряженіе это послѣдовало въ половинѣ третьяго часа дня. Между тѣмъ люди были крайне утомлены отъ чрезвычайно тягостнаго подъема и требовали отдыха.

Около трехъ часовъ пополудни князь Мирскій прибылъ на мѣстность, занятую 2-ю стрѣлковой ротою, съ цѣлью рассмотреть расположеніе непріятельскихъ силъ и укрѣпленій. Но

едва показавшись онъ на позиціи, какъ со стороны турокъ одновременно открытъ былъ огонь залпомъ четырехъ пѣхотныхъ ротъ, расположенныхъ въ два яруса по траншеямъ, а на правомъ флангѣ траншей даны были залпы изъ ближайшаго блокауза и редута, не вооруженнаго, впрочемъ, орудіями. За первымъ залпомъ послѣдовалъ второй, но безъ должной выдержки, который и перешелъ сряду въ сильный перекрестный огонь изъ-за закрытій. 2-я стрѣлковая рота въ отвѣтъ на это немедленно стала стрѣлять, а между тѣмъ 6-я и 7-я роты, по распоряженію князя Мырскаго, тоже были введены въ дѣло, для усиленія нашего огня; 12-я же рота придвинута изъ резерва ближе къ боевой линіи. Огонь былъ очень силенъ, такъ что у насъ немедленно же стали выбывать изъ фронта убитые и раненые. Около этого же времени на мѣсто боя джесса гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, раздававшихся за турецкимъ лагеремъ изъ дальняго редута противника. Князь Мырскій думалъ было съ полною увѣренностью, что это атака генерала Гурко съ юга, изъ-за горнаго хребта, но впоследствии обнаружилось, что то былъ огонь турокъ противъ колонны (лѣвой) капитана Кліентова. Дѣйствіе нашихъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій съ позиціи у деревни Зелено-Древо оказалось почти безвреднымъ для противника, за дальностью трехверстнаго разстоянія, а чрезъ это турецкіе стрѣлки, постоянно получая подкрѣпленія изъ своего лагеря, имѣли возможность поддерживать всю силу собственнаго огня до шести часовъ пополудни. Пальба прекратилась въ семь часовъ вечера, причемъ войска обѣихъ сторонъ остались на своихъ позиціяхъ, а въ половинѣ девятаго часа князь Мырскій получилъ донесеніе изъ лѣвой колонны отъ капитана Кліентова.

Изъ донесенія этого оказалось, что проводникъ провелъ *левую колонну* не по «лѣсной дорогѣ», а совсѣмъ инымъ путемъ, который и вывелъ изъ лѣсу отрядъ Кліентова, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, прямо на огонь двухъ турецкихъ лагерей близъ Шипкинскаго перевала. Въ виду этой неожиданности, бывшей слѣдствіемъ ошибки проводника, авангардъ 8-й роты тотчасъ же бросился въ цѣпь и мѣткимъ огнемъ далъ возможность 5-й и 8-й ротамъ по одиночкѣ горной тропинкой вытянуться изъ лѣсу и принять участіе въ жаркой перестрѣлкѣ. Бой начался въ два и длился до шести часовъ вечера. Капитанъ Кліентовъ былъ уже раненъ тремя пулями. Люди его роты хотѣли было вынести его изъ сферы выстрѣловъ, но онъ останавливалъ ихъ. «Братцы, прошу васъ, оставьте меня; я хочу умереть съ вами», сказалъ онъ своимъ солдатамъ и все время оставался на позиціи. Прапорщикъ Фіалковскій, тоже будучи раненъ, до конца не оставилъ фронта и былъ единственнымъ помощникомъ командира 8-й

роты, поручику Орлову. Наконецъ, видя безысходность дальнѣйшаго пребыванія на позиціи, окруженный съ трехъ сторонъ несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ и понеся уже значительный уронъ, изнемогающій отъ ранъ Кліентовъ въ четыре часа дня приказалъ начинать отступленіе, которое прикрывалъ поручикъ Орловъ съ однимъ взводомъ своей роты и неоднократно съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ отражалъ непріятеля, бросавшагося въ штыки на горсть орловцевъ. Это преслѣдованіе съ трехъ сторонъ длилось до шести часовъ вечера. Такимъ образомъ, двѣ наши роты въ теченіе четырехъ часовъ безъ перерыва дрались противъ двѣнадцати ротъ и шести орудій противника. Много было положено нашихъ, но ни одинъ изъ оставшихся въ живыхъ не упалъ духомъ.

Крайняя левая колонна, подъ начальствомъ майора Бойно-Родзевича, на разсвѣтъ, въ три часа утра 5-го іюля, подошла къ турецкимъ заваламъ на разстояніи около полутораста сажень и безъ выстрѣла бросилась на штурмъ. Пѣхота работала штыками, а казаки прикладами, и послѣ колебаній одночасового, часто переходившаго въ рукопашную боя, опрокинули турокъ и заняли ихъ позицію. Атака эта вѣдена была съ фронта пятьюдесятью казаками и полутора ротами, а съ фланга однимъ взводомъ пѣхоты и двадцатью допцами, наступавшими по дорогѣ, указанной сотникомъ Галдинымъ. Ударъ съ обѣихъ сторонъ произведенъ былъ одновременно, въ назначенное время, и трудность этого предпріятія тѣмъ замѣчательнѣе, что подъемъ, по которому пришлось вести атаку, былъ чрезвычайно крутъ, а непріятель имѣвшій два батальона анадолійскаго редифа, значительно превосходилъ силами отрядъ майора Бойно-Родзевича. Сотникъ Галдинъ и генеральнаго штаба капитанъ Андріановъ первыми вскочили въ непріятельскіе ложементы и личнымъ своимъ примѣромъ воодушевили солдатъ да и вообще всѣ офицеры, схвативъ вмѣсто своихъ полусабель солдатскія ружья и работая штыками, вели свои части на приступъ. Почти каждый изъ нихъ закололъ по нѣскольку турокъ, и это отважное поведеніе офицеровъ было единственной причиной, что укрѣпленная позиція взята съ незначительными для насъ потерями, которыя заключаются въ 10-ти убитыхъ и 38-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ. Турокъ же оказалось убитыми болѣе ста человекъ, а раненыхъ они забрали съ собой и отступили къ противоположной высотѣ, съ которой продолжали стрѣлять; но вечеромъ 5-го же іюля вдругъ сняли свой лагерь и потянулись къ горѣ св. Николая.

Такимъ образомъ, къ семи часамъ вечера 5-го іюля всѣ колонны исполнили свои задачи, за исключеніемъ колонны капитана Кліентова, которая должна была отступить въ Габ-

рово и вследствие того открыть неприятелю «лѣсную дорогу» къ этому пункту. Обстоятельство это представлялось тѣмъ болѣе серьезнымъ, что въ Габровѣ у насъ не оставалось уже никакого резерва и прикрытіи къ обозамъ, а потому князь Мирскій счелъ необходимымъ дать всѣмъ колоннамъ приказаніе — отойти 6-го числа утромъ къ Габрову. Потери въ бояхъ 5-го іюля были значительны. Колонна майора Бойно-Родзевича, поступившая съ 6-го числа подъ команду казачьяго полковника Орлова, какъ уже сказано, потеряла 10-ть человекъ убитыми и 38 человекъ нижнихъ чиновъ ранеными. Въ колоннѣ капитана Климентова убиты: прапорщики Дмитріевъ и Дюченко и 63 человека нижнихъ чиновъ; ранены: капитанъ Климентовъ (тяжело), подпоручикъ Фалковский, прапорщикъ Ковалевскій и 52 чел. нижнихъ чиновъ. Въ средней колоннѣ убиты 4 чел. нижнихъ чиновъ, ранены: прапорщикъ Закржевскій и 32 чел. нижнихъ чиновъ. Въ правой колоннѣ подполковника Хоменки потерь не было.

Между тѣмъ генералъ Гурко безпрепятственно проникъ за Балканы чрезъ Ханинскую переваль, нисколько не защищенный турками, спустился съ своимъ отрядомъ въ долину рѣки Тунджи и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ, хотя и незначительныхъ дѣлъ, двинулся 5-го іюля на Казанлыкъ¹⁾. Такъ какъ къ этому

городу съ сѣверо-восточной стороны подходятъ господствующія надъ нимъ высоты, съ занятіемъ коихъ онъ уже не можетъ болѣе держаться, то генералъ Гурко тронулся впередъ тремя колоннами. *Правая* (1½ батальона) должна была двигаться горами и атаковать городъ съ сѣверо-восточной стороны; *средняя* (пять батальоновъ и 10 орудій) слѣдовала у подошвы высотъ, чтобы атаковать Казанлыкъ съ востока и, наконецъ, *лѣвая* колонна, въ составъ которой входила вся кавалерія отряда, была обязана слѣдовать вдоль и вверхъ рѣки Тунджи, стараясь дѣйствовать обходами. Неприятель поджидалъ генерала Гурко верстахъ въ восьми впереди города, имѣя въ строю два батальона анатоійскаго визама, часть анатоійскаго же редифа и три орудія, изъ коихъ два были горныя, а одно 4-хъ-фунтовое. Кромѣ того со стороны Шипки приближалась колонна пѣхоты, желавшая, повидимому, занять греназскія высоты, дабы угрожать правому флангу генерала Гурко.

Около семи часовъ утра 5-го іюля, въ то время какъ колонны князя Святополкъ-Мирскаго двинулись къ Шипкѣ съ сѣвера, у генерала Гурко начался артиллерійскій бой средней колонны, и пока длилась эта канонада, правая колонна, поднявшись на Казанлыкскія высоты, успѣла предупредить здѣсь противника, желавшаго въ свою очередь занять тѣ же высоты,

¹⁾ Дѣяствія отряда генерала Гурко съ 30-го іюня по 5-е іюля заключались въ слѣдующемъ:

Согласно своему плану (изложенному мною въ письмѣ изъ Тырнова отъ 6-го іюля), генералъ Гурко еще 28-го іюня выслалъ въ Балканы авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Рауха, а 30-го іюня выступилъ изъ Тырнова съ главными силами самъ, пославъ предварительно полковника Чернозубова съ его казаками вѣло, къ мѣстечкамъ Еленѣ и Беброву, посмотреть, не приближается ли оттуда неприятель. Полковникъ Чернозубовъ дошелъ до Беброва, обезоружилъ турецкихъ жителей, убѣдился, что въ окрестностяхъ нѣтъ неприятеля и затѣмъ присоединился къ главнымъ силамъ передового отряда.

Дивизионъ конно-піонеровъ, шедшій съ генераломъ Раухомъ значительно впереди отряда, разрабатывалъ неудобопроходимыя мѣста перевала. Піонеры двигались быстро, прохода нарысали тамъ, гдѣ была лишь малѣйшая къ тому возможность, потому что задача ихъ была — изслѣдовать и какъ можно скорѣе приготовить дорогу для движенія отряда. Въ числѣ офицеровъ конно-піонернаго дивизиона находились инженерный капитанъ Альбертовъ и командиръ уральской сотни есаулъ Кириловъ. На высотѣ перевала наши піонеры воздвигли, въ видѣ колонны, большой обтесанный съ четырехъ сторонъ столбъ, украсивъ его у подошвы плитнякомъ, сложенымъ въ видѣ пьедестала. Вершину этой колонны увѣнчали большимъ дубовымъ вѣнкомъ, надъ которымъ утвердили флажокъ съ русскимъ флагомъ, а на поляхъ колонны написали черной краской годъ, мѣсяцъ, день перехода, названіе части и имена лицъ, подъ начальствомъ которыхъ находился отрядъ, прошедшій первымъ Ханинкойскій переваль и воздвигшій колонну.

Когда главныя силы передового отряда расположились на ночлегъ съ 30-го іюня на 1-е іюля у Средней Колибы (хутора), то авангардъ генерала Рауха былъ уже за переваломъ и остановился на отдыхъ у входа въ послѣднее ущелье, ведущее къ селенію Ханинкой, лежащему уже въ Долинѣ Розы, у южнаго подножія Великихъ Балкановъ. 1-го іюля, около часа дня, генералъ Гурко прибылъ съ главными силами къ деревнѣ Паровцы и сдѣлалъ тамъ большой привалъ, до пяти часовъ, чтобы дать людямъ время для отдыха и варки пищи, а затѣмъ двинулся далѣе и къ вечеру того же дня былъ уже на южной сторонѣ перевала, со всей пѣхотой, четырьмя казачьими сотнями и всѣми 14-ю горными орудіями. Эти войска заночевали съ 1-го на 2-е іюля въ ущельѣ, не доходя верстѣ 15-ти до Ханинкой. Остальная же кавалерія и конная артиллерія ночевали частью на высотѣ самаго перевала, частью на его сѣверномъ склонѣ.

Съ разсвѣтомъ 2-го іюля генералъ Гурко снялся съ бивуака и къ десяти часамъ утра пошелъ къ селенію Ханинкой, гдѣ застигъ совершенно врасплохъ около трехсотъ человекъ анатоійскаго визама. Тотчасъ же были разсыпаны въ цѣпь пластуны, при поддержкѣ одного изъ стрѣлковъ батальоновъ, — и противникъ, послѣ слабого сопротивленія, бѣжалъ по направленію къ городу Сливно, преслѣдуемый двумя стрѣлковыми батальонами и четырьмя казачьими сотнями (остальная кавалерія еще не подошла) съ двумя горными пушками. Такимъ образомъ, утромъ 2-го іюля выходъ изъ балканскихъ горъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, и генералъ Гурко, выдвинувъ авангардъ, остановился у селенія Ханинкой, чтобы дать время стаяться сюда остальнымъ частямъ своего отряда. Благодаря

но только съ сѣвера, и начала обходить неприятельскую позицію. Въ это же время и кавалерійская колонна обошла турокъ съ нѣхъ праваго фланга и открыла по нимъ огонь изъ

безопасности турокъ, не наблюдавшихъ за проходомъ, занятіе Ханкиой стоило намъ одного человека убитымъ и пяти ранеными; а если бы тѣ же триста человѣкъ заняли выходъ изъ уакого ущелья, то генераль Гурко могъ бы пробиться только съ большими жертвами. Путь, пройденный его войсками съ 30-го іюня по 2-е іюля, былъ чрезвычайно тяжелъ, въ особенности по крутизнамъ перевала. Отъ Тырнова до Паровцевъ этотъ путь можно назвать еще достаточно удобнымъ, потому что на всемъ протяженіи его есть только два крутые подъема, но и за нихъ оказалось возможнымъ вытянуть даже 9-ти фунтовый орудіа, при помощи буйволотовъ. Главнѣйшія трудности начались отъ деревни Паровцы, гдѣ идетъ подъемъ на главный хребтовый перевалъ. Орудія втаскивали наверхъ при помощи канатовъ и лямокъ; два конныя орудія оборвались съ кручи, вѣсть съ лошадью, и скатились внизъ, въ лошину, откуда, по счастью, ихъ удалось вытянуть. Спускъ съ перевала и дорога по ущелью южнаго склона была еще труднѣе, въ особенности послѣдніа пять-шесть верстъ, такъ что конныя орудія едва едва провозили, а что касается до зарядныхъ ящиковъ, то протаскиваніе ихъ потребовало почти сверхъестественныхъ усилій. При этомъ еще надо принять во вниманіе непривычность нашей кавалеріи къ движенію по такимъ крутымъ, каменистымъ горамъ, солнечной зной, пустышность незнакомой мѣстности и отсутствіе водныхъ источниковъ на главномъ перевалѣ. Не говоря уже о конной артиллеріи, даже и кавалерійское движеніе, большей частью въ одинъ конъ, было возможно лишь благодаря предварительной разработкѣ пути конно-пioneрами. Генераль Раухъ, подъ руководствомъ котораго производилась эта разработка, выполнилъ свое порученіе блестятельно, безъ чего было бы невозможнымъ и самый переходъ отряда. Состоявшій при авангардѣ генеральнаго штаба капитанъ Сахаровъ сдѣлалъ главнѣйшую съемку всего прохода, не нанесеннаго доселѣ ни на какихъ картахъ.

2-го іюля, въ самый день выхода въ долину рѣки Тунджи и занятія селенія Ханкиой, неприятеля, получившаго подкрѣпленіе, перешелъ вечеромъ въ наступленіе отъ мѣстечка Твердицы. У насъ въ авангардѣ у деревни Конаръ стояли 14-й стрѣлковый батальонъ, съ двумя сотнями пластунскъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Этотъ авангардъ двинулся навстрѣчу противнику и, не доходя деревни Кузосмы (она же Коасмади), развернулся и завязалъ перестрѣлку, продолжавшуюся до подхода подкрѣпленій (15-й стрѣлковый батальонъ съ двумя горными орудіями), посланныхъ генераломъ Гурко отъ Ханкиой. Тогда неприятель началъ отступленіе, причемъ наши стрѣлки, вслѣдствіе ступившихся потемокъ вечеромъ, могли преслѣдовать его только до Твердицы и возвратились на авангардную позицію къ Конарамъ. Въ этотъ день части передового отряда овладѣли двумя лагерями, расположенными на пространствѣ между деревней Эсеки и Твердицей, гдѣ нашли брошенное оружіе, патроны, предметы обмундирования и сварженія, хирургическіе инструменты, перевязочные матеріалы, и кромѣ того валяла семь человѣкъ пльваныхъ, по показаніямъ которыхъ неприятель, въ количествѣ четырехъ таборовъ (два ахатолійскаго знамя и два египетскіе), отступилъ въ Славно. Наша по-

орудій. Неприятель отступилъ въ городъ и, вслѣдствіе обхода его нашей кавалеріей, не имѣя возможности отойти на Карлово, началъ ретироваться къ Шипкѣ, куда уже отступала

теперь — одинъ убитый и шесть нижнихъ чиновъ тяжело раненыхъ, изъ коихъ двое умерли въ тотъ же день.

3-го іюля генераль Гурко, оставаясь съ главными своими силами въ Ханкиой, выслалъ на рекогносцировку къ сторонѣ Іени-Загры и Сливно двѣ сотни 28-го донскаго полка и уральскую сотню. За деревней Орезари (она же Урызари) этотъ отрядъ былъ встрѣченъ толпами башибузуковъ и черкесовъ, за которыми слѣдовали три табора пѣхоты съ двумя орудіями. Сбѣжавшихъ, казаки завязали перестрѣлку и послали просить подкрѣпленія. Въ пять часовъ пополудни къ нимъ былъ посланъ 9-й драгунскій Казанскій полкъ, съ четырьмя конными орудіями. Какъ только этотъ послѣдній отрядъ появился въ виду противника, турки стали послѣпше отступать, причемъ конныя орудія, пришедшія съ драгунами, провожали ихъ огнемъ, а уральцы преслѣдовали до наступленія темноты. Въ часъ ночи вернулись на бивуакъ драгуны, а часть спустя послѣ нихъ — уральцы. Тѣ и другіе привезли съ собой много сброшеннаго оружія, нѣсколько знаменъ и одно знамя. У драгуновъ потеря не было; уральцы же потеряли одного убитымъ и трехъ ранеными, изъ коихъ два тяжело.

На слѣдующій день (4-го) двѣ сотни 28-го донскаго полка двинулись въ дальнѣйшую развѣдку и дошли до Іени-Загры, гдѣ порвали телеграфную проволоку, а генераль Гурко двинулся изъ Ханкиой на Казанлыкъ, съ 6¹/₂ батальоновъ, 14¹/₂ эскадроновъ и сотней и съ 18-ю орудіями *). У деревни же Ханкиой, въ видѣ аріергарда, были оставлены четыре батальона съ горной артиллеріей и шесть сотен **), подѣ начальствомъ генераль-майора Столѣтова, которому генераль Гурко приказалъ двинуться съ аріергардомъ вслѣдъ за главными силами отряда 5-го іюля вечеромъ, или 6-го утромъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ пока никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы вполне выяснитъ почему генералу Столѣтову было приказано выступить изъ Ханкиой именно въ означенное время? Вѣроятно, потому, что въ передовомъ отрядѣ было достовѣрно извѣстно, что къ этому времени непременно подойдетъ изъ-за Балканъ пѣхотная бригада генераль-майора Борейши для занятія Ханкиойскаго перевала. Дождлся ли генераль Столѣтовъ этой бригады, или же выступилъ ранѣе ея прихода, неуможно слѣдующему предписанію начальника передового отряда — тоже нѣтъ не извѣстно, хотя выяснитъ это было бы не лишнимъ, въ виду толковъ, ходившихъ у насъ нѣкоторое время, будто, вслѣдъ за выступленіемъ генерала Столѣтова, Ханкиойскій перевалъ, доставшійся намъ хотя и безъ боя, но съ величайшими трудностями и составившій пока единственныя пути сообщенія передового отряда съ главными силами дѣйствующей арміи, остался вовсе не обез-

*) 4-й стрѣлковый батальонъ, двѣ сотни пластунскъ, одна бригада болгарскаго ополченія, гвардейскій полускадронъ, драгунская бригада, уральская сотня, Кіевскій гусарскій и 21-й донской полки, конно-пioneerный дивизионъ и вся конная артиллерія.

**) Двѣ бригады болгарскаго ополченія, 14 горныхъ орудій и 28-й донской полкъ, двѣ сотни котораго, какъ сказано выше, находились 14-го іюля у Іени-Загры.

и другая турецкая колонна, пытавшаяся занять господствующія надъ городомъ высоты. Но такъ какъ и лѣвый флангъ противника былъ обойденъ нашей правой колонной, то уйти въ Шипку турки не успѣли и обратились въ бѣгство, во время коего мы взяли съ боя всѣ три пушки и болѣе четырехсотъ человекъ плѣнныхъ съ тремя офицерами, при потерѣ съ нашей стороны убитыми трехъ и ранеными одиннадцати нижнихъ чиновъ. Около полудня Казанлыкъ очутился уже окончательно въ нашихъ рукахъ, и потому генералъ Гурко хотѣлъ было тотчасъ-же двинуться къ деревнѣ Шипкѣ, съ тѣмъ чтобы въ тотъ же день занять перевалъ, но гнетущій солнечный зной до такой степени утомилъ пѣхоту, что для нея прежде всего сталъ крайне необходимъ довольно продолжительный отдыхъ. Вслѣдствіе этого генералъ Гурко пошелъ къ Шипкѣ только съ одной кавалеріей, пѣхота же подошла къ ней уже

печенымъ, безъ всякаго прикрытія, что было очень рискованно, такъ какъ четыре турецкіе габора и черкесы съ башибузуками, дравшіеся съ нами наканунѣ у Ореари, не были уничтожены, а только отступили по направлению къ Сливню (да и одинъ ли только они могли тамъ находиться?) и, стало-быть, пользуясь движеніемъ передового отряда къ Казанлыку, эти неприятельскія силы свободно могли во всякое время занять Хаинкойское ущелье и отрезать намъ единственный путь сообщенія съ придумайской Болгаріей. Таковы были толки, но до какой степени простирались ихъ основательность—судить не берусь, такъ какъ это могутъ выяснять только свидѣтельства непосредственныхъ участниковъ забалканской экспедиціи и имѣющіеся у нихъ офиціальныя документы.

4-го іюля, по дорогѣ изъ Хаинкія въ Маглишъ *), сотня казаковъ, шедшая во главѣ авангарда генерала Гурко, около десяти часовъ утра, вдругъ была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за земляныхъ заборовъ и изъ садовъ деревни Уфлани. Чтобы выбить непріятеля изъ его крѣпкой позиціи, преградившей отряду дальнѣйшій путь къ Казанлыку, пришлось развернуть всю стрѣлковую бригаду и выдвинуть впередъ конную артиллерію (16 орудій). Послѣ упорнаго сопротивленія, турки наконецъ были выбиты изъ деревни штыками. Стрѣлки удачно преслѣдовали ихъ съ фронта, а драгуны и кievскіе гусары, отчасти заскакавшіе даже въ тылъ противника, настойчиво наслѣдали съ праваго фланга. Въ дѣлѣ особенно отличились штыковой атакѣ 13-й и 15-й стрѣлковые батальоны; изъ нихъ послѣдній отыгаль съ боя непріятельское знамя. Въ числѣ многихъ плѣнныхъ, находившихся казанлыкскій каймакамъ, который далъ показаніе, что въ дѣлѣ подлѣ Уфлани участвовали пять таборовъ аятолийскаго ниама, подлѣ командой Калуси-паши. Судя по количеству убитыхъ (до четырехсотъ), потеря непріятеля должна быть весьма значительна. Мы же потеряли до 80-ти человекъ, въ томъ числѣ двухъ тяжело раненыхъ офицеровъ. Къ вечеру генералъ Гурко дошелъ до Маглиша, гдѣ и расположился на ночлегъ, а 5-го іюля утромъ двинулся на Казанлыкъ.

*) Маглишъ (или Маглись) лежитъ на половинѣ дороги изъ Хаинкія въ Казанлыкъ.

значительно поздиѣе. Узнавъ, что противникъ отошелъ на вершину горы, занялъ перевалъ и укрѣпился тамъ въ весьма сильной позиціи, генералъ Гурко долженъ былъ остановиться противъ перевала. Подъ вечеръ въ его отрядѣ слышны были пушечныя выстрѣлы, которые привели генерала къ заключенію, что это Орловскій пѣхотный полкъ подошелъ уже къ перевалу изъ-подъ Габрова и пытается овладѣть имъ. Это были выстрѣлы, направленные, какъ уже извѣстно, противъ колонны капитана Клиентова.

Къ сожалѣнію, генералъ Гурко, при всемъ своемъ желаніи помочь Орловскому полку, не могъ исполнить этого 5-го іюля, потому что пѣхота подошла къ нему изъ Казанлыка уже по прекращеніи слышавшейся перестрѣлки, да къ тому же вслѣдъ за ея приходомъ вскорѣ совсѣмъ свѣтерѣло и наступила полная темнота, быстро смѣняющая въ этомъ краѣ короткіе сумерки.

Но предполагая, что орловцы будутъ дѣйствовать противъ Шипкинскаго перевала и на слѣдующій день, генералъ Гурко рѣшилъ послать на перевалъ, 6-го іюля, два батальона стрѣлковъ и обѣ сотни пластуновъ, съ цѣлью оказать содѣйствіе атакѣ орловцевъ. Чрезъ посредство болгаръ онъ увѣдомилъ объ этомъ командира Орловскаго полка и чрезъ нихъ же, 6-го іюля, около восьми часовъ вечера, получилъ отвѣтъ за подписью полковника Элперса. Изъ этого отвѣта генералъ Гурко узналъ, что не только не было предположенія дѣйствовать на 6-е число противъ перевала, но что Орловскій полкъ, на основаніи изложенныхъ выше обстоятельствъ, долженъ былъ даже отступить къ Габрову. Къ сожалѣнію, генералъ Гурко узналъ объ этомъ обстоятельствѣ слишкомъ поздно, когда уже не было возможности вернуть назадъ стрѣлковъ и пластуновъ, а потому движеніе въ гору этихъ 2¹/₂ батальоновъ, вмѣсто содѣйствія въ атакѣ Орловскому полку, неожиданно обратилось въ совершенно самостоятельную и притомъ одиночную атаку. Придать этимъ частямъ хоть сколько нибудь артиллеріи не было никакой возможности, потому что всѣ горныя орудія остались при болгарскомъ ополченіи въ Казанлыкѣ ⁴⁾, а пустить

⁴⁾ Такъ какъ атака шипкинскаго перевала съ южной стороны входила въ заранѣе начертанный планъ, составляя даже главнѣйшую суть всѣхъ дѣйствій передового отряда, причемъ сама собой выступала на видъ необходимость и горной артиллеріи, для содѣйствія этой атакѣ, то было бы не лишнимъ знать тѣ, безъ сомнѣнія, весьма основательныя и уважительныя причины, которыя побудили оставить горную артиллерію безраздѣльно, всю сполна, въ арьергардѣ у генерала Стойкова, тѣмъ болѣе, что самое показаніе генералу Стойкову — двигаться съ арьергардомъ вслѣдъ за главными силами 5-го іюля вечеромъ или 6-го утромъ — само по себѣ уже указываетъ, что защита Хаинкойскаго

по этой узкой, извилистой тропинкѣ артиллерію полевую генералъ Гурко не нашелъ возможнымъ.

Итакъ, 13-й и 15-й стрѣлковыя батальоны должны были по крутой и дѣистой тропинкѣ взбираться для атаки неприятельской позиціи съ востока, а пластунскимъ ротамъ предстояло демонстрировать противъ нея съ юга, — все это, конечно, при томъ предположеніи, что орловцы поведутъ наступленіе съ сѣвера.

Движеніе стрѣлковъ было исполнено вполне скрытно отъ неприятеля, такъ что передовую его позицію — ретраншментъ и лагерь — они успѣли занять сразу. Въ это время большая часть восьми турецкихъ батальоновъ, занимавшихъ перевалъ, начала устраниваться въ позиціи на западной сторонѣ оного. Для атаки этой второй позиціи нашимъ стрѣлкамъ пришлось спуститься нѣсколько внизъ, къ сѣдловинѣ, раздѣляющей высоты, и затѣмъ подвигаться къ такъ называемой горѣ Св. Николая. Только что начали они исполнять это движеніе, какъ наверху у турокъ появился большой бѣлый флагъ, и въ тотъ же моментъ два турецкіе офицера, съ бѣлыми флагами въ рукахъ, отдѣлились отъ своихъ войскъ и стали спускаться къ нашимъ стрѣлкамъ. Командиры обоихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, принимая эту демонстрацію турокъ за желаніе ихъ вести переговоры о сдачѣ, а офицеровъ съ флагами за парламентеровъ, сейчасъ же приказали людямъ своихъ частей прекратить пальбу, что и было исполнено ими немедленно. Навстрѣчу предполагаемымъ парламентерамъ вышли изъ нашихъ рядовъ одинъ изъ стрѣлковыхъ офицеровъ, германскій военный агентъ майоръ Лигницъ, вольноопредѣляющійся Тихановъ и рядовой, владѣющій турецкимъ языкомъ. Но турецкіе парламентеры тотчасъ же повернули назадъ, а со стороны неприятеля раздались какіе-то сигналы — и вдругъ турецкіе батальоны, успѣвшіе за это время окончательно занять свою новую позицію, дали по нашимъ войскамъ страшный залпъ, который вывелъ у насъ изъ строя значительное число людей, — и бой опять возобновился. Оба батальона начали атаку и чрезъ нѣкоторое время, взявъ два укрѣпленія и лагерь, подступили къ главной позиціи противника, которая оказалась чрезвычайно сильной и защищалась не только двухъ-арунымъ ружейнымъ, но и артиллерійскимъ огнемъ.

Командиръ 13-го стрѣлковаго батальона, полковникъ Клемантовичъ, былъ убитъ. Въ виду столь сильной неприятельской позиціи и не усматривая нигдѣ подхода Орловскаго полка, командиръ 15-го стрѣлковаго батальона, оставшійся за старшаго, началъ отходить

назадъ, такъ какъ дальнѣйшая атака этой позиціи такими слабыми средствами и безъ артиллеріи была бы чистымъ безуміемъ. Отступленіе стрѣлковъ исполнено въ полномъ порядкѣ, но не въ томъ направленіи, въ какомъ началась ихъ атака, потому что для этого пришлось бы опять взбираться на высоты подъ самымъ губительнымъ огнемъ противника. Обстоятельство это было причиной того, что люди наши, раненые во время боя на первой турецкой позиціи, не могли быть подобраны во время отступленія. Турки провожали артиллерійскимъ огнемъ наши батальоны. Пластуны, видя что стрѣлки отходятъ назадъ, тоже спустились внизъ и потеряли при этомъ въ числѣ убитыхъ своего офицера, есаула Вахтанга. Наша потеря оказалась болѣе 150 человекъ убитыми и ранеными.

Въ этотъ же день утромъ убитъ начальникъ конно-піонерной команды, полковникъ графъ Роникеръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: графъ Роникеръ слѣдовалъ съ уральской сотней изъ Казаньки въ Шинку, на присоединеніе къ стрѣлковой бригадѣ, но дорогой заблудился, вслѣдствіе чего долженъ былъ отъѣхать назадъ. Ѣхалъ онъ нѣсколько впередъ сотни съ трубачемъ и офицерами и, приближаясь къ сложенымъ снопамъ, возлѣ лѣса, замѣтилъ вдругъ партію турокъ, человекъ въ двадцать, которые въ ту же минуту дали по немъ залпъ — и графъ Роникеръ на мѣстѣ свалился мертвымъ. Вся эта мѣстность, по приказанію генерала Гурко, была тщательно пройдена нашими партіями и очищена отъ мелкихъ турецкихъ шаекъ. Но все-таки нельзя не замѣтить, что графъ Роникеръ палъ жертвой собственной неосторожности, потому что онъ шелъ безъ охранительныхъ боковыхъ развѣдовъ.

Удаленіе турокъ изъ лагеря, расположеннаго при деревнѣ Шинкѣ, наверхъ перевала, безъ взятія съ собой продовольственныхъ запасовъ¹⁾, было сочтено въ нашемъ передовомъ отрядѣ за доказательство ихъ паники, обуявшей турецкія войска, вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго имъ при Уфляни, и занятія нами Казаньки. Предполагалось также, что занятіе нашими войсками спуска съ Шинкинскаго перевала окончательно лишаетъ турокъ возможности подвозить въ верхніе лагери провіантъ и боевые запасы изъ долины Тунджи, а прибытіе къ передовому отряду

1) Въ продовольствіи имъ не было особенно настоятельной надобности, такъ какъ оно уже заранѣе имѣлось на самомъ перевалѣ, что и подтвердилось для насъ во-очію, когда части Орловскаго полка поднимались наверхъ съ сѣверной стороны: генералъ Скобелевъ 2-й и полковникъ Струковъ свидѣтельствуютъ, что они нашли тутъ, помимо разныхъ припасовъ, еще и недорѣзанныхъ воловъ и только-что осѣжеванныхъ барановъ.

ущелья силами передового отряда не имѣлась въ виду въ данный періодъ времени.

нѣсколькихъ бѣглыхъ и проголодавшихся турецкихъ солдатъ какъ бы подтверждадо еще болѣе это предположеніе. Предвидя, что турки не могутъ долго держаться въ своей позиціи, генералъ Гурко еще 6-го іюля утромъ послалъ турецкому пашѣ письмо съ предложеніемъ сдаться на капитуляцію.

7-го іюля, рано утромъ, изъ нашей аванпостной цѣпи было прислано начальнику передового отряда донесеніе, что со стороны неприятеля приближается турецкій офицеръ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ. Парламентеръ этотъ былъ тотчасъ же препровожденъ къ генералу Гурко и вручалъ ему письмо отъ паши, начальника шипкинскаго отряда, въ которомъ изъяснялось полное согласіе на сдачу. Въслѣдствіе этого сейчасъ же были написаны условія капитуляціи и обезоруженія турецкихъ войскъ, долженствовавшихъ начаться около полудня. При этомъ генералъ Гурко пожелалъ узнать, чѣмъ объясняется вчерашній вѣроломный поступокъ турокъ съ нашими стрѣлками. Парламентеръ отвѣчалъ на это, будто бы турецкіе офицеры не могли удержать своихъ людей отъ желанія стрѣлять по нашимъ войскамъ, когда послѣдніе подошли на близкую дистанцію. Получивъ отъ генерала условія капитуляціи, онъ удалился, обѣщая вернуться назадъ черезъ два часа, съ окончательнымъ отвѣтомъ своего начальника. Желая воспользоваться этимъ промежуточкомъ времени, на которое, по условію, были прекращены военныя дѣйствія, и употребить его на подбораніе раненыхъ стрѣлковъ и пластуновъ, оставшихся на полѣ сраженія послѣ вчерашняго боя, генералъ Гурко вызвалъ санитаровъ и охотниковъ (офицеровъ и солдатъ) изъ болгарскаго ополченія, приказавъ имъ взять бѣлые флаги, надѣть таковыя же повязки на лѣвые рукава, снять съ себя все оружіе и въ такомъ видѣ идти на перевалъ, къ мѣсту первой турецкой позиціи.

Между тѣмъ, условный двухчасовой срокъ уже истекалъ, а со стороны противниковъ не замѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ, которые указывали бы на то, что они дѣйствительно намѣрены исполнять условія капитуляціи. Это обстоятельство заставило наконецъ генерала Гурко остановиться на предположеніи, что переговоры о сдачѣ затѣяны турками нарочно, съ цѣлью обмана, дабы выиграть время и отступить по горнымъ тропинкамъ безъ боя и преслѣдованія. Генералъ выждалъ до конца все условленное время и, по истеченіи его, въ первомъ часу дня, вызвалъ партіи охотниковъ, которыя должны были подкрасться къ турецкому лагерю и высмотрѣть, чтѣ тамъ дѣлается. Для поддержанія этихъ охотниковъ и для занятія турецкой позиціи, въ случаѣ если бы предположенія генерала оправдались, онъ приказалъ приготовиться къ

движенію въ горы одному батальону стрѣлковъ и одной болгарской дружинѣ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ. Въ началѣ второго часа показалась наконецъ небольшая партія людей съ двумя бѣлыми флагами и начала спускаться къ нашему бивуаку. Можно было предположить, что это передовой отрядъ сдающихся и что за нимъ послѣдуютъ другія партіи, но это были наши санитары, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ возвратились около двухъ часовъ дня и заявили, что турецкіе лагери очищены и позиція на горѣ покинута турками. Тогда генералъ Гурко рѣшился тотчасъ же отправиться наверхъ съ небольшимъ конвоемъ и велѣлъ приготовленнымъ батальонамъ выступить туда же сейчасъ послѣ ихъ обѣда. Въ началѣ четвертаго часа батальоны выстроились къ походу, но въ это время ординарецъ привезъ генералу Гурко донесеніе отъ генерала Скобелева 2-го о томъ, что онъ съ тремя ротами орловцевъ уже занялъ перевалъ и что къ вечеру тамъ соберутся девять ротъ съ четырьмя орудіями. Тогда, отмѣнивъ движеніе батальоновъ, генералъ Гурко отправился на перевалъ только съ своей святой и небольшимъ кавалерійскимъ конвоемъ. Прибывъ на вершину, онъ осмотрѣлъ турецкую позицію и нашелъ ее чрезвычайно крѣпкой, почти неприступной со всѣхъ сторонъ. И точно, можно сказать положительно, что если бы турки, которыхъ, по показанію плѣнныхъ, находилось здѣсь восемь таборовъ, при одиннадцати орудіяхъ, не покинули почему-то перевала, то брать эту позицію было бы до крайности трудно и, во всякомъ случаѣ, взятіе ея потребовало бы съ нашей стороны жертвъ огромныхъ.

Между тѣмъ, въ этотъ же самый день, 7-го іюля, вотъ чтѣ происходило по сѣверную сторону Шипкинскаго перевала, въ отрядѣ князя Святополкъ-Мирскаго.

Всю ночь съ 6-го на 7-е число въ турецкихъ лагеряхъ на шипкинскихъ высотахъ пылали яркіе костры и какъ бы дразнили своимъ свѣтомъ и тепломъ нашихъ орловцевъ, оставшихся впотѣмахъ, внизу, въ сырой и росистой долинѣ; эти костры свидѣтельствовали, что позиція на перевалѣ все еще остается за турками. Съ разсвѣтомъ, въ четыре часа утра, 7-го іюля, князь Святополкъ-Мирскій приказалъ девяти ротамъ Орловскаго полка, при двухъ орудіяхъ, идти въ ущелье рѣки Ятры, къ подножію Шипкинскаго перевала. Полковникъ Струковъ былъ посланъ вести авангардъ, и ему приказано занять ту самую позицію, съ которой 5-го числа была встрѣчена столь жестокимъ огнемъ 2-я стрѣлковая рота орловцевъ. Стрѣлки этой роты, зная какихъ потерь стояла имъ въ прошлый разъ эта самая позиція, тѣмъ не менѣе просили доставить имъ еще разъ честь идти въ аван-

гарды. Полковникъ Струковъ, доведя эту роту почти на ружейный выстрѣлъ до помянутой позиціи, остановилъ ее въѣвъ предполагаемой линіи дѣйствительнаго огня, а самъ съ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Никифоровымъ, и десятию стрѣлками вышелъ впередъ и занялъ гребень позиціи, съ цѣлью убѣдиться, будетъ ли данъ по нимъ залпъ, какъ въ прошлый разъ. Здѣсь они выжидали нѣсколько минутъ, но непріятель не открывалъ огня и не подавалъ о себѣ никакихъ признаковъ, такъ что наша горсть передовыхъ развѣдчиковъ оставалась въ полной неизвѣстности—ловушка ли это, или же точно турки покинули свою позицію. Взявъ на себя отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ развѣдки, полковникъ Струковъ объявилъ людямъ, что какъ бы то ни было, а позицію надо брать безъ огня и—«съ Богомъ!» Жутко было идти на полную неизвѣстность, но люди шли твердо, рѣшительно и, придя на позицію, нашли ее пустой. Впередъ предостало еще пять подъемовъ съ весьма сильными и укрѣпленными позиціями на каждомъ; но люди бодро шли все дальше и дальше, ожидая на каждомъ подъемѣ роковаго залпа, но съ каждымъ шагомъ впередъ, къ удивленію своему, находили вездѣ и во всемъ большой беспорядокъ: разбросанныя вещи, обувь, оружіе, значки и даже знамена. Тѣмъ временемъ подошли и другія роты Орловскаго полка, надъ которыми генералъ Скобелевъ принялъ общее начальство и не останавливаясь прошелъ съ ними всѣ подъемы и батареи—однѣ съ брошенными пушками, другія совсѣмъ безъ орудій. Видно было, что непріятель только-что бѣжалъ: недорѣзанные быки и бараны, разбросанныя разныя вещи, патронныя ящики, пушки, снаряды—все это явно свидѣтельствовало о послѣднемъ и безпорядочномъ бѣгствѣ. Генералъ Скобелевъ повелъ теперь впередъ только три роты, которыя шли быстро, преодолевая гребень за гребнемъ и дивясь тому, какимъ образомъ и по какой причинѣ возможно было оставить безъ выстрѣла цѣлые ряды столь сильныхъ позицій, укрѣпленныхъ и природой, и военнымъ искусствомъ. Батареи, отдѣльныя укрѣпленія, завалы, ложементы въ замѣчательномъ числѣ были расположены такъ искусно, что не только одного полка, но и цѣлой дивизіи было бы далеко недостаточно для ваятія ихъ штурмомъ, а иначе какъ штыками одолѣть ихъ было невозможно. Въ нѣкоторомъ отдаленіи и по разнымъ направленіямъ показывались иногда уходящіе турки. Наконецъ, одного изъ нихъ удалось поймать въ плѣвъ, и онъ объяснилъ, что генералъ Гурко уже два дня тѣснитъ ихъ съ юга, а нынче, рано утромъ, когда ихъ паша рассмотрѣлъ въ подозрную трубу и наступленіе съ сѣвера, то приказалъ снимать скорѣе лагерь

и готовиться къ уходу. Вслѣдствіе этого по лагерю, отъ табора къ табору, вдругъ распространялся слухъ, что русскіе въ громадныхъ силахъ наступаютъ съ обѣихъ сторонъ, и тутъ уже большинство солдатъ пустилось уходить безъ всякаго приказанія и порядка.

Между тѣмъ, со стороны генерала Гурко была мертвая тишина: ни звука, ни выстрѣла; а три роты орловцевъ, все идя впередъ, тщательно осматривались кругомъ, чтобы не быть отрѣзанными отъ своихъ резервовъ, и наконецъ поднялись на послѣднюю высоту, гдѣ ихъ глазамъ явилась одна изъ самыхъ ужасныхъ картинъ, какую только можетъ представить себѣ воображеніе. На площадкѣ валялось нѣсколько десятковъ отрѣзанныхъ головъ и обезглавленныхъ, ограбленныхъ труповъ. Цинизмъ развратнаго глумленія надъ этими головами и трупами стоить изобрѣтателенъ, великъ и безстыденъ, что говорить о немъ въ печати и въ ни малѣйшей возможности... Бѣдокурія русскія головы, съ красивыми бородами, съ молодыми лицами, съ сомкнутыми или съ недвижно раскрытыми глазами лежали у ногъ только-что пришедшихъ сюда ихъ ратныхъ товарищей. Видно было, что неостовымъ истязаніямъ и гнусному поруганію подвергались не только убитые, но и раненые. Это были головы всѣхъ тѣхъ стрѣлковъ и пластуковъ, которыхъ намъ невозможно было вынести изъ дѣла, происходившаго здѣсь наканунѣ, когда наши войска отступили другою дорожкой. Только трупы полковника Климантовича и еще одного фельдфебеля того же батальона, лежавшіе дальше другихъ, не были обезображены и поруганы, да и то вѣроятно потому лишь, что турки не успѣли ихъ отыскать. Свидѣтелями-очевидцами этихъ ужасовъ, о которыхъ прислали свои донесенія генералъ Гурко, полковникъ Струковъ и генеральнаго штаба капитанъ Уссаковский, былъ еще прусской службы майоръ фонъ-Лигницъ и австрійскіе военные агенты¹⁾.

¹⁾ Майоръ фонъ-Лигницъ, по поводу этихъ звѣрствъ и обманныхъ поступковъ, напечаталъ въ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ“ слѣдующія два письма:

1. „Казаньскъ, 22-го (10-го) іюля 1877 г.

„Въ началѣ сраженія 18-го (6 го) іюля въ Шипкинскомъ проходѣ, передъ взятіемъ право-фланговаго ретраншамета, когда русскіе стрѣлки находились отъ послѣдняго въ разстояніи 700 шаговъ, турки по данному сигналу прекратили огонь. На брустверѣ видны были стоявшіе густой толпой солдаты, которые что-то кричали намъ и махали бѣлыми платками, прикрѣпленными къ поднятымъ вверхъ ружьямъ. Русскіе стрѣлки до того времени мало стрѣляли: многие думали, что на той сторонѣ находились уже русскіе. Увидѣвъ дѣлаемые имъ знаки, они остановились. Турецкому гарнизону въ Шипкинскомъ проходѣ предложено было сдаться, такъ какъ отрядъ генерала Гурко, занявъ деревню Шипку, отрѣзалъ имъ путь къ отступленію. Когда показался затѣмъ

Въ глубокомъ и скорбномъ молчаніи всѣ присутствующіе обнажили свои головы и стали креститься... Не было словъ для выраженія негодованія и скорби; слезы многимъ сжимали грудь и горло; рука нелепо хваталась за оружіе, какъ бы порываясь поскорѣе къ отпущенію.

Вскорѣ однако роты наши дошли до края площадки. Здѣсь три крупновскія орудія, у которыхъ позабыли даже вынуть клинья, стояли обращенными не въ нашу сторону, а безъ всякаго направленія. И здѣсь, также какъ на раніе пройденныхъ позиціяхъ, все свидѣтельствоvalo о крайнемъ безпорядкѣ и паникѣ—даже была брошена неоконченная къ передачѣ депеша походнаго телеграфа. Раненые турки валялись въ палаткахъ и въ страхѣ сопротивлялись подбиравшимъ ихъ орловцамъ, которые, по мѣрѣ возможности, старались подать имъ хоть какую-нибудь помощь. Тутъ же были распростерты и убитые турки, которые и на площадкѣ, и по крутому скату лежали не убранными, вперемежку съ нашими обезображенными стрѣлками.

Осмотрѣвшись внимательно, орловцы замѣтили внизу въ долині два лагера, но за отдаленностію разстоянія невозможно было различить—наши ли это, или турки. Минута была критическая, а потому Скобелевъ и старшіе

большой бѣлый флагъ, вблизи котораго стояли два офицера, то вѣлья было болѣе сомнѣваться, что турки отказываются отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Я приближился къ крайнему изъ медленно отступающихъ турецкихъ стрѣлковъ и по его рѣчи и жестамъ пришелъ къ заключенію, что мое предположеніе справедливо. Я намѣревался послѣдовать за туркомъ на ретраншаментъ, но меня удержалъ штабный офицеръ стрѣлковой бригады. Одному стрѣлку, который, будучи татаринкомъ, зналъ турецкій языкъ, поручено было отправиться съ туркомъ и вызвать офицера. Турецкій солдатъ выразилъ свою радость по поводу встрѣчи съ поклонникомъ ислама и отправился со стрѣлкомъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли офицеры съ парламентерскимъ флагомъ. Оттуда всѣ двинулись на гору; турки же, находившіеся на брустверѣ, сошли внизъ. Мы приказали стрѣлкамъ стать на всякій случай подъ прикрытіе. Я, одинъ офицеръ и солдатъ, къ штыку котораго привязанъ былъ бѣлый платокъ, стояли на дорогѣ, ведущей на ретраншаментъ, поджидая турецкаго офицера. Вдругъ раздался выстрѣлъ изъ стрѣлковой пѣши, расположенной къ сѣверу отъ ретраншаментъ; затѣмъ послѣдовали два выстрѣла изъ ретраншаментъ и, наконецъ, по данному сигналу, открытъ былъ сильный ружейный огонь вдоль всей линіи. Наши стрѣлки ринулись впередъ и черезъ полчаса ретраншаментъ былъ въ нашихъ рукахъ. Мы уже не видѣли болѣе солдата-татарина*.

II. „19-го (7-го) іюля, въ 6 часовъ утра, прибылъ къ форпостамъ у деревни Шипки турецкій парламентеръ (капитанъ), привезшій съ собой письмо отъ пашы, командовавшаго на высотахъ. Паша изъявлялъ готовность сдаться на предложенныя ему наканунѣ условія. Генералъ Гурко приказалъ объявить парламентеру, что послѣ того какъ турецкая армія злоупотребила, къ вѣч-

офицеры, посовѣтовавшись между собою, въ виду всѣхъ ужасовъ окружавшей ихъ картины, рѣшили, что если это турки и если придется снова драться, то дѣлать это тутъ же, и драться безопасно, до конца, не давая живыми въ руки. Но желая напередъ удостовѣриться, кому принадлежать усмотрѣнные внизу лагеря, генералъ Скобелевъ снялъ фуражку и крикнулъ войскамъ: «да здравствуетъ государь императоръ!» Русское «ура» впервые огласило на этомъ мѣстѣ балканскія скалы, и оно должно было служить своего рода пробой: если внизу находится русскіе изъ отряда генерала Гурко, то они отвѣтятъ тѣмъ же крикомъ, а если турки, то услышавъ его, быть-можетъ, примутъ одно изъ двухъ: либо уйдутъ прочь, подобно своимъ шинкинскимъ товарищамъ; либо же поведутъ атаку, и во всякомъ случаѣ отрядъ нашъ будетъ выведенъ изъ положенія полной неизвѣстности. Замерло въ горахъ эхо русскаго клика; прошла минута—ждутъ, прислушиваются: нѣтъ никакого отклика. Вѣтеръ былъ не въ ту сторону и потому, быть-можетъ, громкое «ура» и не донеслось внизъ до лагерей. Явилось сомнѣніе, стали предполагать, что вѣроятнѣе всего это турки, какъ вдругъ вдали, на противномъ склонѣ, въ кустахъ, забѣгли рубахи цѣлой вереницы людей, между которыми развѣвался бѣлый флагъ. Опять сомнѣ-

нью своему стыду, парламентерскимъ флагомъ, онъ не можетъ сохранить прежнія условія. Парламентеръ возразилъ, что паша не хотѣлъ сражаться, но не могъ удержать своихъ солдатъ, когда приблизились русскія войска. Строгость условій усилена была лишь въ томъ отношеніи, что оба офицера, находившіеся вчера при парламентерскомъ флагѣ, подлежали выдачѣ русскимъ, между тѣмъ какъ остальные были отпускаемы на честное слово. Условіе это было выражено въ письменномъ отвѣтѣ, составленномъ на турецкомъ языкѣ и переданномъ парламентеру. Турецкій офицеръ, позавтракавъ, возвратился въ лагерь около 9½ ч. Наши санитары, отправленные около 11 часовъ, нашли въ часъ дня лагерь пустымъ, а въ 2 часа онъ былъ занятъ русскими отрядомъ, прибывшимъ изъ Габровы. Оказалось, что парламентеръ сыгралъ съ нами комедію. Часть турецкихъ войскъ еще вечеромъ 18-го (6-го) іюля удалилась въ западномъ направленіи по горной тропинкѣ; равнымъ же утромъ 19-го іюля за ней послѣдовали и остальные турецкіе войска. Санитары не нашли ни одного раненаго; у нѣкоторыхъ убитыхъ и у всѣхъ раненыхъ были отрубаны головы, которыя были разбросаны въ палаткахъ. Въ числѣ обезглавленныхъ находился одинъ санитаръ, съ повязкой Краснаго Креста на рукавѣ, и раненый, лежавшій на лазаретныхъ носилкахъ. Нѣкоторые раненые подвергнуты были, повидимому, ужаснымъ пыткамъ. Турецкимъ раненымъ сдѣлана была перевязка и оказано облегченіе близъ того самаго мѣста, гдѣ собрано было около 30-ти головъ русскихъ солдатъ. Участвовавшіе въ сраженіи войска принадлежали, повидимому, исключительно къ низаму; въ числѣ ихъ было нѣсколько арабовъ и гвардейцевъ*.

(Подписано) „Майоръ фонъ-Лигницъ“.

не: не обманъ ли это со стороны противника. Но чрезъ некоторое время недоумѣніе разъяснилось; можно было уже различать въ близости некоторые вышіе признаки, по которымъ и опредѣлялось, что это приближаются русскіе санитары вмѣстѣ съ болгарскими ополченцами. Это были команды, посланные генераломъ Гурко подобрать вчерашнихъ раненыхъ. Вскорѣ онѣ поднялись на площадку и встрѣтились съ орловцами. Пошли объятія, расспросы... Радостна и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбна была эта встрѣча, среди слѣдовъ неистоваго варварства турокъ. Въ отрубленныхъ головахъ многие узнавали своихъ знакомыхъ, еще вчера полныхъ жизни, молодости, упований... Здѣсь валялись головы: Доценки, Дмитріева, Баштацаго. Немедленно было составлено краткое доносеніе главнокомандующему, и великій князь Николай Николаевичъ Младшій повезъ его въ главную квартиру, вмѣстѣ съ турецкими знаками и знаменемъ, а ретивистъ Цуриковъ былъ отправленъ къ генералу Гурко съ извѣщеніемъ о занятіи Шипкинскаго перевала. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ сюда и самъ генералъ Гурко. Приступлено было къ уборкѣ мертвыхъ; вырыли братскую могилу, военный священникъ совершилъ обрядъ отпѣванія, и ратные товарищи насыпали курганъ надъ павшими. Затѣмъ было приведено въ извѣстность все оставленное турками въ ихъ лагеряхъ. На высотѣ перевала, а равно и въ деревнѣ Шипкѣ поставлены были достаточно сильныя отряды. Капитанъ Ласковский тотчасъ же занялся укрѣпленіемъ позиціи на вершинѣ и разработкою дороги, въ чемъ большую помощь, какъ работники, оказали ему мѣстные болгары. Раненые изъ обоихъ отрядовъ были отправлены въ госпиталь, устроенный полковникомъ Стручковымъ въ Габровѣ, гдѣ сами жители добровольно и съ величайшею готовностью жертвовали все необходимое: помѣщеніе, бѣлье, постели, пищу, а женщины добывались, какъ особой чести, права ухаживать за ранеными, въ качествѣ сидѣлокъ. Словомъ сказать, габровскіе жители нелѣнливо выпазали полную и самую душевную пріязнь къ русскимъ.

XLII.

Взятіе Никополя.

Назначеніе 9-го корпуса для обезпеченія праваго фланга задунайской арміи. — Причины задержки его на переправѣ. — Краткій очеркъ предварительныхъ движеній и дѣйствій Кавказской казачьей бригады съ 21-го іюня и передовыхъ отрядовъ 9-го корпуса съ 25-го іюня по 2-е іюля включительно. — Характеръ никопольскихъ позицій и городъ Никополь. — Планъ дѣйствій противъ Никополя. — Диспозиція для атаки на 3-е іюля. — Дѣйствія заосмянскаго отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. — Услуга, оказанная волонтерамъ взводомъ 2-й довской батареи. — Вой козловцевъ у Чирака и Джурну-Села и занятіе

двухъ османскихъ мостовъ. — Атака генерала Вогачевича со стороны раловской дороги. — Дѣйствія барона Криденера въ центрѣ. — Заполненіе опаснаго промежутка между Козловскимъ и Галичскими полками. — Движеніе впередъ нашихъ батарей и атака Галичскаго полка. — Штурмъ восточнаго редута. — Окончаніе боя въ центрѣ. — Дѣйствія праваго фланга. — Еще разъ о турецкой стрѣльбѣ. — Дѣйствія побочныхъ отрядовъ праваго и лѣваго фланговъ. — Нападеніе на Кавказскую казачью бригаду, въ ночь съ 3-го на 4-е іюля. — Сдача Никополя. — Баронъ Криденеръ у воротъ города. — Первые наши офицеры въ цитадели. — Представленіе Гассана-паши барону Криденеру. — Трофеи, военная добыча и потери. — Дѣятельность санитаровъ, полевыхъ жандармовъ и болгарскихъ сельчанъ во время боя. — Болгарскія женщины-водоносцы подъ огнемъ. — Дѣйствія осадной артиллеріи отъ Турну-Магурели. — Награда барону Криденеру.

Село Горный-Студень, 28-го іюля.

Одновременно съ быстрымъ движеніемъ главной квартиры изъ с. Царевца на Тырново, былъ двинутъ, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта барона Криденера, 9-й армейскій корпусъ, для овладѣнія городомъ Никополемъ и его цитаделью, что было необходимо, какъ для расширенія нашей задунайской базы, такъ и для первоначальнаго обезпеченія праваго фланга наступающей арміи. Переправа 9-го корпуса, по первоначальному росписанію, должна была совершиться 22-го іюня; въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Криденера, самъ онъ съ головною частью переправился вечеромъ 24-го, а наличныя его войска только 25-го, почему 9-й корпусъ и былъ задержанъ у самой переправы болѣе чѣмъ на двое сутокъ. Задержка произошла вслѣдствіе того, что въ это время переправлялись части 12-го и 13-го армейскихъ корпусовъ, вошедшія въ составъ Рушукскаго отряда. Понятно, почему было отдано преимущество во времени переправы частямъ сего послѣдняго: если съ правой стороны непріятель могъ угрожать намъ изъ Никополя и Плевны, то съ лѣвой — онъ имѣлъ цѣлый четырехугольникъ крѣпостей: Рушукъ, Силистрію, Шумлу и Варну, не говоря уже о Разградѣ, Османъ-Базарѣ и рушукско-варненской желѣзной дорогѣ; вообще, съ лѣвой отъ насъ стороны были сосредоточены болѣе значительныя и ближайшія къ намъ силы противника; стало быть, лѣвая сторона, очевидно, являлась важнѣе правой, а потому и требовалось выставить противъ нея надежный заслонъ какъ можно скорѣе. Итакъ, 9-й корпусъ началъ свою переправу только 24-го іюня, но было бы ошибочно думать, что онъ переправился въ полномъ своемъ составѣ. Далеко нѣтъ, и это вотъ почему: 1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи¹⁾, съ тремя 9-ти фунтовыми батареями, находилась еще въ Турну-Магурели, на случай какихъ-либо покушеній изъ Никополя на ру-

¹⁾ Полки 121-й Пензенскій и 122-й Тамбовскій.

мынский берег; 123-й пехотный Козловский полк был еще дальше, а именно в Слатинѣ, куда его направили в помощь саперамъ и морякамъ, при устройствѣ и спускѣ плотовъ и понтоновъ, а 124-й пехотный Воронежский полкъ, по распоряженію штаба дѣйствующей арміи, остался на переправѣ, для защиты моста. Такимъ образомъ, вмѣсто полнаго корпуса, переправилась только одна 5-я пехотная дивизія, съ частью артиллеріи и бригадою кавалеріи¹⁾. Дабы дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Никополя и Плевны, барону Криденеру надо было имѣть въ своемъ распоряженіи достаточныя силы, а потому пришлось ему и на болгарскомъ берегу Дуная выжидать нѣсколько дней, пока успѣли подтянуться остальные части 9-го корпуса. Здѣсь для барона Криденера разомъ предстала двоякая, почти одинаково важная цѣль: никопольская цитадель и Плевна. Которой изъ двухъ отдать предпочтеніе? Съ которой начинать прежде? — Самое лучшее, безъ сомнѣнія, было бы разомъ двинуть достаточно сильныя части противъ обихъ, но для такой операции было недостаточно силъ одного корпуса, а большаго барону Криденеру неоткуда было взять. Предпочесть Никополю Плевну онъ не могъ уже потому, что Никополь хорошо укрѣпленная крѣпость, тогда какъ Плевна — открытый городъ; въ Никополь отъ 12-ти до 15-ти тысячъ гарнизона, въ Плевнѣ — никого; Никополь въ 40-ка верстахъ отъ Систова, Плевна въ 70-ти. Стало быть, первую задачу барона Криденера естественно долженъ былъ сдѣлаться Никополь.

Въ распоряженіе командира 9-го корпуса, для усиленія его кавалерійскихъ средствъ, была отдана Кавказская казачья бригада, стоявшая съ 23-го іюня на Осмѣ, въ Булгареняхъ, и вошедшая въ связь съ 9-мъ корпусомъ 25-го іюня вечеромъ²⁾.

¹⁾ 9-й уланскій Бугскій и 9-й казачій, подъ начальствомъ генераль-майора Лашкарева.

²⁾ Кавказская казачья бригада, согласно приказу, переправилась черезъ Дунай 21-го іюня, но такъ какъ ей было велѣно переходить мостъ послѣ драгунской и сводной казачьей бригады передового отряда, съ ихъ артиллеріей и обозомъ, то казацы пришли на царевницкій бивуакъ только въ вечеру. 21-го же командиръ этой бригады, полковникъ Тутолминъ, получилъ приказаніе присоединиться къ 35-й пехотной дивизіи и вмѣстѣ съ ней продвигнуться, въ юго-западномъ направленіи, на деревню Дели-Сула, что и было исполнено 22-го іюня, послѣ схватки кавказскихъ казаковъ съ черкесской конницей. Здѣсь вышло нѣкоторое недоразумѣніе, послужившее причиной новой, впрочемъ небольшой, задержки движенія; по увѣдомленію начальника 1-й бригады 35-й дивизіи (изъ Турской Сивы), полученному Тутолминнымъ въ 5½ часовъ пополудни 22-го числа, Кавказской бригадѣ было предложено идти въ село Овчу Могилу (къ югу отъ Дели-Сулы); но по росписанію, данному полковнику Тутолмину въ главной квартирѣ 21-го числа, онъ долженъ былъ, дождавшись прибытія въ Дели Сулу 35-й дивизіи (которая, по тому

26-го, утромъ, у барона Криденера имѣлось уже отъ Кавказской бригады свѣдѣніе, что въ Плевнѣ находится не болѣе полутора ста человекъ вооруженныхъ турокъ³⁾). Но принимая

же росписанію, должна была стоять въ Дели-Сулѣ весь день 22-го іюня), выступить на рѣку Осму, къ Булгаренямъ (на юго-западъ отъ Дели-Сулы), оставаясь въ вѣдѣніи начальника 35-й дивизіи. Это обстоятельство потребовало выясненія, что и влекло за собой навѣстную потерю времени; поэтому, желая наверстать время, полковникъ Тутолминъ поспѣшилъ на Осму, куда и прибылъ 23-го, а 35-я дивизія въ то же время перешла въ Овчу Могилу, чѣмъ и была возстановлена правильность расположенія войскъ, согласно первоначальному росписанію, данному штабомъ дѣйствующей арміи. 9-й корпусъ въ этотъ день долженъ былъ расположиться у Систова⁴⁾, но онъ еще не начиналъ переправы. Кавказской же бригадѣ на 23-е число штабное росписаніе предписывало *„оставаться на Осмѣ, выслать развѣдочныя партіи“*.

На 24-е число, въ силу того же росписанія, 9-й корпусъ, „совершаетъ переходъ по пути въ Плевну и Никополь“, но онъ, какъ извѣстно, только что могъ начать переправу; „35-я дивизія остается на мѣстѣ“, т. е. въ Овчей Могилѣ, а Кавказская бригада *„остается на Осмѣ и поступаетъ въ распоряженіе командира 9-го корпуса“*. Стало быть, съ 24-го числа кончилось подчиненіе Кавказской бригады начальнику 35-й дивизіи; но такъ какъ штабъ 9-го корпуса еще не прибылъ за Дунай, то полковнику Тутолмину, въ виду положительнаго приказанія *„оставаться на Осмѣ“*, и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, оставалось только выслать пока развѣдочныя партіи къ югу, въ направленіи на Сельви и Ловчу, и къ западу на Плевну. Это и было исполнено.

На 25-е іюня штабное росписаніе предписывало: „35-й дивизіи сдѣлать переходъ по направленію къ Бѣлѣ“, т. е. съ праваго на лѣвый флангъ арміи, а 9-му корпусу съ Кавказской бригадой — „направиться по распоряженію корпуснаго командира“, и такъ какъ въ предписаніи собственно Кавказской бригадѣ было сказано, что она „получаетъ направленіе по распоряженію командира 9-го корпуса, то, дабы узнать, какое, когда и куда это будетъ направленіе, а также — гдѣ именно находится штабъ 9-го корпуса, полковникъ Тутолминъ выслалъ на поискъ послѣдняго полусотнаго кубанцевъ. Но 25-го іюня утромъ на булгарскомъ бивуакѣ было получено изъ штаба арміи новое приказаніе о томъ, чтобы всѣмъ передовымъ отрядамъ *„оставаться на мѣстѣ“*, причемъ относительно Кавказской бригады упомянуто и мѣсто ея пребыванія „на Осмѣ“, а 9-му корпусу тѣмъ же предписаніемъ было велѣно „переправиться и расположиться у Систова, по пути въ Плевну“. Такимъ образомъ, къ вечеру 25-го, авангардъ барона Криденера прибылъ въ деревню Орѣше, около 12—15 верстъ отъ Систова, а передовой развѣздъ его въ тотъ же день встрѣтился съ кубанскимъ развѣздомъ въ деревнѣ Татары, — и съ этой минуты установилась связь между Кавказской бригадой и 9-мъ корпусомъ.

³⁾ Это свѣдѣніе первоначально было сообщено полковнику Тутолмину плевненскимъ іеродиаконъ Евфиміемъ Федоровымъ, а затѣмъ есауломъ Афанасьевымъ, который со своею 6-й сотней 30-го доисского полка, вечеромъ 25-го іюня, пришелъ на булгарскій бивуакъ изъ Плевны, гдѣ, какъ извѣстно, обезоружилъ двѣ команды защитъ;

въ расчетъ свыше 55-ти верстное разстояние Плевны отъ Орѣше и недостаточность своихъ наличныхъ силъ, которыя не всѣ еще успѣли подняться къ бивуаку съ переправы, баронъ Криденеръ не могъ ничего выдѣлать отъ себя для занятія этого города. До Никополя оставалось ему 35 верстъ, т. е. одинъ переходъ, до Плевны же два перехода и, стало быть, самое раннее, что онъ могъ поспѣть туда — это 28-го вечеромъ ¹⁾. Будь у барона Криденера въ данную минуту подъ рукою весь его корпусъ, о выдѣленіи трехъ-четырехъ батальоновъ въ Плевну не могло бы быть и рѣчи ²⁾, но ослаблять свою наличную 5-ю дивизию, въ виду возможности какого-либо значительнаго движенія противника изъ Никополя, не представлялось возможнымъ. До прибытія остальныхъ частей 9-го корпуса, рискованно было бы начать наступательныя дѣйствія и противъ Никополя; поэтому баронъ Криденеръ поневолѣ былъ вынужденъ на бездѣйствіе въ теченіе двухъ сутокъ 26-го и 27-го іюня, проведенныхъ въ Орѣше.

27-го же, вечеромъ, на булгаренскомъ бивуакѣ было получено отъ плевненскаго іеродиакона Евфимія свѣдѣніе, что въ Плевну пришли въ тотъ день къ тремъ часамъ шесть таборовъ турецкой пѣхоты, съ шестью орудіями и частью конницы, шедшихъ изъ-подъ Софіи къ Никополю, подъ начальствомъ Эдема-паши, который почему-то свернулъ въ Плевну и тамъ остается. Вслѣдствіе этого извѣстія, полковникъ Тутолминъ немедленно выслалъ къ Плевнѣ подполковника Бибикова, съ двумя сотнями Владикавказско-Осетинскаго полка, приказавъ ему произвести обстоятельную развѣдку тамошняго положенія дѣлъ, чтѣ и было исполнено 28-го утромъ.

На 28-е число генералъ Криденеръ назначилъ рекогносцировку Никополя, которая и исполнена по обоимъ берегамъ Осмы: на правомъ — авангардомъ 9-го корпуса (т. е. бригадой генерала Лашкарева), а на лѣвомъ должна была быть поддержана Кубанскимъ казачьимъ

полкомъ. Такимъ образомъ, въ этотъ день происходили двѣ рекогносцировки: Плевны и Никополя, а съ 29-го іюня началось наступательное дѣйствіе противъ послѣдняго, и для сего кавалерійскимъ частямъ 9-го корпуса предписано:

1) Кавалерійской бригадѣ 9-го корпуса (отрядъ генералъ-майора Лашкарева) двинуться въ Дебо и занять мостъ черезъ Осму у селенія Мисылеу, а если окажется возможнымъ, то и переправу черезъ рѣку Видъ у селенія Гиляны.

2) Кавказской казачьей бригадѣ, сохраняя связь съ передовыми отрядами, т. е. съ табровскимъ и тырновскимъ, наблюдать за городомъ Плевной и стараться вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать дѣйствія отряда генералъ-майора Лашкарева, для перерыва сообщеній крѣпости Никополя съ Плевной и Виддиномъ. Вслѣдствіе этого полковникъ Тутолминъ направилъ одну полусотню (сотника Верещагина) въ Тырново, двѣ сотни (подъ начальствомъ войскового старшины князя Кирказова), для наблюденія за Плевной, выдвинулъ въ село Турскій Трестеникъ, на узелъ дорогъ, ведущихъ изъ Плевны въ Бѣлу и Систово и изъ Никополя въ Ловчу, одну сотню оставилъ въ Булгареняхъ при обозѣ, а остальные 8¹/₂ сотенъ перенялъ въ село Мечку, испортили плевно-никопольскую телеграфную линію, отразили партію черкесовъ, захватили обозъ и вошли въ связь съ отрядомъ генерала Лашкарева, отъ котораго полковникъ Тутолминъ получилъ записку, что онъ, генералъ Лашкаревъ, въ этотъ день Осму не переходилъ, а стоитъ у деревни Марховицы, въ виду Никополя.

Приказъ барона Криденера на 30-е іюня предписывалъ: 1) 19-му пѣхотному Костромскому полку, оставя четыре роты въ Булгареняхъ при обозѣ, выдвинуться на позицію къ Турскому Трестенику и наблюдать за Плевной; 2) 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи ¹⁾ дойти до Мечки и наблюдать за путями, ведущими изъ Никополя въ Плевну, и 3) Кавказской казачьей бригадѣ содѣйствовать однимъ полкомъ Костромскому полку, а другимъ — 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. Поэтому полковникъ Тутолминъ приказалъ: двумъ сотнямъ (князя Кирказова), по завтрашнему, оставаться въ Турскомъ Трестеникѣ, одной сотнѣ — при обозѣ въ Булгареняхъ, а остальнымъ 8¹/₂ сотнямъ, находившимся въ Мечкѣ, пришлось, до прибытія въ это селеніе пѣхоты, подошедшей только позднимъ вечеромъ, два раза отразить значительныя партіи черкесовъ и сдѣлать рекогносцировку видскаго моста у селенія Гиляны, причѣмъ опять была схватка съ черкесами. Кромѣ того, полковникъ Тутолминъ опять вошелъ въ связь съ авангардомъ 9-го корпуса,

но такъ какъ Афавасеву невозможно было забирать столько людей съ собой, ибо это крайне обременило бы его сотню, превративъ ее изъ летучаго развѣдочнаго развѣда въ экспортъ пѣхоты, да и не было въ сотнѣ достаточнаго числа людей, которыхъ можно бы было, безъ особеннаго ущерба силамъ развѣда, выдѣлать въ конвой, то и пришлось отпустить заперевъ на волю, ограничась только уничтоженіемъ ихъ оружія.

¹⁾ При убійственномъ зноѣ, стоящемъ въ то время, пѣхота едва ли была бы въ состояніи сдѣлать 55 верстъ въ одинъ переходъ, по плохой дорогѣ, изобилующей въ первой своей половинѣ большими спусками и подъемами.

²⁾ Да и это не могло бы принести пользы, такъ какъ Плевна съ трехъ часовъ дня 27-го іюня уже была занята шестью таборами, шестью орудіями и пѣсколькими сотнями черкесовъ, подъ начальствомъ Эдема-паши

¹⁾ 17-му Архангелогородскому и 18-му Вологодскому пѣхотнымъ полкамъ.

стоявшимъ, по вчерашнему, на правомъ берегу Осмы, у деревни Марковицы, пославъ генералу Лашкареву извѣстіе о рекогносцировкѣ Гилянскаго моста; генералъ Лашкаревъ, въ свою очередь, извѣстилъ его, что авангардъ 9-го корпуса въ этотъ день выбилъ противника съ ближайшей къ себѣ никопольской позиціи въ деревнѣ Вубе (она же Вубла и Убла).

1-го іюня 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи дошла по лѣвому берегу Осмы до деревни Дебо, и здѣсь въ авангардъ ея, за неимѣніемъ при ней кавалеріи, стали двѣ сотни Кавказской бригады (подполковника Энгельгардта), которыя, уничтоживъ мостъ въ Гилянахъ, перешли на ночлегъ въ Дебо; остальные же 6¼ сотенъ кавказцевъ были выдвинуты на лѣвый флангъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, въ деревню Бресляницу, и въ этотъ день имѣли новое дѣло съ сильной партіей черкесовъ. Связь съ отрядомъ генерала Лашкарева въ Марковицахъ поддерживалась непрерывно.

2-го іюля 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи предстояло овладѣть ближайшими къ Никополю позиціями, находящимися между рѣками Осмой и Видомъ, въ районѣ селеній Мисылеу и Джурну-Село, Градешти и Шамлы; Бугскому уланскому полку предписано переправиться въ бродъ черезъ Осму и присоединиться къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, оставъ обозы въ Дебо, подъ прикрытіемъ сотни изъ состава Кавказской бригады, а эта послѣдняя должна была прикрывать движеніе 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи со стороны Плевны; во исполненіе всей этой задачи отложено до слѣдующаго дня, по той причинѣ, что не всѣ еще части пѣхоты 9-го корпуса, необходимыя для поддержки предпріятія на правомъ берегу Осмы, успѣли стяннуться къ мѣстамъ своего назначенія, Кавказская же бригада, въ силу полученнаго на этотъ день приказа — «прикрывать движеніе генерала Шильдеръ-Шульднера со стороны Плевны» — двинулась въ составѣ 6¼ сотенъ на Градешти, какъ въ узелъ сообщеній Никополя съ Плевной, Раховымъ и Виддиномъ, и имѣла горячее и въ началѣ весьма удачное дѣло у Градешти, послѣ котораго однако, за неимѣніемъ своевременной поддержки со стороны пѣхоты, была вынуждена, по приказанію генерала Шильдеръ-Шульднера, отойти къ Дебо.

Наконецъ, вечеромъ 2-го іюля, войска, необходимыя для основательныхъ дѣйствій противъ Никополя, успѣли уже стяннуться и появляясь въ виду никопольскихъ оборонительныхъ позицій, причемъ 20-й пѣхотный Галичскій полкъ занялъ дер. Вубе, находившуюся въ центрѣ нашего расположенія. Дѣло предположено было на 3-е іюля, и потому баронъ Криденеръ не замедлилъ лично произвести предварительный подробный обзоръ непріятельскихъ позицій. Главнѣйшая изъ нихъ лежала

къ востоку отъ цитадели, на высотѣ, которая господствуетъ и надъ крѣпостью, и надъ городомъ. Эта позиція была еще усилена редутомъ весьма прочной постройки, съ амбразурами, глубокимъ ровомъ и каменными эскарпами. Вооруженный двумя крупновесными орудіями большого калибра, онъ окруженъ крайне пересѣченной мѣстностью, которая вся была изрыта ложементами, а кромѣ того впереди редута и къ востоку отъ него нѣсколько батарей полевой профили обстрѣливали доступы къ позиціи, ведущіе по балкѣ Ермини. Такова была позиція лѣваго фланга турокъ. Въ центрѣ у нихъ, къ юго-западу отъ Никополя, противъ дер. Вубе, составлявшей, какъ сказано, центръ и нашего расположенія, устроена была большая батарея съ фланками и ложементами, хотя и полевой профили, но вооруженная тремя дальнобойными орудіями Круппа ¹⁾.

Кудрявые виноградники, сады фруктовыхъ деревьевъ и кукурузныя поля покрывали собою всю мѣстность, какъ впереди этой батареи, такъ и въ сторону до балки Ермини, и между всей этой зеленой массой растительности, въ превосходныхъ закрытіяхъ, маскировались отрѣлковые ровики, занятые сильными цѣпами; далѣе къ югу мѣстность эта, послѣ садовъ и виноградниковъ, являла пустыри, поросшіе сорными травами, колючкой и бурьяномъ, а затѣмъ переходила въ открытое пахатное, но ничѣмъ не засѣянное поле, по которому намъ предстояло вести наше наступленіе. Правый флангъ турецкой позиціи расположенъ былъ къ западу, на покатостяхъ, склоняющихся къ р. Осмѣ, и по направленію къ дорогѣ, ведущей изъ Никополя въ дер. Джурну-Село (плевенская дорога). Эти покатости оканчиваются обрывами, мало доступными и трудно одолжимыми. Но этимъ еще не бѣжалась прекрасная оборонительная позиція противника: она переходила и на лѣвый берегъ Осмы, гдѣ, на высотахъ, лежащихъ между Осмой и софиднею съ нею рѣкою Видъ, былъ выдвинутъ особый отрядъ, занимавшій пространство отъ дер. Мисылеу до дер. Градешти. Для обороны воиновъ этихъ позицій турки, по нашимъ свѣдѣніямъ, имѣли отъ 12-ти до 15-ти тысячъ регулярнаго войска, и кромѣ того, по нашимъ же слухамъ, ожидали къ себѣ еще подкрѣпленій изъ Рахова и Плевны.

Самый городъ расположенъ въ узкомъ каменистомъ ущельѣ, устье котораго выходитъ прямо къ Дунаю и раздѣляется на три квартала: дунайскій, или турецкій кварталъ, переполненный плохими турецкими доминиками, глинобитной постройки, рыбацкими хижинами, гряз-

¹⁾ Изъ этой батареи, при взятіи ея нашими войсками, турки успѣли перевезти два орудія въ редутъ, находившіеся позади, ближе къ Никополю, и вооруженный кромѣ того орудіемъ большого калибра, заряжающимся съ дула.

ыми кофейнями, лавченками и т. п.; болгарский квартал, съ довольно красивой церковью и порядочной школой залегает въ самомъ утѣлѣ и примыкаетъ къ еврейскому кварталу, который считается лучшимъ въ городѣ, какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по постройкамъ. Общее число никопольскихъ жителей считается въ 20,000 человекъ, и городъ, кромѣ своего значенія какъ пристани, служить складочнымъ мѣстомъ иностранныхъ товаровъ и болгарскихъ произведеній. Прежнія укрѣпленія Никополя состоятъ изъ Дунайскаго форта (Туна-кале) и цитадели. Первое изъ нихъ, примыкая съ юго-запада къ высокимъ скаламъ, окружено землянымъ валомъ и рвомъ, съ восточной же стороны соединяется съ городомъ посредствомъ подъемнаго моста. Внутри Туна-кале построено нѣсколько домиковъ для гарнизона. Цитадель образуетъ продолговатый четырехугольникъ, вполне соотвѣтствующій очертанію вершины скалы, на которой построено это укрѣпленіе. Восточный уголъ цитадели защищенъ полукруглымъ бастиономъ, длинная же стороны четырехугольника, обращенныя на сѣверъ и на югъ, усилены двумя бастионами. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, укрѣпленія Никополя были весьма значительно усилены какъ въ фортификаціонномъ, такъ и въ артиллерійскомъ отношеніяхъ.

По осмотру непріятельскаго расположенія, баронъ Криденеръ рѣшилъ, что наступленіе на Никополь надо вести двумя отрядами, изъ коихъ первый, подъ личнымъ его начальствомъ, долженъ былъ дѣйствовать по правую сторону р. Осмы, а другой, вѣреннѣй генераль-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру—по лѣвому берегу той же рѣки, имѣя конечною цѣлью обходъ непріятельской позиціи, дабы отрѣзать противнику всякое сообщеніе съ Раховымъ и Плевной.

Для атаки никопольскихъ позицій баронъ Криденеръ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія, окончательно выполненныя къ четыремъ часамъ утра 3-го іюля:

Въ центрѣ, начиная отъ дер. Вубе, къ востоку, до скатовъ въ долину Ерминя, нѣсколькими набросаны насыпи и за ними стали пять 9-ти-фунтовыхъ батарей (40 орудій). Лѣвый флангъ атой артиллерійской линіи составляла дер. Вубе, занятая Галичскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а на правомъ ея флангѣ 121-й пѣхотный Пензенскій генераль-адъютанта Милютина полкъ занялъ небольшую рощицу, которая раскинулась по верховью балки Ерминя, и водяныя мельницы, притаившіяся въ глубинѣ самой балки. Таково было расположеніе *главныхъ* атакующихъ силъ, имѣвшихъ у себя въ общемъ резервѣ, за серединою боевой линіи, 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ, двѣ сотни казаковъ и 22 орудія ⁴⁾. Правый флангъ общаго нашего

расположенія прикрывали три сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Нагабина ¹⁾, который преимущественно долженъ былъ наблюдать за дорогой, ведущей изъ Никополя въ селеніе Тюркь-Бѣляны. Со стороны же лѣваго фланга главныхъ силъ, для связи ихъ съ за-осминскимъ отрядомъ генерала Шильдеръ-Шульднера и для содѣйствія ему въ овладѣніи мостомъ чрезъ Осму у дер. Мисылеу, поставлены были въ устьѣ Слатинской долины 123-й пѣхотный Коаловскій полкъ и двѣ казачьи сотни. Отому послѣднему отряду вѣдно было, по исполненіи своей ближайшей задачи, наступать на Никополь по правой сторонѣ Осмы. Надъ войсками праваго фланга начальствовалъ генераль-лейтенантъ Вельяминовъ, а надъ лѣвымъ флангомъ генераль-майоръ Лапкаревъ.

Отряду генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера ²⁾ назначено было двинуться съ разсвѣтомъ въ мѣстность между рѣками Видомъ и Осмой, овладѣть мостами чрезъ эту послѣднюю, а затѣмъ дѣйствовать противъ турецкихъ силъ, расположенныхъ на правомъ берегу Осмы. Для этой послѣдней цѣли ему было предложено: по овладѣніи мостомъ у Мисылеу, направить на правый берегъ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ своего отряда, а чтобы прикрыть наступленіе свое со стороны Плевны, вѣдно было оставить на позиціи у плевенской дороги, около села Градени, 6 1/2 сотенъ Кавказской сводной бригады ³⁾; для прикрытія же себя отъ Рахова, онъ долженъ былъ выдвинуть сильный наблюдательный отрядъ немедленно по овладѣніи мостами на Осмѣ.

Въ четыре часа утра наши сорокъ девяти-фунтовыхъ орудій, стоявшихъ въ центрѣ позиціи, открыли огонь, на который турки отвѣчали тѣмъ же, съ прибавкой сильнаго огня ружейнаго, направленаго преимущественно противъ Галичскаго полка ⁴⁾—и бой завязался...

Для болѣе наглядной передачи хода дѣла слѣдуетъ прежде остановить вниманіе на дѣйствіяхъ за-осминскаго отряда.

Одновременно съ началомъ артиллерійскаго боя въ центрѣ, генераль Шильдеръ-Шульднеръ, находившійся въ дер. Дебо, началъ свое обходное движеніе противъ праваго фланга непріятеля.

гады, 6-я батарея 31-й артиллерійской бригады и донская казачья № 2-го батарея.

¹⁾ Командира донскаго казачьяго № 9-го полка.

²⁾ Составъ отряда генераль-лейтенанта Шильдеръ Шульднера: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи (полки 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій, 4-я и 6-я батареи 5-й артиллерійской бригады и 4-я батарея 31-й артиллерійской бригады), 8 1/2 сотенъ Кавказской сводной бригады, при шести горныхъ орудіяхъ, и 9-й уланскій Бутскій полкъ.

³⁾ Подъ начальствомъ командира ея, полковника Тутелмина.

⁴⁾ Занимавшаго дер. Вубе.

⁴⁾ Сотни казачьяго донскаго № 9-го полка, а артиллерія: 5-я батарея 5-й артиллерійской бри-

Боевые линии его отряда состояли из двух батальонов Вологодского полка с двумя батареями, а третий батальон того же полка слёдовал за ними в резерв.

Въ связи съ этимъ наступлениемъ, 17-й пѣхотный Архангелогородскій полкъ съ одной батареей и полусотней кубанскихъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Кнорринга, направленъ былъ къ дер. Граденица, съ тѣмъ, чтобы занять ее и потомъ идти противъ праваго фланга неприятельской за-османской позиціи.

Было семь часовъ утра, когда одна изъ батарей ⁴⁾ нашего за-османскаго отряда открыла огонь, встрѣченный весьма энергическимъ отвѣтомъ со стороны противника изъ двухъ его укрѣпленій, расположенныхъ на неравныхъ дистанціяхъ и вооруженныхъ крупновскими пушками разныхъ калибровъ. Вологодскій полкъ, встрѣчаемый гранатами съ фронта, а потомъ поражаемый и во флангъ съ батареей праваго берега Осмы и изъ крѣпостныхъ орудій, поставленныхъ на юго-западномъ (отъ Никополя) скатѣ, завязалъ было перестрѣлку, но видя ея безполезность, въ виду такой массы артиллерійскихъ снарядовъ, пошелъ прямо въ атаку. Мѣстность, по которой предстояло ему вести свое наступленіе, представляла рядъ глубокихъ овраговъ, гдѣ на противномъ гребнѣ каждого изъ нихъ являлась для неприятеля весьма выгодная позиція, и Вологодскому полку пришлось одолѣть, послѣдовательно одну за другою, пѣлыхъ пять такихъ позицій, выбивая изъ каждой противника штыками, пока наконецъ турки не отступили на мостъ (черезъ Осму) у дер. Джурну-Село. Успѣшному исходу этой атаки помогъ огонь одного взвода (два орудія) донской № 2-го батареи, который былъ направленъ изъ резерва къ устью Слатинской балки ⁵⁾. Взобравшись съ величайшимъ трудомъ на крутую покатость этой балки, взводъ поражающъ продольнымъ огнемъ неприятельскія войска и батареи, дѣйствовавшія противъ вологодцевъ съ лѣваго берега Осмы, и этимъ облегчилъ для послѣднихъ результатъ ихъ трудной атаки, вынудивъ турокъ къ скорѣйшему отступленію. Генералъ-майоръ Богадевичъ, наблюдавшій все время за ходомъ боя, чувъ лишь замѣтилъ, что турки отступаютъ, двинулъ къ рѣкѣ Козловскій полкъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, приказавъ ему прикрыться густой стрѣлковой цѣнью, которая быстро заняла мостъ у Мисылеу. Начальствовавшій лѣвымъ флангомъ генералъ Лашкаревъ, желая усилить дѣйствіе нашей атаки на турокъ, приказалъ 3-му батальону козловцевъ временно перейти на лѣвую сторону Осмы, и этотъ маневръ еще бо-

лѣе повлиялъ на быстроту отступленія противника ⁶⁾. Отступивъ въ долину Осмы, турки снова покусились было остановить наступленіе вологодцевъ и козловцевъ; для этого они заняли новую позицію къ сѣверу, у мельницы, близъ дер. Чиракъ. Но тутъ 2-я стрѣлковая рота Козловскаго полка, подхваченная генеральнаго штаба подполковникомъ Мацевскимъ, съ крикомъ «ура» и безъ единого выстрѣла бросилась впередъ, выбила турокъ изъ закрытій и заняла мельницу. Тогда на помощь къ ней подоспѣли 7-я и 8-я линейныя роты, которыя совокупно со стрѣлками принудили противника бѣжать также изъ оврага, куда онъ зашелъ послѣ того какъ ему пришлось оставить мельницу. Пока шла работа этихъ трехъ ротъ, остальные двѣ роты 2-го батальона козловцевъ, продолжая свое движеніе вдоль подошвы высоты праваго берега Осмы, выдержали бой при дер. Джурну-Село, которая и была занята ими. Такимъ образомъ, противникъ бѣжалъ по лощинѣ къ высотамъ и скорѣй очистилъ второй мостъ на Осмѣ, по которому присоединился къ Козловскому полку его 3-й батальонъ съ лѣваго берега, а за нимъ перешли на правый берегъ и два батальона вологодцевъ (1-й и 2-й). Послѣ этого оба полка начали подниматься на высоты подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, который заставлялъ ихъ приостановиться. Видя это минутное замѣцательство, генералъ Богадевичъ, оставшійся въ строю, несмотря на полученную имъ контузію, взялъ изъ Козловскаго полка три роты, быстро поднялся съ ними вверхъ и внезапнымъ появленіемъ своимъ на высоту отогналъ неприятеля на приличное разстояніе, давъ такимъ образомъ возможность собраться и устроиться остальнымъ ротамъ Козловскаго полка, наступавшимъ все время по обрывамъ и рывтинамъ. Но имъ необходимо было дать полчаса на отдыхъ и возможность утолить сильную жажду, послѣ чего генералъ Богадевичъ снова двинулся впередъ, отрядивъ полковника Степанова ⁷⁾ съ шестью ротами козловцевъ для занятія мельницы у входа въ слѣдующій оврагъ и приказавъ ему, по исполненіи сего, наступать съ этими ротами на Никополь, правѣ раховской дороги, а лѣвѣе ее были двинуты по тому же направленію еще четыре роты, изъ коихъ одна слѣдовала въ резервъ. Въ это время 1-й батальонъ Вологодскаго полка, взбравшійся на высоты лѣвѣе козловцевъ и успѣвшій уже захватить одно укрѣпленіе съ четырьмя орудіями, наткнулся на болѣе сильнаго противника, который и вынудилъ его къ

⁴⁾ 4-я батарея 5-й артиллерійской бригады

⁵⁾ Подъ начальствомъ командира этой батареи, полковника Рыткова, и по его представленію о необходимости этого дѣйствія.

⁶⁾ Батальонъ этотъ, согласно общему плану наступленія и по распоряженію начальника корпуснаго штаба, генералъ-майора Шнитникова, наблюдавшаго за ходомъ сраженія на лѣвомъ флангѣ, былъ послѣ того возвращенъ къ своему полку, для дѣйствія противъ высоты праваго берега Осмы.

⁷⁾ Командира Козловскаго полка.

отступленію. Однако же генералъ Богацевичъ какъ разъ въ-время подоспѣлъ къ нему на помощь съ нѣсколькими ротами Козловскаго полка и успѣлъ снова отбросить непріятеля. Пѣхота наша на столько была разстроена подъемомъ на крутыя высоты, что необходимо было дать ей еще одинъ небольшой отдыхъ. Генералъ Богацевичъ воспользовался временемъ этой вторичной остановки для того, чтобы устроить кое-какъ остатки 1-го батальона вологодцевъ. Старшихъ офицеровъ этой части не оказалось на лицо, равно какъ и въ четырехъ ротахъ Козловскаго полка, занявшихъ укрѣпленіе, взятое вологодцами. Тутъ не было не только батальонныхъ, но и ротныхъ командировъ, изъ которыхъ одни были ранены или убиты, а другіе, выбившись изъ силъ, отстали во время подъема на крутизны. Поэтому генералъ Богацевичъ поручилъ командованіемъ надъ вологодскимъ 1-мъ батальономъ адъютанту сего батальона, поручику Бачевскому, а четыре роты козловцевъ ввѣрилъ подполковнику Мацѣевскому. Между тѣмъ 1-й и 3-й батальоны Козловскаго полка также поднялись на высоты, и здѣсь къ нимъ присоединился только-что устроенный батальонъ вологодцевъ. Эти три части совместно стали продолжать атаку по направленію къ турецкому лагерю, чуть не на каждомъ шагѣ выбивая противника изъ ложементовъ и овраговъ, пока, наконецъ, послѣ сильной перестрѣлки, не овладѣли лагеремъ и не заняли оврагъ и сады передъ редутомъ, по раховской дорогѣ. Около семи часовъ вечера непріятель, выйдя изъ этого редута, началъ обходить по лощинѣ лѣвый флангъ козловцевъ и вологодцевъ. Вслѣдствіе этого вся ихъ цѣпь постепенно стала подаваться назадъ; но генералъ Богацевичъ, узнавъ, что позади находится еще 2-й батальонъ Вологодскаго полка, направилъ его на подкрѣпленіе отступающаго лѣваго фланга. Одновременно и баронъ Криденеръ, замѣтивъ что дѣло здѣсь грозитъ принять невыгодный оборотъ, приказалъ послать туда взводъ донской № 2-го батареи, а за нимъ и всю 5-ю батарею 5-й артиллерійской бригады. Тогда же, по приказанію генерала Лашкарева, подоспѣли и три сотни донскаго казачьяго № 9-го полка. Прибытіе свѣжихъ частей, а главнѣе всего — отличіе дѣйствіе двухъ донскихъ орудій, которыми первыми примчались на помощь, заставили турокъ не только отказаться отъ обхода, но и прекратить огонь изъ редута. Тогда козловцы съ вологодцами снова двинулись впередъ, подъ покровительствомъ артиллерійскаго огня, и опять заняли рвы, канавы и окраины садовъ впереди редута, а казаки ⁴⁾ пустились въ догонку за противникомъ и гнали его почти до крѣпостныхъ рововъ, когда наконецъ сте-

мившій вечеръ заставилъ прекратить преслѣдованіе и перестрѣлку.

Описать послѣдовательно дѣйствія частей отряда генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, должно теперь перейти къ дѣйствіямъ нашего центра, начать съ 20-го пѣхотнаго Галичскаго полка, который — какъ уже сказано — занималъ дер. Вубе, въ центрѣ расположенія нашей боевой линіи, служа прикрытіемъ слѣва для ряда 9-ти-фунтовыхъ орудій, дѣйствовавшихъ противъ центральной позиціи противника.

Во времени подъема Козловскаго полка на высоты праваго берега Осмы, генеральнаго штаба полковникъ Макшеевъ-Мамоновъ передвинулъ двѣ казачьи сотни донскаго № 9-го полка изъ Слатинской лощины на западную оконечность селенія Вубе, гдѣ онѣ и расположились за высотой. Сдѣлано это было съ цѣлью заполнить довольно значительный и не безопасный промежутокъ, образовавшійся между Козловскимъ и Галичскимъ полками, и для обезпеченія фланговъ обохъ этихъ полковъ ⁴⁾.

Былъ уже второй часъ дня, когда баронъ Криденеръ получилъ личное донесеніе начальника корпуснаго штаба объ успѣшномъ ходѣ дѣла на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Съ появленіемъ же Козловскаго полка на высотахъ праваго берега Осмы, баронъ Криденеръ отдалъ приказаніе Галичскому полку и батареямъ центра начать наступленіе на Никополь. Руководимыя начальникомъ артиллеріи 9-го корпуса, генералъ-майоромъ Калачевымъ, батареи наня въ замѣчательномъ порядкѣ и съ полнымъ спокойствіемъ стали переходить съ одной позиціи на другую, искусно и настойчиво преодолевая всѣ мѣстныя препятствія. Галичскій полкъ въ то же время усилилъ свою цѣпь, противъ которой въ шестистахъ шагахъ засѣлъ за завалами непріятель. Послѣ непродолжительнаго, но учащеннаго огня, Галичскій полкъ, воодушевленный своимъ командиромъ, полковникомъ Разгильдѣевымъ, взялъ «на руку» и съ крикомъ «ура» отважно бросился впередъ, несмотря на совершенно открытую мѣстность, которая сплошь подвержена была сильнѣйшему ружейному огню непріятеля. Большинство офицеровъ сами шли съ ружьями въ рукахъ и, съ крикомъ «ура», первыми бросались впередъ, предъ фронтомъ своихъ частей. Турки не выдержали этого натиска и стали довольно снѣжно отходить къ своимъ укрѣпленіямъ, прежде чѣмъ галичскіе успѣли достигнуть до заваловъ. За этими завалами пошла уже весьма пересѣченная мѣстность, по которой цѣпь галичскихъ стрѣлковъ, увлеченная боемъ и въ-время подкрѣпленная ротами второй линіи, безъ усталы продолжала насѣдаты

⁴⁾ Подъ командой войскаго старшины Смирнова.

⁴⁾ Праваго Козловскаго и лѣваго Галичскаго.

на неприятеля и быстро достигла большой батареи, за которой был расположен один из неприятельских лагерей. Немедленно же овладев этой батареей и ее побочными укреплениями, лежащими против дер. Вузе, 2-й батальон Галичского полка захватил тут же одно из крупновесных орудий, которое турки не успели вывезти.

Отсюда 1-й батальон велел сразу и по окраинам балки двинуться к сильному и прочно построенному редуту, расположенному с восточной стороны города, на командующей высоте, о чем уже упоминалось выше при описании никополюских позиций. Люди 1-й линейной роты, наступавшие вперед ¹⁾, бросились в ров редута для овладения его брусерами; но здесь противник встретил их сильнейшим ответом, так что они, не имея возможности поддержать, вынуждены были убраться из рва и искать укрытий в ложбинах перед редутом. Это было уже около четырех часов пополудни. Заметив неудачу отважной попытки 1-го батальона, барон Криденер вызвал из резерва, на подкрепление галичским, 3-й батальон Тамбовского полка. Перейдя через верховья городской балки, батальон этот направился по высоте прямо на редут, сдвигавшийся теперь главнейшим предметом усилий нашего центра и правого фланга. Под сильными артиллерийскими и стрелковыми огнем, тамбовцы успешно погнались перед собой турок, выбивая их из местных закрытий, усиленных ровами и ложементами. Подобно галичским, дойдя до редута, 3-й батальон бросился вперед, но потерпел двукратную неудачу. Впрочем, после его вторичной атаки часть людей 11-й линейной роты осталась во рву редута, и это обстоятельство обеспечило успех третьего приступа, который исполнен был следующим образом: получив известие о двух отраженных атаках 3-го батальона тамбовцев, барон Криденер поручил начальнику своего штаба ²⁾ отправиться на наш правый фланг для ближайших наблюдений и распоряжений. Генерал Шнитников прежде всего послал направить на редут остальные два батальона Тамбовского и один батальон Пензенского полков. Вскоре после этого распоряжения, к редуту подошли три сводные роты тамбовцев, которым удалось, вместе с частью людей Галичского полка, обойти это укрепление с северного фаса. Немедленно бросившись на штурм с этой стороны, они заняли вход и ворвались во внутрь редута, который и перешел таким образом в их руки. Здесь происходило одно из самых ожесточенных боёв; довольно сказать, что

вся внутренняя часть укрепления, весь ров его и вся окрестная местность были просто устланы мертвыми телами.

После этого последнего штурма, части Тамбовского и Галичского полков продолжали наступление по восточной стороне городской балки и достигли окраины города, где поддерживали еще некоторое время перестрелку с противником, отступившим в улицы и в крепость. В этот положенный застал их вечерняя темнота, которая вынудила обе стороны, слишком утомленные продолжительным боем, положить конец перестрелке.

Правая оконечность нашего центра, где находился 121-й пехотный Пензенский генерал-адъютант Милютин полк, тоже имела свою долю участия в общем наступлении на Никополь, хотя здесь преимущественно действовала наша артиллерия, а действие Пензенского полка ограничивалось прикрытием справа линии 9-ти-фунтовых батарей. Во время вышеописанных действий Пензенский полк, рассыпавшись цепью, вел перестрелку с неприятелем, который на своем левом фланге, против дер. Ермини, имел стрелковые ложементы и две батареи. Впрочем, действие этих батарей было вскоре прекращено огнем наших орудий ³⁾, которые вели их во фланг и стреляли столь удачно, что значительно перебили у турок лошадей и прислугу, так что противник, покинув на шпанах два орудия и все артиллерийские припасы, спешил уйти со своей позиции. Когда же настал момент общего наступления, то Пензенский полк, по приказанию генерала Вельяминова, около четырех часов дня, двинулся правым крылом вперед и спокойно-мгновенно, выдержавшим огнем своим не только заставил замолчать неприятеля, не жалевшего, напротив, патронов, но и принудил его стрелковые цепи бжать, и на бегу отстреливаться зря, из-под руки или с плеча и даже не оборачиваясь лицом назад для более верного выстрела. Впрочем, такая манера стрельбы, о которой я уже упоминал однажды, по замечанию наших офицеров и солдат составляет обыкновенное явление у турок при отступлении: они, перебегая с позиции на позицию, или вообще, что называется, «удирая», кладут ружья дулом назад под левую руку или на левое плечо, стараясь лишь придать им горизонтальное положение, и бегут без остановок, стреляя вовсе без оглядки назад, и стараясь только выпустить как можно больше патронов. Стрельба же из-за ложементов и вообще из-за прикрытий, несравненно более действительна у турок, потому что здесь они смотрят лицом вперед, и хотя при этом точно также выпускают

¹⁾ Имел во главе своего командира, капитана Квиткина и подпоручика Борисовича.

²⁾ Генерал-майору Шнитникову.

³⁾ 1-й батареи 31-й артиллерийской бригады.

огромное количество зарядовъ, но все же процентъ попаданій является довольно достаточнымъ, такъ какъ люди видятъ своего противника. Въ каждомъ дѣлѣ, бывшемъ до сихъ поръ у турокъ съ нашими войсками, солдаты наши всегда находили въ ихъ ложементахъ и закрытіяхъ полныя большія коробки оставленныхъ патроновъ, и судя по ихъ количеству и расположенію, надо думать, что коробки эти доставляются на позиціи заблаговременно, распределяясь на известное количество людей (два-три человѣка). Отъ этого-то у турокъ такъ рѣдко случаются приостановки въ огнѣ; отъ этого и самый огонь ихъ столь частъ, безрасчетенъ и мало дѣйствителенъ относительно числа выпущенныхъ патроновъ.

Отступленіе противника изъ ложементовъ дало возможность Пензенскому полку двинуться еще болѣе впередъ, такъ что къ восьми часамъ вечера одинъ изъ батальоновъ этого полка подошелъ къ восточному редуту, который, впрочемъ, въ это время былъ уже окончательно въ нашихъ рукахъ.

Теперь остается перейти къ дѣйствіямъ побочныхъ отрядовъ праваго и лѣваго фланговъ.

Три сотни донскаго казачьяго № 9-го полка, подъ начальствомъ своего полкового командира, полковника Нагибина, вѣрно наблюдали на нашемъ правомъ флангѣ все пространство отъ дер. Еринки до Дуная. Встрѣтивъ близъ этой деревни непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ ея садахъ, двѣ сотни *) сдѣлали часть своихъ людей и, огнемъ выбивъ противника изъ садовъ, заставили его бѣжать къ Никополю. Той же дорогой (на Еринки, Тюркь-Вѣляны, Якову, Ново-Село и Турскій Трестеникъ) турки пытались было пробраться за горами изъ Никополя въ Плевну, но 5-я сотня № 9-го и 4-я сотня № 34-го донскихъ полковъ, съ четырьмя орудіями № 2-го батарея, прибывшія сюда по приказанію барона Криденера, подъ командой сына его, подполковника Антона Криденера, произвели по берегу Дуная весьма удачный поискъ, который и прекратилъ всѣ покушенія непріятеля выбраться этимъ путемъ изъ Никополя. Этимъ и окончились дѣйствія побочнаго правофланговаго отряда. Что касается лѣваго фланга, за Осмой, то здѣсь, какъ было уже сказано, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ отрядилъ отъ себя 17-й пѣхотный Архангелогородскій полкъ съ одной батареей и полусотней кубанскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Кнорринга, для овладѣнія деревней Градешти, съ тѣмъ чтобы, занявъ оную, идти потомъ противъ праваго фланга непріятельской за-осминской позиціи. На пути слѣдованія этого отряда къ Градешти, генералъ Лашкаревъ отрядилъ въ помощь ему

еще 9-й уланскій Бугскій полкъ. Въ совокупности съ этимъ послѣднимъ полкомъ, отрядъ генерала Кнорринга, достигнувъ Градешти и наступая оттуда въ обхватъ праваго непріятельскаго крыла, былъ на нѣкоторое время задержанъ огнемъ его цѣпей, но смѣлая атака архангелогородцевъ, поддержанная артиллеріей, заставила турокъ отступать по дорогѣ на Никополь. Тогда генералъ Кноррингъ отправилъ бугскихъ узанъ впередъ, въ дер. Шамлы, для наблюденія—не будутъ ли подвигаться къ противнику подкрѣпленія со стороны Рахова, а самъ съ Архангелогородскимъ полкомъ, пройдя за Шамлы, двинулся вслѣдъ за отступавшими непріятелемъ. Послѣ этого турки еще два раза покушались обойти лѣвый флангъ генерала Кнорринга, но архангелогородцы, каждый разъ быстро перемѣняя фронтъ, заставили противника послѣдить къ Никополю, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ быть опрокинутымъ прямо въ Дунай. Достигнувъ этого результата, генералъ Кноррингъ далъ Архангелогородскому полку отдыхъ, въ которомъ люди крайне нуждались послѣ 12-ти-часового быстрого движенія, совершеннаго безъ воды и отчасти подъ огнемъ непріятеля. Отдохнувъ нѣсколько времени, этотъ полкъ опять двинулся впередъ къ р. Осмѣ и здѣсь соединился съ 3-мъ батальономъ вологодцевъ. Тутъ присоединились вскорѣ къ этимъ частямъ и бугскіе уланы, имѣвшіе предъ тѣмъ стычку съ толпами турокъ, которые укрывались въ виноградникахъ и болотахъ, лежащихъ на правомъ берегу р. Вида, близъ его устья. Слѣженые уланы вступили съ этими толпами въ перестрѣлку, во время которой многихъ успѣли перебить и захватили нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. По присоединеніи же ихъ къ Архангелогородскому полку, сумерки вскорѣ смѣнились темнотой, которая и прекратила этимъ частямъ дальѣйшее наступленіе.

Въ теченіе ночи баронъ Криденеръ сдѣлалъ распоряженія для общаго штурма крѣпости, долженствовавшего начаться на разсвѣтѣ. Вся линія нашихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ окружившихъ Никополь, провела ночь совершенно спокойно. Одна только Кавказская сводная бригада выдержала внезапную ночную перепалку съ турками; произошло это слѣдующимъ образомъ:

Бригада эта, или точнѣе сказать—6¹/₂ сотенъ, какъ уже извѣстно, предъ началомъ боя была оставлена на особой позиціи у плевненской дороги, для охраненія за-осминскаго отряда (генерала Шильдеръ-Шульднера) отъ атаки въ тылъ со стороны турецкихъ подкрѣпленій, возможность появленія коихъ изъ Плевны принималась въ соображеніе барономъ Криденеромъ. Въ теченіе боя, слѣдуя постепенно за лѣвымъ флангомъ нашего за-осминскаго отряда, бригада эта къ концу сраженія остановилась близъ дер.

*) 3-я и 6-я сотня.

Самовидъ, въ виду Дуная, и неподалеку отъ прибрежной никопольско-раховской дороги. Не получивъ ни откуда приказаній относительно какого-либо дальнѣйшаго передвиженія, полковникъ Тутолинъ былъ въ полномъ правѣ заключить, что мѣсто пребыванія его 6¹/₂ сотенъ должно быть именно здѣсь, на раховской дорогѣ, съ цѣлью не допустить противника уйти изъ Никополя по этой дорогѣ въ Раховъ или Плевну. Но оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ застало кавказскую бригаду окончаніе никопольскаго боя, было невозможно, потому что здѣсь она могла бы подвергнуться какъ безнаказанному огню съ мониторовъ, такъ и ружейному огню съ высотъ, окружающихъ мѣстность надъ Самовидомъ. Чтобы избѣжать этого, полковникъ Тутолинъ отыскалъ подходящее для бивуака мѣсто на ближайшихъ высотахъ за деревней Самовидомъ, куда и перевелъ свои сотни. Между тѣмъ бугскіе уланы, получивъ собственно къ нимъ относившееся приказаніе, отошли отъ Вида къ нашей пѣхотѣ, на Осму; кавказцы же, не рѣшившіеся уйти отсюда безъ писменнаго приказанія, остались на нагорной самовидской позиціи, считая не отмѣненнымъ данное имъ приказаніе «не пропускать непріятеля изъ Никополя въ Плевну». Когда кавказскія сотни, уже въ сумерки, располагались на ночлегъ, было усмотрѣно, что съ восточной стороны, верстахъ въ шести-семи, близъ Никополя, собираются колонны турецкой пѣхоты, въ числѣ пяти или шести таборовъ. Сотникъ Фокъ, лично и ближайшимъ образомъ убѣдившись въ томъ, что это дѣйствительно турки, былъ отправленъ съ донесеніемъ объ этомъ обстоятельстве къ Шильдеръ-Шульднеру, но за темнотой ночи и не зная пути, поспѣлъ туда только на разсвѣтѣ. Кавказцамъ, несмотря на крайнее утомленіе, надо было приготовиться къ почти навѣрному ночному бою, а такъ какъ при ночномъ нападеніи драться на коняхъ по оврагамъ было-бы неудобно, то на общемъ совѣтѣ начальники частей рѣшили встрѣтить атаку противника въ пѣшемъ строю, и для этого полковникъ Тутолинъ построилъ сотни въ каре, расположивъ шесть горныхъ орудій по его открытымъ фасамъ, а на четвертомъ, заднемъ фасѣ поставилъ небольшой обозъ отряда: лазаретный фургонъ да три офицерскія повозки. Между орудіями замѣли лучшіе стрѣлки; коней спели во внутрь каре и спутали имъ ноги, не разбивая коновязей; пищу не варили, за недостаткомъ, и огней не разводили, чтобы не обнаруживать свои ничтожныя силы предъ непріателемъ, къ сторонѣ котораго были впереди каре заложены особые секреты; на случай сбора, въ виду какой бы то ни было необходимости, указано мѣсто, подъ большимъ развѣсистымъ дубомъ, внутри расположенія отряда.

Турецкая пѣхота, пользуясь ночью, задумала пробраться изъ Никополя въ Раховъ, или же, пройдя первоначально этой дорогой, свернуть

потомъ въ нашemu тылу на Плевну, что для нея казалось еще выгоднѣе, такъ какъ турки начинали уже стягивать съ разныхъ сторонъ свои силы къ этому послѣднему городу. Но дабы обезопасить и маскировать свой проходъ мимо нашихъ войскъ по раховской дорогѣ, никопольская пѣхота (какъ показывали потомъ пѣхотные) прибѣгла къ военной хитрости: она отрядила шесть ротъ, которыя въ 12-мъ часу должны были внезапно открыть по кавказскимъ сотнямъ сильный огонь и съ гикомъ броситься на нихъ полукругомъ съ трехъ фасовъ. И дѣйствительно, въ началѣ 12-го часа ночи, наши секреты дали знать, что слышенъ гулъ приближающейся пѣхоты, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ со стороны противника раздались отдѣльные выстрѣлы, и огонь тотчасъ же перешелъ у него въ обычную безпорядочную трескотню. Пули, къ счастью, летѣли надъ головами нашихъ кавказцевъ, которыми заранѣе велѣно было стрѣлять не иначе, какъ по приказанію и цѣлитъ при этомъ ниже. Вскорѣ противникъ съ трехъ сторонъ совершенно обложилъ нашъ маленькій станъ и открылъ поясъ такого непрерывнаго огня, что порою становилось свѣтло, какъ на пожарѣ, а затѣмъ турки съ провозительнымъ гикомъ бросились въ атаку. Наши, почти въ упоръ, встрѣтили ихъ нѣсколькими залпами, которыхъ противникъ не выдержалъ и отхлынулъ сразу, но отойдя на нѣкоторое разстояніе, все-таки продолжалъ перестрѣлку. Впрочемъ, нѣкоторая часть турокъ осталась предъ нашими орудіями, а нѣкоторые аскеры успѣли ворваться даже во внутрь каре, но здѣсь эти смѣльчаки были безоружны. Вспышки частыхъ выстрѣловъ, между прочимъ, доставляли кавказцамъ возможность разглядѣть, что къ ихъ орудіямъ ползкомъ подбѣгаютъ турки. Наши также ползкомъ приняли ихъ въ княжалы и шаши уже въ ту минуту, какъ турки хватались за колеса пушекъ, и почти всѣхъ ихъ искрошили на мѣстѣ; лишь немногимъ удалось уползти отъ орудій. Черезъ нѣсколько времени турки повторили атаку, которая однако же была отбита при помощи картечи. Перестрѣлка смолкла и болѣе не возобновлялась; турки точно бы притаились. На общемъ совѣтѣ командировъ, который послѣдовалъ вслѣдъ за этимъ, рѣшено было держаться на мѣстѣ до разсвѣта, сколько бы атакъ ни повторялъ противникъ, потому что отступать ночью по оврагамъ и почти незнакомой дорогой, съ орудіями, въ виду близкаго, но невидимаго противника, было еще болѣе опасно, чѣмъ стоять на мѣстѣ, да къ тому же отступать послѣ двухъ столь удачно отбитыхъ атакъ, не выяснивъ результатовъ дѣла, было сочтено какъ начальникомъ, такъ и всѣми остальными, неблаговиднымъ. Рѣшили—на разсвѣтѣ, по возможности скрытно, перемѣнить фронтъ, какъ укажутъ обстоятельства, для коннаго боя, а именно—стать во флангъ предполагаемому движенію турокъ по

рахово-плевенской дорогѣ, тыломъ къ Осмѣ, а осетинъ послать въ обходъ лѣваго фланга противника, для удара въ его тылъ и, кромѣ того, къ сторонѣ Вьда назначенъ сильный разбѣздъ кубанцевъ. Послѣ этого рѣшенія, было отправлено вторичное донесеніе на Осму, къ нашей пѣхотѣ. Эта отправка, въ темную ночь, среди непріятеля, окружавшаго отрядъ, была сопряжена почти съ вѣрѣйшимъ рискомъ попасться ему въ руки, тѣмъ не менѣе майоръ Сипагинъ¹⁾ взялся исполнить это отчаянное предпріятіе и поѣхалъ, взявъ съ собой только двухъ казаковъ.

На разсвѣтѣ обнаружилось, что вмѣсто пяти или шести таборовъ, предъ нашимъ отрядомъ остались только разбѣянные тамъ и сямъ отдѣльные кучки да тѣла убитыхъ и раненыхъ. Осетины пустились преслѣдовать эти кучки, уходившія въ разныя стороны, а на усиленіе осетинъ было выслано по десяти человекъ изъ каждой сотни, которыхъ для этого снабдили патронами, по общему сбору со всѣхъ сотенъ, почти въ концѣ разстрѣлявшихъ свои заряды. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ осетинами, составилъ сборный отрядецъ, человекъ въ двѣсти, которому и было поручено освѣтить мѣстность къ сторонѣ Никополя и Плевны и уничтожить разбѣянныхъ турокъ. Это было исполнено вполне удачно, причемъ у непріятеля отхвачена часть обоза и взято знамя, принадлежащее египетскимъ войскамъ. Остальные же кавказцы, человекъ около трехсотъ, за окончательнымъ недостаткомъ патроновъ, были отведены полковникомъ Тутолминымъ на присоединеніе къ пѣхотѣ, въ деревню Мисылеу, гдѣ однако не оказалось на бивуакѣ начальника 5-й пѣхотной дивизіи, а батальонъ, высланный, по докладу Сипагина, начальникомъ 1-й бригады этой дивизіи, генералъ-майоромъ Кнорригомъ, чуть ли не на свой страхъ за такое распоряженіе, былъ возвращенъ назадъ, потому что надобность въ подмогѣ уже миновала. По присоединеніи Тутолмина къ пѣхотѣ, двѣ сотни кавказской бригады, оставшіяся при Архангелогородскомъ полку, посланы были, подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта, преслѣдовать кучки непріятеля, которые брели къ Плевнѣ. Эти сотни настягли турокъ, шедшихъ въ совершенномъ безпорядкѣ, разбѣявшихъ по полю въ ширь и глубь, какъ стадо. Кинувшись на эти группы, казаки окончательно ихъ истребили и овладѣли всѣмъ ихъ обозомъ съ имуществомъ и провіантомъ, а также двумя знаменами и стальнымъ крупновскимъ орудіемъ.

Съ разсвѣтомъ, 4-го іюля, войска наши были уже построены и готовы къ штурму. Начальникъ праваго фланга, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ приказалъ 1-й батарее 31-й артиллерійской бригады и двумъ батальонамъ Пензенскаго полка выдвинуться къ послѣднимъ вѣшнимъ укрѣпленіямъ противника. Батарея за-

няла позицію и навела орудія, приготовясь громить цитадель и прилежащія къ ней дворы, въ которыхъ собрался гарнизонъ города. Наши артиллеристы однако медлили открытіемъ огня, потому что турки, хорошо видѣвшіе установку нашихъ орудій, не привѣтствовали насъ первыми выстрѣлами, какъ обыкновенно дѣлалось до сего раза; съ другой стороны явилось сомнѣніе— не вошли ли уже въ цитадель наши войска лѣваго фланга, съ противоположной стороны города. Чтобы удостовѣриться, въ чемъ дѣло, генералъ Криденеръ, проведеншій безъ сна всю ночь во взятомъ нами редутѣ, поѣхалъ на разсвѣтѣ въ сопровожденіи небольшой свиты къ Никополю и незамѣтно доѣхалъ до послѣднихъ турецкихъ верковъ, непосредственно за которыми начинается уже самый городъ. Вслѣдъ за генераломъ сюда же поспѣшали и нѣкоторые частіи нашей пѣхоты. Въ невольномъ удивленіи, что турки не только не открываютъ огня, но и вовсе не показываются ни откуда, баронъ Криденеръ уже хотѣлъ было отдать приближавшемуся батальону приказаніе занять сразу брустверъ послѣдней пригородной батареи, какъ вдругъ, кто-то изъ свиты генерала замѣтилъ, что въ амбразуру выставляется на тычинѣ бѣлый платокъ. Это было принято за знакъ сдачи, и тогда баронъ Криденеръ, во главѣ 1-го батальона козловцевъ, вошелъ въ Никополь, а знаменщикъ водрузилъ на городскихъ воротахъ знамя Козловскаго полка, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ и на крѣпостномъ флагштокѣ поднялся бѣлый флагъ, которому наши батареи отдали салютъ, подхваченный также осадными батареями съ румынскаго берега—и все пространство русскихъ позицій огласилось крикомъ «ура!»

Тогда генералъ Вельяминовъ, еще не зная, что генералъ Криденеръ уже въ городѣ, послалъ съ нашего праваго фланга полковника Булгарина и двухъ адъютантовъ 31-й пѣхотной дивизіи, штабсъ-капитановъ Левестама и Сокольскаго, въ качествѣ парламентеровъ, за принятіемъ ключа отъ крѣпостныхъ воротъ. Казакъ съ бѣлымъ платкомъ на пикѣ сопровождалъ этихъ офицеровъ. Путь отъ нашей позиціи до цитадели, разстояніемъ около трехъ верстъ, идетъ извилистой и крутой тропинкой, выходящей на большую дорогу, которая была теперь сильно загромождена воловьими подводами съ пожитками горожанъ-турокъ. Съ трудомъ пробираясь между этими обозами и толпами сдающихся войскъ, парламентары наши добрались наконецъ до воротъ цитадели и нашли ихъ запертыми. Комендантъ отсутствовалъ, а безъ него долго не могли отыскать ключа; пришлось ожидать передъ воротами, среди турецкихъ солдатъ и жителей, кидавшихъ на нашихъ офицеровъ явно враждебные взгляды. Казакъ-ординарецъ, оставя у воротъ свою лошадь, съ помощью пика залѣзъ на крѣпостной валъ и оттуда спрашивалъ у офицеровъ позволенія соскочить

¹⁾ Прикомандированный къ Кубанскому полку.

въ крѣпость и изнутри разломать замокъ, что, дескать, будетъ гораздо короче. Это, конечно, не было позволено никому удалцу, тѣмъ болѣе, что появленіе его на валу вызвало какія-то враждебныя замѣчанія, жесты и толки въ толгѣ турокъ. Но напоследокъ ключъ нашелся гдѣ-то и у кого-то, ворота были отворены—и наши парламентеры первыми изъ русскихъ вступили въ внутренность турецкой цитадели. Здѣсь они нашли подводчиковъ—болгаръ, согнанныхъ турками въ крѣпость для своа войсковыхъ тяжестей, и эти болгары, въ присутствіи своихъ недавнихъ повелителей, радостно кинулись на встрѣчу тремъ русскимъ офицерамъ, которыхъ конвой состоялъ всего изъ двухъ казаковъ-ординарцевъ, и восторженно вмѣстѣ съ ними прокричали «ура» въ честь Русскаго царя и русской побѣды. Послѣ этого офицеры наши предложили турецкимъ начальникамъ, а тѣ своимъ войскамъ—снимать съ себя оружіе, къ исполненію чего и было приступлено немедленно.

Между тѣмъ начальникъ корпуснаго штаба послалъ Гассану-пашѣ, какъ главноначальствующему надъ войсками въ Никополѣ, приглашеніе выѣхать на встрѣчу генералъ-лейтенанту барону Криденеру. Гассанъ-паша исполнилъ это приглашеніе и выѣхалъ верхомъ, вмѣстѣ со свитой. На видъ это былъ мужчина въ двѣтъ лѣтъ, съ энергическими чертами лица и темными, сверкающими глазами. Вслѣдъ за его представленіемъ, къ барону Криденеру былъ принесенъ и ключъ отъ крѣпости, въ тотъ же день отправленный къ великому князю главнокомандующему съ ординарцемъ его высочества, Кавалергардскаго полка штабсъ-ротмистромъ Воллярыскимъ. Начальникъ 9-го корпуса со свитой поѣхалъ къ цитадели, и здѣсь турецкія войска, успѣвшія между тѣмъ сложить свое оружіе внутри цитадели, были пропущены барономъ Криденеромъ мимо себя чрезъ крѣпостныя ворота на гласисъ.

Послѣ этого церемоніала русскія войска заняли цитадель и городъ. Военнопленнымъ сдались намъ два паша: Гассанъ и Ахметъ, и до 7,000 человекъ, изъ коихъ около трехсотъ раненыхъ. Въ крѣпости намъ сдано: 7 знаменъ⁴⁾, 113 крѣпостныхъ и полевыхъ орудій, изъ коихъ одиннадцать стальныхъ, крупновскихъ, два монитора, болѣе десяти тысячъ ружей и огромное количество снарядовъ, патроновъ, холоднаго оружія и провіантскихъ запасовъ. Гассанъ-паша, подъ конвоемъ команды казаковъ, былъ въ это же время увезенъ свиты его величества генералъ-майоромъ Толстымъ въ императорскую квартиру.

Въ сраженіи 3-го іюля мы потеряли убитыми: командира 1-го батальона 20-го пѣхотнаго Галичскаго полка, майора Волченецкаго,

двухъ оберъ-офицеровъ 122-го пѣхотнаго Тамбовскаго полка, подпоручиковъ Кременецкаго и Ширнова, и 273 человека нижнихъ чиновъ; ранеными: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 901; контуженными: генералъ-майора Богаевича, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 21; безъ вѣсти пропавшими 84 человека нижнихъ чиновъ, большинство которыхъ слѣдуетъ считать также убитыми⁴⁾, а всего ущербъ нашъ: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 8, оберъ-офицеровъ 24 и нижнихъ чиновъ 1,279 человекъ. Для облегченія страданій раненыхъ, еще съ вечера были приняты возможныя мѣры; теперь же явилась возможность часть изъ нихъ помѣстить въ Никополѣ и часть отправить въ военно-временные госпитали, на румынскій берегъ. Слѣдуетъ упомянуть, между прочимъ, что во время боя особенную пользу санитарнымъ командамъ приносили полевые жандармы 9-го корпуса: неутомимо развѣзая по кукурузнымъ полямъ, виноградникамъ и садамъ, они отыскивали нашихъ раненыхъ и либо вывозили ихъ на санитарные пункты, либо указывали санитарамъ гдѣ находить несчастныхъ, совсѣмъ было затерянныхъ въ высокой кукурузѣ. На помощь жандармамъ и санитарамъ явились также болгары, съ оставленными турками возами, въ которыхъ они доставляли раненыхъ на перевязочные пункты, гдѣ врачи работали неутомимо въ теченіе почти цѣлыхъ сутокъ. Одна изъ очевидцевъ, между прочимъ, передавалъ слѣдующую сцену: когда началось наступленіе нашего центра и Галичскій полкъ двинулся въ атаку—стояла ужасная жара, солнце пекло почти невыносимо; люди, обливаясь потомъ и задыхаясь отъ дыма и духоты, испытывали мучительную жажду. Тогда болгарскія женщины изъ деревни Вубе взяли ведра, кувшины, бабланы и подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ стали носить воду на позицію, къ нашимъ истомленнымъ солдатамъ, для которыхъ теперь живительный глотокъ холодной воды являлся неоцѣнимымъ благомъ. Замѣтили ли турки группу женщинъ среди солдатъ, или по какой другой причинѣ, только вдругъ огонь ихъ нѣсколькихъ орудій направился прямо на это мѣсто. При паденіи чуть не рядомъ и взрывѣ первыхъ гранатъ, бѣдныя женщины растерялись и хотѣли было уходить, но вдругъ одумались и, перекинувшись между собой нѣсколькими словами, рѣшились остаться. Держа ведро воды и образъ въ лѣвой рукѣ, онѣ пра-

⁴⁾ Три знамени были отняты частями кавказской казачьей бригады, послѣ вѣчного дѣла.

⁴⁾ По свидѣтельству корреспондента „National Zeitung“, въ сумерки 3-го числа небольшія группы нашихъ солдатъ успѣли проникнуть въ самый городъ, но они были подавлены превосходствомъ силъ и зѣвски перерѣзаны; 20 человекъ Тамбовскаго полка искрошены въ куски; нѣкоторыхъ солдатъ живыми бросали въ пламя горѣвшихъ домовъ.

вой творяли крестное знаменіе, напецтывая молитвы и, несмотря на зловѣщее шипѣніе и разрывы безпрестанно падавшихъ сюда снарядовъ, оставались на мѣстѣ, пока всѣ ихъ осуды не пустѣли до дна, и тогда опять уходили за водой.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о весьма искусномъ дѣйствіи батарей осадной артиллеріи, расположенныхъ на румынскомъ берегу и руководимыхъ генералъ-лейтенантомъ Столыпиннымъ и полковникомъ Анчутинымъ. Результаты этого дѣйствія вполне обнаружались для насъ по взятіи Никополя: мы нашли крѣпостные верки сильно пострадавшими, многія орудія на нихъ были подбиты, мониторы разстрѣляны. И вообще надо сказать, что если бы осадная наша артиллерія не ослабила въ такой степени оборонительныхъ средствъ крѣпости, то взятіе Никополя стоило бы намъ жертвъ, которыя несравненно превосходили бы наши нынѣшнія потери.

Георгіевскій крестъ 3-й степеніи былъ наградою барона Криденера за эти славные для нашего оружія результаты.

XLIII.

Первое сраженіе подъ Плевной 7 и 8 іюля.

Свѣдѣнія и слухи о сборѣ непріятельскихъ силъ подъ Плевной.—Разборъ обвиненій противъ барона Криденера.—Почему мы опоздали занять Плевну.—Распоряженія для занятія Плевны и предписаніе, данное барономъ Криденеромъ генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру.—Характеръ мѣстности, окружающей Плевну.—Сгалунцкій, или восточный отрядъ.—Нечаянное столкновеніе Шильдеръ-Шульднера съ турками 7-го іюля.—Роль 9-го донского полка.—Почему Плевненскій бой 8-го іюля не можетъ считаться неожиданнымъ случаемъ.—Диспозиція на 8-е іюля.—Недостаточность артиллерійской подготовки боя.—Атака сѣвернаго отряда.—Смерть полковника Розенбома.—Обходъ праваго фланга сѣвернаго отряда и мѣры къ его отраженію.—Отступленіе сѣвернаго отряда.—Наша убыль.—Дѣйствія сгалунцкаго, или восточнаго отряда 7-го іюля.—Результаты рекогносцировки плевненскихъ позицій кубанскимъ дивизиономъ.—Записка, присланная вмѣсто диспозиціи на 8-е число къ начальнику восточнаго отряда.—Вой восточнаго отряда 8-го іюля.—Смерть полковника Клейнгауза и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ Костромского полка.—Послѣднее усиліе подпоручика Шаталова.—Нѣтъ болѣе патроновъ.—Отступленіе Костромского полка и дѣйствія 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады.—Дѣйствія Кавказской казачьей бригады.—Отсутствіе диспозиціи.—Радишевская позиція и невозможность атаки въ тылъ къ туркамъ.—Прикрытіе отступления восточнаго отряда.—Невозможность отступления на Вресляницѣ.—Хлопоты съ ранеными.—Самовольный уходъ артиллерійскаго парка изъ Сгалунца.—Ночное движеніе къ Турскому Трестенику.—Причины нашей неудачи.—Отзывъ генерала Шильдеръ-Шульднера о характерѣ и поведеніи его войскъ въ бою.

Горный-Студень, 4-го августа.

Еще до паденія Никополя было извѣстно, что непріятель стягиваетъ свои силы къ го-

роду Плевны и что 27-го іюня туда вступили первые шесть таборовъ. Это были *свѣдѣнія положительныя*, добытыя наблюдавшей за этимъ пунктомъ Кавказской казачьей бригадой. А затѣмъ шли уже *слухи*, что въ Плевну былъ направленъ отрядъ (т. е. шесть таборовъ), шедшій на выручку Никополя, что туда же послѣдуетъ значительнѣйшая часть виддинскаго гарнизона съ тимокской арміей Османа-паши и вообще всѣ тѣ войска, какія противникъ могъ безъ ущерба для себя собрать изъ западной Болгаріи. Таковы были слухи, и хотя въ строевомъ отдѣлѣ штаба нимъ не придавалось особеннаго значенія, тѣмъ не менѣе положеніе Плевны относительно праваго фланга нашей арміи, въ особенности послѣ того какъ штабъ перешелъ въ Тырново, необходимо требовало обезпеченія арміи со стороны этого пункта. Съ этой цѣлью изъ строевого отдѣла штаба было послано къ барону Криденеру предписаніе, полученное имъ 6-го іюля,—послать немедленно два полка для занятія Плевны.

Въ настоящее время неоднократно раздаются не только вопросы, но и примыя обвиненія барона Криденера: зачѣмъ онъ не взялъ Плевну раньше Никополя, зачѣмъ не взялъ Никополя раньше 4-го іюля и, наконецъ, зачѣмъ, взявъ Никополя, не двинулся тотчасъ же на Плевну?

Первый изъ этихъ вопросовъ, самъ по себѣ, на столько не серьезенъ, что его могутъ задавать только люди не военные; но разъ, что онъ предъявляется даже съ нѣкоторой настойчивостью, на него надо отвѣтить, хотя бы ради и невоенныхъ людей: Плевна — въ тѣ дни еще вполне открытый и не защищенный городъ, лежащій въ глубинѣ страны, въ 70-ти верстахъ отъ Систова; Никополя—значительная придунайская крѣпость, съ гарнизономъ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ, въ 40-ка верстахъ отъ Систова и на прямомъ пути сообщенія съ Раховымъ и Виддиномъ, гдѣ пребывала наготовѣ цѣлая тимокская армія Османа. Полагаю, простого сопоставленія этихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы человѣкъ, даже вовсе незнакомый съ военнымъ дѣломъ, окончательно убѣдился, почему нельзя было брать Плевну раньше Никополя.

Второй вопросъ—зачѣмъ баронъ Криденеръ не взялъ Никополя раньше 4-го іюля—разрѣшается, во-первыхъ, двухсѣточной задержкой 9-го корпуса на переправѣ и, во-вторыхъ, разбросанностью частей 9-го корпуса, успѣвшихъ стянуться только 2-го іюля вечеромъ. Если бы эти части были въ сборѣ еще предъ переправой и если бы вмѣсто одного моста подъ Систовымъ съ самаго начала было наведено два, то 9-й корпусъ переправился бы своевременно, согласно первоначальному росписанію, и тогда весьма вѣроятно, что и Ни-

копоть былъ бы взятъ раньше (судя по факту его настоящаго взятія), и Плевна занята не позже 27-го іюня, такъ что въ семь послѣднемъ случаѣ мы могли бы либо предупредить нѣсколькими часами появленіе турокъ въ Плевнѣ, либо столкнуться съ ними въ самомъ городѣ или на Видѣ. Но разбросанность частей 9-го корпуса и отсутствіе второго моста далеко не суть причины первостепенныя; онѣ могли бы не имѣть ровно никакого значенія, если бы дипломатическія соображенія не помѣшали намъ съ самаго начала войны воспользоваться услугами румынской и въ особенности сербской арміи, добивавшейся, какъ особенной чести, принять вторичное участіе въ освободительной славянской войнѣ. Если бы румынскій корпусъ переправился на правый берегъ немедленно по взятіи Никополя, а сербская армія стояла бы наготовѣ въ долинѣ Тимока и противъ Ниша, то Османъ-паша не могъ бы никуда двинуться изъ-подъ Виддина, не покончивъ сначала съ сербами и румынами, которымъ нашъ 9-й корпусъ могъ бы служить весьма существенной поддержкой, в такомъ образомъ правый флангъ нашей арміи былъ бы вполне обезпеченъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная. Къ сожалѣнію, политика мѣшала стратегіи ¹⁾.

Остается послѣдній вопросъ: зачѣмъ баронъ Криденеръ не двинулся на Плевну тотчасъ же вслѣдъ за взятіемъ Никополя, т. е. 4-го іюля?

Объясненіемъ этому служатъ нижеслѣдующія причины: во-первыхъ, надо принять въ соображеніе человѣческія силы и нервы; нѣкоторыя части 9-го корпуса, послѣ двухъ весьма тяжелыхъ переходовъ, едва успѣвъ 2-го іюля вечеромъ стянуться въ мѣсту назначенія, должны были на развѣтѣ 3-го числа уже вступить въ бой, да и въ какой бой!.. Штурмъ крѣпости, огражденной цѣлой системой полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій — дѣло въ высшей степени трудное, требующее крайняго напряженія и физическихъ и нравственныхъ силъ человѣка... На утро 4-го числа предстояло окончаніе штурма, т. е. самая трудная часть задачи; поэтому, естественно, войска не могли провести нѣсколько часовъ ночного затишья въ полномъ спокойствіи, съ пріятной увѣренностью, что дѣло уже сдѣлано, тѣмъ болѣе, что имъ былъ слышенъ громъ пальбы на лѣвомъ флангѣ, во время ночного нападенія на Кавказскую бригаду. Понятно, что все это держало нервы людей въ напряженномъ состояніи, и потому, послѣ сдачи Никополя, войскамъ былъ необходимъ хотя бы

кратковременный отдыхъ. Во-вторыхъ, слухи, доходившіе чрезъ болгаръ, увѣрили, что армія Османа находится уже въ пути; но двинется ли она на Плевну, или пойдетъ на Никополь—этого не было извѣстно, а потому, для обезпеченія за собой только-что сдавшейся крѣпости, надо было сейчасъ же выставить достаточно сильные заслоны на низовьяхъ Виды и частію впереди Осмы. Съ этой цѣлью на низовья Виды (Шамлы—Градешти) была выставлена заслономъ противъ Рахова 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією, а также Бугскій уланскій и 9-й казачій полки (въ Чіековцахъ), долженствовавшіе служить поддержкой какъ выше названной пѣхотной бригадѣ, такъ равно наблюдать береговую (по Виду) плевненскую дорогу и пространство отъ Чіековцевъ до села Турскій Трестеникъ, гдѣ уже вступала съ ними въ связь Кавказская казачья бригада. Этой же послѣдней велѣно на 5-е число перейти въ село Карагачъ-Болгарскій ¹⁾, для рекогносцировки всего пространства передъ Плевной отъ Бресяницы до путей изъ Плевны въ Сельви и Ловчу. Кромѣ того, для непосредственнаго наблюденія за Плевной и плевно-рушукскимъ шоссе, въ селѣ Турскомъ Трестеникѣ еще съ 29-го іюня оставался Костромскій пѣхотный полкъ съ двумя сотнями изъ состава Кавказской бригады. Такое расположеніе войскъ вышлось настоятельной необходимостью обезпечить на первыхъ порахъ Никополь отъ возможнаго покушенія на него со стороны арміи Османа ²⁾.

¹⁾ Приказомъ командира 9-го корпуса отъ 6-го іюля Кавказская бригада, вмѣсто Карагача, направлена въ Турскій Трестеникъ, на усиленіе находившагося тамъ наблюдательнаго отряда, причѣмъ назначеніе ея оставалось то же.

²⁾ Въ диспозиціи командира 9-го корпуса, отъ 4-го іюля, αναγινεται:

1) Пензенскому, Козловскому и Тамбовскому пѣхотнымъ полкамъ, съ сотней донаго № 34-го полка и четырьмя батареями расположиться у Никополя.

2) Галичскому полку съ двумя батареями стать у Мисылеу.

3) Архангелогородскому полку съ двумя батареями перейти въ Градешти.

4) Вологодскому полку съ двумя батареями—къ Шамлы.

5) Костромскій полкъ съ батареями и двумя сотнями остается въ Турскомъ Трестеникѣ ³⁾.

6) Бугскій уланскій и 9-й донской полки съ батареями переходятъ въ Чіековцы, съ цѣлью охранять расположеніе войскъ, рѣку Видъ и высылать разѣзды отъ Чіековцевъ на Турскій Трестеникъ, Рахово и на Плевну, поддерживая связь съ Кавказской бригадой.

7) Кавказская бригада переходитъ въ д. Карагачъ, наблюдая за дорогами изъ Плевны, Ловчи и Сельви и поддерживая связь, съ одной стороны, съ кавалерійской бригадой 9-го корпуса

¹⁾ И это тѣмъ прискорбнѣе, что въ концѣ концовъ намъ все же пришлось прибѣгнуть къ существенному содѣйствію какъ румынъ, такъ и сербовъ.

³⁾ Воронежскій полкъ оставался на переправѣ, для защиты зимнико-систовскаго моста.

Такимъ образомъ, изъ этого распоряженія барона Криденера видно, что почти половина его корпуса могла воспользоваться только самымъ кратковременнымъ, безусловно необходимымъ отдыхомъ, а части, расположившіяся по Виду, даже и вовсе его не имѣли. Въ-третьихъ, надо было принять въ сдачу крѣпость, городъ, военное имущество и запасы; водворить въ городѣ порядокъ, а для сего ввести городское и военно-полицейское управленіе; тушить въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожары, въ особенности въ продовольственныхъ складахъ, зажженныхъ еще до взятія Никополя: позаботиться объ участіи и своевременномъ отправленіи на румынскій берегъ нашихъ и турецкихъ раненыхъ: изыскать средства для немедленнаго и достаточнаго продовольствія семи тысячъ пѣхотныхъ, равно какъ для размѣщенія ихъ на первое время въ крѣпости и скорѣйшаго вывода, подъ достаточнымъ конвоемъ, въ Румынію: рядомъ съ этимъ представлялись не малая забота о продовольствіи и своихъ собственныхъ войскъ, но главнѣе всего надо было въ весьма значительномъ числѣ пополнить израсходованные въ продолжительномъ бою патроны и снаряды, а этого нельзя было исполнить ранѣе подхода парковъ, задержанныхъ въ пути трудностями невозможной дороги. Послѣ сдачи Никополя, какъ только войска расположились на бивуакахъ, баронъ Криденеръ сейчасъ же распорядился послать примѣшниковъ за патронами и сухарями, такъ какъ неприкосновенный запасъ послѣднихъ былъ уже совершенно израсходованъ войсками. Но по отдаленности мѣста приемки, назначенной интендантскимъ вѣдомствомъ въ д. Орипе, сухари были доставлены только 5-го числа вечеромъ; и это—надо замѣтить—въ Кавказскую бригаду, т. е. въ передовую часть, а патроны кавказцы получили только 6-го числа, находясь уже у Турскаго Трестеника ¹⁾.

И такъ, вотъ какова была совокупность причинъ, воспрепятствовавшихъ барону Криденеру двинуться къ Плевнѣ тотчасъ же по сдачѣ Никополя. Стало быть, обвиненіе почтеннаго

генерала въ медлительности рушится само собой.

6-го іюля, какъ уже сказано, баронъ Криденеръ получилъ по телеграфу изъ штаба дѣйствующей арміи предписаніе двинуть два полка пѣхоты съ Кавказской бригадой для занятія Плевны. Зная, что послѣдній городъ уже занятъ шестью таборами, командиръ 9-го корпуса сдѣлалъ болѣе противъ этого приказанія, а именно: вмѣсто двухъ пѣхотныхъ полковъ послалъ три, т. е. кромѣ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, приказавъ принять участіе въ занятіи Плевны и Костромскому полку, оставшемуся на позиціи у Турскаго Трестеника, да сверхъ того направилъ 9-й донской полкъ въ селеніе Крета, для наблюденія дорогъ, ведущихъ изъ Плевны въ Никополь на Крету и на Бресляницу, подчинивъ его начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, которому было поручено главное руководство всей операціей противъ Плевны. Весьма важно отмѣтить еще одно существенное обстоятельство: въ предписаніи командира 9-го корпуса, данномъ 6-го іюля генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, было указано занять Плевну 7-го числа, *«если не встрѣтятся особаго препятствія»*, въ противномъ же случаѣ отойти на позицію къ Бресляницѣ. Эта же самая фраза объ особомъ препятствіи была упомянута и въ предписаніи барона Криденера начальнику Кавказской бригады ¹⁾, который, въ силу сего

¹⁾ Привожу этотъ послѣдній документъ дословно:

Штабъ 9-го армейскаго корпуса, 6-го іюля 1877 г. № 1722. Въ кр. Никополь. Весьма нужное. Начальнику Кавказской сводной бригады.

«Вслѣдствіе полученнаго отъ начальника штаба дѣйствующей арміи предписанія по телеграфу, часть пѣхоты вѣреннаго мнѣ корпуса, съ Кавказской бригадой, должны быть немедленно двинуты на Плевну. На этомъ основаніи, въ отнѣсу вчерашняго приказанія ²⁾, предлагаю вашему высокоблагородію перейти сегодня же въ Турскій Трестеникъ, откуда освѣтить всю мѣстность до Плевны, отъ дороги, ведущей въ этотъ городъ изъ Бресляницы, къ югу, до путей, ведущихъ изъ Плевны въ Сельви и Ловчу. Къ сему присовокупляю, что я вибѣтъ съ симъ направляю: 1) донской казачій № 9-го полкъ въ д. Крета, для освѣщенія мѣстности между дорогами, ведущими изъ Никополя въ Плевну, на названную деревню и на Бресляницу; 2) 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи—въ Бресляницу. Затѣмъ, 7-го іюля означенныя войска, *если не встрѣтятся особаго препятствія*, будутъ направлены въ Плевну *вмѣстѣ* съ 19-мъ Костромскимъ полкомъ, находящимся въ Турскомъ Трестеникѣ. При этомъ прошу ваше высокоблагородіе доставлять командующему 9-й кавалерійской дивизіей ³⁾, которому подчиняетесь какъ вы, такъ и командиръ донскаго казачьяго № 9-го полка, безъ малѣй-

(Бугскій и 9-й донской полки), а съ другой—съ войсками 8-го армейскаго корпуса, находящимися близъ Тырнова ⁴⁾.

¹⁾ Командиру Кавказской бригады было приказано выступить изъ Мисылеу тотчасъ же, какъ только его бригада пополнится патронами, зарядами и сухарями, причемъ позднѣйшимъ срокомъ выступленія назначено утро 6-го числа, въ которое вѣлио выступить даже и въ томъ случаѣ, если бы боевые припасы не были доставлены.

²⁾ Съ этой послѣдней цѣлью вторая полусотня 3-й сотни Владикавказско-Осетинскаго полка была 5-го числа отправлена въ Сельви, гдѣ уже находилась ея первая полусотня, подъ начальствомъ сотника Верещагина.

³⁾ Т. е. по диспозиціи 4-го іюля, когда Кавказская бригада было предписано двинуться на Карагачъ.

⁴⁾ Генералъ-майору Лашкареву.

предписанія, выслать на разсвѣтъ 7-го іюля сильныя разѣзды по указаннымъ ему направленіямъ.

Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ 6-го же числа далъ предписаніе командиру Костромского полка, полковнику Клейнгаузу (онъ же и начальникъ турско-трестеникского отряда) немедленно двинуться къ Плевнѣ, что и было исполнено еще съ вечера 6-го іюля. Кавказской же бригадѣ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ приказывалъ продвинуться еще далѣе въ южномъ направленіи, до Тученицы; но это послѣднее приказаніе не дошло своевременно, и полковникъ Тутолминъ узналъ о немъ только 7-го числа, послѣ боя. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи должна была наступать отъ Бресляницы въ сѣверо-восточномъ (и даже ННО) направленіи, а полковникъ Клейнгаузъ на Гривицу,—послѣдній могъ сойтись съ генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ развѣ только въ самомъ городѣ, или въ наиболѣе счастливомъ случаѣ *передъ* самымъ городомъ, а Кавказская бригада и тѣмъ болѣе не могла бы дѣйствовать совместно. Съ перваго же шага являлась чрезмѣрная растянутасть и даже разбросанность позицій наступающихъ войскъ, которые принуждены были дѣйствовать отдѣльными отрядами, тогда какъ предписаніе командира 9-го корпуса предлагало генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру дѣйствовать *вмѣстѣ* съ Костромскимъ полкомъ. Такъ начался день 7-го іюля—первый день неудачи русскихъ войскъ въ настоящую кампанію.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію военныхъ дѣйствій подъ Плевной, слѣдуетъ очертить мѣстность, окружающую этотъ городъ.

Плевна расположена на берегахъ небольшого Гривницкаго ручья, впадающаго въ рѣку Видъ. Цѣлый рядъ весьма высокихъ холмовъ окружаетъ городъ съ сѣвера (Опонецкія и Буковленскія высоты). Холмы эти, пологіе въ своихъ скатахъ, обращенныхъ въ сѣверную сторону, съ южной, наоборотъ, представляютъ крутые спуски къ ручью; кромѣ того, они связаны между собой перевалами, допускающими свободное сообщеніе, и увѣнчаны на своихъ вершинахъ редутами весьма сильной профили. По средства обороны еще не кончаются этимъ: склоны холмовъ мѣстами усилены отдѣльно стоящими батареями и ложементами для стрѣлковъ, въ нѣсколько ярусовъ. Восточная сторона Плевненской долины замыкается высотой,

которая служитъ водораздѣломъ между ручьями Гривницкимъ и Стадуницкимъ (впадающимъ въ Осму), и соединяется съ рядомъ сѣверныхъ холмовъ, съ коими она имѣетъ то общее сходство, что точно такъ-же, какъ и они, спадаетъ нѣсколько круче къ Плевнѣ и гораздо положе спускается въ противную сторону. Изъ этой высоты беретъ начало Гривницкій ручей; при истокѣ его лежитъ деревня Гривица, которая обстрѣливается нѣсколькими батареями и была занята неприятелемъ. Съ южной стороны Гривницкаго ручья торчатъ два гребня высотъ, гдѣ также находятся турецкія батареи и ложементы; кромѣ того, такъ какъ сѣверныя холмы выше южныхъ, то эти послѣдніе могутъ быть обстрѣливаемы также и сѣверными батареями. Наконецъ далѣе къ югу идетъ чрезвычайно пересѣченная, лошпинистая мѣстность, все повышаясь къ селу Радипшеву, около котораго находятся турецкія укрѣпленія; самое же Радипшево лежитъ за этими послѣдними высотами, на южномъ ихъ склонахъ, спадая въ лошпину. Вообще, мѣстность со всѣхъ сторонъ такова, что, не представляя ни одной удобной позиціи наступающему, не только содѣйствуетъ, но и отдаетъ всѣ преимущества оборонѣ.

Основываясь на полученномъ предписаніи, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ 6-го же числа направилъ уже расположившіеся было на ночлегъ пѣхотные полки 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій къ селенію Бресляницѣ. Но было уже довольно поздно, дороги отвратительныя, мосты испорченные, и потому оба полка съ четырьмя батареями съ большимъ трудомъ успѣли въ этотъ день сдѣлать полдорогу и прибыть на ночлегъ къ дер. Чиековцы, и то лишь къ двумъ часамъ ночи.

Одновременно съ отправленіемъ этихъ полковъ, командиру 19-го пѣхотнаго Костромского полка полковнику Клейнгаузу, который, какъ уже извѣстно, съ двумя батальонами онаго, двумя сотнями кубанцевъ и восемью орудіями ¹⁾ стоялъ бивуакомъ въ Турскомъ Трестеникѣ, въ виду большой плевненско-рущукской дороги, было послано генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ предписаніе: притянуть къ себѣ свой 3-й батальонъ изъ села Булгарени ²⁾ и немедленно слѣдовать со всѣмъ своимъ отрядомъ по той же дорогѣ на высоту сел. Стадуницъ (оно же и Сгалевине), куда и прибыть къ двумъ часамъ дня 7-го іюля, для совокупныхъ дѣйствій съ 1-й бригадой ³⁾. Вмѣстѣ съ этимъ кавказская бригада, какъ сказано, должна была слѣдовать еще южнѣе Костромского полка, на село Тученицу.

шаго промедленія, свѣдѣнія о расположеніи и движеніи непріятельскихъ войскъ.

„Командиръ корпуса, генералъ лейтенантъ баронъ Кріденеръ.

„Начальникъ штаба, генералъ-майоръ Шнитниковъ“.

¹⁾ 5-я батарея 31-й артиллерійской бригады.

²⁾ За исключеніемъ одной роты, оставленной тамъ для прикрытія обоза и легчаго № 13-го парка.

³⁾ 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій пѣхотные полки.

7-го іюля, рано утромъ, выступивъ изъ Чіековцевъ чрезъ Бресляницу, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ къ двумъ часамъ дня подошелъ къ непріятельской позиціи и неожиданно былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятели, такъ что батальоны 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, шедшіе на широкихъ интервалахъ и притомъ даже обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ мирнаго времени, должны были выстраивать боевой фронтъ подъ усиленнымъ огнемъ противника, несвоевременно вступая въ боевую линію. Наткнувшись на турокъ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ открылъ усиленную канонаду и сталъ ожидать свѣдѣній отъ Клейнгауза и Тутолмина; но свѣдѣнія не приходили, и потому онъ рѣшилъ отложить атаку до слѣдующаго дня, тѣмъ болѣе, что время уже близилось къ вечеру. Извѣстивъ о своемъ послѣднемъ рѣшеніи отрядъ полковника Клейнгауза и кавказцевъ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ остался почевать на занятой имъ позиціи. Въ составъ его отряда, какъ извѣстно, находился и донской казачій № 9-го полкъ (полковника Нагибина). Вечеромъ, 6-го іюля, казаки продвинулись еще далѣе Креты и остановились бивуакомъ у колодцевъ близъ селенія Рибне, въ 15-ти верстахъ отъ Плевны. На слѣдующій день (7-го) въ три часа пополудни, по требованію генерала Шильдеръ-Шульднера, 9-й полкъ былъ поднятъ со своего бивуака по тревогѣ и, опрокинувъ котлы съ почти готовою пищей, пошелъ на рысяхъ по направленію къ Плевнѣ. Не доходя 3½ верстъ до города, полкъ занялъ высоты и опушку лѣса на правомъ флангѣ отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. Здѣсь казакамъ было приказано разсыпать опѣшенную пѣху, и до восьми часовъ вечера они вели незначительную и совершенно бесполезную, безцѣльную перестрѣлку. Ради какой надобности оставались они всѣмъ полкомъ на бивуакѣ въ Рибне, коль скоро бугскіе уланы стояли въ Чіековцахъ и наблюдали своими развѣдами всю прибрежную видскую дорогу до Креты и даже до самаго Рибне, и почему генералъ Шильдеръ-Шульднеръ не притянулъ къ себѣ заблаговременно хоть одну сотню вѣрнѣйшихъ ему казаковъ, для необходимаго освѣщенія мѣстности впередъ своей походной колонны и для боковыхъ развѣдовъ, и для чего наконецъ понадобилось обратить казаковъ въ стрѣлковую часть—это остается неизвѣстнымъ.

И такъ, «особое препятствіе», о которомъ предварялъ баронъ Криденеръ въ своемъ предписаніи, было уже встрѣчено; тѣмъ не менѣе, вопреки смыслу этого предписанія, атака Плевны была рѣшена генералъ-лейтенантомъ Шильдеръ-Шульднеромъ на 8-е іюля. Посему несчастный исходъ этого дня нельзя приписать, какъ увѣряютъ нѣкоторые, неожиданной слу-

чайности. Бой 8-го іюля отнюдь не былъ случайностью и не можетъ быть названъ таковой.

Съ разсвѣтомъ 8-го іюля, въ началѣ пятаго часа, войска генерала Шильдеръ-Шульднера расположились для атаки слѣдующимъ порядкомъ: на правомъ флангѣ—два батальона Вологодскаго полка, ротными колоннами въ двѣ линіи; 3-й батальонъ за ними, въ видѣ частнаго резерва; въ центрѣ—два батальона архангелогородцевъ, въ точно такомъ же порядкѣ, *но безъ резерва*; затѣмъ лѣвѣе—двѣ батареи 5-й артиллерійской бригады ¹⁾ и, наконецъ, въ прикрытіе къ нимъ на лѣвомъ флангѣ былъ поставленъ 3-й батальонъ архангелогородцевъ.

Безъ четверти въ пять часовъ утра генералъ Шильдеръ-Шульднеръ открылъ канонаду снарядомъ по батареѣ, находившейся въ центрѣ позиціи противника, а потомъ и по другой батарее, обнаруженной на правомъ флангѣ турокъ и бывшей почти продольно по нашей артиллеріи. При этомъ, съ первыхъ же отвѣтныхъ выстрѣловъ оказалось, что непріятель дѣйствуетъ противъ насъ изъ крупновесныхъ орудій, противъ которыхъ наши полевые пушки будто бы не могли состязаться въ дальности полета снарядовъ, а потому, не теряя времени на канонаду, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ въ половинѣ шестого часа, т. е. черезъ $\frac{3}{4}$ часа отъ начала канонады, далъ правому флангу приказаніе наступать ²⁾. Здѣсь расположеніе

¹⁾ 1-я и 2-я (9-ти фунтовые), а впоследствии была выдвинута и 5-я батарея (4-хъ-фунтовая).

²⁾ Присутствіе дальнобойныхъ крупновесныхъ орудій уже было обнаружено наканунѣ (7-го числа), что, впрочемъ, не помѣшало генералу Шильдеръ-Шульднеру вести противъ нихъ «усиленную» канонаду въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, такъ что выходило одно изъ двухъ: или вчерашняя канонада, при оказавшейся несостоятельности нашихъ орудій, была безцѣльной, расточительной тратой снарядовъ, или же сегодняшняя атака вовсе не подготовлена артиллерійскимъ огнемъ. Можно думать, что послѣднее ближе къ истинѣ, потому что если оказались несостоятельными 4-хъ-фунтовки, то 9-ти фунтовые орудія во всякомъ случаѣ могли состязаться съ дальнобойной турецкой артиллеріей—что и доказали послѣдующія плевненскія дѣла; допуская же противное, намъ пришлось бы вовсе отказаться отъ всякихъ сраженій съ турками. Несостоятельность вышеприведеннаго довода подтверждается словами самого же генерала Шильдеръ-Шульднера и начальника его штаба, полковника Попова, которые въ той же самой реляціи о боѣ 8 го числа говорятъ: «дѣйствія 5-й батареи (т. е. 4-хъ-фунтовой) 31-й артиллерійской бригады были настолько удачны, что ею на первоначальной позиціи, къ востоку отъ села Гриницы, были подобны два орудія, изъ которыхъ одно брошено, и непріятельская батарея, имѣвшая эти орудія, замолчала, хотя въ то же время наша батарея подвергалась фланговому огню другой непріятельской батареи изъ села Радисева, на разстояніи болѣе трехъ верстъ»—т. е. находилась въ такихъ же самыхъ условіяхъ, какъ и остальные батареи генерала Шиль-

обоихъ противниковъ раздѣлилось глубокой ложиной, которая направлялась параллельно нашему фронту и на противоположномъ скатѣ была занята густыми цѣпями турокъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ. По сигналу «наступление», стрѣлки Вологодскаго полка подались впередъ и открыли огонь, встрѣченный сильнѣйшей пальбой противника.

Не замѣявшись ни на минуту подъ градомъ пуль, вологодцы, поддержанные своимъ 3-мъ батальономъ, продолжали спускаться въ ложину и охватывать лѣвый флангъ непріятеля. Съ крикомъ «ура» бросились они на противникъ скатъ ложины и къ шести часамъ утра заняли часть передовой позиціи турокъ. Послѣ этого, сильно зарвавшись впередъ, наши вологодцы, выйдя съ сосѣдними, крайними ротами архангелогородцевъ, нѣсколько разъ ходили въ штыки и, опрокидывая непріятеля, частью ворвались даже въ самый городъ, гдѣ ихъ приняла такимъ огнемъ съ крышъ и изъ оконъ, что пришлось уходить поторопѣ назадъ. Во время этихъ штыковыхъ атакъ былъ раненъ командиръ 1-й бригады генералъ-майоръ Кноррингъ, послѣ котораго принялъ начальство генералъ-майоръ Похитоновъ ¹⁾. Между тѣмъ турки, видя, что наши почти уже въ городѣ, послѣдили высылкою резервовъ, которые засѣли въ завалахъ и нѣсколькихъ крайнихъ домахъ и открыли частый огонь, въ то время какъ изъ разныхъ улицъ постоянно подходили къ нимъ все новыя и новыя силы, выстраивавшіяся въ густыя линіи передъ городомъ. У нашихъ же, не только въ эту минуту, но и съ самаго начала не было, можно сказать, никакого резерва—ибо нельзя считать за таковой 3-й батальонъ вологодцевъ, названный даже и въ диспозиціи генерала Шильдеръ-Шульднера *частнымъ* резервомъ Вологодскаго полка и уже давно израсходованный въ дѣлѣ. Нашимъ жалъ было выпустить изъ рукъ занятое съ боя пространство; поэтому они хотя геройски, но едва ли благоразумно, зная, что резерва нѣтъ никакого, рѣшились остановиться и грудью отстаивать свое мѣсто передъ городомъ. Турки насадили на нихъ со всѣхъ сторонъ—приходилось отбиваться штыками. При одномъ изъ побѣдныхъ напоровъ, часть цѣпи архангелогородцевъ подалась было назадъ. Желая остановить ея отступленіе, командиръ этого полка, полковникъ Розенбомъ, бывшій все время верхомъ, выскочилъ впередъ—и въ то же мгновеніе привалъ на себя жесточайшій залпъ изъ

турецкаго фронта, взрѣштившій его лошадь, которая пала на мѣстѣ. Въ то время какъ Розенбомъ старался изъ-подъ нея высвободиться, рядомъ съ нимъ разорвалась граната и одинъ изъ ея осколковъ ранилъ его въ лѣвую руку. Къ нему бросились двое изъ полковыхъ санитаровъ, но онъ, сознавая критическое положеніе своего полка, не хотѣлъ покинуть его въ такую минуту даже на самое малое время и потому приказалъ сдѣлать себѣ перевязку здѣсь же, на мѣстѣ. Едва это было исполнено, какъ ударъ пули въ лобъ сразилъ храбраго Розенбома. Когда увидѣли турки, что онъ убитъ, то съ новымъ одушевленіемъ кинулись на цѣпь архангелогородцевъ, и этотъ послѣдній натискъ былъ столь стремителенъ, что пришлось нашимъ на нѣсколько десятковъ шаговъ податься назадъ, не успѣвъ вынести своего мертваго командира. Едва удалось туркамъ добѣжать до того мѣста, гдѣ лежалъ онъ, распростертый рядомъ съ боевымъ своимъ конемъ, какъ нѣсколько человекъ разомъ подняли его трупъ на штыки, и въ такомъ положеніи, въ глазахъ нашихъ солдатъ, съ радостными воплями и визгомъ, изрубили его въ куски саблями. Наши видѣли, что этимъ дѣломъ занимались не одни нижніе чины, но и офицеры.

Послѣ этого, турецкіе стрѣлки, подкрѣпленные все болѣе и болѣе свѣжими частями и дѣйствуя учащеннымъ огнемъ по отступающимъ цѣпямъ Архангелогородскаго полка, успѣли вновь податься до недавно покинутой ими позиціи въ кустарникахъ на склонѣ глубокой ложины.

Было около семи часовъ утра. Донской казачій № 9-го полкъ прикрывалъ расположеніе нашего крайняго праваго фланга частью своихъ спѣшенныхъ сотенъ, занимавшихъ опушку. Въ это время изъ казачьей цѣпи было прислано донесеніе, что нашъ правый флангъ обходитъ два эскадрона турецкой кавалеріи, за которою двигается въ значительныхъ силахъ пѣхота и артиллерія, а часть казачьей цѣпи уже не имѣетъ патроновъ. Это обстоятельство, выяснившееся одновременно со вторичнымъ занятіемъ турецкими стрѣлками кустарниковъ на склонѣ ложины, вынудило генерала Шильдеръ-Шульднера вызвать изъ резерва послѣднюю изъ имѣвшихся у него батарей ¹⁾ и дать ей въ прикрытіе двѣ роты изъ числа трехъ, оставшихся въ прикрытіи перевязочнаго пункта и бригаднаго обоза. Этой маленькой части приходилось дѣйствовать и противъ ложины и противъ обходящаго насъ отряда, замѣченнаго казаками. Занявъ довольно удобную позицію на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, 4-я батарея мѣтко пустила по ложины нѣсколько картечныхъ гранатъ и въ короткое время вновь

дѣль-Шульднера, по которымъ «почти продольно» была правофланговая турецкая батарея. Значитъ не только 9-ти фунтовые, но и 4-хъ фунтовые орудія могли наносить противнику существенный вредъ, даже и съ первоначальной позиціи, а потому ясно, что пѣхотная атака не была да и не могла быть вовсе подготовлена канонадой, продолжавшаяся едва лишь $\frac{3}{4}$ часа.

¹⁾ Командиръ 5-й артиллерійской бригады.

¹⁾ 4-я батарея 5-й артиллерійской бригады.

очистила кустарникъ отъ турецкихъ стрѣлковъ. Несмотря на то, что за цѣпями туроцъ показывались частыя и сильныя поддержки, что — какъ мы предполагали — служить признакомъ или значительныхъ потерь у противника, или же его желаніи перейти въ наступленіе, — онъ, послѣ удачнаго разрыва нѣсколькихъ гранатъ 4-й батареи, на время почти прекратилъ огонь и убралъ за гребень высотъ свои резервы ¹⁾. Въ это же время часть орудій 4-й батареи дѣйствовала также и по отряду, обходившему насъ съ праваго фланга, но остановленному въ своихъ намѣреніяхъ ея картечными гранатами и наступленіемъ казаковъ 9-го полка, кидавшихся въ атаку не только на коняхъ, но и спѣшенными.

Время шло, а между тѣмъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ ни отъ Костромскаго полка, ни изъ Кавказской бригады не получаетъ никакихъ свѣдѣній ²⁾. Съ достовѣрностью можно было только предположить, что костромскіе дерутся, потому что со стороны с. Гривицы слышна была пальба. Наконецъ уже въ половинѣ десятаго получено было первое свѣдѣніе, что командиръ Костромскаго полка, полковникъ Клейнгаузъ, убитъ, и полкъ его, успѣвъ уже ворваться въ с. Гривицу, вынужденъ остановитъ дальнѣйшее наступленіе, потому что у него нѣтъ болѣе резерва, а противникъ слишкомъ превосходитъ силами и дерется изъ-за насыпей и заваловъ.

Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ и самъ уже не имѣлъ ни одной свѣжей части; стало быть, помочь костромскимъ ему было нечѣмъ. Оставалось одно: собрать и по возможности устроить до изнеможенія утомленные части праваго фланга, который въ теченіе пяти часовъ находились въ непрерывномъ боѣ съ несоразмѣрно сильнымъ противникомъ, на мѣстности крайне пересѣченной и трудно проходимою. Съ этою цѣлью генералъ послалъ туда начальника своего штаба, полковника Попова, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ донести о положеніи дѣла на правомъ флангѣ. Полковникъ Поповъ вскорѣ донесъ, что дальнѣйшее наступленіе невозможно вслѣдствіе громадной убитыи людей, и особенно офицеровъ, изъ которыхъ уже двѣ трети выбыли изъ строя. Тогда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ отправился самъ на правый флангъ и лично убѣдился въ крайне трудномъ его положеніи. Въ это же время на лѣвомъ флангѣ его отряда замѣтили значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ, появившихся тамъ съ цѣлью отрѣзать ему путь на Бресляницу, куда уже вытягивались наши обозы. Все это въ совокупности заставило генерала Шильдеръ-Шульднера въ половинѣ

12-го часа отдать приказаніе сначала батареи, а потомъ и пѣхотѣ постепенно сниматься съ позицій и отходить.

Въ это время случилось извѣстіе, что на помощь 1-й бригадѣ идетъ 20-й пѣхотный Галичскій полкъ съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями. Тогда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ послалъ одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба ³⁾ выбрать въ тылу подходящую позицію и расположить на ней Галичскій полкъ, дабы имѣть возможность потомъ отвести за его фронтъ потерпѣвшія части 1-й бригады. Но не ранѣе какъ около пяти часовъ пополудни 9-й казачій полкъ получилъ приказаніе прикрыть собою общее отступленіе ⁴⁾. Собравъ четыре сотни и пропустивъ за нихъ войска, полковникъ Нагибинъ началъ отступленіе уступками, по-сотенно, съ праваго фланга. Около шести часовъ вечера непріятельская кавалерія, числомъ до двухъ эскадроновъ, бросилась преслѣдовать отступающую въ центрѣ пѣхоту. Это было замѣчено во время, и потому одной изъ сотенъ ⁵⁾ удалось атаковать во флангъ турецкую конницу. Одна часть ея, не выждавъ атаки, ускакала, а другая была настигнута казаками и опрокинута, оставивъ на мѣстѣ до двадцати тѣлъ убитыми. Послѣ этого, въ шесть часовъ вечера, бой прекратился. Непріятель и самъ былъ крайне утомленъ, понесъ притомъ большія потери.

Наша убыль въ дѣлахъ 7-го и 8-го іюля была весьма значительна, особенно въ пѣхотѣ ⁶⁾. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ пленен-

¹⁾ Старшаго адъютанта 5-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба штабсъ-капитана Шванберга.

²⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по смыслу донесенія генерала Шильдеръ-Шульднера, который говоритъ, что бой прекратился въ шесть часовъ пополудни. Если въ половинѣ 12-го часа уже явно сказались невозможность держаться долѣе и если въ то же время было получено извѣстіе о приближеніи Галичскаго полка, вслѣдствіе чего тогда же былъ посланъ офицеръ генеральнаго штаба для выбора въ тылу позиція, то спрашивается: неужели же отысканіе этой позиція продолжалось около пяти часовъ сряду? Къ чему было цѣлѣе 6^{1/2} часовъ сряду подвергать напраснымъ потерямъ войска, и безъ того уже сильно потерпѣвшія? Если Галичскій полкъ нашелъ возможность прислать извѣщеніе о своемъ приближеніи, то это значитъ, что онъ находился верстахъ въ пяти-шести, а много въ десяти отъ мѣста боя и, стало быть, къ выбираемой для него тыловой позиція могъ подойти не болѣе какъ въ 2^{1/2} часа времени; движеніе его, въ виду критическаго положенія отряда, само собой, должно было быть ускореннымъ. Поэтому выходитъ, что потерпѣвшія части могли быть выведены изъ боя уже въ третьемъ часу пополудни; на дѣлѣ же онъ окончили сраженіе только къ началу седьмого часа вечера.

³⁾ 5 я сотня есаула Голубинцева.

⁴⁾ Общая убыль въ сраженіи 8-го іюля выражается слѣдующими цифрами: убитыхъ и раненыхъ офицеровъ 74 (убитыхъ 22), нижнихъ чиновъ 2,771, — итого 2,845 человекъ.

¹⁾ Новое подтвержденіе того, что дѣйствіе нашихъ орудій вовсе не было, да и не могло быть несостоятельнымъ.

²⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ реляція.

скими болгарами, къ этому времени, кромѣ шести тысячъ, составившихъ гарнизонъ города, успѣло собраться туда до сорока таборовъ, противъ которыхъ въ теченіе 13-ти часовъ пришлось драться девяти неполными батальонами, на мѣстности, какъ уже сказано, крайне трудной для наступленія. И несмотря на такую несоразмѣрность силъ, войска наши не оставили неприятелю ничего, кромѣ 17-ти патронныхъ ящиковъ, частью пустыхъ, частью разбитыхъ гранатами, или брошенныхъ за совершенною невозможностью вывезти ихъ, такъ какъ упрямые лошади были перебиты огнемъ противника.

Изъ всего изложеннаго здѣсь видно, что 1-я бригада сражалась совершенно отдѣльно отъ 3-го полка своей дивизіи ⁴⁾. Такимъ образомъ, бой съ нашей стороны происходилъ одновременно на двухъ разобщенныхъ между собою позиціяхъ, независимо одинъ отъ другого, такъ какъ всѣ свѣдѣнія, полученные генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ о Костромскомъ полкѣ еще въ половинѣ 10-го часа утра, ограничивались, какъ уже сказано, однимъ лишь извѣстіемъ о смерти его командира и о томъ, что полкъ, не имѣя резерва, остановилъ дальнѣйшее наступленіе. Теперь остается перейти къ изложенію дѣйствій отряда полковника Клейнгауза противъ гривницкой позиціи турокъ.

Отрядъ этотъ состоялъ, какъ извѣстно, изъ 19-го пѣхотнаго Костромского полка, 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады и двухъ сотенъ кубанцевъ. Въслѣдствіе предписанія генерала Шильдеръ-Шульднера о немедленномъ выступленіи къ Плевнѣ для рекогносцировки силъ и расположенія турокъ, полковникъ Клейнгаузъ поднялъ свой полкъ съ ночлега по тревогѣ, что, между прочимъ, подало мѣстнымъ болгарамъ поводъ, нѣсколько часовъ спустя, утверждать полковнику Тутолмину, будто бы было получено извѣстіе о бѣгствѣ турокъ изъ Плевны и потому-де была тревога. Отрядъ полковника Клейнгауза позднимъ вечеромъ выступилъ изъ Турскаго Трестеника и еще раньше разсвѣта 7-го іюля пришелъ къ Сгалуиду. Отсюда, въ четыре часа утра, обѣ сотни Кубанскаго полка, подъ начальствомъ своего командира, войскового старшины князя Кирканова, были отправлены на рекогносцировку, въ направленіи плевно-ручукскаго шоссе, на Гривицу и далѣе къ Плевнѣ. Подойдя къ деревнѣ Гривицѣ, казаки были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ изъ-за окопа, съ амбразурами на два орудія ⁵⁾, но несмотря на это, шли все далѣе и далѣе, пока не увидѣли предъ собой два лагеря, дѣйствительную силу которыхъ мѣшала опредѣлить

пересѣченная мѣстность; тѣмъ не менѣе, судя по тому, что было замѣтно на глазъ, князь Киркановъ пришелъ къ заключенію, что величина видимыхъ лагерей соответствуетъ двумъ пѣхотнымъ полкамъ, а вскорѣ затѣмъ было открыто, что за пересѣченной мѣстностью видѣются палатки и далѣе.

Во время этихъ наблюденій было усмотрѣно, что навстрѣчу казакамъ выдвигаются четыре сотни конницы и батальонъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ. Не рискуя забираться въ сферу огня батарей, построенныхъ на высотахъ передъ Плевной ⁶⁾, и замѣтивъ намѣреніе противника обойти казаковъ съ праваго фланга, князь Киркановъ отошелъ къ Костромскому полку, расположившемуся на привалѣ у Сгалуица, и донесъ полковнику Клейнгаузу обо всемъ усмотрѣнномъ на рекогносцировкѣ, а также и о томъ, что по слухамъ, собраннымъ отъ гривницкихъ жителей и иныхъ, попадавшихся на пути болгаръ, въ Плевну прибыли наканунѣ два наши съ сильнымъ войскомъ ⁷⁾. Полковникъ Клейнгаузъ, — какъ свидѣтельствуемъ въ своемъ донесеніи князь Киркановъ ⁸⁾, — выслушавъ этотъ докладъ, при многихъ офицерахъ своего полка, сказалъ, что донесетъ обо всемъ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, между тѣмъ изъ реляцій сего послѣднего о дѣлахъ 7-го и 8-го іюля видно, что онъ 7-го числа не получалъ никакихъ свѣдѣній ни отъ Костромскаго полка, ни отъ Кавказской бригады. При отсутствіи военно-походнаго телеграфа и при значительномъ удаленіи обоехъ отрядовъ другъ отъ друга (отъ Сгалуица до Бреслиницы, по крайней мѣрѣ, 17. верстъ), это легко могло случиться, такъ же точно, какъ и то, что до полковника Тутолмина не дошло предписание отправляться въ Тученицу, о чемъ онъ достоверно узналъ только отъ Клейнгауза. Но что донесеніе отъ сего послѣдняго было послано генералу Шильдеръ-Шульднеру, это подтвердили полковнику Тутолмину, по прибытіи его на сгалуицкій бивуакъ, какъ самъ Клейнгаузъ, такъ и князь Киркановъ.

Между тѣмъ, пока двѣ кубанскія сотни ходили развѣдывать о противникѣ, остальные части отряда полковника Клейнгауза, въ ожиданіи результата рекогносцировки, привалили на роздыхъ; офицеры принялись залусывать у обозныхъ фуръ. Въ это время впереди и нѣсколько въ сторонѣ, влѣво отъ нихъ, поднялись облака пыли, взметенныя, очевидно, копытными. Офицеры были въ полной увѣренности, что это наши казаки расправляют-

⁴⁾ Это были извѣстные впоследствии редуты Чорумъ-табѣ и Ибрагимъ-бей-табѣ.

⁵⁾ Одинъ изъ этихъ нашихъ былъ Османъ, другой — въроятно, Адалъ.

⁶⁾ Донесеніе командиру 2-го Кубанскаго полка, отъ 8-го іюля 1877 г., за № 63.

¹⁾ 19-го пѣхотнаго Костромскаго.

²⁾ Этотъ окопъ былъ, такъ сказать, зародышемъ будущаго знаменитаго Гривницкаго редута.

ся съ какой-нибудь конной партіей противника, но не прошло и четверти часа, какъ къ отдыхавшему отряду стали подбѣгать въ одиночку окровавленные люди—мужчины и женщины, изъ которыхъ нѣкоторые уносили на рукахъ грудныхъ младенцевъ. Это были болгарскіе радишевскіе сельчане, работавшіе на своихъ поляхъ. На нихъ вразсыпную напала партія башибузуковъ и принялась крошить ятаганами; многія раны были ужасны. Медики и санитары тотчасъ же принялись за перевязку, а между тѣмъ возвратился съ другой стороны и кубанецъ, принесъ подробное свѣдѣніе о провѣденной ими рекогносцировкѣ.

Только-что князь Киркановъ успѣлъ сдѣлать свой докладъ полковнику Клейнгаузу, какъ непріятель, разсыпавъ конную дѣль, спустился нѣсколько подъ гору, въ кусты, и началъ стрѣлять по аванпостамъ, выставленнымъ кубанцами, причемъ подъ однимъ казакомъ была убила лошадь. Вслѣдъ за тѣмъ, позади турецкихъ всадниковъ показалась цѣлая колонна. 5-я батарея, выхавъ на позицію, съ восьми выстрѣловъ не только прогнала непріятельскихъ всадниковъ изъ кустовъ, но привела въ замѣшательство и показавшуюся колонну. Тогда обѣ сотни кубанцевъ, по приказанію князя Кирканова, бросились на непріятеля и подкрѣпленные прибывшею въ эту самую минуту 5-ю сотнею Кубанскаго полка, заставили турокъ поспѣшно отступать. Преслѣдованіе шло на разстояніи отъ четырехъ до пяти верстъ, почти до самой Гривицы, и приостановлено лишь потому, что впереди появились новыя части непріятельской пѣхоты, занявшія сильную позицію⁴⁾. Оставивъ разѣзды для наблюденія за противникомъ, князь Киркановъ, вслѣдствіе крайняго утомленія лошадей, возвратился въ Сгалунцъ. Этимъ и закончился въ отрядѣ Клейнгауза дѣйствіе 7-го іюля. Важно въ нихъ было то, что рекогносцировка кубанцевъ положительно выяснила присутствіе въ данномъ мѣстѣ весьма значительныхъ силъ противника, что, безъ сомнѣнія, могло служить тѣмъ

«особымъ препятствіемъ» къ занятію Плевны, о которомъ предварялъ баронъ Криденеръ въ своемъ предписаніи, какъ генерала Шильдеръ-Шульднера, такъ и полковника Тутолмина.

Въ третьемъ часу ночи начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи прислалъ полковнику Клейнгаузу записку, заключающую въ себѣ распоряженія на завтрашній день, т. е. на 8-е іюля. Къ сожалѣнію, эта записка осталась въ карманѣ убитаго Клейнгауза, но полковникъ Тутолминъ, которому она была предъявлена для свѣдѣнія тотчасъ же по полученіи, свидѣтельствуетъ, на основаніи помѣтки, сдѣланной въ его записной книжкѣ, что, на сколько онъ помнитъ, въ заголовкѣ записки генерала Шильдеръ-Шульднера значилось: «Командиру Костромскаго полка» и затѣмъ начиналось такъ: «Я думаю, что вы вчера меня поддержите. Теперь уже поздно». Полковникъ Тутолминъ свидѣтельствуетъ, что эти слова онъ помнитъ твердо, а дажѣ — по его словамъ — значилось приблизительно слѣдующее: «Атакуйте Плевну отъ Гривицы. 1-я бригада — отъ Бресляницы. Выступленіе въ четыре, канонада въ пять. Кавказская бригада на вашемъ лѣвомъ флангѣ». Послѣ этого слѣдовало приказаніе о прикрытіи обоза и артиллерійскаго парка частью Костромскаго полка. И такъ, это все, что было извѣстно сгалунцкому отряду относительно предположеній и цѣлей на завтрашній день главноначальствующаго обоими русскими отрядами.

8-го іюля, къ пяти часамъ утра, отрядъ полковника Клейнгауза приблизился къ Гривицѣ, и въ то время какъ Костромской полкъ перестраивался въ боевой порядокъ, по немъ уже были открыты огонь справа изъ окопа, расположеннаго за этою деревнею⁴⁾. Но еще на пути къ позиціи, даже далеко внѣ сферы артиллерійскаго огня, въ отрядѣ Клейнгауза уже были услышаны пушечные выстрѣлы, раздававшіеся справа. Это подало поводъ къ вѣрному заключенію, что генералъ Шильдеръ-Шульднеръ уже завязалъ дѣло и при томъ ранѣе срока, чѣмъ самимъ назначеннаго. Хотя какая нибудь четверть часа раньше или позже сама по себѣ почти ничего не значить, но въ данномъ случаѣ это послужило причиной, что въ сгалунцкомъ отрядѣ, еще до вступленія въ бой, уже поселилось тревожное недоумѣніе: что-жъ, молъ, это значить? неужели мы опоздали? Это вынудило людей значительно прибавить шагъ, и вообще торопиться, такъ что, подходя къ позиціи и перестраиваясь въ боевой порядокъ, они уже были, что называется, заморившись отъ усиленнаго спѣшнаго движенія и солнечнаго зноя. Поэтому, чтобы облегчить людей, полковникъ Клейнгаузъ приказалъ имъ снять съ себя скатанныя шинели и ранды и

⁴⁾ По прибытіи, 7-го числа, въ Турскій Треггеникъ Кавказской бригады, въ наличномъ составѣ восьми сотенъ, полковникъ Тутолминъ тотчасъ же выслалъ разѣзды, какъ для освѣщенія мѣстности, такъ и для связи съ отрядами генераловъ Шильдеръ-Шульднера, Лашкарева (стоавшаго въ Кретѣ) и полковника Клейнгауза. Одна изъ этихъ сотенъ, подъ командой сотника Выславцева, и подосѣла въ Сгалунцъ, какъ разъ во-время, для поддержки атаки князя Кирканова. Когда полковникъ Тутолминъ съ остальной частью своей бригады прибылъ на сгалунцкій бивуакъ, то засталъ тамъ Костромской полкъ, 5-ю батарею и три кубанскія сотни, только что возвратившіяся послѣ описаннаго преслѣдованія; люди еще вываживали сильно взмыленныхъ лошадей. Тутъ-то Клейнгаузъ и князь Киркановъ сообщили Тутолмину объ отправленномъ къ Шильдеръ-Шульднеру донесеніи относительно сдѣланной рекогносцировки.

⁴⁾ Приблизительно на мѣстѣ будущаго Гривицкаго редута.

сложить все это въ двухъ ближайшихъ къ Гривницѣ ложницахъ ¹⁾.

Въ резервѣ у костромскихъ находилось только три роты 3-го батальона, потому что остальные двѣ его роты необходимо было оставить въ Сгалуницѣ, для прикрытія обоза и летучаго № 13-го парка. При первомъ же артиллерійскомъ огнѣ противника, наша 5-я батарея успѣшила занять первоначальную свою позицію, къ сѣверо-востоку и правѣе дер. Гривницы ²⁾. Пристрѣлявшись съ первыхъ же выстрѣловъ, наши артиллеристы вскорѣ подбили у непріятеля въ правомъ окопѣ два орудія и принудили такимъ образомъ замолчать дѣйствовавшую противъ нихъ батарею; но въ то же время сами подверглись фланговому огню другой турецкой батареи, которая на разстояніи болѣе четырехъ верстъ брала ихъ въ лѣвый бокъ съ позиціи сѣвернѣе с. Радешева ³⁾. Но недолго занимались мы канонадою: 2-я стрѣлковая рота, составлявшая нашъ лѣвый флангъ, была усилена въ дѣли еще 3-ей стрѣлковой, а въ частномъ резервѣ за ними стали 7-я и 8-я линейныя роты; въ такомъ порядкѣ части лѣваго фланга бросились впередъ, «на ура», и выбили турокъ изъ ихъ передовыхъ стрѣлковыхъ ложементовъ. Роты праваго фланга, совмѣстно съ лѣвыми, подаваясь впередъ, наткнулись на цѣлый рядъ ложементовъ, сильно занятыхъ непріятелемъ, который однако же былъ вытѣсненъ ими изъ своей позиціи. Такимъ образомъ, наши костромскіе очистили всю его первую линію. Турки отступили во вторую линію своихъ окоповъ и съ этой новой позиціи открыли, не жалѣя зарядовъ, сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь по отбитымъ у нихъ и занятымъ нами ложементамъ. Наша 5-я батарея, подвигавшаяся впередъ вмѣстѣ съ пѣхотою, заняла новую позицію и очень удачно стала бить во флангъ непріятельскихъ окоповъ. Но раньше чѣмъ ея огонь произвелъ надлежащее дѣйствіе, въ Костромскомъ полку былъ тяжело раненъ на-

чальникъ стрѣлковъ, майоръ Гринцевичъ, командовавшій правымъ флангомъ. Та же участь постигла вскорѣ и младшаго штабъ-офицера, майора Бѣльскаго. Узнавъ объ этой двойной потерѣ, на правый флангъ прѣхалъ самъ начальникъ отряда, полковникъ Клейнгаузъ, со своимъ штабомъ, чтобы лично ввести въ атаку эту часть своего полка. Но едва успѣлъ онъ подѣхвать къ людямъ, какъ уже былъ раненъ. Подобно храброму Розенбому, не желая оставить свой полкъ въ такой моментъ, онъ приказалъ дѣлать себѣ перевязку тутъ же, не выходя изъ фронта; но, во время наложенія ея, осколкомъ упавшей по близости гранаты ударилъ его въ голову и убилъ на мѣстѣ. Другой изъ младшихъ штабъ-офицеровъ, майоръ Цѣхановичъ, желая продолжать дѣло своихъ навшихъ старшихъ товарищей, выскакалъ было предъ фронтъ, но вдругъ предъ его лошадью падаетъ и съ страшнымъ трескомъ рвется большая граната. Испугавшійся конь взвился на дыбы и шарахнулся въ сторону—майоръ Цѣхановичъ опрокидывается изъ сѣдла на землю. Замѣтивъ это несчастное паденіе, нѣсколько турецкихъ стрѣлковъ устремляютъ на него свой огонь, и менѣе чѣмъ въ одну минуту Цѣхановичъ былъ пронизанъ нѣсколькими пулями. Этотъ достойный офицеръ въ тотъ же день къ вечеру скончался. Около этого же времени легли мертвыми: командиръ 1-го батальона подполковникъ Дыконовъ, командиръ 2-й стрѣлковой роты поручикъ Тарасевичъ, штабъ-капитанъ Стогъ, прапорщики Котлевскій и Бѣларевскій. По одной этой убыли можно судить, сколько пало нижнихъ чиновъ... Не говоримъ уже о раненыхъ. И однако же, несмотря на такой жестокий огонь и на столь существенныя потери старшихъ начальниковъ, наши русскіе воины не смущались, не пали духомъ. Остатки разстрѣливаемыхъ ротъ сами послѣдили собратъся вмѣстѣ, вокругъ подпоручика Шталаова, ставшаго во главѣ этого, по удачному выраженію генерала Драгомирова, «*боевого товарищества*», — и снова бросились отчаянно въ штыки, «на ура» и взяли третій рядъ непріятельскихъ ложементовъ, занятыхъ баннбузками, которые, при видѣ такой беззавѣтной рѣшимости идти прямо на вѣрную смерть—не выдержали и, сипѣнко съѣвъ на копей, заботились только о томъ, какъ бы ускокать поскорѣе.

Въ строю Костромского полка оставалось еще два штабъ-офицера, майоры Косирихъ и Барашевъ. Оба они, главнѣйшимъ образомъ, при существеннѣйшей помощи прекрасныхъ субалтернъ-офицеровъ, привели въ порядокъ послѣ этой послѣдней атаки оставшіяся въ живыхъ горсти геройскихъ ротъ; послѣдній изъ нихъ взял полкъ въ свое командованіе и снова двинулъ его въ наступленіе. Въ виду этой рѣшимости, не знающей ни мѣры, ни предѣловъ,

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что въ виду боя въ знойную пору гораздо предусмотрительнѣе было бы заблаговременно распорядиться, чтобы равны съ шинелями оставить въ обозѣ, на сгалуницкомъ бивуакѣ. Послѣ отступленія Костромского полка, все эти вещи остались въ добычу туркамъ: ихъ невозможно было собрать и вынести изъ ложницъ подъ ужаснымъ огнемъ турокъ, не имѣя въ подсумкахъ уже ни одного патрона.

²⁾ Два батальона Костромского полка наступали правѣе Гривницы, имѣя на своемъ правомъ флангѣ 5-ю батарею и двѣ сотни кубанцевъ, а одинъ лѣвофланговый батальонъ шелъ лѣвѣе этого селенія. При этомъ послѣднемъ батальонѣ, которому надлежало выбить турокъ изъ Гривницы, находился и подковникъ Клейнгаузъ.

³⁾ На высотахъ между Радешевымъ и Плевной насыпанъ былъ тоже окопъ на два орудія, открывавшихъ по временамъ огонь по лѣвому флангу Костромского полка; этотъ послѣдній окопъ находился на мѣстѣ будущаго редута Ибрагимъ-бей-табѣ.

турки, несмотря на свое численное превосходство и массу выпускаемого ими огня, вдруг обратились въ прямое бѣгство и очистили всѣ свои позиціи почти до самаго города. Но здѣсь къ нимъ подоспѣли новыя подкрѣпленія, которыя сдержали бѣгущихъ и совместно съ ними стали передъ городомъ въ густыхъ линіяхъ. Наши достигли одной высоты, покрытой виноградникомъ, и здѣсь остановились на минуту—перевести духъ и осмотрѣться. Патроновъ у насъ уже не было вовсе, да и подвезти ихъ сюда въ скоромъ времени не представлялось ни малѣйшей возможности: слишкомъ далеко и трудно было пробираться колеснымъ ящикамъ. Поэтому пришлось вовсе прекратить стрѣльбу. Въ 5-й батареѣ снаряды тоже были совсѣмъ уже на исходѣ; надо было расходовать ихъ какъ можно экономнѣе, сберегая остатки на крайній рѣшительный случай напора противниковъ. Такимъ образомъ, на нашей линіи и артиллерійскій огонь прекратился; только издали, справа, доносился глухой гулъ канонады у Шильдеръ-Шульднера. А между тѣмъ каждая дальнѣйшая секунда ружейнаго и артиллерійскаго огня противника вырывала изъ малочисленнаго строя костромскихъ батальоновъ свою вѣрную жертву. Потери были слишкомъ велики, и особенно между офицерами. При этомъ положеніи, всѣ хорошо знали, что назади уже нѣтъ никакого резерва, некому ни поддерживать, ни выручать... Все это, послѣ минутнаго раздумья, заставило майора Барашева, взвѣсивъ предварительно всѣ обстоятельства данной минуты и шансы на будущее, гдѣ предстояла лишь одна общая и безцѣльная смерть,—подать сигналъ общаго отступленія. Остатки храбраго полка отступили подъ прикрытіемъ рѣдкаго огня своей 5-й батареи, которая успѣла между тѣмъ подвинуться уже на столько близко къ послѣдней непріятельской позиціи, что поразала турокъ прямо въ ихъ густыхъ линіяхъ. Вообще, нужно сказать, что эта батарея во все время шести-часоваго боя, длившагося съ пяти часовъ по-полуночи до одиннадцати утра, принимала въ сраженіи самое дѣятельное участіе, несмотря на то, что ей приходилось поддерживать огонь непріятельскихъ батарей и съ фронта и съ лѣваго фланга. Она мѣняла позиціи, не отставая отъ пѣхоты, а въ концѣ боя, когда у костромскихъ началось уже общее отступленіе, вынеслась на ихъ правый флангъ и буквально подъ градомъ пулъ старалась остановить огонь непріятельскихъ орудій, направленный на отбитые нами ложементы, которые, шагъ за шагомъ, по неволѣ, уступали противнику слабымъ горсти нашей пѣхоты, вслѣдъ за которыми медленно, но упорно и тоже безъ выстрѣла подвигалась густая цѣпь турокъ.

Теперь, для полной обрисовки положенія, остается сказать о дѣйствіяхъ Кавказской казачьей бригады.

Въ запискѣ генерала Шильдеръ-Шульднера, присланной ночью полковнику Клейнгаузу вмѣсто диспозиціи, была указана только общая цѣль: атаковать Плевну отъ Гривицы; относительно же кавалеріи сказано, что «Кавказская бригада на нашемъ лѣвомъ флангѣ»—и больше ничего. Такимъ образомъ, никакой особенной, специальной цѣли дѣйствій Кавказской бригады указано не было. Стало быть, полковнику Тутолмину оставалось только положиться на обстоятельства, которые сами укажутъ, что нужно дѣлать; поэтому, сообразуясь съ приказаніемъ Шильдеръ-Шульднера, Кавказская бригада, до минуты вступленія въ бой, слѣдовала уступомъ за лѣвымъ флангомъ Костромскаго полка.

Начальные пункты наступленія обоихъ русскихъ отрядовъ, Сгалунцъ и Бресляница, находятся одинъ отъ другого въ разстояніи 17-ти верстъ. Принявъ въ соображеніе количество силъ обоихъ отрядовъ и направленіе ихъ атаки (Шильдеръ-Шульднеръ—на Буковлевскія высоты, Клейнгаузъ—на Гривицу), становилось ясно, что оба отряда, даже дойдя до непосредственной своей цѣли, т. е. до непріятельскихъ позицій, все-таки не сомкнутой другъ съ другомъ, а будутъ отдѣлены одинъ отъ другого, по крайней мѣрѣ, семиверстнымъ разстояніемъ, причемъ лѣвый флангъ бресляницкаго и правый сгалунцкаго отрядовъ на все время боя будутъ безпомощно, такъ сказать, висѣть на воздухѣ. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Турки, въ случаѣ успѣха, легко могли бы войти въ этотъ семиверстный промежутокъ и уничтожить послѣдовательно оба отряда ⁴⁾.

⁴⁾ Подобная попытка съ ихъ стороны и была сдѣлана, когда они стали угрожать пути отступленія Шильдеръ-Шульднера, въ то время какъ его обозы уже вытягивались на бресляницкую дорогу. Къ счастью, казаки 9-го полка выручили. Но реляція боя едва-ли не ошибочно показываетъ, что это случилось послѣ десяти часовъ утра. Наступленіе на бресляницкую дорогу турки повели еще равнѣ половины восьмого часа, въ чемъ убѣждаетъ насъ нижеслѣдующая записка генерала Лашкарева къ полковнику Тутолмину, на которой значится время ея отправленія 8-ю июля, 7 час. 25 мин.: «Немедленно шибко двиньтесь въ тылъ туркамъ, наступающимъ по большой дорогѣ отъ Плевны на Бресляницу. Мы, сколько можемъ, удерживаемъ ихъ. (Подписано) генералъ Лашкаревъ». Эта записка была получена полковникомъ Тутолминымъ только въ два часа пополудни. Въ моемъ разсказѣ о наступленіи турокъ на бресляницкую дорогу, я слѣдовалъ указаніямъ officialнаго донесенія, которое представляетъ это движеніе одной изъ причинъ, побудившихъ генерала Шильдеръ-Шульднера въ половинѣ двѣнадцатаго часа отдать приказаніе объ отступленіи; записка же генерала Лашкарева служитъ доказательствомъ, что турки далеко еще до рѣшительнаго момента боя уже хорошо поняли, въ чемъ заключается самая опасная для атакующаго сторона положенія въ отрядѣ Шильдеръ-Шульднера, и потому обнаружили стремленіе воспользоваться ею. Ясно, что они

Предвидя такую печальную возможность и желая хоть чѣмъ-нибудь обезпечить опасный промежутокъ, полковникъ Тутолминъ приказалъ князю Кирканову направиться съ его двумя сотнями на правый флангъ Костромского полка и, выставивъ въ пустомъ промежуткѣ цѣпь аванпостовъ, связаться ею со звеньями конной цѣпи Шильдеръ-Шульднера¹⁾. Князь Киркановъ, все время шедшій авангардомъ во главѣ Костромского полка, исполнилъ это приказаніе немедленно по прибытіи къ мѣсту дѣйствія, подъ огнемъ непріятеля.

Во время наступленія костромскихъ батальоновъ на Гривиду, полковникъ Тутолминъ, около семи часовъ утра, получилъ отъ полковника Клейнгауза слѣдующую записку: «*Кавказской бригадѣ приказано заходить имъ въ тылъ*». Это была послѣдняя записка, написанная рукою Клейнгауза, который вскорѣ былъ убитъ. Выраженіе «*приказано*», употребленное начальникомъ сгалунцкаго отряда, ясно указывало, что полковникъ Клейнгаузъ служилъ только, такъ сказать, передаточною инстанціею, а что самое приказаніе исходить отъ главноначальствующаго, т. е. отъ генерал-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Такимъ образомъ, цѣль дѣйствій Кавказской бригады была указана ей командиру спустя уже болѣе двухъ часовъ послѣ начатія боя. Зайти въ тылъ дравшихся турецкихъ войскъ съ того пункта, гдѣ находились кавказцы, можно было не иначе, какъ только обходнымъ движеніемъ влѣво, на Радишево; но приказаніе, отданное заочно, не соответствовало условіямъ мѣстности и обстановкѣ данной минуты. Приблизясь по возможности скрытно къ Радишеву, кавказцы открыли, что это село, во-первыхъ, занято турецкой пѣхотой и, во-вторыхъ, лежитъ въ такъ-называемомъ мертвомъ пространствѣ, между двухъ обрывисто крутыхъ лѣсистыхъ скатовъ, среди узкой лощины; поэтому артиллерійскій огонь по Радишеву былъ бы неэффективенъ: деревню даже невозможно было бы и обстрѣливать какъ слѣдуетъ. Дѣйствовать же противъ турецкаго тыла представлялось возможнымъ только тогда, когда

турецкая пѣхота будетъ выбита изъ Радишева, но атаковать это селеніе, благодаря его мѣстоположенію, можно было не иначе, какъ въ пѣшемъ строю, а для этого, имѣя въ виду дальнѣйшую цѣль дѣйствій противъ турецкаго тыла, наличныя силы неполныхъ восьми сотенъ были далеко не достаточны. Во исполненіе воли главноначальствующаго, представлялась одна только возможность дѣйствовать противъ открытаго тыла турецкихъ резервовъ, скопившихся колоннами, въ густыхъ линіяхъ, подъ Плевной, именно — выдвинуть на сосѣднюю съ Радишевымъ возвышенность¹⁾ батарею и бить ихъ шрапнелью съ пятиверстного разстоянія; но у Кавказской бригады имѣлись только 3-хъ-фунтовые горныя пушки, снаряды которыхъ не долетѣли бы и на половину этого пространства. Открыть бесполезный огонь, значило бы — привлечь на себя огонь противника и нести напрасныя потери, такъ какъ новая позиція Кавказской бригады находилась въ сферѣ самаго дѣйствительнаго прицѣльнаго выстрѣла дальнѣйшей турецкой артиллеріи. Ясно, что приказаніе «заходить въ тылъ туркамъ» было отдано по совершенному незнакомству съ мѣстными условіями; но такого знакомства и не могло быть у главноначальствующаго, ни у его начальника штаба, потому что для этого потребовались бы не казачьи предварительныя развѣдки, а обстоятельныя рекогносцировки офицеровъ генеральнаго штаба, на что у командира 9-го корпуса не было ни достаточныхъ средствъ, ни времени, почти всецѣло отданныхъ предъ тѣмъ его главнѣйшей задачею — взятію Никополя²⁾.

Когда полковникъ Тутолминъ увидѣлъ, что костромскіе отступаютъ безъ выстрѣла, преслѣдуемые массами турокъ, то стало уже ясно, что сраженіе проиграно нами. Броситься въ тылъ насѣдающаго врага — повторю — мѣшало Радишево, занятое турецкой пѣхотой, мимо которой нельзя было проскользнуть незамѣченнымъ, да и вообще, дальнѣйшее обходное движеніе требовало не мало времени, въ теченіе котораго остатки Костромского полка, безъ сомнѣнія, были бы окончательно уничтожены. Эти соображенія побудили Тутолмина идти какъ можно скорѣе на выручку костромскихъ батальоновъ и, къ счастью, онъ поспѣлъ въ-время. Первымъ дѣломъ, потребовалось обезпечить перевязочный пунктъ и подборъ раненыхъ, изъ которыхъ тѣ, что могли двигаться сами,

перешли въ наступленіе уже въ половинѣ восьмого часа и тогда же заставили «вытягиваться», т. е. уходить наши обозы по бресляницкой дорогѣ. Если же генералъ Шильдеръ-Шульднеръ считалъ это обстоятельство побудительной причиною къ отступленію въ половинѣ двѣнадцатаго, то значитъ, что лѣвый флангъ его отряда находился въ опасности обхода, по крайней мѣрѣ, съ 7 часовъ 25-ти минутъ (время отправления записки Лашкарева) до 11^{1/2} часовъ утра, т. е. въ теченіе четырехъ часовъ, или говоря иначе, почти во все продолженіе боя, не имѣя за собой съ самаго начала никакого пѣхотнаго резерва.

¹⁾ Независимо отъ этого, къ Шильдеръ-Шульднеру былъ направленъ особый офицерскій развѣдъ, для передачи приказаній и извѣстій къ сгалунцкому отряду и Кавказской бригадѣ.

¹⁾ См. на планѣ мѣсто, обозначенное надписью «Дарскій редутъ».

²⁾ Этотъ пробѣлъ легко могъ бы восполнить строевой отрядъ штаба дѣйствующей арміи еще въ то время, когда Кавказская бригада занимала наблюдательную позицію у Булгареней, съ 23-го по 29-е іюня включительно, такъ какъ въ распоряженіи строевого отряда постоянно находилось достаточное число офицеровъ генеральнаго штаба для особыхъ порученій.

сходились на шоссе, неподалеку от Гривицы, где из них образовалась уже цѣлая толпа, такъ что врачи Костромского полка просто изнемогали, едва успѣвая дѣлать перевязки массѣ страдальцевъ, ожидавшихъ ихъ помощи. Для обезпеченія этой толпы и прикрытія перевязочнаго пункта, полковникъ Тутолминъ выдвинулъ къ Гривицѣ двѣ кубанскія сотни, расположивъ остальной дивизионъ кубанцевъ въ резервъ, на случай поддержки передовыхъ сотенъ; Владикавказскій же полкъ съ Осетинами былъ направленъ на правый флангъ Костромского полка, для охраненія его на случай, если бы турки двинулись въ крайне опасный семиверстный промежутокъ между обоими нашими отрядами¹⁾. Разсчитывать, что съ ихъ стороны такое движеніе воспослѣдуетъ сейчасъ же, было вполне естественно, такъ какъ оно довершило бы плоды побѣды, тѣмъ болѣе, что турки успѣли уже опять занять не только взятый нами окопъ²⁾, но и самую деревню Гривицу, что вполне обезпечивало ихъ правый флангъ и тылъ, на случай предполагаемаго движенія въ упомянутый промежутокъ. Занявъ оставленный нами окопъ, турки открыли въ него рѣдкій артиллерійскій огонь по нашему отряду и перевязочному пункту. Въ это время офицеръ, возвратившійся съ развѣдомъ изъ сѣвернаго отряда, привезъ извѣстіе, что этотъ отрядъ потерпѣлъ неудачу и отступаетъ на Бресляницу, и передалъ приказаніе генерала Шильдеръ-Шульднера командующему сгалуипцкимъ отрядомъ — отступить въ томъ же направленіи... Но при всемъ желаніи исполнить волю главноначальствующаго, это было невозможно. Не говоря уже о томъ, что сгалуипцкій отрядъ былъ слишкомъ обремененъ ранеными, съ которыми пришлось бы совершать фланговое движеніе мимо неприятеля, но въ Сгалуипцѣ оставались обозы и паркъ, тамъ же нарочно посланная команда уже собирала подводы для дальнѣйшей перевозки раненыхъ и, наконецъ, туда же была уже отправлена, еще во время боя, первая партія раненыхъ. Исполняя предписаніе генерал-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, пришлось бы все это бросить на жертву туркамъ и, кромѣ того, совершенно открытъ для нихъ плменно-ручужное шоссе, не только до нашей коммуникаціонной ситово-тырновской линіи, но и вплоть до городка Бѣлы, гдѣ въ то время находилась императорская квартира. Письменный отвѣтъ, съ изложеніемъ причинъ, препятствующихъ исполнить желаніе Шильдеръ-

Шульднера, былъ тогда же посланъ къ нему отъ полковника Тутолмина, который на слѣдующій день получалъ полное одобреніе своихъ дѣйствій и мѣропріятій со стороны начальника 5-й пѣхотной дивизіи.

Когда вестройныя кучки Костромского полка, подъ прикрытіемъ Кавказской бригады, отошли къ Паладской рощѣ³⁾, гдѣ офицеры, несмотря на гранатный огонь, успѣли привести ихъ въ полный порядокъ, у нашей 5-й батареи всѣ снаряды были уже израсходованы. Положеніе становилось крайне критическимъ: на рукахъ масса раненыхъ и ни одного патрона, ни одного артиллерійскаго заряда... Все, что можно было удѣлять изъ кавказскихъ сотенъ, было послано въ помощь санитарамъ, подбирать раненыхъ; врачи Кавказской бригады охотно раздѣляли трудъ своихъ товарищей Костромского полка и, благодаря имъ, дѣло врачебной помощи, пошло быстрѣе. Всѣхъ раненыхъ, успѣвшихъ обрѣстись сюда съ поля сраженія, оказалось до 240 человекъ и въ томъ числѣ 17 офицеровъ⁴⁾. Лазаретныя линейки были переполнены людьми съ наиболѣе тяжелыми раненіями, а кромѣ этихъ четырехъ-пяти линеекъ въ наличности не было никакихъ повозокъ. Пришлось разсадить раненыхъ на лафеты, на передки, на ящики, — но и этихъ средствъ было недостаточно; тогда казаки отдали своихъ лошадей тѣмъ, которые могли держаться въ сѣдлѣ, и вели ихъ въ поводу за лазаретными линейками; люди же съ наиболѣе легкими раненіями, старались брести сами, пѣшкомъ, опираясь на ружье или на руку товарища.

Уцѣлѣвшія части Костромского полка, за неимѣніемъ патроновъ, не могли послужить прикрытіемъ транспорту раненыхъ; ихъ самимъ надо было прикрывать — и эту обязанность приняли на себя кавказскіе казаки. Оставаясь съ аванпостами въ виду противника, они дали время прикрываемымъ отойти на значительное разстояніе, и только послѣ этого, подъ завѣсомъ своихъ собственныхъ ведетовъ, медленно двинулись къ Сгалуипцу. Это было уже въ раннія сумерки, когда огонь турецкихъ орудій давалъ замѣтные отблески. На половинѣ пути къ Сгалуипцу, казаки, посланные для сбора подводъ, донесли полковнику Тутолмину, что подводы, на сколько было возможно, собраны и ждутъ на мѣстѣ, что чрезъ Сгалуипцъ бѣгутъ массы окрестнаго болгарскаго населенія и что начальники парка и обозовъ, прослышавъ отъ болгаръ о наступленіи турокъ на Гривицу и Сгалуипцъ, снялись съ бивуака и спѣшно пошли въ Турскій Трестеникъ. Без-

¹⁾ Кубанскій дивизионъ князя Кирканова, находившійся на правомъ флангѣ Костромского полка, замѣтивъ въ 11 часовъ утра отступленіе сего послѣдняго, тотчасъ же выдвинулся впередъ и заключилъ собой сборный пунктъ пѣхоты, до прибытія Владикавказскаго полка, который и сталъ въ резервъ за дивизиономъ князя Кирканова.

²⁾ Т. е. будущій Гривицкій редутъ.

³⁾ Эта роща на русской 10-ти-верстной картѣ ошибочно обозначена кружкомъ съ надписью Палацъ. Такого селенія нѣтъ, а есть роща, называемая Палацъ.

⁴⁾ Это въ одномъ только Костромскомъ полку.

спорно, что на обязанности командира парка лежала забота о сохранении вверенной ему части, но уйти съ *позиции*, не получив на то приказаний отъ командующаго отрядомъ и зная, что отрядъ, послѣ горькаго боя, не можетъ не нуждаться въ патронахъ и снарядахъ—уйти, не выждавъ приближенія отряда и не справясь предварительно, куда именно уходить—было, во всякомъ случаѣ, слишкомъ преждевременно: отрядъ, оставленный безъ зарядовъ, не могъ бы оказать защиты и парку, куда ни уйдя онъ, въ случаѣ настойчиваго преслѣдованія. А между тѣмъ, этотъ самовольный уходъ вынудилъ усталый, голодный, измученный физически и нравственно отрядъ остановиться въ Сгалуницѣ только для того, чтобы перемѣстить раненыхъ на подводы и среди густыхъ потемокъ двигаться ночью еще десять верстъ до Турскаго Трестеника, гдѣ начальникъ парка успѣлъ уже разстрѣлять двухъ турецкихъ поселанъ, основываясь на показаніяхъ болгаръ, что эти турки хотѣли прорваться къ своимъ войскамъ и дать имъ знать о беззащитномъ положеніи парка.

Такъ окончилось первое несчастное для насъ дѣло 8-го іюля. Причины неудачи были и общія, и частныя. Къ числу послѣднихъ относятся: 1) отсутствіе ясной диспозиціи, 2) незнакомство сѣвернаго отряда съ мѣстностью, 3) разбросанность и разединеніе наступающихъ отрядовъ, вслѣдствіе чего и образовался между ними семиверстный промежутокъ, 4) отсутствіе въ сѣверномъ отрядѣ достаточнаго резерва, 5) пренебреженіе къ подготовкѣ боя артиллерійскимъ огнемъ, 6) атака вопреки смыслу предписанія командира 9-го корпуса, который разрѣшалъ *занять* Плевну, если къ тому не встрѣтится *особаго препятствія*, въ противномъ же случаѣ отойти къ Бреславицѣ; особое же препятствіе выяснилось еще наканунѣ: кромѣ неудачнаго столкновенія съ турками самого Шильдеръ-Шульднера, ему не могли не быть извѣстны и результаты рекогносцировки кубанцевъ, обнаружившей присутствіе подъ Плевной весьма значительныхъ лагерей, а также показанія бѣжавшихъ плевненскихъ жителей о присутствіи въ ихъ городѣ свыше двадцати-тысячной арміи Османа, пришедшей къ Плевнѣ 6-го іюля. Къ частной нераспорядительности покойнаго Клейнгауза должно отнести то, что онъ не приказалъ снять ранцы въ Сгалуницѣ, при обозѣ, вслѣдствіе чего Костромской полкъ остался и безъ сухарей, и безъ вещей, а также и то, что не велѣлъ придвинуть нѣсколько ближе къ мѣсту боя хотя бы нѣкоторую часть артиллерійскаго парка. Наконецъ, общія причины неудачи надо искать въ малочисленности войскъ дѣйствующей арміи, которыхъ не хватало сразу на удовлетвореніе необходимѣйшимъ стратегическимъ задачамъ по переходѣ

за Дунай, но еще болѣе того—въ высокоумѣнно-презрительномъ отношеніи нашемъ къ своему противнику, который—кто его знаетъ почему—баловалъ насъ доселѣ слишкомъ легкими побѣдами.

«Сраженія 7-го и 8-го іюля не кончились занятіемъ Плевны — пишетъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ въ своемъ донесеніи великому князю главнокомандующему—но я считаю своей священной обязанностью заявить, что въ этомъ виноваты не войска ввереннаго мнѣ отряда, а слишкомъ большая несоразмѣрность силъ нашихъ съ силами непріятеля. Девять неполныхъ батальоновъ, раздѣленныхъ притомъ на два отряда, дѣйствовали (какъ это оказалось впоследствии) противъ сорока турецкихъ таборовъ и, сверхъ того, шести тысячъ турокъ, составлявшихъ первоначальный гарнизонъ Плевны, на мѣстности, въ высшей степени благоприятствующей для обороняющагося, и притомъ сильно укрѣпленной ложечками и крупновскими орудіями, прикрытыми земляными насыпями. И солдаты, и офицеры вели себя въ эти два дня боя безукоризненно: они сдѣлали все, что могутъ сдѣлать самыя доблестныя войска. Оставаясь двое сутокъ безъ пищи, они шли впередъ подъ градомъ пуль и картечи, прокладывая себѣ путь огнемъ и штыкомъ, пока половина изъ нихъ не осталась на мѣстѣ, потерявъ 65 штабъ и оберъ-офицеровъ¹⁾. По совѣсти, можно смѣло гордиться подобными войсками, которыя не считаютъ враговъ и не знаютъ отступленія, пока имъ этого не прикажутъ. Они — прибавляетъ въ заключеніе генералъ Шильдеръ-Шульднеръ—сдѣлали свое дѣло молодецки и заслуживаютъ самое полное, горячее спасибо».

XLIV.

Второе сраженіе подъ Плевной, 18-го іюля.

Стратегическое значеніе Плевны и булгаренской позиціи.—Мѣропріятія барона Криденера.—Какъ представлялось въ Тырновѣ положеніе дѣлъ подъ Плевной.—Отправка подкрѣпленій съ княземъ Шаховскимъ.—Вопросъ о главномъ началствованіи.—Военное совѣщаніе 14-го іюля въ Бреславицѣ и донесеніе о немъ барона Криденера.—Передвиженіе войскъ 9-го корпуса.—Военное совѣщаніе 17-го іюля въ Порадицѣ.—Вумага изъ строевого отдѣла штаба арміи.—Диспозиція для боя.—Расположеніе турецкихъ силъ.—Дѣйствія генерала Скобелева 2-го.—Дѣйствія въ отрядѣ князя Шаховскаго.—Атаки генерала Горшкова.—Крайняя необходимость въ подкрѣпленіяхъ.—Роль Коломенскаго полка.—Окончаніе боя въ отрядѣ князя Шаховскаго и его отступленіе.—Дѣйствія правофланговаго отряда.—Гривичій речутокъ.—Неизвѣстность о ходѣ дѣла на лѣвомъ флангѣ.—Недоумѣніе, вслѣдствіе замѣчаемыхъ признаковъ уклоненія боя у князя Шаховскаго

¹⁾ Т. е. 74 штабъ и оберъ-офицера.

вѣтѣ. — Записка барона Криденера къ князю Шаховскому. — Атака войскъ 9-го корпуса для поддержанія лѣвофлангового отряда. — Усилія атакующихъ овладѣть Гриничкимъ редутомъ. — Нарастованіе силъ резерва и невозможность подать дальнѣйшую помощь князю Шаховскому. — Отступленіе барона Криденера и отданныя имъ распоряженія. — Наши потери и дѣятельность перевязочныхъ пунктовъ. — Поведеніе въ бою войскъ и нѣкоторые случаи отдѣльныхъ подвиговъ. — Причины нашей вторичной неудачи подъ Плевной.

Горный-Студень, 7-го августа.

Неудача перваго плевненскаго дѣла еще настоятельнѣе выказала важность и опасность для насъ Плевны, какъ стратегическаго пункта откуда турки, если бы вздумали перейти въ наступленіе, то могли бы самымъ серьезнымъ образомъ угрожать и Тырнову, и Систоу, т. е. нашей главной коммуникаціонной линіи въ Болгаріи, и нашему, въ то время еще единственному, мосту на Дунаѣ ¹⁾. Эта опасность очень живо почувствовалась генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ тотчасъ послѣ его пораженія, и потому еще въ шесть часовъ пополудни 8-го іюля, въ отвѣтъ на донесеніе полковника Тутолмина о невозможности отступить на Бресляниццу, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ прислалъ ему записку, гдѣ излагалось, что если онъ, Тутолминъ, съ 19-мъ (т. е. Костромскимъ) полкомъ еще находится въ Сгалауцѣ или вообще на рушукско-плевненскомъ шоссе, то ему слѣдуетъ «ойти съ 19-мъ полкомъ къ селу Булгарени, за мостъ, *который надо защищать*» ²⁾. Эта записка ясно указываетъ, что генералъ Шильдеръ-Шульднеръ вполне созналъ важность болгарской позиціи и крайнюю необходимость удержать ее за собой, какъ единственный опорный пунктъ на всемъ пути отъ Плевны до систово-тырновской дороги, и что вызванное безвыходной необходимостью отступленіе Тутолмина на Сгалауцъ было гораздо цѣлесообразнѣе въ стратегическомъ смыслѣ, чѣмъ отступленіе на Бресляниццу, какъ сперва предписывалъ было ему Шильдеръ-Шульднеръ.

Предполагаемая возможность наступленія Османа-паши на нашу коммуникаціонную линію побудила барона Криденера тотчасъ же стянуть къ окрестностямъ Плевны всѣ войска его корпуса, за исключеніемъ лишь тѣхъ частей, которая имѣли особыя назначенія ³⁾.

¹⁾ Второй систово-аймвникій мостъ, равно какъ и мостъ у Никополя еще не были готовы; на нижнедунайскій же мостъ, отдѣленный отъ главныхъ силъ нашей арміи слишкомъ обширной и еще непокоренной территоріей, конечно, невозможно было рассчитывать нашимъ главнымъ силамъ въ средней Болгаріи ни въ какихъ обстоятельствахъ ранѣе покоренія Рушукъ, Туртукая, Силистрии и обложенія Шумлы.

²⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

³⁾ Какъ напрямикъ: для обороны систово-аймвниккаго моста (Воронежскій полкъ) и для содер-

Получивъ въ ночь съ 8-го на 9-е число вполнѣ опредѣленное свѣдѣніе о неудачномъ исходѣ атаки и сдѣлавъ о томъ донесеніе великому князю главнокомандующему, баронъ Криденеръ, на разсвѣтѣ 9-го іюля, выступилъ съ корпусными штабомъ изъ Никополя и перешелъ въ Бресляниццу, гдѣ, осмотрѣвъ войска Шильдеръ-Шульднера и занятую ими позицію, сталъ на бивуакъ у Четырехъ Колодцевъ, въ разстояніи четырехъ верстъ отъ бресляницкой позиціи.

Баронъ Криденеръ, отправляя изъ Никополя донесеніе въ главную квартиру, признавалъ, что одинъ 9-й корпусъ, далеко неполный и притомъ съ частями, уже потерпѣвшими значительный уронъ при взятіи Никополя и подъ Плевной, окончательно недостаточенъ для вторичной попытки взять Плевну; поэтому, указывая главной квартирѣ на серьезный характеръ быстро создававшихся плевненскихъ укрѣпленій, а также и на количество силъ Османа-паши, баронъ Криденеръ настоятельно просилъ о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленій. Въ средѣ нѣкоторыхъ лицъ строевого отдѣла штаба арміи, въ то время естественно находившихся еще подъ впечатлѣніемъ легко достигнутыхъ первоначальныхъ успѣховъ этой войны, преобладало убѣжденіе, что «старикъ» Криденеръ слишкомъ уже остороженъ, слишкомъ опасается какъ бы не уронить свою репутацию покорителя Никополя и потому, вѣроятно, склоненъ «преувеличивать» силы и средства турокъ, которыхъ тамъ нѣтъ, да и быть не можетъ ⁴⁾. Но лично великій князь главнокомандующій, взглянувъ на это дѣло гораздо серьезнѣе, рѣшилъ послать барону Криденеру просимую помощь, и съ этой цѣлью

жанія гарнизона въ Никополь, гдѣ, до вступленія въ крѣпость румынъ, была оставлена одна бригада, на смѣну которой были посланы Костромской полкъ, какъ наиболѣе потерпѣвшій въ дѣлѣ 8-го іюля. Войска 9-го корпуса придвинулись къ Плевнѣ 9-го іюля, къ ночи.

⁴⁾ Слѣпо предполагать, что въ строевомъ отдѣлѣ штаба въ это время, вѣроятно, имѣлось не совсемъ точное представленіе о положеніи дѣлъ подъ Плевной. Такъ можно думать на основаніи бумажки, посланной, за подписью генерала Левинскаго, изъ Тырнова 13-го іюля въ семь часовъ вечера. Бумажка эта сообщала командиру Кавказской бригады предписаніе «выдвинуться впередъ и очистить отъ непріятельскихъ партій все пространство впереди р. Осмы, южнѣе шоссе, *до Плевны* и держаться болѣе впереди». *Партій*, прогнанныхъ еще ранѣе, а именно, съ 23-го по 30-е іюня, на указанномъ пространствѣ въ данное время не было уже никакихъ, а была цѣлая 60-ти тысячная армія Османа, расположенная подковообразно впереди Плевны—отъ Опонца, черезъ Буковлекъ (онъ же и Букова Липа) на Гриницу Радишево и далѣе къ западу. Впрочемъ, въ заключеніе означеннаго предписанія пояснялось, что такое направленіе дѣйствій указываетъ Кавказской бригадѣ «*особо*» и что имъ «не отнимаются тѣ приказанія, которыя, можетъ быть, уже получены отъ прямого начальства».

подъ Плевну были двинуты подкрѣпленія, во-первыхъ: съ юго-восточнаго фронта, изъ-подъ Кесарева, отъ 11-го корпуса князя Шаховскаго, и во-вторыхъ, изъ-подъ Сисова (собственно изъ села Павло), отъ 4-го корпуса генералъ-лейтенанта Зотова, — всего въ количествѣ трехъ бригадъ пѣхоты и одной бригады кавалеріи, при соответственномъ числѣ орудіи ¹⁾, подъ общимъ начальствомъ князя Шаховскаго. Кромѣ того, для установленія связи между расположениемъ 9-го корпуса и главными силами арміи, а также для развѣдки силъ противника, находящагося у Плевны, и для прикрытія путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу, 10-го іюля сформированъ особый кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го. Въ составъ сего послѣдняго отряда вошла и Кавказская казачья бригада ²⁾.

¹⁾ Изъ состава 11-го армейскаго корпуса: 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи (полки: Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій) съ 18-й конной и 8-й доносной батареями (12 орудіи) и 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи (полки: 125-й Курскій и 126-й Рымскій) съ 1-ю, 3-ю и 4-ю батареями 32-й артиллерійской бригады (24 орудіи).

Изъ состава 4-го армейскаго корпуса: 30-я пѣхотная дивизія (полки: 117-й Ярославскій, 118-й Шуяскій, 119-й Коломенскій и 120-й Серпуховскій) съ 30-й артиллерійской бригадой (48 орудіи).

Итого: 18 батальоновъ, 8 эскадроновъ и 84 орудіи, изъ числа коихъ 40 орудіи 9-ти-фунтовыхъ.

²⁾ Въ извѣщеніи о сформированіи сего отряда, которое было послано изъ строевого отдѣла штаба арміи командиру Кавказской бригады 10-го іюля за № 783, — полковнику Тутолмину поставляется на видъ, что отрядъ учреждается „для установленія связи между расположениемъ 9-го армейскаго корпуса и главныхъ силъ арміи, потерянной съ выходомъ командующей нашими высокоблагородіемъ бригады изъ Плевны къ Никополю“, и затѣмъ, по указаніи дальнѣйшихъ пѣлей вновь учреждаемаго отряда, поименовывающихся части, изъ коихъ онъ долженъ состоять, а именно: Кавказская казачья бригада, 3-я сотня Владикавказско-Осетинскаго полка и отрядъ полковника Бакалова (т. е. тотъ самый, что занималъ до 15-го іюля Ловчу, состоя изъ двухъ сотенъ 23-го и двухъ сотенъ 30-го донскихъ казачьихъ полковъ, при двухъ орудіяхъ 6-й донской батареи), каковой отрядъ и подчиняется свиты его величества генералъ-майору Скобелеву, „для единства дѣйствій“, какъ сказано въ упомянутомъ извѣщеніи. Тутъ, очевидно, вкралось въ которое недоразумѣніе. Не говоря уже о томъ, что 3-я сотня Владикавказско-Осетинскаго полка, подчиненная непосредственно начальнику Кавказской бригады, входитъ въ составъ новаго отряда вмѣстѣ съ этой бригадой, но какъ бы совершенно самостоятельная часть (такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ буквального смысла бумаги), главное недоразумѣніе заключается вотъ въ чемъ: первая пѣль вновь учреждаемаго отряда имѣетъ въ виду возстановленіе потерянной связи между 9-мъ корпусомъ и главными силами, причемъ потеря связи поставляется косвеннымъ образомъ какъ бы въ упрекъ полковнику Тутолмину. Но, въ сущности, едва ли можно обвинять въ этомъ командира Кавказской бригады, такъ

10-го іюля баронъ Криденеръ получилъ изъ полевого штаба арміи извѣщеніе о томъ, что къ Плевнѣ направлены въ подкрѣпленіе двѣ бригады пѣхоты и бригада кавалеріи подъ общимъ начальствомъ князя Шаховскаго. Вслѣдствіе этого баронъ Криденеръ тогда же спросилъ телеграммой главную квартиру, кому будетъ поручено общее начальство надъ всѣми войсками, назначенными дѣйствовать противъ Плевны?

Спустя сутки, командиромъ 9-го корпуса было получено изъ полевого штаба арміи новое извѣщеніе, о посылкѣ на подкрѣпленіе его еще одной бригады пѣхоты, а на другой день послѣ этого до него дошли свѣдѣнія, что Костромской пѣхотный полкъ, находившійся у Булгареней, получилъ нѣкоторые приказанія

какъ 25-го іюня ему было приказано командиромъ 9-го корпуса держать связь съ ~~передовымъ отрядомъ~~ генерала Гурко, и для сохраненія этой связи онъ сдѣлалъ все, что было въ его возможности, отправляя два раза по цѣлой полусотнѣ въ Тырново и Сельви, а именно: въ первый разъ, 30-го іюня, полусотню 3-й сотни Владикавказско-Осетинскаго полка съ сотникомъ Верещагинимъ, который, являсь 30-го же числа въ Тырново, уже не нашелъ тамъ передового отряда, а встрѣтилъ главную квартиру, и оттуда былъ посланъ 2-го іюля въ Сельви, гдѣ находилась сотня 30-го донского полка, входившая въ составъ ~~передового отряда~~ генерала Гурко; сотнику Верещагину велѣно было держать связь съ Кавказской бригадой и Габровымъ, гдѣ находились части 30-го донского полка. Это и было исполнено, и именно ради этой цѣли послана въ Сельви 5-го іюля вторая полусотня той же 3-й сотни. О сохраненіи же связи съ ~~главными силами~~ начальникъ Кавказской бригады ни откуда не получалъ приказанія. Самое назначеніе 3-ей сотни, какъ самостоятельной части, въ составъ вновь учреждаемаго отряда указываетъ, что строевому отдѣлу штаба было извѣстно мѣсто ея нахождения, а въ такомъ случаѣ не могла не быть извѣстной и цѣль, ради которой эта сотня была въ два пріема выслана командиромъ Кавказской бригады. Стало бытъ, подъ потерей связи надо разумѣть отсутствіе дальнѣйшихъ отправокъ частей Кавказской бригады къ Тырнову въ періодъ времени съ 5-го по 10-е іюля. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что наличность бригады у полковника Тутолмина во все это время колебалась между шестью и восемью сотнями, за постоянными откомандировками прочихъ, по требованіямъ ближайшаго начальства. Ослаблять себя дальнѣйшими выдѣлами частей полковникъ Тутолминъ не могъ, въ виду предстоящаго 8-го числа боя, а 9-го числа, до подхода къ ночи силъ 9-го корпуса, на немъ лежала охрана булгаренскаго моста и отправка раненыхъ Костромскаго полка (до 100 подводъ).

Въ той же бумагѣ отъ 10-го іюля, за № 783, упоминается о выходѣ Кавказской бригады изъ Плевны. Если это не описка лица, составляющаго бумагу, то позволительно думать, что тутъ опять недоразумѣніе, вслѣдствіе того, что въ строевомъ отдѣлѣ штаба, вѣроятно, не составилось еще точнаго представленія о положеніи дѣлъ подъ Плевной. Кавказская бригада въ Плевнѣ не была, а потому не могла и выходить изъ Плевны. Но... это уже дѣло будущаго историка войны — разъяснить, отчего могло произойти такое неточное

отъ князя Шаховскаго ⁴⁾. Изъ этого обстоятельства баронъ Криденеръ вывелъ заключение, что, стало быть, князь Шаховской назначенъ главноначальствующимъ надъ всеми войсками, сосредоточенными подъ Плевной; но такъ какъ относительно этого назначения онъ до сихъ поръ еще не получилъ никакого увѣдомленія изъ полевого штаба арміи, то и счелъ нужнымъ послать 12-го юля вторичную телеграмму на имя главнокомандующаго, проси разрешити въ точномъ смыслѣ вопросъ объ общемъ командованіи надъ плевненскими отрядами. При этомъ надо замѣтить, что телеграфная переписка между барономъ Криденеромъ и штабомъ арміи шла круглымъ путемъ, чрезъ Турну-Магурелу, такъ какъ штабъ 9-го корпуса не былъ соединенъ съ Тырновымъ проволокой военно-походнаго телеграфа, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи телеграфнаго парка; естественно, что доставка депешъ, посредствомъ нарочныхъ казаковъ до Никополя, а оттуда чрезъ Дунай въ Румынію, и обратно тѣмъ же путемъ къ Четыремъ Колодцамъ, требовала значительнаго времени, вслѣдствіе чего и происходило замедленіе въ сношеніяхъ

съ полевымъ штабомъ по самымъ важнѣйшимъ вопросамъ.

13-го юля, къ барону Криденеру, на бивуакъ у Четырехъ Колодцевъ, пріѣхалъ изъ Бресляницы генераль-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ съ состоящимъ при штабѣ 11-го корпуса генеральнаго штаба подполковникомъ графомъ Келлеромъ, который былъ посланъ княземъ Шаховскимъ къ Шильдеръ-Шульднеру съ приказаніями. Командуя частью, входящей въ составъ 9-го корпуса, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ считалъ себя въ непосредственномъ подчиненіи командиру онаго, отъ котораго и получалъ прямые приказанія, а потому, въ виду приказаній, привезенныхъ графомъ Келлеромъ отъ командира 11-го корпуса, просилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ барону Криденеру для разъясненія этого недоразумѣнія. Баронъ Криденеръ отвѣчалъ имъ, что, судя по приказаніямъ, полученнымъ отъ командира 11-го корпуса Костромскимъ полкомъ, Кавказской бригадой и, наконецъ, теперь генераль-лейтенантомъ Шильдеръ-Шульднеромъ, надо думать, что главное начальствованіе надъ всеми плевненскими вой-

представленіе: оттого ли, что штабъ 9-го корпуса не посылалъ своевременно увѣдомленій въ Тырново, или же по какой-либо иной причинѣ? Повидимому, это мелочи, но я позволяю себѣ думать, что въ событіи столь громадной важности, какъ „второй Плевна“, никакая мелочь не должна быть упущена, если она такъ или иначе можетъ помочь разъясненію дѣла.

⁴⁾ Данные для изложенія обстоятельствъ, предшествовавшихъ бою, а равно и самаго боя, очерчены мной, кромѣ официальныхъ документовъ и устныхъ разсказовъ непосредственныхъ участниковъ дѣла, еще изъ матеріаловъ и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ, по моей личной просьбѣ, лицами наиболѣе посвященными въ ходъ дѣла какъ въ отрядѣ барона Криденера, такъ и въ отрядѣ князя Шаховскаго, которымъ и привожу за это мою почтительную благодарность. Свѣдѣнія эти во многомъ восполняютъ общую картину „второй Плевны“, хотя и не всегда вполне согласуются между собой, какъ-напримѣръ въ данномъ случаѣ: первый источникъ указываетъ, что до барона Криденера дошли свѣдѣнія о полученіи Костромскимъ полкомъ приказаній отъ князя Шаховскаго; по второму же источнику—ни князь Шаховской и никто въ штабѣ 11-го корпуса не предъавлялъ собственно къ Костромскому полку такихъ требованій, которыя нарушали бы его прямую подчиненность. Не позволяя себѣ ни малѣйшимъ образомъ вдаваться въ критическую оцѣнку того и другого источника и поставивъ себѣ скромной задачей отнюдь не выходить изъ рамокъ простого безпристрастнаго описанія событія, на основаніи имѣющихся у меня данныхъ,—я смѣю надѣяться, что не навлеку на себя ни съ чьей стороны нареканій, если, въ случаѣхъ несогласованія между собой того и другого источника, буду отмѣчать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ то, въ чемъ именно они не согласуются. Что же касается даннаго случая о Костромскомъ полкѣ, то надо думать, что причиною возникшаго относительно его недоразумѣнія послужила, вѣроятно, слѣдующая

записка начальника штаба 11-го корпуса къ командиру Кавказской бригады, отъ 12-го юля:

„Штабъ 11-го армейскаго корпуса. Командиръ корпуса сегодня прибываетъ въ Гаусмагала ^{*)} (Булгарени). Его сіятельство приказалъ перейти ввѣренной вамъ бригадѣ изъ Булгарени къ Караачъ Бугарски ^{**)} сегодня же и стать тамъ на ночлегъ въ связи съ 1-й бригадой 11-й кавалерійской дивизіи.

„Костромской пѣхотный полкъ оставить на мѣстѣ. „Въ Караачъ Бугарски получите дальнѣйшія распоряженія. Всѣ свѣдѣнія, которыя получите съ юга (къ Ловчѣ) и съ сѣвера (къ Брислану) ^{***)} присылайте немедленно командиру корпуса въ Гаусмагала.

„Оставьте въ Гаусмагалѣ краткое свѣдѣніе о составѣ вашего отряда.

Начальникъ штаба полковникъ Вискупекіа ⁴⁾.

Кромѣ фразы „Костромской пѣхотный полкъ оставить на мѣстѣ“, къ этому полку въ штабѣ 11-го корпуса, — по свѣдѣтельству источника, изъ коего я заимствую свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отряда князя Шаховскаго,—не предъавлялось никакихъ болѣе требованій, и самое упоминаніе объ оставленіи его на мѣстѣ было сдѣлано именно потому, что на него не могли простираться распоряженія командира 11-го корпуса, такъ какъ этотъ полкъ находился у Булгареней по распоряженію начальства 9-го корпуса и временно состоялъ въ вѣдѣніи командующаго булгаренскимъ отрядомъ полковника Тутолмина. Относительно же Кавказской казачьей бригады, князь Шаховской счелъ себя вправе распоряжаться, на основаніи сдѣланнаго ему въ главной квартирѣ сообщенія, что эта бригада войдетъ въ составъ его отряда ^{****)}.

^{*)} Т. е. Чаушка-Махала.

^{**)} Т. е. Карагачъ Болгарскій.

^{***)} Т. е. Бресляница.

^{****)} Письменнаго предписанія о подчиненіи 11-му корпусу, а равно и объ отчисленіи отъ 9-го корпуса — Кавказская бригада, по свѣдѣтельству полковника Тутолмина, ни до, ни послѣ этого времени ни отъ кого не получала.

сками вѣрено князю Шаховскому; затѣмъ объяснилъ, что онъ, баронъ Криденеръ, уже дважды посылалъ въ главную квартиру телеграммы о разрѣшеніи этого вопроса, но до сихъ поръ еще не имѣетъ оттуда никакого отвѣта, а потому и не можетъ разъяснить Шильдеръ-Шульднеру его недоразумѣнія. Въ то самое время, какъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ и графъ Келлеръ находились еще у барона Криденера, пришла наконецъ изъ штаба арміи отвѣтная телеграмма, въ которой сообщалось, что общее начальство надъ войсками подъ Плевной поручается барону Криденеру, какъ старшему по службѣ. Телеграмму эту баронъ Криденеръ тутъ же показалъ графу Келлеру, который, въ объясненіе приказаній, отданныхъ командиромъ 11-го корпуса частямъ 9-го корпуса, заявилъ, что это случилось только потому, что князь Шаховской не зналъ о предоставленіи главнаго начальствованія барону Криденеру¹⁾. Тогда баронъ Криденеръ послалъ съ графомъ Келлеромъ приглашеніе князю Шаховскому пріѣхать на бресляницкій бивуакъ для совѣщанія, каковое назначается завтра, 14-го іюля, въ 9 часовъ утра, о чемъ оповѣщены и всѣ командиры частей 9-го корпуса.

По пріѣздѣ князя Шаховскаго, обрисовавъ общее положеніе дѣлъ, выясненное произведенными доселѣ рекогносцировками, затѣмъ изложивъ послѣднія свѣдѣнія о силахъ противника, о его расположеніи на плевенскихъ позиціяхъ и сопоставивъ съ ними числовыя данныя нашихъ силъ (менѣе 27-ми тысячъ штыковъ противъ 60-ти тысячъ), начальникъ 9-го корпуса предложилъ присутствующимъ вопросъ: возможно ли при такихъ условіяхъ атаковать Плевну?—отвѣтомъ на это было общее, единодушное «нѣтъ». Тогда было составлено особое офиціальное донесеніе, въ которомъ, послѣ изложенія данныхъ, представленныхъ на обсужденіе начальниковъ частей 9-го корпуса, баронъ Криденеръ извѣщалъ главную квартиру, что по ихъ единогласному рѣшенію, атака Плевны признана невозможной, но что если бы, несмотря на это, послѣдовало приказаніе атаковать, то онъ, баронъ Криденеръ, считаетъ восточную и юго-восточную стороны доступнѣе сѣверной. Эта бумага была въ тотъ же день къ вечеру послана въ

Тырново съ прибывшимъ оттуда адъютантомъ начальника штаба дѣйствующей арміи, Кавалергардскаго полка корнетомъ Хвощинскимъ, а святая съ нея копія отправлена къ государю императору въ Бѣлу, съ адъютантомъ командира 9-го корпуса, ротмистромъ Венкешевымъ. Въ этотъ день (14-го) князь Шаховской стоялъ въ деревнѣ Чаушка Махала, противъ Булгареней, на нагорномъ (правомъ) берегу Осмы, а кавалерійская бригада генералъ-майора Татищева²⁾ была выдвинута въ Порадимъ.

Чтобы сблизиться съ войсками князя Шаховскаго и, согласно указанію полевого штаба арміи, имѣть свой тылъ на плевно-рушукскомъ шоссе (т. е. у Булгареней), баронъ Криденеръ 16-го іюля перевелъ свою пѣхоту съ бресляницкой позиціи къ Турскому Трестенику, оставивъ на плевно-никопольской дорогѣ, близъ селенія Челисофатъ, два полка кавалеріи съ конной артиллеріей (бригада генерала Лашкарева). Вместе съ тѣмъ, желая имѣть въ своемъ распоряженіи, по возможности, больше войскъ, онъ далъ приказаніе Костромскому полку (разстроеному боемъ 8-го числа) перейти въ Никополь, на смѣну частей 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, а этимъ послѣднимъ немедленно слѣдовать въ село Кююловцы.

16-го числа, по прибытіи барона Криденера въ Турскій Трестеникъ, былъ доставленъ изъ Турну-Магурели телеграфный отвѣтъ великаго князя главнокомандующаго на бумагу, посланную 14-го съ корнетомъ Хвощинскимъ. Этотъ краткій отвѣтъ заключался въ четырехъ словахъ: «Одобряю вашъ планъ атаки», что и было сочтено барономъ Криденеромъ какъ бы за приказаніе атаковать Плевну. Но все-таки оставалось еще мѣсто нѣкоторому сомнѣнію, такъ какъ прямое приказанія атаковать въ телеграммѣ не было³⁾.

На основаніи этой телеграммы, баронъ Криденеръ просилъ князя Шаховскаго собрать 17-го іюля начальниковъ частей его отряда въ Порадимъ, куда и самъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ со свиты его величества генералъ-майоромъ княземъ Имеретинскимъ. По изложеніи тѣхъ же данныхъ, какія были представлены начальникамъ частей 9-го корпуса на бресляницкомъ совѣщаніи 14-го числа, баронъ Криденеръ обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: готовы ли они атаковать? На это послѣдовалъ отвѣтъ, что если прикажутъ, то конечно да. Тогда баронъ Криденеръ, на сло-

¹⁾ Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что князь Шаховской ни одной минуты не сомнѣвался въ своей подчиненности командиру 9-го корпуса, какъ старшему въ чинѣ, и если бы могъ принять общее начальство, то развѣ въ томъ только случаѣ, когда баронъ Криденеръ не находился бы на мѣстѣ. Что же касается до приведенныхъ здѣсь словъ графа Келлера, то лично отъ него я ихъ не слышалъ, но они находятся въ письменномъ источникѣ, сообщенномъ мнѣ вполнѣ авторитетнымъ и свѣдущимъ лицомъ, для руководства при изложеніи дѣйствій войскъ 9-го корпуса.

²⁾ 11-й драгунскій Рижскій и 11-й уланскій Чугуевскій полки съ 18-й конной и донской № 8-го батареями

³⁾ Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что великій князь главнокомандующій предлагалъ атаковать Плевну съ южной стороны (т. е. отъ плевно-ловчинскаго шоссе).

махъ, ознакомилъ всѣхъ присутствующихъ съ предполагаемой имъ диспозиціей, на случай атаки Плевны; но при этомъ прибавилъ, что окончательное рѣшеніе быть или не быть атаке будетъ зависѣть отъ приказанія изъ главной квартиры, котораго онъ ожидаетъ, и предложилъ князю Шаховскому прислать, на всякій случай, въ Турскій Трестеникъ офицеровъ отъ частей войскъ, для получения приказаній и диспозицій, если атака будетъ рѣшена ¹⁾.

Войска плевненскаго отряда наканунѣ сраженія были расположены почти полукругомъ на сорока-верстномъ отъ фланга до фланга разстояніи, отъ Бресляницы на Коюловцы, Турскій Трестеникъ, Болгарскій Карагачъ, Порадимъ и Боготъ, имѣя на фланговыхъ пунктахъ большую часть кавалеріи ²⁾. Такое расположение было имъ придано въ виду предстоявшей атаки на Плевну.

Когда командиръ 9-го корпуса возвратился изъ Порадима въ Турскій Трестеникъ, было уже темно, а между тѣмъ никакого извѣщенія изъ главной квартиры еще не получалось. Наконецъ, уже поздно вечеромъ, въ то время, какъ баронъ Криденеръ сидѣлъ съ княземъ Имеретинскимъ въ своей палаткѣ, за чаемъ, туда вошелъ только-что прибывшій изъ Тырнова ординарецъ главнокомандующаго, гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ Авдѣевскій, и на вопросъ барона Криденера: «Что? отказъ, или атака?»—съ молчаливымъ поклономъ вручилъ ему запечатанный конвертъ.

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, начальникъ штаба 11-го корпуса, полковникъ Бискупскій тогда же записалъ эту предполагаемую диспозицію со словъ барона Криденера, и заготовилъ съ нея списки для войскъ князя Шаховскаго, такъ что, когда въ четыре часа ночи была доставлена въ Порадимъ подлинная диспозиція, то, по свѣркѣ ея съ тѣмъ, что было записано полковникомъ Бискупскимъ, послѣднее оказалось совершенно согласно съ подлинникомъ барона Криденера и потому, за неимѣніемъ времени для переписки, полковникъ Бискупскій разослалъ въ части войскъ заготовленные имъ списки съ диспозиціи, словесно изложенной начальникомъ 9-го корпуса.

Тотъ же источникъ свидѣтельствуетъ, что во время совѣщанія въ Порадимѣ, начальникъ штаба 11-го корпуса заявилъ свое мнѣніе—не лучше ли было бы атаковать всѣми соединенными силами въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ, тѣмъ двумя отдѣльными отрядами?—на что со стороны начальника штаба 9-го корпуса, генералъ-майора Шнитникова, послѣдовалъ отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: «Полковникъ, вы получите диспозицію и ее исполните».

²⁾ Расположеніе войскъ плевненскаго отряда 17-го июля, наканунѣ атаки, было слѣдующее:

Правый флангъ: 9-й уланскій Бугскій и 9-й донской казачій полки съ довской № 2-го батареи (4 эскадрона, 6 сотенъ и 6 орудій)—въ Бресляницѣ.

31-я пѣхотная дивизія, безъ 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка и 5-й батареи, находившейся въ Никополѣ (9 батальоновъ и 40 орудій)—въ Коюловцахъ.

Это была формальная бумага, за подписью генерала Левицкаго, въ которой помощникъ начальника штаба арміи сообщалъ барону Криденеру, что, великій князь вполне одобряетъ предложенный барономъ планъ атаки Плевны съ восточной и юго-восточной стороны; затѣмъ въ той же бумагѣ подавался командру 9-го корпуса совѣтъ—немедленно сдѣлать всѣ необходимыя передвиженія и начинать дѣло сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы вполне воспользоваться нашимъ превосходствомъ въ артиллеріи; совѣтывалось это сдѣлать, хотя бы пришлось употребить для того дѣлныя сутки, и потомъ только наступать пѣхотой. Бумага за подписью генерала Левицкаго, несмотря на ясность своего изложенія, все-таки не разъяснила нѣкотораго недоумѣнія, нелегко возникшаго еще наканунѣ, по полученіи телеграммы изъ Тырнова, такъ какъ баронъ Криденеръ въ донесеніи, отправленномъ съ корнетомъ Хвощинскимъ, вовсе не предлагалъ какой-либо опредѣленный планъ атаки, а только сообщалъ относительно ея возможности единогласное отрицательное рѣшеніе лицъ, бывшихъ на совѣщаніи, прибавляя отъ себя, что если бы, несмотря на невозможность, все же послѣдовало приказаніе атаковать Плевну, то онъ считаетъ восточную и юго-восточную стороны доступнѣе сѣверной. Такимъ образомъ, прямого, категорическаго приказанія атаковать Плевну изъ главной

5-я пѣхотная дивизія, безъ 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка и 3-й батареи, находившейся въ Систовѣ (9 батальоновъ и 40 орудій)—въ Турскомъ Трестеникѣ.

2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи со 2-й, 4-й и 6-й батареями (6 батальоновъ и 24 орудія) въ видѣ резерва—въ Карагачѣ Болгарскомъ.

Центръ: 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи съ 1-й, 3-й и 5-й батареями (6 батальоновъ, 24 орудія), 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи съ 1-й, 3-й и 4-й батареями (6 батальоновъ и 24 орудія) и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи съ 18-й конной батареи (8 эскадроновъ и 6 орудій)—въ Порадимѣ.

Лѣвый флангъ: Кавказская казачья бригада съ довской № 8-го и конно-горной батареями (12 сотенъ и 12 орудій)—въ Боготѣ.

А всего въ плевненскомъ отрядѣ: 36 батальоновъ (неполныхъ) или 28,626 чел., 30 эскадроновъ и сотенъ или 2,546 чел. и 188 орудій (изъ коихъ 80 девятифунтовыхъ, могущихъ состоять съ дальнихъ дистанцій съ дальнѣйшей турецкой артиллеріей), при 2,804 чел. артиллерійской прислуги. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что силы барона Криденера и князя Шаховскаго были почти одинаковы, хотя у перваго, за исключеніемъ бригады, оставленной въ резервѣ, было шесть полковъ, а у втораго только четыре; но въ войскахъ 9-го корпуса, по причинѣ потерь въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, потерпѣвшіе полки находились почти въ половинномъ числѣ рядовъ. У Османа же, какъ извѣстно, было 60,000 пѣхоты, болѣе 2,000 кавалеріи и до 70-ти дальнѣйшихъ орудій,—таковы, по крайней мѣрѣ, были послѣднія изъ свѣдѣній, получаемыхъ барономъ Криденеромъ.

квартиры не было. Но на основании бумаги, подписанной генераломъ Левицимъ, которая вполне подтверждала краткую телеграмму главнокомандующаго и развивала указанія и наставленія о предварительной подготовкѣ атаки преимуществами нашей артиллеріи, баронъ Криденеръ остановился на мысли, что одобрение плана атаки и тѣмъ болѣе эти со-бытія, въ сущности, означаютъ приказаніе атаковать. Въ виду же того, что Османъ-паша ежедневно усиливается новыми войсками и пользуется каждымъ лишнимъ часомъ для наибольшаго укрѣпленія своей позиціи фортификаціонными сооружениями, почему всякая дальнѣйшая проволочка времени только увеличивала бы трудности и безъ того уже крайне сомнительной атаки, барону Криденеру оставалось только сейчасъ же составить лись-менную диспозицію для наступленія, съ приказаніемъ атаковать Плевну завтра, 18-го іюля, утромъ. И вотъ, около полуночи, при помощи начальника штаба 9-го корпуса, генералъ-майора Шнитникова, была написана слѣдующая диспозиція ¹⁾:

«Завтра, 18-го іюля, вѣренныя мнѣ войска двинутся для овладѣнія г. Плевной въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Правый флангъ. Отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова.

1) 121-й пѣхотный Пензенскій, 122-й пѣхотный Тамбовскій и 123-й пѣхотный Козловскій полки съ 31-ю артиллерійской бригадой (за исключеніемъ 5-й батареи) и сборной командой для саперныхъ работъ, подъ ближайшимъ начальствомъ генералъ-майора Бѣлокопытова, выступить отъ дер. Коюловцы въ 5 часовъ утра и направятся по дорогѣ въ Плевну, пролегающей сѣверное шоссе изъ Булгареней въ Плевну, на д. Гривицу. Пройдя около 7-ми верстъ и до достиженія возвышенности, съ которой открывается д. Гривица, полки развернутся въ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи столько батарей, сколько позволятъ мѣстность. Батареи, занявъ позиціи на разстояніи вѣрнаго прицѣльнаго выстрѣла, откроютъ огонь. Для дальнѣйшаго наступленія ожидать приказанія.

2) 17-й пѣхотный Архангелогородскій, 18-й пѣхотный Вологодскій и 20-й пѣхотный Галичскій полки съ 5-ю артиллерійскою бригадою (за исключеніемъ 3-й батареи), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шудднера, выступивъ въ 5¼ ч. утра отъ д. Турскій-Трестеникъ по прямой дорогѣ, ведущей въ Плевну, станутъ въ резервъ за частями войскъ 31-й пѣхотной дивизіи, на высотахъ,

сопровождающихъ съ сѣвера шоссе, ведущее изъ д. Булгареней въ Плевну.

3) Два эскадрона 11-го драгунскаго Рижскаго полка и сотня казаковъ донскаго № 34-го полка, состоящая при 5-й пѣхотной дивизіи, высылаются заблаговременно на правый флангъ боевой линіи 31-й пѣхотной дивизіи и высылаютъ разъѣзды по направленію къ г. Плевнѣ и на западъ къ р. Видь, для охраненія этого фланга.

II. Лѣвый флангъ. Отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго.

4) 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи и 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи, съ 1-ю, 3-ю и 5-ю батареями 30-й и 1-ю, 3-ю и 4-ю батареями 32-й артиллерійскихъ бригадъ и 1-ю ротой 5-го сапернаго батальона выступить отъ д. Порадима въ 5 часовъ утра и, направившись между дд. Сгалунцы и Пелишатъ, атакуютъ непріятельскія войска, расположенныя на позиціи къ сѣверу отъ д. Радишева. По овладѣніи этою позиціею, отряду продолжать подвигаться на Плевну, стараясь занять артиллеріею такія позиціи на высотахъ лѣваго, южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны. Дальнѣйшія же дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя на правомъ флангѣ, сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь. Для сего въ распоряженіе генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго назначаются два эскадрона 11-го уланскаго Чугуевского полка.

5) Кавказской сводной бригадѣ съ 8-ю донскою и горною батареями, подъ ближайшимъ начальствомъ свиты его величества генералъ-майора Скобелева, выступить отъ д. Боготъ въ 5 часовъ утра и, ставъ за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, стараться пресѣчь сообщеніе между Плевной и Ловчей, имѣя постоянное наблюденіе по направленію къ обоимъ названнымъ городамъ. Въ случаѣ отступленія непріятеля изъ Плевны, бригадѣ идти къ западу на софійскую дорогу, для пресѣченія непріятелю путей отступленія въ этомъ направленіи.

III. Общій резервъ подъ моимъ личнымъ начальствомъ.

6) 2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи съ 2-ю, 4-ю и 6-ю батареями 30-й артиллерійской бригады выступить отъ Болгарскаго Карагача въ 4 часа утра, направятся къ шоссе отъ Булгареней въ Плевну, дойдутъ до пересѣченія онаго дорогою изъ Турскаго-Трестеника въ Порадимъ и будутъ тамъ ожидать приказанія.

7) Два эскадрона 11-го драгунскаго Рижскаго полка и два эскадрона 11-го уланскаго Чугуевского полка съ 18-ю конною батареею станутъ у д. Пелишатъ и будутъ ожидать приказанія.

IV. Отрядъ генералъ-майора Лашкарева:

¹⁾ По причинѣ поздняго времени, диспозиція во многія части войскъ была доставлена предъ самымъ выступленіемъ, а въ нѣкоторыя, какъ напримѣръ въ отрядъ Скобелева, даже на походѣ.

8) 9-й уланский Бугский полкъ, донской казачий № 9-го полкъ и 2-я донская батарея. Отряду въ 6 часовъ утра выдвинуться отъ д. Бресляницы на Плевну и выставить дѣль до соприкосновенія съ неприятелемъ, зорко наблюдая за передвиженіемъ его войскъ и доносилъ немедленно обо всемъ замѣченномъ. Если послѣдуетъ приказаніе перейти на лѣвый берегъ р. Виды, то отряду слѣдовать черезъ д. Рыбинъ (она же Рыбне) на софійскую дорогу, для самостоятельныхъ дѣйствій въ тылу неприятеля.

9) Батареямъ 5-й артиллерійской бригады и общаго резерва состоятъ въ распоряженіи начальника артиллеріи 9-го армейскаго корпуса.

10) Патронные ящики имѣть при частяхъ, по одному на батальонъ, а прочіе за частными резервами.

11) Паркамъ находится въ разстояніи 5-ти верстъ за войсками.

12) Лазаретнымъ линейкамъ слѣдовать при частяхъ. Въ отношеніи дивизионныхъ лазаретовъ и выбора перевязочныхъ пунктовъ руководствоваться прилагаемымъ наставленіемъ⁴⁾.

13) Обозамъ остаться на постоянныхъ мѣстахъ расположенія войскъ и быть въ полной готовности къ движенію. Для прикрытія ихъ оставить каждому пѣхотному полку до ста человекъ слабосильныхъ, въ вѣдѣніи командировъ нестроевыхъ ротъ.

14) Нижнимъ чинамъ одѣтымъ быть въ мундирахъ, въ шапкахъ безъ чехловъ и имѣть шинели скатанными черезъ плечо, а также имѣть при себѣ сухари, порціи варенаго мяса и во флагахъ воду. Ранцы оставить при обозахъ.

15) Я буду находиться при общемъ резервѣ, на высотѣ съ южной стороны шоссе въ Плевну,

куда и присылать донесенія о ходѣ боя возможно чаще.

«Къ сему присовокупляю, для объявленія по всѣмъ частямъ войскъ что его императорское высочество, черезъ прибывшаго сегодня ординарца своего, приказалъ намъ непремѣнно взять у неприятеля Плевну»⁵⁾.

Сила и характеръ плевненской позиціи уже извѣстны изъ описанія перваго дѣла, 8-го іюля. На нынѣшній разъ турки—на сколько возможно было распознать—расположились слѣдующимъ образомъ: лѣвый флангъ ихъ достигалъ до праваго берега р. Виды, имѣя опору въ д. Букова-Липа (она же Буковлект), и затѣмъ линія неприятельскихъ войскъ обозначалась до д. Гривцы; отсюда, подъ угломъ къ селу Радишеву, располагаясь центръ, а правый флангъ заворачивалъ отъ Радишева къ Плевнѣ. Въ общемъ рисунокъ это расположеніе можно бы сравнить съ подковою. Передъ фронтомъ отряда князя Шаховскаго турецкая позиція состояла изъ ряда батарей, стрѣлковыхъ ложементовъ и траншей, отлично примѣненныхъ къ мѣстности, которая и безъ того, сама по себѣ, уже представляла труднопроходимыя препятствія. Вроде, ряды подобныхъ укрѣпленій не только здѣсь, но и повсюду, за исключеніемъ южной и юго-западной стороны, унизывали доступы къ расположенію войскъ противника, и на этотъ разъ они были гораздо сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ 8-го іюля.

Хотя отрядъ генерала Скобелева по диспозиціи боя, имѣлъ второстепенное, только наблюдательное значеніе, но, принимая во вниманіе то, какъ онъ разыгрался въ дѣйствительности—мнѣ кажется, будетъ удобнѣе начать описаніе нашихъ дѣйствій 18-го числа именно со скобелевскаго отряда, т. е. съ крайняго нашего лѣваго фланга, затѣмъ перейти

⁴⁾ Вотъ текстъ этого наставленія, изложенный въ видѣ примѣчанія къ диспозиціи на 18-е іюля: «Во время сраженія, всѣ полковыя и батарейныя лазаретныя кареты должны слѣдовать за тѣми частями, которымъ онѣ принадлежатъ, до тѣхъ пунктовъ, которые имъ будутъ указаны корпусными хирургами и врачами, какъ передовые перевязочные пункты, на которыхъ оказывается раненымъ первая помощь, согласно инструкціи о дѣятельности на перевязочныхъ пунктахъ.

«Носильщики, состоящіе при дивизионныхъ подвижныхъ лазаретахъ, отправляются на передовые перевязочные пункты, чтобы немедленно выносить раненыхъ изъ боевой линіи. Все количество носильщиковъ раздѣлено будетъ между перевязочными пунктами, по указанію корпуснаго хирурга.

«Половина количества бочекъ, находящихся при дивизионныхъ подвижныхъ лазаретахъ, должна быть отправлена на передовые перевязочные пункты, чтобы оныя снабжать водой, нужной на промываніе, ранъ и операцій.

«Дивизионные подвижные лазареты собираются, съ полнымъ составомъ своего врачебнаго персонала и съ тѣми врачами, которые будутъ

къ нимъ прикомандированы, на указанный имъ главный перевязочный пунктъ.

«Помощь раненымъ на этомъ пунктѣ подается согласно инструкціи для перевязочныхъ пунктовъ. Во избежаніе безпорядковъ, раненые должны быть сортированы по категоріямъ пораненій, немедленно послѣ прибытія.

«Никому не дозволяется, подъ строжайшей отвѣтственностью, безъ особаго разрѣшенія корпуснаго врача или корпуснаго хирурга, или же старшихъ врачей, названныхъ на перевязочные пункты, оставлять самовольно указанное ему мѣсто.

«Въ случаѣ перемѣненія перевязочныхъ пунктовъ, объ этомъ заблаговременно будетъ сообщаться старшимъ врачамъ».

Подписано: Нач. шт. 9-го корп. генералъ-майоръ Шнитниковъ.

«Старшій адъютантъ штаба капит. Ясевскій».

⁵⁾ Последнія слова, какъ объяснилъ мнѣ лично баронъ Криденеръ, были прибавлены имъ отъ себя, для большаго возбужденія духа войскъ; предписаніе же великаго князя главнокомандующаго ограничивалось только словами телеграммы: «одобряю вашъ планъ атаки».

Примѣчаніе автора.

къ отряду князя Шаховскаго и, наконецъ, къ правому флангу.

Диспозиція по войскамъ отряда князя Шаховскаго предписывала генералу Скобелеву—сдѣлать безостановочно вдоль по Боготскому ручью до племно-ловчинскаго шоссе, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Утро 18-го іюля было очень сырое: предъ тѣмъ шли большіе дожди. Туманъ, застилавшій окрестность, былъ столь густъ, что серьезно препятствовалъ развѣдкамъ и наблюденіямъ нашихъ кавалеристовъ.

Въ авангардѣ генерала Скобелева находились двѣ сотни Кубанскаго полка, подъ начальствомъ князя Кирканова, съ четырьмя донскими орудіями. Взявъ ихъ подъ личное свое командованіе, Скобелевъ двинулся безостановочно къ Плевнѣ; остальные же части его отряда, подъ командою полковника Тутолмина, слѣдовали и остановились въ двухъ верстахъ за нимъ. Благодаря туману, авангардъ генерала Скобелева незамѣтно достигъ деревни Кришинъ и, выдвинувшись оттуда еще болѣе впередъ, занялъ позицію на высотахъ, окружающихъ Плевну съ юга, т. е. третій гребень Зеленыхъ горъ, гдѣ и расположился не далѣе, какъ въ трехстахъ сажняхъ отъ городского предместья. Здѣсь, когда туманъ сталъ рѣдѣть, увидѣлъ онъ непріятельскія силы, которыхъ въ мѣстности, доступной его наблюденіямъ, находилось около двадцати тысячъ пѣхоты, стоявшей въ резервномъ порядкѣ между городомъ и Гривциемъ; кавалерія же противника была сосредоточена позади, на племно-софійской дорогѣ.

Около 9½ часовъ утра, услышавъ первые артиллерійскіе выстрѣлы князя Шаховскаго, раздавшіеся съ Радишевскихъ высотъ, въ отвѣтъ на выстрѣлы турокъ, которые первыми начали канонаду, генералъ Скобелевъ приказалъ открыть огонь и изъ своихъ четырехъ пушекъ. Шесть непріятельскихъ орудій не замедлили отвѣтомъ ему, и выстрѣлы ихъ были столь мѣткі, что сразу причинили нѣкоторыя потери авангарду Скобелева. Тѣмъ не менѣе, артиллерія его продолжала свое дѣло и вызвала этимъ противъ себя рѣшительное наступленіе турецкой пѣхоты, которая бойко двинулась въ атаку, въ предшествіи густой цѣпи стрѣльцовъ, съ прикрытіемъ фланга своего цѣпью наѣздниковъ и подъ покровительствомъ огня своихъ батарей. Положеніе генерала Скобелева являлось довольно затруднительнымъ, потому что, находясь на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ войскъ трудно проходимымъ, каменистымъ Тученицкимъ оврагомъ. Но генералъ Скобелевъ, со свойственнымъ ему быстрымъ военнымъ глазомеромъ, тотчасъ же сообразилъ, что ему надо во что бы то стало удержать свою позицію, такъ какъ занятіе ея турками предоставило бы имъ полную возмож-

ность успѣшно дѣйствовать въ лѣвый флангъ войскамъ князя Шаховскаго, долженствовавшимъ штурмовать Радишевскія высоты ¹⁾.

Однако же, въ виду рѣшительнаго наступленія турокъ и по причинѣ своего удаленія отъ главныхъ нашихъ силъ, генералъ Скобелевъ началъ отходить къ заранѣе выбранной имъ позиціи у сел. Кришинъ, которая представляла ему возможность для отпора непріятеля какъ отъ Плевны, такъ и со стороны Ловчи. Въ это время онъ получалъ донесеніе отъ полковника Тутолмина, что Кавказская бригада стала уже на кришинской позиціи и что къ ней присоединился 3-й батальонъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка съ четырьмя орудіями ²⁾. Въслѣдствіе этого генералъ Скобелевъ поручилъ полковнику Тутолмину принять мѣры къ охраненію своихъ фланговъ и тыла, въ особенности со стороны Ловчи, а эсаула Астахова съ 20-ю охотниками отправилъ на развѣдочную рѣку Видъ у деревень Десевицы и Тринины, съ цѣлью отыскать переправу для кавалеріи и конной артиллеріи ³⁾. Обезопасивъ себя со стороны Ловчи и войдя, черезъ Тученицкій оврагъ, въ связь съ войсками князя Шаховскаго, генералъ Скобелевъ рѣшился овладѣть южными высотами надъ Плевной, т. е. третьимъ гребнемъ Зеленыхъ горъ, дабы способствовать наступленію соседнихъ войскъ князя Шаховскаго и быть въ состояніи лично судить о ходѣ боя, для выбора минуты, когда можно будетъ перейти въ наступленіе со всѣмъ своимъ отрядомъ. Для овладѣнія южными высотами были назначены: 3-я стрѣлковая рота ⁴⁾ со взводомъ 9-й линейной роты Курскаго полка, четыре пѣшія орудія и двѣ сотни Владикавказско-Осетинскаго полка, независимо отъ тѣхъ сотенъ того же полка, которыя были двинуты

¹⁾ Это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ недостаточность предварительной развѣдочной.

²⁾ 6-й батарея 32-й арт. бригады. Батальонъ этотъ, подъ командой майора Дембровскаго, первоначально былъ направленъ въ сел. Боготъ, для обезпеченія тыла князя Шаховскаго со стороны Ловчи. Генералъ Скобелевъ убѣдительно просилъ дать ему три батальона, съ которыми онъ могъ бы не только удержаться на своей позиціи, наблюдая въ то же время въ сторону къ Ловчѣ, но, быть можетъ, при удачѣ и склонять на нашу сторону успѣхъ общей атаки. Къ сожалѣнію, общая недостаточность силъ племно-софійскаго отряда воспрепятствовала князю Шаховскому исполнить просьбу генерала Скобелева, все, что князь Шаховской могъ удѣлить ему отъ себя, и то уже на свою личную отвѣтственность, заключаючися только въ одномъ батальонѣ съ четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями.

³⁾ Это трудное и опасное порученіе было выполнено эсауломъ Астаховымъ быстро, съ полнымъ знаніемъ дѣла и имѣло ту заслугу, что вполне могло обезпечить быстрый переходъ кавалеріи и орудій черезъ Видъ, если бы пришлось имъ перескочить на племно-софійскую дорогу, въ тѣхъ непріятеля.

⁴⁾ Штабсъ-капитана Гурковскаго.

за Кришину, для обезпеченія лѣваго фланга боевого порядка генерала Скобелева. Мѣстность, покрытая виноградниками и высокими кустами, представляла рядъ возвышеній и ложинъ, идущихъ параллельно фронту нашего наступленія; кромѣ того, почва была сильно размочена дождемъ; все это, давая выгоды противнику, затрудняло движеніе намъ, въ особенности относительно его направленія.

3-я стрѣлковая рота двинулась впередъ и съ первыхъ же шаговъ была встрѣчена сильнымъ огнемъ. Въ отвѣтъ на это ротный запылаво затѣиваетъ веселую пѣсню, которая дружно подхватывается хоромъ цѣлою ротой, — и стрѣлки, подвигаясь такимъ образомъ, быстро достигаютъ послѣдней высоты, непосредственно господствующей надъ Плевною. Здѣсь закипѣлъ отчаянный штыковый бой: 3-й стрѣлковой ротѣ пришлось послѣдовательно имѣть дѣло съ приливомъ подкрѣпленій, которыя безостановочно высылались въ боевую линію изъ восьми таборовъ, стоявшихъ между Плевною и Зелеными горами; но въ концѣ концовъ она штыками отбросила турокъ и удержала за собою позицію. Этой атакѣ въ значительной степени способствовало самоотверженное поведеніе всадниковъ Владикавказско-Осетинскаго полка, которые (въ особенности на лѣвомъ флангѣ), врубаясь въ турецкую пѣхоту и охватывая фланги противника, принуждали его покидать выгодныя позиціи и не допускали непріятельскую кавалерію давить нашу пѣхоту¹⁾. Между тѣмъ, подъ прикрытіемъ этихъ атакъ, наши орудія, подъ начальствомъ поручика Прохоровича, заняли позицію, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и стрѣлковымъ огнемъ противника, и держались на ней до конца боя, стрѣлая преимущественно во флангъ и въ тылъ колоннамъ, дѣйствовавшимъ противъ войскъ князя Шаховскаго. Молодецкія дѣйствія этой горсти людей на столько успѣли привлечь на себя вниманіе непріятеля, что фронтъ его противъ передовой линіи Скобелева видимо усиливался и въ ширь, и въ глубину, артиллерійскій огонь становился все болѣе губительнымъ, а турецкая кавалерія, нѣсколько разъ пыталась бросаться на лѣвый флангъ Скобелева, постоянно была отражаема и преслѣдуема владикавказцами. Несмотря однако на крайнюю несоразмѣрность войскъ, дравшихся въ первой линіи, генералъ Скобелевъ не рѣшался ихъ подкрѣпить изъ оставшихся въ резервѣ четырехъ ротъ, потому что, согласно диспозиціи, пѣхота

назначалась для обороны; на случай наступленія турокъ изъ Ловчи.

Такимъ образомъ, дѣло затянулось до трехъ часовъ по-полудни, когда отъ князя Шаховскаго было получено извѣстіе, что онъ переходитъ въ наступленіе. Вскорѣ послѣ этого развѣзды кавказскихъ всадниковъ дали знать генералу Скобелеву, что со стороны Ловчи не замѣтно наступленія какихъ-либо турецкихъ силъ. Оба эти обстоятельства указали ему на возможность ввести въ дѣло и остальные части 3-го курскаго батальона. Онъ приступилъ къ этому въ четыре часа по-полудни, оставивъ въ резервѣ одинъ только взводъ при знамени. Положеніе генерала Скобелева въ этотъ моментъ боя было весьма критическое: противникъ его получалъ значительное подкрѣпленіе и тѣснилъ 3-ю стрѣлковую роту и взводъ 9-й роты, утомленные шестичасовымъ боемъ. Казаки уже нѣсколько разъ подвозили къ нимъ въ мѣшкахъ патроны, а прислуга 1-й конногорной батареи неутомимо доставляла воду для истомленныхъ жаждою людей. Но огонь противника все усиливался, такъ что подъ жестокимъ его напоромъ пришлось изъ четырехъ пѣшихъ орудій два отвести на заднюю позицію, къ дер. Кришину. Оставленные же на мѣстѣ два орудія подъ начальствомъ поручика Прохоровича продолжали дѣйствовать по-истинѣ геройски. Въ минуту прибытія трехъ ротъ резерва, усиленный и ободренный непріятель тѣснилъ нашу цѣпь, которая отступала медленно и неоднократно снова бросалась въ штыки. Но силы противника были слишкомъ велики, и онъ находился уже въ 20-ти сажняхъ отъ двухъ орудій Прохоровича. Въ это-то мгновеніе подоспѣвшія курскія роты 3-го батальона стремительно бросились въ штыки, опрокинули турокъ и, будучи поддержаны двумя сотнями владикавказцевъ, значительно подкрѣпленныхъ нѣсколькими другими частями своего полка, не только прогнали врага, но, спустившись съ горы, ворвались на его плечахъ въ плевненское предмѣстье. Здѣсь подоспѣли къ непріятелю свѣжія силы и дружно начали напирать на курскія роты, осыпая ихъ пулями и картечными гранатами. Будъ въ резервѣ у курскихъ хотя еще одна свѣжая рота, они могли бы удержать за собою позицію въ предмѣстьи города, но—резерва не было. Пришлось по неволѣ отступать къ двумъ орудіямъ поручика Прохоровича, которыя во все время этой отчаянной атаки помогали курянамъ огнемъ картечныхъ гранатъ. При этомъ отступленіи остатки 3-го курскаго батальона воспользовались углубленіемъ ловчинскаго шоссе, собрались въ нѣмъ, устроились и, съ поддержкою артиллеріи, могли еще два часа сряду удерживать своимъ огнемъ дальнѣйшее наступленіе противника.

Въ сумерки на правомъ флангѣ скобелев-

¹⁾ Кавказскіе всадники выполняли это молодецкое дѣло на мѣстности, крайне пересѣченной, подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и оставались въ первой линіи, наравнѣ со стрѣлковой цѣпью, съ раннего утра и до послѣдней минуты боя, свѣжаемые и подкрѣпляемые въ теченіе всего дня свѣжими сотнями Кавказской бригады.

скаго отряда ходъ боя также началъ клониться не въ нашу пользу: съ каждой минутой натискъ непріятеля становился сильнѣе и сильнѣе. Тогда генералъ Скобелевъ рѣшился наконецъ отвести весь отрядъ на позицію позади д. Кришина, гдѣ заблаговременно уже были сосредоточены три сотни кавказской бригады, не находившіяся въ это время въ передовой линіи, при шести конныхъ и шести горныхъ орудіяхъ. Крайне критическое положеніе всего отряда вынудило генерала Скобелева послать свои кавказскія казачьи части прикрыть отступленіе пѣхоты на мѣстности, совершенно несоотвѣствующей дѣйствіямъ кавалеріи. Но тѣмъ не менѣе молодецкая рѣшимость казаковъ обезпечила на нѣкоторое время возможность отгнать непріятеля, позволила подобрать почти всѣхъ раненыхъ этого отряда и дала ему срокъ отступить, подъ прикрытіемъ казаковъ, въ полномъ порядкѣ на позицію у Кришина, гдѣ въ 10 часовъ вечера генералъ Скобелевъ получалъ приказаніе князя Шаховскаго—отступить къ селеніямъ Боготу и Пелишатъ. Въ теченіе всего дѣла, Скобелевъ болѣею частію былъ впереди, вмѣстѣ со стрѣлковою цѣпью. Одна лошадь подъ нимъ была убита, другая ранена. Во время отступленія, онъ слѣзъ съ коня и, вложивъ саблю въ ножны, лично замыкалъ отходящую цѣпь кавказцевъ, вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Паренсовымъ, который въ теченіе всего боя находился при немъ въ первой линіи и, какъ свидѣтельствуется самъ Скобелевъ—былъ настоящимъ его помощникомъ, въ полномъ смыслѣ слова и во всѣхъ отношеніяхъ¹⁾.

Покончивъ съ изложеніемъ дѣйствій скобелевскаго отряда, имѣвшихъ хотя и второстепенный, но на столько самостоятельный характеръ, что они, при достаточной поддержкѣ резервами (если бы таковыя были), легко могли бы привести къ самымъ рѣшительнымъ и выгоднымъ для насъ результатамъ, должно теперь перейти къ описанію дѣйствій нашего отряда лѣваго фланга.

Отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго, въ вышепоименованномъ составѣ, выступивъ съ бивуака въ половинѣ шестого часа утра²⁾ направился, согласно диспозиціи, на

деревню Радишево двумя авангардами, въ слѣдующемъ порядкѣ: правый авангардъ, полковника Саранцова, въ составѣ трехъ батальоновъ и 16-ти орудій³⁾ чрезъ Сгалуницъ, а лѣвый, подъ командой генералъ-майора Горшкова, въ числѣ двухъ батальоновъ и 12-ти орудій⁴⁾, чрезъ с. Пелишатъ; за ними—главныя силы отряда, подъ начальствомъ генералъ-майора Полторацкаго, слѣдовали тоже къ Радишеву, имѣя въ своемъ составѣ 6 батальоновъ и 24 орудія⁵⁾. Всѣ эти части ровно въ девять часовъ утра, занявъ безъ выстрѣла самую деревню Радишево, вышли на высоты къ сѣверу и востоку отъ этой деревни и приняли слѣдующій боевой порядокъ: одна батарея⁶⁾ отошла на позицію восточнѣе Радишева, имѣя по своимъ сторонамъ: лѣво—весь 1-й батальонъ, а вправо—двѣ роты 2-го батальона Рыльскаго полка; 3-й же рыльскій батальонъ сталъ за ними въ линіи, въ видѣ частнаго резерва. Оба батальона Курскаго полка съ 12-ю орудіями⁷⁾ стали тоже въ резервѣ за Рыльскими. Бригада генерала Полторацкаго съ тремя батареями, составившая общій резервъ князя Шаховскаго, была остановлена на дорогѣ изъ Сгалунца въ Плевну, не доходя Радишева, а одинъ эскадронъ уланъ направлея въ правую сторону, для открытія связи съ правымъ флангомъ войскъ 9-го корпуса.

Турки періце открыли огонь по выстраивавшимся частямъ Рыльскаго полка, причемъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ раненъ въ ногу командиръ полка полковникъ Саранцовъ, а въ половинѣ 10-го часа утра послѣдовалъ отвѣтныи огонь и съ нашей стороны, сначала изъ орудій 1-й, а потомъ и 3-й батарей 32-й артиллерійской бригады. Артиллерійскій бой продолжался до половины третьяго часа дня. Батареямъ этимъ удалось не только ослабить, но и заставить кое-гдѣ замолчать огонь противника; однако, и сами онѣ потерѣли при этомъ три орудія⁸⁾, которыя были подбиты и замѣнены другими.

Къ этому времени для князя Шаховскаго выяснилось, что цѣлью его дѣйствій долженъ быть обходъ слѣва первой линіи турецкихъ укрѣпленій (на ихъ правомъ флангѣ), а за-

¹⁾ 126-й пѣхотный Рыльскій полкъ, 1-я и 3-я батареи 32-й артиллерійской бригады.

²⁾ 1-й и 2-й батальоны 125-го пѣхотнаго Курскаго полка, 4-я батарея и четыре орудія 6-й батареи 32-й артиллерійской бригады.

³⁾ Пѣхотные полки: 117-й Ярославскій и 118-й Шульскій, 1-я, 3-я и 6-я батареи 30-й артиллерійской бригады.

⁴⁾ 1-я батарея 32-й артиллерійской бригады, изъ авангарда полковника Саранцова.

⁵⁾ 4-я батарея и 4 орудія 6-й батареи 32-й артиллерійской бригады.

⁶⁾ Въ 4-й батарее 32-й артиллерійской бригады, почему и вся эта батарея, сильно пострадавшая убылью лошадей и прислуги, была, по распоряженію командира 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майора Горшкова, смѣнена 1-й батареей 30-й артиллерійской бригады.

¹⁾ Упомянувъ въ донесеніи своемъ о разныхъ лицахъ, помогавшихъ и способствовавшихъ чѣмъ-либо ходу боя, генералъ Скобелевъ называетъ въ числѣ ихъ и художника Сергѣя Верещагина (брата В. В. Верещагина, раненаго въ Браиловѣ, при атакѣ турецкаго монитора), который, охотникомъ находясь при генералѣ во все время боя, отважно исполнялъ его порученія.

²⁾ Хотя диспозиція предписывала выступить въ пять часовъ утра, но войска князя Шаховскаго выступили въ половинѣ шестого, въ моментъ полученія ими диспозиціи, въ ожиданіи которой они уже съ пяти часовъ стояли наготовѣ на своихъ бивуакахъ. Такъ свидѣтельствуется источникъ, которымъ я пользовался при составленіи описанія дѣйствій князя Шаховскаго.

тѣмъ—самый городъ Плевна. Такъ какъ это предусматривалось имъ еще гораздо ранѣе, то онъ нашелъ необходимымъ удлинить свою позицію вѣхо и потому, около часа дня, приказалъ резерву своего отряда ¹⁾ придвинуться къ Радипеву, южнѣе этого селенія.

Около двухъ часовъ пополудни князь Шаховской получилъ свѣдѣніе, что Скобелевъ удерживаетъ противъ себя турокъ, препятствуя имъ овладѣть высотой, съ которой они могли бы дѣйствовать во флангъ наступленію его, князя Шаховскаго. Заручившись этимъ свѣдѣніемъ и считая, что артиллерійскій огонь уже достаточно подготовилъ возможность атаки, командиръ 11-го корпуса, въ половинѣ третьяго часа дня, окончательно рѣшился атаковать непріятеля ²⁾.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, генералъ Горшковъ усилилъ огонь батарей и приказалъ пяти батальонамъ своей бригады ³⁾ подняться съ земли на ноги и идти въ атаку на ближайшія укрѣпленія № 4 и № 5 ⁴⁾, чрезъ возвышенность, на которой стояли наши батареи. Продолжительное бездѣйствіе пѣхоты подъ гранатнымъ огнемъ было для нея томительно; поэтому люди встрѣтили приказаніе объ атакѣ радостными криками «ура» и бодрымъ шагомъ двинулись впередъ, на крутой подъемъ возвышенности, занятой нашей артиллеріей. Здѣсь батальоны развернули боевой порядокъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, со стрѣлковой цѣпью впереди, и быстро стали спускаться съ возвышенности, направляясь прямо на оба турецкія укрѣпленія. Непріятельскія гранаты съ первыхъ же шаговъ уже начали вырывать изъ рядовъ свои жертвы; люди порывисто стремились поскорѣе перебѣжать поражаемое пространство и потому правильность общего строя нѣсколько нарушилась, тѣмъ болѣе, что стройности движенія препятствовали кусты; но порывъ и одушевленіе были столь велики, что это не помѣшало сущности дѣла. Ружейный огонь у непріятеля, находившагося противъ атакующихъ, на минуту совершенно умолкъ, но вдругъ изъ-за окоповъ раздался страшный

залпъ, повалившій у насъ многихъ и многихъ... Направленіе атаки приняло видъ нѣсколько изогнутой линіи, но самая атака ни на минуту не приостановилась,—напротивъ, она сдѣлалась еще стремительнѣе. Между противниками оставалось уже не болѣе трехсотъ шаговъ, и тѣмъ болѣе сокращалось это разстояніе, тѣмъ болѣе залпы турокъ теряли свою выдержку, переходя въ беспорядочную трескотню бѣлаго огня—первый признакъ дрогнувшаго духа. Между тѣмъ, огонь нашихъ батарей, направляемый черезъ головы своихъ въ турецкіе окопы, усилился до послѣдней возможности, зарядные ящики, смѣня за смѣной, на полныхъ рыскахъ и вскачь, то и дѣло, подкатывали къ своимъ батареямъ. Казалось, что турки будутъ просто засыпаны нашими снарядами. Вскорѣ на ломаной линіи атакующихъ ротъ зашумѣло напряженное «ура», люди бѣгомъ, кинулись впередъ—и вотъ, черезъ минуту стрѣлки штыками выбили противника изъ ровиковъ, позади которыхъ тянулася линія траншей, куда и перебѣжали турки, снова открывъ непрерывный огонь; но это не остановило атакующихъ—и черезъ небольшой промежутокъ времени непріятель былъ вынужденъ уступить имъ траншею и отойти въ оба свои окопа № 4 и № 5. Наши, не задерживаясь въ траншеяхъ и не отвлекаясь пальбой, на плечахъ отступающаго противника подступили къ обоимъ окопамъ—и тутъ уже пошелъ ожесточенный рукопашный бой. Батальоны Рыльского полка, подъ командой контуженнаго и легко раненаго подполковника Каменоградскаго, который заступилъ мѣсто раненаго Саранцова, вскорѣ овладѣли окопомъ № 4, гдѣ захватили два орудія; остальные же десять пушекъ турки успѣли увезти съ собой.

Обоимъ курскимъ батальонамъ пришлось въ дѣлѣ гораздо труднѣе ихъ одобробрадцевъ рыльскихъ, потому что мѣстность передъ окопомъ № 5 не представляетъ никакихъ закрытій и силою подвержена настильному огню противника съ фронта и слѣва, изъ поперечнаго рва, окаймляющаго виноградникъ по скату соединенной горы, на которой находится окопъ № 6 ⁵⁾, фланкирующій доступы къ № 5-му. Виноградникъ и ровъ были заняты густой цѣпью турокъ, а сильный огонь съ № 6-го анфилировалъ курскія роты. Кромѣ того, изъ-за гребня высоты, гдѣ стоитъ атакуемый № 5, вдругъ появились силошныя линіи турецкой пѣхоты, которыя съ разстоянія около 250-ти шаговъ открыли такой огонь, что его вполне можно сравнить съ непрерывной, учащенной дробью барабановъ. Правый флангъ курскихъ батальоновъ имѣлъ достаточно опору въ окопѣ № 4, взятомъ уже рыльскими батальонами, и

¹⁾ Бригада генералъ-майора Полторацкаго (117-й Ярославскій и 118-й Шуйскій пѣхотные полки) съ 1-й, 3-й и 6-й батареями 30-й артиллерійской бригады.

²⁾ Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что въ третьемъ часу пополудни къ князю Шаховскому прибылъ ординарецъ барона Криденера, передавшій отъ имени командира 9-го корпуса слѣдующія слова: «Если вы подготовили атаку, то можете начинать. Не нужно ли подкрѣпленій?» «Нужно, присылайте», было ему отвѣтомъ—и приказаніе начинать атаку, отданное незадолго до сего княземъ Шаховскимъ генералу Горшкову, осталось въ своей силѣ.

³⁾ 1-й и 2-й батальоны 125-го Курскаго полка и 126-й Рыльскій полкъ, составляющіе 1-ю бригаду (генералъ-майора Горшкова) 32-й пѣхотной дивизіи.

⁴⁾ Ибрагимъ-бей-табѣ и Атифъ-паша-табѣ.

⁵⁾ Арабъ табѣ. Редутъ Омаръ бей-табѣ въ это время еще не существовалъ.

потому, вмѣстѣ съ ними послѣдними, подвигался впередъ ко второй линіи турецкихъ укрѣпленій; лѣвый же флангъ куранъ, подъ дѣйствіемъ жесточайшаго фронтальнаго и бокового огня, нѣсколько замаялся и завернулъ черезчуръ много фронтомъ къ боковому огню, черезъ что отсталъ отъ своихъ правофланговыхъ ротъ. Замѣтивъ это, князь Шаховской послалъ туда изъ резерва командира Шуйскаго полка, полковника Каульбарса, съ его 1-мъ батальономъ, чѣмъ и было устранено непродолжительное замѣшательство. Курскія роты, увидя подходящую подмогу, смѣло ринулись впередъ, подъ командой полковника Ракуза, подъ которымъ были убиты двѣ лошади. Въ это время падаетъ и лошадь Каульбарса, сраженная пулей. Высвободясь изъ-подъ нея, онъ цѣпкомъ повелъ людей даѣе, но пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ зашатался и упалъ. Рана его была смертельна. Нѣсколько чело-вѣкъ бросились было къ нему, чтобы отнести его на перевязочный пунктъ, но, онъ запрети-лъ имъ нести себя и, умирая, почти до послѣдняго издыханія не переставалъ слабѣю-щимъ словомъ и знаками посылать своихъ шуйцевъ впередъ.

Чтобы еще болѣе поддержать атаку кур-скихъ ротъ, были выдвинуты впередъ батареи лѣваго фланга князя Шаховскаго и, кромѣ того, на крайній лѣвый флангъ ихъ направ-лена 5-я батарея 30-й артиллерійской бригады, остававшаяся при резервѣ. Огонь этой батареи и помощь 1-го батальона Шуйскаго полка дали наконецъ курианамъ возможность овладѣть око-помъ № 5, съ котораго, впрочемъ, турки успѣ-ли увести всѣ свои орудія. Послѣ этого весь боевой порядокъ князя Шаховскаго принялъ направленіе правымъ флангомъ впередъ, т. е. повернулъ тыломъ къ Гривицкому редуту. На правый флангъ этого отряда въ особенности стали теперь напирать турки, усилившіеся но-выми подкрѣпленіями изъ Плевны. Кромѣ пѣ-хоты, противъ него показались и конные ба-шибузуки, слѣдовавшіе вдоль Гривицкаго ру-чья, въ количествѣ двухсотъ всадниковъ. Это было въ пятомъ часу пополудни, и тутъ уже очень живо почувствовалась княземъ Шахов-скимъ настоятельная надобность въ подкрѣ-пленіяхъ. Къ барону Криденеру были отпра-влены имъ, съ просьбой о помощи, одинъ за дру-гимъ, четыре ординарца, изъ которыхъ пер-вый поскакалъ еще ранѣе четырехъ часовъ, и, на просьбу его, командиръ 9-го корпуса тотчасъ же послалъ въ лѣвофланговый отрядъ все, что было можно, а именно: 119-й пѣхот-ный Коломенскій полкъ съ батареей, что со-ставляло половину общаго резерва, остававшя-гося въ распоряженіи барона Криденера. Увѣ-домить князя Шаховскаго объ отправкѣ ре-зерва былъ посланъ ординарецъ командира 9-го корпуса, ротмистръ Хвостовъ, а провести

эту подмогу къ мѣсту назначенія было велѣно генеральнаго штаба капитану Бюргеру. Но тутъ вышло весьма существенное недоразумѣ-ніе: разстояніе между общимъ резервомъ и правымъ флангомъ князя Шаховскаго равня-лось, приблизительно, пяти верстамъ, на что для пѣхоты требуется болѣе часа ходьбы, такъ что ко времени подхода Коломенскаго полка къ правому флангу князя Шаховскаго, этотъ флангъ находился уже въ крайне ненадежномъ положеніи: напоръ на него турокъ былъ столь силенъ, что открытый промежутокъ между ба-рономъ Криденеромъ и княземъ Шаховскимъ съ каждой минутой становился все опаснѣе: оба наши отряда легко могли быть отбѣзаны одинъ отъ другого. Но для того, чтобы прочно заполнить этотъ промежутокъ, нуженъ былъ не полкъ, а цѣлая дивизія, которой у насъ не было. Видя по ходу дѣла, что данный пунктъ въ настоящую минуту является самымъ опаснымъ мѣстомъ, капитанъ Бюргеръ рѣшилъ при-мкнуть Коломенскій полкъ къ правому флангу князя Шаховскаго—и только благодаря этому обстоятельству, означенный флангъ не былъ сметенъ съ мѣста и могъ отступить въ порядкѣ. Но князь Шаховской ожидалъ этого подкрѣп-ленія совершенно для другой цѣли и расчи-тывая, что Коломенскій полкъ прибудетъ къ тому мѣсту, гдѣ находился онъ самъ со шта-бомъ, конечно не дождался его прибытія и даже до конца боя не зналъ, гдѣ этотъ полкъ находится *). Между тѣмъ въ ожиданіи его,

*) По свидѣтельству другого источника, ре-зервъ былъ нуженъ князю Шаховскому вовсе не для праваго фланга, а въ личное его, князя Шаховскаго, распоряженіе, и именно вотъ по ка-кой причинѣ: войска его отряда не были еще въ это время выбиты турками изъ первой линіи взятыхъ ими окоповъ и траншей, а 2-я стрѣль-ковая рота Рыльского полка даже всю ночь про-вела въ окопѣ № 4. Князь Шаховской расчи-тывалъ удержаться до утра въ траншеяхъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ продолжать дальнѣй-шую атаку; Коломенскій же полкъ былъ ему нуж-енъ для общаго резерва его войскъ, какъ осно-ваніе, на которое они могли бы опереться при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Первую вѣсть о томъ, что Коломенскій полкъ подходить, что онъ находится уже на Гривицкомъ ручьѣ, при-везъ князю Шаховскому ординарецъ барона Кри-денера, ротмистръ Козловъ *). Но прождавъ по-слѣ этого довольно долгое время и видя, что Коломенскаго полка все еще нѣтъ, князь Ша-ховской послалъ генеральнаго штаба капитана Веригина отыскать этотъ полкъ и привести его по назначенію. Капитанъ Веригинъ дохлалъ вплоть до Гривицкаго ручья и возвратился съ извѣстіемъ, что полка нѣтъ и, при разспросахъ, никто даже не могъ указать ему, гдѣ онъ нахо-дится и куда направился. Лицо, сообщившее ему эти свѣдѣнія, полагаетъ, что колы скоро ординарецъ, посланный княземъ Шаховскимъ, не указалъ спеціально мѣста, гдѣ требуется по-мощь Коломенскаго полка, то капитанъ Бюргеръ,

*) По официальному донесенію барона Криде-нера—это былъ ротмистръ Хвостовъ.

князь Шаховской по необходимости израсходовать почти все свои резервы, а именно: на усиление правого фланга были двинуты, одинъ вскорѣ за другимъ, 2-й и 3-й батальоны Шуйскаго полка и кромѣ того спущены въ долину на позицію, сначала въ самый окопъ № 4, а затѣмъ нѣсколько восточнѣе его, двѣ 9-ти фунтовые батареи *); для поддержки же лѣваго фланга **) были отправлены два батальона 117-го пѣхотнаго Ярославскаго полка (изъ коихъ второй батальонъ пошелъ въ дѣло уже въ сумерки) и 5-я батарея 30-й артиллерійской бригады, о дѣйствіяхъ которой уже было сказано выше. Обстоятельства, вызвавшія подмогу лѣвому флангу, заключались въ слѣдующемъ: роты Курскаго полка, овладѣвъ окопомъ № 5, спустились въ долину и дошли до мельницъ, стоявшихъ нѣсколько впереди города, откуда по слабосилію, вслѣдствіе боевой убыли, вынуждены были отойти назадъ, и тогда, для поддержки ихъ, былъ посланъ 1-й батальонъ Ярославскаго полка, съ которымъ генералъ Горшковъ, все время лично руководившій въ огнѣ атаками лѣваго фланга, опять дошелъ до мельницъ, гдѣ и засѣли теперь прочнымъ образомъ двѣ роты. Но непріятель вывелъ изъ города новыя силы и, кромѣ того, старался охватить наши роты небольшими частями кавалеріи. Тогда на подмогу имъ былъ посланъ второй батальонъ ярославцевъ, а 5-я батарея выступила впередъ и стала бить, чуть не въ упоръ, на 300 шаговъ, во флангъ массамъ турокъ, наступавшихъ на занятые мельницы. Но всѣ геройскія усилія нашихъ войскъ не повели ни къ чему. Въ это же время и Скобелевъ ввелъ въ рукопашную уже послѣдніе остатки своего скуднаго резерва и дѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку атаки противъ Плевны. Сумерки сгустились все болѣе, люди были истомлены до послѣдней крайности, убыль оказывалась непомерною, — все это явно указывало, что судьба боя склонялась не въ пользу князя Шаховскаго. Время было подумать объ отступленіи — и князь Шаховскій рѣшилъ отвести свои войска на первоначальную позицію, т. е. на высоты впереди Радишева. Это было въ семь часовъ вечера **).

какъ офицеръ генеральнаго штаба, долженъ былъ знать, что его обязанность заключается въ томъ, чтобы, не стѣсняясь разстояніемъ и позднимъ временемъ, привести подкрѣпленіе къ тому начальнику, который его требовалъ, а отнюдь не кидать полкъ въ боевую линію по своему личному усмотрѣнію, сколь бы ни казались ему важны его собственныя соображенія.

*) 3-я батарея 30-й и 3-я же батарея 32-й артиллерійскихъ бригадъ.

**) Т. е. двѣ батальоновъ Курскаго полка и 1-го батальона Шуйскаго, взявшихъ окопъ № 5.

*) Вотъ какъ описываетъ это отступленіе очевидецъ, корреспондентъ газеты „Daily News“: „Двумъ ротамъ пѣхоты удалось, обойдя правый флангъ турецкихъ укрѣпленій, проникнуть

Теперь остается перейти къ дѣйствіямъ праваго фланга, т. е. войскъ 9-го корпуса, составъ коихъ въ этомъ второмъ плевненскомъ дѣлѣ уже изложенъ выше.

въ городъ *); но это было равносильно вступленію въ преддверіе ада. Со всѣхъ окружающихъ высотъ ихъ крушили турецкіе снаряды, а виноградники кругомъ города оказались сплошь занятыми турецкими войсками. Роты поспѣшно отступили назадъ, и теперь уже не было никакой надежды и даже нельзя было разсчитывать на правильное отступленіе, для прикрытія коего у князя Шаховскаго не осталось ни одного запаснаго солдата. Турки ударили съ новой силой, побѣда была за ними, и они рѣшились показать, что умѣютъ ею пользоваться. Подъ покровомъ сумерокъ, они пробрались до первой линіи своихъ окоповъ и захватили три пушки (?), прежде чѣмъ батареи успѣли двинуться въ обратный путь **). Турецкія гранаты снова засвистали черезъ первую возвышенность и опять стали ложиться въ Радишево, переполющенное теперь ранеными. Позднѣе ночью особый родъ аловѣщихъ „санитаровъ“ разсыпался по полю битвы: башибузуки***) доказывали несчастныхъ страдальцевъ, не давая никому дощадки. Оставаясь тамъ на возвышеніи до восхода луны, штабъ могъ слышать долетавшіе до него снизу, среди ночной тишины, стоны умерщвляемыхъ и звѣрскіе возгласы упоенныхъ побѣдой каузуровъ. Это были минуты, въ которыя сердце готово выпрыгнуть изъ груди. Мы стояли дожидаясь, не придутъ ли какія-либо войска обратно изъ этой долины смерти. Но никто не возвращался. Турки завладѣли своими высотами еще до наступленія ночи; мы видѣли ихъ огни прямо противъ насъ и слышали свистъ ихъ гранатъ надъ нашими головами. Грохотъ ружейной пальбы не прекращался, и огонь ея поражалъ уже не войска, но отступавшихъ раненыхъ. Наконецъ, передъ нами появился отрядъ отступающихъ; но сколь велико было его разстройство, можно судить по тому, что когда было приказано составить взводъ для прикрытія раненыхъ въ Радишево, то онъ могъ быть составленъ лишь изъ людей разныхъ полковъ. Около девяти часовъ вечера штабъ покинулъ возвышеніе и подвигался медленно, осторожно, чтобы не наступить въ темнотѣ на кого-либо изъ раненыхъ, которые были разсыяны по всему полю. Мы не сразу нашли дорогу. Объ отдыхѣ и остановкѣ ничего было думать, потому что башибузуки гнались по пятамъ отступающихъ. Лишь въ часъ пополудни мы сошли съ коней, пробывъ въ сѣдлѣ съ шести часовъ пред-

*) Т. е. въ предмѣстіе города или, правильнѣе сказать, къ мельницамъ. *Примѣчаніе автора.*

**) Насколько мы въ извѣстномъ, это несомнѣнно вѣрно. Изъ числа нашихъ пушекъ турки не захватили ни одной; но при отступленіи, намъ пришлось бросить тѣ двѣ турецкія пушки, которыя были взяты нами въ окопѣ № 4, ограничась лишь порчей ихъ и снятіемъ затворовъ. Сначала люди пытались было утащить эти орудія съ собой, но, за крайнимъ истощеніемъ силъ, не могли справиться одни, безъ помощи лошадей и даже безъ лямокъ, такъ какъ ни тѣхъ, ни другихъ взять было некуда. Говоря о трехъ оставленныхъ пушкахъ, корреспондентъ, очевидно, смѣшалъ обстоятельства дѣла.

Примѣчаніе автора.

***) Одни ли башибузуки и не помогали ли имъ, какъ случалось не разъ, и регулярные солдаты, — это еще водросъ. *Примѣчаніе автора.*

Колонна генерала Бѣлокопытова (9 батальоновъ и 40 орудій) выступила съ бивуака при д. Коюловцы въ пять часовъ утра, а два часа спустя батальоны ея уже заняли позицію на возвышенности, лежащей сѣвернѣе шоссе, ведущаго изъ Булгареней въ Плевну, и отсюда слѣдовали въ боевомъ порядкѣ *) по направленію къ д. Гривицѣ. Реляція боя ссылается на особенность этой позиціи, весьма невыгодную для насъ въ томъ отношеніи, что, по условіямъ мѣстности, мы не имѣли возможности установить на ней потребное число орудій, въ которыхъ однако не было у насъ недостатка. Въ центрѣ между атакующими войсками (барона Криденера и князя Шаховскаго) лежала Гривицкая лощина, или, такъ называемая, долина Гривицкаго ручья, которая, при малочисленности нашихъ силъ и при условіи направленія атаки съ восточной и юго-восточной сторонъ, неизбежно должна была раздѣлять атакующія войска на двѣ части, разведивъ ихъ между собою на довольно значительное разстояніе ²⁾. Эта лощина находилась подъ сильнымъ огнемъ нѣсколько командующихъ надъ нею укрѣпленій и препятствовала вполнѣ развернуться артиллеріи 9-го корпуса. На избранной позиціи установились первоначально только 24 орудія, а потомъ съ трудомъ присоединено еще 16, да и то крайняя лѣвофланговая батарея должна была стать уступомъ назадъ, что, по словамъ реляціи, чрезвычайно затруднило ея дѣйствіе.

Вторая колонна (генералъ-лейтенанта Шилдербъ-Шульднера, изъ 9-ти неполныхъ батальоновъ и 40 орудій), выступивъ изъ с. Турскій-Трестеникъ въ половинѣ 6-го часа утра, двинулась по плевенской дорогѣ и къ 10-ти часамъ утра стала въ частномъ резервѣ за боевыми линіями генерала Бѣлокопытова. Туманная, сырая погода препятствовала сдѣлать, какъ должно, предварительное обозрѣніе мѣстности: эта ночь была очень влажна. Съ большимъ трудомъ можно было генералу Вельями-

шествовавшаго утра, и расположились на засѣянномъ полѣ, имѣя постелью хлѣбные колосья³⁾.

Послѣ ночи, проведенной на первоначальной позиціи у Радишева, князь Шаховской на утро отступилъ къ Порадиму.

¹⁾ Боевой порядокъ этотъ былъ слѣдующій: на правомъ флангѣ—121-й Пензенскій, на лѣвомъ—122-й Тамбовскій пѣхотные полки; между ними, въ центрѣ, сначала 1-я, 2-я и 4-я батареи 31-й артиллерійской бригады, а потомъ были присоединены 1-я и 2-я батареи 5-й артиллерійской бригады; въ частномъ резервѣ за этими частями сталъ 123-й пѣхотный Козловскій полкъ.

²⁾ Поэтому-то, для поддержанія связи между лѣвымъ флангомъ войскъ 9-го корпуса и отрядомъ князя Шаховскаго, и были назначены два эскадрона чугуевскихъ уланъ. Но аванпостная цѣль ихъ, протанутая болѣе чѣмъ на четырехверстное разстояніе, разумѣется, не могла изображать собой центръ атакующихъ силъ.

нову ⁴⁾ разглядѣть: противъ лѣваго своего фланга—небольшой молодой лѣсокъ и виноградники; противъ центра—довольно большую лощину, въ которой лежитъ д. Гривица, а параллельно правому флангу тянулась, столь памятная по первому плевенскому дѣлу, шарокая и глубокая лощина, поросшая густымъ кустарникомъ и занятая на противоположной сторонѣ—какъ и въ прошлый разъ—густыми цѣпами турецкихъ стрѣлковъ съ орудіями.

Около восьми часовъ утра драгунскій развѣдъ донесъ генералу Вельяминову, что впереди обнаруженъ имъ непріятельскій окопъ на два орудія, прикрытый съ фланга пѣхотою. Вскорѣ оказалось, что это былъ редутъ, составившій, какъ предполагалось тогда въ правофланговомъ отрядѣ, тактический ключъ плевенской позиціи. Возведенный по ту сторону глубокой лощины, противъ нашего праваго фланга, на достаточной высотѣ, онъ командовалъ всею окрестною мѣстностью, замыкалъ доступы вдоль другихъ лощинъ къ городу и вообще составлялъ главный опорный пунктъ всей непріятельской позиціи на ея сѣверо-восточномъ фронтѣ. Обладая сильнымъ профилемъ, редутъ этотъ былъ отлично приспособленъ какъ для артиллерійской, такъ и для ружейной обороны, причемъ послѣдняя была здѣсь устроена въ три яруса: изъ-за бруствера, изъ рва и изъ ложементовъ, расположенныхъ впереди и по сторонамъ редута ⁵⁾. Все это, при сложившемся такимъ образомъ убѣжденіи о ключѣ позиціи, съ первыхъ же минутъ боя выяснило начальствующимъ лицамъ правофланговаго отряда, что главнѣйшему цѣлю усилій войскъ 9-го корпуса должно быть непремѣнное овладѣніе Гривицкимъ редутомъ.

Въ четверть девятого часа, когда туманъ началъ нѣсколько рѣдѣть, раздался первый выстрѣлъ съ турецкой стороны противъ позиціи генерала Вельяминова. Несмотря на туманъ и дымъ, заставившіе всю впереди лежащую мѣстность, можно было сначала по направленію выстрѣловъ заключить, что непріятель сосредоточенъ почти исключительно противъ нашего праваго фланга. Поэтому батареи этого фланга открыли въ девять часовъ утра огонь по редуту, обнаруженному драгунами ⁶⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія нашей первой линіи, выдвинуты были изъ частнаго резерва 1-й и 2-й батальоны Козловскаго полка ⁷⁾. Но артиллерійскій огонь съ

⁴⁾ Командовавшему всѣмъ правымъ флангомъ.

⁵⁾ Это былъ столь знаменитый впоследствии Гривицкій редутъ.

⁶⁾ По свидѣтельству другого источника, огонь правофланговаго отряда начался около полу-часа позднѣе, чѣмъ въ отрядѣ князя Шаховскаго, который занималъ въ девять часовъ утра Радишевскія высоты уже при совершенно прояснившейся погодѣ.

⁷⁾ Для достиженія той же цѣли — овладѣніи

обѣихъ сторонъ поддерживался довольно рѣдкими выстрѣлами, не нанося ни намъ, ни туркамъ никакого особеннаго вреда; приблизить же наши орудія къ непріятельской позиціи не было возможности: они стояли на самомъ гребнѣ возвышенностей, обращенныхъ крутыми склонами въ сторону противника, такъ что спускъ батарей въ долину былъ бы крайне затруднителенъ, да и тамъ онѣ находились бы въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ, подъ огнемъ турецкихъ укрѣпленій, командующихъ надъ долиною. Такимъ образомъ канонада нашего правофланговаго отряда длилась въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Что дѣлается на лѣвомъ флангѣ,—баронъ Криденеръ не знаетъ, такъ какъ отъ князя Шаховскаго не появилось ни одного донесенія. Эта неизвѣстность побудила наконецъ барона Криденера отправить въ половинѣ перваго часа дня къ князю Шаховскому записку слѣдующаго содержанія:

«Командиръ корпуса покориѣше просить ваше сіятельство увѣдомить его подробно о положеніи дѣлъ у васъ, именно: обиты ли батареи, сзади Радичева стоящія, а также нашлось ли достаточно мѣста для вывода на позицію батарей? Признаете ли вы атаку достаточно подготовленной артиллерійскимъ огнемъ? Что дѣлаетъ Кавказская сводная бригада? Есть ли у васъ достаточно число зарядовъ?»

Въ ожиданіи отвѣта на эту записку, баронъ Криденеръ слѣдилъ въ бинокль за ходомъ дѣла въ лѣвофланговомъ отрядѣ и въ исходѣ втораго часа дня замѣтилъ, что ружейные и пушечные дымы князя Шаховскаго все болѣе и болѣе оттягиваются влѣво, на западъ къ Тученицкому оврагу ¹⁾. По свидѣтельству

Гривицкимъ редутомъ,—въ полдень, по требованію начальника артиллеріи 9-го корпуса, генералъ-майора Калачова, была вызвана на правый флангъ позиціи 1-я батарея 5-й артиллерійской бригады, которая, занявъ позицію южнѣе дороги изъ Плевны на Турскій Трестеникъ, открыла огонь изъ трехъ своихъ орудій по переднему непріятельскому укрѣпленію, съ разстоянія въ 1,100 сажень, а изъ остальныхъ—картечными гранатами по непріятельской цѣпи и 4-хъ орудійной батарее, расположенной за гребнемъ впереди-лежащей возвышенности.

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, батареи князя Шаховскаго, вызванныя на позицію въ началѣ боя, не перемѣняли своихъ мѣстъ до конца его. Когда же, по ходу дѣла, потребовалось усилить артиллерійскій огонь, то на позицію праваго фланга были вызваны изъ резерва 3-я батарея 30-й и 3-я же батарея 32-й артиллерійскихъ бригадъ, но это было черезъ часъ отъ начала дѣла. Что же касается лѣваго фланга, то батареи онато (4-я и четыре орудія 6-й батареи 32-й артиллерійской бригады) влѣво никуда не передвигались, а были просто передвинуты впередъ, для поддержки замаявшейся атаки Курскаго полка, для чего на крайній лѣвый флангъ была вызвана изъ резерва и 5-я батарея 30-й артиллерійской бригады; но это было сдѣлано не въ исходѣ втораго, а въ началѣ шестого часа пополудни.

источника, изъ котораго я заимствую свѣдѣнія о дѣйствіяхъ войскъ 9-го корпуса, это обстоятельство породило въ генералѣ Криденерѣ нѣкоторое недоумѣніе. Согласно плану атаки, изложенному въ диспозиціи, войска 9-го корпуса должны были атаковать съ востока, а князь Шаховской—«направившись между деревьями Сгалуицъ и Пелишатъ, атакуетъ непріятельскія войска, расположенныя на позиціи къ сѣверу отъ деревни Радичева», съ тѣмъ, чтобы по овладѣніи этой позиціей, продолжать двигаться на Плевну, «стараясь занять артиллерию такіахъ позиціи на высотахъ южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и въ тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны». Усмотрѣнное направленіе дымовъ лѣвофланговаго отряда все болѣе удалялось отъ высотъ южнаго берега Гривицкаго ручья, чрезъ что и промежутокъ между лѣвымъ флангомъ войскъ 9-го корпуса и правымъ флангомъ князя Шаховскаго становился все опаснѣе. Занятіе высотъ лѣваго берега Гривицкаго ручья потому-то и было предписано диспозиціей, что оно, имѣя фланкирующее значеніе относительно укрѣпленій, расположенныхъ противъ нашего правофланговаго отряда, должно было облегчить сему послѣднему атаку этихъ укрѣпленій, послѣ чего оба отряда должны были непосредственно сойтись между собою для дальнѣйшей атаки на Плевну. Уклоненіе же дымовъ князя Шаховскаго влѣво, указывая какъ бы на желаніе обойти общую позицію противника съ южной стороны, шло прямо въ разрѣзъ всему плану, начертанному диспозиціей, раздвояя цѣль дѣйствій на совершенно отдѣльныя атаки, обрекая оба наши отряда на окончательное раздѣвленіе и значительно отдаляя князя Шаховскаго отъ общаго резерва ¹⁾ Что значило это уклоненіе дымовъ?

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, требованіе 4-го параграфа диспозиціи, относительно занятія артиллеріей высотъ южнаго берега Гривицкаго ручья, на дѣлѣ оказалось не выполненнымъ, по слѣдующимъ причинамъ:

4-й параграфъ предписывалъ овладѣть непріятельской позиціей, лежащей къ сѣверу отъ Радичева (т. е. окопами № 4 и № 5), что и было исполнено. По овладѣніи же этой позиціей, отрядъ князя Шаховскаго, въ силу того же 4-го параграфа, должно было «продолжать подвигаться на Плевну», т. е. на дѣлѣ это значило—повернуть фронтъ атакующихъ войскъ съ сѣвера на западъ. И это тоже было отчасти исполнено, такъ какъ правофланговые части атакующихъ войскъ князя Шаховскаго даже стали почти тыломъ къ Гривицкому редуту. Но это движеніе на Плевну, по требованію того же параграфа, должно было сопровождаться стараніемъ «занять артиллеріей такіахъ позиціи на высотахъ лѣваго, южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны». Это, стало быть, значить, что въ то самое время, какъ фронтъ войскъ, продолжаю-

Вызывалось ли оно избраніемъ какого-либо иного пункта для атаки, или выражало собою начало оной?—Все это для генерала Криденера были вопросы, порождаемые недоумѣніемъ, въ виду факта, которому не было объясненія, такъ какъ не было нѣвѣстій отъ князя Шаховскаго.

Пхотѣ подвигаться на Плевну, былъ бы обращенъ къ западу, — артиллерійскій фронтъ того же отряда долженъ былъ обратиться частію на сѣверъ, частію на сѣверо-востокъ и, наконецъ, на востокъ (противъ Гривицы). Такимъ образомъ, лѣвый флангъ артиллеріи (т. е. батареи, действующія въ тылъ сѣверныхъ турецкихъ позицій) долженъ былъ бы стать подь прямымъ угломъ къ правому флангу пхоты, атакующей Плевну, а фронтъ остальныхъ батарей загнулся бы къ сѣверо-востоку и востоку, т. е. очутился бы тылъ къ тылу съ той же пхотой. При этомъ, если бы атака была отбита, то пхотѣ предстояло опрокинуться на флангъ и тылъ своей собственной артиллеріи и, быть можетъ, отдать ее туркамъ.

Предлагая занять артиллеріей высоты южнаго берега Гривицкаго ручья, диспозиція непосредственно вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: „дальнѣйшія же дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя на правомъ флангѣ, сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь“. По свидѣтельству источника, изъ котораго я почерпнулъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отряда князя Шаховскаго, эта послѣдняя часть 4-го параграфа породила слѣдующія недоумѣнія:

Что значить „дальнѣйшія дѣйствія“?—Очевидно, тѣ дѣйствія, которые должны начаться вслѣдъ за занятіемъ артиллеріей позицій на высотахъ южнаго берега Гривицкаго ручья.

Что значить „сообразовать дѣйствія съ ходомъ боя на правомъ флангѣ“?—Очевидно, стать въ зависимость отъ праваго фланга, подчиниться его инициативѣ, т. е. наступать лишь тогда, когда онъ наступаетъ, въ противномъ же случаѣ стоять и ждать, пока не начнется его наступленіе на Плевну, что могло быть не раньше, какъ по овладѣніи Гривицкимъ редутомъ.

Но тотъ же самый 4-й параграфъ, за четыре строки выше, предписываетъ: по овладѣніи позиціей къ сѣверу отъ Радичева, *продолжать подвигаться на Плевну*, стараясь занять артиллеріей и проч. Что значить „продолжать подвигаться“?—Очевидно, продолжать атаку. Но тогда какъ же „сообразовать дальнѣйшія дѣйствія съ ходомъ боя на правомъ флангѣ“, если бы правый флангъ не начиналъ еще атаку, или не овладѣлъ еще Гривицкимъ редутомъ? Которое изъ этихъ двухъ приказаній возможно было исполнить, не подвергая себя упреку въ неисполненіи другого? Если же стоять и ждать, пока не двинется на Плевну правый флангъ, способствуя ему до того времени артиллерійскимъ огнемъ къ овладѣнію гривицкой позиціей, то въ какую сторону долженъ былъ бы обратиться фронтъ пхоты князя Шаховскаго?—По тактикѣ, фронтъ пхоты тамъ, гдѣ и фронтъ артиллеріи, и наоборотъ — фронтъ артиллеріи тамъ же, гдѣ фронтъ пхоты и притомъ всегда лицомъ къ неприятелю. Но занявъ позицію на высотахъ лѣваго берега Гривицкаго ручья, сообразно расположенію своей артиллеріи, князь Шаховской не только подставилъ бы свой лѣвый флангъ, но и совсѣмъ повернулся бы тыломъ къ Плевнѣ, гдѣ было сосредоточено въ резервъ наибольшее количество силъ Османпаша, а Скобелевъ въ такомъ случаѣ былъ бы покинутъ на произволъ судьбы и уже совсѣмъ, что называется, висѣлъ бы на воздухѣ.

Желая разрѣшить свое „недоумѣніе, баронъ Криденеръ, въ половинѣ третьяго часа пополудни, приказалъ отправить къ князю Шаховскому вторую записку слѣдующаго содержанія:

«Командиръ 9-го корпуса желаетъ подробно знать дѣло, такъ какъ нѣвѣдѣніе объ этомъ лишаетъ его всякой возможности что-либо предпринять. Судя по дыму отъ вашихъ батарей, атака у насъ не подвинется. Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ спрашиваетъ: находите ли вы себя въ такомъ положеніи, чтобы атаковать? Если да, то онъ проситъ васъ сообщить о томъ увѣдомленіемъ; чтобы онъ могъ поддержать вашу атаку съ лѣваго своего фланга».

Послѣднія десять словъ этой записки служатъ указаніемъ, что направленіе дымовъ лѣво-фланговаго отряда на столько измѣнило весь ходъ дѣла, что теперь уже не князь Шаховской долженъ былъ содѣйствовать атакѣ войскъ 9-го корпуса, а баронъ Криденеръ поддерживать атаку князя Шаховскаго. Такимъ образомъ, должно признать, что съ этой минуты баронъ Криденеръ считалъ свой первоначальный планъ, изложенный въ диспозиціи, уже несостоявшимся, и, стало быть, дальнѣйшія наши дѣйствія могли быть ведены только въ зависимости отъ случайностей боя. Но не желая подвергать дѣло какому бы то ни было случайностямъ и дѣйствовать, такъ сказать, *на авось*, баронъ Криденеръ обратился къ князю Имеретинскому и французскому военному агенту полковнику Гальеру, находившимся въ числѣ окружающихъ его лицъ, и, указавъ на малоуспѣшность сегодняшняго артиллерійскаго боя вообще и на направленіе дымовъ князя Шаховскаго, все болѣе удалявшихся влѣво, сказалъ, что находитъ атаку недостаточно подготовленною, а потому предлагаетъ—лучше прекратить на сегодня бой, немного ослабляя огонь нашихъ батарей.

Но прежде чѣмъ баронъ Криденеръ успѣлъ принять какое-либо рѣшеніе, къ нему прискакалъ наконецъ, безъ четверти въ три часа пополудни, ординарецъ князя Шаховскаго, съ извѣстіемъ, что начальникъ лѣвофланговаго отряда, считая атаку уже достаточно подготовленною артиллерійскимъ огнемъ, перешелъ въ наступленіе ¹⁾.

Теперь объяснилось, что означало отдаленіе влѣво направленіе дымовъ—и дѣйствительно: офицеры, наблюдавшіе въ бинокли, ясно замѣтили наступательныя движенія на

¹⁾ Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что вслѣдъ за распоряженіемъ князя Шаховскаго объ атакѣ, пріѣхавшій къ нему ординарецъ барона Криденера (имя котораго въ штабѣ лѣвофланговаго отряда не можетъ быть съ точностію названо) передалъ отъ лица командира 9-го корпуса слова: „если вы подготовили атаку, то можете начинать“, вслѣдствіе чего распоряженіе объ атакѣ оставлено въ своей силѣ.

лѣвомъ флангѣ. Отдавать приказаніе о прекращеніи боя было уже поздно; оставалось одно: поддержать, на сколько возможно, князя Шаховскаго, — и баронъ Криденеръ двинулъ въ наступленіе войска правофланговаго отряда ¹⁾ и самъ со штабомъ тронулся впередъ, пробираясь верхомъ между проходившими батальонами. Артиллерійскій огонь противника тотчасъ же усилился; гранаты ложились и впереди, и по сторонамъ наступающихъ частей, рвались въ вѣтвяхъ деревьевъ и подымали съ земли фонтаны грязно-желтой пыли. Чтобы нѣсколько уменьшить цѣль, представляемую значительною группою всадниковъ, пришлось раздаться пошире свистъ командира 9-го корпуса и отвести его конной нѣсколько въ сторону. Войска шли бодро, въ ногу, ровнясь...

Наступленіе правофланговаго отряда ведено было съ двухъ сторонъ: справа генераломъ Бѣлокопытовымъ ²⁾, а слѣва самимъ начальникомъ 31-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ ³⁾. Въ частномъ резервѣ за первымъ шли Архангелогородскій и Вологодскій полки ⁴⁾, а Галичскому полку приказано двинуться по-батальонно позади вологодцевъ, направляясь въ Гривницкую долину, для связи съ княземъ Шаховскимъ при дальнѣйшемъ наступленіи ⁵⁾. Въ общемъ же резервѣ, къ востоку отъ Гривницы, у барона Криденера оставались: шесть батальоновъ съ двумя батареями 30-й пѣхотной дивизіи и три эскадрона съ четырьмя конными орудіями.

Съ высоты, на которой, слѣдя за боемъ, стоялъ баронъ Криденеръ, ясно было видно смѣлое движеніе князя Шаховскаго: турки начинали частями сниматься передъ нимъ съ позиціи. Равно и движеніе праваго фланга въ началѣ тоже подавало надежду на хорошіе результаты, такъ какъ стремительный натиск нашихъ стрѣлковъ на турецкія цѣпи, въ четвертомъ часу пополудни, заставилъ ихъ по-

спѣшно отходить, и это было причиною, что баронъ Криденеръ, желая пресѣчь непріятелю путь отступленія на Софію, поспѣшилъ послать генералу Лашкареву приказаніе о переходѣ его отряда ¹⁾ на лѣвый берегъ Вида, для дѣйствій по софійскому шоссе, въ тылъ противнику. Но едва было послано это приказаніе, какъ отступленіе турокъ вдругъ прекратилось, а черезъ нѣсколько минутъ, видимо ободренные тѣмъ-то, они вновь перешли въ наступленіе противъ князя Шаховскаго ²⁾. Все это хорошо было видно съ того мѣста, гдѣ стоялъ баронъ Криденеръ, посреди открытой площадки, на вершинѣ хребтообразной возвышенности, вдающейся мысомъ въ долину, по которой протекаетъ Гривницкій ручей. Это было лучшее мѣсто для наблюденій, такъ какъ отсюда вправо, словно на ладони, видѣлся весь Гривницкій редутъ съ окружающими ложементами, а влѣво открывался видъ почти на всю позицію князя Шаховскаго. На эту площадку, въ исходѣ четвертаго часа дня, прискакалъ ординарецъ князя Шаховскаго, еще издали крича: «Помощь!.. Помощь!..» Тогда баронъ Криденеръ, вызвавъ капитана генеральнаго штаба Бюргера, приказалъ ему взять изъ резерва Коломенскій полкъ съ батареей и вести ихъ къ лѣвофланговому отряду, а ротмистра Хвостова послалъ съ извѣщеніемъ о томъ къ князю Шаховскому. О роли, выпавшей на долю Коломенскаго полка, уже было сказано выше.

Дружно и стройно двигались войска генераловъ Бѣлокопытова и Вельяминова противъ окльно занятыхъ турецкихъ укрѣпленій, имѣя конечной цѣлью атаки все тотъ же Гривницкій редутъ.

Непріятель, завидѣвъ движеніе этихъ двухъ отрядовъ, открылъ огонь, который по истинѣ можно назвать ужасающимъ: это былъ, въ буквальномъ смыслѣ, градъ барабанищихъ пуль, не говоря уже объ учащенныхъ артиллерійскихъ выстрѣлахъ. Здѣсь уже, конечно, не могло быть и рѣчи о мѣткости, а весь расчетъ противника строился лишь на процентъ выпускаемыхъ безъ счета пуль, но и этотъ процентъ, при массѣ огня, былъ все-таки ужасенъ. Но 1-й батальонъ Пензенскаго полка безостановочно продолжалъ подвигаться впередъ, а подойдя на ближайшее разстояніе, ударилъ въ штыки и приступомъ взялъ первый рядъ ложементовъ и батарею. Не останавливаясь, онъ уже бросился было на второй рядъ укрѣпленій, но будучи встрѣченъ тутъ турецкими резервами, долженъ былъ приостановиться.

¹⁾ Одновременно съ этимъ, съ крайняго праваго фланга (генералъ Лашкаревъ) получено было донесеніе, что вслѣдствіе натиска башибузуковъ связь между уланами и драгунами прервана и что послѣдніе даже отошли назадъ. Баронъ Криденеръ поручилъ генеральнаго штаба подполковнику Маціевскому взять изъ общаго резерва эскадронъ драгунъ съ двумя конными орудіями и отвести эту часть для поддержки крайняго праваго фланга. По исполненіи сего, связь между нашими эскадронами была восстановлена.

²⁾ 121-й пѣхотный Пензенскій полкъ, 2-й и 3-й батальоны 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка.

³⁾ 1-й батальонъ Козловскаго и 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ.

⁴⁾ Причемъ баронъ Криденеръ приказалъ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, безъ крайней необходимости не расходовать частей его дивизіи.

⁵⁾ Но поровнявшись съ с. Гривницей, Галичскій полкъ обстоятельствами боя былъ все-такъ принятъ къ тому же Гривницкому редуту съ юго-восточной его стороны.

¹⁾ 9-й уланскій Бугскій и 9-я довской казачій полки съ довской № 2-го батареей.

²⁾ По свидѣтельству другого источника, туркамъ не удалось выбить нашихъ изъ первой линіи отнятыхъ у нихъ траншей и укрѣпленій, изъ коихъ № 4-й даже до утра 19-го іюля былъ занятъ 2-й стрѣлковой ротой Рыльскаго полка и двумя отбитыми у турокъ орудіями.

Въ поддержку ему, 2-й батальонъ того же полка, наступавшій лѣвѣе, ударилъ съ такой же стремительностью на непріятельскіе окопы, и на этотъ разъ турки не выдержали—отбѣжали въ лощину. 2-й батальонъ, по пятамъ противника, достигъ противоположащаго края лощины, гдѣ расположенъ Гривницкій редутъ, и тутъ замѣтилъ, что съ правой стороны подкрѣпляетъ его 3-й батальонъ пензенцевъ.

Подъемъ къ редуту, представлявшій уголъ болѣе 30-ти градусовъ, былъ крайне труденъ; но несмотря на это, 5-я и 7-я линейныя роты, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, не только добрались и выбрали непріятеля изъ траншей, но и утвердился въ нихъ. Этими ротами предводительствовалъ майоръ Ковалевскій, командиръ 2-го батальона, который, по занятіи траншей, бросился съ частью стрѣлковъ и 7-ю ротой вправо, на брустверъ редута, и первый вскопалъ туда. Кучка турецкихъ солдатъ подскочила въ упоръ къ нему со склоненными штыками. Ковалевскій троекъ положилъ на мѣстѣ выстрѣлами изъ своего револьвера, и желая позвать на помощь своихъ солдатъ, обернулся назадъ, но въ это самое мгновеніе былъ раненъ въ бокъ пулею одного изъ противниковъ, а остальные съ торжествомъ подняли его вверхъ на штыки. Тутъ подскочилъ какой-то турецкій офицеръ и сразмаха отрубилъ ему голову. Здѣсь же палъ и командиръ 7-й роты, поручикъ Аммосовъ, изрубленный атаками. Не имѣли также успѣха и остальные два батальона Пензенскаго полка, пылко бросавшіеся на противника подъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и фланговъ. При этихъ отчаянныхъ атакахъ Пензенскій полкъ потерялъ 29 офицеровъ и 1,006 нижнихъ чиновъ. Эти цифры говорятъ сами за себя, и громадность потери свидѣтельствуетъ объ упорствѣ и беззаветной храбрости полка.

Вслѣдъ за пензенскими, пошли на приступъ 2-й, а потомъ и 3-й батальоны Козловскаго полка, предводимые своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Степановымъ, и не желая отступить, засѣли во рву Гривницкаго редута. При этой атакѣ полковникъ Степановъ былъ замертво увнесенъ на перевязочный пунктъ, получивъ смертельныя раны пулями. Онъ все время, несмотря на просьбы офицеровъ и солдатъ, не хотѣлъ слѣзть со своего рыжаго коня, служившаго слишкомъ хорошею цѣлью непріятельскимъ стрѣлкамъ. «Нѣтъ, братцы, я недаромъ получилъ моего Георгія», отвѣчалъ онъ на всѣ доводы, и палъ жертвою собственнаго молодечества; онъ получилъ три раны, изъ которыхъ послѣдняя была въ животъ и пуля засѣла около крестца; эта пуля была безусловно смертельной.

Одновременно съ атакю генерала Бѣлокопытова наступалъ и 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ, имѣя въ резервѣ за собой 1-й

батальонъ козловцевъ. Тамбовскія роты, подъ сильнымъ огнемъ, шли въ полномъ порядкѣ, сохраняя даже равненіе. По мѣрѣ сближенія ихъ съ непріятелемъ, огонь его все усиливался и наконецъ дошелъ до такой степени, что трудно было двигаться впередъ, на каждомъ шагу переступая чрезъ убитыхъ и валявшихся раненыхъ. Такимъ образомъ, наступающія части приостановившіеся вынуждены были залечь за холмъ, откуда открыли огонь залпами. Весьма энергическая атака съ этой послѣдней позиціи точно также не имѣла успѣха.

Вслѣдъ за этими полками двинулись Галичскій, Вологодскій и Архангелогородскій полки съ ихъ артиллеріей. Не останавливаясь, они постепенно вступали въ дѣло и кидались въ штыки на непріятельскіе ложементы вокругъ Гривницкаго редута. Но всѣ эти отчаянныя усилія разбивались о сопротивленіе турокъ.

Между тѣмъ, время уже шло къ вечеру,—нужно было кончать дѣло, а участь всего боя, какъ казалось военачальникамъ правого фланговаго отряда, главнѣйшимъ образомъ, зависла отъ взятія Гривницкаго редута. Надо было кончить съ этимъ редуткомъ, вокругъ котораго уже лежало много и много русскихъ... На поддержку атакующимъ баронъ Криденеръ послалъ изъ остатковъ общаго резерва двѣ роты 120-го пѣхотнаго Серпуховскаго полка и два конныя орудія ⁽¹⁾. Вой снова загорѣлся съ лихорадочною силой,—но вѣстрѣченныя трехъ-арусныи огнемъ—и новыя наши атаки были безуспѣшны.

Баронъ Криденеръ все еще стоялъ на открытой площадкѣ возвышенности, когда около шести часовъ вечера къ нему прискакалъ отъ князя Шаховскаго новый посланный—адъютантъ главнокомандующаго штабсъ-ротмистръ Дерфельденъ, съ тревожной вѣстью, что на лѣвомъ флангѣ нужна немедленная помощь, а иначе дѣло разиграется плохо. И не успѣлъ онъ окончить своего доклада, какъ скачетъ третій посланный, свиты его величества генералъ-майоръ графъ Протасовъ-Бахметевъ, съ настоятельной просьбой о подкрѣпленіи; вслѣдъ за нимъ прибылъ и четвертый—и все одно и то же требованіе: «помощи!»

Но у барона Криденера уже не было никакихъ средствъ для помощи. Къ генералу Вельяминову, тоже неоднократно присылавшему за подкрѣпленіями, только-что были отправлены

⁽¹⁾ За отвлеченіемъ Коломенскаго полка на лѣвый флангъ къ князю Шаховскому, въ общемъ резервѣ барона Криденера къ 6-ти часамъ вечера остались нетронутыми только 120-й пѣхотный Серпуховскій полкъ съ пѣшей батареей и три эскадрона съ четырьмя конными орудіями. Въ это время, получивъ довѣщеніе, что крайній правый флангъ подается назадъ, баронъ Криденеръ направилъ къ нему 1-й батальонъ серпуховцевъ и эскадронъ драгунъ съ двумя орудіями. Эти части своевременно оказали поддержку, и правый флангъ снова подался впередъ; но съ отвлеченіемъ ихъ, общій резервъ весьма ослабился.

пѣ резерва двѣ роты съ двумя орудіями, да къ генералу Вѣлокопытову, на крайній правый флангъ, уже сильно подавшійся назадъ, сейчасъ лишь послали батальонъ серпуховцевъ съ драгунскимъ эскадрономъ и двумя орудіями, такъ что, на случай прикрытія общаго отступленія, у барона Криденера осталось въ запасъ только полтора батальона. Помогать теперь лѣвофланговому отряду значило бы—остаться при отступленіи безъ одной свѣжей части; да и кромѣ того, принимая въ соображеніе отдаленность этого отряда отъ общаго резерва и путь къ нему по кукурузнымъ полямъ, кустарникамъ, виноградникамъ, чрезъ балки и лощины, помощь могла бы подоспѣть на лѣвый флангъ не иначе, какъ ночью, а между тѣмъ противъ нашего праваго фланга были сосредоточены наибольшія силы турокъ. Чтобы помочь князю Шаховскому, барону Криденеру оставалось развѣ одно изъ двухъ: либо совсѣмъ оставить дѣло на правомъ флангѣ, либо крайне ослабить его, передвинувшись, въ первомъ случаѣ, къ лѣвофланговому отряду всѣми своими силами, а во второмъ—направивъ туда часть этихъ силъ, уже давно введенныхъ въ бой противъ Гривицкаго редута, и для этого, такъ сказать, оторвать ихъ отъ дерущагося противника. Мыслимо ли было что-либо подобное, если вспомнить, что за Гривицкимъ редутомъ у турокъ стоялъ цѣлый укрѣпленный лагерь, такъ что, прежде взятія того и другого, войскамъ 9-го корпуса нигуда нельзя было двинуться (развѣ только назадъ), не подвергая себя жесточайшему и совершенно безнаказанному фланговому огню превосходныхъ силъ противника? Двинуть часть силъ—значило ослабить остальную часть до окончательной невозможности не только продолжать бой, но и выйти изъ боя ради отступленія; эта послѣдняя часть была бы заранѣе обречена на конечную и совершенно бесполезную гибель. Двинуться же всѣми силами—значило совершенно открыть для противника все плевнорущукское шоссе, весь путь естественнаго и единственно возможнаго нашего отступленія на болгаренскую позицію¹⁾.

Отказавъ въ подкрѣпленіи князю Шахов-

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, присутствія большого лагеря за Гривицкимъ редутомъ въ отрядъ князя Шаховскаго не было усмотрѣно, и во время всѣхъ дѣйствій этого отряда ни на его правомъ флангѣ, ни въ тылу ничѣмъ не ощущалось. Напротивъ, по обстоятельной рекогносцировкѣ съ боемъ генерала Скобелева и лично отрядомъ князя Шаховскаго, было открыто присутствіе большихъ силъ непріятеля между Плевной и радишевскими укрѣпленіями № 4 и № 5. Въ полдень князь Шаховской получилъ отъ генерала Скобелева слѣдующую записку: „Между Плевной и передовыми укрѣпленіями къ Радишеву сосредоточена значительная пѣхотная сила съ артиллеріей,—видимо — общій резервъ. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ (его, Скобелева) и на плевно-софійской дорогѣ — массы кавалеріи, также съ артиллеріей“.

скому, баронъ Криденеръ рѣшился сдѣлать еще одну, уже послѣднюю, но едва ли необходимую попытку противъ Гривицкаго редута и послалъ туда еще три роты того же Серпуховскаго полка¹⁾. Смѣю сомнѣваться въ необходимости этой попытки, на томъ основаніи, что если усилія слишкомъ 19-ти батальоновъ разбивались до сихъ поръ о преграды Гривицкаго редута, то едва ли могли три роты существенно помочь дѣлу; а между тѣмъ, съ отправленіемъ ихъ въ атаку,—для прикрытія общаго отступленія отрядовъ барона Криденера и князя Шаховскаго, въ резервѣ остался только одинъ батальонъ. А что было бы тогда, если бы турки, ободренные успѣхомъ, вздумали перейти въ наступленіе и повели бы настойчивое преслѣдованіе нашихъ изнеможенныхъ войскъ?... Личное начальствованіе надъ тремя серпуховскими ротами принялъ ихъ бригадный командиръ, генералъ Божеряновъ; но онъ былъ раненъ, не доходя ста шаговъ до редута. Несмотря на все рвеніе начальниковъ и людей, не увѣялась успѣхомъ и эта послѣдняя попытка.

Солнце скрылось, чрезъ полчаса наступила полная темнота; мѣсяцъ пока не показывался, а вокругъ редута все еще кишѣла ружейная перестрѣлка, сопровождаемая отчаянными, остревѣвшими криками «ура». Войска не хотѣли отступать, пока не овладѣютъ этимъ укрѣпленіемъ. Для наблюдающихъ за боемъ, при ступавшихся сумеркахъ, въ пыли и дыму, облежавшихъ Гривицкій редутъ, уже ничего не возможно было разглядѣть; по временамъ казалось, будто стрѣльба затихала и какъ бы удалялась, замолкали и крики, и тогда можно было думать, что редутъ уже въ нашихъ рукахъ; однако, проходитъ минута, другая—и снова поднимается усиленная канонада, снова, какъ барабанная дробь, закипаетъ перестрѣлка, быстро трепать одинъ за другимъ ружейные залпы, и вмѣстѣ съ ними опять колеблется, опять исчезаетъ наша минутная, обманчивая надежда...

Въ минуты этихъ судорожныхъ колебаній бой, порою казалось, что дѣло еще не потеряно, что еще одно напряженіе, еще одинъ порывъ—и редутъ въ нашихъ рукахъ. Въ одно изъ подобныхъ мгновеній къ барону Криденеру подѣзжаетъ ординарецъ князя Шаховскаго, съ извѣстіемъ, что начальникъ лѣвофланговаго отряда, не имѣя больше войскъ подъ рукою, не въ силахъ держаться долѣе и потому начинаетъ отступленіе.

—Передайте князю Шаховскому, чтобы все не отступать,—сказалъ генералъ Криденеръ.—Всѣмъ оставаться на тѣхъ позиціяхъ,

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, въ атаку на Гривицкій редутъ былъ также пущенъ и спѣшенный эскадронъ Рижскаго драгунскаго полка.

гдѣ застанетъ ночь. Завтра утромъ мы пойдемъ и возьмемъ Плевну ¹⁾.

На чемъ основывалась такая увѣренность почтеннаго генерала—сказать, конечно, трудно, такъ какъ ожидать себѣ помощи онъ не могъ ни откуда, а наличныя войска были сляпкомъ уже разстроены неудачнымъ боемъ. Думаю, что эти слова выражали собой скорбѣ психическое настроеніе главноначальствующаго въ данную минуту, чѣмъ убѣжденіе въ дѣйствительной возможности взять Плевну завтра утромъ. Миѣ кажется, что это было просто самообманъ отчаянія, минута, когда вопреки очевидности еще не хочется вѣрить въ ужасный смыслъ дѣйствительности, когда страшно сознаться самому себѣ, что дѣло потеряно, что всѣ жертвы напрасны, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ мелькаетъ мгновенными рѣшимостью отчаянія: взять во что бы то ни стало, или умереть на мѣстѣ.

Ординарецъ, отвозившій это приказаніе къ начальнику лѣвофланговаго отряда, встрѣтилъ князя Шаховскаго какъ разъ въ ту минуту, когда этотъ послѣдній, окруженный штабомъ и казаками, спускался съ высоты, служившей ему доселѣ обсервационнымъ пунктомъ. Протѣснившись между всадниками свиты, ординарецъ передалъ князю записку и словесное приказаніе барона Криденера.

— Поздно! Нельзя не отступить!.. Вы видите?—сказалъ князь, указывая на войска, шедшія въ безпорядкѣ, и затѣмъ замѣтилъ, что хотя бы и могло подоспѣть завтра подкрѣпленіе, но сегодня уже нельзя такъ оставаться и что генералу Горшкову утромъ будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ теперь выводить свои войска изъ городского предмѣстья ²⁾.

Видя бесполезность дальнѣйшихъ попытокъ

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, ординарецъ привезъ князю Шаховскому слѣдующую записку:

„18-го іюля, 7 ч. 10 м. вечера, у Гривницы. Прошу ваше сіятельство держаться на позиціи во что бы то ни стало.

„Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ. (Приписка) „Резервы всѣ истощены“.

²⁾ По свидѣтельству другого источника, отвѣтъ князя Шаховскаго заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Къ сожалѣнію, я долженъ отступить отъ занятыхъ мной укрѣпленій, но останусь на первой моей боевой позиціи у Радисева“. Это и было исполнено, и арьергардъ князя Шаховскаго только утромъ 19-го числа отошелъ къ Поради-му, на основаніи нижеслѣдующаго приказанія, по смыслу коего возобновленіе атаки не представляло болѣе. Вотъ это приказаніе:

„Штабъ 9-го корпуса. 18-го іюля, 10 ч. 50 м. ночи, у Гривницы.

„Отходите на прежнія позиціи, гдѣ оставили ранцы ^{*)}. Затѣмъ путь отступленія на Булгарени. „Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ“.

^{*)} Ранцы были оставлены въ Порадиѣ.

и упорства среди ночной темноты, баронъ Криденеръ приказалъ батальону серпуховцевъ и эскадрону уланъ—единственно остававшимся еще у него въ резервѣ—занять позицію, за которую могли бы отступить оражавшіеся впереди части, а самъ со штабомъ перешагалъ на главный перевязочный пунктъ, находившійся вблизи боевыхъ линій. Это было уже близко около полуночи. Здѣсь баронъ Криденеръ принялъ начальниковъ частей правофланговаго отряда, явившихся съ докладами объ исходѣ боя, и сюда же пріѣхалъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, вторично посланный княземъ Шаховскимъ, съ порученіемъ—передать главноначальствующему, что въ лѣвофланговомъ отрядѣ едва ли осталось четыре роты. Тогда баронъ Криденеръ, убѣдись въ окончательной невозможности возобновить на завтра дѣло, поручилъ генералу Вельяминову вывести изъ боя части, оставшіеся еще около Гривницкаго редута, и направилъ принадлежавшіе 5-й пѣхотной дивизіи обозы 2-го и 3-го разрядовъ на Булгарени, а обозы 31-й дивизіи—на Турскій-Трестеникъ; войскамъ же было приказано—по выходѣ изъ боя, отступать на ихъ прежнія позиціи, съ которыхъ они двинулись въ утро 18-го числа къ Плевнѣ. Затѣмъ, составивъ двѣ телеграммы государю императору и великому князю главнокомандующему, баронъ Криденеръ выѣхалъ съ главнаго перевязочнаго пункта на дорогу и, пропустивъ, подъ личнымъ своимъ осмотромъ, всѣ до послѣдней подводы съ ранеными, двинулся вслѣдъ за войсками не раньше, какъ когда были сняты и уложены на линейки шатры дивизионнаго лазарета.

На пути къ Турскому-Трестенику онъ встрѣтилъ 124-й пѣхотный Воронежскій полкъ, только-что подходившій къ мѣсту боя ¹⁾, и направилъ его въ помощь Галицкому полку, на который, какъ на часть, менѣе другихъ пострадавшую, возложено было, совместно съ серпуховскимъ батальономъ, общее прикрытіе отступленія.

Но вокругъ Гривницкаго редута все еще слышались надорванные крики и не умолкая рокотала перестрѣлка, которая упорно длилась всю ночь, и только къ одиннадцати часамъ утра слѣдующаго дня (19-го іюля) удалось, наконецъ, генералу Вельяминову, такъ сказать, оттащить эти войска изъ боя на позицію. Послѣдними, вышедшими изъ рва редута были люди Архангелогородскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Шлягтера, который принялъ полкъ лишь передъ самымъ сраженіемъ. Это обстоятельство можетъ характеризовать духъ бывшихъ въ дѣлѣ войскъ: Архангелогородскій полкъ по-

¹⁾ Безъ двухъ ротъ, оставшихся въ Систовѣ, для защиты переправы.

несли сильные потери въ первомъ плевненскомъ бою и считался наиболее деморализованнымъ. Части, выходившія изъ огня на Гривцу, отступали въ порядкѣ, не торопясь и перестраиваясь, пока не отошли на равнину, лежащую уже внѣ сферы ружейнаго огня, гдѣ и перестроились въ батальонныя колонны, а нѣкоторые части исполнили это перестроение еще въ виду Гривцы.

Во второмъ плевненскомъ сраженіи мы потеряли одного генерала ¹⁾ трехъ полковыхъ командировъ ²⁾, 165 штабъ и оберъ-офицеровъ и 7,167 человекъ нижнихъ чиновъ, а всего 7,336 человекъ ³⁾.

¹⁾ Генераль-майоръ Вожеяновъ, раненъ.

²⁾ Полковники: Саранчовъ (раненъ), Степановъ (скончался отъ ранъ) и Каульбарсъ (убитъ).

³⁾ Изъ этого числа на долю правофлангового отряда, за 18-е и 19-е іюля, приходится убитыхъ 735, раненыхъ 2,017 человекъ; въ лѣвофланговомъ же отрядѣ число однихъ убитыхъ показано въ 2,924 человекъ.

Описание второго плевненскаго сраженія было бы не полно, если бы пройти молчаніемъ замѣчательно энергическую дѣятельность врачей-хирурговъ на перевязочныхъ пунктахъ. Такъ какъ отряды барона Криденера и князя Шаховскаго сражались на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, то и медицинская часть въ каждомъ отрядѣ должна была дѣйствовать самостоятельно.

Въ обоихъ отрядахъ было сдѣлано все, что должно для правильной подачи помощи раненымъ: опредѣлены мѣста для перевязочныхъ пунктовъ, заблаговременно заготовлены въ значительномъ числѣ подводы и доставлены на мѣста дѣйствій. Благодаря этимъ распоряженіямъ, военные врачи получили возможность не только подать надлежащую помощь раненымъ, доставленнымъ на перевязочные пункты, но и успѣли всѣхъ ихъ вывезти и разместить по госпиталямъ. Для содѣйствія въ подачѣ помощи, къ обоимъ отрядамъ нашихъ войскъ къ утру 18-го іюля прибыли: главный хирургъ арміи докторъ Кадацкій, профессоры Скифасовскій и Корженевскій, хирурги и врачи Тауберъ, Духновскій, Влѣменфельдтъ, Эжкъ, Масловскій и другіе.

Въ отрядѣ кн. Шаховскаго главнымъ распорядителемъ былъ корпусный врачъ 11-го корпуса Радаковъ, руководившій направленіемъ и распределеніемъ раненыхъ по перевязочнымъ пунктамъ. При дивизионномъ лазаретѣ 32-й дивизіи, находившемся въ отрядѣ кн. Шаховскаго, кромѣ хирурговъ этого лазарета и полковыхъ врачей, работали профессоръ Корженевскій, докторъ Влѣменфельдтъ и Масловскій, и эта работа длилась съ 3-хъ часовъ дня до 8-ми вечера. Перевязано и вывезено было въ лазаретныхъ лѣнскихъ и на повозкахъ витебскаго транспорта около 700 раненыхъ. Транспортъ этотъ, въ сопровожденіи корпуснаго врача и хирурговъ, прибылъ въ Зимницу на другой день (19-го іюля), и всѣ раненые были здѣсь размѣщены въ госпиталѣ № 63-го.

Въ отрядѣ барона Криденера находились: главный хирургъ арміи и профессоръ Скифасовскій съ хирургами, прибывшими сюда вмѣстѣ съ нимъ, а также хирургъ Кехеръ съ медицинскимъ персоналомъ дивизионныхъ лазаретовъ 5-й, 30-й и 31-й дивизій и врачи военныхъ частей, входившихъ въ составъ отряда.

Съ утра и до пятого часа пополудни 18-го

Поведеніе войскъ въ бою 18-го іюля стоитъ внѣ всякаго упрека: они съ геройскимъ самоотверженіемъ, до послѣдней минуты, исполня-

іюля въ отрядѣ барона Криденера, несмотря на сильный артиллерійскій огонь противника, число раненыхъ было незначительно. Но съ началомъ атаки санитарныя роты трехъ дивизионныхъ лазаретовъ стали носить раненыхъ непрерывно, цѣлыми сотнями, и требовалось по истинѣ невѣроятное хладнокровіе и быстрота въ работѣ, чтобы успѣвать останавливать кровотеченіе, перевязывать и укладывать раненыхъ въ лѣнники и на подводы, стоявшія наготовѣ и въ дѣйствіи непрерывно взадъ и впередъ съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ на главныя, причемъ докторъ Кадацкій повѣрялъ правильность распределенія раненыхъ для своевременной и быстрой подачи имъ помощи.

На главныхъ перевязочныхъ пунктахъ, которые составились изъ лазаретовъ 31-й, 5-й и 30-й дивизій и были расположены соответственно флангамъ отряда, шла не менѣе дѣятельная работа по оперативному пособію, наложенію гипсовыхъ повязокъ и проч. Профессоръ Скифасовскій оперировалъ въ лазаретѣ 30-й дивизіи, къ которому была присоединена часть врачей изъ лазарета 5-й дивизіи, а прочіе хирурги распределялись по остальнымъ дивизионнымъ лазаретамъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ, перевязочная работа шла при слабомъ, мерцающемъ свѣтѣ простыхъ переносныхъ фонарей. Врачи, по нѣскольکو часовъ не разгибавшіе колѣнъ, ползкомъ перебирались отъ одного раненаго къ другому, а между тѣмъ и справа, и слѣва къ нимъ подвозили все новыхъ и новыхъ страдальцевъ.

Около 10-ти часовъ вечера дивизионныя лазареты были предупреждены, что имъ слѣдуетъ сниматься. Полчаса спустя, работа была закончена, и раненые, послѣ перевязки, вывезены съ главныхъ пунктовъ. Докторъ Кадацкій оставилъ передовой перевязочный пунктъ праваго фланга около полуночи, когда полковые врачи уже перевязали и на двадцати повозкахъ вывели послѣднихъ изъ раненыхъ, принесенныхъ къ нимъ съ поля. Несмотря на крайнее утомленіе, полковые врачи остались на своихъ пунктахъ, чтобы съ первыми лучами разсвѣта начать перевязку тѣхъ, до которыхъ добрались санитарамъ не было пока возможности, за мглою ночи и размѣщеніемъ войскъ, ближайшихъ къ турецкой позиціи. Но и въ теченіе ночи они мало имѣли отдыха, такъ какъ должны были подавать пособіе такимъ раненымъ, которымъ удавалось собственными усиліями кое-какъ доползати до нашихъ аванпостовъ.

Всѣ лѣнники и подводы, нагруженные ранеными, подъ наблюденіемъ хирурговъ, прибывшихъ къ отряду барона Криденера, и нѣкоторыхъ изъ врачей дивизионныхъ лазаретовъ, направились къ селу Булгарени. Главный хирургъ, послѣ полуночи пріѣхавъ на мѣсто перевязочнаго пункта, расположеннаго впереди прочихъ пунктовъ лѣваго фланга, засталъ тамъ барона Криденера со всѣмъ его штабомъ, свиты его величества генераль-майора князя Имеретинскаго, французской службы полковника Гальяра и австрійскихъ военныхъ агентовъ. Здѣсь докторъ Кадацкій доложилъ барону Криденеру, что общимъ трудомъ всѣхъ хирурговъ и врачей, находившихся при его отрядѣ, перевязано и вывезено уже до 1,600 человекъ. Изъ обоихъ же отрядовъ въ совокупности вывезено до 4,000 раненыхъ. И все это исполнено въ короткій промежутокъ времени отъ четырехъ-пяти часовъ во-

ли свое тяжкое дѣло¹⁾. Въ чемъ же кроется причина нашей неудачи? Какіе общіе выводы можно сдѣлать на основаніи данныхъ, представляемыхъ намъ вторымъ пленненскимъ боемъ?

вчера до наступленія темноты и въ ранніе утренніе часы 19-го іюля, когда опять получилась возможность для окончательной, дѣятельной уборки и перевязки раненыхъ, остававшихся еще на полѣ сраженія.

По прибытіи въ Булгарени, удѣливъ самый короткий срокъ на необходимый отдыхъ, всѣ хирурги, съ профессоромъ Склифасовскимъ, снова начали перевязку раненыхъ. Около второго часа пополудни транспортъ раненыхъ могъ уже сняться съ мѣста и идти въ Зимницу, куда и пришелъ 20-го іюля въ 5 часовъ утра. Здѣсь главный хирургъ, по распоряженію инспекторовъ военно-медицинскаго и госпиталей, распредѣлилъ всѣхъ этихъ раненыхъ въ госпиталихъ № 47-го и № 63-го. Оба прибывшіе сюда инспектора — докторъ Приселковъ и генералъ-майоръ Косинский — окончательно привели въ порядокъ размѣщеніе и содержаніе раненыхъ, произвели правильную эвакуацию оныхъ въ дальнѣйшіе госпитали и въ первые же дни сосредоточили въ Зимницѣ и въ Систовѣ четыре госпиталя, разместивъ раненыхъ безъ стѣсненія.

Съ прибытіемъ въ Зимницу этихъ транспортовъ, въ госпиталихъ № 47-го и № 63-го началась дѣятельная перевязка и подача оперативнаго пособия профессорами: Склифасовскимъ, Коржевскимъ, Левшинскимъ, Новацкимъ, Мораховскимъ, главнымъ хирургомъ и прочими полевыми хирургами, прибывшими изъ отрядовъ барона Криденера и князя Шаховскаго, при помощи врачей обоихъ означенныхъ госпиталей. Работа началась съ восходомъ солнца и кончилась не раньше какъ съ наступленіемъ темнаго вечера.

¹⁾ Много было и отдѣльныхъ, единичныхъ подвиговъ. Вотъ тѣ, о которыхъ удалось мнѣ собрать свѣдѣнія:

Заводный унтеръ-офицеръ 5-й роты Рыльского полка, Квятковский, отступая вмѣстѣ съ ротой назадъ изъ виноградинокъ, натывается на молодого дубняка и терновый кустарникъ и залегаетъ за нимъ, приготовясь къ выстрѣлу. Здѣсь онъ увидѣлъ, что мимо пробѣгаютъ до слѣдующей задней позиціи одинъ его однополчанинъ изъ 3-й стрѣлковой роты и двое рядовыхъ курскихъ. „Стой, стой, ребята! ступай сюда, отсюда удобнѣе!“ закричалъ имъ Квятковский. Тѣ приближились, залегли вмѣстѣ съ нимъ за терновникъ, открыли неторопливый, но мѣткій огонь съ полной выдержкой, и такимъ образомъ этимъ четверемъ человѣкамъ удалось остановить наступленіе трехсотъ турокъ.

Заводный унтеръ-офицеръ 2-й стрѣлковой роты Рыльского полка, Михаилъ Бондарчукъ ночью, уже дослѣ отступленія главныхъ силъ, собравъ небольшую команду, захватилъ два непріятельскія орудія, еще раньше отбитыя нами въ окопѣ № 4, и таскалъ ихъ вмѣстѣ съ товарищами, безъ передышки, до слѣдующей крутизны, но оказалось, что за трудностью подъема втащить ихъ на эту крутизну невозможно. Тогда Бондарчукъ вынулъ изъ нихъ запирающіе механизмы, а люды его порубили колеса и лафеты. Онъ же, ранѣ этого, во время боя, по занятіи его ротой турецкой позиціи, разсыпалъ и смѣшалъ съ землей порохъ изъ непріятельскихъ артиллерійскихъ снарядовъ, разметалъ множество найденныхъ патроновъ и до 200 четвертей овса. Бондарчукъ получилъ Георгіевскій крестъ по единодушному приговору всего баталіона.

Въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось встрѣчаться со многими мнѣніями, изъ коихъ важнѣйшія сводятся на недостаточность рекогносцировокъ и на недостаточность нашихъ силъ для атаки. Относительно перваго высказы-

Нѣкоторые люди Курскаго, Рыльского и Шуйскаго полковъ всю ночь оставались на позиціи и занимались отыскиваніемъ непріятельскихъ ружей и патроновъ. Последніе они кидали въ ручей, а ружья разбивали въ дребезги сперва ударомъ приклада о землю, а затѣмъ ствола о стволъ. Такимъ образомъ уже послѣ нашего отступленія было приведено въ негодность много непріятельскаго оружія.

Однѣ изъ рядовыхъ 7-й линейной роты Рыльского полка, въ то время какъ рота залегла въ виноградинокѣ и вела перестрѣлку, замѣтилъ впереди на ближайшей плантаціи, что на жерданныхъ сушилахъ висятъ связки турецкаго табаку. Солдату вздумалось воспользоваться нѣсколькими изъ нихъ для собственнаго употребленія и угощенія товарищей. Онъ подъ жестокомъ огнемъ вышелъ изъ-за закрытія, подошелъ къ сушиламъ и началъ снимать связку, но едва успѣлъ снять ее, какъ вражья пуля prorвала ему рукавъ. — „Э, не позволяешь!... Ну, такъ я и еще возьму!“ обратился къ непріятельскому фронту громко проговорилъ солдатъ и снялъ еще одну связку. Мимо него, какъ бы въ отвѣтъ, просвистало нѣсколько пуль, очевидно, въ него направленныхъ. — „Все еще сердитесь? Ну, братъ, извини, а я для товарищей прихвати уже и третью!“ — И прихватилъ, и принесть въ ложементы даровое угощеніе. Вообще, что касается угощенія, то солдаты всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ частей въ одинъ голосъ свидѣлствуютъ, что въ непріятельскихъ ложементахъ они находили множество большихъ коробокъ съ патронами, расфранченныхъ совершенно правильнымъ образомъ, по одной на каждыя двухъ стрѣлковъ, разные фрукты, арбузы, дыни, вареный рисъ, свѣжую воду въ баклагахъ... и даже вино находили. Вообще, видно, что турки всѣмъ этимъ были снабжены въ изобиліи и притомъ предварительно и особо для каждой линіи ложементовъ, батарей и ровиковъ. Эти продукты для нашихъ людей были весьма кстати, такъ какъ они цѣлые сутки ничего не ѣли и не пили.

Около полудня, близъ 5-й пѣхотной дивизіи, въ нѣсколькихъ саженяхъ позади нашихъ развернутыхъ батарей, стоялъ баронъ Криденеръ, наблюдая за ходомъ боя. Вдругъ впереди его, въ нѣсколькихъ шагахъ, въ мягкую почву падаетъ граната и одинъ изъ ея осколковъ въ три фута вѣсомъ ложится къ ногамъ барона. Одинъ изъ офицеровъ свиты подвѣлъ его еще горячимъ и ваялъ на память. Другая граната, не разорвавшись, тутъ же ударилась рикошетомъ в пламя въ темъ лошади штабъ-горниста генерала Калачова, не задѣвъ всадника. Вообще турки старались мѣтить по развернутымъ краснымъ знакамъ старшихъ начальниковъ, основательно предполагая всегда ихъ присутствіе около этихъ флаговъ. На конныхъ же ординарцевъ они устраивали цѣлыя охоты и были по нимъ не только пулями, но и гранатами.

Общее вниманіе штаба невольно останавливалось на себѣ также и японскій военный агентъ, подполковникъ Сего-Имаэо, находившійся при штабѣ 9-го корпуса. Этотъ офицеръ отличался замѣчательной храбростію и хладнокровіемъ: надъ нимъ пролетаетъ граната и лопается въ трехъ шагахъ позади. Онъ не сошелъ съ мѣста и даже не обернулся.

ваются такимъ образомъ, что если начальнику штаба 9-го корпуса, озабоченному никопольскими дѣлами, некогда было заняться рекогносцировками до 8-го іюля, то съ 9-го по 18-е число времени было достаточно, а съ устраненіемъ недоразумѣній по поводу главного начальствованія, т. е. съ 14-го іюля, не могло быть недостатка и въ свѣдущихъ офицерахъ генеральнаго штаба, такъ какъ число ихъ увеличилось наличными силами штаба 11-го корпуса; кавалерія тоже было вполне достаточно. Если до 8-го іюля признавалось возможнымъ возлагать на одну лишь Кавказскую бригаду не только наблюдение свыше стоверстного пространства отъ устій Вида до Ловчи и Сельви, но и рекогносцированіе Плевны, Ловчи, Никополя, и участіе въ бояхъ, и разные иные порученія, требовавшія безпрестанныхъ откомандировокъ значительныхъ частей этой бригады, то теперь, когда подъ Плевной съ 11-го числа собрались цѣлыя три бригады кавалеріи, съ достаточно сильной конной артиллеріей, — рекогносцировки самыя точныя, обстоятельныя и подробныя, производимыя притомъ не казацкими урядниками и хорунжими, а офицерами генеральнаго штаба, сдѣланы не только возможны, но и безусловно обязательны ¹⁾. Никто, конечно, не утверждаетъ, что ихъ не было, но полагаютъ, что онѣ были не вполне достаточны и въ подтвержденіе такого мнѣнія указываютъ, что недостаточность рекогносцировокъ выяснилась обстоятельствами самаго боя. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что еслибы условія этого боя были вполне подготовлены предварительными рекогносцировками, то не могло бы явиться ошибочнаго убѣжденія, что ключемъ тактической позиціи является Гривицкій редутъ. Быть можетъ, онъ и составляетъ ключъ позиціи, но развѣ въ томъ лишь случаѣ, если брать Плевну, что называется, въ лобъ ²⁾. Но была ли

настоятельная и необходимая надобность именно въ такой атакѣ? — Полагаютъ, что этой надобности не представилось бы, если бы намъ были заранѣе извѣстны слабыя стороны турецкой позиціи, которая обнаружилась только во время боя генерала Скобелева: неприятель на южной и юго-западной сторонѣ *вовсе не имѣлъ никакихъ укрѣпленій*, и то упорство, съ какою турки старались штыковыми атаками сбить Скобелева съ занятой имъ позиціи на третьемъ краѣ Зеленыхъ высотъ, достаточно указываетъ, что Османъ-паша спохватившись повпалъ, гдѣ его Ахиллесова пята и откуда можетъ ему грозить самая страшная опасность.

Вторая ошибка, которой будто бы не избѣжалъ и генералъ Скобелевъ, заключалась — какъ полагаютъ нѣкоторые — въ томъ, что мы, повидимому, цѣлью всѣхъ своихъ усилій поставляли самый *городъ* Плевну, стараясь проникнуть въ его улицы, къ чему стремился и генералъ Горшковъ. Положимъ, говорить, что намъ удалось бы вернуться въ городъ и даже удержаться въ немъ. Какая въ томъ польза? Городъ лежитъ на днѣ глубокой котловины, гдѣ турки безнаказанно могли бы засыпать насъ снарядами съ командующихъ высотъ, на которыхъ расположены ихъ укрѣпленія сѣвернаго и сѣверо-восточнаго фронтовъ, еще разнѣ справедливо сочтенныя нами недоступными для атаки. Высказывающее такое мнѣніе полагаютъ, что задача вовсе не въ городѣ Плевно, а въ южныхъ и юго-западныхъ высотахъ, его окружающихъ. Они думаютъ, что, занявъ прочнымъ образомъ (но не иначе, какъ прочнымъ) третій гребень Зеленыхъ горъ и вообще юго-западныхъ высоты, что тянутся позади Плевны до видскаго каменнаго моста параллельно долинѣ Гривицкаго ручья, противъ Буковелинскихъ и Опонецкихъ высотъ, мы господствовали бы непосредственно надъ самымъ городомъ и, кромѣ того, приобрѣтали бы всѣ выгоды фланговаго расположенія вдоль единственно возможнаго для Османа пути отступленія на софійское шоссе, каковой путь пролегаетъ по долинѣ Гривицкаго ручья, къ видскому мосту. Занять же эти позиціи было тѣмъ легче, что южная (ловчинское шоссе) и юго-западная части турецкой позиціи были въ то время вовсе не укрѣплены. Если бы это обстоятельство было извѣстно заблаговременно, то нѣтъ сомнѣнія, что южной и юго-западной сторонамъ было бы отдано все преимущество для главнаго удара, а на радишевскомъ и гривицкомъ фронтахъ пришлось бы, можетъ быть, ограничиться только демонстративными, преимущественно артиллерійскими дѣйствіями. Могутъ возразить, что, переносъ центр тяжести на югъ, мы открыли бы плевно-рушукское шоссе и нашу коммуникационную систово-тырновскую линію. Но, по мнѣнію людей, проно-

¹⁾ По свидѣтельству другого источника, въ отрядѣ князя Шаховскаго были заблаговременно произведены офицерами генеральнаго штаба самыя точныя и подробныя рекогносцировки всего юго-восточнаго участка Плевненскихъ позицій, отъ лѣваго берега Гривицкаго ручья до праваго берега Тученицкаго оврага, причемъ тогда же составлены обстоятельныя кроки, на основаніи которыхъ въ сѣнѣбурской книжкѣ „Военнаго Сборника“ 1877 г. былъ отпечатанъ планъ плевненскихъ позицій. Также самое сдѣлалъ и генералъ Скобелевъ 16-го и въ особенности 17-го іюля, когда ему сталъ извѣстенъ районъ дѣйствій, предстоявшихъ его отряду.

²⁾ Висоцкѣйствіи, а именно 30-го августа, когда Гривицкій редутъ былъ наконецъ занятъ соединенными силами нашихъ и румынскихъ войскъ и занятъ ими, то вдругъ оказалось, что онъ лежитъ подъ огнемъ другого, сосѣдняго и командующаго надъ нимъ редута, находящагося отъ него въ разстояніи 750-ти сажень. Это лучше всего доказываетъ, что Гривицкій редутъ только казался ключемъ позиціи, но не былъ имъ на самомъ дѣлѣ.

дящихъ вышеизложенные взгляды, это не представляло бы ровно никакой опасности, если бы мы укрѣпили болгарскую позицію, оставивъ на ея неприступныхъ съ фронта высотахъ хотя бы бригаду пѣхоты. Трудно предположить, говорятъ они, чтобы турки пошли расшибать себя лобъ о болгарскія твердыни и добровольно становиться между двухъ огней въ открытомъ полѣ, окончательно отрѣзывая себя въ то же время отъ своихъ сообщеній съ Софіей и Раховымъ. Прочно владѣя южными и юго-западными плевненскими высотами (конечно, при необходимомъ условіи обладанія и болгарской позиціей), намъ не зачѣмъ было бы врываться въ самый городъ: отъ былъ бы у насъ подъ ногами и мы получили бы не только возможность дѣйствовать огнемъ противъ праваго фланга и всего тыла турецкихъ войскъ, но, быть можетъ, и отрѣзали бы имъ путь отступленія. Турки должны были бы повернуть свой фронтъ и выбивать насъ штыками съ южныхъ и юго-западныхъ высотъ, а до штыковыхъ атакъ они, какъ извѣстно, не большіе охотники.

Противъ всѣхъ этихъ доводовъ встрѣчается, однако, возраженіе, какъ мнѣ кажется, весьма существенное. Соглашаясь съ относительной правильностью вышеизложенныхъ возрѣній, нѣкоторые находятъ, что они строятся на принципѣ безусловной съ нашей стороны побѣды. А если бы, говорятъ они, при сравнительной малочисленности нашихъ войскъ, намъ не удалось удержаться на южныхъ и юго-западныхъ высотахъ? Если бы, несмотря на всѣ геройскія усилія съ нашей стороны, штыковая атака этихъ высотъ, въ концѣ концовъ, удалась туркамъ, и намъ пришлось бы отступить, то куда лежалъ бы нашъ путь отступленія? На Ловчу? Но Ловча съ 15-го іюля уже была занята турками. На плевно-рушукское шоссе, къ Булгаренямъ? Но это послѣднее отступленіе было бы неизбежно сопряжено съ фланговымъ движеніемъ мимо южныхъ и юго-восточныхъ плевненскихъ позицій, въ виду торжествующаго непріятеля, что было бы крайне рискованно и опасно. — Изъ этого выводъ одинъ: если вышеизложенный планъ атаки на южную и юго-западную стороны плевненскихъ позицій и былъ бы осуществимъ, то не иначе, какъ при условіи обладанія Ловчей и, стало быть, не овладѣвъ предварительно этимъ послѣднимъ городомъ, нельзя было рѣшиться и на вторичную атаку Плевны.

Затѣмъ, почти всѣ единогласно замѣчаютъ, что въ бою 18-го іюля повторилось то же самое явленіе, какъ и въ бою 8-го числа; это именно — отсутствіе центра, вслѣдствіе чего образовался весьма большой промежутокъ между лѣвымъ флангомъ барона Криденера и правымъ — князя Шаховскаго, причемъ этотъ послѣдній флангъ совсѣмъ, такъ сказать, висѣлъ

на воздухѣ. Вслѣдствіе разьединенности отряда, конечно, не могло быть и единства въ направленіи общихъ дѣйствій, а потому оба отряда, естественно, должны были дѣйствовать какъ совершенно отдѣльные, самостоятельныя, независимыя одна отъ другой части.

Какъ на одну изъ причинъ нашей неудачи, указываютъ еще на недостаточность общаго резерва. Но въ виду малочисленности войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ Плевны, невозможно было отрядить въ общій резервъ болѣе одной пѣхотной бригады. Не надо забывать, что наличныя части 5-й пѣхотной дивизіи были почти въ половинномъ числѣ рядовъ. Главнѣйшая причина неудачи, не зависѣвшая отъ главноначальствующаго плевненскимъ отрядомъ, дѣйствительно заключалась въ малочисленности его войскъ, и это тѣмъ прискорбнѣе, что три полка 16-й пѣхотной дивизіи *) съ 14-го по 18-е іюля простояли въ Турской Сливѣ, всего лишь въ двухъ переходахъ отъ 9-го корпуса, а 18-го числа направились къ Тырнову.

XLV.

Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова.

Телеграмма барона Криденера и отъѣздъ великаго князя главнокомандующаго съ начальникомъ штаба изъ Тырнова. — Приготовленія къ выѣзду части главной квартиры и слѣдованіе оной до Булгареней. — Тревога тырновскихъ жителей. — Посѣщеніе великимъ княземъ госпиталя и войскъ на болгаренской позиціи. — Главная квартира переносится въ Чаушкю-Махалу. — Второй зимнико-систовскій мостъ.

Чаушка-Махала, 22-го іюля.

Утромъ 19-го іюля, въ главной квартирѣ была получена телеграмма, въ которой генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ доносилъ его высочеству главнокомандующему, что вѣренныя ему войска, послѣ боя 18-го числа у Плевны, отошли на позиціи къ Порадиуму, Трестенику и Булгаренямъ. Вслѣдствіе этого извѣстія, великій князь предпринялъ поѣздку къ названнымъ пунктамъ, рѣшивъ захватить предварительно въ Бѣлу, гдѣ находится главная императорская квартира.

Въ два часа дня главнокомандующій выѣхалъ изъ Тырнова вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, безъ всякой свиты: на козлахъ коляски сидѣлъ только одинъ дежурный ординарецъ †). Въ это же время лица главной квартиры, назначенныя въ весьма ограниченномъ числѣ къ слѣдованію въ Булгарени, спѣшно готовились къ походу, долженствовавшему совершиться налегкѣ, при самомъ огра-

*) Полки: 62-й Суздальскій, 63-й Угличскій и 64-й Казанскій.

†) Л.-гв. Уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Евреиновъ.

ничейномъ количествѣ необходимѣйшихъ вещей, которыя помѣщались даже не во вычужихъ чемоданахъ, а въ переметныхъ сумкахъ.

Въ три часа пополудни выстроились на шоссе предъ Тырновымъ части, назначенныя конвоировать. Здѣсь находились гвардейскій полуэскадронъ, возвращавшійся изъ передового отряда генерала Турко въ главную императорскую квартиру, и дивизионъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, составляющій конвой главнокомандующаго. Съ казаками слѣдовали два знамени, взятые у турокъ и предназначенныя къ отвозу въ главную императорскую квартиру.

Вскорѣ къ конвою выѣхалъ верхомъ его высочество Николай Николаевичъ Младшій, вмѣстѣ съ генераломъ Левицкимъ, — и колонна, подѣ начальствомъ послѣдняго, двинулась черезъ городъ на Самоводу и Поликраешти, гдѣ былъ назначенъ первый ночлегъ, въ 15-ти верстахъ отъ Тырнова.

На слѣдующій день, выступивъ съ ночлега въ пять часовъ утра и дойдя до деревни Косово, колонна выдѣлила изъ себя гвардейскій полуэскадронъ, направившійся съ турецкими знаменами въ Бѣлу, и повернула влѣво на Бурунау, гдѣ ее нагналъ великій князь главнокомандующій. Послѣ пятичасового отдыха, двинулись далѣе и стали на ночлегъ въ деревнѣ Ягджикой. Здѣсь застали Донъ-Карлоса, съ его небольшою свитой. Испанскій претендентъ сдѣлалъ вечерній визитъ великому князю и на другой день съ разсвѣтомъ уѣхалъ далѣе, по направленію къ Плевнѣ.

Съ удивительной быстротой распространяются между болгарскимъ населеніемъ вѣсти и новости, касающіяся хода нашихъ и турецкихъ военныхъ операций. Порой кажется, что болгары угадываютъ ихъ, словно бы чутьемъ какимъ то. Движеніе князя Шаховскаго на помощь барону Криденеру было обложено, по обыкновенію, строжайшей стратегической тайной, такъ что въ средѣ самой главной квартиры рѣдко кто зналъ о немъ; между тѣмъ тырновскіе болгары уже 10-го числа вечеромъ съ полною увѣренностью толковали, что отъ Кесарева двинулись войска подѣ Плевну и при этомъ приблизительно вѣрно называли количество силъ князя Шаховскаго. То же самое было и 19-го іюля. Когда утромъ пришла телеграмма барона Криденера, то за весьма немногими, единичными исключеніями, никто и не подозрѣвалъ, что вчера было подѣ Плевной новое дѣло, и тѣмъ менѣе могло кому-либо придти въ голову, что мы вторично разбиты. Утро было яркое, великолѣпное; на маринопольскомъ бивуакѣ китѣла обычная пестрая жизнь, успѣвшая за нѣсколько дней покоя вступить какъ бы въ мирную колею; болгарскія женщины ходили между палатками, разнося на продажу вкусныя сочныя сливы

и абрикосы, или предлагая свои услуги въ качествѣ прачекъ — «на кой-то ризи до перемиять»; какой-то священникъ гарцовалъ на бойкомъ турецкомъ конькѣ, выведя его на продажу; молодые болгары слонялись по конвойному бивуаку, любуются на вооруженіе и форму казаковъ и пѣхотинцевъ; у маркитантовъ подѣ навѣсами шла обычная бойкая торговля; — словомъ, всѣ были убѣждены, что мы еще три-четыре дня спокойно простои́мъ въ Тырновѣ и затѣмъ двинемся за Балканы. Пораженіе Шильдеръ-Шульднера приписывалось не болѣе, какъ случайности, которая впрочемъ отнюдь не можетъ задержать насъ въ придунайской Болгаріи или повлечь какимъ бы то ни было неблагоприятнымъ образомъ на общій ходъ нашихъ военныхъ операций. Въ пораженіи Османа-паши и въ занятіи нами Плевны почти никто не сомнѣвался, и этотъ исходъ считался только вопросомъ времени и притомъ самаго скораго. Почти никто не зналъ, какого рода телеграмма получена отъ барона Криденера, и потому мало кто обратилъ вниманіе на физіономіи офицеровъ строевого отряда и нѣкоторыхъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ главной квартиры, вдругъ принявшія серьезно озабоченное выраженіе. Первая вѣсть «о второй Плевнѣ» была занесена на наши бивуаки тырновскими болгарами, которымъ сначала никто, конечно, не повѣрилъ; но болгары настойчиво продолжали увѣрять, что ихъ свѣдѣнія несомнѣнны и что подѣ Плевной у насъ не ладно. Когда въ четвертомъ часу дня главная квартира слѣдовала по улицамъ къ городскому выѣзду, все болгарское населеніе уже знало о плевненской катастрофѣ. Прискорбно было глядѣть на вытянувшіяся и поблѣднѣвшія лица этихъ людей, провожавшихъ насъ такими смятенными взглядами. — «Итакъ, вы покидаете насъ?» — тревожно допытывали офицеровъ нѣкоторые изъ горожанъ, говорившіе по-русски. И напрасно нѣкоторые изъ насъ старались увѣрять ихъ, что все это вздоръ, что ничего такого не случилось, что если часть главной квартиры и выступаетъ изъ Тырнова, то лишь за тѣмъ, чтобы отвезти въ Бѣлу трофей, добытые нашими войсками у турокъ, — болгары на всѣ эти увѣренія только вздыхали да грустно покачивали головами. Впрочемъ, обаявшая тырновскихъ гражданъ тревога вполнѣ понятна: впечатлѣніе турецкой кары, постигшей Ловчу 15-го іюля, вслѣдъ за нашимъ отступленіемъ отъ этого послѣдняго города, было еще слишкомъ свѣжо, такъ какъ ловчинскіе бѣглецы, свидѣтели сценъ ужасающей рѣзни, наполняли Тырново.

21-го іюля великій князь главнокомандующій, сдѣлавъ сорока-верстный переходъ до Булагреней и не заѣзжая въ эту деревню, проѣхалъ впередъ, на мѣсто бивуака нашихъ войскъ. На пути встрѣтились два большіе транспорта легко

раненыхъ людей, которые, послѣ перевязки, направлялись на болгарскихъ возахъ и интендантскихъ телегахъ въ Систово и въ Зимницу. Великій князь здоровался почти съ каждою повозкою, встрѣчая со стороны раненыхъ отвѣтъ на свое привѣтствіе. Спустившись въ долину рѣки Осмы, поѣздъ главной квартиры остановился на нѣсколько минутъ у лазаретныхъ повозокъ 5-й пѣхотной дивизіи. Здѣсь былъ развернутъ значекъ главнокомандующаго, который всегда возится коннымъ казакомъ за его высочествомъ. По выѣздѣ изъ прибрежнаго лѣска, открылась обширная равнина, окруженная съ трехъ сторонъ возвышенностями. На этой равнинѣ, тамъ и сямъ сѣрѣли бивуаки и бѣлѣлись немногочисленные шатры. Великій князь потребовалъ верховую лошадь и прежде всего направился къ госпиталю, который успѣлъ пока раскинуть только три шатра, уже наполненные ранеными. Пока разбивались остальные шатры, въ готовыхъ изъ нихъ кипѣла энергическая работа медиковъ. Великій князь заходилъ въ каждый шатеръ и въ простыхъ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ страдальцевъ-воиновъ за ихъ службу, разспрашивалъ почти каждого изъ нихъ о свойствѣ и мѣстѣ его раны, о моментѣ, когда и гдѣ она получена; съ одними ласково шутилъ, другихъ, болѣе трудныхъ, утѣшалъ своимъ участіемъ и привѣтливымъ словомъ. Посѣщеніе и вниманіе великаго князя, видимо, произвело на больныхъ ободряющее дѣйствіе. Многие изъ нихъ, вопреки запрещенію, вскакивали со своихъ мѣстъ и шли вослѣдъ его высочеству, желая быть свидѣтелями посѣщенія имъ сосѣднихъ шатровъ. Медики во все это время не прерывали работы—дѣло подаенія помощи шло своимъ чередомъ. Поблагодаривъ медиковъ за ихъ усердіе и выразивъ имъ, что дѣятельность медицинскаго персонала въ настоящую войну вполне стойтъ на высотѣ своего призванія, главнокомандующій изволилъ объѣзжать воинскіе бивуаки, въ сопровожденіи прибывшаго сюда барона Криденера.

Здѣсь расположена теперь 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею, двѣ сотни кавказскихъ всадниковъ и нѣкоторые другія части. Великій князь подѣлжалъ къ обоимъ полкамъ, Вологодскому и Архангелогородскому, наиболѣе потерпѣвшимъ въ обоихъ пленненскихъ дѣлахъ. Собравъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ и солдатъ, главнокомандующій благодарилъ ихъ отъ лица государя императора и отъ себя за мужество въ битвѣ и молодецкій духъ, въ которомъ ихъ нашелъ его высочество.

Съ полнымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга отвѣчали великому князю офицеры обоихъ полковъ, и смыслъ ихъ отвѣта заключался въ томъ, что «насъ уже немного, но мы до послѣдняго человѣка исполнимъ свой

долгъ, сдѣлаемъ все, что лишь будетъ въ человѣческой возможности и охотно умремъ, по примѣру нашихъ павшихъ товарищей».

По осмотрѣ этихъ войскъ, великій князь возвратился на нагорный берегъ Осмы и сталъ со своей святой и конюшемъ лейбъ-казаковъ въ трехъ верстахъ позади бивуака, въ болгарской деревушкѣ, которую мѣстные жители называютъ Чаушка-Махала. Въ этотъ же день сюда былъ проведенъ военно-походный телеграфъ, и одно изъ первыхъ извѣстій, сообщенныхъ имъ въ главную квартиру, содержало въ себѣ пріятную новость, что второй зимницко-систовскій мостъ оконченъ и открытъ для движенія 21-го іюля вечеромъ.

XLVI.

Систово-зимницкая паника.

Слухи о паникѣ еще на пути главной квартиры къ Булгаренямъ.—Какъ и съ чего началась паника.—Опасность, угрожавшая понтонному мосту.—Несчастные случаи на Дунаѣ.—Паника въ Зимницѣ.—Бѣгство транспортовъ и госпиталей.—Мѣры, предпринятныя мѣстными начальствами для прекращенія страха, бѣгства и для спасенія моста.—Причины, вслѣдствіе которыхъ паника стала явленіемъ вполне логичнымъ.

Чаушка-Махала, 23-го іюля.

Еще 20-го іюля, во время слѣдованія главной квартиры къ ея настоящему мѣсту пребыванія, при остановкѣ въ деревнѣ Бурунду, между нѣкоторыми жителями этой послѣдней замѣчено было испуганное настроеніе, причиной котораго былъ бродившій между ними слухъ, будто турки не только проникли въ Систово, но и успѣли переправиться за Дунай, въ Зимницу. На вопросы этого рода, обращенные къ нѣкоторымъ лицамъ, конечно, можно было отвѣчать только одно, что все это величайшій вздоръ, потому что если бы случилось что-либо подобное, то оно, безъ сомнѣнія, ранѣе всѣхъ было бы извѣстно главной квартирѣ. Это объясненіе успокоило жителей Бурунду и можно было только удивиться, откуда берутся такіе слухи-толки. Но два дня спустя оказалось, что они имѣли свои основанія. 19-го іюля въ Систовѣ, а затѣмъ и въ Зимницѣ, случилась слѣдующія происшествія.

Въ половинѣ перваго часа дня, партія нашихъ раненыхъ слѣдовала черезъ Систово изъ Булгареней, послѣ пленненскаго дѣла. Партія эта шла вразбродъ, на фурахъ интендантскаго транспорта, и нѣкоторые изъ раненыхъ солдатъ рассказывали на пути каждому встрѣчному о неудающейся атакѣ нашихъ войскъ на Плевну, объ отступленіи барона Криденера и князя Шаховскаго, о понесенныхъ нами громаднхъ потеряхъ и о томъ, что партія раненыхъ, при слѣдованіи изъ

Булгареней въ Систово, была атакована турецкой кавалеріей, причемъ часть изъ нихъ отрѣзана и попала въ плѣнъ, а остальныхъ будто бы турки преслѣдуютъ по пятамъ и, надо ожидать, сейчасъ ворвутся въ Систово. Нѣсколько казаковъ, состоящихъ при интендантскихъ транспортахъ, разбѣжавшись въ разныя стороны, продолжали повсюду распространять и, само собой разумѣется, преувеличивать эти ложные слухи. Молва росла съ каждой минутой, и все эти рассказы, въ концѣ концовъ, произвели сильное впечатлѣніе на жителей и наши обозы. По городу пошли зловѣщія воли болгаръ: «Турки! турки идутъ!», а тутъ еще какой-то хмѣльной казакъ, на неосѣдланной лошади, поскакалъ къ мосту съ крикомъ: «турки въ городъ!» и продолжалъ кричать, стремглавъ скача далѣе и размахивая обнаженной шашкой. Остановить его удалось уже въ Зимницѣ, гдѣ онъ и былъ тотчасъ же арестованъ этапнымъ комендантомъ. При видѣ этого всадника и нѣсколькихъ человекъ болгаръ, бѣжавшихъ вслѣдъ за нимъ къ переправѣ съ подобными же криками, все переправлявшіеся и ожидавшіе на берегу интендантскіе транспорты съ пустыми повозками разомъ всполошились и бросились къ мосту. Сюда же начали сбѣгаться и жители Систова, и нижніе чины транспортовъ, и погонцы, и болгарскіе ополченцы, быки, лошади, фуры и повозки... Все это навалило на мостъ, и общій напоръ былъ столь стремителенъ, что въ первыя минуты рѣшительно не было ни силъ, ни возможности удержать бѣгущихъ. Тѣ, кому удавалось, среди всеобщей суматохи, попадать на мостъ со своими повозками, неслись по немъ во весь духъ. Тутъ же появились толпы систовскихъ жителей, солдаты, женщины, дѣти — кто на лошадкахъ, кто на ослахъ, кто бѣгомъ, — и все это, сломя голову, несло въ весь духъ на румынскій берегъ. Нѣкоторые бросились къ лодкамъ, стоящимъ у систовской пристани, и на нихъ переправлялись въ Зимницу, причемъ произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ на водѣ: утонули, какъ слышно, двое ребятъ и какая-то женщина. На мосту же былъ одинъ только несчастный случай: женщина съ ребенкомъ упала въ воду, но оба были спасены понтонерами.

Въ часъ пополудни паника распространилась и по всей Зимницѣ, гдѣ кричали, что турки ворвались въ Систово, взяли уже и самый мостъ, идутъ по немъ въ Зимницу и на четырехъ пароходахъ перевозятъ свои войска съ праваго берега на лѣвый. Въ это время, дѣйствительно, довольно большія партіи плѣнныхъ изъ Никополя и Тырнова, соседняныя въ Систовѣ въ одну общую колонну, подъ конвоемъ приближались къ мосту, а другая партія плѣнныхъ, еще ранѣе находив-

шаяся въ Зимницѣ, была выведена на базаръ этого мѣстечка для покупокъ. Подъ влияніемъ паническихъ криковъ и суматохи на мосту, люди этой послѣдней партіи были въ переполохѣ приняты евреями, румынами и нѣкоторыми изъ нашихъ госпитальныхъ служителей за авангардъ турецкихъ войскъ, который-де разсыпался по базару и грабить. Поэтому все населеніе Зимницы, увлекаемое систовскими жителями, бросилось вонъ изъ мѣстечка. Прежде всѣхъ всполошились и пустились удирать агенты пресловутаго «товарищества», за ними кабатчики и прочіе торгаша: евреи, французы, нѣмцы, армяне, греки... Разнородные казенные и частные транспорты цѣлыми вереницами спѣшили уходить по разнымъ дорогамъ къ Александріи, Велю, Бригадиру и по пути распространяли панику. Не избѣгли ея и расположенные въ Зимницѣ госпитали (военно-временные №№ 47 и 63), гдѣ въ этотъ самый моментъ готовился къ отправкѣ транспортъ съ больными и ранеными, изъ которыхъ кто лишь могъ держаться на ногахъ — несмотря на убѣжденія и энергическія дѣйствія смотрителей и врачей, самовольно разбрелись во всѣ стороны — кто на почводахъ, кто пѣшкомъ. Бѣжали и транспортъ, и околонецъ осадной артиллеріи¹⁾, и сестры милосердія, съ княгиней Шаховской во главѣ...

Между тѣмъ мѣстное начальство съ перваго же момента паники приняло энергическія мѣры къ ея прекращенію. Завѣдывающій переправой генералъ-майоръ Рихтеръ, какъ только толпы изъ Систова показались на берегу, немедленно же приказалъ — во что бы то ни стало, хоть силой оружія, остановить напирających на мостъ. На сѣверномъ мосту (у Зимницы) это удалось сдѣлать скоро, но на южномъ (съ болгарскаго берега на островъ) пришлось опротивить нѣсколько повозокъ, чтобы забаррикадировать дорогу, для спасенія моста. Къ счастью, въ это время пришло извѣстіе отъ исправляющаго должность систовскаго коменданта майора Подгурскаго, что никакихъ турокъ нѣтъ и вся тревога совершенно фальшивая. Это успокоило немного людей, собравшихся на румынскомъ берегу. Тогда генералъ Рихтеръ отправился къ болгарскому берегу и тамъ приказалъ энергически дѣйствовать противъ бѣгущихъ, сдѣлавъ также нѣкоторые распоряженія и относительно самаго моста. Убѣдившись, что первый страхъ прошелъ, онъ разрѣшилъ пропускать по мосту только порожніи транспортныя повозки, которые должны были грузиться въ Зимницѣ, а затѣмъ поѣхалъ въ Систово, гдѣ усиліями майора Подгурскаго, который первый распорядился высылкой на позицію налѣжныхъ войскъ, уже были немного успокоены

¹⁾ Лазаретъ для первоначальной помощи.

жители, приведены въ порядокъ транспорты, разныя команды и учрежденія арміи. Однако паника была еще столь сильна, что мужичины-болгары сами хотя и соглашались остаться въ городѣ, но своихъ женъ и дѣтей все-таки продолжали отправлять къ мосту. Генералъ Рихтеръ поэтому всячески старался успокоить ихъ окончательно, что и удалось ему послѣ многихъ усилій и убѣжденій. Войска были уже на позиціи кругомъ города и старались поскорѣе окончиться кое-какими ровиками. Здѣсь присутствовали всѣ силы, находившіяся въ распоряженіи генерала Рихтера, какъ начальника переправы, а именно: двѣ роты 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка, шесть ротъ только-что формируемаго болгарскаго ополченія и 3-я батарея 5-й артиллерійской бригады. Осмотрѣвъ всѣ эти части, генералъ Рихтеръ приказалъ имъ оставаться на позиціи, для спокойствія жителей.

Въ то же время и въ Зимницѣ, по первой тревогѣ, были собраны генераломъ Штольценвалдомъ наличныя войска, состоявшія изъ одной роты 6-го резервнаго батальона и одной батареи картечницъ, находящейся въ составѣ осадной артиллеріи. Въ это же время, какъ разъ кстати, подошли къ Зимницѣ два маршевые батальона. Всѣ эти силы частью были двинуты къ переправѣ, а частью расположены въ мѣстечкѣ. Нѣсколько казаковъ отправились въ разбѣдъ по дорогѣ, гдѣ предполагались воображаемые турки, а другіе, изъ наиболѣе надежныхъ, посланы гонцами по дорогамъ на Александрію, Фратешти и Журжево для удержанія бѣгущихъ, главнѣйшимъ образомъ подводчиковъ, везшихъ провіантъ для войскъ. Комендантамъ же вышеуказанныхъ пунктовъ посланы телеграммы для прекращенія паники между жителями.

Къ четыремъ часамъ дня все уже совершенно успокоилось, и войска съ пѣснями возвратились на свои бивуаки.

Многіе называютъ эту панику траги-комическимъ эпизодомъ нынѣшней войны и загазно осыпаютъ укорами нѣкоторые изъ нашихъ тыловыхъ учреждений, равно какъ и систовскихъ жителей, за то что тѣ и другіе поспѣшили бѣжать изъ Систова и Зимницы. Но такое явленіе, какъ это бѣгство, не только понятно, а даже вполне логично, ибо оно составляетъ естественный и, такъ сказать, законный результатъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Городъ Систово представляетъ собой въ данное время нашъ важнѣйшій опорный пунктъ на правомъ берегу Дуная; это, такъ сказать, — устье, чрезъ которое вливаются въ нашу задунайскую армію всѣ ея жизненныя силы: резервы, запасы, продовольствіе и проч., а между тѣмъ этотъ городъ ровно ничѣмъ не защищенъ.

2) Весь гарнизонъ Систова въ моментъ паники состоялъ всего лишь изъ пяти формируемыхъ ротъ болгаръ-новобранцевъ, только-что записавшихся въ дружинники и еще не умѣющихъ владѣть оружіемъ; одна русская рота (шестая), какъ кадровая часть, была разбита на эти пять ротъ, для обученія добровольцевъ.

3) Мостъ у Никополя еще не былъ построенъ, такъ что единственной связью дѣйствующей арміи съ ея задунайской базой служилъ первый, въ то время еще единственный мостъ между Систовымъ и Зимницей¹⁾, а для защиты этого моста у насъ оставалось только двѣ роты Воронежскаго полка.

При такихъ условіяхъ, со стороны не только систовскихъ жителей, но и нѣкоторыхъ нашихъ тыловыхъ учреждений не было ли исполнѣ естественно предполагать, что Османъ-паша не замедлитъ воспользоваться всѣми плодами своей побѣды и броситъ хотя бы свою двухтысячную кавалерію обожой дорогой прямо на Систово, для уничтоженія нашего моста? На болгаръ-новобранцевъ была надежда плоха, да едва ли и двѣ воронежскія роты успѣли бы спасти городъ, если бы турки ворвались въ улицы и начали тамъ, по своему обыкновенію, жечь и рѣзать.

XLVII.

Дѣйствія забалканскаго отряда генерала Гурко.

Занятіе Эски-Загры и набѣги-рекогносцировки на желѣзнодорожныя линіи. — Генералъ Гурко получаетъ изъ главной квартиры полномочіе для самостоятельныхъ дѣйствій. — Движеніе войскъ генерала Гурко къ Іени-Загрѣ. — Дѣло герцога Николая Лейхтенбергскаго близъ Карабунара, 17-го іюля. — Дѣйствія кавалеріи герцога Евгенія Лейхтенбергскаго на Іени-загринскомъ шоссе, 18-го іюля. — Вой подъ Іени-Загрой. — Дѣло при Джуравлы, 19-го іюля. — Вой 19-го же іюля подъ Эски Загрой. — Болгары-дружинники въ дѣлѣ. — Смерть подполковника Калитина и борьба за Самарское знамя. — Отступленіе русскихъ отрядовъ къ Казанлыку и Ханъ-койскому перевалу. — Рѣзня въ долинѣ Марицы и въ долинѣ Рога. — Общие выводы изъ забалканской экспедиціи.

Горный Студень, 12-го августа

Въ тотъ же день 18-го іюля, когда подъ Плевной разыгрывалась кровавая драма, кипѣлъ горячій бой и за Балканами, у Іени-Загры, и повторился на слѣдующій же день подъ Эски-Загрою противъ значительныхъ силъ арміи Сулеймана.

По занятіи Казанлыка и Шипки, генералъ Гурко рѣшилъ перенести театръ своихъ дѣйствій за Малыя Балканы, и съ этой цѣлью

¹⁾ Второй систово-зимницкій мостъ былъ оконченъ только 21-го іюля вечеромъ.

приказавъ Казанскому драгунскому полку занять городъ Эски-Загру, что и было исполнено 10-го іюля. Появление русскихъ въ этомъ городѣ сопровождалось ликованиемъ и самымъ восторженнымъ приемомъ со стороны горожанъ болгарскаго происхожденія. Турецкія власти бѣжали предъ самымъ вступленіемъ драгунъ, но порядокъ въ городѣ почти не былъ нарушенъ, благодаря тому, что наши вступали туда вслѣдъ за выходомъ турокъ. Вліятельные болгары долго отказывались принять на себя управление городомъ, говоря, что искусство администраціи имъ не знакомо, но наконецъ согласились. Въ ихъ отбѣткахъ было особенно проглядывало чувство нѣкотораго опасенія: а что, если вдругъ опять вернутся турки? что тогда съ нами будетъ? И это опасеніе было вполне естественно, такъ какъ въ городѣ вступила, сравнительно говоря, только горсть русскихъ, тогда какъ въ тридцати—сорока верстахъ южнѣ Эски-Загры собирались весьма значительныя силы цѣлой арміи Сулеймана, о чемъ болгарамъ было уже извѣстно.

Послѣ занятія Эски-Загры, по приказанію генерала Гурко, были предприняты два кавалерійскіе набѣга на двѣ вѣтви желѣзныхъ дорогъ, андріанопольско-ямбольскую и андріанопольско-филиппопольскую, расходящіяся у станціи Трново, первая—на сѣверо-востокъ, вторая—на западъ. Пунктомъ набѣга на первую вѣтвь была избрана станція Карабунаръ, а на вторую,—станція Каяджикъ. Набѣги эти совершены съ успѣхомъ 12-го іюля: кавалеристы наши испортили телеграфъ, разрушили полотно и рельсы въ двухъ участкахъ и собрали важныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, было достоверно дознано, что близъ станціи Карабунаръ стоятъ нѣсколько батальоновъ и эскадроновъ противника; показанія же мѣстныхъ болгаръ, кромѣ того, настойчиво увѣряли, что весьма значительныя силы сосредоточиваются между Карабунаромъ и Сейменомъ¹⁾, а также у ст. Трново и дагѣ за Трновымъ, по андріанопольской желѣзно-дорожной линіи. Другая развѣдка того же дня удостовѣрила присутствіе непріятеля и у города Іени-Загры.

На слѣдующій день, 13-го іюля, генералъ Гурко сформировалъ особый отрядъ, врученный ему императорскому высочеству герцогу Николаю Максимилановичу Лейхтенбергскому, съ назначеніемъ охранять какъ самый городъ Эски-Загру, такъ и выхажъ изъ Эски-Загринскаго ущелья и собирать свѣдѣнія о непріятелѣ. Силы этого отряда состояли изъ четырехъ бол-

гарскихъ дружинъ, 12-ти орудій и 15-ти эскадроновъ²⁾.

15-го іюля герцогъ Лейхтенбергскій выслалъ дивизионъ казанскихъ драгунъ³⁾ на развѣдку къ Іени-Загрѣ, съ приказаніемъ—непремѣнно дойти до непріятеля, разузнать о его силахъ и расположеніи у Іени-Загры и провѣрить степень основательности слуховъ о движеніи турецкихъ войскъ изъ Іени-Загры на сѣверъ (по однимъ слухамъ) или на югъ (по другимъ) къ желѣзно-дорожной станціи Карабунару⁴⁾, а также узнать, не подходятъ ли къ Іени-Загрѣ турецкія подкрѣпленія откуда бы то ни было.

Дивизионъ драгунъ дошелъ до самаго города Іени-Загры и здѣсь имѣлъ дѣло съ черкесами, пѣхотой и артиллеріей противника, причемъ лихо отразилъ атаку черкесовъ встречной атакой въ шашки; но свѣдѣнія этого развѣдочнаго отряда ограничились лишь тѣмъ, что онъ успѣлъ видѣть, а именно: что у Іени-Загры сосредоточено около двухъ полковъ пѣхоты, четыре орудія и двѣ черкесскія сотни; что желѣзно-дорожная станція здѣсь приспособлена къ защитѣ посредствомъ земляныхъ укрѣпленій; что южнѣ Іени-Загры, между городомъ и сел. Инджакіой, есть и еще какія-то войска, но о ихъ передвиженіяхъ ничего не слышно между мѣстными болгарами.

Вечеромъ, того же 15-го іюля, возвратился изъ другой рекогносцировки штабсъ-ротмистръ Челяевъ, который подтвердилъ извѣстіе о передвиженіяхъ турецкихъ силъ въ желѣзно-дорожномъ участкѣ между Карабунаромъ, Семенли-Трновымъ и Кечерли.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, на слѣдующій день (16-го іюля) былъ высланъ гусарскій дивизионъ на новую развѣдку, и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія были имъ доставлены, все убѣждало въ значительномъ сборѣ турецкихъ войскъ у станціи Карабунаръ и Трново, гдѣ—по слухамъ—собиралась армія Сулеймана, перевезенная моремъ изъ Черногоріи.

Такимъ образомъ, 16-го іюля вечеромъ были удостовѣрены слѣдующіе факты: 1) что у Іени-Загры находится свыше шести батальоновъ

желѣзно-дорожный мостъ на каменныхъ быкахъ, принадлежащій къ ямбольской линіи. Въ нашихъ донесеніяхъ этотъ пунктъ нерѣдко называется Семенли-Трново.

¹⁾ Въ составъ этого отряда входили: двѣ бригады болгарскаго ополченія, драгунская бригада (полки Астраханскій и Казанскій), 16-я конная батарея, Кіевскій гусарскій герцога Николая Максимилановича Лейхтенбергскаго полкъ, ваводъ донской № 10-го батареи и три казачьи сотни.

²⁾ Подъ начальствомъ полковника Бѣлогрудова.

³⁾ Въ районѣ данной мѣстности есть два Карабунара: одинъ—станція на линіи Трново-Ямболъ, а другой—селеніе на шоссе изъ Эски-Загры въ Іени-Загру.

¹⁾ Оно же Сейменли или Семенли. Это село лежитъ на лѣвомъ берегу Марицы, а противъ него на правомъ—желѣзно-дорожная станція Трново, находящаяся въ узлѣ развѣтвленія линій филиппопольской и ямбольской между Семенли и Трновымъ перекинуть черезъ Марицу большой

съ артиллеріей; 2) у ст. Карабунаръ, по желѣзной дорогѣ, тоже свыше шести батальоновъ и тоже съ артиллеріей; 3) что совершаются какія-то передвиженія войскъ въ участкѣ между Семенли-Триновымъ и Кечерли, и наконецъ 4) что на разстояніи сорока верстъ отъ Эски-Загры въ западномъ и южномъ направленіяхъ находятся только турецкіе разѣзды и кое-какія партіи черкесовъ.

16-го же іюля генералъ Гурко получилъ отъ начальника штаба дѣйствующей арміи извѣщеніе, что для усиленія его отряда, великій князь главнокомандующій подчиняетъ ему 1-ю бригаду 9-й пѣхотной дивизіи ¹⁾ и предоставляетъ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Тогда для наибольшаго обезпеченія Хайн-кіойскаго перевала, къ которому изъ Лени-Загры ведетъ ближайшая дорога, генералъ Гурко рѣшился немедленно перейти въ наступленіе и взять Лени-Загру раньше, чѣмъ армія Сулеймана, которая, по расчетамъ генерала Гурко, могла собраться только между 17-мъ и 20-мъ іюля, начнетъ оперировать противъ его отряда.

Соотвѣственно этому рѣшенію, генералъ отдалъ на 17-е число слѣдующія общія распоряженія: 1) всѣ части отряда передвигаются въ сторону Лени-Загры, съ тѣмъ, чтобы 18-го числа атаковать этотъ городъ; 2) отрядъ, раздѣленный еще и прежде на три отдѣльныя части, слѣдуетъ къ мѣсту атаки тремя колоннами: *правая*, заключающая въ себѣ весь эски-загринскій отрядъ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, переходить въ окрестности селенія Карабунаръ ²⁾; *средняя*, въ составѣ стрѣлковой бригады, изъ Казанлыка слѣдуетъ въ дер. Чайнакчи ³⁾ и *лѣвая*, въ составѣ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, переходить изъ Хайн-кіоя въ дер. Ложу ⁴⁾; 3) всѣмъ тремъ колоннамъ предписывалось: по прибытіи на мѣста и во время дальнѣйшаго наступленія на Лени-Загру входить флангами въ связь между собой; 4) каждой изъ нихъ предлагалось вести преимущественно артиллерійскій огонь до тѣхъ поръ, пока всѣ колонны не вступятъ окончательно въ сферу дѣйствія.

Казанлыкскій и хайн-кіойскій отряды 17-го числа исполняли диспозицію въ точности, несмотря на то, что стрѣлковой бригадѣ пришлось сдѣлать около 45-ти верстъ однимъ переходомъ ⁵⁾. Что же касается эски-загрин-

скаго отряда, то онъ не могъ исполнить назначенія, по неожиданно встрѣтившимся и весьма серьезнымъ препятствіямъ, которые заключались въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Согласно диспозиціи, четыре болгарскія дружины, съ горной батареей и сотней казаковъ, вышли въ полдень 17-го іюля изъ Эски-Загры, а въ половинѣ третьяго часа дня вслѣдъ за ними двинулась и кавалерія съ конной артиллеріей, по шоссе къ Лени-Загрѣ. Два донесенія изъ авангарда, доставленные на пути, одно вслѣдъ за другимъ, герцогу Лейхтенбергскому, извѣщали: 1) что часть нашихъ разѣздовъ отгнана непріятельскими партіями, и 2) что, на высотѣ деревни Чирково видна большая пыль, по которой обнаружилось движеніе значительнаго отряда всѣхъ трехъ родовъ оружія къ Эски-Загрѣ, т. е. на встрѣчу нашей правой колоннѣ. Герцогъ Лейхтенбергскій тотчасъ же выслалъ впередъ Астраханскій драгунскій полкъ со взводомъ конной артиллеріи, чтобы опередить болгарскія дружины,

„Въ четыре часа утра мы выступили изъ Казанлыка по дорогѣ къ Лени-Загрѣ... Еще тѣ, которые ѣхали верхами, могли спокойно смотрѣть на предстоящую длинную дорогу, стрѣлки же находились въ другихъ условіяхъ. 13-й, напримѣръ, батальонъ наканунѣ былъ отправленъ на Шипкинскій перевалъ, что составляетъ 17 верстъ, изъ которыхъ 5 крутого подъема на высоту въ три сѣмьсотъ тысячъ футовъ. Только что онъ достигъ шипкинскихъ укрѣпленій и сталъ приготовляться къ занятію аванпостовъ, какъ прискакавшій казакъ привезъ командиру его предписаніе немедленно спуститься внизъ и присоединиться къ выступившему изъ Казанлыка отряду. Дѣлать нечего, батальонъ двинулся обратно, и такимъ образомъ ему, почти безъ отдыха, пришлось сдѣлать 75 верстъ. Другой батальонъ стрѣлковъ, 14-й, наканунѣ былъ въ караулѣ и на аванпостѣхъ, и ему не легко пришлось этотъ путь, тѣмъ болѣе, что сухари подерживаютъ очень плохо солдатскія силы, а тутъ еще у стрѣлковъ попались сухари гнилые, съ зеленью, такъ что солдаты просто бросали ихъ, не желая носить на себѣ бесполезную тяжесть... Уже стало темнѣть, а нашему походу конца еще не предвидѣлось; стрѣлки стали приставать и ежеминутно задерживали артиллерію. Солдаты рядами ложились по бокамъ дороги, измученные долгимъ переходомъ и жаркимъ днем... Становилось все темнѣе и темнѣе; тишина была полная, только изрѣдка раздавался стукъ оборваншагося орудіяного колеса, да неумолкаемой трелью эвентѣли въ травѣ кузнечы. Стрѣлки, обнадеженные близкимъ ночлегомъ, шли молча, едва передвигая ноги... Вдругъ невдалекѣ изъ-за зелени показался огонь, и скоро мы ясно увидѣли горѣвшую у самой дороги хату... На концѣ деревни встрѣтила насъ толпа болгаръ и объясняла что-то насчетъ пожара... Подоспѣлъ священникъ и сталъ говорить, что черкесы грабятъ, жгутъ въ сосѣднихъ селахъ; но намъ было не до нихъ. Ночлеги сдѣлались вопросомъ первой важности, а между тѣмъ мы шли, шли, а дороги и конца не было видно. Солдаты опять начали ложиться рядами, а въ одномъ мѣстѣ моя лошадь чуть не наступила на пастушана, который спалъ, какъ убитый Наковецъ, уже въ первомъ часу ночи мы стали подходить къ бивуаку“.

¹⁾ Пѣхотные полки: 33-й Елецкій и 34-й Сѣвскій, охранявшіе Хайн-кіойскій перевалъ.

²⁾ По шоссе изъ Эски-Загры въ Лени-Загру.

³⁾ Селеніе по дорогѣ изъ Лени-Загры въ Хайн-кіой.

⁴⁾ У р. Тулджи, по дорогѣ изъ Лени-Загры въ предгорное мѣстечко Твердицу.

⁵⁾ Одинъ изъ участниковъ этого перехода, М. П. Федоровъ, описываетъ его въ слѣдующихъ чертахъ, которыя я заимствую урывками изъ его прекраснаго, подробнаго описанія:

видѣвшіеся на привалѣ, въ разстояніи одного часа пути, и задержать наступленіе непріятеля, который между тѣмъ, подвигаясь все ближе къ намъ, уже выстроилъ боевой порядокъ, имѣя впереди свою кавалерію съ разсыпанными наѣздниками.

Вскорѣ Астраханскій полкъ опередилъ ополченцевъ, а бывшій съ нимъ взводъ конной артиллеріи, снявшись съ передковъ, открылъ огонь. Впереди видѣлся зеленый бугоръ, на которомъ вырисовывались группы нѣсколькихъ всадниковъ и стояло много какого-то народа, а надъ нимъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Въ направленіи этого бугра и былъ открытъ огонь нашего взвода. Съ первыхъ же двухъ выстрѣловъ обѣ гранаты удачно лопнули подъ самымъ бугромъ—и все, присутствовавшее на его вершинѣ, мигомъ разсыялось въ стороны, со всеми своими всадниками и флагами. Турецкіе наѣзники, озадаченные этой внезапностью, приостановили наступленіе, но въ ту же самую минуту по нашимъ орудіямъ и драгунамъ грянулъ вдругъ батарейный залпъ, другой, третій... окружающая мѣстность была обдана взрывами гранатъ, невѣдомо откуда направлявшихся. Наши пообглядѣлись, и тогда оказалось, что это стрѣляетъ батарея, отъ восьми до двѣнадцати орудій, очень искусно скрытая въ высокой кукурузѣ и между стожками сжатого хлѣба. Взводъ попытался было состязаться съ ней, но большіе недолеты ясно обнаружили несостоятельность нашихъ четырехфунтовокъ противъ дальнобойныхъ орудій противника; оставалось только вывести ихъ изъ-подъ выстрѣловъ и расположить позади, на позиціи, для обезпеченія болгарскихъ дружинъ, которыя развертывались по обѣ стороны шоссе. Замѣтивъ, что наши орудія снялись, непріятельскія колонны, прикрытыя густыми цѣпями наѣздниковъ, опять стали продолжать наступленіе, противъ котораго были приняты слѣдующія мѣры: ополченіе, какъ уже сказано, выстраивалось въ боевой порядокъ вправо и влѣво отъ шоссе, а шесть эскадроновъ, со со взводомъ конной артиллеріи ¹⁾, направлялись въ обходъ лѣваго фланга турокъ, совершая это движеніе скрытнымъ образомъ, за хлѣсомъ и высокими кустарникомъ, что тянется до сел. Чаулыкѣй, въ которое была направлена докская сотня, собственно для обезпеченія этого обхода съ правой руки. Но это было уже около 6½ часовъ вечера, а непріятель тѣмъ временемъ продолжалъ наступленіе, обсыпая наши дружины съ фронта и гранатами, и пулями. Руководимые своими офицерами, болгары въ строгомъ порядкѣ стояли на мѣстѣ и не удостоивали противника ни малѣйшимъ отвѣтомъ на огонь, несмотря на то, что среди ихъ

были уже раненые. Видя это стройное и строгое молчаніе, которое могло предвѣщать нѣчто грозное, въ родѣ непосредственнаго удара въ штыки, турки не отважились подойти на болѣе близкое разстояніе и ограничились только тѣмъ, что съ дальнихъ дистанцій поддерживали огонь противъ болгарскаго фронта. Между тѣмъ уже начинало темнѣть, когда наша обходная колонна, развернувъ эскадроны въ боевой порядокъ и выслать впередъ, шаговъ на 800, цѣпь наѣздниковъ, вышла изъ-за хлѣска и поэскадронно налѣво двинулась на флангъ непріятельской позиціи. Но въ это время смогла уже вся перестрѣлка, непріятель отступилъ и нашъ кавалерійскій обходъ окончился тѣмъ, что эскадроны, пройдя всю поляну между хлѣсомъ и дер. Карабунаромъ, по приказанію герцога Лейхтенбергскаго, вернулись по шоссе къ общему бивуаку на высотѣ дер. Дальбоки. Въ это время было уже такъ темно, что эскадроны, возвращавшіеся назадъ въ боевомъ порядкѣ, заприѣтивъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ какія-то густыя черкѣвшіеся массы, уже готовились было атаковать ихъ, въ томъ предположеніи, что это непріятель; но къ счастью, дѣло скоро разъяснилось: то были колонны болгарскаго ополченія, направлявшіяся къ бивуаку.

Въ эту ночь на дальбокомъ бивуакѣ получены герцогомъ Лейхтенбергскимъ весьма важныя извѣстія. Небольшія развѣдочныя части заблаговременно были направлены имъ въ разныя стороны и нѣкоторыя изъ нихъ прислали краткія донесенія, которыя сводились къ тому, что большія непріятельскія силы видимо наступаютъ на Эски-Загру по дорогѣ отъ станціи Карабунаръ и уже показались въ окрестностяхъ придорожнаго и ближайшаго къ Эски Загрѣ ¹⁾ селенія Мурады, впрочемъ, не доходя еще до него, а нашъ отрядъ (на дальбокомъ бивуакѣ) находился отъ города верстахъ въ 17-ти. Признавая за Эски-Загрой важное стратегическое значеніе, въ особенности въ случаѣ неудачнаго исхода дѣйствій средней и лѣвой колоннъ, и считая неудобнымъ покинуть безъ боя городъ, встрѣтившій насъ съ распростертыми объятіями, герцогъ Лейхтенбергскій призналъ необходимымъ перейти на развѣстѣ со вѣми дружинами и частью артиллеріи ²⁾ въ Эски-Загру, а кавалерія, подъ начальствомъ его высочества Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, приказалъ остаться на позиціи предъ непріятелемъ и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, имѣя въ виду содѣйствіе средней и лѣвой колоннамъ, долженствовавшимъ въ этотъ день (18-го числа) атаковать Иени-Загру.

Такимъ образомъ, болгарскія дружины, съ

¹⁾ Киевскій тусарскій полкъ и дивизіонъ Казанскаго драгунскаго полка со взводомъ докской № 10-го батареи.

¹⁾ Верстахъ въ четырехъ съ половиною

²⁾ Горная батарея и взводъ докской № 10-го батареи.

прикомандированными къ нимъ дивизиономъ гусаръ и частию артиллеріи, подъ личнымъ начальствомъ его высочества Николая Максимовича, около четырехъ часовъ утра выступили въ Эски-Загру, а герцогъ Евгений Лейхтенбергскій съ кавалеріей, въ числѣ 12-ти эскадроновъ и 6-ти конныхъ орудій, въ половинѣ шестого часа утра двинулся съ бивуака впередъ по шоссе, къ Іени-Загрѣ.

Никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось и дѣлается въ средней и лѣвой колоннахъ, къ утру 18-го числа въ правой колоннѣ еще не было.

Желая, по вчерашнему, дѣйствовать обходомъ лѣваго фланга турокъ, а со стороны своего собственнаго лѣваго фланга—войти въ связь со средней колонной, герцогъ Евгений Лейхтенбергскій сдѣлалъ къ тому надлежащія распоряженія, но во время наступленія своего былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ противника, съ которымъ пришлось завязать перестрѣлку. Такимъ образомъ, въ день 18-го іюля эти двѣнадцать эскадроновъ съ шестью орудіями, съ шести часовъ утра и до пяти вечера непрерывно маневрируя предъ непріятельскимъ фронтомъ, подъ огнемъ 10-ти или 12-ти орудій дальняго боя, сначала удержали на мѣстѣ, а потомъ вовлекли въ наступленіе къ Эски-Загрѣ непріятельскій отрядъ силой въ 6 или 8 батальоновъ, 10 или 15 сотенъ черкесовъ и двѣ батареи. Такая дѣятельность нашей кавалеріи имѣла прямымъ своимъ послѣдствіемъ то, что упомянутый турецкій отрядъ, находясь въ 10-ти верстахъ отъ Іени-Загры, былъ лишенъ возможности прибыть туда своевременно, когда—какъ оказалось потомъ—средняя и лѣвая колонны (силой въ 9 батальоновъ и двѣ сотни) были іени-загринскій отрядъ турокъ (силой въ 5 батальоновъ, 6 орудій и 2,000 черкесской конницы).

Между тѣмъ, вотъ что происходило въ средней и лѣвой колоннахъ. Исполнивъ 17-го числа, согласно диспозиціи, свои движенія—первая до Чайнокчи, вторая до Ложи,—колонны эти 18-го утромъ свободно перебравшись черезъ горы и спустились въ Іени-Загринскую долину, никѣмъ не атакованныя. Лѣвая колонна вышла равнѣ средней, которая полчася спустя дошла до спуска съ горъ, но такъ какъ средняя наканунѣ сдѣлала 45 верстъ, да теперь еще 15, по очень трудной дорогѣ, то генералъ Гурко велѣлъ ей остановиться на полчаса для отдыха. Вслѣдствіе этого лѣвая колонна вступала въ дѣло раньше средней, а такъ какъ этой послѣдней и послѣ спуска съ горъ пришлось еще сдѣлать около восьми верстъ по долинѣ, то разность во времени вступленія въ бой одной и другой колонны дошла до 2¼ часовъ.

Приблизясь къ непріятельской позиціи, наши увидѣли, что турки очистили городъ, успѣвъ

зажечь его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а сами отошли въ укрѣпленный пунктъ у іени-загринской желѣзно-дорожной станціи, которая была заранѣе превращена ими въ настоящую маленькую крѣпость. Полотно желѣзной дороги замыкало одинъ изъ ея фасовъ, а на остальныхъ фасахъ были устроены сплошныя укрѣпленія полевой профили, съ прорѣзанными въ нихъ амбразурами. Мѣстность впереди всѣхъ этихъ линій была совершенно ровная, не представлявшая для нашихъ стрѣлковъ никакихъ закрытій. Самое зданіе станціи могло служить прекраснымъ редюитомъ, а продолженіе полотна желѣзнаго пути фланкировало съ обѣихъ сторонъ длинныя фасы соменутаго укрѣпленія, внутри котораго были еще сдѣланы траверсы, составлявшіе вторую линію обороны. Гарнизонъ этой крѣпости заключался въ трехъ таборахъ низама и двухъ таборахъ мустахѣиза, при шести дальнобойныхъ крупновскихъ орудіяхъ, да сверхъ того у противника было еще 2,000 конныхъ черкесовъ.

Въ 8 часовъ утра (18-го іюля) лѣвая колонна развернулась и двинулась впередъ, имѣя въ первой линіи два батальона Сѣвскаго полка и 16 орудій¹⁾, а во второй—Елецкій полкъ, который вскорѣ послѣ начала дѣла былъ выдвинутъ вправо и началъ обходить городъ съ сѣверо-западной стороны, гдѣ его встрѣтили сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ укрѣпленной станціи и изъ-за полотна желѣзной дороги.

До прибытія стрѣлковой бригады нечего было и думать объ атакѣ. Поэтому генералъ Гурко приказалъ поддерживать пока только артиллерійскій и ружейный огонь, а три казачьи сотни послалъ охранять нашъ правый флангъ и въ то же время угрожать пути отступленія турокъ.

Около одиннадцати часовъ утра пришла наконецъ и 4-я стрѣлковая бригада съ донской № 15-го батареей. Но еще нѣсколько раньше этого времени огонь нашихъ шестнадцати орудій уже успѣлъ зажечь станціонное зданіе и принудилъ черкесовъ очистить поле сраженія—они бѣжали.

Командиръ 4-й стрѣлковой бригады, генералъ-майоръ Цвѣцинскій, ознакомившись съ ходомъ боя, усмотрѣлъ, что отступленіе турокъ должно начаться въ самомъ непродолжительномъ времени. Поэтому онъ тотчасъ же выслалъ одинъ изъ своихъ батальоновъ²⁾, при двухъ орудіяхъ, вдоль линіи желѣзной дороги, чтобы взять турокъ во флангъ во время ихъ отступленія, а дабы заградить имъ и самый путь отступленія, были направлены въ дер. Бурджикъ три сотни, тоже съ двумя орудіями.

Между тѣмъ сосредоточенный огонь нашихъ

¹⁾ 4-я и 6-я батареи 3-й артиллерійской бригады.

²⁾ 16-й стрѣлковый.

батарей, работавших съ разстоянія въ 600 сажень картечными гранатами по двумъ противоположнымъ сторонамъ укрѣпленія, вынудилъ наконецъ турокъ начать постепенное отступленіе. Тогда стрѣлковая бригада вмѣстѣ съ Елецкимъ полкомъ бросились на штурмъ, и хотя перекрестный огонь съ фасовъ и изъ за полотно былъ все еще очень силенъ, они ворвались въ укрѣпленіе и завладѣли полотномъ дороги. Турки стали отступать съ поспѣшностью и въ безпорядкѣ, а тутъ еще ударилъ имъ во флангъ батальонъ, заранѣе посланный для этого генераломъ Цвѣдскимъ, по линіи желѣзной дороги, да казаки изъ Бурджи лавой бросились на встрѣчу—и отступленіе турокъ обратилось въ настоящее бѣгство. Они разсыпались въ разныя стороны отдѣльными людьми и сбѣшанными кучками, направляясь преимущественно къ юго-востоку, и для облегченія бѣга бросали по дорогѣ ружья, сумки мундиры, сапоги и даже шаровары. Болѣе 800 турецкихъ труповъ осталось внутри укрѣпленія и по пути бѣгства. Наши гнали противника около четырехъ верстъ, пока онъ не разсѣялся уже окончательно. Кромѣ множества подобранныго ручного оружія, намъ достались два дальнѣйшія крупновскія орудія, изъ которыхъ одно, еще заряженное картечью, взято было при штурмѣ 1-й ротой 14-го стрѣлковаго батальона, и другое отнято казачьей сотней, чему впрочемъ помогло то обстоятельство, что благодаря огню 1-й донской батареи, у этого орудія еще раньше были перебиты лошади.

Въ дѣлѣ 18-го іюля при Іени-Загрѣ мы потеряли убитыми: донского № 21-го полка сотеннаго командира есаула Петрова и 14 человекъ нижнихъ чиновъ; ранеными: штабъ-офицера 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 84; безъ вѣсти пропавшихъ 1, итого 109 человекъ общей потери.

Еще во время самой атаки на Іени-Загру, генералъ Гурко, зная, что позади его, за дер. Карабунаръ, идетъ бой въ отрядѣ герцога Евгенія Лейхтенбергскаго, далъ знать командирамъ средней и лѣвой колоннъ, что въ виду этого обстоятельства онъ намѣренъ оставить въ Іени-Загрѣ одну только стрѣлковую бригаду, а съ остальными войсками идти на выручку Эски-Загры. Къ сожалѣнію, генералъ Гурко могъ собрать всѣ части своихъ войскъ послѣ боя и преслѣдованія только къ 3½, часамъ пополудни, и хотя тотчасъ же двинулся съ ними по эски-загринскому шоссе, но, придя въ дер. Карабунаръ, уже не засталъ тамъ никого. Впрочемъ, тутъ было добыто свѣдѣніе, что неприятель, имѣвшій дѣло съ нашею кавалеріею, пошелъ далѣе впередъ, на сел. Джуранлы, а войска герцога Лейхтенбергскаго отошли на позицію при дер. Айдамы, впереди Эски-Загры. Въ теченіе всего этого дня генералъ Гурко не получалъ ни одного донесе-

нія изъ эски-загринскаго отряда ¹⁾ и, оставаясь на бивуакѣ у деревни Карабунаръ, вечеромъ того же 18-го числа отдалъ приказаніе: стрѣлковой бригадѣ выступить изъ Іени-Загры въ четыре часа утра, а 1-й бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи ²⁾ сняться въ шесть часовъ утра и всѣмъ вообще слѣдовать къ Эски-Загрѣ, о чемъ въ то же время было сообщено и герцогу Николаю Лейхтенбергскому. Полковникъ Курнаковъ еще на разсвѣтѣ былъ посланъ впередъ съ четырьмя сотнями казаковъ и двумя конными орудіями.

Въ семь часовъ утра 19-го іюля, при самомъ началѣ движенія съ карабунарскаго бивуака, генералъ Гурко получилъ отъ полковника Курнакова донесеніе, что неприятель все еще находится у Джуранлы и уже началъ перестрѣлку съ казаками. Выѣхавъ впередъ для обзоренія мѣстности и положенія противника, генералъ Гурко увидѣлъ, что турки въ восьми значительныхъ силахъ стоятъ въ перелѣскѣ большаго лѣса, окружающаго деревню Джуранлы, и начинаютъ развѣртываться. Ничего не зная еще о наступательномъ движеніи арміи Сулеймана и рассчитывая взять неприятеля съ двухъ сторонъ—съ фронта своими собственными силами и съ тыла отрядомъ герцога Лейхтенбергскаго,—генералъ Гурко велѣлъ своимъ колоннамъ свернуть влѣво и постараться обойти правый флангъ противника, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать ему путь отступленія. Генералъ полагалъ, что эски-загринскій отрядъ, услышавъ выстрѣлы, поведетъ въ это же время тыловую атаку. Въслѣдствіе такого распоряженія, 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи зашла и развернулась въ двухъ верстахъ къ югу отъ шоссе. Въ первой линіи шелъ Сѣвскій полкъ, во второй Елецкій. Но тутъ оказалось, что фронтъ противника гораздо длиннѣе, чѣмъ думалось въ началѣ, а потому пришлось и Елецкому полку выйти изъ второй линіи и выстроиться вправо, оставивъ въ резервѣ одинъ батальонъ. Обѣ лѣвыя батареи тоже вошли въ боевую линію.

Турки, какъ оказалось теперь, имѣли весьма сильную позицію: они занимали опушку большого и густаго лѣса, усиливъ ее во многихъ мѣстахъ вдоль фронта стрѣлковыми ровиками и ложементами для сомкнутокъ частей. Лѣвый флангъ этой позиціи былъ слабѣе праваго и центра, потому что лѣсъ въ этомъ мѣстѣ росъ несравненно рѣже: но зато противникъ позаботился усилить его оборону значительнымъ числомъ искусственныхъ укрѣпленій, стянувъ сюда же и всю свою артиллерію ³⁾ выстрѣлъ съ

¹⁾ Всѣ донесенія, по необходимости, были направляемы кружнымъ путемъ и получены генераломъ Гурко только 20-го іюля.

²⁾ Стоявшей съ ея артиллеріею на карабунарскомъ бивуакѣ.

³⁾ Отъ 9-ти до 12-ти орудій.

черкесскою конницею, которая въ большихъ массахъ видѣлась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ ⁴⁾. Силу турецкой пѣхоты на первый взглядъ можно было опредѣлить приблизительно количествомъ отъ 9 до 12 батальоновъ.

Наши войска подошли очень близко къ позиціи и сразу были осыпаны градомъ пули. Завязалась очень оживленная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ это время особый отрядъ изъ семи ротъ ⁵⁾, врученный полковнику Вульфберту, пробрался въ лѣсъ и успѣшно приступилъ къ обходу праваго фланга противника, несмотря на пересѣченную закрытую мѣстность и огонь турецкихъ стрѣлковъ, мѣтившихъ съ очень близкихъ разстояній. Одновременно съ этимъ турки нѣсколько разъ пытались атаковать нашъ правый флангъ, и хотя ихъ попытки были постоянно отражаемы стрѣлковымъ огнемъ, тѣмъ не менѣе, въ виду такой настойчивости противника и замѣчнаго усиленія его войскъ, генералъ Гурко послалъ ординарца навстрѣчу 4-й стрѣлковой бригадѣ, съ приказаніемъ поспѣшить къ дѣлу и на рыскахъ выслать впередъ себя 15-ю донскую батарею, которой указано развернуться на правомъ флангѣ нашей боевой линіи.

Съ минуты на минуту ожидалъ генералъ Гурко, что эски-загринскій отрядъ ударитъ въ тылъ непріятельской позиціи, но около десяти часовъ утра, не замѣчая никакихъ признаковъ появленія этого отряда, явилось сомнѣніе—ужь не атакованъ ли онъ самъ въ Эски-Загрѣ... Однако, все же еще оставалась нѣкоторая надежда: вотъ-вотъ послышатся въ тылу противника пушечные выстрѣлы—и этого желалось тѣмъ болѣе, что обходное движеніе полковника Вульфберта уже готово было увѣнчаться успѣхомъ. Многие напряженно ждали, прислушивались, вглядывались въ бинокли—не замѣтно ли у противника какихъ-либо тревожныхъ движеній, по которымъ можно бы догадаться, что въ тылу у него не ладно. Но нѣтъ, турки дрались твердо и спокойно, а время между тѣмъ шло своимъ чередомъ и разсѣивало тщетныя ожиданія. Очевидно было, что герцогъ Лейхтенбергскій атакованъ и притомъ весьма сильнымъ непріятелемъ. Такъ какъ съ развитіемъ боя выяснялось, что предъ генераломъ Гурко находятся не 9 и не 12, а цѣлыхъ 15 таборовъ, которыхъ нѣсколько дней назадъ вовсе не было еще въ долині рѣки Марицы, то не оставалось болѣе никакого

сомнѣнія, что это—армія Сулеймана, перешедшая въ наступленіе.

Разъ что это выяснилось, генералу Гурко не оставалось ничего, кромѣ крайней необходимости, во что бы то ни стало, разбить отрядъ, бывшій предъ его глазами, и затѣмъ немедленно идти на помощь герцогу Лейхтенбергскому. Но для исполненія этого плана необходимо было, чтобы и герцогъ Лейхтенбергскій принялъ рѣшеніе защищаться до послѣдней крайности, до послѣдняго человѣка, потому что иначе уже не часть, а всѣ силы Сулеймана-паша обрушились бы на генерала Гурко. Волѣдствіе такого осложненія дѣла, генералъ послалъ въ Эски-Загру приказаніе держаться до послѣдней крайности, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ герцога Лейхтенбергскаго, что какъ только Богъ поможетъ ему разбить турокъ, онъ сейчасъ же придетъ на помощь Эски-Загрѣ и ея отряду.

Между тѣмъ, турки продолжали дѣлать свои настойчивыя, но неудачныя попытки противъ праваго фланга нашего отряда, а тѣмъ временемъ и ординарецъ, посланный къ 4-й стрѣлковой бригадѣ съ приказаніемъ поспѣшить къ бою, успѣлъ на полныхъ рыскахъ привести на правый нашъ флангъ 15-ю донскую батарею. Едва лишь замѣтила ее турецкая артиллерія, какъ тотчасъ же направила на нее свои выстрѣлы. Хотя разстояніе между тѣмъ и другими артиллерійскими фронтами было гораздо болѣе трехъ верстъ, тѣмъ не менѣе мѣткость противника была замѣчательно хороша: всѣ снаряды ложились въ весьма близкомъ разстояніи отъ батарей, причемъ количество недолетовъ и перелетовъ было почти одинаковое. Чтобы не нести напрасныя потери, оставаясь въ бездѣтельномъ положеніи, казачья батарея, подъ горячимъ огнемъ, лихо вынеслась впередъ, промчалась на разстояніе около 600 сажень отъ непріятельской позиціи, многомъ снялась съ передковъ, и не успѣли еще послѣдніе завернуть и отъѣхать отъ орудій, какъ «первое» грянуло уже свой пробный выстрѣлъ. Онъ казался удачнымъ. Тогда батарея наша открыла такой мѣткій огонь картечными гранатами по непріятельской артиллеріи, что *послѣ четвертой очереди* турецкая батарея вынуждена была сняться съ позиціи и спѣшно отъѣхать назадъ сажень на 300.

Около одиннадцати часовъ утра прибыла, наконецъ, и стрѣлковая бригада. Ей было приказано пристроиться къ правому флангу Елецкаго полка, оставивъ 16-й батальонъ въ общемъ резервѣ. Такимъ образомъ, наша боевая линія удлиннилась еще нѣсколько болѣе.

Спустя часа полтора выяснилось, что турки, мало-по-малу вводя въ бой значительнѣйшую часть своихъ силъ, переходятъ въ наступленіе противъ нашего центра. Страшно усиленный огонь цѣпи, частые залпы сожнутыхъ частей,

⁴⁾ Эту позицію усиливало еще то обстоятельство, что впереди ея во многихъ мѣстахъ находились поля, засѣянные кукурузой, въ которой засѣли непріятельскіе стрѣлки. Подпуская нашихъ стрѣлковъ на самое близкое разстояніе, они почти въ упоръ поражали ихъ пулями.

⁵⁾ Батальоны Елецкаго и двѣ роты Сѣвскаго полковъ.

артиллерійскіе снаряды и массы наступающихъ ротныхъ колоннъ,—все это заставило нашъ центръ нѣсколько попятиться.

Но какъ только былъ замѣченъ этотъ критическій моментъ, батарея наши¹⁾ сію же минуту направили въ наступающія колонны сильный огонь картечными гранатами, да кромѣ того, въ поддержку попятившемуся центру, немедленно былъ выдвинутъ одинъ батальонъ изъ резерва, а стрѣлковая бригада пущена во встрѣчную атаку. Совокупность всѣхъ этихъ мѣръ не только остановила натискъ противника, но и обратила его въ безпорядочное отступление²⁾.

Въ тѣ самыя минуты, какъ генералъ Гурко давалъ энергическій отпоръ этой рѣшительной атакѣ, усмотрѣна была на шоссе большая пыль, быстро приближавшаяся къ намъ со стороны Эски-Загры. Турки, или наши?—вотъ былъ вопросъ, заставившій призадуматься многихъ. Но черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что это были Киевскій гусарскій и Астраханскій драгунскій полки съ 16-ю конною батареею, по распоряженію герцога Лейхтенбергскаго, прискакавшіе на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко.

Во все время своего движенія, эти кавалерійскія части были поражаемы сильнымъ фланговымъ огнемъ, несмотря на который, полковникъ Ореусъ вынесся впередъ со своею 16-ю конною батареею и лихо, разомъ, что называется «по конно-артиллерійски», открылъ мѣткій огонь противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи.

Между тѣмъ, пока все описанное происходило у насъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ, семь ротъ полковника Вульфберта, направленные съ лѣвой стороны, успѣли окончательно обойти въ лѣсу правый флангъ противника.

Неудача турокъ въ атакѣ противъ нашего центра, обходъ Вульфбертомъ ихъ праваго фланга, атака нашей стрѣлковой бригады и, наконецъ, появленіе гусаръ и драгунъ съ 16-ю конною батареею—все это принудило непріятеля начать отступление одновременно по всей линіи. Наши войска сейчасъ же пустились преслѣдовать и исполнили это столь энергично, что турки обратились вскорѣ въ полное бѣгство. Они, повчерашнему, сбрасывали съ себя все, что могло замедлить быстроту ихъ бѣга; но несмотря на это, генералъ Гурко отдаетъ имъ полную справедливость въ томъ, что они «сражались великолѣдно». Погибая сотнями отъ губительныхъ картечныхъ гранатъ, они все

же стойко защищали свою позицію въ теченіе шести часовъ, и послѣ сраженія, обозрѣвая поле дѣйствій, можно было безошибочно опредѣлять направленіе ихъ стрѣлковыхъ позицій по длиннымъ линіямъ турецкихъ труповъ. Трудно опредѣлять потери противника: тѣла его валялись повсюду—и на поляхъ, и въ дустахъ, и въ лѣсу, и въ кукурузѣ; самъ Эмиль-паша, начальствовавшій этимъ отрядомъ, былъ раненъ въ ногу, о чемъ узнано отъ нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ и раненыхъ турокъ³⁾.

Но преслѣдуя бѣгущихъ, наши въ то же время видѣли, какъ надъ Эски-Загрою взрываются громадные клубы черного дыма, какъ повсюду по окрестности пылаютъ болгарскія села—и скорбное зрѣлище этихъ пожаровъ производило на войска сильное впечатлѣніе.

Вотъ что происходило въ отрядѣ герцога Николая Лейхтенбергскаго:

Къ вечеру 18-го іюля, отступивъ на позицію Айдавы, эски-загринскій отрядъ, когда уже стемнѣло, увидѣлъ въ южномъ и юго-восточномъ направленіяхъ и за дер. Мурадлы, у сел. Кадыкой, длинныя линіи бивуачныхъ огней, тянувшихся одинъ за другимъ. Точно такая же масса костровъ видѣлась и лѣвѣ, у Джуранлы и Буюка. Но между обѣими массами свѣтящихся точекъ оставался значительный темный промежутокъ, служившій виднымъ указаніемъ, что части того и другого стана еще не успѣли соединиться между собою. То же самое было подтверждено и развѣздами, нарочно съ этою цѣлю направленными въ ту сторону⁴⁾. Ясно было, что живѣе стоятъ силы, специально назначенныя дѣйствовать противъ Эски-Загры, а восточнѣе—отрядъ Эмиль-паши, наступавшій отъ Іени-Загры.

Получивъ изъ отряда генерала Гурко извѣстіе⁵⁾, что Іени-Загра уже взята и что генералъ Гурко завтра идетъ на выручку Эски-Загры, и видя, что этому послѣднему городу угрожаетъ серьезная опасность, герцогъ Николай Лейхтенбергскій поспѣшалъ сдѣлать необходимыя распоряженія къ защитѣ, а именно: въ распоряженіе полковника Краснова, стоявшаго съ частію казаковъ противъ силъ, наступавшихъ на Эски-Загру съ юго-востока, по

¹⁾ 6-я батарея 9-й артиллерійской бригады и довская казачья № 15-го.

²⁾ Особенно отличился при этомъ 15-й стрѣлковый батальонъ, который, опередивъ остальныхъ войска, врѣзался въ расположеніе непріятеля и тѣмъ сильно содѣйствовалъ отраженію его рѣшительной атаки, но понесъ при этомъ весьма чувствительныя потери.

³⁾ Наши потери заключаются въ слѣдующемъ: убиты—33-го Елецкаго полка штабсъ-капитанъ Писаренко, 34-го Сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Потеряхинъ, Эберггардъ и подпоручикъ Перковский; ранены: командующій 13-мъ стрѣлковымъ батальономъ майоръ Солянка, и кромѣ того: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 12; нижнихъ чиновъ убито 97, ранено 401, а всей потери 517 человекъ.

⁴⁾ Соединенію этихъ силъ въ концѣ вечера помѣшалъ пришедшій на бивуакъ кавалерійскій отрядъ герцога Евгения Лейхтенбергскаго, занявшій въ виду ихъ наблюдательное положеніе.

⁵⁾ За подписью начальника штаба сего отряда, полковника Нагловскаго.

дорогѣ отъ желѣзно-дорожной станціи Карабунаръ, были посланы двѣ дружины съ четырьмя горными орудіями и сотнею казаковъ; остальные же двѣ дружины и вся кавалерія оставлены въ резервѣ у дер. Айданлы, и кромя того, на разсвѣтъ 19-го числа, изъ города были вывезены все наши раненные и больные и высланы черезъ ущелье на перевалъ весь обозъ отряда. Имѣя въ виду обѣщаніе генерала Гурко придти завтра на выручку, герцогъ Николай Лейхтенбергскій рѣшился защищать Эски-Загру до послѣдней крайности.

Съ разсвѣтомъ 19-го іюля обнаружилось, что двѣ отдѣльныя массы непріятеля, по вѣрашнему, остались на мѣстахъ своего расположенія—одна у Джуранлы, другая—къ югу отъ Эски-Загры.

Около пяти часовъ утра, съ высокаго бугра близъ дер. Айданлы, гдѣ стоялъ штабъ герцога Лейхтенбергскаго, нѣкоторые лица замѣтили, что по шоссе изъ Іени-Загры приближается колонна казаковъ, которая вскорѣ завязала ружейную перестрѣлку и даже открыла изъ двухъ своихъ орудій огонь по джуранлійской позиціи турокъ. Его высочество Николай Максимиліановичъ тотчасъ же выслалъ Кіевскій гусарскій имени своего полкъ, со взводомъ донской батареи, для дѣйствія во флангъ этой позиціи. Самая деревня Джуранлы кишѣла массами турецкой пѣхоты и кавалеріи. Все это отлично было видно съ бугра въ военные бинокли. Гусары, поддерживая перестрѣлку, въ теченіе трехъ часовъ сряду маневрировали на флангъ противника, несмотря на довольно чувствительныя потери. Такъ, напримѣръ, одна удачно лопнувшая граната вырвала у нихъ изъ строя 10 лошадей и 12 всадниковъ. И этому маневрированію должно въ значительной степени приписать то, что между джуранлійскимъ отрядомъ турокъ и ихъ силами, стоявшими предъ Эски-Загрой съ юга, не послѣдовало соединенія въ утро 19-го іюля.

Но почти одновременно съ кіевскими гусарами, то же вліяніе на этотъ результатъ оказали и Астраханскій драгунскій полкъ, со взводомъ 16-й конной батареи, высланный подъ начальствомъ своего командира, полковника Мацылевича, около восьми часовъ утра, въ направленіи на сел. Кучукъ-Кадыккой, съ нѣлію обхода праваго фланга той массы пѣхоты, что развертывалась противъ дер. Мурадлы. Выйдя на опушку лѣса близъ этого послѣдняго селенія, взводъ 16-й конной батареи открылъ огонь по батальоннымъ колоннамъ турокъ. Нѣсколько выстрѣловъ этого взвода сопровождалось полнымъ успѣхомъ,—по крайній мѣрѣ, съ бугра у Айданлы было видно, какъ нѣсколько колоннъ отшатнулись назадъ, не устоявъ противъ нашихъ снарядовъ, а послѣ 30-ти довольно рѣдкихъ, выдержанныхъ выстрѣловъ, правый флангъ южной

массы былъ оттѣсненъ къ западу, и такимъ образомъ разрывъ между двумя непріятельскими отрядами сдѣлался еще больше, чѣмъ былъ въ началѣ. Достигнувъ этого результата, взводъ 16-й батареи, вмѣстѣ съ астраханскими драгунами, отошелъ къ Айданлы на прежнее свое мѣсто.

Къ одиннадцати часамъ утра, какъ разъ противъ середины разрыва между непріятельскими массами, сошлись 12 нашихъ эскадроновъ съ 6-ю конными орудіями. Эта кавалерія была стянута сюда въ ожиданіи подхода пѣхоты изъ Іени-Загры, съ тѣмъ, что какъ только подойдетъ она и вступитъ въ связь съ эскизагринскимъ отрядомъ, то эскадроны тотчасъ же бросятся въ разрѣзъ обѣихъ массъ. Но пока кавалерія нетерпѣливо ожидала желанной минуты такой атаки, съ бугра можно было ясно видѣть, что іени-загринская пѣхота уже вовлечена въ бой джуранлійскимъ отрядомъ, который держался крѣпко.

А между тѣмъ съ юга на Эски-Загру все болѣе и болѣе надвигались густыя тучи пѣхоты и конницы, желавшія, казалось, раздавить своею массою слабыя силы защитниковъ города. Начальникомъ городской обороны былъ назначенъ полковникъ Денпредавичъ. Выслать на помощь къ нему Казанскій драгунскій полкъ и видя, что въ случаѣ сильнаго натиска турокъ на восточную окраину города намъ будетъ очень трудно, если не вовсе невозможно, пройти къ ущелью, сквозъ которое лежалъ единственный путь нашего отступленія,—герцогъ Лейхтенбергскій рѣшился перевести остальныхъ двѣ болгарскія дружины ¹⁾ на дорогу, ведущую изъ города въ ущелье. Было уже половина двѣнадцатаго, когда къ бугру неожиданно прибылъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ Раухъ, прорвавшійся подъ градомъ снарядовъ изъ іенизагринской колонны мимо турецкой позиціи, и принялъ начальство надъ эскизагринскимъ отрядомъ.

Онъ первымъ дѣломъ приказалъ кавалеріи идти съ конною артиллеріею на присоединеніе къ правому флангу іенизагринскаго отряда, дѣйствовавшего противъ джуранлійской позиціи, а два донскія орудія отправилъ въ городъ, чтобы не оставлять казанскихъ драгунъ вовсе безъ артиллеріи. Генералъ Столѣтовъ лично повелъ было эти орудія, но они не дошли до Казанскаго полка, потому что новыя обстоятельства указали на необходимость выставить ихъ около бугровъ, заслоняющихъ входъ въ ущелье. Впереди этихъ бугровъ расположены были 1-я и 3-я дружины болгарскаго ополченія.

Около часу дня дѣла наши подъ Эски-Загрой приняли слѣдующее положеніе:

2-я и 5-я дружины, съ двумя горными ору-

¹⁾ Находившіяся вмѣстѣ съ кавалеріею и конною артиллеріею на позиціи у Айданлы.

дѣями и дивизиономъ казанцевъ, вынуждены были отступить изъ города, который отъ дѣйствія турецкихъ гранатъ уже горѣлъ во многихъ мѣстахъ. 1-я и 3-я дружины закрывали собою ущелье, а между ними и городомъ залегъ въ садахъ другой дивизионъ спѣшенныхъ казанцевъ. Два донскія орудія находились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого боевого порядка, подъ прикрытіемъ полусотни 26-го донского полка. Турки же, пользуясь закрытою мѣстностью и садами, окружающими городъ, и считывая на свое громадное численное превосходство надъ нами, подступали къ намъ все ближе и ближе, и наконецъ успѣли своимъ обходомъ подвергнуть нашъ лѣвый флангъ большой опасности.

По отзыву герцога Николая Лейхтенбергскаго, болгары-дружинники дрались здѣсь «какъ львы, защищая каждую пядь родной земли». Роты 3-й дружины (подполковника Калитина) и 1-я дружина (подполковника Кисякова), разстрѣливая свои патроны, по нѣскольکو разъ бросались въ штыки и опрокидывали цѣль противника, но, встрѣчаемыя залпами резервовъ и гранатнымъ огнемъ, гибли десятками, не уступая ни на шагъ свою позицію. Много легло здѣсь болгаръ истинными героями, много пало русскихъ, ихъ кадровыхъ учителей и боевыхъ воспитателей; между прочимъ, здѣсь же погибли и подполковникъ Калитинъ, и капитанъ Федоровъ, и штабсъ-капитанъ Усовъ, и поручикъ Поповъ—этотъ цвѣтъ русскаго боевого офицерства, отданный болгарскимъ дружинамъ нашими туркестанскими батальонами. Замѣчательна смерть Калитина. Во время штыковой атаки болгаръ на турокъ былъ убитъ знаменщикъ 3-й дружины, унтеръ-офицеръ Марченко. вмѣстѣ съ нимъ поверглось на землю и прекрасное знамя, подаренное болгарамъ Самарою. Калитинъ, замѣтившій это паденіе, мигомъ скакиваетъ съ лошади, хватается за древко и, снова вскочивъ въ сѣдло, выносятся съ высоко поднятымъ знаменемъ предъ фронтъ своей дружины. «Ребята, знамя наше съ нами! Впередъ—за нямъ! за мною!»—звучнымъ голосомъ кричитъ онъ своимъ ополченцамъ, не замѣчая, что съ этого момента онъ самъ сдѣлался почти исключительною цѣлью турецкихъ стрѣлковъ,—и повернувъ лошадь, устремляется на турокъ. Дружно гаркнули «ура» въ отвѣтъ ему болгары; въ рядахъ ихъ раздалась уже было боевая болгарская «пѣсня свободы», склоненные ятаганы ихъ шаспо уже засверкали вокругъ и впереди Калитина—турки понялись. Но въ это мгновеніе, зашатавшись въ сѣдлѣ и безсильно свѣсивъ на грудь голову, Калитинъ вдругъ падаетъ на землю. Онъ былъ пронзанъ тремя пулями. Ближайшіе люди подскочили на помощь къ своему командиру—но для него все уже было кончено: красивое, выразительное его молодое лицо, еще за мгновеніе предъ тѣмъ столь

вдохновенно дышавшее и мыслью, и отвагою, разомъ покрывшись смертною блѣдностью. Онъ былъ мертвъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ вынулъ изъ руки его знамя, у котораго почти на серединѣ было перебито древко, и только-что успѣлъ сдѣлать съ нимъ два-три шага, какъ и его положила турецкая пуля. На смѣну ему тотчасъ-же явился другой унтеръ-офицеръ, но и этотъ былъ убитъ на мѣстѣ. Въ эти минуты бой шелъ уже въ упоръ съ противникомъ. Кучка турокъ подобралась къ лежавшему знамени и двое изъ нихъ уже поволокли было его на свою сторону: съ остервененіемъ кинулись на нихъ болгары—кто въ штыки, кто въ приклады—и среди ожесточеннѣйшей свалки, съ торжествомъ, вырвали свою драгоценную святыню—*первое болгарское знамя*—изъ рукъ непріятеля.

Столь упорная оборона дружинниковъ ошеломила, наконецъ, турокъ своею стойкостью, такъ что они приостановились своимъ наступленіемъ въ садахъ между Мурадлы и городомъ. Эта приостановка дала возможность ополченцамъ свободно отойти къ ущелью, подъ прикрытіемъ дивизиона спѣшенныхъ драгунъ и остатковъ дружины 2-й и 3-й, подъ начальствомъ полковника Депперадовича. 1-я и 3-я дружины, потерявъ три четверти своихъ людей и большую часть офицеровъ, стали отходить кучками къ ущелью, когда было уже около двухъ часовъ пополудни. За ними начали ототупленіе спѣшенные казаки и драгуны съ горною батареею, которая до послѣдняго картечнаго заряда оставалась предъ толпами насѣдавшихъ турокъ и черкесовъ.

Турки, какъ уже сказано, приостановились и чрезъ это дали ополченцамъ возможность свободно отойти въ садъ, за іени-загринское шоссе; но не успѣли еще дружины занять возвышенность, какъ предупредившіе ихъ черкесы, забравшись на горныя вершины, открыли оттуда огонь, принудившій болгаръ спуститься въ глубину ущелья, куда послѣдовали за ними и казанцы.

Такимъ образомъ, входъ въ ущелье сдѣлался свободнымъ. Къ счастью, въ это время изъ города, по склону горы, подоспѣлъ полковникъ Депперадовичъ съ 1-мъ дивизиономъ казанцевъ и остатками 2-й и 5-й дружинъ, приведенными сюда въ полномъ порядкѣ. Этотъ послѣдній аріергардъ и прикрылъ собою сборъ войскъ эски-загринскаго отряда у сел. Дербенткой, куда къ пяти часамъ вечера прибылъ генералъ Раухъ, который отвелъ повозки съ ранеными и собранныя войска за рѣку Тунджу.

По отзыву герцога Николая Лейхтенбергскаго, геройская защита дружинниками родного города пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ то самое время, когда они дрались въ садахъ и виноградникахъ около Мурадлы, тысячи стариковъ, женщннъ и дѣтей болгарскихъ,

спасаясь изъ-подъ турецкихъ гранатъ, покидали тѣсныя улицы пылающаго города и бѣжали въ то-же самое ущелье, куда должны были отступить и наши войска. Такимъ образомъ въ день 19-го іюля наши дружинники честно исполнили свой долгъ не только какъ войско, но и какъ братья-защитники болгаръ, спасавшихся отъ турецкой мести и неволи.

Итакъ, эски-загринскій отрядъ покинулъ свою позицію около двухъ часовъ пополудни. Въ это же время и джуранильскій отрядъ Эмима-паши, противъ котораго дрался генералъ Гурко, началъ свое отступление. Какъ только это было усмотрѣно, генералъ Гурко немедленно послалъ ко всей своей пѣхотѣ, увлекшейся преслѣдованіемъ, приказаніе собраться на шоссе у Эски-Загры, съ тѣмъ чтобы въ тотъ же день атаковать городъ, если онъ занятъ неприятелемъ, или же выручить болгарское ополченіе, если оно держится. Но громадный дымъ, еще около часу дня поднявшійся надъ городомъ, служилъ зловѣщимъ признакомъ, что тамъ дѣла наши идутъ плохо...

Преслѣдованіе разбитаго отряда Эмима-паши генералъ Гурко поручилъ четыремъ казачьимъ сотнямъ съ четырьмя конными орудіями, а самъ отправился къ Эски-Загрѣ, приказавъ слѣдовать вмѣстѣ съ собой 16-му стрѣлковому батальону, Астраханскому драгунскому, Киевскому гусарскому полкамъ и 16-й конной батарее, для того чтобы подъ прикрытіемъ этихъ частей собрать остальныхъ войска. Около трехъ часовъ пополудни генералъ остановился, не доходя верстъ четырехъ до города, и здѣсь ожидалъ прибытія войскъ до шести часовъ вечера, когда прибыла къ нему стрѣлковая бригада, а въ половинѣ седьмого подошла наконецъ и 1-я бригада 9-й дивизіи. Увлеченіе преслѣдованіемъ и на этотъ разъ замедлило сборъ войскъ, появленіе которыхъ подъ самымъ городомъ, повидимому, сильно встревожило неприятеля; но время для атаки было уже упущено: черезъ часъ наступила бы ночная темнота, а вести войска въ бой при такихъ условіяхъ было бы болѣе тѣмъ рискованно, и потому генералъ Гурко отвелъ ихъ на бивуакъ къ Дальбоку, съ тѣмъ чтобы на другой день рано утромъ опять начать наступленіе. Здѣсь генералъ приказалъ доставить себѣ свѣдѣнія объ наскохновенныхъ и остающихся патронахъ и снарядахъ. При этомъ выяснилось, что два предшествовавшія дѣла поглотили ихъ такое количество, что не только предпринимать какую-либо атаку, но и оставаться въ виду всей арміи Сулеймана было бы неблагоприятно. Такъ, напримеръ, въ 10-й донской батарее оказалось налицо только по 27 снарядовъ на орудіе, считая въ томъ числѣ и картечь. По этой-то причинѣ и въ виду значительнаго превосход-

ства силъ неприятеля, генералъ Гурко и рѣшился отойти къ Хан-кюйскому ущелью.

Послѣдствіемъ нашей неудачи была страшная рѣзня, жертвами которой въ долинѣ Маричи и въ долинѣ Розѣ сдѣлалось все, что не успѣло бѣжать или укрыться въ тѣсныхъ трущобахъ ¹⁾. Общая убыль убитыми и ране-

¹⁾ Вотъ какими ужасными красками описываютъ эти кровавыя сцены корреспонденты иностранныхъ газетъ:

„Букарестъ, 12-го августа. Три дня назадъ одинъ болгаринъ, прибывшій изъ Казанлыка, купецъ торгующій масломъ, говорилъ мнѣ: „Весьма ошибочно предположеніе, что турки и болгары могутъ со-временемъ ужиться между собой. Или турки должны истребить болгаръ, или болгары турокъ“. Этотъ страшный приговоръ приводится въ исполненіе по ту сторону горъ, что ясно видно изъ слѣдующихъ подробностей, добытыхъ мною изъ достовѣрныхъ источниковъ. Устрашенные жители Эски-Загры попытались было послѣдовать за болгарскимъ легиономъ, но черкесы заняли дорогу въ Казанлыкъ, а турки поставили стражу вокругъ города, такъ что никто не могъ убѣжать, и тутъ-то начались сцены дьявольскихъ жестокостей, которыя невозможно описать. Ни полу, ни возрасту не было пощады, а смерть у турокъ, какъ извѣстно, не считается еще за самую ужасную изъ пытокъ. Знатныя лица изъ турокъ, убѣжавшія при появленіи русскихъ и проводившія это время съ башибузуками въ окрестныхъ селеніяхъ, возвратились въ городъ и начали убивать людей на своихъ собственныхъ фермахъ. Сообщены имена слѣдующихъ лицъ: Тефикъ-бей, Садыкъ-бей, Акифъ-бей и Дая-Ахмедъ. Госпиталь со всеми ранеными, русскими и болгарскими, былъ сожженъ; спаслось только небольшое число жителей. Полагаютъ, что въ городѣ и въ окрестномъ владѣетъ, однимъ изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Европѣ, безжалостно сожжено до 30 церквей, до 500 школъ и нѣсколько тысячъ домовъ; число же жителей, убитыхъ въ городѣ и въ селеніяхъ, весьма значительно. Въ этой рѣзнѣ также принимали участіе турецкіе купцы. Истребленіе продолжалось даже ночью, при свѣтѣ пылающихъ домовъ; рассказы о немъ передаютъ одинъ изъ жителей, спасшійся какимъ-то чудомъ, и тщательно провѣрять. Сообщены имена многихъ начальницъ школъ, которыя вмѣстѣ съ молодыми воспитанницами подверглись гнуснымъ нечестностямъ и затѣмъ были убиты. Турецкіе жители, остававшіеся покорными и пользовавшіеся покровительствомъ во время пребыванія русскихъ, сбросили съ себя маску добродушія, вооружились топорами и ножами и начали убивать тѣхъ, подъ управленіемъ которыхъ они жили въ безопасности“.

Спеціальный корреспондентъ газеты „Daily News“ сообщаетъ съ своей стороны слѣдующія свѣдѣнія объ истребленіи христіанъ турками:

„По полученнымъ мною извѣстіямъ, на южныхъ склонахъ Балканъ происходили въ послѣднія двѣ недѣли самыя страшныя сцены. По описаніи русскими Эски-Загры началась страшная рѣзня, такъ какъ турки принялись убивать всѣхъ христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ своихъ жилищъ. Оставшіеся же въ домахъ подверглись еще худшей участи: ихъ сожгли живыми. Отдаю было приказаніе жечь и разрушать всякое имущество христіанъ; въ этомъ дѣлѣ принимали участіе многіе турецкіе купцы. Въ числѣ ихъ

ными въ отрядѣ генерала Гурко за все время его забалканской экспедиціи, т. е. со 2-го по 20-е іюля, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: офицеровъ 61, нижнихъ чиновъ 1,467, а всего 1,528 человекъ. Кавалерія же вслѣдствіе крайняго напряженія, при быстрыхъ, почти непрерывныхъ передвиженіяхъ на значительныя разстоянія и по труднымъ дорогамъ, потеряла большой ущербъ въ конскомъ составѣ, такъ что нѣкоторыя части возвратились изъ-за Балканъ, имѣя всего лишь отъ пяти до восьми рядовъ во взводахъ.

Теперь остается только сдѣлать нѣкоторые общіе выводы, къ которымъ подаетъ поводъ забалканская экспедиція.

Бросить почти немедленно по переходѣ за Дунай достаточно сильный корпусъ войскъ, въ видѣ передового отряда, для занятія и обезпеченія хотя бы одного или двухъ балканскихъ переваловъ, прежде чѣмъ турки успѣютъ

оправиться отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія — безспорно, было смѣлой и вполне цѣлесообразной мыслью. Въ этомъ случаѣ сколь бы ни былъ великъ рискъ для передового отряда, онъ былъ вполне извинителенъ, въ виду необычайно важныхъ выгодъ для наступающей арміи, которая, въ случаѣ удачи, приобрѣтала себѣ съ первыхъ же шаговъ за Дунаемъ важнѣйшія стратегическія позиціи въ Балканахъ, обезпечивающія ей возможность движенія въ долины Тунджа и Марицы. Этого и желалъ великій князь главнокомандующій, когда въ предписаніи своемъ генералу Гурко ¹⁾ велѣлъ ему овладѣть балканскими проходами, дабы подъ прикрытіемъ передового отряда приступить къ ихъ разработкѣ, для движенія обозовъ и тяжестей. Такимъ образомъ, первая мысль главнокомандующаго имѣла въ виду только захватъ какого-либо изъ переваловъ и охрану его, для инженерной

слѣдуетъ упомянуть о Сандѣ-Агѣ, который собралъ значительное число башибузуковъ и отправилъ ихъ въ Чирпанскій округъ, для уничтоженія христіанскаго имуществъ. Въ самое короткое время запылали сотни домовъ, а надъ обитателями совершены были самыя гнусныя жестокости. Дѣло разрушенія коснулось даже отдаленныхъ селеній, какъ Богданъ, Маталези и Рави-Маталези, равно какъ и многихъ другихъ, заключавшихъ въ себѣ отъ 150 до 200 семействъ. Селенія эти расположены по желѣзной дорогѣ между Кершенли и Лени-Загрой; изъ нихъ спаслось не болѣе пятидесяти человекъ. Болгарскіе бѣглецы, прибывшіе въ Габрово и Сельви, утверждаютъ, что въ Эски-Загрѣ и Чирпанскомъ округѣ убито отъ 12,000 до 15,000 христіанъ. Бѣднымъ христіанамъ весьма трудно было спастись бѣгствомъ, такъ какъ по дорогѣ изъ Эски-Загры въ Казанлыкъ разставлены были солдаты, получившіе приказаніе убивать всякаго проходившаго по этой дорогѣ. Сожжено до 60 селеній²⁾.

Юлій Виккеде описываетъ въ „Аугсбургской Газетѣ“, въ качествѣ свидѣтеля-очевидца, выступленіе изъ Эски-Загры отряда генерала Гурко и рѣзню, происходившую въ этомъ городѣ по уходѣ русскихъ войскъ. „Это было 1-го августа (новаго стиля). Сулейманъ-паша только что соединился съ Реуфомъ-пашей, наканунѣ разбитымъ русскими. Пѣхота Сулеймана-паши шла форсированными переходами, день и ночь, отъ червогорской границы, почти безъ пищи. Истуреннымъ солдатамъ, изъ которыхъ много было босыхъ, дали только нѣсколько часовъ отдыха. Затѣмъ къ нимъ обратились съ воззваніемъ и сказали, что дѣло идетъ о спасеніи падишаха; что проклятые русскіе хотятъ разрушить Стамбулъ и сжечь святуго Софію; что всѣ правовѣрные послѣдователи Магомета, которые погибнутъ въ этой борьбѣ, прямо попадутъ въ рай, гдѣ будутъ наслаждаться вѣчными удовольствіями. Этого было достаточно — усталость и изнуреніе были тотчасъ забыты и солдаты снова сомкнулись въ тѣсные ряды, чтобы съ яростію броситься на русскіе ретраншаменты. Между Сулейманомъ и Реуфомъ, а равно между офицерами и солдатами возбудилось общее соревнованіе и одинъ старался превзойти другаго. Русскіе приняли нападеніе твердо, подобно стѣнѣ, и дрались героями, но не могли выдержать

яростнаго натиска фанатизированныхъ солдатъ, превосходившихъ ихъ численностію, и генераль Гурко увидѣвъ себя вынужденнымъ очистить Эски-Загру. Всѣ ретраншаменты были усѣяны горами труповъ, потому что о пощадѣ тутъ никто и не думалъ.

Эски-Загра была обята пламенемъ, и такъ какъ горѣла именно главная улица, то турки не могли преслѣдовать побѣжденныхъ, и генералу Гурко удалось достигнуть Казанлыка. До сихъ поръ все шло хорошо (прибавляетъ Виккеде, извѣстный ненавистникъ Россіи) и я ощущалъ справедливую радость вслѣдствіе этой побѣды, спавшей Адрианополь; но, къ сожалѣнію, радость мою омрачило то, что мнѣ привелось видѣть и слышать вслѣдъ за тѣмъ. Я не въ состояніи описать всѣ ужасы сценъ, которыхъ мнѣ, къ несчастію, пришлось быть отчасти свидѣтелемъ — очевидцемъ и при воспоминаніи о которыхъ у меня до сихъ поръ кровь стынетъ въ жилахъ. На несчастный городъ Эски-Загру напались не люди, а какіе-то бѣшеные дьяволы. Въ плѣвъ никого не брали и кто не падалъ, будучи приколотъ штыкомъ, того дорѣзывали атаганомъ; даже у болѣе части раненыхъ отрублены были головы. Больные, женщины, дѣти, старики, однимъ словомъ все, что жило и дышало, все это безжалостно убивалось или бросалось въ огонь пылающихъ домовъ. Башибузуки изъ Албаніи, пришедшіе съ Сулейманомъ-пашей, оказались хуже дьяволовъ и убивали безъ всякой цѣли и безъ разбора, единственно изъ любви къ рѣзнѣ... Офицеры — если только можно употребить это названіе, говоря объ албанцахъ или другихъ иррегулярныхъ войскахъ падишаха, — потеряли всякую власть надъ солдатами и предоставили имъ насытить свою ярость. Судьба Магдебурга во время Тридцатилѣтней войны не могла быть ужаснѣе того, что испытала Эски-Загра и многія другія мѣстности къ югу отъ Балканъ; самыя кровожадныя орды той эпохи не могли рѣзать, жечь и грабить съ болѣе дикой свирѣпостію, чѣмъ турки³⁾.

Такъ говорятъ наши отъявленные враги, безъ сомнѣнія, имѣющіе поводъ скрывать еще многое и многое, уже въ силу того, что находятся при турецкомъ штабѣ; что же сказали бы наши друзья, еслибы, подобно Юлію Виккеде, они могли быть очевидцами всѣхъ этихъ ужасовъ?

¹⁾ См. страницу 173

разработки, пока не подойдут главные силы. Это и было не только удачно, но блистательно исполнено генераломъ Гурко, который сразу, такъ сказать, съ налету овладѣлъ столь важнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ Тырново и, благодаря князю Церетекеву, вышелъ за Балканы, по проходу, оставленному турками почти безъ всякаго вниманія, ибо нельзя же считать за серьезное сопротивленіе стычку съ тремястами человекъ анатолийскаго низама, которыхъ пластуны и стрѣлки прогнали изъ селенія Хайн-кюй 2-го іюля.

По исполненіи этой важной задачи, генералъ Гурко долженъ былъ способствовать овладѣнію Шипкинскимъ переваломъ съ юга, въ то время, какъ князь Святополкъ-Мирскій будетъ атаковать тотъ же перевалъ съ сѣвера. Для этого генералу Гурко надлежало предварительно овладѣть Казанлыкомъ. Отважная, смѣлая предпринимчивость начальника передового отряда и счастливо сложившіяся обстоятельства помогли ему и въ этомъ случаѣ. Если же генералъ Гурко не могъ 5-го іюля способствовать сѣверной атакѣ на Шипкинскій перевалъ, которую въ этотъ день велъ Орловскій полкъ, то въ этомъ виновать едва ли не безразсудный поспѣшный расчетъ времени, который заранѣе былъ сдѣланъ въ Тырново, въ томъ предположеніи, что генералъ Гурко уже успѣетъ 5-го числа не только овладѣть Казанлыкомъ, но и подняться на южную сторону перевала. Можно думать, что этотъ расчетъ, вѣроятно, не имѣлъ въ виду возможныхъ препятствій, которыя однако же случились на самомъ дѣлѣ, а именно: 3-го іюля въ стычкахъ за деревней Орезари и 4-го іюля въ дѣлѣ подѣ Уфляни, не говоря уже о сраженіи 5-го іюля подѣ Казанлыкомъ, вслѣдствіе чего изнеможенная пѣхота могла подойти къ деревнѣ Шипкъ только передъ вечеромъ. Но даже и въ этомъ случаѣ, одно уже появленіе генерала Гурко въ названномъ пунктѣ могло въ тотъ же день повліять на успѣшный исходъ сѣверной атаки, еслибы въ составѣ габровскаго отряда было болѣе пѣхоты, за недостаткомъ которой князю Мирскому пришлось атаковать перевалы Шипку и Бердекъ четырьмя слабосильными колоннами, вслѣдствіе чего, по случаю неудачи одной изъ нихъ (капитана Клиентовъ), должны были отступить къ Габрову, 6-го утромъ, и всѣ остальные.

Относительно же исполненія второй части задачи передового отряда, т. е. атаки Шипкинскаго перевала съ южной стороны, здѣсь нерѣдко слышатся нѣкоторыя замѣчанія, по поводу двухъ обстоятельствъ, а именно: говорить, что, приказавъ генералу Столѣтову двигаться вслѣдъ за собой отъ Хайн-кюя къ Казанлыку 5-го вечеромъ, или 6-го утромъ, не уничтоживъ предварительно турокъ, отсту-

пившихъ къ Сливно, и не выждавъ подхода къ Хайн-кюю 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, начальникъ передового отряда будто бы оставлялъ безъ всякаго опезпеченія Хайн-кюйскій перевалъ, служившій пока его единственнымъ путемъ сообщенія съ главными силами.

При этомъ прибавляютъ: счастье наше, что турки изъ Сливно (коихъ численность не была намъ извѣстна) не заняли Хайн-кюйское ущелье 6-го или 7-го іюля, и что Шипкинскій перевалъ былъ очищенъ 7-го же числа, а безъ того будто бы положеніе передового отряда, въ виду скопляющейся арміи Сулеймана, могло сдѣлаться отчаяннымъ и даже безнадежнымъ. Но на это можно возразить, во-первыхъ, что именно на рискъ-то и строились все движеніе передового отряда и всѣ его задачи, и во-вторыхъ, что въ виду настоятельнѣйшей необходимости занять, какъ можно скорѣе, Казанлыкъ и атаковать съ юга Шипку, генералу Гурко невозможно было терять не только лишняго дня, но и часа времени, такъ какъ иначе весь результатъ его рискованно-смѣлой, блестящей экспедиціи легко могъ бы свестись къ нулю.

Затѣмъ слышатся еще вопросы: зачѣмъ было оставлять всю горную артиллерию въ арьергардѣ у генерала Столѣтова, если начальнику передового отряда заблаговременно было извѣстно, что ему придется оперировать противъ Шипкинскаго перевала, и что именно эта операція составляетъ существеннѣйшую часть его задачи по переходѣ за Балканы?

При этомъ выставляется такой доводъ, что сколь бы ни была плоха шоссеиная дорога, по которой наступали 6-го числа пластуны, но едва ли ужъ окончательно невозможно было поднять по ней легкія 4-хъ-фунтовые орудія, коль скоро турки могли втащить на перевалъ даже дальнѣйшія крупнокалиберныя пушки. Соглашаясь, что при недостаткѣ времени, операція подъема полевыхъ орудій была бы для насъ слишкомъ затруднительна, люди, склонные къ критикѣ, утверждаютъ, что возможность движенія на перевалъ въьюковъ горной артиллеріи является уже окончательно въ всякихъ сомнѣніяхъ, и въ доказательство приводить, что если бы генералъ Гурко признавалъ это невозможнымъ, то конечно не назначилъ бы 7-го числа четырехъ горныхъ орудій для движенія на перевалъ, вмѣстѣ съ одной изъ болгарскихъ дружинъ и стрѣлковымъ батальономъ; между тѣмъ, отсутствіе при отрядѣ полковника Климантовича горной артиллеріи 6-го числа было одной изъ важныхъ причинъ его неудачи и потерь при отступленіи.

Но такъ какъ, въ концѣ концовъ, мы заняли Шипкинскій перевалъ, да и на Хайн-кюйскій проходъ со стороны турокъ не было

сдѣлано никакихъ покушеній, то благодаря этой счастливой случайности, всё подобныя упреки въ данномъ случаѣ не имѣютъ существеннаго значенія. Во всякомъ случаѣ, важно то, что главнѣйшія двѣ задачи передового отряда, благодаря энергіи и рѣшимости генерала Гурко, были разрѣшены въ поразительно короткий срокъ, со 2-го по 7-е іюля, и разрѣшены блестящимъ образомъ, съ самыми ничтожными потерями.

Далѣе, ставить еще въ упрекъ движеніе передового отряда изъ Казанлыка за Малые Балканы, для занятія Эски-Загры и Лени-Загры, съ силами, крайне недостаточными, чтобы удержаться въ этихъ пунктахъ противъ цѣлой арміи Сулеймана. Противъ этого предпріятія приводить тотъ доводъ, что великій князь главнокомандующій приказалъ генералу Гурко только захватить балканскіе проходы и прикрывать ихъ до подхода главныхъ силъ арміи; за Малые же Балканы разрѣшалось ему высылать только кавалерійскія части для набѣговъ и рекогносцировокъ. Защитники же предпріятія говорятъ, что генералъ Гурко письмомъ просилъ главнокомандующаго подчинить ему 1-ю бригаду 9-й пѣхотной дивизіи и разрѣшить дѣйствовать самостоятельно, на свой страхъ, потому что Малые Балканы стоятъ предъ нимъ какъ завѣса, мѣшая знать и видѣть то, что дѣлается за ними, а между тѣмъ при возможности самостоятельныхъ дѣйствій, онъ рассчитывалъ, что ему удастся или разбить по частямъ отряды изъ состава войскъ Сулеймана-паша, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться въ цѣлую армію, или же занятіемъ Эски и Лени-Загры еще надежнѣе обезпечить Шипкинскій и Ханн-кюйскій проходы. Противъ этого возражаютъ, что для того-то передовому отряду и было придано столько кавалеріи, чтобы постоянно знать и видѣть происходящее за Малыми Балканами, въ долину Марицы, и что для наибольшаго обезпеченія проходовъ надо было укрѣпить доступы къ переваламъ и ждать, пока не придутъ на сѣкву передовому отряду главные силы арміи, а тогда уже дѣйствовать, сообразно дальнѣйшимъ приказаніямъ главнокомандующаго.

Дѣйствительно, движеніе за Малые Балканы было совершено безъ приказа на то великаго князя. Но что касается намѣренія за-

нять объ Загры, то въ сущности, чѣмъ же оно было рискованнѣе всего, что сдѣлано генераломъ Гурко до 7-го числа включительно? Всея забалканскій походъ являетъ собой одинъ грандіозный, блистательный рискъ и, стало быть, соотвѣтственно такой идее общаго предпріятія, движеніе за Малые Балканы — смѣло думать — было со стороны отважнаго генерала исполнѣ послѣдовательно. Онъ только нѣскольکو ошибся въ предположеніи, что армія Сулеймана сплотится между 17-мъ и 20-мъ іюня и, стало быть, перейдетъ въ наступленіе около 20-го числа; но оправдайся его предположеніе, то съ 10-го (день занятія Эски-Загры) до 20-го числа, конечно, можно было бы достаточно укрѣпиться въ обѣихъ Заграхъ, для того чтобы выдержать, пожалуй, даже и съ наличными силами передового отряда, первый напоръ Сулеймана, пока не подойдутъ на выручку главные силы нашей арміи. Мнѣ кажется, что при этомъ предпріятіи главнѣйшій вопросъ заключался бы только въ количествѣ сухарей и зарядовъ: было ли ихъ достаточно? а если и не было, то можно ли было рассчитывать на своевременный и безпрепятственный подвозъ ихъ на выюкахъ изъ-за Великихъ Балкановъ? Оправданіемъ рискованнаго движенія за Малые Балканы — какъ мнѣ кажется — служить и то, что оно задумано и начато раньше, чѣмъ генералъ Гурко узналъ о «первой Плевнѣ» и что въ моментъ этого движенія, зная о нахожденіи главной квартиры въ Тырновѣ, онъ могъ оставаться въ полной и твердой увѣренности, что за нимъ немедленно послѣдуютъ главные силы арміи, на которыя онъ будетъ опираться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Конечно, было бы спокойнѣе и надежнѣе оставаться, до дальнѣйшихъ приказаній, въ оборонительномъ положеніи при Казанлыкѣ и Ханн-кюѣ, — тогда, быть можетъ, и не оправдалось бы извѣстное турецкое изреченіе, которое гласитъ, что «кто пойдетъ чрезъ Ханн-кюйскій проходъ, того ждетъ несчастье»¹⁾.

¹⁾ Турки, по какому-то суевѣрію, считаютъ Ханн-кюйскій проходъ несчастнымъ, проклятымъ и заколдованнымъ мѣстомъ, гдѣ гнѣдятся злые духи, посылающіе на путника всяческія бѣды и напасти. Не оттого ли они и оставили его безъ всякой защиты, что уже слишкомъ были увѣрены въ неизбѣжности ханн-кюйскаго рока?

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи.

(1877 — 1878).

ТОМЪ ВТОРОЙ

XLVIII.

Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ.

Осмотръ главнокомандующимъ войскъ 9-го и 11-го корпусовъ въ мѣстахъ ихъ расположенія.— Нравственное настроеніе солдатъ послѣ второй Плевны.— Солдатская оцѣнка турокъ.— Противъ насъ не одни турки.— День тезоименитства главнокомандующаго.— Договоръ съ г. Поляковымъ на сооруженіе бендеро-галацкой желѣзной дороги.— Предполагаемая сѣть такихъ-же дорогъ въ Болгаріи.— Перенесеніе главной квартиры въ Горный Студень.

Горный Студень, 28-го іюля.

Великій князь главнокомандующій, по осмотру госпиталей и частей 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи на позиціи у дер. Булгаренца, день спустя, отправился для осмотра войскъ 9-го и 11-го армейскихъ корпусовъ и, несмотря на понесенную ими неудачу подъ Плевной, нашелъ ихъ нравственное настроеніе и воинскій духъ въ отличнѣйшемъ состояніи. Солдатъ болѣе всего смущала несоразмѣрная потеря офицеровъ, служившихъ по преимуществу цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ, которые отлично дѣйствуютъ изъ-за закрытій. Между нашими солдатами и казаками почему-то сложилось убѣжденіе, что «пуля не беретъ турка», что «онъ отъ пули заговоренъ, а надо брать его на пикъ, на штыкъ, на саблю, и тогда шабашъ!— не устоятъ». Дѣйствительно, натиска холоднымъ оружіемъ турки доселѣ ни разу не выдерживали.— «Надо только поскорѣе доходить до него и брать на уру!» съ убѣжденіемъ говорятъ солдаты. Каждый непріятель въ своихъ свойствахъ познается только изъ практики, послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ и не дешево стоющихъ столкновеній, а теперь можно сказать, что солдаты наши вполне познали свойства своего нынѣшняго противника. Такое

убѣжденіе было вынесено всѣми, кто сопровождалъ великаго князя главнокомандующаго, при объѣздѣ войскъ 9-го и 11-го корпусовъ. Между прочимъ, для нашихъ солдатъ въ послѣднемъ плевненскомъ дѣлѣ воочию обнаружилось, что противъ нихъ дерутся не исключительно одни лишь мусульмане. Между войсками изъ устъ въ уста передаются теперь слѣдующіе два случая: при атакѣ вологодцевъ, они ясно слышали со стороны противника обращенныя къ нимъ ругательства по-русски; а когда у одной роты Архангелогородскаго полка не хватило патроновъ и, въ ожиданіи ихъ подвоза, она была вынуждена не отвѣчать нѣкоторое время на непріятельскіе выстрѣлы, то изъ-за заваловъ противника послышался вдругъ голосъ, обратившійся къ нимъ на русскомъ языкѣ: «Чтѣ, братцы, патроновъ не хватило?.. Идите до насъ, мы вамъ дадимъ сколько хотите!»

26-го іюля великій князь главнокомандующій, окончивъ осмотръ частей 9-го и 11-го корпусовъ, возвратился въ дер. Чаушка-Махала. На слѣдующее число былъ день тезоименитства его императорскаго высочества а также и великаго князя Николая Николаевича Младшаго. Утромъ въ половинѣ 9-го часа, къ ставкѣ его высочества собрались всѣ наличные члены главной квартиры, штабъ 11-го армейскаго корпуса, офицеры артиллерійскихъ частей, расположенныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ, и часть офицеровъ Чугуевского уланскаго имени государыни цесаревны полка Здѣсь, по выходѣ великаго князя изъ палатки, ихъ высочествамъ было принесено общее поздравленіе со днемъ ангела, а затѣмъ, въ началѣ перваго часа, всѣ присутствующіе были приглашены къ главнокомандующему на завтракъ, происходившій подѣ от-

крытымъ небомъ, на походныхъ столахъ и разныхъ приспособленіяхъ, въ родѣ досокъ и колоды, случайно подвернувшихся подъ руку. Тостъ за здоровье главнокомандующаго былъ принятъ съ восторгомъ и долго сопровождался криками «ура» офицеровъ, толпой обступившихъ великаго князя.

Въ этотъ же день въ главной квартирѣ, во исполненіе послѣдовавшаго предъ тѣмъ высочайшаго повелѣнія, совершенъ былъ актъ большого значенія, какъ въ отношеніи нужды и потребностей дѣйствующей арміи, такъ и въ отношеніи экономическихъ интересовъ Бессарабской губерніи и бывшей русской территоріи, прилегающей къ устьямъ Дуная. Актъ этотъ заключается въ подписаніи договора съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Поляковымъ на сооруженіе желѣзно-дорожнаго пути отъ крѣпости Бендеры до Галацкаго порта. Главнѣйшія основанія этого предпріятія слѣдующія:

1) Дорога должна быть построена и открыта для движенія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія договора, т.-е. 27-го октября 1877 года.

2) Во все время до заключенія мира, д. с. с. Поляковъ обязанъ содержать дорогу въ полной исправности для движенія по оной.

3) Правительство уплачиваетъ строителю за постройку дороги не свыше 21.000 руб. за версту.

4) Въ отношенія румынской территоріи, отъ колоніи Кубей до Галаца, д. с. с. Поляковъ обязанъ, безъ всякаго внимательства со стороны нашего правительства, приобрести покупкой необходимую подъ линію и станціонныя строенія полосу земли, по соглашенію съ румынскимъ правительствомъ.

5) Подвижной составъ будетъ употребленъ изъ имѣющагося уже въ движеніи нашего подвижного состава на румынскихъ дорогахъ.

Такимъ образомъ, черезъ три мѣсяца армія наша, на случай зимней кампаніи, будетъ обеспечена своимъ собственнымъ и притомъ кратчайшимъ рельсовымъ путемъ. Снабженіе дѣйствующей арміи будутъ доставляться къ ней безъ перегрузки и вообще безъ тѣхъ затрудненій, какія сопровождаютъ это дѣло на румынскихъ дорогахъ. Кромѣ того, и Бессарабія получаетъ еще одну новую вѣтвь, соединяющую ее съ Дунаемъ и Чернымъ моремъ.

Въ связи съ этимъ предпріятіемъ находится и еще одно, не менѣе важное предположеніе: перерѣзать тылъ арміи рельсовыми путями, пролагая таковыя сначала отъ станціи Журжево до мѣстечка Зимницы, причемъ чрезъ Дунай будетъ учреждено постоянное и правильное пароходное сообщеніе, а потомъ отъ города Систова желѣзные пути пойдутъ на Тырново, и по другимъ направленіямъ; вообще укладка рельсовыхъ путей за Ду-

наемъ будетъ продолжаться постоянно, смотря по тому, гдѣ укажутъ обстоятельства и потребности арміи. Эти послѣдніе пути при быстротѣ ихъ сооруженія—что является наиболѣе важнымъ условіемъ въ виду ихъ специальной цѣли,—будутъ, какъ слышно, пролагаться по американскому способу. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что въ случаѣ продленія кампаніи на болѣе продолжительный срокъ, армія наша, благодаря тыльнымъ рельсовымъ путямъ, будетъ обеспечена исправной и своевременной доставкой всѣхъ предметовъ ея снабженія, а также быстрымъ передвиженіемъ резервовъ и удобной эвакуаціей больныхъ и раненыхъ ¹⁾.

28-го іюля великій князь главнокомандующій, оставивъ дер. Чаушка-Махала, перенесъ свою главную квартиру въ селеніе Горный Студень, куда въ самомъ непродолжительномъ времени ожидается прибытіе государя императора.

XLIX.

Пріѣздъ государя императора въ Горный Студень.

Соединеніе обѣихъ главныхъ квартиръ. — Село Горный Студень. — Домъ Хаджи-Никола. — Тинъ болгарскаго чорбаджіа-предателя. — Устройство помѣщенія для государя императора. — Помѣщеніе великаго князя главнокомандующаго и штаба. — Бивуачная жизнь въ Горномъ Студнѣ. — Встрѣча государя императора. — Дѣло 4-го эскадрона Чугуевскаго полка, подъ Сгалуницемъ, 25 го іюля.

Горный Студень, 2-го августа.

Сегодня, 2-го августа, главная императорская квартира перешла изъ Вѣлы въ Горный Студень. Такимъ образомъ, нынѣ соединены въ одномъ мѣстѣ обѣ главныя квартиры.

Село Горный Студень лежитъ среди возвышенной и обнаженной мѣстности, по обѣимъ сторонамъ лоцины, на дѣл которой въ разныхъ мѣстахъ бьютъ семь ключей. Отсюда и самое названіе деревни. Ключи эти стекающъ даютъ за селеніемъ начало маленькому ручейку, который течетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ, въ 25-ти верстахъ отъ Горнаго Студня, въ рѣку Янтру. На одномъ скатѣ лоцины расположена христіанская часть селенія, на другомъ—магометанская, нынѣ совершенно опустѣлая и даже разрушенная болгарами. Эту послѣднюю съ трехъ сторонъ окружаетъ совершенно голая, открытая мѣстность, на которой уныло торчатъ развалины стѣнъ и дымовыя трубы. Обширное поле вокругъ сплошь заросло колючкой и дрокомъ. Ни одного деревца, ни одного кустика. Нѣсколько ниже, на склонахъ возвышенности, стоитъ обширный дворъ, обнесенный заборомъ изъ глинобитныхъ кирпичей, и

¹⁾ Увы!.. Все это были радужныя мечты и неосуществившіяся надежды.

двух-этажный домъ въ турецкомъ вкусѣ, принадлежащій богатому болгарину Хаджи-Николѣ, большому другу и стороннику турокъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ лютыхъ сборщиковъ податей, на чемъ и нажилъ себѣ состояніе. Имя его извѣстно по всей Болгаріи и произносится съ ненавистью и презрѣніемъ, какъ имя измѣнника, отщепенца отъ своего народа. Поэтому онъ и ушелъ вмѣстѣ съ турками, справедливо опасаясь мщенія своихъ единоплеменниковъ, которые въ разговорѣ прямо сознаются, что не дали бы спуска Хаджи-Николѣ и зарѣзали бы его даже безъ покаянія: пускай, молъ, грѣшная душа за такую великую намѣну идетъ въ самое худшее мѣсто ада! Но, пока до ада, самъ Хаджи-Никола не идетъ, а ѣдетъ теперь гдѣ нибудь за Балканами, на пути къ Константинополю, если уже не совсемъ туда прѣхалъ, и ѣдетъ, надо полагать, не совсемъ плохо, потому что въ своемъ отечествѣ, Болгаріи, онъ оставилъ только свои поля, да вотъ этотъ домъ съ его голыми стѣнами, а всѣ пожитки, всю свою роскошь, стада и капиталы забралъ съ собой. Домъ Хаджи-Николы отстроенъ совсемъ на турецкій ладъ. Говорятъ даже, что женскую половину своего семейства онъ держалъ совсемъ по-турецки, отдѣльно, въ особомъ гаремѣ, и самъ въ домашнемъ обиходѣ принялъ всѣ замашки и обычая вѣстаго турка. Типъ для беллетриста, можно думать, не совсемъ заурядный.

Въ нижнемъ этажѣ у Хаджи-Николы, по турецкому обычаю, помѣщались конюшни и кладовыя. Какъ чорбаджи (богачъ), онъ велъ торговлю и потому тутъ же у него приспособлено помѣщеніе для лавки, которая служила вмѣстѣ съ тѣмъ и корчмой. Въ верхнемъ этажѣ пять комнатъ и просторная галлерея, съ которой открывается видъ на болгарскую сторону Горнаго Студия и вправо на голыя возвышенности. Часть комнатъ, примыкающихъ къ галлерей, не имѣетъ потолка, и стѣны ихъ не вплотную прилегаютъ къ черепичной крышѣ: между стѣнами и кровлей остается свободное пространство, аршина въ полтора, для болѣе свободного потока воздуха. Это помѣщеніе исключительно лѣтнее. Окна довольно большія, дающія много свѣта, защищенные продольными желѣзными прутьями, но не имѣютъ стеколъ, такъ какъ здѣсь стекольные рамы вставляются только на время зимы. Всѣ покои имѣютъ хорошій тесовый полъ, содержанный довольно чисто, и безукоризненно-выбѣленные стѣны. Въ одной изъ внутреннихъ, т. е. зимнихъ комнатъ, устроенъ большой очагъ — нѣчто въ родѣ нашего камина, а смежная съ ней полукруглая комната снабжена невысокимъ, но широкимъ прилавкомъ, идущимъ по стѣнамъ. На этомъ прилавкѣ помѣщались тюфяки, а самая комната служила и диванной, и приемной гостиной. Съ 28-го іюля по 2-е августа

мѣстные болгары и наши солдаты очищали отъ разнаго сора и хлама внутренность этого дома, его дворъ и прилегающую ближайшую мѣстность; въ окна вставили стекольные рамы, сдѣлали разныя поправки и приспособленія, расчистили по сосѣдству небольшую, но тѣнистый садикъ, посыпали въ немъ пескомъ дорожку, настлали черезъ канаву деревянный мостикъ, и такимъ образомъ, по силѣ возможности, приготовили помѣщеніе для государя императора.

Великій князь главнокомандующій расположился на болгарской сторонѣ селенія, во дворѣ крестьянина Павла. Здѣсь среди двора стоятъ тѣнистая шелковица и подъ ея вѣтвями поставлена палатка его высочества, а нѣсколько шаговъ далѣе раскинутъ обширный шатеръ для столовой. Великій князь Николай Николаевичъ Младшій, начальникъ штаба и остальные лица главной квартиры расположились въ палаткахъ по ближайшимъ дворамъ, садамъ и огородамъ. Днемъ у ставки главнокомандующаго вывѣшивается на высокомъ флагштокѣ великокняжескій флагъ, а ночью поднимаются одинъ надъ другимъ два фонаря, по которымъ могутъ направляться лица, прѣзжающія съ донесеніями. Въ остальныхъ дворахъ и хатахъ селенія размѣстились различные управленія и отдѣлы штаба дѣйствующей арміи, а лейбъ-казачій дивизіонъ, пѣшіі конвой главнокомандующаго, жандармская команда и часть штаба раскинулась бивуакомъ на обширномъ открытомъ полѣ. Тутъ же расположились и маркитанты. Въ отдаленіи, тамъ и сямъ, въ разныхъ концахъ окрестныхъ полей видѣются бивуаки проходящихъ войскъ. Каждый вечеръ здѣсь играетъ всѣмъ хоромъ зоря, «Коль славенъ» и народный гимнъ, а солдаты поютъ молитву, и затѣмъ послѣ отбоя, никто уже не можетъ свободно пройти по лагерному мѣсту или выйти за оное, не зная условнаго «пропуска».

2-го августа войска со всѣхъ окрестныхъ бивуаковъ, съ пѣснями и музыкой, но безъ оружія, сходились на дорогу изъ Горнаго Студия къ покинутой жителями черкесской деревнѣ Мидхадъ-паша, которая, сказать кстати, построена вся болгарскими руками и построена прекрасно, по повелѣнію бывшего здѣсь генералъ-губернаторомъ и нынѣ столь знаменитаго Мидхада, для нашихъ кавказскихъ выходцевъ. Войска просторно выстраивались по одной сторонѣ дороги, для встрѣчи государя императора. Здѣсь находились полки: Чугуевскій уланскій (близъ дер. Мидхада), Курскій и Рыльскій пѣхотные съ ихъ артиллеріею, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й стрѣлковыя батальоны, жандармская команда, пѣшіі конвой и лейбъ-казаки. По полю, въ разныхъ пунктахъ широко протянушагося фронта войскъ, раздавались звуки веселой музыки и пѣсней. Къ часу полудни

выѣхалъ со свитою великій князь главнокомандующій и прослѣдовалъ на правый флангъ Курскаго полка, гдѣ и остановился въ ожиданіи государя императора.

Въ три четверти второго часа вдали, на высотѣ деревни Мидхадъ-паша, показался головной разѣздъ, а за нимъ вскорѣ и авангардъ императорскаго поѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ обрисовался на равнинѣ и весь поѣздъ, въ которомъ однако не было замѣтно ни одного экипажа; видна была только многочисленная толпа всадниковъ, за которою слѣдовалъ со штандартомъ, въ колоннѣ справа по шести, эскадронъ кубанцевъ Собственнаго Его Величества конвоя. Спусти около получаса мимо войскъ прошелъ авангардный полукэскадронъ кавказскихъ казаковъ и изъ ложины показалась головная группа всадниковъ. Великій князь главнокомандующій съ дежурнымъ ординарцемъ поѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, а вся свита выстроилась въ двѣ шеренги на правомъ флангѣ Курскаго пѣхотнаго полка. Государь императоръ ѣхалъ верхомъ и, поздоровавшись съ главнокомандующимъ, приблизился къ фронту и привѣтствовалъ войска. Раздались звуки народнаго гимна, и безконечное «ура» огласило все широкое поле: Государь императоръ весь сорокаверстный путь изъ Бѣлы въ Горный Студень совершилъ верхомъ, съ часовой остановкой для завтрака на полдорогѣ, въ селеніи Павло. Прѣѣжая по фронту, его величество изволилъ милостиво обратиться къ нѣсколькимъ лицамъ, а именно: къ генералъ-майору Горшкову, къ подполковнику Каменоградскому, къ группѣ офицеровъ 12-го стрѣлковаго батальона, а прѣѣжая нѣсколько ранѣе мимо Чугуевского уланскаго полка, удостоилъ его командира полковника Рейсига и ротмистра Дзевульскаго разспросами о рубкѣ сего послѣдняго съ партією черкесовъ.

Прѣдъ ставкою главнокомандующаго его величество сошелъ съ коня и изволилъ пить чай въ столовой великаго князя. Отдохнувъ здѣсь около часа времени, государь императоръ опять сѣлъ верхомъ и прослѣдовалъ со всею свитою на ту сторону ложины, въ приготовленное для его величества помѣщеніе.

Дѣло ротмистра Дзевульскаго, обратившее на себя высокое вниманіе государя императора, заключалось въ слѣдующемъ: на разсвѣтѣ 25-го іюля, на 4-й эскадронъ Чугуевского полка, находившійся на сторожевой службѣ, напали черкесы въ числѣ двухъ сотенъ, прорвавшись черезъ цѣпь казачьяго полка въ тылъ съ праваго фланга. Во время этого нападенія уланская цѣпь была на своихъ мѣстахъ, а въ главномъ караулѣ находилось два взвода, изъ которыхъ одинъ былъ на коняхъ, а другой повелъ лошадей къ водопою. Какъ только ротмистръ Дзевульскій, командующій 4-мъ эскадрономъ, замѣтилъ черкесовъ, выходившихъ изъ

кукурузы и открывшихъ по уланамъ ружейный огонь—онъ въ тотъ же мигъ повелъ на нихъ готовый взводъ, успѣвъ только крикнуть другому: «Сядись я за мной!» Достигнувъ противника, уланы врѣзались въ его кучу, и здѣсь завязался бой рукопашный. По словамъ солдатъ, они въ продолженіе десяти минутъ «рубилъ черкесовъ, какъ капусту», но тѣ держались стойко. Въ это время къ мѣсту рубки подошлѣлъ конный Рѣшетилловъ съ «заставою», состоявшей изъ 15-ти человекъ, и съ крикомъ «ура» бросился во флангъ противнику. Черкесы не устояли при этомъ и дали тылъ, оставивъ до 80-ти тѣлъ на мѣстѣ; остальные же были отогнаны въ село Гривичу. Дальнѣйшее преслѣдованіе было бы неблагоприятно, потому что въ селеніи этомъ показались двѣ группы турецкой пѣхоты, каждая человекъ въ 60 или 70, и заняли мѣста за плетнями и между строениями. Командиру полка дано было знать о нападеніи черкесовъ около шести часовъ утра; въ десять минутъ полкъ былъ уже готовъ и рывью выступилъ на подмогу, но придя на мѣсто схватки, чугуевцы увидѣли, что 4-й эскадронъ и самъ управился съ врагами. Съ нашей стороны убиты пулями два рядовыхъ, Софроній Яценко и Войцехъ Дзевдзеловскій, которые и похоронены съ должной воинскою почестію у села Згалинцы (Сгалуицъ) на курганѣ, гдѣ водруженъ надъ ними крестъ. Убиты, сверхъ того, четыре лошади, а пятая ранена въ лѣшку, но въ тотъ-же день пала. Раненыхъ черкесовъ на полѣ не оказалось, такъ какъ во время схватки всѣ, подвергавшіеся подъ удары уланскихъ сабель, падали мертвыми. «Тѣ 12 человекъ, которыхъ я велѣлъ похоронить—доносить командиръ полка—имѣли раны невѣроятныя: черепа или раздвоены, или снесены, головы держались только на кожѣ». Такъ какъ 4-й эскадронъ въ это время уже смѣнялся на аванпостѣхъ маріупольскими гусарами, то имъ были переданы для преданія землѣ остальные трупы, оставшіеся въ кукурузѣ. Въ схваткѣ особенно отличились, по свидѣтельству ротмистра Дзевульскаго: старшій вахмистръ Дмитрій Фисенко, младшій вахмистръ Кропивяскій и рядовые Кучма и Криворучка. Вообще же, люди дрались молодецки, съ вѣлету и какъ настоящіе кавалеристы, безъ выстрѣла, однимъ холоднымъ оружіемъ; патрона не выпущено ни одного.

L.

Битвы на Шипке.

Положение Шипкинского перевала послѣ отступления генерала Гурко къ Балканамъ.—Появление арміи Сулеймана-паши у дер. Шипки.—Десять турецкихъ атакъ 9-го августа.—Дѣйствія турокъ 10-го числа.—Приступы 11-го числа и прибытіе стрѣлковъ 4-й бригады.—Лунное затмение.—Въ какихъ условіяхъ намъ приходится драться.—Канонада 12-го числа и рана генерала Драгомирова.—Наши потери.—Самоотверженіе раненыхъ.—Ложементъ мертвецовъ.—Генералъ Радецкій.—Разрывныя пули и стрѣльба по Красному Кресту.—Англичане и поляки у турокъ.—13-е августа—пятый день обороны.—Атака генерала Радецкаго.—Положеніе дѣла 14-го и 15-го августа.—Турки скрылись.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго на Шипку.—Общее число нашихъ потерь за семь дней обороны.

Горный Студень, 17-го августа.

Съ семи часовъ утра 9-го августа начался на Шипкинскомъ перевалѣ ожесточенный бой. Офіціальныя донесенія съ Шипки въ главную квартиру приходятъ по ѣзской разѣ въ сутки, но такъ какъ всѣ они направляются телеграфнымъ путемъ, то поэтому, конечно, передаютъ въ самой сжатой формѣ только важнѣйшую сущность дѣла. Подробности еще неизвѣстны, а если и доходятъ нѣкоторые изъ нихъ, то это приходитъ частнымъ путемъ, посредствомъ устныхъ разсказовъ очевидцевъ, возвращающихся съ мѣста дѣйствія. Въ ожиданіи подробнаго, обстоятельнаго отчета, я передаю пока свѣдѣнія, собранныя какъ изъ офіціальныхъ, такъ и изъ такихъ устныхъ источниковъ, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Послѣ дѣла генерала Гурко, 18-го и 19-го іюля, съ отступленіемъ передового отряда на Хайн-койскій перевалъ, наступило почти на три недѣли полное затишье на балканскомъ театрѣ дѣйствій. Въ это время общее вниманіе главнѣйшимъ образомъ было сосредоточено на Плевнѣ, куда стягивались значительныя русскія силы. Для защиты Шипкинскаго перевала были оставлены остатки 1-го болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ генералъ-майора Столѣтова, и часть бригады генерала Дерожинскаго. Туда-же, для укрѣпленія перевала инженерными сооруженіями полевого характера, посланъ былъ изъ Тырнова генералъ-лейтенантъ Кренке. Позиція на вершинѣ Шипкинскаго перевала была усилена батареями и ложементами для стрѣлковъ, а подступы къ ней ограждены проволочными путами и фугасами. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, мы не вырубили, пока еще было время, густой лѣсъ, покрывавшій склоны сосѣдней вершины, которымъ нынѣ турки съ успѣхомъ пользуются, какъ прекраснымъ закрытіемъ, при своихъ атакахъ. Впрочемъ, не предполагая столь настойчиваго и стремительнаго напора на Шипку съ южной стороны, наше вниманіе главнѣйшимъ образомъ было устремлено на устройство и

расширеніе горнаго пути отъ Габрова до южныхъ склоновъ этого перевала.

Между тѣмъ, 7-го августа, противъ деревни Шипки, въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Казанлыка, собралось сличкомъ 40 таборовъ арміи Сулеймана-паши, не считая многочисленной конницы, которая расположилась около деревни Шипки и ознаменовала свое появленіе тѣмъ, что въ три часа пополудни, безъ всякой надобности, зажгла это селеніе. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ нашими рекогносцировками и болгарами, бѣжавшими изъ пылавшей окрестности, шесть таборовъ авангарда стали въ четырехъ верстахъ позади дер. Шипки, а въ восьми верстахъ за ними расположились главныя силы пѣхоты и артиллерія противника. Весь слѣдующій день малочисленные защитники перевала провели въ напряженномъ, но напрасномъ ожиданіи атаки. Повидимому, Сулейманъ ждалъ къ себѣ еще какихъ-то подкрѣпленій. И дѣйствительно, послѣдующія наши свѣдѣнія обнаружали, что противъ Шипки за послѣдніе дни стянулось не только вся армія Сулеймана, но и корпусъ Реуфа-паши и вообще всѣ силы, какія можно лишь было стянуть изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей, такъ что общая цифра этихъ совокупныхъ силъ простиралась до 100 таборовъ пѣхоты, съ соответственнымъ числомъ горныхъ и полевыхъ орудій. Есть также свѣдѣнія, что Сулейманъ-паша притянулъ къ себѣ чрезъ Траяну и Калоферъ большую часть ловчинскаго гарнизона.

9-го августа, въ 7 часовъ утра, какъ уже сказано, турки повели первую свою атаку на нашу позицію. Будучи отбиты, они тотчасъ же возобновили нападеніе свѣжими войсками. Такихъ атакъ въ этотъ день было десять, и для каждой изъ нихъ, на смѣну отбитымъ частямъ, выступали новые батальоны. Энергія, упорство и настойчивость турокъ изумительны. Противъ колонны, наступавшей по шоссеиной дорогѣ, пришлось пустить въ дѣло фугасы, заряженные динамитомъ. Первый фугасъ, какъ говорятъ, былъ взорванъ не совсѣмъ удачно, т. е. нѣсколько преждевременно, такъ что не могъ причинить колоннѣ существеннаго ущерба; но все же нравственный эффектъ его вполне достигъ цѣли: колонна мгновенно шарахнулась назадъ и побѣжала въ величайшей паникѣ, такъ что въ теченіе всего дня съ этой стороны уже не повторялись покушенія къ атакѣ нашей позиціи. Но зато всѣ отчаянныя успія непріятеля, начиная съ полудня, сосредоточились противъ лѣваго фланга нашей позиціи на горѣ св. Николая, гдѣ находится «Стальная батарея». Наступленіе было ведено густыми цѣпями въ три линіи, съ барабаннымъ боемъ и криками «Алла». Атаки, постоянно отбиваемыя, слѣдовали одна за другою почти непрерывнымъ рядомъ, такъ что послѣднее на-

«тушение сомкнутыми частями было сдѣлано уже въ восемь часовъ вечера, при лунномъ освѣщеніи. Наши войска подпускали противника на близкое разстояніе и тогда осыпали его пулями и картечью. Послѣ отбитія послѣдней атаки, упорный стрѣлковый бой съ обѣихъ сторонъ продолжался и ночью, до заката луны, когда наконецъ вся окрестная мѣстность на столько потонула во мракѣ, что противникамъ уже нельзя было разглядѣть обочнаго расположения. Уренъ турокъ мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, въ 5,000 человекъ. Наша же потеря ограничилась приблизительно двумястами убитыхъ и раненыхъ. Въ этотъ день все распоряженіе обороною слишкомъ не по силамъ растянутой позиціи лежало на одномъ генералѣ Столѣтовѣ, а потомъ подошелъ съ ближайшимъ резервомъ изъ Габрова генералъ Дерожинскій.

На слѣдующій день (10-го августа) турки отчасти стали дѣйствовать уже инымъ способомъ: вмѣсто того, чтобы идти напроломъ и бить, какъ тараномъ, своими батальонами въ непреступную позицію, они задались большимъ обходнымъ движеніемъ противъ обѣихъ нашихъ фланговъ и съ этою цѣлью еще ночью устроили двѣ батареи дальняго боя и, подъ покровительствомъ ихъ огня, принялись за рытье траншей; а чтобы наша артиллерія не мѣшала этимъ работамъ, сосредоточили на ней весь огонь своихъ батарей и въ теченіе 14-ти часовъ (съ 5-ти утра до 7-ми вечера) поддерживали самую жаркую перестрѣлку. Хотя отвѣтными дѣйствіемъ нашей артиллеріи у турокъ и были подбиты три орудія, свалившіяся въ пропасть, и взорваны два снарядные вышка, тѣмъ не менѣе, по недостатку снарядовъ, которыми приходилось распоряжаться крайне экономно, она не имѣла возможности сосредоточить свой огонь исключительно на траншейныхъ работахъ, которые къ вечеру того же дня подошли на 615 шаговъ къ горѣ св. Николая. И въ этотъ день девять атакъ были отбиты болгарами, орловцами и брянцами. Положеніе нашего маленькаго отряда становилось труднымъ; всю ночь не умолкая длился ружейный огонь турокъ, сопровождаемый время отъ времени артиллерійскими выстрѣлами. Наши, сохраняя заряды, оставляли этотъ огонь безъ отвѣта. На разсвѣтъ открыла огонь новая турецкая батарея, насыпанная за ночь на Лысой горѣ; въ то же время началась усиленная канонада и съ другой батареей, сооруженной еще наканунѣ на горѣ Малый Бердекъ.

Въ половинѣ пятого часа утра 11-го августа, позиція наша была обсыпана съ трехъ сторонъ гранатами, а затѣмъ зачастилъ цѣлый градъ пуль. Отъ фланговаго и тыльнаго ружейнаго огня турокъ, охватывавшихъ полукольцомъ всю нашу позицію, сталъ страдать даже резервъ, расположенный за брустверомъ «Стальной батареи», такъ что для его закрытія пришлось

вырыть нѣсколько ложементовъ съ внутренней стороны «Стальной батареи», въ которые резервъ и былъ положенъ. Гулъ непрерывныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ сливался въ одинъ раскатъ безконечнаго грома. Это — какъ рассказываютъ, — по истинѣ, былъ адскій огонь, подъ покровительствомъ котораго въ семь часовъ утра массы турецкихъ колоннъ, получившія за ночь нѣсколько свѣжихъ подкрѣпленій, съ трехъ сторонъ повели на насъ атаку, напирая преимущественно на нашъ правый флангъ. Тутъ было повтореніе безпрестанныхъ бѣшеныхъ приступовъ 9-го числа, но только еще въ большихъ размѣрахъ. Наша артиллерія, сберегая на крайній случай скудные остатки снарядовъ, перестала отвѣчать на выстрѣлы, и хотя утромъ успѣла подбѣть на Маломъ Бердекѣ четыре орудія, но и сама поплатилась тремя пушками, подбитыми на «Стальной батарее». Здѣсь вполнѣ обнаружались природныя недостатки нашей позиціи: ея фронтальная узкость и полная открытость со всѣхъ сторонъ, дающая противнику возможность успешныхъ обходовъ. Позиціи турокъ со всѣхъ сторонъ господствуютъ надъ нами.

Около четырехъ часовъ дня наступила одна изъ самыхъ критическихъ минутъ. Послѣ цѣлаго ряда отбитыхъ атакъ, турки, казалось, удесятерили энергію нападенія и по гудамъ своихъ тѣлъ шли напроломъ. Наши изнемогали и были вынуждены уступить врагу свою передовую позицію, обращенную фронтомъ къ дер. Шипкѣ. Слышно было, что къ намъ идутъ подкрѣпленія, что они уже близко, что генералъ Столѣтовъ получилъ объ этомъ донесеніе, и дѣйствительно—ординарецъ за ординарцемъ скакали во весь духъ съ позиціи на габровскую дорогу, по которой плелись, подъ ужаснымъ солнечнымъ зноемъ, поднимаемое въ крутую гору, наши стрѣлки 4-й бригады. «Бога ради, скорѣе! Поспѣшайте, торопитесь — турки уже врываются къ намъ на позицію... Турки уже ворвались», передавала стрѣлкамъ ординарцы — и тѣ, напрягая усилія и задыхаясь отъ тяжести пути, бѣжали въ гору. Казаки, дравшіеся въ пѣшемъ строю за валами, послали на встрѣчу стрѣлкамъ своихъ коноводовъ. Это ускорило ихъ прибытіе. По два и по три человека, съ ружьями на погонномъ ремнѣ за плечами, взбирались стрѣлки на казачьихъ лошадокъ — одинъ въ сѣдло, другой — назадъ на крупѣ, или двое съ боковъ, вставивъ одну ногу въ стремя и держась руками за коновода, и такимъ образомъ двѣсти передовыхъ стрѣлковъ 16-го батальона на рыскахъ добрались наконецъ до позиціи, гдѣ свисталъ градъ перекрестныхъ пуль и ежесекундно взрывались гранаты. Эта первая подмога была встрѣчена живымъ, всеобщимъ восторгомъ изнемогающихъ защитниковъ перевала.

Турки, дѣйствительно, почти уже ворвались

къ намъ. На завалахъ кипѣлъ ожесточенный бой; со стороны противника уже раздавались торжествующе, побѣдные клики, какъ вдругъ наши стрѣлки, едва соскочивъ съ коней на землю, съ крикомъ «ура» стремительно ринулись въ штыки, сбросили турокъ съ заваловъ, и погнали ихъ далѣе, далѣе... Столь неожиданнѣйшій оборотъ дѣла придавъ энергіи нашимъ. Въ это время на мѣсто боя прибылъ самъ начальникъ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій. Оглядѣвшись на мѣстѣ и быстрымъ военнымъ глазомѣромъ сообразивъ, откуда грозитъ наибольшая опасность, онъ лично направилъ подошедшія въ это время три роты 16-го стрѣлковаго батальона обходнымъ движеніемъ вправо по ущелью, въ лѣвый флангъ непріятелю. Турки, пораженные неожиданностію появленія этихъ трехъ ротъ, начали отступать, и тогда, увлеченные успѣхомъ стрѣлковъ, бросились впередъ и тѣ наши части, которыя занимали передовые ложементы. Очевидны передаютъ, что тутъ съ обѣихъ сторонъ совершены были чудеса храбрости. И такъ, на этотъ разъ турки были отброшены въ дальніе свои ложементы на второй горѣ. Что же касается нашихъ людей, то генералъ Радецкій едва успѣлъ остановить ихъ на первой горѣ, съ которой они сбили противника, такъ какъ дальнѣйшее преслѣдованіе, которое необходимо привело бы къ атакѣ второй турецкой позиціи, не могло обѣщать вѣрнаго, несомнѣннаго успѣха, въ виду того, что день уже клонился къ сумеркамъ, а дѣло, судя по предстоявшимъ трудностямъ своей задачи, не могло бы быть окончено до заката солнца. На короткое время наступило нѣкоторое затишье — одинъ только пули жужжали, да продолжалась канонада, не столь уже частая. Бой какъ-бы отдыхалъ, собираясь съ новыми силами, но не прекращался.

Къ шести часамъ вечера подошли и остальные батальоны 4-й стрѣлковой бригады, выступившіе изъ Габрова въ одиннадцать часовъ утра, несмотря на то, что наканунѣ, послѣ длиннаго форсированнаго перехода, пришли въ Габрово уже далеко за полночь. Тотчасъ же по прибытіи на позицію, не употреблявъ на отдыхъ ни единой минуты, батальоны эти были введены въ бой и почти до полуночи, совместно съ первоначальными защитниками Шипки, отбивали возобновившіеся приступы турокъ, а 16-й стрѣлковый батальонъ, какъ уже сказано, сбивъ ихъ съ весьма опасной для насъ высоты, лежащей противъ праваго фланга нашей позиціи. Генералъ Радецкій лично осматривалъ все поле битвы, изучая расположеніе нашихъ и турецкихъ позицій.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи, на темномъ и совершенно безоблачномъ, прозрачномъ небѣ началось одно изъ величественныхъ явленій: луна затмевалась; ясный, полный дискъ ея, начиная съ лѣвой стороны, скры-

вался все болѣе и болѣе и въ полночь затмился окончательно. Но луна несовершенно исчезла изъ глазъ — смутный призракъ ея все-таки былъ виденъ высоко на небѣ, почти въ zenithъ своего теченія, и черезъ нѣсколько минутъ. сталъ принимать какой-то странный огненно-красный отсвѣтъ. Съ началомъ этого явленія прекратились и турецкія атаки; одна лишь канонада продолжалась еще нѣкоторое время, озаряя своими молніеподобными вспышками утопавшія въ глубокой тѣнѣ сѣрыя скалы, — и наконецъ полная тишина воцарилась на Шипкѣ.

Но не надолго замолкнулъ громъ батарей вокругъ нашей позиціи. Въ половинѣ пятаго часа утра 12-го августа турки опять открыли убійственный огонь. Вскорѣ къ намъ подошли новыя подкрѣпленія, а къ вечеру ждали прибытія еще двухъ полковъ. Это была 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи. 2-я бригада оной была направлена къ Шипкинскому перевалу, черезъ Габрово, на разсвѣтъ 10-го августа, изъ села Шереметь (къ востоку отъ Тырнова), одновременно съ батальонами 4-й стрѣлковой бригады, находившимися нѣсколько ближе къ мѣсту боя, а именно въ селѣ Присовѣ (къ югу отъ Тырнова); 1-я же бригада (полки Волинскій и Микскій) была двинута на Шипку, черезъ Габрово, изъ Сельви. Всѣмъ этимъ частямъ пришлось сдѣлать усиленные переходы — однимъ въ 40, другимъ въ 56 верстъ, и прямо съ похода, не отдыхая ни минуты, вступили въ горячее дѣло. Первоначальные защитники Шипки доходили уже до крайней степени утомленія; съ вечера 7-го августа не смыкали они глазъ, а съ 9-го числа всѣ вообще оставались безъ горячей пищи. Воды тоже нѣтъ на Шипкѣ. Существуетъ, правда, нѣсколько ниже, на южномъ склонѣ, одинъ фонтанъ; но онъ съ перваго же дня былъ отрубанъ турками, такъ что воду для питья и для обмыванія ранъ требовалось доставлять за 17 верстъ, изъ Габрова. Вообще нашимъ войскамъ приходится сражаться здѣсь въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ: нѣсколько сутокъ безъ сна и подъ гнетущимъ солнечнымъ зноемъ, который уже съ восьмого часа утра становится сильно опустительнѣе, а къ одиннадцати часамъ доходитъ до нестерпимой степени и такъ продолжается до самаго заката. Камни накаляются, а отраженіе лучей отъ сѣрыхъ скалъ рѣжетъ глазъ и усиливаетъ духоту воздуха, въ которомъ, по большей части, не ощущается ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, чтобы освѣжить хоть на мгновеніе воспаленное лицо и измалѣвшіеся члены. Деревья опустили листья и стоятъ, какъ мертвые, подъ сорока-градусною жарою. Но бывали часы, когда зной доходилъ до 40 градусовъ въ тѣни, а что же было на солнцепекѣ!.. И въ этомъ-то недвижномъ, раскаленномъ воздухѣ повсюду стоитъ омерзитель-

ный смрадъ гниющихъ труповъ, которыхъ множество валяется впереди нашихъ заваловъ и по оврагамъ. Турки, какъ кажется, нарочно не убираютъ своихъ мертвыхъ, оставляя ихъ предъ нами для заразы воздуха, да и кромѣ того, эти трупы уже неоднократно служатъ для нихъ въ качествѣ ближайшихъ къ намъ заваловъ и ложементовъ при атакахъ. Наши видѣли, какъ непріятель складывалъ эти трупы въ кучи и наваливалъ изъ нихъ цѣлые брустверы для своихъ застрѣльщиковъ. Спасибо еще габровскимъ жителямъ: они не оставляютъ нашихъ воиновъ своими заботливыми попеченіями, возятъ на Шипку воду, хлѣбъ, вино и разные припасы, а съ 11-го числа выставили воловь подводы для отвоза въ Габрово раненыхъ. Мальчики и женщины приносятъ воду даже въ передовые ложементы. И все это дѣлается ими добровольно, съ явною опасностію для собственной жизни, такъ какъ дорога, ведущая изъ Габрова на нашу позицію, усиленно обстрѣливается перекрестнымъ турецкимъ огнемъ. Вотъ гдѣ и когда сказалось кровное славянское братство болгаръ и русскихъ!

12-го августа почти до-полудня турки не атаковали, но около половины 12-го часа повели атаку на скалы Св. Николая, гдѣ расположена наша «Малая батарея», но эта атака вскоре была отбита четырьмя ротами полковъ Брянского, Орловскаго и 15-го стрѣлковаго батальона. Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ турки вели непрерывный огонь, буквально обсыпая нашу позицію пулями и снарядами. Въ этотъ же день (12-го), около полудня, былъ раненъ начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, свиты его величества генералъ-майоръ Драгомировъ, въ правую ногу на вылетъ, и эта же самая пуля хватилъ въ бедро стояшаго за Драгомировымъ генеральнаго штаба капитана Мальцева и сплюснулась объ кость. 12-го августа во многихъ частяхъ было перебито значительное число офицеровъ. Такъ, напримѣръ, стрѣлковая бригада потеряла ихъ 24 человека, 2-й и 3-й батальоны Житомирскаго полка почти всѣхъ, Волинскій полкъ—11, Подольскій—7, въ Брянскомъ выбыли изъ строя всѣ штабъ-офицеры. Многие роты остались совсѣмъ безъ офицеровъ, но все-таки дрались геройски, и сами, по своему собственному почину, кидались на врага встречною атакою и опрокидывали его въ овраги. Многие изъ раненыхъ возвращались во фронтъ немедленно послѣ первой перевязки, и когда кто-либо изъ начальниковъ начиналъ ихъ уговаривать, чтобы отправлялись въ госпиталь (временно помѣщенный въ Габровѣ), то почти общимъ отвѣтомъ въ такихъ случаяхъ бывали слова: «Успѣемъ еще! Госпитали для другихъ, для тяжелыхъ, а мы легкіе, можемъ еще кое-какъ ружьемъ владѣть... Надо постараться... время не такое... Все одно

умирать!» И умираютъ... Дѣйствительно, геройски умираютъ. Рассказываютъ, что генералъ Радецкій, въ позднія сумерки, обходя позицію, увидѣлъ семнадцать человѣкъ солдатъ, лежавшихъ въ повалку въ одномъ изъ нашихъ передовыхъ ложементовъ. Надъ этою кучкою одиноко стоялъ офицеръ съ окровавленнымъ лицомъ и ногою, взявшій подъ козырекъ проходившему генералу.

— Что это они у васъ? Спятъ?—спросилъ посетитель, указывая на лежащихъ.

— Да, ваше превосходительство, опять,—отвѣчалъ офицеръ,—спятъ... и не проснутся: они всѣ убиты.

— А вы что же здѣсь дѣлаете?

— Дожидаю своей очереди,—это была моя команда,—отвѣчалъ офицеръ тихо и спокойно.

Вообще, и офицеры, и солдаты соревнуютъ другъ другу въ геройскомъ поведеніи и въ умѣнии умирать стойчески и просто. Голодные, измученные, полубольные люди рвутся въ бой, а офицеры, какъ и всегда—впереди. Есть много случаевъ, что люди остаются во фронтѣ съ испортившимися ружьями.

— Зачѣмъ вы здѣсь остаетесь? Вѣдь вы стрѣлать не можете,—замѣчаютъ имъ офицеры.

— Такъ точно, ваше благородіе; для того мы и въ особую команду собираемся, чтобы, значить, работать штыками.

Такимъ же точно образомъ работали штыками въ первые дни и многіе болгары-ополченцы.

Генералъ Радецкій постоянно воодушевляетъ всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ; онъ всегда тамъ, гдѣ огонь сильнѣе, гдѣ болѣе угрожаетъ нашей позиціи опасность,—и что это за спокойствіе, что за распорядительность и какое изумительное кладнокровіе при этомъ!..

Противъ насъ дѣйствовали болѣе ста горныхъ орудій, да и ружья у турокъ—надо отдать имъ справедливость—превосходныя: легки, удобно заряжаются и бьютъ на 3,000 шаговъ безъ прицѣла, подъ угломъ 45-ти градусовъ. При такой стрѣльбѣ попадаютъ, конечно, только случайныя или такъ называемыя «шальныя» пули, но такъ какъ турки выпускаютъ массы огня, то и «шальные» все-таки дѣлаютъ свое кровавое дѣло; большинство ранъ—на вылетъ. Замѣчено много раненій разрывными пулями а, кромѣ того, турки видимо нарочно обстрѣливаютъ гранатами наши перевязочные пункты, несмотря на то, что надъ послѣдними вывѣшены флаги Краснаго Креста и что недавно еще главнокомандующій турецкихъ силъ, Мехмедъ-Али-паша, обращался къ нашему главнокомандующему съ письмомъ объ оказаніи флагу Красной Луны тѣхъ же преимуществъ, какія, на основаніи Женевской конвенціи, присвоены Красному Кресту. Великій князь, какъ из-

вѣстно, отвѣчалъ на это полнымъ согласіемъ, падалъ даже по этому поводу особый приказъ по дѣйствующей арміи ¹⁾, но тѣмъ не менѣе, все это со стороны турокъ, при первомъ же опытѣ, оказывается только красивыми словами для обмана Европы. Наши солдаты, выходящіе въ ночные секреты за черту шипкинскій позиціи, удостовѣряютъ, что они опять видѣли многія тѣла своихъ сотоварищей обезглавленными и поруганными. Это совершалось надъ тѣми ранеными, которые были случайно оставлены, за невозможностію своевременнаго ихъ розыска санитарями, во время атаки генерала Радецкаго на лѣсную возвышенность. Наши раненые офицеры, привезенные изъ Габрова, удостовѣряютъ также, что по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ захваченныхъ турокъ, въ рядахъ арміи Сулеймана есть 15 человекъ англичанъ, командующихъ отдѣльными частями; участвуетъ также и пресловутый «польскій легионъ», который былъ узнавъ по особому знамени съ польскимъ бѣлымъ орломъ, въ щитѣ коего изображенъ орелъ русскій. Кромѣ того во время атакъ здѣсь ясно слышался польскій и русскій говоръ, но послѣдній не совсѣмъ чистый.

Лѣсная гора командуетъ нашимъ правымъ флангомъ и по своему положенію гораздо опаснѣе, чѣмъ высоты, противолежащія лѣвому флангу нашей позиціи. Задача была въ томъ, чтобы выбить непріятеля съ этой горы. Поэтому, 12-го августа, отправивъ въ обходъ лѣваго фланга турокъ одинъ батальонъ Житомирскаго полка, генералъ Радецкій рѣшился самъ атаковать на другой день турокъ и лично вести наступленіе противъ ихъ лѣваго фланга, чтобы сбить двухъ-орудійную батарею, которая сильно безнокочла нашъ правый флангъ и отчасти тылъ, по габровской дорогѣ.

Съ разсвѣтомъ 13-го августа, на пятый день обороны, мы увидѣли турокъ на высотахъ, командующихъ надъ нашею позиціею, гдѣ они работали надъ окончаніемъ своихъ батарей, особенно противъ праваго нашего фланга. Мало того, чрезъ короткое время оказалось, что всѣ ихъ главныя силы очутились на горахъ, по обѣ стороны нашей позиціи, но главнѣйшая ихъ масса сосредоточивалась по лѣвую нашу сторону. Тотъ фактъ, что на подобныя, почти недоступныя горныя кручи могла взобраться въ такихъ массахъ армія Сулеймана, только и можно объяснить ея предварительною долговременною практикою въ горахъ Герцеговины и Черногоріи. Турки даже ухитрились втащить сюда и свои орудія. Съ 9-ти часовъ утра открылся по насъ сверху внизъ огонь, равный по силѣ вчерашнему. Въ осо-

бенности губителенъ былъ огонь съ Лѣсной горы, что противъ праваго нашего фланга, по тылу нашей позиціи и по габровской дорогѣ. Немудрено, впрочемъ, что на насъ сыпался свинцовый дождь: каждый турецкій солдатъ получаетъ на каждый день по 220 патроновъ, изъ которыхъ къ ночи уже ничего не остается—все это разстрѣливается съ руки, почти не цѣлясь, и однимъ изъ такихъ выстрѣловъ 13-го числа убитъ генералъ-майоръ Держинскій, въ то время когда онъ, стоя на одномъ изъ нашихъ укрѣпленій, разговаривалъ съ генераломъ Радецкимъ. Онъ убитъ былъ на повалѣ пулею, попавшею подѣ сердце. Въ этотъ же день у насъ вышло изъ строя около 50-ти офицеровъ. Турки—все равно, какъ и подѣ Плевню—были въ изобиліи снабжены патронами и всякими припасами. Забалканскіе болгары изъ ближайшихъ окрестностей вынуждены были таскать для нихъ на ослахъ, а еще болѣе на собственныхъ спинахъ воду, фрукты, продовольствіе, снаряды, патроны и даже горныя орудія.

Генералъ Радецкій, какъ уже сказано, предпринялъ 13-го числа атаку Лѣсной горы, дабы избавить габровскій путь отъ губительнаго огня, который болѣе всего вредилъ транспортамъ нашихъ раненыхъ и габровскимъ горожанамъ, подвозившимъ къ намъ воду и запасы. Житомирскій батальонъ, посланный наканунѣ, подоидя съ разсвѣтомъ къ непріятельской позиціи, завязалъ дѣло. Услышавъ выстрѣлы; генералъ Радецкій приказалъ полковнику Гининскому атаковать укрѣпленіе на Лѣсной горѣ. Четыре съ половиной батальона были пущены съ фронта, а полтора батальона—противъ непріятельскаго лѣваго фланга. Стрѣлки 14-го батальона и бранцы долго и упорно дрались въ долині, все болѣе и болѣе подымаясь къ противнику, который занималъ вершину и склоны горы, скрываясь въ густой зелени ея лѣса. Къ одиннадцати часамъ наши были уже на склонѣ, и бой, колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, шелъ уже въ самомъ лѣсу. Желая во что бы ни стало обезпечить себѣ успѣхъ этого боя, генералъ Радецкій, около полудня, рѣшился поддержать фронтальную атаку и пустить въ обходъ фланговъ непріятельской позиціи на Лѣсной горѣ новыя силы. Для этого были пущены въ дѣло остальные два батальона Житомирскаго полка, оставившіе за собой въ резервѣ по одной ротѣ каждый. Въ критическій моментъ боя, во главѣ одной изъ этихъ резервныхъ ротъ становится самъ генералъ Радецкій, другую вручаетъ командиру Житомирскаго полка, полковнику Тяжельникову—и оба они ведутъ эти части въ атаку, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: турки оставили свою укрѣпленную позицію на Лѣсной горѣ и, заблаговременно убравъ свои два орудія, поспѣшно отошли въ

¹⁾ Приказъ главнокомандующаго отъ 23-го іюля 1877 года, за № 122, въ Чаушъ-Магалѣ.

ложементы на Лысую гору. Къ сожалѣнію, наши, увлекшись преслѣдованіемъ, что называется, *зарвались* и, въ виду новыхъ подкрѣпленій противника, не въ состояніи были удерживаться на занятой позиціи. Пославъ для занятія вѣданаго у турокъ окопа на Лѣсной горѣ флигель-адъютанта полковника графа Адлерберга съ батальономъ Волынскаго полка, генералъ Радецкій приказалъ полковнику Лининскому постепенно отводить войска, которыя къ утру 14-го числа окончательно отошли на нашу шинкинскую позицію. Окопъ же, за невозможность подкрѣпить графа Адлерберга изъ малочисленнаго нашего резерва, тоже пришлось уступить противнику.

Но послѣ этого турки уже не вооружали вновь орудіями батарею Лѣсной горы и въ оба послѣдующіе дня (14-го и 15-го), поддерживая лишь слабую перестрѣлку, занялись возведеніемъ батарей и ложементовъ на дальнихъ высотахъ. Мы, съ своей стороны, ограничились тоже однимъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ старались, по возможности, препятствовать работамъ непріятеля.

Вечеромъ 15-го августа огонь противника окончательно прекратился и на окрестныхъ высотахъ воцарилось полное спокойствіе. То же самое продолжается и по сію минуту, т. е. до утра 17-го числа. Массы турокъ скрылись гдѣ-то въ окрестныхъ горахъ; но отступаютъ ли они, отдыхаютъ ли, или же замышляютъ какое нибудь обходное движеніе—этого намъ пока не извѣстно. Слышно только, что обозы ихъ потянулись обратно къ Казаньку. Впрочемъ на случай обхода генералъ Радецкій уже принялъ надлежащія мѣры. Начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Непокійчійскій, выѣхавшій изъ с. Горнаго Студя 15-го числа въ девять часовъ вечера, прибылъ 17-го утромъ на Шинку, чтобы лично осмотрѣть положеніе дѣла и условиться съ генераломъ Радецкимъ.

Общее число нашихъ потерь на Шинкѣ пока еще не приведено въ извѣстность: тѣла убитыхъ очень трудно находить на столь пересѣченной мѣстности. Что же касается раненыхъ, то по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ по телеграфу съ Шапки ¹⁾, къ вечеру 16-го августа значилось: офицеровъ 98, нижнихъ чиновъ 2,633; всѣ они уже вывезены изъ Габрова; число убитыхъ приблизительно можно опредѣлить въ 1,000 человекъ. Въ частныхъ разговорахъ здѣсь считаютъ не малой ошибкой то обстоятельство, что первоначаль-

ные защитники перевала были черезчуръ малочисленны сравнительно съ его важностью, тѣмъ болѣе, что ближайшія ихъ поддержки находились не ближе какъ въ Сельви и окрестностяхъ Тырнова, въ разстояніи 45—60 верстъ отъ боевой позиціи. Это, конечно, справедливо; но вопросъ: откуда же было взять войска больше, если его не было достаточно на всемъ адѣйшемъ театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій?

II.

Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шинкѣ.

Описаніе нашихъ позицій на Шинкѣ по прибытіи Брянскаго полка 9-го августа, утромъ.—Дѣйствія турокъ 9-го и 10-го числа на лѣвый флангъ позиціи св. Николая („Стальную батарею“).—Назначеніе полковниковъ Лининскаго и графа Толстаго.—Усиленіе нашей правофланговой позиціи.—Атака турокъ 11-го числа на нашъ правый флангъ.—Охватъ кольцомъ всей нашей позиціи на Шинкѣ и мѣры генерала Столѣтова противъ охвата.—Атака капитана Канчионова и штабсъ-капитана Шней.—Бой на тыльной и правофланговой вышнихъ позиціяхъ.—Отчаянное положеніе и помощь отъ графа Толстаго.—Перевозочные пункты; раненые и санитары.—Замѣшательство на правомъ флангѣ.—Смерть подполковника Беницкаго.—Встрѣча первой помощи.—Прибытіе генерала Радецкаго.—Наступленіе охотниковъ стрѣлковъ и 11-й роты Брянскаго полка, съ пѣснями.—Отступленіе турокъ и общее увлеченіе шинкинцевъ.—Необходимость остановить дальнѣйшее наступленіе нашихъ.—Окончаніе трехсуточного боя.—Нравственное значеніе этой обороны и убыль наша и непріятельская.—Ночь послѣ боя.

Горный Студень, 28-го сентября.

Для нашей военной исторіи должна быть драгоценной каждая черта, дополняющая съ той или другой стороны лѣтопись шинкинской обороны, и потому въ настоящемъ сообщеніи предлагается нѣсколько подробностей и отдѣльных эпизодовъ (въ особенности относительно праваго фланга), которые—смѣю думать—надо сохранить для исторіи.

Когда первоначальные защитники Шинкинскаго перевала пришли къ заключенію, что противъ нихъ ведутъ атаку главныя силы арміи Сулеймана-паши, то генералъ Столѣтовъ послалъ 7-го августа телеграмму въ Сельви, прося немедленныхъ подкрѣпленій. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ находился тогда 35-й пѣхотный Брлскій полкъ ²⁾, которому генералъ-майоръ Дерожинскій немедленно же приказалъ приготовиться къ походу, и 8-го августа утромъ полкъ уже выступилъ на Шинку. Вслѣдъ за нимъ въ самомъ скоромъ времени должны были двинуться туда же и другія подкрѣпленія. Брянцы прибыли на Шинку 9-го августа утромъ. Появленіе ихъ было

¹⁾ До вечера 15-го августа извѣстія о ходѣ боя на Шинкѣ доставлялись съ нарочнымъ въ Габрово, а оттуда уже по телеграфу въ главную квартиру; но къ 9-ти часамъ вечера 15-го числа была устроена телеграфная линия далѣе и открыта новая станція „Шинка“, выдвинутая къ перевалу на 15 верстъ отъ Габрова.

²⁾ 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майора Дерожинскаго.

привѣтствовано громкими «ура» на всемъ протяженіи нашей обширной позиціи, которая оборонялась тогда слишкомъ незначительными силами, и потому-то, въ виду общей готовности скорѣе лечь костями, чѣмъ покинуть Шипку, оно и встрѣчено общей радостью, какъ первая помощь, поддерживавшая нравственный духъ оборонявшихся.

Вотъ въ какомъ видѣ застали два батальона брянцевъ ¹⁾ общую картину обороны: позиція наша представляла дугу, изогнутую вдоль по шоссе. На лѣвомъ флангѣ этой позиціи возвышается гора, такъ называемая *Сѣверная*, которой восточные и южные склоны защищались нѣсколькими рядами ложементовъ. На вершинѣ Сѣверной горы была поставлена наша батарея на восемь орудій. Для устройства этой батареи мы воспользовались прежними турецкими земляными укрѣпленіями, которыя однако же не были вполне приспособлены нами для обороны противъ непріятеля. Вправо отъ Сѣверной горы, шаговъ на двѣсти, идетъ уступъ, на которомъ находится—бывшій турецкій ложементъ, обшитый плетнемъ, и турецкая же земляная батарея, въ то время еще не занятая нами. Отъ этого уступа перевалъ поворачиваетъ на югъ, и на немъ шагахъ въ полутора-раста впереди, находится небольшой холмъ, гдѣ расположилась такъ называемая *Средняя батарея* ²⁾. Все это пространство носило въ то время названіе нашей главной позиціи. Впереди ея, по направлению къ югу, въ разстояніи одной версты, возвышается гора св. Николая, которую прорѣзываетъ шоссе, идущая почти по самой серединѣ. Эта послѣдняя гора составляла передовой пунктъ нашей оборонительной позиціи. На перевалѣ между св. Николаемъ и Сѣверной горой находятся два домика, гдѣ расположился перевязочный пунктъ, предназначенный для войскъ передового отряда и сосѣднихъ ложементовъ, и этотъ перевалъ получалъ у насъ названіе «перешейка». На востокъ отъ него, а также и отъ шоссе, въ глубинѣ между отлогостями св. Николая и Сѣверной горы, залегаетъ обширная долина, на днѣ которой находится изобильный ключъ, обложенный тесаными плитами, какъ и всѣ фонтаны на Востокѣ, и отъ него внизъ по долинѣ струится рѣзвый ручей. Къ западу отъ «перешейка» перевалъ былъ защищенъ

«Средней батареей» и длиннымъ рядомъ ложементовъ. Впереди послѣднихъ, по дорогѣ, которая уходитъ на западъ въ горы, заложены были фугасы, устройствомъ которыхъ мы обязаны подпоручику 7-го санитарнаго батальона Романову, тому самому, который весной нынѣшняго года, въ Браиловѣ, удачнымъ выстрѣломъ способствовалъ взрыву въ Мачинскомъ рукавѣ броненосца «Лютфи-Джелиль». На вершинѣ св. Николая (т.-е. передовой нашей позиціи) поставлены были нами шесть орудій. Но этимъ еще не ограничивалась защита передового пункта: лѣвѣе этой батареи, на той же горѣ стояла другая, осиморудійная, въ составъ вооруженія которой входили шесть крупнокалиберныхъ стальныхъ пушекъ, взятыхъ нами у турокъ при занятіи Шипкинскаго перевала, въслѣдствіе чего и самая батарея получила у насъ названіе «*Стальной*» ³⁾. Понятно, что столь обширная позиція не могла быть успешно обороняема такими ничтожными силами, какія имѣлись у насъ въ началѣ атаки арміи Сулеймана: пять слабосильныхъ дружинъ и одинъ пѣхотный (Орловскій) полкъ, тоже пострадавшій въ предшествовавшихъ дѣлахъ, не имѣли даже возможности занять ее сплошь хотя бы и самыми тонкими линиями, а потому-то нѣкоторыя укрѣпленія по неволѣ оставались у насъ не занятыми. Вотъ почему прибытіе Брянскаго полка и было встрѣчено общимъ восторгомъ. Части этого полка заняли покаместа Сѣверной горы и ложементы западной стороны, оставивъ четыре роты въ резервѣ, на уступѣ за средней батареей.

Первые атаки турокъ, около десяти часовъ утра, какъ извѣстно, были направлены по шоссе на передовую нашу позицію, но послѣ взрыва нѣсколькихъ фугасовъ противникъ шаркнулся назадъ и только около полудня успѣлъ изготовиться къ новому штурму, направление котораго обнаружено было теперь на лѣвомъ флангѣ св. Николая, противъ «Стальной батареи»: длинныя и густыя цѣпи непріятеля спускались съ ближайшихъ лѣсистыхъ высотъ въ открытую долину у подношья св. Николая, быстро перебѣгали ее съ криками «Алла», подъ звуки барабановъ и рожковъ, игравшихъ «атаку», энергически и настойчиво карабкались на кручу. Эта попытка была отбита залпами пѣхоты (между прочимъ и Брянскаго полка) и удачнымъ огнемъ какъ «Стальной», такъ и «Круглой» батарей, изъ которыхъ послѣдняя (подъ начальствомъ полковника Беницкаго) брала турецкія цѣпи во флангъ. Такъ продолжалось весь день до глубокой ночи. Турки въ теченіе всего этого времени безпрерывно возобновляли свои нападенія, и послѣдняя ихъ попытка, какъ извѣстно, была уже

¹⁾ Первые батальоны этого полка (1-й и 3-й) прибыли на мѣсто въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра, а 2-й батальонъ, по приказанію генерала Дерожинскаго, былъ задержанъ въ пунктѣ развѣтленія дороги, гдѣ одна вѣтвь ея ведетъ къ горѣ св. Николая, а другая, правѣе, на деревню Зелено-Древо. 2-й батальонъ прибылъ на позицію уже въ часъ пополудни; остальные же два, по прибытіи, немедленно заняли мѣста на передовой и главной позиціи у Сѣверной горы, частью въ ложементахъ, частью въ резервѣ.

²⁾ Четыре 4-хъ-фунтовыхъ орудія.

³⁾ Кромѣ того, въ резервѣ оставались у насъ еще четыре орудія горной батареи.

сдѣлана позднимъ вечеромъ. Въ теченіе ночи съ 9-го на 10-е августа они успѣли исправить свои прежнія и возвести новыя укрѣпленія, а на утро, въ пять часовъ, открыли повсюду сильный ружейный огонь, и наблюдая ихъ дымки, мы тогда же успѣли убѣдиться, что новыя позиція противника распространились гораздо сѣвернѣе дѣваго фланга нашей главной позиція. Это показало, что непріятель намѣревается обойти насъ съ тыла, дабы окружить кольцомъ нашу позицію. Однако же попытки штурма въ этотъ день были уже не такъ энергичны: артиллерія противника замолчала даже ранѣе наступленія вечера, вынужденная къ тому огнемъ нашихъ батарей: «Стальной», «Средней» и «Круглой»; однѣ только пули почти до 9-ти часовъ не переставали перекрещивать съ четырехъ сторонъ всю площадь нами занимаемой позиція и хватали далеко позади боевыхъ линій, такъ что даже на перевязочномъ пунктѣ, т. е. почти на версту въ тылу, нѣсколько людей было ранено. Впрочемъ надо замѣтить, что убыль наша 10-го числа была значительно менѣе вчерашней, и это потому, что люди успѣли болѣе примѣниться къ ложементамъ и лучше укрыться въ нихъ. Въ восемь часовъ вечера (10-го числа) четыре роты Орловскаго полка на горѣ св. Николая были смѣнены столькими же ротами полка Брянскаго, а командиръ полка, полковникъ Липинскій, по предначенію генерала Дерожинскаго, былъ назначенъ начальникомъ главной позиція, т. е. на Сѣверной горѣ и на перешейкѣ. Въ то же время флигель-адъютанту полковнику графу Толстому ввѣрена оборона передовой позиція, или горы св. Николая. Осмотрѣвъ свою позицію, полковникъ Липинскій нашелъ, что силы бокового отряда на ея правомъ флангѣ, т. е. въ ложементахъ, расположенныхъ противъ фугасовъ, весьма слабы ¹⁾, тогда какъ самая мѣстность представляетъ здѣсь для наступающаго гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ на остальныхъ пунктахъ; а между тѣмъ прорывъ нашей линіи въ этомъ мѣстѣ совершенно отрезаеъ бы гору св. Николая отъ главной позиція. Въ виду этихъ соображеній, число защитниковъ праваго фланга было увеличено ²⁾, а все-таки защита главной позиція, простиравшейся по линіи своихъ ложементовъ почти на версту, не могла назваться вполне обезпеченной. Но дѣлать было нечего: пока, до времени, приходилось ограничиваться тѣмъ что было подъ рукой.

11-го августа, еще чуть брезжалось на востокѣ, какъ у насъ въ ложементахъ праваго фланга уже подымалась оживленная перестрѣлка, къ которой, минувъ пять минутъ, присоединился и звукъ артиллерійскихъ выстрѣ-

ловъ. Бѣлые дымы поднимались теперь вдали, верста за пять отъ нашей правофланговой позиція, съ западнаго горнаго края, гдѣ турки въ прошлую ночь возвели особую батарею. Наши орудія не замедлили отвѣтомъ—и оживленная канонада, вмѣстѣ съ частой перестрѣлкой, опять загудѣла по всей линіи. Въ пять часовъ утра обнаружилось намѣреніе противника вести атаку противъ нашего праваго фланга, съ котораго было замѣчено движеніе четырехъ большихъ колоннъ по направленію къ ложементамъ бокового отряда. Въ половинѣ седьмого часа непріятель уже перешелъ здѣсь въ положительное наступленіе, такъ что съ нашей стороны пришлось ввести въ дѣло всѣ четыре роты. Полковникъ Липинскій, получивъ донесеніе командующаго боковымъ отрядомъ, майора Шваба, о положеніи дѣла, которое требуетъ немедленныхъ подкрѣпленій, послалъ ему изъ резерва двѣ роты орловцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ держаться на позиція во что бы то ни стало, такъ какъ еще съ вечера сдѣлалось уже извѣстно, что на Шинку идутъ 4-я стрѣлковая бригада и два полка 14-й пѣхотной дивизіи. Около этого же времени началась атака горы св. Николая, приступы къ которой, смѣняясь одна другою, длились до самаго вечера.

Въ 7^{1/2} часовъ утра (11-го числа) полковнику Липинскому было доставлено донесеніе, что боковой отрядъ на правомъ флангѣ, получивъ въ помощь себѣ орловскія роты, успѣлъ отбить непріятельскій приступъ, что не обошлось однако же безъ самаго упорнаго боя. Преслѣдуемая правильными залпами, передовыя части противника отступили на вторую высоту Лѣсныхъ или Зеленыхъ горъ, откуда вскорѣ показались новыя колонны турокъ, которыя, пропустивъ въ интервалы отступившихъ толпы, немедленно же повели рѣшительное наступленіе противъ бокового отряда. Оттуда опять прислали просить подкрѣпленій. Отправивъ изъ резерва еще одну роту, полковникъ Липинскій послалъ къ генералу Столѣтову ординарца съ просьбой пріѣхать лично на правый флангъ, чтобы самому убѣдиться въ важности наступленія, ведущагося противъ этого пункта. Генералъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ позицію, но объявилъ Липинскому, что никакихъ подкрѣпленій дать не можетъ, потому что непріятель обнаружилъ сейчасъ намѣреніе вести атаку и на лѣвый флангъ, противъ котораго уже собираются колонны и двигаются густыя цѣпи. Такимъ образомъ, охватъ кольцомъ всей нашей позиція развивался все больше и больше. Вслѣдствіе этого обстоятельства генералу Столѣтову пришлось принять непосредственно на себя оборону тыла. Для этого онъ взялъ у Липинскаго двѣ полуроты съ четырьмя горными орудіями и спѣшно повелъ ихъ на дальній курганъ, лежащій позади Сѣверной горы

¹⁾ Двѣ линейныя роты и взводъ стрѣлковъ.

²⁾ А именно: прибавлены еще полуэскадръ стрѣлковъ и 9-я линейная рота Брянскаго полка.

въ тылу нашей позиціи. Но пока Столѣтовъ, дойдя наконецъ подъ огнемъ и ужасной жарой до вершины тыльнаго кургана, заботился тамъ о скорѣйшемъ устройствѣ батареи и стрѣлковыхъ закрытій, — турецкіе стрѣлки успѣли незамѣтно пробраться кустами въ тылъ Сѣверной горы. Къ счастью, у насъ успѣли замѣтить это въ то время, когда турки, выйдя изъ кустовъ, перебѣгали къ подошвѣ Сѣверной горы, направляясь на шоссе въ тылъ нашей «Круглой» батареи. Эта густая цѣпь надвинулась на нашъ тылъ такъ быстро, что полторы роты Брянскаго полка ¹⁾, стоявшія въ резервѣ, позади «Круглой» батареи, едва только успѣли развернуться вдоль шоссе, какъ въ нихъ грянулъ непріятельскій залпъ, затѣмъ другой и третій, съ разстоянія не болѣе какъ во сто шаговъ. Тутъ уже некогда было думать о перестрѣлкѣ; оставалось одно: сразу броситься впередъ, въ штыки, «на ура», сдѣлать послѣднюю, отчаянную попытку и умереть на мѣстѣ, если она не удастся. Такъ и было сдѣлано. Канчіоловъ и Шней, крикнувъ своимъ людямъ: «Не стрѣлять! въ штыки! на руку! Впередъ!» — стремительно бросились на турокъ, и это движеніе, которое, какъ горная лавина, неожиданно обрушивалось сверху внизъ, заставило турокъ тотчасъ же дать тылъ... Но, увлекшись дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ, горсть нашихъ людей рисковала бы зарваться, поспѣвъ въ руки многочисленнаго непріятеля, бытъ тамъ внизу окруженной и, если не отдаться въ плѣнъ, то подвергнуться поголовному разстрѣлянню. Поэтому пол-роты были остановлены во-время и спрятаны за мѣстныя закрытія, откуда онѣ открыли огонь по отступающимъ. Отойдя на противолежащую возвышенность, турки болѣе правильно стали отвѣчать на ружейный огонь, и такимъ образомъ завязалась въ этомъ пунктѣ весьма сильная перестрѣлка, которая длилась, пока не подошли къ туркамъ свѣжія силы. Тогда съ ихъ стороны послѣдовала новая атака, а съ нашей — новый отпоръ, сопровождаемый дружными залпами въ грудь, а затѣмъ въ спину туркамъ, и это повторялось нѣсколько разъ, при каждой новой попыткѣ противника. А попытки были упорныя, отчаянныя... Непріятель хорошо понималъ всю важность атаки именно въ этомъ тыловомъ пунктѣ: удайся она, — судьба Шипки, можно сказать навѣрное, была бы рѣшена не въ нашу пользу. Храбрымъ, самоотверженнымъ защитникамъ ея оставалось бы одно изъ двухъ: положить оружіе, или умереть до послѣдняго человѣка, и хотя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что изъ двухъ исходовъ они предпочли бы второй, тѣмъ не менѣе, стратегическая побѣда была бы на

сторонѣ противника. Къ общему прискорбію, майоръ Молоствовъ, командовавшій 2-мъ батальономъ Брянскаго полка и распорядившійся обороной этого пункта, былъ тяжело раненъ. Между тѣмъ бой, съ замѣчательнымъ ожесточеніемъ распространившійся по всей линіи, разгорѣлся съ особенной силой противъ бокового правофланговаго отряда, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ были заложены фугасы. И вотъ, въ 10 часовъ утра присылаютъ оттуда къ Лининскому настоятельно просить, умолять о подкрѣпленіяхъ. Полковникъ Лининскій отправляетъ изъ резерва послѣднюю, оставшуюся у него роту ²⁾, отдѣливъ отъ нея только полувзводъ для прикрытія знаменъ. Но не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ опять летятъ оттуда новыя прискорбныя вѣстия: подполковникъ Швабъ ³⁾ сильно контуженъ; ротные командиры переранены, перебиты, выбыли изъ строя; командованіе надъ 3-мъ батальономъ Брянскаго полка принялъ штабсъ-капитанъ Пономаренко; люди гибнутъ, но держатся. Тогда полковникъ Лининскій назначаетъ на мѣсто Шваба майора Базилевича ⁴⁾ и приказываетъ ему «стараться держать роты, взводы и даже звенья по два въ совокупности», дабы имѣть возможность осаживать непріятельскую цѣпь, несмотря на ея многочисленность, и во что бы то ни стало удерживаться на своей позиціи. Въ такомъ положеніи дѣло длится до двухъ часовъ пополудни. Патроновъ уже мало, и особенно на правомъ флангѣ; люди истомлены и нравственными, и физическими усиліями боя; гибнутъ десятками, а подбирать и уносить ихъ некому: здѣсь каждая лишняя рука теперь нужнѣе всего... Непріятель между тѣмъ напиралъ и напиралъ — все новыя, все свѣжія силы. Солдаты просто понять не могутъ, откуда, наконецъ, это у него берется? Все пространство впереди усяно валяющимися тѣлами въ красныхъ фескахъ. «Словно макъ въ огородѣ алѣютъ», какъ замѣчаютъ солдаты, а между тѣмъ новыя и новыя цѣпи и колонны красныхъ фесокъ лѣзутъ на нихъ отовсюду... Хриплые крики «Алла!» тамъ и сямъ мѣшаются и сливаются съ нашей русской «урою».

— Да это, братцы, самъ дьяволъ плодитъ ихъ столько! Откуда быть имъ тутъ этакимъ силищъ? — опуская отъ отчаянія изманные руки, чуть не сквозь слезы, восклицаетъ молодой солдатикъ.

— А ты, молокососъ, дьявола-то не поминай, а имя Христова призови — и одолѣемъ! — наставительно и съ увѣренностью замѣчаетъ старый «унтеръ», выдавшій на своемъ вѣку

¹⁾ 5-я линейная, подъ начальствомъ штабсъ-

капитана Шней, и полурота 6-й роты, подъ начальствомъ капитана Канчіолова.

²⁾ Начальникъ бокового правофланговаго отряда.

³⁾ Орловскаго полка.

виды, — и одно подобие замѣчаніе вдругъ ободряетъ цѣлый ложементъ, цѣлую роту.

— Вѣрно, братцы, вѣрно! Это настоящее слово! — проносится между кучками. — Нут-ка, съ Богомъ!... Во имя Отца и Сына... пла! — и новый дружный залпъ треснулъ навстрѣчу противнику.

— Вишь ты! вонъ оно какъ!.. Сразу тыль и далъ... Вотъ оно чтó значить, съ Божьимъ-то вменемъ!

А солнечный зной между тѣмъ палитъ и угнетаетъ: и лица, и спины, и грудь, и все тѣло обливаются потомъ; солдатскія рубахи мокры, липнуть къ тѣлу — мѣшаетъ все это работать... Жажда къ тому же смертная, а воды нѣтъ, и чтобы добыть ее, приходится идти на лѣвый флангъ и подъ ужаснымъ огнемъ осторожно спускаться по головоломной тропинкѣ на самое-дно глубокой долины, къ фонтану. А тутъ еще одолѣваютъ міриады мухъ, носящихся вадъ мертвыми тѣлами. Все притомилось въ горной природѣ подъ этимъ удручающимъ зноемъ, все примолкло, пришло, поникло, — одѣй лишь тучи мухъ жужжать внизу, да балканскіе орлы, испуганные непривычнымъ для нихъ грохотомъ и свистомъ, взвиваются все выше и выше, и плаваютъ въ лазоревомъ пространствѣ, едва достигаемомъ для глаза, да еще несмолкаемая перестрѣлка вмученныхъ людей трепить, не переставая ни на мгновеніе — и мертвая знойная тишина всей природы нарушается не стономъ раненыхъ, которыхъ почти не слышно, даже не криками команды, а однимъ лишь грохотомъ выстрѣловъ, свистомъ пуль и шипѣніемъ улетающей или прилетающей гранаты. По истинѣ, это были ужасныя минуты... Ужасна была даже самая противоположность между безучастно спокойной природой и этой лихорадочной борьбой — борьбой на смерть людей, изнемогающихъ отъ бессонницы, голода и зноя, и умирающихъ молча, безропотно... Турки дрались геройски; русскіе были непреклонны и не уступали ни на шагъ. Но отдавая полную справедливость вониской доблести нашихъ враговъ, умалить которую было бы недостойно насъ (хотя надо сознаться, что мы не ожидали съ ихъ стороны такой упорной настойчивости въ достиженіи своей цѣли), все же должно сказать, что Шипкинскій проходъ обороняла одна лишь горсть русскихъ и болгаръ противъ цѣлой арміи Сулеймана. Шипка — это въ своемъ родѣ Термопиль ¹⁾ новѣйшей военной исторіи, которая — кто бы ни писалъ

ее, друзья или недруги — обязана воздать должную справедливость героизму защитниковъ этого горнаго прохода.

Въ два часа пополудни, къ полковнику Липинскому былъ присланъ изъ бокового отряда офицеръ съ донесеніемъ, что мы обременены тамъ громаднымъ (сравнительно) количествомъ раненыхъ, тогда какъ силы непріятеля все прибываютъ и прибываютъ, и что удерживать позицію долѣе нѣтъ никакой возможности, если не будутъ сейчасъ же даны достаточныя подкрѣпленія.

Но у Липинскаго оставался одинъ лишь полувзводъ со знаменами...

А между тѣмъ въ тылу Сѣверной горы кипитъ сильная перестрѣлка, и вдругъ, въ довершеніе всего, Липинскій замѣчаетъ, что большія партіи черкесовъ стремятся въ атаку на горную батарею, несмотря на то, что двѣ роты ¹⁾ встрѣчаютъ ихъ частыми залпами. Положеніе съ минуты на минуту становилось все болѣе и болѣе критическимъ: вся какъ есть позиція кругомъ была уже атакована турками. Пришлось обратиться за помощію на передовую позицію (гора св. Николай), которая и сама подверглась въ то же время настойчивымъ приступамъ. Начальникъ этой послѣдней позиціи, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой, какъ ни трудно ему приходилось, все же нашелъ возможность удѣлить изъ своихъ силъ одну роту ²⁾ на помощь полковнику Липинскому, и эта рота, поставленная въ резервъ, успѣла отразить нѣсколькими своими залпами настойчивую атаку черкесовъ на горную батарею. Боковому же (правофланговому) отряду, вмѣсто подкрѣпленія было послано одно лишь подтвержденіе: держаться во что бы ни стало, потому что скоро придутъ подкрѣпленія ³⁾; если же держаться не хватитъ уже ни малѣйшей возможности, то отступать на «перешеекъ», къ домикамъ перевязочнаго пункта, не заслоняя собою фугасовъ, и при этомъ всѣ, кто не раненъ, должны сейчасъ же занимать новые ложементы — на перешейкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ, подпоручику Романову приказано быть вполне готовымъ со своею гальваническою батареей, на случай, если придется взрывать фугасы ⁴⁾.

¹⁾ 2-я стрѣлковая Орловскаго полка, подъ начальствомъ поручика Никифорова, и 6-я линейная Брянскаго полка.

²⁾ 1-ю ливейную Брянскаго полка.

³⁾ О скоромъ прибытіи стрѣлковой бригады было уже получено извѣщеніе генералъ-майора Цвѣтннскаго.

⁴⁾ Этотъ достойный офицеръ помимо его спеціального дѣла и ежесуточныхъ (въ теченіе цѣлыхъ ночей) работъ по исправленію валихъ укрѣпленій, поврежденныхъ противникомъ, будучи контуженъ 11-го августа осколкомъ гранаты, не только оставался при гальваническомъ приборѣ, но даже управлялъ обороной того ложемента, при которомъ находился.

¹⁾ Хотя по условіямъ мѣстности Шипкинскій перевалъ вовсе не походитъ на Термопиль, такъ какъ это не тѣснина, не ущелье; напротивъ, онъ потому-то и былъ предпочтенъ Митхадомъ-пашей для проложенія чрезъ него шоссе-ной дороги, что онъ гораздо ниже, просторнѣе и удобнѣе прочихъ переваловъ.

Вѣсть о скоромъ прибытіи свѣжихъ войскъ, мягомъ облетѣвшая наши ложементы, нѣсколько оживила духъ изнеможенныхъ защитниковъ Шинки. Въ половинѣ пятаго часа по-полудни графъ Толстой привелъ съ собою съ горы св. Николая еще одну брянскую роту (2-ю линейную) и это дало возможность не только заполнить ближайшіе ложементы, но и сохранить нѣкоторую сомкнутую часть въ резервъ. Графъ Толстой прибылъ къ полковнику Липинскому, какъ къ старшему, чтобы узнать распоряженія, потому что добраться до тыльной позиціи, гдѣ находился генералъ Столѣтовъ, не было уже никакой возможности, и тутъ-то эти два офицера порѣшили между собою—не отступать ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ, а умирать всѣмъ до послѣдняго человека на мѣстѣ.

И такъ, въ резервъ, благодаря графу Толстому, очутилась еще одна рота. Тѣмъ не менѣе, положеніе бокового отряда было отчаянное, невозможное. На передовой перевязочный пунктъ, расположенный на перешейкѣ у бѣлыхъ домиковъ, безпрестанно направлялись большія группы раненыхъ, и уже по одному ихъ числу, сравнительно съ числомъ защитниковъ, можно было судить о тѣхъ громадныхъ потеряхъ, какія несутъ отдѣльный правофланговый отрядъ. Здѣсь, на перевязочномъ пунктѣ, картина была не менѣе ужасна, чѣмъ и тамъ, на позиціи. Съ каждою минутою прибывали цѣлые десятки раненыхъ и накоплялись цѣлыми сотнями. Врачи не успѣвали накладывать перевязокъ; ползая на колѣняхъ по землѣ, въ пыли и въ крови, подъ палящимъ солнцемъ, они изнемогали. А тутъ еще пули свистѣли вокругъ то тамъ, то здѣсь падаютъ и рвутся гранаты, обдавая окружающее пространство взлетами пыли, комками земли, камнями и осколками. Но на это уже некогда было обращать вниманіе, надо было торопиться дѣлать свое прямое дѣло. И замѣчательно: стонъ слышалось очень мало—раненые и умирающіе какъ бы сознавали, что внѣшнее выраженіе ихъ страданій можетъ вліять на упадокъ духа удѣлѣвшихъ еще товарищей, и молча переносили ужасныя муки. Все пространство около домиковъ было заполнено равными, съ изумительнымъ терпѣніемъ ожидавшими своей очереди для перевязки. Легко раненые, послѣ перевязки, просили дозволить имъ возвратиться на свои мѣста, въ ложементы, а многіе дѣлали это даже и самовольно, безъ всякихъ предупрежденій и разрѣшеній. Но тѣ, которые по силѣ и свойству своихъ ранъ не имѣли этой возможности, все-таки должны были оставаться на пунктѣ, такъ какъ днемъ не представлялось никакой возможности отвезти ихъ далѣе—на главный пунктъ (за четыре версты отъ позиціи) и затѣмъ въ Габрово: шоссе, протекающее въ тылу нашей позиціи, съ двухъ сторонъ

обстрѣливалось турками, такъ что нѣкоторые изъ раненыхъ, рискнувшіе отправиться по этой дорогѣ, были на пути или ранены вновь, или вконцѣ перебиты. Понятно, значить, каково должно было быть скопленіе раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ у бѣлыхъ домиковъ!..

Но, слава Богу, къ пяти часамъ по-полудни всѣ атаки въ тылу на шоссе были отбиты и даже перестрѣлка тамъ стала нѣсколько рѣже. Тѣмъ не менѣе, положеніе бокового отряда было невыносимо: тамъ уже оставались не роты, а одна ничтожная горсть людей, дравшихся 12 часовъ безъ перерыва, безъ малѣйшаго отдыха, противъ несравненно сильнѣйшаго по числу непріятеля. Въ пять часовъ дня эта горсть, разстрѣлавъ почти всѣ патроны, стала наконецъ отступать отдѣльными маленькими кучками, успѣвъ однако вынести предварительно своихъ раненыхъ и забирая съ собою тѣхъ, кого хватала не смертнымъ ударомъ пули на пути, во время отступления, или которые попадались по дорогѣ. Почти всѣ офицеры этого отряда, находившіеся въ боевой линіи, были переранены и перебиты, а то, что сегодня утромъ еще называлось ротами—представляло изъ себя теперь небольшія, пережѣванные по полкамъ кучки. Достаточно сказать, что во многихъ ротахъ мѣста командировъ, замѣняясь послѣдовательно младшими офицерами, фельдфебелями и унтеръ-офицерами, перешли, наконецъ, по прямой линіи начальствованія, къ ефрейторамъ и даже, за убывлю послѣднихъ, къ простымъ рядовымъ солдатамъ.

Порѣшивъ съ полковникомъ Липинскимъ не уступать противнику ни пяди, графъ Толстой принялъ на себя повѣрку правофланговыхъ ложементовъ и управленіе ими. Турки между тѣмъ наступали медленно, но упорно. Полковникъ Липинскій приказалъ открыть по нимъ огонь залпами, поставивъ прицѣлы на тысячу шаговъ, а такъ какъ въ ложементахъ находились преимущественно линейныя роты, у которыхъ тахіимъ прицѣла равняется только шестистамъ шагамъ, то имъ велѣно: поставить прицѣлы на эту крайнюю линію дѣленія, цѣлить въ верхушки деревьевъ, что и увеличивало дистанцію полета пуль до тысячи шаговъ. Но кромѣ того и самыя залпы наши дѣлались столь дружно, что непріятель, не дойдя до опушки, остановился въ лѣсу на покатоости, обращенной къ нашей позиціи.

Время шло, а помощи еще не было видно. Взоры жадно, въ томительномъ, тоскливомъ ожиданіи обращались назадъ, на габровскую дорогу, но тамъ видѣлась пока только масса раненыхъ, запрудившихъ собою шоссе, несмотря на перекрестный со всѣхъ сторонъ огонь турокъ; эти несчастные тянулись мимо Сѣверной горы, по направленію къ горной батарее, и надо сознаться, видъ этой массы окровавленныхъ, изувѣченныхъ страдальцевъ производилъ

тяжелое впечатлѣніе на войска, остававшіяся еще на своихъ мѣстахъ и отчаянно дравшіяся весь день подъ градомъ пуль, почти безъ глотка воды и вовсе безъ пищи, тѣмъ болѣе, что всѣ артиллерійскіе снаряды, за исключеніемъ карточки, были у насъ уже разстрѣляны. На всѣмъ пространствѣ позиціи буквально не было мѣста, которое не поражалось бы пулями и осколками. Обыкновенныя и самыя необходимыя въ каждомъ бою сообщенія линіи съ тыломъ, какъ напримѣръ: привозъ и передача приказаній, подноски патроновъ, посылка за водою и переноска раненыхъ, были не менѣе опасны, чѣмъ нахожденіе въ непосредственно боевыхъ линіяхъ. Санитары, уносившіе съ позиціи какагонибудь *одного* раненаго, достигали перевязочнаго пункта, имѣя на рукахъ уже *двухъ* и *трехъ*, которыхъ они подбирали по дорогѣ, а не рѣдко и сами дѣлались жертвами пули и являлись на пунктъ въ числѣ раненыхъ. Вообще, услуги санитаровъ, при самомъ усердномъ, самоотверженномъ отношеніи ихъ къ своему дѣлу, оказывались недостаточными для удовлетворенія общей потребности, и потому удобствомъ переноски въ носилкахъ могли пользоваться весьма немногіе страдалцы; большую же часть тяжело раненыхъ санитары переносили на плечахъ, на ружьяхъ, на шинеляхъ или же на палаточныхъ холстахъ, а большинство, по необходимости, доползало или допрыгивало само до перевязочныхъ пунктовъ, которыхъ къ 9-ти часамъ 11-го числа образовалось нѣсколько на протяженіи позиціи, а именно, у каждой батареи, у погребовъ и въ резервѣ, около запасныхъ зарядныхъ ящиковъ. На этихъ импровизированныхъ пунктахъ, за недостаткомъ врачей, управлялись фельдшера, а матеріаломъ для перевязки служили палаточныя полотнища и бѣлье, такъ какъ всѣ подлежащія для этого дѣла припасы были очень скоро израсходованы.

За массою раненыхъ потянулася, наконецъ, съ правофланговой позиціи и горсть отступившаго бокового отряда. Увидѣвъ это, полковникъ Липинскій бросился на шоссе съ двадцатью человѣками, остававшимися еще около него въ качествѣ резерва.

— Куда вы, братцы? Куда?—раздался авторитетный голосъ полковника.—Назадъ! назадъ въ ложементы, на позицію! Кто вамъ сказалъ отступать? Отступленія нѣтъ, и не будетъ, и быть не можетъ! Сейчасъ придутъ подкрѣпленія, они уже близко... Назадъ!

Тогда смѣшанная толпа брянцевъ, орловцевъ и богарскихъ дружинниковъ, всего человѣкъ полтораста, повернула назадъ и бросилась къ оставленнымъ ложементамъ. Къ этой горсти примкнули и легко раненые, добровольно приближавшіеся съ перевязочнаго пункта. Но тутъ уже въ нѣкоторыхъ ложементахъ, какъ говорятъ, дѣло доходило до того, что наши солдаты, за недостаткомъ патроновъ, швыряли въ

наступающихъ турокъ сломанными ружьями, пустыми подсумками, комками земли, камнями и чѣмъ ни попаало, а въ это же время другіе ложементы, гдѣ случайно оставалось еще кое-какое количество патроновъ, встрѣчали непріятеля дружными залпами. Люди при этомъ дѣлились патронами между собой, вынимая остатки ихъ изъ подсумковъ убитыхъ и раненыхъ. Между прочимъ здѣсь можно отмѣтить и слѣдующій частный эпизодъ: когда полковнику Липинскому удалось вернуть отступавшихъ людей, онъ оставилъ ихъ на шоссе, по пути къ покинутымъ ложементамъ, подъ командой фельдфебеля, а самъ бросился на «Круглую» батарею, которая тоже была покинута артиллеристами. Здѣсь онъ встрѣтилъ возвращавшуюся къ орудіямъ прислугу. Оказалось, что командиръ «Круглой» батареи, подполковникъ Беницкій, увидя отступающихъ съ праваго фланга людей и предположивъ поэтому, будто началось общее отступленіе, счетъ нужнымъ вынуть изъ орудій замки и очистить батарею, такъ какъ у него не оставалось больше снарядовъ. Но замѣтивъ свою ошибку, Беницкій поворотился вмѣстѣ съ прислугой назадъ, бѣгомъ бросился на батарею, распорядился тотчасъ же вставить замки и тутъ же былъ убитъ наповаль пулей въ голову. «Я не считаю себя въ правѣ умолчать объ этомъ фактѣ—доносилъ, между прочимъ, главнокомандующему полковникъ Липинскій—хотя глубоко убѣжденъ, что это произошло по недоразумѣнію и никогда не можетъ лечь пятномъ на память такого храбраго и распорядительнаго офицера, какимъ былъ подполковникъ Беницкій, съ полнымъ пренебреженіемъ къ опасности державнійся въ продолженіе трехъ дней при своихъ орудіяхъ».

Возвратившись съ «Круглой» батареей въ ложементы, для того чтобы успокоить и ободрить людей, полковникъ Липинскій приказалъ имъ прекратить залпы, такъ какъ турки, отступивъ еще разъ, болѣе не лѣзли на наши позиціи, и онъ вторично объявлялъ напрямикъ, что отступленія ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.

И что же!—Эта горсть измученныхъ героевъ, окончательно рѣшась на смерть, вдругъ отвѣтила ему громкимъ одобреніемъ и русскимъ «ура».

Но въ эту самую минуту блеснулъ лучъ надежды: видятъ они, что по направленію къ ихъ позиціи отъ горной батареи бѣдѣютъ сквозь пыль какія-то рубахи и движется толпа солдатъ человѣкъ въ двѣсти. Слава Богу, это свѣжіе люди, это оно—давно обѣщанное и давно желанное, томительно жданное подкрѣпленіе!

— «Ура!.. Наша не пропала!.. Наши идутъ! Братцы! Спасители!.. Скорѣе!.. Выручайте!» Такими криками встрѣтили измученные «ини-

кинцы» охотниковъ 4-й стрѣлковой бригады, опередившихъ свои части и привезенныхъ сюда казаками на стременахъ, или на крупныхъ лошадяхъ.

«Ура», восторженно раздавшееся при встрѣчѣ подкрѣпленія, первоначально въ одной части, и затѣмъ сейчасъ же подхваченное по соседству другими, третьими, четвертыми ложементомъ, перешло послѣдовательно и на всѣ остальные и вотъ, вся русская оборонительная линія дружно огласилась этичь радостнымъ, долгимъ крикомъ. Турки услышали и видимо озадачившись: они поняли, что значитъ этотъ крикъ, поняли, что къ намъ пришли, наконецъ, пошли силы.

Въ это же время прибылъ на Шипку и командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій. Остановясь пока верстахъ въ двухъ позади, онъ сейчасъ же направилъ по ущелью къ горѣ, на звукъ выстрѣловъ, подоспѣвшихъ къ мѣсту дѣйствія три роты 16-го стрѣлковаго батальона. Замѣтивъ это, полковникъ Липинскій приказалъ возобновить огонь залпами по всей линіи и предоставилъ первымъ двумъ сотнямъ охотниковъ изъ стрѣлковой бригады занять свободные ложементы, т. е. тѣ, гдѣ всѣ люди были окончательно уже перебиты. Вновь открытые нами залпы, благодаря доставленнымъ патронамъ, продолжались около получаса, пока три роты стрѣлковъ, направленные Радецкимъ, успѣли добраться по ущелью до лѣсной опушки, занятой турками, и тамъ, открывъ сильный огонь, двинулись вдругъ въ обхватъ непріятельскаго лѣваго фланга. Движеніе этихъ ротъ заставило скорѣй совсѣмъ прекратить огонь изъ нашихъ правофланговыхъ ложементовъ, такъ какъ иначе мы рисковали попасть въ свои, вмѣсто турокъ. Надо было сейчасъ же поддержать отважный натискъ этихъ ротъ, и потому полковникъ Липинскій приказалъ 11-й ротѣ Брянскаго полка, защищавшей передовый ложементъ, немедленно двинуться впередъ въ атаку.— «Да только смотри, ребята, лихо! молодцами!.. Съ пѣснями! Пой всѣ, кто можетъ!»

И вотъ, высокій фальцетъ ротнаго запѣва, слышавшійся надъ колонной, подъ аккомпанементъ выстрѣловъ:

Что подъ дождичкомъ трава,
То солдатска голова*.

И вся рота до послѣдняго человѣка, дружно и быстро идя впередъ, подхватила припѣвъ этой старой солдатской пѣсни.

Турки, пораженные такимъ страннымъ, отнюдь неожиданнымъ ими оборотомъ дѣла, начали быстро очищать лѣсную гору, или по-просту, говоря солдатскимъ языкомъ, «задавать драка».

Тутъ уже неудержимо сказалось общее увлеченіе доблестныхъ «шипкинцевъ». Всѣ, кто

былъ въ передовыхъ ложементахъ, повскакивали впередъ, бѣгомъ, на «ура», въ догонку за 11-й брянской ротой и охотниками стрѣлковой бригады. «Ура» восторженно шумѣло и ораваемъ клочило неслось надъ всей бѣгущей впередъ линіей... Тутъ не было ни ротъ, ни ваводовъ, ни отдѣленій: были просто люди, русскіе люди, которые неслись гурьбой все дальше и дальше, съ беззавѣтной жадной «доканать турка» или умереть гдѣ Богъ укажетъ.

Но «доканать турка» было мудрено съ такими силами, и командиры хорошо это видѣли и сознавали: люди могли бы только «зарваться» безъ пользы и погибнуть подъ ударами свѣжихъ силъ далеко неравной арміи Сулеймана. Достаточно было и того, что врагъ остается на сегодня безъ всякаго выигрыша и отступаетъ, что успѣхъ этого дня пока за нами, а сейчасъ придутъ къ намъ новыя значительныя силы, и тогда дальнѣйшее положеніе наше, какъ обороняющихся, до поры до времени обезпечено. Да и кромѣ того, раскаленное солнце уже садилось: сейчасъ наступитъ темнота, а среди потемокъ какъ вести атаку по лѣсу, гдѣ на каждомъ шагѣ могутъ представиться неожиданныя засады?.. Нельзя было рисковать успѣхомъ обороны, тѣмъ болѣе, что вся стратегическая задача нашего отряда ограничивалась только удержаніемъ за собой во что бы то ни стало Шипкинскаго перевала. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, надо было удержать прекрасный, беззавѣтный порывъ нашихъ людей, и должно сказать, что начальники едва успѣли достигъ этого, останавливъ солдатъ уже въ лѣсной опушкѣ. Быстрые сумерки совсѣмъ спустились на землю, непріятель совершенно отступилъ, и отступилъ далеко, на вторую гору. Дальнѣйшее наступленіе было бы бесполезно и крайне рискованно. Поэтому люди были возвращены въ свои ложементы.

Но что за масса турецкихъ труповъ чернѣлась по всему склону горы!.. Эта масса покинутыхъ противникомъ тѣлъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствовала о томъ, какой жестокой бой свирѣпствовалъ здѣсь непрерывно въ теченіе полусутокъ.

Только къ восьми часамъ вечера, когда вполнѣ уже стемнѣло и масса искристыхъ звѣздъ усеяла синее южное небо, стихло все на обѣихъ позиціяхъ—и выстрѣлы, и крики. Оди лишь слабые, глухіе стоны, если прислушаться, доносились порой съ горныхъ скатовъ и изъ глубины темныхъ овраговъ.

Генералъ Радецкій, съ момента своего прибытія на Шипку отдавшій все время осмотру позицій и основательному ознакомленію съ ними, приказалъ занять гору, гдѣ находилась наша боковая правофланговая позиція, 11-й ротой Брянскаго полка и тремя ротами 16-го стрѣл-

коваго батальона. Этимъ распоряженіемъ закончилось славное дѣло трехсуточного боя за отстояніе Шипки. И какія же силы самоотверженно обороняли этотъ проходъ, эти—повторяемъ—новыя Фермопилы военной исторіи?—Всего лишь два некомплектныя полка, съ остатками ¹⁾ пяти болгарскихъ дружинъ, при 20-ти орудіяхъ ²⁾ и при существенной помощи, въ послѣднія минуты, со стороны 16-го стрѣлковаго батальона, обороняли противъ цѣлой арміи Сулеймана-паши, этого—по отзыву всѣхъ его знающихъ—«суроваго, непреклоннаго волей, начитаннаго и талантливаго полководца». 2.000 выбившихъ изъ строя убитыми и ранеными представляютъ, сравнительно съ общими силами защитниковъ, громадную убыль: у насъ оставались не полки, не батальоны, а горсти, и эти горсти героически исполнили свое тяжкое дѣло до конца, не уступивъ противнику почти ни пяди. Всѣ лошади тоже были перебиты или изранены. Предвидя, что на сегодня предстоитъ отчаянное дѣло, началомъ еще ранѣе семи часовъ утра, вслѣдствіе значительныхъ потерь въ лошадяхъ, распорядилось отправить ихъ въ безопасное мѣсто, за восемь верстъ назадъ, и сюда направлены были не только обозныя, но даже всѣ лошади изъ-подъ зарядныхъ ящиковъ и отъ лазаретныхъ линеекъ: орудійныя же и вообще артиллерійскія запряжки были отправлены еще наканунѣ (10-го августа) вечеромъ. Благодаря лишь этой мѣрѣ, мы успѣли спасти отъ напрасной потери въ которую часть нашей конской перевозочной силы.

Но если наши потери были велики, зато и непріятель разбилъ свою голову объ шипкинскія скалы. Чтобы получить приблизительное понятіе о числѣ лишь оставленныхъ турками труповъ (а извѣстно, что мусульмане, даже въ силу религіознаго закона и исконнаго обычая, обязаны уносить съ собой, по возможности, всѣ тѣла своихъ убитыхъ), генералъ Радецкій, по предложенію полковника Липинскаго, приказалъ пересчитать турецкіе трупы на небольшомъ пространствѣ—только противъ района дѣйствій 5-й и 6-й ротъ Брянскаго полка, т. е. противъ восточнаго склона хребта за Сѣверной³⁾ горой, въ тылу нашей позиціи,—и тутъ оказалось болѣе 500 непріятельскихъ труповъ. А сколько было раненыхъ, которыхъ успѣли заблаговременно убрать съ мѣста, или которые сами кое-какъ выбрались изъ-подъ выстрѣловъ!..

Наибольшее количество турецкихъ труповъ

валялось въ этотъ день въ пространствѣ мѣстности, лежащей противъ нашего праваго фланга, гдѣ дѣйствовалъ боковой отрядъ. Намъ, во избѣжаніе заразы, пришлось очищать отъ нихъ не только склоны правофланговыхъ горъ, но и самый лѣсъ, и зарывать ихъ въ могилы въ теченіе нѣсколькихъ дней, до 19-го августа, на что ежедневно наряжаемы были по двѣ роты, въ помощь которымъ каждый разъ приходило до четырехсотъ болгаръ изъ окрестностей Габрова. Въ особенности много труповъ валялось по лощинамъ и оврагамъ, гдѣ зловоніе ихъ страшно заражало воздухъ. А вокругъ горы св. Николая, гдѣ мѣстность непосредственно подвергалась обстрѣлу со стороны противника и гдѣ поэтому намъ невозможно было заниматься уборкой мертвыхъ, турки складывали ихъ рядами, одинъ на другого, затѣмъ засыпали ихъ съ поверхности слоемъ земли и изъ такого-то матеріала устраивали для себя ложементы. Чтобы убрать непріятельскіе трупы въ опушкѣ и на склонахъ горы противъ правофланговыхъ траншей, потребовался двухсуточный усиленный трудъ цѣлаго батальона, не говоря уже о помощи болгарскихъ жителей. И все это дѣлалось подъ выстрѣлами; турки, очевидно, пренятствовали намъ заниматься уборкой ихъ же тѣлъ, для того чтобы въ эти ужасныя знойныя дни вымаривать насъ на Шипкѣ заразой. Однимъ словомъ, похоронено нами было въ это время болѣе 7.000 турецкихъ труповъ, а если считать раненыхъ, то убыль непріятеля слѣдуетъ опредѣлить, по меньшей мѣрѣ, въ 15.000 человекъ.

Люди наши до послѣдней крайности были утомлены 16-ти часовымъ боемъ, и чуть ли не сорока-градусной жарой, но и наступившая теплая ночь не принесла имъ съ собой отдыха: въ воздухѣ все еще стояла духота, а тутъ надо было, прежде всего, заняться теперъ переноской съ позицій на перевязочный пунктъ массы тяжело раненыхъ; затѣмъ нужно было собрать убитыхъ товарищей, вырыть имъ братскія могилы и похоронить по-христіански; потомъ разобраться и расчитаться людьми по остаткамъ полковъ, батальоновъ, ротъ и взводовъ, привести все это въ надлежащій порядокъ, дѣла новаго боя; и въ то же время являлась крайняя необходимость возобновить, какъ можно скорѣе, запасъ патроновъ въ своихъ подсумкахъ и пополнить разстрѣлянное количество снарядовъ на батареяхъ; доставлены же они были на позицію только въ часъ по-полуночи; наконецъ, необходимо было исправить поврежденія батарей и возвести новыя закрытія, и медлить всѣми этими работами не представлялось возможности, такъ какъ съ разсвѣтомъ ожидалось повтореніе столь же рѣшительныхъ приступовъ. На все это требовались рабочія руки, а ихъ неоткуда было взять, какъ только изъ рядовъ тѣхъ

¹⁾ Послѣ забалканской экспедиціи генерала Гурко и сраженій при Эски-Загрѣ.

²⁾ Изъ нихъ—одна батарея горныхъ, которая далеко не могли состязаться съ дальнобойными крупновскими батареями Сулеймана, а оказывали намъ помощь лишь при отраженіи ближайшихъ натисковъ.

же сражавшихся людей. Физическое утомление и нервное возбуждение впечатлѣніями ужаснаго боя были столь велики, что когда, въ одиннадцать часовъ вечера, въ изобильномъ количествѣ привезли, наконецъ, на позицію простынную пищу, то люди почти и не дотронулись до котловъ: пропалъ весь аппетитъ, и когда ихъ понуждали разбирать ее въ свои котелки, они исполняли это медленно, апатически. Едва лишь послѣ двухъ часовъ ночи успѣли кое-какъ управиться со всѣми дѣлами и работами; но и затѣмъ люди все-таки не успокоились: большинство не спало и занималось въ отдаленныхъ кучкахъ оживленными разсказами и передачей своихъ личныхъ впечатлѣній пережитаго дня, не обращая никакого вниманія на тѣ рѣдкія, одиночныя турецкія пули, которыя и теперь время отъ времени, т. е. ежеминутно, пролетали между ихъ группами, напоминая о себѣ своимъ слабымъ болѣзненно-ноющимъ звукомъ. Говоръ между солдатами не прекращался до самаго утра.

III.

Третья Плевна.

День первый, 26-го августа.

Дѣло 19-го августа у деревень Пелишатъ и Сгалауицъ.—Взятіе Ловчи 22-го августа.—Потери и трофеи ловчинскаго дѣла.—Выступленіе главной квартиры изъ Горнаго Студия подѣ Плевну.—Подготовительныя мѣры для атаки Плевны.—Назначеніе князя Карла Румынскаго начальникомъ Западнаго русско-румынскаго отряда.—Настроеніе румынскихъ войскъ.—Прибытіе къ мѣсту дѣйствія румынской арміи нашей кавалеріи, осадныхъ орудій и отряда князя Иммертинскаго.—25-е августа въ селеніи Радывицъ.—Ночное движеніе къ Плевнѣ и устройство позицій.—Планъ дѣйствій и предварительная диспозиція соединенныхъ силъ Западнаго отряда.—Первый залпъ.—Отъ Радывица до Плевненскихъ позицій.—Болгарскіе быглцы.—Прибытіе государя императора на позицію.—Общій видъ поля дѣйствій.—Канонада.—Пожаръ въ турецкомъ лагерѣ.—Государь съ великимъ княземъ главнокомандующимъ лично обобѣриваютъ позицію праваго фланга.—Смерть полковника Гудима. Дѣйствія пераго дня третьей Плевны.—Расположеніе пѣхоты на позиціяхъ.—Отъѣздъ государя императора и великаго князя главнокомандующаго съ позицій въ Порадимъ.

На позиціи передъ Плевной, 26-го августа.

Зная, что силы Западнаго отряда нашей арміи со-дня-на-день увеличиваются новыми подкрѣпленіями, для рѣшительнаго удара на Плевну, турки вознамѣрились предупредить этотъ ударъ в 19-го августа сами атаковали наши позиціи у деревень Пелишатъ и Сгалауицъ¹⁾. Около шести часовъ утра изъ Гривицкой долины и изъ-подъ Радивеца показалась большая пыль, которая все ближе и бли-

же надвигалась на наши аванпосты. Вскорѣ оказалось, что это — большія массы турецкой кавалеріи, за которыми слѣдовала пѣхота и артиллерія, тоже въ значительныхъ силахъ. Передовые наши посты вынуждены были уступить напору конницы, слишкомъ превосходившей ихъ своей численностью. Съ нашей стороны для встрѣчи противника, оказавшагося приблизительно въ числѣ 25-ти тысячъ, выставлены были полки: Харьковскій уланскій и Мариупольскій гусарскій, пѣхотные: Галичскій, Суздальскій, Угличскій, Серпуховскій и два батальона Шуйскаго съ ихъ артиллеріей. Канонада началась въ 8 часовъ утра, но артиллерійскій бой продолжался недолго. Турки энергически повели атаку на Сгалауицъ и оврагъ, лежащій между этой деревней и Пелишатомъ, а затѣмъ и на Пелишатъ, но были отбиты на всѣхъ означенныхъ пунктахъ. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ, по прибытіи 4-го армейскаго корпуса въ составъ Западнаго отряда, заблаговременно озабочился объ укрѣпленіи нашихъ позицій, и потому обѣ названныя деревни защищаются особыми батареями полевого профиля, а склонъ и гребень оврага по нашу сторону окаймлены рядами ложементовъ. Первая неудача не охладила однако пыла турокъ: они снова кинулись въ атаку и снова были отбиты. Эти энергическія попытки съ ихъ стороны повторялись четыре раза, все съ большимъ и большимъ остервенѣніемъ, которое доходило до того, что отдаленные люди, закрывая глаза, съ разбѣгу вскакивали на наши насыпи и сваливались съ нихъ въ траншеи, гдѣ конечно ожидала ихъ смерть подъ русскими штыками. И такихъ было множество. Все ближайшее пространство передъ ложементами сплошь покрылось непріятельскими тѣлами. Пелишатъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Намъ потеряно одно подбитое орудіе, у котораго впрочемъ успѣли снять затворъ. Отбивъ на каждомъ пунктѣ всѣ эти атаки, наши войска перешли въ наступленіе и прогнали противника къ Плевнѣ. Бой продолжался до четырехъ часовъ пополудни, причѣмъ у насъ вышло изъ строя 40 офицеровъ и 1,020 человекъ нижнихъ чиновъ.

Попытка 19-го августа наглядно показала, что турки вовсе не думаютъ ограничиться одной пассивной обороной за брустверами плевненскихъ укрѣпленій, а самая настойчивость ихъ покушеній противъ нашихъ позицій указывала на возможность повторенія подобныхъ попытокъ и въ ближайшемъ будущемъ. Между тѣмъ собранныя нами на своемъ правомъ флангѣ подкрѣпленія и прибытіе румынскаго корпуса позволили нашему Западнему отряду снова перейти къ наступательному образу дѣйствій противъ Плевны. Для наибольшаго обезпеченія этихъ дѣйствій отъ воз-

¹⁾ Она же Сталинце и Сгалевица.

можного покушенія арміи Сулеймана-паши изъ-за Балканъ, а также и воодушевленіе усвоившагося, наконецъ, сознанія, что ключъ плевенской позиціи находится на южной сторонѣ, слѣдовало предварительно атаки плевенскаго лагеря взять городъ Ловчу, лежащій на прямомъ пути изъ Плевны на Траяну и Карлово. Исполненіе этого предпріятія было поручено святы его величества генераль-майору князю Имеретинскому. Мѣстность вокругъ Ловчи представляетъ уже сама по себѣ весьма серьезныя препятствія атакующему, а искусственныя укрѣпленія, сооруженныя турками, еще болѣе усиливали ея оборонительный характеръ. 22-го августа князь Имеретинскій, устроивъ на этой позиціи, началъ бой, продолжавшійся 12 часовъ сряду, и послѣ многихъ настойчивыхъ усилій взять наконецъ всѣ турецкія укрѣпленія и вошелъ въ самый городъ. Турки бѣжали. Для преслѣдованія ихъ послана была Кавказская бригада полковника Тутолмина и терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, бывшій подъ начальствомъ своего командира, штабс-ротмистра Кулебякина. Во время этого преслѣдованія маши дикіе линейцы зарубили до 4,000 человекъ. Такимъ образомъ Ловча была взята и бригада генераль-майора Давыдова¹⁾, усиленная еще нѣкоторыми другими частями, оставлена въ ней гарнизономъ. Потери турокъ въ этомъ дѣлѣ весьма значительны: кромѣ 4,000, положенныхъ казаками, генералъ Давыдовъ, уже по выступленіи князя Имеретинскаго къ Плевнѣ, похоронилъ 1,200 непріятельскихъ тѣлъ, валявшихся въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, да раньше еще, во время нахождения отряда въ Ловчѣ, похоронено 1,000 тѣлъ, итого, стало быть, убыль противника превышаетъ уже 6,000 человекъ; но эту цифру нельзя считать полной и окончательной, потому что много убитыхъ находятъ еще въ кустахъ, въ кукурузѣ, и къ дальнѣйшему розысканію ихъ приняты мѣры. Мы со своей стороны потеряли около 1,000 человекъ убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ и командира одной изъ бригадъ 2-й пѣхотной дивизіи, генераль-майора Разгильдѣева. Впрочемъ, князю Имеретинскому еще некогда было привести въ точную извѣстность убыль его отряда. Между убитыми поименованы командиры: Псковскаго пѣхотнаго полка—полковникъ Кузовъ и 11-го стрѣлковаго батальона—полковникъ Кирданъ. Во время штурма у турокъ взято нами два знамени; изъ нихъ одно уже представлено великому князю главнокомандующему, а другое остается пока въ Калужскомъ полку. Кромѣ того, захвачены массы патроновъ, покинутыхъ непріателемъ въ ко-

личествѣ до двухъ миллионъ штукъ, которые уже уничтожены нами; множество брошеннаго турками оружія и одно орудіе, за невозможностью переправить ихъ изъ Ловчи въ другой какой-либо удобный пунктъ, пришлось испортить, валомъ и бросить на мѣстѣ; взято также нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, полныхъ снарядами, и около ста человекъ пленныхъ, изъ которыхъ всѣ до одного раненые. Героемъ этого дня, по свидѣтельству начальника отряда, былъ свиты его величества генераль-майоръ Скобелевъ. Надо замѣтить, что отрядъ нашъ составленъ былъ почти исключительно изъ войскъ, никогда еще не бывавшихъ въ огнѣ, но всѣ его части дрались молодецки. На слѣдующій день (23-го) князю Имеретинскому пришлось отражать попытку наступленія турокъ отъ мѣстечка Макре на Ловчу. Этотъ турецкій отрядъ пришелъ на выручку Ловчи обходнымъ движеніемъ изъ Плевны. Впрочемъ, попытка была отбита послѣ четырехчасовой перестрѣлки и турки отошли къ горамъ. Тотчасъ же послѣ этого дѣла князь Имеретинскій выступилъ къ Плевнѣ, сознавая всю важность своевременнаго прибытія его отряда къ сему послѣднему пункту, и 24-го августа пришелъ въ Боготъ. Онъ успѣлъ прислать великому князю только краткое донесеніе, наскоро написанное карандашемъ на двухъ-трехъ листахъ бумаги, которое было получено его высочествомъ уже на позиціи передъ Плевной, во время дѣла. За взятіе Ловчи князю Имеретинскому пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени, а генералу Скобелеву — Владимирская звѣзда съ мечами. Въ время ловчинскаго сраженія турки въ Плевнѣ, по свидѣтельству лазутчиковъ, находились въ явной тревогѣ, но не обнаруживали никакихъ намѣреній противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ позицію передъ Плевной.

Извѣстіе о взятіи Ловчи было получено въ Горномъ Студнѣ 23-го числа утромъ, въ началѣ десятаго часа, а потому лица главной квартиры тотчасъ же стали готовиться къ выступленію подъ Плевну, куда и отправились въ два часа пополудни, имѣя въ этотъ день ночлегъ на бивуакѣ близъ деревни Булгарени, на берегу Осмы. 24-го утромъ пришли въ деревню Радынецъ, куда вскорѣ прибылъ въ коляскѣ и великій князь главнокомандующій съ начальникомъ штаба. Здѣсь въ одномъ изъ дворовъ уже была разбита ставка его высочества. Въ Радынѣ простояли двое сутокъ. Государь императоръ со своей квартирой пребывалъ еще въ Горномъ Студнѣ.

Взятіе Ловчи должно было служить какъ бы прологомъ къ дѣйствіямъ противъ Плевны, а потому съ прибытіемъ главнокомандующаго въ Радынецъ приступлено было къ послѣднимъ приготовительнымъ мѣрамъ. Предвари-

¹⁾ 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи.

тельные же мѣры, согласно распоряженію генералъ-лейтенанта Зотова, заключались:

1) въ изученіи мѣстности, что представляло большія затрудненія, какъ по ея пространству и разнообразію, такъ и потому, что непріятель постоянно мѣнялъ работы съемщиковъ, несмотря на что, однако, съемка въ масштабѣ 250 саж. была исполнена, планы налитографированы и розданы войскамъ въ достаточномъ количествѣ;

2) въ подготовкѣ туровъ, фашинъ и штурмовыхъ лѣстницъ;

3) въ исправленіи дорогъ, ведущихъ къ непріятельскому лагерю, и поперечныхъ путей, связующихъ эти дороги между собой, а также въ починкѣ и устройствѣ на нихъ мостовъ;

4) въ расчисткѣ и устройствѣ новыхъ колодцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, на случай атаки, могли бы быть расположены перевязочные пункты;

5) въ возможно частомъ упражненіи войскъ въ эскаладѣ и, наконецъ,

6) въ возможномъ усиленіи артиллеріи отряда добавкой къ ней двадцати осадныхъ орудій.

По переходѣ румынской арміи на правый берегъ Дуная, князь Карлъ, въ сопровожденіи немногихъ лицъ своей свиты, вмѣстѣ съ генераломъ Зотовымъ, пріѣхалъ въ Горный Студенъ и здѣсь, 17-го августа, былъ назначенъ командующимъ надъ соединенными русско-румынскими войсками Западнаго отряда, коего начальникомъ штаба сдѣланъ генералъ Зотовъ¹⁾. Настроеніе духа молодой румынской арміи было прекрасное; въ Бресляницѣ, Куприяѣ и Чиековцахъ по вечерамъ раздавались веселые звуки военной музыки и національныя пѣсни; офицеры разныхъ родовъ оружія дружески сходились за общій столъ, а солдаты, при смѣшанномъ свѣтѣ луны и костровъ, далеко за полночь вытанцовывали пѣльми батальонами свою народную «хору».

21-го августа къ Западнему отряду присоединилась румынская армія, расположившаяся на правомъ флангѣ.

22-го числа прибыли пять полковъ кавалеріи (два драгунскихъ, одинъ гусарскій и два допоскиихъ казачьихъ).

23-го пришла осадная артиллерія, а 24-го прибылъ изъ Ловчи отрядъ князя Имеретинскаго, расположившійся первоначально въ деревнѣ Боготъ.

25-го августа, около четырехъ часовъ дня, пріѣхалъ въ Радунецъ къ главнокомандую-

щему князь Карлъ. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ, рядомъ съ полковникомъ французской службы Гальаромъ; на козлахъ—ординарецъ и лучерь, разодѣтый въ цвѣтной народный румынскій костюмъ: арій широкій поясъ, шляпа съ пестрыми лентами, въ рукахъ бичъ, а лошади съ бубенцами, колокольчиками и розетками въ заплетенныхъ гривахъ. Переговоривъ съ великимъ княземъ, князь Карлъ черезъ полчаса уѣхалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Гальаромъ назадъ, въ свою главную квартиру, расположенную въ селеніи Порадимѣ. Послѣ обѣденнаго стола, накрытаго подъ навѣсомъ сарая, причемъ играла, по обыкновенію, музыка лейбъ-казаковъ, генералъ Левицкій собралъ адъютантовъ и ординарцевъ великаго князя главнокомандующаго и прочелъ имъ диспозицію, составленную на завтрашній день, а затѣмъ изложилъ словесно особое наставленіе объ обязанностяхъ ординарцевъ во время боя. При этомъ присутствовали военные представители Германіи, Даніи, Швеціи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи. Въ это самое время, чуть лишь сгустилась вечерняя темнота, войска всего Западнаго отряда тихо придвинулись къ Плевнѣ и въ строгомъ молчаніи тотчасъ же приступили къ устройству земляныхъ батарей на высотахъ, окружающихъ турецкія укрѣпленія. Турки, по видимому, ничего этого не замѣтили и дали нашимъ войскамъ возможность проработать всю ночь совершенно безпрепятственно, а къ утру мы уже вполне успѣли окончить свои батареи и установить на нихъ осадныя и 9-ти-фунтовые орудія.

Планъ дѣйствій противъ Плевны, въ общихъ чертахъ, заключался въ томъ, чтобы предпринять атаки обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія артиллерійскимъ огнемъ какъ можно дольше, хотя бы нѣсколько сутокъ сразу, причемъ каждую ночь стараться незамѣтно выдвигать свои батареи все болѣе и болѣе впередъ, ограждая ихъ, гдѣ нужно, новыми окопами, а по мѣрѣ приближенія къ непріятельскимъ позиціямъ, усиливать ихъ обстрѣливаніе, пока наконецъ, судя по ходу дѣла, не настанетъ часъ атаки открытой силой. Вслѣдствіе этого войскамъ была дана диспозиція не для боя, но только для расположенія ихъ на боевыхъ позиціяхъ¹⁾.

¹⁾ По диспозиціи этой, войска Западнаго отряда, выступивъ съ мѣстъ своего расположенія въ 6 часовъ вечера, занимаютъ въ ночь съ 25-го на 26-е августа передъ плевненскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, на разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла, слѣдующее расположеніе:

1) 9-й армейскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Криденера (31-я и три полка 5-й пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріею), выдѣливъ отъ себя одинъ полкъ съ 4-хъ-фунтовой батареей въ главный резервъ—пространство между гривицко-бугаревскимъ

¹⁾ Приказъ главнокомандующаго за № 137, которымъ генералъ-лейтенантъ Крыловъ назначенъ временно-командующимъ 4-мъ армейскимъ корпусомъ, а генеральнаго штаба полковникъ Новицкій—помощникомъ начальника штаба Западнаго отряда.

26-го августа, въ приснопамятную годовщину Бородинской битвы и въ день священнѣйшаго коронованія государя императора, главная квартира въ Радзыцѣ была поднята отъ сва звуками генералъ-марша, раздавшимися на лейбъ-казацкомъ бивуакѣ въ три четверти шестого часа. Ровно въ шесть часовъ утра въ Радзыцѣ послышался грозный гулъ громаднаго залпа, послѣ котораго на минуту водворилось полная тишина, а затѣмъ начался довольно рѣдкій огонь отдѣльныхъ орудій. Громовый звукъ, услышанный въ Радзыцѣ, былъ произведенъ залпомъ нашей 12-ти-орудийной осадной батареи, который возвѣстилъ начало сраженія подъ Плевною. Канонада началась съ обѣихъ сторонъ безъ торопливости, съ выдержкою, какъ подобаетъ серьезной канонадѣ, рассчитывающей на мѣткость своихъ выстрѣловъ.

Въ семь часовъ утра главная квартира выступила изъ Радзыца, куда къ этому времени прибыла головная часть Собственнаго Его Величества конвоя и въскольکو лицъ императорской квартиры. Великій князь главнокомандующій съ начальникомъ штаба оставались пока въ Радзыцѣ, въ ожиданіи пріѣзда сюда госу-

шоссе и дорогой, идущей изъ Пелишата въ Плевну.

2) 4-й армейскій корпусъ, подъ командой генералъ-лейтенанта Крылова (16-я и 30-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею), выдѣливъ изъ себя одну бригаду съ двумя 4-хъ фунтовыми батареями въ главный резервъ—влѣво отъ 9-го корпуса, занимая Радзышевскія высоты.

3) Отрядъ князя Имеретинскаго (2-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, тремя батареями 3-й артиллерійской бригады, 3-емъ стрѣлковымъ бригадою и четырехъ-орудийной (отбитой у турокъ) дальнѣбойной батареей—позади лѣваго фланга 4-го корпуса, близъ дер. Тученицы.

4) 4-я румынская дивизія, выступивъ изъ дер. Вербицы, располагается сѣвернѣе гривницко-булгаренскаго шоссе, на высотѣ 9-го корпуса, составляя крайній правый флангъ нашего общаго расположенія.

5) Три полка каларашей (румынская нерегулярная кавалерія) охраняють пространство между правымъ флангомъ румынъ и рѣкой Видъ.

6) Полки: 8-й Астраханскій и 9-й Казанскій драгунскіе, 9-й уланскій Бугскій и 9-й доноскай казачій, съ двумя конными батареями, подъ командой генералъ-майора Лашкарева, становятся на гривницко-булгаренскомъ шоссе, служа связью между 9-мъ корпусомъ и румынами.

7) 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи, съ конной батареей, подъ командой генералъ-майора Леонтьева, располагается лѣвѣе Радзыца, прикрывая лѣвый флангъ 4-го корпуса и держа ополки.

8) съ доноскай казачьей и Кавказской бригадами, подъ наблюденіе которыхъ оставляется плевно-ловчинское шоссе, до р. Вада.

9) Главный резервъ, состоящій изъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи, 20-го пѣхотнаго Галичскаго полка, трехъ 4-хъ-фунтовыхъ батарей пѣшей артиллеріи, 4-го Мариупольскаго и 9-го Кіевскаго гусарскихъ полковъ, при одной конной батарее, располагается къ западу отъ д. Пелишата, у перекрестка дорогъ гривницко-тученицкой и пелишато-плевненской.

дари императора. Между тѣмъ, сначала были слышны рѣдкіе пушечные выстрѣлы, которые потомъ затихли. Казалось, что турки прекратили огонь, и потому у нѣкоторыхъ, не безъ чувства досады, явилось даже предположеніе—не ушли ли они изъ Плевны, но вскорѣ оказалось, что это нѣтъ относить въ противную сторону звукъ выстрѣловъ. Не доходя Перадима, среди обширнаго ровнаго поля возвышается древній курганъ, на который вѣхали многія лица изъ свиты великаго князя, горя нетерпѣніемъ что-либо увидѣть, но горизонтъ впереди закрывался Сгалауцкою возвышенностію, на склонѣ которой видѣлся только саперный бивуакъ, а на гребнѣ нѣскольکو свѣже-насыпанныхъ ложементовъ да двѣ сигнальныя вѣхи и между ними два намогильные креста, подъ которыми погребены чугуевскіе уланы, павшіе 18-го іюля въ кавалерійской рубкѣ ротмистра Дзевульскаго съ черкесами. Въ продолженіе всей дороги встрѣчались по сторонамъ пути таборы болгаръ, услышавшихъ бѣжать изъ-подъ Плевны; а не доходя Перадима—все громадное поле было наполнено ихъ убогими пожитками, возами, буйволами, овцами и волами. Мужчинъ было очень мало—повсюду видѣлись однѣ лишь женщины и дѣти, сидѣвшія группами у своихъ возовъ или уныло бродившія около дороги. Эти бѣдняки успѣли на скорую руку захватить съ собою только самое необходимое, да и то не все, и видимо терпѣли теперь во многомъ крайнюю нужду. Мужчины, какъ говорятъ, болѣею частію рѣшились остаться дома, въ смутной надеждѣ, что въ виду русскихъ позицій авось-либо удастся имъ сберечь кое-какіе остатки своего хозяйства отъ грабежа черкесовъ, и обрекая самихъ себя на неизвѣстность, озабочились только объ отправкѣ женщинъ и дѣтей въ тылъ нашихъ боевыхъ позицій.

Когда поѣздъ главной квартиры выбрался на высоту за деревнею Сгалауцъ, выстрѣлы опять стали слышны весьма ясно, а вскорѣ изъ Гривницкой долины—которую надо было пересѣчь, чтобы взобраться на смежную правую возвышенность—открылась нѣкоторая часть нашей и турецкой позицій, но и тамъ, и здѣсь мѣстами видны были только бѣлые клубы нѣсколькихъ дымовъ, медленно подымавшихся въ небо. По этимъ дымамъ можно было приблизительно предполагать о пунктахъ расположенія батарей нашихъ и турецкихъ. Государь императоръ, въ одной коляскѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, изволилъ прибыть въ началѣ одиннадцатаго часа на помянутую высоту, лежащую вправо отъ Гривницкой долины, которая, составляя нашъ центръ, служитъ линіею раздѣла между нашими правымъ и лѣвымъ флангами. Въѣхавъ съ его величествомъ прибыли великій князь Алексѣй Александровичъ, министры двора и

военный, шефъ жандармовъ, свѣтлѣйшій князь Алекс. Арк. Суворовъ и многочисленная свита, въ числѣ которой находились англійскій военный агентъ г. Веллеслей и съ нимъ двое членовъ парламента, воспользовавшіеся канцелярскимъ временемъ для прогулки на театръ военныхъ дѣйствій и замѣтные въ толпѣ по своимъ каучуковымъ или пробковымъ шинкамъ съ бѣлыми повязками. Съ этой высоты открылся широкій видъ на нашъ лѣвый флангъ и на турецкія позиціи, лежащія противъ нашего центра; самый городъ Плевно совершенно скрытъ въ котловинѣ и видны только на вершинахъ холмовъ окружающіе его редуты, а еще далѣе на западъ—часть отлого поднимающихся возвышенностей, уже за рѣкою Видомъ. Кругозоръ всей этой картины хватаетъ верстъ на тридцать отъ одного края до другого.

Государь императоръ помѣстился на одномъ изъ наиболѣе удобныхъ пунктовъ помянутой высоты и, сидя на складномъ деревянномъ стулѣ, наблюдалъ въ бинокль за ходомъ артиллерійскаго боя. Выстрѣлы раздавались довольно рѣдко—отъ семи до десяти въ минуту—и въ тихомъ воздухѣ отчетливо было слышно то приближающееся, то удаляющееся шипѣніе гранатъ. Густые, бѣлые клубы отъ дѣльныхъ дымовъ безпрестанно выкатывались вверхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на всемъ протяженіи широкой картины, лежавшей передъ глазами, и вмѣстѣ съ ними то у противника, то у насъ извивались желтые столбы дыма и пыли, производимые разрывомъ снарядовъ. У лѣваго ската возвышенности, на которой присутствовалъ государь императоръ, пролегаетъ Гривицкая лощина, а за нею, на смежной возвышенности и почти на одной высотѣ съ мѣстомъ нахожденія его величества, стрѣляла наша осадная 8-ми орудійная батарея; расстояние отъ того до другого пункта было около полуторы версты. Правѣе, въ полуверстѣ, на склонѣ той возвышенности, гдѣ былъ государь, дѣйствовала одна изъ нашихъ полевыхъ 9-ти-фунтовыхъ батарей, отлично маскированная кустарникомъ. Она нисколько не страдала отъ непріятельскаго огня, благодаря тому, что нѣсколько выше ея, на мѣстѣ, болѣе открытомъ, оставлено было нѣсколько туровъ, на которые и цѣлили противникъ, вѣроятно, принимая ихъ за наше укрѣпленіе.

Впередъ, ввизу, видѣлась купа деревьевъ, обозначающихъ собою то мѣсто, гдѣ залегаетъ на склонѣ деревня Гривица, незамѣтная съ вершины. Если брать глазомъ правѣе этой купы, то верстахъ въ трехъ впереди ея замѣтна желто-песчаная гента плевно-рушукскаго шоссе, поднимающагося въ гору, на которой рядомъ съ шоссе, вправо, бѣлѣли палатки укрѣпленнаго турецкаго лагеря. Въ бинокль очень ясно различались тамъ даже отдѣльные

люди и всадники, видны были брустверы и ряды ложементовъ. На этотъ-то лагерь направлялись порою выстрѣлы соседней нашей (слѣва) осадной батареи. Рѣдкій изъ нихъ не былъ удачнымъ; большая часть снарядовъ ложилась у самого бруствера или въ ложементахъ, а нѣсколько гранатъ попали въ самый центръ расположенія турецкаго лагеря. Пока государь оставался на высотѣ, наши осадные снаряды произвели въ этомъ лагерѣ одинъ за другимъ три пожара. Видно было большое пламя, замѣчалась страшная суматоха между людьми, а когда дымъ разсѣялся, то оказалось, что турецкія палатки уже убраны, да и людей почти не было видно на всей лагерной площадкѣ.

Послѣ холодной закуски, наскоро приготовленной здѣсь же на полѣ, государь императоръ сѣлъ верхомъ и вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ изволилъ отправиться впередъ, къ правому нашему флангу, чтобы ближе рассмотреть позицію противника. Прибывшіе не задолго до сего князь Карлъ, генералъ Зотовъ и полковникъ Новицкій также отправились вмѣстѣ съ его величествомъ. Остальные же лица трехъ свитъ, представлявшіе собою слишкомъ значительную группу, на которую непріятель непремѣнно обратилъ бы вниманіе, по распоряженію великаго князя главнокомандующаго, остались на мѣстѣ, а государя императора, кромѣ помянутыхъ лицъ, сопровождали одна только дежурные адъютанты и ординарцы.

Спусти около часа, его величество возвратился на прежнее мѣсто, а къ этому времени на лѣвомъ флангѣ у насъ канонада стала гораздо оживленнѣе и вскорѣ оттуда привезено было печальное извѣстіе, что командиръ одной изъ батарей (четвертой влѣво отъ центра) 16-й артиллерійской бригады, полковникъ Гудимъ, убитъ гранатою, осколки которой ранили и двухъ его офицеровъ. Впрочемъ, общая потеря этого дня была у насъ не велика, причемъ отъ гранатнаго огня страдали преимущественно артиллеристы. Всѣ дѣйствія перваго дня ограничились одною оживленною канонадой, на которую турки отвѣчали весьма энергично и преимущественно спрашнелю, которая долетала въ воздухѣ надъ нашими батареями; обыкновенныя же гранаты турокъ нерѣдко давали значительный перелетъ и падали далеко за резервами, даже близъ перевязочныхъ пунктовъ и парковыхъ бивуаковъ. Расположеніе пѣхотныхъ частей, по возможности, было удобно, т. е. достаточно укрыто отъ взоровъ непріятеля. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости находились фонтаны или колоды, люди преспокойно варили обѣдъ на позиціи. Передъ вечеромъ государь императоръ и великій князь главнокомандующій отправились обратно въ Радывецъ.

LIII.

Третья Плевна.

День второй, 27-го августа.

Ночная канонада съ 26-го на 27-е августа.—Приказанія по Западному отряду на 27-е число.—Дѣйствія артиллеріи 27-го числа.—Дѣйствія крайняго лѣвофланговаго отряда.—Причины неудачи этихъ дѣйствій.—Дѣйствія за-видскаго отряда генералъ-майора Лашкарева.—Пребываніе государя императора и великаго князя главнокомандующаго на позиціи.—Донесенія этого дня, полученныя государемъ императоромъ и главнокомандующимъ.—Отѣздъ главныхъ квартиръ съ позиціи.—Ночныя перемалки съ 27-го на 28-е августа и ихъ причины.—Ночныя передвиженія артиллеріи и наши потери за 27-е число.

На позиціи передъ Плевной, 28-го августа.

Рѣдкая канонада съ обѣихъ сторонъ не прекращалась и ночью съ 26-го на 27-е августа, а на разсвѣтъ этого послѣдняго дня, послѣ часового затишья, возобновилась съ нашей стороны весьма энергически, и такимъ образомъ дѣло шло далѣе полудня. Особенно горячо дѣйствовали и наши, и турецкія орудія на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Приказанія по соединенному западному отряду, отданныя княземъ Карломъ Румынскимъ на 27-е число, заключались въ слѣдующемъ:

а) Артиллеріи ночью же приблизиться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ; ввезти на позиціи, если можно, нѣсколько 4 хъ-фунтовыхъ батарей и продолжать сильное обстрѣливаніе намѣченныхъ непріятельскихъ батарей и ложементовъ.

б) 3-й румынской дивизіи, къ разсвѣту 27-го августа, перейдя изъ Рыбина (Рибне) къ правому флангу 4-й румынской дивизіи, на высотѣ которой и занять боевое расположеніе, выдвинувъ на позицію свои батареи; а резервной румынской дивизіи передвинуться изъ Бреслянцы къ Вербицѣ, въпереди которой и стать въ резервный порядокъ, составляя общій резервъ 3-й и 4-й румынскихъ дивизій.

в) Кавалерія генералъ-майора Лашкарева, усиленная двумя полками каларашей (иррегулярная румынская кавалерія) и двумя полками рошіоровъ (гусаровъ), съ одною румынскою конною батареею,—двинуться черезъ Рыбинъ къ с. Дольному Дубняку, на софійское шоссе, въ тылъ непріятелю, чтобы смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями на его сообщенія затруднить, если не совсѣмъ прервать ихъ, а въ случаѣ, если бы непріятель покинулъ свой укрѣпленный плевненскій лагерь и началъ общее отступленіе,—тѣснить его и преслѣдовать.

д) Для дѣйствій же со стороны плевно-ловчинскаго шоссе, *откуда предполагается нанесеніе рѣшительнаго удара*,—отрядъ князя Имеретинскаго (16 батальоновъ, 76 орудій), имѣя во главѣ сильный авангардъ, подъ командою генерала Скобелева 2-го, въ ночь съ 26-го на

27-е августа, переходить отъ Тученицы на плевно-ловчинское шоссе, а 27-го, въ минуту, какую онъ признаетъ за болѣе благоприятную,—попытаются овладѣть вторымъ гребнемъ Зеленыхъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Плевны.

Эти приказанія были исполнены въ точности. Батареи вообще придвинулись къ непріятельскимъ позиціямъ на 800 саженъ, такъ что артиллеристы 4-го и 9-го корпусовъ вмѣстѣ съ румынами дѣйствовали по Гривницкому и центральнымъ редутамъ, а также и по прилегающимъ къ нимъ ложементамъ съ разстоянія отъ 600 до 700 саженъ. На этотъ разъ, къ гранатамъ мы присоединили и грашпель, направляя ее преимущественно на мѣста расположенія турецкихъ резервовъ, а также и на Гривницкій редутъ. Надо впрочемъ сказать, что всю работу разрушенія намъ пришлось на сегодня начинать рѣшительно сначала, такъ какъ непріятель за ночь успѣлъ исправить въ своихъ окопахъ всѣ поврежденія, нанесенныя ему наканунѣ, и встрѣтилъ нашу канонаду чрезвычайно бодрымъ, энергическимъ огнемъ, который сталъ нѣсколько ослабѣвать только въ третьемъ часу по-полудни, а прекратился къ началу сумерокъ. Въ бой было введено десять новыхъ батарей—пять нашихъ 9-ти-фунтовыхъ и пять румынскихъ 9-ти и 8-ми-сантиметровыхъ.

Задача нашего крайняго лѣвофланговаго отряда на нынѣшній день, какъ уже сказано, заключалась въ овладѣніи вторымъ гребнемъ Зеленыхъ высотъ. На разсвѣтъ, отрядъ князя Имеретинскаго, приблизясь по шоссе къ Рыжей горѣ, занялъ на ней позицію предъ Зелеными высотами. Надо было обезпечить расположеніе его батарей, размѣщенныхъ на той же горѣ, позади деревня Врестовецъ, а потому 3-му батальону Эстляндскаго полка было приказано занять эту деревню, что и исполнено безъ выстрѣла. Тогда генеральнаго штаба капитанъ Куронаткинъ приступилъ къ укрѣпленію нашей артиллерійской позиціи, подъ сильнымъ огнемъ Кришинскаго редута (Юнустъ-бей-табѣ), и въ насыпанныхъ, подъ его руководствомъ, ложементахъ расположилъ четыре дальнобойныя орудія, отбитыя у турокъ, и двѣ батареи (1-ю и 2-ю) 2-й артиллерійской бригады, всего 20 орудій, которыя открыли огонь по Зеленымъ высотамъ и Кришинскому редуту. Такимъ образомъ, артиллерійская подготовка атаки продолжалась до четвертаго часа дня, послѣ чего командиръ Калужскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Эльжановскій получилъ приказаніе атаковать второй гребень Зеленыхъ высотъ. Въ проводники ему былъ данъ художникъ Сергѣй Верещагинъ, еще раньше, въ качествѣ охотника, побывавшій на этихъ мѣстахъ и хорошо съ ними ознакомившійся. Эльжановскому было приказано «дойти до второго гребня и

ня шагу впередъ». Для этого въ первую линію были выдвинуты два батальона (2-й и 3-й) Калужскаго полка, а одинъ батальонъ (1-й) слѣдовалъ за ними въ видѣ частнаго резерва; въ общій же резервъ атакующихъ частей назначены девять ротъ Эстляндскаго полка ¹⁾).

Въ началѣ пятаго часа дня полковникъ Эльжановскій донесъ запиской генералу Скобелеву, командовавшему авангардомъ отряда князя Имеритинскаго, что онъ дошелъ до неприятельской цѣпи, которая открыла огонь въ пятистахъ шагахъ отъ нашей, и испрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній. Въслѣдствіе этого допесенія, дабы убѣдиться лично въ положеніи дѣла, генералъ Скобелевъ самъ поѣхалъ въ цѣпь, но достигнувъ второго гребня Зеленыхъ высотъ, уже не засталъ на немъ двухъ атакующихъ батальоновъ. Ему сообщили тамъ, что полковникъ Эльжановскій сильно контуженъ, въслѣдствіе чего былъ вынужденъ оставить строй, а батальоны по познанию частныхъ начальниковъ, которому вполнѣ соответствовалъ порывъ самихъ солдатъ, двинулись впередъ и атакуютъ третій гребень. Хотя эта часть турецкой позиціи была сильно занята неприятельской пѣхотой, тѣмъ не менѣе калужцы какъ-то сразу успѣли овладѣть третьимъ гребнемъ и, преслѣдуя противника сквозь виноградники, дошли почти до подношья сѣвернаго склона третьей высоты, а нѣсколько десятковъ человѣкъ перебѣжали по мостику лошину, по которой протекаетъ ручей, и взяли турецкіе ложементы, расположенные у подножія противулежащей высоты, на которой возвышаются, соединенные траншеей, два редута (Абдуль-бей-табѣ и Реджа-бей-табѣ). Турки какъ бы ошались отъ этой неожиданности, но увѣ!—не надолго... Къ нимъ быстро подошли подкрѣпленія,—пѣхота и кавалерія,—которыя, выйдя изъ Кришинскаго редута (Юнусъ-бей-табѣ), ударила на лѣвый флангъ калужцевъ. Оба редута открыли страшный, ужасающій ружейный огонь, который очевидцы сравниваютъ со сплошной огненной полосой, такъ что вскорѣ и редуты, и связующая ихъ траншея исчезли въ громадномъ столбѣ бѣлаго дыма, который въ безвѣтренномъ воздухѣ тихо подымался къ небу. Трескотня выстрѣловъ уже не было слышно; между ними не было ни малѣйшихъ промежутковъ, такъ что они уже не напоминали учащенную, мелкую дробь барабановъ, а слились въ одинъ общій, непрерывный ревъ ²⁾, и это длилось около двадцати минутъ, послѣ чего калужцы, тѣснимые не-

приятельской пѣхотой и кавалеріей со стороны своего лѣваго фланга, оставши взятые ими ложементы какъ по ту сторону лошины, такъ и на третьемъ гребнѣ, гдѣ стоялъ цѣпль лагерь шалашей, покинутыхъ турками въслѣдствіе нашего натиска. Мы пытались было поджечь эти шалашы, но они не загорѣлись. Отойдя къ южному скату третьяго гребня, калужцы временно приостановились. Въ это время турецкая пѣхота стала выходить изъ редутовъ и изъ связующей ихъ траншеи, занимая группами своихъ стрѣлковъ все пространство, попадаемое калужцами. Равнымъ образомъ, и противъ праваго фланга калужцевъ выдвинулись изъ Плевны турецкія пѣхотныя силы, которыя, наступая по ловчинскому шоссе, показывали намѣреніе обойти правый флангъ нашей передовой линіи. Замѣтивъ неудачу калужцевъ, генералъ Скобелевъ тотчасъ же приказалъ 3-му батальону этого полка развернуться между первымъ и вторымъ гребнями Зеленыхъ высотъ, тыломъ къ шоссе, и двгаться въ направленіи на Кришинскій редутъ съ цѣлью прикрыть отступленіе товарищей, тѣснимыхъ съ лѣваго своего фланга превосходящими силами турецкой пѣхоты и конницы. Кроме того, генералъ Скобелевъ послалъ и въ общій резервъ атакующаго отряда приказаніе, чтобы девять ротъ Эстляндскаго полка, какъ можно скорѣе, посѣщили къ мѣсту боя и стали пока на первомъ гребнѣ. Къ счастью, это распоряженіе было исполнено во-время. Помощь эстляндскихъ ротъ подошла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда 3-й батальонъ калужцевъ, пропустивъ передъ тѣмъ за свою линію отступавшихъ товарищей и принявъ на себя напоръ атакующихъ турокъ, долженъ былъ въ концѣ концовъ, уступая численному превосходству противника, отходить назадъ, гдѣ и присоединился къ девяти ротамъ Эстляндскаго полка. Тогда, совокупнымъ огнемъ всехъ этихъ частей, противникъ былъ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, а эстляндцы, въслѣдъ за нимъ, продвинулись впередъ и заняли второй гребень.

Къ сожалѣнію, наши батареи, расположенныя на Рыжей горѣ, безмолвствовали во все продолженіе описаннаго дѣла. Это произошло изъ опасенія попасть снарядами въ свои же войска, но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что усиленный огонь, хотя бы тѣхъ четырехъ дальнобойныхъ орудій, которыя были отбиты у турокъ, будучи направленъ на Юнусъ-бей-табѣ и на два южные редута, на много облегчилъ бы положеніе калужцевъ уже тѣмъ, что уменьшилъ бы огонь противника.

Донцы и владикавказцы, въ количествѣ 2¹/₂

¹⁾ 1-й батальонъ и четыре роты 2-го батальона, потому что 2-я стрѣлковая рота, вмѣстѣ съ 3-мъ батальономъ Эстляндскаго полка, занимала деревню Брестовецъ.

²⁾ Корреспондентъ газеты „Daily News“, наблюдавшій это дѣло съ восточной стороны Тученицкаго оврага, по возможности, въ ближайшемъ къ нему разстояніи, говорилъ, что ревъ

этого огня былъ ужасенъ, что онъ не помнитъ ничего подобнаго ни въ одномъ изъ видѣнныхъ имъ сраженій.

сотенъ ¹⁾), успѣли оказать дѣятельную помощь отступавшимъ калужцамъ, въ томъ отношеніи, что не позволяли турецкимъ всадникамъ охватывать ихъ лѣвый флангъ и кидаться на стрѣлковыя кучки; а кромѣ того они же намного помогли санитарамъ при уборкѣ съ поля сраженія раненныхъ.

И такъ, первую линію на второмъ гребнѣ составилъ Эстляндскій полкъ, усиленный двумя стрѣлковыми батальонами (9-мъ и 10-мъ), подъ прикрытіемъ которыхъ получилась возможность подобрать всѣхъ нашихъ раненныхъ. Въ два часа ночи Скобелевъ получилъ увѣдомленіе, что атака Плевны отложена до 30-го августа. Тогда, принявъ во вниманіе крайнюю недостаточность шанцеваго инструмента въ своемъ отрядѣ, вслѣдствіе чего люди не имѣли возможности своевременно и надлежащимъ образомъ окопаться на занятой ими позиціи и были бы вынуждены въ теченіе двухъ сутокъ нести большія и совершенно напрасныя потери, преимущественно отъ огня Кришнискаго редута, генераль Скобелевъ отвелъ войска передовой линіи на первый гребень Зеленыхъ горъ, гдѣ, на случай перехода непріятеля въ наступленіе, занялъ выгодную позицію, къ востоку отъ плевно-ловчинскаго шоссе, которая простиралась до Тученицкаго оврага. Несмотря на утомленіе войскъ, тотчасъ же было приступлено къ ея укрѣпленію двумя рядами глубокихъ ложементовъ, расположенныхъ такъ, что они могутъ давать хорошій обстрѣлъ впередилежащей мѣстности, представляющей собой родъ эспланады. Работы Скобелева въ теченіе этой ночи были окончены, не будучи тревожимы непріятелемъ. Между особенно отличившимися лицами, генераль Скобелевъ называетъ полковника Эльжановскаго, генеральнаго штаба капитана Куропаткина, оказавшаго, по словамъ генерала, въ этотъ день неоцѣнимыя услуги ²⁾, и художника Сергія Верещагина, который добровольно принялъ на себя обязанности орудийщика.

Этотъ день стоить отряду князя Имеретинскаго потери до 900 человекъ, изъ коихъ до 700 человекъ пришлось на долю одного только Калужскаго полка, который, несмотря на такую убыль, былъ собранъ офицерами штаба генерала Скобелева, приведенъ въ порядокъ еще на передовой позиціи и отведенъ на общую позицію отряда съ пѣснями.

Кровавую неудачу Калужскаго полка генераль Скобелевъ съ рѣдкимъ прямосердечнымъ

сознаніемъ, приписываетъ самому себѣ, т. е. тому именно обстоятельству, что предъ началомъ атаки онъ не вполне ясно сдѣлалъ оцѣнку свойствъ мѣстности и непріятельскаго расположенія, значительно измѣнишагося послѣ боя 18-го іюля, когда на южномъ фронтѣ у турокъ не было ровно никакихъ укрѣпленій, а теперь возникло уже нѣсколько сильныхъ редутовъ, не считая траншей и ложементовъ. Ошибка, по сознанію самого Скобелева, заключалась въ недостаточно сильныхъ резервахъ за лѣвымъ флангомъ наступленія. Кромѣ того, на неудачный исходъ атаки, быть можетъ, повлияло и то, что полковникъ Эльжановскій, столь молодецки ведшій наступленіе своего полка, слишкомъ рано долженъ былъ оставить фронтъ по причинѣ тяжелой контузіи. Но сверхъ всего этого, надо сказать, что атака, именно въ силу послѣдней случайности, т. е. выбитія изъ строя полковника Эльжановскаго, самовольно перешла за черту указанной ей цѣли: приказано было овладѣть *только вторымъ гребнемъ* Зеленыхъ высотъ, а не третьимъ, и еще менѣе цѣль дѣйствій нынѣшняго дня могла простираться на оба редута. Атака третьяго гребня началась уже въ пять часовъ пополудни, т. е. слишкомъ поздно для того, чтобы можно было серьезно рассчитывать на прочный успѣхъ при штурмѣ редутовъ. Генераль Скобелевъ въ этомъ не виноватъ, такъ какъ, прибывъ на второй гребень Зеленыхъ высотъ, онъ уже не засталъ на немъ двухъ калужскихъ батальоновъ, кинувшихся въ дальѣйшую атаку только по почину своихъ ближайшихъ частныхъ начальниковъ, такъ что возвращать ихъ назадъ было крайне трудно.

Дабы окружить Плевну со всѣхъ сторонъ и чрезъ то пресѣчь Осману-пашѣ сообщеніе съ Софіей и Раховымъ, былъ посланъ еще 26-го августа на лѣвую сторону Вида, въ тылъ Плевны, особый кавалерійскій отрядъ, составленный изъ войскъ нашихъ и румынскихъ и отданный подъ начальство генераль-майору Лашкареву ³⁾. Отрядъ этотъ около полудня 27-го числа прибылъ на софійское шоссе къ деревнѣ Дольнему Дубняку и занялъ боевую позицію фронтомъ къ р. Виду и къ городу Плевнѣ, такимъ образомъ, что его лѣвый флангъ (бригада рошіоровъ) примкнулъ къ дер. Дольнему Митрополю (она же Нетрополь). Аванпосты этого отряда заняли пространство впереди Дольняго Митрополя къ рѣкѣ Виду, и отсюда, вдоль рѣки, протянулись черезъ шоссе къ югу отъ Дольняго Дубняка и по высотамъ до Дубняка Горнаго, а къ сторонѣ Софіи и къ Ра-

¹⁾ 6-я сотня 26-го Донскаго полка, полусотня 3-й сотни 21-го Донскаго полка и 2-я сотня Владикавказско-Осетинскаго полка, подъ общимъ начальствомъ войскового старшины Семирѣченскаго казачьяго войска барона Штакельберга.

²⁾ Капитанъ Куропаткинъ, георгіевскій кавалеръ офицерскаго креста, сподвижникъ генерала Скобелева по туркестанскимъ экспедиціямъ.

³⁾ Въ составъ этого отряда вошли полки: Казанскій и Астраханскій драгунскіе, Бугскій уланскій, Донской казачій № 9-го, 16-я конная и 4-я донская батареи, два полка румынскихъ рошіоровъ и два полка каларашей съ одной конной батареей.

хову были выставлены особые пикеты и посланы достаточно сильные разведки. Генералъ Лашкаревъ, осматривая положеніе непріятеля предъ занятой имъ позиціей, убѣдился, что турки по лѣвую сторону Вида у софійскаго шоссе имѣютъ замостное укрѣпленіе на четыре орудія, въ пространствѣ же между мостомъ и деревней Плазивасъ (выше по Вида)—еще одну батарею на три орудія, которая можетъ обстрѣливать все пространство вправо ¹⁾, а около трехъ верстъ ниже по теченію Вида, не доходя другого моста, что ведетъ къ деревнѣ Опопецъ ²⁾, еще одну батарею, въ которой впрочемъ оставалось только одно орудіе. Судить же о количествѣ силъ непріятеля въ данныхъ пунктахъ было невозможно, такъ какъ онъ доселѣ ихъ не обнаруживалъ. Но эта неопредѣленность продолжалась недолго: въ тотъ же день (27-го августа), въ четвертомъ часу пополудни, непріятель выдвинулъ въ поле противъ генерала Лашкарева три батальона пѣхоты съ тремя кавалерійскими полками, гдѣ были черкесы и арнауты, отличавшіеся своимъ бѣлымъ костюмомъ, и подъ покровительствомъ огня поманутыхъ выше прибрежныхъ батарей началъ наступленіе на лѣвый флангъ отряда, гдѣ стояли румынскіе рошіоры, и на бугскихъ уланы, занимавшихъ здѣсь линію аванпостовъ. Уланы и рошіоры открыли огонь, который былъ поддержанъ нашей артиллеріей, и тѣмъ самымъ заставили противника приостановиться. Пользуясь этимъ моментомъ, уланы въ конномъ строю стремительно ударили на турокъ, положили въ атаку до ста турецкихъ всадниковъ и къ шести часамъ вечера заставили отступить турокъ, которые, впрочемъ, спустя часъ времени, снова начали наступленіе еще въ бо́льшихъ силахъ; но и эта вторая попытка была остановлена удачнымъ огнемъ нашей конной артиллеріи, такъ что къ ночи турки вынуждены были отступить вторично—и затѣмъ въ отрядѣ генерала Лашкарева вся ночь прошла спокойно. Въ русской части этого отряда потери были не велики, а именно: бугскіе уланы потеряли убитыми трехъ нижнихъ чиновъ и 7 лошадей, а ранеными 8 нижнихъ чиновъ и 17 лошадей; у казаковъ № 9-го полка ранены одинъ человекъ и одна лошадь, а въ донской батарее убиты одна и ранено четыре лошади. За весь день выпущено патроновъ: уланами 2,659, у казаковъ 2,720, а въ артиллеріи 40 обыкновенныхъ и 32 картечныхъ гранаты. Во время этого дѣла генералъ Лашкаревъ получилъ свѣдѣніе, оказавшееся потомъ ложнымъ, будто бы въ тылу у него, со стороны Софіи, показался довольно значительный лагерь—приблизительно на тысячу человекъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы. Для проверки этого свѣдѣнія,

вслубъ на софійское шоссе были направлены двѣ казачьи сотни, которые никакого лагеря не нашли, но вмѣсто того наткнулись на отрядъ черкесовъ и башкибузукъ и имѣли съ ними удачную стычку при деревнѣ Горный Дубнякъ, гдѣ и отбито ими у черкесовъ до трехсотъ головъ рогатаго скота ³⁾. Въ этой стычкѣ у насъ убитъ одинъ казакъ, а другой раненъ въ руку.

Около трехъ часовъ пополудни его императорское величество съ великимъ княземъ главнокомандующимъ изволили прибыть на ту высоту, гдѣ они присутствовали вчера, и на нынѣшній разъ оставались на ней до начала седьмого часа вечера, когда въ отрядѣ князя Имеретинскаго шелъ упорный бой на Зеленыхъ высотахъ. Время въ бою летитъ незамѣтно: вниманіе наблюдателя постоянно приковано къ происходящему впереди, гдѣ каждый отдѣльный эпизодъ—на сколько можно слѣдить за нимъ въ общей картинѣ—всегда бываетъ исполненъ живѣйшаго интереса. Въ четвертомъ часу дня съ «Императорскаго холма» (такъ это мѣсто было названо русскими войсками) можно было слѣдить, какъ на лѣвомъ флагѣ, у генерала Скобелева, идетъ стрѣлковое дѣло: сначала линія ружейнаго дыма его цѣли видимо подвигалась впередъ; порой она приостанавливалась на нѣкоторое время, а затѣмъ опять впередъ и впередъ, къ высотѣ, занятой турками. Повидимому, можно было разсчитывать, что бой идетъ тамъ успешно, но вотъ, взаимный огонь противниковъ дошелъ до высшей степени напряженнаго развитія, послѣ чего, минутъ двадцать спустя, линія нашихъ дымовъ стала подаваться назадъ, все болѣе и болѣе уступая покидаемымъ мѣстамъ туркамъ, наступленіе которыхъ точно также было замѣтно по непрерывной линіи надвигающагося дыма. Въ это-же самое время турецкіе прапорики стали лопатиться въ воздухъ правѣе и не вдалекѣ отъ высоты, на которой находился государь императоръ; эти снаряды направлялись противъ нашей батареи, маскированной кустами, о чемъ упоминалось выше, и нѣсколько пуль пролетѣло надъ группою императорской свиты. Вскорѣ послѣ этого великій князь главнокомандующій, сидѣвшій на бугоркѣ рядомъ съ государемъ и наблюдавшій въ бинокль за ходомъ дѣла, замѣтилъ, что напимъ снарядомъ взорвало въ турецкомъ редутѣ, лежащемъ лѣвѣе-границкаго шоссе, либо ящикъ зарядный, либо небольшой погребъ, и дѣйствительно, надъ редуткомъ поднялся густой бѣлый дымъ и принялъ ту форму (грибкомъ), которая служитъ обыкновеннымъ признакомъ подобныхъ взрывовъ.

Въ 6 часовъ и 10 минутъ прискакали по-

¹⁾ Т. е. вправо отъ праваго фланга отряда ген. Лашкарева.

²⁾ Лежащей на правомъ берегу Вида.

³⁾ Въ тотъ же день, но еще раньше этой стычки, и на томъ же шоссе нашъ развѣдочный отрядъ также отбилъ у башкибузукъ до 400 головъ рогатаго скота.

сланный съ порученіемъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Мейендорфъ и доложилъ его величеству, что батареи 9-го корпуса, выдвинутыя впередъ еще съ утра, продолжаютъ энергически дѣйствовать по редутамъ; что команды, составленныя изъ охотниковъ, пошли уже въ демонстративную атаку, для развлеченія силъ противника, чтобы не дать ему возможности сосредоточиваться противъ отряда князя Имеретинскаго, и что турки начинаютъ убирать изъ редутовъ на волахъ свои орудія, а баронъ Криденеръ стянулъ, на случай надобности, свои войска и готовъ поддержать наступленіе князя Имеретинскаго.

По отъѣздѣ государя императора съ позиціи, въ 6¼ часовъ вечера, прибылъ ординарецъ главнокомандующаго, штабсъ-капитанъ Андріевскій, съ извѣстіемъ, что деревня Гривиды занята Коваловскимъ пѣхотнымъ полкомъ и что маршевая команда, только-что прибывшая изъ Россіи на пополненіе сего полка, прямо вошла въ означенную деревню.

Еще позднѣе было получено извѣстіе и отъ князя Имеретинскаго, который доносилъ, что къ концу боя, т. е. около шести часовъ вечера, занялъ частію своего отряда двѣ высоты, лежащія близъ плевно-ловинскаго шоссе, передъ его фронтомъ, чрезъ что получила возможность обстрѣливать южныя укрѣпленія Плевны; третья-же высота осталась нейтральною ¹⁾.

Всѣ мѣста, занятые нашими батареями, предположено было окопать въ эту же ночь.

Въ сумерки великій князь отправился на ночлегъ въ деревню Порадимъ. Здѣсь, въ одиннадцать часовъ ночи, вдругъ послышались въ сторонѣ Плевны частые выстрѣлы и дробь ружейной перестрѣлки. На горизонтѣ безпрестанно вспыхивали слабыя молніи артиллерійскаго огня, но минутъ черезъ двадцать ружейная пальба затихла и спокойствіе темной ночи поврежнему сопровождалось только рѣдкими выстрѣлами орудій. На утро разъяснилась причина: турки, занимавшіе Гривидскій редутъ, замѣтили въ румынскихъ войскахъ передвиженіе какой-то колонны и приняли его за атаку, а потому и открыли усиленный артиллерійскій и стрѣлковый огонь со всѣхъ четырехъ фасовъ редута. Съ наступленіемъ темноты, одна изъ нашихъ осадныхъ батарей (осмы-орудійная) была передвинута еще ближе къ турецкой позиціи, специально для обстрѣливанія укрѣпленнаго лагеря, который

опять выставилъ на прежнемъ мѣстѣ свои палатки, убранныя было послѣ пожара, произведеннаго вчера нашею гранатою. Потери наши за 27-е августа, исключая отрядъ князя Имеретинскаго, оказались не велики: въ 9-мъ корпусѣ убиты почти не было, а въ 4-мъ корпусѣ болѣе другихъ пострадали артиллеристы.

LIV.

Третья Плевна.

День третій, 28-го августа.

Ночная канонада и передвиженіе 8-ми-орудійной осадной батареи — Атаки турокъ противъ позиціи генерала Скобелева. — Пребываніе государя императора на позиціи 28-го августа. — Румынская рекогносцировка Гривидскаго редута. — Смерть артиллерійскихъ офицеровъ Гука и Иванова. — Дѣйствія генерала Лашкарева за Видомъ. — Ночныя тревоги у турокъ.

На позиціи передъ Плевной, 28-го августа.

Ночью непріятель насъ не тревожилъ и не отвѣчалъ на рѣдкіе выстрѣлы нашихъ орудій, изъ которыхъ мы производили пальбу по заранѣ намѣченнымъ прицѣламъ, для того чтобы мѣшать туркамъ исправлять поврежденія въ редутахъ, нанесенныя въ теченіе дня нашими снарядами. Кромѣ того, 8-ми-орудійная осадная батарея, стрѣлявшая преимущественно по Гривидскому редуту, была переведена, ночью же, на другое мѣсто, въ участокъ 4-го корпуса, для дѣйствій по центральнымъ укрѣпленіямъ, такъ какъ Гривидскій редутъ былъ сочтенъ уже достаточно поврежденнымъ, да и орудія его почти совсѣмъ умолкли къ вечеру 27-го.

Непріятель, видимо, догадывался, откуда мы намѣреваемся нанести ему главный ударъ, и такъ какъ южная его позиція, несмотря на возведенныя на ней укрѣпленія, все же была нѣсколько слабѣе прочихъ, то турки и попытались вырвать у генерала Скобелева занятый имъ первый гребень Зеленыхъ горъ. Съ этою цѣлью, въ пять часовъ утра 28-го августа, они въ значительныхъ массахъ, отъ 6-ти до 10-ти таборовъ, появились на второмъ гребнѣ противъ центра Скобелевскаго расположенія, т. е. противъ Брестовца и той позиціи, что протянулась за ночь къ востоку отъ шоссе до Туценцакаго оврага, и стали спускаться съ гребня. Сильный ружейный и артиллерійскій огонь 28-ми орудій ¹⁾ заставилъ ихъ приостановиться и разсыпать цѣпь, которая начала горячую перепалку съ нашими ложементами. 5-я батарея 2-й артиллерійской бригады вынеслась было на близкое разстояніе къ противнику, но не успѣла сдѣлать ничего существеннаго, такъ какъ въ нѣсколько минутъ у нея было перебито нѣсколько лошадей и часть прислуги,

¹⁾ Какъ уже извѣстно, генералъ Скобелевъ, вслѣдствіе извѣстія, что атака отложена до 30-го числа, отвѣлъ ночью свою передовую линію со второго гребня на первый, такъ что весь его бой 27-го августа, собственно говоря, сыгранъ въ ничью и до своихъ послѣдствій былъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для насъ, потому что новый успѣхъ турокъ придавъ имъ еще болѣе бодрости и увѣренности въ своихъ силахъ, по это уже не вина Скобелева.

¹⁾ 1-я, 2-я, 3-я батареи 2-й артиллерійской бригады и дальнѣбойной стальной (турецкой) полубатареи.

вслѣдствіе чего пришлось отозвать ее назадъ, на позицію. Несмотря на этотъ успѣхъ, противникъ все же долженъ былъ отступить, въ началѣ седьмого часа утра, вынужденный къ тому огнемъ орудій и двухъ батальоновъ Эстляндскаго полка.

Въ семь часовъ утра турки повторили попытку атаки, избравъ для этого уже правый флангъ расположенія Скобелевскаго отряда. Встрѣченные залпами, они залегли въ виноградникахъ и открыли сильнѣйшій огонь, пока не подошли къ нимъ свѣжія части. Тогда они снова кинулись въ атаку и снова были отбиты залпами эстляндскихъ ротъ. Они уже подошли къ нашимъ ложементамъ на разстояніе не болѣе 60-ти шаговъ и, вообще, вели атаку столь настойчиво, что Скобелеву пришлось, наконецъ, ввести въ дѣло часть своихъ резервовъ. Для этого онъ вызвалъ впередъ двѣ роты 10-го стрѣлковаго батальона. Въ это самое время, позади первой линіи наступающихъ турокъ, въ лоциникѣ, гдѣ стояли ихъ резервы съ патронными ящиками и куда опускалась, подвѣзжавшая какъ разъ въ эту минуту, турецкая полевая батарея, раздался взрывъ, явленіе котораго сопровождалось страшнымъ трескомъ и громаднымъ грибообразнымъ столбомъ дыма. Это было ровно въ 7 часовъ и 20 минутъ утра. Оказалось потомъ, что одна изъ нашихъ гранатъ, направленныхъ въ лоцину по турецкимъ резервамъ, попала въ артиллерійскій зарядный ящикъ. Сила взрыва была столь велика, что разбила въ дребезги всѣ сохвѣдніе патронные ящики, разметавъ по лоциникѣ громадное количество металлическихъ патроновъ. Наша линія, въ виду этого зрѣлища, крикнула торжествующее «ура», причемъ двѣ роты стрѣлковъ 10-го батальона, подъ начальствомъ капитана Гиберъ-фонъ-Грейфенфельда, съ нашего праваго фланга тотчасъ же бросились впередъ, ударили въ лѣвый флангъ турокъ и быстро отбросили ихъ за второй гребень Зеленыхъ горъ, увлекшись сами преслѣдованіемъ до такой степени, что ихъ едва успѣли съ большимъ трудомъ оттянуть назадъ со второго гребня. Возвращаясь въ свои ложементы, стрѣлки видѣли въ лоциникѣ слѣды столь счастливаго для насъ взрыва. Въ десятую часу утра все дѣло было уже окончено. Нашими дѣйствіями руководилъ при этомъ командиръ Эстляндскаго полка полковникъ Головянъ, при помощи капитана Куропаткина. Понеся вторичную неудачу, турки въ теченіе дня 28-го августа уже не возобновляли попытокъ противъ позиціи генерала Скобелева, который, однако, въ виду возможности новыхъ атакъ, усилилъ свое расположеніе нѣсколькими частями изъ резерва.

Къ восьми часамъ утра прибыли на позицію государь императоръ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ и расположились на вче-

рашнемъ мѣстѣ. Прошелъ было слухъ, что батарея № 3-й (изъ числа правофланговыхъ) сильно подвергается ружейному огню, и потому къ ней былъ посланъ свиты его величества генералъ-майоръ Струковъ—узнать, откуда этотъ огонь направляется. Къ девяти часамъ утра Струковъ возвратился и доложилъ, что слухъ о ружейномъ огнѣ неоснователенъ, но что батарея № 3-й выдвинулась впередъ на 300 сажень и что на крайнемъ правомъ флангѣ, у румынъ, тоже выдвинута впередъ одна батарея, которая и въ настоящую минуту, не смотря на полный дневной свѣтъ, складывается румынами изъ свѣжаго дерна, подъ артиллерійскими выстрѣлами неприятеля. Въ это же время было доложено, что Козловскій пѣхотный полкъ, по распоряженію начальника 31-й пѣхотной дивизіи, генерала Вельяминова, выведенъ изъ деревни Гривницы, такъ какъ мѣстность въ ней слишкомъ пересѣченная, мѣшающая совокупности дѣйствій, и поставленъ внизу, въ лоциникѣ, гдѣ онъ тѣмъ не менѣе можетъ считать обладаніе Гривницею столь же обезпеченнымъ, какъ если бы стоялъ и въ самой деревнѣ.

Румыны въ этотъ день произвели очень смѣлую и успѣшную рекогносцировку Гривницкаго редута, который встрѣтилъ ихъ горячимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но вскорѣ вынужденъ былъ замолчать, вслѣдствіе сосредоточеннаго дѣйствія нашихъ и румынскихъ орудій, наведенныхъ на него съ разныхъ пунктовъ. Потери наши и на нынѣшній день были незначительны. Замѣчательна, между прочимъ, смерть двухъ офицеровъ 3-й батареи 5-й артиллерійской бригады, штабсъ-капитана Гукора и поручика Иванова, убитыхъ около полудня. Въ обществѣ четырехъ своихъ сотоварищей присѣли они за брустверомъ позавтракать. Трое изъ офицеровъ, окончивъ закуску, отошли отъ этого мѣста прочь, къ своимъ взводамъ, а Гукоръ съ Ивановымъ и еще одинъ офицеръ остались заканчивать холодное мясо. Вдругъ среди ихъ кружка падаетъ и рвется неприятельская граната. Гукоръ и Ивановъ были убиты на мѣстѣ однимъ и тѣмъ же осколкомъ, оба въ голову и почти въ одно и то же мѣсто темени; третій сотоварищъ ихъ отдѣлался весьма счастливо—его только обсыпало землею и контузило.

Въ тылу Плевны, въ кавалерійскомъ отрядѣ генералъ-майора Лашкарева, 28-ое августа тоже не прошло въ бездѣйствіи. Въ четвертомъ часу дня турки, по вчерашнему, начали наступленіе противъ его лѣваго фланга, на румынскихъ рошюровъ, но на этотъ разъ уже въ значительно большихъ силахъ пѣхоты и конницы, которымъ и удалось отбѣснить нѣсколько румынскіе эскадроны. Тогда генералъ Лашкаревъ сумѣлъ искусно направить во флангъ неприятелю одинъ эскадронъ астраханскихъ драгунъ съ двумя орудіями, коихъ неожиданное и смѣлое появле-

ние тотчас же заставило турок очистить позицию. Но затѣмъ, въ шесть часовъ вечера, они опять начали наступление на нашъ правый флангъ, гдѣ теперь стояли бугскіе уланы. Эта вторичная попытка окончилась перестрѣлкою обѣихъ цѣпей по всей линіи, во время чего былъ контуженъ Казанскаго драгунскаго полка прапорщикъ Бакѣвъ и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ и лошадей. Къ закату солнца турки отошли назадъ, и ночь за Видомъ опять прошла совершенно спокойно. Въ эту ночь нѣсколько болгаръ, которымъ удалось пробраться тайкомъ изъ Плевны, сказывали генералу Лашкареву, что нѣкоторые части регулярныхъ турецкихъ войскъ уходятъ мелкими партіями вверхъ по Виду, къ Балканамъ, и что турки ежедневно собираютъ въ городъ по пятисотъ болгаръ, которыхъ заставляютъ по ночамъ исправлять поврежденія, наносимыя ихъ укрѣпленіямъ, и хоронить убитыхъ.

Въ ночь на 29-е число снова была сильная канонада и ружейная пальба, поднятая турками безъ всякаго повода съ нашей стороны. Эта пальба только показала намъ, въ какомъ напряженномъ состояніи находится нашъ противникъ и какъ онъ боится малѣйшаго, даже воображаемаго намека на ночную атаку. Съ нашей стороны въ теченіе ночи поддерживалась только рѣдкая канонада, съ цѣлю мѣшать туркамъ дѣлать исправленія въ поврежденныхъ нами брустверахъ и амбразурахъ.

LV.

Третья Плевна.

День четвертый, 29-го августа.

Турки даютъ намъ предостереженіе.—Умѣние ихъ укрываться.—Атаковать или бомбардировать?—Задача дѣла, по мысли генерала Зотова.—Приказаніе атаковать 29-го числа третій гребень Зеленыхъ горъ.—Приказъ генерала Скобелева.—Овлажденіе вторымъ гребнемъ.—Канонада 29-го августа.—Великій князь главнокомандующій объѣзжаетъ позицію.—Наблюденія съ „Императорскаго холма“.—Извѣстіе объ овладѣніи командующей высотой на южномъ фронтѣ.—Телеграмма о томъ же князя Имеретинскаго.—Рѣкое замѣненіе погоды.—Недостатокъ у насъ артиллерійскихъ снарядовъ и вытекшая изъ этого необходимость безотлагательнаго штурма.—Диспозиція на 30-е августа.

На позицію передъ Плевной, 30-го августа.

Упорное сопротивленіе, встрѣченное Скобелевымъ 27-го числа, и двукратная атака турокъ на его позицію 28-го показали уже не по слухамъ, а на дѣлѣ, что Османъ-паша дѣйствительно обладаетъ весьма и весьма значительными силами, съ которыми, принимая въ соображеніе наличное количество русскихъ силъ и уже доказанную способность турокъ къ оборонѣ за земляными закрытіями, приходится считать крайне осторожно. На всѣхъ остальныхъ позиціяхъ, кромѣ Скобелевской, въ теченіе всего

дня 28-го августа, людямъ, наблюдавшимъ въ бинокли за противникомъ, неоднократно приходилось въ недоумѣніи задаваться вопросомъ: гдѣ же, наконецъ, турки? гдѣ они скрываются? Видны были одни только артиллеристы, возвышавшіеся около орудій; пѣхота же словно бы вовсе исчезла; лагерь казался опустѣлымъ, въ ложементахъ—ни малѣйшаго признака движенія. Хотя послѣ полудня 28-го числа наша канонада значительно усилилась, но увѣ—все мало-помалу начинали приходиться къ печальному убѣжденію, что вредъ, наносимый ею, пока еще далеко не столь существененъ, какъ думалось вначалѣ. Турки, повидимому, куда-то запрятались, укрываясь очень хорошо отъ нашего огня и за ночь отлично исправляютъ все, что мы разрушимъ у нихъ за день. Это обстоятельство весьма многихъ побуждало склоняться въ пользу немедленной атаки. Но съ другой стороны, принимая въ соображеніе, что наступленіе турокъ на Скобелева, хотя и не успѣшное, но существенное при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Османъ-паша, обремененный кавалеріею съ тыла и тѣснимый съ фронта и фланговъ, указывало на крупную значительность его силъ,—генералъ Зотовъ пришелъ къ заключенію о необходимости неособенно торопиться атакою его укрѣпленнаго лагеря и терпѣливо предоставить работу артиллеріи еще день, два, три. Онъ предполагалъ, что если противникъ и не несетъ отъ артиллерійскаго огня видимо существенныхъ потерь и успѣваетъ по ночамъ исправлять у себя поврежденія, то все же артиллерійскій огонь хотя и медленно, а ведетъ таки къ цѣли, поддерживая нравственный истомленіе и продолжая дѣло постепеннаго матеріальнаго разстройства обороняющагося. Задача предварительнаго дѣла, по мысли генерала Зотова, состояла въ томъ, чтобы съ каждою ночью все болѣе и болѣе облагивать наши позиціи съ противникомъ, окапываясь въ нихъ до наступленія разсвѣта, и такимъ образомъ сокращать до наивозможнаго minimum'a то разстояніе, которое неизбежно придется открыто перебѣгать подъ огнемъ нашихъ атакующихъ частямъ, до момента штыковой работы. Предполагая нанести главный рѣшительный ударъ съ южной стороны, генералъ Зотовъ, одновременно съ распоряженіемъ о подведеніи батарей, гдѣ позволяла мѣстность, еще ближе къ неприятелю, озабочивался также и сокращеніемъ разстоянія между противниками въ главномъ предполагаемомъ пунктѣ атаки и съ этою цѣлю послалъ князю Имеретинскому приказаніе овладѣть третьимъ краемъ Зеленыхъ горъ. Князь Имеретинскій, въ часъ по-полуночи съ 28-го на 29-е августа, извѣстилъ объ этомъ генерала Скобелева слѣдующею запискою: «Генералъ-лейтенантъ Зотовъ приказалъ: сегодня, 29-го августа, овладѣть высотой, командующею Плевною съ южной стороны. Генералъ Зотовъ име-

нуеть эту высоту третьимъ гребнемъ. Для атаки этой высоты назначаются въ ваше распоряжение: 2-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи, 9-й и 10-й стрѣлковыя батальоны, 1-я, 2-я и 3-я батареи 2-й артиллерійской бригады, 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады. Для усиленія вѣст, въ случаѣ надобности, назначены въ ваше распоряжение 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, которой предписано перейти съ разсвѣтомъ черезъ Тученицкій оврагъ на высоту моего праваго фланга. Войска генералъ-майора Добровольскаго стануть позади дер. Брестовецъ».

Исполненіе этого предписанія не доставило генералу Скобелеву никакихъ особенныхъ хлопотъ, такъ какъ онъ, еще заранѣе предвидя, что ему каждый часъ можетъ представиться необходимость атаковать Зеленныя высоты, отдалъ по ввѣренному ему отряду надлежащій приказъ ⁴⁾ и утромъ 29-го числа двинулъ Эстляндскій полкъ, при поддержкѣ его 9-мъ стрѣлковымъ батальономъ, для предварительнаго овладѣнія вторымъ гребнемъ. Такъ какъ второй гребень былъ занятъ турками весьма слабо, то генералъ Скобелевъ занялъ его почти безъ потерь, послѣ незначительной перестрѣлки, и тотчасъ же приступилъ къ усиленію его окопами, выдвинувъ къ сторонѣ Кришинскаго редута батарею на лѣвомъ флангѣ, подъ угломъ къ своему фронту.

29-го августа, въ пять часовъ утра, канонада возобновилась съ прежней энергіей, и

такимъ образомъ въ теченіе пѣлаго дня мы продолжали усиленное обстрѣливаніе позицій противника и въ особенности его южныхъ укрѣпленій, какъ изъ осадныхъ орудій, такъ и полевыми батареями. Великій князь главнокомандующій, сѣявшій съ порадмесскаго ночлега въ девять часовъ утра, на этотъ разъ направился къ центральной осадной батарее, а оттуда прослѣдовалъ на нашъ лѣвый флангъ со всею своею свитой. При подъемѣ изъ долины, которую пришлось пересѣчь, предъ великимъ княземъ открылась впереди, на склонѣ только-что пройденной возвышенности, деревенька Радишево. Турки, замѣтивъ движеніе большой свиты и конвойнаго дивизиона лейбъ-казаковъ, въ тотъ моментъ, когда они, будучи совсѣмъ на виду, спускались въ упомянутую долину, стали пускать въ этомъ направленіи свои снаряды, которые почти всею ложились въ серединѣ самой деревни и зажгли ее съ первыхъ же выстрѣловъ. Между тѣмъ главнокомандующій, продолжая осматривать лѣвофланговыхъ позицій, выбрался изъ долины и поднялся на противоположную возвышенность, извѣстную у насъ, вмѣстѣ съ сосѣдними ей, подъ общимъ именемъ «Радишевскихъ высотъ». На этой послѣдней возвышенности мѣстность представила совершенно открытое пространство; пѣхотныя части были спрятаны лѣвѣе, по южную сторону ея скала, а вправо открывался широкій, ничѣмъ неза-

⁴⁾ Привожу цѣликомъ этотъ приказъ, не лишній, между прочимъ, поучительности въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ, до какихъ, повидимому, мелочей (въ сущности, весьма важныхъ, по своей практичности) должна простирается заботливость отряднаго начальника относительно войскъ, ему ввѣренныхъ:

«29-е августа, 8 часовъ утра. Приказъ по боевой линіи отряда свиты его величества генералъ-майора князя Имеретинскаго.

«Войскамъ: Эстляндскому и Ревельскому полкамъ, 10-му стрѣлковому батальону и всей артиллеріи, выдвинутой на позицію, оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

«Войскамъ 1-й линіи принять относительно непріятеля должныя мѣры охраненія.

«Обращаю вниманіе частей лѣваго фланга на сосредоточеніе значительныхъ силъ непріятельскихъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, за непріятельскимъ редутомъ.

«Разрѣшается 9-му стрѣлковому батальону и расположенному позади Брестовца батальону Ревельскаго полка посылать команды за водой въ Брестовецъ, гдѣ расположены шесть ротъ Эстляндскаго полка, и къ фонтану, гдѣ расположенъ Владикавказскій казачій полкъ.

«Отъ Ревельскаго полка расположить впереди артиллеріи на шоссе дежурную роту, отъ которой разсыпая цѣпь влѣво отъ шоссе, вплоть до дер. Брестовца, гдѣ таковой войти въ связь съ цѣпью Эстляндскаго полка.

«Полковнику Чернушову принять мѣры для охраненія войскъ отряда, со стороны возможнаго наступленія непріятеля на нашъ лѣвый флангъ, влѣво отъ ловче-плевенскаго шоссе.

«Въ случаѣ ночной тревоги, войскамъ второй

линіи ни въ какомъ случаѣ огня не открывать, а ожидать на мѣстахъ приказаній.

«Артиллеріи дѣйствовать по усмотрѣнію, на основаніи опыта прицѣленія днемъ.

«Войскамъ къ завтрашнему числу изготовиться къ возможному наступленію, а потому предписываю: 1) всемъ начальникамъ частей непремѣнно накормить свои части раннимъ обѣдомъ и имѣть по фунту варенаго мяса на человѣка съ собой. На всякій случай сотнику Владикавказскаго казачьяго полка Гайтову поручено доставить на кухни: Ревельскаго и Эстляндскаго полковъ, 9-го и 10-го стрѣлковыхъ батальоновъ и артиллеріи боевой линіи, по два быка на полкъ и по одному на батальонъ и 2-ю батарею; быки эти будутъ доставлены на кухни частей сотникомъ Гайтовымъ; 2) подтянуть къ частямъ патронные ящики, лазаретныя фуры, санитарныя команды и, кромѣ того, раздать людямъ нѣсколько пачекъ патроновъ въ карманы и башлыки; 3) заблаговременно озаботиться, чтобы части, вступающія въ боевую линію, были снабжены, по возможности, водой, для чего назначить особыхъ людей съ котелками. Для свѣдѣнія войскамъ боевой линіи: лѣвѣе шоссе,—ближайшая вода въ Брестовцѣ, впослѣдствіи въ Кришинѣ; для войскъ вправо отъ шоссе,—въ оврагѣ позади позицій Эстляндскаго полка; впослѣдствіи будетъ вода на шоссе, у послѣдняго подъема къ Плевнѣ; 4) сегодня, ночью, я нахожусь у шоссе, впереди Боготскаго оврага.

«Дополнительныя приказанія въ случаѣ общей атаки будутъ отданы на мѣстѣ.

«Для свѣдѣнія: 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи ночуетъ на нашемъ правомъ флангѣ, въ оврагѣ».

слоняемый видъ на турецкія позиціи: батареи, редуты и ложементы противника были видны вполне ясно даже и невооруженнымъ глазомъ. Снова замѣтивъ здѣсь большую толпу всадниковъ, которые медленно тянулись по гребню высоты, турки опять стали пускать гранаты по свитѣ его высочества. Три гранаты дали недолетъ, хотя направленіе ихъ было очень вѣрное, и лопнули на правомъ скатѣ возвышенности, шагахъ въ восьмидесяти, четвертая же счастливо пролетѣла между группами всадниковъ въ хвостѣ свиты и разорвалась на самомъ днѣ лѣваго ската, за пѣхотой, не причинивъ никому вреда своими осколками. Великій князь, приказавъ свитѣ отойти изъ сферы огня за пѣхоту, а за собой слѣдовать однимъ только дежурнымъ, отправился далѣе по фронту нашей лѣвофланговой позиціи и пройдя на батарею, гдѣ въ то время находился генералъ Зотовъ и откуда хорошо можно было наблюдать не только расположеніе противника, но и часть города Плевны. Съ того мѣста, гдѣ остановилась свита, была видна часть очень живописнаго, покрытаго лѣскомъ Тученицкаго оврага, отдѣлявшаго отъ войскъ 4-го корпуса отрядъ генерала Скобелева. Было видно, какъ подъ покровительствомъ огня дальнихъ батарей лѣваго фланга колонны резервовъ этого генерала придвигались къ лежавшимъ предъ ними высотамъ; видны были и отдѣльные ложементы неприятеля, и его редуты. Пройзжая шагомъ вдоль позиціи, мимо пѣхотныхъ частей, великій князь главнокомандующій здоровался съ солдатами и, по обыкновенію, перекидывался съ ними нѣсколькими словами. Окончивъ обзоръ на лѣвомъ флангѣ, его высочество къ двумъ часамъ дня возвратился на ту центральную возвышенность, съ которой въ предшествовавшіе дни, вмѣстѣ съ его величествомъ, наблюдалъ за ходомъ артиллерійскаго боя. Здѣсь великій князь засталъ уже государя императора, прибывшаго незадолго до сего со своимъ конвоемъ и свитой, и доложилъ его императорскому величеству о результатахъ произведеннаго имъ обзора.

Вечеромъ генералъ Зотовъ получилъ слѣдующую телеграмму, за подписью князя Имеретинскаго.

«Послѣ небольшой перестрѣлки, высоты, командующія надъ плевненскими редутами, заняты нами и войска укрѣпились. Завтра съ разсвѣтомъ, 30-го августа, усиленная канонада, къ полдню штурмъ. Добровольскій будетъ атаковать Кришинскій редутъ»¹⁾.

¹⁾ Эта телеграмма подала поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію. Извѣстно, согласно вышеизложенному, что генералъ Зотовъ приказалъ на 29-е число занять *третій* гребень Зеленыхъ горъ; вечеромъ, присланный съ лѣваго фланга ординарецъ доложилъ, что высоты, командую-

Другое донесеніе, тоже вечеромъ, было получено отъ генерала Лашкарева, который извѣщалъ, что его кавалерія удачно отразила конныхъ черкесовъ, выходившихъ противъ нея изъ Плевны.

Къ вечеру 29-го августа погода, до сего времени сухая и теплая, вдругъ измѣнилась.

щія надъ городомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, заняты. Вскорѣ послѣ этого, генералъ Зотовъ получаетъ отъ князя Имеретинскаго только что приведенную телеграмму, которая подавала великому князю главнокомандующему поводъ отправить въ Петербургъ телеграмму отъ 30-го августа въ 5 часовъ утра, слѣдующаго содержанія: «Вчера, 29-го августа, цѣлый день продолжалось обстрѣливаніе Плевны съ нашихъ осадныхъ и полевыхъ батарей. *Поздно вечеромъ*, нашъ лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, *занялъ еще одну высоту*, съ которой можно дѣйствовать по неприятелю, по укрѣпленному лагерю и городу; неприятель оказалъ лишь слабое сопротивление». Такой высотой, съ которой можно дѣйствовать по укрѣпленному лагерю и городу, могъ быть именно *третій* гребень Зеленыхъ горъ. Между тѣмъ генералъ Скобелевъ, въ своемъ донесеніи князю Имеретинскому отъ 3-го сентября, наложивъ о томъ, что Эстляндскому полку съ 9-мъ стрѣлковымъ батальономъ было поручено — *съ разсвѣтомъ* 29-го августа продвинуться впередъ и занять *второй* гребень высоты и что высота была занята послѣ незначительной перестрѣлки (стало быть, утромъ, а не поздно вечеромъ), говоритъ:

«Я не рѣшился въ *тотъ-же день* атаковать *третій* гребень, чтобы не втянуть въ дѣло всѣ войска и не нарасходовать ихъ въ неравномъ бою съ превосходными неприятельскими силами до наступленія рѣшительнаго момента общей атаки плевненскихъ укрѣпленій».

При этомъ генералъ Скобелевъ объясняетъ свое рѣшеніе слѣдующими весьма вѣскими доводами, которые, въ свою очередь, даютъ ему поводъ высказать нѣсколько дѣльных замѣтокъ:

«Важнымъ соображеніемъ при отсрочкѣ атаки, — говоритъ онъ, — являлась необходимость усилить занимаемую нами позицію въ фортификаціонномъ отношеніи, что, при прискорбномъ въ эту кампанію отсутствіи шанцеваго инструмента при войскахъ въ достаточномъ количествѣ, представляло не мало затрудненій. Люди рыли себѣ ровики частью крышками отъ манерокъ, частью руками. Для очищенія эспланады, виноградные кусты вырвали руками. По поводу недостатка шанцеваго инструмента, въ виду чрезвычайной важности въ настоящей борьбѣ фортификаціонной подготовки поля сраженія, позволяю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній.

Пѣхотная часть, бывшая въ горячемъ дѣлѣ, большей частью лишается своего шанцеваго инструмента.

Нашъ солдатъ, наступая по трудно проходимой закрытой мѣстности, особенно въ жару, первое, чѣмъ облегчить себя, это бросаетъ свой инструментъ, затѣмъ слѣдуетъ шинель и, наконецъ, мѣшокъ съ сухарями. Поэтому часть, достигнувъ пункта, на которомъ ей надлежитъ остановиться, не имѣетъ возможности прикрыть себя отъ губительнаго огня неприятеля, что постоянно дѣлалось пѣхотой: 1) въ американскую войну, 2) въ кровавую четырехлѣтнюю карлистскую войну, и 3) наконецъ теперь принято за правило турками.

Въ воздухѣ засыръло, небо подернулось сплошными тучами и пошелъ мелкій, совсѣмъ осенній дождикъ, непрерывавшійся въ теченіе всей ночи и сразу, въ какіе нибудь два-три часа, испортившій дороги до такой степени, что движеніе повозокъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ.

Въ этотъ же вечеръ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ князь Масальскій заявилъ генералу Зотову, что при такой усиленной стрѣльбѣ, какую за всѣ эти дни вела наша артиллерія, на дѣйствующее время у насъ, пожалуй, не хватитъ снарядовъ, а на своевременный подвозъ ихъ и вообще на правильное движеніе артиллерійскихъ парковъ рассчитывать трудно, при этой распутицѣ, которая обратила дороги въ глубокое мѣсиво густой и липкой грязи. Кроме того, оказалось, что вслѣдствіе усиленной и непрерывной стрѣльбы, нѣкоторые лафеты не только осадныхъ, но и полевыхъ 9-ти-фунтовыхъ орудій начинаютъ приходить въ

„Въ виду вышесказаннаго, казалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ: или привозить инструментъ вслѣдъ за атакующими, или имѣть при полкахъ особыя команды, на обязанность которыхъ и возлагать укрѣпленіе отбитыхъ у непріятеля позицій.

„Нельзя не упомянуть также и о недостаточности средствъ для устройства полевыхъ укрѣпленій, имѣющихся при отрядѣ. При силѣ болѣе 20,000 человекъ, въ отрядѣ вашей свѣтлости имѣется, и то случайно, только одна команда саперъ въ 35 человекъ при унтеръ-офицерѣ, и ни одного инженера, несмотря на существованіе инженерной академіи, ежегодно вливающей въ нашу армію десятки специалистовъ. Сомнѣнію не подлежитъ теперь для меня, что еслибы французская армія второго періода кампаніи 1870 года, при современномъ вооруженіи пѣхоты и относительной слабости, въ смыслѣ рѣшающемъ, дальнѣйшей артиллеріи, — строго бы держалась системы неожиданнаго стратегическаго наступленія (преимущественно на пути сообщенія, напр.), соединеннаго съ безусловной тактической обороной, при помощи полевой фортификаціи, то кампанія кончилась бы выгодною для французовъ“.

Вышесказанное недоразумѣніе возникло вслѣдствіе поздняго извѣщенія, присланнаго княземъ Имеретинскимъ, о результатахъ дѣла 29-го числа, причемъ не указывалось точно, что заняты именно второй гребень, а говорилось о занятіи „высотъ, командующихъ надъ Плевненскими редутами“, каковыми, какъ уже сказано, могли быть только высоты третьяго кряжа. Генералъ же Зотовъ предписывалъ на 29-е число атаковать третій гребень потому, что считалъ второй гребень уже въ нашей власти; а считалъ онъ его въ нашей власти потому, что не получивъ донесенія объ оставленіи его генераломъ Скобелевымъ въ ночь съ 27-го на 28-е число; генералъ же Скобелевъ отступилъ на первый гребень только вслѣдствіе извѣщенія объ отсѣчкѣ общей атаки до 30-го числа, такъ какъ пребываніе войскъ на второмъ гребнѣ, въ теченіе лишнихъ двухъ сутокъ, подвергало бы ихъ совершенно безцѣльнымъ и большимъ потерямъ отъ огня Кришискаго редута, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ потери при новой атакѣ.

негодность. При такихъ обстоятельствахъ, продолжать дальнѣйшій артиллерійскій бой было неудобно, такъ какъ съ каждымъ днемъ огонь, поневолѣ, ослабѣвалъ бы все болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, утрачивались бы и всѣ добытые доселѣ результаты артиллерійскихъ дѣйствій. Приходилось либо отказаться отъ штурма, либо начинать его завтра же. На военномъ совѣщаніи рѣшено было послѣднее, вслѣдствіе чего въ войска и была разслана поздно вечеромъ слѣдующая диспозиція:

Диспозиція по войскамъ Западнаго отряда арміи, 29-го августа 1877 года.

Завтра, 30-го августа назначается общая атака укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, для чего:

1) Съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до восьми часовъ утра. Въ девять часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ одиннадцать часовъ вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа пополудни. Съ часа до 2¹/₂ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ 2¹/₂ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствію которыхъ могутъ препятствовать наступающіе войска.

2) Въ три часа пополудни начать движеніе для атаки:

а) Румынская армія атакуетъ сѣверное укрѣпленіе ¹⁾. Для содѣйствія этой атакѣ должна быть выдвинута бригада пѣхоты 9-го корпуса, съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями, отъ Гривицы, съ тѣмъ, чтобы прикрыть лѣвый флангъ румынской арміи отъ всякихъ попытокъ непріятельскихъ резервовъ. Два батальона этой бригады должны атаковать совместно съ румынами сѣверное укрѣпленіе съ юго-западной стороны его.

б) Изъ остальныхъ войскъ 9-го корпуса, два полка должны прикрывать линію нашихъ батарей по гребню отъ Гривицы до Радишева; а два полка съ тремя 4-хъ-фунтовыми батареями должны составить резервъ и расположиться впереди Радишева, на правомъ берегу оврага. Галичскій пѣхотный полкъ съ одной батареей остается въ главномъ резервѣ.

в) Ингерманландскому полку съ батареями, при немъ состоящей, расположиться на лѣвомъ флангѣ двѣнадцати-орудійной осадной батареи.

г) Командующему 4-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанту Крылову, со 2-ю бригадой 16-й дивизіи, поддержанной 1-ю бригадой 30-й дивизіи, атаковать непріятельскія укрѣ-

¹⁾ Гривицкій редутъ.

плени, находящіяся впереди батарей его лѣваго фланга. За этой колонной будетъ слѣдовать главный резервъ изъ трехъ полковъ пѣхоты съ тремя батареями.

д) При этомъ главный резервъ будетъ находиться начальникъ Западнаго отряда.

е) Отряду генерала Скобелева, состоящему изъ 1-й бригады 16-й дивизіи, стрѣлковой бригады генералъ-майора Добровольскаго и одного полка 2-й пѣхотной дивизіи, съ тремя 9-ти и одною 4-хъ-фунтовою батареями, атаковать укрѣпленный непріятельскій лагерь, прикрывающій городъ Плевна со стороны Ловчинскаго шоссе.

ж) Въ резервъ колонны генерала Скобелева, съ обязанностію поддерживать его атаку и прикрывать лѣвый флангъ его колонны, слѣдуютъ остальные полки 2-й пѣхотной дивизіи съ ихъ батареями, подъ начальствомъ свиты его императорскаго величества генералъ-майора князя Имеретинскаго.

з) Командиру 1-й бригады 4-й кавалерійской дивизіи, генералъ-майору Леонтьеву, со вѣренною ему бригадою и конною батареею, казачьею бригадою (которые генералъ-майору Леонтьеву принять подъ свое начальство) прикрывать лѣвый флангъ всего боевого порядка и дѣйствовать наступательно, по направленію къ софійскому шоссе, на селеніе Дубякъ, гдѣ войти въ связь съ кавалеріею генерала Лашкарева.

и) Кавалеріи генерала Лашкарева начать самыя рѣшительныя дѣйствія противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу Вида, и войти въ связь съ кавалеріею генерала Леонтьева.

і) Бригадѣ каларашей полковника Разнована, попрежнему, прикрывать правый флангъ румынской арміи.

Кіевскому гусарскому полку оставаться на булгарено-плевненскомъ шоссе, для содержанія связи между 9-мъ корпусомъ и румынскою арміею.

Мариупольскому гусарскому полку съ конною батареею находиться при главномъ резервѣ.

к) Относительно формы одежды, обозовъ, перевязочныхъ пунктовъ, подвижныхъ лазаретовъ и запаса двухдневнаго продовольствія на людяхъ, точно руководствоваться указаніями, данными въ диспозиціи передъ началомъ плевненскаго боя.

Перевязочные пункты для войскъ, дѣйствующихъ по ловчинскому шоссе, учредить по распоряженію генералъ-майора князя Имеретинскаго, въ распоряженіе котораго отпразднать подвижной лазаретъ 16-й пѣхотной дивизіи.

Всѣ дальнѣйшія приказанія будутъ отданы на полѣ сраженія.

Отъ cadaго корпуса прислать ко мнѣ по три конныхъ офицера.

Подлинную подписать: начальникъ Западнаго отряда арміи, генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

LVI.

Третья Плевна.

День пятый, 30-го августа.

Утро 30-го числа. — Приготовленія къ торжеству тезоименитства государя императора на „Императорскомъ холмѣ“. — Молебствіе и салюты боевыми залпами. — Завтракъ на позиціи и тостъ, провозглашенный государемъ. — Дѣйствія 30-го августа. — Атака Гривицкаго редута. — Демонстративное движеніе полковника Рыкачева на укрѣпленный лагерь. — Отдѣльные подвиги при взятіи Гривицкаго редута и положеніе его защитниковъ послѣ взятія до слѣдующаго утра. — Дѣйствія сводной дивизіи 4-го корпуса въ центрѣ, противъ Радишевскаго редута. — Преждевременная атака полковника Тихменева и ея послѣдствія. — Громадная убыль центра. — Дѣйствія лѣвофланговаго отряда. — Атака третьяго крыжа Зеленыхъ горъ. — Мнѣнія солдатъ и турокъ о генералѣ Скобелевѣ. — Общая картина поля сраженія, на закатѣ солнца, съ „Императорскаго холма“. — Иностраные агенты. — Ночлегъ великаго князя главнокомандующаго и князя Карла въ коляскахъ, на позиціи. — Извѣстія изъ отряда генерала Скобелева. — Ночь съ 30-го на 31-е августа.

На позиціи передъ Плевной, 3-го сентября.

Утро 30-го августа было холодное и сильно туманное. Моросило. Когда великій князь, около десяти часовъ утра, пріѣхалъ на позицію, впереди ничего не было видно: все и повсюду застилалось бѣловато-мглистою пеленою, и сквозь этотъ туманъ даже и пушечные выстрѣлы съ ближайшихъ батарей отдавались глухо, а вдали уже и ровно ничего невозможно было слышать. Каждый звукъ глухъ и исчезалъ въ этомъ густомъ туманѣ. У „Императорскаго холма“ придворные служители спѣшно разбивали палатку, въ которой должно было совершиться молебствіе, по случаю дня тезоименитства государя императора. Нѣсколько человекъ солдатъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находящіяся въ составѣ конвойной гвардейской роты, пріѣхали въ телѣгахъ на позицію, безъ оружія, въ походно-парадной формѣ, для пріятія отъ своего державнаго шефа поздравленія со днемъ ихъ полкового праздника. Тутъ же находились и калачные офицеры этого полка, а также и числящіеся въ ономъ флигель-адъютанты. Государь императоръ прибылъ на холмъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Принявъ поздравленіе отъ великаго князя главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго и присутствовавшихъ на мѣстѣ особъ императорской фамиліи, а также отъ князя Карла Румынскаго, и поздоровавшись со своими павловцами, его величество спросилъ диспозицію, составленную на нынѣшній день, которая и была подана адъютантомъ главнокомандующаго, полковникомъ Скалономъ, — прочелъ

ее и затѣмъ направился къ палаткѣ, гдѣ уже ожидалъ августѣйшаго именинника протоіерей императорской квартиры въ полномъ облаченіи. Тотчасъ же началось молебствіе. Раздалось стройное пѣніе небольшого походнаго хора придворныхъ пѣвчихъ. Русская и румынская свита столпились вокругъ палатки, обнаживъ свои головы. Тутъ же стояли и кучки нашихъ русскихъ солдатъ, кучеровъ, служителей и группы мѣстныхъ болгаръ—бездомныхъ скитальцевъ по милости турокъ. Во время молебна дождь на нѣкоторое время прекратился, и канонада стала гораздо слышнѣе. Когда раздались слова священнодѣйствовавшаго: «преклоньше колѣна, Господу помолимся», всѣ тихо склонились къ землѣ, и протоіерей съ глубокимъ чувствомъ, видимо взволнованнымъ голосомъ произнесъ молитву о ниспосланіи Всевышнимъ побѣды русскому войску. Эти слова какъ бы наэлектризовали всѣхъ присутствующихъ; многіе и многіе изъ нихъ утирали слезы. Видно было, что каждый глубоко почувствовалъ въ сердцѣ своею значеніе переживаемой минуты, глубоко проникся смысломъ возносимой къ Богу молитвы и далъ полную волю своему святому чувству... Но тотъ моментъ, когда диаволъ возгласилъ, а пѣвчіе подхватили многолѣтне государю, исполненъ былъ особенной торжественности. Въ Петербургѣ въ этотъ моментъ обыкновенно раздаются праздничные салюты съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, въ Москвѣ—со стѣнъ кремлевской Тайницкой башни; здѣсь же, на боевой позиціи, въ виду непріятеля, подъ этимъ хмурымъ, ненастнымъ небомъ, салютовалъ русскому царю перекатный громъ боевыхъ орудій, которому вторило шипѣніе взрывающихся снарядовъ. Никогда еще русскимъ государямъ не доводилось встрѣчать день своего ангела въ подобной обстановкѣ; никогда еще не доводилось имъ и проводить его съ утра до ночи на боевомъ полѣ. Этотъ день—30-е августа 1877 года—для насъ, русскихъ, долженъ сдѣлаться днемъ незабвеннымъ, историческимъ.

По окончаніи молебствія, государь пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ завтраку. Для императорской фамилии и почетнѣйшихъ лицъ русской и румынской армій накрытъ былъ на холмѣ небольшой столъ; остальные же помѣстились кто какъ могъ. На землѣ были раскинуты скатерти, на скатертяхъ поставлены блюда, тарелки, и вокругъ нихъ разиѣстились кое-какъ всѣ наличные офицеры и наскоро принялись за холодный завтракъ. Великій князь главнокомандующій провозгласилъ здоровье державнаго именинника, и нечего говорить о томъ, какимъ восторженнымъ и задушевнымъ кликомъ былъ встрѣченъ этотъ дорогой каждому тостъ! Затѣмъ поднялся государь императоръ и произнесъ слѣдующія слова: «За здоровье нашихъ славныхъ войскъ, кото-

рыхъ въ эту минуту дерутся съ непріятелемъ, и да даруетъ Богъ намъ побѣду!» Потомъ, нѣкоторое время спустя, его императорское величество изволилъ предложить тостъ за здоровье своихъ павловцевъ.

Не долго длился этотъ скромный, походный завтракъ, по окончаніи котораго всѣ опять отдали все свое вниманіе бою.

Его величество опять выѣзжалъ впередъ версты на полторы или на двѣ, чтобы ближе слѣдить за ходомъ сраженія.

Диспозиція, составленная на 30-е августа, предписывала начало штурма въ три часа пополудни. До сего часа канонада прекращалась два раза и притомъ одновременно на всѣхъ батареяхъ—въ первый разъ на два часа, отъ 9-ти до 11-ти утра, и вторично на полтора часа, отъ 1 до 2½ по-полудни. Сдѣлано это было съ тою цѣлю, чтобы заставить непріятеля тревожиться напраснымъ ожиданіемъ приступа и утомить его къ тому времени, когда дѣйствительно начнется наше наступленіе. Но... позволительно усомниться, чтобы подобныя приостановки могли серьезно повліять на нравственное настроеніе противника, слишкомъ достаточно ободреннаго всѣми своими предпоставленными успѣхами. Штурмъ плевенскихъ позицій, какъ извѣстно, предписано было направить на три пункта: 1) большой Гривицкій редутъ на сѣверо-восточномъ фронтѣ, 2) большой редутъ на юго-восточномъ фронтѣ, къ сѣверо-востоку отъ деревни Радишево, и 3) на линію редутовъ и ложементовъ на ловчинскомъ шоссе, въ особенности, на Кришинскій редутъ, прикрывающіе укрѣпленный турецкій лагерь съ южной и юго-западной стороны Плевны. Атаку Гривицкаго редута должны были произвести румынскія войска, совмѣстно съ 1-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи¹⁾; на Радишевскій редутъ направлены части 4-го корпуса, а кришинскія укрѣпленія предоставлены отряду генерала Скобелева, котораго долженъ былъ поддерживать князь Имеретинскій.

Турки еще съ утра отвѣчали на нашъ огонь вяло и какъ бы нехотя значительно меньшимъ числомъ выстрѣломъ; они, видимо, приберегали свои снаряды для моментовъ болѣе критическихъ и рѣшительныхъ.

Ровно въ три часа назначенныя для атаки войска перешли въ наступленіе. Въ 4½ часа по-полудни Архангелогородскій и Вологодскій полки, высланъ на позицію впередъ Гривицы 16 орудій, выдвинулись изъ этой деревни и, построясь въ боевой порядокъ двумя линіями ротныхъ колоннъ²⁾, параллельно шоссе и тыломъ къ оному, съ резервомъ изъ двухъ ба-

¹⁾ Полки: 17-й пѣхотный Архангелогородскій и 18-й пѣхотный Вологодскій.

²⁾ Всего въ первыхъ двухъ линіяхъ четыре батальона, между которыми въ центрѣ расположились 4-я и 6-я батареи 5-й артиллерійской бригады.

табьоновъ, повели атаку на Гривицкій редутъ со стороны его южнаго фронта, а румынскіе батальоны въ это же самое время ударили на редутъ съ сѣверо-востока. Движеніе войскъ на приступъ было встрѣчено со стороны турокъ на всѣхъ пунктахъ такимъ ужаснымъ огнемъ, который съ первой же минуты слился въ одинъ непрерывный гулъ и трескъ, такъ что отдѣльных выстрѣловъ уже невозможно было слышать. При этомъ въ 6-й батареѣ 5-й артиллерійской бригады взорвало зарядный ящикъ. Первый приступъ къ Гривицкому редуту былъ отбитъ. Румыны отступили въ водомоину, пролегающую, въ видѣ естественнаго рва, за Гривицею, въ сѣверо-восточномъ направленіи, а наши заняли позиціи въ разстояніи семи или восьми шаговъ отъ редута и поддерживали ружейный огонь. Румыны, устроивъ въ водомоинѣ, ударили вторично, но, несмотря на все ихъ воодушевленіе и энергію, были снова отброшены на прежнее мѣсто; генераль же Родіоновъ ¹⁾ со всѣми шестью батальонами своей бригады ²⁾ придвинулся еще ближе къ редуту и залегъ отъ него въ полтораста шагахъ. Въ это время 2-й батальонъ румынскихъ егерей (venatori), также назначенный для атаки Гривицкаго редута, обился съ пути по причинѣ тумана и очутился противъ сосѣдняго редута (Башъ-табѣ), лежащаго болѣе на западъ. Замѣтивъ здѣсь свою ошибку, егери подъ перекрестнымъ огнемъ повернули на Гривицкій редутъ и ударили на него съ сѣверо-запада. Услыхавъ въ той сторонѣ крикъ атаки, генералъ Родіоновъ въ ту же минуту устремилъ на редутъ съ юга и свои батальоны. Пребывая въ разстояніи въ полтораста шаговъ было дѣломъ одной минуты. Огонь противника, усилившійся въ эти мгновенія до высшей степени, былъ ужасенъ, но не остановилъ атакующихъ, и такимъ образомъ наши архангелогородцы и румынскіе егеря одновременно ворвались съ двухъ сторонъ въ укрѣпленіе. Здѣсь уже прекратился ружейный огонь и пошла штыковая работа. Бой холоднымъ оружіемъ внутри редута длился около получаса. Наконецъ турки стали выскакивать за брустверь и убѣгать, а группы нашихъ и румынъ — въ догонку за ними со штыками и прикладами. Много было при этомъ положено турокъ — невозможно, переколото... Но противникъ не просилъ пощады и умиралъ подъ ударами. Все, что оставалось въ редутѣ изъ его защитниковъ, было перебито. Знаменщикъ 1-го батальона Архангелогородскаго полка водрузилъ знамя на южномъ фасѣ редута. Оно было въ чехлѣ. Батальонный командиръ приказалъ снять чехоль и переимѣнить распущенное знамя на

западный фасъ, обращенный къ туркамъ. Вскорѣ послѣ этого рядомъ съ первымъ водружены были и еще два знамени: Вологодскаго полка и румынскихъ егерей 2-го батальона, а вслѣдъ за тѣмъ турки были выбиты штыками и изъ ближайшихъ ложементовъ. Такимъ образомъ къ семи часамъ вечера дѣло съ Гривицкимъ редутомъ было покончено. Еще во время наступленія, Вологодскій полкъ, составлявшій лѣвый флангъ боевой линіи, сталъ подаваться лѣвымъ плечомъ впередъ, чтобы зайти къ редуту съ западной, т. е. тыльной его стороны, въ то время какъ архангелогородцы атаковали съ фронта южный фасъ. Укрѣпленный турецкій лагерь, отстоящій отъ редута на полверсты къ западу и соединенный съ нимъ траншеею, сильно мѣшалъ своимъ огнемъ нашему наступленію. Тогда командиръ Вологодскаго полка, полковникъ Рыкачевъ, взявъ ружье лично имъ убитаго аскера, повелъ нѣсколько своихъ ротъ на этотъ лагерь съ демонстративною цѣлью и ворвался въ него. Здѣсь онъ оставался до наступленія темноты, когда сильный картечный огонь непріятеля, открытый съ ближайшаго разстоянія, заставилъ его наконецъ покинуть занятую часть лагеря и отойти въ Гривицкій редутъ, занятію котораго много способствовала эта безавѣтная рѣшимость Рыкачева броситься на лагерь и тѣмъ лишить его возможности наносить вредъ своимъ огнемъ частямъ, ведшимъ атаку Гривицкаго редута. Но не дешево достался намъ этотъ частный успѣхъ 30-го августа: одними лишь ранеными у насъ вышло изъ строя 25 офицеровъ и 900 нижнихъ чиновъ ¹⁾, общая же убыль 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи простирается до 1,305 человекъ, не считая офицеровъ. Архангелогородскій полкъ понесъ наиболѣе чувствительную потерю въ лицѣ своего командира, флигель-адъютанта, полковника Шлиттера, который былъ за-мѣртво вынесенъ изъ редута. Этотъ доблестный командиръ во главѣ своего полка первымъ вскочилъ на брустверь и оттуда во внутрь редута. Рядомъ съ нимъ взбѣжали туда же знакомый его румынскій офицеръ, отправившійся на штурмъ волонтеромъ (имя, къ сожалѣнію, неизвѣстно), адъютантъ командира 9-го корпуса ротмистръ Хвостовъ и майоръ Квитка, бывшій конно-гвардеецъ. Румынскій офицеръ едва лишь соскочилъ съ бруствера въ редутъ, какъ былъ въ куски изрубленъ атаканами; майоръ Квитка, какъ говоритъ, вскочилъ верхомъ на непріятельскую пушку, но отдѣлался лишь легкой огнестрѣль-

¹⁾ Начальникъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, бывшій командиръ 53-го пѣхотнаго Вологодскаго полка.

²⁾ Для чего потребовались и ея резервы.

¹⁾ По свѣдѣніямъ уполномоченнаго Краснаго Креста графа М. Н. Муравьева, въ утро 31-го августа изъ дивизионнаго лазарета 5-й пѣхотной дивизіи было эвакуировано 9 офицеровъ и 423 человека нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ 1-й бригадѣ означенной дивизіи, а затѣмъ оставалось еще на пунктѣ около 500 раненыхъ изъ той же бригады, которые были снесены сюда въ ночь послѣ штурма Гривицкаго редута.

ной раной въ подѣ-мышку, безъ поврежденія сочлененій; ротмистръ Хвостовъ остался невредимъ, а Шлиттеръ получилъ пулю въ лобъ, на вылетъ ¹⁾. Это уже второй командиръ, котораго теряетъ Архангелогородскій полкъ въ нынѣшнюю кампанію, мѣняе тѣмъ въ промежуткѣ двухъ мѣсяцевъ, и все въ бою подѣ Плевной. Тутъ же былъ раненъ и генералъ Родіоновъ ²⁾, по отбытія котораго на перевязочный пунктъ остался главноначальствующимъ въ редутѣ командиръ Вологодскаго полка полковникъ Рыкачевъ. Трофеями этого штурма достались намъ пять орудій, у которыхъ турки не успѣли даже вынуть запирающіе механизмы ³⁾, и два знамени. Одно изъ послѣднихъ было взято людьми Архангелогородскаго полка, а другое румынскимъ егеремъ Грегоромъ Іованомъ, вмѣстѣ съ сержантомъ Никою Іономъ и капра-ломъ Никою Василя ⁴⁾.

Вскорѣ по взятіи редута наступила полная темнота, которая еще усиливалась туманною и дождливою погодою. Вообще все наступленіе пришлось вести подѣ дождемъ, въ туманѣ, по размякшей скользкой почвѣ, что крайне затрудняло людей, въ особенности, когда пришлось карабкаться на валы, имѣющіе довольно крутой склонъ и высоту до десяти футовъ. Наши поспѣшили утвердиться и устроиться какъ въ редутѣ, такъ и въ прилежащихъ траншеяхъ, ежеминутно ожидая атаки со стороны турокъ. Напряженное состояніе людей усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что одна изъ нашихъ осадныхъ батарей, не зная, взять ли редутъ, или нѣтъ, время отъ времени посылала въ направленіи его свои снаряды. Великій князь точно также не имѣлъ еще свѣдѣній о результатѣ этой атаки и потому, въ ожиданіи какихъ-либо извѣстій, рѣшился оставаться всю ночь на позиціи. Въ десять часовъ вечера свиты его величества генералъ-майоръ Струковъ получилъ приказаніе его высочества — узнать какимъ-либо способомъ о дѣлѣ у Гривницкаго редута. Генералъ Струковъ въ густыхъ потемкахъ поѣхалъ впередъ и на пути узналъ отъ кievскихъ гусаръ, ѣхавшихъ по шоссе для занятія аванпостной линіи, что по ихъ слу-

хамъ — Гривницкій редутъ уже взятъ нашими. Вскорѣ извѣстіе это подтвердилось положительнымъ образомъ. Тогда генералъ Струковъ послалъ на осадную батарею приказаніе не стрѣлять болѣе по редуту и обратился къ командиру Кіевскаго гусарскаго полка съ предложеніемъ вызвать двухъ-трехъ человекъ охотниковъ, и въ томъ числѣ офицера, которые взяли бы хоть полкомъ добраться до редута и предупредить его защитниковъ, что положеніе ихъ будетъ обезпечено достаточно сильной поддержкой, въ случаѣ если-бы турки вздумали сдѣлать на редутъ, ночное нападеніе. Порученіе это было исполнено корнетомъ Исаковымъ. Оно оказалось далеко не изъ легкихъ, потому что гарнизонъ редута до такой степени былъ на-чекъ въ ежеминутномъ ожиданіи внезапной атаки, что открывалъ огонь при малѣйшемъ шорохѣ снаружи бруствера, вслѣдствіе чего, по недоразумѣнію, вышла даже минутная перестрѣлка между русскими и румынами. Къ одиннадцати часамъ вечера генералъ Струковъ возвратился на бывшій главнокомандующаго и доложилъ о дѣлѣ на Гривницкомъ редутѣ и взятіи послѣдняго. Наши вологодцы и архангелогородцы, обратившіеся изъ атакующихъ въ защитниковъ редута, не даромъ ожидали со стороны турокъ попытки овладѣть имъ снова. Когда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ пріѣхалъ въ редутъ, чтобы лично распорядиться устройствомъ его гарнизона, то не прошло и двухъ часовъ, какъ турки, выйдя изъ укрѣпленнаго лагеря и подкрадываясь по траншеямъ, съ крикомъ бросились на валы, но были отбиты залпами и частію штыками. Послѣ этого, въ теченіе ночи, подобныя же попытки съ ихъ стороны повторялись еще два раза, но не только безуспѣшно, а и съ большимъ урономъ. Съ разсвѣтомъ же они стали бросать изъ лагеря и сосѣдняго укрѣпленія (Башъ-табіе) гранаты въ самый редутъ, и только тутъ оказалось, что этотъ послѣдній далеко не составляетъ ключа позиціи, а всецѣло лежитъ подѣ огнемъ командующей надъ нимъ Башъ-табіе ¹⁾.

Атака въ центрѣ на Радиневскій редутъ была неудачна и по числу потерь обошлась намъ дороже, чѣмъ всѣ остальные. Въ силу общей диспозиціи на 30-е августа, сводной дивизіи 4-го корпуса ²⁾, подѣ начальствомъ генералъ-майора Александръ Кандіано Попеско. Занимаясь въ мирные дни адвокатурой, онъ предѣ войной поступилъ въ ряды по реквизиціи и былъ назначенъ командовать 2-мъ егерскимъ батальономъ только въ утро этого же самаго дня, 30-го августа. „Я тѣмъ болѣе радъ этому назначенію — выразился майоръ Попеско — что оно для меня служитъ самымъ драгоценнымъ именнымъ подаркомъ, и въ особенности это почетное назначеніе сразу идетъ на штурмъ. Надо оправдать такое лестное довѣріе“. И оправдалъ.

¹⁾ Для протаводѣствія этому огню, 1-го сентября, въ Гривницкій редутъ было поставлено четыре румынскихъ орудія.

²⁾ 2-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи (полки: 63-й Угличскій и 64-й Казанскій) и 1-я бригада 30-й дивизіи (полки: 117-й Ярославскій и 118-й Шульскій).

³⁾ Полки: 61-й Владимірскій и 62-й Суздальскій.

¹⁾ Скончался на перевязочномъ пунктѣ 5-й пѣхотной дивизіи 31-го августа утромъ и похороненъ тамъ же, рядомъ съ общей могилой.

²⁾ Въ пятку, безъ поврежденія кости.

³⁾ Два орудія были отданы румынамъ.

⁴⁾ Имя командира 2-го егерскаго румынскаго батальона — майоръ Александръ Кандіано Попеско. Занимаясь въ мирные дни адвокатурой, онъ предѣ войной поступилъ въ ряды по реквизиціи и былъ назначенъ командовать 2-мъ егерскимъ батальономъ только въ утро этого же самаго дня, 30-го августа. „Я тѣмъ болѣе радъ этому назначенію — выразился майоръ Попеско — что оно для меня служитъ самымъ драгоценнымъ именнымъ подаркомъ, и въ особенности это почетное назначеніе сразу идетъ на штурмъ. Надо оправдать такое лестное довѣріе“. И оправдалъ.

была у Скобелева, а 2-я бригада 30-й дивизии¹⁾ въ общемъ резервъ, состоявшемъ, какъ извѣстно изъ диспозиціи, въ распоряженіи начальника штаба Западнаго отряда, генералъ-лейтенанта Зотова.

Съ утра еще затрещала во мглѣ перестрѣлка по ту сторону Тученицкаго оврага, на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и Скобелевъ прислалъ предупредить командующаго 4-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Крылова, чтобы онъ не принялъ эту стрѣльбу за начало атаки. Дымъ отъ гремѣвшей канонады, слившись съ туманомъ, покрылъ всю мѣстность столь густою челою, что въ десяти шагахъ трудно было различить что-либо; послѣ одиннадцати часовъ утра ружейная пальба вдругъ послышалась правѣе, а именно тамъ, гдѣ, въ ожиданіи часа атаки, залегли полки 4-го корпуса. Сначала рѣдкая, пальба эта стала учащаться и вскорѣ перешла въ сплошной рокотъ сильной ружейной перепалки. Всѣ недоумѣвали, что это значитъ, а болѣе всѣхъ—командующій 4-мъ корпусомъ, къ которому на откуды не приходило донесеніе, объясняющаго столь неожиданное и странное обстоятельство. Туманъ рѣшительно препятствовалъ видѣть—наши ли это атакуютъ турокъ, или турки нашихъ? Сколь ни невѣроятно казалось послѣднее предположеніе, но все же скорѣе можно было допустить его, чѣмъ мысль о преждевременной атакѣ съ нашей стороны, безъ прямого на то приказанія ближайшихъ начальниковъ, генералъ-лейтенанта Крылова и генералъ-майора Шнитникова, которые, въ добавокъ, и не имѣли права отдать такое приказаніе, въ виду ясно и точно указаннаго въ диспозиціи часа общей атаки.

Какъ оказалось потомъ, вотъ что произошло въ туманѣ:

Начальнику штаба 16-й дивизіи, полковнику Тихменеву показалось, будто турки захопнулись въ ближайшихъ ложементѣхъ. Онъ почему-то вдругъ принять это движеніе за намѣреніе броситься на наши батареи, а потому съ мѣста же, мгновенно, по собственной своей волѣ, повелъ впередъ сначала четыре роты Угличскаго полка, не успѣвъ даже предупредить объ этомъ кого-либо изъ начальствующихъ лицъ, а вслѣдъ за этими ротами поднялся и весь полкъ. Тогда Ярославскій полкъ, лежавшій въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Угличскимъ, увидя это движеніе, тоже сталъ въ ружье и пошелъ впередъ. Остальнымъ же двумъ полкамъ сводной дивизіи за туманомъ ничего этого не было видно и они остались на своихъ мѣстахъ. Полковнику Тихменеву на столько удалось воодушевить словами поднимающіеся батальоны, что турки мигомъ были выбиты изъ всѣхъ ложементовъ; по храбрые полки, отважно предводимые началь-

никомъ штаба 16-й дивизіи, не остановились во-время: они устремились къ редутамъ и, встрѣченные губительнымъ огнемъ съ укрѣпленія и перекрестнымъ изъ боковыхъ длинныхъ ложементовъ, служившихъ какъ бы продолженіемъ редута, не имѣя за собою никакой поддержки, должны были отступить въ безпорядкѣ, потерявъ совершенно напрасно двѣ трети своего состава и почти всѣхъ офицеровъ. Такимъ образомъ, изъ общаго состава силъ, предназначенныхъ для общей атаки, далеко еще до урочнаго часа, цѣлая бригада, можно сказать, уже не существовала, ибо, по своему крайне разстроенному состоянію, не могла быть употреблена ни въ какое дальнѣйшее дѣло.

По донесеніи командующаго 4-мъ корпусомъ объ этой несчастной случайности, которую, къ сожалѣнію, никакъ невозможно было ни предвидѣть заранѣе, ни остановить своевременно, послѣдовало чрезъ начальника штаба Западнаго отряда приказаніе: «въ три часа возобновить атаку двумя остальными полками, съ поддержкою Воронежскаго и Козловскаго полковъ 9-го корпуса, имѣя въ резервѣ Галичскій полкъ».

Тогда генералъ Шнитниковъ, не считая себя въ правѣ не исполнить диспозиціи, лично повелъ на штурмъ Казанскій и Шуйскій полки, которые смѣло и быстро подвигались впередъ, но... и вторая атака была только повтореніемъ первой; точно также передовые полки выбили турокъ изъ ложементовъ и точно также съ огромною потерей были отбиты массою свинца, несмотря на высланные къ нимъ подкрѣпленія (Воронежскій и Козловскій полки).

Въ четыре часа пополудни генералъ-лейтенантъ Крыловъ лично повелъ Галичскій полкъ чрезъ оврагъ на поляну передъ редутами, усеянную тѣлами убитыхъ и раненыхъ храбрецовъ, и, разсыпавъ густую цѣпь, прикрылъ ею отступление штурмовавшихъ полковъ, которые—надо отдать имъ справедливость—даже послѣ такой жестокой неудачи, отходили вполне спокойно и медленно. Убыль въ шести полкахъ¹⁾, штурмовавшихъ Радишевскій редутъ, была громадна: 110 офицеровъ и 5,249 людей, выбившихъ изъ строя убитыми и ранеными, запечатлѣли свою кровью двукратно неудавшуюся атаку²⁾. «Громадная потеря, превышающая половину всего состава,—говоритъ генералъ Крыловъ въ своемъ донесеніи отъ 2-го сентября,—и потеря почти всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, равно какъ и груды тѣлъ, лежащихъ и по настоящее время передъ неприятельскимъ редутомъ, служатъ самымъ

¹⁾ Полки: 119-й Коломенскій и 120-й Серпуховскій.

¹⁾ Пѣхотные полки: Угличскій, Казанскій, Ярославскій, Шуйскій, Воронежскій и Козловскій.

²⁾ Изъ этого числа 80 офицеровъ и до 5,000 нижнихъ чиновъ приходится на долю сводной дивизіи 4-го корпуса.

краснорѣчивымъ доказательствомъ, что вѣрныя мѣ войска исполняли свой долгъ хотя и безуспѣшно, но свято».

Въ десять часовъ вечера перевозочные пункты 4-го корпуса были перешолнены ранеными; въ оврагѣ для прикрытія артиллеріи корпуса, расположились остатки сводной дивизіи: въ Угличскомъ и Казанскомъ полкахъ по два батальона, въ Ярославскомъ одинъ батальонъ, въ Шуйскомъ три, но не болѣе какъ по 400 человекъ въ каждомъ.

Полковникъ Тихменевъ въ тотъ же день отчисленъ отъ должности начальника штаба 16-й пѣхотной дивизіи, въ распоряженіе главнаго штаба, а на мѣсто его исправляющимъ должность назначенъ генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ¹⁾.

Зато на лѣвомъ флангѣ мы имѣли успѣхъ положительный, и будь попытки наши въ центрѣ удачны, то легко могло бы случиться, что на слѣдующій день мы и покончили бы съ Шлевною. Съ занятіемъ второй высоты Зеленыхъ горъ 29-го числа, фронтъ генерала Скобелева облизился теперь съ фронтомъ противника на столько, что отрядъ, хотя и поддерживавшій ружейный и артиллерійскій огонь, не могъ безнаказанно оставаться на этой позиціи въ теченіе долгаго времени, потому что турки буквально обсыпали его и картечью, и пулями. Въ виду столь исключительнаго положенія и чтобы не кести напрасныя потери, генералу Скобелеву было надобно рѣшиться на одно изъ двухъ: либо отступить съ позиціи весьма выгодной для продолженія дальнѣйшей атаки, что значило, въ сущности, отказаться отъ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ усиліями предшествовавшихъ дней, а послѣ того въ три часа пополудни, согласно диспозиціи, начинать все дѣло сызнова; либо же вопреки диспозиціи, не дожидаться урочнаго времени, но атаковать немедленно. Генераль Скобелевъ рѣшился на послѣднее. Такимъ образомъ активный бой на Зеленыхъ высотахъ загорѣлся уже въ одиннадцать часовъ утра, а къ тремъ часамъ дня перешелъ въ общую атаку. Первая линія у генерала Скобелева была составлена изъ ротныхъ колоннъ, усиленныхъ густыми пѣхотами. Здѣсь находились пѣхотные полки: Владимірскій, Суздальскій и стрѣлковые батальоны 9-й и 10-й; за этими частями слѣдовалъ Либаускій пѣхотный полкъ и наконецъ резервы, въ составъ которыхъ вошли 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны. Полевые батареи все время слѣдовали на риду съ пѣхотными частями и, смѣло подѣвжая къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ на ближайшія дистанціи, осыпали противника картечными гранатами. Генераль Скобелевъ лично велъ наступленіе своего отряда и все

время находился впереди, вмѣстѣ съ пѣхотою, на своей бѣлой лошади. Надо замѣтить, что этотъ генераль иначе не выѣзжаетъ въ сраженіе, какъ только на бѣлой лошади и самъ весь одѣтый въ бѣлое: бѣлый китель и бѣлая фуражка. Въ эту кампанію подъ нимъ убито уже нѣсколько лошадей, но самъ онъ, какъ бы играя опасностію и вызывая ее на себя, ко всеобщему удивленію остается до сихъ поръ цѣль и невредимъ, такъ что между солдатами приобрѣлъ себѣ даже легендарную репутацію: солдаты убѣждены, что онъ «заколдованъ», «заговоренъ отъ пули» и смотрятъ на него, какъ на существо сверхъестественное, а офицеры, видя его постоянно впереди, пренебрегающаго всѣми опасностями и въ то-же время ласковаго, спокойнаго, простаго въ обхожденіи со всѣми, питаютъ къ нему безграничную любовь и довѣріе. Даже сами турки уже знаютъ Скобелева и, по рассказамъ плѣнныхъ, называютъ его «Акъ-пашою» (бѣлымъ генераломъ). «Это тотъ Акъ-паша, что всегда впереди русскихихъ», говорили они, отвѣчая на вопросъ, извѣстенъ ли имъ Скобелевъ. — «А, мы знаемъ его, и когда мы видимъ его впереди, тогда нашимъ худо приходится, тогда мы грази наѣдаемся (т. е. несемъ срамъ пораженія)», и прибавляли съ фаталистическимъ вздохомъ: «Ишшалахъ... Ишшалахъ!» (т. е. Божья воля, или такъ Богу угодно).

Послѣ четырехъ часовъ пополудни дождь пересталъ на нѣкоторое время и туманъ мало-по-малу началъ разсѣиваться. Вмѣстѣ съ этимъ явилась возможность наблюдать поле сраженія. И въ центрѣ, около Радншевскаго редута, и на лѣвомъ флангѣ видны были въ перспективахъ, одни за другими, ряды и линіи бѣлыхъ ружейныхъ дымовъ, надъ которыми тамъ и сямъ поднимались высокіе, плотные клубы дыма, выкатывавшагося изъ орудій, и все это при непрерывномъ трескѣ пушечныхъ выстрѣловъ, шипѣніи гранатъ и рокотѣ немолкаемой перестрѣлки, которая сливалась въ одинъ непрерывный гулъ. Шрапнели все чаще и чаще красиво лопались въ воздушной высотѣ, на долго оставляя послѣ себя въ небѣ густое маленькое облачко. Около шести часовъ вечера вся эта широкая картина оварилась особеннымъ свѣтомъ заходящаго солнца. На западѣ, тамъ гдѣ грозно дымившіяся и рокотавшія позиціи турокъ скрывали за собой притаившіяся городъ, густыя тучи, прижавшія снизу свинцовый, а сверху темно-лиловый оттѣнокъ, вдругъ въ одномъ мѣстѣ разорвались и образовали длинную, узкую щель, которая вся горѣла красно-золотистымъ блескомъ, а изъ самой середины ея какъ-то злоѣще глядѣло своимъ багровымъ дискомъ большое солнце, на половину перерѣзанное тучей. Вся картина боя, поля, кусты, холмы, отдаленныя покатоги и перспективы линій этихъ домовъ на нѣкоторое

1) Впрочемъ, формальный приказъ объ этомъ состоялся только 13-го сентября 1877 г. за № 157.

время окрасились и какъ бы прониклись такимъ же багрово-золотистымъ, словно бы кровавымъ, свѣтящимся колоритомъ. На вершинѣ «Императорскаго холма» сидѣлъ государь и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ вдаль, на битву. У подошвы холма стояла группа вышшихъ представителей нашей арміи и нѣсколько лицъ императорской свиты, а немного въ сторонѣ—группа иностранныхъ военныхъ агентовъ, позади же толпились наши и румынскіе офицеры разныхъ родовъ оружія, ординарцы, адъютанты, конвойные казаки и болгарскіе поселане. Всѣ эти группы, отчетливо вырисовывались силуэтами своими на фонѣ озареннаго неба, и всѣ устремляли взоры на западъ, туда, гдѣ кипѣло горячее сраженіе... Сколько упованій и какое нетерпѣливое ожиданіе горѣло въ этихъ взорахъ; сколько сердецъ тревожно билось въ чаяніи близкихъ результатовъ дѣла! Только *некоторые* изъ иностранныхъ агентовъ оставались безучастно, равнодушно-спокойны.— «Посмотримъ, что-то изъ этого выйдетъ?» какъ бы невольно говорило выраженіе физиономій этихъ господъ, не то сдержанно-злорадныхъ, не то прилично сомнѣвающихся, но во всякомъ случаѣ, далеко намъ не сочувствующихъ и только старающихся изъ приличія скрыть истинное свое настроеніе.

— Какъ хотѣлось бы этимъ господамъ, чтобы насъ и въ третій разъ поколотили,—замѣтилъ при мнѣ одинъ изъ почтенныхъ генераловъ императорской свиты.

— И именно *сегодня*,—добавилъ къ этому замѣчанію другой собесѣдникъ.

Всѣ, безъ исключенія, нетерпѣливо, почти лихорадочно ожидали извѣстій съ пунктовъ атаки, но извѣстій—ни радостныхъ, ни печальныхъ—не приходило еще ни откуда.

Къ семи часамъ солнце скрылось, небо померкло и вновь задернулось густыми тучами, и вновь заморосилъ дождикъ—холодный, скучный, совсѣмъ осенній, и вскорѣ полная ночная темнота смѣнила короткія сумерки.

Государь уѣхалъ съ позиціи въ Радзынецъ около восьми часовъ вечера. Великій же князь, въ ожиданіи извѣстій объ исходѣ штурма, остался на ночлегъ на мѣстѣ. На холмѣ былъ разложенъ изъ соломы большой костеръ, пламя котораго, обозначая мѣсто нахожденія главнокомандующаго, должно было служить маякомъ адъютантамъ и ординарцамъ, ожидаемымъ съ донесеніями. Лейбъ-казаки усердно подкладывали въ костеръ снопы за снопомъ и въ теченіе всей ночи поддерживали большое пламя, несмотря на дождь. Его высочество и князь Карлъ помѣстились на ночлегъ въ своихъ коляскахъ, а свита расположилась гдѣ и какъ возможно: кто у костра, кто подъ экипажами, или въ повозкахъ, а кто и просто на мокрой землѣ, завернувшись въ гуттаперчевый плащъ или въ кавказскую бурку. Но немногимъ спалось въ эту памятную ночь: осенняя сы-

рость и дождь пронизывали до костей; вокругъ ни зги не видно, а тутъ еще томительная неизвѣстность объ исходѣ штурма... Для огражденія бивуачнаго мѣста главной квартиры отъ возможнаго ночного нападенія, сюда былъ призванъ одинъ батальонъ старо-Игерманландскаго пѣхотнаго полка, который и окружилъ всю эту мѣстность дѣлю аванпостовъ.

Было уже за полночь, когда къ великому князю главнокомандующему привезли извѣстіе о положеніи дѣла на лѣвомъ флангѣ, у генерала Скобелева. Оказалось, что отрядъ его къ шести часамъ вечера взялъ послѣдовательно одинъ за другимъ два турецкіе редута, причемъ Скобелевъ каждый разъ самъ водилъ въ атаку свои штурмовыя колонны, какъ на парадъ, съ музыкой и развернутыми знаменами, и первымъ вскочилъ верхомъ на брустверъ одного изъ редутовъ. Турки нѣсколько разъ пытались выбить насъ изъ этихъ укрѣпленій, но наши войска отбрасывали ихъ каждый разъ съ большимъ урономъ. Къ ночи въ одинъ изъ этихъ редутовъ было втасовано три нашихъ орудій; въ каждый редутъ генералъ Скобелевъ назначилъ особыхъ комендантовъ изъ штабъ-офицеровъ тѣхъ частей, которыя брали эти укрѣпленія. Потери, понесенныя отрядомъ Скобелева при штурмѣ, простирались до 1,500 человекъ выбывшими изъ строя, причемъ палъ начальникъ 3-й стрѣлковой бригады, храбрый генералъ-майоръ Добровольскій¹⁾. Впрочемъ, точная цифра потерь въ то время еще не могла быть извѣстна.

Тотчасъ же по полученіи извѣстія о взятіи двухъ редутовъ, великій князь, при слабомъ свѣтѣ фонаря, карандашомъ написалъ записку объ этомъ благоприятномъ для нашего оружія событіи и, призвавъ флигель-адъютанта полковника князя Чингисъ-Хана, отправилъ его съ ней въ Радзынецъ, къ государю императору.

Всю ночь послѣ этого извѣстія слышна была на лѣвомъ флангѣ почти непрерывная и сильная перестрѣлка, и всю ночь орудія съ нашихъ

¹⁾ Замѣчательно, что у Добровольскаго—какъ говорятъ—было положительное предчувствіе своей смерти. За два или за три дня до нея, въ канцеляріи штаба дѣйствующей арміи былъ полученъ пакетъ съ духовнымъ завѣщаніемъ генерала Добровольскаго, а наканунѣ сраженія, смотря на пару своихъ лошадей и экипажъ, онъ—какъ передаютъ—выразился будто бы такъ: „Слава Богу, успѣлъ обзавестись добрыми конями и экипажемъ надежнымъ, по крайней мѣрѣ, послѣ завтрашняго дня они хотя тѣло мое перевезутъ въ Россію“. Когда восемь стрѣлковъ, составлявшихъ личное прикрытіе генерала и исполнявшихъ между прочимъ, вмѣсто ординарцевъ, разныя его приказанія, выносили изъ боя своего умирающаго начальника, генералъ, обратясь къ случившемуся здѣсь художнику Сергію Верещагину, просилъ его передать чрезъ Скобелева великому князю свою предсмертную просьбу, чтобы эти восемь молодцовъ стрѣлковъ были награждены знаками отличія военнаго ордена. Просьба Добровольскаго была исполнена его высочествомъ.

батареи посылали рѣдкіе выстрѣлы по линіи турецкихъ укрѣпленій.

Когда отрядъ генерала Скобелева управился наконецъ съ редутами, то наступила уже такая темнота, что войска, занявшія эти укрѣпленія, потеряли возможность дать себѣ точный отчетъ о положеніи взятыхъ редутовъ относительно тѣхъ верховъ, которые оставались еще въ рукахъ противника. Несмотря на это, всю ночь кипѣла здѣсь непрерывная перестрѣлка, въ которой мы отвѣчали туркамъ по направленію вспыхнувшихъ ихъ выстрѣловъ, а всю ночь истомленные люди приспособляли себѣ закрытія, роя землю, за неимѣніемъ шанцеваго инструмента, крышками отъ котелковъ, штыками, тесаками и даже просто руками.

На разсвѣтъ 31-го числа положеніе скобелевцевъ выяснилось. Оба редута были открыты съ горки и соединены между собой длинной траншеей, которая прокопана по самому гребню высоты. Положеніе защитниковъ этихъ укрѣпленій явилось тѣмъ затруднительнѣе, что оба редута внутри, а равно и траншея на всемъ ея протяженіи отлично обстрѣлывались картечными гранатами съ Крипинскаго редута, еще не взятаго нами. Но затрудненія не ограничились только этимъ. Свѣтъ утренней зари показывалъ намъ, что мы находимся не далѣе какъ въ полтора саженихъ отъ городскихъ садовъ и предіи Плевны; эти сады были сильно заняты теперь стрѣлками противника, который по флангамъ ихъ выставилъ полевые батареи.

LXVII.

Третья Плевна.

День шестой, 31-го августа.

Первая атака турокъ противъ Скобелева. — Просьба его о подкрѣпленіяхъ. — Первый отказъ. — Генералъ Крыловъ, на свой страхъ, отправляетъ къ нему Шуйскій полкъ. — Совѣщаніе на „Императорскомъ холмѣ“ и предложеніе генерала Зотова атаковать Крипинскій редутъ. — Вторичный отказъ Скобелеву въ подкрѣпленіяхъ и данная ему программа дѣйствій на нынѣшній день. — Вторая и третья атаки турокъ противъ Скобелева. — Замѣчательный случай съ капитаномъ Куропаткинымъ. — Отсутствіе резервовъ и сборныя команды. — Четвертая атака турокъ. — Недоброе затишье. — Ужасное положеніе двухъ редутовъ, взятыхъ Скобелевымъ. — Скобелевъ въ редутахъ. — Приготовленія къ встрѣчѣ новой атаки. — Вѣра въ нашъ успѣхъ утрачена. — Пятая атака турокъ. — Приказаніе отступать изъ редутовъ. — Геройская защита подполковника Мосдеваго и доблестная смерть майора Горталова. — Скобелевъ съ Шуйскимъ полкомъ лично прикрываетъ отступление остатковъ своего отряда. — Его потеря и общая убыль соединеннаго Западнаго отряда за дни третьей Плевны. — Отъѣздъ иностранныхъ свидѣтелей объ отступленіи Скобелева. — Прочія дѣйствія 31-го числа. — Государь императоръ на позиціи. — Представленіе великому князю главнокомандующему знамени, взятаго русскими.

На позиціи передъ Плевной, 3-го сентября.

Съ разсвѣтомъ 31-го августа вновь началось дѣло по всей линіи канонадой и ружейнымъ

огнемъ, который однако вскорѣ смолкъ, будучи направленъ со стороны турокъ по Гриничскому редуту. На нашъ артиллерійскій огонь непріятель отвѣчалъ очень рѣдкими выстрѣлами, сосредоточивъ все свои усилія противъ скобелевскаго отряда. Расположеніе частей послѣдняго во взятыхъ имъ редутахъ существенно угрожало и укрѣпленному турецкому лагерю, и пути отступленія турокъ на софійскую дорогу, и самому городу Плевнѣ. Сильно обстрѣлывъ войска генерала Скобелева и съ фронта и съ фланговъ, турки двинулись фронтальной атакой на защитниковъ отбитыхъ у нихъ редутовъ, а въ тылъ имъ выслали около трехъ тысячъ кавалеріи. Въ то самое время, какъ владимірцы и суздальцы отразили атаку пѣхоты, другіе ихъ отрядные сотоварищи нанесли стрѣлковымъ огнемъ значительный вредъ кавалеріи. Послѣ этой удачи, генералъ Скобелевъ, конечно, могъ бы немедленно перейти въ наступленіе и, быть можетъ, имѣть успѣхъ, но силы его отряда, ослабленныя боями предшествовавшихъ дней, къ сожалѣнію, оказались слишкомъ малочисленными для такого рѣшительнаго предпріятія. Въ ожиданіи подкрѣпленій, о которыхъ просилъ генералъ Скобелевъ, ему оставалось только во что бы то ни стало удерживать за собой выигранную позицію *).

Но, въ сущности, это было совершенно напрасное ожиданіе, такъ какъ еще довольно раннимъ утромъ князь Имеретинскій прислалъ Скобелеву копію со слѣдующей депеши генерала Зотова:

«По приказанію главнокомандующаго, предписываю вамъ (т. е. Имеретинскому) и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ, впредь до особаго приказанія; подкрѣпленій не ждите: ихъ у меня нѣтъ. Ожидаю точныхъ свѣдѣній о потеряхъ 30-го августа. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ».

Но незадолго до полученія этой записки, Скобелевъ уже отправилъ особаго ординарца къ командующему 4-мъ корпусомъ генералу Крылову, съ просьбой о присылкѣ хоть какойнибудь помощи.

Генералъ Крыловъ, выѣхавъ утромъ къ ма-

*) Въ рапортѣ генералъ-лейтенанту Зотову генералъ Скобелевъ пишетъ слѣдующее:

„Еще 30-го августа, вскорѣ по занятіи редутовъ, я доносилъ о невозможности развить только съ одними вѣрными мнѣ войсками дальнѣйшій успѣхъ, а именно, занять городъ Плевну, взять непріятельскій лагерь и, такимъ образомъ, рѣшить участь сраженія, и убѣдительно просилъ о присылкѣ подкрѣпленій. Въ ночь съ 30-го на 31-е августа я объяснилъ положеніе дѣлъ адъютанту его императорскаго высочества главнокомандующаго, полковнику Орлову, и снова просилъ подкрѣпленій не только для развитія дальнѣйшихъ успѣховъ, но чтобы имѣть возможность удержатъ за собой уже занятія съ такими потерями непріятельскія позиціи“.

юй осадной батареей, встрѣтилъ скакавшаго во весь духъ поручика 11-го стрѣлковаго батальона Карамышева (бывшаго житомірскаго предводителя дворянства), который передалъ ему отъ имени Скобелева, что удержаться въ редутахъ безъ немедленной помощи нѣтъ силъ, а при отступленіи нѣтъ возможности сохранить отрядъ въ виду массы непріятельскихъ войскъ и занятія ими лѣса къ западу отъ редутовъ и Кришина. Тогда генералъ Крыловъ поѣхалъ къ Шуйскому полку, поставилъ его въ ружье и приказалъ двигаться по Радивѣвской лощинѣ къ Тученицкому оврагу и далѣе, за шоссе, въ распоряженіе генерала Скобелева. Но въ то время, какъ Шуйскій полкъ проходилъ въ Тученицкій оврагъ, поручикъ Мариупольскаго гусарскаго полка Аничковъ привезъ генералу Крылову приказаніе вернуть шуйцевъ. Приказаніе это было вынуждено силой обстоятельствъ: вся 4-хъ-фунтовая артиллерія 4-го корпуса вышла надъ Плевной и всѣ начальствующія лица, находившіяся по (восточную) сторону Тученицкаго оврага, были убѣждены въ неизбежности атаки на эту артиллерію со стороны турокъ. Что тутъ было дѣлать? Съ одной стороны, неисполненіе прямого приказанія могло повести къ потерѣ корпусной артиллеріи, быть можетъ, именно вслѣдствіе удаленія Шуйскаго полка; съ другой же стороны, сосѣдній Скобелевскій отрядъ, не будучи поддержанъ, могъ погибнуть при отступленіи изъ редутовъ. Генералъ Крыловъ рѣшился взять всю отвѣтственность на себя—и Шуйскій полкъ не былъ остановленъ. Турки же артиллерію не атаквали.

Въ то самое время, какъ Скобелевъ умолялъ о подкрѣпленіяхъ, шло совѣщаніе между великимъ княземъ главнокомандующимъ и генераломъ Зотовымъ, который предлагалъ—оставить на позиціяхъ лишь небольшія части, безусловно необходимыя для прикрытія артиллеріи, собрать все остальное вмѣстѣ съ обиліемъ резервомъ и бросить всю эту силу на штурмъ Кришинскаго редута, такъ какъ положеніе Скобелева въ двухъ взятыхъ имъ редутахъ, для развитія дальнѣйшихъ успѣховъ, могло быть обезпечено надежнымъ образомъ единственно лишь при томъ условіи, чтобы Кришинскій редутъ былъ вырванъ у турокъ и прочно занятъ нами. Но лица, присутствовавшія на совѣщаніи, нашли эту мѣру чрезчуръ рискованною, ибо если бы мы потерпѣли неудачу при штурмѣ Кришинскаго редута, то тогда всѣ силы Западнаго отряда пришлось бы считать несуществующими, до прибытія гвардіи и гренадеръ изъ Россіи. Изъ всѣхъ предлагавшихся мѣръ, остановились пока на медленномъ отступленіи къ болгаренской позиціи, съ тѣмъ чтобы держаться на линіи рѣки Осмы, до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, въ строго оборонительномъ положеніи; гвардію же и гренадеръ предполага-

лось держать въ стратегическомъ резервѣ около одного изъ центральныхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Горный-Студень и его окрестныя селенія, для того чтобы имѣть возможность двигать ихъ, смотря по надобности, въ любую сторону. Послѣ этого рѣшенія, въ 8½ часовъ утра къ генералу Скобелеву была отправлена съ адъютантомъ главнокомандующаго полковникомъ Орловымъ записка слѣдующаго содержанія:

«По приказанію великаго князя главнокомандующаго, если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните по возможности, отсюда не ранѣе вечера, медленное отступленіе къ Тученицѣ, прикрываясь конницею Леонтьева. Сообщите это приказаніе его императорскаго высочества князю Имеретинскому. Держите же это въ великомъ секретѣ, а въ томъ, что вы сумѣете и поймете какъ сдѣлать должно, сомнѣнія нѣтъ. Гривницкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ тѣмъ, а потому рѣшено медленное отступленіе. 31-го августа, 8½ часовъ утра. Генералъ Зотовъ».

Эта записка была получена Скобелевымъ въ половинѣ одиннадцатаго часа утра, и хотя она совершенно разбивала его надежды на подкрѣпленіе, но онъ все еще не переставалъ гадательно разсчитывать на какой нибудь благоприятный оборотъ дѣла, тѣмъ болѣе, что по ту сторону Тученицкаго оврага, на высотѣ резервовъ его праваго фланга, видны были силы 4-го корпуса, которыя, какъ казалось ему, были еще достаточно грозны. Между тѣмъ турки ударили на него новою атакой съ удвоенными силами и снова были отброшены. За второю атакой послѣдовала третья и каждый разъ все съ болѣе и болѣе силами. Во время этой послѣдней, въ первомъ изъ занятыхъ нами редутовъ былъ взорванъ турецкою гранатою нашъ зарядный ящикъ. Огнемъ двухъ орудій, изъ числа четырехъ, управлялъ капитанъ Куропаткинъ. Взрывъ произошелъ около него, почти рядомъ.

Всѣ люди, стоявшіе у ящика, и въ томъ числѣ батареинный командиръ полковникъ Рушковскій, взлетѣли на воздухъ, при страшномъ грохотѣ и трескѣ лопавшихся снарядовъ. Капитана Куропаткина тоже подхватило вмѣстѣ съ другими—но, къ счастью, только подбросило, слегка контузило и опалило ему голову. Ни мало не смутясь этимъ ужаснымъ случаемъ, онъ едва лишь успѣлъ стать на ноги, какъ совершенно спокойно скомандовалъ: «первое—пли!»—и продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, свое дѣло.

У Скобелева еще съ ночи почти уже не было цѣльныхъ частей, даже и въ резервѣ, а существовали только сборныя команды изъ остатковъ людей его отряда, сформированныя тутъ же, на мѣстѣ. Вслѣдъ за третьею атакой, турки

повели и четвертую, противъ лѣваго фланга. Наши подпустили ихъ на разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла (500—600 шаговъ) и встрѣтили какъ стрѣлковымъ огнемъ цѣли, такъ и выстрѣлами хорошо маскированныхъ четырехъ орудій. Послѣ ожесточенной перестрѣлки, продолжавшейся три четверти часа, была наконецъ отбита и четвертая атака, а вслѣдъ за тѣмъ значительно стихъ и ружейный и артиллерійскій огонь противника. Но эта относительная тишина вовсе не радовала Скобелева. Онъ уже имѣлъ свѣдѣнія о неудачѣ вчерашнихъ атакъ 4-го корпуса и предвидѣлъ, что Османъ-паша соберетъ всѣ свои силы противъ его отряда, который вѣзлся такимъ угрожающимъ клиномъ въ расположеніе турокъ, а этотъ кливъ между тѣмъ былъ одинаково неудобенъ какъ для Османа, такъ и для самаго Скобелева; да для послѣдняго, пожалуй, еще больше, если взять во вниманіе полное отсутствіе подкрѣпленій. Чтобы лично убѣдиться въ средоточеніи непріятельскихъ войскъ, генералъ Скобелевъ въ половинѣ четвертаго часа дня, самъ отправился въ редуты, которые въ это время представляли уже страшную картину. Массы труповъ нашихъ и турецкихъ лежали грудами; особенно же была переполнена ими внутренность редутовъ. Въ глубокой трагической, связующей эти укрѣпленія, продолжные непріятельскіе выстрѣлы производили страшное опустошеніе, поражая сразу десятки людей. Защитники траншеи стояли одиночками среди грудъ убитыхъ и умирающихъ.

На редутѣ, ближайшемъ къ Плевнѣ, часть бруствера, обращеннаго къ городу, была вся сложена изъ труповъ, а на другомъ редутѣ три наши орудія ¹⁾ были совершенно исковерканы, прислуга же и лошади всѣ перебиты. Стоявшее рядомъ турецкое орудіе, взятое нами въ этомъ же редутѣ, оказалось тоже подбитымъ. Скобелевъ приказалъ вынуть изъ него кольцо, на случай, если оно попадетъ въ руки турокъ. Исконемъ главнокомандующаго онъ горячо поблагодарилъ защитниковъ редутовъ — майора Горталова, подполковника Мосцеваго и людей за ихъ геройскую стойкость. Изъ праваго редута можно было видѣть даже простымъ глазомъ, какъ со всѣхъ линій собираются турецкія войска въ лагерь, расположенный между городомъ и восточными укрѣпленіями. Тамъ они строились въ большія массы.

Хотя еще въ половинѣ третьяго часа дня Скобелевъ получалъ извѣстіе о прибытіи къ нему Шуйскаго полка, но онъ не рѣшился ввести его въ дѣло, потому что шуйцы составили теперь единственный резервъ его отряда, — остальные резервы всѣ уже были израсходованы, да и это послѣднее подкрѣпленіе, въ сущности, не могло считаться достаточнымъ,

такъ какъ весь Шуйскій полкъ состоялъ изъ 1,300 человекъ. Подкрѣпивъ редуты нѣсколькими сотнями людей, съ трудомъ собранныхъ чуть не по-одиночкѣ изъ остатковъ разныхъ полковъ, благодаря неутомимой энергіи Куропаткина, — Скобелевъ спокойно сталъ ожидать начала пятой атаки, но уже не вѣря въ возможность отбить ее.

И вотъ, уже въ исходѣ пятаго часа дня, противъ него показались новыя массы турокъ. Впереди ихъ развернулось большое зеленое знамя, долженствовавшее замѣнять собою «священное знамя пророка», и громко раздалось религиозное пѣніе стиховъ: «Алла Аллага иль Алла!» А когда раздается такое пѣніе и развертывается зеленое знамя — это, по историческому опыту всѣхъ армій, воевавшихъ съ мусульманами, значитъ, что мусульмане дѣлаютъ послѣднюю, но самую отчаянную и фанатическую попытку, послѣ которой, въ случаѣ неудачи, наступаетъ у нихъ уже полная паника и деморализація. Вмѣстѣ съ большими зелеными знаменемъ надъ колоннами атакующихъ таборовъ развернулись и всѣ остальные, меньшія знамена; грянула военная музыка; религиозный гимнъ былъ подхваченъ всѣмъ фронтомъ турокъ, и подъ его звуки они въ пятый разъ обрушились стремительно на отрядъ Скобелева, ежеминутно между тѣмъ слабѣвшій въ числѣ отъ множества убитыхъ и раненыхъ... Есть невозможное и для героев! *Цѣлые тридцать часовъ* отрядъ Скобелева не выходилъ изъ непрерывнаго боя; по овладѣніи же редутами, цѣлые сутки держался въ нихъ, въ надеждѣ, что авось-либо пришьютъ подкрѣпленіе, авось-либо не пропадутъ задаромъ всѣ эти нечеловѣческія усилія и самопожертвованія, которыя проложатъ путь остальнымъ войскамъ къ полной побѣдѣ, — не запоздавшей еще и теперь. Таково было общее убѣжденіе въ редутахъ. Не говоря уже о предшествовавшихъ дняхъ, этотъ отрядъ, ослабленный значительными потерями, измученный перенесенными трудами и лишеніями, голодный и измокшій подъ холоднымъ дождемъ, всю ночь напролетъ поддерживать оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, въ ежеминутномъ напряженномъ ожиданіи ночного нападенія, и наконецъ сегодня эти пять ужасныхъ, отчаянныхъ атакъ, одна вслѣдъ за другою, почти безъ промежутка, безъ малѣйшей передышки, подъ массой самаго адскаго огня, подъ непрерывнымъ градомъ пуль, отъ которыхъ цѣлыми десятками ежеминутно валились повсюду наши люди, — было наконецъ отчего и сломиться предъ столь неистовымъ и настойчивымъ напоромъ! Для отраженія послѣдней атаки уже не хватило силъ. Видя, что люди отдѣльными кучками все болѣе и болѣе начинаютъ уходить изъ лѣваго редута (Абдуль-бей-табѣ), и убѣдясь въ окончательной невозможности удержаться съ

¹⁾ 5-я батарея 3-й артиллерійской бригады.

этими горстями противъ столькихъ массъ не-
приятеля, наступавшаго густыми колоннами въ
нѣсколько линій, Скобелевъ послалъ въ оба
редута приказаніе отступать и для прикрытія
этого отступления самъ лично повелъ впередъ
батарею и Шуйскій полкъ, который и былъ
развернутъ имъ въ боевую линію подъ жесто-
кимъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и съ
лѣваго фланга ¹⁾. Суздальскаго полка подпол-
ковникъ Мосцовой, котораго Скобелевъ назна-
чилъ комендантомъ праваго редута (Реджи-бей-
табѣ), отбилъ всѣ пять атакъ, направленныхъ
на его укрѣпленіе и, окруженный турками, про-
должалъ еще держаться въ немъ и тогда, когда
мы вынуждены были уже отступить по всей
линіи. Самъ генералъ Скобелевъ, какъ гово-
рятъ, долженъ былъ наконецъ лично подѣхаты
на ближайшее разстояніе къ этому редуту и
показать его защитникамъ знаками, а также и
крикнуть при этомъ во весь голосъ приказаніе
очистить редутъ, и только послѣ этого подпол-
ковникъ Мосцовой вышелъ оттуда съ горстью
своихъ сподвижниковъ, проложивъ себѣ обрат-
ный путь штыками. Но не менѣе замѣчательнъ
и еще одинъ подвигъ, совершенный Владимір-
скаго полка майоромъ Горталовымъ, который
былъ назначенъ комендантомъ лѣваго редута
(Абдуль-бей-табѣ). При назначеніи на этотъ
постъ, Горталовъ далъ генералу Скобелеву
слово, что пока живъ—онъ не сдастъ против-
нику вѣренное ему укрѣпленіе. И дѣйстви-
тельно, при послѣдней атакѣ, по полученіи при-
казанія отступить, Горталовъ пропустилъ мимо
себя всю сборную часть, защищавшую редутъ,
поручилъ ее штабсъ-капитану Абадзеву, по-
слалъ вслѣдъ уходящимъ людямъ свое благо-
словеніе, перекрестился самъ и спокойно воз-
шелъ на брустверъ, фронтъ котораго былъ
обращенъ къ атакующему неприятелю. Этотъ
человѣкъ остался теперь среди мертвыхъ и
умирающихъ единственными защитникомъ вѣ-
реннаго ему поста,—онъ твердо держалъ дан-
ное слово. Безъ шапки, окрестивъ на груди
руки, въ которыхъ въ правой была опущенная
сабля, сталъ онъ твердою ногою на наружномъ
краѣ бруствера и ожидалъ турокъ, или смерти,
что въ данномъ случаѣ было одно и то же. Не
прошло и минуты, какъ онъ былъ поднятъ на
штыки непріятельскими солдатами и разорванъ
ими на части. Слово было сдержано. Георгіен-
скій крестъ, присланный ему въ награду за
подвиги, совершенные еще въ предшествовав-
шіе дни и наканунѣ, не засталъ уже въ живыхъ
Горталова. Но это имя, безъ сомнѣнія, будетъ
на вѣки записано въ исторіи Владимірскаго

полка, да не должно быть забыто и вообще въ
нашей военной исторіи.

Въ шестомъ часу дня оба редута были уже
во власти турокъ, причемъ въ правомъ редутѣ
оставлены въ ихъ рукахъ три наши орудія,
сильно подбитыя, и одно турецкое, взятое нами
30-го августа. Изъ всѣхъ этихъ орудій колыца
были вынуты и унесены съ собою отступившими
людьми.

Потери въ отрядѣ генерала Скобелева сами
по себѣ уже служатъ наилучшимъ свидѣтель-
ствомъ его безавѣтной храбрости и самоотвер-
женія. Почти всѣ командиры отдѣльныхъ частей
этого отряда выбыли изъ строя. Такъ, коман-
диръ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи,
генералъ-майоръ Тебякинъ убитъ; командиръ
Суздальскаго полка, полковникъ Долотовъ ра-
ненъ, а замѣнившій его штабъ-офицеръ убитъ;
командиръ 9-го стрѣлковаго батальона, Са-
лингре—убитъ; командиръ Либавскаго полка,
полковникъ Коль—тяжело раненъ; командиръ
Ревельскаго полка, полковникъ Писанко—тя-
жело раненъ; контужены: командиръ Калуж-
скаго полка полковникъ Эльжановскій, коман-
диръ Эстляндскаго полка полковникъ Головинъ,
командиръ 10-го стрѣлковаго батальона пол-
ковникъ Бородинъ и командиръ 12-го стрѣлко-
ваго батальона полковникъ Курсель. По одной
уже этой убыли можно приблизительно судить,
какова была потеря отряда офицерами и ниж-
ними чинами.

Когда, по окончаніи дѣла, были пересчитаны
люди, то вотъ что осталось изъ 22-хъ почти
комплектныхъ батальоновъ:

Въ Калужскомъ полку . . .	11 оф.	1,066 н. ч.
» Либавскомъ » . . .	14 »	1,201 » »
» Ревельскомъ » . . .	7 »	1,015 » »
» Эстляндскомъ » . . .	11 »	827 » »
» Суздальскомъ » . . .	18 »	906 » »
» Шуйскомъ » . . .	25 »	1,149 » »
Во всей 3-й стрѣлковой бригадѣ	30 »	1,028 » »

Итого . . 96 оф. 7,192 н. ч. ¹⁾

Стало быть, около 8,000 человѣкъ выбыло
изъ строя у одного только Скобелева, а при
этомъ въ расчетъ не введенъ, за неимѣніемъ
цифръ, еще Владимірскій пѣхотный полкъ, съ

¹⁾ Цифры эти, впрочемъ, не выражаютъ собой
дѣйствительной потери, такъ какъ онѣ были
сведены въ то время, когда не успѣли еще воз-
вратиться въ строй люди легко раненые и кон-
туженные, которые во время дѣла были отпра-
вляемы на перевязочные пункты лишь для не-
большой перевязки и кратковременнаго отдыха.
Равнымъ образомъ, въ этотъ счетъ не вошли и
усталые солдаты, выбившіе изъ строя также
для отдыха на короткое время. Мы приводимъ
эти цифры только для того, чтобы наглядно по-
казать, въ какомъ наличномъ числѣ людей были
нѣкоторыя части отряда въ моментъ отступле-
нія, и можно ли ему было при этомъ держаться
долѣе

¹⁾ Въ шестомъ часу генераломъ Крыловымъ
была получена слѣдующая записка:

„Изъ редутовъ выбыть, но отступая въ по-
рядкѣ, прикрываясь вашимъ Шуйскимъ пол-
комъ. Merci Général!“

„Скобелевъ“.

которымъ боевыя силы пѣхоты скобелевскаго отряда равнялись 25-ти батальонамъ.

Общая цифра потерь Западнаго отряда въ точности не свѣдѣна; приблизительно же полагаютъ, что она выражается слѣдующими данными: убитыхъ офицеровъ около 60, нижнихъ чиновъ свыше 3,000; что же касается раненыхъ, то, по свѣдѣніямъ, полученнымъ къ вечеру 2-го сентября, черезъ дивизионныя лазареты ихъ прошло слѣдующее количество:

Черезъ лазаретъ	2-й пѣх. див.	63 оф.	2,878 н. ч.
»	»	5-й »	» 31 » 811 »
»	»	16-й »	» 61 » 2,979 »
»	»	30-й »	» 56 » 1,614 »
»	»	31-й »	» 27 » 1,200 »

Итого 238 » 9,482 »

У Румынъ потеря, приблизительно, до 60 офицеровъ и болѣе 3,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Полагаютъ, что общая цифра нашей и румынской убиты можетъ просчитаться отъ 16-ти до 19-ти тысячъ.

Сторонникіе и не русскіе свидѣтели отступленія скобелевскаго отряда говорятъ, что хотя имъ и неоднократно доводилось на своемъ вѣку присутствовать при разныхъ битвахъ и видѣть многія отступленія, но что до сихъ поръ, они не видали ничего подобнаго: въ столь блистательномъ порядкѣ и съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ было оно совершено подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, какимъ провожали насъ турки. Отрядъ отошелъ отъ покинутыхъ редутовъ лишь на ружейный выстрѣлъ и, окопавшись на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ, оставался здѣсь до вечера 1-го сентября, когда, по распоряженію высшаго начальства, велѣно было перевести его на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла, къ Боготу.

Артиллерійскій огонь нашихъ боевыхъ линій поддерживался противъ турецкихъ позицій въ теченіе всего дня 31-го августа. Результатомъ его были два взрыва внутри непріятельскихъ укрѣпленій и пожаръ въ самомъ городѣ, гдѣ густой дымъ замѣтенъ былъ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ времени. Подъ вечеръ, со стороны турокъ, была сдѣлана небольшая попытка противъ нашего праваго фланга, гдѣ стояли румыны. Непріятель хотѣлъ было, повидимому, атаковать и Гривицкій редутъ, но все дѣло окончилось лишь одной ружейной перестрѣлкой.

Государь императоръ и въ этотъ день изволилъ посѣтить плевненскую позицію и около четырехъ часовъ дня выѣзжалъ впередъ, для наблюденія за ходомъ дѣла на лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ генерала Скобелева. Съ того пункта, гдѣ стоялъ государь императоръ, ясно были видны двѣ линіи ружейныхъ дымовъ, изъ которыхъ лѣвая (наша) упорно оставалась на мѣстѣ, а правая (турецкая), волнуясь зигзагами, то подвигалась впередъ, то вытягивалась на нѣкоторое время на мѣстѣ, то неправильно

подавалась назадъ и вновь подвигалась все ближе и ближе къ дымамъ лѣвой линіи.

Подъ вечеръ великому князю главнокомандующему, въ присутствіи князя Карла, было представлено турецкое знамя, взятое вчера въ Гривицкомъ редутѣ румынскими егеремъ Грегоромъ Іованомъ. Представилъ этотъ трофей самъ Іованъ, вмѣстѣ съ двумя помогавшими ему сослуживцами. Великій князь приказалъ повергнуть взятое знамя къ ногамъ князя Карла, причемъ наши конвойные казаки и роты старо-Ингерманландскаго батальона прокричали троекратное «ура». Князь Карлъ, въ отвѣтъ на эту любезность, замѣтилъ, что «такая почестъ должна быть воздана не ему, а самому великому князю, какъ главнокомандующему соединенными арміями, и прибавилъ, что если онъ не предупредилъ подобнымъ дѣйствіемъ великаго князя, то единственно потому, что это еще первое знамя, которое беретъ у непріятеля молодая румынская армія, а поэтому понятно, что ей не былъ еще знакомъ военный обычай, какъ поступать въ такихъ случаяхъ съ непріятельскимъ трофеемъ». Отказываясь отъ почести и замѣтивъ еще разъ, что она по всѣмъ правамъ принадлежитъ князю Карлу, главнокомандующій выразилъ полную увѣренность, что это первое знамя далеко не будетъ послѣднимъ въ числѣ трофеевъ румынской арміи. Румынскіе солдаты, взявшіе знамя, были тутъ же награждены знаками отличія военнаго ордена.

LVIII.

Третья Плевна.

День седьмой, 1-го сентября.

Турки отвѣчаютъ только Скобелеву.—Приѣздъ главныхъ квартиръ на позицію.—Военный совѣтъ на «Императорскомъ холмѣ».—Мнѣнія генерала Зотова, военнаго министра и генерала Левицкаго.—Рѣшеніе военнаго совѣта и продолженіе совѣщанія по отвѣдъ государя императора.—Опять Дюнь-Карлосъ.—Разборъ причинъ нашей новой неудачи.

Булгаренская позиція, 4-го сентября.

1-го сентября турки поддерживали ружейный огонь только противъ отряда генерала Скобелева, на всѣхъ же остальныхъ пунктахъ ни единымъ выстрѣломъ не отвѣчали на нашу канонаду, которая началась, по обыкновенію, въ шестомъ часу утра, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ. Великій князь главнокомандующій въ этотъ день выѣхалъ изъ Порадика въ десять часовъ утра и прибылъ на позицію въ началѣ двѣнадцатаго. Немного спустя, приѣхалъ сюда же и государь императоръ. Къ половинѣ третьяго часа наша канонада, весьма впрочемъ не частая, совершенно прекратилась. Въ это время его величеству угодно было собрать здѣсь же, на одномъ изъ небольшихъ кургановъ «Императорскаго холма», военный совѣтъ изъ немногихъ

высшихъ представителей нашей арміи, расположившихся на складныхъ табуретахъ кружкомъ около государя. По лѣвую руку его величества сидѣлъ великій князь главнокомандующій, а по правую—военный министръ Д. А. Милютинъ; подлѣ главнокомандующаго—генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, потомъ генералъ Зотовъ, князь Масальскій и генералъ Левицкій. Государь императоръ выразилъ желаніе услышать мнѣніе членовъ совѣта о томъ, какъ теперь поступить вообще, въ виду новой постигшей насъ неудачи, и какой образъ дѣйствій относительно Плевны предполагается за наилучшій?

Великій князь казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость; начальникъ штаба арміи, какъ-бы удрученный бременемъ своихъ заботъ, столь разностороннихъ и тяжелыхъ, сидѣлъ понуро, вперивъ сосредоточенный взоръ въ землю, видимо отдавшись весь какой-то глубокой думѣ. Государь, обведя весь кружокъ вопросительнымъ взглядомъ, остановилъ взоръ на начальникѣ штаба Западнаго отряда. Тогда генералъ Зотовъ, основываясь на рѣшеніяхъ вчерашняго совѣщанія, изъяснилъ мнѣніе за постепенное, медленное отступленіе къ тѣмъ самымъ позиціямъ, какія занималъ Западный отрядъ до 26-го августа. Князь Масальскій подавъ голосъ въ пользу той-же мысли, но генералъ-адъютантъ Милютинъ заявилъ свое несогласіе съ этимъ мнѣніемъ и въ обстоятельной, горячо и съ убѣжденіемъ сказанной рѣчи развилъ тумысль, что отступать теперь, послѣ новаго пораженія, отнюдь не слѣдуетъ ни одной пяди; что отступление невозможно ни въ политическомъ смыслѣ, по нашимъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ державъ, ни въ смыслѣ нравственномъ, по отношенію къ противнику, къ своей собственной арміи и, наконецъ, къ Россіи; что намъ теперь не отступать, а напротивъ, надо еще тѣснѣе сплотиться вокругъ Плевны, притянуть къ ней изъ Россіи возможно большія силы, взять сюда-же гвардію и гренадеръ и ставить вокругъ Османа, такъ сказать, желѣзное кольцо, пресѣчь ему пути сообщенія съ Виддиномъ и Софіей и, такъ или иначе, посредствомъ блокады или осады, вынудить его наконецъ къ безусловной сдачѣ; что это нашъ долгъ, который требуетъ отъ насъ не только честь арміи, но и честь государства.

Генералъ Левицкій присоединился къ мнѣнію военнаго министра и сталъ развивать детали этого плана. Тогда государю императору угодно было признать правильнымъ взглядъ генералъ-адъютанта Милютина, и такимъ образомъ было рѣшено обложить Плевну, вмѣстѣ съ правильною осадю оной, причемъ предложено немедленно же вызвать изъ Петербурга генералъ-адъютанта Тотлебена, какъ авторитетнаго и опытнаго специалиста по части инженернаго искусства, и вручить ему главное заведываніе всѣми вообще операціями противъ

Плевны. Въ четвертомъ часу его императорское величество изволилъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ оставить позицію, на которой послѣ этого въ теченіе двухъ часовъ оставался еще великій князь главнокомандующій и, сидя на холмѣ, продолжалъ совѣщаніе съ четырьмя остальными участниками военнаго совѣта. Между прочимъ, было рѣшено—пока, до прибытія гвардіи и гренадеръ, сосредоточить за Видомъ сильный корпусъ кавалеріи, подлѣ начальствомъ генералъ-лейтенанта Крылова, для партизанскихъ дѣйствій на путяхъ сообщенія арміи Османа.

Въ это же время прибылъ на позицію Донъ-Карлъ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Оба они присутствовали здѣсь какъ совершенно частные люди, безъ всякаго оружія, въ коломняковыхъ бѣлыхъ фуражкахъ и такихъ-же пиджакахъ партикулярнаго покроя. Нѣкоторые изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ также оставались еще на позиціи, откуда уѣхали одновременно съ великимъ княземъ.

Къ вечеру батареи наши возобновили медленный огонь, точно также оставшійся безъ отвѣта; зато въ ночь съ 1-го на 2-е сентября турки безъ всякой причины опять открыли на нѣкоторое время довольно частую ружейную пальбу, не причинившую намъ никакой потери.

И такъ *третья Плевна* кончилась; остается разобрать причины нашей новой неудачи. Мнѣнія, которыя по этому поводу высказываются теперь свѣдущими людьми и относительно которыхъ я, какъ и прежде, останусь только простымъ излагателемъ, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ ¹⁾.

1) Недостаточность силъ для атаки. По свѣдѣніямъ генерала Зотова, у Османа-паши къ 26-му августа было около 80,000 арміи «сильно фанатизированной и отлично вооруженной» ²⁾, мы же для атаки могли выставить, вмѣстѣ съ резервами, только 64 батальона, т. е. около 57,000 штыковъ, если принимать каждый батальонъ въ его полномъ боевомъ составѣ, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности почти никогда не бываетъ. Такъ точно и на этотъ разъ, по строевымъ рапортамъ, полученнымъ генераломъ Зотовымъ предъ 26-мъ августа, во всей русской пѣхотѣ Западнаго отряда оказалось налицо только съ небольшимъ 42,000 штыковъ. На румынъ въ этомъ случаѣ не разсчитывалось, потому что они никогда еще, какъ говорится, «не нюхали пороха», не были «обстрѣляны», и вопросъ о томъ, какъ они будутъ драться и на сколько можно положиться на ихъ активную

¹⁾ Все послѣдующее окончаніе этого письма писано позднѣе 15-го сентября, а именно уже въ ноябрѣ 1877 года.

²⁾ Реляція генералъ-лейтенанта Зотова о Плевненскомъ боѣ съ 26-го по 31-е августа включительно.

силу и способность къ атакъ—являлся, до начала дѣла, крайне сомнительнымъ, ради чего на лѣвый флангъ румынской арміи была откомандирована даже цѣлая бригада нашей 5-й пѣхотной дивизіи, на тотъ возможный случай, чтоеслибы турки вздумали броситься на румынъ, и послѣдніе не выдержали бы натиска, то наша бригада была бы поставлена въ возможность предупредить катастрофу до прибытія резерва, а также и для того, чтобы во время атаки Гривицкаго редута, коей честь была предоставлена румынамъ, поддержать ихъ въ случай неудачи. Вообще же, такъ какъ главный ударъ Осману предполагалось нанести съ юга ¹⁾, а атака Гривицкаго редута считалась не болѣе, какъ второстепеннымъ, демонстративнымъ дѣйствіемъ, то значить, что 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, въ сущности, можно считать вычеркнутою изъ счета батальоновъ, предназначавшихся для дѣйствительнаго удара. Стало быть, за вычетомъ этой бригады, а также трехъ полковъ общаго резерва и одного старо-ингерманландскаго батальона, охранявшаго расположеніе главныхъ квартиръ на позиціи (всего 16 батальоновъ), для дѣйствительной атаки оставалось только 48 батальоновъ, или около 43,000 штыковъ комплектныхъ, а въ дѣйствительности, согласно строевымъ рапортамъ, около 31,200, т. е. почти въ два съ половиною раза меньше, чѣмъ у Османа. Не является ли это сполна и даже болѣе повтореніемъ главной ошибки 18-го іюля, когда мы выставили неполныя 27,000 штыковъ противъ 60,000? Выходить, что условія нападенія остались тѣ же, а условія обороны значительно усилились въ пользу противника, такъ какъ къ 26-му августа вокругъ Плевны, особенно же на юго-восточномъ и южномъ фронтахъ, возникло уже нѣсколько сильныхъ редутовъ и траншей, которыхъ 18-го іюля еще *вовсе не существовало*.

2) Недостаточность силъ въ главномъ пунктѣ удара. Если южныя укрѣпленія были признаны «стратегическо-тактическимъ ключемъ лагеря», такъ что отъ овладѣнія ими зависѣла судьба всего дѣла, то 22 батальона, изъ коихъ собственно для удара предназначалось первоначально только 13, были далеко не достаточны. Въ этомъ пунктѣ нужны были не 22, а по крайней мѣрѣ 40 батальоновъ, дабы князь Имеретинскій получилъ возможность вести одновременно

атаку на два малые редута, взятые Скобелевымъ, и на Кришинскій редутъ, который собственно и составляетъ стратегическо-тактический ключъ не одной лишь южной позиціи, а и всего укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, ибо обладаніе Кришинскимъ редутомъ не только облегчало бы Скобелеву атаку двухъ малыхъ редутовъ, составляющихъ, собственно говоря, уже второстепенную цѣль дѣйствій на южномъ фронтѣ, но и позволяло бы нашимъ войскамъ (опять же въ количествѣ не 22-хъ, а 40-ка батальоновъ) занять юго-западные плевненскія возвышенности, которыя прикрываются Кришинскимъ редутомъ и, по господствующему своему положенію надъ всѣми стальными турецкими позиціями, собственно и составляютъ истинный стратегическо-тактический ключъ ко всей позиціи Османа. Достаточно взглянуть на профили плевненскихъ позицій ²⁾, чтобы убѣдиться въ этомъ, а именно: принявъ за средній уровень площадь шоссе у города (0), изъ вертикальнаго сѣченія видно, что Опонецкія высоты, увѣнчанныя укрѣпленіемъ Сулейманъ-паша-табѣ, возвышаются надъ среднимъ уровнемъ на 40 сажень, Буковлѣскія высоты на 20, а Кришинскій редутъ (Юнусъ-бей-табѣ) почти на 70 сажень; тѣ же юго-западные возвышенности, которыя онъ прикрываетъ собою и которыя тинутся въ направленіи къ Видскому каменному мосту, тоже значительно господствуютъ какъ надъ Буковлѣскими, такъ и надъ Опонецкими высотами ³⁾; стало быть, занявъ ихъ, по овладѣніи Кришинскимъ редутомъ ⁴⁾, мы сразу стали бы въ господствующее положеніе надъ всѣми позиціями Османа, которому, вдобавокъ, легко могъ бы быть отрѣзанъ и самый путь отступленія къ Софіи, такъ какъ юго-западные высоты прилегаютъ непосредственно къ Видскому мосту; онъ къ тому же лѣсисты на своемъ темени, такъ что и это обстоятельство было бы для насъ не безыгодно, позволяя хорошо укрывать наши силы отъ противника; онъ достаточно пологъ на своихъ сѣверныхъ скатахъ, обращенныхъ къ долинѣ Гривицкаго ручья, и потому, на случай атаки турокъ, эти скаты, хотя отчасти и покрыты виноградниками, даютъ полную возможность къ послѣдовательной оборонѣ въ нѣсколько ярусовъ

¹⁾ См. приложение „Профили укрѣпленнаго лагеря при городѣ Плевно“.

²⁾ На инструментально снятомъ планѣ относительныя вышины высотъ выражены въ слѣдующихъ цифрахъ:

Опонецкія (Сулейманъ-паша-табѣ) 139,46.

Высшій пунктъ Буковлѣскихъ высотъ 122,9.

Малые редуты, взятые Скобелевымъ—правый 132,6, лѣвый 142,3.

Кришинскій редутъ 166,8.

Прикрываемыя Кришинскимъ редутомъ юго-западные высоты 160, 156, 152 и ближайшая къ мосту высота 129.

³⁾ Во время третьей Плевны юго-западные высоты почти не были укрѣплены турками.

⁴⁾ Въ реляціи генералъ-лейтенанта Зотова говорится, что „со стороны Ловчи предполагалось нанесеніе рѣшительнаго удара“, и далѣе, что „пунктами атаки были избраны: сѣверное укрѣпленіе, иначе называемое Гривицкій редутъ, и лѣвый редутъ, выдающийся изъ системы центральныхъ укрѣпленій. Атака на этотъ редутъ производилась въ видахъ облегченія атаки на главный пунктъ, а именно: на укрѣпленія, прикрывающія Плевну со стороны ловче-плевненскаго шоссе, составляющія по своему положенію стратегическо-тактический ключъ лагеря“.

и къ полному развитію настѣльнаго огня, такъ что во все время атаки противникъ ни одной минуты не былъ бы укрытъ отъ нашихъ выстрѣловъ. Конечно, и съ 22-ми батальонами можно было бы взять Кришинскій редутъ, и что князь Имеретинскій имѣлъ въ виду атаку именно этого укрѣпленія, доказывается его телеграммою на имя генерала Зотова отъ 29-го августа, гдѣ сказано: «Добровольскій будетъ атаковать Кришинскій редутъ». Но такъ какъ, въ силу общей диспозиціи на 30-е августа, цѣлью дѣйствій Скобелевскаго отряда, въ составъ коего, по диспозиціи, вошла и стрѣлковая бригада Добровольскаго, поставлялось «атаковать укрѣпленный лагерь, прикрывающій городъ Плевну со стороны довчинскаго шоссе», а князю Имеретинскому быть въ резервѣ Скобелева «съ обязанностию поддерживать его атаку и прикрывать лѣвый флангъ его колонны», то и пришлось оставить мысль объ атакѣ Кришинскаго редута, потому что, во-первыхъ, диспозиція вовсе не указывала непосредственно атаку оваго, а во-вторыхъ, невольно возникъ вопросъ: что считать укрѣпленнымъ лагеремъ? Весь-ли районъ расположенія арміи Османа, огражденный цѣпою укрѣпленій, или же только лагерь турецкихъ резервовъ, дѣйствительно укрѣпленный въ тѣсномъ значеніи этого слова? Общая диспозиція указывала, или, лучше сказать, *намѣчала* цѣли дѣйствій для каждаго фронта лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, предоставляя выборъ ближайшихъ цѣлей, развитіе идеѣ мѣстныхъ атакъ и порядокъ исполненія каждой частной задачи почину частныхъ начальниковъ. Но такъ какъ никакого укрѣпленнаго лагеря, прикрывающаго городъ со стороны довчинскаго шоссе, не было, а были лагери турецкихъ резервовъ по ту сторону Плевны, у гривицкаго шоссе, прикрываемые центральными юго-восточными и восточными укрѣпленіями, а также и Гривицкимъ редутомъ съ сѣверо-востока, и для этихъ-то лагерей, равно какъ и для самаго города, прикрытіемъ съ южной стороны служили два малые редута Абдуль-бей и Реджи-бей, то генералъ Скобелевъ и пришелъ къ заключенію, что именно они-то и должны стать ближайшей цѣлью дѣйствій южнаго отряда. Предполагая, что по овладѣніи обоими редутами, получится возможность дѣйствовать въ тылъ укрѣпленныхъ лагерей турецкихъ резервовъ, причемъ Кришинскій редутъ останется въ сторонѣ и вполне изолированнымъ, генералъ Скобелевъ поставилъ себя цѣлью, «во-первыхъ, овладѣть третьимъ и послѣднимъ гребнемъ Зеленой высоты», и «во-вторыхъ, овладѣть редутами и линіями ложементовъ, защищающими подступы къ лагерю и со стороны Зеленой горы»¹⁾. Во всякомъ случаѣ, оставленіе Кришинскаго ре-

дута безъ атаки было со стороны Скобелева большою ошибкой, за что онъ и поплатился 31-го августа; но не безгрѣшна и диспозиція, которая поставяла южному отряду цѣль дѣйствій на столько не ясно, что могло явиться превратное истолкованіе этой цѣли. Вѣрнѣе было бы атаковать сначала Кришинскій редутъ, а потомъ уже малые, или же вести атаку одновременно на тотъ и на другіе, но послѣднее могло бы быть состоятельнымъ только въ томъ случаѣ, если бы на южномъ фронтѣ, какъ въ пунктѣ «рѣшительнаго удара», у насъ было не 22, а 40 батальоновъ. При совершенно правильномъ взглядѣ на мѣсто нахожденія стратегическо-тактическаго ключа непріятельской позиціи, казалось бы, что на гривицкомъ и радишевскомъ фронтахъ слѣдовало ограничиться только демонстративными, преимущественно артиллерійскими дѣйствіями, развивая ихъ силу возможно большимъ образомъ, а главную силу иттыковъ перенести на южный фронтъ; между тѣмъ, при атакѣ 30-го августа вышло то, что на демонстративныхъ фронтахъ у насъ, не считая румынской арміи, было собрано 42 батальона, а въ пунктѣ дѣйствительнаго удара 22.

Генералъ Зотовъ, сколько извѣстно, имѣлъ въ виду завязать весь восточный фронтъ румынскими войсками, русскія же силы сплошь сосредоточить на южномъ фронтѣ; но отъ этой мысли пришлось отказаться по нежеланію румынъ передвинуться съ занимаемаго ими мѣста, такъ какъ они опасались за свою коммуникаціонную линію съ Никополею, вѣдѣвшее чего и успѣли уже укрѣпиться на сѣверномъ фронтѣ. Такимъ образомъ, румыны вмѣсто помощи, въ сущности говоря, явились нашимъ бременемъ.

3) Преждевременная атака на радишевскомъ фронтѣ, погубившая совершенно безцѣльно два полка, и чрезъ то повдѣвшая на неудачный исходъ дѣйствительной атаки этого фронта, не только прискорбна, но и непростительна, даже какъ случайность.

4) Чрезчуръ продолжительная, четырехсуточная канонада, приведшая къ истощенію снарядовъ и порчѣ лафетовъ, едва-ли могла особенно способствовать успѣху атаки. Нашей арміи, по собственному севастопольскому опыту, извѣстно,—на сколько можно, при продолжительной канонадѣ, притерпѣться къ ней, при выкутѣ къ эффекту разрывовъ, которые къ тому же, по большей части, и мало дѣйствительны. Послѣднее мы могли замѣтить и на самихъ себѣ, въ третью Плевну; турецкія орудія считаются лучше нашихъ, а много-ли вреда успѣли они нанести намъ за всѣ дни канонады? Жертвы ея считаются чуть не единицами и, во всякомъ случаѣ, не превышаютъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, почти исключительно въ средѣ артиллеристовъ. То же самое, конечно, было и у турокъ; наши снаряды, можно думать, были на столько не губительны,

¹⁾ Репортъ генераль-лейтенанта Скобелева помощнику начальника Западнаго отряда арміи.

что противникъ уже въ половинѣ второго дня не считъ нужнымъ отвѣчать на большую часть выстрѣловъ нашихъ орудій; матеріальное разрушеніе тоже не достигало цѣли, такъ какъ за ночь болгарскія руки исправляли все, что намъ удавалось испортить за день: это была своего рода неблагодарная работа Сизифа, а замѣченное всѣми будто-бы отсутствіе турокъ въ укрѣпленіяхъ днемъ доказываетъ только, что они были хорошо укрыты и, стало быть, эффектъ нравственнаго потрясенія и нервной истомы пересталъ дѣйствовать. Онъ былъ дѣйствителенъ, кажется, только въ первые полтора дня, когда турки обмѣливались съ нами выстрѣлами, порой даже довольно энергически, когда, обезкураженные потерей Ловчи, они могли еще предполагать у насъ громадныя силы, собранныя для штурма Плевны, и если когда-либо мы могли болѣе всего рассчитывать на успѣхъ атаки, то это именно 27-го августа, въ тотъ моментъ, какъ въ виду относительной легкости, съ которою Скобелевъ достигъ чуть не до малыхъ редутовъ, при поддержкѣ демонстраціею, въ сущности ничтожною атакою охотниковъ 4-го корпуса, турки—къ удивленію—начали вдругъ увозить свои орудія изъ редутовъ. Этимъ моментомъ и надо было воспользоваться, не давая имъ опомниться отъ очевидной, хотя и кратковременной паники, тѣмъ болѣе, что 27-го числа стояла еще сухая, прекрасная и даже не особенно жаркая погода, тогда какъ 30-го, по словамъ реляціи боя, «почва растворилась до крайности», такъ что «не только по пахатной землѣ, окружающей плевненскій лагерь, но даже по дорогамъ съ трудомъ могли двигаться люди и верховые кони, скользя по грязи и нерѣдко падая». Паника прошла очень скоро, и Скобелевъ былъ отбитъ съ немалымъ урономъ, а къ утру 28-го даже отступилъ со второго гребня на первый. Этотъ новый успѣхъ, безъ сомнѣній, ободрилъ турокъ, придавъ имъ еще болѣе увѣренности въ своихъ силахъ—«самого-де Акъ-пашу отбили!»—а къ 30-му числу они, конечно, еще больше пообтерпѣлись и поприглядѣлись къ намъ, тѣмъ болѣе, что и въ шпионахъ у нихъ не могло быть недостатка. Болгары то цѣлыми кучками, то въ-одиночку безпрестанно и совершенно безпрепятственно шатались по всѣмъ нашимъ позиціямъ и батареямъ—и это, просто, удивительное дѣло, съ какой легкостью переходили они за черту нашихъ и турецкихъ линій—отъ насъ въ Плевну, изъ Плевны къ намъ,—и кто-же поручится, что между ними не могло быть шпионовъ, хотя-бы изъ числа помаковъ (потурчившихся болгаръ), которыхъ ни по языку, ни по одеждѣ никакъ не отличить отъ болгара-христианина? А помаки несомнѣнно были и есть въ составѣ арміи Османа, и извѣстно, что они, принадлежа по крови къ племени, весьма хорошо одаренному умственно,

способному къ развитію и воспріятію науки, нерѣдко достигаютъ въ Турціи весьма видныхъ служебныхъ положеній, какъ въ администраціи, такъ и въ арміи; а принявъ во вниманіе и это обстоятельство, можно ли тѣмъ болѣе поручиться, что среди тѣхъ «братушекъ», которые такъ добродушно торчали всѣ эти дни на «Императорскомъ холмѣ» и безпрепятственно шныряли между нашими и непріятельскими позиціями, не было переодѣтыхъ помаковъ-офицеровъ, которые легко и незамѣтно могли пересчитать и число нашихъ орудій съ парками, и число батальоновъ, и ихъ расположеніе на всей мѣстности, облегающей Плевну? Стало быть, нѣтъ ничего мудренаго, что Османъ-паша въ нѣсколько дней канонады могъ приблизительно узнать наши силы и успѣть не только приготовиться къ отпору, но и внушить достаточную бодрость и увѣренность въ побѣдѣ своей арміи. Повторяю, что неожиданный успѣхъ, вслѣдъ за кратковременною паникою 27-го числа, необходимо долженъ былъ повліять на подъемъ военнаго духа турокъ. Реляція о боѣ 30-го августа говоритъ: «трудно вообще было и представить себѣ болѣе неблагоприятнаго по погодѣ дня, каковъ былъ день, назначенный нами для атаки, мысль объ отмычѣ ея невольно приходила въ голову».—Остается пожалѣть, что эта мысль не была приведена въ исполненіе. «Но—продолжаетъ далѣе реляція—положеніе нашей артиллеріи не допускало такой отмычѣ, да и кто-бы могъ поручиться, что въ послѣдующіе дни наступитъ лучшая погода». Хотя хорошая погода наступила на слѣдующій-же день, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что не слѣдовало-ли предпочесть временный недостатокъ снарядовъ напрасной потерѣ столькихъ тысячъ людей изъ состава и безъ того уже немногочисленной арміи, обрекая ихъ на непосильную атаку противъ вдвое сильнѣйшаго и укрытаго за окопами врага, на атаку, въ добавокъ, по пахатной землѣ, растворившейся до крайности, и притомъ сомнѣваясь до начала атаки въ возможности ея успѣха?

Но вопросъ: кого же винить въ этомъ?

Большинство обвиняетъ генерала Зотова. И это вполне естественно: каждый неуспѣхъ требуетъ, такъ сказать, своего козла отпущенія. Точно такимъ-же образомъ весь «грѣхъ міра» за первые дни Плевны сваливался и на барона Криденера и на полковника Тутотмина, и на князя Шаховскаго. Изъ фактическихъ, документальныхъ данныхъ, какія сообщены въ моемъ описаніи первыхъ двухъ плевненскихъ сраженій, не трудно видѣть, на сколько могли быть виноваты и тотъ, и другой, и третій. Но подобнаго рода документальныя данныя не всегда могутъ являться своевременными; чаще всего, они дѣлаются достояніемъ только исторіи, т. е. уже послѣдующаго времени, а между тѣмъ—пока-то до исторіи—

эти обвиненія, съ легкой руки корреспондентовъ, проникли и во всеобщую газетную литературу, далеко за предѣлы не только дѣйствующей арміи, но и Россіи. Въ арміи же обвиняли, слава Богу, еще менѣе чѣмъ гдѣ-либо, потому что армія полна очевидныхъ свидѣтелей, знающихъ и понимающихъ какъ было дѣло. Но, къ прискорбію, даже и въ арміи не всегда обходится безъ увлеченій и пристрастій, и это опять-таки понятно: никому, какъ самой же арміи, прежде всѣхъ остальныхъ, приходится расплачиваться собственной кровью за каждый промахъ или ошибку. Такъ точно и въ данномъ случаѣ. Но прежде чѣмъ обвинять, слѣдовало бы выяснить вопросъ, былъ ли генералъ Зотовъ самостоятельно дѣйствующимъ начальникомъ и на сколько онъ могъ быть таковымъ въ данныхъ условіяхъ? На это нѣкоторые отвѣчаютъ, что *de jure*—нѣтъ, *de facto*—былъ, ибо главное начальствованіе надъ соединеннымъ русско-румынскимъ западнымъ отрядомъ было предоставлено князю Карлу какъ бы номинально, изъ соображеній скорѣе дипломатическаго, чѣмъ военнаго свойства. Въ сущности, если это и такъ, то только отчасти, да и то очень условно. Разъ, что мы нашли въ нужденныхъ прибѣгнуть къ активному содѣйствію арміи союзнаго намъ владѣтеля, то естественно, что этому владѣтелю, по праву, принадлежало и главное начальствованіе надъ своей арміей, и—на сколько извѣстно—румыны только подъ этимъ условіемъ и согласились на участіе въ дѣйствіяхъ противъ Плевны. Подчинить князя Карла генералу Зотову, конечно, было неудобно, хотя бы уже и потому, что румыны, самолюбивые, какъ извѣстно, до болѣзненности, даже до смѣшнаго, никогда на это не согласились бы. Разъ, что мы прибѣгли къ ихъ содѣйствію, то они имѣли полныя основанія заключить, что мы въ нихъ нуждаемся, и если вы въ насъ нуждаетесь, то мы вамъ поставимъ свои условія. Главнѣйшимъ изъ этихъ условій и было самостоятельное начальствованіе князя Карла. Какъ принцу Гогенцоллерн-скаго дома, какъ владѣтельному принцу союзнаго намъ Румынскаго княжества, ему было предоставлено почетное положеніе главноначальствующаго надъ соединеннымъ русско-румынскимъ западнымъ отрядомъ, а генералъ Зотовъ слѣланъ его помощникомъ, въ качествѣ начальника штаба этого отряда, но съ сохраненіемъ главнаго начальствованія надъ русской частію онаго. Изъ диспозиціи видно, что распоряженія генерала Зотова почти нисколько не касались румынской арміи, если не считать откомандированія къ ней одной русской бригады, которое только ослабляло наши собственные, и безъ того невеликія, силы. Стало быть для достиженія одной цѣли было двѣ головы, два начальника, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой не могли распорядиться всѣми соединенными

силами отряда по своему усмотрѣнію, а изъ этого и произошло то, что генералъ Зотовъ, понимая, гдѣ лежитъ стратегическо-тактический ключъ позиціи и желая нанести главный ударъ съ южнаго фронта, не имѣлъ возможности сосредоточить въ данномъ пунктѣ силы, достаточныя для вѣрнаго, несомнѣнно успѣшнаго рѣшенія задачи. Въ сущности, роль его при князѣ Карлѣ могла быть только исполнительною, въ наилучшемъ случаѣ совѣщательною, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Что же касается самого князя Карла, то, обладая несомнѣнно и большою личною храбростію, онъ заботился исключительно о румынахъ, блѣднѣлъ при извѣстіяхъ о ихъ первоначальной неудачѣ на штурмѣ Гривицкаго редута, стремился самъ въ ихъ ряды, старался, чтобы его молодые, неокуренные порохомъ солдаты показали себя въ первомъ боевомъ дебютѣ молодцами, достойными союзниками русской арміи, поддерживали бы честь румынской націи, и эти вполне естественныя и понятныя заботы на столько поглощали его вниманіе и время, что вопросы общихъ стратегическо-тактическихъ комбинацій дѣла, предоставленнаго рѣшенію соединенныхъ силъ Западнаго отряда, почти совсѣмъ упускались имъ изъ вида. При томъ же, едва ли я ошибусь, если скажу, что онъ, видимо, стѣснялся своею ролью главнокомандующаго въ присутствіи нашихъ главныхъ квартиръ, какъ бы чувствуя, что эта роль только декоративная, номинальная, что если онъ и начальникъ, то лишь надъ румынами, а не надъ русскими. И генералъ Зотовъ, какъ начальникъ его штаба, по той же самой причинѣ не чувствовалъ себя свободнымъ для самостоятельныхъ распоряженій, не только надъ румынской, но даже и надъ русской частію отряда, и потому каждый день раза по два, по три, то былъ призываемъ, то являлся самъ на «Императорскій курганъ» для совѣщаній съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, который, съ своей стороны, изъ попятной деликатности въ отношеніи князя Карла, ограничивался ролью наблюдательною, иногда совѣщательною, но и только. Такимъ образомъ, выходить, что въ третью Плевну, въ сущности, никто не командовалъ, и этого недостатка полномочнаго единства въ командованіи люди свѣдущіе поставляютъ въ число важнѣйшихъ причинъ нашей неудачи. Положеніе генерала Зотова, говоря по правдѣ, было изъ самыхъ незавидныхъ; въ случаѣ успѣха не его увѣнчали бы побѣдные лавры, въ случаѣ же неудачи вся отвѣтственность за нее и разныя нареканія падали почти исключительно на его голову.

Многіе сѣгуютъ также на то, что Скобелевъ 31-го августа былъ оставленъ безъ достаточной поддержки. Самая настойчивость и упорство турецкихъ атакъ—говорятъ они—должны уже были служить намъ указаніемъ, на сколько

важнымъ и опаснымъ считалъ Османъ фактъ взятія нами двухъ малыхъ редутовъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что для послѣдней своей атаки на Скобелева турецкій полководецъ собралъ воедино все, что только можно было собрать со всѣхъ своихъ позицій, оставивъ въ редутахъ лишь самое необходимое число стрѣлковъ, для прикрытія артиллеріи; что этою послѣднею атакой онъ ставилъ на карту всю судьбу своей арміи и потому для наибольшаго обезпеченія натиска прибѣгнулъ, кромѣ зеленого знамени и религіозныхъ гимновъ, еще къ самому суровому средству, выставивъ въ тылу атакующихъ колонны два полка кавалеріи и батарею, съ приказаніемъ рубить и стрѣлять картечью въ своихъ, если бы они приближали, а въ то же время всѣ обозы его арміи уже были вытянуты по дорогѣ къ Видскому мосту, на тотъ случай, что если, несмотря на все, не удастся и эта послѣдняя попытка атаки, то сейчасъ же уходить изъ Плевны съ остатками арміи на Софію. А что пятая атака могла быть отбита, то доказательство тому—подполковникъ Мосцовой, который могъ же удержаться въ правомъ редутѣ, даже со скудными горстями сборныхъ командъ, отразивъ отчаянный натискъ противника; надо было только поддержать Горталова въ лѣвомъ редутѣ, и тогда, быть можетъ, еще 31-го августа Плевна была бы наша. Говорятъ—не знаю на сколько справедливо—будто у Скобелева съ горечью и со слезами на глазахъ вырвались слова: «Наполеонъ великій былъ признателемъ своимъ маршаламъ, если они въ бою выигрывали ему полчаса времени для одержанія побѣды; я выигралъ цѣлыя сутки и меня не поддержали».

«Зачѣмъ не поддержали»... Конечно, это жаль и досадно, но... если бы возможно было знать заранее, что Османъ дѣлаетъ дѣйствительно послѣднюю попытку, что его обозы уже у Виды! Тогда, безъ сомнѣнія, не поддержать Скобелева было бы не только оплошно, но и преступно. Къ сожалѣнію, войска 4-го корпуса оказались на столько обезсиленными вчерашнимъ штурмомъ, что батальоны штурмовавшихъ частей очутились въ четырехсотенномъ составѣ, и мы къ тому же опасались вылазки на нашъ радишевскій фронтъ, гдѣ корпусная артиллерія оставалась подъ весьма ограниченнымъ прикрытіемъ. Генералъ Крыловъ сдѣлалъ все, что могъ, посылъ къ Скобелеву шуйцевъ, на свой страхъ и даже вопреки прямому приказанію. Безъ обладанія Крипинскимъ редутомъ, всякая дальнѣйшая помощь Скобелеву представлялась только напрасною тратой людей, и вотъ почему было рѣшено удержатъ редутъ Гривницкій и покинуть малые редуты.

Послѣ третьей неудачи, конечно не оставалось ничего болѣе, какъ обложить Плевну и довести Османа хотя медленнымъ, но вѣр-

нымъ путемъ до неизбежной сдачи. Но въ военной средѣ существуетъ отчасти мнѣніе, что для успѣшнаго развитія нашихъ военныхъ операцій вовсе не настояло безусловной необходимости атаковать Плевну не только въ третій, а даже и во второй разъ, 18-го іюля. Полагаютъ, что это была излишняя роскошь въ тратѣ силъ, неоправдываемая необходимостью, а ради одного только удовлетворенія чувству военного самолюбія (*point d'honneur*)

Какъ же, однако, можно было поступить, не прибѣгая къ атакамъ?

На это отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: военное счастье необычайно благоволило къ намъ до 5-го іюля включительно: 4-го намъ сдался Никополь, 5-го мы, съ ничтожной потерей трехъ казаковъ ранеными, овладѣли Ловчей—въ высшей степени важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Конечно, было бы весьма хорошо, если бы намъ столь же легко досталась и Плевна, которая, однако уже съ 27-го іюня была занята турками; это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе обязывало насъ обратить вниманіе на усиленіе Ловчи какъ гарнизономъ, такъ и земляными укрѣпленіями, немедленно послѣ взятія оной. Слова нѣтъ, что владѣй мы при этомъ еще и Плевной, то наша операціонная систово-тырновская линія была бы вполне обезпечена отъ всякихъ Османовъ. Но не менѣе она могла бы быть обезпеченной и безъ взятія Плевны. Для этого стоило только своевременно обратить должное вниманіе на такъ называемую болгарскую позицію, которая, будучи неприступной съ фронта и, кромѣ того, обладая еще другими великими преимуществами, къ сожалѣнію не была оценена по достоинству. Разъ, что Шильдеръ-Шульднеръ наварлся въ Плевнѣ 7-го іюля на турокъ, ему незачѣмъ было атаковать ее 8-го, а слѣдовало, согласно инструкціи барона Криденера, отойти только не къ Бресляницѣ, а къ Булгаренямъ, какъ сдѣлалъ 8-го числа, согласно указанію самого же Шильдеръ-Шульднера, полковникъ Тутюмлинъ съ остатками Костромскаго полка и Кавказской бригадой. Такъ называемая, болгарская позиція лежитъ на высотахъ деревень Дервянско-Село, Чаушка-Махала и Гяуркой, на правомъ берегу Осмы, которая омываетъ подошвы этихъ высотъ, изгибаясь широкимъ полукругомъ, вогнутымъ къ сторонѣ Плевны, и въ центрѣ позиціи, т. е. противъ Чаушки-Махалы, течетъ въ очень крутыхъ, отвѣсно обрывистыхъ берегахъ, служа какъ бы естественнымъ рвомъ для естественныхъ бастіоновъ, представляемыхъ этими довольно значительными высотами. При этомъ надо замѣтить, что лѣвый берегъ Осмы низменный, пологій, мѣстами болотистый, ограничиваетъ собой на востокъ обширную равнину, которая,

не имѣя сколько-нибудь значительныхъ возвышенностей, тянется вплоть до Плевненскихъ высотъ и не представляетъ на всемъ пространствѣ плевно-булгаренскаго шоссе ни одной надежной оборонительной позиціи. Правый же берегъ Осмы гористъ и на протяженіи всего ея теченія значительно господствуетъ надъ лѣвымъ, такъ что переправа большихъ военныхъ силъ съ лѣваго берега на правый, при отсутствіи дорогъ и мостовъ, кромѣ каменнаго моста на булгаренскомъ шоссе и другого у Мисылеу, подъ Никополею, никакъ не могла бы совершиться внезапно, тѣмъ болѣе, что Османъ очень капризна и послѣ каждаго порядочнаго дождя буритъ переполняясь водой, такъ что и въ броды, вообще довольно рѣдкіе на Осмѣ, нѣтъ никакой переправы. При такихъ условіяхъ мѣстности, лѣвѣй рѣки Осмы, относительно праваго фланга систово-тырновской операціонной линіи, могла бы играть такую же точно роль, какъ и лѣвѣй рѣки Лома, на лѣвомъ флангѣ, но съ гораздо большими для насъ выгодами, потому что на Осмѣ командующій берегъ былъ бы въ полномъ нашемъ распоряженіи. Обладая такими фланговыми пунктами, какъ Никополь и Ловча и предоставивъ первый изъ нихъ румынамъ, для занятія частью ихъ арміи, а второй занявъ на первое время, до подхода новыхъ силъ изъ Россіи, хотя бы одной бригадой пѣхоты изъ состава 9-го корпуса, намъ было бы совершенно достаточно держать остальные силы барона Криденера въ центрѣ этой линіи, на укрѣпленной булгаренской позиціи, наблюдая кавалерійскими разъѣздами главные дороги отъ трехъ названныхъ пунктовъ до Плевны—и Османъ-паша могъ бы себѣ оставаться въ Плевнѣ сколько ему угодно, а мы были бы спокойны за правый флангъ своей операціонной линіи и безпрепятственно могли бы развѣдывать балканскія предпріятія, лишь бы только войска хватило! Османъ-паша никуда не могъ бы двинуться изъ Плевны, какъ только назадъ. Трудно допустить, чтобы онъ бесполезно пошелъ расшибать себѣ лобъ о неприступныя съ фронта твердыни булгаренской позиціи, а при движеніи на Никополь или на Ловчу—онъ во всякомъ случаѣ рисковалъ бы подставить тотъ или другой изъ своихъ фланговъ удару булгаренскаго корпуса въ открытомъ полѣ. А намъ, въ сущности, только того и хотѣлось, чтобы выманить, наконецъ, турокъ въ открытое поле, но увѣ!—они тщательно избѣгали этого, зная сами полную свою несостоятельность въ земляныхъ закрытіяхъ. Но мало этого: имѣли, такъ сказать, въ кулакѣ готовый корпусъ на булгаренской позиціи, при условіи обладанія Ловчей, мы могли бы препятствовать правильнымъ сообщеніямъ Османа съ Софіей почти такъ же, какъ если бы стояли въ Горномъ Дубнякѣ или Те-

лишѣ: для этого можно было дѣйствовать кавалерійскими поисками изъ Ловчи на Торось, Турскій Изворъ и Тетевень на Видѣ и на Яблоницу на Искерѣ¹⁾, а съ подходомъ изъ Россіи новыхъ подкрѣпленій, даже занять эти пункты (въ особенности же Яблоницу) пѣхотными частями и укрѣпиться въ нихъ²⁾. Горная мѣстность, среди которой лежатъ всѣ эти пункты, позволяла бы надежно занять ихъ, сравнительно говоря, даже небольшими частями пѣхоты, которыя тѣмъ не менѣе могли бы вполне преградить сообщенія Османа съ Софіей, а сами, благодаря большой ловчи-орханіенской дорогѣ, были обезпечены и снабженіями, и подкрѣпленіями въ случаѣ надобности. Скажутъ, что для всего этого у насъ не было достаточно войска, но тѣ 22,861 человекъ, которыхъ мы потеряли убитыми изъ строя за три сраженія подъ Плевной³⁾, могли бы съ несравненно большей пользой сдѣлать свое дѣло на высотахъ булгаренской позиціи и въ дефилеяхъ Яблоницы.

LIX.

Подъ Плевной до пріѣзда генерала Тотлебена.

Безотвѣтная канонада 2-го сентября.—Военное совѣщаніе на центральной батареѣ.—Осмотръ главнокомандующимъ нашихъ и турецкихъ позицій.—Великій князь намѣчаетъ мѣста для новыхъ батарей.—Атака турокъ на Гривницкій редутъ.—Румыны дерутся молодцами.—Дѣйствія 3-го сентября.—Начало правильной блокады.—Отъѣздъ главныхъ квартиръ въ Горный Студень.—Рекогносцировка графа Штакельберга 8-го сентября за Видомъ.—Рекогносцировка Телиша, произведенная 9-го сентября полковникомъ Тутотлинымъ.—Проходъ транспорта и отряда Шефкетъ-паши въ Плевну 10-го сентября.—Пріѣздъ генерала Тотлебена.

Горный Студень, 15-го сентября.

2-го сентября утромъ мы опять начали канонаду по турецкимъ позиціямъ; но и на этотъ

¹⁾ Т. е. дѣлать въ іюлѣ то, что въ сентябрѣ и октябрѣ пытался не безъ успѣха дѣлать генералъ Карцовъ.

²⁾ Тетевень лежитъ на Бѣломъ Видѣ и замыкаетъ собой одинъ изъ балканскихъ проходовъ; Турскій Изворъ—на рѣкѣ Кальчикъ и на большой дорогѣ изъ Орханіе въ Ловчу; Торось—на Видѣ прикрываетъ прибрежную видскую дорогу изъ Орханіе въ Плевну; Яблоница—въ дефилеяхъ Искера на плевно-софійскомъ шоссе. Тетевень, Изворъ и Торось служили въ сентябрѣ и октябрѣ 1877 года пунктами постоянныхъ поисковъ партизанскихъ партій сельви-ловчинскаго отряда генерала Карцова, а впоследствии Торось и Тетевень были заняты постоянными отрядами, причемъ послѣдній даже пѣхотой.

³⁾ Собственно убитъ была значительно больше, такъ какъ въ эту официальную цифру убитъ убитыми за третью Плевну вошла только приблизительно: около 60-ти офицеровъ и болѣе 3,000 нижнихъ чиновъ, а убитъ пропавшими безъ вѣсти и т. п. не вошла даже вовсе.

разъ она осталась безъ отвѣта. Турки, повидимому, сберегали снаряды на случай повторенія нашей атаки. Великій князь главнокомандующій выѣхалъ на позицію въ девять часовъ утра и направился къ лѣвому флангу. Прибывъ на центральную осадную батарею, его высочество снова держалъ военное совѣщаніе, на которомъ присутствовали высшіе чины нашей арміи и князь Карлъ съ военнымъ министромъ Румыніи, генераломъ Чернатомъ, и нѣкоторыми другими лицами. Русская и румынская свиты и конвой оставались въ это время нѣсколько ниже и позади центральной батареи, на спускѣ въ долину, по дну которой пролегаетъ дорога въ Раднишево. По окончаніи совѣщанія, около двухъ часовъ дня, его высочество поѣхалъ далѣе, къ лѣвому флангу, для осмотра нашихъ и турецкихъ позицій. Великаго князя, кромѣ высшихъ лицъ его штаба и свиты, сопровождали еще генералы: Зотовъ, князь Имеретинскій и Скобелевъ 2-й, также присутствовавшіе на совѣщаніи. Наша артиллерія во все это время поддерживала съ батареей огонь, давая одинъ-два выстрѣла въ минуту. Великій князь весь день провелъ въ объѣздѣ и осмотрѣ позицій, лично указывая намѣчая мѣста для сооруженія новыхъ батарей, и ѣхалъ все время вдоль расположенія нашихъ передовыхъ войскъ: но турки на этотъ разъ не встрѣчали огнемъ свиту сопровождавшихъ его всадниковъ, какъ это было 29-го августа на Раднишевскихъ высотахъ.

Въ шесть часовъ вечера непріятель совершенно неожиданно открылъ жестокій огонь по Гривницкому редуту. Объѣздъ великаго князя окончился лишь за нѣсколько минутъ до этого времени, и потому его высочество остался на позиціи наблюдать за ходомъ неожиданнаго сраженія. Вскорѣ послѣ начала перестрѣлки, турки вдругъ пошли на редутъ въ атаку, но еще не доходя до цѣли, были отбиты нашими и румынскими войсками и понесли уронъ весьма чувствительный. Бой продолжался всего лишь $\frac{3}{4}$ часа, но молодые румынскія войска и на этотъ разъ показали себя въ дѣлѣ истинными молодцами: они дрались храбро и въ большомъ порядкѣ. Дабы судить, на сколько они дисциплинированы, достаточно сказать, напримѣръ, что атака противника была встрѣчена съ ихъ стороны совершенно отчетливыми залпами, производившимися по командѣ, какъ на простомъ ученіи. Его высочество главнокомандующій остался совершенно доволенъ боевымъ поведеніемъ нашихъ союзниковъ.

Съ разсвѣтомъ 3-го сентября началась рѣшенная на военномъ совѣтѣ правильная блокада Плевны, сопровождаемая постоянной канонадой. На тѣхъ мѣстахъ, которые наканунѣ были указаны при объѣздѣ позицій великимъ княземъ главнокомандующимъ, за ночь и въ утро 3-го числа наши саперы выстѣ съ пѣ-

хотинцами успѣли уже возвести всѣ проектированныя батареи, которыя артиллеристы вооружили соотвѣстнаго калибра орудіями и съ новой энергіей принялись за бомбардированіе турецкихъ позицій.

Въ этотъ же день главная квартира возвратилась на прежній свой бивуакъ, въ дер. Горный Студень, куда наканунѣ еще изволилъ прибыть государь императоръ со всѣми сопровождающими его величество особами. Наши войска и румынскія еще 2-го сентября успѣли окопаться на занятыхъ ими ближайшихъ къ непріятелю позиціяхъ, а въ тылъ Плевны, на лѣвую сторону рѣки Вѣда, какъ уже извѣстно, направлялись кавалерійскія части, съ цѣлью отрѣзать непріятелю всякое сообщеніе съ Софіей, Раховымъ и Виддинемъ.

Въ такомъ положеніи дѣла подъ Плевной оставались до 8-го сентября, когда въ обсервационномъ нашемъ кавалерійскомъ корпусѣ получены были извѣстія, что къ Плевнѣ приближаются довольно сильныя подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого части кавалерійскаго корпуса произвели 8-го и 9-го сентября двѣ рекогносцировки, а именно: 8-го числа былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ командира Мариупольскаго гусарскаго полка флигель-адъютанта, полковника графа Штакельберга, который, не доходя деревни Ракиты, встрѣтилъ и атаковалъ три непріятельскія эскадрона. Турецкіе кавалеристы дали тылъ, и во время преслѣдованія ихъ нашъ развѣдочный отрядъ успѣлъ обнаружить, что въ Ракитѣ стоятъ непріятельскія пѣхота, встрѣтившая его огнемъ, что и заставило графа Штакельберга отступить, такъ какъ собственно цѣль его рекогносцировки была уже исполнена обнаруженіемъ силъ противника. При этомъ мы потеряли пять человекъ нижнихъ чиновъ убитыми, а въ числѣ раненыхъ—Мариупольскаго гусарскаго полка: подполковника Андриказева¹⁾, корнета Иванова²⁾ и около сорока гусаръ.

9-го сентября командиръ Кавказской бригады, полковникъ Тутотмянъ, выступилъ со взвѣренной ему частью по софійскому шоссе и смаялъ передовыя войска противника, а, не доходя деревни Телишъ, открылъ артиллерійскій огонь и тѣмъ заставилъ турокъ развернуться, чрезъ что и были обнаружены ихъ силы. При этомъ оказалось, что двѣ тысячи съ двумя орудіями окопались впереди дер. Телишъ, а позади ея стоятъ на бивуакѣ еще до восьми тысячъ и два полка кавалеріи. Попытка наступленія на лѣвый флангъ отряда полковника Тутотмянъ, произведенная частью непріятельской пѣхоты, не имѣла успѣха, потому что была встрѣчена съ нашей стороны артиллерійскимъ огнемъ, послѣ чего полковникъ Тутотмянъ отошелъ на

¹⁾ Пулей въ грудь, па вылетѣ.

²⁾ Саблей въ голову.

заранѣе выбранную имъ наблюдательную позицію.

Тѣмъ не менѣе, турецкому отряду удалось 10-го сентября пройти въ Плевну. Подробности этого обстоятельства пока еще неизвѣстны въ точности. Знаютъ только, что непріятельскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ (около 2,000 повозокъ) съ продовольствіемъ и снарядами, состоялъ изъ войскъ всѣхъ родовъ оружія, числомъ какъ говорятъ, до 10,000 человекъ, причемъ большинство составляла пѣхота. Прорвавшимся отрядамъ, какъ оказывается теперь, начальствовалъ Шефкетъ-наша, успѣвшій приобрѣсти себѣ извѣстность не столько военными доблестями, сколько прошлогодними майскими звѣрствами надъ безоружнымъ населеніемъ Болгаріи.

Въ настоящее время турки въ Плевнѣ усиленно занимаются исправленіемъ своихъ прежнихъ укрѣпленій и возведеніемъ новыхъ, производя эти послѣднія работы на возможно дальнемъ разстояніи отъ нашихъ позицій; на огонь же нашей артиллеріи почти не отвѣчаютъ, вѣроятно съ цѣлью сберечь свои снаряды.

15-го сентября въ Горный Студень прибылъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, который 18-го числа отправляется вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, начальникомъ штаба и генераломъ Левицкимъ подѣ Плевну, для осмотра нашихъ и непріятельскихъ позицій.

ЛX.

Дѣйствія кавалеріи за Видомъ.

Назначеніе сводно-кавалерійскаго корпуса.—Смѣна съ позицій, ея неудобства и необходимость.—Состояніе кавалерійскихъ полковъ за-видскаго отряда.—Цѣль дѣйствій генерала Крылова.—Рекогносцировка 8-го сентября и дѣло графа Штакельберга подѣ Телишемъ.—Рекогносцировка полковника Тутолина на Телишѣ 9-го сентября и ея результаты.—Неудобства опорнаго пункта въ Дольнемъ Дубнякѣ.—Дѣло генераловъ Крылова и Лашкарева 10-го сентября и проходъ транспорта съ 10-ти-тысячнымъ прикрытіемъ въ Плевну.—Расположеніе генерала Крылова въ Семеретъ-Трестеникѣ и письмо къ нему генерала Зотова.—Письмо князя Карла и новое назначеніе за-видскаго отряда.—Экспедиція къ городу Рахову.—Отбитіе двухъ транспортовъ митропольскимъ отрядомъ.—Поискъ полковника Левизъ-офъ-Мевара съ 18-го по 25-е сентября и его результаты.—Дѣло 20-го сентября подѣ Дольнимъ Митропольемъ.—Общія выводы.

Горный Студень, 6-го октября.

Для возможно полнаго обложенія Плевны, въ ожиданіи прибытія изъ Россіи новыхъ силъ, еще на совѣщаніи 1-го сентября было рѣшено направить за Видъ самостоятельный корпусъ кавалеріи, подѣ начальствомъ генералъ-лейтенанта Крылова, который дѣйствовалъ бы на сообщенія арміи Османа, въ связи съ кавалерійскимъ отрядомъ генерала Лашкарева. Ради

этой цѣли, послѣдній долженъ былъ перейти изъ Дольняго Дубняка къ Боготу, а первый изъ Богота въ Дольній Дубнякъ. Такое военное «chassé croisé» (если можно такъ выразиться) уже съ самаго начала было неудобно въ двойномъ отношеніи: во-первыхъ, самая смѣлая столь значительныхъ частей требовала извѣстнаго времени, которое, стало быть, пропадало непроизводительнымъ образомъ для главной цѣли обоеихъ кавалерійскихъ отрядовъ и, во-вторыхъ, оба они, по необходимости, должны были начинать свою дѣятельность съ предварительнаго ознакомленія съ новою мѣстностью, потому что для отряда генерала Лашкарева, стоявшаго уже довольно долгое время въ Дольнемъ Дубнякѣ, богото-медованская позиція была вовсе незнакома, равно какъ и для Кавкаской бригады, напимѣръ, основанной изъ прежнихъ своихъ рекогносцировокъ съ богото-медованскою мѣстностью оставалось вполне незнакомымъ все за-видское пространство. Стало быть, необходимостью предварительнаго ознакомленія съ театромъ предстоящихъ дѣйствій опять-таки отнимала лишнее время, которое сразу могло бы быть употреблено на преслѣдованіе данной задачи. Хотя, быть можетъ, гораздо цѣлесообразнѣе было бы, не производя смѣны, просто влить новыя части въ составъ отрядовъ, уже прежде успѣвшихъ достаточно ознакомиться съ райономъ своихъ дѣйствій; но смѣна, сдѣланная по настоянію генерала Крылова, желавшаго вмѣсто незнакомыхъ ему частей 9-й кавалерійской дивизіи имѣть у себя части 4-й дивизіи, которою онъ командовалъ какъ въ мирное время, такъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, до своего назначенія командующимъ 4-мъ корпусомъ, имѣла свои весьма вѣсныя основанія, такъ какъ для успѣха какихъ бы то ни было дѣйствій, а партизанскихъ въ особенности, главный начальникъ необходимо долженъ знать характеръ и способности своихъ подчиненныхъ, которые будутъ, по большей части, самостоятельными исполнителями возлагаемыхъ на нихъ порученій.

Надо также замѣтить, что наши кавалерійскіе полки, назначенные къ отправленію за Плевну, находились далеко не въ полномъ комплектѣ: на ихъ долю съ самаго начала кампаніи безпрестанно приходилось выполнять весьма трудныя порученія, и потому, естественно, они понесли довольно значительныя потери, въ особенности въ конскомъ составѣ. Но дѣлать было нечего и до прибытія новыхъ силъ нашей кавалеріи по необходимости оставалось лишь воспользоваться тѣмъ что нашлось подѣ рукою¹⁾.

¹⁾ Къ этому времени нѣкоторые регулярные полки, получивъ маршевые эскадроны, приобрѣли возможность пополняться до десятиряднаго состава взводовъ, а на пополненіе казачьихъ полковъ прибыли съ Дона льготные полки, изъ состава коихъ одна бригада осталась у генерала

Начальствование надъ за-видскимъ русско-кумынскимъ кавалерійскимъ отрядомъ было поручено, 2-го сентября, какъ уже сказано, генералъ-лейтенанту Крылову ¹⁾. Но ожидаемый подходъ маршевыхъ эскадроновъ, пополненіе числа рядовъ до возможно большаго количества, пополненіе боевыхъ запасовъ, сборъ частей и т. п., а также смѣна одного отряда другимъ, — всё эти причины въ совокупности сдѣлали то, что генералъ Крыловъ могъ прибыть на мѣсто дѣйствій только 7-го сентября. Такимъ образомъ, пять сутокъ были непроизводительны потераны для дѣла.

При сформированіи отряда имѣлось въ виду: во-первыхъ, «обратить тщательное вниманіе на пресѣченіе всякой возможности подвоза продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ плевненскому гарнизону», и, во-вторыхъ, «достиженіе этой цѣли, при возможно большемъ сбереженіи силъ корпуса, заключающаго въ себѣ большую часть кавалеріи Западнаго отряда арміи» ²⁾.

Лашкарева, но это было уже 10-го сентября. Бригада же полковника Черноубова (которой временно командовалъ полковникъ Курнаковъ) состояла всего изъ семи сотенъ (вмѣсто 12-ти), Кавказская бригада находилась только въ восьми-рядномъ составѣ, рошіоры въ числѣ песты эскадроновъ, мариупольскіе гусары въ очень слабомъ составѣ, и только астраханскіе драгуны, харьковскіе уланы и кievскіе гусары, уже получившіе маршевые эскадроны, успѣли пополниться до десяти-ряднаго состава, вмѣсто шестнадцати-ряднаго, который требуется боевымъ комплектомъ.

¹⁾ Бывшему командиру лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, а впоследствии начальнику дивизій—сперва 7-й, потомъ 4-й кавалерійской, съ которой онъ и прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій.

²⁾ Въ виду этихъ цѣлей была составлена слѣдующая инструкция:

Приказаніе по сводному кавалерійскому корпусу и 9-й кавалерійской дивизіи, сентября 6-го дня 1877 г., № 1.

Для дѣйствій на пути сообщенія, т.-е. для партизанскихъ дѣйствій въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и для держанія такимъ образомъ непріятеля, укрывающагося въ плевненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, въ возможно *строгой и постоянной блокадѣ*, высылаются: сводный кавалерійскій корпусъ на софійское, а 9-я кавалерійская дивизія на плевно-ловчинское шоссе.

Удобнѣйшими пунктами, утвердившись на которыхъ они могутъ начать свои дѣйствія, полагаю: для своднаго кавалерійскаго корпуса—с. Дубякъ, а 9-й кавалерійской дивизіи—дефиле, находящееся на плевно-ловчинскомъ шоссе, на высотѣ деревень Боготъ, Брестовецъ.

Постоянной цѣлю этихъ дѣйствій должно быть:

1) Уничтоженіе въ ближайшихъ окрестностяхъ Плевны всѣхъ продовольственныхъ и фуражныхъ запасовъ, которые непріятель не могъ бы добывать себѣ даже помощью усиленныхъ фуражировокъ.

2) Порча, и самая серьезная порча, *всѣхъ* дорогъ, идущихъ въ Плевну, а особенно *тѣхъ*, которыя идутъ между софійскимъ и плевно-ловчин-

Кромѣ этихъ руководящихъ соображеній, генералъ Крыловъ имѣлъ еще въ виду и другія, а именно, что мы тогда лишь можемъ рассчитывать на успѣхъ захвата транспортовъ для

скинъ шоссе и по которымъ, какъ то *положительно известно*, плевненская турецкая армія, невидимо для нашего Западнаго отряда, получаетъ какъ жизненные и боевые запасы, такъ и подкрѣпленія.

Примечаніе. Порча дороги заключается: въ разрушеніи мостовъ всякихъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, въ перерываніи дорогъ *глубокими канавами*, въ заваливаніи ихъ камнями, деревьями и вообще въ приведеніи дорогъ въ *полнѣйшую* негодность для движенія, а особливо для повозокъ и для артиллеріи

3) Уничтоженіе почти и телеграфовъ, если та-
кие есть, что несомнѣнно.

Примечаніе. О томъ, *когда, где и какъ* именно будутъ уничтожены телеграфы, а также произведена серьезная порча дорогъ, доносить мнѣ непременно, дабы я могъ, чрезъ доверенныхъ лицъ, проверять дѣйствительность дѣйствій такого рода.

4) Нападеніе на команды и транспорты, слѣдующіе по дорогамъ, перехватываніе или уничтоженіе ихъ, захватъ курьеровъ и одиночныхъ людей, всякій разъ подвергаемыхъ тщательному обыску и опросамъ.

Характеристическими чертами дѣйствій подобнаго рода должны служить: *настоятельная бдительность, самое неотлучное наблюденіе за непріятелемъ и за всѣмъ, что дѣлается и дѣлается у него въ тылу, дерзкая предприимчивость, а въ то же время хитрость и ловкость.*

Большія кавалерійскія силы, представляемыя своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ и 9-ю кавалерійской дивизіей, дадутъ, конечно, возможность въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ одновременно и вдругъ употреблять большія массы конницы; но случаи эти въ партизанской войнѣ рѣдки, такъ какъ цѣли ея гораздо чаще и вѣрнѣе достигаются дѣйствіями отдѣльныхъ небольшихъ, различной силы отрядовъ и партій, выделяемыхъ главнымъ начальникомъ отъ своихъ главныхъ силъ по разнымъ направленіямъ, предоставляемымъ обыкновенно собственнымъ находчивости и смѣлости.

Надобно ли, послѣ того, добавлять,—до какой степени важны при подобнаго рода дѣйствіяхъ, съ одной стороны—*духъ предприимчивости*, который старшіе начальники личнымъ примѣромъ должны внушить своимъ подчиненнымъ, а съ другой—*правильный выборъ*, съ ихъ стороны, начальниковъ этихъ небольшихъ отдѣльныхъ отрядовъ,

Примечаніе. О гг. офицерахъ, которые окажутъ *дѣйствительно выдающіяся* способности въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, прошу мнѣ доносить особо.

Указывать какія либо подробности или правила для руководства для такихъ большихъ партизанскихъ дѣйствій, для которыхъ отныне предназначаются сводный кавалерійскій корпусъ и 9-я кавалерійская дивизія, считаю невозможнымъ, ибо, по самой сущности своей, дѣйствія подобнаго рода ускользаютъ отъ всякихъ правилъ, и успѣхъ ихъ основывается, съ одной стороны, на *средствахъ*, находящихся въ рукахъ начальниковъ, и на общей *обстановкѣ*, среди которой они производятся, а съ другой—на *предприимчивости* начальниковъ, ихъ смѣлости, *настойчивости* и, главное, *добросовѣстности*, съ какой они поведутъ свое дѣло, исключаящее

на полное пресѣченіе имъ возможности проникнуть въ Плевну, если сами будемъ находиться и нападать на нихъ въ такомъ разстояніи отъ Плевны, чтобы гарнизонъ этой послѣдней никакъ не могъ подать имъ своевременную помощь^{*)}.

Руководствуясь этими соображеніями, гене-

всякую реляціонную вымысленность и пусто-

Средства, заключающіяся въ огромномъ числѣ кавалеріи, предоставляемой въ руки начальниковъ своднаго корпуса и 9-й кавалерійской дивизіи, такъ велики, какъ рѣдко въ военной исторіи представляются тому примѣру^{*)}.

Обстановка, среди которой они будутъ дѣйствовать—можно сказать безъ преувеличенія, — *блгопріятна вѣтримирно*: неприятельская кавалерія малочисленна(?) и вообще труслива, дрянна(?). Народонаселеніе страны къ намъ дружелюбно. А въ нравственныхъ качествахъ начальниковъ нашей кавалеріи, какъ равно въ кавалеріи самой, я не могу усомниться. Глубоко увѣренъ, что каждый кавалеристъ пойметъ всю важность и великость подвига, на который онъ призывается, будетъ вѣровать и помнить, что *партизанскія дѣйствія*, на которыя онъ идетъ, есть страшный молотъ, который медленно, но вѣрно наноситъ удары по самымъ чувствительнымъ частямъ противника, можетъ довести его до гибели и до такого отчаянія, до котораго не въ силахъ даже довести его артиллерія, пули и штыки.

Дождевыя капли, падая на камень, пробиваютъ его.

Пусть же каждый изъ кавалеристовъ это знаетъ и помнитъ!

Подливное подписалъ начальникъ штаба Западнаго отряда генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

Приказаніе это командующій корпусомъ приказалъ прочесть по полкамъ, при собраніи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

^{*)} Въ доведеніи о дѣйствіяхъ сводно кавалерійскаго корпуса говорится: „это соображеніе имѣло еще и то значеніе, что удаленіе значительныхъ силъ изъ Плевны для прохода транспортовъ, было бы важно, какъ всякое ослабленіе плевненскаго гарнизона“. Нельзя не замѣтить, что это послѣднее соображеніе имѣло бы нѣкоторое значеніе лишь въ томъ только случаѣ, если бы мы рѣшились опять атаковать Плевну; но разъ, что была рѣшена блокада, всякое ослабленіе плевненскаго гарнизона могло быть для насъ только вредно, такъ какъ оно уменьшало количество лишняго ртовъ и, стало быть, дѣлая Осману-пашѣ экономію въ продовольствіи, дѣло бы время нашей блокады. Съ этой точки армія пропускъ въ Плевну десяти тысячъ турокъ можно было бы поставить генералу Крылову въ положительную заслугу, если бы вмѣстѣ съ этими силами не прошелъ транспортъ въ двѣ тысячи повозокъ.

^{*)} Средства, предоставленныя генералу, могли казаться великими только номинально (по числу полковъ и эскадроновъ), въ дѣйствительности же они представляли изъ себя силу въ 3,856 человекъ, изъ коихъ собственно русскихъ было только 2,868 человекъ, при пяти конныхъ батареяхъ (30 орудій), въ томъ числѣ одна румынская, такъ что весь сводный корпусъ со всѣми строевыми и нестроевыми чинами далеко не превышалъ 5,000 человекъ.

Примчаніе автора.

ратъ Крыловъ намѣревался сосредоточить важнейшія операціи своего корпуса на софійско-плевненскомъ шоссе, какъ на главной линіи сообщеній противника, начавъ партизанскія дѣйствія за селеніемъ Телишъ, въ томъ предположеніи, что встрѣча и перехватъ транспортовъ въ этомъ районѣ представлялись ему наиболѣе вѣроятными.

7-го сентября корпусъ генерала Крылова прибылъ на бивуакъ къ селенію Дольнему Дубняку и расположился вокругъ этого селенія большимъ каре^{*)}. Здѣсь генералъ получилъ

^{*)} Характеръ расположенія и весь порядокъ службы сводно-кавалерійскаго корпуса видны изъ слѣдующаго приказа генералъ-лейтенанта Крылова по корпусу отъ 8-го сентября, за № 1.

Командуемому мною корпусу расположиться на бивуакъ у с. Дольній Дубнякъ, образуя каре, слѣдующимъ порядкомъ:

1) 8-й Астраханскій и 4-й Екатеринбургскій драгунскіе полки, имѣя между собой 7-ю конную батарею, станутъ фронтомъ къ Плевно, составляя собой восточный фасъ.

2) 4-й уланскій Харьковскій и Кубанскій казачій полки, имѣя между собой донскую № 8-го батарею, образуютъ западный фасъ (фронтъ къ Горному Дубняку).

3) Бригадѣ полковника Чернозубова и полку каларашей, имѣя между собой донскую № 15-го батарею, образовать сѣверный фасъ.

4) 4-й гусарскій Мариупольскій и Владикавказско-Осетійскій полки, съ 8-й конной батареей, образуютъ южный фасъ, ставъ тыломъ къ деревнѣ.

5) Трѣмъ полкамъ каларашей и роніоровъ съ румынской батареей оставаться въ Дольнемъ Митрополѣ.

Полки и батареи должны стать на бивуакъ по всѣмъ правиламъ бивуачнаго расположенія, выставивъ положенные по уставу караулы и опѣленіе.

Въ деревню Дольній Дубнякъ нижніе чины должны быть отпускаемы не иначе какъ командами, при утерѣ-офицерахъ. На водопой водить части подъ командой офицеровъ.

Для охраненія бивуачнаго расположенія, ежедневно отъ каждого фаса назначается по два эскадрона (по эскадрону отъ полка, считая бригаду полковника Чернозубова за одинъ полкъ). Сторожевую службу предписываю содержать неуклонно, по всѣмъ правиламъ „Устава о сторожевой службѣ“, на полной отвѣтственности полковыхъ командировъ.

Начальникамъ передовыхъ постовъ вмѣняется въ обязанность слѣдить какъ за своевременной смѣной эскадроновъ, такъ и за правильностію отправленія сторожевой службы, во всѣхъ ея подробностяхъ, а также за высылкой дальнихъ разъѣздовъ отъ эскадроновъ, несущихъ сторожевую службу.

Всѣ эскадроны, составляющіе сторожевую дѣль, должны быть между собой въ непрерывной связи вокругъ всего бивуачнаго расположенія корпуса, не оставляя никакихъ промежутковъ. Начальникамъ передовыхъ постовъ ежедневно, въ 9 часовъ вечера, присылать ко мнѣ подробныя донесенія. Обо всемъ, замѣченномъ въ цѣпи и узанномъ разъѣздами въ теченіе сутокъ, немедленно доносить записками

На бивуакъ каждого полка должна быть по-

донесение, что несколько неприятельских колонн наступают во фланг на его бивуакъ съ сѣверо-запада, отъ дер. Магалеты (она же и Магала), расположенной на плевно-раховской дорогѣ. Чтобы проверить справедливость донесения, генералъ распорядился направить въ эту сторону нѣсколько разъѣздовъ, но всѣ они возвратились съ тождественнымъ результатомъ, что никого и ничего въ сторонѣ Магалеты не видѣли. Тѣмъ не менѣе, послѣдующія извѣстія, доставляемые отчасти болгарами, продолжали настойчиво подтверждать первоначальное показаніе о присутствіи значительныхъ силъ непріятеля въ сторонѣ Магалеты и о его движеніи на корпусъ генерала Крылова. Настойчивость этихъ извѣстій принудила его, ради обезпеченія своего фланга, обратить особенное вниманіе на Магалету и вообще на зарѣчное пространство къ западу отъ рѣки Искера. Для исполненія предположенной цѣли къ Магалету былъ направленъ, для занятія постоянного поста, дивизионъ астраханскихъ драгунъ и 2-й эскадронъ рошноровъ капитана Пондрава. Кроме того, 8-го сентября направлены въ разныя стороны пять рекогносцировочныхъ отрядовъ, изъ числа коихъ одному, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Штакельберга, приказано сдѣлать усиленную рекогносцировку въ юго-западномъ направленіи на Телишъ (по софійско-плевненскому шоссе), предназначивъ для сего четыре эскадрона ¹⁾ и два конныхъ орудія. Рекогносцировка эта имѣла цѣлью освѣтить все пространство между рѣкою Искеромъ, софійскимъ шоссе и лѣвѣе до высоты, на которой лежитъ деревня Ракита ²⁾. Графъ Штакельбергъ открылъ непріятеля около Телиша, но опредѣлить количество его силъ не успѣлъ, такъ какъ этому помешала турецкая конница, съ которою онъ выдержалъ довольно жаркое кавалерійское дѣло. Хотя неприятельскіе всадники были опрокинуты и частью порублены, но и намъ обнищало дѣло не дешево: однихъ раненыхъ было до 40-ка человекъ и въ томъ числѣ одинъ штабъ и одинъ оберъ-офицеръ.

Открытіе непріятеля, сдѣланное графомъ Штакельбергомъ, требовало болѣе точнаго удостовѣренія въ количествѣ его силъ и потому

стоянно дежурная часть; остальнымъ быть разсѣданнымъ,

Ежедневно наряжать къ моей квартирѣ пѣшія унтеръ-офицерскіе караулы изъ 16-ти нижнихъ чиновъ.

Смѣну эскадроновъ, наряжаемыхъ на службу въ передовые посты, производить неизмѣнно на разсвѣтѣ.

Командующій корпусомъ генералъ-лейтенантъ Крыловъ.

¹⁾ Два эскадрона мариупольскихъ гусаръ и дивизионъ каларашей.

²⁾ Отъ Искера черезъ Телишъ до Ракиты, по прямой линіи, приблизительно верстъ восемнадцать.

9-го сентября былъ снова направленъ на Телишъ разъѣдочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Тутолмина ¹⁾. Завязавъ съ противникомъ энергическое дѣло, Тутолминъ заставилъ его наконецъ обнаружить свои силы, причемъ, благодаря поручику генеральнаго штаба, Соколюскому, который подъ выстрѣлами дѣлалъ снимки неприятельскаго расположенія, обнаружилось, что телишевская позиція уже укрѣплена ложементами для пѣхоты и готовыми батареями для артиллеріи, изъ которыхъ одна была еще не вполне насыпана, и что на этой позиціи находится отъ 10-ти до 12-ти тысячъ турокъ, въ томъ числѣ два полка конницы, при шести орудіяхъ. Непріятель выстроился въ полный боевой порядокъ, что и дало возможность пересчитать его волонны. Дѣйствія полковника Тутолмина на цѣлый день задержали противника въ Телишѣ.

Такъ, какъ наступленіе на нашъ корпусъ со стороны Магалеты, о которомъ столь настойчиво получались извѣстія еще 7-го сентября, въ дѣйствительности не состоялось, то остается думать, что непріятель, прикрываясь съ лѣвой своей руки рѣкою Искеромъ, успѣлъ въ теченіе сутокъ передвинуться къ Телишу и укрѣпиться здѣсь на занятой имъ позиціи. Если бы заранѣе было извѣстно о присутствіи неприятельской пѣхоты у Телиша, то конечно вся кавалерія уже 7-го сентября была бы тамъ и начальникъ ея имѣлъ бы возможность послать на Боготъ донесеніе о безотлагательной необходимости прислать къ нему хотя бы нѣсколько батальоновъ, такъ какъ одна кавалерія ничего не могла сдѣлать противъ десяти тысячъ пѣхоты, занимавшей укрѣпленную позицію. Но появленіе турокъ въ Телишѣ было вполне внезапное, такъ какъ разъѣзды 9-й кавалерійской дивизіи, ходившіе подъ Телишъ еще въ самый день своей смѣны изъ-подъ Горнаго Дубняка, т. е. 7-го числа утромъ, вовсе не видѣли тамъ непріятеля.

Генералъ Крыловъ, еще 9-го числа, тотчасъ же по полученіи свѣдѣній отъ Тутолмина, написалъ генералу Зотову слѣдующее письмо:

«Положеніе моего отряда въ Дубнякѣ нахожу ненормальнымъ, потому что впереди меня въ Телишѣ видимыхъ 10 тысячъ пѣхоты; съ фланга у Магалы собрались уже турки; съ другого, отъ Плевны, въ предмостіи ²⁾ укрѣпленія на Видѣ 4 батальона и 6 орудій, не говоря о разбросанной вездѣ кавалеріи, что заставляетъ меня расходовать въ день восемь эскадроновъ для аванпостовъ; наступленіемъ

¹⁾ Шесть сотенъ Кавказской бригады, два эскадрона Харьковскаго улѣвскаго, два эскадрона Екатеринославскаго драгунскаго полковъ и 8-я досская батарея.

²⁾ Т. е. замостіемъ; предъ мостомъ же, по лѣвую сторону Вида, у турокъ не было никакого укрѣпленія.

съ фланговъ меня отрѣжутъ отъ румынъ, которые въ Митропольѣ, и парализуютъ мои дѣйствія.

«Если найдете удобнымъ, то я желаю бы разрѣшенія перейти въ Семереть-Трестеникъ, для обезпеченія своего тыла и фланговъ, и изъ этого базиса дѣлать свои поиски. Но не могу этого сдѣлать, покуда не будетъ приказано Лашкареву съ своей стороны высылать отряды по направленію отъ плевно-ловчинскаго шоссе къ софійскому, для наблюденія хотя бы части этого пространства.

«Продовольствіе мое идетъ черезъ Рибенъ, летучій паркъ въ Турскомъ-Трестеникѣ, раненыхъ и больныхъ не могу иначе отправлять какъ по этой же дорогѣ,—значить, корпусу мѣсто въ Семереть-Трестеникѣ; но такъ какъ это шагъ назадъ, то безъ приказанія не могу его сдѣлать.

«Различить болгарскіе запасы отъ турецкихъ невозможно,—или все жечь, или ничего ¹⁾. Консулъ Кара-Михайловъ при первыхъ выстрѣлахъ отъ меня удралъ ²⁾. Лживыхъ показаній получаю много: для дѣла ни одного лазутчика не могу и за золото получить; всѣ свѣдѣнія отъ своихъ развѣдочъ. Крыловъ».

Въ тотъ же самый день, еще не получивъ отвѣта на свое письмо, генералъ Крыловъ отправилъ генералу Зотову слѣдующее извѣщеніе:

«Необходимость обезпеченія продовольствія, сообщенія съ летучимъ паркомъ, отправленія раненыхъ и больныхъ и, наконецъ, необходимость, вполнѣ выяснившаяся, прочнаго опорнаго пункта для партизанскихъ дѣйствій, не парализованныхъ собственно охраною, заставила меня перейти въ Семереть-Трестеникъ, откуда буду продолжать направлять летучіе отряды, сообразно съ получаемыми свѣдѣніями. Генералъ Крыловъ. 9-го сентября.

«Въ Дольнемъ Дубнякѣ остается казачій полкъ, въ Медованѣ—сотня, а въ Митропольѣ три полка рошіоровъ съ батареею».

¹⁾ Дабы лишить турокъ возможности фуражировать у болгаръ, генералъ Зотовъ, еще въ первой половинѣ августа мѣсяца, вскорѣ по принятіи командованія надъ Западнымъ отрядомъ, сдѣлалъ распоряженіе, съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ окрестныхъ болгарскихъ селеній, какъ то съ, такъ и по ту сторону Видъ, чтобы поселане убрали всѣ свои запасы продовольствія и фуража, а равно и скотъ за линію нашего расположенія, на что имъ дается двухнедѣльный срокъ, съ тѣмъ, что по прошествіи этого срока, всѣ запасы, какіе найдутся за Видомъ, будутъ считаться за неприятельскую собственность и подвергнутся истребленію. На основаніи этого, генералу Крылову и было дано предписаніе истреблять продовольствіе и фуражъ, какъ бы турецкіе.

²⁾ Бывшій нашъ консулъ Кара Михайловъ былъ данъ генералу Крылову въ качествѣ переводчика, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ мѣстной страной.

10-го сентября утромъ наши аванпосты, выставленные къ Горному Дубняку, замѣтили, что значительныя силы турокъ всѣхъ трехъ родовъ оружія наступаютъ въ направленіи отъ Горнаго Дубняка къ Дубняку Дольнему ¹⁾. Извѣстіе это, доставленное генералу съ аванпостовъ, вызвало съ его стороны распоряженіе объ отправкѣ въ сторону непріятеля дежурныхъ частей, которыя хотя и завязали перестрѣлку, но подавляемыя превосходствомъ силъ противника, вынуждены были отойти на позицію, выбранную генераломъ за Дольнимъ Дубнякомъ, въ видахъ задержанія наступающаго непріятеля. Около половины отряда было оставлено въ Горномъ Митропольѣ, а остальные полки стали полукружіемъ передъ Горнымъ Дубнякомъ. Едва успѣлъ генералъ Крыловъ окончить здѣсь распоряженія, какъ получилъ извѣстіе отъ генералъ-майора Лашкарева, что этотъ послѣдній отправился съ подвѣдомственной ему частью впередъ, по направленію къ Телину. Предположивъ, на основаніи этого извѣстія, что генералъ Лашкаревъ неминуемо долженъ зайти въ тылъ непріятелю за Горнымъ Дубнякомъ, генералъ Крыловъ завязалъ съ наступающимъ противникомъ артиллерійскій бой съ фронта. Но около трехъ часовъ дня онъ услышалъ, что выстрѣлы изъ отряда Лашкарева раздаются не въ тылу турокъ, а съ фронта, на протяженіи лѣваго фланга нашего кавалерійскаго корпуса ²⁾. Но еще ранѣе этого онъ получилъ донесеніе, что турецкая пѣхота въ значительныхъ силахъ вышла двумя колоннами изъ Плевны и направляется по лощинѣ въ тылъ нашему кавалерійскому корпусу. Тогда, убѣдившись въ бездѣльности фронтальнаго артиллерійскаго боя, генералъ Крыловъ началъ отходить со своимъ корпусомъ на сѣверо-востокъ, къ селенію Семереть-Трестенику, распорядившись, чтобы въ деревнѣ Горнее Митрополье, лежащей на полупути къ Дольнему Дубняку, остался передовой отрядъ ³⁾, въ видѣ арьергарда. «Выборъ Семереть-Трестеника основнымъ пунктомъ,—говоритъ генералъ Крыловъ въ своемъ донесеніи,—былъ сдѣланъ въ томъ соображеніи, что при незначительной разницѣ въ удаленіи отъ софійскаго шоссе ⁴⁾, въ сравненіи съ Дольнимъ Дубнякомъ, онъ былъ ближе къ нашему коммуникаціонному пути ⁵⁾, а распо-

¹⁾ Разстояніе между этими двумя деревнями около шести верстъ.

²⁾ По свидѣтельству генерала Лашкарева, онъ открылъ огонь въ половинѣ перваго часа дня.

³⁾ Донская бригада полковника Чернозубова и бригада каларашей.

⁴⁾ Семереть-Трестеникъ отъ Дольняго Дубняка, лежащаго на софійскомъ шоссе, находится въ разстояніи около 12-ти верстъ.

⁵⁾ Коммуникаціонный путь отряда лежитъ въ тылу его, на селеніе Злокучяны, а оттуда чрезъ мостъ на Видъ къ сел. Крета, на правый флангъ румынскаго корпуса.

ложение отряда у Митрополя ¹⁾ давало возможность слѣдить и за тѣмъ, что могло бы выходить изъ Плевны».

На отрядъ генерала Лашкарева, состоявшій изъ трехъ полковъ 9-й кавалерійской дивизіи и 4-го донского полка, было возложено прикрытіе лѣваго фланга нашего общаго расположенія у Плевны, съ тѣмъ, чтобы имѣть постоянную связь съ отрядомъ генерала Крылова.

Едва только генераль Лашкаревъ произвелъ 8-го сентября рекогносцировку всего пространства отъ с. Богота къ Медовану и сдѣлалъ необходимыя распоряженія объ измѣненіи направленія аванпостной линіи, какъ 9-го сентября, въ 10 часовъ вечера, получилъ слѣдующее приказаніе отъ начальника штаба Западнаго отряда, генерала Зотова:

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятельская колонна, изъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ, двигаясь въ Плевно, почуветъ въ Телишѣ, а потому предписываю — оставить бригаду донскихъ казаковъ на ловчинскомъ шоссе, съ цѣлью прикрытія лѣваго фланга отряда и наблюденія за Плевно, съ остальною ввѣренною намъ кавалеріею направиться черезъ Крушевицу къ Телишу и, войдя въ связь съ генераломъ Крыловымъ, дѣйствовать противу наступающей колонны самымъ рѣшительнымъ образомъ».

Задача, данная кавалеріи генерала Лашкарева, была не изъ легкихъ: ей предстояло, сдѣлавъ переходъ въ 30 верстъ, дѣйствовать противъ пѣхоты, пользовавшейся укрѣпленіями и, вдобавокъ, при такой обстановкѣ, что можно было ежеминутно ожидать появленія турокъ въ тылу (изъ Плевны); къ тому же, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся отъ разъѣздовъ, село Чуриково (на р. Видъ) было занято непріятелемъ ²⁾, такъ что въ случаѣ наступленія турокъ изъ Плевны и занятія ими переправъ у Медована, кавалеріи генерала Лашкарева нельзя было-бы воспользоваться и переправой у Чурикова.

Въ 6 часовъ утра, 10-го сентября, отрядъ, въ составѣ трехъ регулярныхъ и одного донского казачьяго № 4-го полка, съ двумя конными батареями, выступилъ подъ командою генерала Лашкарева въ указанномъ направленіи и въ то-же время былъ посланъ къ генералу Крылову разъѣздъ, съ увѣдомленіемъ, что отрядъ Лашкарева слѣдуетъ на Крушевицу и далѣе къ Телишу; у Крушевицы же разсчитывается получить отъ генерала Крылова какія-либо приказанія относительно предстоящаго дѣла. Отрядъ переправился черезъ р. Видъ у Медована и прибылъ въ Крушевицу къ 12-ти

часамъ дня. Въ это время уже слышны были выстрѣлы въ сторонѣ къ Горному Дубняку.

Не получивъ еще отъ генерала Крылова никакихъ извѣстій, генераль Лашкаревъ продолжалъ движеніе къ Телишу и прошелъ уже отъ Крушевицы версты три, когда передовые разъѣзды дали ему знать, что лѣсъ, находящійся впереди, между Крушевицею и Телишемъ, занятъ непріятельскою пѣхотою. Между тѣмъ артиллерійскіе выстрѣлы въ сторонѣ Горнаго Дубняка все учащались. Генераль Лашкаревъ выслалъ впередъ цѣль наѣздниковъ, а вскорѣ приказалъ спѣшиться казанскимъ драгунамъ и, выдвинувъ свои батареи на позицію, открылъ огонь. Это было въ половинѣ перваго часа. Такимъ образомъ оказалось, что путь отъ Крушевицы къ Телишу дѣйствительно прегражденъ непріятелемъ.

Турки занимали укрѣпленную позицію на софійскомъ шоссе и на дорогѣ изъ Крушевицы въ Телишъ, къ юго-западу отъ Горнаго Дубняка, южнѣе котораго дѣйствовала батарея съ бригадою сведно-кавалерійскаго корпуса генерала Крылова. На правомъ флангѣ турокъ былъ лѣсокъ, тянувшійся версты на двѣ и сильно занятый турецкою пѣхотою. Позиція непріятеля командовала всей впереди лежащей мѣстностью, покрытой кукурузными полями; на крайнемъ правомъ флангѣ этой позиціи, подъ лѣсомъ и южнѣе его, тоже тянулись обширныя поля кукурузы, которая вообще была такъ высока, что закрывала всадника. Мѣстность эта представлялась на столько неблагоприятною для дѣйствій нашей артиллеріи, что батареи первоначально были вынуждены сняться съ передковъ на разстояніи 1,100 сажень отъ непріятеля, частью противъ лѣса, частью же противъ дальнѣйшихъ турецкихъ батарей. На такомъ разстояніи наши 4-хъ-фунтовые орудія не могли дѣйствовать съ особеннымъ успѣхомъ, а потому какъ только была отыскана среди кукурузы другая позиція, они подѣхали на 600 сажень къ непріятелю и, несмотря на огонь турецкой пѣхоты, начали стрѣлять учащеннымъ огнемъ какъ по батареямъ, такъ и по лѣсу, что прикрывалъ правый флангъ турокъ. По бокамъ, впереди нашихъ батарей, дѣйствовали спѣшенныя стрѣлки, а фланги и тылъ къ Плевнѣ наблюдались разъѣздами.

Вступивъ такимъ образомъ въ бой, генераль Лашкаревъ въ 1 часъ 20 минутъ пополуночи получилъ слѣдующее сообщеніе отъ генерала Крылова:

«Положеніе дѣлъ таково: турецкій отрядъ, около 10-ти батальоновъ и два полка кавалеріи, стоявшій у Телиша, сегодня утромъ перешелъ противу Долнаго Дубняка въ наступленіе. Кроме того, показали турки со стороны Плевны. Задерживаю ихъ у Долнаго Дубняка. Турки теперь окопались у Горнаго Дубняка. Имѣя въ виду обезпечить свой тылъ и сообще-

¹⁾ Вышесказанный отрядъ полковника Червоубова.

²⁾ Свѣдѣніе это подтвердилось впоследствии сообщеніемъ генерала Крылова, помещаемымъ ниже.

ніе съ Рыбнымъ, я съ главными силами отхожу теперь къ Митрополю, оставивъ сильный авангардъ у Дольнаго Дубняка. Селеніе Чуриково, по донесеніямъ разъѣздовъ, тоже занято турками».

Спустя нѣкоторое время, генералъ Крыловъ вновь подтверждалъ эти свѣдѣнія и предложилъ генералу Лашкареву дѣйствовать со стороны Ракиты къ Горному Дубняку и Телишу.

Получивъ приказаніе генерала Крылова около 2½ часовъ пополудни, генералъ Лашкаревъ, для исполненія онаго, долженъ былъ бы отходить влѣво подъ огнемъ противника, по мѣстности неудобной для движенія артиллеріи, въ то время когда генералъ Крыловъ уже отходилъ отъ Горнаго Дубняка; вслѣдствіе этого турки получили бы возможность перейти въ наступленіе и совершенно отрѣзать Лашкарева отъ р. Вида, а также и отъ кавалерійской бригады отряда генерала Крылова. Въ виду этого генералъ Лашкаревъ продолжалъ удерживать то положеніе, которое разъ уже было имъ принято. Перестрѣлка продолжалась до четырехъ часовъ, когда онъ получилъ отъ полковника Курнакова слѣдующее увѣдомленіе:

«Изъ Плевны поднялась непріятельская пѣхота и кавалерія, по приказанію генерала Крылова, мы отступаемъ».

Въ это время кавалерія, дѣйствовавшая къ югу отъ Горнаго Дубняка, уже отошла, такъ что весь дальнѣйшій огонь непріятеля пришлось принять на себя одному отряду Лашкарева, тылъ котораго ничѣмъ не былъ обезпеченъ отъ противника, выходящаго изъ Плевны. Въ силу этого обстоятельства, а также и въ виду довольно уже поздняго времени, генералъ Лашкаревъ началъ постепенно выходить изъ боя, причемъ турецкія гранаты провожали его до Крушевицы, а въ семь часовъ вечера прибылъ въ Медоваль, гдѣ получалъ свѣдѣнія отъ разъѣзда, что турки наступаютъ долиною рѣки Вида къ Медовану.

По провѣркѣ этого донесенія оказалось, что нѣсколько таборовъ турецкой пѣхоты дѣйствительно вошли въ долину рѣки Вида и направились вверхъ по Виду къ Трениаѣ (она же Трина), а оттуда двинулись въ Дольный Дубнякъ.

Отрядъ генерала Лашкарева уже въ потемкахъ, подъ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ, переправился черезъ Видъ и въ два часа ночи, 11-го сентября прибылъ на бивуакъ у с. Боготъ, одѣлавъ въ сутки 60 верстъ, не разсѣдывая и не кормя, и выдержавъ четырехчасовой бой.

Для того, чтобы выбить противника изъ дѣла и укрѣпленной позиціи, отрядъ генерала Лашкарева располагалъ штыками только одного драгунскаго полка, вслѣдствіе чего осуществленіе этой задачи, конечно, не могло быть успѣшнымъ.

Между тѣмъ турецкая пѣхота, вышедшая изъ Плевны въ тылъ, успѣла около пяти часовъ дня зайти и въ лѣвый флангъ корпусу генерала Крылова, уже совершившаго отступленіе, и завязала сильный огонь съ аріергарднымъ отрядомъ полковника Курнакова. Благодаря этому обходному движенію, турки заслонили софійское шоссе и подъ прикрытіемъ своего огня успѣли провести въ Плевну транспортъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, вмѣстѣ съ конвоировавшими его силами, которыя наканунѣ были открыты полковникомъ Тутолминымъ въ укрѣпленной позиціи близъ Телиша. Это было для турокъ тѣмъ удобіемъ, что проводъ обозовъ и подкрѣпленій совершался подъ прикрытіемъ вечерней темноты, и хотя наша 15-я донская батарея провожала ихъ выстрѣлами съ позиціи у Горнаго Митрополя, тѣмъ не менѣе, благодаря потемкамъ, проливному дождю и сильному вѣтру, едва ли этотъ огонь могъ нанести существенный вредъ противнику. «Результатомъ дѣйствій корпуса съ 7-го по 11-е сентября—говорится въ донесеніи генерала Крылова—было задержаніе десяти тысячъ турокъ, шедшихъ изъ Софіи въ Плевну, на двое сутокъ».

По приходѣ въ Семереть-Трестеникъ, генералъ Крыловъ въ тотъ же вечеръ (10-го сентября) отдалъ слѣдующій приказъ по сведно-кавалерійскому отряду (приказъ за № 3):

«Вѣренному мнѣ отряду расположиться:

1) Авангарду, подъ начальствомъ полковника Курнакова, въ составѣ донской бригады полковника Чернозубова (семь сотенъ) съ 15-й донской батареей и бригадъ каларашей (шесть эскадроновъ) стать бивуакомъ у Дольнаго Митрополя, фронтомъ къ Дольному Дубняку, выставивъ передовые посты къ софійскому шоссе.

2) 4-й кавалерійской дивизіи, 8-му драгунскому Астраханскому полку, 7-й и 8-й коннымъ батареямъ, бригадѣ рошіоровъ съ ихъ батареей, Кавказской бригадѣ полковника Тутолмина и 8-й донской батареей, подъ общей командой генералъ-майора Макарова, стать бивуакомъ къ сѣверу отъ дер. Семереть-Трестеникъ, фронтомъ къ югу.

(Параграфъ 3-й заключаетъ въ себя распоряженія по внутреннимъ распорядкамъ корпуса и о караульной очереди).

4) Деревню Демиркюй занять эскадронами отъ 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка, которому своей цѣлью поставъ войти въ связь слѣва съ румынами у дер. Кацмунца, а справа съ бригадой Чернозубова, для чего поставить промежуточный постъ. Эскадрону зорко наблюдать за теченіемъ р. Видъ и дорогой въ Плевну.

5) Дивизіону Астраханскаго полка, подъ начальствомъ майора Радзиевскаго, перейти

завтра съ разсвѣтомъ, попрежнему, въ д. Магалета»¹⁾.

Въ этотъ же день (10-го) генералъ Крыловъ получилъ отъ начальника штаба Западнаго отряда отвѣтъ на приведенное выше извѣщеніе о переходѣ сводно-кавалерійскаго корпуса въ Семеретъ-Трестеникъ, помѣченное 9-мъ числомъ сентября. Отвѣтъ этотъ заключался въ изложеніи мнѣнія генерала Зотова о преимуществахъ расположенія въ Долинѣмъ Дубнякъ, для наступательныхъ дѣйствій на сообщенія непріятеля въ районѣ между софійскимъ и ловчинскимъ шоссе. «И потому, — писалъ далѣе генералъ Зотовъ, — вамъ необходимо быть въ постоянной и тѣсной связи съ генераломъ Лашкаревымъ; положеніе же ваше въ Трестеникѣ удаляетъ васъ отъ него. Поэтому считая необходимымъ: главныя силы ваши держать въ Дубнякѣ, а Крушевицу и Медованъ занимать не сотней, а примѣрно казачьей бригадой, такъ какъ только этимъ путемъ вы можете держать связь съ генераломъ Лашкаревымъ, препятствовать проходу непріятельскихъ транспортовъ и обоюдно достигать указанной вамъ цѣли».

12-го же числа генералъ Крыловъ получилъ отъ князя Карла Румынскаго предписаніе (помѣченное 10-мъ числомъ сентября) охранять своимъ кавалерійскимъ корпусомъ правый флангъ румынской арміи, на высотѣ селенія Бреста (въ 10-ти верстахъ отъ берега Дуная), базирясь въ крайнемъ случаѣ (т. е. въ случаѣ напора превосходныхъ силъ противника) на селеніе Рибне, лежащее на правомъ берегу Вида²⁾. Причиной такого распоряженія, очевидно, было желаніе прикрыть румынскія батальоны, разбросанные въ Брестѣ, Кретѣ,

Рибне, Гуленци и проч. отъ появленія турокъ со стороны Виддина. Одновременно съ этимъ приказомъ генералъ Крыловъ получилъ обстоятельное донесеніе изъ своего магалетскаго отряда о томъ, что въ пространствѣ между Видомъ и Искеромъ и далѣе къ западу появились шайки черкесовъ, занимающіяся грабежомъ, вербовкой людей и реквизиціями подводъ для турецкихъ войскъ и транспортовъ. Вслѣдствіе этого генералъ Крыловъ, выделивъ изъ своего корпуса довольно значительный отрядъ³⁾, предпринялъ съ нимъ 13-го сентября особую экспедицію къ городу Рахову. Эта экспедиція въ первый же день увѣнчалась успѣхомъ въ томъ отношеніи, что деревни Бѣлослатина, Старосельцы, Красносельцы и Островикъ были очищены отъ мелкихъ черкесскихъ шайкъ, а телеграфныя линіи, ведущія на Виддинъ и Плевну, испорчены.

14-го сентября, приблизясь къ Рахову, отрядъ генерала Крылова встрѣтилъ три редута, замыкавшіе подступы къ городу. Приказано было открыть по нимъ огонь, для чего батареи рошіоровъ и 15-я донская выдвинулись на командующія высоты. Для занятія этихъ высотъ пришлось означеннымъ батареямъ спуститься въ оврагъ и выбираться изъ него по крутому подъему, подъ сильнымъ гранатнымъ огнемъ, и эту трудную задачу обѣ батареи, а въ особенности румынская, на глазахъ у всего отряда исполнили самымъ блестящимъ образомъ. Лихо вскарабкавшись на кручу, они тотчасъ же открыли огонь и въ нѣсколько выстрѣловъ замѣтно ослабили огонь противника, причемъ одно орудіе у турокъ было подбито. Однако генералъ Крыловъ не счелъ нужнымъ овладѣть небольшою раховскою крѣпостью, потому что не видѣлъ возможности удержать ее

¹⁾ Этотъ дивизионъ, вмѣстѣ съ 2-мъ эскадронномъ рошіоровъ, былъ притянутъ къ отряду, на случай боя, въ виду результатовъ рекогносцировокъ полковника Тутюмина 9-го сентября.

²⁾ Предписаніе это было слѣдующаго содержанія:

„Grand quartier général de l'armée d'Occident, Poradin, le 10/12 septembre 1877.

„A Son Excellence M^r le lieutenant général Krilow.

„En cas, que vous soyez forcé de quitter vos positions sur la route de Sophie-Widdin devant les forces supérieures des ennemis, en infanterie et artillerie, le point de Riben vous est indiqué comme point général de retraite avec la mission de couvrir au loin le zone en avant du Vid jusqu'à la hauteur de Brest. A Goulentzi se trouve le 4-me régiment de calarachi de l'armée roumaine, avec lequel vous pouvez vous relier. Je désire, que cet espace soit tellement couvert, que personne ne puisse le traverser sans que vous en ayez connaissance. Votre situation a donc pour objet de couvrir l'armée contre toute tentative, venant de l'Ouest. A Riben se trouvent un bataillon et quatre pièces. Kreta et Goureni sont également occupés chacun par un bataillon roumain.

„Le commandant de l'armée d'Occident Charles. En absence du général Zottoff, son aide-chef d'état major, colonel Novitzky“.

Главная квартира Западной арміи, Порадинъ 10/12 сентября 1877.

Генералъ-лейтенанту Крылову.

„Если въ виду превосходныхъ силъ непріятельской пѣхоты и артиллеріи, вы будете вынуждены оставить ваше расположеніе на софійско-виддинской дорогѣ, то селеніе Рибне назначается вамъ, какъ главный пунктъ на случай отступленія, съ порученіемъ прикрывать вдали пространство впереди Вида до Бреста. Въ гуленци (Гиланцѣ) находится 4-й полкъ каларашей, съ которыми вы можете войти въ связь. Я желаю, чтобы это пространство было прикрыто такъ, что никто не могъ бы перейти за его черту не замѣченнымъ вами. Ваше положеніе имѣетъ цѣлью прикрывать армію отъ всякихъ покушеній съ запада. Въ Рибнѣ одинъ батальонъ и четыре орудія. Селенія Крета и Гурени также заняты, каждое однимъ румынскимъ батальономъ.

„Начальникъ Западной арміи Карлъ. За отсутствіемъ генерала Зотова, его помощникъ, генеральнаго штаба полковникъ Новикій“.

³⁾ Бригада Кавказская, бригада рошіоровъ, 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи и Астраханскій драгунскій полкъ, съ тремя батареями.

за собой, «а сжечь ее не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ Рахово скорѣе городъ болгарскій, нежели турецкій», и такимъ то образомъ, «выказавъ присутствіе отряда тамъ, гдѣ турки не ожидали встрѣтить ни одного русскаго», генералъ 16-го сентября вернулся назадъ и, зайдя въ Рибне, для полученія сухарей и пополненія снарядовъ, сталъ 18-го числа опять въ Семеретъ-Трестеникѣ.

Между тѣмъ во время отсутствія генерала Крылова полковникъ Курнаковъ, командовавшій митропольскимъ передовымъ отрядомъ, успѣлъ сдѣлать нападеніе на два транспорта и въ первомъ изъ нихъ захватилъ двадцать, а во второмъ сто повозокъ съ мукой и ячменемъ; кромѣ того отбилъ нѣсколько подводъ съ сѣномъ, напавъ на нихъ въ то время какъ плевенскіе турки дѣлали фуражировку.

По возвращеніи въ Семеретъ-Трестеникъ 18-го числа, генералъ Крыловъ снарядилъ особый развѣдочный отрядъ ¹⁾, поручивъ его полковнику Левизъ-офъ-Менару, съ тѣмъ чтобы онъ направился по софійскому шоссе, черезъ Телишъ на Рубцы, для осмотра поперечной мѣстности по линіи между селеніями Червѣный-Брегъ, Рубцы и Радомирцы, и для открытія въ этой мѣстности непріятельскихъ транспортовъ. Означенный отрядъ выступилъ по назначенію того же числа, и на слѣдующій день, 19-го сентября, генераломъ Крыловымъ уже было получено отъ Левизъ-офъ-Менара доносеніе, что въ самый день своего выступленія отрядъ встрѣтилъ партію башибузукъ, атаковалъ ее и преслѣдовалъ до селенія Луковицы (лежащаго на разстояніи около 15-ти верстъ по шоссе далѣе Телиша, къ юго-западу), отбивъ во время преслѣдованія свыше тысячи головъ скота и восемьдесятъ лошадей, а также нѣсколько повозокъ съ хной, медикаментами и солью, которая была отдана въ пользу отряда. Кромѣ того, наши кавалеристы разрушили мостъ черезъ рѣчку Панегу, на шоссе у Радомирцевъ, и вновь испортили на пространствѣ отъ Телиша до Луковицы телеграфную линію на Софію, которую турки до ихъ появленія успѣли было возстановить. Затѣмъ, 20-го сентября, во время перехода изъ Радомирцевъ въ Чумаковцы ²⁾, былъ сожженъ мостъ на Панегѣ, близъ деревни Червѣный-Брегъ; а 21-го числа утромъ, выступивъ съ бивуака у Чумаковцевъ двумя колоннами ³⁾

на Луковицу, полковникъ Левизъ, не доходя деревни Горникъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами со стороны черкесовъ, засѣвшихъ въ ущельѣ и въ деревенскихъ хижинахъ. Здѣсь завязалась перестрѣлка, во время которой 1-я и 2-я сотни Владикавказскаго полка засадили черкесамъ въ тылъ, а остальные сотни, вмѣстѣ со снѣженными драгунами, бросились на деревню Горникъ въ атаку. Въ виду этого натиска съ двухъ сторонъ, черкесы бросились бѣжать въ сосѣдніе кусты, а казаки и драгуны—за ними въ догонку, и положивъ на мѣстѣ шесть черкесовъ, захватили нѣсколько лошадей, много брошеннаго оружія и рогатаго скота, который былъ забранъ грабителями у болгаръ, но возвращенъ нами обратно потерпѣвшимъ хозяевамъ. Нашъ развѣдочный отрядъ не имѣлъ времени останавливаться долго надъ ничтожной и уже разбитой шайкой, а потому скорѣй двинулся далѣе, къ деревнѣ Роселицѣ, лежащей по лѣвую сторону Искера, близъ впаденія въ него рѣчки Каменопольской. Не доходя этой деревни, авангардъ нашего отряда опять былъ встрѣченъ выстрѣлами, которые однако не задержали ни на минуту его движенія, и потому черкесы, не дождавшись даже нашего приближенія, бѣжали изъ Роселицы. По прибытіи авангарда, жители этой деревни объяснили, что партія черкесовъ, въ числѣ которой находилось нѣсколько раненыхъ въ стычкѣ у Горника, сейчасъ только проскакала черезъ Роселицу въ видимомъ страхѣ и удалилась въ горы. Полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ двинулся изъ Роселицы въ деревню Луковицу и, приближаясь къ этой послѣдней, увидѣлъ, что позиція впереди ея занята тремя сотнями черкесовъ. Въ центрѣ этой конницы развѣвался большой зеленый штандартъ. Не теряя ни минуты, одна изъ двухъ сотенъ осетинъ, составлявшихъ авангардъ нашего отряда, заскакала во флангъ позиціи противника, мигомъ спѣшилась, залегла между большими камнями и открыла изъ своихъ берданокъ огонь, пронизывавшій продольно фронтъ черкесовъ, а въ то же время другая авангардная сотня бросилась на нихъ лицомъ къ лицу въ шанки. Черкесы не выдержали и усаkali за деревню, гдѣ хотя и приостановились на нѣкоторое время за кладбищемъ, но опять не выдержали новаго натиска нашихъ: едва лишь осетины, усилившись одной сотней, прискакавшей къ нимъ изъ резерва, вступили въ деревню, какъ черкесы сорвали съ древка свой штандартъ и безъ

подъ начальствомъ полковника Левизъ-офъ-Менара, состояла изъ Владикавказскаго полка, эскадрона драгунъ и взвода 8-й конной батареи. Первая колонна направлялась на деревни Червѣный-Брегъ, Рубце, Радомирце и Луковицу, а вторая на Луковицу же чрезъ дер. Горникъ и Роселецъ.

1) Четыре сотни Владикавказскаго полка, дивизіонъ харьковскихъ уланъ, дивизіонъ мариупольскихъ гусаръ и 8-я конная батарея.

2) Селеніе, лежащее къ сѣверо-западу отъ Радомирца, при устьѣ рѣчки Панегя, впадающей въ Искеръ.

3) Лѣвая колонна, подъ начальствомъ полковника Мацылевича, состояла изъ трехъ эскадроновъ астраханскихъ драгунъ, дивизіона гусаръ, дивизіона уланъ, двухъ взводовъ 8-й и одного взвода 7-й конныхъ батарей; правая же колонна,

оглядки помчались за деревню Петровень¹⁾, вплоть до которой и были преследуемы нашими остинами, оставив по пути до двадцати тѣлъ, нѣсколько лошадей и оружіе. Это послѣднее, равно какъ и лошади, пошло въ дѣлѣ между осетинами. Кромѣ того, въ этотъ же день часть нашего отряда разрушила мостъ на рѣчкѣ Панегѣ, у Луковицы, и отбила турецкую почту²⁾.

Занявъ 21-го числа деревню Радомирцы главными силами своего отряда, полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ въ оба послѣдующіе дня (22-го и 23-го сентября) посылалъ отсюда небольшія развѣдочныя части по разнымъ направлениямъ. 24-го числа одинъ изъ такихъ отрядовъ, посланный впередъ по софійскому шоссе, открылъ движеніе непріятельскихъ силъ, въ количествѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ пѣхоты съ пятаю орудіями и отъ двухъ до трехъ тысячъ черкесской конницы. Эти силы надвигались на легкій отрядъ Левизъ-офъ-Менара вдоль по шоссе, отъ деревни Яблоницы, и сойдясь съ нимъ на достаточную дистанцію, повели противъ него цѣлый рядъ атакъ. Нашъ отрядъ, отступая по шоссе, отбивался отъ этихъ нападеній до двухъ часовъ пополудни; онъ уже рассчитывалъ благополучно соединиться съ главными силами нашего наблюдательнаго корпуса, какъ вдругъ неожиданно былъ атакованъ въ тылъ другимъ отрядомъ, вышедшимъ того же числа утромъ изъ Плевны, навстрѣчу силамъ, наступавшимъ на Левизъ-офъ-Менара изъ Яблоницы. Надобно думать, что плевненскій гарнизонъ былъ заблаговременно предупрежденъ объ этомъ движеніи новыхъ своихъ подкрѣпленій и транспортовъ. Какъ бы то ни было, но эта неожиданная атака въ тылъ, веденная совместно съ фронтальной атакой со стороны яблоничаго отряда, вынудила Левизъ-офъ-Менара отойти, подъ прикрытіемъ драгунскаго и артиллерійскаго огня, чрезъ деревню Червены-Брегъ на лѣвую сторону Искера къ Чумаковцамъ, вслѣдствіе чего софійско-плевненское шоссе было открыто для дальнѣйшаго движенія турокъ и ихъ транспортовъ къ Плевнѣ. Нашъ отрядъ вынужденъ былъ отойти въ этомъ направленіи, по причинѣ слишкомъ большой несоразмѣрности своихъ силъ сравнительно съ подавляющими силами противника, а 25-го сентября онъ поднялся лѣвымъ берегомъ, внизъ по теченію Искера, къ Магалетѣ, пославъ предварительно небольшую развѣдочную часть къ Телицу. Рекогносцировка этой послѣдней выяснила, что Дольній и Горній

Дубняки заняты и уже укрѣплены турецкой пѣхотой³⁾.

Такимъ образомъ рекогносцировка отряда полковника Левизъ-офъ-Менара въ общемъ дала намъ слѣдующіе результаты: 1) все пройденное имъ пространство очищено отъ мелкихъ шаекъ черкесовъ и башибузукъ; 2) нѣкоторые мосты испорчены и телеграфное сообщеніе Плевны съ Софіей временно прервано, и наконецъ 3) обнаружено, что турки устроили на софійскомъ шоссе четыре укрѣпленные пункта, а именно: въ Горномъ Дубнякѣ, Дольнемъ Дубнякѣ, Телишѣ и въ Луковицѣ, которыми они и пользуются не только при усиленныхъ фуражировкахъ, но и при проводѣ своихъ транспортовъ въ Плевну, а равно эти же укрѣпленные позиціи могутъ служить опорными пунктами плевненскому гарнизону въ томъ случаѣ, если онъ будетъ вынужденъ нами къ отступленію изъ Плевны. Можно однако считать, что наша гвардія, уже сосредоточенная на софійскомъ шоссе, не позволяющая болѣе туркамъ пользоваться этими укрѣпленными пунктами ни въ какомъ случаѣ, хотя и есть свѣдѣнія, требующія однако дальнѣйшаго подтвержденія, что турки не ограничились только четырьмя укрѣпленными пунктами, а устроили десять подобныхъ же, въ естественно-сильныхъ позиціяхъ, вдоль по софійскому шоссе, до самаго города Орханіа, и расположили эти пункты съ такимъ расчетомъ, чтобы они находились одинъ отъ другого на расстоянии отъ 8-ми до 10-ти верстъ, дабы каждый отрядъ, занимающій укрѣпленный лагерь, могъ своевременно подать помощь сосѣднему отряду. Турки рассчитываютъ, что при подобной системѣ небольшихъ укрѣпленныхъ лагерей, ихъ транспорты безпрепятственно могутъ слѣдовать отъ этапа до этапа, подъ прикрытіемъ не болѣе какъ одного батальона при повозкахъ и не болѣе двухъ сотенъ черкесовъ по сторонамъ дороги. Они полагаютъ, что въ случаѣ внезапнаго нападенія, ихъ транспорты всегда будутъ имѣть возможность либо отойти назадъ, либо продвинуться впередъ—до ближайшаго укрѣпленнаго лагеря, откуда, при первой вѣсти объ опасности, на первый звукъ выстрѣла должны выходить достаточныя силы для поддержанія атакующаго обоза.

Между тѣмъ, пока отрядъ Левизъ-офъ-Менара производилъ свои рекогносцировки, главные силы нашего наблюдательнаго корпуса не оставались въ бездѣйствіи на своей новой по-

¹⁾ На софійскомъ же шоссе, верстахъ въ шести далѣе Луковицы.

²⁾ Эта почта была доставлена генералу Крылову, а отъ него отправлена съ нарочнымъ къ генералу Зотову.

³⁾ Лѣвая колонна отряда Левизъ-офъ-Менара, посланная 21-го сентября изъ Чумаковцевъ, подъ начальствомъ полковника Мацылевича, на Червены-Брегъ, Рубцы и Радомирцы къ Луковицѣ, произвела рекогносцировку къ деревнѣ Ракитѣ, но нигдѣ не встрѣтивъ на своемъ пути непріятеля, присоединилась къ правой колоннѣ въ тотъ же день вечеромъ, на бивуакѣ у деревни Луковицы.

зиция: 19-го сентября генералъ Чернатъ, командующій румынской арміей (онъ же военный министр Румыніи), пріѣхавъ къ генералу Крылову, сообщилъ ему, что онъ отдастъ приказъ одному румынскому батальону произвести 20-го сентября усиленную рекогносцировку въ направленіи на деревню Опонецъ, лежащую на правомъ берегу Вида, противъ зарѣчныхъ селеній Дольнаго и Горняго Митропольевъ, а потому проситъ генерала Крылова оказать этому батальону демонстративное содѣйствіе нѣкоторыми частями его корпуса. Вслѣдствіе этой просьбы, генералъ Крыловъ предписалъ передовому своему отряду, занимавшему подъ командой полковника Курнакова деревню Горнее Митрополье, выйти для демонстраціи на Опонецъ съ лѣваго берега Вида. Но 20-го числа, когда это движеніе было уже исполнено, генералъ Крыловъ извѣстился, что турки въ значительныхъ силахъ, изъ всѣхъ родовъ оружія, сами вышли изъ Плевны черезъ каменный мостъ и заняли деревню Дольнее Митрополье. Это извѣстіе побудило генерала Крылова выступить со всѣми остальными силами своего корпуса на подкрѣпленіе передового отряда и завязать съ непріятелемъ артиллерійское дѣло, въ которомъ въ особенности отличалась своей лихою и мѣткостью румынская конная батарея. Вообще, по отзыву генерала Крылова, дѣйствіе какъ нашихъ, такъ и румынскихъ батарей «было вполне удачное: турецкое орудіе подбито, зарядный ящикъ взорванъ, селеніе Дольнее Митрополье зажжено». Спѣшныя драгуны отбѣсали турецкихъ стрѣлковъ, занимавшихъ окраину Дольнаго Митрополя и сильно вредившихъ изъ этой позиціи нашей 15-й донской батарее; двѣ сотни кубанцевъ ходили въ атаку для прикрытія спѣшнныхъ драгунъ, причемъ изрубили нѣсколькихъ черкесовъ и принудили ихъ въ безпорядкѣ отступить за пѣхоту; румынская батарея заставила замолчать одно турецкое орудіе; но въ половинѣ второго часа дня генералъ Крыловъ получилъ извѣдѣніе, что рекогносцировка, предстоявшая румынскому батальону, отменена. Вслѣдствіе этого генералъ счелъ безцѣльнымъ продолженіе дальнѣйшихъ дѣйствій и въ три часа пополудни приказалъ своему корпусу начать правильное отступленіе съ праваго фланга, что и было исполнено въ полномъ порядкѣ. Это дѣло закончилось собою дѣйствіемъ генералъ-лейтенанта Крылова, который приказомъ главнокомандующаго отъ 22-го сентября, за № 170, отданнымъ подъ Плевной, назначенъ состоять въ распоряженіи его высочества, по званію генералъ-инспектора всей кавалеріи, а начальство надъ всей кавалеріей Западнаго отряда ввѣрено генералъ-адъютанту Гурко ¹⁾.

Противъ нашей кавалеріи и въ особенности противъ генерала Крылова раздается много порицательныхъ возгласовъ, слышится много обвиненій, изъ которыхъ почти всѣ безъ исключенія сводятся къ тому, что пропустили-де транспортъ, — «какъ могла пропустить его! хороша-де кавалерія!» и т. п.

Постараемся разсмотрѣть, что это была за кавалерія, что она могла бы одѣлать и на сколько виновата собственно генералъ Крыловъ въ малоуспѣшности ея дѣйствій ²⁾.

Кавалерійскія силы, предназначенныя для дѣйствій на пути сообщенія плевненскаго гарнизона, если и могли казаться грозными, то только номинально. Дѣйствительно, 69 эскадроновъ, столько-то полковъ, столько-то бригадъ, столько-то дивизій—все это чрезвычайно громко, внушительно, но увы!—на дѣлѣ это оказалось не болѣе, какъ «страшными словами», которыхъ, какъ извѣстно, очень боится замоскворѣцкая купчиха въ одной изъ комедій Островскаго. На дѣлѣ было вотъ что:

У генерала Лашкарева три регулярныхъ полка его дивизіи, благодаря подоспѣвшимъ къ нимъ маршевымъ эскадронамъ, успѣли пополниться до десяти-ряднаго состава; 4-й донской казачій полкъ тоже получилъ нѣкоторое пополненіе изъ состава льготныхъ полковъ, прибывшихъ съ Дона; предположимъ, что онъ пополнился даже до боевого комплекта, чего однако же далеко не было въ дѣйствительности, не превышавшей 7—8-ми-ряднаго состава во зводахъ. Считая утеръ-офицеровъ и урядниковъ на каждый эскадронъ и сотню, среднимъ числомъ, по 12-ти человекъ, мы увидимъ, что у генерала Лашкарева три регулярныхъ полка могли состоять изъ 1,104 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а 4-й донской казачій полкъ изъ 846 человекъ,—итого, стало быть, 18 эскадроновъ и сотенъ—1,950 чел.

У генерала Крылова въ русской части своднаго корпуса было:

Въ Кавказской бригадѣ, при 8-ми-рядномъ составѣ.	888 чел.
Въ бригадѣ Чернозубова семь сотенъ, 8-ми-ряднаго состава . . .	532 »
Въ четырехъ регулярныхъ полкахъ, считая ихъ въ 10-ти-рядномъ составѣ, хотя Мариупольскій гусарскій и Екатеринославскій драгунскій полки были далеко слабѣе этой нормы	1,448 »
Итого	2,868 чел.
въ 35-ти эскадронахъ.	

Присоединивъ къ этому 13 эскадроновъ румынской кавалеріи ³⁾, находившихся въ 8-ми-рядномъ составѣ, получимъ: 988+2,868=3,856.

¹⁾ Начальникомъ штаба всей этой кавалеріи назначенъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ *Павловскій*.

²⁾ Писано позднѣе, въ ноябрѣ 1877 года.

³⁾ Семь эскадроновъ рошіоровъ и шесть эскадроновъ каларашей.

Итакъ, 3,856 всадниковъ составляли всю боевую силу сводно-кавалерійскаго корпуса генерала Крылова. Изъ числа бывшихъ въ немъ 51 сотни и эскадрона, восемь эскадроновъ постоянно находились на аванпостахъ, другіе восемь стояли засѣданными на бивуакахъ, въ качествѣ дежурныхъ частей, три эскадрона были откомандированы въ Магалету; да кромѣ того, надо прибавить ежедневныя рекогносцировки; стало быть, половина всего корпуса находилась въ постоянномъ расходѣ по служебному наряду, а извѣстно изъ боевой практики, что кавалерія только при трехъ очередяхъ подобныхъ нарядовъ можетъ съ успѣхомъ и постоянною выносливостію, безъ излишняго напряженія нести свою службу. Но у насъ, при данномъ количествѣ силъ, нечего было и мечтать о томъ, чтобы лошадь и всадникъ могли имѣть по два дня подъ-рядъ на отдыхъ. Почти всѣ эти части, за исключеніемъ румынскихъ полковъ, еще съ самаго начала кампаніи несли трудную, обременительную и разностороннюю службу, вслѣдствіе чего къ началу сентября лошади были уже заморены; оказывалось очень много сбитыхъ спящихъ, разбитыхъ ногъ, треснувшихъ копытъ,—однимъ словомъ, я не погрѣшу въ сторону преувеличенія, если скажу, что конскій составъ этой кавалеріи въ данное время, по крайней мѣрѣ, на одну треть можно было считать кахъчю. Такимъ образомъ, въ сущности, вся «грозная» сила, которую могъ располагать генералъ Крыловъ, даже съ присовокупленіемъ румынской кавалеріи, оказывалась не много болѣе двухъ тысячъ исправныхъ всадниковъ.

Можно ли было при такихъ условіяхъ задаваться партизанскими дѣйствіями «въ самомъ обширномъ смыслѣ», какъ указывала инструкция, данная Крылову? И что могла сдѣлать эта кавалерія, хотя бы даже въ полномъ своемъ составѣ, противъ десяти тысячъ отлично вооруженной пѣхоты, сидящей за окопами и вспомоществуемой дальнобойною артиллеріею, въ то время, какъ въ тылъ этой кавалеріи выходилъ пѣхотный отрядъ равной съ нею силы изъ Плевны? Надо было оставить надежный заслонъ противъ сего послѣдняго отряда, а для этого потребовалась почти половина наличныхъ силъ сводно-кавалерійскаго корпуса, другая же половина стала заслономъ противъ Шефкет-пашы, который, какъ узналось впоследствии—получалъ кружнымъ путемъ отъ Османа приказаніе не останавливаться въ движеніи на Плевну, во первыхъ, потому, что передъ нимъ только одна кавалерія, а во-вторыхъ, потому, что изъ Плевны выйдетъ на соединеніе съ нимъ особый отрядъ, который ударитъ въ тылъ русской кавалеріи. Если бы ея появленіе могло еще быть для Шефкета полною внезапностью, то мы могли бы, пожалуй, рассчитывать на панику. Но подъ Горынымъ Дубнякомъ 10-го сен-

тября внезапности не было, а стало быть не могло случиться и паники. За траншеями спокойно лежало 10,000 пѣхоты. ежечасно ожидавшей появленія столькихъ же турокъ изъ Плевны—и Шефкетъ-паша свободно могъ рисовать въ своемъ воображеніи картину истребленія гяуровъ. И дѣйствительно, пять сильныхъ турецкихъ таборовъ съ черкесскою конницею вышли изъ-за Вида: четыре направились на Дольній Дубнякъ, а пятый, спускавшійся отъ Олонца,—на Митрополье; я тѣ, и другія силы противника были къ тому же снабжены дальнобойной артиллеріей, съ которой не могли состязаться наши четырехфунтовки.

Говорятъ, что въ виду такихъ силъ, кавалерія днемъ могла бы нѣсколько отойти, но зато съ наступленіемъ вечера ей тотчасъ же слѣдовало воспользоваться темнотою и атаковать транспортъ во время его движенія изъ Горнаго Дубняка въ Плевну; при этомъ доказываютъ, на сколько былъ бы важенъ внезапный налетъ даже одного эскадрона, который наскокылъ бы на обозъ, перестрѣлялъ хотъ съ десятокъ буйволовъ, перерубилъ колеса, опрокинулъ нѣсколько подводъ, словомъ,—надѣлалъ бы переполоху, каша, загроздилъ путь и тѣмъ самымъ опять замедлил бы слѣдованіе транспорта. Но, во-первыхъ, эта новая задержка продолжалась бы не болѣе нѣсколькихъ часовъ, что, конечно, имѣло бы не малое значеніе въ томъ случаѣ, если бы къ мѣсту задержки могла подоспѣть наша пѣхота, въ такомъ количествѣ, чтобы не безъ успѣха помѣряться съ непріятелемъ; а во-вторыхъ, въ ночь съ 10-го на 11-е сентября невозможно было сдѣлать никакого *налета*, и тѣмъ болѣе *внезапно*, потому что шелъ проливной дождь, который, какъ уже извѣстно, въ нѣсколько часовъ растворяетъ здѣсь почву до такой степени, что лошади ~~уже~~ шагомъ поминутно вязнутъ, окользкаятъ и слотыкаются. Атаковать десятитысячный, хотя и растянутый на семь верстъ, отрядъ пѣхоты, въ ненастной темнотѣ, измученными эскадронами, на заморенныхъ лошадяхъ—не значило ли бы подвергать ихъ всѣмъ шансамъ безплоднаго уничтоженія? *Здержавъ на три дня движеніе турецкой пѣхоты съ транспортомъ къ Плевнѣ, кавалерія въ данныхъ условіяхъ сдѣлала все, что могла и должна была сдѣлать.*

Вообще, характеръ дѣйствій кавалеріи въ эту кампанію, въ большинствѣ случаевъ вынужденный обстоятельствами, до сихъ поръ состоитъ въ томъ, что на ея долю выпадали задачи, которыя были ей не по силамъ, благодаря постоянному недостатку ея численнаго состава. Полки четырехъ-эскадроннаго состава оказались положительно неудовлетворяющими боевыми потребностямъ. Не говоря уже о боевой убыли, походной порчѣ и случайныхъ болѣзняхъ лошадей, четырехъ-эскадронные полки не мало ослабляются также многочисленными

и безпрестанными выдѣлами изъ своего состава разныхъ мелкихъ командъ на всевозможныя потребности, начиная съ содержанія летучей почты до личныхъ ординарцевъ того или другого начальника. После забалканской экспедиціи, изъ коей кавалерія возвратилась въ пяти-рядномъ составѣ, потребовалось дать ей болѣе чѣмъ мѣсячный отдыхъ, дабы имѣть возможность опять воспользоваться ею для военныхъ цѣлей. Настоятельная потребность въ усиленіи постоянного состава кавалерійскихъ полковъ третьими дивизіонами начинается очень живо ощущаться изъ боевой практики почти всѣми кавалерійскими офицерами. Тяжелую службу на аванпостахъ и въ развѣдкахъ кавалерія въ эту кампанію несла добросовѣстно. Далеко уходили впередъ ея смѣлые развѣды, но нигдѣ не могли отыскать сгруппированныхъ силъ турецкой конницы. Черкесы только изощрялись наводить наши эскадроны и сотни на кукурузныя поля, гдѣ ожидали ихъ залпы спрятанной въ засады турецкой пѣхоты. Но вотъ, напри- мѣръ, въ сраженіи при Пелишатѣ кавалерія играла рѣшающую роль. Когда турки въ числѣ до 30-ти тысячъ атаковали 4-й корпусъ и стали сильно насаждать на село Пелишатъ, генералъ Крыловъ бросилъ туда всю свою кавалерію¹⁾, съ приказаніемъ стремительно атаковать турецкую стрѣлковую цѣпь, что и было мгновенно исполнено. Бойкая атака нашей конницы на флангъ ошеломила турокъ — они кинулись назадъ, а 16-я пѣхотная дивизія, воспользовавшись этою минутою, перешла въ наступленіе, отбросила противника отъ Пелишата и чрезъ это заставила его, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ у Стадуница, бросить эту деревню, куда турки уже дошли, и поспѣшно уйти за окопы Гривницкаго редута. Здѣсь кавалерія была на своемъ мѣстѣ, въ своейственной себѣ сферѣ и честно выполнила данную ей задачу, но посланная за Видъ, для партизанскихъ дѣйствій въ широкихъ размѣрахъ, она сразу стала въ такое положеніе, что ей невозможно было выполнить программу, указанную въ инструкціи.

Во-первыхъ, этому препятствовалъ самый пунктъ расположенія сводно-кавалерійскаго корпуса. Генералъ Крыловъ очень хорошо понимаетъ, что «воспрепятствованіе проходу транспортовъ возможно лишь на такомъ разстояніи отъ Плевны, на которомъ не могла бы въ-время подоспѣть помощь отъ плевненскаго гарнизона»²⁾, и потому имѣлъ въ виду «начать партизанскія дѣйствія за Телинѣмъ, въ районѣ, въ которомъ имѣлось наиболѣе вѣроятія встрѣтить транспорты, при возможности захвата ихъ».

¹⁾ Харьковскій уланскій и одинъ дивизіонъ Мариупольскаго гусарскаго полка съ 8-ю конною батареею.

²⁾ Донесеніе о дѣйствіяхъ сводно-кавалерійскаго корпуса за Видомъ.

Такимъ образомъ, онъ предполагалъ основаться гдѣ-нибудь въ районѣ селеній Радомирицы, Луковицы и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, налетами или засадами, что было бы весьма удобно при слѣдованіи транспортовъ въ дефилеяхъ около Яблоницы. Но инструкція предлагала ему стать въ Дубнякѣ, и хотя въ ней не сказано, въ которомъ именно, но въ сущности это все равно, такъ какъ Горный отъ Долняго удаленъ всего лишь на шесть верстъ. Инструкція, предлагая генералу Крылову расположиться въ Дубнякѣ, на мѣстѣ расположенія 9-й кавалерійской дивизіи, имѣла въ виду, главнѣйшимъ образомъ, вопросъ о продовольствіи и вообще о снабженіяхъ сводно-кавалерійскаго корпуса, а также озабочивалась и прикрытіемъ праваго фланга румынской арміи. Но возможно ли было развивать въ широкихъ размѣрахъ партизанскія дѣйствія на пути непріятельскихъ сообщеній, имѣя основную точку всего лишь въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ укрѣпленнаго лагеря 80-ти тысячной непріятельской арміи? Инструкція предлагала начинать партизанскія дѣйствія «*утвердившись*» въ данномъ пунктѣ. Что такое значить «утвердиться» гдѣ-либо?—Безъ сомнѣнія, усилить свое расположеніе искусственными укрѣпленіями, окопами. Могла ли это сдѣлать кавалерія своими собственными силами и средствами? Но допустимъ, что могла; въ такомъ случаѣ, какую площадь мѣстности должны были занимать ея окопы, чтобы прикрыть обширный станъ 51-го эскадрона со всѣми его коновязями, складами фуража, обозами, лагерь, и откуда взялись бы у кавалеріи достаточныя силы, чтобы прикрыть стрѣлковымъ огнемъ фронтъ подобныхъ окоповъ, въ случаѣ нападенія на нихъ противника? Безъ пѣхоты, никакія укрѣпленія кавалерійскаго стана въ четырехъ верстахъ отъ непріятельскаго лагеря не могли быть цѣлесообразны. Но кромѣ того, самая близость опорнаго пункта къ вражескимъ позиціямъ налагала на генерала Крылова тяжкую и непрерывную заботу о его охраненіи, а для этого надо было постоянно держать на мѣстѣ стоянки половину всего корпуса. Стало быть, собственно для партизанскихъ дѣйствій оставалось всего лишь около двухъ тысячъ коней, изъ которыхъ половина принадлежала румынской арміи. Возможны ли при такихъ силахъ партизанскія дѣйствія «въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова», какъ предписывала инструкція? И при томъ, что могли сдѣлать эти двѣ тысячи всадниковъ противъ цѣлаго ряда укрѣпленныхъ этапныхъ пунктовъ, отстоящихъ одинъ отъ другого максимумъ на 10 верстъ и защищаемыхъ пѣхотою съ артиллерією? Рвать въ промежуткахъ телеграфную проволоку?—Рвали, но турки сейчасъ же возстановляли ее снова. Портить мосты?—Портили, но турки ихъ чинили болгарскими

руками вслѣдъ за уходомъ легучаго отряда, и транспорты, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали себѣ двигаться отъ этапа къ этапу¹⁾. Поргить и перекапывать шоссе?—Совершенно бесполезно, такъ какъ оно проходить по ровной площади, и для любой новозки достаточно взять пять шаговъ въ сторону, чтобы обойти перекопъ. Предпринимать отдаленные и продолжительные поиски?—Пытались, но самое положеніе опорнаго пункта обуславливало собою лишь извѣстные разстоянія, далѣе которыхъ нельзя было заходить, по причинѣ существенныхъ затрудненій въ снабженіяхъ²⁾. Препятствовать неприятелю пользоваться продовольственными запасами изъ окрестныхъ селеній и для того жечь ихъ?—Но тутъ явился такой камень преткновенія, о которомъ надо объяснить вѣскольکو подробнѣе. Выше было сказано, что генералъ Зотовъ еще въ первой половинѣ августа приказалъ оповѣстять окрестныхъ болгаръ, чтобы они свозили свои запасы за линію русскаго расположенія, на что имъ давался двухнедѣльный срокъ, съ тѣмъ, что по истеченіи онаго, всѣ несвезенные запасы будутъ уничтожаться, какъ непріятельскіе. Но какъ и куда свозить зерно и скирды сѣна да соломы со своего двора, если турки прежде всего постарались забрать рабочій скотъ болгарскій? Ужъ не знаю, по этой ли причинѣ, или по тому, что предупредившее извѣщеніе генерала Зотова не во всѣ мѣста дошло по назначенію, только всѣ болгарскіе запасы за Видомъ цѣликомъ остались на хозяйскихъ дворахъ. Вѣроятно и генералъ Крыловъ не зналъ или забылъ о распоряженіи генерала Зотова, только и онъ не рѣшился на истребленіе; по крайней мѣрѣ, изъ одной изъ своихъ записокъ, которою я имѣлъ случай пользоваться, онъ пишетъ слѣдующее:

«Не подвозы провіанта кормили Плевну. Ее кормили окаймляющія ея деревни, которые слѣдовало прежде всего сжечь. Но кавалерія оперировала не въ непріятельской, а въ дружеской странѣ, въ краю, который мы пришли спасать. Всѣ эти деревни были чисто болгарскія, и если въ нихъ и находилась часть ту-

репкаго имущества, то болгары и то называли своимъ. Какой русскій начальникъ взятъ бы на себя истребленіе достоянія болгаръ, котораго при пожарѣ немыслимо было отдѣлать отъ турецкаго!»

И такъ, партизанскія дѣйствія были парализованы. Кромѣ всѣхъ уже указанныхъ причинъ ихъ неуспѣха, надо еще назвать самую главную: это то, что они были начаты поздно и начаты изъ такого опорнаго пункта, гдѣ, при всѣхъ вышеизложенныхъ условіяхъ, и не могли быть успѣшны. Если бы кавалерія приступила къ дѣйствіямъ на сообщенія Османа не съ 8-го, а со 2-го или даже съ 3-го сентября, то быть можетъ она еще успѣла бы раньше турокъ занять одинъ изъ дѣйствительно опорныхъ пунктовъ въ районѣ между Радомирцами и Яблонцею. Въ такомъ случаѣ заботу объ укрѣпленіи такого пункта пришлось бы взять на себя самой кавалеріи; по условіямъ же гористой дефилейной мѣстности въ томъ районѣ, насыпка вѣсколькихъ земляныхъ закрытій была бы легче, а потому самое количество окоповъ могло быть меньше, стало бы, взяло бы менѣе времени для работы и потребовало бы меньшаго количества гарнизона: весьма вѣроятно, что для защиты подобнаго опорнаго пункта пришлось бы употребить не болѣе двухъ полковъ драгунъ при двухъ батареяхъ, а не половину всего сводно-кавалерійскаго корпуса. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы базироваться, конечно, не на Рыбне, а на Ловчу, что было бы и ближе, и безопаснѣе; сѣно же и солону доставила бы окрестная страна, представлявшая собою въ этомъ отношеніи совсѣмъ еще непочатый уголъ. Но... выше было уже выяснено, почему партизанскія дѣйствія, рѣшенные въ принципѣ еще 1-го сентября, не могли открыться ранѣе 8-го: по слабосилію неукomплектованныхъ полковъ, не съ тѣмъ было бы и открывать ихъ. Да и то сомнительно, чтобы два драгунскихъ полка могли долго держаться противъ десяти тысячъ непріятеля, сколь бы ни была сильна ихъ оборонительная позиція; они годились бы лишь на первое, самое горячее время, только для того, чтобы *удержаться* до подхода подкрѣпленія, каковымъ только и могла быть достаточно сильная пѣхота, а ее у насъ не было. Партизанскія же дѣйствія безъ достаточной поддержки въ опорномъ пунктѣ пѣхотою, принимая во вниманіе количество силъ Шефкета-паша, не могли сами по себѣ привести къ желаемымъ результатамъ. И такъ, какъ ни кинь, все клинъ выходитъ. Въ чемъ же этотъ клинъ?—Можно смѣло отвѣтить, что единственно въ недостаточности силъ вообще, а кавалерійскихъ въ особенности въ нашей дѣйствующей арміи.

Но, быть можетъ, скажутъ, что если нельзя было партизанить, то слѣдовало бы попытаться запретъ тылъ Плевны, дабы хотя этимъ удо-

¹⁾ Отъ Телиша до Долняго Дубняка нѣтъ ни одного моста, если не считать за таковой бревенчатую кладку, насланную черезъ ничтожную мелкую канавку въ Телишевской долинѣ.

²⁾ Кромѣ того, въ одной изъ находящихся у меня записокъ о дѣйствіяхъ за-видской кавалеріи, говорится, что съ приближавшимся прибытіемъ гвардіи, генералъ Крыловъ „долженъ былъ ожидать со-дня-на-день выступленія Османа наши изъ Плевны на подготовленные тыльныя позиціи. Османъ самъ говорилъ, что отступилъ бы своевременно, если бы не запрещеніе изъ сераскериата. Это предположеніе, хотя и не осуществившееся, но исполнѣ правильное, заставляло генерала Крылова держать корпусъ по возможности въ сборѣ, не удаляясь въ дальнія горныя ущелья со всѣми силами“.

влетворить, на сколько возможно, требованіемъ блокады. Генералъ Крыловъ и попытался сдѣлать это 10-го сентября, — мы видѣли результатъ его попытки. Плевненскій тылъ могла запретить опять же только пѣхота. И дѣйствительно, съ утвержденіемъ на за-видской зонѣ войскъ гвардіи и гренадеръ, онъ и заперся самымъ положительнымъ образомъ. Что же касается кавалеріи, то и съ прибытіемъ генерала Гурко, съ 27-го сентября, характеръ ея дѣйствій не измѣнился. Это, кажется, довольно вѣское доказательство въ пользу того, что собственно одною кавалеріей ничего и нельзя было сдѣлать. Номинальная численность сводно-кавалерійскаго корпуса не должна бы была вводить въ заблужденіе кого-либо изъ лицъ знакомыхъ съ дѣломъ, а потому и надежды, которыя возлагались на за-видскую кавалерію, не имѣли основанія заходить за предѣлы возможнаго.

Упрекаютъ еще генерала Крылова, зачѣмъ онъ пошелъ на Рахово, сознавая, что тѣхъ силъ, которыя состояли въ его распоряженіи, во всякомъ случаѣ, было недостаточно для прочнаго занятія этого пункта. Неужели же — говорятъ — вся задача сводилась на то, чтобы «выказывать присутствіе отряда тамъ, гдѣ турки не ожидали встрѣтить ни одного русскаго» ¹⁾ и не показать его тамъ, гдѣ турки *должны* были его ожидать и гдѣ онъ былъ *обязанъ* находиться въ силу даннаго ему предписанія?

Говорятъ, что если князя Карла смущали какіе-то черкесскія шайки, грабившія за Искеромъ болгаръ и собиравшія ихъ подводы, то для ихъ уничтоженія генералу Крылову было достаточно послать въ ту мѣстность, положимъ, хотя Кавказскую бригаду, а не идти самому съ 30-ю эскадронами, при трехъ батареяхъ, оставляя для исполненія главной своей задачи на путяхъ сообщенія Османъ съ Софіей лишь одну треть вѣреннаго ему корпуса. Вотъ и говорятъ, что пока онъ ходилъ подъ Рахово, эта треть успѣла хотя отчасти исполнить то, ради чего онъ былъ посланъ за Видъ, т. е. перехватить два транспорта.

Хотя оба транспорта, по числу ихъ повозокъ, были вполнѣ ничтожны, такъ что для перехвата ихъ было бы достаточно гораздо менѣе силъ, чѣмъ оставилъ Крыловъ въ Митропольѣ, но этотъ фактъ даетъ его порицательнымъ аргументъ *кажущійся* довольно сильнымъ по своей, такъ сказать, фактической осизательности: 120 повозокъ все же болѣе, чѣмъ ничего.

Но почему генералъ Крыловъ пошелъ подъ Рахово?

Въ этомъ отношеніи для него было два руководящихъ начала: первое — приказъ князя Карла, какъ главноначальствующаго Западнымъ отрядомъ, прикрыть вдали правый флангъ

этого отряда на пространства около ста верстъ, «такъ, чтобы никто не могъ перейти за его черту незамѣченнымъ» — значитъ, надо было выдвинуться впередъ верстъ на 80, т. е. какъ разъ къ Рахову, а второе: — грабежъ болгарскихъ деревень по рѣкѣ Искеру, вызывавшій необходимость налетѣть сразу и истребить черкесовъ. Для генерала Крылова было ясно, что князь Карлъ имѣетъ основаніе ожидать появленія турокъ по тому направленію, которымъ Османъ прошелъ въ Плевну; значитъ, тамъ нужна была не простая развѣдка, а требовалось выказать присутствіе нѣкоторой внушительной силы, для чего одна бригада едва-ли была бы достаточно. При этомъ, конечно, всю экспедицію должно было выполнить быстро ¹⁾. Послѣдовательное преслѣдованіе и уничтоженіе черкесскихъ шайкъ въ Бѣлослатинѣ, Старосельцахъ, Новосельцахъ и другихъ деревняхъ, естественнымъ и даже невольнымъ образомъ привело отрядъ подъ Рахово. «Здѣсь — говоритъ генералъ Крыловъ въ одной изъ своихъ записокъ — внезапность нашего появленія быть можетъ и отдала-бы крѣпостцу въ наши руки, но невозможность сохранить за собою отдаленный пунктъ, не представлявшій въ ту пору большого стратегическаго значенія, удержала насъ отъ серьезной попытки овладѣть имъ. Если бы румыны изъ Бекета переправили нѣсколько батальоновъ, то было бы основаніе Рахово взять и имъ передать; но они даже не открыли канонады, — и обстрѣлъ Рахова остался простой рекогносцировкой.

Впрочемъ, излагая всѣ эти доводы и обвиненія, которыя слышатся противъ генерала Крылова, я хочу только показать, что и самое, повидному, серьезное изъ нихъ, въ сущности, вовсе не такъ существенно, какъ, быть можетъ, оно кажется; потому что ходилъ ли, не ходилъ ли бы онъ подъ Рахово, было ли бы въ этой экспедиціи 30, или только 12 эскадроновъ, — это нисколько не измѣняло сущности нашихъ дѣлъ на за-видской сторонѣ, подъ Плевной: маленькіе транспорты совершенно такъ-же были бы перехвачены и при немъ, какъ безъ него, а большой транспортъ, съ сильнымъ пѣхотнымъ прикрытіемъ, опять прошелъ бы въ Плевну, точно такъ-же, какъ и 10-го числа. За Видомъ нужна была *лихота* *вмѣстѣ* съ ка-

¹⁾ Въ одной изъ записокъ генерала Крылова говорится:

«Могутъ справедливо сказать, что послѣ 10-го сентября турки меня не тѣснили; значитъ можно было и не идти за Искеръ, въ виду этого „если“, которымъ начинается приказъ князя Карла („Если, въ виду превосходныхъ силъ непріятельской пѣхоты и артиллеріи, вы будете вынуждены оставить ваше расположеніе на софійско-видлинской дорогѣ, то и т. д.“). Повторяю, что рѣшающее причиню движенія были магалетскія извѣстія: я полагалъ, что вслѣдъ за черкесами могутъ идти отряды и сильнѣе, а приказъ принца Карла еще болѣе меня въ томъ убѣждалъ».

¹⁾ Слова реляціи генерала Крылова.

галерией; одна же кавалерия, сама по себе—повторяю—не могла сделать ничего существенного, ибо она появилась в тылу Османа тогда, когда было уже поздно партизанить против укрѣпленных этаповъ.

LXI.

Дѣйствія сельви-ловчинскихъ партизановъ.

Районъ дѣйствій сельви-ловчинскихъ партизановъ.—Поискъ войскового старшины Тарасова на с. Турскій Изворъ 21-го сентября.—Второй поискъ его же на Торось, Изворъ и Тетевень 23-го сентября.—Поискъ войскового старшины Антонова на Тетевень съ 27-го по 29-е сентября.—Неистовства турокъ надъ болгарскими женщинами и дѣтьми въ Торось.—Третій поискъ Тарасова на Торось 28-го сентября.—Эсаулъ Сохрановъ.—Казакъ Буяновъ.—Турчаки-пленницы.—Показанія плѣнныхъ турокъ.—Освобожденіе плѣнныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей.—Нѣчто по этому поводу о русскихъ сербобойцахъ.—Результаты поиска Тарасова.

Горный Студень, 9-го октября.

Послѣднее сообщеніе передавало свѣдѣнія о ходѣ партизанскихъ дѣйствій генералъ-лейтенанта Крылова въ тылу Плевны. Настоящая корреспонденція посвящается также партизанскимъ дѣйствіямъ, веденнымъ въ сельви-ловчинскомъ отрядѣ. Такимъ образомъ, можно будетъ составить довольно полное понятіе о малой войнѣ, имѣвшей мѣсто въ теченіе сентября мѣсяца на правомъ флангѣ нашей арміи.

Районъ дѣйствій ловчинскихъ партизановъ находился въ сосѣдствѣ съ райономъ генерала Крылова, ограничиваясь преимущественно лѣніемъ праваго берега Вида, хотя партизаны и переходили нѣсколько разъ на лѣвый берегъ въ селеніе Торось. Избирая мѣстечко Микре исходнымъ пунктомъ, партизаны дѣйствовали въ западномъ направленіи съ одной стороны на Торось, съ другой на Тетевень и на Турскій Изворъ, лежащій между Торосомъ и Тетевенемъ почти на равномъ разстояніи ¹⁾. Предварительно надо замѣтить, что по лѣвой сторонѣ Вида, начиная почти отъ Тетевени, притившагося за ущельемъ у подножія Балканъ, протекаетъ довольно удобная грунтовая прибрежная дорога, которая выходитъ на плевно-софійское шоссе у сел. Горнаго Дубняка. По этой-то дорогѣ турки направляли изъ горныхъ и загорскихъ пунктовъ, лежащихъ правѣ Софіи, нѣкоторыя части войскъ и транспортовъ въ Орханію и Плевну. На высотѣ между деревней Глошанъ и Торосомъ, софійское шоссе сближается мѣстами съ прибрежной дорогой на столько, что разстояніе между ними не превышаетъ шести-восьми верстъ;

¹⁾ Селеніе Торось лежитъ на лѣвомъ берегу Вида, а Тетевень на правомъ; Турскій Изворъ тоже на правомъ, но не на самомъ Видѣ, а верстахъ въ семи отъ него, при рѣчкѣ Кальчикѣ.

здѣсь шоссе проходить по такимъ горнымъ и нерѣдко лѣсистымъ трупобамъ, дающимъ полную возможность къ устройству засадъ и внезапныхъ нападеній, что будь только разрушены мосты и перекопана дорога, а мѣстами (въ особенности около Яблонницъ) завалена камнями и деревьями, по ней не проиель бы безнаказанно никакой транспортъ. Въ такомъ характерѣ данной мѣстности удостовѣряють и карта, и свидѣтельства очевидцевъ. Партизанскіе наши отряды, дѣйствуя въ этомъ районѣ, были удалены отъ Плевны разстояніемъ отъ 50-ти до 75-ти и болѣе верстъ, а въ случаѣ отступленія могли базироваться на укрѣпленную Ловчу, въ то время уже прочно занятую нашими войсками.

20-го сентября начальникъ сельви-ловчинскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Карцовъ получилъ отъ своихъ развѣдочъ свѣдѣніе, что Турскій Изворъ занятъ партией турецкихъ войскъ въ числѣ четырехсотъ человекъ, слѣдующихъ изъ Тетевени къ Торосу, и что кромѣ того въ этихъ трехъ пунктахъ постоянно останавливаются проходящіе нѣ-за Балканъ парти и обозы. Желая убѣдиться въ точности свѣдѣній, а равно и въ томъ, сколько и какія именно силы находятся въ Турскомъ Изворѣ, генералъ Карцовъ усилилъ военный постъ въ мѣстечкѣ Микре, ¹⁾ и приказалъ войсковому старшинѣ Тарасову взять полторы сотни 24-го донского казачьяго полка и сдѣлать съ ними развѣдку въ направленіи мѣстъ, указанныхъ донесеніями развѣдочъ.

21-го числа войсковой старшина Тарасовъ, оставивъ полусотню казаковъ на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ у Микре ²⁾, пошелъ съ остальною своею частию, избѣгая дорогъ, напрямикъ, по ущельямъ и горнымъ вершинамъ, и такимъ образомъ, къ вечеру совершенно скрытно подошелъ къ Турскому Извору. Здѣсь удалось ему незамѣтно выслѣдить, что селеніе это занято какими-то смѣшанными командами, въ разноформенныхъ одеждахъ. Тогда, пробравшись къ скалѣ, висящей надъ Изворомъ, Тарасовъ приказалъ спѣшиться тремъ взводамъ и съ вершины скалы открыть учащенный огонь внизъ по командамъ, скученнымъ въ селеніи. турки, не выдержавъ и пяти минутъ этого внезапнаго огня, въ полномъ безпорядкѣ бросились бѣжать въ горы, по направ-

¹⁾ Промежуточный пунктъ между Ловчей, Турскимъ Изворомъ и Тетевенемъ.

²⁾ У Микре сходятся частію проселочныя и частію грунтовыя добровѣжкія дороги: къ юго-востоку—на городъ Траявъ; къ юго-западу—на д. Голему - Желѣзну и изъ этой послѣдней правѣ на Тетевень, а лѣвѣе—черезъ горный перевалъ, на городъ Златицу; на западъ—къ Турскому Извору, рѣкѣ Виду и далѣе къ Яблонницѣ; на сѣверо-западъ—къ с. Торосу; на сѣверо-сѣверо-западъ—къ с. Огорчину; на сѣверъ—къ с. Колинъ и на сѣверо-сѣверо-востокъ—къ городу Ловчѣ.

ленію къ Тетевеню. Тарасовъ же, не теряя времени на дальнѣйшую стрѣльбу, спускаясь со своєю сотнею спуститься со скалы и занявъ селеніе Турекій Изворъ. Болгары, изъ числа мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, бѣжавшіе предъ тѣмъ въ горы, услышавъ выстрѣлы, спустились съ вершинъ въ долину, гдѣ залегаетъ Изворъ и, возбужденные чувствомъ мщенія къ ограбившимъ и выгнавшимъ ихъ туркамъ, прежде чѣмъ Тарасовъ успѣлъ принять какія-либо мѣры, зажгли съ разныхъ сторонъ турецкіе дома, причѣмъ сгорѣло много хлѣба и складъ сѣна, заготовленнаго турками для проходившихъ обозовъ и конныхъ партій. Впрочемъ, казаки успѣли отстоять для себя часть этого сѣна и хлѣба.

Вечеромъ, бѣжавшіе турки открыли было изъ противоположнаго лѣса ружейный огонь, но такъ какъ онъ оказался совершенно безвреднымъ, то казаки не отвѣчали на выстрѣлы. Турки пострѣляли, пострѣляли и скрылись.

Турекій Изворъ представляеть изъ себя весьма большое селеніе, съ двумя иглообразными минаретами, лавками и нѣсколькими мощеными улицами. Дорога къ Извору отъ д. Големы-Желѣзны (Большая Желѣзня), протекающая по широкому, пересохшему ложу рѣчки Кальчика, оказалась очень хорошею и весьма удобною для движенія транспортовъ. 22-го числа къ полудню старшина Тарасовъ благополучно возвратился въ Микре. Занимать Изворъ и укрѣпляться въ немъ съ бывшими въ его распоряженіи силами онъ не могъ, тѣмъ болѣе, что ему было приказано произвести только кавалерійскій поискъ, дабы убѣдиться въ количествѣ и качествѣ противника, занимающаго это селеніе. Тѣмъ не менѣе, цѣль поиска была болѣе чѣмъ достигнута, такъ какъ турки были не только открыты, но и выгнаны изъ Извора, а потому генералъ Карцовъ, заявляя начальству усердіе Тарасова, просилъ объ исходаатайствованіи двухъ знаковъ отличія военнаго ордена на сотню, считая эту награду необходимою въ томъ отношеніи, что она послужила бы поощреніемъ для вновь сформированнаго 24-го казачьяго полка, только что прибывшаго изъ Россіи.

Послѣ этой стычки, генералъ Карцовъ приказалъ Тарасову вновь произвести поискъ между Торосомъ, Изворомъ и Тетевенемъ.

23-го сентября, утромъ, подойдя къ Торосу, Тарасовъ никого тамъ не встрѣтилъ; но Изворъ оказался вновь занятымъ турками. Тарасовъ опять выбилъ ихъ и самъ ночевалъ въ этомъ селеніи, а 24-го числа утромъ окружилъ деревню Галату, куда накануне бѣжало до трехъ сотъ башибузуковъ, выбитыхъ изъ Извора. Въ восемь часовъ утра башибузуки открыли огонь по спѣшенной сотнѣ, которая вела наступленіе на деревню; но казаки выбили ихъ и, сѣвъ на коней, преслѣдовали по ущелью.

Увидя, что часть турокъ бросилась къ Малкѣ-Желѣзѣ (Малая Желѣзня), Тарасовъ пустился за нею, но она успѣла бѣжать къ Тетевеню, «Сильный дождь и утомленіе лошадей—говорится въ донесеніи—не позволили проникнуть за Тетевень». Поэтому Тарасовъ ночевалъ у дер. Сопота и 24-го числа къ полудню возвратился въ Микре. Впрочемъ, онъ успѣлъ развѣдать, что горный проходъ къ Тетевеню уже занятъ четырьмя сотнями черкесовъ и тремя горными орудіями. Во время стычекъ у Извора и Галаты турки оставили до 12-ти тѣлъ и кромѣ того отбито у нихъ 11 ружей, 7 пистолетовъ, двѣ лошади съ вьюками, два ящика съ патронами и порохомъ. Такъ какъ оружіе оказалось частію пистонное и даже кремневое, то оно было роздано тѣмъ болгарамъ, которые служили проводниками по ущельямъ и помогали казакамъ держать коней, когда сотня спѣшивалась. Съ нашей стороны потери въ людяхъ и лошадяхъ не было.

Спустя шесть дней, по распоряженію генерала Карцова, были произведены одновременно два набѣга: одинъ на Тетевень, другой на Торосъ.

Получивъ свѣдѣніе, что Тетевень занятъ регулярною пѣхотою, генералъ Карцовъ, 27-го сентября, предписалъ 30-го донскаго казачьяго полка войсковому старшинѣ Антонову произвести рекогносцировку отъ Траяна къ Тетевеню и убѣдиться—какими силами занятъ тамъ выходъ изъ балканскаго ущелья. Антоновъ, съ сотнею казаковъ, выступилъ 27-го числа чрезъ дер. Шиповку и, несмотря на сильнѣйшую непогоду, слѣдовалъ безъ дорогъ, по рѣкѣ Вѣлому Виду. 28-го сентября развѣзды его, не доходя 15-ти верстъ до Тетевеня, открыли непріятельскіе пикеты и перехватили болгарина съ письмомъ, написаннымъ по-болгарски, изъ котораго было узнано, что турки намѣреваются довольно сильно укрѣпить Тетевень, гдѣ теперь уже находится, кромѣ башибузуковъ, триста человекъ регулярной пѣхоты.

Въ остроу у Антонова было только 116 казаковъ, тѣмъ не менѣе 29-го сентября, несмотря на проливной дождь, онъ рѣшился атаковать Тетевень. Въ половинѣ четвертаго пополудни онъ сбилъ передовые турецкіе пикеты, потомъ спѣшилъ половину своихъ людей и, подъ командою есаула Грузинова, велѣлъ имъ вести наступленіе на непріятельскую цѣпь, засѣвную за ложементами и засѣвами. Турки были выбиты, оставивъ на мѣстѣ 12 тѣлъ и 7 ружей, и перебѣжали за ложементы, окружающіе село съ восточной стороны. Но кромѣ этихъ ложементовъ, были еще другіе, на сѣверѣ, къ сторонѣ Извора. Замѣтивъ, что наша атака ведется только съ одной стороны, турки быстро стали перебѣгать изъ послѣднихъ ложементовъ къ атакуемымъ и открыли отсюда сильный ружейный огонь. Несоразмѣрность силъ и укрѣп-

ленная позиция, атака которой неизбежно стоила бы слишком больших потерь, заставили Антонова начать отступление. В это время увидѣлъ онъ, что неподалеку бродятъ турецкія стада. Быстро разсыпавъ лавою свою сотню, онъ съ гикомъ пустилъ ее на пасущійся скотъ. Казачья лавя, слабо преслѣдуемая турками, успѣла отбить и угнать съ собою 100 головъ рогатаго скота, 1,500 овецъ и 27 лошадей. Съ нашей стороны потерь никакихъ не было, и войсковой старшина Антоновъ, возвратясь съ рекогносцировки, донесъ, что Тетевень оказался укрѣпленнымъ ложементами больше къ сторонѣ Извора, чѣмъ къ востоку, и тремя батареями, на которыхъ впрочемъ еще не были установлены орудія.

Другой поискъ 27-го сентября, произведенный изъ Микре на Торосъ, далъ еще болѣе значительные результаты.

Генералъ Карцовъ еще около 20-сентября уже имѣлъ свѣдѣнія, что Торосъ занятъ какими-то командами и что партія башибузуковъ въ полтораста человекъ угнала оттуда и изъ окрестностей весь болгарскій скотъ въ Плевну и должна возвратиться назадъ, а на время ея отсутствія въ Торосѣ оставлено не болѣе трехсотъ человекъ. Эти послѣдніе выгнали изъ Тороса все мужское болгарское населеніе, запретивъ ему забрать съ собой женъ и дѣтей. Несчастныя женщины и дѣти, какъ оказалось впоследствии, были согнаны въ особые дворы («ханы» — заѣзжіе дома), заперты тамъ подъ карауломъ, изнасилованы, подвергнуты всевозможнымъ истязаніямъ, лишеніямъ и найдены потомъ уже нашими казаками въ такомъ ужасномъ состояніи, которое трудно поддается какому-бы то ни было описанію. Онѣ почти уже умирали отъ голода и жажды. Желая спасти эти несчастныя жертвы и въ то же время убѣдиться, сколько на самомъ дѣлѣ находится въ Торосѣ турецкихъ силъ, генералъ Карцовъ приказалъ тому же войсковому старшинѣ Тарасову сдѣлать развѣдку отъ Микре къ Торосу, и если только будетъ возможно, занять это селеніе и вывести изъ него задержанные болгарскія семьи. Положеніе Тарасова было довольно затруднительно въ томъ отношеніи, что послѣ набѣговъ 21-го и 23-го сентября кони его сильно утомились продолжительнымъ и быстрымъ движеніемъ по отвратительнымъ дорогамъ, а къ 27-му числу непрерывно продолжавшееся ненастье, холодъ, вѣтеръ и нескончаемый дождь, превратившій всѣ дороги въ массу глубокой, невылазной грязи, сдѣлали всякое движеніе, повидимому, невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, собравъ кое-какъ три взвода изъ людей, владѣвшихъ наиболѣе сохранившимися конями, Тарасовъ выступилъ изъ Микре 28-го числа, въ 11 часовъ дня, и пѣшкомъ, горами да лощинами, безъ всякихъ дорогъ, пошелъ напрямикъ къ Торосу. Переждавъ

ночную тьму въ одномъ изъ ущелій, 29-го утромъ онъ напалъ на Торосъ, лежащій, какъ уже сказано, за Видомъ. Однако, прежде чѣмъ ворваться туда, казакамъ надо было перейти рѣку въ бродъ; но вслѣдствіе дождей и обычныхъ въ этомъ краю осеннихъ разливовъ, вода оказалась такъ высока и теченіе столь быстро, что многимъ пришлось плыть, тогда какъ движеніе другихъ задерживалось свойствами самого дна рѣчного, устьяннаго крупнымъ булыжникомъ. Такимъ образомъ, неожиданная для насъ затруднительность переправы дала возможность туркамъ собраться въ значительномъ числѣ и занять кукурузныя полосы съ той стороны, противъ которой должны были выйти казаки. Не обращая вниманія на огонь, асаулъ Сохрановъ, перешедшій первымъ съ двумя взводами, въ ту же минуту бросился на турокъ въ пики и въ пашки — тѣ не устояли и, настигнутые казаками, почти всѣ были изрублены и переколоты. Болгары, слѣдовавшіе за нашими допущами изъ горныхъ ущелій, насчитали въ кукурузѣ до 60-ти тѣлъ.

Между тѣмъ самъ Тарасовъ съ оставшимся у него взводомъ, бросился въ селеніе. Многіе турки въ это время только еще выбѣгали изъ домовъ и, не успѣвъ сдѣлать даже ни одного выстрѣла, были уже переколоты. Кому удалось убѣжать изъ деревни, либо спастись изъ-подъ пашекъ Сохранова, тѣ скрылись въ ближайшемъ лѣсу, и только въ одномъ изъ домовъ осталось и заперлось нѣсколько турокъ, между которыми былъ и офицеръ, какъ оказалось потомъ — начальникъ отряда. Кучка казаковъ слѣшила, выбила прикладами дверь — и первымъ вскочилъ въ горницу казакъ Филиппъ Буяновъ. Турецкій офицеръ выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета и ранилъ въ плечо. Дала тоже выстрѣлъ по ворвавшимся казакамъ одна турчанка, но ни въ кого не попала. Офицеръ былъ тутъ-же изрубленъ вмѣстѣ со всѣми остальными мужчинами, а четыре турецкія женщины, находившіяся здѣсь, пощажены и арестованы. Та, которая стрѣляла, оказалась пятидесятилѣтнею старухою, по имени *Айма*; другая, *Земел-з-Дури* — шестнадцатилѣтняя дѣвушка; остальные двѣ, *Хлм* и *Фатъме* — женщины 30-ти и 25-ти лѣтъ. Всѣ онѣ показали, что стояли съ обозомъ въ 400 подводъ въ деревнѣ Яблоницѣ, и, услышавъ выстрѣлы, направлялись въ Торосъ, гдѣ и были арестованы за вооруженное сопротивленіе. Нѣкоторые изъ захваченныхъ въ плѣнъ мужчинъ дали небезинтересныя показанія; такъ, напримѣръ, Магометъ-Оглы-Османъ, 25-ти лѣтъ, рассказываетъ, что служилъ въ низамѣ, находился подъ Плевной, откуда бѣжалъ, вынужденный на это голодомъ. Положеніе турецкой арміи въ Плевнѣ, по его словамъ, крайне бѣдственно, много самоубійствъ; люди питаются кукурузой, которая выдается скудными порціями — по полуфунту

на три дня на каждого человека; бѣжало въ теченіе десяти дней болѣе трехсотъ человекъ. Прибыль онъ въ Плевну изъ Софіи, 10-го сентября, а вышелъ изъ Софіи подъ командой Шефкета-паши, съ 25-ю таборами пѣхоты, изъ коихъ 300 человекъ остались въ Плевнѣ, остальные-же, проводя большой транспортъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, направились съ 30-ю орудіями за Видъ, на шоссе-ские этапы; въ Софіи же, какъ увѣряетъ онъ, находится только шесть таборовъ, которые расположены по батареямъ. Показанія другихъ плѣнныхъ относительно числа войскъ въ Софіи почти сходятся съ первымъ; всѣ они утверждаютъ, что войскъ въ Софіи пока еще немного; но въ Орханіѣ сосредотчено уже отъ 15-ти до 20-ти тысячъ. Насчетъ положенія въ Плевнѣ тоже всѣ согласны, что оно далеко не изъ легкихъ и удобныхъ, равно какъ удостовѣряютъ и въ томъ, что на протяженіи транспортныхъ дорогъ отъ Плевны до Софіи устроены недавно укрѣпленные этапные пункты въ достаточномъ количествѣ, съ цѣлю обезопасить слѣдованіе транспортовъ. Наиболѣе отличались, какъ звѣрскіе исполнители всяческихъ истязаній надъ болгарскими женщинами, двое изъ захваченныхъ въ плѣнъ: 60-ти-лѣтній *юмак* (потурченный болгаринъ) Али-Мустафа и 17-ти-лѣтній юноша, башибузукъ Комбертъ-Оглу-Махмедъ-Али, на котораго болгарки указали, какъ на одного изъ алѣйшихъ тирановъ и изнасилвателей. Этотъ юноша между прочимъ показалъ, что войска, направляемая въ Софію и на шоссе-ские этапы, высаживаются съ транспортныхъ судовъ въ Константинополь, и что провіантъ для Плевны собираютъ они повсюду и безразлично, какъ съ болгарскихъ, такъ и съ турецкихъ жителей.

Между тѣмъ турки, бѣжавшіе въ лѣсъ, стали собираться на опушкѣ и вскорѣ открыли пальбу совершенно впрочемъ безвредную. Но Тарасовъ, имѣя въ виду главнѣйшую цѣль экспедиціи, т. е. спасеніе болгарскихъ семей, не позволилъ людямъ своимъ увлечься дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ. Присутствіе женщинъ и дѣтей, запертыхъ въ «ханахъ», было обнаружено ихъ воплями, раздававшимися изъ домовъ и изъ глубины погребовъ и подваловъ. Когда этихъ несчастныхъ наконецъ освободили, онѣ въ первыя минуты были какъ ошалѣлыя и даже не хотѣли вѣрить своему спасенію; но увидѣвъ мужей и братьевъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ казаками, сейчасъ же поняли въ чемъ дѣло и со слезами радости стали бросаться нашимъ дощамъ въ ноги, обнимали ихъ колѣни и цѣловали руки. Невозможно было равнодушно глядѣть на этихъ окровавленныхъ, израненныхъ, избитыхъ и изнуренныхъ голодомъ дѣтей и женщинъ, на этихъ молодыхъ дѣвушекъ, подвергнутыхъ самымъ неистовымъ изнасилованіямъ.

И какъ подумаешь, что въ Россіи находятся женщины, подносящія этимъ самымъ башибузукамъ нѣжные букеты и конфеты, ухаживающія за этими самыми звѣрями!... Сердце обливаеся кровью у каждого солдата, у каждого казака, когда имъ приходится читать или слышать о подобныхъ мерзостяхъ. Сюда-бы привести этихъ безпутныхъ сердобольницъ, да показать имъ этихъ израненныхъ дѣтей, этихъ обезчещенныхъ женщинъ, — тогда, быть можетъ, открылась-бы ихъ глазамъ вся недостойная, безнравственная сторона и глупость ихъ поведенія. Нѣтъ того русскаго за Дунаемъ, который не возмущался бы до глубины негодующей души, читая въ газетахъ рассказы о злостномъ поведеніи съ плѣнными турками нашихъ легкомысленныхъ безстыдницъ.

Тарасовъ послѣдшилъ переправить за Видъ спасенныя имъ семейства и, окруживъ ихъ цѣпью, въ тотъ же день дошелъ до села Огорчина, гдѣ и расположился на ночлегъ, а 30-го сентября возвратился въ Микре.

Результатъ поиска заключается въ слѣдующемъ: оставлено турками на мѣстѣ болѣе 80-ти тѣлъ и въ числѣ ихъ начальникъ отряда; взято въ плѣнъ шесть башибузуковъ, одинъ регулярный солдатъ и четыре женщины; выведено изъ Тороса 700 женщинъ и дѣтей, между которыми нѣкоторые были изранены турками уже въ самыя послѣднія минуты предъ появленіемъ казаковъ, занятыхъ въ то время переправой черезъ бурливую рѣку; захвачено на возвратномъ пути 28 головъ турецкаго скота, 8 лошадей и болѣе сотни барановъ.

Этимъ набѣдомъ закончились въ сентябрѣ мѣсяцѣ наши партизанскія дѣйствія.

LXII.

Высылка англійскаго корреспондента.

Условія допущенія корреспондентовъ въ армію. — Г. Фредерикъ Воль. — Его корреспондентія отъ 24-го августа, изъ Порадыма. — Объясненіе полковника Газенкампа съ г. Вольемъ. — Высочайшія награды русскимъ и иностраннымъ корреспондентамъ.

Горный Студень, 17-го сентября.

14-го сентября послѣдовалъ первый въ текущую войну примѣръ удаленія изъ дѣйствующей арміи одного изъ иностранныхъ корреспондентовъ, нарушившихъ принятыя на себя, по отношенію къ арміи, обязательства. Надо замѣтить, что по отношенію ко всѣмъ вообще частнымъ корреспондентамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще въ самомъ началѣ войны было рѣшено въ принципѣ совершенно свободное допущеніе ихъ въ армію, не принимая ни въ малѣйшее соображеніе степень враждебности или доброжелательства намъ той или другой газеты. Газета могла быть самымъ заклятымъ врагомъ Россіи и русскихъ — намъ

до этого не было дѣла, и корреспондентъ ея свободно могъ прѣхать въ нашъ лагерь, при соблюденіи, конечно, извѣстныхъ условій. Но для допущенія въ армию какого бы то ни было корреспондента необходимо требовалась рекомендація *его личности* со стороны какого-либо учрежденія или лица официального, или же такой особы, которая по своему положенію заслуживаетъ полнаго довѣрія. Такимъ образомъ, не газета съ ея направленіемъ, а личность самого корреспондента принималась въ соображеніе при допущеніи его въ армию, и это было сдѣлано въ томъ вниманіи, что честный человекъ, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ, не будетъ ни уклоняться отъ истины, ни нарушать принятыя имъ на себя и легко выполнимыя обязательства, которыми заключаются въ слѣдующемъ:

1) Не сообщать никакихъ свѣдѣній о расположеніи, численности и передвиженіяхъ войскъ, а также о планахъ предстоящихъ нашихъ дѣйствій.

2) Прѣзжая въ какой-либо отрядъ, испрашивать предварительно у старшаго начальника разрѣшеніе остаться при немъ, и немедленно удалиться, если начальникъ, по военнымъ соображеніямъ, признаетъ неудобнымъ присутствіе корреспондента при отрядѣ.

Никто изъ частныхъ корреспондентовъ не подвергался и не подвергается ни малѣйшей цензурѣ: сообщенія ихъ читаются лишь по назначенію въ газетъ, причемъ не принимается въ соображеніе общій тонъ газеты по отношенію ея къ Россіи и къ русской арміи. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить четырехмѣсячное пребываніе при нашей арміи г. Фредерика Бойля (Boyle), корреспондента англійской газеты «Standard», которая по своей слѣпой ненависти къ Россіи можетъ сравниться развѣ съ вѣнскою «Neue freie Presse» и нѣкоторыми изъ венгерскихъ газетъ. Но развѣ, что г. Бойль былъ допущенъ въ армию — а допущенъ онъ потому, что имѣлъ личную рекомендацію и слѣдовательно удовлетворялъ основному условію допущенія корреспондентовъ — никто не дѣлалъ никакого различія въ обращеніи съ нимъ и съ другими, дружественными намъ, корреспондентами. Самъ г. Бойль сознавался, что онъ постоянно пользуется самымъ любезнымъ вниманіемъ и радушнымъ гостепріимствомъ въ средѣ нашей арміи.

Но случилось слѣдующее обстоятельство:

13-го сентября великій князь главнокомандующій, призвавъ себѣ полковника Газенкампа, въ вѣдѣніи котораго состоятъ корреспонденты, поручилъ ему лишить корреспондента англійской газеты «Standard», г. Фредерика Бойля, всѣхъ преимуществъ его званія и затѣмъ выслать его изъ арміи.

Поводомъ къ такой мѣрѣ послужила корреспонденція отъ 24-го августа изъ Пора-

дима, въ которой г. Бойль, нарушивъ принятое имъ на себя *подъ честнымъ словомъ* обязательство, сообщилъ подрѣбныя свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ и увѣрленій *подъ Плевною*. Объ общемъ ведообразительномъ тонѣ статьи, объ оскорбительныхъ стаявахъ насчетъ русской арміи и даже о клеветахъ на нее, нечего уже и говорить — статья была наполнена ими.

Г. Бойль, который въ постоянныхъ разъѣздахъ, какъ и всѣ корреспонденты, прибылъ въ Горный Студень, какъ нарочно, 13-го сентября, въ тотъ самый день, когда въ главной квартирѣ было обращено вниманіе на его корреспонденцію.

На слѣдующій день г. Бойль получилъ чрезъ коменданта приглашеніе пожаловать къ полковнику Газенкампу. Въ палаткѣ сего послѣдняго произошло объясненіе, которое передается здѣсь съ дословною точностью. Оно происходило въ присутствіи помощника коменданта, полковника Подиванова.

Когда г. Бойль явился, полковникъ Газенкампу, по обыкновенію, любезно съ нимъ раскланявшись, указалъ ему въ номерѣ «Standard'a» на столбцы корреспонденціи изъ Породима.

— Великому князю угодно знать, ваша ли эта статья? — спросилъ онъ по-французски (разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ).

Г. Бойль пробѣжалъ по столбцу глазами и немного сконфузился.

— Кажется, моя... Да, я думаю, что это писалъ я, — отвѣтилъ онъ.

— Не кажется ли вамъ, что вотъ это мѣсто ¹⁾, — сказалъ полковникъ, указывая на строки, отчеркнутыя синими карандашомъ, — составляетъ прямое нарушеніе того обязательства, которое вы приняли на себя *подъ честнымъ словомъ*?

Г. Бойль снова пробѣжалъ глазами корреспонденцію.

— Да, да, — согласился онъ — Но... позвольте обратить ваше вниманіе на то, что вѣдь эта статья отъ 24-го августа, а съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что...

— Объ этомъ позвольте уже судить намъ. Надѣюсь, вы согласитесь сами, что это *наше* право.

— О да, конечно, это ваше дѣло.

— Хорошо. Теперь не кажется ли вамъ, что вотъ въ этихъ строкахъ весьма ясно высказывается самое крайнее недоброжелательство (la malveillance la plus prononcée) къ нашей арміи.

Въ указанномъ мѣстѣ общее положеніе нашей арміи изображалось въ самыхъ мрачныхъ

¹⁾ Всѣ надлежащія мѣста статьи были отчеркнуты синими карандашомъ.

красках; говорилось также, что армія гибнетъ отъ бѣдъ, и въ заключеніе сказано: «О, какъ бы я смѣлся надъ всѣмъ этимъ, если бы меня самого не трясла лихорадка!»

Прочитавъ эти строки, г. Бойль сильно смутился и заикаясь сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ литераторъ, а не военный, что поэтому у него иногда могло «сорваться съ пера» что нибудь лишнее печально, но онъ можетъ увѣрить, что не имѣлъ дурныхъ намѣреній.

— Великій князь читалъ вашу статью, — перебилъ его полковникъ Газенкампфъ, — и былъ крайне оскорбленъ тѣмъ враждебнымъ тономъ, которымъ вы говорите о нашей арміи. А такъ какъ вы къ тому же нарушили принятое вами на себя обязательство, то его высочество приказалъ мнѣ предложить вамъ немедленно удалиться какъ изъ арміи, такъ и изъ Румыніи.

— Какъ! — вырвалось восклицаніе у г. Бойля. — Такъ я не могу оставаться и въ Румыніи?!

— Нѣтъ, не можете. Великій князь возложилъ на полковника Липояно обязанность проводить васъ до Букареста, а оттуда васъ уже проводить даѣе, до границы. Теперь я васъ попрошу возвратить мнѣ всѣ знаки вашего званія корреспондента (*vos insignes de correspondant*) и затѣмъ воть г. комендантъ (при этомъ г. Газенкампфъ указалъ на полковника Поляванова), который проводитъ васъ къ полковнику Липояно.

— Но... однако, вы позволите мнѣ увѣдомить обо всемъ этомъ мою газету? — замѣтилъ г. Бойль.

— Объ этомъ не беспокойтесь, — было ему отвѣтомъ: — мы немедленно будемъ телеграфировать въ Лондонъ о вашемъ удаленіи.

— Но... позвольте мнѣ нѣсколько времени, чтобы собраться: у меня здѣсь экипажъ, лошади, прислуга...

— Необходимое время вамъ будетъ дано; но вы сами понимаете, что срокъ этотъ не можетъ превышать нѣсколькихъ часовъ.

— Я думаю, — прибавилъ полковникъ Полявановъ, — что вамъ самымъ послѣ этого будетъ пріятно поскорѣе уѣхать отсюда.

— О да, конечно, — согласился г. Бойль, который во время этого разговора снялъ съ себя нарукавную повязку, вынулъ свой засвидѣтельствованный фотографическій портретъ, а также свидѣтельство на право содержанія экипажа, лошадей и прислуги, и все это положилъ на столъ.

— Прошу васъ, — прибавилъ онъ, — передать великому князю, что я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Вы конечно понимаете, до такой степени все это для меня непріятно.

— Очень даже понимаю, — согласился полковникъ Газенкампфъ, — я могу сказать вамъ только одно, что и мнѣ крайне непріятно разставаться съ вами при такихъ обстоятельствахъ. А касательно вашего заявленія, что вы не имѣли дурныхъ намѣреній, то желаніе

ваше будетъ исполнено и я доложу объ этомъ его высочеству. Прощайте.

На этомъ разговоръ кончился, и г. Бойль ушелъ съ полковникомъ Полявановымъ, а въ два часа по-полудни полковникъ Липояно уже везъ его къ Букаресту.

Такъ какъ настоящее сообщеніе посвящено вопросу о корреспондентахъ, то кстати можно прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ удостоены высочайшихъ наградъ орденами, за достойное поведеніе, которое, по засвидѣтельствванію подлежащаго военнаго начальства, они обнаружали, присутствуя въ различныхъ сраженіяхъ въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго огня. Вотъ ихъ имена:

Корреспондентъ газеты «Новое Время», Вячеславъ Сильвестровичъ Россоловскій, и газеты «Daily News», Арчибалдъ Форбсъ — за сраженіе подъ Плевной 18-го іюля; корреспондентъ газеты «Новое Время», Александръ Дмитріевичъ Ивановъ, и газеты «The Scotsman», докторъ Каррикъ за сраженіе 18-го же іюля, при с. Джураллы, при чемъ первый изъ нихъ (г. Ивановъ) принялъ на себя обязанности ординарца и передавалъ приказанія въ пѣль, а второй добровольно взялся подавать первоначальное пособіе раненымъ и дѣлалъ имъ перевязку подъ непріятельскими пулями съ блестящимъ спокойствіемъ и самоотверженіемъ. Всѣ четыре названные лица всемілостивѣйше пожалованы кавалерами ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами. Два нѣмецкіе корреспондента, присутствовавшіе съ сраженіяхъ подъ Никополею 3-го іюля и подъ Плевною 18-го іюля — награждены орденами св. Анны 3-й степени съ мечами, во вниманіе къ тому, что оба они отставные офицеры, раненные во время франко-германской войны и имѣющіе Желѣзные кресты. Одинъ изъ нихъ — капитанъ Даннгауеръ, корреспондентъ «National Zeitung», а другой — поручикъ фонъ-Марее, корреспондентъ «Über Land und Meer». Ордена эти было поручено передать по принадлежности состоящему въ распоряженіи его императорскаго высочества главнокомандующаго, генеральнаго штаба полковнику Газенкампфу¹⁾.

¹⁾ Вообще, удостоились наградъ орденами слѣдующіе корреспонденты русской и иностранной печати:

В. С. Россоловскій, «Новое Время», св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

А. Д. Ивановъ, «Новое Время», св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

В. И. Непировичъ-Данченко, «Новое Время», знакъ отличія военнаго ордена 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Н. В. Максимовъ, «Бирж. Вѣд.», св. Владимира 4-й ст. съ мечами.

Князь Шаховскій, «Моск. Вѣд.», св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Даннгауеръ, «National Zeitung» и «Hamburger Nachrichten», св. Анны 3-й степени съ мечами.

Фонъ-Марее, «Angsbürgerl. Zeitung» и «Über Land und Meer», св. Анны 3-й ст. съ мечами.

LXIII.

Преступленія въ арміи.

Нѣчто о состояніи дисциплины въ дѣйствующей арміи.—Уголовныя преступленія.—Покушенія, съ цѣлью грабежа, на жизнь корреспондента г. Поньона.—Поднятіе оружія противъ начальника.—Побѣгъ къ непріятелю, съ принятіемъ участія въ его военныхъ дѣйствіяхъ.—Болгарская разбойничья шайка и ея дѣянія.

Горный Студень, 24-го сентября.

Количество преступленій, повлекшихъ за собою высшую мѣру взысканія по полевымъ уголовнымъ законамъ, т. е. смертную казнь, было очень незначительно, всего только четыре случая (изъ нихъ одинъ въ Кишиневѣ). Принявъ въ соображеніе десятилѣтній періодъ времени и свыше двухсотъ-тысячное число нашей дѣйствующей арміи, эти четыре случая достаточно краснорѣчиво говорятъ въ пользу дисциплины и вообще нравственности нашихъ военно-служащихъ. Эти качества — слава Богу — стоятъ у насъ выше всякихъ нареканій, и даже самая односторонняя, самая придирчивая оцѣнка, основываясь на такихъ цифрахъ, не могла бы укорить нашу армію въ недостатокъ дисциплины и нравственности. Поэтому кѣтъ и причины скрывать подобные случаи, тѣмъ болѣе, что нашъ военный судъ искони былъ судомъ гласнымъ, открытымъ, а въ нынѣшнюю кампанію одинъ изъ судебныхъ процессовъ совершился даже, такъ сказать, всенародно, среди лагеря, подъ открытымъ небомъ.

Въ настоящемъ сообщеніи приводятся три наиболѣе характерныхъ случая преступленій, повлекшихъ за собою смертную казнь: одинъ изъ нихъ — разбой, совершенный надъ корреспондентомъ «Агентства Гаваса» г. Поньономъ, другой — важное нарушеніе воинской дисциплины, сопряженное съ поднятіемъ оружія про-

тивъ начальника и, наконецъ, третій — побѣгъ къ непріятелю, при чемъ виновный принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ.

Г. Поньонъ — французскій подданный, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, успѣлъ приобрести себѣ большую извѣстность и большое сочувствіе въ средѣ нашихъ офицеровъ, а потому покушеніе, совершенное противъ его жизни и собственности, вызвало въ нихъ всеобщее негодованіе и много искреннихъ сожалѣній о потерпѣвшемъ. Еще съ 25-го іюля, за день до прискорбнаго случая, его видѣли въ деревнѣ Чаушка — Махала, гдѣ тогда находился штабъ главнокомандующаго. Въ этотъ день, какъ сказываютъ, онъ уѣхалъ въ Зимницъ, чтобы послать депеши о военныхъ событіяхъ. Покончивъ въ Зимницѣ свои дѣла, г. Поньонъ возвращался оттуда въ Систово 27-го іюля вечеромъ. Было уже около десяти часовъ, когда онъ, ведя въ поводу своего усталого коня и направляясь къ плотовому мосту, шелъ по низменному, обширному и довольно пустынному острову, что лежитъ между Зимницей и дѣльнымъ протокомъ Дуная. Ночь стояла темная, а Поньонъ плохо зналъ данную мѣстность и боялся какъ бы не обиться съ дороги. Тутъ попадаетъ ему на встрѣчу какой-то солдатъ, который оказался потомъ ефрейтеромъ 6-го сапернаго батальона, по имени Іосифъ Григорьевъ Лазнюкъ, 31-го года ¹⁾. Поньонъ обратился къ нему съ просьбою указать дорогу къ мосту, и Лазнюкъ охотно согласился на это. Идя рядомъ съ г. Поньономъ и опираясь на большую, толстую палку, Лазнюкъ, не доходя моста, кивнулъ вдругъ на своего спутника и нанесъ ему палкою два весьма сильныхъ удара — одинъ по головѣ, такъ что разсѣкъ кожу до самой надкостной племы, а другой по плечу, вслѣдствіе чего произошелъ переломъ ключицы. Ошеломленный болемъ, Поньонъ упалъ на землю, а Лазнюкъ бросился на него и началъ срывать съ него дорожную сумку. Завязалась борьба, среди которой Поньонъ успѣлъ сорвать у грабителя наплечный потонъ и сталъ кричать о помощи. Чтобы лишить его этой послѣдней возможности, Лазнюкъ старался засыпать ему ротъ пескомъ, но Поньону въ это время удалось нанести грабителю ударъ въ глаза нагайкою, бывшею у него въ рукѣ. Сорвавъ наконецъ сумку, Лазнюкъ пустился съ нею бѣжать отъ своей жертвы. Но, къ счастью, отчаянный крикъ Поньона былъ во-время услышанъ присутствовавшими на берегу матросами, которые бросились къ нему на помощь, успѣли догнать Лазнюка и привели его съ полиціею въ лагерь. Поньонъ, послѣ перваго медицинскаго пособія, оказаннаго ему на мѣстѣ, былъ отве-

Литтенштадтъ, „Die Presse“ (австрійская газета), св. Станислава 3-й степени съ мечами.

Дикъ-де-Лонг (Diek-de-Luneau), „Moniteur Universel“ и „Monde Illustré“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Поньонъ, (Pognon), „Agence Havas“, св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Фарберъ, „Daily News“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Каррикъ, докторъ. „The Scotsman“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Макъ-Галахъ, „Daily News“, и „Голосъ“, св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Бренбернъ, „Times“, св. Владимира 4-й ст. съ мечами.

Миллетъ, „New-York Herald“ и „Daily News“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Канни, „Opinione“, „Punholo di Napoli“ и „Courrier du soir de Milan“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Ладзери, „Roma di Napoli“ и „Illustrazione Italiana“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Донъ Хозе-Пеллисеръ, „La Illustrazione Espana y Americana“, св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

¹⁾ Изъ крестьянъ, въ службѣ состоялъ съ 1868 года и имѣлъ нашивку за шестилѣтнюю безпорочную службу.

зенъ въ Зимницу и помѣщенъ тамъ на излеченіе въ военно-временный госпиталь, а грабитель арестованъ. 22-го августа, въ городѣ Систовѣ, состоялся надъ нимъ военный судъ, къ которому не могли приступить ранѣе, такъ какъ Поньонъ, по причинѣ своихъ страданій, былъ лишенъ возможности дать необходимыя показанія. По 279 ст. воен. уст. о наказ. 1875 г. и согласно 2, 10 и 11 статьямъ того же устава, Лазнюкъ за свое преступленіе, какъ совершенное въ военное время, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, къ позорному лишенію воинской чести и къ смертной казни разстрѣливаніемъ, что и исполнено надъ нимъ въ законный срокъ *на самомъ мѣстѣ преступленія*. Въ настоящее время здоровье г. Поньона, какъ слышно, уже достаточно поправилось; приговоръ же этотъ удовлетворялъ справедливому чувству негодованія всей арміи, которая знаетъ, что г. Поньонъ, явившійся въ ея среду, безоружнымъ и съ полнымъ довѣріемъ, какъ другъ и какъ иностранецъ, естественно долженъ былъ пользоваться съ ея стороны полной охраной и покровительствомъ.

Второй, не менѣе прискорбный случай имѣлъ мѣсто въ 4-мъ резервномъ армейскомъ батальонѣ, и тоже въ іюль мѣсяцѣ.

18-го августа предъ военно-полевымъ судомъ въ городѣ Систовѣ предстали двое рядовыхъ названнаго батальона: Александръ Евменьевъ Назаренко и Миронъ Мартыновъ Прочкинъ, оба 30-ти лѣтъ отъ роду, оба на службѣ съ 1871 года, изъ крестьянъ, и штрафамъ по суду и безъ онаго дотошъ не подвергались. Обстоятельства дѣла, по обвинительному акту, заключались въ слѣдующемъ:

17-го іюля 4-й резервный батальонъ находился на походѣ въ Румынію, слѣдуя къ мѣсту назначенія своего въ городъ Систово. День былъ жаркій. На пути между станціею Магалешти и деревнею Лешкиноки батальонъ значительно растянулся по дорогѣ, а нѣсколько солдатъ 3-й роты, человекъ около сорока, отдѣлившись отъ общей колонны, расположились отдыхать около рѣчки на мосту. Въ числѣ ихъ находились и Назаренко съ Прочкинымъ. Дежурнымъ по батальону въ этотъ день былъ поручикъ Богачевичъ, который по обязанности слѣдовалъ позади колонны, для наблюденія за общимъ порядкомъ. Видя, что отдѣлившіеся люди расположились на отдыхъ самовольно въ то время, какъ батальонъ уходитъ все дальше и дальше, поручикъ Богачевичъ приказалъ имъ встать и идти вмѣстѣ съ своею частію. Но никто изъ отдыхавшихъ не исполнилъ этого приказанія. Вынужденный поэтому отдалъ его вторично, Богачевичъ подошелъ къ отдыхавшей группѣ. Тогда рядовой Назаренко, поднявшись съ земли, пошелъ впередъ, со словами: «Небойсь, ѣсть не даютъ, а идти впередъ приказываютъ!» Дерзость такого замѣчанія, высказаннаго вдо-

бавокъ громко и вызывающимъ тономъ, не могла уже сама по себѣ пройти безнаказанно. Желая задержать виновнаго, поручикъ Богачевичъ догналъ его и схватилъ за шинель; высвободивъ въ скатанномъ видѣ черезъ плечо, но Назаренко успѣлъ отъ него вырваться, сказавъ: «Завтра меня поймаете!»—и тутъ же, обратясь къ остальнымъ солдатамъ, крикнулъ: «Нутъ-ка, ребята покажемъ ему!» Вмѣстѣ съ этими словами, взявъ ружье «на руку», онъ съ крикомъ «ура» бросился на поручика Богачевича. Остальные, неразумно увлеченные дурнымъ примѣромъ, окружили этого офицера съ подобнымъ же крикомъ. Тогда Богачевичъ выхватилъ изъ кабуры револьверъ и предупредилъ людей, что дальнѣйшее неповиновеніе его приказанію вынудитъ его сейчасъ же стрѣлять по нарушителямъ порядка. Угроза подѣйствовала, и люди стали расходиться. При этомъ рядовой Прочкинъ—по показанію дежурнаго унтеръ-офицера—будто бы сказалъ уходя: «Жаль, а надо бы хорошенько задать ему!» Оба названные рядовые были преданы суду батальоннымъ командиромъ. Полевой военный судъ, по соображеніи обвиненія, выведеннаго въ обвинительномъ актѣ и разъясненнаго какъ на судебномъ слѣдствіи, такъ и въ заключительныхъ преніяхъ, призналъ виновными обоихъ подсудимыхъ. Что касается Назаренки, то тутъ судомъ усмотрѣно два преступныхъ дѣянія: первое заключается въ неисполненіи общаго приказанія начальника, за что виновный подлежалъ бы одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, или переводу въ разрядъ штрафованныхъ; второе же, какъ дѣйствіе противъ своего начальника въ высшей степени дерзкое и притомъ совершенное въ военное время, безусловно подлежитъ смертной казни, на основаніи послѣдней части 98 ст. военск. уст. Этому же наказанію подлежалъ подсудимый и по совокупности преступленій (86 ст. военск. уст.), а потому военный полевой судъ приговаривалъ рядового Назаренку къ смертной казни разстрѣливаніемъ, но безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и не подвергая его обряду позорнаго лишенія воинской чести. Рядовой же Прочкинъ признанъ виновнымъ только въ неисполненіи общаго приказанія начальника; всѣ же остальные факты его обвиненія судъ нашелъ недоказанными, и потому, согласно 1 пункту 834 ст. XXIV т. свод. воен. пост., 1869 г., Прочкинъ подлежалъ оправданію. За дознанную же вину опредѣлено выдержать его подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ четыре недѣли и перевести въ разрядъ штрафованныхъ, увеличивъ ему обязательное въ ономъ пребываніе на два года и шесть мѣсяцевъ. Приговоръ надъ Назаренкой приведенъ въ исполненіе въ Систовѣ, причѣмъ актъ разстрѣливанія былъ совершенъ командою отъ 3-й роты 4-го резервнаго батальона. Но это былъ

единственный за все время примѣръ столь дерзкаго нарушенія воинской дисциплины, и товарищъ прокурора, капитанъ Кессель, провознося обвинительную рѣчь, справедливо сказалъ въ заключеніе, что въ данномъ случаѣ смертная казнь должна послужить грознымъ напominаніемъ, что штыкъ дается солдату для того, чтобы колоть имъ въ честномъ бою непріятеля, а не затѣмъ, чтобы кидаться съ нимъ на своего офицера.

Третій случай, повлекшій за собою смертный приговоръ, заключается, какъ уже сказано, въ побѣгъ къ непріятелю.

Рядовой 8-го пѣхотнаго Эстляндскаго полка Хасмудия-Хабидулинъ, родомъ татаринъ, изъ крестьянъ Казанской губерніи, по религіи мусульманинъ, находившійся на службѣ съ 1866 г., уже не въ первый разъ являлся предъ военнымъ судомъ: въ 1873 году онъ былъ приговоренъ къ исправительнымъ ротамъ, гдѣ отбылъ назначенный ему срокъ и выпущенъ въ запасъ, а въ текущемъ году, 17-го апрѣля, вновь признанъ на дѣйствительную службу. Сущность преступленія, за которое нынѣ полатился онъ жизнью, заключается въ томъ, что 10-го августа Хабидулинъ, находясь съ полкомъ подъ Плевною, самовольно отлучился изъ своей части и бѣжалъ въ турецкую армию, къ Осману-пашѣ. Преступленіе это сопровождалось обычнымъ при всѣхъ почти побѣгахъ, такъ называемымъ, «сносомъ казенныхъ вещей», т. е. того бѣлы и одежды, какія были надѣты на дезертиръ въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія, а въ данномъ случаѣ «сносъ» осложнился еще и тѣмъ, что Хабидулинъ захватилъ съ собою ружье, амуницію и пять чачекъ боевыхъ патроновъ. Прѣбываніе его въ турецкомъ лагерѣ продолжалось семнадцать сутокъ, до 27-го августа, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ подъ Плевною, въ турецкой траншеѣ, солдатами своего же полка, которые сразу признали въ немъ бывшаго сослуживца.

Судъ надъ Хабидулинымъ состоялся 7-го сентября, на бивуакѣ при сел. Горномъ Студнѣ. Подъ открытымъ небомъ поставленъ былъ столъ, на которомъ вмѣсто зеркала положены были двѣ скрещенныя сабли; за этимъ столомъ заняли мѣста председательствующій, генералъ-майоръ Велічковскій, и трое временныхъ членовъ, при помощникѣ военного прокурора, капитанѣ Кесселѣ. Подсудимый не имѣлъ защитника, да по свойству его преступленія и не могло быть въ военное время никакого смягченія. Масса офицеровъ и солдатъ окружала мѣсто судилища. Подсудимый—высокій, худощавый человѣкъ, отличался не столько фанатическимъ, сколько просто безмысленнымъ видомъ. Видно было, что онъ впамя въ глубокую апатію. Со времени своего взятія, Хабидулинъ въ теченіе одиннадцати дней не принималъ пищи, желая уморить себя голодомъ: онъ изрѣдка пилъ одну

лишь воду, и только это поддерживало нѣсколько его жизненные силы. Замѣчательно было отношеніе солдатъ къ подсудимому. Извѣстно, что солдаты, какъ и весь вообще русскій народъ, склонны относиться къ преступнику сострадательно, какъ къ «несчастному». Въ данномъ случаѣ такого отношенія у нихъ вовсе не было, и обвинитель, выражаясь въ своей рѣчи, что для подобнаго преступника ему жаль пули, отъ которой теперь умираютъ тысячи честныхъ людей, и требуя вмѣсто нея неревки—служилъ только выразителемъ общаго отношенія къ данному преступленію. Полевою судъ, по разсмотрѣніи дѣла, призналъ, что дѣяніе, совершенное рядовымъ Хабидулинымъ, составляетъ, согласно 137 ст. воинск. уст. о наказ., 1875 г., побѣгъ къ непріятелю и потому подвергаетъ виновнаго наказанію какъ за государственную измѣну, т. е. по 253 и 254 ст. улож. о нак. угол. и исправит., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни. Въ виду же «безправственности дѣянія подсудимаго» судъ назначилъ ему, согласно 10 и 11 ст. воинск. уст. о наказ., 1875 г., лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь чрезъ повѣшеніе, съ позорнымъ лишеніемъ воинской чести. Приговоръ, выслушанный подсудимымъ съ полнымъ равнодушіемъ, былъ исполненъ надъ нимъ спустя нѣсколько дней, предъ рядами Эстляндскаго полка, для чего Хабидулинъ былъ отправленъ подъ Плевну.

Въ непродолжительномъ времени предстоитъ еще одинъ уголовный процессъ, который будетъ разбираться мѣстнымъ военнымъ судомъ въ гор. Систовѣ. Виновниками этого дѣла являются грабители болгары. Обстановка и характеръ дѣйствій ихъ шайки настолько любопытны и характерны, что на нихъ стоить остановитъ вниманіе:

Окружному систовскому начальнику, подполковнику Михайлову, при объѣздѣ имъ своего района и по прибытіи въ село Карайсинъ (Карасентъ), одинъ изъ мѣстныхъ жителей сдѣлалъ тайное донесеніе, что на границѣ систовскаго и тырновскаго округовъ нѣсколько человѣкъ болгаръ сформировали изъ себя шайку грабителей, подъ начальствомъ нѣкоего Ивана Гицева, который въ данную минуту (дѣло было 7-го іюля) находится здѣсь, въ Карайсинѣ, вмѣстѣ со своими товарищами. Подполковникъ Михайловъ тотчасъ же принялъ мѣры къ розыску, причемъ Гицевъ былъ немедленно указанъ въ толпѣ народа. Это на видъ коренастый и приземистый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, брюнетъ, съ лицомъ довольно неграсивымъ, но энергическимъ.

На вопросъ: чѣмъ за человѣкъ?—онъ бойко и самоувѣренно назвался болгарскимъ ополченцемъ 4-й роты 4-го капральства Иваномъ Гицевымъ, и заявилъ, что командированъ сюда его высочествомъ главнокомандующимъ,

для сбора турецкаго хлѣба, скота и денегъ на продовольствіе русской арміи. Нелѣпность такого объясненія заставила подполковника Михайлова сейчасъ же отобрать у Гипева оружіе и арестовать его, послѣ чего карайсинскіе селѣчане отыскали и указали всѣхъ его наличныхъ сотоварищей, между которыми были: бакалейщикъ изъ села Іяиджи Петръ Ивановъ, священникъ изъ села Мекишъ Гюрданъ Хоризановъ, учитель изъ села Петреншъ Георгій Попрадевъ, житель села Горна-Турчета Мотю Начевъ и еще двое. На допросѣ, какъ сами заарестованные, такъ и селѣчане подтвердили, что Иванъ Гицевъ дѣйствительно былъ «капитаномъ» шайки, т. е. предводителемъ; остальные пособники составляли вѣчто въ родѣ штаба этого капитана. Такъ, Мотю Начевъ былъ знаменосцемъ, священникъ Гюрданъ Хоризановъ казначеемъ, учитель Георгій Попрадевъ писмоводителемъ. Деньги, документы, знамя и оружіе, найденные при этихъ личностяхъ, были тогда же отобраны и нынѣ находятся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ. Но кромѣ оружія, бывшаго на разбойникахъ, по указанію мѣстныхъ жителей, открытъ еще особый складъ оружія, отобраннаго ими у селѣчанъ разныхъ деревень и хранившагося въ карайсинскихъ амбарахъ, вмѣстѣ съ разнымъ награбленнымъ имуществомъ. Вся шайка раздобыла себѣ лошадей, отобравъ ихъ у жителей, и развѣзжала верхомъ и съ подводами въ окрестности деревень Іяиджи, Тенчу, Горня и Дольня Липницы, Петреншъ, Неденъ, Дескутъ, Вербовка и Карайсинъ. Съ появленіемъ шайки въ какой-либо деревнѣ, Гицевъ требовалъ къ себѣ «мухтара» (старосту) и приказывалъ ему немедленно же собрать всѣхъ жителей. По докладѣ мухтара, что толпа уже собралась, Гицевъ выходилъ къ ней на улицу и объявлялъ «русскій законъ», въ силу котораго требовалъ выдачи скота, лошадей, хлѣба и денегъ для продовольствія арміи, а за всякое возраженіе со стороны мухтара или жителей, безжалостно сѣкъ ихъ плетью. По объявленіи «русскаго закона», мухтаръ съ кѣмъ-либо изъ шайки приступалъ къ реквизиціи, предметы которой принимались «казначеемъ» и записывались въ реестръ «писмоводителемъ». Въ деревняхъ же съ турецкимъ или татарскимъ населеніемъ, Гицевъ по сборѣ народа, начиналъ обыкновенно съ того, что приказывалъ всѣмъ цѣловать ему руку и ногу, а затѣмъ выбиралъ изъ толпы какого нибудь зажиточнаго мусульманина, шелъ къ нему въ домъ и забиралъ все, что вздумается. Если же добытая такимъ образомъ сумма денегъ не соответствовала заранѣе собраннымъ свѣдѣніямъ или предположеніямъ шайки, то приспѣшники Гипева подвергали хозяина постыднымъ истязаніямъ и затѣмъ умерщвляли его. При такихъ опера-

ціяхъ въ особенности отличались священникъ Гюрданъ и знаменосецъ Начевъ. Покончивъ съ однимъ хозяиномъ, Гицевъ приказывалъ привести къ себѣ изъ толпы другого, потомъ третьяго, и съ ними послѣдовательно начиналъ продѣлывать тѣ же истязанія. Такимъ образомъ были умерщвлены: въ деревнѣ Батакъ одинъ, въ селеніи Неденъ четыре и въ селеніи Вербовка семь человекъ.

Деньги, отобранныя подполковникомъ Михайловымъ у шайки, составляли сборъ одного только дня и съ одного лишь Карайсина; остальные же суммы гдѣ-то запрятаны, а гдѣ?—ни отъ кого изъ грабителей невозможно добиться. Но на сколько велики были эти поборы—можно судить изъ того, напримѣръ, что въ селеніи Неденъ, до совершенія убійства четырехъ хозяевъ-турокъ, было получено отъ одного изъ нихъ 1,000 лиръ, отъ другого 120 лиръ, отъ третьяго 70 лиръ и отъ четвертаго 150 лиръ; продано скота въ деревнѣ Петреншъ на сумму 2,000 піастровъ; а сколько забрано хлѣба въ селеніи Павлі и продано скота по другимъ деревнямъ—подполковникъ Михайловъ не могъ добиться точной цифры. Жители деревни Петреншъ заявили между прочимъ, что въ грабѣжѣ и въ дѣлѣ добычи съ Гицевымъ участвовали пошъ Пенчу и нѣкій Цоне Радевъ, проживающіе въ Петреншѣ; но ни тотъ, ни другой не могли быть арестованы, такъ какъ успѣли заблаговременно бѣжать куда-то.

Подполковнику Михайлову пришлось объѣздить много деревень, настигая въ нихъ части награбленнаго имущества, по большей части крупнаго скота, и раскрывая соучастниковъ шайки, которая имѣла много развѣтвленій въ сивовскомъ и тырновскомъ округахъ, между деревенскими жителями, занимавшимися укрывательствомъ, переводомъ и бытовымъ награбленнаго. Такъ, напримѣръ, скотъ, собранный въ вышеупомянутыхъ деревняхъ, частью продавался въ ближайшихъ окрестностяхъ, а частью былъ переводимъ въ деревню Вербовку (Тырновскаго округа) къ старому священнику этого селенія и въ деревню Тенчу къ бѣглому рядовому болгарскаго ополченія, Степану Стоянову, а этотъ, при помощи своихъ пособниковъ изъ мѣстныхъ лавочниковъ, перегонялъ награбленные стада въ деревню Іяиджи, гдѣ тоже имѣлись «свои люди»—укрыватели и переводчики. Подполковнику Михайлову, кромѣ этого, удалось отыскать еще и во многихъ другихъ деревняхъ награбленный шайкой скотъ, который и переданъ имъ на храненіе мухтарамъ, а частью препровожденъ въ Сивово и сданъ въ городскую полицію. Во всѣхъ почти деревняхъ, гдѣ лишь было обнаружено посѣщеніе Гипева, мѣстные жители представляли подполковнику Михайлову лицъ, израненныхъ его пособниками или наказанныхъ

плетью и нагайками, а въ селеніи Батакъ покорившіеся турки принесли жалобу, что Гицевъ съ шайкой изнасиловалъ у нихъ нѣсколько малолѣтнихъ дѣвочекъ. Вскорѣ въ селеніи Мекишъ былъ отысканъ и арестованъ бѣглый ополченецъ Степанъ Стояновъ, который, при помощи четырехъ лавочниковъ, занимался переводомъ скота, присылаемаго Гицевымъ. При этомъ жители деревень Тенча и Мекишъ принесли подполковнику Михайлову жалобу на то, что Стояновъ, имѣя при себѣ оружіе и нагайку, постоянно подвергать ихъ истязаніямъ, а жители магометанскихъ участковъ тѣхъ же деревень представили пятнадцать турецкихъ дѣвочекъ, отъ 12-ти до 15-тилѣтняго возраста, изнасилованныхъ Стояновымъ и его четырьмя сотоварищами-лавочниками. Всѣ эти лавочники были разысканы и препровождены къ систовскому губернатору.

Но до чего простиралась безпримѣрная наглость всей этой шайки, лучше всего показываетъ слѣдующее обстоятельство:

Магометане—жители села Неденъ—видя рядъ истязаній и убійствъ, совершенныхъ у нихъ Иваномъ Гицевымъ, рѣшились наконецъ оказать ему сопротивление и приняли мѣры къ самозащитѣ, вооружаясь камнями и колыми. Что же дѣлаетъ Гицевъ? Онъ посылаетъ своего письмоводителя, учителя Попрадева, въ селеніе Карайсинъ, гдѣ въ то время стояли на почтовомъ посту 15 человекъ драгунъ Казанскаго полка. Прибывъ къ посту Попрадевъ вызываетъ унтеръ-офицера, заведывавшаго командой, и заявляетъ ему, что команда болгарскихъ ополченцевъ, командированная великимъ княземъ главнокомандующимъ для сбора хлѣба и скота, встрѣтила со стороны турецкихъ жителей села Неденъ вооруженное сопротивление, а потому начальникъ этой болгарской команды, именемъ великаго князя, требуетъ, чтобы драгуны оказали ему немедленную помощь. Унтеръ-офицеръ, не усмотрѣвъ въ этомъ заявленіи ничего особеннаго или страннаго и встрѣчая со стороны Попрадева такой настойчивый, авторитетный тонъ, распорядился тотчасъ нарядить шесть конныхъ драгунъ съ оружіемъ и боевыми патронами, приказавъ имъ слѣдовать вмѣстѣ съ Попрадевымъ на помощь болгарской командѣ. Прибытіе такого подкрѣпленія придадо Гицеву еще болѣе смѣлости и дерзости. Въ ихъ присутствіи онъ снова приступилъ къ истязанію турокъ и, на глазахъ у всѣхъ, лично зарѣзалъ двухъ хозяевъ, а затѣмъ приказалъ драгунамъ присоединиться къ его командѣ и составить личный его конвой. Такимъ образомъ, драгуны были вынуждены сопровождать всю эту шайку въ теченіе двухъ сутокъ, разбѣжать съ ней по разнымъ деревнямъ и присутствовать при совершеніи возмутительныхъ экзекуцій надъ турками и

болгарами. Гицевъ съ невѣроятной наглостью прикрывался повсюду именемъ великаго князя главнокомандующаго, предъявляя при этомъ простодушнымъ жителямъ какія-то бумаги за красной и синей печатами, и тѣмъ же способомъ удерживалъ при себѣ драгунскую команду.

Вся эта шайка прибыла 7-го іюля въ село Карайсинъ, гдѣ была накрыта подполковникомъ Михайловымъ, и тѣмъ же самымъ шести драгунамъ пришлось конвоировать ее въ городъ Систово.

XLIV.

День на «Великокняжеской батарее».

Выступление главной квартиры изъ Горнаго Студня подъ Плевну.—Ночлеги въ с. Лижанѣ. — Костель и церковь.—11-е октября на позиціи передъ Плевной.—Бивуакъ на «Великокняжеской батарее».—Юрта главнокомандующаго. Принцъ Арнульфъ Баварскій. Пріѣздъ великаго князя на позицію.—Гороховый англичанинъ.—Утренние и вечерніе залпы.—Видъ на турецкія позиціи.—Картина „процальнаго“ залпа.—Обѣдъ на воздухѣ.—Пріѣздъ генерала Тотлебена.—Что-то будетъ?—Вечеръ на позиціи.

С. Боготъ, въ ночь на 14-е октября.

9-го октября, лица, принадлежащія къ главной квартирѣ, стали покидать Горный Студень и отдѣльными партіями, а то и порознь, направлялись къ нашей плевневской позиціи, куда въ этотъ же день выступилъ и обозъ великаго князя. Ночлеги обоза, при которомъ слѣдовали часть адъютантовъ и ординарцевъ главнокомандующаго, комендантъ главной квартиры и нѣкоторые другія лица, были назначены въ болгарской деревнѣ Лижанѣ. Населеніе этой деревни уже нѣсколько лѣтъ перешло въ римско-католическую вѣру, и потому здѣсь находится прекрасный костель съ высокой башней, одинъ видъ которой невольно наводитъ мысль на сравненіе костела съ мѣстными православными церквами: костельная башня гордо красуется на всю окрестность, еще издали заявляя себя каждому путнику; а православная церковь, безъ которой здѣсь нѣтъ почти ни одной деревни, стоитъ словно пришибленная къ землѣ, и ровно ничѣмъ не отличается отъ любого хлѣбнаго амбара. Рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтишь на такой церковкѣ даже маленький крестикъ. А что за бѣдность внутри!.. Глянбый полъ, досчатый, тесанный иконостасъ, шерстяныя или ситцевыя ризы, мѣдная или оловянная чаша... Можно смѣло сказать и не ошибиться, что въ Россіи нѣтъ того бѣднѣйшаго села, церковь котораго не показалась бы благолѣпной и богатой въ сравненіи съ любой сельской церковью въ Болгаріи.

И такъ, нереночевавъ въ Лижанѣ, обозъ главной квартиры, подъ прикрытіемъ конвойнаго батальона и дивизіона лейбъ-казаковъ,

пришелъ въ с. Порадимъ, причеъ лейбъ-казаки и нѣкоторые лица остановились болѣе впереди, въ дер. Сгалевицѣ.

11-го октября, часовъ въ десять утра прибыли на позицію къ Плевнѣ. Погода стояла прекрасная; небо было совершенно ясное, какъ бываетъ на сѣверѣ въ июнѣ, хотя въ ночь и пролилъ порядочный морозецъ, покрывшій всю траву обильнымъ инеемъ. Впереди, направо и налѣво, изрѣдка гремѣли отдѣльные пушечные выстрѣлы на земляныхъ батареяхъ, за которыми сѣрѣли линіи лагерей и бивуаковъ; костры тамъ и сямъ дымились, глухой смѣшанный гулъ людскаго говора стоялъ въ воздухѣ и доносился скрипъ болгарскихъ колесъ. Бивуакъ главной квартиры раскинулся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ великій князь останавливался и въ послѣднюю свою побѣдку подъ Плевну. Мѣсто это находится на бывшей нашей центральной батарее, съ которой двѣнадцать осадныхъ орудій въ августовскіе дни неутомимо громили турецкіе редуты. На батарее уже кипѣла работа: нѣсколько десятковъ пѣхотныхъ солдатъ, подъ руководствомъ инженеръ-капитана Александровскаго, копали землянки на 6 и 8 человекъ каждая; устанавливали по краямъ туры, насыпая ихъ до верха землею; на туры накладывались листовые плетни, и все это сверху и съ боковъ засыпалось тоже землею. Такимъ образомъ, наскоро готовились помѣщенія для лицъ главной квартиры, а среди этихъ построекъ тѣ же солдаты, подъ руководствомъ казака-киргиза, устанавливали двѣ войлочныя юрты для великаго князя и для начальника штаба дѣйствующей арміи. Позади великокняжеской юрты копали довольно обширную отоловую, рядомъ съ которой стояла карета подвижнаго телеграфа, а нѣсколько ниже расположилась на открытомъ воздухѣ походная кухня. Юрта его высочества довольно удобна, если вообще понятіе объ удобствахъ можетъ быть насколько нибудь примѣнимо къ осеннему бивуачному существованію. Здѣсь главное удобство въ осеннюю пору заключается въ погодѣ: сухо—значить удобно, а въ ненастье—такъ отвратительно, что и словъ нѣтъ для выраженія. Кромѣ того, въ послѣднее время въ Горномъ Студнѣ одолавали еще змѣи, изъ породы вipers и мѣдьяницъ. Дня не проходило безъ того, чтобы ихъ не убивали по нѣскольку штукъ въ бивуакѣ и въ селеніи; эти гадины не только забирались въ хаты и палатки, но иногда заползали даже въ постели, причесавъ отъ вечерняго холода подъ байковыя одѣяла.

Внутри юрты великаго князя поставила небольшую палатку и складную желѣзную печку; въ палаткѣ постлали войлочный коверъ, на которомъ раскинули желѣзную кровать, складной столикъ и два складныхъ же табурета. На этомъ столикѣ, его высочества всегда помѣ-

щается походный образной складень и письменныя принадлежности.

Лѣвѣ бывшей центральной батареи расположился конвойный батальонъ, а еще лѣвѣ, по ту сторону проселочной дороги, ведущей въ д. Радишево, стали лейбъ-казаки, составивъ пирамидами свои красныя пики. Вправо отъ батареи въ нѣсколькихъ шагахъ бѣлѣютъ палатки артиллерійскаго осаднаго управления, гдѣ временно расположился начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи, князь Масальскій со своимъ штабомъ, и гдѣ постоянно живетъ генераль-майоръ Моллеръ, заведывающій осадной артиллеріей подъ Плевну.

Часовъ около трехъ по-полудни на батарею пріѣхалъ принцъ Баварскій Арнульфъ, со своимъ адъютантомъ, препровожденный сюда флигель-адъютантомъ, ротмистромъ барономъ Унгериъ-фонъ-Штерибергомъ. Принцъ Арнульфъ—молодой человекъ, круглолицый блондинъ, ростомъ немного выше средняго и плотнаго сложенія, явно показывающаго въ немъ хорошо развитую физическую силу. Онъ носитъ постоянно свѣтло-голубой драгунскій мундиръ, съ серебряными петлицами на красномъ воротникѣ, и можетъ неутомимо проводить по нѣскольку часовъ на конѣ; очень любитъ военное дѣло и при каждомъ боевомъ случаѣ стремится постоянно быть впереди, со стрѣлковой дѣльей. За отсутствіемъ главнокомандующаго, начальника штаба и походнаго гофмаршала его высочества, молодой принцъ былъ принятъ комендантомъ главной квартиры, генераль-майоромъ Штейномъ, какъ временно-старшимъ лицомъ въ данномъ районѣ позиціи. Въ исходѣ пятаго часа, далеко позади великокняжескаго бивуака слышались привѣтственные крики, которые съ каждой минутой раздавались все ближе и ближе. Это великій князь съ генераль-адъютантомъ Неполойчикамивъ приближался къ позиціи, слѣдуя мимо линій парковъ, обозовъ и резервовъ. Вскорѣ показалась открытая коляска его высочества, которая въ сопровожденіи нѣсколькихъ лейбъ-казаковъ, съ пиками на перевѣсѣ, на быстрой рыси перерѣзывала лошадью, приближаясь къ бывшей осадной батарее. Казаки, конвойные пѣхотинцы и всѣ лица главной квартиры высыпали на линію противъ своихъ бивуаковъ для встрѣчи его высочества. Подъздоровавшись со всѣми и мелькомъ осмотрѣвъ бивуачное мѣсто и свою юрту, великій князь прошелъ впередъ и сѣлъ на брустверѣ осадной батареи. Вся свита нѣсколькими группами окружила здѣсь главнокомандующаго. Съ этого пункта очень ясно видѣлись на противоположащей высотѣ турецкіе ложементы и одинъ изъ центральныхъ редутовъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *numera pertama* (Ибрагимъ-бей-Табіе). Онъ лежитъ какъ-разъ противъ одной изъ нашихъ батарей, придвинувшейся съ прежняго

мѣста впередъ на 800 сажень, такъ что теперь разстояніе между ними равняется лишь 1,000 саженьмъ. Здѣсь же, на брустверѣ, рядомъ со свитою появился вдругъ какой-то англичанинъ въ пробковомъ шлемѣ и статскомъ пальто гороховаго цвѣта. Говорятъ, что онъ членъ парламента, пользующійся вакаціоннымъ временемъ для составленія корреспонденцій «съ мѣста военныхъ дѣйствій» въ одну изъ большихъ лондонскихъ газетъ («Times»); другіе же утверждаютъ, что онъ просто любитель, а третьи, что онъ другъ Россіи. Пускай все око такъ, но нельзя не замѣтить, что этотъ «другъ Россіи» ведетъ себя нѣсколько эксцентрично: сидитъ, напрумятъ, въ присутствіи великаго князя въ то время, когда стоятъ всѣ, не исключая даже и его высочества; за обѣдомъ встаетъ когда ему вздумается изъ-за стола, гдѣ сидитъ великій князь, а въ этотъ день обратился даже къ одному незнакому офицеру съ предложениемъ натянуть на него въ рукава гороховое пальто. Офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнулся, слегка пожалъ плечами и безпрекословно помогъ надѣть пальто. Англичанинъ въ отвѣтъ слегка приложился рукой къ своему пробковому шлему ¹⁾.

Надо сказать, что съ того времени, какъ генералъ Тотлебенъ взялъ на себя руководство осадю Плевны, мы каждое утро, ровно въ пять часовъ, посылаемъ туркамъ привѣтствіе сосредоточеннымъ залпомъ изъ девяносты осадныхъ и дальнобойныхъ орудій, выбирая для этого каждый разъ какой-нибудь изъ редутовъ, но всегда такъ, что турки никакъ не могутъ разсчитывать заранее, куда именно будемъ мы въ такой-то день направлять наши залпы. Точно такое же привѣтствіе прощальное посылаемъ имъ и вечеромъ, между пятью и шестью часами, послѣ чего до пяти часовъ утра слѣдующаго дня съ батарей раздаются лишь одиночные и довольно рѣдкіе выстрѣлы, съ цѣлью мѣшать противнику исправлять поврежденія въ его редутахъ.

Великій князь, сидя на брустверѣ, дождался «прощальнаго залпа», который, какъ говорили, долженъ былъ раздаться черезъ двѣ минуты. На протяженіи всей нашей позиціи въ эти приготовительныя мгновенія царствовала мертвая тишина. Замолкли даже звуки рожковъ и барабановъ, подъ музыку которыхъ гдѣ-то позади дѣлалось какой-то части «ученье». Впереди все болѣе и болѣе тусклѣла противоположащая возвышенность, принимая синевато-сѣрый колоритъ и все рѣзче выдѣляясь своими темными очерками на фонѣ яснаго неба, окрашеннаго пурпуромъ заката. Видѣтъ былъ на ней и редутъ и ложементы; но все это какъ-то ступшевывалось и на первый взглядъ вовсе

не напоминало собой чего-либо воинственнаго, смертоноснаго; напротивъ, грозная возвышенность казалась совершенно мирнымъ холмомъ и какъ нельзя болѣе гармонировала съ этимъ тихимъ вечеромъ и яснымъ закатомъ. И вотъ, вправо отъ насъ съ ближайшей батареи разомъ сверкнуло нѣсколько молній, разомъ выкатилось кверху нѣсколько громадныхъ клубовъ лиловатаго дыма—и черезъ двѣ-три секунды вдругъ раздался потрясающій грохотъ. Въ то же мгновеніе подобный грохотъ повторился впереди насъ на новой нашей центральной батарее, затѣмъ лѣвѣе ея на слѣдующей, а тамъ еще лѣвѣе, и вотъ вся наша линия отъ праваго до лѣваго фланга, на полукругномъ протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, загремѣла на одно мгновеніе такъ, что земля задрожала и словно бы глухой стонъ дала. Весь воздухъ наполнился роковымъ, зловѣщимъ шипѣниемъ и вслѣдъ за тѣмъ на противоположащей высотѣ, въ редутѣ № 1-го, поднялись исполинскіе букеты дымовъ и фонтаны девяносты гранатныхъ взрывовъ. Можно вообразить какво это тамъ, въ редутѣ, пережить минуту подобнаго ада!... Большинство снарядовъ легло чрезвычайно удачно: они полопались въ редутѣ и въ ближайшихъ къ нему ложементахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ видѣлась группа стоящихъ людей—человѣкъ въ двадцать. Снарядъ упалъ какъ-разъ въ эту самую кучку—и въ одно мгновеніе она вся исчезла... Но первое, что обратило на себя общее вниманіе непосредственно вслѣдъ за залпомъ—это гороховый англичанинъ, который, сидя за брустверомъ, хлопалъ въ ладоши и цѣдилъ сквозь зубы: «Oh, bravo, bravo, bravo!...»

Минуты двѣ мы ждали со стороны турокъ отвѣта—отвѣта не послѣдовало.

Вообще, съ 1-го сентября турки почти совсѣмъ не отвѣчаютъ на наши одиночные выстрѣлы, ни даже на самые ужасные залпы. Одни предполагаютъ, что имъ отвѣчать уже нечѣмъ, другіе же думаютъ, что они оберегаютъ снаряды для дѣйствительно критической минуты. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе.

Великій князь сонелъ съ бруствера и отпавился обѣдать. Небольшой продолговатый столъ былъ, по обыкновенію, скромно сервированъ на открытомъ воздухѣ. За недостаткомъ мѣста обѣдали въ двѣ сѣмьи. Въ концѣ обѣда пріѣхалъ изъ Порадима генералъ Тотлебенъ, въ сопровожденіи небольшой свиты, и тотчасъ же удался вмѣстѣ съ великимъ княземъ къ юрту, для совѣщаній. Между лицами той и другой свиты шопотомъ и довольно смутно передавался слухъ, что, кажись, на завтра что-то такое готовится... Что? Гдѣ? Когда именно? въ которомъ часу?—никому не было извѣстно, но общее убѣжденіе оставалось таково, что будетъ что-то, и скоро, и непременно...

¹⁾ Это былъ извѣстный полковникъ Гавелокъ.

LXV.

Бой подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишомъ.

Между тѣмъ совсѣмъ уже стемнѣло, и полная луна какъ бы пропитала своими лучами все ясное небо, а всю землю, какъ снѣгомъ, покрыла серебристо-бѣловатымъ свѣтомъ. Воздухъ былъ такъ тихъ и прозраченъ, что даже отдаленные предметы вырисовывались весьма отчетливо: каждое дерево, каждый отдѣльный часовой или конный казакъ съ пикой, каждый воловь возъ съ сѣномъ и рядомъ съ нимъ своеобразная фигура погонщика-болгарина съ кнутикомъ на плечѣ—все это совершенно отчетливо вырисовывалось черными силуэтами по гребнямъ окрестныхъ высотъ, на фонѣ темно-синяго неба, насыщеннаго луннымъ свѣтомъ. Ближайшіе турецкіе ложементы и редуты выказывали тоже довольно ясно свои насыпи и обсыпи глинисто-песчанаго цвѣта, которыя теперь стали даже какъ будто виднѣе, чѣмъ днемъ, когда ихъ отчасти заволакивала легкая, прозрачная дымка теплаго тумана. Позади данно уже смолкли пѣхотные рожки и барабаны, звучавшіе во время ученія ¹⁾, и только время отъ времени съ той или другой батареи раздавался отдѣльный выстрѣлъ. Всѣ разошлись—кто по землянкамъ, кто по телѣгамъ и фургонамъ, кто по наскоро поставленнымъ палаткамъ. Всѣ предполагали, что на этой позиціи придется провести, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сутокъ; но около девяти часовъ вечера было сообщено, что лейбъ-казачій конвой снимается съ бивуака въ три часа ночи и идетъ въ деревню Каракию, гдѣ ожидаетъ прибытія великаго князя главнокомандующаго, долженствующаго выѣхать туда же въ шесть часовъ утра: лицамъ главной квартиры было предоставлено отправиться вмѣстѣ съ лейбъ-казаками. На утро ожидался бой—и бой горячій—гдѣ-то въ тылу Плевны, за Видомъ. Гдѣ именно—у одного ли изъ Дубняковъ, или у Телиша—объ этомъ не было еще извѣстно. Знали только, что за Видомъ.

Ночное движеніе лейбъ-казаковъ къ Каракию—Каломанъ Ивановичъ.—Бивуакъ Бугскаго уланскаго полка.—Каракойское ущелье.—Дорога до Медована.—Волинская позиція.—Медованскій курганъ.—Видъ на за-видское плоскогорье и нѣсколько историческихъ воспоминаній.—Характеръ горно-дубняцкой укрѣпленной позиціи.—Диспозиція горно-дубняцкаго боя.—Бой 12-го октября.—Успѣхъ артиллерійскаго и безуспѣхъ ружейнаго нашего огня.—Начало атаки и первая наша потеря.—Взятіе восточнаго редута.—Сближеніе артиллерій къ неприятельской позиціи и призывъ подрѣзанныхъ.—Потери отъ своихъ гранатъ.—Необходимость окончить дѣло скорѣе.—Несостоявшіяся распоряженія для новаго штурма.—Недораазуміе съ тремя условными залпами.—Рядъ неудачныхъ отдѣльныхъ попытокъ штурма.—Недораазуміе съ бѣлымъ флагомъ.—Затишье предъ послѣдней попыткой.—Совѣщаніе генерала Турко съ графомъ Шуваловымъ.—Взятіе главнаго редута.—Восторгъ войскъ.—Павловскій дѣтина.—Рядовой Овчинниковъ.—Ахметъ-Хиван-паша и его начальники штаба.—Трофеи и плѣнные.—Позиція предъ Долнымъ Дубнякомъ. Дѣло подъ Телишемъ и дѣйствія побочныхъ кавалерійскихъ отрядовъ.—Демонстрація противъ Плевны.—Попытка вылазки изъ Плевны на трѣнискую позицію.—Отъѣздъ великаго князя съ Медованскаго кургана.—Ральевское ущелье.—Наша потеря.—Ю. В. Любвицкій.

Боготъ 15-го октября.

Тихо поднялись съ бивуака лейбъ-казаки. Ни генераль-марша, ни сбора не играли. Надо было пройти не на Боготъ, а напрямикъ, кратчайшимъ путемъ къ Каракию (онъ же и Каригуй) и сдѣлать при этомъ часть пути какъ разъ мимо турецкихъ секретовъ и аванпостовъ. Проводникомъ назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Сухомлиновъ, заранѣе изучившій въ неоднократныхъ рекогносцировкахъ окрестности Плевны. Переходъ предстоялъ, какъ говорили, не изъ безопасныхъ, а потому казакамъ велѣли вынуть изъ чехловъ берданки и вообще каждую минуту быть на-готовѣ. Дивизионъ выдѣлилъ изъ себя одинъ взводъ въ авангардъ и выслалъ передовой и боковые патрули. Какъ кошки, беззвучно крались казаки: безъ всякаго лязга и звяканья, безъ разговоровъ—одинъ лишь топотъ копытъ глухо раздавался. Трубокъ не курили. Луна стояла высоко, почти надъ головой. Вершины холмовъ были ясны, но по низинамъ, въ ложинахъ, густой серебряный туманъ носился и обманывалъ зрѣніе: казалось, будто это рѣка съ нѣсколькими затонами, или какія-то озера дремлютъ подъ луною. Прошли мимо табора бѣглецовъ-болгаръ изъ Плевны. Здѣсь мужчины, женщины и дѣти спали въ открытомъ полѣ, вокругъ гаснущихъ костерковъ, повидному, нѣсколько не заботясь о томъ, что они находятся въ сферѣ самыхъ

¹⁾ На позиціяхъ подъ Плевной, въ тѣ дни, когда нѣтъ никакихъ особенныхъ работъ и занятій, командиры стараются развлекать свои части обыкновенными ученьями, разсыпнымъ строемъ, гимнастикой, церемониальнымъ маршемъ и т. п. Это практикуется какъ мѣра противъ скуки: все же люди чѣмъ нибудь заняты, дѣлаютъ достаточно движеніе и не забываютъ строевого дѣла.

действительных турецких выстрѣловъ. Какую минуту небо на горизонтѣ озарилось какъ слабой вспышкой зарницы, вслѣдъ за которой черезъ нѣсколько секундъ доносилось два раздѣльныхъ глухихъ гула—одинъ отъ выстрѣла, другой отъ разрыва, но звукъ послѣдняго отдавался гораздо глуше и дальше. По крайне неудобной, каменистой, идущей зигзагами и узкой дорогѣ спустились мы въ глубокий оврагъ, на днѣ котораго съ шумомъ стремится по камнямъ быстрая рѣчка и залегла, спавшая мертвымъ сномъ, деревня Тученица. Сторожевыя собаки оглашали всю окрестность нестерпимо-тоскливымъ воемъ и лаемъ. Въ бродъ перешли Тученицкую рѣчку и съ трудомъ поднялись на-верхъ, по столь же неудобной кремнистой тропинкѣ. Съ казаками слѣдовали двѣ троечныя подводы ¹⁾, и, по правдѣ надо изумляться, какъ это онѣ могли благополучно спуститься и выбраться изъ этой трущобы. Тученический оврагъ очень красивъ: извиваясь нѣсколькими изгибами, онъ доходитъ непосредственно до самой Плевны. Прошли мимо болгарскаго кладбища, которое въ лунномъ свѣтѣ можно было узнать по торчащимъ изъ земли бѣловатымъ осколкамъ плитняка, замѣняющимъ здѣсь надгробныя кресты и памятники. Вправо, сквозь туманъ, видѣлась, на громадномъ пространствѣ, настоящая иллюминація: цѣлая линія, цѣлая улица и проспекты большихъ и малыхъ огней вереницами мигали по гребнямъ и на склонахъ вершинъ. Это были костры нашихъ бивуаковъ. Мяновалъ кладбище, лейбъ-казаки свернули съ боготской дороги вправо, на узкій проселокъ, пролегающій среди чаши обширныхъ кустарниковъ. Иглы терна и шиповника царявали юги лошадей и руки всадниковъ. Кустарники эти растутъ здѣсь вперемешку съ дубякомъ и дикимъ лавромъ, котораго присутствіе можно узнать по его ароматическому запаху. За этимъ кустарникомъ, впереди, какъ говорили, начинается опасное мѣсто: вправо около деревень Кришина и Брестовца стоятъ турецкіе аванпосты, да и гребень Рыжей горы, по которому двигался конвойный дивизионъ, вполне доступенъ ружейному огню съ передовыхъ непріятельскихъ позицій. Но движеніе по сомнительному мѣсту совершилось однако безъ всякихъ приключеній. Иллюминація бивуаковъ осталась позади, а вскорѣ мы пересѣкли ловчинское шоссе, и когда проходили мимо Брестовца и деревушки Учиньдоль, то на востокъ заалѣла первая полоса разсвѣта.

Съ казаками ѣхали нѣсколько лицъ главной квартиры, адъютанты и ординарцы главнокомандующаго и, между прочимъ, австрійскій

военный агентъ генеральнаго штаба, капитанъ Каломанъ Болла Чафордъ-де-Юбагаза, который участвовалъ во всѣхъ почти дѣлахъ подъ Плевной, присутствовалъ на батареяхъ, за личную храбрость награжденъ крестомъ св. Владиміра 4-й степени и за время пребыванія въ наней средѣ успѣлъ приобрести себѣ расположеніе многихъ русскихъ; его зовутъ здѣсь Каломаномъ Ивановичемъ и говорятъ съ нимъ по-русски, такъ какъ онъ вполне понимаетъ и очень порядочно изъясняется на нашемъ языкѣ.

Мы приближались къ Каракіойскому ущелью, близъ котораго расположенъ на бивуакѣ Бугскій уланскій полкъ и батарея конной артиллеріи. Широкая и фантастическая картина развертывалась предъ нами съ того гребня, по которому шли лейбъ-казаки. Цѣлая перспектива отдѣльныхъ тумановъ поднималась изъ низинъ, пронизанная розовыми лучами восходящаго солнца, и сквозь эти туманы смутно вырисовывались прихотливыя верхушки рощицъ, садовъ, деревушекъ, и опять казались, будто тамъ, среди этихъ какъ бы курящихся полосъ тумана, залегаютъ острова и затоны обширной рѣки,—и опять чрезъ нѣсколько минутъ все это измѣнялось, исчезало, или принимало новыя фантастическія формы; все это были призраки, создаваемые разнообразнымъ движеніемъ тумановъ. Лица главной квартиры остались на уланскомъ бивуакѣ дожидаться прибытія великаго князя. Бугскіе уланы расположились довольно удобно: вмѣсто палатокъ, они устроили себѣ уютныя соломенные шалаша, на манеръ малороссійскихъ «курень», и тамъ имъ тепло и сухо. Шалаша вытянуты по-эскадронно, въ четыре линіи, образуя между собой правильныя улицы, гдѣ стоятъ въ коновязяхъ верховыя лошади и торчатъ воткнутыя въ землю пики съ красно-бѣлыми флагерами. Чистота и порядокъ на бивуакѣ—отмѣнные. Уланы пріютили насъ у своихъ костровъ и радушно согрѣли чаемъ. Вскорѣ дали знать, что «его высочество изволеть ѣхать». Лица главной квартиры и конвойный дивизионъ присоединились къ поѣзду главнокомандующаго, проѣхавшаго нижней (боготской) дорогой, и спустились въ Каракіойское ущелье. Мѣсто это необычайно красиво: высокія, совершенно отвѣсныя глыбы каменныхъ скалъ стоятъ словно развалины какого-то исполинскаго замка; внизу, въ глубинѣ ущелья, струится рѣчка Черничка и лѣпятся по парапетамъ скалъ уютнѣйшія въ зеленыхъ хатахъ деревенки Каракіой; черепичныя кровли, бѣлыя стѣны, небольшія восточныя веранды у многихъ домиковъ и надъ ними бѣлая игла минарета — все это очень красиво, мирно, уютно... Дорога, пробитая по краю скалы и лишь въ послѣдніе дни разработанная русскими руками, идетъ надъ самымъ обрывомъ,

¹⁾ Одна изъ нихъ очередная почтовая «Военнаго Лезучаго Листка».

отъ котораго оградяють ее срубленныя изъ молодого лѣса и наскоро прилаженныя перила. Благодаря русскимъ саперамъ, спускъ въ глубину ущелья и подъемъ изъ него въ настоящее время довольно удобны не только для пѣшаго или верховнаго, но даже и для колеснаго движенія. За ущельемъ дорога идетъ кружно, въ объѣздъ сосѣднихъ овраговъ, по нѣсколькимъ пологимъ холмамъ, — сначала сквозь кукурузныя поля, а потомъ черезъ ключіе кустарники, покрывающіе всѣ скаты и лощины въ такомъ изобиліи, что движеніе на два шага въ сторону отъ тропинки становится уже окончательно невозможнымъ: пыль, тернъ, боярышникъ и розовые кусты, перепутанные побѣгами всевозможныхъ ползучихъ и вьющихся растений, представляютъ изъ себя очень красивую, но непроторную преграду. Дорога, 12-го октября, была еще не разработана; но въ этотъ день для ея устройства уже пришла въ деревню Кебель часть одного изъ саперныхъ батальоновъ.

Часовъ около десяти утра главнокомандующій прибылъ къ лагерю лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, расположенному укрыто отъ высотъ, находящихся еще въ рукахъ непріятеля, а именно на южномъ склонѣ одной изъ возвышенностей, неподалеку отъ рѣки Вида и близъ села Медована, которое остается въ полутора верстахъ влѣво отъ лагернаго мѣста. Бивуакъ волынцевъ былъ почти пустъ, такъ какъ весь полкъ находился впереди, на укрѣпленной наскоро позиціи, занимая возвышенность, прилегающую своей западной подошвой къ деревнѣ Тренинѣ (она же Тринина). Шагахъ въ полутораста впереди волынскаго лагеря, на гребнѣ возвышенности, стоитъ высокій курганъ, котораго искусственное, насыпное происхожденіе несомнѣнно уже по одному наружному его виду: онъ имѣетъ совершенно правильную форму круто приподнятаго полушарія и, по времени своего происхожденія, относится—надо полагать—къ эпохѣ великаго переселенія народовъ, если еще не ранѣе. Это—навѣрное могила какого-либо комаднаго царя, полководца, или воиновъ, погибшихъ въ какомъ нибудь сраженіи, происходившемъ на этомъ мѣстѣ. Курганъ очень высокъ и поднимается на него стоять не малаго труда, потому что нога скользитъ по мелкой сухой травѣ, какъ по паркету. На самой вершинѣ поставленъ сторожевой постъ изъ двухъ часовыхъ; подобные же посты окружаютъ и весь волынский лагерь, позади котораго стоятъ шатеръ и карета походнаго телеграфа⁴⁾. Конвой съ развернутымъ знач-

комъ главнокомандующаго остановился не доходя кургана, на вершину котораго вззошелъ великій князь съ сопровождавшими его лицами. Трудно было бы найти болѣе удобный наблюдательный пунктъ: отсюда хорошо былъ виденъ горячій артиллерійскій бой, уже кипѣвшій впереди, около деревни Горнаго Дубняка. Общая картина за-видскихъ и за-плевненскихъ позицій была, въ своемъ родѣ, великолѣпна. Для уясненія ея нужно себѣ представить необозримую равнину, которая вдали, въ блѣснотой мглѣ, совсѣмъ сливается съ горизонтомъ. Но тусклая черта отъ слиятія отбросилась очень далеко... Сожженная солнцемъ трава придаетъ всему пространству впереди видъ желтѣющей нивы, по которой тамъ и сямъ разбросаны зеленовато-сѣрыми пятнами дубовыя лѣски и деревни: Дольній Дубнякъ, оба Митрополья, Горный Дубнякъ и другія, а налѣво, почти уже на самой чертѣ горизонта, едва различаемое во мглѣ—селеніе Телиншъ. Направо—одна за другою поднимаются и одна изъ-за другой выглядываютъ нѣсколько высотъ, замыкающихъ пробѣды по лощинѣ въ Плевну. Изъ этой лощины выбѣгаетъ на степь нѣкоторой частью своихъ садовъ и нѣсколькими, очень красивенькими издали домиками—деревня Тренина, надъ которой красуется цѣлый рядъ пирамидальныхъ тополей. Налѣво отъ кургана, въ лощинѣ, залегло, тоже очень красивое съ виду, село Медованъ съ бѣлымъ минаретомъ. Мѣстами свертываютъ на солпцѣ извилины Вида, густо опушенные садами и дубовыми рощами. На первомъ планѣ, впереди предъ холмомъ, разбросались по откосу нѣсколько плодовыхъ деревьевъ: грецкій орѣхъ, шелковица, груша и слива, а вперемежку съ ними, словно курчавое руно, разстилаются пространныя полосы, поросшія мелкими дубякомъ и терновникомъ. На переднихъ склонахъ устроено нѣсколько нашихъ батарей, обстрѣливающихъ подступы къ Виду и часть шоссе, вмѣстѣ съ ближайшей къ берегу пробѣжкой дорогой. Вся эта позиція была занята нашимъ гвардейскимъ Волынскимъ полкомъ, а высоты, прилегающія къ Тренинѣ—тремя батальонами и шестью орудіями отряда генералъ-майора Бремзена. Мѣстность за-видскаго плоскогорья играла уже въ классическія времена важную стратегическую роль; доказательствомъ тому служатъ многочисленныя римскія сооруженія, которыя встрѣчаются у Дубняка, Чирикова и Луковицы. Римляне должны были охранять большую дорогу, которая шла почти по тому же направленію, какъ и теперь отъ Дуная черезъ Плевну къ Фракійской столицѣ Сердикѣ, нынѣ Софіи⁵⁾.

⁴⁾ Со времени принятія генералъ-адъютантомъ Тотлебенемъ управленія ходомъ осады и блокады Плевны, всѣ русскія и румынскія позиціи соединены между собой телеграфной проволокой, и на каждой позиціи, смотря по ея важности и значенію, имѣется особая станція для немедлен-

ной передачи приказаній въ отрядъ и его сосѣднія части.

⁵⁾ Вотъ, что говоритъ Каянцъ:

«Во время посѣщенія мной въ 1871 году боль-

Передъ Дольнимъ Дубнякомъ разѣзжали, очень ясно видные въ бинокль, регулярные гурецкіе кавалеристы и стояли парные авакпосты на сѣрыхъ коняхъ. Мѣстами на желѣзыхъ пространствахъ равнины и около сѣроватыхъ пятенъ деревень видѣются тоненькія черныя черточки и полосы; если бы онѣ не двигались и время отъ времени не закрывались клубами и полосами дыма, то наблюдатель, незнакомый съ дѣломъ, могъ бы скорѣе принять ихъ за какіе нибудь полевые рвы или заборы, чѣмъ за войска—до такой степени эти черточки, эти цѣпи, роты, эскадроны и цѣлыя колонны войскъ кажутся мниматорными, въ сравненіи съ громадно-широкимъ просторомъ общей картины этой мѣстности, носящей столь мирный, сельскій характеръ, что съ нимъ—на первый взглядъ—какъ-то не вяжется даже самое представление о войнѣ и боѣ. Вначалѣ трудно было опредѣлять гдѣ турки, гдѣ наши; черточки, видѣвшіяся на равнинѣ, дѣйствовали, казалось, безъ всякой связи между собой: наши—въ тылу и на флагахъ турокъ, а турки у нашихъ... Но это только такъ казалось, да и то не долго. Дѣло 12-го октября явилось результатомъ обдуманнаго плана и заключалось въ слѣдующемъ: войска отряда, вѣреннаго генералъ-адъютанту

Гурко¹⁾, должны были перейти изъ мѣстъ своего расположенія на плевно-софійское шоссе, съ цѣлью овладѣть неприятельской укрѣпленной позиціей у Горнаго Дубняка и утвердиться на ней, чтобы сомкнуть блокаду Плевны, лишивъ гарнизонъ ея всякой возможности получать изъ Софіи и Орханіи новыя подкрѣпленія и запасы. Послѣ занятія обоихъ Дубняковъ, 10-го сентября, турки укрѣпили эти пункты весьма сильно, и въ особенности Горный Дубнякъ. Изъ предварительныхъ нашихъ рекогносцировокъ, произведенныхъ по распоряженію генерала Гурко, выяснилось, что на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горно-дубняцкой позиціи турки построили довольно обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ него находился другой редутъ, меншихъ размѣровъ. Какъ тотъ, такъ и другой были окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ ложементовъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Къ сѣверу и востоку отъ укрѣпленій мѣстность совершенно ровная, открытая съ едва замѣтными склономъ къ Виду. Къ юго-востоку, въ разстояніи около двухсотъ сажень отъ восточнаго редута, растетъ молодой, очень густой лѣсокъ, и въ немъ находится довольно обширная поляна (въ разстояніи отъ вышесказаннаго редута около 800 сажень), которую турки тоже укрѣпили фронтомъ къ Чирикову и Крушевицѣ. Къ югу и западу турецкая позиція спадаетъ крутымъ склономъ въ узкую долину, не болѣе 250-ти шаговъ шириной. Эти результаты предварительныхъ рекогносцировокъ ясно свидѣтельствовали, что турки придавали горно-дубняцкой позиціи большую важность и готовили на ней упорное сопротивление. Но кромѣ сопротивления, котораго слѣдовало ожидать на самой позиціи, операція выхода гвардейскаго корпуса на софійское шоссе усложнилась еще тѣмъ, что въ весьма близкомъ разстояніи отъ Горнаго Дубняка, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ при Телишѣ и Дольнемъ Дубнякѣ, были другіе турецкіе отряды, которые могли подать руку помощи горно-дубняцкому гарнизону. Хотя эти отряды были и немногочисленны, но въ весьма близкомъ разстояніи за ними находились: съ одной стороны—армія Османа, съ другой, къ югу отъ Телиша—армія Шефкета, которая, по слухамъ, предполагалась въ 25 таборовъ. Въ виду такой обстановки, необходимо было, во-первыхъ, выставить въ обѣ стороны довольно сильныя заслоны и, во-вторыхъ, вести атаку горно-дубняцкой позиціи по возможности быстрѣе. Но для того, чтобы еще болѣе привлечь вниманіе

шого селенія Дольній Дубнякъ, я насчиталъ въ немъ 230 болгарскихъ домовъ, 50 турецкихъ, 10 цыганскихъ и 24 черкесскихъ. Для постройки ихъ послужили отчасти остатки римскихъ сооружений, но большая часть послѣднихъ и теперь разбросаны по дорогѣ. Мнѣ попадались капитали колоннъ, пьедесталы, рельефы, остатки фронтоновъ и т. д., украшенные надписями и различными рисунками. При скудости древнихъ источниковъ, трудно опредѣлить, какая здѣсь находилась римская колонія. Изъ Дольнаго Дубняка идетъ дорога, плотно прилегающая къ ручью того же имени, притоку Виду, въ Горный Дубнякъ. Послѣднее селеніе расположено въ прекрасно обработанной долинѣ, возвышающейся на 125 метровъ надъ уровнемъ океана и на 45 метровъ надъ Видомъ. Въ селеніи находится красивая (?) церковь и школа; въ немъ живутъ 142 болгарскихъ семейства, 56 турецкихъ и 20 цыганскихъ. Въ числѣ селеній, расположенныхъ у Плевны, оба Дубняка пользуются наибольшимъ благосостояніемъ, и турки, и христіане здѣшніе жаловались не столько на высокія подати, сколько на соседство черкесовъ. Послѣдніе живутъ въ селеніяхъ Азияѣ и Телишѣ вмѣстѣ со вновь поселенными здѣсь татарами, миролюбиво которыхъ всѣ воздаютъ должную похвалу. У Горнаго Дубняка большая дорога, ведущая въ Софію, раздѣляется. Южная вѣтвь ея направляется въ Чириково и идетъ далѣе по Виду, черезъ Торось, въ Тетевень. Главная же вѣтвь идетъ въ юго-западномъ направленіи мимо Телиша въ Радомирцы и Луковину. Плоскогоріе между Плевной, Чириковымъ, Луковицей и Телишемъ чрезвычайно пригодно для дѣйствія большихъ массъ и въ особенности кавалеріи. Здѣсь рѣшена была участь Болгарія пять столѣтій тому назадъ“.

¹⁾ 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллеріей, гвардейская стрѣлковая бригада, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и сводный кавалерійскій корпусъ (бывшій генералъ лейтенанта Крылова) съ ихъ артиллеріей.

противника отъ этой главной нашей цѣли, предполагено было сдѣлать въ этотъ же день, одновременно съ боемъ, двѣ демонстраціи: одну непосредственно противъ Плевны, для чего огонь осадныхъ батарей долженъ былъ усиливаться до высшей степени, войска же лѣваго и праваго фланговъ (т. е. Скобелевъ и румыны) показать полную готовность къ немедленной атакѣ, причемъ Скобелевъ долженъ былъ занять Рыжую гору; другая же демонстрація предполагалась противъ селенія Теляшъ, лежащаго по софійскому шоссе, верстахъ въ десяти за Горнымъ Дубнякомъ. Для исполненія этой послѣдней демонстраціи предназначались: лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ и 2-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи ¹⁾, съ ихъ батареями, всего 4 батальона, 8 эскадроновъ, 8 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій. Войска эти должны были выступить со своихъ бивуаковъ въ 6¼ часовъ утра и двинуться въ промежутокъ между позиціями непріятеля у Горнаго Дубняка и Теляша: на ихъ же обязанности, согласно диспозиціи, лежало охраненіе тыла и лѣваго фланга 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, т. е. полковъ Павловскаго и Финляндскаго.

Что касается Горнаго Дубняка, какъ дѣйствительнаго пункта нашей атаки, то противъ него были сосредоточены слѣдующія части:

Гвардейская стрѣлковая бригада съ ея артиллеріей и казаками (4 батальона, 16 пѣшихъ орудій и 3 сотни) должна была атаковать Горный Дубнякъ съ востока, т. е. со стороны Плевны; полкамъ лейбъ-гвардіи Московскому и Гренадерскому, съ 16 пѣхими орудіями, предстояло—двинувшись правѣ лѣсовъ, лежащихъ между Горнымъ Дубнякомъ и селеніемъ Чуриковымъ (на р. Видѣ, оно же Чириково), атаковать со стороны этого послѣдняго селенія, т. е. съ юга; полкамъ же Павловскому и Финляндскому съ ихъ артиллеріей (8 батальоновъ и 16 орудій) вести атаку со стороны Теляша, т. е. съ юго-запада. Три полка 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи: Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій, съ ихъ батареями (32 орудія) и одной сотней казаковъ, должны были, выступивъ съ бивуака въ половинѣ седьмого часа утра, перейти рѣку Видѣ по двумъ бродамъ и расположиться въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Чирикова къ Крушевицѣ, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дубняка Дольнаго. Полкамъ же лейбъ-гвардіи уланскому Его Величества и Гродненскому гусарскому предназначено составить изъ себя кавалерійскій резервъ, и для этого расположиться между Горнымъ Дубнякомъ и Чирико-

вымъ. Медованскій кавалерійскій отрядъ ²⁾, имѣлъ задачей движеніе къ Дольному Дубняку, съ цѣлю не допустить противника, занимающаго эту деревню, выйти изъ нея на помощь защитникамъ горно-дубняцкой позиціи. Точно такое же назначеніе относительно Дольнаго Дубняка, только съ противоположной стороны, имѣлъ сводный кавалерійскій корпусъ, стоявшій на бивуакахъ при Семеретъ-Трестеникѣ. Кавказская же казачья бригада, съ шестью конными орудіями, ввѣренная флигель-адъютанту полковнику Черевину, должна была къ 7¼ часамъ утра прибыть къ позиціи у Горнаго Дубняка и, дѣйствуя противъ нея съ запада, заполнить пространство между 2-й бригадой 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и стрѣлковой бригадой, способствуя атакѣ этихъ частей, въ случаѣ надобности, своей поддержкой. Наконецъ, отрядъ генералъ-майора Чернозубова (7 сотенъ и 6 конныхъ орудій), занимавшій селеніе Горнее Митрополье, долженъ былъ приблизиться къ софійскому шоссе, въ районѣ между Дольнымъ Дубнякомъ и р. Видомъ. Въ случаѣ, если бы турецкія войска вышли на помощь своимъ изъ Плевны, генералъ-майоръ Чернозубовъ долженъ былъ стараться задержать или, по возможности, замедлить ихъ движеніе къ Горному Дубняку.

Три полка 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи предполагалось держать въ резервѣ, пока не будетъ взята горно-дубняцкая позиція; но послѣ овладѣнія ею, полкамъ этимъ предстояло тотчасъ же двинуться впередъ на софійское шоссе, занять на немъ позицію фронтомъ къ Дольному Дубняку и прикрыть собой войска въ Горномъ Дубнякѣ, которыя немедленно же приступаютъ къ возведенію укрѣпленій.

Такое, въ главныхъ чертахъ, было предположеніе для предстоящаго боя. Обозы, за исключеніемъ патронныхъ ящиковъ и лазаретныхъ фургоновъ, равно какъ и солдатскіе ранцы были оставлены на мѣстахъ бивуачнаго расположенія войскъ; для скорости же въ передачѣ приказаній и донесеній между всѣми отрядами, а отъ нихъ къ деревнямъ Медовану и Чирикову, были устроены летучія почты.

Артиллерійскій бой съ трехъ сторонъ вокругъ Горнаго Дубняка загорѣлся въ началѣ девятаго часа. На разстояніи въ 800 сажень отъ противника всѣ войска отряда генерала Гурко успѣли къ этому времени занять мѣста согласно диспозиціи. Вскорѣ послѣ этого подошла и колонна флигель-адъютанта полковника Черевина, которая открыла огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ съ четвертой сто-

¹⁾ Полки лейбъ-гвардіи Драгунскій и Гусарскій его величества.

²⁾ Дивизіонъ Казанскаго драгунскаго полка и Кіевскій гусарскій полкъ, съ 16-й конной батареей, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника барона Корфа.

роны, и такимъ образомъ около 9½ часовъ утра вокругъ неприятельской позиціи образовалось кольцо артиллерійскаго огня, причемъ концентрическая стрѣльба сначала 54-хъ, а потомъ 60-ти орудій должна была наносить страшный уронъ неприятелю, у котораго имѣлась только три пушки. И дѣйствительно, дѣйствіе гвардейской артиллеріи по укрѣпленіямъ было чрезвычайно удачно. Снаряды, послѣ двухъ-трехъ пробныхъ выстрѣловъ, ложились совершенно вѣрно по назначенію, но ружейный огонь нашъ почти вовсе не достигалъ цѣли и это потому, что укрѣпленія турокъ на этотъ разъ весьма удачно маскировались накиданными на нихъ кукурузными стеблями, а по гребню брустверовъ и ложементовъ были устроены изъ кукурузы же особые заслоны, въ видѣ невысокихъ плетней, сквозь которые просовывались въ щели одни лишь ружейные стволы, тогда какъ головы стрѣлковъ совершенно не были видны. Въ одномъ только мѣстѣ наши берданки успѣли нанести противнику самое существенное поражение; это именно—на одной изъ батарей, брустверъ которой турки не успѣли еще окончить, такъ что онъ прикрывалъ собой артиллерійскую прислугу едва лишь въ половину груди: всѣ, до одного, артиллеристы были здѣсь перебиты нашими пулями. Сосредоточенные залпы гвардейскихъ орудій, сыпавшіе массу разрывныхъ снарядовъ въ Горный Дубнякъ, вскорѣ успѣли на столько ослабить артиллерійскій огонь противника, что генералъ Гурко уже въ началѣ одиннадцатаго часа считъ возможнымъ приступить къ штурму. Стройно и бодро, какъ на простомъ красно-сельскомъ ученьи, двинулись впередъ молодцы гвардейцы, прикрытые своими густыми цѣпами. Командиры, отъ генераловъ до полковнаго субалтернъ-офицера, были впереди, показывая солдатамъ первый примѣръ воинской доблести. Начальникъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ все время находился въ цѣли, такъ что изъ лицъ его штаба и свиты только два человека къ концу боя остались цѣлыми. Первый приступъ увѣчался частнымъ успѣхомъ: Лейбъ-Гренадерскій полкъ овладѣлъ восточнымъ редутомъ и всей линіей передовыхъ ложементовъ. Турки, не выдержавъ удара, бросились въ свой главный редутъ и отсюда отражали огнемъ лейбъ-гренадеровъ, преслѣдовавшихъ неприятеля по пятамъ. Лейбъ-гренадерамъ пришлось пока возвратиться во взятый ими восточный редутъ и въ передовые ложементы.

Одновременно съ лейбъ-гренадерами, другія части вели атаку на главный редутъ. Но во время этого движенія турки открыли вдругъ такой убійственный огонь, что держаться противъ него въ открытомъ полѣ не было

никакой возможности. Вскорѣ всѣ лошади подъ начальствующими лицами были перебиты. Много офицеровъ тотчасъ же выбыло изъ строя. Около полудня, оба бригадные командира 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, свиты его величества генералъ-майоры Зеддлеръ и Розенбахъ были тяжело ранены, оба въ животъ пулями ¹⁾. Пришлось приостановиться, и такимъ образомъ финскіе стрѣлки съ батальономъ Императорской фамиліи залегли въ ложементахъ, отбитыхъ лейбъ-гренадерами, въ разстояніи отъ 750 до 900 шаговъ отъ главнаго редута; Московскій полкъ залегъ за окопами вправо отъ восточнаго редута. Павловскій и Финляндскій полки, атаковавшіе главный редутъ съ юго-западной стороны изъ лощины, залегли—первый въ различныхъ мѣстныхъ укрѣпленіяхъ съ юга, а второй—въ мертвомъ пространствѣ на крутомъ скатѣ узкой лощины. Артиллерія продолжала усиленную канонаду со своихъ первоначальныхъ позицій; но такъ какъ съ занимаемыхъ ею мѣстъ линіи передовыхъ окоповъ совершенно сливалась на взглядъ съ линіей главнаго редута, вслѣдствіе чего не только невозможно было слѣдить за правильностью цѣли, но случалось даже, что снаряды, попадая въ передовые ложементы, били своихъ, то генералъ Гурко, лично подъѣхавшій къ передовымъ ложементамъ, чтобы поближе рассмотреть главный редутъ, приказалъ нашимъ батареямъ придвинуться на ближайшее разстояніе. Вслѣдствіе этого, батареи, подъѣхавъ почти къ самой линіи занятыхъ нами окоповъ, открыли огонь съ разстоянія около 400 сажень отъ главнаго редута. Сверхъ того, найдя нужнымъ усилить боевую линію, въ особенности въ виду потерь, понесенныхъ орденой и лѣвой колоннами, генералъ Гурко послалъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ приказаніе атаковать на шоссе заслономъ въ Дольнему Дубняку, на мѣсто 1-го и 2-го стрѣлковыхъ батальоновъ, которымъ двинуться въ боевую линію вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ. Два батальона сего послѣдняго были направлены на фронтъ, обращенный къ Шлевнѣ, т. е. на восточный, а остальные два—на поддержку средней и лѣвой колоннъ, т. е. на южный и западный фронты. Спустя нѣсколько времени была повторена попытка штурма,

¹⁾ Замѣчательна роковая случайность равны генерала Розенбаха. Въ 1863 году, во время усмиренія польскаго мятежа, въ первомъ же дѣлѣ, въ которомъ довелось тогда участвовать Розенбаху, онъ былъ раненъ пулей въ животъ; рана эта оказалась тѣмъ болѣе тяжелой, что пулю не удалось вынуть; она такъ и осталась въ тѣлѣ; но большой выздоровѣлъ. Прошло 14 лѣтъ, и вотъ въ первомъ же дѣлѣ, гдѣ довелось участвовать генералу Розенбаху, онъ опять раненъ въ животъ и, какъ говорятъ, почти въ то же самое мѣсто, куда попала первая пуля.

также не унываясь успѣхомъ, благодаря свинцовому дождю, которымъ турки начинали обдавать нашихъ гвардейцевъ, едва тѣ поднимались съ земли для движенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нашихъ частей и при второй попыткѣ успѣли выиграть небольшое пространство впереди своего фронта. Когда, около двухъ часовъ дня, генералъ Гурко подѣлкалъ къ артиллерійской позиціи средней колонны, то главный редутъ былъ уже со всѣхъ сторонъ окруженъ нашими войсками, которыя, большей частью, успѣли приблизиться къ нему на разстояніе отъ 400 до 100 шаговъ. Артиллерія со всѣхъ четырехъ сторонъ продолжала черезъ головы своихъ посылатъ къ туркамъ снаряды.

Во время вторичной попытки атаки, часть лейбъ-гвардіи Павловскаго полка успѣла взобраться на брустверъ, но была отбита. Раздосадованные новой неудачей, павловцы не хотѣли отойти назадъ и засѣли въ самомъ рву редута. Между тѣмъ, часть нашей артиллеріи, расположенная съ противоположной стороны селенія, не зная, что павловцы и лейбъ-гренадеры дѣлаютъ новую попытку, продолжала осматривать укрѣпленіе снарядами. Такимъ образомъ, наши гранаты нерѣдко попадали въ тотъ самый ровъ, гдѣ засѣли павловцы, и одна изъ нихъ смертельно ранила осколками флигель-адъютанта полковника Рунова и штабсъ-капитана Ширмана; причемъ и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ также поплавились болѣе или менѣе серьезными ранами. Трудно было вынести изъ рва на ближайшій перевязочный пунктъ этихъ офицеровъ, но молодцы солдаты, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, успѣли наконецъ преодолѣть всѣ затрудненія и, сами подвергаясь смертной опасности, доставили-таки къ санитарамъ обоихъ своихъ начальниковъ.

Около двухъ часовъ дня было получено свѣдѣніе, что лейбъ-Егерскій полкъ потерялъ кровавую неудачу подъ Телишемъ. Опасаясь, что вслѣдствіе этого обстоятельства телишевскій гарнизонъ можетъ подоспѣть на выручку къ горно-дубняцкому, генералъ Гурко пришелъ къ необходимости кончать дѣло скорѣе. Поэтому онъ рѣшилъ двинуть всѣ войска на штурмъ, одновременно со всѣхъ сторонъ, чуть лишь успѣютъ подойти измайловскіе батальоны, что могло случиться около трехъ часовъ пополудни, а для того, чтобы штурмъ дѣйствительно могъ быть сдѣланъ всѣми частями одновременно, генералъ установилъ слѣдующій условный сигналъ: когда всѣ распоряженія будутъ отданы, онъ велитъ провозвести три залпа съ батарей лѣвой колонны; послѣ этихъ залповъ провозвести три залпа съ батарей средней колонны; наконецъ, послѣ этихъ залповъ провозвести три залпа съ батарей правой колонны, послѣ чего всѣ войска должны броситься на штурмъ.

Несмотря на осеннюю пору, день былъ ясенъ, и солнечные лучи припекали сильно; люди уже значительно утомились, и потому, въ половинѣ третьяго часа, въ ожиданіи скораго подхода измайловцевъ и гвардейскаго сапернаго батальона, тоже притянутого изъ резерва къ участію въ предстоящемъ штурмѣ, войскамъ былъ данъ кратковременный отдыхъ, такъ сказать, передышка отъ перестрѣлки.

Сдѣлавъ эти распоряженія, генералъ Гурко поѣхалъ въ лѣвую колонну, чтобы передать ихъ графу Шувалову. Но далеко не успѣвъ еще пройти условленный срокъ (три часа пополуночи), такъ что графъ Шуваловъ даже не успѣлъ передать своимъ войскамъ надлежащія распоряженія, какъ вдругъ съ правой стороны раздались три залпа. Вслѣдствіе оказалось, что они были даны одною изъ батарей по недоразумѣнію. Гвардейская стрѣлковая бригада, составлявшая правую колонну, тотчасъ бросилась на штурмъ, между тѣмъ какъ до павловцевъ и финляндцевъ еще не успѣло даже дойти распоряженіе объ условномъ сигналь штурма. Такимъ образомъ предположенія о одновременной атакѣ рушились.

Свинцовый дождь снова захлесталъ по стрѣлковой бригадѣ. Видя, что вмѣсто общаго штурма, теперь неминуемо послѣдуетъ рядъ отдѣльныхъ разновременныхъ попытокъ съ разныхъ сторонъ, и желая какъ-нибудь поправить дѣло, дабы выручить стрѣлковъ, генералъ Гурко послалъ во всѣ колонны приказаніе идти на штурмъ, не дожидаясь условнаго сигнала. Но, несмотря на то, что, одновременность удара уже не могла быть восстановлена.

Лейбъ-гренадеры наступали съ музыкою и распущенными знаменами. Въ это время съ противоположной стороны деревни, на одномъ изъ брустверовъ неожиданно появился бѣлый флагъ, какъ провозвѣстникъ того, что противникъ сдается. Понятно, что ни лейбъ-гренадеры, ни турки, бывшіе противъ нихъ, не могли видѣть этого знака, а потому здѣсь продолжался еще упорный бой и огонь, въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ, откуда флагъ хорошо былъ виденъ, пальба уже прекратилась. Между тѣмъ, слыша, что гдѣ-то позади и въ сторонѣ все еще дерутся, турки, -несмотря на флагъ, открыли снова огонь. Это обстоятельство, бывшее простымъ недоразумѣніемъ—и послужило поводомъ, что между нашими войсками распространился слухъ, будто непріятель злоупотребилъ бѣлымъ флагомъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этого вольнаго или невольнаго недоразумѣнія, штурмъ и на этотъ разъ оказался отбитымъ. Но войска наши, считая этотъ фактъ за измѣну основнымъ правиламъ воинской чести, пришли въ остервененіе и предпочитали лучше умереть на мѣстѣ, чѣмъ отступить хотя на шагъ. То, что могло быть дѣломъ недора-

зумысли, казалось имъ умышленнымъ коварствомъ. И не мудрено, такъ какъ турки позволяли себѣ на Шипкѣ злоупотребить бѣлымъ флагомъ, а это хорошо извѣстно каждому русскому солдату.

Ожиданія генерала Гурко вполне оправдались: действительно, послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ, совершенно разобщенныхъ между собой атакъ, которыя были отбиваемы жесточайшимъ огнемъ противника. Ни одной части не удалось вскарабкаться на брустверь, за исключеніемъ горсти павловцевъ, еще раньше засѣвшихъ во рву укрѣпленія; остальные войска, продвигнувшись впередъ, опять кое-какъ залегли за разными мѣстными закрытіями, причемъ нѣкоторые приблизились даже на сорокъ шаговъ къ редуту. Одинъ лишь Финляндскій полкъ, встрѣтившій совершенно открытое мѣсто, вынужденъ былъ вернуться назадъ, въ мертвое пространство долины, потерявъ во время этой атаки своего командира, генералъ-майора Лаврова, который былъ смертельно раненъ.

Такимъ образомъ, къ четыремъ часамъ дня выяснилась неудача всѣхъ отдѣльныхъ попытокъ. Пришлось прекратить и артиллерійскій огонь, потому что снаряды, направляемые съ трехъ сторонъ на редутъ, при относительно близкомъ расположеніи батарей, иногда давали перелетъ и били своихъ болѣе, чѣмъ турокъ.

Генералъ Гурко послалъ ординарца просить къ себѣ графа Шувалова. Надо было рѣшить, что теперь дѣлать? Пытаться ли на новый штурмъ, или отвести войска, чтобы продолжать артиллерійское обстрѣливаніе редута? Но за свѣтло выводить людей изъ ихъ настоящаго расположенія было невозможно: это значило бы подвергнуть ихъ опять громаднымъ и совершенно напраснымъ потерямъ, да и самый фактъ отступленія дурно повліялъ бы на духъ частей. Оставалось—во всякомъ случаѣ, дожидаться на мѣстѣ, пока стемнѣетъ, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, одно изъ двухъ: либо отступить, либо рискнуть еще разъ. Генералъ Гурко склонялся въ пользу этой послѣдней попытки.

Къ исходу пятаго часа вокругъ Горнаго Дубняка наступило полное затишье. Ни мы не стрѣляли, ни турки. Вскорѣ начало смеркаться, и, пользуясь этимъ временемъ, два батальона Измайловскаго полка, со своими полковыми командирами, свиты генералъ-майоромъ Эллисомъ 2-мъ, проползли на животѣ еще шаговъ около полутора и очутились саженьхъ въ двадцати отъ редута.

На совѣщаніи съ графомъ Шуваловымъ вопросъ былъ порѣшенъ въ пользу еще одной попытки въ сумерки, сообразно чему генералъ Гурко отдалъ надлежащія распоряженія и вернулся на холмъ, близъ Горнаго Дубняка, гдѣ хотѣлъ дожидаться вечера. Но не долго длилось его ожиданіе. Около шести часовъ вечера лейбъ-гренадеры, съ музыкой и распущенными зна-

менами, по собственному увлеченію, вдругъ отчаянно ринулись на новый приступъ. Удержатъ ихъ не было никакой возможности: доблестный полкъ, съ неумолкаемыми криками «ура», стремился впередъ, какъ неудержимый потокъ, какъ огненная лава. Не прошло и минуты, а передовые люди его уже карабкались на брустверь, въ направленіи одного изъ исходящихъ угловъ редута. Еще мгновение—и они уже были тамъ, внутри. Турки опять выкинули бѣлый флагъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стрѣльбу продолжали: беспорядочный бѣглый огонь мѣстами мѣшался у нихъ съ совершенно правильными ружейными залпами. Здѣсь уже произошла какая-то путаница: одни изъ турецкихъ офицеровъ, выйдя въ ряды и кучки, убѣждали своихъ солдатъ прекратить огонь и бросать оружіе, тогда какъ другіе настойчиво и грозно приказывали стрѣлять, и всѣ вообще грозили имъ заслушаніе саблями и револьверами, били ихъ и плетями, били и кулаками, рубили и лезвиемъ. Очевидно, это была уже паника и какое-то ослѣпленіе, угаръ. Всѣ они, что называется, ошалѣли. А между тѣмъ внутри редута пошла отчаянная штыковая работа. Заслышавъ звуки «атаки» и крики «ура», — со всѣхъ сторонъ разомъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись и всѣ остальные штурмующія части. Почти одновременно съ лейбъ-гренадерами, ворвались въ редутъ измайловцы, павловцы и другіе. Бой холоднымъ оружіемъ былъ ужасенъ. Въ нѣсколько минутъ груды непріятельскихъ труповъ, одявъ на другомъ, валялись уже во рвахъ, на брустверахъ и внутри укрѣпленія. Занылаи, зажженные выстрѣлами, соломенные шалаши турецкихъ солдатъ, расположенные внутри редута—и зарево большого пожара ярко и трепетно освѣтило всю эту ужасную кровавую картину. Раненые, убитые, лошади, овцы, буйволы, оружіе, всякаго рода припасы—все это горѣло. Пальба уже прекратилась, но воздухъ продолжалъ оглашаться трескомъ ружейнаго огня: это допались раскалившіяся въ пламени массы разсыпанныхъ патроновъ. Черезъ нѣсколько времени лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развѣвалось на гребнѣ взятаго укрѣпленія.

Начальствовавшій въ Горномъ Дубнякѣ Ахметъ-Хивзи-паша, видя, что, вопреки его желанію сдаться, бой все еще продолжается, самъ взявъ въ руки бѣлый флагъ и выйдя съ нимъ впередъ, на брустверь. Когда это было усмотрѣно, съ нашей стороны тотчасъ же подали сигналъ «слушайте всѣ», затѣмъ «отбой» — и послѣ этого дѣло немедленно прекратилось по всѣмъ ливнямъ.

Какая радость, какое торжество охватило всѣ воинскія части, когда узнали онѣ, что Горный Дубнякъ взятъ и гарнизонъ его сдается военнопленнымъ! Тысячи шапокъ полетѣли вверхъ, или очутились на штыкахъ высоко поднятыхъ ружей: «ура», какъ буря, носилось по всей

окрестности; гвардейцы приветствовали, поздравляли друг друга съ первымъ своимъ боемъ и первую гвардейскую побѣдою въ нынѣшнюю войну. Когда генералъ Гурко вѣхалъ въ толпу, кишѣвшую въ редутъ, солдаты, словно дѣти, въ радостномъ восторгѣ кинулись къ нему и хватали его стремя, козѣни, поводья.

— Скажите государю, что мы сдержали свое слово!.. Пунцай не сумѣвается!.. Поддержимъ старую славу!—кричали они со всѣхъ сторонъ генералу.

Вдругъ появляется какой-то павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой маленькой турецкой лошади, ноги чуть не по землѣ волочатся, шапка на затылкѣ, курносая рожа ослаблена широчайшею улыбкою, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окровавленный штыкъ.

— Урра-а, ваши превосходительства, ур-ра!—кричитъ онъ, потрясая своимъ штыкомъ, въ то время, какъ маленькая лошаденка упрямится, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя разжаго дѣтину.

— Ты чѣ? Откуда?—спрашиваютъ его.

— А я, ваши превосходительства, я, значитъ, шабашевалъ!.....

— Какъ шабашевалъ?

— А все его же! Тѣхъ, значитъ, которые сдаваться не желали и стрѣлили въ нашихъ... Я ихъ сначала прикладомъ—ду раскололся... сейчасъ эт-то отомкнулъ штыкъ и пошелъ имъ шабашевать... Остались очень довольны!

Общій веселый смѣхъ и «ура» товарищей приветствовали этого молодчину.

Вотъ гурьба измайловцевъ, и впереди ихъ кучка офицеровъ—они подводятъ къ генералу какого-то рядового, въ рукахъ котораго развѣвается турецкое знамя—розовое съ бахрамою, кистями и золотыми надписями изъ Корана;—докладываютъ, что этотъ рядовой съ боя взялъ знамя у непріателя.

— Какъ зовутъ?—спрашиваетъ генералъ.

— Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 2-й роты, рядовой Иванъ Овчинниковъ.

— Молодецъ!.. Спасибо!.. Доложу главнокомандующему и государю императору.

И опять побѣдное «ура» гремитъ въ воздухѣ; и толпы гвардейцевъ заранее поздравляютъ будущаго георгиевскаго кавалера.

Когда подвели плѣннаго пашу, генералъ Гурко протянулъ ему руку и черезъ переводчика выразилъ, что ему пріятно пожать руку противника, который защищался столь рѣшительно и храбро. Въ отвѣтъ на это Ахметъ-Хивзи слегка развелъ руками и нѣсколько грустно улыбнулся. Онъ, видимо, былъ взволнованъ и подавленъ горемъ. Волѣдъ за нашою былъ представленъ начальникъ его штаба, назвавшійся австрійцемъ. Но впоследствии оказалось, что онъ вовсе не австріецъ, а только жилъ въ Вѣнѣ въ послѣднее время предъ войною, въ

качества одного изъ состоящихъ при военной турецкой агентурѣ; происхожденія же сомнительнаго, чуть ли не изъ евреевъ, хотя позднѣе и увѣрялъ, что онъ венгерецъ.

Вмѣстѣ съ пашою сдались 53 офицера (въ томъ числѣ одиннадцать регулярныхъ кавалерійскихъ, съ цѣлымъ кавалерійскимъ полкомъ) и 2,235 нижнихъ чиновъ. Взято четыре орудія, знамя, до пяти тысячъ ружей и множество патроновъ. Чтобы судить, до какой степени изобилія доходить у турокъ снабженіе патронами, достаточно сказать, что большія коробки и ящики, наполненные ими, мы находили повсюду—и въ дожементахъ, и въ землянкахъ, въ домахъ, сараяхъ и на улицахъ; кромѣ того, по всѣмъ ближайшимъ дорогамъ они были растеряны или просыпаны цѣлыми кучами, словно щепень, такъ что двигаться между ними верхомъ было даже не безопасно, до нѣкоторой степени, для лошади. На всѣхъ патронахъ англійскія клейма. Большинство плѣнныхъ—народъ очень видный, бравый, одѣтый довольно порядочно, хотя и очень легко относительно осенняго времени; впрочемъ, въ средѣ ихъ является не малая смѣсь: есть шестнадцатилѣтніе мальчишки, есть и старики чуть ли не шестидесяти лѣтъ, и таковыхъ не мало. Эскадронъ лейбъ-гвардіи уланскаго Ею Величества полка окружилъ своимъ конвоемъ всю эту толпу и повелъ ее изъ Горнаго Дубняка.

Какъ только штурмъ укрѣпленной позиціи увѣнчался успѣхомъ, полки Преображенскій и Семеновскій, еще раньше двинутые изъ резерва на софійское шоссе, окопались траншеями по обѣимъ его сторонамъ, верстахъ въ трехъ отъ взятой нами позиціи, фронтомъ къ Дольнему Дубняку, и возвели брустверы для полевыхъ орудій. Такимъ образомъ, обладаніе Горнымъ Дубнякомъ было еще болѣе обезпечено за нами со стороны Плевны. Оставалось узнать въ подробности результаты демонстративныхъ дѣйствій противъ Телиша, и потому генералъ Гурко отправился къ этому селенію.

Телишъ лежитъ при самомъ шоссе, верстахъ въ десяти позади Горнаго Дубняка, въ юго-западномъ направленіи, и составляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ укрѣпленныхъ этаповъ на пути къ Орханіѣ, устроенныхъ стараніями Шефкетъ-пашы въ теченіе сентября мѣсяца. Назначеніе лейбъ-Егерскаго полка и 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ ихъ артиллерією, согласно диспозиціи—заключалось въ охраненіи тыла и лѣваго фланга Павловскаго и Финляндскаго полковъ. Флигель-адъютанту полковнику Челищеву, командовавшему этимъ отрядомъ, было приказано: *удерживать* непріатели, могущаго оказать со стороны Телиша содѣйствіе турецкимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Горнаго Дубняка, *а если возможно, то и овладѣть* Телишемъ.

Выславъ лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ съ

двумя конными орудіями на Ракитскія вы-
соты, для обезпеченія лѣваго фланга и тыла
своей колонны, полковникъ Челищевъ, въ де-
вять часовъ утра, подъ прикрытіемъ лейбъ-
гусаровъ, сталъ дебушировать изъ балки и
строить боевой порядокъ, имѣя въ первой ли-
ніи 4-й и 3-й батальоны. Рекогносцировка по-
зиціи обнаружила, что телешевскія укрѣпленія
состоятъ изъ двухъ редутовъ и нѣсколькихъ
ложементовъ, вынесенныхъ впередъ этихъ укрѣ-
пленій. Шоссейная дорога проходила сквозь
главный редутъ, раздѣляя его на двѣ почти
равныя половины; второй редутъ находился
западнѣе первого, коего восточный фасъ былъ
выбранъ пунктомъ атаки. Артиллерія наша,
въ половинѣ десятаго часа утра, открыла огонь
съ разстоянія въ 500 сажень. На всемъ этомъ
пространствѣ мѣстность предъ укрѣпленіемъ
не представляла никакихъ закрытій, такъ что
лейбъ-егеря съ первой же минуты стали тер-
пѣть значительный уронъ отъ ружейнаго огня
противника, направляемаго преимущественно
изъ двухъ передовыхъ ложементовъ. Позиціи
турокъ далеко еще не была обстрѣлена нашими
гранатами, какъ первая линія лейбъ-егерей,
раньше десяти часовъ утра, уже двинулась въ
атаку, побуждаемая къ тому желаніемъ изба-
виться отъ бесполезныхъ потерь издали. Ложе-
менты были взяты съ перваго натиска, но тутъ
огонь противника сталъ наносить лейбъ-еге-
рямъ еще большія потери, что и побудило ихъ
тотчасъ же броситься на штурмъ главнаго ре-
дута. Тогда батальоны второй линіи, желая под-
держать товарищей, тоже бросились на штурмъ
безъ приказанія, по собственному своему почину,
но, не дойдя ста шаговъ до редута, вынуждены
были залечь гдѣ попало, такъ какъ свинцовый
дождь, бившій изъ редута въ полъ-человѣка, рѣ-
шительно не позволялъ беззаказно подняться
на ноги. Это пассивное положеніе нѣсколько
измѣнилось только въ ту минуту, когда турки
вздумали сдѣлать вылазку. Тутъ наши подня-
лись и приняли ихъ въ залпы. Вылазка была
отбита, и если бы въ ту минуту, не теряя
мгновенья, лейбъ-егеря бросились на редутъ
доломъ за противникомъ, то быть можетъ дѣло
увѣнчалось-бы успѣхомъ, хотя, по сравнитель-
ному количеству силъ, разсчитывать на успѣхъ
вообще было трудно. Къ сожалѣнію, въ это са-
мое время было получено донесеніе отъ лейбъ-
драгунскаго полка, что съ юга обнаружено дви-
женіе нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты вмѣстѣ съ
артиллерією. Тогда, опасаясь появленія свѣ-
жихъ непріятельскихъ силъ, полковникъ Че-
лищевъ приказалъ лейбъ-егерямъ отойти на-
задъ, что и было исполнено неторопливо и
въ полномъ порядкѣ. Атака лейбъ-егерскаго
полка была стремительна, отважна, настойчива,
но чересчуръ запальчива и поспѣшна. Та-
кимъ образомъ, если въ чемъ можно упрекнуть
этотъ полкъ, то развѣ въ избыткѣ нетерпѣли-

ваго порыва, который увлекъ его на штурмъ
раньше, чѣмъ артиллерія могла хотя сколько ни-
будь подготовить самую возможность атаки. Семь
убитыхъ, шестнадцать раненыхъ, трое конту-
женныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 935 чело-
вѣкъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя,
достаточно свидѣтельствуютъ о беззаветной
храбрости лейбъ-егерей, не считавшихъ коли-
чества вражескихъ силъ и не задумывавшихся
предъ глубокими рвами и брустверами телешевскихъ укрѣпленій. Флигель-адъютантъ пол-
ковникъ Мебесъ, однимъ изъ первыхъ взобрав-
шійся на брустверь, былъ изрубленъ на мѣстѣ.
Кровопролитный штурмъ былъ отбитъ, но глав-
ная цѣль достигнута; лейбъ-егеря, благодаря
ихъ самоотверженію, окончательно лишили те-
лешевскій гарнизонъ возможности выйти на
помощь своимъ товарищамъ въ Горномъ Дуб-
никѣ и ударить въ тылъ финляндцамъ и пав-
ловцамъ.

Точно такимъ же успѣхомъ и притомъ съ
самыми ничтожными потерями сопровождалось
дѣйствіе побочныхъ нашихъ кавалерійскихъ
отрядовъ: медованскаго, митропольскаго и се-
мереть-трестенинскаго. Ловкими маневрами и
демонстраціями противъ Дольнаго Дубняка они
воспрепятствовали гарнизону сего послѣдняго,
а равно и плененскимъ силамъ подоспѣть на
помощь атакованнымъ въ Горномъ Дубникѣ.

Другая демонстрація этого дня, какъ уже
сказано, была предпринята противъ самой Плев-
ны или, вѣрнѣе сказать, противъ укрѣплен-
ныхъ турецкихъ позицій по предъ-видскую сто-
рону Плевны. Со всѣхъ нашихъ батарей гре-
мѣли страшные залпы девяностыи орудій,
засылавшихъ разрывными снарядами турецкіе
редуты. По телеграфу сообщалось на каждую
батарею, когда и куда именно, т. е. во сколько
минутъ такого-то часа и на который пунктъ
должны быть направлены общіе залпы. Такимъ
образомъ, орудія наши дѣйствовали сосредото-
ченно и сообща, какъ бы соединенныя меха-
нически однимъ электрическимъ токомъ. По-
трясающій эффектъ этихъ залповъ необходимо
долженъ былъ держать въ постоянномъ страхѣ
весь плевненскій гарнизонъ, такъ какъ на ту-
рецкихъ укрѣпленіяхъ не было того пункта,
защитники коего могли бы хотя минуту быть
увѣренными, что къ нимъ вотъ-вотъ сейчасъ
не посыплется, въ буквальномъ смыслѣ, дождь
гранатъ, который принесетъ съ собою цѣлый
адъ смерти и разрушенія. Въ особенности много
вреда наносила новая, въ одну ночь возведен-
ная и вооруженная сорока орудіями батарея.
Мѣсто расположенія ея — на правомъ берегу
Тученяцкаго оврага, какъ-разъ противъ кри-
пинскихъ редутовъ и ложементовъ, которые
сплошъ находятся подъ страшною анфиладою
ея огня. Назначеніе этой батареи заключается
спеціально въ дѣйствіи противъ крипинскихъ
укрѣпленій, и точно: дѣйствительность и сила

ея залповъ 12-го октября были таковы, что, разрушая всё работы противника во вновь возводимомъ редутѣ, вынудили его наконецъ отъказаться отъ всякаго продолженія этихъ работъ, заставили замолчать его батареи и, кромѣ одного укрѣпленія, совершенно очистить кришинскую позицію, за окончательною невозможностью держаться на ней. Буря залповъ гремѣла надъ Плевною съ полудня до четырехъ часовъ, прерываясь за все это время только дважды, и каждый разъ не болѣе, какъ на пятнадцать минутъ, а именно: въ часъ по-полудни и въ половинѣ третьяго, а въ то же время густыя колонны на лѣвомъ и правомъ флангахъ нашей позиціи показывали туркамъ полную готовность къ штурму. Такимъ образомъ, плевненскій гарнизонъ былъ парализованъ относительно возможности подать Горному Дубняку своевременную помощь. Впрочемъ, часовъ около пяти по-полудни, плевненскіе турки попытались-таки сдѣлать нѣкоторую рекогносцировку въ направленіи софійскаго шоссе. Въ означенное время, на гребнѣ высоты, лежащей противъ тренинской возвышенности, занятой тремя батальонами изъ отряда генерала Бремзена, появилась вдругъ колонна турецкой пѣхоты съ артиллеріею. Постоявъ нѣкоторое время на гребнѣ своей высоты, непріятель пустилъ двѣ-три гранаты въ направленіи медованскаго кургана, на которомъ присутствовалъ великій князь главнокомандующій; неизвестно, что именно было ихъ цѣлю: медованскій ли курганъ, позиція ли волынцевъ, или же тренинская позиція трехъ батальоновъ Бремзеновскаго отряда, такъ какъ гранаты ни до кургана, ни до волынцевъ не долетѣли, а легли на склонѣ тренинской возвышенности, позади позиціи трехъ батальоновъ, не причинивъ впрочемъ никакого ущерба. Наши послали въ отвѣтъ тоже одну или двѣ гранаты, но этимъ и ограничилось все дѣло: турки ушли обратно въ Плевну.

Въ началѣ шестого часа его высочество оставилъ медованскій курганъ и отправился въ селеніе Боготъ, куда съ 12-го октября переведена главная квартира. Начиная отъ караіюйскаго спуска, мы возвращались уже по другой дорогѣ, а именно по Ральевскому ущелью, которое составляетъ собственно вѣтъ ущелья Караіюйскаго. Вѣтъ эта тянется на нѣсколько верстъ, и узкая дорога, пролегающая по дну ея, неудобна на столько, на сколько это возможно лишь въ Турціи: глубокія рытвины, ямы, обсыпи, бугры и провалы встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу, да кромѣ того приходится разъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ, пересѣкать въ бродъ кремнистое русло рѣчки, которая, какъ змѣя, причудливо извивается по оврагу. По обѣ стороны ущелья, какъ стѣны, высаты отвѣсныя каменные глыбы, къ которымъ подступы обильно покрыты мѣстами кустарникомъ и деревьями, что придаетъ много

красоты суровому пейзажу. Когда мы втиснулись въ ущелье, вечеръ совсѣмъ уже стемнѣлъ, а это еще болѣе затрудняло движеніе. Впрочемъ, ѣхали все время довольною крупною рысью. Эскадронъ лейбъ-казаковъ шелъ въ авангардѣ, часть за коляскою главнокомандующаго, а остальные замыкали поѣздъ экипажей свиты. Луна уже взошла, но изъ глубины оврага не было ея видно, и о присутствіи ея можно лишь было догадываться по особенному свѣту темно-синяго неба, на которомъ вырисовывались темныя очертанія каменныхъ глыбъ и деревьевъ, растущихъ на вершинахъ, по краямъ оврага. Но кромѣ вѣтвей и зубчатыхъ зыгзаговъ скалъ, тамъ, наверху, иногда довольно явственно чернѣлись на фонѣ яснаго неба, насыщеннаго луннымъ свѣтомъ, своеобразныя силуэты большихъ горныхъ совъ, которые неподвижно сидѣли по карнизу съ обѣихъ сторонъ оврага и тоскливо оглашали его своимъ дикимъ непріятнымъ стономъ и гуканьемъ.

Во второй половинѣ ущелья, т. е. ближайшей къ Боготу, красиво залегаетъ довольно длинное село Ральево, надѣленное богатою растительностію. Здѣсь, благодаря потемкамъ и невозможной дорогѣ, скопились обозы 3-й гвардейской дивизіи, слѣдовавшіе въ своимъ частямъ изъ Богота. Эта масса фуръ, полуфурковъ, ящиковъ, телегъ и лазаретныхъ линеекъ до такой степени загроздили узкую дорогу, что великому князю пришлось дожидаться почти полчаса, пока явилась какая-нибудь возможность продвинуться нѣсколько впередъ и продолжать дальнѣйшій путь мимо безконечнаго ряда вытянутыхъ въ линію всевозможныхъ транспортныхъ. Было уже безъ малого десять часовъ вечера, когда его высочество приѣхалъ въ Боготъ. Здѣсь, въ одномъ изъ крайнихъ дворовъ уже была поставлена юрта и около нея накрытъ на воздухѣ длинный обѣденный столъ. Великій князь сообщилъ всѣмъ ожидавшимъ его лицамъ объ успѣхахъ дня, и вѣсть о взятіи Горнаго Дубняка была встрѣчена всеобщею радостію, какъ вѣроятное и очень возможное «начало конца» плевненской драмы.

Но не дешево обошелся намъ этотъ важный стратегическій успѣхъ. Масса турецкаго ружейнаго огня вывела у насъ изъ гвардейскаго строя 155 офицеровъ и 4,345 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и контуженными ¹⁾.

¹⁾ Считаю въ этомъ числѣ общія итоги убитыхъ и раненыхъ, также и лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Вотъ подробный расчетъ убиты по каждой гвардейской воинской части:

Названіе части.	Убыль штаба и оберъ-офицеровъ.			Убыль нижнихъ чиновъ.		
	Убито.	Ранено.	Контуж.	Убито.	Ранено.	Всего.
Собственнаго Его Величества ко- вой	—	2	—	2	1	4
						5

Въ особенности чувствительна потеря начальствующих лицъ. Генералъ-майоры баронъ Зедделеръ и Розенбахъ получили тяжелыя раны

Названіе части.	Убыль штаба и оберъ-офицеровъ.			Убыль нижнихъ чиновъ.			Всего.
	Убито.	Ранено.	Всего.	Убито.	Ранено.	Всего.	
Лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка.	1	—	—	1	—	—	—
Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.	—	1	—	1	12	13	13
Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.	1	0	1	8	47	235	282
Лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.	7	16	3	26	7	7	935
Штаба 2-й гвард. пѣхотной дивизіи.	—	2	1	3	—	1*)	1
Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	3	13	2	18	148	545	693
Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка.	2	21	5	29	310	520	842
Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.	6	13	—	19	173	551	724
Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.	4	12	1	17	211	220	431
1-го стрѣл. Его Величества батальона.	1	3	—	4	16	71	87
2-го стрѣл. батальона.	—	1	—	1	17	53	70
3-го стрѣл. Финскаго батальона.	—	5	2	7	30	90	120
4-го стрѣл. Императорской Фамил. Лейбъ-гвардіи сапернаго батал.	—	2	3	5	4	67	71
1-й гвард. артиллерійск. бригады.	—	2	—	2	2	7	9
2-й гвард. артиллерійск. бригады.	1	—	3	4	5	29	34
5-й гвардейской конной батарее.	—	1	—	1	—	3	3
Итого.	28	102	23	153	977	2,433	4,345
Кромѣ того, бригадныхъ генераловъ.	—	2	—	2	—	—	—
А всего.	—	—	—	155	—	—	—
Общая убыль генералами, офицерами и нижними чинами.	—	—	—	—	—	—	4,500

*) Топографъ штаба гвардейскаго корпуса.

въ животъ; командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, генералъ-майоръ Лавровъ раненъ тоже въ животъ и на другой день къ вечеру скончался; начальникъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба полковникъ Скалонъ раненъ; командующій Лейбъ-Гренадерскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій получилъ двѣ раны, но не оставилъ строя; командиры отдѣльных батальоновъ: гвардейскаго сапернаго, флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ, 1-го стрѣлковаго Его Величества, флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ, 3-го стрѣлковаго Финскаго, флигель-адъютантъ полковникъ Рамзай—ранены; командиръ кубанскаго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя, полковникъ Жуковъ раненъ пулею въ грудь навзлѣтъ, но къ счастью не смертельно; командиры: 6-й батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады, полковникъ Семеновъ раненъ и 1-й батареи 2-й гвардейской бригады, полковникъ Арсеньевъ—контузенъ, причемъ послѣдній остался въ строю. Одна эта убыль начальниковъ отдѣльных частей не говоря уже объ убитыхъ въ полкахъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ—сама по себѣ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ о мужественной отвагѣ, съ какою командиры вели, а солдаты шли на штурмъ турецкихъ укрѣпленій. Рассказываютъ, напримѣръ, что когда подъ командующимъ Лейбъ-Гренадерскимъ полкомъ, Ю. В. Любовицкимъ, была убита лошадь, онъ, раненый двумя пулями, продолжалъ пѣшкомъ вести свой полкъ въ атаку. Тутъ былъ убитъ наповалъ шедшій рядомъ съ нимъ полковой барабанщикъ; тогда полковникъ Любовицкій снимаетъ съ него барабанъ, надѣваетъ его на себя и, продолжая идти на приступъ впередъ всего своего полка, самъ бьетъ ему «наступленіе»—и черезъ нѣсколько минутъ лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развѣвалось уже на брустверѣ взятаго редута.

LXVI.

Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ. Великій князь главнокомандующій осматриваетъ мѣсто горно-дубяцкаго боя.—Каково было дѣйствіе нашихъ гранатъ.—Призваніе Ахмета-Хивзипаши.—Тактика турокъ.—Турецкіе плѣнники въ Боготѣ.—Наружность Ахмета-Хивзипаши и показанія, данныя имъ главнокомандующему.—Интересный разговоръ Н. Д. Макѣева съ Ахметомъ-Хивзи о мусульманскихъ «добровольцахъ». — Государь императоръ въ Боготѣ.—Новыя назначенія.—Артиллерійское дѣло 16-го октября подъ Телишемъ.—Сдача Телиша.—Лива Измаиль-Хакки-паша.—Плѣнные турки и англичане.—Гр. Вечель и Дугласъ.—Неисходства турокъ въ Телишѣ.—Протоколъ на мѣстѣ преступленій.—Показанія гр. Вечеля и Дугласа.—Протоколъ о томъ же, составленный г. Нелидовымъ.—Турецкій имамъ.—Плѣнные офицеры въ Боготѣ.—Еще объ Измаиль-Хакки.—Али-эфенди, барашекъ бѣдный.

Боготѣ, 20-го октября.

13-го октября, на слѣдующій день послѣ боя при Горномъ Дубянкѣ, главнокомандующій

отправился осматривать поле сражения и гвардейския войска, участвовавшия въ дѣлѣ. Наши убитые большею частію были уже убраны съ поля и снесены къ нѣсколькимъ общимъ могиламъ, неподалеку отъ редута, внутри котораго похоронили всѣхъ офицеровъ, павшихъ при штурмѣ. На поляхъ оставалось еще нѣсколько неубранныхъ тѣлъ; носильщики небольшими кучками такъ и сямъ бродили по равнинѣ, отыскивая одиночные трупы; повсюду валялись рваные подсумки, портупейные ремни, клочки одежды, пробитыя и изорванныя фуражки и множество пустыхъ патронныхъ коробокъ; иногда попадались попорченныя ружья, штыки; мѣста гранатныхъ взрывовъ обозначались опаленными аминами, въ которыхъ нерѣдко лежало по нѣскольکو осколковъ; такіе же осколки и свинцовыя обливки попадались и по всему полю; мѣстами замѣтны были даже рикшетныя пулевья борозды, кое-гдѣ черноватые пятна запекшейся крови. Но вообще характеръ смерти и побоища, благодаря немедленно принятымъ мѣрамъ, успѣлъ уже на много сгладиться, такъ что собственно поле битвы не производило особенно тяжелаго впечатлѣнія. Не то было въ деревнѣ и внутри укрѣпленій. Нѣсколько обгорѣлыхъ, еще дымившихся остововъ домовъ, разрушенныя выстрѣлами стѣны, исковерканныя плетни, деревья, разбитыя возы и арбы, сбитый гранатою жестяной шпиль минарета, вздутыя трупы лошадей и воловъ, массы разсыпанныхъ патроновъ, и цѣлые ящики съ патронами же, кучи всякаго оружія и человѣческія трупы, трупы и трупы... Между прочимъ, въ сгорѣвшихъ шалахахъ валялось нѣсколько обугленныхъ тѣлъ, и между ними, вѣроятно, часть раненыхъ, которыхъ туркамъ некогда было убирать во время штурма. Во рвахъ валялось столько мертвыхъ, что, по мѣткому сравненію одного изъ присутствовавшихъ, груды ихъ напоминали перешлепанные между собою клубки червей-гусеницъ. Это были все турецкія трупы, такъ какъ изъ редута, за исключеніемъ сдавшихся, ни одинъ человѣкъ не спасся бѣгствомъ. Въ громадномъ большинствѣ, на этихъ мертвыхъ замѣчались все смертельныя прикладныя и штыковыя раны. Тутъ же нѣсколько русскихъ врачей перевязывали турецкихъ раненыхъ, между которыми было сдѣлано двѣ резекціи и четыре ампутаціи. Всѣ ампутированные оказались пораженными исключительно осколками гранатъ, дѣйствіе которыхъ было таково, что—по сознанию самого Ахметъ-Хивиз-паши—*если бы мы продолжали артиллерійской оной еще одинъ часъ, то онъ вынужденъ былъ бы безусловно сдаться, не дожидаясь нашего штурма*, и даже въ то самое время, какъ мы готовились къ приступу, онъ уже созвалъ-было военный совѣтъ для рѣшенія вопроса—не положить ли оружіе.

Духъ войскъ найденъ былъ великимъ княземъ

въ превосходномъ состояніи: люди смотрѣли бодро и весело; они были горды сознаниемъ не дешево доставшейся имъ побѣды и нетерпѣливо интересовались только однимъ: скоро ли опять пошлютъ ихъ въ дѣло. Рассказамъ объ отдѣльных случаяхъ и частныхъ эпизодахъ не было конца, и между этими рассказами являлось не мало интересныхъ вещей, чѣмъ, конечно, со-временемъ воспользуются полковыя историки, благодаря исправно и подневно ведущимся нынѣ полковымъ журналамъ. Вообще, на гвардейскихъ бивуакахъ замѣчалось общее одушевленіе. Почти всѣ офицеры запаслись, на память о боѣ 12-го октября, экземплярами взятыхъ ружей Пибоди-Мартини и магазинной системы. Но громадная масса всякаго оружія остается пока въ складахъ. Для насъ дѣйствительно важно обезоруживать турокъ какъ можно болѣе, потому что, по практикуемой ими тактической системѣ, отъ солдата вовсе не требуется ни обученія фронту, ни умѣнья правильно цѣлять и стрѣлять, и вообще ничего того, съ чѣмъ повсюду въ мірѣ привыкли соединять понятіе о настоящемъ регулярномъ солдатѣ. У турокъ совсѣмъ напротивъ: тамъ требуется *только стрѣлять*—какъ попало и куда попало—лишь бы выпускать возможно болѣе патроновъ. Въ ложементахъ турецкіе регулярные солдаты обыкновенно садятся либо спиною къ атакуемому фронту ихъ позиціи, либо же бокомъ къ своему ружью, и не цѣлятся, а часто даже и зажмури глаза выпускаютъ себѣ патронъ за патрономъ, пока не опростается цѣлый ящикъ между каждыми двумя стрѣлками. И такъ какъ специально-солдатскаго обученія у нихъ нѣтъ, то и понятно, что въ ряды турецкой арміи волей-неволей загоняется всякій, могущій носить на себѣ ружье и патроны. Отъ этого-то между «регулярными» ихъ солдатами и подается такой громадный процентъ чуть ли не пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ и шестидесятилѣтнихъ старцевъ. При такой системѣ конечно солдаты всегда и повсюду найдутся среди населенія, были бы только ружья да патроны, и вотъ потому-то намъ важнѣе всего отбирать именно огнестрѣльное турецкое оружіе и снаряды.

Въ день 13-го октября въ Бомотѣ, который и безъ того всегда достаточно оживленъ, сказывалось нѣчто особенно одушевленное. Всѣ легкіе рестораны были переполнены посетителями, такъ какъ за маркитантскими столами сходятся люди изъ разныхъ мѣстъ, штабовъ, отрядовъ, управленій и учреждений, и стало быть сюда стекаются источники всевозможныхъ новостей, слуховъ, боевыхъ и тыловыхъ разсказовъ. На этотъ разъ предметомъ общихъ разспросовъ и разговоровъ служило вчерашнее горно-дубняцкое дѣло. На бивуакѣ конвойнаго батальона велѣно было приготовить мѣсто для плѣнныхъ турецкихъ солдатъ, прибытіе кото-

рыхъ ожидалось сегодня къ ночи или завтра утромъ. Для горно-дубняцкаго пашы Ахмета-Хивзи была приготовлена особая киргизская юрта, а для офицеровъ—палатки и соломенные палатки во дворѣ, занимаемомъ комендантскимъ управленіемъ.

Въ сумерки вдругъ раздался голосъ: «Везутъ! везутъ!.. Пльннаго пашу везутъ!»—и все, что было въ маркитантскихъ палаткахъ и на ближайшихъ бивуакахъ, разомъ высыпало на улицу, къ воротамъ двора, занимаемаго его высочествомъ главнокомандующимъ.

Дѣйствительно, отъ западнаго конца деревни приближался небольшой эскортъ гвардейскихъ улакъ Его Величества, съ шиками, взятыми на перевѣсъ черезъ сѣдло. Впереди ѣхалъ командиръ эскорта, поручикъ Дьяковъ, за нимъ верхомъ двое всадниковъ въ красныхъ фескахъ, горно-дубняцкій паша и его начальникъ штаба, а позади ихъ шагаль молодой турокъ—какъ оказалось потомъ, слуга пашы, слегка раненый въ руку.

Ахметъ-Хивзи-паша, одѣтый въ короткое теплое пальто изъ верблюжьяго сукна песчано-желтаго цвѣта, сидѣлъ на конѣ, что называется, молодцомъ, сохраняя гордую и полную достоинства осанку. Красная феска его была сдвинута на затылокъ. На видъ это довольно плотно сложенный, средняго роста мужчина, лѣтъ около пятидесяти, съ весьма пріятными чертами лица, обрамленнаго русою бородою съ просѣдью. Типъ этого лица скорее славянской, или вообще сѣверно-европейской, но никакъ не турецкой, хотя паша и увѣряетъ, что онъ кровный и исконный турокъ. Манеры его плавны, даже довольно изящны и при общей ихъ скромности исполнены достоинства. Вообще, паша этотъ съ перваго же взгляда производитъ впечатлѣніе никакъ не отталкивающаго свойства и довольно возбуждаетъ участіе къ своему положенію военнаго плѣннаго. Что же касается до начальника его штаба, закутаннаго въ какую-то лисью шубейку полу-женскаго покроя, то это—маленькая, чернявенькая, тщедушная личность, обращающая на себя вниманіе только своимъ положительно еврейскимъ типомъ, хотя, по увѣренію всѣхъ знающихъ его, онъ оказывается прирощеннымъ османлисомъ.

Паша Ахметъ-Хивзи не говоритъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго. Онъ былъ очень любезно принятъ комендантомъ главной квартиры, генераломъ—майоромъ Штейномъ, проводившимъ пашу въ нарочно приготовленную для него юрту; слугѣ же его было немедленно оказано медицинское пособіе.

На слѣдующее утро, 14-го числа, паша былъ представленъ великому князю для необходимаго допроса, который шелъ чрезъ посредство состоящаго при главнокомандующемъ драгомана, статскаго совѣтника Макѣва. По словамъ Ахметъ-Хивзи, у Османа-пашы въ Плевнѣ

находится до 60-ти тысячъ разнаго войска; большая часть черкесовъ и башибузукъ уже нѣсколько недѣль выслана оттуда вонъ, какъ лишніе рты; равно высланы и жители турецкаго происхожденія, болгары же оставлены; въ началѣ сентября Ахметъ-Хивзи, въ качествѣ бригаднаго генерала, находился при войскахъ Шефкета, въ Орханіэ, а за удачный проводъ большого транспорта въ Плевну (10-го сентября) произведенъ въ чинъ *ферика* (дивизионнаго генерала) и назначенъ начальникомъ горно-дубняцкаго укрѣпленнаго этапа. По его словамъ, разные турецкіе транспорты, начиная съ 25-го августа, все время проходили въ Плевну партиями различной величины и послѣдній изъ нихъ, 260 повозокъ, прошелъ въ самый день боя 12-го октября, рано утромъ. Дабы уменьшить линію протяженія транспортныхъ колоннъ, турки соединяли вплотную по четыре повозки рядомъ и вели ихъ такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія, отъ этапа къ этапу, избирая для одновременнаго слѣдованія двухъ параллельно идущихъ транспортовъ два пути: софійское шоссе и прибрежную видскую дорогу, выходящую на шоссе у Горнаго Дубняка. Шли подводы также и со стороны Виддина. Конечно, на эти показанія не во всемъ можно полагаться и, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ относиться къ нимъ съ нѣкоторою критическою осторожностію, въ виду того, что каждому плѣнному почти всегда, болѣе или менѣе, свойственно преувеличить предъ врагомъ силы и средства своей стороны, прибавивъ къ этому иногда и нѣкоторую долю самохвальства, что въ данномъ случаѣ, напримѣръ, замѣтно относительно *постояннаго и безпрерывнаго* подвоза транспортовъ, какъ будто у насъ за Видомъ не было ни одного кавалериста или всѣхъ до одного были слѣпые. Что касается до злоупотребленія бѣлымъ флагомъ, то паша заявилъ, что онъ не знаетъ, было ли нѣчто подобное, а если и было, то это не болѣе какъ прискорбное недоразумѣніе; самъ же онъ не отдавалъ на это приказанія, и присовокупилъ, что вообще турецкими офицерамъ почти нѣтъ возможности сдерживать своихъ солдатъ при нынѣшнемъ смѣшанномъ ихъ составѣ, и особенно въ такіхъ критическихъ минутахъ, какъ штурмъ, но что онъ, увидя продолженіе борьбы, не остановился предъ рискомъ броситься самому съ бѣлымъ флагомъ впередъ, въ самую свалку.

По окончаніи аудіенціи у великаго князя, паша Ахметъ-Хивзи высказалъ Н. Д. Макѣву вѣрноположное свое удивленіе, что «братъ русскаго Падишаха» говорилъ съ нимъ такъ просто и ласково, и даже пригласилъ его сѣсть въ своемъ присутствіи. На вопросъ, что же его въ этомъ такъ удивляетъ—паша объяснилъ, что у нихъ, въ Турціи, не только на братьевъ падишаха, но и на сердаръ-экрема никто даже

изъ старшихъ пашей не смѣетъ глазъ поднять, и при приѣмѣ, подойдя къ сердарь-экрему для поклона, долженъ, не поворачиваясь назадъ, отпяться къ дверямъ и отвѣчать на вопросы стоя, съ потупленной головой, а если сердарь-экремъ будетъ столь несказанно милостивъ, что пригласитъ пашу садиться, то паша можетъ присѣсть не иначе, какъ у двери, на самый кончикъ стула или табурета.

Паша провелъ въ главной квартирѣ около двухъ съ половиною сутокъ; въ это время Н. Д. Макѣевъ видѣлся съ нимъ довольно часто и, между прочимъ, имѣлъ одинъ очень интересный разговоръ. Дѣло коснулось войскъ Хедива, которые участвовали въ войнѣ сербской и участвуютъ въ нынѣшней.

— Скажи, паша,—спросилъ г. Макѣевъ,—сколько египтянъ было противъ сербовъ?

— Не менѣе девяти тысячъ,—было ему отвѣтомъ.

— А теперь, у принца Гассана, въ Добруджѣ?

— Отъ восемнадцати до двадцати тысячъ, да ожидаются еще значительныя подкрѣпленія.

— Но, кромѣ того, мы знаемъ изъ своихъ источниковъ, а также изъ иностранныхъ газетъ, что есть египетскія войска и противъ Шипки, и въ Софій, и въ Солоникахъ, и въ Константинополѣ...

— Есть, есть,—подтвердилъ паша...

— Но вѣдь Хедиву надо же еще держать наблюдательный корпусъ и противъ Абиссиніи?

— О, конечно! Это необходимо.

— А кромѣ того надо содержать гарнизоны и по крѣпостямъ, и вообще для внутренней службы?

— Да, и это необходимо.

— Но откуда же у Хедива берутся такіе значительныя... даже болѣе чѣмъ значительныя силы?

Паша пожалъ плечами и отвѣчалъ уклончиво, что вамъ-де долженъ быть извѣстенъ контингентъ Египта.

— Вотъ потому-то я и спрашиваю,—пояснилъ г. Макѣевъ.

Паша исподлобья посмотрѣлъ на него внимательнымъ, пытливымъ взглядомъ.

— То есть, кажется, ты хочешь спросить меня: ужъ не изъ Индіи ли они?—спросилъ Ахметъ-Хивзи съ улыбкой.

— Нѣтъ, я желалъ бы только знать, откуда они берутся,—отвѣчалъ Макѣевъ,—хотя, признаюсь, въ газетахъ уже не разъ приходилось наталкиваться на намеки, что, пожалуй, и изъ Индіи.

Паша улыбнулся и пожалъ плечами.

— Откуда они, я не знаю,—сказалъ онъ,—знаю только, что ихъ привозятъ откуда-то въ Портъ-Саидъ и въ другія мѣста на пароходахъ какихъ-то частныхъ компаній; въ Египтѣ они получаютъ оружіе, обмундированіе и красные фесы, а затѣмъ ихъ перевозятъ въ Европу.

Они по нашему не говорятъ, мы тоже не понимаемъ по ихнему, и потому не могу я сказать тебѣ, откуда они берутся. Мусульманскій міръ великъ,—прибавилъ Ахметъ-Хивзи,—и въ немъ, во имя пророка, тоже не мало найдется своихъ добровольцевъ, а кому-нибудь и гдѣ-нибудь, можетъ быть, и не безвыгодно избавиться отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ отчаянныхъ головъ, всегда готовыхъ на возстаніе.

Относительно патентованныхъ «друзей Турціи» паша не особенно выгоднаго мнѣнія, и думаетъ, что еслибы не «друзья», то у Турціи никогда не дошло бы дѣло до войны съ Россіей, такъ какъ все здравомыслящее было еще до войны на сторонѣ возможныхъ уступокъ русскимъ требованіямъ, которыя, по словамъ того же пашы, были только требованіями справедливости и человѣколюбія. Англичане же,—прибавилъ онъ,—только потому и «друзья» намъ, что стерегутъ ближайшимъ образомъ, какъ бы захватить себѣ изъ турецкаго наслѣдства львиную долю ¹⁾.

15-го октября главную квартиру посѣтилъ государь императоръ, пріѣхавшій въ Боготъ изъ Порадима, гдѣ нынѣ находится мѣсто пребыванія его величества. Послѣ завтрака у великаго князя главнокомандующаго, государь посѣтилъ здѣшніе госпитали, гдѣ, разспрашивая лично каждого раненаго, раздавалъ георгіевскіе кресты наиболѣе отличившимся и наиболѣе израненнымъ нижнимъ чинамъ; а послѣ посѣщенія госпиталей, его величеству во дворѣ главнокомандующаго былъ представленъ паша Ахметъ-Хивзи, удостоенный нѣсколькими вопросами со стороны государя императора, по окончаніи чего, по турецкому обычаю, онъ приблизился къ отремени государя и почтительно коснулся края одежды его величества.

15-го же числа его высочеству главнокомандующему угодно было назначить генеральнаго штаба полковника Паренсова начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вмѣсто полковника Скалона, который по случаю болѣзни, происходящей отъ раны, полученной 12-го октября, отчисленъ отъ должности, съ назначеніемъ состоять при особѣ главнокомандующаго. Въ этотъ же день полковнику барону Каульбарсу 1-му велѣно занять должность начальника штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вмѣсто полковника Шмидта, который назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ, вмѣсто генераль-майора Лаврова, умершаго отъ раны.

16-го октября наша армія подъ Плевной приобрѣла еще одинъ, чрезвычайно важный стратегическій успѣхъ: въ этотъ день взятъ Телишъ. Къ атакѣ этого укрѣпленнаго этапа назначены были: первая бригада 2-й и 3-й

¹⁾ Кипрская конвенція краснорѣчиво подтвердила мнѣніе умнаго турка.

гвардейских пѣхотныхъ дивизій (полки лейб-гвардіи: Московскій, гренадерскій, Литовскій и Гренадерскій Императора Австрійскаго), 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и Кавказская казачья бригада; кромѣ того, конечно, и вся артиллерія этихъ частей. Генералъ Гурко, основываясь на томъ, что тылъ атакующихъ будетъ теперь совершенно обезпеченъ со стороны Горнаго Дубняка, и что поэтому нѣтъ надобности особенно слѣдить съ Телишемъ, рѣшилъ покончить съ нимъ исключительно посредствомъ артиллерійской канонады. Въ одиннадцатъ часовъ утра, 72 орудія ⁴⁾ охватили кольцою все пространство, въ которомъ лежатъ три телишевскіе редута. Фланги нашихъ батарей были прикрыты кавалерійскими частями, а полки Московскій и лейб-Гренадерскій заняли полуружную позицію впереди нашихъ пѣшихъ орудій (поставленныхъ на склонахъ отлогихъ возвышенностей, по которымъ проходитъ софійское шоссе), тыломъ къ Горному Дубняку и Чарикову. Предварительно двѣ роты гвардейскихъ саперъ успѣли помочь имъ быстро выкопать ложементы, и этимъ позиція нашихъ пѣхотинцевъ была вполне обезпечена. Лейб-гвардія Литовскій и Гренадерскій Императора Австрійскаго полки стали въ резервъ. Правый флангъ занимала 5-я гвардейская конная батарея, подъ прикрытіемъ лейб-гусаръ, имѣя назначеніе дѣйствовать по расположенному отдѣльно укрѣпленному лагерю; а съ юго-запада, т. е. со стороны Орханіа, по сторонамъ шоссе расположилась Кавказская бригада, выдвинувъ впередъ свою артиллерію. Пространство же между кавказцами и пѣхотными ложементами занято было остальными гвардейскими кавалерійскими полками и ихъ батареями. Въ то же время, дабы отвлечь отъ Телиша вниманіе плевненскаго гарнизона, сводно-кавалерійскій корпусъ (изъ Семеретъ-Трестеника) и отрядъ генералъ-майора Чернозубова (изъ Митроноля) предприняли демонстративныя дѣйствія противъ Дошняго Дубняка.

Въ началѣ 12-го часа наши орудія открыли сильный и сосредоточенный огонь по укрѣпленному Телишу. Турки отвѣчали. Для ихъ ружейнаго огня не было мѣста, такъ какъ пули не достигали до линій нашей артиллеріи, къ тому же нѣкоторые багараи и пѣхота успѣли наскоро окопаться, чтобы не терпѣть даже и отъ случайныхъ пуль. Между тѣмъ наши залпы безпрестанно посылали по 72 снаряда во внутрь турецкихъ редутовъ. Особенно губительно было дѣйствіе шрапнели, хотя плѣнный Ахметъ-Хивзипаша и увѣрилъ при допросѣ, что наиболѣе пораженій наносятъ наши обыкновенныя гранаты, а шрапнель будто бы дѣлаетъ много треску, много эффекта, но мало вреда. Практика надъ Телишемъ показала совсѣмъ противное: если губительна простая граната, то

несравненно болѣе ея губительна удачно разорвавшаяся шрапнель. Къ полудню турецкій огонь ослабѣлъ уже весьма значительно, а съ часу дня умолкъ совершенно.

Около этого времени конные башибузуки и черкесы попытались было уйти изъ Телиша по направленію къ Орханіа, но лейбъ-улань, замѣтивъ это, кинулись на нихъ въ атаку, настигли, набросались и изрубили болѣе полутораста всадниковъ; остальные, убѣгая дажѣ, навели преслѣдующихъ уланъ на пѣхоту. Наши кавалеристы, встрѣченные ружейнымъ огнемъ, порубили и стрѣлковъ непріятельскихъ. При этомъ были ранены штабсъ-ротмистры: Сафоновъ, Яфимовичъ и корнетъ Жандръ. Корнету Ухову прострѣлена верхняя губа, но онъ остался во фронтѣ. Изъ нижнихъ чиновъ четверо убиты и десять ранены, болѣею частью штыками.

Убѣдясь, что турки прекратили огонь, генералъ Гурко подалъ и нашей артиллеріи отбой и послалъ въ Телишъ корнета князя Церетелева съ переводчикомъ и шестью плѣнными турками, изъ числа взятыхъ въ Горномъ Дубнякѣ. Князь Церетелевъ былъ снабженъ письмомъ на турецкомъ и французскомъ языкахъ, въ которомъ заключалось предложеніе сдаться. На встрѣчу нашему парламентару выѣхалъ изъ редута начальникъ штаба телишевскаго отряда и, переговоривъ съ нимъ, поскакалъ самъ къ генералу Гурко, стоявшему въ лошинѣ близъ шоссе. Цѣлью этого посѣщенія было желаніе узнать условія капитуляціи. Генералъ Гурко объявилъ, что если черезъ полчаса не будетъ положено оружіе, то онъ возобновитъ бомбардировку и не прекратитъ ее, пока въ Телишѣ ни насыпей, ни камня на камнѣ не останется, и тогда уже ни одного человѣка не выпуститъ оттуда; въ случаѣ же немедленной сдачи, объявляетъ всѣхъ желающихъ, по сложени оружія, отпустить на свободу. Последнее льготное условіе прибавлено потому, что для насъ важенъ былъ самый Телишъ, какъ стратегическій пунктъ, а вовсе не тысяча-другая лишніе плѣнные. Турецкій офицеръ тотчасъ же поскакалъ назадъ, и не прошло десяти минутъ послѣ того, что онъ скрылся за брустверомъ редута, какъ турки уже выкинули бѣлый флагъ. Въ отвѣтъ на это, поле огласилось побѣднымъ «ура» русскихъ войскъ, для которыхъ столь значительный успѣхъ стоилъ потери одного лишь человѣка убитымъ въ пѣхотѣ и пятнадцати раненыхъ осколками.

Опытъ научилъ насъ теперь, какъ слѣдуетъ сражаться съ турками. Довольно уже русскіе солдаты гибли жертвами своей храбрости! Турки, сидя за своими укрѣпленіями, обсыпаятъ массами пуль все пространство боевого поля, не рискуя сами ничѣмъ, пока надъ ихъ головами не сверкнутъ наши штыки съ высоты ихъ же собственныхъ брустверовъ; тогда

⁴⁾ 4 конныя и 6 пѣшихъ батарей.

они перебѣгаютъ въ слѣдующій ложементъ и опять начинаютъ лить свинцовый дождь на атакующихъ. Мы убѣдились, что противъ этого шального, безпашагнаго огня надо дѣйствовать не пудами, а мѣтками сосредоточеннымъ огнемъ артиллеріи, въ которой, кстати сказать, мы имѣемъ значительное количественное превосходство надъ противникомъ. Первый опытъ такого дѣйствія былъ сдѣланъ надъ Телишемъ, и послѣ двухчасовой канонады дали блистательные результаты.

Въ исходѣ условнаго получаса; начальникъ гвардейской артиллеріи, свиты его величества генераль-майоръ Бревернъ, подѣлалъ къ телишевскому редуту. Турки въ это время внутри укрѣпленія слагали въ кучи свое оружіе и просили дать имъ острочку еще минутъ на двадцать, дабы успѣть управиться и разобратъ съ людьми и оружіемъ. Отсрочка была дана, но прошло не болѣе четверти часа, какъ изъ редута выѣхали верхомъ на тощихъ клыченкахъ паша Измаиль-Хакки, за нимъ начальникъ штаба и свита, потомъ, отступив шаговъ на сто, шла толпа турецкихъ офицеровъ, въ числѣ до ста человекъ, а за ней слѣдовали въ порядкѣ, дѣвнкой колонной, солдаты—таборъ за таборомъ. Батальонъ лѣйб-гвардіи Московскаго полка вытянулся уже цѣпью вдоль по обѣимъ сторонамъ шоссе, готовый принять и коннопротавить плѣнныхъ. Къ генералу Гурко подѣлалъ верхомъ Измаиль-Хакки, держа у фески свою пухленькую, короткопалую и растопыренную ладонь. На видъ—это маленькая, толстенькая фигурка съ брюшкомъ, что называется, карапузикъ, съ запавшими глазками, красными одутловатыми щеками и вздернутыми кверху щетинистыми усами. Измаиль-Хакки уже пожилыхъ лѣтъ, но не производитъ впечатлѣніе солиднаго человека. Когда онъ подѣлалъ къ генералу Гурко, на его лицѣ—къ удивленію всѣхъ—сіяла самая прятная улыбка, вовсе не соотвѣтствующая ни обстоятельствамъ минуты, ни его личному положенію, и эта улыбка не сходила съ его фizioноміи во все время объясненія, впрочемъ весьма непродолжительнаго. Начальникъ штаба еще ранѣе предварилъ генерала Гурко, что лива (бригадный генералъ) не только понимаетъ, но и говоритъ по-французски.

— Сколько у васъ орудій? — сухо и даже нѣсколько сурово спросилъ генералъ Гурко.

— Три, excellence,—отвѣчалъ паша, опять приложивъ ладонь къ фескѣ.

— Сколько у васъ таборовъ?

— Семь, excellence!

— Вы немедленно отправитесь въ Горный Дубнякъ.

— Avec plaisir, excellence!

— Вотъ офицеръ, который васъ будетъ сопровождать.

— Merci, excellence!

И послѣдній разъ приложивъ къ фескѣ растопыренную ладонь, паша отѣхалъ отъ генерала все съ той же удивительной улыбкой.

Надо сознаться, впечатлѣніе онъ дѣлаетъ совсѣмъ не военное.

Покончивъ съ нимъ, генералъ Гурко пропустилъ мимо себя всѣ семь турецкихъ таборовъ, а московскій батальонъ препроводилъ ихъ вслѣдъ за пашой въ Горный Дубнякъ, гдѣ имъ былъ назначенъ первый ночлегъ. Такимъ образомъ, въ сраженіяхъ 12-го и 16-го сентября мы взяли въ плѣнъ 13 таборовъ пѣхоты, 5 эскадроновъ, 7 орудій, множество ружей и патроновъ, двухъ пашей и до двухсотъ офицеровъ.

Когда сдавшимся въ Телишъ была предложена свобода, то громадное большинство ихъ, въ томъ числѣ и самъ лива Измаиль-Хакки со многими офицерами, предпочли остаться у насъ въ плѣну. Судя по этому, не сладка, должно быть, турецкая военная служба, да и «дымъ отечества» тоже, надо думать, не особенно имъ «сладокъ и пріятенъ». Какъ бы, кажись, не воспользоваться свободой, если говорить—ступай себѣ на всѣ четыре стороны, и даже не связываютъ при этомъ честнымъ словомъ не подымать болѣе противъ насъ оружія? Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ добровольнаго предпочтенія плѣна свободѣ, плѣна, сопряженнаго съ отправкой въ дальній, чуждый, невѣдомый и враждебный край,—служитъ однимъ изъ яркихъ признаковъ внутренняго разложенья Турціи даже среди ея мусульманскаго элемента. Это значитъ, что даже и мусульмане болѣе не вѣрятъ въ нее, какъ въ государственную силу.

17-го октября въ главную квартиру привезли Измаиль-Хакки-пашу, съ начальникомъ его штаба и нѣсколькими старшими офицерами, между которыми находятся трое англичанъ, одинъ французъ и одинъ полякъ, въ чинѣ майора. Послѣдній состоялъ на дѣйствительной службѣ въ султанской арміи, а французско-подданный житель Перы, Лорандо и бывший капитанъ англійской ¹⁾, нынѣ же полковникъ турецкой службы Купъ (Сооре) поступили на время войны волонтерами. Мистеръ Купъ надѣлъ было на себя повязку «Краснаго Полумѣсяца» и потребовалъ, чтобы его освободили на основаніи Женевской конвенціи, не считая за военно-плѣннаго; но онъ былъ уличенъ самими турками, которые заявили, что мистеръ Купъ вовсе не врачъ и не санитаръ, а волонтеръ-полковникъ, дравнѣйшій противъ насъ какъ и прочіе. Такимъ образомъ, увертка съ повязкой «Краснаго Полумѣсяца» не послужила ни къ чему мистеру Купу, кото-

¹⁾ 7-го стрѣлковаго полка.

рый впрочемъ, будучи уличенъ, продолжалъ наперекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ настаивать, что турки врутъ, врутъ всѣ поголовно, изъ ненависти къ нему, какъ къ христіанину и англичанину. Последний аргументъ особенно хорошъ со стороны добровольнаго ратоборца ислама. Взятые вмѣстѣ съ нимъ двое молодыхъ людей, тоже съ наруканными повязками «Краснаго Полумѣсяца», дѣйствительно оказались врачами, или если и не вполне врачами, то все же людьми, умѣющими промывать раны, накладывать пластыри и повязки. Для удовольствія въ ихъ искусствѣ, имъ было предложено сдѣлать въ боготскомъ лазаретѣ, въ присутствіи нашихъ врачей, нѣсколько перевязокъ раненымъ туркамъ, — и этотъ экзаменъ далъ удовлетворительные результаты, вслѣдствіе чего молодые люди, гг. Вечель (Wachell) и Дугласъ (Douglas), какъ служащіе дѣлу челоуѣколюбія, были оставлены на свободѣ, при главной квартирѣ, для пользованія раненыхъ турецкихъ плѣнныхъ. 18-го октября оба они были представлены великому князю и удостоились ежедневнаго приглашенія къ завтракамъ и обѣдамъ его высочества. Они проѣхали отъ Константинополя до Телиша и за весь этотъ путь, начиная отъ Стамбула, видѣли *только трехъ* русскихъ плѣнныхъ на турецкихъ этапахъ, и эти плѣнные, какъ говорили имъ турки, были будто бы офицеры. Сверхъ этихъ трехъ несчастныхъ, они не только не встрѣчали, но свидѣлствуютъ, что даже и не слышали, чтобы были какіе-либо другіе наши плѣнные у турокъ. Трехъ же офицеровъ, перетитулованныхъ, для пушей важности, въ «русскихъ пашей», турки препровождали этапнымъ порядкомъ въ Стамбулъ на показъ, какъ диковинку; но остальныхъ, какъ говорятъ сами турки, они просто прирѣзываютъ, чтобы избавить себя отъ лишней возни, а плѣнныхъ отъ лишней тоски и скуки. Тѣ же два англичанина говорятъ, что, къ удивленію своему, вовсе не встрѣтили въ массѣ турокъ того сочувствія къ «дружественной имъ англійской націи», какого они въ правѣ были ожидать отъ этого «неблагодарнаго народа»; турецкія власти прямо-де и неоднократно заявляли имъ, что турки не нуждаются въ англійскихъ медикахъ, а нужны имъ англійскія деньги и англійскіе солдаты. Между прочимъ гг. Вечель и Дугласъ рассказываютъ, что снаряды, которыми снабжена наша гвардейская артиллерія, производятъ ужасающее дѣйствіе — они будто бы разрывали на куски турецкихъ солдатъ, находившихся въ траншеяхъ, и что весь телишевскій штабъ удивлялся, зачѣмъ это намъ понадобилось штурмовать Горный Дубякъ, неся чрезъ то громадные и совершенно напрасныя потери въ рядахъ отборнѣйшихъ своихъ войскъ, когда мы могли преспокойно и гораздо короче по-

кончить съ нимъ одной лишь канонадой, какъ покончили съ Телишемъ. На другой день по взятіи Телиша, 19-го октября утромъ, туда явились команды лейбъ-егерей съ нѣсколькими своими офицерами и священникомъ, для преданія землѣ, по православному обряду, товарищей, павшихъ здѣсь на битумѣ 12-го числа. Тщательно обыскавъ все селеніе, они нигдѣ не нашли въ немъ ни одного живого раненаго; трупы же русскихъ оказались сложенными въ небольшие ряды, около самага редута, и слегка засыпаны землей. Когда ихъ открыли для погребенія — ужасное, потрясающее зрѣлище представало предъ глазами присутствовавшихъ: всѣ тѣла были извѣрски изуродованы. Вотъ протоколъ, составленный и подписанный тогда же, на мѣстѣ, нижеслѣдующими лицами:

«Мы, нижеподписавшіеся, прибыли на поле битвы, для уборки тѣлъ убитыхъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка въ дѣлѣ 12-го октября, подъ деревней Телишемъ, нашли: всѣ тѣла обрубаны до-нага, саяты даже металлическіе кресты. Многіе трупы были страшно обезображены; а когда открыли трупы, слегка заброшенные турками землей, то всѣ они оказались обезображенными еще хуже. Многіе, имѣвшіе во время дѣла не смертельныя раны, были послѣ сильно истязуемы и дорубливаемы, такъ что на многихъ было до десяти сабельныхъ ударовъ, или съ перерѣзанными горлами. Всѣ имѣвшіе галуны и считаемыя турками за начальниковъ — замѣтно получали болѣшія истязанія: имъ вырубали на головѣ крестъ и вырѣзывали ремни, вмѣсто галуна, и вообще, какъ видно, мучили еще живыхъ, что свидѣлствуетъ отпечатокъ страданій, оставшіеся на лицахъ. Нѣтъ возможности описывать всѣ безобразія, произведенныя турками; довольно перечислить слѣдующіе факты:

- 1) Встрѣчались трупы съ отрубленными головами, руками и ушами.
- 2) На многихъ были вырѣзаны ремни, на груди сдѣланы турецкія надписи и даже вырублены цѣлыя бока.
- 3) Сожженные бока, руки и ноги.
- 4) На головахъ у многихъ вырублены саблями кресты.
- 5) Многіе были съ перерѣзанными горлами, и большинство изсѣчено безчисленными сабельными и штыковыми ударами.

«О всемъ вышеизложенномъ свидѣтельствуемъ, какъ очевидцы, лейбъ-гвардія Егерскаго полка: поручикъ Мачихинъ, штабсъ-капитанъ Перепелицынъ 1-й, Австрійскаго полка поручикъ Семеновъ, командиръ 1-й бригады 3-й гвардейской дивизіи, генералъ-майоръ Философовъ, лейбъ-гвардія Уланскаго полка корнетъ Штильдбахъ, лейбъ-гвардія Егерскаго полка подпоручикъ Тигерстедтъ, флигель-адъютантъ капитанъ Богаевскій, поручикъ Демьяненко»,

лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка священникъ Евстафій Крюковъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка младшій врачъ Фаворскій, художникъ В. В. Верещагинъ, свиты его величества генералъ-майоръ Струковъ. 17-го октября 1878 года, с. Телишъ».

Первое извѣстіе объ этихъ ужасахъ привезъ въ главную квартиру ординарецъ главнокомандующаго, лейбъ-уланскаго полка поручикъ Дерфельденъ 2-й, и указалъ на находившихся здѣсь же двухъ англійскихъ врачей, какъ на вѣроятныхъ свидѣтелей турецкой расправы съ ранеными. Тогда г-дъ Вечеля и Дугласъ пригласили въ полевое комендантское управленіе, и здѣсь, 19-го октября, въ присутствіи коменданта генералъ-майора Штейна и ординарцевъ его высочества поручика Дерфельдена и корнета Галла, директоръ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, камергеръ Нелидовъ, по приказанію великаго князя, предложили г-мъ Вечелю и Дугласу вопросъ: видѣли ли они лично въ Телишѣ обезображенные трупы русскихъ убитыхъ и раненыхъ, о которыхъ донесъ великому князю прибывшій изъ Телиша поручикъ Дерфельденъ?

Г-да Вечель и Дугласъ съ полной искренностью рассказали, что 12-го (24) октября они прибыли въ селеніе Луковицу, но далѣе—въ Телишъ слѣдовать не могли, такъ какъ въ этотъ день тамъ шло сраженіе. Приѣхавъ туда на слѣдующее утро (13-го числа), они немедленно занялись перевязываніемъ турокъ, раненыхъ наканунѣ. Живыхъ раненыхъ изъ числа русскихъ не видѣли. Послѣ обѣда они хотѣли было обратиться къ пашѣ Измаилу-Хакки за позволеніемъ осмотрѣть поле битвы, но паша въ это время спалъ, а потому разрѣшеніе было имъ дано однимъ изъ старшихъ турецкихъ офицеровъ. Г-да Вечель и Дугласъ отправились на поле въ-пятеромъ, съ докторомъ Макъ-Келларомъ (врачемъ лондонскаго госпиталя св. Томы), капитаномъ англійской службы Купомъ и французско-подданнымъ жителемъ Перы г. Лорандо. Они успѣли освидѣтельствовать не болѣе 50 или 60 русскихъ труповъ, но видѣли ихъ гораздо больше. Впрочемъ, г. Лорандо не хотѣлъ останавливаться надъ тѣлами, боясь навлечь на себя этимъ неудовольствіе турокъ. Почти всѣ русскія тѣла были раздѣты до-нага; лишь на весьма немногихъ оставались совершенно разорванные остатки окровавленныхъ рубашекъ. Первое, что поразило г-дъ Вечеля и Дугласа съ товарищами, былъ видъ нашего солдата съ отрубленной головой. Далѣе были трупы съ нарубленными въ разныхъ мѣстахъ лицами; у многихъ были отрубаны носы, у другихъ уши, у пяти или шести головы совершенно отрублены. Болѣе прочихъ пощажены были только убитые наповалъ, т. е. такіе, раны которыхъ носили безусловно смертельный характеръ.

Эти трупы, большей частью, оказались только обобранными и раздѣтыми. Получившіе же во время боя легкія не смертельныя раны, были почти всѣ до одного обезображены. Два трупа лежали съ выжженными животами. У многихъ виднѣлось по нѣскольку pistolныхъ ранъ, нанесенныхъ очевидно въ упоръ, такъ какъ окранны каждой подобной раны явно были обожжены порокомъ. Докторъ Макъ-Келларъ былъ до такой степени пораженъ и возмущенъ этимъ зрѣлищемъ, что не хотѣлъ долѣе оставаться съ турками и уѣхалъ изъ Телиша, съ намѣреніемъ возвратиться въ Англію¹⁾. Г-да же Вечель и Дугласъ должны были остаться, такъ какъ имъ было приказано президентомъ общества «Краснаго Полумѣсяца» находиться въ Телишѣ для ухода за ранеными, ожидавшими отъ слѣдующей атаки. Чрезъ посредство г. Лорандо, они обратились къ турецкому офицеру съ вопросомъ, какъ могли быть допущены подобныя ужасы? Тотъ отвѣчалъ, что удержатъ отъ этого солдатъ нѣтъ никакой возможности, и что, кромѣ того, немедленно по окончаніи сраженія явились на поле черкесы и башибузуки, которые принялись обирать и уродовать раненыхъ. Г. Вечель говоритъ, что онъ дѣйствительно встрѣтилъ на пути въ Телишъ толпы черкесовъ и башибузуковъ, которые везли на нагруженныхъ до-нельзя лошадяхъ разное имущество, ограбленное съ нашихъ раненыхъ и убитыхъ. Между тѣмъ, всѣ эти ужасы несомнѣнно должны были происходить на глазахъ турецкихъ офицеровъ, потому что нѣкоторые обезображенные трупы лежали всего лишь шагахъ въ пятьдесятъ отъ батареи; впереди же ихъ находилась турецкая цѣпь. Начальникъ отряда «Краснаго Полумѣсяца», отправленнаго къ Плевнѣ, докторъ Саррель изъ Константинополя, привезшій въ Телишъ г-дъ Вечеля и Дугласа, говорилъ имъ, что онъ тоже былъ въ этотъ самый день (13-го) утромъ на полѣ битвы и видѣлъ русскихъ раненыхъ раздѣтыми. Что же касается обезображенныхъ труповъ, то насчетъ этого г. Саррель умалчиваетъ... Всѣ тѣла русскихъ, павшихъ 12-го октября, насколько извѣстно г-мъ Вечелю и Дугласу, были зарыты 14-го числа.

Составленный обо всемъ этомъ переведенный на англійскій языкъ формальный актъ, подписанъ г-ми Вечелемъ и Дугласомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ Нелидовымъ, комендантомъ дѣйствующей арміи генералъ-майоромъ Штейномъ,

¹⁾ Корреспондентъ газеты „Times“ въ письмѣ изъ Татаръ-Баазарджика отъ 11-го октября подтверждаетъ ужасающія подробности о жестокостяхъ, совершенныхъ турками въ Телишѣ, и свидѣтельствуетъ, что „сами турки не отвергаютъ подобныхъ звѣрствъ и даже не думаютъ оправдываться въ нихъ“.

лейб-гвардіи Уланскаго полка поручикомъ Дерфельденомъ и лейбъ гвардіи Коннаго полка Корнегомъ Галломъ.

Между плѣнными находится одинъ имамъ, который, какъ правдивый человѣкъ, вполне подтвердилъ телешевскія неистовства, и когда при этомъ у допрашивавшаго лица невольно вырвался упрекъ туркамъ за ихъ звѣрства, имамъ отвѣчалъ спокойно, съ видомъ глубокаго убѣжденія:

— Коранъ такъ повелѣваетъ.

— Но вѣдь вы должны соблюдать законы международнаго права,—возразили ему.

— Коранъ не знаетъ ихъ,—отвѣчалъ онъ.

— Однако же вы присоединились къ Женевской конвенціи?

— Коранъ ни слова не говоритъ объ этомъ.

Таковъ былъ послѣдній отвѣтъ имама, который, судя по его благодушному виду и спокойному характеру, даже вовсе не производитъ впечатлѣнія фанатическаго ¹⁾.

Плѣнные офицеры, все время, что они находились въ Боготѣ, получали пищу отъ стола великаго князя, и вообще ихъ старались содержать, по возможности, удобно. Если имъ приходилось спать въ палаткахъ, испытывая сырость и ночной холодъ, то и сами мы помѣщались не лучше: великій князь главнокомандующій жилъ въ такой же юртѣ, какъ и его плѣнные наши, и, стало быть, ни турки, ни ихъ друзья добровольцы-англичане не могли быть на насъ въ претензіи за нѣкоторыя неудобства, которыя имъ приходилось испытывать: *à la guerre comme à la guerre!* Англичане, впрочемъ, кажутся, не особенно сѣтовали, такъ какъ у насъ имъ было несравненно лучше, чѣмъ у турокъ. Мистера Купа вмѣстѣ съ пашами, польскимъ майоромъ и французскимъ волонтеромъ дня черезъ двѣ отпраздновали въ Россію, а господъ Вечель съ Дугласомъ и нѣсколько турецкихъ офицеровъ, еще недѣли двѣ, если не больше, оста-

вались въ Боготѣ. Не малое развлеченіе нашимъ боготскимъ конюхамъ, денщикамъ и солдатамъ ежедневно доставляли эти два джентльмена. Каждое утро, оставивъ отъ сна и умывшись, они выходили изъ своей палатки на воздухъ, въ шерстяныхъ фуфайкахъ и такихъ же нижнихъ панталонахъ, плотно облегающихъ ихъ благородныя формы, становились одинъ противъ другого въ гимнастическихъ позахъ и, по командѣ, подаваемой другъ другу, съ увлеченіемъ принимались продѣлывать разныя гимнастическія штуки: прыжки, выгибы, кувырканія, вскакиванія одинъ другому на плечи и т. п.—словомъ, всѣ фокусы, какіе въ любомъ циркѣ изображаютъ ученые клоуны. И надо отдать имъ справедливость: они продѣлывали всѣ эти хитрыя, головоломныя штуки съ искусствомъ и ловкостью истинныхъ клоуновъ, ни мало не смущаясь толпой окружавшихъ ихъ зрителей, которые каждое утро сходились поглазѣть на эту «камедь» и, что называется, животикъ надрывали со смѣху. Эти гимнастическія упражненія были причиною того, что почти во всемъ офицерскомъ населеніи Боготы сложилось убѣжденіе, пущенное, первоначально какъ слухъ, кѣмъ-то изъ служащихъ въ комендантскомъ управленіи, что господа Вечель и Дугласъ собственно не медики, а бывшіе клоуны константинопольскаго цирка, которые въ началѣ войны были завербованы членами мѣстнаго англійскаго комитета въ общество «Краснаго Полумѣсяца», подучились кое-какъ дѣлать перевязки и затѣмъ, въ качествѣ фельдшеровъ, отпраздновали въ Осману въ Плевну, куда впрочемъ не попали, а остались въ Телинѣ. Такъ ли это, или не такъ, но во всякомъ случаѣ, оба они замѣчательные мастера въ клоуновскомъ искусствѣ.

Измаилъ-Хакки-паша продолжаетъ быть все такимъ же счастливымъ смертнымъ, какъ и въ минуту своей сдачи. Онъ все такъ-же вѣчно улыбается, часто смѣется, иногда даже безъ всякаго къ тому повода; любитъ хорошо и много поѣсть, мягко и много поспать, а еще болѣе выпить, несмотря на запрещеніе Корана и, кажется, очень и очень доволенъ своей судьбой, что наконецъ-то попалъ въ плѣвъ къ русскимъ. «Если сдался мой начальникъ, Ахметъ-Хивзи-паша, говоритъ онъ въ свое оправданіе,—если ужъ онъ нашелъ нужнымъ сдать вамъ въ Горномъ Дубнякѣ, то я не знаю, почему же было и мнѣ не капитулировать?.. Подчиненный всегда и во всемъ долженъ брать примѣръ съ хорошаго начальника, а Ахметъ-Хивзи (да хранить его Аллахъ!) самый достойный изъ достойнѣйшихъ! Мы, какъ подчиненные, обязаны были слѣдовать его разумному примѣру. Этого требовала даже самая дисциплина».

И кто его знаетъ, этого толстяка Измаила-

¹⁾ Корреспондентъ „Daily News“, описывая военныя дѣйствія, происходящія подъ Плевной, и упоминая объ истязаніяхъ, которымъ подвергаютъ турки русскихъ раненыхъ, и объ умерщвленіи ими плѣнныхъ въ то время, какъ съ турецкими плѣнными обращаются въ Россіи почти какъ съ собственными солдатами, задаетъ себѣ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ, на который самъ же и отвѣчаетъ: „Если бы во время франко-германской войны, французы убивали всѣхъ попавшихся въ ихъ руки раненыхъ и не раненыхъ нѣмцевъ, то какаѣ участія постигла бы французскихъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣвъ нѣмцами?—Всѣ офицеры были бы преданы военному суду и разстрѣляны, или можетъ быть повѣшены за убійство; та же участія постигла бы каждого десятаго человѣка изъ солдатъ. Вся Европа, не исключая и туркофиловъ, рукоплескала бы, подобному образу дѣйствій германскихъ властей, а главное—французы перестали бы убивать раненыхъ и плѣнныхъ“.

Хакки,—не то онъ смѣется, не то серьезно говорить подобныя вещи. Но малый онъ себѣ на умѣ, и это по всему видно. Не въ обиду ему будь сказано,—онъ представляется мнѣ какой-то смѣсью Фальстафа съ гоголевскимъ помѣщикомъ Пѣтухомъ, на чисто турецкой закваскѣ. Въслѣдствіе кое-какого знанія французскаго языка, онъ считался въ Стамбулѣ «европейски» образованнымъ человекомъ и, въ качествѣ такового, занималъ почти исключительно «штатскія», но разумѣется, не безвыгодныя должности по гражданской администраціи и чуть ли не по таможенной части. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ помнится изъ пересказовъ людей, которые вели съ нимъ бесѣды.

Но между всѣми плѣнными турецкими офицерами нашелся одинъ особенно милый человекъ, котораго нельзя было не полюбить; и дѣйствительно, его полюбили всѣ, кто приходилъ съ нимъ въ какое-либо соотношеніе. Это былъ почтенный старичекъ лѣтъ подь семьдесятъ, съ чрезвычайно благодушнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ просвѣчивалъ умъ, но такой безхитростный, беззлобный, какъ бы совершенно дѣтскій. Звали его Али-эфенди и носилъ онъ скромный чинъ «колъ-агасы», т. е. капитана. Я часто навѣщалъ его, вмѣстѣ съ Н. Д. Макѣевымъ или съ ротмистромъ Чайковскимъ, который отлично говоритъ турецки, бывши самъ некогда майоромъ турецкой службы ¹⁾. Войдешь, бывало, согнувшись въ три погибели, въ его шалашекъ—Али-эфенди такъ и просіаетъ. Скучно ему, бѣднягѣ: сидитъ себѣ день-деньской на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги, и слова сказать ему не съ кѣмъ, такъ какъ двое товарищей его большую часть сутокъ проводятъ въ не-пробудномъ снѣ, а онъ между тѣмъ человекъ общительный, живой, поболтать любитъ—ну, и радъ случаю. Сейчасъ отдастъ «селямъ», приложивъ руку ко лбу, ко груди и къ губамъ—дескать, разумъ, сердце и уста—все благоухаетъ почтеніемъ и привѣтствіемъ входящему съ миромъ. Взяли его, несчастнаго, въ одномъ форменномъ мундирчикѣ; ни укрыться, ни одѣться чѣмъ-нибудь теплымъ—ничего этого нѣтъ у него, а ночи сырыя да холодныя.

— Али-эфенди, гдѣ же твой багажъ, барашекъ ты бѣдный?—еще въ первый нашъ визитъ спросилъ его Н. Д. Макѣевъ.

— Былъ багажъ, былъ, мой папа; хотя и

не большой, но былъ; фуфайка теплая была, кожухекъ, одѣяльце байковое—все это было... было, мой папа, было... и табакъ былъ, а теперь нѣтъ ничего... исчезло... Иншаллахъ!.. (Божья воля!)

— Куда же и какъ это могло исчезнуть.

— Иншаллахъ, мой папа!.. Стыдно сказать, какъ и когда это было... стыдно, со-вѣстно...

— Неужели изъ нашихъ кто-нибудь покорыствовался!—спросилъ я чрезъ посредство Николая Дмитриевича, самъ покраснѣвъ отъ одной мысли о возможности чего-либо подобнаго.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно возразилъ старикъ, — нѣтъ, мой папа! Передай этому дѣвѣтущему и достопочтенному моему гостю (т. е. мнѣ), что я и ни одной минуты не мыслилъ ничего дурнаго на русскаго аскера... Нѣтъ, русскій аскеръ—честный аскеръ, равно какъ и турецкій аскеръ—тоже честный аскеръ; но, къ стыду и несчастью, у насъ есть воры; это—черкесы. Я—Божьей волей—капитанъ артиллеріи и во время боя находился на батареѣ при моихъ орудіяхъ, гдѣ и оставался до конца дѣла... Тутъ лива Имамилъ-Хакки собралъ къ себѣ на совѣтъ офицеровъ, что надо, молъ, сдаться, какъ быть? А въ это самое время черкесы, прослышавъ, что дѣло идетъ о сдачѣ, пустились шарить по нашимъ землянкамъ и шатрамъ и, пока мы совѣщались у Имамилъ-Хакки, эти негодяи все, какъ есть все, пограбили у насъ, даже изранивъ при этомъ кинжалами многихъ изъ нашихъ слугъ, и удрали... удрали вонъ изъ Телиша... Но, мы уже здѣсь, въ Боготѣ, слышали, что они получили достойное возмездіе отъ уланъ гвардіи вашего падишаха.

Мы, общими усиліями, кое-какъ справили для бѣднаго старичка-капитана теплую фуфайку, шерстяные чулки, коврикъ да одѣяло, а кромѣ того подарили ему фунта три табаку и нѣсколько пачекъ папиросныхъ бумажекъ. И надо было видѣть, какъ онъ обрадовался, какъ былъ тронутъ до слезъ, и какъ искренно благодарилъ за всѣ эти бездѣлицы, которыя, однако, въ его положеніи, являлись вещами самой первой важности.

— О, благодарю, благодарю васъ!—воскли-цалъ онъ, нервно пожимая всѣмъ намъ руки.—Чудеса право!.. Мои враги—мои лучшіе друзья! Развѣ не чудеса это?!.. Подданные моего падишаха, мои боевые сотоварищи меня ограбили, а непріатели вдругъ снабжаютъ меня, бѣднаго старика, всѣмъ необходимымъ!.. Друзья—враги, враги—друзья! Дивныя вещи показываетъ намъ воля Аллаха! Дивныя вещи!.. И зачѣмъ, право, эта война между нами? Зачѣмъ она?.. Миръ Божій великъ и просторенъ, и всѣмъ, всѣмъ-то есть въ немъ доста-точно мѣста, не только человеку, но и по-

¹⁾ Ротмистръ 2-го лейбъ-уланскаго Курляндскаго полка Чайковский—сынъ бывшаго польскаго эмигранта М. Чайковскаго (Садыкъ-паши), некогда сформированнаго въ Добруджѣ турецкую казачью бригаду. Раскаиваясь, онъ просилъ у государя помилованія, которое и получилъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ возвратиться въ Россію. М. Чайковский извѣстенъ и въ нашей литературѣ.

сладней маленькой букашкой, что ползает, почти невидимая глазу, на вѣжномъ лепесткѣ розы—всѣмъ есть мѣсто, приютъ и предназначение, а мы, люди, разумныя существа—мы, между тѣмъ, воюемъ, убиваемъ другъ друга... Какая великая несправедливость! Какое ужасное зло и заблужденіе!.. Зачѣмъ все это?

Почтенному капитану возразили на это, что нашъ государь не хотѣлъ войны, что онъ до самаго ея объявленія изъяснялъ уступчивость до послѣдней мѣры и предѣла, отставая для христіанскихъ подданныхъ султана лишь ту скромную свободу существованія, какой, по его же, Али, словамъ, пользуется всякая микроскопическая букашка на лепесткѣ розы. И этой-то скудной доли свободы не хотѣли имъ дать въ Стамбулѣ, а когда букашки вздумали протестовать, то изъ Стамбула послали войска съ разными Шефкетами убивать ихъ, жечь и грабить.

Старичекъ грустно вздохнулъ и повикъ головой.

— Что до меня, — проговорилъ онъ въ грустномъ раздумьи — то я никого не убивалъ и не грабилъ... Грабежъ и убійство—это не мое дѣло. Мой міръ иной. Мой міръ — поэзія и музыка... Рѣмы и звуки, звуки и рѣмы—вотъ мой міръ, господа!.. Другого я не знаю.

— О, да ты поэтъ, Али-эфенди! — съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Да, поэтъ, а еще болѣе музыкантъ, — отвѣчалъ онъ съ тихой улыбкой, когда ему перевели смыслъ моего восклицанія.

Оказалось, что нашъ старикъ — артистъ и композиторъ, что онъ умѣетъ играть на кларнетѣ, скрипкѣ и фортепіано, и написалъ на своемъ вѣку не мало музыкальныхъ пѣсень, молитвъ, романсовъ и маршей, за одинъ изъ которыхъ даже удостоился почетнаго отзыва со стороны покойнаго султана Абдуль-Азиса. И онъ старчески-разбитымъ голосомъ началъ намъ напѣвать мотивъ этого послѣдняго марша, а потомъ сталъ декламировать какое-то стихотвореніе. Затѣмъ оказалось, что ему знакома отчасти и европейская музыка—нѣкоторыя произведенія Моцарта, Листа, Россини, Доницетти, Верди и прочихъ, преимущественно итальянскихъ композиторовъ. — «Но, отдавая всю дань достойнаго поклоненія ихъ талантамъ, — говорилъ старичекъ, — я не мечталъ о подражаніи ихъ образцамъ. Напротивъ, я мечталъ о воспроизведеніи нашей собственной, народной турецкой музыки, въ которой есть, повѣрьте мнѣ, свои красоты и достоинства, которыхъ впрочемъ Европа не знаетъ, да и знать не хочетъ... Силы мои, конечно, слабы, музыкальное образованіе далеко не достаточно — я самоучка, но я чувствую сердцемъ, душой моею, что онъ есть, эти красоты, и

не сомнѣваюсь, что когда-нибудь другой человекъ, несравненно болѣе меня сильный талантомъ, объяснитъ ихъ образованному міру, заставитъ понять и полюбить ихъ... Каждый народъ имѣетъ свою поэзію и музыку, и каждый народъ можетъ ими сказать міру что-нибудь новое, а потому каждый народъ заслуживаетъ вниманіе къ своей поэзіи и музыкѣ со стороны другихъ, болѣе образованныхъ народовъ».

Говоря это, нашъ старичекъ совсѣмъ какъ будто преобразился. Куда дѣвалась хлѣбность и сгорбленность. Голова поднялась на плечахъ, жестъ получилъ вдругъ размашистость, голосъ окрѣпъ, зазвучалъ силой вѣры и убѣжденія, старческий взглядъ прояснѣлъ и загорѣлся, внутренняя мысль озарила собой каждый мускулъ лица; видно было, что онъ попалъ наконецъ въ свою настоящую стихію, какъ рыба въ воду, что въ этой стихіи ему просторно, привольно, что въ ней онъ *свой*, знающій и понимающій все что надо.. Однимъ словомъ, въ немъ вдругъ пробудился поэтъ, сказалась чуткая артистическая натура. И какое удовольствіе бывало для него слушать музыку, когда оркестры лейбъ-казацкаго полка или 5-го сапернаго батальона играли на дворѣ во время завтраковъ и обѣдовъ у великаго князя!

Одинъ изъ насъ добылъ ему, кажется, у казацкаго капельмейстера, тетрадь чистой почтовой бумаги и при этомъ подарилъ карандашъ и свирѣль. Старикъ былъ въ восторгѣ. Теперь онъ могъ писать свои ноты, сочинять новыя молитвы и марши, а для развлеченія играть на дудочкѣ.

— Али-эфенди, ты такъ чистъ и молодъ душой; скажи, пожалуйста, который тебѣ годъ? — спросили его однажды.

— О, вѣкъ мой долготъ подъ солнцемъ! Милостію Аллаха, уже скоро семьдесятъ.

— А сколько лѣтъ на службѣ?

— Пятьдесятъ-первый. Отъ самой юности и до сей минуты я служилъ моимъ падишахамъ (да будутъ благословенны ихъ имена!), ни разу не выходя въ отставку.

— И все въ военной службѣ?

— Все въ военной. Какой путь былъ указанъ мнѣ въ юности моимъ отцомъ (который тоже былъ воинъ), тѣмъ я и продолжалъ шествовать, не уклоняясь на другія житейскія дороги.

— Но отчего же на тебѣ такой маленькій чинъ? Ты всего только «колъ-агасы», капитанъ по нашему?

Старичекъ пожалъ плечами.

— Увы! я съ молодости никогда не былъ красивъ собой! — слегка вздохнулъ онъ съ добродушной улыбкой.

На прощанье, передъ отправленіемъ въ Рос-

сію, Али-эфенди записалъ себѣ наши имена на память.

— Друзья — враги, враги — друзья! Могутъ ли я позабыть такое чудесное сопоставленіе! — говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ, прощаясь ¹⁾).

LXVII.

Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа.

Мѣры генерала Тотлебена для полного обложенія Плевны. — Бѣгство Шефкета-пашы и высылка изъ Плевны жителей, какъ результаты нашихъ успѣховъ 12-го и 16-го октября. — Взятіе Тетевеня 19-го октября. — Заваніе Дольнаго Дубняка 20-го октября. — Осмотръ главнокомандующимъ дольно-дубняцкой позиціи и устройство нашихъ оборонительныхъ линій за Видомъ. — 21-е октября въ главной квартирѣ и рекогносцировка лейбъ-драгунъ на вражеской дорогѣ. — Посѣщеніе государемъ императоромъ за-видскихъ позицій. — Пребываніе государя въ Медованѣ, въ домѣ Дервишъ-эфенди. — Вѣстя изъ Плевны. — Дѣйствія 24-го октября въ скобелевскомъ отрядѣ. — Заваніе Яблоницкаго ущелья Кавказской бригадой и рекогносцировка лейбъ-уланъ на Рахово. — Осмотръ государемъ императоромъ и главнокомандующимъ тренинской и волынской позицій 24-го октября.

Воготъ, 29-го октября.

Побѣда подъ Горнымъ Дубнякомъ, представляющая громадную важность въ стратегическомъ смыслѣ, положила прочное начало безусловному обложенію Плевны. Осуществляя систему строгой блокады, генералъ Тотлебенъ постановилъ за непреложное правило, во-первыхъ, «неуклонно слѣдовать принятому образцу дѣйствій, строго воздерживаясь отъ всякихъ частныхъ попытокъ штурма, которыя не могутъ повести къ рѣшительному результату, лишь напрасно увеличивая наши потери»; во-вторыхъ, «стѣснять по возможности линію обложенія, принимая въ то же время всѣ необходимыя мѣры для воспрепятствованія непріятелю прорвать гдѣ-либо расположеніе нашихъ войскъ». Мѣры, принятые для сего генераломъ Тотлебенемъ, заключаются: 1) въ усиленіи всѣхъ позицій облегающихъ войскъ ложементами, траншеями, батареями, а на болѣе важныхъ пунктахъ люнетами и редутами; 2) въ сосредоточеніи артиллерійскаго огня противъ непріятельскихъ укрѣпленій; 3) въ постепенномъ приближеніи траншей и ложементовъ на такое разстояніе къ противнику, чтобы удалить, по возможности, его ружейный огонь отъ нашихъ батарей; 4) въ разработкѣ между позиціями удобныхъ дорогъ и въ постановкѣ на нихъ указателей и знаковъ, для об-

легченія движенія войскъ; 5) въ устройствѣ мостовъ и 6) въ проведеніи телеграфныхъ сообщеній вокругъ всей линіи обложенія. Кромѣ того, были приняты всѣ мѣры, чтобы, въ случаѣ прорыва, встрѣтить непріятеля возможно-большимъ числомъ войскъ, которыя могли-бы своевременно сосредоточиться на мѣстѣ, избранномъ турками для атаки; съ этой цѣлью позиціи вокругъ Плевны были раздѣлены на участки, для обороны коихъ назначено число войскъ, соотвѣтствующее протяженію и относительной важности каждаго, и всѣмъ начальникамъ участковъ заранее намѣчены какъ возможные случаи прорыва, такъ и соотвѣтственное стягиваніе войскъ къ угрожаемому пункту. Къ числу хорошихъ мѣръ относится также рѣшеніе не допускать болѣе на передовыя позиціи, въ особенности за Видомъ, иностранныхъ и преимущественно англійскихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ *нѣкоторые* играли роль весьма подозрительнаго свойства, пересчитывая количество и составъ нашихъ войскъ, дѣлая кроки ихъ позицій и украдкой копируя исподтишка планы, во время отсутствія изъ палатки ихъ хозяевъ. Такъ случилось у Скобелева съ полковникомъ Гавелокомъ, который и былъ накрытъ на этомъ невинномъ занятіи ¹⁾).

19-го октября въ главной квартирѣ была получена телеграмма, извѣщавшая, что Шефкет-паша, который стоялъ съ двѣнадцатью таборами на пути въ Плевну, въ деревнѣ Радомірцахъ, бѣжалъ оттуда при видѣ показавшагося близъ его сторожевыхъ постовъ сильнаго разбѣда отъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка. Этотъ фактъ несомнѣнно былъ слѣдствіемъ нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго на турокъ нашими успѣхами 12-го и 16-го чиселъ. Кавалерія наша стала преслѣдовать Шефкета, и движеніе ея было настолько энергично, что турки не успѣли даже

¹⁾ Вслѣдствіе этого, 29-го октября изъ полевого штаба были отправлены слѣдующія депешы:

1) Генералу Гурко. «Объявите всѣмъ иностраннымъ корреспондентамъ, что великій князь не дозволяетъ имъ находиться на лѣвомъ берегу Вида; пусть немедленно вернутся оттуда. Прикажете прослѣдить за исполненіемъ этого распоряженія и сообщить для неуклоннаго руководства на будущее время всѣмъ частнымъ начальникамъ. Это запрещеніе вполнѣ относится и до англійскаго полковника Гавелока».

2) Князю Имеретинскому. «Прикажете слѣдить за англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ, не дозволить ему осматривать наши позиціи и ни подъ какимъ предлогомъ не пускать на лѣвый берегъ Вида. Пусть живетъ въ Тученицѣ или Воготѣ; если изберетъ Тученицу, прикажете за нимъ слѣдить».

3) Генералу Карцову. «Иностранныхъ корреспондентовъ, и особенно англійскаго полковника Гавелока дальше Ловчи не пускайте и прикажете слѣдить, чтобы никто изъ нихъ не переходилъ на лѣвый берегъ Вида».

¹⁾ Гдѣ-то онъ теперь? Возвратился ли по-добру по-здорову въ отечество, или гдѣ-нибудь въ Россіи сложилъ старыя кости, унося съ собой въ могилу свои рѣшныя и звуки, свои гимны и марши?..

разрушить моста у Радомірцевъ, на Искерѣ, такъ что мы заняли его въ совершенной исправности.

Въ тотъ же день наши аванпосты, стоявшіе въ виду Дольняго Дубняка, замѣтили, что къ нимъ приближаются изъ Плевны какія-то цестрыя толпы, гдѣ смѣшанно двигались возы, нагруженные разнымъ скарбомъ, дѣтьми и женщинами, мужчины въ чалмахъ и фескахъ, собаки, лошади, овцы, буйволы, быки и коровы. Не доходя аванпостовъ, толпы были остановлены нашими часовыми. Оказалось, что это плевненскіе жители турецкаго происхожденія, высланные изъ города, въ качествѣ лишннихъ ртовъ, Османъ-нашоу. Они не были пропущены чрезъ нашу линію и привуждены возвратиться въ Плевну. Этотъ фактъ тоже можно признать слѣдствіемъ двухъ предшествовавшихъ погромовъ, лишившихъ Плевну всякой возможности новыхъ подвозовъ: пока было чѣмъ питаться, турецкихъ жителей не выслали, хотя Ахметъ-Хивзи увѣрялъ насъ въ противномъ, а чуть лишь прервали дѣйствительнымъ образомъ сношенія, они черезъ одинъ лишь день и потянулись вонъ изъ Плевны цѣлыми толпами. Но намъ, конечно, вѣтъ никакого расчета пропускать ихъ и этимъ облегчать средства продовольствія арміи Османа, а тѣмъ болѣе, что турки въ то же время удерживаютъ въ Плевнѣ болгаръ, для производства работъ на укрѣпленіяхъ, подъ нашимъ огнемъ.

19-е октября ознаменовалось новымъ и весьма существеннымъ, въ стратегическомъ смыслѣ, успѣхомъ нашего оружія, благодаря дѣйствіямъ ловчинскихъ партизанскихъ отрядовъ, которые оперировали на Торосъ, Турскій Изворъ и Тетевенъ. Последняя рекогносцировка, произведенная казаками, показала, что Тетевенъ не только занятъ частью регулярныхъ турецкихъ войскъ, но и укрѣпленъ нѣсколькими батареями и дожементами. Между тѣмъ стратегическое его положеніе какъ пункта, прикрывающаго собой одинъ изъ важныхъ балканскихъ проходовъ, лежащихъ на пути къ Плевнѣ, необходимо требовало съ нашей стороны овладѣнія этимъ мѣстечкомъ. Генералъ Карцовъ, начальникъ сельви-ловчинскаго отряда, хорошо оцѣнилъ значеніе этого пункта, тѣмъ болѣе, что турки успѣли укрѣпить его; но, къ сожалѣнію, отсутствіе достаточно сильныхъ кавалерійскихъ частей лишило генерала Карцова на вѣкоторое время возможности занять Тетевенъ прочнымъ образомъ. Казаки набѣги производились блистательно, но не приносили намъ никакихъ стратегическихъ выгодъ, а лишь обнаруживали съ каждымъ разомъ, что Тетевенъ имѣетъ для турокъ весьма немаловажное значеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ до генерала Карцова съ каждымъ днемъ доходили свѣдѣнія, что турецкія партіи, выходящія изъ Тетевеня въ Плевну, наполняютъ его окрестности грабе-

жомъ болгаръ и убійствами; равнымъ образомъ новая рекогносцировка, произведенная 3-го ноября войсковымъ старшиною Антоновымъ, убѣдила, что отрядъ, охраняющій Тетевенъ, усилился (до 500 чел.) регулярными частями и что вокругъ мѣстечка, въ особенности съ сѣверной стороны, возведены еще новыя укрѣпленія. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ побудила генерала Карцова ваять, наконецъ, это мѣстечко, съ тѣмъ, чтобы, занявъ его частію своего отряда, удержать за собой по возможности прочнымъ образомъ.

Съ этой цѣлью была снаряжена особая экспедиція, въ составъ которой вошли семь ротъ пѣхоты ¹⁾, дивизіонъ казанскихъ драгунъ, пять казачьихъ сотенъ ²⁾ и ваводъ донской № 19-го батареи, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова ³⁾.

Нападеніе должно было дѣлаться съ двухъ сторонъ: отъ Траяна ⁴⁾ и отъ Ловчи ⁵⁾; но траянскій отрядъ 19-го октября въ восемь часовъ утра, подойдя къ Тетевеню съ восточной стороны, былъ нечаянно открытъ турецкимъ развѣдомъ, который далъ знать о его приближеніи и повелъ на него непріятельскую пѣхоту, не только завязавшую съ нимъ дѣло, но и начавшую окружать его, что и вынудило нашъ траянскій отрядъ къ отступленію.

Между тѣмъ ловчинскій отрядъ (флигель-адъютанта Орлова) еще наканунѣ (18-го числа) вечеромъ занялъ частью своихъ силъ гору Биволь, въ пяти верстахъ отъ Тетевеня; 19-го октября, въ условленный часъ для одновременной атаки, туманъ былъ такъ силенъ, что даже въ десяти шагахъ ничего не было видно, и это обстоятельство вынудило флигель-адъютанта Орлова отсрочить свою атаку до полудня, а отвлеченіе части непріятельскихъ силъ на траянскій отрядъ облегчило ему нападеніе съ сѣвера. Около часу дня туманъ началъ разсѣваться на столько, что Орловъ счелъ возможнымъ начать свое наступленіе. Впереди шли 40 охотниковъ изъ стрѣлковыхъ ротъ ⁶⁾. Всѣ передовыя пѣхотныя части были отданы подъ начальство Великолуцкаго полка майора Беатера, который, не смущаясь сильнымъ огнемъ

¹⁾ Роты: 1-я и 2-я стрѣлковая и 5-я линейная 9-го пѣхотнаго Старо-Ингерманландскаго полка и 5-я, 6-я, 7-я линейныя и 2-я стрѣлковая 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка.

²⁾ № 24-го и № 30-го донскихъ полковъ.

³⁾ Командира 2-й бригады 2-й донской дивизіи.

⁴⁾ Чрезъ дер. Шибково, отрядомъ изъ одной сотни 30-го полка и 1-й стрѣлковой роты Старо-Ингерманландскаго полка, подъ начальствомъ войскового старшиины Антонова.

⁵⁾ Чрезъ м. Микре и д. Лиседру, отрядомъ изъ 6-ти ротъ, 2-хъ эскадроновъ, 4-хъ сотенъ и 2-хъ орудій, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова.

⁶⁾ Когда были вызваны охотники, то обѣ стрѣлковыя роты 9-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ до единого человѣка вышли впередъ.

перваго укрѣпленія, мимо коего должно было ему проходить, сумѣлъ во-время опѣнить, что ключъ-непріятельской позиціи составляетъ высокая гора, командующая всѣми укрѣпленіями, и двинулся въ обходъ этой позиціи. Около двухъ съ половиною часовъ солдаты его карабкались вверхъ, по страшной крутизнѣ, не останавливаясь ни на минуту и не имѣя отсталыхъ. Наконецъ, достигнувъ вершинны, охотники открыли сильную перестрѣлку съ непріателемъ, стрѣлявшимъ изъ-за бруствера редута, а стрѣлковые роты, скрытыя туманомъ, который вновь окуталъ горы, подошли безъ выстрѣла на самое близкое разстояніе къ редуту и бросились на приступъ. 2-я стрѣлковая рота Старо-Ингерманландскаго полка въ одну минуту, совершенно неожиданно для турокъ, ворвалась въ укрѣпленіе, имѣя во главѣ своего командира, штабсъ-капитана Яковлева, который съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ первымъ вскочилъ на брустверъ. Турки спѣшили бѣжать въ слѣдующій редутъ, но такъ какъ укрѣпленіе, взятое старо-ингерманландцами, господствовало надъ всѣми остальными, то наши выстрѣлы скорѣй заставили бѣжать противника и отсюда, въ самое мѣстечко. Туманъ и сумерки лишили нашихъ стрѣлковъ возможности довершить поразеніе противника, который хотя и развелъ на своихъ позиціяхъ костры, но въ два часа ночи бѣжалъ по горнымъ тропинкамъ за Видъ, къ Карлову и Орханію, забравъ съ собой и всѣхъ своихъ раненыхъ, увезенныхъ—по словамъ тетевенскихъ жителей—на ста подводахъ. Рогатый скотъ, патронные ящики и шанцевый инструментъ были брошены. Это бѣгство было столь поспѣшно, что турки, противъ своего обыкновенія, не успѣли совершить надъ горожанами-болгарами ни одного звѣрства, ограничась только поджогомъ за Видомъ одной попутной деревни, которая и сгорѣла.

Стрѣлковые роты, проведя ночь во взятыхъ укрѣпленіяхъ, окруженныхъ нашею сторожевою цѣпью, съ разсвѣтомъ двинулись впередъ, но уже не нашли непріятеля въ Тетевенѣ. Въ десять часовъ утра (20-го октября) отрядъ флигель-адъютанта Орлова вступилъ въ мѣстечко, при звонѣ чугунныхъ досокъ, замѣняющихъ кококола въ православныхъ церквяхъ Болгарии. Жители, съ духовенствомъ во главѣ, высыпали на встрѣчу войскамъ, вмѣстѣ съ которыми возвратились въ свои семьи нѣсколько болгаръ, находившихся въ изгнаніи, тогда какъ другіе были освобождены Орловымъ изъ темныхъ подваловъ турецкихъ тюремъ. Въ соборѣ былъ тотчасъ отслуженъ благодарственный молебенъ, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Тетевень, своды его храма огласились молитвой за русскаго царя и о дарованіи побѣды русскому войску.

Общая потеря наша заключалась въ одномъ убитомъ, 4-хъ раненыхъ и 17-ти контуженныхъ

нижнихъ чинахъ. Столь ничтожную убыль полковникъ Орловъ объясняетъ тѣмъ, что, во-1-хъ, часть непріятеля была отвлечена преслѣдованіемъ траянского отряда, а во-2-хъ—сосредоточеніемъ турецкаго огня противъ сорока охотниковъ, которые, засѣвъ за камнями на вершинѣ горы, не понесли никакой потери; главнѣйшимъ же образомъ тѣмъ, что стрѣлковые роты, благодаря туману, были замѣчены турками только тогда, когда безъ выстрѣла ворвались въ редутъ съ тыла. Кромѣ того, многіе обязаны спасеніемъ отъ ранъ еще и тому, что имѣли поверхъ скатанныхъ шинелей свои палатки, которые въслѣдствіе дождя образовали столь плотную массу, что пули пробивали только холсты и останавливались на шинеляхъ, или же скользили по упруго-мокрому полотну. У непріятеля убито болѣе ста человекъ; численность же тетевенскаго гарнизона, по точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, простиралась до шестисотъ человекъ регулярной пѣхоты и полтораста регулярныхъ же кавалеристовъ. Въ настоящее время Тетевень занятъ нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ майора Беатера. Занятіе этого мѣстечка важно для насъ въ томъ отношеніи, что, во-1-хъ, открываетъ намъ доступъ къ горному проходу за Балканы и, во-2-хъ, прешаетствуетъ туркамъ отправлять дальнѣйшія подкрѣпленія и транспорты по прибрежной видской дорогѣ къ Плевнѣ.

Между тѣмъ, послѣ взятія Телиша генералу Гурко было необходимо еще заручиться обладаніемъ ближайшаго къ Плевнѣ укрѣпленнаго пункта, какимъ является селеніе Дольній Дубнякъ, лежащее въ виду софійскаго шоссе, которое на значительномъ пространствѣ находится подъ дѣйствіемъ огня дольне-дубняцкихъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью гвардейская стрѣлковая бригада еще съ вечера 19-го числа была двинута впередъ, на позицію къ означенному селенію. Но передъ тѣмъ генералъ Гурко отправилъ въ Дольній Дубнякъ шесть турокъ, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ 12-го и 16-го октября, которые сами пожелали воспользоваться дарованнымъ имъ правомъ свободы и возвратиться къ своимъ. 20-го числа утромъ, части гвардейскихъ войскъ, расположенныя за Видомъ, заняли назначенныя имъ по диспозиціи мѣста вокругъ Дольнаго Дубняка и приготовились обстрѣливать его, по примѣру Телиша, артиллерійскимъ огнемъ, какъ вдругъ, по донесеніямъ передовыхъ разъѣздовъ, оказалось, что Дольній Дубнякъ и всѣ его укрѣпленія совершенно покинуты турками, которые въ виду приближенія стрѣлковой бригады, еще ночью, въ совершенной тишинѣ, убрались въ Плевну. Такимъ образомъ и этотъ послѣдній изъ укрѣпленныхъ шоссеиныхъ этаповъ достался намъ въ руки, и достался безъ выстрѣла, а между тѣмъ обладаніе имъ чрезвычайно для насъ важно, ибо, владѣя Дольнымъ

Дубнякомъ и имѣя на сосѣдней плевно-видинской дорогѣ уже приходившія на мѣсто войска гренадерскаго корпусъ, мы тѣсно стягиваемъ вокругъ Плевны кольцо нашей блокады. Всѣ дни по укрѣпленіемъ противника идеть теперь усиленная канонада, и нерѣдко сосредоточенными, громадными залпами. Повидимому, если только въ Плевнѣ не собрано громадныхъ запасовъ продовольствія и снарядовъ, то Осману-пашѣ не остается болѣе ничего, какъ только сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку пробиться, выбивая насъ штыками изъ укрѣпленныхъ нашихъ позицій, или же положить оружіе. Недалеко будущее рѣшить, которому изъ этихъ двухъ исходовъ отдать онъ предпочтеніе.

20-го же числа, великій князь главнокомандующій, выѣхавъ рано утромъ изъ Бюгюта, отправился на Видъ и тамъ осматривать вновь занятую нами позицію у Дольнаго Дубняка. Нѣкоторыя части гвардейской пѣхоты придвинулись еще ближе къ Плевнѣ и укрѣпились на новой позиціи, расположенной въ двухъ верстахъ впереди Дольнаго Дубняка, къ которому въ этотъ же день подошла 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. Укрѣпленія этого селенія еще болѣе приспособлены теперь къ оборонѣ, и въ особенности со стороны, обращенной къ Плевнѣ. Но этимъ не ограничились еще успѣхи дня: нѣсколько пѣхотныхъ частей, направленныхъ къ сторонѣ Орханіа, заняли и еще болѣе укрѣпили этапную позицію при деревнѣ Луковицѣ, причѣмъ Шефкетъ-паша отступилъ безъ боя, по направленію къ Орханіа, сопровождаемый нашею кавалеріею, разѣзды которой не упускаютъ его изъ виду. Великій князь главнокомандующій возвратился въ Бюгютъ только позднимъ вечеромъ.

21-го числа, въ главной квартирѣ великаго князя ожидали посѣщенія государя императора, но изъ главной императорской квартиры послѣдовала телеграмма, что по случаю ненастнаго времени высочайшій прїѣздъ отлагается. Во время завтрака прїѣхали великіе князья Сергій Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, украшенные георгиевскими крестами 4-й степени, только-что полученными ихъ высочествами. Великій князь главнокомандующій предложилъ тостъ: «въ честь новыхъ георгиевскихъ кавалеровъ», а послѣ завтрака ихъ высочества уѣхали обратно въ главную императорскую квартиру, расположенную въ селѣ Порадимѣ. Въ этотъ же день многія лица изъ числа адъютантовъ и ординарцевъ главнокомандующаго удостоились получить высочайшія награды чинами, орденами и золотымъ оружіемъ за сраженіе 30-го августа подъ Плевной. 21-го же октября, лейбъ-драгуны, производя рекогносцировку за-видскихъ окрестныхъ мѣстъ, прошли черезъ Комарово до Джурилова, лежащаго по дорогѣ на Врацу. Здѣсь они разби

партію черкесовъ и отняли у нихъ 100 повозокъ, 370 головъ рогатаго скота и 400 барановъ.

22-го октября, въ часть дня, великій князь главнокомандующій выѣхалъ на двое сутокъ въ село Медованъ, для встрѣчи государя императора, такъ какъ его императорское величество изволилъ изъяснить намѣреніе посѣтить Медованъ на 23-е число, для личнаго осмотра за-видскихъ позицій и гвардейскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ.

Въ полдень 23-го октября государь прибылъ на медованскую позицію и поднялся на курганъ, гдѣ былъ встрѣченъ заранѣе ожидавшимъ великимъ княземъ главнокомандующимъ. Государя сопровождали: министръ двора, генералъ-адъютантъ Воейковъ, свиты генералъ-майоръ Салтыковъ и дежурство. Проведя минутъ десять въ осмотрѣ за-видскихъ позицій, его величество изволилъ проѣхать въ село Медованъ и, пересѣвъ здѣсь въ другой экипажъ, выѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ отправился на позицію Дольнаго Дубняка, гдѣ былъ встрѣченъ громкими привѣтственными криками «ура» первыхъ двухъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и гвардейской стрѣлковой бригады. Всѣ эти части войскъ стояли на шоссе во вновь возведенныхъ ими окопахъ. По прибытіи государя императора съ передовой позиціи въ Дольный Дубнякъ, гвардейскія войска были уже построены колоннами въ большое каре, лицомъ во внутрь, и здѣсь, въ присутствіи его величества и главнокомандующаго, отслужено благодарственное молебствіе за двѣ послѣднія побѣды и вознесена молитва за убиенныхъ на брани воиновъ, съ возглашеніемъ имъ «вѣчной памяти». Затѣмъ все каре огласилось новыми криками «ура». Большія толпы турокъ, вѣроятно услышавъ крики войскъ, еще раздававшіеся во время объѣзда окоповъ, покрыли собою гребни ближайшихъ плевненскихъ возвышенностей и смотрѣли оттуда на все происходящее въ Дольномъ Дубнякѣ; но огня не открывали.

По окончаніи молебствія государь императоръ возвратился въ Медованъ, гдѣ для ночлега его величества былъ приготовленъ покинутый и меѣе прочіихъ разоренный домикъ, принадлежащій довольно зажиточному турку Дервишъ-эфенди. Здѣсь были двѣ малевкія горенки и конюшня, прилегающая къ нимъ подъ одной кровлей. Конюшня рядомъ съ горницами, или же съ ея нижнимъ помѣщеніемъ (если строеніе двухъ-этажное), равно какъ и небольшая открытая веранда составляютъ почти непремѣнную принадлежность каждаго, нѣскольکو зажиточнаго турецкаго дома не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ. Эти домики обыкновенно кроются либо черепицею, либо квадратными аспидными плитами. Въ домикѣ

Дервиш-эфенди не нашлось стекольчатых рамъ, которыя, кстати сказать, здѣсь вообще рѣдко гдѣ въ употребленіи, и потому два маленькія оконца конвойные казаки наскоро залѣпили газетной бумагой; на дверь, во избѣжаніе сквозного вѣтра, навѣсили коверъ, нашедшійся у кого-то изъ мѣстныхъ жителей, а глиняный полъ застлали мѣшками изъ-подъ зернового фуража; походная кровать для государя была взята съ поѣздомъ изъ Порадима, складной столикъ принесенъ отъ великаго князя главнокомандующаго, два складныхъ стула нашлись у командира Астраханскаго драгунскаго полка, полковника Мадилевича, и такимъ образомъ для его величества была устроена спальня и пріемная; бывшую же конюшню, вычистивъ и вывѣтривъ ее предварительно, по необходимости обратили въ столовую, гдѣ кое-какія доски и двери, снятыя съ петель, замѣнили собою столы и скамейки, а вмѣсто ковра на-группена была свѣжая солома. На бѣлыхъ глиняныхъ стѣнкахъ этого домика конвойные казаки начертили сажею православные кресты: «для того, что (какъ объясняли они) не подобаетъ православному царю ночевать въ невѣрномъ, некрещеномъ домѣ». Въ этомъ-то убогомъ домишкѣ помѣстился государь императоръ, а великій князь занялъ подъ себя еще худшую хату-землянку болгарскую, гдѣ огонь дымнаго очага, на которомъ кипятился походный чайникъ, составлялъ единственный комфортъ обстановки его высочества. Къ скромному обѣду государя были приглашены офицеры конвоировавшихъ его величество эскадроновъ, а именно: 4-го лейбъ-уланскаго, 1-го лейбъ-гусарскаго и дежурнаго на медованской позиціи эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка. Въ Медованѣ, между прочимъ, собралось нѣсколько болгаръ, бывавшихъ изъ Плевны, которые явились кое-какъ у очаговъ по хатамъ и близъ костровъ на улицахъ. Драгоманъ главнокомандующаго, Н. Д. Макѣевъ, вступилъ съ однимъ изъ такихъ бѣглецовъ въ разговоръ насчетъ Плевны. Оказалось, по словамъ болгарина, бывавшаго двѣ недѣли назадъ, что турки хранили свой пороховой запасъ въ двухъ православныхъ церквяхъ, а съ тѣхъ поръ, какъ по близости одной изъ нихъ стали въ городъ залетать иногда русскія гранаты, поспѣшили перенести порохъ въ другое, менѣе опасное мѣсто; что продовольствіемъ плевненскаго гарнизона распоряжается самъ Османъ-паша и крайне скупились на выдачу, уменьшая чуть не съ каждымъ днемъ и безъ того уже скудную порцію хлѣба; что рогатаго скота есть еще достаточно въ Плевнѣ, но соли почти нѣтъ, а главное—хлѣба мало; что въ составъ гарнизона есть разноплеменные части, и даже бѣлые арапы встрѣчаются. На вопросъ, что это за «бѣлые арапы», болгаринъ отвѣчалъ, что по одеждѣ—это то же почти, что турки, и той же

магометанской вѣры, только привезли-де ихъ изъ *Индій*, и они не говорятъ по-турецки, тѣмъ только-де и отличаются. Это уже не первые толки и слухи, которые приходится намъ здѣсь выслушивать то насчетъ египтянъ, то о «бѣлыхъ арапахъ»...

Въ ночь съ 23-го на 24-е октября съ нашей стороны была предпринята еще одна мѣра для наибольшаго стѣсненія плевненской блокады. Отрядъ генерала Бремзена, какъ уже извѣстно, еще съ 12-го ноября занимать сильно выдающуюся къ туркамъ укрѣпленную позицію на высотахъ, впереди деревни Тринины, или Тренины. Для поддержки этого отряда, на всякій случай, генералъ Скобелевъ выдвинулъ часть своихъ войскъ на авангардную позицію, влѣво отъ селенія Брестовца. Расположеніе этой части выбрано было такъ, что она могла какъ нельзя удобнѣе обстрѣливать доступы къ позиціи генерала Бремзена, и обратно—Бремзенъ могъ оказывать подобную же поддержку скобелевской авангардной позиціи, гдѣ въ ночь на 24-е, пользуясь густой темнотой, наши саперы и пѣхотинцы тихо и незамѣтно устроили батареи и ложементы. На разсвѣтъ 24-го числа, скобелевскій авангардъ послалъ туркамъ первое и неожиданное привѣтствіе залпомъ съ двухъ большихъ батарей, только-что оконченныхъ постройкою. Въ то же время партія нашихъ охотниковъ, числомъ до полутора ста человекъ, подкралась къ ближайшимъ турецкимъ ложементамъ, расположеніе которыхъ было неудобно для прикрытія нашихъ вновь сооруженныхъ батарей. Охотники внезапно атаковали ложементы и перекололи сидѣвшихъ тамъ турокъ. Этимъ я ограничили всѣ дѣйствія съ нашей стороны. Но непріятель, думая вѣроятно, что готовятся приступить, всполошился: въ турецкомъ лагерѣ произошла тревога, благодаря которой намъ удалось разсмотрѣть расположеніе непріятеля близъ новой нашей позиціи и опредѣлить его силы. Тутъ завязалась оживленная перестрѣлка, которая прекратилась только около полудня. Наша потеря ограничивается 15-ю убитыми и ранеными. Въ этотъ же день получено два извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ за-видскихъ развѣдочныхъ отрядовъ; такъ, отрядъ флигель-адъютанта полковника Черевина (Кавказская казачья бригада) занялъ на софійскомъ шоссе селеніе Петревень и Яблонидкое ущелье, имѣя за собой значительный резервъ у Радомірцевъ, гдѣ находится важная мостъ черезъ р. Искеръ, обезпеченный сильнымъ тет-де-пономъ. Въ то же время лейбъ-уланъ, занявъ 23-го числа дорогу изъ Рахова въ Видиня, испортили на ней телеграфъ и на слѣдующій день (24-го) произвели рекогносцировку раховскихъ укрѣпленій, удостовѣривъ при этомъ, что тамошній гарнизонъ не превышаетъ 1,500 человекъ, при трехъ орудіяхъ, такъ какъ часть турецкихъ войскъ уже отступила изъ

Рахова къ Ломъ-Паланкѣ. Турецкое население, при видѣ лейбъ-уланъ, бѣжало въ разные стороны.

24-го же числа государь императоръ, проведя ночь въ Медованѣ, наволѣлъ въ девять часовъ утра выѣхать на позицію рѣки Вида, для осмотра 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной у Тренины, а затѣмъ издали осмотрѣлъ такъ называемую «волинскую позицію», на Тренинскихъ высотахъ. Послѣ этого его императорское величество проѣхалъ въ Боготъ, гдѣ изволилъ завтракать въ столовой великаго князя, вмѣстѣ съ остававшейся въ Боготѣ частью свиты главнокомандующаго, а затѣмъ возвратился въ Порадимъ. Великій же князь, по отъѣздѣ государя императора изъ Медована, отправился на волинскую позицію и, въ виду турецкой дѣли, обошелъ всѣ траншеи, несмотря на то, что угрожали его высочество не подвергать себя опасности. «Турки по миѣ не стрѣляютъ», возразилъ на это великій князь, и не ошибся: по странной случайности, неприятель на это время дѣйствительно не стрѣлялъ, хотя между нимъ и волинцами идетъ ежедневная перестрѣлка, выводящая у насъ отъ пяти до десяти человекъ изъ строя. Волинцы и гренандеры Прускаго полка привѣтствовали громкими криками «ура» появленіе великаго князя въ траншеяхъ. Осмотрѣвъ внимательно обѣ позиціи—нашу и турецкую—его высочество сѣлъ верхомъ и прослѣдовалъ шагомъ по всей линіи аванпостовъ Бугскаго уланскаго и Астраханскаго драгунскаго полковъ, соединяющихъ волинскія батареи съ осадными, близъ скобелевской позиціи. У турокъ было замѣтно нѣсколько стадъ, пасущихся за ихъ аванпостами. Полагаютъ, что по пастбищамъ вокругъ Плевны бродитъ еще до трехъ тысячъ головъ рогатаго скота, составляющаго порціонный запасъ арміи Османа. Къ обѣду 24-го числа главнокомандующій благополучно возвратился въ Боготъ.

LXVIII.

Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизни въ траншеяхъ.

Скобелевскій бивуакъ. — Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ 28-го октября. — Жизнь Скобелева въ траншеяхъ. — Отраженіе имъ атаки турокъ въ ночь на 30-е октября. — Удѣлившій секретъ. — Жизнь въ траншеяхъ. — Невскій проспектъ, Большая Морская и «Belle-vu». — Отношенія Скобелева къ солдатамъ. — Случаи изъ траншейной жизни. — Заложеніе новыхъ траншей. — Цѣль занятія перваго гребня.

Боготъ, 31-го октября.

Лагерь 16-й пѣхотной дивизіи, которую нынѣ командуетъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, представляетъ собой цѣлый городокъ, съ правильно разбитыми кварталами, площадками, продолжными и поперечными улицами. 14-го

октября полки этой дивизіи, занявшіе позицію противъ Кришинскихъ высотъ, немедленно же приступили къ устройству землянокъ, по одной на каждаго 8—10 человекъ, гдѣ можно съ наибольшимъ въ военные дни удобствомъ существовать во время осеннихъ непогодъ и зимняго холода. Каждая землянка отопляется особю печуркою, вырытою въ землѣ, съ дымовымъ проводомъ, который выходитъ наружу, въ видѣ небольшой глиняной трубы. Землянки покрыты хворостомъ, поверхъ котораго наложены ряды кукурузныхъ стеблей, и все это засыпано сверху достаточно толстымъ слоемъ земли. Каждое такое жилище изобильно снабжено внутри свѣжею соломой, служащею для людей вмѣсто постели; свѣтъ проникаетъ сквозь входную дверь, которая на ночь заслоняется особымъ щитомъ, сплетеннымъ изъ кукурузы.

Но прежде устройства бивуака, начальство 16-й пѣхотной дивизіи озаботилось надлежащимъ укрѣпленіемъ своей боевой позиціи, и когда это наиважнѣйшее дѣло было исполнено, тогда, конечно, выступила на первый планъ забота объ удобствахъ солдата. По окончаніи солдатскихъ землянокъ, приступили къ вырытію офицерскихъ помѣщеній и затѣмъ командирскихъ. Замѣчательнѣе всего, что вся сложная работа по возведенію укрѣпленій и устройству дивизіонныхъ бивуаковъ была исполнена въ трое сутокъ, такъ что къ вечеру 18-го числа во всемъ районѣ расположенія 16-й дивизіи оставались только два холщевыхъ намета: въ одномъ помѣщалась столовая генерала Скобелева, съ которымъ ежедневно раздѣляютъ его скромный обѣдъ всѣ лица его штаба, иногда командиры бригадъ и полковъ дивизіи, а также и постороннія лица, пріѣжающія съ какими-либо порученіями или же просто въ гости къ радушному генералу; другой шатеръ принадлежатъ тоже М. Д. Скобелеву, служа для него и спальней, и кабинетомъ. Не ранѣе, какъ по совершенномъ окончаніи устройства лагеря, генералъ позволилъ себѣ подумать о своихъ личныхъ удобствахъ: онъ былъ послѣднимъ человекомъ въ 16-й дивизіи, которому была вырыта послѣдняя землянка. Командиры полковъ озаботились, между прочимъ, и объ устройствѣ офицерскихъ столовыхъ, помѣщающихся въ довольно просторныхъ залахъ-землянкахъ. Такимъ образомъ «Скобелевскій бивуакъ» оказался вполне приспособленнымъ къ продолжительной зимней стоянкѣ. При этомъ ничто не было забыто: и близость хорошихъ источниковъ для питья и водопоя, и устройство особыхъ ретиранныхъ мѣстъ, и особые помѣщенія для лазарета, для кухни, для скотобойни, и проч. Вслѣдствіе этого на всемъ бивуакѣ замѣчается рѣдкая и необыкновенная въ военное время чистота и опрятность, воздухъ постоянно чистъ, люди всегда имѣютъ горячую пищу, спятъ въ теплѣ и на свѣжей соломенной подстилкѣ—

словомъ сказать, здѣсь заботливо соединены все, какія лишь были возможны, условия для сохраненія бодрости, силъ и здоровья людей, и нѣтъ сомнѣнiя, что санитарное состоянiе 16-й дивизiи должно дать самые отрядные результаты.

Но недолго отрядъ генерала Скобелева пользовался на своемъ бивуакѣ боевымъ затишьемъ.

День 28-го октября съ утра былъ совершенно ясенъ и теплый, но около полудня надъ землею началъ сгущаться сильный туманъ, заволакившiй скорѣ всю окрестность до такой степени, что въ двадцати шагахъ съ трудомъ можно было различать движущiеся предметы. Къ пяти часамъ дня туманъ сгустился еще болѣе, но дождя не было и даже не морозило. Такое состоянiе атмосферы какъ нельзя болѣе благоприятствуетъ всякаго рода внезапнымъ нападенiямъ—и имъ рѣшено было воспользо-

ваться. Генералъ Скобелевъ вызвалъ изъ 3-й роты 9-го стрѣлковаго батальона охотниковъ, которые явились въ числѣ 70-ти человекъ, и начальство надъ ними вручилъ той же роты подпоручику Тарасенкову. Затѣмъ велѣно было тотчасъ же снарядиться къ бою: двумъ сотнямъ 9-го Донскаго (полковника Нагибина) полка, 61-му пѣхотному Владимiрскому полку, 9-му стрѣлковому батальону, 1-й и 2-й стрѣлковымъ ротамъ 117-го пѣхотнаго Ярославскаго полка, тремъ ротамъ 3-го сапернаго батальона и четыремъ скорострѣльнымъ орудiямъ (картечницамъ). Общее начальство надъ этимъ отрядомъ было отдано адъютанту генерала Тотлебена, полковнику Мельницкому. Цѣлью предстоявшаго дѣла была атака, перваго гребня Зеленыхъ горъ. Въ случаѣ успѣха, надлежало немедленно же окопаться въ турецкихъ ложементѣхъ, дабы прочно удержать за собою занятую съ боя позицію.

Въ началѣ шестого часа по-полудни, охотники благословясь, тихо вышли изъ лагеря, незамѣтно подкрались къ передовымъ ложементамъ противника и съ разстоянiя не болѣе какъ въ 40—50 шаговъ внезапно атаковали ихъ безъ выстрѣла. «Ура» грянуло лишь въ тотъ моментъ, когда молодцы стрѣлки взбѣжали уже на насыпь. Турки не успѣли и опомниться, какъ около 80-ти ихъ товарищей уже лежали въ траншеѣ, пронзенные нашими штыками. Остальные въ крайнемъ безпорядкѣ бѣжали въ слѣдующiй рядъ ложементовъ, изъ которыхъ, по обыкновенiю, полился свинцовый дождь на занятые нами окопы. Пока охотники поддерживали перестрѣлку, подошедшия части отряда, при помощи саперовъ, тотчасъ же занялись земляной работой, обращая къ сторонѣ непрiятеля фронтъ отбитыхъ укрѣпленiй. Загудѣли орудiя, но турецкiй огонь, благодаря туману, былъ почти безвреденъ. Частая перестрѣлка не прерывалась ни на минуту. Къ

10-ти часамъ вечера туманъ разсѣялся. Послѣ этого спустя часъ, турки, въ количествѣ нѣсколькихъ таборовъ, выступили изъ своихъ окоповъ и повели было атаку, съ цѣлью выбить охотниковъ изъ занятаго ими ложемента. Но нѣсколько дружныхъ отчетливыхъ залповъ, данныхъ нѣкоторыми частями нашего отряда, тотчасъ же и съ большимъ урономъ отразили нападающихъ, послѣ чего изъ турецкихъ окоповъ опять началась перестрѣлка, которая длилась всю ночь не умолкая. Охотники удерживали свою позицію до двухъ часовъ ночи, когда были смѣнены другою, свѣжею частью. Между тѣмъ въ теченiе всего этого времени, подъ ружейнымъ и артиллерiйскимъ огнемъ противника, на нашей новой позицiи шла усиленная земляная работа, благодаря которой къ разсвѣту 29-го числа саперы и владимiрцы соорудили уже вдоль всего гребня длинную и достаточно просторную траншею, глубиною въ полный ростъ человека, и устроили въ ней приступки (банкеты) для стрѣлковъ, а также и ямки для укрытiя людей и патроновъ. Къ этому же времени траншея была вооружена нѣсколькими скорострѣльными пушками (картечницами), которые доставили ей не только фронтальную, но и прекрасную фланговую оборону. Общая потеря наша въ этомъ дѣлѣ не превышаетъ 80 человекъ, изъ которыхъ 64 раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ находится и подпоручикъ Тарасенковъ, раненый пулею въ ухо. Къ сожалѣнiю, мы лишились замѣчательно храбраго офицера въ лицѣ командира 3-й роты 9-го стрѣлковаго батальона, штабсъ-капитана Домбровскаго, который, идя въ атаку впередъ своей роты, былъ убитъ пулею наповалъ. Генералъ Скобелевъ очень сожалѣетъ объ этой потерѣ.

Въ теченiе дня 29-го числа отрядъ нашъ продолжалъ усиливать свои окопы и преимущественно озаботился объ устройствѣ для себя болѣе удобныхъ и безопасныхъ сообщенiй съ тыломъ. Турки весь день поддерживали почти безвредную ружейную перестрѣлку, а снаряды ихъ болѣею частью дожились далеко позади, не только залетая иногда въ районъ лагернаго расположенiя 16-й дивизiи, но даже и перелетая за него. Вообще, для нашего передового отряда дѣйствiе турецкихъ снарядовъ до сихъ поръ оставалось совершенно безвреднымъ.

Новая позицiя наша, очевидно, весьма стѣсняетъ турокъ, потому въ ночь съ 29-го на 30-е октября они рѣшались сдѣлать попытку нечаяннаго нападенiя, чтобы отбить у насъ свои бывшiе ложементы. Намѣренiе это было не трудно предвидѣть еще съ самаго начала, потому что постоянно имѣть непрiятеля, что называется, «у себя на носу», въ какихъ нибудь двухстахъ-пятидесяти шагахъ—во всякомъ случаѣ невыносимо. Генералъ Скобелевъ, имѣя въ виду вѣроятность подобной атаки,

сразу же принял на такой случай всё надлежащая меры. Съ этой целью онъ самъ безотлучно поселился въ передовой траншеѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, капитаномъ Куропаткинымъ. Солдаты вырыли для генерала небольшую ямку, въ уровень со дномъ траншеи, и поставили тамъ санитарныя носилки, служащія ему постелью. Чуть только начинается болѣе оживленная перестрѣлка, Скобелевъ выходитъ изъ своей ямки и начинаетъ прохаживаться по траншеѣ, не сгибая спины, такъ что часть его головы постоянно видѣется надъ верхнимъ уровнемъ насыпи; во время подобныхъ прогулокъ, онъ невозмутимо спокойнымъ, ровнымъ голосомъ и всегда яснымъ взглядомъ ободряетъ стрѣлковъ, наблюдая, чтобы они цѣлили вѣрнѣе и не выпускали зря патроновъ. На всякій случай генералъ распорядился, чтобы значительно впереди траншеи залечь особый секретъ, съ целью слѣдить дено и нощю за всѣмъ, что дѣлается у противника. Одинъ изъ людей этого секрета и предупредилъ заблаговременно генерала, что турки, какись, собираются ударить на насъ врасплохъ, для чего у нихъ въ траншеяхъ собрано уже отъ пяти до семи таборовъ. Въ совершенной тишинѣ весь нашъ передовой отрядъ былъ поднятъ на ноги. Несмотря на полные потемки осенней полночи, порядкомъ у насъ въ траншеяхъ былъ замѣчательный, образцовый. Приказанія и распоряженія, передаваемые почти шепотомъ, принимались къ исполненію быстро и безъ малѣйшей суеты; людямъ велѣно приготовиться, осмотрѣть оружіе и внимательно выжидать условнаго знака. Настала мертвая тишина. Впереди ничего еще не было видно, когда послышался издали какой-то неопредѣленный, слабый шумъ, который съ каждою секундой все приближался и приближался: то былъ глухой звукъ легкихъ, сдержанныхъ и какъ бы вкрадывавшихся шаговъ, напоминающій шумъ движенія цѣлой отары овецъ. Идутъ... Вотъ, шагахъ во ста впереди чуть-чуть обрисовалась какая-то темная, прилипшая къ землѣ масса, она движется и, какись, ползетъ... Вотъ эта масса приблизилась на шестьдесятъ шаговъ, какъ вдругъ въ это самое мгновеніе въ нашей траншеѣ рѣзко раздается условный свистокъ: разомъ сверкнула во всю длину бруствера полоса молніи и какъ одинъ выстрѣлъ грянулъ громадный, оглушительный залпъ. Въ подступавшей темной массѣ раздалось отчаянные вопли испуга, крики боли, стоны страданія... Она заколебалась и повернула назадъ. Вторичный залпъ ударилъ въ тылъ бѣжавшаго противника. Новые вопли раздалось въ темнотѣ и къ нимъ присоединились теперь какія-то проклятія, брань и энергическіе крики, очевидно начальниковъ, старавшихся остановить общее бѣгство. Это имъ, наконецъ, удалось. Отбѣжавъ на значительное разстояніе, турки

залегли и открыли лихорадочно-горячую, какъ бы судорожную, перестрѣлку. Огонь ихъ былъ частъ, но неровенъ и безпорядоченъ. Судя по этому огню, можно было заключить, что нашъ неожиданный залпъ произвелъ сильное нравственное впечатлѣніе. Прошло по крайней мѣрѣ полчаса, прежде чѣмъ огонь противника принялъ болѣе спокойное, равномерное теченіе, хотя выстрѣлы, по обыкновенію, были часты на подобіе барабанной дробі; но самая правильность этой дробі уже доказывала, что турки успѣли опомниться, придти въ себя и прибѣгнуть къ своей всегдашней системѣ обливанія безцѣльнымъ дождемъ свинца, который шлепался въ брустверъ, либо пролеталъ высоко надъ головами защитниковъ траншеи. Все это дѣло продолжалось около часа. Ровно въ часъ по-полуночи данъ былъ нашъ первый убійственный залпъ, а безъ нѣсколькихъ минутъ въ два съ турецкой стороны протрубили въ рожокъ «отступленіе». Генералъ Скобелевъ, зная по опыту, что за этимъ сигналомъ нѣрѣдко слѣдуетъ у турокъ новая атака, думалъ, что и теперь они прибѣгаютъ къ той же хитрости, а потому приказалъ своимъ приготовиться къ дружной и достойной встрѣчѣ. Но противнику на этотъ разъ, какъ видно, было уже не до хитростей: употребивъ цѣлый часъ на безполезную впотѣмахъ перестрѣлку, «поражаемые не рѣдко съ задней своей позиціи осколками своихъ-же собственныхъ гранатъ, которыя теперь лопались болѣею частью значительно впереди нашей траншеи, турки послѣ сигнала тотчасъ-же поспѣшили удалиться подъ прикрытіе своихъ ложементовъ. Когда все утихло, къ генералу Скобелеву явился начальникъ секрета, унтеръ-офицеръ 9-го стрѣлковаго батальона, и доложилъ, что въ секретѣ все благополучно, ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ. Генералъ не безъ удивленія встрѣтилъ этого унтеръ-офицера и сердечно обрадовался, когда услышалъ принесенную имъ вѣсть, такъ какъ секретъ, заложенный въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турецкихъ ложементовъ, можно было считать почти навѣрное погибшимъ. Онъ, можно сказать, заранѣе обрекался на необходимую жертву. Между тѣмъ оказалось, что турки даже и не замѣтили его, хотя два раза проходили совсѣмъ-таки мимо: при наступленіи и при отступленіи. Секретъ все время лежалъ, притаившись въ своей засадѣ, и все видѣлъ, все слышалъ... Наша потеря въ эту ночь не превысила сорока человекъ, вообще выбывшихъ изъ строя, что вмѣстѣ съ убылими предшествовавшаго дѣла равняется 120, изъ коихъ 26 убитыхъ.

Утромъ 30-го числа наша траншея приняла уже исполнѣ благоустроенный видъ. Гребень насыпи былъ плотно коронованъ мѣшками, набитыми пескомъ; въ узенькихъ ложбинахъ между этими мѣшками лежали обращенныя къ

неприятелю ружья, съ соответственно поставленными прицѣлами, за чѣмъ внимательно наблюдалъ самъ генералъ Скобелевъ, неоднократно подходившій къ солдатамъ для личной повѣрки прицѣловъ и внушенія молодымъ людямъ разныхъ споровокъ въ вѣрной прицѣлкѣ и стрѣльбѣ по противнику, въ его закрытіяхъ. Въ этотъ день батальоны Владимѣрскаго полка, сплошь занимавшіе траншеи, были смѣнены 64 пѣхотнымъ Казанскимъ полкомъ, а въ резервъ сталъ 63-й пѣхотный Угличскій полкъ. Люди, еще за сутки ранѣе, были рассчитаны на смѣны, причемъ очередные стояли на своихъ мѣстахъ у приступковъ, а остальные дремали, сидя на тѣхъ же приступкахъ, или лежали во рву траншеи; на случай ночной тревоги, унтеръ-офицерамъ вѣрно было отнюдь не будить людей разомъ, а постепенно и осторожно, въ избѣжаніе шума, суеты и суматохи; каждому солдату заранѣе было твердо указано его мѣсто въ траншейномъ бою; каждый зналъ, гдѣ лежать запасные патроны его отдѣленія; назначены были очереди для отправления за водою и на обѣдъ въ деревню Брестовецъ; перевязочный пунктъ помѣщенъ въ безопасномъ мѣстѣ на ловчинскомъ шоссе; однимъ словомъ, все заблаговременно было обдумано, рассчитано и приспособлено, сообразно съ данными обстоятельствами. Явилась умѣстной даже и своего рода шутка, а именно: въ боковой и въ главной траншеяхъ поставлены были два небольшие столбика, съ прибитыми къ нимъ дощечками, на которыхъ солдатики сдѣлали углемъ надписи — на столбикѣ главной траншеи значилось: «*Невскій проспектъ*», а у входа въ боковую — «*Большая Морская*», такъ что офицеры — защитники нашей позиціи, неоднократно предлагаютъ теперь прибѣгающимъ ординарцамъ и посѣтителямъ: «не угодно ли, молъ, прогуляться по Большой Морской или по Невскому проспекту? Не угодно ли подняться на открытый балконъ гостиницы «*Belle-vue*» (такъ называется у нихъ центральное мѣсто на гребнѣ насыпи), отсюда, молъ, прекрасно видны турецкіе ложементы и даже красныя фески». И все это совершается подъ непрерывными ружейными выстрѣлами турокъ. Въ настоящее время мы отчасти помѣнялись съ ними ролями: защитники племенныхъ позицій рѣдко отвѣчаютъ на нашъ артиллерійскій огонь, а мы въ свою очередь, воздерживаемся отвѣчать имъ на Зеленой горѣ ружейными выстрѣлами. Здѣсь солдатамъ положительно воспрещено стрѣлять безъ толку, въ отвѣтъ на шальные пули; люди наши могутъ посылать выстрѣлы не иначе, какъ по приказанію своихъ отдѣленныхъ офицеровъ, а эти послѣдніе отдають подобное приказаніе только въ такихъ случаяхъ, если въ какомъ-либо мѣстѣ турецкихъ ложементовъ замѣчается особенное скопление людей или учащенный огонь; но

всегда и при всѣхъ условіяхъ у генерала Скобелева неуклонно наблюдается, чтобы заряды не пускались на вѣтеръ: «стрѣлай рѣже, да мѣтче» — это неизмѣнное правило, военный законъ «блага генерала». Замѣчательно отношеніе М. Д. Скобелева къ солдатамъ: никогда ни малѣйшей вспыльчивости, ни малѣйшаго возвышенія голоса, ни малѣйшей брани или рѣзкости; подойдетъ, посмотритъ человѣку въ глаза, спроситъ о чемъ нибудь, поговоритъ или научитъ какой-либо споровкѣ, обласкаетъ добрымъ словомъ и отходитъ далѣе, а солдатъ ободритъ, да и не одинъ онъ, а вмѣстѣ съ нимъ ободрено все отдѣленіе, слышавшее бесѣду «блага генерала» съ ихъ товарищемъ. Главное условіе его отношеній къ солдату — величайшая простота и искренность. Генералъ Скобелевъ, ежеминутно подставляя свой лобъ подъ пули, не скрываетъ отъ солдата, что и для него самого иногда «тоже боязно», да ничего не подѣлаешь, потому что позади еще хуже, еще страшнѣе, а впереди, дасть Богъ, полегче будетъ. И солдатъ, видя его постоянно въ огнѣ, въ передовой цѣпи, нерѣдко даже совершенно безоружнаго, — какъ наприимѣръ, 28-го октября, когда онъ былъ безъ сабля, — приучается любить и безусловно вѣрить въ начальника, раздѣляющаго съ нимъ всѣ солдатскія нужды и невзгоды. Скобелевъ не даромъ переселился въ траншею; двое сутокъ онъ прожилъ подъ открытымъ небомъ, въ ямкѣ, гдѣ все преимущество его заключалось только въ санитарныхъ носилкахъ; солдаты видѣли, что онъ здѣсь же, въ своей кавказской буркѣ, вмѣстѣ съ ними, подъ пулями и гранатами, всегда ясный, спокойный, дѣятельный, ходитъ, гуляетъ, работаетъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ надъ «плантами» (надъ картой), ѣстъ то же, что и они ѣдятъ, спитъ менѣе прочихъ и еще говорить, что ему «тоже боязно». Только 31-го октября солдаты могли накнута древесный плетень на его ямку и сдѣлать изъ нея жалкое подобіе землянки: «все же суше будетъ, да авось-либо и пуля не такъ скоро достанетъ... Коли мы не позаботимся, онъ, какъ дитѣ, самъ о себѣ не подумаетъ». Но солдаты «подумали» еще и болѣе этого: позади его ямки они устроили небольшую траншейку, и въ ней помѣстился особый небольшой караулъ личныхъ охранителей генерала Скобелева — мѣра, дѣйствительно, на всякій случай вполне необходимая. Рядомъ съ М. Д. Скобелевымъ помѣщаются капитанъ Куропаткинъ, ординарцы и корреспондентъ «Новаго Времени» г. Немировичъ-Данченко, безотлучно находящійся въ траншеѣ. Тутъ они всѣ и спятъ, и ѣдятъ, и чай пьютъ, и гуляютъ по «Невскому проспекту». Только огонь зажигать по ночамъ неудобно: разъ было генералу понадобилось справиться о чемъ-то по картѣ; онъ попросилъ зажечь фонарь, но только-что успѣлъ за работу,

какъ турки открыли такой огонь на свѣтъ, что въ избѣжаніе напрасныхъ потерь пришлось погасить фонарь и до разсвѣта отказаться отъ работы. Вслѣдствіе неоднократныхъ опытовъ, кончавшихся усиленнымъ турецкимъ огнемъ, у насъ теперь въ траншеяхъ не только не разводять костровъ, но даже и папиросы закуриваютъ «съ опаской». Бываютъ и такіе случаи: замѣчаетъ однажды генералъ Скобелевъ, что въ траншею начали вдругъ падать пули, одна за другою, но падаютъ какъ-то странно, какъ будто откуда-то сверху. Въ недоумѣніи, что могло бы это значить, окружающіе генерала начинаютъ присматриваться—туда, сюда—и что же вдругъ оказывается?—Какой-то смѣльчакъ турокъ взобрался на дерево и изъ-за густыхъ вѣтвей его шлѣтъ намъ пулю за пулей. — «Кто, братцы, хочетъ осадить его?» обратился генералъ къ ближайшимъ солдатамъ. Охотникъ, конечно, тотчасъ же нашелся, прицѣлился, и—убитый наповалъ турокъ грохнулся съ вѣтви на землю. Послѣ этого случая, солдаты внимательно наблюдаютъ не только непріятельскія траншеи, но и деревья, такъ какъ уловка убитого смѣльчака не осталась безъ подражанія. Холодные, сырыя ночи особенно тяжки людямъ: дрогнутъ безъ огня и все время спать, что называется, въ полгала. Непріятельскій огонь не прекращается ни днемъ, ни ночью. Въ самой траншеѣ, отосытельно говоря, еще довольно безопасно; но резервы терпятъ: шальные турецкія пули, перелетая черезъ брустверъ, падаютъ на склонъ занятой нами возвышенности и нерѣдко ложатся въ то мѣсто, гдѣ залегаютъ резервы. Общая убыль убитыми и ранеными въ траншеѣ не превышаетъ четырехъ, пяти человѣкъ, а резервъ теряютъ ихъ отъ 10-ти до 15-ти; 30-го же числа потеря его дошла даже до сорока человѣкъ. Въ особенности опасны осѣна частей въ траншеѣ и экспедиція за водою. Въ эту послѣднюю люди обыкновенно отправляются небольшими партіями, отъ 6 до 12 солдатъ, или около того, и на открытомъ проходѣ, шаговъ въ полтора-два, турецкія пули очень ихъ беспокоятъ. 29-го октября, напри-мѣръ, два человѣка, изъ числа шедшихъ за водою, поплатились однимъ раной, другой—жизнію на мѣстѣ. Но наибольшей опасностію отличается мѣсто спуска въ долину, на противномъ краѣ которой залегаютъ наши резервы: здѣсь поминутно поютъ и шлепаются турецкія пули.

29-го числа, днемъ, саперный унтеръ-офицеръ Курочкинъ, взявъ съ собою двухъ-трехъ товарищей, вышелъ изъ траншеи, перебрѣжалъ пространство впереди около пятидесяти шаговъ, взобрался на одиночное дерево, хорошенько высмотрѣлъ оттуда мѣсто, лежащее между нашими и турецкими окопами, и, соскочивъ на землю, намѣтилъ колышками направ-

леніе новаго ложементъ. Все это было совершено подъ непрерывными выстрѣлами турокъ.

Вечеромъ, въ девять часовъ, генералъ Скобелевъ отрядилъ часть людей для заложения новой траншеи, по направленію, намѣченному днемъ, и для вырубки нѣсколькихъ большихъ деревьевъ, изъ которыхъ предназначено было устроить особую заставку. Люди въ полной тишинѣ приступили къ земной работѣ, которая пошла очень успѣшно, но стукъ топоровъ о древесные стволы привлечь на себя вниманіе турокъ, которые разомъ исполнились и открыли жестокий огонь. Не желая рисковать потерю людей изъ-за работы, не имѣвшей особенно существеннаго значенія, генералъ приказалъ прекратить рубку; траншея же была-таки выведена на протяженіи болѣе пятидесяти шаговъ. Турки пытались сдѣлать вылазку, но были прогнаны въ ложементы нашими залпами. Началась опять обычная перестрѣлка, не прекращавшаяся въ теченіе всей ночи. Занятіе первого гребня Зеленой горы свело насъ съ противникомъ на ближайшее разстояніе, вслѣдствіе чего обѣ стороны находятся постоянно въ самомъ напряженномъ состояніи, и не мудрено: жизнь каждаго человѣка ежеминутно виситъ, что называется, на волосѣ, а при этомъ нервное напряженіе, естественно, должно быть весьма значительно. Упорство пяти турецкихъ атакъ 31-го августа наглядно показало намъ, въ какой мѣрѣ Османъ-паша дорожитъ именно этою позиціею *) и потому съ нашей стороны было вполне естественно стремленіе отнять именно то, что, по какому бы то ни было причинамъ, дорого противнику. Для насъ это было тѣмъ болѣе важно, что съ занятіемъ первого гребня Зеленой горы отрядъ генерала Скобелева значительно сблизился съ отрядомъ генералъ-майора Бремзена, который, еще 12-го октября, удачно занявъ Тринискія высоты, находился до сихъ поръ въ нѣсколько уединенномъ положеніи, такъ какъ могъ считать обезпеченнымъ только свой лѣвый флангъ (послѣ занятія нами Дольнаго Дубняка); теперь же скобелевскій отрядъ достаточно обезпечиваетъ и правый его флангъ.

*) Кстати. Изъ разсказовъ плѣнныхъ нынѣ стало намъ извѣстно, что Османъ-паша поставилъ въ тылу своей атаковавшей пѣхоты два кавалерійскіе полка и батарею, которымъ было строго приказано стрѣлять картечью и рубить каждаго турка, который осмѣлится бѣжать. Съ помощію этой суровой мѣры, редуты, взятые Скобелевымъ, были наконецъ отбиты.

LXIX.

Взятіе Врацы.

Рекогносцировка штабсъ-капитана Вилламова.— Движеніе двухъ кавалерійскихъ колоннъ на Врацу.— Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Врацѣ.— Атака конно-гренадеръ на городъ и уланъ Его Величества на ложементы.— Вступленіе войскъ въ городъ и добыча, найденная въ немъ.

Боготъ, 1-го ноября.

28-го же октября мы успѣшно приобрѣли одинъ немаловажный пунктъ въ западной Болгаріи, лежащій по дорогѣ изъ Рахова на Софію, минуя Орханіе. Телеграфъ уже извѣстилъ вкратцѣ о взятіи тремя гвардейскими кавалерійскими полками города Врацы. Подробности этого дѣла заключались въ слѣдующемъ:

26-го октября вечеромъ, къ генералъ-майору Леонову, командующему 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею, прибылъ изъ рекогносцировки штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка Вилламовъ и донесъ, что городъ Враца занятъ одной пѣхотой и что тамъ находятся большіе продовольственные запасы. Эти же свѣдѣнія подтверждались и показаніями мѣстныхъ жителей.

Тогда генералъ Леоновъ рѣшился овладѣть Врацею, и, раздѣливъ свой отрядъ на двѣ колонны, выступилъ съ нимъ 27-го октября утромъ. Правую колонну составлялъ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ, который двинулся на Врацу съ сѣвера, по раховской дорогѣ, въ составъ же лѣвой колонны вошли полки лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій съ четырьмя орудіями ¹⁾, подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-майора Клото. Эта послѣдняя колонна была направлена горами, по трудной дорогѣ, черезъ деревню Вробежницу. Къ вечеру того же дня, сдѣлавъ сорока-верстные переходы, обѣ колонны приблизились къ Врацѣ на разстояніе трехъ часовъ пути и уже въ сумерки расположились — правая у селенія Мраморени, а лѣвая у Вробежницы.

Здѣсь генералъ Леоновъ узналъ, что гарнизонъ Врацы состоитъ изъ 800 человекъ регулярной пѣхоты и 300 черкесовъ, но безъ артиллеріи; что городъ защищенъ лишь незначительными окопами, расположенными въ сѣверномъ направленіи, серьезныхъ же укрѣпленій не имѣетъ; что туда свезены большіе продовольственные запасы, собранные изъ четырехъ казъ (убадовъ) и ожидаютъ тамъ отпращиванія, не сегодня-завтра, въ Орханіе; мѣстное же мусульманское населеніе все бѣжало въ горы, потому что его страшно напугали рассказы черкесовъ, раненныхъ въ стычкѣ съ лейбъ-гвардіею Гусарскимъ Его Величества пол-

комъ; эти рассказы повліяли на мусульманскихъ жителей въ такой мѣрѣ, что они, спѣша уходить изъ города, самовольно расхватали даже казенныя подводы, для вывоза своихъ женъ и имущества.

Не желая обнаруживать преждевременно присутствія русской кавалеріи, генералъ Леоновъ распорядился, чтобы люди ночью отнюдь не смѣли разводить костровъ и вообще наблюдали бы строгую тишину.

Изъ семь часовъ утра 28-го числа выступили уланы, а полчасомъ позднѣе поднялась въ путь и лѣвая колонна; обѣ части двинулись съ такимъ расчетомъ, что безъ четверти въ одиннадцать часовъ утра подошли къ Врацѣ — уланы съ сѣвера, а остальные полки съ артиллеріею съ юга. Движеніе лѣвой колонны, благодаря закрытой мѣстности, совершилось вполне незамѣтно для турокъ, которые собрались въ окопахъ съ цѣлю отраженія лейбъ-уланъ Его Величества. Пока часть спѣшенныхъ уланъ развлекала противника перестрѣлкою, лейбъ-драгуны съ конно-гренадерами, какъ свѣгъ на голову, напали на Врацу съ юга. Четыре орудія открыли канонаду, которая однако не была продолжительна. Конно-Гренадерскій полкъ, быстро спѣсавъ, сразу кинулся впередъ и ворвался въ улицы. Между тѣмъ, турки, услышавъ у себя въ тылу неожиданные пушечные выстрѣлы, пришли въ замѣшательство и стали бросать окопы, торопясь занимать городъ. Три эскадрона уланъ, въ конномъ строю, влетѣли въ ложементы и изрубили оставшуюся тамъ часть пѣхоты; 4-й эскадронъ ихъ, будучи спѣшенъ, бросился со своимъ командиромъ ротмистромъ Хрулевымъ на перерѣзъ неприятелю, чтобы преградить ему путь отступленія въ горы; одновременно съ этимъ, 3-й эскадронъ лейбъ-драгунскаго полка, также въ пѣшемъ строю, сдѣлалъ то же самое съ противоположной, т. е. южной стороны, и такимъ образомъ, спѣшенные уланы и драгуны дрались въ улицахъ, а тѣмъ временемъ конныя части занимали окраины и захватили транспортъ. Впрочемъ, турки, взятые почти врасплохъ, не думали отстаивать городъ, а дрались только для того, чтобы прикрыть кое-какъ свое отступленіе, что и удалось имъ, благодаря трудно доступнымъ, горнымъ тропинкамъ, по которымъ они спасались вразбродъ и даже по-одиночкѣ.

Генералъ Леоновъ, имѣя въ виду главную цѣль, т. е. овладѣніе городомъ, не сталъ терять времени на преслѣдованіе разсыпавшагося неприятеля, ограничась одними проводами его ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, пока это было возможно. Бой въ городѣ продолжался до половины перваго часа пополудни хотя съ первыхъ же минутъ, благодаря неожиданности нападенія, дѣло явно склонилось въ нашу пользу. Черкесы, въ числѣ около

1) По одному заводу отъ 2-й и 3-й гвардейскихъ конныхъ батарей.

трехсотъ воядниковъ, бросались вонъ изъ Врацы на окраинскую дорогу; но 4-й дивизионъ лейбъ-драгунскаго полка, направленный еще утромъ, прямо изъ Вржебницы въво, на деревню Дорманце, съ цѣлью перехватить эту дорогу, встрѣтилъ черкесовъ и оттѣснялъ ихъ къ деревнѣ Лютому Долу.

Въ половинѣ четвертаго часа дня, генералъ Леоновъ въѣхалъ въ городъ, гдѣ жители-болгары встрѣтили его съ живѣйшей радостью. Здѣсь были сведены итоги потерямъ и добычѣ. Къ общему удовольствію, первыя оказались весьма незначительны, а именно: въ Конно-Гренадерскомъ полку ранено семь человѣкъ нижнихъ чиновъ и шесть лошадей, да девять лошадей убито; въ остальныхъ же частяхъ все обошлось благополучно, и изъ офицеровъ никто не раненъ. Близъ города захваченъ большой запряженный транспортъ (до тысячи пустыхъ повозокъ), въ которомъ привозилось продовольствіе изъ Видина въ Орханіе, въ самомъ же городѣ найдены большіе запасы хлѣба (зерномъ и мукой), ячменя и галетъ. Большую часть этихъ запасовъ генералъ Леоновъ отправилъ, 30-го октября, на подводахъ захваченнаго транспорта въ Горный Дубнякъ, отрядивъ въ прикрытіе имъ весь Конно-Гренадерскій полкъ. Лейбъ-драгуны съ двумя орудіями, того же 30-го числа, двинулись далѣе, по назначенію въ особую экспедицію, а лейбъ-уланъ Его Величества, тоже съ двумя орудіями, оставлены пока во Врацѣ, въ качествѣ гарнизона.

LXX.

Нижне-дунайскій, Рущукскій, Елененскій и Шипкинскій отряды.

(Обзоръ дѣйствій за первую половину ноября мѣсяца).

Задачи нашихъ силъ на восточномъ, южномъ и западномъ фронтахъ.—Дѣйствія нижне-дунайскаго отряда.—Рекогносцировки на Урумъ-Факи, Хаджи-Оглу-Базарджикъ, Бальчикъ, и схватки легучихъ отрядовъ у Орманъ-Куяса, Карасулара, Ирыджи и Герзамлы. — Результатъ этихъ дѣйствій.—Попытки турокъ къ переправѣ на румынскій берегъ.—Канонады подъ Журжевымъ.—Дѣйствія на восточномъ фронтѣ.—Аванпостныя схватки.—Кавалерійское дѣло 3-го ноября подъ Кацелевымъ и Острицей.—Дѣла 5-го ноября противъ фуражировъ.—Вой 7-го ноября у Циргоса.—Мелкія дѣла и стычки съ 8-го по 12-е октября.—Наступленіе турокъ 13-го числа и дѣла у деревень Паломарце, Кропче и Ковачицы.—Польская кавалерія у турокъ. — Бой 14-го ноября у Мечки и Трестеника.—Дѣйствія елененскаго отряда.—Дѣла 4-го и 5-го ноября у Новосела и Златарицы.—Сборъ турецкихъ силъ противъ елененскаго отряда.—Положеніе дѣлъ на Шипкѣ.

Въ Боготѣ, 15-го ноября.

Съ начала ноября мѣсяца на всѣхъ фронтахъ нашей задунайской арміи происходитъ

почти ежедневныя и довольно оживленныя стычки и дѣла; все это, впрочемъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, не имѣетъ особеннаго значенія для главнѣйшихъ нашихъ стратегическихъ цѣлей. То тамъ, то здѣсь, или съ нашей, или съ турецкой стороны дѣлаются небольшія рекогносцировки и нѣкоторыя попытки отдѣльныхъ атакъ; при этомъ либо турки оттѣсняютъ наши посты, либо мы потомъ оттѣсняемъ ихъ и занимаемъ мѣста прежняго своего расположенія. Все это происходитъ преимущественно на нашемъ восточномъ фронтѣ, гдѣ стратегическія цѣли наши до поры до времени заключаются лишь въ томъ, чтобы, обезпечивъ себя сильно укрѣпленными позиціями, не дать арміи Сулеймана никакой возможности повредить нашимъ операціямъ на западномъ фронтѣ и преимущественно подъ Плевной, такъ что въ сущности вся задача отрядовъ восточнаго фронта сводится къ тому, чтобы не допустить Сулеймана не только прорваться, но и оттѣснить насъ изъ нынѣшнихъ укрѣпленныхъ позицій на линіи р. Кара-Гума. Задача южнаго фронта въ главныхъ чертахъ своихъ вполне сходится съ предыдущей, такъ какъ здѣсь намъ важно удержать за собою, для будущихъ наступательныхъ цѣлей, балканскіе проходы и въ особенности Шипкинскій. Что касается западнаго фронта, то тутъ задача раздвояется, а именно: намъ надо держать въ тѣсной блокадѣ Плевну и въ то же время совершать поступательное движеніе къ Орханіе и Софіи, дабы впоследствии, опираясь на эти пункты, проникнуть въ юго-восточную часть забалканской Болгаріи. На западныхъ отрядахъ нашей арміи и сосредоточивается въ настоящую минуту весь интересъ наблюдателя. Однако же, сколь ни малозначущи сами по себѣ небольшія дѣла на восточномъ и южномъ фронтахъ, тѣмъ не менѣе, для уясненія общей картины нашихъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи за первую половину ноября, не мѣшаетъ сдѣлать всѣмъ имъ общій обзоръ. Свѣдѣнія, сообщенныя уже телеграфнымъ путемъ, какъ и всегда, ограничиваются лишь самыми существеннѣйшими чертами и вдобавокъ, по необходимости, страдаютъ разбросанностью, такъ какъ нерѣдко въ одной и той же донесеніи передаются отрывочныя извѣстія о дѣлахъ нѣсколькихъ, совершенно независимыхъ отрядовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого и временемъ дѣйствія, и пространствомъ, и даже самими цѣлями своихъ дѣйствій. Поэтому задача настоящаго письма заключается въ томъ, чтобы очертить общую картину нашихъ дѣйствій за истекшія двѣ недѣли ноября, для чего необходимо привести въ порядокъ свѣдѣнія о данныхъ дѣлахъ по каждому отдѣльному отряду и дополнить ихъ нѣкоторыми, иногда интересными подробностями.

Начнемъ съ отдѣльнаго ниже-дунайскаго отряда.

Передовымъ кавалерійскимъ частямъ этого отряда нерѣдко удается проникать въ глубь непріятельскаго расположенія, гдѣ онѣ производятъ рекогносцировки и набѣги, вѣнчающіеся хотя и не большими, но постояннымъ успѣхомъ, который не остается, конечно, безъ нравственнаго вѣдѣнія на обѣ стороны. 2-го ноября командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка полковникъ Лауницъ двигался по дорогѣ на городъ Хаджи-Оглу-Базарджикъ съ двумя эскадронами своего полка. На пути, у деревни Орманъ-Куюса, онъ настигъ конную партію регулярныхъ турокъ и черкесовъ, которые гнали скотъ и лошадей, вѣроятно награбленныхъ или взятыхъ реквизиціоннымъ путемъ у жителей. Полковникъ Лауницъ атаковалъ эту кавалерію, разбилъ большую часть ея и отбилъ 400 головъ скота и 200 лошадей.

Начальникъ ниже-дунайскаго отряда, генералъ Циммерманъ, для повѣрки силъ и расположенія непріятеля, посылалъ въ первой половинѣ ноября нѣсколько летучихъ отрядовъ на Урумъ-Факи, Хаджи-Оглу-Базарджикъ и приморскій городъ Бальчикъ. Всѣ эти отряды имѣли 11-го ноября весьма удачныя схватки съ турками. Казаки, посланные на Урумъ-Факи, наткнулись у деревни Карасулара на небольшую партію и отбили у нея много оружія, 65 лошадей и 10 головъ скота.

Бѣлорусскіе гусары, которые составляли авангардъ отряда, шедшаго на Бальчикъ, встрѣтили у деревни Ирыджи пять эскадроновъ регулярной турецкой кавалеріи, въ числѣ свыше пятисотъ человѣкъ, и немедленно же атаковали противника. Турки, туго подаваясь назадъ, встрѣтили атаку гусаръ частымъ огнемъ изъ своихъ магазинныхъ ружей. Тогда кивбурнскіе драгуны, пошедшіе рысью на звукъ этихъ выстрѣловъ, подошли какъ разъ во-время къ мѣсту боя, атаковали вмѣстѣ съ гусарами турецкую кавалерію, успѣшно опрокинули ее съ перваго же налета, изрубили и перекололи значительное число непріятельскихъ всадниковъ, а остальныхъ гнали предъ собой почти до самаго Бальчика, причемъ отбили 145 турецкихъ лошадей и 376 головъ рогатаго скота; вмѣстѣ съ тѣмъ они успѣли сдѣлать и рекогносцировку самаго Бальчика, которая удостовѣрила ихъ, что этотъ городъ сильно укрѣпленъ и занятъ нѣсколькими таборами пѣхоты, съ регулярной конницей и артиллеріей; въ гавани же усмотрѣли они два непріятельскіе бронепоса, стоявшіе на якорѣ.

Третій летучій отрядъ, въ составѣ четырехъ сотенъ 18-го донскаго казачьяго полка, при двухъ конныхъ орудіяхъ, направлялся къ Хаджи-Оглу-Базарджику, имѣя въ авангардѣ одну изъ своихъ сотенъ. Эта головная сотня

подверглась внезапной атакѣ у деревни Герзамлы, неподалеку отъ Базарджика. Турецкій отрядъ состоялъ изъ пятисотъ регулярныхъ кавалеристовъ и двухъ ротъ пѣхоты. Остальные три сотни нашего летучаго отряда, быстро подошли съ своими орудіями, своевременно дали дружную поддержку своему атакованному авангарду, нанесли противнику большой уронъ артиллерійскимъ огнемъ, и затѣмъ сбили и окончательно разбили его смѣлой атакѣ въ шашки и въ пики, отбивъ при этомъ много прекраснаго оружія, 40 лошадей, и 20 головъ скота. Кромѣ того, отряду нашему удалось высмотрѣть, что Базарджикъ укрѣпленъ довольно сильно. Въ этомъ дѣлѣ казаки потеряли убитыми 5 человѣкъ и 9 лошадей, а ранеными 6 человѣкъ и 7 лошадей, да сверхъ того одинъ казакъ изъ авангардной сотни пропалъ безъ вѣсти. Въ другихъ двухъ нашихъ отрядахъ были убиты и ранены только нѣсколько лошадей, потерь же людьми не было. Благодаря этимъ налетамъ, все пространство на 70 верстъ впередъ отъ линіи Кюстенджи - Черноводы совершенно очищено отъ непріятеля.

Порой проявляются со стороны турокъ странныя попытки къ переправѣ на румынскій берегъ. Надо отдать имъ справедливость, до сихъ поръ это были не болѣе какъ ничтожныя случаи, и хотя нѣкоторые иностранныя туркофильскія газеты старались иногда раздуть ихъ въ серьезныя и крайне опасныя для нашей коммуникаціонной линіи предпріятія, тѣмъ не менѣе ни одна попытка турокъ противъ лѣваго берега Дуная не увѣчалась ни малѣйшимъ успѣхомъ. Страннѣе всего въ этихъ предпріятіяхъ то, что почти всѣ они производятся въ такихъ размѣрахъ и съ такими малыми силами, что даже наиболѣе успѣхъ ихъ можетъ заключаться въ подвигахъ въ родѣ сожженія какой нибудь караулки, вырѣзанія одиночнаго и удаленнаго румынскаго поста, или въ захватѣ нѣсколькихъ барановъ. Такъ точно и въ ночь на 1-е ноября восемь турецкихъ лодокъ отчалили отъ рущукской пристани и тихо подплыли къ устью рѣчки Кепаско, впадающей въ Дунай нѣсколько ниже Журжева. Нанѣ небольшая постъ позволилъ имъ подплыть довольно близко, такъ, чтобы при слабомъ свѣтѣ безлунной ночи бить навѣрняка, и затѣмъ далъ по достаточно выяснившемуся силуэту противника два — три залпа, отъ которыхъ лодки посѣпшались удалиться обратно. Однимъ словомъ, выходитъ по пословицѣ: «игра не стоитъ даже свѣчъ», а не то что металлическихъ патроновъ.

Что же касается Журжева, то здѣсь до конца октября наиболѣе безпокойства причиняли намъ и румынамъ тѣ рущукскія батареи, которыя специально посылали свои гранаты на станцію желѣзной дороги. Станція эта, какъ

известно, довольно обширна, а въ военное время на ней зачастую бывает сосредоточено не мало различных грузов и переходящих командъ. Хотя турецкія гранаты далеко не всё разрываются, тѣмъ не менѣе причиняютъ нѣкоторое безпокойство, мѣшаютъ служащимъ и рабочимъ исполнять свои обязанности, угрожаютъ иногда безопасности складовъ и подвижного состава. Все это надо было по возможности устранить и потому 1-го ноября въ Журжевѣ была открыта для дѣйствій вновь построенная дальнобойная батарея, назначеніе которой заключалось въ стрѣльбѣ по турецкимъ батареямъ, обстрѣливающимъ вокзалъ и вообще районъ журжевской станціи. Эта батарея, въ первый же день своего открытія, совместно съ прочими нашими батареями, стрѣляла до самого вечера по своимъ специальнымъ цѣлямъ, и, повидимому, дѣйствіе ея было довольно удачно, продолжая оставаться такимъ и до настоящаго времени: турецкія орудія уже значительно менѣе и рѣже пытаются вредить журжевскому дебаркадеру. По показаніямъ нѣкоторыхъ перебежчиковъ, въ Рушукѣ находится теперь 30,000 турецкихъ войскъ. 7-го ноября, по случаю взятія Карса, наши журжевскія батареи послали громоносный боевой салютъ Рушукѣ, на который турки тотчасъ же отвѣтили горячей канонадой. Все это продолжалось два часа—отъ 12-ти до 2-хъ пополудни, причемъ у насъ на городской батарее разбита одна орудійная платформа и контужено пять человѣкъ артиллерійской прислуги, но зато мы сбили у турокъ цѣлую батарею, построенную у казармъ; кромѣ того, одинъ изъ нашихъ снарядовъ, чрезвычайно удачно попалъ въ какую-то пѣхотную часть, шедшую къ Пиргосу. Лопнувъ среди рядовъ, онъ мигомъ заставилъ разсѣяться всю колонну.

Послѣ рѣчи о Журжевѣ и Рушукѣ, самый естественный переходъ будетъ къ нашему рушукскому отряду и вообще къ дѣйствіямъ войскъ восточнаго фронта.

Начиная со второй половины октября, турецкіе отряды, различныхъ силъ и состава, постоянно безпокоятъ наши передовые посты на шумлянкой и османбазарской дорогахъ, гдѣ нашими кавалерістамъ по нѣскольку разъ въ сутки приходится имѣть горячія и нерѣдко упорныя стычки. При одной изъ подобныхъ аванпостныхъ схватокъ съ черкесами и башибузуками, 2-го ноября, у насъ раненъ Чугуевскаго уланскаго полка корнетъ Терентьевъ и убиты двѣ лошади.

3-го ноября, утромъ, на пространствѣ между деревнями Кацелевымъ и Соленикомъ происходило не большое, но лихое кавалерійское дѣло. Началось съ того, что въ виду передовыхъ постовъ, выставленныхъ отъ 39-го донскаго казачьяго полка, въ районѣ между двумя названными линіями, появились два эскадрона

турецкой кавалеріи, высланные впередъ пѣль своихъ наѣздниковъ; эти послѣдніе завязали съ казаками безвредную перепалку, стараясь главнѣйшимъ образомъ посредствомъ своего огня привлечь исключительно на себя вниманіе нашихъ аванпостовъ, которые по количеству силъ, надо замѣтить, были значительно слабѣе противника. Сметнувъ, что турки намѣрены воспользоваться завязавшеюся перестрѣлкой наѣздниковъ, для того чтобы охватить посредствомъ обхода наши аванпосты, казаки стали понемногу стягиваться и подаваться назадъ, а затѣмъ неожиданно ударили на противника, съ обычнымъ своимъ гикомъ, и не только успѣшно отразили, но даже прогнали съ поля турецкіе эскадроны, послѣ чего вновь заняли свою аванпостную линію. Впрочемъ, первая неудача не охладила турокъ: спустя нѣсколько времени, тѣ же эскадроны опять выдвинулись противъ казачьихъ постовъ, но на этотъ разъ уже при поддержкѣ своей пѣхоты, появившейся въ количествѣ двухъ таборовъ. Стрѣлковыи огонь и настойчивый натискъ регулярныхъ кавалерістовъ заставилъ наконецъ казаковъ отстрѣливаясь отходить назадъ, и такимъ образомъ турки постепенно тѣснили ихъ до деревни Острицы. Услышавъ перепалку, соотвѣднй казачій № 36-го полкъ незамѣтно подтянулся къ Острицѣ и разомъ ударилъ во флангъ напавшему противнику. Эта атака остановила дальнѣйшій натискъ турокъ и заставила ихъ удалиться отъ Острицы. Но все же они не утомлялись: потерпѣвъ здѣсь вторичную неудачу, турецкіе эскадроны, за которыми слѣдовала ихъ пѣхота, стремительно бросались на посты Лубенскаго гусарскаго полка, стоявшіе впереди Кацелева, и благодаря неожиданности этого новаго натиска, сдѣланнаго вслѣдъ за понесенною неудачей, имъ удалось отбѣгнѣть гусаръ за рѣку Ломъ. послѣ чего турецкая пѣхота тотчасъ же заняла восемь ротами высоты праваго берега. Какъ разъ въ это самое время прискакалъ на мѣсто дѣйствія командиръ Лубенскаго гусарскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Пащенко-Развадовскій, который привелъ съ собою враскор собранные по тревогѣ три эскадрона своихъ гусаръ, полускадронъ уланъ и дивизіонъ пингушей. Отбѣсненные гусары пригнули къ своимъ однополчанамъ, и такимъ образомъ этотъ небольшой отрядецъ, силою въ шесть съ половиною эскадроновъ, быстро перейдя чрезъ Ломъ, атаковалъ съ налета турецкихъ пѣхотинцевъ. Ошеломленные турки, очистивъ высоты праваго берега, отбѣжали къ Кацелеву, а потомъ, когда наша кавалерія стала охватывать ихъ съ обоихъ фланговъ, очистили также эту деревню и отошли къ Соленнику, на свою укрѣпленную позицію. Кавалерія продолжала преслѣдовать отступавшія роты, пока наконецъ огонь турецкихъ орудій

не принудилъ ее остановиться. Результатомъ этого дѣла было полное восстановление всей прежней линіи нашихъ аванпостовъ. Турецкія потери не считавы; сами же мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 13 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одинъ убитъ, а прочіе ранены; конская убыль убитыми и ранеными—25 лошадей.

5-го ноября въ рушукскомъ отрядѣ происходила незначительная дѣла противъ нашихъ фуражировъ. Первое дѣло, въ общихъ чертахъ, заключалось въ слѣдующемъ: отрядъ, въ составѣ одного батальона, двухъ казачьихъ сотенъ и шести орудій, посланъ былъ на фуражировку въ деревню Церовце и, оцѣнивъ сторожевыми постами должное пространство вокругъ этого селенія, занялся оборомъ сѣна и соломы, какъ вдругъ появилось восемь таборовъ турецкой пѣхоты. Пришлось бросить работу и въ виду столь несоразмѣрно сильнаго противника, отступить на позицію между деревнями Церовце и Кацелево. Одинъ табортъ двинулся было на перерѣзъ нашимъ фуражерамъ отъ Соленика къ Кацелеву, но сотня ингушей и одна рота пѣхоты успѣли во-время задержать его, пока къ нимъ подоспѣли еще четыре наши роты съ ракетными станками. Въ непріятеля были пущены всего лишь двѣ пироксилиновые ракеты—и эффектъ ихъ дѣйствія оказался вполне удовлетворительнымъ: турки отступили съ крайнею поспѣшностью и въ полномъ безпорядкѣ. Вообще, наши артиллеристы имѣютъ теперь хорошіе случаи и полную возможность производить практическіе опыты надъ дѣйствіемъ пироксилиновыхъ ракетъ и, по отзывамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, для этого прекраснаго и губительнаго снаряда должно ожидать боевого примѣненія въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Того же 5-го числа турки изъ трехъ мѣстъ двинули противъ нашихъ фуражирскихъ партій три отдѣльныя колонны: первую, въ составѣ трехъ таборовъ, отъ деревни Басарбово на Пиргосъ, вторую тоже въ три табора, съ двумя орудіями, отъ Иванъ-Чифтляка на рушукско-бѣльское шоссе и, наконецъ, третью, состоявшую изъ двухъ эскадроновъ съ частью пѣхоты, на Кошево. Наша кавалерія, въ составѣ четырехъ эскадроновъ, успѣла во-время остановить наступательное движеніе противника. Конная батарея, подъ прикрытіемъ этихъ эскадроновъ, лихо вынеслась противъ центральнаго турецкаго отряда и открыла по немъ жаркій огонь. Одновременно съ этимъ, двѣ роты, занявъ Кошевскій курганъ, встрѣтили съ его вершины мѣтками залпами наступавшіе турецкіе эскадроны, а полусотня 36-го донского казачьяго полка ударила изъ засады во флангъ басарбовскому отряду, и такимъ образомъ дружная и одновременная встрѣча, сдѣланная нами всѣмъ тремъ отрядамъ противника, сразу принудила его отступить къ селеніямъ Далабу и

Чифтляку, въ укрѣпленныя позиціи. У насъ одинъ офицеръ контуженъ, 5 нижнихъ чиновъ убиты, 11 ранены и двое контужены.

7-го ноября турки, повидимому, задумали довольно серьезное наступленіе на наши авангардныя позиціи, лежащія на линіи отъ Пиргоса къ Ханъ-Гюль-Чесмѣ и между Иванъ-Чифтлякомъ и деревнею Трестеникъ. Около двадцати таборовъ пѣхоты, съ соответственными числомъ орудій, надвигались на означенныя позиціи изъ трехъ исходныхъ пунктовъ: Рушука, Басарбова и Иванъ-Чифтляка. Бой завязался въ девять часовъ утра. Но кромѣ этихъ нашихъ позицій, около трехъ часовъ пополудни были атакованы демонстративнымъ образомъ и прочіе передовые посты по всей нашей линіи, въ особенности же районы полковъ 36-го казачьяго и Лубенскаго гусарскаго. Впрочемъ, эти демонстративныя атаки не имѣли никакого успѣха, будучи совершенно отбиты въ самое непродолжительное время. Зато весьма упорный бой завязался на позиціи у Пиргоса. Эту позицію защищали всего лишь двѣ роты полковъ 45-го пѣхотнаго Азовскаго и 46-го пѣхотнаго Днѣпровскаго¹⁾. Сюда главнѣйшимъ образомъ были направлены всѣ усилія турокъ, направившихъ на наши ложементы въ подавляющемъ превосходствѣ силъ. Долго и героически защищались обѣ наши роты: около четырехъсотъ турокъ убитыхъ и раненыхъ валялось впереди ихъ позицій; но наконецъ весьма значительныя потери вынудили эти двѣ роты отойти отъ Пиргоса къ Мечкѣ. Турки, вслѣдъ за ихъ отступленіемъ, тотчасъ же заняли Пиргосъ и зажгли его, безъ всякой впрочемъ надобности. Увидѣвъ отступленіе двухъ храбрыхъ ротъ, полки 12-й драгунскій Стародубовскій и 12-й уланскій Бѣлгородскій, въ полномъ составѣ, двинулись изъ Мечки на встрѣчу туркамъ, выбили ихъ сѣшенными частями изъ Пиргоса и къ половинѣ пятого часа дня успѣли совершенно отбросить за Ломъ турецкую пѣхоту. Девятичасовой бой длился почти до шести часовъ вечера, когда противникъ былъ окончательно отбитъ на всѣхъ пунктахъ его атакъ, и наши передовые посты заняли свои прежнія мѣста по всей линіи. Пиргосъ сожженъ совершенно, а надъ ранеными азовцами и днѣпровцами совершены разные звѣрства, трупы ихъ обезображены и поруганы,—и это въ который уже разъ дѣлають не дикія шайки черкесовъ, но обрядъ башибузуцкой сволочи, а регулярныя войска турецкія! О пиргосскихъ звѣрствахъ составленъ актъ, который будетъ обнародованъ, по примѣру телишевскаго протокола. Отступленіе турокъ предъ напоромъ стародубовцевъ и бѣлгородцевъ было столь поспѣшно, что они покинули на мѣстѣ боя почти всѣ трупы своихъ убитыхъ. Бой 7-го ноября

¹⁾ 12-й пѣхотной дивизіи.

стоялъ намъ хотя и не слишкомъ большихъ, но чувствительныхъ потерь, въ особенности между офицерами: убитъ Дибровскаго полка поручикъ Брайковский; начальникъ штаба 12-й кавалерійской дивизіи генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ тяжело раненъ въ шею съ лѣвой стороны, причемъ пуля прошла подъ правую лопатку, откуда вырѣзана полевымъ хирургомъ; затѣмъ опасно раненъ двумя пулями въ оба плеча Азовскаго полка штабсъ-капитанъ Чернецкій, контуженный кромѣ того въ ногу; Дибровскаго полка прапорщику Кржевецкому пуля попала въ крестецъ, такъ что рана его безусловно смертельна; Украинскаго полка поручикъ Юркевичъ пуля раздробила кость праваго бедра—рана очень тяжелая; Азовскаго полка майоръ князь Химпшевъ и Дибровскаго полка штабсъ-капитанъ Яновскій контужены довольно сильно, но остались въ строю. Потеря нижнихъ чиновъ простирается до 180 человекъ, а въ томъ числѣ около 50-ти убитыхъ. Въ этотъ день нашими хирургами замѣчено, что всѣ раны нанесены пулями Пибоди, тогда какъ до этого раза были исключительно пули Снайдера,—значить, турки арміи Сулеймана успѣли переоружиться. Перебѣжчики и пѣльняне, между прочимъ, показываютъ, что у Сулеймана, кромѣ 30,000 рущукскихъ войскъ, находится еще 20,000 въ Разградѣ и часть въ Османъ-Базарѣ, а самъ онъ съ остальными силами своей арміи стоитъ пока въ Эски-Джумѣ.

Потерпѣвъ неудачу, турки однако же почти ежедневно продолжали тревожить наши войска по всей линіи восточнаго фронта. Такъ, 8-го ноября, небольшой отрядъ, въ составѣ одного табора и двухъ эскадроновъ, при двухъ орудіяхъ, отгнѣснилъ наши аванпосты, расположенные впереди деревни Балджи-Омуркой; но чуть лишь приближился резервъ этихъ передовыхъ постовъ, турецкій отрядъ отступилъ сейчасъ же. 9-го ноября нѣсколько конныхъ партій черкесовъ, башибузуковъ и регулярной кавалеріи три раза пытались перейти рѣчку Соленикъ, но мѣткій огонь спѣшеннаго казачьяго поста каждый разъ отражалъ ихъ съ урономъ.

Затѣмъ въ три послѣдующіе дня (10-го, 11-го и 12-го) происходили только мелкія аванпостныя стычки и перепалки; но 13-го утромъ противникъ снова двинулъ впередъ по всей линіи небольшіе отряды, а именно:

1) Два табора съ кавалерійскимъ полкомъ и артиллеріей стали было гнѣснить наши передовые посты отъ селеній Опаки и Паломарце. Услышавъ выстрѣлы, генералъ-майоръ Гильдебрандтъ, взявъ съ ближайшей позиціи 4-й пѣхотный Копорскій полкъ и свою кавалерійскую бригаду⁴⁾ съ четырьмя орудіями, отбилъ

атаку турокъ и отбросилъ ихъ за Кара-Ломъ съ большимъ урономъ. Мы потеряли при этомъ въ 3-мъ донскомъ полку двухъ казаковъ убитыми и трехъ ранеными, да въ Копорскомъ полку одинъ человекъ контуженъ.

2) Двѣ турецкія роты и эскадронъ кавалеріи отгнѣснили постъ лубенскихъ гусаръ у деревни Кропче и затѣмъ отступили. Турецкій эскадронъ былъ отлично и красиво одѣтъ, и видимо рисовался на своихъ рослыхъ, хорошо выѣзженныхъ коняхъ; изъ рядовъ его ясно были слышны обращенныя къ намъ со стороны отдѣльных всадниковъ бранныя слова и крики на польскомъ языкѣ. По отходѣ турокъ и полковъ, нашъ гусарскій развѣздъ, составленный изъ четырехъ человекъ, былъ посланъ къ деревнѣ Кропче развѣдать—куда отошелъ непріятель. Пройдя эту деревню, развѣздъ нашъ поднимался на одну изъ возвышенностей, какъ вдругъ былъ окруженъ турецкой пѣхотой и польской кавалеріей. Гусары, не долго думая, бросились на нихъ въ сабли и пробившись, потерявъ одного человека убитымъ; изъ остальныхъ же троехъ одинъ раненъ.

3) На шумлянской дорогѣ два табора съ тремя эскадронами атаковали нашу передовую позицію у деревни Коначицы. Восемь ротъ Устюжскаго пѣхотнаго полка съ восемью орудіями и тремя эскадронами чугуевскихъ уланъ отбросили непріятеля съ большими потерями и преслѣдовали его чрезъ Паломарце и Габово за Кара-Ломъ, причемъ двѣ сотни сосѣднаго казачьяго полка также приняли участіе въ преслѣдованіи. Нашъ уронъ ограничился двумя убитыми и девятью ранеными, въ числѣ которыхъ—майоръ Геняшта.

Наконецъ, въ этотъ же день была сдѣлана попытка и на юго-восточномъ фронтѣ, противъ елененскаго отряда. Изъ-за Балканъ, со стороны мѣстечка Твердицы, появилось около 5,000 регулярной турецкой пѣхоты и около тысячи конныхъ черкесовъ и башибузуковъ, но эти войны ограничились лишь тѣмъ, что сожгли двѣ деревни—Игнатовцы и Мяковцы, а затѣмъ отступили, въ виду приближенія нашего отряда.

Всѣ эти попытки, безпрестанно повторявшіяся, ясно указывали, что турки, такъ сказать, нащупываютъ, гдѣ бы можно имъ удобнѣе и легче прорвать нашъ восточный фронтъ, чтобы двинуться на выручку Плевны. Упорная попытка 7-го ноября у Паргоса показала, что, при удачѣ, они не прочь были бы дѣйствовать даже и противъ Систова, сколь ни кажется рискованнымъ подобное предпріятіе. Но вотъ, 14-го ноября, т. е. на слѣдующій же день послѣ только-что описанныхъ попытокъ по всей линіи, турки предприняли уже исполнѣ серьезное, рѣшительное нападеніе на укрѣпленныя позиціи 12-го армейскаго корпуса, т. е. опять-таки по направленію отъ

⁴⁾ 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, полки: Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

Пиргоса къ Мечкѣ и у Трестеника. Дабы замаскировать отчасти дѣйствительныя свои намеренія, непріятель, одновременно съ атакой позицій 12-го корпуса, предпринималъ еще двѣ, очевидно, демонстративныя атаки: на Капелено и Паломарце. Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ дѣло ограничилось только незначительной перестрѣлкой, послѣ которой дивизіонъ атаманцевъ съ дивизіономъ ингушей атаковали противника и принудили его къ отступленію. Что же касается попытки у Паломарце, то здѣсь турки даже и боя не приняли, а отступили, чуть лишь нашъ отрядъ пошелъ имъ навстрѣчу. Всѣ усилія ихъ, какъ и 7-го числа, сосредоточились на линіи Пиргосъ-Трестеники.

Въ девять часовъ утра весьма значительныя силы турокъ, наступая, какъ и въ прошлый разъ, отъ Рушукъ, Басарбова и Чифтлика, сбили наши аванпосты и немедленно же съ отчаянной стремительностью атаковали укрѣпленныя позиціи у Мечки и Трестеника. Самый жаркій бой упорно длился до четвертаго часа дня. Массы противника лѣзли одинъ за другимъ на русскіе окопы и отчаянно подбѣгали ближе, чѣмъ на сто шаговъ къ нашимъ батареямъ, которыя встрѣчали ихъ жестокой картечью. Гдѣ ни пытались онѣ прорваться, повсюду имъ былъ данъ сильнѣйшій отпоръ, такъ что въ началѣ четвертаго часа, обезнѣвъ наконецъ въ столь многочисленныхъ и безплодныхъ попыткахъ, турки начали отступление, усявъ все поле сраженія множествомъ убитыхъ и раненыхъ и оставивъ въ нашихъ рукахъ значительное число плѣнныхъ. Потери противника были громадны, тѣмъ болѣе, что войска 12-го корпуса не ограничились однимъ отраженіемъ атаки, а чуть лишь непріятель началъ отступать, сами перешли въ весьма горячее наступленіе и, несмотря на сильный и мѣткій огонь турецкой артиллеріи, прикрывавшей отступление, продолжали преслѣдовать противника, пока совсѣмъ не отемнѣло. Особенно настойчивымъ преслѣдованіемъ отличились полки 47-й пѣхотный Украинскій (12-й пѣх. дивизіи) и 129-й пѣхотный Бессарабскій (33-й пѣх. дивизіи), которые и понесли наиболѣе чувствительныя потери. Вся наша убыль, говоря относительно, весьма не велика—около трехсотъ человекъ. Къ сожалѣнію, на долю Украинскаго полка пришлось наибольшая потеря офицерами, которые вели себя молодецки. За это дѣло государь императоръ пожаловалъ орденъ св. Георгія 3-й степени командиру 12-го корпуса великому князю Владиміру Александровичу. Знаки сего ордена, вмѣстѣ съ георгіевскими крестами для нижнихъ чиновъ, повезъ его высочеству великій князь Сергій Александровичъ, уже имѣющій тотъ же крестъ 4-й сте-

пени, за дѣло 12-го октября на Кара-Ломѣ, близъ Кошева.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ елененскаго отряда, на юго-восточномъ фронтѣ. Еще со второй половины октября турки начали производить частыя и усиленныя рекогносцировки противъ нашей елененской позиціи, у сел. Марены. 4-го ноября человекъ четыреста конныхъ башибузукъ и черкесовъ, поддержанные нѣкоторой частью регулярной пѣхоты, напали на беззащитную дер. Новосело, зажгли въ ней нѣсколько домовъ и убили трехъ болгаръ, которые, какъ хозяева зажигаемыхъ домовъ, попытались тушить огонь; затѣмъ черкесы тяжело ранили одну женщину, не позволившую изнасиловать себя, и—странный видъ злости и мщенія!—ни за что, ни про что отрубили голову десятилѣтней болгарской дѣвочки... Всѣ эти безобразія въ беззащитномъ селѣ продолжались до тѣхъ поръ, пока рота Якутскаго полка, назвѣщенная мѣстными жителями и поддерживаемая двумя ротами изъ Джулука и Златарицы, не выбила ихъ изъ Новосела и не отшвырнула къ Козлубеку.

На другой день, 5-го числа, около четырехсотъ турокъ (вѣроятно, изъ состава вчерашняго же отряда) опять попытались было сдѣлать нападеніе на Новосело, но на этотъ разъ четыре роты Охотскаго полка дали имъ достойный отпоръ раньше, чѣмъ они успѣли совершить какия-либо мерзости и безобразія. Въ этомъ стрѣлковомъ дѣлѣ у насъ ранены только одинъ рядовой. Но одновременно съ послѣднимъ нападеніемъ на Новосело, полтора-два черкесовъ и башибузукъ показались въ виду мѣстечка Златарицы. Подъ прикрытіемъ этой конницы, турецкая пѣхота заняла высоту, командующую надъ мѣстечкомъ, и начала тамъ рыть ложементы и насыпать батареи. Находявшаяся по близости наша артиллерія пустила въ нихъ нѣсколько гранатъ, разорвавшихся очень удачно. Дѣйствіе артиллерійскаго огня, послѣ первыхъ же выстрѣловъ, вынудило пѣхоту противника не отступать, а просто бѣжать съ занятой ею высоты. Стрѣлки же Якутскаго полка довершили остальное: мѣткій огонь ихъ винтовокъ окончательно разсѣялъ черкесовъ и башибузукъ. Восемь тѣлъ и въ томъ числѣ одинъ офицеръ были оставлены турками на мѣстѣ; мы же потеряли только двоихъ солдатъ ранеными.

7-го ноября, въ день столькихъ попытокъ противъ восточнаго фронта, непріятель, въ количествѣ около трехъ таборовъ пѣхоты (приблизительно свыше тысячи человекъ) и одной сотни черкесовъ, развернулся въ боевомъ порядкѣ противъ нашей маренской позиціи. Навстрѣчу ему двинулся Сѣвскій пѣ-

хотный полкъ, въ виду котораго турки отступили безъ боя.

13-го ноября, въ 6 часовъ вечера, начальникъ еленскаго отряда, генераль-майоръ Домбровский, увѣдомилъ начальника 26-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта барона Деллинггаузена, находящагося въ Тырновъ, что турки наступаютъ на еленскій отрядъ большими массами. На подкрѣпленіе генералу Домбровскому тотчасъ же были направлены пѣхота и кавалерія, съ соответственнымъ числомъ орудій. Результаты дѣла, если только столкновеніе совершится, пока еще ожидаются.

Что касается южнаго фронта, то здѣсь противъ горы св. Николая (на Шипкинскомъ перевалѣ) турки въ первыхъ числахъ ноября продолжали усиливать свои батареи и поддерживали ежедневную перестрѣлку. Надо сознаться, что все это становится довольно монотоннымъ какъ для насъ, такъ и для противника, судя по рассказамъ перебѣжчиковъ. Ничего турки съ нашей Шипкой не подѣлаютъ! Если они настойчивы, то мы, судя по всѣмъ даннымъ, еще настойчивѣе и терпѣливѣе. Наше положеніе тамъ далеко не изъ легкихъ: хлесткіе осенніе дожди, перемежающіеся со снѣжными завирками, порой глубокіе снѣга, почти постоянная грязь и лужи по щиколотку въ траншеяхъ, липкое мѣсиво на всѣхъ дорогахъ, провѣзительные студеные вѣтры, ночные морозы, густые, непроницаемые и пронизывающіе до костей туманы, облака, плавающія ниже нашихъ позицій, вѣчная перестрѣлка, вѣчное ожиданіе атаки, сонъ въ полъ-глаза, обѣдъ въ сухомъ ятку, — слова нѣтъ, все это тяжело; но мы стараемся, по возможности, чаще смѣнять одиѣ части другими, свѣжими, и всѣ, отъ генерала Радецкого до послѣдняго обознаго рядового, готовы хоть всю зиму переносить всяческія лишения, и всѣ глубоко убѣждены, что туркамъ не вырвать у насъ Шипкинскій перевалъ, иначе, какъ перешагнувъ черезъ трупъ послѣдняго изъ его защитниковъ. Таковы здѣсь общія убѣжденія, общая вѣра, общая рѣшимость. 9-го ноября, въ восемь часовъ вечера, шелъ сильный дождь и завывалъ по ущельямъ пронзительный, студеный вѣтеръ. Среди вечерней темноты, еще болѣе усиливаемой плотнымъ туманомъ, котораго не могъ разсѣять даже и этотъ порывистый вѣтеръ, турки вздумали вдругъ атаковать батарею № 3-й, на горѣ св. Николая. Имъ удалось подползти на очень близкое разстояніе къ русскимъ ложамъ, но наши секреты не дремали: роты Иркутскаго полка, во-время предупрежденія своими молодцами-дозорщиками, въ полной тишинѣ подпустили противника на самое близкое разстояніе, съ котораго каждый человекъ былъ уже ясно замѣтенъ—а слѣдо-

вательно не могло быть и промаха — встрѣтили турокъ такими залпами, послѣ которыхъ непріятель быстро отступилъ къ своимъ ложамъ и, по обыкновенію, открылъ изъ нихъ живой огонь, сопровождавшійся и артиллерійской канонадой. Въ половинѣ десятаго стихла, наконецъ, ружейная, а въ одиннадцать часовъ ночи и артиллерійская пальба. При этой попыткѣ у насъ было убито 14 и ранено 40 человекъ нижнихъ чиновъ. Каждый сутки приносятъ намъ свою долю потерь, но отъ нихъ не избавлены и турки въ такой же, если еще не въ большей мѣрѣ. Затѣмъ относительно Шипки вопросъ въ томъ, кто изъ двухъ противниковъ зорче, чутче, дисциплинированнѣе, убѣжденнѣе въ своихъ силахъ, кто изъ нихъ выносливѣе и привычнѣе къ перенесенію всяческихъ лишеній и невзгодъ суроваго времени года. Кто знаетъ русскій народъ и климатическія условія его жизни, и, въ особенности, кто хорошо знаетъ русскаго солдата—для того въ этомъ вопросѣ не можетъ быть сомнѣнія, и даже сами иностранцы, если только они желаютъ оставаться безпристрастными, не мало не сомнѣваются въ благопріятномъ для насъ исходѣ этой поистинѣ каторжной борьбы и работы. Велики русскія силы, но еще болѣе велико историческое русское терпѣніе!

LXXI.

Подъ Плевной.

(Обзоръ дѣйствій за первую половину ноября мѣсяца).

Раздѣленіе нашихъ плевненскихъ позицій на шесть участковъ.—Протяженіе и количество войскъ каждого участка.—Обыденныя перепалки у Скобелева.—Извѣстіе о взятіи Карса и распоряженіе по этому поводу государя императора.—Молебствіе у Царскаго редута.—Праздникъ въ траншеяхъ.—Скобелевъ извѣщаетъ турокъ о взятіи Карса.—Взятіе Рахова, 7-го ноября.—Доробанцы.—Еще одинъ мониторъ ко дну!—Вѣсти изъ Плевны.—Показаніе одного изъ слугъ Османа-паши.—Посѣщеніе государемъ императоромъ румынскаго редута и приказъ князя Карла по сему поводу.—Литовскіе офицеры въ гостяхъ у турокъ.

Воскресенье, 17-го ноября.

4-го ноября гренадерскій корпусъ окончательно занялъ позиціи 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій за Видомъ, и такимъ образомъ 70-ти-верстная линия обложенія Плевны раздѣлилась на слѣдующіе шесть участковъ.

Первый участокъ, отъ позицій у Биволара (Сусурлю) до Гривницкаго редута: румынскія войска, подъ начальствомъ командующаго дѣйствующими румынскими корпусомъ, генерала Черната.

Второй участокъ, отъ Гривницкаго до Галичскаго редута: 31-я пѣхотная дивизія съ ея

артиллеріей и 2-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя батареями, подъ начальствомъ командира 9-го корпуса генераль-лейтенанта *барона Криденера*.

Третій участокъ, отъ Галичскаго редута до Тученицкаго оврага: 2-я пѣхотная дивизія съ 30-й артиллерійской бригадой и 12-й стрѣлковый батальонъ, подъ начальствомъ командира 4-го корпуса генераль-лейтенанта *Зотова*.

Четвертый участокъ, отъ Тученицкаго до Картужабенскаго оврага: 16-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, 30-я пѣхотная дивизія со 2-й артиллерійской бригадой, 9-й, 10-й и 11-й стрѣлковые батальоны и 9-й казачій полкъ, подъ командой начальника 16-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта *Скобелева*.

Пятый участокъ, отъ Картужабенскаго оврага до праваго берега р. Вида, у дер. Трнны: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, два эскадрона лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка и № 10-го донская казачья батарея, подъ командой начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта *Камалей*.

Шестой участокъ, по лѣвому берегу р. Вида, включая на правомъ берегу рѣки позиціи у Биволяра (Сусурлю): гренадерскій корпусъ, 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, съ двумя батареями, 4-я румынская дивизія съ ея артиллеріей, 9-й драгунскій Казанскій, 9-й уланскій Бугскій, 9-й гусарскій Киевскій и донской № 4-го полки; 7-я конно-артиллерійская батарея, донская № 2-го батарея и полкъ каларашей; подъ начальствомъ командира гренадерскаго корпуса, генераль-лейтенанта *Гиненкаго*.

Послѣ дѣла въ ночь на 4-е ноября, когда генералъ Скобелевъ получилъ вторую контузію, — подъ Плевной водворилась тишина. Но это послѣднее слово, коль скоро оно касается плевненскихъ дѣлъ и обстоятельствъ, надо всегда понимать лишь въ относительномъ смыслѣ. Это значитъ только, что не было ничего особеннаго, выдающагося; бомбардированіе продолжается своимъ чередомъ, такъ сказать, методически: каждый день въ разные часы утра и вечера посылаются въ Плевну со всѣхъ батарей по одному залпу; турки по-прежнему почти не отвѣчаютъ на артиллерійскій огонь; зато на Зеленой горѣ поддерживаютъ постоянную ружейную перестрѣлку со Скобелевской траншеей. Каждый вечеръ и каждую ночь на этой послѣдней позиціи поднимается разъ или два ужасная трескотня, которую обыкновенно начинаютъ турки; наши окрестныя батареи, въ отвѣтъ на нее, открываютъ сосредоточенный огонь по зелено-горскимъ укрѣпленіямъ противника, и все это продолжается мнѣтъ пятнадцать-двадцать, а

затѣмъ наступаетъ опять тишина, прерываемая лишь одиночными пушечными выстрѣлами. Все это уже сдѣлалось у насъ зауряднымъ, обычнымъ явленіемъ, вошло, такъ сказать, въ повседневный обиходъ нашей жизни. Въ первое время, когда, бывало, поднималась вечерняя или ночная трескотня, — группы любопытствующихъ высыпали куда-нибудь на открытое мѣсто любоваться на молніе-подобныя вспышки боевыхъ огней; теперь же это никого не интересуетъ, развѣ поутру кто-нибудь скажетъ: «а нынче ночью у Скобелева опять была трескотня — слышались выстрѣлы» — этимъ и ограничивается все дѣло.

Нормальное теченіе жизни на плевненскихъ позиціяхъ внезапно нарушилось только въ день 7-го ноября. Наканунѣ, вечеромъ, въ обѣихъ нашихъ главныхъ квартирахъ получена была телеграмма о взятіи Карса. Излишне говорить о томъ радостномъ чувствѣ, какимъ было встрѣчено это важное извѣстіе. Государю императору благоутодно было повелѣть, чтобы на слѣдующій день, ровно въ полдень, во всѣхъ отдѣльныхъ отрядахъ и корпусахъ, находящихся за Дунаемъ, въ виду турецкихъ позицій было отслужено благодарственное молебствіе, во время котораго, при возгласеніи многолѣтія российскому воинству и вѣчной памяти убитымъ, вся артиллерія должна салютовать боевыми залпами по неприятельскимъ позиціямъ. Такъ было у наследника цесаревича, у великаго князя Владимира Александровича, на Шипкѣ, и повсюду, гдѣ лишь находятся наши войска. Такъ было и подъ Плевной, гдѣ благодарственныя молебствія были совершены особо, на каждой нашей позиціи. Влѣзъ Тученицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ бояхъ съ 26-го по 31-е августа стояла наша главный резервъ, генераль-адъютантъ Тотлебенъ воздвигъ въ прошломъ мѣсяцѣ, на случай обороны, большой редутъ, который и названъ Тученицкимъ. Здѣсь предстояло совершиться молебствію въ присутствіи государя. 7-го ноября, еще съ десяти часовъ утра, къ Тученицкому редуту стали съѣзжаться верхомъ и въ экипажахъ разные военные и гражданскіе чины русской и румынской армій. Въ виду одного изъ брестверовъ, вѣтъ укрѣпленія былъ поставленъ на открытомъ воздухѣ походный аналой, передъ которымъ развѣвались знамена двухъ ближайше расположенныхъ полковъ, люди коихъ въ полномъ вооруженіи были выведены въ строй для предстоящаго парада. Бригады пѣхоты, терскій эскадронъ и лейбъ-казачій конвой главнокомандующаго, съ извѣстнымъ бѣлымъ значкомъ его высочества, составляли густое каре вокругъ аналая. Внутри редута прислуга императорской квартиры наскоро приготовляла завтракъ и разстилала по землѣ большія, длинныя скатерти. Для государя и высочайшихъ особъ, а равно и для

высоких чиновъ армии, здѣсь накрытъ былъ особо небольшой столъ, окруженный походными табуретами. Погода, какъ нарочно, стояла прекрасная: яркое солнце грѣло полѣтнему, но умѣренно, какъ у насъ на сѣверѣ въ июль или въ августъ, и подъ влияніемъ теплыхъ лучей, на порывавшихъ поляхъ, мѣстами, какъ свѣжій бархатный коверъ, уже пробивалась новая изумрудно-зеленая травка и распустились только что вышедшіе изъ земли какіе-то лиловые цвѣточки, изъ породы луковичныхъ, съ виду похожіе на маленькіе тюльпаны. Все это скорѣе напоминало первые дни весны, чѣмъ послѣдніе вздохи южной осени. Къ полудню, предъ Тученицкимъ редутомъ уже собралась огромная и пестрая толпа въ разнообразныхъ военныхъ костюмахъ; у аналога въ праздничныхъ ризахъ стояло духовенство и небольшой хоръ пѣвчихъ; ожидали только прибытія государя. И вотъ, вскорѣ показалась головная часть кубанскаго конвоя, а минутою спустя подкатила и открытая коляска, гдѣ сидѣлъ его величество съ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. За этою коляскою быстро слѣдовала остальная часть императорскаго конвоя и рядъ придворныхъ экипажей, гдѣ находились министры двора и военный, шефъ жандармовъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ, дежурство и прочія лица свиты. Прибытіе государя сопровождалось обычнымъ отдаченіемъ воинской почести и звуками похода. Главнокомандующій и князь Карлъ Румынскій первыми встрѣтили и привѣтствовали его величество. Императоръ, сѣвъ на коня, прослѣдовалъ вдоль по фронту, здороваясь съ каждою частью отдѣльно. «Ура» всѣхъ войскъ и музыка народнаго гимна сопровождали высочайшій объѣздъ, по окончаніи котораго, сойдя съ коня, государь направился къ аналогу. Во время молебствія, когда загнѣли «Тебѣ, Бога, хвалимъ» — грянулъ первый салютационный залпъ со всѣхъ батарей по Плевнѣ, за нимъ чрезъ полминуты второй, и такимъ образомъ мѣрные залпы продолжались до конца молебна. При возглашеніи «вѣчной памяти» навшимъ на полѣ брани, государь преклонилъ колѣна и положилъ земной поклонъ, это же было сдѣлано и всѣми присутствовавшими, не исключая и войскъ, находившихся въ парадѣ. Многолѣтнему государю, царствующему дому и войскамъ сопровождалось такими же грозными залпами, какъ и хвалебная пѣсня. Протоіерей императорской квартиры, осѣнявъ крестомъ на всѣ стороны наши войска, поднесъ Распятіе къ устамъ государя. За его величествомъ приложился князь Карлъ, затѣмъ наслѣдныи принцъ Баварскій Арнульфъ, великій князь Сергѣй Александровичъ и, наконецъ, его высочество главнокомандующій. По окончаніи молебствія, государь обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью, въ которой возвѣстилъ имъ о взятіи Карса, количествѣ

пленныхъ, орудій и прочихъ трофеевъ, приобрѣтенныхъ при этомъ, и пожелалъ имъ скорѣйшаго и столь же побѣдоноснаго окончанія съ Плевной. Отвѣтное «ура» было подхвачено соседними войсками и далеко-далеко прогремѣло по всѣмъ нашимъ позиціямъ. Войска, участвовавшія въ парадѣ, были пропущены мимо государя церемониальнымъ маршемъ съ музыкою, а затѣмъ всѣ ихъ офицеры, равно какъ и всѣ присутствовавшія лица были приглашены въ редутъ къ завтраку, во время котораго его величество провозгласилъ тостъ за великаго князя Михаила Николаевича и за его славную кавказскую армию. Послѣ завтрака, государь подошелъ къ группѣ армейскихъ офицеровъ и довольно долго изводилъ разговаривать съ ними, разспрашивая, между прочимъ, про ихъ житье-бытье на позиціи и про боевыя дѣла, гдѣ довелось имъ участвовать. Давно уже мы, привыкшіе здѣсь видѣть лицо государя постоянно серьезнымъ и глубоко озабоченнымъ, не встрѣчали такой свѣтлой и довольно улыбки, какая сіяла на немъ въ этотъ день, въ эти минуты... Онъ радовался вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ цѣлою, далекою отъ насъ Россіей, и одною и тою же общою нашею радостію. По окончаніи бесѣды съ офицерами, его величество взомель на брустверь, откуда въ это время августѣйшія особы наблюдали въ бинокли неприятельскія позиціи и дѣйствіе нашихъ снарядовъ. Спустя же нѣкоторое время по отбѣдѣ государя, разлѣхались въ началѣ третьяго часа и всѣ присутствовавшіе на молебствіи. Съ этого дня Тученицкій редутъ названъ Царскимъ.

Но этимъ не кончился нашъ военный праздникъ по случаю паденія Карса. Весь день на русско-румынскихъ позиціяхъ гремѣла музыка и раздавались пѣсни, а когда наступилъ ясный и тихій вечеръ, всѣ наши боевыя линіи озялись блескомъ своеобразной иллюминаціи: здѣсь пылали ряды костровъ и смоляныя вѣхи, свѣтились кое-гдѣ гирлянды изъ самодѣльныхъ фонарей, взвивались въ темно-синее небо ракеты и яркія разноцвѣтныя звѣзды римскихъ свѣчей. Но особенно хорошо было у Скобелева. Михаилъ Дмитриевичъ устроилъ у себя вечеромъ цѣлый пикникъ: весь его «Невскій проспектъ» и «Большая Морская» были иллюминированы, въ трапезныхъ раздавались русскія пѣсни и знакомые мотивы полковыхъ оркестровъ; плясуны вытанцовывали трепака — все веселилось отъ души, какъ бы забывъ на время и неприятеля и всѣ невзгоды осенняго существованія въ сырыхъ траншеяхъ. И вдругъ, на томъ мѣстѣ передовой траншеи, гдѣ среди «Невскаго проспекта» находится «Belle-vue», поднялся иллюминированный транспарантъ съ турецкою надписью, которая лаконически, но многозначительно извѣщала Плевну, что «Карсъ взятъ»¹⁾.

¹⁾ Турецкая надпись была составлена Н. Д. Макевичемъ.

Бойкое, радостное «ура» огласило при этомъ всю скобелевскую позицію. Генералъ, успѣвшій уже оправиться отъ своей контузии, присутствовалъ здѣсь же, среди «Невскаго проспекта». Въ это же время были сожжены фейерверкъ, устроенный артиллеристами. Вечеромъ мы вообще не беспокоили своимъ огнемъ турокъ. Въ началѣ и они, какъ бы недоумѣвая, что значатъ всѣ эти звуки веселой музыки, эти общіе клики радости, эти ракеты и иллюминированныя лянки—не стрѣляли по нашимъ ложедамъ. Но когда освѣтился транспарантъ,—надпись его очевидно разсердила противника, и изъ его траншеи вдругъ поднялась ужасная ружейная трескотня. Мы и вниманія не обращаемъ: у нихъ выстрѣлы, какъ горохъ, а у насъ музыка, да пѣсни. Это «Карсъ взятъ»—видимо было для турокъ очень досадно, потому что ихъ выстрѣлы направлялись преимущественно въ транспарантъ, который совершенно изрѣшило пулями. Вся эта потѣха продолжалась минутъ двадцать. Между тѣмъ оркестры сыграли «Боже Царя храни», и съ послѣднимъ аккордомъ народнаго гимна вся Скобелевская траншея вразъ отвѣтила туркамъ однимъ дружнымъ залпомъ, и на томъ кончила. Этотъ залпъ, услышанный нашими батареями, послужилъ для нихъ какъ бы сигналомъ къ открытію огня, и вотъ, со всѣхъ нашихъ позицій сосредоточенно посыпался на турокъ цѣлый градъ снарядовъ, послѣ котораго противникъ прекратилъ свою ружейную трескотню и въ половинѣ двѣнадцатаго часа все и повсюду замолкло подъ Плевной. Такъ окончился нашъ своеобразный военный праздникъ по случаю взятія Карса. Впрочемъ, турецкая осерчадость стояла намъ потери одного офицера и двухъ рядовыхъ ранеными.

Въ этотъ же день (7-го), русско-румынскій отрядъ взялъ придунайскій городъ Рахово. Русско-румынская кавалерія (16 эскадроновъ) находилась подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-майора барона Мейендорфа, а румынскою пѣхотою командовалъ полковникъ Сланичано. Бой вокругъ раховскихъ укрѣпленій начался съ утра, какъ только разсвѣло, и продолжался весь день, съ большою настойчивостью со стороны румынъ и съ неменѣйшимъ упорствомъ со стороны турокъ. Полковникъ Сланичано вмѣстѣ съ барономъ Мейендорфомъ заранѣе приняли мѣры, чтобы отрѣзать раховскому гарнизону единственный его путь отступленія, пролегающій по прибрежной дунайской дорогѣ, чрезъ Цыбра-Паланку и городъ Ломъ на Виддинъ. Верстахъ въ семи-восьми выше Рахова протекаетъ рѣка Скитъ или Скитулъ (она по-турецки Искидъ), на которой находится мостъ. Этотъ-то мостъ, по распоряженію Сланичано, былъ заблаговременно занятъ батальономъ доробанцевъ. Дѣйствіе артиллерійскаго огня оказалось на столько губительнымъ,

что къ вечеру турки сознали наконецъ невозможность удерживать долѣе раховскую позицію. Поддерживая отвѣтныи огонь, они дожидались только темноты, съ наступленіемъ которой очистили редуты, ложементы и самый городъ, и двинулись по дорогѣ къ искидскому мосту. По обоимъ берегамъ рѣки и въ особенности у самаго моста завязался горячій и упорный бой. Батальонъ доробанцевъ лихо отражалъ штыками всѣ попытки турокъ прорваться силою на ту сторону рѣки, а въ то же время стрѣлки, разсыпанные на лѣвомъ берегу Скита, поражали напавшаго противника ружейнымъ огнемъ; не мало вреда въ этомъ мѣстѣ нанесла туркамъ и русско-румынская артиллерія. Но сопротивление доробанцевъ было, по истинѣ, достойно высокой похвалы. Вообще, надо замѣтить, что доробанцы, эти милиціонныя, невзрачнаго вида войска, на которыхъ, казалось, вовсе нельзя было рассчитывать какъ на дѣйствительно боевую силу, нынѣ, къ удивленію всѣхъ, оказываются очень стойкими и храбрыми войскомъ: они несутъ всю службу подъ Плевной и въ другихъ мѣстахъ совершенно наравнѣ съ регулярными частями; они участвуютъ 30-го августа во взятіи Гривицкаго редута, одинъ изъ ихъ батальоновъ получаетъ георгиевскій крестъ и ленты на свое знамя; они зорко несутъ сторожевую службу на всемъ протяженіи Румыніи по лѣвому берегу Дуная и они же, наконецъ, оказываютъ 7-го ноября столь серьезный отпоръ туркамъ на искидскомъ мосту. Такая подготовка милиціонныхъ войскъ, по справедливости, приноситъ большую честь румынскимъ офицерамъ-инструкторамъ.

Русско-румынская кавалерія помогла доробанцамъ окончательно отразить всѣ отчаянныя попытки турокъ противъ моста. Послѣ очень большихъ усилій и убылей, потерявъ наконецъ всякую надежду пробиться, турки бросились черезъ рѣку въ бродъ и побѣжали по дорогѣ на Ломъ-Паланку, не думая уже о своихъ обозахъ и заботясь лишь о собственномъ личномъ спасеніи. Кавалерія бросилась было ихъ преслѣдовать, но, къ сожалѣнію, густой туманъ, заставшій всю окрестность, помѣшалъ ей совершенно уничтожить бѣгущаго противника. Впрочемъ, усиліями кавалеристовъ, захваченъ весь провіантскій и артиллерійскій обозъ (послѣдній состоялъ изъ 150 зарядныхъ и паронныхъ ящиковъ) и кромѣ того взято много плѣнныхъ. И однако же, несмотря на почной туманъ, преслѣдованіе бѣгущихъ турокъ продолжалось съ трехъ часовъ по-полуночи до десяти часовъ слѣдующаго (8-го ноября) утра, причемъ совмѣстно съ кавалерією велъ преслѣдованіе и одинъ изъ румынскихъ батальоновъ. Румыны понесли довольно значительныя потери: у нихъ убито 4 офицера и 76 нижнихъ чиновъ, а ранено четыре же офицера и 139 нижнихъ чиновъ, наши потери во время

преслѣдованія были ничтожны. Въ настоящее время городъ Рахово занятъ сильнымъ румынскимъ отрядомъ.

Слѣдующій день, 8-го ноября, тоже не мало порадовалъ румынъ: батареи ихъ, расположенныя противъ Виддяна на лѣвомъ берегу Дуная, въ мѣстечкѣ Калафатъ, пять часовъ стрѣляли по турецкимъ укрѣпленіямъ и по монитору, который, выдвинувшись впередъ, старался огнемъ своимъ вредить румынскимъ батареямъ и мѣстечку. Румыны постарались сосредоточить свои выстрѣлы на броненосцѣ и одинъ изъ ихъ снарядовъ чрезвычайно удачно попалъ въ крѣпость-камеру. Въ то же мгновеніе съ трескомъ высоко взвился грибообразный столбъ дыма—и черезъ четверть часа мониторъ, постепенно погружаясь, затонулъ совершенно, оставивъ надъ поверхностью воды только двѣ верхушки своихъ дымовыхъ трубъ. Это уже не первый случай прекраснаго дѣйствія румынской полевой и береговой артиллеріи.

Что касается внутренняго положенія Плевны и ея гарнизона, то въ этомъ отношеніи у насъ имѣются нѣкоторыя, весьма интересныя свѣдѣнія, полученные чрезъ перебѣжчиковъ. Къ свѣдѣніямъ, заимствуемымъ изъ подобнаго источника, конечно, слѣдуетъ всегда относиться съ осторожностью и нѣкоторымъ недоверіемъ, потому что дезертиръ долженъ же хотя чѣмъ-нибудь оправдывать свой беззавѣстный и безчестный, съ военной точки зрѣнія, поступокъ побѣга. Волѣдствие этого, дезертиры несравненно болѣе, чѣмъ плѣнные или захваченные почему-либо мирные жители, преувеличиваютъ въ мрачную сторону положеніе своей арміи. Тѣмъ не менѣе, между показаніями ихъ встрѣчаются иногда очень интересныя вещи. Такъ, напримеръ, въ самые послѣдніе дни къ князю Имбретинскому былъ приведенъ одинъ перебѣжчикъ, который рассказывалъ, что онъ принадлежалъ къ числу личныхъ слугъ Османа-паши, но, надѣлавъ крупныхъ дерзостей одному изъ его офицеровъ, долженъ былъ бѣжать изъ страха казни. По словамъ этого перебѣжчика, 5-го ноября въ арміи Османа все уже было готово къ тому, чтобы пробраться изъ Плевны открытой силой: небольшой, остающійся еще въ наличности запасъ артиллерійскихъ снарядовъ уложенъ въ ящики, трехдневная полная дача галетъ раздана людямъ на руки, равно какъ и необходимый запасъ патроновъ, которыми пополнены также и зарядные ящики, а затѣмъ главная масса патроновъ, находящаяся въ Плевнѣ въ громадномъ количествѣ, зарыта въ землю; чтобы не обременять собой движеніе войскъ при прорывѣ и не достаться въ руки русскимъ. Кроме того, вся казна, находящаяся въ распоряженіи Османа, раздѣлена между старшими начальниками, тоже для того, чтобы не досталась въ наши руки. Все уже ожидали съ часу на часъ приказа выступать, какъ вдругъ

на слѣдующій день послѣдовало распоряженіе—отобрать у людей трехдневную дачу довольствія и сложить ее по прежнему въ магазины, а артиллерійскіе снаряды вновь распределить по батареямъ оборонительныхъ позицій. Давѣе, тотъ-же дезертиръ показывалъ, что хлѣбъ получается людьми въ размѣрѣ одной четверти обыкновенной дачи, а мясо по $\frac{3}{4}$ фунта, и что въ послѣднее время стали кормить нѣсколько лучше и щедрѣе чѣмъ прежде, хотя въ городѣ ощущается большой недостатокъ въ соли, да и мясо не всегда бываетъ бойное, а зачастую, изъ экономіи, идетъ въ пищу и палый скотъ, отчего между людьми замѣтно усиленіе болѣзненности. Въ показаніяхъ этого рода сходятся между собою почти все перебѣжчики¹⁾.

¹⁾ О положеніи, въ которомъ находилась Плевна еще въ концѣ минувшаго мѣсяца, корреспондентъ газеты „Times“ сообщаетъ не лишеныя интереса свѣдѣнія. „Въ теченіе послѣдней недѣли, пишетъ онъ изъ Плевны отъ 4-го ноября, мы находились здѣсь въ глубокомъ уныніи. Все свѣдѣнія, доходящія до насъ тѣмъ или другимъ способомъ, сводятся къ тому, что Плевна совершенно обложена непріятелемъ. Османъ-паша, считавшій себя до сихъ поръ непобѣдимымъ, начинаетъ беспокоиться касательно будущаго. Его можно видѣть прохаживающимся по нѣсколькимъ часамъ взадъ и впередъ передъ своимъ домомъ и нарушающимъ постоянное молчаніе только для того, чтобы по временамъ отдавать отрывистымъ и повелительнымъ тономъ приказанія офицерамъ главнаго штаба или арміи, дѣлающимъ ему свои доносенія. Его главный штабъ находится въ крайнемъ безпокойствѣ, боясь, чтобы главнокомандующій, въ минуту отчаянія, не прибѣгнулъ къ какой-либо безразсудной мѣрѣ. Османъ-паша раздѣленъ неискусною тактикою Шефкета-паши, знаменитаго героя Батака, и неблагоразуміемъ министерства, которое поручаетъ столь важныя посты людямъ, подобнымъ Хакки-пашѣ. „Между тѣмъ какъ я—говоритъ Османъ-паша—употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сдѣлать эту позицію недоступною и имѣть возможность оборонять ее отъ непрестанныхъ атакъ грознаго непріятеля, въ то самое время жалкій пьяница, на столько же трусъ, на сколько и неумѣла, разрушаетъ все мои планы и подвергаетъ опасности все одержанные мною до сихъ поръ успѣхи. Можно подумать, что какой-либо злой духъ побуждаетъ наше министерство дѣлать ошибку за ошибкой“. Османъ-паша ясно предчувствовалъ и предвидѣлъ событія, послѣдствіемъ которыхъ было обложеніе этого пункта. Укрѣпивъ Плевну, онъ немедленно сообщилъ военному министерству о необходимости устроить въ Софіи большой лагерь и сосредоточить въ немъ не только все свободныя, находящіяся въ Константинополѣ войска, но и все низамы (регулярныя войска), составляющіе гарнизоны соседнихъ со столицею вилайетовъ. Если бы эта мѣра была приведена въ исполненіе, то Софія сдѣлалась бы не только большимъ центральнымъ складомъ припасовъ, но и имѣла бы армію отъ 120,000 до 150,000 человѣкъ. Османъ-паша сильно возставалъ противъ всякой атаки на Шипку, утверждая, что отрядъ въ 10,000—15,000 человѣкъ, сильно окопавшихся, поставленный у Шипкинскаго прохода, былъ бы болѣе чѣмъ достаточно, чтобы удерживать русскихъ. Но военный министръ, вмѣсто того, чтобы послушаться совѣта Османа-паши, принесть въ жертву

15-го ноября государь императоръ посѣтилъ большой румынскій редутъ, посвященный имени его императорскаго величества. Князь Карлъ по этому поводу отдалъ слѣдующій приказъ по румынской арміи:

«Солдаты!

«Съ перваго дня вашей встрѣчи съ непріятелемъ, императоръ всероссійскій имѣлъ возможность убѣдиться въ вашей храбрости. Похвалы, выраженные этимъ августѣйшимъ монархомъ, были для васъ столь же драгоценны, какъ и чувствительны. Впослѣдствіи его императорское величество изволилъ оказать вамъ высокую честь своимъ присутствіемъ и своимъ участіемъ въ геройскихъ опасностяхъ на полѣ битвы. Румынская армія сохранить память о тѣхъ дняхъ, когда она шла въ бой на глазахъ императора Александра, и въ особенности о днѣ 27-го ноября, въ который августѣйшій предводитель могущественной императорской арміи, союзниками коей мы состоимъ, обозрѣвая позиціи нашихъ храбрыхъ и мужественныхъ воиновъ подъ огнемъ непріятеля, въ фортѣ, носящемъ его имя, удостоилъ принять изъ вашихъ рукъ медаль за военное достоинство. Этотъ знакъ доблести на груди сего августѣйшаго монарха будетъ вѣчною честью для румынской арміи и

болѣе 15,000 человекъ въ безразсудной экспедиціи къ Сухумъ-Кале и около 20,000 своихъ лучшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ въ необдуманныхъ и несвоевременныхъ атакахъ на грозныя позиціи Шипкинскаго перевала, сильно укрѣпленные русскими, и наконецъ поручилъ Шефкету-пашѣ, во главѣ недостаточныхъ, наскоро собранныхъ силъ, установить рядъ укрѣпленныхъ постовъ вдоль дороги между Орханіе и Плевной, чтобы поддерживать открытыя сообщенія между этими пунктами и прикрывать подвозъ къ намъ припасовъ, боевыхъ снарядовъ и проч. Известно, къ чему привела эта система раздробленія войскъ на протяжении около 85 миль. Большинство высшихъ офицеровъ того мѣсяца, что лучше было бы пробиться въ какомъ-либо слабо охраняемомъ пунктѣ сквозь линію обложенія, чѣмъ дожидаться до полной невозможности вырваться, въ виду подходящихъ къ русскимъ подкрѣпленій. Османъ-паша началъ уже уменьшать ежедневные рационы на одну третью часть. До 29-го числа минувшаго мѣсяца весьма многие изъ нашихъ больныхъ и раненыхъ, находившіеся не только въ такъ называемыхъ госпиталяхъ, но большею частію и въ частныхъ домахъ въ Плевнѣ, были отправляемы въ Орханіе; несмотря на это, ихъ еще очень много и каждый день люди умираютъ въ мучительной агоніи единственно по недостатку ухода за ними. Со времени отбѣда англійскихъ хирурговъ Стафордъ-гоуза, въ Плевнѣ, какъ мы знаемъ, не осталось ни одного европейскаго доктора: раненые умираютъ и никто нисколько не заботится о спасеніи ихъ жизни, такъ какъ нельзя же признать за радикальными пособіями тѣ дѣтскія средства, къ которымъ прибѣгаютъ турецкіе врачи; напримѣръ, въ случаѣ раны пулею въ бедро, они крѣпко перевязываютъ всю ногу отъ большого пальца до верхней части бедра, останавливая такимъ образомъ обращеніе крови, вслѣдствіе чего пациентъ погибаетъ вовсе не отъ той болѣзни, отъ которой его лечатъ».

побужденіемъ къ новымъ жертвамъ, то есть къ новымъ побѣдамъ».

Въ заключеніе—одинъ случай анекдотическаго характера. 8-го ноября, лейбъ-гвардія Литовскій полкъ чувствуетъ день своего патрона, св. Архистратига Михаила. Въ нынѣшнемъ году литовцамъ довелось справлять свой полковой праздникъ на позиціи предъ Плевной. На полковомъ торжествѣ сошлась, конечно, вся полковая офицерская семья, пріѣхали и гости.

Послѣ праздника двое молодыхъ офицеровъ: одинъ—литовецъ, откомандированный въ качествѣ ординарца къ генералу Галецкому, другой—волынецъ, собрались ѣхать домой, простились съ друзьями, сѣли на коней и въ сопровожденіи казака тронулись себѣ съ Богомъ. Погода была сильно туманная, и потому офицеры вкорѣ сбились съ дороги, но ничего: ѣдутъ себѣ спокойно и не замѣчаютъ своего промала, какъ вдругъ въ пяти шагахъ предъ ними выплываетъ сквозь туманъ какал-то воинственная конная фигура съ карабиномъ на-изготовкѣ и раздается громкій окликъ «*Кимъ дыръ о?*»¹⁾. Офицеры поняли, что забрели на турецкіе аванпосты, но уже было поздно... Молча переглянулись они между собою—какъ быть теперь? Удирать бесполезно, потому что и дорога потеряна, да и турки, пожалуй, нагонятъ. Нечего дѣлать: остановились передъ цѣпью, но къ счастью—не растерялись. (Одинъ изъ нихъ вынулъ платокъ изъ кармана и замахалъ имъ, давая знать, что онъ прибылъ парламентаріемъ. Въ ту же минуту около нашихъ собралась группа всадниковъ и нѣсколько пѣшихъ турокъ. Получивъ заявленіе, что офицеры пріѣхали въ качествѣ парламентаріевъ, турки, хотя и оглядѣли ихъ весьма подозрительно, съ видимымъ недоумѣніемъ, тѣмъ не менѣе пригласили подождать нѣсколько времени на аванпостахъ. Одинъ изъ неурядицъ всадниковъ поспалалъ куда-то—очевидно, съ докладомъ. Минуть черезъ двадцать этотъ всадникъ возвращается вмѣстѣ съ турецкими офицерами, который любезно приглашаетъ импровизованныхъ парламентаріевъ послѣдовать за собою. Глазъ имъ не завязывали, такъ какъ по причинѣ тумана это было бы вполне бесполезно. Приводятъ ихъ къ главному караулу, просятъ сѣсть съ лошадей и пожаловать въ палатку. Здѣсь, при помощи одного изъ офицеровъ, говорящаго по-французски, парламентаріамъ предлагаютъ вопросъ: ради какой цѣли пожаловали они на аванпосты? Наши, ни мало не смущаясь, объявляютъ, что въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку сегодня день полкового праздника, и такъ какъ офицеры желаютъ провести этотъ вечеръ въ своемъ кругу вполне спокойно, а также доставить нѣсколько часовъ праздничнаго отдыха и своимъ солдатамъ, то поэтому полковое начальство отправило

¹⁾ «Кто идетъ», а буквально «кто есть».

ихъ обоимъ парламентарамъ, съ просьбою, чтобы господа турки, въ уваженіе къ военному празднику, не беспокоили сегодня Литовскій полкъ перестрѣлкою. Турецкіе офицеры пригласили офицеровъ садиться, угостили ихъ шербетомъ, кофе и папиросами и очень любезно принялись болтать съ ними о томъ о семъ, оказывая во время этой бесѣды полную предупредительность. Приняли ли они слова нашихъ «парламентаровъ» за наличную монету, или же, понявъ настоящую суть дѣла, не пожелали воспользоваться столь легко и неожиданно доставшимся имъ призомъ, въ видѣ двухъ пѣнныхъ русскихъ офицеровъ, — неизвѣстно; но только чрезъ полчаса отпустили ихъ домой, простясь вполне дружелюбно и проводивъ до линіи своихъ аванпостовъ. И въ этотъ день по линіи литовскихъ ложементовъ турки не стрѣляли.

LXXII.

Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда.

Назначеніе отдѣльнаго западнаго отряда.—Его составъ и выступленіе изъ-подъ Плевны.—Ближайшая цѣль дѣйствій.—Движеніе на Правецъ.—Обходное движеніе генерала Рауха.—Дѣло 11-го ноября на правецкой позиціи.—Дѣйствія праваго демонстративнаго отряда генерала Клото.—Путь кавалеріи въ горахъ.—Рекогносцировка на селенія Рашково и Радотико.—Ночлеги въ Рашковѣ.—Выборъ артиллерійской позиціи противъ Лютакова.—Распоряженія генерала Клото.—Непригодность артиллерійской позиціи.—Извѣстія отъ полковника Лихтанскаго.—Встрѣча съ отрядомъ Лихтанскаго и распоряженія по сему поводу генерала Клото.—Дѣйствія полковника Лихтанскаго 10-го ноября противъ новачинскихъ укрѣпленій.—Затрудненія въ пути при его отступленіи и гибель двухъ орудій.—Потери лейбъ-драгунъ.—Дѣйствія лѣваго демонстративнаго отряда генерала Дандевилля.—Цѣль дѣйствій.—Рекогносцировка этропольскихъ позицій.—Дѣйствія 10-го ноября отрядовъ принца Ольденбургскаго и полковника Рыдзева.—Взятіе редута преображенцами 11-го числа.—Атака преображенскихъ охотниковъ капитана Пашевича 12-го числа на главный редутъ.—Бой на этропольскихъ позиціяхъ.—Занятіе Этрополя.—Потери въ отрядѣ Дандевилля.—Преслѣдованіе турокъ 13-го числа въ Златицкомъ и Скрыгловскомъ ущельяхъ.—Занятіе Орханіа.—Взятіе высоты Грота.—Турки на араба-конакской позиціи.—Дѣйствія отрядовъ Дандевилля и Элліса противъ араба-конакской позиціи съ 17-го по 21-е ноября.—Наши потери.—Спускъ генералъ-майора Курнакова и графа Комаровскаго съ Балканскаго хребта къ Златицѣ, 21-го ноября.

Воготъ, 23-го ноября.

Теперь остается перейти къ дѣйствіямъ отдѣльнаго западнаго отряда, начальство надъ которымъ вѣрено генералъ-адъютанту Гурко. Одна изъ ближайшихъ задачъ этого отряда — занятіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ балканскихъ проходахъ, съ цѣлью изолировать Орханіа отъ прочихъ стратегическихъ пунктовъ, взявъ его, при случаѣ, такъ или иначе; другая, не менѣе важная задача заключается въ томъ, чтобы, укрѣпившись на занятыхъ позиціяхъ, препят-

ствовать всякой попыткѣ со стороны забалканской турецкой арміи протянуть руку помощи Плевнѣ, съ паденіемъ которой дальнѣйшая цѣль отряда генерала Гурко будетъ заключаться въ движеніи на Софію, а потомъ на Филиппополь. Отдѣльный западный отрядъ представляетъ собою сильный, вполне самостоятельный корпусъ, въ который входятъ нѣсколько дивизій частію гвардейской, частію армейской пѣхоты и кавалеріи, съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій. Къ 1-му ноября въ этомъ отрядѣ все уже было готово къ выступленію. 2-го ноября 2-я гвардейская пѣхотная дивизія собралась въ селеніи Радомирцахъ; 3-го же вечеромъ должна была тронуться изъ Дохняго Дубняка и 1-я дивизія гвардейской пѣхоты, но ее задержало на мѣстѣ особое экстренное распоряженіе, отданное на основаніи извѣстія, полученнаго чрезъ перебѣжчиковъ, что Османъ-паша намѣревается на разсвѣтъ 4-го числа форсировать свой выходъ изъ Плевны, для чего и будетъ отдѣлана общая вылазка всѣмъ гарнизономъ. Но такъ какъ намѣреніе это осталось безъ исполненія, то 4-го числа, въ десять часовъ утра, двинулись въ походъ и части 1-й дивизіи; стрѣлковая гвардейская бригада выступила къ Радомирцамъ еще наканунѣ.

9-го ноября началось дальнѣйшее передвиженіе войскъ генерала Гурко, съ тою цѣлью, чтобы сосредоточиться въ нѣсколько особыхъ отрядахъ, изъ коихъ каждому предстояло особое назначеніе въ исполненіи общей задачи, которая на первый разъ заключалась въ слѣдующемъ: надо было взять селеніе Правецъ, лежащее на полупути между Этрополемъ и Орханіа и представляющее весьма крѣпкую отъ природы позицію, усиленную еще фортификационными сооруженіями. Овладѣніе Правцемъ составляетъ первый шагъ къ овладѣнію мѣстечкомъ Орханіа. Для развлеченія непріятельскихъ силъ, дабы лишить ихъ возможности подать Правцу своевременную помощь, предстояло совершить, одновременно съ атакою правецкой позиціи, двѣ демонстративныя атаки — по ту и другую сторону отъ Орханіа и Правца: первую — къ сѣверо-западу отъ Орханіа, на укрѣпленные селенія Новачия и Лютаково, а вторую — къ юго-востоку отъ Правца, на городъ Этрополь, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, при успѣхѣ, слѣдовало постараться овладѣть имъ, ибо Этрополь служить ключомъ къ двумъ весьма важнымъ для насъ балканскимъ проходамъ — на городъ Златицу и на деревню Стрыгъ¹⁾.

Главныя силы отряда, предназначеннаго къ атакѣ Правца, генералъ Гурко поручилъ на-

¹⁾ Отъ Златицы лежитъ прямая дорога на Тартаръ Базарджикъ, который соединяетъ съ Адрианополемъ желѣзнымъ путемъ, а отъ Стрыглы ведетъ, по открытой мѣстности, шоссе на Софію. Расстояніе между Стрыгломъ и Софіей — отъ 45 до 50 верстъ.

чальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, графу Шувалову. Эту атаку предстояло исполнить двумя отрядами: *фронтальнымъ* ¹⁾, при которомъ находился и самъ графъ Шуваловъ, и *обходнымъ*, вѣреннѣйшимъ генералу-майору Рауху, коему былъ предоставленъ главный, рѣшительный ударъ на правецкую позицію, съ лѣваго ея фланга, тогда какъ силы фронтальнаго отряда должны были только притягивать вниманіе непріятеля на его собственный фронтъ.

На селенія Новачинъ и Лютаково былъ направленъ изъ Врацы небольшой отрядъ, составленный изъ шести эскадроновъ гвардейской драгунской бригады, со 2-ю гвардейскою конною батареею, подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-майора Клото, а на Этрополь—два отряда, подъ общимъ начальствомъ генерала Дандевилля ²⁾. Оставляя пока отчетъ о дѣйствіяхъ обоихъ побочныхъ отрядовъ, генераловъ Клото и Дандевилля, останавливаемъ вниманіе на главномъ отрядѣ, вѣреннѣйшемъ графу Шувалову.

Часть этого отряда, предназначенная для фронтальной атаки на Правецъ, двинулась 10-го ноября, подъ начальствомъ генерала Эллиса 1-го, назъ Осикова-³⁾ и послѣ незначительнаго сопротивленія сбита турокъ съ передовой правецкой позиціи, а затѣмъ заняла рядъ холмовъ близъ осиковскаго ханѣ (придорожный трактиръ, верстахъ въ 6-ти дальѣ Осикова), по обѣ стороны шоссе, неподалеку отъ правецкой позиціи. При этомъ лейбъ-гвардія Московскій полкъ, находившійся на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, занялъ узелъ путей отъ Осикова въ Орханіе. Весь этотъ день (10-е) и ночь (съ 10-го на 11-е), а также и утро 11-го ноября войска генерала Эллиса 1-го употребили на укрѣпленіе своей позиціи; но кромѣ того имъ пришлось приложить тяжкій трудъ для втаскиванія своихъ орудій на страшныя кручи. Однако же этотъ трудъ не могъ быть совершенъ спокойно: день и ночь мы вели перестрѣлку съ непріятельскими ложементами и редутами, расположенными по ту сторону длиннаго и крутого оврага, раздѣлявшаго обѣ стороны. Во все это время ружейная и артиллерійская пальба то ослабѣвала, то возгоралась съ новой силой.

Въ это же самое время обходной отрядъ генералъ-майора Рауха ⁴⁾, направленный на

лѣвый флангъ правецкой турецкой позиціи, двинулся изъ Яблонницы, въ четыре часа дня 9-го ноября, кружнымъ путемъ черезъ селенія Видраръ и Калугерово, а оттуда, по теченію рѣчки Лукавицы, на селеніе Лукавицу. Этому отряду, въ теченіе 48-ми часовъ днемъ и ночью, безъ малѣйшаго перерыва въ своемъ движеніи, довелось испытать *невыносимые* (нарочно подчеркиваемъ это слово) труды и лишения: пришлось идти не по дорожѣ, но по головоломнымъ тропинкамъ и даже безъ всякихъ путей, а просто по скалистымъ кручамъ, на которыя надо было втаскивать орудія и ящики. И можно представить себѣ, что такое это было, когда на эти недосыгаемыя вершины люди втаскивали 9-ти-фунтовые орудія *на рукахъ*! И это не разъ, не два, а безпрестанно, въ теченіе полныхъ двухъ сутокъ! И при такихъ-то трудахъ, люди проводили ночи безъ сна, иногда подъ дождемъ, въ холодномъ туманѣ, и по неволѣ питались одними лишь сухарями: варить было негдѣ, да и некогда. Надо было поспѣвать — торопиться, какъ бы не опоздать къ назначенному часу и пункту атаки. И вотъ, наконецъ, 11-го ноября, къ 12-ти часамъ дня генералъ Раухъ совершенно согласно диспозиціи, вышелъ на флангъ почти неприступной турецкой позиціи, и, не медля ни одной минуты, вступилъ въ бой, хотя люди его и испытывали страшную усталость. Турки едва лишь за нѣсколько минутъ до прихода Рауха успѣли занять высоту на лѣвомъ своемъ флангѣ. Но войска генерала Рауха не дали имъ времени окопаться и сразу подѣлали на кручу. Къ четыремъ часамъ дня непріятель былъ сбитъ съ этой высоты, и генералъ Раухъ, пользуясь моментомъ его отступленія, сопряженнаго съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, повелъ безостановочное преслѣдованіе противника и гналъ его вдоль всей турецкой позиціи, пока не очистилъ окончательно всѣхъ ея окоповъ. Турки бѣжали, осыпавые градомъ гранатъ съ батарей нашей фронтальной позиціи, гдѣ находились графъ Шуваловъ и генералъ Эллисъ 1-й. Въ пять часовъ пополудни густая облада сползла внизъ вершинъ и совершенно покрыла собой бѣжавшихъ турокъ; только благодаря этому случайному обстоятельству, отрядъ генерала Рауха не успѣлъ доконать ихъ до послѣдняго человѣка и расположился отдыхать на горныхъ вершинахъ—по выраженію генерала Гурко—«буквально, выше облака ходячаго». Къ этому же времени и остальные войска графа Шувалова, перейдя оврагъ, заняли покинутыя турками позиціи и расположились въ разстояніи вѣрнаго ружейнаго выстрѣла отъ участка охранійскаго шоссе, пролегающаго между Правцемъ

завода донской № 8-го и завода конно-горной батарей. Всего 6 батальоновъ, 1 команда, 8 орудій и 3 сотни.

¹⁾ Подъ начальствомъ генерала Эллиса 1-го.

²⁾ Одинъ изъ этихъ отрядовъ находился подъ начальствомъ его высочества принца Александра Ольденбургскаго, а другой—полковника Рыдаевскаго, командира 12-го пѣхотнаго Великолудскаго полка.

³⁾ Оно же и Усыковича, по картѣ полковника Араимова.

⁴⁾ Въ составъ л.-гв. Семеновскаго полка, двухъ гвардейскихъ стрѣлковъ батальоновъ: 1-го Его Величества и 4-го Императорской Фамиліи, командъ л.-гв. сапернаго батальона, трехъ сотенъ Кубанскаго казачьяго полка, дивизіона л.-гв. донской казачьей наслѣдника Цесаревича батареи,

и деревней Лажени. Наши потери, — около 70-ти нижних чиновъ убитыхъ и раненыхъ, и два раненыхъ офицера: одинъ въ Кубанскомъ казачьемъ полку (имя не сообщено) и другой — лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальона подпоручикъ Брунио, которому пробило обѣ ноги ниже колѣнъ. Пѣхотныхъ турокъ къ 12-му ноября было приведено къ генералу Гурко 70 нижнихъ чиновъ и одинъ пѣхотный офицеръ.

Переходимъ къ дѣйствіямъ праваго демонстраціоннаго отряда. 9-го ноября, въ 7 часовъ утра, генералъ-майоръ Клотъ выступилъ изъ города Врапы съ шестью эскадронами гвардейской драгунской бригады ¹⁾ и 2-ю гвардейской конной батареей. Онъ рассчитывалъ въ тотъ же день подойти къ Новачину и Лютакову, а на слѣдующій — демонстрировать артиллерійскимъ огнемъ противъ обѣихъ укрѣпленныхъ позицій. Генералу Клоту было предписано открыть огонь въ 9 часовъ утра и продолжать его до трехъ пополудни. Предшествовавшія рекогносцировки удостовѣрили, что дорога отъ караулки до Новачина идетъ почти непрерывнымъ ущельемъ; тогда какъ около Лютакова мѣстность довольно открыта; сообщеніе же между Новачинимъ и Лютаковымъ можетъ происходить не иначе, какъ по дорогѣ на караулку, потому что горная мѣстность между этими тремя пунктами для кавалеріи окончательно непроходима. Принимая въ соображеніе свойства данной мѣстности, т. е. открытость ея у Лютакова и сжатость предъ Новачинимъ — генералъ Клотъ рѣшился направить противъ Лютакова главную часть своего отряда (три эскадрона) съ четырьмя орудіями, а на Новачинъ отрядилъ полтора эскадрона ²⁾ и два орудія, подъ начальствомъ полковника Лихтанскаго, которому было приказано преимущественно имѣть въ виду охраненіе ущельистой дороги, ведущей изъ Новачина къ караулкѣ и выходящей въ тылъ отряду, дѣйствующему противъ Лютакова.

И такъ отрядъ генерала Клота, выступивъ изъ Врапы 9-го утромъ, слѣдовалъ къ Искеру на Дорманде, и близъ этого послѣдняго селенія перешелъ рѣку въ бродъ, глубиной болѣе трехъ футъ. Тутъ уже дорога сдѣлалась крайне затруднительной: справа — крутой, обрывистый берегъ, слѣва — отвѣсной стѣной возвышаются надъ самой тропинкой высокія каменные скалы, навороченные одна на другую гигантскими и какъ бы слоистыми глыбами; далѣе дорога втягивается въ узкое мрач-

ное ущелье и вьется все время, то поднимаясь вверхъ, по обрывистымъ краямъ скалистыхъ кручъ, то сбѣгая въ глубь ложины, по кремнистому руслу ручья, и кромѣ того, на всемъ почти пространствѣ отъ Искеры до самой деревни Рашково, путь торчмя покрытъ большими острыми камнями, движеніе по которымъ въ высшей степени затруднительно не только для орудій, но и для кавалеріи, а нѣсколько крутыхъ подъемовъ и спусковъ съ совершенно неожиданными и рѣзко-крутыми поворотами крайне утомляли артиллерию. Эскадронамъ приходилось двигаться очень медленно, по два всадника въ рядъ, а гдѣ и въ одинъ конь, растягиваясь на нѣсколько верстъ непрерывной, вьющейся лентой. Притомъ же артиллерія еще болѣе затрудняла движеніе: то орудіе, то ящикъ опрокинется, то измученная лошадь споткнувшись грохнется со всѣхъ ногъ на острые кремневые осколки и чуть не срывается съ кручи. — «Стой!.. Стой! Не насовывайся!.. Поводъ на себя!» — раздаются досадливые крики по всему пути, передаваясь отъ взвода ко взводу, въ отдаленный хвостъ колонны. Происходить невольная суматоха, замѣшательство: то тамъ, то здѣсь скучиваются нѣсколько всадниковъ, тѣснятся, наѣзжаютъ, напираютъ одинъ на другого; сѣнненая артиллерійская прислуга бросается къ перевернувшемуся навзничь орудію, старается вытянуть его на уносахъ, суетится и такъ и сякъ вокругъ и около, дружно наваливается на хоботъ, на колеса, на самую пушку, помогаетъ и руками и плечами — и наконецъ кое-какъ ставитъ орудіе на колеса. — «Трогай, съ Богомъ! Готово!» — кричатъ артиллеристы, обтирая вспотѣвшіе лбы и отмахивая натруженные руки. — «Шагомъ, марш!» протяжно несется опять отъ взвода къ взводу команда офицеровъ — и вотъ опять по ущелью гудитъ тяжелое громаханье артиллеріи вмѣстѣ съ сухимъ топотомъ нѣсколькихъ сотенъ полковъ о кремнистую почву. Артиллеристы уже не садятся на коней, а все время идутъ подлѣ орудій и ящиковъ, то и дѣло подпирая ихъ на сомнительныхъ или прямо опасныхъ мѣстахъ руками и плечами, а чрезъ нѣсколько минутъ опять гдѣ нибудь раздается отчаянное «стой!» — и опять пошла старая исторія...

Ночлегъ былъ назначенъ у деревни Рашково, но убѣдясь, что при такихъ затрудненіяхъ и безпрестанныхъ, продолжительныхъ остановкахъ засвѣтло никакъ не дойти до мѣста, генералъ Клотъ выслалъ впередъ два эскадрона ³⁾, вмѣстѣ съ генеральнаго штаба капитаномъ Храповицкимъ, для того, чтобы заблаговременно осмотрѣть мѣстность между Лютаковымъ и Рашковымъ. Оставивъ эска-

¹⁾ Три эскадрона лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго и три эскадрона лейбъ-гвардіи Драгунскаго полковъ.

²⁾ Одинъ полусэскадронъ гвардейскихъ драгунъ былъ въ расходѣ для содержанія развѣдочъ и связи съ отрядомъ, находящимся въ д. Сводъ.

³⁾ Одинъ драгунскій, другой конно-грендерскій.

драгунъ у караулки для охраненія дороги на Новачинъ, капитанъ Храповицкій въ половинѣ пятаго часа прибылъ съ конно-гренадерами къ Рашкову. Не доходя этой деревни, ему встрѣтились мѣстные болгары, которые сказали, что селеніе ихъ занято черкесами; вслѣдствіе этого туда былъ направленъ для развѣдки одинъ полускадронъ; но черкесы еще ранѣе его появленія успѣли очистить Рашково, гдѣ этотъ полускадронъ и остался, а другой пошелъ было занимать Радотино, но тамъ оказалась непріятельская пѣхота. Уже начинало смеркаться, да и проливной дождь къ тому же захлесталъ съ такой силой, что заволокнувъ, какъ присломъ, своими косыми полосами всю окрестность, сдѣлалъ окончательно невозможнымъ на сегодня продолженіе рекогносцировки. Пришлось почти ни съ чѣмъ возвращаться въ Рашково, куда подтянулся къ этому времени и генералъ Клотъ съ остальными двумя эскадронами конно-гренадеръ и четырьмя орудіями. Отрядъ сталъ на бивуакъ у выхода изъ горъ, въ полуверстѣ отъ Рашкова, а цѣль аванпостовъ вытянута была противъ Радотина. Едва успѣли разбить коновязи, какъ уже наступилъ монашій вечеръ: тьма—хоть глазъ выколи, по полю порывистый сѣверо-западный вѣтеръ гуляетъ, а на непріятельскомъ бивуакѣ грязь и цѣлая лужа нагнано дождемъ, такъ что негдѣ выбрать мѣстечка, гдѣ бы можно пріютиться человѣку—и люди стоятъ да переминаются съ ноги на ногу, молча и угрюмо. Дрожь проникаетъ ихъ до костей, на платѣхъ мѣста нѣтъ сухого, а согрѣться негдѣ: сучья не загораются—разбухли отъ сырости; мокрая лошадь тоже дрожать подъ налетами вѣтра, который взметаетъ ихъ хвосты и гривы, и жмутся одна къ другой, уныло и тихо понурясь, а дождь все льетъ и льетъ безконечно... Не веселая ночь досталась на долю нашихъ гвардейцамъ.

Полтора эскадрона драгунъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника Лихтанскаго, были оставлены у караулки, причемъ они выдѣлили изъ себя небольшую часть и выдвинули ее по дорогѣ въ Новачинъ. Въ девять часовъ утра на слѣдующій день надо было уже начинать канонаду по Лютакову, а между тѣмъ позицію, удобную для дѣйствія артиллеріи, не успѣли еще выбрать. Предшествовавшія рекогносцировки удостовѣрили, что на пространствѣ отъ Рашкова до Лютакова нѣтъ ни одной позиціи, откуда можно было бы успѣшно дѣйствовать фронтальнымъ огнемъ противъ лютаковскихъ укрѣпленій, которыя тутъ господствуютъ со всѣхъ сторонъ надъ совершенно открытой мѣстностью. Но по свѣдѣніямъ тѣхъ же рекогносцировокъ, къ востоку отъ Радотина на высотахъ есть одна позиція, дающая возможность артиллеріи брать лютаковскія укрѣпленія во флангъ, только въ ней

то неудобство, что какъ отъ Рашкова, такъ и отъ Радотина и отъ Лютакова она отрѣзана трудно проходимыми оврагами, да и дорога, ведущая къ ней, крайне затруднительна. Желая убѣдиться, точно ли дорога такъ плоха, генералъ Клотъ ночью же послалъ двухъ офицеровъ для ея осмотра, и тѣ привели ему свѣдѣнія, что путь неизбѣжно требуетъ поправки. Послѣ этого, тотчасъ же было собрано сто человѣкъ болгаръ, которые еще до разсвѣта приступили къ работѣ и на утро кое-какъ сдѣлали необходимыя исправленія. Въ шесть часовъ утра полковникъ Таль ¹⁾, вмѣстѣ съ Храповицкимъ и драгунскимъ поручикомъ Глоба ²⁾, проѣхалъ было на предполагаемую артиллерійскую позицію, чтобы окончательно убѣдиться въ ея удобствѣ, но туманъ до такой степени былъ еще густъ, что рассмотреть что-либо не представилось ни малѣйшей возможности.

Между тѣмъ, положительное приказаніе предписывало открыть огонь въ девять часовъ; поэтому генералъ Клотъ отдалъ слѣдующія распоряженія: четыремъ орудіямъ, подъ прикрытіемъ драгунскаго эскадрона, выдвинуться на вышеупомянутую фланговую позицію, а тремъ эскадронамъ конно-гренадеръ—занять деревню Радотино и отсюда, не вдаваясь въ бой, рекогносцировать лютаковскія укрѣпленія посредствомъ мелкихъ развѣздовъ; отряду же полковника Лихтанскаго дѣйствовать отдѣльно противъ Новачина, прикрывая дорогу, ведущую изъ селенія къ караулкѣ.

Въ силу этого приказанія, конно-гренадеры немедленно двинулись на Радотино, выбили оттуда турецкую пѣхоту, причемъ взяли въ плѣнъ одиннадцать человѣкъ, и послали нарядниковъ къ лютаковскимъ ложементамъ. Орудія же наши, съ громадными затрудненіями въ оврагахъ и на подъемахъ, успѣли наконецъ кое-какъ взобраться на позицію, но туманъ все еще былъ настолько густъ, что открывать огонь было бы бесполезно, и едва лишь въ половинѣ 12-го часа дня явилась нѣкоторая возможность стрѣлять: густая мгла нѣсколько порѣдѣла. Но тутъ оказалось, что артиллерійская позиція наша слишкомъ удалена отъ непріятеля, такъ что орудіямъ приходится стрѣлять съ разстоянія до 1,600 сажень. Нечего и говорить, на сколько могъ быть дѣйствителенъ огонь четырехфунтовыхъ орудій на подобной дистанціи; но турки все-таки обмѣнялись съ полковникомъ Талемъ нѣсколькими выстрѣлами. Рассчитывая придать нашей стрѣльбѣ нѣсколько болѣе существеннаго значенія, генералъ Клотъ въ часъ дня, когда прояснѣло еще болѣе, распорядился, чтобы орудія спустились

¹⁾ Командиръ 2-й гвардейской конной батареи.

²⁾ Еще прежде производившимъ рекогносцировку этой мѣстности.

къ Ранкову и заняли другую позицію, на высотѣ Радотина, а самъ отправился впередъ къ конно-гренадерамъ. На пути попадаетъ ординарецъ. — «Что такое?» — «Колонна пѣхоты направляется изъ Лютакова въ Новачинъ». Генералъ сейчасъ же отправилъ объ этомъ обстоятельстве къ Лихтанскому нѣсколько строкъ, наскоро набросанныхъ на клочки бумажки, самъ же поѣхалъ далѣе и, прибывъ къ конно-гренадерамъ, получилъ, немного времени спустя, первое донесеніе отъ Лихтанскаго, гдѣ полковникъ, извѣщая, что непріятель сильно на него наступаетъ, просилъ о присылкѣ подкрѣпленій. Къ нему былъ сейчасъ же направленъ на полныхъ рыскахъ одинъ изъ конно-гренадерскихъ эскадроновъ, вслѣдъ за которымъ генералъ Клотъ повелъ къ караулкѣ и остальные эскадроны того же полка, вмѣстѣ съ орудіями Таля. Нѣсколько минутъ спустя, на пути его встрѣчаетъ всадникъ, ковыляющій на раненой лошади; блѣдное лицо его носитъ признаки сдержаннаго физическаго страданія. Это былъ корнетъ графъ Толстой, который, получивъ сильную контузію, долженъ былъ ѣхать на раненой лошади съ словеснымъ донесеніемъ къ генералу отъ Лихтанскаго, что непріятель насѣдаетъ сильно, такъ что при отвратительномъ состояніи дороги является серьезное опасеніе за наши орудія. Не успѣвъ еще генералъ обстоятельно расспросить графа Толстого, какъ уже скачетъ по всю прыгъ новый всадникъ и привозитъ третье донесеніе, что два нашихъ орудія потеряны...

Промчавшись съ остальными своими силами къ караулкѣ, генералъ Клотъ нашелъ Лихтанскаго уже отступившимъ съ небольшою частью людей. Измученно понуря раненая лошадь, нѣсколько окровавленныхъ блѣдныхъ лицъ — кто въ сѣдлѣ, кто сидя или лежа вдоль дороги, мрачно молчаливыя группы солдатъ и тутъ же нѣсколько полковыхъ санитаровъ за снѣжной работой надъ перевязками — вотъ какая картина представилась генералу Клоту въ нѣкоторомъ разстояніи за караулкой, на дорогѣ въ Дорманце. Некогда было разспрашивать — какъ и что? — Слѣдовало торопиться встрѣтить противника, который — какъ можно было ожидать съ минуты на минуту — вѣроятно опять насѣдетъ на отступившихъ, и потому четыре эскадрона ¹⁾, оставшіеся еще въ распоряженіи Клота, были сейчасъ же двинуты на полныхъ рыскахъ впередъ, по новачинской дорогѣ, и пройдя версты три вмѣстѣ съ генераломъ, увидѣли хвостъ черкесовъ, уходившихъ къ Новачину. Генералъ Клотъ приказалъ выставить снѣженную цѣпь, подъ прикрытіемъ которой было приступлено къ уборкѣ нашихъ убитыхъ и раненыхъ, а одинъ

конно-гренадерскій полуэскадронъ на рыскахъ выславъ впередъ, съ цѣлью задержать уходившихъ черкесовъ. Но противъ этого полуэскадрона, уже подъ самымъ Новачинкомъ, опять повернули массы иррегулярной конницы противника, и въ то же время другія сильныя конныя партіи быстро пустились въ обходъ его справа и слѣва. Полуэскадронъ сталъ отходить назадъ, и въ виду этого обстоятельства генералъ Клотъ приказалъ снѣженнымъ частямъ занять нѣсколько болѣе удобную позицію, но не тревожить непріятеля, а лишь прикрыть дѣло уборки труповъ и раненыхъ. По окончаніи уборки, отрядъ отступилъ къ деревнѣ Дорманце, куда и прибылъ въ восемь часовъ вечера.

Между тѣмъ, вотъ что произошло въ этотъ день (10-го ноября) у полковника Лихтанскаго.

Получивъ отъ генерала Клота приказаніе отдѣлиться у караулки съ полтора эскадронами и двумя орудіями отъ летучаго отряда и дѣйствовать завтра (10-го) особо противъ новачинскихъ укрѣпленій артиллерійскимъ огнемъ, начавъ его по возможности въ 9 часовъ утра и продолжая до 3-хъ по-полудни, — полковникъ Лихтанскій вочевалъ у караулки, а на утро, въ половинѣ восьмого, двинулся по назначенію и прибылъ въ десятомъ часу къ Новачинской долинкѣ. Численность его отряда, не считая взвода артиллеріи, простиралась только до 135 всадниковъ, при девяти офицерахъ ¹⁾. Туманъ въ этотъ день, какъ сказано выше, былъ очень силенъ, а потому, желая высмотрѣть расположеніе новачинскихъ укрѣпленій, полковникъ Лихтанскій, вмѣстѣ съ капитаномъ Усовымъ и подковнымъ адъютантомъ прапорщикомъ Данилевскимъ, выѣхалъ на версту впередъ и постарался, насколько было возможно, познакомиться съ мѣстностью. Вернувшись къ своему отряду, онъ выславъ впередъ два взвода, при трехъ офицерахъ, и поручилъ общее начальство надъ этимъ полуэскадрономъ барону Стемпелю ²⁾, который, разсыпавъ передъ собой цѣпь изъ нѣсколькихъ развѣдчиковъ, двинулся долиною въ направленіи къ деревнѣ Скривенъ и прошелъ мимо укрѣпленной высоты, не замѣтивъ ее, по причинѣ тумана. Турки пропустили отрядецъ впередъ безпрепятственно, но по маленькому его резерву вдругъ открыли ружейный огонь изъ ложементовъ. Тѣмъ не менѣе баронъ Стемпель,

¹⁾ Полуэскадронъ 2-го эскадрона, съ числѣ 47 нижнихъ чиновъ и четырехъ офицеровъ, подъ командою капитана барона Стемпеля, и 4-й эскадронъ, въ числѣ пяти офицеровъ и 88 нижнихъ чиновъ, подъ командою капитана Мейяндера. Взводъ же 2-й гвардейской конной артиллеріи находится подъ начальствомъ капитана Усова.

²⁾ Взводъ 2-го эскадрона, при штабс-капитанѣ Гульковскомъ, и взводъ 4-го эскадрона, при поручикѣ Тудерусѣ и прапорщикѣ Зепкевичѣ.

¹⁾ Три конно-гренадерскихъ и одинъ драгунскій.

слыша за собой выстрѣлы русскихъ орудій, продолжалъ свое движеніе и, приближаясь къ Кривену, атаковалъ около 60-ти турецкихъ всадниковъ, которые сбѣжавшіеся наѣбревались было дать ему отпоръ огнемъ своихъ магазиннокъ. Иярубивъ изъ нихъ до 30-ти человекъ, не успѣвшихъ сѣсть на коней, отрядецъ барона Стемпеля погнался за остальными и, увлекшись преслѣдованіемъ, неожиданно попалъ подъ выстрѣлы противника, занимавшаго окраину деревни Скривентъ.

Тѣмъ временемъ туманная атмосфера стала нѣсколько проясняться, что и доставило полковнику Лихтанскому возможность выяснитъ себѣ расположеніе новачинскихъ ложементовъ. Капитанъ Усовъ установилъ на выбранной позиціи свои орудія и началъ обстрѣливать нагорное укрѣпленіе. Эти-то выстрѣлы и слышались въ тылу у себя баронъ Стемпель. Турки сначала не отвѣчали на нашъ артиллерійскій огонь, потому что четырехфунтовые снаряды не долетали до ихъ батарей; тогда Лихтанскій приказалъ Усову выдвинуться въ долину, на версту ближе къ противнику. Эта мѣра подѣйствовала сразу, и турки сейчасъ же стали стрѣлять по нашимъ изъ двухъ своихъ орудій и подняла ружайную трескотню въ ложементахъ. Былъ уже 12-й часъ въ исходѣ, когда изъ-за деревни Скривентъ показалась противъ барона Стемпеля конная толпа черкесовъ, человекъ въ четыреста, танувавшихся съ юга, изъ лагеря, расположеннаго по скривино-орханійской дорогѣ. Это обстоятельство побудило полковника Лихтанскаго послать на помощь Стемпелю полувзводъ драгунъ, подъ командою прапорщика Назимова. Вслѣдъ за этимъ прискакалъ одинъ изъ нашихъ дозорныхъ и донесъ полковнику, что два табора пѣхоты спускаются изъ укрѣпленнаго нагорнаго лагеря къ Новачину. Тутъ уже орудіямъ нашимъ пришлось занять новую позицію, на горѣ, въ полуверстѣ къ западу отъ Новачина, откуда движеніе турецкой пѣхоты сдѣлалось видно, какъ на ладони. Одно изъ нашихъ орудій открыло по ней огонь шрапнелью, тогда какъ другое продолжало обстрѣливать нагорное укрѣпленіе.

Между тѣмъ баронъ Стемпель, разсыпавъ передъ Скривеномъ своихъ драгунъ, удерживалъ напоръ черкесской толпы. Опасаясь, однако-же, чтобы спускавшаяся изъ лагеря пѣхота не отрѣзала его съ тылу, полковникъ приказалъ трубить вслѣдъ ему «отступленіе». Невозможность держаться съ такими ничтожными силами, согласно диспозиціи, до 3-хъ часовъ по-полудни,—съ каждой минутой становилась все болѣе очевидной, и потому полковникъ Лихтанскій рѣшился въ первомъ часу дня начать общее отступленіе всего своего отряда.

Тогда орудія наши, подъ прикрытіемъ по-

луэскадрона, отошли на версту назадъ и стали на дорогѣ, а десятокъ сбѣженныхъ драгунъ, разсыпавшись по лѣвой отлогости, прикрывалъ обратное движеніе коноводовъ, въ то время, какъ капитанъ Мейндеръ, со сбѣженными полутора взводами, дѣлалъ то-же самое на правомъ нашемъ флангѣ. Капитанъ Усовъ продолжалъ посылать снаряды надъ головами драгунъ къ черкесамъ, надвигавшимся изъ Скривена. Баронъ Стемпель, на сколько могъ, молодецки задерживалъ эту конницу: во время перемѣны послѣдней артиллерійской позиціи, онъ бросился на черкесовъ въ атаку, отогналъ ихъ версты на полторы назадъ и только послѣ этого сталъ продолжать свое отступленіе. Отдѣльныя кучки его людей время отъ времени сбѣживались, чтобы болѣе мѣткимъ огнемъ задерживать орду противника, осыпавшую драгунъ пулями изъ своихъ магазиннокъ.

Нѣсколько гранатъ, пущенныхъ съ послѣдней нашей позиціи, не удержали однако черкесовъ: они, попрежнему, настойчивымъ роємъ продолжали насаждать на Стемпеля, висѣли на его флангахъ... Тогда полковникъ Лихтанскій приказалъ поручнику Тудерусу распорядиться, какъ можно скорѣе, отправкой патроннаго ящика по ущелью къ караулкѣ, а капитанъ Усовъ отошелъ опять на версту назадъ, за рѣчку, и занялъ новую позицію на покатоствіи, причемъ драгуны капитана Мейндера, уже контуженнаго въ ногу, сѣли на коней и присоединились къ прикрытію орудій. Во время передвиженія на новую позицію, случилась крайне досадная задержка: переѣзжая черезъ плохой, дырявый мостъ, одно изъ орудій перекинулось но къ счастью, прислуга, съ помощію драгунъ изъ прикрытія, успѣла черезъ нѣсколько минутъ поднять его. А черкесы все ближе и ближе... На новой позиціи прикрытіе еще разъ сбѣжилось, между тѣмъ какъ рассыпанные конные взводы, уже сильно порѣдѣвшіе, продолжали ежеминутныя схватки со всадниками противника, не разъ бросаясь на нихъ въ шашки. Въ это время тяжело были ранены баронъ Стемпель (двумя пулями), а вслѣдъ за нимъ и прапорщикъ Зенкевичъ. Обоихъ отправили съ коновомъ къ караулкѣ, а полувзводъ драгунъ Стемпеля принялъ и водилъ въ дальѣйшее дѣло штабсъ-капитанъ Гульковскій.

Полковникъ Лихтанскій еще съ предпослѣдней позиціи послалъ генералу Клоту два доносенія (одно чрезъ унтеръ-офицера, другое словесное, съ короткимъ графомъ Толстымъ) о своемъ критическомъ положеніи. Въ то же время онъ озаботился, чтобы всѣ раненые, которые могли еще кое-какъ держаться въ сѣдлѣ, были отправлены на рысяхъ, вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ драгунами, докторомъ и частью санитаровъ, въ селеніе Ребриково, а самъ, собравъ оставшихся людей съ

офицерами: Свищевскимъ, Велинскимъ и Данилевскимъ, для непосредственнаго прикрытія орудій, приказалъ артиллеріи уходить въ ущелье; Гульковскому же съ Назимовымъ на коняхъ, въ-разсыпную, сдерживать натискъ черкесовъ.

Хотя это была уже одна лишь горсть людей, тѣмъ не менѣе, отступленіе совершалось въ полномъ порядкѣ, такъ что Лихтанскій нѣсколько разъ переводилъ свой отрядецъ изъ рыси въ шагъ, несмотря на рой шальныхъ пуль, осыпавшихъ его сзади. Отойдя такимъ образомъ еще версты на полторы, капитанъ Усовъ, по приказанію полковника, вновь занялъ позицію при входѣ въ ущелье, откуда нѣсколько удачныхъ шрапнелей задержали черкесовъ, навалившихся на штабсъ-капитана Гульковского. Но это было лишь на двѣ—на три минуты, а люди наши, осыпаемые пулями, все-таки продолжали валиться одинъ за другимъ; прикрытіе рѣдѣло все больше и больше... Въ это время, къ несчастію, былъ сильно раненъ капитанъ Усовъ, замѣнивъ котораго, по его специальности, было нечѣмъ. Драгуны вывезли его изъ огня, а полковникъ Лихтанскій приказалъ артиллерійскому взводу взять орудіа на передки и рысью уходить въ ущелье. Это было исполнено, но, къ новому несчастію нашему, все ущелье оказалось загроможденнымъ. Здѣсь столпилась въ крайнемъ безпорядкѣ пестрая масса нагруженныхъ всякимъ пожиточнымъ хламомъ возовъ и каруцъ, съ апатично лѣнивыми волами и медлительными буйволами; промежъ этихъ неуклюжихъ, тяжелыхъ возовъ, съ невыносимо скрипучими колесами, въ испугѣ сгучились овцы и бараны, маленькія «турскія» лошадки подъ высокими сѣдлами, собаки, навьюченные «магары» (ослы), которые оглашали ущелье своимъ неистово-дикимъ ревомъ; на возахъ и на землѣ сидѣли, лежали и стояли кучки перепуганныхъ и плачущихъ дѣтей въ лохмотьяхъ, рыдающія и молящіяся женщины, убитые отчаяніемъ молчаливые старика, суетившіеся мужчины и юноши, которые тщетно старались продвинуть впередъ свои каруццы; иные изъ этихъ мужчинъ и женщинъ были окровавлены—очевидно ранены... Полная картина ланики, воплей и отчаянія! То были окрестные болгары, убѣгавшіе подъ защиту русской арміи, въ виду кроваваго нашествія турецкихъ войскъ на ихъ села. Можно представить себѣ, насколько узкая дорога, влотною загроможденная болгарскимъ имуществомъ и пронизываемая черкесскими пулями, задержала нашу артиллерію, и какихъ невѣроятныхъ усилій стоило прислугѣ протаскать наконецъ свои орудіа сквозь всю эту запруду!..

Драгунамъ оставалось еще болѣе трехъ верстъ до караулки. Полковникъ Лихтанскій собралъ вокругъ себя все, что оставалось—

человѣкъ около тридцати драгунъ и пять офицеровъ: штабсъ-капитана Гульковского, поручика Свищевского и прапорщиковъ Назимова, Велинскаго и Данилевскаго. Съ этой горстью онъ лично прикрывалъ отступленіе артиллеріи, приказавъ людямъ отстрѣливаться съ коня, такъ какъ спѣшиться было уже опасно, въ виду ежеминутно наступавшихъ черкесовъ. Когда же они съ визгомъ пускались въ атаку—драгуны перекадывали берданки за плечо и вмѣстѣ съ офицерами бросались навстрѣчу противнику въ шашки.

Но вотъ опять новое несчастіе!—при переходѣ чрезъ слѣдующій мостъ, неогражденный перилами, одно орудіе вдругъ обрывается и виснетъ надъ пропастью... Своей тяжестью оно тянетъ туда же и лошадей, напрягающихъ послѣднія, невѣроятныя усилія, чтобы удержаться на мостовой настилкѣ. Все тщетно: толпа черкесовъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, спасать орудіе некогда—и оно съ грохотомъ стремглавъ летитъ въ бездну. Другое орудіе до сихъ поръ благополучно преодолѣвало всѣ трудности отступленія, но отъ крайней усталости лошадей стало наконецъ при-
ставать, а тутъ еще, на бѣду, одна изъ дышловыхъ лошадей была смертельно ранена и упала. Орудіе стало. Пока прислуга бросилась отпрягать издыхавшую лошадь, прикрытіе наше таяло человѣкъ за человѣкомъ; въ числѣ другихъ, былъ раненъ прапорщикъ Данилевскій; но онъ не захотѣлъ въ столь критическій моментъ уѣзжать къ перевязочному пункту у караулки и самоотверженно продолжалъ отбиваться вмѣстѣ со своими товарищами. Между тѣмъ, черкесы, замѣтивъ суету вокругъ остановившагося орудія, съ пронзительнымъ визгомъ, стремительно бросились на него всей толпой. У лафета закипѣла отчаянная рукопашная савла. Данилевскій, Велинскій, Назимовъ, ѣздовые, прислуга и многіе драгуны легли здѣсь подъ черкесскими шашками и кинжалами, защищая орудіе, спасти которое уже и раньше этого момента не было никакой возможности. Всѣ они честно, до послѣдняго издыханія, исполнили свой долгъ солдатскій. Гульковский и Свищевскій здѣсь же были сильно контужены; у перваго въ сѣдлѣ сидѣло уже четыре пули, подъ вторымъ ранена лошадь и у обоихъ прострѣлены голубки. Когда такимъ образомъ почти все прикрытіе было изрублено, черкесы всей гурибой отбѣснули отъ него нѣсколько человѣкъ, оставшихся еще въ живыхъ—измученныхъ и израненныхъ—и продолжали еще преслѣдовать ихъ почти до самаго выхода изъ дефиле, осыпая ущелье пулями.

Не имѣя болѣе возможности дать какой-либо отпоръ противнику въ ущельи, полковникъ Лихтанскій поспѣшнѣе занялъ караулку, чтобы по крайней мѣрѣ обезпечить хотя на

нѣкоторое время путь отступленія отряду генерала Кюта. Съ этой цѣлью онъ приказалъ поручику Свищевскому спѣшить все, что нашлось еще подъ рукою, собрать у караулки всѣхъ оставшихся въ цѣлости лошадей, сбить ихъ, дабы устроить изъ нихъ живой дожементъ, и положить за нимъ людей, могущихъ еще владѣть оружіемъ. Такихъ собралось пятнадцать человѣкъ. Ружейнымъ огнемъ своимъ они остановили черкесовъ, которые показались-было изъ ущелья, но не отважились атаковать караулку, чтобы занять дорогу на Лютаново. Постоявъ нѣсколько минутъ, орда повернула назадъ и скрылась между скалами. Это было въ три часа пополудни, а нѣсколько минутъ спустя подлетѣли къ караулкѣ вскадроны генерала Кюта, но дѣло было уже кончено... Остальное — рассказано ниже.

Стали считать потери. Изъ двѣнадцати офицеровъ, находившихся въ отрядѣ Лихтанскаго, убито было трое ¹⁾, ранено тоже трое ²⁾, контужены четверо ³⁾, — итого 10; нижнихъ чиновъ убито 43, ранено 24 и безъ вѣсти пропало два человѣка; конская убыль 75 лошадей убитыми и ранеными.

Дѣло это, по справедливости, можно назвать столько же несчастнымъ, сколько и геройскимъ. Не будь 10-го ноября такого глубокаго тумана, по всей вѣроятности, оборотъ дѣла былъ бы совершенно иной, несмотря даже на недостаточность знакомства съ новачинской мѣстностью. — Не прибавляя ничего къ описанію этого несчастнаго для драгунъ дѣла — говорить въ своемъ донесеніи полковникъ Лихтанскій — я смѣю только донести, что всѣ чины отряда отъ перваго до послѣдняго свято исполнили свой долгъ, отходя стойко на протяженіи восьми верстъ, подъ непрерывнымъ огнемъ. Доказательствомъ можетъ служить громадная убыль, которую понесли бывшіе въ дѣлѣ драгунскіе взводы, а также геройская смерть трехъ офицеровъ, которые, защищая послѣднее орудіе, были изрублены на его лафетѣ».

Цѣлью операций второго (лѣваго) демонстративнаго отряда былъ, какъ уже извѣстно, поставленъ городъ Этрополь. Къ укрѣпленной этропольской позиціи были направлены два отряда: первый — подъ начальствомъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, второй — подъ начальствомъ полковника Рыдзевскаго, а общее начальствованіе надъ ними было ввѣрено генералъ-майору

Давидову. Обои́мъ этимъ отрядамъ генералъ Гурко предписалъ произвести усиленные рекогносцировки на Этрополь, позадержать непріятеля въ его позиціяхъ, чтобы лишить его возможности подать помощь атакующему Правцу, а въ случаѣ движенія турецкихъ этропольскихъ отрядовъ къ сему послѣднему пункту — воспрепятствовать такому движению, и наконецъ, если представится возможность, то непосредственно атаковать этропольскую позицію и взять самый городъ ⁴⁾.

Въ силу этого назначенія, отрядъ принца

¹⁾ Предварительная рекогносцировка этропольскихъ позицій была сдѣлана еще 31-го октября частями сельви-ловчинскаго отряда: небольшою отрядъ, составленный изъ двухъ батальоновъ 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка, дивизіона казанскихъ драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ и четырехъ орудій, подъ начальствомъ командира 1-го батальона Псковскаго полка, приблизясь къ этропольскимъ позиціямъ, завязалъ съ турками перестрѣлку, которая произвела у нихъ большой переполохъ, во время коего они свалили почти весь свой лагерь и начали увозить артиллерию, посылая при этомъ гонцовъ, одного вслѣдъ за другимъ, въ Орханіе. Начальникъ нашего отряда, несмотря на всѣ эти признаки явной паники, не рѣшился однако атаковать этропольскую позицію, такъ какъ уже наступили сумерки и непріятель превосходилъ его числомъ, да и изъ Орханіе могли прибыть къ туркамъ подкрѣпленія. Правда и то, что атака Этрополя не входила въ число пунктовъ его инструкціи, которая предписывала ему рассмотреть только количество силъ и расположеніе непріятеля. Исполнивъ въ точности предписанную задачу, онъ приказалъ своему отряду отступить къ д. Лукавицѣ. Турки, въ виду этого отступленія, сразу же ободрившись и пустились въ погоню за нашимъ отрядомъ около двухсотъ человѣкъ своей кавалеріи. Но начальникъ нашего отряда устроилъ имъ засаду изъ двухъ ротъ (2-й и 3-й) Псковскаго полка: пропустивъ свою отступающую цѣпь, эти двѣ роты дали противнику подскочить на двѣсти шаговъ и встрѣтили его залпомъ, который вышибъ много людей изъ турецкаго фронта, такъ что непріятель тутъ же повернулъ коней и всей гурьбой бросился назадъ въ полномъ смятеніи. Наши двѣ роты позволили этой толпѣ доскочить до ущелья, и когда она скучилась у входа, — дали по ней вторичный залпъ, который и уничтожилъ почти всю эту кавалерію. Затѣмъ наш отрядъ уже совершенно спокойно отошелъ къ д. Лукавицѣ. Въ этомъ дѣлѣ у насъ были ранены: Псковскаго полка: капитанъ Тарновскій, штабсъ-капитанъ Люткевичъ и поручикъ Жуковъ, а нижнихъ чиновъ убито 9 и ранено 27 человѣкъ. Хотя рекогносцировка эта, при большой рѣшительности, т. е. при переходѣ въ непосредственную атаку, и могла бы, очень вѣроятно, окончиться вѣднѣмъ Этрополя еще 31-го числа, но если этого и не случилось, то во всякомъ случаѣ начальникъ отряда буквально исполнилъ все предписанное ему инструкціей и кромѣ того устроилъ, уже по собственной инициативѣ, губительную для турецкой конницы засаду и собралъ свѣдѣнія, вполне необходимыя для насъ при демонстративныхъ дѣйствіяхъ 11-го и 12-го ноября отрядовъ генерала Давидова, которые и увѣнчались взятіемъ Этрополя.

¹⁾ Прапорщики: Давылевскій, Велияскій и Назимовъ.

²⁾ Капитанъ Усовъ, баронъ Стемпель и прапорщикъ Зенкевичъ.

³⁾ Капитанъ Мейландеръ, штабсъ-капитанъ Гульковскій, поручикъ Свищевскій и корнетъ графъ Толстой.

Ольденбургскаго ¹⁾ двинулся 10-го ноября из Села Осыкова (Усыковица тожъ) двумя колоннами, по обоимъ берегамъ Искера. Того же числа отрядъ этотъ подошелъ къ сильно укрѣпленной позиціи противника, расположенной къ сѣверу отъ Этрополя, у трактира (хане) Лога. Цѣлый день отрядъ его высочества провелъ въ тяжелой работѣ: надо было втаскивать орудія тяжелой артиллеріи на ужасныя крутизны, противоположныя фронту логовской позиціи. До какой степени былъ тяжелъ этотъ трудъ, можно судить по тому, что еле-еле къ четыремъ часамъ дня удалось поднестъ на вершину только два 9-ти-фунтовыхъ орудія, — и тогда начался у насъ артиллерійскій бой. Во все это время облака мѣшали пѣхотѣ заниматься перестрѣлкой, которая открывалась только изрѣдка, когда раздвигались на нѣсколько минутъ густыя тучи, покрывавшія горныя вершины.

Второй отрядъ ²⁾, вѣреннѣй полковнику Рыдзевскому, былъ двинутъ отъ Хане-Брусена, чрезъ деревню Лупенъ, на Троицкій монастырь, въ обходъ вышеупомянутой главной турецкой позиціи у Хане-Лога. Этому отряду довелось идти горами, по тропѣ, которая даже у мѣстныхъ жителей считается почти недоступной. Онъ атаковалъ правый флангъ турокъ, расположенный около Свято-Троицкаго монастыря, но былъ отбитъ, и, съ потерей 26 важныхъ чиновъ, отступилъ по дорогѣ, лежащей между монастыремъ и Лупеномъ, гдѣ и окопался на избранной позиціи.

Общій резервъ этихъ отрядовъ ³⁾ оставался на позиціи у Хане-Брусена.

11-го ноября, правамъ (т. е. наступавшая по лѣвому берегу Искера) колонна отряда принца Ольденбургскаго повела наступленіе противъ лѣваго фланга неприятельской позиціи. Изъ рядовъ Преображенскаго полка вызваны были охотники, которыхъ авилось много, но для дѣла нужно было всего только сто человѣкъ, такъ что охотимъ людямъ въ ротахъ пришлось метать между собой жеребій. Команда эта, отдавая подъ начальство штабс-капитана Рейтерна, выступила съ мѣста (съ позиціи у Хане-Лога) въ четыре часа утра и,

съ тяжелымъ трудомъ вскарабкавшись на высокую крутину, безъ выстрѣла заняла редутъ (не главный), расположенный на ея вершинѣ. Здѣсь черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что на ночь турки покидали это укрѣпленіе, уходя на отдыхъ въ лагерь, расположенный въ лощинѣ, а съ разсвѣтомъ вновь занимали его. Въ то самое время, какъ наши охотники подбирались къ нему съ одной стороны, турки выходили туда же по противному скату горы и опоздали только нѣсколькими минутами: наши уже распорядились въ немъ по своему и, занявъ брустверъ, внезапно встрѣтили горячимъ огнемъ подходившаго противника, который бросился назадъ, въ лощину. Отогнавъ этихъ турокъ, охотники наши продолжали стрѣлять изъ редута по передовымъ ложамъ, беря ихъ во флангъ. Огонь ихъ оказался на столько удаченъ, что не прошло и часа, какъ неприятель долженъ былъ покинуть всю свою передовую позицію. Тотчасъ же вслѣдъ за отступившими турками преображенцы и батальонъ лейбъ-гренадеръ двинулись впередъ по обоимъ берегамъ Искера и заняли оставленную позицію, перекопавъ ея фронтъ лицомъ къ неприятелю. Послѣ этого началась ружейная и артиллерійская перестрѣлка, которая продолжалась до вечера. Всѣ усилія преображенцевъ выбить неприятеля изъ главнаго редута, закрывающаго входъ въ ущелье рѣки Искера, были 11-го числа безуспѣшны.

Между тѣмъ положеніе отряда полковника Рыдзевскаго, отступившаго отъ Свято-Троицкаго монастыря, было не особенно покойно: турки обстрѣливали его и ружейнымъ, и артиллерійскимъ огнемъ, а отвѣчать на послѣдній Рыдзевскому было нечѣмъ. Чтобы помочь ему въ этомъ отношеніи, генералъ Дандевиль направилъ туда изъ резерва четыре орудія, вмѣстѣ съ однимъ изъ лейбъ-гренадерскихъ батальоновъ. Но шестиконныя запряжки не въ силахъ были вывезти пушки на кручу. Пришлось прибѣгнуть къ помощи болгарскихъ воевъ и буйволовъ, собранныхъ въ Лупенѣ. Каждое орудіе, каждый ящикъ и снаряды разбирали по частямъ, нагружали ими возы и съ помощью людей, таявшихъ лямки и подпиравшихъ колеса, въ темную и туманную ночь, съ немовѣрными усилиями втаскивали на вершину. Все это продолжалось у самыхъ высотъ, занятыхъ турками. Пространство между отрядами полковника Рыдзевскаго и принца Ольденбургскаго заполняла сотня кавказскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Штакельберга, которая очистила отъ неприятеля всю лѣвую сторону ущелья.

Ночь на 12-е ноября прошла въ непрерывной почти перестрѣлкѣ. Надо было во что бы ни стало брать главный турецкій редутъ, чтобы достигъ какихъ-либо существенныхъ результатовъ на этропольской позиціи. Время

¹⁾ Въ составѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и одного батальона 11-го пѣхотнаго Искерскаго полка (всего пять батальоновъ), четырехъ орудій 1-й батареи лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады, двухъ орудій конно-горной батареи и трехъ сотенъ Кавказской казачьей бригады.

²⁾ Въ составѣ 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка, трехъ сотенъ кубанцевъ и роты гвардейскихъ саперъ. При отрядѣ этомъ артиллеріи не было.

³⁾ Полки: лейбъ-гвардіи Гренадерскій и Екатеринбургскій драгунскій, съ соответственнымъ числомъ артиллеріи, за исключеніемъ одного батальона лейбъ-гренадеръ, который былъ направленъ на усиленіе колонны преображенцевъ, наступавшей по правому берегу Искера.

близилось къ разсвѣту. Изъ Преображенскаго полка опять была вызвана сотня охотниковъ, начальство надъ которой принялъ штабсъ-капитанъ Пищевичъ. Въ мертвомъ молчаніи двинулись охотники къ турецкой позиціи. Гдѣ ползкомъ, гдѣ на коѣнѣхъ, гдѣ лежа на животѣ и цѣпляясь руками за стебли растений, подбирались они къ главному редуту. На востокѣ уже свѣтлѣло, когда передъ нашими молодцами обрисовался темной полосой первый передовой ложементъ. Разомъ поднявшись съ земли, съ крикомъ «ура» кинулись на него охотники. Турки открыли было по нимъ бѣглый огонь, но для преображенцевъ было дѣломъ одной минуты вскочить на насыпь и обрушиться съ нея на плечи противника. Штыкъ былъ ужаснымъ оружіемъ въ могучихъ рукахъ этихъ отборныхъ силачей-великановъ!.. Черезъ минуту въ ложементъ оставались одни только турецкіе трупы, а охотники, подъ свистомъ пуль, бѣгомъ пустились далѣе, на штурмъ главнаго редута. Но почва, разбухшая отъ продолжительныхъ дождей, скользила и кусками срывалась подъ ихъ ступнямъ, а бѣжать надо было въ гору. Тщетно старались охотники преодолѣть это препятствіе, но оказалось, что съ турками легче было имъ сладить, чѣмъ съ почвой. Измывшись въ напрасныхъ усиліяхъ, они должны были съ ползуну спуститься назадъ, причемъ потеряли шесть человѣкъ убитыми и ранеными. Это было въ началѣ восьмого часа.

Когда утренній туманъ нѣсколько прояснился, наша артиллерія съ обѣихъ позицій (преображенской и великолупцкой) открыла учащенную канонаду по турецкимъ укрѣпленіямъ. Къ этому времени у принца Ольденбургскаго могли уже дѣйствовать восемь орудій, а у Рыдзевскаго—четыре, только-что собранныя и свинченныя на вершинѣ, подъ огнемъ непріятеля.

Обстрѣлывъ достаточно турецкую позицію и успѣвъ привлечь на свою батарею все вниманіе противника, отрядъ Его Высочества, усиленный однимъ батальономъ Песковского пѣхотнаго полка, началъ постепенное движеніе впередъ, стараясь охватить лѣвый флангъ турокъ. Отрядъ же полковника Рыдзевскаго, получивъ еще ночью въ подкрѣпленіе себѣ батальонъ лейбъ-гренадеръ, тоже началъ наступленіе. Начальство надъ этимъ отрядомъ Рыдзевскій сдѣлалъ, какъ старшему, командующему лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, флигель-адъютанту, полковнику Любовицкому, который повелъ наступленіе участками, подвигаясь все болѣе и болѣе въ обхватъ праваго фланга турокъ, при чемъ одна часть направилась даже въ тылъ противной позиціи. Во время этого наступленія, четыре орудія постепенно были скатываемы съ вершины и подвигались все ближе и ближе къ непріятельскимъ лагерямъ, бѣжав-

шимъ на мѣстности между турецкими позиціями и Этрополемъ. Къ двумъ часамъ по-полудни противникъ былъ уже совершенно охваченъ съ обѣихъ своихъ фланговъ, а лѣвый отрядъ (полковника Любовицкаго) кромѣ того угрожалъ ему обходомъ и съ тыла: орудія его дѣйствовали уже въ тылъ турецкой позиціи, тогда какъ батарея праваго отряда (принца Ольденбургскаго) пронизывала ее продольными выстрѣлами. При такихъ условіяхъ турки не въ состояніи были держаться и вскорѣ начали отступленіе, такъ что въ три часа дня главный редутъ былъ уже занятъ ротою его величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Приобрѣтыя отъ существенный успѣхъ, оба отряда дружно повели общее наступленіе. Турки, не дожидаясь схватки, бѣжали впередъ ихъ и мимоходомъ зажгли свой лагерь, чтобы не доставался въ добычу «москвѣ». Они удалялись по двумъ ущельямъ, изъ которыхъ одно ведетъ на городъ Златицу, а другое на селенія Скрыглъ и Араба-конакъ, лежащія уже по ту сторону хребта Балканскаго.

Въ шесть часовъ вечера части Преображенскаго полка побѣдоносно вступили въ городъ Этрополь и заняли его гарнизономъ. Волѣдъ бѣгущему противнику было пушено лишь по нѣсколькимъ снарядамъ, такъ какъ наступившая темнота поневолѣ заставила отложить преслѣдованіе до слѣдующаго утра.

Потери отряда генералъ-майора Дандевилля за всѣ три дня (10-го, 11-го и 12-го ноября), говори относительно, весьма не велики. всего лишь 48 убитыхъ и раненыхъ¹⁾; но какой тяжкій физическій трудъ пришлось испытать ему, безостановочно работавъ три дня и три ночи на кручакъ и вершинахъ Искерскаго ущелья! Турецкія позиціи, взятые съ боя этими войсками, генералъ Турко мѣтко и справедливо сравнилъ съ орлиными гнѣздами.

Съ разсвѣтомъ 13-го ноября въ оба ущелья—Златицкое и Скрыгловское—для преслѣдованія турокъ двинулись достаточно сильныя отряды²⁾. Екатеринбургскіе драгуны взяли при этомъ, изъ числа полевыхъ турецкихъ батарей, три стальныхъ дальнобойныхъ орудія, два зарядные ящика и цѣлый транспортъ (свыше трехсотъ подводъ) съ боевыми и продовольственными запасами. Все это было покинуто турками въ ущельи, во время бѣгства. Съ наступленіемъ темноты преслѣдованіе было прекращено; турки же остановились на горномъ перевалѣ, занявъ высоту, извѣстную подъ именемъ Грета (она же Грохоть).

¹⁾ Въ числѣ раненыхъ—лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Неовіусъ.

²⁾ 4-й драгунскій Екатеринбургскій полкъ, сотня Кавказской казачьей бригады, 16-я конная батарея, 12-й пѣхотный Великолупскій полкъ и 4-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Ближайшимъ послѣдствіемъ взятія правецкой и этропольской позицій было то, что турки сами, безъ боя, успѣли очистить Орханію—этотъ «грозный пунктъ», въ которомъ туркофильскія газеты пророчили намъ «новую Плевну, только въ десять разъ сильнѣе».

Покинувъ Орханію противникъ отошелъ въ укрѣпленную позицію у селенія Врачешъ. Надо было принудить его покинуть и этотъ пунктъ, а для сего генералу Дандевилу предписано—предпринять движеніе на Гресту, имѣя въ виду, что занятіе этой высоты нашими войсками будетъ угрожать непосредственно тылу вражеской позиціи.

Послѣ невѣроятныхъ трудовъ одного изъ самыхъ тяжкихъ походовъ, отрядъ генерала Дандевила приблизился къ Грестѣ и въ тотъ же день овладѣлъ ею съ боя. Этотъ новый успѣхъ нашъ заставилъ противника немедленно же, и тоже безъ боя, очистить вражескую позицію и уходить по шоссе къ Араба-конаку. Но не только Врачешъ, очинцы были и Новачинъ, и Лютаково, и все, что лежитъ вокругъ Орханіи, нѣтъ собственно и должно было бы входить въ систему оборонительныхъ орханійскихъ позицій, если бы этому ничтожному мѣстечку суждено было сдѣлаться для насъ «второю Плевной». Побочные (лѣвофланговые) непріятельскіе отряды, отступившіе къ Лютакову изъ ближайшихъ окрестныхъ пунктовъ, слѣшно упали отсюда по особой, прямой дорогѣ на Софію, а главные орханійскія силы направились изъ Врачеша по шоссе, и въ тотъ же день (17-го) подошли къ Араба-конаку, гдѣ и окопались на новой позиціи, у выхода изъ горнаго хребта на долину. Но одновременно съ занятіемъ турками этой послѣдней позиціи, генералъ Дандевиль овладѣлъ съ боя другой высотой, которая находится въ сосѣдствѣ съ Грестой, только еще ближе къ шоссе, ведущему изъ Орханіи къ Араба-конаку.

Отрядъ генерала Эллиса, двинувшись отъ Правца, еще въ самый день непріятельскаго ухода (17-го) занялъ своими частями всѣ покинутые противникомъ пункты около Орханіи, а на слѣдующее утро (18-го) пошелъ преслѣдовать по шоссе главные силы, отступившія собственно изъ Врачеша. 19-го ноября генералъ Эллисъ остановился по сторонамъ шоссе, въ виду араба-конакской позиціи, примкнувъ лѣвымъ флангомъ своимъ къ правому флангу Дандевила, который прочно занялъ возвышенности, лежащая противъ араба-конакской позиціи турокъ.

Послѣ боя 17-го ноября, отрядъ генерала Дандевила долженъ былъ употребить цѣлые два дня (18-е и 19-е) для втаскиванія орудій и ящиковъ на свою почти двухверстную, крутую высоту. Это была истинно гигантская работа, о которой трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе, не видавъ ея. Въ

подобной-же работѣ провелъ все 20-е ноября и отрядъ генерала Эллиса. На слѣдующій день имѣлось въ виду бомбардировать араба-конакскую позицію, но для болѣе вѣрнаго успѣха бомбардировки генералъ Эллисъ рѣшился овладѣть со стороны шоссе ближайшими къ турецкой позиціи и командующими надъ ней высотами. Когда передовыя части его отряда поднялись на эти высоты, онѣ внезапно и стремительно были атакованы здѣсь двѣнадцатью таборами пѣхоты, противъ которыхъ съ нашей стороны въ первыя минуты находилось только два батальона лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Но тутъ подоспѣли вскорѣ 2-й гвардейскій стрѣлковый, двѣ роты 1-го Его Величества и двѣ роты 4-го Императорской Фамиліи стрѣлковыхъ батальоновъ. При помощи этихъ частей, упорный бой длился съ половины 11-го часа утра до 3-хъ по-полудни, и въ теченіе этого времени турки три раза съ отчаянною храбростью кидались на нашихъ въ атаку. Былъ одинъ такой моментъ, когда весь успѣхъ дѣла висѣлъ уже на волоскѣ; но надо замѣтить при этомъ, что русскій отрядъ по числу людей былъ въ три слабѣе противника: четыре батальона противъ двѣнадцати. Спокойная распорядительность и храбрость флигель-адъютанта полковника Гриппенберга⁴⁾ въ соединеніи съ мужественной стойкостью гвардейцевъ превратили въ ничто всѣ отчаянныя попытки непріятеля, который послѣ третьей своей атаки былъ окончательно отброшенъ съ большимъ урономъ. Груды убитыхъ турокъ еще и въ слѣдующіе дни лежали на полѣ сраженія, а по увѣреніямъ пѣвинныхъ, онѣ въ этотъ разъ потеряли свыше 1,300 человекъ. Такимъ образомъ, высоты, непосредственно командующія со стороны шоссе араба-конакской позиціею, были прочно заняты войсками генерала Эллиса, на подкрѣпленіе которому, по окончаніи боя, подошли войска графа Шувалова и часть, отправленная изъ отряда генерала Дандевила. Утвердившись на взятыхъ высотахъ, артиллерія наша тотчасъ же приступила къ бомбардированію турецкой позиціи у Араба-конака и Шандорника.

Въ бою 21-го ноября мы потеряли убитыми двухъ офицеровъ и 46 нижнихъ чиновъ, а ранено офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 130⁵⁾.

⁴⁾ Командующаго лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ.

⁵⁾ Лейбъ-гвардіи Московскаго полка: умеръ отъ ранъ подпоручикъ Войничій, убитъ португальскій юнкеръ Метмежанъ; ранены: капитанъ Деляваль-Велькъ и поручикъ Дмитріевъ. Нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81 человекъ.

Лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона нижнихъ чиновъ убито 15, ранено 38.

Лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона ранено 4 нижнихъ чина.

Лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона ранено 2 нижнихъ чина.

Лейбъ-гвардіи во 2-й артиллерійской бригадѣ

Въ отрядѣ же генерала Дандениа за четыре дня боя (16-го, 17-го, 18-го и 19-го ноября) общія потери не превышаютъ 350-ти человекъ, выбывшихъ изъ строя.

Ваятые въ плѣну турки единогласно показывали, что въ Араба-конакѣ находится самъ Мехмедъ-Али-паша, съ 20-ю или 25-ю таборами; Златица занята пятью, да въ Лютаковѣ было отъ пяти до десяти таборовъ; итого, стало быть, противъ войскъ генерала Гурко находятся отъ 30-ти до 40-ка таборовъ.

Въ этотъ же самый день (21-го ноября) происходило и еще одно дѣло. Колонна генералъ-майора Курнакова спустилась къ городу Златицѣ, со стороны Этрополя, овладѣла подгородными селеніями Клясса и Челопечини и заставила противника отступить въ златицкій укрѣпленный лагерь. Одновременно съ этимъ спустилась къ Златицѣ съ восточной стороны, отъ Тетевеня, другая колонна, подъ начальствомъ командира 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка, графа Комаровскаго, и вечеромъ того же числа вошла въ связь съ колонной генерала Курнакова, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ златицкой позиціи.

Генералъ Гурко въ послѣдней своей депешѣ къ его высочеству главнокомандующему заявилъ, между прочимъ, что турки отступая разоряютъ и жгутъ всѣ города и деревни, жителей-болгаръ убиваютъ, а болѣе зажиточныхъ увозятъ съ собой; надъ нашими же ранеными, которые случайно попадаютъ къ нимъ въ руки во время боя, совершаютъ страшныя неистовства.

LXXIII.

Паденіе Плевны.

Бой за Видинъ 28-го ноября.

Куда долженъ былъ пробиваться Османъ.—Прекращеніе турецкаго огня.—Показаніе перебѣжчика и экспедиція особыхъ секретовъ.—Распоряженія генерала Тотлебена.—Ночныя донесенія на службу съ нашихъ аванпостовъ у Вида.—Что обнаружилось на разсвѣтѣ.—Первый огонь.—Сигнальная ракета и бой тревоги на гренадерскихъ линіяхъ.—Первыя распоряженія генерала Данилова.—Наступленіе турокъ и его исключительный характеръ.—Османъ-паша.—Атаки на Сибирскій полкъ и окопы № 3 и № 4.—Восемь нашихъ орудій въ рукахъ турокъ.—Малороссійцы выручаютъ.—Слова генерала Ганецкаго, обращенныя къ астраховскимъ гренадерамъ.—Генералъ Ганецкій въ боевой линіи.—Прибытіе 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи.—Наша атака и ея трофеи.—Отступленіе турокъ.—Османъ-паша раненъ.—Картина отступленія.—Артиллерія полковника Щеголева.—Бѣлый флагъ и присылка парламентеровъ.—Записка къ Осману-пашѣ.—Побѣдное «ура»!

Вотъ, ночь съ 28-го на 29-е ноября.

Плевна пала, Османъ-паша и вся его армія въ плѣну—вотъ событіе, предъ которымъ соубиты: поручикъ Типольдъ и одинъ канониръ; ранено 4 нижнихъ чина.

вершено ступенькалось пока все остальное: и Шипка, и Елена, и дѣйствія противъ Араба-конака.

Едва ли можно ошибиться, назвавъ это событіе «началомъ конца» нашей войны съ Турціей. Но для главной квартиры оно не было неожиданностью: здѣсь приблизительно знали, что состояніе продовольственной части не позволить Осману держаться въ Плевнѣ далѣе 2-го или — максимумъ 4-го декабря. Весь вопросъ былъ въ томъ: сдастся ли плевненская армія просто, или же одѣлаетъ попытку пробиться, и если будетъ пробиваться, то куда—на Ловчу (Скобелевъ), или на Видинъ (Ганецкій)? Последнее направленіе казалось болѣе вѣроятнымъ, потому что за-видское пространство въ районѣ обонхъ Митропольевъ считалось у насъ нѣсколько слабѣе остальныхъ позицій, гдѣ естественную помощь нашимъ войскамъ, уже помимо искусственныхъ укрѣпленій, представляла самая природа. Но направленіе на Видинъ, даже въ случаѣ удачнаго прорыва, само по себѣ не могло имѣть никакого стратегически-важнаго значенія ни для насъ, ни для Османа, потому что, во-первыхъ, его армія, уже истощенная продолжительной блокадой, неизбежно встрѣчалась бы на пути съ нашими и румынскими войсками, занимающими съ одной стороны Брацу, съ другой—Рахово, Цибру и Ломъ-Паланку, да кромѣ того ее преслѣдовали бы по пятамъ наши главные силы; во-вторыхъ, каждый шагъ къ Виддину отдалялъ бы Османа отъ Нехмета-Али, предполагавшаго двинуться изъ Софіи на выручку Плевны. Такимъ образомъ, удачный прорывъ, отдаляя нѣсколько лишь время и мѣсто сдачи, могъ бы поддержать только блескъ военной репутаціи самого Османа, но для Турціи не принесъ бы ни малѣйшей существенной стратегической выгоды. Надо однако сказать, что, основываясь на личномъ характерѣ и воинской стойкости Османа, общее мнѣніе у насъ склонялось къ тому, что онъ непременно будетъ пробиваться,—и мы не ошиблись.

Вечеромъ 27-го ноября ружейный огонь изъ турецкихъ траншей, обыкновенно не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью противъ позицій генерала Скобелева, вдругъ прекратился. Проходить полчасъ, проходитъ часъ и болѣе, а не слышать ни одного выстрѣла, ни одна пуля не проноетъ надъ нашими окопами. Что это значитъ?.. Ужъ не готовятся ли къ новой атакѣ?.. Тишина у непріятеля невольно наводила на разныя сомнѣнія, хотя уже и были раньше нѣкоторыя свѣдѣнія, заставлявшія предполагать, что Османъ-паша намѣревается въ скоромъ времени покинуть Плевну. Въ это время является турецкій перебѣжчикъ и заявляетъ, что турки покидаютъ Кришинскій редутъ. Желая убѣдиться въ справедливости

этого показанія, Скобелевъ поручилъ генералу Шнитникову командировать особые секреты изъ охотниковъ, чтобы высмотрѣть что дѣлается у противника. Охотники отъ Коломенскаго и Ярославскаго полковъ тихоюко отравились, заложивъ ружья за спину. Одна партія поползла къ траншеямъ на Зеленой горѣ, другая къ Кришинскому редуту. Подползаютъ коломенцы крадучись къ турецкой траншеѣ, прислушиваются—мертвая тишина... не слышно ни голоса людскаго, ни шаговъ, ни вообще какого-либо изъ тѣхъ случайныхъ звуковъ и шороховъ, которые всегда служатъ признакомъ хотя бы самаго осторожнаго, самаго сдержаннаго присутствія людей. Ползетъ секретъ даже на самый гребень траншеи, глянулъ за него по ту сторону — пусто! Соскочили наши во внутрь траншеи, прошли яѣсколько шаговъ, заглянули въ одну, другую третью землянку—видѣ ни души. Очевидно, вся траншея была уже покинута. Ярославцы съ своей стороны подползли къ Кришинскому редуту. Тамъ—насколько можно судить на слухъ—люди еще копошатся, но уже покидаютъ укрѣпленіе; кажутся, орудія увозить, слышны шаги и голоса по дорогѣ къ шоссе; несмазанныя колеса гдѣ то скрипятъ; огней тоже не видать по всей линіи. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Шнитниковъ немедленно послалъ части войскъ для занятія зеленогорскихъ и кришинскихъ укрѣпленій, о чемъ и донесъ генералу Скобелеву, который тотчасъ же извѣстилъ обо всемъ этомъ по телеграфу великаго князя главнокомандующаго въ Боготѣ и генерала Тотлебена въ Тученицѣ¹⁾.

¹⁾ По показаніямъ перебѣжчиковъ, явившихся еще 26-го и въ утро 27-го числа, а также и по значительному ослабленію огня противника, генералъ Тотлебенъ предвидѣлъ, что дѣло должно окончиться не сегодня—завтра, и потому 27-го ноября вечеромъ отдалъ слѣдующія приказанія:

1) Одной бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями и бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева, перейдя 28-го ноября на лѣвый берегъ Вида, расположиться: бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями близъ Дольняго Дубняка и быть готовой поддержать отрядъ генерала Гамецкаго; бригадѣ же 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи впредь до разясненія обстоятельствъ—за двумя ближайшими къ р. Виду, на лѣвомъ берегу ея, редутами и быть готовой поддержать, смотря по дѣйствительной надобности, отрядъ генерала Гамецкаго, или отрядъ генерала Каталеса.

2) Другой бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями оставаться на своихъ мѣстахъ, въ совершенной готовности къ выступленію.

3) Трѣмъ батальонамъ 3-й стрѣлковой бригады, входящимъ въ составъ войскъ 4-го участка, перейти 28-го ноября рано утромъ къ дер. Гривницѣ, для усиленія войскъ 2-го участка, въѣреннаго генералъ-лейтенанту барону Криденеру.

4) Передовую позицію на плесно-ловчинскомъ шоссе, отъ редута Мирковича до Тученицкаго оврага, занять бригадой 30-й пѣхотной дивизіи.

Послѣдній не замедлилъ сообщить то же и генералу Ганецкому, командующему гренадерскимъ корпусомъ, и всѣмъ за-видскимъ или «тыловымъ плесвенскимъ» отрядамъ.

Генералъ Ганецкій, получивъ телеграмму изъ Тученицы, отдалъ распоряженіе по всему тыловому отряду—быть на-готовѣ.

Наши кавалерійскіе аванпосты окаймляли все передовое пространство за-видской позиціи и часть изъ нихъ стояла не подалеку отъ самаго моста¹⁾. Ночь была тѣмъ темна и туманна, что слѣдить глазомъ не представлялось ни малѣйшей возможности; тѣмъ не менѣе, сторожевые посты исполнили свою обязанность вполне исправно: они слѣдили за неприятелемъ *на слухъ*, и замѣчательно, что по всей линіи нашихъ аванпостовъ въ эту ночь не было дано ни одного выстрѣла, хотя нѣкоторые посты приближались почти вплотную къ неприятелю; они не хотѣли беспокоить его преждевременной тревогой и только заботились о томъ, чтобы слушать какъ можно чутче и внимательнѣе. Время отъ времени они посылали донесенія къ генералу Ганецкому, и эти «донесенія на слухъ» сводились къ тому, что на неприятельскомъ берегу Вида, около моста, слышенъ скрипъ громадныхъ обозовъ, что часть повозокъ спускается съ высотъ къ берегу и въ одномъ мѣстѣ входитъ въ самую рѣку, но на противный берегъ не переправляется, а остается въ рѣкѣ; что вмѣстѣ съ тѣмъ слышенъ глухой шумъ отъ скользящихся большихъ массъ людей и животныхъ, хотя огней нигдѣ не замѣтно. Генералъ Ганецкій высказывалъ полное удовольствіе по поводу этой прекрасной сторожевой дѣятельности нашихъ кавалеристовъ, и дѣйствительно: больше этого, при подобныхъ условіяхъ, невозможно требовать и ожидать ни отъ какой кавалеріи.

Поздній зимній разсвѣтъ и туманная мгла долго не позволяли разглядѣть, что дѣлается за мостомъ; но вотъ легкій морозецъ, покрывшій обильнымъ инеемъ всю землю, ослабилъ

Другой бригадѣ ея оставаться въ лагерѣ за Рыжей горой, въ полной готовности къ выступленію. Командованіе войсками 4-го участка поручить генералъ-майору Шнитникову.

5) Четыре батальона румынъ съ тремя батареями направить, 28-го ноября, на разсвѣтъ, изъ Вербицы къ Демиркию. Въ Вербицѣ же еще чѣтыремъ батальонамъ румынъ, съ двумя батареями, быть готовыми къ выступленію.

Означенное распределеніе войскъ, усиливая отрядъ генералъ-лейтенанта Гамецкаго, давало возможность поддержать войска и прочихъ участковъ обложенія, въ случаѣ атаки турокъ въ другомъ направленіи, для отвлеченія вниманія нашего отъ истиннаго пункта прорыва.

¹⁾ По эскадрону отъ полковъ 9-й кавалерійской дивизіи (генерала Лашкарева), Кіевскаго гусарскаго (эскадронъ майора Карѣева передъ мостомъ), Бугскаго уланскаго и Казаискаго драгунскаго.

туманъ—и вскорѣ слегка заалѣло небо на востокѣ. Тогда предъ сторожевыми нашими постами открылась широкая низина, лежащая между Опокецкими и Тернинскими высотами и выходящая къ Виду. Вся эта низина и всѣ склоны предмостныхъ возвышенностей покрыты были сплошными массами людей и обозовъ. Неподалеку отъ каменнаго моста оказался другой, устроенный изъ составленныхъ попарно повозокъ, поверхъ которыхъ наскоро накинута была досчатая и фашиная настилка. Теперь уже сдѣлалось ясно, что тутъ собрана вся армія Османа, и дѣйствительно, въ 7½ часовъ утра, быстро спускаясь съ высотъ, потянулись по обѣимъ мостамъ на нашу сторону густыя массы турепкой пѣхоты. Онѣ выстраивались на нашей сторонѣ рѣки подъ прикрытіемъ длинной складки земли, что тянется вдоль берега. Туманъ, застилавшій низменность надъ рѣкой, также способствовалъ скрытности переправы. Въ это же время непріятельскія полевыя батареи, поставленныя на высотахъ близъ каменнаго моста и ниже его по теченію Виды, открыли огонь по нашей оборонительной линіи. Сторожевые наши посты медленно стали отходить на линію своихъ окоповъ, пославъ предварительно въ Дольній Дубнякъ къ генералу Ганецкому извѣстіе о выступленіи непріятеля. Какъ только генералъ прочелъ донесеніе, тотчасъ же, какъ бѣлая игла, вавилась въ небо сигнальная ракета и по всему длинному и широкому пространству нашей тыловой позиціи барабаны зарокотали тревогу. Какъ на простыхъ мирныхъ маневрахъ, спѣшно, но безъ малѣйшей суеты становились гренадеры въ ружье и строились по-ротно въ шеренги на линейкахъ предъ шалашами, фельдфебели и «ротные» повѣряли своихъ людей и сводили ихъ въ батальоны. Не прошло и десяти минутъ, какъ все уже стояло на своихъ мѣстахъ, сгруппировавшись въ столь же стройныя, сколько и грозныя колонны.

Но генералъ Ганецкій не сталъ дожидаться пока соберутся и построятся его батальоны: пяти минутъ не минуло еще съ того момента, какъ зашипѣла ракета и еще барабаны продолжали гремѣть по линіи, перенимая одинъ отъ другого энергически быстрый бой «тревоги», а онъ, вскочивъ на коня, уже мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ на разстояніи около трехъ верстъ отъ моста и занятымъ въ этотъ день, поочередно, Кіевскимъ и Сербскимъ грендерскими полками ¹⁾. Между тѣмъ свиты его величества

генералъ-майоръ Даниловъ, командующій 3-ю грендерской дивизіей, еще при первыхъ артиллерійскихъ выстрѣлахъ противника, приказалъ Малороссійскому грендерскому полку двигаться къ урочищу Копана Могила, а второй бригадѣ своей дивизіи послалъ сказать, чтобы шла скорѣй на позицію изъ Горнаго Метрополя, вмѣстѣ съ 4-хъ-фунтовыми батареями; затѣмъ, давъ время отступить нашей аванпостной цѣпи, онъ приказалъ открыть отвѣтныи огонь съ позиціонной батареи № 3-го.

Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линію на обширной за-видской равнинѣ и стремительно бросились въ наступленіе, не подумавъ даже о необходимости обстрѣлывать предварительно артиллерійскимъ огнемъ нашу укрѣпленную позицію. Наступательное движеніе противника направилось противъ окоповъ 3-й грендерской дивизіи. Впередѣ шла густая сплошная цѣпь, за нею—поддержки въ разномнудомъ строю и, наконецъ, резервы, тоже въ тонкихъ линіяхъ. Артиллерія двигалась на высотѣ своей цѣпи, останавливаясь не болѣе, какъ для одного выстрѣла и затѣмъ, нагнавъ линію цѣпи, перегоняла ее на нѣсколько десятковъ саженой—ровно на столько, чтобы успѣть дать новый выстрѣлъ, пока цѣпь снова не поравняется съ ней. Наде отдавъ туркамъ полную справедливость: если наши гренадеры готовились къ бою по тревогѣ, какъ на маневрахъ, то и турки, тоже какъ на маневрахъ, вели на нихъ безъ выстрѣла свою стремительную атаку. Нужды нѣтъ, что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ пулями, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвали надъ ихъ головами—они шли со склонными штыками молча и только старались учащать быстрый темпъ своего шага. Какъ видно, практика сильныхъ ощущеній нашего артиллерійскаго огня, которымъ угощали мы ихъ непрерывно въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, не прошла для нихъ даромъ: они вполне приучились и къ пулямъ, и къ гранатамъ, и шли теперь на насъ, какъ одно изъ самыхъ боевыхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ. Идти около трехъ верстъ подъ мѣткимъ—и замѣтнымъ, не по-турецки, а подъ дѣйствительно

ты оборонительной линіи. Ближайшее поддержкою этихъ частей служили вторые полки бригадъ, т. е. 6-й грендерскій Тавричскій и 10-й грендерскій Малороссійскій. Всѣ 9-ти-фунтовыя орудія обѣихъ артиллерійскихъ бригадъ размѣщены были по позиціоннымъ батареямъ оборонительной линіи, между тѣмъ какъ 4-хъ-фунтовыя батареи при вторыхъ бригадахъ своихъ дивизій, составляющихъ резервъ, находились у Горнаго Метрополя, и Дольнаго Дубняка. Ложементы и люнетъ къ сѣверу отъ Горнаго Метрополя и самое селеніе заняты были 17-мъ Архангелогородскимъ полкомъ, 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, съ двумя румынскими батареями; 18-й Вологодскій полкъ, той же бригады, находился въ резервѣ, съ двумя батареями.

¹⁾ Въ ночь съ 27-го на 28-е поября дежурныя части на позиціи, занимаемой грендерями, состояли: во 2-й грендерской дивизіи—изъ 5-го грендерскаго Кіевского полка, а въ 3-й грендерской дивизіи—изъ 9-го грендерскаго Сибирскаго полка. Войска эти занимали всѣ ложементы

мѣткимъ огнемъ, и идти безъ единого ружейнаго выстрѣла со своей стороны—это чего нибудь да стоитъ!... Атаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся предъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ султана. Едва прошли какія-нибудь три четверти часа, какъ турки были уже передъ нашими траншеями, и только тутъ ихъ дѣнь открыла на ходу сильнѣйшій ружейный огонь. Съ олушевленными криками «алла» кинулись они въ штыки на окопы и въ промежутки ложементовъ, гдѣ въ одно мгновеніе смѣшались съ сибирцами. Бѣднѣйшая часть нашихъ людей полегла въ штыковомъ бою; отступили къ Конаной Могилѣ только слабыя горсти, которыя были уже не въ силахъ держаться, и когда мы на другой день боя объѣзжали эти мѣста, то видѣли груды нашихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ, словно бы въ братскихъ объятіяхъ. Овладевъ трапезею, турки бросились на нашу позиционную земляную батарею № 3-го, гдѣ стояли восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій 2-й батареи 3-й грендерской артиллерійской бригады. Бѣднѣйшая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабановъ, который билъ враговъ своимъ банникомъ и, уложивъ имъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невредимо изъ неравной схватки. Два орудія прислуга успѣла свезти, а отъ остальныхъ унесла затворы. 3-й батареѣ 3-й грендерской артиллерійской бригады, которая занимала окопъ № 4-го, непріятель угрожалъ обходомъ съ праваго фланга; она старалась держаться, пока лишь была къ тому малѣйшая возможность, отстрѣливаясь картечью, но, за значительною убылью прислуги, вынуждена была сняться, причемъ увезено только шесть орудій, такъ какъ подъ остальными двумя были перебиты всѣ лошади. Батареинный командиръ, полковникъ Квантенъ при этомъ тяжело раненъ.

Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ второго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій грендерскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ, который, двинувшись въ промежутокъ окоповъ № 3-го и № 4-го, поддержалъ сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое дѣло. Малороссійцы задержали пока дальнѣйшее наступленіе турокъ, но и сами понесли при этомъ большія потери. Достаточно сказать, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ у нихъ изъ строя выбыли три батальонныхъ и половина ротныхъ командировъ. Предвидя, что турки, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія, могутъ возобновить атаку, генералъ Даниловъ послалъ 2-й бригадѣ своей дивизіи ¹⁾ приказаніе спѣшить на помощь, вмѣ-

стѣ съ ея артиллеріей. Генералъ Ганецкій прибылъ къ кургану Конаной Могилы, когда сибирцы и малороссійцы изнемогали отъ усилій удерживаться на позиціи. Желая какъ можно скорѣе притянуть свѣжія силы, онъ поѣхалъ на встрѣчу приближающимся астраханцамъ и, поздоровавшись съ людьми, обратился къ нимъ со словами:

— Братцы! восемь нашихъ орудій въ рукахъ у турокъ... Я требую, чтобы пушки были отняты обратно!

— Отнимемъ, ваше превосходительство!—громко отвѣтили ему гренадеры.

— Отнимите, братцы! На то вы я астраханцы! Помните, чье имя вы носите!

Эти слова произвели свое впечатлѣніе. Астраханскій Наслѣдника Цесаревича полкъ быстрымъ, бойкимъ шагомъ и въ образцовой стройности двинулся впередъ, имѣя во главѣ своего командира полковника Крюкова и генерала Квитницкаго. Непосредственно за астраханцами, но нѣсколько правѣ ихъ, уступомъ, шелъ Фанагорійскій грендерскій полкъ, также встрѣченный привѣтствіемъ своего корпуснаго командира.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Ганецкій замѣтилъ, что турки, видимо, хотѣтъ пробиться къ Дунаю, потому что, подъ прикрытіемъ своей атаки на наши ложементы, спѣшно направляють на сѣверъ головы своихъ обозовъ. Понятно, поэтому, что наибольшія усилія Османа были направлены на лѣвый флангъ сибирцевъ, который наконецъ и сталъ подаваться назадъ, послѣ упорнаго, но слишкомъ неравнаго боя. Были нѣкоторыя роты, которыя выводили изъ боя же болѣе какъ по пятнадцати человѣкъ, потерявъ всѣхъ офицеровъ. На помощь лѣвому флангу должна была подойти 2-я бригада 3-й грендерской дивизіи, на до ея прихода генералъ Лашкаревъ, находившійся тутъ съ 9-й кавалерійской дивизіей, выстроилъ свои полки въ боевой порядокъ и приготовился встрѣтить непріятеля въ случаѣ прорыва. Подъ Лашкаревымъ упала лошадь, пронзенная двумя пулями и въ то же время до пятнадцати коней и всадниковъ выбыли изъ строя. Турки между тѣмъ ложили на нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, расположенную въ ложементахъ, идущихъ къ Виду подъ тупымъ угломъ отъ лѣваго фланга сибирцевъ. Полки этой бригады, Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-майора Рыкачева, приведенные сюда на смѣну румынъ дня за три до 28-го числа, неожиданно встрѣтили противника изъ-за окоповъ такимъ огнемъ, что турки сразу оставили всякія дальнѣйшія покушенія противъ лѣваго фланга, но зато всѣ свои усилія сосредоточили

¹⁾ Полки: 11-й грендерскій Фанагорійскій генералиссимуса князя Суворова и 12-й грендерскій

Астраханскій Наслѣдника Цесаревича. Бригадный командиръ генералъ-майоръ Квитницкій.

противъ центра нашей позиціи. Генераль Га-нецкій все время развѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

— Кукурузники, не отступать! и не смѣй думать объ этомъ! — съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ сибирскимъ ротамъ, предъ которыми въ одномъ мѣстѣ разстиралось кукурузное поле.

— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли уже всѣ патроны, — отвѣчала ему солдаты, показывая пустые подсумки.

— Ну, и наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ турнуть непріятеля, да и батарею свою назадъ отберутъ!

— Ради стараться, ваше превосходительство! Прикажете впередъ идти!

— Не торопись, братцы, будетъ время — прикажу! Не бойсь, на задѣ не останетесь! А патроны вотъ уже подвозятъ!

Между тѣмъ семь турецкихъ орудій приближались къ намъ настолько, что граваты ихъ летѣли черезъ обѣ линіи нашихъ окоповъ и попадались около резервовъ. Все это, въ соединеніи съ отчаянными усиліями непріятеля противъ центра, побудило Ганецкаго воспользо-ваться совѣтомъ генеральнаго штаба полковника Фрезе, чтобы притянуть къ Копаной Могилѣ 2-ю бригаду 2-й гренадерской дивизіи¹⁾, для удара на противника въ его лѣвый флангъ. Эта бригада²⁾ въ то время уже двигалась отъ Дольнаго Дубняка къ мѣсту боя, вѣдѣмъ съ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи генераль-лейтенантомъ Свѣчинъ, къ которому Ганецкій отправилъ генеральнаго штаба капитана Волкова, съ порученіемъ указать означенной бригадѣ ея мѣсто въ боевой линіи и цѣль дѣйствій.

Между тѣмъ раненые у насъ все прибывали и прибывали: на носилкахъ, пѣшкомъ и ползкомъ тащились они кое-какъ къ перевязочному пункту, но не раздавалось въ средѣ ихъ ни громкаго стога, ни ропота. Всѣ они, отъ старшихъ офицеровъ до послѣдняго солдата, сознавали, что на этомъ полѣ идетъ теперь рѣшительное дѣло объ участи цѣлой войны, а тутъ уже не до личныхъ страданій того или другого!

Ганецкій все еще продолжалъ развѣзжать по боевымъ линіямъ и ободрять солдатъ. Его сопровождали начальникъ отряднаго штаба полковникъ Маныкинъ-Неуструевъ, свиты генераль-майоръ Струковъ, генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, адъютанты и ординарцы. Начальники обѣихъ гренадерскихъ дивизій, генераль-лейтенанты Свѣчинъ и Даниловъ, съѣха-

лись на нѣсколько минутъ съ генераломъ Ганецкимъ и, среди боя, держали съ нимъ непродолжительное совѣщаніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа впереди того мѣста, гдѣ стоялъ Ганецкій, вдругъ раздалось «ура», которое зашумѣло тѣмъ свѣжимъ, еще не надтреснутымъ, не хриплымъ звукомъ, какой раздается только въ части, не утомленной боемъ и киданіею въ свою первую атаку. Этотъ звукъ умѣетъ отличать привычное ухо среди боевого шума. То была атака астраханцевъ и фанаторійцевъ. Оба полка, вспоминая боевую оговорку своихъ доблестныхъ суворовскихъ дѣдовъ, дружнымъ ударомъ въ штыки «на ура» напали на противника, поддерживая изнемогавшихъ въ продолжительномъ и неравномъ бою сибирцевъ и малороссійцевъ. Вынырнувъ изъ траншеи турокъ, они отбили у нихъ захваченныя русскія пушки. Но мало того, здѣсь же были взяты съ боя и семь турецкихъ орудій, вмѣстѣ съ ящиками, между которыми напались и наши русскіе (5-й артиллерійской бригады), захваченные подъ Плевною въ несчастливомъ для насъ днѣ 8-го іюля, а рядовой Астраханскаго полка Егоръ Ждановъ, положивъ на мѣстѣ трехъ турокъ, съ боя взявъ турецкое знамя³⁾. Въ это время подошли 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ, съ двумя батареями. Генераль Свѣчинъ направилъ самогитцевъ въ промѣжутокъ между обими Метрополями, что оказалось необходимымъ, потому, что часть турокъ продолжала еще держаться въ нашихъ ложементахъ и траншеяхъ этого участка, несмотря на удачную атаку полковъ 3-й гренадерской дивизіи въ участкѣ между окопами № 3 и № 4. 10-я рота Самогитскаго полка, со штабъ-капитаномъ Янковымъ, безъ выстрѣла бросилась въ траншею и не только выбила изъ нихъ противника штыками, но и захватила три турецкія пушки.

Съ отбитіемъ траншеи успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Турки заколыхались и, поддерживая перестрѣлку, отбѣжали на разстояніе ближняго ружейнаго выстрѣла, откуда открыли частый огонь по нашимъ ложементамъ. Тутъ завязался ожесточенный стрѣлковый бой, которому вторила артиллерійская канонада. Наши орудія стрѣляли изъ-за окоповъ, а турецкія съ высоты мостовыхъ укрѣпленій и съ ополечкихъ редутовъ. Гранаты противника рвались среди нашихъ войскъ, и такимъ образомъ ружейная и артиллерійская пальба безъ умолку гремѣла по всей линіи войскъ нашихъ и турецкихъ. Въ это время подъ Османомъ-папою была убита его рыжалою и самъ онъ раненъ пулей въ лѣвую икру, на вылетъ. Преувеличенная молвою вѣсть

¹⁾ 2-я гренадерская дивизія состоитъ изъ полковъ: Кіевскаго, Таврическаго, Самогитскаго и Московскаго; начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Свѣчинъ.

²⁾ Командиръ бригады генераль-майоръ Гадонъ.

³⁾ Рядовой Егоръ Ждановъ, уроженецъ Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Голомидовской волости, деревни Боярской.

о ранѣ и (благодаря паденію коня) даже о смерти Османа быстро пронеслась по рядамъ его арміи. И вотъ что значитъ подобная случайность тамъ, гдѣ все дѣло держится не на собственныхъ нравственно-боевыхъ качествахъ войска, а единственно лишь на волоскѣ личности и авторитета самого главнокомандующаго! Тѣ же самые батальоны, которые полчаса назадъ съ такой отчаянной рѣшимостію лѣзли на наши окопы и послѣ отбитаго штурма все еще осыпали насъ огнемъ съ совершенно открытаго поля—теперь, чуть лишь разнеслась между ними роковая вѣсть, шарахнулись назадъ, къ Виду, въ самый крайнѣйшій безпорядкѣ. Наши гренадеры, съ барабаннымъ боемъ, тотчасъ же по всей линіи перешли въ общее наступленіе. Турки съ каждой минутой растранивались все болѣе и болѣе, такъ что въ полдень вся плевненская армія бѣжала уже въ-разбродъ отовсюду, сплошь заполнивъ собой все раздольное пространство открытаго и широкаго поля. Представьте себѣ нещадно разоренную муравьиною кучу, изъ которой мірады ея обитателей поползли вдругъ въ одномъ направленіи, обгоняя, переползая одинъ черезъ другого и опрокидывая другъ друга,—вотъ только съ чѣмъ можно сравнить это единственное въ своемъ родѣ бѣгство. Люди, казавшіеся издали сѣрыми и синими точками, именно какъ муравьи двигались по равнинѣ и сплошными темными массами толпились у обохъ мостовъ на Видѣ, а въ это время наши гранаты то и дѣло разрывались посреди ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь полегло множество турокъ... Но хуже всего было имъ у Вида. Въ крайнемъ безпорядкѣ кидались эти массы на мосты и прямо въ рѣку, сталкивая одна другую цѣлыми кучами; несчастные раненые, военные обозы, орудія, зарядные ящики, обывательскія арбы съ имуществомъ и хозяевами стремглавъ летѣли въ воду, послѣ того какъ перила на каменномъ мосту обломались. Наконецъ большая часть всего этого успѣла кое-какъ перебраться на тотъ берегъ, столпилась на шоссе въ полугорѣ и поползла въ разныхъ направленіяхъ на глинистыя вершины. Но множество турокъ оставалось еще около мостовъ и по нашу сторону Вида. Артиллерійская бригада ¹⁾ флигель-адъютанта полковника Щеголева, памятнаго всей Россіи еще съ прошлой Восточной войны по геройской оборонѣ Одессы, вынеслась далеко впередъ подъ гранатнымъ огнемъ турецкихъ редутовъ и сыпала картечью въ смятенныя толпы непріятеля. Генералъ Ганецкій счелъ умѣстнымъ даже приостановить нѣсколько лихое наступленіе этой бригады, изъ опасенія, что если неравно турки вздумаютъ вдругъ воспользоваться ея черезчуръ изолированнымъ расположеніемъ и бро-

сятся съ отчаянія на нее въ атаку, то орудія наши, пожалуй, и не успѣютъ уйти, благодаря вязкой, разбухшейся отъ дождей почвѣ.

Наконецъ, сквозь пороховой дымъ, замѣтили въ свитѣ генерала Ганецкаго, что на мосту, среди всей этой толчи и сумятицы, широко машетъ кто-то бѣлымъ флагомъ. Вскорѣ послѣ этого изъ нашей передовой цѣпи доставили къ генералу турецкаго офицера съ завязанными глазами. Но Ганецкій, зная неоднократно уже испытанное нами вѣроломство въ этомъ отношеніи турокъ, отказался принять парламентаря и приказалъ трубачу проводить его обратно къ мосту. Перестрѣлка между тѣмъ продолжалась. Но не прошло и четверти часа, какъ пріѣхалъ новый парламентарь, не говорящій впрочемъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго. Этотъ послѣдній точно также не былъ допущенъ къ переговорамъ нашимъ генераломъ, который, подозвавъ къ себѣ Струкова, просилъ его написать на французскомъ языкѣ записку къ самому Осману. «Вамъ превосходительство, писалъ карандашомъ на клочкѣ генералъ Струковъ, командующій отрядомъ генералъ Ганецкій поручилъ передать вамъ, что онъ приметъ для переговоровъ только лицо, замѣняющее вашу особу, такъ какъ генералу извѣстно, что сами вы ранены».

Вручивъ эту записку турецкому посланцу, Ганецкій приказалъ Струкову ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ мосту и тамъ ожидать отвѣта.

Въ недоумѣніи многія тысячи турокъ толпились на правомъ берегу Вида, томясь еще неяснѣйшій о своей участи, тогда какъ на нашей сторонѣ уже гремѣло могучими раскатами отъ батальона къ батальону побѣдное «ура», во славу русскаго государя.

LXXIV.

Паденіе Плевны.

Сдача Османа.

Встрѣча и переговоры генерала Струкова съ Тевфикъ-пашою у каменнаго моста. — Критическая минута послѣ «отбоя». Генералъ Ганецкій отправляетъ Струкова къ Осману. — У шоссе наго домика, среди турокъ. — Какъ нашелъ Струковъ Османа, его обстановку и наружность. — Объясненіе между ними. — Фатализмъ Османа. — Свиданіе генерала Ганецкаго съ Османомъ. — Тяжелая минута медлительности. — Османъ отдаетъ приказаніе о слатѣ арміи и вручаетъ свою саблю Ганецкому. — Нѣмой протестъ турецкаго войска и его обезоруженіе. — Пріѣздъ обохъ Скобелевыхъ, знакомство и разговоръ ихъ съ Османомъ. — Отправленіе Османа и его свиты въ Плевну.

Боготъ, 29-го ноября, вечеромъ.

Подѣхавъ къ мосту, генералъ Струковъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему, въ сопровожденіи двухъ кавалеристовъ, скачетъ какой-то бѣлокурый офицеръ, съ розовымъ лицомъ и небольшими рыжеватыми усами. Несмотря на

¹⁾ 2-я гренадерская.

красную феску, въ типѣ этого лица сказывалось гораздо болѣе европейскаго, чѣмъ турецкаго начала.

— Тевфикъ-паша, лива (бригадный генералъ), исполняющій должность начальника штаба арміи Османа-паши,—рекомендовался онъ на французскомъ языкѣ, изящно приложивъ руку къ фескѣ.

Струковъ отрекомендовался взаимно и спросилъ, имѣетъ ли онъ какія-либо полномочія отъ Османа?

Тевфикъ-паша отвѣчалъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, генералъ, чего же вы желаете, приближаясь къ нашей цѣли?

— Армія сдается, Османъ-паша тоже.

— Это мы знаемъ, но мы не видимъ пока лица, вполне уполномоченнаго для переговоровъ. Намъ нужно лицо, которое вполне замѣняло бы особу вашего главнокомандующаго; объ этомъ уже писано къ вамъ.

Тевфикъ-паша заявилъ, что такъ какъ раненый Османъ положительно лишитъ всякой возможности выѣхать самъ къ генералу Ганецкому, и такъ какъ ему не хотѣлось бы помимо самого себя вручать кому бы то ни было слишкомъ важную и отвѣтственную обязанность переговоровъ о сдачѣ цѣлой арміи, то онъ покорнѣйше проситъ, не будетъ ли генералъ Ганецкій столь любезенъ—пожаловать въ шоссейную караулку, гдѣ пріютится пока турецкій главнокомандующій.

Генералъ Струковъ послалъ ординарца передать это приглашеніе по принадлежности, а Тевфикъ-паша рысью воротился назадъ, къ Осману.

Не задолго предъ этимъ у насъ былъ поданъ сигналъ отбоя стрѣльбы. Турки не стрѣляли тоже. Но тутъ, среди томительнаго ожиданія обѣихъ сторонъ, наступила нравственно очень трудная минута: обѣ стороны были нервно напряжены до послѣдней крайности и каждый человѣкъ чувствовалъ, что если вдругъ сорвется откуда нибудь случайный выстрѣлъ,—одинъ только ружейный, совершенно нечаянный выстрѣлъ,—кровопролитный бой, какъ порохъ, снова вспыхнетъ въ то же мгновеніе, еще съ болѣею силою и ожесточеніемъ.

Генералъ Ганецкій, казалось, испытывалъ то же самое опасеніе, а потому, подѣхавъ къ мосту и указавъ рукой на караульный домикъ, онъ отрывисто сказалъ Струкову одно только: «ступайте!».

Струковъ далъ шпоры и поскакалъ въ гору по шоссе, около котораго валялись мертвые и раненные турки. Массы пока еще вооруженныхъ турецкихъ солдатъ въ нѣмомъ и непріязненнымъ молчаніи стояли на мосту, на дорогѣ, на брустверахъ батарей и горныхъ склонахъ.

Пробравшись сквозь тѣсныя толпы турецкихъ солдатъ и объѣхавъ нѣсколько группъ убитыхъ и раненыхъ, генералъ Струковъ при-

близился къ шоссейной караулкѣ, около которой скучилась масса непріятельскихъ фронтовыхъ офицеровъ и нѣсколько папшей, беевъ, докторовъ съ повязкою «Краснаго Полумѣсяца» и личныхъ адъютантовъ Османа. Домикъ этотъ представляетъ изъ себя обыкновенную бѣлую мазанку подъ черепичной кровлей, прислоненную задомъ къ горному склону и укрытую спереди брустверомъ мостового укрѣпленія, которое изнутри было изрыто, словно ямами, безпорядочно-расположенными землянками. Бросивъ поводья вѣстовому казаку, Струковъ вошелъ въ сѣни караулки. Направо дверь, вальво дверь, и прямо впереди тоже дверь, ведущая въ коровникъ, наполненный ранеными. Правая комната биткомъ набита была турецкими офицерами и наполнена облаками табачнаго дыма; на полу валялось нѣсколько мѣдныхъ, измятыхъ подъ ногами музыкальныхъ трубъ, разсыпанные патроны, разорванные патронташи, исковерканное оружіе. Толпа эта глухо и серьезно разговаривала между собою.

— Гдѣ здѣсь Османъ-паша?—спросилъ по-французски Струковъ.

Одинъ изъ ближайшихъ къ выходу офицеровъ, окинувъ его апатически равнодушнымъ взглядомъ, молча кивнулъ головой на лѣвую дверь. Струковъ отворилъ ее и переступилъ порогъ.

Въ убогой, тѣсной горенкѣ, давно уже прокопѣнной отъ дыма большого очага, помѣщавшагося направо отъ входа, и едва освѣщаемой двумя маленькими оконцами, откинувшимися нѣсколько назадъ, къ стѣнѣ, сидѣлъ Османъ на вбитой въ землю деревянной скамейкѣ. Нравственное и физическое утомленіе сказывалось во всей фигурѣ и отчасти въ лицѣ турецкаго главнокомандующаго. Впрочемъ, лицо его было хотя и блѣдно, но спокойно. Раненая лѣвая нога Османа, освобожденная отъ сапога, лежала на пустой жестяной, коробкѣ изъ-подъ патроновъ. Личный врачъ Османа, Хасибъ-бей, пожилой, высокій и широкоплечій мужчина, склонившись на одно колено, заботливо осматривалъ его рану, окруженный бинтами, медикаментами, инструментальнымъ наборомъ, металлическимъ тазомъ и восточнымъ кувшиномъ съ водой. Наружность паши съ перваго же взгляда производила довольно пріятное впечатлѣніе. На видъ ему дѣтъ за сорокъ, и если вообразить себѣ вмѣстѣ съ этимъ сильную физическую натуру, при среднемъ ростѣ и нѣкоторой дородности стана, характерный погнбъ бровей, небольшіе каріе глаза, съ очень умнымъ, но тихимъ выраженіемъ, широкое, здоровое лицо съ нѣсколько выдающимися верхними скулами, обрамленное небольшою темной бородой—это приблизительно будетъ портретъ Османа. Одѣтъ онъ былъ въ черныя шюртукъ тонкаго сукна, съ расшитыми галуномъ рукавами; ни на шеѣ, ни въ петлицѣ ни одного ордена;

съ одной стороны спускалось пальто-сакъ небрежно накинутое на плечи, сбоку висѣла кривая сабля, та самая, что была ему прислана въ подарокъ отъ султана ¹⁾. Вдоль стѣнъ этой горенки безмолвно стоялъ цѣлый рядъ старшихъ пашей, съ почтительно и грустно потупленными головами. Здѣсь между прочимъ присутствовали ферикъ (дивизионный генералъ) Адиль-паша, участвовавшій еще въ прошлой Восточной войнѣ—большая, красивая, спокойная и почтенная фигура; Тевфикъ-паша, получившій образованіе въ Парижѣ. Атифъ-паша, Гуссейнъ-паша, Садыкъ-паша, Эдхемъ-паша и многіе другіе. При вхоdѣ Струкова Османъ не безъ усилія поднялся со скамейки, сдѣлалъ по-восточному обычный привѣтственный знакъ и первый протянулъ вошедшему руку.

— Вы ранены, прошу васъ сѣсть, генералъ!—предупредительно поспѣшнѣе сказать Струковъ, помогая ему опуститься на скамейку, и затѣмъ отрекомендовался.

Османъ пригласилъ его знакомъ садиться, но генералъ Струковъ, въ силу военнаго этикета, продолжалъ объясненіе стоя, отдавалъ этимъ должную дань почтенія пашѣ, какъ главнокомандующему. Вслѣдъ за генераломъ Струковымъ вошло сюда нѣсколько румынскихъ старшихъ офицеровъ, которые, только-что окончивъ боевое дѣло съ турками на Опонейскихъ высотахъ, прошли со своими батальонами чрезъ непріятельскія батареи и спустились къ шоссе, въ долину.

Объясненіе между нашимъ парламентаремъ и Османомъ происходило на французскомъ языкѣ, который хотя и знакомъ отчасти турецкому полководцу, однако не на столько, чтобы можно было обійтись безъ переводчика.

— Я сюда явился,—сказалъ Струковъ,—по приказанію генерала Ганецкаго, привѣтствовать ваше высокопревосходительство съ блестящей атакой и вмѣстѣ съ тѣмъ передать вамъ, что генералъ Ганецкій, не имѣя пока никакихъ приказаній отъ его высочества главнокомандующаго, можетъ предложить вамъ только полную, безусловную сдачу, какъ васъ самихъ, такъ и всей вашей арміи.

Османъ выслушалъ внимательно эти слова и глубоко задумался...

Чрезъ минуту онъ тихо поднялъ голову и, обращаясь къ своему врачу, съ какимъ-то покорно-фаталистическимъ выраженіемъ въ грустномъ лицѣ, проговорилъ медлительнымъ и ровнымъ тономъ:

— Дни не равны; день за днемъ слѣдуетъ, но нѣтъ двухъ сходныхъ: одинъ—счастливый, другой—несчастливый...

А затѣмъ, поднявъ спокойный взоръ на Струкова, прибавилъ съ подавленнымъ вздохомъ и слегка склоняя голову:

— Я вполне покоряюсь желаніямъ главнокомандующаго вашей арміи.

Эти тихо произнесенныя слова, очевидно стоившія Осману не малой внутренней борьбы, сопровождались нервнымъ подергиваніемъ его лица, внушавшаго невольное сочувствіе къ злополучному полководцу.

— Паша, на все воля всевышняго,—столь же тихо проговорилъ ему Струковъ.

По всему было замѣтно, что, испытавъ столько удачъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, Османъ-паша и на этотъ разъ надѣлся на свое умѣнье, энергію и счастье. Первые два качества сопровождали его до послѣдней минуты боя, но послѣднее измѣнилось... Не демонстрацію ради оправданія своего военнаго имени предпринималъ сегодня турецкій главнокомандующій; нѣтъ,—онъ дѣйствительно рѣшалъ въ свою счастливую звѣзду, дѣйствительно былъ убѣжденъ въ удачѣ прорыва, иначе незачѣмъ бы ему было отдавать приказаніе офицерамъ забирать весь ихъ багажъ, всѣ военные запасы и тащить съ собою громадныя частныя обозы плевненскихъ обывателей-турокъ. И притомъ ему равно ничего не было еще извѣстно объ успѣхахъ генерала Гурко въ Балканахъ, о взятіи Врацы и Этрополя, о занятіи Орканіа и Враченца; онъ считалъ путь на Софію, равно какъ и путь на Виддинъ совершенно свободными въ тылу нашей линіи обложженія.

Получивъ отъ Османа изъясненіе полной покорности волѣ его высочества, Струковъ тотчасъ же послалъ за генераломъ Ганецкимъ. Хасибъ-бей между тѣмъ принялся доканчивать перевязку. Османъ въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ молча и понуро; молча и серьезно продолжалъ стоять вдоль стѣнъ и рядъ почтительныхъ пашей, лоя исподлобья внимательнымъ взглядомъ малѣйшее выраженіе мыслей или отгѣнокъ чувства на спокойно-отуманенномъ лицѣ главнокомандующаго.

Чрезъ полчаса пріѣхалъ начальникъ нашего за-видскаго отряда. Переступя порогъ, почтенный генералъ, только-что выпешдшій побѣдителемъ изъ рокового, рѣшительнаго боя, снялъ со своей сѣдой головы лейбъ-финляндскую фуражку ¹⁾ и съ присущемъ ему простотой стараго солдата, открыто и радушно протянулъ руку вставшему съ мѣста Осману. Оба они крѣпко, какъ друзья, пожали руку другъ другу.

— Поздравляю васъ!—сказалъ Ганецкій, какъ всегда, отрывисто и громко, смотря въ глаза Осману яснымъ и привѣтливымъ взглядомъ.

¹⁾ Осману-пашѣ было разновременно пожаловано за храбрость двѣ сабли; въ настоящую минуту на немъ была надѣта первая; вторая же, усыпанная брильянтами, еще не успѣла дойти до назначенія и осталась въ Софіи.

¹⁾ Генералъ Ганецкій обыкновенно носить форму лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, которымъ въ-тогда онъ командовалъ и съ которымъ дѣлалъ кампанію 1863 года.

домъ. — Поздравляю! Вы чудно вели атаку!... Прикажете власть оружіе.

И проговоривъ это, онъ сѣлъ на широкую скамью рядомъ съ Османомъ. Прошло съ минуту въ полномъ молчаніи, въ теченіе котораго оба недавніе противника время отъ времени только пскоса вскидывались другъ на друга пытливыми взглядами, какъ бы изучая одинъ другого. Напряженное молчаніе становилось наконецъ тягостнымъ. Турецкіе паша хотя и слышали послѣднее приглашеніе генерала Ганецкаго, но никто изъ нихъ не тронулся отдать войскамъ приказаніе о сдачѣ оружія: видимо, никто не рѣшался произнести послѣднее роковое слово.

— Ваше превосходительство, — взглянувъ на карманные часы, обратился Струковъ къ генералу Ганецкому, — уже пятый часъ: будетъ поздно... Не благоволите ли подтвердить ваше приказаніе?

Тогда генералъ Ганецкій поручилъ ему повторить черезъ драмана свое требованіе.

Османъ тяжело подвѣлъ руку и, обративъ взглядомъ къ Адиль-пашѣ, повелительно махнулъ ему въ направленіи двери.

Адиль-паша почтительно и скорбно поклонился, сложивъ на груди ладони, и въ сопровожденіи генерала Струкова вышелъ изъ караулки для отдачи тягостнаго приказанія.

Затѣмъ Османъ, какъ-то восторженнѣе внутренне, быстрымъ движеніемъ снялъ съ себя саблю, раздумчиво поглядѣлъ на нее, какъ-бы прощаясь, тихо вздохнулъ и молча подалъ заветное оружіе генералу Ганецкому.

Между тѣмъ Адиль-паша, взобравшись на пригорокъ, будто муча сѣ высоты минарета, закричалъ что-то войскамъ и замахалъ руками, показывая жестомъ, чтобы люди снимали съ себя и клали на землю свое оружіе. Тутъ наступала крайне критическая минута нѣмого протеста и сопротивленія. Толпы неирителскихъ солдатъ стояли, словно бы на нихъ столбнякъ вдругъ напалъ. Они ясно слышали крики настойчиваго приказанія сѣдобородаго, почтеннаго Адила, но никто изъ нихъ и не подумалъ слагать оружіе. Потребовалось энергическое вмѣшательство офицеровъ, изъ которыхъ ближайшіе къ караулкѣ первыми побросали въ общую кучу свои сабли и револьверы и затѣмъ направились къ своимъ таборамъ понукать къ тому же аскеровъ. Съ явномъ неохотой и медлительными, лѣнивыми шагами стали наконецъ отовсюду сходить къ шоссе солдаты и сваливать въ безпорядочныя кучи свои прекрасныя скорострѣлки, и въ этомъ рѣзкомъ звукѣ, съ которымъ стучались о камни падающія ружья, явно сказывалась глубокая досада, съ какой эти оборваные, истощенные долгими трудами и голодомъ люди разставались со своимъ вооруженіемъ. Не только скорострѣлки, но и кожаные подсумки, и суконныя патронташи, срывая съ себя, швы-

ряли и разметывали они по всему полю и разсыпали цѣлыя массы мегаллическихъ патроновъ, втаптывая ихъ ногами въ размокшую почву. Множество ружей кидали не разряженными, отъ чего, при паденіи ихъ, нерѣдко раздавались, то тамъ, то сямъ, случайные выстрѣлы. Наши войска въ это время все ближе и ближе подходили со всѣхъ сторонъ и покрывали своими стройными рядами все окружающее пространство рѣчного берега, долину и возвышенности. Турки были оцѣплены полнымъ кольцомъ и ни одному изъ нихъ не было уже никакого выхода изъ этого роковаго круга.

Вскорѣ подѣхали къ караулкѣ генералы Скобелевы — отецъ и сынъ — командированные сюда великимъ княземъ, чтобы принять въ свое распоряженіе городъ и сдавшуюся армію. Скобелевъ 2-й назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Плевны и всего района ея укрѣпленій, а отцу его поручено ближайшее наблюденіе за порядкомъ сдачи войскъ, приемъ оружія, обозовъ и снаряженія турецкой арміи, и вообще главное начальствованіе надъ всѣмъ пространствомъ поля послѣдней битвы. Оба они вошли въ караулку и познакомились съ Османомъ, которому паша «бѣлый генералъ» хорошо уже былъ извѣстенъ если и не лично, то на дѣлѣ. Они разговорились, и М. Д. Скобелевъ между прочимъ высказалъ Осману черезъ переводчика:

— Скажите пашѣ, что каждый человекъ, по натурѣ, болѣе или менѣ завистливъ, и я, какъ военный, завидую Осману въ томъ, что онъ имѣлъ случай оказать своему отечеству важную услугу, задержать насъ четыре мѣсяца подъ Плевной.

Османъ поблагодарилъ его величаво-красивымъ турецкимъ жестомъ и отвѣтилъ со скромной улыбкой:

— Генералъ еще такъ молодъ годами и между тѣмъ успѣлъ уже такъ много и хорошо заявить себя на военномъ поприщѣ, что я не сомнѣваюсь — если и не я, то можетъ быть мои дѣти отдадутъ ему почтеніе, какъ фельдмаршалу русской арміи.

Пробывъ около полчаса въ караулкѣ, генералы Скобелевы и Ганецкій простились съ Османомъ и, въ ожиданіи прибытія главнокомандующаго, направились за Видъ, къ войскамъ гренадерскаго корпуса, а генералъ Струковъ предложилъ Осману отправиться въ Плевну, предполагая, что великій князь поѣдетъ изъ города къ Виду по шоссе и такимъ образомъ турецкій главнокомандующій встрѣтитъ его высочеству на дорогѣ. Къ караулкѣ подкатила собственная коляска Османа, запряженная паромъ прекрасныхъ блѣднобуланыхъ лошадей въ «английскихъ шорахъ», съ чалмоноснымъ, красное одѣтымъ кучеромъ-арнаутомъ на козлахъ. Любопытныя толпы

русских и турокъ, перемѣшиваясь между собой, плотно окружали домикъ и коляску. Турецкіе офицеры на рукахъ вынесли изъ каравана своего раненаго предводителя и заботливо усадили его въ экипажъ. Врачъ Хасибъ-бей почтительно помѣстился противъ пашы, на переднемъ сидѣнн. Османъ отдалъ прощальный поклонъ окружавшей его толпѣ соратниковъ, арнаутъ шелкнулъ бичемъ—и ретивые кони красиво тронулись съ мѣста. Впереди шелъ конвойный взводъ румынскихъ каларашей, а позади—взводъ нашихъ бугскихъ уланъ, подъ командой корнета Бакунина. Генералъ Струковъ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ экипажемъ, турецкая свита Османа, въ составѣ всего его штаба, слѣдовала тоже верхами вокругъ коляски. Здѣсь въ особенности выдавался красивымъ костюмомъ одинъ изъ пашей, гарцовавшій нѣсколько впереди прочихъ на кровномъ сѣромъ арабскомъ жеребцѣ, уборъ котораго разукрашенъ былъ золотыми бляхами, бирюзой и алыми шелковыми кистями. За этимъ пашой, тоже на хорошей лошади, слѣдовалъ мальчикъ-нукеръ, разряженный еще роскошнѣе, чѣмъ его господинъ и привлекавшій на себя общіе взоры своей замѣчательной, чисто женственной красотой, такъ что многіе предполагали—ужь не армянка, или не гречака ли, переодѣтая въ нукера. Позади многочисленной группы турецкаго штаба потянулись на славныхъ, крѣпкихъ лошадяхъ офицерскіе вьючные багажи, негры, феллахи, арнауцы, аскеры и всякая прислуга. Всѣмъ этимъ пестрымъ поѣздомъ командовалъ румынскій полковникъ Полизо. Увидя впереди себя конныхъ каларашей, Османъ нѣсколько поморщился и скромно заявилъ Струкову, что такъ какъ онъ сдался русскимъ, то ему было бы гораздо пріятнѣе, если бы его конвоировали только русскіе.

— Это распоряженіе не отъ меня зависѣло, — отиѣчалъ генералъ Струковъ, — впрочемъ, позади въ конвой слѣдуютъ русскіе уланы.

Повидимому, сообщеніе о русскихъ уланахъ помирило нѣсколько знаменитаго плѣнника съ необходимостію слѣдовать подъ неприятнымъ ему румынскимъ конвоемъ.

Поѣздъ прошелъ по шоссе уже порядочное разстояніе, какъ вдругъ надъ Видомъ орляныхъ кличемъ прокатилось отъ края до края горъ и долины громозвонное, побѣдно-радостное «ура» русской арміи: то великій князь главнокомандующій примчался верхомъ изъ-за Вида къ русскимъ колоннамъ и поздравлялъ войска съ побѣдой.

Коляску Османа со всѣмъ его штабомъ повернули назадъ и повели навстрѣчу великому князю.

LXXV.

Паденіе Плевны.

Главнокомандующій на мнѣстѣ дѣйствія.

Выѣздъ изъ Богота къ Плевнѣ. — Наши радишевскія траншеи. — Мертвецы въ лоцинѣ. — Турецкій редутъ и неразорвавшіеся гранаты. — Внутренность редута и турецкой землянки. — Видъ на Плевну. — Остановка великаго князя на плоскогорьи и донесенія изъ отрядовъ. — Свиданіе съ плевненскими болгарами и свѣдѣнія, сообщенныя ими. — Великій князь въѣзжаетъ въ Плевну. — Турецкое кладбище. — Жалкій видъ разрушеннаго предместья. — Мертвенность города. — Любовь турокъ къ деревьямъ. — Вѣсть о сдачѣ Османа. — Общая картина позиціи и войскъ съ надвидской крутизны. — Спускъ къ Виду. Великій князь предъ Видскимъ мостомъ благодаритъ войска. — Раненые и умирающіе. — Дорога отъ моста къ Плевнѣ. — Оружіе, обозы и плѣнные. — Встрѣча великаго князя съ Османомъ. — Море красныхъ фесокъ. — Вступленіе главнокомандующаго и войскъ въ Плевну.

Боготъ, 30-го ноября, утромъ.

Рано разбудили свиту главнокомандующаго въ утро 28-го ноября. Чтѣ такое? Въ чемъ дѣло? — Его высочество въ восемь часовъ ѣдетъ подъ Плевну. — Зачѣмъ? Почему? Османъ сдается, что-ли? — Никому ничего не извѣстно. Ужь не прорываются ли турки? Не идетъ-ли тамъ дѣло? — Но нѣтъ, не слыхать ни малѣйшаго звука выстрѣловъ, къ которымъ здѣсь такъ привыкли за все время Плевненской блокады. — Въ чемъ же, наконецъ, дѣло? — Никто не знаетъ ничего положительнаго. Старшія лица главной квартиры, которымъ навѣрное должно быть чтѣ нибудь извѣстно, молчатъ: но по ихъ серьезно-озабоченному виду не трудно догадаться, что подъ Плевною совершается что-то выходящее изъ ряда обыденныхъ дѣйствій дѣла и обстоятельства.

Конвойный дивизионъ лейбъ-казаковъ уже выстроился предъ воротами великокняжескаго помѣщенія. Хоръ трубачей на правомъ флангѣ трубятъ «гвардейскій походъ»: это штандартъ подвозятъ къ фронту. Вотъ выѣхалъ и молодчина-казакъ со значкомъ главнокомандующаго. Вся свита верхами толпится около воротъ, изъ которыхъ, нѣсколько минутъ спустя, вылетаетъ вороная четверка, выносящая открытую коляску. Великій князь сидѣлъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ и, поздоровавшись съ казаками, быстро похалъ по направленію къ Тученицѣ. Вслѣдъ за его высочествомъ выѣхали еще двѣ-три коляски со старшими лицами свиты.

Утро было облачное, но сухое, съ легкимъ морозцемъ. Конвой и свита потянулась за главнокомандующимъ по глубокой боготской грязи, которую даже и здѣшній морозъ не проинамаетъ: чуть-чуть затянетъ сверху легкой корою, а ступишь—нога проваливается чуть не по бѣдро.

Великій князь заѣхалъ къ Тученицѣ къ генералу Тотлебену и, пробывъ у него минутъ

около десяти, отправился вмѣстѣ съ нимъ и княземъ Имеретинскимъ далѣе. По дорогѣ сталъ ясно слышенъ гулъ большой канонады и частая ружейная пальба.

— Османъ-паша пробивается, — сообщилъ кто-то извѣстіе, почерпнутое, какъ увѣряли, изъ самаго достовѣрнаго источника.

— Куда? Въ какомъ мѣстѣ? На чью позицію? — посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— На Ганецкаго, за Видомъ.

— Стало быть, ѣдемъ туда теперь?

— Туда. Гайда, ребята!

И масса всадниковъ тронулась крупной рысью, не заботясь о тягостяхъ убійственной дороги.

Вскорѣ достигли траншей нашей радицевской позиціи. Эти траншеи построены прекрасно: ровъ достаточно широкъ, просторенъ и углубленъ выше человѣческаго роста, а насыпь выведена круто, плотно и закрѣплена плетнемъ и фашинами. Мѣстами группировались въ траншеяхъ шалаши и землянки, служившія пріютомъ для солдатъ и офицеровъ, мѣстами тѣли еще небольшіе костры, но въ окопахъ было пусто: занимавшія ихъ войска уже ушли впередъ, къ Плевнѣ. Только нѣсколько очередныхъ стрѣлковъ оставались еще на мѣстахъ при массивныхъ крѣпостныхъ ружьяхъ, лежавшихъ на брустверѣ. Спускаться и потомъ выбираться изъ траншей на кояхъ было довольно трудно, при глубинѣ ихъ спусковъ и крутизнѣ подземовъ, тѣмъ не менѣе, добрые кони, несмотря на скользкую глинистую почву, благополучно преодолевали всѣ эти препятствія, — свалились только двѣ-три лошади со всадниками. Великій князь, еще не доѣзжая траншей, пересѣлъ на верховую лошадь. Выбравшись наконецъ за линію нашихъ укрѣпленій и большой гурьбой направились къ турецкимъ окопамъ, по тому пространству поля въ нѣсколько сотъ шаговъ, гдѣ еще накануне ни намъ, ни туркамъ невозможно было показываться безнаказанно. Здѣсь между нашими и турецкими траншеями мѣстность идетъ пологой дощиной, легко спускаясь отъ насъ и столь же легко подымаясь къ противнику; середину дошины занимаетъ кукурузное поле. Свита спустилась неподалеку отъ нашей осадной батареи, противъ турецкаго редута Омартей-табѣ. Это какъ-разъ было то самое мѣсто, гдѣ 30-го августа сводная дивизія 4-го корпуса потерпѣла столь дорого стоявшую намъ неудачу во время своего двукратно отбитаго штурма. И что за грустное, что за мрачное зрѣлище представало здѣсь, когда великій князь переѣзжалъ дощину! На увядшемъ кукурузномъ полѣ и около него валялись русскіе трупы, заколоченныя въ разныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ многіе носили явные признаки ужасныхъ предсмертныхъ страданій. Только убитые на-побѣдѣ сохраняли спокойныя позы.

Эти мертвецы уже совершенно высохли и представлялись скелетами, обтянутыми почернѣвшей кожей; нѣкоторые были въ мундирахъ, нѣкоторые въ рубахахъ, уже иставшихъ и расплывшихся подъ вліяніемъ продолжительной непогоды. Тамъ и сямъ валялись шапки, подсумки, изломанные ружья, какое-то тряпье, клочки разной одежды, крышки отъ манерокъ, патронныя коробки — все это такъ и оставалось здѣсь съ 30-го августа: турки своимъ ружейнымъ огнемъ препятствовали намъ убирать нашихъ мертвыхъ, да и трудно было бы разыскивать ихъ въ кукурузѣ. Лошади, при видѣ мертвецовъ, косились и пугливо порывались шарахнуться въ сторону. На всемъ этомъ полѣ не было замѣтно ни голодныхъ собакъ, ни черныхъ стай прожорливыхъ воронъ, въ изобиліи покрывающихъ съ самаго начала войны придорожные поля Болгаріи, гдѣ всегда готовъ для нихъ изобильный пиръ, въ видѣ палой скотины. Но въ этой дощинѣ, вѣроятно, не давали имъ пріюта безпрестанно жужжація пули. Жутко и тяжело становилось на сердцѣ при видѣ этого мѣста непокрытой смерти... Мимо!

Поднялись къ турецкому редуту, по сторонамъ котораго* и вправо, и влѣво тянулись траншеи. Здѣсь тоже картина неприглядная! На каждомъ шагѣ попадались осколки чугуна, сбитыя пули, черепки глиняной посуды и стекла, очевидно переброшенные турками за брустверъ; траншейныя насыпи были изрыты опаленными яминами гранатныхъ взрывовъ и слѣдами пуль, глубоко засѣвшихъ въ глину.

— Ишь ихъ! Словно осною источило! — мѣтко замѣтилъ кто-то изъ лейбъ-казаковъ.

— Осторожиѣе, граната! Обѣзжай лѣвѣе! — раздается впереди предупреждающій крикъ, и кто-то указываетъ нагайкою направо, внизъ на землю. Дѣйствительно, въ двухъ шагахъ, около самаго бруствера лежитъ неразорвавшаяся граната.

— Еще одна! Подъ ноги, братцы! Гляди внимательноѣе подъ ноги!

— Да тутъ ихъ много такихъ-то! — замѣчаютъ промежъ себя казаки. — Вонъ и еще лежитъ, и тамъ вонъ, и она-гдѣ!...

И точно, около траншей и позади ихъ, да и по всему полю, вплоть до самой Плевны, попадаются неразорвавшіеся снаряды; вѣроятно, есть и въ самомъ городѣ по какимъ нибудь задворкамъ и закоулкамъ, что, надо сознаться, дѣлаетъ ѣзду по этимъ мѣстамъ не особенно пріятной; не замѣтить гранату такъ легко, а наткнуться на нее и нечаянно взлетѣть клочками на воздухъ не найдется охотниковъ даже и между самыми беззащитными храбрецами, а потому наши ѣзды по этимъ полямъ, осматриваясь очень внимательно (въ первые два дня по овладѣніи Плевной уже было два несчастныхъ случая съ подобными нечаянными взрывами).

Внутри редута и въ траншеяхъ оставались еще свѣжіе слѣды жизни ихъ защитниковъ, попадались маленькіе мѣдные кофейники съ черной гущей на дотлѣвающихъ костеркахъ, въ особыхъ вырытыхъ ямкахъ; дубовыя баклаги съ водой, просыпанные зерна кукурузы, опрокинутые котелки, ручные жернова для перемола хлѣбныхъ зеренъ, папиросные окурки, трапки какія-то и клочки исписанной бумаги, оборвыши турецкихъ газетъ, солома примятая, испорченное и потому покинутое оружіе, деревянные ящики и жестяные коробки съ патронами, которыхъ туркамъ, за великимъ множествомъ, очевидно, дѣлать было некуда—все это валялось по внутреннюю сторону окоповъ и около кукурузныхъ шалашей и землянокъ, построенныхъ весьма прочно, безопасно и даже не безъ нѣкотораго удобства во внутреннихъ отлогостяхъ траншей и бруствера; такъ, въ большинствѣ изъ нихъ находились глиняныя, а въ нѣкоторыхъ и маленькія желѣзныя печи. Въ такихъ шалашахъ не трудно было бы выжить цѣлую зиму, и не дойми турокъ голодъ,—Османъ, безъ сомнѣнія, долго еще позадержалъ бы насъ подѣ Плевной...

Когда минули лѣвію турецкихъ окоповъ и проѣхали съ версту по полю, изборозженному гранатами, великій князь остановился на плоскогорьѣ, съ котораго вдругъ открылся красивый видъ на цѣлую Плевну. Лежащая въ ложинѣ, какъ и всѣ почти турецкіе города, Плевна вся переполнена садами, изъ-за которыхъ выглядываютъ группы бѣлыхъ стѣнъ и черепичныхъ кровель, а надъ ними возвышаются два-три дома европейской архитектуры, нѣсколько тонкихъ минаретовъ, бѣлый круглый куполъ главной мечети, ряды пирамидальныхъ тополей и, правѣе, на сѣверо-западномъ концѣ города—окрашенный розоватой краской, обширный, каменный православный соборъ съ двумя башенками на передовомъ фасадѣ и съ большимъ куполомъ изъ бѣлой жести. Въ соборѣ турки помѣстили главный складъ пороха и боевыхъ снарядовъ, а потому на этотъ пунктъ неоднократно направлялись цѣлые букеты нашихъ артиллерійскихъ залповъ. Какъ оказалось потомъ, гранаты въ пяти мѣстахъ пробили насквозь стѣны собора; но какъ и почему не произвели онѣ взрыва всего этого склада—намъ пока еще неизвѣстно. На южной сторонѣ, по ту сторону города, ловчинское шоссе поднималось въ гору, на вершинѣ которой обрисовывался темный профиль кришинскаго редута. Ряды отдѣльных укрѣпленій выдѣлялись по южнымъ и юго-западнымъ высотамъ, окружающимъ городъ.

— Вотъ она, Плевна!.. Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то Плевна наша, Плевна очищена; занята уже нашими!—передавалось въ толпѣ, окружавшей великаго князя, который сошелъ въ коня и сѣлъ съ биноклемъ на не-

большомъ бугорочкѣ. Вправо—спускались съ высотъ и шая въ боевомъ порядкѣ по долинѣ войска 9-го корпуса. Баронъ Криденеръ прислалъ донесеніе, что впереди идетъ Воронежскій полкъ, а за нимъ Козловскій и Галичскій. Части 9-го корпуса еще съ утра заняли редутъ № 1, а потомъ №№ 4 и 5; что же касается Кришинскихъ укрѣпленій, то они, какъ уже извѣстно, еще на разсвѣтѣ безъ боя заняты были войсками Скобелева 2-го. 1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи вступила въ укрѣпленный турецкій лагерь, послѣ чего нѣсколько приостановилась, чтобы дать время вытѣнуться 2-й бригадѣ. Генералъ Каталей доноситъ, что гвардейская бригада Философова, получивъ приказанія Ганецкаго, наступаетъ по софійскому шоссе и тѣснитъ непріятеля съ его лѣваго фланга. Впереди раздавался неумолчный грохотъ большого боя, картина котораго была однако заслонена ближайшими по ту сторону Плевны вершинами. Вскорѣ и отъ генерала Струкова получена дѣнѣша съ извѣщеніемъ, что наши траншеи были отняты турками у сибирцевъ, но снова заняты гренадерами, что бой идетъ горячій и клонится болѣе къ сторонѣ софійскаго шоссе, обозы же турецкіе направляются изъ города къ сторонѣ Дуная. Отъ барона Криденера пришло еще извѣстіе, что явившіеся къ нему перебѣжчики заявили, будто въ городѣ идетъ грабежъ, производимый въ турецкихъ домахъ болгарами, а потому для водворенія порядка, онъ отправилъ въ Плевну жандармскую команду. Получивъ донесеніе объ окончательномъ занятіи города и редутовъ нашими войсками, великій князь здѣсь же, на бугоркѣ, закусывая просто кускомъ хлѣба съ сыромъ, подзвалъ къ себѣ генерала Левицкаго и продиктовалъ ему краткую программу новаго распредѣленія и дальнѣйшихъ стратегическихъ движеній нашихъ боевыхъ силъ, освобождаемыхъ теперь отъ необходимости блокировать Плевну.

Въ это время на плоскогорьѣ появились шесть болгаръ, пришедшихъ изъ города. На нихъ надѣты были красныя фески, такъ что сначала нѣкоторые приняли ихъ за партыкулярныхъ турокъ. Костюмы европейскаго покроя обличали въ нихъ горожанъ довольно зажиточныхъ.

— Добрѣ дошѣлъ! Добрѣ дошѣлъ братушко!—радостно обращались они къ каждому съ обычнымъ ихъ пріятствіемъ, протягивая и пожимая руки.—Турцы-ты вече (уже) утѣкли отъ Плевеня! Турцы-ты вече нѣма на Плевенъ! Ура, добритѣ чѣляци (добрые люди)! Ура братушки!

На вопросъ: зачѣмъ пришли?—болгары отвѣчали, что пришли пріятствовать насъ и посмотреть на великаго князя.

Когда къ нимъ приступили съ разспросами, каково имъ было въ Плевнѣ во время блока-

ды, они только головой мотали, закрывъ глаза, да отрешивались: «не гѣбово (не вкусно), братушки, ой, не гѣбово, не добро было!»

— Однако же вы ничего себѣ, розовенькіе... Взглянуть на васъ—никакъ не подумаешь, что голодали.

— А нѣй же тукъ не гладны сидѣли-сме! (мы здѣсь не голодали) заявили болгары и рассказали, что какъ только стало извѣстно имъ о нашей блокадѣ и какъ прошелъ промежъ нихъ слухъ, что турки вскорѣ произведутъ въ городѣ реквизицію, они позарывали въ землю, въ погребѣхъ, всѣ свои продовольственные запасы и ѣли только по ночамъ въ погребѣхъ же, гдѣ и пищу себѣ готовили, и зерно мололи на ручныхъ жерновахъ, такъ что «турцы не много-то» (не больше-то много) съ нихъ поживились.

— Стало бытъ—спросили ихъ—у васъ въ городѣ можно добыть и ечмѣку (ячменю) и пшеницы?

— О, ѣма, ѣма, братушки, много (много) ѣма! За турцы-то не ѣмамы, ала за російско-то войско ѣма!

Отъ нихъ же было узнано, что турки оставили въ Плевнѣ до двухъ тысячъ своихъ больныхъ и раненыхъ въ увѣренности, что русскіе окажутъ имъ полное покровительство и помощь; узнано также и то, что турки трое сутокъ сряду, вплоть до нынѣшняго утра, вытягивали ряды своихъ обозовъ изъ города къ Виду. Это послѣднее сообщеніе подало начальнику колонновожатыхъ справедливый поводъ отъ души выбрать заочно своихъ лазутчиковъ, которыми какъ у насъ, такъ и у турокъ, служатъ преимущественно «братушки» же, и которые, шатаясь къ намъ и получая очень порядочныя деньги, сообщали въ это время разныя мелочи, а главнаго-то и не сказывали. Простой ли случай, или злонамеренный умыселъ причиною этого—Богъ вѣсть; но есть основанія предполагать, что въ Плевнѣ нѣкоторые лазутчики служили одновременно и намъ и туркамъ. Это, впрочемъ, вполне естественно для людей подобной профессіи.

Пробывъ съ полчаса на плоскогорьѣ, великій князь приказалъ подать себѣ коня и направился въ городъ, гдѣ при самомъ въѣздѣ находится обширное кладбище, усыпанное торчащими изъ земли обломками плитняка, вмѣсто надмогильныхъ памятниковъ. Здѣсь, направо отъ дороги и даже на самомъ пути, довольно обширный участокъ земли заполненъ теперь совершенно свѣжими могилами, гдѣ зарыты всѣ жертвы нашей бомбардировки и зарыты крайне небрежно: неглубокая могила обыкновенно облагается досчатой дражкой, причемъ каждая дражка, не болѣе какъ въ аршинъ длины, ставится вертикально, съ нѣкоторымъ уклономъ къ наружнымъ краямъ могилы, въ разстояніи одна отъ другой на чет-

верть, или нѣсколько болѣе; промежъ этихъ дражекъ кладется покойникъ и слегка засыпается землей, меньше чѣмъ на одинъ футъ, такъ что верхніе концы дражекъ почти на четверть торчатъ изъ-подъ земли наружу, а голодные собаки, которыхъ здѣсь, какъ и вообще въ турецкихъ городахъ, великое множество и которыхъ хозяева не имѣютъ обыкновенія кормить—бродятъ по свѣжему кладбищу днемъ и ночью и безъ труда разрываютъ могилы: поэтому нерѣдко видишь какъ изъ той или другой выглядываетъ наружу обглоданная рука, нога или черепъ. Не мало кладбищъ встрѣчается и внутри города, въ самомъ близкомъ, непосредственномъ сосѣдствѣ съ обывательскими домами, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ здѣшнихъ городахъ и селеніяхъ. Таковъ уже исконный обычай, благодаря которому Плевна, небрежно похоронившая за послѣдніе четыре мѣсяца такое множество людей, въ особенности можетъ ожидать какой-нибудь жестокой заразы.

Тутъ же, рядомъ съ кладбищемъ, начинается и городское предмѣстье, гдѣ почти всѣ домишки до основанія разнесены гранатами. Повсюду встрѣчаешь развалины и мусоръ, обломки разной домашней утвари, разщепленные, перебитыя деревья, гниющие трупы животныхъ и цѣлые остовы лошадей и буйволовъ; повсюду валяются облитые свинцомъ осколки губительнаго чугуна; на каждомъ шагѣ видны слѣды пороховыхъ опаловъ на бѣлыхъ стѣнахъ, либо широкія пробойны въ каменныхъ заборахъ, да копоть пожаровъ,—и надъ всѣмъ этимъ нерѣдко стоитъ тяжелый сирадъ разлагающихся труповъ. Печальная картина смерти и разрушенія!

Весь городъ имѣлъ совершенно мертвый видъ: ворота и калитки наглухо заколочены, стекла въ окнахъ большей частью выбиты, лавки всѣ заперты или разорены; въ домахъ по большей части пусто, и такая же мертвая пустота паритъ и въ узенькихъ, глубоко-грязныхъ, косыхъ и кривыхъ улицахъ. Изрѣдка увидишь развѣ какого-нибудь болгарина, торопящагося начертить мѣломъ крестъ на своихъ же дверяхъ, въ знакъ того, что это домъ христіанскій, да еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ попадались навстрѣчу маленькія группы болгарскихъ женщинъ и дѣвушекъ, стоявшихъ съ ведрами у фонтана или выглядывавшихъ изъ-за плетней своихъ садиновъ. Старухи крестились и привѣтствовали великаго князя и свиту поклонами; изъ устъ ихъ нерѣдко раздавалось радостное «добре дошелъ»; молодыя же и дѣти по большей части встрѣчали и провожали молча, одними лишь любопытными взглядами. Въ центръ города было уже гораздо меньше разоренія, но та же мертвая пустота царила и здѣсь, какъ въ предмѣстьѣ.

Замѣчательно, какъ турки любятъ и ува-

жают деревья: нуждаясь въ топливѣ, они жгли у себя на позиціяхъ князю, растаскивали на дрова деревянныя части разрушенных построекъ, но не уничтожили около Плевны ни одного виноградника, не срубили въ самомъ городѣ ни одного дерева, не только фруктового, а даже и тополей пирамидальныхъ, которые служатъ только украшеніемъ, только ласкаютъ глазъ и чувство своей изящной стройностью.

Не то мы видимъ теперь на поляхъ въ окрестностяхъ Плевны, еще въ августѣ столь богатыхъ разнообразной фруктовой растительностью... Здѣсь теперь все голо, все вырублено, все пошло на топливо нашимъ и румынскимъ бивуакамъ; великолѣпные, старые, драгоценные экземпляры орѣхового дерева срублены до корня. Но вѣдь не мерзнуть же и не сидѣть было людямъ безъ горячей пищи, шадя «красу полей» ради эстетическаго чувства, и не растаскивать же имъ болгарскія хижины, коль скоро дровъ достать рѣшительно было не откуда, кромѣ этихъ полевыхъ деревьевъ.

Великій князь проѣхалъ по городу въ направленіи къ Плазивасскимъ высотамъ. Когда конвой его высочества выбрался на теми ближайшей возвышенности, увѣнчанной «Скобелевскими редутами»—вся Плевна очутилась подъ ногами и была видна съ птичьего полета. По нѣкоторымъ улицамъ тянулась наша пѣхота, по другимъ рысали казаки разѣзды; тяжелая батарея громыкала колесами, перебираясь въ бродъ по каменистому руслу Тучевницкаго ручья. Великій князь ѣхалъ по направленію къ Виду. Верстахъ въ двухъ вправо, внизу по долинѣ, чернѣли линіи войскъ, въ боевомъ порядкѣ выходившихъ мимо Плевны въ тылъ туркамъ. Вотъ навстрѣчу великому князю скачетъ ординарецъ и, приложивъ руку къ козырьку, докладываетъ что-то. Миготъ проносится по свитѣ радостная вѣсть—«Османъ отброшенъ за Видъ, къ Плевнѣ, Османъ сдается»,—и восторженное «ура» несется по всей свитѣ, по всему конвою. Великій князь отправляетъ своего ординарца, поручика Дерфельдена, съ радостной вѣстью къ государю, на «Императорскій редутъ», гдѣ въ это время присутствовалъ его величество. Но эту вѣсть пять минутами ранѣе Дерфельдена, по собственному почину, привезъ государю императору помощникъ полевого коменданта, полковникъ Моравскій, котораго его величество тутъ же милостиво поздравилъ флигель-адъютантомъ.

Между тѣмъ свята великаго князя тронулась далѣе крупной рысью. На пути встрѣтился одинъ изъ скобелевскихъ батальоновъ, опривѣтствовавшій главнокомандующаго криками «ура», по поводу сдачи Османа.

Вскорѣ открылись высоты, занятые нашими войсками и сверкнула какъ бы стальная

полоса Виду: на одномъ берегу его тѣсно стояли наши батальонныя колонны, на другомъ противъ нихъ синѣли турецкія таборы, въ безпорядкѣ перемѣшавшіеся между собой. Они еще не были обезоружены, но канонада уже прекратилась. Турки пѣлыми роями покрывали и доль и вершины, а противъ нихъ, со всѣхъ сторонъ на сосѣднихъ вершинахъ тихо и стройно стояли наши, опустивъ ружья «къ ногѣ».

Великій князь подѣхалъ къ Виду, который излучисто протекаетъ внизу, омывая страшную крутизну, на вершинѣ которой въ этотъ моментъ присутствовалъ главнокомандующій. Съ этого пункта все поле сраженія было какъ на ладони. Многіе взялись за бинокли, съ помощью которыхъ можно было видѣть раскиданные по обширной равнинѣ печальные слѣды только-что оконченнаго боя: тѣла, подбитые ящики, опрокинутые фургоны...

Съ над-видской крутизны можно было спуститься только пѣшкомъ, да и то съ трудомъ немалымъ. Всѣ спѣшилися, и вслѣдъ за великимъ княземъ, ведя въ поводу лошадей, гуськомъ, по-одиночкѣ стали сходить внизъ по обрыву, который на дѣлѣ оказался еще круче, чѣмъ на глазъ, такъ что идти можно было только на каблучкахъ, а не всей ступней, лошади же, сколько вытянутыми передними ногами, просто съѣзжала на крупахъ. Этотъ спускъ отнялъ около часа времени. Главнокомандующій, спустившійся во главѣ сопровождавшихъ его лицъ и конвоя, опять сѣлъ на лошадь, дважды переѣхавъ въ бродъ излучину рѣки и, выбравшись наконецъ на открытую плоскость, помчался къ войскамъ гренадерскаго корпуса. За великимъ княземъ развизалось его бѣлое знамя, по которому могли направляться замедлившіе на спускѣ. Вскорѣ все поле покрылось толпой отдѣльныхъ всадниковъ свиты, мчавшихся въ полный карьеръ къ каменному мосту, который выдавался верстахъ въ двухъ впередъ, легко перекинутый черезъ Видъ на девяти высокихъ каменныхъ устояхъ ¹⁾.

Тамъ уже шумѣло въ воздухѣ несмолкаемое «ура» гренадерскихъ полковъ, завидѣвшихъ приближеніе главнокомандующаго, и въ это же время полковые оркестры стройно играли народный гимнъ. Великій князь осадилъ коня предъ фронтомъ своихъ сибирцевъ ²⁾, поздравилъ войска съ блестящей побѣдой, благодарилъ ихъ за всѣ труды, за ихъ геройское мужество и, наконецъ, высоко поднявъ надъ головой фуражку, провозгласилъ «ура» во славу государя императора. Затѣмъ

¹⁾ Деревянная настилка моста имѣетъ 40 шаговъ въ ширину и 140 въ длину.

²⁾ Сибирскій гренадерскій полкъ имѣетъ шестомъ его высочество главнокомандующаго.

великій князь объѣзжалъ всѣ части войскъ отдѣльно и каждую дарилъ особо задушевымъ, милостивымъ словомъ.

Гренадерскіе полки, казанскіе драгуны, бугскіе уланы, кievскіе гусары, артиллерія конная и пѣшая и орудія, взятые у турокъ— все это тѣсно стояло на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разыгрался послѣдній эпизодъ, послѣдній моментъ блистательнаго боя. Тамъ и сямъ валялось нѣсколько турецкихъ тѣлъ и около десятка лошадиныхъ, воловьихъ и буйволовыхъ труповъ съ развороченными внутренностями; раненые турки, въ окровавленной одеждѣ, лежали во рву и кутались около арба или на подбитыхъ цовокахъ въ ожиданіи перевязки. Внизу у самой рѣки умиралъ раненый аскеръ, которому трое нашихъ солдатиковъ заботливо смачивали приподнятую голову и подносили ко рту мащерку съ водой. Умиравшій жадно прилипъ къ водѣ губами, напился и тотчасъ же отдалъ Богу душу. На самомъ мосту алѣло нѣсколько лужъ еще свѣжей крови; изъ-подъ прозрачной воды рядились опрокинувшіеся съ моста, вмѣстѣ съ частію перилъ, животныя и люди, обломки арба и оружіе... Все это лежало на каменномъ днѣ неглубокой рѣки. За мостомъ, уже на турецкой сторонѣ, наши и румынскіе санитары и медики накладывали перевязки раненымъ туркамъ и здѣсь же составлено было въ ряды у подошвы обрывистой горы, упирающейся въ самое шоссе, первое оружіе, сданное сегодня непріятелемъ. При ѣздѣ съ моста стояли уже наши часовые: по одну сторону дороги—сибирскій гренадеръ, по другую—румынъ-доробанецъ въ бараньей шапкѣ съ перьями.

Подъѣхавъ къ шоссеиной караулкѣ и узнавъ, что Османа уже тамъ нѣтъ, великій князь отправился далѣе по дорогѣ къ Плевнѣ. Массы всякаго оружія, наваленныя кое-какъ, то порознь, то цѣлыми грудами на самой дорогѣ, крайне затрудняли проѣздъ. Кучи просыпанныхъ патротовъ, разнокалиберныя цѣльныя гранаты, картечь, конгревовы ракеты, жестяныя коробки, опрокинутые зарядные ящики и стальные орудія, брошенныя кое-какъ и гдѣ попало, конская упряжь и солдатская амуниція, ружья Мартини, ружья Пибоди, Снайдера и Крынка (взятые, вѣроятно, у нашихъ плѣнныхъ или убитыхъ), магазинныя карабины, старыя длинноствольныя турецкія винтовки, пистолеты и револьверы, ножи, ятаганы, сабли, штыки и кинжалы, и шанцевый инструментъ—все это почти сплошь устилало дорогу и прилегающія къ ней поля, въ особенности справа; лѣвая же сторона знача была преимущественно обозами—военными и обывательскими, между которыми видѣлись иногда дѣти и закутанныя во что-то черное женскія фигуры въ таинственныхъ

бѣлыхъ чадрахъ. Длинные поѣзды скрипучихъ арба и возовъ, переполненныхъ ранеными турками, возвращались въ Плевну; но и кромѣ того, много раненыхъ встрѣчалось на шоссе, въ канавкахъ: одни изъ нихъ по-чужо сидѣли, другіе лежали, третьи плелись кое-какъ пѣшкомъ; были и умирающіе. Составъ турецкаго санитарнаго персонала такъ незначителенъ, что не могъ удовлетворить и одной сотой изъ этихъ несчастныхъ, а наши и румынскіе врачи просто разрывались на части, въ виду настоятельной необходимости оказывать первое пособіе и своимъ и туркамъ.

Все пространство по сторонамъ шоссе было усыяно обезоруженными аскерами. Время отъ времени то тамъ, то сямъ, раздавались ружейныя выстрѣлы, что нерѣдко случалось и оттого, если лошадь или человекъ неосторожно наступали на казенную часть заряженаго ружья. Однимъ изъ такихъ случайныхъ выстрѣловъ, на нашихъ глазахъ, ранило въ ногу лошадь подъ вѣстовымъ уланомъ, а другимъ — и лошадь, и всадника калараша. Говорятъ, что въ этотъ день произошло еще нѣсколько подобныхъ же несчастныхъ случаевъ. Большинство плѣнныхъ было одѣто весьма плохо и оборванно, большей частію безъ сапогъ, въ однихъ лишь изношенныхъ опанкахъ; лица видимо изнурены и угрюмы, но не замѣчалось въ нихъ ни особенной вражды, ни ненависти къ своимъ побѣдителямъ; болѣе всего можно было встрѣтить равнодушное выраженіе полнаго безчувствія.

На половинѣ пути отъ моста къ Плевнѣ его высочество повстрѣчалъ Османа. Коляска остановилась и плѣнный папа, поддерживаемый Хасибъ-беємъ, привсталъ въ ней на одной ногѣ, опираясь на кузовъ. Великій князь благосклонно протянулъ Осману руку и въ лестныхъ выраженіяхъ отдалъ ему дань похвалы за славную защиту Плевны. Папа молча кланялся и благодарилъ обычнымъ на Востокъ жестомъ. Въ это время подъѣхалъ князь Карлъ Румынскій и вмѣстѣ съ его высочествомъ отправился далѣе по дорогѣ въ городъ. Османа повезли туда же и помѣстили въ одномъ изъ удобныхъ болгарскихъ домовъ, гдѣ онъ провелъ ночь вмѣстѣ со своимъ врачомъ и прислугой.

Уже начинало смеркаться, когда великій князь подъѣзжалъ къ городу. Здѣсь все пространство долины и весь склонъ горы, полого возвышающейся вправо, до такой степени были переполнены плѣнными, что проѣздъ сквозь нихъ сплошную толпу оказался въ высшей степени затруднительнымъ. Мы подвигались впередъ крайне медленно, дѣлая на каждомъ шагу продолжительныя остановки. Тутъ скопилась главная масса плѣнныхъ, такъ что все обширное пространство вокругъ насъ пред-

ставлялось колышущимся моремъ красныхъ фесокъ. У вѣзда въ городъ торжественно раздавалась военная музыка, подъ звуки которой наши войска проходили по улицамъ. Новыя и новые крики «ура» со стороны боггаръ и нашихъ и румынскихъ войскъ приветствовали вѣздъ августѣйшаго главнокомандующаго въ покоренную Плевну.

Было уже совершенно темно, когда главная квартира въ восемь часовъ вечера возвратилась въ Бюгюль.

LXXVI.

Государь императоръ въ Плевнѣ.

Сборъ къ молебствію въ редутъ № 5. — Зеленогорскія траншеи. Устройство ихъ у насъ и у турокъ. — Устье Тученицкаго оврага. — Русскіе трупы и кости. — Багажъ Османа-паши. Прибытіе великаго князя и войскъ къ мѣсту укрѣпленнаго лагеря. — Прїѣздъ туда же государя императора. — Встрѣча государя съ главнокомандующимъ. — Высочайшія награды главнокомандующему и прочимъ высшимъ чинамъ арміи. — Молебенъ на мѣстѣ ставки Османа. — Вѣздъ государя въ городъ и встрѣча, сдѣланная духовенствомъ и горожанами. — Царскій завтракъ въ Плевнѣ. — Представленіе Османа-паши его величеству и разговоръ съ нимъ государя императора. — Возвращеніе Осману его оружія. — Миртовая вѣтка. — Благодарственный приказъ главнокомандующаго по дѣйствующей арміи.

Бюгюль, 30-го ноября, вечеромъ.

На другой день по занятіи Плевны, 29-го ноября утромъ великій князь главнокомандующій отправился на турецкій редутъ № 5-й (Ихтиабъ-табѣ), за которымъ до паденія Плевны находился укрѣпленный лагерь противника. Лицамъ главной квартиры предоставлено было ѣхать туда, кто какой дорогой хочетъ. Мы избрали путь по ловчинскому шоссе, не только какъ ближайшій и удобнѣйшій, но и какъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ, потому что онъ пролегаетъ по Зеленымъ горамъ, мимо кривинскихъ укрѣпленій. Было очень интересно взглянуть и на эти редуты, и на окружающія ихъ траншеи, изъ которыхъ турки неоднократно предпринимали столь рѣшительныя попытки атакъ противъ Скобелева.

Проѣхавъ мимо красиваго Тученицкаго оврага и миновавъ укрѣпленную позицію 30-й пѣхотной позиціи, гдѣ, ради вчерашней побѣды, съ утра уже разливались пѣсни и гремѣла музыка, — мы выѣхали вскорѣ къ ловчинскому шоссе, близъ позиціи генерала Скобелева. Во всѣхъ частяхъ облагающаго отряда были утромъ отслужены благодарственные молебствія, но кромѣ того каждый полкъ высылалъ отъ себя по одному батальону со знаменами къ редуту № 5-й, гдѣ должно было совершиться торжественное молебеніе въ присутствіи государя императора. Щеголями, или — какъ говорится въ военномъ быту — «женіхами» шли туда молодецкіе скобелевскіе

батальоны, которые мы повстрѣчали на дорогѣ.

Зеленыя высоты не даромъ заслужили это названіе: даже и въ послѣдній день ноября онѣ казались зеленѣе окрестностей — тамъ и самъ пробивалась на ихъ пологихъ склонахъ молодая изумрудно-зеленая травка, да и утро къ тому же было солнечное, такъ что эта зелень дѣлала впечатлѣніе ранняго весенняго времени. Вотъ и траншеи. Онѣ перпендикулярно подходятъ къ самому шоссе, прерываясь лишь на полотнѣ дороги, и перпендикулярно же уходятъ далѣе, по другую его сторону, къ Тученицкому оврагу. Внутренніе рыи не особенно глубоки, такъ что не закрываютъ въ полный ростъ человека, а педантъ специалитъ и самую работу ихъ назвалъ бы небрежной; но не надо забывать, что эти укрѣпленія были сдѣланы въ самое короткое время, гдѣ некогда было заботиться объ отчетливой чистотѣ работы. Ровно мѣсяцъ назадъ, 29-го октября, траншеи эти были оставлены, такъ какъ Скобелевъ почти на версту подвинулся ближе къ туркамъ и, выгнавъ ихъ изъ окоповъ, повернулъ фронтъ непріятельской траншеи въ противную сторону. Тутъ работа была еще поснѣнѣе и потому еще небрежнѣе, но тѣмъ болѣе чести исполнившимъ ее людямъ, которые, въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ своего закрытія, геройски выслѣдили цѣлый мѣсяцъ въ 250-ти шагахъ отъ непріятеля. Нашъ «Невскій проспектъ» залагался такъ близко отъ турецкихъ окоповъ и на такой открытой мѣстности, что можно только удивляться безграничному самоотверженію и храбрости русскаго солдата. На короткомъ разстояніи между нашей и турецкой передовой траншеей находятся нѣбольшіе стрѣлковые ровики человека на три-четыре каждый, расположенные частью уступами, частью въ шахматномъ порядкѣ, шагахъ въ 20—30-ти одинъ впереди другого, а далѣе, т. е. еще болѣе вперед, уже до дерзости близко къ непріятелю, выкопаны ямки секретовъ. По правую сторону тоже къ нашимъ позиціямъ примыкаетъ большое укрѣпленіе очень сильнаго полевого профиля, построенное Скобелевымъ не только прочно, но даже изящно. Оно защищено двумя достаточно глубокими рвами, изъ которыхъ стрѣлки могли дѣйствовать въ два яруса, такъ что собственно брестерная оборона являла собой уже третій ярусъ огня. Турецкія траншеи зеленогорской позиціи, точно также какъ и наши, подходятъ непосредственно къ самому шоссе, которое здѣсь было перекопано, и продолжаются по другую сторону дороги; онѣ сдѣланы очень хорошо и прочно; у насъ два рва — наружный, служащій къ усиленію обороны, и внутренний, съ удобнымъ банкетомъ, достаточно углубленный. Въ этомъ послѣднемъ рву устроенъ цѣлый рядъ жилыхъ землянокъ, покрытыхъ плетнемъ

п земель, такъ что пребываніе въ нихъ было вполне обезпечено отъ непріятельской пули. Въ брустверѣ выполнены небольшія печурки, въ которыхъ турецкіе солдаты варили себѣ кофе, рисъ и кукурузу, а на гребнѣ лежали клочки соломы, служившіе подстилкой для ружей. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ за первымъ тянется второй рядъ траншей, а за нимъ третій, направляющійся влѣво по склону возвышенности къ главному кришинскому редуту. Этотъ послѣдній редутъ, вѣнчающій вершину горы, вмѣстѣ со всѣми своими побочными укрѣпленіями и амбразурами батарейми, уже самъ по себѣ представляетъ цѣлую крепость весьма солидныхъ качествъ и размѣровъ. Командуя всей кришинской позиціей, онъ удобно и далеко обстрѣливаетъ подступы къ ней со всѣхъ сторонъ, амбразурная же батарея близъ шоссе не только защищаетъ послѣднее, но и фланкируетъ все пространство сосѣдней радишевской позиціи, равно какъ и часть Тученицкаго оврага. Противъ кришинскихъ редутовъ почва усеяна слѣдами взрывовъ и осколками, а на самомъ шоссе валялся двѣ неразорвавшіяся гранаты.

Съ высоты второго гребня открывается видъ на Плевну; шоссе по каменистому краю спускается въ устье утесистаго Тученицкаго оврага, дно котораго прорѣзывается быстрымъ, но мелкимъ ручьемъ и пересѣкается рядами дождевиковъ. Въ самомъ устьѣ притаилась низенькая водяная мельница съ черепичной кровлей, осѣненная нѣсколькими ракетами, а неподалеку отъ нея стоятъ довольно обширный хане, на половину разрушенный нашими гранатами. Въ противоположномъ горномъ краѣ работа тысячелѣтняго времени выдолбила обширную и высокую сводчатую нишу, въ родѣ пещеры.

На шоссе и въ прилегающемъ къ нему кукурузномъ полѣ мы видѣли много изсохшихъ труповъ русскихъ, изъ которыхъ три валялись на самой дорогѣ, а отъ четвертаго во рву остались однѣ лишь разметанныя кости. Всѣ трупы лежали съ босыми ногами. Такъ какъ эти мертвые остались внутри района турецкихъ укрѣпленій, то воспользоваться ихъ сапогами, конечно, было вполне безопасно, но непонятно для чего это турки оставили ихъ гнить и распространять заразу, къ своему же ущербу, въ то время какъ находили возможность хоронить тутъ же своихъ собственныхъ убитыхъ.

По дорогѣ намъ встрѣтился багажъ Осман-паши, который на двухъ-трехъ выюкахъ несли плѣнные турки, подъ конвоемъ двухъ нашихъ солдатъ. Багажъ этотъ очень скромный и вполне наглядно даетъ понятіе о той суровой обстановкѣ, въ которой жилъ турецкій главнокомандующій.

Къ десяти часамъ утра великій князь глав-

нокомандующій прибылъ къ укрѣпленному турецкому лагерю, гдѣ собрались всѣ высшія лица арміи. Войска подходили сюда съ музыкой и строились батальонными ротными колоннами вокругъ лагерной площадки. Молебствіе должно было совершаться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась ставка Османа.

Въ половинѣ одиннадцатаго, въ средину этой площадки вѣхала коляска, въ которой сидѣлъ государь императоръ съ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Главнокомандующій, во главѣ окружавшей его толпы, пошелъ навстрѣчу. Быстро сойдя на землю и поднявъ надъ головой фуражку, государь, съ сіяющей улыбкой на лицѣ, скорыми шагами приближался къ своему августѣйшему брату. При громкихъ кликахъ войскъ и толпы, сопровождавшей главнокомандующаго, съ непокрытыми головами они сошлись и бросились въ объятія другъ другу. Каждый изъ присутствовавшихъ глубоко раздѣлялъ то чувство радости, которое накопляло душу главнокомандующаго при первой встрѣчѣ съ государемъ послѣ вчерашняго событія. Горячо расцѣловавъ великаго князя, его величество вынулъ изъ рукава пальто футляръ съ орденовыми знаками и собственноручно возложилъ на августѣйшаго главнокомандующаго ленту св. Георгія 1-й степени. Великій князь былъ глубоко растроганъ и принявъ устами къ рукѣ императора. Новыя восторженные клики войскъ и свиты привѣтствовали новаго кавалера высшей степени военнаго русскаго ордена. Затѣмъ его величество удостоилъ изъ собственныхъ рукъ раздать награды: генераль-адъютантамъ Тотлебену и Непокойчицкому—Георгія 2-й степени; генераль-адъютанту князю Масальскому и генераль-лейтенантамъ: князю Имеретинскому и Ганецкому—тотъ же орденъ 3-й степени и, наконецъ, свиты его величества генераль-майору Левицкому — 4-й степени, а ординарца главнокомандующаго, лейбъ-гвардіи Уланскаго полка поручика Дерфельдена, посланнаго вчера съ извѣстіемъ о сдачѣ Османа, пожаловалъ званіемъ флигель-адъютанта. Послѣ раздачи орденовъ, государь императоръ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи великаго князя главнокомандующаго и дежурства, объѣхалъ собравшійся войска, поздравляя ихъ съ побѣдой. Отличившіяся части были при этомъ удостоены особымъ вниманіемъ его величества. По окончаніи объѣзда, началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и возгласеніемъ «вѣчной памяти» навшимъ на полѣ въ день послѣдней брани. Во время многолѣтняго окрестности Плевны опять огласились громомъ орудій, но на этотъ разъ уже безъ шипѣнія гранатъ: къ чести побѣды былъ сдѣланъ салютъ сто-однимъ выстрѣломъ. Затѣмъ государь императоръ, во главѣ громадной свиты, верхомъ поѣхалъ въ Плевну, вмѣстѣ съ великимъ княземъ главно-

командующимъ и княземъ Карломъ Румынскимъ. На пути повстрѣчались нѣсколько батальоновъ, не успѣвшихъ еще подойти къ мѣсту мобелизаци, по причинѣ отдаленности своихъ мобуаковъ. Его величество останавливалъ каждый изъ нихъ и удостоивалъ милостивыми словами.

На нынѣшній разъ городъ казался уже значительно оживленнымъ. На балконахъ видѣлись цвѣтныя драпировки, а перекрестки улицъ были покрыты толпами городскихъ жителей-болгаръ, которые кидали на пути государя миртовыя вѣтви. У воротъ церкви ожидалъ цѣлый рядъ мѣстнаго духовенства, въ бѣдномъ облаченіи, съ крестами, свѣчами и хоругвями. Вся церковная утварь, находившаяся въ рукахъ духовныхъ лицъ, была украшена миртами. Государь приложился ко кресту и былъ окропленъ святой водой, принявъ поздравительное привѣтствіе отъ старшаго протоіерея. На церковной вышкѣ раздавалась частая дробь деревянной колотушки, замѣняющей здѣсь колокольный звонъ. Тутъ же на улицахъ, вдоль домовыхъ стѣнъ, стояли длинные ряды плѣнныхъ, вышедшихъ взглянуть на вѣздъ русскаго монарха и встрѣчавшихъ его величество восточными поклонами.

Въ одномъ изъ лучшихъ болгарскихъ домовъ былъ приготовленъ завтракъ. Государь, съ особами царской фамиліи, княземъ Карломъ и высшими лицами двора и арміи, имѣлъ столъ во внутреннемъ помѣщеніи, а для остальныхъ лицъ императорской, великокняжеской и румынской свиты были раскинуты большіе столы на дворѣ подъ открытымъ небомъ. Радостенъ и говорливъ былъ этотъ изобильный завтракъ, которымъ угощаль государь императоръ. Толпа болгаръ, со священникомъ во главѣ, подошла къ крыльцу, и попросивъ къ себѣ бывшаго нашего посла при Оттоманской Портѣ, генералъ-адъютанта Игнатьева, горячо выражала ему свою (признательность за постоянную и твердую поддержку христіанъ въ Турціи. Болгарскія дѣвушки, въ праздничныхъ уборахъ, привѣтливо раздавали офицерамъ и солдатамъ зеленныя вѣточки миртовъ. Вдругъ весь дворъ огласился привѣтственными восклицаніями: «Браво, Османъ-паша! браво!»—и громадная толпа почтительно раступилась на двѣ стороны, приложивъ къ козырькамъ руки, для отданія чести.

Опираясь слѣва на плечо Хасябъ-бея, а справа на корнета лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, князя Дедашкелиани, раненый Османъ шелъ черезъ дворъ для представленія его императорскому величеству. Тутъ же шелъ и драгоманъ главнокомандующаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Макѣевъ, который во время блокады дважды былъ посылаемъ въ Плевну парламентаромъ. Плѣннаго полководца ввели въ

комнату, гдѣ присутствовали государь императоръ.

Его величество, подойдя къ Осману, обратился къ нему со слѣдующими словами (разговоръ происходилъ при посредствѣ Н. Д. Макѣева):

— Что васъ побудило прорываться?

Какъ солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, я во всякомъ случаѣ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать эту попытку; я не могъ, не имѣлъ права поступить иначе.. Попытка не удалась, но мое несчастье смягчается для меня лично тѣмъ, что неудача эта доставила мнѣ счастье быть представленнымъ вашему величеству.

— Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости, хотя она и была направлена противъ моей арміи.

— Ваше императорское величество, — почтительно склоняясь, отвѣчалъ Османъ, — я исполнялъ лишь мой воинскій долгъ и надѣялся, что тѣмъ самымъ заслужу не только признательность моего отечества, но и милостивое вниманіе вашего величества и уваженіе вашей арміи.

— Знали ли вы что нибудь о взятіи Врацы, Правца, Этрополя, о занятіи нами Орханіе?

— Государь, я не зналъ ничего. Начиная съ несчастнаго для насъ дѣла при Горномъ Дубнякѣ, въ теченіе сорока пяти дней никакая вѣсть извѣстъ не проникала въ Плевну.

— Много ли у васъ оставалось продовольствія?

— Только на пять дней, и наканунѣ моей попытки оно было роздано на руки людямъ.

— Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости, я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ въ Россіи, гдѣ—надѣюсь—вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству.

Османъ, съ видимымъ чувствомъ признательности, глубоко поклонился государю и вышелъ, поддерживаемый тѣми же лицами.

На дворѣ ему подали стулъ, на которомъ раненый плѣнникъ отдохнулъ нѣсколько времени. Толпа офицеровъ почтительно окружила его и многіе изъ высшихъ лицъ выражали при этомъ свое уваженіе храброму защитнику Плевны. Комедантъ главной квартиры, генералъ-майоръ Штейнъ вручилъ Осману его оружіе, а командиръ плѣннаго конвоя главнокомандующаго, полковникъ Ключаревъ подаль ему полученную отъ болгаръ миртовую вѣтку, въ знакъ того, что сдавшаяся армія и ея доблестный предводитель отнынѣ находятся не между врагами.

Въ этотъ же день великій князь главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по дѣйствующей арміи, за № 244:

«Главная квартира, селеніе Боготъ, 29-го ноября 1877 года.

«Доблестные воины России и Румынии!

«На штыкахъ гренадерскаго корпуса сложилось послѣднее усиліе врага. Отъ края до края разнеслась уже вѣсть о паденіи Плевны и плѣненіи Османа-паши, со всей его арміей.

«Сорокъ тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ десять пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 77 пушекъ, оружіе, знамена—вотъ краснорѣчивое доказательство вашего несравненнаго мужества.

«Старшій воинъ земли русской, неустанный свидѣтель доблести и трудовъ вашихъ, обожаемый нашъ монархъ удостоилъ возложить на меня знаки ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 1-й степени.

«Не себѣ, а вамъ обязанъ я этимъ высшимъ знакомъ воинскаго отличія; да пребудетъ онъ вамъ знаменіемъ того, что вы—храбрѣйшіе изъ храбрыхъ!

«Спасибо вамъ, богатыри, спасибо за все, что вы дѣлали до сихъ поръ! Продолжайте такъ—и врагъ во вѣки не забудетъ ваше грозное ура!»

«НИКОЛАЙ».

Приказъ его высочества былъ прочтенъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батальонахъ.

ЛХХVII.

Османъ и плѣнные паши въ Боготѣ.

Юрта и почетный караулъ, приготовленные для Османа.—Итоги послѣдняго боя.—Побѣда Османа и встрѣча его на дорогѣ съ кришинскими таборами.—Юнусъ-бей, противникъ Скобелева.—Встрѣча Османа въ Боготѣ.—Обѣдъ плѣнныхъ пашей.—Радостная вѣсть изъ Русскаго отряда и мнѣніе по этому поводу одного изъ плѣнниковъ.—Свидѣнія, почерпнутыя изъ разговоровъ съ пашами.—Мнѣніе одного изъ пашей о стратегической ошибкѣ Османа.—Стратегическій планъ кампаніи у турокъ.—Мнѣнія плѣнныхъ о самомъ Османѣ.—Посѣщеніе Османа великимъ княземъ и ихъ бесѣда.—Визитъ къ нему М. Д. Скобелева и разговоръ о турецкихъ жестокостяхъ.—Письмо Османа по поводу жестокостей къ Реуфу-пашѣ и телеграмма его къ секретарю верховнаго вѣзиря.—Отъѣздъ Османавъ Россію.—Гуссейнъ-Вассифи-паша—революціонеръ турецкій и г. Оливье Пенъ—революціонеръ французскій.—Майоръ Сулейманъ-Ага-Дуралевъ.—Англо-индійскія рупіи.

Боготъ, 4-го декабря.

30-го ноября, утромъ, великій князь главнокомандующій съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ уѣхали въ Порадимъ, гдѣ у его величества назначено было совѣщаніе относительно дѣльнѣйшихъ военныхъ плановъ и мѣропріятій. Въ этотъ день въ Боготѣ ожидали Османа-пашу, для котораго была приготовлена неподалеку отъ столовой палатки особая юрта, а рядомъ съ нею разбитъ холщевый шатеръ для личной прислуги турецкаго главнокомандующаго. У юрты былъ выставленъ почетный караулъ—взводъ отъ 63-го пѣхотнаго Углич-

скаго полка (16-й дивизіи), причѣмъ народъ былъ подобранъ молодецъ къ молодцу, красавецъ къ красавцу. Однако же прибытіе Османа, предполагаемое къ полудню, замедлилось по случаю діагноза его раны, производившагося въ Плевнѣ. За то къ этому времени неожиданно пріѣхалъ генералъ Ганецкій, который за завтракомъ громко прочиталъ краткій отчетъ о нашихъ потеряхъ и трофеяхъ за 28-е число. По этому отчету, который своевременно былъ переданъ въ Россію по телеграфу, оказалось, что мы потеряли двухъ штабъ-офицеровъ убитыми ¹⁾ и пять ранеными, изъ оберъ-офицеровъ убито 8, ранено 40 и контужено 3, а изъ нижнихъ чиновъ убито 582, ранено 1,207, контужено 3; всего же вышло изъ строя 1,840 чел. Въ пѣвнѣ взято 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ 44,000 чел., въ числѣ которыхъ болѣе 4,000 раненыхъ, и кромѣ того 1,200 чел. кавалеріи. Артиллерія, въ числѣ 77 орудій, сполна досталась въ наши руки. Всѣ эти орудія, за исключеніемъ пяти или шести горныхъ, принадлежатъ къ разряду дальнобойныхъ стальныхъ, крупновскаго завода. Что касается знаменъ, то, по словамъ Гусейн-паши, въ частяхъ плевненской арміи ихъ было болѣе тридцати, но батальоны, владѣвшіе ими, по большей части ихъ сожгли, либо закопали въ землю, такъ что сначала намъ досталось только два знамени, а потомъ еще одно было найдено въ кучѣ убитыхъ и нѣсколько выкопано уже изъ земли. Надо думать, что въ непродолжительномъ времени будутъ открыты и остальные изъ несожженныхъ знаменъ.

Около пяти часовъ дни, въ виду Богота, показался довольно длинный и пестрый побѣдъ всадниковъ. Тутъ были и румынскіе калараші, и бугскіе уланы со своими красно-бѣлыми знаками. За каларашами ѣхала коляска, а за ней тянулась верхами длинная вереница пашей, штабныхъ лицъ, адъютантовъ, штабъ и оберъ-офицеровъ плевненской арміи, одѣленныхъ нашими уланами: то привезли Османа и большую часть его офицеровъ. Конвойные сказывали, что во время слѣдованія по плевно-ловчинскому шоссе они обогнали большую партію плѣнныхъ турокъ, составившихъ гарнизонъ кришинской позиціи. Османъ выглянулъ изъ-подъ надвинутаго фордека своей коляски, но не опривѣтствовалъ эту партію ни единымъ словомъ, равно какъ и она совершенно молча разошлась со своимъ главнокомандующимъ. Пожилой Юнусъ-бей, начальникъ кришинской турецкой позиціи, раненый пулею въ руку, былъ оставленъ въ Плевнѣ, такъ какъ М. Д. Скобелевъ взялъ его подъ особое свое покровительство, какъ личнаго своего противника,

¹⁾ Сибирскаго гренадерскаго полка майоръ Личачевъ и Малороссійскаго гренадерскаго полка майоръ Манасеинъ.

и помѣстилъ его у себя въ квартирѣ, окружилъ вчерашняго врага всевозможнымъ уходомъ и заботливымъ попеченіемъ. «Бѣлый генералъ» говорить, что въ послѣдніе дни предъ наденіемъ Плевны онъ и Юнусъ-бей на столько присмотрѣлись другъ къ другу изъ траншей, что исподволь научились еще издали узнавать одинъ другого, и такимъ образомъ, когда Юнусъ очутился въ плѣну, то узналъ Скобелева сразу; оба противника, показавъ другъ другу руки, встрѣтились между собой какъ старые и хорошіе знакомые. М. Д. Скобелевъ отзывается съ большой похвалой и уваженіемъ о личной храбрости и хладнокровномъ мужествѣ Юнусъ-бея.

Османъ-паша былъ встрѣченъ предъ своею юртою походнымъ гофмаршаломъ его высочества генералъ-лейтенантомъ Галломъ и комендантомъ дѣйствующей арміи, и почетный караулъ отдалъ ему воинскую почесть съ барабаннымъ боемъ, какъ главнокомандующему.

Великій князь возвратился изъ Порадима около шести часовъ и передъ обѣдомъ наѣхалъ на короткое время Османа, желая освидѣтельствоваться, удобно ли онъ помѣстился. Послѣ обѣда его высочества, который великій князь всегда раздѣляетъ со всѣми лицами главной квартиры, въ той же палаткѣ былъ приготовленъ столъ для плѣнныхъ нашей турецкаго штаба. Османъ-паша, какъ раненый, обѣдалъ отдѣльно у себя въ юртѣ, которая, сказать мимоходомъ, была приготовлена для него со всѣми возможными здѣсь удобствами, а главное отапливалась небольшою желѣзною печью. Мы, обреченные пока на жизнь въ палаткахъ (несмотря на 10-ти и 15-ти градусные морозы по ночамъ), или же на прозябаніе по сырмъ и темнымъ болгарскимъ землянкамъ, напоминающимъ болѣе могильные склепы, чѣмъ жилыя помѣщенія, — мы очень и очень цѣнимъ такое рѣдкое здѣсь удобство, какъ небольшая желѣзная печка.

Во время обѣда папшей, великій князь получилъ телеграмму о новомъ блистательномъ отраженіи рѣшительной атаки Сулеймана-паши противъ нашего восточнаго фронта. Его высочество тотчасъ же подѣлился этою радостною новостью съ лицами главной квартиры, которые не успѣли еще разбѣгаться по своимъ угламъ со двора великаго князя. Восторженное «ура» было отвѣтомъ на прочтенную телеграмму. Въ ту же минуту извѣстіе о побѣдѣ перелетѣло на сосѣдніе бивуаки конвойнаго батальона и лейбъ-казаковъ, оттуда къ жандармамъ, въ артиллерійскіе парки, въ обозы, и не прошло пяти минутъ, какъ весь Боготъ гремѣлъ изъ конца въ конецъ восторженнымъ «ура», которому аккомпанировали торжественные звуки народнаго гимна. Паши, конечно, заинтересовались узнать, въ чемъ дѣло. Н. Д. Макѣевъ и ротмистръ Чайковскій, слу-

жившій прежде майоромъ въ турецкой службѣ, объяснили имъ причину общей нашей радости.

— Увы, напрасная и поздняя попытка! — сказалъ одинъ изъ нашихъ, грустно покачивая головой. — Вѣрно Сулейманъ не извѣщаетъ еще о нашей участи; иначе не зачѣмъ бы ему было пробиваться на Цесаревича, а слѣдовало бы поскорѣ спѣшнѣе за Балканы, чтобы тамъ предупредить, по-возможности, нашего Турко.

Нѣкоторые изъ разговоровъ, которые вели наши плѣнники частью по-французски, частью при посредствѣ Н. Д. Макѣева, далеко не лишены для насъ интереса. Такъ, напримѣръ, этимъ путемъ мы узнали, что 31-го августа, при атакѣ на Скобелева, турки уложили свыше 1,500 чел. убитыми и 3,500 ранеными; накануне же, т. е. во время взятія Скобелевымъ зеленегорской позиціи, потери ихъ относительно были ничтожны. По увѣренію адъютантовъ Османа, 31-го августа уже съ утра всѣ обозы турецкой арміи были выдвинуты по шоссе къ каменному мосту на Видѣ, съ тѣмъ, чтобы немедленно двинуться на Орхана, въ случаѣ если Османъ понесетъ неудачу въ попыткѣ отбить у насъ редуты, взятые накануне Скобелевымъ. Четыре штурма, какъ извѣстно, не увѣдались успѣхомъ; тогда Османъ рѣшился испытать послѣднее средство: къ пятой атакѣ стянуты были всѣ, какіе лишь оставались, резервы; для этого составъ гарнизоновъ въ редутахъ и траншеяхъ на всѣхъ остальныхъ позиціяхъ былъ уменьшенъ до послѣдней возможности, и все это двинуто противъ генерала Скобелева. Для большаго возбужденія храбрости и фанатизма приказано было нести впереди наступающихъ частей большое зеленое знамя, равно какъ передъ каждымъ таборомъ шедъ особый мулла, громко возглашая молитву и напѣвая стихи корана: «Алла, Алла-га иль Алла», что дѣйствительно и слышали наши, несмотря на непрерывную трескотню ружейнаго огня, и въ особенности когда этотъ напѣвъ подхваченъ былъ всѣми турецкими солдатами. Османъ объявилъ заранѣе, что отступленія не будетъ, а чтобы отбить всякую охоту бѣжать назадъ, выставилъ въ тылу наступающихъ батарею и рассыпалъ густую цѣпь изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ, которымъ строго было приказано стрѣлять въ каждого, кто осмѣлится дать тылъ. «И несмотря на всѣ эти чрезвычайныя и суровыя мѣры — прибавляли рассказчики — у всѣхъ насъ надежда на успѣхъ была столь мала, что когда мы увидѣли отступленіе вашего «Акъ-паши», то мы просто собственнымъ своимъ глазамъ не вѣрили. Мы думали, что это со стороны «Акъ-паши» скорѣе какая нибудь тактическая хитрость, что вотъ-вотъ сію минуту неизвѣстно откуда нагрянутъ на насъ громадные ваши резервы и мы всѣ погибнемъ съ нашимъ минутнымъ успѣхомъ. Мы слышали и были убѣждены, что у

вась подъ Плевной стянуты огромныя силы; но когда отступление Скобелева стало уже исполнявшимся фактомъ, наши паша сказали себѣ: «а! значитъ, эта линія обложена только растянута, но вовсе не густа» — и мы вздохнули свободно; послѣ этого Османъ-паша рѣшился остаться въ Плевнѣ, съ цѣлью задержать подъ ней до послѣдней возможности главныя силы русской арміи. А если бы не удалась наша отчаянная попытка — Плевна еще 31-го августа была бы ваша».

Но рѣшеніе замкнуться въ Плевнѣ, по мнѣнію одного изъ пашей, было стратегической ошибкой, хотя и принесло не мало пользы для Турціи. «Не то бы было, говорилъ этотъ паша, если бы послѣ 31-го августа Османъ позадержалъ вась недѣли на четыре, на пять, однимъ словомъ, до подхода вашихъ подкрѣпленій, вашей гвардіи, и тогда, не дожидаясь взятія Дубняковъ и Телиша, ушелъ бы въ одну прекрасную ночь по софійскому шоссе, пока оно еще было свободно, на соединеніе съ Шефкетъ-пашой. Вы бы, конечно, преслѣдовали насъ по пятамъ, но тогда у насъ былъ уже цѣлый рядъ укрѣпленныхъ этаповъ, а въ Орханѣ или въ Этрополѣ мы устроили бы вамъ новую Плевну и, быть можетъ, избѣжали бы плѣна... Но — нишаклахъ (Божья воля)», заключилъ паша со вздохомъ.

Относительно стратегическаго плана всей кампаніи турки высказываются, что у нихъ планъ былъ, и честь его созданія приписываютъ Абдуль-Кериму. По ихъ словамъ, этотъ планъ заключался въ томъ, чтобы почти безъ боя пропустить наши главныя силы за Балканы и потомъ запереть ихъ движеніемъ къ Еленѣ, Тырнову и Ловчѣ съ двухъ сторонъ двумя арміями: Абдуль-Керима — отъ Разграда и Османъ-Базара, а Османа-паши — отъ Виддина на Плевну и Ловчу, въ то время какъ Сулейманъ-паша въ одномъ изъ забалканскихъ городовъ устроилъ бы сильный укрѣпленный лагерь, который задержалъ бы насъ не менѣе Плевны. «Но, — прибавляютъ плѣнные, — обстоятельства вынудили Османа слишкомъ преждевременно обнаружить предъ вами сущность этого плана, который таинствомъ, конечно, долженъ былъ рупутамъ».

Относительно самого Османа-паши плѣнные отзываются съ большимъ уваженіемъ. Можно сказать положительно, что если и не всѣ они сочувствовали ему, то всѣ безусловно уважали его, и это отношеніе явно сказалось для насъ въ моментъ сдачи раненаго полководца. Во все время плевенской блокады, онъ — говорить — былъ неутомимъ, и весь его генеральный штабъ въ сущности сосредоточивался въ его же собственной особѣ. Каждый день мѣнялъ онъ по шести лошадей, обѣзжая

самолучно буквально *есть* линіи своихъ укрѣпленій, редуты и батареи. Иногда ночь застигала его на какомъ-нибудь редутѣ, и тогда онъ оставался тамъ до разсвѣта, довольствуясь для своего ночлега простой солдатской землянкой и клочкомъ соломы. Нерѣдко выѣзжалъ онъ и впередъ, за свои линіи, и слѣдовалъ отъ одной позиціи къ другой просто съ какимъ-нибудь аванпостнымъ развѣдомъ.

Когда 1-го декабря утромъ великій князь навѣстилъ Османа въ его юртѣ, между его высочествомъ и плѣннымъ пашой возникъ, при посредствѣ Н. Д. Махтева, довольно продолжительный разговоръ, въ которомъ Османъ высказывалъ свои личные взгляды по поводу разныхъ лицъ и обстоятельствъ своего отечества. Такъ, между прочимъ, когда бесѣда коснулась дѣйствій Мухтара-паши и сдачи Карса, Османъ выразился: «Я понимаю, что можно проиграть сраженіе въ открытомъ полѣ, но за стѣнами, и въ особенности за такими укрѣпленіями какъ въ Карсѣ, дозволить взять Карсъ, и притомъ въ столь короткое время — это... это превыше моего пониманія». Насчетъ одного изъ пашей ¹⁾, дѣйствующаго противъ насъ на здѣшнемъ театрѣ войны, Османъ не особенно высокого мнѣнія, какъ о способномъ военачальникѣ. «Онъ лично очень хорошій человекъ, выразился онъ, — имѣетъ много европейской бойкости и привычекъ; но недостаточно еще пожуировать въ Парижѣ и пошататься по Европѣ, чтобы быть хорошимъ боевымъ генераломъ».

Объясняя неудачу своего прорыва, Османъ обвиняетъ въ ней самого себя. «Я оставилъ подъ городомъ — говорилъ онъ — 20,000 плѣхоты, приказавъ ей двинуться съ мѣста ранѣе, какъ черезъ два часа послѣ начала боя. Если бы въ моемъ приказѣ я сократилъ это время на одинъ часъ, то эти двадцать тысячъ успѣли бы подойти ко мнѣ на помощь, и тогда, съ Божьимъ произволеніемъ, весьма вѣроятно, что я и чорвался бы. Генераль Ганецкій, если не ошибаюсь, предполагалъ что я буду напирать на софійское шоссе, а я кинулся бы на Виддинъ, и не обочился я съ резервами на одинъ лишь часъ, дѣло, быть можетъ, не разыгралось бы для меня столь печально».

Въ тотъ же день посѣтилъ Османа-паху и М. Д. Скобелевъ. Разговоръ коснулся жестокостей, совершенныхъ съ нашими ранеными на Шипкѣ и въ Телишѣ. Османъ выразилъ крайнее свое прискорбіе по поводу этихъ фактовъ. «Что до меня, сказалъ онъ, то я ви, генераль, ни кто-либо другой не можете упрекнуть меня или моихъ солдатъ въ подоб-

¹⁾ Реуфа-паши.

ныхъ безобразіяхъ (?). Я знаю, что наши башибузуки весьма способны на такіе поступки, а потому, во избѣжаніе всякой прискорбной случайности, распорядился съ ними по-своему: наиболѣе буйныхъ и недисциплинированныхъ просто выгналъ вонъ изъ Плевны, потому что они были бы самому мнѣ болѣе въ тягость, чѣмъ въ помощь, да и лишніе рты къ тому же; а остальныхъ я разбѣстил по частямъ въ регулярные батальоны и заставилъ ихъ такимъ образомъ сражаться въ траншеяхъ. За мародерство въ Плевнѣ я самъ приказалъ пятерыхъ изъ нихъ повѣсить — и повѣсилъ. Съ тѣхъ поръ мародерства не было. Вы можете упрекнуть меня развѣ въ томъ, что я приказалъ стрѣлкамъ препятствовать уборкѣ вашихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ. Но что же дѣлать: они лежали такъ близко къ нашимъ укрѣпленіямъ, что допусти я уборку ихъ, для противника было бы большимъ соблазномъ высмотрѣть въ это время многія слабыя стороны моихъ укрѣпленій и съ успѣхомъ воспользоваться тѣмъ при слѣдующей атакѣ. Впрочемъ, отъ зараженнаго этими трупами воздуха терпѣли не столько вы, сколько мы сами, благодаря столь близкому сосѣдству, которое безусловно свидѣтельствуетъ въ пользу отчаянной храбрости вашихъ солдатъ. Но чтобы кончить развѣ навсегда съ жестокостями моихъ собратьевъ, я сдѣлаю вотъ что:

И потребовавъ бумаги, турецкую чернильницу и тростинку, Османъ-паша написалъ на имя Реуфа-паши слѣдующее:

«Ферикъ! Генералъ Скобелевъ сообщалъ мнѣ, что наши войска дѣлаютъ жестокости съ русскими ранеными. Я долженъ вамъ напомнить, что это противно и чувству чуждѣколюбія, и всѣмъ международнымъ законамъ, и наконецъ Женевской конвенціи, къ которой мы присоединились въ числѣ прочихъ государствъ Европы. А потому предлагаю вамъ принять немедленные мѣры къ окончательному прекращенію всякихъ жестокостей».

Кромѣ этихъ словъ настоящее письмо не заключало въ себѣ никакихъ обычно-условныхъ на Востокѣ вѣжливостей и комплиментовъ, а вмѣсто подписи Османъ приложилъ къ нему свою печать и, вручая бумагу генералу Скобелеву, сказалъ: «Найдите случай передать это письмо Реуфу-пашѣ, и я убѣжденъ, всѣ жестокости прекратятся»¹⁾.

¹⁾ Были ли совершаемы жестокости надъ нашими плѣнными въ Плевнѣ, я лично не знаю; но вотъ свидѣтельство корреспондента вѣнской газеты „Presse“, который телеграфируетъ изъ Систова отъ 8-го (20-го) декабря слѣдующее: „Открыты въ Плевнѣ трупы русскихъ солдатъ свидѣлствуютъ, что раненые и плѣнные предавались истязаніямъ и затѣмъ умерщвлялись. Объ этомъ составленъ протоколъ въ присутствіи иностранныхъ военныхъ уполномоченныхъ. Въ

Предъ отправленіемъ своимъ изъ Бюгата въ Россію, Османъ-паша написалъ слѣдующую телеграмму на имя своего зятя Риза-бея, который служить секретаремъ у верховнаго взира²⁾:

«Вамъ не безызвѣстно, что полтора мѣсяца мы находились въ осадномъ положеніи. Не получавъ съ тѣхъ поръ никакой помощи, я рѣшился пробиться со всей арміей сквозь ряды русскихъ войскъ. Несмотря на всѣ усилія, я не успѣлъ въ этомъ и теперь нахожусь военно-плѣннымъ, вмѣстѣ со всѣмъ плевненскимъ гарнизономъ. Оцѣняя храбрость моихъ солдатъ, его императорское величество и его августѣйшій братъ удостоили меня самымъ благосклоннымъ приѣмомъ. Несмотря на легкую рану, мной полученную, здоровье мое очень удовлетворительно. Не знаю еще, куда именно отправятъ меня въ Россію, но, по прибытіи въ мѣсто моего будущаго пребыванія, напишу вамъ оттуда подробное письмо».

4-го декабря утромъ Османа увезли въ Россію въ очень удобномъ и покойномъ экипажѣ, принадлежащемъ обществу «Краснаго Креста». Съ нимъ отправился адъютантъ его высочества, капитанъ Бибииковъ.

Изъ числа другихъ палей, кромѣ Тевфика и почтеннаго Адилъ, о которыхъ уже упоминалось, должно сказать теперь о Гуссейнѣ-Вассфи-пашѣ, который извѣстенъ въ Порѣ какъ «красный». Гуссейнъ-Вассфи—человѣкъ лѣтъ сорока, съ типическимъ полу-армянскимъ, полу-турецкимъ лицомъ, которое, благодаря большимъ красивымъ глазамъ, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Онъ очень бойко владѣетъ французскимъ языкомъ и въ разговорѣ успѣваетъ проявлять свою многостороннюю начитанность. Гуссейнъ былъ журналистомъ. Разойдась съ Портой и сараскеріатомъ во взглядахъ на систему управленія и вообще на турецкіе порядки, онъ долженъ былъ выйти въ отставку и уѣхалъ въ Женеву, гдѣ провелъ около десяти лѣтъ, издавая на турецкомъ языкѣ газету «Икляабъ» («Реформа»), въ турецкомъ смыслѣ крайне революціонную, потому что въ ней, главнѣе всего, обличались закулисныя и подпольныя проделки «серальской камарильи», какъ выражился Гуссейнъ-Вассфи. Онъ называетъ себя «свободнымъ мыслителемъ» (un libre penseur) и говоритъ, что ему все равно, какое будетъ въ Турціи правительство: деспотическое, конституціонное или республиканское,—лишь бы не было «серальской камарильи» и безобраз-

погребѣхъ Плевны найдены незакрытые трупы турецкихъ солдатъ».

²⁾ Телеграмма эта переведена Н. Д. Макъевымъ съ турецкаго на французскій языкъ, въ каковомъ видѣ и пущена кружнымъ путемъ по назначенію.

ныхъ нынѣшнихъ порядковъ. Проживая въ Женевѣ, онъ нерѣдко сталкивался и съ нашими эмигрантами; рассказываетъ, что знавалъ Бакунина, Нечаева, Утина и прочихъ. Но—если только паша не политикуетъ—русскіе революціонеры не особенно понравились ему, революціонеру турецкому, главнѣйшимъ образомъ потому, что займутъ деньги и не только не отдадутъ, но даже и не узнаютъ въ лицо при встрѣчѣ на улицѣ. Последняя война снова вызвала Гуссейнъ-Вассфи-пашу на военное поприще, которое нынѣ пока окончилось для него съ паденіемъ Плевны.

Но есть у насъ и еще одинъ революціонеръ, только этотъ уже дѣйствительно «красный», потому что онъ революціонеръ не турецкій, а парижскій, которому удалось бѣжать изъ Франціи послѣ майскихъ дней 1871 года. Это—Оливье Пенъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ и безнабашныхъ дѣятелей послѣдней парижской коммуны, личный секретарь Рошфора, бѣжавшій изъ тюрьмы и приговоренный за это къ смертной казни. «Во имя гуманности, цивилизаціи и свободы» записался онъ передъ войной въ ряды турецкой арміи, «для борьбы съ варварскимъ московскимъ деспотизмомъ», состоялъ тамъ въ офицерскомъ рангѣ и въ качествѣ корреспондента какой-то газеты (кажись, «République française»), находился въ качествѣ чутъ ли не ординарца или адъютанта при извѣстномъ падачѣ Шефкетъ-пашѣ, попалъ отъ Шефкета въ Плевну и раздѣлялъ тамъ участь ея защитниковъ. Удивительно, право, вяжется у подобныхъ французиковъ борьба съ варварскимъ московскимъ деспотизмомъ и служба турецкому правительству, именно ради сей пресловутой борьбы, гуманности, цивилизаціи, свобода и Шефкетъ-паша, съ его «болгарскими ужасами», которые въ маѣ 1876 года привели въ ужасъ даже англичавъ, патентованныхъ друзей Турціи. Какъ корреспонденту и французскому подданному, въ Боготѣ ему предложили препроводить его въ Петербургъ и передать съ рукъ на руки французскому посольству, доставивъ ему тѣмъ самымъ свободу и возможность возвратиться на родину; коммунаръ поблѣднѣлъ и не на шутку перетрусился, а въ особенности когда узналъ, что здѣсь находится полковникъ Гальяръ, французскій военный агентъ. Онъ умолялъ не оказывать ему этой любезности, краснорѣчиво увѣряя, что предпочитаетъ горечь русскаго плѣна всѣмъ сладостямъ французской свободы и что онъ имѣетъ право—законнѣйшее право считаться военнопленнымъ, такъ какъ дѣйствительно числился на службѣ въ турецкой арміи, а потому проситъ, какъ военной милости, не дарить ему свободу, если съ ней сопряжено знакомство съ французскимъ посольствомъ въ Петербургѣ.

Третья не безынтересная личность—нѣкто майоръ Сулейманъ-Ага-Дурзіевъ. Исторія его какая-то странная и запутанная. Родомъ онъ изъ Водины, близъ Салоникъ, и служилъ съ молодости въ военной службѣ. Однажды довелось ему оказать покровительство христіанамъ въ ущербъ турку, и это навлекло на него гоненія сильныхъ турецкаго міра, такъ что онъ наконецъ долженъ былъ бѣжать изъ Турціи. Нашъ тогдашній консулъ въ Битоли, М. А. Хитрово доставилъ ему возможность добраться въ Россію, гдѣ Сулейманъ-Ага поступилъ въ военную службу на Кавказѣ и, состояя по армейской кавалеріи, числился при штабѣ кавказской арміи. Въ теченіе четырехлѣтней службы, Дурзіевъ весьма порядочно выучился русскому языку, такъ что свободно можетъ не только говорить, но и писать по-русски. По прошествіи четырехъ лѣтъ, отпросился онъ въ отпускъ, въ Турцію, для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, и тутъ уже не то задержанъ, не то самъ добровольно остался, только дѣло въ томъ, что въ началѣ войны ему было поручено сформировать сотню волонтеровъ, въ которой между прочимъ находились и четверо христіанъ-болгаръ. Съ этой сотней Дурзіевъ явился въ Плевну, а изъ Плевны—въ Боготъ, въ качествѣ военнопленнаго. Онъ довольно уже пожилой (лѣтъ за пятьдесятъ), но еще бодрый и видный собой мужчина и, кажется, очень доволенъ, что опять отправляется въ Россію. Но пройдоху онъ, должно быть, не малый.

Замѣчательно, что съ паденіемъ Плевны, у насъ вдругъ появилось очень много пидійскихъ серебряныхъ монетъ, рупій, чекана 1876 года, съ изображеніемъ королевы Викторіи. Рупій въ особенности много у маркитантовъ и на базарахъ, такъ какъ плѣнные турки расплачиваются за свои покупки преимущественно этой монетой.

LXXVIII.

Отъѣздъ государя императора изъ арміи.

Прощальный визитъ князя Карла главнокомандующему и его приказъ по блокадному отряду.—Высочайшій смотръ русско-румынскихъ войскъ 2-го декабря, на мѣстѣ послѣдняго боя.—Наши трофеи и боевой призь.—Миллиарды патроновъ.—Высочайшія награды рядовыхъ Карабанову и Егору Жданову.—Возвращеніе государя въ Плевну.—Море черныхъ бараньихъ шапокъ.—Обѣдъ у главнокомандующаго въ Плевнѣ.—Привѣтствіе государю отъ болгарскихъ городскихъ дѣвушекъ и адресъ его величеству отъ плевневскихъ гражданъ.—Прощальный приказъ государя императора по дѣйствующей арміи.

Боготъ, 10-го декабря.

1-го числа, во время завтрака, къ его высочеству главнокомандующему пріѣхалъ князь Карлъ Румынскій—откланяться, наканунѣ

сложенія съ себя начальствованія надъ русско-румынскимъ блокаднымъ отрядомъ, расформированнымъ послѣ паденія Плевны. Возвращаясь въ Бухарестъ, князь Карлъ отдалъ слѣдующій приказъ по блокадному отряду, громко прочтенный во время завтрака княземъ Иммертинскимъ:

«Офицеры и солдаты!

«Ваша стойкость и геройскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Плевна, которую непріятель мнилъ неприступной твердыней и непреодолимой преградой побѣдоносному шествію арміи русскаго царя, Плевна, которая стояла столько потоковъ благородной крови христіанскаго воинства, — наконецъ пала.

«Цѣль, для которой былъ сформированъ блокадный отрядъ, — достигнута. Прощаясь нынѣ съ доблестными русскими войсками, начальство надъ которыми его величество императоръ всероссійскій удостоилъ вѣрить мнѣ, я горячо благодарю всѣхъ, отъ генерала до солдата, за самоотверженное исполненіе каждымъ своего долга.

«Вы сражались на глазахъ вашего августѣйшаго монарха и вашего рыцаря — главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, которые были все время свидѣтелями вашего геройскаго поведенія. Поэтому не мнѣ воздавать вамъ должную хвалу.

«Но я не могу не высказать вамъ, что вы служили примѣромъ доблести и военныхъ добродѣтелей моимъ юнымъ войскамъ, которые, впервые пріявъ въ союзъ съ вами огненное крещеніе, навсегда соединились узами дружбы со славной русскою арміей. Я надѣюсь, что и вы сохраните о румынахъ, вашихъ братьяхъ по оружію, столь же доброе воспоминаніе, какое они сохраняютъ о васъ.

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ слагая сегодня съ себя начальство и прощаясь съ вами, я отъ души желаю вамъ и въ будущей борьбѣ за наше святое дѣло столь же блестящихъ успѣховъ, какъ и тѣ, которые вы уже столь доблестно завоевали.

«На прощанье, провозгласимъ еще разъ вмѣстѣ, единогласно и единодушно:

«Да здравствуетъ его величество императоръ всероссійскій! Ура!»

«Командующій блокаднымъ плевненскимъ отрядомъ

«Карлъ».

Приказъ этотъ, отданный въ с. Порадимѣ, предстояло возвѣстить войскамъ 2-го декабря, послѣ высочайшаго смотра на полѣ послѣдней битвы. Чтеніе его въ столовой палаткѣ великаго князя было встрѣчено единодушнымъ «ура» всѣхъ присутствовавшихъ и сопровождалось звуками народныхъ гимновъ, русскаго и румынскаго, исполненныхъ лейбъ-казацкимъ оркестромъ.

2-го декабря войска за-видскаго отряда и часть румынскаго корпуса, тоже находившаяся за Видомъ, построились на полѣ сраженія, въ пространствѣ между Дольнымъ Дубнякомъ, Горнымъ Митрополемъ и Видомъ.

Кавалерія въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ расположилась вдоль софійскаго шоссе, а пѣхота подъ прямымъ угломъ къ фронту кавалеріи выстроилась по полю въ двѣ линіи, въ батальонныхъ колоннахъ изъ середины. Пѣшая артиллерія стала за пѣхотою. Лѣвый флангъ занять былъ двумя линіями румынскихъ войскъ: въ первой — пѣхота, во второй — артиллерія и кавалерія (ропіоры и калараші). Поле сраженія еще не совсѣмъ было прибрано: кое-гдѣ валялись мертвыя тѣла и лошадиныя трупы; блеклая трава мѣстами еще хранила алые слѣды крови, но войска были построены такъ, что эти печальные остатки побоища находились позади ихъ фронта или скрыты между колоннами. На правомъ флангѣ кавалерія стояла: жандармская команда и 2-й дивизионъ лейбъ-казаковъ, посланный за Видъ недѣлю за двѣ до сдачи Плевны, для занятія аванпостовъ на медованской позиціи; за лейбъ-казаками — полки 9-й кавалерійской дивизіи. На правомъ флангѣ пѣхоты стояли полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, потомъ обѣ грендерскія дивизіи (2-я и 3-я) и наконецъ румыны. Надъ батальонами развѣвались распущенныя знамена. Въ началѣ перваго часа къ войскамъ прибылъ государь императоръ. На пути его величества у моста были сложены нѣкоторые трофеи, которые успѣли пока собрать и привести въ порядокъ: массы патронныхъ жестянокъ, гранатъ, ракетъ и горы оружія, а на пути къ войскамъ, уже за Видомъ, вдоль дороги вытянуты были турецкія орудія. Но то, что собрано, не составляетъ и десятой части всего количества. Только теперь, когда пространство между мостомъ и Плевною освободилось отъ массы плѣнныхъ, можно видѣть, какіе громадные военные матеріалы достались въ наши руки: на обширной площадкѣ, лежащей около шоссе домика, гдѣ стояла одна изъ главныхъ массъ турецкаго войска, буквально дѣтъ пяди земли, не покрытой всевозможнымъ оружіемъ и амуницией; патроновъ такое невообразимое множество, что, усеивая собою все пространство площадки, они кромѣ того ссыпаны еще въ нѣсколько большихъ высокихъ кучъ, которые издали многими были приняты за кучи навоза. А сколько просыпано ихъ на всемъ протяженіи шоссе отъ моста до Плевны и сколько еще цѣльныхъ, нераскупоренныхъ ящиковъ и жестянокъ валяются по полямъ и высотамъ... Это цѣлые миллиарды патроновъ, которые уже сами по себѣ, не говоря о прочемъ, составляютъ миллионное богатство. Надо думать, что работы хватитъ по крайней мѣрѣ недѣлю на шесть

для одной лишь разборки и сортировки наших безчисленных трофеевъ.

Парадъ 2-го декабря прошелъ безъ церемоніальнаго марша. Государь императоръ только объѣхалъ войска и благодарилъ почти каждую часть отдѣльно за всѣ труды и мужество, оказанное въ послѣднемъ сраженіи. Проѣзжая мимо 3-й гренадерской артиллерійской бригады, его величество вызвалъ изъ фронта рядового Карабанова, вышедшаго къ государю съ тѣмъ самымъ банникомъ, которымъ онъ отбивался отъ турокъ. Милостиво разспросивъ его объ этомъ эпизодѣ и похваливъ за удалство, его величество взялъ отъ свиты генералъ-майора Салтыкова¹⁾ знакъ отличія военнаго ордена и лично вручилъ его Карабанову. Затѣмъ, подѣлывая къ Астраханскому гренадерскому полку, государь императоръ вызвалъ рядового Егора Жданова, взявшаго турепное знамя, и тоже наградило его знакомъ отличія.

По окончаніи смотра, его величество, вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, княземъ Карломъ Румынскимъ и со всѣми свитами и начальствующими лицами, возвратился въ Плевну. На пути, около города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ день сдачи волновалось море красныхъ фесокъ, теперь кишѣло такое же море черныхъ барабанныхъ шапокъ. Это болгары изъ Плевны и со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ сошлись сюда привѣтствовать и благодарить своего царственнаго защитника. Они встрѣтили его величество громкими «да жие» и рукоплесканиями, составляющими у нихъ исконный обычай для изъявленія общественной радости, привѣтствія и при провозглашеніи «здравницъ». Въ городѣ, въ томъ-же самомъ домѣ, гдѣ я въ прошлый разъ, былъ сервированъ обѣдъ, предложенный его величеству и всѣмъ присутствовавшимъ великимъ княземъ главнокомандующимъ. При входѣ въ домъ, государь императоръ былъ встрѣченъ толпою дѣвушекъ-горожанокъ, одна изъ которыхъ произнесла слѣдующее привѣтствіе:

«Всемилоушійшій государь! велико твое благодареніе къ намъ; ты не только предпринялъ великую войну изъ любви и состраданія къ намъ, но и удостоилъ нашу убогую страну твоимъ царскимъ посѣщеніемъ, подвергнувъ себя всѣмъ трудностямъ походной жизни. Всемилоушійшій государь! наша признательность къ тебѣ не имѣетъ предѣловъ, но извини, великій государь, нашей простотѣ, не умѣющей достойно встрѣтить тебя и показать свою глубокую признательность. Болгары будутъ до

конца міра благословлять твое великое имя и имя твоего августѣйшаго дома».

Затѣмъ его величеству былъ поднесенъ депутатією болгарскихъ гражданъ города Плевны слѣдующій адресъ:

«Великій государь!

«Прошли вѣка страданій болгарскаго народа. Они прошли безвозвратно, потому только, что ты, государь, положилъ свой мечъ на вѣсы судьбы.

«Ты, великій государь, щитомъ своимъ прикрылъ насъ отъ варварства невѣрныхъ.

«Ты далъ намъ новую жизнь.

«Какъ солнце, ты озарилъ нашу землю своимъ посѣщеніемъ, воскресивъ болгарскій народъ, и какъ свѣтъ таетъ отъ солнечныхъ лучей, такъ распался цѣпи, насъ отъ ряда вѣковъ тяготящія!»

«Можемъ ли мы оставаться равнодушными къ этому великому событію, плоды котораго должны вкусить не только мы, но наши дѣти и дальніе потомки. Своими страданіями во время пятимѣсячной осады мы, жители города Плевны, купили право стать во главѣ болгарскаго народа при стремленіи выразить тебѣ, государь, отъ имени этого народа свои живѣйшія чувства. Мы вѣруемъ: освобожденіе Плевны — заря освобожденія древней Болгаріи; Плевна нынѣ воскресла первая, какъ вѣка назадъ она умерла послѣдняя!

«Въ память нашимъ потомкамъ объ этомъ воскресеніи, въ видимое на будущіе вѣка воспоминаніе о томъ счастьи, какое ты, государь, даровалъ намъ своимъ посѣщеніемъ нашего городка, мы просимъ позволенія устроить въ Плевнѣ мужскую гимназію, наименовать ее святымъ для каждаго болгарина именемъ вашего императорскаго величества, Царя-Освободителя.

«Осчастливленная тобою, государь, Болгарія въ тебѣ, вѣнценосный стратигъ, видитъ свое спасеніе; тебѣ она должна посвящать дѣтей своихъ, свою надежду и упованіе страны своей, залогъ ея преуспѣянія въ духѣ истинной цивилизаціи и братскаго единенія съ Россією.

«Было время: на многія столѣтія померкло солнце Болгаріи, въ царствованіе Александра Георгіевича Страшнѣра, надъ тѣми же высотами Плевны, надъ которыми оно возсіяло нынѣ силою новаго Александра, Георгіемъ вѣнчаннаго, страхомъ міру рабства и тираніи по праву именуемаго!

«Душевно и вѣчно преданные и благодарные болгарскіе граждане и гражданки города Плевны».

Слѣдуютъ подписи: архимандрита Константина, 9 духовныхъ и 91 свѣтскихъ лицъ.

Во время обѣда гремѣла полковая музыка, и толпы болгаръ, мѣшаясь съ толпами военными, тѣсно наполняли дворъ дома, гдѣ при-

¹⁾ Начальникъ походной канцеляріи, свиты его величества генералъ-майоръ Салтыковъ, постоянно сопровождая государя императора при объѣздахъ войскъ, позиціи и госпиталей, всегда имѣетъ съ собою запасъ солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ, которые его величество вручаетъ изъ собственныхъ рукъ наиболѣе отличившимся и раненымъ людямъ.

существовалъ государь, и всѣ ближайшія къ нему улицы.

На слѣдующій день, 3-го декабря, его величество изволилъ отбыть изъ Порадима въ главную квартиру наслѣдника цесаревича, а оттуда, 4-го числа, — въ Россію, отдавъ слѣдующій высочайшій приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи ¹⁾:

«Декабря, 5-го дня, въ Букарестѣ.

«Возвращаясь въ свою столицу послѣ болѣе шестимѣсячнаго пребыванія среди войскъ дѣйствующей арміи, я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благодаренія къ воспоминаніямъ о высокихъ доблестяхъ русскихъ воиновъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, коими всегда славилось наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ престолу и къ долгу чести и службы, неустрашимость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ военное время, искони отличавшія русскаго солдата, постоянно ему присущи и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣлемъ неоднократныхъ доказательствъ таковыхъ достоинствъ горячо мною любимыхъ войскъ моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ, въ твердомъ упованіи на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ, подѣ симъ благословеніемъ, войска мои не знаютъ преградъ. Не сомнѣваюсь, что и впредь, какъ и нынѣ, они постоянно будутъ пріобрѣтать права на ту искреннюю признательность, которую сердцу моему пріятно выразить нынѣ всѣмъ войскамъ дѣйствующей арміи, начиная съ его императорскаго высочества главнокомандующаго, начальникамъ частей, генераламъ, штабъ-офице-

рамъ и нижнимъ чинамъ. Военная дѣлопись наша украсилась въ нынѣшнемъ году блестящими страницами и незабвенными памятниками славы русскаго оружія, таковы: переправа чрезъ Дунай подѣ Систовымъ, взятіе Тырнова, экспедиція за Балканы, безпримѣрная и удивленія достойная защита Шипкинскаго перевала, взятіе Ловчи, Горнаго Дубняка, Телиша, Врацы и Этрополя, и наконецъ овладѣніе Плевною, потребовавшей столькихъ жертвъ и усилій, и покореніе значительной турецкой арміи, ее защищавшей. Не менѣе славы и признательности заслуживаютъ войска рушукскаго отряда, подѣ личнымъ начальствомъ его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича, на коихъ выпала трудная и тяжелая задача охраненія лѣваго фланга занятаго нами съ начала кампаніи огромнаго пространства. Задача эта выполнена блистательнѣйшимъ образомъ, несмотря на всѣ трудности удержанія значительно сильнѣйшаго непріятеля на большомъ протяженіи, при безпрепятствѣнныхъ, постоянно отраженныхъ попыткахъ сего послѣдняго прорвать наши линіи.

«Повторяю мою искреннѣйшую признательность его императорскому высочеству главнокомандующему дѣйствующею арміею, его императорскому высочеству наслѣднику цесаревичу, начальнику рушукскаго отряда, всѣмъ начальствующимъ и служащимъ въ арміи лицамъ; благодарю всю армію отъ всего сердца и молю Бога о ниспосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ».

«АЛЕКСАНДРЪ».

LXXIX.

Жизнь въ Боготѣ.

Предполагаемое передвиженіе главной квартиры. — Вьюги и морозы. — Жертвы мороза. — Болгарскія «кешты» (хаты), ихъ устройство и обстановка. — Обиходная жизнь болгарскихъ сельчанъ зимою. — Какъ живутъ офицеры въ кештахъ. — Отсутствие конскаго корма. — Скудость съѣстныхъ припасовъ и дѣйствія цѣны на продукты первѣйшей необходимости. — Лишенія, перевозимыя великимъ княземъ. — Иллюзіи и дѣйствительность боевой жизни. — Отсутствие крупныхъ военныхъ новостей. — Одинъ изъ боевыхъ кавалерійскихъ эпизодовъ въ этропольскомъ Балканѣ. — Письмо къ великому князю главнокомандующему отъ московскихъ каменовскихъ банщиковъ. — Отерочка въ выступленіи главной квартиры изъ Богота.

Боготъ, 18-го декабря.

На этихъ дняхъ главная квартира покидаетъ Боготъ, направляясь пока въ Ловчу, потомъ въ Сельви, а потомъ — куда укажетъ ходъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій. Всѣ рады этому передвиженію, потому что дальнѣйшее пребываніе въ Боготѣ становилось если не окончательно невозможнымъ, то тягостнымъ до послѣдней степени.

До 3-го декабря многіе еще кое-какъ жили здѣсь въ палаткахъ, мирясь поневолѣ съ ноч-

¹⁾ Возвѣщеніе сего высочайшаго приказа войскамъ дѣйствующей арміи сопровождалось слѣдующимъ приказомъ великаго князя главнокомандующаго, отъ 10-го декабря, за № 251:

«Государь императоръ, раздѣлявшій съ нами труды, лишенія и опасности настоящаго похода болѣе полугодомъ, призываемый важными государственными дѣлами, отбѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ. Разставаясь съ арміею, его величество удостоилъ насъ въ прилагаемомъ при семъ приказѣ своимъ высокимъ благоволеніемъ и милостиво благодаритъ насъ за нашу службу и возлагаетъ надежды и увѣренность на будущее.

«Войска вѣрной мнѣ арміи!

«Да будетъ приказъ сей для васъ новымъ знакомъ монаршей милости! Да будетъ онъ служить для васъ новымъ побужденіемъ къ честному исполненію долга передъ царемъ и отечествомъ! Да не оставитъ насъ ни суровый климатъ, ни предстоящія преграды природы, ни упорство врага, и употребимъ всѣ наши усилія, чтобы довести великое дѣло до конца и оправдать надежды монарха и всей Россіи!

«Высочайшій приказъ и приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, батареяхъ, эскадронахъ и сотняхъ».

«НИКОЛАЙ».

ными морозами. Приходилось, конечно, спать не раздвываясь, но это все же казалось сноснѣе, нежели жить въ болгарскихъ подземельяхъ, которыя именно скорѣе подземелья, чѣмъ землянки. Но съ 3-го числа задухла вьюга, которая длилась безъ перерыва двое съ половиною сутокъ, и за это время намела страшные сугробы; снѣгъ на полъ-аршина покрылъ всѣ поля, ночные морозы доходили до 17-ти градусоѡ, однимъ словомъ, зима стала сразу и притомъ зима суровая, совершенно сѣверная.

Такая рѣзкая перемена, конечно, не обошлась безъ жертвъ: на пути отъ Систога къ Боготу замерзло въ полѣ 68 лошадей и шесть человекъ вольныхъ погонцевъ; погибло и нѣсколько одинокихъ солдатъ, заблудившихся среди вьюги, которая перемела всѣ дороги. Около Богота, почти въ самомъ селеніи, нашли восемь закопченныхъ труповъ, занесенныхъ снѣгомъ близъ своихъ повозокъ; замерзъ въ пути транспортъ раненыхъ и больныхъ; замерзла и цѣлая партія плѣнныхъ турокъ.

Обитателямъ палатокъ поневолѣ пришлось наконецъ переселиться въ болгарскія подземелья. Трудно представить себѣ чтонибудь хуже, непригляднѣе и неудобнѣе здѣшнихъ хатъ-землянокъ. Какая-нибудь литовская курная изба въ сравненіи съ ними является верхомъ комфорта и даже изящества—и это отнюдь не преувеличено. Чтобы попасть въ болгарскую «кешту» (жилище, хату) приходится спуститься по скользкимъ, грязнымъ или обледенѣлымъ и обыкновенно очень крутымъ ступенькамъ, аршина на два съ половиною или на три въ землю; здѣсь нагаликиваются на низенькую дверцу, какія у насъ въ Россіи можно встрѣтить развѣ въ самыхъ бѣдныхъ свѣицхъ или овечьихъ хлѣвахъ. Это самое предательское мѣсто, гдѣ непривычные люди получаютъ ушибы въ темя, и нерѣдко весьма чувствительные, отъ которыхъ нѣсколько дней потомъ испытываются головные боли. Болгарскія землянки всѣ почти на одинъ образецъ, и вотъ ихъ внутренность: перешагнувъ за порогъ двери, сразу попадаешь въ какое-то темное и вонючее пространство, ощущая липкую грязь подъ ногами; надо, чтобы прошло съ минуту времени, пока глаза привыкнутъ и пообглядятся въ этихъ потемкахъ, и тогда сквозъ дымъ глѣбующаго очага и паръ, нескондно стоящій здѣсь отъ ужасной сырости, начинаешь понемногу различать окружающіе предметы. Навѣро отъ входа нерѣдко стоитъ пара воловъ или буйволовъ на навозной подстилкѣ; направо — идутъ вдоль стѣны двѣ или три полки, гдѣ помѣщается скудная домашняя утварь, которая вся заключается въ мѣдномъ котлѣ, двухъ или трехъ глиняныхъ кувшинахъ и въ такомъ же количествѣ мисокъ; ни вилочекъ, ни ложекъ сельскіе болгары въ своемъ обиходѣ не употребляютъ, а ѣдятъ руками, или же макая въ жижицу куски хлѣба, которые и замѣняютъ имъ ложки. Въ слѣдую-

щей стѣнѣ, тоже вправо отъ входа, устроенъ очагъ; но не думайте, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь огороженъ: деревянные сучья, а еще чаще клязкѣ тлѣютъ просто себѣ на земляномъ полу; дымъ выходитъ въ широкую, прямую трубу, ничѣмъ не прикрытую сверху; у основанія этой конусообразной трубы вдѣлана деревянная поперечина, на которой виситъ мѣдный котелъ, «казанъ», служащій для варки «чорбы», т. е. бобовой похлебки со стручковымъ перцемъ. Другихъ печей здѣсь не существуетъ, стало быть о теплѣ не можетъ быть и рѣчи. Болѣе зажиточные употребляютъ такъ-называемый «мангалъ» — глиняную или желѣзную жаровню, въ родѣ миски, гдѣ тлѣютъ уголья. На очагѣ болгарскія хозяйки три или четыре раза въ день пекутъ себѣ кукурузныя лепешки, вмѣсто хлѣба, и пекутъ самымъ первобытнымъ способомъ, зарывая тѣсто въ горячую золу. До чего все это неопытно—трудно даже и вообразить себѣ!.. Вокругъ очага обыкновенно ютятся вся семья—старый и малый сидятъ на корточкахъ и грѣются. Стѣна, противоположная входу, имѣетъ по срединѣ небольшое углубленіе, въ родѣ печуры, гдѣ помѣщаются грубо намалеванные образа—обыкновенно св. Дмитрій, Козьма и Даміанъ, Пантелеймонъ Цѣлитель, Іоаннъ Креститель, Кириллъ и Меодій или Іоаннъ Рыльскій. У этой стѣны въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ вляется большая камышевая циновка, которую на ночь перетаскиваютъ поближе къ очагу и на ней укладывается спать вся семья въ повалку, вокругъ огня, который здѣсь никогда не угасаетъ. Спать не раздвываясь, да и вообще болгары никогда не раздвоятся и никогда почти не моются — развѣ ужъ предъ какимъ-нибудь большимъ праздникомъ. Потолковъ въ такихъ землянкахъ не существуетъ; грубая стропила образуютъ прямо кровлю, покрытую кукурузнымъ хвостомъ и засыпанную землею. Эта кровля—вѣчный пріютъ тарантуламъ, скорпіонамъ, мышамъ, крысамъ, ужамъ и змѣямъ; послѣднія въ особенности одолѣвали насъ въ Горномъ Студнѣ¹⁾. У основанія крыши пролегалъ поперечная балка, съ перпендикулярно вдолбленнымъ въ нее бревномъ, которое подпираетъ верхнюю балку, гдѣ сходятся стропила. Здѣсь обыкновенно подѣбываются коши капуста, лукъ, чеснокъ, вороха кукурузы и краснаго стручковаго перца, составляющаго излюблѣннѣе ла-

¹⁾ Въ Горномъ Студнѣ, мы, въ числѣ восьми человекъ, помѣстились въ буйволовомъ хлѣвѣ и считали свое помѣщеніе, сравнительно со многими другими, весьма удобнымъ; мы, по крайней мѣрѣ, не испытывали такой сырости и грязи, какъ въ палаткахъ; зато змѣи безпокоили. Въ крышахъ буйволовыхъ хлѣвовъ и въ щеляхъ каменной кладки ихъ стѣнъ, значительно углубленныхъ въ землю, змѣямъ было теплѣе и удобнѣе жить; но такъ какъ и палатки не были избавлены отъ посѣщенія этихъ пресмыкающихся гостей, то приходилось предпочитать жизнь въ хлѣвахъ и землянкахъ.

комство болгаръ—отъ годовалаго ребенка до глухого старца. Здѣсь же висятъ для просушки и барабаны или воловь шкуры, издающія, вмѣстѣ съ живыми волами и буйволами, убійственно смердящій запахъ. Въ цѣлой хатѣ нѣтъ ни малѣйшей мебели—ни стола, ни скамейки; весь житейскій обиходъ совершается на грязномъ, смокломъ полу; стѣны осенью покрыты потеками и узорами сырости, а зимою—серебристымъ налетомъ изморози. И вотъ въ подобной-то хатѣ, на пространствѣ двухъ, а много трехъ квадратныхъ саженъ проводить всю свою жизнь болгарская семья, обыкновенно изобилующая малыми ребятами. Эти люди, несмотря на всю ихъ гнетущую, убійственную обстановку, замѣчательно плодильны, и удивительно то, что младенцы ихъ, бросаемые матерями у очага безъ всякаго призора и часто даже безъ всякихъ признаковъ одежды, умираютъ, относительно, весьма мало. Мясную пищу болгары употребляютъ въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ—развѣ ужъ на Рождество или на Свѣтлый праздникъ зарѣжутъ они барана, да и похлебку-то ѣдятъ только по праздничнымъ днямъ, а въ будни довольствуются кукурузными лепешками и перцемъ. Изъ этой хаты обыкновенно ведетъ низенькая дверь въ смежную горницу, служащую кладовой, гдѣ стоятъ разныя кадушки и плетенки съ запасами, хранятся высушенные барабаны шкуры и лишнее платье. Въ каждой такой кладовой продѣлана на уровнѣ наружнаго грунта дыра, замѣняющая оконце; но о рамахъ, а тѣмъ болѣе о стеклахъ, здѣсь, кажись, и понятія не имѣютъ. Въ оконце валятъ снѣгъ, сочится дождевая вода или уличная жидкая грязь, и это помѣщеніе даже очагомъ не согрѣвается. Вонь тутъ точно также ужасная, потому что около этого оконца, снаружи, обыкновенно совершаются всюю семьею всякія нечистоты. И вотъ эти-то кладовыя, напоминающія скорѣе могильные склепы, чѣмъ жилье, вынуждены были занять подъ себя офицеры и чиновники главной квартиры. Самъ начальникъ штаба имѣетъ помѣщеніе немногимъ лучше и чище прочихъ, а великій князь предпочелъ остаться въ юртѣ, несмотря на всѣ ея неудобства. Можно представить себѣ, что за грязь въ этихъ темныхъ затхлыхъ конурахъ и какіямъ приады самыхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ плодятся въ этой грязи и ползаютъ по стѣнамъ, чуть лишь мангалъ согрѣетъ воздухъ темныхъ склеповъ. Здѣсь отъ нихъ не избавляетъ никакая шелковая рубашка, никакая баня. Сегодня вымылся, а завтра опять зудитъ все тѣло, пренятствуя и сну и работѣ. Да и каково работать, если пальцы стынутъ и ноютъ отъ холода, если произительный вѣтеръ порывами врывается въ оконную дыру, несмотря на то, что ее затыкаютъ и тряпьемъ и соломой. Здѣсь мы всѣ дни напролетъ проводимъ при свѣчахъ; выйдешь на свѣтъ Божій подышать немного свѣжимъ воздухомъ—сере-

бряный снѣгъ, особенно подъ солнечными лучами, ослѣпляетъ и до боли, до крупныхъ слезъ рѣжетъ глаза, такъ что надо зажмуриться и постепенно привыкать къ свѣту; а войдешь опять въ свою конуру, въ глазахъ становится до того темно, что первые мгновенія нельзя даже различить огонь свѣчей. Въ каждой такой конурѣ обыкновенно ютится отъ двухъ до четырехъ и даже до пяти офицеровъ. Тѣснота такая, что буквально повернуться негдѣ. Но этимъ еще не исчерпываются наши неудобства и лишения: лошади у насъ болѣею частью стоятъ на дворѣ, безъ конюшенъ; сѣна уже около двухъ мѣсяцевъ нѣтъ ни клочка; кормили соломою, но теперь въ Боготѣ и въ окрестныхъ плевиенскихъ деревняхъ уже и вся солома съѣдена; за охапку платить отъ двухъ до четырехъ франковъ и рады-радеконьки, если только удастся достать. Сохранился у одного «чорбаджи» (богача) стожокъ соломы, пудовъ въ семьдесятъ; четыре офицера на дняхъ отправились къ нему поторговать этотъ стожокъ. Болгаринъ запросилъ за него *триста пятьдесятъ полуимперіаловъ*, и—если хотите—онъ правъ, потому что продавая послѣднюю свою солому, отъ тѣмъ самымъ обрекалъ на голодную смерть весь свой скотъ и, стало быть, въ соломѣ оцѣнялъ стоимость своего скота. Ячменя тоже нѣтъ въ послѣднія двѣ недѣли; вмѣсто него лошадей кормятъ кукурузою или пшеницею въ половинной и одно третей дачѣ, и лошади уже начинаютъ падать. Но не всегда можно достать и кукурузу съ пшеницей; за эти продукты приходится платить полуимперіалами, и потому лошади гложутъ соломенные и кукурузныя кровли сараевъ; этимъ способомъ уже съѣдена половина кровель въ Боготѣ. Объ услугахъ пресловутаго «товарищества» забыли и думать; на дѣлѣ его не существуетъ, хотя, какъ говорятъ, Зимница и Систово наполнены этою саранчею, обдѣлывающею въ тылу свои беззападные гешефты на счетъ государственнаго казначейства. Говорятъ, что вскорѣ всей арміи предстоитъ зимній переходъ черезъ Балканы. Если это такъ, то и слава Богу, потому что иначе здѣсь, коли не намъ, то нашимъ лошадямъ ужъ навѣрное предстоитъ пропасть съ голоду. Придунайская Болгарія уже съѣдена, и голодъ, такъ или иначе, долженъ способствовать нашему перевалу черезъ хребетъ еще въ неистощенныя долины Румелии. За окончательнымъ отсутствіемъ корма, уже въ началѣ декабря вывели изъ Богота въ Ловчу конвойный дивизіонъ лейбъ-казаковъ.

Чтобы судить о здѣшней дороговизнѣ, достаточно сказать, что черствый пшеничный хлѣбъ, величиною съ нашу обыкновенную французскую трехъ-копеечную булку, продается у маркитантовъ по франку, фунтъ чая рублеваго достоинства стобитъ полуимперіаль, фунтъ дрянного сахара—четыре франка, фунтъ швейцарскаго сыра—три серебряныхъ рубля, бутылка румынскаго вина, за которое въ Плоэнтахъ мы

платили пять или семь галагановъ (отъ 12¹/₂ до 17¹/₂ коп. сер.), здѣсь идетъ за 10 и 12 франковъ; русской водки и въ поминѣ нѣтъ, а мѣстную ракию или мастику пить невозможно; до такой степени кажется она отвратительною; изъ живности, кромѣ баранины, ничего не доставешь; о коровьемъ маслѣ рѣдко кто изъ болгаръ имѣетъ понятіе, такъ что готовить кушанье надо на бараньемъ салѣ или на «свинскомъ маслѣ», какъ называютъ болгары топленое свиное сало. Молока и яицъ ни за какія деньги достать теперь невозможно, а потому приходится питаться всякою дрянью, и большею частью въ-сухую. Въ довершеніе всего, когда поднялась морозная вьюга, маркитанты на двое сутокъ закрыли свои заведенія, пока наконецъ противъ нихъ не были приняты полицейскія мѣры.

Отъ множества почти такихъ же лишеній не избавленъ и самъ великій князь главнокомандующій, справедливо вызывающій почтительное изумленіе и уваженіе иностранцевъ своимъ истинно-спартанскимъ, солдатски-суровымъ образомъ жизни. Жестоко заблуждался бы тотъ, кто воображалъ бы себѣ, что главная квартира пользуется какимъ либо комфортомъ и избыткомъ въ своей жилищной житейской обстановкѣ. Объ этихъ предметахъ здѣсь давно позабыли, да и некогда о нихъ думать. Если скверно было жить въ бивуачной или трайшейвой землянкѣ на позиціи, то я въ болгарскомъ подземельи, право, не лучше, не считая конечно отсутствія свиста пуль и шипѣнія снарядовъ.

Но еще болѣе заблуждаются тѣ, которые воображаютъ войну непрерывнымъ рядомъ красивыхъ эффектныхъ сраженій, побѣдъ, торжествъ, лихованій и проч. Многие даже и теперь еще являются сюда изъ Россіи именно съ подобными представленіями о войнѣ, и зато какъ же разочаровываются они съ перваго шага на дѣйствительно военной почвѣ! Все это бываетъ эффектно на картинахъ и поэтично въ описаніяхъ, но въ дѣйствительности боевая дѣла—это, можно сказать, только блестящія, хотя и тяжелыя, но относительно рѣдкія *миновенія* военной жизни, а самая жизнь боевая, т. е. обывденная, постоянная ея сторона заключается не въ бояхъ, но въ непрерывномъ рядѣ всяческихъ лишеній, которые закаляютъ или ломаютъ натуру и характеръ человека столько же, если еще не болѣе, какъ и сильныя ощущенія боя.

Послѣ паденія Плевны у насъ не было пока никакихъ крупныхъ военныхъ новостей; войска бывшаго блокаднаго отряда были заняты передвиженіями къ мѣстамъ новыхъ своихъ назначеній, и нѣкоторые изъ этихъ передвиженій еще и до сихъ поръ не окончены. Вчера только, около четырехъ часовъ дня, генералъ Гурко прислалъ телеграмму о переходѣ части его войскъ за Балканы и о занятіи софійскаго шоссе кавалеріею, но подробности

дѣла пока еще неизвѣстны. Извѣстіе это вызвало большую радость въ Бѣогрѣ. Даже маленькіе болгарята кричали «уру» на улицахъ.

Надняхъ получено отъ генерала Гурко нѣсколько подробныхъ частныхъ реляцій о дѣлахъ при Правцѣ, Этрополѣ, Златицѣ и у Араба-конака. Донесенія эти отправлены въ Петербургъ къ государю императору. Всѣ эти военныя дѣйствія, какъ извѣстно, были сопряжены съ величайшими трудностями, о которыхъ было уже писано въ одномъ изъ предшествовавшихъ моихъ писемъ. Въ настоящее время есть возможность пополнить прежнія свѣдѣнія нѣкоторыми интересными подробностями. Такъ, напримѣръ, вотъ какимъ образомъ екатеринославскіе драгуны отбили турецкій обозъ и орудія, отступавшія изъ Этрополя послѣ взятія нами этого города.

13-го ноября, командиръ 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка полковникъ Ребиндеръ, по приказанію генерала Дандевилля, пустился съ 1-мъ дивизиономъ своего полка и двумя конными орудіями преслѣдовать турокъ, отступавшихъ къ Араба-конаку. Не доходя деревни Равно, онъ получилъ изъ своего авангарда донесеніе, что недалеко впереди двигается непріятельскій транспортъ съ небольшимъ прикрытіемъ. Подковникъ Ребиндеръ сейчасъ же приказалъ командиру 1-го эскадрона, майору Вербѣ, поспѣшить впередъ и по возможности постараться овладѣть транспортомъ. 1-й эскадронъ уже настигалъ хвостъ обоза, когда противникъ пустил по нему двѣ гранаты и открылъ огонь изъ ружей. Майоръ Верба въ карьеръ и въ шапши атаковалъ прикрытіе, которое, не выждавъ удара, бросилось бѣжать въ горы. Драгуны захватили въ плѣнъ троихъ пѣхотинцевъ и взяли около сорока повозокъ, нагруженныхъ разными продовольственными припасами. Все это было отправлено въ Равно.

Между тѣмъ остальная часть отряда прибилъ съ полковникомъ Ребиндеромъ на Этропольскій Балканъ. Здѣсь узкій проходъ оказался такъ запруженъ сломавшими повозками съ грузомъ ружейныхъ патроновъ, что полковнику Ребиндеру пришлось отправить назадъ оба свои орудія, за невозможностью продвинуть ихъ далѣе. Въ это время разбѣды, высланные впередъ, донесли, что около трехъ таборовъ низама прикрываютъ обозъ, который съ большимъ усиліемъ поднимается въ гору. Тогда Ребиндеръ спѣшилъ 1-й эскадронъ, прикрывъ его фланги наѣздниками 2-го эскадрона, и поспѣшилъ въ догонку за транспортомъ. Вскорѣ стрѣлки-драгуны завязали перестрѣлку. Лѣсистая и пересѣченная мѣстность помогала нашему маленькому отряду скрывать отъ наблюденій противника свою слабосильность, а чтобы еще болѣе ввести въ заблужденіе турокъ, полковникъ Ребиндеръ разослалъ въ разные мѣ-

ста по лѣсу своихъ трубачей и приказавшимъ грубить «наступление». Подъ эти звуки стрѣльцовая цѣпь 1-го эскадрона бросилась въ штыковую атаку, причемъ «ура» кричали не только атакующіе, но для пущаго грома даже и коноводы. Драгуны сразу овладѣли однимъ орудіемъ и частью транспорта, а обманутые турки, подъ влияніемъ паники, побросали ружья и пустились бѣжать въ полномъ безпорядкѣ. Не теряя времени и желая воспользоваться остальными эшелонами транспорта, Ребиндеръ посадилъ свою спѣшенную часть на коней и рысью пошелъ нагонять непріятеля, въ виду котораго драгуны опять спѣшились и атаквали въ штыки, и опять захватили нѣсколько повозокъ; этотъ способъ преслѣдованія примѣняли они къ дѣлу нѣсколько разъ въ теченіе дня, и такимъ образомъ транспортъ, растянутый на протяженіи всей горы, послѣдовательно, часть за частью, переходилъ въ ихъ руки. Турки хотя и довольно упорно защищали два свои орудія, а около нѣкоторыхъ повозокъ строили даже сомкнутый фронтъ для встрѣчи залпами приближавшейся кавалеріи, но каждый разъ, чуть лишь драгуны спѣчатся и ударятъ въ штыки, противникъ не выдерживалъ стремительнаго натиска и уступалъ часть транспорта. Третье орудіе слѣдовало въ головѣ всего обоза, но турки уже и не пытались защищать его; они разбѣжались по лѣсу, чуть лишь наши стали наслѣдвать на нихъ въ послѣдней изъ своихъ атакъ. Въ этомъ дѣлѣ и офицеры, и солдаты показали себя истинными драгунами, безпрестанно превращаясь то въ мѣткихъ стрѣльцовъ, то въ линейныхъ пѣхотинцевъ, «чисто» работающихъ штыками, то въ лихихъ наездниковъ, страшныхъ врагу своимъ внезапнымъ налетомъ и своею ловкою шашкой. Но особенно отличился штабсъ-капитанъ Масляниковъ 2-й, который, находясь все время въ цѣпи, правильно руководилъ ею и первымъ бросался на орудія, послѣдовательно овладѣвалъ ими. Послѣ взятія третьяго орудія дальнейшее преслѣдованіе было прекращено, потому что сдѣлалось уже темно, да и непріятель отдѣльными кучами разсыялся въ разныхъ сторонахъ. Полковникъ Ребиндеръ выдвинулъ впередъ сторожевую цѣпь и расположилъ дивизионъ на горной площадкѣ, для ночлега. Съ тѣхъ поръ это мѣсто получило у насъ названіе «Драгунскаго бивуака», подъ какимъ встрѣчается и въ реляціяхъ. Сторожные драгунскіе посты въ теченіе ночи замѣчали огни, горѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ лѣса, изъ чего можно было заключить, что турки провели ночь, не успѣвъ собраться въ таборы, и это подтвердилось тѣмъ, что на зарѣ у нихъ послышались сигналы сбора.

Весь транспортъ, отбитый драгунами, состоитъ изъ трехъ стальныхъ полевыхъ крупнокалиберныхъ орудій дальняго боя, двухъ ящиковъ

съ артиллерійскими снарядами, ящика съ ружейными патронами и, приблизительно, изъ трехсотъ болгарскихъ подводъ, нагруженныхъ разными пожитками, телеграфными принадлежностями, палатками, шанцевымъ инструментомъ, а болѣе всего патронами, герметически укупоренными въ жестяныя коробки. Кромѣ того подобрано до двухсотъ ружей, разбросанныхъ турками по лѣсу. Многое изъ отбитаго имущества и оружія было расхищено болгарскими-подводчиками, которые ночью повыпрыгали своихъ буйволовъ, позабирали съ возовъ, что болѣе пришлось по вкусу, и удрали тайкомъ съ бивуака—благо въ тылу не было сторожевой цѣпи. На утро подошли преобразенцы и взяли на себя охраненіе отбитаго обоза, который былъ отправленъ ими въ Стрѣполь. Число убитыхъ турокъ до 40 человекъ, судя по валяющимся трунамъ въ разныхъ мѣстахъ и по словамъ болгар-подводчиковъ; съ нашей же стороны потеря ограничивается шестью лошадыми убитыми и ранеными.

На дняхъ великій князь главнокомандующій получилъ изъ Москвы слѣдующее простодушно-искреннее посланіе:

«Его императорскому высочеству великому князю главнокомандующему Николаю Николаевичу.

«Письмо

отъ приказчика банъ въ Москвѣ, у Большого Каменнаго моста, крестьянина Андрея Іевлева со служащими:

«Милый и незабвенный нашъ батюшка-благодѣтель Николай Николаевичъ! Мы сейчасъ получили отъ вашей милости, чрезъ «Московскихъ Вѣдомостей» редактора Каткова телеграмму о взятіи Плевны и Османа-пашы. Мы съ радостію прочитали ее на томъ мѣстѣ, гдѣ милостію Божіею имѣли счастье насъ встрѣчать 1875 года, 12-го сентября, въ 10 часовъ вечера, на томъ самомъ подъѣздѣ, снаружи, съ обнаженными головами, и читавши, кричали отъ радости, какъ я и со мною всѣ служащіе, даже и женщины—«ура!».

«Въ такомъ случаѣ и спѣшимъ поздравить ваше императорское высочество, Николай Николаевичъ, съ блистательной побѣдой. А то у насъ объ вашемъ здоровьѣ было сомнительно. Но теперь—слава Господу Богу—наши ожиданія оправдались. Молимъ мы объ васъ и вашихъ сподвижникахъ Господа Бога, чтобы Онъ вамъ послалъ быть здоровымъ и невредимымъ, и покарать врага: какъ Господь послалъ св. великомученику и побѣдоносцу Георгію покарать змія подъ ногами, также и вамъ поили, Господи, одержать побѣды и возвратиться здоровымъ и невредимымъ въ нашу матушку Москву. А мы всѣ помолимся московскимъ угодникамъ.

«Ваше императорское высочество, извините насъ, что мы осмѣлились вамъ написать

письмо: мы очень рады и не знаем, как вас благодарить. Припадаем къ вашимъ стопамъ, преданные ваши

«Служители и приказчикъ Каменовскихъ бань, крестьянинъ Андрей Гевлевъ».

Его императорское высочество, 12-го декабря, изволилъ отвѣтить на это письмо слѣдующею телеграммой:

«Москва. Бани у Большого Каменного моста. Крестьянину Андрею Гевлеву со служащими.

«Спасибо тебѣ и твоимъ товарищамъ за поздравительное письмо и за добрыя ваши пожеланія. Помолитесь святымъ московскимъ угодникамъ, чтобы Богъ помогъ намъ довести святое дѣло до конца. Николай».

Выступление главной квартиры изъ Богота въ Сельви, предположенное на 20-е декабря, отсрочено до 24-го. День Рождества Христова его высочество проводить въ городѣ Ловчѣ.

LXXX.

Переходъ черезъ Траянь.

Ночная демонстрація на Траянь 23-го декабря. Назначеніе и составъ траянского отряда. — Что такое Траяновъ проходъ. — Невѣроятность успѣха на Траянь. — Въ чемъ кроется его опасности. — Необходимость жертвы. — Раздѣленіе отряда на три эшелона. — Задача 1-го эшелона. — Обходный отрядъ подполковника Сухомлинова. — Распоряженія генерала Карцова. — Путь отъ города Траяна до Княжевицкихъ колицъ. — Хлопоты съ артиллеріею. — Отецъ Макарій, Цеко Петковъ и Георгій. — Ночь на бивуакѣ въ Княжевицкихъ колицахъ. — Выступление 1-го эшелона въ утро 23-го декабря. — Путь въ Балканахъ и работа при подъемѣ орудій. — Горная тишь и фантастическія картины. — Встрѣча съ болгарами-четниками. — Въ царствѣ облаковъ. — Траянская овчарня — нашъ перевязочный пунктъ. — Необходимость демонстраціи въ ночь съ 23-го на 24-е декабря и соотвѣтственные распоряженія подполковника Сосновскаго. — Траяновъ черепъ. — Баснословный путь стрѣлковъ 10-го батальона. — Проложеніе пути по черепу. — Движеніе къ турецкимъ укрѣпленіямъ. — Полковникъ Грековъ. — Сигнальный костеръ. — Ночная демонстрація и огонь турокъ. — Сонъ подъ пулями. — Раненые. — Ветеринарный врачъ Котлубай. — Капитанъ Шелеповъ и наши резервы. — Русскій крикъ изъ турецкаго укрѣпленія. — Конецъ демонстраціи. — Спускъ съ черепа. — Мы сблизись съ пути. — Ужасы спуска. — 22 градуса мороза.

Траянскій отрядъ, д. Карнаре, въ „Долинѣ Розъ“, 28-го декабря.

По повелѣнію великаго князя главнокомандующаго, изъ сельви-ловчинскаго отряда былъ сформированъ 20-го декабря особый отрядъ, предвѣдѣавшійся къ перевалу черезъ главный центральный хребетъ Балканскихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, которое носитъ названіе «Траянова прохода». Въ силу этого и самый отрядъ названъ «траянскимъ»¹⁾, а командованіе надъ

нимъ ввѣрено начальнику 3-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Карцову. Въ случаѣ удачнаго перевала, траянскій отрядъ долженъ былъ послужить звеномъ между генераломъ Турко, спустившимся съ горъ еще 17-го декабря, и генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, которому предстояло спуститься съ Шишки на Зелено-Древо и Имегли, въ обходъ лѣваго фланга Эмбъ-паши. На успѣхъ предпріятія разсчитывать было крайне трудно, чтобы не сказать «невозможно», потому что ни Этропольскій хребетъ, ни тѣмъ менѣе Шипкинскій перевалъ, несмотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ Траянскимъ Балканомъ, составляющимъ, послѣ Мара-Гайдука, высшую точку всѣхъ горъ Балканскихъ²⁾. Мѣстные жители называютъ его «Дери-магаре» или «смерть магарска» (гибель для ословъ), и одно уже это названіе показываетъ, какія мученія ожидаютъ здѣсь путника, если даже ослы и мулы, эти наиболѣе выносливыя, наиболѣе привычныя къ горному движенію животныя, не выдерживаютъ ужасныхъ трудностей траянскаго подъема и гибнутъ, не достигая его скалистой вершины. И географы, и военные европейскіе авторитеты нашего и прошлаго времени считаютъ Траяновъ проходъ невозможнымъ для военнаго движенія, а самую позицію, на которой расположены турецкія укрѣпленія противники наши почитали по справедливости неприступной. Здѣсь тысячелѣтія назадъ безслѣдно гибли римскіе легіоны, здѣсь не могли пройти и турки — покорители Византіи и царства Болгарскаго, однимъ словомъ, отъ сотворенія міра ни одна военная рать еще не перешагнула Траянскаго перевала. И эту-то преграду надлежало одолѣть небольшой горсти русскихъ... Пути, ведущаго на перевалъ — нѣтъ, да нѣкогда и не бывало: старая римская дорога шла въ обходъ, а на вершину Траяна ведетъ одна лишь узенькая тропинка, то выходящая, то исчезающая между

ковая, 5-я, 7-я линейныя роты и весь 3-й батальонъ (8 ротъ); 10-й стрѣлковъ батальонъ (4 роты); 3-я рота 6-го сапернаго батальона, итого пѣхоты 28 ротъ; кавалеріи: донскаго казачьяго № 24-го полка 4¹/₂ сотни, донскаго казачьяго № 30-го полка 6 сотенъ, итого 10¹/₂ сотенъ; артиллеріи: 1-я, 3-я и 5-я батареи 3-й артиллерійской бригады (24 девяти-фунтовыхъ орудій). Начальникомъ отряднаго штаба назначенъ начальникъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, а генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову предписано состоять при начальникѣ траянскаго отряда для порученія.

¹⁾ Мара-Гайдукъ возвышается на 6,900, а Траянь 6,600 фут. надъ уровнемъ моря, но такъ какъ держаться зимой на Мара-Гайдукѣ нѣтъ никакой возможности, то онъ, какъ показали развѣдки, оставленъ турками; мы со своей стороны тоже не дѣлали попытокъ къ переходу въ этомъ пунктѣ, тѣмъ болѣе, что Мара-Гайдукъ зимой непроходимъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону.

²⁾ Въ составъ этого отряда вошли слѣдующія части: 9-я пѣхотная Старо-Ингерманландскій полкъ, въ полномъ составѣ (15 ротъ); 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка 2-я стрѣл-

пропастями и разсѣлинами; по зимю она занесена глубокими снѣгами, а потому, можно сказать, не существуетъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ объ успѣхѣ можно было только мечтать, но отнюдь не рассчитывать на него, какъ на что-то вѣрное, непереложное. Въ главной квартирѣ и не рассчитывали. Все, чего позволительно было желать—это, чтобы отряду удалось подняться на вершину Траянова перевала и показаться въ виду турецкихъ укрѣпленій: одно уже появленіе русскихъ силъ въ этомъ мѣстѣ должно было произвести свое впечатлѣніе на противника, ниспавъ не чаявшаго ничего подобнаго; наша демонстрація, по необходимости, заставила бы турокъ оттянуть къ Траянову перевалу часть своихъ силъ отъ Златицы съ одной и отъ Шипки съ другой стороны, что значительно облегчило бы операцію спуска какъ для части войскъ генерала Дандевилля, такъ и для генерала Скобелева.

Не противникъ страшенъ на Траянѣ и не грозныя его укрѣпленія ужасаютъ, но страшна борьба съ губительной природой: довольно подняться въ долину легкому вѣтерку, чтобы на вершинѣ загудѣла пѣлая буря, съ мятелью, вьюгой и морозомъ, который здѣсь достигаетъ по инымъ ночамъ до 30 и болѣе градусовъ. А вершина представляетъ изъ себя совершенно голый черепъ: ни деревца, ни кустика, такъ что укрыться негдѣ, костеръ разложить не изъ чего; а перемерти вьюга тропинку—весь отрядъ, до послѣдняго человѣка, замерзъ бы въ снѣжныхъ сугробахъ. Вотъ что страшило по преимуществу. Тѣмъ не менѣе, демонстрація на Траянѣ представлялась мѣрой на столько важною въ стратегическомъ отношеніи, что рѣшено было испытать все возможное для достиженія успѣха. «Жертвы необходимы, и если даже вы и въ тамъ погибнете, то и тѣмъ принесете громадную пользу для пѣлой арміи», было сказано генералу Карцову и подполковникамъ Сосновскому и Сухомлинову при отправленіи ихъ къ траянскому отряду.

Имѣя въ виду на первый разъ не столько рѣшительныя дѣйствія противъ траянскихъ укрѣпленій, сколько демонстрацію для привлеченія къ Траяну турецкихъ силъ отъ Златицы и Шипки, и желая, по возможности, болѣе собрать силы отряда, генералъ Карцовъ не пустилъ его къ перевалу пѣликомъ, а раздѣлилъ на три эшелона ¹⁾. Эта мѣра оказалась не-

обходимою еще и потому, что въ Кляжевицкихъ колибахъ (пунктъ послѣдняго ночлега) не хватило бы мѣста для расквартированія всего отряда.

1-му эшелону предстояло преодолѣть всѣ трудности, проложить дорогу, перетянуть тяжелыя орудія и сбить непріятеля, сдѣлавъ первую попытку противъ траянской позиціи, либо фронтальною атакой, либо обходомъ, смотря по обстоятельствамъ. При этомъ эшелонъ находился начальникъ отряднаго штаба подполковникъ Сосновскій, на котораго была возложена вся операція по передвиженію отряда. Одновременно съ движеніемъ 1-го эшелона, былъ составленъ еще одинъ небольшой отрядъ, имѣвшій значеніе обходной колонны. Въ составъ его вошли двѣ роты и четыре сотни, подъ командой генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова ¹⁾. На случай, если бы 1-му эшелону удалось взять или обойти непріятельскія укрѣпленія и затѣмъ спуститься по южному склону хребта въ деревню Текке или въ Карнаре, Сухомлиновскій отрядъ долженъ былъ служить ему поддержкой, занявшись преимущественно очищеніемъ турецкихъ селеній отъ непріятельскихъ партій. Этому послѣднему отряду надлежало собраться 22-го числа въ деревнѣ Шипково и на слѣдующій день пролагать особый путь черезъ хребетъ, по направленію къ Рахманли.

Всѣ обозы и тяжести частей были оставлены въ мѣстахъ расположенія ихъ штабовъ, а продовольственный складъ устроенъ въ Кляжевицкихъ колибахъ, откуда провіантъ доставлялся къ перевалу уже на вьюкахъ. Врачи должны были слѣдовать при своихъ частяхъ: главный перевязочный пунктъ учрежденъ въ овчарнѣ, не доходя двухъ верстъ до подножія перевала, а госпиталь 3-й пѣхотной дивизіи расположенъ въ Траянскомъ Успенскомъ монастырѣ; для переноски же раненыхъ съ поля сраженія къ перевязочному пункту назначена команда санитаровъ, во сто человѣкъ, при ко-

дѣй. 1-й эшелонъ прибываетъ на перевалъ 23-го декабря. 2-й эшелонъ, подъ начальствомъ командира 9-го пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта полковника графа Татищева: 1-я и 2-я линейная и 1-я стрѣлковая роты 9-го пѣхотнаго полка, 3-й батальонъ того же полка, 3-я, 4-я и 5-я сотни донскаго казачьяго № 30-го полка—всего 8 ротъ и 3 сотни; къ перевалу подступаютъ 24-го декабря. 3-й эшелонъ, подъ командою командира 2-го батальона 9-го пѣхотнаго полка майора Духновскаго: 2-й батальонъ 9-го пѣхотнаго полка и 6-я рота 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка, 1-я сотня и двѣ полусотни 3-й и 6-й сотенъ донскаго казачьяго № 24-го полка, всего 6 ротъ и 2 сотни; на перевалъ приходятъ 25-го декабря. Начальникъ траянского отряда предоставлялъ себѣ слѣдовать съ 3-мъ эшелономъ.

¹⁾ Составъ 4-го или шипковского эшелона: 5-я и 7-я линейныя роты 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка и 4 сотни донскихъ казачьихъ № 24-го и № 30-го полковъ; на перевалъ быть 23-го декабря.

¹⁾ Составъ эшелоновъ слѣдующій:

1-й эшелонъ, подъ начальствомъ командира 10-го стрѣлковаго батальона полковника Бородинъ; 10-й стрѣлковый батальонъ, 3-я рота 6-го сапернаго батальона, 3-я и 4-я роты 9-го пѣхотнаго Старо-Ингерманландскаго полка, шесть орудій 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады, 1-я, 2-я и 6-я сотни донскаго казачьяго № 30-го полка и болгарская чета горскихъ добровольцевъ—всего, вмѣстѣ съ четою, 8 ротъ, 3 сотни и 6 ору-

мандиръ санитарной роты. Таковы были пред-варительныя распоряженія начальника траянскаго отряда.

Къ 11-ти часамъ утра 22-го декабря подполковникъ Сосновскій прибылъ въ Княжевицкіе колибы, куда векоръ начали подтягиваться и части 1-го эшелона; но своевременный сборъ пѣхоты, а въ особенности артиллеріи, крайне затруднила дорога, которая, начиная отъ разрушеннаго города Траяна, тянется вплоть до колибы по извилистому ущелью, то взбѣгая на карнизы скалъ, то спадая въ глубокія лоцины, и дважды пересѣкаетъ въ бродѣ кипучую и быструю Бѣлую Осму. Это совсѣмъ горная рѣка, прозрачная какъ кристаллъ, съ изумруднымъ отсвѣтомъ воды, которая пѣнится, вьется, шумитъ и придаетъ съ камня на камень, образуя множество красивыхъ каскадовъ. Мѣстность, наполненная скалами и роскошной растительностью, необычайно красива даже и зимой; виноградники, сады и плантаціи попеременно съ лѣсами покрываютъ горные склоны, по которымъ тамъ и самъ разбросаны отдѣльные домики, дворы и хозяйства. Это-то и есть «колибы», а по нашему—хутора. Артиллерія подошла только къ вечеру, но тутъ, чтобы перевести ее на бивуачное мѣсто, встрѣтилась масса затрудненій: каждый передокъ, каждое орудіе, каждый зарядный ящикъ надо было перетаскивать отдѣльно на рукахъ, поднимаясь надъ пропастью, по узкой дорожкѣ не болѣе какъ въ два шага ширины; слѣва круча, справа—почти отвѣсный обрывъ, потомъ крутой спускъ къ броду и снова подъемъ къ бивуачному мѣсту. Обязанность перенравить артиллерію черезъ эту грушобу была возложена на меня, какъ на офицера, уже успѣвшаго заранѣе познакомиться съ этой мѣстностью. Въ помощь измученнымъ артиллеристамъ пришлось придать цѣлую роту пѣхоты; вся работа производилась при свѣтѣ костровъ и фонарей, и началась она въ семь часовъ вечера, а кончилась едва къ половинѣ 12-го ночи. Тутъ уже артиллеристамъ было не до сна: по приходѣ на бивуакъ, они тотчасъ же принялись разбирать по частямъ два девяти-фунтовыхъ орудія, предназначенныя къ подъему на вершину Траяна. Сосновскій не спалъ цѣлую ночь. Въ убогой хатку, которую онъ занялъ подъ свое помѣщеніе, безпрестанно входили то тотъ, то другой за приказаніями, либо съ отчетомъ или за совѣтомъ. Тутъ, вокругъ пылающаго очага, въ низенькой тѣсной горенкѣ сидѣло нѣсколько командировъ отдѣльных частей и съ ними почтенный настоятель Траянова монастыря, о. Макарій—фигура, совершенно иконописная, а также закутанный въ бурку, усатый воевода болгарскихъ четъ, старый Цеко Петковъ, по прозванію «Балканскій Орелъ», въ своемъ красивомъ фантастическомъ костюмѣ, увѣшанный богатымъ восточнымъ оружіемъ, и еще управитель траянскаго

округа, Георгій, украшенный георгіевскимъ крестомъ, какъ бывшій ратникъ Столѣтовскаго ополченія—личность очень скромная, умная и энергически дѣятельная: онъ и болгаръ собралъ въ горы для разработки пути, онъ и фуражъ доставлялъ въ колибы, и вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ снаряжалъ четы болгарскія и продовольствіе собралъ. Съ каждымъ изъ этихъ гостей надлежало обстоятельно переговорить, у одного разспросить что нужно, съ другимъ посоветоваться, съ третьимъ условиться, тому отдать приказаніе, этого послать съ порученіемъ,—все это требовало времени и времени, а часы ночи летѣли... Стрѣлковый батальонъ долженъ былъ выступить въ четыре часа, съ тѣмъ, чтобы къ девяти часамъ утра занять первый гребень траяновой высоты. Такъ необходимо было сдѣлать потому, что иначе гребень этотъ легко могли бы занять турки и тогда весь подъемъ эшелона пришлось бы совершать подъ ихъ выстрѣлами. Часъ спустя послѣ стрѣлковъ должна была тронуться артиллерія, за нею казачьи сотни, обѣ роты 9-го пѣхотнаго полка и наконецъ выюки. Такова была словесная диспозиція, отданная начальникомъ отряда штаба. Но работа артиллеристовъ нѣсколько замѣшкалась. Они быстро сдѣлали разборку орудій на составныя части, уложили пушки на дубовые лубки, а передки, лафеты, колеса и прочія принадлежности распредѣлили по особымъ салазкамъ, но тутъ—на бѣду—оказался недостатокъ въ веревкахъ, для закрѣпленія всѣхъ этихъ частей и для устройства лямокъ. Пришлось наскоро посылать нарочныхъ въ городъ Траянъ за казачьими «фуражирками», которые хотя и поздно подоспѣли на мѣсто, но все же выручили насъ изъ затруднительнаго положенія. Саперы помогали увязывать артиллерійскія принадлежности, и вѣсь эта работа кипѣла ночью, при багровомъ освѣщеніи большихъ пылающихъ костровъ. Видъ бивуака въ горахъ былъ чрезвычайно своеобразенъ: на небольшой горной площадкѣ скучилась артиллерія и казачьи сотни, стрѣлки и болгарскіе «войники», въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, со своимъ краснымъ крестопоснымъ знаменемъ; сверкающіе при огнѣ отблески штыковъ и ружейной стали, металлическій лязгъ оружія; дымящіеся паромъ котлы съ кашней, и вокругъ ихъ группы людей, которыхъ лица озаряются снизу яркимъ огнемъ; въ зубахъ у этихъ людей дымятся «носогрѣйки», разнося въ воздухѣ запахъ русской махорки, повсюду слышатся разнообразный бойкій говоръ, «братушки» балакаютъ съ солдатами и отлично понимаютъ другъ друга; изъ одной группы вдругъ выпадаетъ цѣлый взрывъ рассыпчатого беззавѣтнаго смѣха, тамъ и самъ раздаются голоса офицеровъ, отдающихъ приказанія или распоряжающихся работами; чей-то оселъ изъ темноты реветъ благимъ матомъ,

словно бы его нещадно вдруг стали дубасить палками. А работа межъ тѣмъ кипитъ какъ въ котлѣ и на каждомъ шагу проявляется самая энергическая дѣятельность; тутъ же покойно лежать и жуютъ воды и зябкіе буйволы въ пополахъ, подъ неуклюжими ярмами; стоятъ и дремлютъ надъ ворохами сѣна выючные мулы и верховыя лошади, а надъ ними торчитъ чашокодаъ казачьихъ пикъ. Вѣковые дубы, буки и яворы, отягченные изобильнымъ серебристымъ инеемъ, недвижно простираютъ надъ окраинами бивуака свои могучія широкія вѣтви; сѣдые туманы медлительно ползутъ по лѣсистымъ высамъ, а внизу гдѣ-то въ глубокой тѣмѣ раздается громоподобный шумъ воды, которая своимъ неудержимымъ стремленіемъ ворокаетъ гальки каменистаго русла. Кто воочию видѣлъ всю эту картину, тотъ вѣрно никогда ее не забудетъ. Болгарскіе войники были въ восторгѣ, да и какъ не восторгаться, какъ не радоваться! Русскіе—ихъ спасители и братья—переходятъ Балканы, а вмѣстѣ съ русскими и они, бѣглецы, опять возвращаются въ покинутыя мѣста своей родины, но возвращаются уже съ оружіемъ въ рукахъ, какъ свободные люди, а не турецкая раба.

Задержка съ фуражирками одѣлала то, что артиллерія, вмѣсто пяти часовъ, могла двинуться едва лишь въ началѣ восьмого часа, когда уже свѣтало. Стрѣлки выступили еще подъ ночной тьмой, а чтобы не сбился съ дороги, подполковникъ Сосновскій высалъ предвзвѣтельно на важнѣйшіе изгибы пути прапорщика Эрнота съ особыми командами, которыя должны были зажечь по вершинамъ костры, служившіе стрѣлкамъ путеводными маяками.

Трудно представить себѣ, сколько отчаянья хлопотъ было съ артиллеріею, когда пришлось поднимать ее на первую же кручу. Въ дубки и въ салазки, которыхъ всего было восемь, впрягалось по нѣскольку буйволовъ, но задача этихъ животныхъ состояла не въ томъ, чтобы везти, а въ томъ, чтобы только удерживать на мѣстѣ тяжести, не давая имъ скатываться внизъ, когда люди, запряженные въ ямки, выбившись изъ силъ, приостанавливались минутку на подъемѣ. Къ каждому салазкамъ приставлено было по шестидесяти человѣкъ четниковъ-болгаръ, пѣхотинцевъ и казаковъ, которые, чередуясь между собой въ двѣ сѣны, тащили эти повозки спереди и подпирали ихъ плечами съ боковъ и сзади. Для этого потребовалось двѣ пѣхотныя роты и двѣ сотни, да кромѣ того саперную роту разбили на отдѣльныя команды, придавъ ихъ особо къ каждому салазкамъ, для разработки и уширенія дороги, если на ней встрѣчалось какое-либо препятствіе. А препятствій было множество, на каждомъ шагу. и при томъ самыя разнообразныя: то корни вѣкового дерева пере-

плетающимися лапами выползаютъ на тропинку, то дѣлѣй громадный стволъ, поваленный бурей, залегъ поперекъ, то глыба громаднаго камня высовывается съ боку, или острыя зубчатыя плиты торчкомъ и дѣлыми слоями наполняютъ всю дорогу, а затѣмъ—мелкій щебень, предательски обсыпаящійся подъ ступнею, или глубокія ямины, наполненныя снѣгомъ, или аршинныя ступени—и чего-чего тутъ только не было. Поминутно приходилось пускать въ дѣло кирки, ломы, мотыги, топоры и лопаты. Первая круча на протяженіи шаговъ полутораста представляетъ наклонъ почти въ 45 градусовъ, затѣмъ—небольшая площадка, и опять крутизна такого же наклона, но уже гораздо длиннѣе первой. Возбравшись сюда, тропинка вытягивается въ лѣсъ и вѣется между скалистыми глыбами, кустарникомъ и деревьями. Люди, собравъ всѣ силы, напрягаются, чтобы продвинуть орудіе на нѣсколько аршинъ впередъ: налягутъ они всею гурьбою на ямки, протасуютъ пять-шесть шаговъ и станутъ для передышки, или ждутъ пока саперы кончатъ впереди и вокругъ какую-нибудь работу. Особенно затрудняли движеніе передки и зарядные ящики, съ которыхъ не было возможности снять оси, слишкомъ прочно и сложно прилаженные въ арсеналахъ къ корпусамъ передковъ и ящиковъ; да и салазки къ тому же оказались на столько низки, что безпрестанно зарывались въ снѣжные сугробы. Наша русская «дубинушка» въ этотъ день впервые еще огласила своими размашисто-заунывными звуками пустынные скалы и дебри центральнаго Балкана. Болгары тоже «гудали» и подбѣвали что-то. Гулъ и стукъ, трескъ и клики гудко раздавались по лѣсамъ балканскимъ и разносились горнымъ эхо во всѣ стороны. Начальникъ отряднаго штаба, пропустивъ мимо себя первое орудіе, поѣхалъ впередъ осматривать состояніе дороги, если только то, по чему мы двигались, можно назвать дорогой. Черезъ полчаса мы уже далеко оставили позади себя наши артиллерійскія тяжести, такъ что вскорѣ не слышать уже было ни голосовъ, ни треска сучьевъ, ни «дубинушки». Настъ объяла поразительная, мертвая тишина, незнакомая въ населенныхъ долинахъ; подъемы уже были не столь круты, но путь шелъ все въ гору и въ гору, отчего воздухъ дѣлался все рѣже и рѣже, такъ что порою становилось даже трудно дышать. Холодъ тоже сталъ гораздо ощутительнѣе. Въ колибахъ, на высотѣ въ 2,000 фуговъ, утромъ термометръ показывалъ 4 градуса мороза; здѣсь же было уже градусовъ 12 по крайней мѣрѣ, весь воздухъ былъ пропитанъ мірадами плавающихъ въ немъ тонкихъ иглъ замороженнаго инея. Чудный и прелестно-фантастическій видъ представляли балканскіе хребты и склоны, роскошно покрытые изобильными, старорослыми лѣсами. На де-

ревняхъ держался еще ласохій прошлагодній листь, и всѣ они, отъ корня до послѣдняго прутка, были сплошь запущены инеемъ; ползучія растенія оплетали ихъ вѣтви и висѣли въ неподвижномъ воздухѣ цѣлыми гирляндами, и все это представлялось взору какъ бы изваяннымъ изъ одной громадной глыбы серебра рукою дивнаго художника. Лѣсъ стоялъ, какъ очарованный. Порою таинственная тишина его нарушалась слабыми мелодическими звуками, долетавшими сюда изъ глубины лошинъ и овраговъ: то были разнотонные звоны колокольцовъ и бубенчиковъ, которые здѣсь, у горныхъ жителей, подвизываются на шею овцамъ и козамъ. Иногда конвойный казакъ случайно задѣвалъ пикую какую-нибудь вѣтку, и тогда воздухъ наполнялся особеннымъ рокотомъ, напоминающимъ звукъ просыпанной дроби. Этотъ рокотъ производили капли замороженной росы, падая на сухіе листья. Узенькая тропинка, проложенная на свѣжеемъ снѣгу только вчера и сегодня болгарами и стрѣлками. нѣрѣдко шла по самому краю лѣсистыхъ обрывовъ. Глянешь внизъ—и конца не видно этому крутому склону, исчезающему въ чащѣ кустовъ и деревьевъ. Можно было серьезно опасаться—удастся ли благополучно протащить валу артиллерію. Здѣсь и горнымъ-то орудіямъ на выюкахъ едва-едва можно пробираться, а мы тащили тяжелыя, дальнѣйшія 9-ти фунтовые пушки со всѣми ихъ принадлежностями. Одинъ невѣрный шагъ, одинъ какой-нибудь скользкій скакъ на косогорѣ,—и все это—тяжести и люди—мгновенно полетятъ стремглавъ въ ужасную пропасть... Было надъ чѣмъ призадуматься...

Передохнувъ около пяти минутъ на одномъ изъ гребней, у пастушьего костра, мы двинулись далѣе, обгоняя по тропинкѣ небольшія партіи четниковъ, которые, по колѣно въ снѣгу, снѣжили съ перевалу,—видимо гордясь и любуясь своими превосходными мартинианскими ружьями.

— Добрый путь, братушки, куда Богъ несетъ?

— Э!... ге... ге..., братушко, на та-такъ, горѣ; маѣко турцы ты да пуцамы ¹⁾,—добродушно отвѣчаютъ болгары, по обыкновенію проважда сильную жестыкуляцію головой и руками.

Вскорѣ клубящіяся облака стали окутывать горные склоны; сначала они плавали далеко ниже той высоты, на которой мы находились, а потомъ стали подходить все выше и выше, пока не заволокли наконецъ весь Балканъ, отъ низу до верху, густой непроницаемой дымкой. Весь кругозоръ нашъ ограничивался пространствомъ не болѣе десяти шаговъ въ поперечникѣ: ѣдешь себѣ по карнизу глубокаго

ската—вправо круча, влево стремнина, впереди ничего не видно,—все это производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе; кажется, будто весь міръ ограниченъ только этими клочкомъ снѣжной земли, за которыми ничего уже нѣтъ, и будто самъ вовсе не двигаешься; хотя и чувствуешь ходъ лошади, но не замѣчаешь самаго движенія,—таково свойство этого плотнаго горнаго тумана.

Къ полудню мы достигли овчарни, гдѣ, по диспозиціи, долженъ былъ находиться перевалочный пунктъ. Овчарня—это четырехугольное аданіе безъ кровли, сложенное изъ плитъ и булыжнаго камня; стѣны ея довольно толсты и болѣе трехъ аршинъ вышиною; въ передней стѣнѣ продѣланъ входъ. Таковы здѣсь въ горахъ и всѣ вообще овчарни. Утромъ болгары настлали поверхъ стѣнъ нѣсколько жердей, досокъ и хворосту, устроить такимъ образомъ нѣкоторое подобіе крыши, съ широкимъ отверстиемъ по серединѣ для прохода дыма. Здѣсь мы нашли уже нѣсколько группъ вооруженныхъ болгаръ съ лошадьми и ослами, часть стрѣлковыхъ и казацкихъ санитаровъ и около десятка воловъ и буйволовъ, предназначенныхъ для перевозки раненыхъ съ этого пункта къ госпиталю. Болгары, присѣвъ на корточки и простирая надъ огнемъ растопыренные руки, грѣлись около пылавшихъ костровъ; солдаты отдыхали на ворохахъ сѣна. Тутъ встрѣтили насъ—и вчерашній о. Макарій, съ баглагомъ добраго монастырскаго вина, и картинный Цеко, со своимъ арсеналомъ, за краснымъ широкимъ поясомъ, и Георгій верхомъ на неутомимой маленюкой лошади. Тутъ же успѣлъ уже раскинуть на землѣ всѣ свои медицинскія и хирургическія принадлежности докторъ Заблудовскій, полковой врачъ 30-го казачьяго полка. Бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ развѣвался надъ входомъ. Въ ожиданіи подвоза орудій, мы сѣзли съ лошадей и вошли въ овчарню. Полъ ея въ изобиліи былъ устланъ свѣжей соломой и сѣномъ, а посрединѣ пылалъ костеръ, наполняя всю ея внутренность вѣдкимъ дымомъ. Помѣщеніе для раненыхъ не особенно удобное, но... лучшаго найти было негдѣ. Отъ безсонной ночи и утомительнаго пути въ горномъ воздухѣ страшно клоняло ко сну, но спать было некогда. Подполковникъ Сосновскій отправилъ одного изъ ординарцевъ посмотреть, какъ далеко орудія, и потопорить ихъ волокъ. Посланный возвратился около часа спустя и доложилъ, что первое орудіе успѣло добраться только до пастушьего костра, гдѣ мы имѣли маленькій отдыхъ, а это мѣсто находится по крайней мѣрѣ верстахъ въ пяти отъ овчарни. Обстоятельство это крайне озабочивало Сосновскаго: становилось очевиднымъ, что сегодня намъ нечего разсчитывать на помощь артиллерійскаго огня, а между тѣмъ демонстрацію противъ транскихъ укрѣпленій не-

¹⁾ Вотъ туда, наверхъ, немного пострѣлять турокъ.

обходимо было произвести во что бы то ни стало, не позже нынѣшняго вечера, потому что на завтра, т. е. на 24-е число, по первоначальному предположенію великаго князя главнокомандующаго, предстояло произвести общее наступленіе на Балканы, и въ особенности со стороны Шипкинскаго перевала; стало быть, демонстрація наша, будучи произведена 23-го или въ ночь на 24-е, необходимо отступила бы отъ Карлова къ траинской позиціи нѣкоторую, а быть можетъ и значительную часть боевыхъ силъ противника. Имѣя въ виду эти соображенія и желая кромѣ того выручить изъ крайне затруднительнаго положенія товарища своего Сухомлинова, если тотъ успѣлъ уже спуститься на Рахманлы, подполковникъ Сосновскій рѣшился, не дожидаясь орудій, идти впередъ и демонстрировать безъ артиллеріи, съ одной лишь пѣхотой и казаками. Тѣмъ не менѣе, батареинному командиру полковнику Потапчину предложено было продолжать движеніе волокомъ по возможности далѣе, а казачьимъ сотнямъ и двумъ ротамъ 9-го полка послано приказаніе обогнать артиллерійскій волокъ и поспѣшать какъ можно скорѣе къ перевалу.

Около двухъ часовъ дня передовая сотня, слѣдуя гуськомъ, въ одинъ конь, показалась на ближайшемъ склонѣ въ виду овчарни. Не дожидаясь ея, мы двинулись далѣе, выйдя съ болгарскими четами Цeko Петкова, и вскорѣ вткнулись въ старорослый буквый лѣсъ, составляющій послѣдній граничный предѣлъ растительности на центральномъ Балканѣ. Здѣсь дорога оказалась уже окончательно не разработанной: виденъ былъ на свѣгу только одинъ глубоко взрытый слѣдъ, по которому утромъ прошли гуськомъ роты стрѣлковаго батальона. Лошади наши грузили по брюху и выбивались изъ послѣднихъ силъ. Пришлось сѣздать съ сѣдла и идти гнѣшкомъ. Болгарскіе четники принялись за работу, разгребая свѣгъ, кто лопатой, кто прикладомъ ружья, и утапывая его ногами.

Въ четвертомъ часу пополудни мы достигли наконецъ подножія Траинскаго перевала. Страшно было и взглянуть на то, что намъ еще предстояло... Представьте себѣ громадный и совершенно голый черепъ крутѣйшей горы, съ подъемомъ отъ 60-ти и мѣстами даже до 70-ти градусовъ, весь занесенный глубокими свѣгами, изъ-подъ которыхъ мѣстами торчкомъ выглядывали черныя глыбы каменныхъ скалъ, покрытыя гололедицей. Вотъ она—«Смерть магарска»!.. Макушка и вообще верхняя половина этого черепа исчезала въ густомъ молочнo-бѣломъ туманѣ. Времени осталось не много: черезъ два часа станетъ совсѣмъ уже темно, а намъ къ этой порѣ во что бы то ни стало необходимо надо быть уже на гребнѣ. Собравъ болгаръ, мы тотчасъ

же принялись за разработку подъема. Имѣя въ виду слѣдованіе кавалеріи, орудій, снарядныхъ и патронныхъ выюковъ, надо было по возможности облегчить для нихъ трудности этого невозможнаго подъема, а потому и пролагать путь надлежало не иначе какъ зигзагами. Тутъ естественно возникла мысль—воспользоваться путемъ стрѣлковъ; но представьте себѣ наше удивленіе, когда, отыскивая его, мы вдругъ увидѣли по слѣду, что стрѣлки поднялись *цѣликомъ, по прямой линіи*. Потомъ оказалось, что въ полдень они были уже на вершинѣ и заняли весь гребень сторожевыми постами. По истинѣ изумительныя, не человѣческія усядія! Стало быть, воспользоваться стрѣлковымъ путемъ оказалось невозможно и слѣдовало скорѣе проложить новый. Съ этой цѣлью надобно было предварительно намѣтить для работниковъ-болгаръ направленіе линій зигзаговъ. Этотъ неимоверно тяжелый трудъ приняли на себя подполковникъ Сосновскій, совѣтникъ Поцѣлуевъ и командированные сюда ординарцы начальника траинскаго отряда. Но грудь утопая въ глубокихъ свѣгахъ, чуть не на каждомъ шагу проваливаясь въ незримыя, запущенныя свѣгомъ ямины, скользя и падая на гололедицѣ, спотыкаясь о невидимые подъ свѣгомъ камни, мы шли впереди рабочихъ, въ буквальный смыслъ—собственной грудью пролагая дорогу и въ то же время поминутно возвращались назадъ, чтобы руководить работой болгаръ и слѣдить за ея исполненіемъ. До чего опасны эти предательскія скалы, можно судить, напримеръ, изъ слѣдующаго: вы видите передъ собой высунувшійся изъ-подъ свѣга каменный крижикъ, въ полъ-аршина шириной, который тянется впередъ на нѣсколько сажень, и думаете—вотъ твердая почва, вотъ гдѣ удобно будетъ продолжить дорогу. Но чуть ступилась нога, чуть одѣланъ одинъ невѣрный шагъ въ сторону—вы проваливаетесь въ рыхлый свѣгъ едва не съ головой, откуда никакъ не выберетесь безъ посторонней помощи. Это значитъ, что вы попали въ разсѣлину, въ какую нибудь щель, занесенную свѣгомъ; и хорошо еще, если разсѣлина неглубока, или свѣгъ въ глубинѣ ея достаточно упругъ, чтобы сдержать тяжесть человѣческаго тѣла. Съ весны до поздней осени эти скалы, какъ скаывали намъ болгары, большей частью совсѣмъ непроходимы; движеніе по нимъ, подобное тому, которое мы совершали, возможно только зимой, когда всѣ щели до верху наполняются свѣгомъ и когда этотъ свѣгъ достаточно осядетъ и окрѣпнетъ. Но если упругость его простирается на столько, чтобы сдержать на извѣстной глубинѣ проваливавшегося человѣка, то тяжести орудій онъ все-таки не выдержитъ, и потому намъ приходилось, пролагая зигзаги, ошунью, съ помощію длинныхъ острокопеч-

ныхъ палицъ, отыскивать для нихъ подъ снѣгомъ совершенно твердую, надежную почву. Эта работа была столь тяжка и утомительна, что мы, какъ въ паровой ваннѣ, обливались потомъ, несмотря на 17-ти-градусный морозъ; мы задыхались отъ изнеможенія, а дышать было почти нечѣмъ; воздухъ, скованный стужей, на высотѣ въ 6,600 футъ, былъ такъ разрѣженъ, что у нѣкоторыхъ людей кровь показывалась изъ ушей, изъ носу и шла горломъ. Какъ только успѣвали проложить одну линію зигзага, на нее тотчасъ же вступали казаки головной сотни, шедшіе вслѣдъ за болгарами, съ той цѣлью, чтобы болѣе утаптывать путь конскими копытами. Такимъ образомъ и разработка дороги и подъемъ по ней войскъ совершались одновременно. Болѣе трехъ часовъ сряду длился нашъ подъемъ на черепъ Траяна, и когда мы достигли наконецъ вершины перваго гребня, было уже около половины седьмого.

День совсѣмъ свечерѣлъ, и мутная бѣлесватая мгла скрывала отъ насъ турецкія укрѣпленія, которыя находятся на разстояніи около полуторы версты отъ этого мѣста. Здѣсь, сквозь туманъ, различили-мы двѣ темныя массы: одна изъ нихъ была стрѣлковый батальонъ, другая—болгарскія четы. На обледѣлой периниѣ морозъ былъ еще крѣпче, чѣмъ на подъемѣ, а намъ казалось жарко. Чтобы освѣжить пересохшую глотку и хоть сколько нибудь утолить невыносимую жажду, мы всѣ съ жадностью глотали комки обледѣлаго снѣга, не заботясь о послѣдствіяхъ: впереди предстоитъ еще не мало труда—значить, успѣемъ опять согрѣться!.. Рубахи, мундиры, панталоны и высокіе сапоги, наполненные снѣгомъ—все это было мокро, хоть выжми! Но не прошло и десяти минутъ, какъ обувь и панталоны уже обледѣли на людяхъ. Къ счастью еще, что на вершинѣ въ эту пору не было вѣтра—явленіе въ адъшнихъ горахъ очень рѣдкое: на балканскихъ высяхъ всегда почти шумитъ и гуляетъ рѣзкій холодный вѣтеръ, и случись онъ теперь—немногіе изъ насъ вернулись бы отсюда живыми.

Необходимо было дать небольшой отдыхъ людямъ и время стянуться остальнымъ частямъ ашелона.

Переговоривъ съ командиромъ 10-го стрѣлковаго батальона полковникомъ Бородинымъ, Сосновскій предложилъ ему идти и брать укрѣпленіе, что называется «въ лобъ», врасплохъ и безъ выстрѣла; если же профиль укрѣпленія окажется на столько сильнымъ, что фронтальная атака будетъ невозможна, то попытаться обойти его съ какой-либо стороны, но во всякомъ случаѣ не завязывать перестрѣлки, чтобы не нести напрасныхъ потерь и не обнаруживать предъ противникомъ протяженіе нашего фронта и количество отряда.

Изъ болгарской четы былъ вызванъ проводникъ, мѣстный житель, хорошо знающій дорогу къ укрѣпленію, а также ближайшій обходный путь и спуски на Текке и Карнари. Партія охотниковъ-болгаръ, человекъ въ пятьдесятъ, перемѣшанная съ охотниками-стрѣлками, двинулась во главѣ батальона. Проводникъ шелъ впереди. Вмѣстѣ со стрѣлками была послана и казачья сотня ¹⁾, которая сначала хотѣла было двигаться съ лѣваго фланга, но глубокіе снѣга, гдѣ лошади утопали по шею, заставили сотника Кудинцева отказаться отъ этого намѣренія, и тогда онъ, прижавъ къ батальону, пошелъ во хвостъ его, въ одинъ конь. Вскорѣ вся эта масса людей исчезла въ непроницаемой мглѣ и затихли ея шаги по скрипучему, замороженному снѣгу.

Къ Сосновскому подошелъ командиръ 30-го казачьяго полка, полковникъ Грековъ. Человѣка этого можно охарактеризовать двумя чертами: огненный пылъ въ лихой атакѣ и невозмутимѣйшее хладнокровіе подъ пулями.

— Ваша всѣ уже здѣсь? — спросилъ Сосновскій.

— Всѣ. Пѣхота тоже подтягивается; 3-я рота скоро вся уже будетъ на гребнѣ, а 4-я еще внизу пока.

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ и капитанъ Шелеповъ, командиръ 3-й старо-нигерманландской роты, и доложилъ, что люди его уже собраны и построились позади казачьихъ сотенъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ можно и двинуться. Пока что будетъ, пойдемте, господа, всѣ вмѣстѣ, впереди казаковъ,—предложилъ Сосновскій, — а ваша рота, капитанъ, пусть идетъ сзади, въ резервѣ. Идемте по стрѣлкового слѣду!

Люди перекрестились и двинулись.

— Что это, господа?.. Смотрите, пожаръ, что ли? Какой странный огонь! — замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

И дѣйствительно, впереди и нѣсколько влѣво отъ насъ, на сосѣдней высотѣ мгновенно вспыхнуло большое пламя. Несмотря на туманъ, было видно, какъ огненные языки, распространяясь все болѣе и болѣе по горизонтальной линіи, взвиваются вверхъ. Неужели «братушки» вздумали костеръ раскладывать? Но нѣтъ, это пламя не похоже на костеръ, оно слинкомъ широко разметывается въ стороны, тогда какъ костеръ всегда горитъ сосредоточенно, да и откуда бы здѣсь взятъ костеръ, если на всей вершинѣ нѣтъ ни сучка, а стрѣлкамъ или болгарамъ было не до того, чтобы тащить дрова съ собою. Пламя вспыхнуло такъ мгновенно, съ такою силою и сверкало такъ ярко, что можно было предположить,

1) 6-я сотня 30-го полка, сотника Кудинцева.

будто дрова политы какою нибудь горячею жидкостью.

— Вѣрно турки замѣтили приближеніе нашихъ и убѣгая зажгли свои шалаши — замѣтилъ кто-то, и нѣкоторое время почти все мы оставались въ этомъ пріятномъ заблужденіи. Но вскорѣ явилось и сомнѣніе, что едва ли оно такъ, потому что тропа, по которой мы шли, уклонялась значительно вправо, да и самое пламя вскорѣ осталось позади насъ. А что, если это предупредительный сигналъ, посланный какимъ нибудь шпиономъ или сторожевымъ турецкимъ постомъ, который легко могъ находиться на сосѣдней вершинѣ?.. Вспослѣдствіи оказалось, что именно предположеніе относительно поста было вполне справедливо, но въ ту минуту, имѣя въ виду необходимость демонстраціи, намъ уже ничего болѣе не оставалось, какъ только идти впередъ, хотя, конечно, и очень было досадно, что, благодаря предупредительному сигналу, внезапность нашей атаки не можетъ состояться.

Мы шли по протоптанному, но все еще очень глубокому снѣгу, чуть не на каждомъ шагу спотыкаясь и падая. Впереди и по сторонамъ ничего не было видно — все только туманъ и туманъ безконечный, густой, зловѣщій... Такъ ли мы идемъ? — Надо быть такъ, потому что здѣсь глубоко только по колѣно, а свернешь одинъ шагъ вправо или влево и проваливаешься по грудь, — стало быть, направленіе наше вѣрное. Вдругъ впереди мигнула на нѣсколько мгновеній яркая голубоватая искра. Что это такое?

— Турецкое укрѣпленіе, господа! Этотъ огонекъ оттуда! — сказалъ подполковникъ Сосновскій, и онъ не ошибся въ направленіи, хотя ошибся въ значеніи искры: то была спичка, съ помощью которой одинъ изъ казаковъ попытался закурить свою «носогрѣйку». А что направленіе было вѣрное, мы убѣдились въ ту-же минуту: какъ молнія сверкнулъ впереди огонь, черезъ секунду раздался выстрѣлъ и мимо насъ просвистала первая турецкая пуля. Достаточно было этого сигнала, чтобы турки тотчасъ же открыли огонь по всей своей линіи. Мы продолжали двигаться впередъ вдоль чего-то въ родѣ снѣжнаго рва, протоптаннаго стрѣлками, и края этого рва достигали намъ по поясъ. Вскорѣ колонна наша уткнулась въ хвостъ 6-й казачьей сотни и здѣсь покуда остановилась, а Сосновскій съ полковникомъ Грековымъ, ординарцами, нѣсколькими казачьими офицерами и конвойными казаками продвинулись еще далѣе, миновали 6-ю сотню и, взобравшись на какой-то бугоръ, остановились перевести духъ. Здѣсь уже были стрѣлковыя роты и виднѣлась въ нѣсколькихъ шагахъ цѣпь, раскинувшаяся вправо и влево. Но несмотря на турецкіе выстрѣлы, наши, въ силу приказанія, не открывали огня. По

недораазумѣнію, вмѣстѣ съ конвойными прошли впередъ и офицерскіе вышки, которые такимъ образомъ очутились въ первой боевой линіи.

Противъ бугра, на которомъ мы уцѣлились, въ нѣсколькихъ шагахъ начинался спускъ въ лѣсистую долину. Опасаясь, чтобы турки не вздумали воспользоваться ею для обходнаго движенія, которое могло угрожать правой сторонѣ нашей резервной колонны, вытянувшейся гуськомъ, подполковникъ Сосновскій придвинулъ сюда 6-ю, 1-ю и 2-ю сотни и просилъ полковника Грекова распорядиться, чтобы люди его были наготовѣ со своими берданками. Отдохнувъ нѣсколько времени, офицерская группа вдоль бугра продвинулась еще болѣе впередъ, гдѣ подполковникъ Сосновскій предложилъ ей остановиться, а самъ, спустя нѣсколько времени, прошелъ далѣе, къ цѣпи. Счастіе поблагопріятствовало какъ ему, такъ и части этой цѣпи отыскать небольшую выемку земли, представлявшую собою относительно вражескихъ пулъ такъ называемое мертвое пространство, гдѣ онъ и засѣлъ вмѣстѣ съ командиромъ 10 го стрѣлковаго батальона, наблюдая, на сколько являлась возможность, за движеніями нашей цѣпи. Надъ головами этой небольшой группы свисталъ рой турецкихъ пулъ, такъ что подняться здѣсь на ноги, во весь ростъ, значило бы обресть себя почти на вѣрную жертву; для необходимыхъ наблюденій можно было только высовывать отчасти голову, да и при этомъ пули свистали мимо самого уха.

Разставшись съ подполковникомъ Сосновскимъ, группа офицеровъ, въ ожиданіи пока она потребуется къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, расположилась на бугрѣ, закутавшись въ бурки. Морозъ, видимо, крѣпчалъ все болѣе и болѣе, становясь по-истинѣ лютымъ. Съ этого мѣста прекрасно можно было наблюдать за огнемъ противника. Когда ночная тьма освѣщалась острыми огненными яглами, и при этомъ мы не слышали свиста пулъ, то это значило, что огонь направленъ противъ нашего лѣваго фланга; когда же вспыхивала безформенная молнія и вслѣдъ за тѣмъ воздухъ пронизывался занывающимъ свистомъ — мы знали, что эти пули пущены въ томъ направленіи, гдѣ находилась наша группа. Большая часть изъ нѣхъ свистала надъ головами, но нѣкоторыя шлепались рядомъ, и тогда намъ ясно было слышно, какъ шипѣлъ снѣгъ, словно масло на сковородѣ, когда въ него зарывалась горячая пуля. Здѣсь была ранена одна лошадь, заматавшаяся въ испугѣ по снѣгу; офицерская борзая собака взвизгнула, слегка задѣтая пулею, и отъ души выругался одинъ казакъ, оставшійся нѣсколько сзади. По счастью, рана его въ руку оказалась легкою. Ночная тьма довольно часто прорѣзывалась сразу цѣлыми линіями огня, извивавшагося

словно змѣйки, вслѣдъ за тѣмъ черезъ мгновенные слѣдовалъ рокотъ выстрѣловъ и рой заунывныхъ свистовъ,—то были залпы. Въ это же время иногда удавалось наблюдать, что змѣйки извиваются по двѣ разомъ, одна ниже другой, а это ясно указывало на устройство противникомъ двухъ-ярусной обороны, и надо отдать справедливость туркамъ: вопреки ихъ всегдашнему обыкновенію пускать зря цѣлый дождь огня, уподобляя его непрерывной барабанной дробі, на этотъ разъ они вели стрѣльбу безупречно, съ замѣчательной выдержкой, и огонь ихъ былъ вполне дисциплинированъ. Слышна была турецкая команда, по которой противникъ то усиливалъ огонь, то на минуту прекращалъ его, какъ-бы прислушиваясь; и затѣмъ снова начиналъ свою пальбу. Наши не отвѣчали. Очевидно, туркамъ хотѣлось вызвать насъ на перестрѣлку: тогда для нихъ опредѣлялось-бы отчасти и количество нашихъ силъ, и ихъ расположеніе, но этого-то имъ и не слѣдовало знать; а судя по силѣ ихъ огня, надобно думать, что они полагали насъ въ довольно значительныхъ силахъ. Благодаря ночной темнотѣ, пули причиняли намъ мало вреда; противникъ бѣлъ наугадъ или на слухъ, если съ нашей стороны раздавался гдѣ нибудь громкій говоръ, или же наконецъ на свѣтъ. Такъ, напримѣръ, прапорщику Эрпарту вздумалось закурить папирску, потому что ужъ больно жутко донималъ холодъ, и не успѣла еще потушить его спичка, какъ надъ нашими головами просвисталъ цѣлый рой пуль. Курить было опасно,—пришлось потушить папирску, и бѣдный прапорщикъ удовольствовался тѣмъ, что, растянувшись на свѣгу, заснулъ въ ту же минуту. Между тѣмъ сидѣть на свѣгу было такъ холодно... Теперь бы глотокъ водки или коньяку, чтобы хоть чуточку согрѣться, но, увы! — ни у кого изъ насъ не оказалось ни того, ни другого. Пришлось покориться жестокой стужѣ и только пошевеливать ступнями, чтобы не отморозить ноги. Лежать было еще хуже, потому что леденящій холодъ мерзлаго свѣга даже и сквозь бурку очень давалъ себя чувствовать всему боку, всей сторонѣ тѣла, на которой вздумалось намъ улечься. Всѣ мы испытывали страшную усталость, да и не мудрено: предшествовавшая ночь была проведена безъ сна, а нынѣ мало спали и наканунѣ ея, потому — цѣлый день въ движеніи, среди столь тяжкихъ физическихъ трудовъ, и наконецъ этотъ холодъ, который такъ и клонитъ ко сну... Нѣтъ силъ бороться противъ искушенія — и нѣкоторые изъ насъ заснули. Можно судить, какова была усталость, если люди могли спокойно спать подъ пулями, которые въ теченіе нѣсколькихъ часовъ все жужжали надъ головами. Вскорѣ около насъ показалась конная фигура;

конвойный казакъ велъ въ поводу лошадь, а всадникъ издавалъ глухіе, тяжелые стоны.

— Кто такой?—спросилъ кто-то.

— Стрѣлокъ... раненый...—отвѣтилъ всадникъ.—Да ужъ лучше бы совсѣмъ убили, чѣмъ такъ-то... Въ обѣ ноги ранило подъ коѣннами и въ руку... сразу... Надо быть, разрывною пулею.

Вслѣдъ за тѣмъ прошелъ со стономъ болгаринъ. Оказалось, что это былъ раненый проводникъ стрѣлковаго батальона.

Потомъ четыре человека пронесли что-то черное... Носилки... За ними черезъ минуту—другія, третія носилки... Затѣмъ, опираясь на ружья и тяжко стона, проковыляло еще нѣсколько раненыхъ. Ветеринарный врачъ 30-го казачьяго полка, Котлубай, здѣсь же подавалъ имъ первую помощь и кое-какъ наскоро перевязывалъ въ потемкахъ. Какъ оказалось, Котлубай никогда не отстаетъ отъ своего полка и въ подобныхъ критическихъ случаяхъ подаетъ раненымъ первую медицинскую помощь, исполняя эту не принадлежащую ему обязанность съ любовью и совершенно хладнокровно, какія бы пули тутъ ни свистали.

Можно было думать, что турки, не успѣвъ вызвать насъ на огонь, отважутся на вылазку, чтобы убѣдиться въ количествѣ нашихъ силъ, а потому на всякій случай потребовались впередъ наши резервы, которые, вѣстакъ, должны были прикрыть и отступленіе стрѣлковъ по окончаніи демонстраціи. Кромѣ того, хотѣлось попытаться, нельзя ли обойти который-либо изъ турецкихъ фланговъ.

Вскорѣ мимо насъ, впереди своей роты, спокойно и бодро прошелъ капитанъ Шелеповъ, заложивъ за спину руку. Старо-ингерманландцы шли гуськомъ быстро и совершенно бодро, стараясь даже попадать въ ногу, несмотря на ежесекундные предательские капканы почвы. За ними прослѣдовали сѣньенные казаки 1-й и 2-й сотенъ, съ сотникомъ Гаддинымъ, подъ общимъ начальствомъ войскового старшины Грузинова. Они первоначально были направлены въ обходъ лѣваго фланга турецкихъ укрѣпленій; но тутъ пришлось идти по самому краю пропасти, куда передъ этимъ только что скатился одинъ изъ старшихъ уатеръ-офицеровъ роты Шелепова. Многие изъ казаковъ тоже обрывались, но, по счастью, ихъ удавалось вытаскивать съ помощью протягиваемыхъ къ нимъ берданокъ, за которыя они хватались руками.

— Куда вы, канальи, лѣзете?.. Прочь, или в духу вашего не останется!—раздался вдругъ съ высоты турецкаго бруствера чей-то громкій голосъ, съ совершенно чистымъ русскимъ выговоромъ.—Либо некрасовецъ, либо кто-нибудь изъ нашихъ женевцевъ. Неодолимыя кручи, обрывы и всяческіе капканы этой мѣст-

ности сдѣлали невозможнымъ казачій обходъ лѣваго фланга. Грузиновъ послалъ увѣдомить объ этомъ Сосновскаго, который приказалъ спѣшнымъ казакамъ идти калѣво, чтобы схватить турецкія укрѣпленія съ праваго ихъ фланга. Какъ ни трудно было, но казаки исполнили это и вышли въ данномъ направленіи, приблизясь шаговъ на 50 къ самому укрѣпленію. Здѣсь ихъ встрѣтилъ противникъ тремя залпами, которые заставили казаковъ пріостановиться, тѣмъ болѣе, что строго придерживаясь приказанія — они не открывали огня.

Скоро все это примется, еще скорѣе читается, но на дѣлѣ, пока исполнилось все описанное, прошло нѣсколько часовъ. Взять укрѣпленіе «въ лобъ» оказалось невозможнымъ, въ виду того, что турки были предупреждены пламенемъ костра о нашемъ наступленіи и открыли огонь еще въ то время, когда стрѣлки только что развертывались. Казачьему обходу въ лѣвый флангъ воспрепятствовали условно непродоходимой мѣстности, обходъ же праваго фланга былъ остановленъ залпами. Ночная тьма оказалась и нашимъ несчастіемъ, и нашимъ спасеніемъ въ одно и то же время: несчастіемъ потому, что мы должны были двигаться ощупью, на угадъ, въ особенности послѣ того, какъ проводникъ былъ раненъ, и спасеніемъ — потому, что турки изъ своей неприступной позиціи — будь это лунная ночь — легко могли бы перестрѣлять всѣхъ коноводовъ, вытянувшихся длиною лентою въ одинъ рядъ вдоль узкой тропинки, да и стрѣлкамъ не удалось бы выйти такъ легко изъ-подъ разстрѣла. Было уже около половины третьяго часа ночи, когда туманъ сталъ разсѣиваться и въ небѣ проглянули звѣзды. Для простой демонстраціи мы успѣли уже сдѣлать слишкомъ достаточно, и такъ какъ ночной штурмъ не состоялся, то надлежало подумать о выводѣ отряда изъ огня, пока небо не прояснѣло еще болѣе. Подполковникъ Сосновскій послалъ приказаніе ротѣ Шелепова и казакамъ Грузинова прикрывать обратное движеніе отряда. Мы пропустили мимо себя коноводовъ, выжи, еще двое носилокъ съ ранеными, потомъ весь стрѣлковый батальонъ, и уже послѣ того двинулись сами, такую же группю, какъ и при движеніи къ укрѣпленію. Турки провожали насъ выстрѣлами, но счастію, совершенно безвредными.

Черезъ часъ весь отрядъ стянулся на черепѣ перваго траянскаго гребня, съ котораго начато было наше наступательное движеніе. Здѣсь мы предполагали дожидаться разсвѣта; небо совершенно прояснѣло и зажглось безчисленными звѣздами, которыя настолько озаряли своимъ слабымъ свѣтомъ всю окрестность, покрытую снѣгомъ, что мы могли различить вдали остроконечную вышку турецкаго укрѣпленія на крутой скалѣ, да и весь нашъ от-

рядъ, выстроившійся на малушкѣ высоты, ясно чернѣлся своею темною массою. Но въ это время вдругъ подулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ — самый опасный врагъ на вершинахъ центральнаго Балкана. Посовѣтовавшись по поводу этого послѣдняго обстоятельства съ Грековымъ и Бородинымъ, Сосновскій рѣшился спуститься къ опушкѣ буковаго лѣса, съ тѣмъ чтобы расположиться тамъ бивуакомъ, а на утро заняться прежде всего дальнѣйшею разработкою проложеннаго сегодня пути и подъемомъ орудій на Траяновъ перевалъ, дабы завтра демонстрировать противъ турокъ артиллерійскую канонаду. Было безъ малаго четыре часа ночи, когда отрядъ нашъ началъ спускаться. Но не прошли мы по спуску и трехсотъ шаговъ, какъ оказалось, что туманъ не разсѣялся, а только осѣлся, и мы опять попали въ густую бѣлосоватую мглу, которая подавляла своимъ сырмъ проникающимъ насквозь холодомъ и ужасно затрудняла дыханіе.

Ужасы спуска были еще горше и труднѣе ужасовъ подъема. Въ туманѣ мы обились съ дороги, продолженной собственной грудью давеча, передъ вечеромъ, и шли теперь по снѣжной цѣпикѣ, куда Богъ приведетъ, стараясь только держать направленіе къ сѣверу, опредѣляемое звѣздами. Утопая въ снѣгу, спотыкаясь объ острые камни, которые нерѣдко насквозь прорѣзывали обувь, скользя на крутизнахъ, и въ этомъ неудержимомъ стремленіи валиясь сразмаху на снѣгъ, обгоняя другъ друга и кубаремъ перекидываясь сверху одинъ черезъ другого, люди наши цѣлыми вереницами скатывались внизъ, и никто изъ нихъ не видѣлъ и не зналъ куда онъ катится и мчится, въ силу инерціи, съ такою стремительностію. Ухватиться, удержаться было не за что — и человѣкъ съскакаетъ внизъ на собственной спинѣ, пока нога не зацепится случайно о какой-нибудь выдавшійся камень. Здѣсь онъ присядетъ, передохнетъ чуточку, жадно освѣжитъ ротъ и горло нѣсколькими горстями снѣга — и опять впередъ, и опять то же стремленіе внизъ на собственной спинѣ, какъ на салазкахъ... Раздаhes одинъ, и потомъ вскорѣ другой выстрѣлъ, произведенные нашими же собственными ружьями, при случайномъ паденіи на голые камни. Къ счастію, выстрѣлы были безвредны и не произвели между людьми никакого смятенія. Утомленіе было столь велико, что многіе, присѣвъ для отдыха, тутъ же засыпали, и товарищамъ требовалось не мало усилій, чтобы ихъ расталкивать. По истинѣ, картина этого ужаснаго спуска цѣликомъ была страницей изъ Дантовскаго «Ада». Не нахожу словъ, чтобы иначе охарактеризовать ее, и только одинъ русскій солдатъ и казакъ могли перенести такіе ужасы и бодро и безропотно! Не считайте этого за преувеличеніе: у насъ есть, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи живыхъ

свидѣтелей тому, что *это было такъ*, и при томъ свидѣтелей, испытавшихъ описанное на собственномъ жестоко-тяжкомъ опытѣ.

Долго мы спускались такимъ образомъ съ Траянова черепа; но вотъ сквозь туманную мглу показался наконецъ смутный красноватый отблескъ нѣсколькихъ костровъ. — Слава Богу, это должны быть бивуаки двухъ нашихъ орудій, саперовъ и 4-й старо-ингерманландской роты. Мы прибодрились, удвоили послѣднія усилия, и черезъ полчаса были уже на опушкѣ буковаго лѣса, у подножія перевала, гдѣ дѣйствительно напали костры артиллеристовъ и пѣхотинцевъ; было уже половина шестого часа утра. Термометръ показывалъ здѣсь 22 градуса мороза. — Это здѣсь, въ лѣсу и въ лощинѣ, — а сколько же градусовъ было тамъ, на верху этого проклятаго черепа!..

Я упалъ на снѣгъ у перваго попавшагося костра и въ то же мгновеніе заснулъ какъ убитый.

LXXXI.

Переходъ черезъ Траянь.

Сочельникъ и Рождество Христова на Траянь.

Утро въ балканскомъ лѣсу. — Наши вчерашніе потери. — Разрывныя пули. — Прибытіе 2-го ешелона. — Рекогносцировка турецкихъ укрѣпленій и установка нашего орудія на позиціи. — Пробныя выстрѣлы. — Демонстрація кострами. — Результаты ночной демонстраціи 23-го декабря и совѣщаніе между старшими чинами отряда. — Кавунъ и праздникъ Рождества Христова на вершинахъ Траяна. — Черты солдатскаго великодушія. — Прибытіе 3-го ешелона съ подполковникомъ Сухомлиновымъ. — Неудавшееся обходное движеніе Сухомлинова. — Подвозъ припасовъ. — Рекогносцировка обходнаго пути на Карнари и установка второго орудія. — Диспозиція штурма на 26-е декабря.

Траянскій отрядъ, д. Карнари, 30-го декабря.

Свѣтло яркое солнце, когда денщикъ мой разбудилъ меня, принесъ кружку горячаго чаю. Испытывая нѣкоторую ломоту въ членахъ и легкій ознобъ, я осмотрѣлся вокругъ. Отрядъ нашъ находился въ лѣсу, который, начиная отъ гребня горы, густо разросся по всему ея скату. Лучи солнца прокрадывались между вѣтвями и стволами и рисовали на серебриномъ снѣгу ихъ легкія причудливыя тѣни. Повсюду дымились костры и стоялъ гулъ человѣческаго говора. Весь лѣсъ оглашался звуками топоровъ — то солдаты рубили дрова на топливо. Снѣжныя вершины были ослѣпительно залиты солнечными лучами; на небѣ — ни облачка, въ морозномъ воздухѣ — полная тишина и безвѣтріе. Это было прелестьѣйшее зимнее утро. У сосѣдняго костра я нашелъ Сосновскаго, Грекова, Бородину, Шелепова и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ.

Здѣсь сводились итоги вчерашнимъ нашимъ потерямъ. Оказалось, что мы оставили на мѣстѣ предъ укрѣпленіемъ восемь стрѣлковъ убитыми или по крайней мѣрѣ надо было думать, что они убиты, потому что, по свидѣтельству ближайшихъ товарищей, они не подавали ни голоса, ни движенія, послѣ того какъ были хвачены пулями; равнымъ у насъ 10-го стрѣлковаго батальона поручикъ Кипайтуло, въ ногу, и 10 стрѣлковъ, а также одинъ рядовой роты Шелепова и одинъ казакъ, оставшіеся во фронтѣ; контужены: 6 стрѣлковъ, стрѣлковаго же батальона прапорщикъ Войно-Родзевичъ и мой денщикъ Петръ Баль — оба въ голову. У командира 3-й роты стрѣлковаго батальона штабсъ-капитана Зайцева отморожены ноги; 9-го полка штабсъ-капитанъ Папковъ сильно ознобленъ; кромѣ того 48 человекъ нижнихъ чиновъ стрѣлковаго батальона тоже оказались обмороженными; итого вышло изъ строя 4 офицера и 68 нижнихъ чиновъ. По свидѣтельству отряднаго хирурга Стелимаховича и врача Заблудовскаго, большая часть раненій принадлежитъ къ числу тяжелыхъ и нанесена преимущественно разрывными пулями, причемъ нерѣдко оказывалось по двѣ, по три и четыре раны на одномъ человѣкѣ, между тѣмъ какъ потерпѣвшіе свидѣтельствуютъ, что получили одинъ только ударъ пуль. Стелимаховичъ успѣлъ извлечь изъ подобныхъ ранъ нѣсколько свинцовыхъ осколковъ; одинъ изъ нихъ онъ показывалъ начальнику отряда и оставилъ у себя, какъ доказательство.

Въ полдень прибылъ командиръ Старо-Ингерманландскаго полка, флигель-адъютантъ графъ Татищевъ, со вторымъ ешелономъ нашего отряда ¹⁾. Подполковникъ Сосновскій, собравъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ ротъ и ротныхъ командировъ, еще ранѣе прибытія графа Татищева, отправился съ ними на перевалъ, чтобы дать имъ случай ознакомиться съ условіями мѣстности и расположеніемъ турецкихъ укрѣпленій. Графъ тоже отправился вслѣдъ за ними, а между тѣмъ артиллеристы съ ранняго утра еще хлопотали около своихъ волоковъ. Саперная рота еще на разсвѣтѣ ушла на подъемъ разрабатывать проложенную нами вчера дорогу. Въ теченіе цѣлаго дня удалось втащить на черепъ одно только орудіе со всѣми его принадлежностями, и чтобы судить до какой степени это было трудно, достаточно сказать, что въ дубки, тащившіе пушку, было вприжено 48 буйволовъ, въ придачу къ которымъ тащили лямки двѣ пѣхотныя роты и всѣ наличные болгары. Къ пяти часамъ по-полудни орудіе было уже собрано

¹⁾ Три роты 1-го батальона, весь 3-й батальонъ Старо-Ингерманландскаго полка и полусотня 30-го казачьяго полка.

и установлено на избранной позиции — тамъ, гдѣ вчера пылалъ сигнальный костеръ, а саперы къ этому времени успѣли уже сработать для него брустверъ и ложементы для прикрытія. Чтобы провѣрить установку орудія и его дѣйствіе, подполковникъ Сосновскій въ этотъ день вторично поднялся на вершину, и въ его присутствіи, въ началѣ шестого часа, былъ сдѣланъ первый пробный выстрѣлъ. Снарядъ далъ перелетѣть. Турки не отвѣчали, хотя изъ ихъ ложементовъ на нашу батарею легко могли бы досягать ружейныя пули. Черезъ пять минутъ былъ пущенъ второй снарядъ, разорвавшійся, не долетя до укрѣпленія. Тогда съ высоты непріятельскаго люнета вдругъ взвилось бѣлое облако и черезъ нѣсколько секундъ граната горнаго орудія упала во ста шагахъ передъ нашимъ укрѣпленіемъ. Третій выстрѣлъ нашъ былъ очень удаченъ и попалъ въ брустверъ. Турки обмѣнялись вторымъ снарядомъ, который далъ громадный перелетъ, пронесся надъ головами артиллеристовъ и упалъ по нашу сторону, за горой, неподалеку отъ бивуака, но не разорвался. Этимъ и ограничились всѣ наши непріязненные дѣйствія въ день 24-го декабря. Рота прикрытія, саперы и болгарскія четы остались на ночь при орудіи, куда къ нимъ въ изобиліи доставлены были на выюкахъ дрова, и яркіе костры всю ночь пылали на довольно значительномъ протяженіи предъ глазами турокъ. Это была тоже демонстрація въ своемъ родѣ — кострами. Вчерашняя же наша демонстрація раскрыла слѣдующія данныя: во-первыхъ, она совершенно опредѣлила силу турецкихъ укрѣпленій, состоящихъ изъ одного головнаго люнета, по бокамъ котораго, въ видѣ влоаментовъ, спускаются въ обѣ стороны траншеи, и трехъ другихъ, дающихъ первому двухъ-ярусную фронтальную и фланговую оборону; во-вторыхъ, это расположение показало, что атака укрѣпленія открытой силой съ фронта стоила бы слишкомъ большихъ потерь, а потому надобно поискать обходныхъ путей, и, наконецъ, въ-третьихъ, мы убѣдились по выдержкѣ залповъ и въ высшей степени дисциплинированному огню, что трапезскія укрѣпленія обороняются низомъ и очень хорошимъ низомъ, а не мустахфизамъ, какъ доносили было наши развѣдчики. Все это для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій требовало числа силъ больше того, какимъ мы располагали въ данную минуту, а потому на совѣтъ между старшими чинами отряда было рѣшено дожидаться прибытія третьяго вѣселога, въ ожиданіи чего завтрашній день употребить на втаскиваніе второго орудія.

Весь этотъ день погода выстояла превосходная, морозно-ясная и тихая. Солдаты уже успѣли настроить себѣ шалаши и разныя за-

крытія, на случай непогоды, и варили въ котелкахъ сухарную похлебку съ чаемъ. Рождественскій сочельникъ всѣ мы провели истинно постнымъ образомъ, питаясь однимъ лишь чаемъ съ солдатскими сухарями, а такъ какъ по близости не было источника, то вмѣсто воды употребляли снѣгъ, кипятя его въ котелкахъ, и ничего-себѣ: чай выходилъ довольно вкусенъ. Лошадей поили тоже такимъ снѣгомъ, распуская его на кострахъ въ желѣзныхъ ведрахъ. За нѣсколько часовъ люди успѣли совершенно свыкнуться съ подобнымъ родомъ существованія и многіе преспокойно принялись уже, сидя предъ кострами, за пошивку платья и обуви. Подъ вечеръ старонингерманландцы смастерили изъ жердей, хвороста, сѣна и сѣнга довольно просторный шалашъ для своего полковаго командира, гдѣ Сосновскій, Грековъ, и я, благодаря любезному приглашенію графа Татищева, могли провести ночь значительно удобнѣе, чѣмъ остальныя вчерашней ночи.

Въ день Рождества Христова насъ довольно рано разбудилъ значительный утренній холодъ. Чтобы сколько нибудь согрѣться, мы разложили посреди шалаша костерокъ, но ѣдкій дымъ былъ еще хуже мороза. Вскорѣ восходящее багровымъ дискомъ солнце начало озлащать перламутровыми переливками верхніе края снѣжныхъ вершинъ, обѣщая день подобный вчерашнему; однако черезъ часъ небо заволоклось тучами и вмѣстѣ съ тѣмъ въ воздухѣ значительно потеплѣло, такъ что у насъ начали было опасаться, какъ бы не повалилъ снѣгъ, который легко могъ обратить въ ничто всѣ наши тяжкія усилія по прохоженію уже оконченной дороги; а поднямись при этомъ выюга — отрядъ нашъ былъ бы совершенно отдѣленъ отъ всего живого міра, но главное — разлученъ со своимъ продовольственнымъ складомъ въ колибахъ. Сухарей у солдатъ оставалось уже немного, и они такъ дорожили ими, что когда одинъ изъ офицерскихъ денщиковъ, желая угодить голодному барину, предложилъ одному солдату продать ему за полуимперіалъ пару сухарей, тотъ отказался, говоря: «зачѣмъ мнѣ твой золотой, если завтра, можетъ быть, придется сидѣть безъ хлѣба». Но вотъ замѣчательная черта: тотъ же самый солдатъ, узнавъ, что денщикъ заботится не о себѣ, а о голодномъ офицерѣ, тотчасъ же охотно подѣлился съ нимъ своею порціею и на за что не хотѣлъ принять отъ офицера вознагражденія деньгами: — «помилуй, ваше благородіе, за что же тутъ деньги!.. Вы вѣдь свои же господа... Коли у насъ офицеровъ не будетъ, съ глѣмъ же въ дѣло идти, да и кто объ насъ тогда позаботится?» — Такъ и не взявъ денегъ: — «на-что, молъ онѣ тутъ, въ этой трупобѣ!»

Часовъ въ десять утра пріѣхалъ подполков-

никъ Сухомлиновъ, съ которымъ прибыли на бивуакъ и части 3-го эшелона ¹⁾, и привезъ словесное приказаніе генераль-лейтенанта Карцова, чтобы графъ Татищевъ, впереди до его прибытія, принять начальство надъ всѣмъ отрядомъ, собраннымъ у подножія Траянского перевала, и, если окажется возможнымъ, приступить бы къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Прибытіе Сухомлинова успокоило подполковника Сосновскаго, который крайне тревожился неизвестностью о его участи. Оказалось, что 23-го числа Шипковский (4-й) эшелонъ не успѣлъ достигъ предположенныхъ цѣлей, потому что самое обходное движеніе явилось окончательно невозможнымъ. Дѣло было такъ: пріѣхавъ 22-го въ деревню Шипково, Сухомлиновъ не нашелъ тамъ ни пѣхотной роты, ни казачьей сотни, долженствовавшихъ прибыть изъ Тетевеня. Тѣсно дожидая ихъ прибытія, онъ рѣшился наконецъ перевалить за Балканы хотя съ двумя сотнями, чтобы поспѣть 23-го на ту сторону. Мѣстные жители сказали ему, что лѣтомъ отъ Шипкова до Рахманлы считается 9 часовъ ходу. Имѣя въ виду, что теперь, при большихъ снѣгахъ, придется идти гораздо дальше, Сухомлиновъ выступилъ 23-го декабря въ половинѣ шестого часа утра. Въ горахъ не только дороги или тропы, о существованіи которыхъ рассказывали болгары, но даже и слѣда человѣческаго не оказалось. Тѣмъ не менѣе, Сухомлиновъ рѣшился пробиваться кое-какъ впередъ, въ ущельяхъ—по глубокимъ сугробамъ, на хребтахъ—по гололедицѣ. Шипково отдѣляется отъ главнаго Балканскаго хребта особымъ высокимъ кражемъ, пройдя который, отрядецъ Сухомлинова долженъ былъ спуститься къ деревнѣ Рыбарцы и оттуда уже начать подъемъ на главный хребетъ. Разстояніе, которое болгары опредѣляли двумя часами ходу, казаки проходили шесть часовъ сряду. Пролагая себѣ путь по снѣжной цѣли и оставляя много и много отсталыхъ, отрядецъ шелъ до тѣхъ поръ, пока не выбился изъ послѣднихъ силъ. Давъ людямъ необходимый отдыхъ, среди горной суровой пустыни, Сухомлиновъ по-неволѣ вынужденъ былъ вернуться съ ними назадъ и едва-едва дотащился до Шипкова, куда почти одновременно съ нимъ прибылъ и майоръ Кобордо съ двумя ротами изъ Тетевеня. Кобордо сообщалъ, что казачья сотня идетъ за нимъ и скоро должна быть въ Шипковѣ. Тяжелымъ опытомъ убѣдившись въ невозможности пройти черезъ Балканы на Рахманлы, Сухомлиновъ рѣшилъ выступить съ отрядомъ изъ Шипкова 24-го въ 7 часовъ утра и идти на нашъ проходъ, къ Княжевицкимъ колибамъ, чтобы присоединиться тамъ ко

2-му эшелону. Но онъ поспѣлъ къ намъ уже не со 2-мъ, а съ 3-мъ эшелонами.—«И этотъ путь—рассказывалъ Сухомлиновъ—послѣ нашихъ скитаній по невообразимымъ трупобамъ, ей-Богу, показался намъ настоящимъ шоссе!» А 23-го числа и нашъ путь во второй своей половинѣ былъ точно такою же непрерывною, гигантскою трупобой. Майоръ Кобордо не могъ поспѣть въ Шипково къ 22-му декабря, какъ слѣдовало по диспозиціи, тоже вслѣдствіе массъ глубокихъ снѣговъ и полнаго бездорожія. Впрочемъ, все это оказалось къ лучшему, потому что, удайся переходъ Сухомлинову, онъ очутился бы за Балканами отъ горстью своего отряда въ очень критическомъ положеніи: превосходныя силы противника сдавали бы его съ двухъ сторонъ—отъ Текке и Клиссуры, а путь отступленія въ Шипково немедлѣнно по ужаснымъ кручамъ южнаго балканскаго склона; мы же, какъ уже извѣстно, 23-го числа не могли бы подать ему ни малѣйшей помощи. И такъ, все обошлось пока благополучно.

Вмѣстѣ съ 3-мъ эшелонами пришла на бивуакъ и выюки, на которыхъ было привезено вдоволь мяса, вина, крупы, сухарей, ячменя и сѣна. Приободрились и люди, и лошади. Солдаты тотчасъ принялись за варку пищи, рослили по крышкѣ водки, поѣли до сыта, да и про запасъ осталось еще не мало говядины и хлѣба. Послѣ обѣда замѣтно повеселѣло на бивуакѣ, говоръ сталъ оживленнѣе, тоныры еще ретивѣе застучали по дѣсу, востры запыхали ярче и кое-гдѣ, ради праздника, затанцевали пѣсни.

Вскорѣ по пріѣздѣ на бивуакъ Сухомлинова, подполковникъ Сосновскій потхалъ по дѣламъ службы къ генералу Карцову, а Сухомлиновъ остался при графѣ Татищевѣ, для исполненія обязанностей начальника отряднаго штаба. Не теряя времени, онъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ начальниками частей, поднялся на высоту Траянова черена и сдѣлалъ подробную рекогносцировку турецкой позиціи и обходнаго пути на Карнари, о которомъ еще вчера сказывали Сосновскому болгарскіе четники. Къ шести часамъ вечера было втащено и второе орудіе, которое установлено на особой позиціи, шагахъ въ трехстахъ отъ перваго, такъ какъ оно предназначалось для дѣйствія противъ особаго укрѣпленія, прикрывавшаго обходную дорогу на Карнари.

Согласно распоряженію генерала Карцова, къ четыремъ часамъ дня была составлена диспозиція, по которой на завтра (26-го) предполагался бой на Траянѣ. Для этого всѣ части отряда должны были къ четыремъ часамъ утра быть на своихъ бивуакахъ готовыми къ выступленію. Одиннадцать ротъ и четыре сотни ¹⁾,

¹⁾ Двѣ стрѣлковыя роты (1-я и 3-я) 10-го пѣх. Ново-Ингерманландскаго полка, 2-й батальонъ 9-го пѣх. Старо-Ингерманландскаго полка и двѣ сотни (3-я и 4-я) 30-го полка.

¹⁾ 1-й батальонъ 9-го полка, 10-й стрѣлковый батальонъ, двѣ стрѣлковыя роты (1-я и 3-я) 10-го полка, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я сотни 30-го казачьяго

подъ общимъ начальствомъ полковника Грекова, выступаютъ въ четыре часа утра и, слѣдуя по карнарской дорогѣ, атакуютъ, а если окажется возможнымъ, то и совершенно обходятъ правый флангъ турецкой позиціи. 2-й и 3-й батальоны Старо-Ингерманландскаго полка, саперная рота и полторы сотни казаковъ¹⁾, подъ начальствомъ графа Татищева, составили резервъ и должны были выступить съ бивуака по приказанію графа. Всѣмъ частямъ велѣно запасти сухарями на три и мясомъ на два дня, а выюкамъ — оставаться на бивуакѣ впредь до приказанія. Перевязочный пунктъ остался въ овчарнѣ, а санитарная рота раздѣлена пополамъ, причемъ 1-я полурота должна была слѣдовать при колоннѣ полковника Грекова, 2-я же находится при резервѣ. Наблюденіе за лѣвымъ нашимъ флангомъ возлагалось на полеченіе Грекова, а за правымъ — на особо высланный постъ отъ 5-й сотни 30-го полка.

Въ пять часовъ графъ Татищевъ собралъ у себя въ шалаши всѣхъ командировъ частей и сообщилъ имъ диспозицію, причемъ объяснилъ и условился окончательно, какъ и что кому дѣлать. Такимъ образомъ, всѣ уже заранѣе знали ясно и опредѣленно свою роль въ предстоящемъ дѣлѣ. Знали ее и субалтернъ-офицеры, знали въ общихъ чертахъ и солдаты, которымъ ротными командирами было растолковано что нужно. Остатокъ дня и вечеръ были всецѣло отданы отдыху. Въ 9 часовъ вечера проиграла зорю, люди хоромъ пропѣли «Отче нашъ» — и вскорѣ на бивуакѣ водворилось полное спокойствіе. Что-то Богъ дастъ завтра...

LXXXII.

Переходъ черезъ Траянъ.

Бой на Траянъ 26-го декабря.

Движеніе обходной колонны полковника Грекова. — Минутный вихрь. — Движеніе колонны графа Татищева. — Канонада. — Штурмъ карнарскихъ укрѣпленій. — Наступленіе противъ главныхъ траянскихъ укрѣпленій. — Охотники. — Общій видъ на Траянъ и характеръ турецкой позиціи. — Памятная пуля. — Психическій эффектъ пули и гранаты. — Передовой перевязочный пунктъ. — О. Іоаннъ Доброхотовъ. — Смерть штабсъ-капитана Швейбуцкаго. — Штурмъ «Орлинаго гнѣзда». — Нижніе чины, отличившіеся на штурмѣ.

Траянскій отрядъ, д. Карнари, 31-го декабря.

Темное небо дымилось разорванными тучами и въ ихъ просвѣтахъ мигали рѣдкія звѣзды, когда колонна полковника Грекова, ровно въ четыре часа, тронулась съ бивуака. Всѣ ча-

полка и 1-й взводъ 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады (т. е. два орудія, уже расположенныя на позиціи за насыпями).

¹⁾ Полусотни 5-й сотни и вся 6-я сотня 30-го полка.

сти ея, взбравшись на вершину и сосредоточась, подъ покровомъ ночной темноты, въ небольшой сѣдловинѣ, противъ главныхъ турецкихъ укрѣпленій, въ глубокой тишинѣ двинулись по вершинамъ влѣво. Ни одна трубка ни одна папироса не курилась; ни одного слова не перекинуто промежъ людей. И говоръ, и куреніе были строго воспрещены. Въ головѣ шли стрѣлковые части въ составѣ четырехъ ротъ¹⁾, предназначенныя въ цѣль. Командованіе всею пѣхотою обходнаго отряда полковникъ Грековъ ввѣрилъ майору Иванову²⁾, который въ главныхъ силахъ обходной колонны сосредоточилъ шесть ротъ, слѣдовавшихъ за цѣпью³⁾.

Къ половинѣ восьмого часа утра всѣ эти части расположились уже въ разстояніи 1,500 сажень передъ правифланговыми укрѣпленіями, преграждавшими путь на Карнари⁴⁾.

Резервные части отряда, находившіяся подъ начальствомъ графа Татищева, еще не снимались съ бивуака, когда въ пять часовъ утра какъ бы могучій вздохъ или стоны пронесся по лѣсу и вдругъ загудѣлъ вихрь, заставившій екнуть не одно сердце. Поднимись теперь выюга — ничто не удалось бы: погибла бы задаромъ и обходная колонна, и все, что было на бивуакѣ... По счастью, минутъ черезъ пять вихрь улегся и согналъ съ неба послѣднія тучи. Въ шесть часовъ утра двинулись на перевалъ резервы и расположились тамъ въ сѣдловинѣ⁵⁾. Два орудія⁶⁾ установлены были на двухъ сосѣднихъ высотахъ такимъ образомъ, что первое дѣйствовало противъ главнаго передоваго люнета и его ложементовъ, а второе — противъ укрѣпленій карнарской дорогѣ⁷⁾. Оба они открыли огонь

¹⁾ 1-я стрѣлковая рота 9-го полка, 1-я и 3-я стрѣлковые роты 10-го полка и 2-я рота 10-го стрѣлковаго батальона.

²⁾ Командиру 1-го батальона 9-го полка.

³⁾ 3-я и 4-я роты 9-го полка, 1-я и 3-я роты 10-го стрѣлковаго батальона (4-я рота этого батальона находилась на позиціи при орудіяхъ) и 1-я и 2-я роты 9-го полка.

⁴⁾ Въ боевой линіи части эти стали въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ — 10-й стрѣлковый батальонъ, имѣя двѣ роты въ цѣпи и одну роту въ частномъ резервѣ; въ центрѣ — 1-я и 3-я стрѣлковые роты 10-го полка; на лѣвомъ флангѣ — 1-я стрѣлковая рота 9-го полка, а въ частномъ резервѣ за лѣвымъ флангомъ — 3-я и 4-я роты 9-го полка, въ общемъ же резервѣ обходной колонны — 1-я и 2-я роты 9-го полка и четыре сотни 30-го казачьяго полка.

⁵⁾ 2-й и 3-й батальоны 9-го полка, 3-я рота 6-го сапернаго батальона и 6-я сотня 30-го полка; полусотня 5-й сотни того же полка находилась въ конвоѣ начальника эшелона, графа Татищева, и стала лѣвѣ перваго орудія.

⁶⁾ 1-го завода 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады.

⁷⁾ При орудіяхъ находились 4-я рота 10-го стрѣлковаго батальона, которая смѣнена была 9-ю и 10-ю ротами 9-го полка и направлена вслѣдъ за своимъ батальономъ.

одновременно. У турокъ очутилось теперь въ обоихъ укрѣпленіяхъ по одному горному орудію, которыхъ не было еще въ ночномъ дѣлѣ 23-го декабря, а на слѣдующій день (24-го) на наши пробные выстрѣлы отвѣчало только одно, изъ люнета; стало быть, противникъ втаскивалъ на Траяя свою артиллерію почти одновременно съ нами. Оба горныя орудія тотчасъ же очень бойко и задорно стали отвѣчать на огонь девяти-фунтовокъ, но несмотря на задоръ, ни одинъ ихъ снарядъ не нанесъ намъ ни малѣйшаго вреда во все время боя. Въ началѣ дѣла горныя гранаты почти не разрывались, но зато потомъ лопались очень изрядно и ложились большею частію возлѣ перваго нашего орудія и нѣсколько лѣвѣе его, въ томъ направленіи, гдѣ находился графъ Татищевъ съ Сухомлиновымъ и конвоемъ. Казаки, каждый разъ, какъ только слышатъ въ воздухѣ шипѣніе приближающейся гранаты, такъ и командуютъ сами себѣ: «вались!»—и вся полусотня разомъ припадаетъ къ землѣ и выжидаетъ пока зловѣщій спиральный звукъ шипящаго снаряда не пронесется надъ ихъ головами и не разрѣшится либо взрывомъ и звономъ летящихъ осколковъ, либо же простымъ шлепаньемъ гранаты въ снѣгъ гдѣ либо по близости. Тогда всѣ какъ одинъ человѣкъ поднимаются уже безъ всякой команды. Черезъ часъ это «вались» и общіе земные поклоны уже вызывала смѣхъ и шутки между ~~пешками~~

Въ восемь часовъ утра карнарское укрѣпленіе открыло ружейный огонь почти съ полутора-веретнаго разстоянія по развернувшимся войскамъ колонны Грекова. Постепенно подвигаясь впередъ и обходя это укрѣпленіе съ обоихъ фланговъ, майоръ Ивановъ по общему сигналу повелъ атаку. Турки изъ ложементовъ, находившихся противъ лѣваго фланга Иванова, пытались было встрѣтить наше наступленіе штыками и съ этою цѣлью густой гурьбою высыпали передъ траншеей; но общее наше «ура» и штыковой штурмъ сразу покончили дѣло: турки были выбиты изъ карнарскаго укрѣпленія и, понеся громадныя потери, бросились бѣжать по крутому спуску къ Карнари. По слѣдъ бѣгущему противнику тотчасъ же были пущены четыре сотни 30-го полка. Хотѣли было казаки захватить орудіе, которое, прекративъ пальбу еще ранѣе штурма, уходило теперь внизъ, но это имъ не удалось. Орудіе спускалось такъ поспѣшно и такъ неловко, что сверглось со скалы вмѣстѣ съ лошадыю въ глубокую, почти отвѣсную пропасть, откуда нѣтъ никакой возможности его вытащить. Уже на чѣтчики Цеко Петкова—люди привыкшіе къ горнымъ движеніямъ, родившіеся и выросшіе въ Балканахъ, и тѣ ничего не могли подѣлать, несмотря на всѣ свои отчаянно смѣ-

лая попытки,—такъ орудіе и остается на днѣ пропасти.

Во время преслѣдованія бѣгущихъ, казаки наткнулись на таборъ, пришедшій на помощь траянскимъ защитникамъ изъ Карлова. Передовая часть этого табора уже поспѣла было въ укрѣпленіе, но была обращена въ бѣгство вмѣстѣ съ другими силами нашего штыкового штурма. Впрочемъ, подробности этого дѣла послѣ.

Въ десять часовъ утра Грековъ уже прислалъ донесеніе, что турки выбиты Ивановымъ изъ ихъ правофланговаго укрѣпленія и бѣгутъ по спуску въ Карнари. Тогда на помощь обходной колоннѣ графъ Татищевъ отправилъ 3-й батальонъ своего полка, а 2-му батальону приказалъ наступать на главный передовой люнетъ съ фронта. Извѣстивъ объ этомъ генерала Карцова, графъ просилъ прислать къ нему поскорѣе 4-й ешелонъ, на усиленіе истощившагося резерва. Генералъ Карцовъ съ поля сраженія послалъ этому ешелону приказаніе двигаться со всею возможною поспѣшностію. Между тѣмъ графъ Татищевъ, отправляя на штурмъ 2-й батальонъ, далъ командиру его, майору Духновскому, приказаніе «не зарываться».—«Колонна полковника Грекова обошла и выбила турокъ изъ правофланговыхъ укрѣпленій, писалъ онъ. Не несите напрасныхъ потерь и захватите укрѣпленіе, какъ только противникъ станетъ оставлять его».

Получивъ это приказаніе, майоръ Духновскій вызвалъ изъ 2-й стрѣлковой роты шесть охотниковъ, которые должны были, такъ сказать, служить пионерами его атаки. На этотъ вызовъ откликнулись унтеръ-офицеры: Иванъ Гадаевъ, Назаръ Лексинъ, Сидоръ Кусакинъ и рядовые: Дмитрій Шалавинъ, Федоръ Улитинъ и Григорій Ивановичевъ. 2-й батальонъ двинулся молча и серьезно. Не было въ немъ человѣка, который не снялъ бы шапки и не перекрестился: всѣ понимали, на какое трудное дѣло ведутъ ихъ...

Вотъ каковъ былъ видъ этой позиціи, увѣнчанной грознымъ люнетомъ. Когда мы поднялись на высоту перваго гребня, предъ нами въ блескѣ великолѣпнаго зимняго утра какъ на ладони открылась вся макушка Траянова черепца. Вѣрно были двѣ высоты, занятія нашими орудіями; вѣрно тоже высота, гдѣ расположился наблюдательный постъ отъ 5-й сотни. Отсюда, если глянешь внизъ, видѣлись впереди, въ глубокой долинѣ, черепичныя кровли и тонкій, бѣлый минаретъ мусульманской деревни Текке, находящейся уже по ту сторону Балканскаго хребта. Тамъ, среди орѣховыхъ и дубовыхъ рощъ, среди роскошныхъ фруктовыхъ садовъ и правильно разбитыхъ плантацій, сверкала мѣстами подъ солнечнымъ лучемъ излучины незамерзшей рѣки Гюпса. То была поэтическая

и не разъ уже воспѣтая «Долина Розъ». И какъ близко къ намъ, казалось, была эта деревня и эта долина — просто, рукой подать! А между тѣмъ не такъ оно было на дѣлѣ: въ горахъ столь легко поддаешься на оптическіе обманы и такъ скрадываются здѣсь разстоянія.

Прямо впереди передъ нашими глазами шло ровное пространство, пересекаемое въ верстѣ разстоянія небольшою лощинкою, служившею началомъ лѣсистаго спуска—того самаго, къ которому въ ночной демонстраціи 23-го числа подполковникъ Сосновскій подвигалъ резервные сотни, въ ожиданіи обхода со стороны турокъ. Въ этой лощинѣ залегли теперь резервы 2-го батальона. Противоположный подъемъ ее представлялъ бугоръ, на которомъ 23-го находилась офицерская группа. 2-я стрѣлковая и 5-я линейная роты раскинули цѣпь еще въ лощинѣ, гдѣ вражескія пули пролетали надъ ихъ головами. Шесть охотниковъ первыми перебѣжали бугоръ, а за ними быстрымъ бѣгомъ миновали его и цѣпи обѣихъ ротъ. За бугромъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ сажень, шло опять совершенно ровное мѣсто, образуя по срединѣ себя лишь небольшую складку мертваго пространства, гдѣ 23-го числа находился Сосновскій съ полковникомъ Бородинымъ и куда придвинулись тогда же резервы стрѣлковаго батальона. Эта складка послужила теперь первымъ этапомъ цѣпи на пути ея къ люнету: въ ней на нѣкоторое время задержали наши звенья и открыли огонь вверхъ по укрѣпленію. Впереди складки, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, начинается крутой подъемъ на конусообразную скалистую высоту, вершина которой вѣчалась люнетомъ. Высшая точка скалы составляла исходящій уголъ укрѣпленія, который чернѣлся передъ нами какимъ-то острокопечнымъ шишемъ, въ родѣ шалаша или крошки. Двѣ-три такія же вышки, только нѣсколько меньшихъ размѣровъ, вырисовывались и по обѣимъ фасамамъ люнета. Отъ крайней изъ нихъ съ правой (а отъ противника съ лѣвой) стороны спускались внизъ, по гребню скалы, сложенные изъ камней ложементы; слѣва видна была торчащая града камней, тоже служившихъ ложементами, а позади люнета можно было различить какой-то скалистый утесъ, вышка котораго также курилась ружейными дымками: это было тыловое укрѣпленіе люнета,—родъ редюнта, доставлявшаго всѣмъ вообще транскимъ твердынямъ двухъ-ярусную оборону. Подъемъ къ люнету у исходящаго угла былъ столь крутъ, что и генералъ Карцовъ, и графъ Татищевъ справедливо сомнѣвались въ возможности взять его штурмомъ съ этого именно пункта, и рассчитывали на атаку фланговъ. Надо замѣтить, что все передовое укрѣпленіе слыветъ у болгаръ и турокъ подъ характернымъ именемъ «Орлинаго гнѣзда»; наши же солдатики раз-

жаловали его нѣсколькими степенями ниже и еще до штурма окрестили въ шутку «вороньимъ гнѣздомъ» и «вороньей стрѣхой». Впрочемъ, отъ этого едва ли оно сдѣлалось легче. Протяженіе всего турецкаго фронта курилось большими дымками ружейныхъ залповъ. Огонь противника направлялся не только на штурмующія части, но одновременно разсыпался вѣромъ и по всей нашей линіи: пули достигали и 3-го батальона, шедшаго обходной дорогой на подкрѣпленіе полковника Грекова, и обѣихъ орудіейныхъ позицій, и резервныхъ частей, стоявшихъ вмѣстѣ съ болгарскими частями на высотѣ перваго гребня; свистали и мимо ушей свиты генерала Карцова; стрѣляли турки специально и по ординарцамъ, направляемымъ съ приказаніями въ ту или другую сторону. Все это какъ у насъ, такъ и у противника было на виду, какъ на ладони.

Одна изъ этихъ пуль навсегда будетъ памятна какъ для меня, такъ и для генерала Карцова, который находился впереди резервовъ. Желая отправить одно изъ приказаній къ графу Татищеву, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и, положивъ ее на мое плечо, сталъ что-то писать карандашемъ; въ это время пуля рѣзко свистнула между его лицомъ и моимъ затылкомъ. Передвинулся мы предѣлимъ моментомъ на пол-шага назадъ, а я на пол-шага впередъ, и конечно—либо его, либо меня не существовало бы. Иные скажутъ, что это курьезный случай изъ разряда счастливыхъ; я же научился относить такіе «курьезные» случаи только къ Божьему промыслу, который мы, къ сожалѣнію, не всегда охотно приняти или постигнуть во всей его простоты и каждому доступной очевидности. Впрочемъ, наши солдаты, «не мудрствуя лукаво», до глубины понимаютъ это дѣло и понимаютъ такъ ясно, во всей его простотѣ!.. Оттого-то они и крестятся столь набожно и усердно, когда идутъ въ атаку. Но странное дѣло: опытъ нынѣшней войны дозналъ, что пули наносятъ вредъ гораздо существеннѣе, чѣмъ гранаты, изъ которыхъ рѣдкія разрываются безусловно-безукоризненнымъ образомъ (и для этого надо, чтобы граната попала въ средину какой-нибудь густой и плотной колонны)—и что же? Сознывая это изъ опыта, тѣмъ не менѣе, все-таки спокойнѣе переносишь рѣзкій свистъ пули, пролетѣвшей мимо уха, чѣмъ заранѣе слышимое приближеніе артиллерійскаго снаряда. А при этомъ послѣднемъ душу охватываетъ безпокойное, ноющее чувство, въ которомъ откровенно сознается большая часть офицеровъ, испытывавшихъ тотъ и другой огонь; быть можетъ, это происходитъ оттого, что пуля, летящая мимо уха, *напоминаетъ* смерть только одно мгновеніе, да и напоминаетъ его, собственно говоря, уже тогда, когда смерть пронеслась мимо; а спиральное шипѣніе грана-

ты возвышается смерть еще за три-четыре секунды рапѣе чѣмъ она пронеслась надъ головой или разрѣшилась взрывомъ гдѣ-нибудь по близости. Вотъ почему эффектъ артиллерійскаго огня, даже самаго недѣйствительнаго, *математически* дѣйствуетъ въ началѣ на всякія войска болѣе, чѣмъ самый существенный огонь ружейный. Впрочемъ, это бываетъ такъ только въ началѣ каждаго дѣла, а съ развитіемъ его это чувство постепенно притупляется.

Съ того мѣста впереди резервовъ, гдѣ находился генералъ Карцовъ, очень удобно было слѣдить за всѣмъ ходомъ атаки, которая, по близости ея растоянія, даже и безъ биноклей, отлично была видна простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Мы видѣли, какъ постепенно, словно цѣкія кошки, все впередъ и впередъ подвигались шесть охотниковъ 2-й стрѣлковой роты и какъ вслѣдъ за ними перебѣгала цѣпь, какъ снялись изъ ложницы ея резервы, какъ наши солдаты, будто бульдоги, вцѣпились чуть не зубами въ подножіе люнета и не уступали ни шагу, несмотря на градъ ружейныхъ выстрѣловъ. Линія раненыхъ, спускавшихся съ бѣло-ошѣжной горы, ясно обозначалась отдѣльными чернѣвшимиися человѣчками. Тамъ и сямъ, словно маленькія черточки, были раскиданы на снѣгу убитые и тяжело раненые. Генералъ Карцовъ направилъ туда санитаровъ, которые подъ частыми пулями отлично исполняли свое дѣло. Между этими санитарями были сѣдобородые старики, украшенные еще кавказскими крестами и даже крымскими медалями. Они бодро шли въ самый кипень боя и выносили изъ него раненыхъ, первая помощь которымъ подавалась подъ выстрѣлами. Передовой перевязочный пунктъ расположился у насъ около резервовъ, и здѣсь младшій врачъ 9-го полка Камбаръ, совсѣмъ еще розовый юноша, и дивизионный докторъ Кунаховичъ, подъ пулями, перевязывали приносимыхъ страдальцевъ, а полковой священникъ 9-го же полка, отецъ Іоаннъ Добротовъ напутствовалъ желающихъ изъ «тяжелыхъ» послѣднимъ христіанскимъ обрядомъ. Умилительно было видѣть этихъ трехъ людей, съ такимъ самоотверженіемъ исполнявшихъ свои обязанности. Въ особенности было приятно было смотрѣть на отца Іоанна: съ его молодого и широкаго великорусскаго лица, несмотря на зловѣщія свисты, не сходила добрая, ободряющая улыбка. Да что и говорить!—Здѣсь всѣ, отъ перваго до послѣдняго, военные и не военные, добросовѣстно и честно исполняли свое святое дѣло. Но хорошо отбились и наши противники! Надо отдать и имъ полную справедливость. Теперь уже дѣло шло на историческое самолюбіе: перешагнуть ли въ первый разъ отъ созданія міра военная

нога черезъ недоступный Траянъ и назоветъ ли исторія эту ногу *русскою ногою*?

Время шло уже къ полудню; ослѣпительный блескъ солнечныхъ лучей, отражаясь на снѣгу, жестоко рѣзалъ глаза; кромѣ того, солнце стояло какъ разъ передъ глазами нашей цѣпи и мѣшало ей вѣрно цѣлить. На вершинѣ оно пекло совершенно по-лѣтнему и въ первомъ часу стало такъ жарко, что хотъ скидай съ себя все, до сорочки! Мы обливались потомъ. Казалось, не только турки, но и самая природа соединилась съ ними, чтобы противостать нашему наступленію. Въ это время санитары приносятъ извѣстіе, что командиръ 5-й мясной роты 9-го полка, штабсъ-капитанъ Швейбуцкій, убитъ. Первая пуля попала ему въ ладонь лѣвой руки; онъ только что хотѣлъ обернуться къ своей ротѣ и крикнуть ей «впередъ»—какъ вдругъ вторая пуляхватила его прямо въ грудь, выше сердца, и перебила аорту. Бѣдный Швейбуцкій, завертѣвшись нѣсколько на мѣстѣ, упалъ уже мертвымъ. Графъ Татищевъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ ротныхъ командировъ. Этотъ офицеръ никогда не хотѣлъ носить ни полушубка, ни пальто, сшитаго изъ грубаго солдатскаго сукна, всегда вступалъ въ бой изящнымъ щеголемъ, въ чистенькомъ мундирчикѣ, на виду у всѣхъ, впереди своей роты, и оттого, безъ сомнѣнія, обращалъ на себя вниманіе неприятеля. За это онъ, бѣдный, и поплатился. Солдаты бережно отнесли его въ ложницу, гдѣ на слѣдующій день похоронили.

Время шло, а между тѣмъ передовой люнетъ намъ не давался, несмотря на то, что мы имѣли уже извѣстіе о благополучномъ спускѣ Грекова въ «Долину Розъ» у Карнари. Взять укрѣпленіе «въ лобъ», прямо съ фронта, было крайне трудно, если даже не окончательно невозможно. Тѣмъ не менѣе, наши солдаты 2-го батальона впились въ скалу, какъ пѣявки, и, подвигаясь вслѣдъ за своими шестью пионерами, каждыя пять минутъ постепенно укорачивали на нѣсколько шаговъ разстояніе между своимъ фронтомъ и недоступнымъ брустверомъ. Послѣ полудня къ генералу Карцову пріѣхали графъ Татищевъ, Сухомлиновъ и Сосновскій, отправившійся еще въ началѣ дѣла на артиллерійскую позицію. Въ виду полученной наканунѣ депеши великаго князя, внушавшаго не увлекаться фронтальной атакой и не нести напрасныя потери, а также замѣчая теперь неодолимая трудности штурма, всѣ эти лица уже начали было совѣщаться—что предпринять далѣе, какъ вдругъ вокругъ вышки люнета, которую облѣпили наши солдаты, словно рой пчелъ, раздалось общимъ кличемъ побѣдное «ура!»—первое «ура» нынѣшняго дня. Всѣ взоры невольно обратились въ ту сторону, и мы увидѣли, что подъ

напоромъ нашего настойчиваго, молодецкаго штурма, турки прекратили пальбу и бѣгутъ изъ укрѣпленія. Не прошло и двухъ минутъ, какъ наши уже перескочили за брустверь и—«ура» залумѣло внутри укрѣпленія... Что за торжественная была эта минута! Все что было вокругъ насъ скинуло шапки, закидало ихъ вверхъ и закричало «ура». Офицеры бросились къ Карцову поздравлять его съ побѣдою, кидались одинъ другому въ объятія, цѣловали и поздравляли другъ друга. Солдаты и казаки дѣлали то же. И такъ, невозможное, или почти таившееся до сихъ поръ невозможное достиженіе наконецъ русскою грудою! Непроходимый Траянъ побѣжденъ маленькимъ русскимъ отрядомъ и побѣжденъ въ ту самую минуту, когда уже явилось нѣкоторое сомнѣніе въ возможности преодолѣть эти твердыни, и все-таки надо сказать, что результатъ этотъ достигнутъ благодаря энергіи и настойчивости начальствующихъ лицъ, отъ генерала до послѣдняго унтеръ-офицера. Такъ, напримѣръ, унтеръ-офицеры 2-й стрѣлковой роты Семенъ Колесовъ, Исаія Кулевъ и Василій Кисловъ, вмѣстѣ съ шестью охотниками, первыми ворвались въ люнетъ, причемъ Кисловъ захватилъ неприятельское орудіе, а рядовой 5-й роты Василій Лукановъ помогъ ему въ этомъ. Той же роты рядовой Шлюма Шульцъ, про котораго товарищи дружелюбно говорятъ, что онъ «зъ намихъ», несмотря на полученную имъ тяжкую рану въ плечо, продолжалъ наступать впередъ и тоже однимъ изъ первыхъ перескочилъ за неприятельскій брустверь. Въ часъ и десять минутъ по-полудни все уже было покончено въ Траянскомъ люнетѣ.

LXXXIII.

Переходъ черезъ Траянъ.

Занятіе Текке и Карнари.

Турецкія авѣрства на Траянѣ. — «Орлиное гнѣздо», его внутренность и устройство. — Дьяконы-добровольцы и дѣвушки-войнички. — Характеръ южнаго склона Траянскихъ Балканъ. — Путь отступленія турокъ и наше преслѣдованіе. — На рубежѣ земли обѣтованной. — *Salto mortale*. — Вступленіе въ Текке. — Небезопасное положеніе нашего отряда. — Зажиточный турецкій домъ въ Текке. — Переходъ въ Карнари, 27-го декабря и наши траянскіе трофеи. — Показанія плѣнныхъ. — Дѣйствія обходной колонны Грекова 28-го числа, въ «Донивъ Розъ». — Взятіе съ боя турецкаго обоза. — Атакъ кургана. — Наши потери. — Заслуга траянскаго отряда.

Траянскій отрядъ, г. Карлово, 2-го января 1878 г.

Тотчасъ по взятіи передоваго люнета, генералъ Карцовъ послалъ меня осмотрѣть турецкія укрѣпленія на Траянѣ. Не дожидая до нихъ шаговъ подутораста, я увидѣлъ влѣво отъ себя распростертое на снѣгу совершенно обнаженное человѣческое тѣло. — «Это наши, замѣтилъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня каза-

ковъ, — извольте посмотреть, ваше благородіе, тутъ ихъ нѣсколько». Я подбѣхалъ къ первому тѣлу и почувствовалъ невольное содроганіе ужаса: передо мною лежалъ голый трупъ русскаго солдата, раненаго въ ногу. Голова этого несчастнаго была совершенно отрѣзана и уткнута носомъ въ снѣгъ, а тѣло лежало навзничъ съ поднятыми къ шеѣ и судорожно сведенными руками. Видно, что страдалецъ въ послѣднее мгновеніе жизни сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы защититься, да такъ и застылъ съ этимъ жестомъ... Второй трупъ былъ не менѣе ужасенъ: грудь его исполосована крестообразными ранами, горло проткнуто штыкомъ, темя разрублено, и тоже крестообразно. У третьяго были отрублены ноги по щиколодки, у четвертаго — по колѣни. Всѣхъ труповъ оказалось восемь, но остальные четыре не носили на себѣ никакихъ слѣдовъ истязаній, а только были ограблены до нага, даже и сорочекъ на нихъ не оставили. Невольно рождался вопросъ: почему же только четверо подвергнуты столь ужаснымъ истязаніямъ? Но вопросъ этотъ разрѣшался очень просто, стоило лишь обратить вниманіе на свойство раненій; у послѣднихъ четырехъ труповъ раны были безусловно смертельны: въ грудь и въ голову, поэтому ихъ и не мучили; истязаніямъ же подверглись только раненные относительно довольно легкимъ образомъ и преимущественно въ ноги. Это были наши стрѣлки 10-го батальона, оставленные за невозможностію разыскать ихъ въ потемкахъ, послѣ ночной демонстраціи 23-го декабря. Нѣтъ силъ и словъ описать то чувство, которое испытываешь, видя во-очію подобныя авѣрства. Это совѣтъ не то, что слышать или читать о нихъ съ чужого разсказа. Нѣсколько солдатъ и казаковъ приближались вслѣдъ за мною къ убитымъ и молча стояли надъ ними, видимо потрясенные и возмущенные до глубины души этимъ зрѣлищемъ. Лица ихъ были суровы и мрачны. Наконецъ, одинъ изъ казаковъ, отходя прочь, перекрестился и промолвилъ: «Ну, Господи, прости же Ты меня, а только ни одному я больше не дамъ пощады». Этотъ казакъ случайно былъ выразителемъ общей и единой мысли всѣхъ присутствовавшихъ. Турки, когда ихъ упрекаютъ въ авѣрствахъ надъ ранеными, всегда сваливаютъ вину на черкесовъ и башибузковъ. *Но ни тыхъ, ни друиъ на Траянѣ не было.* Здѣсь дралась исключительно регулярная пѣхота и стало быть исключительно она ограбила и изуродовала стрѣлковъ 10-го батальона.

По скалистой кручѣ взобрался я наконецъ на небольшую площадку, составляющую внутренность люнета.

Да, турки, пожалуй, и правы, назвавъ его орлинымъ гнѣздомъ... Все укрѣпленіе, равно какъ и оба ряда ложементовъ, сложены изъ

камня, а снаружи обсыпаны землею и покрыты дерномъ. Рва не имѣется, да онъ, пожалуй, тутъ и не нуженъ, такъ какъ подножіемъ люнета, и особенно у исходящаго угла, служитъ почти отвѣсная скала. То, что издали представлялось намъ черными конусообразными крышами, въ дѣйствительности оказалось шалапами, вѣнчающими исходящій уголъ и фасы люнета. Шалапы эти очень хорошо приспособлены къ безопасному помѣщенію въ нихъ солдатъ: съ основанія и до половины своей высоты они сложены изъ камня же, какъ и всѣ трайяскіе укрѣпленія, а снаружи покрыты достаточно толстымъ слоемъ земли и дерна. Въ каждомъ шалапѣ продѣлано по одному или по два небольшихъ окошка, изъ которыхъ турки могли стрѣлять, не подвергаясь сами ни малѣйшей опасности отъ выстрѣловъ противника. Здѣсь, около площадки, мы нашли восемь турецкихъ труповъ, въ числѣ которыхъ былъ и офицеръ, командовавшій люнетомъ. Онъ убитъ осколкомъ гранаты и притомъ очень замѣчательно: осколокъ, попавъ ему въ шею, совершенно срѣзалъ голову съ туловища. Вообще, здѣсь оказалось, что нашъ ружейный огонь, благодаря свойствамъ укрѣпленія, не причинилъ противнику ни малѣйшаго вреда: всѣ пораженія нанесены были исключительно осколками. Около стѣнокъ люнета и ложементовъ было разбросано множество изстрѣлянныхъ металлическихъ гильзъ и чуть ли еще не болѣе неизрасходованныхъ патроновъ. Валялось и нѣсколько оружій. Болгары, появившіеся тутъ вслѣдъ за штурмовавшими ротами, усердно подбирали то и другое, и шарили по обширнымъ, помѣстительнымъ землянкамъ, расположеннымъ позади люнета; тамъ они находили и кофе, не остывшій еще на тлѣющихъ очагахъ, и пшеничный хлѣбъ, и много баранины, а еще больше жестяныхъ коробокъ съ патронами.

Между сотнями болгаръ-четниковъ и окрестныхъ поселянъ въ особенности выдѣлялись пять типическихъ личностей: это сѣдокудный старецъ-священникъ въ камлавкѣ и съ посохомъ, два молодые дьякона съ винтовками за спиной и патронташами вокругъ пояса, и двѣ прелестныя дѣвушки-болгарки, лѣтъ 17—19-ти, тоже съ ружьями и патронными сумами. Все это были бѣглецы изъ-подъ Филиппополя и вообще съ береговъ Марицы, возвращавшіеся теперь, вмѣстѣ съ русскими войсками, въ мѣста своей родины. Лица дѣвушекъ и обоеихъ дьяконовъ пылали увлеченіемъ, восторгомъ, вдохновеніемъ... И съ какимъ чувствомъ кричали онѣ привѣтственное «ура» нашимъ казакамъ и солдатамъ, какъ стремительно и ловко, словно горныя газели, прыгали со скалы на скалу, преслѣдуя бѣгущихъ турокъ!.. Я заглядѣлся, залюбовался на этихъ красивыхъ и храбрыхъ амазонокъ, изъ которыхъ

одну зовутъ Марицей, а другую Бойкой. Одна изъ священницъ, какъ лицо, приносящее безкровную жертву Господу, оставался безоружнымъ посреди этихъ юнаковъ-добровольцевъ; его оружіемъ былъ наперсный крестъ, которымъ онъ благословлялъ на бой и напутствовалъ умирающихъ четниковъ.

Надо было взглянуть на трайяскіе укрѣпленія изнутри, чтобы судить о ихъ силѣ и вполне понять, какія невѣроятныя трудности пришлось преодолѣть штурмовымъ ротамъ. Неудайся намъ обходное движеніе, сопряженное со штурмомъ укрѣпленій, прикрывавшихъ карнаскій путь,—можно сказать почти навѣрное, что при атакѣ люнета «въ лобъ» едва ли не разбились бы усилія цѣлаго корпуса, а не то что нашего маленькаго отряда! Дѣло въ томъ, что въ случаѣ фронтальной атаки, по взятіи люнета, намъ пришлось бы брать еще редюитъ, прикрывающій тылъ и расположенный на особой отвѣсной со всѣхъ сторонъ скалѣ, на которую ведетъ зигзагами только узенькая головоломная тропинка, сплошь находящаяся подъ выстрѣлами. Взбираться по ней возможно не иначе, какъ по-одиночкѣ, да и то съ ужасными затрудненіями, а въ это время кучка непріятельскихъ стрѣлковъ могла бы съ полнымъ успѣхомъ бить любого человѣка, на выборъ—и ни одинъ не ушелъ бы цѣлымъ изъ-подъ выстрѣловъ. Только обозрѣвъ вполне всю трайяскую позицію, я понялъ окончательно, почему здѣсь въ сѣдой древности гибли римскіе легіоны и почему военные авторитеты нашего времени считаютъ ее недоступною.

Мнѣ было приказано—по обозрѣніи укрѣпленій, спуститься на южную сторону Балкана, вмѣстѣ съ 6-ю сотною 30-го полка и старонингерманландскими ротами, которыя, не медля ни одной минуты, начали преслѣдованіе бѣгущаго противника. 2-я стрѣлковая и 5-я линейная роты, вмѣстѣ съ охотниками отъ всѣхъ остальныхъ ротъ 2-го батальона, сбросивъ съ себя въ укрѣпленіяхъ все лишнее, въ родѣ сухарныхъ мѣшковъ и палатокъ, и оставивъ при этихъ вещахъ особыхъ часовыхъ, пустились преслѣдовать турокъ налегкѣ, съ одними патронами.

На первомъ же уступѣ нижняго склона я нагналъ графа Татищева и подполковника Сухомлинова. Не лѣзя ни тому, ни другому, я тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что бодрость и энергія графа и его помощника, не спавшихъ болѣе сутокъ и вынесшихъ наравнѣ съ солдатами массу трудностей, были изумительны.

Южный склонъ хребта еще хуже сѣвернаго: онъ гораздо круче, скалистѣе и пересѣченнѣе, а такъ какъ мы спустились на Текке, то въ этомъ направленіи даже и тропинки не существуетъ. Нерѣдко приходилось прыгать внизъ съ камня на камень, какъ бы по естественнымъ ступенямъ, изъ которыхъ многи были

болѣе чѣмъ въ полтора аршина вышиною. Здѣсь наши добрыя русскія лошади просто поражали насъ своимъ умомъ и скоростной ловкостью. А вѣдь это все по преимуществу степныя лошади, изъ которыхъ едва ли какая видала и испытала горные пути прежде Балкана! Передъ каждою такою ступенью лошадь вся осѣдаетъ назадъ, затѣмъ осторожно выноситъ впередъ и спускаетъ внизъ одну, потомъ другую ногу, плотно ставитъ ихъ рядомъ, и тогда уже, утвердись передними копытами на новой ступени, плавно соскальзываетъ на нее поджатыми подъ себя задними ногами. Это была такая эквилибристика, какую не часто встрѣтишь и въ образцовомъ циркѣ, а здѣсь сама нужда выучила. На этомъ спускѣ множество солдатъ вконецъ изодрали свою обувь, нарѣзываясь на острые камни. Снѣгу на южномъ склонѣ было уже очень мало: онъ бѣлѣлся только во впадинахъ да въ глубинѣ затѣненыхъ овраговъ, но зато мѣстами глинистая почва, размякшая подъ стаявшими снѣгомъ, липла къ подошвамъ и усугубляла трудности движенія. Многие выбивались изъ силъ, и однако же волей-неволей надо было спускаться: потому что, во-первыхъ, мы должны были преслѣдовать непріятеля, а во-вторыхъ—на склонѣ не имѣлось ни одного достаточно просторнаго мѣста, гдѣ можно бы провести ночь, да и не безопасно проводить ее зимою на Балканѣ, гдѣ погода такъ предательски измѣнчива. Потерпѣвъ значительное крушеніе въ своей обуви и утомясь до полнаго изнеможенія, нѣкоторые офицеры и казаки—сколь ни жалко лошадей—вынуждены были сѣсть верхомъ; но спускъ мѣстами до того былъ крутъ, что имъ приходилось совершенно опрокидываться корпусомъ на заднюю луку, дабы сохранить на сѣдлѣ вертикальное положеніе. Пѣшие люди въ подобныхъ обстоятельствахъ просто ложились на спину и скатывались внизъ.

Въ одномъ мѣстѣ, проходя мимо глубокой пропасти, мы замѣтили на ея противоположномъ и почти отвѣсномъ склонѣ узенькую тропинку, которая чернѣлась на снѣгу и стремилась въ глубину по совершенно прямой линіи. Вначалѣ намъ казалось непонятнымъ, какъ это можно взбираться или спускаться по такой тропинкѣ и притомъ безъ малѣйшихъ уклоновъ и изгибовъ. Но когда вглядѣлись пристальнѣе въ дно пропасти у того мѣста, въ которое упиралась мудреная тропинка, для насъ объяснилось сразу въ чемъ тутъ дѣло: это былъ путь, избранный большинствомъ турокъ, бѣжавшихъ съ Траянова черепа, въ виду нашего преслѣдованія. Тамъ, на днѣ пропасти валялась груда мертвыхъ и умирающихъ аскеровъ, которые еще кое-какъ барахтались изъ-подъ налегшихъ на нихъ товарищей, а одинъ трупъ, съ разможенной головой, лежалъ въ серединѣ тропинки, зацѣпясь за сучокъ терноваго куст-

тарника. Это, вѣроятно, былъ послѣдній чловекъ изъ тѣхъ, что избрали такую буквально головоломную дорогу для своего спасенія. Очевидно, что турки просто скатывались внизъ, предпочтя это направленіе, какъ кратчайшее; но надо думать, что такой ужасный путь могли указать людямъ только ихъ смертное отчаяніе и жесточайшая паника. Тѣ, кому удалось болѣе или менѣе благополучно свергнуться внизъ, старались прятаться отъ взоровъ напихъ солдатъ за большими камнями, или за объемистыми стволами старыхъ деревьевъ, либо же пробирались сквозь густой и колючій кустарникъ, покрывающій дно пропасти. Солдаты и болгары, замѣтивъ гдѣ нибудь внизу кучку такихъ бѣглецовъ, начинали ихъ подстрѣливать; турки иногда отвѣчали на огонь, и тогда завязывалась тамъ и сямъ кратковременная перестрѣлка, въ результатѣ которой гдѣ нибудь на днѣ оказывалось нѣсколько турецкихъ труповъ. Наши стрѣлки болѣею частью укладывали всѣхъ до послѣдняго. Весь нашъ путь усѣянъ былъ трупами. Это было дѣломъ двухъ ротъ—2-й стрѣлковой и 5-й линейной, вмѣстѣ съ охотниками, шедшими вразбродъ по скаламъ, впереди преслѣдующей колонны.

Какъ я сказалъ уже, передовой ланетъ былъ взятъ 2-мъ батальономъ въ часть и десять минутъ по-полудни, причемъ преслѣдованіе началось немедленно же, а спустились мы въ «Долину Розъ» только въ семь часовъ вечера, когда стало уже совершенно темно и на ясное, темносинее небо выплылъ золотистый серпъ молодого мѣсяца, сіяющій рядомъ съ «рождественскою» звѣздою. И такъ, чтобы пройти пятиверстное разстояніе спуска отъ ланета до Текке¹⁾ намъ, при всей поспѣшности нашего марша, потребовалось шесть часовъ времени, а все это движеніе сопровождалось непрерывнымъ стрѣлковымъ боемъ. Такъ какъ болѣею частью приходилось идти по карнизамъ пропастей, то изъ глубины послѣднихъ нерѣдко посылались вверхъ турецкія пули, которыя хотя и свистали мимо ушей, но, по счастью, не причиняли людямъ почти никакого вреда: снизу вверхъ вообще дѣлать весьма трудно, а тѣмъ болѣе при такихъ крутизнахъ. Зато наши пули были на выборъ, и много, много правовѣрныхъ полегло въ этотъ день въ терновыхъ кустарникахъ, на днѣ пропастей, гдѣ отыщутъ ихъ разве одни вороны....

Во время этого спуска одинъ чрезвычайно живописный моментъ особенно врізался въ мою память. На небольшой площадкѣ графъ Татищевъ далъ кратковременный отдыхъ саперамъ и тремъ ротамъ своего 2-го батальона. Приостановились мы не болѣе какъ минутой на пить, на шесть. Графъ воспользовался этимъ време-

¹⁾ Эта мѣра разстоянія опредѣляется сагами турками и мѣстными болгарами.

немъ, чтобы поблагодарить людей за совершенное ими сегодня гигантское дѣло. Отвѣтомъ ему было громкое «ура» въ честь государя. Тутъ же кучка солдатъ 2-й стрѣлковой роты, вмѣстѣ со своимъ лихимъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Яковлевымъ, тащила на рукахъ свой призъ—горное орудіе съ лафетомъ и со всѣми принадлежностями, и ужъ Богъ ихъ знаетъ, какъ это они ухитрились протаскивать подобную тяжесть по такимъ трущобамъ.... Пара муловъ, нагруженныхъ снарядами этого орудія, слѣдовала непосредственно за кучкой. Я обернулся назадъ и кинулъ взоръ наверхъ, къ пройденному пространству. Съ этого мѣста снѣжный черепъ Траянскаго перевала уже не былъ виденъ, а являлась возможность охватить взглядомъ только нѣсколько террасообразныхъ и картинно очерченныхъ уступовъ, которые обширнымъ амфитеатромъ развѣтывались надъ нашими головами. Всѣ эти уступы покрыты были множествомъ пестрыхъ человѣческихъ группъ, спускавшихся къ низу; тутъ находились и наши отсталые, и цѣлыя массы болгаръ, мужчинъ и женщинъ, невѣдомо какъ и откуда вдругъ набравшихся въ хвостъ нашей колонны. А впереди, внизу развѣтывался прелестный и граціозный видъ на долину Гюпса, разграфленную полосами благодатныхъ лашенъ, усѣянную орѣховыми рощами, розовыми плантациями и темными пятнами турецкихъ деревень, изъ которыхъ Текке была, казалось, такъ близко, совсемъ подъ ногами. Всю эту широкую картину дивной природы, эту долину, рисовавшуюся какъ на ландкартѣ, и эти суровыя сѣрыя скалы, окружавшія насъ, и эти сосѣднія снѣжныя вершины, и все это множество народа, унизывавшаго уступы, волшебно озаряло сбоку ярко-розовымъ свѣтомъ заходящее солнце.

— Вгляните на эти массы людей—скажутъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ, видъ это словно какое-то великое переселеніе... словно библейскій народъ на рубежѣ земли обѣтованной!

И дѣйствительно, общая картина въ эту минуту, при побѣдныхъ кликахъ войска и при этомъ багряномъ солнечномъ блескѣ, являла собою дивную декорацію, исполненную торжественнаго величія и высокаго драматизма. Тотъ народъ, что валилъ теперь по пятнамъ русскаго солдата—народъ, угнетенный пятилѣтнимъ рабствомъ, могъ смотрѣть на разстилавшіяся у ногъ его пространства, какъ на обѣтованную землю своей будущей свободы, искупленной цѣною русской крови!

А внизу межъ тѣмъ кипѣла горячая перестрѣлка.

Черезъ нѣсколько минутъ солнце скрылось за горами и наступили короткія сумерки, послѣ которыхъ насъ обьяла прозрачная тьма, насыщенная слабыми лучами молодого мѣсяца. До Текке оставалось еще съ версту; впрочемъ,

движеніе въ этой тѣмѣ было еще кое-какъ возможно, тѣмъ болѣе, что тутъ появилось уже нѣкоторое подобіе тропинки. Мы шли мимо колючихъ кустарниковъ терна и шиповника, отъ которыхъ сильно доставалось нашему платью. Порою приходилось нагибаться, чтобы пройти подъ древесными вѣтвями, загородившими тропинку. Но вдругъ передъ нами неожиданное препятствіе: поперекъ пути легла глубокая расщелина, около полутора аршина въ ширину, по которой прядаетъ сверху шумящій и пѣнистый водопадъ, обдавая насъ брызгами. При этомъ—ни малѣйшаго намека на какой бы ни было мостикъ. Надо прыгать черезъ расщелину и ухитряться попасть ногою на узенькое горизонтально лежащее пространство въ родѣ батарейной бермы, не болѣе какъ въ двѣ четверти шириною. Но главная трудность еще не въ прыжкѣ, а въ томъ, что тропинка сразу, на томъ же шагу дѣлаетъ крутой заворотъ влѣво мимо терноваго куста и тутъ же круто начинаетъ спадать внизъ. Мой прыжокъ обошелся мнѣ вполне благополучно, если не считать кровавыхъ уколовъ терна, за который пришлось ухватиться рукою; но я съ ужасомъ подумалъ о моей верховой лошади: каково-то удастся ей совершить это мудреное *salto mortale*,—и что же!—не только верховые, но даже вьючныя лошади всего отряда прошли здѣсь въ-потѣмахъ безъ несчастныхъ случаевъ. Опять-таки ихъ выручили природныя качества, которыя, къ сожалѣнію, мы такъ мало цѣнимъ въ нашей русской лошади.

Въ долину и въ самой деревнѣ то и дѣло вспыхивали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ; но вотъ послѣдовательно, одинъ вслѣдъ за другимъ, раздались два отчетливые залпа, затѣмъ грянуло родное «ура», которое поглотило въ своемъ звукѣ какіе-то стоны и отчаянные вопли; этому крику, мгновенные спустя, словно эхо, откликнулось издали другое «ура», подхваченное нашими въ сосѣдней деревнѣ Карнари, и затѣмъ на нѣсколько минутъ все смолкло, какъ бы замерло... Мирно и, казалось даже, будто привѣтливо мигали огоньки въ окнахъ селеній; мирно покоилась долина, слегка заволакиваясь тонкимъ туманомъ; кротко обливалъ мѣсяцъ всю окрестность своими тихими серебристыми лучами. Какіе странные и рѣзкіе контрасты! Даже не вѣрилось какъ-то, что за минуту по этой самой долину могли гремѣть боевые выстрѣлы. Но вотъ опять молніеподобная вспышка, опять роковой звукъ, и вслѣдъ за нимъ гдѣ-то по близости заунывно просвистала пуля. Этотъ выстрѣлъ раздался изъ какого-то дома въ Текке. Жители-турки стрѣляли по войскамъ, вступающимъ въ деревню. Съ нашей стороны было пушено двѣ-три отвѣтныя пули. Спустя нѣсколько минутъ мы уже шли по одной изъ улицъ селенія. Порою тамъ и самъ раздавались еще отдѣльные выстрѣлы, но звукъ ихъ уже за-

мѣтно удалялся. Это—отстрѣливаясь отъ насъ, бѣжали изъ Текке, подъ покровомъ вечерней темноты, послѣдніе изъ жителей и аскеровъ, фанатически рискуя остаться въ деревнѣ вплоть до занятія ея русскими силами. Уже въ самой улицѣ мы наткнулись на два трупа—казака и болгарина-добровольца, павшихъ жертвами послѣднихъ вражескихъ выстрѣловъ. Вскорѣ казаки донесли, что селеніе окончательно очищено жителями, и мы спокойно могли размѣститься по квартирамъ.

Положеніе нашего небольшого отряда было далеко не изъ безопасныхъ. Мы перешагнула за Балканскій хребетъ и очутились безъ артиллеріи, безъ сухарей и съ самымъ ничтожнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ, въ мѣстности, служившей пріютомъ исключительно турецкому населенію. Показанія захваченныхъ въ плѣнъ турецкихъ офицеровъ и солдатъ единогласно удостовѣряли, что справа и слѣва отъ насъ, не далѣе какъ въ пятнадцать верстахъ, въ Киссурѣ и въ Карловѣ, находятся еще турецкія силы; можно было рассчитывать, что если не въ эту же ночь, то завтра утромъ противъ насъ будетъ сдѣлана ими какая-либо попытка, а потому, на всякій случай, изъ предосторожности, роты были расположены въ сосредоточенномъ порядкѣ по нѣсколькимъ сосѣднимъ дворамъ, селеніе окружено цѣпью довольно сильныхъ аванпостовъ, къ сторонѣ же Карлова и Киссуры посланы значительные разбѣды. Къ числу затруднительныхъ сторонъ нашего положенія надо отнести также и то обстоятельство, что пути отступленія у насъ не существовало. Если еще бое-какъ возможенъ былъ шестичасовой спускъ съ Траяна, то подъемъ на него съ боемъ являлся уже окончательно невыполнимъ. Нѣсколько нашихъ ротъ и казачьихъ сотенъ преслѣдовали турокъ вплоть до Малаго Балкана и окончательно ихъ разбѣды. Отъ той стороны порою все еще доносились звуки ружейныхъ выстрѣловъ.

Войдя въ занятый нами домъ, мы нашли очагъ, пылавшій еще полнымъ пламенемъ. Надъ нимъ висѣлъ на цѣпи мѣдный котелъ, въ которомъ варилась какая-то бобовая похлебка. Цыновки, коверъ, подушки, полная домашняя утварь—все это оставалось на своихъ обычныхъ мѣстахъ, какъ будто тутъ не случилось ничего особеннаго, какъ будто все «обстояло и обстоитъ благополучно». Основываясь на этихъ признакахъ, надо было думать, что хозяева покинули свое жилище въ числѣ самыхъ послѣднихъ, т. е. самыхъ неуступчивыхъ обитателей Текке, предъ самымъ вступленіемъ нашимъ въ деревню, и потому ничего не успѣли захватить съ собою. Домъ этотъ, судя по всему, принадлежалъ къ числу весьма зажиточныхъ и отнюдь не походилъ на тѣ несчастныя болгарскія землянки, какъ напримѣръ въ Боготѣ, жизнь въ которыхъ стала для насъ подѣ ко-

нецъ совсѣмъ невыносимую. Здѣсь на каждомъ шагу являлась полная благосостоятельность, во всемъ проглядывало довольство, изобиліе. На дворѣ стояли большія скирды сѣна и соломы, въ хлѣвахъ тѣснился крупный и мелкій рогатый скотъ, домашняя птица сидѣла въ сараѣ на насѣстахъ, закромы полны были пшеницею, ячменемъ, овсомъ и кукурузою; въ кладовыхъ наша прислуга отыскала большіе запасы рису, бобовъ, муки, гречкихъ орѣховъ, сиропу, меду и цѣлыя бутылки прекрасной розовой воды. Но замѣчательно, что во всей деревнѣ не нашлось ни капли спирту, вина или водки. Это одно уже свидѣтельство, что тутъ обитало старозаконное, настоящее мусульманское населеніе, строго наблюдавшее постановленія корана. Не нашлось также и ни одной лошади, но это потому, что на лошадяхъ усакали отъ насъ жители. Мы поужинали турецкимъ добромъ очень аппетитно, тѣмъ болѣе что цѣлый день рѣшительно ничего не ѣли, и не раздѣваясь отлично заснули, всѣ въ-попалку, на ворохѣ ароматнаго сѣна.

На слѣдующее утро, 27-го числа, главные силы отряда были передвинуты въ Карнари, гдѣ еще со вчерашняго дня находились части обходной колонны полковника Грекова. Штабъ нашъ, въ девятomъ часу, только что успѣлъ сѣсть на коней и выѣхать въ одинъ изъ закоулковъ Текке, какъ повстрѣчался съ Грековымъ. Полковникъ ѣхалъ къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ, конвоировавшихъ толпу плѣнныхъ аскеровъ. Позади его развѣвались два вчерашне трофея: турецкое плѣхотное знамя—красное, съ бѣлыми надписями, и большой аначокъ, съ огромнымъ краснымъ полотнищемъ, по срединѣ котораго красовался бѣлый полумѣсяцъ со звѣздой. Полковникъ Грековъ, представивъ свои трофеи, примкнулъ вмѣстѣ съ нами къ нашему штабу и поѣхалъ обратно въ Карнари, лежащее верстахъ въ пяти отъ Текке. Плѣнные были направлены туда же. Изъ ихъ показаній выяснилось, что противъ насъ было пять таборовъ, кромѣ того, который шелъ на подрывленіе изъ Карлова. Три табора защищали передовый люнетъ, редювъ и ложементы, одинъ находился въ право-фланговомъ укрѣпленіи и одинъ на спускѣ, въ резервѣ, а сотня церкесовъ занимала Карнари. Всѣмъ отрядомъ командовалъ Раффикъ-бей, успѣвшій бѣжать въ Мале Балканы.

Тутъ же на пути мы узнали слѣдующія подробности дальнѣйшихъ вчерашнихъ дѣйствій нашей обходной (караарской) колонны.

Послѣ того какъ майоръ Ивановъ со своимъ 1-мъ батальономъ 9-го полка успѣшно взялъ штурмомъ укрѣпленія, прикрывавшія спускъ на Карнари, полковнику Грекову было послано приказаніе атаковать главный люнетъ съ тылу, со стороны Текке. Въ силу этого пря-

казанья, майоръ Ивановъ направилъ по карнарекому спуску двѣ роты (2-ю и 3-ю) 9-го полка и часть казаковъ къ Текке, куда эти части должны были проследовать по дорогѣ, лежащей въ долинѣ между подошвою Балканскаго хребта и Карнари. Между тѣмъ и приятель, выбитый изъ правофланговыхъ укрѣпленій майоромъ Ивановымъ, успѣлъ, хотя и съ большими потерями, спуститься въ долину и занять Карнари. Тутъ присоединился къ туркамъ совершенно свѣжій таборъ пѣхоты, который только-что пришелъ изъ Карлова на помощь защитникамъ Траянова перевала и теперь успѣлъ своими стрѣлками окранны деревни. Двѣ сотни 30-го полка, слѣдъ вавшія въ головѣ колонны Грековъ, съ крикомъ «ура» бросились на селеніе и лихо въ одну минуту, такъ сказать, прошивали его насквозь своею атакою. Этотъ молодецкій налетъ былъ подержанъ какъ разъ въ время четырьмя пѣхотными ротами¹⁾, которая бѣгомъ или, вѣрнѣе говоря, кубаремъ скакали въ долину съ послѣдняго уступа Карнарскаго спуска и штыками выбили неприятельскихъ стрѣлковъ изъ за каменныхъ оградъ, составлявшихъ окранны деревни. Тутъ были взяты съ боя турецкіе знамя, штабъ-офицеръ, командовавшій карловскимъ таборомъ, и нѣсколько десятковъ аскеровъ, принадлежавшихъ къ аравискому корпусу, остальные бѣжали къ Малымъ Балканамъ и на протискиваніи пяти верстъ были вѣстойчиво преслѣдуемы нашею пѣхотой и казаками. Большинство этихъ бѣглецовъ легло на пути либо подъ пулями, либо отъ ударовъ пика Пика работала здѣсь по преимуществу, и зияющія савозныя раны, нанесенныя этимъ оружіемъ, безъ преувеличенія были ужасны... По крайней мѣрѣ, я никогда еще не видѣлъ подобныхъ

Въ то самое время какъ Грековы со своими допками и четырьмя ротами атаковали Карнари, 2-я и 3-я роты 9-го полка съ частью казаковъ, направленные на Текке для атаки въ тылъ передового люнета, едва успѣли миновать пространство между хребтомъ и Карнари, какъ наткнулись по дорогѣ на уходящій военный обозъ, прикрываемый частью аравискаго пѣзама и черкесской сотней. Аскеры разсыпались за повозками и открыли огонь, а черкесы не успѣли еще изготавиться къ немъ, какъ казаки уже налетѣли на ихъ гурьбу и смели ее въ одно мгновеніе ока. Тутъ въ прѣшедшей свалкѣ, былъ стигнутъ болѣе значительный черкесской сотни, а между тѣмъ Шелеповъ со своею 3-ю ротой штыками выбилъ лѣвѣе прикрытыя изъ-за повозокъ и овладѣлъ гранепортомъ въ 80 повозокъ, наполненнымъ галетами, рисомъ, мукою, солью, палочками, овчинами и палатками. Передавъ все

это казакамъ, Шелеповъ двинулся далѣе.

На половинѣ пути между Карнари и Текке, шагахъ въ трехстахъ отъ дороги, съ лѣвой стороны находится древній курганъ, покрытый густыми голыми кустами и фруктовыми деревьями. Съ вершины этого кургана раздался вдругъ бѣлый огонь съ лѣвой фланга 3-й роты. Повернувшись своей фронтъ вѣвы, Шелеповъ съ трехъ сторонъ захватилъ курганъ цѣлюю и крикнулъ туркамъ: «Приси аманъ! Сдавайся!» Тѣ отвѣчали на это усиленнымъ бѣглымъ огнемъ. Тогда Шелеповъ, придвинувъ резервъ своей цѣли, снянулъ въ сомкнутой стрѣй свою роту, далъ ей аустамъ два отчетливые залпа и загнѣмъ бросился на штурмъ кургана. Рота, воодушевленная успѣхами этого дня, съ крикомъ «ура» дружно бросилась впередъ, мѣлче чѣмъ въ полминуты взбѣжала на вершину и прорвалась сквозь кустарникъ... Турки, не прости кълады защищались съ отчаяннымъ мужествомъ и все до послѣдняго члѣвѣка пали подъ нашими штыками. Штыковая «работа» была ужасна по своей силѣ и ожесточенію. На другой день, утромъ, я видѣлъ этотъ курганъ со вѣвы безмолвно краснорѣчивыми свѣдѣтельствами послѣдняго боевого эпизода. Трупы были буквально припороты штыками; ударъ, нанесенный въ лобъ одному аравитянину, отличался такою силою, что штыкъ, пробивъ лобную кость, вылетѣлъ наружу до половины длины своей сквозь темя; что это была рана штыковая, свѣдѣствуетъ ей трехгрѣнное отверстие. Впрочемъ, ожесточеніе нашихъ солдатъ имѣло свою причину: предъ самымъ штурмомъ кургана, въ виду всей роты, былъ убитъ любимымъ ею фельдфебелемъ Дмитрій Александровъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ фельдфебелей во всемъ полку. «Ура», грянутое этою ротою при паденіи кургана и подхваченное въ Карнари, и было тѣмъ самымъ крикомъ, который слышали мы при спускѣ съ послѣдняго уступа.

Потери нашего отряда, сравнительно съ достигнутымъ, почти дѣловитымъ успѣхомъ, были крайніе ничтожны: убито 155 человекъ¹⁾. Мы особенно обращаемъ вниманіе на эту ничтожную потерю, потому что у насъ за послѣдніе мѣсяцы проявляется ошаченный изгладъ на свойство нашихъ побѣдоносныхъ дѣйствій. Только тогда успѣхъ и считается успѣхомъ, когда потери сраженія, удачнаго по своимъ результатамъ, насчитываются цѣлыми тысячами. О такихъ дѣлахъ кричать, ихъ пресла-

¹⁾ 1-ю стрѣлковую 9-го полка, 1-ю и 3-ю линейными 10-го полка и 2-ю роту 10-го стрѣлковаго батальона.

¹⁾ Убито при демонстраціи и на штурмѣ офицеръ 1, нижн. чинъ 25, ранено: офицеръ 2, нижн. чинъ 61, контужено: офицеръ 1, нижн. чинъ 6, денщикъ 1, обморожено: офицеръ 2, нижн. чинъ 48, безъ вѣсти пропало нижнихъ чинъ 8; итого 155 человекъ общей убиты въ отрядѣ.

отрядъ пѣхоты и казаковъ¹⁾ На развѣдки къ Клиссурѣ, Чукурлу и Карлону были посланы надежные казаки и офицеры. Грузиновъ, Галдинъ, Кудинцевъ и Поцѣлуевъ. Между тѣмъ на Траянѣ шла дѣятельная и мучительно-трудная работа. тамъ спускали на нашу сторону 9-ти фунтовые орудія со всѣми ихъ принадлежностями. Но едва они тронулись въ путь, какъ на вершинахъ поднялась метель и вьюга. И какъ это кажется странно, когда смотришь на такое явленіе природы снизу, изъ глубины закрытой долины: здѣсь у насъ полная тишина и безвѣтріе, повсюду свѣтитъ солнце, а тамъ, наверху быстро мчатся бѣлыя облака и горный вѣтеръ безпрестанно мѣняетъ ихъ видъ и формы. Представьте себѣ, напримѣръ, что по голубому фону громаднаго полотна картины сдѣланы гигантскою кистью мазки снизу вверхъ, имѣющие форму заляптыхъ, обращенныхъ хвостами къверху; эти мазки озаряются солнцемъ, лучи котораго тамъ и сямъ пробиваются между взметами облаковъ и свѣтами и свѣтлыми пятнами ложатся наверхъ, на склоны и скалы. Взрывы и удары вѣтра, слышнаго внизу, безпрестанно мѣняютъ формы мчащихся облаковъ, вмѣстѣ съ чѣмъ мѣняются и пятна солнечнаго свѣта, переобвѣвая мѣста на мѣсто. Среди глубокаго и яснаго спокойствія окружающей природы внизу, видишь (но не слышишь), что тамъ, наверху, все полно хаотическаго движенія и проносятся нѣчто бурное, тревожное, грозное... Болгары, указывая пальцемъ на горныя выси, опасливо покачивали головами. Между тѣмъ, несмотря на бурю, спускъ орудій продолжался, потому что безъ артиллеріи, окруженные частями неприятельскихъ войскъ и не войдя еще въ связь съ графомъ Комаровскимъ, мы были поставлены въ положеніе далеко не безопасное; буря же настолько препятствовала движенію, что орудія наши, при всѣхъ усилахъ и непрерывномъ трудѣ, были задержаны на переправѣ двое сутокъ (27-е и 28-е декабря). Положеніе артиллеристовъ и рабочихъ становилось отчаяннымъ, такъ какъ метель отрывала имъ всякое сообщеніе и съ нами, и съ тыломъ. А въ это же время долина Гюгса, извѣстная здѣсь подъ поэтическимъ именемъ «Долины Розъ», несмотря даже на ея свѣжій покровъ, плѣняла взоръ и чувство своею тихою прелестью. Это одинъ изъ самыхъ благодатныхъ, богатыхъ и роскошныхъ уголковъ въ мірѣ. Простираясь въ ширину не болѣе какъ на пять—на семь верстъ, она со всѣхъ сторонъ заслонена горами отъ вліянія студеныхъ и непогожихъ вѣтровъ. Отъ этого здѣсь климатъ очень мягкій: мы ходили до поздняго вечера въ однихъ мундирахъ, не чувствуя ни

холода, ни сырости; погода стояла совсѣмъ весенняя, да и свѣтъ въ долині Гюгса выпадаетъ лишь въ рѣдкую зиму, и то на короткое время. По всему пространству долины струятся въ разныхъ направленныхъ мелководные, но быстрые и удивительно прозрачныя ручейки, спадающіе съ горъ, и это изобиліе воды умѣряетъ лѣтомъ зной и предохраняетъ почву отъ засухи. Чтò за гигантскія деревья тутъ, и какая могучая, роскошная растительность наполняетъ весь этотъ уютный уголокъ! Многовѣковые, пышнохвватные дубы, буки и платаны массивно стоятъ цѣлыми роицами; ореховое дерево, яблоня, груша и слива растутъ по полямъ, понидимому, въ совершенно дикомъ состояніи, какъ у насъ на сѣверѣ рябина; по сторонамъ дороги тянется непрерывный рядъ тутовыхъ и розовыхъ плантацій, горныя склоны покрыты виноградниками; но изъ всѣхъ произрастеній роза культивируется здѣсь по преимуществу. Кусты ея тянутся длинными и стройно правильными рядами по грядкамъ плантацій. Покинутыя турецкія деревни, изобильно окрошаемыя звонкими ручьями, являются слѣды высокаго благосостоянія и утопаютъ въ садахъ. Неувиданный плюнь покрываетъ своими прихотливыми побѣгами стѣны домовъ и мечетей, каменные заборы и нерѣдко отъ корня до вершины оплетаетъ громадные, высокія деревья, которыми, такимъ образомъ, среди зимы представляются одѣтыми самую роскошную листвою, а свѣжая зелень миртовыхъ кустовъ еще увеличиваетъ обиліе всей этой прелести. Чтобы дать понятіе о степени богатства и изобилія этой мѣстности, достаточно сказать, что въ пяти-шести ближайшихъ деревняхъ, въ теченіе двухъ сутокъ, мы успѣли собрать до тысячи головъ крупнаго и три тысячи мелкаго скота, покинутого бѣжанными хозяевами; сѣна было такъ много, что оно шло даже на подстилку лошадямъ, — и ли же онъ его, ли до отвала, послѣ столь долгаго голоданья подъ Плевной и на Балканахъ!.. Дворы были наполнены домашнею птицею; хлѣба зернового, кукурузы, овса и ячменя мы находили полные закромы въ каждомъ домѣ, равно какъ и запасы бобовъ, миндаля, ореховъ, меда и сушеныхъ фруктовъ. Розовою водою солдаты опрыскивались какъ духами. Такъ какъ жители Текке и Карнари при занятіи этихъ селеній оказывали намъ вооруженное сопротивленіе, то на основаніи законовъ войны мы имѣли право сжечь обѣ деревни, но по истинѣ жалъ стало истреблять такую прелесть, да и при томъ же онѣ пригодились для насъ самихъ, дали намъ удобный пріютъ послѣ бивуачныхъ невзгодъ на Балканѣ, и авось-либо будущее ихъ обитатели, болгары, скажутъ намъ заочное спасибо за сохраненіе въ цѣлости покинутыхъ турецкихъ селеній. По праву войны мы воспользовались только ихъ запасами, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Двѣ роты 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго и сотня 24-го казачьяго полковъ, подъ начальствомъ майора Коборло

что на подходе и индустриальных транспортных приходов было надобно покинуть всякую надежду. В Карнарской мечети были найдены цѣлый склад патроновъ, пороха, палатокъ, одѣялъ, галетъ, и проч. Вообще, патроны въ насъ были много, очень много — туръ пылъ, но, къ сожалѣнью — мало своихъ. А тутъ еще эта метель въ Балканахъ на цѣлые двое сутокъ задержала подвозъ ихъ на выкопѣ!

Сотня, посланная къ Карлову, возвратилась къ вечеру 27-го и пришла съ собой турецкое кавалерійское знамя, вмѣстѣ съ извѣстiemъ, что турецкая кавалерія и часть пѣхоты, занимавшая Сопотъ и Карлово, въ виду приближенія казаковъ, бѣжала столь поспѣшно, что не успѣла или забыла захватить даже знамя, найденное нами въ квартирѣ начальника. Эта же сотня сообщила намъ, что къ сторонѣ Шипки все время слышна сильная канонада. Другая сотня, высланная къ сторонѣ Злагицы, для связи съ отрядомъ генерала Дандевилля и на встрѣчу поджидаемому къ намъ отряду графа Комаровскаго, открыла въ Клинсуру пѣхоту и конницу противника; по слухамъ, тамъ было четыре табора, и потому, для наблюдения за ними, мы выдвинули за Рахманлы двѣ сотни изъ состава 24-го казачьяго полка, который, несмотря на метель, успѣлъ кое-какъ перевалить черезъ Тракия и расположился въ Текке. Всѣ турецкiе деревни въ долинѣ Гюсса, по осмотру ихъ, оказались покинутыми. Вооруженные жители удалились въ Малый Балканъ, на склонахъ котораго мы каждую ночь видѣли костры и слышали выстрѣлы, раздававшиеся впрочемъ во всѣ эти дни съ утра до утра. Это «братники» охотились за одиночными бродягами изъ разбѣженныхъ нами аскеровъ и учиняли на нихъ даже цѣлые облавы.

Ни о томъ, гдѣ находится 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизии, состоявшая до сего въ отрядѣ генерала Дандевилля, подъ начальствомъ графа Комаровскаго, ни о томъ, что дѣлается на Шипкѣ — мы въ течение 27-го и 28-го декабря не имѣли никакихъ извѣстiй; съ обѣихъ сторонъ въ оба эти дня слышались только артиллерійскiе выстрѣлы, въ особенности сильныя въ направленiи Шипки. Между тѣмъ генералъ Карцовъ, собравъ подробности о днѣ 26-го числа, послалъ начальника отряднаго штаба, подполковника Сосновскаго, съ донесенiемъ въ Ловчу, гдѣ въ то время находилась главная квартира, а затѣмъ, узнавъ что Карлово очищено, направилъ туда 30-й казачiй полкъ; къ Клинсуру же, въ тылъ занимавшаго ее неприятеля, двинулъ двѣ сотни 24-го и батальонъ Ново-Ингерманландскаго полковъ.

29-го декабря орудия, тащимыя съ переклада вмѣстѣ съ частью снарядовъ, достигли только половины карнарскаго спуска, гдѣ дви-

женiе ихъ крайне затруднялось безпрестанными уступами, въ видѣ полтора-аршинныхъ ступеней, остальные же ящики, захваченные въ этотъ день отпечалью еще на сѣверной сторонѣ Балканскаго хребта, не успѣли возвратиться даже и на половину сѣвернаго подъема.

Впрочемъ, несмотря на эти препятствiя, положенiе наше уже можно было считать отчасти обезпеченнымъ около полудня со стороны Клинсуры мѣрно раздались, одинъ за другимъ, три пушечные выстрѣла. То графъ Комаровскiй подавалъ намъ сигналъ о своемъ приближенiи. Что это были именно сигнальные, а не боевые выстрѣлы, нетрудно было заключить уже изъ того, что въ этотъ день ни справа, ни слева не слышалось звуковъ канонады. Хотя клинсурская позицiя противника очень сильна, но увидѣвъ приближенiе русскихъ отрядовъ съ фронта (графъ Комаровскiй) и съ тыла (майоръ Кобордо), турки посчитали считать свои укрѣпленiя и ушли въ ущелья Малаго Балкана. Получивъ объ этомъ донесенiе уже позднѣе вечеромъ 30-го числа, генералъ Карцовъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженiе, чтобы на утро два батальона 9-го полка двигались въ Карлово и во что бы ни стало очистили Калоферскiй проходъ. О Шипкѣ намъ все еще ничего не было извѣстно. Вечеромъ 31-го числа графъ Татищевъ уже донесъ изъ Карлова, что двѣ сотни 30-го полка, двинутыя на Калоферъ, прогнали занимавшихъ его черкесовъ и заняли ущелье.

Въ этотъ же день (31-го), въ третьемъ часу по-полудни, по улицамъ Карнара, двигалась къ квартирѣ генерала Карцова небольшая, но оригинальная процессiя впереди два казака съ опущенными пиками, и въ рукахъ одного изъ нихъ развѣвался небольшой бѣлый флагъ, за ними сотникъ Поздѣвъ, велѣдъ за которымъ на высокомъ турецкомъ сѣдлѣ покачивалась фигура неприятельскаго офицера съ бѣлой повязкой на глазахъ; поводья его лошади держалъ казакъ, ѣхавшiй рядомъ. Позади этого всадника слѣдовали, окруженный небольшимъ казачьимъ конвоемъ, четыре подобныя же фигуры и тоже съ завязанными глазами. Это были турецкiе солдаты изъ регулярной кавалерiи и за спиной одного изъ нихъ болталась небольшая мѣдная труба. На дворѣ квартиры нашего генерала неприятельскимъ всадникамъ развязали глаза, и сотникъ Поздѣвъ объявилъ, что, по приказанiю графа Татищева, привезъ изъ Карлова прибывшаго туда наканунѣ вечеромъ турецкаго парламентаря, который посланъ изъ Филиппополя къ великому князю главнокомандующему. Генералъ Карцовъ любезно принялъ турецкаго офицера, который отрекомендовался филиппопольскимъ врачомъ, призваннымъ на время войны въ военную службу, и заявилъ, что

зовуть его «monsieur Moïse». Это былъ голубоглазый блондинъ среднихъ лѣтъ, прекрасно владевшій французскимъ и нѣмецкимъ языками. Судя по фамилии — еврей, по гину же лица — скорѣе всего полякъ, а по манерамъ и «граспробавию» въ произношеніи буквы г — истый парижанинъ. На вопросъ генерала Карцова о свойствахъ его миссіи къ нашему главнокомандующему, monsieur Moïse объявилъ, что онъ везетъ его высочеству открытое письмо отъ филиппопольскаго коменданта, и вмѣстѣ съ этимъ подалъ генералу запечатанный пакетъ, предлагая прочесть вложенный въ него документъ. Письмо на имя его высочества, изложенное по-французски, съ печатью вмѣсто подписи, извѣщало въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, что такъ какъ между имперіями Оттоманской и Россійской съ 27-го декабря ст. стили заключено перемиріе, то онъ, филиппопольскій комендантъ, проситъ его высочество остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ къ Филиппополу.

Весь смыслъ этого документа, конечно, не могъ не показаться крайне страннымъ. Генералъ Карцовъ, соблюдая возможно большую деликатность, все-таки выразилъ парламенту сомнѣніе, что едва ли онъ, г-нъ Моисей, будетъ принятъ великимъ княземъ и едва ли получить какой-либо отвѣтъ на это посланіе. Парламентъ очень удивился и пожелалъ узнать, на чемъ основывается такое предположеніе? Тогда ему было объяснено, во-первыхъ, что нашъ главнокомандующій, который есть въ то же время родной братъ русскаго императора, можетъ входить въ сношенія по такимъ первостепенно-важнымъ вопросамъ, какъ перемиріе, только съ главнокомандующимъ турецкой арміи или съ лицами, уполномоченными на то волей султана, а не съ комендантами того или другого города, тѣмъ болѣе, что изъ документа вовсе не видно, чтобы филиппопольскій комендантъ былъ уполномоченъ вступать въ подобныя сношенія съ великимъ княземъ; во-вторыхъ, если бы перемиріе между воюющими сторонами дѣйствительно состоялось, то, конечно, это не могло бы случиться помимо вѣдома великаго князя, и наконецъ, въ-третьихъ, если перемиріе дѣйствительно состоялось, то нѣтъ надобности просить главнокомандующаго о приостановкѣ дальнѣйшаго наступленія русскихъ войскъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ войска получать своевременно надлежащее распоряженіе изъ штаба дѣйствующей арміи; тѣмъ не менѣе, не считая себя въ правѣ задерживать письмо, адресованное на имя его высочества, генералъ Карцовъ охотно далъ г-ну Моисею конвой, который доставить его въ главную квартиру, а пока — «вы, вѣроятно, и прозябли, и проголодались дорогой, а потому

позвольте предложить вамъ и вашимъ людямъ закусить чѣмъ Богъ послалъ», сказалъ генералъ въ заключеніе.

М-г Моисе охотно принялъ послѣднее предложеніе, и ему былъ поданъ скромный, но вкусно приготовленный обѣдъ, который мы предъ этимъ только что кончили. За обѣдомъ м-г Моисе сдѣлался разговорчивѣе и высказалъ генералу, что по правдѣ говоря — онъ и самъ отчасти недоумѣваетъ насчетъ перемирія. — «Надо вамъ сказать, началъ онъ, что еще не далѣе какъ семь дней тому назадъ мы жили въ Филиппополѣ совершенно спокойно, и даже отъ души плясали на нашихъ вечеринкахъ, какъ вдругъ — это извѣстіе... о переходѣ генерала Гурко... Вы понимаете, какое это сдѣлало впечатлѣніе. Затѣмъ опять новый ударъ: телеграфъ приноситъ вѣсть о переходѣ русскихъ черезъ Траянтъ. Это всежь показалось даже невѣроятнымъ. Черезъ Траянтъ? И притомъ еще зимой!? Откровенно говоря, мы этому извѣстію просто не повѣрили, сочли его за какое-нибудь непонятное недоразумѣніе, но увы! На другой день прѣзжаетъ въ Филиппополь Раффикъ-бей, командовавшій траянскимъ отрядомъ, который, говоря по правдѣ, былъ организованъ только недавно, и то потому лишь, что мы узнали о неопрократномъ появленіи на Траянтѣ нашихъ небольшихъ развѣдочныхъ партій: мы хотя и считали этотъ перевалъ непреходимымъ, но послали туда отрядъ изъ предосторожности, на всякій случай. Итакъ, прѣзжаетъ Раффикъ-бей въ Филиппополь, и прямо къ губернатору. Бѣдный, онъ рвалъ на себѣ волосы и плакалъ какъ ребенокъ, рассказывая про свое пораженіе, но онъ объяснилъ его тѣмъ, что русскіе нахлынули на Траянтъ въ огромныхъ силахъ, противъ которыхъ онъ не могъ бороться со своей горстью. Такъ ли это — не знаю».

— Совершенно не такъ, — сказалъ ему Карцовъ, — потому что мои силы, атакующія траянскія укрѣпленія, въ то время почти равнялись силамъ Раффикъ-бея, а положеніе обороняющагося, по свойствамъ мѣстности, какъ вамъ извѣстно, неизвѣримо было лучше, чѣмъ положеніе атакующаго.

— Но у васъ была артиллерія, — возразилъ докторъ

— Она была и у Раффикъ-бея.

— Но вы, безъ сомнѣнія, превосходили его числомъ вашихъ горныхъ орудій?

— У насъ не было ни одного горнаго орудія.

— То-есть, какъ же это?... Ни одного горнаго... Каки же пушки вы имѣли?

— Девяти-фунтовые.

Г-нъ Моисъ вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Девяти-фунтовые!... Но какимъ же образомъ?... Развѣ возможно было втащить на подобную высоту орудія такой тяжести?

— Возможно. И мы не только втащили, но даже и спустили ихъ въ Карнари вмѣстѣ съ частью зарядныхъ ишикомъ.

На лицѣ доктора выразилось невольное сомнѣние.

— Если угодно, предложилъ генералъ, — вы во-очью можете видѣть ихъ, — они здѣсь недалеко.

Наши орудія, действительно, успѣли спуститься въ этотъ день въ долину, не задолго до полудня.

Докторъ поблагодарилъ за предложеніе и, повиновому, увѣровалъ въ несомнѣнность факта.

— Да... Ну, если для русскихъ возможны даже и такіе вещи, сказалъ онъ съ раздумчивымъ вздохомъ, то послѣ этого я не удивляюсь, что вы и въ равныхъ силахъ могли выбить Раффикъ бей изъ трапезныхъ укрѣпленій. Но какъ онъ сокрушался, бѣдный!.. Откровенно говоря, появленіе его въ Филиппополѣ, и въ особенности векорѣ послѣ извѣстія о переходѣ русскихъ у Араба-конака и у Златицы, произвело такую сенсацию, которая близка была къ паникѣ. Въ ночь съ 28-го на 29-е декабря (продолжалъ докторъ), я получилъ вдругъ отъ коменданта приглашеніе явиться къ нему немедленно, по дѣламъ службы. Являюсь. Чтѣ прикажете? Въ чемъ дѣло? Онъ объясняетъ мнѣ, что между Россією и Блистательною Портой 27-го заключено перемиріе, и такъ какъ я владѣю хорошо языками, то онъ проситъ меня отправиться съ его письмомъ въ главную квартиру русскаго главнокомандующаго. Мы еще не успѣли кончить разговоръ относительно моихъ инструкцій, какъ вдругъ подають ему какую-то депешу. Комендантъ прочелъ и съ видомъ крайняго недоумѣнія объявляетъ мнѣ, что перемиріе не состоялось, а потому и въ моей миссіи нѣтъ болѣе надобности. Я откланялся и отправился домой, но едва успѣлъ улечься въ постель, какъ опять является посланный: «пожалуйте сейчасъ же къ коменданту». Въ крайнемъ удивленіи отправляюсь опять, а это было уже около трехъ часовъ ночи. Комендантъ встрѣчаетъ меня словами: «Перемиріе заключено! Сейчасъ объ этомъ получена новая депеша, а потому извольте сейчасъ же отправляться въ русскую главную квартиру». — И вотъ, какъ видите, я на пути къ моему назначенію. Но не могу скрыть, прибавилъ г-нъ Моизъ, — что всѣ эти колебанія, всѣ эти противорѣчія одна другой депешы — все это и самому мнѣ кажется очень страннымъ и мало понятнымъ...

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ докторъ выразилъ почти несомнѣнную увѣренность, что во время его отсутствія русскіе уже займутъ Филиппополь, и это обстоятельство заставляетъ его крайне опасаться за участь своей моло-

дой жены и оставленнаго семейства. Генералъ увѣрилъ его, что русскіе извѣрное не сдѣлаютъ ни малѣйшаго зла ни его семейству, ни его супругѣ.

— О, я опасюсь не русскихъ! съ живою выразилъ докторъ, — неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что мы серьезно вѣримъ въ возможность жестокостей со стороны русскихъ? Да никогда! Этому едва ли кто и изъ турокъ-то вѣритъ, но я опасюсь насилій и грабежа со стороны башибузукъ, которые навѣрное не упустятъ случая похозяйничать въ городѣ вѣдѣ за выѣздомъ изъ него властей и до появленія русскаго авангарда — вотъ что страшитъ меня!

Въ этихъ опасеніяхъ бѣднаго Моизы, конечно, была значительная доля безоградной правды, но, къ сожалѣнію, намъ нечѣмъ было его утѣшить и успокоить.

Вскорѣ послѣ обѣда г. Моизъ сталъ собираться въ дальнѣйшую дорогу. Генералъ Карцовъ объявилъ ему, что до главной квартиры, которая генеръ должна находиться, вѣроятно, въ Сельви или въ Габровѣ, его проводить подполковникъ генеральнаго штаба Сухомлиновъ, и что — если ему угодно, то можно провѣсти его кратчайшимъ путемъ, черезъ Траянь.

— Какъ! Черезъ Траянь? — вскричалъ докторъ съ видомъ нѣкотораго ужаса, нѣтъ, слуга покорный; черезъ Траянь я ни за что не рискну ѣхать. Позвольте ужъ лучше слѣдовать мнѣ кружнымъ путемъ: обратно на Карлово и потомъ на Казанлыкъ и Шинку.

На послѣднее желаніе доктора генералъ охотно выразилъ свое согласіе — и черезъ нѣсколько минутъ онъ отправился вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ и Поздѣвевымъ, съ тѣмъ же конвоемъ и съ тѣмъ же предосторожностями. Впрочемъ, изъ выѣздѣ за аванпосты, ему и его людямъ развязали глаза, и накладывали вновь повязку лишь при появленіи въ виду мѣстностей, занятыхъ нашими войсками.

Миссія м-г Моизы не была успѣшна: онъ нашелъ великаго князя уже въ Казанлыкѣ, но его высочество не удостоилъ принять турецкаго парламентаря. Сухомлиновъ нашелъ тамъ нѣсколько подобныхъ же парламентаревъ изъ разныхъ другихъ турецкихъ городовъ и отрядовъ; но рѣдкій изъ нихъ удостоился письменнаго отвѣта, за подписью начальника штаба или генерала Левницкаго... Monsieur Moïse, впрочемъ, попалъ въ число удостоившихся и, какъ говорятъ, выразилъ чрезвычайное удовольствіе по этому поводу.

Вечеромъ 31-го же числа генералъ Карцовъ получилъ донесеніе, что 2-я бригада его дивизіи дошла до Клеисуры, очищенной турками, и заняла Копривитнику. Въ это же время возвратился изъ главной квартиры подполковникъ Сосновскій, задержанный въ дорогѣ сильною выюгою на Балканахъ. Онъ первый при-

везь намъ извѣстiе, что Шипка пала и вся армiя Реуфа-пашы сдалась въ плѣнь. Извѣстiе это вызвало общiе крики радости и восторга. И такъ, теперь уже не существуетъ на Балканахъ ни одной преграды къ дальнѣйшему движению нашей армiи! Генералъ Карповъ, несмотря на то, что его 2-я бригада находилась еще въ 25-ти верстахъ, тотчасъ же назначилъ на завтрашнее утро 10-му стрѣлковому батальону и кавалерiйскимъ частямъ движение къ Лыджакю. При этомъ намъ было объявлено, что завтра съ разсвѣтомъ мы двигаемся въ Карлова. Больше всѣхъ о предстоящемъ нашемъ выходѣ изъ Карнари пожалѣли, какъ кажется, захваченные въ плѣнь турецкiе офицеры, изъ которыхъ одинъ, капитанъ, былъ уже старикъ, а также и турецкiе женщины, не успѣвши выбраться изъ долины и явившись къ намъ добровольно со своими малыми ребятами. Весь этотъ людъ былъ подавленъ духомъ, оборванъ, босъ и голоденъ. Казачьи офицеры 30-го полка преимущественно приняли живое участiе въ судьбѣ этихъ несчастныхъ, устроили имъ, по возможности, теплое помѣщенiе, снабдили припасами и одеждою изъ захваченнаго склада, дали имъ чаю, офицерамъ снабдили табачкомъ, женщинамъ и дѣтямъ роздали по нѣскольку серебряныхъ монетъ, ласкали ребятъ, играли съ ними и приносили лакомства. Въ особенности полюбился имъ одинъ болхъ пятилѣтнiй турченочъ. Ахметка, брѣшвенный родными на свѣгу, среди поля, гдѣ онъ и былъ найденъ однимъ изъ развѣдъ. Вся эта публика сначала дичилась, очень пугалась при появленiи къ ней офицеравъ, но черезъ день привыкла, освоилась съ ними и даже вступала въ разговоры при посредствѣ переводчика-солдата изъ казимъскихъ татаръ. Всѣхъ этихъ женщинъ и дѣтей мы передали подъ охрану войскъ, занявшихъ послѣ насъ Карнари.

1-го января прибыли сюда головныя части Казанскаго драгунскаго полка, переваливши черезъ Транъ, а также шесть ротъ 10-го и 1-й батальонъ 12-го пѣхотныхъ полковъ, вмѣстѣ съ которыми пришли и два орудiя 16-й конной батареи.

Это были лишь остатки славныхъ полковъ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизiи. Въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось налицо отъ 50-ти до 60-ти человекъ. Наружный видъ ихъ для человека, знакомаго съ войсками лишь по мирному времени, показался бы просто ужасенъ: вмѣсто обуви лапти или ошанги, а то и просто тропея какое-то, шинели въ дыркахъ и лохмотьяхъ, закомѣлыя, обросшия бородами лица носили слѣды морозныхъ обжоговъ. Но зато тутъ на-лицо были уже испытанные воины, закаленные между огнями кистровъ и 20-ти-градуснымъ морозомъ. Не видавъ 2-ю бригаду своей дивизiи цѣлые два съ полови-

ною мѣсяца, генералъ Карповъ, утромъ 1-го января, именемъ главнокомандующаго поблагодарилъ ее остатки за славную службу въ отрядахъ Дандевели и приказалъ этимъ частямъ, въ ожиданiи прибытiя слѣдующаго ихъ эшелона, оставаться пока въ Карнари, а самъ выступилъ въ Карлаво, куда вмѣстѣ съ нимъ двинулись и оба конныя орудiя. За всѣ эти дни генералъ имѣлъ множество самыхъ дѣятельныхъ и разнообразныхъ заботъ по сбору и охраненiю огромныхъ запасовъ, по устройству складныхъ пивнотъ и окопцовъ для заболѣвающихъ и раненыхъ, по распоряженiямъ объ устройствѣ обозовъ, такъ какъ штатный обозъ 3-й дивизiи былъ оставленъ въ Ловѣ, по принятiю мѣръ къ хлѣбопеченiю и по организаци 2-й бригады, сильно разстроеныя боевыми дѣлами и продолжительнымъ холоднымъ движениемъ и длиннившимся какъ бригаднаго, такъ и полковыхъ своихъ командировъ. Къ 1-му января все это, по возможности, было уже устроено надлежащимъ образомъ.

Путь отъ Карнари до Карлова протекаетъ все по той же благодатной и роскошной долинѣ Гюпса, красоту которой еще болѣе усиливаетъ соседство скалистыхъ горъ, въ ихъ суровыхъ и величественныхъ очертанiяхъ. Население здѣсь — исключительно турецкое, и потому предельные деревенныя съ зеленымъ пивнемъ на заборахъ и съ бѣлыми минаретами были пусты; но въ каждой изъ нихъ то тамъ, то сямъ шарили по дворамъ «братушки» изъ окрестностей Карлова. Несмотря на всю массу запасовъ, сохранныхъ войсками, здѣсь все еще оставалось вдоволь всякаго добра, и потому болгары «намѣрили» себѣ ко нару буйсаовъ, кто полную каруцу пшеницы, кукурузы или домашняго скота. Имъ не прiятельствовали въ этомъ, такъ какъ они принадлежали къ жителямъ именн тѣхъ селенiй, которыя были разграблены въ-конѣцъ и выжжены до тла ближайшими соседями-турками въ полѣ прошлаго года, послѣ отступленiя за Балканы генерала Гурко. Люди эти цѣлые пять мѣсяцевъ, считаясь по горнымъ труднобамъ безъ всякаго прiстанища, терпѣли ужасную нищету и массу всевозможныхъ лишенiй. Мы во-очью видѣли, что сдѣлали турки съ однимъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ болгарскихъ селенiй. Верстахъ въ четырехъ по доѣзжая Карлова, еще пять мѣсяцевъ назадъ процвѣталъ небольшой и красивый городокъ Сопотъ, населенный исключительно болгарами. Сопотъ славился своимъ превосходнымъ бѣлымъ мускатнымъ пивномъ, своими табачными, розовыми и шелковичными плантацiями, а также своими тканями и мастерскими произведенiями искусныхъ рѣзчиковъ по дереву. Стенень его благосостоянiя сказывается даже въ развалинахъ: почти всѣ адми-

ные дома были каменные, очень прочной постройки, что видно теперь по остаткам стѣнъ и фундаментамъ. Въ настъвшее время — увы! Сопотъ со свими двумя церквами представлялъ одну лишь сплюснутую груду экономящихъ развалинъ. Здѣсь буквально камня на камнѣ не осталось. Большинство домовъ разрушено до основанiя, виноградники, сады, плантацiи уничтожены, жители — мужчины и мальчюки кто не успѣлъ бѣжать, перерѣзаны, дѣвушки увезены для таромовъ и на продажу въ Малую Азiю, остались однѣ лишь старухи и тѣ изъ самуяныхъ, которые не отличались красотой. Лишь въ послѣднiе дни нѣкоторые изъ солонскихъ бѣглецовъ, переплывши за Балканы влѣдъ за русскими войсками, рѣшились возвратиться на старое свое пещинище. Они пока ютятся кое какъ въ погребкахъ, или въ наскоро прилаженныхъ деревяныхъ кабушкахъ, и тихо, пошуро бродить по пожарнищамъ, словно унылыя гнѣи — олицетворенiе скорби и несчастiя. Вся эта неустоявшая мѣсть мусульманъ разразилась надъ Сопотомъ за то лишь, что въ него заглянулъ одинъ изъ русскихъ эскадроновъ. Вообще во всей этой мѣстности турки повыжидали тѣ болгарскiя селенiя, гдѣ хотя бы на нѣсколько часовъ, хотя бы даже мимоходомъ появлялись русскiя войска. Не выдвѣ этого разрѣшилъ, трудно составить себѣ о немъ даже приблизительное понятiе.

Пройдя разрушенный городъ, генералъ Карцовъ сдѣлалъ привалъ на его окраинѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ къ намъ приближалась небольшая толпа «калугерокъ» — монахинь сопотскаго монастыря, понадеявшихся ради ихъ старости. Между калугерками находилось и нѣсколько вдовъ, мужья которыхъ зарѣзаны лѣтомъ. Всѣ они были одѣты въ убогiя черныя платья. Калугерки нанесли намъ горючихъ, только что испеченныхъ пшеничныхъ лепешекъ, овечьяго сыра, жареныхъ курицъ и яблокъ. — «Добрѣ дошли! добре дошлѣ!» — лепетали онѣ всѣ вмѣстѣ и въ волненiи протягивали намъ руки, пожимали ихъ, кланялись, гладили нашихъ лошадей и какъ дѣти плакали и смѣялись отъ радости. Вдругъ одна старика, упавъ на колѣни, съ крестнымъ знаменiемъ и воздѣтыми къ небу глазами, произнесла отчетливо и ясно на чистѣйшемъ церковно-славянскомъ языкѣ: «Благодаримъ Тя, Господи, яко днесь видѣста очи наша спасенiе!» Въ дрожавшемъ голосѣ этой женщины звучало глубокое, восторженно потрясенное чувство. Монахини стали рассказывать намъ про всѣ ужасы, понесенныя въ Сопотѣ турками, про разграбленiе ихъ обители и церкви, про насильственный увозъ молодыхъ послушницъ, монахинь и «учителейъ», про безчинства и кощунства, совершавшiяся въ храмахъ, про трагическую смерть мужей и младенцевъ

мужского пола, изъ которыхъ не были пощажены даже и тѣ, что едва успѣли родиться. Отъ этихъ искреннихъ, безхитростно простыхъ рассказовъ морозъ подиралъ по кожѣ. И что за ужасное нравственное состоянiе вѣчнаго страха, въ ежеминутномъ ожиданiи новой напасти, перенесли онѣ за всѣ эти пять мѣсяцевъ! Сколько настрадались и чего только не натерпѣлись несчастныя! Генералъ и офицеры раздали имъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ и простились, напутствуемые теплыми молитвами и благословенiями страдалицъ. «Нѣтъ, эга прекрасная, многострадальная страна должна быть свободной, во что бы то ни стало, разъ уже мы пошли на это дѣло!» Таково было общее наше убѣжденiе, и въ эту трогательную минуту мы сознавали его болѣе чѣмъ когда либо.

Около полудня мы вступили въ Карлово. Этотъ городъ не былъ сожженъ только потому, что населенiе въ немъ смѣшанное — болгаро-турецкое и греко-армянское; есть и нѣсколько европейцевъ, а также и консулы нѣкоторыхъ державъ временно имѣли здѣсь свое пребыванiе. Эти-то обстоятельства и послужили, кажется, причиной того, что разгультурецкаго неустояства ограничился въ Карловѣ сожженiемъ только нѣкоторыхъ болгарскихъ домовъ, да рѣзней и кощунствами, произведенными въ двухъ православныхъ храмахъ. Карловскiя неустояства совершались въ день св. Илии, 20 го июля 1877 года. Разъяренная толпа солдатъ и черкесовъ преслѣдовала по улицамъ толпу болгаръ, изъ которыхъ нѣсколько человекъ успѣли укрыться въ соборномъ храмѣ Успенiя Пресвятыя Богородицы. Турки ворвались въ ограду, вышибли оконныя стекла, выломали дверь и хлынули толпой въ церковь. Здѣсь были зарѣзаны десять мужчинъ и одна женщина; кромѣ того, вырѣзано почти все городское болгарское духовенство. На мраморномъ помостѣ церкви, передъ лѣвымъ придѣломъ, видна большая лужа застывшей крови; другая кровь цѣлыми струями и потоками застеклась на площадкѣ и ступеняхъ лѣстницы, ведущей на хоры. Мраморный престолъ въ алтарѣ свергнутъ и столбъ, служившiй ему основанiемъ, разрушенъ⁴⁾, серебряныя ризы съ иконостасныхъ образовъ сорваны и похищены, вмѣстѣ со всей серебряной утварью. Въ иконостасныхъ же образахъ, на ликахъ Христа Спасителя, Богоматери, св. Николая и Даниила выколуплены глаза и вы-

⁴⁾ Въ Болгарии престолы не изъ дерева, а изъ мрамора, и представляютъ собой большую квадратную мраморную доску, утвержденную въ центрѣ на каменномъ столбѣ. Всѣ эти церкви по большей части замѣчательны чрезвычайно искусной рѣзбой по дереву въ разныхъ орнаментахъ иконостаса, надирестольнаго балдахина, епископскаго мѣста и проповѣднической кафедры, но хоругви въ нихъ встрѣчаются очень рѣдко.

скоблены итаганами тѣ мѣста, гдѣ были изображены носы и уста. Въ этой церкви стоятъ теперь красное болгарское знамя, съ которымъ четы Цeko Петкова перешли вмѣстѣ съ нами черезъ Трынъ въ перевалъ. Въ другомъ карловскомъ храмѣ, во имя св. Николая Чудотворца, произведены въ тотъ же день еще большія кощунства и грабежи: престолъ точно также разрушенъ, и церковный ктиторъ, показывавшій намъ этотъ храмъ, объяснилъ, что турки расчитывали въ престольномъ столбѣ найти церковныя суммы. Въ Николесковъ церкви не осталось ни одного образа, надъ которымъ не было бы совершенно поруганіе; точно также встрѣчаются тутъ и выколотые глаза, и выскобленные носы, и губы перекрещенныя царяпинами книжаловъ. Образа Богородицы и Іоанна Крестителя изстрѣляны револьверными пулями. Эти священныя изображения служили мишенями для кощунственной потѣхи — стрѣльбы въ цѣль. Распятіе, вѣнчавшее иконостасъ надъ парковыми воротами, свергнуто на помостъ, расколото и поругано... Всѣ церковныя книги и одежды изорваны въ клочки. Нагѣшась въ полъ и ограбивъ все, что было здѣсь серебра и золота, турки изнутри подожгли церковь; но огонь не распространился обгорѣла только часть хоровъ и деревянныя подѣлки близъ главнаго входа. Кромѣ того турки опустошили прекрасное зданіе болгарской гимназій. Досталось отъ ихъ злобствования даже и каменнымъ памятникамъ на могилахъ болгарскаго кладбища.

Мнѣ отвели квартиру, вмѣстѣ съ офицерами 30-го казачьяго полка, въ домѣ русскаго консульства. Здѣсь тоже нрядно похозяйничали черкесы, переломавъ и разграбивъ все, что было цѣннаго изъ вещей и мебели. Внутренній дворикъ этого дома съ его узорчатыми деревянными галлереями, мраморнымъ фонтаномъ, цвѣтникомъ, садикомъ и винограднымъ кустомъ очень изященъ, и лѣтомъ, въ жаркую пору, здѣсь должно быть очень хорошо, уютно и прохладно. Карлово городокъ, вообще, довольно чистенькій, по улицамъ его извивался струятся прозрачныя ручьи, стекающіе съ Балканскихъ горъ, которыя высятся въ небѣ какъ бы надъ самымъ городомъ, такъ что въ лѣсную погоду изборожденныя временемъ скалистыя вершины кажутся совсемъ близко, просто рукой подать!.. Въ числѣ особенностей Карлова надо отмѣтить жердяныя рѣшетки, перекинутыя мѣстами черезъ улицу отъ балкона къ балкону, отъ кровли къ кровлѣ или надъ каменными заборами; эти рѣшетки изобильно опутаны вьющимися побѣгами винограда, и въ лѣтніе дни, служа чѣмъ-то въ родѣ бесѣдокъ, доставляютъ прохожимъ тѣнь и прохладу. Внизу, подъ сѣнью этихъ виноградныхъ навѣсовъ, въ широко открытыхъ сваружі лавкахъ идетъ дѣятельная торговля; тутъ же помѣщаютъ

сея «питальницы» (болгарскіе трактиры) и кофейни въ совершенно восточномъ вкусѣ, но, къ сожалѣнію, мало опрятныя. До прихода нашихъ войскъ, карловскіе торговцы не отваживались открывать свои лавки; торговали одни лишь турецкіе купцы, но нашъ приходъ повернулъ это дѣло совершенно на оборотъ: болгарская торговля вдругъ закинула, а турецкіе хозяева поспѣшили закрыть свои торговыя заведенія, къ которымъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей и огмѣстки со стороны болгаръ, были представлены нами вооруженныя часовые. Такимъ образомъ, частная турецкая собственность осталась неприкосновенною. Увидѣвъ это, большая часть мусульманскихъ торговцевъ на другой же день добровольно открыла свои лавки, въ которыхъ многіе сфигеры запаслись превосходнымъ табакомъ, рубками-стамбулками и прекрасными длинными чубуками изъ жасминнаго дерева.

Къ вечеру 1-го января генералъ Карцовъ получилъ донесеніе, что Лыджакъ занятъ 10-мъ стрѣлковымъ батальономъ и что вьюки, благополучно спустясь съ южнаго склона, подвезли намъ патроны на столько, что люди всего отряда могли теперь пополнить свои подсумки до комплекта; но сухарей, привезенныхъ уже поздною ночью, едва хватило на ¹, фунта на человѣка, и потому генералъ приказалъ не трогать ихъ, а ѣсть лепешки изъ турецкой муки, которой у насъ пока было вдоволь. Въ этотъ же день два батальона 12-го пѣхотнаго полка имѣли перестрѣлку съ турками, отступившими изъ Киссуръ, на пространство между Копривитицей и Стрѣльчей. Генералъ Карцовъ послалъ имъ приказаніе присоединиться къ своей бригадѣ, такъ какъ оставлять ихъ въ горахъ, не имѣя еще свѣдѣній ни о судьбѣ Ихтимана, ни о Траяновыхъ Воротяхъ, или направить ущельями на Ново-Село ¹, не зная очищено ли Чукурлу, было бы крайне рискованно; генералъ справедливо считалъ, что теперь всякая неудача, хотя бы и съ двумя батальонами, могла повредить вѣщательно нашихъ переваловъ.

¹) Ново Село лежитъ въ промежуткѣ между Стрѣльчей и Чукурлу, на половинѣ пути между ними.

LXXXV.

Отъ Карлова до Чирпана.

Движение войск генерала Карцова 2-го января къ Филиппополю — Распоряжения генерала Карцова въ Карловѣ — Генераль-лейтенантъ Скобелевъ 1-й принимаетъ начальство надъ кавалерій трапезскаго отряда (тычка въ Каратопракъ Турецкіе продовольственные склады — Каратопракъ и его школа — Причины движенья отряда Карцова на Чирпанъ — Характеръ мѣстности. Отголоски боя 3-го января — Ночлеги въ Караорманѣ — Домъ болгарскаго священника. — Извѣстія, полученные въ ночь на 6-е января — Необходимость дневки. Городъ Чирпанъ и встрѣча, сдѣланная его жителями генералу Карцову Турецкія дѣпешы на чирпанской телеграфной станціи. Турецкіе запасы, найденные въ Чирпанѣ. Гостепримство чирпанскихъ болгаръ. Характеристика румелийскихъ болгаръ. Чирпанское винодѣліе и экономическое положеніе жителей-христіанъ — Предписаніе о подчиненіи трапезскаго отряда генералу Гурко и результаты его дѣйствій.

Дем. тика, 24-го января.

2-го января, несмотря на то, что нѣкоторыя части 2-й бригады должны были придти только къ полудню, генералъ Карцовъ рано утромъ двинулъ 10-й пѣхотный полкъ въ селеніе Войнягово, а стрѣлки въ это время заняли въ виду отступившихъ турокъ деревню Чукурлу — пунктъ весьма для насъ важный въ томъ отношеніи, что онъ лежитъ на карлово-филиппопольскомъ шоссе, по ту сторону Малыхъ Балканъ, замыкая собою ущелье, сквозь которое мы должны были дебушировать по горному перевалу; но послѣ Траина Чукурлу-скій перевалъ черезъ Малый Балканъ показался нашимъ людямъ такимъ ничтожествомъ, что они его просто не замѣтили, въ особенности благодаря прекрасной и достаточно широкой шоссе-образной дорогѣ 9-й пѣхотный полкъ въ этотъ день перешелъ Лыджакой, казанскіе же драгуны, только что успѣвшие стянуть свои части съ Траинскаго перевала, вступили въ Карлово, куда вернулся и генералъ Карцовъ, проводившій до Чукурлу лѣвую колонну своего отряда.

Въ Карловѣ было еще не мало хлопотливаго дѣла: тамъ оказались большіе турецкіе запасы зерна и галетъ, слѣдовало все это привести въ извѣстность, распределить по числу войскъ, собрать для перевозки ихъ достаточное число выюковъ, назначить особыя команды для охраны складовъ и для сопровожденія къ войскамъ галетныхъ выюковъ. Сборъ выючныхъ животныхъ былъ особенно затруднителенъ среди разореннаго и обнищавшаго болгарскаго населенія, тѣмъ болѣе, что турки, бѣжавшіе изъ этихъ мѣстностей на-легкѣ, оставляли рогатый скотъ и запасы, но зато брали съ собою не только всѣхъ своихъ, а и большую часть болгарскихъ лошадей, ослонъ и муловъ. Правильныхъ сообщеній между пе-

редовыми отрядами и главною квартирою посредствомъ летучей почты еще не было установлено, дѣпешны же и денешы пересылались чрезъ одиначныхъ посланцевъ-казаковъ, одинъ изъ которыхъ привезъ 2-го числа къ генералу Карцову приказаніе великаго князя главнокомандующаго подвигаться къ Филиппополю; но генералъ Карцовъ еще ранѣе, по собственному почину предварилъ желаніе его высочества: 3-го числа войска, направленные по Филиппопольскому шоссе, дошли уже до Каратопрака, что составляетъ нѣсколько болѣе половины пути между Филиппополемъ и Карловымъ.¹⁾

2-го же января, послѣ обѣда, пріѣхавъ въ Карлово изъ главной квартиры генераль-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, который, по волѣ великаго князя главнокомандующаго, долженъ былъ принять начальство надъ кавалеріею трапезскаго отряда и присоединить къ себѣ нѣкоторыя кавалерійскія части изъ двухъ отрядовъ. Возвратившійся въ этотъ день подполковникъ Сухомлиновъ назначенъ былъ на должность начальника штаба при генералѣ Скобелевѣ 1-мъ. Съ разсвѣтомъ 3-го января пять сотенъ 30-го казачьяго полка и Казанскій драгунскій полкъ выступили со Скобелевымъ изъ Карлова къ Филиппополю.

Дойдя до Каратопрака, передовые казаки встрѣтились съ неприятельскимъ разбѣдомъ, который былъ посланъ сюда со специальнымъ порученіемъ сжечь православную церковь, гдѣ помѣщался складъ турецкихъ запасовъ. Аскеры не только съ полнымъ успѣхомъ исполнили это порученіе, но еще успѣли стали стрѣлять и рѣзать на церковной площади болгарскій скотъ, безъ всякой впрочемъ надобности. Въ это время, на звукъ ихъ выстрѣловъ, влѣгълъ въ селеніе нинѣ передовой казачій разбѣдъ, кото-

¹⁾ Извлеченіе изъ предписанія начальника штаба дѣйствующей арміи отъ 1-го января 1878 г. за № 10,110.

Ваше превосходительство, предшествующие кавалеріею Скобелева, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко. Въ этомъ отношеніи вы должны соображать свои движенія и дѣйствія съ отрядомъ генерала Гурко. Если бы, подходя къ Филиппополю, вы узнали, что турки уже прошли этотъ городъ и отрезать имъ отступленія не можете, то вы должны двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ между отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которая направляется отъ Эски-Загры на Трново и Германы.

Въ отвѣтъ на это предписаніе, того же 2-го января, генералъ Карцовъ отправилъ въ главную квартиру слѣдующее донесеніе:

„Указанія вашего императорскаго высочества предупреждены. Стрѣлковый батальонъ и 10-й полкъ уже прошли Чукурлу, а завтра вся 1-я бригада будетъ у Каратопрака. Драгуны только что прибыли въ Карлово. 2-й моей бригадѣ необходимо дать шесть дней оправиться. Формирую изъ двухъ ея полковъ два батальона и буду вести ихъ въ резервъ.“

рый перестрѣлялъ аскеровъ, всѣхъ до одного, у церковной ограды. Но спасти церковь не было уже никакой возможности: она пылала изнутри жаркимъ пламенемъ, которое въ нѣсколько минутъ обрушило кровлю.

По показаніямъ мѣстныхъ жителей, въ этой церкви были сложены большіе запасы яса, ячменя, пшеницы, галетъ, фасоли и луку. Вообще, надо отдать полную дань похвалы турецкому интендантству, на разстояніи каждаго военного перехода, по всѣмъ военнымъ путямъ, и даже въ сторонѣ отъ нихъ, гдѣ лишь можно было бы гадательно предположить нѣкоторую возможность военныхъ дѣйствій или передвиженій, интендантство это самымъ обстоятельнымъ образомъ устраивало изобильные продовольственные склады, и мы глѣзъ болѣе должны отдать ему справедливую благодарность, что со дня перехода черезъ хребетъ и до самаго Эгейскаго моря оно было почти единственнымъ нашимъ кормильцемъ. Солдаты очень полюбили турецкія пшеничныя галеты и съ величайшимъ удовольствіемъ ѣдятъ ихъ, размачивая немного въ водѣ и размочив надъ котелкомъ паромъ, отчего галета становится мягкой и хрусткой. И надо замѣтить еще, что дѣятельность этого интендантства проявлялась столь примѣрнымъ образомъ не лишь въ отношеніи одного продовольствія, но и по всѣмъ рѣшительно предметамъ вещевого снабженія. Не было того вещевого склада, гдѣ наши войска не находили бы рубахъ изъ довольно тонкаго холста, английскихъ шерстяныхъ фуфаякъ, теплыхъ чулокъ и байковыхъ одѣялъ, суконныхъ панталонъ и мундировъ, башмаковъ и сапожнаго товара, овчинныхъ полушубковъ, ремней, превосходныхъ английской кожи ранцевъ и подсумковъ, палатокъ, табаку, папиросной бумаги, сахару, кофе, спирту и проч. и проч.— всего не перечислишь. Вообще, снабженіе турецкой арміи было таково, что съ нимъ поспорить могло бы развѣ снабженіе арміи английской. Я потому говорю «английской», что мнѣ самому неоднократно доводилось въ подобныхъ складахъ встрѣчать английскія клемя на многихъ и многихъ вещахъ, даже на мучныхъ кѣшкахъ, уже не говоря о замѣчательномъ количествѣ индійско-английскихъ «рушій», которыя турецкіе плѣнники, отправляясь изъ Плевны въ Россію, старались обмѣнивать на русскія деньги. Благодаря опять-таки этимъ турецкимъ складамъ, многіе и многіе изъ нашихъ пообтрепавшихся и обезсаложенныхъ солдатъ, по переходѣ за Балканы, получали возможность обзавестись теплою одеждою и обувью. Наши же собственные транспорты, вслѣдствіе чрезвычайно быстраго движенія впередъ всѣхъ вообще отрядовъ, не могли поспѣвать за войсками, а если они не всегда поспѣвали и прежде, т. е. въ періодъ до паденія Плевны, то, какъ извѣстно, причинъ это-

му много и между прочимъ, конечно, распутица. Надо думать, что условія шоссейныхъ путей и погоды въ Румелии, вѣроятно, были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ придунайской Болгаріи, а потому турецкое интендантство и разныя турецкія товарищества успѣвали заблаговременно и въ изобилии снабжать свои склады всѣмъ необходимымъ, даже до роскоши.

Каратопраскскіе болгары встрѣтили насъ чрезвычайно радушно и гостеприимно. Здѣсь, на окраинѣ селенія, мы нашли довольно большія деревенныя казармы, недавно построенныя совершенно по такому же образцу, какъ у насъ въ Россіи строятся, въ большинствѣ случаевъ, кавалерійскія конюшни. Казармы эти не болѣе какъ за сутки до нашего прихода были очищены турецкими солдатами, которые, уже уходя, на прощанье повышибали каменными стеклами въ каратопраскской школѣ, и это съ ихъ стороны было, конечно, очень милостиво, такъ какъ они только этихъ и ограничили, разбѣдъ, спалившій церковь, былъ присланъ уже потомъ, на слѣдующія сутки. Бѣгати о болгарскихъ школахъ, въ забалканской Болгаріи ихъ гораздо больше, чѣмъ въ придунайской, и я замѣтилъ, что школѣ здѣсь по-свѣдѣнію принадлежатъ наилучшее, наиболѣе видное и какъ бы почетное мѣсто; школа всегда помѣщается рядомъ съ церковью не рѣдко въ одной и той же оградѣ, гдѣ трудно отличить ее даже и по наружности, лучши и просторнѣйшія дома въ селеніи — это навѣрное школы; также точно и въ городахъ, — признакъ весьма знаменательный, видимо, хотя быть можетъ и невольно, выражающій степень уваженія болгарина къ школѣ и взглядъ его на школу, какъ на «дѣло Божье, святое», — признакъ, много говорящій въ пользу будущаго развитія и образованія Болгаріи. Дайте ей только крылья свободныя!..

Въ Каратопраскѣ, подъ утро 5-го января, генералу Карцову было доставлено извѣстіе, что Филиппополь уже занятъ частями войскъ генерала Гурко и кавалеріею нашего отряда подѣ начальствомъ Скобелева 1-го, и что Сулейманъ-паша, отступленіе котораго паша гвардіи задерживаетъ боевыми дѣлами, намѣревается уходить на Адрианополь черезъ городъ Хасковъ. Такими были свѣдѣнія, полученныя отъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и лазутчиковъ въ Филиппополь. Намѣреніе Сулеймана заставило генерала Карцова, согласно предписанію изъ главной квартиры, измѣнить первоначальное направленіе своего отряда (на Филиппополь) и изъ Каратопрака и Чуперликион¹⁾ сразу двинуть его съ разсвѣтомъ 5-го числа форсированнымъ маршемъ въѣзду на городъ Чирпанъ, съ тою цѣлью, чтобы, переправившись

¹⁾ Въ Чуперликионѣ находилась колонна графа Комаровскаго.

через Марицу у желѣзно-дорожной станции Іени-Магале, захватить въ свои руки желѣзныи путь и выйти на Филиппопольско-хаскойское шоссе, въ тылъ Сулейману, предупредивъ, по возможности, появленіе его въ Хаскойѣ. Предъ самымъ выступленіемъ изъ Каратоирака, была получена изъ главной квартиры слѣдующая записка отъ 2-го января, за № 10,111, которую прилежу въ извлеченіи.

«Великій князь приказалъ, чтобы вы, съ полученіи сего, безотлагательно направились по долигѣ Іонса на Филиппополь, а если получите свѣдѣніе, что противникъ оставилъ этотъ городъ или что онъ уже занятъ нашими, то возьмите направление на Чирпанъ. Это направление должна принять и кавалерія Скобелева. О вѣстихъ распоряженіяхъ уведомлять для бѣды его императорскому высочеству главнокомандующему».

Это былъ вторичное приказаніе слѣдовать, что уже было исполнено; въ главной квартирѣ 2-го января считали отрядъ еще не выступившимъ изъ Карнари, тогда какъ онъ былъ уже изъ и дунути отъ Карлова къ Филиппополю.

И такъ, 5-го января, въ четыре часа утра, части отряда генерала Карцова, перемѣнивъ первоначальное направленіе на Филиппополь, двинулись форсированнымъ фланговымъ маршемъ въѣвъ, къ Чирпану. Мы вышли на проселочную дорогу, гдѣ пришлось пересѣкать въ бродъ нѣсколько притоковъ Марицы. Здѣсь характеръ мѣстности измѣнился довольно резко: холмистая страна перешла въ совершенно открытую степную пустыню, гдѣ нѣрѣдка видѣлись по сторонамъ небольшіе лѣски, но растительность совершенно уже утратила ту могучесть и великолѣпіе, которыми мы любовались въ горахъ и въ «Долигѣ Розъ»: дубнякъ здѣсь и малоросль, и жидокъ, полагается много пустырей, заросшихъ терномъ и колючкою, которые, понаблюдя, оспариваютъ трудъ земледѣльца; здѣсь мы не встрѣчали уже ни фруктовыхъ садовъ, ни плантацій, ни даже кукурузныхъ полей. Соотвѣственно пустынному характеру этой равнины и населеніе въ ней весьма рѣдкое; на пространствѣ 50-ти верстъ намъ попалось не болѣе трехъ небольшихъ селеній, изъ которыхъ одно, Абрасларъ, населено по католическими болгарамъ. Католики намъ еще издали и сразу заявляютъ себя присутствіемъ башни на костелѣ и колоколомъ, что отнюдь не дозволялось православнымъ.

Въ 8 часовъ утра мы услышали вправо отъ себя первый пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ началась канонада, въ началѣ довольно рѣдкая, а потомъ все чаще и чаще. Казалось, будто батареи громить противника залпами. Вскорѣ къ артиллерійскому гулу присоединился и сухой звукъ частой ружейной перестрѣлки. Отголоски этого боя, судя на

слухъ и благодаря полной тишинѣ воздуха, такъ обманывали ухо и казались такъ близко къ намъ, что генералъ Карцовъ послалъ въ Филиппополь гонцовъ, съ извѣщеніемъ, что онъ пока еще находится мѣтѣ, чѣмъ на половинѣ пути отъ Каратоирака на Чирпанъ, а потому, если нужна его помощь, то онъ готовъ идти и дѣлать то, что ему будетъ указано¹⁾. По звуку выстрѣловъ казалось, что бой подвигается съ запада на востокъ, по одному направлению и на одной высотѣ вмѣстѣ съ нами. И что происходило онъ не болѣе, какъ верстахъ въ семи или въ десяти вправо. Вслѣдствіе этого, независимо отъ гонца въѣвъ, былъ посланъ еще войсковой старшина Грошевъ съ развѣдомъ — узнать, гдѣ именно бой и въ какомъ положеніи дѣла. Грошевъ отправился крупною рысью по долигѣ, прямо на звукъ, и пока мы находились на привалѣ въ Абрасларѣ, въ одинъ часъ съ четвертью слеталъ туда и обратно, слѣлавъ въ совокупности 20 верстъ, и вернулся съ положительными свѣдѣніями, онъ дохалъ до колонны графа Комаровскаго, слѣдовавшаго на Чирпанъ почти параллельно съ нами, но въ 10-ти верстахъ южнѣе. Къ этому времени графъ Комаровскій успѣлъ уже самъ по себѣ узнать черезъ свой развѣдъ, что бой идетъ далеко отъ ту (т. е. правую) сторону Марицы, болѣе чѣмъ въ 30-ти верстахъ отъ насъ. Такъ какъ на Марицѣ, находившейся въ полномъ разливѣ, былъ въ этотъ день сильный ледоходъ, вслѣдствіе чего переправа черезъ нее въ бродѣ, по показаніямъ болгаръ, возможна была не ближе какъ прогнѣ Іени-Магале, то генералъ Карцовъ, убѣдившись въ невозможности подождать въ-время и съ пользою для дѣла на мѣсто боя, поропшился къ Чирпану, чтобы завтра же (6-го) съ разсвѣтомъ начать переправу и выйти на перерѣзъ пути арміи Сулеймана. Въ ожиданіи отвѣта, по необходимости оставался на привалѣ, мы потеряли болѣе грехъ часовъ времени. День былъ пасмурный и сырой. Въ пятomъ часу понахлилъ снѣгъ съ метелью, а дорога, или лучше сказать тропа, по которой мы слѣдовали, была до такой степени сбивчива и не разработана, что если бы не проводники-священники, то мы при этомъ снѣгѣ почти навѣрное заблудились бы, тѣмъ болѣе, что ни впередъ, ни по сторонамъ, куда хваталъ лишь глазъ, нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь селенія. Это былъ одинъ изъ самыхъ длинныхъ и самыхъ скучныхъ нашихъ переходовъ; мы развлекались только тѣмъ, что при-

¹⁾ Генералъ Карцовъ писалъ генералу Гурко слѣдующее: „Хотя я имѣю положительное приказаніе главнокомандующаго: въ случаѣ занятія нашими Филиппополя, идти на Чирпанъ, не слыша канонаду, прошу уведомить: не нужно ли мое содѣйствіе. Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января.“

слушивались къ однообразной музыкѣ выстрѣловъ, стараясь угадывать по звуку, который выстрѣлъ нашъ и который турецкій. Послѣ трехъ часовъ дня отголоски боя стали долетать какъ будто все ближе и ближе, казалось, что бой удалится къ югу, а въ половинѣ шестого замолкли и послѣдніе выстрѣлы. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли на вочлѣгъ въ болгарское селеніе Караорманъ, лежащее не доходя верстъ семи до Чирпана. Потеря времени на привалъ и метель были причиною, что ни одна изъ колоннъ отряда генерала Карцова не могла идти въ этотъ день до назначеннаго пункта. Да и переходъ болѣе чѣмъ въ 50 верстъ, при такой погодѣ, былъ крайне утомителенъ. Впрочемъ, отъ Караормана было на нѣсколько верстъ ближе, чѣмъ изъ Чирпана, до мѣста предполагаемой переправы.

Мнѣ, въ числѣ трехъ офицеровъ, досталась на долю квартира у караорманскаго священника. Тутъ я впервые могъ увидѣть условия жизни и обстановки «поповъ» въ Болгаріи. Хата попа ничѣмъ не отличается отъ хаты любого зауряднаго сельчанина, а у каждаго «чорбаджия» (старосты или зажиточнаго человека) жилища несравненно лучше. Я писалъ уже однажды изъ Бюгата объ устройствѣ и обстановкѣ болгарскихъ хижинъ-землянокъ въ придунайской Болгаріи; здѣсь я устройство и обстановку тѣ же самыя, за исключениемъ того лишь, что хата строится изъ глинны или сырцоваго кирпича поверхъ земли, не зарываясь въ почву, наружныя стѣны бѣлятся, а кровля покрывается черепицею. Внутри же все точно то же, что и въ Бюгатѣ, и въ Шарадимѣ, и въ Студнѣ, и въ тысячахъ подобныхъ селеній, т. е. ни малѣйшей мебели, цыновка на полу подѣл оца, полки съ многочисленною и убогою утварью, рядомъ дверь въ кладовую, лукъ, чеснокъ, баранья шкура, перецъ и кукуруза..

Въ «кештѣ»¹⁾ попа ничто не напоминало особенностей его званія, если не считать наклееннаго на стѣну образа св. Архистратига Михаила, дубочно отпечатаннаго на бумагѣ, совершенно въ томъ же родѣ и характерѣ, какъ и наши суздальскіе священныя изображенія, развѣсившія по всей Россіи офеями. Здышніи граиуры походятъ изъ Аѳона, который снабжаетъ ими весь Балканскій полуостровъ, съ Греціею и Архипелагомъ, а также Румынію, и даже христіанскія мѣстности Малой Азіи и Египта. Кромѣ этого образа, здѣсь не было ни одной книжки, не только свѣтской, но и духовной. Одежда и виѣшность священника, за исключеніемъ длинныхъ волосъ, роскошно выбивавшихся жесткими и сухими кудрями изъ-подъ поярковаго клобука греческой формы, ничѣмъ не отличалась отъ одежды простаго сельчанина. Что касается до витезлліентнаго начала, то оно

отчасти сказывалось развѣ въ томъ, что разговоръ попа, благодаря церковно-славянскому языку, былъ для насъ доступенъ несравненно болѣе, чѣмъ обыкновенный грубой и жесткой звуками языкъ болгарскаго престоноарця.

Семья этого священника состояла исключительно изъ женщинъ двухъ малютки-дочерей, старухи-тени и жены, еще молодой годами, но уже увидѣвшей физически, какъ и въ вообще женщины на Востокѣ, которымъ на 25-мъ году кажется на видъ ужъ за сорокъ. Здѣсь невѣроятно быстро совершался процессъ перерожденія 17-ти лѣтней красавицы въ 20-ти лѣтнюю пожилую особу, и зависить это не столько отъ климата, сколько отъ тяжелаго домашняго труда и отъ дурной привычки (въ среднемъ или гордѣскомъ классѣ общества) втирать въ себя свинцовыя бѣлила и чуть не цѣлыми пластами накладывать на щеки румяны; красивыя же турчанки, составлявшія нѣкогда предметъ нѣсеній нашихъ и многихъ еврейскихъ поэтовъ, въ дѣйствительности почти не встрѣчаются, за исключеніемъ развѣ маленькихъ дѣвченокъ, которые по преимуществу отличаются огненно-рыжими цвѣтомъ своихъ волосъ. У дѣтей и молодыхъ женщинъ этотъ цвѣтъ дается природою, съ волосами же старухи превращаютъ переднюю часть своихъ волосъ въ оранжевый цвѣтъ съ помощью какой-то краски. Жена и теца священника относились къ нему со знаками нѣкотораго почтенія и называли его не по имени, а по званію, и не иначе какъ въ звательномъ падежѣ: «попѣ» - не попо, а именно «попѣ». Это была очень добрая и крайне радушная семья. Они намъ уступили свою цыновку и, несмотря на всѣ наши отказы отъ любезности и увѣренія, что намъ гораздо удобнѣе будетъ спать на снѣгѣ или соломѣ, ни за что не соглашались воспользоваться ею сами, доказывая намъ, какъ гостямъ, что нашъ отказъ отъ цыновки нарушитъ условия здышнаго гостепримства и даже обидитъ ихъ. Нечего дѣлать, пришлось покориться и спать вмѣсто мягкой сѣнной подстилки на жесткой рогожѣ. Впрочемъ, мы такъ устали, что, едва успѣвъ поѣсть, заснули огично и на цыновкѣ. Священникъ къ ужину принесъ намъ солонины, бобовъ, вина и меду, а на утро, когда мы хотѣли вознаградить его за всѣ хлопоты и убытки, онъ и женщины, несмотря на все убожество своей житейской обстановки, упорно отказывались принять вознагражденіе по серебряному рублю съ каждаго. Мы не безъ труда убѣдили ихъ взять наше серебро хотя бы въ подарокъ дѣтямъ, и бабушка тутъ же объявила, что «россійски-ты рубли» пойдутъ на украшеніе красныхъ фресокъ обѣихъ дѣвченокъ. Священникъ этотъ, между прочимъ, рассказывалъ намъ, что турецкое населеніе, уходя изъ окрестностей, позабирало у мѣстныхъ болгаръ всѣхъ лошадей и муловъ, а также и деньги, если гдѣ

¹⁾ Кешта—квартира, жилище, комната

не успѣли заблаговременно зарыть ихъ въ землю, и кромѣ того разграбило карафманскую церковь, т. е. взяло изъ нея серебряную чашу, дискосъ, антиминь, серебряные вѣнчки съ образомъ и ризы, по слава Богу, не подвергло ни престолъ, ни самый храмъ никакому кощунственному оскверненію; вслѣдствіе же ни чаши и дискоса съ антиминь, прихожане на долго лишены теперь возможности слушать литургію, и вся праздничная служба ограничивается у нихъ лишь часами, заутреней, да вечерней. Бѣдный попу вынужденъ пока отправлять богослуженіе безъ ризы, въ одной своей болгарской овчинной курткѣ, поверхъ которой надѣваетъ аширахиль, оставленную ему за крайнюю вѣтхостію.

Наши разъѣзцы, посланные съ вечера въ Чирпанъ и далѣе къ востоку, возвратясь на разсвѣтѣ, донесли, что они вошли въ связь съ разъѣздами 1-й кавалерійской дивизіи и что въ Чирпанѣ уже находится эскадронъ лейб-гвардіи Уланскаго полка. Ночью же генералъ Карцовъ получилъ извѣстіе, что вчера (5-го) генералъ Дандевиль со своею 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею имѣлъ удачное дѣло съ арміею Сулеймана между Караагаджемъ и Станимакой (верстахъ въ 15-ти къ юго-западу отъ Филиппополя), что въ этомъ дѣлѣ участвовала и кавалерія нашего отряда и что разбитые турки отступаютъ уже не на Хаскую, куда пошла теперь наша гвардейская кавалерія, а кинулись прямо на югъ, въ горы, гдѣ ихъ преслѣдуетъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й. Вслѣдствіе этого уже не впадало надобности особенно торопиться съ переправою, которую тѣмъ часомъ можно бы устроить возможно удобнѣе, и потому генералъ Карцовъ, въ виду усиленнаго вчерашняго перехода рѣшилъ сдѣлать своему отряду дневку въ Чирпанѣ, дабы дать возможность подтянуться остальнымъ людямъ, выюкамъ, легкому обозу и порціонному скоту, тѣмъ болѣе что и солдатская обувь настоятельно требовала починки, да и кромѣ того, необходимо было выждать прибытія сводныхъ батальоновъ 11-го и 12-го полковъ, подъ начальствомъ майора Федотова, собрать свѣдѣнія, гдѣ возможно переправиться черезъ Марицу, и получить указанія о дальнѣйшемъ направленіи отряда.

6-го января, въ день Богоявленія, въ 8 часовъ утра мы выступили въ Чирпану. Это былъ первый изъ видѣнныхъ нами доселѣ городовъ Европейской Турціи, который не причеся въ долину, а открыто лежитъ по скаламъ незначительной и пологой возвышенности Болгарское населеніе высыпало на встрѣчу отряду. У самаго вѣзда въ городъ стояла толпа вооруженныхъ мужчинъ, которые, немедленно вслѣдъ за уходомъ турокъ, организовали изъ своей среды городскую стражу для охраненія порядка и для защиты города отъ возможнаго

нападенія банибузукъ. Женщины и дѣвушки, по случаю дня св. Крещенія, всѣ были въ праздничныхъ нарядахъ, съ мирговыми и пѣшевыми вѣнками на головахъ и съ такими же букетами. Мѣховая кофта-дужеграфика, крытая алою, желтою или голубою шелковою матеріею, составляетъ необходимую принадлежность праздничнаго костюма молодыхъ болгарскихъ горожанокъ (пожилыя и старухи носятъ исключительно черное), и эти костюмы, въ соединеніи съ флагами, коврами на балконахъ и зелеными гирляндами надъ входами въ дома придавали всему городу очень пестрый, веселый видъ. Улицы и площади были загромождены ликующими толпами: кто-то изъ болгаръ взобрался на городскую башню, безъ которой здѣсь нѣтъ ни одного города и которая всегда имѣетъ назначеніе звонкомъ въ колоколъ возвыщать жителямъ часы дня и ночи, по турецкому времени; этотъ кто-то изъ всей мочи трезвонилъ теперь въ турецкій колоколъ, въ честь нашего прихода. Старшій городской протоіерей вышелъ на встрѣчу генералу Карцову съ олеванымъ полкомъ, на которомъ находился пшеничный коровай, солонка и стопа чирпанскаго вина. Выслушавъ отъ него привѣтствіе и отвѣдавъ хлѣба-соля, генералъ со своимъ штабомъ отправился въ церковь, предшествуемый поющимъ духовенствомъ! Литургія, которая въ Болгаріи вообще служится очень рано, была уже окончена, и потому мы отстояли одинъ только молебенъ съ возглаголеніемъ многолѣтія: «Освободителю Болгаріи Царю и Императору нашему». Серебряныя ризы съ образомъ этого храма были ограблены турками, при ихъ бѣгствѣ изъ Чирпана, которое послѣдовало 27-го декабря: впрочемъ престолъ и иконы остались не поруганными, по недостатку для этого времени, такъ какъ самое бѣгство, подѣ влияніемъ панической вѣсти, что русскіе уже за Балканами, совершилось крайне поспѣшно.

Тотчасъ по вступленіи въ Чирпанъ я былъ посланъ начальникомъ отряда на телеграфную станцію—изять и разобрать всѣ оставшіяся за послѣдніе дни депеши турецкаго правительства. Особенно важнаго въ нихъ ничего не открыто, но зато эта корреспонденція явно свидѣтельствуетъ, сколь велика была паника турокъ и какой переполохъ произвелъ между ними нашъ переходъ черезъ Балканы. Привожу изъ этихъ депешъ наиболѣе характерныя: 25-е декабря. Вейсиль-паша, комендантъ Шипки, чирпанскому коменданту: «Всѣ войска, находящіяся въ Чирпанѣ, какъ можно скорѣе выслать къ Шипкѣ»¹⁾.

¹⁾ Рѣшительное форсированіе Шипкинскаго перепела съ нашей стороны началось только 27-го декабря; телеграмма же Вейсиль-паши отъ 26-го указываетъ на то, что туркамъ уже заблаговременно были извѣстны наши намѣренія. Вообще, ихъ лазутчики повсюду были гораздо лучше нашихъ.

Отвѣтъ. «По приказанію адрианопольскаго вали (генераль-губернатора), всѣ находящіеся здѣсь войска уже отправлены въ Филиппополь. Они крайне нуждаются въ обуви и очень страдают отъ морозовъ».

26-е декабря. Сантъ, почетный гражданинъ чирпанскій, адрианопольскому губернатору: «Нашимъ бѣглецовъ-жителей столь великъ, что они умираютъ съ голоду. Кормить нечѣмъ, на желѣзнодорожной станціи ихъ не принимаютъ. Торопитесь дать на это ваше приказаніе ¹⁾».

Отвѣтъ ²⁾. «Разрѣшаю забрать подъ бѣглецовъ всѣ болгарскія подводы, на которыхъ и отправить всѣ семейства; всѣмъ же мужчинамъ, способнымъ владѣть оружіемъ, приказываю раздать таковое, и пусть защищаютъ городъ вмѣстѣ съ мустегафизами. Вы пишите, чтобы всѣ правительственные дѣла и бумаги, уложивъ въ ящики, отправить въ Филиппополь; я же приказываю оставить ихъ въ Чирпанѣ, гдѣ оставаться и всѣмъ служащимъ въ администраціи. Могущіе носить оружіе ни въ какомъ случаѣ не смѣютъ оставлять города».

Чирпанскій каймакамъ (уѣздный начальникъ) ко всѣмъ окрестнымъ агентамъ администрации. «Немедленно собрать всѣ болгарскія подводы для перевозки бѣглецовъ» ³⁾.

27-го декабря. Чирпанскій каймакамъ, филиппопольскому мутесарифу (губернатору). «Ни жители, ни мустегафизы рѣшительно не хотятъ разлучаться со своими семействами. Отправлять на Шинку фуражъ и продовольствіе мы не имѣемъ средствъ. Торопитесь прислать на помощь хотя сколько-нибудь пшеницы».

28-го декабря. Отъ Саиды, почетнаго гражданина чирпанскаго, къ адрианопольскому вали: «Высылайте немедленно какъ можно болѣе паровыхъ пѣздовъ, потому что все турецкое населеніе бѣжитъ поголовно. Чирпанскіе бѣгутъ на Каяджикъ и Іени-Магалѣ» ⁴⁾.

28-го же декабря. Казанлыкскій каймакамъ къ филиппопольскому мутесарифу: «Громадныя силы русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи. Казанлыкское населеніе бѣжитъ поголовно. Женщины и дѣти отпра-

лены въ Ески-Загру и Чирпанъ. Къ вечеру сего числа въ Казанлыкѣ не осталось уже ни одной турецкой женщины. Учрежденія «Красной Луны» остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что и администраціи надъ выбираться. Состоявшие при мѣст. офицеры, чиновники, писцы и телеграфисты сейчасъ ушли въ Чирпанъ. Сельскіе жители, какъ сообщаютъ изъ Чирпана, бѣгутъ на Карабунаръ» ⁵⁾.

28-го же декабря. Отъ того же къ тому же: «Я узналъ сно минутой, что заключено перемиріе. Прикажете ли чиновникамъ и жителямъ возвращаться назадъ?»

Отвѣта не послѣдовало, и въ тотъ же день вечеромъ турки до послѣдняго человѣка, вмѣстѣ со всею своею администраціей, бѣжали изъ Чирпана. На этой телеграммѣ прерывается всякая цѣлѣйшая корреспонденція. При этомъ бѣгству, оставлены въ городѣ большіе запасы галетъ, которыя изготовлялись здѣсь въ количествѣ 2,000 окъ ежедневно, и цѣлый складъ металлическихъ патроновъ въ 395 ящиковъ, по 10,000 штукъ въ каждомъ, итого, стало быть — 3,950,000 патроновъ. Чѣмъ далѣе слѣдуемъ мы впередъ, тѣмъ все болѣе и болѣе приходится изумляться этой неисчерпаемости всяческихъ богатствъ по военной части, напрасно потраченныхъ на Турцію ея англійскими почитателями и кредиторами, и только видя во очю всѣ эти матеріальныя слѣды англійскихъ заботъ и попеченій на поддержаніе турецкаго владычества, начинаешь понимать всю мѣру глубочайшей ненависти и отвращенія, питаемыхъ къ Англии болгаскими христианами, къ числу которыхъ, впрочемъ, мы не относимъ торгашей грековъ (но только торгашей) изъ подвластныхъ туркамъ южныхъ провинцій, потому что этимъ эксплуататорамъ греческаго и болгарскаго населеній отлично живется только при турецкомъ правительствѣ; изъ нихъ же по преимуществу вербуются и христіанскіе члены стамбульскаго «парламента», но зато они пользуются ненавистью и презрѣніемъ своего собственнаго племеннаго народа въ равной степени съ турками и англійчанами.

Тотчасъ же по выходѣ изъ чирпанской церкви весь штабъ генерала Карцова и почти всѣ наличные офицеры всгупившаго въ городъ отряда буквально нарасхватъ были разобраны зажиточными чирпанскими жителями къ себѣ въ дома, гдѣ для нихъ заранее уже готовились и чистыя, мягкія постели, и теплыя комнаты, и самое радушное, изобильное угощеніе. Это радушіе, съ непривычки, даже стѣсняло насъ; да и какъ не стѣсняться, когда вы видите, что и самъ хозяинъ, и все его семья отъ мала до велика смотритъ вамъ въ глаза, стараясь не только предупредить,

¹⁾ Подобнаго же смысла телеграмма была отправлена къ адрианопольскому вали и отъ чирпанскаго градоначальника, который спрашивалъ разрѣшенія забрать подъ бѣглецовъ подводы у болгаръ, какъ въ городѣ, такъ и во всѣхъ окрестностяхъ.

²⁾ Этотъ отвѣтъ адресованъ обоимъ вышеназваннымъ лицамъ.

³⁾ Приказъ этотъ при своемъ исполненіи, какъ извѣстно уже, послужилъ для исполнителей поводомъ отбирать вмѣстѣ съ подводами и деньги, и цѣнныя вещи, и церковную утварь съ серебряными образками ризами. Благодаря ему же, при реквизиціи не обошлось безъ самыхъ ужасныхъ насилій, послѣдствіемъ которыхъ во всей окрестной странѣ были новыя пожары и убійства.

⁴⁾ Станція на желѣзной дорогѣ.

⁵⁾ Тоже станція на желѣзной дорогѣ.

но предугадать малѣйшее ваше желаніе. Истопить ли комнату надъ вами ее истопить какъ баню, не жалѣя дровъ; есть ли вы захотите—вамъ нанесутъ цѣлый столъ разнообразныхъ и очень искусно приготовленныхъ «горскихъ» болгарскихъ блюдъ, сопровѣдая ихъ изобильнымъ количествомъ мѣстного вина и раки; спать ли захочется—несутъ цѣлый ворохъ тюфиковъ, ковровъ, прѣстѣль, одѣяль и подушекъ, и все это дѣлаютъ сами, не допуская даже денщика ни до малѣйшаго услужія. А чуть заснете или уйдете вы со двора—начинается кормленіе и поеніе денщиковъ и рейтхенхотовъ, что въ концѣ концѣ въ даже вамъ неприятно, но ничто не подѣлаешь и снисходительно молчишь, напитуя тѣхъ груди и лишены этихъ самыхъ денщиковъ на Балканѣ и во все время суроваго, утомительнаго похода. Замѣчательнѣе всего то, что въ течение чирпанской дневки не вышло никакого недоразумѣнія между жителями и войсками, и ни съ той, ни съ другой стороны не послѣдовало ни малѣйшаго жала бы; люди наши вели себя примѣрно, а это, въ сравненіи съ турками, еще усиливало степень уваженія и ласкъ, оказанныхъ имъ жителями.

Надо сказать, что еще съ самаго вступленія нашего въ сѣверныя предгорья Балканскаго хребта, начиная съ разрушеннаго города Траяна, мы начали уже замѣчать значительную разницу въ бытѣ и характерѣ мѣстнаго болгарскаго населенія, по сравненію его съ населеніемъ придунайскимъ. Последнее въ высшей степени равнодушно и апатично относится ко всему на свѣтѣ и нисколько не заботится объ улучшеніи своего собственнаго быта, довольствуясь кукурузою и убогими земликами. Оно слишкомъ забито, слишкомъ подавлено для подобныхъ заботъ и стремленій. Исключеніе составляетъ только нѣкоторая часть городской интеллигенціи, но далеко не вся интеллигенція, которая при политическомъ равнодушіи заботится преимущественно о личныхъ своихъ барышахъ и торговыхъ интересахъ. Здѣсь же, въ горахъ и въ загорѣхъ, совершенно наоборотъ: въ цѣломъ населеніи еще живы заветныя преданія славной старины, сознаніе своей славянской сущности, ревность къ православному вѣрѣ, жаркое стремленіе къ освобожденію изъ-подъ турецкаго ига. Не потому ли и старались турки уничтожать и вырѣзывать население преимущественно горскихъ и соедѣнныхъ съ горскими мѣстностей? Это население тантъ въ себѣ начала воинственнаго духа и изъ него-то преимущественно выходили добровольцы чета Цело Петкова и другихъ воеводъ болгарскихъ; въ немъ же, конечно, лежитъ и опора будущей независимой Болгаріи. У этого населенія и наружный видъ, и говоръ, и замашки какъ-то бойче, и походка быстрѣе, ловчѣе, энергичнѣе, и нако-

нѣсь, оно во всѣхъ отношеніяхъ значительно развитѣе населенія придунайскаго. Женскій бытъ тоже красивѣе чѣмъ придунайскій, и особую оригинальность ему придаетъ прическа, здѣшня болгарки подстригаютъ почти надъ самыми бровями волосы, падающіе въ видѣ челки на лобъ, а всю остальную растительность своей головы пускаютъ вольными кудрями витая по плечамъ. Балканскіе и загорскіе мужчины замѣчательные ходоки: во время похода наши проводники ежедневно изумляли насъ своей быстротою и неутомимостью. Однажды подъ генераломъ Карцовымъ была замѣчательно ходастая, такъ что въ походѣ весь его свитѣ, на каждыя ста саженьхъ пути, приходилось нагонять его рысью, а между тѣмъ проводники болгары шагаютъ себѣ впередъ генерала своимъ ровнымъ, быстрымъ и широкимъ шагомъ безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія, и такимъ образомъ прохлѣдъ они 50-ти-верстные переходы. Эта замѣчательная способностъ къ ходьбѣ служить залогомъ того, что изъ болгаръ вырабатывается впоследствии превосходная пѣхота, и на это тѣмъ болѣе можно надѣяться, что рагняки Столѣвскаго ополченія вообще показали себя въ боевыхъ дѣлахъ весьма стойкими солдатами.

Городъ Чирпанъ по справедливости гордится своимъ краснымъ, или, какъ здѣсь называютъ, «чернымъ» виномъ. Это густое, мягкое и въ то же время сильное вино обладаетъ всеми лучшими качествами винъ бургонскихъ, если даже не превосходитъ ихъ своими достоинствами. Бургонскія же вина напоминаютъ оно и своимъ вкусомъ. Мой хозяинъ, Иванчо Хаджи-Деконъ, съ большою любовью занимается винодѣльствомъ и постоянно старается улучшать свое производство. Его выдержанныя пятилѣтнія вина превосходны, и будь эготъ человекъ поставленъ въ нѣныя условія гражданской жизни, при возможности свободнаго сбыта своихъ произведеній, онъ давнымъ-давно сдѣлалъ бы себѣ громадное состояніе, а здѣсь, «въ Турціи», Иванчо Деконъ имѣетъ только маленькую возможность существовать безбѣдно со своимъ большимъ семействомъ. «Я бы могъ, рассказывалъ онъ мнѣ, свободно выдѣлывать до двухъ милліоновъ окт., но, во-первыхъ, сбытъ у насъ очень ограниченъ, а во-вторыхъ, еслибы даже и нашелъ я настоящій сбытъ чрезъ Стамбулъ англійскимъ купцамъ, которые и теперь закупаютъ у меня почти весь мой товаръ, то это было бы крайне рискованно: здѣсь не только собственностъ, но самая жизнь наша, какъ вамъ извѣстно, нисколько не обезпечена, а потому выказать свое состояніе, или хотя бы даже возможность къ приобрѣтенію состоянія, было бы очень опасно; но прихоти перваго вали, или даже каймакама, который соблазнился бы моими деньгами, я навѣрное попла-

тился бы тюрьмою, если даже не жизнью, и все семейство мое было бы пущено по-миру. Поэтому мы, болгары, и прозябаемъ, поэтому и энергія къ работѣ падаетъ у насъ... Все это, говорю, здѣсь не только бесполезно, но даже опасно. Авось либо теперь настанутъ лучшія времена... Здравія, здравія Царю Александру!» крестьясь, заключилъ свою рѣчь мой хозяинъ.

И дѣйствительно, экономическое положеніе каждаго производителя въ Болгаріи ужасно темъ, что ему не даютъ или запрещаютъ работать и приобретать—напротивъ, на это нѣтъ и не бывало запрета; но ужасно оно темъ, что результаты его труда, его собственности и все достоинствіе нисколько не обезпечены какимъ-либо положительнымъ закономъ: они всецѣло висятъ на волоскѣ личной прихоти или алчности любого турецкаго чиновника: захотѣлъ и отнялъ, а для этого стоитъ только обвинить человека въ государственной измѣнѣ и упрятать его въ тюрьму, изъ которой обвиненный можетъ выкупить себя только цѣною своего достоинствія. Произволъ власти—вотъ что ужасно было въ условіяхъ общественной и экономической жизни Болгаріи. И до какой степени, вслѣдствіе этого, простирается здѣсь дешевизна, или, вѣрнѣе сказать, безцѣнность продуктовъ, можно судить изъ того, что вино, за которое въ Петербургѣ надо было бы заплатить не менѣе двухъ съ половиною или трехъ рублей за бутылку. Иванъ-чо Дековъ продаетъ англійскимъ скрущикамъ по два галагана око, а галаганъ равняется двумъ съ половиною копейкамъ, въ окѣ же заключается почти двѣ нашихъ бутылки. Ко всѣмъ этимъ и многимъ другимъ рассказамъ у моего радушнаго хозяина неизмѣнно прибавляется одинъ только, сопровождаемый крестнымъ знаменіемъ, возгласъ: «здравія, здравія, многа лѣтъ здравія на Царь нашъ Александръ!»

7-го января днемъ было получено въ Чирпанѣ приказаніе главнокомандующаго о томъ, что траянскій отрядъ поступаетъ въ составъ отдѣльнаго западнаго отряда, подъ начальство генерала-отъ-кавалеріи Турко, вслѣдствіе чего начальнику западнаго отряда немедленно же былъ отправленъ рапортъ о наличномъ составѣ и испрашивалось приказаніе о дальнѣйшемъ назначеніи 3-й пѣхотной дивизіи.

Такимъ образомъ, траянскій отрядъ прекратилъ свое самостоятельное существованіе, — остается подвести итоги его дѣйствій. Во-первыхъ, свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ этихъ дѣйствій, во-вторыхъ, ходъ послѣдующихъ событій, въ-третьихъ, показанія плѣнныхъ и, наконецъ, документы, захваченные у непріятеля, указываютъ, что взятіе Траянскаго перевала имѣло слѣдующія послѣдствія:

1) Привлеченіе къ перевалу отъ Шипки и Филиппополя шести непріятельскихъ таборовъ и полное разбитіе оныхъ, сопровождавшееся

взятіемъ укрѣпленій, двухъ знаменъ, орудій, транспорта съ продовольствіемъ и плѣнныхъ.

2) Распространеніе общей паники по всей долинѣ Гюпса и въ Филиппополь, вслѣдствіе чего—поголовное бѣгство турецкаго населенія, вмѣстѣ съ отрядами, занимавшими Клыссуру, Карлово, Калоферъ, Чукурлу, и Каратопракъ.

3) Захватъ громаднаго количества скота и запасовъ, что дало возможность продовольствовать войска значительное время ¹⁾ безъ интендантства и безъ расходовъ казны.

4) Немедленное оставленіе непріятелемъ двухъ сильно укрѣпленныхъ позицій въ Калоферскомъ и Клыссурскомъ ущельяхъ, откуда турки бѣжали, когда имъ еще не было извѣстно о пораженіи подъ Шипкою и Шейновымъ.

5) Соединеніе 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю, что не могло бы случиться, если бы изъ траянскаго отряда не были посланы войска въ тылъ клыссурскаго дефиле.

6) Полное обезпеченіе съ запада войскъ, спустившихся въ долину Тунджи.

7) Таковое же обезпеченіе тыла западнаго отряда, чего не было бы, если бы переходъ Траянскаго перевала не вынудилъ турокъ очистить Калоферъ и всю долину Гюпса.

Смѣю думать, эти результаты достаточно доказываютъ, что траянскій отрядъ исполнилъ свой долгъ и вполне достигъ цѣли, указанной ему волею великаго князя главнокомандующаго.

LXXXVI.

Переправа черезъ Марицу у Лени-Магале.

Разливъ Марицы. — Трагическіе слѣды турецкой переправы. — Устройство переправы 3-ю ротою 6-го сапернаго батальона. — Выступленіе отряда къ переправѣ. — Свиньи, какъ предметъ мнѣнія турокъ. — Оставленіе колеснаго обоза. — Переправа пѣхоты и артиллеріи. — Пояски брода и случай съ казакъ-охотникомъ. — Переправа конницы. — Станція Лени-Магале. — Продолженіе переправы вечеромъ, въ метель и бурю. — Мерзкій ночлегъ.

Демотика, 26-го января.

7-го января еще до разсвѣта подполковникъ Сосновскій отправился на мѣсто предполагаемой переправы. Но стоило лишь взглянуть на разлившуюся Марицу, чтобы убѣдиться въ полной невозможности этого предпріятія, безъ помощи какихъ-либо специальныхъ приспособленій. Рѣка разлилась въ ширину на разстояніи болѣе 110-ти сажень отъ одного берега до другого; масса воды, покрытая почти сплошь такъ называемымъ «саломъ» и группами отдѣльных, свѣпавшихся между собою льдинъ, неслась впередъ со стремительностію быстрого потока. Скорость теченія равнялась почти 6-ти футамъ въ секунду. Незалитый берегъ мѣстами былъ наборожденъ рытвинами, что застав-

¹⁾ До половины января.

ляло предполагать подобныя же рытвины и въ залитомъ его пространствѣ. Но кромѣ этихъ, были еще и другіе признаки, ошашкомъ печально подтверждавшіе намъ невозможность переправы въ бродъ. Въ ночь съ 28-го на 29-е декабря, когда разливъ и стремительность теченія Марицы еще далеко не достигали такой силы какъ 7-го января, здѣсь въ этомъ самомъ мѣстѣ переправлялись бѣжавшіе жители Чирпана и окрестныхъ селеній. Мы видѣли только печальные слѣды этой ужасной въ своемъ родѣ переправы. Русло рѣки, съ одного берега до другого, было загромождено каруцями, и возами, изъ которыхъ нѣкоторые опрокинуты вверхъ дномъ, другіе повалены на бокъ, третьи, попавшіе въ подводную ямину, торчали надъ поверхностью чуть не стоймя дышломъ или задкомъ вверхъ, нѣкоторые же сохранили нормальное положеніе на всѣхъ четырехъ колесахъ. Въмѣстѣ съ этими же экипажами высовывались изъ-подъ воды гдѣ рога, гдѣ ноги, гдѣ бока затонувшихъ воловъ и буй-воловъ. Окоченѣлый трупъ какой-то женщины, съ тремя замерзшими ребятами, сидѣлъ посреди рѣки въ одной изъ повозокъ; нѣсколько труповъ людей и животныхъ успѣло уже прибить теченіемъ къ берегу, по которому бродили стада покинутого голоднаго скота; одинъ трупъ годовалаго ребенка былъ брошенъ на льдину, гдѣ и замерзъ поджавши къ щекамъ ручки; у самого спуска къ броду лежала мертвая женщина, съ явными слѣдами переѣхавшихъ чрезъ нее колесъ тяжелаго воза... Довольно уже и этихъ признаковъ, чтобы представить себѣ, какая трагедія разыгрывалась здѣсь во время переправы бѣглецовъ турецкихъ. 28-е декабря именно былъ тотъ день, когда на вершинахъ балканскихъ свирѣствовала буря. Надо полагать, что въ тотъ самый день такая же буря гудѣла и здѣсь, въ широкой, совершенно открытой и доступной всѣмъ вѣтрамъ равнинѣ Марицы. Это вѣдь только въ закрытой со всѣхъ сторонъ «Долинѣ Розъ» мы могли видѣть ту бурю, даже любоваться снизу вверхъ ея грандіозными взметами снѣговъ, но не испытывать на себѣ ея дѣйствія. Здѣсь же, очевидно, было не такъ. Переправа турецкаго населенія происходила въ темную бурную ночь, оттого-то здѣсь и погубило столько всякаго добра, столько людей и животныхъ.

Берегъ съ нашей стороны около брода былъ загроможденъ покинутыми возами, которыми Сосновскій и рѣшилъ воспользоваться какъ матеріаломъ для скорѣйшаго устройства переправы. Кромѣ того, по указанію болгаръ, саженихъ въ 400 ниже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, обогнувъ полукругомъ лѣвый берегъ, принимаетъ теченіе къ сѣверу, мы отыскали паромъ, и около него были разметаны также ужасные слѣды трагической переправы. Этотъ паромъ точно также можно было приспособить къ пе-

ревозкѣ артиллерійскихъ орудій и ящикомъ. Подполковникъ Сосновскій распорядился о немедленной отправкѣ сюда саперной роты нашего отряда, которая, прибывъ къ рѣкѣ около десяти часовъ утра, тотчасъ же приступила къ устройству переправы. Въ помощь саперамъ была отряжена часть казаковъ и людей 10-го пѣхотнаго полка, расположившагося за лѣсомъ въ ближайшей деревнѣ Шакирджи. Сюда же, еще во время дневки 7-го января, былъ направленъ 10-й стрѣлковый батальонъ. Частью на рукахъ, частью же при помощи запряжекъ бродившаго по берегу скота, люди втаскивали въ воду возы и каруцы, продвигали ихъ до противоположнаго берега и, выпрягая въ водѣ животныхъ, ставили эти экипажи по дну, въ плотный рядъ, одинъ за другимъ, пока наконецъ уже къ вечеру не вытянулась длинная лента возовъ отъ нашего до противнаго берега. Тогда привалили за настилку лежней и досокъ поверхъ импровизованныхъ устоевъ. Для этого въ одной изъ соседнихъ покинутыхъ деревень были добыты всевозможныя бревенчатые и досчатые подѣлки: двери, косяки, балки, полки, закромы, и т. п., что еще ранѣе, въ теченіе цѣлаго дня, успѣли натаскать сюда казаки и солдаты, разобравъ для этого два турецкіе дома. Устройствомъ всей этой переправы руководили саперные офицеры, поручики Папковъ и Цуриковъ и подпоручикъ Сахаровъ. И надо было видѣть, какими неутомимыми молодцами показали себя въ работѣ люди саперной роты, съ какимъ самоотверженіемъ лѣзли они въ рѣку при 9-ти градусномъ морозѣ и по грудь въ водѣ устанавливали возы, вбивали бревна, устраивали козлы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина превышала вышину возовъ, и все это безоротно, покорно, охотно, съ вѣчной русской шуткой-прибауткой, или въ крайнемъ случаѣ съ крѣпкимъ поощрительнымъ словомъ. На берегу были разложены костры и устроенъ изъ лининыхъ досокъ родъ шалаша. Тутъ для рабочихъ клѣли въ котелкахъ говяжьи похлебка, заваривался чай, раздавалась водка, тутъ же они переодѣвались, сушились и обогрѣвались послѣ не въ мѣру холодной рѣчной ванны.

Къ утру 8-го января переправа наша окончательно была уже устроена, и подполковникъ Сосновскій возвратился въ Чирпанъ доложить объ этомъ генералу Карпову, который сообщилъ ему, что вчера (7-го) пришло предписаніе, въ силу коего бывшій траянскій отрядъ въ полномъ своемъ составѣ поступаетъ подъ главное начальство генерала Гурко и имѣетъ двигаться на Хаскию, Германлы и Мустафашу къ Адрианополю. Въслѣдъ за донесеніемъ Сосновскаго о готовности переправы, генералъ Карповъ двинулся къ ней со своимъ штабомъ, войска же направлялись туда еще ранѣе, какъ только взошло солнце.

Отъ Чирпава до переправы оказалось не семь (какъ было обозначено по картѣ), а и всѣ 14 верстѣ. Впрочемъ, сюрпризы этого рода для насъ уже не были новинкой. Утро стояло солнечное, но очень холодное, съ морозомъ градусовъ въ 12, при порывистомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Видъ Марицы закрывался отъ насъ старорослымъ дубовымъ и буковымъ лѣсомъ единственнымъ, кажется, во всей этой мѣстности. Древнѣе великаны росли довольно рѣдко одинъ отъ другого, и потому этотъ лѣсъ, вообще расчищенный и хорошо содержимый, походилъ скорѣе на большую рошу или паркъ. Не доходя этого лѣса, мы прослѣдовали черезъ деревню Шакирджѣ, гдѣ на мѣсто выступившаго уже 10-го полка расположился на привалѣ только-что втянувшійся въ нее 9-й полкъ. Здѣсь, на улицѣ, наше вниманіе невольно остановили на себѣ слѣды довольно страннаго мщенія убѣжавшихъ турокъ: не успѣвъ перебить укрывшихся жителей-болгаръ, они перестрѣляли всѣхъ понававшихся имъ на дорогѣ свиней болгарскихъ. Забытъ? Для чего? Ради какой надобности?—Этого не поймешь... Изъ человѣческихъ труповъ по пути—и то уже въ лѣсу—намъ встрѣтились только два болгарина, вѣроятно случайно шедшіе на встрѣчу турецкимъ бѣглецамъ, которые здѣсь ихъ и покончили. Лѣсная дорога была запружена частями 10-го полка, сѣдѣвшихъ къ переправѣ. Стрѣлковый батальонъ былъ уже впереди, на мѣстѣ. Здѣсь нашимъ вонескимъ частямъ пришлось окончательно побросать свои обозы, хотя и доселѣ при нихъ находились только самыя легкія и самыя необходимыя повозки: генераль Гурко еще вчера прислалъ предписаніе, чтобы, въ виду предстоящихъ форсированныхъ маршей къ Адрианополу, войска отнюдь не обременяли себя никакими колесными обозами, ограничась лишь одними вьюками для самыхъ необходимыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, лазаретный околотокъ оставили мы въ Чирпанѣ, патроны переложили на вьюки, порціонный скотъ каждая часть погнала гуртомъ позади своей колонны, а относительно хлѣба,—съ переходомъ за Балканы, мы приучились рассчитывать преимущественно на турецкое интендантство и его богатые, многочисленные склады. Впрочемъ, часть того запаса галетъ, что найдены были въ Чирпанѣ, люди несли на себѣ въ сухарныхъ мѣшкахъ, по расчету трехдневной дачи.

Всѣмъ ходомъ переправы распоряжался непосредственно самъ генераль Карцовъ. Люди подступали къ спуску по-ротно и шли по зыбкимъ мосткамъ въ одинъ человѣкъ, гуськомъ, сначала 10-й стрѣлковый батальонъ, потомъ 10-й полкъ по порядку номеровъ своихъ батальоновъ. Артиллерию перевозили на паромѣ, и переправа каждого орудія съ передкомъ занимала $\frac{3}{4}$ часа времени. Кавалерія необходимо

было перейти въ бродъ, и для отысканія его генераль вызвалъ пять казаковъ-охотниковъ. Ихъ переправили на паромѣ на ту сторону, чтобы предварительно высмотрѣть свойства противнаго берега, т. е. спускается ли онъ въ русло полого, или обрывомъ, такъ какъ, судя по вышности, надо было предполагать послѣднее.

Первымъ изъ охотниковъ сунулся въ воду молодой казакъ, украшенный знакомъ военнаго ордена; но не успѣлъ онъ пройти и десяти шаговъ, какъ вдругъ въ одно мгновеніе исчезъ съ лошадыю подъ водою. Невольный крикъ испуга за участь этого удалца вырвался у всѣхъ слѣдившихъ за нимъ съ нашего берега,—но, слава Богу, изъ-подъ воды показалось что-то черное, барахтающееся въ брызгахъ и всплескахъ—и казачій конь не безъ усилій выкарабкался наконецъ изъ глубокой подводной рытвины на вышележащую плоскость русла, а вслѣдъ за нимъ показался и отдѣльно плывущій всадникъ. Почувствовавъ подъ собою дно, казакъ сталъ на ноги, перекрестился и подошелъ къ своему коню, который, выбравшись изъ рытвины, тоже остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный. Вскочивъ въ сѣдло, казакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, далъ шенкеля, хлестнулъ нагайкою лошадь и пошелъ далѣе по руслу на нашу сторону. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего берега оказался тоже провалъ въ рытвину, но уже менѣе глубокий—только по грудь лошади—и потому казакъ благополучно выбрался къ намъ. Его, конечно, раздѣли, вдобавъ напоили водкой, завернули въ бурки и уложили около костра, гдѣ онъ и заснулъ очень крѣпко. Другіе охотники были счастливы: они взяли лѣвѣе и благополучно перебрались къ намъ, держась въ направленіи затонувшихъ возовъ. Такимъ образомъ бродъ былъ отысканъ и кавалерія наша (24-й казачій полкъ), имѣя во главѣ своего командира, подполковника Кузнецова, двинулась «справа по одному» въ рѣку. Быстрое теченіе, въ особенности около торчавшихъ изъ-подъ воды большихъ камней, хотя и сносило въ сторону нѣкоторыхъ лошадей, и хотя два-три человѣка свалились въ воду, но переправа конницы и артиллерійскихъ лошадей вообще прошла благополучно. Но въ нѣхотѣ нѣкоторымъ офицерамъ и солдатамъ пришлось таки выкупаться; это произошло оттого, что мостки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они переходили съ каруцъ на козлы, дважды обламывались подъ напоромъ воды и сала. Къ счастью, эти двукратныя паденія людей обошлись безъ смертельныхъ и увѣчныхъ случаевъ; но такъ какъ при этомъ каждый разъ требовалась починка моста съ участіемъ саперъ, то обстоятельство это на нѣсколько часовъ замедлило переправу отряда. Генераль Карцовъ переправился уже подъ вечеръ и расположился пока на желѣзно-дорожной станціи Іени-Магале, которая находится въ полутора верстахъ отъ берега и въ пяти

верстахъ отъ лежащаго ниже къ югу, на самомъ шоссе, селенія того же имени, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ и ночлегъ нашему отряду.

Всю мѣстную желѣзно-дорожную администрацію, состоящую изъ французовъ, нѣмцевъ и грековъ, мы нашли на станціи, и начальникъ ея объявилъ генералу, что по распоряженію правленія Восточной желѣзно-дорожной компаніи, всѣмъ служащимъ велѣно оставаться на своихъ мѣстахъ и, въ случаѣ какихъ-либо требованій, относящихся до ихъ специальности, со стороны русскаго военнаго начальства—быть вполнѣ къ его услугамъ. Къ сожалѣнію кромѣ одной дрезины, мы не нашли здѣсь ровно ничего изъ подвижнаго состава, а телеграфная линія оказалась прервannoю гдѣ-то впереди. Зато въ станціонныхъ амбарахъ нашлись склады казенной турецкой муки и продовольственныхъ припасовъ, что и было, конечно, конфисковано нами. Едва мы успѣли закусить, какъ уже стемнѣло, и генералъ, готовясь ѣхать на ночлегъ въ селеніе Іени-Магале, отправилъ меня съ порученіемъ назадъ, на переправу.

Въ воздухѣ гудѣла полная буря, поднимая сильную метель; по небу мчались разорванныя тучи, между которыми мелькала на мгновеніе луна, и эти безпрестанные переходы отъ свѣта, хотя и слабого, къ полной тѣмѣ были тѣмъ не пріятнѣе, что при нихъ ежеминутно рискуешь сойтись съ дороги, уже и безъ того переметеной снѣгомъ. Я съ казакomъ ѣхалъ полемъ, стараясь разглядывать впереди кое-какіе признаки дороги, какъ вдругъ лошадь моя шаркнулась въ сторону. Впереди, въ двухъ шагахъ отъ меня виднѣлось что-то черное, полужаметное снѣгомъ. Лошадь дрожала всѣмъ тѣломъ, всхрапывала, унырала и не хотѣла идти на испугавшій ее предметъ. Два-три удара нагайки заставили ее наконецъ покориться, и тутъ, при свѣтѣ луны, я разглядѣлъ черное африканское лицо съ ослабленными бѣлыми зубами. Этого мертвеца не было на дорогѣ давеча, когда мы ѣхали на станцію—стало быть, я сбился съ пути. Кинулись вправо, кинулись влѣво—не видать никакого слѣда. Что тутъ дѣлать! Но раздумье—куда теперь взять направленіе,—по счастью, было непродолжительно, такъ какъ черезъ минуточку смутно обрисовалось сквозь метель нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Мы подъѣхали къ нимъ и окликнули. Это былъ командиръ 10-го полка, графъ Комаровскій, шедшій пѣшкомъ, въ одномъ сюртукѣ, отогрѣвая въ карманахъ панталонъ зажатые руки. Его сопровождали нѣсколько солдатъ. Графъ указалъ мнѣ направленіе къ переправѣ и сообщилъ, что два батальона его полка уже перешли на правый берегъ, но что переправа подѣ бурю крайне затруднительна: людей чуть не срывааетъ вѣтромъ съ мостковъ, снѣгъ бьетъ прямо въ лицо, закрывая глаза, холодъ прони-

маетъ до костей, доски обледенѣли такъ, что двигаться по нимъ можно лишь съ крайнею осторожностію и что влѣдствіе всего этого дай Богъ, если 3-й батальонъ успѣетъ переправиться къ полуночи, а о 9-мъ полкѣ ранѣе завтрашняго утра нечего и думать. Съ такими-то неутѣшительными свѣдѣніями я поскакалъ въ указанномъ мнѣ направленіи, но съ дороги уже не сбивался, такъ какъ на встрѣчу время отъ времени попадались то отдѣльные люди, то небольшія кучки солдатъ 10-го полка, шедшихъ отъ переправы къ станціи, и они-то служили мнѣ, такъ сказать, путеводными вѣхами. Вскорѣ показался свѣтъ костровъ и, держа на нихъ, я выѣхалъ къ переправѣ. Дѣйствительно, это было нѣчто если не ужасное, то крайне непріятное, хотя вся обстановка представляла очень своеобразную и даже поэтическую картину. Представьте себѣ безпрестанное мельканіе луны въ мутныхъ облакахъ, завываніе и какъ бы стоны вѣтра въ глѣсу противнаго берега; міриады крутящихся и смѣянно несущихся въ воздухѣ искры, срываемихъ вѣтромъ съ костровъ; шумъ волнъ, бьющихъ въ берега, и трескъ льдинъ, наплывающихъ на каруцъ нашихъ зыбкихъ мостковъ, и скрипъ этихъ мостковъ подъ тяжестью шаговъ солдатъ, которые, укутавъ головы въ остроконечные башлыки, съ ружьями на перевѣсѣ, балансируютъ руками и корпусомъ, и тихо, осторожными шажками, подвигаются одинъ за другимъ по обледенѣлымъ доскамъ, проложеннымъ въ одинъ рядъ, безъ перерыва, надъ быстрною разлившейся бурной рѣки, въ то время какъ вѣтеръ неистовыми порывами рветъ на нихъ полы шинелей, а въ воздухѣ несутся и крутятся цѣлыя облака снѣжной завихрухи.

Къ довершенію всѣхъ невзгодъ этой переправы, паромъ, на которомъ перевозились орудія, снесло на подтопы версты внизъ по теченію. Болгары-перевозчики, работавшіе весь день безъ перерыва, попросили себѣ полчаса отдыха и сошли на берегъ поѣсть и погрѣться, привязавъ паромъ канатомъ къ прибрежной ракитѣ; но въ то время какъ они обѣдали, напоръ волнъ и вѣтра оборвалъ канатъ—и паромъ понесся внизъ по Марицѣ; счастье еще, что на новомъ колѣнѣ рѣки онъ уткнулся въ откосъ берега и тамъ былъ перенятъ бѣжавшими за нимъ перевозчиками; но все-таки и это случайное обстоятельство очень замедлило переправу артиллерійскихъ ящиковъ, такъ какъ направлять паромъ съ откоса и вести его противъ теченія въ бурю было крайне трудно и требовало много времени.

Исполнивъ давнее мнѣ порученіе, я нагналъ генерала Карцова уже въ Іени-Магале. Это было болгарское селеніе, на половину разрушенное турками и почти покинутое жителями. Сюда еще днемъ былъ отправленъ старшій адъютантъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи,

капитанъ Федоровъ, для отвода помѣщеній и бивуачныхъ мѣстъ.

— Мерзкій ночлегъ, ваше превосходительство, да дѣлать нечего и выбрать не изъ чего, — сказалъ онъ, выѣхавъ къ генералу на встрѣчу, — столько адѣсь этого трупны всякаго — и человѣчьяго, и скотскаго, что... и не оберешься.

Но, благодаря потемкамъ бурнаго вечера, мы не видали труповъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ воловьихъ тушъ, на которыя случайно наткнулись посреди самой улицы. Зато картина эта, во всемъ ея ужасномъ безобразіи, открылась передъ нами на утро слѣдующаго дня, когда мы выступили къ Хаскию.

LXXXVII.

Отъ Иени-Магалѣ до Адрианополя.

Мертвые и умирающіе на дорогѣ. — Изумительная звѣрства! — Городъ Хаской и обыватели-турки. — Отпѣваніе мучениковъ. — Ночная перестрѣлка на 10-е января въ д. Фертелю. — Взаимныя жалобы болгаръ на турокъ, и турокъ на низамовъ. — Шальныя пули по улицамъ Хаской. — Отъ Хаской до Германлы. — Дорога смерти и крови. — Побойще 8-го января. — Божья кара. — Люди, уцѣлѣвшіе отъ побойща. Въ ожиданіи смерти. Ловкій гешефтъ Грегеровскаго агента. — „Артельныя дѣти“. Мѣстечко Германлы. — Пропажъ двухъ батальоновъ. — Общій видъ долины рѣки Марицы. — Встрѣчныя болгары и турки на дорогѣ. — Турецкая „чугунка“. — Городъ Мустафа-пашы-Кепри-су. — Дорога отъ Мустафа-пашы до Адрианополя. — Гвардейская пѣхота на походѣ.

Демотика, 28-го января.

На разсвѣтъ 9-го января, при выѣздѣ изъ Иени-Магалѣ, мы, благодаря утреннему туману, все еще не вполне отчетливо видѣли слѣды турецкихъ звѣрствъ; замѣтно было только, что въ переулкахъ и по задворкамъ валяется нѣсколько болгарскихъ труповъ; зато главная улица селенія представлялась намъ въ видѣ проспекта, усыпаннаго застрѣленными свиньями, овцами, коровами, курицами и гусями — вообще всѣмъ, что составляло животное богатство деревенскаго болгарина. То же самое было и въ каждомъ слѣдующемъ селеніи и на протяженіи всего нашего пути до Адрианополя. Но истинные ужасы встрѣчались намъ не въ селеніяхъ, а на самой дорогѣ. Едва успѣли мы выѣхать изъ Иени-Магалѣ, какъ первое, что намъ представилось на шоссе, былъ трупъ замерзшаго младенца, которому едва минуло нѣсколько мѣсяцевъ; онъ лежалъ голый и весь былъ какого-то сине-краснаго цвѣта. Нѣсколько шаговъ впередъ — и опять все трупы и трупы взрослыхъ и дѣтей; послѣднихъ было въ особенности много, и инныя изъ нихъ лежали завернутыми въ какія-то лохмотья. Вообще, между тѣлами попадались преимущественно старики, женщины и дѣти, т. е. все, что было наиболѣе дряхлаго, слабого и больного между турецкими бѣглецами, — все это покида-

лось на жертву морозу. На протяженіи всей дороги, словно оазисы смерти, встрѣчались слѣва и справа остатки ночлежныхъ бивуачковъ турецкаго населенія; здѣсь валялось всяческое тряпье, ковры, одѣяла, подушки, рваная одежда, утварь домашняя, мѣшки съ просыпаною кукурузой, пшеницей и фасолью. Но нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ слѣдовъ костра: мѣстность эта безлѣсна, безкустарна, и потому бѣглецамъ неоткуда было достать топлива. На бивуачныхъ мѣстахъ человѣческія тѣла попадались цѣлыми группами, и рядомъ съ ними валялось множество дохлаго или околѣвающаго скота. Инныя воли были еще живы, но не могли подняться, потому что у нихъ отморожены ноги; другіе бродили еще кое-какъ по полю, тщетно отыскивая себѣ подъ снѣгомъ какого нибудь корма: нѣкоторые буйволы теребили рогами, цыновки и пережевывали лознякъ, изъ котораго здѣсь плетутся карупцы. Утро было очень морозное. Вѣтеръ, дующій намъ въ тылъ, сметалъ съ дороги сухой снѣгъ и гналъ его по землѣ, обнажая облещенныя поля и полотно шоссе, по которому, благодаря гололедицѣ, почти не было возможности ѣхать. Лошади, скользя и остунаясь, съ величайшимъ трудомъ тащались шагъ за шагомъ. Пальцы рукъ и ногъ коченѣли и ныли отъ холода.

Около одного изъ телеграфныхъ столбовъ вдругъ приподнялась фигура, закутанная съ головой въ бѣлое одѣяло, и стала дѣлать проходившимъ казакамъ какіе-то знаки. Я подѣхалъ къ ней въ числѣ прочихъ. Это была не старая еще женщина-турчанка, съ лицомъ, выражающимъ мольбу и отчаяніе. На колѣняхъ ея лежалъ замерзшій ребенокъ. Она указывала на свои босые ноги, почернѣлыя ступни которыхъ были отморожены, указывала на мертваго ребенка и на берданки нанихъ казаковъ, а потомъ тыкала пальцемъ въ свою грудь и, бормоча что-то невнятнымъ голосомъ, повторяла послѣдовательно всѣ эти знаки. Что она хотѣла ими выразить, — была ли то просьба, чтобы ее не убивали, потому что она и безъ того умретъ, какъ ея ребенокъ, да и уйти ей некуда съ отмороженными ногами, или же, напротивъ того, просила, чтобы «москѣвъ» всадилъ ей пулю въ грудь и тѣмъ покончилъ бы поскорѣй всѣ ея мученія — ужъ Богъ вѣстъ! Мы не могли добраться, чего ей въ сущности хочется, да и помощи тоже никакой не могли подать... Два-три казака бросили ей по одной галетѣ, но несчастная, повидимому, не обратила на это подаяніе никакого вниманія и все продолжала свои знаки. Можетъ быть, помѣшалась... Въ другомъ мѣстѣ умирала цѣлая семья: отецъ, мать и трое дѣтей, изъ которыхъ старшей дѣвочки было уже лѣтъ четырнадцать. Когда якъ подали галетъ и флягу съ водкой, всѣ они отшатнулись съ тупымъ испугомъ, отказались отъ хлѣба и фляги

съ явнымъ отвращеніемъ и злобно отвернулись въ сторону отъ казаковъ, повидимому желая только одного, чтобы тѣ оставили ихъ въ покоѣ. Тутъ, очевидно, оказалось проявленіе непримиримаго фанатизма, который не сдается ни предъ голодомъ, ни предъ холодомъ, ни даже предъ самой смертію. Остальные изъ попадавшихся намъ живыхъ турокъ выражали въ своихъ лицахъ одну лишь тулую апатію, окончательное равнодушіе ко всему на свѣтѣ—и къ хлѣбу, и къ помощи, и къ себѣ самимъ. Повидимому, они ждали теперь только одного, чтобы имъ дали умереть покойно и чтобы смерть пришла поскорѣе. Время отъ времени попадались и болгарскіе трупы, но замѣчательно, что между ними не нашлось ни одного, погибшаго вслѣдствіе замерзанія, тогда какъ турки мерли исключительно отъ мороза; болгарскія же тѣла, всѣ до послѣдняго, носили на себѣ слѣды насильственной смерти: кровь, пулевые раны, разсѣченные головы, проткнутыя груди, изуродованныя лица и т. п. На выходы изъ попутной болгарской деревни Каялы, выжженной турками и покинутой жителями, между многими трупами невольно останавливалъ на себѣ вниманіе убитый сельчанинъ, лежавшій въ объятіяхъ дѣвочки лѣтъ одиннадцати. Вѣроятно же всего, это—отецъ и дочь: и когда его смертельно ранили, дѣвочка должно быть бросилась къ нему на грудь, обхвативъ его рученками, и въ это самое время ударъ сабли или ятагана раскроилъ ей черепъ поперекъ затылка. Но трудно представить въ что болѣе звѣрское, чѣмъ то, что мы увидѣли нѣсколькими шагами далѣе этихъ двухъ труповъ: по серединѣ дороги лежала старуха-болгарка лѣтъ 70-ти, съ совершенно отсѣченными по-выше щиколодки ступнями. Ни словомъ, ни стономъ, ни движеніемъ она не могла уже выразить намъ своихъ мученій. Одни глаза только говорили еще въ этомъ живомъ полутрупѣ, выражая покорное страданіе. Ноги ея, или, вѣрнѣе сказать, обрубки ногъ, за нѣсколько ступеней дней и ночей успѣли порядочно поморозиться и гангрена уже вполне разъядала ихъ. Всѣ эти звѣрства совершались въ здѣшней мѣстности турецкимъ населеніемъ, бѣжавшимъ изъ-подъ Чирпана и Филиппополя, въ періодъ времени между 29-мъ декабря прошлаго и 3-мъ января нынѣшняго года. За эти пять сутокъ совершенно множество неимоверныхъ ужасовъ; но, по крайней мѣрѣ, съ тѣми несчастными, которыхъ мы встрѣчали рѣже, было поступлено все-таки человѣчнѣе: тѣ были хотя *убиты*, если и не каждый съ одного разу, то все же вскорѣ, послѣ недолгихъ предварительныхъ истязаній, но главное—они *убиты* (и это уже относительно благодѣяніе со стороны турокъ), тогда какъ надъ этою несчастной старухой умышленно совершенно утонченное звѣрство, съ цѣлю заставить ее долго и много

помучиться, прежде чѣмъ смерть исполнить ей свою величайшую милость. И подумаешь, кому какое зло могло сдѣлать столь безпомощное, дряхлое существо?... Я позволю себѣ сказать, что все это напоминаетъ мучительства первыхъ вѣковъ христіанства. Проніло болѣе полуторы тысячи лѣтъ съ тѣхъ ужасныхъ временъ,—и нынѣ мы являемся свидѣтелями-очевидцами такой же самой утонченности въ звѣрствѣ, такихъ же самыхъ поголовныхъ избіеній, которымъ трудно, почти невозможно вѣрить, не выдавъ ихъ водюю. Въ самомъ дѣлѣ, сила этого сатанинскаго-неистоваго мстительнаго озлобленія является въ себѣ колоссально-мрачныя черты чего-то неестественнаго, нечеловѣческаго. Вы представьте себѣ, что эти турки, пораженные величайшей паникой, поголовно, цѣлыми ордами и караванами бѣгутъ въ трепетѣ, сами не зная куда, при одномъ лишь слухѣ о приближеніи русскихъ, причемъ во время бѣгства они замерзаютъ по ночамъ цѣлыми сотнями и тысячами на поляхъ, мрутъ отъ болѣзней, мрутъ отъ голода, отъ изнеможенія, и хотя терпятъ всѣческія лишения, но все-таки бросаютъ все обременяющее, лишь бы не замедлить своего бѣгства; бросаютъ не только одежду, пожитки и необходимые запасы продовольствія, но даже матери выбрасываютъ на дорогу полузамерзшихъ, не успѣвшихъ еще умереть грудныхъ младенцевъ; родители покидаютъ на произволъ судьбы на холодныхъ поляхъ почивающихъ и болѣе взрослыхъ, но все же вполне безпомощныхъ своихъ дѣтей, которыхъ потомъ не мало подобрала и спасла отъ смерти наша армія. Казалось бы, всѣ эти орды слишкомъ достаточно уже угнетены, раздавлены, убиты своимъ великимъ несчастіемъ, своимъ скорбнымъ отчаяніемъ, чтобы не думать болѣе о мести, а заботиться лишь о собственномъ укрытіи и спасеніи.—И что же? При такихъ-то невѣроятныхъ тажкихъ обстоятельствахъ своего положенія, турки все-таки находятъ время и возможность жечь, безъ всякой пользы для себя, попутныя болгарскія деревни и звѣрски мучительствовать надъ каждымъ встрѣчнымъ христіаниномъ. Какъ видно, и величайшее несчастіе, постигшее этотъ народъ, не смирило его мстительности и злобы. Турки какъ будто чувствуютъ, что ужъ имъ никогда болѣе не вернуться въ покидаемую нынѣ Болгарію и потому, какъ кажется, задались цѣлю, чтобы тамъ послѣ нихъ никого и ничего не осталось!

Хаскіюй—городъ довольно большой, раздѣляемый извилами рѣчекъ на нѣсколько кварталовъ; подобно Чирпану, онъ лежитъ на открытой плоскости и заселенъ преимущественно болгарами. Нѣсколько турецкихъ домовладѣльцевъ имѣли мужество не бѣжать изъ Хаскіюя вмѣстѣ съ ордами своихъ соотечичей и отдались покровительству русскихъ военныхъ властей. Вслѣдствіе таковой рѣшимости, эти

люди, конечно, не остались въ накладе, сохранивъ себѣ и жизнь, и имущество и спокойствіе. На всемъ нашемъ пути это былъ еще первый примѣръ добровольнаго изъясненія покорности со стороны мусульманскихъ жителей, и здѣсь мы впервые увидѣли турокъ-горожанъ не въ отребныхъ башибузуковъ и не въ одеждѣ аскеровъ. Ихъ степенный видъ и плавныя, исполненныя достоинства манеры производилъ довольно пріятное впечатлѣніе. Когда мы вступили въ городъ, онъ на первый взглядъ показался намъ мертвымъ, запустѣлымъ. Ни откуда не слышалось обычнаго шума городской жизни, улицы были пусты и по нимъ какъ тѣни изрѣдка пробирались вдоль стѣвъ одинокіе прохожіе. Покидая Хаскую, турки не успѣли разрушить его окончательно и удовольствовались только разграбленіемъ двухъ церквей, сожженіемъ всего торговаго квартала и, конечно, избіеніемъ захваченныхъ заранѣе или же встрѣчныхъ болгаръ. Мы поровнялись съ церковью и здѣсь вниманіе наше остановилось вскорѣ на совершенно особенныхъ звукахъ, въ которыхъ слышались и пѣніе, и женскія рыданія—совершенно въ томъ же родѣ, какъ у насъ въ деревняхъ бабы «голосятъ» надъ покойниками; что же касается пѣнія, то это было тоже нѣчто весьма своеобразное: нѣсколько маленькихъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ длинныя бѣлыя сорочки, подпоясанные накрестъ бѣлыми же лентами въ родѣ діаконскихъ орарей, съ нашитыми на нихъ черными крестами, монотонно тянули гнусавыми голосами все одну и ту же безконечную ноту, составляя этимъ какъ бы аккомпанементъ для двухъ-трехъ взрослыхъ пѣвцовъ, выводившихъ своими голосами разные виртуозные узоры. Говорятъ, что это греческая манера, но мнѣ кажется, что въ ней гораздо болѣе восточнаго, чѣмъ греческаго, хотя нынѣ и сами греки поютъ точно также; по крайней мѣрѣ, эта манера поразительно напомнила мнѣ пѣніе винушей и осетиновъ, слышанное мною годъ тому назадъ въ Гур-Галбинѣ, гдѣ тогда помѣщался штабъ «гулевыхъ полковъ» генерала Скобелева 1-го. Привлеченные пѣніемъ, мы вошли въ ограду разграбленной церкви и здѣсь прежде всего увидѣли толпу мужчинъ и плачущихъ женщинъ; толпа эта держала въ рукахъ горящія восковыя свѣчи и тѣснилась къ наперти, гдѣ на каменномъ помостѣ лежалъ безъ гробовъ цѣлый рядъ покойниковъ. Но, Боже, что это было за зрѣлище! Выколотые глаза, отрубленные носы и уши, вырѣзанныя губы, скальпированные затылки. По разспросамъ оказалось, что это все хаскойскіе граждане-болгары изъ наиболѣе зажиточныхъ, посаженные турками въ тюрьму по обвиненію въ сочувствіи къ русскимъ, что равнялось государственной измѣнѣ, и замученные заплѣтами въ послѣднія минуты передъ бѣгствомъ турокъ изъ города.

Надъ мучениками совершался теперь обрядъ отпѣванія, по окончаніи котораго ихъ закопали въ рядъ могилъ, вырытыхъ тутъ же въ оградѣ. Мертвый видъ города, куруво неутухнаго еще пожара, развалины многихъ домовъ, трупы людей и животныхъ, валяющіеся по закоулкамъ, вой женщинъ и эти обезображенные, изуродованные лица отпѣваемыхъ мертвецовъ—все это производило впечатлѣніе крайне тяжелое.

Въ ночь съ 9-го на 10-е января, въ одной изъ сосѣднихъ деревень, по имени Фертелю, часть нашего отряда¹⁾, подѣ начальствомъ майора Федотова, имѣла перестрѣлку съ башибузуками, прикрывавшими становище бѣглецовъ-жителей. Перестрѣлка впрочемъ длилась весьма много времени, и когда Федотовъ со всѣхъ сторонъ окружалъ деревню, то башибузки и бѣглецы сдались, выдать ему все свое оружіе. Здѣсь, въ небольшой деревушкѣ, гдѣ едва ли наберется шесть-семь дворовъ, скопилось семь тысячъ эмигрантовъ. Полагаясь на милосердіе русскихъ, они просили позволенія возвратиться назадъ къ своимъ покинутымъ жилищамъ, и жаловались на сопровождавшихъ ихъ, башибузуковъ, которые гонятъ-де ихъ насильно и невѣдомо куда, по приказанію будто бы турецкаго правительства. Вообще въ Хаскую приходилось намъ выслушивать безпрестанныя жалобы: то приходятъ турки и слезно жалуются на болгаръ—обижаютъ-де и грабятъ, то является депутація болгаръ съ жалобой, что бѣгущіе турки грабятъ и жгутъ сосѣднія деревни; то опять приходитъ вдругъ новая депутація отъ бѣгущихъ турокъ и жалуется, что ихъ грабятъ собственные же ихъ низамы и башибузки, данные имъ въ прикрытіе, и просятъ послать къ нимъ хоть бы казачій развѣздъ, дабы избавить ихъ отъ такихъ защитниковъ. Но съ насъ достаточно было и однихъ болгаръ оберегать, а ужъ заботиться о туркахъ не было возможности, тѣмъ болѣе, что, приходя къ намъ просить защиты отъ своихъ солдатъ-охранителей, эти же самые эмигранты производили и въ то же самое время всяческія безчинства, грабежи и пожары въ селеніяхъ болгарскихъ, за что, конечно, и «братушки» въ долгу не оставались.

Даже въ самомъ городѣ, среди бѣлаго дня, ходить по улицамъ было далеко не безопасно: безпрестанно то тамъ, то здѣсь раздавались изъ-за заборовъ и закоулковъ ружейные выстрѣлы и въ воздухѣ поминутно свистали шальныя пули. Мѣстные жители-турки обвиняли въ этой пальбѣ болгаръ, которымъ роздано было въ

¹⁾ Два сводные батальона, составленные изъ 11-го и 12-хъ пѣхотныхъ полковъ, почти уничтоженныхъ морозами во время продолжительнаго нахожденія ихъ на вершинахъ Этропольскаго Балкана.

полиція отобранное у мусульманъ оружіе и которые на радостяхъ «пущаютъ» теперь зря, ради пробы; болгары же, со своей стороны, обвиняли турокъ, доказывая, что при изъясненіи покорности они выдали русскимъ только дрянную часть своего оружія, а что было получше, то припрятали до срока подальше, и теперь пускаютъ пули изъ-за угла, радуясь возможности свалить эту вину на болгаръ. Кто правъ, кто виноватъ тутъ—этого не разберешь; вѣроятно, было и того и другого въ доброй доль, а въ результатѣ оказалось два несчастныхъ случая, и это вынудило наконецъ генерала Карцова отдать болгарскому городскому управленію строгій приказъ, что если повторится еще хотя одинъ выстрѣлъ, то у всѣхъ безъ исключенія жителей будетъ сейчасъ же отобрано розданное имъ оружіе, а съ виновнымъ въ пальбѣ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ; болгарскіе полицейскіе возвѣстили этотъ приказъ по всѣмъ базарамъ и площадямъ Хаскюя — и «пущанье» тотчасъ же прекратилось.

12-го января, съ разсвѣтомъ, отрядъ нашъ выступилъ изъ Хаскюя на Германлы, запасшись накануне галетами изъ склада, найденнаго на желѣзнодорожной станціи Каяджикъ. Опять начались картины ужасовъ и разоренія, которыя своимъ отвратительнымъ и всю душу раздражающимъ видомъ, превзошли все, доселѣ видѣнное нами въ этомъ родѣ. Трудно, почти невозможно описать то, чему мы были очевидцами, да и самое описаніе—чѣмъ оно будетъ ярче, тѣмъ *невыпрямите* покажется невиданному. Отъ Лени-Магаде до Хаскюя слѣды смерти и разоренія по обѣимъ сторонамъ дороги представляли собой какъ бы отдѣльные острова или оазисы, разсѣянные впрочемъ весьма часто и близко одинъ къ другому; здѣсь же, отъ Хаскюя до Германлы, вся дорога, на протяженіи 35-ти верстъ, является однимъ сплошнымъ позорищемъ смерти, крови и слѣдовъ безчеловѣчныхъ истязаній. Все шоссе сплошь завалено разметанными пожитками, разнымъ отребьемъ, домашней рухлядью, съѣдомыми запасами, обломками воевъ и трупами... Куда ни кинешь взоръ—повсюду кровь, повсюду масса падали и трупы, трупы, трупы человѣческіе, со страшными зияющими ранами... Ѣдешь по шоссе—и нѣтъ возможности выбирать себѣ дорогу между трупами и отребьемъ—она вся, буквально *вся* завалена ими—и конское копыто, по неволѣ, не разбирая ступаетъ куда попало по чему-то мягкому, рыхлому, склизкому... Лучше и не глядѣть подъ ноги! А каково же тутъ идти пѣхотѣ!.. По сторонамъ дороги то же самое. Вездѣ и повсюду—поверсты направо, поверсты налѣво—непрерывнымъ рядомъ тянутся эти слѣды крови, смерти и разрушенія. Дѣтскихъ труповъ мно-

жество: въ одномъ мѣстѣ мы нашли раздѣтую до-нага дѣвочку лѣтъ пяти, со слѣдами изнасилованія, послѣ котораго она, вѣроятно, съ глумленіемъ (такъ, по крайней мѣрѣ, надо думать, судя по ея позѣ, исполненной грубаго цинизма) была положена на тлѣющій костеръ и изжарена живой: лицо ея носитъ слѣды жестокаго страданія; на немъ какъ бы застылъ послѣдній крикъ ужаса,—таково выраженіе этихъ глазъ и устъ, широко раскрытыхъ. На землѣ около ея обугленной шеи, мы нашли мѣдный крестикъ на перегорѣлой тесемкѣ. Далѣе лежало двое дѣтей съ разможженными головами. Мертвые турки и болгары валялись рядомъ, не рѣдко вшившись одинъ въ другого ногтями и зубами:—какъ были въ моментъ предсмертной борьбы, такъ и застыли. Тутъ уже меньше было замерзшихъ, зато множество убитыхъ какъ болгаръ, такъ и турокъ. Масса домашнего скота бродила около дороги; тутъ были цѣлыя стада буйволовъ, быковъ, коровъ, осляковъ, лошаковъ, козъ и барановъ, но еще большая масса ихъ уснула уже переколотъ отъ голода, да отъ мороза и валялась въ быстрыхъ журчащихъ ручьяхъ притоковъ Марицы и въ придорожныхъ канавахъ. Въ этотъ день (12-го января) настала вдругъ оттепель—и трупы оттаяли; струящаяся вода съ шумомъ обмывала всю эту падаля, увлекая своимъ теченіемъ трупы дѣтей, козлятъ и барашковъ, какъ болѣе легкіе. Каждый шагъ на этомъ шоссе свидѣтельствовалъ, что здѣсь недавно происходило лютое и нещадное побоище. Это—дорога крови и смерти. Картины одна другой ужаснѣе, одна другой безобразнѣе, отвратительнѣе, преслѣдуютъ васъ подрядъ всѣ 35 верстъ — и некуда отъ нихъ укрыться, не на чемъ отдохнуть глазу! Всѣ мы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ нашего пути испытывали нудное чувство тошноты и омерзѣнія; насъ невольно мутило при видѣ всей этой раскисшей рухляди и мертвечины в впечатлѣніе до такой степени было сильно, что даже вечеромъ въ Германлы, когда подали обѣдъ, никто изъ насъ почти и не дотронулся до пищи,—противно было.

Здѣсь, на этомъ шоссе дѣйствительно происходило побоище. Въ ночь съ 7-го на 8-е января, генералу Скобелеву 2-му, уже занимавшему Германлы, развѣзды 4-го эскадрона Петербургскаго уланскаго полка довели, что по шоссе отъ Хаскюя тянутся какіе-то громадные обозы, подъ головнымъ прикрытіемъ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты, вѣроятно изъ разбитой арміи Сулеймана. Желая развѣдать, чтѣ это такое, Скобелевъ на встрѣчу имъ послалъ полковника Панютина съ Угличскимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, двумя орудіями и двумя сотнями казаковъ, приказавъ этому отряду произвести усиленную ре-

когносцировку, по направлению къ деревнѣ Девралы ⁴⁾ и, если окажется возможность, то разбить войска и скопища вооруженныхъ жителей. Мѣстность между Хаскіоємъ и Германлы, и въ особенности ближе къ послѣднему пункту, весьма холмиста. На одномъ изъ подъёмовъ, при довольно крутомъ поворотѣ дороги, изъ-за гребня холма вдругъ раздался выстрѣлъ, который былъ настолько случайно удаченъ, что пуля, просвиставъ мимо казаковъ, освѣщавшихъ впереди мѣстность, повалила угличскаго унтеръ-офицера, шедшаго въ авангардѣ. Вслѣдъ за этимъ начальнымъ выстрѣломъ, турки первыми открыли огонь по нашему авангарду, остановившемуся на минуту въ недоумѣніи—что это значитъ? Тутъ полковникъ Панютинъ направилъ два угличскіе баталіона на высоты шліво, а стрѣлковый баталіонъ по долині въправо отъ шоссе; орудія стали прямо на дорогѣ, казаки разбились по сотнѣ на оба фланга—и перестрѣлка завязалась. Бой продолжался болѣе двухъ часовъ и стоилъ намъ потери четырехъ офицеровъ и 46-ти нижнихъ чиновъ. Турки, подвергаясь съ фронта артиллерійскому огню, были наконецъ очень удачно атакованы съ обохъ своихъ фланговъ и побѣжали. Между тѣмъ, обозы, шедшіе подъ ихъ прикрытіемъ, въ количествѣ около 20,000 повозокъ, и растянувшіеся по всей дорогѣ болѣе чѣмъ на 40 верстъ, хотя и слѣдовали въ двѣ, а мѣстами и въ три повозки рядомъ, обозы эти, съ началомъ дѣла, приняли въ крайнее замѣнительство, причемъ переднія повозки, подъ дѣйствіемъ граданаго огня поспѣшно повернули назадъ, увлекая за собою послѣдующія; тогда какъ заднія, ничего еще не зная о случившемся, продолжали идти впередъ, и такимъ образомъ между тѣми и другими произошло столкновение; напирали съ обѣихъ сторонъ—одни отъ кевѣдѣнъ, другіе стараясь поскорѣе выбраться изъ-подъ выстрѣловъ.—Вслѣдствіе этого произошла, что называется, каша: повозки сталкивались, трескались, ломались, опрокидывались и вообще загромождали дорогу, такъ что ни назадъ, ни впередъ нельзя уже было двинуться. Общая паника увеличила это смятеніе и довела его до крайнихъ предѣловъ. Аскеры и вооруженные жители, бывшіе впереди, побросавъ свои повозки, толпами повалили назадъ, на встрѣчу другимъ толпамъ, гдѣ пробираться въ общей кашѣ было крайне трудно, и тогда они, обезумѣвъ отъ страха, пустились пролагать себѣ дорогу оружіемъ и сворачивать въ канавы громоздкія повозки, нагруженныя дѣтьми и женщинами; мужья, отцы и братья этихъ послѣднихъ стали защищаться,—раздались выстрѣлы уже среди обоза—и пошла жестокая взаимная перепалка между своими. Къ этому присоеди-

нились и грабежъ аскеровъ, черкесовъ и башибузуковъ, тоже слѣдовавшихъ съ обозомъ. Надо сказать еще, что при обозѣ находилось до трехъ тысячъ болгаръ, изъ коихъ большая часть возвращалась домой, въ Филиппопольскій округъ, изъ Адрианополя, куда ихъ сгоняли для земляныхъ работъ надъ укрѣпленіями. Аскеры, конвоировавшие обозъ, встрѣчая на пути болгарскія партіи, задерживали ихъ и вели съ собой назадъ, къ Адрианополю, руководствуясь въ этомъ случаѣ приказаніемъ Сулеймана-паши, отданнымъ на основаніи приказа Порты о сформированіи новой арміи «защитниковъ отечества», безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Тутъ же силою было захвачено и нѣсколько болгарскихъ семействъ, еще съ дѣта бѣжавшихъ къ Филиппополю, Хаскію и вообще въ эти мѣстности изъ Эски-Загры, Карлова, Сопота и Казанлыкского округа. Многимъ изъ болгаръ успѣли уже въ самомъ обозѣ раздать оружіе, и нѣкоторая часть ихъ, около сотни, при самомъ началѣ дѣла, открыто перобѣжала на нашу сторону, пристроясь къ стрѣлковому баталіону, а остальные, когда между турками пошла взаимная рѣзня и перепалка, клянувшись гвоздить ихъ прикладами, кирками, мотыгами, лопатами и рѣзать подкольными ножами ⁴⁾. Эти-то орудія и наносили тѣ ужасныя, зіяющія раны, на которыхъ мы не могли смотрѣть безъ содроганія. Побойте на протяженіи всей дороги длилось нѣсколько часовъ сряду, подъ покровомъ вечерней тьмы, что еще болѣе усиливало панику, и во время его было совершенно не мало вопіющихъ звѣрствъ: можили дѣтямъ головы о камень, насилывали дѣвочекъ, уродовали мужчинъ,—и по истинѣ, изумляешься только одному: неужели во время такой ужасной всеобщей паники, въ этой кашѣ и сумятицѣ, въ этой взаимной истребительной бойнѣ, у людей хватало еще духу и времени насиловать, утоляя своимъ скотечнымъ инстинктамъ и изобрѣтать даже позы, въ которыхъ класть на огонь болгарскую малютку? Все это невѣроятно для тѣхъ, кто не видѣлъ; мы же, видѣвшіе, отказываемся и объяснять, отказываемся и понимать подобныя проявленія и побужденія человѣческаго духа. Эта бойня со всѣми ея звѣрствами—это было какое-то повальное безуміе, ослѣпленіе, остервенѣніе дикаго звѣря, своего рода Содомъ и Гоморра... Если народъ османовъ былъ достоинъ Божьей кары, то она разразилась надъ нимъ въ видѣ самоизбіенія именно въ этомъ мѣстѣ, на этой дорогѣ крови и истребленія. Да! это Божья кара за цѣлые вѣка неисчислимыя преступленія, за рѣки еще вчера пролитой крови христіанской.

На этой дорогѣ намъ изрѣдка попадались еще кое-гдѣ живые люди, уцѣлѣвшіе отъ побоища.

⁴⁾ На шоссе, въ половинѣ пути между Хаскіоємъ и Германлы

⁴⁾ Небольшой булатный ножъ, носимый скрытно въ постолохѣ, подъ коленнымъ правой ноги, составляетъ обыкновенное оружіе сельскаго болгарина.

Въ одномъ мѣстѣ, на возу, сдвинутомъ въ ручей, сидѣла старуха-турчанка, а передъ ней лежали два мертвеца: одинъ ничкомъ въ самой темнотѣ, вѣроятно, мужъ ея, а другой—юноша, былъ перекинутъ навзничъ черезъ оглобли, можетъ быть, сынъ этой старухи... Она какъ будто отупѣла отъ отчаянія и автоматически смотрѣла куда-то въ пространство, не обращая ни малѣйшаго вниманія на подъѣзжавшихъ къ ней казаковъ и офицеровъ, ни на болгарина-переводчика, обратившагося къ ней съ какимъ-то вопросомъ. Да и что отвѣчать и на что еще обращать вниманіе, если предъ глазами этой женщины лежало, въ видѣ двухъ труповъ, то, что для нея было дороже всего на свѣтѣ! Нѣсколько дальше три турчанки сидѣли вокругъ костра, сложенного изъ обломковъ повозокъ, и варили на немъ кофе. Эти, повидимому, въ ожиданіи смерти отъ перваго ночного мороза, устроились себѣ на самой дорогѣ, по возможности, хозяйственнымъ образомъ. Недалеко отъ нихъ высовывалъ изъ-подъ цыновки сѣдобородую голову какой-то старикъ, дрожавшій отъ лихорадки.

— Откуда вы?—спросилъ я у этихъ женщинъ чрезъ переводчика.

— Изъ Чирпана,—отвѣчала одна, старшая, равнодушно спокойнымъ голосомъ.

— Давно ли вы здѣсь?

— Пятныя сутки.

— Куда идете?

— Никуда... Мы шли, а теперь здѣсь сидимъ.

— Такъ ступайте назадъ; въ Чирпанѣ ваши дома не разрушены.

— Это все равно, если и разрушены. Иншаллахъ. А только и назадъ нельзя намъ.

— Отчего нельзя?

— Ноги... ступни поморожены, ходить нельзя... Ужъ лучше здѣсь останемся. Москвъ, что впередъ прошелъ, быть добрый, костеръ зажгетъ намъ, — и другой зажжетъ, который сзади... Москвъ добрый!

Садитесь къ казакамъ на выюки, — предложилъ я; — васъ хотя до первой турецкой деревни довезутъ; все же вамъ въ домѣ удобнѣе будетъ.

— Не надо... Иншаллахъ!.. Не надо.

— Да что же вы здѣсь станете дѣлать?

— Ожидать смерти,—было мнѣ лаконическимъ отвѣтомъ, произнесеннымъ вдобавокъ такъ спокойно и просто, какъ будто «ожидать смерти» среди поля, съ помороженными ступнями—самое естественное, обыкновенное дѣло. Вѣроятно, и кофе заварили онѣ себѣ въ ожиданіи смерти же—Иншаллахъ! И старикъ, который улегся подъ цыновку, тоже «ожидаетъ смерти». Изумительно, чисто фаталистическое равнодушіе! «Иншаллахъ» — и все тутъ, и человекъ спокоенъ что бы съ нимъ ни случилось, что бы его ни ожидало.

Домашняго скота уцѣлѣло, сравнительно съ людьми, великое множество, но и онъ также находится «въ ожиданіи смерти», принадлежитъ къ отравленнымъ падалью канавкамъ и ручьямъ, чтобы утолить жажду, или уныло пощипываетъ сухую травку, выглядывающую изъ-подъ сѣна. Нашелся однако охотникъ поживиться и этой скотинкой!

Настигаемъ мы по дорогѣ гуртъ, который гонять съ хворостяками въ рукахъ три-четыре солдата 10-го стрѣлковаго батальона.

— Что это за гуртъ вы гоните?—спросилъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ.

— Батальонный, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Да неужто-жь у васъ въ батальонѣ столько скота? Тутъ и на дивизію хватить!

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, тутъ батальоннаго скота самая малость—двѣнадцать головъ всего, а все прочее—это, значитъ, кампанскій.

— Какой такой кампанскій?

— А вотъ, извольте видѣть, агѣнтъ рыщетъ по полю—это все евойный.

Мы обратили взглядъ въ томъ направленіи, куда указывалъ солдатъ, и увидѣли, что по полю, на поджаромъ конькѣ, дѣйствительно рыщетъ ловчинскій «гаспидиитъ агѣнтъ» знаменитой компаніи Грегера, съ нагайкой въ рукахъ, и загоняетъ въ свой гуртъ наиболѣе надежную скотину.

— Онъ намъ приказалъ гнать, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ солдатикъ;—сказываетъ, будто отъ начальства приказано. Вамъ, говоритъ, все равно гнать-то, за-одно уже, что мой, что батальонный, а я вамъ, говоритъ, за то по хрѣнку на брата дамъ.

— Да куда же онъ гонитъ такую гибель?—спросилъ я.

— Сказываетъ, въ Адринополь на поставку. Однаже-жь онъ ево и въ вольныя руки сбываетъ: утресъ, этта, какъ изъ городу выходить, такъ онъ грекамъ тамъ, что ли, аль другимъ какимъ, восемь штукъ продалъ: съ кого по желтицѣ взялъ, а съ кого и по двѣ.

Не дурной «гешефтъ» выдумалъ!

Нашіи офицеры и солдаты 10-го полка подобрали на дорогѣ семь человекъ турецкихъ дѣтей, въ которыхъ были еще признаки жизни. Они ихъ кутали въ кое-какія одѣяла, изъ числа валявшихся по дорогѣ, и несли на рукахъ, чередуясь дѣтьми и ружьями сосѣдъ съ сосѣдомъ. Говорить, что возьмутъ съ собой въ Россію—«пуцай ихъ будутъ артельныя дѣти!» Я слышалъ потомъ, что гвардейскіе уланы Его Величества и гродненскіе гусары тоже спасли такимъ образомъ нѣсколько ребятишекъ и пристроили ихъ къ себѣ въ «аскадронныя дѣти».

Все, что уцѣлѣло отъ побойща и не сдѣлалось жертвою мороза, — все это разсѣялось по окрестной странѣ и бредетъ теперь въ-одя-

вочку или отдѣльными кучками, пробираясь къ Адрианополу. Многіе изъ этого сброда вооружены и пострѣливаютъ гдѣ-то по близости. Всю дорогу, по сторонамъ, изъ-за кустовъ и камней, то и дѣло раздавались отдѣльные ружейные выстрѣлы и нерѣдко слытъ пули пересѣкали путь нашего отряда. Трупы и падали встрѣчаются повсюду и ихъ такое множество, что если не будутъ немедленно же приняты самыя энергическія мѣры къ ихъ погребенію или уничтоженію посредствомъ огня, или какимъ-либо другимъ быстрымъ способомъ, то съ наступленіемъ весны, здѣсь, вмѣстѣ съ ясминами и розами, разовьется чума—и чума неизбежная. Уже и теперь по всей этой мѣстности свирѣпствуютъ пятнистый тифъ и черная оспа. До сихъ поръ наши дезинфектирующія подпоры являются только въ видѣ стай воронъ и голодныхъ собакъ, усердно терзающихъ и пожирающихъ трупы—но этихъ средствъ далеко недостаточно.

Германлы—небольшое мѣстечко, прислонившееся къ горѣ такимъ образомъ, что среди холмовъ, окружающихъ его и съ запада и съ юга, замѣтишь строевія не раньше, какъ подойдешь къ мѣстечку версты на двѣ, если еще не ближе. Холмы, лежащіе по направленію къ дорогамъ Хаскойской и Адрианопольской, были изрыты ложементами и траншеями, устроенными здѣсь генераломъ Струковымъ, при первоначальномъ занятіи этого мѣстечка, въ ожиданіи встрѣчи съ отступающими отъ Филиппополя войсками Сулеймана, или съ возможностью какого-либо наступленія отъ Адрианополя. Укрѣпленія эти занимали довольно значительное пространство на вершинахъ, и надо сказать, что устроены они были съ замѣчательной быстротою, ночью, въ пять-шесть часовъ времени.

Въ мѣстечкѣ существуютъ развалины какой-то очень древней постройки изъ мрамора, вѣроятно, дворца или храма. Въ этихъ развалинахъ замѣчательны окна изъ сплошныхъ мраморныхъ плитъ; по нимъ очень красиво разбѣгаются прорѣзныя насквозь узорчатая арабески, чрезъ которыя и проникаетъ свѣтъ во внутренность зданія. Почти рядомъ съ этими развалинами стоитъ древняя, красивая, уютныхъ размѣровъ мечеть, въ мавританскомъ стилѣ, съ открытыми галереями, фонтанами и надгробными памятниками.

Самое мѣстечко очень бѣдно постройками, ничтожно по своей промышленной дѣятельности, а въ настоящее время оно отвратительно, благодаря массамъ всякой падали, валяющейся и въ огородахъ, и во дворахъ, и на улицахъ. Въ болгарскомъ населеніи замѣтны были какъ бы нѣкоторая пугливости и недоумѣніе, — оно какъ будто не сообразило и не рѣшило еще, кого и чего ему держаться—турокъ ли, русскихъ ли —и что будетъ, если турки вдругъ возвратятся?

Подъ вечеръ въ Германлы пріѣхали генералы Гурко и Скобелевъ 1-й, съ подполковникомъ Сухомлиновымъ, и тутъ мы впервые узнали подробности о кавалерійскомъ дѣлѣ 5-го января, гдѣ нашъ 30-й казачій полкъ отбилъ 40 орудій у отступавшей арміи Сулеймана.

Ночлегъ въ Германлы памятенъ намъ еще и потому, что у насъ пропали сводные батальоны 11-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ майора Федотова, входившіе, какъ уже извѣстно, въ составъ нашего отряда. Произошло это потому, что въ дѣйствительности не оказалось тѣхъ мѣстъ ночлега, какія были имъ назначены по картѣ, такъ какъ селеній такихъ наименованій вовсе не существуетъ. И въ этомъ повинна не одна наша русская карта, но и карты австрійскаго генеральнаго штаба, и даже Канитца. Чтобы отыскать потерявшіеся батальоны, пришлось разослать казачьи развѣды, которые открыли ихъ лишь на другія сутки въ такихъ селеніяхъ, какія вовсе не обозначены на картахъ.

13-го января утромъ нашъ отрядъ выступилъ изъ Германлы по дорогѣ на городъ Мустафа-паша-Кепри-Су—мѣсто послѣдняго нашего ночлега предъ Адрианополемъ. Шоссе съ двумя рядами телеграфныхъ столбовъ все время идетъ почти параллельно желѣзной дорогѣ. Въ воздухѣ носятся стаи воронъ, отовсюду слетающихся къ мѣстностямъ, покрытымъ трупами; бездомныя, одичалыя собаки понуро пробираются сторонкой по полямъ туда же. Не скоро дождаться имъ вновь такого изобильнаго пиршества, да и спасибо имъ за это.

Общій видъ долины Марицы очень напоминаетъ наши западно-русскіе виды, мѣстное же болгарское населеніе, по характеру своихъ костюмовъ, очень приближается къ туркамъ; многіе мужчины носятъ даже черную или темносиню чалму вмѣсто бараньей шапки. Намъ попадалось на встрѣчу много болгаръ, возвращавшихся цѣлыми партіями съ земляныхъ работъ, на которыя ихъ насильно стогнали изъ Софійскаго, Филиппопольскаго, Сливенскаго и другихъ забалканскихъ округовъ для возведенія укрѣпленій вокругъ Адрианополя и на оборонительной константинопольской линіи между озеромъ Держекъ и мѣстечкомъ Буяукъ-Чекменджи. Много шло по дорогѣ и турокъ, которые относились къ намъ съ полною довѣрчивостью, очевидно, зная, что мы имъ ничего дурного не одѣлаемъ. Но въ то же время эти самые турки не упускали случая продѣлывать разныя жестокости надъ встрѣчными болгарамъ, которые въ свой чередъ платили имъ тѣмъ же. По обѣимъ сторонамъ нашего пути видѣлись вдали дымы пожаровъ болгарскихъ и турецкихъ селеній и какъ вчера, такъ и сегодня поминутно, то тамъ то самъ, раздавались ружейные выстрѣлы: турки охотились на

болгарь, болгары на турокъ; а между тѣмъ шальные пули опять перѣдко свистали и между рядами нашей колонны, но къ счастью, все обошлось благополучно, никто у насъ не былъ ни убитъ, ни раненъ,—одну только лошадь, какъ слышно, слегка задѣло за ухо. Въ нынѣшній переходъ дорога производила на насъ уже менѣе отвратительное впечатлѣніе: труповъ людскихъ нѣсколько поубавилось на ней, да и чувство уже притупляется... Все же здѣсь явилась возможность выбрать для привала мѣсто не среди труповъ, и мы стали при дорогѣ, пройдя лежащее на половинѣ перехода селеніе Эбидже, гдѣ сошлись съ 1-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, шедшею въ авангардѣ гвардіи по одной дорогѣ съ нашими отрядами. Командиръ этой бригады, его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій нѣкоторое время слѣдовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Карцовымъ, а на привалѣ прислалъ офицера съ извѣщеніемъ, что къ нему сейчасъ приближались болгары, умоляя защитить ихъ, такъ какъ турки и черкесы творять въ сосѣднихъ селеніяхъ разныя жестокости. Генералъ Карцовъ сейчасъ же направилъ туда полусотню казаковъ съ хорунжамъ Грошевымъ (сыномъ войскового старшины Грошева), и спустя часъ, полный порядокъ въ этихъ селеніяхъ былъ уже водворенъ, шайки грабителей прогнаны и разсѣяны. Поднявшись съ привала, мы вскорѣ вступили въ равнину, наполненную перелѣсками молодого дубняка и бука, среди которыхъ проходитъ желѣзная дорога. Здѣсь обогналъ насъ поѣздъ, увозившій впередъ генерала Гурко. Преображенскіе солдаты, шедшіе вмѣстѣ съ нами, даже обрадовались, впервые услыша «въ Туретчинѣ» грохотъ поѣзда и свистъ локомотива. По рядамъ пошла восклицанія, смѣхъ и веселый говоръ.

— Ишь ты, братцы, и чугушка вдругъ явилась! Совсѣмъ, какъ у насъ въ Рассеѣ... Да и мѣста-то тутъ на наши русскія похожа.

— И есть въ Рассеѣ! Потому эту самую чугушку Рассея взяла! Теперь она наша!.. Заслужили!

Знакомые, но давно не слышанные звуки, сопровождающіе движеніе поѣзда, видимо оживили и развеселили весь отрядъ; въ какой-то ротѣ пѣсельники грянули даже бойкую плясовую пѣсню—и общій шагъ колонны сдѣлался бойче, размашисте.

Мустафа-Паша прячется весь въ садахъ и присутствіе города узнается издали лишь по нѣсколькимъ минаретамъ, которые высятся на ряду со множествомъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Не доходя города, на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ, по обѣимъ сторонамъ дороги раскинуты богатые тузовыя плантаціи. Низенькія деревья всѣ коротко подстрижены и рассажены длинными правиль-

ными рядами, словно бы въ грядкахъ. Ихъ ежегодно подстригаютъ затѣмъ, чтобы ростъ дерева шелъ не въ стволъ, а въ вѣтви, чрезъ что доставляется большее количество корма шелковичнымъ червямъ, и потому видъ обнаженныхъ пока деревцовъ напоминаетъ болѣе наши лозняки, чѣмъ привольно растущія у насъ на югѣ шелковицы. Среди этихъ плантацій мы нагнали громаднѣйшій обозъ турецкихъ эмигрантовъ изъ Систова, Ловчи и прочихъ городовъ и селъ придунайской Болгаріи. На вопросъ—куда и зачѣмъ они идутъ?—старшины ихъ отвѣчали, что и сами не знаютъ куда, но идутъ впередъ, потому что такъ приказано начальствомъ, что ихъ теперь гонятъ на югъ даже насильно.

Въ городъ ведетъ каменный мостъ черезъ Марицу, и это, кажись, единственная достопримѣчательность Мустафа-Пашы, грязнаго и бѣднаго, какъ и всѣ вообще турецкія городишки. Здѣсь, на желѣзно-дорожной станціи, Преображенскій полкъ посадили на поѣздъ и отправили въ Адрианополь. Нашъ отрядъ, пройдя часть города, расположился во дворахъ предмѣстья, гдѣ и для насъ былъ отведенъ ночлегъ въ зажиточномъ болгарскомъ домѣ, съ широкими стекольчатыми галлереями, на самомъ берегу Марицы, струя которой омываютъ стѣны каменнаго забора этого дома.

14-го января, въ семь часовъ утра, мы выступили на Адрианополь. Утро было туманное, свиркое; шелъ не то мелкій дождикъ, не то изморозь моросила. Дорога, хотя и покрытая грязью, все же была несравненно чище, чѣмъ та, по которой мы шли отъ Лени-Магалѣ до Мустафа-Пашы: на ней менѣе валялось брошеннаго тряпья и рухляди, да и человѣческихъ труповъ попало не болѣе тридцати—преимущественно женскихъ, погибшихъ отъ мороза или отъ тифа; изъ мужчинъ же валялись только убитые да зарѣзанные болгары.

Начиная отъ Лени-Магалѣ, нашъ отрядъ совершалъ свое движеніе одновременно съ 1-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ которою поэтому намъ ежедневно приходилось встрѣчаться то на привалахъ, то на ночлегахъ. На этотъ разъ мы стали на привалъ тоже по сосѣдству, близъ одного высокаго древняго кургана, на вершинѣ котораго мы нашли много маленькихъ очень красивыхъ раковинъ.

— Который это батальонъ?—спросилъ я знакомыхъ семеновскихъ офицеровъ, указавъ на часть ихъ полка, ставшую на склонѣ ближайшаго пригорка.

— Какъ батальонъ? возразилъ мнѣ.—Тутъ у насъ весь полкъ на-лицо; остальное все бредетъ сзади, по всей дорогѣ отъ Филиппополя. Если бы три-четыре дня отдыха—успѣли бы подтянуться, а безъ того и сами не знаемъ, когда все это соберется...

Дѣйствительно, на долю гвардейскихъ войскъ, въ особенности пѣхоты, въ нынѣшнюю войну выпали страшные труды и лишения. Послѣ продолжительныхъ балканскихъ бивуаковъ, при Араба-конакѣ, пѣхота эта до самаго Адрианополя, въ самую тяжкую пору года, шла усиленными маршами, почти безъ двоекъ, безъ обозовъ, безъ всякихъ эвакуаціонныхъ и госпитальныхъ средствъ. Что дѣлать!—Необходимо было жертвовать всёми ради быстроты, съ которой соединялось достиженіе главнѣйшихъ цѣлей и плановъ всей кампаніи. Пообносилась и пообтрепалась гвардія страшно,—не менѣе, если даже не больше, чѣмъ армія. Множество людей шло безъ сапогъ, обернувъ ноги въ палатки, въ опанки, въ постолы, въ бараны или бычьи шкуры, либо въ какое-нибудь тряпье изъ валявшейся при дорогѣ турецкой рухляди; шинели на людяхъ были въ дыркахъ, вслѣдствіе прожоговъ на ночевкахъ или отъ соприкосновенія съ терновыми иглами — при движеніяхъ во время боя чрезъ поля, поросшія терномъ; а что до головныхъ уборовъ, то тутъ рядомъ съ истрепанными форменными фуражками, были турецкія фески, и болгарскія смушковые шапки, и черкесскія папахи, и шапочки изъ верблюжьего сукна, выкроенныя въ родѣ гарибальдѣекъ, и шерстяныя платки, обмотанные въ видѣ чалмы или надѣтые по-бабьи. Лица людей носили слѣды физическаго изнуренія; ихъ, что называется, подвело и сильно подтянуло. Края придорожныхъ канавокъ—были унизаны отсталыми, заболѣвшими или свалившимися отъ изнуренія; одни изъ нихъ подлаживали на себѣ размотавшуюся обувь, другіе отдыхали, тяжело дыша и провожая мутнымъ взглядомъ проходящія части, третьи стояли и дрожали въ лихорадочномъ ознобѣ, четвертые спали тяжелою, мертвымъ сномъ. Не разъ можно было видѣть какъ идетъ человѣкъ, шатаясь отъ усталости, словно пьяный, но все еще старается крѣпиться, чувствуя, что бодрость и силы все болѣе и болѣе оставляютъ его; глаза смотрятъ какъ-то бессмысленно, отяжелѣвшія вѣки спяпаются, шагъ становится вялѣе, медлительнѣе... Нѣтъ силъ бороться съ искушеніемъ сна, къ которому неоднократно влечетъ физическая потребность, и вотъ отбивается несчастный отъ рядовъ, отходить къ канавкѣ, падаетъ въ изнеможеніи на мокрую грязную землю и въ то же мгновеніе засыпаетъ, какъ убитый. Но тѣмъ не менѣе, достаточно было взглянуть въ совокупности на любую роту, на любой взводъ, чтобы убѣдиться, что духъ этихъ людей не сломать никакіе труды, лишения и невзгоды. Гвардейскій солдатъ въ своихъ почтенныхъ лохмотьяхъ былъ тотъ же, что и въ блестящемъ мундирѣ на великолѣпныхъ парадахъ мирнаго времени. Теперь только въ

немъ ясно сказывалось сознаніе, что эти лохмотья суть результатъ его геройскаго поведенія въ теченіе всей кампаніи, едва ли не труднѣйшей изъ войнъ новѣйшаго періода исторіи.

— Эхъ, вы!.. Войнство! Словно калики перехожіе! — подбодряетъ какой-то ундеръ свое размотавшееся насчетъ обуви капральство.

— Что жъ что калики? Это ничего! лишь бы опять поскорѣй до *ею* добраться — отвѣчаютъ солдаты, подразумѣвая подъ словомъ *ею* — непріятеля. — Коли нужно, и босикомъ пойдемъ! Это безъ сумленія!

Вотъ позади одного изъ семеновскихъ батальоновъ усталый барабанщикъ присѣлъ подамски на маленькаго ослика и ѣдетъ себѣ, посасывая трубочку-носогрѣйку, а рядомъ бравый, высокій дѣтина, въ опанкахъ и красной фескѣ (своя-то фуражка, надо быть, служить отказалась), заложивъ ружье за спину, гонить хвостиною штуки двѣ-три порціонныхъ воловь и нѣсколькихъ барановъ.

— А что, братцы, кабы васъ въ эдакомъ-то видѣ на Гороховой питерскіе повстрѣчали?—ласково шутитъ мимоходомъ одинъ изъ офицеровъ.

Солдаты оглядываютъ свои опанки, ослика, хвостину и добродушно смѣются.

— Любопытно было бы, ваше благородіе.

Вотъ попадаются навстрѣчу «братушки», между которыми большинство составляютъ босоногія женщины и дѣти въ самомъ жалкомъ, нищенскомъ видѣ. Это все возвращающіеся назадъ лѣтніе бѣглецы изъ Казаньскаго, Эскизагренскаго и Карловскаго округовъ.

— Гей, тетки! Чахай малко!.. (подожди немножко). Зимай по галаганчику!.. Подѣлитесь промеежъ себя, Христа ради.

И тѣ же самые безсложные солдаты братски надѣлаютъ бѣглецовъ своими мѣдными копейками.

Вотъ проходятъ одна изъ батарей 1-й гвардейской артиллерійской бригады. На одномъ изъ лафетовъ сидитъ дѣвочка лѣтъ пяти, закутанная въ одѣяло, которое очень заботливо покрываетъ около нея идущій рядомъ солдатъ.

— Гдѣ Богъ послалъ вамъ?—спрашиваютъ его.

— Анадымъ на шапе (шоссѣ) подобралъ, ваше благородіе... Турецкое, значить, дите... Помпирало совсѣмъ—однаке вотъ ничего, выходили.

— Стало быть, батарейная дочка будетъ?

— Такъ точно, ваше благородіе! — весело осклабляется солдатикъ, — въ Питеръ вернемся—въ пріютъ отдадимъ, а потомъ, дастъ Богъ, замужъ выдадимъ.

LXXXVIII.

Адрианополь.

Характеръ мѣстности отъ Мустафа-Паши до Адрианополя. — Панорама Адрианополя издали. — Предмѣстіе Ильдериъ. — Каменный мостъ. — Главная улица, устройство лавокъ, торговля и промышленность. — Превращеніе лавокъ въ кабакъ. — Собака, мальчишки и нящие. — Характеръ и пестрота уличнаго населенія. — Кто лучше? — Конакъ. — Женщины-христіанки и турчанки. — Улица Хаджи-Шерифъ-бей и ея достопримѣчательности. — Домъ Хаджи-Шерифъ-бей и вообще устройство городскихъ турецкихъ домовъ стараго и новаго пошиба. — Аферы грековъ съ турецкой собственностью. — Въ ожиданіи пріѣзда великаго князя. — Почетный караулъ. — Лавочка для обновленія фесокъ. — Пушки и фортъ. — Въѣздъ великаго князя въ Адрианополь. — Внутреннее убранство конака. — Адрианопольскіе трактиры и рестораны. — Встрѣча съ соотечественницею. — Цирюльня и анекдотъ съ часами. — Турецкія бани. — Нѣчто о „восточной красотѣ“ турецкихъ женщинъ. — Турецкая иллюминація. — Джамія Селима. — Турецкій пѣвецъ-духовный. — Внутренность джаміи Селима и ея освѣщеніе. — Адрианопольскій базаръ и его товары. — Характеристика купцовъ—турокъ, евреевъ, армянъ, и грековъ. — Загородная роща и ея назначеніе. — Развалины стараго серала. — Что уцѣлѣло отъ порохового взрыва и слѣды ужаснаго пожара. — Небезопасность загородныхъ и ночныхъ прогулокъ. — Пожаръ въ казармахъ. — Адрианополь пять мѣсяцевъ спустя по занятіи его русскими войсками. — Отношеніе къ намъ мѣстныхъ турокъ. — Армяно-турецкій театръ. — Армянская ода въ честь русскихъ. — Какъ смотрятъ на насъ адрианопольскіе греки. — Общее заключеніе.

Адрианополь, 1 го февраля.

Мѣстность по сторонамъ дороги, ведущей отъ города Мустафа-Паши къ Адрианополю, напоминаетъ самые обыденные русскіе виды. Такъ и кажется, будто странствуешь гдѣ нибудь по Тверской губерніи, и одни лишь громадные обозы турецкихъ бѣглецовъ, не знающихъ куда имъ теперь идти, да иногда трупы на дорогѣ напоминаютъ, что это не Тверская губернія, а Турція.

Еще верстъ за десять до Адрианополя на горизонтѣ начинаютъ бѣлѣть четыре стройныя иглы минаретовъ при джаміи Селима. Затѣмъ скорѣ открывается широкій видъ на обширные сады и роши, наполненные раскидистыми чинарами, кипарисами и пирамидальными тополями. Потомъ влѣво — громадный фортъ съ трехъярусной обороной; за нимъ — другой и третій форты сильныхъ профилей, и въ этихъ постройкахъ еще издали, на первый взглядъ, уже чувствуется прочность, рассчитанная на долговременность защиты. Справа тоже отдѣльныя укрѣпленія виднѣются изъ-за деревьевъ. Но вотъ, наконецъ, и панорама цѣлаго города.

Издали Адрианополь довольно красивъ, чему много способствуютъ его сады и многочисленныя минареты. Городъ широко раскинулся по обширному пологому холму, на высшей

точкѣ котораго величественно возвышается громадная джамія Селима I, съ ея трехъярусными минаретами и полусферическимъ главнымъ куполомъ, гдѣ ярко горитъ на солнцѣ золотой полумѣсяцъ. Эта мечеть принадлежитъ къ числу самыхъ великолѣпныхъ храмовъ мусульманскаго міра. По своему положенію на высшей точкѣ адрианопольскаго холма, она господствуетъ надъ всѣмъ городомъ, распространяясь у ея подножія, и придаетъ ему особенную характерность. Все остальное какъ бы склоняется ницъ предъ ея давнымъ, стройнымъ величіемъ.

Въѣзжаемъ въ городъ — нищета и убожество. Впрочемъ, это еще не самый городъ, а только его окраина, которая называется Ильдериъ. Домишки строены на живую руку, изъ деревяннаго дражня и глины; окна, крыши, балконы, стѣны, ворота — все это въ крайнемъ и давнишнемъ запущеніи. Во дворахъ и на улицахъ ужасная грязь — глубокая, липкая, топкая — и въ ней валяются вздувшіеся трупы животныхъ. Смердъ повсюду. Греки и отчасти болгары уже открыли въ самомъ предмѣстьѣ кое-какія лавченки, гдѣ продаютъ сахаръ, чай, табакъ, вино и свѣчи.

Вотъ большой каменный мостъ, на нѣсколькихъ аркахъ, и посредиѣ его, справа, кіоскъ или бесѣдка, изъ камня же, напоминающая по архитектурѣ нѣчто въ родѣ часовни, какія нерѣдко встрѣчаются на мостахъ и при дорогахъ въ католическихъ странахъ. Въ кіоскѣ — бѣлая мраморная доска съ рельефной турецкой надписью — вѣроятно, имя строителя и годъ постройки, а можетъ быть и какой-нибудь подходящий стихъ изъ Корана. На обоихъ концахъ моста стоятъ наши часовые отъ 16-й пѣхотной дивизіи. Генералъ Скобелевъ 2-й, оберегая силы и здоровье своихъ войскъ, не оставилъ ихъ бивуакировать подъ городомъ, а расположилъ полки въ предмѣстьяхъ и частью въ самомъ городѣ, на квартирахъ, гдѣ люди получили наконецъ на нѣсколько дней вполне необходимый и возможно удобный отдыхъ.

Адрианополь — судя по первому впечатлѣнію — такая же азіатская мерзость, какъ и всѣ прочіе видѣнные нами турецкіе города. Надо сознаться, что и поживши въ немъ, мы не имѣли повода измѣнить къ лучшему наше общее, только-что высказанное мною мнѣніе.

Втягиваемся въ главную улицу, которая, въ силу того, что она главная, нѣсколько шире и чище остальныхъ узкихъ и темныхъ закоулковъ. Здѣсь уже пошло, что называется, бойкое мѣсто. По сторонамъ улицы — почти сплошной рядъ лавченокъ, напоминающихъ своей животрепещущей постройкой наши балаганные «ряды» на ярмаркѣ уѣзднаго средней руки городишки. Многія изъ этихъ лавокъ носятъ громкое названіе «магазиновъ» и щеголяютъ вывѣсками на французскомъ языкѣ

кѣ, хотя большая часть этихъ надписей находится въ явномъ разладѣ съ французскою орфографіей, — совершенно то-же, что и у насъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Въ Сястовѣ въ настоящее время подобныя лавченки стали куда лучше и даже благообразнѣе!

Торговля здѣсь производится, можно сказать, совсѣмъ на улицѣ, потому что рѣдкое изъ торговыхъ помѣщеній имѣетъ переднюю стѣну и входную стеклянчатую дверь. Передняя деревянная стѣна здѣсь, обыкновенно, либо раздвижная, либо створчатая, либо же, наконецъ, откидывается на петляхъ вверхъ и служитъ, въ теченіе торгового времени дня, родомъ навѣса надъ входомъ. Предъ вами — небольшая дѣсенка въ двѣ-три ступеньки, ведущая на досчатый помостъ въ родѣ эстрады, служащій основаніемъ для небольшой клѣтушки, которая отгорожена отъ сосѣднихъ клѣтушекъ досчатыми стѣнками. Тутъ собственно и помѣщается лавка, снабженная иногда прилавкомъ и товарными полками. То-же самое и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, все что дѣлается въ лавкахъ и мастерскихъ, всю ихъ торговлю и работу вы можете созерцать совершенно свободно, какъ если бы все это происходило предъ вами на театральной сценѣ. Замѣчательная особенность: съ приходомъ русскихъ, почти каждая лавка, за исключеніемъ истинно турецкихъ — будь это табачная, москадельная, саножная, посудная, парфюмерная или цирюльня — все равно обратилась въ маленькій кабачекъ. Провырливые греки и армяне — чѣмъ бы они ни торговали — тотчасъ же сочли нужнымъ повываивать въ своихъ лавченкахъ столы и столики, покрытые скатертями и заставленные бутылками съ виномъ, ракіей и масличкой, приностями и фруктами, тортами, каймакомъ и журтомъ¹⁾, слоеными медовыми пирогами и разными разностами съѣдобнаго свойства. Тутъ у нихъ и брѣются, и пьютъ кофе *«à la franca»* или *«à la turca»*, и закусываютъ, и курятъ, и читаютъ стамбульскія газеты, и торгуются, и коммисіонерствуютъ, и деньги мѣняютъ — ибо каждая лавка, кромѣ своей коренной специальности, есть еще и мѣняльня. Все это гомонитъ, кричитъ, заываетъ прохожихъ, ругается между собой и кипитъ — кипитъ жизнью, алчущею наживы, оборота, «гешефта», и потому какъ въ лавкахъ, такъ и на улицахъ съ утра до вечера народу — какъ говорится — нетолченая труба. Тутъ вѣчная толкотня, вѣчное снованіе взадъ и впередъ пѣшихъ и конныхъ — кто на ослѣ, кто на мулѣ, кто на маленькой турецкой лошади. Голодные собаки и рѣзвые уличныя дѣти, то и дѣло, тычутся подъ ноги, визжатъ, тербятъ другъ друга, а мальчишки

кромѣ того и пристають къ проходящимъ съ предложеніемъ почистить имъ сапоги, или юпаты, простирая ручки: «капитанъ! давай га-лаганъ!..» При этомъ — множество нищихъ, калѣкъ и убогихъ обоеихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, такъ что отъ нихъ отбоя нѣтъ. Эта толча перѣдко доходитъ до давки, въ особен-ности, если что-нибудь «казусное» случайно привлечетъ любопытное вниманіе толпы и если еще при этомъ немилосердно заскрипятъ несмазанными колесами неуклюжія арбы, запряженныя буйволами и обыкновенно слѣдующія дѣлой вереницей, или если въ узкомъ мѣстѣ улицъ спѣлятся колесами двѣ встрѣчныя извозничьи каруцы, которыя никакъ не могутъ развѣхаться безъ того, чтобы «арабаджи» (извозчики) не переругались другъ съ другомъ всласть и не исхлестали одинъ другого бичами. Улицы и площади, особенно у лавокъ и фонтановъ, полны самаго разнообразнаго, разнохарактернаго и нестраго народа. Тутъ попадаются наши солдатики и казаки, какъ-то сразу освоившіеся съ городомъ и его обстановкой, тутъ же, на каждомъ шагу, встрѣчаете вы представителей цѣлыхъ трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки. Вотъ, напримѣръ, типичныя рыжія бакенбарды клѣтчатого англичанина, нахальная «люишка» француза, шестающаго непремѣнно съ розеткой «почетнаго легіона» въ петличкѣ сюртука; вотъ, горячо и страстно жестикулирующій итальянецъ, и флегматично сосущій грошевую сигарку блѣлокурый сынъ Германіи; блѣлый полякъ, съ полуаршинными усами, въ чамаркѣ и конфедераткѣ, и непремѣнно съ хлыстомъ; вотъ малоазійскіе курды, арабы изъ Йемена, съ воспаленными глазами; губастые, блѣлозубые негры изъ Нубіи, феллахъ изъ Египта, задумчивые сирійцы, медлительные персіане, понурые болгары въ смушковыхъ шапкахъ, вертлявые греки въ блѣлыхъ «фустанеллахъ», ловкие и статные албанцы, въ узорчатыхъ курткахъ — все это являетъ собой самую пеструю смѣсь роскоши и нищеты, гдѣ перѣдко встрѣчаешь бархатные лохмотья, иѣкогда расшитыя золотомъ и шелками, а нынѣ изодранныя, слинялыя, запачканныя грязью. Однакоже, среди всей этой пестроты разноплеменныхъ типовъ и костюмовъ, какъ-то сразу отличаешь истого турка, будетъ ли онъ въ старозавѣтномъ лисемѣ халатѣ и чалмѣ, или въ европейскомъ костюмѣ и красной фескѣ, отличаешь турка по его приращенной степенности и иѣкоторой медлительности манеръ и походки. Вообще, мусульмане и азіатцы, судя по внѣшности, кажутся какъ-то сдержаннѣе, спокойнѣе и солиднѣе, чѣмъ вся здѣшняя международная тля западной Европы. Но зато уже юркіе греки, жидки да армяне свуютъ и тычутся предъ глазами, словно неотвязныя іюльскія мухи надъ сахаромъ. На перербой другъ передъ другомъ лѣзутъ и пристають они къ вамъ съ разными «секретными» и «не

¹⁾ Сливки, варенныя и сгущенныя до плотности масла.

секретными» предложеніями и грошевыми товарами, такъ что, право, не знаешь, которому же наконецъ изъ представителей этихъ трехъ народностей должно отдать преимущество въ юркости, назойливости, плутоватости и въ умѣнны ловко обдѣлывать свои темныя дѣлшки. Впрочемъ, греки въ этомъ отношеніи будутъ, кажись, «почище» всѣхъ, потому что, надвывая насъ на какомъ-нибудь дрянномъ товаршкѣ, «грекость» дружелюбно, но безцеремонно похлопываетъ насъ по плечу, сладко улыбается, крестится и, тыча въ нашу и свою грудь грязнымъ указательнымъ перстомъ, выразительно и якобы по-русски приговариваетъ гнусливымъ голосомъ: «ондина религіонъ! ондина религіонъ!» (т. е. мы съ тобой, дескать, одной вѣры), вѣроятно, рассчитывая, что «варваръ московъ», задобренный такимъ аргументомъ, вѣрше и легче поддастся на удочку. «Ондина религіонъ» пускается въ ходъ даже при «секретныхъ» предложеніяхъ знакомства съ *«unz zoli framz туркѣ»* (une jolie femme turque).

На главной улицѣ, въ глубинѣ обширнаго двора, возвышается двухъ-этажное каменное зданіе конака, служившее мѣстомъ жительства адрианопольскому вали. Всѣ кайцеларіи и отдѣлы управленія вилайета, казначейство, конюшни, типографія, тюрьма и караульная казарма помѣщались тутъ же, въ надворныхъ каменныхъ флигеляхъ, очищенныхъ теперь, равно какъ и самый конакъ, въ ожиданіи пріѣзда великаго князя, для расквартированія его высочества, свиты и штаба дѣйствующей арміи. Этотъ пріѣздъ долженъ былъ состояться 14-го же января, въ день вступленія въ Адрианополь отряда генерала Карцова и пѣхотнаго авангарда генерала Гурко. Въ ожиданіи встрѣчи русскаго главнокомандующаго, переднія мѣста всѣхъ лавокъ, всѣ открытыя окна и балконы домовъ на главной улицѣ были переполнены женщинами, преимущественно гречанками и армянками, среди которыхъ попадались очень миловидныя и даже исполнѣ красивыя лица. Турчанки встрѣчались какъ очень рѣдкое исключеніе, и то не на балконахъ, а на улицѣ. Закутанныя въ бѣлыя кисейныя чадры и въ зеленые либо черныя шерстяные бурнусы, онѣ тихо, словно печальныя тѣни, пробирались стороной, у самыхъ стѣнъ, очевидно, идя куда-то по своимъ дѣламъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на уличную толпу и на прищельцевъ—войновъ вражеской арміи.

Пройдя мимо второй адрианопольской джаміи, носящей имя Мурада I, мы свернули съ главной улицы нѣско въ боковую, которая называется улицей Хаджи-Шерифъ-бей, по имени хозяина лучшаго изъ находящихся на ней домовъ. Эта улица въ началѣ столь же широка, какъ и главная, и столь же полна промышленнымъ, торговымъ элементомъ. По отношенію къ главной, она почти то же самое, что у насъ

въ Петербургѣ Большая Морская по отношенію къ Невскому. Тутъ даже есть французскій магазинъ, торгующій колониальными, парфюмерными и кондитерскими товарами, гдѣ, въ расчетъ на гастрономическія приправы къ нашей скудной походной кухнѣ, мы купили, между прочимъ, двѣ банки трюфелей, которыя потомъ—увы!—оказались протухшими до окончательной гнилости, какъ и большая часть товаровъ этого магазина, несмотря на его разрисованныя этикетки и французскую фирму.

Въ улицѣ Хаджи-Шерифъ-бей останавливается на себѣ вниманіе мраморный фонтанъ, пріютившійся подъ широкимъ куполообразнымъ навѣсомъ изящнаго kioska, у входа въ узкій закоулочекъ, ведущій къ одной изъ старыхъ мечетей, которая, въ свою очередь, представляетъ для художника богатѣйшій матеріалъ: въкоторыя части ея пристроены полуобрушались, штукатурка почти сплошь пообвалилась, и всѣ части этихъ стѣнъ, карнизовъ и террас заросли густыми, прихотливо роскошными побѣгами плюща и другихъ ползучихъ растений, которыя, несмотря на январь мѣсяцъ, ласкаютъ глазъ своей нѣжной, свѣжей зеленью. Эта мечеть находится по правую сторону улицы Хаджи-Шерифъ-бей, а по лѣвую высится обширное каменное зданіе стараго каравансарая, обращеннаго на время войны въ складъ военныхъ матеріаловъ и разграбленнаго мѣстными христианами по уходѣ турокъ, еще до появленія кавалеріи генерала Струкова. Здѣсь же, почти рядомъ съ каравансараемъ, помѣщаются мраморныя восточныя бани, съ которыми мы всѣ рѣшили познакомиться непосредственнымъ образомъ въ тотъ же вечеръ.

Генералу Карцову и его штабу была отведена квартира въ домѣ самого Хаджи-Шерифъ-бей, изъ оконъ котораго открывался съ одной стороны видъ на грандіозную джамію Селима, а съ другой—на весь южный и юго-западный конецъ города. Здѣсь мы въ первый разъ познакомились съ характеромъ неразореннаго богатаго турецкаго дома, устроеннаго впрочемъ на полуевропейскую ногу.

Старозавѣтные турецкіе дома, стоящіе въ глубинѣ дворовъ, или, лучше сказать, земельныхъ участковъ, огороженныхъ со всѣхъ сторонъ высокимъ каменнымъ заборомъ, строились обыкновенно въ одинъ этажъ, и у зажиточныхъ хозяевъ—судя по видѣннымъ нами образцамъ—надворныя постройки дѣлились на три отдѣльные флигеля, сообразно чему и весь земельный участокъ разбивался на три отдѣльные же двора. Первый дворъ и первый флигель—самая парадная, показная часть такого старозавѣтнаго дома, предназначалась для помѣщенія самого хозяина и для приема его гостей; второй дворъ и флигель составлялъ гаремную половину, а третій служилъ помѣщеніемъ для прислуги, кухонь, кладовыхъ, амбаровъ,

компаней и прочих принадлежностей благоустроенного хозяйства. Изящный же домъ Хаджи-Шерифъ-бей былъ выстроенъ по европейскому образцу, въ три этажа, причемъ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась мужская часть прислуги, домохозяевъ и родственниковъ хозяина; въ среднемъ этажѣ самъ хозяинъ и радостныя приемныя комнаты, а въ верхнемъ — гаремная половина съ женской прислугой. Эта послѣдняя половина состояла изъ разныхъ отдѣльных комнатокъ и чуланчиковъ, расположенныхъ очень удобно и уютно такимъ образомъ, что каждая двѣ-три комнатки составляли какъ бы совершенно отдѣльную квартиру, соединенную посредствомъ одной общей, но не парадной, а внутренней лѣстницей съ помѣщеніемъ самого хозяина. Тутъ же въ двухъ или трехъ свѣтлыхъ конуркахъ были устроены маленькія бани, или мыльни, съ мраморными ваннами и кранами для холодной и горячей воды. Каждая такая квартира служила отдѣльнымъ помѣщеніемъ для каждой изъ женъ Хаджи-Шерифъ-бея. Такимъ образомъ, въ случаѣ ссоры, ревности, или при потребности уединенія, если эти дамы не желали быть вмѣстѣ, то могли и вовсе не видѣться, даже почти не встрѣчаться одна съ другою. Въ нижнемъ этажѣ — обширныя, полутемныя мраморныя сѣни, изъ которыхъ нѣсколько дверей вели въ отдѣльныя помѣщенія мужскихъ домохозяевъ и слугъ, а широкая деревянная лѣстница, съ рѣзными деревянными же перилами, являлась лѣстницею парадною, для входа гостей, и подымалась только до средняго этажа, который представлялъ собою двѣ большія продолжныя залы съ четырьмя боковыми гостиными. Въ одной изъ залъ помѣщалась столовая, устроенная по-европейски, т. е. съ обѣденнымъ столомъ на высокихъ ножкахъ, а въ одной изъ гостиныхъ былъ кабинетъ хозяина; другая гостиная снабжена европейскою мебелью, остальные же двѣ отдѣланы по-восточному, т. е. большіе сплошные диваны вдоль стѣнъ и низенькіе инкрустированные столики (софрѣ). Печи и каминны, за исключеніемъ большого кухоннаго очага внизу и маленькихъ печурокъ для варки кофе на женской половинѣ, совершенно отсутствовали во всемъ домѣ, гдѣ каждая комната согрѣвалась посредствомъ особаго «мангала», т. е. большой мѣдной жаровни, довольно изящнаго рисунка, стоявшей на полу посрединѣ комнаты. Паркетные полы были сплошь устланы тонкими, узорчато сплетенными циновками, а потолки и стѣны расписаны масляными красками, живописью въ турецкомъ вкусѣ. Тутъ встрѣчались виды горъ, долинъ и дворцовъ, корабли и мечети, и кипарисовыя рощи, съ огромными розовыми букетами, большими райскими птицами, такими же яблоками, вишнями и маленькими человечками. Ни пропорціональности размѣровъ между

всеми этими изображеніями, ни перспективы вовсе не существовало: райская птица, напримѣръ, сидѣла на вѣткѣ розы, подъ которою стоялъ маленькій домикъ и гуляли маленькіе человечки. Но все вмѣстѣ выходило ничего-себѣ и даже не было лишено своеобразной, нѣсколько дѣтски-наивной прелести. Большія широкія окна, украшенныя кисейными занавѣсками, дають всемъ этимъ заламъ и гостинымъ много свѣта, а благодаря высокимъ потолкамъ, здѣсь всегда есть достаточно свѣжаго, чистаго воздуха. При домѣ устроенъ прелестный садикъ съ кипарисами, лаврами, виноградными бесѣдами, цвѣточными клумбами и довольно глубокимъ каменнымъ бассейномъ, въ которомъ можно купаться въ жаркую пору. Словомъ сказать, домъ Хаджи-Шерифъ-бея, со всеми его удобствами, представлялъ чуть не идеаль турецкаго благоустроеннаго дома въ полувосточномъ, полувосточномъ вкусѣ, и мы всѣ почувствовали себя въ немъ особенно хорошо и привольно послѣ бивуачныхъ лишеній на свѣжыхъ вершинахъ Траяна и ночлеговъ въ разоренныхъ турецкихъ хатахъ или въ убогихъ болгарскихъ «кештахъ». Въ первый разъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ грязи, нужды и лишеній попали мы въ такую обстановку, и только тотъ, кому довелось самому переиспытать все это, пойметъ чувство того удовольствия, которое мы испытывали въ чистыхъ, свѣтлыхъ хоромахъ Хаджи-Шерифъ-бея.

Самъ Шерифъ-бей съ семействомъ уѣхалъ въ Стамбулъ, слѣдуя общему потоку мусульманскаго бѣгства. Вмѣсто него тутъ хозяйничаетъ теперь богатый грекъ Алеко Асекиляръ, встрѣтившій нашего генерала на крыльцѣ дома. Этотъ Асекиляръ говоритъ по-французски и потому мы могли узнать отъ него много не безынтересныхъ свѣдѣній о положеніи адрианопольскихъ дѣлъ въ послѣднее время. Онъ сообщилъ, между прочимъ, что этотъ домъ приобрѣтенъ имъ только за тысячу лиръ, что на наши деньги составляетъ 5,679 руб. 26 $\frac{1}{2}$ коп. металлическихъ (лира=5 руб. 67 коп.), но приобрѣтенъ условнымъ образомъ, съ тѣмъ что становится полною его собственностію только въ томъ случаѣ, если Шерифъ-бей не возвратится болѣе сюда на жительство, что впрочемъ можетъ послѣдовать только тогда, когда Адрианополь будетъ отторгнутъ отъ Турціи въ силу будущаго мирнаго договора; въ противномъ же случаѣ, Шерифъ-бей возвращаетъ Асекилярсу тысячу лиръ съ извѣстными процентами, и домъ опять поступаетъ въ собственность прежняго хозяина. Не показывая ли эта сдѣлка, что сами турки плохо вѣрятъ въ возможность своего возвращенія въ Румелию или, по крайней мѣрѣ, сильно въ ней сомнѣваются и потому спѣшатъ заблаговременно, хотя за ничтожную цѣну, продать свою недвижимую собственность?

Тотъ же, Асекиляръ, который, какъ и всѣ

греки вообще, удивительно падают на всякия новости, умѣютъ узнать и проныхать все что угодно и изображаютъ собою какое-то ходячее всевѣдѣніе, между прочимъ рассказали намъ, что 7-го января было сообщено по телеграфу изъ Порты въ Адрианополь, чтобы всѣмъ гражданскимъ и военнымъ управленіямъ, забравъ что можно изъ дѣлъ, военныхъ запасовъ и оружія, немедленно поспѣшить въ Стамбулъ, а городъ оставить русскимъ. Вслѣдствіе этого бѣжало все, что лишь могло или успѣло. Но въ силу самого послѣдняго, такъ сказать, прощальнаго распоряженія адрианопольскихъ властей, въ городѣ было оставлено пятьсотъ молодыхъ охотниковъ изъ черкесовъ и разнаго турецкаго бездомнаго сброда, которые должны были, при первомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ къ окрестностямъ Адрианополя, зажечь городъ и, насколько успѣютъ, перерѣзать христіанскихъ жителей, безъ различія народностей. Спасло христіанъ только внезапное появленіе кавалеріи генерала Струкова, 8-го января, послѣ полудня, вслѣдствіе чего оставленные пять сотенъ охотниковъ тотчасъ же удрали. Но въ городѣ все же осталось еще достаточное число разныхъ бродягъ, бѣглыхъ и разсѣявшихся солдатъ изъ разныхъ отрядовъ и башибузунковъ, которые бродятъ по окрестностямъ да по городскимъ базарамъ, прося милостыню, а гдѣ можно, то и поворовываютъ: не прочь, конечно, при удобномъ случаѣ и пограбить. Оттого-то христіанское населеніе и радо такъ приходу русскихъ, въ надеждѣ, что русскіе водворятъ у нихъ порядокъ, обезпечатъ жизнь и имущество. За невозможностію вывезти массы оружія и снарядовъ, сложенныхъ въ арсеналѣ стараго сераля, одного изъ старѣйшихъ и монументальныхъ зданій Адрианополя, турецкія власти, предъ выѣздомъ своимъ изъ города, взорвали сераль на воздухъ. Орудія тоже не всѣ успѣли они увести съ собою: шесть осадныхъ пушекъ и цѣлый понтонный паркъ остались на желѣзнодорожной станціи, 27 армстронговскихъ орудій затоплено въ Марицѣ, и изъ нихъ четыре орудія уже вытасканы нашими солдатами.

Въ ожиданіи приѣзда великаго князя мы пересѣлись и верхами отправились на станцію желѣзной дороги, которая расположена верстахъ въ четырехъ за городомъ. Здѣсь былъ выставленъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка. Глядимъ и просто глазамъ не вѣримъ: тѣ-ли это солдаты?—Дѣйствительно, къ удивленію нашему, молодецкая рота представляла не только въ бодромъ, но, относительно говоря, даже щеголеватомъ видѣ. Вотъ что значить одна лишь сутки отдыха! Люди пообчистились, помылись, побрились, а главное выснались въ мѣру. Говорятъ, будто солдатики, предназначенные въ почетный караулъ, снаряжались сами, позанимывавшись товарищъ отъ товарища, кто сапогами, кто шинелью, кто

форменной фуражкой, кое-чѣмъ изъ амуниціи—и вышло ничего-себѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, словно бы вчерашнихъ «каликъ перехожихъ» (какъ сами они себя въ шутку окрестили) и во вѣки не бывало! До прихода поѣзда еще оставалось около часа времени, которыми мы и воспользовались для обозрѣнія ближайшей окрестности. Вокругъ станціи, какъ и вездѣ въ мірѣ, возникъ маленькій барачный городокъ: гостиницы, таверны, лавченки. Одна изъ послѣднихъ, около которой стояла порядочная кучка мужчинъ въ европейскихъ костюмахъ и красныхъ фескахъ, остановила на себѣ болѣе прочихъ наше вниманіе. На ея открытомъ прилавкѣ было выставлено до полудюжины мѣдныхъ тумбочекъ, имѣющихъ видъ усѣченныхъ конусовъ. Господа, стоявшіе у прилавка, подавали хозяину свои фески, а тотъ напояливалъ ихъ на тумбочки и покрывалъ мѣдными же кастрюльками, форма и размѣры которыхъ соотвѣтствовали тумбочкамъ. Кастрюльки передъ этой операціей нагрѣвались на особой раскаленной чугунной плитѣ, и чуть лишь феска, напояленная на тумбочку, покрывалась кастрюлькой, изъ-подъ послѣдней начиналъ куриться паръ, а черезъ минуту владѣлецъ фески погучалъ своей выпаренный и выглаженный головной уборъ въ совершенно свѣжемъ, обновленномъ видѣ, и все это удовольствіе стоило не болѣе одного нистра (5½ коп.). Оказалось, что всѣ эти господа—служащіе при желѣзной дорогѣ и прихорашиваются для встрѣчи великаго князя. Впослѣдствіи не мало подобныхъ же лавченокъ встрѣчали мы и въ самомъ городѣ, гдѣ около нихъ постоянно торчатъ кучки мужчинъ, въ ожиданіи обновления своихъ фесокъ. Здѣсь же, неподалеку отъ вокзала увидѣли мы и орудія, и понтонный паркъ, о которыхъ повѣдалъ намъ Алеко Асєкиларость. Дѣйствительно, орудія замѣчательныя и совсѣмъ новенькія, англійской работы и очень изящной отдѣлки; жаль только, что безъ затворовъ, которые увезены въ Константинополь. Тутъ же брошено множество разнаряженныхъ орудійныхъ передковъ и полевыхъ лафетовъ, тоже совершенно новенькихъ, какъ съ иглочки, если можно такъ выразиться. Самыя же пушки и снаряды увезены адрианопольскими властями. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ станціонныхъ зданій въ открытомъ полѣ возвышается шестисторонній редутъ. Что за великолѣпная постройка!.. Это цѣлый фортъ, на 12 орудій, съ трехъ-ярусной обороной, съ каменной обшивкой эскарпа, съ отличными траверсами и блиндированными помѣщеніями для гарнизона, и все это такъ хорошо приспособлено одно къ другому, такъ сообразно съ условіями мѣстности, такъ прочно построено и даже изящно отдѣлано (просто, хоть на выставку!), что этотъ редутъ нельзя не признать изищѣйшимъ образцомъ сооруже-

ний такого рода. И это укрѣпленіе, какъ и все прочія, сказываютъ, было насыпано болгарскими руками,—разумѣется, изъ-подъ неволи, по принужденію—только теперь, за нѣсколько дней до нашего прихода. Нельзя не отдать туркамъ полную справедливость въ отличномъ и толковомъ умѣніи возводить полевые фортификаціонныя постройки, и хорошо, что они покинули ихъ безъ обороны, а то, вѣроятно, много и много пришлось бы намъ еще потрудиться надъ этими фортами.

Во второмъ часу пополудни подошелъ къ станціи великокняжескій поѣздъ и его высокоство, выйдя изъ вагона, направился къ ротѣ почетнаго караула. Можно было замѣтить, что добрый молодецкій видъ людей даже пріятно удивилъ главнокомандующаго, который, къ тому же, давно не видалъ гвардіи, ушедшей въ забалканскій походъ вскорѣ послѣ взятія Телиша.

— Спасибо, преображенцы! Вы дошли до Адрианополя, какъ словно на парадъ!—весело привѣтствовалъ ихъ великій князь и, отпустивъ почетный караулъ, направился верхомъ къ городу. Мы примкнули къ свитѣ вмѣстѣ съ офицерами лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества и Гродненскаго—гусарскаго полковъ, тоже выѣхавшихъ верхами для встрѣчи главнокомандующаго, у котораго такимъ образомъ составила огромная свита. Шоссейная дорога шла мимо обширныхъ тутовыхъ плантацій и садовъ, наполненныхъ громадными чинарами, орховыми деревьями и тополями. Вступивъ въ городское предмѣстіе, мы вскорѣ прослѣдовали по двумъ большимъ каменнымъ мостамъ, съ кіосками посерединѣ, изъ которыхъ одинъ распростерся надъ рѣкой Ардой, а другой надъ Марицей. Разливъ былъ въ полной силѣ, и обѣ рѣки, выступившія изъ береговъ, подъ самыя стѣны набережныхъ построекъ, шумно и быстро катили свои мутныя воды. При спускѣ со второго моста, возвышалась арка, сплошь оплетенная миртовыми вѣтвями и украшенная преимущественно греческими флагами (голубыя и бѣлыя полосы); по срединѣ ея, подъ зеленымъ миртовымъ крестомъ, выставленъ былъ литографированный портретъ государя императора, а по бокамъ его начертаны голубой краской на бѣлыхъ лентахъ привѣтственные надписи по-гречески. Великаго князя встрѣчало все городское духовенство, въ облаченіи, съ крестами, и городская депутація отъ мусульманскихъ и христіанскихъ жителей, съ хлѣбомъ-солью. Послѣ привѣтственной рѣчи, крестный ходъ и депутаты ковернули въ городъ, предшествуя русскому главнокомандующему и его свитѣ, позади которой слѣдовали кареты второстепенныхъ лицъ турецкаго посольства, пріѣхавшаго изъ Казанькиа вмѣстѣ съ великимъ княземъ. На дверцахъ каждой кареты была нарисована роза—знакъ того, что это экипажъ придворный. Впрочемъ, сами

послы Серверъ и Намыкъ остались еще позади, въ дорогѣ, и должны были пріѣхать въ Адрианополь только 16-го января, вмѣстѣ съ походнымъ гофмаршаломъ нашей главной квартиры генералъ-лейтенантомъ Галломъ. Сдѣлано это было затѣмъ, что великій князь не желалъ подвергать престарѣлыхъ нашихъ неудобствамъ быстрыхъ и длинныхъ переходовъ, какими слѣдовалъ самъ отъ Казанькиа до Семенли Трнова.

Толпы народа, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ отъ радости, наполняли улицы и площади; иногда нѣкоторыя кучки тамъ и сямъ привѣтствовали появленіе кортежа криками, но вообще эта встрѣча далеко уже не была столь задумчива, неудержимо восторженна, какъ сивовская и тырновская,—быть можетъ, потому, что здѣсь большинство населенія не болгарское. Можно сказать безошибочно, что привѣтственные крики раздавались только въ кучкахъ болгаръ и иногда армянъ; греки же, хотя и выставили арку, болѣе, кажись, для доказательства, что это городъ греческій, но встрѣчали молча, равнодушно, также какъ и турки. Вообще, въ большинствѣ населенія видимо проявлялась какая-то недовѣрчивая сдержанность,—дѣскать, посмотримъ впередъ, чѣмъ-то еще все это кончится—и чувство такого рода, насколько я могъ замѣтить, положительно преобладало. Главная улица изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ весь Адрианополь, дѣлая одинъ лишь небольшой двухколѣнчатый загибъ около турецкаго кладбища, переполненнаго высокими деревьями и мраморными памятниками, которые наши солдаты очень характерно прозвали болванками. Начиная отъ этого кладбища городъ уже принимаетъ преимущественно торговый, промышленный характеръ. Здѣсь на каждомъ шагѣ лавки, лавочки, лавченки, здѣсь же и главный крытый базаръ, и кромѣ того множество кабачковъ, кофеенъ и трактирчиковъ, между которыми красуется «Страннопріемница Оракія», и во всехъ этихъ заведеніяхъ открыто идетъ жесточайшая игра въ домино, карты и кости, причемъ главный контингентъ игроковъ составляютъ греки и армяне, которые вообще являются преобладающимъ элементомъ городского населенія.

Наконецъ, кортежъ великаго князя вступилъ въ обширный дворъ адрианопольскаго конака. Этотъ послѣдній представляетъ изъ себя довольно мрачное зданіе, благодаря своему запущенному, грязному виду. Ворота и главный подъѣздъ были украшены разными флагами, между которыми замѣчались и русскіе государственныя цвѣта. Деревянная внутренняя лѣстница сплошь была устлана краснымъ сукномъ и «гарнирована» по бокамъ, въ видѣ непрерывной гирлянды, пучками миртъ и кипарисными вѣтками. Эта лѣстница упиралась непосредственно въ широкія стѣвольчатые

двери, ведущія въ какое-то полутемное, сараеобразное помѣщеніе — не то зала, не то громадный широкій корридоръ, проходившій вдоль всего верхняго этажа и освѣщенный только съ одного конца широкими окошкомъ съ нѣсколькими выбитыми стеклами. Здѣсь по угламъ стояло два-три небольшие дивана съ подломанными ножками, нѣкогда крытые бархатомъ, нынѣ совершенно выцвѣтшими, потертыми и пооборвавшимися. Этотъ сарай, какъ говорятъ, служилъ для адрианопольскихъ вали парадной приемной залой. Въ немъ, какъ въ самой большой комнатѣ конака, была потомъ устроена столовая главнѣйшей квартиры. Изъ сарая нѣсколько дверей, прикрытыхъ вмѣсто портьеръ какими-то грязными, стегавыми суковными одѣялами темно-капитановаго цвѣта, ведутъ въ отдѣльные кабинеты и гостиныя, изъ которыхъ самая парадная является удивительную смѣсь роскоши и перящества: великолѣпный коверъ во весь полъ, и стѣны, кое-какъ закрашенные охрой; на высокихъ окнахъ роскошнѣйшія диванныя драпировки изъ тяжелой, узорчатой шелковой матеріи, а посрединѣ комнаты маленькая переносная печка изъ листового желѣза, какія у насъ употребляются въ рабочихъ баракахъ, съ козлычатой желѣзной трубой, обмазанной глиной; на потолкѣ трещины и копоты; по угламъ паутина; мебель, крытая дорогимъ штофомъ, и при этомъ, вмѣсто портьеръ — все такія же грязныя одѣяла, какъ и въ сарайной приемной залѣ.

Мы съ утра ничего еще не ѣли и потому направились на розыски какого нибудь порядочнаго ресторана. Какъ на лучшія заведенія этого рода, намъ указали на двѣ гостиницы «Америка» и «Румелия». Но увы! — жестоко обманулись наши расчеты и надежды на адрианопольскихъ Дюссо и Борелей!.. Грязныя, чадныя столовыя комнаты были переполнены голодными офицерствомъ. На столахъ, передъ каждымъ приборомъ, стояло жиденькое блѣдно-красное вино, розлитое въ небольшие стильнички — вино очень плохое и кислое; салфетки грязныя, вилки и ножи — тоже; изъ кухни на весь домъ несетъ чадомъ жаренаго постнаго масла, отъ котораго даже подъ стекломъ закопѣлы висящій на стѣнѣ портретъ греческаго короля Георга. Здѣсь, по греческому обыкновению, всѣ вообще блюда приготавливаются на «барабанскомъ», какъ произносятъ греки, т. е. на прованскомъ маслѣ, а иногда, за неимѣніемъ его, и просто на деревянномъ, которое у насъ извѣстно подъ именемъ лампаднаго. Къ довершенію всего, нигдѣ на Балканскомъ полуостровѣ не умѣютъ дистиллировать этотъ продуктъ, вслѣдствіе чего и оливковое, и деревянное масло отзываются особеннымъ, далеко не приятнымъ запахомъ и вкусомъ, а потому ко всѣмъ этимъ котлетамъ и бифстексамъ на «барабанскомъ» маслѣ надо имѣть

большую привычку, чтобы находить ихъ вкусными. Тутъ не помогаетъ даже и голодъ, служащій, какъ извѣстно, лучшей приправой хорошему аппетиту. Но и содрали же съ насъ за обѣдъ такъ, какъ не драли даже и румыны въ Плоештахъ; а когда одинъ изъ насъ сталъ укорять хозяина-грека въ безбожномъ дневномъ грабежѣ, то увертливый грекъ пустилъ въ ходъ обычный аргументъ насчетъ «ондина религіонъ» и распространился на ломаномъ французскомъ языкѣ о своей симпатіи къ русскимъ, о нашей національной щедрости и богатствѣ — что, дескать, значить для васъ заплатить лишній золотой бѣдному греку, угнетенному турецкимъ игомъ и исповѣдующему съ вами «ондина религіонъ». — Ну, и конечно, заплатили. Ничего не подѣлаешь!

Но заплативши дорого, ушли мы все-таки полуголодными и, отъ нечего дѣлать, отправились гулять по главной улицѣ, къ конаку. Какъ разъ противъ самаго конака, надъ входомъ въ какой-то каменный домъ грязно-желтаго цвѣта, одинъ изъ насъ случайно прочелъ *русскую* вывѣску, на которой было написано: «С.-Петербургскій трактиръ». Это показалось курьезно и заманчиво. Рѣшили общимъ голосомъ — зайти и посмотреть, что за трактиръ, такой? неужели и въ самомъ дѣлѣ русскій? Не грекъ ли какой изъ Таганрога или Балаклавы, ради прихода нашихъ войскъ, вздумалъ шегольнуть передъ ними русской вывѣской — авось-либо подадутся на эту удочку?

Поднимаемся во второй этажъ, и вдругъ — о, удивленіе! — съ верхней площадки на встрѣчу намъ раздается голосъ:

— Добро пожаловать, господа офицеры!... Милости просимъ!... Очинно рады гостямъ дорогимъ!... Пожалуйста!

Глянули мы вверхъ — и просто глазамъ не вѣримъ! Соотечественница! — Самая настоящая, несомнѣнная соотечественница стоитъ, перегнувшись черезъ деревянныя перила, и ослѣбляется широкой русской улыбкой. Широкія румяныя щеки, свѣтлорусые волосы, сѣрые глаза, носъ уточкой — однимъ словомъ, все какъ слѣдъ, т. е. самое заурядное, но не лишнее миловидности, лицо простой русской женщины изъ какихъ нибудь пригородныхъ мѣщанокъ.

— Вы здѣсь какими судьбами? — чуть не всѣ разомъ, невольно воскликнули мы въ одинъ голосъ.

— А мы, значить, тутошныя... хозяйка будемъ... Пожалуйста въ горницу-съ!

— Вы это какъ-же? съ какимъ нибудь отрядомъ, что-ли, пришли сюда? — спросили мы, предполагая въ нашей хозяйкѣ жену какого нибудь маркизанта.

— Нѣ-ѣтъ-съ... Мы не съ отрядомъ; мы тутошныя, говорю вамъ... адрианопольскіе, трактиръ содержимъ.

— И давно вы здѣсь?

— Да вотъ, ужъ одиннадцатый годъ пошелъ.

— И ничего? живете?

— Живемъ... Богъ грѣхамъ терпитъ... Грѣхъ пожаловался.

— И турки не обижали?

— Нѣ-ѣтъ... Это зачѣмъ же? Слава тѣ Господи, обиды не откуда не видѣли. Пожалуйте-съ!... Чайку не прикажете-ли?

Зашли мы; да и какъ не зайти ради соотечественницы? Русская женщина въ Адрианополь, да еще адрианопольская жительница—явленіе не совсѣмъ-то заурадное. Но еще болѣе удивились мы, когда она представила намъ своего суруга—господина Розенберга или Розенблюма, что-то въ этомъ родѣ. Супругъ оказался пожилымъ, невзрачнымъ человѣчкомъ несомнѣннѣйшаго еврейскаго происхожденія, и хотя по-русски говорить довольно бойко, но съ сильнымъ польско-еврейскимъ произношеніемъ; бороду, впрочемъ, пробриваетъ и видомъ своимъ походить на какого нибудь отставного ротнаго цирюльника или портного изъ полковой швальни. Потомъ изъ разговоровъ оказалось, что онъ «выхрестъ», пріѣхалъ въ Адрианополь такъ-себѣ, счастья искать—«затаво сито скитъ надо, глѣбы куситъ надо»—и что жену его зовутъ Аннушкой. Эта милая Аннушка подала намъ борщъ и битки, такъ что мы пообедали вторично, и хотя все это было далеко не изысканнаго приготвленія, но все же лучше, чѣмъ въ разныхъ «Америкахъ» и «Румелияхъ», хотя бы уже и потому, что не на «барабанскомъ» маслѣ. Аннушка сама стряпала на кулѣхъ. Какая причина, какая судьба толкнула ее, чистокровную русачку, выходить замужъ за этого Розенблюма и какимъ вѣтромъ занесло ихъ сюда, въ Адрианополь, тогда какъ, по ея словамъ, «мы-ста смоленскіе»,—это ужъ Богъ вѣстъ.. Оба они отвѣчали на это какъ-то уклончиво, да и мы не особенно любопытничали. Розенблюмъ предложилъ намъ замѣчательно хорошаго вина; мягкое, но крѣпкое и густое, золотисто-прозрачное и ароматное, оно соответствовало лучшимъ сортамъ кипрскихъ винъ, и нашъ хозяинъ сообщилъ намъ «по закреду», что когда, по вѣдѣ адрианопольскихъ властей, христiane, между прочимъ, разбѣли винный погребъ вали, то онъ, Розенблюмъ, приобрѣлъ себѣ добрый запасецъ этого вина у одного сосѣда, и что у него былъ прекрасный погребъ, для угощенія за парадными обѣдами господъ консуловъ и вятныхъ иностранцевъ. Въ Аннушкиномъ трактирѣ, сравнительно съ греческими «Америками», взяли съ насъ очень не дорого—съ виномъ, что-то около восьми франковъ съ cadaго, такъ что еврей Розенблюмъ оказался несравненно добросовѣстнѣе и безкорыстнѣе здѣшнихъ потомковъ Θεμιστοκλous, Αρσενιδου etc. etc.

Сговорившись отправиться въ турецкія бани, мы зашли передъ тѣмъ въ армяно-французскую

цирюльню постричься. Французскою она слыветъ здѣсь только потому, что вывѣска на ней французская и что самъ хозяинъ кое-какъ изъясняется по-французски, навязывая своимъ посетителямъ «французскіе» духи и мыло константинопольскаго происхожденія. Здѣсь бритье и стрижка производится посредствомъ особыхъ приѣзовъ, причѣмъ вамъ моютъ голову теплой водой съ мыломъ и для просушки обертываютъ ее, какъ чалмой, длинными мохнатыми подотенцами, а брадобрѣй, приступая къ дѣйствію, подноситъ къ вашему горлу мѣдный тазъ, съ полукруглой, по размѣру шеи, вырѣзкой на одномъ краю, наполненный вспѣннымъ мыломъ, которымъ и начинаетъ натирать ваши щеки, не кисточкой, а просто рукой, что безъ сомнѣнія, весьма патриархально-просто, но для мало-мальски брезгливаго человѣка не особенно пріятно. Эта цирюльня памятна мнѣ по пропажѣ моихъ карманныхъ часовъ. Начиная стричься, я снялъ съ себя мундиръ, въ боковомъ карманѣ котораго остались часы. Къ сожалѣнію, я хватился ихъ уже выйдя на улицу, но почти тутъ-же, сразу, едва ли успѣвъ сдѣлать какихъ-нибудь десять шаговъ. Тотчасъ же возвращающійся и заявляю хозяину о пропажѣ, прося его поискать на полу—быть можетъ-де, какъ нибудь случайно выпали. Поиски однако ни къ чему не привели. Армянинъ-хозяинъ очень любезно и невозмутимо объявилъ мнѣ, что искать даже не для чего, потому что часы, по всей вѣроятности, пропали.

— Но при снятіи мундира, они были при мнѣ: я знаю, я это твердо помню,—возразилъ я.

— Очень можетъ статься, что и были; не смѣю спорить,—покорно согласился хозяинъ.

— Въ такомъ случаѣ, они пропали здѣсь, въ вашей цирюльнѣ.

— Очень можетъ быть, что и здѣсь... Мало ли тутъ ходятъ разнаго народа! За всѣми не углядишь!

— Но при насъ, кажется, никого посторонняго не было?

— Зато *послѣ насъ* могли придти и уйти посторонніе... Что вы хотите! Это въ порядкѣ вещей: городъ, monsieur, большой, а потому и воровство большое...

Дѣйствительно, большое и притомъ очень явное. На этомъ аргументѣ почтеннаго армянина и пришлось успокоиться.

Турецкая баня разочаровала насъ, какъ и все остальное въ этомъ городѣ, въ этой «турецкой Москвѣ», какъ его называютъ. Мнѣ уже довелось однажды быть въ турецкой банѣ, въ Ловчѣ, куда мы всѣ нарочно ѣздили мыться изъ-подъ Плевны. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь одинаково мерзко. Это не бани, а какія-то насквозь прокопѣлыя каменные трущобы, съ неровнымъ плитнымъ поломъ и мраморными скамейками,—темныя, мрачныя. Слабый свѣтъ едва лишь проникаетъ туда сквозь вѣсколько

маленьких круглых отверстій въ потолокъ, покрытыхъ стеклянными колпаками. Пару въ этихъ баняхъ нѣтъ никакого; дымъ ѣстъ глаза, смрадный персиповый каганецъ безъ стекла, поставленный въ нишѣ, коптитъ и смердитъ невыносимо, на полу грязная слякоть и вдобавокъ ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ—повсюду ходить съвозной вѣтеръ, такъ, что нѣтъ ничего легче, какъ схватить себѣ тутъ простуду. О грязи въ предбанной залѣ, равно какъ на стѣнахъ и потолкахъ въ самой банѣ нечего и говорить. Отъ стѣнъ, вообще, надо здѣсь держаться подалеже, такъ какъ по нимъ ползаютъ отвратительныя мокрицы и стоожки. Вообще, мы только удивлялись и разводили руками, вспоминая при этомъ разныя поэтическія описанія восточныхъ бань, которыя доводилось иногда читать во время оно у разныхъ путешествующихъ «баснописцевъ». Въ дѣйствительности ничего этого не существуетъ, да нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и существовало когда-либо.

Это то же самое, что и описанія «восточныхъ красавицъ» турецкаго происхожденія. Настагая безчисленные обозы турецкихъ бѣглецовъ, много я не разъ приходилось имъ видѣть турецкихъ женщинъ—и въ чадрахъ, и безъ оныхъ, хотя надо замѣтить, что чадра, точно также какъ нашъ вуаль, позволяетъ не только видѣть ея черты лица, но даже способствуетъ нѣкоторой иллюзіи въ ихъ пользу,—и однако же, миловидное женское личико встрѣчалось намъ, какъ довольно рѣдкое исключеніе, да и то, по большей части, красивыя женщины оказывались женами и дочерьми помаковъ или черкешенками.

Нельзя сказать, чтобы черты лица турчанокъ были дурны; напротивъ, онѣ очень правильны (иногда развѣ вредятъ имъ чересчуръ развитыя широкія верхнія скулы), а погубъ черныхъ, нѣсколько впрочемъ подмалеванныхъ бровей и каріе либо сѣрые глаза, безъ сомнѣнія, могли бы сообщать этимъ чертамъ еще болышую прелесть, если бы цвѣтъ лица турчанокъ не былъ такъ мертвенно блѣденъ. Ихъ лица словно бы вылѣплены изъ воска. Будучи отъ природы преимущественно бѣлокурыми, съ ржаватымъ отливомъ, турчанки болышею частью безобразятъ себя окраской своихъ волосъ въ неестественный желто-красный цвѣтъ, для чего у нихъ въ употребленіи какая-то краска, называемая кинна, которою они выкрашиваютъ себѣ также и ногти, а иногда даже и зубы. Отъ сидячей жизни, у нихъ является склонность къ преждевременной чрезмѣрной полнотѣ, (за исключеніемъ, конечно, сельскихъ рабочихъ женщинъ) и вѣроятно, тѣ же условія замкнутой, малоподвижной жизни вліяютъ даже на физическій складъ гаремныхъ женщинъ, разумѣя подъ этимъ имеемъ не привозныхъ рабынь, купленныхъ на невольничьихъ рынкахъ, а

женщинъ, родившихся и выросшихъ въ гаремѣ. Онѣ, болышею частію, малорослы, низкоростны, коротконоги и, вдобавокъ ко всему этому, почти всѣ безъ исключенія косолапы, что является уже несомнѣннымъ послѣдствіемъ вѣчной привычки сидѣть, поджавъ подъ себя скрещенныя ноги. Примѣръ послѣдствій этой же причины мы легко можемъ наблюдать на нашихъ собственныхъ портныхъ подмастерьяхъ. Привитая съ дѣтства косолапость, особенно при низкомъ станѣ, дѣлаетъ походку гаремныхъ женщинъ весьма неграціозной, перевалистой съ бока на бокъ, что называется, утикой. Да и кромѣ того, на отсутствіе граціи не мало вліяетъ самый уличный костюмъ турецкой женщины: какая-то безобразно скроенная хламада, «*фередже*», въ родѣ широкаго бурнуса, доходящая только до щиколотки и потому вовсе не прикрывающая косолапость. Неоднократно видѣвъ все это воочию, пришлось по неволѣ придти къ заключенію, что пресловутая, не разъ воспѣтая «восточная красота» турецкихъ женщинъ тоже принадлежитъ къ области миеовъ и богатой фантазіи досужихъ «баснописцевъ».

Было уже темно, когда мы возвращались изъ бани, и тутъ, къ немалому удивленію, увидѣли, что городъ иллюминированъ, какъ оказалось потомъ, въ честь пріѣзда великаго князя. Турецкая иллюминація состоитъ изъ точно такихъ же плашекъ и шкаляковъ, какъ и въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ не заведено еще газоваго освѣщенія. Но было и нѣчто такое, что сообщало этой иллюминаціи особенную, своеобразную и—надо сказать—поэтическую прелесть, которую мы замѣтили только возвратившись домой. Какъ я сказалъ уже, изъ оконъ дома Хаджи-Шерифъ-бея открывались прелестныя виды—съ одной стороны на мечеть Селима, съ другой—на весь южный и юго-западный концы города. Балкончики трехъ-ярусныхъ минаретовъ Селима, равно какъ и всѣ остальные минареты многочисленныхъ мечетей, разбросанныхъ по широкому пространству всего города, были увѣнчаны огненными каемками искрящихся звѣздочекъ. На чудномъ фонѣ глубоко темносиняго неба, при отсутствіи луны, эти огненные каемки, сверкавшія въ вышнѣи надъ темной массой городскихъ зданій, производили очаровательный эффектъ, тѣмъ болѣе, что контуры самыхъ минаретовъ совершенно исчезали во мракѣ, и такимъ образомъ казалось, будто огненные вѣнцы, ничѣмъ не поддерживаемые, висятъ въ самомъ воздухѣ. Здѣсь мы замѣтили, что мечеть Селима освѣщена не только снаружи, но и внутри. Вслѣдствіе этого было рѣшено сейчасъ же отправиться и посмотреть, что тамъ дѣлается.

— Иллюминація прелестна,—замѣтилъ по дорогѣ одинъ изъ насъ,—но... все-таки это не хорошо, я признаюсь, до сихъ поръ я гораздо лучше думалъ о туркахъ.

— Что не хорошо?—спросили его.

— Да то, что они зажгли эти огни на мечетяхъ.

— Почему же нѣтъ, если городъ празднуетъ прїѣздъ великаго князя.

— Такъ-то такъ, да все же.. Вѣдь если бы нашъ врагъ, предположимъ, вступилъ въ Москву,—не зажгли-жъ бы мы иллюминацію на Иванѣ Великомъ и не освѣтили бы торжественнымъ образомъ кремлевскихъ соборовъ!

Мы всѣ поняли чувство, подсказавшее нашему товарищу такое мнѣніе, и всѣ согласились съ его взглядомъ.

Долго блуждали мы по мечетнымъ дворикамъ и площадкамъ, узорчато выложеннымъ разноцвѣтными мраморными плитами, и все не могли попасть куда слѣдуетъ. Фонтаны въ темнотѣ меланхолически плескали своими струйками, подъ навѣсами темныхъ кіосковъ; мраморныя колоннады, поддерживающія своды открытыхъ галлерей вокругъ мечети, казались рядомъ какихъ-то фантастическихъ великановъ; внутри храма одиноко раздавался чей-то высокий, сильный и чистый теноръ, выводившій протяжныя тоскливыя ноты, словно тяжкіе вздохи изъ глубины страдающей груди, мѣшая ихъ съ минорнымъ речитативомъ. Что за своеобразный мотивъ! Онъ совершенно чуждъ европейскимъ звукамъ, но полонъ дикой силы и прелести. Онъ почти весь построенъ на полутонахъ. Въ немъ и тоска, и страстность, и мечтательность... Не знаю и самъ почему, только этотъ мотивъ вызвалъ въ моемъ воображеніи широкую картину знойной азіатской пустыни, гдѣ, вѣроятно, и рождались когда-то эти завывающіе звуки.

Но какъ же, наконецъ, проникнуть въ джамію? Толкнулись въ одну дверь—заперто, въ другую—заперто. На наше счастье, попадаются на встрѣчу какіе-то офицеры.

— Вы, вѣрно входъ ищете, господа? спрашиваютъ.—Ступайте вотъ за уголъ направо, первая дверь по галлерей; тамъ отперто.

Мы поблагодарили и освѣдомились, что тамъ такое происходитъ?

Оказалось, что нѣсколько генераловъ пожелали видѣть внутреннее освѣщеніе джаміи. Муллы согласились очень охотно, заявивъ, что это удовольствіе будетъ стоить сто франковъ, собственно, какъ плата за освѣтительный матеріалъ; и когда храмъ былъ освѣщенъ то муллы простерли свою любезность еще далѣе и показали примѣрное богослуженіе.

Мы отыскали указанную дверь и, приподнявъ тяжелую завѣсу, вошли въ знаменитую джамію. Съ перваго же взгляда мусульманскій храмъ поражалъ громадностью своихъ размѣровъ. Онъ сіялъ безчисленнымъ множествомъ мерцающихъ лампадъ, которыя рядами и фестонами были повѣшены подъ однимъ громаднымъ желѣзнымъ обручъ, спускавшійся

изъ глубины купола на канатахъ; вокругъ него и въ разныхъ другихъ мѣстахъ храма сіяло нѣсколько подобныхъ же обручей, только меньшихъ размѣровъ; изъ-подъ каждой полукруглой арки, словно огнистыя подпизы ожерелья, мерцали покачиваясь ряды маленькихъ лампадокъ; въ выпинѣ, надъ мѣстомъ, которое соответствуетъ нашему алтарю, горѣли разноцвѣтными огнями цѣлый букетъ шаровидныхъ лампѣоновъ, а надъ нимъ, на нѣсколько аршинъ еще выше, одиноко и темно свѣтилъ матовый полумѣсяцъ—эмблема мусульманства.

Всѣ внутреннія стѣны и карнизы джаміи испелрены вязью благочестивыхъ надписей и арабесками, частью мозаичными, частью кафельными; полъ мраморный, въ разноцвѣтную клѣтку, и мѣстами покрытъ циновками очень тонкой изящной работы. По самой серединѣ храма журчитъ фонтанъ въ небольшомъ мраморномъ бассейнѣ, а надъ нимъ, на нѣсколькихъ колонкахъ устроенъ родъ эстрады, окруженной рѣзными перилами, куда ведетъ особая лѣсенка. На этой эстрадѣ, поджавъ подъ себя ноги, воссѣдалъ пѣвецъ, въ бѣлой чалмѣ, молодой и красивый мужчина, а передъ нимъ, на низенькомъ створчатомъ пултѣ, лежалъ коранъ—громадная книга, писанная на пергаментѣ. Въ восточной сторонѣ храма, которая соответствуетъ нашему алтарю, въ стѣнѣ находится большая мраморная ниша, «*мехрабъ*», по бокамъ которой стоитъ пара громадныхъ канделябровъ; вдоль же самой стѣны, у оконъ, поставлены такіе же низенькіе шюитры, какъ и на эстрадѣ передъ пѣвцомъ, и на нихъ покоятся такіе же развернутые кораны. Нѣсколько благочестивыхъ колѣнопреклоненныхъ мусульманъ сплотились тѣсно въ полукругомъ передъ «мехрабомъ» и, сидя на собственныхъ пяткахъ, безъ туфель, клали частые поклоны, склоняясь лбомъ на простертыя впередъ, ладонями князу, руки. Въ этой молитвѣ, сопровождаемой одинокимъ пѣніемъ на эстрадѣ, и состояло все богослуженіе. Но болѣе всего удивило меня въ мусульманскомъ храмѣ то, что онъ построенъ совершенно по образцу храмовъ христіанскихъ, т. е. крестообразно. Почему это такъ?—я не сумѣю дать отвѣтъ надеждамъ и точный.

На слѣдующій день утромъ, взявъ съ собою толмача-болгарина, мы отправились бродить по базару, который наши офицеры прозвали турецкимъ пассажемъ. Это длинное, въ нѣсколько сотъ аршинъ, сводчатое зданіе, которое тянется вдоль главной улицы, облѣпленное снаружи всевозможными лавченками, а внутри представляющее собою крытый широкій коридоръ, куда свѣтъ проникаетъ только сверху, сквозь особые окрашенные синькой отверстия въ сводчатомъ потолкѣ, такъ что внутри базара всегда царитъ нѣкоторый голубоватый по-

лужайть и прохлада. Полъ этого корридора вымощенъ булыжникомъ и щебенкой, такъ что по немъ можно ѣздить не только верхомъ, но даже и въ экипажахъ. Здѣсь постоянно толпится множество празднаго народа, такъ какъ базаръ служитъ мѣстомъ не одной только купли и продажи, но и главнымъ резервуаромъ всевозможныхъ новостей, слуховъ, извѣстій, замѣняя собою для турокъ наши газеты. По обѣ стороны корридора тянутся тѣснымъ непрерывнымъ рядомъ лавки со всевозможными товарами, гдѣ торгуютъ преимущественно армяне. Собственно восточные товары являются тутъ въ образѣ мѣдныхъ кофейниковъ, кувшиновъ, тазовъ разныхъ жестяныхъ и гончарныхъ издѣлій, да еще въ видѣ шелковыхъ и клеевыхъ матерій, суконныхъ салфетокъ, скатертей и подушекъ, очень красиво расшитыхъ разноцвѣтными шелками, сафьянныхъ туфель весьма дубоватой работы, глиняныхъ трубокъ, кальяновъ, длинныхъ жасминовыхъ чубукъ, разныхъ фесокъ и т. п. Попадаются также и бархатные, либо атласные костюмы, женскія куртки-арнаутки, платья и халаты, роскошно расшитые золотыми и серебряными узорами, къ которымъ, впрочемъ, по цѣнѣ и приступа мѣтъ. Одинъ изъ насъ, желая прицѣниться, спросилъ у купца-армянина, что стоитъ подобный бархатный костюмъ, и получилъ отвѣтъ, что цѣна ему пятьсотъ полуимпериаловъ. Мы пожелали ему счастливой торговли и умнаго покупателя, но болѣе къ подобнымъ вещамъ уже не прицѣнились. Тутъ же по базару шнырять всевозможные разносчики и продавцы воды, лимонадовъ, халвы, шербетовъ, громадныхъ яфескихъ анельсиновъ, каменныхъ фисташекъ и грецкихъ орѣховъ. Купцы турецкаго происхожденія, весьма, впрочемъ, немногочисленные, чинно сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, предъ своими лавками, на низенькихъ диванахъ и, на спросъ о цѣнѣ того или другого товара, объявляютъ настоящую цѣну сразу, не торгуясь, и не запрашивая ни одного лишняго піастра, — черта замѣчательной коммерческой честности и прямоты. И когда купецъ-турокъ видитъ, что дѣло съ покупателемъ идетъ у него на ладъ, онъ съ благодушною серьезностью самъ свертить ему папиросу и угостить турецкимъ кофе въ маленькой фарфоровой чашечкѣ. Кофе тутъ у нихъ, вообще, какъ-то всегда подъ рукою. Кромѣ названныхъ восточныхъ товаровъ, все остальное — самая заурядная европейская дрянь, въ родѣ той, что продается въ нашихъ табачныхъ лавочкахъ: мушкетеры, портмоне, портсигары, хлыстики, зонтики, томпаковые серьги, кольца, стеклянные бусы и т. п. Базаръ открытъ только до трехъ часовъ дня — таковъ ужъ обычай. За четверть часа до срока, изъ конца въ конецъ проходятъ два базарныхъ глашатая и громкимъ голосомъ на рас-

пѣвъ выкликаютъ, что время близится къ урочному часу, — тогда публика начинаетъ удаляться, а купцы запираютъ лавки; базарные же глашатаи становятся у входовъ, чтобы уже никого болѣе не впускать, — и ровно въ три часа тяжелыя, окованныя желѣзомъ ворота замыкаются желѣзными болтами, засовами, перекладинами и, кромѣ того, еще запираются громадными висячими замками до слѣдующаго утра. Торговли же уличная и лавочная внѣ базара продолжается до сумерекъ. Намъ пришлось сдѣлать нѣсколько необходимыхъ покупокъ, и надо сознаться, что благодаря грекамъ и армянамъ это было самое непріятное изъ всего испытаннаго нами въ Адрианополѣ. Не дай Богъ, вообще, имѣть съ ними какое бы то ни было дѣло! Наши домашние жидки гораздо лучше и честнѣе. Я, вообще, не изъ ихъ поклонниковъ, но тутъ пришлось и жидка помянуть добрымъ словомъ. Армяне и греки имѣютъ обыкновеніе запрашивать и торговаться такъ, что куда передъ ними всѣ наши толкучники съ ихъ заламываніями, назойливыми зазывами и возвращеніями покупателя въ лавку! Но и кромѣ того, сторговать что нибудь, въ особенности у грека, гляди за нимъ, что называется, съ оба, а то какъ разъ подмѣнитъ показную и уже сторгованную вами вещь на такую же, только низшаго сорта и наихудшаго качества, и учинить это такъ ловко, что замѣтивъ обманъ только дома, когда развернешь покупку. Здѣсь не разъ пришлось мнѣ вспомнить одну очень мѣткую характеристику всѣхъ этихъ «восточныхъ человѣковъ», слышанную мною однажды въ Ростовѣ-на-Дону отъ одного очень умнаго русскаго купца: одинъ цыганъ — говорилъ онъ — двухъ русскихъ надуетъ, одинъ жидъ двухъ цыганъ надуетъ, одинъ армянинъ двухъ жидовъ надуетъ, одинъ грекъ... десятыхъ армянъ надуетъ! Судите же поэтому, сколько русскихъ онъ надутъ долженъ! Окончивъ покупки, мы наняли «арабаджи» и поѣхали за городъ, посмотреть на остатки стараго серала, взорваннаго Ахметъ-Эюбомъ наканунѣ вступленія въ Адрианополь генерала Струкова, такъ какъ не было возможности вывести громадные склады оружія, снарядовъ и пороха, помѣщавшіеся въ этомъ зданіи. Путь къ сералу лежитъ мимо прелестной платановой (по восточному — чинаровой) рощи, которая раскинулась своими великанами-деревьями по плоской низменной луговинѣ и служитъ мѣстомъ лѣтнихъ загородныхъ прогулокъ для мѣстныхъ жителей, преимущественно же, какъ говорятъ, для мусульманокъ, которыя, по извѣстнымъ днямъ, навѣжали сюда цѣлыми гаремами погулять по шелковой муравѣ, полежать въ тѣни раскидистыхъ чинаръ, покушать шамлыка, жареннаго тутъ же на воздухѣ, отвѣдать мороженаго и шербетовъ, посмотреть на фо-

кусниковъ и жонглеровъ, послушать военную музыку или бродячихъ аргистовъ и насладиться занимательными разсказами бродячаго сказочника-импровизатора. Среди рощи есть и кофейный домъ, и эстрада для оркестра, и разные бесѣдки, и обелиски какіе-то, и фонтанъ, и ручей, текущій неподалеку; но главное—эти чудные старорослые платаны, которые придаютъ всему этому уголку истинно поэтическую прелесть.

Старый сераль занимаетъ громадную площадь, сплошь обнесенную каменнымъ заборомъ. Надъ главными воротами этого забора построена казарма, въ которой теперь помѣщается нашъ караулъ; за заборомъ—первый дворъ, пустой и весьма обширный, а внутри его новая, нынѣ почти разрушенная стѣна, за которою находился второй дворъ, куда велъ особый проходъ, между двухъ навиліоновъ, очень изящной архитектуры, на сколько можно судить по ихъ разрушеннымъ остаткамъ. Во второмъ дворѣ помѣщался домъ, или вѣрнѣе замкъ съ центральной круглой башней, которая послѣ взрыва уцѣлѣла только одною своею половиною. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка стоятъ развалины особаго дворца, гдѣ во времена могущества и славы первыхъ султановъ помѣщались гаремъ и бани. Кое-гдѣ можно еще видѣть остатки мозаичныхъ кафельныхъ стѣнъ, слѣды стѣнной живописи, разные надписи и арабески, шифры султанскіе, букеты и гирлянды. Больше всего уцѣлѣли бани съ мраморными полами; стѣнами и потолками, которые, судя по остаткамъ, представляли нѣчто дѣйствительно наипокое и говорящее въ пользу пресловутой «роскоши Востока». По странной случайности, на половину уцѣлѣла часть еще одного особаго зданія, вѣроятно серальскихъ службъ, гдѣ послѣднее время помѣщался одинъ изъ пороховыхъ складовъ, тоже уцѣлѣвшій. Мы заглянули туда и увидѣли ящики металлическихъ и бумажныхъ патроновъ, а также пороховые боченки. Крышка съ одного изъ нихъ на половину была сбита. Мы захватили пригоршню пороха, чтобы посмотреть на сколько искусны турки въ его производствѣ; но это оказался не турецкій, а чистѣйшій англійскій порохъ, мелкій, отлично полированный и не оставляющій на рукахъ ни малѣйшаго слѣда угольной пыли. Еслибы такой порохъ да въ наши боевые заряды... Въ бумажныхъ патронахъ онъ былъ точно такого же качества. На нѣкоторыхъ ящикахъ, рядомъ съ турецкими надписями, стоятъ какія-то англійскія пометки и годъ 1877-й. По всему видно, что «просвѣщенные мореплаватели» соблюдали свой нейтралитетъ какъ нельзя болѣе строго и отменно честно. Кромѣ бани и этого какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго склада, все остальное представляетъ жалкія руины. Мѣстность вокругъ центральнаго замка сплошь засыпана

кирпичнымъ щебнемъ; немного даже лежатъ цѣлыя обломки стѣнъ въ нѣсколько сотъ пудовъ; ближайшія деревья опалены, расщеплены, изуродованы силою взрыва, а нѣкоторые и совсѣмъ сорваны съ корня. Повсюду валяются патронныя латунныя гильзы, пули, осколки полопавшихся гранатъ; свинецъ, облекавшій эти снаряды снаружи, разлился по землѣ цѣлыми лопешиками; видно, какъ и куда онъ текъ въ расплавленномъ состояніи. Неснаряженные гранаты и бомбы лежатъ громадными кучами; но зато ружья, преимущественно системы Снейдера, сложенные въ правильныя четырехстороннія груды, каждая шаговъ двадцать въ длину, представляютъ изъ себя безобразную массу перегорѣвшихъ, частью сплавившихся между собою стволовъ и штыковъ. Какова же должна была быть сила жара, чтобы сталь могла расплавиться до такой степени! Вообще, судя по этимъ остаткамъ, здѣсь погибло разнаго казеннаго имущества на нѣсколько милліоновъ франковъ. Но болѣе всего жаль самаго сераля, который являлъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древняго турецкаго зодчества.

Загородныя прогулки, однако, далеко не безопасны. По окрестнымъ полямъ рыщеть не мало всякаго вооруженнаго сброда, черкесовъ, башибузуковъ и бѣглецовъ изъ регулярныхъ турецкихъ войскъ. Голодные и холодные, полные совершенно естественнаго чувства злобы и мести, они скитаются въ одиночку, какъ звѣри, по разнымъ пустырямъ, и далеко не прочь подстрѣлять, при удобномъ случаѣ, пропятаго гаура. Въ окрестностяхъ Адрианополя то и дѣло раздаются одиночныя выстрѣлы и стонуть пули, одна изъ которыхъ снесла откуда-то и мимо нашей каруцы. По ночамъ не совсѣмъ-то безопасно даже и въ самомъ городѣ, въ особенности по глухимъ закоулкамъ. Въ эту ночь стрѣляли изъ оконъ по двумъ нашимъ офицерамъ, которые, громыхая саблями, безопасно возвращались изъ трактира къ себѣ домой, по пустынному и темному переулку, въ первомъ часу ночи, когда весь Адрианополь уже спитъ глубочайшимъ сномъ и только одні безчисленныя собаки завываютъ на всю окрестность. 16-го января утромъ нашему отряду назначено было выступить на Деметикю. Около шести часовъ утра мы были разбужены звуками ружейныхъ выстрѣловъ, раздававшихся тамъ и сямъ по улицамъ. Было еще совсѣмъ темно. Мы выглянули въ окно, чтобы узнать причину этой перестрѣлки, и вдругъ увидѣли, что цѣлая половина небосклона оквачена яркимъ заревомъ пожара. Отраженіе этого свѣта трепетно играло на минаретахъ Селима, окрашивая ихъ въ огненно-розовый цвѣтъ. Можно было предположить, что турки сдѣлали внезапное нападеніе на городъ и зажгли его. Мы стали быстро одѣваться, чтобы поспѣшить къ сборному

пункту отряда; казачій конвой нашего генерала уже сѣдлалъ на сосѣднихъ дворахъ своихъ лошадей; спѣшно послали разъѣздъ на развѣдку—что горитъ и гдѣ идетъ перестрѣлка? Но черезъ двѣ-три минуты къ намъ прибѣжали въ халатѣ заспанный Алеко Асекилярось и объяснили, что все это значитъ. Оказалось, что въ Адрианополѣ существуетъ обыкновеніе оповѣщать жителей о пожарѣ ружейными выстрѣлами: кто первый замѣтитъ огонь, тотъ и стрѣляетъ; сосѣдъ, услышавшій выстрѣлы, выгнаетъ въ окно узнать причину и тоже стрѣляетъ сію же минуту; отъ него переимаетъ этотъ сигналъ другой, отъ другого третій, и такимъ образомъ подымается по всѣмъ кварталамъ перестрѣлка, а черезъ пять-десять минутъ уже полгорода на ногахъ и спѣшитъ къ мѣсту пожара. На этотъ разъ оказалось, что горятъ за городомъ казармы, гдѣ былъ расположенъ на ночлегъ одинъ изъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Люди, послѣ длиннаго, тяжелаго перехода, пришли позднимъ вечеромъ, усталые, измученные, переизбытокъ; затопили въ казармахъ каминны и улеглись спать, а ночью вдругъ и загорѣлось. Мудренаго нѣтъ ничего, такъ какъ здѣсь повсюду очаги устраиваются на плоскости пола и горящіе полѣнья никакою рѣшеткою не ограждаются отъ непосредственнаго съ ними соприкосновенія; да кромѣ того, глина, которою обмазывается внутренность очага, зачастую трескается отъ жара и чрезъ это огонь получаетъ возможность пробираться къ деревяннымъ брусьямъ, нерѣдко составляющимъ скелетъ каменныхъ стѣнокъ. За время нашего похода, въ деревняхъ случалось не мало пожаровъ именно вслѣдствіе этой причины. Къ несчастію, пожаръ адрианопольскихъ казармъ не дешево обошелся москвичамъ: говорятъ, что нѣсколько человѣкъ задохлись въ дыму, не успѣвъ выскочить во-время; сгорѣло знамя, часть оружія и много вещей солдатскихъ.

Въ восемь часовъ утра нашъ отрядъ выступилъ по назначенію.

* * *

Довелось мнѣ еще разъ посѣтить Адрианополь спустя пять мѣсяцевъ. По дѣламъ службы, я бѣжалъ въ Филиппополь, и такъ какъ стамбульскій поваръ приходитъ въ Адрианополь около шести часовъ вечера, а уходитъ далѣе только на слѣдующій день утромъ, то и пришлось—хочешь не хочешь—просидѣть на перепутьѣ болѣе полусутки. Смотрю—въ пассажирской залѣ висятъ театральная афишка, составленная по-русски. Читаю: «Армянскій театръ, Битъ-Базаръ № 31, 1878 года іюня 21 (3 іюля) въ среду. «Картежникъ», комедія въ 1 дѣйствіе». Любопытно, — надо отправиться, тѣмъ болѣе, что нужно же какъ нибудь убить время до ночи. Въ городѣ нашились знакомые, — свои же, конечно, русскіе—

и такъ какъ въ афишѣ значилось, что начало въ 8 часовъ вечера «по адрианопольской вѣрменіи», то мы и отправились пока бродить по улицамъ. Въ виду большого спроса и расширившихся, съ приходомъ русскихъ, потребностей, торговля въ Адрианополѣ оживилась еще болѣе, многія лавки и магазины приобрѣли благоприличный видъ, да и товары въ нихъ появились хорошаго качества, весьма разнообразные, а разные увеселительныя заведенія расплодилось, какъ грибы послѣ дождя; количество всевозможныхъ кабачковъ тоже не уменьшилось, — напротивъ, ихъ поразвелось тутъ, кажется, еще больше, чѣмъ въ первые дни по приходѣ арміи. Въ «Америкѣ» и въ «Румелии» завелись не только спосные повара и свѣжіе продукты, но и цѣлыя оркестры вѣнскихъ вѣмокъ, которыя поютъ «Caffe-Schwester», «Постильона» и играютъ на скрипкахъ, флейтахъ и барабанахъ; появилась какая-то зала «Bysance», гдѣ поетъ и пляшетъ, въ числѣ прочихъ, нѣкая французенка, удивительно похожая на цаплю; смоленская наша соотечественница Аянушка, съ супругомъ своимъ Разенбюмомъ, тоже процвѣтаютъ и открыли цѣлый увеселительный садъ, съ дуплетами, фокусами и иллюминаціями; отовсюду несутся и скрепчиваются въ воздухѣ звуки скрипокъ и роялей—ну, словомъ, Румынія, да и только! Букарестъ и Плоешты все это напоминаютъ, и какъ тамъ во время дню, такъ и здѣсь теперь золотой дождь нескончаемо льется и льется на городъ. Русскіе освоились съ Адрианополемъ такъ, словно бы совсѣмъ у себя дома; солдаты, ничтоже сумняся, объясняются по каковски-то и съ турками, и съ греками, и съ армянами, называя всѣхъ ихъ за-одно общимъ именемъ «братушекъ» и ужъ кто ихъ знаетъ, какъ только присносорвались они понимаютъ другъ друга. Населеніе видимо очень довольно чѣмъ-то и относится къ нашимъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это отношенія къ намъ вчерашнихъ нашихъ враговъ турокъ (разумѣя тѣхъ, которые рѣшились, не взирая на нашъ приходъ, остаться въ Адрианополѣ); эти чуть ли не дружелюбнѣе всѣхъ прочихъ мѣстныхъ жителей—ни тѣни вражды или недоброжелательства; полное уваженіе, почтеніе и расположеніе. — Москвитъ бунтъ... Гхарошъ... ейи-адамъ! шерифъ-адамъ! джессуръ-юрекю!»¹⁾ нерѣдко приходится слышать отъ турецкихъ простолюдиновъ, — и дѣйствительно, дисциплиною, порядкомъ нашихъ войскъ и ихъ человѣчностію отношеній къ жителямъ мы смѣло можемъ гордиться.

Въ три четверти восьмого часа мы уже сидѣли въ армянскомъ театрѣ. Партеръ помѣщается въ саду, на чистомъ воздухѣ; цѣна за

¹⁾ Добрый человѣкъ, честный, храбрый.

входъ въ первыя мѣста — два франка, въ остальные — франкъ, и садятъ полнеменекъ народа: тутъ калито почти всѣ наши и офицеры, и чиновники, а наипаче интенданты, да «товарищи»; виднѣются на заднемъ планѣ и нѣсколько десятковъ казачковъ да солдатиковъ; тутъ же рядомъ и вперемежку съ нашими сидятъ и курятъ турки, и армяне, и всѣ прочіе, какъ восточные, такъ и западные человѣки. Курьезный занавѣсъ въ этомъ театрѣ: судя по изображенной на немъ картинѣ, я думалъ было, что здѣсь даются представленія какихъ нибудь релігіозныхъ мистерій; — но вдругъ, вмѣсто того, выпархиваетъ изъ-за кулисъ, въ видѣ пугалицы, почти раздѣтая носатенькая дѣвица и, дрыгая ножками, начинаетъ, подъ звуки оркестра, весьма развязно напѣвать «Chicot-chicot-gandon», да напѣвать не по-французски, а — къ наивысшему удивленію — по-турецки! Преуморительно выходить это турецкое «шико», въ особенности какъ вспомнишь при томъ, что на занавѣсѣ изображено жертвоприношеніе Исаака, съ румянымъ и толстымъ ангеломъ, удерживающимъ съ небесъ руку Авраама, готовую свершить закланіе. Причемъ ужъ тутъ Авраамъ съ его жертвоприношеніемъ, — это, полагаю, едва ли извѣстно и самому создателю оной картины. Подвизаются на здѣшнемъ театрѣ преимущественно армяне, а женскій персоналъ — весь исключительно армянскаго происхожденія; играютъ же частію по-турецки, чистію по-армянски, и больше все одно-актные пьесы — комедійки да оперетки, — переведенныя съ французскаго. Я сохранилъ пару афишекъ этого театра и, ради курьеза, привожу ихъ теперь въ подлинникъ, во всей, такъ сказать, ихъ неприкосновенности. Посмотрите какая прелесть:

«Картежникъ», комедія въ 1 дѣйствіе.

Донъ Педро г-нъ Сисакъ.
Луиза, невѣста Педро . . . д-ца Сиракуза.
Цезарь, слуга Педро . . . г-нъ Чепраздъ.
Полицейскій г-нъ Холасъ.
Воръ г-нъ Берберъ.

«Чайка чая», комедія въ 1 дѣйствіе.

Контъ Армандъ г-нъ Сисакъ.
Контесса Каролина . . . д-ца Сиракуза.
Фридерикъ, слуга . . . г-нъ Берберъ.
Этиенъ, газетопродавецъ . г-нъ Чепраздъ.

Куплеты:

«Шико-шико» пропоетъ дѣвица *Кохаризъ*.
«Дѣвица недовольна своимъ косомъ» про-
поетъ на русскомъ языкѣ госпожа *Храча*.
«Шансонъ политикъ» пропоетъ дѣвица
Асджинъ.
«Насильная невѣста» пропоетъ дѣвица *Си-
ранушигъ*.
Куплета изъ «Прекрасной Елены» и дуе-

та изъ «Мадамъ Анго» пропоютъ госпожа
Храча и дѣвица *Асирнугъ*.

Танецъ «Рифлиме» исполнить вся труппа.

Всѣ эти дѣвицы Храчи и Сирауши до-
вольно милостивы собою, хотя въ роли «кон-
тессъ» походятъ болѣе на перотскихъ лухарокъ;
зато когда дѣло доходить до «дуэты» и до
«куплеты», то тутъ ужъ онѣ вразпуски ста-
раются превзойти другъ дружку развязностію
тѣлодвиженій и елико-возможною откровен-
ностію костюмовъ. Что же до мужского пер-
сонала, то первый любовникъ отиѣнно похо-
дитъ на прекраснаго прохвоста, а г-нъ Че-
праздъ, дѣйствительно, не дурной комикъ.

Тутъ же, во время антракта, какой-то «га-
зетопродавецъ», вмѣстѣ съ афишами на
завтрашній спектакль, *gratis* раздавалъ пу-
бликѣ особыя листки, на которыхъ была отпе-
чатана армянская ода, съ переводомъ на рус-
скій языкъ, слѣдующаго содержанія:

Честь и слава
Воинамъ русскимъ,
Устрашившимъ
Варваровъ гордыхъ
И спасавшимъ
Честь креста
Отъ несносныхъ
Тяжкихъ игъ.

Дѣти, звуки героевъ русскихъ,
Достойны вы чести — вѣнца,
Не щадили трудъ и кровь
За вѣру и отечество.

Честь и слава
Воинамъ русскимъ и т. д.
О! герои изъ героевъ!
Непобѣдимые воины
Не оставили варварамъ
Могила святыхъ предковъ!
Честь и слава
Воинамъ русскимъ и т. д.

Здѣсь же, въ театрѣ я встрѣтился съ на-
шимъ бывшимъ квартирнымъ хозяиномъ, гре-
комъ Асекиларосомъ. Сѣли мы съ нимъ за
пивной столикъ и разговорились. Алеко Асе-
киларосъ видимо недоволенъ, что Адрианополь
остается за Турціей, но для такого недоволь-
ства у него есть достаточная, хотя чисто
личная причина: ему придется разстаться со
своею дешевою покупкою и возвратитъ домъ
прежнему владѣльцу, Хаджи-Шерифъ-бею. По
этой причинѣ онъ недоволенъ ни Санъ-Сте-
фанскимъ договоромъ, ни Берлинскимъ кон-
грессомъ, и такъ какъ турецкіе греки ставятъ
выше всего свой личный интересъ, а въ Адриа-
нополѣ есть не мало такихъ же, которые, по-
добно Асекиларосу, воспользовались удобнымъ
случаемъ приобрести за ничто, хотя и услов-
нымъ образомъ, весьма значительное турецкое
имущество, то здѣсь въ большинствѣ наболѣ-
ѣ состоятельнаго и, стало быть, вліятельна-
го греческаго населенія существуетъ недоволь-
ство на предстоящее возвращеніе къ прежнимъ
турецкимъ порядкамъ, тѣмъ болѣе, что за время
пребыванія Адрианополя подъ русскою властью,

его населеніе уже достаточно успѣло испытать на себѣ вліяніе русскихъ порядковъ.

— При васъ мы только стали дышать, — говорилъ мнѣ Асекиларось, — дышать во всѣхъ отношеніяхъ: вы заставили очистить городъ отъ его нечистоты и зловонія, вы предупредили развитіе заразы, которую мы всѣ, еще отъ праѣдовъ, привыкли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ каждой войны и которую, признаюсь, и теперь ожидали съ ужасомъ; вы завели чистоту и порядокъ на улицахъ и базарахъ, освѣтили, какъ слѣдуетъ, по ночамъ наши улицы, завели хорошую военную полицію, — однимъ словомъ, сдѣлали какъ нельзя болѣе сносными условія жизни въ городѣ, о чемъ до вашего прихода никто и не мечталъ у насъ, при турецкихъ порядкахъ. Теперь нѣтъ ни воровства, ни разбоевъ, тогда какъ прежде рѣдкія сутки проходили безъ того и другого, такъ что вечеромъ не безопасно было выйти изъ дома въ одиночку и безъ оружія, а теперь мы свободно гуляемъ съ семействами до двухъ, до трехъ часовъ ночи; прежде рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы не случилось гдѣ-нибудь ночного убійства, а теперь объ этомъ даже забыли и думать. Кромѣ того, посмотрите сами, до какой степени присутствіе вашихъ войскъ подняло общее наше благосостояніе, какъ оно оживило торговлю и промышленность! Адрианополь прежде былъ очень скучнымъ, монотоннымъ городомъ, а теперь жизнь ключемъ кипитъ повсюду, веселье, звуки, — вотъ, арміе комедія представляютъ, а вѣдь прежде объ этомъ и не мечталось. Но главное, при васъ мы забыли о томъ, что значитъ взятка, бакшишъ; мы теперь избавлены отъ безчисленнаго множества мелкихъ и незаконныхъ побороновъ, въ пользу любого окологороднаго администратора и его чаушей; мы съ довѣріемъ обращаемся къ суду вашихъ властей, потому что всегда находимъ у нихъ судъ скорый и справедливый, и неубыточный. Сами турки воздаютъ вамъ за это хвалу; не только христіане, но и они почувствовали на самихъ себѣ, что значитъ благо истиннаго и разумно свободнаго существованія и — признаться ли ужъ до конца? — мы, греки, съ затаеннымъ неудовольствіемъ и недовѣріемъ встрѣчали ваше пришествіе въ Адрианополь, а теперь... теперь мы съ сожалѣніемъ и страхомъ помышляемъ о томъ времени, когда вы должны будете насъ покинуть, и думаемъ про себя: Господи, какъ бы устроить такъ, чтобы этого не случилось!

Ужъ не знаю, на сколько въ этомъ панегирикѣ моего почтеннаго бывшаго хозяина было сахарной лести — на которую греки тоже мастера не послѣдней руки — но что наше присутствіе, сопровождаемое потоками русскаго золота, сильно подняло благосостояніе города, что мы водворяли въ немъ, по возможности, чистоту и полицейскій порядокъ, то это несо-

мѣнно, и чтобы убѣдиться въ томъ — достаточно пройти по базарамъ и улицамъ, такъ что, быть можетъ, Асекиларось и правъ, увѣряя, будто многіе и многіе пожалѣютъ, когда намъ придется наконецъ покинуть Адрианополь.

LXXXIX.

Отъ Адрианополя до моря Эгейскаго.

Выступленіе изъ Адрианополя. — Пустыня. — Ночлегъ въ Эмирли и нашъ хозяинъ-армянинъ. — Судъ не по турецки. — Отъ Эмирли до Демотики. — Общій видъ Демотики. — «Калимера-сась». — Наша квартира. — Архимандритъ Герасимъ, его дѣятельность и рассказы о мѣстныхъ отношеніяхъ. — Какъ была занята Демотика разбѣдомъ корнета Миллера. — Уличная жизнь въ Демотикѣ. — Городская мечеть и приходская церковь. — Прокламація великаго визиря къ болгарамъ. — Подземная тюрьма для государственныхъ преступниковъ. — Занятіе Деде-Агача. — Картинный видъ на Эгейское море.

Чатаалджа, 12-го февраля.

16-го января, въ 8 часовъ утра, мы выступили изъ Адрианополя на Демотику. Предстоявшій намъ путь дѣлился на два перехода, съ ночлегомъ въ деревни Эмирли. Дождь и слакоть. По главной адрианопольской улицѣ одновременно двигаются войска стряпцовъ Скобелева и Карцова. Драгунскій эскадронъ попалъ не на ту дорогу, просунулся было впередъ, потомъ вскачь поворотилъ назадъ. Это обстоятельство произвело нѣкоторое замѣшательство, что называется, кавардакъ (слово, судя по его созвучіямъ, вѣроятно восточнаго происхожденія) въ тѣсной улицѣ, наполненной народомъ и двигающимися колоннами войскъ и обозовъ. На лицахъ жителей ясно изображалось недоумѣніе — впередъ или назадъ мы двигаемся? Впрочемъ, замѣшательство не продолжалось и десяти минутъ: драгунскій эскадронъ отыскалъ свою дорогу и движеніе колоннъ продолжалось въ стройномъ порядкѣ. На пути къ желѣзнодорожной станціи встрѣтились намъ двѣ придворныя турецкія кареты съ изображеніемъ на дверцахъ, вмѣсто герба, распустившейся розы; въ каретахъ сидѣли лица турецкаго посольства. Перейдя полотно желѣзной дороги и прослѣдовавъ мимо покинутаго форта, а затѣмъ мимо развалинъ старинной мечети, мы вступили въ пустыню. Окружавшія насъ пространства полей были лишены всѣхъ признаковъ культуры; земля прекрасная, но невоздѣланная и если служить на пользу человѣку, то развѣ въ качествѣ пастбища. Эта безжизненная оголенная пустыня тянулась вплоть до Эмирли. Ни впередъ, ни по сторонамъ не видать никакихъ признаковъ жилья; желѣзная дорога, со своими телеграфными столбами, осталась далеко влѣво, и въ той сторонѣ во все время нашего пути безпрестанно раздавались одиночныя ружейныя выстрѣлы. Такая безлюдная пустыня была явля-

ласъ весьма характерною, чисто турецкою особенностью: во всемъ свѣтъ, чѣмъ ближе къ столицамъ или вообще къ большимъ городамъ, тѣмъ населеннѣе и воздѣланнѣе является окружающая мѣстность; здѣсь же совсѣмъ на оборотъ: жизнь процвѣтаетъ только въ отдаленныхъ, преимущественно горныхъ захолустьяхъ и трущобахъ, вдали не только отъ городовъ, но даже отъ пробажныхъ дорогъ, — словомъ, тамъ, гдѣ есть возможность наиболѣе укрыться отъ мудировъ, мубошировъ, муктаровъ, заптievъ и вообще меамуровъ¹⁾, являющихъ собою вѣчто въ родѣ саранчи среди христіанскихъ населеній. Какимъ раемъ земнымъ, какою житницею цѣлой Европы могла бы явиться эта страна при правильномъ и экономическомъ развитіи, при увѣренности жителей въ своихъ гражданскихъ правахъ, въ обезпеченности своей жизни, труда и достоянія!..

Дождь лилъ не переставая; слякотная дорога обратилась въ какую-то кашу, и вскорѣ совсѣмъ исчезла среди бурныхъ полей. Къ довершенію всѣхъ удовольствій нашего странствованія, проводники-греки, желавшіе провести насъ кратчайшимъ путемъ, сбились съ дороги и, такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы быть въ Эмирли къ часу дня, мы едва-едва попали туда въ шестомъ часу по-полудни, иззябшіе, измокшіе, усталые, голодные и потому злые.

Намъ отвели помѣщеніе въ особой усадѣбкѣ, расположенной на сѣверномъ концѣ селенія и арендуемой какимъ-то молодымъ, очень красивымъ армяниномъ, въ сѣромъ пиджакѣ «à la franca» и въ щегольской вишневаго цвѣта фескѣ. Стѣны нашей комнаты, которая служила селямникомъ, т. е. приемною молодого армянскаго джентльмена, были оклеены litho-графированными картинками и политинажами изъ какого-то сатирическаго итальянскаго журнальца, являвшими преимущественно сюжеты довольно скабрзнаго свойства, какъ въ изображеніяхъ, такъ и въ подписяхъ подъ ними. Самъ хозяинъ былъ очень любезенъ, предупредителенъ и разговорчивъ; онъ говоритъ по-французски, какъ и всѣ почти жители Константинополя, т. е. плохо, но настолько, что понимать его можно; онъ, кромѣ того, добрый человѣкъ, потому что, несмотря на ближайшее сосѣдство турокъ, не стѣснялся приютить у себя бѣглянку изъ Іени-Загры, съ двумя дочерьми, которая зато стряпаетъ ему обѣды, прибираетъ комнаты, стережетъ гусей и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ. Это была вдова зарѣзаннаго глѣтомъ 1877 года іени-загрскаго болгарина; ея старшая дочь, пятнадцатилѣтняя «учителька» народной школы — замѣчательная красавица. Она говоритъ, что большинство

іени-загрскихъ дѣвушекъ были учительками въ своемъ городѣ и округѣ; а послѣ разгрома, постигшаго ихъ городъ вслѣдъ за отступленіемъ генерала Гурко, большая часть изъ нихъ попали въ плѣнъ и увезены для продажи на малоазійскіе рынки.

— Меня Богъ спасъ, чудо Божіе, — отвѣчала она, скромно потупивъ глаза, на вопросъ о томъ, какимъ образомъ удалось ей избѣжать судьбы своихъ товарокъ; но намъ сдается, чуть ли не перекупилъ ее у черкесовъ нашъ хозяинъ-армянинъ, вмѣстѣ съ матерью и маленькою сестренкой. Впрочемъ, и за то ему спасибо, такъ какъ, повидимому, судьба этихъ трехъ несчастныхъ все же гораздо легче, чѣмъ тѣхъ, которые попали на малоазійскіе рынки.

Эмирли — деревня турецкая, одна изъ немногихъ, которая не была покинута жителями, — быть можетъ потому, что предъ ихъ глазами проходили караваны турецкихъ эмигрантовъ, причемъ они во-очію могли видѣть, въ какомъ положеніи находятся несчастные бѣглецы. Вскорѣ послѣ нашего прибытія, въ усадьбу явились, въ видѣ депутаціи, нѣсколько турокъ, съ жалобою, что христіане, пользуясь приходомъ русскихъ, отбиваютъ у нихъ въ полѣ табуны и стада. Одному изъ насъ было поручено разобрать это дѣло. Христіане-греки азартно и слезно доказывали, что лошади и коровы принадлежатъ имъ, но были-де отняты у нихъ турками; турки же не менѣе слезно утверждали противное; и тѣ и другіе требовали возвращенія спорнаго имущества, просили разсудить ихъ по справедливости, не представляя впрочемъ ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ существенныхъ доказательствъ въ свою пользу, кромѣ голословныхъ увѣреній, сопровождаемыхъ божьбою. Предстояло творить въ нѣкоторомъ родѣ Саломоновъ судъ, а потому положеніе судьи и слѣдователя было довольно затруднительно. Вмѣстѣ съ хозяиномъ-армяниномъ и нашимъ отряднымъ переводчикомъ, онъ выбралъ одного изъ наиболее азартныхъ крикуновъ-грековъ и отведя его въ отдѣльный сарай, спросилъ — какимъ образомъ турки отбили у нихъ табуны и стадо, разновременно или сразу?

— О, сразу! сразу!.. Налетѣли на нашу деревню и сразу все ограбили!

— А какъ давно это было?

— Давно было; еще глѣтомъ прошлаго года.

— И съ тѣхъ поръ больше не грабили?

— Постоянно грабили, всегда, каждый день, до самаго прихода русскихъ.

— Тогда какъ же ты говоришь, что они весь скотъ вашъ забрали сразу?

Грекъ какъ бы оторопѣлъ, но лишь на одно мгновенье.

— Ну да! Скотъ взяли сразу, а другое добро грабили постоянно!

Увели этого грека, разбѣдивъ его съ то-

¹⁾ Окруживъ начальниковъ, нарочныхъ посланцевъ, сборщиковъ податей, полицейскихъ и вообще чиновниковъ.

варищами, и на мѣсто его привели въ сарай другого, который показалъ почти то же самое; разница выходила только въ томъ, что турки забрали скотъ всего лишь двѣ недѣли назадъ, а до того времени жили-де мирно, согласно съ христіанами и никакого грабежа или обиды никто отъ нихъ не видѣлъ.

Этого было совершенно достаточно для полнаго убѣжденія въ неправотѣ грековъ. И табунъ, и стадо, очевидно, были турецкія и именно принадлежащія жителямъ Эмирли, такъ какъ эти жители оставались при своихъ хозяйствахъ. Поэтому было рѣшено весь скотъ возвратитъ туркамъ. Но надо было видѣть впечатлѣніе, произведенное на тѣхъ и другихъ такимъ рѣшеніемъ! Турки стояли словно ошеломленные, словно бы не вѣрили ни глазамъ, ни ушамъ своимъ, но вслѣдъ за тѣмъ, почтительно приложивъ руки къ сердцу и ко лбу, ушли съ глубокимъ поклономъ, видимо удивленные рѣшеніемъ «глаура» и въ то же время проникнутые уваженіемъ къ чувству его справедливости; греки же подыали чисто жидовскій гвалтъ, орали всѣ вмѣстѣ, сильно жестикулировали руками, крестились и укоризненно качали головами, дескать, хороши же вы христіане, коли потворствуете туркамъ! Хозяинъ-армянинъ тоже казался отчасти озадаченнымъ.

— *C'est bon, mais c'est ne pas à la turque*, — говорилъ онъ, ухмыляясь. — Не по-турецки, совсѣмъ не по-турецки!

— Но вѣдь скотъ-то былъ турецкій? — спросили его, — скажите по совѣсти! Вѣдь вамъ, какъ мѣстному жителю, это, конечно, извѣстно ближе.

— Разумѣется, турецкій, — подтвердилъ онъ. — Греки только хотѣли воспользоваться присутствіемъ русскихъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ присвоить его себѣ.

— Такъ какъ же, по вашему, надо было рѣшить?

— О, я не говорю, что рѣшеніе дурно: я говорю только, что оно совсѣмъ не по-турецки.

— То есть, что же это значитъ, объясните, пожалуйста? Какъ же, вы полагаете, на нашемъ мѣстѣ рѣшили бы турки?

— Какъ рѣшили бы турки? А очень просто: имущество спорное, формальныхъ доказательствъ нѣтъ — ну, и конфисковали бы его въ пользу казны, чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не обидно было.

Послѣ этого мнѣ стало вполнѣ понятно, почему турецкіе поселяне были такъ поражены столь неожиданнымъ для нихъ рѣшеніемъ. Какъ оказалось изъ дальнѣйшаго объясненія съ хозяиномъ-армяниномъ, они только за тѣмъ и судятся къ намъ пришли, что рѣшили между собою — пускай-де наше добро лучше ужъ достается москору, чѣмъ грекамъ!

17-го января въ 8¼ часовъ утра выступили изъ Эмирли въ Демотику. Морозу нѣтъ, но пасмурно и вѣтрено: погода очень сѣверная,

ноги забнутъ. — Хуже всякаго мороза! Снѣгу нѣтъ уже вовсе; окрестныя поля рыже-зеленоватаго цвѣта столь же пустынные, какъ и вчера, и столь же голы — полное отсутствіе культуры. Изрѣдка попадаются кое-какія деревца, но это уже далеко не та могучая растительность, какую встрѣчали мы на Балканахъ и особенно въ «Долинѣ Розъ»; тутъ, напротивъ, деревья какія-то малорослыя, жиденькія, такъ что глядя на нихъ сдается, будто странствуешь не на югѣ, а гдѣ нибудь въ сѣверныхъ пустыняхъ. Общій видъ всей этой мѣстности отчасти напоминаетъ Бессарабію, къ югу отъ Кишинева: такія же волнисто-вскормленные возвышенности, такая же чахлая и рѣдкая растительность, та же невоздѣланность громадныхъ, пустующихъ втуне пространствъ и то же самое безлюдье. На пути намъ попалось лишь одно небольшое селеніе Эльбургасъ, на рѣкѣ Бакчѣ. Моста не существуетъ, но такъ какъ глубина рѣки не превышаетъ трехъ-четырехъ футовъ, то мы съ казаками и частію пѣхоты перешли на тотъ берегъ въ бродъ, остальная же пѣхота переправлялась на возахъ мѣстныхъ жителей; арбы, запряженные буйволами и нагруженные солдатами, слѣдовали въ линію одна за другою и, высадивъ на томъ берегу своихъ пассажировъ, возвращались за новыми; такимъ образомъ круговая переправа шла быстро, безъ перерывовъ и задержекъ и была въ особенности выгодна тѣмъ, что избавляла пѣхотинцевъ отъ необходимости промокать въ водѣ, что при такой сѣверной погодѣ не для каждаго сошло бы безъ простуды. На всемъ пространствѣ отъ Эмирли до Демотики дороги, можно сказать, не существуетъ, а то, что называется здѣсь дорогою, до такой степени топло и тяжело, что лошади наши, сдѣлавъ 25-ти-верстный переходъ, изморились болѣе чѣмъ на inomъ 60-ти-верстномъ пути при мало-мальски сносной дорогѣ.

Поднявшись на одинъ изъ болѣе высокихъ холмовъ, мы увидѣли нашъ Старо-Ингерманландскій полкъ, расположившійся на привалѣ. Съ этого мѣста открывается широкій красивый видъ на Демотику и ея окрестности. По склонамъ скалистой горы тянутся полуразрушенныя стѣны и башни древняго кремля, а самая вершина увѣнчана большою отдѣльно стоящею башнею. Остроконечная крыша главной городской мечети возвышается надъ кровлями всѣхъ остальныхъ построекъ и издали представляется совершенно въ видѣ египетской пирамиды. Самый городъ, захватывая своими зданіями лишь нѣкоторую часть кремля, лѣнится ниже его каменныхъ стѣнъ по склону скалистой горы, коей подопыла, тоже украшенная частію древнихъ укрѣпленій и башнею, омывается рѣкою Кизылъ-дере, впадающею неподалеку въ Марицу. Разливъ обѣихъ рѣкъ

широко затопилъ тутовые плантаціи, которыя примыкаютъ къ самому городу. Полюбовавшись этою картиною, мы тронулись далѣе и черезъ часъ уже вступили въ Демотику. Строенія, улицы, лавки—все тотъ же обще-восточный типъ. Христіане смотрятъ прямо въ лицо, весело улыбаются, крестятся и снимаютъ шапки; турки, напротивъ, глядятъ мрачно или стараются казаться равнодушными, какъ бы не замѣчая нашего присутствія. Изъ оконъ и изъ-за приподнятыхъ рѣшетокъ восточныхъ бельведеровъ-фонариковъ выглядываетъ множество женщинъ и дѣвушекъ; нѣкоторыя изъ нихъ кланяются и махаютъ платками; изъ одного окошка высунулась предестная черноглазая малютка лѣтъ пяти и крестится, и смѣется, и кланяется, и кричитъ намъ своимъ звонкимъ голосенкомъ: «Калимера-сась! калимера-сась!»⁴⁾

Христіане видимо рады нашему приходу. Намъ отвели квартиру въ довольно обширномъ одноэтажномъ турецкомъ домѣ, который нѣсколько дней тому назадъ былъ покинутъ хозяевами, бѣжавшими въ Константинополь. Домъ зажиточный, съ тѣсною открытою галлереєю, выходящею въ садъ, наполненный зелеными миртами, молодыми кипарисами и розовыми кустами, на которыхъ не всѣ еще листья увяли; въ клумбахъ цвѣтутъ фіалки и душистый левкой—это въ январѣ-то мѣсяцѣ! Къ полудню появилось солнышко и разомъ пригрѣло землю, такъ что сдѣлалось даже жарко. Вскорѣ къ генералу Карцову явился съ визитомъ намѣстникъ демотійской митрополіи съ греческимъ архимандритомъ Герасимомъ, который, проживъ 18 лѣтъ въ Россіи, научился говорить и писать по-русски не только правильно, но даже литературно, причемъ ему далеко не чуждо знакомство съ нашимъ словесностію въ твореніяхъ Пушкина, Грибоедова, Кольцова, Лермонтова и Гоголя; что же касается до нашей духовной литературы, то она знакома ему очень близко. Отецъ Герасимъ жила въ Кіевѣ, и въ Петербургѣ, но большую часть своей жизни въ Россіи провелъ въ Москвѣ, о которой вспоминаетъ съ теплымъ, сердечнымъ восторгомъ. Вмѣстѣ съ этими духовными лицами явилось трое представителей городского греко-армяно-болгарскаго общества и старшій мулла, заявившій, что демотійскіе мусульмане, рѣшившіеся по его убѣжденію остаться въ городѣ, покорно отдаются покровительству русскаго войска. Съ содѣйствіемъ отца Герасима и подъ его предсѣдательствомъ еще до нашего прибытія было организовано городское управленіе, гдѣ онъ вообще сдѣлался для насъ самымъ полезнымъ, необходимымъ человѣкомъ по всякимъ сношеніямъ съ разноплеменными здѣшними жителями. Благодаря ему, отрядъ въ изобиліи былъ снабженъ фуражемъ, виномъ,

хлѣбомъ и мясомъ; устроилось правильное хлѣбопеченіе, подъ лазаретъ отведено прекрасное помѣщеніе въ обширномъ зданіи греческой семинаріи; всѣ офицеры размѣщены по удобнымъ, чистымъ квартирамъ, солдаты тоже расположились по обывательскимъ домамъ безъ особеннаго обремененія хозяевъ; для войскъ открылись бани, являющіяся величайшимъ благодѣяніемъ въ военное время, — словомъ сказать, это былъ золотой человѣкъ, которому всѣ мы отъ души и не разъ выражали большое спасибо. Онъ часто посѣщалъ генерала Карцова и много рассказывалъ о мѣстномъ краѣ, о его бытѣ, промышленности и отношеніяхъ къ туркамъ. По его свидѣтельству, турецкія безобразія продолжались въ Демотику до 8-го января, а въ особенности свирѣпетовали они въ день Рождества Христова, когда турки здорово-живешь вѣшали христіанъ около православной церкви на стѣнахъ и балконахъ.

Поборы съ христіанъ на военныя издержки, гонѣба ихъ на работы и подводная повинности превосходили всякую мѣру возможности; въ Демотику нѣтъ никакихъ европейскихъ консуловъ и потому турки дѣйствовали, не стѣняясь дипломатическою заботою, «que dirá l'Europe». За одно только туркамъ спасибо, что они не выпускали въ городъ черкесовъ, потому что черкесы, исключительно посвятившіе себя въ послѣднее время повальному грабежу, не давали спуска никому и ничему, разоряя безразлично какъ христіанъ, такъ и турокъ. Поэтому на всѣхъ городскихъ выѣздахъ, до самой минуты удаленія мусульманъ изъ Демотики, стояли турецкіе военные караулы, специально съ тою цѣлю, чтобы силою препятствовать черкесамъ пробираться въ городъ. Зато вся окрестная страна страдала отъ нихъ ужаснымъ образомъ: не только христіанскія, но и многія турецкія деревни были разграблены; той же участи подвергались монастыри, церкви и даже нѣкоторыя мечети. Черкесы, по словамъ отца Герасима, весьма плохіе мусульмане и потому мечеть вовсе не составляетъ для нихъ святыни, какъ скоро около нея можно погрѣть свои руки; если они и фанатикъ, то развѣ въ отношеніи грабежа и разбоя, который составляетъ единственный общественный и даже общеобязательный принципъ ихъ гражданскаго строя. Грабежъ—это, такъ сказать, ихъ религія, ихъ символъ вѣры, и потому это племя окончательно не способно къ культурѣ и промышленности. Нынѣ, благодаря грабежу, черкесы обогатились, но до сего времени, пока въ странѣ существовала хоть тѣнь гражданской власти и порядка, жизнь ихъ владѣлась въ крайней нищетѣ и убогости; они никогда не задавали себѣ труда воздѣлывать отведенныя имъ поля и огороды на лучшихъ земляхъ, а жили по преимуществу лишь тѣмъ, что удавалось имъ украсть у по-

⁴⁾ По-гречески—здравствуйте.

не могли видѣть другъ друга. Впередъ сажень на пятнадцать былъ высланъ проводникъ и съ нимъ четыре драгуна, въ видѣ авангарда; за ними гуськомъ слѣдовали еще четверо, для поддержанія связи разъѣзда съ авангардомъ, чтобы не потерять его изъ вида; связь эта поддерживалась частыми окликами другъ друга въ полголоса. Курить не позволялось. Проводникъ въ потьмахъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги, и драгуны попадали въ болото, изъ котораго съ трудомъ выбирались на дорогу. Во избѣжаніе шума и лая собакъ, разъѣздъ обходилъ деревни, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ лежали преимущественно турецкія селенія. Рискованное положеніе разъѣзда въ районѣ предполагаемаго отступленія Сулеймана заставило крайне внимательно прислушиваться къ малѣйшему постороннему звуку и шуму, потому что зрѣніе окончательно отказывалось служить въ такую непроглядную темень. Послѣ двухъ съ половиною часовъ хода по мягко-грунтовому проселку, проводникъ вывелъ драгунъ на шоссеюю дорогу, прелегавшую въ видѣ дамбы по болотистому пространству, и около трехъ часовъ ночи они подошли къ станціи Урля, которая была осматрѣна Миллеромъ, съ нѣсколькими спящими людьми изъ его разъѣзда. Одинъ изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ сообщилъ Миллеру, что за день до его появленія въ Урля пришелъ поѣздъ изъ Стамбула, на которомъ прѣблалъ какой-то черкесскій полковникъ съ двадцатью отборными всадниками черкесской гвардіи султана, съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку на Адрианополь. Пока производилась эта рекогносцировка, поѣздъ подъ парами оставался въ ожиданіи на станціи, куда вскорѣ вернулся въ большомъ волненіи черкесскій полковникъ, успѣвшій узнать, что русскіе разъѣзды уже испортили путь между Урля и Адрианополемъ; онъ тогда же сѣлъ со своей свитой на поѣздъ и отправился обратно. Отъ того же чиновника желѣзнодорожной службы было узнано, что всѣ наши карты въ отношеніи даннаго района мѣстности не вѣрны, такъ какъ узелъ желѣзныхъ путей находится вовсе не въ Демотики, а въ Кузели-Бургасъ, Демотика же является первой станціей на деде-агачской вѣтви, въ 25-ти верстахъ отъ Кузели-Бургаса; онъ же сообщалъ, что на станціи Демотика наканунѣ сошли съ рельсъ два локомотива, вслѣдствіе чего путь былъ испорченъ и вѣроятно еще не исправленъ, а въ ожиданіи его исправленія, на станціи остаются 150 вагоновъ, переполненныхъ турецкими бѣглецами, что черкесскій полковникъ, отправившись въ Константинополь, принужденъ былъ вернуться въ Кузели-Бургасъ, такъ какъ на пути онъ узналъ о появленіи русскихъ разъѣздовъ на станціи Павло, вслѣдствіе чего и рѣшился отправиться по деде-агачской вѣтви, въ надеждѣ пересѣсть

въ Деде-Агачъ на пароходъ и такимъ образомъ добраться чрезъ Дарданельскій проливъ въ Константинополь, но теперь, по всей вѣроятности, находится еще въ Демотики. — «Надежда захватить подвижной составъ — разсказывалъ намъ корнетъ Миллеръ — была очень соблазнительна, хотя до Демотики оставалось еще 45 верстъ пути, да и черкесскій полковникъ съ его свитой въ плѣну у драгунскаго разъѣзда тоже не мало дразнилъ воображеніе, а потому, порвавъ телеграфную проволоку, мы немедленно же двинулись впередъ, прямо вдоль полотна желѣзной дороги, какъ по ближайшему пути». За невозможностію прохода по желѣзнодорожнымъ мостамъ, не имѣющимъ сплошной настилки, пришлось двѣ рѣчки переходить въ бродъ, глубиной по брюхо лошадамы; наконецъ въ половинѣ седьмого часа утра пришли на станцію Кузели-Бургасъ, гдѣ было узнано, что по слухамъ, въ Демотики не должно быть много войска. Порвавъ проволоку, двинулись впередъ, послѣ чего вскорѣ разъѣздъ донесъ, что по горному хребту замѣтно сильное движеніе пѣхоты и кавалеріи. Предполагая, что это Сулейманъ, который, вѣроятно, пришелъ уже въ Демотику и теперь спѣшитъ на Кузели-Бургасъ, къ узлу дорогъ, корнетъ Миллеръ приказалъ взорвать большой мостъ на Марицѣ; но, къ счастью, взрывъ динамита оказался неудачнымъ и мостъ уцѣлѣлъ. Между тѣмъ колонны и дѣлѣ, усмотрѣнныя на хребтѣ, при звукѣ этого взрыва, раздавшегося подобно пушечному выстрѣлу, тотчасъ же пустились бѣжать вразсыпную. Хотя узелъ дорогъ былъ теперь въ нашихъ рукахъ, такъ что задачу разъѣзда можно было считать оконченною, но корнетъ Миллеръ все-таки рѣшился продолжать рекогносцировку на Демотику и потому, оставивъ на Кузели-Бургасѣ особый наблюдательный постъ, быстро двинулся далѣе. Дорогой объяснилось, что такое были колонны, усмотрѣнныя давеча на горномъ хребтѣ. Вооруженные христіане — жители окрестныхъ деревень соединились для самозащиты противъ бродячихъ шаекъ башибузукъ, за одну изъ коихъ былъ ими принятъ издали и разъѣздъ Миллера; съ этой цѣлью они заняли хребетъ, но когда услышали гулъ взрыва, то подумали, что это гдѣ нибудь по близости находится турецкое войско съ пушками, и бросились бѣжать куда попало. Въ одиннадцать часовъ утра Миллеръ прибылъ на станцію Демотика, гдѣ узналъ, что локомотивы были подняты и путь исправленъ еще вчера (12-го числа), что тогда же, въ три часа пополудни, два поѣзда съ эмигрантами ушли къ Деде-Агачу, что городъ Демотика не занятъ непріятелемъ, но что тамъ находится не мало бѣглецовъ изъ разбитыхъ таборовъ. Рѣшившись довести свою рекогносцировку до конца, Миллеръ подошелъ къ городу. На встрѣчу ему выѣхало нѣсколько жи-

телей, которые просили его обождать немного вступлениемъ въ городъ, чтобы дать горожанамъ, только-что узнавшимъ о прибытіи русскихъ, возможность сдѣлать гостямъ парадную, торжественную встрѣчу. Минутъ десять спустя, нѣсколько тысячъ жителей, христіанъ и турокъ запрудили собою большую дорогу. Вскорѣ изъ среды этой разступившейся на обѣ стороны толпы выступила духовная процессія съ крестами, иконами и рипидами, и остановилась, не доходя нѣсколько шаговъ до русскаго разѣзда. Тутъ изъ процессіи выдвинулся впередъ мусульманскій мулла и съ глубокимъ поклономъ поднесъ корнету Миллеру ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ, на серебряномъ блюдѣ, а депутація горожанъ всѣхъ сословій и исповѣданій вручила ему бѣлое знамя и просила принять отъ нея хлѣбъ-соль, въ знакъ радушія и полного довѣрія къ русскимъ.

Намѣстникъ митрополита благословилъ крестомъ и окропилъ святой водой русскихъ воиновъ, а затѣмъ сказалъ по-гречески нѣсколько пріятельственныхъ словъ, переведенныхъ архимандритомъ Герасимомъ, и наконецъ провозгласилъ многолѣтне государю императору, причемъ отецъ Герасимъ крикнулъ по-русски «ура», дружно подхваченное всей массой народа. При этихъ крикахъ духовенство высоко поднимало надъ головами кресты, иконы и рипиды. Въ это время выступила изъ толпы, съ радостными слезами на глазахъ, молодая дѣвушка-болгарка, которая сказала пріятельственное слово и подала Миллеру лавровый вѣнокъ.—«Нашъ домашній очагъ, сказалъ отецъ Герасимъ, наше достоинство, наша честь, свобода и жизнь—въ опасности отъ произвола и насилія черкесскихъ шаекъ, проходившихъ черезъ нашъ городъ на пути своего бѣгства. Вы пришли насъ оградить и защитить,—привѣтствуемъ васъ. Не оставляйте же насъ! Добро пожаловать!»

«Тяжелое чувство подняли во мнѣ эти слова, рассказывалъ намъ Миллеръ.—Съ одной стороны, сознание нравственной обязанности не оставлять безъ защиты городъ, отдающійся покровительству русскаго государя, съ другой—ничтожность силъ моего разѣзда.—Что тутъ дѣлать!» Конечно долгъ, и честь оружія требовали не покидать этихъ несчастныхъ, на долю которыхъ выпало не мало страха, безпокойства и невзгодъ за послѣднее время. Миллеръ отвѣчалъ, что «нашъ августѣйшій монархъ еще въ самомъ началѣ войны повелѣлъ своей арміи оградить спокойствіе и защищать права жителей; поэтому мы остаемся въ городѣ и, на сколько хватитъ силъ, будемъ въ случаѣ надобности защищать его, до прибытія дальнѣйшихъ нашихъ войскъ. Вашими молитвами, владыко, да поможетъ намъ Богъ исполнить свою обязанность».

Эти слова, тутъ же переведенныя архиман-

дритомъ на греческій языкъ, произвели въ толпѣ радостное волненіе, сопровождавшееся громкими ликованиями, среди которыхъ лейбъ-драгуны двинулись въ городъ, предшествуемые духовной процессіей. Проводивъ ее до митрополіи, Миллеръ пришелъ въ конакъ, гдѣ уже собрался, по его распоряженію, временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ народностей. До прихода своихъ старшихъ начальниковъ, Миллеръ утвердилъ его въ качествѣ органа административной власти, а затѣмъ—первымъ дѣломъ озабочился сейчасть же устроить гражданскую стражу изъ христіанъ и обезоружить находившихся въ городѣ бродячихъ аскеровъ. Но для послѣдняго дѣла надо было предварительно очистить улицы отъ запрудившей ихъ толпы, почему и были посланы глашатаи,—прокричать по всему городу, чтобы жители расходились по домамъ и занимались своимъ дѣломъ, такъ какъ интересы мирнаго населенія, безъ различія народностей и вѣры, найдутъ себѣ защиту и огражденіе. Въ теченіе дня было обезоружено 220 человѣкъ и въ томъ числѣ 14 черкесовъ, которые, впрочемъ, завидя драгунъ, побросали свое оружіе и коней, а сами разбѣжались пользуясь извилистыми закоулками города.

Въ виду усиленныхъ просьбъ жителей о защитѣ ихъ отъ возможнаго появленія новыхъ черкесскихъ шаекъ, Миллеръ послалъ донесеніе о занятіи имъ Демотики и о положеніи города какъ командиру дивизіона, такъ и на лѣвую сторону Марицы, гдѣ, по его предположенію, должна была находиться нѣхота, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и дивизіонъ, т. е. верстахъ въ 45-ти, а кромѣ того, отправилъ еще особое донесеніе и въ Адрианополь генералу Скобелеву 2-му, какъ начальнику авангарда. Затѣмъ, объѣхавъ окраины всего города, онъ избралъ на одномъ изъ городскихъ выѣздовъ удобное для обороны строеніе, которое предполагалъ занять спѣшными драгунами, въ случаѣ появленія черкесовъ, и весь городъ оцѣнилъ постами вооруженной гражданской стражи; сверхъ сего, по всѣмъ дорогамъ, версты на полторы впередъ, были выдвинуты четыре пары конныхъ часовыхъ. Всѣ эти распоряженія Миллера вызвали въ отношеніи его живую благодарность городского совѣта, причемъ старшій мулла выразилъ, что «слезы радости и благодарности тысячи огражденныхъ отъ насилій семействъ турецкихъ, при появленіи лучей, исходящихъ отъ солнца Россіи, суть драгоценныя и неподдѣльныя алмазы изъ общей признательности молодому представителю русской силы и порядка».

Въ полночь прибылъ въ городъ драгунскій разѣздъ, посланный полковникомъ Дубовскимъ для отысканія Миллера. Полагали, что онъ со взводомъ незамѣтно прошелъ ночью мимо черкесовъ, которые днемъ, конечно, его замѣтили,

телей, которые просили его обогнать немного вступлениемъ въ городъ, чтобы дать горожанамъ, только-что узнавшимъ о прибытіи русскихъ, возможность сдѣлать гостямъ парадную, торжественную встрѣчу. Минутъ десять спустя, нѣсколько тысячъ жителей, христіанъ и турокъ запрудили собою большую дорогу. Вскорѣ изъ среды этой разступившейся на обѣ стороны толпы выступила духовная процессія съ крестами, иконами и рипидами, и остановилась, не доходя нѣсколько шаговъ до русскаго развѣзда. Тутъ изъ процессіи выдвинулся впередъ мусульманскій мулла и съ глубокимъ поклономъ поднесъ корнету Миллеру ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ, на серебряномъ блюдѣ, а депутація горожанъ всѣхъ сословій и исповѣданій вручила ему бѣлое знамя и просила принять отъ нея хлѣбъ-соль, въ знакъ радушія и полного довѣрія къ русскимъ.

Намѣстникъ митрополита благословилъ крестомъ и окропилъ святой водой русскихъ воиновъ, а затѣмъ сказалъ по-гречески нѣсколько пріятельственныхъ словъ, переведенныхъ архимандритомъ Герасимомъ, и наконецъ провозгласилъ многолѣтне государю императору, причѣмъ отецъ Герасимъ крикнулъ по-русски «ура», дружно подававшее всей массой народа. При этихъ крикахъ духовенство высоко поднимало надъ головами кресты, иконы и рипиды. Въ это время выступила изъ толпы, съ радостными слезами на глазахъ, молодая дѣвушка-болгарка, которая сказала пріятельственное слово и подала Миллеру лавровый вѣнокъ. — «Нашъ домашній очагъ, сказалъ отецъ Герасимъ, наше достоинство, наша честь, свобода и жизнь—въ опасности отъ произвола и насилія черкесскихъ шаекъ, проходящихъ черезъ нашъ городъ на пути своего бѣгства. Вы пришли насъ оградить и защитить,—пріѣтствуемъ васъ. Не оставляйте же насъ! Добро пожаловать!»

«Тяжелое чувство подняли во мнѣ эти слова, разсказывалъ намъ Миллеръ.—Съ одной стороны, сознаніе нравственной обязанности не оставлять безъ защиты городъ, отдающійся покровительству русскаго государя, съ другой—ничтожность силъ моего развѣзда.—Что тутъ дѣлать!» Конечно долгъ, и честь оружія требовали не покидать этихъ несчастныхъ, на долю которыхъ выпало не мало страха, безпокойства и невзгодъ за послѣднее время. Миллеръ отвѣчалъ, что «нашъ августѣйшій монархъ еще въ самомъ началѣ войны повѣлѣлъ своей арміи ограждать спокойствіе и защищать права жителей; поэтому мы остаемся въ городѣ и, на сколько хватитъ силъ, будемъ въ случаѣ надобности защищать его, до прибытія дальнѣйшихъ нашихъ войскъ. Вашими молитвами, владыко, да поможетъ намъ Богъ исполнить свою обязанность».

Эти слова, тутъ же переведенныя архиман-

дритомъ на греческій языкъ, произвели въ толпѣ радостное волненіе, сопровождавшееся громкими ликованиями, среди которыхъ лейбъ-драгуны двинулись въ городъ, предшествуемые духовной процессіей. Проводивъ ее до митрополич, Миллеръ пришелъ въ конскъ, гдѣ уже собрался, по его распоряженію, временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ народностей. До прихода своихъ старшихъ начальниковъ, Миллеръ утвердилъ его въ качествѣ органа административной власти, а затѣмъ—первымъ дѣломъ озабочился сейчасъ же устроить гражданскую стражу изъ христіанъ и обезоружить находившихся въ городѣ бродячихъ аскеровъ. Но для послѣдняго дѣла надо было предварительно очистить улицы отъ запрудившей ихъ толпы, почему и были посланы глашатаи,—прокричать по всему городу, чтобы жители расходились по домамъ и занимались своимъ дѣломъ, такъ какъ интересы мирнаго населенія, безъ различія народностей и вѣры, найдутъ себѣ защиту и огражденіе. Въ теченіе дня было обезоружено 220 человѣкъ и въ томъ числѣ 14 черкесовъ, которые, впрочемъ, завидя драгунъ, побросали свое оружіе и коней, а сами разбѣжались пользуясь извилистыми закоулками города.

Въ виду усиленныхъ просьбъ жителей о защитѣ ихъ отъ возможнаго появленія новыхъ черкесскихъ шаекъ, Миллеръ послалъ донесеніе о занятіи имъ Демотики и о положеніи города какъ командирѣ дивизіона, такъ и на лѣвую сторону Марицы, гдѣ, по его предположенію, должна была находиться пѣхота, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и дивизіонъ, т. е. верстахъ въ 45-ти, а кромѣ того, отправилъ еще особое донесеніе и въ Адрианополь генералу Скобелеву 2-му, какъ начальнику авангарда. Затѣмъ, объѣхавъ окраины всего города, онъ избралъ на одномъ изъ городскихъ выѣздовъ удобное для обороны строеніе, которое предполагалъ занять спѣшенными драгунами, въ случаѣ появленія черкесовъ, и весь городъ оцѣнилъ постами вооруженной гражданской стражи; сверхъ сего, по всѣмъ дорогамъ, версты на полторы впередъ, были выдвинуты четыре пары конныхъ часовыхъ. Всѣ эти распоряженія Миллера вызвали въ отношеніи его живую благодарность городского совѣта, причѣмъ старшій мулла выразилъ, что «слезы радости и благодарности тысячи огражденных отъ насилій семействъ турецкихъ, при появленіи лучей, исходящихъ отъ солнца Россіи, суть драгоценныя и неподдѣльныя алмазы ихъ общей признательности молодому представителю русской силы и порядка».

Въ полночь прибылъ въ городъ драгунскій развѣздъ, посланный полковникомъ Дубовскимъ для отысканія Миллера. Полагая, что онъ со взводомъ незамѣтно прошелъ ночью мимо черкесовъ, которые днемъ, конечно, его замѣтили,

отрѣзали ему отступленіе и т. п., тѣмъ болѣе, что отъ него не получалось пока никакого до-несенія, которое между тѣмъ не дошло свое-временно потому, что посланный провалился съ лошадыю на плохомъ мосту и былъ принужденъ ночевать въ какой-то деревушкѣ, о чемъ узна-лось потомъ, лишь на третьи сутки. Отъ при-бывшаго разѣзда Миллеръ узналъ о рѣшеніи, принятомъ полковникомъ Дубовскимъ, что если къ утру о немъ, Миллерѣ, не будетъ ника-кихъ извѣстій, то дивизіонъ направится обратно въ Адрианополь, гдѣ перейдетъ на лѣвый бе-регъ Марицы, такъ какъ предполагалось, что Миллеръ, въ виду серьезной опасности, пере-шелъ влѣвъ черезъ рѣку.

14-го января, въ четвертомъ часу дня, го-родъ былъ обрадованъ вѣстью съ аванпостовъ о приближеніи дивизіона. Миллеръ, выѣхавъ на встрѣчу, передалъ полковнику Дубовскому бѣлое знамя и ключъ, которые были представ-лены 17-го числа генералу Карцову, при всту-пленіи въ городъ его отряда¹⁾.

Поздъ вечеръ мы отирались осматривать городъ, который хотя и носитъ на себѣ все тотъ же обще-восточный типъ, но значительно чище прочихъ городовъ, видѣнныхъ нами до-сихъ. Здѣсь и улицы вообще шире, и дома, за исключениемъ двухъ-трехъ кварталовъ, менѣе скученны между собою; нерѣдко попадаются домики съ совершенно европейской наружно-стью, осыненные зеленью небольшихъ садиновъ, гдѣ раскидисто растутъ каштаны и чинары. Кое-гдѣ видѣются даже французскія вывѣски портного, сапожника, часовщика; рядомъ—ко-фейни и цирюльни, изъ которыхъ одѣй посѣ-щаются исключительно мусульманами, а дру-гія христіанами; первые неподвижно сидятъ съ поджатыми подъ себя ногами на низень-кихъ диванахъ и безмятежно предаются кайфу, среди дыма и урчанія кальяновъ; вторые куч-ками сидятъ à la française, т. е. по-европейски, вокругъ небольшихъ столиковъ, попивая мѣст-ное вино и кофе. Ресторанъ, снабжающій мѣстный людъ разными сидьями, устроенъ по образцу всѣхъ восточныхъ лавокъ, гдѣ наруж-ная деревянная стѣна откидывается на пет-ляхъ вверхъ, служа навѣсомъ отъ дождя и солнца, а кухня помѣщается сполна на плитѣ, устроенной въ переднемъ прилавкѣ; желающіе закусить, покупаютъ въ одной изъ сосѣднихъ лавокъ хлѣбъ, въ другой ракію или вино и ѣдутъ на улицѣ, стоя предъ прилавкомъ-кух-ней. Здѣсь приготовляются преимущественно «набачки», начиненные говядиной съ рисомъ, рыба жареная на оливковомъ маслѣ, артишо-ки, пилавъ, вареная баранина и говяжьи бит-ки, въ видѣ маленькихъ шариковъ, съ силь-ной примѣсью лука и перца, жаренные тоже на

оливковомъ маслѣ. Мы попробовали кое-чего изъ произведеній этой кухни—и оказалось ни-чего, довольно вкусно. Побродивъ по улицамъ, мы посѣтили главную городскую мечеть и по-томъ греческую приходскую церковь. Высокое квадратное зданіе мечети, съ пирамидальной крышей, не отличается никакими особенностями архитектурнаго стиля и производило бы самое прозаическое впечатлѣніе, если бы не громад-ный плющъ, роскошно покрывшій своей зе-ленью всю сѣверную стѣну и часть крыши. Не мало вѣковъ нужно было этому растенію, чтобы достигнуть нынѣшняго его состоянія. Никогда и нигдѣ не видалъ я подобнаго. Этотъ плющъ, какъ бы приросшій къ самой стѣнѣ, идетъ отъ земли вверхъ сажени на двѣ однимъ толстымъ, совершенно одереветѣлымъ ство-ломъ болѣе фута въ поперечникѣ, и затѣмъ начинаетъ развѣтвляться въ разныя стороны толстыми и тоже одереветѣлыми сучьями, од-нимъ словомъ, это—цѣлое громадное дерево, которое не могло не показаться диковиннымъ для насъ, сѣверянъ, привыкшихъ видѣть плющъ не болѣе какъ жиденькимъ, комнатнымъ расте-ніемъ. Внутренность мечети совершенно пу-ста и лишена всякихъ украшеній, если не счи-тать за таковыя черныхъ круговъ, намалеван-ныхъ на стѣнахъ, въ коихъ громадными бѣ-лыми буквами начертано по-арабски имя Аллаха. Мечеть стоитъ посреди городской пло-щадки, приходская же греческая церковь при-чтается въ закоулкахъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ главной улицы; она окружена высокой ка-менной стѣной, окрашенной въ черный цвѣтъ, и покрыта черепичной кровлей, безъ куполовъ, даже безъ замѣтнаго креста, походя своей архитектурой на нѣчто въ родѣ нашихъ ка-зенныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, какъ впрочемъ и большая часть православныхъ церквей въ Европейской Турціи. Благодаря этой высокой черной стѣнѣ съ низенькой дубовой, окован-ной желѣзомъ дверью, все это печальное сна-ружи зданіе напоминаетъ скорѣе мрачный острогъ, чѣмъ храмъ христіанскій. Эта цер-ковь—одна изъ немногихъ въ Турціи, не под-вергшихся грабежу и оскверненію. На обра-захъ иконостаса сохранялись серебрянныя ризы и вѣщички, на которые навѣшены бѣлые кру-жевные уборы, въ родѣ нашихъ узорчатыхъ полотенецъ. Здѣсь были образа всѣхъ святыхъ, наиболѣе чтимыхъ греками, а именно: Царя Константина и Елены, Іоанна Предтечи, архи-діакона Стефана, великомученика Георгія и Феодора Стратилата, изъ коихъ послѣдній здѣсь всегда изображается верхомъ на бѣломъ конѣ, такъ же какъ и Георгій.

По выходѣ изъ церкви, на одной изъ со-сѣднихъ площадекъ у главной улицы, наше вниманіе случайно остановилось на приклеен-номъ къ стѣнѣ печатномъ объявленіи. Оказа-лось, что это была прокламація великаго ви-

¹⁾ Корнетъ Миллеръ за занятіе Демотики на-гражденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ ме-чами и бантомъ.

вири Ибрагимъ-Эдгема-паша къ болгарамъ, отъ 15-го ноября 1877 года. Я сталъ громко читать ее—и около насъ тотчасъ же образовалась кучка слушателей болгаръ и грековъ. Въ прокламаціи говорилось о томъ благоденствіи, которымъ искони вѣковъ наслаждались болгары подъ кроткой отеческой властію Оттоманскаго правительства, вслѣдствіе чего они приглашались оставаться подъ ней и впредь, для пользования благами турецкой конституціи.

Слушатели-болгары при каждой подобнаго рода сантиментальной фразѣ дружно разражались ироническимъ смѣхомъ и желчными замѣчаніями.

— О, да! благополучіе! благоденствіе!—говорили они, указывая на фонари и перила балконовъ, — вотъ тутъ, напримѣръ, какъ повѣсили разомъ трехъ человѣкъ на этой перекладной, было одно благополучіе, а тамъ вонъ другое, а здѣсь вотъ третье, — много, много тутъ и благоденствія, и благополучія было, много!..

Мнѣ захотѣлось сохранить себѣ на память это курьезное произведеніе, и когда одинъ изъ нашихъ спутниковъ саблей сталъ срѣзывать прокламацію со стѣны, то надо было видѣть при этомъ чисто дѣтскій восторгъ и наивную радость всѣхъ этихъ болгаръ и грековъ, залопавшихъ въ ладоши и вдругъ разразившихся громкими криками. Сами они, по собственному почину, никогда не дерзнули бы прикоснуться подобнымъ образомъ къ манифесту, исходящему отъ «негова пресвѣтлаго высочества великаго визиря»¹⁾.

¹⁾ Привожу, какъ курьезъ, этотъ документъ сполна, въ переводѣ, сдѣланномъ, по моей просьбѣ, штатнымъ переводчикомъ полевого штаба, П. В. Оджаковымъ.

«Воззваніе его высочества великаго визиря ко всѣмъ болгарамъ, подданнымъ его императорскаго величества султана. Болгаре! Уже много вѣковъ благоденствуете вы подъ отеческой властію Оттоманскаго правительства, наслаждаясь полной свободой и обезпеченіемъ вашей народности, вѣры и личныхъ правъ. Тѣ чисто братственныя отношенія, въ какихъ вы живете съ вашими соотечественниками-мусульманами, и та свобода, которой вы пользуетесь въ занятіяхъ торговлей и хозяйствомъ, являютъ міру образецъ единой, совершенно благополучной, счастливой семьи. Міръ былъ свидѣтелемъ тѣхъ усилій, которые, благодаря работамъ и едѣйствію императорскаго правительства, вы дѣлали по общенародному просвѣщенію, земледѣлію, искусствамъ; міръ былъ свидѣтелемъ и того участія, которое вы принимали въ управленіи дѣлами вашей страны. Во всѣхъ вашихъ благонамѣренныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ вамъ оказывалась вся помощь, дѣлались всечеловѣческія облегченія, какія лишь находились подъ руками и во власти правительства. Его величество султанъ, августѣйшій вашъ государь, въ правѣ ожидать отъ васъ все болѣе и болѣе великихъ доказательствъ вашей вѣрности и преданности; между тѣмъ, нѣкоторые изъ васъ, повѣривъ словамъ зложелателей и матежниковъ, уклонились отъ истинно-праваго, благопріятна-

го пути и принялись за бунтъ и злодѣянія. Таковымъ поведеніемъ они привели въ содроганіе и удивленіе весь міръ и своими насильствами, противными чувству человѣчности, оскорбили и опечалили сердце его императорскаго величества султана, вашего великодушнаго благодѣтеля. Впрочемъ, если бы эти простодушные люди только оглядѣлись вокругъ себя, то они увидѣли бы и поняли, что тѣ народы, которые кажутся имъ живущими въ совершенномъ благополучіи, на самомъ дѣлѣ, напротивъ того, претерпѣваютъ наибольшія страданія, будучи лишены притомъ всякой свободы. Да и кромѣ того, слова «согласенность», «народность», которыми барабанятъ въ ихъ уши, суть не что иное, какъ грязное надувательство. Если бы простодушные, заблудшіеся люди поняли это, то они, подобно прочимъ своимъ соотечественникамъ, сознали бы, сколь драгоцѣнно то отеческое управленіе, подъ коимъ они живутъ, и тогда, конечно, ни на волосъ не свернули бы съ пути вѣрности и правоты, не содѣлались бы причиной и орудіемъ разоренія своего края. Но слава Богу и хвала вамъ—объявляю это всѣмъ,—что количество подобныхъ зложелателей крайне ничтожно въ сравненіи съ громадной численностью народа вашего.

«Болгаре! Вѣрные подданные его величества! Да будетъ вамъ извѣстно, что вашъ августѣйшій государь настолько милостивъ, настолько благъ и справедливъ, что не находитъ достойнымъ отнять свою царскую благодать и милость отъ всего вообще вѣрнопоклоннаго ему народа болгарскаго, который онъ любитъ какъ своихъ дѣтей; не находитъ же этого достойнымъ по той простой причинѣ, что лишь самая ничтожная горсть сего народа, лишь изъ простоты и невѣжества, свернула съ праваго пути, ведущаго къ благоденствію. Не только не сниметъ онъ, говорю, милость и любовь свою съ болгарскаго народа, но еще готовъ удостоить помилованія всѣхъ преступниковъ, которые, сознавъ свое заблужденіе, бросаясь просить милости. Поэтому всѣхъ тѣхъ изъ вашей среды, кто, устрашась тяжести злодѣяній, содѣянныхъ нѣкоторыми изъ вашихъ соотечественниковъ, покинули свои жилища и бѣжали въ Балканы,—я, по высокой царской заповѣди, приглашаю возвратиться въ ихъ дома. Конституція, дарованная недавно, обезпечиваетъ каждому его настоящее и будущее. Нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо всѣ вѣрные подданные его величества найдутъ и помощь, и защиту, и покровительство у правительства и чиновниковъ, изъ коихъ каждый, кто позволилъ бы себѣ причинить какое-либо зло вѣрнымъ царскимъ подданнымъ, подвергнется карѣ закона. Болгаре! Вамъ надлежитъ нынѣ воспользоваться сими моими обѣщаніями, а которые не сдѣлаютъ этого и станутъ упорствовать, заставляя своихъ женъ и дѣтей мыкаться въ нищетѣ, то да будетъ грѣхъ на ихъ душѣ за тѣ тяготы и страданія, отъ коихъ имъ предстоитъ погибѣть въ эту зимнюю пору!

«Царьградъ, 1877 г. ноября 15-го дня. Великій визирь Ибрагимъ-Эдгема».

же тюрьма для «государственных» преступников является собою нечто ужасное, въ прямомъ смыслѣ слова. Вмѣсто входа, въ эту послѣднюю тюрьму ведетъ слуховое окно, пробитое на высотѣ около аршина отъ земли, нынѣ заткнутое соломой и плотно заставленное деревяннымъ заслономъ; самая же тюрьма представляется въ видѣ темнаго колодца—какъ говорятъ, до 15-ти аршинъ глубины, куда преступниковъ опускали на веревкахъ. Тамъ они и умирали, если не удавалось откупиться. Намъ открыли слуховое окно, и я попытался было заглянуть туда со свѣчей, но тотчасъ же долженъ былъ съ омерзениемъ отшатнуться—до такой степени потянуло вдругъ изъ глубины отвратительнымъ смрадомъ. Сказываютъ, что тамъ на днѣ и до сихъ поръ лежатъ трупы, а послѣдніе изъ заключенныхъ были спасены жителями лишь по занятіи города корнетомъ Миллеромъ.

20-го января, еще не зная, что перемиріе уже заключено, генералъ Карцовъ направилъ 2-ю стрѣлковую роту Старо-Ингерманландскаго полка для занятія Деде-Агача. Ради этой цѣли, еще накануне, позднимъ вечеромъ, военный инженеръ, штабсъ-капитанъ Ивановъ, привелъ изъ Адрианополя въ Демотику небольшой желѣзно-дорожный поѣздъ. Деде-Агачъ представлялъ для насъ интересъ, во-первыхъ, какъ портъ на Эгейскомъ морѣ, какъ оконечный пунктъ особой желѣзно-дорожной вѣтви — пунктъ весьма важный въ стратегическомъ смыслѣ, особенно въ виду возможной войны съ англичанами, и, во-вторыхъ, потому, что тамъ была сосредоточена значительная часть подвижнаго желѣзно-дорожнаго состава съ нѣсколькими локомотивами, въ которыхъ мы крайне нуждались для передвиженія силъ и запасовъ нашей арміи. Отправить поѣздъ ночью было рискованно, такъ какъ состояніе пути не было намъ извѣстно; поэтому мы тронулись на разсвѣтъ. При 2-й стрѣлковой ротѣ находились ея командиръ, штабсъ-капитанъ Яковлевъ и его субалтернъ-офицеръ, поручикъ Зубынинъ; штабсъ-капитанъ Ивановъ, съ двумя-тремя солдатами, все время слѣдовалъ на тендерѣ, управляя механизмомъ паровоза, за нимъ-нѣмъ машиниста. Не доходя двухъ верстъ до станціи, поѣздъ остановился: впереди была видна пѣхотная турецкая цѣпь, а въ нѣкоторомъ разстояніи за нею, въ видѣ резервовъ, небольшія сомкнутыя части. Наши люди тотчасъ же высадились изъ вагоновъ. Штабсъ-капитанъ Яковлевъ разсыпалъ цѣпь въ обѣ стороны отъ полотна дороги и подавъ сигналъ наступленія. Цѣпь тронулась впередъ, а за нею, на высотѣ резерва, подвигался тихимъ ходомъ и нашъ поѣздъ. Мы не открывали огня, во-первыхъ, по дальности разстоянія, а во-вторыхъ, потому, что рѣшили предоставить первый выстрѣлъ туркамъ. Противникъ, пови-

димому, приготовился къ дѣлу, даже усилилъ нѣсколько свою цѣпь, но когда мы приблизились почти на разстояніе вѣрнаго стрѣлковаго выстрѣла, непріятельская цѣпь по сигналу вдругъ повернула назадъ и медленно стала отходить къ порту, не открывая однако огня. Мы продолжали двигаться за нею и вскорѣ безъ выстрѣла заняли довольно обширный районъ желѣзно-дорожной станціи и самое зданіе оной, гдѣ была оставлена на всякій случай небольшая часть людей, остальная же часть роты продолжала наступленіе къ порту. Въ это время видно было, какъ турецкіе солдаты спѣшно удалялись на лодкахъ на тунисскій пароходъ, который быстро развелъ пары и ушелъ въ море. Остальная часть деде-агачскаго гарнизона, вмѣстѣ съ его комендантомъ (какъ оказалось вскорѣ, майоромъ), сѣла на другой пароходъ, стоявшій у берега и почему-то медлившій отплытіемъ. Между тѣмъ, портъ былъ уже занятъ нами, и штабсъ-капитанъ Ивановъ послалъ оказать коменданту, чтобы онъ либо уходилъ съ пароходомъ въ море, либо сдавался, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы начнемъ непріязненные дѣйствія. Не прошло и десяти минутъ послѣ этого предваренія, какъ и второй пароходъ ушелъ изъ порта. Такимъ образомъ Деде-Агачъ достался намъ безъ выстрѣла. Мѣстный гражданскій мюдиръ, въ полной парадной формѣ, тотчасъ же явился съ депутаціей отъ жителей и въ изъясненіе полной покорности поднесъ Иванову ключъ отъ порта. Евронейскіе консулы почему-то сочли нужнымъ поднять надъ своими домами національные флаги, а англичанинъ съ австрійцемъ попытались даже протестовать противъ занятія нами порта, на томъ основаніи, что перемиріе-де уже заключено. На это имъ отвѣчали вѣжливо, но твердо и рѣшительно, что намъ о перемиріи ничего еще неизвѣстно, что мы дѣйствуемъ на основаніи распоряженій своего начальства, въ которыя и не можемъ допустить ничьего посторонняго вмѣшательства; что же касается до интересовъ иностранныхъ подданныхъ, находящихся подъ ихъ консульскимъ попеченіемъ, то эти интересы будутъ уважены и вполне ограждены нашими оружіемъ, и что наконецъ, если господамъ консуламъ угодно, то мы приглашаемъ ихъ войти въ качествѣ членовъ въ немедленно учреждаемый нами временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. Консулы поблагодарили и воспользовались нашимъ предложеніемъ. Такимъ образомъ, и этотъ дипломатическій громъ оказался громомъ далеко не изъ тучи. Турецкій мюдиръ, о которомъ жители отзывались съ хорошей стороны, не заявивъ никакихъ жалобъ на его управленіе, былъ оставленъ нами временно исправлять свою должность.

Въ городѣ найдены большіе хлѣбные за-

пасы, а на станции пять локомотивов и 170 вагонов, которые в тот же день были постепенно отправлены в Демиотику и Адрианополь, с необходимыми комплектами машинистов, кочегаров и кондукторов, нашедшихся в Деде-Агачъ, а на следующее утро сюда прибыл весь 2-й батальон Старо-Ингерманландского полка, под начальством майора Духновского, с частью казаков, и окончательно утвердился в порте. 22-го января к нам было прислано формальное извещение о перемирии, заключенном 19-го числа — и дедеагачский порт, войдя в район, отмежеванный для русской армии, остался временно за нами.

Деде-Агачъ нельзя пока назвать городомъ в настоящемъ смысле слова: это — такъ сказать, зародышъ города, которому в будущемъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ широкое развитіе, въ особенности если когда-нибудь уничтожатся турецкіе порядки. В настоящее время въ немъ можно насчитать десятка три — четыре домовъ, по большей части сколоченныхъ на живую руку, изъ которыхъ нѣсколько лучшихъ и наиболее удобныхъ заняты разными европейскими консульствами, портовымъ начальствомъ, и желѣзно-дорожными чиновниками; въ остальныхъ помѣщаются одинъ магазинъ *tutti-frutti*, со всевозможной дрянью европейской промышленности, и нѣсколько мелкихъ лавочекъ да кабачковъ, содержимыхъ исключительно греками. Затѣмъ, если упомянуть разные станціонныя и портовые строенія, техническія мастерскія, складочные сараи и рядъ хлѣбныхъ магазиновъ на пристани, то получится довольно полное представленіе о Деде-Агачѣ, построенномъ на плоскомъ низменномъ берегу Эгейскаго моря. Возвышенности отходятъ отъ берега на нѣсколько верстъ вглубь страны къ западу. Дома разбиты безъ всякаго плана, гдѣ кому казалось лучше; поэтому и улицы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, здѣсь почти нѣтъ. Въ разныхъ мѣстахъ передъ домами и въ кое-какихъ садикахъ попадаетъ нѣсколько раскидистыхъ старорослыхъ деревьевъ, но растительности, вообще, мало. Зато видъ на Эгейское море представляетъ собою вѣщо вполне достойное восхищенія, — прекрасную, единственную въ своемъ родѣ картину! Погода въ этотъ день была сухая, съ холоднымъ вѣтромъ, но воздухъ, при совершенно ясномъ небѣ, отличался замѣчательной чистотой и, такъ сказать, кристальной прозрачностью, благодаря чему не только разные кораблики, какъ предметы ближайшіе къ нашему глазу, но даже очертанія дальнихъ береговъ и острововъ совершенно ясно и отчетливо видѣлись въ морѣ на громадныхъ разстояніяхъ. Шумно прыдали на берегъ волны и рассыпались между крупными валунами, съ грохотомъ вращая мелкую разноквѣтную гальку, перемѣшанную съ массою млиовидныхъ

ракушекъ. Подъ безпрестанными налетами порывистаго вѣтра, море рябило сильной зыбью, и ходили по немъ, такъ называемые, барашки или зайчики — то гребни волнъ игриво сверкали на солнцѣ жемчужно-бѣлой пѣной. Все море было окрашено какимъ-то особеннымъ зеленымъ цвѣтомъ, но не яркаго оттѣнка, который, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше переходилъ въ серебристую лазурь, почти незамѣтно сливавшуюся съ чертой горизонта. Изъ пространства этого моря въ разныхъ мѣстахъ вдаль выдвигались, одни за другими, изящныя силуэты горпестыхъ архипелажскихъ острововъ: къ западу виденъ былъ Тазосъ и смутными, чуть замѣтнымъ очеркомъ обозначался Святой мысъ горы Аѳонской; прямо на югъ — сурово и гордо издымался къ небу изъ водной черты ближайшій къ намъ островъ Самотраки, за нимъ, южнѣе — Имбро, еще далѣе — Лемносъ, миѳическое обиталище супруга Киприды, бога Вулкана; нѣсколько восточнѣе, почти на одной высотѣ съ Имбро и Самотраки, видѣлась оконечность Галиполійскаго полуострова, спадавшая къ морю высокими террасообразными уступами. Всѣ эти берега казались окрашенными въ дымчато-лиловый цвѣтъ, который въ ближайшихъ изъ нихъ являлся съ бурнымъ и синевато-фиолетовымъ оттѣнкомъ, а въ остальныхъ — чѣмъ далѣе и далѣе уходили они въ перспективу морского пространства, тѣмъ легкіе переливы ихъ лиловатыхъ тоновъ становились все мягче, свѣтлѣе, слабѣе... Они какъ бы таяли и расплывались, подобно легкимъ облакамъ, въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ.

ХС.

Набѣгъ генерала Струкова.

Заслуга кавалеріи. — Составъ летучаго отряда. — Ближайшая цѣль его дѣйствій. — Показанія плѣнныхъ. — Ночная рекогносцировка семенливострельнаго моста 2-го января. — Занятіе этого моста 3-го числа. — Занятіе Іюни-Загры. — Система дѣйствій летучаго отряда генерала Струкова. — Дѣло у Германлы въ ночь съ 4-го на 5-е января. — Встрѣча съ турецкимъ посольствомъ къ великому князю. — Укрѣпленіе Германлійской позиціи. — Занятіе города Мустафа-Паша-Кепри-Су. — Вѣсти изъ Адрианополя и занятіе этого города 8-го января. — Встрѣча со стороны населенія, депутація и выходка австрійскаго консула. — Занятіе адрианопольской станціи и находка 28-ми орудій. — Визитъ четырехъ консуловъ. — Прибытіе генерала Скобелева и его войскъ въ Адрианополь. — Занятіе городовъ Гефсу и Баба-Эски. — Казачьи схватки при Люле-Бургасѣ 13-го января. — Занятіе Люле-Бургаса и станціи Павло. — Становища турецкихъ бѣглецовъ у Люле-Бургаса. — Дѣло при Чорлу, 17-го января, и занятіе этого города. — Занятіе Силиври и Чаталджи. — Приказъ генерала Скобелева 2-го и его оцѣнка дѣйствій летучаго отряда.

Санъ-Стефано, 26-го марта.

Быстрымъ окончаніемъ войны главнѣйшимъ образомъ мы обязаны нашей кавалеріи, кото-

рая въ двѣ недѣли успѣваетъ пройти пространство отъ южнаго склона Балканъ до Чаталджи, гдѣ ее захватываетъ извѣстiе о перемиріи, въ разстояніи одного кавалерійскаго перехода до Константинополя. Въ теченіе этого кратковременнаго періода кавалерія наша почти не разсѣдлываетъ, вѣсть что Богъ пошлетъ, а то за недосугомъ и совѣмъ не вѣсть, хотя и снабжаетъ пѣхоту громадными провіантскими запасами, спитъ, что называется, въ подглаза и почти ежедневно дерется съ непріятелемъ, неся при этомъ сама ничтожныя потери.

Генералъ Струковъ еще съ самаго начала кампаніи успѣлъ зарекомендовать себя, какъ кавалерійскій начальникъ, преимущественно въ томъ родѣ дѣйствій, который по-американски называется «*raid*», а по-русски—набѣгомъ. Занятіе Барбошскаго моста на р. Прутѣ, которое обезпечило русской арміи всю операціонную линію отъ границъ Бессарабіи до Зукареста и Журжева, было исполнено полковникомъ Струковымъ; его же имя непосредственно связано и съ послѣднимъ блестящимъ набѣгомъ, который безъ сомнѣнія займетъ свое мѣсто на страницахъ русской военной исторіи.

1-го января, по припадѣ великаго князя главнокомандующаго въ Казань, генералъ Струковъ получилъ приказаніе его высочества отправляться въ отрядъ, собравшійся къ тому времени въ Эски-Загрь¹⁾. Главныя массы русской кавалеріи за Балканами находились въ отрядѣ генерала Гурко; на лѣвомъ же флангѣ русской забалканской арміи (ген. Радецкий) было всего лишь три полка 1-й кавалерійской дивизіи, въ числѣ коихъ казачій № 1-го полкъ. Съ такими-то незначительными силами предстояло генералу Струкову пуститься въ столь же блестящее, сколько и рискованное предпріятіе. Начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Доктуровъ, по прибытіи генерала Струкова въ Эски-Загрю, особымъ приказомъ назначалъ его командующимъ 1-ю бригадой²⁾, за отсутствіемъ командира оной.

¹⁾ Составъ сего отряда слѣдующій: 1-й лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества и 1-й уланскій Петербургскій полки, 1-я сотня 1-го казачьяго полка. Въ Адрианополѣ 10-го января къ этому отряду присоединились весь 1-й казачій полкъ и конная батарея № 1-го, а въ Чорлу лейбъ-гвардіи донская Его Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича батарея. Въ бытность летучаго отряда въ Германлы, къ нему на одинъ день были присоединены 9-й казачій полкъ, получившій потомъ другое назначеніе.

²⁾ Впослѣдствіи, а именно 10-го января, въ Адрианополѣ, когда генералъ Доктуровъ былъ назначенъ начальникомъ всей авангардной кавалеріи, въ составъ коей, кромѣ 9-го казачьяго полка и 1-й кавалерійской дивизіи, вошли еще двѣ бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, то генералъ Струковъ, приказомъ генерала Доктурова, назначенъ былъ тогда же временно-командующимъ 1-ю кавалерійской дивизіей.

2-го января отрядъ генерала Струкова, въ составѣ 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества, 1-го уланскаго Петербургскаго и сотни донскаго казачьяго № 1-го полковъ (всего 9 эскадроновъ), въ 11 часовъ утра выступилъ изъ Эски-Загря. При выходѣ изъ города генералъ Струковъ, собравъ къ себѣ начальниковъ частей и всѣхъ наличныхъ офицеровъ, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Господа, на вашу долю вышла большая честь—быть передовымъ отрядомъ авангарда арміи. На васъ будетъ смотрѣть вся армія, вся Россія. Прошу помнить мое требованіе относительно кавалерійскаго дѣла, а именно: безграничная предпримчивость въ соединеніи съ величайшей осторожностью. Наша задача—достигнуть наибольшихъ результатовъ, при наименьшихъ потеряхъ. Мы идемъ въ набѣгъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ носить характеръ общей, непрерывной рекогносцировки. Впереди предъ нами—полная неизвѣстность и что намъ должно будетъ дѣлать—это укажутъ обстоятельства. Перекрестимся и пойдемъ». Рѣчь эта сдѣлала должное впечатлѣніе.

Влижайшей дѣлю движенія былъ захватъ обѣихъ линій желѣзныхъ дорогъ, филлипопольской и ямболъской, для чего надлежало главнымъ образомъ занять ихъ узелъ, станцію Трново. Направивъ уланскій полкъ подъ начальствомъ его командира, полковника Балка, на Іени-Загрю, для того чтобы овладѣть большою станціей этого города и отрѣзать телеграфную линію, связывающую Адрианополь съ Шумлюю и вообще съ придунайскимъ восточнымъ краемъ Европейской Турціи, самъ генералъ Струковъ, съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ и казачьей сотней, двинулся къ рѣкѣ Марицѣ въ направленіи на деревню Семенли, лежащую по лѣвую сторону рѣки, противъ станціи Трново. Въ числѣ желѣзно-дорожныхъ станцій между Трновымъ и Іени-Загрю находится Карабунаръ, служившій еще въ первую забалканскую экспедицію генерала Гурко пунктомъ небольшого набѣга, и сюда-то генералъ Струковъ направилъ теперь по одному взводу отъ обѣихъ своихъ полковъ¹⁾ съ цѣлью, во-1-хъ, поддержанія связи между этими полками; во-2-хъ, для большей увѣренности, что телеграфъ во всякомъ случаѣ будетъ прерванъ либо въ Іени-Загрь, либо въ Карабунарѣ, и наконецъ въ 3-хъ, для того, чтобы набѣгъ могъ быть совершенъ одновременно на три пункта, а это, въ случаѣ успѣха, конечно усилило бы панику непріятеля, не давая ему опомниться.

Всѣ три части отряда выступили въ 11 часовъ утра. День былъ морозный, послѣ оттепели, и потому путь покрывался сплошь голо-

¹⁾ Московскаго драгунскаго, подъ начальствомъ прапорщика Живова, и Петербургскаго уланскаго, подъ начальствомъ корнета Помранцова.

ледецей, а по сторонамъ дороги хотя и лежалъ снѣгъ, но рыхлость и глубина его не хуже гололедицы затрудняли быстроту лошадиного хода. Боковые и дальние развѣзды заглядывали въ окрестныя деревни, покинутыя жителями, и между ними не было ни одной безъ слѣдовъ истребительнаго пожара. Къ счастью, огонь не вездѣ успѣвалъ уничтожать склады ячменя, сокомы и сѣна, и судя по оставшемуся количеству того и другого, видно, что здѣсь повсюду были сосредоточены громадныя запасы. Въ селеніяхъ и на дорогѣ порою встрѣчались лишь раненные турецкіе солдаты, бѣжавшіе съ Шипки; изъ мѣстнаго населенія не попадалось ни души, такъ что нашимъ развѣздамъ не было возможности даже спрашивать дорогу. На пути они встрѣчали только покинутыя обозы, скотъ, да еще стариковъ и старухъ, не могшихъ отъ безсилія слѣдовать вмѣстѣ съ бѣжавшимъ населеніемъ.

Въ семь часовъ вечера отрядъ Струкова прибылъ въ селеніе Аладагъ, отстоящее отъ Семенли верстъ на восемь. Здѣсь было приказано выкормить лошадей и сварить въ котелкахъ пищу людямъ. Начиная отъ Аладага; отрядъ вступалъ уже въ область непосредственнаго соприкосновенія съ неприятелемъ. Придя въ этотъ пунктъ, генералъ Струковъ рѣшительно не зналъ, что такое передъ нимъ впереди: ни мѣстность, ни силы противника не были ему извѣстны. Онъ и до сихъ-то поръ шелъ, такъ сказать, ощупью, потому что развѣздамъ его нигдѣ не удалось добыть порядочнаго и свѣдущаго «языка», да и вообще, начиная отъ самаго спуска съ Балканъ, у него не имѣлось о неприятелѣ ровно никакихъ свѣдѣній. Но и кромѣ этого, невыгоды положенія его усиливались еще тѣмъ, что, находясь въ Аладагѣ, онъ былъ значительно удаленъ отъ ближайшихъ своихъ пѣхотныхъ поддержекъ. По мѣрѣ приближенія къ Аладагу, отрядъ все болѣе и болѣе наткнулся на партіи башибузовъ и наговялъ кучки вооруженныхъ бѣглецовъ и аскеровъ. Вслѣдствіе этихъ столкновений, къ генералу безпрестанно приводили разныхъ лицъ, и хотя съ нихъ тотчасъ же снимались показанія, но все это не давало ему нужныхъ свѣдѣній, пока между прочими не былъ приведенъ одинъ арабъ, который своимъ громаднымъ ростомъ, звроподобнымъ лицомъ и оригинальнымъ костюмомъ вызвалъ смѣхъ цѣлаго отряда: на арабѣ была надѣта сборчатая суконная юбка, какія обыкновенно носятъ сельскія болгарки, и эта юбка преуморительно висѣла на немъ изъ стороны въ сторону, почему солдаты и окрестили его «лисицей» а другіе, которые пограмотнѣе, прозвали «Юліей Пастраной». Отъ этого плѣнника и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, подтвердившихъ существенную сторону его показаній, генералъ Струковъ узналъ, что большой желѣзно-дорожный мостъ че-

резъ Марицу, ведущій къ станціи Трново, находится у самой деревни Семенли и защищается по сю сторону одной ротой, а по ту—цѣлымъ таборомъ пѣхоты и землянымъ укрѣпленіемъ на шесть орудій, что въ сосѣднее мѣстечко Германлы уже послано за двумя таборами для усиленія мостовой обороны и что, наконецъ, рѣка въ настоящую пору очень глубока, по случаю разлива. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что арабъ былъ присланъ на этотъ берегъ съ цѣлью провѣдать чифтликъ (ферму) одного изъ своихъ офицеровъ—все-ли тамъ въ порядкѣ и цѣлы-ли запасы. Узнавъ это, Струковъ приказалъ забрать съ фермы въ соразмѣрномъ количествѣ все годное на пищу лошадямъ и людямъ. Эта мѣра вызывалась крайнею необходимостію, такъ какъ при отрядѣ не было ровно никакихъ запасовъ на дальнѣйшее время. Всѣ эти развѣданные факты и обстоятельства невольно заставляли призадуматься: хотя драгунъ можно было бы спѣшить для атаки моста, и хотя всѣ они молды несомнѣнные, но какъ съ такими, сравнительно ничтожными силами брать мостъ, защищаемый болѣе тѣмъ таборомъ регулярной пѣхоты и укрѣпленіемъ, вооруженнымъ шестью орудіями? Между тѣмъ уже совсѣмъ стемнѣло, и съ наступившей ночью стало еще холоднѣе. Все это побудило Струкова дать утомленному отряду необходимый отдыхъ, а къ мосту направить небольшую развѣдочную партію, и для этой цѣли онъ отрядилъ 2-й эскадронъ москочевъ подъ командой капитана Аммосова. Инструкція, данная при этомъ эскадронному командиру заключалась въ слѣдующемъ: пользуясь ночью, хорошенько развѣдать всѣ обстоятельства около моста и, если темнота позволитъ, захватить его въ свои руки, что при извѣстной ловкости исполненія, по всей вѣроятности, должно бы увѣнчаться успѣхомъ; «на то мы и предприняли кавалерійскій набѣгъ»; но при этомъ слѣдуетъ обойтись по возможности безъ потерь—«потому что потери, если въ нихъ не настоятъ самой крайней нужды—вовсе не кавалерійское дѣло», и во всякомъ случаѣ дѣйствовать съ осторожностію, «не зарываясь». Съ этой инструкціей, благословясь на *первое* дѣло, капитанъ Аммосовъ выступилъ къ Семенли въ десять часовъ вечера.

Эскадронъ живо прошелъ восьми-верстное разстояніе, и когда приблизился къ Семенли, то оказалось, что деревня эта до такой степени запружена безконечными обозами, что двигаться среди нихъ по извилистымъ болгарскимъ улицамъ и закоулкамъ, да еще ночью, было почти невозможно. Тѣмъ не менѣе, чтобы достичь моста, не оставалось ничего, какъ только пробиться черезъ деревню. Капитанъ Аммосовъ по неволѣ рѣшился на эту попытку и приказалъ своимъ драгунамъ спѣшиться для атаки. Тысячи эмигрантовъ-турокъ, защищавшихъ свои

обозы, вздумали было оказать вооруженное сопротивление, но драгуны, работая штыками направо и налево, между арбами и каруцями, продвинулись наконецъ къ мосту, съ котораго встрѣтила ихъ регулярная пѣхота ружейнымъ залпомъ. Прогнавъ штыками около ста человекъ пѣхотинцевъ, отбѣжавшихъ до середины моста и тамъ остановившихся, капитанъ Аммосовъ овладѣлъ мостовымъ устьемъ и тотчасъ же приступилъ къ снятію рельсъ и телеграфной проволоки, что было исполнено прапорщикомъ Камсараканомъ. Между тѣмъ завязалась перестрѣлка, которая, судя по началу, обѣщала быть продолжительной и бездѣльной. Не видя въ ней пользы и не желая даромъ тратить время и патроны, капитанъ Аммосовъ вызвалъ охотниковъ для дальнѣйшей атаки моста, который простирается на 450 шаговъ (150 сажень) въ длину, при высотѣ въ 42 фута надъ рѣчнымъ уровнемъ. Когда, вышедшіе въ числѣ охотниковъ, прапорщики Веревкинъ и Рѣшетовъ бросились впередъ и, пролагая себѣ дорогу, принялись разворачивать арбы, загромаздившія нѣкоторое пространство настилки, турки, замѣтивъ это, отошли на свой берегъ, задегли тамъ и открыли огонь настолько сильный, что охотники, дойдя до середины моста, вынуждены были приостановиться. Тутъ лежала какая-то опрокинутая повозка, послужившая для нихъ довольно удобнымъ закрытіемъ: охотники залегли за нее и стали отвѣчать хорошо выдержаннымъ огнемъ, который отражалъ всѣ попытки противника выбить ихъ изъ-за баррикады. Турки сыпали пули по направленію повозки, но наши, не неся отъ нихъ ни малѣйшаго ущерба, упорно продолжали удерживать свою позицію. Тогда къ ружейному огню присоединился и артиллерійскій, направляемый съ высоты, командующей надъ обоими берегами. Этотъ послѣдній обнаружилъ присутствіе на высотѣ особой батареи, устроенной для защиты моста на шесть дальнобойныхъ орудій; два изъ нихъ обстрѣливали самый мостъ, другіе два — деревню Семенли, и наконецъ остальные дѣйствовали въ направленіи дороги, ведущей къ названному селенію. При этой канонадѣ легко былъ контуженъ капитанъ Аммосовъ, чѣмъ и ограничился вредъ, нанесенный намъ артиллерійскими снарядами. Видя, что охотниковъ никакъ не выбьешь изъ-за ихъ закрытія, и вѣроятно опасаясь дальнѣйшаго наступленія, турки тоже начали на своей сторонѣ моста снимать настилку и рельсы. Послѣдняя работа ихъ слышна была по стуку топоровъ и молотовъ. Къ сожалѣнію, въ это время луна скрылась за тучи и наступившая тьма не дала намъ возможности слѣдить далѣе за всѣмъ, что дѣлалось на томъ берегу у противника. Между тѣмъ, кучки вооруженныхъ бѣглецовъ, занимавшихъ Семенли и его околицу, въ числѣ болѣе пяти тысячъ человекъ, опомнясь нѣсколь-

ко отъ перваго испуга, начали не только стрѣлять изъ своихъ «албанокъ», но и бросаться на драгунъ съ саблями и ятаганами, причемъ у насъ одинъ былъ раненъ въ руку холоднымъ оружіемъ. Такимъ образомъ наши очутились подъ двойнымъ огнемъ — съ того берега и изъ деревни. Помня приказаніе Струкова — быть крайне осторожнымъ и отнюдь не нести бездѣльных потерь, тѣмъ болѣе что задача развѣдки была уже достигнута, капитанъ Аммосовъ приказалъ охотникамъ оставить мостъ, кликнувъ коноводовъ и отступилъ съ эскадрономъ на свой полкъ, прибывъ къ шести часамъ утра на мѣсто его расположенія.

Генералъ Струковъ уже въ часъ ночи получилъ отъ Аммосова первое донесеніе, доставленное вольноопредѣляющимся Щепкинымъ, котораго пытались было перехватить на дорогѣ банибузукъ, но, не успѣвъ въ этомъ, пустили по немъ нѣсколько выстрѣловъ въ догонку. Это донесеніе вполне подтвердило показанія плѣннаго араба, какъ относительно числа орудій, такъ и о количествѣ низама и вооруженныхъ эмигрантовъ. Вторичное донесеніе о подробностяхъ дѣла было доставлено уже незадолго до разсвѣта прапорщикомъ графомъ Кашинымъ, за которымъ на пути тоже гонялись съ выстрѣлами банибузукъ. Хотя капитану Аммосову и не удалось захватить въ свои руки мостъ, тѣмъ не менѣе набѣгъ его былъ исполненъ какъ слѣдуетъ: часть амбольской дороги разрушена, телеграфъ прерванъ, а главное — развѣдочная сторона предпріятія дала самые положительные результаты. Но эти-то результаты и наводили довольно серьезное раздумье насчетъ того, какъ быть далѣе? Соображая на ихъ основаніи свое положеніе относительно силъ противника, Струковъ не могъ не придти къ заключенію, что подожжение это довольно затруднительно: артиллерія нѣтъ, пѣхоты тоже, да и ближайшая изъ пѣхотныхъ частей (отрядъ Скобелева 2-го), при самомъ усиленномъ маршѣ, могла быть въ данный моментъ не ближе какъ въ 60-ти верстахъ отъ Семенли; изъ наличныхъ же силъ — подъ рукой пока только четыре эскадрона, что, при спѣшеніи двухъ третей ихъ состава, могло дать около 350-ти берданокъ, съ которыми надежало разсѣять вооруженное пяти-тысячное скопище, взять мостъ и батарею — потому что иначе ее не заставишь молчать, — а для этого необходимо предварительно разбить таборъ низама, въ которомъ число штыковъ, конечно, превышало наши 350 берданокъ. Но не столько смущала въ данный моментъ пѣхота, сколько турецкая артиллерія, при полномъ отсутствіи у насъ этого рода орудій. А въ то же время и мостъ нельзя было оставлять дольше въ рукахъ турокъ, и еще менѣе — дозволить имъ уничтожить его, такъ какъ въ послѣднемъ

случаѣ чрезвычайно затруднилась бы переправа всего лѣваго фланга нашей забалканской арміи, а чрезъ то замедлился бы и весь дальнѣйшій ходъ ея операций, которыя послѣ перавада черезъ хребетъ прежде всего требовали быстроты, дабы успѣть предупредить противника на пути его отступленія къ Адрианополю. Но именно для этой-то цѣли и требовалось перехватить линію филиппопольскую, которая въ данномъ положеніи дѣлъ являлась гораздо важнѣе ямбольской, служа операционной линіей для арміи Сулеймана—послѣдней, еще не уничтоженной арміи турокъ,—отрѣзать же эту линію возможно было не иначе, какъ овладѣвъ семенлійскимъ мостомъ и занявъ станцію Трново. Възявъ всѣ эти обстоятельства, оставалось только поискать—нѣтъ ли какихъ выгодъ въ пользу летучаго отряда, въ случаѣ если пришлось бы возобновить попытку противъ моста? Средство нашлось, но только одно, и то гадательное: можно было думать, что неожиданность ночного набѣга навѣрное сдѣлала свое внушительное впечатлѣніе на турокъ, которые, принимая въ соображеніе всю *недавность* рѣшительныхъ событій 28-го декабря на Шипкѣ и у Шейнова, конечно не могли рассчитывать на такую быстроту появленія русскихъ силъ у Трнова, въ разстояніи всего лишь двухъ переходовъ отъ Адрианополя. Хотя эскадронъ Аммосова и отступилъ, но уже самая возможность его неожиданнаго появленія въ этомъ мѣстѣ навѣрное должна была озадачить противника, а на бѣгущее населеніе дагнать усиленную панику, потому что и безъ того уже, находясь подъ ея вліяніемъ, оно теперь ежеминутно могло ожидать повторенія нашихъ налетовъ. При томъ же, какъ извѣстно, «у страха глаза велики», отчего онъ и склоненъ всегда преувеличивать силы и способы врага, а тѣмъ болѣе ночью. Развѣдать въ точности наличныя силы летучаго отряда — турки, очевидно, пока еще не имѣли возможности, а потому самая неизвѣстность о его количествѣ могла послужить въ нашу пользу; слѣдовало только съ дерзкой, рѣшительной настойчивостью сейчасъ же повторить свою попытку, не давъ еще противнику опомниться отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія. Таково было наше гадательное средство успѣха, основанное болѣе на психологій, чѣмъ на тактикѣ, и генералъ Струковъ рѣшился попытать его.

Съ разсвѣтомъ онъ выѣхалъ къ выстроенному полку, поблагодарилъ 2-й эскадронъ за молодецкую рекогносцировку и тутъ же взялъ лейбъ-эскадронъ (капитана Касторскаго), съ однимъ взводомъ 4-го эскадрона (подъ начальствомъ прапорщика Червонецкаго), и самъ повелъ эту часть впередъ, сказавъ людямъ въ краткой рѣчи, что «государевъ

эскадронъ долженъ быть счастливый», а полковнику Изякову приказалъ слѣдовать за собой съ остальными тремя эскадронами и поддерживать, въ случаѣ надобности, атаку. Еще не было восьми часовъ утра, когда головная часть, выбравшись на возвышенность, показала въ виду турецкаго расположенія. Деревня Семенли все еще была загромождена обозами, народомъ и стадами, хотя значительныя массы каруцъ и людей уже успѣли переправиться на тотъ берегъ по мосту, на паромѣ, въ лодкахъ и даже въ бродѣ; но почти всѣ, избравшіе этотъ послѣдній путь, сдѣлались жертвами глубины и быстрого теченія: тонули люди, борясь со смертью, тонули повозки, лошади, скотъ; однихъ сносило внизъ водой, другіе прямо шли ко дну... Шумъ и вопль наполняли всю окрестность. Во всемъ замѣтно было страшное смятеніе, переполохъ, паника... Эта послѣдняя переправа, какъ объяснилось потомъ, началась тотчасъ же вслѣдъ за отступленіемъ 2-го эскадрона. Такимъ образомъ, расчетъ на панику, судя по этому обстоятельству, оказался вѣренъ. На ту сторону велъ длинный изогнутый дугой мостъ на высокихъ каменныхъ устояхъ; въ полуверстѣ за нимъ видѣлись зданія станціи, вокругъ которой огромное пространство, версты на двѣ, было точно также, какъ и въ Семенли, покрыто обозами, людьми и стадами; влѣво отъ моста возвышался бугоръ, увѣнчанный землянымъ брустверомъ, изъ-за котораго выглядывали шесть пушекъ. Замѣтивъ новое появленіе драгунъ на возвышенности нашего берега, турки послѣдили за жечъ, съ противоположнаго конца деревянныя балки, перекладки и настилку моста, и тогда, съ появленіемъ огня, ужасъ бѣглецовъ, оставшихся еще на нашей сторонѣ вокругъ Семенли, достигъ послѣдняго предѣла: этотъ пожаръ, отрѣзывая имъ путь, лишалъ ихъ всякой надежды на спасеніе; они были твердо увѣрены, что русскіе перебьютъ и перерѣжутъ ихъ до послѣдняго человѣка; но еще болѣе чѣмъ русскихъ опасались болгаръ, такъ какъ деревня Семенли была одна изъ тѣхъ, гдѣ въ августѣ 1877 года свирѣпствовали широкій разгулъ мусульманскихъ неистовствъ. По занятіи моста и станціи, Струковъ приказалъ торжественно, во имя Царя-Освободителя, повалить висѣлицу, постановленную турками на возвышенности у моста, и кромѣ того, въ присутствіи служащихъ на станціи иностранцевъ и болгарскаго священника, былъ составленъ протоколъ о числѣ августовскихъ жертвъ турецкаго звѣрства въ этой деревнѣ.

При появленіи драгунъ, таборъ низама вышелъ изъ-за батарейнаго бруствера и началъ спускаться къ берегу, навстрѣчу нашимъ. Дабы развлечь вниманіе противника и вмѣ-

отъ съ тѣмъ узнать вѣрнѣе направленіе пути, по которому шелъ таборъ, Струковъ выслалъ вѣво отъ дороги усиленный взводъ, подъ начальствомъ прапорщика Раутмана, а самъ поспѣшно двинулся впередъ, спѣшилъ въ деревнѣ людей, и, объяснивъ имъ и капитану Касторскому, что и какъ теперь дѣлать, бросился на мостъ безъ выстрѣла и не выжидая перваго огня со стороны турокъ. Положение было критическое и требовало немедленныхъ рѣшительныхъ мѣръ. Струковъ первый, во главѣ драгунъ, бросился на мостъ, и эта настойчивость, повидаемому, повліяла на воображеніе турокъ: таборъ почти въ пятьсотъ человекъ вдругъ отшатнулся отъ берега и сталъ отступать къ станціи, но отступать тихо, шагъ за шагомъ, останавливаясь и слѣдя за всѣмъ, что дѣлаютъ наши. А нашимъ прежде всего надо было теперь спасти мостъ, и потому всѣ — отъ генерала до послѣдняго солдата — энергически принялись за тушеніе пожара, рубили шапками обгорѣлыя доски, на бечевкахъ спустили въ рѣку походные котелки, холщевыя ведра и посредствомъ ихъ заливали пылающіе брусья и балки. Къ счастью, пожаръ не успѣлъ распространиться: мостъ обгорѣлъ на протяженіи менѣе десяти сажень. Въ это время появленіе полковника Языкова, занявшаго Семенли, подѣйствовало на турокъ еще внушительнѣе, въ особенности когда они увидѣли, что драгуны лейбъ-эскадрона перебираются на ихъ сторону по уплывшимъ рельсамъ и бревнамъ. Не дожидаясь удара, таборъ взялъ направленіе къ югу, на Германы, и благоразумно ретировался. Но, несмотря на это, мы еще не могли считать дѣло поконченнымъ: мѣстные болгары и одинъ захваченный въ плѣнъ аскеръ объясняли, что турки еще съ ночи, послѣ перепалки съ русскими, послали въ Германы за двумя таборами, которые каждую минуту могли появиться и замедлить успѣхъ нашего дѣла. Поэтому генералъ Струковъ приказалъ одной части драгунъ какъ можно скорѣе чинить мостъ и класть настилку, для которой прекраснымъ подручнымъ матеріаломъ послужили грядки и поды покинутыхъ арбъ и повозокъ. Между тѣмъ лейбъ-эскадронъ успѣлъ уже перейти на правый берегъ Марицы, и здѣсь ему было приказано захватить шесть турецкихъ орудій, оставленныхъ на батарее, которая находилась въ разстояніи полуверсты отъ полотна желѣзной дороги. Мостъ легко могъ бы сдѣлаться еще разъ предметомъ боевого спора, если-бы на помощь пассивно отступавшему табору подошло достаточное подкрѣпленіе, которое придало бы ему хотя сколько нибудь энергія, а потому одновременный захватъ орудій представлялся теперь самой настоятельной мѣрой. Люди лейбъ-эскадрона бѣгомъ пустились къ батарее и че-

резъ какія нибудь десять-пятнадцать минутъ уже тащили на рукахъ по глубокому снѣгу и съ крикомъ «ура» всѣ шесть орудій, у которыхъ впрочемъ турки вынули и унесли съ собой затворы. Въ это время успѣли кое-какъ уложить на мостъ первую настилку, по которой пушки и были переведены на лѣвый берегъ. Все это было сдѣлано на глазахъ арьергарда отступившаго низама, который продолжалъ еще стоять въ наблюдательномъ положеніи недалеко отъ станціи. Между тѣмъ, пока починка моста продолжалась болѣе прочнымъ образомъ, генералъ Струковъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Алексѣевымъ сѣли на дрезину и покатали на станцію, чтобы захватить телеграфъ, который, какъ оказалось на мѣстѣ, успѣлъ уже дать знать по всей линіи, что русскіе атакуютъ мостъ. Впрочемъ, внослѣдствіи было узнано, что это намъ же послужило на пользу. По прибытіи на станцію, генералъ Струковъ немедленно снялъ аппаратъ, прервавъ такимъ образомъ сообщеніе съ Филиппополемъ и Адрианополемъ, затѣмъ захватилъ корреспонденцію и бумаги, изъ которыхъ, равно какъ и изъ показаній служившихъ на станціи, обнаружилось, что изъ Ямболи переправлено было въ Филиппополь 29 экстренныхъ поѣздовъ, изъ 14-ти вагоновъ каждый, по требованію Сулеймана-пашы, который перевезъ на нихъ 30,000 войска; что 24-го декабря прослѣдовалъ черезъ станцію Трново послѣдній изъ означенныхъ поѣздовъ, на которомъ находился и самъ Сулейманъ со своимъ штабомъ; что 1-го января была депеша отъ Сулеймана изъ Филиппополя, въ которой онъ настойчиво требовалъ отъ директора желѣзной дороги немедленной присылки всего подвижного состава для перевозки своей арміи изъ-подъ Филиппополя въ Адрианополь. Требованіе это осталось безъ исполненія, благодаря тому, что черезъ день, т. е. 3-го числа, станція Трново была уже въ нашихъ рукахъ. Изъ этой корреспонденціи теперь выясняется, почему Сулейманъ не хотѣлъ принимать боя отъ генерала Гурко 3-го января, а напротивъ вступилъ въ рѣшительныя дѣла 4-го и 5-го: онъ ежеминутно ожидалъ прибытія всего подвижного состава, чтобы привести свои 30,000 въ Адрианополь свѣжими, еще не тронутыми боемъ, а когда узналъ, что прямой путь ему уже отрѣзанъ, то конечно оставалось только вручить свою участь судьбѣ сраженія, которая и привела его къ несчастному отступленію въ горы на Станимаку.

На станціи мы не нашли ничего изъ подвижного состава, который еще на разсвѣтѣ весь былъ отосланъ въ Адрианополь. Къ вечеру драгуны уже окончательно исправили мостъ, что дало возможность перевести на правый берегъ 4-й эскадронъ съ конями и выставить аван-

посты къ сторожъ Германлы и въ направлѣніи филиппопольской дороги. Генералъ Струковъ не задумался преслѣдованіемъ отступившаго табора, тѣмъ болѣе, что уже было поздно; главнѣйшей его цѣлью теперь было—удержать въ своихъ рукахъ станцію и мостъ, а это естественно вызывало на изысканіе подходящихъ мѣръ и средствъ къ оборонѣ, на случай возможнаго нападенія ночью. Трудно было допустить мысль, чтобы турки, несмотря даже на всю ихъ панику, такъ легко могли уступить намъ столь важный стратегическій узелъ, безъ всякой дальнѣйшей попытки возвратитъ его себѣ, во что бы ни стало; не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, не сознавать, что разъ Трнovo въ русскихъ рукахъ, то это даетъ возможность громаднымъ силамъ русской арміи безостановочно двинуться на Адрианополь, отрѣзываетъ Сулейману его тылъ, уничтожаетъ всякое сообщеніе его съ Константинополемъ, прекращаетъ желѣзно-дорожное движеніе войскъ изъ Сливно, Котла, Карнабата и проч., вынуждая эти войска тянуться по грунтовымъ дорогамъ въ самое неудобное для сего время. Ясно, что турки должны были ономытаться отъ своего опаломленія и непременно сдѣлать отчаянную попытку къ возврату себѣ моста и станціи; но къ нашему удивленію, паника все пересилила. Никакой попытки со стороны противника не сдѣлано, и ночь на станціи Трнovo прошла совершенно спокойно. Наша убыль: одна контузія (капитанъ Аммосовъ), одна рана холоднымъ оружіемъ и двѣ убитыя лошади; наша прибавь — спасенный мостъ, занятая станція со всѣми стратегическими отъ сего послѣдствіями, шесть дальнѣйшихъ крупновскихъ орудій, громадное количество скота и всякаго прованта. Драгуны, готовые на все и бодрые до послѣдней минуты, несмотря на то, что двое сутокъ не спали, все время вели себя истинными молодцами.

Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й увѣдомленный тотчасъ же Струковымъ о результатахъ дня, не замедлялъ воспользоваться успѣхомъ кавалеріи и поддержать его: на другой же день усиленнымъ маршемъ изъ Эски-Загры подоспѣлъ въ Трнovo батальонъ пѣхоты, а вскорѣ за тѣмъ и весь Скобелевскій отрядъ уже былъ на мѣстѣ.

Пока все описанное происходило въ Семенли и въ Трнovѣ, Петербургскій уланскій полкъ, высланный для набѣга въ Лени-Загру, захватилъ этотъ городъ, вытѣснивъ изъ него неприятеля, причемъ воспользовался цѣлымъ лагеремъ, оставленнымъ турками, занявъ желѣзно-дорожную станцію и прервалъ всякое телеграфное сообщеніе съ мѣстностями, находившимися еще подѣ властію неприятеля. Къ сожалѣнію, промежуточный отрядецъ изъ двухъ взводовъ Московскаго и Петербургскаго полковъ, посланный на станцію Карабунаръ, ошиб-

ся дорогой и вмѣсто Карабунара попалъ на станцію Магалесси, гдѣ наткнулся на большія партіи черкесовъ, и потому не могъ пронавести правильной порчи желѣзной дороги и телеграфа, а ограничился лишь тѣмъ, что порочникъ Живновъ, ворвавшись въ телеграфную комнату, сжегъ находившіяся тамъ бумаги. Какъ въ Лени-Загрѣ, такъ и въ Магалесси найдены были большіе склады галетъ и зерна, которыми отрядъ воспользовался на другой день, пославъ за ними особую команду.

5-го января, отрядъ Скобелева 2-го уже сосредоточился въ Трнovѣ, а генералъ Струковъ еще въ ночь съ 4-го на 5-е число выслалъ 3-й эскадронъ московскихъ драгунъ, подѣ начальствомъ майора Чулкова къ мѣстечку Германлы, съ цѣлью развѣдать о неприятелѣ, такъ какъ филиппопольско-адрианопольское шоссе — возможный путь отступленія Сулеймановой арміи — проходитъ черезъ это мѣстечко, да заодно уже занять и желѣзно-дорожную станцію, чтобы прервать телеграфное сообщеніе Германлы съ Адрианополемъ. Будучи крайне бѣденъ кавалерійскими силами, генералъ Струковъ, дабы не обнаруживать свою малочисленность, рѣшился вообще избѣгать по возможности дѣйствій днемъ, и принялъ въ общихъ чертахъ такую систему: быстрый, неожиданный налетъ небольшой части туда, гдѣ ее меньше всего ожидаютъ, и чѣмъ больше эта часть выдвигается впередъ, тѣмъ лучше (лишь бы только успѣла «ударить» во-время), потому что такіе неожиданные набѣды въ глубь страны болѣе всего распространяютъ въ населеніи панику; часть должна быть непременно маленькая, увертливая, не болѣе эскадрона, чтобы могла удобнѣе скрыть себя какъ до нападенія, такъ и послѣ него; нападеніе производить не иначе какъ врасплохъ, а потому лучше всего дѣлать его въ ночное время: ночь скрываетъ ничтожность силы нападающаго, въ громадной степени увеличиваетъ панику противника, заставляетъ его считать нападающаго несравненно сильнѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Когда ночное нападеніе сдѣлано (удачно, или не совсѣмъ—это почти все равно), тогда повторить его уже всѣмъ легучимъ отрядамъ, но повторить какъ можно скорѣе, чтобы не дать противнику времени опомниться и принять надлежащія мѣры. Такая система, при малочисленности легучаго отряда, безспорно является самой лучшей, самой цѣлесообразной.

И такъ, майоръ Чулковъ въ десять часовъ вечера выступилъ съ 3-мъ эскадрономъ изъ Трнова на Германлы и черезъ часъ уже былъ у цѣли своего набѣга. Обслѣдовавъ предварительно шоссе между Германлы и Хаскисеомъ, онъ подался къ горбатуму каменному мосту черезъ Марицу, ведущему по шоссеиной дорогѣ, въ мѣстечко, котораго крайніе дома на-

ходятся лишь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ моста. Замѣтивъ здѣсь скопленіе громаднѣхъ обозовъ, подѣ прикрытіемъ небольшой части пѣхоты, ушедшей вчера изъ Трнова, и дотрехъ тысячь вооруженныхъ бѣглецовъ изъ-подъ Филиппополя, майоръ Чулковъ свѣрнулъ съ шоссе на полотно желѣзнаго пути, пересѣкъ излучину Марицы по желѣзно-дорожному мосту и занялъ станцію, находящуюся въ двухъ верстахъ за мѣстечкомъ. Захватъ бумагъ и телеграфа былъ исполненъ, согласно приказанію, въ точности, и Чулковъ, посплавъ прапорщика Горталова съ донесеніемъ объ этомъ къ генералу Струкову, уже готовился было возвратиться въ Трново, какъ вдругъ люди его замѣтили, что желѣзно-дорожный мостъ горитъ.

Какъ оказалось потомъ, подѣ утро, это было дѣло турокъ, которые вознамѣрились легкимъ способомъ устроить «москову» ловушку. Занимаясь тушеніемъ огня драгунамъ было некогда, да и не безопасно, а между тѣмъ этотъ пожаръ отрывалъ эскадрону прямой путь возвращенія къ своему полку. Чулкову теперь не оставалось ничего болѣе, какъ только идти въ мѣстечко, занять его и уже оттуда силою проложить себѣ дорогу къ шоссе черезъ горбатый каменный мостъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ на рыскахъ повелъ эскадронъ въ Германлы и проникъ по улицамъ къ берегу, но тутъ оказалось, что горбатый мостъ уже забаррикадированъ повозками и цѣлымъ гуртомъ рогатаго скота, причемъ турки, чтобы сдѣлать изъ быковъ и буйволовъ плотный заслонъ, связали ихъ между собою за хвосты, рога и ноги веревками. Прикрываясь этою оригинальною баррикадой, они съ моста и съ противнаго берега открыли по драгунамъ пальбу. Майоръ Чулковъ спѣшилъ три звзда и засѣлъ съ ними въ домахъ, прилегающихъ къ мосту. Началась оживленная и продолжительная перестрѣлка, которая, къ сожалѣнію, стоила намъ довольно значительной потери: въ эскадронѣ убыло десять драгунъ, изъ коихъ двое убиты, прапорщикъ Протасевъ раненъ и кромѣ того убито три лошади да двѣ пристрѣлены за неизлечимостію ранъ. Положеніе становилось довольно критическимъ, тѣмъ болѣе, что извѣстить о немъ полкъ не было возможности. Но тутъ помогъ случай: прапорщикъ Горталовъ, ѣдучи съ донесеніемъ къ генералу, услышалъ на пути долетавшіе отъ Германлы звуки горячей перестрѣлки, прислушиваясь обернулся назадъ, увидѣлъ зарево и догадался, что тамъ у нашихъ должно быть не совсѣмъ-то ладно. Благодаря быстротѣ своей лошади, онъ къ полуночи прискакалъ въ Трново и доложилъ генералу о своихъ предположеніяхъ. Струковъ сейчасъ же направилъ въ Германлы подполковника Алексѣева, съ лейбъ-эскадронѣмъ, приказавъ ему очистить Германлы отъ скопищъ, во что бы то ни стало, и нагнать панику, ко-

торая распространилась бы вокругъ, а при этомъ предупредить Алексѣева, что въ случаѣ надобности поддержка ему будетъ сейчасъ же силами всего отряда.

Между тѣмъ въ часть ночи пришелъ изъ Адрианополя экстренный поѣздъ, въ которомъ слѣдовали Серверъ-паша и Намыкъ-паша, отправлявшіеся въ Казанлыкъ къ великому князю съ предложеніемъ о перемиріи. Пожаръ моста былъ причиною задержки этого поѣзда на германлыкской станціи. Слыша выстрѣлы и узнавъ, что въ мѣстечкѣ идетъ бой, паша послалъ туда своего секретаря, съ порученіемъ отыскать русскаго начальника и предложить ему свои услуги къ тому, чтобы именемъ Сервера и Намыка огонь турокъ сейчасъ же былъ остановленъ. Майоръ Чулковъ, выслушавъ секретаря, просилъ передать пашамъ, что онъ благодаритъ ихъ за столь любезное предложеніе, но воспользоваться имъ не можетъ, такъ какъ не получаетъ отъ своего начальства никакихъ инструкцій на такой экстраординарный случай, и полагаетъ, что разъ уже онъ вызванъ на дѣло, то надо его кончить, причемъ разсчитываетъ, что управится и самъ своими собственными силами и средствами.

Паша еще сидѣли на станціи, когда въ началѣ третьяго часа ночи лейбъ эскадронъ какъ снѣгъ на голову, налетѣлъ на турокъ въ тылъ у горбатаго моста и пошелъ топтать ихъ копьями и крошить шапками. Засыпавъ на томъ берегу родное «ура», мѣшавшееся съ воплями ужаса, майоръ Чулковъ сейчасъ же бросился на мостъ и штыками проложилъ себѣ по немъ дорогу на противную сторону. Атакующие съ тыла и фронта, турки, какъ шальные, въ испугѣ и переполохѣ заматались во всѣ стороны, и тутъ произошелъ разгромъ громаднago обоза и его защитниковъ. Все, что уцѣлѣло (а уцѣлѣло немного), кинулось бѣжать вразбродъ, куда глаза глядятъ, ища только спасенія своей жизни. Въ улицахъ мѣстечка на турокъ ожесточенно накинудись мѣстные болгары — и не многимъ удалось уйти отъ ихъ мшенія. Хотя и трудно было нашимъ драгунамъ разбирать въ потьмахъ, кто мужчина, кто женщина, но послѣднихъ вообще старались шадить, за исключеніемъ понечно тѣхъ, которыя упорно оказывали въ этомъ разгромѣ вооруженное сопротивленіе. Надо отдать справедливость турецкимъ женщинамъ: многія изъ нихъ при случаѣ прекрасно и стойко дерутся, работая ружьемъ и ятаганомъ.

На другой день Серверъ и Намыкъ, которые, благодаря пожару моста, должны были доѣхать до Трнова въ экипажахъ, сами видѣли въ мѣстечкѣ слѣды ночного разгрома, и генералъ Струковъ, при встрѣчѣ съ ними, счелъ долгомъ объяснить причины этого обстоятельства: не мы начали дѣло; сами же турки вздумали устроить Чулкову ловушку и первые

встрѣтили его эскадронъ огнемъ изъ-за баррикады съ того берега, и не наша вина, если имъ такъ жестоко пришлось поплатиться за это; съ нами, къ сожалѣнію, дерется не только войско, но и вооруженный турецкій народъ. Намъ же горбатый мостъ былъ нуженъ, чтобы стать на пути отступленія Сулеймана по шоссе, а такъ какъ вооруженные жители и низамъ защищали его съ крайнимъ упорствомъ, которое стоило намъ довольно чувствительныхъ потерь, то и не оставалось ничего болѣе, какъ рѣшить дѣло силою оружія. Потери турокъ при разгромѣ свидѣтельствуютъ о ихъ замѣчательномъ и достойномъ похвалы упорствѣ. На глазахъ Серверъ-паши были слезы, когда онъ глядѣлъ на слѣды этого разгрома. — «Это пораженіе еще болѣе убѣждаетъ меня, сказалъ онъ, что намъ неперемѣнно нужно перемиріе». — «Его высочество, отвѣчалъ Струковъ, дать вамъ не перемиріе, а только миръ, и притомъ такой, какой онъ хочетъ; за перемиріемъ же вы ѣдете напрасно—вы его не получите».

Предъ отъѣздомъ пашей съ германлыкской станціи, подошла къ мѣстечку часть пѣхоты и артиллеріи, посланная Скобелевымъ для скорѣйшаго занятія столь важнаго стратегическаго пункта, и надо замѣтить, что занимая Германлы съ цѣлью отрѣзать Сулейману отступленіе по шоссе на Адрианополь, ни Скобелевъ, ни Струковъ не знали еще, заняты ли Филиппополь нашими войсками, а также и о судьбѣ, постигшей Сулеймана. Въ составѣ присланной части находились: Московскій драгунскій и Владимірскій пѣхотный полки, 11-й стрѣлковый батальонъ, команда саперъ, четыре орудія 16-й бригады (изъ батареи полковника Куропаткина) и сотня № 1-го донскаго полка, вѣреннаго подъ начальство генерала Струкова. Встрѣтивъ подбѣгающихъ пашей-парламентеровъ, Струковъ принялъ ихъ очень любезно, и бесѣдовалъ съ ними около получаса; паши много разспрашивали о дѣлѣ 28-го декабря на Шипкъ и при Шейновѣ, о сдачѣ и судьбѣ плѣннаго Османа и о положеніи Сулеймана, о которомъ въ Константинополѣ со 2-го января ровно ничего не было извѣстно, благодаря прерванному Струковымъ телеграфу. Генералъ Струковъ, на сколько возможно и на сколько ему было самому извѣстно, удовлетворялъ своими отвѣтами вполне понятному любопытству пашей, а между тѣмъ передалъ въ отрядъ приказаніе, чтобы всѣ части выстроились вдоль шоссе съ музыкою и пѣсенниками. Проѣзжая вдоль фронта, державшаго ружья «на плечо», паши, судя по выраженію ихъ лицъ, не ожидали со стороны русскихъ изъясненія столь почетнаго къ нимъ вниманія, но еще болѣе неожиданно показалось имъ присутствіе въ Германлы дѣлаго русскаго отряда, съ пѣхотой и артиллеріею. Великокняжескій кавасъ,

болгаринъ Христовъ, находившійся при Струковѣ въ качествѣ переводчика, передавалъ потомъ ему, что когда паши проѣзжали мимо фронта, то на замѣчаніе секретаря — «неужели это авангардъ русской арміи?» — Серверъ-паша, не менѣе его удивленный, наклонясь къ нему, отвѣтилъ не безъ горечи: «да, могъ ли ты себѣ это представить!...»

Съ пашами прибылъ въ Германлы и нескъ желѣзно-дорожный персоналъ правленія начинающаго съ директора, который требовалъ, чтобы мы пропустили поѣздъ обратно въ Адрианополь; но генералъ Струковъ, въ виду того, что эти господа видѣли уже наши паличныя, весьма окромныя силы, не рѣшился отпустить ихъ безъ разрѣшенія Скобелева.

Распростаясь съ пашами, генералъ Струковъ сталъ со своимъ отрядомъ предъ Германлы, на перекресткѣ филиппополи-адрианопольскаго шоссе и, въ силу приказанія Скобелева, тотчасъ же началъ окапываться, усиленно освѣщая въ то же время разбѣздами своей правой флангъ, въ направленіи Хаскіоя. По филиппопольской дорогѣ не переставали подтягиваться къ ночлегу громадныя обозы турецкихъ эмигрантовъ, прикрываемые не только тысячами вооруженныхъ жителей, но и регулярными войсками, правильно выставившими къ нашей сторонѣ парные конные ведеты. Хотя уже и наступила вечерняя темнота, но позиція все-таки была выбрана очень удачно, и Владимірскій полкъ, при десятиградусномъ морозѣ, бодро и смѣло принялся возводить траншеи и ложементы. Промерзлая земля была очень тверда и не поддавалась лопатѣ, такъ что пришлось рубить ее топорами, и несмотря на эти трудности, работа была вполне окончена къ полуночи на всемъ, довольно значительно протяженіи оборонительной линіи. Лѣвый свой флангъ генералъ Струковъ обезпечивалъ пѣшью отъ 11-го стрѣлковаго батальона, а бивуакъ располагалъ у горбатаго моста, при въѣздѣ въ мѣстечко. Ночная перестрѣлка на постахъ, выдвинутыхъ въ направленіи Хаскіоя, наглядно показала непротиву, что Германлы уже занято и, стало быть, путь отступленія по шоссе отрѣзанъ. Между тѣмъ изъ главной квартиры пришло извѣстіе, что часть Сулеймановой арміи идетъ на Хаскію. Это вызвало немедленное движеніе части войскъ генерала Скобелева къ этому пункту и тогда, въ ночь съ 7-го на 8-е, произошло то ужасное междоусобное побоище при Девралы, которое было мною описано въ одномъ изъ прежнихъ писемъ и неувѣроятныя слѣды коего видѣлъ на пути своего слѣдованія отрядъ генерала Карцова.

6-го января къ передовому отряду присоединился пришедшій въ Германлы Петербургскій уланскій полкъ, и въ этотъ же день былъ занятъ 4-мъ эскадрономъ Московскаго полка

городокъ Мустафа-Паша-Кепри-Су. Означенный эскадронъ былъ высланъ въ набѣгъ къ этому городу еще 5-го числа, съ такимъ расчетомъ во времени, чтобы успѣть туда къ ночи, и цѣлую ночь калитанъ Ригеръ велъ упорную перестрѣлку съ многочисленными партіями башибузуковъ и черкесовъ, пытавшихся выбить его изъ удачно и внезапно занятого города и станціи. Наши потеряли при этомъ одного лишь опасно раненаго драгуна и двухъ лошадей. 7-го января генералъ Струковъ съ девятью эскадронами ¹⁾ вышелъ изъ Германии на Мустафа-Пашу. Можно сказать, что движенію этого отряда повсюду предшествовала паника, которая разрасталась все болѣе и болѣе съ каждымъ его шагомъ, въ особенности же послѣ разгрома турецкихъ скопищъ у германлыккаго моста. Бѣжавшіе вразбродъ жители, башибузки, черкесы и аскеры были первыми провозвѣстниками «идущей бѣды», въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ они появлялись. Турецкія власти, бросая свои конники и поджигая чтò могли, спѣшно уходили со своими архивами и канцеляріями, направляясь къ Адрианополю. На пути въ Мустафа-Пашу, пропуская мимо себя части отряда, генералъ Струковъ, въ ожиданіи пока подтянутся вьюки, отсталъ съ небольшимъ своимъ конвоемъ отъ хвоста колонны. Въ это время на томъ берегу Марыцы показалась конная партія черкесовъ, человекъ до пятидесяти, и увидѣвъ группу изъ двѣнадцати всадниковъ, окружавшихъ Струкова, бросилась вплавь черезъ рѣку, съ намѣреніемъ ее атаковать. Наши вскочили на ближайшій приторокъ и взяли «на изготовку» револьверы и берданки, чтобы встрѣтить черкесовъ огнемъ, когда тѣ станутъ выходить на берегъ. Необходимо было сдѣлать это потому, что противникъ, если бы его допустили свободно переправиться, уничтожилъ бы оставшіеся позади вьюки, и перерѣзалъ бы безоружныхъ денщиковъ и погонщиковъ. Замѣтивъ готовность къ сопротивленію, черкесы съ середины рѣки повернули назадъ, причемъ двое у нихъ утонули съ конями, а остальные крупной рысью скрылись вдали изъ вида. Потомъ оказалось, что это была партія изъ состава колонны Абдуль-Керима-пашы, который, утопая въ невылазной грязи, тапился почти параллельно нашему летучему отряду по боковой грунтовой дорогѣ, торопясь поспѣть прежде русскихъ къ Адрианополю, дабы въ его грозныхъ фортахъ оказать имъ сопротивление, которое надолго задержало бы дальнѣйшее движеніе къ конечному предѣлу всей кампаніи.

Во все время пути генералъ Струковъ, такъ сказать, *чувствовалъ* у себя слѣва близкое

присутствіе сильной непріятельской колонны. Сознавая поэтому, что тутъ уже дорогъ каждый моментъ, и что важнѣйшій вопросъ сводится къ тому, кто раньше успѣетъ занять Адрианополь, Струковъ приказалъ бригадѣ спѣшно выкормить лошадей и отдохнуть людямъ, съ тѣмъ чтобы двигаться дальше уже безостановочно. Находясь въ Мустафа-Пашѣ на разстояніи 50-ти-верстнаго перехода отъ Скобелевскаго отряда и въ 30-ти верстахъ отъ Адрианополя, и не имѣя при себѣ конной артиллеріи, можно было призадуматься: идти ли впередъ, или обогнать подхода пѣхоты, тѣмъ болѣе, что Струковъ зналъ, что Адрианополь охраняется восемью тысячами низама, при 60-ти большихъ орудіяхъ. Чтò могли бы сдѣлать при такомъ неравенствѣ силъ наши девять эскадроновъ?.. Но въ виду необходимости предупредить приходъ туда Абдуль-Керима, который, вмѣстѣ съ ожидаемыми подкрѣпленіями изъ Стамбула, могъ бы значительно усилить адрианопольскій гарнизонъ, было очевидно, что *идти надобно*. Затруднительное положеніе летучаго отряда усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Скобелевъ съ 7-го января былъ уже не въ Германлы, а ушелъ совсѣмъ въ другую сторону — къ Хаскюю, съ цѣлью не пускать отступающія силы Сулеймана далѣе этого города ²⁾. Пославъ къ нему эстафету съ донесеніемъ о своемъ положеніи, Струковъ тѣмъ не менѣе понималъ, что изъ Хаскюя отвѣтъ не можетъ придти скоро, а между тѣмъ Абдуль-Кериму остается сдѣлать только около 30-ти верстъ, чтобы быть въ Адрианополь.

Онъ рѣшился наконецъ принять на себя весь рискъ дальнѣйшаго движенія и предупредить Абдуль-Керима. Расчетъ его на успѣхъ, точно также, какъ и предъ занятіемъ семенлійскаго моста, сводился на панаку: разъ, что она есть, — она лучший союзникъ, только дѣйствуй скорѣе и умѣй сочетать при этомъ осторожность съ рѣшительностью. Въ то время какъ Струковъ отдавалъ командамъ полковъ распоряженія къ дальнѣйшему движенію на завтра, ночное небо вдругъ озарилось на нѣсколько мгновеній трепетнымъ свѣтомъ какъ бы молніи или зарева громаднаго пожара, и опять померкло столь же внезапно; затѣмъ черезъ нѣсколько секундъ донесся издали, въ направленіи отъ Адрианополя громоподобный звукъ громаднаго взрыва, послѣ котораго началась какъ бы канонада, продолжавшаяся то отдѣльными выстрѣлами, то цѣлыми залпами довольно продолжительное время. Звуки явно шли отъ Адрианополя. Недоумѣвая, чтò это могло бы значить, Струковъ распорядился послать въ

¹⁾ Полки: 1-й лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества, 1-й уланскій Петербургскій и 1-я сотня донскаго казачьяго № 1-го полка.

²⁾ Скобелевъ, предпринимая это движеніе, не зналъ еще о томъ, что Сулейманъ, послѣ дѣла 5-го января, бросился не къ востоку, а на югъ, въ горы.

ту сторону развѣдочный разбѣдъ, и подъ утро къ нему привели съ аванпостовъ пяти-рыхъ человекъ, которые, назвавшись адрианопольскими жителями, объявили, что они на-рочно шли на-встрѣчу русскому отряду, въ качествѣ представителей отъ мѣстныхъ гра-жданъ разныхъ національностей, съ мольбой поспѣшить вступленіемъ въ ихъ городъ, что-бы охранять его отъ грозящаго разоренія и грабежа башибузуковъ. Эти люди свидѣтель-ствовали, что паника, внесенная въ мусуль-манское населеніе нашимъ набѣгомъ, растетъ и распространяется повсюду съ неимоверной быстротой; что турецкіе чиновники, бѣжавшіе изъ Германли и Мустафа-Паши, заставили дрогнуть и адрианопольскихъ властей, кото-рыя тоже потеряли голову; онѣ спѣшно укла-дываются со всѣми своими канцеляріями и готовы уходить, если уже не ушли, а нѣкото-рыя бѣжали еще вчера и третьего дня, вмѣ-стѣ съ толпами мусульманскаго населенія; что въ самомъ городѣ и его ближайшихъ окрест-ностяхъ находится множество мелкихъ шаекъ башибузуковъ, черкесовъ, бѣглыхъ аскеровъ, которые прямо высказываются предъ христиа-нами, что ожидаютъ только удаленія властей, чтобы начать рѣзню и разграбленіе. Эти же самые депутаты объяснили, что взрывъ, слы-шанный ночью, произошелъ вслѣдствіе распро-страненія Ахмедъ-Эюба-паши, который первый распространилъ панику въ адрианопольскомъ гарнизонѣ, приказавъ ему оставлять городъ какъ можно скорѣе и, видя невозможность вы-вести склады оружія и снарядовъ, велѣлъ взорвать пороховые погреба, находившіеся въ зданіи стараго серая, гдѣ помѣщался и гро-мадный арсеналъ. Все это взлетѣло на воздухъ, и когда депутаты оставляли городъ, то разва-лины стараго серая уже были охвачены гро-маднымъ пламенемъ и внутри нихъ раздава-лись безпрестанные взрывы бомбъ, гранатъ, ракетъ и патроновъ. Изъ всего этого Струко-ву стало ясно, что для Адрианополя критиче-скій моментъ уже насталъ, и что этимъ сей-часъ же надобно воспользоваться, тѣмъ болѣе, что городъ съ 120-тысячнымъ населеніемъ находится въ крайней опасности ¹⁾. Собравъ

къ себѣ полковыхъ командировъ, онъ объявилъ имъ, что принялъ твердое рѣшеніе идти не-медленно въ Адрианополь, куда вмѣстѣ съ нимъ имѣетъ отправиться половина отряда, а другая половина остается пока въ Мустафа-Пашѣ, для охраненія тыла и связи съ отря-домъ Скобелева.

Въ шесть часовъ утра, поставивъ депута-товъ подъ особымъ конвоемъ впереди отряда, Струковъ двинулся съ наивозможной поспѣш-ностью. Въ продолженіе всей дороги на-встрѣчу попадались толпы болгаръ, которые радост-но привѣтствовали отрядъ поклонами и кри-ками. Всѣ они были насильно захвачены въ поголовное ополченіе, объявленное противъ насъ по всей странѣ, а теперь, съ уходомъ турецкихъ властей, бѣжали изъ казармъ, на-встрѣчу «своимъ освободителямъ». Не доходя пяти верстъ до Адрианополя, наши увидѣли нѣсколько грозныхъ редутовъ и батарей, изъ числа укрѣпленій, окаймляющихъ городъ. Остановивъ отрядъ генералъ Струковъ при-казалъ представителямъ ѣхать въ Адрианополь и объявить, что русское войско подхо-дитъ; при этомъ онъ записалъ ихъ имена и предупредилъ, что если окажется, что они не

оружены, такъ какъ большая часть самыхъ крупныхъ орудій была отправлена въ Татаръ-Баазджикъ и на Шипку. Оставалось около 300 пушекъ разнаго калибра. Газета „Бассиретъ“ ошибочно предполагала, что Ахмедъ-Эюбу удалось спасти большую часть изъ нихъ. Онъ могъ бы это сдѣлать, при нѣсколько боль-шей находчивости, такъ какъ располагалъ 400 парами воловъ, и ему легко было бы перевезти артиллерійскія орудія изъ фортовъ до желѣзно-дорожной станціи, а оттуда въ сто-лицу; въ искупъ же онъ приказалъ только вы-нуть изъ орудій клинья. Вслѣдствіе этого гар-низонъ вывелъ заключеніе, что непріятель уже подступилъ,—произошла страшная паника и многочисленное дезертирство, между тѣмъ какъ русскіе должны были придти еще чрезъ пять дней. Затѣмъ Ахмедъ-Эюбъ отдалъ приказаніе поджечь складъ ружей, не находя ни времени, ни средствъ спасти его. Огонь перешелъ въ по-роховой погребъ, который залетѣлъ на воздухъ и причинилъ большія опустошенія. Отдавъ всѣ эти важныя приказанія, Ахмедъ-Эюбъ заперся въ домѣ своего друга, Шерифъ-бея, и снова занялся игрой въ шахматы, составлявшей его главное занятіе со времени пріѣзда въ Адрианополь. Въ пятницу, 19-го января онъ отступилъ по направленію къ Киркилисѣ и занялся соби-раніемъ разсѣянныхъ войскъ, находившихся между этой мѣстностью и Адрианополемъ, съ цѣлью вести ихъ къ столицѣ. Въ промежутокъ времени 36-ти часовъ, между уходомъ оттоман-скихъ войскъ и вступленіемъ русскихъ, разыгра-на была кровавая интермедія, дѣйствующими лицами которой были конечно грабители черке-сы. Около 1,500 человекъ изъ нихъ признали настоящий моментъ удобнымъ, чтобы разграбить базаръ, и храбро принялись за дѣло; но тогда турки вооружились вмѣстѣ съ христианами и напали на грабителей, нѣсколько сотенъ кото-рыхъ было убито на городскихъ улицахъ, а остальные, которымъ удалось спастись, должны были отказаться отъ своей добычи“.

¹⁾ Корреспондентъ газеты „Moniteur Universel“ сообщаетъ изъ Константинополя, отъ 25-го янва-ря, слѣдующія подробности объ очищеніи Адриа-нополя, которыя, по его мнѣнію, „хорошо обрисовываютъ то состояніе умовъ, въ какое постав-лены были побѣдоноснымъ шествіемъ русскихъ войскъ всѣ эти оперные генералы, которыми во множествѣ обладаетъ Турція и которымъ сул-танъ долженъ былъ поручить защиту Оттоман-ской имперіи“. — „Еще за семь дней до насту-пившей для Адрианополя серьезной опасности, — говорить онъ — Мехмедъ-Али-паша (пруссаки Детруа) и Ахмедъ-Эюбъ-паша рѣшили очистить городъ, признавая, что всякое сопротивленіе по-ведетъ только къ бесполезному пролитію крови. Форты уже были въ значительной степени раз-

были уполномоченными от города въ принятой на себя миссіи, а равно если разгласятъ о малочисленности отряда, то рано или поздно будутъ разстрѣляны.—«Пусть жители довѣрчиво выйдутъ къ намъ съ хлѣбомъ и солью, было имъ сказано,—пусть они бросятъ свое оружіе и всякіе замыслы касательно безпорядковъ; иначе мы не пойдемъ къ нимъ и предоставимъ городъ произволу башибузуковъ».

Съ этимъ напутствіемъ посланцы были отпущены.

На батареяхъ и редутахъ господствовали полная тишина и отсутствіе жизни. Это служило признакомъ, что адрианопольскія укрѣпленія уже оставлены. И дѣйствительно, весь гарнизонъ еще наканунѣ вечеромъ (7-го) вмѣстѣ съ Ахметъ-Экъ-пашою уѣхалъ на нѣсколькихъ поѣздахъ по желѣзной дорогѣ въ Чатаджу, увозя съ собой что возможно. Вскорѣ къ генералу Струкову привели добытаго «языка», который показалъ, что Гассанъ-паша, съ отрядомъ арабовъ отъ 2,000 до 2,500 человѣкъ, идетъ въ авангардѣ Абдуль-Керима, по ямболско-адрианопольской дорогѣ; но, къ счастью города, нашъ легучій отрядъ успѣлъ предупредить его—и Адрианополь избѣжалъ прохода чрезъ него и грабежа арабовъ.

Спустя около двухъ часовъ послѣ прибытія летучаго отряда, огромныя толпы городского населенія, узнавшаго, что русскіе стоятъ подлѣ самымъ городомъ, радостно хлынули къ нимъ на встрѣчу. Тогда Струковъ приказалъ играть музыкѣ и двинулся къ предмѣстью. Многія и многія тысячи народа съ криками восторга, со слезами и благословеніями государю русскому и великому князю, бросились къ отряду, цѣлуя солдатамъ руки и кобѣни. Чтобы не потеряться въ массахъ этого народа, генералъ Струковъ круто повернулъ отрядъ съ дороги, ведущей въ городъ, влѣво на высоту, командующую надъ Адрианополемъ. Здѣсь онъ принялъ духовенство разныхъ исповѣданій, которое явилось съ хоругвями, крестами и образами, при звукахъ церковнаго пѣнія, и привѣтствовало русскихъ въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ. Имена государя императора и великаго князя главнокомандующаго неоднократно упоминались съ благословеніемъ и благодарностію за своевременное спасеніе города отъ напасти. Струковъ обратился къ духовенству и представителямъ гражданъ съ предложеніемъ немедленно приступить, съ благословенія архіепископа, къ выбору довѣренныхъ лицъ отъ каждой народности, входящей въ составъ мѣстнаго населенія, и составить такимъ образомъ временное городское управленіе, которое будетъ дѣйствовать какъ законная власть, впредь до дальнѣйшаго распоряженія русскаго военнаго начальства. Затѣмъ генералъ приказалъ народу возвратиться въ свои дома и бли-

тельно смотрѣть за порядкомъ, въ предупрежденіе несчастій, а болѣе всего поджоговъ со стороны турецкихъ шаекъ.

Вслѣдъ за духовенствомъ выдвинулась новая депутація, во главѣ коей какой-то господинъ, съ орденомъ Меджидіе на груди, поднесъ городской ключъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью и отрекомендовался въ качествѣ мѣстнаго губернатора, только-что назначеннаго волею его величества султана. Струковъ принялъ хлѣбъ-соль, но отвѣтилъ, что тамъ, гдѣ находятся войска русскаго императора, не можетъ быть губернатора, назначеннаго Стамбуломъ, а потому и просить его не считать себя таковымъ и удалиться.

Между тѣмъ отрядъ построился въ каре, музыка заиграла русскій народный гимнъ и со стороны войска раздалось воодушевленное «ура» государю императору, Россіи и главнокомандующему. Все городское населеніе единодушно присоединилось къ этому крику. Не малаго труда стоило избраннымъ представителямъ уговорить народъ возвратиться въ городъ. Пока все это происходило, башибузуки, черкесы и вообще разные злоумышленники уходили изъ города, который, несмотря на это, былъ далеко не спокоенъ: безпрестанная пальба раздавалась въ улицахъ; стрѣляли и уходившіе злодѣи, стрѣляли по нимъ и жители, успѣвшіе первымъ дѣломъ разграбить большіе склады казеннаго оружія.

Струковъ рѣшилъ расположиться бивуакомъ на горѣ у предмѣстія Илдеримъ и выжидать дальнѣйшихъ событій.

Благодаря греческому архіерею и усердію духовенства другихъ исповѣданій, городъ довольно скоро началъ успокаиваться, и нашему маленькому отряду прислано было все необходимое для корма лошадямъ и людямъ.

Часъ спустя по удаленіи депутацій, на бивуакъ явился австрійскій консулъ, г. Саксъ, въ мундирѣ и при саблѣ, а съ нимъ и та личность, что называла себя турецкимъ губернаторомъ. Это былъ нѣкто г. Фасси, грекъ по происхожденію. Консулъ внушительнымъ тономъ объяснилъ генералу Струкову, что непризнаніе съ его стороны г. Фасси законнымъ губернаторомъ и назначеніе новаго «выборнаго» городского правленія неизбежно поведетъ къ затрудненіямъ и безпорядкамъ. Струковъ, соблюдая возможно вѣжливыя формы, не менѣе внушительно далъ понять консулу, что возстановленіе порядка, въ случаѣ надобности, беретъ онъ на себя и что г-нъ консулъ мѣшается не въ свое дѣло; но что мы будемъ очень ему благодарны, если въ случаѣ надобности онъ не оставитъ насъ совѣтами своей опытности касательно дѣлъ и интересовъ національности. Ввѣренной его попеченіямъ. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, г. Саксъ откланялся и удалился вмѣстѣ съ г. Фасси.

Къ сторонѣ ямбольской дороги, откуда можно было ожидать появленія Гассанъ-паши, были пущены усиленные разъѣзды; справа бивуакъ летучаго отряда обезпечивала Марица, непреходимая въ бродѣ, а присутствіе Скобелева въ Хаскюѣ позволяло быть спокойнымъ за весь тылъ отъ Адрианополя до Германлы. Поручивъ бивуакъ командирамъ полковъ, генералъ Струковъ съ разъѣздомъ отъ драгунскаго полка отправился вечеромъ въ городъ, чтобы появленіемъ своимъ окончательно успокоить тревогу въ жителяхъ, посѣтить архіерея и мимоходомъ отдать визитъ австрійскому консулу.

Вечеръ былъ ясный, лунный и теплый. Изъ приподнятыхъ наполовину рѣшетчатыхъ оконъ, слышавъ топотъ конскихъ копытъ по мостовой узенькихъ улицъ, выглядывали любопытныя и по преимуществу женскія головы; огней въ городѣ было уже очень мало, на улицахъ попадались лишь рѣдкіе прохожіе, повсюду царствовалъ полный порядокъ и каждый кварталъ уже имѣлъ свою гражданскую вооруженную стражу, выставлявшую въ своемъ участкѣ патрули и караулы. Но общее возбужденіе и страхъ башибузучьяго грабежа все-таки были еще на столько велики, что, бапримѣръ, когда Струковъ подъѣхалъ въ подъѣзду г. Сакса, то консульская прислуга бросилась-было на генерала и на его конвой съ ружьями и револьверами, принявъ ихъ въ темнотѣ за черкесовъ. Но, слава Богу, при этомъ не произошло никакой несчастной случайности и недоразумѣніе разъяснилось въ ту же минуту. Проѣхавъ на станцію желѣзной дороги, Струковъ, съ цѣлью прервать сообщеніе съ Константинополемъ, снялъ телеграфный аппаратъ и затѣмъ наложилъ руку на двадцать-восемь большихъ крупновескихъ орудій, совсѣмъ-было приготовленныхъ къ отправкѣ на линію чатадджійскихъ турецкихъ укрѣпленій. Ежминутно ожидая нападенія, онъ поспѣшилъ убрать всѣ эти орудія къ себѣ на бивуакъ, куда они и были свезены къ разсвѣту.

На другой день (9-го) къ генералу Струкову явились на бивуакъ четыре консула — французскій, англійскій, греческій и австрійскій, и Струковъ, благодаря этимъ господамъ за вниманіе, просилъ ихъ благоклоннаго содѣйствія, еслибы такое понадобилось, во всемъ, что можетъ касаться собственно круга ихъ спеціальной дѣятельности и интересовъ жителей ихъ національностей; потомъ онъ кстати сообщилъ имъ, что генералъ Скобелевъ черезъ нѣсколько часовъ прибудетъ въ городъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Господа консулы единогласно просили передать ихъ признательность генералу Скобелеву и не отказать послать ихъ глубокую благодарность великому князю главнокомандующему за своевременную присылку отряда, спасающаго городъ отъ спешъ башибузучьяго грабежа, убійствъ и пожара. Въ Адрианополь отъ всей

массы турецкихъ войскъ осталось 73 аскера при двухъ офицерахъ, которые были отданы Мехметъ-Эюбомъ въ распоряженіе европейскихъ консуловъ; послѣдніе воспользовались аскерами въ качествѣ полицейской стражи и изъ чувства самохраненія ходили вмѣстѣ съ ними въ ночныхъ патруляхъ по городу. Эти аскеры тоже явились къ генералу Струкову и заявили, что они безусловно покоряются волѣ и милосердію русскаго монарха.

Такъ прошли дни 8-го и 9-го января, въ теченіе которыхъ отрядъ не разъѣдывался. Къ вечеру же 9-го, генералъ Скобелевъ прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Адрианополь и расположилъ части своей пѣхоты въ предместьяхъ города. Благодаря благоразумію и опытности полковыхъ и эскадронныхъ командировъ, потери въ отрядѣ Струкова до сихъ поръ были незначительны: несмотря на бивуачную жизнь, при стужѣ до 10-ти градусовъ, при дневной и ночной непрерывной службѣ, больныхъ было всего лишь два человѣка, отсталыхъ лошадей не было вовсе, и въ теченіе всего времени сохранялась образцовая дисциплина.

«Я искренно сожалѣю, писалъ въ штабъ главнокомандующаго генералъ Струковъ, что у меня не было достаточныхъ силъ для исполненія моей задачи во всемъ ея объемѣ, т. е. спасеніе не одного нами пройденнаго пути и города Адрианополя, но и всѣхъ окрестностей отъ невѣроятныхъ ужасовъ, тамъ совершавшихся: села разграблялись, жители въ кандалахъ и цѣпяхъ угонялись; не только взрослые женщины, но и малолѣтнія дѣвочки восьми и десяти лѣтъ подвергались позору и изнѣзаченіямъ; словомъ, страна систематически опустошалась, въ виду невозможности удержаться и властвовать въ ней на старыхъ правахъ».

Войска Гассана и Абдуль-Керима паши не пошли въ Адрианополь. Мехмедъ-Али-паша, проѣзжавшій по ямбольской дорогѣ еще 6-го января, нагнавъ эти войска, сообщилъ ихъ начальникамъ, что русскій авангардъ, двигаясь по шоссе, во всякомъ случаѣ предупредитъ ихъ въ Адрианополь, и такъ какъ они, благодаря вязкой грунтовой дорогѣ, въ сущности уже и теперь опоздали въ этотъ городъ, то лучше имъ свернуть на Киркилиссу. Они такъ и сдѣлали, бросая по дорогѣ почти всѣ военные тяжести, замедлявшія ихъ трудное движеніе. 10-го января въ Адрианополь вступили: Шуйскій пѣхотный полкъ, 11-й стрѣлковый батальонъ и четыре 9-ти-фунтовыхъ орудія, а наканунѣ, передъ ночью, генералъ Струковъ вышелъ съ пѣтербургскими уланами по дорогѣ къ югу, на городъ Гефеу (онъ же и Хавса).

Уланы все время гнали предъ собой небольшія партіи турецкихъ солдатъ, башибузучковъ, черкесовъ, зейбековъ и массы вооруженныхъ жителей, имѣя со всѣмъ этимъ сбродомъ ежеминутныя стычки; но кромѣ того, въ сторонѣ отъ

дороги справа и слева раздавались безпрестанные выстрѣлы: это партія болгаръ и грековъ вели непрерывную малую войну съ турецкими бѣглецами, мародерами и жителями. То былъ одинъ изъ самыхъ истребительныхъ способовъ войны, гдѣ противники не давали другъ другу ни малѣйшей пощады: зайдутъ ли турки въ христіанскую деревню — деревня сейчасъ же горитъ, старики, женщины и дѣти вырѣзываются, скотъ пристрѣливается и турки убѣгаютъ далѣе. Настигнуть ихъ вооруженные христіане — происходитъ новая рѣзня и бойня; и если попадаютъ христіанамъ гдѣ-нибудь въ сторону отъ большой дороги деревня турецкая, то ее также ожидаетъ участь пожара и разгрома въ отместку за истребленіе христіанскихъ селеній. Кавалерійскій отрядъ нашъ былъ слишкомъ малочисленъ, чтобы помимо главнѣйшей своей цѣли — наступательнаго движенія къ Царьграду, принимать на себя еще и полицейскія обязанности въ стороны отъ своего прямого пути; гдѣ было возможно, наши кавалеристы спасали отъ взаимнаго истребленія какъ христіанъ, такъ и турокъ; но далѣе въ стороны отъ дороги, куда отрядъ не имѣлъ возможности высылать разѣзды, по всему краю свирѣпствовала ужасная бойня между христіанскими и мусульманскими населеніями. Заревомъ пожаровъ то справа, то слева, то впереди освѣщало ночной путь уланъ, которые на разсвѣтъ 11-го января заняли Гефсу безъ боя и тамъ въ копѣжъ нашли одну комнату, наполненную цѣпями и различными инструментами пытки. Комната эта очевидно служила мѣстомъ инквизиціонныхъ истязаній. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, который вмѣстѣ съ двумя образцами пыточныхъ инструментовъ препровожденъ генераломъ Струковымъ къ великому князю главнокомандующему. Тутъ была освобождена масса болгаръ, захваченныхъ турками для поголовнаго ополченія и томившихся безъ пищи въ заключеніи во дворѣ и подвалахъ конака.

Въ ночь съ 11-го на 12-е января занятъ уланами городокъ Баба-Эски. Весь путь уланъ былъ трупами христіанъ, турокъ и животныхъ. Въ городкѣ догорали христіанскіе дома, и башибузуки продолжали еще грабить и неистовствовать, когда налетѣли сюда наши всадники. Расправа съ злодѣями была коротка: ихъ перекростили на самомъ мѣстѣ ихъ подвиговъ. Здѣсь, въ числѣ зарѣзанныхъ жителей, находился одинъ священникъ, котораго башибузуки подвергли мученической смерти, за то что онъ не выдалъ, гдѣ укрыты христіанскія дѣвушки. Замѣчательно, что при всѣхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на турокъ, при всемъ ихъ отчаяніи, проявлявшемъ себя въ этихъ мстительныхъ поджогахъ и убійствахъ, ихъ ни на минуту не оставляли инстинкты самой грубой чувственности, оргія которой безстыдно и всенародно совершалась среди крови и пожаровъ. Молодые

женщины, мальчики и малолѣтнія дѣвочки болѣею частію прирѣзывались ятаганами непосредственно вслѣдъ за изнасилованіемъ. Было что-то безумное и нечеловѣческое во всѣхъ этихъ кровавыхъ чувственныхъ проявленіяхъ, о которыхъ безъ содроганія и ужаса не могутъ вспомнить свидѣтели-очевидцы.

12-го января, въ 10 часовъ вечера, командиръ № 1-го казачьяго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Кутейниковъ получилъ отъ генерала Струкова приказаніе выступить съ двумя сотнями изъ Баба-Эски въ Люле-Бургасъ, для спасенія этого города отъ турецкихъ хищниковъ. Собрать 1-ю и 5-ю сотни своего полка, Кутейниковъ вышелъ съ ними въ 11 часовъ ночи и еще до разсвѣта подступилъ къ Люле-Бургасу. Онъ направилъ сильныя разѣзды въ самый городъ и одинъ взводъ 5-й сотни въ обходъ его. Послѣ небольшой перестрѣлки съ бѣжавшими черкесами, Люле-Бургасъ былъ занятъ; вся 5-я сотня проведена черезъ него уланами и расположена впереди города, на владѣннѣ, которое представляло нѣкоторыя выгоды для обороны въ спѣшенномъ строю. Одновременно съ этимъ, 1-я сотня была придвинута къ городу и расположена, имѣя лошадей въ поводу, близъ каменнаго моста, перекинутого черезъ ручей, протекающій у самаго города. Исполнивъ первую часть своего порученія, полковникъ Кутейниковъ еще до разсвѣта отправился съ 1-ю сотнею на станцію желѣзной дороги, чтобы, занявъ ее, прервать телеграфное сообщеніе съ Константинополемъ. На пути онъ захватилъ турецкую кавалерійскую казарму съ четырьмя конными черкесами, находившимися при ней на посту. Пятый изъ числа караульныхъ попытался ускакать, но былъ настигнутъ казаками уже въ самомъ городѣ. Перестрѣлка, завязавшаяся при овладѣннѣ казармою и вообще движеніе 1-й сотни вскорѣ привлекли на себя вниманіе непріятеля, который началъ показываться съ разныхъ сторонъ мелкими партіями; но по мѣрѣ приближенія казаковъ къ станціи, конныя скопища противника стали значительно возрастать и вскорѣ открыли огонь по сотнѣ и ея разѣздамъ, шедшимъ все время рысью. Не отвѣчая на огонь, казаки подъ выстрѣлами заняли станцію и отогнали отъ нея на нѣкоторое разстояніе турецкія скопища, захвативъ при этомъ двухъ кавалеристовъ, не успѣвшихъ сѣсть на лошадей. Ординарцы Кутейникова сняли телеграфный аппаратъ подъ сильнымъ огнемъ турокъ, препятствовавшихъ имъ издать, и доставили его въ цѣлости своему командиру, который послѣ этого приказалъ 1-й сотнѣ отходить къ городу. Съ началомъ обратнаго движенія непріятельскіе конники, державшіеся все время на почтительномъ разстояніи, двинулись впередъ, а когда станція была окончательно оставлена, понесъ

лись за казаками карьеромъ. Впрочемъ, наступленіе это было весьма непродолжительно: какъ только первая полусотня наша прошла топкое мѣсто у станціи, она построилась въ лаву и открыла огонь по несущимся конникамъ, и этого оказалось достаточно, чтобы остановить ихъ атаку. Когда же вся сотня, перейдя благополучно топъ, кинулась впередъ съ обычнымъ казачьимъ гикомъ, то непріятель, не выждавъ удара, разсѣлся въ разные стороны и скорѣй исчезъ изъ вида. Съ нашей стороны при этомъ былъ смертельно раненъ одинъ казакъ и убитъ лошадь.

Одновременно съ нападеніемъ на 1-ю сотню, другая непріятельская партія, менѣе значительная, кинулась съ гикомъ и непрерывной стрѣльбой на 5-ю сотню, стоявшую на кладбищѣ впереди города. Не отвѣчая на огонь противника, эта сотня ударила въ пикъ и пашки и изрубила до десяти конныхъ аскеровъ, потерявъ сама при этомъ одного казака, убитого на-повалъ. Во время схватки обѣихъ сотенъ, вооруженные турецкіе жители, находившіеся въ обозахъ, стали собираться въ большія группы и внимательно слѣдили за дѣломъ; но увидѣвъ неблагопріятный для себя исходъ его, разошлись по своимъ повозкамъ; до рѣшительнаго момента многіе изъ нихъ выказывали большую наглость въ отношеніи караульныхъ казаковъ, находившихся на мосту и у спуска съ горы: турки приближались къ нимъ съ угрожающими и циническими жестами, сопровождая эти тѣлодвиженія какими-то ругательствами, прицѣливались въ нихъ издали и иногда пускали пули, по счастью, не нанесшія никакого вреда. Но кѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ нашей неудачи, вся эта масса вооруженнаго (хотя и плохо) народа обрушилась бы на слабосильныя сотни. На переходѣ отъ Баба-Эски и во время дѣла подъ Люле-Бургасомъ казаки взяли болѣе сорока человѣкъ плѣнныхъ.

Одновременно съ полковникомъ Кутейниковымъ былъ направленъ эскадронъ петербургскихъ уланъ (ротмистра Свѣта) на станцію Павло, лежащую между Люле-Бургасомъ и Бургасомъ-Кулели, отъ коего отдѣляется желѣзно-дорожная вѣтвь на Демотику и далѣе на Деде-Агачъ, до Эгейскаго моря. Этотъ эскадронъ, сдѣлавъ 70 верстъ и захвативъ въ свои руки станцію Павло, возвратился къ своему отряду не ранѣе, какъ узнавъ, что обладаніе Люле-Бургасомъ вполнѣ обезпечено за нами. Удачные набѣги на оба эти желѣзно-дорожные пункта принесли для всей нашей дѣйствующей арміи весьма чувствительную пользу въ томъ отношеніи, что занятіемъ Павло и Люле-Бургаса мы совершенно отрѣзали отъ Стамбула деде-агачскую вѣтвь въ то время, когда въ Деде-Агачѣ находилось 170 вагоновъ и пять локомотивовъ, которыми мы и восполь-

зовались для скорѣйшаго передвиженія войскъ, артиллеріи, снарядовъ и запасовъ къ окончательнымъ предѣламъ нашего наступленія. Въ Люле-Бургасѣ были захвачены два поляка, находящіеся на турецкой службѣ въ качествѣ инженеровъ, которые на допросѣ показали, что они шли съ войсками Абдуль-Керима, Гассана и Хаджи-Гуссейна нашей, слѣдовавшихъ въ числѣ 25,000 человѣкъ на Адрианополь; но 6-го января, подойдя къ селенію Ханлы-Энидше¹⁾, эти наши узнали отъ прѣхавшаго туда Мехмеда-Али-паша, что авангардъ русскихъ войскъ долженъ на слѣдующій день (7-го) подойти уже къ Адрианополю, а потому, по совѣту Мехмеда-Али, они свернули на Киркилиссеу, дабы направиться оттуда на Константинополь. Такимъ образомъ, показанными польскими инженерами вполнѣ подтвердились свѣдѣнія, уже раньше имѣвшіяся у генерала Струкова. 25-ти тысячная армія, въ соединеніи съ 8-ми тысячнымъ адрианопольскимъ гарнизономъ и массами вооруженныхъ эмигрантовъ, при многочисленныхъ орудіяхъ и громадныхъ военныхъ запасахъ, сосредоточенныхъ въ арсеналѣ стараго сераля, конечно могла бы, не выходя изъ Адрианополя, оказать намъ очень серьезное сопротивленіе въ замѣчательно сильныхъ фортахъ этого города, а между тѣмъ Адрианополь достался намъ безъ выстрѣла. Этимъ важнымъ успѣхомъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны быстрому и безостановочному движенію кавалеріи Струкова, за которую вслѣдъ повсюду поспѣвала баснословно-быстрая пѣхота Скобелева.

Поголовное переселеніе мусульманъ изъ Болгаріи началось еще дѣломъ; оно то усиливалось, то ослабѣвало, смотря по тому, какой оборотъ принимали дѣла кампаніи. Придя въ Люле-Бургасъ, генералъ Струковъ постигъ здѣсь громадную массу переселявшихся турокъ, башабузукотъ, цыганъ и черкесовъ. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней скапливалось все, что было враждебнаго болгарамъ и съ большимъ или меньшимъ основаніемъ страшилось мнѣнія мѣстныхъ христіанъ и боялось нашего приближенія. Вѣглецы, остановленные по распоряженію Порты у Люле-Бургаса, въ предупреденіе того, чтобы они не наводнили собой безъ того уже переполненнаго Стамбула, громадными становами располагались на окрестныхъ поляхъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій правительства о томъ, куда именно прикажутъ имъ двигаться далѣе. Число люда, настигнутаго въ Люле-Бургасѣ, приблизительно, надо опредѣлять въ 180—200,000 человѣкъ, при 20,000 повозокъ. Не бывши очевидцемъ, трудно вѣрить описанію того состоянія, въ какомъ эта масса оставила послѣ себя всѣ

¹⁾ На карнабадо-адрианопольской грунтовой дорогѣ, въ разстояніи одного перехода отъ Адрианополя.

пройденные ею христіанскіе города, мѣстечки и селенія. Отрядъ генерала Струкова все время шелъ по свѣжимъ слѣдамъ пожаровъ, грабежей, убійствъ и насилій. Только паника, вызванная необыкновенно быстрымъ движеніемъ этого маленькаго отряда, а также разгромъ при Германлы и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ обезпечили самый отрядъ отъ опасности, угрожавшей ему скопленіемъ такого множества враждебнаго намъ и вооруженнаго населенія. Генераль Струковъ первымъ дѣломъ приступилъ къ обезоруженію люлебургасскаго скопища переселенцевъ. Это необходимо было сдѣлать и для того, чтобы хотя на сколько нибудь отнять у этихъ людей возможность къ дальнѣйшимъ грабегамъ и систематическому разоренію окрестнаго христіанскаго населенія. Предложеніе добровольно сложить оружіе не повело ни къ чему, а потому пришлось обезоруживать съ помощію военной силы; но и при этомъ многое и многое осталось укрытымъ, такъ какъ, за недостаткомъ времени на обыскъ такой массы повозокъ, отобрали оружія всѣхъ родовъ лишь около 1,500 штукъ, а между тѣмъ во многихъ повозкахъ оказывалось по три, по четыре ружья, запятанныхъ подъ разной рухлядью. Половина отобраннаго была тутъ же роздана жителямъ христіанамъ, а другая сложена въ одной изъ люлебургасскихъ мечетей. Затѣмъ оставалось рѣшить — что дѣлать съ такимъ огромнымъ числомъ безпокойнаго, фанатическаго и полуголоднаго народа? Не будучи приготовленъ къ такому случаю и не имѣя на этотъ предметъ никакихъ инструкцій, генераль Струковъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшилъ, что можно, во-первыхъ, либо отпустить всѣхъ ихъ по дорогѣ далѣе и такимъ образомъ лишить Болгарію значительной части ея населенія со всѣми награбленными въ ней богатствами; либо, во-вторыхъ, вернуть ихъ назадъ и черезъ то вторично подвергнуть Болгарію налету саранчи, которая окончательно оголяла бы путь, по коему двигалась и движется наша армія; либо, въ-третьихъ, держать скопища на мѣстѣ и этимъ поморить не только весь скотъ, воловъ и лошадей, уже въ-концѣ изнуренныхъ путемъ и безкормицею, но и людей, безъ того умиравшихъ отъ болѣзней и недостатка пищи; либо же, наконецъ, въ-четвертыхъ — направить всѣхъ эмигрантовъ на Константинополь; это хотя и нагнало бы панику на столицу Турціи, но движеніе такой массы по грунтовой дорогѣ въ дождливое время сдѣлало бы ее совершенно непроходимой для арміи: конная батарея летучаго отряда едва едва дотацилась до Люле-Бургаса по отравнымъ колеямъ глинистаго грунта. И такъ, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, генераль Струковъ предложилъ несчастному люду самому рѣшить свою дальнѣйшую участь. Нарочно обѣщая весь громад-

ный таборъ, генераль предлагалъ черезъ переводчика: кто хочетъ возвратиться домой, пусть свободно возвращается сейчасъ же, а кто ищетъ своего спасенія въ Стамбулѣ, тотъ пускай немедленно направляется въ Родосто, къ Мраморному морю, гдѣ турецкія суда перевезутъ ихъ—куда укажетъ ихъ правительство, которому дадутъ знать объ этомъ телеграммою. Слыша это, турецкіе бѣглецы, въ большинствѣ быть можетъ болѣе введенные въ заблужденіе, чѣмъ дѣйствительно виновные, принимали съ благодарностію предложенія русскаго генерала и высказывали ему горькія жалобы на собственное свое правительство, внушавшее имъ, что приближающіяся русскія войска неизбежно внесутъ къ нимъ смерть и разореніе, а потому спасеніе только одно—бѣжать какъ можно скорѣе, но бѣжать такъ, чтобы замедлять наступленіе непріятеля, для чего слѣдуетъ жечь и истреблять на его пути и вообще по всей странѣ ея селенія и продовольственные запасы. Эти несчастные устами многихъ изъ своихъ старшинъ высказывали тяжелое разочарованіе, говоря: «Знай мы, что русскія войска таковы, какими мы теперь ихъ видимъ—мы не за что не покинули бы нашихъ домовъ и земель, и не пошли бы сами не зная куда». При этомъ многими высказывалась благодарность русскому государю и главнокомандующему за снисходительное и человѣчное обхожденіе съ ними нашего войска. Генераль Струковъ, рассказывая о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ въ одномъ изъ своихъ писемъ на имя генераль-адъютанта Непокойничкаго, говорить, между прочимъ, слѣдующее: «позволяю себѣ обратить вниманіе ваше на страшную вину и отвѣтственность, падающія въ этомъ дѣлѣ на турецкое правительство. Война сама по себѣ, безъ сомнѣнія, внесла много горя и бѣдъ въ долины и горы Болгарин; но я, какъ очевидецъ, смѣю думать, что «переселеніе народовъ», подобное вышеописанному, не оправдываемое никакими поводами, болѣе серьезными, чѣмъ тѣ, что служили для константинопольскаго правительства, въ состояніи разорить край сильнѣе нѣсколькихъ кровопролитныхъ войнъ». Болѣе благоразумная часть выселявшихся повернула назадъ, но большинство все-таки предпочло направиться въ Родосто, о чемъ и было телеграфировано изъ главной квартиры въ Стамбулѣ, съ предупрежденіемъ о необходимости своевременно заготовить какъ провіантъ, такъ и средства для переѣзда эмигрантовъ въ Малую Азію.

16-го января генераль Струковъ пропустилъ черезъ свои аванпосты ѣхавшаго изъ отряда Скобелева турецкаго парламентаря, Мюмъ-эфенди, о которомъ я писалъ уже въ одномъ изъ моихъ писемъ изъ траянскаго отряда. Мюмъ-эфенди, послѣ долгихъ страствій, возвращался теперь изъ Филиппополя

въ Константинополь, вмѣстѣ съ другимъ парламентеромъ, Чебаръ-эфенди. Генералъ Струковъ показалъ обоимъ несчастныхъ ихъ соотечественниковъ, доведенныхъ до такого убійственного положенія формальными приказами властей «все жечь, все истреблять и не двигаться», не опредѣляя куда именно.

На пути отъ Адрианополя до Люле-Бургаса нашъ летучій отрядъ перехватилъ не мало отдѣльныхъ партій солдатъ, башибузовъ и черкесовъ, слѣдовавшихъ иногда при офицерахъ; въ солдатскихъ обозахъ было найдено два турецкія знамена, а у черкесовъ между разнымъ награбленнымъ у болгаръ добромъ отыскалось не мало церковныхъ серебряныхъ вещей и сосудовъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на трудность сохранять должную дисциплину въ солдатахъ, когда имъ приходится оберегать и даже обихивать подобные громадные частные обозы, генералу Струкову не пришлось ни одного раза прибѣгнуть къ круглымъ мѣрамъ для удержанія своихъ людей въ чести и вѣрности долгу службы; на солдатъ нашихъ не послѣдовало при обыскѣ ни одной жалобы со стороны турокъ, что, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуешь въ пользу ихъ образцовой дисциплины.

16-го января, утромъ, генералъ Струковъ выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Люле-Бургаса, куда наканунѣ вступила бригада гвардейской кавалерійской дивизіи ¹⁾. Для обезпеченія колонны Скобелева, а равно и своего тыла, онъ выслалъ къ городу Киркилессоу казачью сотню ²⁾, которая, найдя тамъ лишь ничтожныя партіи отсталыхъ турецкихъ солдатъ изъ состава войскъ, уже прошедшихъ черезъ этотъ городъ, догнала отрядъ генерала Струкова на пути его слѣдованія къ деревнѣ Киритиранъ, назначенной на 16-е число пунктомъ отряднаго ночлега. Едва лишь авангардъ нашей кавалеріи показался въ виду этой деревни, какъ изъ нея вышла турецкая пѣхота въ числѣ трехсотъ человекъ, и безъ выстрѣла отступила по направленію къ югу. Желая обезпечить свой ночлегъ и знать что предстоитъ на завтра, генералъ Струковъ выслалъ съ вечера усиленный казачій разъѣздъ къ городу Чорлу. Разъѣздъ этотъ, приближаясь къ желѣзно-дорожной станціи, находящейся въ трехъ верстахъ отъ названнаго города, былъ встрѣченъ значительно превосходящими силами противника и вынужденъ удалиться. Поэтому, на разсвѣтъ 17-го числа, Струковъ выдвинулъ туда 17-й эскадронъ петербургскихъ уланъ, подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра князя Дондукова-Корсакова, поручивъ ему сдѣлать развѣдку мѣстности и непріятель-

скихъ силъ, а также захватить телеграфъ, дабы не дать противнику возможности извѣстить далѣе за Чорлу о приближеніи русскаго отряда. Благодаря неожиданности появленія этого эскадрона, захватъ желѣзно-дорожной станціи сдѣланъ былъ очень ловко и быстро, хотя предъ нею находится мостъ, чрезъ который пришлось уланамъ перебираться узкимъ фронтомъ. Едва князь Дондуковъ-Корсаковъ успѣлъ снять телеграфный аппаратъ, какъ изъ города выдвинулась турецкая кавалерія въ числѣ тысячи всадниковъ, между которыми кромѣ черкесскихъ сотенъ, было еще и нѣсколько гвардейскихъ эскадроновъ, такъ называемыхъ имаатъ-аскеровъ. Кавалерія эта бросилась на нашихъ уланъ, которые, быстро отступая отъ станціи, спѣшились за мостомъ, занявъ его своими стрѣлками. Это хотя и задержало турокъ, но не надолго: они стали переходить тонкую и болотистую рѣчку въ бродъ, съ цѣлью отрѣзать нашему эскадрону путь отступленія, вслѣдствіе чего князь Дондуковъ-Корсаковъ, посадивъ людей въ сѣдло, отступилъ прежде, чѣмъ турки успѣли исполнить свою переправу, и далъ знать о своемъ положеніи генералу Струкову. Тогда на помощь уланамъ была двинута на рыхлѣхъ 4-я сотня 1-го донскаго полка, которая должна была взять во флангъ два турецкіе эскадрона, успѣвшіе уже пройти черезъ мостъ и завязавшіе съ коней перестрѣлку съ наѣзниками князя Дондукова-Корсакова. Вскорѣ дѣло дошло до схватки. Турки пытались нѣсколько разъ подкакивать къ нашему фронту, такъ что офицерамъ приходилось встрѣчать ихъ револьверами въ упоръ. Въ этихъ схваткахъ уланы потеряли четырехъ человекъ и пять лошадей убитыми, да десять человекъ и девять лошадей ранеными. Кромѣ того, подъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ лошадь была ранена, а подъ корнетомъ Лукутинымъ убита. Этотъ послѣдній офицеръ былъ спасенъ почти отъ вѣрной гибели однимъ изъ рядовыхъ, который, пренебрегая собственной опасностью, съѣлъ съ лошади и предложилъ ее своему офицеру. Остальные турецкіе эскадроны и сотни оставались по ту сторону рѣчки у брода въ выжидательно-угрожающемъ положеніи. Очевидно, они считали свои два эскадрона, пущенные уже въ дѣло, совершенно достаточной силой, чтобы уничтожить уланъ. Въ виду почти въ десятеро сильнѣйшаго противника, готового раздвинуть нашъ эскадронъ своей массой, положеніе уланъ становилось все болѣе и болѣе критическимъ, какъ вдругъ 4-я сотня подъ начальствомъ сотника Коредова и художника В. В. Верещагина ³⁾ не-

¹⁾ Полки лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій.

²⁾ 4-ю сотню 1-го донскаго полка, подъ начальствомъ сотника Каргальскаго.

³⁾ В. В. Верещагинъ, находившійся все время при отрядѣ, принималъ участіе почти во всѣхъ дѣлахъ и, по свидѣтельству генерала Струкова, постоянно былъ однимъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ его помощниковъ.

ожиданно съ двухъ сторонъ налетѣла на турокъ и съ гикомъ приняла ихъ въ пашки и пикн. Увидя подмогу, уланы тоже бросились въ атаку и вмѣстѣ съ казаками окончательно смяли оба турецкіе эскадрона, изрубивъ при этомъ до пятнадцати человекъ. Между тѣмъ на мѣсто боя стала постепенно прибывать и остальная кавалерія Струковского отряда. На подкрѣпленіе Дондукова-Корсакова и Корелова генералъ отправилъ еще одну сотню ¹⁾ и лейбъ-эскадронъ московскихъ драгунъ; приказавъ флигель-адъютанту полковнику Кутейникову принять общее начальство надъ авангардомъ, съ тѣмъ чтобы рѣшительно наступать съ нимъ на Чорлу, пройти городъ насквозь и заставить непріятеля очистить его. Между тѣмъ, пока Дондуковъ-Корсаковъ и Кореловъ дрались съ турками, подоспѣвшая 5-я сотня 1-го полка заняла станцію. Вскорѣ послѣ этого на мѣсто боя прибылъ полковникъ Кутейниковъ и, ставуъ къ себѣ всѣ части авангарда, далъ имъ десятиминутный отдыхъ, потому что уланамъ и казакамъ 4-й сотни необходимо было оправиться послѣ только что оконченной схватки, а затѣмъ отдалъ слѣдующее распоряженіе: уланскому эскадрону слѣдовать въ городъ по шоссе, 5-й сотнѣ лѣвѣе уланъ. безъ дороги, въ центръ города съ восточной стороны, 1-й сотнѣ оставаться въ резервѣ, съ тѣмъ чтобы оказать помощь тамъ гдѣ потребуется и затѣмъ вновь отойти въ резервъ. Драгунскій лейбъ-эскадронъ въ то время еще не прибылъ на мѣсто, а потому относительно его не было сдѣлано никакихъ распоряженій. Сверхъ того, 3-й сотнѣ было поручено найти удобные броды въ толпой рѣчкѣ Чорлу-дере и изслѣдовать спуски и подъемы къ городу, минуя шоссеиую дорогу; полковникъ Кутейниковъ считалъ это весьма важнымъ, опасаясь скопленія людей на единственномъ мосту и на узкой дорогѣ въ случаѣ отступленія, если бы силы противника оказались несоразмѣрно велики и стойки. Всѣмъ частямъ авангарда было приказано перестроиться на взводныя колонны и выслать впередъ только дозорныхъ, такъ какъ въ это время многочисленныя разѣзды 5-й сотни (авангардной) съ разныхъ сторонъ уже приближались къ городу, и одинъ изъ нихъ былъ не далѣе двухсотъ шаговъ отъ городского въѣзда. Въ такомъ порядкѣ сотни и эскадронъ почти одновременно двинулись впередъ.

Непріятельская кавалерія начала отступать въ полномъ порядкѣ и втянулась въ гор. Чорлу, не рѣшаясь впрочемъ завязывать дѣло въ улицахъ, такъ какъ христіанское население, увидя приближеніе русскихъ, выказало въ отношеніи турокъ явную враждебность. Де-

гаеть-паша, командовавшій гарнизономъ Чорлу, все время наблюдалъ съ горы за ходомъ боя, но при приближеніи разѣздовъ 5-й сотни, вдругъ ударился бѣжать, увлекая за собой свою кавалерію и оставя конякъ со всѣми бумагами. Въ городѣ, при видѣ этого бѣгства, поднялась суматоха: христіане толпами высыпали на улицы, а турецкое населеніе торопилось выбираться вслѣдъ за своими войсками. Впрочемъ, несмотря на суматоху, разѣзды наши и уланскій эскадронъ прошли по улицамъ вполне свободно, при радостныхъ крикахъ толпившихся христіанъ, и скорѣ всѣ части нашего авангарда показались на противоположной сторонѣ города. Для преслѣдованія бѣгущаго противника назначена была 5-я сотня, которая гнала его на протяженіи пяти верстъ по константинопольской дорогѣ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ двухъ всадниковъ и потерявъ одну лошадь убитой. Турецкая кавалерія отступила къ Силиври, а Чорлу осталось за нами. Тяжелый переходъ, но главное дорога, разбухшая отъ дождей, не давали возможности преслѣдовать противника далѣе; да и кромѣ того, день былъ уже близокъ къ сумеркамъ, надо было обезпечить ночлегъ отряда и снять рельсы, такъ какъ еще наканунѣ приходилъ сюда поѣздъ изъ Константинополя за турецкими эмигрантами, а три дня назадъ, т. е. 14-го числа, приняты были на особые поѣзды послѣднія войска, отступавшія отъ Адрианополя. День занятія Чорлу былъ праздникомъ для всего отряда. Въ минуту окончанія дѣла прибылъ изъ главной квартиры флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ, присланный передать офицерамъ и нижнимъ чинамъ сердечное «спасибо» государя и главнокомандующаго за все послѣднее время. Благодаря тому обстоятельству, что турки не успѣли разорить Люле-Бургаса и Чорлу, въ обоихъ этихъ городахъ генералъ Струковъ собралъ весьма значительныя запасы муки и зерна, приспособилъ къ дѣлу мѣстныхъ мукомольни, сдѣлалъ печи и открылъ хлѣбопеченіе не только для своей части, но и для Скобелевскаго отряда, а также устроилъ особый складъ, изъ котораго посылалъ продовольствіе и въ другія части подходившихъ войскъ. Кромѣ того телеграфное сообщеніе, систематически прерываемое при каждомъ движеніи впередъ, тотчасъ же возобновлялось въ тылу летучаго отряда, для сношеній съ главной квартирой, причемъ конечной станціей всегда былъ пунктъ расположенія генерала Струкова.

18-го января летучій отрядъ двинулся на городъ Силиври, занимаемый, кромѣ кавалеріи, отступившей изъ Чорлу, еще двумя таборами регулярной пѣхоты. На пути было получено изъ главной квартиры приказаніе не форсировать этого пункта, такъ какъ завтра, 19-го числа, будетъ подписано перемиріе. Въ

¹⁾ 3-ю сотню 1-го докского полка.

силу этого отрядъ нашъ расположился въ виду города, не предпринимая противъ него никакихъ враждебныхъ дѣйствій. На слѣдующій день пришло приказаніе занять Силиври на основаніи условій перемирія. Генераль Струковъ послалъ увѣдомить объ этомъ Дегаеть-пашу, который отвѣчалъ нашему парламентеру отказомъ. Тогда Струковъ самъ поѣхалъ въ городъ, засталъ пашу въ конакѣ и показалъ ему полученное приказаніе. Паша отвѣчалъ, что онъ со своей стороны не получалъ подобнаго и не имѣетъ пока на этотъ счетъ никакихъ инструкцій, равно какъ и о перемиріи официально еще ничего не знаетъ, а потому и не можетъ согласиться на предложеніе русскаго генерала. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Струковъ съ твердостью объявилъ Дегаеть-пашѣ, что такъ какъ онъ, въ качествѣ начальника отряда, предназначеннаго къ занятію Силиври, обязанъ во всякомъ случаѣ исполнять августѣйшую волю главнокомандующаго, то откажъ паша ставить его въ прискорбную, но непреложную необходимость выдвинуть свою батарею и начать стрѣльбу по городу, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Силиври не сдастся безусловно. Тогда Дегаеть-паша предложилъ раздѣлять городъ пополамъ между русскими и турками, которые останутся въ своей половинѣ на все время перемирія. Струковъ, вмѣсто всякаго отвѣта, рѣзко повернулся къ пашѣ спиной и не протѣсь вышелъ изъ комнаты; но не успѣлъ онъ еще сойти съ лѣстницы, какъ слышитъ, что паша бѣжитъ вслѣдъ за нимъ и кличетъ: «*mon général! mon général!*»—прося его возвратиться и объясняя, что депеша изъ Порты получена, но только ее забыли подать ему, а теперь секретарь подалъ, и онъ убѣдился, что перемиріе точно заключено, а потому готовъ исполнить требованіе русскаго главнокомандующаго. Струковъ вернулся въ комнату, гдѣ паша, попросивъ его обождать нѣкоторое время, удалился будто бы для необходимыхъ распоряженій. Черезъ четверть часа Дегаеть возвращается, держа въ рукахъ какую-то писаную бумагу и заявляетъ, что, покоряясь угрозѣ, онъ хотя и покидаетъ городъ, но занятіе его русскими войсками по заключеніи перемирія считаетъ дѣйствіемъ насилія, а потому и составилъ по этому поводу письменный протестъ, который вручаетъ русскому генералу для передачи главнокомандующему. Струковъ отказался принять бумагу и сейчасъ же послалъ ординарца къ войскамъ, съ приказаніемъ немедленно вступать въ городъ.

На другой день (20-го), едва отрядъ нашъ вытянулся для дальнѣйшаго движенія къ Чатаджѣ, которую надлежало ему занять на основаніи условій перемирія, какъ вдругъ въ виду Силиври появляется дивизіонъ ту-

рецкихъ драгунъ и останавливается, какъ бы въ ожиданіи ухода русскихъ, чтобы послѣ нихъ вновь занять городъ. Генераль Струковъ подошелъ къ себѣ командира этого дивизіона и объявилъ ему, что если онъ со своими драгунами не уйдетъ отсюда сію же минуту въ карьеръ, то по нимъ будутъ стрѣлять. Турецкій дивизіонеръ, выслушавъ этотъ ультиматумъ, подалъ команду — и его эскадроны тронулись было шагомъ, но Струковъ послалъ ему подтвержденіе, что онъ требуетъ удаленія въ маршъ-маршъ, какъ было сказано въ первомъ заявленіи,—и турки, *volens nolens*, проскакали карьеромъ вдоль всего нашего фронта, по направленію къ Чатаджѣ, куда вслѣдъ за ними тронулся и генераль Струковъ. При занятіи Чатаджи повторилась почти такая же исторія: турки, несмотря на условія перемирія уже извѣстныя имъ, не хотѣли очищать городъ. Пришлось выставить орудія и грозить разнесомъ всего въ прахъ. Только послѣ этого, увидя полную готовность отряда къ немедленной и самой рѣшительной атакѣ, они очистили Чатаджу и удалились къ Хадемкюю. Этимъ дѣломъ закончились дѣйствія летучаго отряда, и вотъ какую опѣнку положилъ имъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, въ приказѣ отъ 29-го января, отданномъ въ Чатаджѣ по авангарду дѣйствующей арміи:

«Со дня назначенія трехъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи въ составъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, я не могъ нахвалиться ея молодецкой службой и по истинѣ кавалерійскимъ духомъ, одушевлявшимъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ дивизіи во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Ровно мѣсяцъ тому назадъ, наканунѣ шейновскаго сраженія, генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ со своими частями присоединился къ бывшему тогда подъ моей командой иметлійскому отряду. Переходъ черезъ горныя тропы Балканъ въ суровую зиму, чрезъ глубокіе снѣговые сугробы, былъ тогда едва подъ силу нашей молодецкой лѣхотѣ... О содѣйствіи кавалеріи никто изъ насъ и не думалъ. Между тѣмъ 1-я кавалерійская дивизія пришла во-время¹⁾, принявъ славное участіе въ сраженіи подъ Шейновымъ, обезпеченіемъ нашего праваго фланга дала возможность рѣшительно атаковать шейновскій укрѣпленный лагерь, захватила казанлыкскую дорогу, уничтожила въ самомъ началѣ попытку непріятеля прорваться на югъ, взяла болѣе 6,000 плѣнныхъ, способствовала сдачѣ сорокатысячной турецкой арміи и взятію 104 орудій.

«Со дня шейновскаго сраженія 1-я кавалерійская дивизія

¹⁾ Переходъ этой дивизіи былъ совершенъ ночью, въ шестнадцать часовъ времени, безъ малѣйшей потери въ лошадакъ и людяхъ.

лерійская дивизія вступаетъ въ періодъ для нея еще болѣе блестящій: она становится авангардомъ авангарда всей русской арміи, представительницей неустойчивой отъ цѣли силы наступленія царскихъ дружинъ. Полки 1-й кавалерійской дивизіи и здѣсь показали себя не ниже выпавшаго имъ на долю славнаго жребія. Выступивъ изъ Казанлыка 2-го января, подъ начальствомъ свиты его величества генераль-майора Струкова, московскіе драгуны, петербургскіе уланы и 1-й донской казачій полкъ, безъ артиллеріи, уже 5-го числа берутъ съ боя желѣзнодорожный мостъ у Семенли-Трнговъ, обороняемый непріятельской пѣхотой при шести орудіяхъ. Мостъ, редутъ и шесть стальнымъ крупновскихъ орудій были трофеями молодецкой рѣшимости нашей кавалеріи. Тотчасъ по прибытіи къ Трнгову полковъ 16-й пѣхотной дивизіи и двухъ стрѣльковыхъ бригадъ, отрядъ свиты его величества генераль-майора Струкова двигается къ Германлы, которое также занимаетъ съ боя. Въ то время, когда 16-я дивизія и стрѣлки, двинутые къ Хаскюю, отбросили части Сулеймановой арміи въ горы, генераль-майоръ Струковъ, узнавъ о движеніи арміи Мехмеда-Али къ Адрианополю, стремится туда форсированнымъ маршемъ; пользуясь паникой—результатомъ молодецкихъ дѣйствій кавалеріи—предупреждаетъ вступленіе въ Адрианополь турецкой арміи, спѣшившей изъ Шумлы, захватываетъ городъ и разстраиваетъ всѣ расчеты турецкихъ вождей, уничтоживъ послѣднюю ихъ надежду сдержать напоръ нашей арміи. Недолго отдыхала славная 1-я дивизія во второй столицѣ турецкой имперіи. Двинутая къ Константинополю 9-го января, она, подъ начальствомъ свиты его величества генераль-майора Струкова, неустанно гонитъ предъ собой турецкія полчища и занимаетъ съ боя Чорлу, гдѣ ее застаетъ извѣстіе о перемиріи, всего въ трехъ переходахъ отъ Константинополя. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, блестящее участіе полковъ 1-й кавалерійской дивизіи въ послѣднихъ сраженіяхъ и стычкахъ настоящей турецкой кампаніи.

«Отряду свиты его величества генераль-майора Струкова мы обязаны, что арміи Сулеймана и Мехмеда-Али не успѣли сосредоточиться для обороны Адрианополя, что паника—слѣдствіе погрома турецкихъ вооруженныхъ силъ подъ Шейновымъ и Филиппополемъ—донеслась до столицы мусульманскаго міра еще болѣе ужасною. Наконецъ—смѣю это высказать—полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія—предвѣстника славнаго мира. Дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали во вѣренномъ мнѣ отрядѣ полки 1-й кавалерійской дивизіи, сумѣвшіе, несмотря на все, сохранить

лошадей и матеріальную часть въ полной блестящей исправности, могутъ лишь части, осмыслившія свое боевое назначеніе долгой, добросовѣстной работой въ мирное время. Не мнѣ оцѣнивать дѣятельность начальника дивизіи генераль-лейтенанта Дохтурова, какъ воспитателя славныхъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи. Разставаясь со свиты его величества генераль-майоромъ Струковымъ, получившимъ приказаніе возвратиться въ главную квартиру, отъ души благодарю этого генерала, сумѣвшаго во всѣ трудныя минуты послѣдняго періода кампаніи не только блестяще исполнять всѣ возложенныя на его лихой отрядъ порученія, но и доказавшаго мнѣ не разъ, что онъ обладаетъ высшимъ качествомъ начальника въ военное время—способностью къ отвѣтственной инициативѣ».

XCI.

Набѣгъ на Гюмюрджину.

Назначеніе двухъ кавалерійскихъ отрядовъ, по разбитіи арміи Сулеймана-паши.—Распоряженія генерала Гурко о партизанскихъ дѣйствіяхъ.—Перестрѣлка казачьяго разъѣзда 19-го января въ д. Карамалы.—Движеніе отряда генерала Чернышова на Местанлы и занятіе этого города.—Движеніе на Гюмюрджину.—Утро въ Родонскихъ горахъ.—Первое появленіе въ Гюмюрджинѣ четырехъ русскихъ вояковъ съ подполковникомъ Сухомлиновымъ.—Объясненіе Сухомлинова съ каймакамомъ.—Встрѣча, сдѣланная отряду и его торжественное вступленіе въ городъ.—Телеграфная корреспонденція Сухомлинова съ Галлиполи, Константинополемъ и Чорлу.—Объясненіе его со Скендеръ-пашей.—Переписка мушира Савфета-паши съ генераломъ Чернышковымъ.—Официальное извѣщеніе о перемиріи.—День въ Гюмюрджинѣ и окончаніе экспедиціи летучаго отряда.

Савъ-Стефано, 15-го апрѣля.

Когда генераль-адъютантъ Гурко обходомъ праваго фланга арміи Сулеймана оттѣснилъ ее отъ Татаръ-Базарджика и принудилъ принять бой у Карагаджа, тыломъ къ Деспото-Дагу, то Сулейманъ, разсчитывая спасти остатки своихъ силъ, двинулъ одну колонну съ артиллеріею изъ Станимаки на Хаскюю, а съ другой частью и съ горными орудіями послѣшно пошелъ въ горы, къ югу, на Местанлы. Кавалерія генераль-лейтенанта Скобелева 1-го настигла колонну, шедшую на Хаскюю, у селенія Карджиляра, отбила у нея всѣ орудія и узнавъ, что хаскюйская дорога уже занята нашими войсками (Скобелева 2-го), повернула къ югу, по направленію къ Эгейскому морю *).

* Въ составъ кавалерійскаго отряда генераль-лейтенанта Скобелева 1-го (начальникъ штаба оного, генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ) входили полки: 4-й драгунскій Екатеринбургскій, 8-й драгунскій Астраханскій, 9-й драгунскій Казанскій, Кавказская казачья бригада свиты генераль-майора Черевина, 30-й донской казачій, двѣ сотни 34-го и часть 24-го

Части этого кавалерийского отряда получили различное назначение. Такъ, Кавказская бригада должна была наблюдать за турецкими войсками, отступившими къ югу отъ Станимаки на Наръченъ и Исмилянъ, а Казанскій драгунскій и 30-й казачій полки (бригада генералъ-майора Чернозубова), съ двумя орудіями 19-й донской батареи, двинуты были для очистки отъ непріятеля мѣстности между селеніями Тахтагы, Кетенлыкъ и Карджиларъ и для преслѣдованія части турецкихъ войскъ, отступившей на Местанлы и Гюмурджину, дабы выяснитъ количество и состояніе силъ Сулеймана; остальные же войска отряда Скобелева 1-го получили приказаніе двинуться на Адрианополь.

16-го января подполковнику Сухомлинову было приказано генераломъ Гурко отправиться изъ Адрианополя въ отрядъ генералъ-майора Чернозубова, въ качествѣ начальника штаба онаго. Слѣдуя къ мѣсту назначенія въ городъ Хаскую, Сухомлиновъ встрѣтилъ на пути казаковъ, ѣхавшихъ въ Адрианополь съ донесеніемъ Чернозубова изъ Каджилара о томъ, что эскадронъ драгунъ и сотня казаковъ выбили турокъ изъ деревни Кушъ-Айлеръ и что генералъ Чернозубовъ со всѣмъ своимъ отрядомъ предполагаетъ перейти въ деревню Габрово. Рѣшившись вслѣдствіе этого идти на присоединеніе къ бригадѣ напрямикъ въ Габрово, Сухомлиновъ отправилъ съ казаками къ Чернозубову донесеніе какъ о своемъ намѣреніи, такъ и о томъ, что, согласно словесному приказанію генерала Гурко, конныя орудія слѣдуетъ отправить подъ конвоемъ полускадрона драгунъ въ Адрианополь, такъ какъ дѣйствія, предстоящія отряду, будутъ имѣть исключительно партизанскій характеръ на мѣстности, крайне трудной для движенія.

19-го января, на пути въ Габрово, турки встрѣтили Сухомлинова ружейнымъ залпомъ, пущеннымъ въ него изъ деревни Сарынджъ; въѣхать въ эту деревню не было возможности, а объѣзжать ее круглымъ путемъ далеко, и потому Сухомлиновъ былъ вынужденъ вернуться на ночлегъ въ деревню Эксюзкой. На слѣдующій день, выступивъ снова къ Габрову, онъ встрѣтилъ въ селеніи Карамалы разѣздъ 30-го казачьяго полка, въ числѣ 15-ти человекъ съ сотникомъ Поцѣлуевымъ, который сообщилъ, что турки вслѣдъ за его разѣздомъ опять вошли въ деревню Сарынджъ и такимъ образомъ отрѣзали его отъ бригады. Сухомлиновъ вмѣстѣ съ Поцѣлуевымъ рѣшились прорваться на Габрово, а эта попытка стоила имъ одной убитой лошади, да кромѣ того контуженъ былъ казакъ. Турки перешли въ наступленіе, выдвинувъ двѣ роты съ густой пѣхотой впередъ

около сорока всадниковъ. Это обстоятельство заставило нашихъ спѣшиться и занять деревню Карамалы, гдѣ они продержались до сумерекъ, и затѣмъ должны были отойти на ночлегъ опять въ Эксюзкой. Турки очистили Сарынджъ не ранѣе какъ узнавъ, что вся Чернозубовская бригада уже перешла въ Габрово, и тогда подполковникъ Сухомлиновъ 21-го января соединился съ отрядомъ, лично передавъ Чернозубову приказаніе генерала Гурко о дѣлѣ и образѣ дѣйствій сего отряда.

Съ разсвѣтомъ 22-го числа отрядъ генералъ-майора Чернозубова, въ составѣ 5¼ сотенъ и 3¼ эскадроновъ, выступилъ изъ Габрова по направленію къ Местанлы. На все время движенія высылка авангарда и освѣщеніе праваго фланга колонны были возложены на 30-й казачій полкъ; выдѣленіе же арьергарда и наблюденіе за лѣвымъ флангомъ поручено было казанскимъ драгунамъ. Слѣдуя почти безостановочно, отрядъ къ пяти часамъ вечера дошелъ лишь до деревни Крджали-баша. Въ этотъ день пришлось сдѣлать три перехода по вязкой глинистой почвѣ въ низинахъ и по глубокимъ снѣгамъ на горахъ, проходя деревни, занятые вооруженными жителями, и имѣя перестрѣлки въ боковыхъ отрядахъ. Вооруженное населеніе могло бы поставить отрядъ въ крайне затруднительное положеніе, вслѣдствіе трудно доступной гористой мѣстности, если бы не паника, которую передали жителямъ отступавшія части войскъ Сулеймана. Только этимъ и можно объяснить то относительно слабое сопротивленіе, съ какимъ турки защищали на каждомъ шагѣ ущелья и горныя проходы, ведущіе къ ихъ селеніямъ, залегающимъ въ глубокихъ ложбинахъ. Часть пути въ этотъ день отрядъ прошелъ по слѣду турецкой артиллеріи: по дорогѣ попадались снаряды горныхъ орудій. Изъ опроса захваченныхъ въ плѣнъ турецкихъ солдатъ можно было заключить, что до рѣки Арды турецкія войска отступали съ сѣвера по весьма широкому району. Такъ какъ съ прибытіемъ въ Крджали-баша отрядъ нашъ спустился уже въ долину Арды, гдѣ вслѣдствіе сильной прибики воды отъ дождей предстояла весьма трудная переправа, то люди были расположены на ночлегъ въ Крджали-баша, гдѣ казаки отбили у турокъ нѣсколько молодыхъ болгарскихъ двушекъ, захваченныхъ уже въ послѣднее время. Для охраненія отряда на отдыхъ назначались обыкновенно сотня или эскадронъ, причемъ между всѣми частями, во избѣжаніе излишняго утомленія какой-либо одной изъ нихъ, была заведена строгая очередь.

Утромъ 23-го января былъ посланъ особый разѣздъ, въ составѣ полускадрона драгунъ, которому приказано пройти на Адрианополь вдоль по долинѣ Арды; остальной же отрядъ выступилъ на переправу черезъ Арду, для слѣдованія на Местанлы.

донскихъ казачьихъ полковъ, при четырехъ конныхъ орудіяхъ (взводъ 16-й конной и взводъ 19-й донской батареи).

Высокая вода и быстрое течение сильно затруднили переправу: людей и лошадей уносило вниз по рѣкѣ, такъ что многіе изъ 4-й сотни 30-го казачьяго полка добрались до другого берега вливъ. Шли гуськомъ, въ одинъ конь. За рѣкой башибузки и небольшія партіи турецкой регулярной пѣхоты отступали передъ фронтомъ и на флангахъ нашей колонны. Узкія дороги, или вѣрнѣе тропы въ горахъ, не давали отряду возможности ни развернуться, ни двинуться быстро впередъ. Задерживаемый на каждомъ шагу, онъ къ четыремъ часамъ дня дошелъ до Местанлы и занялъ этотъ городъ безъ выстрѣла, такъ какъ турки отступили на Дары-дере и на Мезадъ-Пашаларъ. Для преслѣдованія ихъ были отправлены отдѣльныя части, которыя вернулись въ Местанлы уже утромъ 24-го. При этомъ есаул Галдинъ, посланный съ сотней на Мезадъ-Пашаларъ, настигъ въ деревнѣ Комфалы партію башибузковъ и захватилъ въ числѣ прочихъ кассира, бѣжавшаго изъ Местанлы вмѣстѣ съ кассой, которая была у него отобрана и представлена сотникомъ Лаврухинымъ въ главную квартиру, откуда ее переслали потомъ въ Константинополь. Оружіе, найденное въ местанлыскомъ конакѣ, а также отнятое у плѣнныхъ, было немедленно приведено въ негодность. Отрядъ не имѣлъ возможности отсылать захваченныхъ въ плѣнъ турокъ, такъ какъ не было достаточно силъ для выдѣленія конвой. Поэтому всѣ плѣнные, взятые за день, приводились на мѣсто отряднаго ночлега и на слѣдующее утро, съ выступленіемъ бригады далѣе, оставляемы на мѣстѣ. Организовать болгарскій конвой тоже не было возможности, такъ какъ деревни, окружающія Местанлы, заселены почти исключительно турками. Особо тяжело пришлось въ этотъ день 2-й сотнѣ 30-го полка, посланной для преслѣдованія: метель и вьюга задержали ее въ горахъ до поздней ночи.

На другой день, 24-го января, отрядъ выступилъ изъ Местанлы къ селенію Узунъ-Химетлеръ. Съ каждымъ шагомъ мѣстность становилась все болѣе и болѣе неудобнопроходимой. Повсюду только горы и горы, вздушіяся рѣчки, узкій путь по карнизамъ скалъ, торчащіе пласты камня, природная щербенка, обсыпавшаяся подъ ногой, иногда вязкая и липкая глина, нигдѣ ни одного моста, словомъ—полное отсутствіе признаковъ даже сквернаго пути, къ какимъ мы уже привыкли въ Турціи, а часто горная тропа и совсѣмъ терялась безслѣдно. Но постепенно, хотя и съ тяжкимъ трудомъ подвигаясь впередъ, отрядъ сверхъ ожиданія дошелъ до Узунъ-Химетлера безъ особенныхъ приключеній и безъ всякаго сопротивленія со стороны турокъ. Здѣсь, какъ оказалось по нѣкоторымъ признакамъ, преслѣдовала недавно Кавказская казачья бригада

генерала Черевина, который, пройдя на перерѣзъ пути наступленія Чернозубовскаго отряда, отъ Станимаки на Нарѣченъ и Дары-дере, южнѣе Местанлы на Адрианополь, очистилъ Чернозубову путь почти до самаго перевала, откуда уже начинается спускъ въ прибрежную равнину.

Съ разсвѣтомъ 25-го января отрядъ выступилъ на Гюмурджину. Восходъ солнца засталъ его въ снѣжныхъ горахъ, среди вершинъ, залитыхъ розовымъ свѣтомъ; лиловая мгла лежала въ затѣненныхъ ущельяхъ, откуда поднимались бѣлые дымы изъ трубъ горныхъ хуторовъ и деревушекъ, каждая не болѣе какъ въ три-четыре домика. На всей этой широкой картинѣ эффектно сочетались тѣ яркіе и прозрачные тоны, которые считаются «знатоками», незнакомыми съ природой юга, столь «нестественными» въ прелестныхъ картинахъ Айвазовскаго. Горы Родопскія являются здѣсь въ видѣ нагроможденныхъ одна на другую глыбъ мрамора. Онѣ существенно отличаются отъ Балканъ не только формацей, но и характеромъ своего расположенія: Балканы — хребтъ, который тянется непрерывнымъ крижемъ, а это — горная площадь, гдѣ безпорочно перепуталась между собой во всевозможныхъ направленіяхъ цѣлая масса хребтовъ и отдѣльныхъ горъ; это — какая-то каменная толча, какъ-бы волны моря, застывшія среди бури; видно, что все это произошло нѣкогда, въ до-историческія времена, вслѣдствіе какихъ-то ужасныхъ геологическихъ потрясеній. Спустя нѣсколько времени предъ глазами всего отряда открылся еще болѣе широкій видъ на обширную долину, простиравшуюся сѣроватыми пятнами деревень, рощъ и плантацій, съ голубоватыми ленточками ея рѣчекъ, и ограниченную съ юга совершенно бѣлой, на этотъ разъ, полосой Эгейскаго моря. Съ перевала начали сейчасъ же спускаться въ ущелье, по которому шли цѣлые пять часовъ, и тѣмъ ниже спускались, тѣмъ все чаще попадались группы, человекъ въ пять, въ десять, отсталыхъ турецкихъ солдатъ. Затѣмъ, вдоль по ущелью, вправо и влево, стали появляться у востровъ цѣлыя массы пестрыхъ таборовъ турокъ и цыганъ, бѣжавшихъ изъ множества мѣстъ вмѣстѣ съ остатками арміи Сулеймана. — «Господа, опять эти русскіе!» — съ выраженіемъ скорби, отчаянія и испуга восклицали по-турецки многія женщины, заламывая себѣ руки.

По показаніямъ мѣстныхъ жителей-грековъ и плѣнныхъ, захваченныхъ въ это утро, можно было предполагать, что въ Гюмурджинѣ рѣшительно не ожидаютъ даже возможности появленія русскихъ, что тамъ не существуютъ никакихъ мѣръ охраненія и нѣтъ никакихъ войскъ, за исключеніемъ массы отсталыхъ да больныхъ аскеровъ и вооруженныхъ бѣглецовъ-жителей. Въ виду этихъ свѣдѣній, дабы со-

хранить существовавший въ городѣ порядокъ и не встревожить населеніе, генералъ Чернозубовъ, спустясь съ горъ въ первомъ часу дня и не доходя двухъ или трехъ верстъ до Гюмурджинны, остановилъ свою бригаду при выходѣ изъ ущелья, за бугромъ, заслоняющимъ городъ, и послалъ Сухомлинова съ небольшимъ конвоемъ—предложить городскимъ властямъ, чтобы онѣ содѣйствовали спокойному занятію Гюмурджинны. Съ Сухомлиновымъ отправилось трое казаковъ и, въ качествѣ переводчика, трубачъ Астраханскаго драгунаго полка Дикацъ, родомъ армянинъ, прекрасно говорившій по-турецки. Всѣ пять человекъ этого маленькаго отряда всадниковъ были георгиевскіе кавалеры. Быстрой рысью пробѣжали они небольшое разстояніе до города и нѣсколько улицъ, разспрашивая встрѣчныхъ грековъ—гдѣ конакъ? На улицахъ было много турокъ, которые, слыша разспросы о конакѣ, повидимому, приходили въ крайнее удивленіе при появленіи нежданныхъ гостей, но тѣмъ не менѣе безпрекословно отвѣчали, указывая рукою: «*бурда*» (сюда).

Предъ конакомъ стояла, сидѣла и лежала на мостовой пестрая толпа всякаго восточнаго народа, а у воротъ—пара часовыхъ, брянувшихъ ружьями «на-краулъ» при видѣ русскаго офицера. Въ обширномъ дворѣ конака направо помѣщался пѣхотный караулъ, отъ сорока до пятидесяти человекъ, а направо—двадцать конныхъ драгунъ султанской гвардіи. Пѣхотный караулъ поспѣшно сталъ въ ружье, но не проявилъ никакихъ враждебныхъ намѣреній при видѣ русскихъ, — напротивъ, даже отдалъ имъ воинскую почесть.

Оставивъ трехъ казаковъ съ лошадьми предъ крыльцомъ конака, Сухомлиновъ вмѣстѣ съ трубачемъ-переводчикомъ быстро поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ, растрворилъ дверь, указанную ему какимъ-то служителемъ, и самоувѣренно вошелъ въ присутственную залу каймакама. Это была обширная и свѣтлая комната съ низенькими и мягкими турецкими диванами вдоль стѣнъ. На одномъ изъ нихъ, какъ-разъ противъ входной двери, возсѣдалъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ черной окладистой бородой, въ форменномъ сюртукѣ—типъ истата турецкаго джентльмена новѣйшаго пошиба. Опустивъ нѣсколько апатически свои какъ бы отяжелѣвшія вѣки, онъ медленно, съ лѣнивымъ наслажденіемъ втягивалъ въ себя охлажденный дымъ изъ длинной змѣевидной кишки красиваго, урчащаго кальяна. Вокругъ этого джентльмена важно и безмолвно возсѣдали, поджавъ подъ себя ноги, съ чубуками или кручеными папиросами въ рукахъ, до 25-ти разнобородыхъ турокъ, въ зеленыхъ и бѣлыхъ чалмахъ и въ фескахъ. Это были члены городского совѣта и начальники разныхъ отраслей управленія. Всѣ они какъ бы ошалѣли

при внезапномъ появленіи среди нихъ русскаго офицера съ молодцоватымъ трубачемъ, а турецкій джентльменъ первымъ вскопчилъ съ мѣста, видимо въ смущенномъ недоумѣніи, такъ что даже кальянная кишка выпала изъ его растопыренныхъ рукъ.

— Кто здѣсь каймакамъ?—спросилъ Сухомлиновъ чрезъ своего переводчика.

Нѣсколько поблѣднѣвшій джентльменъ отвѣчалъ не безъ запинки, что это онъ и состоитъ въ должности каймакама.

Тогда Сухомлиновъ отрекомендовался ему въ качествѣ начальника штаба русскаго отряда и присовокупилъ, что фактъ присутствія его здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, знаменуетъ собой занятіе города русскими.

— Я прошу васъ успокоиться,—продолжалъ онъ, видя что смущеніе каймакама возрастаетъ,—порядокъ не будетъ нарушенъ, и мой начальник, генералъ Чернозубовъ послалъ меня предупредить васъ, что онъ именно желаетъ занять городъ въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, чтобы всѣ обыватели оставались смирно на своихъ мѣстахъ; а насчетъ того, какимъ образомъ это сдѣлать, онъ поручилъ мнѣ посоветоваться съ каймакамомъ.

— Разъ, что городъ занятъ, я весь къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ съ поклономъ градоначальникъ, успѣвшій нѣсколько оправиться отъ своего смущенія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Сухомлиновъ,—въ избѣжаніе всякихъ столкновеній, во-первыхъ, военный вапъ караулъ долженъ сейчасъ же положить оружіе.

Произнося эти слова, онъ услышалъ на дворѣ конскій топотъ и, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что гвардейскіе драгуны скачутъ куда-то, чуть не сломя голову.

— Во-вторыхъ,—продолжалъ онъ,—сколько именно и какія войска находятся у васъ въ городѣ и въ окрестностяхъ?

Въ казармахъ,—заявилъ каймакамъ,—найдется человекъ до шестисотъ остальныхъ и нѣсколько офицеровъ, да кромѣ того есть тысяча до пятидесяти бѣглецовъ; въ городѣ же десять тысячъ жителей, и такъ какъ они всѣ вооружены, то ихъ можно считать башибузуками.

— Въ такомъ случаѣ вы распорядитесь, чтобы солдаты отнюдь не выходили изъ казармъ, а жители и бѣглецы положили бы оружіе, и кромѣ того предупредите всѣхъ, что если по нашимъ войскамъ будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, то городъ будетъ сожженъ немедленно.

Каймакамъ изъявилъ полное согласіе на это требованіе и присовокупилъ, что относительно сего тотчасъ же будутъ вывѣшены на улицахъ особые объявленія.

— Въ-третьихъ,—продолжалъ Сухомлиновъ,—вамъ надо удовлетворить потребности нашего

отряда. Для этого, въ избѣжаніе самовольства и непріятныхъ столкновеній, вы должны озаботиться, чтобы вашими чиновниками были отведены отряду приличныя помѣщенія въ самомъ городѣ, по возможности въ сосредоточенномъ расположеніи, по обширнымъ дворамъ съ конюшнями, и чтобы во дворъ конюшня немедленно были доставлены фуражъ и продовольствіе.

Со стороны каймакама и на это условіе послѣдовало полное согласіе; а надо замѣтить, что отрядъ въ теченіе семи сутокъ хотя и имѣлъ мясо, но у него за все время не было ни куска хлѣба, ни сухаря, ни щепотки соли. Офицеры и люди съ отвращеніемъ утоляли голодъ лишь одной прѣсной и жирной бараниной, въ вареномъ или поджареномъ видѣ.

Покончивъ свое объясненіе, Сухомлиновъ поскакалъ къ бригадѣ, чтобы ввести ее въ городъ.

Пока онъ ѣхалъ къ нашимъ войскамъ и пока тѣ шли къ городу, все мѣстное населеніе уже успѣло узнать о приходѣ русскихъ.

Отрядъ нашъ двинулся въ такомъ порядкѣ, что впереди шла авангардная сотня, за нею генералъ Чернозубовъ со штабомъ, за тѣмъ хоръ музыки 30-го донского полка, за которыми всѣ остальные сотни казаковъ и, наконецъ, Казанскій драгунскій полкъ. Двигались впередъ съ музыкой, но все-таки исполнѣ были готовы къ внезапному нападенію и бою. Но вотъ передъ городомъ показалась густая толпа, въ которой замѣтны были и верховые. Когда отрядъ приблизился къ ней, то увидѣлъ, что это «депутация» совершенно мирнаго характера. Впереди всѣхъ, на бѣломъ арабскомъ конѣ, съ чепракомъ, расшитымъ шелками и золотомъ, ѣхалъ джентльменъ-каймакамъ, въ полной парадной формѣ и при саблѣ, окруженный полнымъ составомъ лицъ мѣстнаго греческаго духовенства, въ черныхъ мантияхъ, и нѣсколькими представителями города и мѣстной греческой интеллигенціи. Какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица были тоже верхомъ. Остальная толпа валила пѣшкомъ, съ непокрытыми головами. Каймакамъ первый привѣтствовалъ генерала Чернозубова рѣчью на турецкомъ языкѣ, а за нимъ выступалъ греческій митрополитъ Іеронимъ, который, чрезъ одного грека, долго жившаго въ Россіи и хорошо объясняющагося по-русски, выразилъ, что въ его лицѣ мѣстное христіанское населеніе отъ души привѣтствуетъ русскаго вождя, съ торжествомъ вступающаго въ городъ, населенный большинствомъ православныхъ-единовѣрцевъ русскаго народа, и что городъ счастливъ этимъ вступленіемъ, провидя въ немъ спасеніе отъ башибузуковъ и черкесовъ, которые здѣсь уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать множество насилій и безпорядковъ. Приложившись къ св. Кресту, генералъ Чер-

нозубовъ двинулся далѣе, въ предмѣстье Гюмюрджинны. Каймакамъ съ духовенствомъ и остальной толпой пѣшихъ и конныхъ примкнули къ его свѣтѣ. Всему этому побѣду предшествовали конные и пѣшіе заплѣты. Вступленіе совершилось въ три часа по-полудни. Гюмюрджина представилась нашимъ въ видѣ чистенькаго бѣлостѣннаго городка, съ изобильной зеленью миртъ, лавровъ, кипарисовъ, со вьющимся плющемъ и павоями на стѣнахъ, заборахъ, рѣшеткахъ, балконахъ и деревьяхъ; на каждомъ перекресткѣ—бѣломраморные фонтаны съ арабесками и разными надписями; яркое солнце; воздухъ теплый, совсѣмъ итальянскій—прелестъ, какъ хорошо!.. Наши прошли по лучшимъ улицамъ и остановились на площади. Здѣсь впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Гюмюрджина, загремѣли звуки русскаго народнаго гимна, сопровождавшіеся кликами всего отряда и населенія. Генералу со штабомъ было отведено прекрасное помѣщеніе, на площади въ великолѣпномъ мраморномъ домѣ, принадлежащемъ одному изъ мѣстныхъ зажиточныхъ грековъ. Такъ какъ противникъ оказался теперь уже на западъ отъ нашего расположенія, въ ближайшемъ портѣ Карагачѣ, гдѣ сидѣли на суда остатки арміи Сулеймана, то одна сотня казаковъ была выслана въ направленіи на селеніе Яскаюй, для содержанія аванпостовъ и освѣщенія мѣстности посредствомъ развѣздовъ. Деревенскіе жители-греки сами просили чрезъ депутаціи о размѣщеніи у нихъ казаковъ постоемъ.

Между тѣмъ, пока генералъ Чернозубовъ принималъ визиты городского совѣта и разныхъ представителей, Сухомлиновъ побѣжалъ на телеграфную станцію, гдѣ предварилъ, что начальникъ отряда не желаетъ портить телеграфъ, но требуетъ, чтобы выѣздѣнія и разрѣшенія его, Сухомлинова, не прошла нигде ни одна телеграмма. Здѣсь начальникъ станціи заявилъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, великій князь главнокомандующій находится уже въ Константинополѣ. Тогда Сухомлиновъ предложилъ ему подать сигналъ на центральную константинопольскую станцію, но тотъ отвѣтилъ, что прямого сообщенія между Гюмюрджиной и центральной станціей въ настоящее время не имѣется; поэтому была вызвана станція Галиполи. Когда изъ Галиполи получился отвѣтъ, что тамъ готовы къ пріятію и передачѣ депешъ, то Сухомлиновъ телеграфировалъ, что Гюмюрджина занята русскими войсками. Едва успѣли передать это сообщеніе, какъ въ Галиполи, судя по телеграфнымъ признакамъ, поднялся величайшій переполохъ: раздался сившій стукъ, посыпалась масса вопросовъ: «Какъ? что? какъ могло это случиться? Какія войска? Сколько ихъ? Пѣхота ли, кавалерія, или та и другая

вмѣстѣ? Есть ли артиллерія? Сколько именно орудій? Извѣстно ли русскимъ о заключеніи перемирія? Какъ фамилія командующаго генерала? Кто начальникъ отряднаго штаба?» и т. п. Сухомлиновъ разрѣшилъ отвѣтить, что фамилія генерала—Чернозубовъ, а начальникомъ штаба состоитъ онъ, Сухомлиновъ, и что хотя русскимъ войскамъ извѣстно о перемиріи, но извѣстие это идетъ изъ частныхъ источниковъ, официальнымъ же путемъ извѣщенія о томъ они не имѣютъ и просятъ освободить телеграфную линію на Константинополь, такъ какъ въ Гюмюрджинѣ увѣряютъ, будто тамъ находится русскій главнокомандующій. Въ отвѣтъ послѣдовала изъ Галлиполи на имя русскаго коменданта Гюмюрджини слѣдующая телеграмма: «Перемиріе и миръ подписаны обѣими воюющими сторонами 31-го (19-го) сего января. Сулейманъ-паша предлагаетъ его превосходительству генералу Чернозубову, если ему угодно имѣть какія-либо разъясненія относительно мира, то онъ, Сулейманъ, сообщитъ ихъ письменно; если же нѣтъ, то для удовольствія постарается получить линію изъ Константинополя или Адрианополя. Подписано: Решидъ-паша, мутесарифъ-галлиполійскій».

На это Сухомлиновъ отвѣчалъ слѣдующее: «Генералъ Чернозубовъ очень желалъ бы вѣрить въ дѣйствительность *перемирія*, но Сулейману-пашѣ должно быть извѣстно, что какъ о началѣ, такъ и о прекращеніи военныхъ дѣйствій можно получать приказанія только отъ своего собственнаго начальства, а никакъ не сообщенія со стороны непріятеля».

Черезъ полчаса стукъ аппарата возвѣстилъ, что прямое сообщеніе съ Константинополемъ получено. Тогда съ нашей стороны пошелъ туда запросъ: «дѣйствительно ли великій князь главнокомандующій находится въ Константинополѣ?»

Отвѣтъ: «нѣтъ не находится».

Послѣ этого было спрошено: «нѣтъ ли возможности передать изъ Константинополя телеграмму къ линіи нашихъ передовыхъ постовъ, двигающихся отъ Адрианополя на Константинополь?» Къ этому запросу каймакамъ прибавилъ еще и отъ своего лица просьбу объ отвѣтѣ и о непремѣнной доставкѣ настоящей депеши русскимъ войскамъ, потому что иначе русскій отрядъ, находящійся въ Гюмюрджинѣ, прерветъ телеграфное сообщеніе, какъ заявлено о томъ подполковникомъ Сухомлиновымъ.

Въ отвѣтъ на это получена изъ Константинополя отъ министра почтъ и телеграфовъ депеша на имя каймакама, съ просьбой сдѣлать увѣщаніе начальнику штаба русскихъ войскъ въ Гюмюрджинѣ, чтобы онъ оказалъ свое «просвѣщенное содѣйствіе» къ сохраненію телеграфа, такъ какъ онъ, министръ, ручается всѣмъ, чѣмъ угодно, что перемиріе уже заключено.

Телеграмма эта была получена уже ночью,

и вскорѣ послѣ нея пришло съ передовыхъ нашихъ постовъ донесеніе, что селеніе Яскіой занято пятью или шестью сотнями турецкой конницы и что казаки замѣтили большой лагерь на берегу моря. Во второмъ часу ночи на станцію, гдѣ вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ безотлучно присутствовалъ по своей доброй волѣ и утомленный каймакамъ, явился запѣтъ съ докладомъ, что хлѣбъ, мясо и фуражъ уже розданы войскамъ, что все обстоитъ благополучно, въ большомъ порядкѣ, нѣтъ никакихъ жалобъ и городъ совершенно доволенъ и спокоенъ. Вскорѣ послѣ этого телеграфъ далъ знать, что сообщеніе съ городомъ Чорлу чрезъ Константинополь открыто и что Чорлу занятъ русскими войсками. Тогда Сухомлиновъ сдѣлалъ запросъ: «кто изъ русскихъ генераловъ находится въ Чорлу?»

Отвѣтъ: «двое русскихъ пашей».

«Какъ ихъ фамилія?»

«Одного называютъ Скобелевъ».

«Передадутъ ли ему мою телеграмму?»

«Скобелевъ живетъ въ городѣ, сейчасъ пошлемъ къ нему узнать на квартиру?»

Спустя полчаса телеграфъ застучалъ продолженіе:

«Скобелевъ утромъ уѣхалъ впередъ, а есть другой паша съ очень трудной фамиліей».

Вопросъ: «Нельзя ли сообщить ее?»

Отвѣтъ: «Невозможно».

«Почему невозможно?»

«Слишкомъ много произносимыхъ пипящихъ звуковъ».

«Неужели даже и для турецкаго языка невозможно?»

«Невозможно».

Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта явилось подозрѣніе, что турки врутъ и что Чорлу не занятъ нашими; тѣмъ не менѣе Сухомлиновъ потребовалъ передачи «трудной» фамиліи русскаго генерала.

Телеграфъ началъ передавать массу дѣйствительно неудобосочетаемыхъ буквъ, изъ которыхъ началось слгаться: «Шнят... княт... тшянк... течник... оф... ковъ...».

Догадавшись, въ чемъ дѣло, Сухомлиновъ просилъ сообщить, какой частію этотъ генералъ командуетъ?

Отвѣтъ: «Онъ командуетъ какой-то частію съ номеромъ 30-мъ на погонахъ».

Тогда Сухомлиновъ призналъ окончательно вѣроятною свою догадку, что шнят-княтъ и т. д. есть начальникъ 30-й пѣхотной дивизіи генералъ Шнятниковъ. И дѣйствительно, на слѣдующее утро это подтвердилось телеграммой, но еще ранѣе ея Сухомлиновъ отправилъ на имя русскаго коменданта города Чорлу слѣдующую депешу: «Генералъ Чернозубовъ, занявъ Гюмюрджину 25-го января, получилъ отъ каймакама заявленіе, что миръ уже за-

ключень; но, не имѣя относительно сего никакихъ приказаній русскаго начальства, не можетъ ему повѣрить и просить коменданта города Чорлу дать разъясненіе по этому предмету и испросить для него дальнѣйшихъ приказаній его высочества главнокомандующаго». На это телеграфная станція Чорлу отвѣчала, что такъ какъ генералъ съ трудной фамиліей и мѣстный комендантъ живутъ очень далеко отъ станціи, и такъ какъ сообщеніе идетъ кружнымъ путемъ черезъ Константинополь, то отвѣтъ ихъ можетъ быть сообщенъ только утромъ. Тогда Сухомлиновъ запечаталъ станцію, прервавъ предварительно всѣ ея сообщенія и, приставивъ къ дверямъ часовыхъ, ушелъ спать въ три часа по-полуночи. Ночь была очень темна и потому какъ нельзя болѣе удобна для внезапнаго нападенія, но наши патрули чутко слѣдили за малѣйшимъ звукомъ, обнаруживающимъ какое-либо движеніе. Шестисотъ русскихъ всадниковъ, отдѣленные отъ ближайшихъ силъ своей арміи двумя сотнями версты и горами, гдѣ бродили еще тысячи черкесовъ и башибузукъ, спятъ въ виду дѣлаго турецкаго лагеря въ городѣ, окрестности котораго переполнены массами вооруженныхъ бѣглецовъ, и спятъ въ полной неувѣренности о перемиріи и вообще о томъ что дѣлается на Вожьемъ свѣтѣ. Положеніе было не изъ особенно спокойныхъ, но частіямъ этого отряда и особенно 30-му доисконому полку, не впервой доводилось бывать и въ значително болѣе опасныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ онѣ всегда выходили съ честью.

На слѣдующій день (26-го), еще раннимъ утромъ, благодаря рекогносцировкамъ и показаніямъ мѣстныхъ жителей, выяснилось, что армія Сулеймана въ страшномъ безпорядкѣ отступила широкимъ фронтомъ, черезъ Истмиланъ и Местанлы, къ Карагачу, въ гавани коего остатки ея съ одними лишь горными орудіями перевозятся на турецкихъ пароходахъ въ Галлиполи, куда уже отправлено около двадцати тысячъ войска; а остальные десять тысячъ остаются пока еще въ портѣ. Впрочемъ эти цифры можно было считать болѣе или менѣе преувеличенными, потому что вмѣстѣ съ войсками въ Карагачѣ находилась масса башибузукъ и вооруженныхъ жителей. Но о послѣдственности отступления Сулеймановой арміи можно было судить по множеству людскихъ, конскихъ и иныхъ труповъ, встрѣчавшихся русскому отряду и его развѣздамъ по всѣмъ горнымъ тропинкамъ.

Въ десять часовъ утра телеграфная станція была снова открыта и вызванъ туда каймакамъ, для переговоровъ насчетъ обезпеченія спокойствія въ городѣ, въ случаѣ если бы слухи о мирѣ или перемиріи не подтвердились. Вскорѣ изъ Чорлу была получена на имя генерала Чернузובה телеграмма слѣдующаго

содержанія: «Перемиріе состоялось 31-го (19-го) января. Всѣ наши генералы, а также и турецкіе, находящіеся въ Гюмюрджинѣ, объ этомъ уже увѣдомлены. Начальникъ 30-й дивизіи Шинитниковъ».

Телеграмма эта хотя и успокоила нашихъ, но все-таки не служила для нихъ прямымъ приказаніемъ, и къ тому же трудно было ее провѣрить, такъ какъ она была передана на турецкомъ языкѣ съ переводомъ на французскій, сдѣланнымъ уже на мѣстной станціи. Все это могло еще возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія.

Почти одновременно съ этой телеграммой было получено съ аванпостовъ донесеніе, что какой-то турецкій паша съ 25-ю всадниками желаетъ проѣхать къ генералу Чернузобу для необходимыхъ переговоровъ. Казакамъ велѣно пропустить парламентаря. Подполковникъ Сухомлиновъ встрѣтилъ его въ конакѣ, при чемъ пріѣхавшій откомендовался ему, назвавъ себя Скендеръ-пашою и сказалъ съ гордымъ видомъ: «Вы знаете, что вы окружены?»

— Не знаю, ваше превосходительство, окружены ли мы,—отвѣчалъ ему совершенно спокойно Сухомлиновъ,—но что вы мой военнопленный—это я вижу, такъ какъ у васъ конвой всего нѣсколько человѣкъ, среди большого русскаго отряда.

Паша понялъ неумѣстность своей выходки и сразу перемѣнилъ тонъ. Онъ сухо заявилъ, что предварительно свиданія съ Чернузобовымъ, желалъ бы видѣть каймакама. Сухомлиновъ провелъ его къ послѣднему. Причиной этого свиданія Скендеръ-паша выставилъ необходимость справиться у каймакама насчетъ «грабежей и поджоговъ», будто бы производимыхъ русскими солдатами. Вчерашній день —какъ объяснилъ онъ,—двадцать гвардейскихъ драгунъ, усакававшихъ со двора козака, вскорѣ по прибытіи русскаго офицера, явились въ карагачскій лагерь къ началнику онаго, Савфетъ-пашѣ, и объявили, что они хотѣли было убить пріѣхавшаго офицера (Сухомлинова), но *чаушъ* (урядникъ) рѣшилъ, что если и убьешь одного, то на мѣсто его, все равно, явятся нѣсколько другихъ, а лучше скакать скорѣе въ лагерь и дать знать начальству. Въ лагерь эти драгуны заявили Савфетъ-пашѣ, что русскіе уже заняли городъ и занимаются тамъ грабежомъ и поджогами, а потому Савфетъ-паша прислалъ его, Скендеръ-пашу, съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ русскаго генерала прекращенія столь возмутительнаго поведенія его солдатъ; но прежде чѣмъ явиться къ нему съ такимъ требованіемъ, узнать у каймакама, правда ли все это?

Тотъ отвѣчалъ съ полной искренностію, что это не только неправда, но что городъ наслаждается спокойствіемъ и порядкомъ лишь съ той минуты, какъ его заняли русскіе, а

до того действительно было нѣсколько случаевъ грабежа, которымъ занимались остальные партіи войскъ Сулеймана; русскіе же платятъ за каждое зерно, за каждый хлѣбъ наличными деньгами и притомъ золотомъ.

Скендеръ-паша, послѣ своей первой надменной выходки до этой минуты державшій себя въ отношеніи Сухомлинова въ высшей степени сухо, опять и при томъ сейчасъ же измѣнилъ свой тонъ на очень любезный и почтительный. Это былъ мужчина лѣтъ 45-ти, довольно высокаго роста, съ сухощавымъ, гладко выбритымъ лицомъ, которое украшалось большими сивыми усами, опущенными книзу, какъ носятъ венгерцы и поляки, желающіе придать себѣ болѣе воинственный видъ. На Скендерѣ надѣты были походный генеральскій пиджакъ безъ орденовъ и большіе ботфорты съ отворотами; изъ-за голенища торчала нагайка. Общій видъ его, манера держать себя и походка отличались польской надменностью, но это не мѣшало ему въ то-же время быть польски «гжечнымъ» и ласкательнымъ. Паша началъ свой разговоръ по-французски съ вопроса о томъ, въ какомъ пунктѣ Сухомлиновъ перешелъ Балканы?

— Черезъ Траяновъ перевалъ—было ему отвѣтомъ.

— А! въ такомъ случаѣ мы съ вами старые знакомые! — подхватилъ паша, протягивая руку, и пояснилъ, что самъ онъ находился въ Дербентъ (Клисуру), но что ему подчинялся также отрядъ, занимавшій перевалъ на Текке и Карнари.

Тутъ пошелъ обмѣнъ взаимныхъ любезностей. Сухомлиновъ замѣтилъ, что паша дѣлаетъ честь, что его войска защищались такъ геройски. — «Геройская защита однакоже уступила не монѣе геройской атакѣ; ваша атака была счастливейшею нашей защитой», съ легкимъ вздохомъ возразилъ Скендеръ-паша.

Начался разговоръ о военныхъ дѣлахъ и тягостяхъ зимней кампаніи.

— Вамъ, русскимъ, — сказалъ между прочимъ паша, — въ долину Этрополя было лучше, чѣмъ намъ на вершинахъ Араба-ковака.

— Зато на Шипкѣ было наоборотъ, — возразилъ Сухомлиновъ, который въ дальнѣйшемъ разговорѣ замѣтилъ между прочимъ, что Скендеръ-паша, судя по всему, не природный турокъ, а вѣроятно полякъ или венгерецъ.

— Да, я по происхожденію венгерецъ, но съ 1848 года я турокъ, — многозначительнымъ тономъ отчеканилъ паша, гордо вскинувъ голову.

Сухомлиновъ попросилъ объяснить цѣль его пріѣзда къ намъ.

— Помилуйте! — завопилъ вдругъ паша, — перемиріе заключено, а вы между тѣмъ занимаете нашъ городъ!.. Потому-то я и прислалъ Савфетъ-пашею, отъ котораго имѣю къ вашей

генералу письмо, съ предложеніемъ безусловно очистить городъ и не позже какъ черезъ два часа по полученіи нашего предложенія.

— Мы о перемиріи ничего не знаемъ, такъ какъ уже давно идемъ горами, гдѣ телеграфъ не можетъ за нами слѣдовать, — отвѣчалъ Сухомлиновъ, — городъ же мы заняли въ силу данныхъ намъ инструкцій, а потому, до полученія официального извѣщенія о перемиріи и приказанія главнокомандующаго объ очисткѣ Гюмюрджини, мы ее не очистимъ, я очень сожалѣю, что не можемъ удовлетворить вашему желанію.

— Но... мнѣ приказано занять этотъ городъ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ — попробуйте; мы — къ вашимъ услугамъ.

— Какъ? Развѣ вы станете съ нами драться? — воскликнулъ озадаченный паша.

— А почему же бы и нѣтъ? Полагаю, и для васъ, и для насъ это давно уже не новость: дрались мы съ вами на Дунаѣ, дрались предъ Балканами, дрались и на Балканахъ, и въ румелійскихъ долинахъ, — подеремся и на берегу моря.

Въ отвѣтъ на это Скендеръ только выпучилъ большіе, опасливо-недоумѣвающіе глаза.

Сухомлиновъ предложилъ ему отправиться вмѣстѣ съ собой къ генералу Чернозубову, который принялъ Скендера весьма вѣжливо и взялъ отъ него письмо, изложенное по-турецки. Посланіе это было слѣдующаго содержанія: «Начальнику русской кавалеріи въ Гюмюрджинѣ.

«Я только-что узналъ, что значительныя силы русской кавалеріи заняли городъ Гюмюрджину; телеграмма же, которую мы получили изъ сѣраскеріата и отъ Властательной Порты, извѣщаетъ васъ, что протоколъ о перемиріи и миръ подписанъ его высочествомъ великимъ княземъ главнокомандующимъ 31-го (19-го) сего января, и что объ этомъ уже извѣщены официально всѣ ваши войска. Въ данномъ же случаѣ я крайне удивляюсь, что вы ни съ того, ни съ сего вдругъ заняли Гюмюрджину вашей кавалеріей. Быть можетъ это сильно встревожило жителей. Я очень желаю бы знать, произошло ли это занятіе города согласно приказанію великаго князя, или же вопреки ему, такъ какъ во всякомъ случаѣ прошу васъ черезъ два часа по полученіи сего письма очистить городъ. Если же вы не согласны, то будете дѣйствовать вопреки волѣ вашего главнокомандующаго, и тогда мы расправимся съ вами иначе.

«Начальникъ отряда муширъ Савфетъ-паша».

Генералъ Чернозубовъ, поддерживая любезный разговоръ со Скендеръ-пашею, поручилъ Сухомлинову составить отвѣтъ Савфету

и присовокупилъ, что такъ какъ это письмо писано по-турецки, то отвѣтить на него по-русски — пускай его разбираетъ, какъ знаетъ!

Сухомлиновъ тутъ же сѣлъ за работу, а въ это время сквозь широко раскрытыя окна, вмѣстѣ съ солнечными лучами, врывались въ комнату веселые звуки хора пѣсенниковъ и казачьяго оркестра, который на площади наигрывалъ кадрили изъ m-me Argo:

C'est surtout en Turquie,
Qu'elle eut un vrai succès*.

Скендеръ-паша, хотя и старался сохранять крайне серьезный видъ, но веселая музыка видимо и даже какъ будто помимо его собственной воли подмывала его внутренно: машинальное движеніе лѣвой ступни, отбивавшей тактъ, предательски выдавало душевное настроеніе пашы, вызванное этими звуками.

Прежде чѣмъ перейти къ отвѣтному письму, надѣ еще разъ напомнить, что по собраннымъ свѣдѣніямъ, войска, оставшіяся въ карагачскомъ портѣ, были крайне деморализированы: они, напримѣръ, разграбили въ портовыхъ складахъ болѣе 30,000 апельсиновъ, принадлежавшихъ турецкимъ же торговцамъ¹⁾. Впрочемъ, о степени деморализаціи можно было судить еще ранѣе, въ Местанлы, гдѣ наши казаки нашли избитаго въ кровь турецкаго майора-доктора, который жаловался генералу Чернозубову, что его ограбили, сорвавъ съ шеи часы и кошель съ деньгами, избили и хотѣли даже убить свои же собственные турецкіе аскеры. По одному уже этому образчику видно, каковы были дисциплина и повиновеніе въ карагачскомъ отрядѣ.

Вотъ отвѣтное письмо генерала Чернозубова:

«Его превосходительству Савфетъ-пашѣ.

«Меня крайне удивило предположеніе вашего превосходительства, что я поступаю вопреки приказаніямъ моего главнокомандующаго. Не знаю, можетъ ли это быть допущено въ какой-либо арміи, если только она окончателно не деморализирована и не потеряла всякій строй и порядокъ. Отъ его высочества главнокомандующаго получаю приказанія и предъ нимъ отвѣчаю за мои дѣйствія».

По написаніи этихъ словъ работа Сухомлинова была прервана на нѣкоторое время неожиданнымъ приходомъ корнета Бугскаго уланскаго полка, Бакунина, который подаль генералу адресованный на его имя пакетъ отъ генералъ-адъютанта Гурко, съ извѣщеніемъ о перемиріи и указаніемъ демаркаціонной линіи, по условіямъ которой Гюмюрджина оставалась за турками. Поѣздка этого молодого офицера

замѣчательна по своимъ приключеніямъ. Будучи посланъ съ маленькимъ конвоемъ развѣдывать партизанскій отрядъ Чернозубова, для передачи означеннаго пакета, Бакунинъ все время шелъ бозостановочно по слѣдамъ отряда и вынужденъ былъ постепенно сбросать всѣхъ лошадей своего конвоя и свою собственную, не вынесшихъ безпрестанныхъ переправъ черезъ переполненные рѣчки и продолжительнаго горнаго движенія. Послѣ этого ему пришлось путешествовать почти безъ отдыха то на ослахъ, то пѣшкомъ, то на плотахъ по Ардѣ, то на мулахъ, до самой Гюмюрджины. — «Если бы не море, то я, кажись, никогда не догналъ бы васъ», — говорилъ истомленный, измученный Бакунинъ, не чувствуя отъ усталости ногъ подъ собой.

Теперь, съ полученіемъ опредѣленно и ясно выраженаго officialнаго приказанія, дѣло измѣнилось само собой, и генералъ Чернозубовъ сообщилъ Скендеръ-пашѣ о содержаніи полученной имъ бумаги, которая подава подполковнику Сухомлинову возможность закончить письмо къ Савфетъ-пашѣ слѣдующимъ образомъ:

«Не нуждаюсь въ чьихъ-либо указаніяхъ и дѣйствуя согласно даннымъ мнѣ инструкціямъ, я занялъ городъ, и только сейчасъ, въ присутствіи Скендеръ-пашы, получилъ приказаніе великаго князя о перемиріи, съ указаніемъ демаркаціонной линіи. Предложенныхъ вами мнѣ двухъ часовъ не могъ принять, такъ какъ срока этого недостаточно для отряда, занимающаго городъ и его окрестности. Что вамъ, какъ начальнику, должно быть хорошо извѣстно. По приказанію великаго князя выступая завтра изъ Гюмюрджины, крайне сожалѣю, что перемиріе не позволило войскамъ моимъ рѣшить вопросъ съ вашими храбрыми и благоустроенными отрядами, за кѣмъ осталось бы право владѣнія городомъ».

«Генералъ-майоръ Чернозубовъ.

«Генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ».

Скендеръ-паша разстался съ генераломъ, чтобы тотчасъ же отправить по назначенію его письмо, и на прощанье попросилъ позволенія провести этотъ вечеръ вмѣстѣ, такъ какъ онъ долженъ оставаться въ Гюмюрджинѣ. На это, конечно, послѣдовало самое любезное согласіе, и за вечернимъ чаемъ Скендеръ много разспрашивалъ, какъ перенесли наши войска зимнюю кампанію, оказавшуюся для турокъ непосильной и совсѣмъ неожиданной; хвалилъ наши полусубки и высказалъ, что онъ еще въ началѣ кампаніи предрекалъ, что Турція останется одна, безъ союзниковъ, и будетъ раздавлена своимъ громаднымъ противникомъ. Затѣмъ Скендеръ-паша высказался, что подъ Софіей было около 80,000 турецкихъ войскъ и что часть изъ нихъ имѣлось въ виду на-

¹⁾ Наши казаки отбивали у нихъ эти апельсины на аванпостахъ, отправляясь съ явнымъ рискомъ къ турецкимъ постамъ на „охоту“ за вкуснымъ лакомствомъ.

править на западныя границы, вследствие ожидаемой войны съ Греціей.

Казачья музыка, по просьбѣ горожанъ, играла на площади до поздней ночи, окруженная толпами прогуливающихся съ бумажными фонарями слушателей и слушательницъ. На утро 27-го числа отрядъ выступилъ изъ Гюмурджина обратно въ горы, для расположенія въ долину Арды, а подполковникъ Сухомлиновъ тогда же посланъ былъ генераломъ Черномозубовымъ въ Адрианополь, для доклада о всѣхъ обстоятельствахъ набѣга генералъ-адъютанту Гурко и великому князю главнокомандующему. Онъ выѣхалъ на Деде-Агачъ, куда еще наканунѣ былъ посланъ взводъ драгунъ для связи съ войсками генерала Карцова, и чрезъ Демотику прибылъ 30-го января въ главную квартиру ¹⁾.

XCII.

М и р ъ.

Проволочки турецкихъ дипломатовъ.—Домъ, гдѣ былъ подписанъ мирный договоръ.—Наша военная демонстрація 17-го февраля и толки по этому поводу.—Утро 19-го февраля въ Санъ-Стефано.—Предъ квартирой главнокомандующаго.—Томительное ожиданіе.—На маячномъ полѣ.—Появленіе великаго князя въ виду маячнаго поля и приѣздъ туда графа Игнатъева.—Первое „ура“ этого дня.—Объѣздъ войскъ.—Объявленіе войскамъ о мирѣ.—Молебствѣ.—Парадъ въ сумерки.—Обѣдъ у великаго князя.

Санъ-Стефано, 19-е февраля, 11 часовъ вечера

Всѣ эти дни не безъ нѣкоторой внутренней тревоги и волненія ожидали мы исхода мирныхъ переговоровъ. Турки медлили, таяли и, что называется, отлынивали отъ послѣдняго рѣшительнаго момента, который заключался въ росчеркѣ пера—но зато въ какомъ росчеркѣ!.. Взоры, мысль и ожиданія и упованія ихъ обращались къ красивой группѣ Принцевыхъ острововъ, за скалами которыхъ прячутся

броненосцы англійской эскадры... По направленію къ этимъ же самымъ островамъ обращены и жерла 9-ти-фунтовыхъ батарей нашей гвардейской артиллеріи, выдвинутой на высокій мысокъ между Санъ-Стефано и маякомъ. Казалось, будто турки ждутъ послѣдняго рѣшающаго слова и дѣла оттуда, изъ-за этихъ скалъ; мы, съ своей стороны, тоже были готовы ко всякой случайности, какъ изъ Константинополя, такъ и отъ Принцевыхъ острововъ, и отъ послѣднихъ даже болѣе, чѣмъ изъ перваго. Но тщетно каждый день направлялся на эти острова съ набережной Санъ-Стефано бинокли нашихъ офицеровъ: оттуда не показывалась ни одна полоса пароходнаго дыма; англійскіе броненосцы, казалось, играютъ въ прятки, не выдвигаясь изъ-за скалъ ни впередъ — къ Босфору, ни назадъ — къ Дарданелламъ; они затаились за Принцевымъ архипелагомъ, какъ будто ихъ вовсе и не существуетъ въ Мраморномъ морѣ.

На набережной, недалеко отъ пароходной пристани выдвигается въ самое море каменная терраса небольшого палаццо, построеннаго въ простомъ итальянскомъ стилѣ,—терраса, опутанная зеленымъ плющомъ и другими вьющимися растеніями, а окна нижняго этажа этого палаццо прячутся въ густой темнозеленой и изобильной листвѣ лавръ и миртъ. У подъѣзда этого дома всегда стояла одна или двѣ кареты съ кучерами-арнаутами на козлахъ. Тутъ помѣстился нашъ бывший стамбульскій посолъ, графъ Игнатъевъ, къ которому недавно приѣхала сюда и его супруга. Кареты то отъѣзжали, то снова приѣзжали, увозя или привозя къ себѣ джентльменовъ въ черныхъ сюртукахъ и темно-красныхъ фескахъ. То были турецкіе дипломаты, договаривавшіеся о различныхъ подробностяхъ мирнаго договора. Ихъ почти всегда сопровождалъ верхомъ на сѣрой турецкой лошади адъютантъ великаго князя главнокомандующаго, полковникъ Орловъ, представленный еще съ самаго Казаньскаго къ турецкимъ уполномоченнымъ.

17-го числа, въ одиннадцатомъ часу утра, всѣ войска санъ-стефанскаго отряда были по тревогѣ вызваны въ строй и выведены на поле близъ маяка, откуда открывается одинъ изъ широкіхъ и прелестнѣйшихъ видовъ на Константинополь съ его минаретами и куполами Айи-Софин, Мехмета и другихъ многочисленныхъ мечетей, съ его серальскимъ мысомъ, входомъ въ узкій Босфоръ, Скутарійскимъ кладбищемъ, представляющимъ въ видѣ цѣлаго лѣса черныхъ кипарисовъ, и селеніемъ Кадикію на мало-азійскомъ возвышенномъ побережьи. Съ этого мѣста до Царьграда остается верстъ шесть не болѣе, а зданіи предмѣстій его Барутъ-хане и Макрикюя подходятъ почти къ самому мосту, переброшен-

¹⁾ Въ примѣръ того, какія усиленные движенія нерѣдко приходилось въ нынѣшнюю кампанію совершать офицерамъ генеральнаго штаба, привожу маршрутъ того же подполковника Сухомлинова, который съ 20-го декабря 1877 г. по 30-е января 1878 года сдѣлалъ 905 верстъ: изъ Вогота въ Ловчу, Траявъ, Шипково на Рахманлы; обратно въ Траявъ, Княжевицкія-Колібы, Текке, Карнари, Карлово, Калюферъ, Казанлыкъ; обратно въ Карлово, Филиппополь, Караагаджъ, Паша-Магала, Кетенлыкъ, Карджиларъ, Станимакъ; обратно въ Филиппополь, Германы, Адрианополь, Хаскюй, Габрово, Местаалы, Гюмурджина, Деде-Агачъ, Суфлу, Демотика, Адрианополь. Изъ 40 дней онъ только десять оставался въ разныхъ мѣстахъ безъ движенія и кромѣ того за это же самое время участвовалъ: 26-го декабря въ штурмѣ Траянова перевала, 5-го января въ дѣлѣ подъ Караагаджемъ, 7-го и 8-го подъ Карджиларомъ, и 110 верстъ прошелъ въ партизанскомъ отрядѣ, съ боемъ, горами. Изъ числа 905-ти, только 105 верстъ сдѣланы по желѣзной дорогѣ, остальные же 800 вер-

ному чрезъ какую-то рѣчонку, до которой отъ мѣста расположенія нашихъ выдвинутыхъ войскъ оставалось лишь около полуторы версты по скверной шоссеиной дорогѣ. Намъ ясно были видны нѣсколько бѣлыхъ конусообразныхъ палатки, но и группы турецкихъ солдатъ, расположенныхъ лагеремъ около этихъ предмѣстій. Вскорѣ къ собраннымъ войскамъ выѣхалъ со свитой самъ великій князь и, проведя отрядное ученіе, двинулъ ихъ къ самому мосту, а лейбъ-казаки и лейбъ-уланъ очутились черезъ нѣсколько минутъ и за мостомъ, почти въ самомъ предмѣстьи. Въ это время изъ Константинополя на всѣхъ парахъ выкатилъ небольшой желѣзно-дорожный поѣздъ, который остановился на станціи Сантъ-Стефано. Въ началѣ второго часа дня войска съ музыкой были отведены на свои бивуаки. Это отрядное ученіе тотчасъ же вызвало въ нашемъ маленькомъ городкѣ цѣлую массу толковъ. Говорили русскіе, говорили и греки, и армяне, и итальянцы, и все вообще разноплеменное населеніе Сантъ-Стефано. Всѣ эти толки сводились къ тому, что турки-де торгуются и рѣшительно не желаютъ подписывать мирныхъ условій, чая своего спасенія отъ Принцевыхъ острововъ, и что это-де упорство вынудило наконецъ великаго князя сдѣлать военную демонстрацію, въ видѣ наступательнаго движенія, хотя и безъ выстрѣла, къ самому Константинополю, и что тогда, при видѣ марша русскихъ войскъ, грозившаго вступленіемъ въ столицу, Порты поспѣшила отправить въ Сантъ-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ одного изъ своихъ уполномоченныхъ, который будто бы привезъ графу Игнатьеву сообщеніе о полномъ и безусловномъ согласіи Порты на всѣ наши условія. Говорили также, будто миръ уже подписанъ сегодня, т. е. 17-го, но горестное возвращеніе о немъ войскамъ отложено до знаменательнаго для Россіи дня 19-го февраля. Посвященныя въ оутъ политическихъ дѣлъ лица главной квартиры, конечно, хранили глубокое молчаніе насчетъ хода нашихъ переговоровъ, и отъ нихъ раньше времени никому ничего не удалось бы добыть, хотя иностранные и преимущественно англійскіе корреспонденты то и дѣло усердно пинырили около подъѣзда графа Игнатьева и у небольшого домика рядомъ, занимаемаго его свитой и канцеляріей. Такимъ образомъ всѣ мы и оставались въ полномъ убѣжденіи, что миръ подписанъ уже 17-го и съ неизбѣжной надеждой ожидали 19-го числа. Наконецъ оно наступило.

Уже наканунѣ къ вечеру было извѣстно, что парадъ войскъ савъ-стефанскаго отряда назначается въ два часа по-полудни, на маячномъ полѣ. Ровно въ полдень войска съ музыкой стали стягиваться къ назначенному пункту и черезъ часъ были уже выстроены

въ три линіи массивныхъ колоннъ, протянувшихся отъ маяка до желѣзной дороги. День былъ теплый, но пасмурный и вѣтряный; по-минутно начиналъ накрапывать мелкій дождикъ, словно бы не зная, разразится ли ему ливнемъ, или зарядитъ по-осеннему на нѣмныя сутки. На площади, передъ домомъ великаго князя, съ утра уже стояла громадная толпа красныхъ фесокъ, цилиндровъ и поярковыхъ шляпъ подъ распущенными дождевыми зонтиками; женскія головки выглядывали изъ оконъ скучившихся каретъ; передъ подъѣздомъ верхами ожидала многочисленная свита и козырные казаки; конюшіі офицеры и два рейт-кнехта держали подъ уздцы засѣдланнаго красавца коня для его высочества. Весь городъ былъ запруженъ пестрыми толпами народа, кипѣлъ лихорадочной жизнью и дѣятельностью; множество магазинчиковъ, лавокъ и лавченочъ пораставорили свои окна и двери и наперебой зазывали къ себѣ прохожихъ русскихъ. Всѣхъ этихъ торгашей и всю ихъ публику главнѣйшимъ образомъ интересовало все одно и то же жгучій вопросъ: какъ и что? Точно ли подписанъ миръ, или же войска прямо съ парада двинутся на Константинополь? Вотъ прискакавъ къ подъѣзду полковникъ Орловъ съ явно озабоченнымъ видомъ, бросилъ поводья вѣстовому казаку, торопливо взбѣжалъ по лѣстницѣ и скрылся за стеклянной дверью. Бьетъ два часа—время, назначенное для начала парада. Минутъ десять спустя выходитъ изъ дворца опять Орловъ, спѣшно вскакиваетъ на коня и еще быстрее скачетъ назадъ, къ графу Игнатьеву, у подъѣзда котораго все еще стоятъ турецкія кареты съ дремающими арнаутами на козлахъ. Волѣдъ за Орловымъ появляется на площадкѣ великокняжескаго подъѣзда комендантъ главной квартиры и объявляетъ, что парадъ отлагается до трехъ часовъ по-полудни. Ординарецъ скачетъ на поле извѣстить объ этомъ начальника отряда, графа Шувалова—и войскамъ дается команда «вольно». Проголодавшееся офицерство, не находящееся непосредственно въ строю, разбрелось по сосѣднимъ кабачкамъ и тавернамъ, которыя здѣсь, съ появленіемъ русскихъ, каждый день какъ грибы растутъ и множатся. Бьетъ три часа; вѣстовые и малхальные, выставленные на каждомъ поворотѣ улицъ, ведущихъ отъ главной квартиры къ маячному полю, глядятъ, что называется «въ оба»,—но вѣтъ, не видать великокняжескаго поѣзда, а вмѣсто того скачетъ новый ординарецъ и докладываетъ графу Шувалову, что парадъ отлагается на неопредѣленное время, но съ тѣмъ однако, чтобы войска оставались на полѣ. Тутъ уже всѣхъ взяло сомнѣніе, что едва ли миръ былъ подписанъ 17-го, а не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что онъ не подписанъ еще и въ данную минуту. Иные *

призадумались, а молодежь большей частью даже обрадовалась, усматривая въ этомъ обстоятельстве возможность немедленнаго боевого движенія въ Константинополь, а стало быть и возможность новыхъ подвиговъ и отличій. Опять устремляются нныя бинокли на Принцесы острова, но тамъ все-мертво по-прежнему и нтъ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо движенія спрятаннаго флота... Проходить еще часъ, проходитъ два часа, а войска все стоятъ въ своихъ грозныхъ колоннахъ и глядятъ на Царьградъ, до котораго съ этого мѣста просто рукой подать! Одинъ шагъ—и готово. Впереди фронта, предъ аналогомъ, ожидаютъ въ полномъ облаченіи священникъ, диаконъ и пѣвчіе главной квартиры, еще съ двухъ часовъ дня готовые пѣть благодарственный молебень. По сторонамъ фронта, на соответственной дистанціи, стоятъ громадныя толпы самой разнообразной публики, собравшейся сюда и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ изъ Константинополя, Санъ-Стефано и всѣхъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ поглазѣть на русскія войска и взглянуть на ихъ августѣйшаго главнокомандующаго. Турецкая полиція старается сдерживать на известной линіи всю эту публику, напирющую впередъ, поближе къ невиданному еще русскому войску. Время между тѣмъ клонится къ сумеркамъ. Проголодавшіеся кавалеры и дамы начинаютъ мало-по-малу покидать маячное поле, съ разочарованнымъ и усталымъ выраженіемъ на лицахъ. Досадливая нетерпѣливость и озабоченность начинаетъ проявляться и на лицахъ начальниковъ, медленно разбѣгающихся по фронту; солдаты позѣвываютъ и скучая переминаются съ ноги на ногу, а дождикъ все краплетъ да краплетъ рѣдкими мелкими капельками, и западный вѣтеръ, съ шумомъ треплетъ почтенныя лохмотья гвардейскихъ знаменъ, зеленыя пѣнистыя волны Мраморнаго моря придаютъ одна на другую и съ грохотомъ разбиваются о каменистый берегъ. Этотъ непрерывный мѣрный шумъ тоже становится монотоненъ и какъ бы усыпляетъ.

— Скоро ли же это кончится!—досадливо вырываются восклицанія у нныхъ офицеровъ.

— Тянуть, проклятые! — отзываются на это другіе, посылая туркамъ эпитеты далеко нелестнаго свойства.

— Ну, ужъ теперича, братцы,—толкуютъ въ рядахъ промежъ себя солдаты, — скажи только Николай Николаевичъ ¹⁾: «ребята, гайда на Царьградъ!» — мигомъ, кажись, долетимъ,

и ужъ не жди турка пардону!... Экое время задаромъ ждать заставляетъ!

Но вотъ, въ половинѣ шестого часа великій князь, окруженный многочисленною свитой, показался верхомъ на выѣздѣ изъ Санъ-Стефано и остановился вдали отъ войскъ, какъ будто поджидая чего-то. Минутъ десять спустя прискакалъ полковникъ Орловъ и доложилъ великому князю, что мирный договоръ наконецъ-то подписанъ сію минуту и что графъ Игнатъевъ, который сейчасъ прибудетъ на поле, желаетъ лично объявить объ этомъ его высочеству. При этомъ Орловъ вынулъ изъ кармана и показалъ великому князю то перо, которымъ былъ подписанъ договоръ и которое онъ взялъ себѣ на память. Нѣсколько минутъ спустя, на поле примчалась открытая коляска, въ которой, держась за ободокъ козелъ, стоялъ графъ Игнатъевъ. Въ лѣвой рукѣ его былъ свертокъ какой-то бумаги—вѣроятно, самый трактатъ. Быстро соскочивъ съ подножки, онъ приблизился къ главнокомандующему и съ довольнымъ свѣтлымъ лицомъ объявилъ, что все кончено, и поздравилъ его высочество съ миромъ. Великій князь снялъ фуражку и, высоко держа ее надъ головой, крикнулъ первое «ура», которое въ тотъ же мигъ было подхвачено всей свитой, заматавшей въ воздухъ снятыми шапками. Послѣ этого его высочество галопомъ подѣхалъ къ правому флангу войскъ, отдававшихъ ему честь съ музыкой, ¹⁾ и, здороваясь съ каждымъ батальономъ отдѣльно, шагомъ прослѣдовалъ по всѣмъ тремъ линіямъ отряда. Каждая часть, отвѣтя на привѣтствіе главнокомандующаго, сразу же подхватывала «ура» предшествовавшей части, и такимъ образомъ тѣмъ дальше слѣдовалъ великій князь, тѣмъ все больше и громче оглашалось побѣдными кликами и поле, и берегъ, и море, усѣянное бѣлыми парусами... Эти клики, безъ сомнѣнія, были слышны если не въ самомъ Царьградѣ, то уже навѣрное въ его предмѣстьи, потому что турки, чуть лишь раздалось наше «ура», быстро выбѣжали изъ своихъ палатокъ и построились передъ лагерьмъ въ пять большихъ массивныхъ колоннъ, казалось, готовыхъ къ встрѣчѣ противника. Впрочемъ, благодаря вѣтру, вѣявшему съ запада прямо въ Царьградъ, русское «ура», вѣроятно, было слышно и въ городѣ. Турецкіе уполномоченные просили не салютовать, если можно, въ честь мира артиллерійскимъ огнемъ, потому что звукъ выстрѣловъ можетъ не на шутку переполошить стамбульское населеніе, и безъ того уже находящееся въ слишкомъ напряженномъ и возбужденномъ состояніи, близкомъ къ полному смятенію. Просьба эта была уважена. Обѣхавъ войска, великій князь прослѣдовалъ прямо предъ середину фронта первой линіи, гдѣ стоялъ аналогъ съ духовен-

¹⁾ Замѣчательно, что солдаты дѣйствующей арміи въ разговорахъ между собой почти никогда не называютъ своего главнокомандующаго ни великимъ княземъ, ни его высочествомъ, а всегда по имени и отчеству—Николай Николаевичъ.

¹⁾ Каждый полкъ игралъ свой полковой маршъ.

ствомъ, и вызвалъ сюда всѣхъ офицеровъ отряда. Когда вокругъ главнокомандующаго тѣсно сплотившись густая офицерская толпа, онъ, обратясь къ войскамъ, голосомъ на столько громкимъ, что среди воцарившейся мертвой тишины его ясно можно было слышать во всѣхъ концахъ поля, сказалъ: «Поздравляю васъ, ребята! Господь благословилъ насъ миромъ!» Вслѣдъ за этими словами съ восторженнымъ одушевленіемъ раздалось новое «ура» войскъ, не смолкавшее долгое время и подхваченное толпами собравшагося народа, изъ среды котораго полетѣли вверхъ шапки. Между тѣмъ великій князь, обратясь къ собравшимъ офицерамъ, горячо поблагодарилъ ихъ за всѣ ихъ труды, лишения и подвиги и упомянулъ, что они на дѣлѣ оправдали подготовку свою и солдатъ въ мирное время и оправдали также тѣ надежды, которыя возлагали на русское войско государь и Россія. Затѣмъ, скомандовавъ колоннамъ «на молитву», главнокомандующій сошелъ съ коня и приблизился къ аналою. Молебствие было отслужено съ колѣнопреклоненіемъ и возгласеніемъ многолѣтія государю императору, цесаревичу, обоимъ великимъ князьямъ, главнокомандующимъ и царствующему дому; затѣмъ была пропѣта «вѣчная память» воинамъ, павшимъ въ эту войну, и наконецъ—опять многолѣтіе: «побѣдоносному російскому воинству». Во время молебствия нѣсколько иностранныхъ корреспондентовъ и художниковъ, стоя на козлахъ каретъ и колясокъ, наскоро заносили свои замѣтки и набрасывали кроки въ походные альбомы. Эти господа по преимуществу были англичане.

Уже наступили полныя сумерки, когда начался церемоніальный маршъ. Пѣхота проходила въ батальонныхъ колоннахъ изъ середины, кавалерія по-вскадронно, артиллерія по-батареино—рысью, съ посаженной на лафеты прислужой. Въ особенности были эффектны лейбъ-улань, проходившіе мимо ихъ августѣйшаго шефа съ новыми-своими длинными, гибкими и легкими бамбуковыми пиками, которыя подарилъ своему полку его высочество главнокомандующій. Невольно также обращалъ на себя внимание быстрый и широкій шагъ пѣхоты, въ которой, можетъ быть, и не было той безукоризненной стройности «въ струнку», какая достигается усиліями плацъ-парадной практики въ мирное время, но зато въ этихъ колоннахъ выработался теперь истинно боевой шагъ и боевая стройность. — «Прекрасно *выжились*, — война выучила», очень мѣтко замѣтилъ объ этомъ молодецкомъ шагѣ одинъ изъ присутствовавшихъ генераловъ. Гвардейская стрѣлковая бригада и части 3-й и 4-й армейскихъ стрѣлковыхъ бригадъ проходили въ колоннахъ бѣглымъ шагомъ съ такой стройностью, какая сдѣлала бы честь и мирному времени, а здѣсь вѣдь во все время вой-

ны о церемоніальномъ маршѣ и помину не было! Все это говорить въ пользу прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ подготовки русскаго солдата, который и выучивается быстро, и ничего изъ выученнаго однакоже не забываетъ. Еще не успѣли пропарадировать пѣхотныя колонны, какъ вечеръ стемнѣлъ уже окончательно, и можно сказать навѣрное, что до этого знаменательнаго дня никто и никогда изъ насъ, военныхъ, не участвовалъ въ столь восторженно-настроенномъ, молодецкомъ и оригинальномъ парадѣ—оригинальномъ потому, что онъ производился въ вечерней тьмѣ на исторической почвѣ побережья Мраморнаго моря, въ виду мерцавшаго вдали міриадами огоньковъ Царегорода и на томъ самомъ полѣ, гдѣ почти тысячу лѣтъ назадъ находился станъ русскихъ дружинъ Олега.

Въ девятомъ часу вечера столовая зала его высочества наполнилась служащими свиты, штаба и особо приглашенными лицами. Большіе длинные столы были накрыты въ трехъ комнатахъ, и во время обѣда августѣйшій хозяинъ провозгласилъ тосты за государя императора, за русское войско, за своего помощника генералъ-адъютанта Непокойчицкаго и за моряковъ, представителемъ которыхъ на этомъ обѣдѣ былъ генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ Поповъ, прибывшій недавно въ Санъ-Стефано съ пятью штабъ-офицерами флота. Теперь уже поздняя ночь, но по всему нашему городку и по всѣмъ окрестнымъ бивуакамъ горятъ огни, раздаются пѣсни, звуки веселой музыки и «ура» ликующаго войска.

ХСІІІ.

Свиданіе великаго князя съ султаномъ.

Причины, почему свиданіе откладывалось — Мѣнія и толки по поводу свиданія — Составъ свиты великаго князя. — Прибытіе „Ливадіи“ и „Константины“ къ Долма-Бахче. — Встрѣча и свиданіе великаго князя съ султаномъ. — Дворецъ Бейлербея. — Почетная гвардія султана. — Внутреннее убранство Бейлербея. — Турецкій десертъ. — Отвѣтный визитъ султана великому князю въ Бейлербеѣ. — Наружность султана. — Османъ и Реуфъ-паша. — Адъютанты султана. — Визитъ великаго князя къ германскому посланнику. — Русскіе въ Константинополѣ. — Галата, Пера и Стамбуль. — Политическое настроеніе данной минуты. — Турецкій театръ и офенбаховскія оперетки. — Парадный выѣздъ султана въ мечеть Меджидіе. — Парадъ турецкой гвардіи.

Санъ-Стефано, 18-го марта.

Свиданіе великаго князя главнокомандующаго съ султаномъ, предположенное еще въ концѣ февраля, какъ извѣстно, въ то время не состоялось. Европейскіе корреспонденты, проживающіе въ Перѣ и Галатѣ, объясняли это обстоятельство различными причинами. Но вѣрнѣе всего будетъ предположеніе, что посѣщеніе въ концѣ февраля не состоялось просто потому, что турецкое правительство въ то время

продолжало еще выказывать въ некоторую шаткость въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, колеблясь между искреннимъ примиреніемъ съ совершившимся фактомъ и тайными надеждами на правительства тѣхъ европейскихъ державъ, которыя имѣютъ причины очень злиться на результаты русскихъ военныхъ успѣховъ.

Состоявшееся наконецъ 14-го марта свиданіе объясняютъ въ разныхъ константинопольскихъ кружкахъ тѣмъ, что между Россією и Турцією не осталось болѣе мѣста недоразумѣніямъ, колебаніямъ и проч., и что послѣдняя, искренно примиряясь съ совершившимся фактомъ, хочетъ вести свою дальнѣйшую европейскую политику не иначе, какъ въ прочномъ союзѣ со своею счастливою побѣдительницей. Такъ ли оно или нѣтъ—судить трудно, но передаю только существующее на этотъ предметъ мнѣніе значительнаго большинства въ Константинополѣ.

14-го марта, въ половинѣ 9-го часа утра, на пристани Санъ-Стефано толпились въ походно-парадной формѣ лица, назначенныя сопровождать великаго князя въ Константинополь. Нѣсколько катеровъ и шлюпокъ-миноносковъ быстро перевозили отдѣльныя группы этихъ лицъ на два русскихъ военныхъ парохода. Генералъ-адъютанты, генералъ-лейтенанты и личные адъютанты великаго князя слѣдовали вмѣстѣ съ его высочествомъ на пароходѣ «Ливадія», остальные же всѣ на пароходѣ «великій князь Константинъ». Тутъ находились всѣ состоящіе при главнокомандующемъ, полевой штабъ, представители отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи, свиты его величества генералъ-майоры и флигель-адъютанты, а также почти всѣ командиры частей санъ-стефанскаго отряда. Все вмѣстѣ—это составляло довольно многочисленную и блестящую свиту русского главнокомандующаго. На «Константино» общее вниманіе привлекалъ къ себѣ капитанъ этого судна, флигель-адъютантъ Макаровъ и нѣсколько его субалтернъ-офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился капитанъ-лейтенантъ Запаренный: всѣмъ сухопутно-военнымъ лицамъ любопытно и пріятно было взглянуть на моряковъ—героевъ послѣдняго доблестнаго дѣла въ водахъ Чернаго моря.

Около половины одиннадцатаго часа оба судна тронулись къ Босфору. «Ливадія» шла впередъ, подѣ великокняжескимъ брѣйдъ-вымпеломъ вмѣсто штандарта, потому что его высочество не желалъ вызывать салютовъ пушечными выстрѣлами. На морѣ было легкое, довольно плавное волненіе, и погода во весь этотъ день стояла дивная, совершенно весенняя, великолѣпный видъ на Босфоръ и Константинополь былъ щедро залитъ лучами солнца. Въ полдень оба парохода подошли на высоту дворца Долма-Бахче, противъ котораго стояло на якоряхъ нѣсколько турецкихъ

броненосныхъ судовъ и одинъ нашъ военный стационаръ. Турки выслали команды на реи, а отъ пристани отдѣлилось нѣсколько султанскихъ кайковъ, съ многочисленными гребцами, одѣтыми въ парадные бѣлые костюмы. Двое придворныхъ саковниковъ взошли на «Ливадію» привѣтствовать его высочество отъ имени султана, и великій князь, вмѣстѣ съ нѣхъ высочествами Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, Еленіемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ и Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, и съ генералъ-адъютантомъ Непокойничкинымъ, разбѣгся въ первомъ, роскошно одѣланномъ кайкѣ, быстро помчался по волнамъ къ мраморной пристани, при звукахъ музыки, гремѣвшей на одномъ изъ военныхъ судовъ. Въ остальныхъ кайкахъ переправилась немногочисленная свита, находившаяся на «Ливадіи». Султанъ спустился на крыльцо для встрѣчи августѣйшаго гостя, и здѣсь его высочество представилъ Абдуль-Гамиду прибывшихъ съ нимъ принцевъ императорскаго дома. На великомъ князѣ главнокомандующемъ была надѣта орденская лента и знаки Меджидіе, султанъ былъ одѣтъ въ черномъ партикулярномъ сюртукѣ безъ всякихъ украшеній, и встрѣча съ его стороны отличалась самой изысканною и радушною любезностію. Его величество пригласилъ августѣйшихъ гостей подняться наверхъ, въ комнаты второго этажа, гдѣ по восточному обычаю были поданы фрукты, конфеты, сиропы съ водой и кофе. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ началось представленіе султану нашихъ генералъ-адъютантовъ и генералъ-лейтенантовъ, которые представлялись каждый особо, входя поочередно въ комнату, причемъ слѣдующій появлялся не ранѣе, какъ предыдущій выходилъ въ другія двери. Въ числѣ представленныхъ находились генералы Гурко и оба Скобелевы; остальные лица великокняжеской свиты оставались внизу. По окончаніи визита, султанъ любезно проводилъ его высочество до пристани, находящейся у воротъ Долма-Бахче, и здѣсь простился съ великимъ княземъ.

Между тѣмъ пароходъ «великій князь Константинъ», слѣдуя далѣе вдоль по Босфору, остановился противъ дворца Бейлербеѣ, находящагося на мало-азійскомъ берегу. Это тотъ самый дворецъ, въ которомъ жила Евгенія, бывшая императрица французская, во время ея путешествія на Востокъ. Наши паровые катера быстро перевезли на бѣломраморную пристань всю многочисленную свиту главнокомандующаго и роту лейбъ-гвардіи морского экипажа, со знаменемъ и музыкой, составившую почетный караулъ для встрѣчи султана, такъ какъ Абдуль-Гамидъ долженъ былъ отдать визитъ великому князю въ Бейлербеѣ. Отъ пристани до воротъ стоялъ караулъ турецкихъ стрѣлковъ, въ черныхъ курткахъ съ зелеными

басонами, а во дворѣ, украшенномъ клумбами зелени, цвѣтовъ и фонтанами, выстроена была рота почетной дворцовой гвардіи султана, съ хоромъ ея музыки. Одежда этой роты напоминаетъ отчасти мундиръ нашихъ пажей, а ея мартинискія ружья — это верхъ изощества отдѣлки и полировки: сталь ихъ сверкаетъ какъ зеркало. Въ рядахъ роты, не отличающейся впрочемъ особенно правильнымъ разжимомъ, къ чему такъ привыкъ нашъ глазъ, находились исключительно молодые и очень красивые люди, почти мальчики, изъ которыхъ многимъ на видъ казалось лѣтъ 13 или 14. Это все, какъ намъ говорили, дѣти лучшихъ мусульманскихъ фамилій, замѣщающія потомъ значительную долю офицерскихъ вакансій въ турецкой арміи. По сторонамъ парадной двери, ведущей съ бѣлаго мраморнаго крыльца во внутренніе покои, стояли на часахъ двое солдатъ-кавалеристовъ, съ винчестерскими магазинками и въ свѣтлолиловыхъ гусарскихъ венгеркахъ, расшитыхъ малиновыми шнурками. Рота нашего Гвардейскаго экипажа, составленная все изъ рослыхъ красавцевъ, стала тоже внутри двора, по обѣимъ сторонамъ крыльца, противъ почетной турецкой гвардіи.

Внутренность дворца, его залы, гостиныя, пріемныя, проходныя и прочія комнаты, все это, можно сказать, верхъ ослѣпительной восточной роскоши. Трудно описать сочетание всѣхъ этихъ красокъ, рѣзбы, арабесковъ, скульптуры, позолоты, мрамора, порфира, яшмы, бронзы, массивнаго серебра, роскошныхъ тканей, мягкихъ ковровъ и проч. Все это проникнуто въ однихъ комнатахъ мягкимъ золотистымъ, въ другихъ серебристо-голубоватымъ, въ третьихъ — розовымъ полусвѣтомъ, проходящимъ сквозь большія окна, затянутыя шелковыми узорчатыми сторами названныхъ отѣнковъ. Каждая комната вводитъ васъ въ отдѣльный фантастически-роскошный міръ, а все вмѣстѣ невольно переноситъ воображеніе въ сказочную сферу тысячи и одной ночи. Въ особенности поэтически хороша большая зала нижняго этажа, посреди которой помѣщается обширный мраморный бассейнъ съ фонтаномъ, служащій, какъ говорятъ, купальней. Въ этой роскошной и изящной залѣ, съ золотистымъ полусвѣтомъ и тонкимъ ароматомъ какихъ-то духовъ, все полно и нѣги и таинственности. Жаль только одно, что на стѣнахъ всѣхъ этихъ изумительно роскошныхъ залъ нѣтъ ни одной картины въ нишахъ — ни одной статуи.

Около часа по-полудни прибылъ на «Ливадію» великій князь, и турецкій почетный караулъ встрѣтилъ его музыкой, съ отдавшемъ честь. Наша музыка не играла. Его высочество прослѣдовалъ вдоль фронта и затѣмъ былъ введенъ во дворецъ однимъ изъ церемоніймейстеровъ, на которомъ красовался нашъ орденъ св. Станислава 2-й степени. Въ одной изъ бо-

ковыхъ комнатъ приготовленъ былъ широкій и просторный столъ, наполненный хрустальными вазами, массивнымъ серебромъ и золотомъ, букетами розъ, камелій и какихъ-то еще болѣе рѣдкихъ цвѣтовъ, разными сладостями и фруктами въ золотыхъ блюдахъ и прохладительными напитками. Здѣсь всей нашей свитѣ предложенъ былъ кофе и папиросы. Минутъ черезъ двадцать великаго князя извѣстили, что къ пристани подчаливаетъ парадная яхта султана. Его высочество въ сопровожденіи нѣкоторыхъ высшихъ лицъ свиты вышелъ къ пристани на встрѣчу, а вся остальная наша свита расположилась тѣсной толпой по обѣ стороны мраморнаго крыльца. Султанъ, встрѣченный звуками «похода» и музыкой русскаго почетнаго караула, въ предшествіи церемоніймейстера, который, сообразно турецкому этикету, шелъ все время, почтительно обращая лицомъ къ своему высокому повелителю, прослѣдовалъ мимо нашего фронта, рядомъ съ его высочествомъ во внутренніе покои средняго этажа. Обѣ свиты — русская и турецкая — поднялись наверхъ, вслѣдъ за августѣйшими особами, и остановились въ пріемной залѣ; великій же князь главнокомандующій вмѣстѣ съ Абдуль-Гамидомъ, въ сопровожденіи перваго министра Ахмедъ-Вефика-паши и перваго драгомана русскаго посольства г. Ону, вошли направо, въ особую смежную гостиную, куда былъ поданъ, сообразно турецкому обычаю, кофе на роскошномъ серебряномъ подносі. Султанъ во время своего визита, точно также какъ и при встрѣчѣ, былъ въ черномъ партикулярномъ сюртукѣ и въ фескѣ темно-малиноваго цвѣта. На видъ — это молодой мужчина, около 30-ти лѣтъ, средняго роста, довольно худощавый, съ привлекательными чертами лица, но безразличными и какъ бы нѣсколько утомленными глазами, взоръ которыхъ у него постоянно остается устремленнымъ куда-то въ неопредѣленное пространство — мимо лицъ и головъ всѣхъ присутствующихъ. Впрочемъ, такое направление султанскаго взора, какъ передавали намъ, предписывается правилами мѣстнаго придворнаго этикета. Вообще же надо замѣтить, что наружность Абдуль-Гамида ни мало не походитъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, на общеизвѣстные, благодаря иллюстрированнымъ изданіямъ, портреты этого государя, гдѣ онъ изображается совсѣмъ еще молодымъ человекомъ, безъ бороды и со слегка пробивающимися усами. Въ дѣйствительности, султанъ Абдуль-Гамидъ носитъ хотя и небольшую, но довольно окладистую черную бороду, которая кажется значительно старше тѣхъ лѣтъ, какія можно ему дать, судя по портрету. О чемъ происходилъ разговоръ между султаномъ и его высочествомъ — въ ту минуту конечно осталось неизвѣстнымъ для всѣхъ, кромѣ турецкаго премьера и г. Ону, служившаго перевод-

чикомъ. Пока длилось въ теченіе получаса это свиданіе, взаимное вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ въ приемной залѣ сосредоточивалось преимущественно на наиболѣе выдающихся лицахъ обихъ свиты. Турки очень интересовались генералами Непокійчицимъ, Гурко и Скобелевымъ, а наши Османомъ и Реуфомъ-пашами, только за день предъ тѣмъ возвратившимися изъ Россіи—одинъ въ качествѣ освобожденнаго плѣнника, другой въ качествѣ особо-уполномоченнаго посла. Османъ освѣдомился о генералѣ Скобелевѣ 2-мъ, и когда этотъ послѣдній подошелъ къ нему—они довольно долго и очень любезно бесѣдовали между собой. Кромѣ того, паша разговаривалъ тоже довольно продолжительное время со Скобелевымъ 1-мъ и съ комендантомъ главной квартиры, генералъ-майоромъ Штейномъ, съ которыми познакомился еще во время своего пребыванія въ Бѣготѣ. Генералъ Гурко и оба Скобелевы бесѣдовали также нѣсколько времени и съ Реуфомъ-пашею, которому на видъ можно дать лѣтъ сорокъ съ небольшимъ. Это высокій и сухощавый мужчина, съ тонкими, довольно привлекательными чертами лица и съ небольшимъ усамъ. Въ средѣ турецкой свиты находилось нѣсколько молодыхъ людей весьма изящной наружности, съ англійскими проборами на затылкахъ, съ парижскими манерами, въ ловко сшитой военной формѣ (чѣмъ далеко не всѣ наши могутъ похвастаться), съ аксельбантами и штабъ-офицерскими эполетами. Въ нашей русской службѣ положительно не найдется ни одного столь юнаго штабъ-офицера, и эти полковничьи эполеты на столь молодыхъ плечахъ удивляли многихъ изъ насъ тѣмъ болѣе, что намъ не въ рѣдкость было встрѣчать между плѣнными пятидесятилѣтнихъ поручиковъ и шестидесятилѣтнихъ капитановъ. Какъ видно, здѣсь несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ-либо примѣнима наша поговорка: «кому служба—мать, а кому мачиха».

Черезъ полчаса султанъ простился съ великимъ княземъ, который проводилъ его до яхты. Оба наши парохода стояли въ виду пристани, иллюминированные множествомъ пестрыхъ флаговъ, съ людьми, высланными на рен, съ которыхъ раздавалось привѣтственное «ура». По окончаніи султанскаго визита, великій князь былъ намѣренъ посѣтить германскаго посланника, князя Рейса, и Абдуль-Гамидъ любезно предложилъ ему довести его черезъ Босфоръ къ дому германскаго посольства, который величественно красуется, со своими одностолбными орлами по верхнимъ угламъ зданія, на одной изъ возвышенностей, откуда открывается прелестнѣйшій видъ на проливъ и Скутари. Его высочество изъявилъ свое согласіе и перешагнувъ за бортъ яхты вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцемъ Оль-

денбургскимъ и двумя своими адъютантами. Вся остальная свита перебралась на оба наши парохода, гдѣ къ этому времени былъ уже приготовленъ обѣдъ, и пока мы сидѣли за столомъ, «Константинъ» и «Ливадія» бросили якорь въ устьѣ Золотого Рога. Всѣмъ намъ было разрѣшено воспользоваться остальнымъ нашимъ днемъ, кто какъ знаетъ.

Мы пріѣхали на берегъ, въ Галату, представляющую рядъ прибрежныхъ нечистыхъ улицъ, съ высокими каменными домами, гдѣ кишитъ всяческая меркантильно-торговая и промышленная дѣятельность. Тутъ мы сѣли въ вагонъ «подземной» желѣзной дороги и поднялись въ немъ по тунелю на гору, гдѣ раскинулась Пера—такъ-называемый «цвѣтъ Константинополя». Воля ваша, но этотъ «цвѣтъ» далеко не показался намъ прекраснымъ. Правда, пріятно было очутиться въ большомъ городѣ съ европейскимъ пошибомъ, послѣ всѣхъ нашихъ долговременныхъ странствій по трупобамъ Болгаріи и Румелии, пріятно было почувствовать себя хотя бы и слегка въ европейской обстановкѣ, но все-таки Пера и Галата, съ ихъ узкими кривыми улицами, обстроенными то деревянными, то каменными, пяти-этажными домами, съ ихъ лавченками, магазинчиками, кабачками, кафешантанами и рулетками, съ ихъ плохо мощеными улицами, грязью, вонью, нечистотами и собаками—все это напоминаетъ отчасти Букарестъ, только въ худшемъ видѣ, а отчасти варшавское наше «Краковское предмѣстье» и улицы около «Старого мѣста», въ томъ видѣ, какъ они были до 1865 года. Отъ каждаго изъ этихъ пяти-этажныхъ домовъ такъ и вѣетъ мелкой индустріей, которая не останавливается ни предъ какими средствами порока, обмана и обиранія ближняго для удовлетворенія своей алчной жадности къ золоту и наживѣ. Чуть вы показываесться на улицѣ—васъ обступаетъ и буквально начинаетъ терзать пестрая толпа разныхъ нищихъ, большихъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, которые не даютъ вамъ прохода. Въ надеждѣ избавиться отъ нихъ, вы садитесь въ коляску,—они толпой бѣгутъ за вами, лопочутъ на всевозможныхъ языкахъ, протягивая руки, даже вскакиваютъ на подножки, оттискивая и опрокидывая другъ друга. Попробуйте бросить имъ какую-нибудь монету—еще хуже! Въ этихъ случаяхъ вы рискуете, что толпа окончательно уже отъ васъ не отстанетъ безъ помощи запятія. И не думайте, чтобы за вами бѣжала дѣйствительная нужда, лютый голодъ, вопіющая бѣдность; отнюдь нѣтъ:—здѣсь это дѣло чисто профессиональное, «аматерское», это тунеядство и попрошайничество, возведенное въ принципъ, это—средство къ праздной жизни; а въ то-же время изъ этой среды выходятъ и мелкія мошенничества и крупныя

преступления. Кроме того, вы не можете сдѣлать десяти шаговъ по главной улицѣ Перы безъ того, чтобы къ вамъ не подошелъ таинственно какой-нибудь *chevalier d'industrie*, съ предложеніемъ неприличнаго свойства, либо съ просьбою купить у него что-нибудь изъ роду томпаковыхъ часовъ, выдаваемыхъ за золотые, какой-нибудь перстень съ фальшивымъ камнемъ, серебряныя ложки, неприличные карточки и проч. Эта Пера съ Галатой — и въ особенности Пера — это слоаса шахша всей Европы, куда стекается всякое отребье рода человѣческаго: преступники и мошенники, бѣжавшіе отъ кары закона или изъ торговли, продажная красота, выдохшаяся предварительно на всякихъ подмосткахъ Парижа, Лондона, и проч., разные революціонныхъ и коммунарныхъ дѣлъ мастера, потерпѣвшіе фіаско въ своихъ отечествахъ, всевозможные антрепренеры, прожектеры, шуллеры и искатели приключеній политическихъ и иныхъ, — однимъ словомъ, всяческая мерзость, отребье и всякая сволочь. И все это, конечно, преисполнено величайшаго самолюбія и цивилизованной ненависти къ варварской Россіи, скрежещетъ зубами отъ ея успѣховъ и въ то-же время съ іудинной любезно-сладкой улыбкой предлагаетъ русскимъ офицерамъ всевозможныя гнусныя услуги, стараясь, какъ цыпки, высосать изъ нихъ побольше серебра и золота. То же самое, впрочемъ, было и въ Букарестѣ... Это тоже слоаса, но только меньшихъ размѣровъ.

Стамбулъ, т. е. почти исключительно турецкая часть Константинополя, дѣлаетъ впечатлѣніе гораздо привлекательнѣе Перы. Если хотите, здѣсь такая же грязь и вонь, какъ и тамъ, такое же нищенство, а закоулки еще болѣе узки и темны, дома и домишки со своими балкончиками и фонариками (*шагништы*) какъ бы нагромождены одинъ на другой, а пестрая рыночная толпа еще тѣснѣе и гуще, чѣмъ въ Перѣ и Галатѣ, но это толпа почти исключительно восточная, мусульманская: она не нахальничаетъ, не тычется вамъ въ глаза со своими непрошенными предложеніями, она держитъ себя проще, сдержаннѣе, достойнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь, однимъ словомъ, вы чувствуете присутствіе *человѣка*, каковъ бы онъ ни былъ, при всей его своеобразности, при всѣхъ его недостаткахъ, тогда какъ тамъ — одна лишь наложенная внѣшней «цивилизацией» сволочь, выброшенная за бортъ всѣми странами Европы.

Вообще, на сколько Константинополь живописно и поэтически прелестенъ, когда любуешься на него издали съ Мраморнаго моря или съ Босфора, настолько же онъ непривлекателенъ, когда вступишь на берегъ и потеряешься въ лабиринтъ его грязныхъ и зло-

вонныхъ улицъ. Впрочемъ, это вообще свойство всѣхъ видѣнныхъ нами городовъ Турціи: они чрезвычайно красивы какъ пейзажъ, и отвратительны какъ города.

Мы провели въ Константинополѣ четверо сутокъ, отдавая почти все время осмотру разныхъ достопримѣчательностей. Но въ четыре дня успѣшь осмотрѣть то и другое лишь самымъ бѣглымъ поверхностнымъ образомъ, да и притомъ всѣ константинопольскія достопримѣчательности уже неоднократно бывали описаны болѣе или менѣе подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ. Поэтому, оставляя ихъ въ сторонѣ, будетъ гораздо интереснѣе сообщить нѣсколько данныхъ относительно политическаго настроенія Константинополя въ настоящую минуту. Во-первыхъ, въ городѣ находится теперь масса русскихъ офицеровъ, приѣзжающихъ туда и въ партикулярномъ платьѣ, и въ военной формѣ; но какъ ни одѣлся русскій офицеръ — всѣ узнаютъ его сразу, а потому гораздо лучше ѣздить туда не въ формѣ своего привычнаго форменнаго костюма, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ здѣсь не было еще примѣра, чтобы офицеръ подвергся какой-либо несправедливости, благодаря своему мундиру. Напротивъ, каждый турецкій чиновникъ, гражданскій и военный, а также и полиція оказываютъ нашимъ при всякомъ случаѣ самое любезное вниманіе, укажутъ, направятъ, что спросишь, проведутъ куда нужно, при какомъ либо публичномъ зрѣлищѣ или церемоніи поставятъ на наиболѣе удобное мѣсто, и т. п., а военные караулы и часовые всѣ безъ исключенія самымъ отчетливымъ образомъ отдадутъ воинскую почесть проходящимъ мимо русскимъ офицерамъ. Мы, со своей стороны, при встрѣчѣ съ офицерами турецкими, прикладываемъ руку къ козырьку, и такимъ образомъ между нами и ними неукоснительно происходитъ обмѣнъ военной вѣжливости. Со стороны простонародья точно также не было еще ни одного покушенія къ оскорбленію русскаго. Я бывалъ и въ Стамбулѣ, и въ мечетяхъ, и въ центральномъ базарѣ одинъ, съ проводникомъ-евреемъ, одѣтый въ форменное платье, и простонародье не выказывало даже особаго любопытства къ невиданному костюму: вокругъ меня никто не толпился, если не считать конечно нищихъ, никто не разглядывалъ меня и ни одного нахальнаго, вызывающаго или враждебнаго взгляда я не подмѣтилъ среди этого простонародья, а о софтахъ, несмотря на все мое желаніе видѣть хотя одного изъ нихъ — до сихъ поръ просто никакого понятія не имѣю: убрали ли ихъ куда-нибудь, или сами они еще не показываются, или же условный ихъ костюмъ запретили — не извѣстно, но фактъ тотъ, что на стамбульскихъ улицахъ за всѣ четыре дня я не видалъ ни одного софты, сколько ни про-

силъ моего комиссіонера указать мнѣ на нихъ при встрѣчѣ. Любопытно же было, въ самомъ дѣлѣ, взглянуть на представителей «молодой Турціи», игравшихъ недавно такую роль въ политическихъ событіяхъ мусульманской столицы. Ни о какихъ сходбищахъ, демонстраціяхъ, прокламаціяхъ, и т. п., здѣсь, какъ кажется, вовсе теперь и не думаютъ: городъ носить самую мирную, обыденную фیزیомію, кипитъ базарной меркантильной дѣятельностью и ловить русскіе червонцы, которые льются теперь на него золотымъ дождемъ, благодаря массѣ офицерства. Даже странно видѣть, когда встрѣчаешь иногда среди бѣла-дня военный патруль, тихо, апатически бредущій по улицѣ, но... говорятъ, будто это сдѣлано въ уступку нѣкоторымъ иностраннымъ дипломатическимъ представителямъ, яко бы опасавшимся «взрыва». Все это величайшій вздоръ. По крайней мѣрѣ, судя по вѣншимъ проявленіямъ городской жизни, здѣсь никто и не думаетъ ни о какихъ взрывахъ и безпорядкахъ. Что касается черкесовъ, то я видѣлъ только тѣхъ, которые составляютъ собственный конвой султана, остальные же все вмѣстѣ съ сейбеками и башибузукми переправлены уже въ Малую Азію, такъ что и этотъ элементъ безпорядковъ удаленъ изъ столицы, и такимъ образомъ ни жизни, ни спокойствію, ни «интересамъ» христіанскаго и магометанскаго населенія въ Константинополѣ не угрожаетъ ничто, кромѣ.. быть можетъ, англійскаго флота, стоящаго невѣдомо зачѣмъ въ Измидской бухтѣ.

А вотъ еще любопытная черта, рисующая здѣшнее общественное настроеніе. Былъ я какъ-то въ турецкомъ театрѣ, который находится на главной улицѣ Перы, помѣщаясь въ довольно грязненькомъ зданіи, носящемъ громкое имя «Palais de Crystal», гдѣ подъ одной кровлей жутятся и кафе-шантанъ, и игорный домъ съ рулеткой. Театръ со всей его обстановкой напоминаетъ намъ провинціальныя театришки третьей руки въ захолустныхъ губернскихъ городахъ. Играютъ здѣсь на турецкомъ языкѣ почти исключительно армяне и армянки, но въ числѣ публики бываютъ и турки, преимущественно изъ молодежи. Давали при мнѣ *Оффенбаховскую* оперетку: «Разбойники», гдѣ, какъ извѣстно, жандармы поютъ куплеты о томъ, что тамъ, гдѣ ихъ нужно, они всегда появляются слишкомъ поздно. Предводитель этихъ жандармовъ былъ гримированъ типичнѣйшимъ англичаниномъ, и его куплеты, получившіе, благодаря этой гримировкѣ, нѣкоторый отблескъ политическаго памфлета, были приняты турецкой публикой съ величайшимъ удовольствіемъ. Турки хохотали, аплодировали и заставляли «инглиза» повторять его «*too-jong too tard*», передаваемое по-турецки не безъ комизма.

Въ пятницу, 17-го марта, я, въ числѣ многихъ русскихъ офицеровъ, отправился въ окрестности дворца Долма-Бахче, чтобы видѣть выѣздъ султана въ мечеть. На этотъ разъ Абдулъ-Гамидъ долженъ былъ посѣтить небольшую мечеть, извѣстную подъ именемъ Междидіе. Морская пѣхота, линейный полкъ низама, арабскіе стрѣлки и батальонъ почетной дворцовой стражи были выстроены для парада по сторонамъ площадки, окружающей мечеть. Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ въ адъютантской формѣ, замѣтивъ, что мы затрудняемъ какимъ образомъ пробраться сквозь густую толпу народа, очень любезно провелъ насъ впередъ и указалъ мѣсто на ступеняхъ террасы какого-то зданія, въ родѣ кордегардіи, откуда мы наилучшимъ образомъ могли видѣть всю церемонію.

Въ началѣ перваго часа звукъ сигнальнаго рожка возвѣстилъ о приближеніи султанскаго поѣзда. Войска взяли «на краулъ» и музыка грянула встрѣчный маршъ. Черезъ минуту показалась процессія. Впереди, по три или по четыре человека въ рядъ, шли двѣ колонны, составленныя изъ адъютантовъ султана. Офицеры эти маршировали очень стройно, въ тактъ играемаго марша. За этими колоннами, шедшими одна по правой, другая по лѣвой сторонѣ прохода, образовавшагося между двумя фронтами войскъ, слѣдовалъ Абдулъ-Гамидъ верхомъ на великолѣпномъ бѣломъ арабскомъ конѣ: онъ былъ одѣтъ въ легкое черное пальто, съ откинутымъ на плечи капюшономъ. Позади султана слѣдовала глѣшкомъ густая толпа расшитыхъ золотомъ и серебромъ пашей, министровъ, придворныхъ чиновъ, евнуховъ и служителей. Поравнявшись съ войсками, султанъ съ ними поздоровался, и они приветствовали его громкими и продолжительными криками, а проѣзжая мимо группы русскихъ офицеровъ, державшихъ руки подъ козырекъ, сдѣлалъ имъ привѣтливый знакъ рукой. Когда онъ подъѣзжалъ къ мечети, предъ которой навстрѣчу ему стояли два чиновника съ серебряными курильницами, — музыка марша смѣнилась звуками чего-то въ родѣ гимна, замолкшаго лишь тогда, когда повелитель правовѣрныхъ вошелъ во внутреннѣе храма и муезинъ съ высоты минарета сдѣлалъ громогласное воззваніе къ молитвѣ. Вскорѣ къ группѣ нашихъ офицеровъ подошелъ одинъ изъ старшихъ адъютантовъ Абдулъ-Гамидъ и объявилъ, что его величество султанъ поручилъ ему благодарить отъ его лица русскихъ офицеровъ за ихъ любезное вниманіе. Наши перемѣнились съ офицерами турецкими, любезно обмѣнивались поклонами, папиросами и завязывая знакомства; между тѣмъ и другими тотчасъ же пошли довольно оживленные разговоры, турки показывали намъ разные предметы снаряженія своихъ войскъ, въ чи-

слѣ конхъ обращаютъ на себя вниманіе прекрасныя большіе топоры съ золотыми узорчатыми насѣчками—принадлежность саперъ, которые носятъ ихъ на плечѣ, слѣдуя особой небольшою командой во главѣ каждаго батальона. Тутъ же на площади находился и нашъ старый знакомецъ Османъ-паша, любезно разговаривавшій въ кружкѣ нашихъ. Вообще, въ отношеніяхъ турокъ къ русскимъ и здѣсь, какъ на базарѣ и повсюду, не пришлось мнѣ подмѣтить ничего враждебнаго. Напротивъ того—полное вниманіе и любезность. Англичане на этомъ выходѣ блистали своимъ отсутствіемъ. По крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не замѣтилъ ни англійскаго морского мундира, ни извѣстныхъ своей типичностью британскихъ фizioномій, тогда такъ и тѣ и другія вѣрѣдко попадаются въ городѣ. Молитва въ мечети продолжалась нѣсколько болѣе часа, послѣ чего султанъ пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ, который былъ исполненъ ими очень удовлетворительно, въ особенности если принять во вниманіе, что въ строю находилось не мало новобранцевъ, лишь три недѣли назадъ поступившихъ въ военную службу. По окончаніи марша Абдулъ-Гамидъ возвратился въ свой дворецъ такимъ же торжественнымъ порядкомъ.

XCIV.

Прощальный смотръ великаго князя.

Слухи объ отъѣздѣ великаго князя въ Россію.—Пробываніе его высочества въ Константинополѣ и два концерта въ пользу турецкихъ бѣглецовъ.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Тотлебена.—Пасхальная заутреня въ Санъ-Стефано.—Болгарская депутация.—Прощаніе великаго князя со штабомъ и войсками.—Смотръ войскъ и объявленіе имъ о высочайшихъ наградахъ гвардейскимъ частямъ.—Отъѣздъ великаго князя изъ Санъ-Стефано.—Перечень нашихъ боевыхъ призовъ за время войны въ Европейской Турціи.

Санъ-Стефано, 17-го апрѣля.

Около двухъ недѣль тому назадъ ходили слухи въ Санъ-Стефано, что великій князь главнокомандующій, въ виду возвращающихся признаковъ болѣзни, которому страдалъ еще въ Кышиневѣ, оставляетъ свой постъ при дѣйствующей арміи. Говорили, что вмѣстѣ съ главнокомандующимъ отъѣзжаютъ въ Россію также и высшія лица штаба: генералъ-адъютантъ Непокойчинскій, свиты генералъ-майоръ Левицкій и генералъ-майоръ Кучевскій, а взаимно ихъ пріѣзжающъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, въ качествѣ главнокомандующаго, и генералъ-адъютантъ князь Имеретинскій, который займетъ должность начальника штаба арміи. Эти слухи оправдались только отчасти: генералъ Кучевскій уѣхалъ еще ранѣе главнокомандующаго въ Варшаву и оттуда въ заграничный отпускъ, а генералъ Левицкій оста-

ся при арміи на прежнемъ своемъ мѣстѣ помощника начальника штаба.

Въ виду скорого отъѣзда его высочества предположенъ былъ большой парадъ, на которомъ должны были участвовать всѣ войска, сосредоточенныя вокругъ Константинополя, а также 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и нѣкоторые гвардейскіе кавалерійскіе полки, находящіеся въ окрестностяхъ Родосто. Ненастная дождливая погода заставила однако отказаться отъ мысли о большомъ парадѣ, дабы не подвергать расположенныя въ отдаленности части неудобствамъ бивуачнаго расположенія на глубоко разбухшей глинистой и болотистой почвѣ, что безъ сомнѣнія вредно отразилось бы на ихъ санитарномъ состояніи. Парадъ былъ отмененъ.

Белый князь за послѣднее время часто бывалъ въ Константинополѣ, имѣлъ пребываніе на императорской яхтѣ «Ливадія», съ борта которой иногда съѣзжалъ на берегъ, для посѣщеній русскаго посольства и для прогулокъ въ окрестностяхъ города. При этомъ каждый разъ его высочество оказывалъ вниманіе и матеріальную помощь тысячамъ турецкихъ бѣглецовъ, лишенныхъ пристанища и средствъ къ существованію. Ради помощи этимъ несчастнымъ, въ Константинополѣ было устроено два концерта, 11-го и 13-го апрѣля, исполненныхъ въ залѣ военной школы, въ Панкальди. На первомъ изъ нихъ общалъ быть султанъ и потому въ концертную залу собралось все высшее общество Перы и Стамбула. Русскихъ было немного, потому что афиши объ этомъ музыкальномъ праздествіи не были заблаговременно и въ достаточномъ числѣ распространены въ Санъ-Стефано; были только тѣ, кто случайно успѣлъ узнать о концертѣ. Программа была уже исполнена почти на половину, а султанъ все еще не показывался, какъ вдругъ въ залѣ появился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ турецкихъ сановниковъ, Намыкъ-паша и объявилъ во всеуслышаніе, что его величество падишахъ, по причинѣ нездоровья, не можетъ пріѣхать, но поручилъ ему, Намыку, благодарить его именемъ всѣхъ присутствующихъ, за сочувствіе и помощь несчастнымъ бѣглецамъ. Всѣ прибывшіе сановники, вмѣстѣ съ Намыкомъ, размѣстились на покрытыхъ краснымъ сукномъ ступеняхъ трона, который былъ нарочно приготовленъ здѣсь для султана.

Узнавъ о второмъ концертѣ, который готовился на 13-е число, великій князь разрѣшилъ всѣмъ желающимъ офицерамъ присутствовать на немъ въ военной формѣ и самъ лично пожертвовалъ за свой билетъ около шести тысячъ франковъ. Несмотря на довольно высокую цѣну—27 франковъ за билетъ, что на наши кредитки составляетъ по нынѣшнему курсу болѣе десяти рублей, концертная

зала была полна преимущественно нашимъ офицерствомъ. Фасадъ и дворъ военной школы были иллюминированы разноцвѣтными фонарями и лампонами. Этотъ дворъ былъ переполненъ толпами любопытнаго простонародья, ради котораго тутъ же игралъ въ антрактахъ оркестръ турецкой военной музыки. Великій князь на концертъ не присутствовалъ, хотя турки почему-то были увѣрены, что онъ непременно будетъ. Распорядители концерта старались выказывать въ отношеніи русскихъ особенную любезность, за исключеніемъ впрочемъ одного лишь Фуада-паши, который все время угрюмо держался въ сторонѣ и усиденно кидаль на нашихъ офицеровъ взгляды, исполненные ненависти, видимо стараясь, чтобы это было замѣчено ими. Но такое поведеніе этого паши если и смущало кого-либо, то никакъ не офицеровъ, а самихъ распорядителей концерта¹⁾.

15-го апрѣля, наканунѣ Пасхи, русскій пароходъ «Цесаревна» привезъ въ Санъ-Стефано генералъ-адъютанта Тотлебена съ княземъ Имеретинскимъ, которые въ тотъ же день присутствовали на обѣдѣ у его высочества. Здѣсь стало извѣстно, что великому князю высочайше пожалованъ фельдмаршалскій жезлъ и что его высочество не позже среды (19-го апрѣля) отъѣзжаетъ въ Россію.

Къ нашимъ войскамъ еще за нѣсколько дней особымъ пароходомъ привезъ изъ Одессы массу куличей, пасокъ, красныхъ яицъ, окороковъ и прочаго, чтобы солдаты могли разговѣться на чужбинѣ такъ же, какъ и у себя на родинѣ. Заутреня совершалась полковыми священниками на мѣстахъ бивуачнаго расположенія войскъ, подъ открытымъ небомъ. Ночь была ясна, тепла и столь тиха, что свѣчи не гасли на воздухѣ и горѣли ровнымъ пламенемъ. Санъ-Стефано было переполнено народомъ, нарочно пришедшимъ изъ Константинополя и окрестныхъ деревень, причисленныхъ къ мѣстному приходу. Сюда же, въ ожиданіи заутрени, собралась масса русскаго офицерства верхами и въ экипажахъ. Всѣ дома мѣстечка были иллюминированы цвѣтными фонарями, свѣчами, шкаликами и убраны надъ входами и по стѣнамъ гирляндами лавровъ и миртовъ. Суда, стоявшія на рейдѣ, тоже подняли цвѣтные фонари и флаги, а русскіе военные пароходы все время жгли цѣлые ряды бенгальскихъ огней и фальшфейеровъ, вслѣдствіе чего видъ на море, при чудномъ лунномъ освѣщеніи, былъ необыкновенно эффектенъ. Не за долго до заутрени, Савфетъ-паша, прибывшій въ Санъ-Стефано, былъ представ-

ленъ великимъ княземъ генералу Тотлебену, какъ новому главнокомандующему русской дѣйствующей арміи.

Минуть за пять до полуночи, его высочество пришелъ въ санъ-стефанскую греческую церковь, а ровно въ полночь изъ дверей ея двинулся крестный ходъ, обошедшій вокругъ храма. Вся площадь, ближайшія улицы и морской берегъ были усыяны мигающими звѣздочками разомъ зажегшихся свѣчекъ; толпы молящихся солдатъ и народа густо наполняли всю мѣстность, прилегающую къ церкви. Адъютанты и ординарцы великаго князя несли въ процессіи походные образа его высочества, а одинъ лейбъ-казакъ шелъ впереди съ великокняжеской хоругвию. Божественную службу совершало русское и греческое духовенство; на обонхъ клиросахъ пѣли два хора — одинъ изъ русскихъ любителей, другой — изъ походныхъ пѣвчихъ придворной капеллы. На внутренней церковной галлерей стояли русскія дамы и сестры милосердія; весь храмъ, залитый свѣтомъ, былъ переполненъ офицерами въ парадной походной формѣ. Служба продолжалась менѣе двухъ часовъ, послѣ чего всѣ присутствующіе были приглашены разговляться въ столовую залу великаго князя.

16-го, въ самый день свѣтлаго праздника, прибыла въ Санъ-Стефано болгарская депутація, въ числѣ болѣе семидесяти членовъ, отъ всѣхъ важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ болгарскаго края. Во главѣ этой депутаціи находился митрополитъ софійскій, прибывшій сюда для поднесенія благодарственныхъ адресовъ отъ болгарскаго народа великому князю и, чрезъ посредство его высочества, государю императору. Эти адреса покрыты, каждый, болѣе чѣмъ двумястами тысячъ подписей, и тотъ, который представляется на высочайшее имя, заключаетъ въ себѣ горячую благодарность всего народа за освобожденіе и мольбу о дальнѣйшемъ покровительствѣ. Между прочимъ, въ немъ выражена мысль, что по древнему болгарскому обычаю, христіанинъ, спасенный отъ бѣды и напасти, подноситъ своему избавителю наперсникъ крестъ, въ знакъ благодарности и духовнаго христіанскаго братства, а потому, возобновляя этотъ священный обычай, болгарскій народъ смиренно проситъ его величество принять и возложить на себя это народное подношеніе — золотой крестъ, водруженный на серебряномъ полумѣсяцѣ, въ память избавленія Болгаріи отъ ига турецкаго. Этотъ крестъ сдѣланъ чрезвычайно изящно и виситъ на трехцвѣтной лентѣ національныхъ болгарскихъ цвѣтовъ, продѣтой въ золотую пряжку, на которой изображено: внизу 1393 года (годъ паденія царства болгарскаго) и вверху — 1878 года 19-го февраля. На оборотной сторонѣ креста надпись: *Освободителю Царю — болгарскій народъ.*

¹⁾ Фуадъ-паша, будучи назначенъ на должность константинопольскаго коменданта, успѣлъ, вмѣстѣ съ пашой Мехмедомъ-Али, въ самое короткое время соорудить вокругъ столицы линію траншей, редутовъ и люнетовъ.

Въ томъ же адресѣ испрашивается высочайшее разрѣшеніе носить подобныя же кресты всѣмъ русскимъ людямъ, потрудившимся въ пользу Болгаріи, какъ знакъ воспоминанія о великой войнѣ за правое дѣло и свободу братьевъ.

Въ тотъ же день (16-го), около семи часовъ вечера, послѣдовало приказаніе, что всѣ части санъ-стефанскаго отряда, совместно съ нѣкоторыми другими изъ ближайше расположенныхъ войскъ, имѣютъ участвовать завтрашній день (17-го) въ парадѣ, назначаемомъ въ 11 часовъ утра, на полѣ между Санъ-Стефано и чифтликкомъ Ай-Мама.

17-го апрѣля, въ 9 часовъ утра, великій князь принималъ у себя въ саду всѣхъ лицъ штаба, отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи, причемъ въ теплыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ выразилъ имъ благодарность за усердную службу, съ пожеланіемъ продолжать ихъ труды столь же ревностно и при новомъ главнокомандующемъ. Непосредственно за тѣмъ его высочество изволилъ присутствовать на церемоніи освященія и врученія знаменъ, пожалованныхъ за боевыя отличія 14-му и 15-му стрѣлковымъ батальонамъ. Эта церемонія происходила на площади передъ домомъ, занимаемымъ великимъ княземъ.

По окончаніи торжества, главнокомандующій, въ сопровожденіи свиты, отправился на смотръ войскъ, собранныхъ на обширномъ полѣ. Въ свитѣ присутствовали генералъ-адъютанты Тотлебенъ и князь Имеретинскій, а также германскій посолъ князь Рейсъ.

Въ строю участвовали: 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, три батальона гвардейской стрѣлковой бригады (за исключеніемъ Финскаго батальона, уже отправленнаго на родину), лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ, гвардейскій Морской экипажъ, батальонъ пѣнаго конвоя главнокомандующаго, 4-я стрѣлковая бригада, 16-я пѣхотная дивизія, всѣ пѣшая, горная и скорострѣльная артиллерія, принадлежащая къ этимъ частямъ, полки лейбъ-гвардіи: Уланскій, Драгунскій и Казачій, 8-й драгунскій Астраханскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полкъ, уральская сотня и двѣ батареи гвардейской конной артиллеріи, изъ коихъ одна казачья. Обвѣзжал фронтъ всѣхъ этихъ частей, выстроенныхъ въ четыре линіи, его высочество изволилъ остановиться предъ стрѣлковымъ батальономъ Императорской Фамиліи и, вызвавъ къ себѣ офицеровъ, поздравилъ ихъ и солдатъ съ высочайшей милостью, выразившеюся въ пожалованіи батальону, за его храбрую боевую службу, георгиевскаго знамени. Затѣмъ великій князь, подѣхавъ къ своему конвойному батальону и лейбъ-казачьему полку, благодарилъ ихъ за службу и за то, что они, какъ конвойныя части, берегли его въ теченіе всей

кампанія, и наконецъ, приблизясь къ лейбъ-гвардіи Драгунскому полку, а затѣмъ къ гвардейской донской батарее, поздравилъ, отъ имени государя императора, первый—съ георгиевскимъ штандартомъ, а послѣднюю—съ правами старой гвардіи. Всѣхъ командировъ названныхъ частей его высочество удостоилъ пожатіемъ руки и прощальнымъ поцѣлуемъ. Послѣ этого, подѣхавъ къ лейбъ-гвардіи Московскому полку, великій князь вызвалъ сюда всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей гвардіи до батальонныхъ командировъ включительно, и объявилъ имъ о полученной отъ государя императора телеграммѣ, гдѣ его императорское величество извѣщаетъ, что за боевыя отличія жалуетъ: всей гвардіи—надписи на головные уборы, лейбъ-Атаманскому полку, Финскому стрѣлковому батальону и донской гвардейской батарее—права старой гвардіи, а лейбъ-Драгунскому и лейбъ-гвардіи Гродненскому гусарскому полкамъ и стрѣлковому Императорской Фамиліи батальону—георгиевскіе штандарты и знамя. Въ заключеніе его высочество поблагодарилъ всѣ части, въ лицѣ ихъ командировъ, за лихую боевую службу, въ трогательныхъ выраженіяхъ выразилъ сожалѣніе, что болѣзнь вынуждаетъ его разстаться съ ними, и заключилъ свои слова надеждой, что если имъ придется сразиться съ новымъ врагомъ, то они покажутъ себя такими же молодцами, какъ и въ минувшую кампанію.

Послѣ этого войска прошли церемониальнымъ маршемъ и были распущены по домамъ. Въ пять часовъ по-полудни его высочество, въ сопровожденіи громадной толпы офицеровъ всѣхъ чиновъ, отправился на пристань, гдѣ еще разъ распростился съ ними и, при кличкѣ войскъ, построившихся вдоль набережной, отбѣхалъ въ паровомъ катерѣ на пароходѣ «Ливадія», который тутъ же снялся съ якоря и отправился въ Константинополь. Сдѣлавъ прощальный визитъ султану, великій князь на другой день отплылъ въ Россію.

Исчисляемъ результаты боевыхъ призовъ, взятыхъ нашими войсками на Балканскомъ полуостровѣ, въ теченіе минувшей кампаніи, подъ главнымъ командованіемъ его высочества:

Въ плѣнъ взято 15 пашей, 113.000 штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отбито 606 орудій разныхъ калибровъ, 9.600 палатокъ 140.200 ружей различныхъ англійскихъ системъ, 24.000 лошадей, 13.000 никъ и до 200.000 прочаго оружія ¹⁾.

1) Свѣдѣнія о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ въ Адрианополь и Санъ-Стефано, событія за время стоянки войскъ предъ Константинополемъ, жизнь въ Санъ-Стефано, санитарныя, продовольственныя, криминальныя и нынѣ данныя по разнымъ частямъ управленія арміи, и разныя дополнителныя свѣдѣнія, очерки и рассказы войдутъ впослѣдствіи, въ составъ особаго тома, который составитъ продолженіе писемъ изъ дѣйствующей арміи.

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ МЫ СЪ СОЛОМОНОМЪ СОЛОМОНОВИЧЕМЪ ВЪХАЛИ ИЗЪ ЧАУШКИ-МАХАЛЫ ВЪ ГОРНЫЙ-СТУДЕНЬ.

I.

Какъ онъ у насъ появился.

Это было вскорѣ послѣ «второй Плевны»...

Какъ только въ Тырновъ получилась телеграмма о вторичной неудачѣ нашей подъ Плевной, главная квартира въ тотъ же день налегкѣ выступила изъ этого города на мѣсто происшествія и черезъ двое сутокъ была уже на Бугаренской позиціи, куда отступила часть нашихъ войскъ послѣ отбитаго штурма. Тотчасъ же осмотрѣвъ лазаретъ 5-й пѣхотной дивизіи и расположенные тутъ полки Вологодскій и Архангелогородскій, и ободривъ теплымъ участіемъ и ласковыми словами какъ раненыхъ, такъ и уцѣлѣвшихъ воиновъ, великій князь главнокомандующій возвратился на нагорный берегъ Осмы и сталъ со своей свитой и конвойнымъ дивизиономъ лейбъ-казачковъ въ трехъ верстахъ позади только-что посѣщеннаго бивуака, въ маленькой болгарской деревушкѣ, которую мѣстные жители называютъ Чаушка-Махала.

Здѣсь провели мы нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ у ставки великаго князя безпрестанно появлялись по дѣламъ службы разные лица изъ состава штабовъ и войскъ 9-го и 11-го армейскихъ корпусовъ. Время было горячее, и потому нашъ бивуакъ казался очень оживленнымъ. Все жило какой-то страстной, лихорадочной жизнью, въ которой, однако, никто не подмѣтилъ бы ни малѣйшаго сомнѣнія или упадка духа! Правда, всѣ были серьезны, сурово озабочены и злы на неудачу, но въ то же время всѣхъ оживляла какая-то твердая вѣра, что, какъ ни трудно, а въ концѣ концовъ мы сломимъ Османа. «Вторая Плевна» представлялась намъ не болѣе, какъ временной, хотя и очень досадной, неудачей.

Мы вѣрили въ свои силы, въ свое дѣло, въ его нравственную правоту, и потому сомнѣніямъ не могло быть тутъ мѣста. Кипучая дѣятельность направлялась только къ тому, чтобы скорѣе пополнить ряды и боевые запасы, залечить больныя мѣста, зачинить прорѣхи и съ новыми, оживленными силами бодро двинуться вновь противъ непріятеля. Въ настроеніи потерявшихъ войскъ всецѣло жила такая же точно увѣренность, и уже на третій день послѣ пораженія они вполне оправившись и глядѣли, какъ всегда, молодцами. Каждый вечеръ на бивуакахъ раздавались хоровыя пѣсни и звуки полковыхъ оркестровъ.

Кромѣ военныхъ, за эти дни перебивало на чаушка-махалинскомъ бивуакѣ немало и всякаго иного, преимущественно «тылового» и «штатекаго» люда: дилетантовъ, маркизантистовъ, агентовъ, корреспондентовъ и «своему отечеству патриотовъ», въ лицѣ разныхъ прожектеровъ, предпринимателей, изобрѣтателей и членовъ пресловутаго «товарищества».

Помню, въ одно дѣйствительно прекрасное утро, появилась здѣсь нѣкая оригинальная фигурка. То былъ небольшого роста чело-вѣчекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ бѣлой военной фуражкѣ съ кокардой, въ высокихъ сапогахъ съ настежными шпорами и въ черномъ статскомъ сюртукѣ, который, впрочемъ, былъ на немъ застегнутъ *à la militaire*, т. е. такъ, какъ обыкновенно носятъ отставные военные изъ элегантныхъ. Кавказская шапка въ шагреновыхъ ножнахъ съ чернетью и красивая казачья нагайка висѣли у него на шегольскомъ узенькомъ ремешкѣ черезъ правое плечо, а на шеѣ изъ-подъ бѣлаго галстука очень эффектно выдѣлялся на туго накрахмаленномъ пластронѣ безукоризненно свѣжей сорочки орденскій крестъ, нѣсколько болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ обыкновенно принято. Судя по всему

этому, надо было бы думать, что оригинальный человечек—какой-нибудь отставной военный, приехавший сюда въ качествѣ «двѣланта войны»; но, при первомъ же взглядѣ на его, впрочемъ, очень приличную физиономію, обнаруживалась полная несостоятельность такого предположенія. Не надо и разспрашивать,—достаточно было взглянуть на лицо, носившее несомнѣнную печать іерусалимскаго благородства, чтобы убѣдиться, что этотъ основательный, выхоленный и чистенькій человечекъ со смысленнымъ лицомъ и тѣмъ особеннымъ «скромнымъ» апломбомъ, какой иногда усваиваютъ себѣ очень большіе финансовые тузы, можетъ исповѣдовать, послѣ Іеговы, одного только бога Меркурія, но ужь никакъ не бога Марса.

Появился онъ на дворѣ главной квартиры около часу дня, куда къ этому времени обыкновенно сходились всѣ лица свиты, штаба и офицеры конвоя къ раннему обѣду. Фигурка новоприѣзжаго, конечно, сейчасъ же была замѣчена. Пошли у насъ между собой разпросы и освѣдомленія: это, чтѣ, зачѣмъ и по какому случаю?

Оказалось, что это знаменитый Соломонъ Соломоновичъ, одинъ изъ важныхъ тузовъ элитоватѣльнаго міра, прибывшій сюда съ блистательно важными предложеніями, которыя должны были обезпечить устройство нашего тыла и правильности подвозовъ, и эвакуацію, и еще, и еще что-то...

Разумѣется, многое при этомъ и присочиняли, и прибавляли, и варьировали,—все это, какъ водится; но всѣ были увѣрены, что такой тузъ за пустяками сюда не приѣхалъ бы. Нечего и прибавлять, конечно, что предложеніе его было самого патріотическаго и почти безкорыстнаго свойства, а судя по спокойно увѣренному выраженію его лица, не трудно было догадаться, что Соломонъ Соломоновичъ уже не сомнѣвается въ успѣхѣ своего дѣла.

Народу въ этотъ день собралось къ обѣду какъ-то больше, чѣмъ обыкновенно. Обѣдъ же въ Чаушкѣ-Махалѣ накрывался не въ обширномъ шатрѣ, который, вмѣстѣ съ тяжелымъ обзавомъ главной квартиры, остался въ Тирновѣ, а просто на воздухѣ, подъ деревьями въ разныхъ концахъ двора, лишь бы была тѣнь, а ужь ѣсть и сидѣть—на чемъ попало. Тутъ для устройства столовъ и сидѣній пошло въ ходъ все, чтѣ нашлось подъ рукой: дверь, снятая съ петель, доски отъ поломъ и изъ-подъ яслей, колесныя ступицы и деревянные обрубки, пеньки и колоды, ящики изъ-подъ какихъ-то маркитантскихъ продуктовъ,—все это составили, сложили, приладили одно къ другому, накрыли салфетками—и вышли столы. Не случится, бывало, хлѣба—ѣли крутыя, комковатыя лепешки изъ молодой кукурузы; роль овощей играли прошлогодні бѣлые бобы,

какіе нашлись на мѣстѣ, а говядину замѣняла баранина, такъ что бывало, иной разъ въ одномъ и томъ же обѣдѣ появляются похлебка изъ баранины съ бобами и баранина на жаркое съ салатомъ изъ разваренныхъ бобовъ, да и то еще слава Богу! И самъ великій князь главнокомандующій кушалъ то же, чтѣ и прочіе. «Разносолить» было не изъ чего, да и некогда. Пословица «à la gnette comte à la gnette» нашла тутъ полное свое примѣненіе. Вотъ къ такому-то обѣду и попалъ Соломонъ Соломоновичъ.

Завѣдующій гофмаршальскою частью, замѣтивъ меня въ группѣ офицеровъ, мимо которой проходилъ онъ въ эту минуту, приостановился, взялъ меня подъ руку и отвелъ нѣсколько въ сторону.

— Вы знакомы?—спросилъ онъ, кивнувъ глазами на одиноко стоявшаго среди двора Соломона Соломоновича.

— Нѣтъ, не знакомъ. Въ первый разъ вижу.

— Ну, все равно, я васъ познакомлю. Онъ тоже никого тутъ не знаетъ. Возьмите его, пожалуйста, на время обѣда подъ свое покровительство: угощайте, подливайте, занимайте его, какъ знаете. Вы же, кстати, по-жидовски говорите,—вотъ намъ и практика.

И онъ, не слушая дальнѣйшихъ моихъ возраженій, подвелъ меня къ Соломону и представилъ насъ другъ другу. Я, въ свой чередъ, познакомилъ его съ нѣсколькими офицерами и, между прочимъ, съ бравымъ ротмистромъ М—атовымъ, командиромъ одного изъ лейб-казацкихъ эскадроновъ.

Обѣдать успѣлись мы поодаль, отдѣльнымъ кружкомъ, за однимъ изъ особыхъ импровизированныхъ столовъ, который, ради тѣни, прилаженъ былъ подъ стѣной какого-то сарайчика,—и Соломонъ съ нами. Усадили мы его, какъ гостя, на почетное мѣсто, въ тѣни, на концѣ стола, и подъ сѣдалище ему уступили какой-то ящикъ изъ-подъ стеариновыхъ свѣчей. Ротмистръ М—атовъ сѣлъ по правую, а я по лѣвую руку почтеннаго гостя, и оба самымъ добросовѣстнымъ образомъ принялись угощать и «занимать» его.

Во всей плотной фигуркѣ нашего гостя, въ самомъ положеніи его среди военнаго стана и въ этомъ нашемъ «ухаживаніи» за нимъ было что-то такое,—я не знаю, какъ бы это опредѣлить точнѣе,—что-то внутреннее комическое. Глядя на него и на себя, и на нашъ ближайшій кружокъ, и на то, съ какимыъ серьезнымъ видомъ мы все это предъызвали—угощали Соломона и съ нимъ разговаривали,—мнѣ инными минутами безотчетно какъ-то хотѣлось вдругъ фыркнуть со смѣху; но, конечно, я перемогалъ себя и всячески воздерживался, усиленно стараясь строить самыя серьезные мины. А въ то же время, мелькомъ взглянувъ

иногда на того или другого из наших со-
стольниковъ, замѣчаю, что и они испытываютъ
точно то же, что я, и что имъ точно такъ же
хочется прыгнуть со смѣху, но только крѣ-
пятся изъ приличія. Помню при этомъ, какъ
покойный Скобелевъ, Дмитрій Ивановичъ, въ
своей просторной синей черкескѣ, сидя за дру-
гими столомъ и оборачиваясь порой на нашъ
конецъ, въ спину Соломону, добродушно и ве-
село смѣялся такъ, что вся утроба его колы-
халась. И какъ я ему завидовалъ, что въ эту ми-
нуту онъ можетъ смѣяться, не стѣсняясь!.. Спро-
сить любого изъ насъ—чему или надъ чѣмъ
собственно хочется намъ смѣяться, и что имен-
но намъ такъ смѣшно?—сдѣлали бы кто изъ
насъ сумблъ отвѣтить на это съ точностью.
Бываетъ иногда, просто Богъ вѣсть съ чего,
такое возбужденно веселое настроеніе духа, и
не то, чтобы у одного отдѣльнаго человѣка, а
у цѣлой группы людей вдругъ, когда достаточно
самаго малѣйшаго, ничтожнаго повода, на ко-
торый въ другое время и вниманія не обра-
тили-бы, чтобы воставить насъ хохотать, дура-
читься, школьничать. Въ такомъ смѣхѣ и та-
комъ настроеніи духа есть нѣчто заразитель-
ное. Быть можетъ, это—внутренняя потребность,
которая объяснима, какъ реакція черезчуръ
уже долго продолжавшемуся серьезному, сурово-
озабоченному настроенію, какое мы всѣ испы-
тывали съ момента перваго извѣстія о «второй
Плевнѣ». Потребность такой психической ре-
акціи будетъ еще понятнѣе, когда я скажу,
что въ эти дни мы уже внутренне успокоились за
дальнѣйшій ходъ кампаніи, зная, что изъ Россіи
двинуты на помощь сюда новыя части и ре-
зервы, что сама гвардія уже выступаетъ подъ
Плевну и что, какъ-никакъ, но больше мы не
отступимъ изъ-подъ Плевны, пока не добьемъ
окончательнаго результата.

Итакъ мы сѣдѣли за обѣдомъ и «занимали»
Соломона Соломоновича. Сначала, по вѣжливос-
ти, все шло довольно сдержанно, какъ вдругъ
дерни кого-то нелегкая обмолвиться: вмѣсто
Соломона, назвалъ его Израилемъ Соломонови-
чемъ.

— Звините, я-жъ не Израиль Соломоновичъ.

— Ахъ, виноваты! Исаакъ Соломоновичъ...

— Звините, я-жъ не Исаакъ Соломоновичъ.

— Нашего почтеннаго гостя зовутъ Соло-
мономъ Соломоновичемъ,—поправилъ ротмистръ
М—атовъ.

— Виноваты, — извинился обмолвившійся
офицеръ,—трудно сразу запомнить, знаете...

— Ну, и зачѣмъ вамъ трудиться запоми-
нать,—снясходительно и скромно замѣтилъ Со-
ломонъ Соломоновичъ,—я вамъ скажу, какъ
гораздо легче: зовите меня просто ваше пре-
восходитъ... то-есть превосходительство,—попра-
вилъ онъ свою юдаическую обмолвку.

Я такъ и уткнулся въ тарелку, чтобы не рас-
хохотаться, и боюсь поднять глаза на другихъ,

потому—напередъ знаю, что не выдержу, а
только искоса мелькомъ вижу, съ какимъ
уморительнымъ недоумѣніемъ иные вытаращи-
лись на Соломона и даже рты разинули, дру-
гіе же морщатся и кусаютъ себѣ губы, удер-
живаясь отъ смѣха.

— Господа, не угодно ли вамъ звать его
превосходительство «его превосходительствомъ»,
съ серьезнымъ и какъ бы официальнымъ ви-
домъ предложить ротмистръ.

— Прекрасно! Чего же лучше? И легко, и
внушительно!—Браво! откликнулись разные го-
лоса,—браво!... Налейте-же вина его превосхо-
дительству... Здравье вашего превосходитель-
ства!... Я съ вами чокаюсь, ваше превосходи-
тельство... Мы всѣ присоединяемся, ваше пре-
восходительство!... Господа, здравье его пре-
восходительства!

Соломонъ чокался, и масляные глазки его
пурились, какъ у кота, отъ внутреннего удо-
вольствія. Превосходительный титулъ, подхва-
ченный сразу всѣми, такъ лестно щекоталъ
его самолюбіе, а самый звукъ, самая музыка
этихъ словъ, «ваше превосходительство» такъ
пріятно ласкали его ухо...

Конечно, Соломонъ видалъ на своемъ вѣку
виды, и слухъ его давно уже привыкъ къ то-
му, что всѣ его конторщики и артельщики зо-
вуть его не иначе, какъ «генераломъ» заглаз-
но и «превосходительствомъ» въ глаза; равно
привыкъ онъ и къ тому, что даже дѣйствитель-
ные генералы, являясь на поклонъ въ его при-
емную (большую частью въ надеждѣ выпросить
что-нибудь взаймы), не безъ подобострастія
тоже балуютъ его титуломъ «превосходитель-
ства»,—но то тамъ, въ Петербургѣ, у себя въ
кабинетѣ, или въ конторѣ,—то совсѣмъ другое
дѣло, а здѣсь, такъ сказать, «на полѣ брани»,
въ военномъ лагерѣ, чуть не въ виду непріа-
теля, и вдругъ услышать то же самое «пре-
восходительство» изъ устъ офицеровъ, «насто-
ящихъ военныхъ офицеровъ»—ай-вай. Это бы-
ло ему такъ пріятно, такъ лестно, что Соло-
монъ совсѣмъ размякъ душой и чокался и бла-
годарилъ, и ничто же сумняся принималъ обра-
щаемый къ нему титулъ въ серьезную сто-
рону, какъ нѣчто совсѣмъ достопамятное.

— Извольте знакъ поправить, ваше прево-
сходительство,—замѣтилъ сосѣдъ ротмистра,
указавъ Соломону на его орденъ.

— Зачѣмъ поправить?

— Онъ у васъ перевернулся на изнанку.
Позвольте, ротмистръ вамъ поправить.

— Этъ, аставте! И такъ гхарасньо!—не-
брежно махнулъ Соломонъ рукой.

— Но зачѣмъ же? Это вѣдь не по формѣ,
лучше поправить,—пристали къ нему.

— Этъ, аставте, говору! Ну и смѣло тамъ
перевертатъ!... Когда-жъ этово не увсе одно,
смѣло такъ, смѣло такъ?

— Нѣтъ, далеко не все одно, да и началь-

ство, наконецъ, можетъ замѣтить, вамъ же не-
приятно будетъ... Лучше переверните, право...

— Нѣтъ, астаютъ!... Онъ уже у меня такъ
надѣтый... Это маленькій ошибка изъ моимъ
камердынеръ... Не раздѣваться же...

И какъ къ нему ни приставали, не пере-
вернуть-таки Соломонъ своего знака и даже
наконецъ рукой прикрылъ его, словно бы ради
защиты отъ покушеній на его неприкосновен-
ность. А не перевернулъ потому, что знакъ у
него былъ «изъ птицъ», то есть съ орломъ,
установленный для иновѣрныхъ; иновѣрие же
свое Соломонъ, повидимому, желалъ стусежи-
вать.

Въ это время весело раздался всѣмъ знако-
мый, звучный, повелительный голосъ:

— «Вынимай па-а-а»...

— «Тррронъ!!!» гаркнулъ, какъ одинъ че-
ловѣкъ, въ-разъ подхватилъ и обрѣзалъ окон-
чаніе этой команды весь дворъ, всѣ, кто сидѣ-
ли за столами.

Соломонъ даже вздрогнулъ и оторопѣлъ отъ
эффекта этой громкой неожиданности.

— Это слыто же таково значить?—спросилъ
онъ, недоумѣвая.

— Значить, что можно вынимать папирсы
и закуривать. А вы развѣ не крикнули «тронъ»?

— Тро-онъ? Зачѣмъ я буду кричать «тронъ».

— Затѣмъ, что всѣ должны кричать. Та-
ковъ уже у насъ обычай. Кричите «тронъ»!

— Но, звините, какъ же-жъ я теперь буду
кричать «тронъ»!

— Кричите «тронъ», ваше превосходитель-
ство! кричите «тронъ»! А то вдругъ насъ спро-
сятъ, хорошо ли мы васъ угощали?—мы ска-
жемъ: «хорошо». А спросятъ затѣмъ, а кри-
чатъ ли онъ «тронъ»?—мы должны будемъ отвѣ-
тить: «нѣтъ, не пожелалъ крикнуть, хотя мы
и предлагали». Ну, и нехорошо.

— Но какъ же это?.. Теперь вже поздно?

— Лучшее поздно, чѣмъ никогда. Кричи-
те «тронъ», ваше превосходительство! «тронъ»
кричите! Не мѣшчайте!—полушопотомъ при-
ставали къ Соломону, съ самымъ серьезнымъ
видомъ, со всѣхъ сторонъ нашего стола.

— Тронъ!—крикнулъ Соломонъ Соломоно-
вичъ и даже самъ «сипыгался» своей прыти
и съежился.

Съ главнаго стола обернулись съ вопроси-
тельнымъ видомъ въ нашу сторону.

— Это тамъ «безнабашная сотня» прока-
зить,—благодушно поясняя смѣясь Дмитрій
Ивановичъ, какъ бы стараясь извинить наше
школьничество.

— Ну, вотъ и хорошо! Теперь можете за-
куривать. Не прикажите ли?—предложилъ рот-
мистръ, подвинувъ къ Соломону раскрытую па-
пиросницу.

II.

У казачьяго маркиганта.

Послѣ обѣда пошелъ Соломонъ въ юрту къ
начальнику штаба, чтобъ окончить свое дѣло,
а мы всѣ, отъ нечего дѣлать, отправились къ
казачьему маркиганту, гдѣ подъ навѣсомъ изъ
камыша и цыновокъ, прилаженныхъ кое-какъ
подъ деревьями, продувалъ легкій сквознячекъ,
и было въ тѣни вообще менѣе душно, чѣмъ
гдѣ-либо. Здѣсь, за двумя складными продол-
говатыми столами, обыкновенно сходились всѣ
въ свободное время, болтали, дѣлились впечат-
лѣніями и новостями, читали газеты, играли
въ карты и шахматы, закусували сардинками,
черствой брынзой и ржавой саламой, испи-
вали красненькое румынское вино, а больше
все прохаживались чаемъ съ клюквеннымъ
морсомъ, да тепловатой сольтерской водой. Такъ
было и на этотъ разъ.

Одинъ изъ офицеровъ, возвратившійся
утромъ съ рекогносцировки плевенскихъ пози-
цій, рассказывалъ о характерѣ мѣстности и воз-
водимыхъ турками укрѣпленій, разложивъ пе-
редъ собой большую карту. Тѣсный кружокъ
слушателей, нависая со всѣхъ сторонъ на столъ,
поближе въ картѣ, слѣдилъ съ живѣйшимъ ин-
тересомъ за его рассказомъ, и всѣ мы, увлек-
шись этимъ дѣломъ, совсѣмъ было уже позабы-
ли о Соломонѣ, какъ вдругъ, глядимъ, самъ онъ
«собственной персоной» изволилъ пожаловать
подъ тѣнь маркигантскаго навѣса.

— А!.. ваше превосходительство!.. И вы
сюда? — Милости просимъ!.. Присаживайтесь,
пожалуйте къ намъ въ гости.

— Зачѣмъ увѣ въ гости?—Я идѣсь у себя
дома,—возразилъ Соломонъ.—Я же остановился
у казацкаго маркиганта, и тутъ пока—мой глав-
ный квартиру. Теперь уже ви, гашнада, у ме-
ня увѣ гости... Милости прошу... пазжалуста!..
Эй, маркигантъ! маркигантъ, шампанскаво!..
Изъ ледомъ!.. Да скорѣй пазжалуста, и по-
болше!

Лицо Соломона сіяло полнымъ внутреннимъ
удовлетвореніемъ и едва сдерживаемымъ чув-
ствомъ самодовольной радости. Очевидно, дѣло
его выгорѣло какъ нельзя лучше, и онъ позднѣе
даже проговорился намъ отчасти, что «радъ за
войска», радъ «за наша Россія» и что это «та-
ково дѣлу, таково патріотическаво, знаю, дѣ-
лу», за которое потомъ ему всѣ «болшова спасибо»
скажутъ. Однимъ словомъ, онъ чувствовалъ себя,
въ нѣкоторомъ родѣ, героемъ, готовымъ посту-
питься даже собственными интересами ради
блага дорогого отечества. Онъ самъ глубоко вѣ-
рилъ въ успѣхъ того дѣла, за которое берется,
сознавалъ, что оно должно принести дѣйстви-
тельную пользу арміи, и потому его чувство по-
нятно.

— Шампанскаво! — настойчиво повторилъ онъ маркизату, — и поболше стаканы!

Какъ ни отговаривались мы отъ шампанскаго, Соломонъ настоялъ — таки на своемъ. Сначала онъ всѣмъ «поставилъ», затѣмъ ему пошли «отвѣтныя», и дѣло это затянулось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговоры стали еще оживленнѣе. Съ теченіемъ бесѣды Соломонъ немножко поддурманился, и глазки его сдѣлались еще ласковѣе и маслянистѣе, но вообще стаканомъ онъ не увлекался, оставаясь относительно себя на-сторожѣ и, повидимому, твердо зная свою мѣру. Но ему правилось, что онъ «на войнѣ», среди военного бивуака, въ кругу военныхъ лицъ, опираясь на свою пашку, слушаетъ ихъ рассказы и самъ разговариваетъ о военныхъ дѣлахъ. Онъ восхищался и природой, и погодой, и видомъ на за-осмийскую часть Бугаренской равнины, и картиной бивуаковъ нашихъ войскъ, и складомъ нашей походной жизни; говорилъ, что все это ему очень нравится, такъ что и не разстался бы съ нами, и наконецъ даже признался, что очень любить военное дѣло и самъ даже могъ бытъ военнымъ, такъ какъ въ молодости сильно желалъ поступить «на военная служба, увъ артилерія». Но... судьба рѣшила иначе, присудивъ ему бытъ «штабнымъ генераломъ»; однако же, съ тѣхъ поръ симпатія его всегда на сторонѣ военныхъ, а доказательство тому — его присутствіе здѣсь, «на вайна»; онъ знаетъ, что безъ него дѣло не обойдется, и потому посиѣднѣлъ «на тыятру военныхъ дѣйствій».

Наши на-смѣхъ подбивали его бросить къ чорту всѣ дѣла и поступить въ волонтеры. Вообще, какъ установилось съ утра нѣсколько комическое къ нему отношеніе, такъ оно и продолжалось. И вотъ, представьте себѣ Соломона, этого короля своей специальности, этого гуза между тузами, у котораго тамъ, въ Петербургѣ, всѣ такъ заискиваютъ и всѣ такъ ему кланяются, — представьте его вдругъ попавшимъ въ среду людей совсѣмъ другого порядка, — людей, которымъ нѣтъ дѣла ни до его богатствъ, ни до его крупнаго значенія въ финансовомъ мірѣ, ни до его важности вообще, которые ничего этого и знать не хотятъ и ничего въ немъ не ищутъ, а смотрятъ на него просто какъ на немножко забавный предметъ развлеченія, случайно посланный имъ судьбою. Шутки ихъ, впрочемъ, отличались вполне незлобнымъ характеромъ и отнюдь не выходили изъ границъ приличія. Не прорви его давеча съ этимъ своимъ «превосходительствомъ», можетъ быть оно такъ бы и прошло, и пропустили бы его даже безъ всякаго вниманія — мало ли кто тамъ является въ штабъ по своимъ надобностямъ! Но это прелестное «зовите меня вашимъ превосходительствомъ» сразу установило къ нему благодушно-комическое отношеніе, и такъ уже онъ при томъ

и остался. Конечно, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы вскорѣ не смекнуть свой промахъ, но несть его послѣдствія, надо отдать ему справедливость, съ большой выдержкой и тактомъ, оставаясь все время благодушно-нисходительнымъ къ шуткамъ, и даже самъ иногда зашучивалъ съ друзьями и остригъ надъ самимъ собой, именно по поводу своего генеральства. Такъ, напримѣръ, привоситъ ему сюда подъ навѣсъ его секретарь, г. Нудельманъ, для подписи какую-то экстренную дѣловую бумагу, которую онъ только-что успѣлъ настрочить въ особой палаткѣ у маркизанта. Подъ текстомъ этой бумаги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ предстояло Соломону приложить свою руку, были выставлены инициалы «Д. С. С.».

— Это что же за таинственные литеры такія, Д. С. С.? Что онѣ означаютъ? — спросилъ его кто-то, чуть лишь онъ облокнуль перо въ чернильницу.

— Это?... Это значитъ «Дѣйствительный Соломонъ Соломоновичъ», съострилъ онъ и, повидимому, остался очень доволенъ какъ остроумной, такъ и тѣмъ эффектомъ, какой она сдѣлала на присутствующихъ.

* * *

Въ этотъ день мнѣ предстояло отправиться по дѣламъ службы въ Горный-Студень, а вмѣстѣ со мной туда же долженъ былъ ѣхать мой бывшій однополчанинъ, ротмистръ Ар — зовъ, въ качествѣ квартирера главной квартиры, которая предполагала перебраться въ непродолжительномъ времени въ Горный-Студень, какъ въ наиболѣе центральный пунктъ при данномъ оборотѣ нашихъ военныхъ дѣлъ. Мы съ Ар — зовымъ условились выступить изъ Чаушки-Махалы на закатѣ солнца, чтобы къ разсвѣту добраться по холодку до мѣста.

Около шести часовъ вечера наши денщики пришли доложить намъ, что верховья и вьючныя лошади наши готовы.

— А куда вы это ѣдете? — освѣдомился Соломонъ Соломоновичъ.

— Въ Горный Студень.

— Увѣ Сштудень? Агхъ, какъ это гхараньо! — обрадовался онъ, — и минѣ тоже надо въ Сштудень, — поѣдемте вмѣстѣ!

— Да вы развѣ верхомъ?

— Я-а?... Зачѣмъ верхомъ? — Я одинъ увѣ двоихъ коляскахъ.

— Ну, а мы верхами.

— Ну, когда-жъ это не увсе одно?

— Совсѣмъ не одно: вы поѣдете рысью и будете тамъ часа черезъ два съ половиною или, много-много, черезъ три, а мы, чтобъ не томить лошадей, пойдѣмъ шагомъ и доберемся только на разсвѣтѣ.

Лицо Соломона, вмѣсто радостнаго, приняло нѣсколько озабоченное выраженіе.

— Но у меня двѣ коляшки. Отправьте

ваши люди изъ вашими выюки, и пазжволте вамъ предложить одна коляска.

Мы поблагодарили, объяснивъ при этомъ, что кромѣ нашихъ денщиковъ и выюковъ, съ Ар—зовымъ идетъ еще команда казаковъ, въ качествѣ квартиреровъ, и что поэтому онъ долженъ слѣдовать при командѣ.

— Агхъ!—вздыхнулъ Соломонъ,—я я тоже просилъ, кабы мнѣ дали два казака увѣ конвой; н-но... штабу-начальникъ отказалъ... говорить: «невозможна»,—затова слыто я пратыкуларный чаловѣкъ... Пхе!..

— Да зачѣмъ вамъ казаки?—спросилъ его ротмистръ М—атовъ.

— Какъ зачѣмъ?!.. Увѣ конвой, говорю вамъ.

— Ну, это вы, ваше превосходительство, какъ переѣдете границу, такъ ужъ тамъ, на Унгенской таможнѣ, и попросите себѣ конвой; для васъ-то по Россіи ѣхать, пожалуй, поопаснѣе, чѣмъ здѣсь. тамъ больше знаютъ, кто вы такой,—пожалуй и ограбить могутъ, а здѣсь кому какое до васъ дѣло?

— Ну-ну, ви увсе это изъ вашимъ шуткамъ!.. Нѣтъ, зарѣзно, гасшпада, ѣдмте выѣсту!.. Веселій будетъ!.. И когда-жъ не покойнѣе сидѣть увѣ гхарошая вьенская коляска, чѣмъ трастись на ваше сѣдло?.. Пфе!

— Кто говоритъ! Гораздо покойнѣе, да когда нельзя.

— Ну-ну, гхараньо! Положимъ, вамъ нельзя,—согласился онъ съ Ар—зовымъ, и обратился ко мнѣ.—А ви, капитанъ, тоже обязаны развѣ напрямѣнно изъ казаками идти?

— Положимъ, что не обязанъ.

— Ну, то поѣдмте выѣстѣ?

— Благодарю васъ, но я общалъ уже моему товарищу.

— Гм... А можетъ, вашъ товарищъ будетъ загласный отдавать вамъ назадъ вашево слова?

— Не знаю. Это уже вы у него спросите.

— Капитанъ,—обратился онъ къ Ар—зову:—отпускаете ви вашъ товарищъ изю мною?

— Если онъ хочетъ, почему же нѣтъ?

— Ага!.. благодарю вамъ!.. Ви слышите?—повернулся онъ ко мнѣ. — Капитанъ разрѣшаетъ.

— Пусть такъ, но я все-таки хочу остаться вѣрнымъ своему общанію,—возразилъ я.

Соломонъ съ добродушно-плутовскою усмѣшкою помоталъ головою и шутливо-подозрительно прищурился на меня однимъ глазомъ.

— Звините... конечно... можетъ быть, ви находитю, слыто изъ казаками спшакойнѣй будетъ?

Мы всѣ такъ я приснули со смѣху.

— А что-жъ, конечно, спокойнѣе,—подразнилъ я Соломона.

— Ай ай-ай!—какъ бы стыдя меня, покачалъ онъ головою.—Ну, и какъ же-жъ я, пратыкуларный чаловѣкъ, ѣхалъ сюды одинъ и тже а ни ни не боялся, и теперь зновъ поѣду

одинъ и нисколке не буду пугаться съ тово.. Пфе... Слыто мнѣ!

— Bravo!—подхватили всѣ съ новымъ взрывомъ веселаго смѣха,—браво!.. Ай-да Соломонъ Соломоновичъ!.. Ай-да генералъ!.. Вотъ, что ловко, то ловко!.. Это, что называется, къ стѣнѣ припереть челоуѣка... Нут-ка, поручикъ, докажите теперь вашу храбрость!

— Да ужъ какая же храбрость, коли я говорю, что съ казаками спокойнѣе.

— А и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ правъ, пожалуй,—замѣтилъ М—атовъ, напуская на себя серьезный тонъ,— съ казаками дѣйствительно спокойнѣе будетъ. Время почное, неприятельская страна,—мало ли что можетъ случиться!.. Да и вы-то, ваше превосходительство, не рискуйте. Мой совѣтъ—коли вы откровенно знать хотите—лучше бы вамъ ужъ до утра остаться, а мы васъ къ ужину шамшыкомъ угостимъ—вотъ и дѣло будетъ!

— Ой, слыто ви, слыто ви! Помилуйтю!.. Невозможна, никакъ невозможна!—поднялъ Соломонъ къ лицу свои руки, какъ бы защищаясь.—Я вже далъ телеграмма на свой агентъ, слыто буду завтра къ тромъ часамъ увѣ Зимица, а послю завтра въ Букирешть... и тамъ же-жъ дѣло... и меня тамъ ждутъ... Я такъ и штаба-начальнику общалъ, и онъ же самъ меня торонить!.. Нѣтъ, это вже окончательно немислимо!

— Да, ну, въ такомъ случаѣ, нечего и говорить. Надо ѣхать... Ну, да никто какъ Богъ! ободрительно прибавилъ М—атовъ, въ видѣ утѣшенія.

Но Соломонъ прикусилъ губу и задумался.

— Нѣтъ, капитанъ, шутки въ сторону!—рѣшительно сказалъ онъ,—слегка прихлопнувъ по моему кофѣю.—Поѣдмте!.. Ей-Богу, лучше будетъ!.. И знають насши руски пословацу: изъ спшѣлымъ Богъ владѣть. Будемъ же снѣмѣмы и поѣдмте!.. А какая, я вамъ скажу, коляска!.. Какая гхарошая коляска!..

— Да чего ты, въ самомъ дѣлѣ? Поѣзжай!—отозвался ко мнѣ Ар—зовъ.—Не все равно тебѣ, развѣ? Лучше же пораньше прѣхать,—по крайней мѣрѣ, ночь успѣешь выспаться. Поѣзжай-ка, право!

Послѣдній аргументъ имѣлъ свое значеніе, и потому на моемъ лицѣ отразилась тѣнь раздумчиваго колебанія.

— Серьезно, поѣзжай! И его превосходительству веселѣе будетъ.

— Ну, и конечно, веселѣе!.. Ыдемъ, капитанъ, ѣдемъ!—убѣдительно подхватилъ Соломонъ Соломоновичъ.—Гасшпада! Помогите мнѣ вугворить нашево капитанъ!

— Да чего тамъ уговаривать! Онъ и такъ поѣдетъ,—рѣшили за меня другіе.—Ну, конечно, поѣдетъ!..

— Эй, Петръ Баль!—крикнулъ моему деа-

пику Ар—зовъ.—Тащи сюда вещи поручика!.. Живо!

Вещей этихъ было немного, — всего одинъ дорожный легкій сакъ, пальто, да каучуковая надувная подушка, и Петръ Балъ не заставлялъ повторять себѣ приказаніе.

— Ты съ лошадьми пойдешь вмѣстѣ съ ротмистромъ, — приказалъ я ему. — Вещи оставь здѣсь, а самъ можешь идти; ты мнѣ больше не нуженъ.

— Слушаю, ваше благородіе. Счастливо оставаться.

III.

Поѣхали.

Вскорѣ къ маркитантскому навѣсу подкатили двѣ легкія коляски прекрасной вѣнской работы. На козлахъ молодцовато сидѣли съ длинными бичами усатые, длиннокудрые кучера-румыны въ бѣлыхъ миткалевыхъ сорочкахъ съ греческими широкими рукавами, которые вольно развѣвались по вѣтру. Поверхъ сорочекъ щегольски были надѣты на нихъ на распахну коротенькія безрукавыя куртки-арнауты, ярко расшитыя цвѣтными узорами; изъ-подъ куртокъ развѣвались длинные бахромчатые концы широкихъ красно-клятчатыхъ шарфовъ, которыми были подпоясаны въ нѣсколько оборотовъ кожаные узорчатые шальвары; сѣрыя войлочные шапки съ яркими лентами лихо сдвинуты на бокъ; въ заплетенныхъ гривахъ у строгихъ лошадей тоже ленты и банты, а на блестящихъ мѣдною оковкою хомутахъ нанизанъ рядъ небольшихъ бубенчиковъ, — ну, словомъ, картина, да и только, — заглядѣться можно.

Соломонъ слодилъ только откланяться начальнику штаба — и спусти нѣсколько минутъ послѣ этого мы уже сидѣли въ коляскахъ, весело прощаясь съ окружающими насъ офицерами. Щелкнулъ въ воздухъ бичъ — и легкіе, отдохнувшіе кони ретиво тронулись съ мѣста. Въ задней коляскахъ ѣхалъ г. Нудельманъ съ вещами. Черезъ двѣ-три минуты Чаушка-Махада осталась уже за нами, и мы, выбравшись изъ пади наверхъ, бойко покатали по гладкой степной дорогѣ.

Солнце садилось позади насъ, румяны розовыми рефлексами облака, группировавшіеся на восточной половинѣ неба. На степи было тихо, лишь кланялись по вѣтру навстрѣчу намъ головки да метелки степныхъ цвѣтовъ и высокихъ травъ, оставшихся по случаю войны не скошенными; и не ваялся порой около дороги вздутые трупы лошадей да воловъ, ничто не напоминало бы о военномъ времени и не нарушало бы тихой гармоничной прелести вечерняго неба и раздольной степи.

Оба мы довольно долго молчали. Спутникъ мой былъ погруженъ, вѣроятно, въ расчеты и комбинаціи предстоявшаго ему дѣла; я же глядѣлъ на степь, на облака, на кивающія головки цвѣтовъ и на о чемъ собственно не думалъ, а такъ себѣ, просто наслаждался хорошимъ вечеромъ.

— Это даже изумительно!.. Пхе!.. прервалъ молчаніе Соломонъ, пожавъ плечами. — Завсѣмъ даже на вайна не похоже.

— А что такое?

— Скажите пазжлуста, и гдѣ это мы съ вами ѣдемъ? По Воронежская губернія? га?

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Я толке спрашую: находите ви, сныто это похоже на вайна, сныто такъ и надо?

— Я не совсѣмъ понимаю, что именно хотите вы сказать этимъ вопросомъ.

— Я хотю сказать, сныто такъ не возможна. Это не мирнаво время, это же непріятельская сштрапа, а на дорогѣ хочъ бы одинъ казакскій пакетъ, или патруль — какъ тамъ у васъ называется, — хочъ бы душа живая!.. И сныто они сабѣ думаютъ, сныто турки завсегда такъ дѣликатни въ ними будутъ, сныто никогда не нападуть увъ тилъ?! Ну, и скажите пазжлуста, яѣмъ напримѣръ хотъ бы ми съ вами загарантованы увъ этаа минута одъ мументальнаго нападенью изъ какаа нибудь засада? га?

«А, вотъ оно что!» думаю себѣ и отвѣчаю въ тонъ Соломону.

— Ровно ничѣмъ, разумѣется. Все можетъ случиться.

— Ви такъ думаетю?

— Да, я такъ думаю.

— И это, по вашему, гхарошій перадокъ? га?

— Да ужъ какой же порядокъ! — Сами видите.

— Ай-ай-ай! — соболизновательно покачалъ онъ головой и замолкъ на нѣкоторое время, погружаясь въ свои размышленія.

— А сныто, какъ слышно? Есть издѣсъ базукки? — спросилъ онъ снова.

— Что такое? — переспросилъ я, не вслушавшись.

— Я спрашую про базукки... про башибазукки... этие самы, сныто болгарски жквѣртва завершаютъ... Есть оны и здѣсь?

— Мм.. Водятся.

— И жквѣртва увсе ещо завершаютъ?

— Н-да, случается.

— Спалятъ?

— Какъ не шалитъ! Пошаливаютъ.

— Невжели? — недовѣрчиво воззрился онъ на меня расширенными глазами.

— Да вотъ, на дняхъ ещо, на этой самой дорогѣ зарѣзали одного солдата да трехъ братушекъ.

— Даже солдата?! Пфссс! — покачалъ онъ

въ стороны головой.—И скажите, давно это было?

— Для четыре тому назадъ.

— Чатире?.. Толке чатире?!—обезпокоился мой спутникъ.—Ай-ай-ай!.. гхарошій перадокъ!.. Вотъ такъ перадокъ!.. благодарю!.. И гдѣ-жъ это? — допросилъ онъ, — увъ какое мѣсто?

— На этой самой дорогѣ, говорю,—вотъ, по которой мы съ вами ѣдемъ.

— Пфссс!..—снова покачалъ Соломонъ головой.—А проѣхали ли вже этаво мѣста?

— Нѣтъ, еще впереди,—около Овчей Могилы; скоро проѣзжать будемъ.

Все это я сочинялъ самымъ безбожнымъ образомъ, но говорилъ такимъ естественно простымъ и серьезнымъ тономъ, что всякій повѣрилъ бы моимъ словамъ.

— Вдругъ, впереди на дорогѣ показалось облако густой пыли, которое шло намъ навстрѣчу.

— Капитанъ, какъ вы думаете, снѣтъ это таково?—подозрительно и не безъ внутренней тревоги, но очень сдержанно спросилъ Соломонъ Соломоновичъ.

— Пыль, говорю.

— Такъ, но зачѣмъ такой пылъ?

— Кто-нибудь скачетъ навстрѣчу.

— А гхто бы это могъ быть?

— Да кто-жъ его знаетъ! не видать еще.

— Можетъ... базуки?—спросилъ онъ какъ-то нерѣшительно.

— Можетъ.

— Ну, а снѣто-жъ мы тогда будемъ издѣлать?

— Что Богъ дастъ.

— Будемъ защищаться, или просить пердону?

— Они пардону не дають.

— Ну, и когда же не правъ я, снѣто это у васъ невозможнѣй перадики?!—заволновался Соломонъ Соломоновичъ.—Помилуйтѣ, вы на-пріятельская сштрана принимается за какая-то Калужская губернія и знать ничего не хотите!.. Такая безпечностью, таково невниманью, разгильдяйство.—Богъ мой, это же возмутительно!.. Хотѣ бы корреспонденты, чортъ ихъ возьми, писали, снѣто тутъ дѣлается!

Но вотъ, пылъ подошла совѣтъ близко. Мой спутникъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и тревожно вглядывался впередъ, стараясь разглядѣть, чтó въ ней двигается—«базуки или не базуки»?..

Оказалось, однако, что это ординарецъ великаго князя, поручикъ С—нъ, съ конвоемъ изъ трехъ-четырехъ казаковъ, возвращавшійся изъ Вѣлы. Приостановились на минутку, перекинулись двумя-тремя словами,—и мимо.

— А гхто это такой?—спросилъ у меня Соломонъ Соломоновичъ.

Я назвалъ чинъ и фамилію встрѣтившагося офицера.

— А снѣто-жъ вы не спросили у него какъ дорога?

— Да чтó же дорога? Какъ видите, дорога хорошая, ровная, сухая...

— Нѣтъ, я не про тово... я про сшпакойность,—безопасна ли, то есть, дорога?

— Если онъ проѣхалъ цѣль и невредимъ,—значить, безопасна.

— Ну, снѣслава Богху!—вздыхнулъ онъ, успокоившись, облегченнымъ вздохомъ.

— Да, но это ровно еще ничего не доказываетъ,—возразилъ я,—въ ту минуту, какъ онъ проѣзжалъ, «базуковъ» могло и не быть, а четверть часа спустя, они могли появиться.

— Н-да... ваша правда,—раздумчиво процѣдилъ Соломонъ сквозь зубы,—ваша правда...

Ѣдемъ опять нѣсколько минутъ молча. Соломонъ какъ-то все жмется, точно бы сидѣть ему неловко, и покряхтываетъ. Видимо, его подмываетъ спросить меня о чемъ-то, но пока еще не рѣшается,—не знаетъ, спрашивать ли, нѣтъ ли,—какъ молъ, этотъ вопросъ его мнѣ покажется.

— Капитанъ! надумался онъ, наконецъ, собравшись съ духомъ,—а снѣто револьверъ вышъ изъ вама?

— Со мной, говорю.

— Ну, это гхарашьо!..

Опять нѣкоторое молчаніе.

— А гдѣ-жъ онъ у васъ, и не вижу?

— Въ чемоданѣ.

При этомъ словѣ, ошарашенный Соломонъ чуть не вскочилъ съ мѣста.

— Увъ чемодану?!.. Какъ увъ чемодану?!—удивленно вскинулся онъ на меня на сей разъ уже широчайшими глазами.—Увъ какомъ чемодану?

— Ну, или въ дорожномъ сакѣ, говорю,—тамъ, у васъ, въ задней коляскѣ.

— У Нудельма-анъ?

— Да, тамъ гдѣ-то, вмѣстѣ съ вещами.

— Пфссс!—укоризненно закачалъ онъ головой, — ну, и скажите на милость!.. Я же смотрю на васъ, какъ на чаловѣкъ зарьезный, и говорю изъ вами на то, какіе у васъ тутъ перадики невозможнѣй, и вы же сами были загласный изо мною, и увдругъ,—револьверъ увъ чемодану!.. Ай-ай-ай!.. И вотъ все такъ, и увсегда такъ, и вездѣ такъ,—бѣдная Россія!.. Ну, и когда же такъ возможна?.. га?.. Ну, а случится снѣто, и вы, военный чаловѣкъ, должны сидѣть склавни рука, а я, штатскій, долженъ буду защищать васъ?.. га?

— Чѣмъ же вы будете защищать меня, добрый Соломонъ Соломоновичъ?

— Какъ изъ чѣмъ? Понятно, изъ чѣмъ!—Изъ моимъ револьверъ! Мой револьверъ, звините, завсегда изо мною... Хотѣ я и не военный,ноя перадокъ знаю... О, я гхарашьо знаю!

— Чтó-жъ, вы его такъ всегда при себѣ и таскаете, револьверъ-то?

— Н-ну, зачемъ при сабѣ!—Онъ у меня въ боку, въ акинажъ увъ сумка.

И отстегнувъ сафьянный ремешокъ у дорожной сумки, устроенной въ коляскѣ сбоку, въ видѣ пазухи, Соломонъ Соломоновичъ нѣсколько отстранился отъ нея, какъ бы изъ предосторожности, и показавъ издали пальцемъ на блестящій оттуда курокъ револьвера.

— Вотъ онъ гдѣ!.. вонъ... видятю,—о, за- всегда подъ рукой.. И у Нудельманъ тоже... зайчасъ толке доставать,—чикъ-чикъ, и готово!

— Предусмотрительно!—похвалилъ я.

— Н-да, не мѣшаетъ,—согласился онъ съ видомъ нѣкотораго самодовольства, какъ человѣкъ, понимающій, что такое оружіе, и увѣренный, что съ нимъ онъ не сплоскуетъ.—Н-да, и вотъ, будь и вашъ револьверъ изъ вами, было бы три револьверъ,—восшюмнадцать заратовъ,—и намъ никакіе базуки не страйшны, затово што ми зайчасъ могли бы восшюмнадцать чаловѣкъ ухлопать на мѣсту,—и базуки сшшугались бы, и вскакали отъ насъ... Хай имъ чортъ, сказали бы,—сабѣ дороже!.. Доставайте пазжялуста, капитанъ, вашъ револьверъ.

— Ну его!—махнулъ я рукой.—Не стоитъ возиться!

— Какъ не стѣить! Какъ это не стѣить?! Зачиво не стѣить?—Сшшто это ви говорятю!.. Какъ можна!.. Гораздо же сшпкакойнѣй будемъ... Доставайте-ка!

— Да право же нестоитъ! Проѣдемъ и такъ.

— А какъ не проѣдемъ?

— Авось проѣдемъ.

— Ну, а какъ удвругхъ?.. га?.. И шгѣ тогда?

— Ну, тогда вы защищать меня будете.

— Этъ!—отдернулся съ досадою Соломонъ, слегка махнувъ рукой,—я говорю зарезно, а ви—звините—увсе шутке!.. Вдывительново, право, безпечностю... Пфѣ!—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ и, видимо недовольный мной, даже отвернулся отъ меня въ сторону.

Опять минутъ десять ѣдемъ въ полномъ молчаніи.

Солнце уже сѣло, и тусклѣвшая окрестность слабо озарялась только гаснущимъ отблескомъ заката.

Вдругъ Соломонъ поднялся съ мѣста и схватился рукой за кушакъ кучера.

— Сшшто! сшшто!.. сшшто-ой!

Тотъ въ недоумѣніи обернулся на Соломона и, укоротивъ вожжи, придержалъ бойко разбѣжавшихся лошадей.

— Чтѣ съ вами, Соломонъ Соломоновичъ? чтѣ вы хотите?—спрашиваю его.

— Нѣтъ, я такъ... на минутку гхотю выйти, розмяться.

И онъ соскочилъ съ подножки и зашелъ за колыску.

— Капитанъ!—вдругъ слышится мнѣ оттуда въ затылокъ его голосъ.—Теперь удобная минута... Пока я буду издѣсь, доставайте пазжялуста вашъ револьверъ.

— Да не стоитъ же, говорю вамъ.

— Э, нѣтъ... Это вже пазжялосте!.. Нудельманъ!.. Эй, Нудельманъ! Давайте сюды чамоданъ гасшпадинъ капитана...

Нудельманъ трусой добѣжалъ съ моимъ сакомъ до подножки нашего экипажа.

— Ну, капитанъ, доставайте же, спрашю васъ.

Нечего дѣлать, пришлось отомкнуть замокъ и достать кабуру съ револьверомъ.

— Ну вотъ, теперь гхарашю!.. Увсе въ перадку, благодарю вамъ,—говорилъ покрхтывая, совершенно довольный и повеселѣвшій Соломонъ, въ то время, какъ усердный Нудельманъ почтительно подсаживалъ его подъ локоть въ коляску.—Пайшоль!—крикнулъ онъ въ затылокъ кучеру.—Эй ты! Гайда!

Тронулись. Вдемъ далѣе.

— А гдѣ, капитанъ, вашъ револьверъ?

— Да вотъ, лежитъ между нами.

— Между мной и вами?! Эго?.. Переложить его пазжялуста на тотъ бокъ.

— Олѣ вамъ мѣшаетъ?

— Н-нѣтъ, но... знаетью, они вѣдь бывають вжасные самострѣлы, удвругхъ возьметъ да и сштрѣльнетъ вамъ самъ, куда ви не гхочетю,—и какое же съ тово вдоволствію!

Я переложилъ револьверъ на другую сторону.

— Ну, вотъ и прекрасно! Теперь ми зъ вами завсѣмъ сшпкакойнѣй!

Проѣхали мимо Овчей могилы, которая осталась въ верстѣ разстоянія влѣво и уныло глядѣла на насъ изъ своей ложины. Тамъ не видать было нигдѣ ни одного огонька, словно бы все селеніе вымерло... Между тѣмъ, вскорѣ совсѣмъ уже стемнѣло,—а вы знаете, что такое темнота южной безлунной ночи. На небѣ, между большихъ скученныхъ облаковъ, мигало нѣсколько звѣздъ, но свѣтъ ихъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ озарять землю; тьма на- стала такая, что въ десяти шагахъ впереди трудно было различить что-либо. Встрѣчные предметы принимали какъ бы фантастическій характеръ, казались выше, массивнѣе... Надо было большую приглядку, чтобъ различать дорогу, да я думаю, что лошади бѣжали больше по инстинкту, чѣмъ на глазъ. Впрочемъ, съ темнотой онѣ пошли тише, осторожнѣе, точно бы я сами заботились, какъ бы не сбиться съ дороги. Вскорѣ кучеръ остановилъ ихъ и сталъ копошиться что-то около фонарей.

— Сшшто таково?.. Сшшто тамъ?.. Зачѣмъ онъ сталъ?.. Эй, ти! какъ тебя?.. Чету?—съ нѣкоторой тревогой и досадливымъ нетерпѣніемъ окликнулъ его Соломонъ Соломоновичъ.

Тотъ, бормоча себѣ подъ носъ, неторопливо сталъ объяснять что-то насчетъ необходимости «лумынаре а апринде».

— Слыто таково?.. Богъ мой!.. лумынары?.. Слыто онъ болтаетъ, этакая шкатина?

— Свѣчи въ фонаряхъ зажечь хочетъ, пояснилъ я.

— Сшвѣцы?.. Пайшоля ты вонъ, дурракъ!— нетерпѣливо разразился на него Соломонъ запальчивой бранью,—какой тебѣ лумынары!.. не надо лумынары!.. Гайда!.. Вотъ болванъ!— Пфе!.. Скажите пазжялуста, это онъ хочетъ, сшѣтобъ насъ изъ его лумынары базуки скорѣй замѣтили... Уй, дурракъ какой, романешта безмозглая!.. Гайда, каналья... Живо!

Кучеръ въ досадѣ, что ему не дали зажечь огонь, громко, какъ изъ пистолета, щелкнулъ бичемъ, и лошади снова побѣжали.

— Ну вотъ, онъ еще гхлопать тутъ будетъ!.. Агхъ, какой глупій народъ! Никаково совображенью!.. Скажите пазжялуста! То лумынары ему, то съ бичемъ гхлопать!.. И скоро ли этотъ глупій Сшуденъ будетъ!—бормоталъ Соломонъ недовольнымъ тономъ. — Ёдемъ, ёдемъ безъ концу, а его увсе нѣтъ! Какъ заколдованный какой-то!

— Теперь уже близко,—утѣшаю его,—скоро приѣдемъ.

— Нѣтъ, слыто ви гхочетю, но вжасно безобразнѣ перадки,—обратился онъ ко мнѣ, какъ бы оправдываясь въ своей запальчивой выходкѣ,—и я вамъ скажу, ничего я такъ на сшвѣтъ терпѣть не могу, какъ этии дыкѣи сштрапы... То-ли дѣло Еврона!—Жалѣзныи дороги, переноснѣи газъ, цивилизация... Ёхали бы мы зъ вами теперь увъ кимфортабельнѣи вагонъ, увъ дыректорскѣи, играли бы для развлеченю въ вистъ или въ каково другово благороднѣи игра, какъ увсе перадочнѣи люди, сшпакочно, изъ легкимъ серддумъ, а издѣсь—пфе!.. одно паскудство!

— И къ тому-жъ еще «базуки»,—поддакнулъ я.

— Нѣтъ, базуки—это сшѣтѣ!.. базуки—пустяки, конечно... хотя увсе же... Я вамъ скажу такъ: будь я въ другомъ положеню, минѣ это было бы наплювать!—базуки, такъ базуки... все одно, помярать когда нибудъ надо, и я зъ моя голова завсѣмъ даже нисколько не дорожилъ бы, кабы не таково дѣла, каково теперь минѣ поручено... Тутъ, ви понимаю, сшшхомъ болнѣи интересы замѣшаны,—палытычески интересы... Тутъ, могу сказать, весь усшпѣхъ вашей кампаню, судьба Россѣи,—вотъ сшѣтѣ!.. И зарѣжъ меня теперь базуки,—все дѣло на прахъ!.. Ви не думайте, это очень зарежано. А кабы не это, минѣ моя жистю—тѣфу!

Я, конечно, поспѣшилъ увѣрить Соломона Соломоновича, что вполнѣ понимаю руководящѣи имъ мотивы и нисколько не сомнѣваюсь въ его личномъ мужествѣ.

IV.

П р и ѣ х а л и.

Спусти около получаса, на встрѣчу намъ понесся дружный лай многочисленныхъ псовъ,—вѣрный признакъ, что жилье недалеко. И дѣйствительно, минутъ черезъ пять лошади чуть не уткнулись мордами въ жердяныи ворота и стали. Мы приѣхали въ Горный Студень.

Это былъ крайнѣи дворъ на болгарской сторонѣ селенія. Но не мало прошло еще времени, пока-то мы достучались и докричались хозяина, который вышелъ къ намъ весь заспанный и не совсѣмъ-то охотно растворилъ свои ворота. Шагомъ въѣхали въ обширный дворъ и остановились предъ глинобитнымъ домикомъ съ приподнятой надъ землею широкой досчатой верандой, въ родѣ открытой галлерейки или балкона. Увидѣвъ двѣ коляски и услышавъ русскую рѣчь, болгаринъ сдѣлался гораздо благожелательнѣе, расторопно зажегъ салыный огарокъ въ фонарь и опривѣтствовалъ насъ: «Добрѣ дошлѣ, братушки!»

Мы попросили его дать намъ ночлегъ и приютить куда нибудъ лошадей, да задать имъ корму, за что ему хорошо будетъ заплачено.

Первымъ дѣломъ, надо было соорудить что нибудъ вмѣсто стола, въ которомъ оба мы имѣли довольно настоятельную надобность: спутнику моему надо было написать кое-какія депешѣи и разныи распоряженія по своему дѣлу, а мнѣ настрочить двѣ коротенькіи корреспонденціи въ два официальные органа, корреспондентомъ коихъ я состоялъ тогда, по порученю высшаго начальства, и обязанъ былъ своевременно сообщать для печати обо всѣхъ, болѣе или менѣе, выдающихся событіяхъ и фактахъ нашей военной жизни. На этотъ разъ, къ особому удовольствію Соломона Соломоновича, обязательнымъ предметомъ обѣихъ корреспонденцій было именно то дѣло, въ которомъ онъ явился контръ-агентомъ штаба и отъ котораго всѣ мы тогда ожидали самыхъ блестящихъ результатовъ въ недалекомъ будущемъ. Онъ былъ даже такъ любезенъ, что взялся самъ донести оба письма до Сястова и сдать ихъ тамъ по принадлежности. Мнѣ оставалось только кланяться и благодарить.

Кое-какъ объяснилъ я хозяину, что намъ нужна «голема софра» или «маса съ крака», т. е. большой, высокій столъ на ножкахъ. Онъ сначала было, разставивъ руки, отвѣчалъ: «нѣма, братушка», но тутъ же вдругъ сообразивъ что-то, побѣжалъ къ себѣ въ подвальный снѣнцы и выкатилъ намъ оттуда какую то широкодонную кадуюшку, которую мы опрокинули вверхъ дномъ и приспособили такимъ образомъ вмѣсто стола. Г. Нудельманъ принесъ пару стеариновыхъ свѣчей въ походныхъ шандалахъ, со стеклянными шарами, и прелест-

ный портфель-бюваръ съ письменными принадлежностями для своего «генерала»; я тоже досталъ себѣ изъ походнаго сака карандашъ и книжку съ разноцветной бумагой, — и вотъ, оба мы, усѣвшись на какихъ-то колодахъ другъ противъ друга, усердно принялись за писаніе. Со стороны глядя, это, должно быть, было очень умиленное зрѣлище: пишущій Соломонъ и я, въ нѣкоторомъ родѣ, пропагандирующій Соломона, за одной и той же опрокинутой кадушкой, — недурной сюжетъ для юмористической карикатуры.

Окончивъ свое дѣло, приказалъ я принести на веранду охапки дѣхъ сѣна или соломы, надуть свою каучуковую подушку и, снявъ съ себя лишнія вещи, растянулся было на душистомъ сѣнѣ, мечтая, съ какимъ удовольствіемъ засну сію минуту, какъ вдругъ.

— Капитанъ! снѣто это?... Вд, кажется, уже спать хотите?

— Полагалъ бы, да и вамъ рекомендую тоже.

— Ой, нѣтъ, мнѣ еще надо записать кой-какого распоряженію... Дѣло... дѣло... на прежде всего, знаю...

— Это усѣдете и завтра.

— Зачемъ завтра... Завтра я чуть свѣтъ уже вѣду.

— Ну, въ такомъ случаѣ, прощайся заранѣе. Счастливый путь, или покойной ночи, какъ хотите.

— А ви спать?... Ну, нѣтъ, полною, не спите. Будемъ зайчасъ чай пить. Эй, Нудельманъ! ходите сюды скорѣе!

Г. Нудельманъ словно изъ-подъ земли выросъ и, какъ листъ передъ травой, сталъ предъ своимъ патрономъ.

— Снѣто же чай?... Давайте намъ скорѣе чай, вино и закуски, мы изъ капитаномъ будемъ ужинать.

— Что до меня, то я благодарю васъ, мнѣ не хочется,—поспѣшилъ я предупредить Соломона.

— Н-ну, пустяки!.. Послю такая дорога даже необходимо. Нудельманъ, доскорѣе, пазжялуста.

Тотъ черезъ минуту притащилъ вдвоемъ съ кучеромъ большую камышевую корзину съ крышкой и принялся вынимать изъ нея разныя разности, завернутыя то въ синюю, то въ газетную бумагу.

И чего-чего только тамъ не было! — балыки, икра, швейцарскій сыръ, патефа-гра, жареные пылята, жареная телятина, громадный кусокъ ростбифа, пикули, варенья, бисквиты, печенья всякія, буллы, лафитъ, сотернъ, мадера, коньякъ, водка и еще, и еще, и еще что-то.

— О, да вы, какъ погляжу, любите путешествовать съ комфортомъ,—замѣтилъ я Соломону Соломоновичу.

— М-да,—отвѣтилъ онъ съ небрежно-кисловатой ужимкой,—я вообще люблю вдобства.

Но это не сштолке изъ комфортъ, сшколке зъ экономія, затово снѣто это увсе вумѣщается въ маленькая коляска подъ спиднью, и даже вовсю мѣста не занимаетъ. Пазжялуста, прасшу васъ! —любезно указалъ онъ мнѣ пригласительнымъ жестомъ на вина и закуски.

Выпили мы съ нимъ и закусили, и принялись за чай. У Соломона Соломоновича былъ свой особенный стаканъ съ подстаканникомъ и особая ложка, и особый столовый приборъ; и все это въ особыхъ футлярахъ—чтобы не «потрефилось» какъ нибудь незначай отъ соприкосновенія съ чужой посудой.

Тучи между тѣмъ разсѣялись, ясное небо ярко вызвѣздилося, и окрестность стала замѣтно свѣтлѣе. Горный Студень раскинулся по скатамъ широкой долины, въ глубинѣ которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ быють семь ключей—«студней», — откуда произошло и самое названіе селенія. Эти ключи даютъ начало маленькому ручейку, который течетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ верстахъ въ двадцати-пяти отъ Горнаго Студня въ рѣку Янтру. На сѣверномъ скатѣ долины расположена христанская часть селенія, на южномъ — магометанская. Эту послѣднюю съ трехъ сторонъ окружала совершенно голая, открытая мѣстность, поросшая травой-колючкой и дромомъ. Тамъ уныло торчали теперь развалины стѣнъ и дымовыя трубы. Обыватели-турки, при наступленіи русскихъ войскъ, всѣ бѣжали за Балканы, а болгары, вслѣдъ за ними, разрушили изъ мести ихъ опустѣлое селеніе. Остались на покинутомъ пепелищѣ одиѣ лишь одичалыя, волкообразныя собаки, которыя отъ голода и злости наполняли по ночамъ всю окрестность отчаяннымъ, долгимъ, заунывнымъ воемъ, и этотъ вой способъ былъ нагнать на душу тоску несходную...

Напившись чаю, я опять завалился на свое сѣно, а «генералъ» снова принялся строчить что-то на раскинутомъ бюварѣ. Прошло минутъ пять. Я уже сталъ-было забываться сномъ, какъ вдругъ:

— Капитанъ!.. вы спите?

— Сплю... а что вамъ?

— Нѣтъ, я хотѣлъ спросить васъ, будете ви еще чай пить?

— Благодарю васъ, не буду.

— Ну, то можно, значить, отдавать людямъ.

Я не отвѣчалъ и повернулся на другой бокъ. Прошло еще нѣсколько времени.

— Капитанъ!.. а, капитанъ!.. спите?

— Пока еще нѣтъ, но желаю.

— Э, полно!.. увъ гробу насипаться вуспѣемъ... хотите вина?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Харисъ? мадера? лафитъ?... Такой прекрасный лафитъ!.. Пазжволте, я вамъ яляю.

— Да нѣтъ же, благодарю васъ; я больше ничего не желаю.

— Ну, адинъ толке спитаканъ... увсего адинъ... га? ну, полспитакана?.. Похспитакана можна, а вже надыль... га?.. полспитакана?!

— Ни даже четверти.

— Ой, какой же ви упрямый! вжасно упрямый!..

— Покойной ночи, ваше превосходительство.

— Ну-у, и што таково, покойной ночи!.. Какая тамъ покойная ночь!.. Развѣ на войну можетъ быть покойная ночь?.. Пфе!..

И Соломонъ на минутку раздумался.

— Ну, хотите курить?.. Я вамъ дамъ атличнаво гхаваньскаго шигара,—сами настоящи гхаваньски, шестидесять рублей сотня!.. Это, знаю, просто наслажденью курить таково шигара, а увесь вашъ сонъ какъ изъ рукой сниметь. Хотите?.. га?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не хочется.

— Ну, и што жъ это, право! Ничего вамъ не хочется,—это даже удивительнаво дѣлу.

— Спать хочется.

— Этъ!.. Какъ быгдо ви какой сштарикъ!.. Спать!.. Увѣ гробу насшпаться вуспѣемъ, говору вамъ.

— Ну, пока до гроба, можно выпастыся и здѣсь.

— А я вамъ сшавѣтую не сшпать.

— Вотъ те и нѣ!.. Почему такъ?

— Тутъ вжасно много блюхи,—увсе равно, не дадутъ вамъ зайснуть!.. Вжасно злыи блюхи, какъ собаки!

— Я пока не чувствую.

— А я вже. Такъ я ходять, такъ и ходять... Паскудство... Пфе!.. Лучше не сшпать.

— Все равно, попытаюсь.

— Н-ну, какъ знаютъ!..

Опять на нѣсколько минутъ молчаніе. Со двора слышенъ богатырскій храпъ кучеровъ-румыновъ, растапунившихся на землѣ на своихъ свиткахъ, и тоненькій носовой высвистъ г. Нудельмана, прикорюившаго въ коляскѣ. А голодные псы на турецкой сторонѣ такъ и разлапываются.

— Капитанъ!.. Капитанъ!! Капитанъ!!!

— Чтѣ вамъ?.. Въ чемъ дѣло?

— Хотите шампанскаво?

— Пожалуйста, Соломонъ Соломоновичъ, какое тамъ шампанское! Ложитесь-ка лучше спать.

— Нѣтъ, я сшпать не буду... А шампанскаво есть, — у меня увсе есть изо мною, и даже шампаскаво... Хотите?

— Да неужели мало еще мы его сегодня вылакали?

— Сшиводякъ?.. Звяните, сшиводякъ еще ажъ ни одна капля пока: то было учтора, ви забываеъ... Теперь вже болше какъ за часъ ночи.

— Ну, и тѣмъ лучше. Какое ужъ тутъ шампанское!

— Э. нѣтъ, выпьемъ! Право же выпьемъ!.. За вуспѣхъ нашево дѣлу. Таково дѣлу большое... таково дѣлу—ай-ай!.. Надо его сшпрыснуть... Нѣтъ, ви не можете отказаться выпить изо мною адново сштакана. Эй, Нудельманъ!.. Нудельманъ!! От-то чортъ, тоже сшпать ешо видумалъ!.. Нудельманъ!!

— Ву-у-у?—послышалось спросонья изъ коляски.

— Сшто ви тамъ сшните, любезный?! И какъ это вамъ не сштядно? Я не сшплю, а онъ сшпвтъ!.. Пфе!.. Прасыпайтесь, прошу васъ!

— Жзвяните, я такъ толке... чуточка здремнулъ,—оправдывался секретарь, выльзая изъ коляски.—Сшто вгодно будетъ приказать вашему первасшхадительству.

— Давайте намъ сюды шампанскаво, адкупорте одна бутелька.

Пока ее откупоривали, я опять успѣлъ перевернуться на другой бокъ и слегка забыться въ дремотѣ.

— Капитанъ!.. а капитанъ!?. Шампанскаво вже готовое... Я зъ вами чокаюсь... За вашево здоровья, капитанъ! Ви не можете отказаться отъ такой тостъ. Вставайте, капитанъ, вставайте, прашу васъ. Ви вѣдь не хотите меня обидѣть? Не хотите?.. га?..

— За что же мнѣ обязать васъ? Вы такъ радушны, такъ любезны...

— Ну, когда такъ, то вставайте же и кушійте. За вашево здоровья!

Нечего дѣлать, пришлось встать и выпить стаканъ теплаго шампанскаго.

— Ну, вотъ я прекрасно! Благодарю вамъ... Пажжуйте, я вамъ ешо налью.

— Нѣтъ, ужъ благодарю покорно, я больше не въ состояніи.

— Ну-ну-ну, какой увздоръ!.. Ваенный офицеръ и увдрукъ «не въ спастаинью»!.. Я пилъ за вашево здоровья, теперь ви пейте за маво.

— Да сами-то вы вѣдь ничего не пьете,—только пригубили.

— Я-а??? Гхто вамъ сказалъ?! Сшто ви, Богхъ изъ вами! шштобы я и увдрукъ не выпилъ?! Нѣ-ѣтъ, звините, я пью... Ви ицо видите, какъ я пью!—Я толке жалаю продолжать немножка маво вдовольтвію изъ такимъ гхароснимъ виномъ... я сшмакую-сабѣ понемножке, но я пью... О, я пью, и я буду много пить!.. Ви пашматриту...

— А впрочеъ, согласился я, — давайте пить! Но только съ условіемъ: пить дѣ-пьяна и затѣмъ ляжемъ сейчасъ же спать, да такъ, чтобы въ мертвую, какъ говорится. По крайней мѣрѣ, если придутъ «базуки» и станутъ надъ нами «болгарскія звѣрства» дѣлать, такъ мы съ вами съ пьяну-то и не услышимъ.

— Ай, сшто ви! сшто ви! сшто ви!!!—замахалъ на меня Соломонъ руками.—Какъ можно

такихъ нехорошихъ словъ говорить, да еще увъ таково время, увъ ночново... Не дай Богъхъ... Тфу, тфу, тфу! Оставьте пазжалуста, я и слушать не хотю таково плахово шутке!

— Ну, такъ не упрашивайте меня, чтобы я пилъ, — душа мѣру знаетъ.

— Н-ну, Богъхъ изъ вами, когда ви не хотите!.. И чѣмъ же минѣ ищо вгощать васъ?

— Да ничѣмъ, мой добрыйшій. Самое лучшее—спать ложиться. Ей-Богу!

— Ну, итъ... знаете... я спать не буду,—замѣтилъ онъ вѣскимъ, значительнымъ тономъ.

— Отчего? «бдоховъ» или «базуковъ» боитесь?

— Я-а?.. Гѣто вамъ сказалъ, снѣто я боюсь базуки? Сохрани меня Богъхъ, снѣтобы я боялся!.. Съ зачиво ви этое взяли?.. Пхе!..

— Такъ чего же вы не ложитесь, не понимая а?, бдохъ тутъ никакихъ нѣтъ, да и быть не можетъ въ свѣжемъ снѣ; ступайте, наконецъ, въ вашу коляску, если сомнѣваетесь.

— Я?. Хм... Ви хотите знать, зачиво я не ложусь?.. Хм... Затово и не ложусь, снѣто какъ ежели придутъ, то снѣтобы не увъ расшпихъ.. По крайней мѣры, хотъ увъ револьверъ гхвачу одинъ-другой на увстрѣча.

— Да успокойтесь, никакихъ тутъ «базуковъ» нѣтъ, и не пахнетъ ими!.. Все это я вамъ навралъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, — клянусь вамъ!.. Ложитесь себѣ съ Богомъ и спите спокойно.

— «Генералъ» на минутку раздумался.

— Хм... Н-ну, какъ нѣтъ базуки, то есть братушки.

— Братушки есть, такъ что же?

— Таки самы-жъ разбойники, какъ и базуки. Снѣто ви сабѣ думаетю, когда-жъ этотъ самый братушка, гхазаниъ напгъ, да и этие руманешты, кучера мои, не могутъ насъ зарѣзать? га?

— Ну, чортъ съ ними, пускай себѣ рѣжутъ, лишь бы спать не мѣшали, — проворчалъ я съ досады и легъ на сѣно съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не вставать болѣе. Послѣ этого прошло минутъ пять

— Капитанъ!.. а капитанъ?!. Спшите?

Я не откликаюсь.

— Ну, я вижу, снѣто вы не спшите. Посмотрите, какая ночь!.. Какая спшавная пазтыческая ночь!.. Увъ такая ночь невозможна спшать... Давайте мечтать, капитанъ, наслаждаться изъ паззія природы... Пушкинъ... Помните Пушкинъ... напгъ божественный Пушкинъ... Какъ былъ я ищо малюткомъ увъ гамназіа, то насъ вучили,—помнитю:

Тыха вукраинскаво ночь,
Пригачно небо, жхвѣзды блящуть,
Сваво дермота перевозмочъ
Не гхочеть воздухъхъ—

а ви спшите!.. Ну, и какъ вамъ не спитидно?!

Я упорно молчу, а самого а досада и смѣхъ разбираетъ: Соломонъ вдругъ въ паззію ударился! — Видно, ему уже не на шутку жутко приходится.

— Капитанъ... а капитанъ?!. Дорогой мой капитанъ!.. Ну, снѣто ви хотите?.. Снѣто минѣ надѣлать, снѣтобы ви не спшали? га?.. Ну, хотите, я вамъ буду спикабровнаво анекдоты разсказувать?—Сшами пикантны анекдоты, толке не спите пазжалуста! Прасню васъ!

Я все не откликаюсь. Еще минутъ пять проходить.

— Капитанъ!.. а капитанъ?!. Очнитесь на минутке! Зарьезнаво дѣлу!

— Чтѣ такое?—откликнулся я нѣ-хотѣ.

— Я и забилъ спросить. Вашъ револьверъ изъ вами?

— Нѣтъ не со мной.

— А гдѣ-жъ онъ?

— У васъ, кажись, въ коляскѣ остался.

— Увъ коляска?!.—чуть не съ ужасомъ и негодующимъ недоумѣніемъ выпучилъ онъ на меня свои глазки и даже съ мѣста вскопчалъ.— Увъ коляска!.. Ну, на снѣто же этово похоже!.. Звините меня, до такой безпечностью, это вже звыйше всякаго мѣру... Нудельманъ!—закричалъ онъ вдругъ.— Нудельманъ!.. Агхъ, опять спшнить этотъ невозможный чаловѣкъ!.. Нудельма-анъ!!!

— Ммм... Га-а?—послышалось изъ коляски сонное мычанье.

— Вештавайте ви, чортъ возьми, наконецъ!.. Ежели вамъ такъ увгодно служить у меня, то можете и завсѣмъ не служить. Я ему кричу, кричу, а онъ сабѣ почивать изволить... Бариятъ какой, скажите пазжалуста... Пхе!..

Не совсѣмъ еще очнувшійся Нудельманъ, хлопая глазами и почесываясь, предсталъ предъ своего патрона.

— Адышите тамъ увъ каласшка револьверъ гасшпадинъ капитана и принесите ево на сюды,—строго приказалъ ему Соломонъ Соломоновичъ.

Нудельманъ побѣжалъ за револьверомъ и притащилъ его вмѣстѣ съ кабурой и моею саблей.

— Положить увсе этое коло гасшпадинъ капитанъ... Ну, теперь можете ийти. Но толке покорѣйше прасню васъ болше не спшать... Сохрани Богъхъ!.. Я не силю, и ви спшате не должны. Не забивайте, прасню васъ, снѣто ми надѣсь на палювомъ ваенномъ положеню, увъ виду напріятель.

Нудельманъ съ поклономъ молча удалился.

— Капитанъ!.. звините, адново спшова... Ви бы лучше выймали заравше вашъ револьверъ.

— Это будетъ безнолезно,—отозвался я.

— Зачиво безполезно?

— «Затово», что онъ у меня не заряженъ.

— Не зараженъ?! Пфссс!—пожалъ Соломонъ

плечами.—Часть отъ часть не легче!.. Ну, то заражайте, пазжидуста, пока есть время.

— Нечѣмъ, у меня нѣтъ съ собой патроновъ,—всклепалъ я на себя напраслину, въ досадѣ на Соломона.

— Нѣтъ патроны?!—въ неспитворномъ отчаяніи всплеснулъ онъ руками.—Богъ мой! Богъ мой!.. Што же ми будемъ издѣлать!.. Ну, я вамъ дамъ патроны,—возьмите патроны у меня, толке зарадитъ ево поскарѣй, пазжидуста... Нудельманъ!

— Не беспокойте вашего Нудельмана напрасно, онъ и то, бѣдняга, измаялся.

— От-тѣ ещо, измаялся! А за снѣто я ему жялованье плачу!.. Нудельманъ!!

— Да постоитъ; можетъ быть, еще ваши патроны и не подойдутъ къ моему револьверу. У васъ какой системы?

— У насъ-съ?—у насъ Лефосе, самій настоящій.

— Ну, а у меня Смиттъ и Вессонъ—значить и пробовать нечего.

Соломонъ ничего уже не отвѣтилъ и только хлопнулъ себя объ попы опустившимися руками.

— И-ну, перадокъ!.. гхаросшій перадокъ, нечего сказать!—спустя минуту, проворчалъ онъ себѣ подъ носъ, качая въ раздумьи голову.—Пхѣ! это называется «вайна» и «зае-ные»... Бѣдная Россія!

Очевидно, онъ на меня въ-конце уже разсердился и не сталъ больше заговаривать со мною.

«Слава Богу, вотъ теперь-то, значить, и засну», подумалъ я, переворачиваясь поудобнѣе на другой бокъ,—и дѣйствительно, вскорѣ заснулъ, не тревожимый болѣе своимъ спутникомъ. Долго ли спалъ я—не знаю, какъ вдругъ—бац! бац! раздалась, одинъ вслѣдъ за другимъ, два выстрѣла—чуть не надъ самымъ моимъ ухомъ, и вслѣдъ за тѣмъ слышу во дворѣ отчаянный жидовскій крикъ:

— Ой, вай-миръ!.. Грейсе цоресъ!.. Керавулъ!.. Кераву-у-лъ!!

Крики эти сопровождались озлобленнымъ собачьимъ хрипѣніемъ и громкимъ лаемъ, который тотчасъ же былъ подхваченъ во всѣхъ ближнихъ и дальнихъ концахъ селенія цѣлымъ взрывомъ такого же встревоженного лаея и воя всѣхъ голодныхъ и злющихъ псовъ Горнаго Студия.

Я вскочилъ на ноги и—вижу, стоитъ мой Соломонъ, совсѣмъ растерянный, ошалѣлый, съ револьверомъ въ рукѣ и пристально смотритъ во дворъ перепуганными глазами.

— Что такое?—вскричалъ я, не понимая, что могло бы тамъ случиться, и бросился къ Соломону.—Въ чемъ дѣло?

— Я, кажется, убилъ мой Нудельманъ,—пробормоталъ онъ упавшимъ голосомъ.

Въ два прыжка сбѣжалъ я съ лѣсенки во

дворъ и—вижу, барахтаются по землѣ, впѣпясь одинъ въ другого, Нудельманъ съ кучеромъ—румыномъ, а пара кудлатыхъ хозяйскихъ псовъ, рыча, тербятъ несчастнаго секретаря сзади за попы пальто, въ то время, какъ кучеръ охапалъ его за плечи и не пускаетъ, борется съ нимъ. Одинъ оретъ благимъ матомъ «караулъ!» другой же—ругается, крехтя, «ла-мама дракулуй!» Выбѣжалъ на крики самъ хозяинъ и прежде всего отогналъ своихъ псовъ, а затѣмъ, съ помощью другого румына, высвободилъ Нудельмана изъ крѣпкихъ объятій дюжого кучера.

— Вы ранены?—спрашиваю едва пришедшаго въ себя жидочка.

— Нѣтъ... слылава Богу... никуда я не раненый,—еле переводя духъ и ощущывая себя со всѣхъ сторонъ, говоритъ онъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ,—никуда, кажись... а толке собаки за ляшки покусали... штаны всѣ порвали... пальто... воятъ, увѣ ключья... да романешта этотъ, проклятый, бока намьяля... думалъ, тутъ минѣ и кануть,—чуть не задушилъ завсѣмъ.

— Объясните, Бога ради, —обращаюсь къ нему,—что тутъ случилось? Изъ-за чего весь этотъ переполохъ?

— А я-жъ не знаю,—недоумѣло пожимаетъ онъ плечами,—я самъ ничего не понимаю... Я толке самая чуточка здремнулъ, и вдругъ слышу—пифъ-пафъ!—снѣтрѣляютъ... Снѣто такое-во?!.. Я такъ пшигался, думаю—турки!—самъ вѣйскочялъ скорѣй изъ колясшкѣ, хотѣлъ бѣжать къ энгиралъ, да запинался за этотъ кучеръ проклятый, да вупалъ, да прямо на него,—а онъ, дуракъ, со сна меня въ охапке, да давай тузить по чемъ попало... Завсѣмъ глупій гисторія вѣйшла!

Я вернулся на веранду къ Соломону.

— Вашъ Нудельманъ цѣлъ и здравъ,—говорю ему,—можете успокоиться, ничего съ нимъ не случилось. Но скажите, Бога ради, зачѣмъ это вы стрѣляли?

«Его превосходительство» отчасти смутился.

— Такъ... револьверъ хотѣлъ попробовать,—пробормоталъ онъ.

— Ну, батюшка, напши время, нечего сказать!.. Эталъ вы, пожалуй, все село переполошите.

— Нѣтъ, знаю минѣ показалось, ошѣто кто-то тамъ ходитъ...

— Гдѣ?

— Тамъ.. по улицу, за заборомъ... Я, признаться, немножко погугать хотѣлъ и далъ на воздухъ два выстрѣлы.

Что-же было возражать ему на это!—Вижу я, что спать мнѣ въ эту ночь едва ли уже придется, и потому, покоряясь своей участи, спокойно закурилъ папирску. На востокъ уже посѣрѣло,—вѣрный признакъ, что свѣтать начинается. Ни Нудельманъ, ни кучера уже бо-

хѣ не ложились. Первый съ прискорбіемъ осматривалъ на своемъ пальто и штанахъ слѣды пораженій, нанесенныхъ имъ собачьими зубами, а вторые принялись подмазывать колеса, готовя свои экипажи къ новому перегону; богаринъ, заложивши руки за пазуху, побрелъ по разнымъ своимъ хозяйскимъ закускамъ и хлѣбушкамъ, а дочь его, съ ведрами на коромыслахъ, пошла на ключи по воду... Село мало-по-малу начинало просыпаться.

— Уфъ, какъ я усталъ, однако! — проговорилъ Соломонъ послѣ громкаго и самаго сладкаго зѣвка, потягиваясь и поглаживая себя то грудъ, то поясницу. — Покойной ночи, капитанъ, — добавилъ онъ совсѣмъ уже успокоеннымъ тономъ, — пойду спать, ужъ колышка, пора вже... Прощайте, благодарю васъ за компанію.

Въ это время послышался конскій тонотъ — и у нашихъ воротъ показалась команда квартирьеровъ. Я окликнулъ Ар-зова и, приказавъ Петру Балю забрать на верандѣ мои вещи, сѣлъ на своего верхового коня и пошелъ вмѣстѣ съ командой на ту сторону лощины, гдѣ видѣлся одинъ лишь удѣланный хорошій; но покинутый домъ. То былъ домъ извѣстнаго болгарскаго чорбаджіи Хаджи-Николо, большого друга турокъ, бѣжавшаго отсюда вмѣстѣ съ

ними послѣдними. Въ этомъ самомъ домѣ, нѣсколько дней спустя, расположилась главная императорская квартира.

Съ тѣхъ поръ я уже никогда больше не встрѣчался съ Соломономъ Соломоновичемъ; слышалъ только, что въ одной изъ еврейскихъ газетъ — не то русской, не то австрійской — было съ гордостью и надлежащимъ пафосомъ описано, какъ этотъ знаменитый русско-еврейскій патріотъ и генералъ подвергся ночному нападенію башибузуковъ, отъ которыхъ храбро отбился одинъ нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера. Пусть будетъ такъ, на утѣшеніе сынамъ Израйля.

Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало лѣтъ, но изъ числа членовъ нашего тогдашняго кружка, всѣ мы и до сихъ поръ, при встрѣчахъ между собою, съ удовольствіемъ вспоминаемъ иногда день въ Чаушкѣ-Махалѣ, проведенный съ «эво превосходительствомъ», и къ этому я долженъ прибавить еще, что хотя его предпріятіе и далеко не оправдало возлагавшихся на него надеждъ, но изъ всѣхъ контръ-агентовъ, съ какими во время войны приходилось полемому штабу имѣть какое-либо дѣло. — Соломонъ Соломоновичъ, безспорно, былъ самымъ добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ.

Средній солдатъ.

РАЗСКАЗЪ.

Это было въ послѣднюю турецкую войну, послѣ взятія Плевны.

Въ концѣ декабря, по повелѣнію великаго князя главнокомандующаго былъ собранъ особый небольшой отрядъ для перехода черезъ Балканы въ томъ мѣстѣ, которое называется Траяновымъ переваломъ. Поэтому и самый отрядъ былъ названъ «Траянскимъ», а начальникомъ надъ нимъ назначенъ генералъ Карцовъ. Въ составъ отряда вошелъ, между прочимъ, Старо-Иогерманландскій пѣхотный полкъ, гдѣ служилъ одинъ рядовой, по имени Феодоръ Улитинъ. Собой былъ онъ невзраченъ и нельзя сказать, чтобы особенно ловокъ по фронтовой части, а потому въ строю пряталъ его всегда въ заднюю шеренгу, — «тамъ молъ не такъ видно». Солдатъ онъ былъ, что называется, изъ «безотвѣтныхъ»: богобоязненный, праватихаго, ни отъ какого дѣла никогда не отлынивалъ, ни на что самъ не запрашивался, ни отъ чего не отказывался и вообще службу несъ честно. Никто не

могъ бы сказать, что Феодоръ Улитинъ придурковатъ, — напротивъ, былъ онъ человѣкъ вообще со смысломъ, понятливый, но только очень ужъ смиренъ, и товарища хвалили его за смиренность, хотя нерѣдко трунили и потѣшались надъ нимъ подъ веселую руку. Бывало, подстроитъ ему какую-нибудь шутку, а онъ только улыбается добродушно. — «Ничего, пускай ихъ! Это, молъ, все пустое!»

Пришлось ему за послѣднюю войну быть въ кое-какихъ боевыхъ дѣлахъ, но въ нихъ онъ ничѣмъ не отличился, да никто и не ждалъ отъ него никакихъ отличій, хотя никто не могъ упрекнуть его и за трусость. Однимъ словомъ, былъ онъ то, что у начальства называется «средній солдатъ»: прикажутъ идти впередъ, — идетъ, какъ и всѣ другіе, прикажутъ стрѣлать, — стрѣляетъ, какъ и прочіе; самъ впередъ не рвется, назадъ не пятится, товарищей бойкимъ словомъ не подбодритъ, но зато никогда и не захнычетъ, не разохается, а дѣлаетъ свое

дѣло просто, скромно, какъ Богъ велитъ, по совѣсти. Таковъ-то былъ рядовой Ѳеодоръ Улитинъ. И вотъ пришлось ему съ полкомъ участвовать въ штурмѣ «Орлинаго гнѣзда» на Траяновомъ перевалѣ.

Но надо напередъ сказать, что такое Траяновъ перевалъ.

Траяновъ перевалъ составляетъ одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ Балканскихъ горъ и находится онъ на высотѣ 6.600 англійскихъ футовъ отъ поверхности моря. Это значить, что если бы отъ низкаго морского берега провести вверхъ надъ головой къ небу прямую линію, то та точка, на которой лежитъ Траяновъ перевалъ, пришлась-бы на этой линіи на высотѣ двухъ верстъ и ста сажень. Мѣстные жители, турки, называютъ его «Дери магаре», а болгары — «Смерть магарска», то-есть «погибель для ословъ». Одно уже это названіе показываетъ, какія мученія ожидаютъ здѣсь путника, если даже ослы и лошаки, наиболѣе выносливыя и привычныя къ горному движенію животныя, не выдерживаютъ ужасныхъ трудностей Траянскаго подъема и нерѣдко гибнутъ, не достигая его скалистой вершины. Ученые и военные люди древнихъ и новыхъ временъ считали Траяновъ проходъ невозможнымъ для военного движенія, а ту мѣстность, на которой были расположены непріятельскія укрѣпленія, наши противники—турки по справедливости почитали неприступною. Здѣсь тысячелѣтія назадъ безслѣдно гибли римскіе воины, здѣсь не могли пройти и турки, покорители Царьграда и царства Болгарскаго, — однимъ словомъ, отъ сотворенія міра ни одна военная рать не перешагнула еще черезъ вершину Траяновскаго перевала. И эту-то преграду надлежало одолѣть небольшому русскому отряду. Дорога, ведущая на перевалъ, нѣтъ, да никогда и не бывала, а ведетъ на вершину Траяна одна лишь узенькая тропинка, которая то вьется, то исчезаетъ между пропастями и разсѣлинами; но зимой она занесена глубокими снѣгами, а потому, можно сказать, не существуетъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ трудно было разсчитывать на вѣрный успѣхъ дѣла, но главнокомандующій на него и не разсчитывалъ; желательнo было только, чтобы отряду удалось подняться на вершину Траянова перевала и показаться въ виду турецкихъ укрѣпленій: одно уже появленіе русскихъ силъ въ этомъ мѣстѣ должно было озадачить турокъ и заставить ихъ отступить сюда часть своихъ силъ отъ Златицы съ одной и отъ Шипки съ другой стороны, а это значительно облегчило бы спускъ съ Балканъ какъ для части войскъ генерала Давидовича, такъ и для генерала Скобелева ¹⁾.

Не противникъ страшенъ на Траянѣ и не грозныя его укрѣпленія, но страшна была борьба съ губительной природой. Довольно подняться въ долину легкому вѣтерку, чтобы на вершинѣ загудѣла цѣлая буря, съ метелью, вьюгой и морозомъ, который здѣсь иными именами становится истинно лютымъ. А вершина представляетъ собой совершенно голый черепъ: ни деревца, ни кустика, такъ что укрыться негдѣ, костеръ разложить не изъ чего; а перемети вьюга тропинку, — весь отрядъ до послѣдняго замерзъ бы въ снѣжныхъ сугробахъ. Вотъ что страшило, по преимуществу. Тѣмъ не менѣе, рѣшено было испытать все возможное для достиженія успѣха.

* * *

Отрядъ, разбитый на три отдѣленія, сталъ послѣдовательно подниматься на горы 22-го декабря, съ разсвѣтомъ; но наибольшія трудности подъема начались на слѣдующее утро, въ особенности, когда пришлось подымать на первую лѣсистую кручу тяжелую артиллерію. Орудія, положенныя въ разобранномъ видѣ на лубки и салазки, люди тащили на себѣ на лямкахъ. Препятствій было множество, на каждомъ шагѣ. Напа русская «Эй, дубинушка, утнемъ!» въ первый разъ въ этотъ день огласила своими звуками пустынные скалы и лѣса Траянскаго Балкана. Вскорѣ клубящіяся облака стали находить на горные склоны; сначала они плавали далеко ниже той высоты, на которой находился отрядъ, а потомъ начали подыматься все выше и выше, пока не заволокли весь Балканъ отъ низу до верху густымъ, непрогляднымъ туманомъ. Въ четвертомъ часу дня голова передовой части отряда достигла на конецъ подножія Траянскаго перевала. Страшно было и взглянуть на то, что предстояло еще впереди!... Предъ людьми стоялъ громадный и совершенно голый черепъ крутѣйшей горы, весь занесенный глубокими снѣгами, изъподъ которыхъ мѣстами торчали черныя глыбы каменныхъ скалъ и плетъ, покрытыхъ гололедницей. Вотъ она — «Смерть магарска»!... Макушка и вообще верхняя половина этого черепа исчезала въ густомъ бѣломъ туманѣ. Времени оставалось немного: черезъ два часа станетъ уже совсемъ темно, а отрядъ къ этой порѣ во что бы ни стало долженъ быть уже на перевалѣ. Поэтому начальникъ отряднаго штаба, распорядившись движеніемъ, тотчасъ же приказалъ разработать подъемъ. Привыкли за работу и болгары, бывшіе при отрядѣ, и казаки, и солдаты, кого назначили. «Отдѣленный унтеръ-офицеръ послалъ туда же и Ѳеодора Улитина. Пошелъ, и слова не молвилъ. — «Мнѣ же лучше, думаетъ, — по крайности, за работой не такъ холодно будетъ». По грудь утоная въ глубокихъ снѣгахъ, чуть не на каждомъ шагѣ проваливаясь въ занесенныя снѣгомъ ямины, скользя и падая на гололедницѣ.

¹⁾ Траяновъ проходъ находится между Златицкимъ и Шипкинскимъ перевалами.

спотыкаясь о невидимые подъ снѣгомъ камни, Улитинъ съ передовыми работниками—истинно, можно сказать,—собственною грудью пролагалъ дорогу. Эта работа была такъ тяжела и утомительна, что люди, несмотря на сильный морозъ, обильные потомъ и задыхались отъ изнеможенія, а дышать было почти нечѣмъ; студеный воздухъ на двухверстной высотѣ былъ такъ разрѣженъ, что у нѣкоторыхъ людей кровь показывалась изъ ушей, изъ носу и шла горломъ. Какъ только успѣвали проложить на нѣсколько саженъ путь, на него тотчасъ же вступали казаки головной сотни, чтобы болѣе утаптывать его конскими копытами. Такимъ образомъ, и разработка дороги, и подъемъ по ней войскъ совершались одновременно. Болѣе трехъ часовъ сряду длился этотъ подъемъ, и когда голова отряда достигла наконецъ вершины перваго гребня, было уже около половины седьмого. День совсѣмъ свечерѣлъ, и мутная бѣлосвѣтая мгла скрывала турецкія укрѣпленія, которыя находились впереди, на разстояніи около полудторы версты отъ этого мѣста. На обледѣнной вершинѣ морозъ былъ еще крѣпче, чѣмъ на подъемѣ, а людямъ казалось жарко. Чтобы освѣжить пересохшее горло и хоть сколько-нибудь утолить невыносимую жажду, они съ жадностію глотали комки обледѣлаго снѣга.—«Ничего! думалось Федору впереди еще не мало труда, значитъ, успѣемъ опять согрѣться!» Рубаха, мундиръ, штаны и сапоги, наполненные снѣгомъ,—все это было на немъ, какъ и на другихъ, мокро, хоть выжми! Но не прошло и десяти минутъ, какъ обувь и штаны уже обледѣли корой на людяхъ. Хорошо еще, что на вершинѣ въ эту пору не было вѣтра, и это большая рѣдкость: на Балканскихъ высяхъ почти всегда шумитъ и гуляетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и случись онъ теперь,—немногіе вернулись бы отсюда живыми.

Послѣ небольшого отдыха, пока стянулись остальные части передового отряда, вызванъ былъ проводникъ изъ мѣстныхъ болгаръ, хорошо знающій дорогу къ укрѣпленіямъ. Партія охотниковъ-болгаръ, перемѣшанная съ охотниками-стрѣлками, двинулась перекрестясь, впереди остальныхъ, по скрипучему, замороженному снѣгу. Вдругъ на сосѣдней высотѣ снѣга мгновенно вспыхнуло большое пламя. Несмотря на туманъ, было видно, какъ огненные языки, распространяясь по землѣ все болѣе и болѣе, взвиваются вверхъ. То былъ предупредительный знакъ, поданный, какъ оказалось потомъ, турецкими сторожевыми. Люди, между тѣмъ, шли по протопанному, но еще очень глубокому снѣгу, чуть не на каждомъ шагу спотыкаясь и падая. Впереди и по сторонамъ ничего не было видно,—все только туманъ и туманъ безконечный, густой, зловѣщій... Вдругъ, какъ молнія сверкнулъ впереди огонь, черезъ секунду раздался выстрѣлъ и мимо рядовъ про-

свистала первая турецкая пуля. Вслѣдъ за тѣмъ турки тотчасъ же стали стрѣлять бѣлыми огнемъ по всей своей линіи. Русская цѣпь залегла на снѣгу въ полтораста шагахъ отъ неприятельскаго укрѣпленія, но огня не открывала,—не велѣно было. Надъ головами свисталъ рой турецкихъ пуль, но такъ какъ было темно, то пули причинили мало вреда: турки били наугадъ, или на слухъ, если отъ русской стороны раздавался гдѣ нибудь громкій говоръ, или же наконецъ на свѣтъ, когда кому-либо захотѣлось закурить папироску.

Вскорѣ тамъ и сямъ послышались стоны раненыхъ, потребовались санитары. Четыре человѣка пронесли назадъ что-то черное... Носилки... За ними черезъ минуту другія, третьи носилки... Еще и еще. Затѣмъ, опираясь на ружья и тяжко стона, проковыляло еще нѣсколько раненыхъ. Слышна была турецкая команда, по которой непріятель то усиливалъ огонь, то на минуту прекращалъ его, какъ бы прислушиваясь, а затѣмъ снова начиналъ пальбу. Русские не отвѣчали. Видимо, туркамъ хотѣлось вызвать ихъ на перестрѣлку: тогда для нихъ опредѣлилось бы отчасти и количество русскихъ силъ, и ихъ расположеніе; но этого-то имъ и не сдѣлало знать. Между тѣмъ, морозъ крѣпчалъ все болѣе и болѣе, становясь поистинѣ лютымъ. Сидѣть на снѣгу было ужасно холодно, а лежать еще хуже. Всѣ испытывали страшную усталость, да и не мудрено: вчерашняя ночь проведена была безъ сна, а нынѣ мало спали и наканунѣ ея, потомъ цѣлый день въ движеніи среди столь тяжкихъ трудовъ, и наконецъ этотъ холодъ, который такъ и клонитъ ко сну... Не было силъ бороться противъ искушенія—и многіе дѣйствительно заснули. Можно судить, какова была усталость, если люди могли спокойно спать подъ пулями, которыя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ все жужжали надъ головами. Но до пятидесяти человѣкъ при этомъ и обморозилось.

Было уже около половины третьяго часа ночи, когда туманъ сталъ разсѣиваться и въ небѣ проглянули звѣзды. Для простого показавъ туркамъ, что мы-де здѣсь, на Траинѣ, отрядъ успѣлъ уже сдѣлать достаточно, и такъ какъ внезапный ночной штурмъ не могъ состояться, въ виду того, что непріятель былъ предупрежденъ пламенемъ костра, то велѣно было вывести отрядъ изъ огня, пока небо не прояснѣло еще болѣе. Рота старо-нигерманландцевъ и казаки прикрывали его обратное движеніе. Турки провожали ихъ выстрѣлами. Черезъ часъ всѣ люди стянулись на первомъ гребнѣ, съ котораго давеча начато было наступленіе. Здѣсь предполагалось дожидаться разсвѣта. Небо совершенно прояснѣло и зажглось безчисленными звѣздами; при ихъ слабомъ свѣтѣ можно было различить вдали остроконечную выпуклу турецкаго укрѣпленія на кругой скалѣ. Но въ это

время вдруг подулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ—самый опасный врагъ на вершинахъ Балкана зимою. Поэтому, посоветовавшись между собою, начальство рѣшило спуститься съ отрядомъ къ опушкѣ буковаго лѣса и стать тамъ бивуакомъ, а на утро занялось подъемомъ на перевалъ орудій. Но не прошли по спуску и трехсотъ шаговъ, какъ оказалось, что туманъ не разсѣялся, а только осѣлся, и люди опять попали въ густую бѣловатую мглу, которая подавляла своимъ сырмъ, проникающимъ насъ сквозь холодомъ и ужасно затрудняла дыханіе. Въ туманѣ сбились съ дороги, проложенной собственноручной грудью передъ вечеромъ, и шли теперь по снѣжной цѣпнѣ куда Богъ приведетъ, стараясь только по звѣздамъ держать направление къ сѣверу. Утопая въ снѣгу, спотыкаясь объ острые камни, которые нерѣдко насъ сквозь прорѣзывали обувь, скользя на крутизнахъ и въ этомъ неудержимомъ стремленіи валясь сразмаху на снѣгъ, обгоняя другъ друга и кубаремъ перекидываясь сверху одинъ черезъ другого, люди пѣлыми вереницами скатывались внизъ и никто изъ нихъ не видѣлъ и не зналъ, куда онъ катится и мчится съ такой стремительностію. Ухватиться, удержаться было не за что—и человѣкъ съѣзжаетъ внизъ на собственной спинѣ, пока нога не зацепится случайно за какой-нибудь выдавшійся камень, поднимется—и опять впередъ, и опять то же стремленіе внизъ на собственной спинѣ, какъ на салазкахъ. Утомленіе было столь велико, что многіе, присѣвъ для отдыха, тутъ же засыпали, и товарищамъ требовалось не мало усилій, чтобы ихъ расталкивать. Только одинъ русскій солдатъ да казакъ можетъ переносить такіа приключенія бодрои безропотно!

Федоръ Улитинъ шелъ въ числѣ послѣднихъ. Споткнувшись на одной кручѣ и катясь съ нею внизъ, онъ, по счастью, успѣлъ ухватиться за торчавшій ребромъ плоскій плитнякъ и удержался. Смотритъ, шагахъ въ пяти ниже небольшая площадка. Онъ спустился туда и присѣлъ на минуту передохнуть, да заодно уже осѣвѣять пересохшую глотку нѣсколькими горстями снѣга. «Хорошо бы тутъ остаться, думается ему, прилечь бы да соснуть до разсвѣта... лѣзаясь въ-конецъ, моченьки нѣту... Да какъ остаться?! А вдругъ фельдфебель переклячку сдѣлаетъ?... Подъ штрафъ попадешь... Да и кто-жь его знаетъ, куда-то наши уйдутъ до утра... Одиакъ-то заблудишься, а въ ротъ, гляди, за дезертира сочтутъ... Нѣтъ, ужъ лучше идти, съ Божьей помощью, пока ноги несутъ»... Такъ-то подумавъ, только что поднялся онъ съ мѣста, какъ слышитъ—стонетъ, кто-то глухо, страдальчески стонетъ. Улитинъ оглядѣлся, гдѣ это, и видить, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него человѣкъ лежитъ. Онъ къ нему. Нагнулся разсмотрѣть кто такой и чего стонетъ,—ахъ, гляди, знакомый: его же «отдѣленный» Сысоевъ, отъ котораго

не разъ приходилось принимать Улитину и крѣпкое слово сгоряча, и подзатыльники. Этотъ Сысоевъ чуть ли не больше всѣхъ донималъ его до начальства.

— Иванъ Сысонецъ, вы? — окликнулъ его Улитинъ.—Что это съ вами? Чего вы?

— Охъ, смерть моя,—говоритъ,—пришла... Расшибся съ горы-то... да и нога что-то тово... не то сломалъ, не то вывихнулъ... Смерть, какъ больно!..

Помогъ ему Улитинъ подняться. Тотъ еле держится, нога почти не дѣйствуетъ. Отпустилъ онъ на его ружьѣ погонный ремень и повѣсилъ ему ружье черезъ плечо за спину.

— Что ты дѣлать это хочешь?—черезъ силу спрашиваетъ «отдѣленный».

— Не извольте беспокоиться.

А самъ нагнулся, опершись на свое ружье, и спину ему подставляетъ.

— Извольте, Иванъ Сысонецъ, садитесь. Только крѣпче за плечи держитесь, а вѣсь донесу.

— Вишь, что выдумалъ!.. «Донесу!» Ужъ куда тебѣ, мухомуту экому, донести...

— Ничего-съ... Никто какъ Богъ,—вы не сумлевайтесь...

— Ну, вотъ еще! И себѣ шею свернешь, и мнѣ, гляди, еще другую ногу поправишь.

— Ничего-съ, говорю... Авось какъ нибудь... Извольте садиться, а то сзади, можетъ турки насъѣдаютъ.

Взавалился Сысоевъ ему на спину, и поволокъ его на себѣ Улитинъ, какъ кулъ овса, опираясь на ружье и осторожно нащупывая прикладомъ дорогу. Ужъ что это было за путешествіе, трудно и передать. Раза три пришлось имъ скатываться, да разъ десять падалъ Улитинъ оступившись, но каждый разъ отдыхалъ и снова взаваливалъ на спину свою живую ношу.

— Брось ты меня Христа ради! — взмолился къ нему наконецъ «отдѣленный».—Все равно помирать-то... Моченьки моей больше нѣту...

— Зачѣмъ помирать!—говоритъ,—безъ Бога не померешь... Какъ ни какъ, а доволоку, не извольте беспокоиться.

И доволокъ, дѣйствительно. Мѣстность стала положе и ровнѣе, а тутъ вскорѣ показался сквозъ туманную мглу красноватый отсвѣтъ нѣсколькихъ костровъ.—«Это, надо быть, наши биваки», рѣшилъ себѣ Улитинъ и, на сколько хватало голоса, громко сталъ звать къ себѣ на помощь. Его наконецъ услышали и выслали патруль на встрѣчу. Такимъ образомъ, нежданно, негаданно пришлось ему спасти своего «отдѣленного».

Было уже половина шестого часа утра, когда скатившись съ Траянова черепа отрядъ добрался наконецъ до буковаго лѣса, гдѣ и нашелъ онъ на опушкѣ костры артиллеристовъ, саперъ и одной старо-нигерманландской роты, оставшихся въ резервѣ. У одного изъ офи-

церовъ нашелся на выюкѣ въ собственныхъ вещахъ градусникъ. Посмотрѣли сколько градусовъ мороза.—оказалось двадцать-два,—и это здѣсь, въ лѣсу и въ долинахъ, а сколько же градусовъ было тамъ, наверху этого проклятаго черепа!..

* * *

Свѣтило яркое утреннее солнце, когда проснулся Федоръ Улитинъ у костра, гдѣ онъ давеча заснулъ какъ убитый, тотчасъ по приходѣ къ бивуаку своей роты. Чувствуя нѣкоторую ломоту въ членахъ и легкій ознобъ, онъ осмотрѣлся вокругъ. Отрядъ находился въ лѣсу, который, начиная отъ гребня горы, густо разросся по всему ея скату. Лучи солнца прокрадывались между вѣтвями и стволами. Повсюду дымились костры и стоялъ гулъ человеческого говора. По всему лѣсу стучали топоры—то солдаты рубили дрова на топливо. Снѣжные вершины были ослѣнительно освѣщены солнцемъ. На небѣ ни облачка, въ морозномъ воздухѣ полная тишина и безвѣтріе.

Въ полдень подошло снизу, изъ сѣверныхъ долинъ, второе отдѣленіе Траянскаго отряда: восемь ротъ и полусотня казаковъ, и на бивуакахъ стало еще люднѣе и оживленнѣе. Артиллеристы съ ранняго утра хлопотали около своихъ волоковъ, а саперная рота еще на разсвѣтѣ ушла на подъемъ разрабатывать вчерашнюю дорогу. Въ теченіе цѣлаго дня удавалось втащить на черепъ одно только орудіе со всеми его принадлежностями, и чтобы судить, до какой степени это было трудно, достаточно сказать, что въ дубки, тащившіе 9-ти фунтовую пушку, было впряжено 48 буйволовъ, да въ придачу къ нимъ тащили лимки двѣ пѣхотныя роты и всѣ наличные болгары, челоуѣкъ двѣсти. Къ пяти часамъ дня орудіе было уже собрано и поставлено на мѣсто. Изъ него сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по турецкому укрѣпленію; турки отвѣчали изъ своихъ горящихъ орудій.

Начальство рѣшило на совѣтѣ не предпринимать сегодня ничего противъ турокъ, а дожидаться генерала Карцова и съ нимъ прибытія третьяго отдѣленія отряда, чтобы быть въ полныхъ силахъ; пока же, въ ожиданіи занятія завтра втащиваніемъ на черепъ второго орудія.

Погода весь день выстояла превосходная, морозно-ясная и тихая. Солдаты уже успѣли настроятъ себѣ шалаши и разныя закрытія изъ вѣтвей и снѣга, на случай непогоды, и варили въ котелкахъ сухарную похлебку съ чаемъ. Рождественскій сочельникъ и нижніе чины, и офицеры провели истинно постнымъ образомъ, пытались, за неимѣніемъ ничего другого, однимъ лишь чаемъ съ солдатскими сухарями. А такъ какъ по близости не было источника, то вмѣсто воды употребляли снѣгъ, тая и кипятя его въ котелкахъ. И ничего себѣ: чай выходилъ довольно вкусный. Лошадей поили

тоже талымъ снѣгомъ, распуская его на кострахъ въ желѣзныхъ ведрахъ. За нѣсколько часовъ люди успѣли совершенно свыкнуться съ такимъ родомъ существованія, и Федоръ Улитинъ, какъ и многіе другіе, преспокойно принялся уже, сидя предъ костромъ, за почишку платья и обуви.

Насталъ великій праздникъ Рождества Христова. Въ этотъ день люди на бивуакѣ проснулись отъ значительнаго утренняго холода. Подбавили въ костры новаго топлива, и ѣдкій дымъ потянулъ по всему лѣсу.

Вскорѣ багровое солнце начало золотить верхніе края снѣжныхъ вершинъ, обѣщая день подобный вчерашнему; однако черезъ часъ небо заволокло тучами и въ воздухѣ значительно потеплѣло, такъ что стали уже опасаться, какъ бы не повалилъ снѣгъ и не уничтожилъ бы проложенную вчера дорогу; тогда и отрядъ былъ бы отдѣленъ на время отъ всего живого міра. Сухарей у солдатъ оставалось уже немного и они очень дорожили ими, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ никакого подвоза на выюкахъ не было.

Федоръ Улитинъ развелъ себѣ маленькій костерокъ и поставилъ на него грѣться своей котелокъ, наполненный снѣгомъ, а самъ выпнулъ изъ мѣшка сухари и ломаетъ ихъ на кусочки. Въ это время подходитъ къ нему офицерскій денщикъ.

— Здорово, землякъ!.. Никакъ ты сухари крошить собираешься?

— Собираюсь. А что?

— А ты уступилъ бы мнѣ парочку.

— Эва, какой приткій!.. Свои, небойсь, слюдасть, а теперь давай ему чужіе... Самъ-то я съ тѣмъ же останусь?

— Да вѣдь я не даромъ,—я за деньги... Ты продай мнѣ. Сколько хочешь за пару?

— Иди, иди, братъ, съ Богомъ!.. Мнѣ не до шутокъ,—отваливай!

— Ну, хочешь золотой!.. Бери золотой, слышь!

— Зачѣмъ мнѣ твой золотой, коли завтра, можетъ, и вовсе безъ хлѣба сидѣть придется? Больно ты щедрый на золотые-то, какъ погляжу!..

— Чудакъ-человѣкъ! Развѣ мнѣ для себя? Вѣдь я для барина хлопочу, для поручика...

— Ну, да!.. для поручика? Ври еще!.. Станетъ поручикъ желѣзные сухари грызть...

Какъ разъ въ это время проходитъ молодой офицеръ и обращается къ денщику:

— Ну, что, Сергѣй, добылъ сухарика?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Я уже золотой суяю, и то не отдають, ироды едакіе!

— Эхъ, жалъ... Да неужто и за деньги не уступаютъ?

— Не желаютъ, ваше благородіе... Сейчасъ побѣгу еще къ другимъ-поспрошаю.

Поднявшійся съ мѣста Улитинъ рѣшился обратиться къ офицеру:

— Ваше благородіе, это и точно для васъ сухари требуются?

— Для меня, любезный.

— Такъ извольте получить... Я думалъ, онъ шутки шутить, для себя маклачить. Сколько прикажете?

И Улитинъ подалъ офицеру въ рукахъ весь свой запасецъ. Тотъ взялъ пару и даетъ ему золотой. — «На, молъ, сколько денщикъ общипалъ». — Улитинъ отказывается.

— Помилуйте, ваше благородіе, за что тутъ деньги!.. Вы вѣдь свои же господа... Да и на что мнѣ деньги въ этой трупобѣ?!

Такъ и не взявъ, какъ ни уговаривалъ его поручикъ.

Часовъ въ десять утра прибыли на бивуакъ и части третьяго отдѣленія, а вслѣдъ за ними пришли и выюки, на которыхъ было привезено вдоволь мяса, вина, крупы, сухарей, ячменя и сѣна. Приободрились и люди, и лошади. Солдаты тотчасъ принялись за варку пищи, роспили по крышкѣ водки, побили до сыта да и про запасъ осталось еще не мало говядины и хлѣба. Послѣ обѣда замѣтно повеселѣло на бивуакѣ, говоръ сталъ оживленнѣе, топоры еще ретивѣе застучали по лѣсу, костры запылали ярче и кое-гдѣ ради праздника затянулись пѣсни. Начальство опять подымалось на перевалъ для болѣе подробнаго разсмотрѣнія, какъ и гдѣ расположены непріятельскіе окопы. Къ шести часамъ вечера было втащено наверхъ второе орудіе и всѣмъ офицерамъ объявлено распоряженіе генерала, что на завтра (26-го декабря) предполагается бой на Траянѣ, для чего всѣ части отряда должны быть къ четыремъ часамъ утра готовыми къ выступленію. Ротные командиры растолковали своимъ людямъ какъ и что нужно будетъ дѣлать. Остатокъ дня и вечеръ спокоя были отданы отдыху. Въ девять часовъ вечера проиграли «зори», люди хоромъ пропѣли «Отче нашъ» — и вскорѣ на бивуакѣ водворилось полное спокойствіе. Каждый засыпалъ съ мыслью — что-то Богъ дастъ завтра...

* * *

Было еще темно, когда обходный отрядъ казачьяго полковника Грекова ровно въ четыре часа утра тронулся съ бивуака. Остальные части войскъ еще не трогались съ мѣста, когда одинъ часъ спустя какъ бы могучій вздохъ или стонъ пронесся по лѣсу и вдругъ загудѣлъ вихрь, заставившій ёкнути не одно сердце. Поднимись теперь выюга, — ничто не удалось бы. погибнулъ бы задаромъ и обходный отрядъ Грекова, и все что было на бивуакѣ... По счастью, вихрь вскорѣ улегся и согналъ съ неба тучи. Въ шесть часовъ утра двинулись на перевалъ резервы и расположились тамъ въ одной сѣдловинѣ. Два наши орудія открыли огонь; турки очень бойко и задорно стали отвѣчать имъ изъ своихъ горныхъ

пушекъ, но, несмотря на задоръ, не наносили никакого вреда. Подусотня казаковъ, никогда еще не бывавшая въ огнѣ, была въ прикрытіи у орудій, и въ началѣ дѣла, каждый разъ какъ только казаки слышали въ воздухѣ шипѣніе приближающейся турецкой гранаты, такъ и командуютъ сами себѣ «вались!» — и вся подусотня разомъ припадаетъ къ землѣ и выжидаетъ, пока зловѣщій звукъ снаряда пронесется надъ ихъ головами. А черезъ часъ это «вались» и общіе земные поклоны уже вызывали между ними смѣхъ и шутки, и они перестали кланяться. Пообтерпѣлись.

Въ десять часовъ утра полковникъ Грековъ уже прислалъ донесеніе, что турки выбиты изъ правофланговаго укрѣпленія обходнымъ отрядомъ и бѣгутъ по спуску въ деревню Карнари. Тогда было приказано части оставшихся войскъ наступать на главное передовое укрѣпленіе. Выдвинутъ былъ впередъ одинъ батальонъ старо-ингерманландцевъ, и батальонный командиръ велѣлъ вызвать охотниковъ. Въ ротѣ, гдѣ служилъ Федоръ Улитинъ, выступилъ одинъ унтеръ-офицеръ. Ротный, осматривая ряды спросилъ, нѣтъ ли еще желающихъ? Вдругъ чей-то голосъ изъ задней шеренги тихо подсказываетъ, очевидно на смѣхъ: «Федоръ Улитинъ желаетъ». Какъ ни серьезна была минута, но при этомъ многіе не выдержали и сдержанно фыркнули со смѣху. Ротный поморщился и строгимъ взглядомъ обвелъ ряды. Люди тотчасъ же притихли; имъ стало совѣстно.

— Федоръ Улитинъ, поди сюда, — подозвалъ его ротный.

Тотъ вышелъ.

— Это ты подалъ голосъ изъ фронта?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Такъ кто же это за тебя радѣлъ?

— Не могу знать, ваше благородіе; не замѣтилъ.

— А ты желалъ бы въ охотники?

— Какъ прикажете, ваше благородіе?

— Тутъ приказа нѣтъ, а есть одна добрая воля. Хочешь, такъ иди.

— Слушаю, ваше благородіе, радъ стараться!

И Федоръ Улитинъ присоединился къ пятидесяти охотникамъ отъ всего батальона, которымъ предстояло, такъ сказать, вести весь штурмъ, распознавая и выбирая пути, какимъ образомъ удобнѣе пробраться по скалѣ къ самому укрѣпленію.

Минуту спустя, батальонъ двинулся впередъ молча и серьезно. Не было въ немъ чловѣка, который не снялъ бы шапки и не перекрестился: всѣ понимали на какое трудное дѣло ведутъ ихъ... Когда роты поднимались изъ сѣдловины, предъ ними какъ на ладони открылась вся макушка Траянова черепа въ блескѣ великолѣпнаго зимняго утра. Высшая точка скалы составляла передній уголъ укрѣ-

плени (люнета), который чернѣлся какимъ-то остроконечнымъ шпилемъ, въ родѣ шалаша или кровли. Двѣ-три такія же вышки видѣлись и на обоихъ крылахъ укрѣпленія; по обѣ стороны отъ него тянулись каменные завалы (ложементы). Всѣ эти передовыя укрѣпленія слывуть у болгаръ и турокъ подъ именемъ «Орлинаго гнѣзда»; наши же солдаты разжаловали его нѣсколькими степенями ниже и еще до штурма окрестили въ шутку «вороньимъ гнѣздомъ» и «вороньей стрѣхой». Впрочемъ, отъ этого едва-ли оно сдѣлалось легче. Протяженіе всего турецкаго фронта курилось бѣлыми дымками ружейныхъ залповъ. Между тѣмъ, шесть охотниковъ штурмового батальона постепенно, словно цѣпкія кошки, гдѣ ползкомъ, гдѣ прямо, пробирались впередъ, высматривая мѣстность и выбирая дорогу, гдѣ бы легче можно было пройти остальнымъ. Заняв вслѣдъ перебѣгала стрѣлковая цѣпь и залегала въ указанныхъ ими мѣстахъ, пока охотники, снова пробравшись впередъ, не укажутъ новыя мѣста, все ближе и ближе къ люнету. Съ того мѣста, впереди резервовъ, гдѣ находился главный начальникъ, былъ отлично виденъ весь ходъ наступленія. Люди штурмового батальона, достигнувъ, наконецъ, подножія «Орлинаго гнѣзда», вѣпились въ него чуть не зубами и не отступали ни шагу, несмотря на градъ ружейныхъ выстрѣловъ. Охотники вразбродъ карабкались уже по самой скалѣ. Лнія раненыхъ, спускавшихся съ бѣлоснѣжной горы, обозначалась отдѣльными червѣвшимиися человѣчками. Тамъ и сямъ были раскиданы на свѣгу убитые и тяжело раненые. Генералъ направлялъ туда санитаровъ, которые подъ частыми пулями отлично исполняли свою обязанность. Между этими санитарями были сѣдобородые старики, украшенные еще кавказскими крестами и даже крымскими медалями. Они бодро шли въ самый кипень боя и выносили изъ него раненыхъ, которымъ первая помощь подавалась докторами подъ выстрѣлами. Полковой священникъ напутствовалъ желающихъ изъ «тяжелыхъ» послѣднимъ христіанскимъ утѣшеніемъ. Словомъ, всѣ, отъ перваго до послѣдняго, военные и не военные, добросовѣстно и честно исполняли здѣсь свое святое дѣло. Но хорошо отбивались и турки. Теперь уже дѣло шло на историческое самолюбіе: перешагнетъ ли въ первый разъ отъ созданія міра военная нога черезъ недоступный Траянъ и назоветъ ли исторія эту ногу — *русской ногой*?

Время шло уже къ полудню. Ослѣпительный блескъ солнечныхъ лучей, отражаясь на свѣгѣ, жестоко рѣзалъ глаза; кромѣ того солнце стояло какъ разъ передъ глазами нашей цѣпи и мѣшало ей цѣлѣть. На вершинѣ оно пекло совершенно по-лѣтнему, и въ первомъ часу стало такъ жарко, что хотъ снимай съ себя

все, до сорочки! Люди обливались потомъ и напрягали всѣ усилія, подвигаясь вслѣдъ за своими шестью охотниками. Каждая пять минутъ они постепенно укорачивали на нѣсколько шаговъ разстояніе между своимъ фронтомъ и недоступнымъ окопомъ. Ѳеодоръ Улитинъ былъ раненъ въ мякоть ноги, но все-таки карабкался впереди прочихъ, махая товарищамъ рукой и громко призывая ихъ: «Вали, братцы, сюда!.. Сюда!.. Здѣсь способыѣ!» — И «братцы» валили по его указанію. Еще одна минута, и онъ уже наверху окопа...

Послѣ полудня къ генералу съѣхались нѣкоторые начальствующія лица посоветоваться. Въ виду полученной вчера депеши великаго князя, внушавшаго не увлекаться фронтальной атакой и не нести напрасныя потери, а также, замѣчая теперь неодолимыя трудности штурма, всѣ эти лица начали уже было совѣщаться, что предпринять далѣе, какъ вдругъ вокругъ вышки «Орлинаго гнѣзда», которую облѣгали наши солдаты, оловяной рой пчелъ, раздалось общимъ кличемъ побѣдное «ура!» — первое «ура» нынѣшняго дня. Всѣ взоры невольно обратились въ ту сторону и увидѣли, что подъ напоромъ настойчиваго молодецкаго штурма турки прекратили пальбу и бѣгутъ изъ укрѣпленія. Не прошло и двухъ минутъ какъ наши уже перескочили за окопъ и «ура» зашумѣло внутри «Орлинаго гнѣзда...» Что за торжественная была эта минута!.. Все что оставалось еще вѣхъ укрѣпленія и въ резервахъ скинуло шапки, закидало ихъ кверху и закричало «ура!» Офицеры бросились къ генералу поздравлять его съ побѣдой, кидались одинъ къ другому въ объятія, цѣловали и поздравляли другъ друга. Солдаты, артиллеристы и казаки, санитары и раненые дѣлали то же. И такъ, невозможное, или почитавшееся до сихъ поръ невозможнымъ, достигнуто наконецъ русской грудью! Непроходимый Траянъ побѣжденъ маленькимъ русскимъ отрядомъ и побѣжденъ въ ту самую минуту, когда уже являлось нѣкоторое сомнѣніе въ возможности преодолѣть эти твердыни. Въ часъ и десять минутъ пополудни въ «Орлиномъ гнѣздѣ» все уже было покончено, и отрядъ съ боемъ спустился по южнымъ склонамъ Балканъ на деревни Текке и Карнари.

Спустя нѣсколько дней, изъ главной квартиры были присланы въ отрядъ знаки военнаго ордена, для раздачи наиболѣе отличившимся. Одинъ изъ первыхъ крестовъ достался Ѳеодору Улитину. Онъ даже очень удивился этому. — «За что, молъ? — развѣ, я сдѣлалъ что-нибудь особенное?»

— Ну, тетка Улита, — трунили надъ нимъ товарищи, — теперь тебя изъ задней шеренги на показъ въ переднюю поставятъ, потому всей ротѣ украшеніе. И какъ это тебя угорадило!.. Замухрышный такой и вдругъ на-ко-сь! Ге-

рой!... Шутка — ль сказать, всю штурму велѣ!..

— То-то оно я есть, что напередъ никакъ нельзя сказать, кто именно поведетъ штурмъ, — замѣтилъ на это старый, бывалый унтеръ изъ кавказскихъ, охотой поступившій передъ вой-

ной на вторую службу. — Ты считаешь человека за самого послѣдняго, а онъ тебѣ вдругъ самымъ первымъ окажется. Это бываетъ. И выходить, что у царя у нашего всякій солдатъ есть *солдатъ* и всякій въ свой часъ свое дѣло сдѣлаетъ.

БАКШИШЪ¹⁾.

Бакшишъ по-турецки значить подарокъ, а въ болѣе специальномъ смыслѣ — взятка.

Сдѣлавъ это необходимое поясненіе, приступаю къ моему разсказу.

На дняхъ я былъ въ Константинополѣ и отправился въ Стамбулъ (турецкая часть города), съ намѣреніемъ купить себѣ на тамошнемъ базарѣ кое-что изъ восточныхъ товаровъ. Бродя съ проводникомъ-коммисіонеромъ по крытымъ коридорамъ и закоулкамъ этого лабиринта-базара, я купилъ въ одной изъ армянскихъ лавочекъ прелестную, расшитую шелками настольную салфетку и нѣсколько такихъ-же покрывашекъ для табуретныхъ подушекъ, а въ другой лавчонкѣ попались мнѣ прекрасные экземпляры древняго турецкаго оружія: булато-шестоперъ, кинжаловидное азіатское копье (безъ древка) и два небольшихъ топорика — все это съ золотой и серебряной насѣчкой, весьма своеобразнаго и изящнаго рисунка, — вещи, могущія служить украшеніемъ хорошаго мужского кабинета. Я соблазнился ими и купилъ ради пополненія моей оружейной коллекціи.

Съ насъ, русскихъ офицеровъ, здѣсь вообще заламываютъ за все про все непомерно высокія цѣны; но мы съ первыхъ же дней взяли противъ этого свою сноровку: если, напримѣръ, запрашиваютъ за какую-нибудь вещь десять золотыхъ, мы даемъ три или четыре — и въ концѣ концовъ торгъ почти всегда слагивается на какой-нибудь ничтожной прибавкѣ къ этой суммѣ. Но вотъ бѣда; идете вы по базару, гдѣ вѣчная толкотня и много празднаго народа, за вами, чуть лишь замѣтили, что вы иностранецъ, а тѣмъ болѣе русскій, — непременно тянется вереница всевозможныхъ тунеядцевъ изъ породы мѣстныхъ грековъ, армянъ и бѣглыхъ русскихъ еврейчиковъ; всѣ они, то и дѣло, зазываютъ васъ въ свои знакомыя лавки, оханивая всѣ прочія, и кромѣ то-

го ежеминутно предлагаютъ разныя услуги и коммисіи, непрошенно вступаютъ вмѣсто васъ въ торгъ съ хозяиномъ товара, сбиваютъ съ толку и продавца и покупателя, суются, тычутся въ товаръ и носомъ и руками, врвуть его одинъ у другого, галдятъ, спорятъ, ссорятся, безъ толку сбиваютъ цѣну, такъ что, наконецъ, махнешь рукой и только торонившися уйти поскорѣе изъ этой безобразной сутолоки. Всѣ эти народы лепечутъ кое-какъ на какомъ-то жоманомъ языкѣ, представляющемъ собою полуфранцузское, полугалльское, полдармянское, греческое, болгарское, русское и турецкое мѣсиво, и отличаются крайней назойливостью, такъ что бѣда тому купцу, у котораго въ лавкѣ нѣтъ дверей! Зная качества и свойства этихъ тунеядцевъ, каждый хозяинъ, если только его лавочка снабжена дверью, впускаетъ къ себѣ покупателя, всегда почти бываетъ вынужденъ выталкивать въ шею толпу непрошенныхъ маклеровъ, сводчиковъ, факторовъ, «шахеръ-махеровъ» и поспѣшно закрывать вслѣдъ за ними свою дверь на задвижку.

Другая бѣда — это нищія, профессиональные попрошайки обоюго пола и всевозможныхъ возрастовъ, иногда калѣки, но болѣею частью люди самаго цвѣтущаго здоровья и крѣпкихъ силъ, находящіе, что попрошайство обезпечиваетъ ихъ существованіе легче всякой иной работы. Неотвѣзніе и назойливіе ихъ едва ли гдѣ, кромѣ Константинополя, найдется подобный типъ и сортъ тунеядцевъ. Идете вы по улицѣ — нищие безпрестанно теребятъ съ боковъ и сзади полы нашего платья, дергаютъ за рукава, безцеремонно похлопываютъ васъ по плечу и, протягивая ладони, вопіютъ самымъ нахальнымъ, требовательнымъ тономъ: «капитанъ, давай галаганъ!»⁴⁾ Давай галаганъ, капитанъ!» Это — единственные слова, которыя они всѣ, безъ исключенія, очень скоро выучились говорить по-русски. Если вы всесете какую-нибудь покунку, — они, наперерывъ одинъ

¹⁾ Считаю излишнимъ замѣтить, что настоящій разсказъ есть описаніе истиннаго и неприкрашеннаго авторской фантазіей прожестствія, случившагося со мной во второй половинѣ мая мѣсяца 1878 года.

⁴⁾ Галаганъ — румынское названіе мѣдной монеты, равняющейся нашимъ 2½ коп.

передъ другимъ, стараются вырвать ее у васъ изъ рукъ, чтобы донести до порога вашей квартиры и получить за эту услугу извѣстный «бакшини»; но берегитесь такой услуги! А если ужъ имѣли слабость отдать свою кону нищему, то зорко наблюдайте за нимъ все время, потому что стоитъ лишь ему замѣтить вашу разсѣянность, чтобы тотчасъ же юркнуть въ сторону, въ толпу и исчезнуть вмѣстѣ съ пошею въ какомъ-нибудь сквозномъ закоулкѣ. И замѣчательно, что ни одинъ изъ нищихъ никогда не пристанетъ къ греку или армянину: знаютъ уже по опыту, что напрасно, что сколько ни проси—не дождешься отъ грека съ армянникомъ ни *пара*, — монетки, являющей собою цѣнность около нашей $\frac{1}{4}$ копейки; пристають они только къ иностранцамъ и преимущественно къ русскимъ. Но стоитъ подать одному, чтобы передъ вами, какъ изъ-подъ земли, выросла вдругъ цѣлая ватага нищихъ и чтобы всѣ они начали приставать еще назойливѣе, теребя васъ со всѣхъ сторонъ, загораживая дорогу и чуть не залязая въ ваши карманы. Въ надеждѣ избавиться отъ нихъ, вы вскакиваете въ первый попавшійся экипажъ, но тщетно: они толпой бѣгутъ наряду съ коляской, хватаются за кузовъ, за крылья, за рессоры, вскакиваютъ на подножки, сталкивая съ нихъ одинъ другого, тычутъ къ вамъ руки и вопятъ, вопятъ, вопятъ... Комиссіонеръ вашъ грозитъ имъ кулаками, *арабаджи* ¹⁾ бичемъ крича то одному, то другому: «*чикъ дышара, шайтанъ олу! Иикылкентъ-олу-копекъ*» ²⁾ и только тогда линя, если одному изъ этихъ попрошаекъ попадетъ, наконецъ, по синяи хлесткій ударъ бича, ватага начинаетъ отставать отъ экипажа, показывая извозчику кулаки и языки и крича ему вслѣдъ: «*валѣтъ олсунъ, пезевангъ!*» ³⁾. Всѣ эти сцены дѣлають прогулку по константинопольскимъ улицамъ крайне непріятной.

Третья бѣда, наконецъ, это—личности особаго рода и весьма подозрительной наружности, преимущественно греки и армяне, которые съ таинственнымъ видомъ предлагаютъ вамъ въ похолоса знакомство съ «*инъ голіе femme turque*» и т. п. Десяти шаговъ нельзя сдѣлать по Перѣ, въ особенности подвѣчеръ, чтобы къ вамъ не подошелъ подобный «пезевангъ» съ предложеніемъ такого или еще болѣе наскуднаго рода.

Всѣ три названные бѣды совокупляются въ особенномъ изобиліи и съ особеннымъ рвеніемъ набрасываются на иностранца при выходахъ изъ стамбульскаго базара. Но мнѣ довелось познакомиться и еще съ одной константинопольской напастью, которая—сказать

по правдѣ—стоитъ каждой изъ трехъ перечисленныхъ бѣдъ здѣшней уличной жизни. Эта напасть, которую къ моему благополучію я узналъ *только отчасти*, называется турецкимъ чиноуничествомъ и турецкими административными порядками.

Эта-то послѣдняя напасть и составляетъ предметъ моего разсказа.

И такъ, купивъ на базарѣ названные вещи, я возвратился въ Перу, позавтракавъ въ ресторанѣ и затѣмъ около трехъ часовъ полудни спустился въ Галату, чтобы ѣхать на пароходѣ домой, въ Санъ-Стефано. При входѣ на мостъ, къ которому пристають всѣ пароходы, поддерживающіе сообщеніе съ окрестностями, и который соединяетъ Галату съ Стамбуломъ, я, не желая платить мостовымъ сборщикамъ цѣлый франкъ (по таксѣ) за нѣсколько шаговъ въ экипажъ, отпустилъ моего арабаджи, который всеконечно потребовалъ сверхъ условной платы еще особый бакшинъ, и въшкомъ дошелъ до пароходной кассы. Но тутъ, къ крайней моей досадѣ, оказалось, что пароходъ уже отвалилъ отъ моста и ушелъ, что называется, передъ самымъ носомъ. Пришлось пожалѣть о преждевременномъ расчетѣ и отпустить арабаджи, который мнѣ доставилъ-бы меня черезъ мостъ въ Стамбулъ, на станцію желѣзной дороги. Но дѣлать ужъ было нечего. Въ надеждѣ еще поспѣть на поѣздъ, я сошелъ съ моста къ галатской лодочной пристани, находящейся тутъ же рядомъ, и порядакъ каякчи ⁴⁾ перевезти меня черезъ Золотой Рогъ къ желѣзно-дорожной пристани.

Прежде чѣмъ повести дальнѣйшій разсказъ, надо теперь замѣтить, что я былъ одѣтъ въ партикулярное платье, такъ какъ нынѣ русскимъ офицерамъ запрещено являться въ Константинополь въ военный формѣ. Впрочемъ, партикулярные костюмы отнюдь не маскируютъ насъ передъ турками и остальными здѣшними жителями, которые съ перваго-же взгляда безошибочно признають въ насъ переодѣтыхъ русскихъ офицеровъ. Разница вся только въ томъ, что когда офицеры ѣздили въ городъ въ обыкновенной своей формѣ, то къ нимъ всѣ относились съ должнымъ уваженіемъ, полиція оказывалась весьма предупредительной и военные часовые на постахъ неукоснительно отдавали имъ воинскую почесть; а нынѣ здѣшніе уличники (вѣчто въ родѣ варшавскихъ *лобусовъ* ¹⁾, гдѣ можно, не отказываютъ себѣ въ удовольствіи сдѣлать переодѣтому офицеру какую-нибудь мелкую непріятность въ родѣ того, напримѣръ, чтобы плюнуть предъ нимъ подъ ноги, грубо толкнуть его локтемъ, высунуть языкъ или обругаться на дома-

¹⁾ Извозчикъ.

²⁾ Пошелъ прочь, чертовъ сынъ! Сгинь, провались, собачій сынокъ!

³⁾ Будь ты проклятъ, сводникъ!

⁴⁾ *Каякъ*—лодка, *каикчи*—лодочникъ, перевозчикъ.

номъ русскомъ языкѣ. Каждый изъ офицеровъ, конечно, предпочитаетъ показывать видъ, будто не замѣчаетъ всѣхъ этихъ задирачельныхъ прощѣлокъ, чѣмъ заводитъ какую-бы то ни было исторію, но это личное отношеніе къ русскимъ можетъ отчасти служить мѣриломъ того, на сколько, въ теченіе послѣдняго времени, подъ давленіемъ всякихъ Лаярдовъ, успѣли вообще переимѣниться у турокъ и ихъ политическія отношенія къ своимъ недавнимъ побѣдителямъ. Случай, бывшій со мной и который я теперь хочу рассказать, тоже рисуетъ отчасти нынѣшній характеръ этихъ отношеній.

Только-что мой каякчи отчалилъ, какъ вдругъ передъ самымъ носомъ рѣжетъ ему путь другой и подплываетъ къ намъ, борту къ борту. Изъ этого каяка быстро перескакиваетъ ко мнѣ какой-то турецкій чиновникъ изъ форменномъ сюртукѣ съ поперечными наплечниками и садится противъ меня на скамейку, запретивъ въ то-же время моему лодчику гребти далѣе. Каякчѣ остановился на мѣстѣ, тихо покачиваясь на зеленыхъ волнахъ.

«Чего ради, думаю себѣ съ удивленіемъ и недоумѣніемъ, послалъ мнѣ аллахъ сего не особенно церемоннаго спутника и съ какой стати вздумалось ему перескакивать изъ своей лодки въ мою? Впрочемъ, иншаллахъ (божья воля)! пусть его ѣдетъ вмѣстѣ, коли ему надо!»

Но чуть лишь успѣлъ я успокоиться на такомъ мирномъ и чисто фаталистическомъ заключеніи, какъ вдругъ—гляжу—мой спутникъ безцеремонно запускаетъ лопу въ свертокъ, гдѣ лежала салфетка, раздражаетъ часть облекавшей его оберточной бумаги и намѣревается развязывать шнурокъ. Я начинаю протестовать, выражая ему по-французски, что это, молъ, вещи мои и что подобное любопытство вовсе неуважительно. Но турецкій чиновникъ бормочетъ что-то по своему и окончательно заграбастываетъ въ свои лапы всѣ мои покупки. Я вопрошительно кядаю недоумѣвающий взглядъ на каякчи, который кое-какъ объясняетъ мнѣ съ помощью различныхъ знаковъ и франко-итальянскаго мѣсива, что это молъ ничего, такъ и слѣдуетъ, что это — *«afficiere de la policia... de la douane... гюмрюкчу»* ¹⁾.

«А, вотъ, оно что! Таможенный досмотрщикъ», думаю себѣ и спрашиваю, что же ему нужно? Вѣдь, кажется, ясно, что я не везу никакой контрабанды, коль скоро всѣ эти вещи куплены на стамбульскомъ базарѣ?

— *Mais, monsieur... il veut de bakchich... de bakchiche, monsieur*, — поясняетъ и подмигиваетъ мнѣ изъ-за чиновничьей спины мой каякчи, дополняя эти слова выразительной игрой и потираниемъ большого пальца объ указательный.

Боясь изъ-за этой глупой остановки потерять время и опоздать на поѣздъ, я рѣшаюсь лучше заплатить таможенному какой-нибудь бакшишъ, лишь-бы только отвязался, — и спрашиваю каякчи, сколько-же ему надо?

— *Mais... une franc monsieur*, — полупопотомъ бормочетъ лодочникъ, показывая мнѣ, все также изъ-за чиновничьей спины, поднятый указательный палецъ.

«Итъ быть такъ! думаю. — Спасибо, хоть не дорого!» и вынуть франковую монету, подаю ее чиновнику безъ всякихъ уже разговоровъ.

Чиновникъ жадно схватываетъ франкъ, поспѣшно опускаетъ его въ карманъ и въ ту-же минуту, вмѣстѣ со словомъ «шюкюртеръ» (спасибо), приложивъ ладонь къ фескѣ, а потомъ къ сердцу, перескакиваетъ въ свою лодку — и я ѣду далѣе.

Но не успѣлъ мой каякчи приналечь на весла, не отплыли мы съ нимъ отъ мѣста остановки и десяти-двѣнадцати саженъ, какъ подчаливаетъ къ борту новый каякчѣ, изъ котораго перескакиваетъ ко мнѣ новый чиновникъ, одѣтый подобно прежнему — и опять начинается та-же исторія, опять остановка, а времени до отхода поѣзда остается межъ тѣмъ не болѣе полчаса.

— Бакшишъ? — спрашиваю я уже непосредственно самого блюстителя таможенныхъ турецкихъ интересовъ.

— Бакшишъ, бакшишъ! — съ полнымъ нравственнымъ сознаніемъ своего права утвердительно качаетъ онъ мнѣ головой и съ улыбкой протягиваетъ руку.

Нечего дѣлать, — вынимаю новый франкъ, который столь-же быстро и ловко, какъ и прежній, исчезаетъ въ карманѣ «гюмрюкчу», послѣ чего блюститель, пробормотавъ «шюкюртеръ» и учинивъ обычное рукоприкладство къ фескѣ и груди, покидаетъ мой каякчѣ — и я опять свободенъ.

Безпрепятственно плывемъ по Золотому Рогу. Легкій, остроносый каякчѣ, какъ чайка, рѣжетъ изумрудную воду, въ которой цѣлыми стадами плаваютъ прозрачно-студенистые большіе слизняки, походящіе своими формами и рисункомъ на кружево, сотканное по бѣлому тюлю. Чтѣ за дивный цвѣтъ у этой воды и чтѣ за изумительная прозрачность! И какъ ласково охватываютъ и подкачиваютъ на себѣ нашу лодку эти плавныя волны! Невольно каждый разъ залюбуешься на дивную панораму Босфора, по которому во всѣхъ направленіяхъ снуютъ сотни каяковъ и плавно проходятъ фелукки подъ бѣлыми парусами; заглядишься и на этотъ городъ съ его плоскими куполами и тонкими иглами минаретовъ, на всю громадную массу этихъ пестрыхъ зданій и построекъ, нагроможденныхъ одинъ надъ другими и амфитеатромъ раскинувшихся по обѣимъ берегамъ Золотого Рога. Красота неописуемая, неизобразимая! И

¹⁾ Гюмрюкчѣ — таможенъ, гюмрюкчу — таможенный.

для того, чтобы сохранять о Константинополѣ ярко поэтическое впечатлѣніе, какъ о единственной въ мірѣ картинѣ, путешественникъ не долженъ сходить на берегъ: съ первымъ шагомъ въ грязную, вонючую Галату и не болѣе чистоплотный Стамбулъ исчезаетъ всякое очарованіе.

II.

До стамбульскаго берега оставалось около двадцати сажень, и я уже вынималъ монету, чтобы, не мѣшая на пристани, тотчасъ-же расплатиться съ канкчи, какъ вдругъ къ намъ подчаливаетъ третій чиновникъ и прямо скокъ въ мою лодку! Это наконецъ, становилось и скучнымъ, и досаднымъ, тѣмъ болѣе, что сей послѣдній «гюмрюкчу», не промолвя ни слова, грубо сорвалъ съ покупокъ бумажную обертку и разворотилъ по грязному днушка кайка мою великолѣпную ярко-пунцовую салфетку.

Зная уже по опыту, что въ данномъ случаѣ требуется, молча достаю франкъ и подаю его чиновнику; но, представьте мое удивленіе, чиновникъ вдругъ отказывается отъ франка, изображая видъ благороднаго негодованія. — «Неподкупный», думаю. Захвативъ подъ мышку мои топорика съ булавой и наконечникомъ, копыя и сунувъ туда же скомканныя кое-какъ остальные покупки, строгій блюститель пересидитъ на свою лодку и приказываетъ отчаливать.

— Что жъ это? Дневной грабежъ! Это уже слишкомъ! — обращаюсь я къ лодочнику, не будучи въ силахъ сдержать негодованіе.

— *Dua fr nca... dua!* — киваетъ тотъ въ отвѣтъ, выставивъ рогулькой два пальца.

Блюститель, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдившій за этимъ разговоромъ, вдругъ выѣхавъ въ него изъ своей лодки. Оказалось, что онъ понимаетъ нѣсколько словъ по-французски.

— Йокъ, йокъ ¹⁾ — закивалъ онъ головой: *No dua francal.. No! C'est peu d'a francal!*

— *Качъ франгларинъ?* ²⁾ — обратился къ нему лодочникъ.

— *Онъ! Онъ!* ³⁾ — отвѣтилъ чиновникъ и для лучшей наглядности растопырилъ предъ своимъ лицомъ всѣ десять пальцевъ. «Десять франковъ бакшишу! Нѣтъ, это ужъ чересчуръ!» И я рѣшительно сдѣлалъ ему отрицательный знакъ рукой.

— Эй! — прищомкнулъ языкомъ чиновникъ и, ухвативъ за носовую цѣпь нашъ канкъ, притянулъ его къ себѣ на буксиръ, причемъ, обратясь ко мнѣ, произнесъ авторитетно-начальственнымъ тономъ «арестъ! арестъ!», а затѣмъ крикнулъ что-то моему лодочнику.

— Куда-же это онъ тащить насъ? — спрашиваю послѣдняго.

— *A la douanne, monsieur... à la douanne.*

— Эй, мосью! — говоритъ мнѣ черезъ мину-ту чиновникъ изъ своего кайка, ужъ нѣсколько смягченнымъ тономъ. — *Буле су донѣ онъ франки?* — И опять показываетъ десять растопыренныхъ пальцевъ. *Онъ франгларинъ отъ нитъ!* ⁴⁾

Я отрицательно качаю головой.

— Эй! — цмокнулъ онъ опять по-турецки. Мосью!.. эй, мосью!.. донѣ секизъ франга... Секизъ? И показать мнѣ уже восемь пальцевъ. *Дуа карбонъ* ⁵⁾ — прибавилъ онъ въ поясненіе.

Мнѣ было крайне досадно испытывать на себѣ всю эту наглость; но я рѣшился не отвѣчать болѣе ни словомъ, ни жестомъ, ни даже взглядомъ на всѣ вымолательства и выторговыванія этого чиновника.

— Эй, бана-б-ка ⁶⁾. Мосью! — кричитъ онъ снова. — *Беши фрэнки!* беши!.. Га? — и показываетъ уже пять пальцевъ: — *беши франгларинъ, ва дэфъ ола!* ⁷⁾

Я не отвѣчаю.

— Э-э-э! Шайтанъ-оглу! Аршъ гюмрюки-де! ⁸⁾ — вспылчиво крикнулъ онъ, покраснѣвъ отъ досады, и уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ потянулъ мой канкъ къ таможенной пристани.

Въ это время по сосѣдству на желѣзнодорожной станціи послышался звукъ перваго звонка. Во всякомъ случаѣ я уже опоздалъ на поѣздъ и потому, сколь ни досадно было, рѣшилъ себѣ твердо, что бы ни случилось далѣе, сохранить полное хладнокровіе, самообладаніе и спокойно ждать, что изъ всего этого выйдетъ. Дѣло, повидимому, начинало принимать оборотъ, хотя и непріятный, но весьма любопытный.

Арестовавшій меня чиновникъ первымъ выпрыгнулъ на пристань, не выпуская изъ руки цѣпь нашего кайка, и затѣмъ кивкомъ головы пригласилъ меня послѣдовать за собою. Одинъ изъ таможенныхъ сторожей сунулъ-было предложить мнѣ свои услуги и подставилъ руку, но я обошелся и безъ его предупредительной помощи, что однако-же не помѣшало ему тотчасъ-же настоятельно потребовать съ меня бакшишъ, равно какъ и мнѣ не помѣшало оставить это требованіе безъ удовлетворенія. Сторожъ только обругался вослѣдъ мнѣ весьма энергически, съ употребленіемъ популярной турецкой «*ангны-сикмекъ*».

Моего чиновника и меня тотчасъ же обступила кучка какихъ-то разношерстныхъ личностей, среди которыхъ были и чиновники, и

¹⁾ Йокъ — нѣтъ.

²⁾ Сколько-же франковъ?

³⁾ Десять.

⁴⁾ Десять франковъ и ступай себѣ!

⁵⁾ Два пѣльковыхъ.

⁶⁾ Эй, стой!

⁷⁾ Пять франковъ, и убирайся!

⁸⁾ Эй, чортъ сынъ! Маршъ въ таможню!

сторожа, и драгили, и носильщики—турки, греки и армяне. Между ними завязался оживленный разговор, предметом которого, судя по кивкам на меня и любопытным взглядам, обращенным на захваченных у меня вещи, служили как моя особа, так и все обстоятельства моего ареста. Жестыкуляция, выражение лица, тонъ голоса, поза—все это ясно свидѣтельствовало, что чиновникъ похвально предъ досужими слушателями моимъ арестомъ и чуть-ли даже не придаетъ особенно важное значеніе своему поступку. Все это длилось нѣсколько минутъ, пока, наконецъ, онъ не дотронулся до моего плеча, проговоривъ тономъ приказанія: *«бизимъ иле гелъ гайда!»*¹⁾.

Въ сопровожденіи всей компаніи слушателей мы вошли въ раскрытыя ворота и очутились за желѣзной рѣшеткой, таможеннаго двора, мощенаго плитами. Случайно оглянувшись назадъ, я не безъ удивленія увидѣлъ, что непосредственно за мной слѣдуетъ часовой аскеръ съ ружьемъ на перевѣсь и къ ружью штыкъ прикинутъ. Не замѣтилъ я, какъ и когда услѣдъ приставить ко мнѣ этого стража, но его присутствіе могло достаточно убѣдить меня, что я тутъ нахожусь въ положеніи дѣйствительнаго арестанта и что проступокъ, учиненный мною, должно быть, носить уголовный характеръ.

Привели меня въ какую-то тѣсную горенку, входъ въ которую былъ прямо со двора и гдѣ засѣдало, повидимому, въ полной праздности человекъ десять какихъ-то чиновниковъ, курившихъ и курившихъ папироски. Опять пошли разговоры и рассказы моего «гюмрюкчу», въ продолженіе которыхъ происходило общее разсматриваніе и оцѣниваніе моихъ покупокъ. На вопросъ мой, нѣтъ-ли между ними кого, кто говоритъ по-французски, не послѣдовало ни малѣйшаго отвѣта. Я повторилъ тотъ же вопросъ нѣсколько настойчивѣе, но ни одинъ изъ чиновниковъ не кинулъ на меня даже мимолетнаго взгляда. Полный нуль вниманія. Но вотъ, наговорившись всласть, «гюмрюкчу» опять сгребъ подъ мышку мои вещи, покрежнему дотронувшись до моего плеча, буркнулъ *«гид!»* и опять повелъ меня куда-то. Гляжу, аскеръ со штыкомъ неоступно слѣдуетъ за мной.

Пришли въ какое-то другое помѣщеніе, что-то въ родѣ сарая или небольшого барака, гдѣ было уже менѣе чиновниковъ. Здѣсь опять начались, повидимому, все тѣ же разговоры, та же похвальба, то же разсматриваніе моихъ вещей, тоже верченіе и куреніе папиросокъ, пока, наконецъ, минутъ двадцать спустя, не повели меня черезъ дворъ въ противоположный каменный флигель. Мы поднялись по грязной деревянной лѣстницѣ во второй этажъ и остановились на площадкѣ передъ дверью, кото-

рая сплошь была завѣшана грязнымъ распрегрязнымъ ватнымъ одѣяломъ, настолько засаленнымъ, что и прикоснуться къ нему противно. Мой «гюмрюкчу» не безъ почтительной осторожности приподнявъ полу этого одѣяла и, предварительно заглянувъ изъ-за нея въ комнату, переступилъ на цыпочкахъ порогъ, съ видимыми знаками благоговѣнія предъ кѣмъ-то. Онъ кивнулъ мнѣ, приглашая слѣдовать за собой. Часовой остался по ту сторону завѣсы.

Помѣщеніе, куда ввели меня теперь, представляло небольшую комнату съ довольно низкимъ потолкомъ. Здѣсь жужжало множество мухъ и стояла подавляющая духота, несмотря на раскрытыя окна. Прямо противъ двери, между окнами противоположной стѣны, помѣщалось широкое бархатное кресло, къ которому сбоку придвинутъ былъ низенькій столикъ съ письменнымъ приборомъ. Больше никакой мебели не было. Въ этомъ креслѣ, поджавъ подъ себя ноги, возсѣдалъ какой-то пожилой господинъ въ фескѣ и въ сюртукѣ партикулярнаго покроя. Воротъ рубахи его, равно какъ и штаны, были разстегнуты довольно безцеремоннымъ и веряшавымъ образомъ. Передъ кресломъ на цыновкѣ, сплошь покрывавшей полъ, валялись туфли этого господина, и надо сознаться, что разутыя ноги его распространяли по душной комнатѣ запахъ, далеко не напоминавшій ароматъ восточнаго розоваго масла.

На поклонъ мой, сдѣланный при входѣ изъ простой, обычной вѣжливости, я не удостоился получить съ его стороны ни малѣйшаго отвѣта, хотя онъ и окинулъ меня съ головы до ногъ прищуренными глазами. Такого рода пріемъ далъ мнѣ понять, что я приведенъ, вѣроятно, къ весьма важной, начальственной особѣ, и можно было думать, что предположеніе мое не лишено основательности, потому что вдоль одной изъ стѣнъ я замѣтилъ трехъ-четырехъ чиновниковъ, стоявшихъ въ официально-почтительной позѣ, т. е. потупивъ нѣсколько головы и сложивъ на животѣ руки, а пятый чиновникъ, съ боку начальничьяго кресла, присѣвъ на корточки, подымалъ съ полу одну за другою какіе-то форменныя бумаги и, лизнувъ каждую языкомъ, прикладывалъ къ нимъ печать, которая по турецкимъ порядкамъ замѣняетъ подпись начальника. Здѣсь мнѣ пришлось около четверти часа ожидать своей очереди, такъ какъ джентльменъ съ разутыми ногами занять былъ разбирательствомъ какого-то дѣла. Передъ нимъ стояли два болгарина, вѣроятно, изъ числа возвращаемыхъ нынѣ изъ Малой Азіи. Они переворачивали старый, вылинившій и уже довольно дырявый коверъ, какіе здѣсь нерѣдко употребляютъ для постельной подстилки въ дорожныхъ ночлегахъ. Сколько можно было понять по обстановкѣ, они были арестованы имен-

¹⁾ Иди за нами! Ступай.

но за этот коверъ, вѣроятно, сочтенный контрабандою, потому что его не возвратили болгарамъ, несмотря на всѣ ихъ смиренныя просьбы и доказательства. Кончилось тѣмъ, что одинъ изъ чиновниковъ, по приказанію разутаго господина, отдавъ ему предварительно глубокий восточный поклонъ, вытолкнулъ облохъ болгаръ въ шлю за дверь, а коверъ свернули и бросили въ уголъ.

Послѣ этого наступила моя очередь.

Арестовавшій меня «гюмрюкчу» въ наипочтительнѣйшемъ согбеніи приблизился на цыпочкахъ къ особѣ, воссѣдавшей въ креслѣ, отдавъ ей обычнымъ жестомъ благоговѣйный поклонъ и повергъ къ ея стопамъ мои вещи, положивъ ихъ на пыльный полъ, рядомъ съ туфлями. Засмѣвъ, не измѣняя своей почтительной позы, онъ началъ докладъ о моемъ арестѣ и при этомъ разворотилъ всѣ мои покупки, волоча ихъ по пыльной цыновкѣ и подавая одну за другою разутому джентльмену, который со всѣхъ концовъ перепробовалъ на ошущь сперва салфетку, потомъ табуретныя покрываши и, наконецъ, прикинулъ по рукѣ особо каждую пилуку изъ оружія, швыряя все это по мѣрѣ осмотра на полъ. Нельзя сказать, чтобы эти господа умѣли обращаться съ взятыми произведеніями съ должной бережливостію: ихъ волочили по полу, какъ простыя стельки, хотя ни въ швыряньи, ни въ волоченьи не настояло равно никакой надобности, и осмотръ, самый строгій и подробный, легко могъ быть произведенъ безъ подобныхъ приѣмовъ. Когда окончилась вся эта процедура, разутый джентльменъ мановеніемъ руки подзвалъ къ себѣ одного изъ чиновниковъ и тихимъ голосомъ сказалъ ему что-то. Тотъ, отдавъ своему патрону почтительный поклонъ, обратился ко мнѣ по-турецки съ какимъ-то вопросомъ. Я выразилъ знаками, что не понимаю его, и спросилъ въ свой чередъ, не говоритъ-ли онъ или кто другой изъ находящихся здѣсь по-французски. Смыслъ моихъ словъ, повидимому, поняли, потому что черезъ минуту былъ позванъ переводчикъ. Это оказался какой-то молодой грекъ, съ усиками и въ темно-вишневой фескѣ, изъ числа служащихъ въ таможенѣ; съ перваго взгляда въ немъ ясно сказывался франтъ того нѣсколько аляповатаго и какъ-бы лакейскаго шика, какихъ вѣдальщиковъ можно видѣть на Перѣ между почитателями кофеенъ. Онъ предсталъ предъ разутаго господина тоже со всѣми знаками смиренного почтенія и, благоговѣйно склонивъ голову, ожидалъ, что соблаговолитъ изречь ему эта важная особа.

Помедливъ съ минуту въ какомъ-то созерпательномъ раздумьи и отеревъ носовымъ платкомъ далеко не первой свѣжести свое потное лицо, важная особа медлительно процѣдила ему наконецъ какія-то слова, послѣ чего тотчасъ же было приступлено къ моему допросу.

Разутый джентльменъ задавалъ свои вопросы исключительно переводчику, не обращаясь ко мнѣ ни единымъ взглядомъ, словно-бы меня тутъ и не было, и мнѣ показалось, что онъ продѣлываетъ все это чуть-ли не нарочно, дабы дать мнѣ почувствовать, что онъ особа слишкомъ важная, для того чтобы снизойти до какого-то глаура и удостоить его своимъ непосредственнымъ вниманіемъ. А, впрочемъ, быть можетъ, я и ошибаюсь: быть можетъ, оно такъ и слѣдуетъ по правиламъ турецкаго служебнаго этикета.

Первый вопросъ, предложенный мнѣ черезъ переводчика, касался моей національности.

Я отвѣчалъ, что я — русскій.

— Изъ состава дѣйствующей арміи?

Отвѣтъ утвердительный.

— Вашъ чинъ, имя и мѣсто службы?

Я назвалъ все, что требовалось, а молодой грекъ, передавая это своему патрону, почему-то произвелъ меня изъ *lieutenant-major* онъ въ *мири алаи*, т. е. въ полковники, повысивъ ровно на два чина. Но—надо сознаться, что ни заявленіе мое о принадлежності къ русской національности и къ составу російской императорской гвардіи, ни даже самопроизвольно данный мнѣ чинъ мири-алаи ни мало не воздѣйствовали на разутаго господина: степень вѣжливости и вниманія его ко мнѣ не измѣнилась ни на йоту.

— Паша спрашиваетъ васъ,—продолжалъ переводчикъ,—откуда вы взяли эти вещи?

Я отвѣчаю, что купилъ въ Стамбулѣ, на базарѣ.

— Когда вы ихъ купили?

— Сегодня.

— Въ которомъ часу?

— Между полуднемъ и часомъ дня.

— Есть у васъ свидѣтели?

— Т. е. свидѣтели чему?—спросилъ я, въ свою очередь, не ясно понявъ, что именно подразумеваетъ онъ въ этомъ вопросѣ.

— Мы... свидѣтели,—замаялся грекъ, улыбаясь съ нѣкоторой застѣчивостію,—свидѣтели тому, что эти вещи дѣйствительно куплены вами.

Я невольно вспыхнулъ отъ негодованія: «Чортъ возьми! въ кражѣ подозреваютъ они меня, что-ли?!» Но я постарался перемочь, переломить себя, призвавъ на помощь весь запасъ силы воли и благоразумія.

— Передайте вашему пашѣ,—сказалъ я,—что послѣ моего заявленія о томъ, кто я такой, я считаю его вопросомъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ.

— *Oh, pardon, pardon monsieur!*—торопливо залепеталъ переводчикъ,—вы не такъ это поняли... Это не болѣе, какъ обыкновенный вопросъ изъ числа формальныхъ... Это просто форма... Здѣсь это такъ слѣдуетъ... Это ничего и, вѣрьте мнѣ, ровно никакого значенія не имѣетъ.

— Если не имѣетъ значенія, — возразилъ я, — то вѣтъ смысла и спрашивать подобныя вещи.

— Да, но... это обычная форма, обойти которую мы не можемъ... Это такой порядокъ, — что-жъ дѣлать! — и конечно, вы не пожелаете нарушать наши служебные порядки.

Я невольно усмѣхнулся.

— Конечно, вѣтъ, — отвѣчалъ я, — и если это ужъ такъ необходимо для порядка, то могу вамъ сказать, что свидѣтели у меня есть, а именно: мой комиссіонеръ и купцы, у которыхъ я купилъ эти вещи.

— Паша желаетъ знать, — продолжалъ грекъ, выслушавъ новую реплику со стороны разутаго господина, — можете-ли вы указать тѣ лавки, гдѣ эти вещи куплены?

— Да, я знаю эти лавки и указать ихъ могу-бы.

— Паша желаетъ знать еще, сколько вы заплатили за все это?

— За вышитыя ткани сто шестнадцать франковъ, а за оружіе восемьдесятъ.

— Паша требуетъ, чтобы вы ему на каждой вещи назвали особю ея цѣну... Потрудитесь показать его превосходительству эту скатерть и прочее.

Нечего дѣлать, — показываю и цѣну каждой вещи называю. Здѣсь паша впервые удостоилъ меня непосредственнымъ своимъ вниманіемъ: замѣтилъ онъ на моей рукѣ бирюзовое кольцо и сталъ тыкать въ него пальцемъ, бормоча какіе-то вопросы.

— Паша интересуется знать, гдѣ вы приобрѣли этотъ камень, — пояснилъ переводчикъ.

— А ему что за дѣло? — возразилъ я, — или моя бирюза также подлежитъ пошлинѣ, конфискаціи?

— Н-нѣтъ, этого я не думаю... Нѣтъ, на этотъ счетъ вы будьте покойны: паша просто интересуется. Потрудитесь отвѣтить, потому что его превосходительство ожидаетъ вашего отвѣта.

— Значитъ, и это также входитъ въ кругъ вашихъ «формальныхъ вопросовъ»?

— Нѣтъ, но у него есть тоже бирюзовый камень.

При этомъ онъ съ глубокою почтительностью, какъ-бы *осматриваясь*, указалъ на палецъ пашы, на которомъ зеленѣла плоская бирюза довольно плохого качества, въ аляповатой золотой оправѣ.

— Такъ что-жъ изъ того, что есть? — невольно пожалъ я плечами.

— Ну, вотъ, онъ поэтому и интересуется, гдѣ вы купили такой камень — въ Стамбулѣ, или въ Перѣ?

— Скажите ему, что въ Россіи.

Паша, получивъ этотъ отвѣтъ, зацѣлкалъ языкомъ, заекалъ, замоталъ головой, выражая этимъ чуть-ли не явное недовѣріе.

— Паша очень удивленъ, — пояснилъ переводчикъ, — онъ сомнѣвается, водится-ли въ Россіи бирюза.

— Можетъ оставаться при своемъ сомнѣніи, если ему такъ хочется, — отвѣчалъ я, но сомнѣваюсь, чтобы юный грекъ передалъ ему эту фразу; напротивъ, по тону его словъ я могъ догадаться, что онъ удостовѣряетъ пашу отъ моего имени, что бирюза въ Россіи водится.

Разутый господинъ, глядя на мое кольцо, опять зацѣлкалъ и защелкалъ языкомъ, но уже, показалось мнѣ, въ одобрительномъ смыслѣ, и дѣйствительно, я не ошибся, потому что переводчикъ, обратясь ко мнѣ, заявилъ, что паша очень хвалитъ мою бирюзу, что она ему весьма нравится, и сказалъ это такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ выразить мнѣ самый большой комплиментъ.

— Очень хороший камень! — прибавилъ онъ, зарясь на кольцо глазами, — и пашѣ, вѣроятно было-бы очень пріятно даже помѣняться съ вами, хотя у него тоже очень хорошая бирюза.

— Это онъ или вы мнѣ предлагаете? — спросилъ я.

— Нѣтъ, это я... я самъ, отъ своего собственнаго лица, — поспѣшилъ завѣрить меня переводчикъ. — Но я думаю, — продолжалъ онъ, — что пашѣ было-бы очень пріятно, если для васъ это все равно. Не хотите-ли?... Я предложу ему отъ вашего имени, т. е. какъ будто вы сами хотите предложить ему обмѣнъ на добрую память?... а?... хотите?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я этого вовсе не желаю, — поспѣшилъ я отказаться.

— Гм... жаль... жаль! — проговорилъ грекъ въ раздумьи, словно охотникъ, давній промахъ по бекасу, — очень жаль... А его превосходительству было-бы очень, очень пріятно...

Между тѣмъ паша кончилъ обзоръ моихъ вещей и опять погрузился въ созерцательное раздумье... А духота ужасная, неотвязчивыя мухи лѣзутъ въ глаза, пристають, надоедаютъ, жужжать на тусклыхъ стеклахъ оконъ, и тонкій ароматъ лимбургскаго сыра чуть не до одури распространяется по тѣсной горницѣ. Прошло минуты три, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ разутый джентльменъ соблаговолилъ изречь переводчику свой авторитетный приговоръ.

— Паша дѣлаетъ намъ честь, положивъ свое рѣшеніе, — передалъ мнѣ послѣдній. — Онъ приказываетъ объявить вамъ, что ткани вы можете получать обратно, но не иначе, впрочемъ, какъ заплативъ за нихъ предварительно двойную пошлину; а эти остальные вещи остаются здѣсь: онѣ конфискуются.

— Какъ конфискуются?! Почему? На какомъ основаніи?

— Потому что это оружіе.

Сколь ни досадно было, но я невольно разсмѣялся.

— Помилуйте!—говорю—какое-же это оружие! Оно, точно, было оружием въ XV и XVI вѣкѣ, но теперь это не болѣе какъ археологическая рѣдкость, годная для музея или для кабинетнаго украшенія. И развѣ возможно приравнивать подобныя вещи къ вашимъ Пшибода, Мартини и вянчестеркамъ?

— Да, но .. всё-таки это оружие. Такъ заявляетъ паша и полагаетъ, что вѣдь вы не можете-же утверждать, что это прилки и маслобойки или принадлежности дамскаго туалета.

— Но вѣдь и паша не можетъ серьезно думать, что мы пойдѣмъ съ этими топориками и булавою брать Константинополь!

— *Силляжъ, яракъ! Ханджаръ мисракъ, балтасы! Яракъ!*¹⁾—покачивая головой и указывая пальцемъ на каждую вещь отдѣльно, бормоталъ межъ тѣмъ паша утвердительно и настойчивымъ тономъ.

— Вотъ видите, видите, — пояснялъ мнѣ шустрый грекъ,—паша изъясняетъ, что во всякомъ случаѣ это—оружіе. Эти вещи носятъ названіе оружия и потому, на основаніи закона, должны быть конфискованы.

— Но позвольте,—возразилъ я,—въ такомъ случаѣ зачѣмъ же допускается открытая продажа ихъ на базарѣ?

— Э,—цмокнулъ грекъ языкомъ и мотнулъ головой; мало-ли что на базарѣ продается!.. Здѣсь не базаръ, а таможня... На базарѣ свои правила, а у насъ свои. Намъ до базара нѣтъ никакого дѣла: тамъ своя администрація, а мы только исполняемъ прямую свою обязанность.

Что было возражать противъ подобной логики! Очевидно всѣ доводы были-бы здѣсь совершенно напрасны. Но меня уже чисто подлётантски интересовалъ еще вопросъ: на какомъ основаніи взимается съ меня пошлина, да еще двойная, въ видѣ штрафа за мѣстныя турецкія же произведенія?

— Я понимаю,—сказалъ я,—что за эти ткани съ меня могли-бы взять пошлину въ Одессѣ, въ Марсели, въ Триестѣ, словомъ гдѣ угодно, но только не на турецкой территоріи и не въ Стамбулѣ, гдѣ онѣ куплены на базарѣ. Это противно всѣмъ основнымъ таможеннымъ принципамъ, противно самой системѣ вшей.

Но грекъ съ нашимъ только языкомъ пощелкивалъ да моталъ вверхъ головами,—«толкуй, молъ, сколько хочешь! насъ не переубѣдишь!» и наконецъ паша приказалъ объявить мнѣ, что если я не желаю заплатить двойную пошлину, то и тканей своихъ не получу; онѣ останутся подъ арестомъ впредь до уплаты.

Я заявилъ, что такіе дѣйствія считаю насильемъ и буду жаловаться русскому консулу, а мнѣ отвѣчали на то: сколько угодно и кому угодно.

Тогда я потребовалъ, чтобы мнѣ, по крайней мѣрѣ, выдали квитанцію, что у меня-де конфискованы и арестованы такіе-то и такіе-то вещи, дабы явиться съ ней къ консулу, какъ съ документальнымъ основаніемъ для моей жалобы.

Отвѣчаютъ, что никакой росписки, никакой квитанціи и вообще никакого документальнаго удостовѣренія мнѣ не выдадутъ. Почему? «Потому что у насъ это не принято, да и закона нѣтъ такого, который обязывалъ-бы дѣлать это».

— Но долженъ-же я представить консулу какое-нибудь удостовѣреніе въ основательности своей жалобы!

— А, это уже ваше дѣло; это до насъ не касается.

— Но если вы дѣйствуете совершенно законно, то что-же мѣшаетъ вамъ выдать мнѣ квитанцію?

— А, мой богъ! Помѣхи нѣтъ, но повторяю вамъ, у насъ это не принято, и потому вы ни отъ кого и ни въ какомъ случаѣ квитанцію здѣсь не получите.

Что оставалось дѣлать!—Бросить въ таможню всѣ вещи и слѣпить съ жалобой въ консульство? Полагаю, что на моемъ мѣстѣ французъ, нѣмецъ, а ужъ про англичанина нечего и говорить—непремѣнно поступилъ-бы такъ. Но... мы, русскіе, вообще, испоконъ вѣка такъ не избалованы степенью участія къ намъ своихъ официальныхъ лицъ и такъ мало привыкли вѣрить въ свое собственное, хотя-бы и несомнѣнное право, что, признаюсь откровенно, я не надѣялся встрѣтить какое-либо участіе ко мнѣ и не рассчитывалъ даже на мажорный успѣхъ своей жалобы. Я склоненъ былъ думать, что по извѣстной російской привычкѣ къ ней отнесутся совершенно безразлично. Поэтому вмѣсто того, чтобы терять все, и оружие и ткани, захотѣлось мнѣ выручить хотя-бы послѣдніе. Вслѣдствіе этихъ, невольно принеженныхъ въ голову, соображеній, я заявилъ, что, будучи вынужденъ обстоятельствами, я плачу требуемую съ меня пошлину, но оставляю за собой право жаловаться консулу на такое произвольное требованіе.—Увы! послѣднее заявленіе вызвало только усмѣшку на губахъ пани и переводчика, и эта усмѣшка послужила для меня подтвержденіемъ моего мнѣнія о полной бесплодности всякихъ официальныхъ жалобъ.

Переводчикъ сообщилъ, что паша «разрѣшаетъ» мнѣ внести двойную пошлину и получить ткани. Между тѣмъ паша, вѣроятно, нашелъ, что со мной ему нечего болѣе тратить драгоценное время своего служебнаго кейфа и потому далъ знакъ удалить меня изъ комнаты, а самъ, съ видомъ утомленія, закинувъ на спинку кресла голову, принялся съ наслажденіемъ пускать въ потолокъ струйки табачнаго дыма, слѣдя за ними прищуренными сонными глазами.

¹⁾ Оружіе, оружие! Кияжалъ копье, топоры! оружие!

Арестовавший меня «гюмрюкчу» тотчас-же подобрал съ пола въ охапку всё мои вещи, кивнулъ мнѣ, промолвя «гайда» — и я вышелъ въ сопровожденіи его и переводчика. Часовой со штыкомъ опять очутился за моею спиной.

— Кстати, по поводу этого аскера! — обратился я къ переводчику, указавъ на солдата, — скажите, пожалуйста, что это я арестованъ здѣсь, что-ли?

— Мм... какъ вамъ сказать, *mon cer* ¹⁾ *monsieur*, — отозвался онъ запинаясь, — и да, и нѣтъ, какъ вамъ угодно. Это сдѣлано на всякій случай, въ огражденіе вашей же собственной личности... Мало-ли что могло бы случиться!

— Но чему-жъ бы случиться, если я нахожусь не въ вертепѣ, а въ официальномъ правительственномъ учрежденіи?

— Да, это такъ, но... время теперь такое. Между тѣмъ меня повели съ лѣстницы черезъ дворъ въ какую-то новую для меня чиновничью конуру, потомъ въ другую, потомъ опять въ тотъ баракъ, гдѣ я уже былъ, потомъ опять черезъ дворъ, пока наконецъ не пришли мы въ какой-то полутемный сарай, перегородженный толстой деревянной рѣшеткой на двѣ половины. Во время всѣхъ этихъ странствий и переходовъ мой «гюмрюкчу», дотрогиваясь до моего плеча, то и дѣло командовалъ: «орай!», «бурдай!», «сагда!», «солда!» ²⁾ и когда наконецъ привели меня въ полутемный сарай, онъ остановилъ меня за руку, поставилъ къ рѣшеткѣ и проговорилъ внушительно: «бурда!» ³⁾. Я остановился, часовой — рядомъ со мной; «гюмрюкчу» въ то-же время ушелъ куда-то, захвативъ съ собой и всё мои вещи, а переводчикъ еще ранѣе этого исчезъ не вѣсть куда самымъ внезапнымъ и незамѣтнымъ образомъ.

И вотъ я стою рядомъ съ вооруженнымъ часовымъ въ полутемномъ сараѣ. Присѣсть рѣшительно не на что; вздумалъ-было пройтись по сараю (не стоять-же все на мѣстѣ!), но часовой тотчас-же остановилъ меня, загородивъ мнѣ путь своимъ ружьемъ. Нечего дѣлать, видно приходится ожидать стоя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ «гюмрюкчу» скомандовалъ мнѣ свою «бурду». Стою полчаса, стою часъ, никто не приходитъ. Закуривъ отъ скуки папироску, — ничего, не запретили. Между тѣмъ мало-по-малу собралась около меня цѣлая кучка турецкихъ таможенныхъ чиновниковъ; усѣлись они вокругъ меня на корточки и стали курить крученныя папироски. Сидятъ и глазѣютъ на меня, выпучивъ свои азиатскія бѣлыя; говорить что-то обо мнѣ и, должно быть, дѣлаютъ промѣжъ себя на мой счетъ весьма критическія и остроумныя замѣчанія, потому что,

судя по ихъ взорамъ и указательнымъ перстамъ, моя особа, со всѣми ея крупными и мелкими особенностями, видимо служитъ интереснымъ предметомъ ихъ бесѣды. Часовой, опершись на ружье, тоже свертѣлъ себѣ папироску и покуривая присоединился къ общему разговору. А разговоръ, надо быть, веселый: что-то ужъ очень часто смѣются, тыча на меня пальцами. Но все это, повидимому, было совершенно добродушно и какъ-то дѣтски-наивно, тѣмъ же менѣе стало мнѣ надоѣдать наконецъ. Проходить и еще одинъ часъ, а чиновники все-таки сидятъ вокругъ меня на корточкахъ и болтаютъ. По-истинѣ, надо изумляться этой ихъ способности сидѣть столько времени въ такой напряженной позѣ, но еще болѣе достойна удивленія ихъ охота къ полному бездѣлю: въ теченіе двухъ часовъ, которые я простоялъ въ сараѣ, ни одинъ человѣкъ изъ обшѣвшей меня кучки не занялся ровнехонько никакимъ служебнымъ дѣломъ. А между тѣмъ какая орава всяческихъ проходивцевъ служить въ этой таможенѣ! Тутъ кромѣ турокъ есть и греки, и евреи, и румыны, и армяне, много еще много международного сброда, который, какъ говорить, уже болѣе года не получаетъ ни пластра казеннаго жалованья, а между тѣмъ продолжаетъ служить или, вѣрнѣе говоря — тунеядствовать подъ видомъ службы, которая вмѣсто жалованья предоставляетъ ему полную и безнаказанную возможность ко всяческимъ вымогательствамъ и бакшишамъ.

Наконецъ, у дверей сарая показался пробѣгавшій куда-то переводчикъ. Я окликнулъ его — онъ остановился.

— Скажите, долго-ли-же мнѣ ожидать здѣсь?

— Сейчасъ, сейчасъ, *mon cer monsieur!* Сію минуту...

— Чего-же меня держатъ?

— Но... чиновники, взимающіе пошлину, отлучились куда-то... Надо подождать ихъ возвращенія. За ними уже послано, ихъ ищутъ и, вѣроятно, они скоро придутъ.

— Да не можетъ-ли, вмѣсто этихъ чиновниковъ, взять кто-нибудь другой?

— Конечно, могъ-бы, но это было бы не по правиламъ. А впрочемъ, подождите немного: я сейчасъ сбѣгаю и какъ-нибудь обдѣлаемъ это дѣло.

И онъ убѣжалъ куда-то, а минутъ пять спустя явился снова въ сопровожденіи двухъ какихъ-то чиновниковъ и моего «гюмрюкчу», который несъ за ними мои вещи.

— Все равно, я эти господа тоже могутъ принять пошлину, поленилъ мнѣ переводчикъ, — только вы, конечно не откажетесь поблагодарить ихъ какой-нибудь бездѣлицей за ихъ услугу?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, только отпустите меня поскорѣе!

¹⁾ Т. е. cher.

²⁾ Туда! сюда! направо, налево!

³⁾ Бурда — здѣсь.

Чиновники приступили къ дѣлу. Одинъ изъ нихъ, присѣвъ на корточки и развернувъ у себя на коленяхъ какую-то конторскую книгу, досталъ изъ-за поясного ремня мѣдную чернильницу турецкаго типа и приготовился что-то записывать. Другой съ видомъ знатока и оцѣнщика развернулъ и пересмотрѣлъ монетку и затѣмъ предложилъ мнѣ черезъ переводчика уплатить одинъ меджадіе пошлины.

И это изъ-за четырехъ съ половиной франковъ столько времени морить человѣка!

Я вынулъ полумперіаль и попросилъ сдачу, которой однако ни у кого въ наличности не оказалось. «Гимрюкчу» побѣжалъ къ мѣняламъ и пропалъ; но—надо отдать ему справедливость—пропалъ не совсѣмъ, а только на четверть часа. Вернувшись онъ самъ вручилъ меджадіе сборщику, а затѣмъ любезно подалъ мнѣ сдачу и ткани, примолвя: «бакшишъ, мосью... бакшишъ! Кѣлькъ багатылы!.. Уна франка!»

По истинѣ изумительная и притомъ какая-то наивная наглость! Онъ-же мнѣ всѣ эти неприятности надѣлалъ, и онъ-же теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, бакшишъ выпрашиваетъ!

Я потребовалъ, чтобы мнѣ выдали удостовѣреніе во взятіи пошлины за ткани. Чиновники стали переговариваться о чемъ-то и наконецъ объявляютъ мнѣ черезъ переводчика, что удостовѣренія выдать не могутъ, да оно вовсе не нужно, а дадутъ записку, въ которой будетъ сказано, что мнѣ разрѣшается свободный провозъ моихъ вещей до Салъ-Стефано. Это затѣмъ, пояснилъ переводчикъ, чтобы васъ оиить не задержалъ какой-нибудь досмотрщикъ.

Слава тебѣ Господи, хоть этого-то добился!

Кликнула писаря, приказали ему настрочить что слѣдовало въ данномъ случаѣ—и тотъ минутъ черезъ пять принесъ мнѣ ключъ исписанной бумажки съ печатью, не упустивъ при этомъ потребовать бакшишъ. Я далъ ему сколько-то шастровъ, и послѣ этого мнѣ объявили, что я—вполнѣ свободенъ.

Взявъ я свои вещи и пошелъ-было изъ сарая, но не тутъ-то было! Вся кучка обседавшихъ меня чиновниковъ, и даже мой часовой, обступили меня со всѣхъ сторонъ и настоятельно потребовали бакшиша и на свою долю. Я изъясняю намѣреніе воспротивиться этой послѣдней наглости и пройти мимо, какъ-бы не обращая на нихъ никакого вниманія, но—увъ!.. Обступили и не выпускаютъ,—ну, просто-таки не выпускаютъ, въ самомъ положительномъ смыслѣ этого слова, — протягиваютъ со всѣхъ сторонъ руки и галдятъ: «бакшишъ, бакшишъ, эфендишъ! бакшишъ!..» Чтобы отвязаться, пришлось уступить. Я вынулъ серебряный рубль и вручилъ его ближайшему чиновнику, указавъ ему знакомъ—

дѣлитесь, молъ, между собой, какъ знаете! И только послѣ этого послѣдняго «добровольнаго» пожертвованія почувствовалъ я себя дѣйствительно освобожденнымъ.

Переводчикъ пошелъ провожать меня на пристань.

— Если хотите, я для васъ постараюсь обдѣлать такъ, чтобы вамъ возвратили оружіе,—говорилъ онъ мнѣ на ходу таинственнымъ полупрошеототъ Вы пріѣзжайте сюда завтра около полудня и спросите меня... а впрочемъ, я и самъ буду поджидать васъ... Но только торопитесь: никакъ не позже завтрашняго дня, потому что иначе ваши вещи могутъ очутиться у какого нибудь паши въ кабинетѣ, и тогда уже ихъ никакимъ образомъ не выручить! Это я вамъ говорю между нами, по секрету... Понимаете?... А пока, *mon cher monsieur, soyez si bonne et si aimable, faites moi quelque petit cadeau... une toute petite bagatelle!.. S'il vous plait!* Я далъ ему за всѣ его услуги цѣлковый (меньшей монеты не случилось)—и франтоватый грекъ остался этимъ чрезвычайно доволенъ.

Было уже поздно; поэтому я рѣшилъ отправиться въ русское консульство завтра утромъ. Самого консула не было дома: глѣтомъ онъ живетъ на дачѣ въ Бужъ-Дере, но къ счастью, засталъ я въ консульствѣ секретаря, которому и объяснилъ мое дѣло.

— Это уже не первая исторія, — замѣтилъ онъ мнѣ. — Въ послѣднее время къ намъ постоянно постунають подобныя жалобы. Мы дадимъ вамъ драгомана и каваса, — отправляйтесь съ ними въ таможену, быть можетъ и удастся выручить ваши вещи сегодня же, а если нѣтъ, то нечего дѣлать! — надо будетъ заводить официальную переписку, и тогда вамъ придется обождать нѣсколько дней ихъ возвращенія.

Вскорѣ явились драгоманъ г. Папудовъ и консульскій кавасъ въ арнаутскомъ костюмѣ, съ которыми вмѣстѣ я и отправился. Пріѣзжаемъ. Г. Папудовъ ведетъ меня прямо въ кабинетъ директора таможни. Я думалъ, что это, вѣроятно, будетъ та-же самая душная комната, гдѣ вчера меня допрашивали, — анъ вмѣстѣ того приходимъ мы въ просторную свѣтлую залу, убранную на европейскій ладъ бархатною мебелью. На одномъ изъ креселъ сидѣлъ высокій плотный мужчина пожилыхъ лѣтъ съ весьма симпатичнымъ лицомъ, одѣтый по-европейски и притомъ съ безукоризненной чистотой. На столѣ, съ боку кресла, лежала куча бумагъ. Директоръ просматривалъ ихъ одну за другой и, по мѣрѣ прочтенія, бросалъ на полъ къ своимъ ногамъ, гдѣ, такимъ образомъ, накопилась та-же цѣлая куча, предъ которой — совершенно такъ-же, какъ вчера — сидѣлъ на корточкахъ какой-то чиновникъ и, облизывая каждую бумажонку, прикладывалъ къ нимъ

печати. Всмотриваюсь — ба! да это тотъ самый разутый господинъ, который вчера столь важно разыгрывалъ роль паша и начальника!.. Только теперь онъ былъ обутъ и, сверхъ того, принадлежности его туалета обрѣтались въ приличномъ видѣ и надлежащемъ порядкѣ. О почтительности къ начальству нечего и говорить: она вся выражалась въ этой позѣ на корточкахъ и въ слизываніи бумаги. Разутый господинъ оказался, однако, дѣйствительнымъ помощникомъ директора таможни, и если теперь сидѣлъ на корточкахъ, то надо думать, что и самъ директоръ въ свой чередъ сидитъ въ такомъ-же положеніи и также слизываетъ — передъ министромъ финансовъ или даже передъ какимъ-нибудь его ближайшимъ помощникомъ. Таковъ ужъ порядокъ турецкаго чиновничества.

Г. Папудовъ объяснилъ директору мое дѣло. Паша выслушалъ его полувнимательно, но благосклонно и приказалъ одному изъ торчавшихъ у стѣны чиновниковъ сейчасъ-же принести сюда вещи, а пока просилъ насъ сѣсть и обождать немного. Здѣсь уже, очевидно, господствовали и европейскій лоскъ, и европейскіе общежительные приемы. Пришлось однако ждать около получаса, пока-то наконецъ посланный чиновникъ не повергъ почтительно мои вещи къ ногамъ директора. Оказалось, что ихъ успѣли уже такъ далеко и хорошо упрятать куда-то и чуть ли даже не «эвакуировать», что не сразу и отыскать могли.

— Ну, какое-же это оружіе! — усмѣхнулся паша и любезно предложилъ мнѣ получить его сейчасъ же, выразивъ даже недоумѣніе, какимъ образомъ могла произойти со мною вся эта исторія.

— Изъ-за бакшиша! — пояснялъ ему г. Папудовъ и рассказавъ, какъ къ моему кайку присталъ сначала одинъ «гюмрюкчу» и получилъ франкъ, потомъ другой «гюмрюкчу» и получилъ тоже франкъ, наконецъ третій «гюмрюкчу», который захотѣлъ получить десять франковъ.

Паша слушалъ все это, но благосклонное вниманіе его сопровождалось такою благодушно-самодовольною улыбкой, какъ еслябы, напри-мѣръ, отцу стали рассказывать про милую, виновную и остроумную шалость его сына или

если бы ротному командиру начали выхвалять особенную лпхость и молодечество его солдатиковъ. Повидимому, паша, при всемъ своемъ европейскомъ лоскѣ, даже и не сознавалъ, есть ли что возмутительнаго и гнуснаго въ подобномъ поведеніи его подчиненныхъ.

Г. Папудовъ завелъ было рѣчь о несправедливо взятой съ меня пошлинѣ.

— О, да! это было совершенно несправедливо! Совершенно даже незаконно! — любезно согласился паша, — но... возвратить ее нѣтъ никакой возможности, потому что она уже занесена въ книги, записана на приходъ — и не марать же изъ за этой ошибки нашихъ книгъ, согласитесь сами! Да и одианъ меджидіе — это, въ сущности, такая ничтожная сумма, что г. офицеръ, вѣроятно, не станетъ настаивать на ея возвращеніи.

И дѣйствительно, настаивать было нечего. Хорошо еще, что хоть вещи-то удалось выручить, а ужъ о пошлинѣ и говорить не стоило!

Во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ недоразумѣній съ надсмотрщиками, паша приказалъ какому-то чиновнику лично проводить меня до желѣзнодорожной станціи, куда я торопился теперь на поѣздъ. Чиновникъ очень любезно подхватилъ мои вещи, донесъ ихъ до кареты, въ которую сѣлъ вмѣстѣ со мною, и, вручая мнѣ ихъ уже, когда я садился въ вагонъ, любезно протянулъ руку, примолвивъ выразительнымъ полушопотомъ «бакшишъ!»

Я далъ ему франкъ, за который онъ пожелалъ даже удостоить меня своимъ рукопожатіемъ, но, не встрѣтивъ съ моей стороны того же, удалился съ чувствомъ сознанія собственнаго достоинства.

И такъ, вся эта глупая, но тѣмъ не менѣе неприятная исторія произошла изъ за бакшиша, этого всеяднаго рычага въ Турціи. Но... какъ бы то ни было, а во всемъ этомъ, на сколько мнѣ кажется, интересно одно: какъ вы полагаете, читатель посмѣли-ль бы турки продѣлать ничто подобное съ германскимъ или французскимъ (не говорю уже съ англійскимъ!) офицеромъ?

Санъ-Стефано, 4-го іюня.

Наша будущая война.

(ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЯ ПИСЬМА).

I.

На Западѣ.

Ръчи генерала Скобелева неожиданно доставили богатую и довольно продолжительную тему какъ для газетныхъ толковъ, такъ и для разговоровъ въ обществѣ—въ салонахъ, кабинетахъ, въ клубахъ, и даже на базарахъ. И замѣчательно, что впечатлѣніе этихъ рѣчей сказалось за границей гораздо сильнее, чѣмъ у насъ дома.

Что это доказываетъ?

Только то, что Скобелевъ ударилъ нашихъ «друзей» по самому чувствительному мѣсту.

Онъ первый изъ авторитетныхъ русскихъ людей, съ покаянной прямою, рѣшился высказать громко, на весь міръ, что мы, русскіе, хотя и не желаемъ войны, но и не боимся ея, и въ особенности не боимся войны съ нашимъ могущественнымъ сосѣдомъ, еслибы эта война, противъ нашей воли, была намъ навязана самимъ-ли сосѣдомъ непосредственно, или же его поощрительными, въ явный ущербъ намъ и славянамъ, науськиваніями Австро-Венгрии къ поступательной антиславянской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сколь-бы сами по себѣ ни отрещивались отъ войны, мы будемъ къ ней вынуждены, въ силу независимости отъ нашей воли обстоятельствъ.

Къ такой необходимости, какъ кажется, и желаютъ насъ вынудить именно теперь, пока мы, по убѣжденію нашихъ сосѣдей, еще не вполне окрѣпли послѣ послѣдней войны съ Турціей. Такое побужденіе со стороны нашихъ сосѣдей вполне понятно: если бить насъ, то именно теперь, пока мы, по ихъ заключеніямъ, еще не *готовы* къ отпору. Каждый годъ промедленія съ ихъ стороны служилъ бы только къ нашей выгодѣ, къ нашему усиленію и, стало быть, къ уменьшенію ихъ собственныхъ шансовъ. Но къ этимъ соображеніямъ у сосѣдей примѣшивается и еще одна надежда: они полагаютъ, а нѣкоторые изъ нашихъ газетъ своими близорукими lamentаціями въ извѣстномъ родѣ и еще болѣе утверждаютъ ихъ въ томъ, будто мы уже до такой степени ослаблены послѣдней войной и нашими внутренними затрудненіями по части финансовъ и нигилистовъ, что, что бы ни предприняла Австро-Венгрія, съ благословенія князя Би-

смарка, на Балканскомъ полуостровѣ, въ явное нарушение Берлинскаго трактата, мы будемъ сидѣть, покорно сложивъ руки, и не посмѣемъ возвысить свой голосъ даже въ чисто платоническомъ протестѣ какой-нибудь дипломатической нотой, такъ что имъ можно будетъ легко достигнуть всѣхъ своихъ желаній и цѣлей даже и безъ войны съ Россіей.

Еще со времени окончанія Берлинскаго конгресса, въ нѣмецкой прессѣ установилась дрянная замашка пугать и застрашивать насъ возможностью вооруженнаго германскаго нашествія на Россію, въ компаніи съ цѣлой клякой союзниковъ, къ которымъ въ послѣдніе дни стали причислять уже и маленькую Сербію. Этотъ маневръ не только со стороны прессы, но иногда и со стороны ея политическихъ вдохновителей, повторяется каждый разъ, чуть только мы, въ вопросахъ ли нашего тарифа, въ военныхъ ли мѣропріятіяхъ, въ желѣзно-дорожной ли политикѣ, въ остзейскихъ ли, славянскихъ ли дѣлахъ, и проч.,—завяжемъ намѣреніе слѣдовать исключительно своимъ собственнымъ интересамъ. Другими словами: каждый разъ, что мы хотимъ быть *самими собой*, жить для себя, стать на свою національную почву, насъ считаютъ нужнымъ припугивать либо нигилистами, либо перспективой войны съ Германіей и ея союзниками, а чаще всего тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Удивительнѣе всего то, что этотъ дрянной приемъ перѣдко достигаетъ своей цѣли, въ особенности благодаря тѣмъ добровольнымъ или закупленнымъ прихвостнямъ «западной идеи», которые у насъ дома, въ нѣкоторыхъ органахъ печати, и въ обществѣ, и на биржѣ, и въ сферахъ еще болѣе вліятельныхъ, каждый разъ въ такихъ случаяхъ поднимаютъ гвалтъ, вторя съ чужого голоса нѣмецкимъ запугиваніямъ и еще пуще усердствуя, уже отъ себя, размазывать грозящія намъ напасти, предупредить которыя будто бы только и можетъ скорѣйшее обращеніе Россіи на путь «правовыхъ порядковъ» въ западно-европейскомъ вкусѣ. При каждой прямой или косвенной угрозѣ изъ-за границы, у насъ, въ извѣстной части печати и общества, на ней воспитаннаго, тотчасъ поднимаются панические возгласы:—«Нашъ курсъ! нашъ несчастный курсъ!.. Помяните, берлинская биржа, еще прежде объявленія войны, можетъ довести насъ до окончательнаго банкротства!.. Нѣмцы отхва-

тять у насъ Западный край и Прибалтійскія провинціи равнѣ, чѣмъ мы успѣемъ мобилизовать нашу армію, Австрія займуть Подолію и Волынь, Румыны—Бессарабію, Турки—Балканскіе проходы... Въ Польшѣ подымется новое возстаніе... на Кавказѣ возстаніе... у себя—нигилисты... Насъ отодвинуть на двѣсти лѣтъ назадъ, за Двину, за Днѣпръ, и т. д., и т. д.»—Знакомыя все рѣчи...

Однако, полно, такъ ли, это господа?

Вѣрите ли вы сами, въ глубинѣ души-своей, во все то, о чемъ каждый разъ находите нужнымъ увѣрить и вопіять въ своихъ газетахъ и въ обществахъ? Не пользуетесь ли вы всѣмъ этимъ, какъ еще однимъ лишнимъ аргументомъ въ своихъ домогательствахъ о водвореніи въ Россіи жидо-плутократо-адвокатскихъ и барскихъ «правовыхъ порядковъ», купно съ политикою обособленія окраинъ?.. Если это такъ, то ваша роль понятна, въ силу извѣстнаго принципа, по которому «всѣ средства хороши, лишь бы вели къ предназначенной цѣли»; если же вы просто трусите, то это... неблагоразумно, потому что результатъ, вами достигаемый, какъ разъ противоположенъ нашему чувству и вашимъ добрымъ намѣреніямъ. У себя дома ваши крики только обиваютъ съ толку людей, не имѣющихъ своего опредѣленнаго мнѣнія и правильнаго, всесторонняго пониманія взаимныхъ отношеній Россіи и Европы, а за-границей вы только вводите въ заблужденіе нашихъ сосѣдей, внушая имъ ложную мысль, будто Россія боится войны съ ними, и тѣмъ самымъ какъ бы подталкивая ихъ на такое рискованное предпріятіе.

Пора, наконецъ, бросить это недостойное поведение, и если дѣйствительно опасность войны существуетъ, то обществу надо взглянуть на нее прямо, трезвымъ умомъ, и не смущаясь страхами биржевиковъ и вздорными возгласами нѣмецкихъ прихвостней.

Прежде всего — не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ, и не такъ уже мы ничтожны, какъ желательно въ томъ увѣрить насъ австро-германскимъ благопріятелямъ нашимъ и ихъ російскимъ прихвостнямъ, увѣряющимъ, что безъ «правовыхъ порядковъ», этой, будто бы, панацеи противъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ золъ и внѣшнихъ опасностей, мы окончательно пропадемъ.

Говоря, что не такъ страшень чортъ, я отнюдь не желаю ни на юту умалить превосходныхъ боевыхъ качествъ германской арміи, ея образцовой организаціи, ея способности мобилизоваться гораздо быстрѣе насъ, ея высокаго патристическаго духа, ея боевой опытности, военнаго гения ея вождей и той популярности, какую несомнѣнно будетъ имѣть въ ея рядахъ — по крайней мѣрѣ, на первое время — война съ Россіей. Нечего скрывать отъ себя: въ лицѣ Германіи намъ предстоитъ самый

серьезный противникъ, какого еще не представляла наша исторія послѣ татарскаго ига, ибо это будетъ борьба не за жизнь или за смерть, *борьба за существованіе*, и потому для насъ она необходимо станетъ борьбой *народной*, въ полномъ смыслѣ этого слова, да ино и быть не можетъ.

Накликать ее не зачѣмъ, но и малодушничать нечего.

Взглянемъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на положеніе Германіи и наше, въ случаѣ, если бы она пошла на разрывъ съ нами.

Стратегическая система желѣзныхъ дорогъ, рядъ пограничныхъ крѣпостей, служащихъ для арміи опорными складочными пунктами, быстрота мобилизаціи, довольно густое нѣмецкое населеніе въ за-вислинской части Польша и двѣ линіи такого же колонизаторскаго нѣмецкаго населенія, идущія въ направленіи — одна на Динабургъ, другая на Брестъ и Вобруйскъ, — все это, конечно, даетъ нашему противнику великія выгоды и преимущества, въ особенностѣ на первое время по объявленіи войны. Нѣтъ сомнѣнія, что со стороны Германіи это будетъ война наступательная, потому что какой же расчетъ нѣмцамъ ожидать насъ у себя дома, давая намъ лишнее время на мобилизацію, и предоставлять ужасамъ войны свою собственную территорію! — Простая логика указываетъ, что ихъ расчетъ только въ томъ и можетъ состоять, чтобы, быстрымъ наступленіемъ занявъ Польшу, Литву и Прибалтійскій край, покончить съ нами войну двумя-тремя рѣшительными ударами, нанесенными нашей регулярной арміи, стараясь при томъ разрѣзать и разбить ее по частямъ. Если такой расчетъ удастся и миръ будетъ заключенъ непосредственно послѣ пораженія, тогда, конечно, намъ придется значительно отодвинуться къ Востоку, надолго, если не навсегда, покончить свою самостоятельную государственную роль въ Европѣ, въ смыслѣ великой державы, отказаться отъ всякаго значенія въ славянскомъ мирѣ, который тогда всецѣло сдѣлается достояніемъ сначала Австріи, а потомъ Германіи, когда первая будетъ проглочена послѣднею. Наконецъ, намъ придется подчинить свою торговлю и промышленность исключительно интересамъ Германіи, такъ какъ, владѣя Ригой, Либавой и вообще устьями нашихъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ, она сдѣлаетъ Россію своею вѣчною экономической данницею: вы уже не отправите тогда за-границу ни одного кула хлѣба, ни одного тюка неньки, ни одного пуда сала, не оплативъ его дорогой золотой пошлиной своему сосѣду, да и тарифы вашихъ желѣзныхъ дорогъ будутъ подчинены исключительно его видамъ. Словомъ сказать, тогда намъ дѣйствительно придется отодвинутся на двѣсти лѣтъ назадъ и... *начинать съ чиста!* — Но исторія, какъ извѣстно, дважды для одного и того же

народа не повторяется. Стало быть, общее, окончательное поражение равносильно для нас политической смерти, и тѣмъ болѣе, что она едва ли обойдется безъ страшныхъ смутъ внутри государства, такъ какъ русскій народъ, конечно, никогда не подчинится условіямъ позорнаго мира.

Итакъ, для Германіи весь военный расчетъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись своими великими преимуществами, нанести намъ *быстрое* и рѣшительное поражение и тѣмъ окончить войну, по возможности въ *наискратчайшій* срокъ, какъ было у нея съ Австріей.

А если расчетъ на быстроту и кратковременность не оправдается, тогда что?

Вѣдь для того, чтобы воевать съ нами, пристегивая къ военнымъ дѣйствіямъ даже и всѣхъ своихъ возможныхъ союзниковъ, Германія должна поставить подъ ружье чуть ли не весь свой контингентъ, способный носить оружіе, и необходимость эта, надо полагать, обнаружится въ ней настоятельнѣйшимъ образомъ послѣ перваго же полугодія войны, въ особенности, если ея арміи, по ходу военныхъ дѣйствій, будутъ вынуждены углубляться внутрь Россіи, за Нѣманъ и далѣе. Вѣдь въ этой войнѣ для Германіи уже никакъ не повторятся столь исключительно счастливыя обстоятельства, какъ въ 1870 году, когда она могла съ легкимъ сердцемъ и полнымъ спокойствіемъ обнажить всю свою восточную границу. Вѣдь нынѣ, если бы Франція даже пальцемъ не пошевелинула, чтобы мобилизовать хотя одного своего солдата, — Германія все-таки будетъ вынуждена держать въ Эльзасѣ-Лотарингіи, по крайней мѣрѣ, полумилліонную армію, чтобы въ каждую минуту быть готовой къ войнѣ «на два фронта». Чего это будетъ стоить!..

Для Германіи война съ Россіей только и можетъ обуславливаться *краткосрочностью*, потому что иначе она экономически — *банкротъ*.

Не забудемъ того въ высшей степени важнаго обстоятельства, что почти все сырье для своихъ фабрикъ и заводовъ Германія получаетъ изъ Россіи и что произведенія этихъ фабрикъ и заводовъ она сбываетъ почти всецѣло въ ту же Россію, такъ какъ ей нѣтъ сбыта ни во Францію, ни еще менѣе въ Англію, гдѣ ея издѣлія не выдерживаютъ ни малѣйшей конкуренціи, ни даже въ Австрію, которая сама не безъ успѣха конкурируетъ съ Германіей и, стало быть, не имѣетъ необходимости брать произведенія сосѣда въ ущербъ своимъ собственнымъ. Кромѣ какъ въ Россію существуетъ еще нѣкоторый сбытъ германскихъ произведеній моремъ, на крайній Востокъ, но сбытъ этотъ пока незначителенъ, встрѣчая тамъ сильную конкуренцію въ англичанахъ, а въ военное время, вѣроятно, дол-

женъ будетъ сократиться до minimum'a, вынуждаемый къ тому рискомъ захвата со стороны нашихъ крейсеровъ в необходимость оплачивать отправляемые товары непомерно высокой, по случаю войны, страховой преміей, а на нейтральныхъ судахъ — высокимъ фрахтомъ.

Не получая же отъ насъ сырья и лишаясь въ лицѣ Россіи своего главнѣйшаго сбытового рынка, отрывая въ то же время почти всѣ свои наличныя рабочія руки отъ промышленнаго и земледѣльческаго труда, вынужденная содержать двѣ громадныя арміи на Востокѣ и Западѣ и покупать не только для нихъ, но и для остающагося внутри страны населенія, хлѣбъ извнѣ, изъ Америки, на наличныя деньги, а не на русскія бумажки, какъ это дѣлаетъ она теперь въ Россіи, — долго ли можетъ Германія выдержать такое крайнее напряженіе всѣхъ своихъ экономическихъ силъ? На много ли ея хватитъ.

Зная Россію, нѣмцы, конечно, не могутъ рассчитывать на то, что у насъ въ Польшѣ и Литвѣ найдется достаточно продовольствія для ихъ армій, какъ было во Франціи. Если бы имъ даже удалось захватить эти провинціи, нетронутыми рукой войны, то и тогда Польша была бы въ состояніи прокормить ихъ армію, въ несчастнѣйшемъ случаѣ, не долѣе трехъ мѣсяцевъ, а песчано-болотистыя Лтва съ Бѣлоруссіей — и того еще меньше; а затѣмъ пришлось бы каждый солдатскій сухарь доставлять въ эти голодныя провинціи изъ Германіи.

Мы не французы, и миллионныхъ контрибуцій съ нашихъ деревянныхъ городовъ брать двумъ прусскимъ уланамъ не придется. Да и желать бы я знать, много ли, въ самомъ дѣлѣ, возьмешь сигаръ съ города Луга (о деньгахъ уже не говорю), а вѣдь Луга — одинъ изъ ближайшихъ городовъ къ Петербургу. Мы не французы, и потому нѣмцы могутъ быть увѣрены, что, оставляя имъ наши западныя и прибалтійскія провинціи, мы тамъ сожжемъ до тла и уничтожимъ съ корнемъ все, что только можно сжечь и уничтожить, — намъ не въ первый практиковать этотъ способъ: его примѣняли въ 1708 году Великій Петръ въ той же Бѣлоруссіи противъ шведовъ, его же пустилъ въ ходъ и русскій мужикъ въ 1812 году противъ французовъ. Нѣтъ причинъ и теперь поступать намъ иначе: западныя провинціи, по степени своего культурнаго развитія, не далеко ушли отъ 1708 г., да и русскій человѣкъ остается все тотъ же.

Мы будемъ жечь все — и города, и села, и нивы, — все, начиная съ достоянія тѣхъ же нѣмецкихъ колонистовъ, какъ въ за-вислинской части Польши, такъ и на обоихъ путяхъ ихъ западно-русскаго расселенія. Съ этого и начнемъ, конечно. Въ то же время, отступая, мы

будемъ основательнѣйшимъ образомъ взрывать всѣ мосты, станціонныя водокачки и всѣ вообще желѣзно-дорожныя сооруженія, уничтожать склады, мастерскія и подвижной составъ, чего не успѣемъ угнать къ себѣ въ тылъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого въ наибольшемъ убыткѣ окажутся германскіе же банкиры, у которыхъ наши желѣзныя дороги, можно сказать, въ залогѣ. Выбѣтъ съ тѣмъ, мы будемъ портить и шоссеиные пути, которыхъ, кстати, у насъ въ томъ краю только два главнѣйшихъ, да и тѣ почти заброшены, а грунтовыхъ дорогъ и портить не придется: ихъ испортить за насъ ненастье да грязь—эта, по выраженію Наполеона I, «шестая стихія» Литвы и Польши, а довершить окончательную порчу движеніе массы войскъ и обозовъ.

Мы не французы, и потому не ставемъ, какъ они, разсуждать, что это молъ, война Наполеона, а я-де роялисть, или республиканецъ. Это французскому крестьянину—трудно и жалко было разставаться со своимъ вѣками накопленнымъ добромъ, потому что у него тутъ и садикъ, и виноградникъ свой, и плантація, тщательно воздѣланные руками нѣсколькихъ поколѣній, и хорошенькій каменный домикъ съ каминемъ, гдѣ стоятъ въ почетѣ дѣдушкино кресло и бабушкина прятка—все вѣдь это для французскаго крестьянина завѣтное, дорогое, своя святыня, своя традиція, и загубить все это своими собственными руками дѣйствительно жалко: авось, молъ, и уцѣлѣтъ при нашествіи. Ну а чего жалѣть нашему крестьянину, въ особенности бѣлоруссу, если онъ изъ поколѣнія въ поколѣніе живетъ въ курной хатѣ вмѣстѣ съ курами и поросятами? Тутъ одна только традиція: коли врагъ идетъ, бери съ отчей могилы по горсти родной земли въ тряпицу, за пазуху, топоръ за поясъ, вилы въ руки, «пущай» на все село «краснаго пѣтуха», чтобы врагу не доставалось, и—гайда въ лѣса, выжидай въ засадѣ удобнаго мгновенья, чтобы накрыть оплошнаго врага и расправиться съ нимъ безопасно. Эта традиція, дѣйствительно, сильна въ рускомъ народѣ, да и мало того: она *обще-сословна*. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Европа называетъ насъ варварами!

Мы не французы, и потому сдать цѣлыми арміями, подобно седанской и мецкой, господъ нѣмцы отъ насъ не увидятъ: мы будемъ умирать—это вѣрно, и дорогою цѣною продавать врагу послѣднее свое издыханіе. Нѣмецкіе военные агенты, бывшіе въ нашей арміи подъ Плевной и на Балканахъ, хорошо знаютъ, какъ и при какихъ невозможныхъ условіяхъ могутъ драться наши войска, и потому едва ли усомнятся въ истинѣ сказаннаго. Съ нашей стороны это не бахвальство: за насъ свидѣтельствуетъ наше прошлое, вся наша исторія. Намъ, въ сущности, кромѣ жизни и чести,

терять нечего; но жизнь, по русской пословицѣ—копейка, а чести своей, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ защита родины, мы, слава Богу, доселѣ никому еще не отдавали и, надѣюсь, сумѣемъ сохранить ее до послѣдняго издыханія. Итакъ, терять намъ нечего. Сравнительно съ Германіей, въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, мы—нищіе, и это является *великимъ нашимъ преимуществомъ въ войнѣ оборонительной*. У себя дома мы, какъ-никакъ, но все же можемъ вести войну даже на бумажныя деньги, тѣмъ болѣе, что гавани наши, безъ сомнѣнія, будутъ въ блокадѣ, и потому весь хлѣбъ, обыкновенно отпускаемый за-границу, останется дома и подешевѣтъ; остальные же потребности арміи, относительно пищи и одежды, у насъ всегда удовлетворяются своими домашними средствами, преимущественно изъ великорусскихъ губерній, до которыхъ врагу не легко добраться; да и не въ-первой раскошеливаться русскому человеку на великую государственную нужду: 1612 и 1812 годы служатъ въ томъ порукой. У себя дома мы можемъ протянуть войну и два, и три года, а понадобится—то сколь ни трудно, но протянемъ и долѣе. Въ этомъ-то и вся сила. Теперь вопросъ: въ состояніи ли Германія со своими союзниками тянуть войну съ нами столько же времени?

Можно отвѣтить смѣло—нѣтъ, не въ состояніи.

И потому не въ состояніи, что она несравненно богаче насъ и есть что терять ей у себя дома. Оторвать на два, на три года отъ производительнаго труда всѣ свои рабочія руки, обрець на столько времени всю страну на полный экономическій застой—Германія не можетъ: она лопнетъ. Не пройдетъ и полтора года, какъ во всѣхъ ея промышленныхъ центрахъ обнаружится масса частныхъ банкротствъ, которые, при необходимости государству громадныхъ закупокъ хлѣба извнѣ, на наличныя деньги, неизбѣжно поведутъ въ концѣ концовъ къ банкротству общему, государственному. Не забудемъ, что все пресловутое германское единство шито пока еще на живую нитку и что даже въ мирное время мы видимъ, на сколько сильны въ составныхъ частяхъ этой имперіи партикуляристскія и даже сепаративныя стремленія; мы видимъ, какой постоянной и тяжелой борьбы стоятъ князю Бисмарку его нескончаемыя парламентскія препирательства съ разными партіями—то съ клерикалами, то съ социалистами, то съ національ-либералами и проч.

И въ самомъ дѣлѣ, какой существенный, насущный интересъ можетъ представлять война съ Россіей—и при томъ война столь продолжительная и разорительная—для какойнибудь католической Баваріи, для Виртемберга, Бадена et tutti quanti? Въ этомъ

случаѣ, вся южная Германія будетъ работать, въ буквальный смыслѣ, *pour le roi de Prusse* потому что существенно-матеріальный интересъ въ такой войнѣ можетъ имѣть только Пруссія, которой нужны наша Либавъ и Рига для упроченія своего первенствующаго значенія въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ на Балтійскомъ морѣ. Какъ знать, въ случаѣ неуспѣха, не расплзутся ли всѣ швы на парадной показной мантии Германской имперіи? Не потянутъ ли окончательно всѣ эти Баварія и Виртембергъ въ сторону прежняго сепаратизма, при которомъ нѣкогда жилое имъ вольготнѣе чѣмъ нынѣ, при дорого стоящемъ имперскомъ единствѣ, подъ эгидою протестантской и милитарной Пруссіи? Если война съ Франціей, начатая и продолжавшаяся при счастливейшемъ соединеніи наилучшихъ условий и длившаяся всего лишь около девяти мѣсяцевъ, потребовала отъ Германіи такого напряженія силъ, что, продлившись осада Парижа еще одинъ только мѣсяць, — Германія, какъ теперь уже положительно извѣстно, пришлось бы первой искать мира, ибо иначе она была бы банкротъ, то какими же послѣдствіями можетъ грозить ей продолжительная война съ Россіей? Въ 1870 году нѣмцы вступали въ богатѣйшую и культурнѣйшую страну Европы, въ страну съ благодатнымъ, мягкимъ климатомъ, въ избытокъ изрѣзанную прекраснѣйшими путями сообщеній, густо заселенную, въ страну, гдѣ народъ не хотѣлъ драться, считая эту войну только династическимъ дѣломъ, и гдѣ поэтому два пресловутыхъ улана легко могли брать на капитуляцію цѣлые города, взимая съ нихъ миллионныя контрибуціи, не говоря уже о шампанскомъ и сигарахъ. То ли будетъ въ Россіи?..

Въ пользу нѣмцевъ у насъ обыкновенно выставляютъ тотъ аргументъ, что, отрѣзавъ Польшу и занявъ Прибалтійскій край, они не двинутся далѣе ни шагу, а укрѣнятся въ своихъ позиціяхъ и предоставятъ намъ вышибать ихъ оттуда; сами же тѣмъ временемъ займутся устройствомъ на германскій ладъ занятыхъ провинцій, вводя въ нихъ «порядокъ» и германскую культуру. Едва ли, однако, придется имъ культуръ-трегерствовать въ голодныхъ пустыняхъ, гдѣ мы сами, своими собственными руками, сожжемъ и уничтожимъ все, что лишь доступно уничтоженію, прежде чѣмъ отдадимъ ихъ непріятелю. Слишкомъ много времени и досуга потребовалось бы при военныхъ дѣйствіяхъ на такое культуръ-трегерство, да и сидѣть на мѣстѣ — это значило бы добровольно выпускать изъ своихъ рукъ инициативу военныхъ дѣйствій, что при наступательной войнѣ, какова бы она ни была, никакъ не можетъ входить въ расчеты такого противника, какъ германская армія. Вышибать нѣмцевъ изъ ихъ позицій намъ не придется, потому что и безъ того они сами

уйдутъ оттуда, либо назадъ, либо впередъ, въ дальнѣйшую глубь Россіи, побуждаемые къ тому безкорыщемъ занятыхъ мѣстъ и необходимою кончать войну такъ или иначе. Пойдутъ впередъ — тѣмъ хуже для нихъ, ибо и въ дальнѣйшемъ нашествіи встрѣтятъ ихъ все та же выжженная, голодная пустыня, при чемъ существенно увеличатся для нихъ только разстоянія безобразнѣйшихъ тыловыхъ путей и необходимость выдѣлять значительныя воинскія части для этапной службы и охраны своихъ магазиновъ и лазаретовъ. Двинутся назадъ — тогда мы знаемъ, что намъ дѣлать: за нами есть практика 1812 года. Но если не вышибать ихъ изъ занятыхъ позицій, то это еще не значитъ, чтобы въ теченіе всего времени, пока господамъ нѣмцамъ будетъ угодно въ нихъ оставаться, наши военныя силы были обречены на бездѣйствіе. Напротивъ, у насъ будутъ непрерывныя и самыя горячія дѣйствія. Для насъ дѣйствительно, въ высшей степени важно не дать осуществиться на первыхъ же порахъ главнѣйшей цѣли непріятеля — разбить по частямъ наши регулярныя арміи и тѣмъ сейчасъ же принудить насъ къ тяжелому и постыдному миру; для насъ необходимо сохранить до удобнаго рѣшающаго момента свои регулярныя силы, по возможности, цѣлыми, свѣжими, готовыми къ бою и довершенію гибели противника. Но не забывайте, что Россія въ состояніи выставить въ поле 250.000 казачьей и азіатской конницы. Сколько бы ни третировали ее свысока господа нѣмцы, называя «сволочью», «саранчею» и т. п.; сколь бы плохо ни была вооружена эта «саранча», она тѣмъ не менѣе будетъ страшна для всякаго, самаго серьезнаго противника не инымъ чѣмъ, какъ только сущностію своего азіатскаго характера. Множество небольшихъ, но лихихъ легучихъ отрядовъ этой конницы непрестанно будутъ шнырять во всѣхъ направленіяхъ и на всѣхъ путяхъ къ тылу у противника, словно іюльскія мухи надъ падающею, всячески надѣдать ему и тревожить его силы, портить исправленныя дороги, жечь запасы, нападать на транспорты, словомъ сказать — эта «саранча» будетъ «искодить» противнику, гдѣ и какъ только можно. Не говорю уже о вѣроятности лихихъ партизанскихъ налетовъ болѣе крупными отрядами на непріятельскую территорію еще въ самомъ началѣ войны, тѣми силами, какія найдутся у насъ въ отрѣзанной части Польши. Цѣлью такихъ налетовъ, минуя укрѣпленные пункты, такъ сказать, *проскакивая* между ними, будутъ нѣмецкія селенія, мѣстечки, открытые города, быть можетъ, до самаго Берлина включительно, — вѣдь побывала же въ немъ наша конница еще въ 1760 году; стало быть, отчаяваться и теперь не надо. Такіе налеты на непріятельскую территорію могутъ и даже должны повторяться и въ послѣдствіи,

въ дальнѣйшемъ теченіи войны, при каждомъ удобномъ случаѣ. Безъ сомнѣнія, наша азиатская «саранча» и лихіе казаки не станутъ церемониться съ почтенными бюргерами, а будутъ жечь и разносить въ пухъ и прахъ, что ни попадется подъ руку—на то вѣдь мы и патентованные варвары. Нѣмцы, конечно, будутъ безпощадно бить эту «саранчу» гдѣ лишь можно, будутъ самымъ «цивилизованнымъ» образомъ вѣшать и разстрѣливать тѣхъ, что попадутся къ нимъ въ плѣнъ, какъ вѣшали французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, но этимъ азиатскую «саранчу» не удивишь и не запугаешь, ибо въ ней, по сущности азиатскаго характера, хищническій инстинктъ къ разрушенію сильнѣе чувства самохраненія и она все-таки будетъ дѣлать свое страшное, разрушительное, кровавое дѣло, наводя паническій ужасъ на добрыхъ бюргеровъ. Двумъ прусскимъ уланамъ, при всѣхъ ихъ отличныхъ достоинствахъ, не мало таки хлопотъ предстоитъ съ этой ужасной, безпашаной «саранчей».

Но допустимъ даже тогъ, невозможный въ дѣйствительности, фактъ, что Россія за все время войны ограничится однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ, почти не тревожа своего противника въ занятыхъ имъ провинціяхъ, то и тогда, при условіи продолжительности войны, Германія все-таки лопнетъ, ибо, имѣя предъ собою хотя и бездѣйствующую, но не разбитую армію противника, она тѣмъ самымъ будетъ вынуждена держать подъ ружьемъ всѣ свои дѣйствующія силы, не будучи въ состояніи возвратитъ домой къ производительному рабочему труду ни единого солдата. А такое экономическое состояніе для Германіи долго продолжаться не можетъ.

Въ этой ужасной войнѣ, если, по волѣ Божіей, суждено ей когда либо осуществиться, намъ придется полагаться только на свои собственные народныя силы. Союзниковъ у насъ, кромѣ черногорцевъ, нѣтъ, а на остальныхъ славянъ рассчитывать нечего. Болгарамъ (если только они поднимутся) будетъ и своего дѣла достаточно съ турками; а сербовъ уже и теперь пристегиваютъ къ австрійцамъ; поляки, безъ сомнѣнія, начнутъ свои вѣчныя смуты; славяне австрійскіе ограничатся лишь платоническимъ, но очень скромнымъ сочувствіемъ къ намъ (ибо австрійская полиція не свой братъ!), тѣ же, что будутъ въ рядахъ австрійской арміи, вѣроятно, будутъ драться съ нами хотя и безъ «австрійско-патріотическаго» воодушевленія, но все же такъ, какъ дерутся теперъ въ Герцеговинѣ. Рассчитывать на Францію у насъ еще менѣе основаній, чѣмъ на славянъ. Франція не пойдетъ на союзъ съ нами, да намъ его и не нужно. Она видимо желаетъ сохранить за собою полную свободу дѣйствій для того, чтобы въ надлежащій моментъ сказать Германіи свое рѣшающее слово, не

рискуя для этого, быть можетъ, ни однимъ солдатомъ, и это слово, вѣроятно, скажется ею при окончаніи нашей войны съ Германіей, каковъ бы ни былъ исходъ ея для послѣдней, ибо, даже въ случаѣ удачи, Германія все-таки будетъ настолько обезсилена тяжелой борьбой, что едва ли окажется въ состояніи сразу и тотчасъ же начинать новую войну съ Франціей. Тогда Франція и безъ выстрѣла возвратитъ себѣ все, что ей надобно, а можетъ быть еще и до русско-германской войны нѣмцы успѣютъ помириться съ ней на какой-нибудь подходящей сдѣлкѣ. Вѣдь уже пошли кое-какіе слухи насчетъ Люксембурга...

Нашъ солдатъ, безъ сомнѣнія, гораздо выносливѣе и нетребовательнѣе германскаго, которому нужны и утренній кофе, и питательный обѣдъ, и шинель, и пиво, и добрая сигара. Нашъ не привыкъ къ такимъ «роскошамъ» даже и въ мирное, а не то что въ военное время; всѣ его неприхотливыя потребности удовлетворяются исключительно своими домашними средствами: холстъ на бѣлье, сукно на одежду, товаръ на обувь, сухари, капусту, мясо, водку, махорку—все это доставляютъ ему свои внутреннія провинціи, которыя и во время войны будутъ поставлять все тѣ же предметы, сколько потребуется, и не на золото, а все на тѣ же бумажныя деньги. Ну, а что до драки, то германскіе военные люди, вѣроятно, и сами знаютъ, что въ этомъ отношеніи нашъ солдатъ едва-ли уступитъ нѣмцу. Впрочемъ, никто какъ Богъ, и дѣло побѣды всегда въ рукахъ Божіей. Повторяю, намъ надо полагаться только на внутреннюю крѣпость своего собственного народа и ни на кого болѣе. Вся сила въ томъ, чтобы не дать разбить себя вначалѣ, но, сохранивъ, по возможности, свои арміи, затянуть войну какъ можно долѣе.

Мы не хотимъ войны, мы къ ней не совсемъ готовы (впрочемъ, желалъ-бы я знать, когда же это и къ какой войнѣ были мы дѣйствительно готовы?), но если нашимъ сосѣдямъ такъ уже приспичило, во что бы то ни стало, воевать съ нами, если они бросятъ намъ вызовъ, то пусть попробуютъ: мы войны не боимся. Европейскія коалиціи для насъ не новость, и каковы бы то ни были частныя успѣхи того или другого изъ союзниковъ, но если лопнетъ главный нашъ врагъ, то всѣ эти частныя успѣхи въ концѣ-концовъ, при рѣшеніи дѣла, не будутъ имѣть ровно никакого значенія и, конечно, не столько главному коалиціонеру, сколько этимъ союзникамъ придется расплачиваться своимъ добромъ по нашему счету.

Но.. позволительно, и даже очень, сомнѣваться въ намѣреніи нѣмцевъ дѣйствительно воевать съ нами. Въ Берлинѣ очень хорошо знаютъ свои и наши шансы, знаютъ, что Россія—это такая коврижка, на которой легко сломать себѣ зубы, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду и тѣ рискован-

экономическія послѣдствія, какими можетъ раз-
виться для самой Германіи неудачный исходъ
продолжительной войны съ нами. Все это тамъ
прекрасно знаютъ и понимаютъ и потому на та-
кую войну съ легкимъ сердцемъ не отважатся.
Вотъ подугать насъ войною, заставить покри-
чать о ней свои рептильные газеты, уронить на
биржѣ наши фонды и тѣмъ повліять на нашъ
тарифъ, а можетъ быть и на благоприятное,
въ жидовскомъ смыслѣ, рѣшеніе еврейскаго во-
проса,—это иное дѣло, это ничего не стоитъ и
всегда очень пріятно; на это они всегда готовы
съ особымъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что,
благодаря нашему безконечному благодушію и
миролюбію и вытекающей изъ того и другого
безпримѣрной уступчивости, такіе маневры до
сихъ поръ имъ всегда удавались. Мы слишкомъ
взбаловали своихъ добрыхъ сосѣдей нашей
уступчивостью и миролюбіемъ, приучивъ ихъ
считать насъ безусловными сателитами герман-
ской политики и думать, что мы боимся вой-
ны, что стоитъ лишь варчинскому Юпитеру
наморщить свои брови, да цыкнуть на насъ въ
какойнибудь «*Norddeutsche Allgemeine Zeit-
ung*»—мы сейчасъ и испугаемся и хвостъ по-
дожмемъ. Такой приемъ, какъ уже замѣчено
выше, особенно часто и нахально сталъ при-
мѣняться къ намъ послѣ Берлинскаго конгрес-
са. Оно и понятно...

И вдругъ, послѣ столь долгаго періода на-
шей почтительности, раздается совсѣмъ не ожи-
данно громкій, независимый отъ Берлина, го-
лосъ авторитетнаго русскаго человѣка, изъ чего
добрые сосѣди, къ удивленію и огорченію сво-
ему, узнаютъ, что мы войны съ ними вовсе не
боимся, что дешевый приемъ, доселѣ практи-
ковавшійся противъ насъ, сверхъ ожиданія, рас-
кусенъ нами и потому на будущее время ока-
зывается болѣе не пригоднымъ... Понятно, что
такое разочарованіе должно быть очень досад-
нымъ; понятны и эта пѣна у рта въ рептиль-
ныхъ газетахъ, и этотъ воинственный барабан-
ный бой передовыхъ статей, и это возжелѣніе
«примѣрной кары» генералу Скобелеву, даже

до ссылки его на Сахалинъ, съ готовностію въ
такомъ случаѣ гарантировать Россіи обладаніе
этимъ островомъ—какъ будто тутъ есть что
гарантировать! Все это совершенно понятно:
дрянной приемъ приходится бросить, замѣнить
его нечѣмъ, а начинать дѣйствительную войну—
болѣе, чѣмъ рискованно.—Какъ же тутъ быть
теперь далѣе?...

Во всякомъ случаѣ, у сосѣдей начинаютъ
чувствовать, что въ Россіи, кажись, пришелъ
конецъ нѣмецкимъ вліяніямъ, что она серьезно
желаетъ стать на свои собственные ноги и жить
для себя, руководствуясь только своими рус-
скими, народными интересами. *Inde igne*.

Что до насъ, то мы болѣе всего желали бы
всегда жить съ Германіей въ полномъ мирѣ и
согласіи, основанномъ на взаимномъ уваженіи
и признаніи законныхъ правъ, интересовъ и
вліяній каждой стороны, какъ равный съ рав-
нымъ, но отнюдь не въ качествѣ сателитовъ.
Думаемъ, что такъ было бы для обѣихъ сто-
ронъ и спокойнѣе и выгоднѣе.

Если же нѣтъ—пусть начинаютъ, и да бу-
детъ воля Господня!... Но пусть знаютъ напе-
редъ, что это будетъ война на жизнь или на
смерть, война жестокая, долгая, народная, въ
которой мы ничего не пощадимъ и не пожа-
лѣемъ—ни жизни, ни достоянія, и своего и
вражьяго. Наше упованіе послѣ Бога—на упру-
гость нравственнаго духа русскаго народа и
на твердый характеръ русскаго царя,—да по-
шлетъ ему Богъ великодушную рѣшимость луч-
ше длить войну до послѣдняго издыханія сво-
его послѣдняго вѣрнаго подданнаго, чѣмъ за-
ключать миръ мало-мальски постыдный для че-
сти Россіи. Продолжительность войны—это на-
ше спасеніе, и потому, прежде чѣмъ объявлять
намъ войну, пусть хорошенько подумаетъ и
сообразитъ нашъ добрый сосѣдъ, не лучше ли,
не выгоднѣе ли ему обдѣлать свои дѣла въ ис-
креннемъ, честномъ союзѣ съ нами, чѣмъ съ
отживающими Австріей и Турціей?—Мы вѣдь
пока еще живы.

